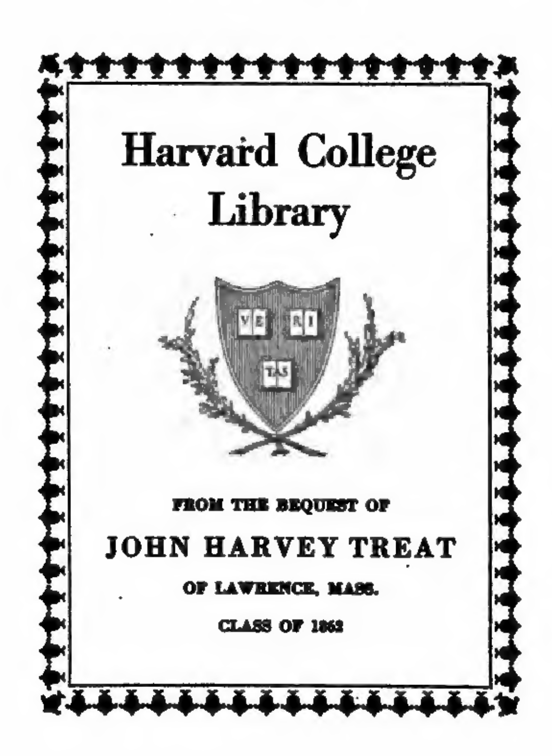

Harvard College
Library
VE RI
TAS
FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Т. II.—Ч. I.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“.

т. II.—ч. I.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

---

1) Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

2) Тоже.

3) Тоже.

---

[1]) Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

[2]) Тоже.

ДАРВИНИЗМЪ.

(Критическое изслѣдованіе).

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Всякому мыслящему человѣку, хотя бы онъ только поверхностно и мимоходомъ наблюдалъ жизнь и устройство вселенной, эта послѣдняя представляется „космосомъ“, т. е. красотою, гармоніей и совершенствомъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. И всякій мыслящій человѣкъ, созерцая эту гармонію и это совершенство въ устройствѣ и жизни вселенной, чувствуетъ въ себѣ неотразимую потребность разгадать, объяснить себѣ ихъ причину.

Но еще рельефнѣе обозначаются и еще болѣе поразительными являются гармонія и совершенство въ устройствѣ и жизни вселенной предъ человѣкомъ, посвятившимъ себя ея спеціальному изученію, и въ особенности предъ человѣкомъ, посвятившимъ себя изученію устройства и жизни существъ органическихъ, то есть, растеній и животныхъ. „При видѣ поразительнаго совершенства въ приспособленіяхъ этихъ существъ къ внѣшнимъ условіяхъ ихъ жизни и каждой отдѣльной ихъ части, каждаго органа, къ его отправленію“... человѣкъ, посвятившій себя изученію органическаго міра, чувствуетъ, „что куда бы онъ ни обратилъ свои взоры, начиная отъ величественныхъ внѣшнихъ формъ и до мельчайшихъ, сокрытыхъ въ тайнѣ, подробностей внутренняго строенія, начиная съ про-

стѣйшихъ проявленій жизни въ микроскопическихъ организмахъ и до сложнѣйшихъ явленій психической жизни высшихъ животныхъ,—вездѣ природа является ему одинаково—непонятно, чудесно совершенной... Каждый новый фактъ возстаетъ предъ нимъ новой загадкой, новымъ мучительнымъ вопросомъ, пока наконецъ всѣ эти разнообразные вопросы сливаются въ одинъ всеобъемлющій вопросъ вопросовъ: какъ возникли, какъ сложились всѣ эти непостижимо совершенныя формы"? [1]).

Обращаясь къ исторіи человѣческой мысли, мы видимъ, что въ ней имѣются два рѣшенія этого „вопроса вопросовъ", соотвѣтственно двумъ главнымъ способамъ міровоззрѣнія—телеологическому и механическому. Согласно первому изъ нихъ, природа, со всѣмъ совершенствомъ и цѣлесообразностію ея устройства и жизни, является произведеніемъ супранатуральной, разумной причины (causa finalis). Причина эта—Божество, въ какомъ бы смыслѣ мы ни принимали это слово,—въ пантеистическомъ ли, деистическомъ или теистическомъ: природа является совершенно и цѣлесообразно устроенною потому, что она создана такою Божествомъ. Согласно второму способу міровоззрѣнія, природа, со всѣмъ совершенствомъ и цѣлесообразностію ея устройства и жизни, является результатомъ причинъ не сверхъестественныхъ, а естественныхъ, которыя дѣйствовали изначала и теперь продолжаютъ дѣйствовать въ матеріи (causa efficiens). Что касается, въ частности, теоріи Дарвина, то она, по своей основной мысли и конечной задачѣ, представляетъ собою попытку именно механическаго рѣшенія вопроса о причинѣ совершенства и цѣлесообразности въ устройствѣ и жизни существъ органическаго міра.

Теперь посмотримъ, какъ именно рѣшили этотъ вопросъ сторонники механическаго воззрѣнія на природу, предшественники Дарвина?

Попытки механическаго рѣшенія означеннаго вопроса начинаются съ глубокой древности и продолжаются вплоть до Дарвина. Отличительную черту всѣхъ механическихъ теорій

[1]) Проф. Тимирязевъ: „Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе", изданіе 3-е, Москва, 1894 г. стр. 55—56.

происхожденія и развитія органическихъ существъ составляетъ отрицаніе акта ихъ творенія. Но если органическія существа не созданы, то какъ же они появились на землѣ? Самымъ обыкновеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служила теорія произвольныхъ зарожденій (generatio spontanea seu aequivoca, aliter originaria) [1]). Такъ, уже Эмпедоклъ, Анаксимандръ, Эпикуръ, Аристотель и многіе другіе мыслители древности допускали, что живыя органическія существа зарождаются изъ неорганической и разлагающейся органической матеріи. Дѣйствительность такихъ зарожденій, повидимому, подтверждалась мало изслѣдованными и потому ложно понятыми фактами, каковы напр. факты внезапныхъ появленій нѣкоторыхъ гадовъ и рыбъ въ бассейнахъ, куда ихъ никто не пускалъ, появленій червей во внутренностяхъ гніющихъ труповъ, животныхъ въ закрытыхъ отовсюду внутреннихъ полостяхъ плодовъ и т. под. Но если организмы могли произвольно зарождаться изъ матеріи, то какимъ образомъ они могли достигать тѣхъ высокихъ степеней совершенства и приспособленности къ условіямъ ихъ существованія, на которыхъ мы видимъ ихъ въ настоящее время? Отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывался другимъ разрядомъ явленій, каковыми могли быть напр. явленія паразитизма одного живаго существа на счетъ другаго живаго же существа, явленія метоморфоза животныхъ и др. Всѣ подобныя явленія, опять-таки мало изслѣдованныя и ложно понятыя, прямо наводили изслѣдователей на идею о возможности перехода или преобразованія (transformatio, transmutatio) однихъ органическихъ существъ въ другія, хотя бы совершенно на нихъ не похожія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ, какъ не этою идеею, могла объяснять младенчествующая наука появленіе напр. совершеннаго насѣкомаго одного рода изъ гусеницы насѣкомаго совсѣмъ другаго рода (какъ это бываетъ при паразитизмѣ), появленіе бабочки изъ окуклившагося „червяка" (при метамор-

---

[1]) См. о ней у Proost'a въ статьѣ: „La doctrine des génèrations spontanées"— въ „Revue des questions scientifiques", livre d' Octobre 1879 г.; у В. Д. Кудрявцева въ „Прав. Обозрѣніи" за январь 1860 г.; у Меньяна—„Міръ и первобытный человѣкъ по ученію Библіи" и у Попова—„Современное естествознательное ученіе о происхожденіи вселенной".

фозѣ) и т. под.? Далѣе, рядомъ съ идеею о трансформизмѣ однихъ органическихъ формъ въ другія, на нихъ не похожія, въ сознаніе естествовѣда входило дѣйствительно вѣрное наблюденіе, что природа во всемъ идетъ постепенно отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному. Такъ, съ одной стороны, органическое царство несравненно совершеннѣе неорганическаго; въ органическомъ царствѣ—за міромъ растеній слѣдуетъ болѣе совершенный міръ животныхъ; въ мірѣ растеній за споровыми слѣдуютъ мхи, папоротники, плауны, голосѣмянныя, односѣмянодольныя и двусѣмянодольныя; въ мірѣ животныхъ—за простѣйшими слѣдуютъ кишечнополостныя, черви, иглокожія, суставчатоногія, мягкотѣлыя и позвоночныя. Съ другой стороны, переходы отъ формъ менѣе совершенныхъ къ формамъ болѣе совершеннымъ весьма постепенны. Такъ, даже между столь различными на первый взглядъ царствами, каковы неорганическое и органическое, на самомъ дѣлѣ нѣтъ уже ничѣмъ не пополнимой пропасти: переходъ отъ одного изъ нихъ къ другому весьма не рѣзокъ, — онъ совершается напр. чрезъ зеленую матерію Пристлея. Точно также постепененъ и незамѣтенъ — въ органическомъ царствѣ—переходъ отъ растеній къ животнымъ: онъ совершается чрезъ такъ называемыхъ зоофитовъ, въ которыхъ какъ бы объединены растительный міръ съ животнымъ. Такая же тѣсная связь и постепенность переходовъ существуетъ, повидимому, и между коллективными единицами классификаціи растительнаго и животнаго царства,—между видами, родами, семействами и т. д. Такъ напримѣръ, австралійскій утконосъ представляетъ какъ бы переходъ отъ млекопитающихъ къ птицамъ, а лепидосиренъ—отъ земноводныхъ къ рыбамъ. А что касается видовъ одного и того же рода, то переходы между ними иногда такъ нечувствительны, что нерѣдко нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ начинается одинъ изъ нихъ и кончается другой. Ко всѣмъ этимъ наблюденіямъ присоединяются, далѣе, констатируемыя сравнительной анатоміей или морфологіей животныхъ явленія единства плана и сродства организаціи у самыхъ различныхъ животныхъ напр. ласты тюленя имѣютъ въ сущности то же самое строеніе, что и переднія конечности сухопутныхъ позвоночныхъ, крылья птицъ и т. под. Нако-

нецъ, рядомъ съ наблюденіями всѣхъ вышеозначенныхъ и имъ подобныхъ фактовъ и явленій стали наблюденія палеонтологическія. Изслѣдованіе перпендикулярнаго разрѣза геологическихъ системъ и пластовъ показало, что эти послѣдніе характеризуются сохранившимися въ нихъ окаменѣлостями различныхъ органическихъ существъ, жившихъ въ различные геологическіе періоды; чѣмъ выше эти угасшіе организмы поднимаются по геологической лѣстницѣ, тѣмъ, повидимому, совершеннѣе они становятся и тѣмъ болѣе подходятъ къ нынѣ живущимъ, такъ что постепенность ихъ появленія и усовершенствованія соотвѣтствуетъ, повидимому, относительной давности геологическихъ періодовъ, въ продолженіи которыхъ эти организмы жили, умерли и были погребены въ минеральныхъ и органическихъ осадкахъ, отложившихся на днѣ различныхъ водныхъ вмѣстилищъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ вышеозначенныхъ и имъ подобныхъ фактовъ и наблюденій, идея о томъ, что одни органическія существа могутъ происходить отъ другихъ, совершенно на нихъ даже не похожихъ, обобщилась и квалифицировалась въ гипотезу, что, во-первыхъ, весь современный нашъ органическій міръ есть прямой потомокъ міра, когда-то прежде жившаго на землѣ и погребеннаго въ пластахъ земной коры, и что, во-вторыхъ, и тотъ и другой міры произошли, путемъ медленнаго и постепеннаго преобразованія низшихъ органическихъ формъ въ высшія, отъ немногихъ, общихъ имъ обоимъ, или даже отъ одного какого-нибудь общаго обоимъ низшаго типа. Эта-то гипотеза и стала извѣстна подъ имевемъ трансформизма или трансмутаціонизма, а также—эволюціонизма иначе—генетической или генеалогической доктрины. Этой-то гипотезой сторонники механическаго воззрѣнія на природу и отвѣчали на вопросъ, почему органическія существа такъ совершенно и такъ цѣлесообразно устроены.

Чтобы видѣть, какимъ образомъ гипотеза трансформизма развивалась и аргументировалась до Дарвина, мы приведемъ здѣсь краткій очеркъ трансформическихъ воззрѣній Ламарка и Жоффруа Сентъ-Илера, какъ самыхъ видныхъ и талантливыхъ защитниковъ означенныхъ воззрѣній.

Свои идеи о постепенномъ происхожденіи организмовъ пу-

темъ трансформизма низшихъ формъ въ высшія, Ламаркъ развилъ въ своемъ сочиненіи „Философія Зоологіи", изданномъ въ 1809 году. Главные тезисы этого сочиненія заключаются въ слѣдующемъ. Систематическія подраздѣленія—классы, отряды, семейства, роды, виды и названія ихъ—чистая искусственная выдумка человѣка. Не всѣ виды современны (другъ другу): они произошли одинъ отъ другого, и относительная неизмѣнность ихъ только временная; изъ разновидностей рождаются виды. Различіе жизненныхъ условій вліяетъ на нихъ, измѣняя организацію, общія формы, органы животнаго; тоже можно сказать относительно употребленія и неупотребленія органовъ. Жизненныя условія, а больше того—упражненіе и привычка суть главные факторы трансформаціи организмовъ. Такъ напр. у жирафы шея длинна потому, что этому животному съ самаго начала пришлось употреблять въ пищу листву деревьевъ, которая часто находится довольно высоко отъ земли; у болотныхъ птицъ шея и ноги длинны потому, что предкамъ этихъ птицъ пришлось попасть на болотистую почву и усиленно дѣйствовать ногами и шеей, постоянно вытаскивая ихъ изъ вязкой болотистой почвы. Кромѣ означенныхъ факторовъ въ процессѣ постепеннаго видоизмѣненія однихъ органическихъ формъ въ другія, Ламаркъ признаетъ и законъ наслѣдственности. Организмы, пріобрѣтшіе какія-либо измѣненія, передаютъ эти послѣднія въ наслѣдство своимъ потомкамъ; а эти послѣдніе, въ свою очередь, еще болѣе видоизмѣняются и свои измѣненія опять передаютъ въ наслѣдство своимъ потомкамъ и т. д. Такъ, по Ламарку, изъ самыхъ простѣйшихъ органическихъ формъ, возникавшихъ путемъ произвольнаго зарожденія, произошло, по законамъ чисто механическимъ, физическимъ и химическимъ, все разнообразіе населяющихъ нашу землю организмовъ, не исключая и человѣка, котораго Ламаркъ считаетъ потомкомъ рыбъ [1]).

Жоффруа Сентъ-Илеръ обнародовалъ свои идеи о происхож-

[1]) Эрнестъ Геккель: «Лекціи о развитіи организмовъ», перев. въ «Журналѣ Природы» за 1876 г. кн. 4, лекція 5; Ролле: «Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ» въ перев. Усова; В. Д. Кудрявцевъ—„Прав. Обозрѣніе" мартъ 1860 г.; Поповъ ibid.

денія органическихъ формъ путемъ трансформаціи въ 1828 году. Теорія этого ученаго, въ главныхъ ея чертахъ, совпадаетъ съ теоріей Ламарка. Различіе же заключается въ томъ, что главными факторами трансформаціи организмовъ Жоффруа Сентъ-Илеръ признавалъ не упражненіе и привычку, какъ Ламаркъ, но измѣненія въ окружающей средѣ, т. е. измѣненія во внѣшнемъ мірѣ и особенно въ атмосферѣ. По мнѣнію Сентъ-Илера, организмъ самъ по себѣ пассивенъ, недѣятеленъ: онъ—лѣпной матеріалъ, который на разные лады формируется окружающими его внѣшними условіями. Такъ напр. птицы произошли отъ ящерицъ вслѣдствіе уменьшенія углекислоты въ атмосферѣ, такъ какъ отъ такого уменьшенія углекислоты воздухъ сталъ богаче кислородомъ, въ силу чего ящерицы сдѣлались энергичнѣе и подвижнѣе. А отсюда температура ихъ крови возвысилась, легкія измѣнились, нервы и мускулы сдѣлались сильнѣе, чешуи превратились въ перья, переднія конечности въ крылья и т. под. Такимъ образомъ изъ пресмыкающагося произошелъ первый типъ птицы, а потомъ четвероногаго и наконецъ человѣка [1]).

Очевидно, что сейчасъ изложенныя трансформическія теоріи происхожденія органическаго міра не могли ужиться рядомъ съ телеологическими воззрѣніями на тотъ же предметъ; между тѣми и другими непремѣнно должна была возникнуть борьба на жизнь и смерть, и такая борьба, дѣйствительно, и началась. Центромъ тяжести этой знаменитой въ лѣтописяхъ науки борьбы Телеологіи съ Трансформизмомъ сдѣлался вопросъ объ измѣняемости или неизмѣнности вида, такъ какъ положительное или отрицательное рѣшеніе этого вопроса давало бы рѣшительную побѣду одной изъ борящихся сторонъ. Во главѣ естествовѣдовъ—телеологовъ того времени стояли великіе корифеи тогдашней науки—Линней и Кювье. Оба они (Линней, впрочемъ, менѣе рѣшительно) держались того мнѣнія, что видъ есть нѣчто неизмѣнное. Противникомъ такого взгляда на видъ выступилъ Жоффруа Сентъ-Илеръ. И вотъ, между Кювье и Сентъ-Илеромъ начался рядъ публичныхъ диспутовъ, происходившихъ

[1]) Геккель, Ролле и Поповъ—ibidem.

въ 1830 году въ Парижской Академіи Наукъ. Особенно жарка была полемика между учеными противниками въ засѣданіяхъ академіи отъ 22 февраля и 19 іюля. Кювье спорилъ за самостоятельность и неизмѣнность видовъ, а слѣдовательно и за естественность системы, основанной на точныхъ признакахъ. Сентъ-Илеръ, напротивъ, доказывалъ, что виды не суть сразу отлитыя, неподвижныя и навѣки застывшія, но только временныя и измѣчивыя формы, съ часу на часъ готовыя прійти въ броженіе и дать начало новымъ видамъ. Побѣда на этихъ диспутахъ осталась за Кювье, потому что онъ подтверждалъ свои доводы фактами тогдашней науки, тогда какъ Сентъ-Илеру нерѣдко приходилось, за неимѣніемъ фактовъ, обращаться, для доказательства своихъ положеній, къ аналогіямъ и допускать иногда довольно смѣлыя и шаткія предположенія. Ударъ, нанесенный Кювье одному изъ даровитѣйшихъ защитниковъ теоріи трансформизма, казалось, долженъ былъ бы потопить послѣднюю въ рѣкѣ забвенія. Но на дѣлѣ вышло не такъ: отъ такой судьбы спасъ означенную теорію Чарлзъ Дарвинъ, положившій ее въ основу своего знаменитаго „Происхожденія видовъ", давшій ей здѣсь совершенно новую и, нужно сознаться въ этомъ, мастерскую постановку и вооружившій ее совершенно новой и остроумной аргументаціей.

„1 іюля 1858 года въ засѣданіи Лондонскаго Линнеевскаго общества была получена... небольшая записка, занимающая въ трудахъ общества всего двѣ печатныя страницы... Записка эта касалась сухого техническаго вопроса „о происхожденіи видовъ", а ученаго (автора этой записки) звали Чарлзъ Робертъ Дарвинъ. Прошло два года, и мысли, изложенныя на этихъ двухъ страничкахъ, облетѣли весь ученый міръ; имя Дарвина... было въ устахъ каждаго натуралиста, хотя и произносилось съ весьма различными чувствами.

Теперь едва ли найдется уголокъ образованнаго міра, гдѣ бы не слыхали этого имени; мало того, едва ли найдется образованный и даже полуобразованный человѣкъ, который, сознательно или безсознательно, самостоятельно или понаслышкѣ, не составилъ себѣ о немъ мнѣнія, все равно—лестнаго или нелестнаго, сочувственнаго или враждебнаго. Это имя и свя-

занное съ нимъ ученіе перестали быть достояніемъ исключительно ученыхъ, оно сдѣлалось достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей!... Въ исторіи наукъ бывали примѣры, что за извѣстой теоріей, за извѣстной гипотезой сохранялось имя ея автора, но чтобы имя человѣка сдѣлалось нарицательнымъ названіемъ для цѣлаго направленія, цѣлаго отдѣла знанія,—подобнаго примѣра еще не бывало, а между тѣмъ во многихъ библіографическихъ указателяхъ, рядомъ съ заголовками: зоологія, ботаника, геологія, вы встрѣчаете новый—„Дарвинизмъ". Громадная литература этой новой отрасли знанія уже и теперь едва ли подъ силу одному человѣку; наконецъ уже возникаютъ спеціальныя повременныя изданія, имѣющія исключительною цѣлію развитіе и разработку этого ученія.

Это умственное движеніе не ограничилось однимъ естествознаніемъ; оно охватило и другія области знанія: философы, историки, психологи, филологи, моралисты приняли въ немъ живое участіе. Какъ всегда случается при обсужденіи вопросовъ, представляющихъ такой всеохватывающій интересъ, къ голосу холоднаго разума присоединился и голосъ страстей. Возникла борьба, какой не запомнятъ въ лѣтописяхъ научной мысли. Въ ожесточенной схваткѣ сшиблись самыя противоположныя убѣжденія, самыя разнородныя побужденія. Трезвый критическій анализъ сталкивался съ фанатическимъ поклоненіемъ; открытая, справедливая дань удивленія предъ талантомъ встрѣчалась съ худо затаенной мелкой завистью; всеохватывающія обобщенія и напускной скептицизмъ, фактическіе доводы и метафизическія доказательства, безцеремонныя обвиненія въ шарлатанствѣ и такія же безцеремонныя обвиненія въ скудоуміи, насмѣшки, глумленія, восторженные возгласы и проклятія—словомъ все, что могутъ вызвать слѣпая злоба враговъ и медвѣжья услуга друзей, примѣшалось для того, чтобы усложнить исходъ этой умственной борьбы... какого бы взгляда ни придерживаться, на чью бы сторону ни встать, должно прежде всего сознаться, что размѣры этой борьбы, та страсть, которую вносятъ въ нее обѣ стороны, доказываютъ одну истину:—въ міръ брошена новая идея [1]), затрогивающая глубокіе умствен-

[1]) Выше мы уже видѣли, что Дарвинова теорія нова собственно не по идеѣ, которая есть вышеизложенная идея трансформизма, а по постановкѣ и аргументаціи этой старой идеи.

ные и нравственные интересы, и цѣлое поколѣніе, а можетъ быть и не одно, будетъ ее развивать и анализировать, расширяя или ограничивая, пока не найдетъ для нея полнаго всесторонняго выраженія, пока не укажетъ ей границъ" [1]). Мы не безъ цѣли позволили себѣ эту, быть можетъ, нѣсколько длинную, выдержку изъ трудовъ одного изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ Дарвинизма и его исторіи. Такъ, въ этой выдержкѣ заключается, прежде всего, совершенно правильная, по нашему мнѣнію, оцѣнка значенія Дарвинизма въ современной человѣческой наукѣ вообще. Дѣйствительно, Дарвинизмъ „затрогиваетъ глубокіе умственные и нравственные интересы" современнаго человѣчества, затрогиваетъ всѣ отрасли человѣческаго знанія. Быстро облетѣвъ весь міръ, быстро найдя себѣ многочисленныхъ, талантливыхъ и убѣжденныхъ сторонниковъ и защитниковъ, объявленный послѣдними за непререкаемое и непогрѣшимое откровеніе геніальнѣйшаго человѣческаго разума, Дарвинизмъ смѣло и побѣдоносно вступилъ въ борьбу съ господствовавшей въ современной ему наукѣ Телеологіей. Мы говоримъ „побѣдоносно", потому что большинство наукъ (напр. науки естественныя и отчасти историческія и соціальныя), послѣ короткой и горячей схватки съ Дарвинизмомъ, поступились, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ большинства своихъ представителей, своею Телеологіей, вступили съ недавнимъ противникомъ въ самый тѣсный союзъ и сдѣлались „дарвинистическими". Что касается наукъ философскихъ и богословскихъ, особенно же послѣднихъ, то онѣ, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи, оказались, съ появленіемъ Дарвинизма и безъ всякой вины со своей стороны, въ весьма затруднительномъ положеніи. Поступиться своимъ телеологическимъ міровоззрѣніемъ и такимъ образомъ установить хотя сколько-нибудь сносный modus vivendi съ Дарвинизмомъ эти науки не могли и не могутъ безъ того, чтобы не оказатъся совершенно опрокинутыми и не потерять самаго права на свое существованіе. Но и отстаивать свое міровоззрѣніе противъ посягательствъ на него со стороны Дарвинизма оказалось для означенныхъ наукъ весьма затруд-

---

[1]) Проф. Тимирязевъ,—ibid. стр. 15—17.

нительнымъ. Дѣло въ томъ, что эти науки, какъ извѣстно, разрабатываются у насъ главнымъ образомъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Между тѣмъ факультетовъ естественныхъ наукъ при академіяхъ не существуетъ. Такимъ образомъ даже самые видные представители означенныхъ наукъ, мало знакомые съ естествознаніемъ, съ появленіемъ Дарвинизма, не могли немедленно же начать борьбы съ нимъ на самой выгодной почвѣ и самымъ выгоднымъ оружіемъ, то есть, на почвѣ самого же Дарвинизма, на почвѣ Естествознанія, и—его же собственнымъ оружіемъ,—оружіемъ фактовъ и наблюденій изъ жизни природы. Все, что могли они сдѣлать при такихъ обстоятельствахъ, это—до поры до времени молчать, прислушиваясь къ полемикѣ съ дарвинистами ученыхъ антидарвинистовъ—естествовѣдовъ и собирая приводимые послѣдними, въ качествѣ доказательствъ научной несостоятельности Дарвинизма, факты и наблюденія изъ области Естествознанія, чтобы потомъ, со временемъ, на основаніи этихъ фактовъ и наблюденій, мало-по-малу подготовлять возможно вѣское опроверженіе Дарвинизма. Впрочемъ, въ средѣ нашихъ ученыхъ богослововъ нашлись и такіе, которые, при появленіи у насъ Дарвинизма, не преминули возражать противъ его научной состоятельности. Но всѣ такія возраженія основывались, главнымъ образомъ, на отвлеченныхъ метафизическихъ и логическихъ соображеніяхъ, а потому и не могли выбить оружія изъ рукъ защитниковъ Дарвинизма. Если не ошибаемся, эти послѣдніе даже не отвѣчали на подобныя возраженія. Все, что они могли бы отвѣчать на нихъ и, по нашему мнѣнію, отвѣчать съ полнымъ съ ихъ точки зрѣнія правомъ, это приблизительно слѣдующее: „Мы не обязаны довѣрять метафизикѣ; строго экспериментальный методъ нашей науки пріучилъ насъ вѣрить только фактамъ; такъ если кому угодно объясняться съ нами, тотъ пусть говоритъ, пусть объясняется съ нами языкомъ фактовъ“. Такимъ языкомъ наша философско-богословская наука, какъ мы выше видѣли, говорить не могла и замолчала.

Но вотъ, въ защиту изгоняемой Дарвинизмомъ изъ науки Телеологіи заговорили было нѣкоторые изъ нашихъ писателей съ университетскимъ образованіемъ и—заговорили привычнымъ

для дарвинистовъ языкомъ фактовъ и наблюденій изъ области Естествознанія. Но, къ сожалѣнію, эти писатели позволили себѣ увлечься духомъ школьной нетерпимости и партійными страстями, чѣмъ дали дарвинистамъ не только возможность умалить въ глазахъ мыслящей части нашего общества дѣйствительную цѣну своихъ сочиненій, но и нѣкоторое право—„впредь молча проходить мимо подобныхъ произведеній“ [1]).

Такова, вкратцѣ, исторія полемики Телеологіи съ Дарвинизмомъ у насъ въ Россіи. Въ настоящее время эта полемика, кажется, кончилась, и кончилась, повидимому, не въ пользу первой. По крайней мѣрѣ, послѣднее слово въ этой полемикѣ осталось за Дарвинизмомъ; Телеологія пока молчитъ, а Дарвинизмъ все распространяется и крѣпнетъ, царствуетъ на университетскихъ каѳедрахъ, „развивается и разработывается“ въ самыхъ видныхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, господствуетъ надъ умами большинства образованнаго и полуобразованнаго нашего общества и, повидимому, претендуетъ на то, чтобы въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться единственнымъ руководящимъ принципомъ современной человѣческой мысли, а отсюда—и человѣческой жизни.

Но что же однако могло бы случиться съ человѣчествомъ, если бы Дарвинизмъ дѣйствительно сдѣлался единственнымъ руководящимъ принципомъ человѣческой мысли и жизни? Отвѣтимъ здѣсь на этотъ вопросъ пока вкратцѣ. Если, что признаютъ и дарвинисты, человѣческая мораль есть необходимое условіе благоденствія человѣческихъ обществъ; если, какъ недавно высказался знаменитѣйшій изъ дарвинистовъ, проф. Гексли, „моральный процессъ есть постоянная борьба противъ процесса космической эволюціи“, такъ что „мораль борется противъ этого процесса“ [2]): то, кажется, не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что если Дарвинизмъ дѣйствительно сдѣлается единственнымъ руководящимъ принципомъ

[1]) Проф. Тимирязевъ—ibid. стр. 413—414.

[2]) Проф. Гексли въ рѣчи „Эволюція и этика“, перевед. въ „Русской Мысли“ за 1893 г. кн. 8-я. Правда, на рѣчь Гексли сдѣлалъ возраженія Лесли Стефенъ; но на нашъ взглядъ, который мы разовьемъ въ другомъ мѣстѣ, правъ не Стефенъ, а Гексли.

человѣческой мысли и жизни, то онъ не только не увеличитъ, но еще уменьшитъ сумму того, что составляетъ предметъ самыхъ завѣтныхъ стремленій, самыхъ живыхъ и законныхъ упованій всего человѣчества,—сумму человѣческаго счастія. Противорѣчіе Дарвинизма требованіямъ морали заключается собственно не въ правѣ сильнаго, какъ думаютъ нѣкоторые его противники, а въ его безграничномъ и черствомъ эгоизмѣ, который и является прямой противоположностію альтрюизма, составляющаго главную основу и сущность морали. Въ самомъ дѣлѣ, если я такое же животное, какъ и всѣ остальныя, если я отличаюсь отъ нихъ не качественно, а только количественно,—только какъ послѣднее для даннаго времени звѣно въ длинной цѣпи космической эволюціи, если, наконецъ, я, наравнѣ съ прочими животными, подлежу въ моей жизни и дѣятельности только роковымъ законамъ борьбы и моей личной пользы: то скажите, кѣмъ инымъ я могу быть въ моей жизни и дѣятельности, какъ только не самымъ узкимъ, холоднымъ и безсердечнымъ эгоистомъ? Чѣмъ инымъ я могу быть для общества себѣ подобныхъ, какъ только не самымъ ожесточеннымъ врагомъ его, потому что вѣдь и другіе люди подлежатъ тѣмъ же самымъ законамъ и являются моими врагами? Если, далѣе, одарвинизованное въ мысли и жизни человѣчество захочетъ быть логически послѣдовательнымъ и создастъ для себя новую дарвинистическую юрисдикцію, то, спрашивается, какой мой проступокъ, какое дѣяніе противъ ближняго не будутъ извинительными? Да и какая радость мнѣ и другимъ—жить съ сознаніемъ, что ежеминутно окруженъ врагами, ежеминутно угрожающими моему спокойствію, счастію и жизни, что живешь только за тѣмъ, чтобы въ каждый моментъ бытія пасть жертвою борьбы за существованіе и—за гранью этого послѣдняго—не видать для себя ничего лучшаго, какъ только то, что твое мѣсто на жизненномъ пиру будетъ занято другимъ, твоимъ врагомъ, побѣдителемъ и убійцей? А при такихъ условіяхъ, право, лучше и совсѣмъ не жить.

Таковы, приблизительно, будущіе,—да отчасти уже и настоящіе,—плоды Дарвинизма въ человѣческой жизни. Если же эти плоды именно таковы и если они все шире и глубже раз-

ростаются на великой нивѣ человѣческой жизни и дѣятельности, то представители нашей богословской науки, обязанные въ извѣстной степени быть „солью земли и свѣтомъ міра", въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-нибудь, обязаны вновь обнажить оружіе противъ Дарвинизма. Мы и намѣрены сдѣлать это въ нашемъ настоящемъ трудѣ.

Мы отлично сознаемъ, насколько почтенны тѣ научныя силы, съ которыми, въ лицѣ Дарвина и его послѣдователей, намъ придется здѣсь перевѣдаться. Поэтому мы сочли бы смѣшною самонадѣянностію съ нашей стороны—обѣщать здѣсь полное и рѣшительное опровержeніе Дарвинизма. Нѣтъ, мы сочтемъ цѣль нашего настоящаго изслѣдованія вполнѣ достигнутою, если намъ удастся хотя что-либо дѣльное возразить противъ Дарвинизма, указать хотя бы одну брешь въ той великой китайской стѣнѣ, которую онъ воздвигъ между Откровеніемъ и Наукой. Мало того, нашъ настоящій трудъ вполнѣ удовлетворитъ насъ даже и въ томъ только случаѣ, если онъ дастъ поводъ къ новому научному обсужденію этого мучительнаго для многихъ вопроса: „Библія или Дарвинизмъ?"

Такъ какъ „громадная литература этой новой отрасли знанія (Дарвинизма) уже и теперь едва ли подъ силу одному человѣку", то мы, надѣемся, имѣемъ право—и тѣмъ болѣе, что приведенныя слова ученаго спеціалиста въ первый разъ были высказаны имъ еще въ 1878 г. [1]), ограничить нѣсколько задачу нашего изслѣдованія. Мы и ограничимъ ее такимъ образомъ, что подвергнемъ здѣсь критическому изслѣдованію дарвинистическія воззрѣнія на происхожденіе и развитіе только неразумной органической природы, оставивъ пока въ сторонѣ разборъ тѣхъ же воззрѣній на происхожденіе человѣка.

II.

Переходимъ теперь къ изложенію Дарвиновой теоріи происхожденія видовъ. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ, прежде всего, замѣтить, что правильное пониманіе, а слѣдовательно и изло-

---

[1]) Проф. Тимирязевъ: „Дарвинъ, какъ типъ ученаго", публичная лекція. Москва, 1878 г.

женіе означенной теоріи дѣло довольно затруднительное. Затрудненія въ данномъ случаѣ обусловливаются тѣмъ обстоятельствомъ, что матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть здѣсь дѣло, крайне обширенъ и разнообразенъ, а между тѣмъ самъ Дарвинъ, какъ писатель, не является строгимъ систематикомъ въ изложеніи и обработкѣ этого матеріала, такъ что можно совершенно ненамѣренно исказить его теорію или передать ее неточно, сообщивъ, напр., не тотъ смыслъ, отведя не то мѣсто различнымъ ея положеніямъ, какія хотѣлъ сообщить и отвести послѣднимъ самъ Дарвинъ. Поэтому, во избѣжаніе нежелательныхъ ошибокъ, мы позволимъ себѣ руководиться, при изложеніи означенной теоріи, не только сочиненіями самого Дарвина, но и указаніями наиболѣе компетентныхъ ея критиковъ и истолкователей. По теоріи Дарвина, все разнообразіе органической жизни возникло изъ немногихъ простѣйшихъ, а вѣроятнѣе всего—изъ одной, весьма низко, сравнительно, организованной формы. Эта послѣдняя всего болѣе походила на личинки теперешнихъ морскихъ асцидій. Что же касается происхожденія самой этой асцидіи, то Дарвинъ готовъ допустить здѣсь участіе Творца, „вдохнувшаго первоначально жизнь въ асцидію" [1]).

Подъ вліяніемъ какихъ же силъ и законовъ и какимъ образомъ отъ этой первоначальной формы асцидіи произошло все множество и разнообразіе, нынѣ существующихъ органическихъ формъ, нерѣдко такъ поражающихъ насъ красотою, совершенствомъ и замысловатостью своего устройства? За отвѣтомъ на этотъ вопросъ Дарвинъ обращается къ опытамъ такъ называемаго искусственнаго подбора. Извѣстно, что человѣкъ издавна стремился и стремится усовершенствовать, соотвѣтственно своимъ вкусамъ и потребностямъ, породы своихъ культурныхъ растеній и прирученныхъ животныхъ. И въ дѣлѣ такого усовершенствованія послѣднихъ человѣкъ достигъ поразительныхъ результатовъ. Такъ напр. ягоды дикаго крыжовника, вѣсившія первоначально всего 120 гранъ каждая, подъ влія-

---

[1]) Чарльзъ Дарвинъ: „Происхожденіе человѣка и подборъ въ отношеніи къ полу" перев. Сѣченова, С.П.Б. 1873 г. т. I, стр. 155 и т. II, стр. 295; его же „О происхожденіи видовъ" etc. Перев. Рачинскаго, Москва, 1873 г. стр. 385.

ніемъ культуры въ продолженіе всего 8 лѣтъ стали вѣсить уже 895 гранъ каждая. Или напр. если бы кто изъ натуралистовъ увидѣлъ двѣ англійскихъ породы голубей—трубастаго и дутыша—происшедшихъ, путемъ искусственнаго подбора, отъ одного дикаго вида columba Livia, въ естественномъ состояніи, то онъ отнесъ бы эти породы къ двумъ различнымъ видамъ, а можетъ быть и къ двумъ различнымъ родамъ.

Тайна такого успѣха усовершенствованія человѣкомъ своихъ культурныхъ растеній и прирученныхъ животныхъ лежитъ именно въ искусственномъ подборѣ. Этотъ послѣдній основанъ на двухъ законахъ органической природы—наслѣдственности и измѣнчивости. Всякій раждающійся организмъ бываетъ или похожъ на своихъ родителей или непохожъ; вотъ это „похожъ" будетъ выраженіемъ перваго закона, а это „непохожъ"—выраженіемъ второго закона. Пользуясь одновременно обоими законами природы, то есть, наслѣдственною передачею желательныхъ для себя случайныхъ измѣненій въ организмахъ, человѣкъ можетъ усовершенствовать и видоизмѣнить послѣдніе именно такъ, какъ ему хочется. При этомъ онъ долженъ только „браковать", то есть, не пускать на племя тѣ особи, которыя по своимъ качествамъ не соотвѣтствуютъ его вкусамъ и потребностямъ, а пускать на племя, спаривая другъ съ другомъ, только тѣ изъ нихъ, которыя этимъ вкусамъ и потребностямъ удовлетворяютъ [1]).

Но не существуетъ ли въ природѣ, не подлежащей вліянію разумной воли человѣка, „подбора безъ подбирающаго лица, безъ руководящей разумной воли человѣка, словомъ—*естественнаго подбора*"?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Дарвинъ прежде всего, развертываетъ передъ нами грозную картину истребленія, непрерывно, ежеминутно и повсюду совершающагося въ природѣ. Такое истребленіе—необходимый результатъ несомнѣнной способности организмовъ къ размноженію. А эта способность почти безпредѣльна: всѣ органическія существа стремятся къ размноже-

---

[1]) Дарвинъ: „О происхожденіи видовъ" гл. I; проф. Тимирязевъ: „Чарлзъ Дарвинъ и его ученіе"—гл. III; Данилевскій: „Дарвинизмъ", т. I, часть I, гл. I.

нію въ такой быстрой геометрической прогрессіи, что каждое изъ нихъ могло бы, по прошествіи нѣсколькихъ поколѣній, покрыть своимъ потомствомъ весь земной шаръ. Отсюда между организмами является совмѣстничество [1]) и возникаетъ жестокая *борьба за существованіе*. Такую борьбу каждый организмъ долженъ выдерживать въ каждый моментъ своего существованія и притомъ—на три руки. Такъ, во первыхъ, онъ долженъ бороться съ различными стихіями природы, напр. холодами, засухами, наводненіями и т. под., или, во вторыхъ, онъ долженъ бороться со своими прямыми врагами, напр. заяцъ долженъ вести оборонительную борьбу съ волкомъ, насѣкомое — съ насѣкомоядною птицею и т. под., или, наконецъ, онъ долженъ выдерживать конкуренцію или компетицію съ себѣ подобными, потому что послѣднимъ нужно тоже мѣсто въ природѣ, какъ и ему самому,—нужна та же пища, та же почва, лучъ солнца, капля воды и пр. Напр. „изъ двадцати видовъ, растущихъ на клочкѣ луговой земли (въ 12 квад. фут.), девять видовъ погибли отъ того, что прочимъ дали разрастись въ волю"; „недавнее умноженіе въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи дрозда—дерябы обусловило уменьшеніе количества пѣвчаго дрозда" и т. под. [2]).

Кто же или что рѣшаетъ вопросъ о томъ, кому остаться побѣдителемъ въ этой тяжелой борьбѣ за существованіе и призомъ за побѣду получить свою же собственную жизнь? Въ борьбѣ за существованіе обусловливающимъ побѣду обстоятельствомъ является собственное совершенство организаціи борящихся между собою существъ: кто имѣетъ хоть ничтожнѣйшую особенность, дѣлающую его хоть сколько-нибудь совершеннѣе, то есть, сколько-нибудь приспособленнѣе къ условіямъ существованія въ данное время, чѣмъ остальные конкурренты на жизнь, тотъ и останется побѣдителемъ въ этой борьбѣ. Напр. при сильныхъ холодахъ останутся въ живыхъ только тѣ птицы и животныя, у которыхъ опереніе и шерсть окажутся теплѣе,

---

[1]) „Занять мѣсто въ природѣ" на языкѣ Дарвина значитъ имѣть и удерживать за собою все необходимое для существованія.

[2]) Дарвинъ: „Происхожденіе видовъ", гл. III; проф. Тимирязевъ—ibid. гл. IV; Данилевскій—ibidem.

нежели у остальныхъ; насѣкомыя, имѣющія зеленую окраску древесной листвы, менѣе рискуютъ сдѣлаться добычею птицъ, чѣмъ ярко окрашенныя насѣкомыя, потому что на зеленой листвѣ деревьевъ первыя менѣе замѣтны для своихъ враговъ, нежели послѣднія; изъ волковъ, которымъ пришлось бы питаться только зайцами, остались бы въ живыхъ лишь тѣ, которые оказались бы быстрѣе и ловчѣе своихъ остальныхъ собратій въ охотѣ за зайцами и т. под. Такимъ образомъ постояннымъ, необходимымъ результатомъ борьбы за существованіе является переживаніе совершеннѣйшаго, то есть, болѣе другихъ существъ приспособленнаго къ условіямъ существованія въ данное время.

Какою же силою совершается въ природѣ процессъ такого наилучшаго приспособленія организмовъ къ условіямъ ихъ существованія, или, что одно и тоже,—процессъ видоизмѣненія и усовершенствованія организмовъ?

Сила эта—*естественный подборъ производителей*. Естественный подборъ—это „сохраненіе и накопленіе безконечно малыхъ наслѣдственныхъ видоизмѣненій, выгодныхъ для сохраненнаго организма", а также—уничтоженіе видоизмѣненій, вредныхъ для организма. „Естественный подборъ ежедневно, ежечасно изслѣдуетъ по всему міру всякое уклоненіе, даже самое ничтожное, отбрасывая все дурное, сохраняя и накопляя все хорошее, не слышно и не замѣтно работая, гдѣ бы и когда бы ни представился на то случай, надъ усовершенствованіемъ всякаго организма относительно органическихъ и неорганическихъ условій его жизни" [1]). Тѣмъ, кто усумнился бы въ существованіи и могуществѣ естественнаго подбора, Дарвинъ напоминаетъ о подборѣ искусственномъ: „Если человѣкъ можетъ достигнуть и несомнѣнно достигъ значительныхъ результатовъ методическимъ подборомъ родичей, то чего не можетъ достигнуть природа?... Въ природныхъ условіяхъ са-

[1]) Изъ этихъ словъ, кажется, ясно, что естественный подборъ есть именно процессъ накопленія и сохраненія полезныхъ для организма видоизмѣненій, а переживаніе способнѣйшаго—результатъ этого процесса. Между тѣмъ многіе употребляютъ выраженія „естественный подборъ" и „переживаніе способнѣйшаго" какъ синонимы.

мая легкая разность въ строеніи или складѣ можетъ покачнуть тонко уравновѣшенные вѣсы жизненной борьбы и, слѣдовательно, сохраниться. Какъ шатки желанія и усилія человѣка! кратко его время! Какъ бѣдны поэтому достигнутые имъ результаты въ сравненіи съ тѣми, которые въ теченіе цѣлыхъ (необъятныхъ) геологическихъ періодовъ (времени) накопила природа"! Тѣмъ, кому переходъ отъ искусственнаго подбора къ естественному показался бы слишкомъ рѣзкимъ, Дарвинъ указываетъ на то обстоятельство, что въ дѣлѣ усовершенствованія породъ культурныхъ растеній и прирученныхъ животныхъ человѣкъ только съ недавняго сравнительно времени является сознательнымъ дѣятелемъ; что сознательному методическому подбору предшествовалъ *подборъ безсознательный*, въ которомъ, по отношенію къ достигаемому результату, человѣкъ является совершенно безсознательной стихійной силой. Такъ напр. дикари въ голодные годы бываютъ вынуждены, дабы не погибнуть въ борьбѣ за существованіе, ограничивать количество имѣющихся у нихъ прирученныхъ собакъ; очевидно въ такихъ случаяхъ они всегда уничтожаютъ самыхъ плохихъ особей, всячески стараясь лучшихъ изъ нихъ уберечь на племя, и въ результатѣ оказывается улучшеніе породы, которое собственно вовсе и не имѣлось въ виду, ибо дикарь, если бы могъ, сохранилъ бы для себя и менѣе хорошихъ собакъ.

Дарвинъ приводитъ и много другихъ доказательствъ въ пользу принципа естественнаго подбора, но, чтобы не обременять памяти читателя и впослѣдствіи не повторяться, мы оставляемъ ихъ до критическаго разсмотрѣнія этого принципа. А здѣсь приведемъ лишь, для лучшаго выясненія дѣйствія естественнаго подбора, одинъ примѣръ, приводимый самимъ Дарвиномъ. Среди волковъ „могъ бы родиться волченокъ съ врожденнымъ расположеніемъ охотиться на какую либо добычу. Тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: мы часто замѣчаемъ значительное разнообразіе во врожденныхъ наклонностяхъ домашнихъ животныхъ; одна кошка напр. охотится за мышами, другая за крысами... Расположеніе ловить крысъ, а не мышей, какъ извѣстно, передается наслѣдственно. Если какая-либо подобная прирожденная особенность въ нравѣ или строеніи была бы выгодна для отдѣльнаго вол-

ка, то онъ имѣлъ бы болѣе вѣроятія выжить и оставить потомство. Нѣкоторые изъ его дѣтенышей, вѣроятно, унаслѣдовали бы его складъ и привычки, и чрезъ повтореніе этого процесса могла бы возникнуть новая разновидность, которая либо вытѣснила бы прежнюю форму, либо жила бы рядомъ съ нею... Могу прибавить, что, по свидѣтельству мистера Пирса, въ Кэтскильскихъ горахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, водятся двѣ разновидности волка: одна съ легкими формами, напоминающими складъ борзой собаки и охотящаяся за оленями, и другая болѣе массивная, на болѣе короткихъ ногахъ, чаще нападающая на овецъ". Замѣтимъ еще, что, по Дарвину, естественный подборъ дѣйствуетъ чрезвычайно медленно, въ теченіе необъятныхъ періодовъ времени, и большею частію лишь на немногихъ жителей каждой страны одновременно [1]).

Если естественный подборъ есть процессъ сохраненія и накопленія наслѣдственныхъ видоизмѣненій организма, то ясно, что онъ можетъ дебютировать на сценѣ міровой жизни лишь при посредствѣ законовъ наслѣдственности и измѣнчивости, такъ что безъ послѣднихъ онъ не могъ бы ничего сдѣлать: если бы организмы неспособны были измѣняться, то подбору нечего было бы подбирать; если бы не было наслѣдственности, то подборъ не могъ бы никакихъ видоизмѣненій ни сохранять, ни накоплять. Приведемъ же здѣсь ученіе Дарвина о наслѣдственности и измѣнчивости въ главныхъ его чертахъ.

Наслѣдственность. Сущность этого закона природы можно выразить употребляемой различными заводчиками поговоркой: „равное рождаетъ равное". Всякій признакъ, каковъ бы онъ ни былъ, стремится, по крайней мѣрѣ, временно, передаться отъ родителя къ потомку. Факты показываютъ, что наслѣдственны всѣ физическія особенности, каковы: отклоненія отъ закона симметріи въ строеніи организаціи, послѣдствія употребленія или неупотребленія органовъ, различныя болѣзни и уродливости, напр. гиперметропія, подагра, полидактилизмъ и т. под.; наслѣдственны всѣ психическія особенности—инстинкты, привычки, характеръ; наслѣдственны и высшія, человѣку толь-

[1]) Дарвинъ „Происхожденіе видовъ", гл. I и IV; проф. Тимирязевъ—ibid. гл. IV; Данилевскій—ibid.

ко свойственныя, духовныя дарованія—талантливость, геніальность, нравственное чувство и пр. и пр. Но существуетъ громадный разрядъ фактовъ другого рода, фактовъ, повидимому доказывающихъ, что сила наслѣдственности весьма измѣнчива и капризна. Часто случается, что потомокъ не наслѣдуетъ особенностей своихъ родителей. Но такіе факты, по Дарвину, не могутъ служить возраженіемъ противъ непреложности закона наслѣдственности; они показываютъ только, что сила наслѣдственности временно можетъ быть парализуема неблагопріятными для нея условіями. Къ этимъ послѣднимъ относятся: слишкомъ высокая степень интенсивности самой же силы наслѣдственности, обстоятельства, враждебныя извѣстному признаку, условія существованія, всегда порождающія измѣнчивость и *атавизмъ* или реверсія. Атавизмомъ называется возвращеніе потомка къ типу какого-либо отдаленнаго его предка. Атавизмъ, по Дарвину, зависитъ отъ того, что наслѣдованіе признака и его развитіе—два совершенно различныхъ явленія. Признакъ можетъ быть унаслѣдованъ извѣстнымъ организмомъ, но онъ можетъ и не развиться у него, а существовать въ скрытомъ состояніи. По весьма характерному выраженію Дарвина, „сѣмена наслѣдственности лежатъ въ зародышѣ, точно письмена, писанныя на бумагѣ невидимыми чернилами, будучи готовы развиться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ или неизвѣстныхъ условій". Если бы кто спросилъ, какъ скоро уничтожается стремленіе организмовъ возвращаться къ типу предковъ, то на этотъ вопросъ, по мнѣнію Дарвина, нельзя отвѣтить какимъ-либо опредѣленнымъ и строго неизмѣннымъ правиломъ; можно здѣсь отвѣтить лишь то, что стремленіе это у различныхъ породъ уничтожается чрезъ различные промежутки времени.

Наслѣдственность, по Дарвину, бываетъ, такъ сказать, различныхъ видовъ, каковы:

Наслѣдственность, ограниченная поломъ: одни изъ признаковъ передаются лишь одному, а другіе—другому полу. Къ такимъ признакамъ принадлежатъ, прежде всего, такъ называемые вторичные половые признаки, а затѣмъ—и всякіе дру-

гіе, какъ напр. въ семействѣ Ламберта рогоподобные наросты на кожѣ передались отъ отца только мужскому поколѣнію.

Наслѣдственность въ соотвѣтствующіе періоды жизни, когда извѣстный признакъ передается отъ родителей къ дѣтямъ въ тотъ именно періодъ жизни послѣднихъ, въ который онъ появился у первыхъ. Такъ напр. пестрые турманы представляютъ ту извѣстную особенность, что своеобразный характеръ оперенія, свойственный этой породѣ, получается только послѣ второго или третьяго линянія. Да и всѣ другіе признаки, напр. уродливости и болѣзни, часто наслѣдуются дѣтьми въ томъ же возрастѣ, въ какомъ они появились и у родителей.

Наслѣдственность въ соотвѣтствующія времена года. У животныхъ различные признаки появляются въ различныя времена года. Такъ напр. шерсть многихъ животныхъ умѣреннаго и холоднаго поясовъ становится по зимамъ густой и бѣлой; многія птицы получаютъ блестящую окраску перьевъ и другія украшенія только въ пору любви—весною.

Для объясненія явленій наслѣдственности Дарвинъ даетъ теорію, названную имъ *пангенезисомъ*. Сущность этой теоріи можно свести къ слѣдующему.

Всѣ физіологи признаютъ за справедливое, что органическія единицы или клѣточки размножаются дѣленіемъ, не измѣняя своей природы и превращаясь окончательно въ развитыя ткани тѣла. Дарвинъ идетъ далѣе и предполагаетъ, что клѣточки отдѣляютъ отъ себя мельчайшіе атомы или зачатки, свободно обращающіеся по всей системѣ, размножающіеся посредствомъ дѣленія и превращающіеся со временемъ въ такія же клѣточки, отъ которыхъ и сами произошли. Дарвинъ допускаетъ далѣе, что зачатки эти передаются по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ и обыкновенно—въ непосредственно слѣдующее за родителями поколѣніе, въ которомъ и развиваются, но нерѣдко этимъ послѣднимъ поколѣніемъ они передаются въ дремлющемъ состояніи и дальнѣйшимъ потомкамъ, въ которыхъ они развиваются только чрезъ нѣсколько поколѣній. Развитіе этихъ зачатковъ зависитъ отъ соединенія ихъ съ другими, предшествовавшими имъ въ развитіи и уже отчасти развившимися зачатками. Зачатки отдѣляются обыкновенно въ чрезвычайно гро-

мадномъ количествѣ и отдѣляются каждой клѣточкой не только въ развитомъ состояніи организма, но и на каждой ступени его развитія. Наконецъ, Дарвинъ предполагаетъ, что зачатки эти, находясь въ состояніи оцѣпенѣнія, одарены взаимнымъ сродствомъ, побуждающимъ ихъ соединяться въ почки или элементы полового размноженія [1]).

Измѣнчивость. Дарвинъ говоритъ: „Измѣнчивость не есть самостоятельное начало, равносильное жизни и воспроизведенію, но только слѣдствіе частныхъ причинъ, по большей части измѣненныхъ условій". Какія же это причины?

Слѣдующія: прирожденная способность организмовъ, къ измѣненіямъ, измѣненія въ условіяхъ существованія, какъ-то— питаніи, климатѣ, уходѣ, употребленіе или неупотребленіе органовъ, состояніе родителей въ періодъ зачатія, различныя вліянія на органы размноженія и на зародышъ, наслѣдственное сложеніе организма, атавизмъ и *скрещиваніе.* Въ своихъ цѣляхъ скажемъ объ этомъ послѣднемъ нѣсколько подробнѣе.

Подъ скрещиваніемъ, какъ извѣстно, разумѣется спариваніе организмовъ, принадлежащихъ какъ къ одной, такъ и къ различнымъ разновидностямъ, а иногда и видамъ. Вліяніе этого акта на образованіе новыхъ породъ, по Дарвину, двояко и— совершенно противоположно по результатамъ. Такъ, во первыхъ, свободное скрещиваніе изглаживаетъ различіе признаковъ и слѣдовательно препятствуетъ образованію новыхъ породъ. Такъ, въ прежнее время въ Сѣверной Америкѣ совсѣмъ не было различныхъ породъ овецъ, потому что всѣ овцы свободно скрещивались между собою. Когда количества двухъ скрещивающихся породъ сравнительно равны одно другому, то эти двѣ породы рано или поздно сольются между собою. Если же одна изъ скрещивающихся породъ, по числу своихъ особей, значительно превосходитъ другую, то послѣдняя чрезъ нѣсколько времени совершенно будетъ поглощена первою. Такъ, на островахъ Тихаго океана, куда европейскія свиньи и собаки были ввезены

[1]) См. о наслѣдственности въ „Происхожденіи видовъ" перев. Сѣченова, С.П.Б. 1867 г. т. I, стр. 195 и д. т. II, стр. 1—26, 53 и д. 64, 30, 36—37, 41—53, 75—84, 389 и д. и въ „Происхожденія человѣка" etc. стр. 215; у Данилевскаго —ibidem.

въ большихъ количествахъ, туземныя породы свиней и собакъ постепенно поглощались ими, а чрезъ 50—60 лѣтъ исчезли окончательно. Во вторыхъ, скрещиванiе совершающееся подъ контролемъ разумной воли человѣка, влiетъ на измѣненiе старыхъ породъ или на образованiе новыхъ и промежуточныхъ, вслѣдствiе слiянiя признаковъ. Для того, чтобы вновь выводимая порода заслужила себѣ названiе именно новой породы, особи ея должны прочно передавать свои признаки потомству. А факты доказываютъ, что при помощи скрещиванiя, сопровождающагося тщательнымъ подборомъ, можно навѣрняка образовать новыя породы, лишь бы хватило умѣнья и терпѣнiя у взявшагося за это дѣло человѣка. Такъ напр. сибрайтова бакталека, передающая свои признаки такъ же постоянно, какъ и всякая другая порода куръ, явилась сравнительно весьма недавно и—путемъ весьма смѣшаннаго скрещиванiя. Другiя разсужденiя Дарвина о скрещиванiи мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ. Что касается законовъ, управляющихъ измѣнчивостiю, то они, по Дарвину, суть слѣдующiе: *Nisus formativus,* подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть ту, всѣмъ почти организмамъ свойственную, способность или силу, которая возстановляетъ гармонiю въ строенiи организмовъ, нарушаемую иногда чрезъ различныя вредныя воздѣйствiя. Такъ напр. по этому закону возстановляются у саламандръ отрѣзанные хвостъ и ноги, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. По этому же закону образуются у организмовъ новыя части, напр. ложная перепонка послѣ воспаленiя, новыя части въ открытыхъ и опасныхъ пространствахъ черепа послѣ головной водянки и пр.

Соотносительная или сопряженная измѣнчивость, подъ которой Дарвинъ разумѣетъ одновременное измѣненiе гомологичныхъ или соотвѣтственныхъ частей организма. Такими частями, какъ показываютъ многочисленныя наблюденiя, являются: руки и ноги у человѣка, переднiя и заднiя конечности у животныхъ, органы зрѣнiя и слуха, напр. бѣлыя кошки съ голубыми глазами всегда почти глухи и—мн. др.

Компенсацiя роста. На основанiи этого закона всякiй разъ, какъ на построенiе или питанiе какой—либо части организма идетъ слишкомъ много органической матерiи, другiя части

истощаются и худѣютъ. Напр. у куръ съ большимъ хохломъ и большой бородой гребень и сережки бываютъ уменьшены обыкновенно весьма сильно.

Аналогическая или параллельная измѣнчивость. Такъ называетъ Дарвинъ тотъ законъ, по которому у какой-либо породы или вида внезапно появляются признаки, обыкновенно свойственные другой породѣ или виду; другими словами: закономъ аналогической измѣнчивости управляется то явленіе, когда органическія существа одной породы подражаютъ, въ своихъ измѣненіяхъ, особямъ другой породы (миметизмъ). По Дарвину выходитъ, что этотъ законъ есть тотъ же законъ атавизма, только, такъ сказать, въ большемъ масштабѣ [1]).

Впрочемъ, усвоя всѣмъ означеннымъ факторамъ и законамъ измѣнчивости извѣстную долю вліянія на органическія существа, Дарвинъ въ то же время, въ процессѣ видоизмѣненія организмовъ, отдаетъ предпочтеніе индивидуальнымъ особенностямъ послѣднихъ, иногда едва уловимымъ, а иногда и совсѣмъ незамѣтнымъ для человѣческаго глаза. Вотъ эти-то безконечно малыя индивидуальныя особенности, если онѣ только полезнѣе для организма въ борьбѣ за существованіе, и являются главнымъ матеріаломъ, изъ котораго естественный подборъ, путемъ медленнаго и постепеннаго накопленія и сохраненія, и создаетъ все то разнообразіе органическихъ формъ, которое мы видимъ. Кромѣ борьбы за существованіе и естественнаго подбора съ его факторами — наслѣдственностію и измѣнчивостію, въ природѣ является, по Дарвину, еще одинъ дѣятель въ дѣлѣ усовершенствованія органическаго міра. Этотъ дѣятель—такъ называемый Дарвиномъ *половой подборъ*. Половой подборъ есть собственно только частный видъ естественнаго подбора; существованіе его въ природѣ имѣетъ своею спеціальною цѣлію—подбирать у организмовъ такъ называемые вторичные половые признаки.

Такими признаками являются у самцовъ: органы чувства и движенія, дающіе самцу возможность догонять и находить са-

---

[1]) «О происхожденіи видовъ» перев. Съч. т. I, стр. 2, т. II, стр. 90—105, 274—275, 279—280, 284, 287, 298, 304, 306, 312, 322—324 и д. 345, 373—375, 379—384 и гл. XV—XIX и XXV; Данилевскій—ibid.

мокъ, органы для схватыванія и удержанія послѣднихъ; бóльшіе, сравнительно съ самками, ростъ, сила и драчливость самца, его оружія нападенія на соперниковъ и защиты отъ нихъ; его болѣе яркая окраска и другія украшенія, его способность производить музыкальные звуки, принимать любовныя позы, плясать любовныя пляски и т. под.

Какимъ же образомъ дѣйствуетъ половой подборъ?

Сохраненіе видовъ и другихъ коллективныхъ единицъ растительнаго и животнаго царства зависитъ отъ успѣшнаго размноженія ихъ отдѣльныхъ особей. Органами же размноженія (за исключеніемъ случаевъ размноженія почками, клубнями, отсадками, прививкой и—случаевъ партеногенезиса) служатъ половые элементы—мужской и женскій: особи мужского и женскаго пола извѣстнаго вида, для поддержанія своего вида, должны входить in coitum другъ съ другомъ. Теперь: если бы оба пола искали другъ друга, то лишь понапрасну тратили бы свои силы. Невыгоду такого обстоятельства предотвратилъ естественный подборъ, надѣливъ самца большею, сравнительно съ самкою, страстностію и этимъ поставилъ дѣло половыхъ отношеній такъ, что обыкновенно самцы ищутъ самокъ и ухаживаютъ за ними, а не наоборотъ. Поэтому-то, за немногими исключеніями, и измѣняются въ своихъ признакахъ лишь одни самцы. Но къ чему же самцамъ, въ дѣлѣ ихъ ухаживанія за самками, можетъ послужить ихъ измѣнчивость въ смыслѣ пріобрѣтенія ими болѣе и болѣе цѣлесообразныхъ оружій защиты и нападенія, болѣе и болѣе совершенныхъ по изяществу украшеній и т. под.?

Она служитъ имъ именно для болѣе успѣшнаго размноженія. Сравненіе данныхъ о количествѣ особей мужского и женскаго половъ въ различныхъ видахъ животнаго царства показываетъ, что мужской полъ въ большинствѣ случаевъ превосходитъ женскій по количеству принадлежащихъ къ нему особей. Кромѣ того, самцы множества видовъ—полигамы. Вслѣдствіе этихъ двухъ обстоятельствъ, естественно, возникаетъ у самцовъ недостатокъ въ самкахъ, а отсюда—сильная конкурренція между первыми на обладаніе тою или другую изъ послѣднихъ, часто вызывающая яростныя битвы между конкуррентами. Въ такихъ битвахъ по-

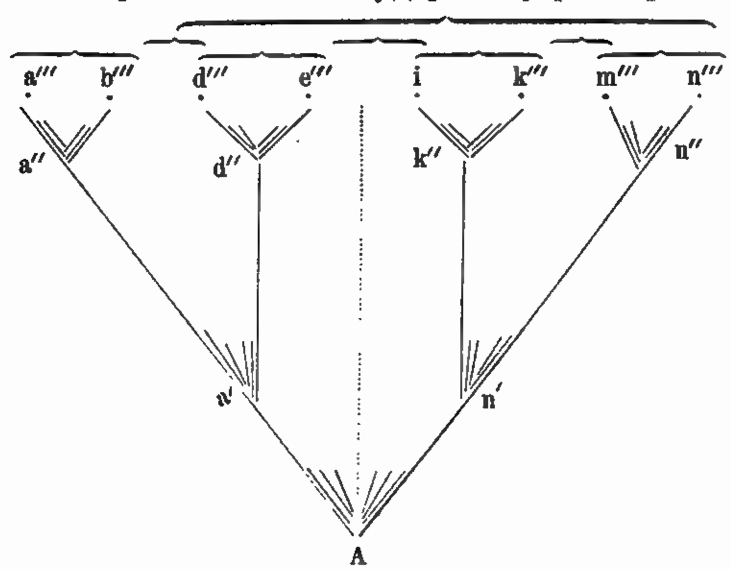
бѣдителемъ, а слѣдовательно и счастливымъ любовникомъ останется тотъ изъ самцовъ, который окажется драчливѣе и сильнѣе своихъ соперниковъ. И вотъ, половой подборъ и надѣляетъ самцовъ и качествами, и оружіями, необходимыми имъ въ ихъ битвахъ съ соперниками,—силой, драчливостію, рогами, клыками, гривой и т. под. Если же мы видимъ иногда, что и у самокъ бываютъ органы, служащіе самцамъ для боевъ, то они бываютъ у нихъ почти всегда въ зачаточномъ или не вполнѣ развитомъ состояніи. Если же эти органы развиваются у самокъ вполнѣ и даже—только у нихъ однихъ, то это значитъ, что самки сами стали, вслѣдствіе „извращенія инстинктовъ", ухаживать за самцами, а потому и пріобрѣли, путемъ полового подбора, особенности, необходимыя для счастливыхъ исканій любви послѣднихъ.

Но существуетъ громадное количество видовъ, гдѣ самцы не поставлены въ необходимость брать самокъ съ боя: такіе бои были бы безполезны, ибо въ этихъ видахъ выборъ производится не самцами, а самками, которыя выбираютъ не самыхъ *сильныхъ*, а самыхъ *красивыхъ самцовъ*; поэтому послѣдніе и не имѣютъ оружій для боя, а пріобрѣтаютъ различныя средства прельщать самокъ. Такъ, самцы прельщаютъ самокъ красотою своею оперенія, которое у нѣкоторыхъ видовъ, напр. у фазановъ и павлиновъ, бываетъ весьма изящно; инструментальною (напр. трещаніе у кузнечиковъ) и вокальною музыкою, любовными позами, танцами, различными ловкими эволюціями въ воздухѣ и др. [1]).

Ведя за собою, при посредствѣ естественнаго и полового подбора, опирающихся въ своей дѣятельности на законы наслѣдственности и измѣнчивости, совершенствованіе органическихъ формъ, борьба за существованіе ведетъ за собою еще два весьма важныхъ явленія, а именно—*вымираніе* органическихъ формъ и дивергенцію или *расхожденіе* ихъ характеровъ. Если вымираніе организмовъ и само по себѣ понятно,—при ведущейся ими борьбѣ за существованіе,—то расхожденіе характеровъ требуетъ разъясненія. Тотъ родъ борьбы за суще-

[1]) Дарвинъ „Происхожденіе человѣка" etc. т. II.

ствованіе, который называется конкурренціей или компетиціей, болѣе всего будетъ имѣть мѣсто среди сродныхъ организмовъ, потому что они занимаютъ одно и то же мѣсто въ природѣ, то есть, требуютъ для своего существованія однихъ и тѣхъ же условій—одной и той же пищи, почвы, области охоты и т. под. Если же такъ, то для такихъ организмовъ будетъ весьма выгодно—возможно менѣе походить другъ на друга, потому что, чѣмъ болѣе они станутъ отличаться одинъ отъ другого, то есть расходиться въ своихъ признакахъ, тѣмъ меньше будутъ сталкиваться ихъ интересы, тѣмъ меньше имъ будетъ помѣхи другъ въ другѣ къ размноженію и переживанію. А такъ какъ всякая выгодная особенность въ строеніи организмовъ подпадаетъ дѣйствію естественнаго подбора, то этотъ послѣдній будетъ, путемъ постепеннаго накопленія и сохраненія, содѣйствовать и такому расхожденію характеровъ. Чтобы читатель могъ себѣ яснѣе представить процессъ этого послѣдняго, мы изобразимъ его здѣсь чертежомъ—въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ чертежъ заимствованъ у Дарвина проф. Тимирязевымъ.



Здѣсь А есть видовая прародительская форма. Потомки ея „стали уклоняться отъ нея по нѣсколькимъ направленіямъ, обозначеннымъ на чертежѣ лучеобразно расходящимися чер-

тами. Въ силу начала расхожденія характеровъ, въ общей борьбѣ, которая завяжется между этими видоизмѣненными потомками А, наиболѣе шансовъ на сохраненіе будутъ имѣть формы, уклонившіяся по наиболѣе расходящимся направленіямъ, означеннымъ на чертежѣ крайними чертами. Онѣ, слѣдов. вскорѣ опередятъ и заглушатъ формы среднія и будутъ продолжать уклоняться все далѣе и далѣе. Но рано или поздно съ каждой изъ этихъ новыхъ формъ a′ и n′ повторится тотъ же процессъ, что и съ А: въ нихъ обнаружится расколъ, стремленіе образовать болѣе или менѣе рѣзкія уклоненія. Изъ этихъ уклоненій снова, предпочтительно предъ другими, сохранятся самыя крайнія. Такимъ образомъ двѣ формы a′ n′ дадутъ начало уже четыремъ a″, d″, k″, n″. Эти въ свою очередь снова раздробятся и дадутъ начало восьми формамъ". Но естественный подборъ не дѣйствуетъ иначе, какъ на пользу организма, слѣдов., каждый новый горизонтальный рядъ формъ будетъ совершеннѣе ряда, ему предшествовавшаго. Въ самомъ дѣлѣ, формы a′ n′ не могутъ быть менѣе совершенны, чѣмъ А, потому что при этомъ условіи онѣ не могли бы сложиться; онѣ не могутъ быть и равнаго съ ней достоинства, потому что всякая возникающая форма необходимо представлена меньшимъ числомъ недѣлимыхъ, чѣмъ форма типическая, а слѣдов. при равномъ съ нею достоинствѣ терпитъ большее истребленіе и не можетъ удержаться. Значитъ, самый фактъ существованія этихъ формъ уже есть доказательство, что онѣ имѣютъ какое-нибудь преимущество предъ А. Точно также формы a″, d″, k″, n″ должны быть совершеннѣе a′ и n′ и т. д. Но появленіе болѣе совершенной формы необходимо влечетъ за собой вымираніе ея менѣе совершенныхъ предковъ: появленіе a′ n′ будетъ сопровождаться вымираніемъ А и всѣхъ промежуточныхъ степеней между А и a′ и между А и n′. Въ свою очередь a′ и n′ будутъ истреблены слѣдующими за ними a″, d″, k″ и n″ и т. д. Но форма А связывала между собою a′ и n′, а эти послѣднія были въ свою очередь связующими звѣньями между a″, d″, k″ и n″. Слѣдов. самымъ процессомъ образованія новыхъ формъ порывается связывавшая ихъ цѣпь существъ. Разрывы, разъ образовавшіеся, съ теченіемъ времени разростаются болѣе и болѣе,

а между тѣмъ появляются еще новые разрывы. Такимъ образомъ въ итогѣ получаются послѣдовательные ряды разрозненныхъ формъ, лишенныхъ всякой между собою связи. Окончательнымъ результатомъ процесса, изображеннаго на нашемъ чертежѣ, является восемь рѣзко очерченныхъ формъ (означенныхъ точками a''' n'''), между которыми не сохранится и слѣда переходовъ" [1]).

Приведенный нами выше чертежъ расхожденія характеровъ напоминаетъ своимъ видомъ дерево. И дѣйствительно, Дарвинъ сравниваетъ развитіе органическаго міра съ развитіемъ дерева. „Зеленыя вѣтви съ ихъ почками можно сравнить съ нынѣ существующими видами; вѣтви же, произведенныя въ прежніе года, съ длиннымъ рядомъ видовъ вымершихъ. Въ каждый періодъ роста всѣ юные отпрыски пытались вѣтвиться во всѣ стороны и перерости и заглушить окружающіе отпрыски и вѣтви, точно такъ же, какъ виды и группы видовъ пытались пересилить другіе виды въ великой жизненной борьбѣ. Сучья, раздѣленные на большія вѣтви, расчленяющіеся на мелкія и мельчайшія вѣточки, сами нѣкогда, когда дерево было молодо, были мелкими отпрысками съ почками; и эта связь прежнихъ и современныхъ почекъ черезъ вѣтвящіеся сучья соотвѣтствуетъ классификаціи всѣхъ живыхъ и вымершихъ видовъ, группами, подчиненными одна другой. Изъ многихъ отпрысковъ, покрывавшихъ дерево, пока оно было еще кустомъ, всего два или три, разросшіеся въ большіе сучья, живы до сихъ поръ и несутъ на себѣ всѣ прочія вѣтви; такъ и изъ видовъ, жившихъ въ давно прошедшіе геологическіе періоды, весьма немногіе имѣютъ еще живыхъ, видоизмѣненныхъ потомковъ. Во время роста дерева многіе сучья отмерли и отпали; и эти погибшія вѣтви разныхъ размѣровъ могутъ представлять цѣлые отряды, семейства и роды, не имѣющіе нынѣ живущихъ представителей и извѣстные намъ лишь по ископаемымъ остаткамъ. Точно такъ же, какъ мы тамъ—и—сямъ видимъ тонкій и слабый сучекъ, выходящій изъ вилки, образуемой двумя могучими су-

---

[1]) „О происхожденіи видовъ" перев. Рач. гл. IV, проф. Тимирязева—ibid. гл. V, Данилевскій—ibid.

ками и случайно выжившій и дотянувшійся до вершины дерева, такъ мы иногда видимъ животное, каковъ орниторинхъ и лепидосиренъ, до нѣкоторой степени связывающее своимъ сродствомъ два обширныя развѣтвленія животнаго царства и, повидимому, спасенное отъ гибели защищеннымъ мѣстомъ жительства. Какъ почки, разросшись въ вѣтки, производятъ новыя почки, а эти, если они сильны, вѣтвятся и заглушаютъ многія болѣе слабыя вѣтки, такъ, полагаю я, было и съ великимъ деревомъ жизни, наполняющимъ своими мертвыми, изломанными сучьями земную кору и покрывающими ея поверхность своими пышными вѣчно разростающимися вѣтвями"[1]).

Вотъ тотъ біологическій процессъ, путемъ котораго, по мнѣнію Дарвина, изъ жалкой асцидіи развились всѣ другія, такъ поразительно разнообразныя и совершенныя, формы органическаго міра, со включеніемъ и совершеннѣйшей изъ нихъ—человѣка.

Н. Румянцевъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) „О происхожденіи видовъ", перев. Рач. стр. 102—103.

Преданіе о перепискѣ философа Сенеки съ апостоломъ Павломъ.

Существуетъ преданіе, что философъ Сенека находился въ перепискѣ съ ап. Павломъ, и даже въ наши дни наука знаетъ сборникъ писемъ съ именами апостола язычниковъ и философа—стоика. Вопросъ о такихъ близкихъ сношеніяхъ Сенеки и ап. Павла можетъ имѣть двойной интересъ—историко-философскій и церковно-историческій. Если это преданіе возникло на основѣ дѣйствительныхъ историческихъ сношеній философа съ апостоломъ, то оно должно привлечь къ себѣ вниманіе историка философіи,—разумѣется въ предположеніи, что эти сношенія могли отразиться (и дѣйствительно отразились) на философіи Сенеки, т. е., что послѣдняя развилась подъ вліяніемъ христіанства.—Если же въ основаніи этого преданія не лежатъ какія нибудь историческія сношенія Сенеки и ап. Павла, если его появленіе было искусственно вызвано тѣми или другими условіями жизни христіанской Церкви и интересами христіанскаго общества, то оно важно для церковнаго историка, какъ характерное явленіе церковной жизни. Мы рѣшительно склоняемся въ пользу отрицательнаго отвѣта на вопросъ о дѣйствительности историческихъ сношеній ап. Павла и Сенеки; поэтому наша задача состоитъ въ томъ, чтобы указать тѣ интересы и условія церковной жизни, въ связи съ которыми появилось преданіе о данной перепискѣ, мы отвѣтимъ собственно на вопросъ, какимъ образомъ *возникло* въ церкви преданіе о томъ, что Сенека былъ знакомъ и даже находился въ перепискѣ съ апостоломъ Павломъ.

Но ставя такъ вопросъ, мы должны все таки начать съ разбора историческихъ отношеній ап. Павла и Сенеки, такъ какъ однимъ изъ возможныхъ рѣшеній вопроса можетъ быть указаніе на эти отношенія, какъ на фактическое основаніе преданія.

Историческія отношенія ап. Павла и Сенеки съ особою тщательностью и подробностью разсмотрѣны Флёри и Крейгеромъ и разсмотрѣны съ ясно выраженною тенденціею доказать дѣйствительность сношеній ап. Павла и Сенеки въ размѣрахъ, объясняющихъ происхожденіе подлинной переписки. Но результаты изслѣдованій Флёри и Крейгера, при всей ихъ тенденціозности, въ глазахъ безпристрастной критики ни мало не подтверждаютъ дѣйствительности такихъ сношеній апостола и философа, какія предполагались бы фактомъ переписки.

Флёри изслѣдованіе историческихъ данныхъ о такъ назыв. „христіанствѣ Сенеки" начинаетъ съ „coup d'oeil rétrospectif sur les occasions, qui s'offrirent à lui de connaître le vrai Dieu, avant d'avoir rencontré saint Paul" [1]) и именно съ предполагаемаго путешествія Сенеки въ Іудею (о которомъ рѣшительно нѣтъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ). Затѣмъ онъ указываетъ на пребываніе Сенеки въ Египтѣ, гдѣ философъ *могъ* близко познакомиться съ іудейскою религіей: все это, по мнѣнію французскаго ученаго, могло предрасположить Сенеку къ принятію христіанскихъ истинъ. На основаніи этихъ своихъ предположеній Флёри рѣшаетъ, что Сенека задолго до встрѣчи съ ап. Павломъ былъ приготовленъ къ принятію христіанства. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о томъ, что Сенека, въ бытность свою въ Египтѣ, близко познакомился съ іудеями и даже возъимѣлъ расположеніе къ ихъ религіи,—наоборотъ, извѣстны только презрительные отзывы философа—стоика объ іудеяхъ.—Далѣе Флёри указываетъ на извѣстный изъ Дѣян. Ап. (XVIII, 12 и д.) судъ ап. Павла съ іудеями у проконсула Ахаіи, Галліона, старшаго брата Сенеки. Изъ разсказа книги Дѣян. Ап. видно только, что проконсулъ отказался рѣшить дѣло ап. Павла съ іудеями лишь по нежеланію быть судьею въ „спорѣ объ ученіи, и объ именахъ,

[1]) Fleury. Saint Paul et Sénèque. Paris 1853. t. 2, p. 69.

и о законѣ" іудейскомъ (XVIII, 15); но Флёри отсюда заключаетъ, что Галліонъ поступилъ такъ съ заднею мыслью: онъ, будто, уже заранѣе былъ расположенъ къ Павлу. А вѣдь Галліонъ, продолжаетъ фантазировать Флёри, находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ братомъ своимъ, Сенекой: *могъ* ли поэтому проконсулъ не сообщить брату-философу о всемъ, что видѣлъ и слышалъ о знаменитомъ апостолѣ. И вотъ случай, по которому Сенека, еще не видя апостола, уже зналъ его и былъ, конечно, благорасположенъ къ нему. Между тѣмъ для всякаго, разсуждающаго строго исторически, рѣшающее значеніе имѣетъ положительное свидѣтельство, что Галліонъ хвалился тѣмъ, что не зналъ о существованіи ап. Павла [1]).— Ап. Павелъ,—продолжаетъ слѣдить за его жизнью Флёри,—наконецъ въ Римѣ и ожидаетъ суда надъ собою. Первымъ министромъ при дворѣ императора былъ Сенека, братъ Галліона. Враги ап. Павла, іудеи, имѣли сильную партію при дворѣ. *Естественно* было и апостолу подъискать себѣ подобную же опору. Выборъ его, *конечно*, долженъ былъ пасть на Сенеку. Притомъ же апостолъ, по прибытіи въ Римъ, былъ порученъ надзору префекта преторіи, мѣсто котораго тогда занималъ не кто иной, какъ Бурръ, другъ Сенеки: *могъ* ли префектъ не увѣдомить послѣдняго о такомъ важномъ узникѣ? Мало того, Министръ долженъ былъ заранѣе освѣдомиться касательно того религіознаго вопроса, который вскорѣ имѣлъ быть поставленъ предъ судилищемъ императора. По всему этому, между министромъ и узникомъ *могли* завязаться самыя тѣсныя, интимныя отношенія. Какъ на свидѣтельство самого ап. Павла о подобныхъ отношеніяхъ, Флёри указываетъ на Посл. къ Фил. IV, 22, гдѣ апостолъ говоритъ о христіанахъ изъ „кесарева дома", среди которыхъ *можно* разумѣть и Сенеку. Между тѣмъ, въ это время, продолжаетъ Флёри, въ жизни министра совершается замѣтная перемѣна: онъ удаляется отъ двора, отказывается отъ веселой придворной жизни, живетъ въ уединеніи, однимъ словомъ, становится истиннымъ ученикомъ ап. Павла и даже совершаетъ предъ смертью обрядъ омовенія въ честь Юпитера—Освободителя, въ чемъ

[1]) См. напр. Фаррара: Жизнь и труды св. ап. Павла (въ пер. Матвѣева) т. 2, стр. 231.

Флёри видитъ совершеніе таинства крещенія и т. д.—На самомъ же дѣлѣ удаленіе Сенеки отъ двора и его подвижничество за послѣдніе годы не противорѣчатъ характеру всей жизни Сенеки, который еще въ своей юности, подъ вліяніемъ ученія пиѳагорейской школы, готовъ былъ проводить жизнь аскета (отъ чего его отклонилъ только отецъ его), и вполнѣ объясняются непрерывною отъ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости склонностью Сенеки къ философскимъ занятіямъ, а равно и измѣнившимися въ послѣднее время условіями его придворной жизни, омраченной крайнимъ развитіемъ деспотическихъ наклонностей императора и его замѣтнымъ нерасположеніемъ къ своему министру. Такимъ образомъ, удаленіе отъ государственной дѣятельности, когда не было надежды принести ею какую нибудь общественную пользу, вполнѣ согласовалось съ стоическими убѣжденіями Сенеки, а удаленіе съ глазъ императора было единственнымъ средствомъ избѣжать возможныхъ и даже всегда ожидавшихся со стороны „развратнаго и жестокосердаго“ деспота оскорбленій и мученій. „Каждый, говоритъ философъ о своемъ времени, постоянно долженъ имѣть въ виду мечъ, огонь, цѣпи и стаи звѣрей... темницу, кресты, пытки и крюкъ... колесницы, посредствомъ которыхъ, направляя ихъ въ разныя стороны, разрываютъ члены,—тунику, пропитанную и сотканную изъ того, что питаетъ огонь, и многія другія, кромѣ этихъ, выдумки жестокостей“ [1]).—Что же касается обряда омовенія въ честь Юпитера—Освободителя, то этотъ обрядъ имѣлъ мѣсто еще въ греческихъ мистеріяхъ. Самъ Сенека ни разу не объявилъ себя христіаниномъ, а впечатлѣніе отъ чтенія его многочисленныхъ сочиненій таково, что можно еще сомнѣваться, зналъ ли онъ что либо болѣе одного только имени „христіанинъ“. Равнымъ образомъ, и враги его, для которыхъ его мнимое христіанство было бы лучшимъ предлогомъ обвинить его, ничего не знали о его христіанствѣ. Странно называть такое молчаніе Сенеки краснорѣчивымъ (т. е. въ смыслѣ его преднамѣренности); также странно предполагать, что сношенія министра съ узникомъ могли быть покрыты такимъ мра-

[1]) Ep. 14.

комъ таинственности, что о нихъ никто не подозрѣвалъ.— Такимъ образомъ, при чтеніи указаннаго отдѣла обширнаго сочиненія Флёри постоянно встрѣчаешь: — „можетъ быть"... „можно предполагать", „вѣроятно", „не неестественно" и т. д.; кратко сказать—у него всюду однѣ догадки [1]) и ничего болѣе. Удивляешься учености и трудолюбію автора обширнаго труда, но еще болѣе удивляешься тому, что въ основѣ такого труда лежитъ самая грубая тенденціозность.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ тѣми данными, которыя сверхъ приведенныхъ у Флёри указываетъ Крейгеръ [2]). На вопросъ: „есть ли факты, на основаніи которыхъ можно было бы заключить о сочувственномъ отношеніи нашего философа къ христіанству"? Крейгеръ указываетъ на упоминаемыя Тацитомъ два процесса, гдѣ дѣло Помпоніи Грецины, по всей вѣроятности христіанки, имѣло благопріятный для нея исходъ, можетъ быть, не безъ вліянія и содѣйствія Сенеки. Затѣмъ Крейгеръ упоминаетъ о знаменитомъ римскомъ пожарѣ въ 64 г., вслѣдъ за которымъ начались преслѣдованія христіанъ. Какъ Сенека относился къ христіанскимъ мученикамъ, объ этомъ исторія не сохранила никакихъ свѣдѣній. Но Крейгеръ находитъ возможнымъ и въ данномъ случаѣ извлечь нѣчто въ пользу своего общаго положенія о христіанствѣ Сенеки: въ сочиненіяхъ философа есть нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ говорится о мученіяхъ (по поводу разсужденій—вполнѣ свойственныхъ стоику—о терпѣливомъ перенесеніи внѣшнихъ страданій), а въ одномъ изъ своихъ писемъ (24) Сенека говоритъ о томъ, что двое изъ его рабовъ презрѣли смерть. Крейгеръ сопоставляетъ съ словами этого письма привѣтствія ап. Павла въ послан. къ Римл., XVI, 10 и 11, гдѣ упоминаются христіане изъ рабовъ, и болѣе, чѣмъ смѣло, дѣлаетъ выводъ, что Сенека говоритъ о мученіяхъ христіанъ, а рабы его, мужество которыхъ онъ хвалитъ, были христіане, слѣд., и самъ Сенека, хвалившій мужество рабовъ—христіанъ, былъ по меньшей мѣрѣ благорасположенъ къ христіанству.—Наконецъ Крейгеръ

---

[1]) t. ɣ. p. 84.

[2]) Kreyher Annaeus Seneca und seine Beziehungen zum Urchristenthum Berlin. 1887.

говоритъ о какомъ—то, когда—то и кѣмъ—то открытомъ надгробномъ памятникѣ, на которомъ значится такая подпись: Д. М. (diis manibus) M. Anneo. Paulo. Petro. M. Anneus—Paulus. Filio. carissimo.—Такъ какъ въ этой надписи находятся рядомъ имена, Аннея, Павла и Петра, то она и указываетъ, по мнѣнію Крейгера, на близкія отношенія Сенеки къ ап. Павлу [1]).

Крейгеръ идетъ еще далѣе. Такъ, напр., извѣстное мѣсто изъ 2 посл. къ Θесс. (II, 1—13), гдѣ рѣчь идетъ объ антихристѣ и объ *ὁ κατέχων* (держай), Крейгеръ находитъ возможнымъ понять только въ томъ смыслѣ, если подъ антихристомъ разумѣть Нерона, а подъ *ὁ κατέχων*—Сенеку, а въ такомъ случаѣ это мѣсто должно указывать на извѣстныя отношенія ап. Павла къ Сенекѣ и т. д. Всѣ подобныя разсужденія Крейгера настолько же остроумны, насколько и не основательны.

Итакъ, извѣстныя намъ историческія данныя не представляютъ рѣшительно ни одного положительнаго указанія на тѣ дѣйствительныя сношенія философа съ апостоломъ, какія предполагаются фактомъ переписи, и не даютъ основанія усмотрѣть причину возникновенія въ церкви преданія объ этомъ предметѣ.

Поэтому, для рѣшенія вопроса о возникновеніи преданія, о которомъ у насъ рѣчь, мы должны обратиться къ позднѣйшему, т. е. послѣапостольскому, періоду церковной исторіи, начиная съ того ея момента, когда церковь уже знаетъ Сенеку,—мы должны прослѣдить христіанское преданіе о Сенекѣ и въ исторіи самаго преданія поискать слѣдовъ, которые могли бы привести насъ къ началу его возникновенія.

Прежде всего нужно отмѣтить тотъ фактъ, что христіанское преданіе помнитъ Сенеку лишь съ того времени, какъ среди христіанъ стали распространяться его сочиненія: оно знаетъ мысли Сенеки и отношеніе его философіи къ христіанскимъ

---

[1]) Впрочемъ, эта надпись изъ всѣхъ доказательствъ, приведенныхъ Крейгеромъ въ подтвержденіе дѣйствительности сношеній ап. Павла и Сенеки, заслуживаетъ большаго вниманія. Но и она, въ лучшемъ случаѣ, можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что преданіе о знакомствѣ Сенеки и ап. Павла уже существовало въ концѣ 2 или въ началѣ 3 в. и почиталось потомками, принадлежавшими къ gens Annaea.—См. Westerburg, Der Ursprung der Sage, dass Seneca Christ gewesen sei. Berlin 1881. S. 3, подстр. прим. 3.

идеямъ прежде, чѣмъ знаетъ личность Сенеки,—прежде, чѣмъ знаетъ его историческія отношенія къ христіанству. Сочиненія Сенеки пользовались у христіанъ большимъ уваженіемъ [1]); но, разумѣется, это уваженіе среди христіанъ они могли пріобрѣсть не ранѣе того, какъ христіанство стали принимать ученые язычники и сами христіане сознали потребность въ научномъ образованіи. Самая же любовь и уваженіе христіанъ къ сочиненіямъ языческаго философа объясняются сходствомъ его нѣкоторыхъ мыслей съ тѣми или другими мѣстами св. писанія. Первый отмѣтилъ это сходство ученія языческаго философа съ христіанскимъ ученіемъ Тертулліанъ. Отзываясь о Сенекѣ, какъ о философѣ, съ почтеніемъ (которое особенно замѣчательно въ виду его неблагосклоннаго отношенія вообще къ языческой философіи) и цитируя его, онъ прибавляетъ замѣчаніе: (Сенека), „который часто нашъ" (saepe noster) [2]). Тертулліанъ ничего не знаетъ о христіанствѣ Сенеки, онъ знаетъ только его мысли; замѣчаніе saepe noster употребляется имъ, очевидно, въ томъ же смыслѣ, какъ и замѣчаніе, встрѣчающееся позднѣе у Іеронима: stoici nostro dogmati in plerisque concordant)—(стоики въ весьма многомъ согласуются съ нашимъ ученіемъ) [3]). Что сначала именно такъ смотрѣли на Сенеку, что этотъ философъ нашелъ доступъ въ христіанское общество благодаря своимъ сочиненіямъ, что его—язычника—высокія мысли прежде всего привлекли къ себѣ вниманіе христіанъ,—объ этомъ съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ Лактанцій въ своемъ сочиненіи Institutiones. „Анней Сенека, говоритъ онъ,—который былъ самымъ проницательнымъ стоикомъ изъ римлянъ, весьма часто воздавалъ заслуженную хвалу величайшему Богу... какъ много и другаго, сходнаго съ нашими понятіями, высказалъ онъ о Богѣ". Но воздавая справедливость воззрѣніямъ философа и даже признавая за ними большое сходство съ христіанскими понятіями, Лактанцій въ то же время далекъ отъ того, чтобы видѣть въ Сенекѣ христіанина и даже хотя бы только предполагать его личное знакомство съ христіанствомъ: „Се-

[1]) См. слова Газе у Крейгера s. 160.

[2]) De anima cap. XX.

[3]) In. Es. XI.

нека могъ быть чтителемъ истиннаго Бога, если бы ему кто нибудь указалъ на Него; и навѣрное Сенека сталъ бы относиться съ презрѣніемъ къ Зенону и своему учителю Соціону, если бы онъ пріобрѣлъ руководителя къ истинной мудрости“ [1]). Чѣмъ возвышеннѣе, по мнѣнію Лактанція, воззрѣнія Сенеки, тѣмъ невѣроятнѣе его знакомство съ христіанствомъ.

Такъ въ христіанскомъ обществѣ сначала утверждается мысль о близости воззрѣній языческаго философа съ христіанскими идеями. Чѣмъ же объясняли себѣ христіане эту близость? Мы не имѣемъ на этотъ вопросъ отвѣта, который относился бы къ разсматриваемому нами періоду; но позднѣе встрѣчается свидѣтельство о томъ, что среди христіанъ было распространено мнѣніе о личномъ знакомствѣ Сенеки съ ап. Павломъ. Іеронимъ въ своемъ сочиненіи de viris illustribus [2]) пишетъ: „Анней Сенека, родомъ изъ Кордовы, ученикъ стоика Соціона и дядя поэта Лукана, проводилъ въ высшей степени воздержную жизнь; я не помѣстилъ бы его въ спискѣ святыхъ мужей, если бы къ этому не побуждали меня письма Павла къ Сенекѣ и Сенеки къ Павлу, которыя читаются очень многими. Въ этихъ письмахъ Сенека, не смотря на то, что онъ былъ учителемъ Нерона и очень вліятельнымъ лицемъ того времени, говоритъ, что онъ желалъ бы имѣть такое значеніе у своихъ, какое Павелъ имѣетъ у христіанъ“.—Приблизительно къ этому же времени относится другое свидѣтельство о знакомствѣ и перепискѣ Павла и Сенеки. Въ такъ называемыхъ актахъ псевдо-Лина [3]), въ отдѣлѣ о пребываніи ап. Павла въ Римѣ, говорится между прочимъ: „къ нему (т. е. ап. Павлу) притекали изъ дома Кесарева такія лица, которыя увѣровали въ Господа Іисуса, почему ежедневно умножалась великая радость христіанъ. Но также и воспитатель императора связанъ былъ дружбою съ Павломъ, такъ какъ онъ видѣлъ въ апостолѣ божественное вѣдѣніе. Этотъ воспитатель едва могъ обходиться безъ общенія съ нимъ, такъ что, если онъ не могъ бесѣдовать съ апостоломъ съ глазу на

[1]) Instit. divin. I, 5; II, 9; V, 9.

[2]) C. XII.

[3]) Lini episcopi de passione Petri (et Pauli) tradita ecclesiis orientalium et deinde in latinum conversa in Bibl. max. Lugd. t. 2, 67—73.

глазъ, то писалъ ему многочисленныя письма и самъ получалъ отъ него, выражая этимъ свою дружбу и ища его совѣтовъ. И ученіе его (Павла) съ помощью Духа Св. распространялось и было цѣнимо, такъ что онъ уже имѣлъ позволеніе преподавать свое ученіе и отъ многихъ онъ былъ выслушиваемъ съ охотою. Онъ диспутировалъ также съ языческими философами и опровергалъ ихъ, почему очень многіе признали себя побѣжденными его ученіемъ и нѣкій учитель императора читалъ ему его сочиненія и считалъ его во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ достойнымъ удивленія". Подъ institutor и magister, очевидно, разумѣется Сенека. Упомянутыя въ приведенныхъ свидѣтельствахъ письма Павла и Сенеки сохранялись до времени бл. Августина, а равно удерживалось и мнѣніе объ ихъ историческихъ сношеніяхъ. „Справедливо говоритъ Сенека,—пишетъ бл. Августинъ [1]),—который жилъ во времена апостольскія и отъ котораго дошли до насъ письма, писанныя имъ къ ап. Павлу: „тотъ всѣхъ ненавидитъ, кто ненавидитъ худыхъ". Августинъ зналъ и о близости мыслей Сенеки къ христіанскимъ идеямъ, онъ даже поставилъ себѣ вопросъ и о причинѣ этой близости. Какъ же, поставивъ такой вопросъ, онъ пользуется преданіемъ о личномъ знакомствѣ Сенеки съ Павломъ? „Свобода,—пишетъ бл. Августинъ,—отличила въ извѣстной степени, хотя и не вполнѣ, Эннея Сенеку, который, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, процвѣталъ во время нашихъ апостоловъ. Отличался онъ этою свободою въ сочиненіяхъ, не отличался въ жизни: — самъ же онъ, котораго *философія сдѣлала* какъ бы *мыслителемъ свободнымъ*,—почиталъ (въ жизни) то, что порицалъ (въ сочиненіяхъ)" [2]). Такимъ образомъ бл. Августинъ высокія, „христіанскія" мысли въ сочиненіяхъ Сенеки относилъ не на счетъ его знакомства съ проповѣдникомъ христіанства, а на счетъ философіи.—Послѣ Августина письма Сенеки и Павла прекратили свое существованіе и о личномъ знакомствѣ ихъ авторовъ вплоть до IX в. нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ. Свидѣтельства же этого позднѣйшаго времени пользуются уже извѣстными намъ источниками, выписывая Іеронима, или псевдо-Лина, или

---

[1]) Ep. ad Macedonium.

[2]) De civit. Dei lib. VI, c. 10.

комбинируя того и другаго, или цитируя бл. Августина. Къ этому же времени относится происхожденіе той фальсификаціи писемъ, которая сохранилась до нашихъ дней. Содержаніе 14 писемъ этой редакціи слѣдующее. Первое письмо отъ Сенеки къ Павлу. Философъ сообщаетъ апостолу о бесѣдѣ по поводу писаній Павла, какую вели Сенека и Луцилій съ нѣкоторыми учениками Павла. „При чтеніи твоей книги, т. е. нѣкоторыхъ изъ твоихъ посланій, написанныхъ тобою для извѣстной общины или извѣстнаго главнаго города провинціи и заключающихъ въ себѣ удивительныя увѣщанія къ провожденію нравственной жизни, мы почувствовали себя укрѣпленными. Эти мысли переданы чрезъ тебя, но онѣ не отъ тебя, хотя нѣкоторыя изъ нихъ должны быть всецѣло приписаны тебѣ. Въ этихъ мысляхъ столько величія и достоинства, что едва ли можно думать, чтобы поколѣнія, которыя должны быть въ нихъ воспитаны и сообразно съ ними усовершенствоваться, будутъ соотвѣтствовать имъ"...—Въ отвѣтномъ (2) письмѣ Павелъ, привѣтствуя Сенеку и выражая удовольствіе отъ полученнаго письма, извиняется въ томъ, что онъ не тотъ же часъ отвѣтилъ, хотя это объясняется не небрежностью его, а отсутствіемъ человѣка, съ которымъ можно было бы послать письмо, а затѣмъ выражаетъ свое удовольствіе отъ уваженія, которое заслужилъ во мнѣніи Сенеки. „Ты пишешь, что посланія мои хорошо приняты вами при извѣстномъ случаѣ. Я чувствую себя счастливымъ, что заслужилъ уваженіе такого человѣка, какъ ты. Ты не произнесъ бы своего сужденія, ты—строгій цензоръ, философъ, наставникъ такого великаго принца и даже всѣхъ, если бы не заставила тебя говорить сама истина". Въ слѣдующемъ (3) письмѣ Сенека говоритъ о своемъ намѣреніи прочитать императору свои сочиненія и о желани, чтобы Павелъ или присутствовалъ при этомъ чтеніи, или заранѣе разсмотрѣлъ труды философа. „Если на нашу долю выпадетъ счастье, что императоръ согласится выслушать меня, то, быть можетъ, и ты пожелаешь присутствовать при этомъ чтеніи. Въ противномъ случаѣ я назначаю день, когда мы вмѣстѣ разсмотримъ этотъ мой трудъ. Возможно, что я даже не покажу императору этого сочиненія прежде сношеній съ тобою, допуская, что

это можно сдѣлать безнаказанно. Ты видишь, что я не могу обойтись безъ тебя".—На эту любезность философа апостолъ отвѣчаетъ (4) подобною же любезностью: онъ желалъ бы постоянно видѣть Сенеку. „Каждый разъ, какъ я получаю отъ тебя письма, я чувствую желаніе твоего присутствія, ни о чемъ я такъ не забочусь, какъ о томъ, чтобы ты всегда былъ со мною".—Въ слѣдующемъ (5) письмѣ философъ выражаетъ свою печаль по поводу продолжительнаго удаленія апостола и недоумѣваетъ о его причинахъ. „Что съ тобой? что удерживаетъ тебя?" Если этою причиною служитъ неблаговоленіе императрицы за то, что Павелъ отказался отъ древняго культа и другихъ склоняетъ къ тому же, то слѣдуетъ ей разъяснить, что сдѣлано это по разуму, а не по легкомыслію.—Павелъ (6) отказывается разъяснить это недоумѣніе въ письмѣ и высказываетъ свою покорность обстоятельствамъ. „Предметъ, котораго ты касаешься въ своемъ письмѣ, не можетъ быть довѣренъ ни перу, ни черниламъ... Я такого мнѣнія въ особенности потому, что мы взаимно понимаемъ другъ друга. Нужно показывать себя послушными всѣмъ и это тѣмъ болѣе, когда мы имѣемъ дѣло съ людьми, кои склонны къ гнѣву"... Слѣдующее (7) письмо пишетъ Сенека Павлу и Ѳеофилу. Онъ тронутъ чтеніемъ посланій Павла къ Галатамъ, Коринѳянамъ и Ахейцамъ и желаетъ жить въ страхѣ Божіемъ сообразно съ этими посланіями. Ему хотѣлось бы, чтобы возвышеннымъ мыслямъ, высказываемымъ отъ Св. Духа чрезъ ап. Павла, соотвѣтствовали и качества языка. Мыслями апостола изумленъ императоръ: „послѣ того, какъ онъ прочелъ о томъ, какъ началось твое призваніе къ добродѣтели, онъ воскликнулъ, что онъ изумленъ, какъ человѣкъ безъ надлежащаго образованія можетъ выражать подобныя мысли". Сенека отвѣчалъ ему, что богамъ угодно бываетъ открывать себя устами людей простыхъ, а не устами тѣхъ, кто злоупотребляетъ своимъ знаніемъ,—и въ примѣръ сослался на поселянина Вацинія, которому на полѣ Реатинскомъ явились два мужа, которые признаны были потомъ за Кастора и Поллукса. Императоръ повидимому очень наставленъ (въ новомъ ученіи).—По слѣдующему (8) письму, Павелъ, не знавшій прежде, что императоръ въ числѣ его привержен-

цевъ, думаетъ, что его приверженность можетъ причинить ему со временемъ затрудненіе. „Позволяю себѣ, обращается онъ къ Сенекѣ, высказать не упрекъ тебѣ, а свое мнѣніе. Я думаю, что ты очень ошибся, доводя до свѣдѣнія императора идеи, столь противныя его обычаямъ и воспитанію. Какъ ты могъ подумать въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ, почитающій языческихъ боговъ, можетъ понять тебя? Я не сказалъ бы этого, если бы я не любилъ тебя такъ сильно. Я прошу тебя не предпринимать этого дѣла въ другой разъ". Сенека также долженъ, по любви къ апостолу, бояться нанести оскорбленіе императрицѣ. Если императоръ будетъ упорствовать въ своей вѣрѣ, то оскорбленіе, нанесенное ей, не остановитъ его, а если онъ склонится на сторону Павла и Сенеки, то это не принесетъ имъ пользы. Что же касается до нея, то если она и не будетъ гнѣваться, какъ царица, однако будетъ оскорблена, какъ женщина.—Сенека (9) понимаетъ, что нежеланіе Павла, чтобы его письма были сообщаемы императору, является у него менѣе всего въ личныхъ видахъ, „а болѣе на основаніи природы самой вещи, поскольку тебѣ извѣстно, что умы людей отвращаются отъ надлежащаго поведенія и самыхъ справедливыхъ чувствованій. Я не удивляюсь болѣе этому, послѣ того какъ опытъ научилъ меня". Сенека проситъ прощенія, если что сдѣлалъ не такъ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ онъ посылаетъ Павлу книгу: de copia verborum.—Павелъ (10), помѣщая въ своихъ письмахъ къ Сенекѣ свое имя прежде имени Сенеки [1]), поступаетъ несообразно съ правилами своей религіи. Послѣдуя правиламъ, которыя я не разъ высказывалъ, я долженъ всѣмъ быть для всѣхъ и соблюдать въ отношеніи къ твоему лицу уваженіе, предписываемое римскимъ закономъ въ отношеніи къ сенаторамъ, а этотъ законъ требуетъ, чтобы пишущій къ нимъ занималъ мѣсто (т. е. подписывался) въ концѣ письма. Что касается меня, я далекъ отъ мысли причинить тебѣ оскорбленіе и не думаю забывать о твоемъ достоинствѣ. Прощай, дражайшій учитель. Дано въ пятый день іюльскихъ календъ, въ консульство Нерона въ четвертый разъ и

[1]) Разумѣется привѣтственная формула письма: „Павелъ привѣтствуетъ Сенеку".

Мессалы".—Отвѣтное письмо (11) Сенеки стоитъ того, чтобы привести его буквально. „Если бы, пишетъ Сенека Павлу, ты захотѣлъ быть въ самой тѣсной связи съ моимъ лицомъ и моимъ именемъ, ты—человѣкъ возвышенный и избранный во всѣхъ отношеніяхъ, — скажу болѣе, если бы ты захотѣлъ не только быть соединеннымъ со мною во всѣхъ отношеніяхъ, но если бы ты захотѣлъ сдѣлаться однимъ лицемъ со мною, и тогда твой Сенека встрѣтилъ бы это съ удовольствіемъ. Пусть ты вершина и глава всѣхъ народовъ, но неужели ты не позволилъ бы мнѣ слиться съ тобою во едино и чувствовать себя настолько близкимъ къ тебѣ, чтобы я могъ считаться за второе *ты*. Нѣтъ, я не считаю тебя недостойнымъ стоять во главѣ нашей переписки, если только ты не думаешь шутить со мною, потому что вѣдь и ты римскій гражданинъ. Я хочу, чтобы мѣсто, которое занимаю я, было твоимъ, и которое занимаешь ты было моимъ. Прощай, мой дражайшій Павелъ. Дано въ десятый день апрѣльскихъ календъ, въ консульство Апроніана и Капитона".— Слѣдующее письмо (12) снова пишетъ Сенека, по поводу обвиненій невинныхъ христіанъ, гоненій, воздвигнутыхъ на нихъ, и пожара въ Римѣ. „Неужели ты думаешь, пишетъ онъ, что я не опечаленъ, видя, что ваша невинность присуждается къ наказанію, когда васъ считаютъ людьми злыми, подлежащими суду, когда народъ приписываетъ вамъ все зло, случившееся въ столицѣ?" Тѣмъ не менѣе нужно переносить съ терпѣніемъ свой жребій и утѣшаться тою мыслью, что для каждаго времени и поколѣнія есть свой тиранъ. Тираны въ другихъ мѣстахъ, а равно и въ Римѣ позволяли себѣ, что хотѣли. „Пожары, которымъ часто подвергается Римъ, доказываютъ это. Если бы человѣческая немощь могла открывать причины и безнаказанно проникать въ сокрытое отъ насъ, то всѣ тотчасъ узнали бы истину. Христіанъ и іудеевъ привлекаютъ къ наказанію, какъ виновниковъ пожара, но тиранъ [1]), назначенный для своего времени, этотъ ночной разбойникъ, удовольствіе котораго состоитъ въ томъ, чтобы быть палачемъ, и одеждой котораго служитъ ложь, понесетъ за всѣхъ наказаніе и будетъ горѣть въ адскомъ огнѣ, подобно тому, какъ нѣкій

[1]) Разумѣется Неронъ.

наилучшій предалъ единую главу за многихъ. Сто тридцать два дома, четыре квартала (insulae) сгорѣло въ продолженіе шести дней, огонь потухъ только на седьмой день. Желаю тебѣ здоровья, братъ. Дано въ пятый день апрѣльскихъ календъ, въ консульство Фруги и Басса".—И слѣдующее (13) письмо пишетъ Сенека. Признавая, что аллегоризмъ и загадочныя мысли, которыми отличаются многія сочиненія Павла, придаютъ силу тѣмъ предметамъ, о которыхъ онъ говоритъ, Сенека однако выражаетъ желаніе, чтобы рѣчь его (Павла) была усовершена. „Не премини обратить вниманіе на то, что я уже не разъ говорю, именно, то правда, что большая часть лицъ, желающихъ блистать изложеніемъ, достигаютъ этого съ потерею для достоинства мысли, на счетъ впечатлѣнія отъ предмета рѣчи, однако я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ уступку, усвоилъ правила болѣе изящной латыни: это для того, чтобы у тебя все было достойно принятой на себя благородной задачи". Дано наканунѣ іюльскихъ нонъ, въ консульство Льва и Сабина.—Послѣднее письмо (14) пишетъ ап. Павелъ. Онъ хвалитъ Сенеку за твердость въ христіанскомъ совершенствованіи, затѣмъ побуждаетъ его вложить пріобрѣтенную имъ премудрость въ сердце земного царя. „Если разсмотришь то, что открыто тебѣ, то увидишь, что божество развѣ немногимъ открыло тоже. Я увѣренъ, что я сѣю на полѣ плодоносномъ это плодоноснѣйшее сѣмя, сѣмя не вещественное, ибо вещественное подлежитъ тлѣнію,—непреложное слово, происходящее отъ Бога, возрастающее и пребывающее вѣчно. Разумѣніе, пріобрѣтенное тобою, не имѣетъ недостатка. Удаляйся и обычаевъ языческихъ и іудейскихъ. Ты сдѣлаешься совсѣмъ новымъ писателемъ, будешь употреблять принадлежащее тебѣ совершенство языка для хвалы Іисуса Христа. Премудрость, которой ты почти достигъ, вложи въ сердце земного царя, его придворныхъ и его вѣрныхъ друзей. Правда, не легко убѣдить ихъ и заставить воспринять истину, ибо многіе не склоняются на твои увѣщанія, хотя они растворены божественнымъ словомъ, этимъ жизненнымъ элементомъ, возраждающимъ человѣка и доставляющимъ необходимую твердость душѣ, поспѣшающей къ Богу". Дано въ августовскіе календы, въ консульство Льва и Сабина.

Главное основаніе отвергнуть тожество двухъ собраній писемъ и отличать то, которое имѣемъ мы, отъ того, которое знали Іеронимъ и Августинъ, заключается въ слѣдующихъ соображеніяхъ. По сообщенію Флёри [1]), въ большей части манускриптовъ, содержащихъ въ себѣ извѣстную намъ переписку, на заглавномъ листѣ писемъ помѣщается замѣтка Іеронима, приведенная нами выше; такая надпись восходитъ, вѣроятно, до перваго манускрипта, потому что воспроизводится всѣми копіистами. Но въ такомъ случаѣ надпись эта свидѣтельствуетъ о томъ, что слова Іеронима, знавшаго древнѣйшій сборникъ писемъ, потомъ затерянныхъ, позднѣе служили какъ темою для фальсификаціи, произвольно воспроизводившей древній сборникъ, такъ и нѣкоторымъ оправданіемъ самой фальсификаціи. Далѣе. Низкій стиль языка извѣстныхъ намъ писемъ не стоитъ даже на уровнѣ того упадка, до котораго дошелъ латинскій языкъ въ 4—5 в.в. Авторъ этихъ писемъ поразительно неискусенъ и невѣжественъ: онъ не умѣетъ подбирать нужныя слова для выраженія мысли, его языкъ грубъ, словосочетанія противорѣчатъ законамъ латинскаго языка, обороты неуклюжи, фразы построены неискусно, но крайне искусственно [2]). Принимая все это во вниманіе, нельзя допустить, чтобы знаменитый переводчикъ, комментаторъ и исправитель текста Библіи, какимъ былъ Іеронимъ, призналъ такую переписку за подлинную переписку Павла и Сенеки. Кромѣ того, эти письма уже тѣмъ однимъ должны были бы возбудить его подозрѣніе, что они написаны на латинскомъ языкѣ, а въ одномъ изъ нихъ (13) ясно высказывается мысль, что Павелъ и вообще свои посланія писалъ на латинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, недостаткамъ и грубости языка извѣстныхъ намъ писемъ соотвѣтствуетъ невѣжество ихъ автора, а вмѣстѣ съ тѣмъ пустота и мелочность ихъ содержанія. Несомнѣнно, что бл. Іеронимъ имѣлъ подъ руками другой сборникъ писемъ съ именами ап. Павла и Сенеки, а не тотъ, какой извѣстенъ намъ.—Можно было бы даже указать и источники, откуда

---

1) t. 2 p. 259.

2) Cnfr. Флери t. 2, 261.

почерпнуты всѣ части содержанія этого послѣдняго сборника. Авторъ, видимо, старательно воспользовался всѣми, находившимися подъ руками пособіями, чтобы придать видъ правдоподобія своей фальсификаціи: отсюда мы встрѣчаемъ въ письмахъ и выраженіе, заимствованное Іеронимомъ изъ древнѣйшаго сборника [1]) и под.

Но при пользованіи источниками, авторъ извѣстныхъ намъ писемъ также обнаруживаетъ свое невѣжество. Такъ, сообщая о пожарѣ 64 г. по Тациту, онъ слово insulae, употребленное у послѣдняго въ смыслѣ дома—особняка, понимаетъ буквально.—Равнымъ образомъ, вмѣстѣ съ Флёри, можно видѣть признакъ неподлинности извѣстныхъ намъ писемъ и въ хронологическихъ датахъ, которыми сопровождаются послѣднія письма. Кромѣ того, что эти даты слишкомъ торжественны для такихъ маленькихъ частныхъ писемъ, Бароній отмѣтилъ въ нихъ грубыя хронологическія ошибки [2]).

Но еще болѣе рѣшительно можно сказать, что извѣстный намъ сборникъ по своему происхожденію много позднѣе времени Іеронима и Августина; можно даже болѣе или менѣе точно опредѣлить время его происхожденія. Сенека свое пятое,—въ сборникѣ девятое,—письмо заканчиваетъ сообщеніемъ о посылкѣ Павлу книги de copia verborum. Судьбу этой книги прослѣдилъ Флёри. Существованіе такой книги—не выдумка, хотя ни одинъ изъ древнихъ писателей не указываетъ ея между твореніями Сенеки. Сличеніе всѣхъ манускриптовъ, въ которыхъ приводится это сочиненіе, показываетъ, что первоначально оно носило заглавіе de quatuor virtutibus, каковое заглавіе вполнѣ соотвѣтствуетъ его содержанію. А сочиненіе de quatuor virtutibus, какъ извѣстно, принадлежитъ Мартину, еп. Брагскому † 583. Объ этомъ сочиненіи Мартина упоминаетъ Исидоръ Севильскій, пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Мартина. Но послѣ Исидора имя автора этого труда забылось и книга эта подъ заглавіемъ de copia verborum стала приписываться Сенекѣ. Такое превращеніе могло совершиться слѣдующимъ образомъ. Сочиненіе de quatuor virtutibus въ изданіи было

[1]) Крейгеръ, 178—179.
[2]) Флёри t. 2, 262.

соединено съ трудомъ болѣе обширнымъ, въ которомъ оно составляло только первую часть. Весь трудъ, озаглавленный Formula honestae vitae обнималъ двѣ части: 1) трактатъ о четырехъ добродѣтеляхъ (именно de quatuor virtutibus) или собраніе нравственныхъ сентенцій и 2) (другое) собраніе сентенцій болѣе общаго характера. Одна изъ редакцій этого втораго собранія озаглавливается de proverbia. Ничто не препятствовало, чтобы это послѣднее заглавіе было приложено и къ избраннымъ сентенціямъ относительно четырехъ добродѣтелей, и копіисты могли воспользоваться имъ для оглавленія первой части труда и назвать всю компиляцію (эти сентенціи—извлеченія преимущественно изъ сочиненій Сенеки) copia proverbiorum, —заглавіе, которое впослѣдствіи невѣжественная рука переписчика легко могла превратить въ copia или de copia verborum. Все это Флёри подтверждаетъ ссылками на манускрипты. Конечно, такое превращеніе и замѣна прежняго имени автора именемъ Сенеки,—который и есть, впрочемъ, настоящій авторъ сентенцій,—могло совершиться только въ довольно продолжительный промежутокъ времени. Такимъ образомъ, происхожденіе извѣстной намъ фальсификаціи писемъ относится къ седьмому или осьмому столѣтіямъ: въ манускриптахъ девятаго вѣка уже встрѣчается сохранившійся до нашихъ дней сборникъ четырнадцати писемъ [1]). Слѣдовательно, этотъ сборникъ не можетъ намъ помочь при рѣшеніи нашего вопроса о происхожденіи преданія, о которомъ рѣчь. Но иначе думаетъ Вестербургъ.

М. Т—въ.

(Окончаніе будетъ).

---

[1]) Обратнаго отношенія писемъ къ сочиненію Мартина, какъ думаетъ Бауръ —Seneca und Paulus (Drei Abhandlungen zur Geschichte d. a. Philos). S. 476—477 быть не можетъ; cnfr. Флёри t. 2, 267,—Крейгеръ 182—и Westerburg Der Ursprung der Sage, dass Seneca Christ gewesen sei. Untersuchung neben einer Rezensien des Briefwechsels des Ap. Paulus mit Seneca. Berlin 1882, s. 13.

Преданіе о перепискѣ философа Сенеки съ апостоломъ Павломъ.

(Окончаніе *).

Дошедшее до насъ собраніе писемъ, ап. Павла и Сенеки, по мнѣнію Вестербурга [1]), не представляетъ собою одного цѣлаго, а составлено изъ двухъ группъ, изъ которыхъ первая обнимаетъ письма 10, 11 и 12, а вторая, бо́льшая, всѣ остальныя. Соглашаясь, что происхожденіе послѣдней относится къ среднимъ вѣкамъ, Вестербургъ полагаетъ, что остальныя три письма другой группы представляютъ собою остатокъ той редакціи писемъ, которую имѣли подъ руками Іеронимъ и Августинъ и которая должна была быть лучше, чѣмъ та, которую имѣемъ мы въ видѣ большей группы. Вестербургъ и находитъ такое различіе между меньшею и большею группами нашихъ писемъ.

a) Всѣ три письма меньшей группы имѣютъ хронологическія даты и притомъ или правильно указанныя, или съ такими незначительными ошибками, что ихъ легко можно отнести на счетъ переписчика. Изъ одинадцати же писемъ большей группы только два имѣютъ такія даты и притомъ съ грубыми ошибками.

b) Вообще языкъ всѣхъ писемъ—грубый, но въ письмахъ большей группы такое множество погрѣшностей и нелѣпостей, что письма эти невозможно признать произведеніемъ четвертаго вѣка; но подобное сужденіе не примѣнимо къ письмамъ меньшей группы.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 1, за 1895 г.

[1]) S. 13 und folgg.

c) Различіе относится и къ степени образованности авторовъ той и другой группъ. Такъ, писатель большей группы не знаетъ, что посланія Павла написаны на греческомъ языкѣ. Онъ даже приписываетъ ап. Павлу какое то посланіе къ Ахейцамъ; у него нѣтъ цитатъ изъ свящ. Писанія, онъ разсказываетъ какую то басню о Ваципіѣ и очень часто погрѣшаетъ противъ исторіи. Иначе дѣло обстоитъ съ писателемъ меньшей группы. О римскомъ пожарѣ онъ разсказываетъ вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, какъ объ ней передаютъ Тацитъ и Светоній; неправильное же пониманіе авторомъ слова insulae изобличаетъ въ немъ только провинціала, незнакомаго съ номенклатурой большихъ городовъ. Онъ знакомъ съ священной и свѣтской литературой. Правда, содержаніе десятаго и одинадцатаго писемъ на первый взглядъ кажется весьма простымъ, но разсужденія о церемоніалѣ въ письмахъ смѣшны только для нашего времени, во времена же автора они могли имѣть значеніе, такъ какъ во 2 и 3 вв. входилъ въ силу обычай, по которому обращающійся къ высокопоставленному лицу съ письмомъ подписывалъ свое имя послѣ имени адресата.

d) Болѣе рѣшительное различіе между двумя группами писемъ касается взглядовъ, выраженныхъ въ той и другой группѣ, на отношеніе Нерона къ ап. Павлу и Сенекѣ. По представленію большей группы отношеніе Кесаря къ Сенекѣ дружественно и къ Павлу невраждебно, по письму же 12 совершенно враждебно. Переходъ отъ 12 письма къ 14 письму у одного автора совершенно немыслимъ: въ послѣднемъ письмѣ Павелъ даетъ такіе совѣты Сенекѣ относительно Кесаря, какъ будто не происходило ничего, описаннаго въ 12 письмѣ.

Но разборъ основаній, представленныхъ Вестербургомъ, показываетъ, что между указываемыми имъ двумя группами писемъ нѣтъ такого различія, которое давало бы право приписывать ихъ различнымъ авторамъ.

a) Если хронологическія даты 13 и 14 писемъ неправильны, то вѣдь и изъ трехъ писемъ меньшей группы правильно указанъ только годъ римскаго пожара, что неудивительно въ виду важности и извѣстности самаго событія; даты же двухъ остальныхъ писемъ неправильны, а между тѣмъ довольно трудно

объяснить обозначеніе четвертаго консульства Нерона вмѣсто третьяго (п. 10) лишь ошибкой переписчика; наконецъ, изъ сопоставленія датъ писемъ 10 и 11, какъ замѣтилъ еще Крейгеръ, вытекаетъ, что Сенека отвѣтилъ ап. Павлу на его письмо о мелочномъ этикетѣ только чрезъ 11 мѣсяцевъ: такъ много времени медлилъ такимъ простымъ отвѣтомъ.—По вопросу о датахъ бо́льшаго вѣроятія заслуживаетъ мнѣніе Флёри. Во многихъ рукописяхъ этихъ датъ совсѣмъ нѣтъ; правда, въ нѣкоторыхъ оставлены для нихъ пустыя мѣста, но въ такихъ рукописяхъ пустыя мѣста для датъ оставлены не подъ тремя только (10, 11 и 12), а подъ всѣми письмами.

b) И по языку обѣ группы близко подходятъ одна къ другой. Самъ же Вестербургъ находитъ и въ меньшей группѣ варваризмы и неправильности въ сочетаніи предложеній и имѣетъ возможность говорить о превосходствѣ меньшей группы предъ большею только послѣ исправленія языка меньшей группы, которое онъ сдѣлалъ въ предположеніи, что ошибки произошли только по винѣ переписчиковъ.

c) Если въ письмѣ 13 дается ап. Павлу совѣтъ писать лучшею латынью, то вѣдь и авторъ раннѣйшей, по Вестербургу, группы представляетъ Сенеку и Павла переписывающимися на латинскомъ языкѣ, а не на греческомъ, не зная ни того, что ап. Павелъ писалъ всѣ свои писанія (за исключеніемъ только посл. къ Евр.) на греческомъ языкѣ, ни того, что Сенека зналъ превосходно греческій языкъ, что, слѣд., для нихъ естественнѣе было бы переписываться на этомъ именно языкѣ; въ тринадцатомъ же письмѣ дано лишь дальнѣйшее развитіе этой погрѣшности: въ немъ латинскій языкъ назначается не только для данной переписки Павла и Сенеки, но и вообще для посланій апостола. Слѣд., погрѣшность въ данномъ случаѣ замѣчается одинаково и въ той и другой группѣ.

Вестербургъ ставитъ въ особую честь автору меньшей группы правильное описаніе пожара въ Римѣ и объясненіе причинъ гоненія на христіанъ; но въ виду того, что авторъ при этомъ пользовался разсказомъ Тацита, эта правильность неудивительна,—напротивъ, то обстоятельство, что онъ и у Тацита не все понялъ (разумѣемъ слово insulae), показываетъ въ немъ именно средневѣковаго писателя, а не только провинціала.

На невѣжество автора указываетъ и допущенный имъ грубый анахронизмъ: обычай, на который, какъ на законъ временъ Сенеки и ап. Павла, онъ указываетъ (въ п. 10), возникъ только во 2 и 3 вѣкахъ.

d) Изображеніе отношеній ап. Павла и Сенеки къ Нерону по всѣмъ письмамъ таково, что оно не даетъ возможности раздѣлять ихъ на двѣ группы, какъ это дѣлаетъ Вестербургъ. Въ письмѣ 12 Сенека указываетъ на Нерона, какъ на тирана, ночнаго разбойника и палача христіанъ. Но къ пониманію этого письма читатель уже подготовленъ письмами 8 и 9.—Правда во 2 письмѣ Павелъ называетъ Сенеку наставникомъ великаго принца (т. е. Нерона), въ 3 письмѣ Сенека высказываетъ желаніе и надежду, что Павелъ будетъ присутствовать при чтеніи Сенекою предъ императоромъ его сочиненій; но вѣдь на сообщеніе Сенеки, что императоръ, выслушавъ отъ Сенеки посланія Павла, былъ пораженъ мыслями этихъ посланій, Павелъ въ письмѣ отвѣчаетъ, что приверженность императора *со временемъ* можетъ причинить затрудненіе. „Какъ ты могъ подумать въ самомъ дѣлѣ, пишетъ онъ Сенекѣ, что человѣкъ, почитающій языческихъ боговъ, можетъ понять тебя? Я прошу тебя не предпринимать этого дѣла въ другой разъ". И Сенека вполнѣ соглашается съ этимъ. Онъ увидѣлъ (п. 9), что Павелъ говоритъ на основаніи природы самой вещи, поскольку извѣстно, что умы отвращаются отъ надлежащаго поведенія и самыхъ справедливыхъ чувствованій. „Я не удивляюсь болѣе этому послѣ того, какъ научилъ меня опытъ". Слова и Павла, и Сенеки должны быть, по мнѣнію автора писемъ, знаменательны и были бы непонятны эти предостереженія и намеки, если бы авторъ не имѣлъ въ виду фактовъ, изображенныхъ въ письмѣ 12, которое такимъ образомъ находится въ тѣсной связи съ письмами 8 и 9.—Должно также замѣтить, что выдѣленіе писемъ 10, 11 и 12, какъ принадлежащихъ другой редакціи, все таки не уничтожаетъ находящихся въ письмахъ противорѣчій, такъ какъ совѣтъ, даваемый въ письмѣ 14 Павломъ Сенекѣ относительно императора, противорѣчитъ не только письму 12, но и 8 и 9. Съ другой стороны, въ письмѣ 14 есть указанія не только на 7 письмо („императоръ и его друзья растворены

божественнымъ словомъ"), но и на 12 („не легко убѣдить ихъ и заставить воспринять истину, ибо многіе не склоняются на твои увѣщанія": здѣсь, очевидно, должно быть указаніе на дѣйствительный фактъ). Вообще же на совѣтъ Павла въ письмѣ 14 нужно смотрѣть какъ на заключительное слово. Такимъ образомъ, нѣтъ основаній раздѣлять извѣстный намъ сборникъ писемъ на двѣ группы и относить происхожденіе одной изъ нихъ ко временамъ Іеронима.—Но какъ Вестербургъ пользуется этими письмами, обѣ редакціи которыхъ онъ признаетъ фальсификаціею, при рѣшеніи вопроса о происхожденіи самаго преданія? Для рѣшенія этого вопроса онъ обращается къ источникамъ, которыми пользовались фальсификаторы. „Вообще думаютъ, говоритъ онъ, что источникомъ для подобной фальсификаціи служила общая мысль о томъ, что Сенека былъ христіаниномъ, а такая мысль утверждалась на замѣченномъ сходствѣ между воззрѣніями Сенеки и христіанскими идеями. Но такое объясненіе факта не совсѣмъ удовлетворительно... Можно рѣшительно сомнѣваться, чтобы сходство воззрѣній Сенеки и христіанскихъ идей дало основаніе для выдумки легенды о христіанствѣ Сенеки, его отношеніяхъ къ Павлу, и, наконецъ, для фальсификаціи переписки Сенеки и Павла. Можно утверждать, что это не кто иной, какъ древніе еретики, эвіониты, выдумали поставить въ связь апостола языковъ съ воспитателемъ ужаснѣйшаго гонителя христіанства. По крайней мѣрѣ, къ этому воззрѣнію можно приходить послѣ тщательнаго изученія содержанія той группы писемъ, которая выше была названа большею и худшею... Возникновеніе этой группы писемъ внѣшнимъ образомъ было вызвано тѣми письмами, какія были извѣстны Іерониму, но эти послѣднія письма не вліяли на составителя большей и позднѣйшей группы писемъ своимъ содержаніемъ. Ибо въ письмахъ меньшей и древнѣйшей группы предполагается враждебное отношеніе Нерона къ христіанству, соотвѣтственно тѣмъ преданіямъ, какія господствовали по этому предмету въ Церкви; между тѣмъ какъ въ большей и позднѣйшей группѣ замѣтно на первый планъ выставляются добрыя отношенія между Нерономъ и Павломъ, при чемъ въ письмахъ 5 и 8 находятся прикровенныя указанія на какія то отноше-

нія Павла къ императрицѣ" [1]). Все это не можетъ быть отнесено на счетъ фантазіи автора, но должно имѣть для себя болѣе древній и опредѣленнаго характера источникъ. Затѣмъ Вестербургъ сопоставляетъ содержаніе писемъ 7—9 съ вышеприведеннымъ, мѣстомъ изъ псевдо-Лина. Обыкновенно ученые въ виду того, что содержаніе писемъ весьма напоминаетъ это мѣсто изъ псевдо Лина, полагаютъ, что или псевдо-Линъ списывалъ у сочинителя переписки, или этотъ послѣдній списывалъ у псевдо-Лина.—Вестербургъ же находитъ возможнымъ объяснить эту близость тѣмъ, что и псевдо-Линъ и сочинитель переписки пользовались однимъ общимъ источникомъ—третьимъ произведеніемъ, которое до насъ не сохранилось, но о которомъ можно составить понятіе на основаніи двухъ извѣстныхъ произведеній—переписки и псевдо-Лина. Произведенный анализъ приводитъ Вестербурга къ тому выводу, что источникомъ для большей и позднѣйшей группы слѣдуетъ признать такое древнее, до насъ не сохранившееся произведеніе, въ которомъ жестокій гонитель христіанства—Неронъ представлялся довольно благосклоннымъ къ ап. Павлу, а извѣстная своею безнравственностью Поппея Сабина, вторая жена Нерона, выставлялась ученицей Павла. „Какимъ же образомъ апостолъ могъ быть въ такомъ дурномъ сообществѣ?" спрашиваетъ Вестербургъ [2]).—Чрезъ козни эвіонитовъ. Извѣстно, что эвіониты питали ненависть къ ап. Павлу, были недовольны имъ за то, что онъ обратился съ проповѣдью Евангелія, кромѣ іудеевъ, къ язычникамъ, что онъ училъ не соблюдать іудейскаго обрядоваго закона. Остатокъ подобныхъ эвіонитскихъ воззрѣній и представляло сочиненіе, послужившее основаніемъ для составителя переписки ап. Павла и Сенеки въ той части ея, которая выше названа была большей и позднѣйшей группой писемъ.—Послѣ такого изслѣдованія Вестербургъ приходитъ къ слѣдующему результату [3]). Сенека представленъ въ знакомствѣ съ апостоломъ первоначально вслѣдствіе враждебной апостолу Павлу тенденціи. Въ то время,

[1]) Вестербургъ s. 22—23.
[2]) S. 30.
[3]) S. 35—37.

когда еще было очень сильно эвіонитское направленіе въ христіанскомъ обществѣ (до половины 2 вѣка), языческій философъ не вспоминался христіанами съ благосклонностью. Тогда не могло считаться похвальнымъ названіе друга Сенеки. А то обстоятельство, что Сенека въ своемъ сочиненіи „о суевѣріи", по свидѣтельству Августина, сильно нападалъ на іудеевъ, было даже причиной ненависти къ нему со стороны эвіонитовъ. Это и побудило эвіонитовъ выставить Сенеку сотоварищемъ лица, свободно относившагося къ іудейскому закону и равно ненавистнаго имъ, т. е. Павла, почитателямъ котораго, т. е. истиннымъ христіанамъ, они хотѣли тѣмъ досадить.

Такимъ образомъ, фабула, что ап. Павелъ былъ другомъ Сенеки, по всей справедливости должна считаться злостною выдумкою эвіонитовъ, ненавидѣвшихъ ап. Павла. Поэтому фабула нашла довѣріе къ себѣ не скоро,—во всякомъ случаѣ не ранѣе 4 вѣка. Однимъ изъ повѣрившихъ фабулѣ былъ тотъ, отъ котораго произошла первая редакція (фальсификація) писемъ съ именами Сенеки и Павла (меньшая группа). Онъ безъ сомнѣнія не зналъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ возникновеніе легенды, а позднѣйшій фальсификаторъ (авторъ писемъ большей группы) зналъ и эти обстоятельства, найдя ихъ въ своемъ источникѣ, и пользовался этимъ источникомъ, не понимая его истиннаго смысла.

Таково мнѣніе Вестербурга. Не смотря на свою видимую простоту и естественность, оно не выдерживаетъ критики и страдаетъ недостатками, совершенно противоположными этимъ видимымъ достоинствамъ. Мнѣніе это неестественно и невѣрно какъ въ формальномъ отношеніи, такъ и по своему содержанію.—Послѣ того какъ Вестербургъ въ дошедшемъ до насъ сборникѣ писемъ Павла и Сенеки выдѣлилъ двѣ группы, естественно было-бы ожидать, что для рѣшенія вопроса о происхожденіи нашего преданія онъ обратится къ разбору источниковъ и содержанія первой группы, раннѣйшей по происхожденію; но на самомъ дѣлѣ онъ поступаетъ совершенно инымъ образомъ. Главнымъ указаніемъ для него при рѣшеніи вопроса о происхожденіи преданія служитъ то обстоятельство, что въ письмахъ большей группы отношенія Павла къ Нерону

представляются болѣе или менѣе дружественными, но вѣдь эти отношенія по письмамъ меньшей, именно раннѣйшей, группы изображаются, по его же мнѣнію, совершенно въ обратномъ видѣ; онъ самъ вынужденъ сказать, что меньшая группа не вліяла содержаніемъ своимъ на содержаніе большей группы. Такимъ образомъ, остается совершенно недоказаннымъ, что содержаніе писемъ и раннѣйшей группы черпалось изъ того же источника, которымъ пользовался составитель позднѣйшей группы писемъ,—что основаніемъ къ составленію раннѣйшей группы писемъ послужила та же фабула, которая послужила основаніемъ для источника позднѣйшей группы, а между тѣмъ для рѣшенія вопроса о возникновеніи въ церкви преданія объ историческихъ сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки болѣе важное значеніе должна была бы имѣть, конечно, раннѣйшая редакція писемъ. Если признать двѣ редакціи писемъ, то объясненіе происхожденія позднѣйшей не разъясняетъ еще вопроса о происхожденіи раннѣйшей. Вестербургъ еще имѣлъ бы право такъ поступать, a) если бы указанный имъ первоисточникъ вполнѣ объяснялъ происхожденіе преданія, о которомъ рѣчь; но отношеніемъ Павла къ Нерону (а не къ Сенекѣ) и его конкубинѣ исчерпывается содержаніе этого первоисточника для переписки и псевдо-Лина, по скольку о немъ можно судить по другимъ указаніямъ помимо свидѣтельствъ о Сенекѣ (уже) въ самой перепискѣ и псевдо-Линѣ, (такъ какъ происхожденіе этихъ именно свидѣтельствъ и требуется объяснить); говоря иначе, тенденція этого первоисточника касается только фабулы объ отношеніяхъ Павла къ Нерону и конкубинѣ его, а по какимъ побужденіямъ поставленъ въ эти отношенія къ Павлу и Сенека, это Вестербургъ принужденъ рѣшать уже своими, ни на чемъ исторически не обоснованными соображеніями, (такъ какъ въ самихъ свидѣтельствахъ переписки и псевдо-Лина нѣтъ указанія на то, что та же самая тенденція руководила и вымысломъ объ отношеніяхъ Павла къ Сенекѣ); b) если бы Вестербургъ доказалъ, что содержаніе переписки не покрывается содержаніемъ тѣхъ свидѣтельствъ древности, которыя сохранились до насъ, и, слѣд., предполагаетъ новый, намъ неизвѣстный, источникъ; но Вестербургъ этого не доказалъ, а

Крейгеръ напротивъ легко показалъ источники всѣхъ частей переписки въ извѣстныхъ намъ свидѣтельствахъ древности. Характеръ же главнаго изъ этихъ источниковъ,—актовъ псевдо-Лина, какъ продукта сирійскаго гносиса, не эвіонитскій, не съ іудействующей тенденціей, а съ анти-іудействующею. Такимъ образомъ, разсказъ объ отношеніяхъ Павла къ Сенекѣ поставленъ въ связь съ разсказомъ объ отношеніяхъ Павла къ Нерону только въ извѣстномъ намъ источникѣ съ анти-іудействующею тенденціей. Почему же Вестербургъ разсказъ объ отношеніяхъ Павла къ Сенекѣ поставляетъ въ связь съ разсказомъ объ отношеніяхъ Павла къ Нерону въ своемъ первоисточникѣ именно съ эвіонитской тенденціей? Почему авторъ переписки не могъ заимствовать изъ псевдо-Лина, почему для него нужно предположить какой то еще первоисточникъ? Для Вестербурга этотъ вопросъ долженъ быть самымъ главнымъ вопросомъ, а онъ, торжественно восклицая относительно псевдо-Лина и автора переписки: beide Autoren haben einen Dritten ausgebeutet! не представляетъ рѣшительно никакого основанія.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ выдуманными Вестербургомъ и приписанными имъ эвіонитамъ побужденіями, которыя будто заставили ихъ выдумать фабулу о близкихъ сношеніяхъ Павла и Сенеки. „Въ то время, говоритъ Вестербургъ, когда шла борьба между христіанами изъ іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ,—не было чѣмъ либо похвальнымъ и почетнымъ—называться другомъ Сенеки. Корифеи тогдашняго литературнаго міра, Фронтонъ и Геллій, говорили почти въ тонѣ презрѣнія и насмѣшки о Сенекѣ, какъ писателѣ и мыслителѣ, а вслѣдъ за ними Діонъ Кассій едва ли лучше оцѣнивалъ Сенеку и какъ человѣка". Но замѣтимъ на это словами Крейгера. „Что у риторовъ 2 вѣка, говоритъ онъ, Сенека и его стоическое міровоззрѣніе были не въ модѣ, это правда. Но ни въ какомъ смыслѣ нельзя сказать, что Сенека былъ въ пренебреженіи. Квинтилліанъ сообщаетъ, что въ рукахъ юношества находились почти единственно книги Сенеки. Правда, онъ сожалѣетъ о предпочтеніи, какое оказывалось Сенекѣ предъ лучшими писателями, но фактъ уваженія къ Сенекѣ остается несомнѣннымъ... Плиній Младшій причисляетъ его къ „великимъ писателямъ, уче-

нѣйшимъ, достойнѣйшимъ и нравственнѣйшимъ людамъ". Но допустимъ, что Сенека во 2 вѣкѣ пользовался дурной репутаціей въ столичныхъ литературныхъ кружкахъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ тенденціозные писатели эвіонитскаго направленія могли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы компрометировать ап. Павла, приписавъ ему несуществующую дружбу съ Сенекою?" [1]) Такимъ образомъ, соображенія Вестербурга лишены научнаго значенія.

Резюмируемъ все сказанное. Мы видѣли, что нѣтъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ объ историческихъ сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки. Прежде всего исторически извѣстно только то, что сочиненія Сенеки пользовались среди христіанъ большимъ уваженіемъ, что христіане прежде всего узнали воззрѣнія Сенеки, близкія къ христіанскимъ идеямъ. Извѣстна затѣмъ внѣшняя исторія преданія, хотя и отрывочно. Кратко изложивъ эту исторію, мы потомъ слѣдили за нею, начиная съ позднѣйшаго времени, чтобы постоянно приближаться къ началу преданія. Мы нашли, что извѣстныя нынѣ письма съ именами ап. Павла и Сенеки не даютъ рѣшенія вопроса о происхожденіи преданія. Невозможно по нимъ судить и о содержаніи древнѣйшихъ писемъ. Всѣ старанія Вестербурга воспользоваться извѣстными намъ письмами для рѣшенія вопроса о происхожденіи преданія не даютъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ болѣе ранній шему времени—ко времени существованія древнѣйшей редакціи писемъ. Мы должны изслѣдовать исторію этой редакціи писемъ. Но какъ смотрѣть на эти письма? Какое они могутъ имѣть значеніе?—Вопреки мнѣнію Крейгера о дѣйствительности переписки ап. Павла и Сенеки и о томъ, что подъ руками Іеронима и Августина были подлинныя письма ап. Павла и Сенеки, можно указать слѣдующія соображенія, доказывающія не только то, что въ дѣйствительности не было переписки между ап. Павломъ и Сенекой, но и то, что вообще не существовало писемъ съ именами ап. Павла и Сенеки, подлинность которыхъ признавала бы вся Церковь, что находившіяся подъ руками Іеронима и Августина письма не пользовались такимъ признаніемъ со

[1]) S. 194—196.

стороны всей Церкви, что, слѣд., не первоначально были даны письма, положившія начало преданію, но прежде, въ силу нѣкоторыхъ условій церковной жизни, возникла мысль о сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки, затѣмъ послужившая основаніемъ для фальсификаціи писемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы, предположимъ, апостолъ находился въ перепискѣ съ философомъ, если бы вообще существовали письма съ именами ап. Павла и Сенеки, подлинность которыхъ признавала вся Церковь, то Церковь половину этой корреспонденціи—письма ап. Павла,—конечно, сохранила бы и помѣстила бы въ сборникѣ его посланій. Правда, на это могутъ возразить, что письма къ Сенекѣ были писаны ап. Павломъ, какъ простымъ человѣкомъ, а не какъ вдохновеннымъ отъ Бога, а поэтому, не смотря на ихъ подлинность, не имѣли каноническаго характера, который признается за посланіями апостола. Но,—въ такомъ случаѣ можно спросить,—что же служитъ критеріемъ богодухновенности другихъ посланій ап. Павла и небогодухновенности этихъ писемъ? Частный характеръ послѣднихъ? Но вѣдь посланіе ап. Павла къ Филимону развѣ не имѣетъ характеръ скорѣе семейнаго письма, чѣмъ апостольскаго посланія? Уже одна принадлежность этихъ писемъ такому апостолу и учителю церкви, какъ Павелъ, должна была бы предохранить ихъ отъ потери.—„Взоры первыхъ христіанъ были обращены не назадъ, но впередъ,—къ (ожидавшемуся) пришествію Господа", говоритъ Крейгеръ и этимъ объясняетъ скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній о сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки. Но вѣдь письма существовали во времена Іеронима и Августина и Крейгеръ находитъ возможнымъ признать эти письма подлинными письмами ап. Павла и Сенеки: ужели и послѣ времени Августина взоры христіанъ продолжали быть обращенными впередъ, а не назадъ? Какъ же объяснить исчезновеніе писемъ, которыя уже многими читались?—„Неблагосклонное сужденіе Августина о Сенекѣ, говоритъ Крейгеръ, при томъ уваженіи, какимъ пользовался этотъ великій учитель Церкви на западѣ, служитъ достаточнымъ объясненіемъ для потери писемъ". Далеко не достаточнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что хочетъ сказать Крейгеръ этими словами: то ли, что Августинъ не признавалъ переписку съ именами ап. Павла и

Сенеки подлинною, или то, что Августинъ, и признавая переписку подлинною, о личности и ученіи Сенеки говоритъ все таки неодобрительно? Если первое, то слѣдуетъ, что ни Іеронимъ, ни Августинъ не свидѣтельствуютъ за подлинность переписки, такъ какъ они оба сходно говорятъ о письмахъ (leguntur); если второе, то остается только удивляться, какъ такой остроумный ученый, какъ Крейгеръ, можетъ приводить подобнаго рода не имѣющія никакой силы и даже странныя доказательства. Вѣдь дѣло не въ Сенекѣ; вѣдь спрашиваютъ не о томъ, почему не сохранились письма, адресованныя къ Сенекѣ, а о томъ, почему не сохранились письма, писанныя ап. Павломъ, къ кому бы они ни были писаны. Никакой взглядъ какого бы то ни было отца Церкви на адресата посланій Павла не могъ бы ослабить авторитета его писемъ и посланій. Можно также спросить Крейгера, почему же не затерялись и писанія Луки: вѣдь они адресованы къ Ѳеофилу, а Ѳеофилъ, по мнѣнію Крейгера, это—Сенека.

Такимъ образомъ, древнѣйшія письма, сохранившіяся до насъ въ незначительныхъ отрывкахъ, имѣютъ значеніе не какъ подлинныя письма ап. Павла и Сенеки и не какъ признававшіяся таковыми со стороны Церкви, слѣд., не какъ положившія начало преданію, а какъ отображающія въ своей исторіи исторію преданія,—имѣютъ значеніе по связи своей исторіи съ условіями церковной жизни.—Вестербургъ совершенно справедливо полагаетъ, что причиною происхожденія преданія о сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки и фальсификаціи писемъ не могло быть одно сходство воззрѣній Сенеки съ христіанскими идеями. Флёри указываетъ болѣе сильный мотивъ къ фальсификаціи писемъ съ именами ап. Павла и Сенеки въ дѣйствительности историческихъ сношеній апостола и философа. „Смѣло можно сказать, говоритъ онъ, что никакой переписки между Павломъ и Сенекой не существовало, а слухъ объ этомъ естественно могъ распространиться на основаніи изустныхъ сношеній апостола и философа [1]). Но историческія отношенія ап. Павла и Сенеки, какъ мы видѣли, таковы, что одни, сами по себѣ, они не могли

[1]) t. 2, 257.

вызвать мнѣнія объ ихъ дѣйствительныхъ сношеніяхъ. Да притомъ, переписка появилась, какъ нужно полагать, не раньше конца третьяго или начала четвертаго столѣтія, а въ продолженіе такого долгаго времени должны были имѣть мѣсто особыя условія церковной жизни, которыя побудили бы христіанъ воспроизвести въ памяти историческія отношенія ап. Павла и Сенеки—особыя причины, которыя дали бы поводъ закрѣпить подтверждаемую свидѣтельствами объ этихъ историческихъ отношеніяхъ мысль о дѣйствительности сношеній Павла и Сенеки фальсификаціею писемъ съ ихъ именами: вопросъ такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія Флёри, отодвигается далѣе, но не рѣшается.—Такъ, одно сходство воззрѣній Сенеки съ христіанскими идеями не могло вызвать фальсификаціи писемъ; этого не могло сдѣлать и воспоминаніе объ историческихъ отношеніяхъ ап. Павла и Сенеки. Но въ связи съ тѣмъ и съ другимъ могли вызвать эту фальсификацію извѣстныя условія церковной жизни. Изслѣдовать эти условія—самое важное для рѣшенія вопроса, о которомъ рѣчь. А на эти условія прежде всего указываетъ исторія древнѣйшей редакціи писемъ. Пусть эти письма сохранились до насъ только въ небольшихъ отрывкахъ; первое, что̀ намъ могутъ дать эти письма, это ихъ исторія. Къ обзору этой исторіи въ связи съ условіями церковной жизни мы и должны теперь обратиться, всегда помня первый историческій фактъ по нашему вопросу—то уваженіе, какимъ пользовались среди христіанъ сочиненія Сенеки.

Если бы Крейгеръ съ выше приведенными словами о неблагосклонномъ сужденіи Августина относительно Сенеки соединялъ тотъ смыслъ, что Августинъ не признавалъ переписку съ именами ап. Павла и Сенеки подлинною, то онъ былъ бы болѣе правъ: бл. Іеронимъ и бл. Августинъ мало свидѣтельствуютъ за подлинность переписки. Можно далѣе полагать, что переписка эта явилась не ранѣе времени Іустина мученика. Наконецъ, мы, кажется, имѣемъ право думать, что появленіе писемъ послѣ Іустина и ихъ исчезновеніе послѣ Августина не случайно, а имѣетъ свои причины въ условіяхъ церковной жизни.

Читая свидѣтельства Іеронима и Августина, относящіяся къ перепискѣ, о которой рѣчь, мы замѣчаемъ въ нихъ одинъ и

тотъ же оттѣнокъ, довольно настойчиво указывающій на то, что Іеронимъ сомнѣвался въ подлинности этой переписки или, по крайней мѣрѣ, зналъ сомнѣнія своихъ современниковъ, а Августинъ не придавалъ ей важнаго значенія. Побужденія помѣстить въ спискѣ святыхъ Сенеку бл. Іеронимъ указываетъ въ томъ, что письма ап. Павла и Сенеки читаются многими (leguntur pluribus); равнымъ образомъ и бл. Августинъ объ этимъ письмахъ замѣчаетъ только, что они leguntur. Что касается замѣчанія бл. Августина, то имъ констатируется только тотъ фактъ, что нѣкоторыми его современниками читались письма съ именами ап. Павла и Сенеки; самъ же Августинъ преданію о сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки, предполагаемыхъ перепиской, не придавалъ никакого значенія. Іеронимъ же придавалъ важное значеніе этой перепискѣ, она служила для него основаніемъ помѣстить Сенеку въ спискѣ христіанскихъ писателей. Но зачѣмъ онъ указываетъ на то, что письма эти „читаются очень многими?" Вѣдь если у него самого не являлось сомнѣнія относительно подлинности этой переписки, и со стороны отъ кого либо другаго онъ не слыхалъ такого сомнѣнія, онъ ограничился бы лишь указаніемъ на фактъ существованія этихъ писемъ. Въ словахъ leguntur pluribus нужно видѣть не простое указаніе на то, что были нѣкоторые, которые не знали, не встрѣчали, не читали этихъ писемъ, потому что ни о какомъ документѣ, ни о какомъ памятникѣ невозможно сказать, что онъ всѣмъ извѣстенъ, всѣми читается, да и указаніе подобнаго рода было бы безцѣльно и безполезно; но въ этихъ словахъ безъ сомнѣнія выражается та мысль, что многія и притомъ авторитетныя лица подтверждали подлинность этой переписки, что уже самый фактъ ея относительной распространенности свидѣтельствовалъ о вѣрѣ въ ея подлинность, хотя она не только еще не получила всеобщей извѣстности и не была признана всею Церковью, но даже были нѣкоторые, сомнѣвавшіеся въ ея подлинности. Такимъ образомъ, или самъ Іеронимъ, или другіе изъ его современниковъ сомнѣвались въ подлинности переписки съ именами ап. Павла и Сенеки. Какъ же Іеронимъ отнесся къ этому сомнѣнію? Онъ устранилъ его только указаніемъ на то, что письма читаются многими; слѣд.,

своимъ авторитетомъ Іеронимъ оч. мало подтвердилъ подлинность этой переписки. Чтобы понять такое отношеніе Іеронима къ вопросу о подлинности переписки, приведемъ нѣсколько словъ изъ предисловія Іеронима къ своему труду de viris illustribus чтобы показать намѣреніе, по которому Іеронимъ упоминаетъ въ самомъ трудѣ о данной перепискѣ съ ап. Павломъ Сенеки и о многихъ другихъ писателяхъ. „Пусть Цельсъ, говоритъ бл. Іеронимъ въ предисловіи, пусть Порфирій, Юліанъ, эти собаки, лающія на Христа, пусть ихъ приверженцы, думающіе, что церковь не имѣетъ никакихъ философовъ и краснорѣчивыхъ ученыхъ, пусть они узнаютъ, сколь многими и замѣчательными мужами обладаетъ она, и да перестанутъ упрекать нашу вѣру въ невѣжественной простотѣ и да познаютъ свое собственное невѣжество". Таково было намѣреніе Іеронима. „Развѣ можно было подложною перепиской осуществить это намѣреніе?" спрашиваетъ Крейгеръ. Это намѣреніе своей собственной фальсификаціей Іеронимъ, конечно, осуществить не могъ; но для осуществленія этого его намѣренія достаточно было указанія на переписку, читавшуюся и признававшуюся за подлинную оч. многими. Правда, переписка, на которую могъ сослаться и дѣйствительно указалъ бл. Іеронимъ, не могла быть настолько грубою фальсификаціею, чтобы ея неподлинность прямо бросалась въ глаза; но это соображеніе не доказываетъ подлинности переписки, упомянутой Іеронимомъ, а указываетъ лишь на то, что переписка (была фальсификаціею, но) должна была быть фальсификаціею довольно искусною. Самое же намѣреніе, какое имѣлъ Іеронимъ, указывая на эту переписку, препятствовало ему, какъ человѣку заинтересованному, совершенно безпристрастно отнестись къ вопросу о ея подлинности,— не въ его интересахъ было усиливать въ себѣ сомнѣніе въ подлинности этой переписки тщательнымъ анализомъ ея содержанія и языка.—При такихъ обстоятельствахъ даже тотъ отрицательный фактъ, что Іеронимъ не подтвердилъ своимъ авторитетомъ подлинность переписки, въ дѣйствительности которой онъ былъ заинтересованъ, служитъ сильнымъ доказательствомъ того, что подъ его руками могла быть не подлинная ап. Павла и Сенеки переписка, а только болѣе или менѣе искусная поддѣлка.

Эта фальсификація, которую читали многіе изъ современниковъ Іеронима и которая была такъ искусно составлена, что Іеронимъ могъ указать на нее въ своемъ трудѣ de viris illustr., явилась, по нашему мнѣнію, не ранѣе времени Іустина философа. Св. Іустинъ ничего не знаетъ о сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки,—а это незнаніе въ высшей степени знаменательно. Въ самомъ дѣлѣ, до принятія христіанства Іустинъ ревностно занимался во многихъ философскихъ школахъ, былъ между прочимъ и ученикомъ стоика и вообще обнаруживаетъ достаточное знакомство съ ученіемъ и еще болѣе съ біографіею многихъ философовъ. По принятіи же христіанства, Іустинъ, не будучи привязанъ къ опредѣленному мѣстожительству какимъ нибудь церковнымъ іерархическимъ служеніемъ, всю остальную жизнь провелъ почти въ постоянномъ странствованіи съ запада на востокъ и съ востока на западъ, слѣд., имѣлъ полную возможность знать церковныя преданія. Занятія же его во время этихъ странствованій состояли главнымъ образомъ въ борьбѣ съ языческими философами и вопросъ объ отношеніяхъ языческой философіи къ христіанскому ученію былъ главнымъ вопросомъ, рѣшенію котораго онъ посвящалъ свои силы; при этомъ, вслѣдствіе своеобразнаго рѣшенія этого вопроса, онъ все лучшее въ языческой философіи приписывалъ дѣйствію Логоса, считалъ это лучшее заимствованнымъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ и, слѣд., имѣлъ особый интересъ обращать вниманіе какъ изъ языческой философіи преимущественно на лучшія мысли и изъ философовъ на прославившихся своею нравственно-высокою жизнью, такъ и на факты, подтверждавшіе его мысль о заимствованіи языческими философами своихъ лучшихъ мыслей изъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Не малое время св. Іустинъ провелъ и въ Римѣ, гдѣ онъ основалъ даже школу,—въ Римѣ, гдѣ, конечно, болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, должно было бы жить преданіе о сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки и гдѣ ихъ переписка должна была бы быть особенно извѣстною; и здѣсь, въ Римѣ, св. Іустинъ продолжалъ свою борьбу съ философами, т. е. занимался тѣмъ же вопросомъ объ отношеніи языческой философіи къ христіанскому ученію. Знакомый вообще съ исторіей философіи и филосо-

фовъ, имѣвшихъ отношеніе къ христіанской религіи съ его своеобразной точки зрѣнія, онъ въ частности былъ знакомъ и съ исторіей представителей стоической философіи и его познанія въ этой области были довольно подробны,—такъ онъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ апологій [1]) о Мусоніѣ Тирренскомъ, малоизвѣстномъ стоическомъ философѣ, который, по свидѣтельству Свиды, за смѣлость и независимость духа былъ убитъ Нерономъ, (слѣд. Іустинъ былъ знакомъ съ исторіей философовъ времени Нерона) и упоминаетъ объ немъ, какъ объ одномъ изъ философовъ, которые по причинѣ сѣмени Слова были ненавидимы и убиваемы. И вотъ этотъ-то Іустинъ ничего не говоритъ о Сенекѣ, который будто находился въ дружественныхъ сношеніяхъ и даже въ перепискѣ съ ап. Павломъ,—о Сенекѣ, философѣ уважаемомъ, по крайней мѣрѣ, послѣдователями стоической философіи, которыхъ Іустинъ называетъ прекрасными въ ихъ нравственой системѣ. Это отсутствіе упоминанія о Сенекѣ въ сочиненіяхъ Іустина можетъ объясниться или тѣмъ, что св. Іустинъ считалъ Сенеку вполнѣ христіаниномъ, такъ что не могъ приводить его въ примѣръ дѣйствія Логоса въ язычествѣ, или тѣмъ, что онъ ничего не зналъ объ отношеніяхъ Сенеки къ христіанству, а такое незнаніе въ виду вышесказаннаго, свидѣтельствовало бы о томъ, что никакого преданія о сношеніяхъ философа съ апостоломъ тогда еще не существовало,—или накопецъ тѣмъ, что онъ не имѣлъ повода и случая упомянуть о Сенекѣ въ своихъ сочиненіяхъ. Перваго не могло быть, съ одной стороны потому, что св. учитель Церкви не могъ счесть христіаниномъ языческаго философа, съ другой стороны потому, что стоики не уступили бы одного изъ своихъ виднѣйшихъ представителей христіанамъ. Остается признать второе, такъ какъ Іустинъ имѣлъ удобнѣйшій случай говорить о Сенекѣ въ своихъ апологіяхъ. Общее содержаніе апологій Іустина можно выразить такъ: „христіанъ неразумно преслѣдовать за ихъ ученіе, такъ какъ то, чему учатъ они, говорятъ и языческіе философы—только искаженно, какъ заимствователи своихъ мыслей изъ христіанскихъ источниковъ“. Аполо-

[1]) 2 Апол. гл. 8.

гіи съ такимъ содержаніемъ Іустинъ подавалъ не на одно только имя Антонина, но и на имя его соправителя Марка Аврелія и при томъ въ такое время ихъ соправительства, когда Маркъ Аврелій уже прославился въ качествѣ философа: изъ надписанія и содержанія апологій это слѣдуетъ со всею очевидностью, въ философскомъ характерѣ правителя апологетъ видитъ для себя основаніе надѣяться на правосудіе. Что же за философъ былъ этотъ правитель, къ которому апологетъ обращался за правосудіемъ? Маркъ Аврелій былъ стоикъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ оставшееся послѣ императора—философа сочиненіе, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и списокъ его учителей. Важнѣе послѣднее свидѣтельство, такъ какъ для современниковъ естественно было о направленіи императора—философа заключать по направленію учителей. Въ числѣ наставниковъ Марка Аврелія большинство вообще были философы; это были Аполлоній Халкидскій, нарочно вызванный Антониномъ для воспитанія Марка, Юній Рустикъ, Секстъ, Цинна Катуллъ, Клавдій Максимъ, Александръ и Клавдій Северъ: изъ нихъ за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, всѣ остальные были стоики. Маркъ Аврелій любилъ своихъ наставниковъ и многіе изъ нихъ сдѣлались изъ учителей его любимыми друзьями и занимали видныя должности (напр. Юній Рустикъ). Для Іустина, знавшаго философскій характеръ императора, не безъизвѣстно было и его школьное направленіе, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ нѣкоторыхъ изъ учителей Марка Аврелія, напр. упомянутаго Юнія Рустика. Итакъ было бы естественно, чтобы Іустинъ,—если бы онъ зналъ о сношеніяхъ Сенеки съ ап. Павломъ,—упомянулъ имя стоическаго философа въ своихъ апологіяхъ, въ которыхъ онъ обращался къ императорамъ за защитой и доказывалъ предъ ними невинность христіанъ на томъ основаніи, что они въ своемъ ученіи одно утверждаютъ согласно съ уважаемыми у язычниковъ поэтами и философами, а другое полнѣе и достойнѣе Бога [1]); было бы естественно, чтобы онъ для доказательства своей мысли, вмѣсто указанія вообще на ученіе платониковъ и стоиковъ, сослался на уважаемаго у стоиковъ Сенеку, какъ на черпавшаго свои высокія

[1]) 1 Апол. гл. 20.

идеи изъ христіанскихъ источниковъ—изъ личнаго знакомства съ однимъ изъ проповѣдниковъ христіанства. Говоря во второй своей апологіи [1]): „послѣдователи стоическихъ ученій за то, что были прекрасны въ своей нравственной системѣ также, какъ и поэты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, по причинѣ сѣмени Слова, насажденнаго во всемъ родѣ человѣческомъ, были, мы знаемъ, ненавидимы и убиваемы: таковъ былъ и пр.", отчего св. Іустинъ не упомянулъ здѣсь о Сенекѣ, современникѣ одного изъ упоминаемыхъ имъ здѣсь философовъ, Мусонія Тирренскаго,—о Сенекѣ, мысли котораго считались язычниками за свои? На примѣрѣ Сенеки Іустину лучше всего можно было бы показать языческимъ императорамъ, что все лучшее въ языческомъ мірѣ заимствовано отъ христіанъ.

Все это дѣлаетъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ наше предположеніе, что во времена св. Іустина никакого преданія о сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки еще не существовало и что современными Іустину христіанами еще не было обращено вниманіе на близость философіи Сенеки къ христіанскому ученію. Между тѣмъ, Іустиномъ философомъ начинается рядъ христіанскихъ апологетовъ, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ проповѣдывавшихъ мысль, что все лучшее въ языческомъ мірѣ заимствовано изъ христіанскихъ источниковъ, т. е. изъ ветхозавѣтныхъ священныхъ писаній. На ряду съ обличеніемъ апологетами всего собственно языческаго, эта мысль о заимствованіи языческими философами изъ книгъ св. Писанія поддерживалась и развивалась апологетами въ борьбѣ ихъ съ языческими мудрецами съ высокою цѣлію обращенія невѣрующихъ въ христіанство и этою цѣлію объясняется ея распространенность среди христіанъ. Первымъ эту мысль предъ лицемъ языческихъ ученыхъ высказалъ св. Іустинъ: „... и Платонъ, говоря, что вина въ человѣкѣ избирающемъ, а Богъ невиновенъ, заимствовалъ это отъ пророка Моисея, ибо Моисей древнѣе всѣхъ писателей; да и во всемъ, что философы и поэты говорили о безсмертіи души, о наказаніяхъ по смерти, о созерцаніи небеснаго и о подобныхъ предметахъ, пользовались они отъ про-

[1]) Гл. 8.

роковъ“ [1]). Подобныя мысли раздѣляли Таціанъ, Θеофилъ Антіохійскій, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Евсевій Кес., Кириллъ Алекс., Θеодоритъ Кир. и изъ латинскихъ апологетовъ Минуцій Феликсъ; эти же мысли мы встрѣчаемъ отчасти у Тертулліана и бл. Августина, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. —Намъ нѣтъ нужды говорить о тѣхъ основаніяхъ, которыя приводились апологетами въ защиту своего мнѣнія, и объ истинности или неосновательности этого мнѣнія; мы только констатируемъ тотъ фактъ, что со времени Іустина философа большинство апологетовъ всѣ мысли классическихъ мудрецовъ, сходныя съ тѣми или другими мѣстами св. Писанія, объясняли заимствованіемъ первыхъ изъ послѣднихъ. Но вѣдь то несомнѣнно, что ни одинъ философъ древности не подошелъ по буквѣ такъ близко къ христіанству, какъ Сенека; ни у одного нѣтъ въ сочиненіяхъ такъ много выраженій, напоминающихъ тѣ или другія мѣста св. Писанія, какъ у Сенеки; и эта близость философіи Сенеки къ христіанскому ученію еще въ древности (хотя и не раньше св. Іустина) была замѣчена, его сочиненія пользовались среди христіанъ большимъ уваженіемъ. А между тѣмъ никто изъ вышеупомянутыхъ нами древнихъ церковныхъ писателей, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, ни словомъ не упоминаетъ о Сенекѣ. Ужели близость его философіи къ христіанскому ученію не требовала объясненія? Несомнѣнно требовала, но только для этого объясненія послѣ св. Іустина не вскорѣ пришло время.

Мысль апологетовъ о заимствованіи классическими писателями изъ ветхозавѣтныхъ писаній выработана ими не самостоятельно, она перешла къ нимъ отъ александрійскихъ іудеевъ, у которыхъ подобное мнѣніе появилось во время ихъ борьбы съ греческими и египетскими учеными. Апологеты христіанства легко усвоили этотъ взглядъ іудеевъ, потому что имъ приходилось бороться съ тѣми же врагами, какъ и іудеямъ. Затѣмъ, собственно въ глазахъ христіанскихъ апологетовъ эта мысль—о заимствованіи языческими философами изъ христіанскихъ источниковъ—подтверждалась примѣромъ школы неопла-

[1]) 1 Апол. гл. 44. ср. 60.

тониковъ, стремившихся къ эклектическому объединенію въ своихъ воззрѣніяхъ всѣхъ философскихъ и религіозныхъ ученій, включая іудейство и христіанство. Поскольку мнѣніе апологетовъ было только заимствованное отъ александрійскихъ іудеевъ, оно, естественно, имѣло въ виду собственно классическихъ, древнихъ мудрецовъ и заимствованіе ими изъ ветхозавѣтныхъ писаній; нужны были дѣйствительные мотивы для того, чтобы перенести это мнѣніе и на философовъ—современниковъ христіанъ; на философовъ—современниковъ христіанъ это мнѣніе было перенесено апологетами въ ихъ борьбѣ противъ собственно неоплатониковъ, т. е. позднѣе времени св. Іустина. Но центромъ неоплатониковъ была Александрія и отъ неоплатониковъ до римскихъ стоиковъ было еще очень далеко. Кромѣ того, было, конечно, не безъизвѣстно болѣе или менѣе враждебное отношеніе Сенеки къ іудейству; слѣд. ни сами іудеи, ни апологеты, поскольку они слѣдовали іудеямъ, не могли признать Сенеку заимствователемъ изъ (ветхозавѣтныхъ) книгъ св. Писанія—то же самое нужно сказать и относительно апологетовъ, имѣвшихъ дѣло съ неоплатониками, уважавшими ветхозавѣтныя писанія. Нужно было новое направленіе во взглядѣ апологетовъ для того, чтобы могло быть понятно отношеніе сочиненій Сенеки къ христіанскимъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ писаніямъ. Пока ветхозавѣтныя и новозавѣтныя писанія въ ихъ отношеніи къ языческой философіи разсматривались какъ одинъ источникъ, и мысли Сенеки можно было относить только на счетъ предшествовавшаго ему развитія языческой философіи, какъ таковой. Это новое направленіе, раздѣлившее ветхозавѣтныя и новозавѣтныя писанія, какъ два отдѣльные источника христіанскаго вѣроученія въ его отношеніи къ языческой философіи, и замѣтило близость мыслей Сенеки собственно къ христіанскому ученію. И знаменательнымъ является то, что отцы церкви, говорившіе о близости Сенеки къ христіанству, принадлежали именно къ этому направленію. Первымъ изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ былъ Тертулліанъ. Но Тертулліанъ не раздѣлялъ общераспространеннаго среди апологетовъ мнѣнія о заимствованіи классическими философами изъ ветхозавѣтныхъ писа-

ній. Правда, въ одномъ мѣстѣ своей апологіи онъ высказываетъ это мнѣніе, но нерѣшительно, а въ сочиненіи „о душѣ“ [1]) онъ говоритъ: „хотя и можно повѣрить, что какой нибудь изслѣдователь мудрости по любознательности приближался къ самымъ пророкамъ, однако найдешь больше различія между философами (и пророками), нежели сходства, и въ самомъ сходствѣ открывается ихъ различіе, такъ какъ и нѣчто истинное и согласное съ пророками они или съ другой стороны выставляютъ, или иначе излагаютъ съ великимъ искаженіемъ истины“. Но совершенно рѣшительнымъ тономъ высказывается о заимствованіи классиками изъ ветхозавѣтныхъ писаній въ отрицательномъ смыслѣ Лактанцій. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія Institutiones (II, 11) онъ замѣчаетъ, что греческіе поэты „вовсе не касались письменъ истины“, а въ другомъ (IV, 2) говоритъ: „я часто удивляюсь тому, что Пиѳагоръ и послѣ него Платонъ, пламенѣя любовью къ изслѣдованію истины, достигли даже до египтянъ, маговъ и персовъ, а не ходили къ іудеямъ, у которыхъ однихъ тогда и была мудрость и къ которымъ они могли бы идти удобнѣе. Думаю, что они отвращаемы были отъ этого Божественнымъ Промысломъ, дабы они не могли узнать истину, потому что еще не подобало религіи Бога истиннаго и правдѣ открыться чуждымъ людямъ. Богъ опредѣлилъ, по наступленіи послѣдняго времени, послать съ неба великаго Вождя, Который, отнявъ все отъ вѣроломнаго и неблагодарнаго народа, открылъ бы ее внѣшнимъ народамъ“. Указываемая при такихъ отрицательныхъ взглядахъ на заимствованіе классическими писателями лучшихъ мыслей изъ ветхозавѣтныхъ писаній близость сочиненій Сенеки къ христіанскимъ идеямъ являлась совершенно въ другомъ свѣтѣ: съ одной стороны, такимъ образомъ, подрывались доказательства заимствованія классиками изъ ветхозавѣтныхъ писаній и колебалась самая мысль о сходствѣ ихъ „лучшихъ“ мыслей съ ученіемъ св. Писанія, съ другой стороны, настойчивѣй и настойчивѣй обнаруживалось сходство съ христіанскимъ ученіемъ ученія Сенеки, современника апостоловъ. Сами Тертулліанъ

[1]) Гл. 46.

и Лактанцій не дали объясненія этого сходства, но ихъ взгляды предопредѣлили характеръ объясненія: при господствовавшемъ, вообще говоря, воззрѣніи на лучшія мысли языческихъ философовъ какъ на заимствованныя изъ св. Писанія, возвышенность ученія Сенеки въ виду особыхъ, но настойчиво заявленныхъ воззрѣній Тертулліана и Лактанція, отрицавшихъ возможность перехода въ языческій міръ откровенной истины чрезъ ветхозавѣтныя писанія, могла быть объяснена только его знакомствомъ съ какимъ нибудь проповѣдникомъ собственно христіанства. Это объясненіе находило себѣ полную поддержку въ хронологическихъ данныхъ: Сенека съ одной стороны былъ современникомъ апостоловъ христіанства, съ другой—жилъ въ такое время, когда новозавѣтныя писанія только что появлялись. Эти данныя также оправдываютъ исключительность объясненія, примѣненнаго къ сходству именно сочиненій Сенеки съ христіанскимъ ученіемъ. Объясненіе это получило болѣе конкретное выраженіе въ перепискѣ съ именами ап. Павла и Сенеки, сфабрикованной какимъ нибудь защитникомъ этого объясненія, заинтересованнымъ въ ней болѣе, чѣмъ кто либо другой, въ силу какихъ нибудь случайныхъ условій борьбы съ язычески-философскимъ міромъ. И вотъ приблизительно чрезъ столѣтіе послѣ того, какъ былъ высказанъ Лактанціемъ его взглядъ на отношеніе классиковъ и Сенеки къ христіанству, во времена Іеронима уже многими читалась эта переписка. Почему такъ возникшимъ преданіемъ Сенека поставлялся въ связь именно съ ап. Павломъ, это легко понять, если принять во вниманіе, съ одной стороны, отношеніе ап. Павла къ іудейскимъ обрядамъ и Сенеки къ іудеямъ, а съ другой стороны, историческія отношенія Павла и Сенеки. Тенденція этого преданія и этой переписки должна была состоять въ желаніи выставить философа знакомымъ съ апостоломъ, слушающимъ его ученіе, удивляющимся и благоговѣющимъ предъ этимъ ученіемъ, какъ предъ богооткровеннымъ, покоряющимся этому ученію и желающимъ распространять его въ своихъ сочиненіяхъ; такимъ образомъ, это тенденція самаго общаго, психологическаго характера; въ этой перепискѣ не должно было быть мѣста для какого нибудь тенденціозно-религіознаго ученія въ смыслѣ тѣхъ или другихъ еретиковъ.

Намъ теперь остается отвѣтить на одинъ вопросъ и вопросъ самый важный: насколько дѣйствительное содержаніе этой переписки соотвѣтствуетъ той тенденціи, какая должна его проникать по нашему предположенію? Отъ этого соотвѣтствія или несоотвѣтствія зависитъ „быть или не быть“ самаго предположенія. А такая именно постановка вопроса вполнѣ оправдывается тѣмъ важнымъ значеніемъ, какое должно имѣть содержаніе этой переписки при отсутствіи другихъ какихъ нибудь принятыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи преданія. Содержаніе переписки, а такъ какъ она не сохранилась до насъ въ полномъ объемѣ, то тѣ отрывки, которые до насъ сохранились, представляютъ собою единственное положительное свидѣтельство о мотивахъ фальсификаціи, которое можетъ руководить изслѣдователя при рѣшеніи вопроса о самомъ преданіи, — и тотъ изслѣдователь находится въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, который съумѣетъ воспользоваться этимъ единственнымъ прямымъ свидѣтельствомъ.

Бл. Іеронимъ, сообщая о перепискѣ ап. Павла и Сенеки, передаетъ и часть содержанія этой переписки. „Въ этихъ письмахъ Сенека, не смотря на то, что онъ былъ учителемъ Нерона и очень вліятельнымъ лицомъ того времени, говоритъ, что онъ желалъ бы имѣть такое значеніе у своихъ, какое Павелъ имѣетъ у христіанъ“. По поводу этой цитаты Крейгеръ замѣчаетъ: „Іеронимъ изъ переписки Сенеки съ Павломъ цитируетъ одно изреченіе Сенеки, — которое напоминаетъ любимыя Сенекою краткія, но выразительныя сентенціи“. — Мы нѣсколько иначе смотримъ на это извлеченіе, сдѣланное Іеронимомъ изъ переписки. Дѣйствительно ли это извлеченіе представляетъ только краткое „изреченіе“, удачно сказанное, афоризмъ, удачно выраженный и безъ тѣсной связи съ предшествующимъ и послѣдующемъ содержаніемъ рѣчи? Если бы это было такъ, если бы эти слова были только случайнымъ изреченіемъ, то зачѣмъ было бы Іерониму приводить ихъ? Вѣдь если Августинъ приводитъ изреченіе Сенеки, то это потому, что самое изреченіе, имъ преводимое, имѣетъ цѣну—само по себѣ, по своему содержанію, и для его оцѣнки нѣтъ даже нужды прочитать его въ контекстѣ, такъ какъ оно само по себѣ

рекомендуетъ Сенеку и оправдываетъ слова Августина: *„хорошо* сказалъ Сенека"... Слова же, приводимыя Іеронимомъ, далеко не имѣютъ такого характера „краткаго изреченія" и самъ Крейгеръ, говоря: „такое изреченіе умѣстно въ устахъ Сенеки", находитъ однако необходимымъ непосредственно за этимъ дать объясненіе такой умѣстности, каковое онъ находитъ въ историческихъ отношеніяхъ ап. Павла и Сенеки. „Сенека могъ видѣть то значеніе и вліяніе, какимъ ап. Павелъ пользовался среди христіанъ, могъ замѣчать, какое благодѣтельное дѣйствіе оказываетъ его ученіе на послѣдователей его проповѣди, и потому желалъ и самъ имѣть такое же вліяніе среди языческаго общества—желалъ, чтобы его моральныя сочиненія имѣли такой же успѣхъ въ томъ обществѣ, для котораго они назначались философомъ" [1]).—Что это объясненіе Крейгера болѣе или менѣе удачно, это правда; но вѣдь Крейгеръ потому такъ понялъ это „изреченіе", что сначала онъ извѣстнымъ образомъ уже опредѣлилъ историческія отношенія ап. Павла и Сенеки и въ этомъ нашелъ ключъ для объясненія данныхъ словъ переписки. Іеронимъ же долженъ былъ имѣть въ виду своихъ читателей, для которыхъ его сообщеніе о перепискѣ должно было служить исходнымъ пунктовъ въ пониманіи самыхъ историческихъ отношеній Сенеки къ ап. Павлу (по представленію переписки); въ виду этого едва ли онъ взялъ бы на себя отвѣтственность, приводя одно только „изреченіе". Вѣдь понялъ же средневѣковый фальсификаторъ эти слова въ превратномъ смыслѣ. Да и кто же приводитъ изъ какого либо сочиненія, какъ его характеристику такое изреченіе, которое само требуетъ толкованій?—Мы поймемъ побужденія Іеронима привести эти слова, если будемъ видѣть въ нихъ не краткое изреченіе, а краткое содержаніе всей переписки, т. е. писемъ Сенеки. Мы и должны именно такъ понять эту выписку, если сопоставить ее съ тѣми словами изъ предисловія Іеронима къ сочиненію: de viris illustribus, которыя мы приводили выше. Іеронимъ хочетъ показать противникамъ Церкви, что она имѣетъ въ своихъ рядахъ и философовъ, и указываетъ между прочимъ на Сенеку и на его

[1]) S. 173.

переписку съ ап. Павломъ, въ которой онъ высказываетъ желаніе имѣть такое же значеніе у своихъ, какое Павелъ имѣетъ у христіанъ. Само собою понятно, что въ такомъ случаѣ Іеронимъ указываетъ не на случайное изреченіе, а на мысль, высказанную въ перепискѣ настойчиво,—указываетъ, однимъ словомъ, на тему писемъ Сенеки, на ихъ общее содержаніе.

Другое указаніе на содержаніе переписки, о которой рѣчь, мы находимъ въ актахъ псевдо-Лина. По нашему мнѣнію, то мѣсто изъ этихъ актовъ, которое мы привели выше, есть позднѣйшая вставка, а поводъ къ этой вставкѣ, приблизительно къ концу жизни Іеронима или немного позднѣе его, дала уже существовавшая переписка съ именами ап. Павла и Сенеки. Критика хронологическихъ данныхъ относительно этихъ актовъ ничего не имѣетъ предъявить противъ такого мнѣнія. Правда, Крейгеръ старается показать, что первоначальная редакція этихъ актовъ восходитъ къ самымъ раннимъ временамъ и появилась лѣтъ черезъ 50 послѣ ап. Павла, и Сенеки. Но если мы согласимся съ этимъ утвержденіемъ Крейгера, то вѣдь все же несомнѣнно, что эти акты въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились до позднѣйшаго времени, имѣли много редакцій и при этомъ часто подвергались большимъ измѣненіямъ. Написанные сначала на греческомъ языкѣ, они были передѣланы при переводѣ на латинскій языкъ [1]). Самъ Крейгеръ соглашается съ Липсіусомъ, что латинскій переводъ этихъ актовъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ редакціи позднѣйшей Іеронима, хотя и оговаривается, что еще требуется доказать, что замѣтка о Сенекѣ принадлежитъ только позднѣйшимъ Іеронима редакціямъ [2]). Наконецъ, Флёри даже полагаетъ, что позднѣйшая редакція этихъ актовъ относится уже къ среднимъ вѣкамъ, когда они также испытали значительныя передѣлки [3]). Такимъ образомъ, заключеніе Крейгера о раннѣйшемъ происхожденіи этихъ актовъ относится собственно къ самому общему ихъ содержанію, а не къ детальнымъ замѣчаніямъ, которыя могли быть вставляемы время отъ времени при дальнѣйшихъ редакціяхъ.

---

[1]) Westerburg s. 51.

[2]) Крейгеръ s. 180.

[3]) Флёри t. I, 275—285.

Такъ мы полагаемъ, что и замѣтка о Сенекѣ есть одна изъ такихъ вставокъ, и полагаемъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

Акты псевдо-Лина имѣютъ въ сущности строго опредѣленный и узко—ограниченный планъ,—это собственно сказанія о мученической кончинѣ Петра и Павла (Passio Petri et Pauli) въ связи съ событіями, имѣвшими ближайшее отношеніе къ ихъ кончинѣ: этой темѣ строго подчинено все содержаніе актовъ. Такъ, если въ сказаніи о кончинѣ ап. Петра говорится объ успѣхахъ проповѣди этого апостола въ Римѣ, то говорится объ этомъ постольку, поскольку успѣхи эти имѣли отношеніе къ кончинѣ апостола: обращеніе въ христіанство конкубинъ знатныхъ лицъ произвело ему враговъ,—тюремные стражи, обращенные апостоломъ ко Христу, содѣйствовали его побѣгу и пр. О борьбѣ же Петра съ Симономъ волхвомъ и другими предтечами антихриста въ сказаніи упомянуто только мимоходомъ и представлено, какъ уже случившееся въ прошедшемъ.—Такую же строгую опредѣленность содержанія мы находимъ и въ сказаніи о кончинѣ ап. Павла. Такъ, здѣсь разсказывается о томъ, что къ слушанію проповѣди апостола притекали нѣкоторые изъ дома Кесарева, (въ чемъ должно видѣть указаніе на Фил. VI, 22),—что однажды вечеромъ, когда Павелъ училъ народъ, пришелъ въ собраніе и Патроклъ, мундшенкъ императора, и, задремавъ на окнѣ во время проповѣди, упалъ и умеръ (—очевидная варіація на Дѣян. XX, 9). Павелъ воскресилъ Патрокла, который и объявилъ императору, что его воскресилъ вѣчный *царь*, Іисусъ Христосъ, а это заставило Нерона подвергнуть пыткѣ всѣхъ *воиновъ* Христовыхъ, тогда и Павелъ былъ приведенъ къ Нерону и т. д. и т. д. И вотъ въ такомъ-то, строго опредѣленномъ по содержанію, разсказѣ между замѣчаніемъ объ ученикахъ апостола изъ дома Кесаря и разсказомъ о Патроклѣ, по странной, совершенно непонятной, развѣ только чисто механической связи, разсказывается о дружбѣ апостола съ воспитателемъ императора, о его перепискѣ съ какимъ-то учителемъ императора, о взглядахъ этого учителя на апостола, объ его уваженіи къ апостолу, о побѣдахъ апостола въ спорахъ съ философами,—и все это разсказывается довольно подробно, тогда какъ ни то, ни другое, ни третье не

имѣло вліянія на судьбу апостола. И отношенія этого какого то учителя и воспитателя императора къ апостолу довольно странны. Всѣ другіе, кого только ни обращалъ апостолъ, относятся къ нему собственно какъ къ проповѣднику христіанства, находятся къ нему въ отношеніяхъ, если можно такъ выразиться, оффиціально-церковныхъ; воспитатель же императора поставляется въ дружбу съ апостоломъ, выражаетъ эту дружбу перепиской съ нимъ, о немъ съ удареніемъ разсказывается, что онъ видѣлъ въ апостолѣ божественное вѣдѣніе и считалъ его человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ удивленія. Эти подробности представляются странными какъ въ томъ случаѣ, если предположить, что этотъ воспитатель былъ ученикомъ апостола, такъ какъ всѣ ученики, несомнѣнно видѣли въ апостолѣ божественное вѣдѣніе, такъ и въ томъ случаѣ, если предположить, что онъ не былъ ученикомъ апостола, такъ какъ онъ не оказалъ ни какого вліянія на судьбу апостола, что единственно могло бы оправдывать упоминаніе объ немъ. Кратко говоря, когда въ сказаніи о кончинѣ ап. Павла рѣчь заходитъ о воспитателѣ и учителѣ императора, характеръ разсказа совершенно мѣняется: вездѣ—прежде всего имѣется въ виду апостолъ, какъ главное дѣйствующее лицо въ разсказѣ, другія лица выводятся постольку, поскольку они имѣли отношеніе къ судьбѣ апостола; здѣсь же главное лицо разсказа — воспитатель и учитель императора, здѣсь говорится о его взглядахъ, мысляхъ, чувствахъ съ детальными подробностями. Очевидно, это мѣсто о воспитателѣ императора или заимствовано авторомъ разсказа (и вставлено въ разсказъ механически) изъ другаго, чѣмъ все остальное, источника, или даже, что̀ болѣе естественно, вставлено въ разсказъ позднѣе другимъ лицомъ. И если Крейгеръ сомнѣніе, возбуждаемое странною связью разсказа о Сенекѣ съ общимъ ходомъ повѣствованія о кончинѣ апостола Павла,—сомнѣніе, выраженное имъ въ вопросѣ, почему въ повѣствованіи именно какой-то учитель выводится другомъ ап. Павла [1]),—повидимому, легко устраняетъ признаніемъ дѣйствительности факта дружбы Сенеки съ ап. Павломъ и въ до-

[1]) S. 194.

казательство указываетъ на то, что самое упоминаніе у псевдо-Лина о „воспитателѣ Нерона“, сдѣланное такъ просто и безъискусственно, предполагаетъ у автора разсказа знаніе дѣйствительной исторіи; то мы, напротивъ, не видя у автора разсказа именно такого знанія дѣйствительной исторіи, находимъ возможнымъ разрѣшить указанное сомнѣніе, только принявъ этотъ разсказъ о воспитателѣ Нерона за позднѣйшую вставку.

Въ самомъ дѣлѣ, Крейгеръ говоритъ о знаніи авторомъ дѣйствительной исторіи. Акты псевдо-Лина написаны лѣтъ 50 спустя послѣ описываемыхъ въ нихъ событій; слѣд., авторъ или былъ очевидецъ этихъ событій, или узналъ объ нихъ отъ очевидца и, такимъ образомъ, все же смотритъ на нихъ глазами очевидца. И вотъ такой-то авторъ разсказываетъ просто, безъискусственно, именно какъ очевидецъ, о дружбѣ ап. Павла съ воспитателемъ и учителемъ императора, въ которомъ мы и видимъ Сенеку, ибо кто же изъ насъ не знаетъ этого знаменитаго воспитателя и учителя Нерона. Но стоитъ лишь немного поглубже вдуматься въ истинное положеніе дѣла, и мы находимъ въ высшей степени знаменательную странность.

Очевидецъ разсказываетъ намъ о дружбѣ ап. Павла во время его пребыванія въ Римѣ, предъ самой его кончиной, съ воспитателемъ императора. Представьте себѣ, что мы современники предполагаемаго автора—очевидца. Мы спрашиваемъ его: кто же такой этотъ воспитатель императора? Онъ не можетъ отвѣтить намъ: „это—извѣстный Сенека“, такъ какъ авторъ разсказа не знаетъ имени Сенеки; онъ даже не знаетъ, было ли это одно лицо—воспитатель императора и его учитель, о которыхъ онъ говоритъ въ разсказѣ какъ будто о двухъ различныхъ личностяхъ [1]). Но допустимъ, что авторъ—очевидецъ, въ отвѣтъ на нашъ вопросъ, указываетъ намъ на *кого нибудь* какъ на учителя и воспитателя Нерона: этотъ *кто нибудь* и въ томъ и другомъ случаѣ долженъ быть Сенека. Тогда, на указаніе очевидца мы могли бы возразить: но вѣдь Сенека, „извѣстный Сенека“,—это придворный, совѣтникъ императора, министръ, а не учитель императора. И мы были бы правы.—

[1]) Это признаетъ самъ Крейгеръ s. 170.

Сенека, это—*бывшій* учитель и воспитатель императора; во время же пребыванія апостола Павла въ Римѣ онъ былъ совѣтникомъ [1]) императора, министромъ. Если бы его дѣятельность при императорскомъ дворѣ ограничилась только воспитаніемъ императора или если бы его воспитанникъ былъ его послѣдователемъ философомъ—стоикомъ, тогда, разумѣется, въ представленіи современниковъ съ именемъ и личностью Сенеки продолжало бы и въ послѣдствіи соединяться имя воспитателя и учителя императора; но Неронъ никогда не былъ философомъ—стоикомъ, а Сенека по окончаніи срока воспитанія императора, продолжалъ общественную дѣятельность въ качествѣ совѣтника императора, его министра. И совѣтникъ императора былъ несомнѣнно важнѣе въ глазахъ толпы современниковъ, чѣмъ бывшій воспитатель императора; несомнѣнно, что во время пребыванія ап. Павла въ Римѣ, Сенека былъ извѣстенъ, какъ министръ, а не какъ воспитатель императора. Вѣдь Климентъ Алекс., Оригенъ, Амвросій—почему, по мнѣнію самаго Крейгера, читая акты псевдо-Лина, не узнавали въ этомъ quidem magister Сенеку? „Безыменнаго quidem magister они безъ сомнѣнія, принимали за *простаго раба*"... Вѣдь Іустинъ Мученикъ, упоминая во второй апологіи о Юніи Рустикѣ, называетъ его префектомъ городскимъ, хотя это бывшій учитель Марка Аврелія... А Сенека, лишь только былъ вызванъ изъ заточенія, уже былъ назначенъ городскимъ префектомъ [2]).—Конечно, теперь каждый изъ насъ на вопросъ, кто токой былъ Сенека, не колеблясь, отвѣтитъ: „философъ и воспитатель Нерона", но вѣдь это потому, что мы говоримъ не какъ современники Сенеки за послѣднее время его жизни. Теперь дѣятельность Сенеки оцѣнена во всѣхъ ея частяхъ и указаніе на самыя важныя для исторіи черты этой дѣятельности прилагается къ его имени. И историкъ, послѣдовательно слѣдящій за событіями, можетъ назвать Сенеку учителемъ Нерона или въ томъ случаѣ, когда будетъ говорить о времени воспитательной дѣятельности Сенеки, или въ томъ, когда будетъ выражать оцѣнку всей дѣятельности Сенеки, или въ

---

[1]) Ср. Флёри I, 87.

[2]) Тацита Лѣтоп. XII, 8.

томъ, когда будетъ имѣть въ виду отношенія Сенеки собственно къ Нерону. Такъ, Светоній замѣчаетъ о Неронѣ, что онъ Senecam praeceptorem ad necem compulit [1]), не то говоря этимъ, что Неронъ заставилъ Сенеку умереть, когда тотъ былъ его praeceptor, а указывая на то, что для Нерона было особенно позорнымъ убіеніе Сенеки—не какъ своего министра, а какъ своего бывшаго воспитателя.—Современникъ же пребыванія ап. Павла въ Римѣ не могъ бы сказать, что ап. Павелъ познакомился тогда съ quidem magister, разумѣя Сенеку. И самъ Крейгеръ справедливо замѣчаетъ: „можно утверждать что писатель актовъ не зналъ точно, о комъ именно разсказываетъ, иначе не понятно, почему извѣстнаго римскаго философа (правильнѣе: (извѣстнаго) министра, такъ какъ философскія сочиненія Сенеки въ первое время были извѣстны только немногимъ его друзьямъ) онъ превратилъ въ какого-то безъименнаго quidem magister и почему онъ благосклонность Сенеки къ Павлу объясняетъ тѣмъ, что Павелъ диспутировалъ съ языческими философами и побѣждалъ ихъ". И дѣйствительно, все это не понятно, если предположить, что a) въ актахъ псевдо-Лина разсказъ ведется со словъ современника и свидѣтеля *дѣйствительной* исторіи и что b) замѣчаніе о Сенекѣ принадлежитъ автору всего сказанія о кончинѣ ап. Павла. Для судьбы апостола совершенно было не важно пріобрѣсти дружбу какого-то учителя императора, какимъ даже могъ бы быть какой либо ученый рабъ, не имѣвшій никакого государственнаго значенія, но было бы весьма важно и не осталось бы безъ послѣдствій знакомство съ министромъ и совѣтникомъ императора. Какъ не важно было бы для судьбы апостола его знакомство съ какимъ то учителемъ императора, такъ или даже еще болѣе была бы для нея безъ значенія и дружба апостола съ философомъ. Непонятно, почему въ актахъ псевдо-Лина,—если предположить, что разсказъ о Сенекѣ принадлежитъ автору всего сказанія,—Сенека разсматривается исключительно, какъ учитель и философъ, склоняющійся на сторону Павла

[1]) Neronis vita 35.—Но бл. Августинъ выражается такъ: „находятся нѣкоторые слѣды того, что онъ (Сенека) процвѣталъ во время апостоловъ и былъ *сенаторомъ* Римскаго народа". De civit. Dei lib. VI, c. 10.

послѣ того, какъ тотъ въ спорахъ побѣдилъ нѣкоторыхъ философовъ, а не какъ вліятельный царедворецъ.

Гдѣ же источникъ для этого разсказа о Сенекѣ? Для автора этого источника, очевидно, важно было указаніе на Сенеку, не какъ на вліятельнаго государственнаго человѣка, а именно какъ на учителя—философа. Указаніе на этотъ источникъ мы находимъ у бл. Іеронима. Упоминая о перепискѣ Сенеки съ ап. Павломъ, Іеронимъ говоритъ что цитируемыя имъ изъ этой переписки слова были написаны Сенекой, cum esset Neronis magister et illius temporis potentissimus (optare se dicit esse loci apud suos, cujus sit Paulus apud christianos). Слова cum esset Neronis magister не значатъ „когда онъ былъ“, но „хотя онъ былъ“,.... т. е. не представляютъ собою только обозначенія даннаго самимъ Іеронимомъ времени переписки, но указываютъ на самое содержаніе писемъ, представляютъ собою объясненіе дальнѣйшей мысли, заимствованное изъ содержанія переписки. Въ словахъ бл. Іеронима та же хронологическая—тенденціозная ошибка, какъ и въ разсказѣ актовъ псевдо-Лина, и, какъ показываетъ связь этой ошибки у Іеронима съ содержаніемъ письма, заимствована изъ самой переписки: тенденція этой хронологической ошибки принадлежитъ автору переписки.

Такимъ образомъ, въ разсказѣ актовъ псевдо-Лина о дружбѣ Сенеки съ ап. Павломъ мы должны видѣть вставку, поводъ къ которой дала переписка, а въ содержаніи разсказа—передачу содержанія этой переписки и притомъ передачу самую непосредственную, безхитростную, грубую, такъ что въ этомъ разсказѣ не объединено содержаніе писемъ, а какъ бы порознь передается содержаніе одного письма за другимъ: учитель, наставникъ являются какъ бы двумя отдѣльными лицами,—причины почтенія, которое оказывалъ этотъ воспитатель и учитель Нерона ап. Павлу—a) та, что онъ видѣлъ въ апостолѣ божественное вѣдѣніе, b) видѣлъ его побѣды надъ философами, c) считалъ его человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ удивленія—указываются какъ совершенно различные моменты. Именно дѣло представляется такъ, что авторъ имѣлъ въ виду отдѣльныя лица, а не одно лицо.

Затѣмъ, что разсказъ въ актахъ псевда-Лина о Сенекѣ составленъ на основаніи переписки, это слѣдуетъ изъ „психологическаго“ характера содержанія разсказа. Откуда авторъ могъ знать, что философъ видѣлъ въ апостолѣ божественное вѣдѣніе, что онъ едва могъ обходиться безъ общенія съ нимъ, что частыми письмами онъ выражалъ ему свою дружбу, что онъ считалъ его человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ удивленія? Откуда авторъ могъ знать эти внутреннія движенія души философа, его мысли, взгляды, чувства, какъ не изъ собственнаго признанія Сенеки? Слѣд., авторъ или самъ былъ знакомъ близко съ философомъ, былъ современникомъ ап. Павла и Сенеки, или позднѣе имѣлъ подъ руками письма Сенеки къ апостолу. Въ виду всего вышесказаннаго болѣе вѣроятнымъ слѣдуетъ признать то, что авторъ разсказа имѣлъ подъ руками письма съ именами ап. Павла и Сенеки и притомъ разсказъ о Сенекѣ вставленъ въ акты псевдо-Лина только при жизни Іеронима или даже позднѣе.

Почему Климентъ Алекс., Оригенъ, Амвросій ничего не знали объ этомъ разсказѣ?—Мы видѣли отвѣтъ Крейгера на этотъ вопросъ. Но почему ни одному изъ нихъ не были извѣстны преданіе о Сенекѣ и его переписка съ ап. Павломъ, при помощи которой, какъ сказано выше, легко можно было бы понять, о комъ идетъ рѣчь въ разсказѣ псевдо-Лина? Разсказъ псевдо-Лина легко могъ напомнить о перепискѣ Сенеки и ап. Павла, если бы она существовала. Да мало того—напомнить, даже заставить разыскивать эту переписку. По мнѣнію Крейгера, они не могли придать этому разсказу въ актахъ псевдо-Лина важнаго значенія именно потому, что разсказъ о какомъ то учителѣ, какимъ могъ быть даже какой либо рабъ, не могъ привлечь къ себѣ ихъ вниманія. Но Крейгеръ допускаетъ въ данномъ случаѣ свою обычную грубую ошибку. Этотъ разсказъ долженъ былъ бы привлечь къ себѣ ихъ вниманіе, потому что въ немъ передается о перепискѣ ап. Павла, хотя бы и съ какимъ то учителемъ,—послѣднее обстоятельство не важно; упоминаніе объ этой перепискѣ должно было бы остановить на себѣ ихъ вниманіе, потому что авторомъ половины писемъ былъ апостолъ, и должно было бы заставить ихъ отыскать эту пе-

реписку.—Слѣдовательно, если имъ были извѣстны акты псевдо-Лина и они все таки ничего не знаютъ о дружественныхъ отношеніяхъ ап. Павла и Сенеки, то должно согласиться, что въ ихъ время не существовало ни переписки съ именами ап. Павла и Сенеки, ни разсказа объ ихъ дружественныхъ отношеніяхъ въ актахъ псевдо-Лина.—По нашему предположенію, переписка появилась послѣ Лактанція, такъ что Климентъ и Оригенъ знать о ней не могли. Но во время Амвросія она могла уже существовать и онъ могъ не знать о ней только въ томъ случаѣ, если въ извѣстныхъ ему актахъ псевдо-Лина не было еще разсказа о Сенекѣ. Бл. Іеронимъ придалъ переπискѣ съ именами ап. Павла и Сенеки важное значеніе и кажется весьма вѣроятнымъ, что авторъ разсказа о Сенекѣ въ актахъ псевдо-Лина въ томъ значаніи, какое придалъ Іеронимъ перепискѣ, нашелъ для себя побужденіе и оправданіе ввести содержаніе этой переписки въ сказаніе о кончинѣ ап. Павла.—Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою болѣе или менѣе непосредственное воспроизведеніе переписки или, по крайней мѣрѣ, половины ея—писемъ Сенеки. Но тенденція этого содержанія, поскольку она даетъ себя знать въ разсказѣ актовъ псевдо-Лина, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому содержанію переписки, какое она должна была имѣть, если появилась при предполагаемыхъ нами условіяхъ.

Наше мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе и во времени и условіяхъ исчезновенія переписки. Интересъ, возбужденный у апологетовъ борьбою съ языческимъ философскимъ міромъ и поддерживавшій въ христіанскомъ обществѣ мнѣніе о заимствованіи язычниками высокихъ мыслей изъ св. Писанія, къ V вѣку постепенно ослабляется, какъ ослабляется и самая борьба. На ряду съ этимъ развиваются отрицательные взгляды по вопросу о заимствованіи классиками изъ св. Писанія. Послѣ Тертулліана и Лактанція, бл. Августинъ уже рѣшительно говорилъ: „не упоминая объ историкахъ, сами философы, которые, повидимому, трудились въ своихъ занятіяхъ только для того, чтобы найти, какъ надобно жить для достиженія блаженства, почему разногласили и ученики съ учителями и соученики между собою, если не потому, что они искали этого,

какъ люди, *человѣческими чувствами и человѣческими разсужденіями?*" [1]) Послѣ Лактанція и Августина у западныхъ церковныхъ писателей мнѣніе о заимствованіи классическими философами изъ Св. Писанія уже не встрѣчается.

Августинъ не придавалъ почти никакого значенія и преданію о знакомствѣ Сенеки съ ап. Павломъ и всѣ лучшія мысли въ сочиненіяхъ Сенеки относилъ на счетъ его философскаго развитія. Если мы примемъ во вниманіе распространенность (особенно на западѣ, что̀ и важнѣе) среди христіанъ сочиненій Лактанція и Августина и соотвѣтствіе ихъ взглядовъ на отношеніе философа Сенеки къ христіанству—общему ослабленію интереса, съ какимъ прежде поддерживалось мнѣніе о заимствованіи языческими философами изъ св. Писанія, ко времени Августина и еще болѣе послѣ него, мы легко поймемъ причины исчезновенія переписки (фальсификаціи) съ именами ап. Павла и Сенеки.

Такимъ образомъ, мнѣніе о близкихъ сношеніяхъ ап. Павла и Сенеки и его закрѣпленіе фальсификаціею писемъ съ ихъ именами были вызваны условіями борьбы христіанъ съ языческимъ философскимъ міромъ. Доказательствомъ истинности этого предположенія служатъ соображенія о времени появленія и исчезновенія корреспонденціи — фильсификаціи и тенденція переписки.

М. Т—въ.

---

[1]) De civ. Dei XVIII, 41.

„Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ“ Лейбница.

(Продолженіе *).

О значеніи словъ.

§ 1. *Филалетъ.* Такъ какъ теперь слова употребляются людьми для обозначенія ихъ идей: то прежде всего можно спросить, какимъ образомъ эти слова пріобрѣли свое значеніе. Всѣ согласны, что это произошло не по какой либо естественной связи, существующей между извѣстными членораздѣльными звуками и извѣстными идеями (ибо въ такомъ случаѣ существовалъ бы только одинъ языкъ среди людей), но по *произвольному установленію*, въ силу котораго такое-то слово было желательно для обозначенія такой-то идеи [1]).

Ѳеофилъ. Я знаю, что въ школахъ и повсюду говорятъ, что значенія словъ произвольны (*ex instituto*); и справедливо, что они не опредѣляются естественною необходимостію; тѣмъ не менѣе они не перестаютъ быть опредѣляемы то естественными

*) См. „Вѣра и Разумъ“, за 1894 г., № 24.

[1]) Изобрѣтена ли человѣческая рѣчь людьми произвольно при установленіи ими человѣческихъ обществъ (*ex instituto, per conventionem*), или сама природа, на основаніи врожденныхъ людямъ законовъ, даровала человѣку его членораздѣльную рѣчь,—вопросъ этотъ рѣшаемъ былъ уже въ глубокой древности. Онъ рѣшаемъ былъ въ разговорѣ Платона «Кратилъ» и въ сочиненіи Аристотеля «Толкованіе». Лейбницъ признаетъ постановку этого вопроса неправильною; по нему, нельзя спрашивать, произвольна или непроизвольна наша членораздѣльная рѣчь; потому что въ словообразованіи, какъ и во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, одинаковое участіе принимаютъ природа и свобода. Природа доставляетъ намъ извѣстный матеріалъ для дѣятельности духа, а духъ человѣческій самостоятельно обработываетъ этотъ матеріалъ въ опредѣленныхъ границахъ. Это значитъ, что образованіе словоыраженій свободно, но оно совершается на основахъ естественныхъ способностей и природныхъ расположеній человѣка.

причинами, при которыхъ принимаетъ нѣкоторое участіе случай, то нравственными причинами, при которыхъ происходитъ выборъ. Быть можетъ, существуютъ языки искусственные, всецѣло возникшіе отъ выбора и совершенно произвольные, какимъ былъ, какъ полагаютъ, языкъ китайскій, или каковы языки Георгія Дальгарна [1]) и покойнаго Вилькинса [2]), епископа Честерскаго. Но тѣ языки, о которыхъ извѣстно, что они произошли изъ языковъ прежде бывшихъ, составлены изъ примѣси того, что было естественнаго и что было случайнаго въ языкахъ, лежащихъ въ ихъ основѣ. Такъ было съ языками, изобрѣтаемыми мошенниками, чтобы быть понимаемыми лишь людьми своей шайки, что́ нѣмцы называютъ [3]) *Rothwelsch*, италіанцы *gergo*, французы *narguois*. Но мошенники обыкновенно образуютъ эти языки изъ обычныхъ, извѣстныхъ имъ языковъ, посредствомъ или превращенія общепринятаго значенія словъ въ метафорическое, или посредствомъ образованія новыхъ словъ чрезъ соединеніе или выведеніе ихъ на свой манеръ. Возникаютъ языки посредствомъ сношеній съ различными народами, или безразлично смѣшивая сосѣдніе языки, или, какъ это чаще всего случается, принимая одинъ языкъ за основаніе и пренебрегая и измѣняя его законы и даже вводя въ него новыя слова, коверкаютъ его, искажаютъ, смѣшиваютъ и портятъ. Франкскій языкъ, которымъ пользуются въ торговыхъ сношеніяхъ (въ прибережьяхъ) Средиземнаго моря, образованъ изъ италіанскаго;

---

[1]) Сочиненіе Георга Дальгарна, на которое Лейбницъ ссылается здѣсь, появилось въ 1661 году подъ заглавіемъ: „*Ars signorum, vulgo character universalis et lingua philosophica*". Дальгарнъ думалъ, что съ помощію этого его руководства въ двѣ недѣли каждый человѣкъ, къ какой бы національности ни принадлежалъ, можетъ выучиться письменно выражать свои мысли и дѣлать ихъ понятными всѣмъ. Лейбницъ высоко цѣнилъ его *Ars signorum* и признавалъ руководствомъ философскаго языка (См. Monatsbericht der Kgl. Acad. der Wiss. zu Berl. Ian. 1861, p. 170—219).

[2]) Іоаннъ Вилькинсъ (рожд. въ 1614 г.), въ числѣ другихъ своихъ сочиненій, написалъ: «*Essay towards a real character and philosophical language*».

[3]) Цыганскій или мошенническій языкъ (*Rothwälsch, Gauner sprache*), распространенный въ шестнадцатомъ и въ особенности въ семнадцатомъ столѣтіи въ Германіи и въ другихъ мѣстахъ, по изысканіямъ *Avé—l'Allemant*, былъ составленъ по большей части изъ еврейскихъ коренныхъ словъ, но въ формахъ нѣмецкой грамматики (см. его: *Das deutsche Gaunerthum*. Leipzig, 1858—1862). Въ Италіи этотъ языкъ носилъ названіе *Gergo*, соотвѣтственно съ французскимъ *Argot*.

и при немъ не обращаютъ вниманія на грамматическія правила [1]). Одинъ армянинъ и доминиканскій монахъ, съ которымъ я разговаривалъ въ Парижѣ, создалъ себѣ нѣкоторый родъ франкскаго языка (*lingua franca*), или же выучился ему отъ подобныхъ себѣ; этотъ языкъ былъ составленъ изъ латинскаго языка, и я находилъ его достаточно понятнымъ, хотя онъ не имѣлъ ни падежей, ни временъ, ни другихъ флексій; и доминиканскій монахъ, привыкшій къ нему, говоритъ на немъ съ легкостію. Патеръ Ляббе, французскій іезуитъ, человѣкъ очень ученый и извѣстный многими сочиненіями, создалъ языкъ, имѣвшій въ основѣ своей языкъ латинскій, который былъ болѣе легкимъ и менѣе тяжелымъ, чѣмъ нашъ латинскій языкъ, но болѣе правильнымъ чѣмъ *франкскій языкъ* [2]). Онъ написалъ о немъ особенную книгу. Что касается тѣхъ языковъ, которые, какъ думаютъ, созданы были уже давно: то изъ нихъ нѣтъ ни одного, который теперь не былъ бы чрезвычайно измѣненъ. Это ясно открывается изъ сравненія ихъ съ древними книгами и оставшимися памятниками. Древній французскій языкъ болѣе близокъ былъ къ провансальскому и италіанскому; и на сколько нѣмецкій языкъ близокъ былъ къ французскому или лучше — романскимъ языкамъ, (называвшимся прежде *lingua romana rustica*), какимъ онъ былъ въ десятомъ столѣтіи послѣ Р. Х., это видно изъ присяги сына императора Людовика Благочестиваго, какую присягу сохранилъ Нитардъ, его родственникъ [3]). Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя найти столько же древняго языка французскаго, италіанскаго или испанскаго. Но для древняго тевтонскаго или нѣмецкаго существуетъ евангеліе Отфрида Вейсенбургскаго того-же времени; это евангеліе обнародовалъ Флаціусъ, и Шильтеръ хотѣлъ издать снова [4]). И бывшіе Сак-

[1]) Въ побережьяхъ Средиземнаго моря и теперь преимущественно говорятъ на испорченномъ италіанскомъ языкѣ.

[2]) Въ данномъ мѣстѣ подразумѣвается Филиппъ Лаббе (*Labbé*), плодовитый писатель и злой критикъ, скончавшійся въ 1667 году.

[3]) Эта знаменитая формула присяги, по приказанію Карла Лысаго (въ 841—848), была переведена, какъ съ вѣроятностію полагаютъ, съ латинскаго текста на древне-романскій и древне-германскій. Ее можно находить въ историческихъ сочиненіяхъ Нитарта (См. его: *Hist. lib.* III. c. 3), равно какъ и у другихъ нѣмецкихъ историковъ.

[4]) Кромѣ древне-германскаго Отфридовскаго четвероевангелія, извѣстнаго въ

сы въ Великобританіи оставили намъ еще болѣе древнія книги. Существуетъ нѣсколько переводовъ или парафразовъ начала книги Бытія и нѣкоторыхъ другихъ частей священной исторіи, совершенныхъ Цедмономъ, о которомъ упоминаетъ уже Беда [1]). Но самая древняя книга не только на языкѣ германскомъ, но и на всѣхъ языкахъ Европы, за исключеніемъ греческомъ и латинскаго, есть евангеліе Понта Евксинскаго,— извѣстное подъ именемъ *Codex argenteus*, написанное совершенно особенными письменными знаками [2]). Книга эта находится въ бенедиктинскомъ монастырѣ Вердена въ Вестфаліи и была перенесена къ Шведамъ, гдѣ ее, по понятнымъ причинамъ, сохранили съ такою же тщательностію, какъ оригиналъ Пандектовъ во Флоренціи, хотя переводъ ея былъ сдѣланъ для восточныхъ Готѳовъ и на нарѣчіи, очень далекомъ отъ скандинавскаго германскаго языка; но это потому, что съ нѣкоторою вѣроятностію думали, что готѳы Понта Эвксинскаго первоначально вышли изъ Скандинавіи или, по крайней мѣрѣ, отъ Балтійскаго моря. Но языкъ или нарѣчіе этихъ древнихъ готѳовъ очень отличны отъ новаго германскаго, хотя въ основѣ ихъ лежитъ одинъ и тотъ же языкъ. Древній гальскій языкъ еще болѣе отличенъ отъ него, судя по языку наиболѣе приближающемуся къ древнему гальскому, какимъ онъ есть въ Валисѣ, Корнвалисѣ и Нижней-Бретаніи. Но

германской литературѣ подъ названіемъ: «Christ», въ настоящее время открыты и другіе, болѣе древніе памятники древне-германскаго языка, каковы Мерсебургскія заклинанія, пѣснь Гильдебранда и пр.

[1]) Цедмонъ, какъ полагаютъ, жилъ въ седьмомъ столѣтіи, но его стихотворенія на англо-саксонскомъ діалектѣ дошли до насъ въ рукописи 10-го столѣтія и, по всей вѣроятности, въ позднѣйшей редакціи. Существуютъ англійскія и нѣмецкія изданія этихъ стихотвореній, равно какъ и переводы на новѣйшіе языки.

[2]) «Серебряный» Кодексъ, о которомъ Лейбницъ говоритъ здѣсь, написанъ на пурпуровомъ пергаментѣ серебряными и золотыми буквами и переплетенъ въ серебро. Онъ содержитъ большую часть Евангелія на готскомъ языкѣ въ переводѣ готскаго епископа Ульфилы (311—381 г.г.). Рукопись эта написана была въ шестомъ столѣтіи, во время господства остъ-готовъ въ Италіи. Въ 1669 году, послѣ многоразличной судьбы, она очутилась въ Упсалѣ, въ Швеціи, гдѣ находится и теперь. Рукопись эта до сихъ поръ служитъ главнымъ источникомъ знанія готскаго языка, хотя позже открыты и другіе памятники этого языка. Лейбницъ часто говоритъ объ Ульфилѣ и о «серебряномъ» Кодексѣ, въ особенности же въ своей перепискѣ съ Лудольфомъ.

ирландскій языкъ еще болѣе отличенъ, и даетъ видѣть слѣды еще болѣе древняго языка британскаго, гальскаго и германскаго. Однако же всѣ эти языки проистекаютъ изъ одного источника, и могутъ быть принимаемы за видоизмѣненія одного и того же языка, который можно назвать *кельтическимъ*. Такъ древніе называли *кельтами*, какъ германцевъ, такъ и галловъ; и восходя выше, чтобы понять начало, какъ кельтскаго и латинскаго языка, такъ и греческаго, которые имѣютъ много общихъ корней съ языками германскими или кельтическими, то можно предполагать, что это зависѣло отъ общаго происхожденія всѣхъ этихъ народовъ отъ Скиѳовъ, пришедшихъ съ Чернаго моря. Эти Скиѳы перешли Дунай и Вислу, и часть ихъ могла направиться въ Грецію, а другая могла наполнить Германію и Галлію. Таковъ выводъ изъ гипотезы, по которой европейцы вышли изъ Азіи. *Сарматскій* языкъ (предположивши, что онъ же есть славянскій), по крайней мѣрѣ, на половину есть или германскій, или имѣетъ общее происхожденіе съ германскимъ. Представляется нѣчто подобное даже въ финскомъ языкѣ, который есть самый древній Скандинавскій, прежде чѣмъ Германскіе народы, то есть Датчане, Шведы и Норвежцы заняли то, что было лучшаго и ближайшаго къ морю; и языкъ *финскій*, или сѣверо-восточный къ нашей землѣ, который есть языкъ и Лапландцевъ, распространенъ отъ Германскаго или лучше—Норвежскаго океана до Каспійскаго моря (хотя прерывается славянскими народами, поселившимися между обоими морями) и имѣетъ отношеніе къ языку венгерцевъ, вышедшихъ изъ странъ, которыя теперь частію принадлежатъ русскимъ. Но татарскій языкъ, который, съ своими разнообразными нарѣчіями, наполняетъ сѣверо-востокъ Азіи, кажется былъ языкомъ Гунновъ и Кумановъ, равно какъ Узбековъ или Турокъ. Всѣ эти скиѳскіе языки имѣютъ много общихъ корней между собою и съ нашими; и даже въ арабскомъ языкѣ (подъ которымъ надобно подразумѣвать языки еврейскій, древній пуническій, халдейскій, сирійскій и эѳіопскій въ Абиссиніи) этихъ корней находятъ столь большое число и столь явное соотвѣтствіе съ нашими, что этого нельзя приписать одному только случаю, ни даже однимъ только торговымъ сно-

шеніямъ, но скорѣе переселенію народовъ. Такъ что нѣтъ ничего противорѣчащаго, а скорѣе много есть благопріятствующаго мысли объ общемъ происхожденіи всѣхъ людей (отъ одного начала) и объ одномъ коренномъ первоначальномъ языкѣ [1]). Если еврейскій или арабскій языкъ приближается къ нему наиболѣе, то, по крайней мѣрѣ, его надобно признать очень измѣненнымъ; и нѣмецкій языкъ кажется болѣе сохранившимъ естественности и (говоря языкомъ Якова Бема) *адамичности* [2]); ибо если бы мы имѣли первоначальный языкъ въ его чистотѣ, или достаточно сохранившимся для распознанія, то надобно было бы, чтобы въ немъ ясно обнаруживались основанія соединеній, возникшихъ или естественно, или по произвольному установленію,—основанія мудрыя и достойныя перваго виновника языка. Но предположивши, что наши языки суть производные, все же въ основѣ своей они имѣютъ въ себѣ нѣчто первоначальное, перешедшее къ нимъ въ отношеніи къ словамъ кореннымъ и къ новымъ кореннымъ, образованнымъ у нихъ впослѣдствіи случайно, но по физическимъ основаніямъ. Примѣры этого представляютъ слова, выражающія голоса животныхъ, или образованные по подражанію этимъ голосамъ. Таково, напримѣръ, латинское слово *coaxare*, усвояемое лягушкамъ, и имѣющее отношеніе къ нѣмецкому *couaquen* или *quaken*. Кажется, что крикъ этихъ животныхъ послужилъ первоначальнымъ корнемъ въ языкѣ германскомъ. Поелику же эти животныя производятъ большой крикъ, то его приписываютъ теперь рѣчамъ ничтожныхъ болтуновъ, которыхъ уменьшительно называютъ *Quakeler;* но очевидно то же самое слово *quaken* было прини-

---

[1]) Говоря о генетической связи европейскихъ и другихъ языковъ между собою, Лейбницъ упреждаетъ свое время. Онъ первый требуетъ сравнительнаго языковѣдѣнія и даже пролагаетъ путь къ нему.

[2]) Адамъ упоминается здѣсь, какъ символъ и представитель первоначальнаго единства человѣческаго рода. По ученію Бема, Адамъ предназначенъ былъ жить на землѣ и продолжать свой родъ въ ангелоподобной чистотѣ, не теряя своей невинности. Изъ многочисленныхъ цитатъ, приводимыхъ Лейбницемъ, видно, что Лейбницъ знакомъ былъ съ сочиненіями Бема, но не придавалъ имъ научнаго значенія. Историки говорятъ, что споры изъ за Беменскихъ положеній, Лейбницъ признавалъ праздными, полагая, что этотъ мистикъ ни самъ себя не понималъ, ни другіе его не понимали.

маемо нѣкогда въ хорошемъ смыслѣ и означало всякаго рода звуки, производимые устами, не исключая и самаго слова. И такъ какъ эти голоса или крики животныхъ свидѣтельствуютъ о жизни и посредствомъ ихъ узнаютъ о существованіи чего-то живаго, прежде чѣмъ увидятъ его, то отсюда произошло, что *quek*, въ древненѣмецкомъ, означало жизнь или живущее, какъ это можно замѣчать въ древнѣйшихъ книгахъ; и слѣды этого существуютъ въ новомъ языкѣ, ибо *quecksilber* есть живое серебро, и *erquicken* значитъ укрѣплять и какъ-бы оживлять или обновлять себя послѣ нѣкотораго ослабленія или нѣкотораго тяжелаго труда. Въ Нижней Германіи называютъ также *quaken* извѣстныя сорныя травы, живыя, такъ сказать, и летучія, какъ выражаются въ Германіи о травахъ, которыя разсѣеваются и легко распространяются по полямъ въ ущербъ зерновымъ растеніямъ; и въ англійскомъ языкѣ *quikly* значитъ быстро и живымъ образомъ. Такимъ образомъ въ отношеніи къ этимъ словамъ германскаго языка можно думать, что ихъ можно принимать за первоначальныя, такъ какъ древніе не имѣли надобности заимствовать гдѣ-либо звукъ, подражавшій кваканью лягушекъ. Существуетъ много другихъ словъ, съ которыми повидимому происходитъ тоже. Ибо кажется, что древніе Германцы, Кельты и другіе родственные съ ними народы по естественному инстинкту употребляли букву *R* для обозначенія стремительнаго движенія и шума, выражаемаго этою буквою [1]. Это видно въ словахъ ρεω (*теку*, *fluo*), *rinen*, *rühren* (*fluere*), *rutir* (*fluxion*), *Rhin*, *Rhône*, *Roer* (*Rehnus*, *Rhodanus*, *Eridanus*, *Rura*), *rauben* (*rapere*, *ravir*), *Radt* (*rota*), *radere* (*raser*), *rauschen* (слово труднопереводимое на французскій языкъ; оно означаетъ шумъ, производимый листьями или деревьями, шумъ, возбуждаемый вѣтромъ, или идущимъ животнымъ, или прикосновеніемъ одежды); *rekken* (съ силою касаться), откуда происходитъ, что *reichen* значитъ достигать, *der rick* означаетъ длинную палку или штангу (perche), служащую къ вѣшанію чего либо, въ какомъ родѣ оно употребляется въ Нижней Гер-

[1]) Попытка Лейбница опредѣлить здѣсь, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, значеніе членораздѣльныхъ звуковъ при образованіи словъ, не есть новость; ее можно находить въ сочиненіи Платона „Кратилъ“.

маніи или Нижней Саксоніи, близъ Брауншвейга; что *rige, reihe, regula, regere* относится къ длинѣ и къ прямому направленію, и что *reck* означаетъ вещь или лице очень широкія и длинныя, и въ особенности великана, а затѣмъ человѣка сильнаго и богатаго, какъ это открывается изъ нѣмецкаго *reich* или *ricco* романскихъ народовъ. На испанскомъ языкѣ *ricos hombres* означаетъ благородныхъ и знатныхъ людей; что въ то же время даетъ понять, какимъ образомъ метафоры, синекдоки и метанимія перемѣнили одно значеніе словъ на другое, безъ возможности когда либо открыть слѣдъ этого. Такимъ же образомъ этотъ шумъ и стремительное движеніе замѣтно въ *ris* (*ruptur*, переломъ), съ которымъ имѣютъ связь латинское *rumpo*, греческое ῥήγνυμι, французское *arracher*, италіанское *straccio*. Но какъ буква R означаетъ стремительное движеніе, такъ буква L движеніе тихое (doux). Такъ мы видимъ, что дѣти и другіе люди, для которыхъ буква R есть очень твердая и очень трудная въ произношеніи, замѣщаютъ ее буквою L, когда, напримѣръ, говорятъ: *mon lévelend pèle* (мой уважаемый отецъ). Это тихое движеніе сказывается въ *leben* (жить), *laben* (укрѣплять, оживлять), *lind, lenis,, lentus* (медленный), *lieben* (любить), *lauffen* (быстро скользить, какъ течетъ вода), *labi* (скользить: *Labitur uncta vadis abies*) [1]), *legen* (тихо класть), откуда происходитъ *liegen*, лежать; *lage* или *laye* (постель, напримѣръ, помѣщеніе для камней), lay—stein (каменное ложе, аспидный камень); *lego*, *я читаю*, я собираю поставленное (въ противоположность поставлять), *laub* (листъ), вещь удободвижимая, куда относятся также *lap*, *liel lenken*, *luo*, λύω (разрѣшаю); *lien* (въ Нижней Соксоніи) растворяться, распускаться подобно снѣгу, откуда получила свое имя *Leine*, Ганноверская рѣка, которая, вытекая изъ гористыхъ странъ, сильно увеличивается посредствомъ таянія снѣга. Мы не говоримъ уже о безчисленномъ множествѣ другихъ подобныхъ наименованій, которыя доказываютъ, что въ происхожденіи словъ существовало нѣчто естественное, показывающее отношеніе между предметами и звуками и движеніями органовъ голоса; и поэтому также буква L, въ соединеніи съ другими

[1]) Стихъ заимствованъ изъ *Энеиды* Виргилія (Кн. VIII, ст. 91) и значитъ: *скользитъ по волнамъ искривленная сосна (т. е. лодка).*

словами, имѣетъ уменьшительное значеніе у Латинянъ, Романскихъ народовъ и Верхнихъ нѣмцевъ. Однако же нельзя утверждать, что это отношеніе можетъ быть замѣчаемо повсюду; потому что *lion* (левъ), *lynx* (рысь), *loup* (волкъ) менѣе всего могутъ быть названы мягкими (doux). Но могли остановиться на другомъ обстоятельствѣ, какова скорость (*lauf*), которая дѣлаетъ ихъ страшными и заставляетъ уходить отъ нихъ, какъ если бы кто либо увидѣвшій подобное животное приближающимся кричалъ другому: *lauf* (уходи!). Кромѣ того, множество словъ вслѣдствіе различныхъ случайностей и измѣненій чрезвычайно видоизмѣнены по своему произношенію и по своему первоначальному значенію.

Филалетъ. Еще одинъ примѣръ сдѣлалъ бы это болѣе понятнымъ.

Θеофилъ. Вотъ довольно ясный примѣръ, содержащій въ себѣ многіе другіе. Этимъ примѣромъ можетъ послужить слово *oeil* (глазъ) и родственныя съ нимъ слова. Чтобы показать это, я начну нѣсколько съ далека. А (первая буква), сопровождавшая легкимъ дыханіемъ, образуетъ *ah*; и такъ какъ это есть выдыханіе воздуха, которое въ началѣ даетъ довольно ясный, а потомъ исчезающій звукъ, то этотъ звукъ естественно означаетъ легкое дуновеніе (*spiritus lenis*), когда А и Н не особенно сильны. Вотъ откуда, ἄω, *aer*, *aura*, *haugh*, *halare*, *haleine*, ἀτμὸς, *athem*, *odem* (нѣмецкое) получили свое начало. Но такъ какъ вода тоже есть жидкость и тоже производитъ шумъ, то отсюда произошло (какъ кажется), что *ah*, ставши болѣе грубымъ чрезъ удвоеніе, то есть, *aha* или *ahha*, принято было за воду. Тевтоны и другіе Кельты, для лучшаго обозначенія движенія, приставили къ тому и другому *W*; вотъ почему *wehen*, *wind*, *vent* обозначаютъ движеніе воздуха или *waten*, *vadum*, *water*—движеніе воды или въ водѣ. Но возвращаясь къ *aha*, кажется, какъ я уже сказалъ, оно есть родъ корня, означающаго воду. Испанцы, сохраняющіе нѣчто отъ древнихъ скандинавскихъ тевтоновъ, уменьшили дыханіе, говоря *aa*; другіе, говоря *aken* (и разумѣя *Aix*, *Aquas grani*), увеличили его, какъ дѣлаютъ тоже латиняне въ своей *aqua* и нѣмцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ говорятъ въ сложныхъ словахъ *ach* для обоз-

наченія воды, какъ *Schwartzach* означаетъ черную воду, *Biberach*, вода бобровъ. И вмѣсто *Wiser* или *Weser* говорятъ *Wiseraha* въ древнихъ документахъ, и *Wiserach* у древнихъ обитателей, изъ чего латиняне сдѣлали *Visurgis*, какъ изъ *Ier, Ierach* они сдѣлали *Iargus*. Изъ *aqua, aigues, auue* французы сдѣлали наконецъ *eau* (воду), которую произносятъ *oo*, причемъ ничего первоначальнаго не остается. *Auwe auge* теперь у германцевъ есть мѣсто, часто наводняемое водою и годное для пастбищъ, *locus irriguus, pascuus;* но въ тѣснѣйшемъ смыслѣ оно означаетъ островъ, какъ въ наименованіи *Реихенаускаго* монастыря (*Augia dives*) и во многихъ другихъ случаяхъ. И это должно было имѣть мѣсто среди многихъ тевтонскихъ и кельтскихъ народовъ, ибо отсюда произошло, что все изолированное на нѣкоторомъ видѣ равнины было названо *auge* или *ouge*, oculus (глазъ). Этимъ именемъ въ Германіи называютъ маслянистыя капли на водѣ, а среди Испанцевъ *ojo* есть топкое мѣсто. Но *auge, ooge, oculus, occhio* и пр. частнѣйшимъ образомъ были примѣнены преимущественно къ глазу, который образуетъ собою выдающееся изолированное влажное мѣсто (trou) на лицѣ; и, безъ сомнѣнія, отсюда происходитъ французкое *oeil*; но его первоначальное происхожденіе совершенно неузнаваемо, по крайней мѣрѣ, если не будутъ держаться указанной мною связи; и кажется, что греческое ὄμμα и ὄψις проистекаютъ изъ тогоже источника. *Oe* или *Oeland* есть островъ сѣверныхъ жителей; и нѣкоторый слѣдъ этого существуетъ въ еврейскомъ языкѣ, въ которомъ אי Ai есть островъ. Бухартъ полагалъ, что финикіяне измыслили это названіе, которое, по его мнѣнію, они усвояли Эгейскому морю, изобилующему островами [1]). *Augere* (увеличивать) тоже происходитъ отъ *auue* или *auge*, то есть, отъ разлива воды, какъ *ooken, auken* въ древнемъ саксонскомъ означало умножать, и *Augustus*, когда говорили объ императорѣ, было переводимо *Ooker*. Брауншвейгская рѣка, вытекающая изъ Гарцскихъ горъ и затѣмъ очень подверженная быст-

1) Самуилъ Бохартъ померъ въ 1667 году въ Кайенѣ, но сочиненія его въ трехъ фоліантахъ напечатаны были только въ 1692 году въ Лейденѣ и Утрехтѣ. Всѣ языки онъ этимологически выводилъ изъ еврейскаго и финикійскаго. Лейбницъ очень цѣнилъ его сочиненія и часто ссылался на нихъ.

рому увеличенію нѣкогда называлась *Ocker* и *Ouacra*. И я замѣтилъ уже мимоходомъ, что названіе рѣкъ, обыкновенно происходя отъ самой глубокой, извѣстной намъ древности, лучше всего указываютъ на древніе языки и на древнихъ обитателей; вотъ почему эти названія заслуживаютъ преимущественнаго разслѣдованія. И языки вообще, будучи самыми древними памятниками народовъ до появленія письменности и искусствъ, лучше всего показываютъ происхожденіе, сродство и переселеніе народовъ. Вотъ почему этимологическія изслѣдованія, совершаемыя правильно, могутъ быть самыми любопытными и важными; но надобно соединять языки многихъ народовъ и не дѣлать слишкомъ большихъ скачковъ отъ одного народа къ другому, очень отдаленному, не имѣя достаточныхъ ручательствъ, при чемъ очень важно имѣть между ними народы, подтверждающіе это. И вообще надобно довѣрять этимологическимъ изслѣдованіямъ лишь тогда, когда существуетъ множество согласныхъ указаній; иначе будутъ только *горопизировать*.

Филалетъ. *Горопизировать*! Что это значить?

Өеофилъ. Такъ говорятъ о странныхъ и часто смѣшныхъ филологическихъ разслѣдованіяхъ Горопія Бекона [1]), ученаго медика XVI вѣка,—вошедшихъ въ пословицу, хотя впрочемъ онъ не слишкомъ много ошибался, утверждая, что германскій языкъ, названный имъ Кимврскимъ, сохраняетъ столько же и даже больше признаковъ кое-чего отъ первоначальнаго языка, какъ и самый еврейскій языкъ. Я припоминаю, что покойный Глауберъ, превосходный философъ, написалъ небольшой опытъ о началѣ германскаго языка; и это заставляетъ сожалѣть о потерѣ, обѣщаннаго имъ по этому предмету. Я самъ высказалъ нѣсколько мыслей объ этомъ, и кромѣ того, Герардъ Мейеръ, Бременскій богословъ, трудился надъ тѣмъ, что было сдѣлано имъ; но смерть прервала его труды. Однако же я надѣюсь, что публика нѣкогда воспользуется этимъ, равно какъ и подобными

---

[1]) Горопій Беконъ, знаменитый ученый и врачъ шестнадцатаго столѣтія, въ сочиненіи своемъ «Герматенъ» (См. *Opera*, Антверпенъ, 1580 г.) выводилъ всѣ языки изъ нижне-германскаго, признаваемаго имъ «кимврійскимъ»; онъ же считалъ Нидерланды первоначальнымъ мѣстопребываніемъ рая. Не смотря однако же на эти странныя мнѣнія, онъ отличался глубокомысліемъ.

трудами Шильтера, славнаго Страсбургскаго юрисконсульта, тоже умершаго уже [1]). По крайней мѣрѣ, достовѣрно, что языкъ и тевтонскія древности занимаютъ мѣсто въ большинствѣ изслѣдованій о происхожденіи, обычаяхъ и древностяхъ Европы. И я желалъ бы, чтобы ученые люди столько же сдѣлали для языковъ валлійскаго, бискайскаго, славянскаго, финскаго, турецкаго, персидскаго, армянскаго, грузинскаго и другихъ, для нахожденія большей гармоніи между ними, что̀ наилучшимъ образомъ можетъ, какъ я только что сказалъ, объяснить первоначальное происхожденіе народовъ.

§ 2. *Филалетъ*. Это желаніе естественно; но теперь пора оставить *матеріальную сторону словъ* и обратиться къ *формальной*, то есть, къ значенію, общему для различныхъ языковъ. Но прежде всего вы согласитесь со мною, м. г., что когда человѣкъ говоритъ съ другимъ, то есть, хочетъ обозначить знаками свои собственныя идеи: то слова не могутъ быть примѣняемы имъ къ предметамъ, которыхъ онъ не знаетъ. И до тѣхъ поръ, пока человѣкъ будетъ имѣть идеи изъ своей собственной глубины, онъ не можетъ предполагать, что идеи эти соотвѣтствуютъ качествамъ предметовъ или понятіямъ другихъ людей.

Ѳеофилъ. Достовѣрно однако же, что очень часто хотятъ обозначать скорѣе то, что другіе думаютъ, чѣмъ то, что думаютъ сами, какъ это слишкомъ часто случается съ простымъ народомъ, коего вѣра не развита. Но я соглашаюсь, что всегда разумѣютъ нѣчто общее, какъ-бы ни была мысль, смутна и чужда понятности; и, по крайней мѣрѣ, стараются употреблять слова согласно съ обычаемъ другихъ, довольствуясь предположеніемъ, что въ случаѣ надобности могутъ понять ихъ смыслъ.

---

[1]) Іоаннъ Клаубергъ (1622—1665), картезіанецъ и профессоръ въ Дюисбургѣ, былъ очень цѣнимъ Лейбницемъ. Сочиненія его: *Meditationes et collectanea linguae Teutonicae* (*Duisburgi* 1663) и *Ars etimologica Teutonum*, въ которыхъ онъ нѣмецкій языкъ признавалъ первобытнымъ языкомъ человѣческаго рода, хорошо были извѣстны Лейбницу.—Гергардъ Мейеръ, какъ это открывается изъ Эккартова введенія въ *Collectanea etimologica Leibnizii*, состоялъ въ перепискѣ съ Лейбницемъ по предмету этимологіи. Мейръ скончался въ молодыхъ лѣтахъ.—Знаменитый Шильтеръ, украшеніе Страсбургскаго университета въ свое время, извѣстенъ былъ своими юридически-антикварными работами и трудами по языковѣдѣнію; онъ померъ 73 лѣтъ въ 1705 году.

Такимъ образомъ нерѣдко бываютъ лишь передатчиками мыслей или носителемъ чужихъ словъ, совершенно также, какъ это происходитъ съ письмомъ, и это случается гораздо чаще, чѣмъ предполагаютъ.

§ 3. *Филалетъ.* Вы правильно прибавляете, что всегда разумѣютъ нѣчто общее, какъ бы ни были неразумны. Дитя, замѣтивши только блестящій желтый цвѣтъ того, что, какъ оно слышитъ, называютъ *золотомъ:* усвояетъ названіе золота подобному же цвѣту, замѣченному имъ на хвостѣ павлина; другіе же присоединяютъ къ этому большую тяжесть, плавкость, растяжимость.

Ѳеофилъ. Я соглашаюсь съ этимъ; но часто идея предмета, о которомъ говорятъ, бываетъ болѣе общею, чѣмъ идея этого дитяти; и я не сомнѣваюсь, что слѣпой не можетъ соотвѣтвѣтственно разсуждать о цвѣтахъ и не можетъ держать рѣчь въ похвалу свѣта, котораго онъ не сознаетъ, хотя бы узналъ его дѣйствіе и его обстоятельства.

§ 4. *Филалетъ.* То, что вы замѣтили, очень хорошо. Часто случается, что люди больше останавливаютъ свои мысли на словахъ, чѣмъ на предметахъ; и такъ какъ по большей части узнаютъ эти слова прежде знанія значенія идей, то есть не только дѣти, но и взрослые люди, которые часто говорятъ, какъ попугаи. § 5. Однако же люди обыкновенно предполагаютъ обозначать ими свои собственныя идеи; и даже болѣе, они приписываютъ словамъ тайное отношеніе къ идеямъ другихъ людей и даже къ самымъ предметамъ. Ибо если тотъ, съ кѣмъ мы разговариваемъ, будетъ соединять съ звуками иныя идеи, то это будетъ значитъ говорить на двухъ языкахъ. Справедливо, что не задумываются долго, какими бываютъ идеи другихъ, и предполагаютъ, что наша идея есть та же, какую общества и люди образованные въ извѣстной странѣ соединяютъ съ тѣмъ же словомъ. § 6. Это преимущественно случается въ отношеніи къ простымъ идеямъ и къ модусамъ; но что касается субстанцій, то въ частности думаютъ, что слова обозначаютъ также и реальность предметовъ.

Ѳеофилъ. Субстанціи и модусы равно представляются посредствомъ идей, и предметы, равно какъ идеи, въ томъ и

другомъ случаѣ, обозначаются посредствомъ словъ. Такимъ образомъ я не вижу здѣсь никакого различія, за исключеніемъ того, что идеи чувственныхъ предметовъ и чувственныхъ качествъ болѣе фиксированы. Наконецъ случается иногда, что наши идеи и мысли становятся матеріею нашихъ разсужденій и составляютъ тотъ предметъ, который хотятъ обозначить, и что отвлеченныя понятія болѣе, чѣмъ думаютъ, вмѣшиваются въ понятія о предметахъ. Иногда говорятъ о словахъ даже въ матеріальномъ смыслѣ, не имѣя въ этомъ случаѣ возможности на мѣсто слова подставить значеніе или отношеніе къ идеямъ или къ предметамъ [1]). Это случается не только тогда, когда говорятъ, какъ грамматики, но и тогда, когда говорятъ, какъ лексикографы, давая объясненія именамъ.

ГЛАВА III.

Объ общихъ терминахъ.

§ 1. *Филалетъ.* Хотя существуютъ только частныя вещи, тѣмъ не менѣе большая часть словъ состоитъ изъ *общихъ терминовъ*; потому что невозможно (§ 2), чтобы каждая частная вещь могла имѣть частное и особенное имя; кромѣ того, для этого надобно было бы имѣть чудодѣйственную память, предъ которою память нѣкоторыя генераловъ, могшихъ назвать всѣхъ своихъ солдатъ по имени, была бы ничтожною. Дѣло разрослось бы въ безконечность, если бы каждое животное, каждое растеніе, и даже каждый листокъ растенія, каждое зерно, наконецъ каждая песчинка, въ случаѣ надобности назвать ихъ, должны были бы имѣть свое имя. А какъ надобно было бы назвать части предметовъ чувственно однообразныя, каковы вода, желѣзо? § 3. Кромѣ того, эти частныя имена были бы безполезными, такъ какъ главная цѣль языка состоитъ въ возбужденіи у того, кто слушаетъ меня, идеи подобной моей. Такимъ образомъ достаточно сходства, которое обозначается общими терминами. § 4. И одни частныя слова не помогали бы распространенію нашихъ познаній, ни заключенію о буду-

[1]) Лейбницъ указываетъ здѣсь на то обстоятельство, что употребленіе общихъ понятій приводитъ многихъ къ гипостазированію ихъ, то есть, къ признанію ихъ субстанціями, что̀ Беконъ называетъ *idola fori*.

щемъ по прошедшему, ни по индивидуальному о другомъ. § 5. Но поелику часто имѣютъ надобность упоминать объ извѣстныхъ индивидуумахъ, въ особенности нашего рода, то пользуются *собственными именами*, которыя даютъ странамъ, городамъ, горамъ и другимъ различнымъ мѣстамъ. Продавцы лошадей, подобно тому, какъ Александръ назвалъ своего Буцефала, даютъ собственныя имена лошадямъ, дабы имѣть возможность различить такую или иную частную лошадь, когда она удалена отъ ихъ взора.

Ѳеофилъ. Эти замѣчанія хороши, и среди нихъ нѣкоторыя сходны съ тѣми, которыя я сдѣлалъ. Но я прибавилъ бы, согласно съ замѣченнымъ уже мною, что собственныя имена были первоначально аппелятивными, то есть, общими по своему происхожденію, каковы: *Брутъ*, *Кесарь*, *Августъ*, *Капитонъ*, *Лентулъ*, *Пизонъ*, *Эльба*, *Ринъ*, *Руръ*, *Лейна*, *Океръ*, *Буцефалъ*, *Альпы*, *Бренны* или *Пиренеи*; ибо извѣстно, что первый Брутъ получилъ это имя отъ своего очевиднаго тупоумія, что Цезарь имѣлъ имя дитяти, извлеченнаго изъ материнской утробы посредствомъ сѣченія, что Августъ было почетнымъ именемъ, что Капитонъ означаетъ большеголоваго, равно какъ и Буцефалъ; что Лентулъ, Пизонъ и Цицеронъ имѣли имена, данныя первоначально тѣмъ, которые преимущественно культивировали извѣстные роды овощей. Я уже сказалъ, что значатъ имена этихъ рѣкъ: *Ринъ*, *Руръ*, *Лейна*, *Оккеръ;* и извѣстно, что всѣ рѣки называются еще *Эльбами* въ Скандинавіи. Наконецъ *Альпы* суть горы, покрытыя снѣгами (соотвѣтственно *album*, бѣлый) и *Бренны* или *Пиренеи* означаютъ большую высоту, ибо *бренъ* (*bren*) въ кельтскомъ языкѣ означало высокій или глава и въ Нижней Саксоніи *Brinck* означаетъ высоту; существуютъ *Бренны* между Германіею и Италіею, какъ Пиренеи между Галліею и Испаніею. Такимъ образомъ смѣю сказать, что почти всѣ слова первоначально были общими терминами; потому что очень рѣдко случалось, чтобы безъ причины находили нарочитое имя для обозначенія такого или иного индивида. И такъ можно сказать, что имена индивидовъ были имена видовъ, которыя усвояли по преимуществу или исключительно какому либо индивиду, какъ имя *большеголовый* да-

вали тому, кто имѣлъ наибольшую голову во всемъ городѣ или самую большую изъ всѣхъ извѣстныхъ большеголовыхъ людей. Такъ сообщали родовыя имена даже видамъ, то есть, довольствовались болѣе общимъ или болѣе неопредѣленнымъ терминомъ для обозначенія видовъ болѣе частныхъ, когда не заботились о различеніи ихъ; какъ, напримѣръ, довольствовались общимъ названіемъ полыни, хотя его существуетъ столько видовъ, что Бохинъ наполнилъ видами его нарочитую книгу [1]).

§ 6. *Филалетъ*. Ваши соображенія о происхожденіи *собственныхъ именъ* очень вѣрны; но что касается *именъ аппелятивныхъ* или терминовъ общихъ, то вы, м. г., безъ сомнѣнія, согласитесь, что слова становятся общими, когда бываютъ знаками общихъ идей; и идеи становятся общими, когда посредствомъ абстракціи ихъ отвлекаютъ отъ времени, мѣста и такихъ или иныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ относить ихъ къ такому или иному частному бытію.

Өеофилъ. Я не отвергаю этого употребленія абстракціи, но это скорѣе случается при подведеніи видовъ къ родамъ, а не индивидуумовъ къ видамъ. Ибо невозможно намъ, какъ-бы ни казалось это парадоксальнымъ, имѣть познаніе индивида и находить средства для точнаго опредѣленія индивидуальности какой бы то ни было вещи, по крайней мѣрѣ, не созерцая ее самое; потому что всѣ обстоятельства могутъ повторяться; мельчайшія же различія намъ не замѣтны; а время или мѣсто, будучи въ себѣ очень далекими отъ опредѣленія, сами нуждаются быть опредѣляемыми посредствомъ содержимыхъ ими вещей. Особенно же важно при этомъ то, что *индивидуальность* скрываетъ подъ собою безконечность, и только способный понять это можетъ узнать принципъ индивидуаціи такой или другой вещи. Это возникаетъ (понимая правильно) отъ вліянія всѣхъ вещей вселенной однихъ на другія. Справедливо, что такъ не

---

[1]) Лейбницъ упоминаетъ здѣсь Бохина Іоанна и намекаетъ на его сочиненіе: *De plantis absinthii nomen habentibus*, появившемся въ 1595—1599 г. въ Монбейльярѣ. Онъ былъ лейбъ-медикомъ герцога Ульриха Вюртембергъ—Монбейльярдскаго. Главное же сочиненіе его, которое онъ написалъ вмѣстѣ съ Швейцарскимъ землякомъ, своимъ Шерлеромъ, было *Исторія растеній*, появившееся въ Ивердюнѣ въ трехъ томахъ, въ 1650—1651 г.г.

происходило бы, если бы существовали атомы Демокрита; но тогда не существовало бы также *различія* между двумя *различными* индивидуумами одной и той же фигуры и одной и той же величины.

§ 7. *Филалетъ.* Однако же совершенно ясно, что идеи составляемыя дѣтьми о личностяхъ, съ которыми они обращаются (если мы остановимся на этомъ примѣрѣ), похожи на самыя личности и суть только частныя. Идеи объ ихъ кормилицѣ или объ ихъ матери сильно отпечатлѣны въ ихъ духѣ, и имена: *кормилица или мама,* употребляемыя дѣтьми, относятся единственно къ этимъ личностямъ. Когда же послѣ этого время даетъ имъ замѣтить, что существуютъ многія другія существа, похожія на ихъ отца или мать, то образуютъ идею, въ которой они находятъ, что всѣ эти частныя существа равно принимаютъ участіе, и этой идеѣ, подобно другимъ существамъ, даютъ названіе человѣка. § 8. Тѣмъ же путемъ пріобрѣтаютъ имена и понятія, болѣе общія; напримѣръ, новая идея „живаго существа" образуется не чрезъ какую-либо прибавку, а только чрезъ отнятіе фигуры или частныхъ свойствъ человѣка и посредствомъ удержанія тѣла, одареннаго жизнію, чувствомъ и свободнымъ движеніемъ.

Ѳеофилъ. Очень хорошо; но это доказываетъ только то, что я уже сказалъ; ибо когда дитя посредствомъ абстракціи переходитъ отъ созерцанія идеи человѣка къ созерцанію идеи живаго существа, то оно переходитъ къ той болѣе специфической идеѣ, которую созерцаетъ въ своей матери и въ своемъ отцѣ и въ другихъ личностяхъ,—къ идеѣ человѣческой природы. Ибо чтобы убѣдиться въ томъ, что (у него) нѣтъ точной идеи объ индивидуумѣ, достаточно принять во вниманіе, что небольшое сходство легко обманываетъ его и побуждаетъ принять за свою мать другую женщину, которая не есть (его мать). Вы знаете исторію ложнаго Мартина Гюера, который обманывалъ даже дѣйствительную жену и близкихъ родственниковъ сходствомъ, соединяя обманъ съ ловкостію, и который продолжительное время затруднялъ самихъ судей, когда даже прибылъ дѣйствительный Мартинъ Гюеръ.

§ 9. *Филалетъ.* Такимъ образомъ вся эта мистерія о родахъ

и видахъ, о которой такъ много было шуму въ школахъ, но которой внѣ школы такъ мало усвояли значенія,—вся эта мистерія, говорю я, сводится исключительно къ образованію абстрактныхъ идей, болѣе или менѣе широкихъ, коимъ усвояютъ извѣстныя имена.

Ѳеофилъ. Умѣнье распредѣлять предметы по родамъ и видамъ не маловажно и много помогаетъ, какъ при сужденіяхъ, такъ и при запоминаніи. Вы знаете, какъ это важно въ ботаникѣ, не говоря о животныхъ и другихъ субстанціяхъ и не говоря также о бытіяхъ нравственныхъ и національныхъ [1]), какъ нѣкоторые называютъ ихъ. Отъ этого зависитъ добрая часть порядка, и многіе писатели пишутъ такимъ образомъ, что все ихъ разсужденіе можетъ быть сведено къ дѣленіямъ или подраздѣленіямъ, сообразно съ методомъ, имѣющимъ отношеніе къ родамъ и видамъ, и служитъ не только къ сохраненію предметовъ, но и къ нахожденію [2]). Люди, подводящіе всѣ роды понятій подъ извѣстныя рубрики или категоріи, дѣлаютъ нѣчто очень полезное.

§ 10. *Филалетъ.* При опредѣленіи словъ, мы пользуемся родомъ или ближайшимъ общимъ терминомъ; и это дѣлаемъ для предохраненія себя отъ труда исчислять различныя простыя идеи, означаемыя этимъ родомъ, или, быть можетъ, для предохраненія себя иногда отъ стыда не быть въ состояніи сдѣлать этого исчисленія. Хотя кратчайшимъ путемъ опредѣленія бываетъ *родъ* и (видовое) *отличіе*, какъ говорятъ логики, но, по

[1]) Вопросъ о «родахъ и видахъ» (*genera и species*) Локкъ признавалъ пустымъ и празднымъ; такъ какъ, по нему, всѣ подобныя понятія ничего не имѣютъ общаго съ дѣйствительностію и по большей части суть субъективныя и произвольныя отвлеченія человѣческаго разума. Напротивъ того, Лейбницъ доказываетъ, что общее этихъ понятій пребываетъ въ сущности вещей; поэтому образованіе общихъ понятій оправдывается не только потребностями мышленія, но и показываетъ намъ истинное и дѣйствительное въ вещахъ. Сущности понятій, хотя суть *entia rationis* и не выражаютъ собою субстанцій (первыхъ субстанцій, говоря языкомъ Аристотеля), тѣмъ не менѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ четвертой книгѣ своей «Новаго Опыта» Лейбницъ еще разъ подвергнетъ этотъ предметъ обстоятельному изслѣдованію.

[2]) Объ этомъ предметѣ существуютъ сочиненія Марбургскаго профессора Рудольфа Кокленіуса и Іоанна Альстедта. Такъ какъ оба они были старшими современниками Лейбница, то надобно думать, что Лейбницъ имѣлъ въ виду именно эти ихъ сочиненія. Альстедтъ возвращается къ мнѣніямъ Раймунда Луллія.

моему мнѣнію, можно сомнѣваться, чтобы этотъ путь былъ наилучшимъ; по крайней мѣрѣ, онъ не есть единственный. Въ опредѣленіи, говорящемъ, что человѣкъ есть разумное животное (опредѣленіе, быть можетъ, не самое точное, но весьма подходящее къ настоящему случаю), на мѣсто слова животное, можно поставить его опредѣленіе. Это показываетъ, какъ мало необходимо правило, которое говоритъ, что *опредѣленіе должно быть составлено изъ рода* и (видоваго) *отличія*, и какъ мало полезно точное сохраненіе его. Подобнымъ образомъ языки не всегда формируются по правиламъ логики, такъ чтобы значеніе каждаго термина могло быть точно и ясно выражено другими двумя терминами. И люди, установившіе это правило, ошибались, сообщивши намъ такъ мало опредѣленій, согласныхъ съ нимъ.

Ѳеофилъ. Я соглашаюсь съ вашими замѣчаніями; однако же по многимъ основаніямъ выгодно то, что опредѣленія могутъ состоять изъ двухъ терминовъ; это, безъ сомнѣнія, много сокращаетъ дѣло; и всѣ дѣленія могутъ быть сведены къ дихотоміямъ, которыя бываютъ лучшимъ видомъ дѣленій, и много помогаютъ при изобрѣтеніи, сужденіи и припоминаніи. Однако же я не думаю, чтобы логики всегда требовали, чтобы родъ и (видовое) отличіе всегда выражались однимъ словомъ; напримѣръ, терминъ *правильный многоугольникъ* можетъ быть принимаемъ за родъ квадрата, и для фигуры круга родомъ можетъ быть плоская, криволинейная фигура, а (видовымъ) отличіемъ ея будетъ то, что всѣ точки круговой линіи будутъ находиться въ равномъ разстояніи отъ извѣстной точки, какъ центра [1]).

[1]) Лейбницъ справедливо смягчаетъ здѣсь упрекъ Локка, направленный противъ Аристотеля, по которому понятія происхожденія (*Geschlechtsbegriffe*) должны быть отличаемы отъ родовыхъ различій. Лейбницъ замѣчаетъ, что происхожденіе и различіе часто могутъ быть замѣняемы другъ другомъ, и говоритъ, что это зависитъ отъ принятой точки зрѣнія при дѣленіи. Опредѣленіе именно есть выраженіе или указаніе положенія, занимаемаго извѣстнымъ понятіемъ въ логическомъ распредѣленіи и соподчиненіи всей совокупности подпадающихъ дѣленію понятій. Но эта совокупность дѣлимыхъ понятій можетъ совершаться съ различныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ существуютъ различныя начала для дѣленія. Замѣчаніе, что происхожденіе и родовое отличіе нерѣдко могутъ быть замѣняемы другъ другомъ, имѣетъ значеніе, само собою разумѣется, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оба, основанныя на нихъ опредѣленія, равны или одинаково существенны. Объ отношеніи происхожденія къ роду Лейбницъ будетъ много говорить въ заключеніи четвертой книги „Новаго Опыта“.

Наконецъ хорошо еще замѣтить, что очень часто *родъ* можетъ быть превращенъ въ (*видовое*) *отличіе* и *видовое отличіе* въ *родъ*. Напримѣръ, квадратъ есть правильная четырехсторонная фигура или правильный четырехсторонникъ; такъ что кажется, что родъ или видовое отличіе различаются только, какъ подлежащее и сказуемое; какъ вмѣсто того, чтобы сказать: человѣкъ есть разумное животное, языкъ позволяетъ сказать: человѣкъ есть раціональность животная, то есть, разумная субстанція, одаренная животною природою; между тѣмъ, какъ духи суть разумныя субстанціи, коихъ природа не есть животная или общая съ животными. И эта замѣна родовъ и видовыхъ отличій зависитъ отъ измѣнчивости порядка подраздѣленій.

§ 11. *Филалетъ*. Изъ сказаннаго мною слѣдуетъ, что то, что называютъ *общимъ* или универсальнымъ не принадлежитъ существованію предметовъ, но есть дѣло разума. § 2. И сущности всякаго рода суть только абстрактныя идеи.

Ѳеофилъ. Я не достаточно усматриваю этотъ выводъ; ибо общее состоитъ въ сходствѣ частныхъ предметовъ между собою, и это сходство есть реальность.

§ 13. *Филалетъ*. Я самъ хотѣлъ вамъ сказать, что эти виды основываются на сходствѣ.

Ѳеофилъ. Почему же въ сходствѣ мы не должны полагать сущности родовъ и видовъ?

§ 14. *Филалетъ*. Менѣе будутъ удивляться сказанному мною, что сущности суть дѣло разума, когда пріимутъ во вниманіе, что, по крайней мѣрѣ, существуютъ сложныя идеи, которыя въ духѣ различныхъ людей часто бываютъ различными соединеніями простыхъ идей; такимъ то образомъ то, что въ духѣ одного человѣка признается *скупостію*, не признается такимъ же въ духѣ другаго.

Ѳеофилъ. Признаюсь, м. г., не много есть пунктовъ, въ которыхъ я менѣе признавалъ бы силу вашихъ выводовъ, чѣмъ здѣсь, и это огорчаетъ меня. Если люди не согласны въ названіяхъ, то это измѣняетъ ли предметы и ихъ сходства? Если одинъ примѣняетъ имя скупости къ одному сходству, а другой къ другому, то это суть два различные вида, обозначаемые однимъ и тѣмъ же именемъ.

Филалетъ. При субстанціяхъ того вида, который для насъ есть самый обычный и извѣстенъ намъ ближайшимъ образомъ, неоднократно сомнѣвались, человѣкъ ли есть плодъ, принесенный міру женщиною, и даже спорили, надобно ли его воспитывать и крестить. Этого не могло бы быть, если-бы абстрактная идея или идея сущности, которой принадлежитъ имя человѣка, была дѣломъ природы, а не различнаго, недостовѣрнаго соединенія простыхъ идей, которыя разумъ слагаетъ вмѣстѣ, и которымъ усвояетъ имя, сдѣлавши его общимъ посредствомъ абстракціи. Такъ что въ сущности всякая раздѣльная идея, составленная чрезъ абстракцію, представляется намъ особенною сущностію.

Ѳеофилъ. Извините меня, м. г., если я скажу вамъ, что ваша рѣчь затрудняетъ меня, потому что я не вижу въ ней связи. Если мы не всегда можемъ заключать отъ внѣшнихъ подобій къ внутреннему, то поэтому менѣе ли они дѣйствительны? Когда сомнѣваются, человѣкъ ли есть уродъ, то это проистекаетъ отъ сомнѣнія въ его разумности. Когда же убѣдятся въ этомъ, то богословы прикажутъ его крестить, а юрисконсульты—воспитывать. Справедливо, что о нижайшихъ видахъ, принимаемыхъ въ логическомъ смыслѣ, можно спорить, такъ какъ они разнообразятся въ одномъ и томъ-же физическомъ видѣ или порожденіи случайными признаками; но ихъ вовсе не имѣютъ надобности опредѣлять; ихъ можно даже разнообразить въ безконечность, какъ это видно изъ большаго разнообразія померанцевъ, лимоновъ и апельсинъ, которыхъ знатоки умѣютъ называть и различать. Тоже видѣли въ тюльпанахъ и гвоздикахъ, когда эти цвѣты были въ модѣ. Наконецъ, пусть люди соединяютъ или не соединяютъ такія или иныя идеи, и даже пусть природа дѣйствительно соединяетъ ихъ или не соединяетъ, это не имѣетъ никакого вліяніе на сущности, роды или виды; потому что при этомъ дѣло идетъ о возможностяхъ, независимыхъ отъ нашего мышленія.

§ 15. *Филалетъ*. Обыкновенно предполагаютъ, что видъ каждаго предмета утверждается на реальности; и нѣтъ сомнѣнія, что должно существовать нѣчто, отъ котораго должно зависѣть всякое соединеніе простыхъ идей или сосуществующихъ качествъ въ этомъ предметѣ. Но такъ какъ очевидно, что вещи

распредѣляются по *сортамъ* или *видамъ* подъ извѣстными именами лишь по стольку, по скольку они соотвѣтствуютъ извѣстнымъ абстрактнымъ идеямъ, коимъ мы усвояемъ эти имена: то слѣдуетъ, что *сущность* каждаго рода или вида тоже есть не иное что, какъ абстрактная идея, обозначаемая общимъ или особеннымъ именемъ; и мы найдемъ, что въ этомъ и состоитъ обычнѣйшее употребленіе слова сущность. По моему мнѣнію, не дурно было бы обозначить эти два сорта сущностей двумя различными именами, и первый сортъ назвать *реальною сущностію*, а второй—*номинальною сущностію*.

Θеофилъ. Мнѣ кажется, что нашъ языкъ въ своемъ образѣ выраженій вводитъ чрезвычайно много нововведеній. До сихъ поръ много говорили объ опредѣненіяхъ номинальныхъ и причинныхъ или реальныхъ, но не говорили, сколько мнѣ извѣстно, о другихъ опредѣленіяхъ, какъ о реальныхъ; по крайней мѣрѣ, подъ номинальными сущностями не разумѣли ложныхъ и невозможныхъ сущностей, которыя лишь кажутся сущностями, но не суть таковыми, какова, напримѣръ, сущность правильнаго десятигранника, то есть, правильнаго тѣла, обнимаемаго 10 плоскостями [1]). На самомъ же дѣлѣ сущность есть не иное что, какъ возможность того, что предполагаютъ. Предполагаемая возможность выражается опредѣленіемъ; но это опредѣленіе бываетъ только номинальнымъ, когда оно въ то же время не выражаетъ возможности; ибо тогда можно сомнѣваться—выражаетъ ли это опредѣленіе нѣчто реальное, то есть, возможное, пока опытъ не пріидетъ къ намъ на помощь для убѣжденія насъ въ этой реальности *a posteriori*, коль скоро вещь дѣйствительно существуетъ въ мірѣ; и этого достаточно при недостаткѣ основаній, которыя показывали бы реальность *a priori*, изъясняя причину или возможность происхожденія опредѣляемой вещи [2]). Такимъ

---

[1]) Правильный десятигранникъ есть именно невозможная фигура.

[2]) Мы уже замѣчали, что Лейбницъ апріорнымъ познаніемъ, сообразно съ Аристотелевскимъ πρότερον τῇ φύσει, признаетъ познаніе отъ причины; и сообразно съ этимъ, апостеріорнымъ познаніемъ считаетъ познаніе отъ дѣйствія, слѣдствія и явленія. Напротивъ того, по Канту, апріорное познаніе есть чисто раціональное, а апостеріорное чисто опытное или эмпирическое.

образомъ отъ насъ не зависитъ соединять идеи по своему произволу, по крайней мѣрѣ, если это соединеніе не оправдывается основаніемъ, показывающимъ его возможность, или опытомъ, показывающимъ его дѣйствительность, и слѣдовательно, тоже возможность. И чтобы лучше различить сущность и опредѣленіе, надобно принять въ соображеніе, что существуетъ только одна сущность вещи, но есть много опредѣленій ея, выражающихъ ту же сущность, какъ одно и то же строеніе или одинъ и тотъ-же городъ можетъ быть представленъ въ различныхъ стенографіяхъ, смотря по различію сторонъ, съ которыхъ будутъ разсматривать ихъ.

§ 19. *Филалетъ.* Думаю, вы согласитесь со мною, что *реальное* и *номинальное* есть всегда одно и то же въ идеяхъ простыхъ и въ идеяхъ модусовъ; но въ идеяхъ сущностей они всегда бываютъ совершенно различны. Фигура, опредѣляющая пространство тремя линіями, есть сущность треугольника, столько-же реальнаго, какъ и номинальнаго, ибо она не только есть абстрактная идея, съ которою соединено общее имя, но есть сущность, или подлинное бытіе вещи, или основаніе, откуда проистекаютъ ея свойства и съ которымъ всѣ они бываютъ соединены. Но совершенно иное происходитъ въ отношеніи къ золоту. Реальное устройство его частей, отъ котораго зависитъ цвѣтъ, тяжесть, растяжимость, тугоплавкость и пр. намъ неизвѣстны и, не имѣя о нихъ идеи, мы не имѣемъ и имени для обозначенія этого. Однако же это такого рода качества, по которымъ это вещество названо золотомъ и которыя составляютъ его номинальную сущность, то есть, даютъ право на наименованіе.

Ѳеофилъ. Я охотнѣе сказалъ бы согласно съ общепринятымъ употребленіемъ: сущность золота состоитъ въ томъ, что̀ его образуетъ и что̀ сообщаетъ ему тѣ чувственныя качества, которыя даютъ знаніе о немъ и составляютъ его *номинальное опредѣленіе*; вмѣсто этого мы имѣли бы *реальное* или *причинное* опредѣленіе, если бы мы могли объяснить его связь или внутреннее строеніе. Однако же номинальное опредѣленіе при этомъ есть и реальное не само по себѣ (ибо *a priori* оно не даетъ

познанія возможности или происхожденія тѣла), но вслѣдствіе опыта, потому что мы опытно узнаемъ, что существуетъ тѣло, въ которомъ эти качества пребываютъ совмѣстно. Иначе можно было бы сомнѣваться, соединима ли такая тяжесть съ такою тягучестію, какъ до настоящаго времени можно сомнѣваться, возможна ли естественнымъ образомъ тягучесть холоднаго стекла [1]). Наконецъ, м. г., я не держусь вашего мнѣнія, будто здѣсь существуетъ различіе между идеями субстанцій и идеями предикатовъ, какъ если бы опредѣленія предикатовъ (то есть, модусовъ и объектовъ простыхъ идей) всегда были реальными и номинальными въ одно и то же время, а опредѣленія субстанцій всегда были только номинальными. Конечно, я согласенъ, что труднѣе имѣть реальныя опредѣленія тѣлъ, которыя суть субстанціальныя бытія; потому что ихъ внутреннее строеніе менѣе замѣтно. Но дѣло происходитъ такъ не со всѣми субстанціями; ибо мы имѣемъ познаніе объ истинныхъ субстанціяхъ или единствахъ (какъ то о Богѣ или о душѣ) столько же внутреннее, какъ и о большинствѣ модусовъ. Наконецъ существуютъ предикаты, столько же мало извѣстные, какъ и строеніе тѣлъ; ибо, напримѣръ, желтый или горькій суть объекты простыхъ идей или образовъ фантазіи, и тѣмъ не менѣе о нихъ имѣютъ смутное представленіе [2]); и это бываетъ даже въ математикѣ, когда одинъ и тотъ же модусъ можетъ имѣть опредѣленіе номинальное, равно какъ и реальное. Не многіе люди правильно объясняли, въ чемъ состоитъ различіе этихъ двухъ опредѣленій, долженствующихъ отличать также сущность отъ свойства. По моему мнѣнію, это различіе состоитъ въ

---

[1]) Плиній въ своей исторіи природы расказываетъ, что при императорѣ Тиберіѣ нѣкто Сажъ изобрѣлъ подобное гибкое стекло, но осмотрительно прибавляетъ, что молва объ этомъ болѣе распространена, чѣмъ достовѣрна (*fama crebrior quam certior*).

[2]) О томъ, что всѣ наши чувственныя познанія, то есть, всѣ познанія, основанныя на непосредственномъ ощущеніи чувственныхъ качествъ, должны быть признаваемы смѣшанными при всей своей ясности,—объ этомъ Лейбницъ уже говорилъ прежде. Тамъ-же было указано, въ какомъ смыслѣ надобно понимать это его положеніе.

томъ, что реальное опредѣленіе показываетъ возможность опредѣленія, а номинальное не дѣлаетъ этого [1]). Опредѣленіе двухъ *прямыхъ параллельныхъ линій*, утверждающее, что они, находясь на одной плоскости, никогда не встрѣтятся, хотя бы были продолжены въ безконечность, есть только номинальное: ибо прежде всего можно сомнѣваться, возможно ли это. Но когда уяснятъ себѣ, что на плоскости можно вести прямую параллельную линію въ отношеніи къ другой прямой, обращая вниманіе лишь на то, чтобы кончикъ карандаша, проводящій параллельную линію, всегда оставался на равномъ разстояніи отъ данной прямой, то въ то же время увидятъ, что дѣло это возможное и почему линіи обладаютъ свойствомъ не встрѣчаться никогда, что̀ показываетъ ихъ номинальное опредѣленіе, но служитъ признакомъ параллелизма только тогда, когда обѣ линіи прямыя; между тѣмъ какъ если бы, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ была кривою, то они по природѣ своей (тоже) могли бы никогда не встрѣчаться, и однако же они не были бы поэтому параллельными.

§ 19. *Филалетъ.* Если бы сущность была чѣмъ либо инымъ, а не абстрактною идеею: то она не была бы невозникающею

---

[1]) При самомъ первомъ обсужденіи сочиненія Локка, Лейбницъ касается отличія номинальныхъ опредѣленій отъ реальныхъ и ссылается на свои: *Meditationes de cognitione*, напечатанныя въ *Acta Eruditorum Lipsiens.* Тамъ онъ говоритъ, что номинальныя опредѣленія суть такія, которыя содержатъ только признакъ вещи, посредствомъ котораго она отличается отъ другихъ вещей; реальныя же опредѣленія суть такія, которыя содержатъ возможность вещи. Такимъ образомъ номинальныя опредѣленія выясняютъ предметъ сообразно съ именемъ или наименованіемъ его; поэтому могутъ сообщать намъ объясненія невозможныхъ предметовъ, каковъ, напримѣръ, правильный десятигранникъ. Реальныя же опредѣленія показываютъ реальную возможность предмета посредствомъ объясненія его сущности. Лейбницъ старается свести реальное опредѣленіе даже къ генетическому, показывающему возникновеніе вещи изъ ея условій; поэтому называетъ его еще причиннымъ, „*causale*“. Въ строгомъ смыслѣ поэтому онъ усвояетъ реальное опредѣленіе только тому, что̀ мы сами можемъ совершать. Тренделенбургъ въ трактатѣ своемъ: «*Über das Element der Difinition in Leibnizens Philosophie*» справедливо утверждаетъ, что Лейбницъ при опредѣленіяхъ преимущественно имѣетъ въ виду аналитическій элементъ понятій. По Лейбницу, опредѣленіе есть раздробленіе понятій, разрѣшеніе ихъ на многія, соотвѣтствующія одному понятію. *Defenire est explicare notionem, resolvere in plures notiones uni aequivalentes.*

и негибнущею. Единорогъ, Сирена, совершенный кругъ, быть можетъ, нигдѣ въ мірѣ не существуютъ.

Ѳеофилъ. Я уже сказалъ вамъ, м. г., что сущности вѣчны; потому что въ отношеніи къ нимъ дѣло идетъ только о возможности.

ГЛАВА IV.

Объ именахъ простыхъ идей.

§ 2. *Филалетъ.* Признаюсь вамъ, я всегда думалъ, что образованіе модусовъ произвольно; что же касается идей простыхъ и идей субстанцій, то я былъ убѣжденъ, что эти идеи, кромѣ возможности, должны обозначать реальное бытіе.

Ѳеофилъ. Я не вижу въ этомъ никакой необходимости. Богъ обладалъ идеями прежде созданія объектовъ этихъ идей, и ничто не мѣшаетъ тому, чтобы Онъ могъ сообщить такія идеи разумнымъ твореніямъ; нѣтъ также точнаго доказательства, которое убѣждало бы, что объекты нашихъ чувствъ и простыхъ идей, доставляемыхъ нашими чувствами, существуютъ внѣ насъ [1]). Это преимущественно имѣетъ значеніе для тѣхъ, которые съ картезіанцами и съ нашимъ славнымъ писателемъ думаютъ, что наши простыя идеи чувственныхъ качествъ не имѣютъ сходства съ тѣмъ, что существуетъ внѣ насъ въ объектахъ; поэтому нѣтъ никакого основанія, обязывающаго насъ признать эти идеи основанными на какомъ либо реальномъ бытіи [2]).

---

[1]) Лейбницъ касается здѣсь труднѣйшей проблемы въ теоріи познанія, именно: реальной доказуемости того, что̀ лежитъ въ основѣ чувственныхъ явленій. Для, такъ называемаго, здраваго разума реальность внѣшнихъ предметовъ представляется дѣломъ очень простымъ и очень понятнымъ, но дѣло это принимаетъ совершенно иной оборотъ, когда пытаются строго доказать бытіе реальныхъ предметовъ. При этомъ то и сказывается полная несостоятельность реализма и получаетъ полное оправданіе идеализмъ. Реализмъ, и при томъ лишь относительный, мыслимъ при усвоеніи преимущественнаго значенія идеализму. Замѣчательно, что Лейбницъ по своей теоріи познанія былъ строгимъ идеалистомъ; а по своей метафизикѣ—реалистомъ. Оба эти основные элемента философскаго мышленія онъ примирялъ своею предустановленною гармоніею.

[2]) Основаніе, принуждающее насъ пріурочивать чувственныя явленія къ дѣйстви-

§. 4, 5, 6, 7. *Филалетъ*. По крайней мѣрѣ вы признаете вмѣстѣ со мною то второе различіе между простыми и сложными идеями, по которому имена *простыхъ идей* не могутъ быть опредѣляемы, между тѣмъ, какъ имена сложныхъ идей могутъ быть опредѣляемы; потому что опредѣленія должны содержать болѣе, чѣмъ одинъ терминъ, изъ коихъ каждый обозначаетъ какую либо идею. Такимъ то образомъ распознаютъ то, что̀ можетъ быть опредѣлено и что̀ не можетъ, и почему опредѣленія не могутъ продолжаться въ безконечность; до сихъ поръ этого, сколько мнѣ извѣстно, никто не замѣчалъ.

Ѳеофилъ. Въ небольшомъ сочиненіи *Опытъ объ идеяхъ*, нанапечатанномъ въ Лейпцигскихъ актахъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, я тоже замѣтилъ, что простые термины не могутъ имѣть номинальныхъ опредѣленій; но въ то же время я присовокупилъ тамъ, что простые термины, когда бываютъ простыми только на нашъ взглядъ (такъ какъ мы не имѣемъ средствъ анализировать ихъ для достиженія элементарныхъ воспріятій, изъ которыхъ они составлены, каковы напримѣръ: теплый, холодный, желтый, зеленый), могутъ имѣть реальное опредѣленіе, выясняющее ихъ причину. Такъ раньше опредѣленіе *зеленаго* составляется изъ сложенія голубаго и желтаго въ смѣшеніи, хотя зеленому нельзя дать номинальнаго опредѣленія, которое указывало бы въ немъ голубое и желтое. Между тѣмъ, какъ термины простые въ себѣ самихъ, то есть, понятіе о которыхъ есть ясное и раздѣльное, не могутъ имѣть никакого опредѣленія, ни номинальнаго, ни реальнаго. Въ этомъ небольшомъ *Опытѣ*, помѣщенномъ въ Лейпцигскихъ актахъ, вы найдете основанія значительной части ученія о разумѣ, въ краткомъ объясненіи [1]).

§ 7, 8. *Филалетъ*. Хорошо было бы выяснить этотъ пунктъ и замѣтить, что̀ можетъ быть опредѣляемо и что̀ не можетъ. И я склоненъ думать, что часто возникаютъ большіе споры

тельности, лежитъ въ принудительности этого пріурочиванія; но принудительность еще не доказываетъ его истинности.

[1]) Лейбницъ снова ссылается на свое сочиненіе: *Meditationes de cognitione, veritate et ideis.*

и высказывается много галиматьи въ людскихъ разсужденіяхъ, поелику не думаютъ объ этомъ. Тѣ знаменитыя препирательства, которыя производили столько шума въ школахъ, возникали отъ того, что не обращали вниманія на то различіе, которое существуетъ въ идеяхъ. И величайшіе мастера метода были принуждены оставлять наибольшую часть простыхъ идей безъ опредѣленія; и когда рѣшались дѣлать его, то не успѣвали въ этомъ. Можетъ ли, напримѣръ, человѣческій духъ измышлять болѣе тонкую галиматью, чѣмъ та, которая содержится въ слѣдующемъ опредѣленіи Аристотеля: *движеніе есть дѣятельность существа въ возможности, по скольку оно пребываетъ въ возможности*! § 9. И современные (философы), опредѣляя *движеніе*, какъ *переходъ* съ одного мѣста на другое, пользуются синонимическими словами на мѣсто подлинныхъ.

Θеофилъ. Въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ собесѣдованій я замѣтилъ уже, что у васъ простыми идеями признаются такія, которыя не суть таковыя. Къ числу ихъ принадлежитъ *движеніе*, которое я признаю опредѣляемымъ, и опредѣленіе, говорящее, что оно есть перемѣна мѣста, не должно быть пренебрегаемо. Опредѣленіе Аристотеля не столь неразумно, какъ думаютъ, когда признаютъ, что греческое слово κίνησις у него обозначаетъ не то, что мы называемъ *движеніемъ*, но то, что мы выражаемъ словомъ перемѣна; откуда происходитъ, что онъ сообщаетъ движенію опредѣленіе слишкомъ абстрактное и слишкомъ метафизическое; между тѣмъ, какъ то, что мы называемъ движеніемъ, у него называется φορα, *latio*, и включается въ виды перемѣнъ (της κινήσεως) [1]).

§ 10. *Филалетъ*. Но вы, по крайней мѣрѣ, не оправдаете опредѣленія *свѣта* того же писателя, у котораго свѣтъ есть актъ прозрачности.

---

[1]) Пресловутое и столь много порицаемое опредѣленіе движенія, которое содержится въ третьей книгѣ Аристотелевской Физики, справедливо оправдывается Лейбницемъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ Аристотель опредѣляетъ не мѣстное движеніе, а движеніе вообще; поэтому и возраженія, заимствованныя изъ представленій мѣстнаго движенія въ отношеніи къ движенію вообще, имѣютъ лишь косвенное значеніе.

Ѳеофилъ. Вмѣстѣ съ вами я нахожу это ничтожнымъ [1], онъ слишкомъ много пользуется этимъ актомъ, который однако же не много говоритъ намъ. *Прозрачность*, по нему, есть среда, чрезъ которую можно видѣть, и, сообразно съ этимъ, свѣтъ есть то, что находится въ дѣйствительномъ проникновеніи. Это не много.

§ 11. *Филалетъ.* Итакъ, мы согласны, что наши простыя идеи не могутъ имѣть номинальныхъ опредѣленій, какъ не можемъ знать вкуса ананаса по извѣстію путешественниковъ, иначе мы могли-бы распробовать вещи посредствомъ слуха, какъ Санхо-Панча обладалъ способностію видѣть Дульцинею посредствомъ слушанія разговоровъ о ней, или подобно тому слѣпцу, который, наслышавшись много о блескѣ ярко-краснаго цвѣта, думалъ, что это есть нѣчто похожее на звукъ музыкальной трубы.

Ѳеофилъ. Совершенно вѣрно. Всѣ въ мірѣ путешественники своими извѣстіями не могутъ сообщить намъ того, что обязательно доставляетъ одинъ дворянинъ этой страны, который съ успѣхомъ культивируетъ *ананасы* въ трехъ миляхъ отъ Ганновера, почти у берега Везера, и нашелъ средства на столько размножить ихъ, что быть можетъ нѣкогда мы будемъ имѣть ихъ на нашей почвѣ въ такомъ же изобиліи, какъ изобильны апельсины въ Португаліи, хотя по вкусу своему они представляются нѣсколько худшими.

§ 12, 13. *Филалетъ.* Совершенно иначе происходитъ дѣло съ сложными идеями. Слѣпецъ можетъ понять, что такое статуя, и человѣкъ, никогда не видѣвшій радугу, можетъ понять, что такое она есть, если только онъ видѣлъ цвѣта, составляющіе ее. § 15. Однако же, хотя простыя идеи необъяснимы,

---

[1]) Опредѣленіе свѣта, какъ осуществленіе или проявленіе прозрачности, безъ сомнѣнія, содержитъ въ себѣ кругъ, то есть, не говоритъ ничего новаго. Поэтому Лейбницъ, вмѣстѣ съ Локкомъ, справедливо порицаетъ это опредѣленіе. Впрочемъ это мѣсто сочиненія Лейбница, вѣроятно вслѣдствіе опечатки, читается разнообразно. Во французскомъ изданіи Ѳеофилъ говоритъ: *Je la* (т. е. опредѣленіе свѣта) *trouve avec vous fort utile.* Эрдманъ читаетъ: *fort inutile.* Кирхманъ же предполагаетъ: *futile* вмѣсто *fort utile.* Во всякомъ случаѣ Лейбницъ высказываетъ здѣсь порицаніе этому опредѣленію.

тѣмъ не менѣе онѣ бываютъ менѣе сомнительными, потому что опытъ доставляетъ больше, чѣмъ опредѣленіе.

Ѳеофилъ. Существуетъ однако же нѣкоторое затрудненіе въ отношеніи къ идеямъ, которыя только намъ представляются простыми. Напримѣръ, трудно обозначить точно границы голубаго и зеленаго; и вообще трудно различать цвѣта, очень сближающіеся другъ съ другомъ. Между тѣмъ мы можемъ имѣть точныя понятія о терминахъ, которыми пользуются въ ариѳметикѣ и въ геометріи.

§ 16. *Филалетъ*. Простыя идеи имѣютъ еще ту особенность, что онѣ очень мало подчиняются тому, что логики называютъ *предѣльною линіею* (*ligne prédicamentale*) [1]), отъ послѣдняго вида до высочайшаго рода. Это потому, что изъ послѣдняго вида, который бываетъ лишь простою идеею, нельзя ничего отвлечь. Напримѣръ, нельзя ничего отвлечь отъ идей бѣлаго и краснаго, чтобы добыть общее явленіе, въ которомъ они сходятся. Вотъ почему ихъ мыслятъ съ зеленымъ или другими цвѣтами подъ родовымъ понятіемъ или наименованіемъ: *цвѣтъ*. А когда хотятъ образовать терминъ еще болѣе общій, который содержалъ бы также звуки, вкусы и свойства осязанія: тогда пользуются общимъ терминомъ *качествъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно пользуются ими для различенія этихъ качествъ отъ протяженія, числа, движенія, удовольствія и боли, которыя дѣйствуютъ на духъ и вводятъ въ него свои идеи болѣе, чѣмъ посредствомъ одного чувства.

Ѳеофилъ. Я долженъ кое-что сказать по поводу этого замѣчанія. Надѣюсь, м. г., что здѣсь, какъ и при другихъ случаяхъ, вы окажете мнѣ справедливость и повѣрите, что я дѣлаю это не по духу противорѣчія, но по требованію самаго предмета. Нѣтъ выгоды въ томъ, что идеи чувственныхъ качествъ обладаютъ столь малымъ подчиненіемъ и столь мало способны къ под-

[1]) Локкъ хочетъ сказать, что низшіе роды, не допуская дальнѣйшаго спеціализированія или выдѣленія, не могутъ подпадать частнѣйшему опредѣленію. Напримѣръ, бѣлый и красный цвѣтъ могутъ быть подведены подъ одну и ту же категорію (*Praedicament*) краски: но внутри этой категоріи ихъ нельзя отличать другъ отъ друга какимъ либо частнѣйшимъ опредѣленіемъ.

раздѣленіямъ; ибо это проистекаетъ только отъ того, что мы мало знаемъ ихъ. Однако же, то самое, что есть общаго во всѣхъ цвѣтахъ, то есть, что всѣ они усматривается глазами, всѣ проходятъ чрезъ тѣла, отчего возникаетъ видимость того или другаго изъ нихъ, и что они отражаются гладкою поверхностію тѣлъ, которыя не пропускаютъ ихъ,—показываетъ, что можно нѣчто отвлечь изъ идей, которыя мы имѣемъ о нихъ. Можно даже съ большимъ правомъ подѣлить ихъ на *крайніе* (изъ коихъ одинъ цвѣтъ есть *положительный*, именно—бѣлый, а другой *отрицательный*, именно—черный), и на *средніе*, и ихъ подраздѣляютъ еще на цвѣта со стороны выпуклаго и со стороны вогнутаго отраженія преломленнаго луча свѣта. Эти дѣленія и подраздѣленія цвѣтовъ имѣютъ не маловажное значеніе.

Филалетъ. Но какимъ образомъ можно находить роды въ этихъ простыхъ идеяхъ?

Өеофилъ. Такъ какъ они являются простыми только по видимости, то всегда бываютъ сопровождаемы обстоятельствами, имѣющими связь съ ними, хотя эта связь и не понятна намъ. А эти обстоятельства представляютъ нѣчто объяснимое и подпадающее анализу, чтò и подаетъ нѣкоторую надежду, что нѣкогда можно найти причины этихъ феноменовъ. Отсюда проистекаетъ, что въ воспріятіяхъ, которыя мы имѣемъ о чувственныхъ качествахъ, равно какъ и о чувственныхъ массахъ, существуетъ нѣкоторый родъ *плеоназма*, и этотъ плеоназмъ производитъ то, что мы имѣемъ болѣе, чѣмъ одно понятіе о самомъ предметѣ. Золото номинально можетъ быть опредѣляемо многоразлично: можно сказать, что оно есть самое тяжелое изъ нашихъ тѣлъ, что оно есть самое растяжимое, самое плавкое, которое сопротивляется (химической) купели и крѣпкой водкѣ и пр. Каждый изъ этихъ признаковъ хорошъ и достаточенъ для познанія золота, по крайней мѣрѣ, предварительнаго и при настоящемъ состояніи нашего организма, пока не найдется тѣло болѣе тяжелое, какимъ нѣкоторые химики предполагаютъ свой философскій камень; или пока не найдутъ фиксированнаго серебра (lune fixe), металла, о которомъ говорятъ, что онъ имѣетъ цвѣтъ серебра и почти всѣ остальныя каче-

ства золота, и о которомъ кавалеръ Боаль, повидимому, говоритъ, что онъ составилъ его [1]). Такимъ образомъ можно сказать, что относительно всѣхъ предметовъ, о которыхъ мы знаемъ только эмпирически, всѣ наши опредѣленія суть только предварительныя, какъ я уже замѣтилъ это выше. Но справедливо, что демонстративнымъ образомъ мы не знаемъ, не можетъ ли, посредствомъ одной лишь рефлексіи безъ преломленія лучей, возникнуть какой либо цвѣтъ, и не могутъ ли цвѣта, замѣчаемые нами до сихъ поръ обыкновенно со стороны вогнутаго угла преломленія луча свѣта, появиться со стороны выпуклаго преломленія лучей, неизвѣстнымъ намъ образомъ, и наоборотъ. Такимъ образомъ простая идея голубаго цвѣта была выдѣлена изъ родоваго понятія, къ которому мы ее пріурочивали на основаніи нашихъ опытовъ. Но хорошо останавливаться на голубомъ цвѣтѣ и на обстоятельствахъ, сопровождающихъ его; это есть нѣчто такое, что доставляетъ основаніе для образованія родовъ и видовъ.

§ 17. *Филалетъ*. Но что скажете вы о замѣчаніи, по которому простыя идеи, заимствованныя отъ существующихъ предметовъ, рѣшительно не произвольны; между тѣмъ какъ идеи смѣшанныхъ модусовъ вполнѣ, а идеи субстанцій въ нѣкоторомъ родѣ произвольны?

Ѳеофилъ. Я думаю, что произволъ существуетъ только въ словахъ и никоимъ образомъ не въ идеяхъ; потому что идеи выражаютъ только возможности. Такъ, если бы никогда не существовало отцеубійцы, и если бы всѣ законодатели, подобно Солону, остерегались говорить объ этомъ: то отцеубійство все же было бы преступленіемъ возможнымъ; и его идея была бы реальною; ибо идеи существуютъ въ Богѣ отъ всей вѣчности, и даже онѣ существуютъ у насъ прежде, чѣмъ мы дѣйствитель-

---

[1]) На языкѣ алхимиковъ серебро называлось, луною; воображаемый же ими металлъ, цвѣтомъ похожій на серебро, но обладавшій тяжестью и другими свойствами золота, извѣстенъ былъ у нихъ подъ именемъ фиксированной луны. Такъ какъ во времена Боаля платина еще не была извѣстна, то надобно думать, что Боаль видѣлъ или предполагалъ видѣть не платину, а какой-либо металлическій сплавъ, похожій на платину.

но думаемъ о нихъ, какъ я показалъ это въ первыхъ нашихъ бесѣдахъ [1]). Если кто либо захочетъ принятыхъ ихъ за дѣйствительныя мысли людей, тотъ можетъ это сдѣлать, но онъ неосновательно будетъ противорѣчить общепринятому словоупотребленію.

К. И—нъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Лейбницъ повторяетъ здѣсь то, что было имъ сказано въ первой книгѣ „Новаго Опыта". Онъ полагаетъ, что „идеи" или представленія въ строгомъ смыслѣ слова выражаютъ собою все реально-возможное. Именно въ Божественномъ разумѣ онѣ существуютъ, какъ реальныя возможности, и ихъ осуществленіе въ дѣйствительности или въ бытіи исключительно зависитъ отъ творческаго избранія наилучшаго. Въ тварныхъ же существахъ онѣ представляются возможностями, которыя становятся реальными для насъ по мѣрѣ внутренняго развитія нашего въ сферѣ дѣйствительности.

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

I.

Общій взглядъ на разработку психологіи въ Россіи. Зависимость русской психологіи отъ западныхъ философскихъ и психологическихъ направленій.

Начало самостоятельной научной разработки психологіи въ Россіи относится къ тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Вышедшій въ свѣтъ въ 1834 году первый капитальный психологическій трудъ Галича, названный имъ „Картиною человѣка", произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на всю тогдашнюю образованную Россію и нашелъ себѣ весьма сочувственный пріемъ въ обществѣ. Возбужденный имъ въ послѣднемъ интересъ къ психологіи съ тѣхъ поръ не прекращался; возрастая по мѣрѣ приближенія къ нашимъ днямъ, онъ захватывалъ все большіе круги читающаго общества, а въ сферѣ изслѣдованій о человѣческомъ духѣ возбуждалъ разнообразіе точекъ зрѣнія и научныхъ направленій. Но только въ послѣднія десятилѣтія изученіе и разработка психологіи въ Россіи по своимъ успѣхамъ достигли той высоты, на какую поставлена эта наука въ наши дни совмѣстными трудами нѣмецкихъ и англійскихъ психологовъ. Правда, большая часть психологическихъ воззрѣній, развившихся въ недавнее время въ Россіи, не можетъ выражать претензій на оригинальность; на нихъ въ значительной степени отразились воззрѣнія западныхъ изслѣдователей жизни духа. Но это не составляетъ существеннаго недостатка въ научной разработкѣ русской психологіи, такъ какъ далеко не всегда оригинальность воззрѣній служитъ выраженіемъ истиннаго прогресса науки. Притомъ, русскіе изслѣдо-

ватели, усвояя себѣ наиболѣе зрѣлыя наблюденія западно-европейской науки надъ жизнію духа, не просто заимствуютъ чужіе научные результаты, но, подвергши ихъ строго критической провѣркѣ, дѣлаютъ ихъ исходными пунктами новыхъ изслѣдованій и при обработкѣ научныхъ системъ даютъ имъ вполнѣ самостоятельную постановку.

Происхожденіе и смѣна различныхъ направленій въ области русской психологіи отнюдь не могутъ быть разсматриваемы, какъ случайныя явленія, или продукты личнаго творчества того или другаго изслѣдователя, а тѣмъ болѣе—какъ продукты заимствованія и переработки чужихъ ученій, но связаны органически съ состояніемъ и развитіемъ философской мысли въ Россіи. И дѣйствительно, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ русской психологіи, нельзя не замѣтить ея зависимости отъ различныхъ философскихъ направленій, послѣдовательно проникавшихъ въ Россію. Такая зависимость представляется вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Если всегда философская система предполагаетъ, въ видѣ исходной точки своихъ построеній, извѣстный взглядъ на силы нашего ума, тотъ или другой взглядъ на значеніе души въ ряду существъ, словомъ извѣстное округленное психологическое воззрѣніе, то въ свою очередь вліяніе цѣльнаго философскаго міросозерцанія на разработку психологическихъ вопросовъ неизбѣжно. Душевная жизнь есть именно та сфера бытія, которая и въ средѣ явленій обнаруживаетъ въ себѣ элементы, выступающіе за предѣлы пространства и времени. Притомъ, если психологія должна имѣть значеніе законченной науки, она не можетъ не искать отвѣтовъ на вопросы: о единствѣ субстанціи души, о происхожденіи и безсмертіи души, о значеніи сердца и т. п. Говоря же о духовномъ бытіи, о происхожденіи, возрастаніи и развитіи духовныхъ состояній, о взаимодѣйствіи духовъ и т. п., она по необходимости должна прилагать къ обсужденію этихъ вопросовъ принципы, уже утвержденные метафизикою и истолковывать разбираемые ею факты по разуму и смыслу послѣдней. Исторія философіи дѣйствительно представляетъ не мало фактовъ зависимости психологіи отъ общихъ метафизическихъ принциповъ. Отсюда естественно, что и разработка психологіи въ Россіи шла объ руку съ послѣдо-

вательнымъ проникновеніемъ къ намъ и смѣною разнообразныхъ философскихъ направленій. Господство того или другаго изъ нихъ въ извѣстную эпоху сообщало свой особенный характеръ и русской психологической наукѣ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до момента одновременнаго появленія на Западѣ самыхъ разнообразныхъ направленій спеціально въ области психологіи, отразившихся въ русской наукѣ частію борьбою направленій, частію научнымъ синкретизмомъ.

Въ сказанномъ не трудно убѣдиться даже на основаніи самаго бѣглаго обзора прошлыхъ судебъ философіи въ Россіи. Такъ, господствовавшая въ Германіи въ концѣ прошлаго столѣтія Лейбнице-вольфіанская философія своевременно нашла себѣ пріютъ и въ Россіи, преимущественно въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ философія излагалась въ догматическомъ тонѣ по системамъ Баумейстера и Винклера. Вмѣстѣ съ тѣмъ учащееся юношество знакомилось и съ метафизически-идеалистическою психологіею этой школы, описывавшею только отвлеченныя свойства души, каковы: простота, недѣлимость, невещественность и др., а равно ея способности, соединяемыя чисто внѣшнимъ образомъ съ субстанціею души. Правда, эта школьная философія не оказала тогда же непосредственнаго вліянія на обработку самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій въ области психологіи; тѣмъ не менѣе, идеи ея были въ Россіи въ свое время единственными въ наукѣ о душѣ. Не безъизвѣстны были въ Россіи, и даже пользовались обширною распространенностью въ обществѣ въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка, идеи французскихъ и англійскихъ философовъ, но господство ихъ ограничивалось сферою практической жизни, не проникая въ спеціально научную область. Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія проникаютъ въ Россію идеи Канта и Фихте, но вліяніе ихъ также отразилось въ Александровскую эпоху главнымъ образомъ на умственномъ складѣ и практическихъ убѣжденіяхъ русскаго общества. Первый толчекъ русской философіи былъ данъ серьезнымъ усвоеніемъ русскими людьми натурфилософской системы Шеллинга. Мистическое, но сравнительно популярное ученіе этого философа, близко подходившее къ характеру воспитанія русской молодежи, притомъ нашедшее до-

статочно подготовленную для себя почву въ идеяхъ массонства, пришлось болѣе по вкусу русскому обществу, чѣмъ нелегкая философія Канта, и вызвало въ исторіи философскаго развитія въ Россіи замѣчательный моментъ умственнаго возбужденія. По мысли Шеллинга, первоначальное единство абсолютнаго изъ состоянія безразличія переходитъ въ обѣ полярныя противоположности: природы и духа, вещества и идеи, реальнаго и идеальнаго. Вытекавшая отсюда возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, и закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, была принята мыслящими людьми того времени съ восторгомъ и сообщила ученію Шеллинга особенную привлекательность. Представленная же въ системѣ Шеллинга абсолютная теорія, посредствомъ которой возможно было объяснить всѣ явленія природы и жизни духа изъ одного общаго начала, а равно проникавшій ее духъ стремленія, порыва, вдохновенія, дали толчокъ русской мысли и пробудили одновременно интересъ и къ философскому мышленію и къ естествознанію. Первымъ послѣдователемъ Шеллинга въ Россіи былъ Д. М. Велланскій, профессоръ физіологіи въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи. По его мнѣнію, ученіе Шеллинга и Окена давало абсолютную и окончательную истину, полное познаніе природы и духа. Онъ первый и познакомилъ русское общество съ ученіемъ Шеллинга. По собственнымъ словамъ, онъ еще въ 1804 году первый „возвѣстилъ русской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на теософическомъ понятіи, которое окончательно созрѣло лишь въ Шеллингѣ". Въ 1812 году вышло въ свѣтъ его „Біологическое изслѣдованіе природы", вполнѣ выражающее его натурфилософскіе взгляды. Главною цѣлью естествознанія поставляется въ немъ исканіе общаго единства въ природѣ, которое и привело автора къ утвержденію „абсолютнаго существа". По взгляду автора, міръ обладаетъ всеобщею жизнію. Все одушевлено, или лучше—всѣ существа въ мірѣ суть различные виды „образованій всеобщей жизни". Мертвая, или неорганическая природа, какъ и живая органическая, суть только извѣстныя отраженія единственной

жизни въ преимущественной силѣ бытія и дѣйствія, причемъ существенный элементъ неорганической природы составляетъ бытіе, а органической—дѣйствіе. Жизненное дѣйствіе неорганической природы обнаруживается въ трехъ динамическихъ процессахъ: магнетизмѣ, электрицизмѣ и химизмѣ, которымъ усвояется широкое значеніе и при объясненіи органической природы. Далѣе, рѣшеніе біологическихъ и антропологическихъ проблемъ у Велланскаго, съ той же точки зрѣнія единства жизни, основано на необычайно смѣлыхъ аналогіяхъ между двумя сторонами бытія, заимствованныхъ у Шеллинга и Окена. Такъ, по его взгляду, каждое животное есть родъ планеты: покровы организма соотвѣтствуютъ земной корѣ, легкое—водѣ, печень есть аналогъ горючихъ ископаемыхъ, кости соотвѣтствуютъ металламъ, желудокъ и кишки солямъ, лимфатическія желѣзы грибамъ и растеніямъ, а нервная система человѣку. Подобнымъ образомъ, изъ динамическихъ процессовъ магнетизма, гальванизма, химизма—и взаимоотношенія активнаго и пассивнаго началъ въ природѣ, объясняются Велланскимъ причины бдѣнія, темпераментовъ, значеніе половъ въ природѣ, а равно на основаніи ихъ излагается теорія рожденія и смерти. Въ спеціально психологической области, по взгляду Велланскаго, разумъ, вспомоществуемый сверхъестественною интуиціею, является отраженіемъ абсолютнаго ума, и только благодаря своей способности отражать абсолютную идею жизни въ себѣ, какъ субъектъ, человѣкъ и можетъ познавать самого себя. Въ 1831 году вышло въ свѣтъ другое капитальное сочиненіе Велланскаго: „Опытная, умозрительная и наблюдательная физика", въ которомъ также съ особенною рельефностью выражены какъ основные принципы философіи природы Шеллинга, такъ и особенно стремленіе нераздѣльно слить природу и духъ. Общій міръ и человѣческій организмъ, по убѣжденію автора, произошли отъ одного начала, только въ двухстороннемъ образѣ явленій. Все содержаніе общаго міра находится въ человѣкѣ, составляющемъ частный, но полный міръ; въ обоихъ совершаются тѣ же происшествія, только особливымъ образомъ, свойственнымъ каждому. Въ промежуточный періодъ времени, раздѣляющій оба названныхъ труда, ученіе Шеллинга сказа-

лось во многихъ областяхъ и въ разныхъ направленіяхъ мысли и выразилось въ цѣломъ рядѣ научныхъ трудовъ. —Другимъ замѣчательнымъ послѣдователемъ Шеллинга былъ профессоръ С.-Петербургскаго университета А. И. Галичъ. Особенно въ первую эпоху своей ученой дѣятельности онъ былъ увлеченъ шеллингіанствомъ и ставилъ мюнхенскаго философа выше всѣхъ современныхъ философовъ. Въ изданной имъ въ 1818 году „Исторіи философскихъ системъ“ онъ далъ систематическій очеркъ ученія Шеллинга, причемъ избралъ ту изъ его многочисленныхъ и другъ друга смѣнявшихъ системъ, которая была наиболѣе родственна ему самому, включая сюда и очеркъ эстетической теоріи Шеллинга. Характеристика послѣдняго, данная Галичемъ, отзывается увлеченіемъ. Главная заслуга Шеллинга поставляется имъ въ томъ, что онъ устранилъ односторонность Фихте: въ одно и то же время противопоставилъ бытіе мышленію и необходимость свободѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и связалъ ихъ въ высшемъ безусловномъ началѣ, въ которомъ бытіе и мышленіе означаютъ соподчиненныя вѣтви одного цѣлаго [1]). Въ 1821 году возвратился изъ заграничной поѣздки профессоръ физики и натуральной философіи въ Московскомъ университетѣ М. Г. Павловъ и познакомилъ Москву съ ученіемъ Шеллинга изъ непосредственнаго источника. Тогда же И. И. Давыдовъ, бывшій въ университетскомъ пансіонѣ инспекторомъ, развивалъ предъ своими слушателями философію Шеллинга и своими объясненіями имѣлъ на нихъ сильное вліяніе. Въ свою очередь Одоевскій, вступившій въ частное литературное общество, своимъ участіемъ въ журналѣ „Мнемозина“ въ 1824 году пробудилъ интересъ къ Шеллингу и въ общей печати, не говоря уже про молодежь. Далѣе, послѣдователями философіи Шеллинга въ 20—30-хъ годахъ были профессора Московскаго университета: Погодинъ, Шевыревъ и Надеждинъ, особенно послѣдній, читавшій лекціи по теоріи и исторіи искусствъ. Въ 1830 году Надеждинъ помѣстилъ въ редактированномъ имъ журналѣ „Телескопъ“ общій очеркъ природы по теоріи Павлова, представляющій собою, особенно въ послѣднемъ отдѣлѣ

---

[1]) См. Русское Богатство за 1894 г., ст. „Судьбы русской философіи“.

„о теоріи вещества“ популярное воспроизведеніе натурфилософіи Шеллинга. Вліяніе послѣдняго отразилось, между прочимъ, и на воззрѣніяхъ славянофиловъ. Глава послѣднихъ А. С. Хомяковъ еще въ 1822 году, до поѣздки своей за границу, основательно былъ знакомъ съ ученіемъ Шеллинга, а послѣ своей заграничной поѣздки вернулся въ Россію съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній по германской философіи. Другой корифей славянофильства И. В. Кирѣевскій усвоилъ себѣ почтеніе къ Шеллингу еще въ домѣ своего вотчима Елагина, гдѣ и ознакомился съ натурфилософскою системою. Во время же своей заграничой поѣздки въ 1829—1830 годахъ онъ лично познакомился съ Шеллингомъ и Гегелемъ, но въ большей степени подчинился вліянію послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, онъ нерѣдко смѣшивалъ довольно разнородныя по направленію системы Шеллинга и Гегеля, а по возвращеніи своемъ въ Россію ревностно пропагандировалъ идеи перваго въ своихъ публицистическихъ трудахъ. По его воззрѣнію „нѣмецкая философія, въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга, могла служить у насъ самою удобною степенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ древне-русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанію вѣрующаго разума“ [1]).

При полномъ господствѣ шеллингіанскихъ идей въ 20—30-хъ годахъ и въ научно-литературной сферѣ, и въ міросозерцаніи русскихъ людей, вліяніе ихъ неизбѣжно должно было отразиться и на разработкѣ психологіи. Уже въ названныхъ выше трудахъ Велланскаго мы находимъ своеобразное объясненіе многихъ психофизіологическихъ и чисто психологическихъ проблемъ, основанное на принципѣ тожества, въ силу котораго человѣкъ является центромъ и живымъ отраженіемъ всей природы съ присущими ей стихіями, силами и свойственными ей динамическими процессами. Въ 1834 году былъ изданъ Галичемъ обширный оригинальный трудъ—„Картина человѣка“,

[1]) Вопр. фил. и псих., кн. 6, „Матеріалы“, стр. 54.

который справедливо можетъ быть названъ первою русскою психологіей. Это собственно обширная антропологія, поставившая себѣ задачею всестороннее изученіе человѣка, съ возможно болѣе широкой точки зрѣнія, и имѣющая въ своемъ основаніи идеи Шеллинга и другихъ натурфилософовъ. Послѣднія подвергнуты авторомъ значительной переработкѣ. Такъ, антропоцентризмъ, принятый авторомъ въ качествѣ основнаго принципа, совсѣмъ иного рода, чѣмъ у натурфилософовъ. Если Галичъ и утверждаетъ, что силы и стихіи природы слились въ человѣкѣ и что всѣ радіусы міозданія находятъ въ природѣ его сборное мѣсто, то отнюдь не въ космическомъ, а въ психологическомъ смыслѣ. Въ частности, имѣя въ виду дать полную „картину человѣка", Галичъ поставляетъ задачами антропологіи: опредѣленіе положенія человѣка въ ряду другихъ существъ, самопознаніе и отысканіе цѣлей человѣческаго существованія и—просвѣщеніе, или выясненіе значенія всѣхъ вообще наукъ съ антропологической точки зрѣнія. Болѣе чистымъ и типичнымъ отраженіемъ идей натурфилософской школы со всѣми ея метафизическими предположеніями служатъ психологическіе трактаты Хр. Экеблада, начатые имъ еще въ 1839 году въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія и нашедшіе свое окончательное завершеніе въ изданной имъ въ 1872 году обширной психологической системѣ подъ заглавіемъ: „Опытъ обозрѣнія и біологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа". Этотъ трудъ, по собственному признанію автора, въ значительной степени представляетъ собою воспроизведеніе основныхъ взглядовъ его учителя Д. М. Велланскаго. Далѣе, послѣ того какъ философія Шеллинга въ двадцатыхъ годахъ подверглась у насъ нареканіямъ за свое вредное вліяніе на умы, въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ опять оффиціально была введена лейбнице-вольфіанская философія и психологія, но топерь уже послѣдняя подверглась значительнымъ измѣненіямъ и переработкѣ и была восполнена идеями Шеллинговой философіи, а равно неоплатоническими, очищенными подъ вліяніемъ богословія. Въ такой новой оригинальной формѣ психологія является въ трудѣ профессора Кіевскаго университета Ор. Новицкаго—„Руковод-

ство къ опытной психологіи“ (1840 г.) и въ сочиненіи Кедрова „Курсъ психологіи“ (1844 г.).

Довольно продолжительное господство Шеллинговой философіи въ Россіи—въ тридцатыхъ годахъ должно было уступить свое мѣсто побѣдоносному шествію гегелизма. Усвоеніе идей Шеллинга было необходимою подготовительною ступенью къ изученію системы Гегеля, такъ какъ общество не способно было вступить сразу на абстрактно-логическую точку зрѣнія Гегеля и признать самодержавіе абсолютнаго разума. Изученіе это почти совпадаетъ по времени съ моментомъ наибольшаго увлеченія Шеллингомъ. Русскіе люди, путешествовавшіе заграницу для довершенія своего философскаго образованія, знакомились на мѣстѣ изъ перваго источника съ философіей Гегеля и затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, пропагандировали его идеи въ своихъ трудахъ. Такъ, вліяніе идей Гегеля весьма замѣтно отразилось на богословско-философскихъ сочиненіяхъ А. С. Хомякова. Правда, по словамъ Погодина, „онъ ничего не любилъ столько, какъ бороться съ Гегелемъ и бить его послѣдователей, незванныхъ нашихъ философовъ“ [1]). Тѣмъ не менѣе, онъ является во многихъ своихъ трудахъ гегельянцемъ, какъ по методу своихъ построеній, такъ и по нѣкоторымъ своимъ основнымъ воззрѣніямъ. Критикуя гегелизмъ, какъ явленіе одностороннее, составившее кризисъ нѣмецкой философіи въ ея наивысшемъ завершеніи, Хомяковъ отдаетъ должное заслугамъ Гегеля и въ своихъ разсужденіяхъ сглаживаетъ многія крайности его воззрѣній. И дѣйствительно, крайній пантеизмъ Гегеля, разсматривавшій христіанскую религію, какъ низшую и преходящую форму проявленія и раскрытія абсолютной идеи въ человѣческомъ сознаніи, вызывалъ справедливые упреки философствующихъ людей; ученіе о свободѣ воли также не мирилось съ необходимостью діалектическаго развитія абсолютной идеи. Тѣмъ не менѣе, въ системѣ Гегеля было много положительныхъ элементовъ, опредѣлявшихъ характеръ русской философской мысли въ тридцатыхъ годахъ. Далѣе, въ началѣ сороковыхъ годовъ ревностнымъ послѣдо-

---

[1]) См. Вопр. фил. и псих. Кн. 6, „Матеріалы“, стр. 58.

вателемъ философіи Гегеля былъ Ю. Ѳ. Самаринъ, пытавшійся примирить съ нею православіе. Далеко позже, уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, защитникомъ Гегелевской философіи является Н. Н. Страховъ, находившій, что „въ самой сущности Гегелевскаго взгляда лежитъ примиреніе всѣхъ взглядовъ и ученій, ихъ взаимное пониманіе, ихъ сліяніе" [1]). Вліяніе идей Гегеля не ограничивалось только сферою русской философской мысли. Въ сороковыхъ годахъ и позже передовые представители русскаго общества и руководители его сознанія: Бѣлинскій, Станкевичъ, Герценъ, Бакунинъ и другіе, пропагандировали воззрѣнія Гегеля въ своихъ публицистическихъ и критико-эстетическихъ сочиненіяхъ. При своемъ безспорно широкомъ распространеніи въ Россіи и вліяніи на разныя сферы науки и литературы, идеи Гегеля неизбѣжно должны были отразиться и на русской психологіи. Гегелева система впервые серьезно поставила вопросъ о смыслѣ и идеальномъ значеніи бытія, а бытіе она понимала во всей его цѣлости, какъ воплощеніе цѣлей вѣчнаго разума. Имѣя въ виду понять и представить всю цѣлость бытія, какъ процессъ самоосуществленія самой разумности, эта система была благопріятна для рѣшенія вопроса о высшей природѣ и высшемъ назначеніи души, а равно для уясненія высшаго смысла и значенія душевныхъ явленій. Притомъ, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія какъ на Западѣ, такъ и у насъ изслѣдователями духовной жизни больше всего цѣнилось уясненіе значенія и идеальной зависимости явленій духа; міръ фактовъ превратился для нихъ въ міръ понятій, создаваемыхъ духомъ съ извѣстною правильностью и законченностью. Нужно, однако, замѣтить, что даже на Западѣ работы Гегелевой школы въ области психологіи далеко не всегда опредѣлялись метафизическими особенностями системы ея представителя, по крайней мѣрѣ по тѣмъ сторонамъ, по которымъ онѣ имѣли дѣйствительно научное значеніе, а въ лицѣ нѣкоторыхъ послѣдователей Гегеля даже почти вовсе освободились отъ вліянія его системы. Подобное явленіе въ разработкѣ психологіи мы находимъ и у насъ. Старѣйшій русскій

---

[1]) См. Вопр. фил. и псих., кн. 7, стр. 92.

философъ С. С. Гогоцкій, извѣстный составитель философскаго лексикона, по своимъ основнымъ воззрѣніямъ—гегельянецъ: идею развитія, принятую имъ въ качествѣ основнаго принципа, онъ понимаетъ въ гегелевскомъ смыслѣ, какъ саморазвитіе духовнаго начала. Тѣмъ не менѣе, въ своей обработкѣ психологіи, изданной имъ уже на закатѣ своей ученой дѣятельности („Программа психологіи", 1881 г.), онъ не ограничивается однимъ чисто логическимъ построеніемъ сложной системы психическихъ отправленій, а принимаетъ во вниманіе и реальную природу души и внѣшнія условія ея дѣятельности, соединяя такимъ образомъ физіологію духа съ воззрѣніями Гегеля, преобразованными имъ подъ вліяніемъ воззрѣній гербартіанцевъ. Кромѣ того, Гогоцкій не столько примыкаетъ къ самому Гегелю, сколько къ его умѣреннымъ послѣдователямъ: Мишле, Розенкранцу и Эрдману, отказываясь въ своихъ психологическихъ воззрѣніяхъ отъ многихъ взглядовъ своего руководителя. Наконецъ, гегелевскій идеализмъ является въ системѣ Гогоцкаго преобразованнымъ подъ вліяніемъ новѣйшихъ успѣховъ психологіи, выразившихся въ трудахъ Вундта, Фехнера, Гельмгольца, Бэна и др.

Крайній гегелизмъ на Западѣ, послѣ непродолжительнаго торжества своего, смѣнился развившимся на его почвѣ грубымъ матеріализмомъ. Въ 1847 году вышли въ свѣтъ „Физіологическія письма" К. Фохта, въ которыхъ авторъ отрицаетъ духовное бытіе, сводя всю умственную и психическую дѣятельность къ естественнымъ отправленіямъ мозга, вполнѣ аналогичнымъ прочимъ органическимъ отправленіямъ. Воззрѣнія Фохта, поддержанныя Бюхнеромъ и Молешоттомъ, на цѣлыхъ двадцать лѣтъ утвердили господство матеріализма въ Европѣ и оказали свое вліяніе и на умственный складъ общества, и на разныя сферы науки. Эта смѣна крайняго идеализма грубымъ матеріализмомъ по внѣшнимъ условіямъ была естественна и прямо вытекала изъ перваго путемъ простой подстановки, вмѣсто абсолютной идеи, новаго начала—матеріи. Труды Фохта, Бюхнера и Молешотта своевременно появились и у насъ въ русскомъ переводѣ и нашли себѣ послѣдователей. Отчужденіе отъ идеализма вызвало какъ на Западѣ, такъ и у насъ недовѣріе ко всему, что носило видъ умозрѣнія, что не подлежало экспериментаціи; все это относилось къ области мечтаній и исключа-

лось изъ области науки. Такая участь постигла высшія идеи— о душѣ, о свободѣ и безсмертіи, которыя прямо были отнесены къ сферѣ метафизики, ставшей во мнѣніи общества синонимомъ безплодныхъ порожденій фантазіи. Пропагандистами матеріалистическихъ воззрѣній, явныхъ и скрытыхъ, въ русской публицистической литературѣ, а частію и въ наукѣ, были: Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Антоновичъ, Лавровъ, Герценъ и др. Скрытая матеріалистическая подкладка сказалась и въ популярныхъ психологическихъ трактатахъ и въ психологическихъ воззрѣніяхъ русскаго общества 60-хъ годовъ. Но матеріалистическія тенденціи не оказали особенно замѣтнаго вліянія на спеціально научную разработку психологическихъ проблемъ, а тѣмъ болѣе не отразились на цѣлыхъ системахъ психологіи, такъ какъ такой трудъ не казался достойнымъ вниманія послѣдователей матеріализма. Гораздо значительнѣе въ этомъ отношеніи было вліяніе идей позитивизма Ог. Конта и Литтре, проникавшихъ въ Россію въ концѣ 50-хъ годовъ. Равнымъ образомъ идеи англійскихъ моралистовъ и философовъ опытной, такъ называемой, Шотландской школы, Милля Бентама, Бокля и др. нашли себѣ весьма сочувственный пріемъ въ Россіи въ 60-хъ годахъ, когда появились русскіе переводы ихъ сочиненій [1]). Вліяя главнымъ образомъ на общій складъ міросозерцанія русскаго общества и на характеръ его философскихъ воззрѣній, идеи позитивизма отразились и на многихъ психологическихъ трактатахъ. Подъ вліяніемъ позитивныхъ воззрѣній Конта и др. стали высказываться въ русской психологической литературѣ сужденія отрицанія самостоятельности психологіи, какъ науки. „Психологія заимствуетъ важнѣйшую часть своего содержанія, главнымъ образомъ принципы, изъ физіологіи; методъ ея долженъ быть тотъ же самый, какъ и у послѣдней, т. е. объективный“. Иначе говоря, психологія становится частью физіологіи, а аналитическая разработка психическихъ явленій должна быть отдана въ руки

[1]) Переводныя сочиненія позитивнаго направленія вызвали и оригинальную литературу въ томъ же родѣ въ лицѣ Лесевича, Роберти и др. Одновременно съ этимъ въ 60-хъ годахъ продолжается усиленная переводческая дѣятельность: сочиненія Дрэпера, Тайлора, Леббока, Топинара, а равно представителей естествознанія, — Геккеля, Гексли, Лайеля и другихъ находятъ себѣ въ Россіи горячихъ приверженцевъ.

физіологовъ. Это мнѣніе высказывалъ, между прочимъ, Сѣченовъ въ своей статьѣ: „Кому и какъ разработывать психологію“. Далѣе по его убѣжденію, „методъ самонаблюденія нелѣпъ; онъ заключаетъ въ себѣ невозможное требованіе, ограничивая область психологіи тѣмъ, что примѣнимо лишь къ здоровому взрослому человѣку“. Мѣсто субъективнаго метода долженъ занять объективный, разсматривающій внутренніе процессы съ двухъ сторонъ: со стороны ихъ результатовъ и со стороны органическихъ условій ихъ возникновенія. Въ данномъ случаѣ Сѣченовъ и другіе представители этого воззрѣнія незамѣтно для себя допускали ὕστερον πρότερον: органическія условія, мысли и результаты психическихъ процессовъ непонятны человѣку безъ самаго мышленія; мышленіе всегда останется первымъ и самымъ достовѣрнымъ фактомъ. Не даромъ еще со временъ Декарта принципомъ психологіи признано сознаніе, а методомъ ея самонаблюденіе.—Не трудно видѣть, что система позитивизма неразрывно связывается съ философіей подновляемаго монистическаго матеріализма и отжившаго свой вѣкъ гегельянства. Въ основѣ ея лежитъ предположеніе о единой конечной матеріи со всѣми абсолютными свойствами, изъ которой развивается все по закону необходимости, включая сюда и человѣка, отличающагося отъ животныхъ только степенью развитія, а не по существу.

Одновременно съ господствомъ позитивизма въ русской ученой литературѣ въ 60-хъ годахъ продолжается вліяніе нѣмецкой философіи въ лицѣ главнѣйшихъ представителей какъ чистаго реализма, составившаго реакцію крайнему гегелевскому абсолютизму,—Гербарта, Бенеке, Лотце и др., такъ и представителей посредствующаго между идеализмомъ и реализмомъ направленія—Ульрици, Фихте Мл. и др., труды которыхъ частію переводятся на русскій языкъ. Въ спеціально психологической литературѣ вліяніе чистаго и идеальнаго нѣмецкаго реализма отразилось въ системахъ Автократова, Чистовича, Ушинскаго, Владиславлева и др.

Движеніе и небывалые успѣхи естественныхъ наукъ вызвали въ концѣ 60-хъ годовъ на Западѣ и отчасти у насъ значительное оживленіе въ сферѣ ученой дѣятельности. Идеи, явившіяся на почвѣ естествознанія, по необходимому закону вза-

имодѣйствія человѣческихъ знаній, отразились и на разработкѣ психологіи. Попытки широкихъ обобщеній въ біологическихъ наукахъ неизбѣжно затрогивали вопросы объ одушевленіи вообще, о связи и взаимной зависимости душевныхъ явленій, объ ихъ отношеніяхъ къ физіологическимъ отправленіямъ и т. д. Труды Вебера, Фехнера, Вундта и др. въ значительной степени содѣйствовали успѣхамъ психологіи. Особенно же значительно въ этомъ отношеніи было вліяніе Дарвина. Его теорія о происхожденіи видовъ изъ одного общаго источника необходимо соприкасается съ вопросомъ о происхожденіи одушевленія существъ, а его ученіе о наслѣдственности, равно какъ и общій взглядъ на развитіе человѣка со всѣмъ богатствомъ его душевной жизни, создали въ недавнее время довольно обширную біологическую и психологическую литературу и дали поводъ къ особенному движенію въ нашей наукѣ на Западѣ и въ Россіи. Идеи Дарвина нашли себѣ приложеніе во многихъ психологическихъ трактатахъ и отчасти отразились на системѣ психологіи Каптерева. Одновременно съ господствомъ психофизіологическаго направленія въ наукѣ на Западѣ и у насъ былъ осужденъ старый позитивизмъ Ог. Конта и Литтре за допущеніе ими въ своихъ системахъ нѣкоторыхъ умозрительныхъ предпосылокъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ была попытка поставить психологію на новыхъ основаніяхъ, разсматривать всю совокупность душевныхъ явленій въ свѣтѣ новой идеи, выразителемъ которой былъ Спенсеръ, издавшій еще въ 1855 году капитальный трудъ—„Начала психологіи“, появившійся затѣмъ вторично въ окончательной обработкѣ въ 1872 году. Въ сущности, теорія Спенсера есть не что иное, какъ приложеніе Дарвиновской идеи развитія (эволюціи) къ объясненію душевныхъ явленій. По этой теоріи, богатство душевной жизни въ человѣкѣ есть слѣдствіе постепеннаго развитія организма подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, есть слѣдствіе приспособленія организма къ окружающей средѣ. Изъ первыхъ какъ бы самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ начатковъ жизни, скрывавшихся въ рефлективныхъ движеніяхъ, путемъ выдѣленія, обособленія болѣе спеціальныхъ дѣятельностей, или, какъ говоритъ Спенсеръ, дифференцированія, и путемъ объединенія выдѣленнаго съ цѣлымъ

и воспринятія его въ гармонически—единый организмъ, или интегрированія, въ продолженіе весьма значительнаго періода времени развивалась все болѣе и болѣе сложная душевная дѣятельность и силы, пока это развитіе не дошло до такого многосторонняго единства разнообразныхъ психическихъ фактовъ, какое мы видимъ въ человѣкѣ. Взгляды Спенсера, выраженные въ различныхъ трудахъ его, представляютъ любопытнѣйшее отраженіе идей опытныхъ наукъ на изученіи духовной жизни. Подъ вліяніемъ воззрѣній Спенсера и Дарвина психологія начинаетъ все болѣе интересоваться фактическою стороною душевной жизни и стремится объяснять происхожденіе и взаимную зависимость обнаруженій духа. Въ такомъ характерѣ психологіи недавняго, а отчасти и нашего времени, нельзя не видѣть нѣкоторой односторонности, являющейся слѣдствіемъ вліянія естествовѣдѣнія и положительныхъ наукъ на науки нравственныя. Но съ другой стороны, здѣсь выразилась естественная реакція преобладанію идеальныхъ задачъ въ наукѣ, господствовавшихъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Притомъ, въ дѣлѣ изученія фактической стороны душевной жизни нельзя не привѣтствовать въ трудахъ указаннаго направленія замѣчательныхъ успѣховъ.

Рядомъ съ новѣйшимъ позитивизмомъ Спенсера въ области психологіи возникаетъ эмпирическое направленіе, получившее свое начало еще въ эмпиризмѣ Локка, а завершеніе въ эмпирической психологіи англійской и шотландской школъ, выставившихъ цѣлую плеяду знаменитыхъ ученыхъ, изъ которыхъ наибольшую популярность пріобрѣлъ у насъ А. Бэнъ. Въ психологіи оно выразилось въ субъективизмѣ и теоріи относительнаго, заступившихъ мѣсто прежняго абсолютизма; метафизическій догматизмъ уступилъ въ немъ свое мѣсто критическому изслѣдованію основъ познанія, за которыми обратились къ опыту. Найденные факты—законы ассоціаціи—провозглашены единственными основами психической жизни. Они нашли себѣ широкое приложеніе въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ психики, такъ что ассоціаціонная психологія стала другимъ названіемъ, синонимомъ эмпирической психологіи. Школа ассоціаціонистовъ, наиболѣе выдающаяся въ наше время и по числу своихъ послѣдователей, и по количеству научныхъ трудовъ,

нашла себѣ послѣдователей и въ Россіи, и въ недавнее время получила у насъ особенное значеніе. Наиболѣе полнымъ выраженіемъ этого направленія является трудъ Троицкаго „Наука о духѣ“. Притомъ, ассоціаціонизмъ въ недавнее время вступилъ въ разнообразныя сочетанія съ эволюціонизмомъ Дарвина и Спенсера, принявши въ свою очередь два различныхъ направленія: физіологическое и психологическое. Выраженіемъ перваго можетъ служить новѣйшее изданіе „Педагогической психологія“ Каптерева (1883 г.), а выраженіемъ втораго — „Психологія“ Снегирева (1893 г.).—Вообще же, чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ болѣе замѣчается въ области психологіи стремленіе освободиться отъ всякаго вліянія особенностей разнообразныхъ метафизическихъ системъ. Зато разработка психологіи все болѣе подчиняются вліянію положительныхъ наукъ и становится въ болѣе тѣсную зависимость отъ англійской психологіи, подъ вліяніемъ которой она преимущественно занимается изученіемъ фактовъ душевной жизни. Въ психологіи теперь все болѣе придается значенія тому, что дано намъ въ нашемъ сознаніи и тщательный анализъ послѣдняго становится все болѣе важною задачею психологической работы. Особенное значеніе для этого имѣетъ правильное пониманіе воспріятія, тогда какъ доселѣ главное вниманіе обращалось на то, что дано въ представленіи. Притомъ, психологія нашихъ дней все болѣе проникается ученіемъ такъ называемаго психологическаго спектра, то есть ученіемъ о необходимой связи и взаимной зависимости всѣхъ трехъ формъ психической жизни— интеллекта, воли и чувства въ каждомъ душевномъ состояніи. Съ другой стороны, нельзя не признать, что и въ наши дни существуетъ въ мыслящемъ обществѣ потребность къ пониманію идеальнаго значенія и смысла психическихъ фактовъ,— стремленіе анализировать высшія духовныя стороны ума, фантазіи и сердца, короче „безсмертную и божественную часть человѣческой души.“ Реальные факты психологическаго міра, давъ уму твердую и прочную основу для идеалистическихъ построеній, снова побуждаютъ въ наши дни изслѣдователей душевной жизни искать въ ней высшихъ и благороднѣйшихъ сторонъ, роднящихъ духъ человѣка съ Первоисточникомъ жизни и бытія.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго ясно, что параллельно смѣнѣ

различныхъ теченій философской мысли въ Россіи, а равно и благодаря условіямъ одновременной жизненности нѣсколькихъ философскихъ направленій, въ русской психологіи также обозначилось нѣсколько научныхъ направленій, или школъ, по временамъ вступающихъ въ борьбу между собою по поводу разногласія въ основныхъ принципахъ. Правда, самыя школы и научныя направленія психологіи вовсе не имѣли у насъ того характера, какимъ они отличаются на Западѣ. Основатель психологической школы у насъ оставался почти единственнымъ ея представителемъ, рѣдко находя себѣ продолжателей въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ и довольствуясь лишь молчаливымъ признаніемъ добытыхъ имъ результатовъ со стороны немногочисленныхъ своихъ послѣдователей. Притомъ, нельзя не замѣтить, что самыя направленія психологіи при всемъ своемъ, нерѣдко принципіальномъ различіи, представляютъ не мало общихъ точекъ соприкосновенія и родства. Такъ, всѣ они сходятся въ явномъ, или молчаливомъ признаніи душевнаго агента, какъ самостоятельнаго начала психическихъ явленій. Но при этомъ одни стараются опредѣлить самое существо души и основы ея жизни; другіе, признавая независимость психологіи, довольствуются лишь предположеніемъ субстанціи души, подобно тому, какъ физикъ признаетъ увѣренность здраваго смысла во внѣшнемъ мірѣ и просто предполагаетъ его на основаніи показаній чувствъ. Во всякомъ случаѣ, спиритуалистическій оттѣнокъ является общею характеристическою чертою психологическихъ системъ разныхъ направленій. Далѣе, сходствуютъ различныя направленія и въ методахъ изложенія науки: методъ генетическій, естественно-научный въ объясненіи происхожденія и развитія психическихъ явленій и—индуктивный въ установкѣ общихъ положеній предпочитаются методамъ систематическому и дедуктивному, обыкновенно являющимся уже въ результатѣ анализа явленій. Обыкновенно въ русскихъ системахъ психологіи эмпирія восполняется спекуляціей и умозрѣніемъ; безсильныя въ отдѣльности, они восполняютъ другъ друга, являясь въ такомъ соединеніи нормальными сторонами мыслительной дѣятельности. Въ частности, русская психологія обыкновенно преслѣдуетъ трoякую задачу: описаніе душевныхъ явленій, объясненіе ихъ и посильное раскрытіе природы души.

Въ послѣднемъ случаѣ она руководится умозаключеніями, основанными на опытѣ и умозрѣніи. Наконецъ, одною изъ наиболѣе видныхъ особенностей русской психологической науки является научный синкретизмъ, сводящій въ одно цѣлое труды изслѣдователей разныхъ школъ и направленій. Этотъ синкретизмъ наглядно показываетъ, что сдѣлано въ области психологіи научнаго и цѣннаго, что нужно сдѣлать, и въ какую сторону направить изслѣдованіе. Безъ этого важнаго условія выходъ изъ хаоса разнообразныхъ направленій, составляющихъ теперь дѣйствительное содержаніе науки, невозможенъ, равно какъ невозможенъ и прогрессъ ея.

Задачу нашего дальнѣйшаго изложенія составляетъ критическій обзоръ тѣхъ главнѣйшихъ системъ русской психологіи, въ которыхъ замѣтно выразилось опредѣленное направленіе. Въ данномъ случаѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія психологическія системы, появившіяся въ послѣднія десятилѣтія; но для полноты сужденій о развитіи и характерѣ русской психологической науки считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть и болѣе ранніе труды, составляющіе первыя ступени въ развитіи русской науки. Въ своемъ изложеніи мы не столько будемъ придерживаться хронологическаго порядка появленія системъ, сколько логическаго распредѣленія ихъ, причемъ сначала разсмотримъ системы, возникшія подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи и психологіи, и затѣмъ—системы, стоящія въ зависимости отъ англійской психологіи. Такой порядокъ изложенія будетъ соотвѣтствовать и естественному ходу развитія русской психологической науки, подчиняющейся въ наши дни воззрѣніямъ англійской опытной школы.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, кромѣ капитальныхъ психологическихъ системъ, у насъ создалась, хотя и не богатая, учебная психологическая литература, вызванная школьными потребностями. Въ ней замѣчается стремленіе сгладить крайности различныхъ направленій и соединить эмпирическій анализъ психическихъ фактовъ съ идеалистическимъ объясненіемъ значенія ихъ. Такія произведенія психологической литературы являются плодомъ научнаго синкретизма, а по характеру своему примыкаютъ къ идеально-реальному направленію.

М. Вержболовичъ.

ДАРВИНИЗМЪ.

(КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ).

(Продолженіе *).

I.

Критика Дарвинова ученія о видѣ, искусственномъ и безсознательномъ подборѣ.

Какъ мы видѣли, основное положеніе Дарвиновой теоріи состоитъ въ томъ, что всѣ растительные и животные виды произошли отъ нѣсколькихъ немногихъ, а вѣроятнѣе всего—отъ одной очень низко организованной формы. Очевидно, что въ этомъ положеніи implicite заключается та мысль, что растительные и животные виды могутъ переходить, одинъ въ другой. Такимъ образомъ, первой задачей, которой долженъ былъ задаться и дѣйствительно задался Дарвинъ въ своей теоріи, является задача—доказать, что виды измѣнчивы, т. е., что они на самомъ дѣлѣ могутъ переходить одинъ въ другой. И если бы Дарвину удалось доказать это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ бы, что измѣнчивы и роды, какъ состоящіе изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ группъ видовъ, измѣнчивы и семейства и всѣ другія коллективныя единицы классификаціи; а въ такомъ случаѣ теорія Дарвина являлась бы весьма вѣроятной. Въ противномъ же случаѣ, т. е., если бы Дарвину не удалось доказать самый фактъ измѣнчивости видовъ, то все его ученіе о томъ, какимъ образомъ изъ нѣсколькихъ или изъ одной простѣйшей формы могло развиться все разнообразіе органической

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1895 г., № 1.

жизни,—его ученіе о борьбѣ за существованіе, естественномъ подборѣ и т. д. оказалось бы не нужнымъ, какъ объясняющее не дѣйствительный, а только воображаемый процессъ (т. е. процессъ видоизмѣненія органическихъ существъ однихъ въ другія). Значитъ и теперь, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, при полемикѣ между Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеромъ, центромъ тяжести научной борьбы между дарвинистами и антидарвинистами является вопросъ объ измѣняемости или неизмѣняемости видовъ.

Основателями ученія объ неизмѣняемости видовъ считаются Линней и Кювье. Первый выражается о видѣ такъ: „Видовъ существуетъ столько, сколько различныхъ формъ сотворило вначалѣ Безконечное Существо. Эти формы, по врожденнымъ имъ законамъ происхожденія, произвели много другихъ подобныхъ видовъ“. По мнѣнію Кювье „видъ есть совокупность индивидуумовъ, происшедшихъ одинъ отъ другого, или отъ общихъ родителей, или отъ тѣхъ, которые столько же на нихъ похожи, сколько они похожи между собою“.

По мнѣнію Бюффона, „природа отличила виды неизмѣнимыми чертами. Видъ—это не что иное, какъ постоянное преемство воспроизводящихся другъ отъ друга сходныхъ между собою недѣлимыхъ. Отличительные признаки каждаго вида составляютъ типъ, главныя черты котораго остаются навсегда неизгладимыми и неизмѣнными, хотя бы случайные, второстепенные признаки и измѣнялись, такъ какъ они могутъ измѣняться. Преобразованіе видовъ невозможно, но разновидности могутъ разнообразиться до безконечности“.

По Бленвилю, „видъ есть недѣлимое, повторенное во времени и пространствѣ“. Шеврёль выражается такъ: „Видъ обнимаетъ собою всѣхъ недѣлимыхъ, происшедшихъ отъ одного отца и одной матери и отличающихся точными соотношеніями между одноименными органами. Различія, выходящія изъ предѣловъ этихъ отношеній. составляютъ разновидности“. Годронъ отвергаетъ всякую возможность преобразованія или трансформаціи видовъ. „Перевороты на земномъ шарѣ не могли измѣнить созданныхъ вначалѣ типовъ; виды сохраняли свое постоянство до тѣхъ поръ, пока новыя условія сдѣлали невозможнымъ ихъ существованія: тогда они погибали, но не измѣнялись“.

Наконецъ, Катрфажъ думаетъ о видѣ такъ: „Въ моихъ глазахъ видъ есть нѣчто основное и первоначальное. Внѣшнее вліяніе, среда измѣняли и безпрестанно измѣняютъ первоначальные наслѣдственные типы, то для поддержанія, то для умноженія или увеличенія этихъ измѣненій. Такъ происходятъ разновидности и породы. Границы измѣненій, производимыхъ этими различными причинами, еще не опредѣлены; но всматриваясь внимательно, легко убѣдиться, что онѣ иногда весьма обширны. Но все таки отъ этого не являются новые виды, и специфическое родство потомковъ одного и того же специфическаго типа всегда можно узнать на опытѣ, какія бы ни были ихъ раздѣляющія дѣйствительныя разности“ [1]).

Во всѣхъ приведенныхъ воззрѣніяхъ на видъ сквозитъ мысль о томъ, что видъ есть нѣчто неизмѣнное. Вѣдь странно было бы думать, что всѣмъ упомянутымъ и многимъ другимъ, которыхъ мы здѣсь не упоминаемъ, естествоиспытателямъ такъ-таки ничего не было извѣстно о тѣхъ фактахъ, на основаніи которыхъ было бы возможно установленіе противоположнаго воззрѣнія на видъ. И конечно, Кювье и другимъ ученымъ въ его время такіе факты были не менѣе извѣстны, чѣмъ Ламарку и Жоффруа Сентъ-Илеру: иначе онъ не могъ бы такъ побѣдоносно бороться съ послѣдними. Несомнѣнно также, что о такихъ фактахъ хорошо были освѣдомлены и современники Дарвина—Ляйэлль, Агассицъ и другіе; однако же они, какъ извѣстно, очень недовѣрчиво отнеслись къ теоріи Дарвина. Тоже нужно сказать и о такомъ видномъ ученомъ, каковъ Катрфажъ. Если же всѣ упомянутые ученые, не смотря ни на какіе доводы, остались при своемъ мнѣніи, что виды не измѣнчивы, не могутъ переходить одинъ въ другой, то значитъ, что въ ихъ глазахъ факты, свидѣтельствующіе повидимому о противномъ, на самомъ дѣлѣ не могутъ опровергнуть означеннаго мнѣнія. И дѣйствительно, мы сейчасъ увидимъ, что неизмѣняемость видовъ есть истина эмпирическая, покоющаяся на самыхъ точныхъ фактахъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ фактовъ.

[1]) Меньялъ: „Міръ и первобытный человѣкъ по ученію Библіи“, С.П.Б. 1872 г. стр. 138—140; Данилевскій „Дарвинизмъ“, т. I, ч. 1, стр. 234—236.

Такъ, прежде всего, никто изъ людей не запомнитъ ни одного случая трансформаціи, хотя одного какого-либо вида растеній или животныхъ въ какой-либо другой видъ. Далѣе, Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеръ сравнивали изображенія различныхъ животныхъ на египетскихъ обелискахъ и сохранившіеся въ муміяхъ трупы нѣкоторыхъ изъ нихъ (ибисовъ, кошекъ, фараоновыхъ мышей и др.) съ нынѣ существующими въ Египтѣ видами тѣхъ же животныхъ и не нашли между ними никакихъ различій, кромѣ самыхъ ничтожныхъ. Сѣяли зерна пшеницы, найденныя въ египетскихъ гробницахъ, и получали тотъ же видъ пшеницы, который и теперь разводится въ Египтѣ. По свидѣтельству Гумбольдта, ячмень, которымъ питались лошади Атридовъ, былъ безспорно тотъ же самый, который мы жнемъ и теперь. Гальбери нашелъ на Зеленомъ мысу баобабъ, которому, по числу концентрическихъ слоевъ, опредѣляющихъ возрастъ дерева, вѣроятно, болѣе 5000 лѣтъ; извѣстна также сосна, у которой насчитывается болѣе 6000 концентрическихъ слоевъ. Однако же и этотъ баобабъ, и эта сосна ничѣмъ не отличаются отъ нынѣ живущихъ деревьевъ тѣхъ же видовъ. Если, по мнѣнію дарвинистовъ, тысячелѣтій недостаточно для того, чтобы одинъ какой-либо растительный или животный видъ могъ преобразоваться въ другой, то мы укажемъ на такіе факты, гдѣ время, согласно хронологіи дарвинистовъ, придется считать не только десятками и сотнями тысячъ, но милліонами и милліардами лѣтъ. Такъ, по наблюденіямъ Агассица, весь Флоридскій полуостровъ состоитъ изъ коралловыхъ рифовъ соединенныхъ одинъ съ другимъ въ теченіе вѣковъ и содержащихъ остатки коралловъ, раковинъ и другихъ животныхъ. Всѣ эти животныя тождественны съ тѣми, которыя и теперь живутъ по берегамъ упомянутаго полуострова. Между тѣмъ, по вычисленіямъ самого Агассица и основывающимся на нихъ вычисленіямъ Данилевскаго, возрастъ означенныхъ рифовъ можно полагать между 200000 и 600000 лѣтъ. Далѣе, „Диксонъ и Браунъ нашли въ Луизіанѣ десять другъ надъ другомъ лежащихъ слоевъ ископаемыхъ стволовъ новоорманскаго кипариса, нынѣ еще растущаго въ той же мѣстности (Taxoclium distichum)“. На основаніи вычисленій упомянутыхъ ученыхъ, про-

межутокъ времени, отдѣляющій отъ насъ начало образованія означенныхъ слоевъ, можно полагать въ 150000 лѣтъ. „Но этотъ же самый видъ Taxoclium'a росъ, по свидѣтельству Гёпперта, прежде и въ Европѣ со времени верхняго міоценоваго періода". „Одно ископаемое хвойное, названное Zibocedrites salicornioides, жило въ теченіе всего третичнаго времени и безъ сомнѣнія живетъ и теперь"... „Есть и множество раковинъ, оставшихся не измѣненными съ разныхъ періодовъ третичной формаціи". „Поразительно, до чего выносливыми оказываются нѣкоторыя семейства насѣкомыхъ, уцѣлѣвшія на протяженіи милліоновъ лѣтъ. Тараканъ, этотъ „патріархъ міра насѣкомыхъ", появляется впервые въ каменноугольный періодъ (палэозойской эры) точно такъ же, какъ кузнечики и саранча, и притомъ въ формахъ, носящихъ характеръ современныхъ типовъ".

„Итакъ, положительные факты указываютъ на постоянство видовыхъ формъ не на нашихъ глазахъ только, не въ теченіе какихъ-либо тысячелѣтій, подлежащихъ вѣдѣнію исторіи, а въ теченіе сотенъ тысячъ, а иногда и милліоновъ лѣтъ, доисторическаго, геологическаго времени [1]).

II.

Дарвинъ, какъ и Ламаркъ и Жоффруа Сентъ-Илеръ, сознавалъ, конечно, роковое значеніе для его теоріи истины измѣняемости видовъ и, сообразно съ такимъ сознаніемъ, рѣшился, съ обычными для него мастерствомъ и смѣлостію, опрокинуть упомянутую истину и доказать, что виды измѣнчивы. Вотъ его воззрѣнія на видъ.

„Я считаю слово „видъ" произвольнымъ, дающимся ради удобства названіемъ группы особей, близко схожихъ между собою, и что нѣтъ по смыслу существеннаго различія между нимъ и терминомъ „разновидность", которымъ обозначаются формы, менѣе опредѣленныя, болѣе измѣнчивыя. Терминъ „разновидность" въ свою очередь, если принять въ соображеніе индивидуальныя особенности, также произволенъ, также прилагается лишь

[1]) Проф. Кудрявцевъ: Полное собраніе сочиненій, 1894 г. т. III, выпускъ I, стр. 148—150; Меньянъ—ibid. стр. 140—142; Данилевскій—ibid. стр. 236—241; "Настоящее и прошлое земли"—въ „Мірѣ Божіемъ" за 1894 г. стр. 281.

для удобства"... „Я полагаю, что рѣзкую разновидность, по справедливости, можно назвать зачинающимся видомъ".

„Разновидности или зачинающіеся виды, какъ я полагаю, превращаются въ новые отдѣльные виды; онѣ же, по началу наслѣдственности, стремятся производить другіе, новые и преобладающіе виды. Слѣдовательно, группы, нынѣ обширныя и по большей части заключающія много преобладающихъ видовъ, стремятся къ неограниченному расширенію" [1]).

Въ подтвержденіе такого своего воззрѣнія на видъ, Дарвинъ, прежде всего неоднократно указываетъ [2]) на несовершенства, неопредѣленность и путаницу, имѣющія мѣсто въ теперешней классификаціонной системѣ. Напр. въ то время какъ одинъ натуралистъ среди родовъ Британской флоры насчитываетъ 251 видъ, другой среди тѣхъ же родовъ только 112 хорошихъ, т. е. несомнѣнныхъ видовъ, а 139 относитъ къ видамъ сомнительнымъ. Точно также случалось и случается, что извѣстная органическая форма, отнесенная одними натуралистами къ разряду родовыхъ, потомъ низводилась другими натуралистами на степень видовыхъ и даже на степень разновидностей.

Правда, скажемъ мы, въ современной классификаціи имѣютъ мѣсто несовершенства, которыя указаны Дарвиномъ, сознаются и всѣми натуралистами. Но едва ли эти несовершенства современной классификаціи могутъ говорить противъ ея истинности вообще. Вигандъ говоритъ: „Пора бы перестать повторять этотъ тривіальный аргументъ", т. е., доказывать несовершенство антидарвинистическаго ученія о видѣ изъ несовершенствъ современной классификаціи. А Агассицъ говоритъ: „Я не думаю, чтобы можно было считать доказательствомъ общности происхожденія нѣкоторыхъ видовъ ошибки зоологовъ, которые то тамъ, то сямъ, а въ нѣкоторыхъ группахъ довольно часто ошибались, основывая опредѣленіе видовыхъ характеровъ, на фактахъ слишкомъ малочисленныхъ, или дурно наблюденныхъ. Точно съ такимъ же правомъ можно было бы заключить изъ дурно сдѣланнаго химическаго анализа о тождествѣ веществъ, не хорошо различенныхъ химикомъ" [3]).

---

[1]) „Происхожденіе видовъ", перев. Рачинскаго, стр. 41, 311.

[2]) Напр.—ibid. стр. 35—40.

[3]) См. у Данилевскаго, ibid. стр. 246.

Но главныя доказательства въ пользу измѣняемости видовъ Дарвинъ видитъ въ опытахъ искусственнаго подбора.

„Разсмотримъ вкратцѣ, какимъ путемъ были произведены домашнія породы. Малую долю дѣйствія, быть можетъ, позволительно приписать прямому вліянію внѣшнихъ жизненныхъ условій, а также привычки; но нужна необыкновенная смѣлость, что бы приписать такимъ вліяніямъ различіе наприм. между вововою лошадью и скакуномъ, между борзою и мордашкою, между чистымъ голубемъ и турманомъ. Мы не можемъ предположить, чтобы всѣ эти породы возникли внезапно... да мы во многихъ случаяхъ знаемъ исторически, что не таково было ихъ начало... Ключъ къ этой загадкѣ—накопляющее дѣйствіе подбора родичей человѣкомъ: природа производитъ послѣдовательныя уклоненія, человѣкъ слагаетъ ихъ въ направленіяхъ, для себя полезныхъ".

„Великая сила начала подбора родичей не есть гипотеза. Заводчики обыкновенно говорятъ объ организаціи животныхъ, какъ о пластическомъ матеріализмѣ, которому они могутъ придать какую угодно форму. Іоуеттъ, едва ли не лучшій знатокъ сельско-хозяйственной литературы и хорошій знатокъ животныхъ, выражается слѣдующимъ образомъ о великомъ началѣ подбора родичей: „Оно сельскому хозяину даетъ возможность не только видоизмѣнять характеръ своего стада, но и вовсе измѣнять его. Это—магическій жезлъ, при помощи котораго онъ можетъ вызвать къ жизни всякую форму, какую захочетъ". Про голубей Джонъ Себрайтъ говаривалъ, что „онъ берется произвести всякое данное перо въ три года, но на моделировку головы и клюва ему нужно шесть лѣтъ". А Лордъ Сомервиль говорилъ про заводчиковъ: „Словно они начертили на спинѣ идеально совершенную форму и придали ей жизнь" [1]).

Для доказательства такого могущественнаго дѣйствія искусственнаго подбора, Дарвинъ разсматриваетъ степень измѣнчивости очень многихъ домашнихъ растеній и животныхъ. По Дарвину выходитъ, что всѣ почти органы послѣднихъ, ихъ физіологическія отправленія, привычки, нравы и инстинкты претерпѣли болѣе или менѣе глубокія измѣненія вслѣдствіе культуры.

[1]) „Происхожденіе видовъ", стр. 23—24.

Все это правда, скажемъ мы съ своей стороны, но правда ли то, что организація всѣхъ вообще животныхъ и растеній есть „пластическій матеріалъ“, изъ котораго можно лѣпить все, что угодно?

Уже изъ приведенныхъ Дарвиномъ наблюденій надъ измѣнчивостію домашнихъ растеній и животныхъ становится очевиднымъ тотъ фактъ, что эти послѣднія измѣнчивы далеко не въ одинаковой степени. Такъ, самыми измѣнчивыми являются — изъ животныхъ: голуби, куры, собаки и лошади; изъ растеній — различные сорта огородныхъ, плодовыхъ и цвѣтовъ. Въ значительно меньшей степени измѣнчивыми являются напр. гусь и оселъ; а почти или совсѣмъ неспособными къ прирученію, а слѣдовательно и къ измѣнчивости, являются изъ животныхъ напр. фазанъ, благородный оселъ (Cervus Elaphus) и слонъ, изъ птицъ—всѣ хищныя, изъ растеній напр. Cajanus indicus Sprengel [1]). Въ виду этого факта, т. е., въ виду того, что различныя породы домашнихъ растеній и животныхъ способны къ измѣнчивости далеко не въ одинаковой степени, и что нѣкоторыя изъ нихъ, не смотря на всѣ усилія человѣка, до сихъ поръ не могутъ быть названы вполнѣ прирученными, многіе думали и думаютъ, что способность или неспособность животныхъ и растеній къ измѣнчивости есть ихъ прирожденное свойство, такъ что человѣкъ приручалъ именно тѣхъ изъ нихъ, которыя оказывались наиболѣе измѣнчивыми, и не приручалъ или оставлялъ начатыя было попытки прирученія тѣхъ изъ нихъ, которыя оказались мало измѣнчивыми. Такое объясненіе вышеуказаннаго факта Дарвинъ старается опровергнуть во-первыхъ тѣмъ соображеніемъ, что менѣе измѣнчивыя породы домашнихъ растеній и животныхъ оказались мало измѣнчивыми лишь потому, что „не подвергались дѣйствію подбора“ [2]). Но это неправда. Гусь, напр. подвергался подбору и—довольно тщательному [3]), однако оказался довольно неподатливымъ на измѣненія. Равнымъ образомъ человѣкъ съ удовольствіемъ при-

---

[1]) Данилевскій—ibid. стр. 199—209.
[2]) „Происхожденіе видовъ“, стр. 33.
[3]) Данилевскій—ibid. стр. 203.

ручилъ бы и многихъ хищныхъ птицъ, подвергъ бы ихъ и подбору, если бы это было возможно. Такъ, онъ приручилъ бы напр. сокола и кречета, охота съ которыми была такъ любима старинными охотниками. Во вторыхъ, значеніе разсматриваемаго факта, т. е., что „многіе полагаютъ, что человѣкъ избралъ для прирученія растенія и животныхъ, одаренныхъ необыкновеннымъ расположеніемъ къ уклоненіямъ и необыкновенною способностію приспособляться къ разнымъ климатамъ", Дарвинъ старается умалить такимъ соображеніемъ: „Какая была возможность впервые приручавшему дикарю животное знать, будетъ ли оно производить разновидности въ слѣдующихъ поколѣніяхъ?... Помѣшала ли прирученію осла или цесарки ихъ малая измѣнчивость, прирученію сѣвернаго оленя или верблюда неспособность перваго выносить жаръ, чувствительность второго къ холоду? Я не могу сомнѣваться въ томъ, что если бы иныя животныя и растенія... были лишены свободы и если бы ихъ заставили плодиться въ неволѣ въ продолженіе столькихъ же поколѣній (какъ и измѣнчивыя породы растеній и животныхъ), они среднимъ числомъ уклонились бы настолько отъ первоначальнаго типа, насколько уклонились родичи нашихъ теперешнихъ домашнихъ породъ" [1]). Но ужъ если, вслѣдъ за Дарвиномъ, становиться на почву предположеній, то мы съ одинаковымъ правомъ могли бы спросить Дарвина, почему же первобытный дикарь и не могъ бы знать, что одни изъ животныхъ болѣе измѣнчивы, а другія менѣе или совсѣмъ неизмѣнчивы, и—первыхъ приручать, а послѣднихъ нѣтъ? Вѣдь самъ же Дарвинъ въ другомъ своемъ сочиненіи приводитъ [2]) примѣры поразительной остроты зрѣнія у людей, живущихъ въ постоянной близости къ домашнимъ животнымъ. Такъ, лопари узнаютъ и называютъ особымъ именемъ каждаго оленя своихъ стадъ, хотя въ послѣднихъ этихъ животныхъ бываетъ иногда „какъ муравьевъ въ муравейникѣ"; нѣмецкіе пастухи выигрываютъ пари, узнавая каждую овцу въ стадѣ изъ ста головъ, хотя никогда не видывали этого стада ранѣе двухъ недѣль до пари. А дикари, какъ извѣстно, въ значительно

[1]) „Происхожденіе видовъ", стр. 14.

[2]) См. у Данилевскаго, ibid. стр. 67.

большей, сравнительно съ культурными людьми, степени обладаютъ остротою внѣшнихъ чувствъ. Тѣмъ большею остротою послѣднихъ долженъ былъ обладать первобытный дикарь, вѣчно жившій въ самомъ тѣсномъ общеніи съ растительнымъ и животнымъ міромъ. Наблюдая изъ года въ годъ, въ районѣ своего обитанія и охоты, одни и тѣ же стада напр. лошадей, рогатаго скота или собакъ, дикарь могъ наблюдать способность нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ къ измѣнчивости и потомъ—пытаться приручить ихъ. Далѣе, первобытный дикарь могъ узнать о способности нѣкоторыхъ животныхъ къ прирученію и прямо изъ опыта: сталъ приручать однихъ—попытка удалась, и онъ сталъ держать ихъ дома; сталъ приручать другихъ—попытка не удалась, и онъ ее оставилъ. Бездоказательною представляется намъ и ссылка Дарвина на сѣвернаго оленя и верблюда: вѣдь если эти животныя въ извѣстной степени приручались, значитъ, они все таки способны къ прирученію въ этой именно степени; а иначе попытка приручить ихъ оказалась бы безрезультатной, какою она оказалась напр. по отношенію къ слону, хищнымъ птицамъ и др. Такимъ же бездоказательнымъ представляется намъ и предположеніе Дарвина, что если бы неспособныхъ къ прирученію, а слѣдовательно и къ измѣнчивости, животныхъ принудить жить въ неволѣ и плодиться,—другими словами, принудить приручиться,—то они оказались бы измѣнчивыми. Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что нѣкоторыхъ животныхъ „принуждали жить въ неволѣ и плодиться", т. е. принуждали сдѣлаться измѣнчивыми, а они таковыми все таки не сдѣлались.

Такимъ образомъ мы можемъ заключить, что количество растительныхъ и животныхъ видовъ, подвергшихся опытамъ подбора и оказавшихся болѣе или менѣе измѣнчивыми, въ сравненіи со всѣмъ количествомъ существующихъ на землѣ видовъ, ничтожно. А заключать отъ способности къ измѣнчивости этого ничтожнаго количества видовъ къ измѣнчивости всѣхъ вообще видовъ, конечно, не позволительно.

Далѣе, способность къ измѣнчивости, которой въ большей или меньшей степени обладаютъ наши домашнія растенія и животныя, такъ ли безразлична, чтобы, благодаря ей, эти по-

слѣднія могли, въ своихъ уклоненіяхъ отъ первоначальнаго типа, переступать видовыя границы и такимъ образомъ, оправдывать положеніе Дарвина, „что разновидности суть зачинающіеся виды, а виды—рѣзкія разновидности"?

Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что различія въ строеніи породъ нашихъ домашнихъ растеній и животныхъ, вызываемыя вліяніемъ искусственнаго подбора, могутъ быть иногда очень значительными; но все таки мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы эти различія можно было считать видовыми. Такъ, ни одинъ ученый натуралистъ не рѣшится признать различныя породы напр. куръ или голубей за виды: различные признаки, напр. анатомическіе и физіологическіе, сейчасъ же укажутъ ему, что это именно породы, а не виды. И дѣйствительно, не только натуралисты, ставшіе въ лагерь противниковъ Дарвина, но и натуралисты, болѣе или менѣе согласные съ его воззрѣніями, не рѣшаются считать означенныя породы за виды. Такъ напр. К. Фогтъ замѣчаетъ, что „не смотря на значительныя разновидности голубей, однако же до сихъ поръ ниодному воспитателю этихъ птицъ не удалось измѣнить извѣстные законы отношеній между отдѣльными органами ихъ, отношеній, которыя именно и производятъ то, что, не смотря на всѣ перемѣны, мы въ первой расѣ узнаемъ того же голубя". Точно также проф, Гёксли соглашается, что „при всѣхъ разновидностяхъ голубей, въ нихъ всегда остается неизмѣннымъ извѣстное отношеніе между клювомъ и ногами, котораго до сихъ поръ не могли измѣнить воспитатели голубей, и которое характеристично для этой породы птицъ" [1]).

Какъ извѣстно къ числу признаковъ, на основаніи которыхъ натуралисты распознаютъ и отличаютъ другъ отъ друга виды и разновидности, относятся, между прочимъ, результаты скрещиванія другъ съ другомъ — видовъ съ видами и разновидностей съ разновидностями и — періодъ беременности. По отношенію къ разновидностямъ скрещиваніе называется метизаціей, а по отношенію къ видамъ одного и того же рода—гибридаціей. Метизація и гибридація очень рѣзко отличаются другъ

[1]) См. у проф. Кудрявцева, ibid. стр. 154.

отъ друга извѣстными признаками. Такъ, для первой мы имѣемъ: 1) легкость скрещиванія; 2) непрерывную плодовитость метисовъ; 3) атавизмъ (наклонность происшедшихъ отъ скрещиванія видоизмѣненныхъ потомковъ—наслѣдовать признаки—одинъ или нѣсколько—перваго родоначальника) у метисовъ; 4) увеличеніе плодовитости у метисовъ и 5) равновѣсіе между половыми отправленіями и процессами питанія у метисовъ. Для гибридаціи имѣемъ: 1) чрезвычайную ея трудность; 2) абсолютное или быстро наступающее безплодіе гибридовъ; 3) отсутствіе у гибридовъ атавизма, вмѣсто котораго у нихъ всегда бываетъ возвратъ къ одному изъ первоначальныхъ прародительскихъ зоологическихъ типовъ; 4) уменьшеніе плодовитости у гибридовъ и 5) нарушеніе равновѣсія между половыми отправленіями и процессами питанія въ ущербъ первымъ у гибридовъ [1]). Періодъ беременности, который у разновидностей одного вида бываетъ обыкновенно одинаковъ, а у видовъ одного рода различенъ, есть признакъ также весьма важный для различія между видомъ и разновидностію, потому что періодъ беременности нельзя или удлинить, или сократить, хотя сокращеніе его путемъ искусственнаго подбора было бы во многихъ случаяхъ и весьма выгодно для человѣка [2]). Теперь, если мы приложимъ означенные признаки къ различнымъ породамъ напр. куръ и голубей, то мы увидимъ, что это именно породы, а не виды. И самъ Дарвинъ, считаетъ напр. плодовитость различныхъ породъ голубей при скрещиваніи ихъ другъ съ другомъ доказательствомъ единства ихъ происхожденія (а этихъ породъ не менѣе 150) отъ одного дикаго вида (Columba Livia) [3]); слѣдовательно, заключаемъ мы, эти породы и теперь составляютъ одинъ видъ. Точно также Ферьеръ [4]), доказывая, что человѣческій родъ состоитъ только изъ одного вида, пользуется, для доказательства этого положенія всѣми вышеупомянутыми признаками, по которымъ отличаются виды отъ разновидностей, не исключая и періода беременности. Дарвинъ, однако же,

---

[1]) Ферьеръ, „Дарвинизмъ", перев. Пишмарева, С.П.Б. 1891 г. стр. 116—118

[2]) „Данилевскій", ibid. стр. 326.

[3]) „Происхожденіе видовъ", стр. 20—21.

[4]) Ibid. стр. 127.

старается умалять значеніе факта плодовитости метисовъ и безплодія гибридовъ, какъ критеріевъ для отличенія разновидностей отъ видовъ. Именно, Дарвинъ, ссылается на то обстоятельство, что „при совокупленіи формъ, которыя мы можемъ разсматривать, какъ хорошіе отдѣльные виды, ихъ плодовитость представляетъ всѣ постепенности отъ нуля до плодовитости полной, при нѣкоторыхъ условіяхъ—даже до плодовитости чрезвычайной, и говоритъ, что „нельзя думать, чтобы виды были одарены безплодіемъ при скрещеніи просто для того, чтобы предотвратить ихъ смѣшеніе при естественныхъ условіяхъ". То же самое, по мнѣнію Дарвина, можно сказать и относительно плодовитости метисовъ, происходящихъ отъ скрещиванія разновидностей, такъ что мы не имѣемъ права „считать ее общимъ закономъ... и возводить въ критерій для отличенія разновидностей отъ видовъ" [1]).

Въ доказательство своего мнѣнія, что плодовитость метисовъ и безплодіе гибридовъ нельзя считать элементарнымъ закономъ природы, Дарвинъ указываетъ на весьма немногіе факты, взятые почти—что исключительно изъ растительнаго царства и свидѣтельствующіе о томъ, что иногда виды при скрещиваніяхъ бываютъ плодовиты, а иногда и разновидности безплодны. Не позволяя себѣ отрицать справедливости означенныхъ фактовъ, мы въ то же время не считаемъ себя въ правѣ придавать имъ и то значеніе, которое придаютъ имъ Дарвинъ и его послѣдователи. Такъ, значеніе этихъ фактовъ въ данномъ отношеніи умаляется самымъ ихъ количествомъ, сравнительно ничтожнымъ въ ряду фактовъ противоположныхъ и свидѣтельствующихъ о томъ, что такіе факты суть лишь исключенія изъ общаго правила. Далѣе, значеніе большинства такихъ фактовъ умаляется сомнѣніемъ въ томъ, дѣйствительно ли тѣ виды и разновидности, которыхъ касаются эти факты, суть именно виды и разновидности. Вѣдь ничто не мѣшаетъ предположить, что плодовитые между собою виды суть на самомъ дѣлѣ разновидности, а безплодныя между собою разновидности суть виды. На допустимость такого предположенія указываетъ и проф. Тимирязевъ: „Если

---

[1]) „Происхожденіе видовъ", глава VIII.

имъ (противникамъ Дарвинизма) докажутъ, что такіе-то виды плодовиты при скрещиваніи, они отвѣтятъ: значитъ, это не были виды; если имъ докажутъ, что такія-то разновидности безплодны при скрещеніи,—они только возведутъ ихъ на степень видовъ и все же останутся при своемъ убѣжденіи. Такой именно тактики придерживался Кельрейтеръ, извѣстный своими тщательными изслѣдованіями по вопросу о скрещеніи растеній" [1]). Мы думаемъ, что не только Кельрейтеръ, державшійся указанной тактики, при различеніи видовъ отъ разновидностей, былъ вполнѣ послѣдователенъ, но будетъ послѣдователенъ и всякій другой натуралистъ, который будетъ держаться той же тактики, потому что, какъ признаютъ это и сами дарвинисты, „для огромнаго большинства случаевъ это различіе (т. е. различіе между видами и разновидностями по безплодію скрещиванія первыхъ и плодовитости скрещеванія послѣднихъ) вѣрно" [2]). Что касается примѣровъ плодовитости видовъ и безплодія разновидностей при скрещиваніяхъ изъ царства животнаго, то хотя Дарвинъ и приводитъ ихъ нѣсколько, но сознается откровенно, что онъ сомнѣвается, „что какой-либо случай совершенно плодовитаго животнаго ублюдка могъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ" [3]). Но проф. Тимирязевъ, приведя нѣсколько взятыхъ у Дарвина фактовъ, указываетъ, какъ на примѣръ плодовитости животныхъ видовъ при скрещиваніи на помѣсь кролика съ зайцемъ, „разводимую въ послѣднее время во Франціи подъ именемъ лепоридовъ" [4]). Но фактъ этотъ не точенъ. Дѣйствительно, во Франціи скрестили кролика съ зайцемъ и получили помѣсь, названную лепоридами. Но изъ наблюденій Катрфажа, Исидора Жоффруа Сентъ-Илера и Флурана выяснилось, что лепориды, „представляющіе сначала смѣшеніе характеровъ, свойственныхъ обоимъ производителямъ, становятся все болѣе и болѣе похожими на одного изъ нихъ, такъ что тутъ является возвращеніе къ одному изъ первоначальныхъ зоологическихъ типовъ, а не произведеніе промежуточнаго типа" [5]).

---

[1]) „Чарлзъ Дарвинъ и его ученіе", стр. 86.

[2]) Ibid. стр. 94.

[3]) „Происхожденіе видовъ", стр. 192.

[4]) Ibid. стр. 88.

[5]) См. у Данилевскаго, ibid. стр. 313.

Справедливость требуетъ сказать, что Дарвинъ приводитъ и нѣсколько такихъ фактовъ по скрещиванію, которые повидимому, дѣлаютъ критерій различенія видовъ отъ разновидностей по безплодію гибридовъ и плодовитости метисовъ весьма не устойчивымъ. Къ числу такихъ фактовъ принадлежатъ, прежде всего, явленія взаимнаго скрещиванія, состоящаго въ томъ, что напр. женское недѣлимое вида А скрещивается съ мужескимъ недѣлимымъ вида В, а женское недѣлимое вида В съ мужескимъ вида А. При этомъ случается, что одно скрещиваніе бываетъ плодовито, а другое безплодно, такъ что въ первомъ случаѣ скрещиваемыя формы приходится признавать за разновидности, а во второмъ—за виды. Подобное же явленіе наблюдается при скрещиваніи диморфныхъ и триморфныхъ растеній (такъ называются растенія, воспроизводящія недѣлимыхъ двухъ и трехъ формъ, отличающихся только величиною органовъ размноженія). Такъ напр. примули или барашки производятъ двоякаго рода цвѣтки,—одни съ длинными лепестками и короткими тычинками, а другіе—съ длинными тычинками и короткими лепестками. Плодовито бываетъ только перекрестное оплодотвореніе, т. е. оплодотвореніе длинныхъ лепестковъ длинными же тычинками и—короткихъ—короткими, а оплодотвореніе короткихъ лепестковъ длинными тычинками и длинныхъ лепестковъ короткими тычинками бываетъ болѣе или менѣе безплодно.

Но какъ сейчасъ, такъ и выше приведенные факты, являющіеся исключеніемъ изъ общаго правила—плодовитости разновидностей и безплодія видовъ при скрещиваніи—для насъ совершенно непонятны въ ихъ сущности и причинахъ. Въ этомъ сознаются и Дарвинъ, и его послѣдователи. А если такъ, то мы не имѣемъ права дѣлать какихъ-либо рѣшительныхъ выводовъ изъ означенныхъ фактовъ ни pro, ни contra воззрѣній Дарвина.

Желая однако же извѣстнымъ образомъ освѣтить темный для насъ вопросъ о занимающихъ насъ явленіяхъ гибридаціи и метизаціи, Дарвинъ предполагаетъ, что главная причина плодовитости метисовъ и безплодія гибридовъ лежитъ въ извѣстныхъ особенностяхъ склада воспроизводительной системы скрещиваемыхъ видовыхъ и разновидностныхъ формъ. Но это пред-

положеніе Дарвина ничего не говоритъ въ пользу его воззрѣній на степень и размѣры тѣхъ видоизмѣненій, которымъ подверглись наши домашнія породы растеній и животныхъ подъ вліяніемъ культуры. „Организмъ есть комбинація ритмически дѣйствующихъ частей, находящихся въ состояніи подвижнаго равновѣсія"; поэтому, „не можетъ измѣниться дѣйствіе и строеніе какой-нибудь части безъ того, чтобы не измѣнились дѣйствія и строенія всѣхъ другихъ частей, совершенно подобно тому, какъ не можетъ измѣниться движеніе или масса какого-либо изъ тѣлъ солнечной системы безъ того, чтобы не произошло переустройства по всей системѣ" [1]). А если такъ и если воспроизводительная система органическихъ формъ, относящихся къ породамъ нашихъ домашнихъ растеній и животныхъ, находящаяся въ тѣсной связи со всей организаціей означенныхъ формъ, не измѣнилась настолько, что бы эти формы сдѣлались безплодными при скрещиваніи ихъ другъ съ другомъ, то не измѣнилась, въ общемъ, не смотря на различныя, хотя бы иногда и значительныя частныя уклоненія, и вся организація этихъ формъ, и послѣднія, слѣдовательно, остались только разновидностями и не сдѣлались видами.

Не лишнимъ считаемъ, въ заключеніе нашей рѣчи о гибридаціи и метизаціи, привести слова извѣстнаго Мильнъ-Эдвардса: „Неспособность содѣйствовать физіологическому труду, результатомъ котораго является новый индивидуумъ, предполагаетъ существенныя различія въ природѣ организмовъ; такъ же точно какъ способность воспроизводиться между собою предполагаетъ такое сходство въ ихъ природѣ, значеніе котораго огромно. Но ежедневное наблюденіе научаетъ насъ, что эта способность никогда не бываетъ у животныхъ, которыя много отличаются другъ отъ друга въ ихъ строеніи; слѣдовательно, мы въ правѣ заключить, что одушевленныя существа, очень различныя между собою по строенію, не принадлежатъ къ одному зоологическому виду" [2]).

Далѣе, отъ всякой видовой формы, чтобы она имѣла право

---

[1]) Гербертъ Спенсеръ: «Основанія Біологіи», перев. подъ ред. Герда, С.П.-Б. 1870, т. I, стр. 186.

[2]) См. у Данилевскаго, стр. 326.

считаться именно видовою, требуется устойчивость ея признаковъ, т. е., всегдашняя и неизмѣнная наслѣдственная передача послѣднихъ потомству, потому что прочная фиксація признаковъ есть условіе sine qua non существованія видовыхъ формъ. Но настолько ли устойчивы признаки породъ нашихъ домашнихъ растеній и животныхъ, чтобы эти породы, предоставленныя самимъ себѣ, не утрачивали своихъ признаковъ чрезъ атавизмъ или реверсію, т. е., возвращеніе къ первоначальному прародительскому зоологическому типу? Опытъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Такъ, всякому садоводу извѣстно, что садовыя породы различныхъ растеній, предоставленныя самимъ себѣ, получаютъ признаки своего прародителя (напр. породистая малина вырождается въ такъ называемую сыпучку). Тоже слѣдуетъ сказать о породахъ куръ и голубей. „Изъ Японіи была привезена порода домашней свиньи, показавшаяся столь отличною, что многіе англійскіе зоологи сочли необходимымъ признать ее за особый видъ Sus pliciceps.... Но, не смотря на давность одомашненія свиней въ тѣхъ странахъ, признаки этой свиньи оказались непостоянными, а потомки пары этихъ животныхъ, воспитывавшихся въ звѣринцѣ парижскаго естественно-историческаго музея, не замедлили потерять свои характеристическія черты. Съ китайскими золотыми рыбками сдѣлалось тоже самое“ [1]). Что касается гибридаціи, то она „обыкновенно представляетъ трудности, за исключеніемъ соединенія лошади съ осломъ. Но эта помѣсь всегда бываетъ безплодна и если даетъ потомство въ первомъ поколѣніи, то неизбѣжно сдѣлается безплодною во второмъ, третьемъ, четвертомъ и т. д. колѣнѣ, такъ что, чрезъ извѣстное время, гибридизмъ исчезаетъ, вслѣдствіе возвращенія къ первоначальному типу. Мусмонъ, напр. помѣсь барана и козы, въ противоположность лошаку, даетъ иногда потомство; но въ третьемъ поколѣніи помѣсь эта, представляющая мягкость овечьей шерсти, въ соединеніи съ прочностію козьяго волоса, совершенно исчезаетъ, и получается козелъ или коза. Тоже самое представляютъ и лепориды“ [2]).

---

[1]) Данилевскій, стр. 329.

[2]) Меньянъ, ibid. стр. 138.

Мы могли бы значительно удлинить списокъ подобныхъ фактовъ, если бы приведенныхъ не считали достаточными для нашей цѣли. Изъ всѣхъ такихъ фактовъ, кажется, становится несомнѣннымъ, что склонность породъ нашихъ домашнихъ растеній и животныхъ,—какъ бы эти породы ни образовались,—путемъ ли подбора случайныхъ индивидуальныхъ уклоненій, или путемъ метизаціи и гибридаціи,—къ атавизму и реверсіи указываетъ на какую-то силу, составляющую одинъ изъ законовъ природы. Что же это за сила? По нашему мнѣнію, отвѣтъ на этотъ вопросъ находится у Гете. Онъ говоритъ: „Въ основаніи всѣхъ явленій лежитъ нѣчто первичное общее; различіе же формъ зависитъ отъ необходимыхъ отношеній къ внѣшнему міру. Поэтому нужно принять существованіе и одновременнаго первоначальнаго различія и постоянно возрастающаго метаморфоза для того, чтобы понять присутствіе и постоянныхъ, и измѣнчивыхъ явленій. Та сила, вслѣдствіе которой организмъ упорно сохраняетъ свой внутренній типъ среди всѣхъ видоизмѣненій, есть сила наслѣдственности, а та, по которой онъ варьируется въ своемъ внѣшнемъ видѣ, есть сила приспособленія его къ окружающей средѣ. Первую силу Гете называетъ центро-стремительною силою организма, а вторую—его центро-бѣжною силою: идею метаморфоза можно сравнить съ vis centrifuga, и результатомъ ея являлось бы безчисленное разнообразіе разновидностей, если бы она, не встрѣчала противодѣйствія себѣ *въ силѣ специфической видовой*, въ этой упорной силѣ инерціи, которая, будучи разъ реализирована, составляетъ настоящую vis centripeta, не поддающуюся, въ своей внутренней сущности, никакому внѣшнему вліянію"[1]). Такимъ образомъ склонность нашихъ культурныхъ растеній и прирученныхъ животныхъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, возвращаться къ первоначальному прародительскому типу, мы должны приписать какой-то „специфической видовой силѣ", присущей организмамъ,—какъ бы мы ни назвали эту силу—силой ли сопротивленія, vis ли centripeta, или какъ-нибудь иначе. Непониманіе нами сущности этой силы не даетъ намъ ника-

[1]) Эрнстъ Геккель: „Лекція о развитіи организмовъ", перев. въ „Журналѣ Природы" 1876 г. кн. 3, лекція 4.

кого права отрицать ея существованія, потому что она реально заявляетъ о себѣ во всѣхъ фактахъ возврата нашихъ улучшенныхъ породъ растеній и животныхъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, къ типу ихъ первоначальныхъ родичей.

Значеніе атавизма и реверсіи нашихъ дичающихъ домашнихъ растеній и животныхъ къ типу ихъ первоначальныхъ производителей Дарвинъ пытается подорвать указаніемъ такихъ фактовъ, когда одичавшія животныя, напр. свиньи въ Южной Америкѣ и Луизіанѣ, цесарки на Ямайкѣ и Санъ-Доминго и кролики на Порто-Санто, не вполнѣ возвращались къ типу ихъ предковъ на своей первоначальной родинѣ, но имѣли и нѣкоторыя (очень неважныя, замѣтимъ мы) отличія въ сравненіи съ нимъ [1]). Но вѣдь иначе и быть не могло, потому что означенныя животныя одичали не на родинѣ, слѣдов. совсѣмъ при другихъ жизненныхъ условіяхъ въ сравненіи съ тѣми, среди которыхъ жили ихъ предки; а другія условія существованія должны были вызвать,—чего, вѣроятно, не станутъ отрицать и дарвинисты,—и нѣкоторыя отличія въ означенныхъ животныхъ въ сравненіи съ ихъ предками. Кромѣ того, самъ же Дарвинъ приводитъ примѣры полнаго возвращенія къ дико растущему виду нашихъ садовыхъ анютиныхъ глазокъ (Viola tricolor), а также описанные Годрономъ примѣры такого же возвращенія турнепса, моркови и сельдерея.

Затѣмъ, Дарвинъ указываетъ [2]) на то обстоятельство, что, какіе бы опыты мы ни дѣлали надъ атавизмомъ, они ничего не могутъ сказать противъ его воззрѣній, такъ какъ самыми опытами уже измѣняются условія жизни. „Если бы можно было доказать, что наши домашнія разновидности обнаруживаютъ сильное стремленіе къ такому возвращенію (къ типу первоначальныхъ родичей)—то есть, къ утратѣ своихъ пріобрѣтенныхъ признаковъ, при неизмѣнныхъ условіяхъ, при соединеніи въ значительныхъ количествахъ, препятствующемъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ скрещиваній, сохраненію каждаго легкаго уклоненія—тогда, конечно, мы не могли бы основывать на домашнихъ разновидностяхъ выводовъ, приложимыхъ къ виду. Но въ

[1]) См. у Данилевскаго, стр. 209—210.
[2]) „Происхожденіе видовъ“, стр. 12.

пользу этого воззрѣнія нельзя привести и тѣни доказательства: утвержденіе, что мы не можемъ разводить, въ безконечномъ ряду поколѣній нашихъ вьючныхъ и скаковыхъ лошадей, нашего камолаго и длиннорогаго скота, нашихъ различныхъ породъ домашней птицы, нашихъ овощей—значило бы идти противъ ежедневнаго опыта".

Но во всей этой тирадѣ нѣтъ „и тѣни доказательства" противъ закона возвращенія нашихъ дичающихъ домашнихъ растеній и животныхъ къ типу первоначальныхъ ихъ предковъ. „Если бы можно было доказать, что наши домашнія разновидности обнаруживають сильное стремленіе къ такому возвращенію... при неизмѣнныхъ условіяхъ"... Вѣдь это не болѣе, какъ фраза. Вѣдь если бы напр. дарвинистамъ удалось, хотя бы и путемъ искусственнаго подбора, т. е., путемъ постановки организмовъ въ искусственныя, т. е., измѣненныя условія существованія, образовать хотя бы одинъ хорошій, т. е., прочно и неизмѣнно, хотя бы онъ былъ предоставленъ и себѣ самому, передающій свои признаки потомству видъ, то развѣ могли бы антидарвинисты возражать, что такой опытъ не подрываетъ истины неизмѣняемости видовъ, потому что онъ произведенъ при искусственныхъ, т. е., измѣненныхъ условіяхъ существованія? Конечно—нѣтъ. Кромѣ того, можно, кажется, и доказать, что наши домашнія породы растеній и животныхъ, дичая, возвращаются къ первоначальному типу не отъ измѣненія только при этомъ условій ихъ существованія. Пусть мы посадимъ какой-нибудь видъ породистой капусты (беремъ примѣръ самого Дарвина) въ очень тощую почву; капуста, по сознанію Дарвина, „въ значительной мѣрѣ или даже вполнѣ возвратилась бы къ первоначальному, дикорастущему типу". Какое же право имѣлъ бы Дарвинъ думать, что, при такомъ опытѣ, измѣненіе породистой капусты, т. е., ея возвратъ къ дикорастущему типу, совершится только благодаря измѣненнымъ условіямъ существованія?—Никакого. Вѣдь самъ же Дарвинъ учитъ, что измѣненія видовъ, ихъ переходъ одного въ другой, совершается чрезвычайно медленно, въ продолженіи безконечнаго числа вѣковъ, и что внѣшнія условія жизни при этомъ имѣютъ сравнительно малое значеніе. Почему же разновидности нашихъ

домашнихъ растеній, напр. капусты, такъ медленно даже и при искусственномъ подборѣ переходя въ виды, т. е., пріобрѣтая будто бы видовые признаки, такъ сравнительно быстро измѣняются, теряя эти признаки, т. е., возвращаясь къ первоначальному типу своихъ родичей? Ясно, что помимо вліянія внѣшнихъ условій, здѣсь дѣйствуетъ какая-то другая сила, которая въ данномъ случаѣ и ускоряетъ регрессивный процессъ измѣненія, и которую мы и называемъ специфическою видовою vis centripeta. И наконецъ, почему тараканъ, существующій, какъ мы видѣли, со времени каменно-угольнаго періода и слѣдов. неоднократно переживщій весьма рѣзкія перемѣны въ условіяхъ своего существованія, все таки остался тѣмъ же таракаломъ? Да, вѣроятно, благодаря той же специфической видовой vis centripeta [1]). „Утверждать, что мы не можемъ разводить, въ безконечномъ ряду поколѣній, нашихъ вьючныхъ и скаковыхъ лошадей... значило бы идти противъ ежедневнаго опыта". И это опять только ни къ чему не идущая фраза, потому что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о томъ, можно ли, путемъ искусственнаго подбора, выводить и разводить новыя породы растеній и животныхъ,—разумѣется, можно,—а о томъ, могутъ ли эти улучшенныя породы сохранить свои новые признаки, будучи предоставлены себѣ самимъ?—Нѣтъ, не могутъ.

Наконецъ, Дарвинъ хочетъ подорвать значеніе закона атавизма и реверсіи къ типу первоначальныхъ родичей нашихъ домашнихъ растеній и животныхъ такимъ соображеніемъ: Во многихъ случаяхъ мы не знаемъ ихъ первоначальныхъ родичей и поэтому не могли бы опредѣлить, произошло или нѣтъ полное возвращеніе къ дикому типу... Значительная мѣра измѣненія, медленно и безсознательно накопленная въ нашихъ хозяйственныхъ растеніяхъ, какъ мнѣ кажется, достаточно объясняетъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что во многихъ случаяхъ мы не можемъ распознать дикихъ видовъ, послужившихъ ро-

[1]) Значеніе этой vis centripeta Дарвинъ, повидимому, хочетъ умалить указаніемъ на дѣятельность естественнаго подбора, который, „какъ будетъ объяснено далѣе, опредѣляетъ мѣру, въ которой сохраняются возникшіе такимъ образомъ новые признаки". На это мы отвѣтимъ при критикѣ ученія объ естественномъ подборѣ.

дичами растеніямъ, давно разводимымъ въ нашихъ садахъ и огородахъ. Если нужны были столѣтія и тысячелѣтія, чтобы улучшить или видоизмѣнить многія изъ нашихъ хозяйственныхъ растеній до настоящей ихъ степени полезности, то намъ понятно, почему ни Австралія, ни мысъ Доброй Надежды, ни другія страны, населенныя одними дикарями, не дали намъ ни одного растенія, хозяйственно полезнаго. Это происходитъ не оттого, чтобы эти страны, столь богатыя видами, по странному случаю, не представляли намъ родичей многихъ полезныхъ растеній, но потому, что растенія этихъ странъ не подвергались продолжительному подбору родичей, который могъ бы выработать изъ нихъ породы, сравнимыя по своей полезности съ растеніями, видоизмѣненными долгимъ вліяніемъ образованныхъ народовъ" [1]). Чтобы смыслъ этой тирады былъ ясенъ и несомнѣненъ для каждаго, мы поставимъ съ ней рядомъ тираду изъ другого сочиненія Дарвина. „Многіе замѣчали, что мы ни однимъ полезнымъ растеніемъ не обязаны ни Австраліи, ни мысу Доброй Надежды, тогда какъ обѣ названныя страны необычайно богаты растеніями, собственно имъ свойственными, эндемическими; мы не заимствовали полезныхъ растеній ни изъ Новой Зеландіи, ни изъ Америки къ югу отъ Ріо Платы, ни даже, по свидѣтельству нѣкоторыхъ авторовъ, изъ Сѣверной Америки, къ сѣверу отъ Мексики... Если предположить, что *наши полезныя растенія такъ уже измѣнены и улучшены культурою, что вовсе не походятъ на дикіе виды*, то понятно, почему тѣ страны не произвели растеній, для насъ полезныхъ: жители ихъ или вовсе не воздѣлывали почвы, или же воздѣлывали очень дурно" [2]).

Но, во-первыхъ, правъ ли Дарвинъ, думая что дикіе прародители многихъ нашихъ домашнихъ растеній неизвѣстны намъ? Данилевскій, на основаніи сочиненія Декандоля о происхожденіи культурныхъ растеній, высчиталъ, что, между тѣмъ какъ въ 1855 году сомнительные по происхожденію виды составляли болѣе $^1/_4$ всѣхъ культурныхъ видовъ, въ 1883 г. они составляютъ уже менѣе $^1/_9$, а число видовъ, вовсе въ дикомъ

[1]) „Происхожденіе видовъ", стр. 12 и 29.

[2]) См. у Данилевскаго, ibid. стр. 356—357.

состояніи не находимыхъ, съ $^1/_5$ уменьшилось до $^1/_9$ же. Такое постепенное уменьшеніе процента сомнительныхъ по происхожденію и увеличеніе процента несомнѣнныхъ по происхожденію дикихъ видовъ, прародителей нашихъ культурныхъ растеній, конечно даетъ намъ право надѣяться, что со временемъ будутъ открыты всѣ дикіе прародители этихъ послѣднихъ. Если же какіе-либо изъ нихъ и не будутъ открыты, то это ни мало не послужитъ въ пользу дарвинистамъ, потому что, согласно Дарвиновой теоріи, виды могутъ не только совершенствоваться путемъ трансформаціи и процвѣтать, но и погибать. Затѣмъ, Данилевскій прилагаетъ списки растеній, отечество которыхъ еще недавно считалось извѣстнымъ, потомъ—растеній, ни въ дикомъ, ни въ одичавшемъ состояніи не открытыхъ, растеній, дикое нахожденіе которыхъ сомнительно по возможности смѣшиванія ихъ съ одичалыми, и растеній, находимыхъ, можетъ быть, только въ одичаломъ состояніи. Всѣ эти списки не подтверждаютъ воззрѣнія Дарвина [1]).

Точно также, во-вторыхъ, невѣрно фактически и то мнѣніе Дарвина, что упомянутыя имъ страны не дали намъ никакихъ полезныхъ видовъ домашнихъ растеній. Такъ, изъ Новой Зеландіи мы имѣемъ лѣтній шпинатъ (Tetragonia expansa Murrey) и новозеландскій ленъ (Phormium tenax Z.); въ Австраліи растетъ кустарникъ Macadamia triternata, дающій превосходные орѣхи; изъ Америки къ сѣверу отъ Мексики мы имѣемъ земляную грушу (Helianthus tuberosus), виргинскую землянику, тыквы: Cucurbita Pepo и Melopepo, также виргинскую хурму (Diospyros Virginiana); наконецъ изъ Африки мы имѣемъ Aloë succotorina, дающее сабуръ. Приведя эти факты, Данилевскій приводитъ затѣмъ факты, по нашему мнѣнію, вполнѣ убѣдительные, въ пользу такого своего положенія: „Чтобы показать всю несостоятельность (Дарвинова) мнѣнія, достаточно обратить вниманіе на то, что во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ какъ дикими, такъ и въ различной степени цивилизованными народами, есть множество растеній, не введенныхъ въ культуру, которыя однако же по своимъ природнымъ свой-

[1]) Данилевскій, ibid. стр. 334—349.

ствамъ заслужили общее вниманіе, тщательно собираются жителями и цѣнятся наравнѣ, а иногда и выше культурныхъ. Если они не воздѣлываются, то или потому, что въ этомъ не предстоитъ надобности, по изобилію и превосходству качествъ продуктовъ, доставляемыхъ дикими растеніями, или потому, что воздѣлыванію ихъ противостоятъ препятствія, которыя до сихъ поръ не могли быть побѣждены. Съ другой стороны, есть многія другія растенія, которыя хотя и введены въ культуру, но продукты дикихъ ихъ родичей продолжаютъ тѣмъ не менѣе собираться, такъ какъ они не уступаютъ воздѣлываемымъ, иногда даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходятъ ихъ, но во всякомъ случаѣ, настолько съ ними сходны, что сомнѣнія въ ихъ видовомъ тождествѣ быть не можетъ, такъ что культура не положила даже и начала къ ихъ неузнаваемости [1]).

III.

Чтобы намъ впослѣдствіи не обращаться къ разбору Дарвиновой аргументаціи въ пользу ученія объ измѣняемости видовъ, мы разсмотримъ и его такъ называемыя біостатистическія доказательства [2]) того положенія, что разновидности суть зачинающіеся виды, а виды—рѣзкія разновидности,—хотя упомянутыя доказательства опираются и не на опыты искусственнаго подбора. Они опираются, съ одной стороны, на извѣстныя свойства и отношенія разновидностей другъ къ другу и къ заключающимъ ихъ видамъ и, съ другой стороны, на извѣстныя свойства и отношенія видовъ другъ къ другу и къ содержащимъ ихъ родамъ. По Дарвину выходитъ, что свойства и отношенія видовъ другъ къ другу и къ заключающимъ ихъ родамъ въ сущности тѣ же, что и свойства и отношенія разновидностей другъ къ другу и къ заключающимъ ихъ видамъ, откуда будто бы слѣдуетъ, что послѣдніе суть только рѣзкія разновидности. Разсмотримъ здѣсь упомянутыя доказательства въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены у Дарвина. Если разновидности суть зачинающіеся виды, а виды—толь-

[1]) Данилевскій, стр. 357—363.

[2]) „Происхожденіе видовъ", гл. II.

ю рѣзкія разновидности, то, по Дарвину, слѣдуетъ ожидать,— и такъ оно будто бы есть и на самомъ дѣлѣ,—что

1. „*Виды, самые цвѣтущіе или, какъ ихъ можно назвать, виды преобладающіе,—тѣ виды, которые широко разбросаны по земному шару, сильно распространены въ странахъ, которымъ они свойственны, и особенно богатые особями—всего чаще производятъ тѣ рѣзкія разновидности, которыя я считаю зачинающимися видами*". Такъ это будто бы должно быть потому, что если извѣстный видъ сильно расширился, значитъ, онъ побѣдоносенъ въ борьбѣ за существованіе, значитъ онъ и впредь все будетъ захватывать новыя и новыя мѣста, постоянно производя изъ себя сначала новыя разновидности, а потомъ и виды, пока не начнетъ вымирать.

Но приведенное положеніе Дарвина не оправдывается всегда въ дѣйствительности. Такъ, факты весьма часто свидѣтельствуютъ о томъ, что виды весьма распространенные и процвѣтающіе не производятъ или почти не производятъ разновидностей (хотя въ культурѣ эти послѣднія иногда и появляются, что указываетъ на прирожденную такимъ видамъ способность къ измѣнчивости). Къ такимъ видамъ принадлежатъ напр. сосна обыкновенная (Pinus Sylvestris L.), ель (Picea excelsa Link), Arenaria graminifolia Schrad. (имѣетъ только три разновидности), Stellaria nemorum L., Stellaria graminea L. (оба имѣютъ также по три разновидности). И наоборотъ, виды, мало распространенные, во всякомъ случаѣ не преобладающіе, имѣютъ иногда очень много разновидностей. Таковы, напр. различные виды вяза, Aconitum variegatum L. (7 разновидностей), Aconitum paniculatum Lam. (также 7 разновидностей), Stellaria dichotoma (10 разновидностей), Aconitum napellus L. (29 разновидностей) и др. [1]). Кромѣ того, если бы разсматриваемое положеніе и постоянно оправдывалось фактически, то и тогда оно ровно ничего не говорило бы въ пользу Дарвиновыхъ воззрѣній на происхожденіе видовъ. Вѣдь если разновидности образуются въ предѣлахъ видовъ изъ различныхъ мелкихъ индивидуальныхъ особенностей, то, конечно, среди ши-

[1]) Данилевскій, ibid. стр. 251—253.

роко распространенныхъ, процвѣтающихъ видовъ, содержащихъ въ себѣ большія количества индивидуумовъ, независимо отъ того или иного способа происхожденія видовъ, скорѣе можно надѣяться встрѣтить и болѣе рѣзкія, т. е., господствующія же разновидности, нежели среди видовъ слабыхъ, ограничивающихся иногда небольшимъ количествомъ недѣлимыхъ и едва влачащихъ свое существованіе. Значитъ, разсмотрѣнное нами положеніе есть не болѣе, какъ бездоказательный трюизмъ.

2. „*Въ родахъ болье обширныхъ, обнимающихъ большее количество видовъ, мы найдемъ относительно значительное число видовъ преобладающихъ*". И это положеніе не всегда оправдывается фактами. Такъ, „въ флорѣ южной Баваріи изъ 1640 видовъ оказалось 792 вида, относящихся къ 69 большимъ родамъ, и 848 видовъ, относящихся къ 451 малымъ родамъ; въ первыхъ отношеніе господствующихъ видовъ къ не господствующимъ составило 1041:1000, а во вторыхъ 1048:1000". Разница ничтожная.

„Въ Крымской флорѣ на 1641 видъ, къ 93 большимъ родамъ принадлежитъ 795 видовъ, а къ малымъ 846. Въ первыхъ отношеніе числа господствующихъ видовъ къ числу не господствующихъ равно 392:1000, а во вторыхъ—394:1000". Разница опять ничтожная.

„Наконецъ, во флорѣ Лапландіи на 495 видовъ къ 31 большому роду принадлежитъ 233 вида, а къ 199 малымъ 262 вида, и въ первыхъ отношеніе господствующихъ къ не господствующимъ составляетъ 958:1000, а во вторыхъ 1015:1000" [1]). Разница совсѣмъ уже не въ пользу разсматриваемаго положенія. Но если бы оно и всегда было такъ, какъ думаетъ Дарвинъ, то и тогда разсматриваемое нами положеніе ничего не говорило бы въ пользу его предположеній о происхожденіи видовъ: вѣдь равновидности, виды и роды могутъ и разростаться и вымирать совершенно независимо отъ способа ихъ происхожденія; и если къ одному роду, на основаніи извѣстныхъ признаковъ, мы должны будемъ отнести напр. 100 видовъ, а для другого рода не наберется и 10 видовъ, то ясно, что въ пер-

[1]) Данилевскій, ibid. стр. 254.

вомъ мы должны ожидать и большее количество господствующихъ видовъ, нежели во второмъ. Такимъ образомъ и разбираемое положеніе Дарвина есть не болѣе, какъ трюизмъ.

3. „*Въ каждой отдѣльной странѣ виды объемистыхъ родовъ будутъ чаще представлять разновидности, чѣмъ виды родовъ мелкихъ*". Въ дѣйствительности это опять—таки не всегда такъ. Изъ множества фактовъ мы приведемъ здѣсь лишь самые рельефные. Въ семействѣ сложно-цвѣтныхъ въ Русской флорѣ группа большихъ родовъ состоитъ изъ 13 родовъ съ 453 видами и 208 разновидностями, а группа малыхъ родовъ изъ 125 родовъ съ 437 видами и съ 129 разновидностями. Но если изъ числа этихъ послѣднихъ мы исключимъ 84 рода съ 119 видами, которые вовсе не представляютъ разновидностей, и соотвѣтственно этому исключимъ и изъ первой группы 4 рода съ 78 видами и только съ шестью разновидностями, то получимъ:

бол. роды — 9 род. 375 вид. 202 разн. на 100 в. 54 разн.
мал. „ —41 „ 218 „ 136 „ „ 100 „ 62 „

Въ семействѣ Лютиковыхъ въ трехъ большихъ родахъ (Ranunculus, Thalictrum и Delphinium) содержится 111 видовъ съ 38 разновидностями. Въ малыхъ родахъ содержится 117 видовъ съ 54 разновидностями. Такимъ образомъ въ большихъ родахъ на 100 видовъ приходится 34 разновидности, а въ малыхъ родахъ на сто видовъ 46 разновидностей [1]). Но если бы и всегда такъ было, какъ утверждаетъ Дарвинъ, то и разсматриваемое положеніе, очевидно, является лишь трюизмомъ такимъ же и потому же, какъ и первыя два.

4. „*Виды обширныхъ родовъ болѣе схожи съ разновидностями, чѣмъ виды родовъ мелкихъ*". Другими словами, „въ родахъ обширныхъ, въ которыхъ въ настоящее время вырабатывается количество разновидностей или зачинающихся видовъ большее средняго, многіе виды, уже выработавшіеся, еще въ нѣкоторой мѣрѣ похожи на разновидности, потому что разнятся между собою нѣсколько меньше, чѣмъ большинство видовъ". Да такъ оно и должно быть всегда независимо отъ того или другого способа происхожденія видовъ,—виды большихъ родовъ

---

[1]) Данилевскій, ibid. стр. 257—258.

всегда будутъ представляться болѣе сходными другъ съ другомъ, нежели виды родовъ мелкихъ. Соедините, на основаніи извѣстныхъ родовыхъ признаковъ, въ одинъ родъ сто видовъ, а въ другой только 10: гдѣ вы встрѣтите болѣе переходныхъ формъ между различными видами и относящимися къ нимъ разновидностями, т. е., гдѣ найдете большую постепенность въ признакахъ, гдѣ болѣе рискуете ошибиться и признать нѣкоторыя разновидности за виды и наоборотъ,—при изученіи ли перваго рода, или при изученіи второго? Конечно, при изученіи перваго, такъ какъ въ немъ, при большемъ количествѣ видовыхъ формъ, будетъ и большее количество формъ переходныхъ между разновидностями и видами,—особенно если примемъ во вниманіе, что виды могутъ варьироваться и на встрѣчу другъ другу, чего не отвергаетъ и Дарвинъ. А большее количество переходныхъ формъ и произведетъ на систематика именно такое впечатлѣніе, что виды большихъ родовъ болѣе сходны другъ съ другомъ, нежели виды родовъ малыхъ.

5. *„Виды обширныхъ родовъ относятся между собою точно такъ же, какъ относятся между собою разновидности любого вида“*. „Ни одинъ натуралистъ не станетъ утверждать, чтобы всѣ виды одного рода одинаково разнились между собою; ихъ обыкновенно можно раздѣлять на подроды, отдѣлы и группы, болѣе мелкія. Какъ очень хорошо замѣтилъ Фрисъ, маленькія группы видовъ обыкновенно собраны, какъ спутники около извѣстныхъ видовъ. И что такое разновидности, если не группы формъ, неравномѣрно сродныхъ между собою, и собранныя вокругъ другихъ извѣстныхъ формъ, т. е., вокругъ породившаго ихъ вида“? Правда, говоритъ далѣе Дарвинъ, что отличія между видами одного рода значительнѣе, нежели отличія между разновидностями одного вида; но это обстоятельство объясняется закономъ дивергенціи признаковъ. По Дарвину выходитъ какъ будто такъ. Положимъ, что отъ формы А произошли разновидности α и β, которыя, по закону дивергенціи признаковъ, постоянно будутъ расходиться въ разныя стороны въ направленіяхъ А—α и А—β. Со временемъ по линіи А—α образуются многія другія разновидности, а изъ нихъ—и многіе другіе виды a, b, c и т. д., а по линіи А—β образуются двѣ

или три разновидности, изъ которыхъ произойдутъ лишь одинъ или два вида—a' и b'. Въ силу вымиранія промежуточныхъ формъ, съ одной стороны, между a, b, c и т. д., а съ другой стороны—между a' и b', виды a, b, c и т. д. окажутся болѣе сходными между собою, нежели съ видами a' и b'. Соединяя въ одинъ родъ всѣ эти виды $a+b+c+a'+b'$, мы должны будемъ для этого рода установить еще подроды для видовъ $a+b+c$ и для видовъ $a'+b'$: такъ рѣзко будетъ различіе между первыми и вторыми.

Но, во-первыхъ, если бы и всегда это такъ было, какъ утверждаетъ Дарвинъ, т. е., если бы большіе роды, и только большіе, всегда дѣлились на подроды и секціи, то это обстоятельство ничего не говорило бы въ пользу трансформаціи видовъ, потому что такой порядокъ вещей можетъ имѣть мѣсто и при всякомъ другомъ способѣ происхожденія видовъ. Во-вторыхъ, всякому натуралисту извѣстно, что и большіе роды иногда не имѣютъ подродовъ и секцій, такъ что „маленькія группы видовъ не бываютъ собраны въ нихъ, какъ спутники, около извѣстныхъ видовъ", и малые роды имѣютъ иногда по нѣскольку подродовъ и секцій. Такъ напр. Astragalus (244 вида), Acacia (258 видовъ), Mesembryanthemum (316), Senecio (601) не представляютъ никакого дѣленія на секціи или подроды. Кромѣ того, можно указать на многіе изъ большихъ родовъ, которые, хотя и имѣютъ подроды и секціи, но они распредѣлены такъ неравномѣрно, что опять не выходитъ, чтобы виды ихъ можно было считать сгруппированными около извѣстныхъ родовъ. Изъ малыхъ родовъ, имѣющихъ подроды и секціи, укажемъ, какъ на самый замѣчательный въ этомъ отношеніи, родъ Sloanea (изъ семейства Tiliaceae), въ которомъ каждый изъ 5 видовъ принадлежитъ и къ особой секціи [1]).

6. „*Виды, близко сродные съ другими видами и въ этомъ схожіе съ разновидностями, часто имѣютъ распространеніе весьма ограниченное*" (какъ это бываетъ и съ разновидностями).

Но, во-первыхъ, можно ли считать несомнѣнно правильнымъ самое основаніе, на которое опирается приведенное положеніе,

---

[1]) См. у Данилевскаго, ibid. стр. 268—278.

т. е., что разновидности, менѣе типическія, болѣе сходныя съ другими разновидностями, имѣютъ и болѣе ограниченное распространеніе? Нѣтъ нельзя. Такъ, за типическія разновидности (обозначаемыя обыкновенно буквою α), принимались обыкновенно не тѣ, которыя болѣе всѣхъ распространены, а просто—тѣ, которыя прежде всѣхъ были находимы въ той или другой странѣ. Далѣе, многія разновидности распространяются не географически, т. е., въ какихъ-либо странахъ повсюду, а топографически, т. е., соотвѣтственно площадямъ той или другой почвы, къ которой тѣ или другія разновидности пріурочены. Такъ напр. разновидности растенія Polygonum amphibium растутъ—α—въ водѣ, β—по краямъ водъ, δ—въ приморскихъ болотахъ по берегамъ Балтійскаго моря и пр. Ясно, что распространеніе напр. послѣдней разновидности будетъ настолько же широко, насколько широка будетъ площадь означенныхъ болотъ. Во-вторыхъ, фактически не всегда оправдывается и самое положеніе Дарвина, что „виды, близко сходные съ другими видами, имѣютъ и распространеніе весьма ограниченное“. Можно указать не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что и близко сходные другъ съ другомъ виды имѣютъ весьма широкое распространеніе (напр. виды ели Picea excelsa Link. и Picea abovata Zed) [1]).

7. „*Если нѣсколько сродныхъ видовъ живутъ въ двухъ различныхъ странахъ, то мы почти всегда неизмѣнно находимъ, что и нѣсколько тождественныхъ видовъ общи обѣимъ странамъ*“. Но, во-первыхъ, если какой-либо видъ извѣстнаго рода имѣетъ особенно широкое распространеніе, то отсюда само собою, независимо отъ способа происхожденія этого вида, будетъ слѣдовать, что означенный видъ явится соединительнымъ звѣномъ для остальныхъ видовъ того же рода, разбросанныхъ по разнымъ областямъ. Во-вторыхъ, видъ, близко тождественный съ остальными видами того же рода, живущими въ двухъ странахъ, можетъ явиться въ этихъ послѣднихъ просто путемъ переселеній. Такъ, извѣстно, какъ переселялась напр. крыса—пасюкъ (Mus decumanus Pal.) изъ однихъ странъ въ другія. Такія переселенія могли совершаться

---

[1]) Данилевскій, ibid. стр. 278—282.

и всегда, но не быть замѣчаемы человѣкомъ. Въ-третьихъ, „если нѣсколько сродныхъ видовъ живутъ въ двухъ различныхъ странахъ, то мы *почти всегда неизмѣнно* находимъ“.. и т. д. Но, какъ говоритъ Данилевскій, „не только мы не находимъ этого *почти неизмѣнно*, но едва ли исключенія не многочисленнѣе правила“. Въ доказательство этого Данилевскій приводитъ массу фактовъ. Укажемъ здѣсь лишь нѣкоторые. Такъ, „во всемъ семействѣ хвойныхъ.... только одинъ родъ—можжевельникъ совершенно согласуется съ положеніемъ Дарвина, одинъ—Ephedra наполовину его подтверждаетъ, наполовину опровергаетъ, три рода (Picea, Pinus и Tsuga), вообще съ нимъ несогласные, представляютъ однако же небольшія исключенія въ пользу его; распредѣленіе же видовъ всѣхъ прочихъ родовъ (семейства хвойныхъ) рѣшительно противорѣчитъ Дарвинову положенію“. Въ родѣ Magnolia изъ 22 видовъ, живущихъ въ 7 странахъ, нѣтъ ни одного, общаго всѣмъ этимъ странамъ. Не мало такихъ же фактовъ можно бы указать и изъ животнаго царства [1]).

До сихъ поръ мы приводили факты, опровергающіе справедливость разсмотрѣнныхъ нами біостатистическихъ положеній Дарвина въ пользу его воззрѣній на разновидности, какъ зачинающіеся виды, и на виды, какъ рѣзкія разновидности. Но справедливость обязываетъ насъ сказать здѣсь, что найдется не мало и такихъ фактовъ, которые подтверждаютъ справедливость упомянутыхъ нами положеній Дарвина. Такимъ образомъ выходитъ, что, на основаніи фактовъ, можно говорить и pro, и contra упомянутыхъ положеній. Но допустимъ даже, что всѣ вообще факты подтверждаютъ означенныя положенія Дарвина. И тогда эти положенія ничего не скажутъ въ пользу воззрѣній Дарвина на занимающій насъ предметъ, потому что они явятся лишь логическими слѣдствіями изъ принципа іерархизаціи формъ однихъ другимъ, принятаго въ классификаціи: вѣдь если разновидности заключаются въ видахъ, а виды въ родахъ, то ясно, что, при всякомъ способѣ происхожденія видовъ, отношенія между разновидностями и видами съ одной стороны и—между видами и родами съ другой должны ока-

---

[1]) См. у Данилевскаго, ibid. стр. 282—307.

заться болѣе или менѣе аналогичными. Вотъ если бы Дарвину удалось опровергнуть фактами, точными и несомнѣнными, истину неизмѣняемости видовъ, доказать вполнѣ справедливость своего ученія о борьбѣ за существованіе, естественномъ подборѣ и пр., тогда и разобранныя нами біостатистическія положенія его являлись бы, по крайней мѣрѣ—косвенными доказательствами справедливости его теоріи.

Переходимъ теперь къ замѣчаніямъ на ученіе Дарвина о безсознательномъ подборѣ.

IV.

Мы видѣли, что опыты искусственнаго подбора не настолько убѣдительны, чтобы могли помочь Дарвину или его послѣдователямъ опровергнуть хотя бы нѣсколькими несомнѣнными и точными фактами истину неизмѣняемости видовыхъ формъ. Но допустимъ, что упомянутые опыты поколебали означенную истину по отношенію хотя бы къ нашимъ домашнимъ растеніямъ и животнымъ: имѣлъ ли бы и тогда Дарвинъ право—распространять выводы, полученные имъ изъ опытовъ искусственнаго подбора, отъ существованія этого послѣдняго заключать къ существованію подбора естественнаго?

Нѣтъ, не имѣлъ, потому что между силою, дѣйствующею въ процессѣ искусственнаго подбора, и силами, дѣйствующими въ природѣ, нѣтъ никакой аналогіи. Такъ въ процессѣ искусственнаго подбора дѣйствуетъ разумная воля человѣка, а въ природѣ—слѣпые, безсознательные естественные законы. При такомъ коренномъ различіи дѣйствующихъ здѣсь и тамъ силъ, конечно, не позволительно отъ результатовъ (произведеніе человѣкомъ новыхъ *разновидностей* домашнихъ растеній и животныхъ) дѣйствія одной силы (разумная воля человѣка) заключать къ результатамъ (произведеніе новыхъ *видовъ*) дѣйствія другихъ силъ (слѣпыя силы природы), совершенно отличныхъ отъ первой. Непозволительность такого заключенія Фрошаммеръ выясняетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Дарвинъ, прежде всего, выставляетъ на видъ послѣдствія искусственнаго подбора съ цѣлію доказать этимъ возможность подбора естественнаго, а затѣмъ изъ этой возможности выводитъ его дѣй-

ствительность, и на такой-то дѣйствительности, которая не доказана даже и какъ простая возможность, онъ строитъ всю теорію. Я говорю: она не доказана даже и какъ простая возможность... ибо не нужно упускать изъ вниманія того, что при искусственномъ подборѣ принимаетъ участіе человѣческое умѣнье и способность дѣйствовать сообразно съ задуманною цѣлію и, такимъ образомъ тутъ участвуетъ сознательная дѣятельность духа, а отъ возможнаго для такой дѣятельности нельзя съ достовѣрностію заключать, что то же самое будетъ возможно и для природы безсознательной, предоставленной своимъ собственнымъ силамъ, хотя бы нужныя для этого условія и заключались въ природѣ. Вещественныя условія для происхожденія какого-либо произведенія искусства, напр. книги, заключаются въ самой природѣ; но нельзя утверждать, что природа сама собою, въ продолженіе, положимъ, безчисленнаго множества вѣковъ, можетъ создать такое искусственное произведеніе,— утверждать на томъ основаніи, что сознательной духовной дѣятельности удалось создать такое произведеніе изъ средствъ природы же" [1]).

Дарвинъ, конечно, сознавалъ всю ширину пропасти, существующей между искусственнымъ и естественнымъ подборомъ, и озаботился навести мостъ чрезъ эту пропасть. Такимъ мостомъ является у него подборъ безсознательный, составляющій, будто бы, нѣчто среднее между подборомъ искусственнымъ и естественнымъ. Но понятіе безсознательнаго подбора никоимъ образомъ не можетъ служить среднимъ терминомъ при умозаключеніи отъ искусственнаго къ естественному подбору. И это потому, что безсознательный подборъ въ сущности не есть безсознательный, а тотъ же искусственный и сознательный, но только не систематическій подборъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы называемъ сознательнымъ всякое дѣйствіе, совершенное нами свободнымъ актомъ нашей воли, по извѣстному обдуманному плану и съ извѣстною разумною цѣлію. Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія уже приведенный нами выше въ поясненіе дѣйствія безсознательнаго подбора, примѣръ Дарвина. Дикарь въ голод-

[1]) См. у проф. Кудрявцева,—ibid. стр. 158—159.

ные годы бываетъ вынужденъ убивать своихъ собакъ; но нѣсколько собакъ онъ можетъ и сохранить. И вотъ, онъ желаетъ сохранить и сохраняетъ лучшихъ изъ своихъ собакъ, а остальныхъ убиваетъ. Въ результатѣ получается улучшеніе породы собакъ. Правда, этотъ результатъ прямо не входилъ въ намѣренія дикаря; но онъ есть необходимое біологическое слѣдствіе, съ одной стороны желанія дикаря — сохранить лучшихъ изъ своихъ собакъ и, съ другой стороны, вполнѣ сознательнаго и разумнаго отбора и уничтоженія худшихъ собакъ. Такимъ образомъ, тому процессу, который Дарвинъ называетъ безсознательнымъ подборомъ, и который въ своихъ основаніяхъ вполнѣ сознателенъ, всего болѣе прилично наименованіе именно сознательнаго, хотя и не методическаго подбора.

Повидимому, дарвинисты и сами сознаютъ непригодность и ненадежность безсознательнаго подбора, какъ моста чрезъ пропасть между искусственнымъ и естественнымъ подборомъ, и пытаются установить другіе переходы чрезъ эту пропасть. Изъ такихъ попытокъ мы упомянемъ здѣсь о попыткѣ почтеннаго проф. Тимирязева. Приведенныя нами выше слова Фрошаммера, очевидно, есть отчасти перифразъ возраженія, сдѣланнаго Руссо противъ попытки Эмпедокла и матеріалистовъ XVIII вѣка объяснить совершенство органическаго міра случаемъ. Руссо выразился именно такъ: „Объяснять совершенство органическаго міра случаемъ было бы все равно, что утверждать, что разсыпавшійся случайно типографскій шрифтъ расположится въ Энеиду". Вполнѣ признавая невѣроятность подобнаго случая, проф. Тимирязевъ говоритъ далѣе: „Но представимъ себѣ, что человѣческая рѣчь состояла бы всего изъ двухъ словъ, скажемъ для примѣра, изъ слова „впередъ" и слова „назадъ", а слова эти были бы отлиты въ двѣ стереотипныя дощечки. Представимъ себѣ далѣе, что типографіи одного журнала было бы внушено печатать только слово „впередъ", а типографіи другого журнала только слово — „назадъ". Я полагаю, самаго несложнаго, автоматически дѣйствующаго механизма было бы достаточно для того, чтобы достигнуть этого результата. Такъ и въ типографіи природы. Въ ней набираются не заранѣе намѣченныя предложенія, строки, стра-

ницы, томы. Въ ней также набираются два слова: „полезно" (впередъ) и „вредно" (назадъ), и каждый разъ, что выпадаетъ дощечка со словомъ „полезно", она идетъ въ дѣло, каждый разъ, что выпадаетъ дощечка со словомъ „вредно", она отбрасывается, и автоматическій наборщикъ, исполняющій этотъ не хитрый трудъ, называется *естественный отборъ*, фигура не фиктивная, а... вполнѣ реальная" [1]). Насколько реальна, а не фиктивна фигура означеннаго „наборщика", т. е., естественнаго отбора, объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же мы попытаемся только показать, что приведенной тирадой почтеннаго профессора вышеприведенное возраженіе Фрошаммера и Руссо не устраняется, т. е., аналогіи между искусственнымъ и естественнымъ подборомъ не устанавливается. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что если типографіямъ двухъ журналовъ внушить—одной, чтобы она печатала только слово „впередъ", другой, чтобы она печатала только слово „назадъ", то во всѣхъ изданіяхъ первой и будетъ только „впередъ", а въ изданіяхъ второй—только назадъ; несомнѣнно также, что для нехитрой работы печатанія этихъ двухъ словъ, *поступающихъ— каждое въ свою типографію*, быть можетъ, достаточно было бы и самаго нехитраго механическаго аппарата. Но... означеннаго механическаго аппарата будетъ уже недостаточно для печатанія только одного изъ этихъ двухъ словъ, если въ ту и другую типографію будутъ поступать дощечки съ обоими этими словами, потому что *механическій аппаратъ*, очевидно, не можетъ отличить одну дощечку отъ другой, опредѣлить, что это вотъ— „впередъ", а это—„назадъ"; онъ можетъ одинаково отпечатать и то, и другое слово, и воля управляющаго типографіями обоихъ журналовъ можетъ остаться неисполненной. А въ природѣ вѣдь только и есть одна типографія, въ которую ежесекундно поступаетъ необъятное количество дощечекъ и со словомъ „полезно" (впередъ), и со словомъ „вредно" (назадъ). Какой же долженъ быть въ данномъ случаѣ наборщикъ?—Очевидно, только наборщикъ, способный однимъ взглядомъ обозрѣвать всю необъятную массу поступающихъ въ типографію дощечекъ,

[1]) Ibid стр. 319.

мгновенно соображать, какія изъ нихъ—„полезно" и какія—„вредно", а потомъ—однимъ мановеніемъ воли первыя пускать въ ходъ, а послѣднія уничтожать. Очевидно также, что такимъ наборщикомъ не можетъ быть наборщикъ—автоматъ; для означенной роли будетъ правоспособнымъ лишь Существо, обладающее необъятнымъ умомъ и всемогущею волею, а ужъ никакъ не естественный подборъ.

Но пропасть между искусственнымъ и естественнымъ подборомъ покажется еще шире и глубже, если мы примемъ во вниманіе, что искусственный подборъ есть процессъ противо-естественный, нерѣдко идущій вопреки природѣ. Такъ, извѣстно, что чрезмѣрное развитіе зоба у голубей—дутышей крайне затрудняетъ процессъ питанія этихъ птицъ; чрезмѣрное развитіе хвостовыхъ перьевъ у трубастыхъ голубей ведетъ къ атрофіи масляной железы, продукты отправленія которой, судя по тому, что намъ пришлось читать объ этомъ у Брема [1]), весьма важны въ жизни птицъ вообще; привычка турмановъ—кувыркаться зависитъ отъ особой болѣзни въ родѣ эпилепсіи и т. п.

Впрочемъ, отсутствіе въ природѣ разумной формующей силы дарвинисты хотятъ вознаградить и замѣнить необъятными періодами времени. Но о времени, какъ міробразующемъ божествѣ дарвинистовъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Н. Румянцевъ.

---

[1]) „Жизнь птицъ", перев. Страхова, С.П.Б. 1866 г. стр. 197.

О ФОРМАХЪ И ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ.

(Продолженіе *).

V.

Задачи философіи въ настоящее время: a) философія должна быть *научною*, для чего признается необходимымъ ограничить ее изслѣдованіемъ познанія, b) вопросъ о вѣрѣ и знаніи составляетъ другую задачу философіи. Обѣ задачи одинаково приводятъ къ необходимости изслѣдовать *мышленіе*. Ибо a) мышленіе есть общій и необходимый элементъ во всякомъ познаніи; b) раздѣленіе вѣры отъ знанія, оправдываемое тѣмъ, что область науки есть *опытъ*, а область вѣры сверхъопытная,—требуетъ разсмотрѣнія вопроса: можно ли ограничивать научное изслѣдованіе предѣлами опыта, и точно ли опытъ — единственное орудіе научнаго изслѣдованія,—что также приводитъ къ необходимости изслѣдовать мышленіе, которое есть предметъ *логики*.

Область философіи такъ широка и многообъемлюща, что всегда въ ней найдется мѣсто для самыхъ разнообразныхъ задачъ и стремленій. Въ особенности теперь философія, какъ бы увлекаемая общимъ направленіемъ науки къ дробленію и специализаціи, представляется уже совсѣмъ распавшеюся на множество частныхъ вопросовъ и отдѣльныхъ частей, годныхъ, повидимому, сдѣлаться вполнѣ самостоятельными предметами изслѣдованія. Но какъ бы ни казалось пестрымъ, съ перваго взгляда, разнообразіе проявленій философской мысли въ настоящее время,—это ни мало не препятствуетъ философіи все же оставаться философіей. Означенная особенность нашего времени истиннаго существа философіи не касается и не нарушаетъ. А существенное свойство философіи—стремиться къ единству.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1894 г. № 23.

Поэтому должны существовать и теперь, въ области философіи, такіе твердые пункты, къ которымъ мысль невольно тяготѣетъ, на какіе бы впрочемъ предметы она ни обращалась и какіе бы вопросы ни выдвигались ею. Чтобы убѣдиться въ томъ, что и въ настоящее время существуетъ въ области философіи живой центръ, объединяющій всѣ ея разнообразныя проявленія и стремленія, для этого мы сначала обратимъ вниманіе на два вопроса, какъ такіе, которые слѣдуетъ признать теперь важнѣйшими задачами философіи, а затѣмъ мы увидимъ, что и эти задачи сводятся въ сущности къ одной, которую слѣдовательно и нужно признать важнѣйшимъ предметомъ философіи въ настоящее время и конечною цѣлью всѣхъ ея усилій.

Хорошо извѣстно, что теперь въ ходу идея такъ называемой научной философіи: предпринимаются опыты построенія *научной системы философіи*, т. е., такой философіи, которая обладала бы всѣми научными достоинствами. Но рядомъ съ этимъ стремленіемъ къ созданію научной философіи, существуетъ еще и другое явленіе не менѣе характеристическое для нашего времени; это именно—*стремленіе къ примиренію и соглашенію религіозной вѣры съ научнымъ знаніемъ*. Предположимъ, что дѣйствительно удалось бы обосновать научнымъ образомъ важнѣйшіе основные пункты въ содержаніи религіозной вѣры; понятно, что чрезъ это самое получилось бы достаточное рѣшеніе и первой задачи,—была бы основана, такимъ образомъ, въ существенныхъ чертахъ по крайней мѣрѣ, система научной философіи; въ такомъ случаѣ оба вышеуказанныя стремленія сошлись бы между собою въ одной цѣли, и получилось бы въ сущности одно наиважнѣйшее дѣло философіи нашего времени, именно: созданіе такой философской системы, которая, удовлетворяя всѣмъ научнымъ требованіямъ, слѣдовательно при безспорномъ научномъ своемъ достоинствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ не только не дѣлала бы никакого ущерба не менѣе, если даже не болѣе, существеннымъ потребностямъ и свойствамъ духа, проявляемымъ въ религіозной вѣрѣ, напротивъ была бы не маловажною поддержкою и научнымъ оправданіемъ таковыхъ потребностей и свойствъ. Но дѣло въ томъ, что названныя стремленія философіи нашего времени склонны скорѣе расходиться,

чѣмъ сходиться между собою въ одной цѣли. Такъ стремленію къ созданію научной философіи многими придается тотъ смыслъ, что философія должна быть удалена отъ всякаго соприкосновенія съ религіозною вѣрою и имѣть въ виду исключительно одни лишь интересы науки; только при этомъ условіи, и сама она, полагаютъ, сдѣлается вполнѣ научною. Итакъ, для ясности дѣла, всего лучше разсмотрѣть каждую порознь изъ названныхъ выше задачъ современной философіи; такимъ образомъ будетъ виднѣе,—слѣдуетъ ли, и если слѣдуетъ, то какъ именно—объединить обѣ задачи философіи.

Требованіе, чтобы философія была научною,—понятно: въ виду измѣнчивости и неустойчивости системъ философскихъ, сдѣлался обычнымъ тотъ взглядъ на философію, что она есть не болѣе, какъ выраженіе мнѣній, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ; достоинство философіи, при такомъ взглядѣ на нее, становится сомнительнымъ: каковы бы ни были личныя свойства самихъ философовъ, можно ли требовать особаго вниманія къ ихъ философскимъ теоріямъ и ученіямъ, если допустить, что эти теоріи и ученія лишены всякаго научнаго значенія и не заключаютъ въ себѣ ничего достовѣрнаго, ничего такого, что заслуживало бы общаго признанія и усвоенія? Пусть мнѣнія философовъ при нихъ и остаются; пусть сами же философы тѣшатся своими мнѣніями; пусть этими мнѣніями интересуются любители, но зачѣмъ вводить философію въ кругъ общаго научнаго образованія и обременять, такимъ образомъ, силы учащихся дѣломъ пустымъ и ни для чего непригоднымъ? Такое отношеніе къ философіи тѣмъ болѣе понятно, чѣмъ большую важность сами философы придаютъ своимъ мнѣніямъ, нисколько не соразмѣряя своихъ притязаній со своими дѣйствительными заслугами, ни мало не стѣсняясь своимъ ничтожествомъ въ научномъ смыслѣ. Итакъ, если философы хотятъ, чтобы философія была уважаема, то пусть они позаботятся прежде всего о научномъ достоинствѣ своихъ теорій и ученій; необходимо, чтобы философія стала наконецъ наукою дѣйствительною; тогда достоинство ея будетъ неоспоримо. Какъ же это сдѣлать, что требуется для того, чтобы философія была научною?

Всякая наука имѣетъ свой предметъ; поэтому долженъ быть

особый предметъ и для философіи, если она точно есть наука, а не простая смѣсь личныхъ мнѣній. Но какъ спеціальнаго предмета для философіи не оказывается, и философія не есть наука спеціальная по предмету своему, то приходится признать собственнымъ предметомъ философіи не какую-либо часть бытія, познаваемаго нами,—тогда философія была бы спеціальною наукою; а *цѣлость* бытія. Какъ же это возможно, чтобы цѣлость бытія подлежала научному изслѣдованію? Познаніе и предметъ познаваемый тѣсно и неразрывно связаны между собою. Поэтому двоякій путь открывается къ достиженію этой цѣли: или чрезъ соединеніе знаній о всѣхъ предметахъ, изслѣдуемыхъ отдѣльными науками, должна получиться предметная цѣлость научнаго знанія, составляющаго область философіи; или же такая цѣлость научнаго знанія достижима чрезъ излѣдованіе и установленіе условій познаваемости вещей, чрезъ изслѣдованіе не какого-либо частнаго познанія, а познанія вообще; въ послѣднемъ случаѣ получилась бы не предметная (объективная) цѣлость, а субъективная,—цѣлость *сознанія*, объединяющаго собою необходимые элементы всякаго познанія насколько таковые заключаются въ субъектѣ познающемъ. Первый путь невозможенъ; ибо никакой умъ не въ состояніи обнять и усвоить всѣ знанія, выработанныя и вырабатываемыя всѣми отдѣльными науками; а если бы даже это и было возможно, то этимъ способомъ все же цѣль не была бы достигнута; получилась бы полная и совершенная энциклопедія знаній, но *цѣлости*, именно того, что должно характеризовать философію, со стороны ея предмета, не доставало бы. Остается такимъ образомъ единственно возможный путь къ установленію предмета философіи какъ науки,—путь *субъективный*. Путь этотъ состоитъ въ изслѣдованіи *познавательной дѣятельности*. Познаніе —вещь сложная. Поэтому, чтобы изслѣдованіе не разбилось на отдѣльныя, не связанныя между собою, части и чтобы оно не потерялось въ подробностяхъ, надлежитъ подвергнуть изслѣдованію главнымъ образомъ и прежде всего то, что имѣетъ въ нашемъ познаніи объединяющее значеніе, иначе сказать,—что составляетъ необходимый и общій элементъ во всякомъ познаніи, къ какому бы предмету оно ни относилось. А такой общій элементъ въ по-

знаніи безспорно составляетъ мышленіе. Уже Декартъ указалъ на коренное значеніе мышленія для философіи. Все можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, но то остается вполнѣ и безусловно достовѣрнымъ для самаго сомнѣвающагося, что онъ мыслитъ, ибо только чрезъ мышленіе возможно и самое сомнѣніе; кто не мыслитъ, тотъ и не сомнѣвается. Но вмѣсто того, чтобы изслѣдовать мышленіе и разъяснить: въ чемъ оно состоитъ, какъ происходитъ и какія требованія изъ него вытекаютъ въ отношеніи къ познанію, Декартъ началъ съ того, что сталъ размышлять и дѣлать выводы *о бытіи* вещей, т. е., пользоваться мышленіемъ, какъ орудіемъ изслѣдованія и познанія вещей, мало заботясь о томъ, чтобы дать обстоятельный отчетъ въ свойствахъ этого самаго орудія. Изслѣдованіе мышленія безспорно есть первое и основное дѣло философіи. Не напрасно сущность философіи полагаютъ въ самосознаніи, а мышленіе, обращенное на себя самаго, мышленіе о мышленіи—это и есть самосознаніе,—по крайней мѣрѣ начало и основаніе самосознанія [1]). Послѣ Декарта, Локкъ и затѣмъ Кантъ уже не бытіе, не существо вещей, а познаніе выдвигаютъ на первый планъ, какъ первый и главный предметъ философскаго изслѣдованія. Но совершенно случайно въ изслѣдованіи этого предмета получилъ неподобающее ему важное значеніе вопросъ о границахъ возможнаго для насъ познанія,—вопросъ, которымъ требуется опредѣлить, какъ далеко можетъ простираться и чѣмъ ограничивается свойственное намъ познаніе. Локкъ случайно напалъ на этотъ вопросъ: по поводу возникшихъ однажды между друзьями Локка споровъ, не приведшихъ, какъ это обыкновенно бываетъ, ни къ чему рѣшительному, явилась у Локка мысль, что, для избѣжанія всякихъ пустыхъ споровъ, необходимо изслѣдовать самое познаніе съ цѣлію опредѣлить его границы, такъ чтобы было ясно, какіе вопросы разрѣшимы для насъ, а

[1]) Можно возразить на это: какъ нельзя выучиться плавать, не погружаясь въ воду, такъ научиться правильно пользоваться мышленіемъ можно только самымъ дѣломъ, т. е., чрезъ научное изслѣдованіе вещей. Но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что одновременно съ философіей каждая наука дѣлаетъ свое дѣло, и стало быть философія въ другихъ наукахъ, даже въ обыденныхъ мнѣніяхъ имѣетъ всегда достаточно матеріала для собственнаго изслѣдованія, имѣющаго предметомъ своимъ прежде всего самое мышленіе.

какіе не разрѣшимы. Само по себѣ очевидно, что несравненно легче изслѣдовать и показать относительно каждаго въ отдѣльности вопроса, разрѣшимъ ли этотъ вопросъ или неразрѣшимъ, нежели установить границы познанія, т. е., опредѣлить условія разрѣшимости или неразрѣшимости *всякихъ вопросовъ вообще*. Вѣдь вопросы не измышляются произвольно, а поставляются въ каждой научной области самымъ ходомъ изслѣдованія, свойственнаго именно этой области; и опять въ каждой научной области существуютъ особыя основанія, а также свои способы и пріемы или методы для разрѣшенія вопросовъ. Итакъ Локкъ, для устраненія неудобства, заключающагося въ томъ, что иногда напрасно тратятъ силы и время на разрѣшеніе вопросовъ, быть можетъ, вовсе неразрѣшимыхъ, для устраненія этого неудобства задумалъ употребить средство несравненно болѣе трудное и неудобное, чѣмъ то неудобство, которое имѣлось въ виду устранить: что познаніе наше ограниченно,—это всякій скажетъ, объ этомъ охотно даже распространяются, и никто противъ этого не станетъ спорить, но въ чемъ именно состоитъ ограниченность нашего познанія и что слѣдуетъ признать абсолютною общею границею нашего познанія, какъ эту границу опредѣлить,—этого никто не разъяснилъ съ безспорною точностію. Кантъ, какъ извѣстно, такъ рѣшилъ этотъ вопросъ: познаніе наше ограничено явленіями, бытіе же вещей, взятое въ себѣ самомъ, для насъ непознаваемо. Къ сожалѣнію, это рѣшеніе само страдаетъ неопредѣленностью: остается неизвѣстнымъ, какъ понимать то, что называется явленіемъ. А потому не удивительно, что и послѣ Канта вопросъ о границахъ нашего познанія рѣшается различно. Теперь много разсуждаютъ о непознаваемомъ, какъ такомъ предметѣ, который составляетъ границу между знаніемъ и вѣрою. Но точныхъ понятій объ этомъ мы не находимъ. Вообще какъ самый вопросъ о границахъ нашего познанія возникъ случайно, такъ и въ опытахъ разрѣшенія этого вопроса много случайнаго, а потому неяснаго и неопредѣленнаго. Если философія должна имѣть характеръ научной системы, то въ самой постановкѣ вопросовъ, изслѣдуемыхъ ею, не должно быть произвола и случайности. Часто говорятъ, что вопросы философіи не случайны, а

необходимы. Пусть же эта необходимость вопросовъ философіи будетъ очевидна изъ того,—какъ мы приходимъ къ нимъ и какой смыслъ дается извѣстному вопросу самимъ ходомъ предшествующаго ему изслѣдованія. Совершенно понятно всякому, что рѣшеніе вопроса не должно быть произвольнымъ и случайнымъ; но и самый вопросъ долженъ быть выведенъ такъ, чтобы очевидна была его необходимость и былъ бы понятенъ и ясенъ его смыслъ. Не только рѣшить невозможно вопроса о границахъ познанія, но даже того нельзя знать напередъ,—умѣстенъ ли самый этотъ вопросъ, пока не установлено ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о познаніи. Между тѣмъ много спорнаго даже въ основныхъ положеніяхъ о познаніи. Трудность добыть ясныя и опредѣленныя, а главное—твердыя понятія о познаніи заключается въ сложности элементовъ познавательнаго процесса и въ разнообразіи ихъ взаимоотношенія. И вотъ подобно тому, какъ вопросы *о бытіи* вещей привели къ вопросу о *познаніи*, ибо казалось необходимымъ сначала рѣшить—что и какъ познаваемо для насъ,—прежде чѣмъ изслѣдовать самое бытіе, такъ въ свою очередь вопросы о познаніи приводятъ къ необходимости изслѣдовать *мышленіе*, которое есть предметъ логики. Ибо, какъ сказано, при всей сложности познавательнаго процесса, господствующее и важнѣйшее значеніе въ немъ мышленія совершенно очевидно: и эмпиристъ, основывающій всякое познаніе на данныхъ чувственнаго опыта, долженъ согласиться съ тѣмъ, что только чрезъ обработку таковыхъ мышленіемъ получается познаніе. Итакъ, нельзя, кажется, сомнѣваться въ необходимости предварительно рѣшенія всякихъ иныхъ философскихъ вопросовъ,—разсмотрѣть мышленіе, какъ орудіе философскаго изслѣдованія и познанія.

Что изслѣдованіемъ мышленія пренебрегали, не смотря на очевидную необходимость такого изслѣдованія, это легко изъясняется тѣмъ положеніемъ и значеніемъ, какое издавна пріобрѣла въ исторіи Европейской философіи логика Аристотеля. Даже Кантъ еще былъ того мнѣнія о логикѣ, что со времени Аристотеля въ ней не произошло ни какой существенной перемѣны. Очевидно господствовалъ такой взглядъ на логику, что все нужное сдѣлано въ этой наукѣ самимъ Аристотелемъ и

что ничего не оставалось болѣе дѣлать въ этой части философіи. Между тѣмъ логика Аристотеля имѣетъ свой особый характеръ и особенное назначеніе: она всецѣло была направлена противъ софистики. Извѣстно, что софистическая діалектика утверждалась на томъ предположеніи, что всякую мысль и всякое сужденіе можно съ равною силою доказывать и опровергать, или иначе,—что всякое положеніе искусный діалектикъ можетъ представить и какъ истинное, и какъ ложное. Сущность софистики заключалась въ искусствѣ фальшиваго доказыванія съ помощію всякаго рода уловокъ, хитростей, двусмысленныхъ и неопредѣленныхъ оборотовъ рѣчи, цѣль которыхъ была та, чтобы опутать, смутить и сбить съ толку простодушнаго человѣка. Для противодѣйствія столь ложной діалектикѣ, Аристотель имѣлъ въ виду дать въ своей логикѣ теорію *истиннаго* доказательства. По формѣ своей всякое доказательство есть *силлогизмъ*, ибо доказать какое-либо положеніе значитъ вывести его изъ извѣстнаго основанія, а такой выводъ происходитъ въ формѣ силлогизма. Но по содержанію значеніе силлогизма не одинаково: именно смотря по свойству основанія, изъ котораго или въ силу котораго дѣлается выводъ, заключеніе и достоинство вывода бываетъ различно; или выводъ—ложенъ, если основаніе—ложно, а хотя бы, при ложности основанія, и былъ истиненъ, то остается въ такомъ случаѣ недоказаннымъ; или же выводъ имѣетъ большую или меньшую вѣроятность, если основаніе его недостовѣрно; или же наконецъ, при достовѣрности основанія и выводъ долженъ быть достовѣрнымъ, слѣдовательно доказаннымъ. Извѣстно, что въ средніе вѣка силлогизмъ былъ господствующею формою разсужденія и изложенія. Полагая, что въ св. Писаніи и богословіи даны основанія для рѣшенія всякихъ вопросовъ, схоластики обращали вниманіе лишь на то, чтобы свои разсужденія облечь въ силлогистическую форму, мало заботясь о самомъ содержаніи своихъ разсужденій. Вотъ почему Бэконъ такъ рѣшительно напалъ на силлогизмъ; въ такъ называемомъ имъ силлогистическомъ методѣ онъ усмотрѣлъ главную причину безплодности и неподвижности схоластической науки. Силлогистическій методъ исходитъ изъ извѣстныхъ основаній. Но откуда взять самыя

основанія для полученія выводовъ? Богословіе, основанное на Откровеніи, не есть наука, а составляетъ особую, отличную отъ науки, область вѣры. Чтобы добыть необходимыя для построенія науки основныя начала, къ этому нѣтъ иного пути кромѣ опыта и правильнаго, основаннаго на опытѣ, метода. Таковъ методъ индуктивный. Естествознаніе должно быть, по Бэкону, основаніемъ для всѣхъ наукъ, а индукція—необходимое орудіе всякаго научнаго изслѣдованія. Таково начало втораго изъ современныхъ важнѣйшихъ вопросовъ философіи; разумѣемъ *вопросъ о вѣрѣ и знаніи.* Въ сущности и теперь этотъ вопросъ остается въ томъ же положеніи; и теперь господствующій взглядъ по этому вопросу тотъ же, какой впервые былъ съ ясностію высказанъ и проведенъ въ своей философіи Бэкономъ: вѣра и знаніе по этому взгляду совершенно разныя области, и потому каждая должна быть предоставлена самой себѣ; между тою и другою слѣдовательно не можетъ быть установлено никакого внутренняго общенія и никакой внутренней связи не можетъ быть; всякаго рода попытки къ установленію такой связи могутъ вести лишь къ послѣдствіямъ вреднымъ и пагубнымъ для той и другой области. Основаніемъ для положеній вѣры служитъ Откровеніе; наука же не знаетъ и не признаетъ никакого иного основанія для своихъ положеній, кромѣ опыта. Оставаясь въ предѣлахъ опыта, будучи всецѣло заключенною въ этой области, наука ничего сверхъестественнаго не знаетъ; напротивъ вѣра религіозная есть въ сущности вѣра въ бытіе сверхъестественнаго.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что хотя уже Бэкономъ признана была въ принципѣ необходимость раздѣленія научнаго знанія отъ религіозной вѣры, тѣмъ не менѣе въ самой энциклопедіи Бэкона, и долгое время потомъ, все еще удерживается нѣкоторая связь между тою и другою областью. Связь эта состояла въ томъ, что отъ Богословія положительнаго, основаннаго на Откровеніи, различали Богословіе естественное, или иначе, раціональное; Богословіе же естественное или примыкало къ метафизикѣ, или же прямо входило въ составъ метафизики. Еще Аристотель, основатель метафизики, признавалъ теологію (т. е. философское ученіе о Богѣ) важнѣйшею частью

метафизики. Такимъ образомъ чрезъ посредство частію естественнаго Богословія, частію метафизики, поддерживалась нѣкоторая связь науки съ религіозною вѣрою. Но разъ установленный принципъ совершеннаго раздѣленія науки отъ религіозной вѣры рано или поздно долженъ былъ оказать свое полное дѣйствіе. Это именно мы и видимъ въ настоящее время. А такъ какъ мы видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что именно теперь снова дѣлается поворотъ къ метафизикѣ и вопросъ о вѣрѣ и знаніи, повидимому, вновь возбуждается, а вовсе не считается порѣшеннымъ окончательно, то уже это одно не должно ли служить для насъ признакомъ неудовлетворительности означеннаго принципа? Извѣстно, что, при полномъ примѣненіи всякаго принципа, всегда съ полною ясностію открывается или совершенная его пригодность, или напротивъ недостаточность. Указанный признакъ, по которому можно уже догадываться о недостаточности того принципа, что наука и вѣра должны быть признаны совершенно раздѣльными одна отъ другой сферами,— вынуждаетъ вникнуть въ сущность этого вопроса и разсмотрѣть,—на сколько удовлетворительно то положеніе философіи и тѣ задачи, возлагаемыя на нее, которыя являются необходимымъ послѣдствіемъ установленнаго Бэкономъ принципа совершеннаго раздѣленія науки отъ религіозной вѣры.

Принципъ этотъ можетъ быть выраженъ такъ: наука ограничивается предѣлами опыта; напротивъ религіозная вѣра есть область, восходящая надъ предѣлами опыта, ибо предметы религіозной вѣры суть сверхъопытные, не подлежащіе опытному познанію. Такое общепринятое, можно сказать, понятіе о различіи между знаніемъ и вѣрою и будемъ имѣть въ виду въ дальнѣйшемъ разсужденіи о задачахъ философіи съ точки зрѣнія означеннаго принципа.

Такъ какъ критеріемъ научнаго познанія былъ признанъ опытъ, или индуктивный методъ, въ качествѣ орудія опытнаго изслѣдованія, то ясно, что, примѣняя этотъ критерій и къ философіи, требовали также въ отношеніи къ ней ограниченія данными опыта. Если философія должна быть наукой, то это возможно не иначе, какъ при существованіи особой, никакою иною наукой не покрываемой, области опыта. Факты внѣшняго и внутренняго опыта изслѣдуются

науками специальными; но въ свою очередь научныя познанія, вырабатываемыя чрезъ изслѣдованіе внѣшней и внутренней дѣйствительности, поскольку та и другая составляетъ предметъ опыта, также суть факты, подлежащіе нарочитому и особому изслѣдованію. Изслѣдованіе это должно состоять, какъ и всякое опытное изслѣдованіе, прежде всего въ общемъ обозрѣніи предметовъ изслѣдованія и въ установленіи правильнаго закономѣрнаго порядка между ними, безъ чего невозможно систематическое обозрѣніе. Это есть классификація наукъ; уже Бэконъ сдѣлалъ опытъ такой классификаціи. Заслуживаетъ при этомъ особаго вниманія то обстоятельство, что Бэконъ въ своей энциклопедіи не ограничивается обозрѣніемъ наукъ существовавшихъ, но проэктируетъ нѣкоторыя новыя науки, которыхъ еще вовсе не было, чего не дѣлаютъ при обозрѣніи своихъ предметовъ ни зоологъ, ни ботаникъ, ни минералогъ, вообще естествоиспытатель; а такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы, при классификаціи наукъ, строгое ограниченіе этого дѣла предѣлами опыта было необходимо для изслѣдователя. Другая задача философскаго изслѣдованія познавательной дѣятельности заключается въ составленіи теоріи научнаго познанія вообще. Но и въ отношеніи къ этой задачѣ нельзя требовать строгаго ограниченія предѣлами опыта; въ настоящемъ случаѣ это даже невозможно. Локкъ пытался, подобно химикамъ, разложить познаніе, смотря на него какъ на составъ сложный, на простые элементы; но оказалось невозможнымъ признать такъ называемыя Локкомъ простыя идеи дѣйствительно простыми. Лейбницъ подвергъ сомнѣнію этотъ пунктъ въ изслѣдованіи Локка, а теперь даже экспериментальнымъ путемъ стараются доказать, что ощущенія внѣшнихъ чувствъ, признанныя Локкомъ простыми идеями, на самомъ дѣлѣ—не простые элементы нашего сознанія. Ясно, что ученіе Локка о простыхъ идеяхъ не есть выводъ опытнаго изслѣдованія, а простая гипотеза, съ которою притомъ трудно согласиться, даже оставаясь при одномъ умозрѣніи. Еще менѣе держался почвы опыта въ своемъ изслѣдованіи Кантъ, хотя и онъ также признаетъ, что дѣйствительное познаніе возможно лишь въ предѣлахъ опыта; достаточно указать въ этомъ случаѣ на то, что самъ Кантъ называетъ ме-

тодъ своего изслѣдованія трансцендентальнымъ, дабы судить о характерѣ этого изслѣдованія. Именно послѣ Канта и подъ вліяніемъ его изслѣдованій, въ особенности возникаетъ, а нѣкоторое время является даже господствующимъ, стремленіе къ такъ называемымъ апріорнымъ построеніямъ, т. е., стремленіе, если можно такъ выразиться, завоевать для философіи особую область *независимую отъ опыта*. Пусть это было стремленіе ложное, но если оно могло возникнуть и съ такою силою развиться, достигнуть такой напряженности и такъ возобладать надъ умами, не смотря на провозглашенный и, повидимому, признанный принципъ ограниченія предѣлами опыта, то это во всякомъ случаѣ тоже есть *фактъ* и безспорно фактъ знаменательный. Едва ли кто, понимающій дѣло, станетъ утверждать, что означенное стремленіе было вовсе безплодно. Объ опытѣ постоянно говорятъ какъ о вещи общеизвѣстной и всякому понятной; но и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить тоже, что выше сказано по поводу общепризнаваемой ограниченности нашего познанія: легко сказать, что познаніе наше ограниченно, но трудно объяснить въ чемъ состоитъ эта ограниченность. Именно самый опытъ и есть эта неудобовразумительная, трудно опредѣлимая, измѣнчивая и подвижная граница нашего познанія, въ *признаніи* которой, можно сказать, охотно сходятся, но въ *пониманіи* которой такъ часто расходятся. Подъ названіемъ опыта слѣдуетъ разумѣть въ строгомъ смыслѣ то, что дается въ нашемъ познаніи чрезъ воспріятіе внѣшнее и внутреннее, слѣдовательно познаніе опытное есть по преимуществу воспринятое; таково именно естественно-научное познаніе; и начинается это познаніе воспріятіемъ и оканчается также воспріятіемъ; началомъ его служитъ наблюденіе, а концомъ—экспериментъ,—опытъ искусственный. Что касается далѣе абстракцій—обобщеній и выводовъ, дѣлаемыхъ на основаніи воспринятыхъ данныхъ, на основаніи фактовъ, то и для нихъ, какъ извѣстно, требуется повѣрка посредствомъ того же воспріятія, а иначе они остаются на степени гипотезъ, т. е., лишены строго научнаго значенія. Поэтому хотя выводы и обобщенія, основанные на фактахъ, и составляютъ мысленный процессъ, но этотъ процессъ въ опытномъ познаніи имѣетъ лишь подчинен-

ное, а не самостоятельное значеніе. Ясно, что когда и въ дѣлѣ изученія самого мышленія, какъ дѣятельности познавательной, также хотятъ примѣнить методъ опытнаго (и даже не просто опытнаго, но экспериментальнаго) изслѣдованія, то это значитъ желать, чтобы мышленіе было предметомъ изслѣдованія не иначе, какъ въ состояніи несвободномъ, связанномъ, ибо одно изъ двухъ: или мышленіе изучается въ такомъ случаѣ, какъ *фактъ психологическій*, т. е., въ сопровожденіи другихъ психическихъ элементовъ и въ сочетаніи съ ними, да и притомъ не у каждаго же субъекта мышленіе проявляетъ себя съ одинаковою силою и въ равной широтѣ, даже при условіи предоставленія ему полной свободы; поэтому только несвободные психическіе процессы могутъ быть съ успѣхомъ изучаемы посредствомъ опытнаго ихъ изслѣдованія; или же мышленіе можетъ быть изучаемо какъ *фактъ гносеологическій*, поскольку оно проявляется въ систематическомъ построеніи наукъ, въ методахъ научнаго изслѣдованія, но въ этомъ случаѣ нельзя же ограничивать поле изученія одними опытными науками; въ болѣе чистомъ видѣ мышленіе несомнѣнно обнаружило свою дѣятельность въ построеніи разныхъ философскихъ системъ, но даже и здѣсь еще есть примѣсь элементовъ временнаго (историческаго) и мѣстнаго значенія. Весь этотъ матеріалъ въ дѣлѣ изученія мышленія важенъ въ томъ смыслѣ, что изученіе его способствуетъ развитію и усовершенію собственнаго нашего мышленія, а живой опытъ собственнаго мышленія и есть главный источникъ, изъ котораго и должно, главнымъ образомъ, извлекать познаніе о томъ, что такое мышленіе. Только этотъ опытъ уже не состоитъ въ воспріятіи, а напротивъ совершается чрезъ произведеніе дѣйствій мышленія; и отъ эксперимента отличается этотъ опытъ, ибо состоитъ изъ дѣйствій чисто умственныхъ, духовныхъ, а не внѣшнихъ, механически исполняемыхъ. Познаніе, добываемое путемъ такого опыта, имѣетъ характеръ самопознанія, формою же познавательною служитъ не обобщеніе, а рефлексія и умственное созерцаніе (интуиція). Опытъ въ собственномъ смыслѣ, въ смыслѣ простого воспріятія, имѣетъ дѣло съ фактами, т. е., съ тѣмъ, что уже совершилось, сформировалось; процессъ же совершенія остается скрытымъ и

лишь гипотетически воспроизводится, напротивъ въ живомъ опытѣ собственнаго нашего мышленія самый процессъ мысленный во всей полнотѣ предстаетъ нашему сознанію, а потому мышленіе познается нами не только въ качествѣ результатовъ, добытыхъ чрезъ мысленный процессъ, но и какъ *дѣятельность*.

Наконецъ и еще есть задача, которая возлагается на философію, понимаемую въ смыслѣ науки опытной, долженствующей стоять въ ряду другихъ опытныхъ наукъ, а не выдѣляться изъ этого ряда, и тѣмъ менѣе претендовать на господство надъ ними и даже вліяніе на нихъ. Задача эта состоитъ въ образованіи общаго міровоззрѣнія. Рѣшеніе этой задачи тоже допускается не иначе, какъ на почвѣ чисто опытныхъ знаній и чрезъ употребленіе пріемовъ, обычныхъ въ наукахъ опытныхъ, главнымъ образомъ чрезъ *обобщеніе и аналогію*. Такъ напр. ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе, о приспособленіи къ внѣшнимъ условіямъ среды, о самосохраненіи; равнымъ образомъ извѣстный законъ сохраненія энергіи въ природѣ,—подобные выводы наукъ опытныхъ обобщаются и возводятся на степень принциповъ, долженствующихъ служить къ философскому изъясненію міровой дѣйствительности. Необходимое предположеніе естественныхъ наукъ—о строгой закономѣрности въ природѣ, о необходимой и непрерывной связи между явленіями природы, полагается въ основаніе общаго философскаго міросозерцанія. Между тѣмъ вопросъ о построеніи общаго философскаго міросозерцанія кажется долженъ быть рѣшенъ проще и совершенно иначе. Выходя изъ идеи о наукѣ, какъ системѣ опытныхъ знаній, требуютъ, чтобы философія тоже была особою наукою въ ряду другихъ, слѣдов. со своимъ особымъ предметомъ и своими пріемами изслѣдованія. Такъ пусть же философія сама и вырабатываетъ свои начала, начала для построенія общаго міросозерцанія, а не заимствуетъ необходимыхъ для нея началъ изъ другихъ наукъ; основательно ли навязывать философіи теоріи и начала, вырабатываемыя на почвѣ другихъ наукъ?

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *).

II.

Психологическія системы метафизически-идеалистическаго и спиритуалистическаго направленія.

Метафизическій характеръ новѣйшаго германскаго идеализма отразился и на разработкѣ психологіи начала XIX столѣтія, сказавшись въ ней стремленіемъ осмыслить разнообразныя явленія душевной жизни общею идеею духа, добытою на основаніи чистаго мышленія. Въ частности, въ области русской психологіи метафизическимъ характеромъ запечатлѣны главнымъ образомъ тѣ идеалистическія системы, которыя возникли на почвѣ философіи Шеллинга. Сюда относятся: „Картина человѣка“ Галича (1834 г.), „Руководство къ опытной психологіи“ Ор. Новицкаго (1840 г.), „Курсъ психологіи“ Кедрова (1844 г.) и наконецъ „Опытъ обозрѣнія и біологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа“ Хр. Экеблада (1872 г.). Послѣдній трудъ, хотя и появился сравнительно въ позднее время, тѣмъ не менѣе служитъ рельефнымъ выраженіемъ психологическихъ взглядовъ автора, образовавшихся еще въ тридцатыхъ годахъ, въ періодъ наибольшаго увлеченія въ Россіи шеллингіанствомъ. Представляя собою воспроизведеніе біологико-психологическихъ воззрѣній Велланскаго, этотъ трудъ, подобно всему ученію послѣдняго, есть гиперболическая форма

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г., № 3.

взглядовъ Шеллинга и Окена, главнѣйшихъ представителей натурфилософской школы. Какъ типичнѣйшее созданіе послѣдней, онъ заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія и можетъ быть поставленъ во главѣ системъ метафизически-идеалистическаго направленія. Психологическая система Галича, первая по времени своего появленія, также коренится на метафизическихъ основахъ ученія Шеллинга и служитъ оправданіемъ идеи единства жизни на психологической почвѣ, но въ то же время обнаруживаетъ по мѣстамъ и нѣкоторую независимость автора отъ воззрѣній школы и критическое отношеніе къ нимъ; поэтому трудъ Галича долженъ быть разсмотрѣнъ послѣ системы Экеблада. Далѣе, въ системахъ Новицкаго и Кедрова метафизическія основы натурфилософской школы уже значительно видоизмѣнены подъ вліяніемъ теистическихъ воззрѣній авторовъ и неоплатоническихъ идей, причемъ на нихъ отчасти отразились идеи Аристотеля и начала лейбнице-вольфіанской философіи. Главнѣйшая же особенность ихъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ неуклонно и послѣдовательно проводится спиритуалистическое воззрѣніе, усвояющее духу полное могущество и безраздѣльное господство надъ тѣломъ, какъ въ образованіи послѣдняго по законамъ духа, такъ и въ подчиненіи его духу во всѣхъ отправленіяхъ. На основаніи сказаннаго, поименованные психологическіе труды могутъ быть подраздѣлены на двѣ частныя группы, причемъ въ первую войдутъ метафизически-идеалистическія системы Экеблада и Галича, а во вторую—спиритуалистическія—Новицкаго и Кедрова.

Какъ возникшія на одной общей метафизической основѣ, названныя психологическія системы, независимо отъ частныхъ разностей въ воззрѣніяхъ ихъ авторовъ, имѣютъ внутреннее родство между собою и общія точки соприкосновенія. Прежде всего, въ нихъ проводится довольно своеобразный монизмъ, имѣющій свое основаніе въ философіи тожества, а именно: допускается такая первобытная коренная сущность, которая совмѣщаетъ въ себѣ и духъ и вещество. Въ этомъ выводномъ дуализмѣ находитъ свое обнаруженіе одно высшее начало жизни, но самый дуализмъ имѣетъ лишь феноменальное значеніе: духъ и тѣло признаются лишь различными проявленіями одного и

того же процесса, свойственнаго всей природѣ. Самая тѣлесность понимается авторами этихъ системъ не какъ субстанція, параллельная и противоположная душевной субстанціи, но какъ доступное чувствамъ выраженіе полноты душевной силы, происходящее инстинктивно, безъ логической преднамѣренности. Въ виду этого и человѣкъ разсматривается какъ единое психофизическое существо, развивающееся между двумя полюсами—чувственностью и высшею разумностью. Въ первомъ случаѣ онъ живетъ безсознательною, животною жизнію, а во второмъ достигаетъ уподобленія существу безконечно-совершеннѣйшему, нравственно-разумному и свободному. Отсюда, естественно, вытекаетъ стремленіе у названныхъ изслѣдователей постигнуть не только человѣческую душу, но и животное одушевленіе, даже начало растительной жизни. Связь души и тѣла объясняется у этихъ изслѣдователей изначальнымъ ихъ совмѣстнымъ существованіемъ. Проникая въ специальную сферу духовной жизни, изслѣдователи стараются найти въ духѣ идеальный элементъ, открыть въ немъ свойства высшей природы, уяснить его неземное назначеніе и постигнуть внутреннюю связь его съ міромъ разумныхъ духовъ и съ Творцомъ. Ихъ не столько занимаютъ условія постепеннаго развитія духа, или низшая сторона его жизни, коею онъ привязанъ къ землѣ и чувственности, сколько высшія проявленія его сознательности и разумности, черты и свойства его сверхъчувственной природы. Въ виду этого, весь смыслъ познанія, доступнаго духу, полагается въ постиженіи идеальнаго, сверхъчувственнаго міра и непосредственномъ созерцаніи его; смыслъ сердечной жизни—въ святости чувства, смыслъ всѣхъ проявленій воли и ея сущности—свободы—въ стремленіи къ благу. Въ широкихъ также размѣрахъ усвояется духу способность непосредственнаго, интуитивнаго познанія какъ внѣшняго міра, такъ и высшей сферы бытія, причемъ настойчиво утверждается возможность и дѣйствительность непосредственнаго общенія души съ міромъ сверхъчувственнымъ, а равно связь ея съ общею жизнію природы и жизнію Божественною. Отсюда естественно вытекаетъ проникающій системы своеобразный мистицизмъ въ духѣ школы Шеллинга и Окена, выражающійся въ заимствованіяхъ изъ

сферы таинственнаго многихъ примѣровъ для объясненія душевныхъ явленій. Самый духъ, воплощенный въ человѣческомъ организмѣ, представляется въ этихъ системахъ уже сложившимся и готовымъ, подобнымъ богатой содержаніемъ закрытой книгѣ, которую постепенно раскрываетъ природа своимъ воздѣйствіемъ на человѣка. Наконецъ, законъ тройственности, лежащій въ основаніи построенія системы Шеллинга, весьма замѣтно отразился и въ названныхъ идеалистическихъ системахъ какъ въ самомъ построеніи ихъ, такъ и въ способѣ доказыванія мыслей и наконецъ во всемъ расположеніи научнаго матеріала. Частнѣйшее обозрѣніе названныхъ системъ выяснитъ намъ ихъ общій характеръ и своеобразныя особенности, опредѣляемыя направленіемъ школы.

А.

„Опытъ" Хр. Экеблада представляетъ собою частнѣйшее приложеніе основныхъ началъ философіи тожества къ изъясненію общихъ условій развитія духа. Послѣднее, по взгляду автора, совершается по тѣмъ же непреложнымъ и неизмѣннымъ законамъ, по которымъ развилась вселенная и вся органическая природа. Духъ человѣка въ своемъ развитіи и обнаруженіяхъ не производитъ ничего новаго, а подчиняется общему закону природы, закону тожества, лежащему въ основаніи творенія. Всѣ проявленія духа суть не что иное, какъ духовное повтореніе того, что замѣчается въ общей природѣ и въ матеріальной сторонѣ человѣческаго организма, но только свойственнымъ духу образомъ. Природа, такимъ образомъ, есть систематическое указаніе плана нашего духа, причемъ число основныхъ способностей послѣдняго вполнѣ соотвѣтствуетъ числу главныхъ явленій общей природы и вещественной стороны человѣческаго организма.—Приступая затѣмъ къ уясненію условій происхожденія духовныхъ способностей и главнѣйшихъ явленій жизни духа, авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе общими натурфилософскими соображеніями. Существуетъ три основныхъ формы образованія природы: бытіе, дѣйствіе и равновѣсіе, или одинаковость обоихъ,—коимъ соотвѣтствуетъ: матерія, свѣтъ и организмъ. Въ жизни природы онѣ выражаются разнообразными процессами: въ неор-

ганической природѣ бытіе выражается магнетическимъ процессомъ, дѣйствіе—электрическимъ, а одинаковость ихъ—химико-гальваническимъ; въ органической природѣ бытію соотвѣтствуетъ растительная жизнь, дѣйствію—животная, а одинаковости бытія и дѣйствія—человѣческая. Въ частности, въ животномъ организмѣ, согласно бытію, развился процессъ растительный, согласно дѣйствію—процессъ раздражительности, а согласно одинаковости обоихъ—процессъ нервный и чувствительный. Кромѣ этихъ, иныхъ процессовъ нѣтъ въ животномъ организмѣ. Согласно тому же общему закону природы, животный организмъ, въ соотвѣтствіе бытію, дѣйствію и одинаковости обоихъ, образовался только тремя общими системами: системою репредуктивною, или растительною, системою раздражительности и системою чувствительности, или нервною. Послѣдняя, соотвѣтственно тремъ формамъ образованія общей природы, также развилась тройственно, а именно: согласно бытію—узловая система, сообразно дѣйствію—нервы движенія, а согласно одинаковости обоихъ—головной мозгъ (стр. 1—8). Общему закону развитія природы слѣдуетъ и духъ человѣка, проявляющійся соотвѣтственно тремъ основнымъ ея формамъ и тремъ главнымъ системамъ животнаго организма. Въ частности, въ соотвѣтствіе растительной системѣ (бытію) духъ человѣка „образовался наружною стороною, которую составляетъ смыслъ"; соотвѣтственно системѣ раздражительности (дѣйствію) произошла въ духѣ внутренняя, образующая сторона, или разумъ, а соотвѣтственно чувствительной и нервной системѣ организма (или одинаковости бытія и дѣйствія), произошелъ въ духѣ умъ, объединяющій смыслъ и разумъ (стр. 9—10). Смыслъ имѣетъ главною своею задачею воспріятіе чрезъ чувства событій и явленій внѣшняго міра, или чувственное познаніе. Но какъ всякое бытіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствіе, то и самый смыслъ образовался какъ „наружными", такъ и „внутренними" чувствами; первыя обнаруживаются вещественными органами, а вторыя не имѣютъ видимыхъ органовъ и заключаются внутри мозга. Число чувствъ и ихъ природа не есть что-либо случайное, а соотвѣтствуетъ общимъ, или главнымъ явленіямъ во внѣшней природѣ, служа отраженіемъ ихъ. Этимъ

объясняется связь природы съ состояніями организма и дѣйствіе предметовъ на наружныя чувства. Въ дѣятельности чувствъ можно различать слѣдующія три ступени: первую, низшую ступень ея составляютъ: соотвѣтственно бытію—ощущеніе, сообразно дѣйствію—обоняніе, а согласно одинаковости бытія и дѣйствія—вниманіе; вторую ступень составляютъ: осязаніе, вкусъ и память, а третью—совокупность ощущенія и осязанія въ зрѣніи, обонянія и вкуса—въ слухѣ, вниманія и памяти—въ воображеніи. При этомъ авторомъ приводятся своеобразныя доказательства въ пользу принадлежности наружныхъ чувствъ (внѣшнихъ органовъ) къ духовнымъ способностямъ человѣка: органъ ощущенія есть кожа, а главный фокусъ его—губы—служитъ духовнымъ цѣлямъ, содѣйствуя образованію рѣчи; подобнымъ образомъ, органъ осязанія—руки—служитъ и духовнымъ потребностямъ въ познаваніи предметовъ; наконецъ, обоняніе создаетъ косметическій, а вкусъ—гастрономическій міръ. Главными предметами „познанія смысла" признаются: естествознаніе, математика и исторія, а средствами къ этому познанію служатъ—вниманіе и память. Роль воображенія состоитъ въ томъ, что оно воспроизводитъ наружу все то, что чувства передаютъ внутрь; притомъ, оно есть основаніе изобрѣтательности. Высшими проявленіями смысла служатъ—творчество всѣхъ видовъ и остроуміе (стр. 10—37).

Въ трактатѣ о разумѣ представлено авторомъ довольно своеобразное ученіе о разсудкѣ и волѣ, какъ способностяхъ духа. Разумъ, по этому ученію, составляетъ внутреннюю сторону духа, соотвѣтствующую „дѣйствію" въ природѣ и „раздражительности" въ матеріальной сферѣ организма. По силѣ всеобщаго закона тожества разумъ, подобно смыслу, образуется со стороны наружной и внутренней. Сообразно первой, разумъ проявляется въ познаніи, а соотвѣтственно второй—въ отправленіяхъ воли. Обѣ эти стороны разума, какъ и смысла, развились тройственно, причемъ виды ихъ развитія соотвѣтствуютъ видамъ развитія внутреннихъ и наружныхъ чувствъ. Такъ, низшая ступень познанія, соотвѣтствующая ощущенію и обонянію въ наружныхъ чувствахъ, есть пониманіе; соотвѣтственно осязанію и вкусу произошло въ познаніи сужденіе, а соотвѣт-

ственно зрѣнію и слуху—заключеніе, представляющее рѣшительное и окончательное мнѣніе о предметѣ. Понятіемъ познается предметъ, по закону линіи, сужденіемъ по закону поверхности, а заключеніемъ—согласно объему. Внутренняя сторона разума—воля, сообразно внутренней сторонѣ смысла, также образовалась тремя видами: соотвѣтственно вниманію—желаніемъ, соотвѣтственно памяти—страстью, а согласно воображенію—совѣстью и поступкомъ. Главнымъ предметомъ занятій разума, по взгляду автора, служитъ природа внутренняя, духовная, а равно динамическая сторона природы физической; главное же стремленіе его состоитъ въ томъ, чтобы найти истину въ мірѣ невещественномъ, духовномъ. Высшее дѣйствіе разума—глубокомысліе—приводитъ человѣка къ познанію *я* и создаетъ философію (стр. 37—50).

Умъ разсматривается авторомъ, какъ высшая „созерцательная" способность духа, порождающая идеи. Онъ признается началомъ, примиряющимъ и согласующимъ всѣ способности духа, внутреннимъ органомъ послѣдняго, или духовнымъ окомъ, посредствомъ котораго человѣкъ видитъ Бога и сверхчувственную природу непосредственно. Будучи органомъ откровенія Бога человѣку, умъ является источникомъ всѣхъ возможныхъ формъ и обнаруженій духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составляетъ внутреннюю сущность духа; духъ же есть образъ Божій на землѣ, а сущность Бога есть любовь; отсюда и внутренняя сущность ума есть любовь. Главными проявленіями ума служатъ идеи истины, блага и красоты, имѣющія своимъ основаніемъ любовь, которая и направляетъ человѣка къ совершенству во всѣхъ сферахъ. Способъ образованія идей—двоякій: умъ можетъ или производить идеи на основаніи впечатлѣній отъ внѣшняго міра, или порождать ихъ безъ всякаго воздѣйствія на него извнѣ. Къ послѣднимъ относятся: идея безсмертія, будущей жизни, абстрактныя идеи и т. п. Идеями умъ постигаетъ много такого, чего наружная и внутренняя сторона духа (смыслъ и разумъ) понять не могутъ: таково сверхчувственное бытіе и въ частности—Высочайшее Существо. Изъ невозможности же научно доказать бытіе Бога и Его свойства возникаетъ вѣра. Далѣе, изъ сущности ума—любви—вытекаетъ и свобода воли. Въ са-

момъ дѣлѣ, любовь неизбѣжно предполагаетъ независимость отъ всего условливающаго, притомъ, по своему существу, она необходимо благая, а потому и свободная благая воля есть необходимая принадлежность, стихія любви, слѣдовательно и ума человѣческаго, а отсюда и его духа. Наоборотъ, зло зависитъ отъ того, что умъ проявляется въ разумѣ и смыслѣ, а духъ — въ организмѣ, противодѣйствующемъ свободѣ. Свойства ума, постигаемыя самимъ умомъ, суть: неизмѣняемость его, неистощимость и вѣчность. Различныя степени совершенства ума и его обнаруженій зависятъ отъ различныхъ степеней высоты прочихъ духовныхъ способностей — смысла и разума, посредствомъ коихъ умъ проявляется. Заключая въ себѣ неистощимую возможность разнообразныхъ формъ духовныхъ явленій, самый умъ не зависитъ ни отъ чего условнаго, а только отъ Предвѣчнаго Источника, изъ Котораго изшелъ; отсюда вытекаетъ и безсмертіе духа. Главными предметами занятій ума служатъ: а) физическая и невещественная природа со стороны внутренней ихъ сущности, равно какъ и вѣчной, безконечной возможности, а не со стороны физическаго ихъ обнаруженія; б) полное познаніе себя самаго и истинное самопознаніе духа; в) познаніе своего безсмертнаго Источника, Творца всяческихъ. Кромѣ трехъ указанныхъ основныхъ формъ обнаруженія духа. въ немъ нѣтъ никакихъ другихъ способностей; все разнообразіе проявленій духа зависитъ отъ разнообразнаго сочетанія этихъ способностей (стр. 51—128).

Второй отдѣлъ разсматриваемаго сочиненія посвященъ разсужденіямъ „о мышленіи, какъ результатѣ дѣйствія духовныхъ способностей“. Мышленіе, признаваемое кореннымъ свойствомъ духа, понимается авторомъ очень широко. Выражая самую жизнь духа, оно представляетъ собою всякое его дѣйствіе, въ чемъ бы оно ни состояло: духъ воспринимаетъ впечатлѣнія, производитъ идеи, наблюдаетъ, сравниваетъ, анализируетъ, припоминаетъ, представляетъ, воображаетъ, рѣшается, желаетъ и т. п.; все это дѣйствія мышленія. Частнѣйшее и болѣе спеціальное проявленіе мышленія есть познаніе. Въ свою очередь, самый механизмъ познанія является частнѣйшимъ обнаруженіемъ въ духѣ всеобщаго закона тожества. Чувственное познаніе, но

воззрѣнію автора, есть динамическій процессъ въ духѣ, посредствуемый гальваническимъ процессомъ организма. „Изъ общей физіологіи, говоритъ авторъ, извѣстно, что всякій животный организмъ, а слѣдовательно и человѣческій, есть своего рода гальваническій процессъ, вполнѣ соотвѣтствующій гальваническому процессу внѣшней природы. Какъ въ гальнической баттареѣ каждая пара, взятая отдѣльно, обнаруживаетъ такое же дѣйствіе, какъ и цѣлая баттарея, такъ и въ животномъ организмѣ каждая часть и каждый органъ представляетъ собою отдѣльную гальваническую баттарею". Всѣ эти отдѣльныя баттареи сосредоточиваютъ свои дѣйствія, точно въ фокусѣ, въ мозгу, какъ въ общемъ животно-гальваническомъ возбудителѣ. Органомъ, чрезъ который частные гальванизмы сообщаются съ общимъ возбудителемъ-мозгомъ и между собою, суть нервы, аналогичные проволокамъ во внѣшней природѣ; чрезъ нихъ мозгъ видитъ, слышитъ, обоняетъ и т. п. При дѣйствіи предмета на чувственный органъ, въ послѣднемъ также возбуждается дѣйствіе, посредствомъ котораго рождается въ органѣ идеально такой же предметъ, какой подѣйствовалъ на органъ; въ то же время и такъ же идеально рождается тотъ же предметъ и въ общемъ органико-гальваническомъ возбудителѣ—въ мозгу. Такимъ образомъ, мы чувствуемъ не самое внѣшнее впечатлѣніе, а то *дѣйствіе*, которое возбуждается впечатлѣніемъ въ органѣ чувства (стр. 153--158). Притомъ, нервная система можетъ дѣйствовать самостоятельно, внутри себя и творить собственный міръ, безъ участія внѣшняго, подобно тому, какъ кошка видитъ свѣтъ въ потьмахъ, или человѣкъ при глазныхъ операціяхъ; этимъ объясняются явленія сомнамбулизма и животнаго магнетизма. Объясняя далѣе изъ воздѣйствія предмета на органъ чувства происхожденіе фигуры его въ самомъ органѣ, авторъ руководится въ своихъ разсужденіяхъ общимъ принципомъ тожества. Животный организмъ, по его взгляду, есть въ возможности то, что цѣлая планета представляетъ въ дѣйствительности. Впечатлѣніе, дѣйствуя на органъ и мозгъ, заставляетъ ихъ, равно какъ и духъ, воспроизводить въ идеальную и духовную дѣйствительность то, что въ нихъ состояло въ идеальной и духовной возможности, т. е., воспроизводитъ явленія,

подобныя внѣшнимъ предметамъ. Внѣшнее вліяніе въ данномъ случаѣ есть только поводъ къ дѣйствію въ организмѣ, хотя послѣднее можетъ произойти и безъ внѣшняго впечатлѣнія (стр. 163—165). Возможность этого явленія удостовѣряется такимъ соображеніемъ: духъ человѣка есть образъ Творца; Богу все возможно во вселенной, а духу—въ его собственной сферѣ.— Внутренній процессъ мышленія является также отраженіемъ закона тожества и долженъ быть изъясняемъ параллельно съ матеріальною сферою человѣческаго организма, такъ какъ мышленіе есть такой же жизненный процессъ въ духовномъ организмѣ, какъ животный въ чувственномъ (стр. 182). Отсюда, условія, необходимыя для мышленія, вполнѣ аналогичны условіямъ питанія, представляя собою слѣдующіе моменты: восpріятіе впечатлѣній, обработку ихъ, усвоеніе и удаленіе ихъ изъ сферы духа посредствомъ рѣчи (стр. 188). Какъ матеріальные органы, системы и части образуютъ животный организмъ, такъ смыслъ, разумъ и умъ образуютъ духовный организмъ и рождаютъ процессъ мышленія. При такомъ взглядѣ на мышленіе автору кажется понятнымъ пристрастіе отдѣльныхъ людей и народовъ къ одной извѣстной сферѣ дѣятельности: органы и способности духа имѣютъ не только въ тѣлѣ, но и во внѣшней природѣ соотвѣтствующія себѣ и одновначащія съ ними явленія и вліянія. Изъ сущности мышленія, какъ жизненнаго процесса въ духѣ, вполнѣ параллельнаго и тожественнаго органическому процессу, притомъ обусловливаемаго послѣднимъ, объясняются авторомъ различныя психическія и психофизическія явленія: память, ассоціаціи идей, сновидѣнія, общность разнообразныхъ проявленій духа у всѣхъ людей, различіе характеровъ, различіе мужчины и женщины по духовнымъ дарованіямъ и тому подобные вопросы, въ рѣшеніи которыхъ авторъ стоитъ на біологико-физіологической точкѣ зрѣнія, опредѣляемой закономъ тожества (стр. 198—219).

Послѣдніе два отдѣла не представляютъ собою связнаго систематическаго изъясненія психическихъ явленій и строго методическаго раскрытія прочихъ сторонъ духовной жизни, а даютъ рядъ отдѣльныхъ трактатовъ по разнымъ вопросамъ. Дѣятельностью мышленія, по взгляду автора, исчерпывается

вся сущность духа, а прочія стороны его жизни представляются лишь видоизмѣненіями мышленія. Въ частности, въ третьемъ отдѣлѣ „о явленіяхъ человѣческаго духа, неправильно почитаемыхъ особенными его способностями“, мы находимъ трактаты о разсудкѣ, чувствѣ, представленіи, сердцѣ и его движеніяхъ, добродѣтели, природномъ расположеніи, темпераментахъ и характерахъ, сомнамбулизмѣ, предвѣдѣніи и духовидѣніи. Такъ, разсудокъ, по автору, есть лишь выраженіе разума и смысла (стр. 289). Чувство есть форма жизнедѣятельности организма и означаетъ лишь собирательное понятіе разныхъ дѣйствій и противодѣйствій органовъ и системъ въ духѣ и тѣлѣ (стр. 255). Нравственное чувство, нѣжность, чувство изящнаго и т. п. суть лишь результаты различныхъ степеней пониманія и познанія, а равно разнообразныхъ сочетаній разума, смысла и ума, и вообще суть видоизмѣненія мышленія (стр. 253—264). Представленіе есть изображеніе въ духѣ какого-либо чувственнаго, или невещественнаго предмета, или его знака и символа; оно есть лишь терминъ, означающій *дѣйствіе* духа, непосредственно воспринимающаго понятіе о предметѣ по поводу впечатлѣнія. Сердце въ психологическомъ смыслѣ означаетъ только извѣстный складъ, извѣстное настроеніе нашего духа, всецѣло зависящее отъ разума и ума; сердечныя склонности суть только слѣдствія оцѣнки, которую усвояетъ нашъ духъ предмету своего расположенія, или нерасположенія. Любовь есть внутренняя сущность ума, а отсюда нравственныя обязанности и добродѣтели, какъ модификаціи любви, вытекаютъ изъ законовъ ума, и обнаруживаются посредствомъ разума и смысла (стр. 270—294). Такимъ образомъ, всѣ исчисленныя явленія вовсе не составляютъ продуктовъ отдѣльныхъ способностей духа.—Далѣе, природное расположеніе, темпераментъ и характеръ зависятъ отъ сочетанія и направленія основныхъ духовныхъ способностей. Предчувствіе и предвѣдѣніе имѣютъ свою причину въ природѣ человѣческаго организма, который состоитъ въ тѣснѣйшемъ соотношеніи съ общею природою и по сочувствію съ нею можетъ предузнавать будущее; это особенно бываетъ въ моменты подавленія духа и подчиненія его душѣ. Возможность духо-

видѣнія является выводомъ изъ того же общаго принципа тожества: душа человѣка стоитъ въ тѣсномъ внутреннемъ соотношеніи съ природою, а безсмертный духъ человѣка состоитъ въ непрерывномъ соотношеніи съ своимъ вѣчнымъ источникомъ—Богомъ и съ духами другихъ людей (стр. 337—376). Въ подтвержденіе своихъ сужденій авторъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ ясновидѣнія и духовидѣнія.

Четвертый отдѣлъ „о дѣйствительности бытія духа человѣческаго и различіи его отъ души" (393—462 стр.) уясняетъ различные метафизическіе вопросы. Подъ духомъ разумѣется мыслящая и сознающая сторона человѣка, а подъ душею—матеріальная сторона его существа, жизнь организма. Авторъ приводитъ длинный рядъ разнообразныхъ основаній въ пользу дѣйствительности бытія духа, какъ самостоятельнаго существа, какъ то: внутреннее раздвоеніе въ человѣкѣ по поводу желаній, борьбу нравственныхъ стремленій съ чувственностью, явленія самопознанія, голосъ религіи и т. п. При этомъ авторъ частью повторяетъ прежнія, частью высказываетъ новыя воззрѣнія, образовавшіяся подъ вліяніемъ основныхъ принциповъ Шеллинговой философіи. Такъ, по его взгляду, душа человѣка есть отпрыскъ общей жизни природы, представляющей собою одинъ безпредѣльный организмъ, а духъ—особое начало, происходящее отъ Бога. Онъ обнаруживается въ жизни при участіи матеріи—головнаго мозга—и господствуетъ надъ душею. Главнымъ же образомъ духъ различествуетъ отъ души проявленіями, или способностями, формами своего обнаруженія и цѣлями дѣятельности. Такимъ образомъ, авторъ, начавшій свое изслѣдованіе метафизическимъ монизмомъ, приходитъ въ заключеніи къ антропологическому дуализму, признающему въ человѣкѣ бытіе двухъ природъ—вещественной и духовной, на которомъ утверждаются всѣ высшія истины: безсмертіе души, бытіе Божіе, будущая жизнь и свобода воли.

Не трудно видѣть, что изложенная нами система Экеблада представляетъ собою образецъ умозрительнаго построенія психологіи. Признавая человѣка средоточіемъ природы, вѣнцомъ и послѣднею цѣлію творенія, авторъ въ своемъ истолкованіи явленій душевной жизни руководится общими метафизическими воззрѣніями на сущее и природу, усвояя имъ особенно важное

значеніе. Этимъ въ значительной степени объясняется своеобразная научная оргументація автора: большую часть своихъ положеній онъ высказываетъ догматически, какъ очевидныя и безспорныя истины, не требующія доказательствъ. Самый принципъ тожества, положенный авторомъ въ основаніе системы съ цѣлью устраненія дуализма духа и матеріи, какъ и у Шеллинга, является чистымъ предположеніемъ, вовсе не оправдываемымъ самымъ существомъ двухъ порядковъ явленій, жизненныхъ процессовъ организма и отправленій духа, а тѣмъ болѣе—противоположныхъ явленій міра духовнаго и вещественнаго. Притомъ, самый принципъ не доказывается авторомъ, а просто признается, какъ объектъ непосредственнаго умственнаго созерцанія. Не мало допускается авторомъ и другихъ, частныхъ положеній, вовсе не подлежащихъ доказыванію съ опытной точки зрѣнія, но по его мнѣнію „незамѣнимыхъ въ объясненіи различныхъ явленій духа“, въ чемъ единственно и заключается ихъ право на всеобщее признаніе. Не показалъ также авторъ, въ чемъ заключается тожество законовъ и формъ, свойственныхъ физическому міру, съ законами и формами нашей внутренней психической дѣятельности; не уяснилъ, почему они представляются различными нашему внутреннему сознанію, и не представилъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы заключать о необходимости совмѣщенія ихъ въ одномъ высшемъ началѣ. Взамѣнъ этого, мы находимъ въ системѣ Экеблада необычайно смѣлыя, но въ то же время поверхностныя и произвольныя аналогіи, частью заимствованныя у Шеллинга и Окена, частію изобрѣтенныя самимъ авторомъ. Страсть къ аналогіямъ, широта обобщеній и гипотетичность доводовъ, господствующія въ разсматриваемой системѣ, прямо пропорціональны неясности и спутанности высказываемыхъ авторомъ соображеній. Методъ, усвоенный имъ, можетъ быть названъ *аналогическимъ*: положивши въ основу системы идею тожества, авторъ старается найти между явленіями физическаго и нравственнаго міра родство и соотвѣтствіе. Въ виду этого, онъ не столько занимается анализомъ явленій, сколько концепціей единства двухъ противоположныхъ міровъ. Неприложимость къ психической жизни избраннаго авторомъ метода довольно замѣтно сказалось въ его

системѣ невыдержанностью основнаго принципа. Въ то время какъ въ общей природѣ на ряду съ динамическимъ процессомъ замѣчается и механическій порядокъ, авторъ нашелъ возможнымъ примѣнить къ сферѣ душевной жизни только первый, а чтобы оправдать принципъ тожества, старается истолковать механическій порядокъ, какъ скрытый динамическій процессъ. Такъ, свѣтъ и камень, явленія различныхъ порядковъ, признаются у автора однородными явленіями, причемъ оказывается, что въ первомъ случаѣ дѣйствіе перевѣшиваетъ бытіе, а во второмъ—наоборотъ, хотя и камень, по мнѣнію автора, обнаруживаетъ дѣйствіе, напримѣръ, силою сцѣпленія, электрическою искрою и т. п. Но и при такихъ искусственныхъ соображеніяхъ идея тожества, даже по сознанію самого автора, далеко не всегда могла быть примѣнена къ объясненію психическихъ явленій, въ виду чего авторъ вынужденъ былъ часто прибѣгать къ простымъ параллелямъ и отдаленнымъ аналогіямъ между процессами общей природы и формами обнаруженія духа, допуская по временамъ довольно забавныя сопоставленія. Такъ, по допускаемому авторомъ параллелизму, *солнце* и *умъ* различаются лишь по формамъ обнаруженія, а не по существу, причемъ мысль подобна искрѣ (стр. 99); нервы и проволоки различаются лишь какъ живое и мертвое; слова суть духовныя дѣти ума и аналогичны органическимъ выдѣленіямъ. Подобнаго же характера и многія частныя сужденія автора: такъ, по его мнѣнію, головной мозгъ, помѣщенный вверху организма, тѣмъ самымъ указываетъ на высшее назначеніе человѣка и направляетъ его къ небу, а родотворные органы, помѣщенные внизу притягиваютъ его къ землѣ и такимъ образомъ уравновѣшиваютъ его стремленія. Безспорно также, что и динамическіе процессы обѣихъ сторонъ жизни—физической и психической—далеко не сродны; напримѣръ, разнообразныя дѣйствія духа и проявленія силы тяготѣнія въ природѣ, или разные виды движенія, тожественные, по мнѣнію автора, по существу своему вовсе несоизмѣримы. Невыдержанность основнаго принципа сказалась и въ результатахъ всего изслѣдованія: какъ извѣстно, авторъ въ заключеніи пришелъ къ антропологическому дуализму, утверждающему различіе души и тѣла. Наконецъ, во всемъ трудѣ

слишкомъ замѣтно сказалось мистическое направленіе автора: онъ придаетъ объективное значеніе явленіямъ месмеризма, гипнотизма, сомнамбулизма, духовидѣнія, и обосновываетъ возможность предчувствія и предвѣдѣнія на реальныхъ законахъ природы.

Переходя къ частнымъ воззрѣніямъ автора, мы находимъ въ нихъ ту же неопредѣленность. Такъ, изложенное въ системѣ ученіе о способностяхъ духа вовсе не даетъ намъ яснаго, раздѣльнаго и отчетливаго представленія о нихъ, оправдываемаго эмпирической природою души. Указанныя авторомъ три различныя формы обнаруженія духа: смыслъ, разумъ и умъ, въ существѣ дѣла суть различныя проявленія одной и той же интеллектуальной способности, выражающейся въ чувственномъ познаніи, разсудочной дѣятельности и образованіи идей. Самостоятельность прочихъ способностей духа отвергнута авторомъ, причемъ воля отнесена имъ къ „внутренней“ сторонѣ разума, а свобода воли къ уму; разнообразныя же состоянія сердца поставлены имъ въ зависимость отъ мышленія и, по его взгляду, являются въ результатѣ дѣятельности всѣхъ трехъ формъ обнаруженія духа и главнымъ образомъ разума, какъ способности, оцѣнивающей значеніе предметовъ. Кромѣ того, умъ, самъ по себѣ совершенный, способный возвышаться до познанія сверхчувственнаго міра и Творца всяческихъ, въ своихъ проявленіяхъ становится въ зависимость отъ несовершенныхъ формъ разума и смысла и вслѣдствіе этого можетъ давать очень несовершенныя и неточныя познанія. Сообразно съ этимъ, довольно спутаннымъ, ученіемъ о способностяхъ, вовсе не соотвѣтствующимъ нашему внутреннему опыту, развивается авторомъ ученіе о мышленіи, какъ результатѣ дѣйствія всѣхъ духовныхъ способностей. Въ ученіи о немъ смѣшиваются и обезразличиваются явленія самыхъ различныхъ порядковъ: къ дѣятельности мышленія, какъ извѣстно, относятся авторомъ рѣшительно всѣ проявленія духа: ассоціаціи идей, понятія, грезы фантазіи, желанія, склонности, страхъ и разнообразныя чувствованія, даже сонъ, все это формы мышленія, но какая роль принадлежитъ въ этихъ проявленіяхъ мышленію и чѣмъ вызывается разнообразіе его продуктовъ, а равно въ какихъ отношеніяхъ стоятъ они къ неизмѣннымъ по существу гальваническимъ процес-

самъ въ мозгу, это вовсе не уясняется авторомъ. Не будучи въ состояніи фактически оправдать своего ученія о духовныхъ способностяхъ и мышленіи, а равно свести къ послѣднему очень многія явленія, авторъ вынужденъ былъ въ послѣднихъ двухъ отдѣлахъ своего труда представить цѣлый рядъ отдѣльныхъ, не связанныхъ взаимно трактатовъ для объясненія многихъ психическихъ явленій не введенныхъ имъ первоначально въ сферу мышленія.—Въ ученіи о чувственномъ познаніи, вмѣсто уясненія общихъ условій его, авторъ подробно говоритъ о соотвѣтствіи „наружныхъ и внутреннихъ чувствъ" главнымъ явленіямъ общей природы, а говоря о степеняхъ чувственнаго познанія, смѣшиваетъ совершенно разнородныя понятія и явленія, объединяя въ одну группу ощущенія, обоняніе и вниманіе,—осязаніе, вкусъ и память и т. п. Самыя доказательства въ пользу идеально-духовной стороны внѣшнихъ органовъ чувствъ слишкомъ искусственны и натянуты. Въ ученіи о разсудочномъ познаніи авторъ страннымъ образомъ смѣшиваетъ предварительныя условія познанія съ основными процессами разсудка, отожествляя впечатлѣнія, представленія и понятія, признаваемыя имъ выраженіемъ различныхъ сторонъ предмета. Притомъ, являясь сторонникомъ интуитивнаго познанія и усвояя разуму способность непосредственнаго вѣдѣнія, авторъ вовсе не занимается уясненіемъ общаго механизма познанія и связанныхъ съ нимъ вопросовъ о памяти, ассоціаціи идей и т. п. Трактатъ объ умѣ отличается крайнимъ мистическимъ направленіемъ, причемъ отношеніе его къ прочимъ способностямъ представлено крайне спутанно и неопредѣленно. Взглядъ автора на чувствованія и явленія воли, какъ на формы мышленія, недостаточно обоснованъ, причемъ о самыхъ явленіяхъ трактуется въ различныхъ мѣстахъ. Вовсе не имѣютъ научнаго значенія и подробныя соображенія автора о духовидѣніи, предчувствіяхъ, предвѣдѣніи и т. п. На основаніи сказаннаго очевидно, что разсматриваемая система не можетъ имѣть серіознаго научнаго значенія, особенно если принять во вниманіе дѣйствительные успѣхи въ научной разработкѣ психологіи того времени, когда она появилась въ свѣтъ. Во всякомъ случаѣ она не удовлетворяетъ нашимъ умственнымъ запросамъ и потребностямъ. Эмпирическая природа

души, непосредственно наблюдаемая каждымъ и доступная нашему внутреннему опыту, не выяснена и не раскрыта авторомъ, а взамѣнъ этого мы находимъ у него чисто субъективныя, фантастическія построенія, не имѣющія никакого отношенія къ опыту. Идея единства жизни, съ точки зрѣнія которой сглажены и нивеллированы всѣ различія между разнородными явленіями душевной жизни, сообщила и самой системѣ крайне односторонній характеръ. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ указаныхъ недостатковъ, глубоко симпатичнымъ представляется взглядъ автора на самодѣятельность духа и его относительную независимость отъ внѣшнихъ, матеріальныхъ условій его развитія, а равно послѣдовательно проведенная въ системѣ мысль о высшемъ, неземномъ назначеніи человѣка и его сверхъчувственной природѣ, отражающей на себѣ образъ Божій. Вообще, эта система является наиболѣе полнымъ выраженіемъ какъ теософическихъ понятій самого автора, такъ и психологическихъ воззрѣній русскаго общества, развившихся подъ вліяніемъ мистической философіи Шеллинга.

„Картина человѣка" Галича (1834 г.), имѣющая своею задачею всестороннее изученіе человѣка какъ съ біологической и физіологической, такъ и съ психологической точки зрѣнія, представляетъ собою образецъ антропологіи, возникшей на почвѣ философіи Шеллинга. Авторомъ ея всецѣло усвоенъ принципъ единства жизни, рельефно отразившійся на его психологическихъ воззрѣніяхъ. Человѣческая жизнь, по мнѣнію Галича, не можетъ считаться чѣмъ-то совершенно особеннымъ отъ общей жизни природы. Она есть та самая, которая и возбуждаетъ эѳиръ, и движетъ оный, которая кипитъ на днѣ океана и порхаетъ въ свободныхъ пространствахъ воздуха. Силы и стихіи природы, по его мнѣнію, слились въ человѣкѣ, и всѣ радіусы мірозданія находятъ въ его природѣ сборное мѣсто. На основаніи этихъ воззрѣній нельзя не признать въ Галичѣ шеллингіанца. Тѣмъ не менѣе, онъ не можетъ быть названъ безусловнымъ послѣдователемъ Шеллинга. Въ его біологическо-психологическомъ трудѣ слишкомъ замѣтно реалистическое стремленіе подробно изучить

условія душевной дѣятельности и поставить ее въ зависимость отъ тѣлесныхъ отправленій. Притомъ, антропоцентризмъ, проводимый Галичемъ въ своей системѣ, можетъ быть названъ спеціально психологическимъ, въ отличіе отъ космическаго, усвоеннаго Экебладомъ. Такъ, первоначальное единство жизни, въ примѣненіи къ человѣку, истолковывается Галичемъ въ смыслѣ „дружной взаимности всѣхъ отправленій организма", являющейся условіемъ нормальнаго его состоянія: Свойственные общей жизни природы механическіе и химическіе процессы, по его мнѣнію испытываютъ, въ нервной дѣятельности человѣка разнообразныя измѣненія и превращенія, и являющаяся въ результатѣ мозговаго и нервнаго движенія психическая дѣятельность отнюдь не исчерпывается механическими и химическими процессами, хотя наружу они и могутъ сказываться въ химическихъ дѣйствіяхъ и представляться какъ бы слѣдствіемъ законовъ механическихъ. Словомъ, общія натурфилософскія воззрѣнія видоизмѣнены Галичемъ въ спеціально психологическія. Въ виду этого и трудъ его, какъ представляющій собою вполнѣ оригинальную переработку заимствованныхъ у натурфилософовъ мнѣній, при томъ соединенную съ строго критическимъ отношеніемъ къ нимъ, можетъ быть названъ относительно самостоятельнымъ.

Въ частности, ученіе о духѣ раздѣляется у Галича на три отдѣла, совершенно параллельные отдѣламъ ученія о тѣлѣ. Въ обоихъ случаяхъ мы находимъ—дидактику, феноменологію и семіотику. Какъ дидактика тѣла изучаетъ его строеніе и отправленія, такъ дидактика духа изучаетъ его составъ, и функціи. Въ составѣ духа различаются четыре стороны: теоретическая, практическая, сердечная и творческая. Теоретическая, или познавательная сторона духа имѣетъ различныя степени — отъ чувственной дѣятельности до логическаго мышленія и самосознанія. Степенями практической стороны духа признаются: сначала общій неразвитый составъ силъ, движущихъ извнутри наружу, затѣмъ особое направленіе и развитіе этихъ силъ въ смыслѣ привычекъ и страстей, наконецъ нравственныя побужденія и совѣсть. Сердечная сторона жизни первоначально выражается въ смутномъ ощущеніи, постепенно развивающемся

въ симпатіи къ людямъ и въ ощущенія идеальнаго порядка. Свободное творчество, первоначально связанное съ потребностями чувства, затѣмъ осмысливается и, наконецъ, пріобрѣтаетъ идеальный характеръ.—Феноменологія духа есть ученіе о соотношеніи между тѣлесною и духовною сторонами жизни, въ которомъ разсматривается связь душевныхъ недостатковъ и совершенствъ съ соотвѣтственными особенностями тѣла; здѣсь между прочимъ анализируются вопросы о кретинизмѣ, геніальности, снѣ и душевныхъ болѣзняхъ. Подобнымъ образомъ, подъ феноменологіей разумѣется ученіе о нормальныхъ и уродливыхъ проявленіяхъ тѣлесной жизни. Наконецъ, въ составъ духовной семіотики входятъ физіономика, мимика и ученіе о языкѣ, или ученіе о выраженіи ощущеній и мыслей, въ то время какъ тѣлесная семіотика есть ученіе о темпераментахъ. Отсюда можно видѣть, какъ именно понимаются Галичемъ задачи антропологіи, поставившей себѣ цѣлью опредѣлить положеніе человѣка и всего человѣчества въ общемъ ходѣ міроздания.

Въ частнѣйшемъ рѣшеніи психологическихъ вопросовъ Галичъ нѣсколько отступаетъ отъ общепринятыхъ въ натурфилософской школѣ воззрѣній, замѣняя ихъ собственными въ духѣ школы. Такъ, напримѣръ, говоря о генезисѣ внѣшнихъ чувствъ, онъ не просто утверждаетъ соотвѣтствіе различныхъ частей организма составнымъ частямъ земнаго шара, а устанавливаетъ связь и взаимодѣйствіе между ними. Изучая представленія, возникающія отъ взаимодѣйствія нашего со средою, онъ прежде всего пытается выяснить генезисъ представленій о пространствѣ и времени изъ первичныхъ ощущеній и чувствъ и съ этою цѣлью сравниваетъ качественныя особенности разныхъ внѣшнихъ чувствъ, надѣясь найти въ нихъ элементы пространства и времени. Такъ, онъ сравниваетъ быстроту чувства зрѣнія съ медленнымъ дѣйствіемъ конечностей и широту осязательнаго чувства съ узкою площадью органовъ вкуса, обонянія, зрѣнія и слуха и отсюда выводитъ обратную пропорціональность между временемъ и пространствомъ. Излагая затѣмъ ученіе о познаніи вообще, онъ старается выяснить отношеніе между умомъ и другими сторонами душевной жизни, особенно чувствомъ. Значеніе чувствъ для познанія, по взгляду автора, очень ве-

лико: ими мы объемлемъ міръ со всѣхъ сторонъ и ими получаемъ побужденіе къ высшей дѣятельности. Чѣмъ болѣе у человѣка здоровыхъ чувствъ, тѣмъ обширнѣе его умъ, тѣмъ свѣтлѣе и сознаніе. Утрата одного, или многихъ чувствъ оставляетъ значительную пустоту въ области душевной жизни. Чувственныя созерцанія отличаются непосредственностью и необходимостью. Мы не способны познавать вещи иначе, чѣмъ какъ видимъ ихъ дѣйствительно. Но если чувства вѣрно передаютъ намъ временныя явленія, то въ свою очередь и разумъ есть не менѣе надежный руководитель въ отысканіи „сущности вещей". Чувство и разумъ одинаково необходимы для познанія, и ихъ дѣйствія такъ же мало противорѣчатъ между собою, сколь мало отдѣльное явленіе противорѣчитъ цѣлой системѣ, или сущности вещей: оба познанія взаимно себя дополняютъ и одно безъ другаго не могутъ быть точными.—Реалистическій характеръ этихъ сужденій напоминаетъ сходныя разсужденія Канта и сближаетъ Галича съ Локкомъ. Но вслѣдъ за этимъ въ ученіи о высшемъ познаніи (вѣдѣніи) Галичъ становится на почву философіи Шеллинга. Интуитивный, непосредственный умъ, по образу своего дѣйствія близкій къ чувственному созерцанію, по его мнѣнію, является типомъ высшаго ума. Высшее вѣдѣніе не пользуется общими понятіями, а познаетъ непосредственно и необходимымъ образомъ, исключая всякій произволъ мысли. Въ отличіе отъ иллюзій и обмановъ чувствъ, умственныя созерцанія должны быть опредѣлительны и ясны, притомъ должны простираться не только на отдѣльныя явленія, но и на взаимную *связь* предметовъ и явленій.

По вопросу о происхожденіи *представленій* Галичъ восполняетъ идеалистическое воззрѣніе реалистическимъ. Чувственныя впечатлѣнія, по его взгляду, не теряются окончательно, но оставляютъ по себѣ извѣстные слѣды, изъ которыхъ наша построительная способность, или чувственное воображеніе, создаетъ образы, усвояя имъ значеніе внутреннихъ предметовъ. Хотя самая способность строить представленія зависитъ отъ нашей внутренней организаціи, матеріалы для образовъ не могутъ быть созданы изъ ничего, а заимствуются отвнѣ. Далѣе, чувственные образы, въ виду однороднаго съ физиче-

скими предметами впечатлѣнія ихъ на насъ, разсматриваются Галичемъ, какъ съ духовной, такъ и съ тѣлесной стороны. Съ первой точки зрѣнія—это внутреннія созерцанія предмета, со второй—они не болѣе, какъ перемѣны въ жизни мозга, „слѣды впечатлѣнія въ напряженномъ и сотрясаемомъ эѳирѣ нервовъ". По этой причинѣ чувственные образы должны имѣть и соотвѣтственные внутренніе органы, именно тѣ части мозга, изъ которыхъ непосредственно выходятъ нервы внѣшнихъ чувствъ. Здѣсь уже замѣтно отразился параллелизмъ, свойственный натурфилософской школѣ. *Характеръ* представленій обусловливается, по взгляду автора, многими сложными мотивами, какъ то: здоровымъ состояніемъ и упражненіями органовъ, извѣстною мѣрою самодѣятельности духа и вниманія, темпераментомъ и интересомъ, соединяемымъ съ предметами. Совершенство представленій измѣряется ихъ внутреннею ясностью, соотвѣтствіемъ своимъ предметамъ и малою общностью. Къ созданіямъ *воображенія* авторъ относитъ и общіе образы, которые суть не болѣе, какъ родовыя чувственныя представленія. Первоначально они опредѣляются въ главномъ очертаніи, или составляются во внутреннемъ созерцаніи изъ сопоставленія частныхъ чувственныхъ признаковъ, а затѣмъ прилагаются къ каждому сходному внѣшнему предмету, или явленію. Всѣ эти образы „движутся во внутреннемъ пространствѣ". Внутреннее пространство, или апріорную форму созерцанія, должно отличать, по Галичу, отъ внѣшняго пространства. Послѣднее образуется въ природѣ изъ сосуществованія вещей, выражая общую его форму; внутреннее же пространство въ актѣ представленія возникаетъ тамъ, гдѣ идеальные образы вступаютъ между собою въ отношеніе сосуществованія. Въ этомъ ученіи, какъ видно изъ сказаннаго, примиряется апріоризмъ съ реализмомъ. Въ ученіи *о времени* Галичъ склоняется къ формальной гипотезѣ. Общая форма всякаго происхожденія есть время и она господствуетъ рѣшительнѣе въ мірѣ чувственныхъ представленій, чѣмъ въ мірѣ внѣшнихъ вещей, потому что неутомимая дѣятельность жизни противорѣчитъ всякому застывшему бытію. Представленіе времени есть общее представленіе неудержимаго теченія впередъ. По вопросу объ ассоціаціи, или *чувственной связи* представленій,

Галичъ усвояетъ себѣ ученіе англійской психологіи и даетъ вполнѣ удовлетворительную теорію сочетанія представленій по смежности, сходству, контрасту и по нераздѣльной группировкѣ въ самомъ актѣ познаванія вещей. Въ ученіи о памяти уясняется вредное вліяніе ея преобладанія на развитіе прочихъ сторонъ и направленій духовной жизни. Въ ученіи о развитіи *воли*, или „практическихъ силъ духа", авторъ уясняетъ зависимость привычекъ, обычаевъ и внѣшнихъ формъ общежитія отъ воспитанія и говоритъ о вредномъ вліяніи ихъ на слабыя и зависимыя души. Наиболѣе интереснымъ отдѣломъ психологической теоріи Галича является его разсужденіе *о страстяхъ*, въ которомъ авторъ даетъ весьма подробный анализъ, разныхъ видовъ страстей, какъ чувственныхъ, такъ и духовныхъ. Самая форма изложенія у него въ этомъ отдѣлѣ чисто юмористическая. Причинами происхожденія различныхъ страстей авторъ признаетъ разнообразныя внѣшнія вліянія, какъ то: родину и климатъ, національность, государственную жизнь и др., вліяющія на развитіе практическихъ силъ человѣка. Не ограничиваясь изложенными спеціально психологическими матеріями, Галичъ заплатилъ дань своему времени ученіемъ о магнетизмѣ, излагая которое, онъ стоитъ на болѣе твердыхъ основаніяхъ, чѣмъ его современникъ Велланскій. Говоря о различіи между магнетическимъ сномъ и обыкновеннымъ, онъ приходитъ къ выводу, что душа, подъ вліяніемъ магнетизма, иногда даетъ непосредственно знать о томъ, что въ ней происходитъ, но что вообще въ данномъ случаѣ требуется осмотрительность въ выводахъ въ виду возможной ложности показаній магнетизированныхъ [1]).

На основаніи изложеннаго можно составить себѣ приблизительное понятіе о характерѣ и направленіи труда Галича, являющагося первымъ опытомъ въ развитіи самостоятельной русской психологической науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и лучшимъ выраженіемъ умственнаго склада и міросозерцанія русскихъ людей, находившихся подъ вліяніемъ натурфилософской школы. Не трудно видѣть, что воззрѣнія послѣдней не

[1]) См. Русск. Бог. за 1894 г., кн. 4 ст. „Судьбы русской философіи".

пассивно лишь воспринимались русскими людьми, а подвергались сознательной оригинальной обработкѣ. Было бы, конечно, преувеличеніемъ назвать трудъ Галича вполнѣ самостоятельною системою психологіи. Въ общихъ сужденіяхъ его еще слишкомъ замѣтны метафизическія основы, а въ изложеніи по мѣстамъ замѣчается догматизмъ, не подкрѣпленный точнымъ анализомъ явленій. Тѣмъ не менѣе, благодаря своему сильному критическому уму и разносторонности его, Галичъ очень часто обнаруживаетъ свою независимость отъ воззрѣній школы и вноситъ здоровую реалистическую струю въ область своего изслѣдованія. Какъ спеціально психологическій трудъ, притомъ первый по времени своего появленія, онъ заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Въ немъ дѣйствительно представлена полная „картина" внутренней жизни человѣка, за немногими исключеніями довольно близкая къ дѣйствительности. Правда, далеко не всегда вѣрны въ ней объясненія психическихъ явленій, а по мѣстамъ они могутъ быть названы прямо фантастическими. Но не нужно забывать, что этотъ трудъ явился въ то время, когда вся русская психологическая литература исчерпывалась двумя-тремя переводными сочиненіями сомнительнаго научнаго достоинства. Взявшись за неизвѣданную дотолѣ область изслѣдованія человѣческаго духа, Галичъ долженъ былъ вырабатывать не только понятія, но и создавать термины для выраженія ихъ. Условіями того времени объясняются и самые недостатки его системы, не столько опредѣляемые зависимостью автора отъ общихъ метафизическихъ воззрѣній школы, сколько отсутствіемъ того богатства экспериментальныхъ данныхъ и эмпирическихъ наблюденій, которое лишь въ новѣйшее время дало сильный толчокъ развитію психологической науки. Въ заслугу автору можетъ быть поставлено уже то, что онъ большею частію чуждается искусственныхъ и произвольныхъ аналогій натурфилософской школы и стоитъ на почвѣ болѣе осторожныхъ гипотезъ, чѣмъ его современникъ Велланскій. Притомъ, замѣтно обнаруживая способность къ анализу, онъ развиваетъ по многимъ вопросамъ очень здравыя понятія, не потерявшія своего значенія и въ наши дни. Прежде всего авторъ обнаруживаетъ глубоко вѣрный взглядъ

на самый характеръ душевной жизни. Признавая душу неразложимымъ, единымъ и безусловнымъ принципомъ, онъ находитъ нужнымъ подробно изучать *условія* душевной дѣятельности и даже ставить ее въ зависимость отъ тѣлесныхъ отправленій.

Видя въ душѣ „абсолютную сущность", онъ въ то же время *органомъ* ея считаетъ все тѣло, чрезъ которое она и внемлетъ и чувствуетъ и дѣйствуетъ. Далѣе, признавая въ духѣ существо, дѣятельно проявляющее свою жизнь для себя и другихъ, онъ не ограничивается обычнымъ у натурфилософовъ усвоеніемъ ему всемогущества, но допускаетъ и подчиненіе духа чуждымъ вліяніямъ и разнымъ ограничительнымъ условіямъ, вызывающимъ съ его стороны противодѣйствіе. Словомъ, допуская въ человѣкѣ свободу, онъ ставитъ ее въ нѣкоторую зависимость отъ внѣшняго бытія. Вѣрно также подмѣчена авторомъ связь раскрытія сознанія съ развитіемъ симпатическихъ чувствованій въ человѣкѣ къ другимъ людямъ. Въ частности, лучшими отдѣлами въ разсмотрѣнной психологической системѣ по основательности, глубинѣ и вѣрности выводовъ, а равно по согласію ихъ съ данными современной намъ науки, могутъ быть признаны: ученіе о чувственномъ познаніи, о происхожденіи представленій, трактатъ объ ассоціаціи идей, разсужденія о памяти и наконецъ подробный анализъ страстей. Болѣе слабыми отдѣлами являются: всѣ вообще разсужденія о пространствѣ и времени, о воображеніи и особенно трактатъ о непосредственномъ, интуитивномъ познаніи и объ умѣ. Не смотря на сильно выраженный въ системѣ, реалистическій элементъ, она должна быть отнесена къ типу метафизически-идеалистической психологіи, какъ основанная на метафизическихъ принципахъ Шеллинговой философіи и какъ имѣющая своимъ источникомъ апріорныя воззрѣнія на жизнь и природу духа.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

О ФОРМАХЪ И ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ.

(Продолженіе *).

VI.

Ни *доказательство*, ни *индукція* или *обобщеніе* не есть всеобщее орудіе или методъ научнаго познанія и изслѣдованія. Дедукція и индукція—особыя формы познавательной дѣятельности мышленія, соотвѣтствующія двумъ родамъ познанія и изслѣдованія—*математическаго и опытнаго;* сущность же мышленія заключается въ *анализѣ и синтезѣ*. Господство въ наше время опытнаго метода изслѣдованія. Недостаточность этого метода для установленія единства въ міросозерцаніи.

Сдѣлалось теперь уже общепринятымъ то часто повторяемое мнѣніе, что идеалистическая философія, бывшая въ Германіи послѣ Канта, неумѣренною и совершенно неосновательною притязательностію своего діалектическаго метода—лишь уронило свое достоинство и надолго повредило дѣлу философіи, которое будто бы только теперь начинаетъ освобождаться отъ всеобщаго къ нему пренебреженія. На самомъ дѣлѣ ничего чрезвычайнаго и исключительнаго въ этомъ случаѣ не произошло. Подобнаго рода притязательность, если можно такъ назвать свойственное философіи стремленіе къ универсальному значенію вырабатываемыхъ ею теорій и методовъ,—составляетъ обычное явленіе въ области философіи. Не легко разграничить общее отъ частнаго; такое разграниченіе достигается постепенно и медленно. Такъ Аристотель усвоялъ формѣ силлогистическаго вывода (частнаго изъ общаго) общенаучное значеніе, какого на самомъ дѣлѣ эта форма не имѣетъ. Аристотель различаетъ знаніе эмпи-

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г., № 4

рическое отъ знанія аподиктическаго. Только послѣднее знаніе, по Аристотелю, есть знаніе въ собственномъ смыслѣ; напротивъ эмпирическое знаніе имѣетъ значеніе лишь матеріала, необходимаго для выработки истиннаго знанія. Такое истинное знаніе состоитъ въ положеніяхъ, обоснованныхъ извѣстнымъ образомъ, выведенныхъ силлогистически. Слѣдуя Аристотелю, доказательство, построяемое обыкновенно въ силлогистической формѣ, въ средневѣковый періодъ науки признавали всеобщимъ и необходимымъ методомъ научнаго знанія. Вотъ почему такъ заботились объ изобрѣтеніи напр. доказательствъ бытія Божія, безсмертія души, свободы воли и другихъ тезисовъ богословскихъ и философскихъ. Послѣ Канта сдѣлалось общепринятымъ то мнѣніе, что нельзя въ собственномъ смыслѣ доказать ни истины бытія Божія, ни истины безсмертія души,—а однако необходимое значеніе таковыхъ истинъ чрезъ то не только не отрицается, но вовсе не умаляется и вообще не терпитъ ущерба. Правда, можно сказать, что само по себѣ признаніе недоказуемости означенныхъ истинъ имѣетъ смыслъ исключенія ихъ изъ числа положеній научныхъ. Это было бы такъ, если бы доказательство было единственно возможною формою научнаго познанія. Но доказательство имѣетъ мѣсто собственно въ математикѣ, и потому оно должно быть признано формою математическаго знанія. Только математическія аксіомы суть такія положенія, которыя могутъ служить принципами доказательства въ строгомъ смыслѣ, и только математическія истины таковы, что мы можемъ убѣждаться въ нихъ посредствомъ доказательства, ибо истины этого рода отмѣчаются тѣмъ, что, посредствомъ анализа, т. е., чрезъ мыслящее разсматриваніе ихъ, могутъ быть доведены до высшей степени очевидности и ясности, исключающей всякое сомнѣніе. Напротивъ истины фактическія, выражающія дѣйствительность, въ особенности внѣшнюю, не таковы, но отличаются свойствомъ противоположнымъ. Разбирая свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ, служащія главнымъ основаніемъ достовѣрности нашихъ представленій о внѣшнемъ мірѣ, мы можемъ безъ труда (какъ это въ древности показали скептики, а въ новое время Декартъ, Локкъ, въ особенности Берклей и Юмъ) подвер-

гнуть сомнѣнію эти представленія, а потому очевидно и никакое положеніе, выражающее какую-либо часть дѣйствительности, не можетъ быть доказано. Не только *бытіе* Бога, *бытіе* души, бытіе вѣчной блаженной жизни нельзя доказать, но и бытіе какой бы то ни было вещи не доказуемо. По Декарту, мы можемъ усумниться не только въ бытіи внѣшняго міра, но и въ томъ, что мы сами существуемъ, какъ часть этого міра.

Какъ Аристотель признавалъ выводъ въ силлогистической формѣ, или иначе, *доказательство* необходимымъ и всеобщимъ орудіемъ строгаго, т. е. научнаго знанія, такъ Бэконъ Веруламскій такимъ же всеобщимъ и необходимымъ орудіемъ истиннаго знанія признавалъ *индукцію*. Сущность доказательства состоитъ въ томъ, что истинность одного положенія становится очевидною посредствомъ вывода его изъ другаго такого положенія, которое принимается безъ доказательства, какъ уже доказанное, или какъ не требующее доказательства по своей непосредственной очевидности (аксіома); иначе еще можно опредѣлить доказательство — какъ установленіе необходимой связи между одною истиною и другою,—болѣе очевидною и ясною. Доказываніе слѣд. есть такой процессъ изслѣдованія, цѣлью котораго служитъ раскрытіе необходимой связи между различными положеніями; очевидно, что изслѣдованіе этого рода идетъ въ глубь. Напротивъ сущность индукціи состоитъ въ *процессѣ обобщенія*, т. е., въ такого рода изслѣдованіи, которое идетъ въ ширь; оно не углубляетъ наше пониманіе, а расширяетъ предѣлы нашихъ знаній, къ однимъ знаніямъ присоединяетъ другія. При такомъ различіи, зависимомъ отъ свойствъ самихъ предметовъ изслѣдованія, и доказательство, и индукція представляются вмѣстѣ съ тѣмъ сходными по движенію мышленія, составляющаго сущность этихъ процессовъ изслѣдованія. Процессъ индукціи состоитъ въ томъ, что путемъ обобщенія фактовъ мы приходимъ къ опредѣленію общаго закона, т. е., къ положенію, выражающему постоянство ихъ взаимнаго отношенія, либо образа происхожденія; и наоборотъ, отъ даннаго закона, чрезъ примѣненіе его къ частному факту, переходимъ къ *изъясненію* этого факта. Подобно этому, и при доказываніи мы не только выводимъ доказываемое положеніе

изъ извѣстнаго основанія, но и наоборотъ—отъ даннаго положенія восходимъ къ его основанію (дедукція и редукція). Такимъ образомъ оказывается, что и переходъ отъ общаго къ частному, и обратный переходъ отъ частнаго къ общему имѣетъ мѣсто одинаково, какъ въ области метода дедуктивнаго, состоящаго въ доказываніи, такъ и въ области изслѣдованія индуктивнаго, состоящаго главнымъ образомъ въ процессѣ обобщенія. Изъясняется это тѣмъ, что и въ той и въ другой области изслѣдованія одинаково участвуютъ тѣ же дѣйствія мышленія—*анализъ* и *синтезъ*, различеніе и сочетаніе, а потому означенныя области изслѣдованія различаются между собою не дѣйствіями мышленія, которыя въ нихъ участвуютъ и даже не по формѣ выраженія таковыхъ дѣйствій (индукція также можетъ быть представлена въ видѣ силлогизма), но главнымъ образомъ—по содержанію. Такъ какъ и въ процессѣ доказыванія, и въ процессѣ обобщенія участвуютъ тѣ же дѣйствія мышленія и такимъ образ. то же мышленіе является органомъ изслѣдованія въ той и другой области, то и не удивительно, что сначала пріемъ доказательства пытались обратить во всеобщее орудіе изслѣдованія, а затѣмъ мы видимъ такое же стремленіе къ присвоенію всеобщаго значенія другому способу изслѣдованія, именно процессу обобщенія. Въ средневѣковой періодъ науки, а равно въ начальный періодъ новаго времени (почти до XIX ст., а у насъ еще позже) господствовало первое изъ указанныхъ выше стремленій, а послѣднее принадлежитъ преимущественно нашему времени. Остановимъ наше вниманіе на этомъ послѣднемъ. Господствующій теперь пріемъ мышленія, какъ сказано уже, состоитъ въ томъ, что теоріи, возникающія на почвѣ спеціальныхъ, преимущественно естественныхъ наукъ, вслѣдствіе стремленія къ обобщенію, распространяются болѣе и болѣе на другія области знанія, и такимъ образомъ возводятся въ основныя начала для изъясненія всей познаваемой дѣйствительности. И не только продукты опытнаго познанія, т. е., выводы, и гипотезы, къ которымъ приходятъ на основаніи и путемъ опыта, посредствомъ обобщенія, превращаются въ принципы со всеобщимъ универсальнымъ значеніемъ, но и самый опытъ, какъ орудіе познанія, какъ из-

вѣстный способъ познавательной дѣятельности, также чрезъ обобщеніе расширяется въ своемъ значеніи, возводится на степень всеобщаго начала познанія, служащаго для него единственнымъ основаніемъ, и потому—начала объединяющаго для всей познавательной дѣятельности. Извѣстно, что эмпиризмъ признаетъ опытъ единственнымъ источникомъ для всѣхъ элементовъ или началъ нашего познанія. Такъ напр. стараются доказать, что не только представленія и положенія, выражающія факты и отношенія дѣйствительности, образуются на основаніи опыта, т. е., изъ элементовъ, данныхъ посредствомъ чувственнаго восприятія, но и такъ называемыя апріорныя представленія и положенія, положенія аксіоматическія, не иначе какъ только путемъ опыта могли произойти первоначально.

Тѣ, которые отвергаютъ эмпирическій взглядъ на наше познаніе, обыкновенно указываютъ на то, что всякое положеніе, основанное на опытѣ, необходимо отличается частнымъ характеромъ. Ни всеобщность, ни необходимость, эти черты, характеризующія собою сужденія апріорныя,—опытнымъ положеніямъ не свойственны. Дѣйствительно, хотя процессъ обобщенія, какъ выше сказано, и составляетъ сущность опытнаго познанія, но этотъ процессъ умѣстенъ въ предѣлахъ лишь частной области знанія. Не даромъ область опытнаго познанія распадается на множество отдѣльныхъ частныхъ наукъ. Стремленіе къ раздѣленію, спеціализаціи и дробленію несравненно болѣе свойственно опытному изслѣдованію, чѣмъ противоположное стремленіе къ единству. Попытки внести въ сферу наукъ опытныхъ и утвердить въ нихъ духъ общенія и единства имѣютъ болѣе искусственный, чѣмъ естественный характеръ. Потребность единства несомнѣнно существуетъ и сильно чувствуется, но вопросъ въ томъ, возможно ли на почвѣ опыта законное удовлетвореніе этой потребности, т. е., вполнѣ естественное, безъ натяжекъ и всякой искусственности? Единство, устанавливаемое на основаніи опыта и въ области наукъ опытныхъ обыкновенно имѣетъ видъ простой группировки (классификаціи), гдѣ раздѣленіе оказывается свойствомъ реальнымъ, а единство болѣе номинально, чѣмъ реально. Наиболѣе коренное и важнѣйшее раздѣленіе въ области опыта, съ точки зрѣнія опыта совершенно непреодо-

лимое, есть безспорно раздѣленіе самаго опыта на *внѣшній* и *внутренній*. Основаніемъ внѣшняго опыта служатъ воспріятія внѣшнихъ чувствъ, а основаніе опыта внутренняго составляютъ воспріятія чувства внутренняго. Но такъ какъ видоизмѣненія внутренняго чувства и вообще внутренняго состоянія обыкновенно сопутствуютъ воспріятіямъ внѣшнихъ чувствъ, и такимъ образомъ внутренній опытъ служитъ подкладкою для опыта внѣшняго, то и понятно само собою, что основное созерцаніе внутренняго опыта, именно созерцаніе *временной послѣдовательности состояній* служитъ главнымъ связующимъ звеномъ между фактами внутренняго опыта и данными опыта внѣшняго; при посредствѣ означеннаго созерцанія и достигается нѣкоторое общеніе и связь между представленіями двоякаго опыта,—внѣшняго и внутренняго, представленіе временной послѣдовательности состояній—это есть исторія, и вотъ именно исторія (ἱστορία тоже, что опытъ) составляетъ элементъ общій въ знаніяхъ, какъ относящихся ко внѣшнему опыту, такъ и тѣхъ, которыя имѣютъ въ основаніи своемъ главнымъ образомъ опытъ внутренній. Теперь и въ области наукъ естественныхъ признается одною изъ важнѣйшихъ, если не главною, задачею—прослѣдить исторію постепеннаго образованія какъ земной поверхности въ настоящемъ ея видѣ, такъ и всѣхъ разнообразныхъ формъ населяющихъ ее живыхъ существъ. Въ этомъ смыслѣ издавна принято всю совокупность естественныхъ наукъ обозначать именемъ естественной исторіи. Историческій образъ разсмотрѣнія предметовъ знанія есть господствующій нынѣ. А такъ какъ историческое разсмотрѣніе имѣетъ въ основаніи своемъ присущее внутреннему опыту и слѣдовательно относящееся къ душевной жизни представленіе или созерцаніе временной послѣдовательности состояній, то, вмѣстѣ съ распространеніемъ этого созерцанія и на внѣшній опытъ, естественно соединяется склонность и во внѣшнемъ, т. е., физическомъ мірѣ предполагать повсюдное существованіе внутреннихъ психологическихъ состояній, соотвѣтственныхъ внѣшнимъ формамъ тѣлъ и ихъ элементовъ. Такое воззрѣніе на внѣшнюю дѣйствительность извѣстно подъ названіемъ *панпсихизма*. Оно признаетъ, что душевная жизнь не однимъ только

одушевленнымъ тѣламъ свойственна, но что по крайней мѣрѣ нѣчто ей подобное должно быть присуще даже простѣйшимъ элементамъ всѣхъ тѣлъ, слѣдовательно всему матеріальному міру, и что слѣдовательно параллелизмъ душевныхъ состояній и тѣлесныхъ движеній есть изначальное и всеобщее свойство тѣлеснаго міра, а не особый спеціальный феноменъ. Съ другой стороны, такъ какъ процессъ обобщенія — главный пріемъ опытнаго изслѣдованія, — служитъ средствомъ къ установленію законовъ природы и состоитъ въ связи съ самымъ понятіемъ о законѣ, какъ общемъ правилѣ, подъ которое подводятся частные случаи, то отсюда возникаетъ другое предположеніе, которому также усвояется значеніе общаго принципа, именно предположеніе о повсюдномъ господствѣ одинаковой естественной закономѣрности явленій, а такое предположеніе ведетъ къ тому заключенію, что задача изслѣдованія для всѣхъ предметовъ должна быть одна и та же—отысканіе общихъ необходимыхъ законовъ,—и что поэтому самый методъ опытнаго изслѣдованія (экспериментальный) долженъ быть по возможности всеобщимъ. Важнѣйшимъ послѣдствіемъ означеннаго принципа о безусловномъ господствѣ естественной закономѣрности явленій во всей дѣйствительности безъ изъятія является во а) стремленіе, при помощи экспериментальнаго опыта, провести названную идею въ психологіи и слѣдовательно показать, что душевная наша жизнь не есть какой-либо особый самостоятельный міръ явленій, а лишь часть той всеобщей дѣйствительности, которая подлежитъ опытному изслѣдованію подъ именемъ физическаго или тѣлеснаго міра; b) такое стремленіе примѣнить ту же идею естественной закономѣрности и къ явленіямъ общественной—народной и общечеловѣческой жизни,—составляющей предметъ исторіи. Стремленіе это выражается въ томъ, что въ наукѣ, именуемой *соціологіей*, поставляется задача—найти всеобщіе и необходимые законы какъ общественнаго устройства такъ и тѣхъ различныхъ видоизмѣненій, какимъ въ разное время подвергается жизнь общественная.

Такимъ образомъ единство міросозерцаній, которое имѣется въ виду осуществить на почвѣ опытнаго познанія и изслѣдованія, вовсе на этомъ пути не достигается. Напротивъ, не-

преодолимое, какъ сказано, въ области опыта, раздѣленіе на внѣшній и внутренній,—фактъ въ области опыта первичный и основной—сказывается въ томъ, что стремленіе къ объединенію этой противоположности разрѣшается лишь возникновеніемъ и развитіемъ двухъ противоположныхъ теченій,—идущихъ совершенно въ разныя стороны: это съ одной стороны стремленіе распространить на внѣшній опытъ присущее внутреннему міру созерцаніе временной послѣдовательности состояній; а съ другой—стремленіе внести въ область внутренняго опыта и провести здѣсь идею естественной и необходимой закономѣрности, идею, имѣющую свой первоначальный корень и исходный пунктъ въ созерцаніи внѣшней дѣйствительности. Вмѣсто существеннаго и необходимаго единства, получаются на дѣлѣ лишь отдаленныя и слабо выдерживаемыя аналогіи. Но вѣдь аналогія, если распространяется на отдаленныя и мало сродныя области изслѣдованія, превращается въ простую игру остроумія, которой лишь слегка и не на долгое время удается отъ невнимательнаго взора скрыть глубоко лежащее и непреодолимое различіе. Аналогія только лишь придаетъ видъ единства различнымъ сближаемымъ между собою предметамъ, а дѣйствительнаго и существеннаго единства не открываетъ. Между тѣмъ опытное изслѣдованіе не имѣетъ другаго способа къ достиженію необходимаго единства въ міровоззрѣніи кромѣ аналогій. Это ясно видѣлъ и понималъ уже Бэконъ, и вотъ почему онъ придавалъ столь важное значеніе аналогіямъ въ естествознаніи и такъ рѣшительно требовалъ пользоваться ими для раскрытія существеннаго единства природы. Единство міросозерцанія есть необходимая потребность нашей умственной организаціи, и если такое единство не осуществимо на почвѣ опытнаго изслѣдованія, то очевидно должна быть еще иная область изслѣдованія, отличная отъ области опытнаго познанія, со своимъ собственнымъ методомъ,—такая область изслѣдованія, которой важнѣйшимъ назначеніемъ было бы именно установленіе единства въ міросозерцаніи. Эту особую область изслѣдованія, отличную отъ опытнаго познанія, а равно и познанія математическаго, составляетъ *философія*.

VII.

Философія есть самостоятельная область изслѣдованія.

Отличительный характеръ философіи, какъ науки, въ сравненіи съ науками эмпирическими. Философія исходитъ изъ *субъекта*, а другія науки исходятъ отъ данныхъ *объектовъ*. Методъ философ. изслѣдованія—*аналитико-синтетическій*. Чѣмъ отличается философскій синтезъ отъ другихъ видовъ синтеза? Сравненіе философ. изслѣдованія въ этомъ отношеніи съ другими видами изслѣдованія—математическаго и опытнаго. Психологическое и историческое обоснованіе различія означенныхъ видовъ изслѣдованія. Выводъ общаго понятія о мышленіи на основаніи предъидущаго. Сводъ всего досель сказаннаго къ немногимъ краткимъ положеніямъ. Обозрѣніе формъ мышленія съ точки зрѣнія установленнаго понятія о мышленіи.

При господствѣ того взгляда на познаніе, что оно всецѣло есть продуктъ опыта, и что поэтому должно смотрѣть на всѣ науки, какъ на отдѣльныя части опыта, постепенно умножающаго свои пріобрѣтенія, понятіе о философіи получается такое,—что она должна представлять собою цѣлость опытнаго познанія. Тогда какъ другія науки, по этому понятію о философіи, изслѣдуютъ какую-либо отдѣльную часть бытія, предметъ философіи есть бытіе вообще, бытіе въ его цѣлости [1]). Какимъ же образомъ философія можетъ осуществить, соотвѣтствующую этому понятію о ней, свою задачу? Какъ возможно для философіи то единство познанія, чрезъ которое должно получиться объединеніе всякаго рода опытныхъ знаній? Одно изъ двухъ: или философіи остается лишь довершить и довести до полной ясности то дѣло объединенія знаній и сведенія ихъ къ единству міросозерцанія, которое должно быть заложено въ частныхъ наукахъ и въ нихъ самихъ уже въ значительной степени должно исполняться какъ бы невольно и инстинктивно,

[1]) Ganz ebenso wie andere Wissenschaften, welche die Welt des Seienden erkennen wollen, gegebene Wirkungen auf ihre Ursachen, die Fülle einzelner Erscheinungen auf allgemeine Gesetze und Prinzipien zurückzuführen suchen, ist auch die Philosophie bestrebt, von den Thatsachen der Erfahrung auf das wahre Wesen der Dinge zurückzugehen, um jene aus diesem zu erklären. Aber während die Spezialwissenschaften es immer nur mit einzelnen Gebieten des Seienden zu thun haben, geht die Philosophie darauf aus, das Seiende als solches, die letzten, höchsten und allgemeinsten Prinzipien der Dinge, die Welt nach ihrem innersten zusammenhange zu erkennen. Metaphysik, von Franz Erhardt, 1-er Bd. 1894. s 641.

оставаясь на степени скрытой организующей силы. Но въ такомъ случаѣ философія должна бы овладѣть всѣми другими науками, чтобы дѣло объединенія, ими начатое и въ значительной мѣрѣ исполняемое, довести до конца, т. е., до возможнаго при извѣстномъ состояніи знаній, совершенства. Но овладѣть всѣми науками—это неисполнимая задача. А самое важное заключается въ томъ, что если точно во всѣхъ наукахъ дѣйствуетъ организующая и объединяющая ихъ живая сила, то это не какая-либо иная, а та же самая, которая только рѣшительнѣе и съ большимъ самосознаніемъ открывается въ философіи; это есть сила рефлектирующаго мышленія, сила самой философіи, только еще не овладѣвшая собою вполнѣ, не достигшая о себѣ полнаго самосознанія, что служитъ необходимымъ условіемъ для выдѣленія философіи изъ состава другихъ наукъ и полученія ею самостоятельнаго положенія [1]). Въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой нужды въ томъ, чтобы философія, для выполненія своей задачи, сначала стремилась къ усвоенію всѣхъ другихъ наукъ; для математики открывается въ области наукъ опытныхъ обширное поле примѣненія; но отсюда не слѣдуетъ, что математикъ долженъ овладѣть всѣми опытными науками, и что математическое изслѣдованіе необходимо должно опираться на всей совокупности имѣющихся опытныхъ знаній. Равнымъ образомъ и для философіи, при исполненіи ея задачи,

[1]) См. *Введеніе въ философію* Фр. Паульсена, рус. пер. 1894 г. Здѣсь въ статьѣ: *Отношеніе философіи къ наукамъ* (стр. 15—44) проводится мысль, что философію нѣтъ нужды отдѣлять отъ другихъ наукъ: „философію нельзя отдѣлить отъ другихъ наукъ, она есть не что иное какъ *совокупность всего научнаго познанія*“. Это утверждается на томъ основаніи, что существуетъ связь между всѣми науками. Это основаніе такое, что, въ силу его, не одну уже философію, но всякую науку не слѣдуетъ отдѣлять отъ другихъ наукъ. Связь, существующая между науками, ни мало не препятствуетъ изучать и разрабатывать каждую науку особо, отдѣльно отъ другихъ, чрезъ что и происходитъ раздѣленіе наукъ. И самъ Паульсенъ написалъ введеніе въ *философію*, а не просто введеніе въ науку. Этотъ авторъ имѣлъ очевидно въ виду универсальный характеръ философіи, когда пришелъ къ мысли, что философію не слѣдуетъ отдѣлять отъ другихъ наукъ. Но универсальность философіи и есть ея особая черта, не дозволяющая смѣшивать философію съ науками спеціальными. Если спеціальность есть такая черта, которою оправдывается раздѣленіе наукъ, то почему *общность* не можетъ служить такимъ же основаніемъ къ выдѣленію науки, которой свойственны эти черты по преимуществу, изъ ряда другихъ наукъ?

не нужна такая безусловная зависимость отъ отдѣльныхъ наукъ, какая обыкновенно предполагается, когда эта задача понимается, какъ объединеніе знаній. Объединеніе знаній не столько есть прямая задача философіи, сколько послѣдствіе философскаго духа въ области научныхъ знаній. Выше сказано, что, при дѣятельномъ и свободномъ развитіи научныхъ знаній, науки сами по себѣ обнаруживаютъ дѣйствующую въ нихъ, какъ бы скрытымъ образомъ, организующую ихъ силу. Сила эта состоитъ въ томъ, что, посредствомъ общихъ положеній и выводовъ, вырабатываемыхъ на почвѣ спеціальнаго опытнаго изслѣдованія, устанавливается общеніе и взаимная связь между отдѣльными науками, а эта связь въ свою очередь даетъ мѣсто возникновенію еще болѣе широкихъ обобщеній. Но мы видѣли, что этимъ путемъ не можетъ установиться единство и цѣльность міровоззрѣнія. Отдѣльныя науки, посредствомъ своихъ обобщеній, лишь пролагаютъ дорогу и идутъ на встрѣчу философскимъ воззрѣніямъ, но сами не могутъ служить основаніемъ для такихъ воззрѣній уже потому, что философскія ученія отличаются универсальнымъ характеромъ и значеніемъ, какого никогда не достигаютъ обобщенія отдѣльныхъ опытныхъ наукъ. Какъ бы близко ни подходили обобщенія отдѣльныхъ наукъ къ собственно философскимъ теоріямъ и ученіямъ, но различие всегда остается, ибо только философія установляетъ наиболѣе общія начала и установленіе таковыхъ началъ есть прямая ея задача. Скажутъ, что, при такомъ понятіи о философіи, не достаетъ точной границы, которая раздѣляла бы философскія ученія отъ научныхъ обобщеній; но хотя бы и не было на самомъ дѣлѣ таковой границы, то это еще не свидѣтельствовало бы противъ самостоятельности философскаго изслѣдованія, ибо вообще отдѣльныя науки такъ близко соприкасаются между собою, что изслѣдованія одной науки легко переходятъ въ область другой и нуждаются при томъ же въ пособіи свѣдѣній, заимствуемыхъ изъ другихъ наукъ. Въ отношеніи же къ философіи даже такое оправданіе принадлежащаго ей права на самостоятельное изслѣдованіе излишне. Дѣло въ томъ, что вполнѣ достаточною притомъ важною разграничительною чертою для философскихъ началъ въ отношеніи къ

инымъ научнымъ началамъ служитъ то, что философія, при установленіи своихъ общихъ началъ, исходитъ изъ основаній совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, на которыхъ опираются иныя научныя начала. Начала философіи потому именно имѣютъ характеръ и значеніе всеобщности, что основаніемъ, на которомъ эти начала утверждаются, служатъ необходимо присущія нашему мышленію понятія и идеи; такимъ образомъ важное различіе философіи отъ всѣхъ иныхъ наукъ заключается въ томъ, что въ своемъ изслѣдованіи она исходитъ какъ изъ коренного своего основанія изъ *субъекта* мыслящаго, а не отъ *предметовъ*, данныхъ внѣ и независимо отъ субъекта мыслящаго. Познаніе философское есть субъективное не въ томъ смыслѣ, что оно имѣетъ значеніе лишь для этого субъекта и далѣе не простирается, а въ томъ, что отношеніе къ субъекту для философіи есть первое и основное. А такъ какъ это отношеніе, въ качествѣ необходимо подразумѣваемаго элемента, входитъ болѣе или менѣе въ составъ всякаго познанія, то отсюда и происходитъ именно всеобщее значеніе началъ философіи. Цѣльность и единство въ познаніи эмпирическимъ путемъ недостижимы, ибо поле эмпирическихъ изслѣдованій и обобщеній безгранично; но не заключая сами въ себѣ единства и цѣльности, частныя знанія объединяются и достигаютъ цѣльности по мѣрѣ того, какъ выясняется необходимое отношеніе ихъ къ субъекту мыслящему, составляющему живой центръ въ дѣятельности познавательной, какъ и во всякой иной дѣятельности. А такое разъясненіе необходимаго отношенія знаній къ субъекту мыслящему возможно лишь для философіи, исходящей именно изъ субъекта, а не изъ объективнаго міра, противостоящаго субъекту.

Если такимъ образомъ философское изслѣдованіе должно быть отлично отъ всякаго иного научнаго изслѣдованія и должно быть самостоятельнымъ, независимымъ, то очевидно долженъ быть и особый методъ, свойственный по преимуществу изслѣдованію философскому. Этотъ методъ самъ собою опредѣляется уже задачею философіи. Задача философіи заключается въ установленіи единства міросозерцанія; понятно, что изслѣдованіе философское должно поэтому имѣть характеръ *синтетическій*. Не *доказательство*, и не *процессъ обобщенія*, а *синтезъ*—вотъ

истинный пріемъ или способъ философскаго познанія. Но не есть ли синтезъ философскій обыкновенно дѣло личнаго произвола и свободно комбинирующей фантазіи? Въ такомъ случаѣ произведенія философіи не могутъ имѣть никакого научнаго значенія. Конечно произволъ ни въ какомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ области философіи не можетъ быть совершенно исключенъ. Но въ виду этого получаетъ особую важность то требованіе, чтобы систематически и съ возможною ясностію была представлена необходимость философскаго синтеза. Съ этой именно точки зрѣнія подлежатъ критическому обсужденію и оцѣнкѣ произведенія философской мысли. Если философскій синтезъ долженъ быть выработанъ правильно и систематически, а не произвольно установленъ по личному усмотрѣнію, то необходимо предварительное изслѣдованіе, дабы могъ получиться въ самомъ дѣлѣ твердо обоснованный синтезъ. Но понятно, что такое предварительное изслѣдованіе, имѣющее цѣлью произвести философскій синтезъ, можетъ быть только аналитическимъ. Такимъ образомъ методъ философскаго изслѣдованія есть *аналитико-синтетическій.*

Синтезъ составляетъ цѣль философскаго изслѣдованія, а анализъ—средство. Понятно, что въ свойствахъ философскаго синтеза должно полагать отличительный характеръ философскаго изслѣдованія. И синтезъ, и анализъ составляютъ необходимые элементы во всякомъ изслѣдованіи, но тогда какъ въ другихъ изслѣдованіяхъ синтезъ всегда имѣетъ ограниченное и частное значеніе, значеніе, ограниченное извѣстнымъ предметомъ и извѣстною областью знанія, синтезъ, составляющій конечную цѣль философскаго изслѣдованія, отличается всеобщностью своего знанія. Синтезъ, являющійся результатомъ изслѣдованія въ другихъ наукахъ, обыкновенно имѣетъ характеръ, либо теоретическій, либо практическій. И только синтезъ философскій таковъ, что, въ силу своей всеобщности, соединяетъ въ себѣ значеніе сколько теоретическаго, столько же и практическаго принципа, иначе онъ не былъ бы полнымъ и совершеннымъ, а философія стремится къ установленію именно таковаго синтеза. Отъ чего зависитъ то, что въ другихъ областяхъ изслѣдованія синтезъ имѣетъ только частное и ограниченное зна-

ченіе? Отъ того, что синтетическая дѣятельность мышленія является тамъ подчиненною либо чувственному воспріятію (въ опытномъ познаніи), либо умственному созерцанію (въ познаніи математическомъ) со свойственными тому и другому законами и условіями ихъ дѣйствія. Въ области же философскаго изслѣдованія мышленіе имѣетъ характеръ отвлеченный, слѣдовательно болѣе свободный, будучи подчиненнымъ здѣсь главнымъ образомъ своимъ собственнымъ, т. е., логическимъ законамъ и сообразуясь единственно со своими собственными формами [1]).

Изложенное раздѣленіе видовъ познанія (математическое, опытное и философское) съ характеристическимъ для каждаго способомъ или методомъ изслѣдованія (доказательство, обобщеніе, синтезъ) можетъ быть оправдано и психологически и исто-

[1]) Геометрическій анализъ, по Эвклиду, состоитъ въ томъ, что изъ данной теоремы, предполагая ея истинность, выводятъ слѣдствія, которыя привели бы къ извѣстной уже истинѣ и тѣмъ самимъ доказывали бы предположенную истинность разсматриваемой теоремы. Такъ какъ однакожъ доказательствомъ истинности, теоремы не можетъ служить на самомъ дѣлѣ то, что изъ ней какъ необходимое слѣдствіе вытекаетъ извѣстная уже истина, ибо изъ ложной посылки можетъ вытекать истинное заключеніе, то имѣя это въ виду Паппусъ александрійскій даетъ такое опредѣленіе анализа: предложенную теорему въ анализѣ принимаютъ за истину и ищутъ изъ какой другой, уже извѣстной теоремы, она можетъ быть выведена, какъ необходимое слѣдствіе, и если такая теорема найдется, то предложенная будетъ *доказана*.... Синтезъ отличается отъ анализа только обратнымъ порядкомъ теоремъ. Въ синтезѣ начинаютъ съ извѣстныхъ предложеній; чтобы вывести изъ нихъ другія, какъ необходимыя слѣдствія, изъ этихъ послѣднихъ выводятъ новыя и продолжаютъ, так. обр. до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до предложенной теоремы. Изъ этого видимъ, что если мы знаемъ аналитическое доказательство теоремы, то изъ него получимъ синтетическое, поставивъ въ обратномъ порядкѣ аналитическій рядъ предложеній. См. *Начала Евклида съ поясният. введеніемъ и толкованіями.* М: Е. Ващенко-Захарченко, Кіевъ 1880. стр. 539—544. Очевидно, что синтезъ и анализъ въ геометріи суть способы *доказательства*. Въ опытныхъ наукахъ синтезъ и анализъ служатъ способами *обобщенія* и изъясненія частныхъ фактовъ на основаніи общихъ положеній (законовъ). Чѣмъ различаются синтезъ и анализъ въ математикѣ отъ синтеза и анализа въ наукахъ опытныхъ? Очевидно—содержаніемъ: въ математикѣ таковымъ содержаніемъ служатъ умственно-созерцательныя представленія, а въ опытныхъ наукахъ—чувственно-созерцательныя представленія; для философскаго же анализа и синтеза содержаніемъ служатъ отвлеченныя или иначе, рефлективныя понятія. Отъ различія въ содержаніи зависитъ различный характеръ анализа и синтеза. Въ области философіи анализъ и синтезъ,—какъ дѣйствія мышленія, не будучи средствами для иной, отличной отъ нихъ, цѣли, являются въ собственномъ своемъ значеніи.

рически. Различают обыкновенно слѣдующія познавательныя способности, или пожалуй отправленія: чувственное воспріятіе и память, воображеніе или иначе фантазія, наконецъ разсудокъ и разумъ. Чувственное воспріятіе и память составляютъ основу психологическую опытнаго познанія, воображеніе, или иначе, фантазія составляетъ психологическую основу познанія математическаго. Само собою понятно, что ни чувственное воспріятіе въ связи съ памятью, само по себѣ, ни также само по себѣ воображеніе недостаточны для происхожденія соотвѣтственныхъ имъ видовъ изслѣдованія и познанія; но только въ соединеніи съ дѣятельностію мышленія названныя способности производятъ каждая особаго рода познаніе. Опираясь на чувственномъ созерцаніи и памяти, дѣятельность мышленія получаетъ характеръ опытнаго изслѣдованія, и когда для мышленія опорою служитъ воображеніе, тогда дѣятельность мышленія становится умозрѣніемъ,—познаніемъ конструктивнымъ и комбинирующимъ. Такъ какъ мышленіе есть, такимъ образомъ, общій элементъ и въ познаніи опытномъ, и въ изслѣдованіи математическомъ, то отсюда открывается, какую важность имѣетъ изслѣдованіе мышленія, что̀ составляетъ задачу логики. Но яснѣйшимъ образомъ, такъ сказать, чистымъ и наиболѣе свободнымъ мышленіе проявляетъ себя въ философіи, при чемъ изслѣдованіе мышленія и есть первое и основное дѣло философіи. Вотъ почему логика не есть ни часть психологіи, ни наука словесная, а часть философіи, основная, такъ сказать, пропедевтическая—философская наука. Съ другой стороны, такъ какъ мышленіе необходимый и важнѣйшій элементъ во всѣхъ видахъ познанія, то отсюда само собою становится понятнымъ, что философское познаніе должно имѣть значеніе универсальное. Въ опытномъ познаніи мышленіе соединяется съ чувственнымъ воспріятіемъ, въ математическомъ познаніи оно соединяется съ умственнымъ созерцаніемъ и потому ограничивается чуждымъ ему элементомъ,—въ первомъ познаніи болѣе, во второмъ менѣе; въ изслѣдованіи же философскомъ мышленіе имѣетъ характеръ *отвлеченный*, а потому ограничивается не чуждымъ чѣмъ либо, но самимъ собою, такъ что это ограниченіе есть въ сущности *самоограни-*

ченіе, а чрезъ то познаніе философское имѣетъ характеръ *самопознанія*.

Извѣстно, что въ Греко-Римскомъ мірѣ философія господствовала и преобладала надъ всѣми знаніями тогдашняго времени, почему весь кругъ знаній тогда обозначался однимъ общимъ именемъ философіи. Господство философіи въ древности было причиною того, что и самое образованіе имѣло характеръ нравственно-воспитательный, а не утилитарно-практическій. Въ средніе вѣка господство принадлежало богословію, но богословіе тогда имѣло философскій характеръ, а потому средневѣковой періодъ былъ въ сущности продолженіемъ древняго образованія, по положенію и значенію въ немъ философіи. Послѣ такъ называемаго возрожденія наукъ въ XVII и XVIII вв., какъ извѣстно, большіе успѣхи были сдѣланы въ области физико-математическихъ знаній, и этимъ объясняется господство въ это время математическаго образа созерцанія вещей. Математическій методъ примѣнялся и въ философіи и оказалъ значительное вліяніе на духъ и направленіе философскихъ воззрѣній. Математическій образъ созерцанія, выразился напримѣръ въ томъ, что различіе важнѣйшихъ ученій этого времени сводится къ опредѣленіямъ количественнымъ: *единства* и *множества* (монизмъ Спинозы и плюрализмъ Лейбница), а также въ томъ, что понятіе необходимости, выраженіемъ котораго служитъ *доказательство*, является общимъ во многихъ и противоположныхъ ученіяхъ: и въ идеалистическихъ и въ реалистическихъ (система природы Гольбаха, монодологическій механизмъ, предуставленная гармонія Лейбница, физіологическій механизмъ Декарта и т. д.). Въ новое время *математическій* образъ созерцанія смѣняется *историческимъ*, (т. е., чисто эмпирическимъ). Исторія и археологія наиболѣе преуспѣваютъ[1]). Въ гос-

[1]) И въ области богословскаго просвѣщенія въ прежнее время наибольшее значеніе имѣли Догматическое Богословіе и проповѣдь (были не рѣдки догматическія проповѣди), какъ формы выраженія *истинъ* теоретическихъ и практическихъ; въ настоящее же время преобладаетъ исторія и археологія—науки, для которыхъ важное значеніе имѣетъ не *истина*, а *фактъ* самъ по себѣ. Характеристическимъ слѣдуетъ признать и то, что прежде математика состояла въ числѣ предметовъ высшаго богословскаго образованія, теперь же математика исключена, а многимъ даже философія кажется излишней. Вотъ какъ преуспѣваютъ реализмъ и позитивизмъ въ нашей *духовной сферѣ*.

подствующемъ образѣ разсмотрѣнія вещей идея развитія составляетъ основное начало. Съ этимъ понятіемъ стоятъ въ тѣсной связи представленія о большей или меньшей приспособленности къ условіямъ существованія, или иначе, объ удачѣ или неудачѣ. Прежде, т. е., при господствѣ математическаго образа созерцанія въ центрѣ научныхъ понятій стояла идея истины, ибо доказательство, какъ методологическій пріемъ, исходило изъ этой идеи и къ ней направлялось. Да и самая логика Аристотеля, которая оставалась безъ перемѣны до новѣйшаго времени, была понимаема какъ руководство къ искусству доказыванія истины и разоблаченія лжи. Теперь же идея истины все болѣе изъ области научныхъ понятій вытѣсняется представленіями удачи и неудачи; важное дѣло—успѣхъ,—важнѣе истины; даже философскія ученія и идеи оцѣниваются съ этой точки зрѣнія.

Въ изложенномъ доселѣ мы имѣемъ основаніе для вывода того общаго понятія о мышленіи, изъ котораго слѣдуетъ исходить при разсмотрѣніи законовъ и формъ мышленія, и даже для частнѣйшаго подраздѣленія каждой изъ формъ мышленія. Яснѣйшимъ образомъ мышленіе проявляется въ философіи, и притомъ какъ дѣятельность частію аналитическая, а частію синтетическая; въ математическомъ и опытномъ познаніи содержатся тѣже дѣйствія мышленія, но только здѣсь они осложняются чувственнымъ и умственнымъ созерцаніемъ, которое присоединяется лишь къ дѣйствіямъ мышленія, а потому изъ нихъ не можетъ быть выведено, какъ и наоборотъ, ни изъ чувственнаго, ни изъ умственнаго созерцанія нельзя вывести дѣйствій мышленія. Отъ смѣшенія дѣйствій мышленія съ элементомъ созерцательнымъ происходятъ сомнѣнія, возбуждаемыя противъ понятія о мышленіи какъ дѣятельности. То, что мы созерцаемъ, сознается нами какъ данное, т. е., представляется намъ происходящимъ само собою, независимо отъ нашей воли; въ особенности это должно сказать о чувственномъ воспріятіи. Вниманіе наше всецѣло поглощено предметомъ умственнаго или чувственнаго созерцанія, а потому мы не различаемъ того, что въ представленіи предмета созерцаемаго дается чрезъ воспріятіе, или воображеніе, отъ того, что привносится въ это представленіе дѣятельностію мышленія. Такъ какъ дѣйствія мышленія

соединяются и даже какъ бы сливаются съ чувственнымъ воспріятіемъ, съ содержаніемъ воспріятія, именно съ тѣмъ, что дается чрезъ воспріятіе то поэтому и кажется намъ, что путемъ воспріятія мы получаемъ и то, что слѣдуетъ относить къ мышленію, а не чувственному воспріятію: такъ, получая чрезъ воспріятіе разныя ощущенія того же чувства (ощущенія цвѣтовъ, или ощущенія звуковъ), или же ощущенія различныхъ чувствъ (ощущенія напр. зрительныя и осязательныя), мы сравниваемъ ихъ и находимъ между ними сходство и различіе. Полагаютъ, что сходство и различіе содержатся въ самихъ ощущеніяхъ, и слѣдовательно съ ними вмѣстѣ воспринимаются, а не открываются нами посредствомъ особыхъ дѣйствій мышленія,—дѣйствій различенія и соединенія; сходныя ощущенія, по закону сродства, сливаются и образуютъ общія представленія подобно тому, какъ простыя химическія тѣла, по закону сродства, соединяются и образуютъ тѣла сложныя; другія же ощущенія,—различныя, напротивъ отталкиваются и раздѣляются. Если бы точно процессы сравненія, различенія и соединенія происходили такимъ образомъ, а слѣдовательно и образованіе сужденій, понятій всецѣло было зависимымъ отъ чувственнаго воспріятія, тогда дѣйствительно для развитія и усовершенія мыслительной силы, не было бы нужды ни въ какихъ особыхъ упражненіяхъ направленныхъ къ этой цѣли; умственное развитіе достигалось бы само собою чрезъ постоянное усвоеніе и накопленіе матеріала, воспринимаемаго посредствомъ чувствъ. Конечно многіе такъ и понимаютъ умственное развитіе: чѣмъ болѣе знаній, тѣмъ больше ума и образованія, но не такъ это на самомъ дѣлѣ. Это правда, что сравненіе и нахожденіе сходства или различія дается большею частію легко, безъ всякихъ усилій; въ особенности при многократномъ повтореніи тѣхъ же воспріятій: чѣмъ чаще повторяются извѣстныя дѣйствія, тѣмъ легче и незамѣтнѣе совершаются они, но вѣдь всякому же извѣстно по опыту, что нерѣдко требуется особая внимательность и тщательное разсмотрѣніе сравниваемыхъ предметовъ для отысканія и уясненія отношеній сходства и различія, для разложенія сложнаго на простые элементы, какъ и для того, чтобы установить правильный синтезъ. Какъ возможны были бы ошибки въ совершеніи ум-

ственныхъ дѣйствій, въ учиненіи выводовъ и обоснованіи данныхъ положеній, если бы мышленіе наше не было свободною и произвольно исполняемою дѣятельностію? Если бы умственныя дѣйствія совершались сами собою, всецѣло опредѣляясь чувственнымъ воспріятіемъ, т. е., были лишь необходимыми послѣдствіями чувственнаго воспріятія (при чемъ умственное созерцаніе было бы только воспроизведеніемъ созерцанія чувственнаго или его элементовъ), въ такомъ случаѣ логика—наука о мышленіи, была бы лишь частію психологіи, ибо иного, кромѣ психологическаго, объясненія умственныхъ процессовъ не требовалось бы,—объясненія изъ законовъ психическихъ, каковы законы ассоціаціи. Но логика уже потому не можетъ быть смѣшиваема съ психологическимъ анализомъ явленій нашего сознанія, что она есть наука *нормальная*, т. е., наука, устанавливающая правила и требованія, съ которыми нормальное мышленіе должно сообразоваться, между тѣмъ какъ психологическій анализъ въ состояніи лишь разъяснить то, какъ мышленіе происходитъ при данныхъ условіяхъ—когда мышленіе разсматривается само по себѣ, т. е., въ отвлеченіи отъ предметовъ чувственнаго и умственнаго созерцанія, тогда вмѣсто отношенія къ предметамъ (даннымъ для мышленія чрезъ созерцаніе), выступаетъ отношеніе его къ субъекту мыслящему. Но вѣдь субъектъ, или—иначе, нашъ духъ проявляетъ себя не только въ качествѣ умственной силы, но еще какъ воля. Именно чрезъ участіе воли въ мышленіи и само мышленіе становится дѣятельностію свободною, обладающею собой и направляющею себя къ опредѣленнымъ цѣлямъ и опредѣленнымъ образомъ, т. е., согласно съ извѣстными правилами и требованіями. Ясно, что мышленіе, какъ предметъ логики, подлежитъ разсмотрѣнію главнымъ образомъ въ отношеніи къ субъекту мыслящему, т. е., какъ дѣятельность субъективная, исходящая изъ субъекта, а не въ отношеніи къ предметамъ познанія. Ибо только при такомъ разсмотрѣніи и мышленіе является дѣятельностію свободною, и *логика* получаетъ характеръ науки нормальной.

Все, изложенное доселѣ, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ краткимъ положеніямъ: a) самое общее обозрѣніе задачъ современной философіи приводитъ къ необходимости разсмотрѣть предварительно *мышленіе*, какъ начало, наиболѣе существенное въ области философіи; b) самостоятельность философіи требуетъ, чтобы мышленіе было подвергнуто разсмотрѣнію, какъ оно есть само по себѣ, т. е., какъ начало самостоятельное и независимое; иначе говоря,—разсмотрѣніе мышленія, что составляетъ предметъ *логики*, должно быть философскимъ; c) мышленіе философское есть наиболѣе свободное, или отвлеченное, иначе еще оно можетъ быть названо рефлективнымъ, самосознательнымъ въ противоположность созерцательному мышленію въ области математическихъ и опытныхъ наукъ. Посему философское разсмотрѣніе мышленія состоитъ въ томъ, что въ основу разсмотрѣнія полагается отношеніе мышленія не къ предметамъ, а къ самому субъекту: мышленіе разсматривается не въ смыслѣ механизма представленій, зависимаго отъ предметовъ познаваемыхъ (таковымъ оно является въ разныхъ научныхъ методахъ), а какъ дѣятельность субъективная, т. е. исходящая изъ субъекта и свободно имъ направляемая къ извѣстной цѣли.

Сдѣлаемъ теперь, съ точки зрѣнія установленнаго понятія о мышленіи, краткое обозрѣніе уже изложенныхъ положеній о формахъ мышленія съ добавленіемъ къ сказанному еще нѣкоторыхъ замѣчаній, и затѣмъ попытаемся разсмотрѣть законы мышленія, руководясь тѣмъ же понятіемъ о мышленіи.

Разсматривая мышленіе, какъ дѣятельность субъективную, а не въ смыслѣ познанія, опредѣляемаго даннымъ предметомъ познанія, мы находимъ, какъ это уже было разъяснено, что оно состоитъ изъ дѣйствій *различенія* и *соединенія*, причемъ выраженіемъ различающаго акта служитъ *сужденіе*, а выраженіемъ акта соединяющаго служитъ съ одной стороны *понятіе*, съ другой—*умозаключеніе*.

Когда сужденіе разсматривается само по себѣ (не въ отношеніи къ субъекту), тогда получается понятіе о сужденіи, что оно есть соединеніе представленій, ибо необходимо для составленія сужденія, взять вмѣстѣ представленіе предмета сужденія и представленіе того, что о предметѣ сказывается (сказуемое,

предикатъ). Противъ такого понятія о сужденіи справедливо замѣчаетъ Вундтъ, что имъ дается ложное представленіе о происхожденіи сужденія: дѣло получаетъ такой видъ, какъ будто уже напередъ имѣются на лицо соединяемыя въ сужденіи представленія, и требуется только эти представленія соединить; на самомъ же дѣлѣ мы не соединяемъ готовыя представленія, а беремъ только одно представленіе и разлагаемъ его; послѣдствіемъ анализа даннаго представленія и является сужденіе. Такъ напр. когда говоримъ,—*птица летаетъ*, то мы не соединяемъ представленія птицы съ представленіемъ ея полёта, а беремъ представленіе птицы и въ самомъ этомъ представленіи открываемъ тотъ признакъ, что птица летаетъ. Такова очевидно теорія Вундта. Но съ этой точки зрѣнія непонятно *отрицаніе* (отрицательное сужденіе); посредствомъ анализа даннаго представленія нельзя добыть отрицанія. Нѣкоторые отъ сужденія отдѣляютъ *утвержденіе* и *отрицаніе*: говорятъ, что утвержденіе и отрицаніе выражаютъ оцѣнку сужденія—*признаніе* или непризнаніе его. Но можетъ ли быть сужденіе безъ утвержденія и отрицанія? Указываютъ на *вопросъ*, какъ такое сужденіе, въ которомъ нѣтъ ни утвержденія, ни отрицанія. Но вопросъ нельзя признать сужденіемъ: вопросомъ выражается лишь требованіе сужденія, а не самое сужденіе. Отрицаніе понятно лишь въ томъ случаѣ, если будемъ смотрѣть на сужденіе не какъ на соединеніе представленій или разложеніе представленія, но какъ на *выраженіе различія, полагаемаго нами между предметомъ и признакомъ предмета:* признакъ можетъ присутствовать, но можетъ и отсутствовать въ предметѣ, и вотъ именно отсутствіе признака мы выражаемъ прежде всего чрезъ отрицаніе. Но непонятнымъ представляется различеніе признака отъ предмета: гдѣ источникъ этого различія? вопросъ этотъ возникаетъ въ виду того, что всякое представленіе можетъ быть и признакомъ, и предметомъ въ сужденіи: въ приведенномъ сужденіи: птица летаетъ, *птица*—предметъ, а *полетъ*—признакъ; но въ сужденіи: *полетъ* (птицы) *быстръ* или *медленъ*, *легокъ* или *тяжелъ*—полетъ оказывается уже предметомъ. Къ объясненію этого столь неопредѣленнаго и не твердаго (съ объективной точки зрѣнія), и потому кажу-

щагося не важнымъ, не существеннымъ, различія между предметомъ и его признаками и служитъ именно коренное и первичное различіе субъекта мыслящаго или нашего я отъ разнообразныхъ его состояній и отношеній, такъ что въ основаніи всякаго сужденія, а слѣдовательно мышленія вообще лежитъ отношеніе къ субъекту мыслящему, и такое отношеніе необходимо принимать во вниманіе при разсмотрѣніи мышленія и его формъ. Съ этой точки зрѣнія легко изъясняется значеніе различныхъ формъ мышленія, именно въ основаніе этого различія должно полагать различіе *субъективныхъ потребностей*, удовлетвореніе которыхъ и служитъ для мышленія движущимъ мотивомъ его дѣятельности въ познаніи.

Условіемъ познанія служитъ прежде всего усвоеніе необходимаго для образованія знаній матеріала. При усвоеніи же такого матеріала является потребность какъ можно *раздѣльнѣе* представить каждую отдѣльную часть, каждый элементъ умственно усвояемаго матеріала знаній. Формою удовлетворенія таковой потребности служитъ *сужденіе*. Раздѣльно усвоенные отдѣльные элементы необходимо далѣе *объединить* и представить въ связномъ видѣ. Объединеніе—синтезъ есть цѣль мысленнаго процесса, по отношенію къ которому анализъ, раздѣленіе имѣетъ значеніе подчиненное. Какъ цѣль, какъ завершеніе мысленнаго процесса, синтезъ представляетъ собою покоящійся неподвижный пунктъ; формою такого синтеза служитъ *понятіе* (таковы идеи Платона). Когда же понятіе служитъ точкою исхода для процесса объединенія раздѣльныхъ элементовъ мысли (сужденій), или такой процессъ объединенія направляется къ понятію, слѣдовательно понятіе служитъ конечнымъ пунктомъ синтетическаго дѣйствія, то такой процессъ объединенія есть *силлогизмъ*. Понятіе есть синтезъ въ состояніи покоя, неподвижности, умозаключеніе же есть синтезъ въ движеніи. Иначе можно еще такъ выразить различіе между понятіемъ и умозаключеніемъ, какъ формами синтеза: умозаключеніе (разумѣется—съ положительнымъ выводомъ; умозаключеніе съ выводомъ отрицательнымъ имѣетъ не самостоятельное, а вспомогательное значеніе) есть *процессъ* объединенія, а понятіе есть единство, являющееся результатомъ этого процесса. Наконецъ сверхъ про-

цессовъ различенія и объединенія того, что различено, необходимо еще убѣдиться въ правильности и объективномъ значеніи тѣхъ представленій, или положеній, которыя добыты посредствомъ означенныхъ процессовъ мышленія. И эта цѣль достигается не иначе, какъ посредствомъ процесса объединенія только въ болѣе широкомъ объемѣ, именно такого объединенія, которое простирается на цѣлую совокупность данныхъ извѣстнаго разряда. Требуется установить такой порядокъ между представленіями и положеніями, при которомъ одни положенія опирались бы на другихъ, менѣе очевидныя и несомнѣнныя на болѣе очевидныхъ и несомнѣнныхъ, и чрезъ свою связь съ послѣдними, могли бы пріобрѣсти большую убѣдительность для насъ. Такое объединеніе усвоеннаго матеріала чрезъ установленіе систематической связи между отдѣльными частями называется *методомъ*.

Частнѣйшее подраздѣленіе сужденій, понятій, умозаключеній дается само собою на основаніи выше изложеннаго раздѣленія видовъ познанія. Сужденія [1]) формально могутъ быть либо *утвердительныя*, либо *отрицательныя*, но по предметамъ и по содержанію ихъ можно раздѣлить на *эмпирическія* (повѣствовательныя, описательныя—Вундтъ и классификаціонныя, т. е. общія, частныя и единичныя), *умозрительныя* (сужденія объ отношеніяхъ равенства и неравенства) и отвлеченныя или рефлективныя (сужденія о сужденіяхъ, т. е., критическія, нормативныя). Понятія формально суть опредѣленія, которыя под-

---

[1]) Ясное раздѣленіе сужденій затрудняется въ особенности тѣмъ, что по словесному выраженію какъ опредѣленіе, а равно и по содержанію понятіе совпадаетъ съ сужденіемъ, между тѣмъ какъ по логическому значенію понятіе противоположно сужденію. Совпаденіе же понятія съ сужденіемъ ведетъ къ тому, что раздѣленіе сужденій обыкновенно сталкивается и смѣшивается съ раздѣленіемъ понятій. Такой смѣшанный характеръ имѣетъ напр. раздѣленіе сужденій на *проблематическія, ассерторическія* и *аподиктическія*. Принимая во вниманіе, что въ сужденіи выражается различеніе, чѣмъ предполагается сравненіе и *отношеніе* сравниваемыхъ элементовъ, всѣ виды или формы сужденій, если разсматривать ихъ въ отношеніи *содержанія*, въ каковомъ отношеніи они именно и сталкиваются съ понятіями, можно свести къ сужденіямъ, выражающимъ слѣдующія отношенія: a) отношенія сходства и различія (эмпирическія), b) отношенія равенства и неравенства (математическія), c) отношенія истинности и ложности (рефлективныя, сужденія о сужденіяхъ, иначе—философскія).

раздѣляются на номинальныя и реальныя, а по предметамъ и по содержанію понятія могутъ быть раздѣлены также на *эмпирическія* (таковы понятія о душевныхъ явленіяхъ, о тѣлесныхъ свойствахъ, о тѣлахъ простыхъ и сложныхъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, а также болѣе общія понятія о силахъ и законахъ природы, о міровыхъ тѣлахъ) *на умозрительныя* (понятія о числахъ и численныхъ дѣйствіяхъ, о геометрическихъ фигурахъ, объ ихъ свойствахъ и отношеніяхъ) и *отвлеченныя* или рефлективныя; таковы понятія философскія, именно тѣ понятія, которыми дается отвѣтъ на вопросъ о сущности: понятія о сущности тѣлъ, т. е., о матеріи, о сущности душевныхъ явленій, т. е., о природѣ души, о духовной жизни, вообще о сущности бытія, о происхожденіи и причинѣ, а также конечной цѣли бытія, о познаваемости бытія, т. е., о сущности познанія, о мышленіи какъ дѣятельности познавательной и т. д. Наконецъ умозаключеніе или разсужденіе, изслѣдованіе состоитъ въ логической связи сужденій, которая выражается, какъ выводъ одного сужденія изъ другаго,—или же, по крайней мѣрѣ, какъ переходъ отъ одного сужденія къ другому. По предметамъ же и содержанію процессъ изслѣдованія и разсужденія можетъ быть раздѣленъ на *методы индуктивный*, *дедуктивный* и *аналитико-синтетическій* (переходъ отъ частнаго къ общему, отъ общаго къ частному, отъ цѣлаго къ частямъ и отъ частей къ цѣлому).

П. Линицкій.

(Окончаніе будетъ).

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *).

Б.

Въ психологическихъ системахъ Новицкаго и Кедрова, какъ уже сказано, строго послѣдовательно проведены спиритуалистическія воззрѣнія. Спиритуализмомъ вообще называется такое направленіе психологіи, которое, кромѣ бытія вещественнаго, доступнаго чувственному наблюденію, признаетъ другую область бытія—духовнаго, невещественнаго, непосредственно познаваемаго мыслящимъ сознаніемъ и созерцаемаго разумомъ. Въ частности, спиритуализмомъ признается бытіе особаго, высшаго сравнительно съ душею, начала, *духа* человѣческаго, обладающаго сомосознательностью и свободою. На долю же души остается низшая психофизическая жизнь, а равно полное и безраздѣльное господство надъ тѣломъ. Послѣднее, образуясь по законамъ души, подчиняется ей и во всѣхъ своихъ отправленіяхъ: питаніе, кровеобращеніе, сокращеніе мышцъ и всѣ прочія отправленія тѣла происходятъ съ вѣдома души, какъ организующей силы. Душа, по образованіи тѣла, свободно двигаясь въ его органахъ, направляетъ ихъ, какъ орудныя формы для достиженія своихъ цѣлей—теоретическихъ и практическихъ. Наоборотъ, духу усвояется сравнительное могущество и независимость отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Подчиняясь собственному самовозбужденію, коренному свойству своей природы, духъ способенъ какъ бы оставлять на время богатое со-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4, 1895 г.

держаніе своей внутренней жизни и исходить сознаніемъ къ внѣшнему міру съ цѣлію наблюденія его. Отсюда, духовные процессы суть не что иное, какъ самообразованія духа. На высшихъ же ступеняхъ дѣятельности разума духъ способенъ возвышаться до сверхчувственнаго міра и непосредственно созерцать его. Мало того, будучи въ извѣстной степени независимъ отъ пространства и времени, онъ не стѣсняется разстояніемъ и въ своемъ отрѣшеніи отъ тѣла можетъ вступать въ непосредственныя сношенія съ другими духовными существами. Но въ то же время тѣло представляетъ не мало ограниченій и для духа. Послѣдній, въ условіяхъ своего земнаго существованія, подобенъ младенцу, находящемуся въ утробѣ матери: какъ этотъ стѣсненъ ограничивающимъ его пространствомъ, не можетъ свободно дышать воздухомъ и пользоваться членами, такъ и духъ, ограниченный тѣломъ, не можетъ дышать полнымъ дыханіемъ жизни. Далѣе, спиритуализмомъ усвояется міру духовному большая реальность, чѣмъ міру матеріальному; самыя свойства духа выводятся a priori изъ общаго понятія о немъ, равно какъ и психическія явленія конструируются изъ апріорной природы духа. Вообще, апріоризмъ какъ въ рѣшеніи общихъ вопросовъ, напримѣръ: о сущности души, о коренныхъ свойствахъ духа, о внутреннихъ основаніяхъ его дѣятельности и т. п., такъ и въ объясненіи частныхъ психическихъ явленій замѣняетъ собою въ спиритуалистическихъ системахъ анализъ и опытное изслѣдованіе фактовъ. Отсюда проистекаютъ многія своеобразныя особенности и недостатки этого рода системъ: въ нихъ главное вниманіе обращается на уясненіе смысла и значенія фактовъ, а эмпирическая сторона ихъ нерѣдко забывается вовсе; высшая сверхчувственная природа духа выдвигается на первый планъ, а низшія проявленія его сознательности остаются въ тѣни; внѣшнія условія дѣятельности духа нерѣдко оставляются безъ вниманія, а взамѣнъ этого допускаются широкія гипотезы, дѣлаются смѣлыя обобщенія, высказываются отвлеченные взгляды на жизнь духа. Словомъ, въ этихъ изслѣдованіяхъ душа человѣческая въ общепринятомъ представленіи о ней исчезаетъ вовсе, а остается лишь духъ въ его неуловимомъ и непости-

жимомъ умопредставленіи. Высказанныя нами соображенія о спиритуализмѣ въ значительной степени отразились на психологическихъ системахъ Новицкаго и Кедрова, къ обозрѣнію которыхъ мы и приступаемъ.

„Руководство къ опытной психологіи“ Новицкаго (К. 1840 г.) представляетъ собою передѣлку подобнаго же руководства нѣмецкаго ученаго Фр. Фишера, сопровождаемую разнообразными измѣненіями и оригинальными дополненіями. Слѣдуя Фишеру, авторъ опредѣляетъ задачи психологіи и способъ изслѣдованія въ духѣ реализма: въ психологіи онъ видитъ науку эмпирическую, имѣющую своимъ источникомъ опытъ, а задачею ея поставляетъ тщательное наблюденіе и точное описаніе душевныхъ явлений въ связи съ объясненіемъ ихъ изъ общаго начала, открываемаго въ нихъ правильнымъ анализомъ. Но высказавши такой взглядъ на психологію, Новицкій вслѣдъ затѣмъ старается опредѣлить какъ самое существо души, ея природу и свойства, такъ равно и законы ея дѣятельности чрезъ апріорическія конструкціи, а не индуктивнымъ путемъ. Такимъ образомъ, при самомъ вступленіи въ область научныхъ изслѣдованій, онъ начинаетъ пользоваться методами спекуляціи и, оставляя путь чистой эмпиріи, излагаетъ свои воззрѣнія въ духѣ философіи Шеллинга, дополняя ихъ сужденіями, заимствованными у Аристотеля и неоплатониковъ. Усвоивъ себѣ основной принципъ философіи тожества, онъ, съ точки зрѣнія этого принципа, развиваетъ всѣ частныя положенія науки и высказываетъ взгляды на разныя стороны духовной жизни. Такъ, онъ всюду старается найти аналогіи между матеріальными явленіями растительной жизни души и ея сознательными состояніями. Напримѣръ, образованіе тѣлеснаго органа происходитъ, по его мнѣнію, по тѣмъ же законамъ, какъ и образованіе представленія, мысли и т. п.; процессъ питанія аналогиченъ процессу познаванія, а процессы кровеобращенія и выдѣленія—другимъ видамъ умственной дѣятельности. Далѣе, чувствительность и раздражительность, какъ высшія проявленія жизненной силы, по его взгляду, не просто соотвѣтствуютъ основнымъ началамъ спеціально-душевной жизни—сознанію и волѣ, но и въ нихъ, какъ и въ самой жизненной силѣ, усматриваются имъ, хотя и въ слабой степени,

зародыши сознательной жизни. Притомъ, одухотворяя матеріальные процессы органической жизни въ человѣкѣ, авторъ отчасти приближается къ панпсихизму древнихъ неоплатониковъ.

Психологія Новицкаго раздѣляется на двѣ части: на общую и частную. Въ первой рѣшаются общіе вопросы: о бытіи тѣлесномъ и духовномъ, о соотношеніи духовныхъ началъ въ человѣкѣ, о мѣстопребываніи души, о коренныхъ ея свойствахъ и существенныхъ основахъ ея способностей. Относительно природы души Новицкій высказывается въ смыслѣ философіи Шеллинга. Отличаясь отъ тѣла самодвижимостью, духъ только на вершинѣ своего развитія становится сознательнымъ и свободнымъ; по субстанціи своей тѣлесное и духовное бытіе различаются только количественно, то есть, суть двѣ различныя стороны въ человѣкѣ, или степени его развитія: бытіе тѣлесное есть самая низшая, а человѣческій духъ—самая высшая степень развитія общей силы природы. Будучи двумя главными видами, или явленіями, первой и основной субстанціи природы, они имѣютъ и общія съ природою свойства: *возбужденіе*—основная черта природы—является и коренною особенностью души. Безъ этого предположенія единой основы бытія не можетъ быть объяснено взаимодѣйствіе души съ природою. Самое понятіе души принимается Новицкимъ въ обширномъ смыслѣ: оно обозначаетъ вообще внутреннее начало, осуществляющееся въ организованныхъ тѣлахъ, начало ихъ жизни и развитія, тожественное съ жизненною силою (стр. 14—24). Въ своихъ обнаруженіяхъ это общее жизненное начало проявляется въ трехъ видахъ, или ступеняхъ души: растительной, чувствовательной или животной, и мыслящей или человѣческой. Роль души растительной, или что тоже—жизненной силы, состоитъ въ построеніи тѣла,—роль души животной, или души въ тѣсномъ смыслѣ—въ низшихъ отправленіяхъ сознательности, а роль души мыслящей, или духа—въ высшихъ отправленіяхъ сознательности и свободы. По сущности же своей душа и духъ тожественны: духъ есть душа, когда онъ дѣйствуетъ въ нервной системѣ, и душа есть духъ, когда она живетъ въ самой себѣ и разсматривается отдѣльно отъ тѣла, какъ часть человѣческой природы. Съ другой стороны, душа и жизненная сила также

тожественны, что доказывается неразрывностью ихъ въ тѣлѣ и непосредственнымъ согласіемъ въ дѣйствіяхъ; притомъ душа и въ образованіи тѣла, и въ дѣятельности мышленія выполняетъ одни и тѣ же законы своей природы съ необходимостью. Основныя свойства души суть: субстанціональность и простота. Первая опредѣляется какъ дѣйствительность, въ себѣ и для себя существующая, а вторая — какъ отсутствіе частей въ душѣ и индивидуальность ея (стр. 51—56), связующая, однако, ее со всѣмъ родомъ человѣческимъ и съ внѣшнею природою. Основныя способности души, хотя принадлежатъ собственно духу, но въ извѣстной степени проявляются и въ животныхъ дѣйствіяхъ души, образуя два параллельные порядка: такъ, познаніе въ формѣ животной, или тѣлесной, есть чувственное наблюденіе, а въ духовной — самосознаніе, представленіе и мышленіе; чувствованіе, какъ явленіе чисто духовное, выражается тѣлеснымъ образомъ въ ощущеніи; чувственныя пожеланія и страсти души возвышаются въ духѣ въ наклонности и любовь. Также и въ растительной области обнаруживаются свойственнымъ тѣлу образомъ тѣ же духовные процессы, но не сознаются нами по причинѣ связанности души тѣлеснымъ веществомъ (62—65 стр.). Различіе душевныхъ способностей, равно какъ и всѣ отличія индивидуальной души, выводятся изъ одного основнаго начала природы и духа: съ метафизической точки зрѣнія они суть формы развитія одной всеобщей силы природы, а съ психологической — сводятся къ двумъ основнымъ формамъ: сознанію и волѣ. Послѣднія въ свою очередь сводятся къ двумъ основнымъ возбужденіямъ жизненной силы, причемъ возбужденіе къ органическому образованію представляетъ собою сознаніе, а раздражительность выражаетъ волю (стр. 65—80).

„Частная психологія" имѣетъ своимъ предметомъ обозрѣніе различныхъ способностей и состояній души. Подъ способностями разумѣются различныя обнаруженія души, какъ то: познавательныя, чувствовательныя и желательныя. Анализъ познавательной дѣятельности въ психологіи Новицкаго отличается чрезвычайною обширностью и дробностью дѣленій. Къ познавательнымъ способностямъ у него относятся: внѣшнее чувство, самосознаніе, представленіе, фантазія и разумѣніе, выражаю-

щееся въ дѣятельности разсудка и разума. Установивши, вмѣсто общепринятаго въ наукѣ термина „ощущеніе", собственный— „чувственное наблюденіе", авторъ даетъ сначала предварительный анализъ частныхъ наблюденій отдѣльныхъ чувствъ, какъ то: цвѣтовъ, звуковъ, давленія и т. п., а затѣмъ анализируетъ общія наблюденія многихъ чувствъ: протяженіе, фигуру, движеніе. Общимъ условіемъ познанія признается имъ въ сущности апріорическій законъ духа, выражающійся въ присущей духу необходимости развивать пространственное воззрѣніе, какъ форму для соединенія извѣстныхъ ощущеній, получаемыхъ эмпирическимъ путемъ. Самое пространство понимается авторомъ какъ непосредственное опредѣленіе природы, прямо воспринимаемое сознаніемъ. Да и все вообще чувственное наблюденіе, по его взгляду, есть непосредственное сознаніе дѣйствительности, помимо показаній мускульнаго чувства и чувства осязанія (стр. 155). По взгляду автора, не только разстояніе и протяженность предметовъ, но и такъ называемое третье измѣреніе, ощущеніе протяженія въ звукѣ, пространство и время вообще, могутъ быть непосредственно воспринимаемы сознаніемъ. Въ виду этого, авторъ, отрицая необходимость общепринятыхъ въ наукѣ физіологическихъ условій воспріятія, предлагаетъ собственную теорію „внѣшняго процесса наблюденій". По этой теоріи, предметы наблюденія суть внѣшнія дѣйствительности, именно тѣла и ихъ дѣйствія. Они подпадаютъ сознанію потому, что *душа выступаетъ къ нимъ* и ставитъ себя въ соприкосновеніе съ ними; нервная же система служитъ проводникомъ сознанія отъ средоточія нервной системы къ предметамъ, а не наоборотъ, причемъ сознательная душа, живя во всей нервной системѣ, можетъ всякое чувственное впечатлѣніе воспринимать тотчасъ на мѣстѣ, въ надлежащемъ органѣ". Она можетъ даже выступать за нервную систему, впрочемъ не оставляя ее, и достигать къ самымъ тѣламъ, чтобы воспринимать ихъ въ ихъ тѣлесной дѣйствительности (стр. 123 — 125). Съ точки зрѣнія этой теоріи своеобразно объясняется авторомъ назначеніе внѣшнихъ органовъ чувствъ по отношенію къ познанію. „Главное назначеніе глаза то, чтобы зрительный нервъ, въ которомъ сознаніе выступаетъ въ несвя-

занной чистотѣ, подвергать непосредственному дѣйствію внѣшняго міра" (стр. 134). Назначеніе уха то, чтобы слуховой нервъ, въ которомъ сознаніе движется съ особенною свободою, могъ ненарушимо подвергаться тончайшимъ и быстрѣйшимъ механическимъ дѣйствіямъ, изъ которыхъ образуется звукъ. Самое слышаніе состоитъ въ выступленіи сознанія во внѣшніе процессы звука (стр. 142). Этою же теоріей, по мнѣнію автора, удобнѣе объясняется видѣніе единичное, чѣмъ двойственное. „Одновидѣніе происходитъ тогда, когда сознаніе, привыкшее выступать по направленію обѣихъ осей глазъ, сходится само съ собою въ томъ пунктѣ, гдѣ они пересѣкаются, потому что оно тогда видитъ самый свѣтящійся пунктъ, и слѣдовательно однимъ, какъ онъ и есть" (стр. 147). Въ осязаніи также сознаніе исходитъ во внѣшній міръ и непосредственно познаетъ предметы наблюденій. Правда, авторъ вынужденъ былъ признать, что нѣкоторыя чувственныя соотношенія предметовъ мы уразумѣваемъ чрезъ умозаключенія, но придаетъ послѣднимъ характеръ произвольности, по сравненію съ непосредственнымъ наблюденіемъ (стр. 155).

Болѣе согласны съ дѣйствительностью сужденія автора о прочихъ познавательныхъ способностяхъ. Самосознаніе или внутреннее чувство, по его убѣжденію, является источникомъ познанія о душѣ и ея свойствахъ и обнимаетъ всю область психологіи. Въ самосознаніи дѣятельность души, наблюдающей себя въ непосредственной дѣйствительности, раздвояется и выражается въ самовоззрѣніи. Подъ способностью представленія разумѣется авторомъ сила воспріятія, память и воспоминаніе, что составляетъ три различныхъ момента одного представленія. Сила воспріятія проявляется въ усвоеніи дѣйствительности и превращеніи ея въ представленія посредствомъ особаго дѣйствія духа—замѣчанія. Самыя предствленія суть вполнѣ самостоятельныя образованія по образцу дѣйствительностей. Самообразованія сознанія въ представленіяхъ могутъ происходить и независимо отъ тѣлесныхъ органовъ, какъ это особенно замѣчается въ сновидѣніяхъ и сомнамбулизмѣ. Въ явленіяхъ памяти представленія погружаются въ безсознательность и существуютъ лишь въ возможности, притомъ не въ видѣ слѣдовъ,

а какъ готовность и навыкъ сознанія снова измѣняться въ представленія. Послѣднія снова возбуждаются къ сознанію, или воспоминаются, подъ вліяніемъ тѣлесныхъ и духовныхъ раздраженій и подъ вліяніемъ соприкосновенія понятій. Подъ первыми разумѣются тѣлесныя потребности и духовныя чувствованія, особенно страсти, а подъ вторыми—законы сочетаній (ассоціаціи), которыхъ авторъ исчисляетъ по Аристотелю четыре: ассоціація мѣстной близости, или современность, послѣдовательность, сходство и противоположность. Кромѣ указанныхъ, авторъ признаетъ еще высшіе законы сцѣпленія представленій, посредствуемые разсудкомъ, какъ то: соединеніе частей въ цѣломъ, причинную связь, одинаковость и общность, противоположеніе видовъ. Всѣ эти законы сводятся къ одному закону единства, выражающему природу духа, который всегда сосредоточивается весь въ одномъ актѣ (стр. 155—187). Далѣе, высшая способность разумѣнія выражается въ дѣятельности разсудка и разума. Мышленіе разсудка состоитъ изъ актовъ: понятія, пониманія, сужденія и вывода слѣдствій. Понятіе есть не иное что, какъ общее представленіе содержащихся подъ нимъ частныхъ предметовъ. Способность перерабатывать представленія въ понатія есть остроуміе, выражающееся въ дѣйствіяхъ сличенія и различенія. Примѣненіе понятій въ мышленіи, или сознаніе предмета посредствомъ понятія, есть *пониманіе*, какъ новый актъ разсудка; развитое же въ болѣе полную форму пониманіе есть сужденіе существенною чертою котораго является связь предмета съ понятіемъ. Сужденіе, опосредствованное другими сужденіями, есть умозаключеніе. Въ указанныхъ формахъ и совершается дѣятельность мышленія, которое есть „движеніе сознанія въ познаніяхъ, а равно свободное преобразованіе и приложеніе познаній по закону истины“. Содержаніе мышленія составляютъ прозрѣнія во внутреннія и существенныя отношенія познаваемыхъ предметовъ, кои сводятся къ двумъ основнымъ: отношеніямъ тожественности и причинности, въ виду чего и мышленіе можно назвать развитіемъ тожественныхъ и причинныхъ отношеній (стр. 234—238).—Способность созерцать и уразумѣвать предметы міра сверхчувственнаго и духовнаго есть *разумъ*. Вслѣдствіе связи жизни души съ міромъ ду-

ховнымъ, жизнію природы и Божественною, разумъ созерцаетъ свои предметы непосредственно и непосредственно же убѣждается въ высшихъ истинахъ; самыя созерцанія разума называются идеями. Три основныя идеи: истины, добра и красоты, опредѣляютъ три стороны разума: теоретическую, практическую и эстетическую, и сами воспринимаются тремя способностями: сердцемъ, фантазіей и разсудкомъ. Въ дальнѣйшемъ чисто мистическомъ уясненіи „движенія идей и ихъ развитія по разнымъ степенямъ" авторъ стоитъ на Шеллингово-неоплатонической точкѣ зрѣнія. Преобразуясь подъ вліяніемъ фантазіи, идеи разума даютъ основанія: естественной религіи, религіозной дѣятельности и религіозной символикѣ (стр. 270). Подъ вліяніемъ разсудка начинается уразумѣніе идей и очищеніе ихъ отъ образовъ фантазіи; при посредствѣ анализа разсудокъ преобразуетъ идеи въ умопонятія, а въ синтезѣ старается примирить собственныя понятія съ идеями разума и проникнуться ими, послѣ чего идеи развиваются въ законъ, искусство и науку, осуществляющіеся въ жизни въ законодательствѣ, въ художественныхъ созданіяхъ и философіи. Недостатокъ же развитія душевныхъ силъ восполняется въ откровенной религіи—въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, удовлетворяющихъ нашъ умъ, сердце и волю (стр. 282).

Чувствованія, по взгляду автора, занимаютъ средину между проявленіями познавательныхъ и желательныхъ способностей и составляютъ переходъ отъ познанія къ дѣйствованію. Являясь выраженіемъ относительнаго тожества сознанія и воли, они имѣютъ существенною основою самовозбужденіе души, ея естественно-необходимыя стремленія, данныя вмѣстѣ съ природою души (стр. 289). Самовозбужденіе въ своемъ непосредственномъ проявленіи и есть способность чувствованій. Общій характеръ послѣднихъ состоитъ въ томъ, что они бываютъ или пріятны, или непріятны, смотря по тому, соотвѣтствуютъ ли они стремленіямъ и возбужденіямъ души, или противодѣйствуютъ имъ. По различію областей душевной жизни чувствованія раздѣляются на чисто-духовныя и тѣлесно-духовныя, или ощущенія. Послѣднія не ограничиваются нервною системою; душа, выступая за предѣлы нервной системы, можетъ имѣть ощущенія даже въ безнервныхъ мягкихъ органахъ, въ кровеносныхъ

сосудахъ, железахъ и мышцахъ; таковы ощущенія жизненной теплоты, здоровья, бодрости, аппетита, утомленія. Въ данномъ случаѣ Новицкій слѣдуетъ основному принципу философіи Шеллинга, стараясь найти даже въ безразличныхъ состояніяхъ организма зародыши чувствительности и раздражительности, основныхъ отправленій жизненной силы, или что то же—органически-образовательной силы природы, являющейся источникомъ ощущеній (стр. 295—302). Духовныя чувствованія, по различію возбужденій, дѣлятся на естественныя и святыя. Къ первымъ относятся: убѣжденіе съ его противоположными видами: увѣренностью и сомнѣніемъ, чувствомъ необходимости и удивленіемъ,—эстетическое чувство, сложная серія эгоистическихъ и симпатическихъ чувствованій. Святыя чувствованія, въ отличіе отъ естественныхъ, имѣютъ безусловную власть надъ человѣкомъ и караютъ его за неудовлетвореніе чувствомъ виновности. Это есть возбужденіе Сверхчувственнаго, дѣйствія самого Божества въ духѣ человѣческомъ, отраженіе въ нашемъ *я* Его существеннаго вездѣприсутствія (стр. 336). Сюда относятся чувства религіозныя и нравственныя съ ихъ подраздѣленіями, каковы: благоговѣніе, смиреніе, самоотверженіе, совѣсть и др. Въ разсужденіяхъ о нихъ мистическія соображенія, высказываемыя авторомъ въ духѣ Шеллинговой школы, преобразованы теистическими воззрѣніями, хотя и удержана въ нихъ та же мистическая неопредѣленность. Такъ напримѣръ, по словамъ автора, „въ благоговѣніи конечное ощущаетъ себя незыблемо утвержденнымъ на лонѣ Божественнаго и чувствуетъ, какъ животворное вѣяніе творческой силы несется къ нему изъ той первобытной глубины, изъ которой въ каждое мгновеніе изливается наше бытіе“ (стр. 337). Отдѣлъ о чувствованіяхъ заканчивается небольшимъ трактатомъ о темпераментѣ, относимомъ сюда на томъ основаніи, что „мѣстопребываніе его ограничивается способностью чувствованій, да и самый темпераментъ опредѣляется постояннымъ настроеніемъ чувствованій“ (стр. 345).

Подъ волею разумѣется совокупность желательныхъ способностей души. Главныя отправленія ея выражаются въ дѣятельности души, направленной къ внѣшнимъ предметамъ, и отли-

чаются отъ чувствованій тѣмъ, что въ нихъ предметное стремленіе самовозбужденія души изъ возможности стремленій переходитъ въ дѣйствительность. Анализъ воли распадается на слѣдующіе отдѣлы: тѣлесное выраженіе воли, природное расположеніе и характеръ. Единственнымъ способомъ непосредственнаго выраженія воли, по мнѣнію автора, служитъ взглядъ человѣка. Могущество взгляда не только надъ людьми, но и надъ животными, можетъ быть весьма значительно и всегда является вѣрною мѣрою душевной силы (стр. 361). Прочія тѣлесныя средства выраженія воли, какъ то: голосъ и движенія членовъ—сводятся къ произвольному движенію мышцъ, переходящему подъ вліяніемъ навыка въ правильный механизмъ движенія. Далѣе авторъ съ особенною подробностью останавливается на вопросѣ о *свободѣ воли*. Рѣшеніе вопроса начинается разборомъ двухъ противоположныхъ теорій—детерминизма и индетерминизма. По взгляду автора, обѣ теоріи не ложны, а односторонни: первая производитъ человѣческія дѣйствія изъ однихъ необходимыхъ, а вторая—изъ однихъ свободныхъ началъ, между тѣмъ какъ истина заключается въ примиреніи тѣхъ и другихъ. Свободная воля вполнѣ можетъ быть соглашена съ фактомъ значенія мотивовъ, обычаевъ, наклонностей въ жизни человѣка. Подлиннымъ психологическимъ взглядомъ на образъ человѣческаго дѣйствованія будетъ такой: „дѣятельность воли, съ одной стороны, происходитъ изъ свободнаго выбора, а съ другой—и притомъ большею частью—произвольно вытекаетъ изъ природнаго расположенія и характера человѣка, причемъ внѣшнія вліянія только содѣйствуютъ выбору, болѣе или менѣе опредѣляя волю“ (стр. 395—396). Такимъ образомъ, способность къ самоопредѣленію не исключаетъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, но она не позволяетъ имъ принуждать себя; а только принимаетъ ихъ, какъ поводъ, и слѣдуетъ имъ, какъ побужденіямъ. Въ своихъ свободныхъ дѣйствіяхъ она сознаетъ не основанія, а цѣли, опредѣляется не дѣйствительными причинами, а представляемыми слѣдствіями (стр. 398). Задача свободы состоитъ въ томъ, чтобы преобразовать природу человѣка, превратить ея возбужденія и стремленія въ характеръ,—въ правило, обратившееся во внутреннюю рѣшимость, въ нравъ,

послѣ чего воля можетъ принять въ себя съ свободнымъ усиліемъ нравственный законъ и долгъ и возстановить ихъ въ себѣ въ свою вторую природу (стр. 400). Но на пути къ этой окончательной цѣли воля сталкивается съ природнымъ расположеніемъ, слагающимся какъ изъ возбужденій чувственныхъ и эгоистическихъ, такъ равно и изъ высшихъ возбужденій— религіозныхъ и нравственныхъ. Природное расположеніе, какъ и характеръ, не опредѣляетъ дѣятельности безусловно и не исключаетъ свободы выбора; напротивъ, оба сами подлежатъ постепенному преобразованію со стороны свободной воли, которая, хотя и образовалась въ нихъ, въ каждое мгновеніе можетъ начать новое самообразованіе и новый образъ дѣйствованія, имѣя способность или продолжать внутренно опредѣляемое самохотѣніе въ свободномъ дѣйствованіи, или противиться ему. Общій смыслъ всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій автора можетъ быть выраженъ такъ: свобода состоитъ не въ рѣшеніи *безъ* всякихъ мотивовъ, а въ рѣшеніи *между* мотивами, не въ опредѣленіи какого бы то ни было рѣшенія, а рѣшенія, относящагося къ нравственной области, не въ простомъ выборѣ между средствами, или цѣлями вообще, а въ рѣшеніи, касающемся того, руководиться ли намъ *чувственными* или *нравственными* мотивами. Самая воля только тогда истинно-свободна, когда она опять сдѣлалась внутренно доброю и рѣшительно склонилась къ нравственному закону, потому что тогда только она дѣйствуетъ сообразно съ своимъ внутреннимъ хотѣніемъ. Отсюда, истинную свободу скорѣе должно назвать нравственностью, а недостатокъ свободы—произволомъ, который долженъ еще возвыситься до нравственности. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли рѣшенъ авторомъ въ теистически-моральномъ смыслѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ примирены ученія детерминизма и индетерминизма. Трактатомъ о характерѣ заканчивается отдѣлъ о волѣ. Подъ характеромъ разумѣетъ авторъ „постоянное самообразованіе свободы, или внутреннюю форму и опредѣленность воли“ (стр. 445). Въ этомъ смыслѣ характеръ обнимаетъ собою только добродѣтели и пороки, потому что самообразованіе воли не можетъ быть нравственно-безразличнымъ. Путемъ обстоятельной критики понятій о до-

брѣ и злѣ авторъ устанавливаетъ понятіе о добродѣтели, какъ свободно возстановленной законоопредѣленности человѣческой природы (стр. 453). Видами характера признаются: чувственный и духовный характеръ, причемъ послѣдній подраздѣляется на характеръ сознанія и характеръ воли. Въ частнѣйшемъ анализѣ ихъ (стр. 454—468) авторъ даетъ собственно характеристику различныхъ добродѣтелей и пороковъ, вытекающихъ изъ чувственной и духовной природы человѣка.

„Курсъ психологіи" Кедрова, представляющій значительное сходство съ изложенною системою Новицкаго, также образовался въ нѣкоторой зависимости отъ метафизическихъ началъ Шеллинговой философіи. Правда, „принципъ тожества" не проводится съ такою опредѣленностью въ психологіи Кедрова, какъ въ системѣ Новицкаго, тѣмъ не менѣе, онъ всюду предполагается авторомъ и обусловливаетъ многія его сужденія. Такъ напримѣръ, авторомъ довольно настойчиво утверждается мысль о родствѣ между жизненными отправленіями организма и психическими явленіями, о тожествѣ души съ единою всеобщею силою, одушевляющею природу, и о связи ея жизни съ жизнію природы. Въ частныхъ же сужденіяхъ автора весьма замѣтно сказываются слѣды психологическихъ ученій Платона, особенно по вопросу о способностяхъ души и объ условіяхъ ея земнаго существованія. Притомъ, спиритуалистическія воззрѣнія проводятся Кедровымъ послѣдовательнѣе, чѣмъ Новицкимъ. Задачею психологіи онъ поставляетъ изслѣдованіе существа души, ея силъ и различныхъ состояній, а равно уясненіе цѣли существованія нашего на землѣ.

Въ частности, исходнымъ пунктомъ психологіи поставляется сознаніе, въ которомъ человѣкъ познаетъ себя непосредственно, „созерцая себя въ самомъ себѣ и изъ себя" (стр. 13). Оно является наивысшимъ основаніемъ достовѣрности нашихъ познаній, вытекающей изъ убѣжденія о тожествѣ нашего *я* съ тѣмъ, что оно непосредственно сознаетъ. По степенямъ своего развитія оно дѣлится на низшее и высшее, изъ коихъ первое чуждо знанія о высшихъ потребностяхъ духа, а второе состоитъ въ уразумѣніи зависимости духа и тѣсной связи его съ Божествомъ. По предметамъ оно бываетъ двухъ видовъ:

теоретическое, сообщающее единство всѣмъ психическимъ отправленіямъ, и практическое, или совѣсть. Предѣлами его признаются внѣшнія ощущенія и наши внутреннія состоянія. По ходу разсужденій автора, видно, что сознаніе отожествляется имъ со всею душевною жизнію, или вѣрнѣе—послѣдняя вся стягивается въ сферу сознательности.

Далѣе, существо души понимается Кедровымъ такъ же широко, какъ и Новицкимъ. Въ душѣ вообще различаются имъ два начала: земное и небесное, животное и разумное, душа и духъ. Душа есть жизненное начало, движущее, поддерживающее и въ болѣзни возстановляющее организмъ, начало тожественное съ органическою, растительною и животною жизнію, обладающее самодвиженіемъ и чувствительностью; духъ есть высшее, неземное начало, уподобляющее человѣка Существу безконечно-совершеннѣйшему, обладающее разумностью и свободою (стр. 29—31). Тѣсная связь души и духа образуетъ единое духовное существо, что доказывается единствомъ и тожествомъ самосознанія. Связь же души съ тѣломъ имѣетъ метафизическое основаніе: душа при своей ограниченности, должна существовать въ пространствѣ и времени и слѣдовательно имѣть тѣлесную организацію, съ которою образуетъ одно цѣлое, разлагающееся на составныя части лишь при переходѣ человѣка къ новой жизни. Далѣе, между тѣмъ какъ Новицкій въ частнѣйшемъ указаніи главнѣйшихъ отправленій души придерживается ученія Аристотеля, Кедровъ слѣдуетъ Платоновскому дѣленію души, относя умственныя отправленія къ мозгу, чувствительность полагая въ груди, а вожделѣнія души въ чревѣ (стр. 50). Чрезъ тѣло свое душа вступаетъ въ ближайшее отношеніе къ міру видимому, причемъ „постоянное сообщеніе ея съ послѣднимъ затрудняетъ для нея общеніе съ міромъ духовъ, обитающихъ на небесныхъ свѣтилахъ и принимающихъ участіе въ нашей бѣдственной долѣ" (стр. 54—56). Подъ способностями души у Кедрова разумѣются возможности психическихъ дѣйствій и явленій. Способностей допускается имъ три: способность разумѣнія, сердечнаго ощущенія и желательная.

Ученіе о познавательной способности у Кедрова отличается большею удобопріемлемостью взглядовъ, чѣмъ у Новицкаго.

По его убѣжденію, познавательная способность обнаруживается въ трехъ главныхъ формахъ: въ способности чувственнаго воспріятія, въ разсудкѣ и разумѣ. Первая выражается въ воспріемлемости впечатлѣній отъ внѣшняго міра при посредствѣ чувствъ, зависящихъ отъ органовъ тѣла. Объ устройствѣ послѣднихъ авторъ не говоритъ, а кратко лишь указываетъ условія ощущеній. Такъ, вкусъ, по его мнѣнію, происходитъ посредствомъ химическаго разложенія вкушаемыхъ веществъ въ слюнѣ; обоняніе происходитъ отъ раздраженія обонятельнаго органа; осязаніе состоитъ въ соприкосновеніи тѣлъ съ нервами, распространяющимися по всему организму. Слухъ имѣетъ свою причину въ сотрясеніяхъ воздуха (стр. 61—63). Уясняя затѣмъ процессы познаванія, авторъ не соглашается съ тѣмъ мнѣніемъ, что „мы непосредственно можемъ познавать чрезъ зрѣніе величины, фигуры, и отдаленіе предметовъ". Такое познаніе, по его мнѣнію, есть плодъ многихъ отправленій нашего духа. Вопросъ о томъ, суть ли наши ощущенія, объективныя свойства вещей, или „видоизмѣненія нашего сознанія, существующія, пока мы ощущаемъ",—рѣшается въ томъ смыслѣ, что они суть совокупныя произведенія неизвѣстныхъ намъ причинъ, находящихся въ вещахъ, и настроенія, или расположенія нашихъ чувственныхъ органовъ (стр. 73). Сущность чувственнаго познанія, по взгляду Кедрова, слагается изъ ощущенія и представленія, которыя сливаются въ одномъ актѣ чувственнаго воспріятія. По значенію своему, чувственное познаніе есть познаніе относительное, какъ ограниченное относительными свойствами вещей и не касающееся ихъ существа; притомъ оно зависитъ отъ различной воспріемлемости органовъ и различнаго положенія относительно насъ вещей. Тѣмъ не менѣе, оно стоитъ въ согласіи съ предметами (стр. 84—86). Разрозненныя чувственныя познанія приводятся къ единству въ сознаніи *разсудкомъ*. Послѣдній, занимая срединное положеніе между чувственнымъ воспріятіемъ и разумомъ, сообщаетъ матеріалу познаній свои формы и идеальный характеръ. Всѣ наши познанія о мірѣ, человѣкѣ и Создателѣ, являются подъ формами разсудка, безъ которыхъ предметы исчезаютъ для нашего сознанія. Общій характеръ дѣя-

тельности разсудка—отвлеченность. Тѣмъ не менѣе, разсудочныя познанія должны быть основаны на опытѣ, отличаться практичностью, согласоваться съ высшими благороднѣйшими требованіями разума и съ божественнымъ откровеніемъ (стр. 87—93). Дѣятельность разсудка происходитъ при помощи воображенія и памяти. Воображеніе есть способность представлять образы предметовъ. Оно бываетъ двухъ видовъ: воспроизводительное и творческое, и зависитъ отъ прочихъ способностей, а равно и отъ законовъ ассоціаціи. Память есть коренная способность души, сохраняющая познанія о бытномъ и оживляющая въ себѣ истинное и ложное, ясное и темное. Это—способность страдательная, удерживающая въ себѣ все то, что прочія душевныя силы дали ей для сбереженія. Восполненіе есть лишь отдѣльный видъ памяти (стр. 109—113). *Разумъ*, не составляя отдѣльной силы души, есть высшее проявленіе разумности. Это способность идей, или вышечувственныхъ представленій, органъ, способный къ впечатлѣніямъ сверхчувственнаго міра. Первоначально существуя въ душѣ въ видѣ разумнаго инстинкта, влекущаго насъ къ чему-то высшему, лучшему, совершеннѣйшему, онъ подъ вліяніемъ категорій разсудка доводитъ насъ до идеи о единомъ, всесовершенномъ и самобытномъ Существѣ. Темныя требованія разума подъ условіемъ правильнаго развитія и вѣрнаго направленія всѣхъ способностей съ помощью опыта, проясняются въ отчетливыя умопредставленія: идея совершеннѣйшаго Существа преобразуется въ живую идею Божества, которая въ разсудкѣ обнаруживается идеею истины, въ волѣ—идеею блага, въ сердцѣ—идеею прекраснаго. Наиболѣе ясныя умопредставленія разрѣшаются у святыхъ мужей въ видѣнія и созерцанія духовныхъ предметовъ, (стр. 125—131). Идеямъ авторъ усвояетъ—въ духѣ неоплатонизма—мистическое значеніе: онѣ разливаютъ жизнь въ природѣ; онѣ составляютъ задачу, которую рѣшаетъ родъ человѣческій своимъ бытіемъ; по идеямъ все живетъ и дѣйствуетъ. На высшихъ ступеняхъ умственной дѣятельности разумность проявляется въ геніи и талантѣ (стр. 131—137).

Трактатъ о чувствованіяхъ у Кедрова отличается сравнительною краткостію. Чувствованіе опредѣляется имъ, какъ со-

знаваемое внутреннее состояніе, сознаніе перемѣнъ и движеній нашего духа. Сердечная жизнь признается имъ въ томъ же смыслѣ самостоятельною и первообразною, въ какомъ утверждается самостоятельность силъ познавательныхъ и желательныхъ. Самыя чувствованія разсматриваются въ двоякомъ отношеніи, а именно: по отношенію къ предметамъ и по внутреннему ихъ качеству. Въ первомъ случаѣ различаются: физическія, умственныя, нравственныя, эстетическія и религіозныя чувствованія, во второмъ—пріятныя и непріятныя. Главнымъ содержаніемъ всего трактата является нравственная оцѣнка чувствованій и уясненіе ихъ значенія въ нравственной жизни человѣка.

Трактатъ Кедрова о „желательной способности“ представляетъ много общихъ точекъ соприкосновенія съ ученіемъ Новицкаго о волѣ. Основаніе желательной способности полагается имъ въ свободѣ. Назначеніе свободы поставляется въ томъ, чтобы возвысить инстинктуальныя влеченія души въ нравственныя, преобразовать необходимость природную въ необходимость разумную, моральную. Но инстинктъ природы переходитъ въ нравственную необходимость только посредствомъ произвола, останавливающаго человѣка на распутіи между естественными влеченіями души и истинно-свободными. Отсюда, инстинктъ, произволъ и свободная воля—суть три вида желательной способности, соотвѣтствующіе способности воспріятія, разсудку и разуму (стр. 158). Инстинктъ принимаетъ разныя формы: инстинктъ чувственный состоитъ въ построеніи и образованіи душею тѣла; инстинктъ разумѣнія — во влеченіи души къ познанію, инстинктъ нравственный—во влеченіи къ добру. Произволъ выражается въ образованіи склонностей и страстей. Главное свойство свободной воли есть нравственная необходимость, выражающаяся въ постоянствѣ осуществленія идеи блага (стр. 203). Обнаруженія свободной воли суть: самопожертвованіе и характеръ. Въ сущности своей они безразличны и взаимно предполагаютъ другъ друга, по насколько самоотверженіе выше характера, настолько характеръ постояннѣе. Характеръ собственно и есть постоянство въ принятыхъ правилахъ жизни, которое ежеминутно опредѣляетъ собою свобод-

ный образъ дѣйствованія и представляетъ качественный его итогъ (стр. 208). Характеръ бываетъ чувственный и духовный; первый соотвѣтствуетъ инстинкту, а второй—свободѣ и выражается въ добродѣтеляхъ.

Кромѣ изложеннаго ученія о душевныхъ явленіяхъ и способностяхъ, мы находимъ еще два отдѣла въ психологіи Кедрова. Въ первомъ говорится о различныхъ состояніяхъ души, зависящихъ отъ внѣшнихъ причинъ, какъ то: отъ развитія тѣлесной системы, отъ здороваго и больнаго состоянія организма, отъ различія темпераментовъ, возрастовъ, пола, климата, воспитанія. Сюда же относятся разныя „ненормальныя" состоянія: сонъ съ сновидѣніями, сомнамбулизмъ, сумасшествіе и разнаго рода психическія разстройства. Многія соображенія, высказанныя здѣсь авторомъ, отличаются парадоксальностью. Такъ напримѣръ, по его взгляду, большой и малый ростъ сопровождаются слабостью душевныхъ способностей; внѣшняя уродливость вліяетъ и на красоту душевную и т. п. Заключительный отдѣлъ—о цѣли существованія нашего на землѣ—собственно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ психологіи.

Не трудно видѣть, что изложенныя системы вовсе не представляютъ еще того богатства наблюденій надъ душевною жизнію и тѣхъ плодотворныхъ результатовъ, коихъ психологія достигла впослѣдствіи, въ зависимости отъ примѣненія къ ней естественно-научныхъ методовъ и разнообразныхъ открытій въ области естествознанія. Онѣ построены на метафизическихъ началахъ и отличаются умозрительнымъ характеромъ: вопросъ о природѣ души и ея свойствахъ, рѣшаемый апріорнымъ путемъ, составляетъ въ нихъ главный предметъ изслѣдованія; явленія же душевной жизни, по взгляду обоихъ авторовъ, должны лишь вести къ уясненію указаннаго принципіальнаго вопроса. Въ самомъ изслѣдованіи явленій оба психолога отнюдь не довольствуются показаніями опыта, а признаютъ необходимость переработки ихъ и возведенія къ высшимъ соображеніямъ. Притомъ, они занимаются не столько механизмомъ психической жизни, сколько изъясненіемъ ея, допуская при этомъ произвольныя предположенія, идущія дальше всякаго опыта. Исходя же изъ убѣжденія, что духъ по самой природѣ

своей мыслитъ и познаетъ, они становятся большею частью на точку зрѣнія непосредственнаго вѣдѣнія: ощущенія и чувства признаются ими за прямыя показанія свойствъ окружающаго міра. Въ виду этого, ими игнорируются предварительныя условія чувственнаго познанія, какъ то: внѣшнее возбужденіе, раздраженіе нервовъ, впечатлѣніе, а равно тѣ цѣнныя свѣдѣнія, какія можетъ дать психологіи физіологія.

Въ частности, Новицкій, признавая въ принципѣ опытъ источникомъ психологіи, а индукцію ея орудіемъ, въ дѣйствительности излагаетъ свою систему совершенно *догматически*, даетъ готовые термины, дѣленія, общіе законы и объясненія, не показывая того, какъ они добыты, и ни мало не заботясь о доказательствахъ относительно правильности найденныхъ результатовъ и невозможности какихъ-либо иныхъ. Правда, приводятся въ системѣ Новицкаго и факты, даже въ значительномъ количествѣ, но они не анализируются на глазахъ читателя, а заявляются только какъ подтвержденіе заранѣе сдѣланнаго анализа. Признавая себя эмпирикомъ, авторъ вводитъ въ свое изложеніе общія понятія и разнаго рода категоріи, которыхъ ни откуда не выводитъ и ничѣмъ не оправдываетъ, а нѣкоторыхъ какъ бы вовсе не замѣчаетъ, хотя они играютъ у него видную роль въ объясненіи фактовъ. Такъ, руководясь принципомъ натурфилософскаго монизма, авторъ стремится установить тѣсное родство между различными явленіями матеріальной и духовной жизни человѣка и подчинить ихъ общимъ законамъ: отсюда, въ образованіи тѣлеснаго организма онъ видитъ дѣйствіе тѣхъ же законовъ, по которымъ образуются представленія и мысли, въ процессѣ питанія находитъ родство съ процессомъ познаванія, въ процессѣ кровеобращенія—родство съ дѣятельностью мышленія, творчества и фантазіи, а равно, допускаетъ и другія сопоставленія, не уясняющія сущности душевныхъ явленій и въ научномъ смыслѣ безполезныя. Вытекающее же изъ общихъ метафизическихъ воззрѣній автора признаніе одной нераздѣльной основы, или коренной субстанціи, объединяющей въ себѣ природу и духъ, приводитъ его къ мысли о возможности непосредственнаго общенія души съ природою въ познаніи и дѣятельности. Далѣе,

допускаемое натурфилософами, въ качествѣ основной силы природы, *побужденіе*, обнаруживающее свою непрерывную производительность въ организмахъ, признается у автора зерномъ психической жизни, началомъ психическаго анализа, дальше котораго не простирается психологическое наблюденіе. Отсюда и основною задачею психологіи поставляется—выяснить, какъ *побужденіе* постепенно преобразуется въ отправленія разумнаго сознанія, а въ качествѣ мотива къ прогрессивному развитію сознанія указывается стремленіе духа къ наивысшему совершенству, доступному его природѣ. Самое же сознаніе, какъ коренное свойство души, предполагается уже готовымъ изначала *внутри* себя, и только постепенно должно раскрываться *для* человѣка. Указанными общими соображеніями опредѣляются и частные пріемы изслѣдованія въ психологіи Новицкаго, и его своеобразныя воззрѣнія. Такъ созданная авторомъ оригинальная теорія „внѣшняго процесса чувственныхъ наблюденій", являющаяся въ сущности теоріей интуитивнаго познанія, вытекаетъ изъ усвоенной имъ идеи *единства* жизни природы и духа. Будучи чисто апріорическимъ построеніемъ, она противорѣчитъ общепризнаннымъ научнымъ фактамъ и дѣйствительнымъ условіямъ чувственнаго познанія. Въ учебникахъ физики совершенно ясно доказывается, что ощущенія, возбуждаемыя свѣтомъ въ глазу, не даютъ и не могутъ дать понятія о разстояніи предмета, равно какъ не могутъ дать понятія о его величинѣ и формѣ. Безспорно, что міръ, воспринимаемый зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, не дается намъ ощущеніями этихъ чувствъ; сама наша душа съ изумительною быстротою и легкостью каждое мгновеніе строитъ изъ нихъ тѣ ясные, отчетливые и полные образы, которые мы называемъ нашими воспріятіями. Въ виду этого, автору слѣдовало раскрыть *условія* психической дѣятельности, лежащей въ основѣ предметнаго воззрѣнія; между тѣмъ онъ, съ своей предвзятой точки зрѣнія, прямо приписалъ духу способность непосредственнаго воспріятія и разстояній, и формы и величины предметовъ.—Анализъ разсудочной дѣятельности въ системѣ Новицкаго отличается большею основательностью и сравнительною удобопріемлемостью взглядовъ. Къ частнымъ недостат-

камъ этого отдѣла нужно отнести слѣдующее: понятіе недостаточно отличено Новицкимъ отъ общаго представленія и нерѣдко смѣшивается съ нимъ. Далѣе „пониманіе", по взгляду автора, составляетъ особый актъ мышленія слѣдующій за понятіемъ, но на дѣлѣ, изъ всего хода разсужденій автора, оказывается, что она не представляетъ ничего существенно новаго, отличнаго отъ понятія. „Способность остротъ" трактуется авторомъ, какъ особая способность, занимающая средину между разсудкомъ и разумомъ, но въ сужденіяхъ о ней повторяется почти то же, что уже сказано авторомъ при анализѣ понятія объ „остроуміи"—съ добавленіемъ лишь нѣкоторыхъ соображеній о формахъ комическаго. Трактатъ о разумѣ отличается нѣкоторою неполнотою и односторонностью. Авторъ подробно говоритъ о способности духа непосредственно познавать сверхчувственное въ идеяхъ разума, но не касается вопроса о происхожденіи идей и условіяхъ раскрытія ихъ въ сознаніи. Самый трактатъ о разумѣ (стр. 252—292) наполненъ весьма подробными мистическими соображеніями о воспріятіи идей сердцемъ и видоизмѣненіяхъ ихъ,—образованными подъ вліяніемъ идей неоплатонизма и философіи Шеллинга. Вліяніе послѣдней весьма замѣтно отразилось также на сужденіяхъ автора о предзнаменательныхъ снахъ, о явленіяхъ сомнамбулизма, о предвѣдѣніи, возможности духовидѣній и сношеній съ духами. Трактатъ о чувствованіяхъ можетъ быть названъ наиболѣе слабымъ отдѣломъ психологіи Новицкаго. При своей сравнительной краткости (стр. 285—345) онъ обнимаетъ далеко не всѣ группы чувствованій. Генезиса ихъ, состава и условій развитія авторъ не касается. Взамѣнъ анализа чувствованій, авторъ довольно подробно разсуждаетъ о метафизическихъ основахъ ихъ. Притомъ, отчасти подъ вліяніемъ началъ лейбнице-вольфіанской психологіи, авторъ отрицаетъ самостоятельность чувствованій, видя въ нихъ лишь „относительное тожество сознанія и воли". Въ трактатѣ о волѣ авторъ не занимается частнѣйшимъ анализомъ отдѣльныхъ проявленій воли, равно какъ не уясняетъ и ея механизма, а признавши сущностью воли свободу, подробно говоритъ объ условіяхъ ея развитія—до наивысшей степени нравственнаго расположенія

къ добру. При томъ, въ своихъ разсужденіяхъ о свободѣ воли авторъ въ большей степени руководится метафизическими и нравственными соображеніями, нежели спеціально психологическими. Вообще же, во всей психологіи Новицкаго преобладаетъ умозрѣніе и дедукція надъ анализомъ и опытнымъ изслѣдованіемъ фактовъ. Эта психологія есть собственно система созерцательныхъ понятій безъ естественно-психологическаго оправданія ихъ путемъ развитія.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на указанныя особенности и недостатки, объясняемые главнымъ образомъ тогдашнимъ состояніемъ психологической науки вообще, разсматриваемая система была замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени. Представляя собою капитальный ученый трудъ, многосторонній по содержанію и общедоступный по изложенію, психологія Новицкаго, одна изъ первыхъ, ознакомила русскую публику съ богатымъ внутреннимъ міромъ человѣка и тайниками его душевной жизни, раскрыла недоступныя обыденному сознанію и непосредственному чувству разнообразныя проявленія развивающагося сознанія и дала ключъ къ правильному уразумѣнію жизни души. При своей популярности, она была долгое время учебникомъ психологіи въ высшихъ и среднихъ духовныхъ школахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ одна изъ первыхъ научныхъ системъ, она послужила твердымъ основаніемъ для дальнѣйшей самостоятельной разработки психологіи въ Россіи. Но и независимо отъ своего временнаго, такъ сказать историческаго значенія, психологія Новицкаго заслуживаетъ серьезнаго вниманія по глубинѣ и основательности раскрытія многихъ существенныхъ вопросовъ въ наукѣ о душѣ. Самостоятельность духовнаго начала и его самодѣятельность раскрыты и обоснованы Новицкимъ довольно обстоятельно. Природа мышленія и разсудочной дѣятельности понята авторомъ правильно. Трактатъ о свободѣ воли отличается сравнительною глубиною и удобопріемлемостью высказанныхъ въ немъ взглядовъ, причемъ весьма обстоятельно выяснена нравственная сторона личности человѣка. Послѣдовательно же проведенная въ системѣ Новицкаго идея единства душевной жизни нашла себѣ приложеніе во всѣхъ новѣйшихъ системахъ психологіи и выразилась въ наши дни общепринятымъ ученіемъ о „психическомъ спектрѣ".

„Курсъ психологіи" Кедрова отличается еще большею зависимостью отъ метафизическихъ воззрѣній, чѣмъ система Новицкаго. По своимъ основнымъ убѣжденіямъ авторъ мистикъ-спиритуалистъ: внѣшнему міру онъ усвояетъ меньшую степень дѣйствительности, чѣмъ духовному, — не сомнѣвается въ дѣйствительности существованія множества разумныхъ духовъ на небесныхъ свѣтилахъ, вѣритъ въ предзнаменательное значеніе сновидѣній и возможность непосредственнаго сообщенія духа человѣка съ душами умершихъ, придаетъ объективное значеніе явленіямъ ясновидѣнія и т. п. Всѣ подобныя сужденія излагаются авторомъ чисто догматически, какъ безспорныя истины, причемъ въ подтвержденіе ихъ не приводится ни фактическихъ данныхъ, ни какихъ-либо научныхъ соображеній. Возможность различныхъ необыкновенныхъ въ жизни духа явленій, а равно и его необычайныхъ дѣйствій, утверждается на томъ лишь апріорномъ предположеніи автора, что духъ человѣка, даже при всей своей ограниченности, въ предѣлахъ возможной для него дѣятельности нѣсколько приближается къ могуществу Божію. Помимо натурфилософской идеи единства жизни, подъ вліяніемъ которой авторъ утверждаетъ родство и полное соотвѣтствіе между явленіями органической и психической жизни человѣка, въ психологіи Кедрова мы находимъ ясно выраженными идеи философіи Платона и воззрѣнія неоплатонизма. Такъ, авторъ воспроизводитъ платоновское дѣленіе души и распредѣленіе ея способностей примѣнительно къ разнымъ частямъ организма. Душа, по его убѣжденію, есть временная скиталица на землѣ, томящаяся въ узахъ тѣла, и должна, по завершеніи цѣли своего земнаго существованія, возвратиться въ свое отечество, къ Небесному Отцу, отъ Котораго получила свое начало. Въ состояніяхъ временнаго ослабленія своей связи съ тѣломъ она можетъ непосредственно созерцать сверхчувственное, которое въ обыкновенномъ состояніи является ей въ идеяхъ разума. „Чистые же сердцемъ, говоритъ авторъ, могутъ прозирать въ область духовъ, или лучше—духи сами имъ открываются" (стр. 54). Подъ вліяніемъ идей неоплатонизма авторъ удѣляетъ весьма много вниманія таинственнымъ связямъ души человѣческой съ высшимъ духовнымъ міромъ, — разсуждаетъ о происхожденіи

души, о смыслѣ ея связи съ тѣломъ, о послѣдующей судьбѣ ея по расторженіи этой связи, о значеніи тѣла для души и т. п.; равнымъ образомъ, имъ признается свобода „нѣкоторой части души“ отъ узъ тѣла, родство души съ Божественною природою, способность ума отклоняться отъ всего чувственнаго и т п. На изслѣдованіи частныхъ вопросовъ и отдѣльныхъ психическихъ явленій слишкомъ замѣтно отразилось незнакомство автора съ данными физіологіи и наукъ естественныхъ, вслѣдствіе чего онъ нерѣдко высказываетъ сужденія, впослѣдствіе опровергнутыя наукою. Въ виду особаго назначенія „Курса“ Кедрова—служить учебнымъ руководствомъ для духовныхъ заведеній, въ немъ преслѣдуется главнымъ образомъ практическая цѣль—примѣнимость познаній о душѣ къ условіямъ нравственнаго развитія. Въ виду этого, ученыя разсужденія автора большею частью переходятъ въ моральныя наставленія и сопровождаются пространными разъясненіями смысла и значенія психологическихъ фактовъ въ сферѣ нравственной жизни. Относительно научныхъ достоинствъ труда Кедрова слѣдуетъ замѣтить, что онъ, при современномъ состояніи познаній о душевной жизни, не можетъ имѣть серьезнаго значенія; для своего же времени онъ былъ очень полезенъ, особенно со стороны уясненія высшаго идеальнаго смысла психическихъ явленій. Для нашихъ дней онъ является выраженіемъ одной изъ первыхъ ступеней въ развитіи самостоятельной психологической науки.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

По дѣлу объ увѣковѣченіи памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра III за явленныя Имъ Церкви, ея служителямъ и народу неисчислимыя Царственныя милости.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе объ увѣковѣченіи памяти въ Возѣ почившаго Благочестивѣйшаго Императора Александра Александровича, за явленныя Имъ Церкви, ея служителямъ и народу неисчислимыя Царственныя милости. Приказали: Неисповѣдимому въ судьбахъ Своихъ Богу угодно было отозвать отъ насъ въ небесныя селенія Благочестивѣйшаго Императора Александра Александровича. Въ безграничной скорби о тяжкой утратѣ Царелюбивый русскій народъ находитъ утѣшеніе въ молитвахъ о блаженномъ упокоеніи души почившаго Государя и въ благодарномъ воспоминаніи о Царственныхъ Его трудахъ на благо своего народа, особливо же Святой нашей Церкви. Во всю Свою жизнь твердо храня унаслѣдованную отъ Вѣнценосныхъ своихъ предковъ истинную вѣру Христову, Онъ явилъ неисчислимыя доказательства сыновней преданности Православной Церкви, ревности и попечительности объ огражденіи ея достоинства, о поддержкѣ и ободреніи пастырей, добрѣ трудящихся, о воспитаніи народа въ духѣ вѣры и благочестія. Многія мѣропріятія Государя-Отца, всегда сердечно отзывчиваго на нужды всѣхъ и каждаго, направлялись къ возможному улучшенію быта духовенства, духовно-учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ. Своимъ державнымъ словомъ, неоднократно раздававшимся съ высоты Престола, Онъ оживилъ искони излюбленныя народомъ церковныя школы, поощрялъ учителей, радовался успѣхамъ сихъ школъ и повсемѣстному ихъ распространенію, щедро помогалъ въ ихъ нуждахъ. Духовенство высоко цѣнило и цѣнитъ таковое благоволительное вниманіе и милости Царя. Со всѣхъ концовъ Россіи слышатся нынѣ громкія заявленія искреннѣйшихъ желаній духовенства почтить добрымъ дѣломъ память почившаго Государя. Всецѣло раздѣляя столь благія желанія, Святѣйшій Синодъ и съ своей стороны поставляетъ священнымъ долгомъ воздать подобающую дань глубочайшей признательности почившему въ Возѣ Великому Монарху и, для увѣковѣченія достославныхъ Царственныхъ дѣлъ Его, полагаетъ: 1) соорудить въ С.-Петербургѣ храмъ во имя святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго; 2) при семъ храмѣ устроить въ С.-Петербургѣ же двухклассную образцовую церковно-приходскую школу для мальчиковъ

и дѣвочекъ, посвятивъ ее Августѣйшему Имени въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, и 3) учредить неприкосновенный капиталъ Его же Имени для выдачи изъ процентовъ съ онаго пособій учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Но принимая во вниманіе, что при осуществленіи сихъ предположеній надлежитъ сообразоваться съ желаніями жертвователей, Святѣйшій Сѵнодъ опредѣляетъ: нынѣ же поставить въ извѣстность Епархіальныхъ Преосвященныхъ, Сѵнодальныя Конторы, завѣдывающаго Придворнымъ духовенствомъ, а равно Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, что Святѣйшій Сѵнодъ, въ удовлетвореніе поступившихъ въ оный многочисленныхъ отъ разныхъ лицъ заявленій объ увѣковѣченіи памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, благословляетъ принимать добровольныя на вышеуказанные предметы пожертвованія, какъ отъ самихъ Преосвященныхъ и ихъ викаріевъ, такъ отъ настоятелей и настоятельницъ монастырей, начальницъ общинъ, епархіальнаго духовенства, духовенства придворнаго и военнаго вѣдомствъ, начальствующихъ и служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ — мужскихъ и женскихъ, церковныхъ старостъ и попечителей церковно-приходскихъ школъ, а также и отъ всѣхъ радѣющихъ о нуждахъ и пользахъ народнаго образованія въ духѣ православной Церкви, и для сего препроводить при циркулярныхъ Сѵнодальныхъ указахъ образцы подписныхъ листовъ, съ тѣмъ, чтобы Преосвященные, Сѵнодальныя Конторы, Завѣдывающій придворнымъ духовенствомъ и Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства разослали по симъ образцамъ таковые же листы, за надлежащимъ подписаніемъ, въ монастыри, общины, духовно-учебныя заведенія и причтамъ всѣхъ церквей, съ предписаніемъ, листы сіи, по окончаніи сбора, вмѣстѣ съ пожертвованными по онымъ деньгами, доставить въ Сѵнодальныя Конторы, Консисторіи, въ Канцелярію Завѣдывающаго придворнымъ духовенствомъ и въ Духовное Правленіе при Протопресвитерѣ военнаго и морскаго духовенства, по принадлежности, для отсылки изъ сихъ учрежденій пожертвованій въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сѵнодѣ, которому поручить, по полученіи изъ всѣхъ мѣстъ свѣдѣній объ окончаніи сбора, представить, въ установленномъ порядкѣ, Святѣйшему Сѵноду общій отчетъ о пожертвованіяхъ для дальнѣйшихъ по сему дѣлу распоряженій; о чемъ, для зависящихъ къ исполненію сего распоряженій, послать, по принадлежности, печатные циркулярные указы. Января 18 дня 1895 года.

Подлинный указъ подписали: *Оберъ-Секретарь А. Гавриловъ. Секретарь В. Самуиловъ.*

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *).

III.

Новѣйшія психологическія системы.

Новѣйшія русскія психологическія системы образовались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ двухъ совершенно различныхъ направленій мысли, свойственныхъ *нѣмецкой* и *англійской* психологіи и, отражая на себѣ ихъ характерныя черты, представляютъ собою двѣ параллельныя группы. Сообразно намѣченному нами плану, разсмотримъ сначала психологическія системы, развившіяся подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи и психологіи.

Типическій характеръ, свойственный обоимъ кореннымъ направленіямъ новѣйшей германской психологіи—идеализму и реализму—состоитъ въ стремленіи къ монизму, устраняющему противоположность духа и матеріи и устанавливающему взаимную связь и отношеніе между двумя рядами явленій—вещественными и духовными. Но теперь этотъ монизмъ, въ отличіе отъ прежняго натурфилософскаго, понимается уже не въ обширномъ космическомъ смыслѣ, а въ болѣе тѣсномъ—психологическомъ и переносится изъ области метафизики въ сферу человѣческой жизни. Сообразно съ этимъ, задачу психологическихъ идей у представителей разныхъ школъ составляетъ способъ, какъ можно понимать единство души и тѣла. Въ основаніи этого единства обыкновенно полагается мысль, что одна изъ двухъ сторонъ человѣческаго существа, душа или тѣло,

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г., № 5.

есть начало, или производящее, а другая—явленіе, или производимое. У идеалистовъ производящимъ началомъ служитъ душевный агентъ, направляющій жизнію тѣла; у реалистовъ, наоборотъ, душевный агентъ есть результатъ невѣдомой физической силы, причемъ механическій порядокъ явленій и вещественное орудіе духа являются главными условіями психическаго развитія. Стремленіе къ связному разсмотрѣнію обоихъ порядковъ явленій и къ примиренію многихъ крайностей идеализма и реализма вызвало среднее, примирительное направленіе науки, называемое идеально-реальнымъ. Оно усиливалось показать, что механическій ходъ явленій втекаетъ въ порядокъ высшій, или цѣлесообразный, и наоборотъ, что высшимъ и цѣлесообразнымъ порядкомъ направляется и поглощается порядокъ низшій и механическій. По смыслу его также признавалось одно гармоническое цѣлое, человѣческое существо, а не двѣ противоположныя субстанціи. Нельзя сказать, чтобы эти три господствующія направленія нѣмецкой психологіи отразились въ русскихъ системахъ въ своемъ чистомъ, вполнѣ сложившемся и законченномъ видѣ. Въ сущности они опредѣляли только общій ходъ мыслей, тонъ и преобладающій характеръ въ трудахъ ихъ русскихъ послѣдователей, не устраняя возможности оригинальныхъ воззрѣній и привнесенія многихъ посторонныхъ элементовъ. Притомъ, три господствующія направленія науки имѣли, какъ извѣстно, въ самой Германіи, множество частныхъ фракцій, воззрѣнія которыхъ самыми различными способами перемѣшивались, дополнялись и преобразовывались въ системахъ русскихъ изслѣдователей жизни духа. Особенно это нужно сказать о нѣмецкомъ реализмѣ, который въ своемъ преобразованномъ видѣ въ русской психологіи почти утратилъ свои специальныя черты и очень близокъ къ умѣренному идеализму. Разсмотримъ главнѣйшіе психологическіе труды русскихъ изслѣдователей, соотвѣтствующіе указаннымъ направленіямъ нѣмецкой психологіи.

Психологическій идеализмъ.

Психологическимъ идеализмомъ въ современномъ его значеніи называется такое направленіе, въ которомъ всѣ психическія явле-

нія выводятся изъ самодѣятельности внутренняго, основнаго душевнаго агента, зиждущаго ихъ, правящаго ими и вмѣстѣ съ ними развивающагося. Не ограничиваясь однимъ только изслѣдованіемъ происхожденія, преемства и причинной связи психическихъ явленій и состояній, это направленіе занимается главнымъ образомъ уясненіемъ смысла и значенія психическихъ фактовъ изъ внутренно-присущей, имманентной имъ цѣли, полагаемой въ развитіи самосознанія и самообладанія, къ которой направляется и все развитіе психической жизни. Этіологическое объясненіе душевныхъ явленій совпадаетъ въ немъ съ телеологическимъ. Характерная черта этого направленія заключается въ томъ, что оно не иначе разсматриваетъ существо души и ея отличительныя свойства, какъ въ послѣдовательномъ ходѣ ея проявленій, усиливаясь прослѣдить самую постепенность развитія душевной жизни, направленнаго къ высшему ея совершенству. Въ данномъ случаѣ играетъ видную роль умозрѣніе, такъ какъ идеализмъ находитъ и такія свойства въ нашей душѣ, для которыхъ нѣтъ условій въ тѣлесномъ организмѣ. Но при этомъ изслѣдователями не забываются и внѣшнія, физическія и физіологическія условія душевнаго развитія; они не сходятъ съ физіологической почвы и обстоятельно уясняютъ значеніе нервной системы и внѣшнихъ возбужденій для возникновенія сознанія и его формъ, нерѣдко даже выступая за предѣлы первоначальныхъ душевныхъ состояній—съ цѣлью уясненія ихъ генезиса. Притомъ, они нисколько не отвергаютъ важности наблюденія и индукціи; даже у нѣкоторыхъ изслѣдователей эти пріемы играютъ довольно важную роль, но не имѣютъ исключительнаго и господствующаго значенія.

Представителемъ этого направленія въ русской психологической наукѣ является старѣйшій русской психологъ С. С. Гогоцкій. Его „Программа психологіи“ (Кіевъ, вып. 1, 1880 г. и вып. 2, 1881 г.), представляющая собою сжатое извлеченіе изъ читаннаго имъ въ университетѣ св. Владиміра курса психологическихъ лекцій, при своей чрезвычайной полнотѣ и неистощимомъ богатствѣ научнаго матеріала, есть въ сущности капитальнѣйшая система психологіи. Какъ затрогивающая всесторонне и рѣшающая съ полною обстоятельностью всѣ са-

мые частные психологическіе вопросы, она представляетъ собою весьма цѣнное научное изслѣдованіе о психической жизни и свойствахъ души. Этотъ ученый трудъ, скромно названный авторомъ „программою", при нѣсколько болѣе подробномъ развитіи научныхъ положеній, выраженныхъ въ немъ со всевозможною краткостью, и при поясненіи ихъ примѣрами, которыми обыкновенно такъ богаты всѣ системы психологіи, представилъ бы собою многотомное ученое сочиненіе, обширнѣйшее систематическое изслѣдованіе о душевной жизни [1]). Притомъ онъ стоитъ на самой высотѣ современнаго развитія науки; въ немъ совмѣщены и критически разобраны самыя разнообразныя точки зрѣнія и научные взгляды, а равно приняты во вниманіе самые послѣдніе научные результаты. Ученый изслѣдователь постарался совмѣстить въ своей системѣ все, что могли дать ему для изученія души психологи различныхъ направленій и школъ и, присоединивъ къ этому много собственныхъ счастливыхъ наблюденій и догадокъ, далъ нѣчто цѣльное и законченное и поставилъ психологію на высшую ступень развитія, чѣмъ на какой она до него находилась. По своему основному характеру, трудъ Гогоцкаго является завершеніемъ идеалистическаго направленія науки.

Какъ идеалистъ по своимъ воззрѣніямъ, авторъ стремится къ познанію самаго начала душевной жизни, въ которомъ заключается основаніе гармоніи бытія и мысли. Это начало, по его убѣжденію, есть нравственно-разумное, свободно-сознательное существо нашей души, животворящее нашъ тѣлесный организмъ и обнаруживающееся въ нашей жизни умственною и практическою дѣятельностью. Ему усвояется первенство и образовательное вліяніе въ нашей жизни, а такъ какъ оно вмѣстѣ съ тѣлеснымъ организмомъ образуетъ одно живое цѣлое, то въ немъ заключаются основы развитія даже тѣлеснаго организма. Душевная жизнь, по взгляду автора, потому только и можетъ быть жизнію и дѣятельностью, что ознаменовываетъ себя въ простран-

[1]) Въ нѣкоторыхъ, правда немногихъ, мѣстахъ, „программа" оправдываетъ подлинное свое названіе; иные вопросы только намѣчены, но не рѣшены. Но взгляды автора въ данномъ случаѣ легко могутъ быть восполнены по соотвѣтствующимъ мѣстамъ его „Философскаго лексикона".

ствѣ и времени, живетъ и дѣйствуетъ въ средѣ матеріальныхъ образованій. Самый союзъ, или единство души и тѣла, представляется ему чѣмъ-то немыслимымъ безъ дѣйствительнаго участія души въ образованіи и жизни тѣлеснаго организма. Далѣе, авторъ не удовлетворяется выводомъ всѣхъ отправленій сознательной душевной жизни изъ внѣшнихъ условій, а ищетъ имъ начала въ самомъ существѣ душевнаго агента. Какъ слѣдствіе этого, во всей системѣ строго послѣдовательно и неуклонно проводится принципъ *самодѣятельности* духа. Всѣ психическія проявленія имѣютъ, по взгляду автора, своимъ глубочайшимъ основаніемъ и первою причиною всегдашнюю активность души и ея дѣятельное отношеніе къ матеріалу многоразличныхъ перцепцій, воспринимаемыхъ отъ внѣшняго и внутренняго міра. Отсюда, не только сознаніе является дѣломъ душевнаго агента, но даже въ чувственныхъ перцепціяхъ усматривается самородное воздѣйствіе и отзывъ души на внѣшнія раздраженія; мало того, во всѣхъ, даже самыхъ низшихъ, проявленіяхъ душевной жизни авторомъ отыскиваются зачатки разнообразныхъ высшихъ формъ—логической мысли, чувствованій и т. д. Вся вообще сознательная душевная жизнь разсматривается имъ, какъ круговой процессъ, начинающійся перципированіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, продолжающійся переработкою перцепцій въ представленія, понятія и т. д., и оканчивающійся употребленіемъ душевныхъ силъ для измѣненія окружающей среды волею. Средину между этими двумя—центростремительнымъ и центробѣжнымъ—теченіями душевной жизни занимаетъ внутреннее чувство, непосредственно и безсознательно оцѣнивающее все, что входитъ въ сферу его воспріятія. Основнымъ взглядомъ на душевную жизнь, какъ на круговой процессъ, опредѣляются какъ общія понятія о разнообразныхъ психическихъ проявленіяхъ, такъ и объясненіе внутренняго соотношенія между ними, причемъ душа представляется взаимно проникающимъ и связующимъ ихъ началомъ, не смотря на то, что самыя проявленія отдѣльно разсматриваются въ психологической наукѣ.

Далѣе, авторъ нигдѣ не упускаетъ изъ виду *апріорной* природы духа: въ ней лишь, по убѣжденію автора, и заключаются

послѣднія основанія разнообразныхъ психическихъ явленій. Послѣднія нитями своего зарожденія всегда сокрыты отъ насъ и лежатъ внѣ сферы сознанія. Отсюда, естественно, необходимъ большею частью апріорный выводъ ихъ изъ природы духа на основаніи общихъ понятій о немъ. Внѣшнія же условія, по его взгляду, являются только стимулами, возбуждающими различныя обнаруженія апріорной природы духа, причемъ самыя нормы нашей сознательной и нравственной жизни имѣютъ абсолютныя основанія въ качественномъ значеніи нашей духовной природы. Основными апріорными свойствами духа признаются: позывъ къ сохраненію и развитію постоянно-тожественной человѣческой самобытности и индивидуальности и призваніе къ развитію сознательности.

Къ особенностямъ системы Гогоцкаго слѣдуетъ еще отнести весьма замѣтно выраженное имъ стремленіе къ объясненію смысла психическихъ явленій. По убѣжденію автора, душевныя проявленія важны не своею внѣшнею, видимою и слышимою стороною, а заключающимся въ нихъ внутреннимъ смысломъ, ихъ значеніемъ въ дѣлѣ умственной и нравственной жизни, а потому необходимо имѣть въ виду внутреннюю цѣль, къ которой направляется развитіе человѣческой душевной жизни, а именно: самопознаніе, самообладаніе и самообразованіе, къ которымъ приводитъ анализъ проявленій психической жизни. Объясненіе смысла психическихъ явленій занимаетъ столь видное мѣсто въ системѣ Гогоцкаго, что въ значительной степени перевѣшиваетъ самый анализъ ихъ. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и вообще въ своихъ идеалистическихъ воззрѣніяхъ, Гогоцкій очень близокъ къ новѣйшему германскому идеализму, получившему окончательное развитіе въ системѣ Гегеля. Чуждаясь крайностей абсолютизма и связанныхъ съ нимъ пантеистическихъ воззрѣній, Гогоцкій удерживаетъ основной гегелевскій взглядъ на душевную жизнь. Послѣдняя, въ силу данныхъ ей самою природою антропологическихъ, или психофизическихъ свойствъ, постепенно, въ своихъ сознательныхъ проявленіяхъ, начиная отъ ощущенія и влеченія до разума и разумной воли, вырабатываетъ свое самосознаніе и самообладаніе, нужныя ей потомъ какъ индивидуальныя орудія

всеобщаго объективнаго знанія и блага. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по сущности своихъ психологическихъ воззрѣній, Гогоцкій, подобно Гегелю, эволюціонистъ. Самое начало душевной жизни, непрерывно дѣятельное въ психическихъ процессахъ, по его взгляду, подлежитъ закону непрерывнаго *развитія* (эволюціи) и возрастанія до наивысшихъ степеней самопознанія и самообладанія. Отсюда и вся психическая жизнь разсматривается, какъ непрерывный процессъ развитія, направленный къ достиженію имманентно присущей душѣ цѣли. Отсюда и задача психологіи состоитъ въ томъ, чтобы уяснить путь послѣдовательнаго развитія жизни духа. Это душевное развитіе не имѣетъ предѣла, а постоянно находится въ процессѣ движенія.

Какъ по основному принципу эволюціонизма, такъ и по методу изложенія и расчлененія научнаго матеріала, психологическая система Гогоцкаго ближе всего стоитъ къ феноменологіи Гегеля, уясняющей какъ духъ сознающій постепенно становится самостоятельнымъ и свободнымъ. Развитіе теоретическаго духа, по Гегелю, проходитъ три ступени: форму *воззрѣнія*, или знанія, направленнаго на отдѣльные предметы, форму *представленія*, или знанія, направленнаго на матерію припоминаемую, или отраженную въ себѣ, форму *мышленія*, или знанія, направленнаго на конкретно-всеобщее предметовъ. Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ свои частные виды: а) ощущеніе, вниманіе и собственно воззрѣніе; б) воспоминаніе, воображеніе и память; в) разсудокъ, сужденіе и разумъ. Практическій духъ въ своемъ развитіи переживаетъ тѣ-же три ступени: чувство удовольствія и неудовольствія, — стремленія, страсти и произволъ, — свободное удовлетвореніе стремленій и потребностей; завершеніемъ же развитія духа является свобода. Согласно съ Гегелемъ и Гогоцкій всѣ проявленія теоретической, или познавательной дѣятельности раздѣляетъ на три послѣдовательно-идущія группы: на проявленія чувственнаго сознанія, дѣятельность представленія, или проявленія представляющаго сознанія, и дѣятельность мышленія или мыслящаго сознанія (стр. 48). Въ свою очередь чувственное сознаніе слагается: изъ ощущенія, воззрѣнія и признанія; дѣятельность представленія, или представляющее сознаніе — изъ представленія, воображенія и

памяти, дѣятельность мышленія, или мыслящее сознаніе—изъ дѣятельности разсудка, выраженія сужденій въ словѣ и разума. Подобнымъ образомъ, ученіе о чувствованіяхъ и волѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ ученію Гегеля о практическомъ духѣ, представляя тѣже подраздѣленія и частные отдѣлы, какъ и у Гегеля. Нужно, однако, замѣтить, что Гогоцкій, раздѣляя въ общемъ идеи школы Гегеля, принимаетъ частныя воззрѣнія не самаго основателя школы, а его болѣе умѣренныхъ послѣдователей—Мишле, Розенкранца и Эрдмана, отказавшихся отъ многихъ одностороннихъ воззрѣній своего учителя и сгладившихъ крайности его системы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гогоцкій въ своей системѣ совершенно чуждъ односторонностей и самой школы: не отрицая значенія матеріи и важности вещественныхъ условій для развитія души, онъ находитъ возможнымъ изучить ее и по тѣмъ матеріальнымъ образованіямъ, въ средѣ которыхъ она живетъ и дѣйствуетъ, а равно неизмѣнно слѣдить за тѣми физіологическими отправленіями, съ которыми стоятъ въ тѣсной связи низшія инстанціи душевной жизни, причемъ не отрицаетъ, что до нѣкоторой степени можно объяснить дѣятельность души законами механическихъ и химическихъ комбинацій, но несоглашается лишь признать, что ими исчерпывается все существо души, и будто послѣдняя есть произведеніе ихъ. Мало того, по взгляду автора, общее свойство психическаго развитія таково, что оно, вопреки мнѣніямъ реалистовъ, не можетъ быть только результатомъ механическаго сцѣпленія перцепцій и представленій и быть безразличнымъ для сознающаго существа, какъ бы случайно навязаннымъ ему. Затѣмъ, въ рѣшеніи различныхъ частяхъ вопросовъ относительно мыслительной дѣятельности авторъ усвоиваетъ себѣ многія воззрѣнія Гербартіанцевъ. Такимъ образомъ, психологія Гогоцкаго представляетъ собою соединеніе физіологіи духа, идей новѣйшаго идеализма и воззрѣній Гербартіанцевъ. Приведемъ вкороткѣ основныя положенія психологіи Гогоцкаго.

Во введеніи авторъ опредѣляетъ задачу, источники и методъ психологіи. Задачею психологіи поставляется изслѣдованіе проявленій душевной жизни и ея законовъ съ цѣлью образованія понятія о самомъ началѣ душевной жизни и ея отно-

шеніи къ тѣлесному организму. Источникомъ ея признается наблюденіе и самонаблюденіе, а методомъ—фактическій анализъ душевныхъ проявленій, ведущій къ объясненію происхожденія ихъ и причинной связи между ними. Этотъ методъ долженъ восполняться внутреннимъ усвоеніемъ взаимнаго соотношенія и общаго *смысла* психическихъ явленій, заключающагося въ достиженіи субъектомъ самосознанія и самообладанія. Такое требованіе телеологическаго объясненія душевныхъ явленій въ дополненіе къ этіологическому, или генетическому, высказывается авторомъ подъ вліяніемъ философіи Гегеля съ тѣмъ отличіемъ отъ послѣдняго, что понятіе о развитіи душевныхъ силъ, по смыслу требованій автора, должно оправдываться самымъ анализомъ ихъ, а не вытекать изъ идеи абсолютнаго духа. Затѣмъ, послѣ уясненія важнаго образовательнаго значенія психологіи и краткаго историческаго очерка развитія психологическихъ ученій отъ классической древности до нашихъ дней, авторъ переходитъ къ обозрѣнію сознательныхъ проявленій душевной жизни.

Исходнымъ пунктомъ анализа послѣднихъ служитъ самое понятіе о сознаніи. По взгляду автора, сознаніе не можетъ быть ни отдѣляемо отъ душевной жизни, ни смѣшиваемо съ ея отправленіями, выражающими отдѣльныя ея состоянія. Оно есть саморазличеніе, или разграниченіе между сознающимъ субъектомъ (я) и его перцепіями, или содержаніемъ душевной жизни, и—подобно свѣту, озаряющему и себя и предметы. Процессъ сознательности возможенъ только подъ тѣмъ условіемъ, что въ немъ перцепіи соотносятся какъ между собою, такъ и съ его сознающимъ началомъ. Оба эти соотношенія ясно показываютъ, что въ основаніи ихъ лежитъ, при различеніи и соотношеніи, единство и тожество сознающаго начала, имѣющаго характеръ чего-то всеобщаго и неисчерпаемаго въ сравненіи съ безконечно смѣняющимися перцепціями. Такимъ образомъ, существенные составные моменты сознанія суть: актъ разграниченія между перцепціями и сознающимъ субъектомъ, единство послѣдняго въ каждомъ актѣ различенія и тожество его во всѣ періоды жизни. Далѣе, сознаніе не дано вдругъ и разомъ во всей полнотѣ, а *развивается* постепенно. Начала и

источника его слѣдуетъ искать не въ ощущеніяхъ и представленіяхъ, какъ думали реалисты, а дальше и глубже, въ самой натурѣ психическаго агента, въ центрѣ его силъ, въ его движеніи, проникающемъ тѣлесный организмъ (стр. 39). Душевный агентъ имѣетъ дѣятельный, внутренній центръ своихъ силъ, свое *внутрь* и свое *внѣ*, или окружность; изъ этого центра и развивается актъ различенія и актъ соотношенія: исходя изъ центра своихъ силъ, душа отличаетъ перцепціи отъ себя и ихъ между собою, а затѣмъ относитъ ихъ къ себѣ, какъ постоянному центру своихъ силъ и неизмѣнному существу. Ближайшимъ же условіемъ и источникомъ сознанія служитъ дѣйствительное, реальное внѣдреніе души въ тѣлесный организмъ, являющійся результатомъ зиждительной душевной силы, изъ которой, какъ изъ невидимаго корня, возникаетъ потомъ и ощущеніе, и сознаніе (стр. 41). Такимъ образомъ, хотя первоначальная матерія сообщается сознанію ощущеніемъ, тѣмъ не менѣе оно есть только первый моментъ въ порядкѣ душевныхъ проявленій, и отнюдь не основа ихъ: послѣдняя коренится въ душевномъ агентѣ, внѣдренномъ въ тѣлесный организмъ.

Къ содержанію сознанія относятся: многоразличныя чувственныя перцепціи, котегоріи и формы, примѣняемыя къ нимъ, и разнообразныя формаціи представленій, понятій и идей (стр. 42). Перцепціи и идеи, по взгляду автора, не суть пассивные эктипы вещей,—а начала и формы мышленія не могутъ быть названы прирожденными. Сознаніе ихъ развивается въ насъ постепенно, подъ условіемъ перцепцій, а основаніе и возможность этого развитія заключается въ реальномъ осуществленіи душевнаго начала въ мірѣ явленій, въ формахъ пространства и времени (стр. 43, вып. I). Затѣмъ, совершенствуясь постепенно, сознаніе проникаетъ послѣдовательные ряды познавательныхъ, чувствовательныхъ и желательныхъ проявленій, составляя въ нихъ движительное начало.

Приступая затѣмъ къ раздѣленію душевныхъ проявленій на группы, авторъ прежде всего рѣшаетъ принципіальный вопросъ о способностяхъ души. Отвергая устарѣвшій декарто—вольфіанскій взглядъ на чисто внѣшнюю связь готовыхъ, прирожденныхъ душѣ, способностей съ субстанціей души, онъ, со-

гласно съ представителями новѣйшаго германскаго идеализма, видитъ въ нихъ послѣдовательный, связный порядокъ отправленій и функцій, свойственныхъ душевной жизни, и устанавливаетъ внутреннюю связь ихъ съ душою, не какъ субстанціею, но какъ основнымъ, свойственнымъ ей актомъ. Въ самомъ раздѣленіи способностей авторъ слѣдуетъ общепринятому взгляду, по которому принимаются три главныхъ рода душевныхъ отправленій: познавательныя, чувствовательныя и желательныя. Анализъ каждой группы душевныхъ проявленій онъ начинаетъ съ низшихъ, разсматривая при этомъ физическія и физіологическія условія ихъ происхожденія и уясняя смыслъ ихъ въ общей экономіи душевной жизни.

Анализъ проявленій познавательной дѣятельности, обнаруживающейся въ перципированіи внѣшнихъ впечатлѣній и послѣдовательной переработкѣ ихъ, начинается съ чувственнаго сознанія. Анализъ первой его ступени—ощущеній внѣшнихъ органовъ чувствъ—предваряется и сопровождается обширными объясненіями физическихъ и анатомо-физіологическихъ условій происхожденія ощущеній. Физіологическія данныя, сообщаемыя авторомъ, очень цѣнны и обнаруживаютъ въ немъ глубокое и всестороннее знаніе обширной физіологической литературы. Притомъ мы находимъ въ анализѣ чувственности обиліе тонкихъ критическихъ замѣчаній по поводу самыхъ разнообразныхъ толкованій физіологическихъ условій ощущеній. Но самую главную, существенную черту этого анализа составляетъ признаніе нематеріальнаго характера ощущеній и неизмѣннаго участія въ нихъ душевнаго агента, самородно отвѣчающаго на внѣшнія возбужденія. Въ частности, имъ воспринимается отвлеченное общее содержаніе предмета помимо видимыхъ и слышимыхъ частностей; наоборотъ, безъ его участія и какъ бы выхожденія въ формы пространства и времени невозможно было бы видѣніе предмета внѣ зрительнаго органа, причемъ самое содержаніе ощущенія оставалось бы внутри зрительнаго аппарата. Къ тому же результату приводитъ связное соотношеніе различныхъ измѣреній предметовъ и разныхъ пунктовъ пространственнаго протяженія въ единствѣ перципирующаго сознанія, равно какъ усвоеніе перцепцій простран-

ственнаго движенія, видѣніе предметовъ въ ихъ натуральной величинѣ и въ прямомъ положеніи (вып. I, стр. 59 — 63). Подобнымъ образомъ, безъ участія душевнаго агента въ слуховыхъ ощущеніяхъ невозможно было бы какъ переложеніе раздраженій слуховаго аппарата въ ощущеніе, такъ и представленіе послѣдовательности моментовъ времени, въ которой воспринимаются звуки; не мыслимы были бы также тончайшія количественныя и качественныя разграниченія звуковъ, равно какъ удержаніе ихъ въ связи и послѣдовательности, а тѣмъ болѣе гармонія ихъ и человѣческая рѣчь, и наконецъ, различеніе направленія звуковъ справа, слѣва, сверху, снизу. Участіе душевнаго агента въ отправленіяхъ чувства осязанія доказывается локализаціей ощущеній и чувствомъ геометрическихъ измѣреній своего тѣлеснаго организма и его конфигураціи. Въ анализѣ мускульнаго чувства глубоко вѣрно подмѣчено авторомъ значеніе его для образованія идеи пространства и времени и для художественной дѣятельности производительнаго воображенія. На основаніи подробнаго анализа ощущеній авторомъ устанавливается тотъ выводъ, что основа и движительное начало развитія познавательныхъ проявленій заключается въ самомъ душевномъ агентѣ, въ его призваніи и возбудимости къ сознательнымъ различеніямъ и соотношеніямъ всего, сообщаемаго чувствами (в. I, стр. 74).

Слѣдующую за ощущеніями ступень въ развитіи познавательныхъ проявленій составляетъ *воззрѣніе*, или отнесеніе предмета къ опредѣленному пункту въ пространствѣ и времени. Самыя формы пространства и времени авторъ находитъ возможнымъ признать апріорными, но въ томъ лишь смыслѣ, что душевный агентъ входитъ въ міръ явленій и обнаруживается въ немъ, вслѣдствіе чего онѣ какъ бы сообщаются самымъ актомъ жизни душевнаго агента. Онѣ суть плодъ душевной самодѣятельности, совершающейся подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій и объективирующей свои перцепціи въ этихъ формахъ (стр. 78). Возбужденіе акта воззрѣнія начинается отвнѣ, отъ объекта, обратившаго на себя наше вниманіе, причемъ послѣднее зависитъ не столько отъ силы внѣшняго раздраженія, сколько отъ внутренняго самовозбужденія. За воззрѣніемъ

слѣдуетъ *признаніе*, подъ которымъ разумѣется положительное, или отрицательное опредѣленіе вещи, выдѣленной воззрѣніемъ для разсмотрѣнія. Въ признаніи предметъ уже не просто фиксируется въ опредѣленномъ пространствѣ и времени, но получаетъ опредѣленный видъ въ его чувственно-данныхъ очертаніяхъ; въ немъ уже заключается сличеніе одной перцепціи съ другими и зародышъ отвлеченія и соединенія съ вещами сходными. Локализація ощущеній даетъ основанія для дѣятельности представленія, занимающей средину между чувственнымъ сознаніемъ и логическимъ мышленіемъ. Въ немъ сознаніе имѣетъ дѣло не съ чувственными перцепціями, а съ мысленными образами, или копіями ихъ; притомъ оно свободно отъ подчиненія чувственнымъ впечатлѣніямъ и явственно обнаруживаетъ раздвоеніе между субъектомъ представляющимъ и объектомъ (стр. 81). Анализъ дѣятельности представленія, по взгляду автора, ведетъ къ признанію качественно-особенной энергіи въ душевномъ агентѣ, развивающейся въ движеніи представленій въ полѣ сознанія. Внутреннія основанія для происхожденія представленій, въ противовѣсъ различнымъ теоріямъ, авторъ полагаетъ въ развивающейся сознательности душевнаго агента, посредствуемой различеніемъ чувственныхъ перцепцій и соотношеніемъ ихъ съ сознающимъ началомъ. Въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся взаимоотношенія представленій и сознаванія ихъ, авторъ удачно пользуется многими воззрѣніями гербартіанцевъ. Далѣе, образованныя дѣятельностью души представленія вступаютъ въ разнообразныя сочетанія: по сопоцоженію въ пространствѣ и времени, по сходству и контрасту. Въ указанныхъ случаяхъ сцѣпленіе зависитъ отъ бывшаго фактическаго сцѣпленія перцепцій, а равно отъ внутреннихъ субъективныхъ причинъ, хотя оно можетъ происходить и подъ вліяніемъ безсознательно дѣйствующаго мышленія по категоріямъ —цѣлаго и частей, субстанціи и видоизмѣненій, причины и дѣйствій. Сознательно-цѣлесообразный синтезъ и анализъ представленій условливается дѣятельностью производительнаго воображенія и мышленія при содѣйствіи памяти (стр. 87). Воображеніе не пассивно только копируетъ данныя представленія и ихъ сцѣпленія, а видоизмѣняетъ ихъ, отнимая у представ-

ленія однѣ черты, присоединяя къ нему аттрибуты других и образуя новыя сочетанія представленій, причемъ поступаетъ или произвольно, или законосообразно. Въ послѣднемъ случаѣ, стоя въ незамѣтной связи съ мышленіемъ, оно стремится большею частью создать нѣчто обобщенное въ образахъ, или найти въ конкретной формѣ совершеннѣйшее выраженіе для опредѣленнаго рода представленій. Подъ фантазіей разумѣется воображеніе, дѣйствующее въ связи съ разсудкомъ. Глубочайшимъ основаніемъ дѣятельности воображенія служитъ поэтическая природа человѣка, стремящаяся къ идеалу, и апріорная натура душевнаго агента, выражающаго себя въ формахъ пространства и времени помощью тѣлеснаго организма: первая выражается въ стройномъ и совершеннѣйшемъ изображеніи дѣйствительности съ ея формами и законами, причемъ вещественный матеріалъ проникается разумною мыслію и дѣлается символомъ поэтической воли; вторая выражается въ сообщеніи мысленнымъ композиціямъ конкретныхъ, или чувственныхъ формъ въ произведеніяхъ искусства. Съ пластическимъ и тоническимъ выраженіемъ представленій и обобщенныхъ образовъ воображенія связано происхожденіе человѣческаго слова. Послѣднее не есть произведеніе звукоподражанія, или одного голосоваго органа, но душевнаго агента съ его призваніемъ къ развитію своей сознательности и приспособленнымъ къ тому голосовымъ органомъ (стр. 95). Правильное развитіе воображенія возможно лишь подъ условіемъ серіознаго умственнаго и нравственнаго образованія, устраняющихъ разные недостатки его односторонней дѣятельности.

Дѣятельностью воображенія необходимо предполагается запасъ представленій и выражающихъ ихъ знаковъ, или словъ, составляющихъ матеріалъ для формирующей дѣятельности воображенія и логической мысли; этимъ запасомъ завѣдываетъ *память*. Послѣдней свойственно удерживать и вызывать къ сознанію не только такіе ряды представленій, между которыми нѣтъ сцѣпленія по бывшему ихъ соположенію и послѣдованію, но и произвольные звуковые знаки, не имѣющіе ничего образнаго, аналогичнаго представленіямъ. Память—это какъ бы весь душевный агентъ, съ полнотою всего имъ воспринятаго, состав-

ляющаго его механическое достояніе. Основа памяти есть единство и тожество сознающаго начала. Безъ силы памяти, при господствѣ одного сцѣпленія, была бы невозможна производительная дѣятельность воображенія и мышленія, которыя ставятъ себѣ сознательныя цѣли, притягивающія къ себѣ только необходимое и устраняющія ненужное. Память занимаетъ средину между ассоціаціею представленій и логическимъ рефлектирующимъ мышленіемъ.

Психологически разсматриваемое мышленіе, какъ высшая форма развивающейся сознательности, есть умственная работа надъ отчетливымъ различіемъ и соотношеніемъ между перцепціями и представленіями, а равно и между субъектомъ сознающимъ и противостоящимъ ему объектомъ (стр. 105). Анализъ мыслительной дѣятельности, разсматриваемой въ связи съ развитіемъ цѣлой душевной жизни, приводитъ къ пониманію смысла ноической природы человѣка, такъ какъ въ самонаблюденіи онъ узнаетъ, что нѣчто совершается въ немъ не только какъ происходящее, но и какъ ставящее себя сознательно, по самоопредѣленію, какъ должное. Рефлективному мышленію предшествуютъ низшія отправленія съ присущими имъ различіемъ и сочетаніемъ представленій, которыя затѣмъ въ мышленіи подчиняются особымъ формамъ и нормамъ мыслительной дѣятельности. Анализъ логическаго мышленія распадается на двѣ части, изъ коихъ въ первой разсматривается разсудочная дѣятельность, а во второй—дѣятельность разума. Подъ разсудочною дѣятельностью мысли разумѣется сознательное разграниченіе явленій и вещей по ихъ признакамъ и по роду взаимной ихъ зависимости, со вниманіемъ, или рефлексіею, обращенною на самые законы, формы и нормы, или категоріи этого разграниченія и соотношенія между явленіями (стр. 109—111). По мнѣнію автора, въ психологическомъ анализѣ формъ разсудочной дѣятельности первое мѣсто должно занять сужденіе, затѣмъ умозаключеніе и наконецъ понятіе, какъ предполагающее предварительный процессъ рефлексіи въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Въ актѣ сужденія совершается не внѣшнее развлеченіе, или сложеніе перцепцій и представленій, а опредѣленно выраженная постановка субъекта, съ которымъ соединяется опре-

дѣляющій его предикатъ. Послѣднимъ дается обсуживаемой вещи опредѣленный характеръ въ ряду другихъ вещей. Таково сужденіе по формѣ; по содержанію же для него требуется подведеніе субъекта подъ родовой или видовой признакъ, подъ какой-нибудь родъ его активнаго, или пассивнаго отношенія къ другому представленію. Умозаключеніе есть дальнѣйшее развитіе сужденія, состоящее при внесеніи къ двумъ членамъ или терминамъ сужденія третьяго, средняго термина, бывшаго въ сужденіи только въ возможности, или въ подразумѣваемомъ предположеніи, и уясняющаго причину необходимой связи терминовъ сужденія. Съ сужденіемъ и умозаключеніемъ связывается возможность синтеза и анализа, силлогизма и индукціи, имѣющая свое основаніе въ общихъ свойствахъ сознательности, совмѣщающей въ себѣ два полюса—различеніе и сочетаніе. Понятіе есть выдѣленіе вещи или явленія изъ цѣлой группы ихъ по замѣченнымъ, выдѣленнымъ, или отвлеченнымъ, и въ соединеніи мысленно удержаннымъ постояннымъ и существеннымъ ихъ свойствамъ и законамъ ихъ происхожденія. Понятія образуются изъ представленій при посредствѣ сужденія: отчетливо сознавши извѣстное представленіе, какъ требующее сознательнаго опредѣленія, мы указываемъ раздѣльно его объемъ и содержаніе, или признаки, какъ предикатъ, соединяемъ то и другое въ мысленную единицу, съ сознаніемъ необходимости, или закона этого соединенія. Подъ категоріями разумѣются особыя формы, или нормы мыслительной дѣятельности, сообщающія разсудочному процессу опредѣленное направленіе, или какъ бы уголъ зрѣнія, притомъ, съ сознаніемъ ихъ силы, какъ закона, или чего-то должнаго. Такихъ главнѣйшихъ нормъ—три: категорія бытія или объема, категорія причинной связи и категорія цѣлесообразности. Возможность происхожденія ихъ въ сознаніи заключается въ душевномъ агентѣ, въ его сознательномъ единствѣ, идущемъ какъ бы въ широту воспріятій современныхъ, въ пространствѣ существующихъ, и въ длину ихъ, идущую въ моментахъ времени одного за другимъ; самое же основаніе ихъ силы, какъ закона, заключается въ ноическомъ свойствѣ нашего душевнаго агента (стр. 112—118).

Далѣе, въ философской грамматикѣ разсматривается слово, какъ орудіе для выраженія формъ разсудочной дѣятельности. Задача этимологіи—опредѣлить и распредѣлить значеніе словъ по группамъ, зависящимъ отъ общихъ категорій, которыми объединяются представленія и понятія. Задача синтаксиса—опредѣлить соотношеніе словъ, выражающихъ взаимодѣйствіе субстанцій.

Дѣятельностью разума завершаются сознательныя различенія и самоотношенія разсудочнаго процесса. Подъ вліяніемъ дѣятельности разума на вершинѣ сознанія возникаетъ идея самосущаго, а міросознаніе и самосознаніе завершается богосознаніемъ. Основаніе идеи высшаго начала положено въ самомъ призваніи душевнаго агента къ сознательности, побуждающей его искать и того высшаго бытія, въ которомъ заключается начало и опора всего существующаго. Съ другой стороны, по аналогіи съ чувственнымъ сознаніемъ, въ основаніи идей разума можно предполагать аффекцію со стороны высшаго міра. Высшее содержаніе разума предстаетъ нашему сознанію какъ въ многоразличныхъ образахъ, служащихъ символами содержанія высшихъ вѣрованій, такъ и въ логическихъ формахъ идей—Бога, міра и существа человѣческаго. Это содержаніе разума можетъ быть доступно чистотѣ сердца и внутренняго чувства даже помимо всѣхъ богатствъ многознанія (стр. 124—128).

Анализъ проявленій внутренняго чувства, или чувствованій, составляетъ второй отдѣлъ психологіи Гогоцкаго. Согласно воззрѣніямъ автора и принятому имъ методу, анализъ чувствованій не долженъ ограничиваться разсмотрѣніемъ причинъ и условій ихъ происхожденія, а долженъ „выяснить и тѣ естественно-совершающіяся повышенія, или степени, въ которыхъ сама собою выполняется имманентно-присущая имъ цѣль—очищеніе и умиротвореніе низшихъ чувствъ высшими",—показать переходъ сущаго въ должное, физической жизни въ ноэтическую и нравственную (Вып. 2, стр. 2). Въ частности, подъ внутреннимъ чувствомъ разумѣются такія видоизмѣненія въ нашемъ внутреннемъ состояніи и самочувствованіи, которыя происходятъ подъ вліяніемъ представленій, понятій, идей. Это—собственно

многообразныя состоянія удовольствія и неудовольствія, зависящія отъ того, подъ какія представленія чувствующій субъектъ подводитъ воспринимаемыя имъ перцепціи. Самая основа чувствованій заключается не въ ощущеніяхъ, не въ нервныхъ токахъ, допускаемыхъ физіологами, даже не въ представленіяхъ, а въ душевномъ агентѣ, живомъ носителѣ и образователѣ представленій съ его ѳеической природою и съ тѣмъ интересомъ, который онъ придаетъ различнымъ представленіямъ (стр. 11). Процессъ образованія чувствованій не подлежитъ наблюденію: они представляютъ для насъ нѣчто примитивное; тѣмъ не менѣе, можно предполагать, что имъ предшествуютъ безсознательныя, или крайне темныя сравнительныя умозаключенія. Соотвѣтственно тремъ степенямъ познавательныхъ проявленій—можно различать и три послѣдовательно-идущіе порядка чувствованій: тѣлесно-душевныхъ, душевныхъ и духовныхъ. Первыя возникаютъ непосредственно подъ вліяніемъ чувственныхъ перцепцій; вторыя зависятъ отъ представленій и личныхъ индивидуальныхъ соотношеній сознательныхъ существъ, а въ третьихъ — представленія служатъ только выраженіями, или знаками объективныхъ, всеобщихъ истинъ. Тѣлесно-душевныя чувствованія распадаются на двѣ группы: одни изъ нихъ происходятъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ чувствъ и ихъ опредѣленныхъ органовъ, а другія — подъ вліяніемъ отправленій организма, а равно подъ вліяніемъ позывовъ и влеченій общительныхъ. Душевныя чувствованія происходятъ подъ вліяніемъ оцѣнки нашимъ внутреннимъ состояніемъ соотвѣтствія, или несоотвѣтствія нашихъ перцепцій представленіямъ и представляемымъ интересамъ (стр. 20). Одни изъ нихъ происходятъ подъ вліяніемъ теоретической, или умственной дѣятельности, другія—подъ вліяніемъ практическаго направленія душевныхъ силъ, а третьи не выступаютъ изъ замкнутыхъ предѣловъ самаго чувства. Отсюда получается три вида душевныхъ чувствованій: умственно-душевныя, душевно-сердечныя и душевно-практическія. Къ первымъ относятся пріятныя и непріятныя состоянія, зависящія отъ успѣшнаго, или неуспѣшнаго хода представленій, а равно и отъ результата—въ позывѣ къ гармоніи между представленіями; таковы: любопытство, чувство

умственной легкости и напряженія, занимательности и скуки, согласія и противорѣчія, сомнѣнія и нерѣшительности и т. п. Къ душевно-сердечнымъ чувствованіямъ относятся такія состоянія, въ которыхъ мы оцѣниваемъ, или измѣряемъ, какъ благопріятное, или неблагопріятное состояніе нашей внутренней жизни, такъ и отношенія между нами и подобными намъ существами; таковы: радость и печаль, скорбь и горе, надежда и опасеніе, страхъ и ужасъ и т. п. Въ данномъ случаѣ замѣчательно то, что сердечныя чувствованія вытекаютъ, по взгляду автора, изъ обращенія субъекта къ прошедшему и будущему и отрицается возможность чувствованія только отъ погруженія въ настоящемъ (стр. 25). Въ душевно-практическихъ чувствованіяхъ мы оцѣниваемъ свои разнообразныя отношенія къ другимъ, сопряженныя съ дѣятельностью, или препровождающія къ ней; таковы: любовь и ненависть, сорадованіе и сострадание, злорадство, зависть, самодовольство, стыдъ, уваженіе, презрѣніе, скромность и т. п. Въ духовныхъ чувствованіяхъ душевная жизнь измѣряетъ свое удовольствіе, или неудовольствіе, соотвѣтствіемъ, или несоотвѣтствіемъ, и въ себѣ и въ другихъ, идеѣ должнаго, истины и блага, а равно мыслимымъ идеаламъ, или представленіямъ объективнаго, общеобязательнаго и общечеловѣческаго совершенства. Источникъ и корень ихъ заключается только въ нравственной природѣ нашей душевной жизни, способной къ аффекціи не одними частными и случайными интересами, но и высшими, міроправящими началами. Значеніе этихъ чувствованій заключается въ томъ, что они сдерживаютъ и умиротворяютъ всевозможные произволы, движущіе душевными, или чисто-индивидуальными чувствованіями. Виды высшихъ чувствованій суть: чувство эстетическое, интеллектуальное и нравственное и чувство религіозное. Подъ эстетическимъ чувствомъ разумѣется удовольствіе отъ непосредственно-замѣчаемаго присутствія, или выраженія художественной идеи въ совершеннѣйшей внѣшней формѣ, доступной зрѣнію и слуху (стр. 28). Самыя формы бываютъ двоякаго рода: однѣ отличаются механическими свойствами, каковы: гармоническое и риѳмическое послѣдованіе звуковъ и симметрическое сочетаніе цвѣтовъ и очертаній; другія—оду-

шевляются цѣльнымъ внутреннимъ содержаніемъ и выражаютъ внутреннюю жизнь человѣка. Видами эстетическаго чувства служатъ: прекрасное и высокое, зависящія отъ степени соотвѣтствія идеи и формы, а равно комическое и трагическое, зависящія отъ разнообразнаго выраженія идеи въ конкретныхъ проявленіяхъ человѣческой жизни (стр. 33).

Подъ интеллектуальнымъ чувствомъ разумѣется внутреннее настроеніе, непосредственно одобряющее, или не одобряющее какую-либо истину, или положеніе, сопровождаясь пріятнымъ, или непріятнымъ отношеніемъ къ нимъ. Основаніемъ его служитъ безотчетное проявленіе категорій логическаго мышленія въ быстромъ сопоставленіи, разъединеніи и соединеніи представленій. Выраженіями этого чувства служитъ: чутье въ подборѣ нужныхъ представленій, созданіе теорій, признаніе силы метафизическихъ истинъ, научное воодушевленіе и т. п. (стр. 35). Подъ нравственнымъ чувствомъ разумѣется такое внутреннее состояніе, въ которомъ мы непосредственно, безъ помощи умозаключеній, признаемъ перципируемое нами соотвѣтствующимъ, или несоотвѣтствующимъ идеѣ долга, или долженствующаго быть. Оно неразрывно связано съ идеею свободы воли и имѣетъ абсолютное начало своего происхожденія. Проявленіемъ нравственнаго чувства служитъ совѣсть съ ея положительными и отрицательными обнаруженіями во внутреннемъ мірѣ съ собою и ея угрызеніяхъ. Подъ религіознымъ чувствомъ разумѣется такое состояніе, когда наша внутренняя жизнь всецѣло проникается представленіемъ божественнаго, міротворящаго и міроправящаго могущества. Источникомъ и началомъ религіознаго чувства и неразрывнаго съ нимъ убѣжденія въ бытіи Бога необходимо признать самое свойство нашей душевной жизни, призванной къ сознательности и въ своей ограниченности носящей доказательство, что на нее дѣйствуетъ и производитъ въ ней аффекцію бытіе безконечное, божественное. Заключая въ себѣ самую высокую аффекцію, оно очищаетъ всѣ чувства и всѣ проявленія душевной жизни, производитъ внутреннее преобразованіе человѣка и умиротворяетъ нашу душевную жизнь (стр. 36—41).

Къ особеннымъ проявленіямъ чувствованій относятся настроенія и аффекты. Подъ настроеніемъ разумѣется такое общее и

продолжительное внутренее состояніе нашего самочувствованія, которое образовалось, какъ итогъ, изъ частаго повторенія поводовъ къ однороднымъ чувствованіямъ, или даже отъ стеченія чувствованій неоднородныхъ. Оно главнымъ образомъ зависитъ отъ силы представленій, имѣющихъ отношеніе къ интересамъ индивидуальной душевной жизни. Подъ аффектомъ разумѣется такое душевное состояніе, когда быстрое и сильное вторженіе какихъ-либо новыхъ представленій нарушаетъ равновѣсное состояніе чувствованій и, взамѣнъ этого, выдвигаетъ преобладающую и порывистую силу какого-нибудь одного чувства. Аффекты сходны по качеству и несходны по количеству съ прочими чувствованіями. Отличительныя черты ихъ суть: недостатокъ самообладанія, водвореніе одного представленія въ центрѣ сознательности, недостатокъ воспроизведенія нужныхъ представленій, односторонность (стр. 41—44).

Воплощеніе чувствованій, или передача въ чувственныхъ знакахъ внутреннихъ состояній, основывается на общемъ воплощеніи душевной жизни въ тѣлесномъ органѣ. Формы воплощенія чувствованій бываютъ различны, въ зависимости отъ различія степеней развитія душевной жизни и сравнительнаго совершенства душевно-тѣлеснаго существа. Воплощеніе низшихъ чувствованій, или возбужденій, происходящихъ безъ прямаго вліянія представленій, выражается рефлективными тѣлодвиженіями, свойственными и животнымъ, хотя въ болѣе скудныхъ формахъ; воплощеніе чувствованій въ собственномъ смыслѣ получаетъ изобразительный характеръ и основывается на непосредственно—сознаваемой аналогіи между содержаніемъ представленій съ одной стороны, и свойствами тѣлодвиженій и функціями органовъ съ другой (движеніе головы въ знакъ согласія и несогласія, почесываніе головы въ затрудненіи и т. д.); наконецъ, воплощеніе высшихъ чувствованій, вызываемыхъ силою идеи, касающейся смысла и значенія внутренней жизни, выражается въ гармоническомъ, соотвѣтственномъ идеѣ, сочетаніи слышимыхъ и видимыхъ формъ (мимика, пѣніе, интонаціи голоса, симфонія, опера). Помощью воплощенія чувствованій индивидуумы вступаютъ въ общеніе внутреннею стороною своей жизни. По мнѣнію автора, переходъ чув-

ствованій отъ однихъ индивидуумовъ къ другимъ совершается посредствомъ нервнаго сочувствія и нервной подражательности, не безъ вліянія внутренней общности стихій, связующихъ и объединяющихъ душевную жизнь индивидуумовъ (стр. 55). Главнымъ орудіемъ передачи чувствованій служитъ человѣческое слово съ его условіями: интонаціею, или гармоніею, и ритмомъ. Подъ физіогномическимъ выраженіемъ чувствованій разумѣется установившееся отъ долговременнаго и частаго повторенія одинаковыхъ чувствованій выраженіе лица, являющееся главнымъ показателемъ характера и душевнаго настроенія. Оно имѣетъ, однако, условное значеніе по сравненію съ поступками и дѣяніями (стр. 56).

Желательными проявленіями душевной жизни всегда предполагается дѣятельное употребленіе нашихъ силъ для измѣненія положенія, въ будущемъ, нашего и вещей—къ лучшему и совершеннѣйшему. Задача психологіи по отношенію къ нимъ—объяснить, какимъ образомъ свойственныя намъ низшія тѣлесно-душевныя проявленія, какъ данныя, или сущія только, и сами по себѣ еще безразличныя, постепенно преобразуясь, завершаются высшими проявленіями, неразрывными съ нашимъ внутреннимъ самоопредѣленіемъ, и становятся соотвѣтствующими долгу или идеѣ чего-то совершеннѣйшаго, долженствующаго быть (стр. 58). Желательныя проявленія не отвнѣ привходятъ въ душу, а коренятся въ самой натурѣ душевной жизни и подлежатъ строго-постепенному развитію, а такъ какъ существенная, типическая черта ихъ состоитъ въ ихъ ноэтическихъ свойствахъ, то должно быть и соотвѣтственное имъ основаніе. Оно заключается въ свободѣ воли, или нравственномъ самосознаніи и самоопредѣленіи человѣка, предполагающемъ въ свою очередь высшее міротворящее и назначающее цѣли начало (стр. 62). Движительными началами желательныхъ проявленій признаются: во-первыхъ, побужденіе, какъ внутреннее самоощущеніе живаго существа, неразрывно связанное съ перцепціей чего-то недостающаго ему и съ внутреннимъ импульсомъ къ восполненію этого недостатка; во вторыхъ, сознаніе съ его соотносящею дѣятельностью, оцѣнивающее и взвѣшивающее то, что проявляется по побужденію, а равно вліяющее на самое побужде-

ніе. Желательныя проявленія, въ зависимости отъ возрастающаго вліянія на нихъ сознательности, дѣлятся на три вида, или степени: желательныя проявленія чувственныя, произвольныя и проявленія воли, какъ разумной и нравственной. Къ первымъ относятся влеченія и инстинкты. Подъ чувственнымъ влеченіемъ разумѣется непосредственное, вытекающее изъ самоощущенія живаго существа, расположеніе, направленное или къ восполненію въ будущемъ чего-либо недостающаго ему, или къ устраненію чего-либо нарушающаго гармонію его самочувства. Начало влеченій заключается не въ чувственныхъ раздраженіяхъ, а въ самовозбужденіи животнаго существа, хотя бы это самовозбужденіе и происходило подъ вліяніемъ какой-либо внѣшней среды. Главные виды чувственныхъ влеченій суть: эгоистическія, или индивидуальныя влеченія, и общительныя, или родовыя. Первыя направлены къ индивидуальному самосохраненію—къ добыванію пищи и питія и вообще всего нужнаго къ сохраненію существа и къ защитѣ отъ всего враждебнаго; вторыя направлены къ сохраненію и продолженію рода. Влеченія представляютъ собою лишь сырой матеріалъ, постепенно преобразуемый подъ вліяніемъ произвола и правильно зрѣющей свободы воли (стр. 66—72).—Подъ инстинктомъ разумѣется такое непосредственное и безотчетное расположеніе живаго существа, которое не только сопряжено съ непосредственно наступающими, цѣлесообразными дѣйствіями, для сохраненія индивидуума и рода, но и съ непосредственнымъ угадываньемъ, или чутьемъ подходящихъ средствъ къ достиженію цѣли. Въ инстинктахъ, какъ и влеченіяхъ, нѣтъ еще тѣхъ свойствъ, въ силу которыхъ мы называемъ душевную жизнь человѣка духомъ: въ нихъ нѣтъ рефлексіи, нѣтъ различія своего субъекта отъ самаго влеченія, нѣтъ и сознанія себя, какъ лица, какъ *я*, а потому они относятся къ низшимъ желательнымъ проявленіямъ, будучи общими для человѣка и животныхъ. Они составляютъ первый низшій ростокъ, сквозь который, при развитіи сознательности, возникаетъ сознаніе самоопредѣленія и свободы воли (стр. 76).

Общая черта *произвольныхъ* желательныхъ проявленій состоитъ въ томъ, что между ощущеніемъ и чувственнымъ самовоз-

бужденіемъ,—или субъектомъ, какъ ощущающимъ, и объектомъ, или наблюдаемымъ актомъ движенія, среднее мѣсто занимаетъ представленіе, силою котораго опредѣляется и свойство дѣйствія. Въ то время какъ въ желательныхъ проявленіяхъ чувственныхъ желающій субъектъ былъ слитъ съ даннымъ конкретнымъ влеченіемъ, въ проявленіяхъ произвольныхъ субъектъ желающій относится къ своему желанію, какъ представляющій, отвлекающій и расширяющій его въ представленіи, а потому и объектъ этого желанія не исчерпывается удовлетвореніемъ данныхъ влеченій, но въ ихъ удовлетвореніи имѣетъ въ виду нѣчто обобщенное, предполагаемое сложеніемъ непрерывныхъ удовлетвореній. Основаніемъ ихъ служитъ способность представленія и рефлексія, раздѣльно соотносящая какъ предметы влеченій, такъ и субъектъ и объектъ влеченій. Движущимъ внутреннимъ импульсомъ произвольныхъ проявленій служитъ не содержаніе того или другаго конкретнаго влеченія, а *мотивъ*, въ силу котораго мы удовлетворяемъ тѣ или другія влеченія; предметомъ же ихъ, или искомымъ, служитъ представленіе обобщеннаго благосостоянія, общей возможности удовлетворенія индивидуальныхъ влеченій—самосохраненія и общительности. Отсюда полное понятіе о произвольномъ употребленіи своихъ силъ таково: это собственно актъ субъективной воли, въ которомъ подъ вліяніемъ фиксированныхъ представленій о чемъ-то, какъ наилучше удовлетворяющемъ наши субъективныя, обобщенныя желанія, мы дѣлаемъ выборъ и, по его указаніямъ, направляемъ наши дѣйствія. Видами произвольныхъ проявленій служатъ: удовлетвореніе эгоистическихъ и общительныхъ влеченій, преобразованное подъ вліяніемъ представленій, и усиленіе влеченій, порождающее наклонности и страсти. Подъ наклонностью разумѣется душевно-тѣлесное расположеніе, постоянно, или долговременно преобладающее, къ опредѣленному роду влеченій и къ ихъ удовлетворенію. Сила, отъ которой преимущественно зависитъ общее происхожденіе наклонности, есть дѣятельность представленія, удерживающая образы удовлетворяемыхъ влеченій. Страсть есть такое внутреннее состояніе душевной жизни, когда одно какое-либо представленіе и соотвѣтственное ему настроеніе и влеченіе преобладаетъ надъ всѣми другими и такъ

овладѣваетъ силою воли и вмѣстѣ нервными центрами, что неудержимо переходитъ въ соотвѣтственное дѣйствіе. Положительное значеніе страсти въ общей экономіи душевной жизни заключается въ вѣрности ея общему существу духа и осуществленіи въ ней назначенія душевной жизни, причемъ общее достоинство послѣдней должно отражаться и въ ея единичномъ содержаніи и въ его воплощеніи. Однѣ страсти рабски подчиняютъ человѣка слѣпымъ влеченіямъ и унижаютъ его; другія соотвѣтствуютъ его нравственному значенію и возвышаютъ его. Первыя происходятъ подъ вліяніемъ чувственныхъ влеченій и индивидуальныхъ представленій; вторыя подъ вліяніемъ главнѣйшихъ моментовъ высшей душевной жизни и ея общечеловѣческихъ интересовъ, какъ то̂: подъ вліяніемъ влеченій художественныхъ, влеченій къ умственной дѣятельности, къ идеямъ практическимъ. Есть еще страсти среднія, происходящія отъ ложныхъ представленій. Въ страсти неизмѣнно присутствуетъ желающій субъектъ, какъ начало опредѣляющее и самоопредѣляющее свои влеченія и требующее гармоніи съ самимъ собою (стр. 81—88).

Въ то время какъ въ низшихъ желательныхъ проявленіяхъ субъектъ, стоящій въ зависимости отъ своихъ представленій, имѣетъ въ виду возможно-большій объемъ видовъ удовлетвореній и ихъ продолжительность, въ высшихъ желательныхъ проявленіяхъ, обобщенныхъ авторомъ подъ именемъ воли, субъектъ желающій имѣетъ въ виду осуществленіе и упроченіе своей самодѣятельности и—гармонію съ идеею этой самодѣятельности всѣхъ своихъ проявленій и всей среды своей жизни и дѣятельности. Отсюда, основную черту и принадлежность высшихъ желательныхъ проявленій составляетъ позывъ къ самодѣятельности и къ самоопредѣленію, т. е. свобода воли (стр. 89—90).

Подъ волею вообще разумѣется мысленная рѣшимость—проявлять и осуществлять нѣчто еще только мыслимое въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ и давать ему конкретное осуществленіе. Значитъ, къ дѣйствіямъ воли относится только то, что по опредѣленному обсужденію и сравненію желаемаго съ какими-то нормами, получаетъ для своего осуществленія, или перехода въ дѣйствительность, рѣшеніе со стороны воли. Свобода воли не-

разрывно связана съ самымъ существомъ нашей внутренней жизни, которой, кромѣ самобытности и самоусиливаемости, свойственна способность—сохранять сознаваемую, всегда единую и общую самобытность въ каждомъ своемъ единичномъ дѣятельномъ проявленіи. Свобода вытекаетъ изъ глубоко-лежащей въ душѣ, сокрытой силы позыва къ сохраненію общей человѣческой самобытности. Она собственно состоитъ въ томъ, чтобы преднамѣренное, или предрѣшенное что-либо къ переходу въ дѣйствіе, было вѣрнымъ моментомъ этой общей, постоянно—тожественной человѣчественной самобытности, а не навязаннымъ ей отвнѣ, а потому и не противнымъ ей (стр. 90—93).

Свобода воли, по самому существу своему, нравственна, и какъ такая есть слѣдствіе правильнаго развитія психологической свободы воли. Этотъ характеръ ея вытекаетъ изъ позыва къ сохраненію и развитію постоянно-тожественной человѣчественной самобытности, непремѣнно предполагающей рефлексію и оцѣнку частныхъ влеченій, желаній и стремленій. Въ томъ же импульсѣ къ сохраненію во всѣхъ дѣйствіяхъ своей самобытности заключается психологическое основаніе нравственнаго долга, воспринимаемаго какъ собственный внутренній импульсъ, а не какъ насильственное принужденіе. Высшимъ объективнымъ началомъ должнаго служитъ воля Божественнаго Законодателя, дающая намъ знать о себѣ въ нашемъ же сознаніи свободы воли и импульса къ нравственному совершенству. Воля наша, имѣющая свое основаніе въ первопобужденіи душевной жизни, ограниченна, хотя и непреложна; отсюда, равно неправы детерминизмъ и индетерминизмъ. Физіологическія данныя, касающіяся желательныхъ проявленій, нисколько не противорѣчатъ свободѣ воли, такъ какъ наши движенія происходятъ не отъ однихъ внѣшнихъ раздраженій. Осуществляется свобода воли главнымъ образомъ въ формахъ общежитія, сохраняющихъ коическія стихіи человѣческаго существа, и выражается въ нравственности и въ правѣ. Нравственно-разумная воля и свобода воли составляютъ цвѣтъ развитія желательныхъ проявленій; въ связи съ мышленіемъ и высшими чувствованіями — въ ней заключается органъ осуществленія требованій нравственной жизни (стр. 104). Въ заключеніе авторомъ выска-

зывается взглядъ, что послѣдовательный порядокъ развитія проявленій душевной жизни есть плодъ какъ имманентно-присущей душѣ цѣли, такъ и свободнаго употребленія силъ нашей мысли и воли, указывающій на высшее призваніе человѣка въ сравненіи съ животными (стр. 105) [1]).

На основаніи краткаго обзора психологической системы Гоцкаго не трудно видѣть, что она представляетъ собою стройное изображеніе постепеннаго развитія нашей духовной природы до той высшей антропологической степени, на которой одушевляющее ее начало вполнѣ опредѣленно сознаетъ себя и свободно овладѣваетъ тѣломъ, какъ своимъ орудіемъ. Принципъ эволюціонизма проведенъ авторомъ строго послѣдовательно. Начиная съ самыхъ элементарныхъ психическихъ актовъ, онъ неуклонно слѣдитъ за тѣмъ порядкомъ, въ какомъ они полагаются духомъ. Послѣдовательные акты развивающагося сознанія съ логическою необходимостью слѣдуютъ у него одинъ за другимъ и направляются къ одной цѣли. Одна дѣятельность духа служитъ необходимымъ условіемъ другой, какъ бы ея продолженіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ логическимъ мѣстомъ каждаго акта въ системѣ психическихъ проявленій опредѣляется его смыслъ и значеніе. Притомъ, всюду устанавливается авторомъ прочная связь между низшими и высшими отправленіями душевнаго агента; въ каждомъ низшемъ отправленіи душевной жизни всегда отмѣчается зародышъ мышленія и самосозерцанія духа, соединенныхъ синтетически въ одно цѣлое, какъ въ яблочномъ зернѣ зародышъ будущей яблони и яблока. Въ каждой послѣдующей ступени развитія духа указывается авторомъ то новое, что привносится къ низшимъ формаціямъ душевной жизни. Отсюда, логическимъ мѣстомъ каждаго акта въ системѣ проявленій опредѣляется его смыслъ и значеніе. Но если принципъ эволюціи вполнѣ соотвѣтствуетъ эмпирически—наблюдаемому развитію душевной жизни, то нельзя этого сказать, безъ всякихъ ограниченій, о другомъ принципѣ—самодѣятельности духа. Вся душевная жизнь разсматривается Го-

[1]) Вопросъ объ отношеніи душевной жизни къ тѣлесному организму, по плану автора, долженъ былъ составить задачу второй части психологіи, къ сожалѣнію, не выполненную авторомъ.

гоцкимъ, какъ одно непрерывное творчество. Не только мышленіе. но и всѣ отправленія чувственнаго сознанія являются, по убѣжденію автора, плодомъ творящей силы, зиждущей наше личное существо. Даже въ тѣхъ состояніяхъ духа, которыя съ эмпирической точки зрѣнія признаются пассивными, доказывается, что принужденіе для духа, идущее, повидимому, отъ внѣшнихъ процессовъ, есть въ сущности самовозбужденіе его [1]). Всякаго рода автоматизмъ душевныхъ проявленій и случайный механизмъ ихъ сцѣпленій безусловно отрицается. Между тѣмъ, безспорно существуетъ, кромѣ сознательно-рефлективной жизни, другая низшая и подчиненная часть нашей душевной жизни, имѣющая въ своей основѣ непроизвольно и безсознательно совершающееся взаимодѣйствіе представленій, чувствованій и ощущеній, позывовъ и стремленій. Весь этотъ предварительный психологическій аппаратъ, надъ которымъ работаетъ мышленіе для образованія высшихъ сознательныхъ состояній, и различныя предшествующія имъ условія оставлены авторомъ въ тѣни и всецѣло поглощаются въ его системѣ самодѣятельностью духа. Въ зависимости отъ этого односторонне проведеннаго принципа, въ психологіи Гогоцкаго получаются нѣкоторые пробѣлы. Такъ, мы не находимъ въ ней строго-выработаннаго представленія о видоизмѣненной репродукціи и невольномъ воспоминаніи подъ вліяніемъ непроизвольнаго сліянія представленій; не находимъ опредѣленнаго понятія и объ ассоціаціяхъ представленій, да и самымъ законамъ ассоціаціи усвоено авторомъ слишкомъ частное значеніе. Подобнымъ образомъ. явленія фантазированія, безцѣльная игра представленій случайныя вспаденія на мысль и тому подобныя автоматическія явленія, имѣющія свое основаніе въ механизмѣ душевной жизни, получаютъ съ точки зрѣнія автора своеобразное объясненіе. Авторъ старается главнымъ образомъ показать, какъ импульсъ сознательной мысли и воли пользуется даннымъ ей механизмомъ душевныхъ явленій для высшихъ цѣлей. Отсюда, самое развитіе сознанія въ сущности есть развитіе мышленія,

[1]) Въ данномъ случаѣ Гербартовская мысль о простотѣ души отразилась въ психологіи Гогоцкаго понятіемъ побужденія, какъ основнаго качества души.

зародыши котораго отыскиваются авторомъ даже въ ощущеніи, предполагающемъ въ основѣ своей скрытое умозаключеніе.

Другія частныя особенности разсматриваемой системы стоятъ въ зависимости отъ общей идеи духа, изъ которой выводится и необходимость такихъ, или иныхъ качественно-различныхъ психическихъ состояній и дѣятельностей, и ихъ значеніе и смыслъ. Самое понятіе духа, образованное апріорическимъ путемъ подъ вліяніемъ германскаго идеализма, является, по взгляду Гогоцкаго, вполнѣ удобопримѣнимымъ для объясненія способностей, дѣятельности и постепеннаго совершенствованія нашего духа. Духъ нашъ, по убѣжденію автора, есть идеальное единство только подъ условіемъ тѣхъ же разнородныхъ силъ и способностей, которыя служатъ и послѣдовательнымъ выраженіемъ его-же гармонической полноты и средствомъ для его единства съ самимъ собою. Въ способностяхъ души выражаются только степени развитія и напряженія самой душевной жизни, проливающія свѣтъ на послѣдовательность теоретическаго и практическаго развитія человѣка. Это—разныя стороны ея внутренняго состава, послѣдовательные моменты, въ которыхъ многоразлично выражается ея самораздѣленіе, какъ условіе, необходимое для достиженія полнаго сознательнаго единства. Отсюда, напримѣръ, память, воображеніе, сужденіе, умозаключеніе и т. п. суть только частныя послѣдовательныя функціи одного общаго отправленія, свойственнаго душевному агенту. Въ постепенномъ ихъ обнаруженіи и дополненіи одной другою духъ достигаетъ совершеннѣйшаго выраженія себя и полнѣйшаго сознанія о себѣ. Такимъ образомъ, способности связаны съ самымъ существомъ души и вытекаютъ изъ нея съ необходимостью, а слѣдовательно не можетъ быть и вопроса, почему ихъ столько, а не болѣе, или менѣе. Это апріорное понятіе о духѣ и его внутренней природѣ заправляетъ всѣмъ ходомъ разсужденій автора; къ нему въ окончательномъ результатѣ возводятся всѣ соображенія автора, основанныя на анализѣ душевныхъ отправленій. Въ виду этого, авторъ не ограничивается однимъ преемствомъ психическихъ явленій, а старается указать ихъ общія причины и условія происхожденія, независимо отъ внѣшнихъ физическихъ и

физіологическихъ вліяній, а равно возвести ихъ къ сверхчувственнымъ основамъ.

Нужно, однако, замѣтить, что въ частнѣйшемъ приложеніи общаго понятія о духѣ къ объясненію различныхъ феноменовъ сознательной жизни, сужденія автора отличаются общностью и неопредѣленностью и не рѣшаютъ вопроса по существу. Такъ, обыкновенно, послѣ цѣлаго ряда критическихъ замѣчаній по поводу разнообразныхъ психологическихъ теорій, общо указываются авторомъ глубочайшія основы различныхъ душевныхъ проявленій въ натурѣ душевнаго агента, всегда единаго и тожественнаго, но въ чемъ въ каждомъ частномъ случаѣ заключается его роль и эмпирически—наблюдаемая дѣятельность, подробнѣе не раскрывается. Самыя понятія о душевныхъ проявленіяхъ выводятся чисто дедуктивнымъ путемъ изъ общей идеи духа и его апріорной природы, или наоборотъ, психическія проявленія возводятся къ общимъ началамъ, но въ чемъ состоитъ внутренній процессъ ихъ образованія и какія спеціальныя измѣненія происходятъ въ каждомъ частномъ случаѣ въ самодѣятельности душевнаго агента, мы не видимъ. Дедуктивными пріемами автора объясняется и то, что имъ опущены предварительныя условія многихъ психическихъ явленій. Такъ, сознаніе прямо выводится авторомъ изъ свойственнаго духу позыва къ развитію сознательности. Притомъ, идеальное единство нашего духа и всегдашнее тожество нашего *я* апріорически признаются главными условіями сознанія и затѣмъ мышленія, но какимъ внутреннимъ процессомъ мы достигаемъ сознанія *я*, какъ чего-то постоянно пребывающаго въ смѣнѣ состояній, и каковъ его эмпирическій генезисъ, это оставилъ авторъ безъ разъясненій, поставляя лишь его въ связь съ развитіемъ сознанія вообще. Вопросъ о происхожденіи представленій пространства и времени рѣшается съ метафизической точки зрѣнія, какъ послѣдствіе внѣдренія духа въ тѣлесномъ организмѣ; эмпирическій путь происхожденія пространственныхъ и временныхъ представленій оставленъ безъ вниманія, а значеніе мускульнаго чувства и вообще физіологическихъ условій образованія ихъ умалено до послѣдней степени. Память разсматривается лишь въ ея высшемъ активномъ значеніи у

человѣка, такъ какъ субъектъ здѣсь, въ силу своей природы, рѣзче проявляетъ свое владычественное отношеніе къ объекту; пассивнымъ же припоминаніемъ, или механическимъ памятованіемъ, какъ не представляющимъ ничего рѣзко выдѣляющагося въ качественномъ отношеніи отъ припоминанія у животныхъ, авторъ почти не занимается. Различіе между воображеніемъ и фантазіей въ ея художественной и творческой дѣятельности сглажено отнесеніемъ обоихъ къ творческой дѣятельности человѣка. Весьма обширный отдѣлъ о рефлективномъ мышленіи напоминаетъ намъ главы изъ гносеологіи и логики, причемъ психологическія ступени его развитія игнорируются, такъ какъ задатки его указаны даже въ самыхъ низшихъ формахъ чувственнаго сознанія,—а идеи разума въ окончательномъ результатѣ сводятся къ аффекціямъ со стороны высшаго міра. Въ анализѣ чувствованій отмѣчена главнымъ образомъ ихъ высшая природа, посредствуемая неизмѣннымъ въ нихъ участіемъ представляющаго и рефлектирующаго душевнаго агента, дающаго въ нихъ свой отзвукъ на все, что входитъ въ сферу его перцепцій. Отсюда, даже въ органическихъ чувствованіяхъ усматривается сознательная оцѣнка разнообразныхъ вліяній на нашъ тѣлесный организмъ. Равнымъ образомъ и въ рѣшеніи вопроса о природѣ воли главный интересъ, руководившій авторомъ, былъ метафизическаго и этическаго характера. Преимущественное вниманіе автора обращено на дѣятельность души и ея качественную сущность, а психологическому аппарату и тѣмъ предшествующимъ условіямъ, которыя приводятъ разсудокъ къ рѣшенію и безъ которыхъ послѣднее невозможно, не усвоено надлежащаго значенія. Разныя эмпирическія условія рѣшимости воли поставлены авторомъ въ одностороннюю зависимость отъ позыва, руководимаго апріорною безсознательною дѣятельностью духа.

Вообще, зависимость психическихъ состояній отъ внѣшнихъ, чисто эмпирическихъ условій умалена авторомъ до послѣдней степени. Взамѣнъ этого, уясняются глубочайшія субъективныя свойства человѣческаго духа. Главное вниманіе автора во всей системѣ обращено на идеальную сторону души и ея высшее назначеніе, а равно на цѣль духовнаго развитія. Но хотя онъ и не придаетъ должнаго значенія прямому анализу душевныхъ

силъ и способностей, тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи онъ далъ глубокій взглядъ на тѣ стороны жизни духа, которыя должны быть приняты во вниманіе при анализѣ явленій, и указалъ тотъ путь, которымъ онъ долженъ вестись.

Нельзя не признать, что и содержаніе системы Гогоцкаго, и своеобразное объясненіе имъ многихъ основныхъ явленій изъ жизни духа стоятъ въ зависимости отъ метода изслѣдованія. Послѣдній, будучи умозрительнымъ по своей сущности, во многомъ напоминаетъ діалектическій методъ Гегеля. Исходя изъ эмпирически-данныхъ проявленій душевной жизни, авторъ тотчасъ же устанавливаетъ общія понятія, или опредѣленія, добытыя путемъ отвлеченія отъ самыхъ проявленій, или образованныя подъ вліяніемъ присущей имъ цѣли развитія, и затѣмъ выводитъ изъ нихъ тѣ ихъ свойства, на которыя указываетъ наблюденіе и анализъ. Такимъ образомъ, самый методъ представляетъ собою сочетаніе синтеза и анализа, управляемое идеею развитія. Притомъ, онъ внутреннимъ образомъ связанъ съ дѣятельностью духа: послѣдней свойственны синтезъ и анализъ вмѣстѣ, то есть духъ самъ и даетъ себѣ свои частныя обнаруженія и связуетъ ихъ въ своемъ внутреннемъ единствѣ. Самыя способности духа составляютъ лишь результатъ его собственнаго внутренняго анализа, который поглощается его же внутреннимъ синтезомъ. Вращаясь въ изслѣдованіи психическихъ явленій между синтезомъ и анализомъ самыхъ понятій и отыскивая глубочайшія ихъ внутреннія основанія и имманентную имъ цѣль, авторъ очень мало занимается уясненіемъ способа происхожденія ихъ при посредствѣ соотвѣтственныхъ имъ внѣшнихъ условій, а равно оставляетъ безъ вниманія эмпирическое описаніе явленій душевной жизни въ ихъ механическомъ сцѣпленіи и преемствѣ,—не занимается опредѣленіемъ ихъ законовъ помощью индукціи и вообще мало придаетъ значенія механическимъ, физическимъ и физіологическимъ условіямъ психической дѣятельности. Правда, авторъ не отвергаетъ важности наблюденій и индукціи, но они не имѣютъ у него господствующаго значенія; не отрицаетъ также значенія новѣйшихъ—эмпирическаго и позитивнаго направленія психологіи, но не ограничивается ихъ результатами и не отказывается

вполнѣ отъ стихій апріорныхъ. Такъ, онъ признаетъ необходимымъ принимать во вниманіе „душевныя проявленія" и у животныхъ, считаетъ важными средствами для психологіи результаты и пріемы естествознанія, особенно изслѣдованія растительной и животной жизни. Но эти средства, по его мнѣнію, должны повести къ разъясненію природы „высшаго" психическаго начала. Физіологическая точка зрѣнія нужна ему также для цѣлей метафизическихъ: физіологія должна привести къ выдѣленію въ душевныхъ актахъ нематеріальнаго психическаго содержанія. Наблюденіе надъ душевною жизнію животныхъ необходимо ему лишь для убѣжденія въ рѣзкомъ различіи между душевною жизнію человѣка и животныхъ. Вообще, высокое нравственное достоинство человѣческой души, ея вѣчная природа и ея неземное назначеніе являются руководящими принципами психологическихъ изслѣдованій автора.

Но и независимо отъ недостатка эмпиріи и фактическаго изъясненія душевной жизни, вытекающихъ изъ строго-идеалистическаго направленія автора, его система исполнена глубокихъ достоинствъ. Анализъ чувственности, напримѣръ, нисколько не уступаетъ анализу англійскихъ психологовъ, даже, можно сказать, превышаетъ его глубокостью, потому что у него въ разработкѣ даже самыхъ низшихъ проявленій душевной жизни есть уже указаніе на такія стихіи, которыя не объяснимы на основаніи однихъ чувственныхъ раздраженій—внѣшнихъ и внутреннихъ. Трактатъ о сознаніи можетъ быть названъ образцовымъ по своей обстоятельности, по глубокости взгляда, основательности и вѣрности сужденій. По крайней мѣрѣ, большинство психологовъ, занимаясь анализомъ однихъ проявленій душевной жизни, обыкновенно обходятъ молчаніемъ вопросъ о внутренней природѣ сознанія. Анализъ логическаго мышленія также замѣчателенъ по глубинѣ мыслей и широтѣ взглядовъ автора. Психологическая основа духовныхъ чувствованій и этическая природа воли поняты авторомъ вѣрно и раскрыты обстоятельно. Заслуживаетъ также глубокаго вниманія строго выдержанное во всей системѣ стремленіе автора объяснять смыслъ и значеніе психическихъ явленій. Объясненіе причиннаго послѣдованія ихъ тѣсно связывается у него съ

телеологическимъ, вытекающимъ изъ основнаго понятія о человѣкѣ, какъ существѣ не только физическомъ, но и нравственномъ. Авторъ всюду усиливается показать, какъ механическій ходъ явленій втекаетъ въ порядокъ высшій, или цѣлесообразный, и поглощается послѣднимъ, причемъ высшія отправленія служатъ заправляющимъ началомъ и вершиною всего порядка низшихъ. Въ данномъ случаѣ психологія Гогоцкаго отражаетъ на себѣ типическій характеръ идеалистической германской психологіи, по преимуществу искавшей совпаденія механическаго и телеологическаго порядка въ развитіи психическихъ отправленій. Въ этомъ заключается и ея особенное значеніе, тѣмъ болѣе, что психологія была бы неполною наукою, если бы не усиливалась раскрыть смысла душевной жизни и разгадать загадку ея бытія. Притомъ, фактическая сторона психической жизни легче понимается и объясняется, когда мы обратимъ вниманіе на смыслъ ея подробностей, ибо въ человѣческой душѣ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы разсчитана на какую-либо потребность, или не была бы приспособлена къ окружающему ее строю бытія. Въ заключеніе нужно замѣтить, что направленіе психологіи Гогоцкаго какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ, какъ раскрывающее съ наибольшею глубиною иоическую природу человѣка, уясняющее смыслъ его земного существованія и указывающее его высшее неземное назначеніе. Являясь лучшимъ выраженіемъ идеалистической психологіи, система Гогоцкаго при нѣкоторомъ восполненіи ея эмпирическимъ содержаніемъ, можетъ служить наиболѣе симпатичнымъ, серьезнымъ и основательнымъ типомъ психологіи.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ДАРВИНИЗМЪ.

(КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ).

(Продолженіе *).

II.

Измѣнчивость и наслѣдственность въ дѣйствительности и по ученію дарвинистовъ.

Мы видѣли уже, что надобно быть или очень смѣлымъ или очень самоувѣреннымъ, чтобы, подобно Дарвину, прійти къ заключенію, что опыты искусственнаго подбора опровергаютъ истину измѣняемости видовъ и такимъ образомъ оправдываютъ понятіе о видѣ, какъ рѣзкой разновидности, и о разновидности, какъ о зачинающемся видѣ. Но если-бы означенное заключеніе и было вѣрно по отношенію къ домашнимъ растеніямъ и животнымъ, то, какъ мы тоже видѣли, Дарвинъ не имѣлъ права, по крайней мѣрѣ, на основаніи общечеловѣческихъ законовъ логики, умозаключать отъ существованія подбора искусственнаго къ существованію подбора естественнаго, и значеніе перваго въ дѣлѣ измѣнчивости организмовъ усвоять и послѣднему. Если же недоказуемъ самый фактъ трансформаціи видовъ одного въ другой, и если между искусственнымъ и естественнымъ подборомъ нѣтъ никакой аналогіи, то, повторяемъ, мы были бы въ правѣ окончить первой же главой наше изслѣдованіе о научной состоятельности Дарвинизма, вовсе и не касаясь вопроса о томъ, какимъ образомъ, по Дарвину, виды могли переходить

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 3.

одинъ въ другой,—то есть, мы имѣли бы право оставить безъ критики Дарвиново ученіе о борьбѣ за существованіе, естественномъ подборѣ и такъ далѣе.

Но, во-первыхъ, не всѣ и не всегда помнятъ о логическомъ правилѣ по которому a posse ad esse non valet consequentia. Во-вторыхъ, охотно соглашаемся, что Дарвинъ—личность богато одаренная, личность геніальная. А для генія какъ извѣстно, не всегда бываютъ обязательны тѣ логическія требованія, которыя обязательны для обыкновенныхъ смертныхъ [1]).

Въ виду этихъ двухъ соображеній, мы находимъ нужнымъ послѣдовать за Дарвиномъ въ лоно вольной природы, живущей внѣ сферы вліянія разумной человѣческой воли, и посмотрѣть, такъ ли все тамъ происходитъ на самомъ дѣлѣ, какъ думаетъ Дарвинъ. Начинаемъ нашу рѣчь съ нѣкоторыхъ замѣчаній объ измѣнчивости и наслѣдственности.

Выше, при изложеніи Дарвиновой теоріи, мы уже указали вкратцѣ причины и законы или роды измѣнчивости, формулировали и Дарвинову теорію наслѣдственности, названную имъ пангенезисомъ, съ указаніемъ и самыхъ видовъ наслѣдственности.

Здѣсь намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о важности и необходимости всесторонняго научнаго изслѣдованія вопросовъ, сопряженныхъ съ явленіями измѣнчивости и наслѣдственности, для правильной оцѣнки научнаго достоинства самой Дарвиновой теоріи и — о современномъ положеніи этихъ вопросовъ въ біологія.

Значеніе всесторонняго научнаго изслѣдованія вопросовъ объ измѣнчивости и наслѣдственности для правильной оцѣнки научной состоятельности Дарвиновой теоріи, какъ намъ кажется, или не сознается, или умаляется нѣкоторыми учеными. Такъ, напримѣръ, проф. Тимирязевъ относительно измѣнчивости говоритъ: „Дарвинъ могъ заниматься явленіями измѣнчивости, но изученіе этихъ явленій не составляетъ необходимой части Дар-

---

[1]) Вспомнимъ, напримѣръ, хотя бы о знаменитомъ Лавуазье, который, вооружившись противъ современной ему доктрины о томъ, что вода можетъ видоизмѣняться въ землю, пошелъ противъ всѣхъ фактовъ и слѣдовательно—противъ всѣхъ требованій обиходной логики, и однако же оказался правъ въ своемъ убѣжденіи, что вода не можетъ превращаться въ землю.

винизма". А о наслѣдственности тотъ же профессоръ говоритъ: „Общая теорія наслѣдственности представляется мнѣ столь же мало возможной, столь же мало нужной какъ общая теорія измѣнчивости [1]). Но съ такимъ мнѣніемъ почтеннаго профессора согласиться, очевидно, нельзя. Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ, что ни измѣнчивости, ни наслѣдственности, какъ законовъ природы, не существуетъ: въ такомъ случаѣ Дарвинова теорія была бы немыслима, являлась бы очевиднымъ абсурдомъ, такъ ,какъ главному, выдвигаемому ею на сцену міровой жизни фактору въ процессѣ трансформаціи видовъ однихъ въ другіе, то есть, естественному подбору, нечего было бы дѣлать, нечего было бы подбирать, накоплять и закрѣплять въ организмахъ. Слѣдовательно измѣнчивость и наслѣдственность суть единственные факторы, посредствомъ которыхъ естественный подборъ только и можетъ дебютировать на сценѣ міровой жизни.

А въ такомъ случаѣ необходимо попристальнѣе присмотрѣться къ дѣятельности этихъ факторовъ, возможно полнѣе, всестороннѣе и точнѣе изучить ее. Въ противномъ случаѣ, не зная ясно и точно того, что именно и какъ именно эти факторы могутъ сдѣлать и чего не могутъ сдѣлать, мы рискуемъ впасть въ большія ошибки при оцѣнкѣ научнаго достоинства самой Дарвиновой теоріи. Такъ напримѣръ, Дарвинисты утверждаютъ, что приспособленія (утолщеніе стѣнокъ клѣтокъ, опушеніе листьевъ бѣлыми волосками), которыми снабжены многія растенія для ихъ защиты отъ вреднаго для нихъ излишняго испаренія, образованы и закрѣплены дѣятельностью естественнаго подбора. Но на основаніи опытовъ Коля, можно доказывать, что означенныя приспособленія вызываются просто сухостью воздуха и самымъ процессомъ испаренія [2]). Такимъ образомъ, не имѣя полныхъ и правильныхъ познаній объ явленіяхъ измѣнчивости, можно видѣть дѣятельность естественнаго подбора тамъ, гдѣ ея вовсе и нѣтъ, и просмотрѣть ее тамъ, гдѣ она, можетъ быть, и есть. Это „нѣтъ" будетъ, разумѣется, опрокидывать Дарвинову теорію, а это „есть"—свидѣтельствовать

[1]) „Факторы органической эволюціи", „Русская Мысль" за 1890 г. кн. III стр. 117 въ примѣч. и стр. 118.

[2]) Проф. Тимирязевъ „факторы органической эволюціи".

въ пользу ея научной достовѣрности. Тоже самое можетъ имѣть мѣсто и въ области явленій наслѣдственности. Такъ, напримѣръ, дарвинисты утверждаютъ, что всякая особенность организаціи любаго органическаго существа непремѣнно передается наслѣдственно его потомкомъ, а затѣмъ накопляется и закрѣпляется естественнымъ подборомъ. Но можно утверждать и обратое, то есть, что любое уклоненіе въ организаціи отца или матери легко можетъ и не передаться ихъ дѣтямъ, потому что часть хроматина (вещество зародыша) зрѣлаго ядра зародыша выбрасывается вонъ, при чемъ выброшенными всегда могутъ быть именно тѣ частицы, изъ которыхъ должна была развиться передавшаяся было особенность [1]). Ясно, что такая двойственность аргументаціи, такіе споры pro и contra Дарвинизма не могли бы имѣть мѣста, если бы вопросы, связанные съ явленіями измѣнчивости и наслѣдственности, были разработаны наукой съ надлежащей полнотой, ясностью и точностью: неопровержимые и точные факты, подкрѣпленные вполнѣ логическими объясненіями, выводами и заключеніями, побудили бы всякаго мыслящаго человѣка рѣшительно и безповоротно стать на сторону или Дарвинизма, или противоположнаго ему міровоззрѣнія. Итакъ, мы считаемъ себя въ правѣ, вопреки мнѣнію проф. Тимирязева, думать, что всестороннее и вполнѣ научное изслѣдованіе вопросовъ, связанныхъ съ явленіями наслѣдственности и измѣнчивости, чрезвычайно важно и рѣшительно необходимо для правильной оцѣнки научнаго достоинства Дарвиновой теоріи.

Сейчасъ нами сказанное наводитъ насъ во-первыхъ, на вопросъ о томъ, правильно ли оцѣнилъ Дарвинъ значеніе различныхъ факторовъ измѣнчивости органическихъ существъ, особенно же значеніе прямого вліянія различныхъ жизненныхъ условій и, во вторыхъ, далъ-ли онъ вполнѣ научную теорію наслѣдственности въ своемъ: „пангенезисѣ“? На оба эти вопроса мы должны отвѣчать отрицательно. Такъ, Дарвинъ говоритъ: „сѣянки изъ одного плода, дѣтеныши одного помета иногда значительно разнятся между собою, хотя... были подвержены

[1]) Проф. Мензбиръ. „Опытъ теоріи наслѣдственности“. „Русская Мысль“ за 1893 г. кн. 10.

одинаковымъ жизненнымъ условіямъ, и это доказываетъ, какъ маловажно прямое дѣйствіе жизненныхъ условій... Опредѣлить, насколько, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мы должны приписывать данное уклоненіе прямому дѣйствію теплоты, свѣта, пищи и т. д., чрезвычайно трудно: по моему мнѣнію, эти вліянія оказываютъ очень мало прямаго дѣйствія на животныхъ, нѣсколько болѣе, повидимому, на растенія... Тѣмъ не менѣе, нѣкоторая слабая степень измѣненія можетъ, я полагаю, быть приписана прямому дѣйствію жизненныхъ условій—какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ увеличеніе въ объемѣ отъ избытка пищи, измѣненіе въ цвѣтѣ отъ пищи особаго рода, или отъ дѣйствія свѣта, и, быть можетъ, степень густоты мѣха отъ вліянія климата". Еще: „при видѣ многихъ легкихъ различій между видами, которыя, насколько позволяетъ намъ судить о нихъ наше познаніе, кажутся намъ совершенно несущественными, мы не должны забывать, что климатъ, пища и т. д., по всей вѣроятности, производятъ нѣкоторое, хотя и слабое дѣйствіе" [1]).

Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что Дарвинъ не придаетъ почти никакого значенія прямому дѣйствію окружающихъ жизненныхъ условій въ процессѣ видоизмѣненій органическихъ существъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ сейчасъ увидимъ, вліяніе различныхъ жизненныхъ условій на измѣнчивость организмовъ не такъ-то незначительно, какъ думаетъ Дарвинъ. Такъ, не говоря уже о томъ, что родъ пищи можетъ измѣнять цвѣтъ перьевъ у различныхъ птицъ, мы несомнѣнно знаемъ, что отъ употребленія той или иной пищи у животныхъ измѣняется строеніе различныхъ внутреннихъ органовъ. Такъ „англійскій анатомъ Гёнтеръ произвелъ... наблюденія надъ нѣкоторыми птицами и несомнѣнно доказалъ, что желудокъ нѣкоторыхъ мясоядныхъ птицъ можетъ принять строеніе желудка зерноядныхъ, если такихъ мясоядныхъ птицъ кормить зернами. Разница между двумя родами птичьихъ желудковъ очень велика: желудокъ птицы, питающейся мясомъ, выстланъ съ своей внутренней поверхности мягкой кожицей и содержитъ въ своихъ стѣнкахъ только очень небольшое количество мышечныхъ во-

[1]) „Происхожденіе видовъ", стр. 8—9, 66.

локонъ; желудокъ птицы, питающейся зернами, напротивъ, выстланъ съ своей внутренней поверхности очень твердой оболочкой и содержитъ въ своихъ стѣнкахъ массу мышечныхъ волоконъ. Гёнтеръ бралъ такъ называемую трехпалую чайку, которая нормально питается рыбой и имѣетъ желудокъ мясоядной птицы, и въ теченіе цѣлаго года кормилъ ее зернами; въ результатѣ тонкостѣнный желудокъ чайки сталъ толстостѣннымъ и одѣлся на своей внутренней сторонѣ твердой оболочкой, какая, напримѣръ, есть въ желудкѣ голубя. Докторъ Эдмонстонъ говоритъ, что.... у трехпалой чайки Шотландскихъ острововъ ежегодно два раза измѣняется строеніе желудка, въ зависимости отъ измѣненія рода пищи: лѣтомъ эта чайка питается зернами и имѣетъ тогда желудокъ зерноядной птицы, зимой—рыбой и имѣетъ тогда желудокъ мясояднаго хищника". „Гольмгремъ кормилъ домашнихъ голубей исключительно однимъ мясомъ и когда, по прошествіи значительнаго времени, зарѣзалъ ихъ и вскрылъ, то оказалось, что.... желудокъ ихъ превратился въ желудокъ хищника изъ царства пернатыхъ". Опыты Гёнтера „Эдмонстонъ продѣлалъ съ ворономъ, и Менетріе съ совой, и оба раза получались тѣ-же результаты". Далѣе, извѣстно, что родъ пищи вліяетъ на длину кишечника различныхъ животныхъ. Какъ мы знаемъ, кишечникъ у растительноядныхъ животныхъ гораздо длиннѣе нежели у хищныхъ (у льва, напримѣръ, онъ длиннѣе тѣла въ 3 раза, а у овцы въ 28 разъ). И вотъ, „головастики лягушекъ, питающіеся исключительно растительной пищей, имѣютъ огромной длины кишечный каналъ.... Съ превращеніемъ головастика въ лягушку, животное.... начинаетъ кормиться насѣкомыми и червями: вмѣстѣ съ тѣмъ кишечный каналъ его значительно укорачивается, такъ что у взрослой лягушки онъ длиннѣе тѣла не болѣе какъ въ 2—3 раза [1]).

Климатъ и окружающая среда вообще также играютъ значительную роль въ процессѣ измѣнчивости организмовъ. Такъ, „жирная, затѣненная, сырая почва въ каждомъ видѣ растеній

[1]) Проф. Мензбиръ въ статьѣ: «Современныя задачи біологіи». «Русская мысль» за 1891 годъ, кн. 9, 10 и 12: Докторъ Никольскій въ статьѣ: «Какъ вліяетъ перемѣна пищи на организмъ животнаго» въ журналѣ «Природа и люди» за 1891--92 г. № 51.

можетъ образовать „тѣнистую разновидность" (umbrosa). Песчаная, сухая, ярко освѣщенная солнцемъ почва образуетъ „полевую" разновидность (segetalis). Недостатокъ тепла и рѣзкіе вѣтры производятъ „альпійскую" разновидность. Вода удлиняетъ листья и расчленяетъ ихъ на волосообразныя доли: образуется разновидность водяная (aquatilis). Соленая вода и морской воздухъ образуютъ „морскую" разновидность [1]).

Еще сильнѣе вліяніе климата и вообще окружающей среды отражается на животныхъ. Такъ, всюду въ Средней Европѣ извѣстна маленькая бабочка изъ рода крапивницы, называемая Vanessa levana. Она имѣетъ рыжія крылья съ черными пятнами. Въ апрѣлѣ она появляется, потомъ отлагаетъ яички и умираетъ. Изъ отложенныхъ ею яичекъ послѣ средины іюля выходятъ бабочки, вовсе на нее не похожія: онѣ гораздо крупнѣе Vanessa levana, черны и украшены бѣлыми пятнами и красноватыми линіями. Эти послѣднія бабочки получили названіе Vanessa prorsa. Въ концѣ лѣта Vanessa prorsa отлагаетъ яички, изъ которыхъ, по прошествіи зимы, въ слѣдующемъ апрѣлѣ, опять выходятъ бабочки Vanessa levana. Такъ какъ весеннія и лѣтнія бабочки у Vanessa levana--prorsa вылетаютъ изъ куколокъ, подвергающихся дѣйствію самыхъ различныхъ температурныхъ условій, то Вейсманъ задался вопросомъ, не эти-ли условія производятъ такое глубокое различіе между Vanessa levana и Vanessa prorsa. Для разрѣшенія этого вопроса онъ заставилъ куколки, образовавшіяся изъ яичекъ Vanessa prorsa, перезимовать въ комнатѣ при температурѣ +14, +15 градусовъ: изъ куколокъ вышли тѣ-же Vanessa levana, какія должны были бы выйти изъ нихъ, если бы онѣ перезимовали и на холодѣ. Изъ этого Вейсманъ заключаетъ, что Vanessa levana есть форма древняя, слишкомъ прочно укрѣпившая свои признаки, чтобы измѣнить ихъ при измѣненіи жизненныхъ условій. Затѣмъ Вейсманъ взялъ куколки, образовавшіяся изъ яичекъ Vanessa levana и заставилъ ихъ развиваться подъ вліяніемъ холода, зарубивъ ихъ въ глыбу льда. Изъ этихъ простуженныхъ куколокъ вышли бабочки не Vanessa prorsa, какъ бы слѣдовало ожидать при естественныхъ условіяхъ, а рыжія, болѣе похожія на Va-

[1]) Ферьеръ—ibid. стр. 24—26.

nessa levana. Ясно, такимъ образомъ, что въ данномъ случаѣ причиною измѣнчивости былъ холодъ [1]).

Приведемъ фактъ еще болѣе поразительный. „Есть два рачка, одинъ прѣсноводный, называемый бранхинусомъ, другой—житель исключительно соленыхъ озеръ Америки, Европы и Африки, называемый артеміей. Увеличивая концентрацію солянаго раствора съ 4° до 25°, можно изъ одного вида артеміи, отличающагося сильно раздвоеннымъ хвостомъ и другими признаками, получить рядомъ послѣдовательно измѣняющихся поколѣній другую крайнюю форму. Шманкевичъ наблюдалъ такой переходъ и въ естественныхъ условіяхъ. Прорвалась плотина между двумя рядомъ лежащими озерами, содержаніе соли въ одномъ изъ которыхъ было до того только 8°. Одновременно съ этимъ въ озерѣ размножаются массы артемій съ раздвоеннымъ хвостомъ. Тѣмъ временемъ плотина была починена, и потому вслѣдствіе испаренія воды, процентное содержаніе соли въ водѣ начинаетъ увеличиваться. Въ 1872 г. оно достигло 14°, въ 1873 г.—18°, и въ концѣ сентября 1874 г. было до 25°. Вмѣстѣ съ этимъ артеміи съ раздвоеннымъ хвостомъ постепенно всей массой превратились въ другую крайнюю форму. Не довольствуясь этимъ, Шманкевичъ началъ изслѣдованія въ другомъ направленіи: вмѣсто того, чтобы увеличивать концентрацію солянаго раствора, онъ началъ постепенно разжижать его и довелъ, наконецъ, до состава чисто прѣсной воды; артеміи благоденствовали, но въ рядѣ поколѣній измѣнились въ бранхинусовъ" [2]).

---

[1]) Проф. Линдеманъ въ статьѣ „Особь и видъ",—въ журн. „Наука и жизнь" за 1894 г. № 15—16.

[2]) Проф. Мензбиръ въ статьѣ: „Современныя задачи біологіи". Дарвинисты могутъ здѣсь возразить намъ: „Вотъ и попался: доказывалъ неизмѣняемость видовъ, а привелъ фактъ, доказывающій ихъ измѣнчивость, потому что бранхинусы и артемія относятся не только къ различнымъ видамъ, но нѣкоторыми систематиками и—къ различнымъ родамъ". Отвѣчаемъ. Во первыхъ, фактъ этотъ, по крайней мѣрѣ, для насъ, стоитъ совершенно одиноко. Во вторыхъ, выше мы уже видѣли, какъ, вслѣдствіе ошибокъ классификаціи, формы, считавшіяся видовыми и родовыми низводились потомъ на степень разновидностей. Укажемъ на тѣхъ же V. levana и V. prorsa онѣ также считались сначала за отдѣльные виды, но когда ученые узнали, что послѣдняя есть дочь первой, то вынуждены были признать ихъ за двѣ формы одного и того же вида (сезонный диморфизмъ). Кто знаетъ, не есть-ли и бранхинусъ съ артеміей только разновидности одного и того же вида,—одна прѣсноводная, другая—морская?

Можно было бы привести здѣсь примѣры [1]), довольно значительнаго вліянія на органическія существа различныхъ силъ природы, каковы, напримѣръ сила тяжести (геотропизмъ и геліотропизмъ и т. д.), но мы думаемъ, что и приведенныхъ достаточно для нашихъ цѣлей. — Прибавимъ здѣсь только, что такое же, если не большее вліяніе оказываютъ различныя жизненныя условія и на зародыши органическихъ существъ. Это можно предполагать на томъ основаніи, что безъ такого предположенія было бы непонятно происхожденіе индивидуальныхъ особенностей въ организмахъ, были бы непонятны и факты, подобные приведенному нами выше—факту относительно вліянія холода на куколки бабочки Vanessa levana.

Насколько темными и непонятными казались Дарвину вопросы, связанные съ явленіями измѣнчивости, настолько-же, если еще не болѣе, темными и непонятными представлялись ему и вопросы, сопряженные съ явленіями наслѣдственности: иначе онъ не далъ бы такой слабой, научно-несостоятельной теоріи наслѣдственности, какою оказалась его теорія пангенезиса. Дарвинъ какъ будто и самъ сознавалъ несостоятельность этой своей теоріи и называлъ ее только „вѣроятной“ и „временной“. И она, дѣйствительно, оказалась только временной и весьма недолговѣчной: сами же дарвинисты приговорили ее къ смерти, назвавъ ее „единственной ошибкой Дарвина“, „заблужденіемъ геніальнаго человѣка“. Итакъ, главную, капитальнѣйшую часть зданія своей теоріи, то есть, ученіе объ естественномъ подборѣ, Дарвинъ основывалъ и возводилъ на такихъ шаткихъ основаніяхъ, какими являлись въ его время, вслѣдствіе ихъ малой разработки, а отсюда темноты и загадочности, вопросы объ измѣнчивости и наслѣдственности.

Но, не смотря на важное значеніе вопросовъ, связанныхъ съ явленіями измѣнчивости и наслѣдственности въ теоріи Дарвинизма, значеніе, въ силу котораго они давнымъ-давно должны бы были быть выдвинутыми на первый планъ въ ряду вопросовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію, означенные вопросы и до сихъ поръ остаются почти неразработанными или раз-

---

[1]) Напримѣръ изъ статей проф. Тимирязева: „Факторы органической эволюціи“, Д-ра Струсберга—„Взаимодѣйствія въ живомъ организмѣ“, перев въ журн. „Наука и жизнь“ за 1894 годъ №№ 8—12, и—проф. Мензбира въ статьѣ „Современныя задачи біологіи“.

работанными только отчасти,—остаются, слѣдовательно, и въ настоящее время темными и загадочными для науки.

Главною причиною такого неудовлетворительнаго состоянія упомянутыхъ вопросовъ является, конечно, самая ихъ сложность и малодоступность для научнаго анализа. Но вѣдь и въ прежнее время являлись въ естествознаніи вопросы, не менѣе трудные и, однако же, съ теченіемъ времени, они получили удовлетворительное разрѣшеніе. Такимъ образомъ нужно предположить еще другія причины, въ той или иной степени тормозившія научную разработку занимающихъ насъ вопросовъ.

Одною изъ такихъ причинъ является едва-ли не то обстоятельство, что Дарвинизмъ, вскорѣ послѣ его появленія, сдѣлался догматомъ для большинства ученыхъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ дарвинисты излагали на разные лады одно и то же, то есть, Дарвиновы идеи, и ни на шагъ не двигались далѣе того, что сдѣлалъ Дарвинъ. Ухватившись за термины „приспособляемость“ и „наслѣдственность“, безгранично расширивъ рамки того, что прежде разумѣлось подъ этими терминами, дарвинисты стали чуть не безсознательно прибѣгать къ этимъ терминамъ для объясненія всего, что казалось имъ непонятнымъ. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, въ наукѣ стали появляться одинъ догматъ за другимъ. Такъ, Геккель, этотъ талантливый, но „увлекающійся нѣмецкій Дарвинъ“, ухватившись за идею, что личинки нѣкоторыхъ животныхъ походятъ на ихъ предковъ, „началъ говорить объ укорачиваніи хода развитія и его фальсификаціи; укорачиваніемъ и фальсификаціей вздумалъ объяснять всѣ эмбріологическія явленія и, вмѣсто вѣроятнаго объясненія нѣкоторыхъ явленій, далъ догматическое объясненія всѣхъ“ [1]).

Другою причиною, тормозящею дѣло научнаго изслѣдованія занимающихъ насъ вопросовъ, является, быть можетъ, и то ненормальное явленіе, что изученіе природы въ настоящее время приняло чисто, такъ сказать, комнатный характеръ: природа изучается главнымъ образомъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, при посредствѣ чучелъ, слѣпковъ, коллекцій, различныхъ опытовъ и экспериментовъ; и только немногіе „ходятъ“ въ живую, вольную природу и изучаютъ ее такою, какою она есть на самомъ дѣлѣ. А отсутствіе наблюденій надъ живой природой,

[1]) Проф. Мензбиръ: „Современныя задачи біологіи“.

конечно, должно въ извѣстной степени тормозить научное развитіе біологіи вообще. Частнѣе, что касается вопроса объ измѣнчивости, то въ настоящее время, ученые, какъ кажется, только—только выбрались на настоящую дорогу въ разработкѣ этого вопроса. Стали открываться все новые и новые факторы измѣнчивости, болѣе или менѣе опредѣляться ихъ значеніе въ процессѣ приспособленія органическихъ существъ къ окружающей ихъ средѣ, появилась даже экспериментальная морфологія. Но все это только начало разработки означеннаго вопроса; деталей-же, нерѣдко очень важныхъ, но для ученыхъ совершенно непонятныхъ, остается въ этомъ вопросѣ еще очень и очень не мало.

Что касается вопроса о наслѣдственности, то едва ли можно сказать, чтобы рѣшеніе этого вопроса подвинулось хотя на одинъ шагъ далѣе того фазиса, въ которомъ этотъ вопросъ находился при Дарвинѣ. Правда, послѣ Дарвина „какъ изъ рѣшета, посыпались различныя теоріи наслѣдственности, напримѣръ теоріи Геккеля, Негели, де-Фри и новѣйшая Вейсмана, но всѣ эти теоріи, съ ихъ идіоплазмами пластидулями, „памятью пластидулъ“, пангенами, біофорами, детерминантами, идами [1]) и проч., есть только именно теоріи, то есть, почти сплошныя награможденія одной догадки на другую, сцѣпленія одного догмата съ другимъ,—теоріи, въ которыхъ очень немногое представляется вѣроятнымъ, и все остальное совершенно темнымъ и загадочнымъ.

Можно-ли изъ этихъ теорій объяснить съ несомнѣнной достовѣрностью, напримѣръ, наслѣдственную передачу признаковъ въ скрытомъ состояніи, явленія реверсіи или атавизма?

Нѣтъ,—нельзя. Можно-ли опредѣлить точные, дѣйствительные предѣлы наслѣдственности, реверсіи и атавизма? Тоже нельзя. Можно ли подыскать доказательства въ пользу достовѣрности положенія Геккеля, что „развитіе особи какой-либо группы повторяетъ въ краткихъ и общихъ чертахъ весь ходъ развитія самой группы во времени“, другими словами, что весь эпигенезисъ извѣстнаго животнаго является лишь наслѣдіемъ его отдаленныхъ, ниже его организованныхъ, предковъ?

[1]) См. объ этихъ теоріяхъ у Проф Мензбиръ въ статьяхъ: „Опытъ теоріи наслѣдственности“, отчасти въ „Современныхъ задачахъ біологіи“ и у проф. Тимирязева въ его статьѣ: „Факторы органической эволюціи“.

Опять таки нельзя. Объяснимы ли изъ упомянутыхъ теорій основныя и величайшія проблемы о внутренней сущности плазмы, зародыша и его эпигенезиса?—Ни мало. И такихъ вопросовъ, на которые мы должны давать одинъ неизмѣнный отвѣтъ „нѣтъ", можно было бы въ занимающей насъ области біологіи поставить множество. Къ этому прибавимъ, что если послѣдняя изъ упомянутыхъ нами теорій наслѣдственности, то есть, теорія Вейсмана и представляется теоріей „много обѣщающей" въ смыслѣ научнаго разрѣшенія проблемъ, сейчасъ нами упомянутыхъ и имъ подобныхъ, то все таки особенно надѣяться на нее нельзя, такъ какъ Вейсманъ обошелъ молчаніемъ многіе такіе факты, которые и грозятъ его теоріи разрушеніемъ". Итакъ, къ прежде выставленнымъ нами и до сихъ поръ не устраненнымъ дарвинистами двумъ возраженіямъ (недоказанность самаго факта измѣняемости видовъ и нелогичность заключенія отъ искусственнаго подбора къ естественному) противъ Дарвинизма, мы считаемъ себя въ правѣ присоединить третье, а именно: *главный членъ Дарвинизма, то есть ученіе объ естественномъ подборѣ, строился и опирался, и теперь въ громадномъ большинствѣ случаевъ опирается на догматахъ*, поскольку можно и должно считать догматичными дарвинистическія рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ явленіями измѣнчивости и наслѣдственности. И ужъ если дарвинисты находятъ себя въ правѣ считать ненаучными міровоззрѣнія, опирающіяся, по ихъ мнѣнію, только на догматы, каково, напримѣръ, антидарвинистическое телеологическое воззрѣніе на міръ, опирающееся на признаніе конечныхъ причинъ (causae finalis), то съ такимъ же правомъ можно считать ненаучнымъ и ихъ собственное міровоззрѣніе, такъ какъ оно точно также, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшей своей части, опирается только на догматы. Не потому ли, прибавимъ здѣсь кстати, Дарвинизмъ и является, по выраженію Данилевскаго, такимъ „увертливымъ", что опирается на такія темныя и неразрѣшенныя проблемы знанія, на почвѣ которыхъ можно диспутировать и pro и contra его, и не принимаютъ ли многіе эту его „увертливость" чуть не за важнѣйшее доказательство его непогрѣшимости? Намъ кажется, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не могъ бы быть названъ не имѣющимъ основаній.

Н. Румянцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *).

IV.

Психологическій реализмъ.

Подъ психологическимъ реализмомъ разумѣется такое направленіе психологіи, въ которомъ всѣ душевныя отправленія выводятся главнымъ образомъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній, а не изъ внутренней природы души, причемъ самые законы психической жизни опредѣляются не субстанціональностью души, а внѣшними механическими и физическими условіями ея дѣятельности. Главною задачею этого направленія служитъ открытіе реальныхъ причинъ, условій и средствъ психической дѣятельности, а главнымъ предметомъ его изслѣдованій—психическія явленія, ихъ описаніе и анализъ на основаніи опыта и наблюденія. Рѣшеніе вопросовъ о природѣ души, происхожденіи различныхъ процессовъ, связи слѣдствій съ производящими ихъ причинами, а равно объясненіе идеальнаго смысла психическихъ фактовъ, не входитъ въ задачи реализма. Тѣмъ не менѣе, самостоятельное начало душевной жизни не только не отрицается реализмомъ, но даже служитъ глубочайшимъ основнымъ предположеніемъ при изслѣдованіи психическихъ явленій. Только, по смыслу реализма, понятіе о душѣ, какъ цѣльномъ существѣ, конструируется лишь въ результатѣ анализа главнѣйшихъ видовъ психической дѣятельности, какъ логическое основаніе ихъ.

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6, за 1895 г.

Представителемъ этого направленія въ русской психологической наукѣ является М. И. Владиславлевъ съ своимъ капитальнымъ трудомъ: „Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни“ (Т. 1 и 2, 1881 г., С.-Петербургъ). По его убѣжденію, психологія, какъ положительная наука, преслѣдуетъ задачи и цѣли реальныхъ наукъ и можетъ пользоваться всѣми тѣми средствами, которымъ современное естествознаніе обязано своими успѣхами и развитіемъ. Мало того, она есть реальнѣйшая изъ наукъ, какъ по своему содержанію, имѣющему для насъ вполнѣ достовѣрный характеръ, такъ и по своимъ методамъ и пріемамъ, тожественнымъ съ точными, такъ называемыми реальными науками. Она есть индуктивная наука, ибо въ обширныхъ размѣрахъ пользуется источникомъ свѣдѣній, общимъ для всѣхъ индуктивныхъ наукъ, а равно методами и пріемами ихъ и имѣетъ одинаковыя съ ними цѣли. Но какъ въ естествовѣдѣніи дѣло индукціи заканчиваетъ дедукція, устанавливая связь между различными законами и выводя общій высшій законъ, такъ и въ психологіи дедукція должна вступить въ свои права уже послѣ индуктивной разработки ея матеріала. Наиважнѣйшая цѣль психологіи поставляется Владиславлевымъ въ изслѣдованіи взаимной зависимости явленій, опредѣленіи психологическихъ причинъ и дѣйствій, въ отысканіи вызвавшихъ послѣднія условій. Для него особенно важно знать, за какимъ тѣлеснымъ явленіемъ какія душевныя состоянія слѣдуютъ и какіе законы управляютъ ихъ отношеніями. Уже на основаніи изложенныхъ воззрѣній Владиславлева нельзя не признать въ немъ убѣжденнаго реалиста. Приложеніе же имъ на практикѣ естественнонаучныхъ пріемовъ, а равно и весь ходъ изслѣдованія психическихъ явленій вполнѣ подтверждаютъ его принадлежность къ реальному направленію науки. Онъ начинаетъ свои изслѣдованія съ описанія и характеристики душевныхъ состояній, затѣмъ разлагаетъ сложныя душевныя состоянія на простѣйшія, опредѣляетъ ихъ составъ и элементы, расчленяетъ признаки и качества простѣйшаго душевнаго состоянія, какъ характерные и исключительно ему принадлежащіе, такъ и общіе,—далѣе восходитъ отъ факта къ его основаніямъ и источникамъ, а равно къ условіямъ и обстоятельствамъ его

происхожденія, ставитъ въ связь частные выводы и даетъ пониманіе душевнаго явленія, какъ цѣльнаго факта и, наконецъ, опредѣляетъ законы, управляющіе развитіемъ, связью и послѣдовательностью явленій. Частные эмпирическіе законы и обобщенія онъ стремится свести къ болѣе общимъ и отыскать связь между ними. Притомъ, онъ выражаетъ увѣренность въ возможности приложенія къ психологіи математики и самъ старается прилагать ее при изслѣдованіи возрастанія душевныхъ явленій по степенамъ и силѣ.

Реализмъ Владиславлева развился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ воззрѣній Лотце и Фортляге, которыя были восполнены имъ идеями Шопенгауера. Подобно Лотце, Владиславлевъ старается уяснить зависимость идеальной души отъ реальныхъ законовъ и средствъ ея дѣятельности. Обращаясь не только къ уразумѣнію существеннаго смысла психическихъ явленій, сколько къ точному познанію внѣшнихъ формъ, связи ихъ и взаимной измѣряемости, онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ практическія потребности, для удовлетворенія которыхъ важнѣе знать ближайшія средства и законы психической дѣятельности, чѣмъ послѣднія основанія ихъ. Въ согласіи съ Лотце, онъ вовсе не считаетъ психическія явленія менѣе понятными, чѣмъ взаимодѣйствіе между тѣлами, остающееся въ своей сущности также необъяснимымъ. Въ виду этого, психологія, по его мнѣнію, должна заниматься изслѣдованіемъ возможнаго, именно разнообразныхъ условій психической дѣятельности. Далѣе, въ психологіи Владиславлева можно находить нѣкоторые слѣды свойственнаго Лотце механическаго воззрѣнія, состоящаго въ признаніи чисто внѣшней фактической связи разнородныхъ, по сущности, процессовъ—физическихъ и психическихъ, обусловливаемыхъ взаимодѣйствіемъ души и тѣла. По этому воззрѣнію, внутреннія состоянія у всѣхъ людей съ неизмѣнною правильностью слѣдуютъ за внѣшними впечатлѣніями и, наоборотъ, необходимо и непроизвольно выражаются одинаково въ движеніяхъ и воздѣйствіяхъ на отправленія тѣла у всѣхъ людей, подчиняясь одному общему закону. Это воззрѣніе отразилось у Владиславлева на изслѣдованіяхъ *количественной* стороны психическихъ состояній и на попыткахъ приложенія къ

ніямъ математической мѣры, а равно на ученіи о выраженіи чувствованій. Съ другой стороны, это общее обоимъ изслѣдователямъ воззрѣніе приближаетъ ихъ частію къ старому окказіонализму Мальбранша, частію къ монадизму Лейбница. Согласно убѣжденіямъ Лотце, основаннымъ на предположеніи внѣшней связи душевныхъ и тѣлесныхъ процессовъ, всякое душевное явленіе, зависящее отъ тѣлеснаго процесса, есть не что иное, какъ слѣдствіе, лишь синтетически связанное съ причиною, само оставаясь самобытнымъ; всякое же вліяніе одного элемента на другой есть только поводъ, возбуждающій въ другомъ предопредѣленное его собственною природою состояніе. Отсюда и внѣшнія впечатлѣнія не привносятъ въ душу ничего посторонняго, чуждаго ея природѣ, а даютъ только поводъ душѣ—изъ нѣдръ собственной природы развивать разнообразныя состоянія, которыя не могли бы быть вызваны никакими внѣшними впечатлѣніями, если бы не были предопредѣлены въ существѣ души. Того же воззрѣнія въ сущности держится и Владиславлевъ. Но если душа развиваетъ свои состоянія изъ нѣдръ собственной природы, то она отчасти сродна монадѣ Лейбница. Правда, въ психологіи Владиславлева мы не находимъ опредѣленно выраженнаго ученія о монадѣ. Тѣмъ не менѣе онъ неоднократно называетъ душу динамическою монадою, или центромъ духовныхъ силъ, усвоивая ей возможность имѣть множество одновременныхъ состояній, требующихъ отъ нея различныхъ по степени усилій (ср. т. I, стр. 294—295). Къ воззрѣніямъ Лотце и Лейбница отчасти приближаетъ Владиславлева и возобновленная имъ теорія способностей души. По его взгляду, хотя внѣшнія впечатлѣнія и служатъ основаніемъ для всякаго душевнаго проявленія, тѣмъ не менѣе качественная форма послѣдняго зависитъ отъ самой природы души и ея способностей. Подъ способностями души разумѣются качества ея, обозначающія возможность тѣхъ дѣйствій и состояній, какія душа можетъ развить при извѣстныхъ на нее воздѣйствіяхъ. При этомъ Владиславлевъ не отрицаетъ выводимости душевныхъ способностей изъ одного качества души, но опредѣлить послѣднее и управляющій имъ первообразный законъ признаетъ невозможнымъ.—Вліяніе

Фортляге на Владиславлева сказалось въ усвоеніи имъ нѣкоторыхъ, немногихъ правда, воззрѣній гербарто-бенековской школы въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ ихъ, въ какихъ они приняты Фортляге, причемъ, согласно съ послѣднимъ, онъ не обращаетъ особеннаго вниманія на всегдашнюю и неизмѣнную зависимость разнообразныхъ проявленій души отъ развивающагося сознанія. У Шопенгауера заимствована Владиславлевымъ общая мысль, что волѣ принадлежитъ главенство и руководство во всей психической жизни,—усвоенная имъ какъ психологическій принципъ, сообщившій его научной системѣ волюнтаристическій характеръ. Многія характерныя особенности воззрѣній Владиславлева обнаружатся яснѣе при частнѣйшемъ разсмотрѣніи содержанія его капитальной системы, къ чему мы и приступаемъ.

Послѣ обширнаго введенія, трактующаго о предметѣ, планѣ изслѣдованія, источникахъ науки и логикѣ психологіи (методологія), авторъ даетъ обстоятельный очеркъ историческаго развитія науки съ критическою оцѣнкою всѣхъ психологическихъ сочиненій отъ эпохи классической философіи и до нашихъ дней. Этотъ историко-критическій обзоръ литературы психологіи по періодамъ и направленіямъ, сдѣланный на основаніи первыхъ источниковъ, составляетъ тѣмъ большую заслугу автора, что онъ есть первый полный опытъ въ русской литературѣ и служитъ весьма полезнымъ библіографическимъ указателемъ при изученіи психологіи.

Анализъ психическихъ фактовъ изъ области теоретической дѣятельности души авторъ начинаетъ съ ощущеній, какъ наиболѣе элементарныхъ формъ. О физическихъ и физіологическихъ условіяхъ ощущеній онъ говоритъ кратко, пользуясь главнымъ образомъ результатами новѣйшихъ изслѣдованій Вундта и Сѣченова. Не признавая внѣшнихъ условій достаточными для произведенія ощущенія безъ соотвѣтствующаго имъ психическаго возбужденія, авторъ опредѣляетъ ощущеніе, какъ дѣйствіе души, которымъ она отвѣчаетъ на физіологическія возбужденія, посредствуемыя внѣшними впечатлѣніями (т. 1, стр. 192). Качественный анализъ ощущеній ведется авторомъ въ порядкѣ возрастающаго значенія ихъ для психологической жизни, при-

чемъ отмѣчается главнымъ образомъ объективный ихъ характеръ. По вопросу „о напряженіи ощущеній“ авторомъ приняты во вниманіе работы Вебера, Фехнера, Гельмгольца и др. Подвергая всестороннему анализу психофизическій законъ Фехнера, онъ оспариваетъ тотъ его выводъ, что ощущеніе возрастаетъ сравнительно съ впечатлѣніемъ, какъ логариѳмъ соотвѣтственно съ числомъ, котораго онъ служитъ показателемъ. Усвояя ему значеніе приблизительнаго обобщенія, онъ признаетъ несомнѣннымъ одно, что ощущенія возрастаютъ вообще вслѣдъ за усиленіемъ впечатлѣній и что возрастаніе подчиняется опредѣленному закону, который еще долженъ быть открытъ. Анализъ ощущеній заканчивается рѣшеніемъ вопроса о сознаваніи ихъ. По воззрѣнію автора, душею усвояются себѣ не разности субъективныхъ возбужденій, а самыя ощущенія, какъ положительныя сознаваемыя состоянія. Сознаваніе вызывается въ душѣ силою и глубиною развиваемыхъ состояній, которыя требуютъ отъ души соотвѣтственныхъ усилій и напряженій. Смѣна же въ душѣ *различныхъ* по интенсивности состояній, требующихъ отъ души и различныхъ степеней напряженія, облегчаетъ ей это усвоеніе: сильное ощущеніе усвояется потому, что оно сильно, а слабое—по различію съ первымъ (т. I, стр. 231). Не трудно видѣть, что условія сознанія опредѣлены авторомъ недостаточно точно. Если сознаніе ощущенія зависитъ отъ силы впечатлѣнія, тогда непонятно, почему нерѣдко не сознаются душею очень сильныя впечатлѣнія тѣмъ болѣе, что обосновывающая это явленіе роль вниманія, понимаемаго авторомъ, какъ усиліе души, недостаточно рѣзко оттѣнена имъ. Далѣе, различающая дѣятельность души признана лишь побочнымъ условіемъ сознанія, зависящимъ всецѣло отъ различной силы впечатлѣній. Внутренняя природа сознанія, вытекающая изъ апріорной сущности души, не затронута авторомъ; самое сознаніе поставлено въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ внѣшнихъ объективныхъ условій, вслѣдствіе чего роль самодѣятельности души значительно ограничивается: душа даетъ лишь свой отзвукъ на возбужденія и принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію. Авторъ въ данномъ случаѣ поступилъ, какъ реалистъ: онъ опи-

сываетъ и изслѣдуетъ данный въ опытѣ фактъ, не восходя къ его основаніямъ, не уясняя его смысла и значенія.

Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ даетъ своеобразную постановку и оригинальное разрѣшеніе вопросовъ о памяти, рефлексіи и воображеніи. Опредѣливши память, какъ способность, усвояющую душѣ представленія различныхъ состояній, и означающую неопредѣленную продолжаемость послѣднихъ въ душѣ, онъ излагаетъ затѣмъ фактическую сторону процессовъ воспоминанія и забвенія. Признавая зависимость воспоминанія отъ законовъ ассоціаціи, авторъ въ своемъ взглядѣ на нихъ совершенно расходится въ воззрѣніями Бэна, опровергая его „построительную ассоціацію" и самостоятельность ассоціаціи сходства. Напротивъ, ассоціаціи смежности онъ усвояетъ самое широкое значеніе, признавая ее основнымъ закономъ, распространяющимся на всѣ душевныя состоянія и даже на логическое мышленіе. По воззрѣнію автора, представленія, прежде признанія ихъ сходными, должны вступить въ союзъ по ассоціаціи смежности и быть сопоставленными рядомъ, безъ чего невозможно самое сравненіе ихъ, а послѣ этого они и впредь всегда будутъ возникать въ душѣ въ тѣсномъ преемствѣ. Въ основѣ этой аргуметаціи автора лежитъ предположеніе, что всякая операція по сходству есть результатъ рефлексіи (ср. т. I., стр. 248). Между тѣмъ на дѣлѣ бываетъ далеко не такъ. Самый актъ отожествленія ускользаетъ отъ нашего наблюденія и рефлексіи; мы обыкновенно находимъ представленія сопоставленными и отожествленными ранѣе всякой дѣятельности рефлексіи и безъ ея посредства. Не вѣрно и то, что сходная ассоціація возникаетъ на почвѣ смежности, причемъ самое наблюденіе сходныхъ явленій въ преемствѣ еще вовсе не говоритъ о выводимости ассоціаціи сходства изъ смежности. Мы не можемъ представить себѣ образованія общихъ понятій безъ помощи процесса отожествленія, при посредствѣ одной ассоціаціи смежности. Не только смежность, но и сама рефлексія, безъ естественнаго стремленія сходныхъ фактовъ къ сліянію, не можетъ создать отожествленій. Указаніе же автора на то, что самостоятельность сходной ассоціаціи влекла бы за собою открытіе всѣхъ сходствъ въ предметахъ, было бы

справедливо въ томъ лишь случаѣ, если бы сходство не затемнялось различіями и не ослаблялось потускнѣніемъ представленій. Вообще, сила сходства есть коренной, основной фактъ душевной жизни, внѣ котораго невозможно пониманіе многихъ психическихъ явленій, а потому и законъ сходства долженъ быть признанъ не менѣе первоначальнымъ, чѣмъ и законъ смежности. Далѣе, авторъ согласно съ Бэномъ отрицаетъ самостоятельность ассоціаціи противоположности, выводя ее изъ смежности.—Основная точка зрѣнія автора на явленія воспоминанія и забвенія та, что представленіе исчезнувшее изъ сознанія, хранится въ душѣ со всею полнотою своего качественнаго содержанія и съ весьма слабою энергіею (т. I, стр. 293—301). Подобное воззрѣніе мы находимъ и въ психологіи Гербартовой школы (Volkmann's Grundriss...s 92). Степени забвенія объясняются у автора постепеннымъ ослабленіемъ интереса къ представленіямъ (стр. 304), и такимъ образомъ ставятся въ зависимость отъ воли. Реальная же причина потери энергіи представленій объясняется ограниченностью душевныхъ силъ и необходимостью сосредоточенія души на потребныхъ ей состояніяхъ, на которыя существуетъ спросъ и хотѣніе. Въ зависимости отъ послѣдняго, мало энергичные остатки прежнихъ состояній, или психическіе слѣды, легко могутъ пріобрѣтать часть энергіи и вновь сознаваться. Оживленіе ихъ облегчается нервными слѣдами, сохраняющими тотъ же порядокъ, въ какомъ они образовались, а равно ассоціацією состояній, по которой усилившееся состояніе сообщаетъ свою силу другимъ смежнымъ. Разные виды и достоинства памяти объясняются разными степенями энергіи воли, различною потерею энергіи состояній и не одинаковою первоначальною энергіею.

Изложенный взглядъ на память служитъ основою сужденій автора о рефлексіи, представленіи и воображеніи. Подъ рефлексіей разумѣется умственная дѣятельность, или мышленіе, посредствуемое дѣятельностью разсудка и разума. Первою функціей рефлексіи признается образованіе представленій. Представленіе понимается авторомъ, какъ продолжающееся первичное состояніе, которое рефлексія сопровождаетъ мыслію о цѣломъ, какъ причинѣ его,—и противопоставляетъ себѣ, какъ

нѣчто независимое (стр. 317). Такимъ образомъ, представленіе не есть новый актъ, а сочетаніе хранящагося въ душѣ ощущенія съ рефлексіей. Таковы же и прочія функціи рефлексіи, какъ то: отожествленіе, уподобленіе и различеніе, образованіе абстрактовъ, связываніе и разъединеніе мыслей и т. п. Все это разнообразныя дѣйствія души, развивающіяся по поводу хранящихся въ ней различныхъ субъективныхъ состояній и другихъ рефлективныхъ дѣйствій, или динамическія напряженія въ умѣ, нераздѣльныя отъ мыслящей души. Такъ, въ отожествленіи умъ признаетъ предметъ продолжающимся и равнымъ самому себѣ, въ уподобленіи и различеніи предметовъ думаетъ о сходствѣ и различіи ихъ; въ образованіи абстрактовъ—простѣйшія мысли возбуждаютъ въ умѣ болѣе общія; различныя сочетанія представленій душа сопровождаетъ мыслію о цѣломъ и частяхъ и ихъ соотношенія. Въ послѣдовательномъ развитіи рефлексіи авторъ видитъ постепенное осложненіе ея актовъ, причемъ, по его взгляду, въ мышленіи вовсе не развиваются какія либо новыя образованія, а лишь конкретные образы обогащаются рефлективными чертами. Высшая ступень развитія рефлексіи состоитъ въ образованіи общихъ представленій, имѣющихъ значеніе краткихъ конспектовъ по отношенію къ міру явленій и облегчающихъ возможность пользованія языкомъ (стр. 324—332). Параллельно развитію общихъ представленій идетъ развитіе сужденій, опредѣляющихъ предметъ съ одной—какой-либо стороны; изъ стремленія соединить въ одной формѣ знанія качество раздѣльности признаковъ предмета съ его цѣлостностью возникаютъ понятія, а изъ стремленія соединить понятія и сужденія въ одно цѣлое и дать имъ связность возникаетъ умозаключеніе. Всѣ три формы рефлективной дѣятельности возникаютъ почти одновременно, хотя логическое prius имѣютъ въ указанномъ порядкѣ. Послѣднюю ступень развитія рефлексіи составляетъ методическое мышленіе, совершающееся по пріемамъ индукціи и дедукціи. Послѣднія цѣли для умственной дѣятельности, по убѣжденію автора, поставляются волею и заключаются въ познаніи какъ окружающей субъекта дѣйствительности, такъ и вѣчныхъ неизмѣнныхъ законовъ, опредѣляющихъ связь и за-

висимость вещей. Трактатъ о рефлексіи заканчивается обширными соображеніями о достоинствахъ и недостаткахъ ума и выраженіи ихъ въ умственной дѣятельности (стр. 347—366).

По поводу изложеннаго ученія о рефлексіи слѣдуетъ замѣтить, что сущность ея дѣятельности не выяснена, а разнообразныя ея функціи слишкомъ обезразличены авторомъ: всѣ продукты рефлексіи суть, по его взгляду, только „мысли по поводу ощущеній“ и не представляютъ чего-либо существенно-новаго по сравненію съ послѣдними, за исключеніемъ рефлективныхъ прибавокъ къ нимъ. Съ этимъ взглядомъ согласиться нельзя. Уже въ дѣятельности представленія наше сознаніе освобождается отъ подчиненія чувственнымъ перцепціямъ и явственно обнаруживаетъ раздвоеніе между субъектомъ и объектомъ, а самый анализъ ея ведетъ къ признанію качественно-особенной энергіи въ душевномъ агентѣ, постепенно развивающейся въ движеніи представленій въ полѣ сознанія. Представленія, въ свою очередь, преобразовываются высшими законами логическаго мышленія въ новыя формы, уже значительно отличающіяся отъ представленій. Въ дѣятельности разума опять рѣзко проявляется нѣчто новое по сравненію съ данными въ опытѣ представленіями: разумъ можетъ созидать цѣлую систему представленій и понятій, новую въ сравненіи съ тою суммою представленій и ихъ порядковъ, которая ей предшествовала. Словомъ, на почвѣ хранящихся въ душѣ ощущеній и внутреннихъ состояній можетъ возникнуть цѣлая система существенно новыхъ образованій. Нашъ внутренній опытъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ неизмѣримомъ разстояніи, какое существуетъ между ощущеніемъ и абстрактнымъ понятіемъ, между тѣмъ какъ по аргументаціи автора послѣднее должно бы быть признано ощущеніемъ, видоизмѣненнымъ лишь рефлективными прибавками. Къ личнымъ воззрѣніямъ автора относится также усвоеніе первенства сужденію предъ понятіемъ; между тѣмъ, чтобы судить о чемъ-либо нужно имѣть сначала хотя бы самое общее понятіе о предметѣ сужденія. Должно, однако, признать, что объективныя условія рефлективной дѣятельности и ея эмпирическая природа описаны въ сущности правильно.

Воображеніе поставляется авторомъ въ тѣсную связь съ рефлексіей и трактуется, какъ дѣятельность чисто интеллектуальная. На основаніи анализа его функцій, „тожественныхъ съ функціями рефлексіи“, авторъ приходитъ къ заключенію, что ни въ содержаніи, ни въ способахъ его дѣятельности нѣтъ ничего истинно-новаго. Дѣйствуя въ союзѣ съ рефлексіей, оно оказываетъ послѣдней разнообразныя услуги, а именно: проясняетъ въ образахъ абстрактныя понятія, внушаетъ рефлексіи многія сравненія и уподобленія, служитъ источникомъ оригинальности ума, представляя ему вещи съ новыхъ точекъ зрѣнія—и наводя его на новыя идеи. Особенная его дѣятельность состоитъ въ томъ, что оно, произвольно уменьшая и увеличивая энергію продолжающихся въ душѣ состояній, создаетъ новыя, не испытанныя представленія, а готовымъ представленіямъ даетъ смыслъ и форму, отличныя отъ даваемыхъ рефлексіей, а именно: уподобляетъ различное и различаетъ сходное. Главный смыслъ дѣятельности воображенія заключается въ созданіи эстетическихъ и нравственныхъ идеаловъ. Силою, движущею воображеніемъ, признается воля съ двумя своими главными влеченіями: къ отдохновенію на малыхъ впечатлѣніяхъ и къ сближенію съ цѣннымъ и многозначительнымъ бытіемъ. При всей свободѣ своей дѣятельности, оно находится подъ контролемъ рефлексіи, которая оцѣниваетъ его произведенія и руководитъ его дѣятельностью, указываетъ ему подробности художественной формы и сообщаетъ познанія о дѣйствительности. Въ результатѣ же и воображеніе и рефлексія сводятся къ одному источнику и признаются одною и тою же интеллектуальною дѣятельностью. Разница ихъ зависитъ отъ различія цѣлей, ставимыхъ себѣ единымъ и нераздѣльнымъ интеллектомъ: стремленіе его къ сближенію съ дѣйствительнымъ бытіемъ побуждаетъ его дѣйствовать какъ логическое мышленіе, а стремленіе къ забавѣ и къ цѣнному бытію заставляетъ его дѣйствовать какъ воображеніе, создающее міръ искусства и идеаловъ. Два же различные термина для обозначенія одной и той же дѣятельности имѣютъ значеніе полезныхъ сокращеній, опредѣляющихъ ея виды (стр. 436).

Не трудно видѣть, что авторъ въ своемъ ученіи о вообра-

женіи руководится основнымъ принципомъ естествовѣдѣнія, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе свести различные процессы къ возможно меньшему количеству причинъ. Но отожествляя воображеніе съ рефлексіей, онъ допускаетъ слишкомъ широкое обобщеніе. Самонаблюденіе даетъ намъ ясное чувство различія между этими двумя основными психическими процессами, особенно на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія, которыя далеко не всегда идутъ параллельно. Между причудливыми образами, создаваемыми живымъ воображеніемъ даже развитаго человѣка, и формами логически-рефлективнаго мышленія существуетъ огромное разстояніе. Правда, на высшихъ ступеняхъ дѣятельности творческой фантазіи и мышленія они сближаются между собою, но родство ихъ исключительно объясняется участіемъ рефлексіи въ дѣятельности воображенія; сущность же обоихъ процессовъ остается различною. А именно: съ одной стороны, воображеніе можетъ создавать совершенно *новыя* комбинаціи представленій, а съ другой — относится къ нимъ безъ всякой вѣры въ дѣйствительность ихъ. Мало того, мы даже можемъ совершенно невольно представлять себѣ что-либо и въ то же время сознавать, что это не болѣе, какъ фантазія. Наконецъ, наблюдая внимательно за процессомъ нашей мысли, мы убѣждаемся въ томъ, что мы безпрестанно боремся съ тѣми представленіями, которыя подсказываетъ намъ наша фантазія: то признаемъ ихъ вѣрность дѣйствительности, то отвергаемъ какъ представленія ложныя, то передѣлываемъ и исправляемъ ихъ. Словомъ, оно можетъ или идти наперекоръ нашему мышленію, или являться его покорнымъ слугою, а это и свидѣтельствуетъ о различіи двухъ названныхъ процессовъ. Совершенно также не разграничено авторомъ воображеніе отъ фантазіи; авторъ въ сущности говоритъ о послѣдней называя ее общо воображеніемъ. Впрочемъ, важная роль воображенія въ психической жизни и значеніе его для умственной дѣятельности оцѣнены правильно и сужденія о нихъ отличаются глубиною и основательностью.

Съ наибольшею полнотою, широтою и обстоятельностью въ психологіи Владиславлева разработанъ отдѣлъ о чувствованіяхъ, занимающій почти половину всего, очень капитальнаго, труда

(т. 1, стр. 438—610; т. 2, стр. 1—363). Новый анализъ этихъ психическихъ фактовъ, постановка и рѣшеніе новыхъ вопросовъ и указаніе новыхъ сторонъ въ чувствованіяхъ и наконецъ, самая глубина изслѣдованія, сообщаютъ этому отдѣлу особенную цѣнность и оригинальность. Какъ на совершенно новую сторону въ изслѣдованіи чувствованій можно указать на постановку вопроса *о глубинѣ и силѣ* чувствованій и на примѣненіе къ рѣшенію его психофизическихъ пріемовъ Вебера и Фехнера относительно возрастанія ощущеній, которые авторъ переноситъ и на чувствованія, назвавши свой пріемъ „методомъ едва замѣтныхъ чувствованій" (т. 2, стр. 9).

Изученіе состояній сердца начинается съ описанія и анализа ихъ въ отдѣльности, послѣ чего авторъ переходитъ къ указанію ихъ источника и уясненію смысла, значенія и природы ихъ. Многообразныя состоянія сердца сводятся имъ къ тремъ качественно-различнымъ типамъ, или классамъ: наслажденій и страданій, волненій и возбужденій сердца.

Основою перваго класса чувствованій служитъ удовольствіе и неудовольствіе. Въ немъ различаются три группы: чувственныя наслажденія и страданія, эстетическія и интеллектуальныя. Къ первой группѣ относятся разнообразныя чувствованія, развивающіяся подъ вліяніемъ ощущеній—органическихъ, мускульныхъ и внѣшнихъ органовъ чувствъ, какъ то: удовольствія засыпанія, сытости, покоя и отдыха, тепла и холода, запаховъ и вкусовъ, тоновъ и цвѣтовъ. Эстетическія наслажденія анализируются авторомъ со стороны тѣхъ путей, чрезъ которые они получаются. Послѣ краткаго обсужденія естетическихъ удовольствій, доставляемыхъ намъ вкусомъ и обоняніемъ, авторъ довольно подробно останавливается на условіяхъ эстетическаго дѣйствія звуковъ на нашу душу. Обстоятельно уяснивши разнообразныя техническія условія дѣйствія музыки на душу, онъ приходитъ къ выводу, что сущность ея эстетическаго дѣйствія заключается во всестороннемъ возбужденіи ею нашей природы—физіологическомъ, интеллектуальномъ и сердечномъ (т. 1, стр. 468). Анализируя затѣмъ эстетическія чувствованія, доставляемыя зрѣніемъ, авторъ касается условій эстетическихъ сочетаній цвѣтовъ и эстетическаго характера фигуръ, отмѣчая

интеллектуальную сторону пластическихъ искусствъ въ символическомъ представленіи ими нашихъ мыслей и настроеній. Далѣе авторъ подробно анализируетъ эстетически-интеллектуальныя наслажденія, вызываемыя дѣйствіемъ поэзіи на умъ и сердце. Сущность эстетическаго дѣйствія поэзіи состоитъ въ томъ, что она возбуждаетъ умъ достоинствомъ своего содержанія, картинностью и типичностью формы, контрастами и вѣрностью изображенія дѣйствительности, а художественною цѣльностью формы и содержанія производитъ впечатлѣніе гармоніи на наше сердце. Болѣе спеціальными эстетически-интеллектуальными впечатлѣніями признаются: эпическое, лирическое, трагическое, комическое, а равно чувство высокаго. Авторъ старается главнымъ образомъ выяснить ихъ психологическую сторону. Поводы къ интеллектуальнымъ наслажденіямъ и страданіямъ указываются въ разнообразныхъ достоинствахъ и недостаткахъ мысли, въ разныхъ ея формахъ и въ самомъ умственномъ трудѣ.

Вообще, описаніе и анализъ перваго класса чувствованій отличается детальностью разработки и вѣрностью наблюденій. Сужденія автора о дѣйствіи на душу музыки, живописи и пластическихъ искусствъ напоминаютъ собою спеціальные трактаты объ искусствѣ, а обширныя разсужденія о вліяніи поэзіи представляютъ собою прекрасную научно-философскую монографію по теоріи поэзіи. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить нѣкоторой двойственности взглядовъ автора въ сужденіяхъ его о поэзіи. Такъ, уясняя эстетическое значеніе поэзіи вообще, авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ художественное творчество, а уясняя составные элементы эпическаго впечатлѣнія, касается преимущественно особенностей безсознательнаго народнаго творчества. Отсюда, объяснительное значеніе поэзіи не оправдывается частными примѣрами, а эпическія лица и событія характеризуются по народному эпосу и представляются нѣсколько односторонне. Чувство высокаго и интеллектуальныя наслажденія, согласно основнымъ воззрѣніямъ автора, скорѣе должны бы быть отнесены къ разряду волненій.

Волненія подраздѣляются авторомъ на двѣ главныя группы: на волненія привязанности и волненія личныя. Къ первой относятся: нѣжность и сочувствіе, волненіе любви, дружбы, грусти,

волненіе гнѣва и ненависть, антипатія и вражда; ко второй: радость и горе, волненіе страха, хвалы и порицанія, чувство чести, стыда и самоуваженія. Частнѣйшій анализъ большей части названныхъ чувствованій, состоящій въ подробномъ описаніи ихъ, опредѣленіи ихъ состава и уясненіи общихъ условій ихъ развитія, отличается тонкостью и основательностью сужденій, вѣрностью и глубиною наблюденій, точностью и рельефностью представленія и вообще правильнымъ истолкованіемъ ихъ природы. Въ общемъ, однако, нельзя не признать, что сродныя чувствованія недостаточно рѣзко разграничены одно отъ другого, причемъ элементы ихъ большею частью указываются одни и тѣ же. Притомъ, нельзя не выразить сомнѣнія относительно опредѣленности общей характеристики волненій и еще болѣе—относительно правильности самой классификаціи чувствованій, принятой авторомъ. Такъ, онъ признаетъ несущественнымъ въ волненіяхъ элементъ удовольствія и неудовольствія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ нераздѣльности его съ волненіями признаетъ его лишь явленіемъ, сопутствующимъ послѣднимъ. Между тѣмъ и самое понятіе многихъ волненій, и личный опытъ каждаго человѣка, неоспоримо свидѣтельствуютъ, что одни волненія почти всецѣло исчерпываются удовольствіемъ и неудовольствіемъ, а въ другія—эти элементы входятъ, какъ неизмѣнная составная часть. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ лишь отнять у волненій радости и горя элементы удовольствія и неудовольствія, и тогда отъ нихъ ничего не останется, кромѣ представленія о предметахъ ихъ; указанные же въ нихъ авторомъ элементы—удивленія, удачи и робости, недостаточно опредѣляютъ самыя чувствованія. Равнымъ образомъ, въ волненіяхъ нѣжности и сочувствія, любви, самоуваженія и др. элементъ удовольствія, связанный съ влеченіемъ къ предмету, перевѣшиваетъ всѣ остальные; самое развитіе этихъ волненій возможно лишь подъ условіемъ удовольствія, какъ зарождающаго и питающаго ихъ источника. То же можно сказать относительно неудовольствія въ примѣненіи къ гнѣву, враждѣ, антипатіи, стыду и пр. Самъ авторъ принужденъ былъ измѣнить свою точку зрѣнія, отмѣчая въ волненіяхъ грусти чувство лишенія и неудовлетворенности, какъ существенные ихъ при-

знаки, а въ волненіяхъ хвалы и стыда полагая сущность въ удовольствіи и неудовольствіи (т. 1, стр. 535. 561). Словомъ, видовыя характерныя особенности недостаточно рельефно выдѣлены.

Возбужденія опредѣляются авторомъ, какъ такія состоянія сердца, въ которыхъ элементъ удовольствія и неудовольствія или мало замѣтенъ, или вовсе отсутствуетъ. Характерная черта ихъ, по его взгляду, заключается въ томъ, что они не подчиняютъ себѣ всего теченія психической жизни и не вносятъ въ нее разстройства. Возбужденія дѣлятся на интеллектуальныя, моральныя, религіозныя и практически-волевыя (стр. 570). Къ первымъ относятся чувства —новости, удивленія и уваженія; ко вторымъ—чувства долга и совѣсти; къ волевымъ—чувства сомнѣнія, вѣры, ожиданія, надежды, отчаянія, удачи и неудачи, силы и безсилія; къ религіознымъ—чувство высокаго, страхъ Божій, смиреніе.—Не касаясь частностей анализа разнообразныхъ возбужденій, большею частью отчетливаго и основательнаго, выскажемъ недоумѣнія относительно общей характеристики ихъ и особенностей нѣкоторыхъ возбужденій. Ссылка на элементъ удовольствія мало замѣтный, или даже отсутствующій въ возбужденіяхъ, вовсе не опредѣляетъ ихъ существа: что̀ такое они сами по себѣ и чѣмъ отличаются отъ тѣхъ волненій, въ которыхъ элементъ удовольствія не замѣтенъ, остается неизвѣстнымъ. Безспорно лишь, что они представляются какими-то безразличными состояніями сердца, что̀ едва ли возможно въ нашей душевной жизни. Далѣе, чувство уваженія отнесено авторомъ къ интеллектуальнымъ возбужденіемъ на томъ основаніи, что мы нерѣдко уважаемъ людей за умственную зрѣлость, равно какъ за нравственную силу и за характеръ (стр. 573). Но послѣднія два условія даютъ не меньшее право отнести его къ моральнымъ, или волевымъ возбужденіямъ. Чувство долга выяснено не совсѣмъ опредѣленно, притомъ однѣми внѣшними чертами, сближающими его съ чувствомъ совѣсти. Возбужденіе сомнѣнія поставлено въ связь съ дѣятельностью воли и опредѣляется, какъ неувѣренность, слѣдуетъ ли избрать извѣстную цѣль для дѣйствій. Между тѣмъ есть виды теоретическаго сомнѣнія, вовсе не стоящаго въ связи съ волею, которое поэтому съ бо̀льшимъ правомъ можетъ быть отнесено къ интеллектуаль-

нымъ возбужденіямъ; такого рода сомнѣніе вовсе не анализируется авторомъ. Неполнотою отличается и разсужденіе автора о вѣрѣ, опредѣляемой имъ какъ желаніе и стремленіе къ знанію. Ожиданіе и надежда не совсѣмъ точно поставляются авторомъ въ свясь съ цѣлью дѣйствій, притомъ они съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены къ волненіямъ. Подобнымъ образомъ и чувства силы и удачи, а равно неудачи и безсилія скорѣе относятся къ волненіямъ, чѣмъ къ возбужденіямъ. Эмпирическая природа религіозныхъ чувствованій описана вѣрно, хотя генезисъ ихъ и развитіе, а равно внутреннія основы, недостаточно выяснены.

Послѣ качественнаго анализа разнообразныхъ чувствованій, авторъ поднимаетъ труднѣйшій и совершенно новый въ психологіи вопросъ объ изученіи глубины и силы чувствованій. Поводомъ къ измѣренію послѣднихъ послужили автору аналогичные труды Вебера и Фехнера по вопросу о возрастаніи ощущеній вслѣдъ за усиленіемъ впечатлѣній. По воззрѣнію автора, какъ всѣ другіе психическіе факты, такъ особенно чувствованія, находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ ощущеніями, въ виду чего наука должна стремиться открыть правила и законы, которыми опредѣляется возникновеніе и возрастаніе душевныхъ явленій (т. 2, стр. 2). Находя неудобнымъ въ виду особаго характера чувствованій „методъ едва замѣтныхъ различій“, принятый Веберомъ и Фехнеромъ при изслѣдованіи напряженія ощущеній, авторъ видоизмѣняетъ его въ „методъ едва замѣтныхъ чувствованій“, въ основаніе котораго полагается данное долгимъ опытомъ знаніе условій возникновенія чувствованій и возможность ставить себя чрезъ воображеніе въ обстановку, при которой они возникаютъ. Рѣшенію подлежатъ слѣдующіе вопросы: при какихъ условіяхъ впечатлѣніе возбуждаетъ minimum чувствованія, какъ послѣднее возрастаетъ и чѣмъ возбуждается его maximum? Мѣрами для опредѣленія наименьшей доли впечатлѣнія, вызывающаго чувствованіе, служатъ: привычное положеніе человѣка, его ожиданія и идеалы. Изслѣдованіе начинается съ тѣхъ чувствованій, которыя развиваются по поводу внѣшнихъ фактовъ, доступныхъ количественному измѣренію, послѣ чего становится возможнымъ пред-

положеніе объ условіяхъ происхожденія и возрастанія высшихъ чувствованій, развивающихся подъ вліяніемъ чисто духовныхъ возбужденій.

Измѣренію прежде всего подлежатъ чувствованія, образующія двѣ противоположныя гаммы: положительную, слагающуюся изъ чувствованій уваженія, удивленія и величія, и отрицательную изъ чувствованій пренебреженія, презрѣнія и мелкоты. При этомъ авторомъ дѣлаются слѣдующія эмпирическія обобщенія: чувство уваженія возбуждается тогда, когда впечатлѣніе превосходитъ привычную мѣру на одну треть; для возбужденія чувства удивленія требуется впечатлѣніе въ 5 разъ больше привычнаго; чувство грандіозности возбуждается при превосходствѣ впечатлѣнія въ 50 разъ. Наоборотъ, соотвѣтствующія имъ противоположныя чувствованія возбуждаются тогда, когда впечатлѣніе отстаетъ отъ привычной мѣры на $1/3$, въ 5 и 50 разъ. Тѣмъ же условіямъ подчиняется *возрастаніе* чувствованій: такъ, при послѣдовательно-прогрессивномъ уменьшеніи впечатлѣнія на $1/3$ являются все новыя ступени чувства пренебреженія. Съ появленіемъ четвертой степени пренебреженія оно сливается съ презрѣніемъ, продолжая, однако, развиваться по своему спеціальному закону въ дальнѣйшихъ степеняхъ. Появленіе же новыхъ степеней въ развитіи чувства презрѣнія обусловливается каждый разъ уменьшеніемъ впечатлѣнія въ 5 разъ сравнительно съ предыдущимъ. При этомъ вслѣдствіе совпаденія, хотя и въ разныхъ степеняхъ двухъ сродныхъ чувствованій, происходитъ иллюзія: намъ кажется, соотвѣтственно степенямъ пренебреженія, что мы и презираемъ людей въ разной степени, тогда какъ презрѣніе, до появленія новой его ступени, одинаково во всѣхъ случаяхъ пренебреженія, а разница въ нашемъ настроеніи зависитъ отъ того, что въ одномъ случаѣ къ презрѣнію присоединяется больше пренебреженія, въ другомъ меньше. Далѣе, съ каждымъ новымъ уменьшеніемъ впечатлѣнія въ 50 разъ появляются новыя степени чувства мизерности. Въ это время чувство пренебреженія уже перестаетъ возрастать, хотя и не уничтожается, а чувство презрѣнія еще возрастаетъ по своему спеціальному закону, достигая пятой степени при возвышеніи чувства мизерности на

вторую. Подчиняясь тѣмъ же законамъ, но только въ зависимости отъ увеличенія размѣровъ впечатлѣній, возрастаютъ чувства уваженія, удивленія и грандіозности. Первое поднимается на высшую степень при увеличеніи впечатлѣнія на $^1/_3$, второе—при увеличеніи въ 5 разъ и третье—въ 50 разъ. По достиженіи пятнадцатой степени, чувство уваженія перестаетъвозрастать; въ это время появляется чувство грандіозности и чувство удивленія приближается къ третьей степени и затѣмъ развивается одновременно со вторымъ, опереживая его по степенямъ. Такъ же закономѣрно и правильно, по мнѣнію автора, могутъ возрастать и высшія нравственныя чувствованія. На основаніи эмпирически—сдѣланныхъ наблюденій, авторъ старается опредѣлить норму возникновенія и возрастанія и всѣхъ прочихъ чувствованій примѣнительно къ вызывающимъ ихъ матеріальнымъ условіямъ. Такъ, чувство удовольствія возникаетъ при надбавкѣ $^1/_5$ къ матеріальнымъ средствамъ, а чувство неудовольствія—при потерѣ $^1/_{10}$; чувство гнѣвнаго раздраженія возникаетъ при переплатѣ $^1/_5$ стоимости вещи, а чувство новости и ожиданія при разности въ $^1/_5$ въ вызвавшемъ ихъ впечатлѣніи. Далѣе, чувство страха при потерѣ части состоянія, чувство стыда при измѣненіи соціальнаго положенія, чувство удачи и неудачи въ дѣйствіяхъ, а равно при увеличеніи благосостоянія, или сокращеніи трудностей и тяготъ, чувство силы и безсилія и др., одинаково подчиняются закону $^1/_3$. Чувства удовлетворенія и неудовлетворенія при неопредѣленныхъ желаніяхъ возбуждаются надбавкою $^1/_{10}$ къ впечатлѣнію, а при опредѣленныхъ надбавкою $^1/_{20}$. Чувство забавы возникаетъ при уменьшеніи предмета, или впечатлѣнія въ 50 разъ; чувство радости—при увеличеніи благосостоянія вдвое, или уменьшеніи трудностей на $^1/_2$, а чувство горя—при уменьшеніи благосостоянія на $^1/_2$. Прогрессивныя измѣненія впечатлѣній, по указаннымъ выше законамъ, обусловливаютъ соотвѣтствующія имъ степени возрастанія чувствованій.

Нѣжныя чувствованія, подчиняющіяся общимъ условіямъ возрастанія по степенямъ, имѣютъ, по взгляду автора, въ своемъ основаніи гармонію натуръ влекущихся другъ къ другу существъ, аналогичную музыкальной гармоніи и подчиняющуюся опредѣлен-

ной мѣрѣ. Аналогично гармоніи звуковъ авторъ признаетъ, что наивыгоднѣйшее гармоническое отношеніе между любящими другъ друга бываетъ тогда, когда они по своимъ нравственнымъ силамъ различаются въ двое, или въ полтора раза, но чтобы гармонія и любовь были вообще возможны, minimum различія не долженъ быть менѣе $^1/_4$, то есть, обѣ стороны должны соотноситься по крайней мѣрѣ, какъ 1: $1^1/_4$. Фактическій духовный строй мужчины и женщины представляетъ вполнѣ благопріятныя условія для такой гармоніи. Послѣдняя при посредствѣ продолжающейся идеализаціи и взаимнаго приспособленія двухъ существъ можетъ усиливаться и переходить отъ менѣе совершенныхъ консонансовъ къ болѣе совершеннымъ (т. 2, стр. 132—135). Тѣмъ же закономъ гармоніи управляются и отношенія дружбы съ тѣмъ различіемъ, что въ дружбѣ гармонія устанавливается *постепенно* при взаимодѣйствіи и сношеніяхъ двухъ существъ; притомъ дружба устанавливается болѣе на гармоническихъ дѣйствіяхъ двухъ субъектовъ, чѣмъ на гармоніи самыхъ натуръ (стр. 145). Въ противоположность любви и дружбѣ, взаимоотталкиваніе существъ основывается на дисгармоніи, или несовпаденіи натуръ, аналогичномъ большимъ интерваламъ въ музыкѣ между звуками (стр. 151).

На основаніи количественнаго анализа простыхъ чувствованій авторъ приходитъ къ заключенію о возможности приблизительнаго измѣренія степеней высшихъ — эстетическихъ, интеллектуальныхъ и религіозныхъ чувствованій. Такъ, въ составъ чувства красоты входятъ подлежащіе количественному опредѣленію элементы: влеченіе, признаніе цѣны предмета и потребность гармоніи съ нимъ. На основаніи числоваго опредѣленія ихъ авторъ приходитъ къ выводу, что красота облагороживаетъ причастное ей содержаніе minimum въ 50 разъ; по мѣрѣ же своего раскрытія въ немъ, поднимаетъ съ собою и содержаніе на безмѣрную высоту. Между maximum и minimum цѣнности красивыхъ формъ существуетъ множество промежуточныхъ степеней. Въ противоположность красотѣ, безобразіе возбуждаетъ въ насъ всѣ составные элементы чувствованій ненависти и вражды, основанныхъ на полной дисгармоніи предмета съ нашимъ существомъ, а дисгармонія также подлежитъ из-

мѣренію. Въ отношеніяхъ сердца къ истинѣ и благу, съ одной стороны, ко лжи и злу — съ другой, по взгляду автора, усматриваются тѣ же элементы чувства, какіе замѣчаются въ противоположныхъ отношеніяхъ сердца къ красотѣ и безобразію. Иначе сказать, влеченіе къ истинѣ и отвращеніе отъ лжи и зла управляются законами гармоніи и дисгармоніи (стр. 151—188).

Безспорно, что чувствованія возрастаютъ въ зависимости отъ силы впечатлѣній, но какой-либо точности въ измѣреніи глубины чувствованій достигнуть невозможно, особенно если принять во вниманіе, что такому измѣренію весьма часто не поддаются и самыя впечатлѣнія. Способы измѣренія, указанные авторомъ, могутъ имѣть весьма ограниченное приложеніе, касаясь лишь матеріальныхъ условій возбужденія чувствованій. Поэтому, они вовсе не простираются на высшія чувстованія, вызванныя внутренними причинами. Чѣмъ, напримѣръ, можетъ быть измѣрена степень удивленія таланту, или размѣръ дани, воздаваемой сердцемъ нравственной силѣ? Затѣмъ при опредѣленіи глубины чувствованій, абсолютная и относительная оцѣнка впечатлѣній большею частью сливаются и, неизбѣжно вліяя одна на другую, то повышаютъ, то понижаютъ опредѣляемую степень чувствованій. Предѣлы возрастанія чувствованій также не могутъ быть установлены, такъ какъ maximum напряженія чувствованій неизбѣжно сопровождается вредомъ для благосостоянія субъекта. Указанныя затрудненія неизбѣжно должны были отразиться и на самомъ характерѣ изслѣдованія высоты чувствованій. Авторъ принужденъ былъ нерѣдко допускать произвольныя аналогіи и слишкомъ искусственыя соображенія. Такъ, чувство состраданія онъ сближаетъ съ чувствомъ мизерности (стр. 106), хотя по самому характеру послѣдняго, мы должны бы сострадать человѣку только въ томъ случаѣ, когда онъ умалился въ 50 разъ. Родительская любовь, по взгляду автора исключительно обусловливается сознаніемъ малости и безпомощности дѣтей, сохраняющимъ свою силу и въ томъ случаѣ, когда дѣти достигли высшаго, сравнительно съ родителями, положенія (стр. 123). Равнымъ образомъ, законъ музыкальной гармоніи едва ли можетъ быть приложенъ во всѣхъ частностяхъ къ

эстетическимъ и интеллектуальнымъ чувствованіямъ. Наконецъ, чувствованія, подлежащія количественному измѣренію, представлены авторомъ слишкомъ односторонне: степени радости и горя, напримѣръ, ставятся въ зависимость лишь отъ увеличенія и уменьшенія матеріальныхъ благъ; степень чувства уваженія обусловливается лишь физическою силою и т. д.

Изслѣдованіе напряженія чувствованій касается главнымъ образомъ ихъ высоты, или глубины, отъ которой должно отличать еще силу. Одни чувствованія способны быть, по взгляду автора, преимущественно глубокими, другія—сильными. Глубина чувствованій зависитъ отъ массивности, или цѣнности впечатлѣній и контрастовъ, обусловливаемыхъ прилагаемою къ нимъ мѣрою, а на развитіе силы ихъ оказываютъ вліяніе: продолжительность времени воздѣйствія впечатлѣнія и энергія его, живость воображенія и возвышенная чувствительность индивидуума. Условія глубины и силы чувствованій могутъ соединяться вмѣстѣ, порождая чувствованія одновременно глубокія и сильныя. Впечатлѣнія, дѣйствуя послѣдовательно и увеличиваясь въ объемѣ, возбуждаютъ чувствованія въ порядкѣ постепенности, образующей гамму чувствованій. Такихъ гаммъ, или градацій въ состояніяхъ сердца, насчитывается авторомъ семь: гамма самочувствія, цѣны, нѣжная гамма, гамма религіозныхъ чувствованій и т. д. (стр. 257—268).

Опредѣливши затѣмъ субъективныя и объективныя условія различной продолжительности чувствованій, авторъ уясняетъ ихъ общій смыслъ. Этотъ послѣдній заключается въ томъ, что чувствованія упрочиваютъ положеніе человѣка въ іерархіи духовъ, заставляютъ его держаться на занимаемой имъ высотѣ и развивать соотвѣтствующую дѣятельность. Такъ, влеченіе къ красотѣ и истинѣ побуждаютъ его къ совершенствованію, любовь—къ сочувствію ближнимъ, чувство самоуваженія отклоняетъ отъ зла; словомъ, посредствомъ сердца человѣкъ связывается нравственными узами съ прочими существами (стр. 296). Отношеніемъ сердца къ положенію человѣка въ іерархіи духовъ опредѣляется особый смыслъ наслажденія и страданія: первымъ человѣкъ влечется къ духовному росту, а послѣднимъ предохраняется отъ паденія.—Нельзя не признать это опредѣленіе

смысла чувствованій нѣсколько одностороннимъ. Съ точки зрѣнія автора всѣ чувствованія получаютъ законное право на свое развитіе, между тѣмъ далеко не всѣ они упрочиваютъ положеніе субъекта въ іерархіи духовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ не имѣющія нравственной цѣны, даже нарушаютъ нормальный строй общественной жизни и должны быть подавляемы.

Заключительную главу въ отдѣлѣ о чувствованіяхъ занимаетъ обширный трактатъ о выраженіи ихъ въ тѣлѣ (стр. 304—363). Разсматривая труды своихъ предшественниковъ по этому вопросу, главнымъ образомъ Дарвина, авторъ находитъ ихъ недостаточными, полагая причину ихъ неуспѣшности въ томъ, что въ нихъ не обращено должнаго вниманія на выраженіе волеваго элемента, сопутствующаго чувствованіямъ, и—не различается глубина чувства отъ силы. По взгляду автора, какъ чувствованія возникаютъ изъ разнообразныхъ отношеній впечатлѣній и событій къ нашей волѣ, такъ и наоборотъ, послѣдняя въ чувствованіяхъ обнаруживается различно и выраженіе ея въ мускулатурѣ при волненіяхъ должно быть не одинаково, хотя оно большею частью принимается за выраженіе самаго чувства. По взгляду автора, сила чувствованій сказывается въ обширности измѣненій въ непроизвольныхъ системахъ тѣла, а глубина обнаруживается въ различныхъ спеціальныхъ дѣйствіяхъ на зрительный органъ, сердце, легкія, лицо, мускулы рта и т. п. Притомъ, сила и глубина чувствованій обнаруживаются большею частью совмѣстно: отъ глубины его зависитъ спеціальное обнаруженіе его въ извѣстныхъ органахъ, а отъ силы количество органовъ и частей тѣла, выражающихъ чувствованіе (стр. 323). Свои воззрѣнія авторъ примѣняетъ на практикѣ, подробно анализируя способы выраженія простыхъ и сложныхъ чувствованій порознь (328—360). Основаніемъ для анализа выраженія чувствованій служитъ автору какъ эмпирическія наблюденія, такъ и собственныя раціональныя соображенія. Относительно послѣднихъ нужно сказать, что они нерѣдко въ такой же мѣрѣ гадательны, какъ и критикуемыя авторомъ соображенія Дарвина.

Въ заключеніе нельзя не признать во всемъ отдѣлѣ о чувствованіяхъ изумительной глубины раскрытія, вѣрности и ши-

роты личныхъ наблюденій и подавляющей массы разсмотрѣнныхъ и проанализированныхъ фактовъ и проявленій этого рода душевной жизни, какъ неоспоримыхъ достоинствъ этого замѣчательнѣйшаго отдѣла во всемъ сочиненіи. Искусное же примѣненіе къ изслѣдованію силы и глубины чувствованій психофизическихъ пріемовъ Вебера и Фехнера сообщаетъ отдѣлу о чувствованіяхъ почти математическую точность. Правда, самостоятельное значеніе жизни сердца нѣсколько умалено авторомъ чрезъ низведеніе сердца на степень лишь показателя отношеній воли къ впечатлѣніямъ и событіямъ, воздѣйствующимъ на субъекта. Но это соображеніе автора вытекаетъ изъ его общаго взгляда на значеніе воли въ психической жизни.

Въ анализѣ воли мы находимъ новую, вполнѣ самостоятельную черту; это общая—мысль, что волѣ принадлежитъ главенство и руководительство во всей психической жизни. Съ точки зрѣнія этого принципа всѣ прочія психическія явленія, какъ то: чувствованія, вниманіе, сознаніе и самосознаніе получаютъ свою психологическую основу въ актахъ воли. Мысль о главенствѣ воли была выдвинута въ качествѣ метафизическаго принципа еще въ трудахъ Гартманна и Шопенгауера, а впервые явилась въ XIII столѣтіи у Дунса Скотта и высказана была въ его положеніи: voluntas est superior intellectu. Но проведеніе ея въ психологическую науку, какъ плодотворнаго для нея предположенія, всецѣло принадлежитъ Владиславлеву. Воля разсматривается имъ не какъ безпредметная общая сила, способная къ движенію, и напряженію, а какъ вся совокупность волевыхъ проявленій. Она имѣетъ первоначальное положительное содержаніе, въ видѣ апріорныхъ влеченій и хотѣній, составляющихъ первоначальную натуру человѣка. На почвѣ первоначальныхъ хотѣній и образуется въ человѣкѣ волевой механизмъ, проявляющійся въ повседневной дѣятельности.

Анализъ состояній воли начинается съ самыхъ простыхъ ея обнаруженій — желаній и хотѣній, а затѣмъ направляется къ болѣе устойчивымъ ея формамъ, каковы: привычки, влеченія и наклонности, стремленія и страсти. Существенное различіе между желаніемъ и хотѣніемъ полагается авторомъ въ томъ, что въ первомъ воля сосредоточивается преимущественно на

цѣли, не простираясь на средства, а во вторыхъ желаетъ и тѣхъ средствъ, коими осуществляется цѣль (стр. 364). Болѣе постоянныя формы обнаруженія воли зависятъ какъ отъ навыка къ дѣйствіямъ въ одномъ направленіи, такъ и отъ первоначальныхъ данныхъ въ человѣческой волѣ, выражающихъ ея всегдашнія нужды и потребности (стр. 368). Такъ отъ частаго повторенія извѣстныхъ дѣйствій и самоопредѣленія къ нимъ образуются *привычки* движеній, ума, сердца, цѣлей и средствъ, пріобрѣтающія твердую устойчивость. Сильныя и глубокія постоянныя желанія, скрыто дѣйствующія въ умѣ и сердцѣ, или неизмѣнно обнаруживающіяся въ дѣйствіяхъ воли, суть *влеченія*. Одна же готовность воли къ самоопредѣленіямъ въ извѣстномъ направленіи называется *наклонностью* (стр. 378). Если воля не только наклонна къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, но и положительно направляется къ нимъ, являются *стремленія*. Они возникаютъ изъ первоначальныхъ хотѣній воли, опредѣляютъ собою бытіе, жизнь и дѣятельность субъекта и даютъ опредѣленный характеръ его существованію. Самая энергичная и настойчивая форма дѣятельности воли есть *страсть*. Изслѣдуя всѣ названныя обнаруженія воли, авторъ признаетъ ихъ общеизвѣстными фактами и представляя анализъ ихъ, почти не касается опредѣленія ихъ, равно какъ не уясняетъ ихъ внутренняго смысла и не разграничиваетъ специальными признаками практически-волевыхъ обнаруженій отъ умственно-волевыхъ и сердечно-волевыхъ.

Усвояя волѣ господствующее значеніе въ психической жизни, авторъ опредѣляетъ ея отношеніе къ прочимъ функціямъ послѣдней, указывая въ нихъ присутствіе волевыхъ элементовъ. Такъ, обширная сфера умственной жизни, по его взгляду, всецѣло подчиняется волѣ. Послѣдняя не только сопутствуетъ мышленію, но и руководитъ умъ, опредѣляя направленіе и цѣли его дѣятельности. Отъ ея вліянія сокрыто лишь самое образованіе ощущеній, сочетаніе представленій и логическое соотношеніе мыслей, но ей подчиняется доступъ впечатлѣнія къ органамъ и до нѣкоторой степени сила и энергія ощущеній; ею опредѣляется выборъ представленій для запоминанія, начало процесса воспоминанія и цѣль его: отъ нея зависитъ

намѣчиваніе результатовъ и выводовъ, какъ цѣлей мыслительнаго процесса, выборъ точекъ зрѣнія и сторонъ предмета для анализа, а равно направленіе и цѣль всей дѣятельности мышленія (стр. 399). Различныя воззрѣнія людей зависятъ отъ тайныхъ влеченій и стремленій, вдохновляющихъ ихъ умъ. Самыя дѣйствія ума намъ понятны, какъ акты воли. Послѣдняя есть primum movens въ умственной дѣятельности (стр. 401). Подобнымъ образомъ и сердце находится въ непосредственной зависимости отъ воли. Оно есть лишь показатель и выразитель отношеній воли къ впечатлѣніямъ, къ событіямъ внутреннимъ и внѣшнимъ, и во всѣхъ своихъ состояніяхъ отражаетъ разные моменты воли (стр. 410). Самое чувство является только тогда, когда есть на то попустительство со стороны воли. Смыслъ чувствованій также выводится изъ отношеній основныхъ и первоначальныхъ хотѣній воли къ впечатлѣніямъ. Такъ, вся группа нѣжныхъ чувствованій основывается на отношеніяхъ воль разныхъ субъектовъ; на ихъ взаимныхъ влеченіяхъ и отвращеніяхъ; радость и горе возникаютъ по поводу событій, расширяющихъ и съуживающихъ кругъ нашей дѣятельности; личныя волненія развиваются на почвѣ соціальныхъ влеченій и стремленій человѣка; чувство уваженія понятно только какъ выраженіе склоненія одной воли предъ другою и т. д.

Нельзя не видѣть нѣкоторыхъ крайностей и односторонности какъ въ изложенныхъ воззрѣніяхъ автора, такъ и въ основномъ принципѣ его, послѣдовательно проведенномъ во всей системѣ. По внутреннему опыту мы знаемъ состоянія нашего сознанія, вовсе не связанныя съ волею, и только посредствомъ аналитическаго сравненія съ произвольными актами можемъ установить, въ чемъ заключается то приращеніе или измѣненія, которыя испытываютъ ощущенія, представленія, и чувства, благодаря волѣ. Безспорно, актъ воли присущъ и представленіямъ и чувствованіямъ, но онъ не составляетъ въ нихъ всего или главнаго. Нерѣдко воля безсильна оказать свое вліяніе на ходъ и теченіе представленій; безсильна также и опредѣлить направленіе для того, что воспроизводится въ сознаніи. Нерѣдко, не смотря на всѣ усилія, нужное представленіе не

воспроизводится и наоборотъ, очень трудно и даже невозможно бываетъ отдѣлаться отъ непрошенныхъ представленій. Далѣе, воля не можетъ ни удерживать представленій въ сознаніи, ни вытѣснять ихъ; послѣднія, въ силу собственной слабости (ср. т. 1, стр. 293—301), или напряженности, уступаютъ свое мѣсто другимъ представленіямъ, или заступаютъ ихъ мѣсто. Съ другой стороны, образованіе какого-нибудь представленія есть совершенно отличный актъ отъ воспроизведенія иного по содержанію представленія, а оба вмѣстѣ отличаются отъ удержанія, или вытѣсненія изъ сознанія другихъ, взаимно различающихся по содержанію представленій. Между тѣмъ въ актахъ воли вовсе не представляется мѣста для различій, обусловливающихъ указанныя различныя дѣйствія. По крайней мѣрѣ, такихъ различій нѣтъ основаній предполагать. Равнымъ образомъ мы знаемъ случаи, когда чувствованія пріятнаго рода даны въ сознаніи безъ всякаго слѣда стремленія, и когда возникновеніе стремленія связано не съ чувствованіемъ, а съ представленіемъ предмета, или движенія. Слѣдовательно, воля можетъ быть и отдѣляема отъ другихъ явленій сознанія. Она есть та функція психической жизни, которая можетъ соединяться со всѣми другими, но которой нѣтъ неизбѣжной необходимости быть соединенною съ ними. Самое большее, что можно утверждать рѣшительно, это необходимую связь и взаимную зависимость всѣхъ трехъ формъ психической жизни въ каждомъ душевномъ состояніи, какъ въ теоретически—познавательномъ, такъ и волевомъ и эмоціальномъ. Только при такомъ предположеніи является возможность понять самостоятельную, спеціальную роль каждой изъ этихъ трехъ сторонъ психической жизни въ общей ея экономіи. Правда, усвоенный авторомъ принципъ оказался плодотворнымъ для болѣе спеціальной и глубокой разработки ученія о волѣ, въ чемъ и заключается его значеніе.

Руководясь основнымъ принципомъ главенства воли, авторъ совершенно перестраиваетъ ученіе о мотивизаціи воли и измѣняетъ всю постановку вопроса о взаимномъ отношеніи чувствованій и воли. Не отрицая фактовъ возникновенія желаній и хотѣній по поводу реальныхъ, или идеальныхъ чувствованій, авторъ находитъ возможнымъ объяснить ими механизмъ воли,

или вторичные ея акты, но отрицаетъ предположеніе о всегдашней условливаемости воли чувствованіями. Въ каждомъ чувствѣ, по его взгляду, есть волевые элементы; ими и опредѣляется субъектъ къ дѣйствію, а чувство лишь сопровождаетъ собою волевое возбужденіе: человѣкъ бѣжитъ не отъ страха, а въ страхѣ, побуждается къ брани не гнѣвомъ, а бранится въ гнѣвѣ и т. д. Эти соображенія примѣнимы и къ тѣмъ случаямъ, когда воля опредѣляется къ дѣйствіямъ одними представленіями чувства: представленіе удовольствія потому и побуждаетъ волю къ дѣйствіямъ, что послѣднія желались ранѣе самаго представленія. Въ такъ называемой борьбѣ мотивовъ не представленіе одного удовольствія побѣждаетъ другое, а сильнѣйшее побужденіе беретъ перевѣсъ надъ слабѣйшимъ, и кажущаяся борьба происходитъ не между представленіями, а между хотѣніями (т. 2, стр. 415). Все дѣло такимъ образомъ въ волѣ и ея рѣшеніяхъ, а не въ мотивахъ. Принятою точкою зрѣнія объясняются, по взгляду автора, всѣ глубокія теченія жизни, несеніе тяготы государственныхъ обязанностей и разнаго рода самопожертвованія. Въ подтвержденіе авторъ ссылается на то, что мы продѣлываемъ обыденный рутинный порядокъ жизни, исполняемъ служебныя обязанности и многія дѣла не ради пріятности, а во имя долга. Но при этомъ забывается авторомъ, что мы часто поступаемъ такъ, а не иначе, во избѣжаніе большихъ непріятностей и нерѣдко забываемъ велѣнія долга во имя ожидаемыхъ, или реальныхъ удовольствій.

На основаніи сказаннаго о мотивахъ, глубочайшими основами нашей дѣятельности признаются авторомъ первоначальныя влеченія и хотѣнія, сводимыя къ тремъ общимъ категоріямъ: одни влеченія имѣютъ своимъ предметомъ нестѣсняемое продолженіе личной дѣятельности, другія связаны съ возможнымъ усиленіемъ и возвышеніемъ ея, третьи—съ утвержденіемъ положенія субъекта въ ряду другихъ духовъ (стр. 442). Они существуютъ въ душѣ въ безсознательномъ видѣ и, возникая вмѣстѣ съ нею, гораздо ранѣе всякаго опыта и дѣйствія на душу впечатлѣній, имѣютъ апріорный характеръ. Съ ними душа вступаетъ въ міръ и соединяется съ тѣломъ. Эти первоначальныя хотѣнія сначала опредѣляютъ только общіе роды

и виды предстоящей душѣ дѣятельности, но съ теченіемъ времени они проясняются все болѣе, принимаютъ конкретный характеръ и становятся опредѣленными желаніями. Прежде всего проясняется совокупность влеченій и хотѣній, имѣющихъ своимъ предметомъ удовлетвореніе физіологическихъ потребностей, затѣмъ принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ влеченія, касающіяся личнаго существованія и дѣятельности субъекта; далѣе начинаютъ дѣйствовать въ субъектѣ соціальныя влеченія и наконецъ—высшія влеченія къ истинѣ, красотѣ и нравственному благу. Влеченіе, опредѣлившееся конкретно, становится стремленіемъ, а послѣднее, осложненное влеченіемъ къ сближенію и обладанію чѣмъ-либо цѣннымъ, становится страстью (стр. 477). Моментъ конкретнаго опредѣленія первоначальныхъ влеченій есть моментъ возникновенія чувствованій. Послѣднія, составляя новый фактъ въ исторіи развитія воли, обыкновенно простымъ сознаніемъ, руководящимся правиломъ —post hoc, ergo propter hoc—признаются мотивами, опредѣляющими волю къ дѣйствіямъ, хотя роль мотивовъ принадлежитъ собственно заключающимся въ чувствованіяхъ волевымъ элементамъ. Чувствованіе же въ данномъ случаѣ является лишь сокращеннымъ названіемъ цѣлаго ряда состояній духа, обусловливающихъ дѣйствіе. Желанія и хотѣнія, возникающія въ моментъ образованія чувствованій и въ связи съ ними, могутъ быть названы *третичными*, въ отличіе отъ первоначальныхъ безсознательныхъ и вторичныхъ, представляющихъ конкретное примѣненіе первоначальныхъ. Къ этому третичному типу относятся всѣ наши обыденныя желанія и хотѣнія, являющіяся для сознанія мотивированными и обусловливающія наши разнообразныя привычки.

Въ соотвѣтствіе съ ученіемъ о чувствованіяхъ, авторъ различаетъ въ состояніяхъ воли глубину отъ силы, объясняя различными отношеніями ихъ многія явленія жизни. Самыми глубокими онъ признаетъ первоначальныя хотѣнія, распредѣляя ихъ по степенямъ глубины на четыре категоріи. Затѣмъ, такъ какъ чувствованія суть показатели отношеній воли къ впечатлѣніямъ, то всѣ обобщенія относительно напряженія чувствованій и опредѣляющей ихъ мѣры прилагаются авторомъ и къ

состояніямъ воли. Главнѣйшая мѣра, опредѣляющая отношенія воли къ впечатлѣніямъ, устанавливается потребностями воли. Онѣ могутъ быть или привычныя—и лежатъ въ основаніи привычныхъ мѣръ, или спорадическія, вызываемыя какъ внѣшними обстоятельствами, такъ и теченіемъ внутренней жизни. Послѣднія даютъ бытіе слѣдующимъ мѣрамъ: ожидаемому, желаемому, воображаемому и наконецъ—идеальному, опирающемуся на влеченіе къ высшимъ цѣнностямъ въ мірѣ. Въ какой степени впечатлѣнія удовлетворяютъ, или не удовлетворяютъ потребностямъ воли, въ такой она хочетъ, или не хочетъ впечатлѣній (стр. 504). Измѣряя въ частностяхъ степени хотѣній и возрастаніе ихъ, авторъ сознается, что многія хотѣнія не поддаются измѣреніямъ; тѣмъ не менѣе, руководясь условіями возрастанія нѣкоторыхъ волненій, онъ находитъ возможнымъ сдѣлать заключеніе и къ возрастанію соотвѣтствующихъ имъ состояній воли. На основаніи показаній сердца имъ устанавливаются слѣдующіе три вывода относительно воли: 1) нехотящая и отвращающаяся воля вдвое раздражительнѣе относительно своихъ объектовъ, чѣмъ хотящая и стремящаяся; 2) абсолютно требующая воля вдвое раздражительнѣе воли, желающей только относительно и нѣсколько удовлетворенной; 3) послѣдняя удовлетворяется относительною прибавкою, превосходящею привычное впечатлѣніе на $^1/_5$, тогда какъ первая довольствуется $^1/_{10}$; въ своемъ же неудовлетвореніи воля руководится законами $^1/_{10}$ и $^1/_{20}$ (стр. 507—508). Въ частности, хотѣніе жизни возбуждается для сознанія при уменьшеніи благосостоянія на $^1/_3$; влеченіе существъ другъ къ другу возбуждается при гармоніи ихъ душъ въ отношеніи 1: $1^1/_4$; чувство стыда возбуждается при пониженіи въ общественной іерархіи на одну ступень и т. д. Причины, вліяющія на развитіе состояній воли въ сторону глубины тѣ же, что и въ чувствованіяхъ, то есть массивныя впечатлѣнія и контрасты. Энергія же состояній воли зависитъ отъ энергіи внѣшнихъ впечатлѣній, быстроты ихъ наступленія и продолжительности дѣйствія, отъ суммаціи силы однородныхъ хотѣній и объединенія впечатлѣній мыслію, или воображеніемъ въ одно цѣлое.

Объ измѣреніи состояній воли слѣдуетъ сказать то же, что и

объ измѣреніи силы и глубины чувствованій. Обобщенія, сдѣланныя авторомъ, не могутъ имѣть значенія вполнѣ достовѣрныхъ и непреложныхъ законовъ, а имѣютъ цѣну лишь приблизительныхъ обобщеній. Самая попытка изслѣдовать возрастаніе состояній воли, сама по себѣ похвальная, едва ли можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ въ виду скрытности механизма воли отъ нашего сознанія. Тѣмъ не менѣе, заслуга автора велика, такъ какъ онъ освѣщаетъ новымъ свѣтомъ обширную группу волевыхъ проявленій.

Послѣ обстоятельнаго анализа отдѣльныхъ проявленій воли авторомъ ставится вопросъ о *свободѣ* воли. Признавая въ принципѣ послѣднюю, какъ главное условіе вмѣняемости дѣйствій, авторъ отрицаетъ ея безграничность. Содержаніе и общій характеръ дѣятельности субъекта, по взгляду автора, уже предопредѣлены его бытіемъ и натурою, а свобода имѣетъ приложеніе только къ подробностямъ дѣятельности (стр. 537). Фактически свобода можетъ быть понимаема, какъ возможность контролировать свои дѣйствія и какъ способность выбора цѣлей и средствъ осуществленія ихъ, предполагающая въ свою очередь способность свободной инициативы. Но эта инициатива должна происходить не въ эмпирической жизни души, а въ сверхъопытной сторонѣ ея существа: душѣ отъ начала принадлежатъ нѣкоторыя влеченія и акты, которые, какъ ничѣмъ не предшествуемые, должны быть признаны свободными, а они то и условливаютъ всю остальную волевую дѣятельность (стр. 538). Такимъ образомъ, свобода понимается, какъ слѣдованіе внутреннимъ, предопредѣленнымъ въ природѣ души побужденіямъ и какъ отсутствіе внѣшняго принужденія (ср. 539 стр.). Притомъ, апріорные акты воли, по взгляду автора, имѣютъ нравственный характеръ и составляютъ положительное нравственное содержаніе души. Въ своей конкретной дѣятельности человѣкъ, хотя и слѣдуетъ указаніямъ разума, все же остается автономнымъ и свободнымъ. Разумъ, открывая волѣ фактическую зависимость явленій, ни къ чему ее не обязываетъ, предоставляетъ ей свободный выборъ цѣлей и даетъ ей просторъ рѣшенія при выборѣ средствъ; мало того, самъ онъ послушный рабъ воли и занимается лишь тѣмъ, чѣмъ интересуется послѣдняя (стр. 541). Отсюда, опредѣленіе

воли чрезъ разумъ есть въ сущности самоопредѣленіе. Равнымъ образомъ, опредѣляясь къ дѣйствіямъ чувствованіями, воля также лишь самоопредѣляется, ибо отъ ея попустительства и заранѣе опредѣленнаго рѣшенія зависитъ побѣда извѣстнаго мотива надъ другими. Правда, авторомъ не отрицается вліяніе постепенно сложившагося механизма воли, предопредѣляющаго съ нѣкоторою необходимостью наши обычныя дѣйствія, но основою этого механизма признается апріорная природа души съ ея первоначальными актами, начинающими собою ряды дѣйствій земной жизни; сосредоточеніе же энергіи на извѣстномъ хотѣніи всецѣло принадлежитъ волѣ (стр. 542—544). Въ виду этого, человѣкъ подлежитъ отвѣтственности за дурное, ненадлежащее конкретное приложеніе своихъ апріорныхъ влеченій, а никакъ не за послѣднія (стр. 544).

Такимъ образомъ, признавши свободу воли, какъ реальный фактъ, находимый нами во внутреннемъ опытѣ, авторъ нѣсколько односторонне объясняетъ этотъ фактъ. Такъ какъ причина, движущая волю человѣка, лежитъ въ немъ самомъ, а не внѣ, то и его воля автономна, то есть независима отъ всего внѣшняго, а равно и внутренняго, кромѣ самой воли. Но будучи свободнымъ по своей апріорной природѣ, человѣкъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ механическою причинностью явленій и постепенно сложившимся подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій механизмомъ воли. Отсюда фактически свобода сводится къ рѣшимости и къ выбору цѣлей и средствъ. Такое ученіе очень близко къ воззрѣніямъ Лотце на тотъ же предметъ и значительно съуживаетъ понятіе свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ ничего не говоритъ объ отношеніи свободы къ нравственнымъ законамъ и требованіямъ совѣсти, а признавши положительное нравственное содержаніе въ душѣ, данное a priori, не говоритъ и о нравственномъ развитіи. Не касается авторъ и обычныхъ возраженій противъ свободы воли въ виду ясно выраженнаго имъ принципа главенства воли. Самая свобода не столько доказывается имъ, сколько утверждается догматически. Вообще, весь трактатъ о свободѣ воли отличается нѣкоторою неполнотою. Что же касается всего отдѣла о волѣ, мы должны признать въ немъ много безспорныхъ достоинствъ: онъ отли-

чается глубиною и оригинальностью, а частный анализъ состояній воли отличается широтою, правильностью и удобопріемлемостью взглядовъ.

Въ заключительномъ отдѣлѣ своей системы авторъ ставитъ вопросы о вниманіи, сознаніи, и самосознаніи. Сущность процесса вниманія полагается имъ въ сосредоточеніи воли на томъ, или другомъ психическомъ состояніи, усиливающемъ собою энергію послѣдняго. Оно служитъ основою сознанія и самосознанія (стр. 549). Подъ сознаніемъ разумѣется актъ отнесенія переживаемыхъ субъектомъ состояній къ себѣ, къ своей личности. Какъ условливаемое главнымъ образомъ вниманіемъ, оно имѣетъ прямую связь съ волею, что доказывается между прочимъ возможностью намѣренно направлять его на различныя душевныя состоянія. Самосознаніе есть присвоеніе себя самаго себѣ же самому, отожествленіе съ собою того, что живетъ и дѣйствуетъ въ насъ (стр. 556). Въ составъ его входятъ: актъ сознанія, присутствіе вниманія и мысль о себѣ, какъ причинѣ и субъектѣ своей жизни и дѣятельности. Самопредставленіе, выражаемое нашимъ *я*, имѣетъ свою основу во влеченіяхъ, хотѣніяхъ и вообще состояніяхъ воли, настойчиво напоминающихъ субъекту о немъ самомъ. На всегдашнемъ отожествленіи дѣйствующаго субъекта съ тѣмъ, ради котораго совершается всякая дѣятельность, а равно на единствѣ воли, основывается единство и тожество сознанія.

Заканчивая этимъ обозрѣніе обширнаго труда Владиславлева, мы должны признать, что онъ вполнѣ удовлетворяетъ естественно-научному стремленію къ познанію реальныхъ условій душевной жизни и отношеній ея къ тѣлесной дѣятельности, на основаніи каковаго знанія представляется возможность сдѣлать заключеніе и о самой душѣ. Особенность разсмотрѣннаго труда состоитъ въ томъ, что авторъ его нигдѣ не вдается въ психофизіологію, а получаетъ всѣ выводы чисто психологическимъ анализомъ данныхъ субъективнаго и объективнаго наблюденія, преимущественно перваго, но незамѣтно для себя приходитъ къ выводамъ современной психофизіологіи. Самый трудъ обнимаетъ собою всѣ главнѣйшія группы душевныхъ состояній и представляетъ возможно полный и подробный ана-

лизъ этихъ послѣднихъ, благодаря чему обѣ стороны дѣятельности души—теоретической и практической—вполнѣ опредѣляются въ своихъ частнѣйшихъ формахъ и проявленіяхъ. Соединяя въ себѣ выгодныя стороны обоихъ возможныхъ способовъ изложенія науки—индуктивнаго и дедуктивнаго—онъ въ равной степени преслѣдуетъ и интересъ классификаціи, состоящій въ описаніи всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ психической жизни и общихъ формъ ихъ взаимныхъ соотношеній,—и задачи объяснительной науки, состоящія въ уясненіи тѣхъ дѣятельныхъ условій, которыя создаютъ все содержаніе психической жизни и связываютъ во едино многоразличныя формы ея проявленій. Кромѣ того, при глубокомъ самостоятельномъ анализѣ психическихъ фактовъ, авторъ усвоиваетъ себѣ наиболѣе цѣнные результаты разнообразныхъ школъ и направленій, оставаясь чуждымъ ихъ односторонностей и сохраняя свою оригинальность. Наибольшею симпатіей автора пользуются психологи эмпирическаго направленія.

Можно пожалѣть, что автору не удалось довести до конца своего труда, вслѣдствіе чего внутреннія основы психической жизни остались невыясненными. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ своемъ видѣ разсмотрѣнный трудъ, по количеству фактическихъ наблюденій, по богатству научнаго матеріала, ясности и простотѣ выводовъ, представляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ русской психологической литературѣ, а ясное, строго послѣдовательное и увлекательное изложеніе еще болѣе увеличиваютъ его достоинства.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ПАМЯТЬ НЕОБРАБОТАННАЯ (BRUTE) И ПАМЯТЬ ОРГАНИЗОВАННАЯ *).

Часто описывали *разнообразіе* памяти (памяти зрительной, слуховой, двигательной, памяти знаковъ и проч.), но до сихъ поръ не были опредѣлены ея существенные *роды* или типы. Этимъ желаемъ заняться въ настоящее время мы, примѣняя къ памяти то различіе, которое установлено между ощущеніемъ и воспріятіемъ.

По нашему мнѣнію, существуетъ два рода памяти: память необработанная (brute) и память организованная.

Первая изъ нихъ есть простое и чистое повтореніе ощущенія. Или лучше, она или непосредственно слѣдуетъ за ощущеніемъ, составляя какъ бы замирающій отголосокъ его,—или же слѣдуетъ за нимъ черезъ большій или меньшій промежутокъ времени; такъ что этотъ отголосокъ становится болѣе продолжающимся и отдаленнымъ. Но эта память всегда есть отражающая (redondante) ощущеніе, т. е. она воспроизводитъ его, не измѣняя природы самаго ощущенія, ничего не прибавляя и не убавляя.

Память необработанная, подобно ощущенію есть состояніе пассивное. Она у насъ образуются самопроизвольно и невольно. У насъ существуютъ такія познанія, въ пріобрѣтеніи которыхъ умъ нашъ совсѣмъ не участвуетъ; онъ пріобрѣтаетъ ихъ безъ контроля и складываетъ безъ знанія. Все это совершается въ немъ какъ бы въ его отсутствіи. Всякій разъ, когда вос-

*) Изъ „Revue philosophique“ 1894, № 11. V. L'Article de M. Dugas: „*La mémoire brute et la mémoire organisée*“.

поминаніе является само собою, безъ усилія съ нашей стороны узнать его;—оно есть воспоминаніе необработанное, неорганизованное, принятое (ingéré), но неразсмотрѣнное (digéré). Нельзя сказать, чтобы пріобрѣтенія памяти необработанной не стоили никакихъ усилій, но онѣ не стоятъ никакихъ усилій для ума. При желаніи затвердить въ этой памяти, употребляютъ лишь машинальное повтореніе того, что хотятъ сохранить; лѣность при этомъ ума восполняютъ излишкомъ физической дѣятельности; память эта тѣмъ болѣе остается чистою, чѣмъ менѣе употребляютъ усилій на размышленіе и сужденіе.

Такъ какъ память необработанная чужда усиліямъ нашей мысли, такъ какъ она необдуманна и слѣпа: то вслѣдствіе этого намъ и неизвѣстно ея образованіе; то, что чуждо волѣ—чуждо также и сознанію.

Намъ неизвѣстно также и то, какъ она сохраняется; и отъ насъ не зависятъ ни ея исчезновеніе, ни ея появленіе; мы пользуемся, но не владѣемъ ею. Продолжительность ея непостоянна и измѣнчива, а возникновеніе—неожиданно.

Всѣми этими своими особенностями память необработанная составляетъ противоположность памяти организованной. Эта послѣдняя есть не простое возстановленіе прошлаго, но его толкованіе; она не есть чистое воспроизведеніе предшествовавшихъ впечатлѣній, но самопроизвольный и обдуманный выборъ и сортировка этихъ впечатлѣній. Тутъ предполагается дѣйствіе ума. Память необработанная есть какъ бы даръ, упавшій къ намъ съ неба: память же организованная есть богатство, усиленно и намѣренно нами добытое, и вслѣдствіе этого дѣйствительно намъ принадлежащее, охраняемое нами отъ опасности и гибели; и мы умѣемъ его беречь; потому что умѣемъ его пріобрѣтать; и употребленіе его намъ хорошо извѣстно.

Постараемся сравнить память необработанную съ памятью организованной съ точки зрѣнія образованія, сохраненія и обращенія къ ней.

Память необработанная формируется сразу и безъ видимаго основанія. Можно дать ей объясненіе физіологическое; можно сказать, что она зависитъ отъ такого или другаго состоянія

мозга, сильнаго питанія, дѣятельнаго кровообращенія и проч. Но физіологически доказать можно только то, что она возникаетъ и не возникаетъ; между тѣмъ какъ условія и законъ этого возникновенія не извѣстны и можетъ быть останутся неизвѣстными навсегда. Къ необработанной памяти можно отнести слѣдующій, хорошо извѣстный случай съ мальчикомъ мясникомъ, который въ бреду говорилъ тирады изъ *Федры*, видѣнной имъ на сценѣ всего одинъ разъ, изъ которой онъ ничего не понялъ; и другой случай—со служанкой священника, сохранившей въ памяти цѣлыя страницы изъ римскаго молитвенника и проч. Единственная психологическая причина, допускаемая при образованіи припоминаній, есть вниманіе, но оно въ этихъ двухъ случаяхъ или совсѣмъ отсутствовало, или же было ограничено до послѣдней степени. Интересно было бы знать, не образуется ли также пассивно и безъ участія вниманія и память ученика, машинально твердящаго свой урокъ? Этого обыкновенно не предполагаютъ. Говорятъ, что дѣйствія, повторяемыя со слабымъ вниманіемъ, равняются одному сильному вниманію. Но ученикъ, выучивающій свой урокъ, твердя его десять разъ, овладѣваетъ имъ не такимъ же образомъ, какъ тотъ, кто выучиваетъ его въ одинъ разъ, напрягая при этомъ весь свой умъ. Въ этомъ случаѣ десять десятыхъ не равняются одной; такимъ образомъ машинальное повтореніе не превращается во вниманіе; такъ какъ машинальное повтореніе есть процессъ образованія памяти пассивной, который хотя и замѣняетъ усилія разума, но не тождественъ съ нимъ; а потому и не производитъ одинаковыхъ слѣдствій. Повторять урокъ для того, чтобы его выучить, это въ дѣйствительности значитъ возобновлять не актъ вниманія, но возобновлять незатрогивающее насъ и слѣпое впечатлѣніе, которое и одно вполнѣ можетъ быть достаточнымъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ достаточно (случай съ мясникомъ) для произведенія запамятованія, хотя обыкновенно оно его не производитъ, или же производитъ въ продолжительное время. Значитъ память необработанная образуется безъ участія разума, по законамъ механизма, скрытаго отъ насъ, которымъ мы владѣемъ, но котораго

не понимаемъ; такъ какъ въ случаяхъ повторенія для пріобрѣтенія запоминаній мы заставляемъ дѣйствовать этотъ механизмъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы дѣйствительно проникли въ его тайну; мы пользуемся имъ, не имѣя познанія о немъ.

Память организованная состоитъ въ запоминаніи вещей, соединенномъ съ размышленіемъ о нихъ и съ силою мышленія. Она не составляетъ чуда. Какъ бы чудесна она ни была и какой бы она ни сдѣлалась отъ упражненія, она намъ кажется всегда нормальной. Для пріобрѣтенія ея требуется усиліе и время. Она есть продуктъ обработки, по крайней мѣрѣ, безсознательной. Нельзя, по желанію, ускорить появленіе ея воспоминаній; они появятся въ свое время, когда закончится насыщеніе мозговыхъ клѣточекъ. Кому не извѣстно, что лучшее средство для сохраненія въ умѣ впечатлѣнія, заключается въ томъ, чтобы оставить его въ покоѣ и отвлечься отъ него? Память, подобно счастью, является тому, кто умѣетъ ждать и кто ждетъ его лежа. Изучая какой нибудь предметъ, мы засыпаемъ съ сознаніемъ, что не совсѣмъ знаемъ его, и бываемъ намѣрены вновь приняться за изученіе его; каково же бываетъ наше удивленіе, когда при пробужденіи открываемъ, что знаемъ этотъ предметъ въ совершенствѣ? Такимъ образомъ, образованіе воспоминаній, начатое во время бодрствованія, заканчивается во время сна: это относится также и къ случаямъ машинальнаго заучиванія уроковъ. Изъ этого можно заключить, что заучиваніе наизусть не есть (какъ это можно думать по предшествующимъ строкамъ) дѣйствіе чисто слѣпое и пассивное. И дѣйствительно, учить наизусть — это значитъ приводить въ порядокъ и приспособлять мускульныя движенія словеснаго сказыванія (recitation orale); а эта работа двигательной системы можетъ продолжаться во снѣ также хорошо и даже лучше, чѣмъ (предполагаемая здѣсь) работа мысли, которая во снѣ не дѣйствуетъ. Мы съ намѣреніемъ указали на примѣры безсознательной организаціи воспоминанія; примѣры обдуманной организаціи воспоминаній, хотя и болѣе обыкновенны, не бываютъ болѣе значительными и болѣе ясными; очевидно, здѣсь дѣло идетъ не о внезапныхъ впечатлѣніяхъ, какъ это бываетъ

въ случаяхъ памяти необработанной, но о впечатлѣніяхъ намѣренно усвояемыхъ. Впрочемъ, различіе между памятью необработанною и памятью организованной, какъ и всякое психологическое различіе, всегда представляется въ нѣкоторой степени искусственнымъ. Точно также, кто можетъ опредѣлить, гдѣ начинается воспріятіе и гдѣ кончается ощущеніе? Ясно, что формальные и матеріальные элементы воспоминанія могутъ быть раздѣляемы только въ отвлеченіи. Тѣмъ не менѣе, каждый согласится, что надобно отдѣлять тѣ воспоминанія, образованіе которыхъ происходитъ непосредственно и не требуетъ никакихъ усилій, отъ тѣхъ, пріобрѣтеніе которыхъ совершается медленно и съ трудомъ. Первыя изъ нихъ относятся къ памяти необработанной; эта память всегда образуется легко и мгновенно. Но слово легкость двусмысленно. Если учиться легко—значитъ запоминать вещи безъ вниманія, не усвоивая и не понимая ихъ, то такая легкость есть другое названіе пассивности, есть принадлежность памяти необработанной. Въ другомъ же случаѣ учить легко значитъ запоминать вещи съ одного взгляда и безъ усилія, столько же быстро, какъ проницательно и вѣрно. Итакъ, подобно двойной памяти, существуетъ также и двойная легкость. Но понимать подъ легкой памятью, память, соединенную съ умственной лѣностью, это, повидимому, значитъ выражаться неправильно. Легкость памяти необработанной противуполагается медленному и правильному собиранію памяти дѣятельной. Эта послѣдняя для своего образованія требуетъ опредѣленнаго времени, которое разнообразится, смотря по личностямъ. Продолжительность времени, при образованія этой памяти, опредѣляется произведеннымъ ею дѣйствіемъ. Если память кратковременна, то можно думать, что образованіе ея совершилось быстро и несовершенно; или же, что первое впечатлѣніе было получено непроизвольно. Если же память тверда, то это доказываетъ, что образованіе ея было тщательное. Такимъ образомъ, продолжительность воспоминанія составляетъ косвенное средство для опредѣленія способа его пріобрѣтенія. Я зналъ одного человѣка хорошо знакомаго съ исторіей, которому достаточно было прочесть одинъ или два раза Генриха Мартина,

чтобы знать его наизусть; но черезъ недѣлю онъ забывалъ его совсѣмъ. Мнѣ извѣстны, напротивъ, другіе умы, которые не могутъ ничего сказать изъ только что прочтенной ими книги, которая должна бы быть имъ хорошо извѣстной; но спустя недѣли и мѣсяцы, когда они соберутся съ мыслями и обдумаютъ прочтенное, у нихъ сохраняется въ памяти и главное и подробности. Скоропреходящую память перваго рода надобно отнести къ памяти необработанной, а твердую и вѣрную память вторыхъ—къ памяти организованной. Нѣкоторые обладаютъ той и другой памятью вмѣстѣ или поочередно. „Я зналъ, говоритъ Аберкромби, одного выдающагося актера, котораго призвали замѣнить заболѣвшаго его собрата; онъ долженъ былъ выучить трудную и длинную роль въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Но онъ, хотя и выучилъ ее очень скоро и игралъ безъ ошибокъ, но вслѣдъ за тѣмъ забылъ ее до такой степени, что будучи принужденъ играть эту же роль сряду нѣсколько дней, онъ долженъ былъ готовить ее каждый разъ снова, *„не имѣя*, какъ онъ говорилъ, *времени выучить ее“* (cité par Ribot. *Mal. de la Mem.*, p. 157, note). Актеръ своимъ выраженіемъ *выучить*, роль и *узнать ее сразу* ясно опредѣлилъ то различіе, которое мы стараемся установить между памятью необработанной и памятью организованной.

Различіе это можетъ служить для объясненія и опредѣленія закона регрессіи. Законъ регрессіи связанъ съ слѣдующимъ общимъ правиломъ: способъ, которымъ узнаютъ что либо, опредѣляетъ способъ, которымъ сохраняютъ его; теорія сохраненія есть въ другой формѣ выраженная теорія пріобрѣтенія. Она можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ: память теряется въ порядкѣ обратномъ тому, въ какомъ пріобрѣтается; и опять возвращается въ порядкѣ обратномъ, въ какомъ теряется. Этотъ эмпирическій законъ, представляющійся страннымъ, вѣренъ только отчасти. Онъ можетъ быть примѣнимъ только къ активной памяти и только къ ней одной. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ такая память, которой угрожаетъ время, которую оно уменьшаетъ и уничтожаетъ; это память необработанная. Но существуетъ еще другая память, для образованія которой

время необходимо; оно ее не только не разрушаетъ, но даже укрѣпляетъ; это память организованная. Съ первой памятью находятся въ соотношеніи тѣ факты, въ усвоеніи и распредѣленіи которыхъ умъ не принималъ участія. Эти факты сохраняются, если они нѣкоторымъ образомъ присутствуютъ у насъ, или же находятся близъ нашего сознанія; но они забываются по мѣрѣ ихъ удаленія въ прошедшемъ. Напротивъ, тѣ факты, на которыхъ было сосредоточено вниманіе ума, которые онъ выдѣлилъ и нашелъ достойными, никогда не покрываются наслоеніями опыта, но выдѣляются въ памяти съ возрастающей рельефностью и какъ-бы увеличиваются съ теченіемъ годовъ. Слѣдующій парадоксъ памяти: „новое погибаетъ прежде стараго" дѣйствительно есть парадоксъ, т. е. полуистина. Факты, относящіеся къ какому-либо періоду времени, (напр., къ недѣлѣ или мѣсяцу) помнятся тѣмъ лучше, чѣмъ они свѣжѣе; но когда я сравниваю ихъ съ событіями, обнимающими долгій періодъ моей жизни, то обнаруживается, что забвеніе преимущественно не коснулось болѣе отдаленныхъ событій. Слѣдовательно, будетъ одинаково вѣрно сказать, смотря по обстоятельствамъ: новое пропадаетъ раньше стараго и старое пропадаетъ раньше новаго. И такъ законъ регрессіи опредѣленъ не только не ясно, но даже и не точно. Но онъ можетъ получить и болѣе вѣрное и точное объясненіе. Онъ есть простое и эмпирическое утвержденіе, но можетъ возвыситься или лучше, преобразиться въ утвержденіе научное. Въ первой своей формѣ онъ приводитъ къ слѣдующему: порядокъ образованія памяти указываетъ на порядокъ ея умаленія и возобновленія. Этотъ хронологическій законъ есть въ то же самое время и законъ логическій. Старыя воспоминанія сохраняются не потому, что онѣ *стары*, но потому, что имѣли время *организоваться* и *хорошо организовались*, будучи вообще простыми и пріобрѣтенными дѣвственнымъ мозгомъ, жаднымъ до впечатлѣній. *Новыя* воспоминанія теряются не потому, что онѣ *новы*, но потому, что не имѣли времени организоваться, или *не хорошо организовались*, будучи вообще сложными или пріобрѣтенными мозгомъ ослабленнымъ, и пріобрѣтеніе ихъ было

поверхностное, не утвержденное и не укрѣпленное повторенным опытомъ.

Такимъ образомъ, время составляетъ условіе для организаціи воспоминаній. Образованіе памяти требуетъ менѣе значительной продолжительности, а укрѣпленіе ея болѣе значительной. Въ дѣйствительности, организація памяти продолжается всегда и не кончается никогда. Время служитъ также испытаніемъ памяти: степень организаціи воспоминаній измѣряется или силой ихъ сопротивленія или ихъ продолжительностью. Мы объяснимъ это въ короткихъ словахъ слѣдующимъ сравненіемъ Тэна: „О насъ можно сказать то же, что и о растворѣ, гдѣ образуются кристаллы: частицы, безразличныя сначала къ какому бы то ни было строенію, осаждаются въ опредѣленномъ порядкѣ; за ихъ неустойчивымъ равновѣсіемъ слѣдуетъ устойчивое, которое своей точностью и опредѣленностію можетъ противустоять всевозможнымъ колебаніямъ воздуха и жидкости". (*De l'intelligence*, I, p. 98). Память необработанная это растворъ (eau-mére) кристалла, память организованная это уже образовавшійся кристаллъ. Или лучше — память вообще есть постоянная кристаллизація, т. е. кристаллизація элементовъ воспріятія; но подобно тому какъ нѣкоторыя тѣла, напримѣръ, сѣра, кристаллизуются двумя системами—призмой и октоэдромъ, такъ и воспріятіе кристаллизуется въ двухъ системахъ памяти—устойчивой и неустойчивой.

Впрочемъ, продолжительность воспоминаній не всегда составляетъ безошибочный признакъ способа ихъ пріобрѣтенія и ихъ природы. Иногда необработанное воспоминаніе можетъ твердо сохраняться неопредѣленное время; даже самое слабое впечатлѣніе всегда можетъ возродиться подъ вліяніемъ болѣзни, какъ напримѣръ въ случаяхъ очень возбужденной памяти (hypermnesie). И наоборотъ, самое сосредоточенное вниманіе на данномъ фактѣ не всегда упрочиваетъ запоминаніе этого факта, и онъ ускользаетъ изъ памяти на неопредѣленное и разнообразное время.

Но память необработанная и память организованная отличаются другъ отъ друга еще другою, болѣе ясной и рѣзкой

особенностію. Память необработанная есть полное возвращеніе прошлыхъ впечатлѣній; память же организованная есть пребываніе этихъ впечатлѣній. Память необработанная не приноситъ жертвъ, формула ея—все или ничего: она можетъ уничтожиться совсѣмъ, но не переноситъ никакихъ ущербовъ. Для нея не существуетъ степеней между совершеннымъ забвеніемъ и полнымъ сохраненіемъ. Мальчикъ мясникъ во время воспаленія мозга могъ говорить тираду изъ Федры, которую совершенно не помнилъ, когда лихорадка прекратилась у него. Память организованная, напротивъ, есть частичное сохраненіе впечатлѣній прошлаго. Для лучшаго сохраненія драгоцѣннаго пріобрѣтенія, она отбрасываетъ и уничтожаетъ все то, что загромождаетъ ее. Память необработанная умѣетъ только пріобрѣтать; память же организованная можетъ благоразумно отказываться отъ своего пріобрѣтенія; она есть искусство забывать въ соединеніи съ искусствомъ удерживать. Поэтому хорошо сказалъ Рибо: „забвеніе есть условіе памяти". Безъ полнаго забвенія огромнаго числа фактовъ сознанія, и мгновеннаго забвенія значительнаго числа ихъ, мы не могли бы припоминать. Забвеніе, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, не есть болѣзнь памяти, но условіе ея здоровья и жизни. „(*Maladie de la memoire*, p. 46)". Всѣ поражаются (не смотря на то, что мало обращаютъ на это вниманія) числомъ словъ и дѣйствій, забываемыхъ въ теченіе дня тотчасъ же послѣ того, какъ ихъ сказали или сдѣлали. Причина этого заключается въ томъ, что умъ не усваиваетъ фактовъ, чуждыхъ его интересамъ и жизни, подобно тому, какъ и тѣло отбрасываетъ всѣ неуподобляемыя части пищи. Такимъ образомъ, способъ, посредствомъ котораго впечатлѣніе сохраняется, бываетъ двоякій: впечатлѣніе это или продолжаетъ носиться въ душѣ, болѣе или менѣе долгое время, или же оно входитъ въ систему нашихъ прошедшихъ и настоящихъ впечатлѣній.

Одинъ весьма простой примѣръ тотчасъ покажетъ намъ, какимъ образомъ память необработанная переходитъ въ память организованную. Я иду искать нужную мнѣ вещь въ комнатѣ, но дорогой я забываю объ этой вещи, которая нужна мнѣ. Въ

этомъ случаѣ помогаетъ мнѣ размышленіе. Я стараюсь припомнить то, чего я могъ бы желать, и припоминаю дѣйствительно то, что мнѣ нужно. Это воспоминаніе, которое исчезало у меня и которое я снова нашелъ путемъ размышленія—есть воспоминаніе необработанное, измѣнившееся въ воспоминаніе организованное съ того момента, когда я схватываю или создаю звѣно, связывающее его съ моими настоящими занятіями. Воспоминаніе необработанное есть процессъ простой, пассивный, совершающійся самъ собою чисто физіологически; воспоминаніе же организованное есть та же самая дѣятельность, ставшая обдуманною, активною, намѣренно вызванною и веденною искусственно. Память организованная есть разумъ, соединенный съ памятью.

При воспоминаніяхъ необработанныхъ, возвращеніе образовъ исключительно зависитъ отъ состоянія мозга; при воспоминаніяхъ организованныхъ, возвращеніе образовъ зависитъ отъ воли. Въ памяти необработанной образы находятся въ хаотическомъ состояніи; они представляются духу въ безпорядочной массѣ, подобно стаѣ голубей, выпущенныхъ въ воздухъ, которыхъ нельзя поймать (Платонъ). Въ памяти организованной образы проходятъ въ строгомъ порядкѣ, каждый сообразно своему достоинству: это стая голубей запертыхъ въ голубятнѣ, и они всѣ находятся подъ рукою. Воспоминанія необработанныя появляются массой; они не дѣлятся на отряды и группы и не вызываютъ одни другихъ. Они образуютъ массу, отъ которой нельзя отдѣлить ни малѣйшей частицы. Они не являются по одному, но всѣ вмѣстѣ. „Лейденъ обладалъ необыкновенной способностью къ изученію языковъ; онъ могъ повторить на память безъ ошибки длинный *актъ* Парламента или передать другой подобный документъ, прочитавъ его всего только одинъ разъ. Когда другъ его поздравилъ его съ такимъ замѣчательнымъ даромъ, то Лейденъ отвѣтилъ ему, что даръ этотъ составляетъ для него не преимущество, а большое неудобство; потому что, когда онъ желалъ вспомнить одно какое нибудь мѣсто изъ прочтеннаго, то могъ достигнуть этого только повторяя самому себѣ *все прочтенное отъ начала до* того мѣста, которое хотѣлъ

припомнить". (Abercrombie, *Essay on intellectual powers*, приведено у Рибо, стр. 45). Такъ же точно и школьники, остановленные на срединѣ урока, повторяютъ не только начатую фразу, но и весь урокъ; и если имъ этого не позволяютъ, то они не могутъ отвѣтить ничего. Такимъ образомъ, существуетъ два рода возобновленія припоминаній, какъ существуетъ два рода формаціи воспоминаній. Впечатлѣнія, полученныя въ необработанномъ видѣ, не слитыя и не связанныя между собою, могутъ возродиться только *одновременно* въ безпорядочной и хаотической формѣ; онѣ не имѣютъ другаго между собой отношенія кромѣ *смежности*: они или совсѣмъ не имѣютъ организаціи, или же она несовершенная. Напротивъ, возвращеніе припоминаній въ памяти организованной совершается послѣдовательно и правильно. Каждое воспоминаніе вновь появляется въ назначенномъ мѣстѣ, въ ожидаемое время, и по произвольному вызову. Такъ какъ оно было пріобрѣтено добровольно, то оно и возникаетъ также по зову воли. „Мы намѣреваемся, говоритъ Равессонъ, вспомнить о такой-то вещи, идеѣ или выраженіе идеи; и тотчасъ изъ глубины памяти появляется все потребное для насъ. Такъ появлялись, по свидѣтельству древней сказки, на призывъ пѣсни покорные матеріалы, которые и строились сами собою въ стѣны и башни".

Изъ предъидущаго видно, что память организованная отличается тѣмъ, что она владѣетъ собой и господствуетъ надъ собой, сама себя образуетъ и сохраняетъ, или же въ себѣ самой находитъ нѣкоторый родъ согласія на свое ослабленіе и умаленіе. Она распоряжается образами χρῆσις φαντασίων. Память же необработанная зависитъ отъ фактовъ; она попеременно то захватывается, то покидается ими. Она подавляется, осаждается прошедшимъ; духъ находится во власти ея образовъ. Память организованная, напротивъ, есть *обладаніе образовъ умомъ*; она совершаетъ выборъ изъ нашихъ прежнихъ впечатлѣній, вызываетъ одни впечатлѣнія и обрекаетъ на забвеніе другія. Такимъ образомъ, существуютъ двѣ формы памяти: *пассивная* и *активная*. Но память подчинена тѣмъ же законамъ, какъ и привычка, которой „она составляетъ видъ"

(Малебраншъ). Память *пассивная* отъ времени уменьшается и теряется, а память *активная* развивается. Такъ устанавливается другимъ путемъ и выражается въ другихъ формахъ вышеуказанный нами законъ: память организованная устойчива, память необработанная неустойчива.

Но не слѣдуетъ преувеличивать противуположности памяти необработанной и памяти организованной. Разница между ними заключается только въ степени. Память необработанная имѣетъ сама по себѣ зачаточную и простую организацію, и ея прогрессивную организацію припоминаній каждый самъ можетъ прослѣдить надъ собою. Относительно себя самаго я замѣтилъ, что всегда дурно читаю только что приготовленную лекцію; богатство моихъ воспоминаній стѣсняетъ меня; вопреки удачному латинскому выраженію (teneo memoria), я совсѣмъ не держу ихъ; я не могу привести ихъ въ порядокъ, у меня являются частыя поправки, странная забывчивость, многословность и неполнота. Напротивъ, чѣмъ больше я удаляюсь отъ припоминанія, тѣмъ лучше память служитъ мнѣ. Если мнѣ случается обсуждать вопросъ, который извѣстенъ мнѣ, но о которомъ я не думалъ въ теченіе года или болѣе, то я съ удовольствіемъ замѣчаю, что могу возобновить его въ памяти неповрежденнымъ, вѣрнымъ и точнымъ. Я всего болѣе подвергаюсь опасности быть краткимъ въ томъ случаѣ, когда мои припоминанія новы и дурно упорядочены. Легче же всего я вызываю свои воспоминанія тогда, когда они какъ бы ушли отъ меня; въ дѣйствительности же они лишь улеглись и правильно распредѣлились. Такимъ образомъ, истинныя достоинства памяти зависятъ отъ степени ея организаціи. Тѣ вопросы, которыми слишкомъ много занимаются, оказываются непонятными. Споръ запутываетъ вопросы. Что это доказываетъ, какъ не то, что памяти надобно давать лишь столько, сколько она въ состояніи вмѣстить въ себѣ; или вѣрнѣе, умъ долженъ стараться удерживать только то, что можетъ втекать въ нашъ жизненный типъ (type d'organisation viable). А это что иное значитъ, какъ не то, что надобно *понимать* (въ этимологическомъ смыслѣ слова) все то, что узнаютъ?

Такъ объясняются противурѣчивыя мнѣнія о цѣнности па-

мяти. Нѣкоторые нападаютъ на нее и имѣютъ право нападать въ томъ случаѣ, когда обращаютъ вниманіе только на память пассивную, которая есть только повторяющееся ощущеніе. Да хранитъ насъ Богъ отъ этой безжалостной памяти, которая для своего существованія нагружается безъ разбора массой идей, словъ и фразъ, захваченныхъ изъ мусора всѣхъ отраслей человѣческаго знанія. Память эта заносчива, она дарована глупцамъ для униженія умныхъ людей. Счастливы скорѣе тѣ, которые совсѣмъ лишены такого „хранилища" памяти. Они, по крайней мѣрѣ, предохранены отъ педантизма, и ихъ здравый смыслъ не рискуетъ быть подавленнымъ награможденіемъ фактовъ. Память необработанная противится разуму; она механически запечатлѣваетъ факты прошлаго. Но существуетъ другая память, всецѣло проникнутая разумомъ, у которой факты прошедшаго разумно выбраны, приведены въ порядокъ и распредѣлены по мѣстамъ (mise au point). Такую память надобно усвоить Монтеню, при отсутствіи другой, которую онъ называлъ просто хранилищемъ. Этотъ великанъ и властитель мысли смѣло могъ презирать память признанную имъ низкой и грубой въ ея отличіи отъ размышленія; но ее имѣлъ и самъ Монтень и, по тонкому замѣчанію Малебранша, не отказалъ бы, безъ сомнѣнія, никому имѣть эту удивительную память, всегда готовую привесть цитаты, или подобрать факты, необходимые для подтвержденія тезиса, для противорѣчія, или просто для хвастовства. Онъ не обладалъ памятью фактовъ необработанныхъ, но фактовъ одобренныхъ. Паскаль тоже имѣлъ такую превосходную память, что, по его словамъ, никогда не забывалъ ни одной вещи, которую *хотѣлъ* запомнить (*Vie de Pascal par* M-me Perier) „Онъ такъ усердно читалъ св. Писаніе, что зналъ его наизусть; такъ что никто въ его присутствіи не могъ сдѣлать ошибки въ этомъ отношеніи, потому что онъ тотчасъ же замѣчалъ: это не изъ св. Писанія; въ случаяхъ же, когда ошибки не было, онъ говорилъ: это есть въ св. Писаніи, и тотчасъ же въ точности опредѣлялъ мѣсто". (*Ibid.*) Монтень и Паскаль не ученые, а мыслители: ихъ память можетъ быть взята за образецъ памяти организованной. Подобнымъ же образомъ, не знаютъ болѣе об-

ширной учености, чѣмъ у Брюнетьера: и это вѣроятно потому, что никто не достигалъ ея болѣе строгимъ и правильнымъ методомъ. Но люди, обладавшіе, подобно Монтеню, столь же прекрасною памятью, могли все таки и совершенно справедливо съ небрежностью относиться къ (одной лишь) этой памяти и говорить: *знать наизусть еще не значитъ знать*. Но ихъ пренебреженіе относилось къ памяти необработанной и пассивной; и потому было восхваленіемъ памяти разумной.

Тутъ представляется вопросъ, служащій поводомъ къ раздѣленію философовъ. Какую память мы должны считать истинной памятью? Ту-ли, которая сводится къ самой себѣ; или же ту, къ которой присоединяется воображеніе и которая управляется разумомъ? Въ дѣйствительности, память необработанная, пассивная, неорганизованная не встрѣчается никогда. Если мы и допустимъ, что она существуетъ, то она представляетъ собой самую низкую степень памяти. И такъ, надобно ли понимать память въ ея первоначальномъ происхожденіи, разсматривать ее въ ея низшемъ типѣ; или же, напротивъ, надобно понимать ее въ высшей точки развитія, и опредѣлять ее, подобно Платону, при посредствѣ ея *идеи*, т. е. ея совершенной формы? Второй методъ намъ кажется наилучшимъ въ настоящемъ случаѣ. Память должна быть опредѣляема не по своимъ матеріальнымъ элементамъ и своему содержанію, но по способу своей организаціи. И въ самомъ дѣлѣ, она претерпѣваетъ болѣе глубокія перемѣны отъ измѣненія своихъ формъ, нежели отъ того, что можно было бы назвать ея матеріальными потерями; не число, но природа и родъ забытыхъ фактовъ образуютъ потерю памяти (amnésie). Это доказываетъ, что память есть не сумма, но синтезъ образовъ.

Организація воспоминаній состоитъ въ распредѣленіи ихъ, съ одной стороны, по отношенію къ настоящимъ впечатлѣніямъ, а съ другой, по отношенію къ инымъ, прошедшимъ впечатлѣніямъ.

Прежде всего, память необработанная относится къ воспріятіямъ. Повидимому, надобно свести къ одному и тому же недостатокъ и излишекъ памяти. Первый изъ нихъ состоитъ

въ поглощеніи настоящимъ; второй—въ невозможности отрѣшиться отъ прошедшаго. Это почти одно и то же дѣйствіе: вводить воспоминанія въ синтезъ воспріятія, и вводить воспріятіе въ синтезъ воспоминаній. Тотъ, кто не находитъ въ настоящемъ своемъ ощущеніи отраженія своихъ прежнихъ эмоцій, кто никогда не говоритъ:

Les voilà cès buissons, ou toute ma jeunesse
Comme un essaim d'oiseaux chante au bruit de mes pas [1]);

тотъ еще не вошелъ въ возрастъ воспоминаній. Но, съ другой стороны, тотъ не только подвергается опасности, но уже и пораженъ потерей памяти (amnesie), кто совсѣмъ не отвлекается настоящей дѣйствительностью отъ осаждающихъ его образовъ прошедшаго. Если, въ самомъ дѣлѣ, память заключается не только въ томъ, чтобы сохранять впечатлѣнія прошедшаго, но и въ томъ, чтобы согласовать ихъ съ впечатлѣніями настоящаго: то съ того дня, когда новыя впечатлѣнія уже ускользаютъ, когда неподвижная точка настоящаго не служитъ болѣе для измѣренія удаленія прошедшаго, то *vis memoriae* уничтожается; и хотя продукты памяти существуютъ, но самой памяти уже нѣтъ. Память, по вѣрному опредѣленію Декарта, есть не сохраненіе, а продолжающееся твореніе. Она не есть уже, но становится; она образуется, разрушается и преобразуется во всякое время. Кто-то сказалъ: *знать*—значитъ—*узнавать*. Слова эти можно поставить обратно. Только полнота способности чувствовать составляетъ точность памяти. Вспоминать значитъ дѣлать сравненіе. Тотъ, кто потерялъ молодость души, ея воспріимчивость къ впечатлѣніямъ настоящаго, обыкновенно преувеличиваетъ свою воспріимчивость къ впечатлѣніямъ прошедшаго: ибо ощущеніе настоящаго даетъ тонъ ощущенію прошедшаго. Такимъ образомъ, поэзія воспоминаній не ложна. Сопоставляютъ ничтожное настоящее въ отношеніи къ блеску прошлаго, и раскрашенное прежнее ощущеніе дѣлаетъ ослѣпительнымъ воспоминаніе, при помощи преувеличенной воспрі-

---

[1]) Вотъ тѣ кусты, гдѣ вся моя юность поетъ, какъ стая птицъ, при шумѣ моихъ шаговъ.

имчивости къ прошедшему. Такъ какъ память согласуется съ воспріятіемъ, то она, повидимому, противорѣчитъ себѣ. Объ однихъ и тѣхъ же фактахъ мы имѣемъ попеременно то трогательныя, то горькія воспоминанія. Счастливое и несчастное событіе измѣняетъ кругозоръ нашей жизни. Такъ какъ мы въ настоящее время не тѣ, что были раньше, то и въ прошедшемъ мы себя представляемъ иными. Но изъ непостоянства памяти, изъ того, что она попеременно создаетъ и разрушаетъ идоловъ, мы не заключаемъ, что она не вѣрна. Прошедшее есть функція настоящаго. Наши состоянія объясняются одни другими. Если бы они оставались такими, какими они кажутся намъ сначала, то именно тогда они и не были бы истинными, т. е. не обладали бы той относительной истиной, которую можемъ достигнуть, и которую только одну и должны преслѣдовать. Память должна преобразовываться, чтобы остаться вѣрной. Ея кажущіяся невѣрности составляютъ ея точность. Только такимъ путемъ наши состоянія могутъ взаимно проникать другъ друга, дополняться, усиливаться и уничтожаться. Память не можетъ быть послѣдовательнымъ рядомъ ясныхъ образовъ; надобно, чтобы она была рядомъ образовъ, взаимно исправляемыхъ, дополняемыхъ или уничтожаемыхъ. Воспоминаніе о какомъ нибудь изъ нашихъ прежнихъ состояній, есть одно и то же состояніе, истолкованное нашими настоящими ощущеніями, такъ какъ эти ощущенія составляютъ сами по себѣ продолженіе всей нашей предшествовавшей жизни. Вообще память есть совокупность нашихъ состояній, истолкованныхъ одни другими; или лучше—память есть безпрерывно возобновляющійся актъ, посредствомъ котораго наша прошедшая жизнь стремится согласоваться сама съ собою и съ настоящими ощущеніями. Становясь на эту точку зрѣнія, можно различить два рода памяти: память, которая всѣ новые факты подводитъ къ старому и смотритъ на настоящее съ точки зрѣнія прошедшаго; и память, которая расширяетъ рамку своихъ образовъ, для помѣщенія въ нее все увеличивающихся пріобрѣтеній надежды. Другими словами: память имѣетъ или измѣняемый типъ, приспособляющійся къ опыту, или типъ строгій, отстаивающій свою

цѣлость отъ захвата опыта. Въ сущности память сохраняетъ и должна сохранять одновременно оба вышеупомянутые типа; иначе, какъ уже было сказано, она одинаково прекратитъ свое существованіе, какъ въ томъ случаѣ, когда духъ ограничится лишь настоящимъ, такъ и въ томъ, когда сосредоточится на прошедшемъ.

Эта необходимость организовывать воспоминанія, т. е. сочетавать ихъ и приспособлять къ настоящему опыту, объясняетъ большія потери, совершающіяся въ памяти необработанной. Забвеніе производитъ очистку матеріаловъ, не могущихъ помѣститься въ умственныя построенія. Всѣмъ извѣстно насколько отдаленность прошедшаго благопріятна для сужденія о немъ. Это зависитъ отъ того, что сокращеніе числа воспоминаній облегчаетъ ихъ организацію. Иногда сильный и глубокій умъ можетъ правильно судить только въ удаленіи отъ событій и людей; потому что въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью избытокъ впечатлѣній слишкомъ подавляетъ его; такъ что онъ совсѣмъ не можетъ привести въ порядокъ всего того, что наблюдаетъ и не можетъ сразу обнять того, что видитъ. Его слишкомъ обширная память выступаетъ изъ рамокъ опредѣленной организаціи. Только о главномъ можно судить хорошо, и только общія идеи бываютъ правильными. И если бы даже онѣ не были создаваемы для научныхъ потребностей, то все же были бы необходимы для облегченія памяти. Въ дѣйствительности память ограничена по необходимости: она составляетъ сокращенное сведеніе (reduction) опыта. Слѣдовательно, память есть не образъ, а перестройка (reconstruction) прошедшаго. Ее неправильно сравниваютъ съ фотографической пластинкой; она и не клише, а картина. Пробѣлы въ воспоминаніяхъ не могутъ не измѣнить вида прошлой жизни, если только не обладаютъ особеннымъ искусствомъ сохранять точный видъ прошедшаго,—когда его не сохраняютъ въ его матеріальной неповрежденности. Такое искусство дѣйствительно существуетъ, и знаніе прошедшаго сходно съ картиной съ отдаленными перспективами, обманчивыми и точными въ одно и то же время, получающими свою точность отъ самой иллюзіи. Если бы (по неосуществимой ги-

потезѣ), мы могли сравнивать наше прошедшее такимъ, какимъ оно было, фиксированнымъ для насъ объективно, съ субъективнымъ представленіемъ нашей памяти, то мы увидѣли бы, что наша копія состоитъ изъ особенной системы начертанія (projection); и каждый изъ насъ свободно оріентируется въ этой системѣ, потому что самъ создаетъ ее. (Рибо, *цитованное сочиненіе*, стр. 46). Память необработанная воспроизводитъ всѣ факты прошедшаго, но располагаетъ ихъ по одной линіи, и выставляетъ на одномъ планѣ. Память же организованная представляетъ прошедшее, разсматриваемое въ глубинѣ, съ выдающимися и свѣтящимися точками, съ полу-окрасками и тѣнями; она есть іерархическая группировка образовъ, μῖξις εἰδῶν Платона, діалектика воспоминаній. Память необработанная есть появленіе образовъ, ихъ слѣдованіе нестройной массой; память же организованная есть ихъ полная и точная группировка и опредѣленіе мѣста во времени. Въ настоящемъ случаѣ можно было бы поговорить о размѣщеніи воспоминаній въ прошедшемъ, если бы можно было что нибудь сказать объ этомъ послѣ Тэна и Рибо. Можно только замѣтить, что это размѣщеніе, сходное или тождественное (по теоріи Гюіо, *Génèse de l'idée de temps*) съ размѣщеніемъ предметовъ въ пространствѣ, принадлежитъ исключительно лишь памяти организованной. Оно есть устроеніе разума, есть процессъ воображенія, приходящій на помощь памяти чистой, есть разсужденіе, указывающее на пробѣлы воспоминаній и служащее для ихъ восполненія. Руководясь избраннымъ Рибо методомъ, можно открыть законы образованія памяти, изучая ея разрушеніе. Но, собственно говоря, память не теряется, а организуется; она представляетъ не послѣдовательный ходъ исчезающихъ образовъ, но систему образовъ, раздѣляющуюся на части. Память разсѣевается группами, и порядокъ разсѣянія группъ зависитъ отъ общаго плана системы. Амнезія (потеря памяти), ограниченная сначала ближайшими фактами, распространяется на идеи, потомъ на чувства и привязанности, и наконецъ на дѣйствія; она переходитъ отъ внѣшняго *я* къ *я* внутреннему. Въ каждой группѣ разсѣяніе идетъ одинаково-отъ подробностей къ сущности, отъ по-

бочнаго къ основному. Такимъ образомъ идеи исчезаютъ въ порядкѣ обратномъ ихъ логическаго значенія. По потерѣ памяти (amnesie) можно заключить о самой памяти, какъ по развалинамъ можно заключить о памятникѣ. Въ памяти нужно отличать матерію и форму. Форма переживаетъ матерію; слѣдовательно, первая предшествуетъ послѣдней. Цѣлое опредѣляетъ существованіе частей; но хронологически оно существуетъ послѣ частей, хотя логически существуетъ раньше ихъ. Таковъ философскій смыслъ закона регрессіи.

Повидимому, законъ этотъ установленъ *à priori*. Въ самомъ дѣлѣ, по сохраненію состояній сознанія, т. е. по ихъ *жизненности* и ихъ *смыслу жизни*, можно заключать о ихъ логическомъ или психологическомъ значеніи. Разсуждать такъ—значитъ переходить отъ факта къ праву (чтò столько же законно въ психологіи, какъ незаконно въ нравственности); или еще проще: значитъ заключать *ab actu ad posse*. Но въ концѣ концовъ менѣе важно знать, какъ устанавливается законъ регрессіи, чѣмъ опредѣлить способъ пользованія имъ. Изъ порядка потери воспоминаній заключаютъ о порядкѣ ихъ образованія; а изъ того и другаго заключаютъ объ относительномъ значеніи матеріаловъ, употребленныхъ для построенія воспоминаній. Такимъ образомъ, Платоновская діалектика идей косвенно доказывается эмпирическимъ методомъ. Такъ напримѣръ, что составляетъ сущность разсказа? Именно то, что мы запоминаемъ. Сначала мы забываемъ мелкія обстоятельства факта, какъ напримѣръ, имя или одежду лицъ; а потомъ и самый фактъ; наконецъ у насъ остается только *впечатлѣніе*. Такъ же точно знаніе закона переживаетъ знаніе фактовъ, служившихъ его основаніемъ; забываются обыкновенно примѣры и сохраняются правила. Есть лица, которыя сохраняютъ веселое настроеніе отъ забытой ими шутки; они не могутъ ее повторить, но продолжаютъ смѣяться. Если дѣло коснется обширныхъ системъ воспоминаній, напримѣръ, науки или языка, то забываются скорѣе слѣдствія, чѣмъ принципы; забываютъ истины, составляющія предметъ науки раньше, чѣмъ духъ и методъ этой науки. Лексическія знанія и содержаніе языка забываются ско-

рѣе, чѣмъ его грамматика и синтетическія формы. Изъ словаря языка забываются сначала имена собственныя, потомъ нарицательныя, за-тѣмъ прилагательныя и глаголы и наконецъ междомѣтія. Также точно говорятъ, что сердце забываетъ легко. Но прежде всего легкость эта невсеобща, а во вторыхъ она не заслуживаетъ такого порицанія. Обыкновенно сердцемъ забываются небольшія непріятности, которыя мы сами преувеличивали, или удовольствія обольщавшія насъ, симпатіи и антипатіи, порожденныя ничтожными причинами, притворную любовь и ненависть; но въ дѣйствительности сердце вѣрно своимъ глубокимъ привязанностямъ, которыми оно иногда не дорожитъ и необходимость которыхъ оно не перестаетъ чувствовать. Время въ нашихъ привязанностяхъ лишь отдѣляетъ истинное отъ ложнаго. Только самыя лучшія изъ нашихъ чувствъ, т. е. я хочу сказать, болѣе сильныя и естественныя, долго или навсегда сохраняются чувствительною паматью, и напротивъ, самыя слабыя, самыя поверхностныя и самыя искусственныя чувствованія легче всего ускользаютъ изъ нея. Въ порядкѣ чувствованія, такъ же, какъ и въ порядкѣ умственномъ, позже всего (какъ и должно этого ожидать) умираетъ то, что наиболѣе укоренено въ насъ. Точно также и въ порядкѣ, зависящемъ отъ воли, инстинкты сохраняются дольше, чѣмъ привычки; а привычки дольше, чѣмъ дѣйствія. Вообще ходъ потери памяти (amnesie) обнаруживаетъ силу и слабость того умственнаго построенія, которое называютъ памятью. Память это зданіе, падающее по кускамъ; сначала обрушивается крыша и остаются столбы; потомъ столбы разрушаются сами собою, но фундаментъ остается. Планъ постройки опредѣляетъ прочность каждой изъ частей. Но планъ этотъ измѣняется. Существуетъ нѣсколько типовъ архитектуры: церковь готическая и храмъ дорійскій подчиняются неодинаковымъ законамъ равновѣсія. Точно также существуютъ и лица, имѣющія неодинаковую память. Но какъ есть правила архитектуры, которыя можно примѣнить ко всѣмъ стилямъ: такъ есть и общая теорія памяти.

Память есть примѣненіе законовъ логики, подобно тому какъ архитектура есть примѣненіе законовъ тяжести. Логика, управ-

ляющая построеніями ума, есть впрочемъ искусство инстинктивное, дѣйствующее не черезъ размышленіе, но черезъ созерцаніе (intuition) и эмпирически разрѣшающее самыя сложныя задачи мысленной механики. Прибавимъ еще, что подобно логикѣ идей существуетъ также логика чувствъ и дѣйствій. Говорятъ, что готическое зданіе нарушаетъ законы тяжести. Подобно этому иногда и память какъ бы нарушаетъ здравый смыслъ, представляя изъ себя странный безпорядокъ несвязныхъ фактовъ и противорѣчивыхъ идей. Но какъ въ средневѣковыхъ готическихъ зданіяхъ, не согласныхъ съ классическимъ искусствомъ, законы тяжести кажутся намъ нарушенными только потому, что мы не знаемъ всѣхъ данныхъ, заключающихся въ ихъ статической проблемѣ: такъ и воспоминанія наиболѣе причудливыя и сложныя нашли бы свое объясненіе при болѣе глубокомъ психологическомъ знаніи. Такъ напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что страстное чувство объясняетъ многія противорѣчія и софизмы, и что сердце иногда объясняетъ то, что недоступно разуму. Извѣстно также, что простая привычка объясняетъ поведеніе, которое не оправдываютъ ни разумъ, ни сердце. И такъ, значитъ логика объясняетъ память; но подъ логикой нужно подразумѣвать не простую зависимость идей между собою, но зависимость другъ отъ друга всѣхъ состояній нашего сознанія. Логика есть приведеніе сложнаго къ простому. Но что такое простое? Что такое сложное? На это, повидимому, долженъ отвѣтить разумъ; въ дѣйствительности же этому насъ учитъ память. Законы логики узнаются нами только потомъ; инстинктъ примѣняетъ ихъ раньше, чѣмъ ихъ открываетъ размышленіе. Память есть построеніе ума; потому законы памяти могли бы, кажется, быть выведены изъ законовъ ума. Въ дѣйствительности же только законы памяти открываютъ искусство, посредствомъ котораго разумъ организуетъ опытъ; они открываютъ іерархическій порядокъ состояній разума, зависимость идей отъ чувствъ, и чувствъ отъ дѣйствій. Такимъ образомъ, изученіе памяти приводитъ насъ къ діалектикѣ. Но именно діалектика, въ свою очередь, объясняетъ память. Такъ напр. законъ регрессіи есть эмпирическій законъ, который не только надобно признать, но и надобно по-

стигнуть. Сложное пропадаетъ раньше простаго; потому что простое представляетъ общія черты построенія воспоминаній, представляетъ напримѣръ, общую идею, вокругъ которой группируется нестройная масса однородныхъ впечатлѣній; представляетъ страсть, къ которой сводятся всѣ душевныя движенія, привычку, которая порождаетъ безчисленное множество сходныхъ дѣйствій. Самую же нашу память объясняетъ намъ основа нашего бытія, нашъ темпераментъ, наша природа. Недостаточно анализировать память, надобно восходить къ духу, который создаетъ ее и господствуетъ надъ нею. Память есть дѣло разума, и законы памяти суть частное примѣненіе законовъ разума.

К.

Объявленіе отъ Редакціи.

По распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Редакція журнала „Вѣра и Разумъ" долгъ имѣетъ рекомендовать духовенству Харьковской епархіи для пріобрѣтенія въ домашнія и церковно-приходскія библіотеки слѣдующія книги, какъ весьма полезныя въ дѣлѣ христіанскаго назиданія, церковной проповѣди и при веденіи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ:

1. **Творенія святаго Іоанна Златоустаго**. Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи, въ русскомъ переводѣ. Ежегодно будетъ издаваемъ большой томъ въ 60 и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ **три** рубля. Въ текущемъ году вышла въ свѣтъ первая книга перваго тома. Иногородные подписчики съ требованіями обращаются: Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника" и „Христіанскаго Чтенія" въ С.-Петербургѣ. Лица, подписавшіяся на оба указанные журнала, получаютъ каждый томъ вмѣсто **трехъ** рублей **за одинъ рубль**, а на одинъ изъ нихъ—за 1 рубль 50 коп.

2. **Полный годичный кругъ краткихъ поученій, составленныхъ на каждый день года**. Священ. магистра Григорія Дьяченко. Т. I, цѣна 1 руб. 50 коп. безъ пересылки и 2 р. съ пересылкой. Т. II, цѣна 2 руб. безъ перес. и 2 руб. 50 к. съ перес., 1895 г. Съ требованіями надобно обращаться по слѣдующему ад-

ресу. Москва, Никольская, д. Ремесленной Управы, книгопродавцу А. Д. Ступину.

3. **Поученія сельскаго священника** Аркадія Левашева. Въ двухъ частяхъ. Выпускъ первый. Кострома, 1889 г. Цѣна 1 руб. безъ пересылки, а съ пересылкою 1 р. 25 к. Выпускъ второй, 1895 г. Цѣна 1 р. съ пересылкою. Съ требованіями надобно обращаться: въ г. Кострому, на имя священника Успенской церкви о. Петра Левашева.

4. **Законъ Божій**. Краткое изложеніе православно-христіанскаго ученія, составленное по руководству пространнаго христіанскаго катихизиса. Протоіерея о. Павла Боброва. Саратовъ, 1895 г. Цѣна 20 к. Съ требованіями надобно обращаться: въ г. Саратовъ, домъ Семинаріи Протоіерею Павлу Боброву.

О ФОРМАХЪ И ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ.

(Окончаніе *).

VIII.

Законы мышленія. Аристотель о законахъ мышленія. Выводъ законовъ мышленія изъ дѣйствій мышленія. Смыслъ *закона тождества.* Требованія закона тождества въ отношеніи къ различающему и соединяющему дѣйствію мышленія. Различный характеръ *противорѣчій,* происходящихъ отъ недостаточнаго исполненія таковыхъ требованій. Связь закона тождества съ закономъ достаточнаго основанія. Аналитическое тождество и тождество синтетическое. Законъ тождества есть нормативный. Законъ *исключеннаго третьяго* и законъ *достаточнаго основанія.*

Мышленіе есть дѣятельность свободная (чрезъ свое отношеніе къ субъекту мыслящему). Поэтому *логика,* насколько предметомъ ея служитъ свободная дѣятельность мышленія, должна быть наукою *нормативною.* Она не только разсматриваетъ— какъ происходитъ мышленіе на дѣлѣ, не только разъясняетъ формы, въ которыхъ проявляется дѣятельность мышленія, но и установляетъ правила для дѣятельности мышленія, указуетъ условія, отъ которыхъ зависитъ логическая правильность мышленія. Мышленіе разстраивается и неправильно дѣйствуетъ у психически больныхъ, но это неправильность психическая, или точнѣе, психико-физіологическая, зависящая отъ условій психико-физіологическихъ. Въ смыслѣ же логическомъ, мышленіе бываетъ неправильно—когда нарушаются логическія правила и требованія; или намѣренно—съ цѣлью скрыть истину, ввести въ обманъ, а также по нежеланію сознаться въ ошибкѣ, или

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 6.

же ненамѣренно,—отъ поспѣшности, необдуманности, отъ недостаточнаго развитія мыслительной силы. Установленіе правилъ, или такъ называемыхъ законовъ мышленія, важно уже въ томъ отношеніи, что способствуетъ раскрытію и уясненію идеальныхъ цѣлей, такъ сказать инстинктивно и невольно преслѣдуемыхъ нашимъ мышленіемъ; тѣмъ лучше, если эти инстинктивныя цѣли мышленія обращаются въ сознательно и отчетливо обладаемые умственные навыки.

Изъ тѣхъ же самыхъ дѣйствій мышленія—синтетическаго и аналитическаго,—изъ которыхъ выше изъяснены формы мышленія, легко могутъ быть выведены и изъяснены также общепринятые законы мышленія. Чтобы установить точный смыслъ логическихъ законовъ, обыкновенно обращаются къ исторіи этихъ законовъ. Но исторія эта не длинная: нѣтъ нужды ссылаться на элеатовъ (какъ это дѣлаетъ въ своей логикѣ Юбервегъ), которые указали на тождество, какъ необходимое свойство бытія, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ тождество мышленія и бытія; достаточно и того, что̀ мы находимъ по этому предмету у Аристотеля. Выше замѣчено, что *логика* Аристотеля направлена противъ софистической діалектики, какъ теорія доказательства истинныхъ положеній и опроверженія ложныхъ. Софистическая діалектика исходила изъ того принципа, что всякое положеніе можно и доказывать и опровергать, такъ что, согласно этому принципу, *одно и то же* можетъ быть, помощію искусной діалектики, представлено какъ *истинное* и вмѣстѣ какъ *ложное*. Принимая, что истинное выражаетъ то, что *есть* (бытіе), а ложное выражаетъ, чего *нѣтъ* (небытіе)—признать указанный выше софистическій принципъ значило бы допустить, что *одно и то же* и есть и вмѣстѣ не есть, существуетъ и не существуетъ. Но, говоритъ Аристотель, невозможно, чтобы одно и то же было и вмѣстѣ не было, существовало и не существовало, а потому невозможно также одно и то же утверждать и вмѣстѣ отрицать, или иначе,—утвержденіе и отрицаніе *одного и того же* не могутъ быть вмѣстѣ истинными, но одно только должно быть истинно, а другое непремѣнно ложно. Однакожъ на дѣлѣ нерѣдко бываетъ, что одно и то же утверждается и вмѣстѣ отрицается, утверждается однимъ и отрицается

другимъ, одно и то же положеніе одними признается за истинное, а другими отвергается, какъ ложное. Противорѣчащее невозможно, немыслимо, а между тѣмъ противорѣчія такъ обыкновенны. Безъ сомнѣнія, софисты, когда проводили то мнѣніе, что противорѣчащія положенія могутъ быть принимаемы за истинныя, имѣли въ виду именно то явленіе, что обыкновенно одно и то же признается одними за истинное и отвергается другими, какъ ложное. Какъ же это возможно и чѣмъ объяснить, что противорѣчіе, которое логика признаетъ чѣмъ то немыслимымъ, невозможнымъ, въ дѣйствительности такъ нерѣдко бываетъ? Дѣло очевидно въ томъ, что когда случается противорѣчіе, и одно и то же утверждается и вмѣстѣ отрицается, то это только кажется, будто одно и то же и утверждается и отрицается, на самомъ же дѣлѣ—не одно и то же, и противорѣчіе происходитъ отъ того, что не тожественное, различное принимается за тожественное. Поэтому не слѣдуетъ полагать, будто тожественное есть нѣчто такое, что̀ само собою разумѣется и дается непосредственно, безъ труда. Тожественное есть, напротивъ, *искомое*, а не просто данное. А потому и законъ тождества не есть просто аксіома, выражающая данное и непосредственно очевидное свойство, столь же легко представляющееся уму и совершенно понятное, какъ напримѣръ то свойство прямой, что она есть кратчайшая между двумя точками, или же то свойство величинъ, что если двѣ величины равны третьей, то равны также и между собой. Иначе различное, не тожественное не было бы такъ обыкновенно принимаемо за тожественное. Происходитъ это вслѣдствіе недостаточнаго различенія того, что въ себѣ различно и должно быть различаемо, слѣд. отъ несовершенства, отъ неполноты *различающаго дѣйствія*. Истинно тожественное есть искомое, слѣдовательно представляетъ собою задачу прежде всего по отношенію къ *различающему* дѣйствію мышленія. Логика своимъ закономъ тождества требуетъ отъ этого дѣйствія, чтобы различеніе было доводимо до конца, а такимъ крайнимъ предѣломъ для различающей мысли можетъ быть только безразличное, что̀ уже не заключаетъ въ себѣ никакого дальнѣйшаго различія и слѣдовательно есть тождественное. Такъ за исходный пунктъ ана-

лиза можно принять одну какую либо вещь, которая, какъ единая вещь, съ перваго взгляда представляется тождественною. Однакожъ мы замѣчаемъ, что вещь измѣняется, т. е., происходитъ съ нею рядъ перемѣнъ, изъ которыхъ въ каждой она является иною, а не тождественною; въ чемъ будетъ состоять тождество? Тождественными мы можемъ признать теперь лишь одни послѣдовательно проходящіе *моменты* времени, въ теченіи котораго происходятъ перемѣны, а также законъ, по которому перемѣны совершаются и которымъ отдѣльные моменты времени связываются въ одно цѣлое. Равнымъ образомъ, и въ пространственномъ отношеніи, всякая отдѣльная вещь, какъ цѣлое, представляется намъ состоящею изъ отдѣльныхъ частей, и продолжая дѣлить каждую такую часть, мы приходимъ наконецъ къ предположенію, что должны быть частицы недѣлимыя, простыя, слѣдовательно *тождественныя*. Тождественное въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ постулатъ, необходимое требованіе логическаго мышленія, ибо яснаго представленія о простыхъ, тождественныхъ элементахъ всего сложнаго мы не имѣемъ. Какъ предположеніе различающаго дѣйствія мысли, элементы эти очевидно должны *различаться* отъ цѣлаго, въ составъ котораго входятъ: если цѣлое тѣлесно, то элементы должны быть безтѣлесными, иначе и сами были бы цѣлыми; но съ другой стороны не понятно, какимъ образомъ тѣлесное можетъ состоять изъ безтѣлесныхъ элементовъ. Проблемы этой различающее дѣйствіе мышленія не въ состояніи разрѣшить. Несравненно чаще смѣшеніе различнаго и фальшивое принятіе за тождественное того, что на самомъ дѣлѣ различно, а не тождественно, — дѣлается въ отношеніи къ словамъ, а не вещамъ. Съ однимъ и тѣмъ же словомъ соединяется много разныхъ значеній, и это даетъ возможность въ одномъ случаѣ подъ тѣмъ же словомъ подразумѣвать одно, а въ другомъ случаѣ — другое, а такимъ образомъ тѣмъ же словомъ обозначать разныя вещи. Слѣдствіемъ этого смѣшенія разныхъ значеній слова являются противорѣчія. Условное значеніе смѣшивается съ безусловнымъ, собственное съ переноснымъ. Извѣстно, что въ недостаточномъ различеніи и смѣшеніи значеній и употребленій того же слова заключается источникъ множества общеизвѣстныхъ софизмовъ.

Аналитическая дѣятельность мышленія приводитъ къ необходимости замѣнять общеупотребительныя, неопредѣленныя выраженія вновь создаваемыми техническими,—научными и спеціальными терминами.

Аналитическая дѣятельность мышленія всегда направлена на реальную дѣйствительность, и потому сама имѣетъ характеръ реалистическій. Синтетическая дѣятельность мышленія, напротивъ, имѣетъ цѣлію созданіе идеальныхъ, понятій; понятія эти хотя бы и были выраженіемъ дѣйствительности, но чрезъ то не теряютъ своего идеальнаго значенія, ибо дѣйствительность, ими выражаемая, такова, что не дана очевиднымъ образомъ, а только предполагается, какъ долженствующая быть, слѣдовательно это дѣйствительность мыслимая, умопредставляемая, а не реальная. Поэтому и тождественное, искомое въ направленіи *синтетической* дѣятельности мышленія, должно имѣть иной смыслъ; равно—противорѣчія, происходящія отъ неполноты, несовершенства синтеза, должны имѣть иной характеръ.

Когда противорѣчіе происходитъ отъ несовершенства, неполноты анализа, въ этомъ случаѣ оно состоитъ въ смѣшеніи различнаго, именно въ томъ, что различное неправильно принимается за тождественное. Когда же источникъ противорѣчія заключается въ недостаточности синтетическаго дѣйствія, то противорѣчіе въ такомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что только *часть истины принимается за всю истину*, слѣдовательно *часть* полагается вмѣсто *цѣлаго*. Конечно, по тѣсной взаимной связи аналитическаго и синтетическаго дѣйствій мышленія, можно сказать, что и въ этомъ случаѣ происходитъ смѣшеніе различнаго, именно часть смѣшивается съ цѣлымъ. Но на это слѣдуетъ замѣтить, что, при смѣшеніи различнаго, это различное конечно представляется въ нашемъ сознаніи, только неясно; между тѣмъ какъ, принимая одну долю истины за всю истину, мы потому только и дѣлаемъ это, что намъ одна лишь доля истины представляется, а не вся истина, и пока только эта доля истины имѣется, до тѣхъ поръ противорѣчія собственно и не бываетъ. Противорѣчіе является въ томъ случаѣ, когда противъ одной доли истины выставляется другая и также принимается за всю истину. Но глав-

ное въ томъ, что при разрѣшеніи противорѣчій, происходящихъ отъ смѣшенія того, что слѣдуетъ различать, кромѣ различенія ничего болѣе и не требуется; напротивъ, когда мы имѣемъ дѣло съ противорѣчіями, источникъ которыхъ заключается въ томъ, что нѣкоторая доля истины принимается за всю истину, то въ этомъ случаѣ необходимымъ средствомъ къ разрѣшенію противорѣчій долженъ быть *синтезъ*. При разрѣшеніи противорѣчій, состоящихъ въ смѣшеніи различнаго, различеніе достаточно потому, что имѣется цѣлое, которымъ указываемыя разности объединяются, будетъ ли таковымъ цѣлымъ слово или вещь. Напротивъ при соглашеніи противорѣчивыхъ воззрѣній на тотъ же предметъ и одностороннихъ ученій по извѣстному вопросу, требуется установить единое и полное понятіе, которымъ бы примирялись и согласовались между собою таковыя ученія и воззрѣнія, чтобы такимъ образомъ, вмѣсто отдѣльныхъ и разрозненныхъ частей истины, могла получиться, если возможно, полная истина,—или по крайней мѣрѣ рѣшеніе вопроса наиболѣе приближающееся къ такой истинѣ. Слѣдовательно, синтезъ въ этомъ случаѣ есть нѣчто искомое, а не просто данное, является идеальною цѣлью для мышленія. Понятно само собою, что синтезъ, служащій къ разрѣшенію противорѣчій, происходящихъ вслѣдствіе односторонности взглядовъ, не долженъ быть произвольнымъ. А онъ бываетъ нерѣдко произвольнымъ. Такъ *эклектизмъ* въ древности былъ произвольнымъ сочетаніемъ философскихъ ученій. Такъ *позитивизмъ* въ новое время есть такое же произвольное сочетаніе разныхъ научныхъ выводовъ и теорій; цѣль того и другого одна—избѣжать односторонностей и крайностей, свойственныхъ отдѣльнымъ философскимъ ученіямъ, и дать наиболѣе полное и близкое къ истинѣ совершенной, разрѣшеніе коренныхъ вопросовъ философіи. При установленіи синтеза главное правило то, чтобы принимать во вниманіе прежде всего основной признакъ предмета, а чрезъ него всѣ другіе признаки связывать въ одно цѣлое. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ оказывается прямая связь закона тождества съ закономъ достаточнаго основанія. Синтезъ долженъ быть основательнымъ для того, чтобы соотвѣтствовать требованію закона тождества. Существуютъ

напримѣръ разные взгляды на искусство. По одному воззрѣнію, задача искусства—изображеніе дѣйствительности; по другому, цѣль искусства—созданіе идеаловъ. Какъ согласить эти два взгляда на искусство? Болѣе полное понятіе объ искусствѣ будетъ то, что идеалы, создаваемые искусствомъ, должны быть согласны съ законами дѣйствительности; или иначе: вымыселъ, будучи проявленіемъ творчества, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ заключать въ себѣ всѣ признаки живой дѣйствительности, для того, чтобы получилась иллюзія, т. е., такое впечатлѣніе, какъ бы это было изображеніе дѣйствительности, а не вымыселъ. Ясно, что основной признакъ, посредствомъ котораго примиряются означенные взгляды на искусство, заключается въ понятіи о творчествѣ; въ отличіе отъ безпорядочной игры воображенія, истинное творчество предполагаетъ глубокое проникновеніе въ дѣйствительность и постиженіе ея смысла. Искусства тоническія (музыка и пѣніе) имѣютъ по преимуществу характеръ лирическій, но не лишены способности и къ выраженію драматическихъ моментовъ; однако, если требуютъ отъ этихъ искусствъ драматизма, то требованіе это въ дальнѣйшемъ развитіи легко впадаетъ въ противорѣчіе съ истиннымъ пониманіемъ или природою означенныхъ искусствъ.—Другой примѣръ: отклоняя отъ себя всякія заботы о воспитаніи и, вслѣдствіе того, допуская на практикѣ отрицаніе началъ правильнаго воспитанія (формализмъ, пренебреженіе къ свойствамъ индивидуальнаго характера, и въ особенности—къ нравственнымъ качествамъ, каковы искренность и прямодушіе, потворство обману, хитрости, допущеніе несправедливости), школа тѣмъ самымъ дѣлаетъ невозможнымъ для себя достиженіе той цѣли, ради которой существуетъ, именно умственнаго развитія по тѣсной связи послѣдняго съ нравственнымъ воспитаніемъ характера. Еще примѣръ: Ксенофанъ, основатель элейской школы, отвергалъ политеизмъ, но впалъ въ противоположную крайность—абстрактный монотеизмъ, лишенный всякаго опредѣленнаго содержанія. Истина, устраняющая эти крайности представленій о Божествѣ, заключается въ христіанскомъ ученіи о тріединомъ Богѣ, изъ чего слѣдуетъ, что, будучи основано на откровеніи, это ученіе вовсе не противорѣчитъ разуму, какъ иные полагаютъ.

Итакъ несомнѣнно, что тождественное есть искомое для нашего мышленія, а потому и законъ тождества есть подлинно нормативный законъ, т. е., выражающій требованіе—мыслить извѣстнымъ образомъ для того, чтобы мышленіе наше было правильнымъ [1]). Именно,—такъ какъ мышленіе состоитъ изъ дѣйствій различающаго и сочетавающаго, то законъ тождества требуетъ правильно различать и правильно соединять различное. Различеніе и соединеніе правильно, когда то и другое полно доводится до надлежащаго конца, каковымъ служитъ отысканіе и установленіе тождественнаго. Понятно, что такъ какъ тождественное двоякимъ путемъ ищется и устанавливается, путемъ различенія и соединенія, анализа и синтеза, то и само тождественное должно имѣть двоякій характеръ:—аналитически тождественное и синтетически тождественное. Первое есть тождество простѣйшихъ элементовъ сложнаго; а тождественное синтетическое есть тождество цѣлаго. Аналитически тождественное состоитъ въ простотѣ, недѣлимости и неизмѣняемости элементовъ; не таково тождество синтетическое: свойства его—цѣльность, единство идеальное, а не реальное; первое тождество не можетъ быть разрушено, послѣднее не должно быть нарушаемо. Такъ какъ тождество есть искомое, то понятно, что при отысканіи тождественнаго возможны ошибки. Признакомъ ошибки служитъ противорѣчіе. Чрезъ устраненіе противорѣчія ошибка исправляется, и тождественное болѣе и болѣе отыскивается и установляется. При тождествѣ содержанія мыслимаго, и самое мышленіе должно быть тождественнымъ, неизмѣннымъ, т. е., истиннымъ, ибо тождественность, неизмѣняемость въ мышленіи—признакъ истинности. Ложь никогда не бываетъ согласна съ собою, а только истина обладаетъ внутреннимъ согласіемъ.

---

[1]) Поэтому никакъ нельзя согласиться съ слѣд. положеніемъ, высказаннымъ въ логикѣ Бенно Эрдмана: Eine normative Bedeutung hat der Grundsatz der Identität nicht. Er schreibt nicht vor, was sein soll, sondern sagt aus, was ist. Къ такому заключенію о законѣ тождества пришелъ Эрдманъ вслѣдствіе неправильнаго пониманія того закона. Тождество онъ понимаетъ, какъ свойство всякаго представленія, взятаго въ отдѣльности: Er giebt keine Regel, die unter Umständen vom Vorstellen auch nicht befolgt werden könnte, oder gar nur ausnahmsweise befolgt wurde, sondern das allem Vorgestellten tatsächlich eigene Wesen. Logik, 1892. s. 173.

Когда посредствомъ анализа или синтеза мысль установлена съ возможною ясностію, точностію и опредѣленностію, установлена такъ, что уже невозможно различное ея пониманіе, но оказывается вполнѣ и необходимо тождественною для нашего сознанія, тогда возможно для насъ только одно изъ двухъ: или мы принимаемъ эту мысль, какъ истинную, или напротивъ отвергаемъ. *Средняго* между принятіемъ и непринятіемъ установленной, такимъ образомъ, мысли, между признаніемъ ея истинною или непризнаніемъ ея таковою, ничего не можетъ быть (законъ—исключеннаго третьяго). Если мы не находимъ возможнымъ ни принять, ни отвергнуть извѣстную мысль, то это можетъ служить признакомъ, что мысль ясно и точно не установлена: на точно поставленный вопросъ, не заключающій въ себѣ ничего двусмысленнаго, неопредѣленнаго, двухъ отвѣтовъ не можетъ быть. Неопредѣленность можетъ, впрочемъ, зависѣть не только отъ логическихъ несовершенствъ мышленія, но также отъ свойствъ самаго предмета, отъ неясности содержанія; предметная неопредѣленность происходитъ отъ сложности условій существованія и дѣйствованія предмета, отъ сложности и разнообразія его свойствъ и проявленій.

Когда мысль точно и ясно установлена, то, исключая случай неопредѣленности въ самомъ содержаніи или предметѣ мысли,—противорѣчіе въ такомъ случаѣ становится невозможнымъ. Невозможность эта выражается въ томъ, что, признавъ истинность прочно установленной и утвержденной въ нашемъ сознаніи мысли, мы уже не можемъ допустить, чтобы эта-же самая мысль была ложною, или иначе, принявъ извѣстное утвержденіе, точно и опредѣленно установленное, мы этимъ самымъ вынуждаемся отвергнуть противорѣчащее этому утвержденію отрицаніе. Это значитъ, что если мысль, будучи твердо установлена, становится тождественною, пріобрѣтаетъ устойчивость, требуемую закономъ тождества, то и наше отношеніе къ этой мысли не можетъ быть различнымъ, но также должно быть тождественнымъ: намъ остается или признать ее, или отвергнуть, а вмѣстѣ то и другое, и признаніе и непризнаніе недопустимо.

Однакожъ выборъ все еще остается: мы можемъ или—при-

нимать, или не принимать, либо признавать то же самое за истину, либо не признавать. Понятно теперь, что этотъ выборъ не долженъ быть произвольнымъ и случайнымъ, зависящимъ отъ нашего личнаго расположенія и вкуса. Признаніе или непризнаніе извѣстной мысли за истину должно быть твердо обоснованнымъ; оно должно оправдываться вполнѣ *достаточнымъ основаніемъ* (законъ достаточнаго основанія), будетъ ли такое основаніе заключаться въ непосредственной очевидности признаваемой нами мысли, въ невозможности противорѣчить этой мысли, или же не въ самой мысли, которую мы признаемъ, а въ другой, болѣе очевидной и несомнѣнной, но съ которою признаваемая нами мысль состоитъ въ необходимой связи. Законъ достаточнаго основанія очевидно также требуетъ, съ одной стороны, *различенія* положеній несомнѣнныхъ и безспорныхъ, долженствующихъ служить основаніями для другихъ, отъ положеній болѣе или менѣе сомнительныхъ, или по крайней мѣрѣ, не такъ очевидныхъ; а съ другой стороны, тотъ же законъ требуетъ такого упорядоченія нашихъ мыслей, т. е., *сочетанія* ихъ въ одно цѣлое (система), при которомъ однѣ мысли опирались бы и утверждались на другихъ, такъ, чтобы получилось, такимъ образомъ, вполнѣ прочное и благонадежное построеніе.

IX.

Синтетическій характеръ философіи, какъ особаго вида научнаго изслѣдованія. Заключительныя замѣчанія о философскомъ синтезѣ. Сведеніе главныхъ задачъ современной философіи (построеніе научной системы философіи и объединеніе научнаго познанія съ религіозною вѣрою)—къ одной задачѣ—установленію всеобъемлющаго философскаго синтеза. *Гносеологія* и *онтологія*, какъ двѣ необходимыя части философскаго синтеза.

И обозрѣніе формъ, и обозрѣніе законовъ мышленія подтверждаетъ то общее понятіе о мышленіи, что оно есть дѣятельность аналитико-синтетическая, т. е., состоитъ изъ дѣйствій различающаго и соединяющаго, причемъ анализъ имѣетъ значеніе подчиненное, тогда какъ синтезъ составляетъ цѣль мышленія. Все сказанное доселѣ приводитъ однако къ тому заключенію, что такое отношеніе между анализомъ и синтезомъ составляетъ отличительную черту, философіи, и только въ этой

области изслѣдованія имѣетъ мѣсто. Въ другихъ же видахъ или областяхъ изслѣдованія и познанія,—въ математическомъ и опытномъ, наоборотъ, преобладающее значеніе имѣетъ анализъ, такъ что и математическое, и опытное познаніе отличается по преимуществу аналитическимъ характеромъ, философія же, наоборотъ, имѣетъ по преимуществу синтетическій характеръ. На этомъ основаніи само собою получается такое понятіе о философіи, что назначеніе ея заключается въ синтетическомъ объединеніи результатовъ, достигнутыхъ и достигаемыхъ математическимъ и опытнымъ изслѣдованіемъ. Философіи всегда было свойственно стремленіе къ универсальному значенію ея построеній и выводовъ; такое значеніе—необходимая принадлежность философіи; само собою теперь это свойство ея изъясняется преобладаніемъ въ ней синтеза надъ анализомъ. А потому можно допустить также и означенное понятіе о философіи, на сколько этимъ понятіемъ опредѣляется отношеніе философіи къ другимъ наукамъ, согласно съ указаннымъ ея свойствомъ. Но здѣсь представляется очень важный вопросъ, имѣющій рѣшающее значеніе для философіи,—именно тотъ вопросъ, какимъ образомъ философія должна осуществить объединеніе знаній, составляющее ея задачу въ отношеніи къ другимъ областямъ изслѣдованія, или видамъ познанія?—Полагаютъ, что цѣль эта осуществима только на почвѣ самыхъ этихъ видовъ научнаго изслѣдованія и не иначе какъ средствами самихъ этихъ видовъ познанія. Философія слѣдовательно не должна существовать отдѣльно отъ другихъ наукъ, напротивъ, только будучи включена въ сферу этихъ наукъ и дѣйствуя въ нихъ какъ организующее ихъ начало, она можетъ выполнить свое назначеніе. Но принимая во вниманіе преобладающій въ другихъ сферахъ научнаго изслѣдованія аналитическій характеръ, не слѣдуетъ ли полагать, что и философія, коль скоро не отдѣляется отъ другихъ наукъ, а смѣшивается съ ними, то неминуемо должна, въ свою очередь, подпасть вліянію этого свойственнаго другимъ наукамъ аналитическаго направленія ихъ дѣятельности и утратить свойственный ей синтетическій характеръ? Дѣйствительно, дѣйствуя на почвѣ другихъ наукъ и оставаясь въ ихъ предѣлахъ, философія можетъ проявиться

лишь въ созданіи различныхъ теорій и гипотезъ съ притязаніемъ каждой на общее значеніе, но лишенныхъ внутренняго единства, и слѣдовательно безсильныхъ произвести истинно философскій всеобъемлющій синтезъ. Иначе и быть не можетъ. Вѣдь и въ познаніи математическомъ, и въ познаніи опытномъ, синтезъ необходимо ограничивается объективнымъ созерцаніемъ (въ первомъ—умственнымъ, а въ послѣднемъ—чувственнымъ), которому свойственно *раздѣленіе на части*, именно въ основѣ опыта лежитъ *созерцаніе матеріи*, а въ основѣ умственнаго созерцанія лежитъ *представленіе пространства*, но и матеріальная природа и пространство, какъ предметы познанія и изслѣдованія, являются раздѣленными на части. Итакъ синтезъ, поскольку онъ опирается на чувственномъ созерцаніи или умозрѣніи, необходимо долженъ быть ограниченнымъ и частнымъ. Только отвлеченное мышленіе, именно дѣйствіемъ отвлеченія, устраняетъ, такъ сказать, всякія объективныя границы. Но и для синтеза, производимаго отвлеченнымъ мышленіемъ, независимо отъ всякихъ объективныхъ границъ, должно же быть основаніе. Основаніе это заключается въ субъективныхъ началахъ или формахъ познанія. Безъ сомнѣнія, и эти начала служатъ границею для познавательной дѣятельности мышленія, но это граница уже не столь узкая и тѣсная, каковою является чувственное или умственное созерцаніе; ибо субъективныя начала или формы познанія имѣютъ общее значеніе по отношенію къ объективному содержанію всякаго познанія, а слѣдовательно чрезъ нихъ только возможно истинное объединеніе познавательной дѣятельности и истинно философскій синтезъ съ универсальнымъ, а не частнымъ значеніемъ. Только изъ всеобщаго значенія философскаго синтеза въ отношеніи ко всему познаваемому не слѣдуетъ заключать—будто синтезъ философскій представляетъ собою такое начало или основаніе, изъ котораго можно вывести все объективное содержаніе познанія a priori, т. е., независимо отъ опытнаго познанія дѣйствительности. Вѣдь въ познаніи дѣйствительности, сверхъ дѣйствій мышленія—аналитическаго и синтетическаго, участвуетъ еще и чувственное воспріятіе и умственное созерцаніе, присоединяясь къ тѣмъ дѣйствіямъ. Какъ же возможно вывести познаніе дѣйствительности изъ синтеза,

основаннаго лишь на отвлеченныхъ дѣйствіяхъ мышленія, т. е., на дѣйствіяхъ мышленія, отрѣшенныхъ отъ своей натуральной связи и съ чувственнымъ воспріятіемъ и съ умственнымъ созерцаніемъ? Философскій синтезъ есть не болѣе, какъ элементъ, правда господствующій и важнѣйшій въ общемъ міросозерцаніи, образуемомъ не безъ участія и чувственнаго воспріятія и умственнаго созерцанія. Подобно тому, какъ въ силлогизмѣ,—этой самой полной элементарной формѣ мышленія,—выводъ частнаго заключенія изъ общаго положенія условливается не тѣмъ, что одно въ другомъ содержится, а только связью между однимъ и другимъ, такъ и въ болѣе широкомъ размѣрѣ обоснованія частныхъ познаній дѣйствительности посредствомъ общаго философскаго принципа, частныя познанія вовсе не извлекаются изъ общаго философскаго принципа, такъ какъ бы въ немъ цѣликомъ содержались, и былъ бы данъ только принципъ для того, чтобы возможно было обладаніе всѣми частными познаніями, но только устанавливается связь между частными познаніями и принципомъ, значеніе котораго слѣдовательно состоитъ въ томъ, что чрезъ него частныя познанія объединяются.—Итакъ, выводъ изъ философскихъ началъ всей познаваемой дѣйствительности, такой выводъ, который бы сдѣлалъ излишнимъ какъ математическое, такъ и опытное познаніе, невозможенъ. Ибо основаніемъ для философскаго синтеза, какъ сказано, служатъ субъективныя формы познанія, которыхъ для пріобрѣтенія познанія, сколько опытнаго, нуждающагося въ чувственномъ воспріятіи, столько же и математическаго, для котораго основаніемъ служитъ умственное созерцаніе, очевидно недостаточно. Даже для философскаго познанія опытъ и умственное созерцаніе служатъ необходимымъ пособіемъ, только не основаніемъ. Съ другой стороны, если изъ философскихъ началъ нельзя вывести ни опытнаго познанія дѣйствительности, ни законовъ, познаваемыхъ чрезъ математическій анализъ, то это не значитъ, что философскія начала не имѣютъ значенія въ отношеніи къ частнымъ научнымъ знаніямъ. Вѣдь въ добываніи всякаго познанія дѣятельное и важнѣйшее участіе принимаетъ мышленіе, а мышленіе есть органъ философскаго изслѣдованія. Изъ познанія душевной жизни невозможно вывести построеніе тѣла человѣческаго, однако это

не значитъ, что познаніе души не имѣетъ значенія для познанія человѣческаго тѣла: вѣдь внутренній опытъ, чрезъ который познается душевная жизнь, служитъ необходимою подкладкою для истолкованія явленій внѣшней дѣйствительности и ближайшимъ образомъ нашего тѣлеснаго устройства.

Таковы выводы объ отношеніи философскаго синтеза и вообще философскаго познанія къ другимъ видамъ изслѣдованія и познанія. Остается дополнить эти выводы заключительными замѣчаніями о самомъ философскомъ синтезѣ. Спрашивается, къ какому понятію о конечной цѣли и значенія философскаго синтеза приводитъ все вышеизложенное.

Выше было сказано, что философіи принадлежитъ рѣшеніе двухъ задачъ: построеніе научной философіи и соглашеніе, точнѣе сказать, объединеніе науки съ религіозною вѣрою. Обѣ эти задачи сводятся въ сущности къ одной: къ установленію и образованію наиболѣе удовлетворительнаго философскаго синтеза. Ибо очевидно, какъ задачею построенія и выработки научной системы философіи требуется именно привести по возможности къ единству разрозненныя начала или части научныхъ знаній; что̀ можетъ быть достигнуто лишь чрезъ систематическое объединеніе общихъ элементовъ, заключающихся въ основѣ всѣхъ нашихъ познаній,—такъ равно и задача соглашенія или объединенія научнаго познанія съ религіозною вѣрою сводится въ сущности къ установленію синтеза, который обнималъ бы элементы общіе и научному познанію и религіозной вѣрѣ. Но чрезъ установленіе и сведеніе къ единству элементовъ, заключающихся въ основаніи научныхъ познаній, въ значительной степени уже разрѣшается и эта послѣдняя задача—именно объединеніе научнаго познанія съ религіозною вѣрою. Остается лишь дополнить синтезъ элементовъ, лежащихъ въ основаніи научнаго познанія, установленіемъ сродныхъ съ ними началъ, заключающихся въ области религіозной вѣры. Возможность столь широкаго философскаго синтеза, включающаго въ себѣ вмѣстѣ съ основными началами научнаго познанія элементы религіозной вѣры основывается на томъ, что во всякомъ научномъ познаніи главною производительною силою является мышленіе, и то же мышленіе принимаетъ жи-

вое, дѣятельное участіе въ религіозной вѣрѣ; оно составляетъ одинаково необходимый органъ, сколько въ научномъ познаніи, столько же и въ религіозной вѣрѣ. Пусть значеніе мышленія въ дѣлѣ вѣры ограничено лишь усвоеніемъ уже даннаго и преподаннаго, однакожъ и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ значеніе мышленія столь важно, что будь исключено вовсе мышленіе изъ этого дѣла, въ такомъ случаѣ усвоеніе неминуемо превратилось бы въ извращеніе усвояемаго, ибо съ утратою всякаго смысла (а вѣдь съ устраненіемъ мышленія теряется и смыслъ въ томъ, что усвояется) въ дѣлѣ, столь важномъ, само собою должно исчезнуть всякое различіе между правильнымъ и не правильнымъ, истиннымъ и ложнымъ; останется развѣ одно лишь различіе—между привычнымъ и не привычнымъ, но все, что дѣлается и пріемлется лишь по одной привычкѣ, и только поэтому, теряетъ жизненное значеніе и обращается въ простую механику.

Соотвѣтственно двоякой задачѣ философскаго синтеза: объединенію научно—познавательной дѣятельности, и объединенію познанія съ религіозною вѣрою, самое изложеніе философскаго синтеза по необходимости раздѣляется на двѣ части: на *гносеологію* и *метафизику*. Гносеологія должна установить и опредѣлить тѣ начала или условія познанія, въ которыхъ заключается основаніе важнѣйшихъ видовъ познанія. Она должна показать тотъ путь, какимъ достижимо единство познанія не произвольное, а прочно обоснованное. Метафизика, съ своей стороны, должна довершить синтезъ, установленный гносеологіей, чрезъ возведеніе основныхъ началъ познанія къ принципу абсолютному, рѣшивъ эту задачу посредствомъ критическаго разсмотрѣнія различныхъ предположеній объ основныхъ началахъ бытія.

П. Линицкій.

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *).

V.

Идеально-реальное направленіе.

Идеально-реальное направленіе нѣмецкой психологіи обязано было своимъ происхожденіемъ крайностямъ, съ одной стороны, германскаго идеализма, игнорировавшаго тѣ реальные процессы и причины, которыми обусловливается психическая жизнь, и съ другой—односторонняго реализма, пытавшагося изъяснить разнообразныя проявленія психической жизни изъ внѣшнихъ механическихъ, а равно физическихъ и физіологическихъ основаній, помимо самого психическаго дѣятеля. Поставляя своею задачею примирить крайности обоихъ указанныхъ направленій, оно стремилось восполнить ихъ недостатки и соединить ихъ въ одно цѣлое путемъ уясненія, какъ идеальнаго значенія и первыхъ основъ различныхъ формъ душевной жизни, такъ и реальныхъ условій ихъ образованія. Это направленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія по глубинѣ и оригинальности взглядовъ, по вѣрности и основательности своихъ объясненій и теорій, и представляетъ до сихъ поръ наиболѣе удачный типъ психологіи. Лучшими и наиболѣе послѣдовательными представителями этого направленія въ Германіи были Ульрици и Фихте Младшій.

Въ русской психологической наукѣ, вообще довольно близкой къ этому направленію, наилучшимъ выразителемъ его яв-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г., № 7.

ляется К. Ушинскій. Его капитальный трудъ: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи" (т. 1 и 2, С.-Пб. 1871 г., изд. 2-е) занимаетъ весьма видное мѣсто въ нашей психологической литературѣ, и соединяя въ себѣ лучшія стороны идеализма и реализма, представляетъ собою попытку къ созданію оригинальной, чисто русской психологіи. Научное направленіе Ушинскаго отличается полною опредѣленностью. Во всей своей системѣ онъ строго послѣдовательно проводитъ дуалистическое воззрѣніе на природу человѣка. Дуализмъ духа и матеріи, являющійся исходною точкою его построеній, возводится имъ въ научный принципъ и признается единственнымъ основаніемъ для положительной психологіи (ср. т. I, стр. 416—420). Согласно этому дуалистическому принципу, онъ признаетъ одинаково необходимыми, въ качествѣ существенныхъ условій происхожденія психическихъ явленій, оба фактора, тѣсно связанные въ единомъ психофизическомъ существѣ человѣка,—нервный организмъ и высшее духовное начало. По взгляду Ушинскаго, нервный организмъ, въ его отдѣльности отъ души, представляется лишь сложною машиною, способною къ изумительной и разнообразной дѣятельности, но вовсе недостаточною для порожденія сознанія. Съ другой стороны, и душа, предоставленная самой себѣ, безъ посредства нервнаго организма, не въ состояніи была бы, путемъ однихъ самосозерцаній, развить въ себѣ сознательные акты. Только совокупнымъ и взаимнымъ дѣйствіемъ обоихъ посредствуется чрезвычайно разнообразная и богатая содержаніемъ психическая жизнь. Этимъ психофизіологическимъ условіямъ подчиняются какъ элементарныя, такъ и наиболѣе сложныя проявленія душевной жизни. Всѣ они суть акты души, посредствуемые ея тѣсною связью съ тѣлеснымъ организмомъ. Но признавая врожденную органическую связь души и тѣла, Ушинскій, въ интересахъ болѣе точнаго научнаго изслѣдованія психической жизни, старается рѣзко разграничить ихъ роли въ образованіи психическихъ явленій. Онъ тщательно выдѣляетъ изъ психологіи все то, что принадлежитъ физіологіи, чтобы не давать послѣдней повода вторгаться въ психическую сферу. Но отдавая тѣлу все, что ему принадлежитъ, онъ старается и душѣ отдать все,

что не можетъ быть выведено ни изъ какихъ законовъ матеріи, а именно: сознаніе, чувство и волю. Такое рѣзкое разграниченіе процессовъ физіологическихъ и психическихъ непосредственно вытекаетъ изъ основныхъ воззрѣній Ушинскаго на сущность психической жизни. Отрицая гипотезу безсознательныхъ душевныхъ состояній, онъ видитъ въ сознаніи единственный несомнѣнный признакъ психическихъ явленій. Послѣднія, по его взгляду, чтобы быть психичными, непремѣнно должны быть сознательными; съ устраненіемъ же этого специфическаго признака душевныхъ явленій должна рушиться и граница, отличающая ихъ отъ физіологическихъ явленій. Тѣмъ не менѣе, самъ авторъ не могъ отрицать безсознательности во многихъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ человѣческой жизни: не только болѣе простые процессы ощущенія и чувственнаго воспріятія, а равно акты воспроизведенія пережитыхъ душевныхъ состояній, но даже весьма сложные умственные процессы, а равно душевныя волненія и цѣлесообразныя дѣйствія представляютъ нерѣдко въ своемъ теченіи такія стороны, которыя, повидимому, не могутъ быть объяснены иначе, какъ предположеніемъ, что эти состоянія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, не сопровождаются сознаніемъ. Но находя невозможнымъ приписать безсознательность душѣ, какъ источному началу сознанія, Ушинскій всецѣло усвояетъ ее нервному организму, относя къ нему всѣ явленія, запечатлѣнныя характеромъ непроизвольности и автоматичности, хотя бы они по началу своему были сознательными и произвольными. Изъ этого же стремленія къ рѣзкому разграниченію двухъ сторонъ въ сферѣ психической жизни вытекаетъ и двойственность самаго анализа психическихъ явленій: послѣднія разсматриваются сначала съ физіологической точки зрѣнія, какъ продукты дѣятельности нервнаго организма, а затѣмъ съ психологической—какъ дѣйствія души. Безспорно, что и самое разграниченіе двухъ сторонъ въ сферѣ психической жизни, и вытекающіе отсюда методологическіе пріемы изслѣдованія имѣютъ большое дидактическое значеніе, но они не вполнѣ соотвѣтствуютъ сущности цѣльныхъ психическихъ актовъ, тѣмъ болѣе, что результаты двойственнаго анализа послѣднихъ не объединяются Ушинскимъ въ его системѣ.

Основнымъ предметомъ психологіи Ушинскій признаетъ факты сознанія,—разнообразныя психическія явленія, открываемыя самонаблюденіемъ. Психическимъ фактамъ и разнообразнымъ душевнымъ состояніямъ, непосредственно переживаемымъ нами и извѣстнымъ намъ по внутреннему опыту, онъ усвояетъ полную достовѣрность и непосредственную очевидность. Только имъ однимъ присуща обсолютная самостоятельность по отношенію къ намъ самимъ, тогда какъ явленія внѣшней природы имѣютъ для насъ значеніе настолько, насколько они отражаются въ нашемъ психическомъ мірѣ (ср. т. 2, стр. 347). Они-то и дѣлаютъ психологію самою несомнѣнною наукою. Отсюда, основнымъ методомъ психологіи должно быть самонаблюденіе, основывающееся на врожденной человѣку способности сознавать и помнить свои душевныя состоянія (т. I, стр. 151). Съ него должна начинать психологія и свои изслѣдованія и къ нему же возвращаться, какъ къ единственному несомнѣнному свидѣтельству о психическихъ фактахъ. Далѣе, какъ имѣющую дѣло исключительно съ фактами, Ушинскій называетъ психологію *фактическою* наукою. И дѣйствительно, въ своихъ научныхъ построеніяхъ онъ большею частью отправляется отъ фактовъ сознанія, беретъ всѣмъ знакомыя психическія явленія, анализируетъ ихъ, группируетъ, описываетъ и указываетъ ихъ глубочайшія основы. Но стараясь, по мѣрѣ возможности, держаться фактической основы, Ушинскій въ то же время не чуждается и умозрѣнія. Его основнымъ убѣжденіемъ, проникающимъ всю систему, служитъ принципъ Кантовской философіи о невозможности познанія „вещи въ себѣ". „Мы не можемъ, говоритъ онъ, постигнуть сущности ни одного реальнаго предмета такъ, чтобы были въ состояніи вывести изъ его сущности его свойства и всѣ явленія, въ которыхъ они обнаруживаются" (т. 2, стр. 206). Отсюда, естественно, самая сущность предмета можетъ быть опредѣляема только путемъ умозрѣнія, а ея свойства должны допускаться лишь гипотетически. Психологія въ этомъ отношеніи, по взгляду Ушинскаго, раздѣляетъ участь всѣхъ другихъ наукъ и всѣхъ человѣческихъ знаній вообще. Такъ, душа не постижима въ своей сущности, равно какъ не постижима и связь присущихъ ей свойствъ съ субстан-

ціею души. Самое опредѣленіе души, допускаемой Ушинскимъ въ качествѣ гипотетическаго субстрата ранѣе всякаго анализа фактовъ, выводится имъ апріорнымъ путемъ изъ противоположности ея матеріи: это субстанція дѣятельная, простая и неразложимая, неизмѣняемая, независимая отъ условій пространства и времени, обладающая сверхчувственною природою. Подобнымъ образомъ, на основаніи апріорныхъ соображеній онъ усвояетъ душѣ разнообразныя врожденныя свойства и способности. Первымъ кореннымъ и существеннымъ свойствомъ души онъ признаетъ врожденное ей *стремленіе* къ безпрестанной и все болѣе расширяющейся дѣятельности. Будучи само по себѣ безсознательнымъ, оно лежитъ въ основѣ всякой нашей сознательной дѣятельности: всѣ проявленія умственной жизни, все разнообразіе чувствованій и вся совокупность волевыхъ актовъ,—словомъ вся душевная жизнь имѣетъ въ своей основѣ *стремленіе*. Послѣднее, опредѣляемое въ своей всеобщности, какъ стремленіе *жить* или дѣйствовать, выражается въ сферѣ психической жизни цѣлымъ рядомъ частныхъ стремленій, каковы: стремленіе къ развитію сознанія вообще и въ частности къ познанію, стремленіе къ счастью, стремленіе къ свободѣ, стремленія религіозныя и нравственныя. Подобнымъ образомъ и нервному организму усвояется врожденное, коренное и первоначальное стремленіе *къ бытію*, отражающееся въ душѣ множествомъ органическихъ стремленій, каковы: стремленіе къ индивидуальному, общественному и родовому существованію, а равно различныя тѣлесныя потребности и расположенія (т. 2, стр. 35). Наряду съ стремленіями и въ связи съ ними Ушинскій усвояетъ душѣ и разнообразныя врожденныя способности, какъ то: способность сознавать и чувствовать разнообразныя состоянія нервной системы и отвѣчать на нихъ опредѣленными ощущеніями, способность управлять нервами и воздѣйствовать на нихъ, а также частныя способности къ различнымъ психическимъ отправленіямъ: способность вниманія, памяти, воображенія и др. Нервной системѣ также усвояется способность функціональнаго расположенія, къ воспроизведенію тѣхъ ея состояній и измѣненій, которыя она пережила (т. I, стр. 104, 156). Допускаются также Ушинскимъ чисто апріор-

ныя заключенія и о предполагаемой имъ внѣсознательной жизни души. Такимъ образомъ, гармоническое соединеніе умозрѣнія и опыта, фактическаго анализа и апріорныхъ соображеній, эмпирическихъ данныхъ, открываемыхъ самонаблюденіемъ, и метафизическихъ предположеній составляетъ характерную особенность психологической системы Ушинскаго. Аналитическая и генетическая метода изложенія, нерѣдко переходитъ въ ней въ догматическую, въ свою очередь возвращающуюся къ анализу фактовъ. Этотъ средній примирительный путь, избранный Ушинскимъ въ изложеніи науки, дѣлаетъ его и въ методологическомъ отношеніи строго послѣдовательнымъ представителемъ идеально-реальнаго направленія.

Въ частности, нельзя не замѣтить значительнаго сходства во многихъ основныхъ воззрѣніяхъ Ушинскаго съ воззрѣніями германскаго представителя идеально-реальной школы Ульрици. Такъ, взгляды Ушинскаго на сознаніе, какъ на общую основную форму психической жизни,—на сущность сознательныхъ процессовъ, заключающуюся въ сравнивающей и различающей дѣятельности души,—на вниманіе, какъ главное условіе сознанія,—на стремленіе, какъ главнѣйшую основу желаній и произвольной дѣятельности и др., безспорно образовались подъ вліяніемъ Ульрици, у котораго неоднократно дѣлаются Ушинскимъ заимствованія. Изъ цѣлаго ряда прочихъ представителей психологической науки онъ чаще всего обращается къ воззрѣніямъ Гербарта и Бенеке, которыя и восполняетъ идеалистическими взглядами на природу души, а равно къ англійскому психологу Миллю, съ которымъ однако часто вступаетъ въ полемику. Въ частнѣйшемъ приложеніи на практикѣ научныхъ пріемовъ изслѣдованія Ушинскій является эклектикомъ: онъ устанавливаетъ рѣшеніе психологическихъ вопросовъ главнымъ образомъ путемъ критическаго объединенія идей различныхъ философскихъ школъ и направленій, причемъ изъ разнообразныхъ теорій онъ беретъ то, что ему представляется несомнѣннымъ и фактически вѣрнымъ, провѣряетъ взятые факты внимательнымъ самонаблюденіемъ и анализомъ, дополняетъ ихъ новыми наблюденіями, гдѣ это возможно, и пользуется при объясненіи фактовъ общепринятыми гипотезами, гдѣ это неизбѣж-

но. Но будучи эклектикомъ, Ушинскій сохраняетъ полную свою оригинальность, высказывая по каждому частному вопросу собственныя глубокія соображенія и счастливыя догадки.

Въ систематическомъ расположеніи научнаго матеріала Ушинскій придерживается общепринятаго дѣленія душевныхъ явленій на три групы: на явленія сознанія, чувства и воли, мотивируя это дѣленіе непосредственнымъ чувствомъ различія ихъ, доступнымъ каждому. Но признавая всѣ три сферы душевной жизни самостоятельными, хотя и взаимно проникающими другъ друга въ каждомъ полномъ и законченномъ душевномъ актѣ, Ушинскій, въ противоположность другимъ психологамъ, ставитъ въ центрѣ душевныхъ явленій не сознаніе и не волю, а чувствованіе. Послѣднее признается не только среднимъ, связующимъ звеномъ между явленіями сознанія и явленіями воли, но и вызывающимъ тѣ и другія; въ немъ, по взгляду Ушинскаго, заключается первая причина человѣческой дѣятельности въ области сознанія и воли; въ немъ же и окончательная цѣль этой дѣятельности. Самое сознаніе, по этому взгляду, есть не что иное, какъ душевно-умственное чувство сходства и различія, обусловливающее весь умственный процессъ, а желаніе есть сознанное и опредѣлившееся чувствованіе (т. 2, 203. 369). Другую, не менѣе оригинальную, особенность „антропологіи" Ушинскаго составляетъ то, что онъ разнообразныя явленія душевной жизни человѣка считаетъ въ той же мѣрѣ присущими и животнымъ, допуская при этомъ не мало преувеличеній. Такъ, животнымъ усвояются имъ: сознаніе, подобное человѣческому, способность къ довольно сложнымъ разсудочнымъ процессамъ, способность чувствованій, разнообразныя желанія и стремленія. Животныя, по этому взгляду, лишены только способности идей, самосознанія и дара слова, а равно нѣкоторыхъ особенностей высшей духовной жизни. Наконецъ, изъ всей обширной сферы психическихъ явленій авторъ останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ, которыя имѣютъ особенно важное значеніе для педагога. Этимъ отношеніемъ ученаго труда Ушинскаго къ воспитательнымъ цѣлямъ оправдывается названіе его „педагогическою антропологіею". Частнѣйшій обзоръ этого труда нагляднѣе покажетъ намъ его особенности.

Въ первомъ томѣ своей антропологіи Ушинскій подробно излагаетъ физіологическія данныя развитія психической жизни и обозрѣваетъ весь процессъ сознаванія, начиная съ простыхъ ощущеній и доходя до сложныхъ разсудочныхъ процессовъ; во второмъ—даетъ обозрѣніе чувствованій, процесса желаній и воли, сопровождая его указаніями особенностей человѣческой души. *Физіологическая* часть системы Ушинскаго очень подробна. Прежде всего въ ней сообщаются біологическія свѣдѣнія объ организмѣ вообще, о существенныхъ свойствахъ растительнаго и животнаго организмовъ, объ особенныхъ условіяхъ возобновленія тканей животнаго организма и о потребностяхъ отдыха и сна (т. 1. стр. 1—23). Затѣмъ излагается ученіе о нервной системѣ и анатомическомъ устройствѣ различныхъ органовъ чувствъ, причемъ въ описаніе нервной системы вводятся только тѣ данныя, которыя или необходимы для самаго общаго понятія объ ея устройствѣ и дѣятельности, или находятся въ тѣсной связи съ различными психофизическими явленіями, имѣющими особенно важное значеніе для психолога и педагога. Въ результатѣ этого обозрѣнія нервной системы является своеобразный взглядъ автора на ощущенія. Послѣднія, по этому взгляду, суть произведенія специфической энергіи нервныхъ волоконъ, анатомическаго устройства различныхъ органовъ чувствъ и наконецъ сознанія, превращающаго состоянія нервовъ и периферическихъ органовъ въ ощущенія (т. 1, стр. 32. 42). Но при этомъ авторъ вовсе не уясняетъ, какъ именно сознаніе превращаетъ впечатлѣнія, или нервныя движенія, въ ощущенія: прибавляетъ ли душа что либо отъ себя къ внѣшнему впечатлѣнію, превращая его въ ощущеніе, или облекаетъ его только новыми качествами, отъ которыхъ впечатлѣніе дѣлается ощущеніемъ. Указаннымъ взлядомъ на ощущеніе невольно предполагается, что сознаніе должно уже существовать, какъ нѣчто готовое, ранѣе всякихъ впечатлѣній и ощущеній. Съ этимъ, однако, согласиться нельзя, равно какъ и съ тѣмъ, что сознаніе можетъ имѣть прямыя и непосредственныя сношенія съ впечатлѣніями—на чемъ настаиваетъ Ушинскій (ibid. стр. 44),—и превращать количественныя различія впечатлѣній, или нервныхъ движеній, въ качественныя разницы

ощущеній. Гораздо съ большею вѣроятностью можно допустить, что впечатлѣніе, дѣйствуя чрезъ посредство нервовъ на душу, возбуждаетъ въ ней извѣстное состояніе, которое уже въ качествѣ ощущенія входитъ въ сознаніе. Вообще же внутренній процессъ происхожденія ощущеній сокрытъ отъ насъ, и говорить о превращеніи сознаніемъ впечатлѣній въ ощущенія значитъ допускать совершенно произвольное предположеніе. Изъ этой же теоріи сознанія, превращающаго впечатлѣнія въ ощущенія, объясняется и то, что Ушинскій оставилъ безъ вниманія весьма важныя открытія Фехнера въ области психофизики относительно возрастанія ощущеній. Въ самомъ дѣлѣ, если бы сознаніе непосредственно участвовало въ образованіи ощущеній, то и возрастаніе послѣднихъ должно бы быть прямо пропорціонально возрастанію впечатлѣній; оно не имѣло бы никакихъ причинъ отставать отъ впечатлѣній въ образованіи ощущеній. Далѣе, воззрѣніемъ Ушинскаго на ощущеніе опредѣляется и нѣсколько своеобразный взглядъ его на психическій процессъ чувственнаго воспріятія, или перцепціи, не отдѣляемой имъ отъ процесса ощущенія. Процессъ воспріятія онъ полагаетъ въ отнесеніи испытываемыхъ ощущеній къ опредѣленнымъ предметамъ, какъ обусловливающимъ ихъ причинамъ, съ чѣмъ также связывается представленіе о разстояніи и формѣ предметовъ. Въ объясненіи этого процесса онъ придерживается распространеннаго среди психологовъ взгляда, по которому воспріятіе есть умозаключеніе; только послѣднее, по его мнѣнію, совершается не безсознательно и автоматически, какъ полагалъ Вундтъ и др., а вполнѣ сознательно. „Воспріятіе, говоритъ Ушинскій, есть результатъ многочисленныхъ сознательныхъ опытовъ, сравненій и заключеній, сдѣланныхъ нами въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, а потому позабытыхъ нами и обратившихся въ безсознательную привычку“ (т. I, стр. 35, ср. 107). Сама по себѣ эта теорія воспріятія не вызываетъ особыхъ возраженій, но въ болѣе подробномъ раскрытіи сущности этого процесса Ушинскій допускаетъ нѣкоторую двойственность въ объясненіяхъ: по ходу его разсужденій—воспріятіе также легко могло бы быть объяснено однимъ накопленіемъ въ нервной системѣ слѣдовъ ея неоднократныхъ приспо-

собленій къ различнымъ разстояніямъ и положеніямъ предметовъ. Притомъ, по воззрѣніямъ самого Ушинскаго, „сознаніе часто находитъ въ душѣ уже готовыя явленія, формировка которыхъ совершилась внѣ его“ (т. 2, стр. 369); подобнымъ же образомъ могла безсознательно образоваться въ душѣ привычка къ опредѣленію разстояній и фигуры предметовъ.—Далѣе авторъ занимается подробнымъ уясненіемъ физіологическаго и психологическаго значенія мускульнаго чувства, внимательное изученіе котораго приводитъ его къ объясненію многихъ весьма важныхъ явленій душевной и тѣлесной жизни. Ощущенія, даваемыя этимъ чувствомъ, входятъ въ составъ почти всѣхъ представленій, образованныхъ при участіи зрѣнія и осязанія. Такъ при участіи мускульнаго чувства образуются представленія: объ относительной отдаленности предметовъ и ихъ величинѣ, о формѣ тѣлъ, относительномъ вѣсѣ ихъ и плотности, представленія различныхъ движеній, ихъ относительной скорости, трудности, или легкости, наконецъ представленія пространства и времени. Вообще, по взгляду автора, „цѣлая половина всѣхъ ощущеній, изъ которыхъ строятся наши обыденныя представленія и понятія, даются намъ чувствомъ мускульныхъ движеній“ (т. 1, стр. 62). Слѣдуетъ признать, что отдѣлъ о мускульномъ чувствѣ (стр. 51—66) вовсе не раздѣляетъ слабыхъ сторонъ ученія объ ощущеніяхъ и вполнѣ состоятеленъ. Тутъ уже не говорится о впечатлѣніяхъ, превращаемыхъ сознаніемъ въ ощущенія, а о сознаніи ощущеній, то есть, предполагается, и совершенно основательно, что за усиліемъ нерва слѣдуетъ ощущеніе и потомъ уже оно сознается нами. Изслѣдуя затѣмъ центральную часть нервной системы и ея дѣятельность, а равно явленія нервной усталости и нервнаго раздраженія (стр. 66—89), Ушинскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: нервы суть единственные проводники различныхъ ощущеній и движеній во всемъ тѣлѣ; дѣятельность ихъ состоитъ въ своеобразномъ движеніи нервныхъ частицъ, распространяющемся вдоль нервовъ до нервныхъ узловъ въ мозговыхъ полушаріяхъ, гдѣ возбуждается молекулярная дѣятельность, отражающаяся непостижимымъ для насъ образомъ въ душѣ и превращающаяся въ ней въ ощущенія; нервная усталость, или бод-

рость зависитъ отъ недостатка, или обилія въ нервахъ электричества. Общее же состояніе нервной системы оказываетъ весьма значительное вліяніе на характеръ нашей психической дѣятельности.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ нервной системы Ушинскій приходитъ къ разсмотрѣнію отражательныхъ, или рефлективныхъ движеній, а равно „привычекъ", какъ усвоенныхъ рефлексовъ, подробно обсуждая при этомъ ихъ нравственное и педагогическое значеніе. Общій ходъ его разсужденій таковъ. Подъ именемъ рефлекса слѣдуетъ разумѣть чисто механическое движеніе въ нервахъ движенія, вызываемое въ нихъ такимъ же совершенно механическимъ и безсознательнымъ движеніемъ въ нервахъ чувства (стр. 94). Нѣкоторые рефлексы установлены въ насъ самымъ устройствомъ нашего организма; другія же рефлективныя движенія въ нервномъ организмѣ установляются уже не природою, а нами самими: многія наши движенія и дѣйствія отъ частаго повторенія дѣлаются несознаваемыми и непроизвольными наравнѣ съ природными рефлексами. Способность нервнаго организма не только имѣть природные, но и усвоивать новые рефлексы подъ вліяніемъ дѣятельности, объясняетъ намъ возможность пріобрѣтенія привычекъ: часто повторяющіяся сознательныя и произвольныя дѣйствія настолько вкореняются въ нашу природу, что совершаются затѣмъ безъ всякаго участія нашего сознанія и произвола и переходятъ въ разрядъ дѣйствій рефлективныхъ (стр. 103). Таковы всѣ вообще привычныя дѣйствія: игра на фортепіано, машинально ведомый на иностранномъ языкѣ разговоръ, танцы, писаніе и др. Психологическимъ основаніемъ вкоренившихся въ нашей природѣ навыковъ служитъ стремленіе души къ безпрестанной, легкой и все болѣе расширяющейся дѣятельности, въ силу котораго душа охотно избираетъ уже извѣстные и привычные пути дѣятельности. Благодаря матеріальнымъ измѣненіямъ въ нервной системѣ, сопровождающимъ образованіе привычекъ, послѣднія могутъ передаваться по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ, причемъ передаются не самыя привычки, а нервные задатки ихъ, которые затѣмъ могутъ навести человѣка на тѣ же душевныя явленія, подъ вліяніемъ которыхъ они

образовались (стр. 110—117).—Во всемъ этомъ отдѣлѣ нельзя не замѣтить многихъ слабыхъ сторонъ. Прежде всего, привычки и наклонности всецѣло переносятся авторомъ въ область нервной системы, тогда какъ могутъ быть привычки чисто психическаго происхожденія, коренящіяся въ душѣ. Притомъ, всѣ вообще привычки представляются положительными антагонистами сознанія; если же онѣ и соединяются съ сознаніемъ, то послѣднее, по взгляду автора, только слѣдуетъ за ними, а не вызываетъ ихъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ сознаніе вовсе не является такимъ антагонистомъ привычки, примѣръ чего можно видѣть въ привычкѣ къ умственному труду, художественной дѣятельности и т. д. Кромѣ того, самая область рефлексовъ слишкомъ расширяется Ушинскимъ. Такъ, привычку зрѣнія опредѣлять положеніе и величину предмета, способность говорить, или даръ слова,—всѣ дѣйствія, къ которымъ есть какія—либо предрасположенія въ организмѣ, и которыя, бывъ изучены, или усвоены, исполняются потомъ почти машинально, какъ напримѣръ, игра на фортепіано, писаніе и т. п., все это онъ считаетъ усвоенными рефлексами. Но если принять во вниманіе, что подъ рефлективнымъ движеніемъ принято разумѣть движеніе отражательное, происходящее безъ всякаго участія головнаго мозга, то нѣтъ никакого основанія переносить его на движенія, по началу своему произвольныя и сознательныя и только отъ частаго повторенія обратившіяся въ привычныя. Они во всякомъ случаѣ исполняются при участіи головнаго мозга и считать ихъ рефлективными нельзя уже потому, что въ нихъ не замѣчается никакого отраженія. Кромѣ того, нельзя не видѣть тутъ смѣшенія понятія рефлективнаго движенія съ безсознательнымъ и непроизвольнымъ. Правда, движеніе рефлективное всегда бываетъ непроизвольно, какъ напримѣръ: вздрагиванье руки вслѣдствіе укола, съуженіе зрачка при свѣтѣ и т. п., но мы можемъ ясно сознавать то, что дѣлаемъ непроизвольно; на этомъ основывается допускаемая самимъ авторомъ возможность задерживанья рефлексовъ. Наоборотъ многія непроизвольныя движенія не имѣютъ ничего общаго съ рефлективными, каковы, напримѣръ, автоматическія движенія въ ребенкѣ и даже въ животномъ, развивающіяся

вовсе не путемъ рефлекса, но подъ вліяніемъ непроизвольной энергіи головнаго и спиннаго мозга. Равнымъ образомъ, быстро выполняемый сложный механизмъ игры на инструментѣ, машинально производимое письмо, разговоръ при увлеченіи разсказчика и другія подобныя сложныя дѣйствія, безспорно совершаются при участіи и подъ руководствомъ быстро смѣняющихся представленій, а потому нѣтъ никакихъ основаній смѣшивать ихъ съ рефлексами, какъ отражательными движеніями. Наконецъ, привычки и навыки нравственнаго характера, какъ напримѣръ: привычка къ порядку, наклонность къ добру, многія врожденныя особенности человѣческихъ характеровъ, безъ всякаго сомнѣнія зависятъ отъ разнообразныхъ душевныхъ дѣятельностей, имѣютъ спеціально психологическое значеніе и отнюдь не могутъ быть разсматриваемы, какъ системы усвоенныхъ рефлексовъ. Отсюда, непосредственно слѣдующія за обзоромъ нервныхъ привычекъ разсужденія Ушинскаго о наслѣдственности человѣческихъ характеровъ и о наклонностяхъ къ добру и злу (стр. 119—124), сами по себѣ вполнѣ основательныя, являются противорѣчіемъ тому, что говорилось имъ раньше о рефлексахъ и привычкахъ.

Излагая далѣе ученіе объ участіи нервной системы въ актѣ памяти, Ушинскій объясняетъ этимъ участіемъ весьма многія явленія механической памяти. Самую основу послѣдней онъ полагаетъ въ способности нервовъ усвоивать привычки и сохранять ихъ въ видѣ *слѣдовъ*. Эти слѣды имѣютъ значеніе привычныхъ путей; въ нихъ нервная система, повторяя впечатлѣнія, „дрожитъ по старымъ складкамъ“ (стр. 141). Но чтобы отыскать нервные слѣды, необходима еще особая память идей, которая и поставляется авторомъ на ряду съ нервною. Нужно замѣтить, что теоріею „нервныхъ слѣдовъ“ весьма удачно объясняются очень многія странныя явленія безсознательной памяти, равно какъ и многія механически исполняемыя сложныя дѣйствія и движенія, но при этомъ Ушинскимъ допускаются и нѣкоторыя преувеличенія: почти вся область памяти перенесена имъ въ нервную систему, вслѣдствіе чего на долю самодѣятельности души остается лишь немногое. Заканчивается „физіологическая“ часть замѣчаніями о вліяніи нерв-

ной системы на воображеніе, чувство и волю. Вліяніемъ нервной системы на воображеніе объясняются явленія галлюцинацій и быстрая непроизвольная смѣна представленій; причина многихъ чувствованій полагается въ измѣненномъ состояніи нервной системы, равно какъ отъ этого состоянія поставляются въ зависимость врожденные инстинкты, разнаго рода органическія потребности и желанія (стр. 142—147). Сообщаемыя во всемъ изложенномъ отдѣлѣ свѣдѣнія о нервной системѣ цѣнны, ясны и точны, а результаты, извлекаемые авторомъ изъ своихъ физіологическихъ обозрѣній, даютъ прочную основу для объясненія психическихъ явленій. Главы же о „нервной памяти“ и „привычкахъ“, за исключеніемъ указанныхъ неточностей, имѣютъ глубокое психологическое значеніе.

„Психологическая“ часть антропологіи написана съ большимъ знаніемъ дѣла и представляетъ собою образецъ глубокаго изученія относящейся сюда литературы. Авторъ знакомъ съ выдающимися трудами англійской школы и съ обширною нѣмецкою литературою. Онъ совмѣщаетъ въ одно всѣ хорошія стороны самыхъ разнообразныхъ направленій и нерѣдко входитъ въ подробную критику различныхъ взглядовъ, дѣлая очень мѣткія замѣчанія. Въ физіологическомъ направленіи психологіи онъ нашелъ заслуживающимъ серьезнаго вниманія уясненіе строгой зависимости душевныхъ явленій отъ нервной системы; въ направленіяхъ школъ Гербарта и Бенеке вниманіе его привлекаетъ попытка изъ разныхъ ассоціацій представленій вывести очень многіе факты умственной жизни души; въ идеалистическомъ направленіи ему сочувственно вниманіе къ прирожденнымъ свойствамъ чисто человѣческой души, невыводимымъ изъ дѣятельностей, обращенныхъ къ внѣшнему міру; въ идеально-реальномъ направленіи онъ заимствуетъ существенныя воззрѣнія на самыя основы психической жизни; въ эмпирическомъ направленіи англійской школы ему сочувственны научные пріемы изслѣдованія психическихъ фактовъ. Въ результатѣ получается умѣренный эклектизмъ автора, чуждый крайностей различныхъ школъ и направленій.

Начало психологической части полагается обозрѣніемъ фактовъ умственной жизни, или „фактовъ сознанія“. Не опредѣляя

до времени самаго понятія сознанія, въ виду извѣстности его каждому по непосредственному чувству, авторъ предпочитаетъ изучать сначала *проявленія* сознанія, чтобы затѣмъ аналитически вывести характеристику самаго дѣятеля. Къ понятію сознанія сводится имъ все, что такъ или иначе относится къ области умственной жизни: процессъ вниманія, память, воспоминаніе, воображеніе, мышленіе съ дѣятельностью разсудка и разума. Анализъ фактовъ сознанія начинается съ процесса вниманія. Вниманіе въ обширномъ смыслѣ, по опредѣленію Ушинскаго, есть способность души сосредоточиваться въ той или другой сферѣ своей дѣятельности, а въ болѣе тѣсномъ—способность души сосредоточиваться въ области сознанія на томъ или другомъ предметѣ сознанія (т. 1, стр. 185). Какъ актъ сознанія, оно является существенно необходимымъ условіемъ превращенія нервнаго впечатлѣнія въ душевное ощущеніе; это дверь, чрезъ которую впечатлѣнія внѣшняго міра и состоянія нервнаго организма вызываютъ въ душѣ ощущенія. Впечатлѣніе можетъ быть совершенно полно, выполнить всѣ физическія условія, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться ощущеніемъ, но не сдѣлается имъ, пока не подѣйствуетъ на него сознаніе въ своемъ актѣ вниманія (стр. 162—165). Слѣдовательно, впечатлѣніе и вниманіе суть два совершенно различные акта двухъ различныхъ дѣятелей, которые могутъ сойтись и произвести ощущеніе. Соглашаясь съ ученіемъ Ушинскаго о вниманіи, мы, однако, должны здѣсь повторить сдѣланное выше замѣчаніе, что сознаніе не можетъ имѣть непосредственнаго сношенія съ впечатлѣніемъ: послѣднее сначала должно возбудить въ душѣ особое состояніе, которое затѣмъ и воспринимается вниманіемъ въ качествѣ ощущенія. Указанное Ушинскимъ отношеніе между впечатлѣніемъ и вниманіемъ должно быть видоизмѣнено въ отношеніе между вниманіемъ и ощущеніемъ, въ результатѣ котораго получается воспріятіе. Изслѣдуя затѣмъ внутреннюю сторону пассивнаго вниманія, Ушинскій соглашается съ Бенеке въ томъ, что степень вниманія усиливается массою притекающихъ къ новому впечатлѣнію слѣдовъ *прежнихъ* состояній, но дополняетъ этотъ взглядъ сужденіемъ Гербарта, по которому вниманіе привлекается только *новизною* представленій: по соб-

ственному взгляду Ушинскаго, вниманіе особенно возбуждается тогда, когда къ массѣ готовыхъ слѣдовъ присоединяются новые; иначе сказать, предметъ долженъ быть отчасти знакомъ намъ, отчасти новъ (стр. 168. 173). Активное вниманіе, какъ способность души произвольно сосредоточиваться на извѣстномъ предметѣ, зависитъ отъ силы воли и здороваго состоянія нервовъ, причемъ можетъ переходить въ пассивное вниманіе, или въ привычку (стр. 182). Съ этимъ сужденіемъ Ушинскаго нельзя не согласиться, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, что активное вниманіе, ставшее привычнымъ, не должно быть относимо къ области нервныхъ привычекъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи обстоятельно изслѣдуется процессъ ощущенія—съ новой, психологической точки зрѣнія, какъ первый сознательный актъ. Здѣсь заслуживаетъ вниманія своеобразная аргументація автора: ощущеніе зависитъ отъ различенія, а различеніе есть существенное условіе сознанія. Отсюда, ощущеніе, различеніе и сознаніе—понятія тожественныя и суть только различныя названія одного психологическаго акта (стр. 191). Здѣсь такимъ образомъ смѣшиваются: самая основа, или общая форма психологической жизни, условливающій ее процессъ и частный результатъ этого процесса. Хотя всѣ три понятія соподчинены одному общему—психическій актъ—и взаимно обусловливаютъ другъ друга, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ научной точности и во избѣжаніе спутанности въ психологическихъ понятіяхъ, слѣдуетъ съ каждымъ изъ нихъ соединять ему только присущій, строго опредѣленный смыслъ. Раскрывая далѣе условія сознаванія ощущенія, авторъ высказываетъ убѣжденіе, что сознаніе должно разомъ заниматься нѣсколькими одновременными впечатлѣніями, чтобы получилась самая возможность сравненія и различенія ихъ (стр. 192). „Безъ современнаго ощущенія двухъ или нѣсколькихъ ощущеній, или слѣдовъ бывшихъ ощущеній, невозможно сравненіе, безъ сравненія невозможно различеніе, безъ различенія нѣтъ сознанія“ (стр. 193). Но какъ тогда возникаетъ первое сознаваемое ощущеніе,—по сравненію съ какимъ слѣдомъ, или другимъ душевнымъ состояніемъ? Съ точки зрѣнія Ушинскаго, этотъ вопросъ представляется неразрѣшимымъ, между тѣмъ онъ легко разрѣшается, если предположить, со-

гласно усвоенному многими психологами мнѣнію, что ощущеніе могло возникнуть, благодаря вносимому имъ въ нашу душу различію съ предшествовавшимъ ему отсутствіемъ ощущенія. Тѣмъ болѣе представляется излишнею необходимость одновременнаго сознаванія разомъ нѣсколькихъ ощущеній послѣ первыхъ сознательныхъ опытовъ, на чемъ, однако, настаиваетъ Ушинскій. Съ этимъ же воззрѣніемъ стоитъ въ согласіи взглядъ его на *единство* сознанія. Послѣднее понимается Ушинскимъ въ томъ смыслѣ, что душа сознаетъ только одно отношеніе между впечатлѣніями и не можетъ стремиться въ разныя стороны, къ разнымъ впечатлѣніямъ, не соединяемымъ въ одно отношеніе (стр. 196).

Въ нѣсколькихъ послѣдующихъ главахъ подробно излагается Ушинскимъ своеобразная теорія памяти, повторяемая здѣсь въ другомъ видѣ. Исходною точкою этой теоріи служатъ факты припоминанія. По взгляду автора, процессъ припоминанія вполнѣ аналогиченъ процессу ощущенія; въ немъ также, какъ и въ ощущеніи, обнаруживается участіе двухъ агентовъ—сознанія и нервной системы, оставляющихъ по себѣ слѣды своей дѣятельности въ видѣ нервныхъ привычекъ и въ формѣ идей. Въ самомъ актѣ припоминанія психическій слѣдъ, или *идея* ощущенія, совпадаетъ съ физіологическимъ слѣдомъ, или нервною *привычкою* къ тѣмъ движеніямъ, изъ отношенія между которыми возникла ранѣе въ душѣ воплощаемая теперь идея. Это воплощеніе психическаго слѣда, или идеи, въ формѣ нервнаго слѣда, или испытаннаго ранѣе нервнаго движенія, образуетъ особую психическую форму—*представленіе*, занимающее средину между нервнымъ слѣдомъ и психическимъ или идеею. Двойственностью слѣдовъ объясняется двоякаго рода припоминаніе: механическое, иначе называемое нервнымъ, и душевное. Результатъ обоихъ одинаковъ: то и другое припоминаніе состоитъ въ переходѣ нервныхъ и душевныхъ слѣдовъ въ представленія. Какъ представленія, такъ и самые слѣды способны входить во взаимныя ассоціаціи, послѣ чего одно представленіе, или одинъ слѣдъ, могутъ возникнуть въ сознаніи при помощи другаго. Такихъ ассоціацій Ушинскій допускаетъ семь

родовъ: по противоположности, по сходству, по порядку времени, единству мѣста, разсудочную ассоціацію, связь по сердечному чувству и ассоціацію разумную (стр. 203—217). Допуская такое мелкое дѣленіе, самъ Ушинскій признаетъ, что его анализъ ассоціацій поверхностенъ, что его классификація имѣетъ цѣль педагогическую, а не психологическую и что между различными ассоціаціями есть сродство. И дѣйствительно, его классификація вполнѣ неудовлетворительна съ психологической точки зрѣнія; въ ней перемѣшаны видовыя и родовыя отличія, частныя формы ассоціаціи поставлены наряду съ главными и основными. Въ виду этого, семь группъ ассоціацій легко могутъ быть сведены къ меньшему количеству. Такъ, ассоціація по порядку времени и единству мѣста составляетъ собственно одну смежную или послѣдовательную ассоціацію; ассоціація по сходству и сердечному чувству составляетъ одну ассоціацію сходства. Различіе между ними Ушинскій полагаетъ въ томъ, что ассоціація по сердечному чувству открывается не разсудкомъ, а поэтическимъ чувствомъ человѣка. Но не говоря уже о психологической неопредѣленности такого объясненія, слѣдуетъ замѣтить, что самъ же Ушинскій въ частнѣйшемъ анализѣ этой ассоціаціи признаетъ далеко не всѣ связи по сердечному чувству проистекающими изъ поэтическаго настроенія человѣка (стр. 214—215). Далѣе, ассоціація по противоположности есть ассоціація сложная, составная, а потому ее нельзя исчислять въ ряду простыхъ. Такимъ образомъ получается уже четыре вида ассоціацій: по смежности, по сходству, разсудочныя ассоціаціи и ассоціаціи развитія, или разумныя. Но разумныя ассоціаціи не встрѣчаются ни у одного психолога и внесены Ушинскимъ въ его классификацію по недоразумѣнію. Тутъ описываются лишь различныя ступени, чрезъ которыя можетъ пройти человѣкъ въ пониманіи идей, но высшія ступени пониманія отнюдь не предполагаютъ какихъ—либо новыхъ связей, или особыхъ формъ ассоціацій. Въ данномъ случаѣ мы не находимъ ничего новаго, кромѣ обыкновенной сложной ассоціаціи, послѣдовательными ступенями которой служатъ: сначала двойная смеж-

вая ассоціація, а затѣмъ двойная сходная, объединяющая отдѣльныя представленія въ одно цѣлое. Точно также и разсудочная ассоціація можетъ быть сведена къ послѣдовательной, осложненной идеею неизмѣннаго и безусловнаго—по закону сходства. Такимъ образомъ, мы получаемъ, вмѣсто семи законовъ ассоціаціи, два: законъ смежности и сходства.

Въ зависимости отъ взгляда Ушинскаго на припоминаніе, ученіе его о забвеніи запечатлѣно нѣсколько механическимъ характеромъ. Забвеніе, по нему, объясняется разрывомъ ассоціацій, или цѣпи слѣдовъ прежнихъ состояній, вслѣдствіе чего мы не легко можемъ отыскать нужный намъ, но забытый въ данное время слѣдъ. Самые слѣды разорвавшейся цѣпи быстро изглаживаются изъ памяти вслѣдствіе своей отдѣльности и разорванности. Основанія такого разрыва изъясняются Ушинскимъ отчасти въ согласіи съ воззрѣніями Гербарта и Дробиша, по которымъ слѣды то вступаютъ въ разнообразныя сочетанія между собою, то разрываются, какъ вслѣдствіе притяженія ихъ новыми впечатлѣніями, такъ и подъ вліяніемъ умственной работы, сплетающей новыя вереницы представленій и для того разрушающей старыя. При этомъ Ушинскій высказываетъ нѣсколько парадоксальныя мнѣнія: по его мнѣнію, философское мышленіе ослабляетъ память, такъ какъ пріучая къ постройкѣ рядовъ, связанныхъ философскою необходимостью, заставляетъ разрывать для этого ряды другихъ нашихъ представленій; подобнымъ образомъ дѣятельность воображенія, обильное чтеніе и усвоеніе новыхъ свѣдѣній, не воспроизводимыхъ повтореніемъ, ослабляетъ память, разрывая прежнія ассоціаціи и не образуя прочныхъ новыхъ (стр. 220—222). Такимъ образомъ, по этой теоріи взаимныя отношенія слѣдовъ являются главными условіями забвенія, между тѣмъ какъ послѣднее гораздо вѣрнѣе объясняется ослабленіемъ нашего вниманія и интереса къ хранимымъ памятью представленіямъ. Тѣмъ же механическимъ характеромъ отличаются и сужденія Ушинскаго о постепенномъ развитіи памяти. Послѣднее, по его взгляду, обусловливается постепеннымъ накопленіемъ въ душѣ дитяти слѣдовъ испытанныхъ ощущеній, которые, по мѣрѣ возрастанія чело-

вѣка, все болѣе связываются сознаніемъ въ опредѣленныя сочетанія по законамъ разсудка и по требованію разумной воли; постепенный же упадокъ силы памяти, по достиженіи человѣкомъ извѣстнаго возраста, ставится въ зависимость отъ состоянія нервной системы и ея участія въ актѣ усвоенія впечатлѣній (стр. 224—233).

Объединяя въ одно цѣлое результаты предыдущихъ анализовъ запоминанія, забвенія и воспоминанія, Ушинскій даетъ положительную теорію памяти. Память онъ разсматриваетъ съ трехъ сторонъ: какъ способность души, какъ руководимый ею процессъ и какъ результатъ этого процесса. Общею основою всѣхъ явленій памяти онъ считаетъ „слѣды", понимая ихъ въ обоихъ смыслахъ: въ физіологическомъ и психологическомъ: „Каждое ощущеніе, прочувствованное нами, говоритъ онъ, оставляетъ свой слѣдъ въ нервной системѣ въ таинственной формѣ *привычки*, а равно и въ душѣ—въ столь же таинственной формѣ *идеи* (стр. 236). Отсюда и психофизическій процессъ памяти совершается въ насъ подъ вліяніемъ двухъ стимуловъ —нервной системы и души: то внѣшнее впечатлѣніе пробуждаетъ въ нервной системѣ прежде усвоенные ею слѣды, расположенные въ ней парами, группами, вереницами и сѣтями, и эти слѣды отражаются въ нашемъ сознаніи представленіями и вереницами представленій, то, наоборотъ, душа наша въ своей внутренней работѣ, переходя отъ идеи къ идеѣ, стремится къ воплощенію этихъ идей и воплощаетъ ихъ въ формѣ тѣхъ же слѣдовъ, или привычекъ нервной системы, изъ которыхъ, или съ помощью которыхъ, эти идеи возникли (стр. 237). Тогда идея снова облекается въ форму представленія и сознается душою съ удвоенною ясностью. Притомъ, каждое представленіе каждымъ изъ своихъ безчисленныхъ элементовъ, или каждымъ изъ слѣдовъ, его составляющихъ, связывается со множествомъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ представленій. Эти вновь образованныя сочетанія служатъ залогами для усвоенія новыхъ группъ представленій и оживленія прежнихъ. Какъ результатъ процесса нашей сознательной жизни, память есть сумма всѣхъ сохраняемыхъ нами представленій и душевныхъ актовъ, обу-

словленныхъ врожденными намъ потребностями и стремленіями; „это есть вся исторія души, всегда настоящая“ (стр. 240). Въ результатѣ подробнаго анализа памяти съ трехъ указанныхъ сторонъ Ушинскій приходитъ къ слѣдующему выводу: способность сохранять слѣды ощущеній въ формѣ нервныхъ слѣдовъ и въ формѣ идей, вызывать эти слѣды снова къ сознанію, ассоціировать эти повторенныя ощущенія, вновь сохранять слѣды этихъ ассоціацій, вызывать ихъ къ сознанію въ формѣ представленій, вновь комбинировать эти представленія въ ряды и группы, сохранять слѣды этихъ рядовъ и группъ въ ассоціаціяхъ привычекъ нервной системы и въ ассоціаціяхъ идей, вновь вызывать къ сознанію эти ряды и группы, выплетать изъ нихъ цѣлыя болѣе или менѣе обширныя сѣти, сохранять слѣды этихъ цѣльныхъ сѣтей привычекъ и идей— вотъ въ чемъ состоитъ дѣятельность памяти (стр. 240—241).

Нельзя не признать это опредѣленіе памяти слишкомъ широкимъ. Въ самый процессъ памяти включены здѣсь и дѣятельность представленія, и дѣятельность воображенія, и разнообразные сложные разсудочные процессы. Притомъ, памяти усвояется всеобъемлющее значеніе; она является наиболѣе общею формою психической жизни и почти отожествляется съ самою душею. Далѣе, ученіе о памяти проникнуто механическимъ воззрѣніемъ. Память въ сущности является какимъ-то складомъ „слѣдовъ“, какъ бы гардеробнымъ шкапомъ, гдѣ душа отыскиваетъ свои представленія, или наглядныя формы для идей. Но если въ основѣ памяти лежитъ масса слѣдовъ, то непонятно, какъ они не сбиваются въ кучу, не образуютъ путаницы, не сливаются между собою, и какъ возможна между ними ассоціація, кромѣ одного пространственнаго сосѣдства. Кромѣ того, въ изложенной теоріи памяти мы находимъ соединеніе различныхъ элементовъ: ученія физіологовъ о вліяніи нервной системы на память, „слѣдовъ“ Бенеке, „темныхъ представленій“ Гербарта, „нервныхъ токовъ“ Бэна; вся теорія является такимъ образомъ слишкомъ сложною и не вполнѣ совмѣстимою съ предположеніемъ душевной дѣятельности въ самыхъ актахъ воспоминанія. Впрочемъ, такой взглядъ на дѣло памяти усвоенъ

большинствомъ какъ нѣмецкихъ, такъ и англійскихъ психологовъ; самою теоріею весьма удобно объясняются очень многія непонятныя явленія психической жизни, зависящія отъ различныхъ состояній нервной системы; главный же недостатокъ ея заключается въ нѣкоторой механичности, за восполненіемъ которой она становится вполнѣ удобопріемлемою.

Въ зависимости отъ изложенной теоріи памяти замѣчается нѣкоторая неопредѣленность и въ объясненіяхъ характерныхъ отличій воображенія и мышленія. Такъ, воображеніе, по Ушинскому, отличается отъ воспоминанія только *новостью* производимыхъ имъ ассоціацій (стр. 245); но этимъ чисто внѣшнимъ признакомъ вовсе не опредѣляется еще ни существо дѣятельности воображенія, ни отличіе его отъ воспоминанія и мышленія, которыя также образуютъ новыя ассоціаціи. Тоже довольство внѣшними только признаками мы находимъ и въ опредѣленіяхъ какъ пассивнаго воображенія, состоящаго въ комбинированіи представленій подъ нервными вліяніями, такъ и активнаго, комбинирующаго представленія по сходству ихъ при дѣятельномъ участіи воли (стр. 250. 260). Мышленіе, въ свою очередь, по теоріи Ушинскаго, почти не отличается отъ воспоминанія: въ процессѣ мышленія мы только комбинируемъ представленія, почерпаемыя сознаніемъ изъ области памяти. Еще менѣе оно отличается отъ воображенія: единственнымъ отличительнымъ признакомъ его признается *увѣренность* въ дѣйствительности мыслимаго (стр. 246). „Если мы увѣрены, говоритъ Ушинскій, въ дѣйствительности того, что воображаемъ, то значитъ мы мыслимъ. Отсюда и безумецъ, увѣренный въ своей фантазіи, не фантазируетъ, а мыслитъ“ (ibid.). Такимъ образомъ, различіе между этими двумя процессами чисто субъективное, только для насъ существующее. Въ этихъ пунктахъ Ушинскій является сторонникомъ теоріи ассоціаціонистовъ. Въ частности, анализируя условія непроизвольнаго теченія представленій въ пассивномъ воображеніи, Ушинскій воспроизводитъ теорію Гербарта о „самодвиженіи представленій“, видоизмѣняя ее въ то же время „теоріею слѣдовъ“, созданною Бенеке. Результатъ, къ которому приводитъ Ушинскаго его анализъ,

таковъ: пассивное воображеніе есть непроизвольное движеніе представленій, зависящее отъ повышенія и пониженія интенсивности нервныхъ слѣдовъ, что, въ свою очередь, зависитъ отъ неріодическаго возобновленія тканей нервной системы, или отъ „питанія слѣдовъ", а равно отъ степени раздраженія послѣднихъ представленіями, занимающими сознаніе (стр. 250—251). Въ духѣ Гербарта Ушинскій допускаетъ даже *борьбу* слѣдовъ, подлежащую математическимъ вычисленіямъ, но подъ вліяніемъ Бенеке переноситъ эту борьбу изъ сферы психической жизни въ область нервной системы, „подчиненной въ своихъ движеніяхъ, какъ и всякая матерія, математическимъ законамъ". Самые слѣды, по его взгляду, то наполняются силами подъ вліяніемъ органическаго питанія нервовъ, то истощаются въ силахъ, и въ зависимости отъ этого, то берутъ верхъ надъ другими слѣдами, то побѣждаются ими (стр. 254—256). Въ дѣятельности активнаго воображенія, по Ушинскому, мы руководимся другимъ, чисто психическимъ закономъ, а именно—присущимъ душѣ требованіемъ безпрестанной, легкой и все болѣе расширяющейся дѣятельности. Сила же активнаго воображенія, или сила нашей власти надъ теченіемъ представленій, зависитъ отъ силы нашей воли вообще, отъ покорности намъ нервной системы и отъ силы хотѣнія въ каждомъ частномъ случаѣ (стр. 260—261). Нужно замѣтить, что изложенными теоріями объясняются далеко не всѣ психическія явленія, порождаемыя дѣятельностью воображенія. Такъ, усвоенною Ушинскимъ гербарто-бенекіанскою теоріею пассивнаго воображенія весьма удачно объясняются наши невольныя мечты и грезы, зависящія отъ нашихъ органическихъ потребностей, но явленія воображенія, обусловливаемыя нашими высшими духовными потребностями и самыми представленіями, съ трудомъ могутъ быть выведены изъ этой теоріи. Далѣе, сущность активнаго воображенія недостаточно выяснена, такъ какъ вся роль воли, по взгляду Ушинскаго, заключается лишь въ борьбѣ съ врывающимися въ сознаніе интенсивными представленіями, противорѣчащими нашимъ цѣлямъ; иныхъ формъ самодѣятельности души, выражающейся, напримѣръ, въ подборѣ представленій,

Ушинскій не указываетъ. О сущности художественнаго творчества онъ вовсе не говоритъ, а продукты изобрѣтательности генія въ окончательномъ результатѣ признаетъ слѣдствіемъ громаднаго напряженія воли и продолжительнаго труда, одушевляемаго умственною страстью; интеллектуальная же сторона процесса творчества поставляется имъ въ зависимость отъ пассивнаго воображенія (стр. 261).

Заканчивая сужденія объ изложенныхъ въ системѣ Ушинскаго анализахъ памяти и воображенія, мы должны отмѣтить ту ея особенность, что въ ней нигдѣ не дается яснаго и отчетливаго ученія о представленіяхъ. Послѣднія вовсе не признаются Ушинскимъ особыми и самостоятельными формами психической жизни: они возникаютъ только въ моментъ соединенія психическихъ и нервныхъ слѣдовъ и существуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока продолжается ихъ сознаваніе, послѣ чего снова разлагаются на свои составные элементы. Къ новому же возникновенію ихъ можетъ дать поводъ тотъ или другой изъ слѣдовъ, усилившихся въ зависимости отъ своего характера подъ нервными, или психическими вліяніями. Ничего не имѣя противъ предположенія нервныхъ слѣдовъ, понимаемыхъ въ видѣ расположенія нерва къ повторенію привычнаго возбужденія, сопутствующаго извѣстному психическому состоянію, мы признаемъ болѣе сообразнымъ съ природою психическихъ явленій допустить, вмѣсто „таинственнаго" психическаго слѣда, или лишенной всякаго содержанія идеи, сохраненіе душою самыхъ представленій со всею полнотою ихъ качественнаго содержанія и только съ самою слабою степенью энергіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что всѣ сужденія Ушинскаго о представленіяхъ отличаются крайнею неопредѣленностью и неустойчивостью: представленіе понимается имъ, то какъ воплощенная въ нервныхъ слѣдахъ идея, то какъ ассоціація вызываемыхъ памятью ощущеній, то какъ ассоціація слѣдовъ элементарныхъ ощущеній (стр. 237. 239). Общая черта всѣхъ этихъ опредѣленій заключается въ томъ, что представленіе понимается въ нихъ, какъ очень сложный продуктъ, составленный изъ многихъ элементовъ. Такъ, по Ушинскому, представленіе дерева слагается

изъ множества признаковъ (кора, листъ, стволъ и др.), изъ которыхъ каждый представляетъ новую ассоціацію элементовъ (стр. 248). Какъ бы далеко ни шло это разложеніе элементовъ, каждый изъ нихъ въ свою очередь представляется сложнымъ, такъ какъ и каждое отдѣльное ощущеніе есть ассоціація впечатлѣній. Безспорно, этою теоріею весьма удобно объясняется происхожденіе общихъ представленій; между тѣмъ существуютъ еще представленія единичныя, какъ напримѣръ—представленіе отдѣльнаго звука, цвѣта и т. п., въ основѣ которыхъ лежатъ простыя элементарныя ощущенія. Послѣднія же для нашего сознанія являются цѣльными неразложимыми фактами, въ которыхъ трудно открыть составляющіе ихъ элементы.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *)

Анализъ разсудочнаго процесса (стр. 271—436) представленъ въ системѣ Ушинскаго широко и всесторонне. Разсудочный процессъ раскрывается здѣсь не только какъ дѣятельность, слѣдующая извѣстнымъ пріемамъ и методомъ, но и со стороны тѣхъ результатовъ, къ которымъ она приводитъ въ постиженіи предметовъ и явленій, ихъ законовъ и причинъ, а равно въ построеніи научныхъ системъ и созданіи практическихъ правилъ для жизни. Независимо отъ трехъ общихъ формъ разсудочной дѣятельности—понятія, сужденія и умозаключенія, Ушинскій старается подробно выяснить способъ образованія и тѣхъ идей, крторыя лежатъ въ основѣ всѣхъ работъ разсудка и вносятся имъ уже готовими въ постиженіе явленій какъ внѣшняго для души міра, такъ и явленій психическихъ. Такими первыми основами разсудочной дѣятельности признаются идеи: субстанціи и признаковъ, матеріи и силы, пространства и времени, причины и слѣдствія. Не признавая ихъ врожденными душѣ въ ихъ готовой и ясно сознаваемой формѣ, Ушинскій старается психологически уяснить ихъ происхожденіе частью изъ врожденныхъ свойствъ души, частью изъ опыта—при посредствѣ самой разсудочной дѣятельности, а затѣмъ показать практическое приложеніе ихъ въ наукѣ. Такимъ образомъ, разсудокъ разсматривается Ушинскимъ, съ одной стороны, какъ способность души, или дѣятельность сознанія, образующая понятія, сужденія и умозаключенія, а съ другой—какъ органи-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 8.

зованная система знаній. Но въ изслѣдованіи первая сторона дѣла сильно стушевывается; усвоивается главнымъ образомъ второе воззрѣніе на разсудокъ, по которому онъ отожествляется съ сознаніемъ, взятымъ въ данный моментъ съ опредѣленнымъ числомъ обработанныхъ фактовъ. Нужно замѣтить, что большей подробности и основательности анализа разсудочныхъ процессовъ мы не встрѣчаемъ ни въ одной русской психологической системѣ. Правда, этотъ отдѣлъ произвольно расширенъ авторомъ чрезъ внесеніе въ него слишкомъ подробнаго обзора тѣхъ матеріаловъ, надъ которыми работаетъ разсудокъ, вслѣдствіе чего самый трактатъ наибольшею своею частью принадлежитъ логикѣ и гносеологіи, а не психологіи. Тѣмъ не менѣе, сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія весьма цѣнны и занимательны и наглядно уясняютъ практическое приложеніе разныхъ формъ разсудочной дѣятельности къ матеріальнымъ цѣлямъ познанія.

Въ частности, въ разсматриваемомъ отдѣлѣ повсюду проводится Ушинскимъ та основная мысль, что для всѣхъ работъ разсудка вовсе не требуется какой-либо особенной способности, кромѣ сознанія съ его сравнивающею и различающею дѣятельностью, вслѣдствіе чего разсудокъ и сознаніе составляютъ въ сущности одно и то же (ср. стр. 285). Къ оправданію этой мысли и направляются всѣ сужденія автора о различныхъ формахъ, условіяхъ и результатахъ разсудочной дѣятельности. Такъ, по его взгляду, образованіе понятій, сужденій и умозаключеній не превышаетъ основной способности сознанія чувствовать сходство и различіе между воспринимаемыми имъ впечатлѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе въ сущности есть соединеніе въ одну ассоціацію *одинаковыхъ* признаковъ, являющееся въ результатѣ сравненія многихъ представленій (стр. 277. 285); въ сужденіи представленіе связывается съ понятіемъ своими общими признаками, исчерпывающими все содержаніе понятія, и въ то же время *отдѣляется* отъ него своими особенными признаками (стр. 288); обратное разложеніе понятія на сужденія, изъ которыхъ оно образовалось, есть силлогизмъ, или умозаключеніе (стр. 296). Тотъ же процессъ сознанія различій и сходствъ лежитъ и въ основѣ постиженія предметовъ

и явленій, а равно ихъ законовъ. Такъ, понять предметъ значитъ только изучить его признаки, то есть, его отношенія къ другимъ предметамъ, и опредѣлить его родъ, видъ и особенность, а это достигается процессомъ сравненія, отысканіемъ сходства и различія между предметами (стр. 304). Подобнымъ образомъ, понять явленіе, или законъ явленія и его причину, значитъ то же, что составить о нихъ понятіе; во всѣхъ этихъ случаяхъ мы *отдѣляемъ* лишь обстоятельства, только сопровождающія явленіе, отъ тѣхъ, которыя составляютъ необходимое его условіе (стр. 308). Далѣе, во всѣ разсудочные процессы мы вносимъ уже готовыми понятія: пространства и времени, субстанціи и признаковъ, матеріи и силы, какъ предшествующія опыту убѣжденія. Но и эти понятія, имѣющія свое основаніе въ прирожденныхъ свойствахъ души, выясняются при помощи того же процесса сравненія и различенія. Такъ, понятія пространства и времени, возникая изъ многочисленныхъ опытовъ движеній, посредствуются чувствомъ различія какъ употребляемыхъ при движеніяхъ усилій, такъ и различіемъ самой продолжительности движеній (стр. 312. 317), сопровождаемой, въ свою очередь, чувствомъ различія большей или меньшей усталости. Идея субстанціи, вносимая нами во всѣ воззрѣнія на внѣшній міръ, образуется нами *въ соотвѣтствіи* съ признаками замѣчаемой нами въ себѣ неизмѣнной субстанціи (стр. 330). Идея матеріи образуется по противоположности ея душѣ, а идея силы—по уподобленію ея той же душѣ и по сходству съ нашими собственными усиліями (стр. 347). Идея причины образуется какъ по сходству съ замѣчаемою нами въ себѣ причиною нашихъ дѣйствій—волею, такъ и на основаніи замѣчаемыхъ нами въ природѣ различій въ отношеніяхъ между предметами и явленіями (стр. 352—356). Наиболѣе сложныя формы разсудочной дѣятельности—индуктивный и дедуктивный процессы—подчиняются тѣмъ же условіямъ. Такъ, индуктивный процессъ основывается на сличеніи фактовъ изучаемаго явленія и комбинированіи общихъ признаковъ, а потому и не разнится отъ процесса образованія понятій (стр. 370); въ дедуктивномъ процессѣ, наоборотъ, разлагается составленное уже понятіе на тѣ сужденія, изъ кото-

рыхъ оно образовалось, съ цѣлью повѣрки и уясненія этого понятія (стр. 381).

Ограничиваясь немногими замѣчаніями по поводу изложеннаго ученія Ушинскаго о разсудкѣ, мы должны признать, что въ немъ недостаточно рѣзко выдѣлены специфическія отличія разсудочной дѣятельности отъ дѣятельности сознанія вообще. Указавши для первой слишкомъ общую основу, характеризующую и всю вообще психическую жизнь, Ушинскій обезразличиваетъ явленія, въ сущности довольно разнородныя. Такъ, безотчетное сознаніе сходства и различія предметовъ, сопутствующее всякому ихъ воспріятію,—затѣмъ познаніе, какъ частная форма сознанія, направленнаго къ ясному и отчетливому разграниченію предметовъ и наконецъ, методическое рефлективное мышленіе, какъ орудіе научнаго познанія, въ ученіи Ушинскаго отожествляются; родовыя и видовыя отличія сознательныхъ процессовъ такимъ образомъ перемѣшиваются безъ всякаго разграниченія между ними. Самъ авторъ, настойчиво проводя свою идею, былъ вынужденъ дополнить указанную имъ основу разсудочной дѣятельности ссылкою на особую „способность души *останавливать* ходъ представленій въ процессѣ воображенія съ цѣлью сознанія ихъ взаимнаго отношенія" (стр. 297), но не придалъ этой способности существеннаго значенія, между тѣмъ какъ въ ней-то и заключается главнѣйшее условіе разсудочной дѣятельности. Безспорно, что разсудокъ не есть *отдѣльная* отъ памяти, воображенія и разума способность, но въ его дѣятельности выражается извѣстная ступень въ общемъ послѣдовательномъ развитіи теоретической душевной жизни. Познавательная дѣятельность на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, въ силу сознательности, свойственной нашей душевной жизни, постоянно нѣчто сравниваетъ и различаетъ, но въ то время какъ въ ощущеніи этотъ процессъ совершается вполнѣ безотчетно, а въ дѣятельности представленія допускается много произвольнаго при разграниченіи предметовъ,—въ разсудочной дѣятельности мышленія замѣчается уже отчетливость и сознательность въ разграниченіяхъ между вещами и ясное пониманіе ихъ внутреннихъ соотношеній. Такимъ образомъ, разсудокъ несомнѣнно составляетъ дальнѣйшую и высшую инстанцію того сочетанія и раз-

дѣленія представленій, которое совершается уже на первыхъ ступеняхъ познавательнаго процесса. Въ виду этого, гораздо умѣстнѣе было бы уяснить специфическія отличія разсудочной дѣятельности, нежели доказывать тожественность ея съ сознаніемъ. Правда, Ушинскій весьма подробно говоритъ о нормахъ разсудочной дѣятельности, или категоріяхъ, по которымъ постигаются внутреннія соотношенія вещей, но не усвояетъ имъ значенія *специфическихъ* отличій разсудочной дѣятельности. Къ прочимъ особенностямъ разсматриваемаго отдѣла слѣдуетъ отнести то, что Ушинскій усвояетъ себѣ механическій взглядъ Бенеке на происхожденіе понятій, по которому понятія образуются сами собою изъ представленій, путемъ соединенія ихъ общихъ признаковъ (стр. 277). Въ ученіи о сужденіяхъ, умозаключеніяхъ и индуктивномъ процессѣ онъ усвояетъ точку зрѣнія Милля, причемъ нерѣдко входитъ въ подробную критику его мнѣній, высказывая очень вѣскія соображенія. Въ ученіи о первыхъ основахъ, или нормахъ разсудочной дѣятельности, онъ придерживается средняго, примирительнаго между идеализмомъ и реализмомъ, направленія. Общими замѣчаніями о сознаніи заканчивается обзоръ теоретической стороны душевной жизни, или „фактовъ сознанія“.—Во всемъ этомъ обширномъ отдѣлѣ достойно вниманія то, что разнообразные психическіе процессы, какъ то: ощущеніе, память, воображеніе и мышленіе разсматриваются, какъ виды дѣятельности одного и того же сознанія, но самое понятіе сознанія остается совершенно невыясненнымъ. Оно слишкомъ обобщено и нигдѣ строго не выдерживается: сознаніе представляется, то какъ дѣятельность различающая и сравнивающая, то какъ сила, превращающая впечатлѣнія въ ощущенія, то какъ фонъ, на которомъ совершаются передвиженія и сцѣпленія представленій, то какъ разсудочный процессъ. Словомъ, указываются различные виды дѣятельности сознанія, а о немъ самомъ остается только смутное представленіе. Что касается прочихъ недостатковъ анализа теоретической стороны душевной жизни, то они сводятся большею частью къ неточности выраженій, нерѣдко зависящей отъ своеобразной терминологіи автора.

Трактатъ о чувствованіяхъ въ системѣ Ушинскаго (т. 2)

очень подробенъ и заслуживаетъ глубокаго вниманія какъ по широтѣ анализа, такъ и по обстоятельности научной разработки этой группы психическихъ фактовъ. Не ограничиваясь однимъ описаніемъ и классификаціею чувствованій, Ушинскій пытается найти самую основу ихъ и открыть тѣ положительныя реальныя измѣненія души, которыя служатъ условіями ихъ происхожденія. Собственный взглядъ на чувствованія и ихъ природу Ушинскій устанавливаетъ путемъ критики трехъ главныхъ теорій чувствованій: физіологической, механической, и философской. Первая, стремящаяся объяснить чувствованія физіологическими процессами (Бенъ) въ организмѣ, встрѣчаетъ для себя, по мнѣнію Ушинскаго, препятствіе въ тѣхъ психическихъ фактахъ, которые указываютъ на зависимость нашихъ чувствованій и желаній отъ представленій, видоизмѣняющихъ вліяніе на насъ одинаковыхъ ощущеній (т. 2, стр. 9). Механическая гербартовская теорія, восполняя этотъ недостатокъ, не можетъ, однако, вывести качественнаго различія чувствованій изъ взаимнаго „давленія представленій",— притомъ игнорируетъ участіе въ нихъ души, способной чувствовать это давленіе (стр. 13). Въ философской теоріи (Спиноза, Гегель и др.) онъ находитъ несостоятельною онтологическую попытку вывести основу чувствованій изъ абсолютной идеи, отразившейся въ душѣ человѣка, но усвояетъ принятую въ ней гипотезу *врожденныхъ стремленій* (стр. 21). Послѣднія, по взгляду Ушинскаго, какъ предшествуютъ возникновенію чувствованій, такъ и условливаютъ ихъ появленіе и характеръ, но о существованіи ихъ мы можемъ узнать только тогда, когда стремленія становятся сознаваемыми, или что тоже—превращаются въ чувствованія, или желанія (стр. 29). Будучи само по себѣ безсознательнымъ, стремленіе лежитъ въ основѣ *всякой* нашей сознательной дѣятельности. „Хочется—нравится, не хочется, не нравится"—вотъ послѣдняя причина всѣхъ нашихъ сознательныхъ дѣйствій. Мы желаемъ вещь не потому, что она кажется намъ хорошею, но потому она и кажется намъ хорошею, что мы безсознательно стремимся къ ней. Это стремленіе и руководитъ нами въ раздѣленіи предметовъ на пріятные, непріятные и безразличные,—на полезные, безполезные

и вредные. Примѣненіе этой теоріи стремленій къ области чувствованій таково: всѣ наши безсознательныя стремленія превращаются въ сознательныя желанія не иначе, какъ чрезъ посредство чувствованій. Такъ, безсознательное стремленіе къ пищѣ дѣлаетъ намъ хлѣбъ *пріятнымъ* и послѣ этого мы уже сознательно желаемъ хлѣба; безсознательное стремленіе къ гармоническимъ звукамъ дѣлаетъ намъ гармонію *пріятною* и послѣ этого мы уже сознательно желаемъ этихъ звуковъ и т. д. Слѣдовательно, только чувство удовольствія, сопровождающее удовлетвореніе безсознательнаго стремленія, превращаетъ послѣднее въ сознательное желаніе. Появленія же въ насъ самыхъ чувствованій мы не можемъ объяснить иначе, какъ предположивъ тѣ или другія безсознательныя стремленія въ нашей природѣ (стр. 33—34).

Не ограничиваясь этими общими соображеніями, Ушинскій старается затѣмъ подробнѣе объяснить чувствованія изъ разнообразныхъ отношеній нашей дѣятельности къ различнымъ врожденнымъ, или развивающимся изъ врожденныхъ, стремленіямъ. Причина чувствованій полагается имъ въ томъ, что дѣятельность лежитъ въ качественномъ отношеніи соотвѣтствовать, или не соотвѣтствовать той цѣли, которую чувствующее существо инстинктивно стремится осуществить въ своей жизни, въ зависимости отъ чего она и сопровождается чувствомъ удовольствія или страданія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствованіе порождается, повидимому, только количествомъ, широтою или стѣсненіемъ,—безпрепятственностью, или затрудненіемъ дѣятельности, сокровенною причиною его въ концѣ концовъ все таки оказывается соотвѣтствіе, или несоотвѣтствіе дѣятельности съ стремленіями. „Положимъ, напримѣръ, говоритъ Ушинскій, что вникая въ условія гармоническаго сочетанія звуковъ, мы откроемъ, что это сочетаніе тѣмъ болѣе намъ нравится, чѣмъ болѣе даетъ намъ дѣятельности въ сферѣ звуковъ, и чѣмъ безпрепятственнѣе и въ то же время обширнѣе можетъ совершаться эта дѣятельность; но и тогда причина, почему душѣ нравится обширная и безпрепятственная дѣятельность, останется для насъ неизвѣстною, и мы принуждены будемъ назвать эту причину таинственнымъ именемъ врож-

деннаго стремленія къ сознательной дѣятельности" (стр. 33). Такимъ образомъ, по мнѣнію Ушинскаго, количественная оцѣнка дѣятельности сама по себѣ еще не рѣшаетъ вопроса о причинѣ удовольствія и страданія и необходимо въ концѣ концовъ предполагаетъ качественную. Широкая и безпрепятственная дѣятельность намъ нравится только потому, что намъ свойственно стремленіе къ дѣятельности. Существо, чуждое стремленія, не будетъ чувствовать удовольствія, какъ бы широко ни развивалась его дѣятельность. Это вѣрное замѣчаніе Ушинскій дополняетъ другимъ, не менѣе основательнымъ. Объясняя чувствованія изъ врожденныхъ стремленій, онъ замѣчаетъ, что, подъ стремленіемъ необходимо предполагать стремленіе къ чему-либо *опредѣленному*. „Признаніе неопредѣленнаго стремленія, стремленія ко всему, или что все равно—ни къ чему, противорѣчитъ самому понятію стремленія, уничтожаетъ это понятіе" (стр. 35).

Нужно замѣтить, что теорія стремленій есть наиболѣе распространенная среди психологовъ гипотеза, объясняющая возникновеніе чувствованій; тѣмъ не менѣе она имѣетъ свои слабыя стороны. По этой теоріи чувствованіе есть въ сущности сознаніе удовлетворенія, или неудовлетворенія присущихъ душѣ изначала потребностей и стремленій. Но и самое это сознаніе и качественная оцѣнка дѣятельности, опредѣляющая соотвѣтствіе, или несоотвѣтствіе ея врожденнымъ стремленіямъ, и наконецъ, самое „стремленіе къ чему-либо опредѣленному", необходимо предполагаютъ въ своемъ основаніи интеллектуальный актъ различенія, обусловливаемый въ свою очередь сознательно, или безсознательно присущею человѣку идеею блага и зла. Послѣдняя должна предшествовать чувствованію, какъ производитель его, такъ какъ само чувствованіе является оцѣнкою дѣятельности, а оцѣнка требуетъ критерія. Но идея блага сама возникаетъ и выясняется только подъ вліяніемъ удовольствія и неудовольствія; получается такимъ образомъ circulus logicus. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по этой теоріи, чувствованіе является какою-то смѣсью, синтезомъ умственныхъ и волевыхъ элементовъ и не имѣетъ своей спеціальной основы въ душевной жизни. Основа у него общая со всѣми психическими про-

явленіями, причемъ оно является лишь условіемъ, вызывающимъ желаніе. Между тѣмъ, по всеобщему признанію, чувствованіе есть особенный, вполнѣ самостоятельный душевный процессъ, далеко не всегда сопровождающійся желаніемъ. Самая основа чувствованій слишкомъ субъективна и дѣлаетъ чувствованія независимыми отъ объективныхъ свойствъ предметовъ и явленій, причемъ представляется неяснымъ, что собственно побуждаетъ стремленіе изъ его общности перейти въ специфическое чувствованіе. Обособленіе же стремленія индивидуальными предметами и представленіями, необходимое для вывода специфическихъ чувствованій, измѣняетъ самый характеръ стремленія настолько, что оно перестаетъ уже быть единственною причиною происхожденія чувствованій.

Далѣе, принятою Ушинскимъ теоріею необходимо предполагается безчисленное множество стремленій — соотвѣтственно общему количеству органическихъ и душевныхъ потребностей человѣка и самыхъ чувствованій, но изъ нихъ только нѣкоторыя могутъ быть признаны первичными стремленіями, лежащими въ основѣ всѣхъ остальныхъ. Ушинскій такъ и предполагаетъ; по его мнѣнію, существуетъ только два первичныхъ стремленія: стремленіе *быть, существовать*, выражающееся въ потребностяхъ индивидуальнаго, общественнаго и родоваго существованія человѣка, и стремленіе *жить, дѣйствовать*, выражающееся въ стремленіи души къ сознательной дѣятельности (стр. 35). Такимъ образомъ, существуетъ два первоначальныхъ источника стремленій: тѣлесный, или растительный нашъ организмъ со всѣми его потребностями, и душа—съ ея неизсякаемымъ стремленіемъ мыслить, чувствовать и дѣйствовать. Въ зависимости отъ этихъ двухъ источниковъ, въ человѣкѣ возникаютъ двоякаго рода чувствованія: органическія и душевныя. Къ первымъ относятся разнаго рода физическія удовольствія и страданія: боль, голодъ, холодъ, пріятное чувство теплоты, пріятность или непріятность различныхъ вкусовъ и запаховъ и т. п.; къ душевнымъ относятся разнаго рода волненія, возникающія изъ представленій: чувство уваженія, дружбы, гнѣвъ, страхъ, ожиданіе и др. По качеству своему органическія и душевныя чувствованія не различаются; все различіе ихъ заключается лишь

въ способахъ ихъ происхожденія, или въ ихъ причинахъ: органическія чувствованія непосредственно вызываются внѣшними впечатлѣніями и предшествуютъ представленіямъ; душевныя же чувствованія вызываются сознаваемыми представленіями, или даже внѣшними впечатлѣніями, но только въ томъ случаѣ, когда они дѣйствуютъ на сознаніе въ связи съ какимъ-либо представленіемъ. Такъ, непріятное чувство сильнаго, рѣжущаго глазъ свѣта есть физическое страданіе; непріятное же чувство темноты, возникающее изъ представленія о неудобствахъ, съ которыми соединено отсутствіе свѣта, есть душевное волненіе (стр. 64. 71). Физическое чувствованіе, по условіямъ своего происхожденія, подобно ощущенію, такъ какъ непосредственно зависитъ отъ внѣшняго впечатлѣнія (ср. стр. 63), и отличается отъ ощущенія только тѣмъ, что въ послѣднемъ непосредственно отражается качество воспринимаемаго впечатлѣнія, тогда какъ въ первомъ отражается лишь отношеніе впечатлѣнія къ условіямъ нормальнаго хода жизни. Но не ограничиваясь выводомъ однихъ низшихъ физическихъ чувствованій изъ разнообразныхъ состояній нашего организма, Ушинскій старается доказать возможность происхожденія изъ того-же источника и болѣе сложныхъ чувствованій, такъ называемыхъ эмоцій. Напримѣръ, чувство страха, по мнѣнію Ушинскаго, можетъ возникнуть изъ неизвѣстныхъ намъ причинъ, коренящихся въ нашихъ органическихъ состояніяхъ, совершенно независимо отъ какихъ-либо представленій, которыя затѣмъ подыскиваются человѣкомъ подъ вліяніемъ чувствованія. Изъ органическихъ же причинъ могутъ возникнуть и чувствованія радости, ласки, доброты, любви и т. п. (стр. 47. 58). Такимъ образомъ, наряду съ чувствованіями, возникающими изъ психическихъ причинъ, Ушинскій ставитъ особый классъ совершенно однородныхъ съ ними и тожественныхъ по качеству чувствованій, зависящихъ отъ физическихъ причинъ и потому называемыхъ имъ органическими. Существованіе такихъ чувствованій Ушинскій доказываетъ слѣдующими соображеніями. Если бы всѣ наши чувствованія возникали изъ причинъ психическихъ, то есть, изъ представленій, въ такомъ случаѣ мы имѣли бы сначала представленія, а потомъ сознавали бы вызванное ими

чувство, которое съ перваго момента своего существованія уже имѣло бы предметную опредѣленность, то есть, относилось бы нашимъ сознаніемъ къ вполнѣ опредѣленной причинѣ. Между тѣмъ часто происходитъ совершенно обратное явленіе. Мы сначала испытываемъ чувство безъ всякаго опредѣленнаго предмета для него, а потомъ пріискиваемъ для него причину, привязываемъ его къ опредѣленному предмету, или представленію. Такъ, часто сами не зная почему, мы начинаемъ чувствовать тоску, печаль и тому подобныя состоянія, а затѣмъ, вспомнивши какое-либо печальное событіе, облекаемъ его въ свое чувствованіе, начинаемъ сожалѣть о немъ и скорбѣть. Нерѣдко также, не зная почему, мы начинаемъ злиться и срываемъ свой гнѣвъ на первомъ встрѣчномъ. Безумные, безъ всякихъ видимыхъ побужденій, приходятъ въ бѣшенство, бѣгутъ, кричатъ, разрушаютъ все на пути (стр. 62). Но если въ этихъ и подобныхъ случаяхъ чувствованія вызываются не представленіями,—если представленія только примыкаютъ къ чувствованіямъ, которыя возникаютъ независимо отъ нихъ, то спрашивается: что составляетъ здѣсь дѣйствительную причину чувствованій? Ушинскій отвѣчаетъ: какія-нибудь болѣзненныя измѣненія въ состояніяхъ организма (стр. 61, ср. 59). Но этотъ отвѣтъ, однако, недостаточно мотивированъ Ушинскимъ. Аргументація его основывается на томъ, что для чувствованій, которыя онъ называетъ органическими, нельзя указать психическихъ причинъ; между тѣмъ, весьма вѣроятно, что онѣ существуютъ и только соединены съ какимъ-нибудь разстройствомъ организма. Считать же послѣднее единственною причиною чувствованій значитъ дѣлать слишкомъ поспѣшное заключеніе. Несомнѣнно, что разстройство организма имѣетъ вліяніе на происхожденіе чувствованій, но это вліяніе нельзя считать непосредственнымъ настолько, чтобы состояніе организма могло прямо вызывать опредѣленное чувствованіе. Оно можетъ быть только косвеннымъ и вызывать чувствованія лишь чрезъ посредство представленій, обыкновенно стоящихъ въ большой зависимости отъ состояній нервной системы. Настроеніе послѣдней производитъ то благопріятствующее, то нарушающее вліяніе на ходъ представленій,—то измѣняетъ скорость ихъ смѣны и форму ихъ взаимной связи, то

задерживаетъ ихъ движеніе, то наконецъ дѣлаетъ его невозможнымъ. Этотъ цѣлый рядъ вліяній, производимыхъ настроеніемъ организма на представляющую дѣятельность, воспринимается душою въ формѣ общаго настроенія съ оттѣнкомъ возбужденности, или угнетенности. Всѣ мысли, какія приходятъ на умъ въ этотъ моментъ, всѣ предметы, съ какими человѣкъ встрѣчается, окрашиваются въ это неопредѣленное настроеніе, которое переносится на нихъ и въ свою очередь получаетъ отъ нихъ специфическую форму какого-либо опредѣленнаго чувствованія. Съ другой стороны, органическое разстройство, сознаваемое душею въ видѣ массивнаго болѣзненнаго ощущенія, оттѣненнаго извѣстнымъ характеромъ, оказываетъ вліяніе не только на форму, въ какой совершается процессъ воспроизведенія представленій, но и на самое содержаніе представленій, помогая по ассоціаціи вызову только тѣхъ представленій, которыхъ содержаніе соотвѣтствуетъ характеру общаго массивнаго ощущенія. Когда представленіе воспроизведено, то пріятное, или непріятное ощущеніе присоединяется къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предметно-неопредѣленнаго общаго настроенія превращается въ какое-нибудь специфическое чувствованіе гнѣва, страха и т. п., которое соотвѣтствуетъ характеру настроенія. Такимъ образомъ, тѣ чувствованія, которыя Ушинскій называетъ органическими, возникаютъ не прямо изъ тѣхъ или другихъ органическихъ причинъ; послѣднія могутъ непосредственно породить не самое чувствованіе, а только общее неопредѣленное ощущеніе, которое, примыкая къ представленіямъ, только подъ ихъ вліяніемъ преобразуется въ какое-нибудь частное специфическое душевное волненіе. Притомъ Ушинскій нерѣдко принимаетъ за опредѣленныя чувствованія простыя состоянія физическаго возбужденія, посредствуемыя лишь скопленіемъ энергіи въ активныхъ центрахъ, но вовсе не имѣющія специфическаго характера чувствованій. Конечно, и физическія возбужденія легко могутъ переходить въ чувствованія, но для дѣйствительнаго возникновенія послѣднихъ требуется поводъ, то есть, нужно, чтобы встрѣтился, или былъ представленъ предметъ, или фактъ, заключающій въ себѣ извѣстныя данныя для возникновенія опредѣленнаго чувствованія. Гораздо труд-

нѣе вывести изъ однихъ органическихъ причинъ болѣе сложныя эмоціи, каковы напримѣръ: родительская любовь, разные виды привязанности, волненія нѣжности, доброты и др. — Но, признавая по указаннымъ соображеніямъ сомнительною теорію Ушинскаго объ органическомъ происхожденіи эмоцій, мы не можемъ не согласиться съ нимъ въ томъ, что органическое *сопровожденіе* эмоцій, или воплощеніе ихъ, составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей этого класса душевныхъ состояній. Каждое основное чувствованіе, по взгляду Ушинскаго, находитъ себѣ особое характерное выраженіе въ тѣлѣ и можетъ сопровождаться нѣкоторыми измѣненіями въ организмѣ (стр. 80). На этомъ воплощеніи чувствованій основываются имъ нѣкоторыя важныя психофизическія явленія, какъ напримѣръ: нервное сочувствіе, нервная подражательность, тѣлесная возможность дара слова и другія. Но въ частнѣйшемъ объясненіи этихъ явленій Ушинскій воспроизводитъ тотъ же механическій взглядъ, который высказанъ имъ по вопросу о происхожденіи органическихъ чувствованій. Такъ, нервное сочувствіе, по его взгляду, совершается помимо всякаго мышленія и совершенно непроизвольно; языкъ чувства, посредствуемый звуками, также признается имъ непроизвольнымъ и совершенно отдѣльнымъ отъ языка мыслей и т. д. (стр. 88).

Далѣе, показавши отличіе душевныхъ чувствованій отъ желаній и чувственныхъ душевныхъ состояній, въ которыя могутъ переходить чувствованія подъ вліяніемъ опытовъ удовлетворенія врожденныхъ стремленій, или подъ вліяніемъ накопленія многихъ слѣдовъ (стр. 97. 100), обусловливающихъ постоянное настроеніе человѣка, Ушинскій предлагаетъ классификацію чувствованій. Послѣднія онъ раздѣляетъ на три рода: органическія, душевныя и духовныя, но задачу своего изслѣдованія ограничиваетъ только душевными чувствованіями, подраздѣляя ихъ на душевно-сердечныя и душевно-умственныя. Подъ именемъ душевно-сердечныхъ чувствованій разумѣются такія, которыя порождаются изъ отношеній представленій къ нашимъ стремленіямъ, а подъ именемъ душевно-умственныхъ—такія, которыя сопровождаютъ умственный процессъ прилаживанія новыхъ представленій къ вереницамъ прежнихъ (стр. 107). Въ

частности, душевно-сердечныя чувствованія распадаются на пять антагонистическихъ паръ, каковы: удовольствіе и неудовольствіе, влеченіе и отвращеніе, гнѣвъ и доброта, страхъ и смѣлость, стыдъ и самодовольство. Къ умственно-сердечнымъ чувствованіямъ, связующимъ обѣ указанныя группы, относятся: скука, тоска и апатія. Группу душевно-умственныхъ чувствованій составляютъ: чувство сходства и различія, умственнаго напряженія, ожиданія, неожиданности, обмана, удивленія, чувство сомнѣнія и увѣренности, чувство контраста и чувство успѣха.—Основою этой классификаціи служитъ зависимость чувствованій отъ органа, участвующаго въ ихъ образованіи. Въ самой классификаціи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе стремленіе автора различить чувствованія простыя отъ болѣе сложныхъ и расположить ихъ въ количественный рядъ по степенямъ возрастающей сложности, но вытекающее отсюда подраздѣленіе производится какъ-то инстинктивно, какъ бы само собою, а принципъ его не выдерживается со всею строгостью. Притомъ, вся классификація отличается нѣкоторою искусственностью и неполнотою. Другую ея характерную черту составляетъ выдѣленіе чувствованій удовольствія и неудовольствія въ качествѣ особаго вида и признаніе ихъ самостоятельности. Къ такому взгляду на нихъ приводитъ Ушинскаго какъ способность удовольствія и неудовольствія соединяться со всѣми возможными ощущеніями и чувствованіями, такъ и наша способность испытывать *чистое* удовольствіе и чистое страданіе безъ всякой примѣси другихъ чувствованій. Такимъ чистымъ удовольствіемъ онъ называетъ состояніе, испытываемое нами послѣ прекращенія, или вслѣдствіе прекращенія страданія (стр. 108. 111). Нужно, однако, замѣтить, что приводимые Ушинскимъ доводы неубѣдительны. Признаваемый имъ фактъ соединимости чувствованій удовольствія и неудовольствія со множествомъ другихъ душевныхъ явленій и съ разнообразными другими чувствованіями, вовсе не доказываетъ тезиса и скорѣе приводитъ къ заключенію противоположному. Ссылка же его на то, что одно и то же ощущеніе, сохраняя свой специфическій характеръ, можетъ сегодня вызвать чувство удовольствія, а завтра—неудовольствія, отличается неполнотою. Са-

мыя чувствованія вызываются не ощущеніями только, а и тѣми представленіями, которыя возникаютъ по поводу ощущеній, а слѣдовательно и различіе чувствованій обусловливается различіемъ представленій. Такою же неполнотою отличаются и соображенія Ушинскаго о такъ называемыхъ „чистыхъ“ удовольствіяхъ. Притомъ, огромное большинство психологовъ держится совершенно противоположнаго взгляда и разсматриваетъ состоянія удовольствія и неудовольствія какъ моменты другихъ чувствованій, а не какъ особый видъ ихъ.

Далѣе, частнѣйшій анализъ чувствованій показалъ, что общимъ принципомъ стремленій могутъ быть объяснены только двѣ противоположныхъ группы чувствованій—пріятныхъ и непріятныхъ, хотя и эти послѣднія даны въ нашемъ сознаніи безъ всякаго слѣда стремленія. Всѣ же прочія чувствованія и ихъ специфическія качества не могутъ быть выведены непосредственно изъ теоріи стремленій. Въ виду этого, Ушинскій вынужденъ былъ восполнить свой принципъ нѣкоторыми частными чертами, выдѣлить изъ него путемъ различныхъ обособленій множество конкретно-опредѣленныхъ стремленій и ввести въ свою теорію цѣлый рядъ новыхъ началъ, объясняющихъ возникновеніе чувствованій. Такъ, чувство влеченія и разные виды любви: къ дѣтямъ, родителямъ, друзьямъ, къ природѣ и искусству, выводятся Ушинскимъ изъ врожденнаго стремленія путемъ обособленія послѣдняго различными индивидуальными предметами и сочетаніями представленій. По взгляду самого Ушинскаго, отъ стремленій въ данномъ случаѣ зависитъ только напряженность чувства, а специфическія качества его опредѣляются предметами и представленіями (стр. 121). Притомъ, въ отличіе отъ чувственныхъ состояній, какъ постоянныхъ настроеній, онъ считаетъ влеченіе и любовь простыми неразложимыми душевными состояніями, между тѣмъ какъ самонаблюденіе открываетъ въ нихъ совокупность различныхъ элементовъ. Далѣе, для объясненія „элементарныхъ“ чувствованій гнѣва и доброты Ушинскій допускаетъ совершенно новый принципъ—*силы*, или *энергіи*. Скопленіе послѣдней, по его мнѣнію, при существованіи неодолимыхъ препятствій къ дѣятельности, должно проявиться въ чувствахъ гнѣва, степени котораго опредѣляются трудностью, съ

какою добываются нами тѣлесныя и душевныя силы, необходимыя для психической дѣятельности (стр. 131). Изъ чувства гнѣва, чрезъ соединеніе его съ представленіями и другими чувствованіями, возникаютъ психическія состоянія—ненависти, мести, злобы, жестокости и др. Чувства доброты и нѣжности, противополагаемыя Ушинскимъ чувству гнѣва, также объясняются принципомъ силы: излишекъ послѣдней, остающійся послѣ удовлетворенія насущныхъ потребностей и стремленій, по его мнѣнію, долженъ отразиться въ душѣ благожелательными чувствами доброты, нѣжности, ласковости и др. (стр. 133). Но при этомъ остается совершенно невыясненнымъ, почему излишекъ силъ долженъ отразиться въ душѣ чувствомъ доброты, а не чувствомъ, напримѣръ, недостатка дѣятельности и происходящей отсюда скуки, какъ полагаютъ другіе психологи. Самое противоположеніе чувствованій доброты различнымъ состояніямъ гнѣвнаго расположенія слишкомъ искусственно, а переходъ однихъ состояній въ другія—противоположныя, на возможности котораго настаиваетъ Ушинскій, не можетъ быть признаваемъ обыкновеннымъ, нормальнымъ явленіемъ. Затѣмъ, чувство страха обусловливается, по автору, довольно сложнымъ *умственнымъ процессомъ* оцѣнки каждаго новаго явленія, съ цѣлью опредѣлить его отношеніе къ нашимъ жизненнымъ стремленіямъ. Если новое явленіе грозитъ воспрепятствовать нашей дѣятельности, а тѣмъ болѣе остановить ее, или вовсе преградить путь къ удовлетворенію жизненныхъ стремленій и наконецъ, лишить насъ жизни, то появляется страхъ, постепенно возрастающій до степени ужаса (стр. 138). Для объясненія противоположнаго страху чувства смѣлости Ушинскій снова восполняетъ допущенный имъ принципъ оцѣнки новымъ элементомъ—волевымъ. Смѣлость, по его мнѣнію, имѣетъ свое основаніе въ *умѣ*, измѣряющемъ опасность и отыскивающемъ средства для избавленія отъ нея, и въ *волѣ*, способной воспрепятствовать чувству страха, помѣшать спокойной работѣ души (стр. 146). Въ анализѣ стыда общій принципъ стремленій получаетъ новое специфическое обособленіе. Чувство стыда и самодовольства, по мнѣнію Ушинскаго, основывается на стремленіи человѣка къ общественности. „Природа, говоритъ онъ, не

только дала человѣку стремленіе къ общественности и поставила его въ зависимость отъ другихъ людей, внушивъ ему стремленіе искать ихъ сочувствія, одобренія и ласки, но и придала этому стремленію особое чувство стыда, проявляющееся всякій разъ, какъ это стремленіе не удовлетворяется" (стр. 152). Наоборотъ, чувство самодовольства возникаетъ всякій разъ, когда наше стремленіе къ общественности получаетъ какое-нибудь замѣтное удовлетвореніе въ похвалахъ, ласкахъ и уваженіи другихъ. Чувствованія скуки, тоски и апатіи выводятся Ушинскимъ изъ неудовлетворяемаго стремленія души къ сознательной дѣятельности вообще, независимо какъ отъ тѣхъ цѣлей, которыя могутъ достигаться послѣднею, такъ и отъ тѣхъ задачъ, которыя указываются ей физическими и духовными потребностями (стр. 155). Эти чувствованія не относятся ни къ умственнымъ, ни къ сердечнымъ, а занимаютъ средину между ними, соединяя въ себѣ элементы обоихъ: нейтральное чувство сходства и различія, посредствующее сознательную дѣятельность, смѣняется чувствомъ скуки, когда эта дѣятельность прекращается (стр. 163).

Въ основу анализа душевно-умственныхъ, или интеллектуальныхъ чувствованій, показывающихъ отношенія представленій къ интересамъ умственнаго процесса, Ушинскій полагаетъ совершенно *новый* принципъ—сознаніе, или чувство различія и сходства, относимое имъ вслѣдъ за Гербартомъ къ разряду первичныхъ чувствованій. Все разнообразіе умственныхъ чувствованій выводится изъ различныхъ соотношеній между представленіями. Такъ, когда число представленій, которыя должны быть одновременно обняты сознаніемъ для образованія понятія, превышаетъ силы души, является чувство умственнаго напряженія. Если рядъ представленій проходитъ въ нашемъ сознаніи быстрѣе, чѣмъ рядъ соотвѣтствующихъ ему явленій, возникаетъ чувство ожиданія. Чувство неожиданности возникаетъ тогда, когда насильственно вдвинутое въ наше сознаніе при посредствѣ внѣшнихъ вліяній, новое представленіе стоитъ въ противорѣчіи, или просто не находится ни въ какой связи, съ настоящимъ рядомъ нашихъ представленій; если къ этому присоединяется еще сознаніе трудности примирить новое явленіе

съ вереницами прежнихъ представленій и понятій, возникаетъ чувство удивленія. Чувство сомнѣнія возникаетъ тогда, когда въ нашей душѣ образовались противоположные ряды представленій, вслѣдствіе чего, при появленіи новаго представленія, мы колеблемся, куда его помѣстить, и потому примѣриваемъ то къ одному, то къ другому ряду представленій. Если же два представленія, сведенныя вмѣстѣ случаемъ внѣшняго вліянія, или послѣдовательнымъ развитіемъ двухъ противоположныхъ рядовъ мыслей, борются между собою въ напряженномъ усиліи составить одно понятіе, то возникаетъ въ душѣ чувство контраста, или усиленное чувство различія. Когда же усиліями ума уничтожается противорѣчіе между двумя представленіями и устанавливается связь ихъ въ одномъ сложномъ представленіи, является чувство успѣха, или чувство относительной истины (стр. 169—196).

Такимъ образомъ, не только въ классификаціи, но и въ объясненіи чувствованій, замѣчается отсутствіе строго опредѣленнаго принципа. Разнообразныя дополненія, конкретныя опредѣленія, а равно и совершенно новыя начала, вносимыя Ушинскимъ, въ теорію стремленій, значительно измѣняютъ послѣднюю и независимо отъ нея, сами по себѣ, могутъ быть названы главными причинами возникновенія чувствованій. Такъ, взаимоотношеніе представленій, обусловливающее качественное различіе душевно-умственныхъ чувствованій, или принципъ силы, обусловливающій возникновеніе чувствованій гнѣва и доброты, играютъ въ объясненіяхъ Ушинскаго вполнѣ самостоятельную роль и имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ указанной имъ общей основѣ чувствованій. Равнымъ образомъ, конкретно-опредѣленное стремленіе къ общественности, или индивидуальное стремленіе къ привлекательнымъ предметамъ, въ сущности не имѣютъ ничего общаго съ основнымъ стремленіемъ души къ сознательной дѣятельности. Далѣе, пытаясь расположить чувствованія въ количественный рядъ въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности, Ушинскій на основаніи различныхъ искусственныхъ соображеній распредѣляетъ сродныя чувствованія по разнымъ группамъ и наоборотъ, соединяетъ въ одной группѣ чувствованія разнородныя. Такъ, чувства нѣжности и

доброты выдѣляются имъ изъ болѣе общаго чувства влеченія и сопоставляются въ одной группѣ съ чувствомъ гнѣва, въ зависимости отъ чего и основная причина ихъ указывается въ скопленіи энергіи, а не въ соотвѣтствіи предмета врожденнымъ стремленіямъ. Затѣмъ, терпѣніе и покорность включаются Ушинскимъ въ разрядъ умственныхъ чувствованій и выводятся имъ изъ чувства ожиданія (стр. 173—175), между тѣмъ какъ они, согласно основнымъ воззрѣніямъ самого автора, съ большею легкостью могли бы быть выведены изъ принципа силы, (ср. 130 стр.). Равнымъ образомъ, чувство надежды съ большимъ удобствомъ могло бы быть разсматриваемо въ связи съ чувствомъ страха въ ряду сердечныхъ чувствованій. Вообще же Ушинскимъ гораздо удачнѣе объясненъ классъ такъ называемыхъ формальныхъ, или „умственныхъ" чувствованій, нежели многочисленный классъ волненій качественнаго характера. Тѣмъ не менѣе не смотря на указанные недостатки, отдѣлъ о чувствованіяхъ не лишенъ глубокаго научнаго значенія: частные анализы въ немъ могутъ быть названы превосходными; притомъ они сопровождаются очень тонкими и мѣткими соображеніями какъ о практическомъ выраженіи чувствованій въ жизни, такъ и о педагогическихъ задачахъ по отношенію къ нимъ.

Теорія воли въ системѣ Ушинскаго стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ теоріею чувствованій. Обѣ взаимно условливаютъ и дополняютъ другъ друга. Основа у нихъ общая—врожденное стремленіе, составляющее первичное коренное свойство души. Будучи основнымъ, опредѣляющимъ элементомъ желанія, стремленіе доходитъ до сознанія только въ формѣ непріятнаго, безпокойнаго состоянія, пока оно не удовлетворено, и сопровождается пріятнымъ состояніемъ по удовлетвореніи его. Отсюда, безъ чувствъ пріятности и непріятности мы не сознавали бы своихъ стремленій, а безъ стремленій, въ свою очередь, не имѣли бы чувствованій. Затѣмъ, неоднократные опыты удовлетворенія стремленій превращаютъ послѣднія изъ неопредѣленныхъ состояній въ опредѣленныя желанія, сопровождаемыя представленіями и чувствованіями. Такимъ образомъ, связь между чувствованіями и желаніями взаимная: чувствованія вызываются стремленіями и затѣмъ, въ связи съ представленія-

ми сообщаютъ имъ характеръ опредѣленныхъ желаній. Эта теорія, въ существенныхъ чертахъ сходная съ такою же теоріею Ульрици, имѣетъ своею главною задачею объяснить происхожденіе и развитіе желаній.

Частнѣйшее содержаніе отдѣла о волѣ таково. Признавши волю первоначальнымъ и основнымъ феноменомъ душевной жизни, качественно различнымъ отъ явленій сознанія и чувствованія, Ушинскій, сообразно требованіямъ фактической науки, обращается къ изученію волевыхъ проявленій, начиная съ произвольныхъ тѣлесныхъ движеній. Путемъ подробнаго критическаго разбора физической и физіологической теорій (Фехнера и Бэна) тѣлесныхъ движеній, онъ приходитъ къ признанію въ душѣ особой силы, которою она можетъ нарушать равновѣсіе физическихъ силъ въ организмѣ, давать направленіе процессу ихъ выработки и чрезъ то вызывать движенія въ тѣхъ мускулахъ, въ какихъ она хочетъ; эта сила души и называется волею (стр. 219. 222). Чтобы опредѣлить затѣмъ характерную основу воли, проявляющуюся во всѣхъ произвольныхъ дѣйствіяхъ человѣка, Ушинскій подробно разсматриваетъ, какъ механическую (Гербарта и Бенеке), такъ и разнообразныя философскія (Спинозы, Гегеля и др.) теоріи воли. Обстоятельный критическій разборъ этихъ теорій убѣждаетъ его въ необходимости принятія гопитезы стремленій, заключающей въ себѣ единственный источникъ разнообразныхъ нашихъ желаній и побужденій къ дѣятельности. Самая гипотеза представляется ему достаточно обоснованною какъ психологическими наблюденіями, такъ и фактами естествознанія. Въ послѣднемъ случаѣ, по взгляду Ушинскаго, существенную услугу психологу можетъ оказать теорія Дарвина, подтверждающая множествомъ фактовъ приложимость гипотезы стремленій въ области естественныхъ наукъ (стр. 239—250). Въ окончательномъ результатѣ существеннѣйшимъ основаніемъ воли признается стремленіе души къ сознательной дѣятельности. Съ другой стороны, разборъ тѣхъ же теорій приводитъ Ушинскаго къ признанію только *субъективной* воли, открываемой нами въ себѣ путемъ самонаблюденія. Послѣднее же, отражаясь въ общечеловѣче-

скомъ языкѣ, придаетъ волѣ троякое значеніе, опредѣляя ее, какъ власть души надъ тѣломъ, какъ желаніе въ процессѣ его формировки, и какъ противоположность неволѣ (стр. 258). Съ трехъ указанныхъ сторонъ Ушинскій и анализируетъ волю въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

Способность воли, какъ власть души надъ тѣломъ, признается Ушинскимъ такою же первичною и неразложимою врожденною способностью, какъ и способность чувствованія (стр. 264). Эта власть души слишкомъ велика и простирается на всю нервную систему, въ чемъ бы ни выражалась ея дѣятельность, въ тѣлесныхъ ли движеніяхъ, или въ посредствуемыхъ ею умственныхъ и чувственныхъ процессахъ,—доказательствомъ чего служитъ весьма замѣтное чувство усилія, испытываемое нами во всѣхъ случаяхъ произвольныхъ актовъ, какъ физическихъ, такъ и психическихъ. Нужно однако замѣтить, что Ушинскій преувеличиваетъ эту власть души, допуская слишкомъ широкое обобщеніе. Если дѣйствительно душа можетъ иногда довести тѣло до истощенія, извлекая изъ него потребныя для ея дѣятельности силы (ср. стр. 260), зато бываетъ и наоборотъ: душа во многихъ случаяхъ подчиняется вліянію организма и въ борьбѣ съ нимъ оказывается побѣжденною. Иногда ни какими усиліями воли мы не можемъ заставить себя бодрствовать, или забыть физическія страданія. Вообще же, въ пользованіи органическими силами для цѣлей произвольной дѣятельности существуетъ извѣстный предѣлъ, за которымъ утомленный организмъ отказывается удовлетворять побужденіямъ со стороны воли. Равнымъ образомъ и „лѣчебное значеніе гимнастики" также посредствуется въ сущности не столько вліяніемъ воли, сколько органическими измѣненіями въ нашемъ тѣлѣ при возстановленіи нормальныхъ условій его жизни. Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ Ушинскимъ въ томъ, что власть души надъ тѣломъ расширяется опытами и формируется постепенно, но только сознательно усвоенныя дѣйствія, обратившіяся въ привычныя и выполняемыя подъ вліяніемъ одного желанія, не слѣдуетъ называть „сложными рефлексами" (стр. 265).

Анализируя затѣмъ волю, какъ *желаніе*, Ушинскій подробно

уясняетъ общія условія происхожденія желаній, раскрываетъ процессъ выработки послѣднихъ въ убѣжденія и рѣшенія, указываетъ условія перехода желаній въ наклонности и страсти и наконецъ, представляетъ весьма обстоятельный трактатъ объ образованіи характера. Желаніе понимается Ушинскимъ, какъ сложное душевное явленіе, образующееся въ человѣкѣ въ теченіи его жизни подъ вліяніемъ неоднократныхъ опытовъ удовлетворенія врожденныхъ стремленій. Въ составъ его входятъ слѣдующіе элементы: стремленіе, представленіе о предметѣ его и воспоминаніе чувствованія, испытаннаго нами въ разныя времена при удовлетвореніи стремленій. Подъ вліяніемъ послѣдняго, самыя стремленія видоизмѣняются и специализируются, вслѣдствіе чего возникаетъ безчисленное множество желаній. Всѣ они могутъ быть подраздѣлены на два рода: на желанія реальныя и формальныя. Первыя, по взгляду Ушинскаго, возникаютъ подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ, прирожденныхъ намъ тѣлесныхъ и духовныхъ стремленій; вторыя возникаютъ изъ общаго стремленія души къ дѣятельности, независимо отъ качественнаго содержанія послѣдней. Болѣе точнаго и опредѣленнаго различенія тѣхъ и другихъ Ушинскій не даетъ. Все различіе между ними сводится къ тому, что въ реальныхъ желаніяхъ наши тѣлесныя и духовныя стремленія специализируются подъ вліяніемъ опытовъ удовлетворенія, вслѣдствіе чего самыя желанія получаютъ конкретно-опредѣленный характеръ, между тѣмъ какъ душевное стремленіе къ дѣятельности, составляющее основу формальныхъ желаній, остается *равнодушнымъ* къ своему содержанію и увлекается только легкою и обширною дѣятельностью (стр. 271). Но не говоря уже о томъ, что такое равнодушіе къ той или другой дѣятельности не можетъ быть свойственно душѣ, тѣмъ болѣе, что и стремленіе доходитъ до сознанія не иначе, какъ въ формѣ опредѣленнаго чувствованія и желанія,—самая „легкость и обширность дѣятельности", даже съ точки зрѣнія самаго автора, можетъ достигаться лишь подъ вліяніемъ многихъ опытовъ удовлетворенія соотвѣтствующаго ей стремленія, въ зависимости отъ чего послѣднее становится опредѣленнымъ стремленіемъ къ извѣстной привычной дѣятельности. Затѣмъ, отчасти въ противо-

рѣчіи себѣ, Ушинскій показываетъ, какъ общее (формальное) стремленіе къ дѣятельности воплощается въ опредѣленныхъ органическихъ привычкахъ и создаваемыхъ искусственно тѣлесныхъ потребностяхъ. Наконецъ, онъ вовсе не уясняетъ, какихъ видовъ бываютъ формальныя желанія; послѣднія просто отожествляются съ кореннымъ стремленіемъ души къ дѣятельности, но тогда они не заслуживаютъ и названія желаній.

Далѣе, желаніе дѣлается волею души, или ея рѣшимостью, когда въ данный моментъ времени овладѣваетъ всею душею и становится ея единственнымъ желаніемъ; но для этого оно должно выдержать борьбу съ противоположными ему желаніями и нежеланіями и одолѣть ихъ. Такое единственное желаніе души, перешедшее въ рѣшимость, называется хотѣніемъ (стр. 273). Въ немъ совершенно справедливо видитъ Ушинскій высшее проявленіе воли сравнительно съ желаніями. Но самыя условія акта рѣшимости, предполагающаго—по Ушинскому—борьбу желаній, показаны не совсѣмъ вѣрно. Не говоря уже о томъ, что предположеніемъ борьбы между желаніями вносится нѣкоторая механичность въ акты воли, противорѣчащая тѣмъ фактамъ внутренняго опыта, когда мы сами, путемъ подбора извѣстныхъ представленій, или простымъ сосредоточеніемъ вниманія, даемъ перевѣсъ одному желанію надъ другими,—остается еще невыясненнымъ, чѣмъ собственно отличается въ качественномъ отношеніи рѣшающій импульсъ *выбраннаго* дѣйствія отъ того импульса, который мы воспринимаемъ въ себѣ при *односторонне* опредѣленныхъ волевыхъ актахъ. Безспорно, въ обоихъ случаяхъ обнаруживается одинаковая внутренняя дѣятельность. Въ виду этого, борьба желаній отнюдь не является существеннымъ условіемъ рѣшимости и хотѣнія. Свободный выборъ, или рѣшимость могутъ быть приняты нами также и тамъ, гдѣ единственный мотивъ опредѣляетъ насъ къ одному внѣшнему, или внутреннему дѣйствію, такъ какъ мы и въ этомъ случаѣ сознаемъ въ себѣ возможность—и рѣшиться на дѣйствіе и отказаться отъ него.

Сложныя системы желаній, накопляющихся въ теченіи жизни постепенно, переходятъ въ наклонности и страсти. Тѣ и другія образуются изъ врожденныхъ стремленій, но не иначе какъ посредствомъ опытовъ удовлетворенія и неудовлетворенія

этихъ стремленій, оставляющихъ въ душѣ слѣды представленій удовлетворенія и слѣды чувствованій, его сопровождающихъ, словомъ слѣды желаній (стр. 283). Благопріятными условіями образованія наклонностей служатъ какъ передаваемые по наслѣдству нервные задатки наклонностей, такъ и системы накопляющихся въ душѣ чувственныхъ представленій, проникнутыхъ желаніемъ. Самая наклонность понимается Ушинскимъ, какъ такая масса, или ассоціація чувственныхъ представленій, которая перетягиваетъ къ себѣ всѣ прочія. Страсть отличается отъ наклонности только большею сложностью и способомъ обнаруженія. „Если одна масса представленій, проникнутыхъ желаніемъ, говоритъ Ушинскій, перетягиваетъ всѣ прочія массы по одиночкѣ, мы можемъ назвать это наклонностью; если же масса представленій, проникнутыхъ системою однородныхъ желаній, перетягиваетъ всѣ остальныя массы представленій и по одиночкѣ и всѣ вмѣстѣ, то мы можемъ назвать это страстью“ (стр. 284). Такимъ образомъ, различіе между наклонностью и страстью устанавливается чисто формальное, причемъ степень напряженности страсти, подчиняющей себѣ всю душу и неодолимо увлекающей ее къ извѣстному опредѣленному роду предметовъ, а равно вносимая ею извращенность въ сферу душевной жизни, вовсе оставлены Ушинскимъ безъ вниманія. Далѣе, къ области воли относится Ушинскимъ изученіе характеровъ, такъ какъ въ нихъ проявляются особенности дѣйствій различныхъ индивидуумовъ. Признавъ участіе двухъ дѣятелей въ образованіи характера—природу человѣка и условія жизни, Ушинскій старается опредѣлить степень этого участія каждаго изъ факторовъ. Въ частности, изслѣдуя вліяніе врожденныхъ особенностей организмовъ на образованіе характера, какъ то: общее вліяніе состояній организма на психическую жизнь, вліяніе особенностей пищеваго процесса, устройства органовъ мозга, особенностей нервныхъ тканей и наконецъ, вліяніе патологическихъ состояній организма (стр. 300—309), Ушинскій приходитъ къ выводу, что этимъ вліяніямъ нельзя придавать безусловнаго значенія, такъ какъ каждое изъ нихъ можетъ быть разнообразно направляемо самимъ человѣкомъ въ хорошую и дурную сторону въ зависи-

мости отъ впечатлѣній, вносимыхъ жизнію въ душу человѣка. По его убѣжденію, нервная система условливаетъ только *форму* душевныхъ работъ, а жизнь даетъ *матеріалъ* этимъ работамъ, въ зависимости отъ свойствъ котораго измѣняется часто и самая форма. Матеріалами для образованія характера служатъ слѣды разнообразныхъ чувствованій и желаній, возникающихъ въ человѣкѣ подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній жизни (стр. 311). Самое образованіе характера при посредствѣ этихъ слѣдовъ вполнѣ аналогично образованію ума. Какъ сильный и обширный умъ есть только обширное и хорошо организованное собраніе знаній, такъ и сильный характеръ есть не что иное, какъ обширное и хорошо организованное собраніе слѣдовъ чувствованій и возникающихъ изъ нихъ желаній (стр. 310—311). Но какъ самыя впечатлѣнія жизни, вызывающія въ насъ желанія, такъ и опыты удовлетворенія ихъ, представляютъ совершенно такую же *случайность*, какъ и врожденныя особенности организма и самый организмъ. Во избѣжаніе же роковаго фатализма, Ушинскій признаетъ еще необходимымъ участіе свободной воли человѣка въ образованіи характера, но уясненіемъ сущности этого участія, какъ и самымъ вопросомъ о свободѣ воли онъ не занимается, относя ихъ къ спеціальному изслѣдованію о человѣческомъ духѣ. Такимъ образомъ, въ данномъ мѣстѣ Ушинскій уяснилъ лишь условія образованія такъ называемаго естественнаго характера, въ зависимости отъ чего ученіе его о характерѣ отличается неполнотою и незаконченностью.

Разсматривая затѣмъ волю, какъ противоположность неволѣ, Ушинскій допускаетъ врожденное человѣку стремленіе къ свободѣ, подъ которою разумѣетъ отсутствіе всякихъ стѣсненій и преградъ для воли, за исключеніемъ одного чисто *внутренняго* насилія, заключающагося въ стремленіи души къ сознательной дѣятельности (стр. 320). Стремленіе къ свободѣ находитъ свое объясненіе и оправданіе только въ этомъ общемъ стремленіи души; въ отрѣшеніи же своемъ отъ дѣятельности стремленіе къ свободѣ порождаетъ своеволіе и произволъ. Изъ кореннаго различія между врожденнымъ стремленіемъ къ свободѣ и стремленіемъ къ наслажденію свободою, независимому отъ самой

дѣятельности, Ушинскій выводитъ различіе между стремленіями—къ счастью и къ наслажденіямъ вообще. Разсматривая эти стремленія съ психологической точки зрѣнія, независимо отъ ихъ нравственной стороны, онъ подъ стремленіемъ къ наслажденію резумѣетъ безчисленное множество желаній, влекущихъ человѣка къ повторенію пріятныхъ, уже прежде испытанныхъ ощущеній. Это стремленіе, по взгляду Ушинскаго, слѣдуетъ признать производнымъ, образующимся только изъ неоднократныхъ опытовъ наслажденія и удовлетворенія разнообразныхъ стремленій. Наоборотъ, стремленіе къ счастью „есть общее врожденное стремленіе человѣка удовлетворять всѣмъ своимъ стремленіямъ“ (стр. 339). Оно совершенно отлично отъ стремленія къ наслажденію: по врожденному стремленію къ счастью, человѣкъ можетъ стремиться къ удовлетворенію и такихъ стремленій, которыя не только не доставляютъ ему наслажденій, но даже приносятъ страданія (стр. 340). Это замѣчательное существенное стремленіе души при своемъ удовлетвореніи даетъ въ результатѣ не какое нибудь наслажденіе или пріятное чувство, а только сознательную психическую, или психофизическую дѣятельность. Это—собственно есть стремленіе къ труду, удовлетвореніе котораго составляетъ нормальное состояніе человѣка и то высшее счастье, которое не зависитъ отъ наслажденій и не подчиняется стремленію къ нимъ. Трудъ, независимо отъ содержанія его, даетъ смыслъ и цѣль человѣческой жизни (стр. 341—343).—Нужно замѣтить, что весь, довольно подробный, трактатъ Ушинскаго о счастіи, образовавшійся подъ вліяніемъ воззрѣній Милля, представляетъ собою въ сущности разсужденіе моралиста, а не психолога. Основа его чисто метафизическая. Ушинскій въ своихъ разсужденіяхъ опирается не на дѣйствительныхъ фактахъ разнообразнаго пониманія людьми счастія, а на общихъ апріорныхъ соображеніяхъ и предлагаетъ такую теорію счастья, которая создается людьми лишь на высшихъ ступеняхъ философскаго развитія. Самое понятіе о счастьи, какъ удовлятворяемомъ стремленіи къ дѣятельности вообще, слишкомъ общо и недостаточно полно. Въ дѣйствительности счастье каждому отдѣльному человѣку представляется въ формѣ ясно сознанныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ иде-

аловъ, отъ осуществленія которыхъ ожидается возможно большая сумма наслажденій.

Заканчивается отдѣлъ о волѣ обзоромъ различныхъ слабостей и заблужденій воли, куда относятся ложныя стремленія и наклонности, какъ то: стремленіе къ привычкѣ и къ подраженію, склонность къ развлеченіямъ и къ лѣни и др. (стр. 345—368). Вопросомъ о свободѣ воли Ушинскій не занимается, равно какъ не занимается ни генезисомъ нравственнаго самосознанія, ни уясненіемъ иоическихъ свойствъ человѣческой душевной жизни съ необходимостью отражающихся въ волевыхъ проявленіяхъ. Вслѣдствіе этого остается невыясненнымъ вопросъ, почему воля можетъ давать такое, а не иное направленіе разнообразнымъ дѣйствіямъ и стремленіямъ человѣка: почему, напримѣръ, она нерѣдко побуждаетъ его стремиться не къ наслажденіямъ, а къ сознательной дѣятельности, въ которой и заключается корень счастья,—почему также побуждаетъ его воздерживаться отъ страстей, а не слѣдовать чувственнымъ влеченіямъ и т. д. Словомъ, естественно-совершающееся развитіе воли не поставлено во внутреннюю связь съ требованіями нашей нравственной природы. Но и независимо отъ указанныхъ сторонъ, изслѣдованіе которыхъ не входило въ задачи автора, его ученіе о волѣ не отличается строгою опредѣленностью и не даетъ вполнѣ яснаго и отчетливаго представленія о предметѣ. Такъ, основа воли, полагаемая Ушинскимъ въ стремленіи, указана въ сущности вѣрно, но понята слишкомъ широко, какъ основа общая для всей душевной жизни, вслѣдствіе чего стремленіе, какъ существеннѣйшій элементъ волевыхъ актовъ, недостаточно рѣзко выдѣляется въ ряду другихъ, сопутствующихъ ему элементовъ. По той же причинѣ и желаніе недостаточно рѣзко разграничено отъ чувствованія. Такъ, по взгляду Ушинскаго, для возникновенія желанія необходимо, чтобы стремленіе отразилось въ сознаніи чувствованіемъ, а затѣмъ къ этому послѣднему должно присоединиться представленіе о предметѣ, удовлетворяющемъ стремленію (ср. стр. 97). Но если принять во вниманіе, что стремленіе, по воззрѣнію самого автора, можетъ вызвать только чувствованіе и, за отсутствіемъ представленія о соотвѣтствующемъ ему предметѣ, не перейти въ желаніе, то

все различіе между чувствованіемъ и желаніемъ будетъ заключаться лишь въ представленіи, осложняющемъ и видоизмѣняющемъ чувствованіе въ желаніе. На самомъ же дѣлѣ какой-либо активности вовсе нельзя приписать представленію, или мысли. Будничная жизнь какъ отдѣльныхъ людей, такъ и человѣческихъ обществъ показываетъ, что не абстрактная мысль, или ясно сознанныя представленія, а тѣ импульсы, которые заправляютъ волею человѣка и которые заключаются въ его безотчетныхъ стремленіяхъ и инстинктивныхъ влеченіяхъ, направляютъ человѣка къ дѣйствію. Отсюда и въ возникновеніи желаній главная роль принадлежитъ не представленію, а самому стремленію, которое, достигши извѣстной степени напряженности, отличается душою отъ другихъ ея состояній и становится сознательнымъ. Далѣе, связь волевыхъ актовъ съ чувствованіями нѣсколько преувеличена Ушинскимъ. Въ обычномъ ходѣ упорядоченной жизни чувствованія, какъ мотивы дѣйствій, играютъ довольно незначительную роль. Наоборотъ, существуетъ не мало такихъ актовъ воли, которые съ неизбѣжною необходимостью, безъ всякихъ предшествующихъ чувствованій, вступаютъ въ рядъ однообразнаго теченія ежедневной жизни. Такъ, въ исполненіи разнообразныхъ обязанностей мы имѣемъ волевые акты, вовсе независимые отъ чувствованій удовольствія и неудовольствія. Вообще же для выполненія дѣйствія достаточно установить цѣнность его разсудкомъ и опытомъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать и высокихъ достоинствъ разсматриваемаго отдѣла. Условія естественно-совершающагося развитія воли показаны въ сущности правильно, и разныя ступени или фазисы въ развитіи и возрастаніи волевой силы раскрыты обстоятельно. Основной взглядъ Ушинскаго на самодѣятельность души и активность воли, посредствуемую внѣшними условіями жизни, представляется вполнѣ основательнымъ. Заслуживаетъ также полнаго одобренія попытка практически изучить законы развитія воли и выяснить тѣ педагогическіе пріемы, при помощи которыхъ оказалось бы возможнымъ обезпечить уму господство надъ волею и дать возможность направлять ее по тому пути, который ведетъ къ обезпеченію блага личности и интересовъ общества.

Заканчивая свои сужденія о капитальной психологической системѣ Ушинскаго, мы должны признать, что она стоитъ на одномъ уровнѣ съ современными ей западными системами, даетъ много цѣнныхъ научно-педагогическихъ свѣдѣній, знакомитъ съ обширною иностранною литературою и съ самыми разнообразными способами рѣшенія основныхъ психологическихъ вопросовъ, и вообще представляетъ весьма полезное ученое пособіе для всесторонняго и основательнаго ознакомленія съ наукою. Послѣдовательно проведенное въ ней строгое и правильное разграниченіе явленій тѣлесной и душевной жизни, а равно ясно выраженный въ ней принципъ постояннаго взаимодѣйствія души и тѣла, сообщаютъ особенную точность и опредѣленность сужденіямъ автора; увлекательное же и общедоступное изложеніе еще болѣе возвышаетъ ея интересъ.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

„Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ“ Лейбница.

(Продолженіе *).

ГЛАВА V.

Объ именахъ смѣшанныхъ модусовъ и отношеній.

§§ 2, 3 и слѣд. *Филалетъ*. Развѣ духъ не образуетъ произвольно смѣшанныхъ идей, соединяя ихъ вмѣстѣ и не нуждаясь въ подлинномъ образцѣ, между тѣмъ какъ простыя идеи возникаютъ у него независимо отъ (свободнаго) избранія, вслѣдствіе дѣйствительнаго существованія вещей? Развѣ не созерцаютъ часто смѣшанную идею прежде бытія вещи?

Ѳеофилъ. Вы правы, если принимаете идеи за дѣйствительныя мысли; но я не вижу надобности примѣнять ваше различеніе къ тому, что касается самой формы или возможности этихъ мыслей; и однако же это и есть именно то, о чемъ дѣло идетъ въ мірѣ идей, отличаемомъ отъ существующаго міра. Существованіе дѣйствительныхъ бытій, которыя не необходимы, есть вопросъ факта или исторіи: но существованіе возможностей или необходимостей (ибо *необходимое* есть то, коему противоположно *невозможное*) даетъ бытіе наукамъ демонстративнымъ [1]).

Филалетъ. Но развѣ существуетъ бóльшая связь между иде-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 2.

[1]) Въ данномъ мѣстѣ Лейбницъ дѣлаетъ весьма важное замѣчаніе. Онъ утверждаетъ, что всякое доказываніе (demonstration) можетъ быть находимо только для реально возможнаго, то есть, выводимаго изъ даннаго положенія логическимъ путемъ, съ логическою необходимостію. Что же касается опытныхъ или фактическихъ положеній, то они могутъ быть оправдываемы или доказываемы только историческимъ или опытнымъ, а не философскимъ путемъ.

деями *убить* и *человѣка*, чѣмъ между идеями *убить* и *овца*? Отцеубійство составлено ли изъ понятій, тѣснѣе соединенныхъ, чѣмъ дѣтоубійство? а то, что англичане называютъ *stabbing*, то есть, убійтсво ударомъ шпаги или остраго орудія,—что у нихъ признается большимъ преступленіемъ, чѣмъ убійство посредствомъ проженія шпагою,—заслуживаетъ ли особеннаго имени и особенной идеи, какихъ, напримѣръ, не усвояютъ дѣлу убійства овцы или убійству человѣка посредствомъ зарѣзанія?

Ѳеофилъ. Когда дѣло идетъ только о возможностяхъ, тогда всѣ эти идеи равно естественны... Кто видѣлъ убійство овцы, тотъ имѣлъ въ мысли идею объ этомъ актѣ, хотя не давалъ ему имени и не считалъ нужнымъ почтить его своимъ вниманіемъ. Почему же мы должны ограничиваться именами, когда дѣло идетъ о самыхъ идеяхъ, и почему мы преимущественно должны останавливаться на достоинствѣ идей смѣшанныхъ модусовъ, когда дѣло идетъ объ этихъ идеяхъ вообще?

§ 6. *Филалетъ*. Такъ какъ люди произвольно формируютъ различные виды смѣшанныхъ модусовъ, то отъ этого происходитъ, что въ одномъ языкѣ находятъ слова, которыхъ нѣтъ въ другомъ, соотвѣтственномъ ему языкѣ. Нѣтъ слова въ другихъ языкахъ, которое соотвѣтствовало бы слову *versura*, употреблявшемуся у римлянъ, или слову *corban*, которымъ пользовались іудеи [1]). Обыкновенно латинскія слова: *hora*, *pes* и *libra* переводятъ словами: часъ, футъ (нога) и фунтъ: но идеи римлянъ были очень далеки отъ нашихъ.

Ѳеофилъ. Какъ вижу, многое изъ того, о чемъ мы разсуждали, снова сводится въ защиту именъ этихъ идей, между тѣмъ какъ дѣло шло о самыхъ идеяхъ и ихъ видахъ. Замѣчаніе ваше хорошо въ отношеніи къ именамъ и въ отношеніи къ обычаямъ людей, но оно ничего не измѣняетъ въ наукахъ и въ природѣ вещей. Справедливо, что кто захотѣлъ бы написать все-

[1]) Латинское слово *versura* (буквально: *перемѣна*) выражаетъ такое дѣйствіе, по которому для уплаты долга занимаютъ новыя деньги, и такимъ образомъ перемѣняютъ кредитора. — *Corban* (*корванъ*) по первоначальному своему значенію есть жертва, а потомъ оно приняло значеніе освященія или отдѣленія, какъ дѣйствія жертвоприношенія. Іосифъ Флавій говоритъ: Κορβὰν· ὅρκος· ἐκ τῆς Ἑβραίων μεθερμηνευόμενος διαλέκτου: δῶρον Θεοῦ.

общую грамматику, тотъ поступилъ бы хорошо, если бы перешелъ отъ сущности языковъ къ ихъ дѣйствительному бытiю и къ сравненiю грамматики многихъ языковъ; подобно тому, какъ писатель, пожелавшiй написать всеобщую юриспруденцiю, хорошо сдѣлалъ бы, присоединивши къ ней параллельные законы и обычаи народовъ; это было бы полезно не только практически, но и теоретически; и самому писателю подало бы поводъ изложить многiя соображенiя, безъ чего соображенiя эти не существовали бы. Однако же въ наукѣ, независимо отъ исторiи или дѣйствительнаго существованiя, не важно—сообразуются, или не сообразуются народы съ тѣмъ, что повелѣваетъ разумъ.

§ 9. *Филалетъ.* Сомнительное значенiе слова *видъ* приводитъ нѣкоторыхъ людей въ смущенiе; когда они слышатъ утверждающихъ, что виды смѣшанныхъ модусовъ образуются разумомъ; *я же* предоставляю другимъ опредѣлять, что устанавливаетъ границы всякаго *рода* или *вида*; ибо для меня оба эти слова суть вполнѣ синонимы.

Θеофилъ. Обыкновенно природа вещей устанавливаетъ эти границы видовъ, напримѣръ, границы: между человѣкомъ и животнымъ, длинною шпагою и эспадрономъ. Впрочемъ я признаю, что есть понятiя, въ которыхъ дѣйствительно существуетъ произволъ; напримѣръ, когда дѣло идетъ объ опредѣленiи фута; ибо поелику прямая линiя однообразна и неограничена, то природа не указываетъ въ ней никакихъ предѣловъ. Существуютъ также сущности неопредѣленныя и несовершенныя, опредѣленiе которыхъ зависитъ отъ мнѣнiя, когда, напримѣръ, спрашиваютъ, сколько въ крайнемъ случаѣ надобно оставить человѣку волосъ, чтобы онъ не былъ плѣшивымъ; вотъ одинъ изъ софизмовъ древнихъ, которымъ поставляли противника въ затрудненiе:

Dum cadat elusus ratione ruentis acervi [1]).

Истинный же отвѣтъ состоитъ въ томъ, что природа не

[1]) Стихъ этотъ заимствованъ изъ Горацiя. Фоссъ переводитъ его слѣдующимъ образомъ: пока онъ осмѣянный не поникнетъ предъ исчисленiемъ низвергающейся громады.

опредѣлила этого понятія, и только мнѣніе принимаетъ участіе при опредѣленіи его; что существуютъ люди, о которыхъ можно сомнѣваться, плѣшивые ли они или нѣтъ; и существуютъ люди обоюдные, которые однимъ представляются плѣшивыми, а другимъ нѣтъ. Это тоже, какъ вы замѣтили, что лошадь, признаваемая малорослою въ Голландіи, можетъ считаться большою въ Гальскихъ странахъ. Есть также нѣчто подобнаго рода въ простыхъ идеяхъ; ибо я замѣтилъ уже, что послѣдніе предѣлы цвѣтовъ сомнительны. Существуютъ также *сущности* дѣйствительно *на-половину номинальныя*, гдѣ имя входитъ въ опредѣленіе вещи: напримѣръ, признаютъ степень или качество доктора, кавалера, посланника, короля, когда лицо пріобрѣло признанное право пользоваться этимъ именемъ; и иностранный министръ, какимъ бы ни обладалъ полномочіемъ и какъ бы велика ни была его свита, не будетъ признаваемъ *посланникомъ*, если его вѣрительная грамота не даетъ ему этого имени. Но эти *сущности* и *идеи* суть *неопредѣленныя*, *сомнительныя*, *произвольныя*, *номинальныя*, въ смыслѣ очень мало отличномъ отъ того, о которомъ вы упомянули.

§ 10. *Филалетъ*. Но, кажется, что часто имя сохраняетъ сущность смѣшанныхъ модусовъ, о которыхъ вы думаете, что они непроизвольны; напримѣръ, при отсутствіи имени *тріумфъ* мы совершенно не имѣли бы идеи о томъ, что происходило у римлянъ при этомъ случаѣ.

Ѳеофилъ. Я согласенъ, что имя способствуетъ обращенію вниманія на предметы, сохраненію памятованія о нихъ и дѣйствительнаго знанія ихъ; но это ничего не значитъ по вопросу, о которомъ у насъ идетъ дѣло, и не дѣлаетъ сущностей номинальными; и я не понимаю, почему ваши господа всѣми силами желаютъ, чтобы самыя сущности зависѣли отъ выбора именъ. Желательно было бы, чтобы вашъ знаменитый писатель, вмѣсто того, чтобы настаивать на этомъ, лучше вошелъ бы въ бо́льшія подробности объ идеяхъ и модусахъ и распредѣлилъ бы и раскрылъ бы ихъ разнообразіе. Я послѣдовалъ бы за нимъ по этому пути съ удовольствіемъ и съ пользою; ибо онъ сообщилъ бы намъ, безъ сомнѣнія, много свѣта.

§ 12. *Филалетъ*. Когда мы говоримъ о *лошади* или *о же-*

лѣзъ, то признаемъ ихъ предметами, доставляющими намъ первоначальныя модели нашихъ идей, но когда разсуждаемъ о смѣшанныхъ модусахъ или, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ значительнѣйшихъ модусахъ, которые суть *моральныя сущности*, какъ напримѣръ: *справедливость*, *благодарность*, то первоначальныя модели ихъ мы созерцаемъ существующими въ духѣ. Вотъ почему мы высказываемъ *пониманіе* (*notion*) справедливости или умѣренности; но не говорятъ о пониманіи (notion) лошади, камня.

Ѳеофилъ. Модели для однихъ идей столько же реальны, какъ и для другихъ идей. Свойства духа не менѣе реальны, какъ и свойства тѣла. Конечно справедливости не видятъ, подобно лошади, но ее понимаютъ не менѣе и часто даже лучше лошади; она не менѣе проявляется въ дѣйствіи, какъ справедливость или непрямодушіе обнаруживаются въ движеніи, будутъ ли или не будутъ обращать на нихъ вниманіе. И чтобы показать, что люди держатся моего мнѣнія, и при томъ люди самые способные и самые опытные въ человѣческихъ дѣлахъ, мнѣ надобно только воспользоваться авторитетомъ римскихъ юрисконсультовъ, признаваемымъ всѣми остальными, которые называютъ эти смѣшанные модусы или эти моральныя бытія *предметами*, и въ частности *предметами безтѣлесными*; ибо сервитуты (каковъ, напримѣръ, переходъ чрезъ имѣніе своего сосѣда) признаются у нихъ *предметами безтѣлесными*, при чемъ существуетъ право собственности, которое можно пріобрѣсть продолжительнымъ пользованіемъ, которымъ можно обладать и котораго можно требовать возвращенія. Что же касается слова *пониманіе* (*nation*), то умнѣйшіе люди принимаютъ это слово въ столь же обширномъ смыслѣ, какъ и слово идея. Латинское словоупотребленіе не противорѣчитъ этому, и я не знаю, противорѣчитъ ли этому словоупотребленіе англійское или французское [1]).

§ 15. *Филалетъ*. Надобно замѣтить еще, что люди узнаютъ

[1]) Слово *idea* (идея) не всегда имѣло одинаковое значеніе при употребленіи его въ различныхъ національныхъ философіяхъ европейскихъ народовъ. У французовъ и англичанъ оно первоначально соотвѣтствовало латинскому *notio;* затѣмъ —латинскому *conceptus*. У нѣмцевъ же оно замѣняется словомъ «Vorstellung». Вообще оно означаетъ не образъ или видъ предмета, а внутреннее содержаніе и логическое строеніе его.

имена прежде, чѣмъ идеи смѣшанныхъ модусовъ; и имя даетъ понять, что идея заслуживаетъ наблюденія.

Өеофилъ. Это замѣчаніе вѣрное, хотя справедливо то, что теперь дѣти, при помощи употребительныхъ наименованій, обыкновенно узнаютъ не только имена модусовъ, но и субстанцій прежде предметовъ, и даже скорѣе имена субстанцій, чѣмъ модусовъ. Ибо надобно признать недостаткомъ при употребленіи этихъ наименованій, что въ нихъ указываются только *имена* и не указываются *глаголы*, не обращая вниманія на то, что глаголы, хотя обозначаютъ модусы, болѣе необходимы при разговорахъ, чѣмъ большая часть именъ, обозначающихъ частныя субстанціи [1]).

ГЛАВА VI.

Объ именахъ субстанцій.

§ 1. *Филалетъ*. *Роды* и *виды* субстанцій, какъ и другихъ бытій, суть только *сорты*. Напримѣръ, солнца суть только сортъ звѣздъ, то есть, суть неподвижныя звѣзды; ибо не безъ основанія думаютъ, что всякая неподвижная звѣзда будетъ признана за солнце лицемъ, которое будетъ помѣщено на надлежащемъ разстояніи. § 2. То, что образуетъ сортъ, составляетъ его сущность.

§ 3. Оно узнается или по внутренней структурѣ или по внѣшнимъ признакамъ, которые даютъ намъ знаніе и заставляютъ назвать его извѣстнымъ именемъ. Такъ можно узнать Страсбургскіе часы, будучи или мастеромъ, умѣющимъ дѣлать ихъ, или зрителемъ, знающимъ ихъ ходъ.

Өеофилъ. Если вы выражаетесь такъ, то я ничего не имѣю возразить.

Филалетъ. Я выражаюсь способомъ, пригоднымъ для прекращенія нашего спора. Теперь я прибавляю, что сущность относится лишь къ *сортамъ*, и нѣтъ ничего существеннаго въ *индивидуумахъ*. Несчастный случай или болѣзнь могутъ перемѣнить мой цвѣтъ или мой видъ, лихорадка или паденіе могутъ отнять

[1]) Потому что дѣятельность предмета познается прежде всего и уже свойствами дѣятельности опредѣляется его субстанція.

у меня разумъ или память; апоплексія можетъ привесть меня къ тому, что я не буду имѣть ни чувства, ни разсудка. И если меня спросятъ, существенно ли для меня имѣть разумъ, то я отвѣчу отрицательно.

Өеофилъ. Я думаю, что есть нѣчто существенное въ индивидуумахъ, и болѣе, чѣмъ думаютъ. Субстанціямъ существенно дѣйствовать, сотвореннымъ субстанціямъ быть пассивными, духамъ мыслить, тѣламъ имѣть протяженіе и движеніе; то есть, существуютъ сорта или виды, коихъ какой либо индивидъ не можетъ (по крайней мѣрѣ, естественнымъ образомъ) прекратить своего существованія, разъ онъ пріобрѣлъ его, каковы бы возмущенія ни совершались въ природѣ. Но существуютъ сорта или виды случайные (я соглашаюсь съ этимъ) для индивидовъ, которые могутъ перестать быть этимъ сортомъ. Такъ можно перестать быть здоровымъ, красивымъ, знающимъ, и даже видящимъ и ощущающимъ: но не перестаютъ имѣть жизнь, органы и воспріятія. Я достаточно говорилъ о томъ, почему людямъ кажется, что жизнь и мысль прекращаются иногда, хотя они продолжаютъ существованіе и совершаютъ дѣйствія.

§ 8. *Филалетъ.* Многочисленные индивиды, обозначаемые однимъ общимъ именемъ и разсматриваемые, какъ одинъ видъ, могутъ однако же имѣть свойства очень различныя, зависящія отъ ихъ реальнаго (частнаго) строенія. Это безъ труда наблюдается всѣми тѣми, которые изслѣдуютъ естественныя тѣла; и часто химики бываютъ убѣждены въ этомъ при своихъ утомительныхъ опытахъ, тщетно стараясь найти въ кусочкѣ сурьмы, сѣры и купороса свойства, которыя находятъ въ другихъ частяхъ этихъ кусковъ.

Өеофилъ. Совершенно вѣрно, и я самъ могъ бы прибавить къ этому еще кое-что новое. По этому предмету написаны нарочитыя книги *de infido experimentorum chimicorum successu (о невѣрныхъ слѣдствіяхъ химическихъ опытовъ).* Но это происходитъ отъ того, что ошибочно принимаютъ эти тѣла за *однородныя* или однообразныя, между тѣмъ, какъ они смѣшаны болѣе, чѣмъ думаютъ; ибо при тѣлахъ *разнородныхъ* не удивляются, когда замѣчаютъ различія между индивидуумами, и медики очень хорошо знаютъ, какъ различны бываютъ тем-

пераменты и природныя свойства человѣческихъ тѣлъ. Однимъ словомъ, никогда нельзя найти послѣднихъ логическихъ видовъ, какъ я уже замѣтилъ это выше; и никогда два дѣйствительные и совершенные индивида одного и того же вида не бываютъ совершенно сходными [1]).

Филалетъ. Мы рѣшительно не замѣчаемъ этихъ различій, ибо мы не знаемъ маленькихъ частицъ и, слѣдовательно, внутренней структуры вещей. Поэтому мы и не пользуемся ими для опредѣленія сортовъ и видовъ вещей. И если бы мы зазахотѣли достигнуть этого посредствомъ этихъ существенностей или посредствомъ того, что въ школахъ называютъ субстанціальными формами, то были бы похожи на слѣпца, который захотѣлъ бы распредѣлить вещи по цвѣтамъ. § 11. Мы не знаемъ также сущностей духовъ, и не можемъ бразовывать различныхъ специфическихъ идей ангеловъ, хотя хорошо знаемъ, что должны существовать многіе виды духовъ. Такъ кажется, что мы не привносимъ въ наши идеи никакого различія между Богомъ и духами при посредствѣ какого бы то ни было числа простыхъ идей, за исключеніемъ того, что Богу приписываемъ безконечность.

Θеофилъ. По моей системѣ существуетъ еще другое различіе между Богомъ и тварными духами; по моему мнѣнію, надобно допустить, что тварные духи обладаютъ тѣлами, совершенно такъ же, какъ наша душа обладаетъ тѣломъ [2]).

§ 12. *Филалетъ.* По крайней мѣрѣ, я думаю, что между тѣлами и духами существуетъ та аналогія, что, подобно тому, какъ при разнообразіи тѣлеснаго міра не существуетъ *пусто-*

---

[1]) О *Principium indiscernibilium* мы замѣчали уже, что онъ основанъ на законѣ тождества и противорѣчія. Въ природѣ нѣтъ совершенно тождественныхъ предметовъ, какъ нѣтъ и совершенно противорѣчащихъ другъ другу. Иначе Богъ и природа творили бы предметы безъ всякаго основанія и гармонія между предметами не существовала бы. Такимъ образомъ, то, что при сходствѣ предметовъ отличаетъ ихъ другъ отъ друга, есть *principium indiscernibilium.*

[2]) Мнѣніе о томъ, что всѣ духи одарены тонкими тѣлами, неоднократно было высказываемо въ богословской литературѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, у насъ этого мнѣнія держался Игнатій, епископъ Кавказскій; но онъ встрѣтилъ сильнаго противника себѣ въ лицѣ Θеофана, бывшаго епископа Владимірскаго, какъ и вообще—въ русской богословской литературѣ.

ты, такъ подобно этому существуетъ разнообразіе въ разумныхъ твореніяхъ. Начиная съ насъ и нисходя до самыхъ наинизшихъ предметовъ, замѣчается нисхожденіе (descente), образуемое *весьма малыми степенями* и съ непрерывною послѣдовательностію вещей, которыя, при каждомъ отдаленіи, очень мало отличаются другъ отъ друга. Существуютъ рыбы, обладающія крыльями, которымъ не чуждъ воздухъ; и существуютъ птицы, обитающія въ водѣ, коихъ кровь холодна, какъ у рыбъ и коихъ мясо по вкусу столько похоже на мясо рыбъ, что его позволяютъ ѣсть во время поста совѣстливымъ людямъ. Существуютъ животныя на столько приближающіяся къ виду птицъ и къ видамъ земныхъ животныхъ, что занимаютъ средину между ними. Амфибіи равнымъ образомъ принадлежитъ къ земнымъ и воднымъ животнымъ. Нерпы живутъ на землѣ и въ морѣ, а морскія свинки имѣютъ кровь горячую и свиныя внутренности. Не говоря уже о томъ, что разсказываютъ о морскихъ людяхъ, существуютъ также животныя, обладающія знаніемъ и разумомъ, какъ нѣкоторыя творенія, которыхъ называютъ людьми, и существуетъ столь великая близость между животными и растеніями, что, если вы возьмете самое несовершенное животное и самое совершенное растеніе, то вы едва замѣтите какое либо значительное различіе между ними. Такимъ образомъ, когда мы доходимъ до самыхъ низшихъ и наименѣе организованныхъ частей матеріи, то повсюду находимъ что виды соединены вмѣстѣ и различаются почти незамѣтными ступенями. И когда мы размыслимъ о мудрости и безконечномъ могуществѣ Творца всѣхъ вещей, то мы имѣемъ основаніе подумать, какъ соотвѣтственно съ *величественною гармоніею вселенной* и съ великимъ ея планомъ, равно какъ и съ безконечною благостію верховнаго ея Архитектора то, что различные виды твореній такъ мало по малу возвышаются до насъ, стремясь къ своему безконечному совершенству. Итакъ, мы имѣемъ причину быть убѣжденными, что существуетъ гораздо больше видовъ твореній выше насъ, чѣмъ ниже насъ; ибо мы по степени совершенства гораздо болѣе удалены отъ безконечнаго существа Божія, чѣмъ отъ того, которое наиболѣе приближается къ ничтожеству. Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ ни-

какой ясной и раздѣльной идеи обо всѣхъ этихъ различныхъ видахъ.

Ѳеофилъ. Я имѣлъ намѣреніе сказать въ другомъ мѣстѣ нѣчто подобное тому, что вы сей-часъ изложили, м. г.; но я радъ что вы предупредили меня, когда нахожу высказаннымъ это лучше, чѣмъ я надѣялся сдѣлать это самъ. Разсудительные философы рѣшали вопросъ, *utrum detur vacuum formarum*, то есть, есть ли возможные виды, которые не существуютъ еще въ дѣйствительности и которые кажутся забытыми природою. Я имѣю основанія думать, что всѣ возможные виды не суть совозможны во вселенной, какъ бы ни была она велика; и это не только по отношенію къ вещамъ, существующимъ совмѣстно одновременно, но и по отношенію ко всей послѣдовательности вещей; то есть, я думаю, что по необходимости есть виды, которые никогда не существовали и никогда не будутъ существовать, будучи не совмѣстимы съ тою послѣдовательностію твореній, которыя избраны Богомъ. Но я думаю, что всѣ предметы, которые совершенная гармонія вселенной можетъ осуществлять, существуютъ въ ней. Что дѣйствительно существуютъ посредствующія творенія между удаленными дугъ отъ друга, такъ это есть нѣчто сообразное съ этою самою гармоніею, хотя и не всегда на томъ же земномъ шарѣ или въ той же системѣ; и помѣщающееся среди двухъ видовъ находитъ мѣсто иногда лишь по отношенію къ извѣстнымъ условіямъ, а не по отношенію къ другимъ. Птицы, столь отличающіяся отъ человѣка въ иныхъ отношеніяхъ, приближаются къ нему посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ; но если бы обезьяны могли говорить, подобно попугаямъ, то они приближались бы еще больше. *Законъ непрерывности* [1]) не терпитъ допущенія никакой пустоты въ порядкѣ своего слѣдованія; но не всѣ формы или виды свойственны всякому по-

[1]) Законъ послѣдовательности или постепенности, о которомъ говоритъ здѣсь Лейбницъ, еще недостаточно доказанъ и оправданъ современною наукою; но онъ свидѣтельствуетъ объ удивительной философской проницательности Лейбница, оправдываемой отчасти современнымъ естествознаніемъ. Ульрихъ говоритъ, что Лейбницъ въ одномъ своемъ письмѣ къ Германну предсказывалъ о будущемъ открытіи, такъ называемыхъ растеній—животныхъ, какъ переходной ступени отъ растенія къ животнымъ. Современное намъ естествознаніе дѣйствительно подтвердило это предсказаніе Лейбница.

рядку. Что же касается духовъ или геніевъ, то такъ какъ я полагаю, что всѣ созданные духи имѣютъ организованныя тѣла, коихъ совершенство соотвѣтствуетъ совершенству разума или духа, находящемуся въ этомъ тѣлѣ, по силѣ предустановленной гармоніи, то я думаю, что для постиженія нѣкоторыхъ совершенствъ духовъ, возвышающихся надъ нами, много поможетъ представленіе совершенствъ органовъ ихъ тѣла, превосходящихъ совершенства нашего тѣла. Относительно этого пункта воображеніе, самое живое и самое богатое и, если я воспользуюсь италіанскимъ выраженіемъ, которое я не могу выразить на другомъ языкѣ, *l'invenzione la più vaga*, будетъ наилучшимъ средствомъ возвыситься надъ нами самими. И сказанное мною для оправданія моей системы гармоніи, возносящей божественныя совершенства превыше представляемыхъ доселѣ въ нашемъ мышленіи, поможетъ также имѣть идеи о твореніяхъ несравненно величественнѣе, чѣмъ какія имѣли о нихъ до сихъ поръ.

§ 14. *Филалетъ.* Возвращаясь къ незначительной реальности видовъ даже въ субстанціяхъ, я спрашиваю васъ: вода и ледъ суть ли различнаго вида?

Θеофилъ. Въ свою очередь я спрашиваю васъ: золото, растопленное въ тигелѣ, и золото, застывшее въ слиткѣ, одного ли и того же вида?

Филалетъ. Не отвѣчаетъ на вопросъ тотъ, кто предлагаетъ новый вопросъ,

Qui litem lite resolvit.
(Кто разрѣшаетъ споръ споромъ [1]).

Тѣмъ не менѣе этимъ вы признаете, что подведеніе вещей къ видамъ относится единственно къ идеямъ, которыя мы имѣемъ о нихъ, а этого достаточно для различенія ихъ посредствомъ именъ. Но если мы предположимъ, что это различіе основывается на реальномъ и внутреннемъ строеніи и что природа различаетъ существующія въ столькихъ видахъ вещи ре-

[1]) Стихъ этотъ заимствованъ у Горація (*Сат.* кн. II, 3. ст. 103). Смыслъ стиха слѣдующій: единичный примѣръ не достаточенъ для прекращенія спора съ спорящимъ.

альными сущностями также точно, какъ мы сами различаемъ виды такими или иными наименованіями, то впадемъ въ большія заблужденія.

Ѳеофилъ. Существуетъ двусмысленность въ выраженіи *видъ* и *бытіе отличнаго вида*, которая вызываетъ эти затрудненія; и если мы устранимъ ее, то намъ, быть можетъ, не о чемъ будетъ спорить, какъ только о словахъ. Можно понимать видъ математически и физически. Въ строго математическомъ смыслѣ малѣйшее различіе, условливающее то, что двѣ вещи не похожи другъ на друга во всемъ, производитъ *различіе вида*. Такъ въ геометріи всѣ круги суть одного и того же вида, потому что всѣ они совершенно похожи и, по той же причинѣ, всѣ параболы тоже суть одного и того же вида; но этого нѣтъ у эллипсисовъ и гиперболъ, ибо ихъ есть безконечное множество классовъ или видовъ, при чемъ тоже существуетъ безконечное различіе ихъ видовъ. Всѣ безчисленные эллипсисы, у которыхъ разстояніе фокуса къ вершинѣ имѣетъ одинаковое отношеніе, суть того же вида. Но такъ какъ отношеніе этихъ разстояній варьируется только по величинѣ, то слѣдуютъ, что всѣ эти безчисленные *виды* эллипсисовъ составляютъ только одинъ *родъ* и между ними нѣтъ подраздѣленій; между тѣмъ какъ оваль съ тремя фокусами имѣлъ бы безконечное число такихъ же *родовъ* и въ безконечности безчисленное число *видовъ*, такъ какъ каждый родъ имѣлъ бы ихъ просто безконечное число. Подобнымъ же образомъ и два физическіе индивида никогда не будутъ совершенно подобными; и что еще важнѣе, одинъ и тотъ же индивидъ будетъ переходить изъ вида въ видъ, ибо онъ никогда не бываетъ похожъ во всемъ на себя, по прошествіи минуты. Но люди, при установленіи физическихъ видовъ, не соединяютъ съ ними этого смысла и отъ нихъ зависитъ сказать, что масса, которую мы можемъ возвратить къ ея прежней формѣ, остается на нашъ взглядъ тѣмъ же видомъ. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что вода, золото, ртуть, поваренная соль остаются и претерпѣваютъ лишь обычныя измѣненія; но въ тѣлахъ органическихъ и въ видахъ растеній и животныхъ мы опредѣляемъ видъ уже чрезъ рож-

деніе, такъ что представляющееся намъ происходящимъ или могущимъ произойти отъ того же начала или сѣмени, будетъ тѣмъ же видомъ. У человѣка, кромѣ человѣческаго рожденія, обращаютъ вниманіе еще на его качество—быть разумнымъ существомъ; и хотя есть люди, которые въ теченіе всей своей жизни, остаются подобными животнымъ, однако же предполагаютъ, что это зависитъ не отъ недостатка способности или начала (принципа), но отъ препятствій, связывающихъ эту способность; впрочемъ еще не согласились относительно всѣхъ внѣшнихъ условій, которыя надобно признать достаточными для подобнаго предположенія. Однако же, какія бы правила люди не устанавливали при своихъ наименованіяхъ и какихъ бы правъ въ силу природы не соединяли съ именами, если только правила ихъ будутъ послѣдовательны или связаны и понятны, то они будутъ основаны на реальности, и они не выдумаютъ видовъ, коихъ всѣ возможности содержащая природа, не сдѣлала бы и не различала бы прежде ихъ. Что же касается внутренности, то, хотя нѣтъ ни одного внѣшняго явленія, которое не было бы основано на внутреннемъ строеніи; тѣмъ не менѣе вѣрно, что эта видимость можетъ иногда проистекать отъ двухъ различныхъ строеній. Однако же всегда будетъ существовать нѣчто общее; и это наши философы называютъ *ближайшею формальною причиною*. Но если бы этого не было, какъ напримѣръ, по Маріотту, синева радуги имѣетъ совершенно иное начало, чѣмъ синева бирюзоваго камня, не имѣя общей формальной причины (съ чѣмъ я не согласенъ), и если бы согласились, что извѣстныя природы въ своихъ явленіяхъ, побуждающихъ насъ усвоять имъ имена, не должны имѣть ничего общаго внутри себя, то и тогда наши опредѣленія не перестали бы оставаться основанными на реальныхъ видахъ, потому что самые феномены суть реальные. Итакъ, мы можемъ сказать, что все правильно различаемое нами или сравниваемое, и природа различаетъ или связываетъ, хотя она обладаетъ различеніями и сопоставленіями неизвѣстными намъ и могущими быть лучше нашихъ. И надобно употребить много труда и опыта, чтобы обозначить роды и виды достаточно при-

ближающимся къ природѣ образомъ. Современные ботаники думаютъ, что различія, заимствованныя отъ формъ цвѣтовъ, наиболѣе приближаются къ порядку природы; но при этомъ встрѣчаются съ большими затрудненіями; и было бы болѣе удобнымъ сравнивать и распредѣлять (растенія) не на основаніи одного только этого признака, о которомъ я сей-часъ только сказалъ, что онъ заимствованъ отъ цвѣтовъ и который, быть можетъ, до сихъ поръ наиболѣе пригоденъ для составленія сносной системы и удобенъ для принимающихъ ее, но и на основаніи другихъ признаковъ, заимствованныхъ отъ другихъ частей и отношеній растеній. Всякое основаніе для сравненія ,заслуживаетъ своего частнаго принятія, безъ помощи котораго многіе соподчиненные роды и многія сравненія, различенія и полезныя наблюденія остались бы незамѣченными [1]. Но чѣмъ больше будутъ углубляться въ происхожденіе видовъ и чѣмъ больше будутъ слѣдовать за распредѣленіемъ необходимыхъ для этого условій, тѣмъ больше будутъ приближаться къ порядку природы. Поэтому, если предположеніе нѣкоторыхъ разсудительныхъ людей окажется вѣроятнымъ, по которому въ растеніи, кромѣ зерна или извѣстнаго сѣмени, соотвѣтствующаго яйцу животнаго, существуетъ еще сѣмя, заслуживающее названіе мужскаго, то есть, существуетъ пыль (цвѣточная), часто хорошо видимая, хотя, быть можетъ, иногда и не замѣчаемая (какъ и самыя зерна въ нѣкоторыхъ растеніяхъ), которую вѣтеръ и другія обычныя случайности разсѣеваютъ для соединенія съ зернами, происходящими отъ того же растенія, а иногда (какъ въ пенькѣ) и отъ другаго сосѣдняго того же вида, каковое растеніе, слѣдовательно, похоже на самца, хотя, быть можетъ, женское растеніе никогда не бываетъ совершенно лишено той же самой *цвѣточной пыли*; если это, говорю я, окажется истиннымъ, и если образъ происхожденія растеній станетъ болѣе извѣстнымъ, то я не сомнѣваюсь, что замѣчаемыя при этомъ различія доставятъ фунда-

[1]) Лейбницъ говоритъ здѣсь о раздѣленіяхъ, извѣстныхъ у нѣмецкихъ логиковъ подъ именемъ: *Collateraleintheilungen* или *Codivisionen*. Дѣленія эти имѣютъ преимущественное значеніе въ статистикѣ.

ментъ для раздѣленій болѣе натуральныхъ. И если бы мы обладали проницательностію нѣкоторыхъ высшихъ духовъ и знали бы предметы достаточно, то, быть можетъ, мы нашли бы твердые аттрибуты для всякаго вида, общіе для всѣхъ его индивидовъ и всегда присущіе одному и тому же живому организму, какимъ бы перемѣнамъ и преобразованіямъ онъ ни подвергался. Подобно тому, какъ въ болѣе извѣстныхъ физическихъ видахъ, напримѣръ человѣческомъ, разумъ есть такой постоянный аттрибутъ, который свойственъ каждому индивиду и всегда остается не уничтожимымъ, хотя его и не всегда можно замѣтить. Но при недостаткѣ подобныхъ знаній, мы пользуемся аттрибутами, кажущимися намъ наиболѣе удобными для различенія и сравненія вещей и, однимъ словомъ, для познанія ихъ видовъ и сортовъ; и эти аттрибуты всегда имѣютъ свои реальные признаки.

§ 14. *Филалетъ*. Для различенія субстанціальныхъ бытій, согласно съ обычнымъ предположеніемъ, по которому существуютъ извѣстныя сущности или точныя формы вещей, коими всѣ существующіе индивиды естественно раздѣляются на виды, надобно было бы *прежде всего* быть увѣреннымъ, что § 15, природа, при произведеніи вещей, дѣлать ихъ причастными къ извѣстнымъ правильнымъ и установленнымъ сущностямъ, какъ къ ихъ моделямъ; и *во-вторыхъ*, что, § 16, природа всегда достигаетъ этой цѣли. Но уроды подаютъ намъ поводъ сомнѣваться и въ томъ, и въ другомъ, § 17. Надобно было бы, *въ-третьихъ*, опредѣлить, дѣйствительно ли эти уроды— не составляютъ отличнаго и новаго вида [1]); ибо мы находимъ, что нѣкоторые изъ этихъ уродовъ очень мало или вовсе не имѣютъ качествъ, предположительно вытекающихъ изъ сущности того вида, изъ котораго заимствуютъ свое начало и къ которому, повидимому, принадлежатъ въ силу своего рожденія.

Ѳеофилъ. Когда дѣло идетъ объ опредѣленіи того, принадлежатъ ли уроды къ извѣстному виду, то часто руководству-

---

[1]) Это мѣсто, вслѣдъ за Кирхманомъ, мы переводимъ согласно съ Эрдмановымъ изданіемъ Лейбницевыхъ твореній.

ются предположеніями. А это показываетъ, что тогда не ограничиваются внѣшностью; потому что хотятъ узнать, дѣйствительно-ли *внутренняя природа* (какъ напримѣръ, разумъ у человѣка), общая индивидуумамъ этого вида, присуща (какъ дѣлаетъ это вѣроятнымъ рожденіе) этимъ индивидамъ, хотя не имѣетъ нѣкоторыхъ *внѣшнихъ признаковъ*, обыкновенно присущихъ этому виду. Но наше незнаніе нисколько не перемѣняетъ природы вещей и, если есть подобная общая внутреняя природа, то она будетъ существовать или не будетъ существовать у урода, хотя бы мы знали это или не знали. И если бы внутренняя природа не находила себѣ никакого вида въ немъ, то уродъ могъ бы образовать свой собственный видъ. Но если бы не было подобной внутренней природы въ видахъ, о которыхъ идетъ дѣло и если бы столько же мало останавливались на рожденіи, когда одни лишь внѣшніе признаки опредѣляли бы видъ, а уроды не были бы того вида, отъ котораго они удаляются, по крайней мѣрѣ, принимая видъ нѣсколько въ неопредѣленномъ и расширенномъ смыслѣ: тогда, то есть, въ этомъ случаѣ, наши усилія опредѣлить сущность были бы тщетны. Это быть можетъ, вы хотите сказать, посредствомъ всего того, что возражаете противъ видовъ, заимствованныхъ отъ внутреннихъ реальныхъ сущностей. Итакъ вы, м. г., должны бы доказать, что не бываетъ внутреннихъ специфически общихъ признаковъ, когда совершенно нѣтъ внѣшнихъ. Но противоположное случается въ человѣческомъ родѣ, гдѣ иногда дѣти съ нѣкоторыми уродствами, возрастая обнаруживаютъ разумъ. Почему же нельзя видѣть чего либо подобнаго въ другихъ видахъ? Справедливо, что при недостаткѣ нашихъ знаній, мы не можемъ пользоваться этимъ при опредѣленіяхъ; но внѣшность замѣняетъ его; впрочемъ я признаю, что одна она недостаточна для пріобрѣтенія точнаго *опредѣленія* и что самыя *номинальныя опредѣленія* при этихъ случаяхъ суть только предположенія. И я выше сказалъ уже, какимъ образомъ иногда эти предположенія бываютъ только *предварительными*. Напримѣръ, можно найти средство поддѣлать золото, такъ что оно будетъ выдерживать всѣ извѣстные доселѣ испытанія; но тогда можно найти новый спо-

собъ испытанія, который далъ бы средство различить природное золото отъ *искусственнаго*. Древніе извѣстія приписываютъ и то и другое Августу, курфюрсту Саксонскому [1]), но я не могу признать этого факта достовѣрнымъ. Однако же, если бы онъ былъ истиннымъ, то мы могли бы имѣть опредѣленіе золота, болѣе совершенное, чѣмъ имѣемъ теперь. И если бы *искусственное* золото могло поддѣлываться во множествѣ и стать дешевымъ, какъ предполагаютъ алхимики; то эта новая проба была бы важною; потому что своимъ способомъ она сохранила бы за родомъ человѣческимъ выгоду, доставляемую *естественнымъ золотомъ* въ торговлѣ своею рѣдкостью, предоставленіемъ намъ матеріала твердаго, однообразнаго, легко дѣлимаго и узнаваемаго, и цѣннаго въ небольшихъ частяхъ. При этомъ случаѣ я хочу рѣшить одно возраженіе. (См. § 50 главы объ именахъ субстанцій, у автора „Опыта о разумѣ"). Возраженіе это состоитъ въ слѣдующемъ: когда говорятъ, что *всякое золото есть тугоплавкое*; то, если подъ идеею золота разумѣютъ связь нѣкоторыхъ свойствъ, въ числѣ которыхъ содержится и тугоплавкость; тогда высказываютъ предложеніе тождественное и пустое, какъ если бы говорили: тугоплавкое есть тугоплавкое; если же подъ нимъ разумѣютъ бытіе субстанціальное, одаренное извѣстною сущностію, коей тугоплавкость есть слѣдствіе; то (тоже) не говоря ничего, вразумительнаго; ибо эта реальная сущность совершенно намъ неизвѣстна.— Я отвѣчаю, что тѣло, одаренное этимъ внутреннимъ строеніемъ, опредѣляется другими внѣшними признаками, въ числѣ которыхъ тугоплавкость не содержится, какъ если-бы кто-либо сказалъ: самое тяжелое тѣло есть также и самое тугоплавкое. Но все это говорятъ только предварительно; ибо могутъ найти нѣкогда жидкое тѣло, какимъ можетъ быть новая, болѣе тяжелая, чѣмъ золото, ртуть, на которой золото будетъ плавать, какъ плаваетъ свинецъ на нашей ртути.

---

[1]) Августъ, курфюрстъ Саксонскій, о которомъ говоритъ здѣсь Лейбницъ, первый, носившій это имя, былъ сыномъ Генриха благочестиваго и царствовалъ отъ 1553 до 1586 года. Вмѣстѣ съ своею супругою Анною Датскою онъ любилъ заниматься алхиміею.

§ 19. *Филалетъ.* Справедливо, что этимъ способомъ мы никогда не можемъ точно узнать числа свойствъ, зависящихъ отъ реальной сущности золота, по крайней мѣрѣ, пока не узнаемъ сущности самаго золота. § 21. Однако же, когда мы строго ограничиваемся лишь извѣстными свойствами, то этого достаточно для насъ, чтобы имѣть точныя номинальныя опредѣленія, которыя пригодны намъ въ настоящее время; при чемъ мы свободно можемъ измѣнять значеніе именъ, если откроется какое либо новое полезное различіе въ нихъ. Но надобно, по крайней мѣрѣ, чтобы это опредѣленіе соотвѣтствовало словоупотребленію и могло быть принимаемо. Это опровергаетъ тѣхъ, которые думаютъ, будто протяженіе составляетъ сущность тѣлъ; ибо, когда говорятъ, что одно тѣло сообщаетъ толчекъ другому; то, подставляя слово протяженіе, будетъ явною безсмыслицею сказать: протяженіе приводитъ въ движеніе другое протяженіе посредствомъ толчка; потому, что при этомъ еще требуется твердость. Подобнымъ же образомъ нельзя сказать, будто разумъ, или то, что дѣлаетъ человѣка разумнымъ, производитъ разговоръ; потому что разумъ не составляетъ еще всей сущности человѣка; собственно разумныя творенія ведутъ разговоръ между собою.

Ѳеофилъ. Я думаю, что вы правы; ибо объекты абстрактныхъ и неполныхъ идей недостаточны для сообщенія основаній всѣхъ дѣйствій предметовъ. Однако же я думаю, что *разговоръ* свойственъ всѣмъ духамъ, могущимъ сообщать другъ другу свои мысли. Схоластики были въ большомъ затрудненіи по поводу того, какимъ образомъ *ангелы* могутъ разговаривать; но если бы они усвояли имъ такія тѣла, какъ дѣлаю это я согласно съ древними, то они не затруднялись бы относительно этого [1]).

§ 22. *Филалетъ.* Существуютъ творенія, имѣющія форму, подобную нашей, но покрытыя волосами и не обладающія словомъ и разумомъ. Да и среди насъ существуютъ слабоумные, которые имѣютъ совершенно такую же форму, какъ мы, но лише-

---

[1]) Лейбницъ неоднократно высказываетъ свое мнѣніе о тонкой тѣлесности всѣхъ духовъ, за исключеніемъ Всесовершеннѣйшаго Духа. Мнѣніе это находится въ связи съ его философскимъ ученіемъ о монадахъ, какъ объ активныхъ и пассивныхъ силахъ.

вы разума, а нѣкоторые не обладаютъ и словомъ. Существуютъ, какъ говорятъ, творенія, которыя пользуясь словомъ и разумомъ и имѣя форму во всемъ остальномъ схожую съ нашею, обладаютъ волосатымъ хвостомъ; по крайней мѣрѣ, ничего нѣтъ невозможнаго, чтобы подобныя творенія существовали [1]). Есть еще иныя творенія, коихъ самцы не имѣютъ бороды, и другія, коихъ самки имѣютъ ее. Когда спрашиваютъ: всѣ эти творенія — люди или нѣтъ, принадлежатъ ли они къ человѣческому виду; то очевидно, что вопросъ единственно сводится къ номинальному опредѣленію или къ сложной идеѣ, составляемой нами для обозначенія этимъ именемъ; ибо внутренняя сущность намъ абсолютно неизвѣстна, хотя мы можемъ думать, что тамъ, гдѣ способности или внѣшняя форма такъ различны, и внутреннее строеніе не одинаково.

Ѳеофилъ. Я думаю, что относительно человѣка мы имѣемъ опредѣленіе и реальное, и номинальное въ одно и то же время. Ибо у человѣка нѣтъ ничего болѣе внутренняго, какъ разумъ и обыкновенно разумъ его хорошо узнается. Вотъ почему борода и хвостъ не принимаются при этомъ въ расчетъ. Лѣсной человѣкъ, не смотря на свои волосы, хорошо узнается, и шерсть безхвостой обезьяны не исключаетъ ее изъ числа обезьянъ. Слабоумные не пользуются разумомъ; но поелику мы изъ опыта знаемъ, что разумъ ихъ связанъ и не можетъ проявиться, и что это случается съ людьми, обнаруживающими разумъ или могущими обнаружить его въ будущемъ, то мы, судя по вѣроятности, составляемъ подобное же сужденіе объ этихъ слабоум-

[1]) Сага о людяхъ съ хвостами, о которой говоритъ Локкъ и которой придаетъ вѣру, была очень распространена въ XVII столѣтіи. Полагали, что во внутренней Африкѣ существуютъ цѣлыя племена негровъ съ хвостами и съ шерстью животныхъ. Но новѣйшіе путешественники, далеко проникавшіе въ глубь Африки, рѣшительно отвергаютъ эту сагу. Сага эта, какъ догадывается Dr. Швейнфуртъ, по всей вѣроятности, возникла отъ того, что нѣкоторыя негрскія племена придѣлываютъ себѣ искусственные хвосты, въ видѣ украшенія. Но вѣрно то, что дѣйствительно существуютъ нѣкоторые дикіе люди, лица которыхъ, какъ у мущинъ, такъ и у женщинъ, покрыты довольно густою шерстію. Что же касается дитяти, найденнаго среди медвѣдей и жившаго въ ихъ сообществѣ, то извѣстіе объ этомъ можно находить у средневѣковыхъ писателей; но они говорятъ объ этомъ неопредѣленно, безъ указанія подлиннаго источника своихъ разсказовъ.

ныхъ при помощи другихъ указаній, то есть, на основаніи тѣлесной фигуры. Только вслѣдствіе этихъ указаній предполагаютъ, что это дѣти людей и со временемъ проявятъ разумъ. Но если бы нашлись разумныя творенія съ внѣшнею формою, нѣсколько отличною отъ нашей, то мы очутились бы въ затрудненіи. Это даетъ понять, что наши опредѣленія, заимствованныя отъ внѣшности тѣлъ, несовершенны и предварительны. Если бы кто либо назвалъ себя ангеломъ и зналъ бы или умѣлъ бы совершать вещи, превышающія наши знанія, то могъ бы возбудить къ себѣ довѣріе. Если бы кто либо другой, посредствомъ какой либо особенной машины, сошелъ съ луны, подобно Гонзалесу, и сталъ бы разсказывать намъ вѣроятныя вещи о своей родной землѣ, то былъ бы признанъ жителемъ луны; и тѣмъ не менѣе ему могли бы у насъ отвесть мѣстожительство и усвоить гражданскія права, какъ бы ни былъ онъ чуждъ шару нашей земли. Но если бы онъ потребовалъ крещенія и захотѣлъ стать прозелитомъ нашей вѣры; то возбудилъ бы большой споръ среди нашихъ богослововъ. И если бы сношеніе съ планетными людьми, очень похожили, по Гюйгенсу, на насъ, было свободнымъ; то все же вопросъ заслуживалъ бы вселенскаго собора, чтобы рѣшить, не должны ли мы озаботиться распространеніемъ нашей вѣры за предѣлами нашего земнаго шара. Безъ сомнѣнія, многіе доказывали бы, что разумныя существа изъ чужаго намъ шара, не будучи потомками Адама, не имѣютъ надобности въ искупленіи Іисуса Христа; но другіе, быть можетъ, стали бы утверждать, что мы не достаточно знаемъ ни того, гдѣ Адамъ постоянно находился, ни того, что сталось съ его потомствомъ; потому что существовали богословы, которые даже полагали, будто бы луна была мѣстомъ рая; и быть можетъ, согласно съ большинствомъ голосовъ было бы признано за болѣе достовѣрное, что этихъ недоумѣнныхъ людей надобно крестить, если только они способны къ крещенію. Но я сомнѣваюсь, чтобы въ римской церкви ихъ когда либо сдѣлали священниками; ибо ихъ посвященіе всегда оставалось бы сомнительнымъ и по предположеніямъ этой церкви грозило бы дѣйствительнымъ людямъ опасностію впасть въ матеріалисти-

ческое идолопоклонство. Къ счастію, природа предметовъ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ подобныхъ затрудненій; тѣмъ не менѣе эти оригинальныя измышленія полезны въ (отвлеченныхъ) созерцаніяхъ для вѣрнаго различенія природы нашихъ идей.

§ 23. *Филалетъ.* Не только при богословскихъ вопросахъ, но и при другихъ случаяхъ, быть можетъ, кто либо захотѣлъ бы руководиться расою и сказать, что у животныхъ распространеніе посредствомъ соединенія мужской и женской особи, а у растеній посредствомъ сѣмянъ, самое это распространеніе подтверждаетъ предполагаемые реальные виды, какъ отличные и цѣлостные. Но это можетъ служить только къ закрѣпленію видовъ животныхъ и растеній. Что же дѣлать съ остальными? И этого не достаточно даже и относительно указанныхъ видовъ; ибо, если надобно вѣрить исторіи, были женщины, забеременнѣвшія отъ безхвостыхъ обезьянъ. И вотъ новый вопросъ: къ какому виду принадлежитъ подобный потомокъ? Часто видѣли *муловъ и ублюдковъ* (см. этимологическій словарь Менажа), изъ коихъ первые рождены осломъ и кобылою, а послѣдніе быкомъ и кобылою. Я видѣлъ животное, рожденное кошкою и крысою, которое имѣло всѣ видимые признаки этихъ двухъ животныхъ. Кто присоединитъ къ этому рожденія уродливыя, тотъ найдетъ, что очень трудно опредѣлить видъ по рожденію, и если бы мы могли опредѣлять только посредствомъ этого, то неужели я долженъ былъ бы отправляться въ Индію, чтобы видѣть отца и мать тигра и сѣмя чайнаго растенія? И не могъ ли бы я судить инымъ способомъ, если бы индивиды, прибывшіе къ намъ, были этихъ видовъ?

Ѳеофилъ. Порода или раса подаетъ, по крайней мѣрѣ, сильную вѣроятность, то есть, доказательство предварительное; и я уже сказалъ, что очень часто наши признаки суть только предположенія. Раса обманываетъ иногда фигурою, когда дитя не похоже ни на отца, ни на мать; и смѣшеніе фигуръ не всегда бываетъ признакомъ смѣшенія расъ; ибо можетъ случиться, что женская особь произведетъ на свѣтъ животное, которое, повидимому, будетъ принадлежать къ другому виду; и только одно воображеніе матери будетъ причиною этого уклоненія отъ правила, не говоря уже о томъ, что называютъ *заносами* (*mola*).

Но какъ предположительно судятъ о видѣ по расѣ, такъ судятъ и о расѣ по виду. Ибо когда королю Польскому, Іоанну Козиміру, представили лѣсное дитя, найденное среди медвѣдей, имѣвшее много общаго съ ними, но которое наконецъ заявило себя разумнымъ животнымъ, то нисколько не сомнѣвались признать его потомкомъ изъ расы Адама, и его крестили подъ именемъ Іосифа, хотя, быть можетъ, подъ условіемъ: *si baptizatus non es* (*если ты не крещенъ*), по обычаю римской церкви; ибо онъ могъ быть похищенъ медвѣдемъ уже послѣ крещенія. Еще недостаточно извѣстны дѣйствія помѣси животныхъ; и часто уничтожаютъ уродовъ вмѣсто того, чтобы сохранять ихъ, не говоря уже о томъ, что уроды недолговѣчны. Думаютъ, что смѣшанныя животныя не размножаются; однако же Страбонъ приписываетъ размноженіе Каппадокійскимъ муламъ; и мнѣ писали изъ Китая, что въ Татаріи существуетъ раса, близкая къ муламъ; мы видимъ также, что смѣшенія растеній способны сохранять свой новый видъ [1]). У животныхъ постоянно бываетъ неизвѣстно, мужская или женская особь, или и та и другая, или ни та, ни другая, болѣе всего опредѣляютъ видъ. Ученіе о женскомъ яйцѣ, ставшее славнымъ чрезъ покойнаго Керкеринга [2]), повидимому, сводитъ мужское вліяніе при рожденіи къ дѣйствію мелкаго дождя въ отношеніи къ растеніямъ, что даетъ сѣменамъ возможность проростать и возвышаться надъ землею, согласно съ стихами, воспѣваемыми Прискилліанистами Пресвятой Дѣвѣ:

---

[1]) На разъясненіе этого предмета, какъ извѣстно, употребилъ много времени и много труда Дарвинъ въ своемъ пресловутомъ сочиненіи: „О происхожденіи видовъ"; но всѣ его усилія привели лишь къ незначительнымъ результатамъ. Въ этомъ сознаются теперь и современные намъ естествоиспытатели.

[2]) Упоминаемый здѣсь Керкерингъ былъ сотоварищемъ и счастливымъ соперникомъ Спинозы въ школѣ нѣкоего Ванъ-деръ-Энде, гдѣ оба они изучали латинскій языкъ. Колеръ въ своемъ жизнеописаніи Спинозы расказываетъ, что оба товарища, Спиноза и Керкерингъ, ухаживали за дочерью Ванъ-деръ-Энде, которая однако же предпочла Керкеринга и вышла за него замужъ. Керкерингъ извѣстенъ такъ-же и многими своими сочиненіями, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательно: *Ichnographia anthropogeniae seu conformatio foetus ab ovo* etc. (Amsterdam, 1671). На это то сочиненіе Лейбницъ и ссылается въ этомъ мѣстѣ.

Cum Pater omnipotens foecundis imbribus aeter
Conjugis in laetae gremium descendit et omnes
Magnus alit magno commissus corpore foetus [1]).

(Когда всемогущій небесный Отецъ (Юпитеръ) плодоносными дождями нисходитъ на лоно радостной супруги и онъ—великій, оросивши ее великимъ тѣломъ, питаетъ всѣ зародыши).

Однимъ словомъ, по этой гипотезѣ, мужская особь есть только дождь. Но Левенгекъ возстановилъ значеніе мужскаго рода и въ свою очередь унизилъ женскій полъ, какъ если бы этотъ полъ обладалъ лишь дѣйствіемъ земли въ отношеніи къ сѣменамъ, доставляя имъ помѣщеніе и питаніе, что̀ могло бы происходить и тогда, когда бы теорія о яйцѣ была признана правильною [2]). Но это не мѣшаетъ воображенію женщины имѣть большое вліяніе на зародышъ, если даже предположить, что живое существо происходитъ отъ мужской особи: потому что это случается въ состояніи, предназначенномъ къ большимъ обычнымъ перемѣнамъ и тѣмъ болѣе къ перемѣнамъ чрезвычайнымъ. Увѣряютъ, будто воображеніе одной высокопоставленной дамы, пораженной видомъ изуродованнаго, отсѣкло руку зародыша, близкаго къ появленію на свѣтъ, и эта рука нашлась послѣ родовъ: однакоже это требуетъ подтвержденія. Быть можетъ, найдется кто либо съ заявленіемъ, что хотя душа можетъ происходить толь-

---

[1]) Стихъ этотъ заимствованъ изъ Виргиліевыхъ *Georgica* (II, ст. 325—327). Онъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ греческому миѳу ὁ ἱερὸς γάμος Зевса и Геры. Миѳъ о бракѣ Зевеса съ Герою имѣлъ весьма важное значеніе въ греческой миѳологіи, мистикѣ и поэзіи. Гомеръ излагаетъ его въ XIV книгѣ своей Иліады и за-тѣмъ въ поэтической формѣ упоминаетъ о немъ во многихъ мѣстахъ своихъ пѣсней. Предполагаютъ, что Виргилій въ данномъ мѣстѣ имѣетъ въ виду именно этотъ миѳъ. Что же касается Присциліанъ, то это была гностическая секта, къ послѣдователямъ которой впервые примѣнена была смертная казнь, противъ чего такъ сильно возставали св. отцы Церкви. Блаж. Іеронимъ (*Epist.* 133 ad *Ctesiphontem*) говоритъ, что именно этотъ стихъ Виргилія послужилъ основнымъ началомъ при образованіи ихъ ереси и оправдывалъ ихъ ученіе о половой свободѣ.

[2]) Левенгекъ, первый открывшій, такъ называемыя, *сперматозоа*, сообщаетъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ знаменитому Врену. Письмо это помѣщено въ „*Arcana naturae detecta ab Ant. van Leeuwenhoek. Delphis Bat.*, 1695.

ко отъ одного пола, однако же и тотъ и другой полъ доставляютъ при этомъ нѣчто органическое и что изъ двухъ тѣлъ образуется единое, подобное тому, какъ мы видимъ въ шелковичномъ червѣ какъ бы двойное животное, содержащее въ себѣ летающее насѣкомое подъ формою гусеницы; въ такой то еще темнотѣ мы находимся относительно этого важнаго предмета. Быть можетъ, аналогія растеній освѣтитъ намъ нѣкогда это, но теперь мы не знаемъ и самаго размноженія растеній; догадка о замѣченной (растительной) пыли, какъ-бы соотвѣтствующей мужскому сѣмени, еще недостаточно выяснена. Наконецъ стебель растенія довольно часто бываетъ способенъ производить новое и цѣлое растеніе, чему нѣтъ аналогіи среди животныхъ и нельзя сказать, что нога животнаго есть животное, какъ повидимому всякая вѣтвь дерева есть растеніе, само по себѣ способное быть плодоносным. Смѣшеніе видовъ и даже измѣненія въ одномъ и томъ же видѣ часто совершаются съ большимъ успѣхомъ въ растеніяхъ. Быть можетъ, въ нѣкоторыя времена или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вселенной животныя суть или были или будутъ болѣе подчинены измѣненію, чѣмъ подчинены теперь среди насъ; и нѣкоторыя животныя, имѣющія нѣчто кошачье, какъ напримѣръ, левъ, тигръ и рысь, могли происходить отъ одной и той же расы и теперь могутъ образовывать новыя подраздѣленія древняго кошачьяго вида. Такимъ образомъ, я опять возвращаюсь къ высказанному мною уже неоднократно, что наши опредѣленія физическихъ видовъ суть только предварительныя и пропорціональны съ нашими познаніями [1]).

§ 24. *Филалетъ.* По крайней мѣрѣ, люди, вводившіе свои раздѣленія видовъ, никогда не думали о субстанціальныхъ фор-

---

[1]) Излагаемая здѣсь Лейбницемъ теорія развитія не принадлежитъ собственно Лейбницу. Впервые ее высказали іонійскіе физіологи, затѣмъ въ формѣ предположенія ее высказывали послѣдующіе философы, пока наконецъ въ наше время чрезъ посредство Гёте и Ламарка она не нашла себѣ ученаго защитника въ лицѣ Дарвина. Должно, однако же, замѣтить, что Лейбницъ, высказывая эту теорію, держится скромныхъ границъ и далекъ отъ преувеличеній, въ которыя впадаютъ современные намъ, неумѣренные дарвинисты.

махъ, за исключеніемъ изучившихъ нашъ школьной языкъ въ тѣхъ единственныхъ мѣстахъ міра, въ которыхъ и мы изучили его.

Ѳеофилъ. Кажется, что еще недавно выраженіе: *субстанціальныя формы* стало у нѣкоторыхъ людей безславнымъ, и они стыдятся произносить его. При всемъ томъ, быть можетъ, при этомъ сказывается больше увлеченіе модою, чѣмъ разумомъ. Схоластики ошибочно употребляли общее понятіе, когда дѣло шло о выясненіи частныхъ явленій; но злоупотребленіе не уничтожаетъ предмета. Душа человѣческая мало возбуждаетъ къ себѣ довѣрія среди нѣкоторыхъ нашихъ философовъ. Нѣкоторые изъ нихъ признаютъ ее формою человѣка; но въ то же время хотятъ, чтобы она была единственною субстанціальною формою извѣстной намъ природы. Декартъ выражается подобнымъ образомъ, и порицаетъ Регіуса за то, что онъ оспаривалъ это качество субстанціальной формы души и отвергалъ, чтобы человѣкъ былъ *unum per se,* существомъ, одареннымъ дѣйствительнымъ единствомъ [1]). Нѣкоторые думаютъ, что этотъ превосходный человѣкъ дѣлалъ это ради приличія. Я нѣсколько сомнѣваюсь въ этомъ, ибо онъ имѣлъ основаніе дѣлать это. Но преимущество это надобно усвоять не одному только человѣку, какъ будто природа творитъ урывками. Есть основаніе думать, что существуетъ безконечное число душъ, или, говоря общѣе, первоначальныхъ энтелехій, имѣющихъ аналогію съ воспріятіемъ и съ стремленіемъ и всегда остающихся и навсегда имѣющихъ остаться субстанціальными формами тѣлъ. Справедливо, что есть повидимому виды, которые не суть въ дѣйствительности *unum per se* (то есть, тѣла одаренныя дѣйствительнымъ единствомъ, или нераздѣльнымъ бытіемъ, дѣлающимъ ихъ цѣльнымъ активнымъ принципомъ), какъ нельзя назвать *unum per se* мельницу или часы. Соли, минералы и металлы могутъ быть подобной природы, то есть, суть простое сложеніе или масса при нѣкоторой правильности. Но тѣла того и другаго рода, то есть, одушевленныя тѣла, равно какъ и безжиз-

[1]) Объ этомъ предметѣ Декартъ неоднократно говорилъ въ своихъ письмахъ (см. напр. его письма. Кн. 1, письмо 89, Аугсбургск. изд. 1668 г.).

ненныя сложенія, должны быть специализированы внутреннею структурою, ибо въ самыхъ одушевленныхъ тѣлахъ, душа и машина [1]), каждая съ своей стороны, достаточны для (своего) назначенія; такъ какъ они совершенно согласны и, хотя не имѣютъ непосредственнаго вліянія другъ на друга, но выражаютъ себя взаимно, когда одно концентрируетъ въ совершенномъ единствѣ все то, что другое содержитъ въ разсѣянномъ множествѣ. Такимъ образомъ, когда дѣло идетъ о распредѣленіи видовъ, безполезно спорить о субстанціальныхъ формахъ, хотя по другимъ причинамъ хорошо знать, существуютъ ли они и какимъ образомъ; ибо безъ этого будутъ чужими людьми въ интеллектуальномъ мірѣ. Наконецъ, греки и арабы говорили объ этихъ формахъ, равно какъ и европейцы; и если простой народъ не говоритъ о нихъ, то онъ не говоритъ также ни объ алгебрѣ, ни о несоизмѣримыхъ величинахъ [2]).

§ 25. *Филалетъ.* Языки образованы были прежде наукъ, и (въ это то время) невѣжественный и необразованный народъ распредѣлилъ вещи по родамъ.

---

[1]) Подъ машиною разумѣется здѣсь тѣло въ соотвѣтствіи съ картезіанскимъ словоупотребленіемъ.

[2]) Лейбницъ защищаетъ здѣсь «субстанціальныя формы» не въ томъ смыслѣ, въ какомъ Локкъ нападалъ на нихъ. Локкъ имѣлъ въ виду собственно схоластическія субстанціальныя формы. Эти формы были у нихъ лишь отрывкомъ Платоновской теоріи идей, превращенныхъ позднѣйшими аристотеликами въ родовыя и видовыя понятія, съ цѣлію подтвердить свое убѣжденіе, что мысленный міръ вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности предметовъ. Локкъ отвергаетъ это соотвѣтствіе родовыхъ и видовыхъ понятій; по нему, всѣ эти понятія суть лишь произвольно составленные образы предметовъ и суть продукты человѣческаго измышленія. Лейбницъ же, какъ это открывается изъ его *Discours de metaphysique,* субстанціальныя формы связываетъ съ своею монадологическою теоріею и смотритъ на нихъ, какъ на предметное выраженіе сущности субстанціи, которая, выступая изъ своего душевнаго единства, отражается въ соотвѣтствіи съ ними въ разнообразіи тѣла (машины), равно какъ и его формы. Объ отношеніи субстанціальныхъ формъ къ Лейбницевымъ монадамъ и матеріи см. обстоятельное сочиненіе Гартенштейна: „Ueber Leibniz's Lehre von dem Verhältniss der Monaden zur Körperwelt" (Historisch-philosophische Abhandlungen. Leipzig, 1870). Изъ новѣйшихъ можемъ указать: Eine neue Darstellung der Leibnizischen Monadenlehre auf Grund der Queen von Eduard Dilmann. Leipzig, 1891.

Өеофилъ. Это справедливо, но люди, занимающіеся науками, оправдываютъ общенародныя понятія. Химики нашли точныя средства опредѣлить и распредѣлить металлы; ботаники удивительнымъ образомъ обогатили науку о растеніяхъ; а наблюденія, произведенныя надъ насѣкомыми, проложили намъ новый путь къ познанію животныхъ. Но мы не прошли еще и половины нашего пути.

К. И—нъ.

(Продолженіе будетъ).

УСТАВЪ

Бѣлопольскаго Братства ревнителей вѣры и Церкви Православной во имя Пресвятыя Богородицы.

§ 1. Братство учреждается въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ, Харьковской епархіи, подъ наименованіемъ „Бѣлопольскаго Братства ревнителей вѣры и Церкви Православной во имя Пресвятыя Богородицы."

I. Цѣль Братства.

§ 2. Бѣлопольское Братство своею цѣлію поставляетъ утвержденіе и распространеніе православной вѣры, противодѣйствіе сектантству и возвышеніе религіозно-нравственнаго народнаго состоянія и просвѣщенія въ духѣ вѣры и Церкви Православной, въ предѣлахъ Сумскаго уѣзда.

Сообразно съ этою цѣлію:

А. Способствуетъ успѣшнѣйшему удовлетворенію духовнымъ потребностямъ мѣстнаго Православнаго населенія путемъ: а) распространенія въ народѣ Священнаго Писанія, разнообразныхъ книгъ, брошюръ и листковъ религіозно-нравственнаго содержанія; б) учрежденія въ городѣ Бѣлопольѣ братской библіотеки—и в) содѣйствія уѣздному Отдѣленію Епархіальнаго училищнаго Совѣта къ открытію при церковно-приходскихъ школахъ особыхъ, небольшихъ и сравнительно недорогихъ приходскихъ библіотекъ изъ книгъ религіозно-нравственнаго и и церковно-историческаго содержанія, разсказовъ изъ русской исторіи о подвигахъ преданности Престолу и Отечеству и т. п.

Б. Противодѣйствуетъ распространенію сектантства въ предѣлахъ уѣзда и ограждаетъ православныхъ отъ увлеченія имъ.

Примѣчаніе. Для указаній и совѣтовъ въ борьбѣ съ сектантствомъ и для вспомоществованія въ случаѣ нужды деньгами и книгами Братство обращается въ Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ, а въ дѣлахъ особенной важности, гдѣ потребуется содѣйствіе гражданскаго начальства, входитъ съ просьбою о ходотайствѣ къ епархіальному Архіерею.

В. Содѣйствуетъ уѣздному отдѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ распространеніи и благоустроеніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты въ Сумскомъ уѣздѣ путемъ увеличенія ихъ матеріальныхъ средствъ.

II. Составъ Братства.

§ 3. Братство, находясь подъ покровительствомъ, просвѣщеннымъ руководствомъ и ближайшимъ контролемъ Епархіальнаго Архипастыря, состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ обоего пола всѣхъ сословій и званій православнаго исповѣданія, безъ ограниченія предѣлами уѣзда.

§ 4. Начальнику губерніи подносится званіе почетнаго члена Братства.

§ 5. *Дѣйствительными* членами Братства именуются лица, вносящія въ кассу Братства ежегодно не менѣе *трехъ* рублей.

§ 6. *Членами соревнователями* именуются лица, вносящія въ братскую кассу *менье трехъ* рублей, а также жертвующія нѣкоторое количество книгъ, картинъ религіознаго и патріотическаго содержанія и другихъ вещей, полезныхъ для церковно-приходскихъ школъ и борьбы съ сектантствомъ.

§ 7. *Пожизненными* членами именуются лица, внесшія единовременно сумму не менѣе *ста* рублей.

§ 8. Лица гражданскаго управленія: уѣздный Исправникъ и его помощникъ, Земскіе Начальники въ уѣздѣ, Становые Пристава, а также благочинные и священники всѣхъ приходскихъ и домовыхъ церквей Сумскаго уѣзда состоятъ *дѣйствительными* членами Братства, хотя бы пожертвованій они не представляли, лишь бы содѣйствовали успѣхамъ Братства дѣятельнымъ участіемъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что право голоса въ общихъ собраніяхъ и выбора въ члены Совѣта имѣютъ только лица доставившія членскій взносъ.

§ 9. *Почетными* членами своими Братство, по рѣшенію общаго собранія, признаетъ тѣхъ, которые оказали особенныя услуги Братству своими трудами и нравственнымъ вліяніемъ, или же значительнымъ пожертвованіемъ.

§ 10. Каждый членъ Братства, за исключеніемъ членовъ *почетныхъ* и *пожизненныхъ*, возобновляетъ свою запись въ спискѣ членовъ ежегодно.

§ 11. Братство ежегодно выдаетъ свидѣтельства на званіе *дѣйствительныхъ* членовъ братчикамъ по полученіи опредѣленнаго взноса за подписью предсѣдателя Совѣта Братства, или одного изъ его членовъ, а дипломы на званіе *почетныхъ* членовъ, по утвержденіи въ семъ званіи епархіальнымъ Архіереемъ, за его подписью.

§ 12. Желающій вступить въ Братство заявляетъ о своемъ желаніи Совѣту Братства словесно или письменно, лично, или чрезъ посредство кого нибудь изъ братчиковъ.

§ 13. На всѣхъ членахъ Братства лежитъ нравственное обязательство содѣйствовать осуществленію цѣли Братства духовными и матеріальными средствами.

III. Управленіе дѣлами Братства.

§ 14. Завѣдываніе и управленіе дѣлами Братства принадлежитъ: а) *Совѣту Братства* и б) *Общему Собранію* членовъ Братства.

§ 15. Предсѣдатель Совѣта Братства и вмѣстѣ Общаго Собранія членовъ его избирается изъ лицъ духовнаго званія Общимъ Собраніемъ и утверждается въ должности епархіальнымъ Архіереемъ.

§ 16. *Совѣтъ Братства* состоитъ изъ Предсѣдателя и Товарища его, избираемаго изъ свѣтскихъ лицъ, и трехъ членовъ, избираемыхъ на три года Общимъ Собраніемъ Братства изъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и пожизненныхъ членовъ Братства, преимущественно имѣющихъ жительство въ городѣ Бѣлопольѣ.

§ 17. Совѣтъ Братства изъ наличныхъ трехъ членовъ избираетъ Казначея Совѣта и *завѣдывающаго письменною частію* Совѣта на три года, а для письмоводства приглашаетъ способнаго человѣка изъ членовъ Братства безъ права голоса, съ вознагражденіемъ, если окажется нужнымъ и съ званіемъ *письмоводителя*, и, по найму, писцовъ по мѣрѣ надобности.

§ 18. Общимъ Собраніемъ въ составъ Совѣта Братства избираются кандидаты, въ числѣ пяти, также изъ членовъ дѣйствительныхъ, пожизненныхъ и почетныхъ на три года.

§ 19. Засѣданія Совѣта Братства происходятъ по мѣрѣ надобности, но не менѣе одного раза въ теченіе мѣсяца.

§ 20. Всѣ члены Братства имѣютъ право лично или письменно дѣлать свои заявленія Совѣту, по которымъ онъ и дѣлаетъ свои постановленія, или же, въ случаѣ особенной важности дѣла, въ свое время представляетъ его Общему Собранію.

§ 21. Дѣла на разсмотрѣніе Совѣта вносятся членомъ Совѣта, завѣдывающимъ письменною частію, и рѣшаются большинствомъ голосовъ; при равенствѣ даетъ перевѣсъ голосъ предсѣдателя.

§ 22. Предсѣдатель опредѣляетъ мѣсто и время засѣданій Совѣта, наблюдаетъ за порядкомъ при обсужденіи дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Совѣта, завѣдуетъ общимъ теченіемъ дѣлъ, примѣнительно къ главной цѣли Братства, предлагаетъ на обсужденіе свои предположенія, отбираетъ голоса, слѣдитъ за исполненіемъ опредѣленій, дѣла особенной важности представляетъ на разсмотрѣніе епархіальному Архіерею и сносится съ духовными лицами, съ уѣздными гражданскими властями и другими лицами въ предѣлахъ вліянія Братства.

§ 23. Всѣмъ Собраніямъ Совѣта ведутся журналы, въ которые вносятся разсужденія, предположенія и распоряженія Совѣта установленнымъ законами порядкомъ, которые хранятся при дѣлахъ Совѣта. На основаніи журналовъ ведутся всѣ сношенія и дѣлаются распоряженія Совѣта, а также и доклады Общему Собранію.

§ 24. Казначей Совѣта ведетъ и хранитъ приходо-расходныя книги Братства, прошнурованныя, припечатанныя и скрѣпленныя по листамъ предсѣдателемъ и дѣлопроизводителемъ Совѣта, а также хранитъ денежные документы, получаетъ всѣ деньги, поступающія въ Совѣтъ Братства, въ случаѣ надобности обмѣнивая ихъ, съ вѣдома Предсѣдателя, на процентныя бумаги, ведетъ всѣ расходы и отправляетъ въ подлежащія мѣста деньги, согласно постановленіямъ Совѣта; вообще ведетъ хозяйственную часть Братства и заготовляетъ годовой экономическій отчетъ для доклада Общему Собранію.

§ 25. Приходо-расходныя книги Братства и суммы братскія свидѣтельствуются Совѣтомъ ежемѣсячно.

§ 26. Всѣ члены Совѣта могутъ принимать членскіе взносы и пожертвованія въ пользу Братства и передавать ихъ казначею, получая отъ него квитанціи для выдачи жертвователямъ.

§ 27. Въ концѣ братскаго года Совѣтъ составляетъ отчетъ о дѣятельности Братства за истекшій годъ и представляетъ его Общему Собранію, а по разсмотрѣніи симъ послѣднимъ представляетъ на утвержденіе епархіальнаго Преосвященнаго и по утвержденіи печатаетъ въ епархіальномъ органѣ.

§ 28. Всѣ члены Совѣта Братства служатъ безмездно, а на канцелярскія нужды расходуется потребная сумма изъ средствъ Братства.

§ 29. *Общія Собранія* членовъ Братства бываютъ *обыкновенныя* и *экстренныя*,—послѣднія, по усмотрѣнію Совѣта Братства, въ случаѣ особенныхъ нуждъ.

§ 30. *Очередное Общее Собраніе* Братства бываетъ однажды въ годъ, преимущественно въ одинъ изъ воскресныхъ или праздничныхъ дней, въ Январѣ мѣсяцѣ, въ мѣстѣ, назначенномъ Совѣтомъ Братства.

§ 31. Всѣ почетные, дѣйствительные, доставившіе слѣдующіе взносы и пожизненные члены Братства, безъ различія пола, пользуются правомъ голоса при рѣшеніи дѣлъ въ общемъ собраніи; члены соревнователи пользуются только правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 32. Рѣшеніе Общаго Собранія имѣетъ силу, если постановлено простымъ большинствомъ голосовъ: при равенствѣ голосовъ имѣетъ перевѣсъ то мнѣніе, на сторонѣ котораго остался Предсѣдатель Собранія.

Къ кругу занятій годичныхъ общихъ собраній принадлежатъ:

а) размотрѣніе годичнаго отчета, составляемаго Совѣтомъ о дѣятельности Братства,—

б) обсужденіе различныхъ вопросовъ и мѣръ по указаніямъ опыта, предлагаемыхъ Совѣтомъ Братства и возбуждаемыхъ въ самомъ Собраніи.

в) избраніе членовъ Совѣта Братства на мѣсто выбывшихъ или отказавшихся, а также кандидатовъ къ нимъ,—

г) избраніе, по предложенію Совѣта, почетныхъ членовъ Братства,—

д) избраніе ревизіонной коммиссіи изъ трехъ членовъ Братства, несостоявшихъ въ отчетномъ году членами Совѣта, которая повѣряетъ отчеты Совѣта и наличность

братскихъ суммъ и имущества, и о результатахъ своего контроля составляетъ актъ и журналъ, которые и представляются въ Совѣтъ для храненія при дѣлахъ, если не будетъ найдено какихъ либо особыхъ неисправностей; въ противномъ случаѣ, при особенной ихъ важности, Совѣтъ доноситъ о нихъ епархіальному Архіерею,—

е) разсмотрѣніе годовой смѣты расходовъ.

§ 33. Опредѣленія Братства, состоявшіяся въ Общемъ Собраніи и занесенныя въ журналъ Собранія, подписанный членами, печатаются вмѣстѣ съ отчетомъ Совѣта, разсмотрѣнною смѣтою и актомъ ревизіонной коммиссіи, по утвержденіи Его Преосвященствомъ, попечителемъ Братства.

IV. Средства Братства.

§ 34. Средства Братства составляются: а) изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, б) изъ процентовъ на капиталъ Братства въ случаѣ его скопленія, в) отчисленіе же доходовъ въ запасный капиталъ дѣлается Совѣтомъ изъ взносовъ пожизненныхъ членовъ, изъ остатковъ отъ ежегодно поступающихъ суммъ и изъ особыхъ значительныхъ пожертвованій съ утвержденія Общаго Собранія.

§ 35. Для усиленія своихъ средствъ Братство можетъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, учредить, гдѣ признаетъ это удобнымъ въ предѣлахъ Сумскаго уѣзда, книжныя лавки, въ коихъ, кромѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и противосектантскихъ, можетъ быть продажа иконъ, крестиковъ—деревянныхъ и металлическихъ—и малыхъ шейныхъ образковъ. Чистая прибыль отъ продажи всѣхъ вышеисчисленныхъ предметовъ поступаетъ въ общія средства Братства.

§ 36. Братство имѣетъ: печать съ изображеніемъ креста и съ надписью вокругъ: „печать Бѣлопольскаго Богородичнаго Братства"—и книгу для внесенія именъ и фамилій членовъ Братства, которая возобновляется ежегодно, а имена братчиковъ печатаются при годовомъ отчетѣ.

§ 37. Въ случаѣ закрытія Братства денежныя суммы и имущество его передаются епархіальному вѣдомству.

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *)

VI.

Психологическія системы, сложившіяся подъ вліяніемъ англійской психологіи.

Англійская опытная школа представляетъ значительныя особенности въ обработкѣ психологическихъ сюжетовъ сравнительно съ различными направленіями нѣмецкой психологіи. Продолжая традиціи Бекона и Локка и всецѣло опираясь на опытѣ, она изслѣдуетъ только психическія явленія, ихъ законы, непосредственныя причины и условія ихъ происхожденія, оставляя безъ вниманія вопросъ о самомъ психическомъ дѣятелѣ и его сущности. Духъ человѣка понимается ею только какъ связь психическихъ фактовъ; въ изслѣдованіи же онъ разлагается на свои составные элементы и на различныя духовныя операціи, въ образованіи которыхъ, повидимому, не принимаетъ никакого участія. Самыя проявленія духа, въ научной обработкѣ, группируются въ стройные ряды взаимно обусловленныхъ психическихъ фактовъ, но вовсе не объединяются внутренно проникающимъ ихъ зиждительнымъ началомъ.

Общіе принципы англійской психологіи таковы. Основными и самыми общими законами душевной жизни признаются законы ассоціаціи, изъ которыхъ затѣмъ изъясняется вся совокупность психическихъ фактовъ и явленій, какъ простѣйшихъ, такъ и наиболѣе сложныхъ. Процессъ ассоціаціи, основной для всѣхъ психическихъ образованій, опирается, по воззрѣніямъ школы, на два главныхъ факта воспріятія: сходство и сопре-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 9.

дѣльность, и производитъ или послѣдовательные ряды представленій, или одновременныя сосуществованія ихъ. Имѣя своимъ главнымъ предметомъ факты сознанія, англійская школа изслѣдуетъ ихъ двойнымъ методомъ: субъективно—сознаніемъ, памятью, размышленіемъ, и объективно—при помощи внѣшнихъ обнаруженій, а равно мнѣній и дѣйствій постороннихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не ограничиваясь сознаніемъ вполнѣ развитаго человѣка, она стремится открыть самые зародыши душевной жизни и затѣмъ внимательно слѣдитъ за послѣдовательными моментами ея развитія, словомъ занимается эмбріологіей души. Сознаніе для этой школы служитъ общимъ выраженіемъ психической жизни человѣка, обнимающимъ собою непрерывный токъ ощущеній, идей, чувствованій, актовъ воли и всѣхъ другихъ явленій душевной жизни. Ощущенія, какъ основной матеріалъ душевной жизни, доставляются ей, по воззрѣніямъ школы, семью различными путями: чувствами мышечнымъ и органическимъ и пятью спеціальными органами чувствъ. Воспріятіе внѣшняго міра является результатомъ взаимодѣйствія субъекта и объекта,—но внѣшній міръ не тожественъ съ нашими воспріятіями; послѣднія только соотвѣтствуютъ ему, а не копируютъ его, и отличаются отъ обоихъ образующихъ ихъ элементовъ, какъ вода отличается отъ составляющихъ ее элементовъ. Факты сознанія, обладающіе свойствомъ продолжаться и снова возникать въ душѣ, служатъ основою памяти и воображенія, подчиняющихся дѣйствію законовъ ассоціаціи. Главнѣйшимъ типомъ мышленія и основою всякой умственной дѣятельности признается индукція; силлогизму же отводится значеніе только способа повѣрки общихъ положеній, образованныхъ путемъ индукціи. Происхожденіе идей объясняется, по воззрѣніямъ школы, самостоятельною дѣятельностью душевнаго организма при пособіи функцій нервной системы; формы мышленія признаются продуктами дальнѣйшаго развитія психическихъ феноменовъ, въ основѣ которыхъ лежатъ ощущенія, постепенно перерабатываемыя развивающимся сознаніемъ. Въ жизни умственныхъ представленій выдѣляются два главныхъ отношенія: послѣдовательность и одновременность; изъ совокупнаго дѣйствія обоихъ объясняется

происхожденіе представленій пространства и времени, а изъ одного перваго—происхожденіе понятій причины и дѣйствія. Эмоціи и явленія воли гораздо менѣе обстоятельно изслѣдованы эмпирическою школою, нежели мыслительная сторона душевной жизни. Эмоціи и страсти обыкновенно подраздѣляются школою на простыя и сложныя. Къ сложнымъ эмоціямъ причисляются эстетическое и нравственное чувство. Воля имѣетъ своимъ источникомъ инстинкты, душевные аппетиты и страсти. Акты ея подчинены закону причинности. Вопросъ о свободѣ воли, по воззрѣніямъ школы,—вопросъ мнимый и для научнаго психолога непонятный; понятіе „свободы" должно быть замѣнено понятіемъ „способность". Въ общемъ, психологія, по воззрѣніямъ англійскихъ эмпириковъ, не должна быть отдѣляема отъ физіологіи и должна лишь восполняться этологіей, или наукою объ образованіи характеровъ [1]).

На основаніи сказаннаго не трудно видѣть, что существенными недостатками англійской эмпирической психологіи являются: полное пренебреженіе къ вопросу о психическомъ дѣятелѣ и пассивность, вносимая ею въ душевную жизнь. Занимаясь лишь анализомъ психическихъ явленій, она ничего не говоритъ прямо о природѣ души, не занимается объясненіемъ изслѣдуемыхъ явленій и не даетъ полнаго рѣшенія психологическихъ вопросовъ; вообще она носитъ на себѣ характеръ незаконченности, что объясняется не столько состояніемъ самой науки, сколько поставленными ею для себя задачами. Далѣе, значеніе законовъ ассоціаціи слишкомъ преувеличено ею. Эти законы отнюдь не могутъ быть признаваемы основными принципами, объясняющими психическія явленія. Они обнимаютъ только пассивную, механическую сторону душевной жизни и въ общемъ развитіи послѣдней играютъ второстепенную роль. Отсюда, главный упрекъ, который можно сдѣлать англійской психологіи, заключается въ томъ, что она, слишкомъ распространивши ученіе объ ассоціаціяхъ, схватила лишь одну сторону человѣческаго духа, оставивъ безъ вниманія его активность, которою въ конечномъ результатѣ только и могутъ быть

[1]) См. соч. Рибо „Современная англійская психологія" (опытная школа), р. пер. Боборыкина. М. 1881 г.

объяснены разнообразныя явленія въ области мышленія и воли. Правда, мышленіе пользуется ассоціаціями, но само стоитъ выше ихъ и само направляетъ ихъ къ опредѣленной цѣли. Равнымъ образомъ, и въ волевыхъ явленіяхъ акты самодѣятельности духа достигаютъ непосредственной очевидности.

Англійская ассоціаціонная психологія нашла себѣ радушный пріемъ и въ Россіи и даже получила здѣсь въ послѣднее время преобладающее значеніе въ спеціальныхъ излѣдованіяхъ о жизни духа. Имена Льюиса, Милля, Спенсера и Бэна, особенно послѣдняго, сдѣлались у насъ ходячими и наиболѣе популярными, а ихъ теоріи опредѣлили характеръ и особенности болѣе замѣчательныхъ новѣйшихъ психологическихъ системъ. Но въ зависимости отъ нѣкоторыхъ частныхъ разностей въ воззрѣніяхъ представителей англійской школы, подъ вліяніемъ которыхъ слагались русскія психологическія системы, послѣднія также представляютъ собою нѣсколько частныхъ направленій, различающихся между собою главнымъ образомъ задачами и пріемами изслѣдованія. Такъ, въ то время какъ одни изслѣдователи жизни духа, настойчиво утверждая мысль о совершенной непознаваемости его существа, занимаются лишь анализомъ психическихъ явленій, или фактовъ сознанія, въ ихъ готовомъ, сложившемся видѣ, съ цѣлью открыть ихъ общія свойства и вывести ихъ разнообразныя формы изъ законовъ ассоціаціи,—другіе, совершенно игнорируя вопросъ о психическомъ дѣятелѣ и придерживаясь главнымъ образомъ физіологическихъ основаній, стараются опредѣлить самыя *условія* происхожденія психическихъ фактовъ и показать строго послѣдовательное *развитіе* высшихъ ступеней и формъ сознанія изъ низшихъ и наиболѣе элементарныхъ, — управляемое тѣми же законами ассоціаціи; третьи, наконецъ, признавая въ принципѣ душу съ ея апріорными свойствами и самодѣятельностью и усвояя законамъ ассоціаціи существенное значеніе въ образованіи психическихъ фактовъ, поставляютъ своею главною задачею обозрѣніе психической жизни въ ея *цѣльности*, какъ она дана въ живой человѣческой *личности*, сохраняющей свое единство въ разнообразныхъ проявленіяхъ ума, сердца и воли. Такимъ образомъ получаются слѣдующія три довольно опредѣ-

ленныя направленія: психологическій феноменализмъ, физіологическое направленіе, или психофизіологическій эволюціонизмъ, и психологическій индивидуализмъ, — къ обозрѣнію которыхъ мы и приступаемъ.

Психологическій феноменализмъ.

Феноменализмомъ вообще называется такое философское ученіе, которое, отрицая возможность познанія полной и безусловной истины относительно внутренняго существа вещей и ихъ субстанцій, ограничиваетъ область человѣческаго знанія одними *явленіями* вещей, данными для нашего сознанія. По ученію феноменализма, въ знаніи внѣшняго матеріальнаго міра мы не идемъ дальше *символовъ* какихъ-то вещей, а въ знаніи духа — дальше того, что дается исторіею его *развитія*, подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Въ частности, въ области психологіи феноменализмъ признаетъ внутреннее бытіе, или субстанціальность духа — совершенно непознаваемыми, въ виду чего ограничиваетъ свои задачи однимъ анализомъ данныхъ въ сознаніи проявленій духа, а равно уясненіемъ ихъ общихъ свойствъ и законовъ.

Представителемъ этого направленія является профессоръ Московскаго университета М. Троицкій. Свои основныя воззрѣнія онъ изложилъ въ слѣдующихъ двухъ, чрезвычайно обширныхъ и довольно оригинальныхъ, ученыхъ трудахъ: „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историческое и критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бэкона и Локка“ (М. 1867 г.) [1] и „Наука о духѣ. Общія свойства и законы человѣческаго духа“ (т. 1 и 2. М. 1882 г.). Первый трудъ, независимо отъ своего заглавія даетъ подробныя и довольно обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи психологіи въ различныя эпохи не только

[1]) Въ русской психологической литературѣ существуетъ нѣсколько весьма подробныхъ и глубоко обстоятельныхъ критическихъ разборовъ этого сочиненія. Таковы критическія статьи: Еп. Никанора — въ его сочиненіи „Позитивная философія и сверхчувственное бытіе“, т. I, стр. 410—454; Ѳ. Сидонскаго — въ Ж. М. Н. Пр. за 1867 г., Іюнь, стр. 925—946; М. Владиславлева — въ томъ же журналѣ за мѣсяцъ Іюль, стр. 174—208; С. Гогоцкаго — „Критическое обозрѣніе соч. Троицкаго — Нѣмецкая психологія“ (отд. брошюра, 1—156 стр., К. 1877 г.).

въ Англіи и Германіи, но и во Франціи (ч. I, гл. V). Во всемъ сочиненіи отъ начала и до конца строго послѣдовательно проведенъ одинъ опредѣленный взглядъ на предметъ психологіи, ея задачи и методы. Какъ видно изъ всего хода разсужденій автора, онъ является ревностнымъ проповѣдникомъ и горячимъ приверженцемъ англійско-шотландской школы, къ которой принадлежатъ: Милль, Бэнъ, Спенсеръ и многіе другіе, и во главѣ которой по времени стоятъ Бэконъ и Локкъ. На основаніи внимательнаго и добросовѣстнаго изученія трудовъ этой школы, онъ исторически старается доказать, что начала эмпирической психологіи, будучи впервые положены въ наукѣ Бэкономъ и Локкомъ, продолжали потомъ постепенно развиваться и разъясняться,—что наука, основанная на этихъ началахъ, какъ и всѣ другія науки, постепенно расширялась и обогащалась безспорными истинами, и что такимъ образомъ достигнуты въ психологіи ясные и непоколебимые результаты, подобные результатамъ другихъ, главнымъ образомъ, естественныхъ наукъ. Историческому оправданію этого положенія и посвящены первыя девять главъ разсматриваемаго труда, носящія общее названіе: успѣхи психологической методы и психологическаго анализа (стр. 7—267). Эти главы безспорно, составляютъ лучшую и главнѣйшую часть труда Троицкаго и вполнѣ достигаютъ своей цѣли, которую, по существу дѣла, слѣдуетъ признать и главною цѣлью всего сочиненія. Въ этой же важнѣйшей и вполнѣ оригинальной части сочиненія заключается центръ тяжести всего изслѣдованія и главная заслуга Троицкаго. Здѣсь онъ обстоятельно уяснилъ истинное значеніе англійской философіи, показавши, что главная ея задача была не метафизическая, или гносеологическая, а чисто методологическая. Притомъ, во всемъ очеркѣ „успѣховъ психологіи" съ послѣдовательностію и проницательностію показана нить, связующая всѣхъ англійскихъ мыслителей отъ Бэкона до Милля и Бэна. Въ частности, на многихъ живыхъ и осязательныхъ примѣрахъ наглядно показано авторомъ, какъ начала индуктивной методы послѣдовательно развивались въ Англіи цѣлымъ рядомъ мыслителей отъ Бэкона вплоть до послѣдняго времени, доказывая свою внутреннюю силу тѣми научными результатами, которые дости-

гнуты въ области психологіи въ зависимости отъ самой методы. Въ этомъ отношеніи особенно высоко ставятся Троицкимъ заслуги Локка и Юма, изъ которыхъ первый „однажды навсегда установилъ основные пріемы новой методы въ наукѣ о духѣ", увѣнчавшіеся затѣмъ безспорными и важными пріобрѣтеніями психологическаго анализа (стр. 29. ср. 632), а второй далъ впервые „здравую теорію причинности", обстоятельно разъясненную Броуномъ и затѣмъ признанную всѣми лучшими писателями Англіи (стр. 65. 66). Троицкій излагаетъ въ своей книгѣ и важнѣйшія принципіальныя различія между англійскою и нѣмецкою психологіею, сказавшіяся различными результатами научныхъ изслѣдованій. Въ то время, какъ нѣмецкою психологіей усвояются душѣ отъ начала извѣстныя силы, способности и свойства, которыя лишь постепенно раскрываются и обнаруживаются при развитіи духовной жизни,—съ точки зрѣнія индуктивнаго эмпиризма англійской психологіи душа, въ сущности есть сумма психическихъ фактовъ; все, что ни есть въ душѣ, возникаетъ въ ней послѣдовательно, безъ всякихъ предварительныхъ задатковъ. Такой взглядъ на душу есть результатъ методы изслѣдованія, которая требуетъ не объяснять факты, а съ точностью наблюдать ихъ и анализировать. Самые факты, при всемъ своемъ изумительномъ разнообразіи, неизмѣнно подчиняются вліянію трехъ всеобщихъ примитивныхъ законовъ, или началъ: сходства, смежности и причинности. Понятіе о сознаніи, какъ общей связи душевныхъ явленій, или общемъ субстратѣ ихъ, отрицается англійскою психологіей; сознаніе полагается ею въ самыхъ фактахъ психическихъ, образующихъ въ своей совокупности душевную жизнь.

Остальныя главы разсматриваемаго труда,—исторія и критика нѣмецкой психологіи,—составляющія по плану автора настоящій предметъ его книги, нельзя не признать менѣе важными. Въ сущности, онѣ представляютъ правильный и необходимый выводъ изъ руководительныхъ началъ, усвоенныхъ авторомъ отъ англійскихъ психологовъ; тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть, что критика въ нихъ совершается очень легко, не касаясь самаго существа дѣла, и что результаты ея слишкомъ

однообразны. Перебирая одного за другимъ нѣмецкихъ психологовъ, авторъ въ каждомъ изъ нихъ находитъ одинаково рѣзкое противорѣчіе духу методы, признанной имъ единственно истинною. Въ зависимости отъ этого происходитъ поголовное и однообразное осужденіе всѣхъ нѣмецкихъ психологовъ безъ исключенія. Убѣжденный въ вѣрности своей точки зрѣнія, авторъ дѣлаетъ съ нея обзоръ всей нѣмецкой психологіи, даже не въ одномъ текущемъ столѣтіи, а собственно начиная съ Канта, съ прямою цѣлью подорвать то значеніе и авторитетъ, какимъ пользовалась у насъ нѣмецкая философія вообще. При этомъ ему пришлось имѣть дѣло съ громаднымъ матеріаломъ, обозрѣвать множество разнообразныхъ системъ и ученій. Быть можетъ, обширностью задачи и предмета и объясняются у него очень многія неточности и ошибки въ изложеніи чужихъ мнѣній [1]). Но главный и существенный источникъ этихъ ошибокъ заключается въ собственныхъ взглядахъ автора. Вся нѣмецкая психологія представляется ему рядомъ нелѣпостей и заблужденій, а потому онъ и не оказываетъ подобающаго вниманія мнѣніямъ разбираемыхъ философовъ, не придаетъ имъ надлежащаго значенія и не выражаетъ ихъ съ желательною въ данномъ случаѣ точностью. Поэтому же онъ и не даетъ намъ отчетливаго и яснаго представленія о нѣмецкой психологіи. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что вся она состоитъ изъ противонаучныхъ системъ и „служитъ самымъ нагляднымъ и прогрессивнымъ извращеніемъ идей, выходившихъ изъ школъ Декарта и Локка“ (стр. 632). Но чѣмъ подробнѣе развивается имъ этотъ тезисъ, тѣмъ неотступнѣе навязывается вопросъ: откуда возникла и чѣмъ держалась такая масса заблужденій, гдѣ ихъ источникъ, какъ объяснить ихъ происхожденіе и силу? Но на это въ сочиненіи Троицкаго мы не находимъ отвѣтовъ, тогда какъ и съ эмпирической точки зрѣнія самаго автора требовалось бы, для большей доказательности, уяснить источникъ, причины и законы развитія этихъ ошибокъ. Правда, въ книгѣ Троицкаго мы находимъ не мало тонкихъ и вѣрныхъ

[1]) Подробно указаны эти неточности и выяснены ихъ основанія въ названныхъ выше критическихъ статьяхъ—Еп. Никанора, Ѳ. Сидонскаго, М. Владиславлева и С. Гогоцкаго.

замѣчаній и о положительныхъ сторонахъ въ развитіи нѣмецкой психологіи,—что составляетъ лучшія страницы второй части его книги,—но вообще онъ слишкомъ преувеличиваетъ свои сужденія о нѣмецкой психологіи и обнаруживаетъ пристрастіе къ психологіи англійской. Между тѣмъ, если взять во вниманіе существенные и дѣйствительные результаты нѣмецкой психологіи, то въ сравненіи съ ними покажутся очень многія открытія англійской психологіи весьма незначительными. Не смотря, однако, на многія ошибочныя и преувеличенныя сужденія Троицкаго о нѣмецкой психологіи, посвященная этой послѣдней вторая часть его труда имѣетъ вообще весьма важное значеніе, какъ драгоцѣнный сборникъ хорошо обработанныхъ историческихъ матеріаловъ, обстоятельно уясняющихъ развитіе психологической науки, принявшей въ Германіи въ текущемъ столѣтіи нѣсколько различныхъ направленій. Образцовая же научная обработка избраннаго предмета, богатство и разнообразіе содержанія, общедоступное изложеніе и ясный, живой и увлекательный языкъ, составляютъ неоспоримыя достоинства разсматриваемаго труда.

Обращаясь къ собственнымъ воззрѣніямъ Троицкаго, выраженнымъ въ его „Нѣмецкой психологіи“, не трудно видѣть, что онъ, въ зависимости отъ усвоенныхъ имъ началъ англійской философіи духа, является сторонникомъ крайняго феноменализма. Все наше познаніе, по его убѣжденію, ограничено одними собственными состояніями нашего духа, имѣющими свое начало въ ощущеніяхъ. Внѣшніе предметы существуютъ для насъ только въ силу нашихъ состояній и, будучи непознаваемы въ своей подлинной сущности, служатъ лишь простыми намѣстниками неизвѣстныхъ намъ причинъ нашихъ ощущеній. Окружающій насъ внѣшній міръ есть видоизмѣненіе нашего сознанія и существуетъ для насъ только въ явленіи, иначе сказать—въ ощущеніи и идеѣ; вещество же есть только совокупность нашихъ ощущеній,—ихъ существованія и преемства, или въ болѣе общемъ смыслѣ—наши постоянныя и независимыя идеи, только подъ другимъ названіемъ. Отсюда, познаніе чего бы то ни было за предѣлами простыхъ явленій недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ и выходъ въ

процессѣ познанія въ бытіе независимое отъ духа для насъ невозможенъ (ср. стр. 72. 186 и др.). Съ другой стороны, и самый духъ не существуетъ внѣ нашего собственнаго ощущенія. Мы абсолютно не знаемъ сущности духа такъ же, какъ и вещества, независимо отъ состояній собственнаго сознанія, потому что всѣ наши понятія основаны на чувствахъ взаимнаго отношенія нашихъ собственныхъ состояній (стр. 275). Существованіе духа есть только рядъ преемственныхъ перемѣнъ, послѣдовательно смѣняющихся идей и ихъ отношеній. Идеи суть самый духъ, подлежащій какому-нибудь впечатлѣнію (стр. 313). Усвояемыя духу силы и способности также сами по себѣ не существуютъ. Впечатлѣнія въ періодъ времени, протекающій между ихъ оригинальнымъ существованіемъ и воспроизведеніемъ въ формѣ идей, абсолютно не существуютъ въ духѣ; отсюда сохраненіе, отдѣльное отъ воспроизведенія, или *память*, есть вещь несуществующая (стр. 279. 280). Подобнымъ образомъ и сознаніе, какъ особая, параллельная ощущеніямъ и другимъ состояніямъ сила, есть иллюзія. Предполагать, что духъ существуетъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ, въ ощущеніи и въ сознаніи его, есть очевидная нелѣпость (стр. 296). Вообще, силы и способности духа суть только самыя духовныя явленія, точнѣе сказать, извѣстныя ихъ отношенія, законы, или однообразія, открываемыя путемъ индукціи и анализа (стр. 123). Такимъ образомъ, анализъ и критика способны приводить къ уничтоженію не только феномена *не—я*, какъ внѣшняго міра, но и феномена *я*, какъ духа, и оставлять мыслителя съ одними состояніями ума и чувствительностью. Наша же склонность разсматривать вещи протяженныя, какъ существующія съ этимъ качествомъ независимо отъ духа, а равно—помѣщать часть своихъ состояній въ протяженныя вещи и ближайшимъ образомъ въ органы своего тѣла, основана на иллюзіи популярнаго ненаучнаго сознанія, возникающей раньше, чѣмъ мы начинаемъ давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ (ср. стр. 308. 309). Научное сознаніе, приводитъ насъ къ иному результату: оно убѣждаетъ насъ, что вещи суть только аггрегаты нашихъ ощущеній, внѣ которыхъ, въ минуту анализа, не существуетъ для насъ ничто внѣшнее

и предметное. Самое довѣріе наше къ бытію духа и міра составляетъ наше первоначальное, типическое и универсальное *убѣжденіе*, составляющее неизмѣнную принадлежность нашей духовной конституціи, однако идущее дальше научнаго знанія. Для послѣдняго нѣтъ никакихъ объективныхъ опредѣленій и сужденій, нѣтъ ничего существеннаго самого въ себѣ, но все есть дѣло субъективнаго представленія; словомъ, для знанія остаются лишь феноменальныя операціи неизвѣстной намъ субстанціи, которую мы называемъ своимъ духомъ (стр. 308). Послѣ этого, предметомъ научнаго изслѣдованія должно быть не отношеніе духа и тѣла, какъ противоположныхъ субстанцій, а единственно взаимное отношеніе двухъ противоположныхъ порядковъ *явленій* вещественныхъ и духовныхъ, то есть двухъ порядковъ нашихъ внутреннихъ состояній, изъ которыхъ въ одномъ мы видимъ міръ внѣшній, а въ другомъ—собственныя дѣйствія своего духа (стр. 73).—Таковы основныя воззрѣнія Троицкаго. Но съ принятіемъ ихъ остается совершенно непонятнымъ и самое разнообразіе нашихъ ощущеній и все духовное развитіе человѣка. Если впереди ощущеній не существуетъ духъ, какъ субстанція, заключающая въ себѣ условія безпредѣльнаго духовнаго развитія, и съ другой стороны, если не существуетъ, независимо отъ духа и впереди его, возбудитель его собственной жизни и всякихъ проявленій въ немъ, міръ другихъ субстанцій,—если между ними нѣтъ никакихъ посредственныхъ или непосредственныхъ соотношеній, если въ духѣ не имѣется разнообразныхъ потенцій развитія, а въ окружающемъ мірѣ нѣтъ разнообразныхъ дѣятелей, могущихъ возбуждать разнообразныя способности духа, тогда и все развитіе духа останется безъ всякой достаточной причины.

Тѣ же общія начала англійской философіи духа легли въ основу и другаго, въ высшей степени своеобразнаго, хотя и не вполнѣ самостоятельнаго, труда Троицкаго—„Науки о духѣ". Здѣсь также послѣдовательно проводится авторомъ крайній феноменализмъ. Духъ и матерія понимаются имъ въ смыслѣ матеріальныхъ и духовныхъ явленій. Что̀ такое они сами по себѣ, независимо отъ своихъ обнаруженій и свойствъ, или представляющихъ ихъ матеріальныхъ и психическихъ фактовъ, этого,

по убѣжденію автора, мы не знаемъ и знать не можемъ (т. I, стр. 99. 129). Прямое знаніе человѣка, по самой природѣ его, ограничено одними *психическими* отношеніями: ни вещей, которымъ принадлежатъ эти отношенія, ни какихъ-нибудь другихъ отношеній, кромѣ психическихъ, человѣкъ прямымъ образомъ знать не можетъ. При всей своей связи съ внѣшними опытами человѣка, прямыя наблюденія его всегда остаются, по своему предмету, актами внутренними, то есть „ограничиваются его идеями и психическою дѣйствительностью его чувствъ, дѣйствій, произведеній, готовностей и возвратныхъ отношеній", не касаясь, однако, самаго существа духа. Косвенное знаніе человѣка ограничено однимъ *присутствіемъ вещей* въ фактахъ психическихъ отношеній и присутствіемъ отношеній *непсихическихъ*, такъ называемыхъ физическихъ, или матеріальныхъ—въ сочетаніи съ психическими. О самыхъ физическихъ отношеніяхъ и вещахъ, которымъ они принадлежатъ, мы узнаемъ лишь при помощи элиминаціи, или исключенія ихъ изъ числа психическихъ, или субъективныхъ отношеній (т. I, стр. 118—121). Но и послѣ этой элиминаціи наше знаніе объективныхъ отношеній не идетъ далѣе ихъ *присутствія* въ фактахъ нашихъ ощущеній и реальныхъ дѣйствій. Мы знаемъ, что такія отношенія *есть*, но *что* такое они есть, помимо ощущеній и сопровождающихъ ихъ какихъ-то психическихъ помѣтъ, какія свойства вещей раскрываются въ ихъ физическихъ дѣйствіяхъ и противодѣйствіяхъ, этого мы не знаемъ и знать не можемъ. Если предположить, что объективныя отношенія, какъ причины, походятъ на свои субъективныя послѣдствія, тогда слѣдовало бы думать, что физическія вещи не только имѣютъ способности, или свойства вызывать ощущенія цвѣтовъ, звуковъ и т. д., но что они сами окрашены, помимо глаза, и звучатъ, помимо уха, а этого не утверждаетъ и физика, сводящая ближайшія физическія причины ощущеній къ движеніямъ матеріальныхъ вещей (стр. 126. 127). Знаніе вещей духовныхъ имѣетъ безконечное преимущество предъ знаніемъ вещей матеріальныхъ. Въ фактахъ психическихъ, какъ части непосредственно наблюдаемой дѣйствительности, мы открываемъ и свойства *дѣйствительныя*, то есть принадлежащія самымъ вещамъ,

которыя мы называемъ поэтому психическими, духовными, духомъ людей. Но разсматривая отдѣльно содержаніе нашего *косвеннаго* знанія о духѣ, мы находимъ, что оно ограничивается однимъ присутствіемъ въ фактахъ психическихъ отношеній *какой-то* вещи чувствующей, мыслящей, дѣйствующей, производительной, разумной,—и вовсе не идетъ далѣе тѣхъ свойствъ, которыя принадлежатъ ей при опредѣленныхъ, физическихъ и общественныхъ, условіяхъ жизни человѣка (т. I, стр. 128—130). Вообще, относительно субстанціальности и нефеноменальной сущности духа и матеріи наука не можетъ давать никакихъ приговоровъ, не имѣя для этого въ своемъ содержаніи, или въ своихъ истинахъ, никакихъ данныхъ (ср. стр. 200). Въ виду этого, необходимо изучать свойства духа и матеріи только въ формахъ и законахъ физическихъ и психическихъ *отношеній*, которыя могутъ быть разсматриваемы и независимо отъ вопросовъ о существѣ духа и матеріи. Но чѣмъ же объяснить исконное, коренное убѣжденіе человѣчества въ существованіи внѣшняго міра и духа? Къ этому приводитъ, по убѣжденію Троицкаго, знаніе порядка психическихъ и матеріальныхъ отношеній,или сосуществованія психическихъ и физическихъ свойствъ и дѣйствій, а равно его неизмѣнности и постоянства. Физическія и психическія свойства вещей, какъ неизмѣнныя потенціи, или возможности физическихъ и психическихъ отношеній, не могутъ быть отожествляемы съ тою дѣйствительностью, которой они принадлежатъ;потенціальный характеръ самыхъ свойствъ ведетъ къ отдѣленію отъ нихъ нѣкоторой реальности, служащей имъ въ одно и то же время *источникомъ*, или началомъ, и *связью* (стр. 121—124).

Резюмируя сущность изложенныхъ воззрѣній Троицкаго, мы получаемъ слѣдующіе выводы. Факты, которые мы знаемъ непосредственно, суть наши ощущенія, чувствованія, желанія. Изъ нихъ, какъ субъективныхъ состояній, мы создаемъ себѣ понятіе о внѣшнемъ объективномъ мірѣ, который такимъ образомъ есть лишь опредѣленная комбинація нашихъ субъективныхъ состояній. А такъ какъ субъективное состояніе не есть еще самый объектъ, а только символъ объекта,—какъ напримѣръ, субъективное ощущеніе звука не есть объективный

звукъ, а только символъ его,—то и весь объективный міръ есть міръ символическій; явленія матеріальныя съ ихъ законами и свойствами суть знаки, или символы различныхъ отношеній, или дѣйствій неизвѣстныхъ причинъ и дѣятелей. Съ другой стороны, наши субъективныя состоянія мы знаемъ непосредственно, а потому мы прямо имѣемъ въ нихъ способности и свойства того *нѣчто*, которое познается нами въ процессѣ жизни и въ психическомъ процессѣ,—открываемъ въ нихъ дѣйствительныя свойства, принадлежащія духу. Отсюда, наше знаніе духа *реальнѣе* знанія матеріи: въ фактахъ духа мы встрѣчаемся съ условною дѣйствительностью, которая закрыта отъ насъ въ фактахъ природы матеріальной (т. I, стр. 139). Феноменализмъ Троицкаго получаетъ такимъ образомъ спиритуалистическій оттѣнокъ.

Далѣе, по общему характеру своихъ психологическихъ воззрѣній Троицкій является ревностнымъ послѣдователемъ школы ассоціаціонизма. Вся совокупность психическихъ фактовъ объясняется имъ только дѣйствіемъ законовъ ассоціаціи. Послѣдніе признаются единственными началами, заправляющими духовнымъ развитіемъ человѣка. Въ частности, этими законами объясняются всѣ явленія въ трояномъ направленіи человѣческаго мышленія: историческомъ, логическомъ и трансцендентномъ. По взгляду автора, ни одинъ актъ разсудочнаго процесса, ни одинъ моментъ логическаго, обобщающаго мышленія, ни одна форма мышленія трансцендентнаго, не ускользаетъ отъ подчиненія дѣйствію этихъ законовъ. Даже высшія трансценденціи вѣры, наблюдаемыя въ религіозныхъ міровоззрѣніяхъ, а равно высшія—умственныя, эстетическія и нравственныя чувства, находятъ свое послѣднее объясненіе только въ законахъ ассоціаціи (ср. т. 2, 221—236). Все вообще мышленіе, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, называется у Троицкаго „непроизвольною рефлексіею прошлой психической дѣйствительности, управляемой двумя основными законами ассоціаціи“ (т. 2, стр. 66). Эти послѣдніе, какъ видно изъ всего хода разсужденій автора, имѣютъ нѣсколько своеобразное значеніе: подъ ними разумѣются не простые факты пассивнаго сцѣпленія представленій, а самые акты мышленія, оперирующаго надъ пред-

ставленіями по законамъ *связи* механической и логической. Въ частности, подъ закономъ смежности разумѣется стремленіе мышленія къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности, въ порядкѣ ея непосредственнаго преемства и сосуществованія (т. 2, стр. 67). Подъ закономъ сходства разумѣется свойственное мышленію *стремленіе* къ рефлексіи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, насколько послѣдніе *сходны* съ текущими реальными фактами, или съ идеями, данными въ текущихъ умственныхъ операціяхъ (т. 2, стр. 113). При такомъ пониманіи законовъ ассоціаціи, широкимъ примѣненіемъ ихъ ко всѣмъ разнообразнымъ проявленіямъ духа вовсе еще не отрицается его самодѣятельность.

Частнѣйшее содержаніе и особенности психологической системы Троицкаго, названной имъ „Наукою о духѣ", представляются въ слѣдующемъ видѣ. Какъ видно изъ самаго заглавія ея, она имѣетъ своею прямою цѣлью общія явленія сознательной жизни души, независимо отъ обозрѣнія предварительныхъ условій психической жизни и помимо уясненія какъ постепеннаго образованія психическихъ феноменовъ, такъ и ихъ генетической и причинной связи. Это собственно первая общая часть субъективной науки о духѣ [1]); тѣмъ не менѣе, она обнимаетъ всѣ группы психическихъ фактовъ со стороны ихъ общихъ свойствъ и законовъ и представляетъ собою почти полную психологію. Всѣ основные вопросы послѣдней и самые частные психическіе факты находятъ въ ней надлежащее объясненіе и раскрытіе. Руководительнымъ началомъ во всѣхъ объясненіяхъ Троицкаго служитъ опытъ и субъективный анализъ наблюдаемыхъ фактовъ, или изученіе ихъ по руководству самонаблюденія. Предметомъ психологіи признается духъ человѣка, пони-

---

[1]) Все вообще содержаніе психологіи, по взгляду Троицкаго, выраженному имъ въ „Учебникѣ логики" (кн. 3-я, вып. I, М. 1888 г., стр. 79), должно распадаться на двѣ части: *общую* и *специальную*. Общая часть въ свою очередь должна состоять изъ двухъ отдѣловъ: ученія объ общихъ *свойствахъ* и *законахъ* человѣческаго духа,—что собственно и составляетъ содержаніе разсматриваемой системы,—и ученія объ общихъ *формахъ* человѣческаго духа. Спеціальная часть должна содержать ученіе объ *отличительныхъ* или *спеціальныхъ* свойствахъ, формахъ и законахъ человѣческаго духа. Т. обр., „Наука о духѣ" есть первая изъ трехъ частей психологіи.

маемый какъ узелъ тѣхъ свойствъ, которыя открываются человѣку въ такъ называемыхъ психическихъ фактахъ, или какъ вся сумма послѣднихъ. Психическими фактами называются факты *сознанія*, страдательнаго и дѣятельнаго, или явленія чувства, ума и воли, обладающія на высшей ступени органической природы тою особенною связью, или тѣмъ особеннымъ единствомъ, которое называется личностью. Какъ *наука* о духѣ, психологія должна быть отличаема отъ метафизики духа, или ученій о нефеноменальной сущности души и ея существованіи внѣ связи съ тѣломъ,—представляющихъ системы однихъ гипотезъ, чуждыхъ достовѣрности. Далѣе, признавая психологію фактическою наукою, Троицкій находитъ возможнымъ примѣнить къ ней и всѣ средства научнаго изслѣдованія: такъ, анализъ психическихъ фактовъ приводитъ его къ открытію общихъ свойствъ человѣческаго духа,—индукція—къ открытію основныхъ и простѣйшихъ законовъ психическихъ явленій, каковы законы ассоціаціи, а психологическая дедукція—къ объясненію изъ этихъ послѣднихъ сложныхъ формъ психическаго существованія. При всемъ этомъ, пользуясь классификаціями, описаніями и опредѣленіями психическихъ фактовъ, онъ сообщаетъ психологіи характеръ описательной науки. Въ качествѣ самыхъ общихъ свойствъ духа, принадлежащихъ всѣмъ классамъ психическихъ явленій, указываются Троицкимъ: *относительность*, заключающаяся, съ одной стороны, въ условности образованія и продолженія, или сохраненія, психическихъ фактовъ, а съ другой—въ ограниченности достижимаго для нихъ совершенства; *соотносительность* психическихъ фактовъ, или обратная зависимость въ психическихъ преемствахъ предыдущихъ членовъ отъ послѣдующихъ и *рефлексивность*, или та взаимная зависимость психическихъ фактовъ, при которой одни изъ нихъ оказываются нѣкоторымъ *отраженіемъ* другихъ. Обозрѣніе всѣхъ психическихъ фактовъ въ примѣненіи къ тремъ указаннымъ общимъ свойствамъ духа и составляетъ содержаніе обширнаго труда Троицкаго. Но болѣе частный анализъ этого содержанія даетъ видѣть, что оно сводится собственно къ *тремъ* философскимъ дисциплинамъ: 1) къ теоріи познанія, или *гносеологіи*, каковы вопросы: объ отношеніи познанія къ бытію, о философ-

скихъ системахъ, уясняющихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія это отношеніе,—о природѣ духа, міра, о послѣдней основѣ всякаго бытія и др. (I ч., 3—6 гл., 3 ч., 2—3 гл.); 2) къ *логикѣ*, каково ученіе о критеріи истинности сужденій и умозаключеній, объ основныхъ законахъ мышленія, о значеніи понятій и т. п. (I ч., 4 гл.; 2 ч., 6—7 гл.; 3 ч., 2 гл.), и наконецъ 3) все остальное содержаніе сочиненія относится къ *психологіи*. Нужно, однако, замѣтить, что такое разнообразіе содержанія отнюдь не составляетъ существеннаго недостатка психологической системы Троицкаго и вызывается самымъ существомъ какъ психической жизни, такъ и познавательной дѣятельности. Несомнѣнно, что познаніе есть психическій процессъ, и поэтому во всякомъ знаніи участвуютъ психическіе элементы, которыхъ нельзя оставлять безъ вниманія. Притомъ, подробное рѣшеніе тѣхъ же метафизическихъ вопросовъ мы находимъ въ „Психологіи“ Фихте младшаго, а введеніе цѣлыхъ отдѣловъ изъ логики находимъ въ „антропологіи“ Ушинскаго и особенно въ психологіи Спенсера. Отсюда, весьма естественно, что и Троицкій обращается къ внутренней психической эмпиріи за указаніями относительно самыхъ основъ познанія. Начала такого направленія слѣдуетъ искать въ эмпиризмѣ Локка, который психологическимъ анализомъ стремился объяснить познаніе, его законы и границы.

Обращаясь затѣмъ къ содержанію разсматриваемой системы, изложимъ въ самыхъ общихъ чертахъ мысли и сужденія автора. Психическая *относительность* понимается имъ какъ условность и ограниченность психическаго образованія человѣка. Въ частности, условность образованія психическихъ фактовъ признается троякая—внутренняя, внѣшняя и органическая. Первая подтверждается *исторіею* развитія отдѣльныхъ людей, которая показываетъ, что всѣ классы психическихъ фактовъ существованія человѣка образуются *одинъ изъ другаго* и представляютъ собою различныя направленія первоначальнаго образованія психическихъ отношеній другъ изъ друга (т. I, стр. 8. 36). Первичнымъ источникомъ разнообразныхъ психическихъ процессовъ и явленій признаются чувствованія, понимаемыя въ широкомъ смыслѣ ощущеній и волненій. Въ

чувствахъ человѣка, по взгляду автора, заключаются всѣ формы его реальнаго сознанія. Они же служатъ источниками и всего разнообразія первичныхъ идей, изъ которыхъ, при посредствѣ законовъ ассоціаціи и различныхъ умственныхъ операцій, образуются и всѣ вторичныя идеи, составляющія, въ совокупности съ первыми, всѣ формы мысленнаго сознанія. Такъ называемыя психическія способности суть не что иное, какъ внутреннія условія психическихъ фактовъ, и потому могутъ быть сведены къ психической условности вообще: человѣкъ способенъ мыслить—это значитъ, что въ немъ существуютъ всѣ положительныя условія фактовъ мышленія и т. д. (стр. 16—30). Далѣе, *внѣшняя* условность заключается въ *общественныхъ* явленіяхъ и ихъ законахъ. Общественность людей, означающая ихъ психическую зависимость другъ отъ друга, является главнымъ условіемъ культуры человѣческой личности, которая сказывается въ образованіи спеціальныхъ формъ и законовъ человѣческаго духа, въ частности въ образованіи навыковъ высшаго порядка и преобразованіи ихъ въ свойства самой природы человѣка (стр. 39—78). Условность продолженія, или сохраненія психическихъ фактовъ существованія человѣка особенно выдается въ явленіяхъ личности, именно въ сохраненіи каждымъ собственной личности въ теченіи жизни, или въ ея *тожествѣ* (стр. 80). Постоянство и однообразіе психическихъ фактовъ, наблюдаемое при повтореніи ихъ, побуждаетъ человѣка признавать ихъ *тѣми-же*, хотя тожество ихъ есть не болѣе, какъ крайняя степень сходства. Это тожество имѣетъ свои условія въ законахъ ассоціаціи и есть ихъ произведеніе. Единство личности входитъ въ понятіе ея тожества и есть лишь постоянство сосуществованія ея формъ (стр. 82—90). Органическая условность духа, выражающаяся въ зависимости его отъ матеріи, приводитъ автора къ понятію психической *ограниченности* человѣка. Мысль объ ограниченности доступнаго человѣку совершенства проведена авторомъ смѣло и рѣшительно; на основаніи многихъ фактическихъ данныхъ, добытыхъ самонаблюденіемъ, онъ доказываетъ существованіе *предѣловъ* психическаго развитія, непреодолимыхъ для человѣка по самой его природѣ. Основная

мысль выраженныхъ здѣсь, весьма интересныхъ по своей оригинальности, соображеній автора такова: психическое развитіе дальше извѣстной мѣры, положенной въ природѣ человѣка и различной для различныхъ людей, встрѣчаетъ неодолимыя препятствія, попытки къ устраненію которыхъ сопровождаются страданіями и могутъ повести къ полному разстройству душевныхъ силъ (стр. 101—138). Далѣе, для косвеннаго оправданія ученія о психической относительности человѣка, авторъ обращается къ разбору различныхъ теорій его психической *абсолютности*, обыкновенно понимаемой въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ психической безусловности, или отрѣшенности отъ условій, и въ смыслѣ психической неограниченности, или отрѣшенности, отъ предѣловъ психическаго совершенства (стр. 140). Сообразно съ этимъ онъ обозрѣваетъ сначала „теоріи абсолютныхъ органовъ знанія", а затѣмъ „системы абсолютнаго знанія", предлагаемыя въ метафизикѣ. Въ первомъ случаѣ онъ приходитъ къ полному отрицанію всякихъ органовъ знанія, предваряющихъ исторію психическаго развитія человѣка и чуждыхъ историческаго характера, какъ то: безусловныхъ началъ, безусловныхъ идей и безусловныхъ способностей. Такъ называемыя безусловныя истины, стоящія во главѣ всѣхъ обобщеній науки, отнюдь не врождены всѣмъ людямъ; онѣ извѣстны только людямъ ученымъ и сами образуются постепенно, подобно всѣмъ другимъ формамъ мысленнаго сознанія человѣка, въ зависимости отъ фактовъ исторіи духа (стр. 156). Условность составляющихъ эти начала понятій и идей, каковы: бытіе, причина, время, духъ, міръ, матерія, безсмертіе и др., по взгляду автора, также очевидна. Все это психическіе факты, или опыты духа, которые не могутъ быть исключены изъ общей массы фактовъ, взаимно зависимыхъ и обусловливающихъ другъ друга (стр. 161). Единственнымъ основаніемъ ихъ независимости было бы признаніе въ духѣ безусловныхъ *способностей* къ нимъ, или потенцій, присущихъ духу раньше всѣхъ фактовъ его исторіи. Но всѣ доказательства въ пользу существованія безусловыхъ способностей лишены научнаго значенія. Всѣ образцовыя идеи обязаны своимъ происхожденіемъ опытности духа и его критической способности, образующейся изъ

той же опытности (стр. 165—167). Равнымъ образомъ представляется невѣроятнымъ и существованіе абсолютнаго знанія, независимаго отъ опытовъ человѣческаго духа, притомъ неограниченнаго. Разборъ метафизическихъ системъ абсолютнаго знанія ясно доказываетъ, что онѣ представляютъ собою лишь системы мнѣній, идущихъ далеко за границы знанія, доступнаго наукѣ. Тѣмъ не менѣе, метафизическія изслѣдованія составляютъ законную умственную потребность человѣка и могутъ, сохраняя *научный* характеръ, достигать *относительныхъ* цѣлей—въ установленіи и поддержаніи связи и гармоніи между религіозною вѣрою и наукою (стр. 199). Для этого, они должны ограничиться *разъясненіемъ* компетенціи вѣры и науки, въ интересахъ ихъ взаимнаго примиренія, а равно изобрѣтеніемъ наилучшихъ способовъ мышленія, въ цѣляхъ ихъ взаимнаго сближенія, иначе сказать—стать *критикою* и *методикою*: первая должна разоблачать трансцендентный характеръ ученій о сверхъопытныхъ вещахъ и опровергать нелогическую обработку религіозныхъ идей, а вторая—изыскивать методы мыслимости сверхъопытныхъ вещей—согласно съ основаніями науки и религіозной вѣры (стр. 201—203).

Соотносительность, или обратная зависимость психическихъ фактовъ также простирается на всѣ классы ихъ. Въ частности, соотносительность чувствъ наблюдается, съ одной стороны, въ происхожденіи и преобразованіи ощущеній подъ вліяніемъ волненій, а съ другой—въ соотношеніи чувствъ по ихъ качеству, какъ то: въ нейтрализаціи чувствъ, обладающихъ качествомъ,—въ квалификаціи чувствъ нейтральныхъ и въ превращеніи самаго качества чувствъ (стр. 210—213). Нейтрализація чувствъ происходитъ или вслѣдствіе ихъ *естественнаго* теченія, по которому за извѣстнымъ предѣломъ возрастанія качества чувства наступаетъ исчезновеніе его,—или вслѣдствіе встрѣчи ихъ съ *особенными* обстоятельствами, каковы: мускульная дѣятельность, мышленіе, различные виды психическаго напряженія, а равно и другія, главнымъ образомъ противоположныя чувства (стр. 215—218). Квалификація чувствъ зависитъ отъ измѣненій въ самыхъ условіяхъ ихъ вызова, отъ ихъ повторенія и встрѣчи съ другими чувствами; превращеніе

качества чувствъ является слѣдствіемъ или нейтрализаціи ихъ, или встрѣчи съ противоположными чувствами (стр. 222).—Слѣдующій затѣмъ весьма обширный трактатъ „о соотносительности чувствъ и дѣйствій“ (стр. 223—328) обращаетъ на себя вниманіе весьма обстоятельнымъ и нѣсколько оригинальнымъ рѣшеніемъ вопросовъ о мотивахъ и цѣляхъ дѣйствій въ различныхъ направленіяхъ произвольной дѣятельности. Мотивированность дѣйствій, по взгляду автора, не означаетъ ничего другаго, кромѣ зависимости дѣйствій отъ вызванныхъ ими чувствъ. Такая мотивированность есть единственная причина произвольности, или самобытности дѣйствій: послѣднія, ставши мотивированными и завися ближайшимъ образомъ отъ вызванныхъ ими чувствъ, въ концѣ зависятъ только отъ себя самихъ (стр. 230). Наоборотъ, дѣйствія, чуждыя мотивированности, должны быть отнесены къ разряду невольныхъ дѣйствій, каковы, напримѣръ, движенія механическія, рефлективныя, привычныя и др. Самый законъ мотиваціи, или произвольности, опредѣляющій выборъ и предпочтеніе однихъ дѣйствій другимъ, имѣетъ для человѣка охранительное значеніе и можетъ быть названъ закономъ самосохраненія. Всѣ произвольныя дѣйствія человѣка направлены въ концѣ къ двумъ цѣлямъ: *сохраненію* и *культурѣ* самого человѣка и окружающей его природы. Направленія дѣятельности къ первой цѣли авторъ называетъ консервативными, а направленія ко второй—прогрессивными. Тѣ и другія, сообразно различію основныхъ понятій о человѣкѣ, распадаются на нѣсколько частныхъ направленій, каковы: индивидуальное и родовое, личное и общественное. Въ частности консервативно—индивидуальнымъ направленіемъ произвольной дѣятельности, зависящимъ отъ вызываемыхъ ею ощущеній, устанавливается экономія движеній и дѣйствій внѣшняго *усвоенія*, обезпечивающая человѣку, какъ недѣлимому, сохраненіе способности движеній, способности ощущеній и—органическихъ отправленій системы дыханія и системы пищеваренія (стр. 241). Зависимость консервативно-родоваго направленія произвольной дѣятельности отъ вызываемыхъ ею ощущеній доказывается мотиваціею двухъ процессовъ, необходимыхъ для сохраненія человѣческаго рода: процесса рожденія и процесса перваго воспи-

танія дѣтей. Вліяніемъ ощущеній въ данномъ случаѣ опредѣляется какъ половой выборъ, такъ и психическая связь матери съ ребенкомъ. Роль мотивовъ въ сохраненіи человѣка, какъ недѣлимаго и рода играютъ также и волненія, вызываемыя собственными дѣйствіями человѣка. Они также принимаютъ участіе въ экономіи движеній и дѣйствій внѣшняго усвоенія и опредѣляютъ выборъ и мѣру внѣшнихъ наблюденій и опытовъ (стр. 242—247). Подобнымъ образомъ, сохраненіе *личности* человѣка, или его индивидуальной психической самостоятельности и свободы, невозможно безъ нѣкоторой экономіи его психическихъ отношеній къ другимъ, достигаемой ближайшимъ образомъ съ помощью вызываемыхъ ими волненій, именно чувствъ самостоятельности и свободы и чувствъ стѣсненія и насилія. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ устанавливаются естественные предѣлы свободы активныхъ и реактивныхъ отношеній человѣка,—предѣлы, обозначаемые уваженіемъ индивидуальной психической свободы другихъ, или уваженіемъ личности человѣка (стр. 257). Наконецъ, сохраненіе установившейся *общественности* невозможно безъ нѣкоторой психической экономіи общественныхъ дѣйствій человѣка, заключающейся въ соглашеніи ихъ теченія съ сохраненіемъ самаго состава данной общественности. Такое согласіе достигается первоначально подъ вліяніемъ общественныхъ чувствъ, или волненій, которыя, съ одной стороны, поощряютъ развитіе общественныхъ дѣйствій, а съ другой—указываютъ послѣднему извѣстную мѣру (стр. 260). — Реальная, или чувственная мотивація переходитъ въ *мысленную*, когда чувства, сохраняясь въ психической экономіи, продолжаютъ мотивировать въ формѣ идей. Характеръ мысленной мотиваціи дѣйствій, въ существенныхъ чертахъ, тотъ же, что и мотиваціи реальной; мысленные мотивы дѣйствій содѣйствуютъ осуществленію той-же самой психической экономіи дѣятельности, съ помощью которой обезпечивается сохраненіе человѣка какъ недѣлимаго и рода, — какъ лица и общества (стр. 264. 265). Три основныхъ порядка мысленныхъ мотивовъ, являющихся въ формѣ прямой антиципаціи, перенесенія и симпатическаго воспроизведенія реальныхъ, объясняются вліяніемъ обоихъ законовъ ассоціаціи—смежности и сходства, по

которымъ связываются движенія и дѣйствія съ сопровождающими и вызывающими ихъ ощущеніями и волненіями (стр. 275—282).

Прогрессивныя направленія человѣческой дѣятельности обязаны тому же закону мотивацій, или закону самосохраненія. Въ частности, *культура природы* состоитъ въ приспособленіяхъ вещества и физическихъ силъ къ сохраненію человѣка, какъ *недѣлимаго*, въ смыслѣ живаго организма и лица, и какъ *рода*, въ смыслѣ преемства человѣческихъ поколѣній и въ смыслѣ общества. Сюда относятся: изобрѣтеніе различныхъ инструментовъ и орудій борьбы съ силами природы, различные промыслы, построеніе домовъ, городовъ, крѣпостей, каналовъ, музеевъ и т. п. (стр. 289—294). *Культура человѣка* состоитъ изъ разнообразныхъ приспособленій, обращающихъ его *самого* въ орудіе или условіе его собственнаго сохраненія. Сюда относятся: развитіе въ человѣкѣ мускульной силы, образованіе внѣшнихъ чувствъ, обычаи, управляющіе брачными и семейными отношеніями людей, воспитаніе нравственныхъ качествъ въ человѣкѣ, государственные законы, обезпечивающіе благосостояніе общества. Мотивы приспособительныхъ дѣйствій также бываютъ реальные и мысленные—самыя чувства, или ихъ идеи (стр. 294—310). Нельзя не признать, что представленныя авторомъ объясненія всѣхъ частныхъ видовъ дѣятельности отличаются оригинальностью, остроуміемъ и соотвѣтствіемъ фактическимъ даннымъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы находимъ прекрасный трактатъ о „соотношеніи умственныхъ и реальныхъ дѣйствій“, въ которомъ проводится оригинальная мысль о многихъ чертахъ тожества умственныхъ операцій зрительнаго характера и реальныхъ актовъ зрѣнія (стр. 331—344), или объ отраженіи мышленія въ воспріятіи внѣшней дѣйствительности.

Соотносительность въ области мышленія сводится авторомъ къ соотношеніямъ идей и умственныхъ операцій. Въ частности, соотносительность или взаимная зависимость идей и понятій выражается въ различныхъ преобразованіяхъ и превращеніяхъ ихъ, посредствуемыхъ законами ассоціаціи и логическими процессами обобщенія и раздѣленія. Предѣлами соотно-

сительности понятій признаются категоріи, существованіе которыхъ доказывается присущею идеямъ раздѣльностью, или разностью (т. 2, стр. 6—11). Далѣе, значеніе соотносительности идей съ умственными операціями и однѣхъ умственныхъ операцій съ другими доказывается фактами очевидности логической и реальной и фактами вѣроятности. Въ частности, логическая очевидность предложеній достигается *повѣркою* данныхъ въ предложеніяхъ отношеній между понятіями посредствомъ извѣстныхъ соотношеній между ними: данное предложеніе должно вызвать соотносительное умственное дѣйствіе, выражаемое обратнымъ предложеніемъ (стр. 28). Логическая очевидность умозаключеній также беретъ свое начало изъ повѣрки, ограниченной соотносительностью понятій, воспроизводимою на основаніи ихъ отношеній въ данныхъ предложеніяхъ (стр. 37). Реальная очевидность сообщается предложеніямъ и умозаключеніямъ путемъ сопоставленія данныхъ въ нихъ отношеній понятій съ извѣстными отношеніями вещей и явленій. Вѣроятностью отличаются тѣ утвержденія и отрицанія, которыя, представляя нѣкоторыя черты истинности, лишены очевидности (стр. 50).

Психическая *рефлексивность* представляетъ собою двоякое направленіе: съ одной стороны, рефлексію психической дѣйствительности въ мышленіи, или *умственную* рефлексію дѣйствительности, а съ другой—обратную рефлексію мышленія въ психической дѣйствительности, или *реальную* рефлексію мышленія (т. 2, стр. 58). Умственная рефлексія распадается на рефлексію текущей и рефлексію прошлой психической дѣйствительности. Умственная рефлексія текущей дѣйствительности доказывается фактами запоминанія, явленіями цѣльнаго взгляда на вещи и фактами умственныхъ операцій сравненія, отожествленія, различенія, воображенія. Мышленіе человѣка, какъ рефлексія его прошлой психической дѣйствительности, представляетъ три основныя направленія: историческое, логическое и трансцендентное. Подробный анализъ этихъ направленій мышленія приводитъ автора къ убѣжденію, что первое обязано своимъ происхожденіемъ закону смежности, второе—закону сходства, а третье—совмѣстному вліянію того и дру-

гаго. Къ оправданію этой основной мысли и направляются всѣ разсужденія автора (стр. 66—205). По его убѣжденію, всѣ главныя явленія историческаго направленія мышленія суть дѣйствія закона смежности. Такъ, единичныя идеи ощущеній, волненій, реальныхъ дѣйствій и психическихъ готовностей являются умственною рефлексіею исторіи этихъ фактовъ, въ порядкѣ преемства и сосуществованія ихъ элементовъ. Равнымъ образомъ, въ единичныхъ идеяхъ реальныхъ психическихъ фактовъ,—въ умственной рефлексіи послѣднихъ, въ порядкѣ ихъ внѣшней зависимости и внутренней связи,—въ идеяхъ индивидуальныхъ вещей и въ умственной рефлексіи ихъ индивидуальныхъ отношеній—мы, по взгляду автора, имѣемъ самыя широкія обнаруженія управляющаго человѣческимъ мышленіемъ закона смежности, или свойственнаго мышленію стремленія къ рефлексіи прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, въ порядкѣ ихъ непосредственнаго преемства и сосуществованія (стр. 78—93). Новымъ обнаруженіемъ того же закона служатъ явленія умственной *антиципаціи* дѣйствительности—въ формахъ умственнаго *продолженія* неоконченныхъ реальныхъ фактовъ, умственныхъ *превращеній* реальныхъ внѣшнихъ явленій въ индивидуальныя вещи и въ формахъ *ожиданій* и предчувствій. Соображенія автора объ „антиципаціи" заслуживаютъ особеннаго вниманія по вѣроятности объясненій и тонкости наблюденій. Наконецъ, явленія памяти, воспоминанія, забвенія, воображенія и др., исчерпываются дѣйствіемъ того же закона (стр. 110).

Началомъ всякаго обобщенія фактовъ и, слѣдовательно, источникомъ логическаго направленія мышленія, служитъ, по взгляду автора, законъ сходства. Значеніе послѣдняго для логическаго направленія мышленія доказывается анализомъ главныхъ явленій обобщенія, куда относятся: явленія узнаванія текущей дѣйствительности, явленія умственной коллигаціи реальныхъ фактовъ, явленія сравненія и уподобленія послѣднихъ, явленія общихъ идей и общихъ умственныхъ рефлексій реальныхъ отношеній, явленія умственнаго анализа, абстракціи, умственнаго перенесенія чувствъ и психическихъ готовностей, явленія симпатіи, увѣренности и нѣкоторыхъ погрѣшностей

мышленія (стр. 113—157). Различные популярные термины мышленія: умъ, воспоминаніе, воображеніе, остроуміе, соображеніе, догадка, общій или здравый смыслъ—также служатъ простымъ выраженіемъ того стремленія мышленія, которое называется закономъ сходства и которое заключается въ готовности мышленія отвѣтить массою идей всей прошлой дѣйствительности на сходные съ нею текущіе реальные факты, или идеи, данныя въ текущихъ умственныхъ операціяхъ (стр. 158). Трансцендентное направленіе мышленія, или стремленіе послѣдняго къ переступанію предѣловъ явленій и къ рефлексіи дѣйствительности нефеноменальной, обязано своимъ происхожденіемъ только совмѣстному дѣйствію обоихъ законовъ ассоціаціи и слѣдовательно управляемой этими законами умственной рефлексіи прошлой психической дѣйствительности. Доказывается это анализомъ основныхъ *формъ* мысленной трансценденціи явленій, куда относятся: трансценденціи общаго или здраваго смысла, воображенія, увѣренности и ума. Изъ этого анализа, по убѣжденію автора, съ очевидностью усматривается, что не только трансценденціи явленій, данныя для общаго смысла въ идеяхъ вещей матеріальныхъ и духовныхъ, или трансценденціи воображенія, данныя въ патетическихъ и поэтическихъ міровоззрѣніяхъ людей, но и трансценденціи ума, наблюдаемыя въ міровоззрѣніяхъ, обусловленныхъ началами науки и идеями вѣры, не нуждаются для своего образованія въ какихъ-нибудь особыхъ силахъ человѣческаго духа, кромѣ тѣхъ, какія даны въ основныхъ законахъ человѣческаго мышленія, то есть, въ законахъ ассоціаціи (стр. 195). Въ подтвержденіе этой же мысли авторъ представляетъ обзоръ основныхъ типовъ метафизическихъ трансценденцій, выраженныхъ въ различныхъ метафизическихъ системахъ.

Обратная сторона рефлексіи, именно *реальная* рефлексія мышленія, является въ двухъ видахъ: какъ рефлексія мышленія человѣка въ его способностяхъ реальныхъ психическихъ отношеній и какъ рефлексія того же мышленія въ реальныхъ произведеніяхъ человѣческаго творчества. Первая выражается преобразованіемъ первичныхъ условій реальныхъ психическихъ отношеній и образованіемъ вторичныхъ условій, или способно-

стей—ощущеній и волненій, психическихъ готовностей и дѣйствій. Вторая проявляется, во-первыхъ, въ происхожденіи *невольныхъ* направленій символическаго творчества, или направленій вдохновенія, и во-вторыхъ—въ образованіи произвольныхъ направленій того-же творчества,—консервативныхъ и прогрессивныхъ (стр. 263). Оба главныхъ вида реальной рефлексіи мышленія подчинены законамъ *мысленной* рефлексіи прошлой психической дѣйствительности, то есть, законамъ ассоціаціи, которые въ проявленіяхъ произвольнаго символическаго творчества восполняются еще дѣйствіемъ закона произвольности, мотиваціи, или самосохраненія (стр. 281). Въ частности, рефлексіей мышленія въ психической дѣйствительности, по взгляду автора, объясняются слѣдующія важнѣйшія явленія: образованіе чувствъ—пространства, внѣшности вещей и „мѣстности" психическихъ явленій, развитіе высшихъ умственныхъ чувствъ—сходства и разницы, развитіе эстетическаго вкуса, или художественнаго чувства, образованіе нравственнаго чувства, или чувства долга,—затѣмъ возрастаніе волненій, образованіе аффектовъ и склонностей,—образованіе навыковъ несимволическихъ дѣйствій, выражающихся въ разнаго рода умѣньяхъ и искусствахъ, въ нравахъ и обычаяхъ, а равно образованіе навыковъ символическихъ дѣйствій, или навыковъ рѣчи, письма и художественной техники (стр. 210—250). Реальною рефлексіею мышленія объясняются и всѣ реальныя произведенія символическаго творчества въ двоякомъ его направленіи—консервативномъ и прогрессивномъ. Въ данномъ случаѣ авторъ высказываетъ чрезвычайно мѣткія и тонкія, вполнѣ оригинальныя соображенія о разнообразныхъ видахъ художественнаго и научнаго творчества. Въ частности, онъ уясняетъ символическое значеніе разнообразныхъ описаній окружающей человѣка природы и самаго человѣка, касается основъ какъ теоретическихъ—сравнительныхъ и описательныхъ, такъ и практическихъ наукъ, устанавливающихъ методы произвольной дѣятельности,—разсматриваетъ всѣ виды изящныхъ искусствъ и разнообразныя формы поэзіи, уясняетъ значеніе богословскихъ и метафизическихъ системъ—въ смыслѣ символическаго выраженія идей бытія нефеноменальнаго, а равно

подробно трактуетъ о свободѣ личнаго творчества и культурѣ реальной символики во всѣхъ ея формахъ (стр. 266—298).

Заканчивается система обозрѣніемъ простѣйшихъ *разницъ* явленій психической рефлексіи, какъ-то: ея интенсивности, твердости и скорости. Интенсивность явленій психической рефлексіи поставляется авторомъ въ зависимость какъ отъ интенсивности *реальныхъ* психическихъ фактовъ и идей, такъ и отъ скорости текущихъ умственныхъ операцій. Твердость рефлексіи зависитъ, по взгляду автора, отъ повторенія отражаемыхъ фактовъ, переходящаго въ навыки дѣйствій и движеній. Въ качествѣ условій различной скорости психической рефлексіи указываются: повтореніе, интенсивность и объемъ отражаемыхъ фактовъ, а равно степени сходства ихъ съ текущими фактами (стр. 300—312).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе психологической системы Троицкаго. Не трудно видѣть, что она сложилась подъ вліяніемъ основныхъ началъ англійской эмпирической школы и отражаетъ на себѣ воззрѣнія Милля, Бэна, Спéнсера и другихъ англійскихъ психологовъ. Зависимостью отъ этихъ воззрѣній объясняются и многія особенности системы. Такъ, въ ней мы не находимъ особаго трактата о сознаніи; послѣднее, въ согласіи съ эмпирическою школою, понимается авторомъ въ широкомъ смыслѣ, какъ общее выраженіе психической жизни, а не какъ особенная дѣятельность души. Равнымъ образомъ, въ ней отрицается теоретически вопросъ о свободѣ воли, какъ вопросъ мнимый. Слѣдуя воззрѣніямъ англійскихъ эмпириковъ, Троицкій подъ психическою свободою разумѣетъ естественное теченіе фактовъ психическаго существованія человѣка, не искажаемое ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ насиліемъ, ни отсутствіемъ какихъ-либо членовъ его психической системы (т. I, стр. 320); свободными дѣйствіями онъ называетъ, вслѣдъ за Бэномъ и другими психологами, мотивированныя дѣйствія, а немотивированныя признаетъ невольными (т. I, стр. 230. 233). Эта теорія мотиваціи дѣйствій, построенная на физіологическомъ основаніи, подтверждается въ системѣ многими фактами, заимствованными изъ сферы общественныхъ отношеній людей.

Въ различныхъ частныхъ объясненіяхъ психическихъ фактовъ Троицкій также усваиваетъ преимущественно точку зрѣнія и пріемы Бэна. Воспроизведеніе теорій послѣдняго мы находимъ въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи представленій пространства и времени (т. 2, стр. 212), въ ученіи о нравственномъ чувствѣ и долгѣ, какъ продуктахъ культуры нравовъ,—въ отдѣлѣ о художественной символикѣ, сводимой въ сущности къ „построительной ассоціаціи" Бэна. Какъ Бэнъ выдѣляетъ въ чувствованіяхъ эмоціонный и интеллектуальный элементы, такъ и Троицкій считаетъ чувства источникомъ волненій и идей (стр. т. I, стр. 9—11). Самые термины для обозначенія общихъ свойствъ и законовъ духа заимствованы имъ у англійскихъ психологовъ, главнымъ образомъ у Спенсера и Бэна. Не смотря, однако, на указанныя вліянія, психологическая система Троицкаго запечатлѣна характеромъ глубокой оригинальности и по своему направленію является лучшимъ образцомъ вполнѣ самостоятельной научной обработки психическихъ фактовъ. Представляя собою стройное, законченное цѣлое, и всесторонне исчерпывая свой предметъ, она отличается спокойствіемъ и увѣренностью тона, остроуміемъ и проницательностью въ рѣшеніи поднимаемыхъ вопросовъ, удобопріемлемостью взглядовъ и вѣроятностью догадокъ автора. Кромѣ того, богатство наблюденій надъ разнообразными проявленіями духа въ обѣихъ сферахъ его жизни—теоретической и практической, новизна изслѣдованія, сила аргументаціи, рѣшительность въ сужденіяхъ и выводахъ, составляютъ неоспоримыя достоинства почтеннаго труда Троицкаго, заключающаго въ себѣ много прекрасныхъ частныхъ отдѣловъ. Стремленіе же автора изъяснить чисто психологическимъ путемъ разнообразныя формы культурной и общественной жизни, а равно основанное на практическихъ наблюденіяхъ изслѣдованіе различныхъ направленій произвольной дѣятельности, сообщаютъ его труду глубокій жизненно-практическій интересъ.

Но признавая всю цѣнность и глубокую оригинальность разсматриваемой психологической системы, не можемъ не отмѣтить въ ней нѣкоторыхъ недостатковъ, или по крайней мѣрѣ такихъ особенностей, которыя могутъ вызывать недоумѣнія и

затруднять самое пониманіе ея. Прежде всего непріятную особенность этой системы составляютъ — какъ своеобразная, не всегда удобопонимаемая, научная терминологія, такъ и вполнѣ оригинальная классификація психическихъ фактовъ и явленій. Первая требуетъ нерѣдко весьма значительныхъ усилій, чтобы оріентироваться въ ней и перевести ее, для лучшаго пониманія, на языкъ общепринятыхъ въ психологіи терминовъ, а вторая, при своей чрезвычайной искусственности, требуетъ значительнаго напряженія вниманія, чтобы удержать связь между частными отдѣлами и группами психическихъ фактовъ и общими принципами дѣленія. Притомъ, вовсе не выяснены авторомъ выгоды и преимущества новой классификаціи и терминологіи предъ старыми терминами и дѣленіями, но во всякомъ случаѣ эти выгоды представляются слишкомъ сомнительными. Мало того, самая терминологія значительно измѣняетъ твердо установленный смыслъ общепринятыхъ въ психологіи терминовъ и вноситъ неопредѣленность въ самыя понятія, соединяемыя съ ними. Далѣе, содержаніе, касающееся одного какого-либо предмета, нерѣдко разбросано по самымъ различнымъ отдѣламъ всего труда; таково, напримѣръ, ученіе о познаніи, о произвольной дѣятельности, о чувствахъ, творчествѣ, идеяхъ и др. Нѣкоторыя опредѣленія основныхъ понятій страдаютъ неточностью и представляютъ логическій кругъ. Такъ, духъ человѣка опредѣляется чрезъ свойства, открывающіяся ему въ психическихъ, то есть, духовныхъ, фактахъ его существованія (т. 1, стр. 1), тогда какъ раньше знанія о томъ, что̀ такое духъ, не можетъ быть понята рѣчь о *его* существованіи, свойствахъ и фактахъ, отличающихъ его именно, какъ духовное существо. Такое же кажущееся только опредѣленіе и логическій кругъ мы находимъ при уясненіи понятія „относительности", которая сводится авторомъ къ „условности" и „ограниченности" (т. I, стр. 6), но далѣе эти понятія не уясняются, а ниже приводятся въ самыхъ различныхъ смыслахъ, то какъ условность тожества личности и ея законы (стр. 83), то какъ сумма условій и причинъ, данныхъ въ психическихъ фактахъ собственнаго существованія каждаго человѣка (стр.

86), то какъ органическая условность психическаго образованія (стр. 96). Самыя доказательства условности образованія психическихъ фактовъ авторъ начинаетъ не съ основной органической условности, типомъ которой служатъ ощущенія, зависящія отъ условій внѣшнихъ человѣческому духу и „составляющія исходный пунктъ внутренняго развитія всѣхъ другихъ классовъ психическихъ фактовъ“, а „съ внутренней условности“, по которой всѣ психическіе факты образуются одинъ изъ другаго (т. I, стр. 8). Такимъ образомъ нѣсколько извращается естественный ходъ развитія психической жизни; весь процессъ этого развитія остается безъ начала. Терминъ „психическіе факты“ авторъ въ самомъ началѣ труда (стр. 8) замѣняетъ терминомъ „психическія отношенія“, не объясняя смысла такой подмѣны, и затѣмъ даетъ довольно сложную классификацію этихъ отношеній, не указывая для нея никакихъ основаній; но не трудно видѣть, что всѣ эти дѣленія происходятъ на *разныхъ* основаніяхъ, по которымъ одни и тѣ же отношенія являются то „страдательными“, то „мысленными“, то „производительными“, то „потенціальными“ и т. д. Отъ всего этого только увеличивается трудность пониманія разсужденій автора, особенно если принять во вниманіе допускаемый имъ произволъ въ употребленіи терминовъ. Такъ, чувство, признаваемое имъ первичною формою сознанія, и само по себѣ не отличное отъ впечатлѣній, въ то же время представляетъ, по взгляду автора, *критическую оцѣнку* впечатлѣній и затѣмъ совершенно произвольно причисляется имъ къ „страдательнымъ отношеніямъ“ (стр. 9. 10), а нѣсколько ниже оказывается, что чувства, наравнѣ съ идеями, суть также и „дѣятельныя отношенія“, вліяющія на физическіе процессы организма (стр. 11). Самый терминъ „чувство“ страдаетъ крайнею неопредѣленностью. Оно—то отвѣтъ на впечатлѣнія, или оцѣнка ихъ, то источникъ ощущеній и идей, то одно и то же съ ощущеніями, то отличается отъ нихъ, причемъ ощущенія становятся только „помѣтами“ чувствъ; не ясно также, въ какомъ генетическомъ порядкѣ стоятъ ощущенія, чувства и идеи, такъ какъ представляется возможность изъ объясненій автора построить всѣ три комбинаціи ихъ взаимоотношенія. Равнымъ

образомъ, не ясно различіе, указываемое авторомъ между идеями и умственными операціями (т. I, стр. 21. 28); не выяснено и то, что слѣдуетъ разумѣть подъ „реальными дѣйствіями человѣка“ (т. I, стр. 70. 120). Не отличаются желательною ясностью и соображенія „о прямомъ и косвенномъ познаніи“, подъ которыми разумѣются: постиженіе внутренняго міра душевныхъ состояній и познаніе матеріальнаго міра вещей (т. I, стр. 116—138). Помимо очень многихъ неясныхъ выраженій въ родѣ того, что „въ фактахъ психическихъ отношеній присутствуютъ вещи“, „психическія отношенія подлежатъ *наблюденію* человѣка“ и др. (стр. 118), все вообще ученіе о познаніи утверждается догматически, безъ подтвержденія его какими—либо фактическими данными. Въ отдѣлѣ о трансценденціяхъ, служащихъ, по автору, основаніями поэзіи, религіи и метафизики (т. 2, стр. 178—202) обращаютъ на себя вниманіе какъ общія преувеличенныя его заключенія, что трансценденціи не имѣютъ ни достовѣрности, ни очевидности, ни даже вѣроятности и правдоподобія, свойственныхъ только наукѣ (ср. т. I, стр. 110. 116. 200), такъ и не совсѣмъ ясная роль, усвояемая имъ метафизикѣ, которая должна примирять положенія науки и религіи и изыскивать „методы мыслимости“ сверхъ—опытныхъ вещей въ согласіи съ основаніями религіозной вѣры и науки (т. I, стр. 198. 203). Въ основѣ всѣхъ вообще разсужденій автора о трансценденціяхъ лежитъ не могущее заслужить всеобщаго признанія раздѣленіе имъ знанія на научное и ненаучное. Кромѣ того, если принять во вниманіе, что основу всякаго мышленія, по убѣжденію автора, составляютъ законы ассоціаціи, тогда становится совершенно непонятнымъ, какъ изъ одного и того же источника происходитъ и научное, достовѣрное мышленіе и ненаучное „трансцендентное“, не имѣющее даже вѣроятности. Наконецъ, въ сужденіяхъ автора по вопросу о происхожденіи религіозныхъ и нравственныхъ идей нельзя не отмѣтить многихъ преувеличеній относительно значенія внѣшнихъ естественныхъ факторовъ, какъ то: вліянія космическихъ явленій, вліянія общественной среды, власти, авторитета и др. (т. I, стр. 189—197; т. 2,

стр. 231—235).—Заканчивая этимъ свои сужденія о психологическомъ трудѣ Троицкаго, мы должны, однако, признать, что какъ указанные, такъ и нѣкоторые другіе частные недостатки отнюдь не умаляютъ его безспорно высокихъ достоинствъ, обезпечивающихъ ему право на почетное мѣсто въ оригинальной русской психологической литературѣ. Въ цѣломъ, этотъ ученый трудъ проливаетъ новый свѣтъ какъ на общеизвѣстныя и объясненныя уже явленія, такъ равно сообщаетъ не мало и совершенно новыхъ свѣдѣній относительно различныхъ областей душевной жизни, особенно по вопросамъ: о взаимоотношеніяхъ психическихъ фактовъ и явленій, объ основахъ произвольной дѣятельности, о рефлексіи мышленія въ реальныхъ актахъ познаванія, о разныхъ формахъ художественнаго творчества и т. п.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ДАРВИНИЗМЪ.

(КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ).

(Продолженіе *).

III.

Геометрическая прогрессія размноженія организмовъ и борьба за существованіе между ними.

„Наслѣдственность и измѣнчивость—факты; геометрическая прогрессія размноженія организмовъ и вытекающая изъ нея борьба за существованіе—тоже факты; слѣдовательно, и естественный подборъ, какъ необходимое слѣдствіе изъ этихъ фактовъ, также фактъ, фигура не фиктивная, а вполнѣ реальная". Такъ резюмируютъ дарвинисты свою аргументацію въ пользу несомнѣннаго существованія въ природѣ естественнаго подбора. Какими являются факты наслѣдственности и измѣнчивости у дарвинистовъ и каковы они на самомъ дѣлѣ, это мы видѣли изъ предыдущей главы; здѣсь же мы попытаемся опредѣлить, какими представляются дарвинистами и какими являются въ дѣйствительности факты—геометрической прогрессіи размноженія органическихъ существъ и борьбы за существованіе между ними. Для ясности дѣла начнемъ нашу рѣчь съ гипотетическаго примѣра.

Предположимъ, что какого либо математика, ничего не знающаго о томъ, что вода, падающая на земную поверхность,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ" № 6, 1895 г.

отчасти испаряется, отчасти просачивается въ почву, попросили бы вычислить, во сколько лѣтъ Волга переполнитъ своими водами Каспійское море въ такой степени, чтобы оно вышло изъ своихъ береговъ и затопило сосѣднія низменности. Допустимъ также, что ежегодное количество воды, изливаемой Волгой въ Каспійское море, квадратная площадь низменностей, подлежащихъ затопленію, и уровень, на который должна подняться вода, чтобы произвести такое наводненіе, нашему математику до точности извѣстны. И вотъ онъ дѣлаетъ математическую выкладку, въ результатѣ которой появляется выводъ, что Волга переполнитъ Каспійскоо море своими водами и затопитъ сосѣднія съ нимъ низменности, положимъ, въ 5000 лѣтъ: правиленъ-ли будетъ такой выводъ? Математически—да, но въ приложеніи къ дѣйствительности—нѣтъ, потому—что если бы нашъ воображаемый математикъ принялъ въ разсчетъ испареніе и просачиваніе воды въ почву, то онъ долженъ былъ бы сдѣлась совершенно другой выводъ, а именно, что Волга никогда не переполнитъ своими водами Каспійское море настолько, чтобы прилегающія къ нему низменности оказались затопленными.

Точно то же самое и съ фактами геометрической прогрессіи размноженія органическихъ существъ и борьбы за существованіе между ними: какъ математическія выкладки, факты эти дѣйствительно, представляются такими, какими видятъ ихъ дарвинисты, но какъ явленія природы, они далеко не таковы. Такъ, размноженіе органическихъ существъ, дѣйствительно, совершается въ геометрической прогрессіи, такъ что на этомъ основаніи слѣдовало бы ожидать, что каждая пара, (при половомъ размноженіи) органическихъ существъ или каждый индивидуумъ (при безполомъ размноженіи) очень быстро заполнитъ или будетъ стремиться заполнить своимъ потомствомъ весь земной шаръ. А ужъ отсюда слѣдовало бы ожидать, что и борьба за существованіе будетъ именно такимъ явленіемъ, какое нужно дарвинистамъ въ интересахъ ихъ теоріи. Но, во первыхъ, сами же дарвинисты, вмѣстѣ съ отцомъ своей школы, признаютъ, что развивается и вступаетъ въ борьбу за существованіе сравнительно ничтожное количество всѣхъ произ-

водимыхъ зародышей, а громадное большинство ихъ погибаетъ, не достигнувъ тѣхъ стадій своего развитія, въ которыхъ они такъ или иначе могли бы принять участіе въ этой борьбѣ. Во вторыхъ, мы сейчасъ увидимъ, что, параллельно съ размноженіемъ органическихъ существъ въ геометрической прогрессіи, и истребленіе ихъ совершается въ такихъ размѣрахъ, что количество остающихся въ живыхъ не превышаетъ обыкновенно количества имѣющихся въ природѣ мѣстъ, такъ что борьбы за существованіе въ томъ ея видѣ, въ какомъ она представляется дарвинистамъ, въ общемъ не существуетъ.

Очевидно, что борьба за существованіе, по мысли Дарвина, должна замѣнить собою въ природѣ роль заводчика, видоизмѣняющаго, путемъ искусственнаго подбора, различныя породы нашихъ домашнихъ растеній и животныхъ, въ той ея части, которая состоитъ въ браковкѣ, уничтоженіи особей, почему-либо не отвѣчающихъ цѣлямъ заводчика, и—въ отборѣ на племя особей, этимъ цѣлямъ отвѣчающихъ. Вся разница ролей заводчика и борьбы за существованіе въ данномъ случаѣ состоитъ только въ томъ, что первый бракуетъ и пускаетъ на племя тѣхъ или другихъ особей сообразно съ своими личными вкусами, прихотями или пользою, а послѣдняя бракуетъ и пускаетъ на племя тѣ или иные организмы соотвѣтственно съ ихъ собственной пользой или вредомъ: всѣ организмы, имѣющіе въ своей организаціи что либо вредное, то есть, не отвѣчающее условіямъ ихъ существованія, должны браковаться, уничтожаться, а всѣ организмы, имѣющіе въ своей организаціи что-либо для нихъ полезное, т. е., отвѣчающее условіямъ ихъ жизни, должны пускаться на племя и производить такое же, приспособленное къ жизни, потомство. Но заводчикъ, если онъ только желаетъ достигнуть нужныхъ ему результатовъ путемъ искусственнаго подбора родичей, долженъ быть, во первыхъ, весьма тщателенъ въ браковкѣ и выборѣ особей на племя: эта тщательность доходитъ до того, что въ Саксоніи, напримѣръ, „овецъ кладутъ на столъ и изучаютъ, какъ картины; это повторяется три раза черезъ мѣсяцъ, и каждый разъ овецъ отмѣчаютъ и сортируютъ для того, чтобы окончательный выборъ

палъ на наилучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ производителей" [1]). Значитъ, и борьба за существованіе должна уничтожать только то, что дѣйствительно слабо и не приспособлено къ жизни, и пускать на племя только то, что такъ или иначе приспособлено къ жизни наилучшимъ образомъ. А чтобы достигать такихъ результатовъ, борьба за существованіе должна быть по возможности напряженной и непрерывной, чтобы отъ ея суроваго приговора на смерть не ускользнуло ни одно живое существо, не имѣющее права на жизнь; а иначе, „пусть ослабѣетъ хотя на малѣйшую долю разрушающая причина, и численность вида почти немедленно станетъ возрастать почти въ неопредѣленныхъ размѣрахъ" [2]), начнутъ плодиться какъ наилучше приспособленные, такъ и мало приспособленные къ жизни организмы. Во вторыхъ, заводчикъ всегда долженъ помнить, что „великое значеніе начала подбора родичей раскрывается главнымъ образомъ въ значительности результатовъ, достигаемыхъ накопленіемъ *въ одномъ направленіи*, въ теченіе многочисленныхъ поколѣній, разностей, совершенно незамѣтныхъ неопытному глазу" [3]). Если, напримѣръ, заводчикъ поставилъ цѣлью подбора образованіе у голубя клюва извѣстной формы, то онъ и долженъ вести только въ этомъ направленіи подборъ, вести въ теченіе многихъ поколѣній,—до тѣхъ поръ, пока у голубя получится желанная форма клюва. Но если заводчикъ оставитъ подборъ клюва ранѣе достиженія цѣли и начнетъ подбирать форму головы, примется за подборъ зоба и т. д., то изъ его дѣятельности ровно ничего не выйдетъ. Также точно и борьба за существованіе можетъ вызвать извѣстные опредѣленные результаты только въ томъ случаѣ, если она будетъ дѣйствовать долгое время въ одномъ извѣстномъ направленіи.

Итакъ, чтобы въ извѣстной степени замѣнить собою въ природѣ критическое и отбирающее начало, какимъ въ процессѣ искусственнаго подбора является разумная воля человѣка, борьба за существованіе должна быть непремѣнно въ надлежащей

[1]) „Происхожденіе видовъ", стр. 24.
[2]) Ibid. стр. 52.
[3]) Ibid. стр. 25.

степени интенсивной, непрерывной и—въ продолженіи долгихъ періодовъ времени дѣйствовать въ одномъ направленіи.

Дарвинисты, дѣйствительно, на основаніи своихъ математическихъ выкладокъ относительно размноженія органическихъ существъ въ геометрической прогрессіи, и считаютъ борьбу за существованіе именно таковою. Но посмотримъ, такою-ли явится она на самомъ дѣлѣ.

Несомнѣнно, что виды, какъ-бы они ни произошли, т. е., путемъ ли творенія, или путемъ трансформаціи однихъ въ другіе, появились первоначально въ ограниченномъ количествѣ особей. Слѣдовательно, мѣстъ для каждой особи въ природѣ было множество. Вслѣдствіе этого каждый видъ началъ размножаться и распространяться концентрически изъ мѣстъ своего первоначальнаго возникновенія. Размноженіе каждаго вида повело затѣмъ къ тому, что круги распространенія видовъ стали соприкасаться другъ съ другомъ и пересѣкаться одинъ другимъ: виды вступили въ конкурренцію другъ съ другомъ. Ограничиваемыя различными внѣшними условіями въ своемъ стремленіи захватить другія области, тѣснимыя и преслѣдуемыя въ своей области распространенія другими видами, особи каждаго извѣстнаго вида вынуждены были размножаться лишь въ предѣлахъ своей области, насыщая эту послѣднюю въ концѣ концовъ до того, что всѣ мѣста оказались занятыми. Но такъ какъ размноженіе все совершалось, такъ какъ на каждое мѣсто являлось все большее и большее количество соискателей, то въ концѣ концовъ отдѣльныя особи извѣстнаго вида неминуемо должны были вступить въ борьбу за существованіе и другъ съ другомъ. Въ концѣ концовъ каждое органическое существо должно было стать въ весьма сложныя, перепутанныя, тонкія и подчасъ едва уловимыя соотношенія какъ съ различными внѣшними условіями своего существованія, такъ и съ другими органическими существами. Такъ, напримѣръ, какъ ни странно это на первый взглядъ, но совершенно несомнѣнно, что количество краснаго клевера обусловливается количествомъ кошекъ въ данной мѣстности, а именно: красный клеверъ можетъ размножаться только при посредствѣ шмелей, такъ какъ другія пчелы не посѣщаютъ его головокъ, потому что своимъ ко-

роткимъ хоботкомъ не могутъ достать до ихъ нектарниковъ; но количество шмелей въ данной мѣстности обусловливается количествомъ мышей, которыя разрушаютъ и истребляютъ шмелиные соты и гнѣзда; количество же мышей обусловливается въ свою очередь количествомъ кошекъ въ данной мѣстности; слѣдовательно, благоденствіе и успѣшное распространеніе клевера зависитъ прямо отъ количества шмелей, а косвенно отъ количества мышей и кошекъ. Еще примѣръ. Воробьи и другія птицы, живущія по преимуществу за счетъ человѣка, зависятъ въ своемъ существованіи, по крайней мѣрѣ въ зимнее время, отъ количества содержимыхъ человѣкомъ лошадей, потому что птицы эти питаются главнымъ образомъ свѣжими и полупереваренными зернами овса, разбрасываемыми и извергаемыми лошадьми. Такимъ образомъ уменьшеніе количества лошадей въ данной мѣстности, хотя бы вслѣдствіе введенія всеобщей конской повинности, можетъ отразиться уменьшеніемъ въ той же мѣстности количества птицъ, спутниковъ человѣка [1]).

Кромѣ того дарвинисты, вмѣстѣ съ Мальтусомъ, допускаютъ, что въ то время, какъ органическія существа размножаются въ геометрической прогрессіи, „количество пищи возрастаетъ только въ прогрессіи ариѳметической“ [2]). Такимъ образомъ съ точки зрѣнія сейчасъ нами сказаннаго, борьба за существованіе представляется, дѣйствительно, въ высшей степени напряженной. Посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ.

Начнемъ опять съ примѣра. Предположимъ, что извѣстная мѣстность едва—едва можетъ прокормить 10000 особей извѣстнаго вида. Предположимъ, что изъ этого количества особей половина самцовъ и половина самокъ. Если мы допустимъ, что каждой самкѣ удается взрастить только одного дѣтеныша, то и тогда явится лишнихъ 5000 особей, для которыхъ потребуется столько же мѣстъ. А мѣстъ нѣтъ. Несомнѣнно, начнется ожесточенная борьба между конкуррентами. Будутъ выживать только тѣ, которые случайно окажутся или хитрѣе другихъ, или проворнѣе въ добываніи пищи, или сильнѣе,

[1]) Академикъ Брандтъ: „Численное равновѣсіе животныхъ въ борьбѣ за существованіе“.—„Нива“ 1879 г. №№ 19—21.

[2]) Ферьеръ—ibid. стр. 10.

или же болѣе другихъ способными замѣнить обычную пищу нѣсколько необычною (напр. вмѣсто травы ѣсть листву и молодые побѣги кустарниковъ, вмѣсто мелкихъ млекопитающихъ истреблять насѣкомыхъ, улитокъ и т. д.). Очевидно, такое положеніе дѣлъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока количество борющихся существъ будетъ превышать собою количество имѣющихся мѣстъ. Но излишекъ первыхъ въ сравненіи съ количествомъ послѣднихъ есть явленіе только временное и даже кратковременное; обыкновенное же и постоянное отношеніе количества органическихъ существъ къ количеству имѣющихся въ природѣ мѣстъ суть отношенія равенства, а нерѣдко число мѣстъ превышаетъ собою количество наличныхъ органическихъ существъ. Что это бываетъ дѣйствительно такъ, а не иначе, можно доказать и фактами, хотя и немногочисленными, такъ какъ вопросы объ явленіяхъ, связанныхъ съ борьбою за существованіе, еще мало изслѣдованы. Хотя намъ и неизвѣстны въ точности всѣ причины, благодаря которымъ въ природѣ постоянно сохраняется сейчасъ указанное нами отношеніе между количествомъ органическихъ существъ и количествомъ имѣющихся для нихъ въ природѣ мѣстъ, однако же причины эти могутъ быть сведены къ борьбѣ органическихъ существъ съ внѣшними условіями существованія и—съ прямыми врагами.

Къ числу внѣшнихъ условій, нерѣдко губящихъ органическія существа въ огромныхъ количествахъ и тѣмъ самымъ ослабляющихъ и прекращающихъ борьбу за существованіе, относятся, напримѣръ *засухи.*

Такъ, во время засухи 1827—1830 г., поразившей въ особенности сѣверную часть провинціи Буэносъ-Айресъ и южную часть провинціи Санта-Фе, погибло по самой низкой оцѣнкѣ, въ одномъ лишь Буэносъ-Айресѣ, не менѣе милліона головъ скота. А во всей странѣ отъ этой засухи погибло нѣсколько милліоновъ головъ лошадей и рогатаго скота, не считая дикихъ животныхъ [1]. *Наводненія.* Напримѣръ, площадь разлива Амазонской и Ориноко, бассейны которыхъ соединяются другъ съ

[1] Данилевскій, ibid. стр. 465—466.

другомъ, громадна. Во время этихъ ежегодныхъ разливовъ гибнутъ массы не только наземныхъ, но и живущихъ на деревьяхъ животныхъ. Такъ, по Брему, многіе виды водящихся тамъ обезьянъ, изъ боязни къ водѣ, предпочитаютъ гибнуть съ голода цѣлыми толпами на какомъ—нибудь деревѣ, нежели переплыть нѣсколько десятковъ футовъ воднаго пространства, отдѣляющихъ ихъ отъ другихъ деревьевъ. *Степные и лѣсные пожары*, напримѣръ въ саваннахъ и преріяхъ, пампасахъ и сильвасахъ Америки или въ Сибирской тайгѣ. *Обвалы снѣговъ и льдовъ и сдвиги верхнихъ слоевъ почвы* въ мѣстностяхъ альпійскихъ погребаютъ иногда цѣлыя стада, напримѣръ оленей и дикихъ козъ. *Снѣжные бураны* въ степяхъ Азіи засыпаютъ цѣлыя стада дикихъ лошадей, *песчаныя вьюги* въ пустыняхъ Африки также губятъ не мало животныхъ. *Холода* также истребляютъ животныхъ иногда въ громадномъ количествѣ. Такъ, по Дарвину, зима 1854—1855 г. погубила на его землѣ не менѣе $^4/_5$ количества водившихся на ней птицъ [1]. Кромѣ того, холода задерживаютъ нерѣдко размноженіе животныхъ и ежегодно убиваютъ поголовно цѣлые виды изъ нихъ. Такъ, нѣкоторыя породы низшихъ ракообразныхъ, каковы, напримѣръ, дафниды, лѣтомъ состоятъ обыкновенно изъ однѣхъ самокъ и размножаются яйцами въ громадныхъ количествахъ. Но къ осени среди дафнидъ появляются самцы и самки и послѣднія начинаютъ нести яица болѣе крупныя и въ гораздо меньшемъ количествѣ. Съ наступленіемъ холодовъ всѣ живыя дафниды погибаютъ, и существованіе вида обезпечивается упомянутыми яицами, изъ которыхъ къ лѣту и вылупляются новыя дафниды [2]. *Перелеты* губятъ такое громадное количество птицъ, что, по приводимому Брандтомъ разсчету орнитолога Руссова, возвращается много—много лишь двѣ пятыхъ всѣхъ улетающихъ птицъ. Различныя *эпизоотіи*. Ветеринарная наука удостовѣряетъ насъ, что среди животныхъ существуютъ свои заразительныя и незаразительныя болѣзни, каковы, напримѣръ, чума, повальное воспаленіе легкихъ, злокачественный головной катарръ рогатаго скота и пр. Намъ гдѣ-то пришлось читать

[1] Происхожденіе видовъ, стр. 53.

[2] Брандтъ—ibidem.

объ опустошеніяхъ, произведенныхъ среди галокъ дифтеритомъ. Упомянемъ также о морѣ на раковъ, имѣвшемъ мѣсто въ Окѣ и, какъ мы узнали, въ Волгѣ въ 1893—94 году. Моръ начался осенью 1893 г., а весною 1894 г., во время разлива Оки, мертвые раки плавали по водѣ въ громадныхъ количествахъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, даже по спадѣ воды, по лугамъ нельзя было ходить безъ того, чтобы подъ ногами не хрустѣли ежеминутно раковыя скорлупки. Выжили только очень немногіе и то мелкіе раки. И несомнѣнно, что пройдетъ не мало лѣтъ, пока ракъ въ Окѣ опять размножится до такой степени, чтобы оказались имъ занятыми всѣ тѣ мѣста, которыя онъ занималъ до мора. Кромѣ того, мы должны предположить здѣсь существованіе и другихъ, пока неизвѣстныхъ намъ, причинъ, такъ или иначе ограничивающихъ размноженіе тѣхъ или иныхъ видовъ животныхъ. По крайней мѣрѣ, безъ предположенія такихъ причинъ для насъ окажутся необъяснимыми нѣкоторыя относящіяся сюда явленія. Такъ, напримѣръ, кашалоты и акулы, благодаря ихъ размѣрамъ, силѣ, вооруженію, способамъ размноженія и громадному обилію пищи въ океанахъ, едва-ли терпятъ отъ борьбы за существованіе. Потому слѣдовало бы ожидать, что моря и океаны переполнятся ими; однако-же среднее количество тѣхъ и другихъ всегда держится въ извѣстныхъ опредѣленныхъ размѣрахъ. Извѣстно также, что до сихъ поръ земной шаръ еще далеко не заселенъ человѣкомъ въ плотную, хотя человѣкъ уже съ незапамятныхъ временъ является въ борьбѣ за существованіе самымъ побѣдоноснымъ изъ всѣхъ населяющихъ землю существъ.

Громадное количество органическихъ существъ гибнетъ также и въ борьбѣ ихъ съ ихъ прямыми врагами. Такъ, напримѣръ, по разсчету Брема, одинъ левъ въ продолженіи года уничтожаетъ среднимъ числомъ на 6000 франковъ однихъ только крупныхъ домашнихъ животныхъ, каковы лошади, волы и верблюды. А опустошенія, производимыя среди животныхъ данной мѣстности парою или семействомъ львовъ, бываютъ обыкновенно такъ велики, что самимъ же хищникамъ приходится нерѣдко, въ силу наступающаго, вслѣдствіе ихъ хищничества, недостатка въ пищѣ, перекочевывать въ другія мѣст-

ности. Но левъ обыкновенно убиваетъ заразъ только одно животное. Многіе же хищники убиваютъ обыкновенно при всякомъ удобномъ случаѣ гораздо болѣе животныхъ, чѣмъ сколько имъ нужно для насыщенія. Такъ поступаютъ, напримѣръ, рыси (Zynx) и всѣ куницевыя (Martes). Кромѣ того большинство хищниковъ предпочитаютъ всегда свѣжее мясо и рѣдко ѣдятъ отъ одного и того же животнаго болѣе двухъ разъ, оставляя недоѣденное другимъ хищникамъ. И замѣчательно, что какъ только извѣстный видъ животныхъ начнетъ размножаться особенно сильно, сейчасъ же появляются въ той же мѣстности въ огромномъ количествѣ и его враги. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время замѣчается необыкновенное размноженіе полевыхъ мышей; но во многихъ мѣстностяхъ, изобилующихъ мышами, появилось и небывалое количество совъ, во множествѣ истребляющихъ мышей. И, конечно, совы въ данномъ случаѣ скоро приведутъ количество мышей къ обыкновенной нормѣ. Наконецъ, борьба за существованіе не должна представляться интенсивною и съ точки зрѣнія Дарвинова же закона дивергенціи характеровъ. Какъ только виду начинаетъ становиться тѣсно, какъ только мѣстъ въ природѣ остается какъ разъ въ обрѣзъ, различныя особи этого вида, вслѣдствіе дѣятельности естественнаго подбора, начинаютъ измѣнять нѣсколько и самый свой видовой характеръ. Такъ, извѣстно, что, напримѣръ, многіе даже крупные хищники, при недостаткѣ обыкновенной для нихъ пищи, начинаютъ питаться различными мелкими позвоночными и даже моллюсками и насѣкомыми (напр. мышами, лягушками, ящерицами, улитками, жуками и т. под.), на которыхъ при обиліи пищи, они обыкновенно не обращаютъ и вниманія.

Что касается увѣренія дарвинистовъ, будто бы въ то время, какъ органическія существа размножаются въ геометрической прогрессіи, запасъ пищи увеличивается лишь въ прогрессіи ариѳметической, то оно совершенно несправедливо. Такъ, кто знакомъ съ кругообращеніемъ вещества въ природѣ, тотъ не усомнится въ томъ, что въ воздухѣ и въ почвѣ найдется достаточное количество пищи для существующихъ на землѣ растеній. Растенія же, служащія пищею различнымъ живот-

нымъ, птицамъ и насѣкомымъ, размножаются въ геометрической прогрессіи. Равнымъ образомъ растительноядныя животныя, птицы и насѣкомыя, служащія въ свою очередь пищею хищнымъ животнымъ, птицамъ и насѣкомымъ, размножаются также въ геометрической прогрессіи. Кромѣ того, низшіе организмы, служащіе пищею для организмовъ высшихъ, размножаются обыкновенно въ громадныхъ количествахъ и всѣ не хищныя—сильнѣе хищныхъ. Такимъ образомъ борьба за существованіе въ дѣйствительности вовсе не является такою интенсивною и непрерывною, какою она должна бы быть, чтобы хотя съ нѣкоторымъ успѣхомъ сыграть ту роль въ дѣлѣ трансформаціи видовъ, какую возлагаютъ на нее дарвинисты. Благодаря указаннымъ причинамъ, такою, какою ее желали бы видѣть дарвинисты, т. е., весьма интенсивной и непрерывной, она является лишь по мѣстамъ, да и то на непродолжительное время, что, повидимому, признаетъ и самъ Дарвинъ, когда говоритъ: „Вдумываясь въ эту борьбу, мы можемъ утѣшиться мыслью, что война не безпрерывна, что ея ужасъ не сознается, что смерть обыкновенно быстра и что выживаютъ и размножаются особи здоровыя, сильныя и счастливыя [1]).

Чтобы производить тѣ эффекты, которые нужны дарвинистамъ, борьба за существованіе, какъ мы сказали выше, должна впродолженіи долгихъ періодовъ времени дѣйствовать въ одномъ опредѣленномъ направленіи, т. е., вновь образовывать въ томъ или иномъ организмѣ какой-либо опредѣленный, настолько законченный и фиксированный признакъ, чтобы онъ былъ полезенъ организму въ его борьбѣ за существованіе. Но за такой образъ дѣйствія борьбы за существованіе поручиться никакъ нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, говоритъ Данилевскій, что жители какого-нибудь приволжскаго села занимаются только земледѣліемъ.

Они будутъ держать и разводить у себя, какъ это всегда бываетъ въ такихъ селахъ, только плохенькихъ лошадей, едва—едва способныхъ къ земледѣльческой работѣ и не требующихъ

[1]) Происхожденіе видовъ, стр. 61.

большихъ расходовъ на свое содержаніе. Но вотъ производство хлѣба въ приволжскомъ краѣ сильно увеличилось, развилась хлѣбная торговля, потребовалась гужевая доставка хлѣба къ пристанямъ. Въ виду выгодныхъ заработковъ, обѣщаемыхъ послѣдней, крестьяне станутъ держать и разводить у себя болѣе сильныхъ возовыхъ лошадей. Но вотъ прошла по сосѣдству желѣзная дорога, въ окрестностяхъ появились дачи и дачники; послѣднимъ потребовались хорошія, быстрыя лошади для поѣздокъ на станцію, въ сосѣдній городъ за провизіей, на различныя parties de plaisir и т. под. Въ виду хорошей платы за пользованіе такими лошадьми, крестьяне начинаютъ разводить экипажныхъ и верховыхъ скакуновъ. Такимъ образомъ въ небольшой періодъ времени крестьянину выгодно было держать у себя сначала жалкихъ деревенскихъ клячъ, потомъ—сильныхъ ломовыхъ, и, наконецъ, скаковыхъ лошадей! Но тоже самое сплошь и рядомъ совершается и въ природѣ, т. е., сплошь и рядомъ бываетъ, что тому или иному организму сейчасъ полезна въ борьбѣ за существованіе извѣстная особенность, и чрезъ нѣсколько времени она окажется безполезной, и явится потребность въ другой особенности и т. д. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, мы укажемъ на явленіе, ежегодно повторяющееся по берегамъ нашихъ большихъ рѣкъ. Поймы или заливные луга этихъ рѣкъ нерѣдко представляютъ изъ себя очень обширныя площади, на которыхъ тутъ и тамъ, иногда въ очень значительномъ другъ отъ друга разстояніи, разбросаны небольшіе холмы и пригорки, покрытые кустарниками. Эти холмы и пригорки во время разлива рѣки становятся островами, на которыхъ въ большихъ нерѣдко количествахъ собираются различныя, захваченныя разливомъ, животныя, чаще всего зайцы, а изрѣдка и волки. По мѣрѣ поднятія уровня воды, многіе изъ такихъ острововъ мало по малу скрываются подъ водою; въ такомъ случаѣ всѣ ихъ невольные обитатели или тонутъ, не имѣя силы доплыть до другаго, болѣе высокаго острова, или же, еще до полнаго затопленія острова, истребляются такими, напримѣръ, хищниками, какъ орлы; или же, наконецъ, добираются до болѣе высокаго острова, уже занятаго другими зайцами. Здѣсь, очевидно, на-

чинается между послѣдними ожесточенная борьба за пищу. Если борющіеся не будутъ истреблены крылатыми хищниками, то изъ нихъ доживутъ до спада водъ, или болѣе сильные, или такіе, у которыхъ оказалось случайное удлинненіе кишечника, или такіе, у которыхъ рѣзцы оказались болѣе крѣпкими и способными измельчать самые застарѣлые побѣги и застарѣлую кору кустарниковъ и т. под. Но вотъ вода пошла на убыль, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало увеличиваться и количество пищи для нашихъ зайцевъ; вслѣдствіе этого особенности, бывшія полезными послѣднимъ во время поднятія воды, сдѣлались теперь для нихъ совершенно безполезными. А между тѣмъ обиліе на обнажающихся изъ—подъ воды лугахъ всевозможной пищи, годной для всевозможныхъ птицъ и животныхъ, привлекаетъ этихъ послѣднихъ въ луга въ громадныхъ количествахъ: туда летятъ галки, вороны, вброны, голуби, въ кустахъ и другихъ крѣпкихъ мѣстахъ гнѣздятся дикія утки и другія водяныя и болотныя птицы; за этими птицами является масса пернатыхъ хищниковъ, а по обсохшимъ гривамъ (узкія и длинныя возвышенія), на подобіе перешейковъ соединяющихъ теперь пойму съ непокрываемыми водой мѣстностями, пробираются туда же млекопитающіе хищники—волки, лисицы и т. д. Такимъ образомъ уцѣлѣвшимъ зайцамъ потребуются теперь нововыя особенности для пріобрѣтенія успѣховъ въ борьбѣ за существованіе,—потребуются, напримѣръ, хитрость и умѣнье прятаться и ускользать отъ многочисленныхъ враговъ, быстрота бѣга и т. п. А вѣдь также измѣнчивы и всѣ другія условія существованія органическихъ существъ. Такъ, даже про климатическія условія нельзя сказать, чтобы они были всегда одинаковы для той же мѣстности: правда, средняя годовая степень тепла и влаги въ воздухѣ пожалуй и мало различаются по годамъ; но по мѣсяцамъ и временамъ года она весьма различна. Вслѣдствіе этого при особенно сухомъ и жаркомъ лѣтѣ для животныхъ было бы полезно пріобрѣсти, напримѣръ, мѣхъ рѣдкій и жесткій, безъ теплаго подшерстка, но при наступившей вслѣдъ за тѣмъ сухой и суровой зимѣ, животнымъ полезенъ будетъ густой и длинный мѣхъ съ теплымъ подшерсткомъ и т. под. Дарвинисты могутъ сказать здѣсь, что, во первыхъ, мы беремъ слиш-

комъ краткіе періоды времени и что, во вторыхъ, въ продолженіе долгихъ геологическихъ эпохъ полезныя видоизмѣненія все таки, при различныхъ счастливыхъ совпаденіяхъ однихъ и тѣхъ же условій, могутъ накопляться и слагаться въ извѣстныхъ опредѣленныхъ направленіяхъ. Въ отвѣтъ на первое возраженіе мы напомнимъ здѣсь приведенные нами въ предшествовавшей главѣ факты относительно трехпалой чайки, голубей, бранхинусовъ, артемій и Vanessa prorsa—levana, говорящихъ о томъ, что измѣненія, зависящія отъ вліянія различныхъ условій, проявляются въ органическихъ существахъ нерѣдко весьма быстро. На второе же возраженіе мы отвѣтимъ въ своемъ мѣстѣ.

Послѣдняя мысль въ приведенныхъ нами нѣсколько выше словахъ Дарвина, то есть, та мысль, что мы можемъ, при видѣ борьбы за существованіе, утѣшаться тѣмъ соображеніемъ, что „выживаютъ и размножаются особи здоровыя, сильныя и счастливыя“, представляется намъ не имѣющей прочныхъ основаній, потому—что, какъ сейчасъ увидимъ, никогда нельзя поручиться за то, чтобы въ борьбѣ за существованіе, хотя бы она была даже такою интенсивною и непрерывною, какою желаютъ видѣть ее дарвинисты, непремѣнно выживали и размножались особи только здоровыя, сильныя и счастливыя, т. е., лучше другихъ приспособленныя къ условіямъ борьбы.

Намъ пришлось однажды разсматривать древнія карты Средиземнаго моря. Количество острововъ, указанныхъ на этихъ картахъ, значительно болѣе количества теперь существующихъ въ томъ же морѣ острововъ. Слѣдовательно, мы должны полагать, что многіе изъ существовавшихъ въ древности въ Средиземномъ морѣ острововъ, вслѣдствіе опусканія морскаго дна, скрылись подъ водою. Конечно, на каждомъ, изъ такихъ, покрытыхъ потомъ моремъ, острововъ были свои обитатели, среди которыхъ вспыхивала и упорная борьба за существованіе. Пусть, благодаря такой борьбѣ, многіе изъ обитателей тѣхъ острововъ сдѣлались болѣе приспособленными къ жизни, нежели другіе; но острова опустились въ морскую пучину, и обитатели ихъ,—какъ болѣе, такъ и менѣе приспособленные къ условіямъ существованія,—одинаково погибли. Огонь, окружавшій

гдѣ-нибудь въ травяныхъ степяхъ Америки стада бизоновъ, медвѣдей, ягуаровъ и пр., одинаково погубитъ какъ болѣе, такъ и менѣе приспособленныхъ къ жизни въ этихъ степяхъ. При лѣсномъ пожарѣ огонь, охватившій дерево, на которомъ находится гнѣздо какой-либо птицы съ малыми птенцами, погубитъ послѣднихъ поголовно. Упавшее въ лѣсу дерево, свалившійся съ горы камень одинаково могутъ придавить какъ болѣе, такъ и менѣе приспособленнаго къ борьбѣ за существованіе. Если волку также полезна быстрота, какъ и зайцу, послѣдній всегда, какъ бы ни былъ быстръ, можетъ сдѣлаться добычею перваго, ибо первый, отличаясь такою же быстротою, въ то же время въ погонѣ окажется сильнѣе и выносливѣе послѣдняго. Чтобы еще несомнѣннѣе убѣдиться въ томъ, что мы не можемъ имѣть никакихъ гарантій за переживаніе въ борьбѣ за существованіе непремѣнно лишь наилучше приспособленныхъ къ условіямь этой борьбы органическихъ существъ, прослѣдимъ здѣсь процессъ развитія хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Солитеръ (Taenia solium), живущій въ тонкихъ кишкахъ человѣка, представляетъ изъ себя длинное лентовидное тѣло, состоящее изъ множества плоскихъ члениковъ. Основной частью солитера является его головка, изъ которой процессомъ почкованія образуется все его тѣло. Каждый членикъ солитера, по мѣрѣ его созрѣванія, отламывается отъ тѣла, выходитъ изъ кишечнаго канала вонъ и освобождаетъ массу заключающихся въ немъ яичекъ. Эти яички покрыты каждое кожистой оболочкой въ видѣ желатина. Въ тѣлѣ человѣка яички солитера не могутъ развиться въ личинку; въ послѣднюю они развиваются лишь въ тѣлѣ какого нибудь другаго теплокровнаго животнаго, которое случайно съѣстъ ихъ съ своимъ кормомъ. Скажите, что ручается за то, чтобы самыя совершенныя изъ этихъ яичекъ, то есть тѣ, которыя имѣютъ въ себѣ наслѣдственные задатки наилучшаго приспособленія къ борьбѣ за существованіе, будутъ проглочены теплокровнымъ животнымъ, а не холоднокровнымъ животнымъ, въ тѣлѣ котораго они погибнутъ? —Рѣшительно ничто. Но предположимъ, что самое совершенное изъ яичекъ попало въ желудокъ теплокровнаго животнаго, обыкновенно—свиньи. Тамъ оболочка яичка растворяется, а

изъ яичка развивается личинка, которая потомъ развивается въ новую форму, называемую пузырчатой глистой. Но эта послѣдняя можетъ развиться во взрослаго Taenia solium опять таки только въ пищеварительномъ каналѣ человѣка. Но можно ли опять поручиться за то, чтобы свинья, зараженная пузырчатой глистой, была непремѣнно съѣдена человѣкомъ, а не околѣла бы, напримѣръ, отъ какой нибудь болѣзни, не была бы съѣдена волками и т. под.? Конечно—нѣтъ [1]). Разсмотримъ еще метаморфозъ бабочки. Допустимъ, что нѣкоторымъ изъ яичекъ бабочки удалось развиться въ личинки. Эти послѣднія подвергаются нападеніямъ всевозможныхъ и многочисленныхъ враговъ—насѣкомыхъ, птицъ, насѣкомоядныхъ млекопитающихъ и проч. Ничто при этихъ нападеніяхъ не гарантируетъ гибели личинокъ менѣе совершенныхъ и переживанья личинокъ болѣе совершенныхъ. Но вотъ личинки достигаютъ состоянія куколокъ. Эти послѣднія теряютъ обыкновенно даже способность движенія, висятъ какъ мертвыя, прикрѣпленныя къ различнымъ предметамъ, и всѣ одинаково, какъ болѣе, такъ и менѣе приспособленныя къ жизни, совершенно беззащитны отъ своихъ враговъ и негарантированы отъ гибели. А тамъ, пережившимъ другихъ, куколкамъ предстоитъ еще фазисъ существованія уже въ видѣ взрослыхъ насѣкомыхъ, т. е., бабочекъ. И опять масса враговъ и масса случайностей, въ силу которыхъ и самая совершенная изъ бабочекъ можетъ погибнуть, не оставивъ потомства, и самая несовершенная, наоборотъ, можетъ оставить послѣ себя потомство. Хотя подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество, мы, однако же, и сказаннаго считаемъ достаточнымъ для вывода, что переживанье въ борьбѣ за существованіе только наиболѣе приспособленныхъ къ этой борьбѣ есть обстоятельство весьма проблематическое и совсѣмъ не необходимое. Итакъ, если судить о процессѣ размноженія органическихъ существъ лишь на основаніи математическихъ выкладокъ, то этотъ процессъ представится намъ именно такимъ, какимъ онъ и является у дарвинистовъ. А тогда и вытекающее изъ этого явленіе борьбы за существованіе будетъ представляться намъ имѣющимъ

[1]) Гердъ: „Курсъ Естественной Исторіи". Стр. 22—24.

какъ разъ тѣ свойства, какія оно должно бы имѣть, чтобы сыграть съ какимъ нибудь успѣхомъ ту роль въ процессѣ трансформаціи видовъ, какую возлагаютъ на него дарвинисты. Но природа, какъ мы видѣли, вноситъ въ математическія выкладки относительно процесса размноженія органическихъ существъ такія поправки, благодаря которымъ этотъ процессъ въ дѣйствительности является уже совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ кажется на основаніи математическихъ вычисленій, вслѣдствіе чего и борьба за существованіе въ дѣйствительности является не имѣющею свойствъ напряженности, непрерывности, постоянства, всеобщности и опредѣленности въ направленіи; она является также не ведущею за собою съ необходимостью—и даже, можно сказать, совсѣмъ не ведущею—переживанья органическихъ существъ, только наилучше приспособленныхъ къ окружающимъ ихъ жизненнымъ условіямъ, и къ вымиранью только существъ, къ этимъ условіямъ не приспособленныхъ; а вслѣдствіе всего этого, *борьба за существованіе не можетъ быть тѣмъ критическимъ, бракующимъ и отбирающимъ началомъ, какимъ считаютъ его дарвинисты.*

Н. Румянцевъ.

(Продолженіе будетъ).

Познаваемъ-ли Богъ, какъ абсолютное и безконечное?

(ПРОТИВЪ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА).

Для непосредственнаго религіознаго сознанія,—для людей вѣрующихъ въ простотѣ сердца,—такой вопросъ покажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ,—познаваемость Абсолютнаго, или, употребляя болѣе родственный религіозному сознанію терминъ, —Божества для нихъ—внѣ всякаго сомнѣнія. Безотчетно повинуясь внутреннему голосу своего чистаго сердца, они, можетъ быть, ни разу не останавливали своей мысли на этомъ отвлеченномъ вопросѣ: они задумывались и задумываются лишь объ одномъ—*какъ угодить Богу*... Но далеко не такимъ представляется этотъ вопросъ для людей, привыкшихъ во всемъ давать себѣ сознательно-разсудочный отчетъ, привыкшихъ все разлагать и изслѣдовать своею мыслію. Для этихъ данный вопросъ является не только не лишнимъ, но напротивъ, весьма настоятельнымъ и важнымъ и при томъ, для такого или иного рѣшенія своего требующимъ упорнаго и нелегкаго мозговаго труда.—И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только хоть на минуту остановить свое вниманіе съ одной стороны, на понятіи о Богѣ, а съ другой,—на природѣ нашихъ познающихъ способностей, чтобы серьезность и трудность этого вопроса стала предъ нами во всей своей подавляющей очевидности. Для всякаго болѣе или менѣе знакомаго съ значеніемъ входящихъ въ этотъ вопросъ понятій отрицательное рѣшеніе его, повидимому, неизбѣжно,—ограниченный человѣческій умъ не въ силахъ обнять безграничное: онъ можетъ познавать лишь однородное съ

собою—бытіе условное.—Таковое рѣшеніе вопроса о богопознаніи съ перваго взгляда представляется человѣческому мышленію столь принудительно очевиднымъ, что оно, кажется, давно уже должно было остановить на себѣ вниманіе мыслящихъ людей. И это было на самомъ дѣлѣ такъ. Вопросъ о томъ,—можно-ли ограниченному уму человѣка познать Существо Абсолютное и вмѣстѣ—отрицательное рѣшеніе его—мы находимъ еще въ глубокой древности: сначала въ религіозной философіи индійцевъ, а затѣмъ и въ философіи греко-европейской. Со временъ неоплатонизма этотъ вопросъ, можно сказать, уже не сходилъ съ философской арены; съ этихъ поръ онъ не переставалъ безпокоить почти всѣхъ мыслителей богословія и философіи...

Отдалъ посильную дань этому вопросу и занимающій здѣсь насъ Гербертъ Спенсеръ. Въ своихъ „Основныхъ Началахъ" онъ съ особеннымъ усиліемъ пытается доказать недоступность нашему уму бытія абсолютнаго. Непознаваемость абсолютнаго и безконечнаго, говоритъ здѣсь Спенсеръ, есть прямой выводъ изъ самой природы нашего мышленія: это станетъ вполнѣ очевиднымъ, если подвергнуть анализу съ одной стороны I) продуктъ нашей мысли, а съ другой—II) процессъ мысли.

I. Что значитъ—объяснить какое-либо явленіе? спрашиваетъ Спенсеръ,—и отвѣчаетъ: объяснить явленіе значитъ нассифицировать его. Такъ, говоритъ онъ, желая объяснить то или другое явленіе природы, мы начинаемъ съ самыхъ спеціальныхъ и конкретныхъ фактовъ и затѣмъ постепенно восходимъ къ фактамъ все болѣе и болѣе широкимъ и общимъ. Если-же такъ,—если въ этомъ состоитъ процессъ объясненія явленій природы, то онъ, очевидно, долженъ привести насъ къ такому факту, который уже не можетъ быть понятъ нами. Этотъ процессъ послѣдовательнаго обобщенія необходимо долженъ привести насъ къ такой истинѣ, которая не допускаетъ уже дальнѣйшаго включенія себя въ какую-либо другую, болѣе общую и широкую истину, т. е., къ истинѣ абсолютной. Но то, что не можетъ быть сведено къ болѣе общему,—не можетъ быть классифицировано,—то не можетъ быть и понято нами.—

Итакъ, абсолютное, какъ конечный фактъ, котораго мы можемъ только достигнуть, для насъ непознаваемо [1]).

Не много нужно остроумія, чтобы сдѣлать очевиднымъ несостоятельность этого аргумента. Объяснить явленіе, говоритъ Спенсеръ, значитъ не что иное, какъ классифицировать его; но абсолютное по самому понятію своему не можетъ быть классифицировано; слѣдовательно, оно не можетъ быть объяснено и понято нами. Совершенно справедливо, что въ такомъ смыслѣ нельзя „объяснить" абсолютное... Спенсеръ отождествляетъ понятія: объяснить, классифицировать и познать, но это на самомъ дѣлѣ не такъ. Если бы познавать для насъ было возможно только то, что возможно классифицировать, то для насъ немыслимо было-бы и вообще самое познаніе. Въ самомъ дѣлѣ, при предположенномъ условіи, какимъ образомъ могъ-бы возникнуть въ насъ самый первый актъ познанія? Первый познаваемый объектъ по самому понятію своему, какъ первый, не можетъ быть классифицированъ... Однако, наша способность познанія не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно отсюда, что познавать есть нѣчто иное, чѣмъ классифицировать; мы можемъ познавать тотъ или другой объектъ и не классифицируя его. Далѣе, несправедливо и то, что будто-бы „объяснить" явленіе значитъ „классифицировать" его,—указать болѣе общее явленіе, которому объясняемое служитъ только частнымъ примѣромъ. Это—слишкомъ узкое и одностороннее пониманіе слова—„объяснить". Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли кто сочтетъ объясненнымъ для себя какое-либо явленіе, если ему сведутъ его напр., къ болѣе общему явленію столь-же непонятному, или еще менѣе понятному, чѣмъ то, которое требовалось объяснить. Въ обычномъ, болѣе широкомъ и, по нашему мнѣнію, правильномъ употребленіи—„объяснить что-либо" значитъ вообще сдѣлать это что-либо болѣе яснымъ, болѣе понятнымъ. При этомъ, нельзя указать какого-либо одного способа, которымъ всегда можно и должно объяснять требующее объясненія. Къ цѣли уясненія того или другаго объекта въ различныхъ случаяхъ ведутъ различные способы.—Такъ, уясняя себѣ какое-либо яв-

---

[1]) Осн. Нач. ч. I, стр. 75—80.

леніе, мы должны—иногда—указать его причину,—иногда—разложить на составныя части или элементы, описать, классифицировать и т. п. Если-же такъ должно понимать „объясненіе“, то, очевидно, мы можетъ хотя сколько нибудь уяснить себѣ и бытіе абсолютное. Правда,—это уясненіе не можетъ состоять въ томъ-же, въ чемъ состоитъ объясненіе объектовъ чувственно-данныхъ: мы не можемъ напр., уяснить себѣ абсолютное до степени нагляднаго представленія. По самому существу нашего разума и существу бытія абсолютнаго мы не можемъ обнять его всецѣло своею мыслію. Но для насъ возможно хотя сколько-нибудь приблизиться къ пониманію этого бытія,—возможно тѣмъ или другимъ способомъ раскрыть себѣ ту идею Абсолютнаго, которая самимъ Творцомъ дана нашей разумной природѣ. Въ приложеніи къ Абсолютному, какъ объекту познанія, „объясненіе“ можетъ состоять, во-первыхъ, въ показаніи необходимости его бытія, и, во-вторыхъ, въ показаніи истинности такого, а не иного представленія (понятія) о Немъ.—Такъ Спенсеръ, утверждая, что послѣдовательное обобщеніе явленій природы необходимо приводитъ нашъ умъ къ бытію абсолютному и что это бытіе по самой природѣ своей не можетъ быть классифицировано, уже этимъ самымъ даетъ намъ нѣкоторое понятіе о немъ, во-первыхъ, что Абсолютное существуетъ, и во-вторыхъ, что оно должно быть понимаемо какъ такое, которое не можетъ быть подчинено и выведено изъ чего-либо высшаго. Конечно, это—весьма недостаточное и скудное понятіе объ Абсолютномъ, но оно можетъ быть усовершено и развито еще иными путями... [1]).

II. Дальнѣйшій аргументъ Спенсера въ пользу непознаваемости Абсолютнаго его анализъ „процесса мысли“. Здѣсь Спенсеръ указываетъ на такъ называемую „относительность человѣческаго познанія“, въ силу каковой мы будто-бы никогда и совершенно не можемъ познать Абсолютнаго. Эта относительность познанія состоитъ по Спенсеру, въ слѣдующихъ трехъ характерныхъ чертахъ его: а) наше познаніе необходимо предполагаетъ „различеніе между однимъ объектомъ и другимъ“,—

[1]) Объ этомъ должна быть особая рѣчь.

b) оно возможно только въ формѣ „отношенія между субъектомъ и объектомъ“, и с) каждое умственное состояніе, чтобы образовать собою часть знанія, должно быть понято нами какъ „подобное“ нѣкоторымъ другимъ нашимъ умственнымъ состояніямъ.

a) Сознаніе, говоритъ Спенсеръ словами Манселя, необходимо заключаетъ въ себѣ различеніе одного объекта отъ другаго. Сознавать значитъ — сознавать что-нибудь, а сознавать что-нибудь—значитъ различать. Но безконечное потому самому, что оно безконечное, нельзя отличать отъ конечнаго ни чрезъ посредство отсутствія въ немъ какого-либо свойства, которымъ обладаетъ конечное, ибо такое отсутствіе будетъ его (безконечнаго) ограниченіемъ, ни по присутствію какого-либо аттрибута, который имѣетъ и бытіе конечное, ибо никакая конечная часть не можетъ быть элементомъ безконечнаго цѣлаго. „Итакъ, заключаетъ Спенсеръ, сознаніе о безконечномъ необходимо заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: оно предполагаетъ, посредствомъ ограниченія и различія, познать то, что дано только какъ неограниченное и безразличное [1]).

Нельзя отрицать, что всякая вещь можетъ быть познана нами только какъ отличная отъ другихъ, которыя не суть эта вещь. Но эта характерная черта нашего сознанія не можетъ служить препятствіемъ къ познанію и бытія безконечнаго. Спенсеръ несправедливо думаетъ,—будто мы не имѣемъ возможности отличить его отъ бытія конечнаго. Если бы для насъ было невозможно отличать безконечное отъ конечнаго, то у насъ не существовало-бы и самыхъ понятій о нихъ.... Для нашего мышленія идеи конечнаго и безконечнаго не суть нѣ-

[1]) Осн. Нач. ч. I, стр. 83—84. При изложеніи даннаго пункта своихъ доказательствъ Г. Спенсеръ пользуется мыслями Вилліама Гамильтона (изъ его опыта „О философіи безусловнаго“) и Манселя (изъ его сочиненія: „Предѣлы религіознаго мышленія“). Но здѣсь мы опускаемъ то, что Спенсеръ заимствуетъ у Гамильтона. По своей отвлеченной формѣ, какъ говоритъ самъ Спенсеръ, заимствуемое имъ у Гамильтона ученіе слишкомъ туманно и непонятно для читателя. Ограничиваясь изложеніемъ и разсмотрѣніемъ только того, что Спенсеръ беретъ у Манселя, мы не вредимъ существу дѣла, потому—что мысли Манселя представляютъ собою не что иное, какъ поясненіе и развитіе мыслей Гамильтона. Мансель, говоритъ Спенсеръ, въ своихъ „Предѣлахъ религіознаго мышленія“ даетъ только болѣе популярное, съ пояснительными замѣчаніями, изложеніе мыслей, высказанныхъ Гамильтономъ.

что безразличное или тождественное; напротивъ, мы весьма ясно и рѣзко отличаемъ ихъ одну отъ другой.—Правда, что въ своемъ сознаніи мы не можемъ, какъ совершенно справедливо говоритъ Спенсеръ, отличить безконечное отъ конечнаго по присутствію въ первомъ какого-либо аттрибута, которымъ обладаетъ и послѣднее (конечное); но мы имѣемъ полную возможность отличить безконечное отъ конечнаго по присутствію въ немъ такихъ свойствъ, которыхъ не имѣетъ бытіе конечное.—Но, говоритъ Спенсеръ, допустивъ это, мы ограничимъ безконечное,—низведемъ его на степень конечнаго. Это соображеніе можетъ имѣть свою силу только въ томъ случаѣ, если понимать безконечное въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему цитуемый здѣсь Мансель.—Если безконечное есть совокупность всѣхъ возможныхъ и дѣйствительныхъ формъ и видовъ бытія, то оно, дѣйствительно, не можетъ быть отличаемо нами отъ конечнаго по какимъ либо свойствамъ, которыхъ нѣтъ у бытія конечнаго—предположеніе этого, дѣйствительно, разрушало-бы понятіе безконечнаго. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Безконечное не есть „связка противорѣчій"; оно есть высочайшее, премірное, и слѣдовательно,—отличное отъ конечнаго міра бытіе, обладающее всѣми свойствами, какія только приличны его безконечной и совершеннѣйшей природѣ [1]). Если-же такъ, то очевидно, что усматриваемое Спенсеромъ и Манселемъ въ сознаніи безконечнаго противорѣчіе уничтожается само собой.—Идея безконечнаго, становясь объектомъ нашей мысли, отличается нами отъ прочихъ конечныхъ идей нашего разума, какъ стоящая по своей природѣ и свойствамъ безконечно выше ихъ. При этомъ весьма странно былобы говорить объ ограниченіи сознаваемаго нами безконечнаго противополагаемымъ ему въ нашемъ мышленіи бытіемъ конечнымъ. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о зависимости принадлежащей нашему уму идеи безконечнаго отъ другихъ его конечныхъ идей, а не о зависимости самаго бытія безконечнаго отъ бытія конечнаго. Правда, что присущія нашему уму ко-

[1]) Опредѣленіе понятія „безконечнаго" см. въ нашей статьѣ „Спенсерова критика христіанско-теистическаго понятія о Богѣ".—Чт. Общ. Люб. Духов. Просвѣщ. 1894 г. м. Январь.

нечныя идеи составляютъ собою необходимое условіе для того, чтобы мы имѣли возможность сознавать идею безконечнаго, но оно, очевидно, говоритъ не объ ограниченности самаго въ себѣ безконечнаго, а только нашей идеи о немъ и вообще объ ограниченности и несовершенствѣ нашего мышленія....

b) „Вторая отличительная черта человѣческаго сознанія, говоритъ Спенсеръ, состоитъ въ томъ, что оно можетъ быть только въ формѣ отношенія. Долженъ быть субъектъ, или лице сознающее, и объектъ, или предметъ, о которомъ оно имѣетъ сознаніе. Не можетъ быть сознанія безъ соединенія этихъ двухъ факторовъ, и при этомъ соединеніи каждый изъ нихъ существуетъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ имѣетъ отношеніе къ другому. Субъектъ бываетъ субъектомъ лишь настолько, насколько онъ сознаетъ какой-либо объектъ; объектъ бываетъ объектомъ только въ той мѣрѣ, насколько онъ понимается субъектомъ; уничтоженіе того или другого есть уничтоженіе самаго сознанія. Такимъ образомъ ясно, что сознаніе объ абсолютномъ столько-же противорѣчитъ себѣ, какъ и сознаніе о безконечномъ. Чтобы сознавать абсолютное, мы должны знать, что объектъ, какъ онъ является въ отношеніи къ нашему сознанію, тожественъ съ объектомъ, какъ онъ существуетъ въ своей собственной природѣ,—внѣ всякаго отношенія къ сознанію.—Но чтобы узнать это тожество, мы должны сравнить оба объекта, а такое сравненіе само по себѣ уже есть противорѣчіе. На дѣлѣ намъ нужно сравнить то, что мы сознаемъ, съ тѣмъ, чего не сознаемъ, тогда какъ сравненіе, будучи само актомъ сознанія, возможно только при сознаніи обоихъ его объектовъ. Такимъ образомъ очевидно, что, если бы даже мы и могли имѣть сознаніе объ абсолютномъ, мы все таки совершенно не въ силахъ знать, что это дѣйствительно абсолютное; а такъ-какъ мы можемъ имѣть сознаніе о какомъ-нибудь предметѣ только тогда, когда узнаемъ, что онъ есть такое, то уже это самое равносильно признанію, что мы совершенно не въ состояніи сознавать абсолютное.—Какъ объектъ сознанія, каждый предметъ необходимо долженъ быть относительнымъ; а чѣмъ можетъ быть предметъ внѣ сознанія, этого не можетъ сказать намъ ни одинъ изъ видовъ сознанія“ [1]).

[1]) Осн. Нач. ч. I, стр. 84—85.

Здѣсь Спенсеръ приводитъ собственно два основанія. Во-первыхъ, говоритъ онъ, абсолютное по самой природѣ своей,—какъ стоящее внѣ всякихъ отношеній, не можетъ стать объектомъ сознанія, потому что каждый объектъ сознанія, какъ таковой, необходимо является относительнымъ.—Несостоятельность этого, заимствованнаго у Манселя, довода, почти очевидна. Приведенное разсужденіе не можетъ имѣть никакой силы даже и съ точки зрѣнія самого автора его. Мансель опредѣляетъ абсолютное бытіе какъ такое, которое стоитъ (должно стоять) внѣ всякихъ отношеній. Если даже и согласиться съ этимъ опредѣленіемъ, то и тогда еще нельзя признать справедливой ту мысль, что сознаніе абсолютнаго заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе,—что оно невозможно съ одной стороны въ виду природы нашего мышленія,—а съ другой—природы абсолютнаго. Правда, что въ нашемъ сознаніи объектъ непремѣнно долженъ существовать въ отношеніи къ субъекту. Но здѣсь рѣчь идетъ очевидно, не о зависимости и обусловливаемости самаго предмета, который мы хотимъ познать, а о зависимости представленія или понятія о немъ. Возникновеніе и существованіе понятія о какомъ либо объектѣ, дѣйствительно, возможно только при отношеніи его къ субъекту или нашему сознающему „я", но самый объектъ, о которомъ мы имѣемъ понятіе, очевидно, можетъ существовать и безъ этого отношенія. Нелѣпо говорить, что предметъ дѣлается чѣмъ-то другимъ, коль скоро мы познаемъ его въ доступной намъ формѣ,—будто познаваемый предметъ чрезъ то самое, что мы его познаемъ, становится зависящимъ отъ нашего „я"... Если-же такъ, то какимъ образомъ абсолютное перестанетъ быть таковымъ и станетъ относительнымъ, если мы сдѣлаемъ его объектомъ нашего мышленія?... Это было бы только въ томъ смыслѣ, если бы „абсолютнымъ" было наше представленіе о немъ... Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: по Манселю и Спенсеру, абсолютное не есть наше субъективное представленіе, а нѣкоторое независимое отъ нашей мысли объективное бытіе [1]). Итакъ, съ разсматриваемой стороны для насъ нѣтъ препятствій къ познанію „абсо-

[1]) О томъ, какъ Спенсеръ и Мансель понимаютъ „абсолютное" см. въ нашей статьѣ: „Спенсерова критика теистическаго понятія о Богѣ".

лютнаго". Хотя идея безконечнаго и абсолютнаго, какъ объекта нашего мышленія, находится въ необходимомъ отношеніи къ сознающему „я", и въ этомъ смыслѣ обусловливается послѣднимъ, но самое абсолютное бытіе чрезъ то не дѣлается обусловленнымъ. Мы мыслимъ бытіе абсолютное, какъ такое, которое не только не имѣетъ никакого необходимаго отношенія къ чему-либо, не только не зависитъ отъ чего-либо другаго, но наоборотъ, само служитъ основаніемъ всего существующаго,—и это наше сознаніе, очевидно, нисколько не измѣняетъ и не обусловливаетъ природы мыслимаго нами „абсолютнаго"...

Второе основаніе Спенсера въ пользу непознаваемости абсолютнаго, идетъ гораздо глубже только что разсмотрѣннаго. Абсолютное непознаваемо, говоритъ Спенсеръ, потому что для насъ нѣтъ возможности узнать, какъ оно существуетъ само въ себѣ,—внѣ отношенія къ нашему сознанію. Если же мы не можемъ знать этого, то это равносильно тому, что мы совершенно не можемъ знать абсолютнаго, ибо „имѣть сознаніе о какомъ-нибудь предметѣ мы можемъ только тогда, когда узнаемъ, что̀ такое онъ есть въ дѣйствительности".—Но если такъ, то вѣдь Спенсеръ долженъ отрицать возможность и вообще всякаго познанія, потому что не только абсолютное, но и вообще всякій объектъ мы не можемъ знать такъ, какъ онъ существуетъ самъ въ себѣ,—внѣ отношенія къ нашему сознающему „я"; какъ-бы ни было совершенно наше познаніе, всегда въ наличной дѣйствительности предмета познаваемаго будетъ больше, чѣмъ въ нашемъ понятіи о немъ: наше познаніе никогда не можетъ быть тожественнымъ или адэкватнымъ предмету познаваемому. Однако Спенсеръ не говоритъ этого: онъ признаетъ, что предме́ты и явленія внѣшняго міра познаваемы для насъ, хотя, впрочемъ, въ нихъ, говоритъ онъ доступна намъ лишь одна феноменальная сторона,—то-же, что скрывается за этой,—вещь сама въ себѣ,—для васъ непостижимо. На какомъ же основаніи Спенсеръ одинъ объектъ (внѣшній міръ вообще) считаетъ познаваемымъ, а другой—абсолютное—непознаваемымъ, хотя и тотъ и другой, какъ онъ самъ соглашается, для насъ одинаково непознаваемы такъ, какъ они существуютъ сами по себѣ,—независимо отъ нашего сознанія?... Непознаваемость

самого въ себѣ абсолютнаго такъ-же мало даетъ права утверждать его совершенную непознаваемость, какъ и непознаваемость всякой вещи самой въ себѣ не даетъ права отрицать возможность познанія вообще... Итакъ, данный аргументъ не можетъ имѣть никакой силы въ устахъ Спенсера, ибо онъ столько-же говоритъ противъ возможности познанія абсолютнаго, сколько и противъ возможности познанія вообще, т. е., если уже онъ разрушаетъ христіанско-теистическое ученіе о познаваемости Божества, то одновременно съ этимъ разрушаетъ и всю философію Спенсера. Но устранивъ этотъ аргументъ Спенсера, мы еще не можемъ считать совершенно устраненнымъ и тотъ тезисъ, который онъ пытался обосновать на немъ.—Мысль о непознаваемости абсолютнаго вполнѣ гармонируетъ съ принципами его философіи. Свое дѣйствительное основаніе она имѣетъ у Спенсера въ его общемъ ученіи объ источникѣ, предметѣ и границахъ человѣческаго понятія. По Спенсеру, единственнымъ источникомъ и предметомъ нашего познанія служитъ только то, что дано намъ въ опытѣ; то-же, что стоитъ внѣ среды его, говоритъ онъ, намъ недоступно [1]). Приэтомъ, какъ уже сказано, и въ чувственно-данныхъ объектахъ нашему познанію, по нему, доступна лишь одна феноменальная сторона ихъ,—сущность-же вещей, то, что лежитъ за явленіями ихъ,—для насъ непознаваемо [2]). Ясно, что при такомъ воззрѣніи на границы нашего познанія Спенсеръ не могъ допустить познаваемости и абсолютнаго; оно, по его воззрѣнію, не можетъ быть доступно нашему познанію какъ высочайшая сверхчувственная сущность. Итакъ, предъ нами открывается еще дальнѣйшая задача: мы должны разсмотрѣть, дѣйствительно-ли наше познаніе исключительно ограничено областію феноменовъ, и потомъ,—въ противовѣсъ ученію Спенсера „объ относительности человѣческаго познанія", высказать по этому вопросу и свое сужденіе.

Намъ нѣтъ нужды доказывать здѣсь реальность того, что

---

[1]) Осн. Нач., ч. I, стр. 73, 75; Осн. Псих. т. II, стр. 141, 190; т. IV, стр. 60 и др.

[2]) Осн. Нач. ч. I, стр. 73, 75; Осн. Псих. т. I, стр. 214—216; т. IV, стр. 192; Осн. Нач. ч. II, стр. 37—38 и др.

обыкновенно называется сущностью вещи, вещью въ себѣ и т. п. Спенсеръ признаетъ бытіе сущностей и только оспариваетъ ихъ познаваемость [1]). Но есть-ли на самомъ дѣлѣ какое-либо основаніе для послѣдняго? Намъ кажется, что Спенсеръ уже тѣмъ самымъ, что допустилъ реальное бытіе сущностей, отнялъ у себя возможность и право говорить о ихъ непознаваемости. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи Спенсеръ говоритъ о существованіи вещей въ себѣ и ихъ отличіи отъ феноменовъ, если, по его мнѣнію, ничего нельзя знать о такомъ существованіи? Нельзя утверждать бытіе чего-либо, не зная какого либо опредѣленнаго проявленія этого бытія; потому только мы и знаемъ о бытіи чего либо, что это „что-либо" представляется нашему сознанію съ тѣми или другими положительными свойствами. По этому-то Спенсеръ не могъ-бы и говорить о существованіи вещи въ себѣ, если-бы не имѣлъ какого-либо положительнаго знанія о ней. Еще болѣе онъ не могъ бы говорить о различіи между вещью въ себѣ и ея феноменами. Если бы наше познаніе ограничивалось исключительно только явленіями, данными въ опытѣ, то было-бы непонятно, какимъ образомъ возможно противополагать бытіе само въ себѣ бытію феноменальному: тогда въ нашемъ сознаніи не могло бы существовать и различія между ними. Однако Спенсеръ говоритъ объ этомъ различіи. Очевидно отсюда, что и по его мнѣнію человѣческому познанію доступны не только явленія, но также доступенъ въ какомъ-либо отношеніи и субстратъ ихъ — сущность. Наше познаніе, говоритъ Спенсеръ, ограничено сферою опыта, а опытъ даетъ намъ лишь проявленія реальностей, а не реальности сами въ себѣ,—таково въ общемъ основаніе Спенсера къ отрицанію познаваемости сущностей. Справедливо, что нашему ощущенію въ фактахъ опыта не даны сущности вещей, но это еще не говоритъ о ихъ непознаваемости. Что такое познаніе? Исключительно-ли оно ограничено только тѣмъ, что дано въ непосредственномъ опытѣ? Едва-ли нужно много распространяться о томъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. Внима-

[1]) Осн. Нач. ч. I, стр. 96, 73, 75, 94, и др.

тельно всматриваясь въ свою умственную сокровищницу, нельзя не замѣтить, что значительная часть содержанія ея далеко не опытнаго происхожденія. Бо́льшая часть матеріала, надъ которымъ оперируетъ наше мышленіе въ эмпирической дѣйствительности, намъ не дана... Но допустимъ, что мы можемъ познавать только то, что намъ предлагается чувственнымъ опытомъ,—допустимъ, что опытъ есть единственный источникъ нашихъ познаній,—и прослѣдимъ только при этомъ процессъ отправляющагося отъ него (опыта) мышленія. Сдѣлавъ это, мы потомъ убѣдимся, что наше познающее „я“ далеко не останавливается на томъ, что доставляется ему непосредственнымъ опытомъ. Имѣя своимъ объектомъ тотъ или другой эмпирически-данный фактъ, наше познаніе никогда не довольствуется тѣми голыми ощущеніями, воспріятіями и представленіями, которыя онъ возбуждаетъ въ насъ чрезъ посредство нашихъ чувствъ. Нашъ умъ, получивъ воспріятіе того или другого объекта, старается „понять“ его, усмотрѣть въ немъ то, чего непосредственно не дано. При посредствѣ внѣшнихъ чувствъ мы получаемъ только представленія о вещахъ, но представленіями о вещахъ не ограничивается наше познаніе: познаніе, не идущее далѣе представленій, было бы весьма скуднымъ познаніемъ. Представленія, какъ болѣе или менѣе точныя отображенія предметовъ въ сознаніи, переработываются нами въ понятія, которыя уже не даются въ непосредственномъ опытѣ. Но наше, познаніе не останавливается и на этихъ понятіяхъ, которыя хотя и не имѣютъ своего точнаго первообраза въ конкретной дѣйствительности, но которыя тѣмъ не менѣе образуются разсудкомъ изъ элементовъ, болѣе или менѣе точно отображающихъ ее (изъ признаковъ, общихъ нѣсколькимъ однороднымъ предметамъ). Чрезъ посредство этихъ понятій наше познаніе движется дальше; обобщая и комбинируя ихъ, мы приходимъ все къ новымъ и новымъ понятіямъ, которыя тѣмъ далѣе стоятъ отъ эмпирической дѣйствительности, чѣмъ выше мы восходимъ по лѣстницѣ логическаго обобщенія ихъ. Итакъ, мы видимъ, что даже и въ томъ случаѣ, когда наше познаніе имѣетъ своимъ исходнымъ началомъ эмпирически—данныя явленія, оно не останавливается на непосредственно представляющемся ему.—

Если же это такъ, если нашъ умъ восходитъ отъ того, что дано въ ощущеніяхъ, къ тому, что въ нихъ не дано непосредственно, то почему-же подобнымъ-же путемъ онъ не можетъ восходить и къ познанію не данныхъ въ ощущеніи сущностей?... Не противорѣча себѣ и не разрушая всѣхъ своихъ философскихъ и научныхъ построеній, Спенсеръ не можетъ отрицать такого познанія посредствомъ понятій. То эмпирически—научное знаніе, представителемъ котораго является онъ самъ, развѣ есть на самомъ дѣлѣ такое знаніе, которое дано намъ въ непосредственномъ опытѣ? Далеко нѣтъ. Спенсеръ, какъ и всѣ эмпирики, не довольствуется тѣмъ познаніемъ о предметѣ, которое дается ему непосредственнымъ наблюденіемъ; онъ старается понять наблюдаемое явленіе, т. е., указать причину его и законы, по которымъ оно совершается, достигая этого путемъ обобщенія фактовъ и путемъ умозаключенія отъ дѣйствія къ причинѣ и обратно.—Научное познаніе Спенсера, если уже и основывается исключительно на почвѣ опыта и наблюденія, то развѣ только въ своемъ началѣ,—въ дальнѣйшемъ-же своемъ развитіи оно является по преимуществу разсудочнымъ, раціональнымъ.—Если-же въ своихъ изслѣдованіяхъ міра внѣшняго Спенсеръ путемъ умозаключеній восходитъ къ тому, что эмпирически-непосредственно не дано, то почему-же онъ отрицаетъ познаваемость сущности вещей именно только потому, что она не дана намъ въ непосредственномъ опытѣ?.... „Безусловно невозможно понять, говоритъ Спенсеръ, что наше знаніе есть только знаніе явленій, если въ то-же самое время мы не представимъ въ умѣ своемъ реальности, лежащей въ основѣ этихъ явленій, потому что явленіе безъ реальности немыслимо“ [1]).—Но если такъ, если явленія суть явленія чего-либо, т. е., явленія нѣкоторой, постоянно пребывающей (въ противоположность текущимъ, измѣнчивымъ явленіямъ) реальности, то отчего-же по явленіямъ мы не можемъ умозаключать о томъ, что является,—умозаключать о сущности явленія?.... Спенсеръ признаетъ универсальное значеніе закона причинности [2]),—почему-же онъ не хочетъ приложить его

[1]) Осн. нач. ч. I, стр. 96.
[2]) Осн. нач. ч. I, стр. 101—102.

здѣсь, въ вопросѣ о познаніи сущностей?... Итакъ, даже стоя на точкѣ зрѣнія самого Спенсера, нельзя отрицать возможности познанія сущностей, а слѣдовательно и абсолютнаго, какъ высочайшей и сверхъ-опытной сущности. Да и самъ Спенсеръ, какъ мы увидимъ ниже, не выдерживаетъ своей точки зрѣнія на абсолютное, какъ на „непознаваемое". Усиленно настаивая на томъ, что высочайшая реальность міра для насъ навсегда и абсолютно не познаваема, онъ однако самъ приписываетъ ей нѣкоторыя свойства и качества, превращая тѣмъ самымъ свое „непознаваемое" до извѣстной степени въ познаваемое.

Доказавъ, примѣнительно къ принципамъ гносеологіи Спенсера, возможность познанія сущностей, а слѣдовательно и сущности абсолютной, мы должны теперь показать, въ какой степени доступно намъ это познаніе. Свое отрицаніе познаваемости абсолютнаго Спенсеръ основываетъ главнымъ образомъ на ученіи о такъ называемой „относительности познанія". Было-бы странно спорить противъ этого характернаго свойства человѣческаго знанія. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что всякое познаніе наше можетъ быть только относительнымъ, но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что эта относительность состоитъ именно въ томъ, въ чемъ полагаетъ ее Спенсеръ. Понятіе объ относительности человѣческаго знанія не означаетъ того, что ему подлежитъ только одинъ кругъ предметовъ или одна сторона въ нихъ. Оно указываетъ лишь на то, что наше знаніе, чего-бы оно ни касалось, является несовершеннымъ,—ограниченнымъ. Разсмотримъ—въ чемъ состоитъ наше познаваніе, и мы увидимъ, какъ нужно понимать его относительность.—Нельзя думать, что наше познаніе того или другого объекта является полнымъ и совершеннымъ отображеніемъ его. Мы не можемъ имѣть познанія вполнѣ адэкватнаго предмету познаваемому,—познанія абсолютнаго. Мы знаемъ вещи не такими, какими онѣ существуютъ сами по себѣ, а лишь относительно къ законамъ и формамъ нашихъ познающихъ способностей. По своей полнотѣ и совершенству наше понятіе о томъ или другомъ предметѣ далеко не тождественно съ самимъ предметомъ. Если бы напр. у насъ было

болѣе пяти внѣшнихъ чувствъ и вообще наша познавательная способность была организована иначе, нежели теперь, то несомнѣнно, что мы представляли-бы предметы совершенно иными, нежели какъ представляемъ ихъ въ настоящее время. Далѣе, и въ качественномъ отношеніи наше познаніе далеко отстоитъ отъ самого познаваемаго предмета. Несомнѣнно, что и тѣ свойства предмета, которыя доступны намъ въ немъ, не таковыми отображаются въ нашемъ сознаніи, каковыми существуютъ въ самомъ предметѣ. Иначе,—если бы для насъ было возможно вполнѣ адэкватное понятіе о предметахъ, то мы не могли-бы и отличить самые предметы отъ нашего понятія о нихъ: въ силу своей тождественности они совпали-бы до безразличія.—Вотъ эти-то характерныя свойства нашего познанія и обозначаются именемъ „относительности".—Итакъ, „относительность познанія" указываетъ не на объективное, а на субъективное достоинство его,—указываетъ на его неполноту, несовершенство.—Если-же такъ, то ясно, что изъ природы нашего ума и познанія вовсе не слѣдуетъ того вывода, какой дѣлаетъ Спенсеръ. Справедливо, что характеромъ относительности запечатлѣны всѣ наши познанія, чего-бы они ни касались, но это вовсе не говоритъ противъ познанія сущностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и—высочайшей сущности—Абсолютнаго. Мы не способны только къ познанію *абсолютному*, а не—къ познанію *абсолютнаго*.—Изъ относительности нашего познанія слѣдуетъ только то, что и это познаніе сущностей должно носить общій характеръ нашего познанія, т. е., должно быть ограниченнымъ, несовершеннымъ. Абсолютное, какъ высочайшую, премірную и сверхчувственную сущность, мы можемъ познавать, но познавать только такъ и настолько, какъ и насколько это возможно по законамъ природы нашихъ познавательныхъ способностей.

c) Третье основное условіе человѣческаго познанія и мышленія, говоритъ Спенсеръ, состоитъ въ слѣдующемъ.—Для образованія того стройнаго сознанія, которое мы называемъ умомъ, требуется уподобленіе каждаго впечатлѣнія другимъ, полученнымъ раньше. Слѣдующія другъ за другомъ состоянія нашего ума должны быть классифицированы не только по

своему различію, но и по своему сходству. Очевидно, что такая классификація для бытія абсолютнаго и безконечнаго невозможна. Абсолютное и безконечное невозможно поставить въ одну категорію съ чѣмъ—либо относительнымъ и конечнымъ... Но нельзя-ли мыслить Абсолютное и Безконечное, классифицируя его съ самимъ собою? Очевидно, нѣтъ; это предполагаетъ множественность Абсолютныхъ и Безконечныхъ, а такое предположеніе заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе [1]).

Изложенный доводъ Спенсера по своей несерьезности не требуетъ отъ насъ пространныхъ замѣчаній. Согласимся, что дѣйствительно каждое впечатлѣніе и представленіе, чтобы стать идеей нашего ума, должно быть „тождественнымъ по роду съ нѣкоторыми предъидущими состояніями его". Но это требованіе, во всякомъ случаѣ, нельзя считать строго обязательнымъ для всѣхъ и всякаго рода познаній. Самъ Спенсеръ и въ этомъ-же мѣстѣ своихъ разсужденій даетъ ясно понять, что это условіе является необходимымъ лишь въ отношеніи къ „познанію въ строгомъ смыслѣ",—къ познанію научно-систематическому, и главнѣйшимъ образомъ,—къ знанію естественно-положительному. Выполненіе этого требованія, по Спенсеру, дѣлаетъ наше познаніе „совершеннымъ": „тотъ или другой предметъ, говоритъ онъ, бываетъ совершенно извѣстенъ только тогда, когда онъ во всѣхъ отношеніяхъ сходенъ съ тѣми или другими предметами, которые мы наблюдали прежде".—Но мы, конечно, не можемъ претендовать на совершенное знаніе Абсолютнаго, если только вообще какое-либо знаніе наше можетъ быть совершеннымъ... А если такъ, то для насъ при познаніи бытія абсолютнаго можетъ и не быть обязательной классификація его по сходству съ другими объектами... Для того ограниченнаго вѣдѣнія, какое, по христіанско-теистическому ученію, мы можемъ имѣть объ Абсолютномъ, вполнѣ достаточно и одной классификаціи его по абсолютной противоположности со всѣмъ конечнымъ и ограниченнымъ.—Идея бытія абсолютнаго мыслится нами, какъ послѣднее основаніе и условіе всей системы нашихъ идей,—Абсолютное мыслится, какъ послѣднее самобыт-

[1]) Осн. Нач. ч I, стр. 86—89.

ное основаніе и причина всего существующаго.—Но кромѣ этого, Спенсеръ несправедливо думаетъ, что Абсолютное не имѣетъ „положительно ни одного аттрибута, общаго съ чѣмъ нибудь другимъ". Если понимать „подобіе", какое требуется отъ предмета для его познанія, въ томъ широкомъ и растяжимомъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ самъ Спенсеръ въ представляемомъ имъ (для иллюстраціи своихъ разсужденій) примѣрѣ [1]), то и въ понятіи о бытіи абсолютномъ можно найти нѣчто общее съ другими объектами нашего сознанія. На всѣ аттрибуты и свойства Абсолютнаго можно указать, какъ на аналогичные тѣмъ, которые мы наблюдаемъ въ мірѣ конечномъ. Духовность божественной природы, благость, премудрость и другія свойства, характеризующія Абсолютное, какъ всесовершеннѣйшую Личность, познаются нами какъ сходныя, аналогичныя таковымъ-же свойствамъ нашей ограниченной личности [2]).

III. Неспособность нашего ума познавать міръ реальностей,—вещи въ нихъ самихъ,—и тѣмъ болѣе бытіе абсолютное, можетъ быть доказана еще, по Спенсеру, „разсмотрѣніемъ сущности жизни".—Что такое жизнь, въ чемъ она состоитъ? Отбрасывая все лишнее и приводя существенное къ его наиболѣе абстрактной формѣ, говоритъ Спенсеръ, жизнь можно опредѣлить, какъ постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ отношеніямъ внѣшнимъ. Подъ это опредѣленіе одинаково подходятъ, какъ физическая жизнь, такъ и психическая. То, что называется разумомъ, является только на той ступени развитія, когда внѣшнія отношенія, къ которымъ должны приспособляться внутреннія, становятся многочисленными, сложными и отдаленными во времени и пространствѣ. Всякое поступательное движеніе въ развитіи разума состоитъ въ установкѣ все болѣе и болѣе разнообразныхъ, сложныхъ и запутанныхъ приспособленій; даже величайшіе успѣхи науки можно представить себѣ, какъ умственныя формы отношеній сосуществованія и послѣдовательности, соподчиненныя такимъ образомъ, что они въ точности совпадаютъ съ извѣстными отно-

---

[1]) См. Осн. Нач. ч. I, стр. 86—89.

[2]) Опредѣленіе понятія Абсолютнаго см. въ нашей статьѣ „Спенсерова критика теистическаго понятія о Богѣ".

шеніями сосуществованія и послѣдовательности, встрѣчающимися въ мірѣ внѣшнемъ.--Если-же такъ, то отсюда очевидно, что наше познаніе не можетъ быть инымъ, какъ только относительнымъ. Какъ самое простое, такъ и самое сложное познаніе есть не болѣе, какъ установленіе нѣкоторой связи между субъективными состояніями, связи, соотвѣтствующей таковой-же между объективными дѣятелями. Дальше этого процессъ познанія простираться не можетъ: для нашего ума никогда не могутъ быть доступны ни самыя субъективныя состоянія, ни внѣшніе дѣятели; актъ познаванія состоитъ изъ образованія въ нашемъ сознаніи отношенія, параллельнаго отношенію вещей въ окружающемъ мірѣ. Никакая мысль не можетъ выразить ничего, кромѣ отношеній, ибо мышленіе есть не что иное, какъ установленіе отношеній. Итакъ, мы можемъ знать только отношенія, а не вещи въ нихъ самихъ. Даже если бы для насъ и было возможно познаніе самыхъ вещей, то оно намъ было-бы совершенно безполезно [1]).

Этотъ аргументъ Спенсера отличается отъ предшествующихъ развѣ только своей неудачной оригинальностію.—Кратко сущность его можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: такъ какъ наша жизнь есть не что иное, какъ поддержаніе соотвѣтствія между внутренними отношеніями и отношеніями внѣшними, то, говоритъ Спенсеръ, и наше познаніе должно имѣть своимъ предметомъ не самыя вещи, а только отношенія между ними: „для продолженія и поддержанія нашей жизни требуется только то, чтобы дѣйствія, вліяющія на насъ, были извѣстны намъ въ своемъ сосуществованіи и послѣдовательности, а не въ нихъ самихъ". -Прежде всего въ этомъ доводѣ Спенсера поражаетъ несоотвѣтствіе между его первою половиною и второю.—Допустимъ, что жизнь есть, дѣйствительно, не что иное, какъ „постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ отношеніямъ внѣшнимъ", какимъ-же образомъ отсюда слѣдуетъ, что и познаніе наше есть познаніе только отношеній, а не самыхъ вещей? Несомнѣнно, что отношенія между объективными дѣятелями составляютъ необходимый предметъ нашего

[1]) Осн. Нач. ч. I, стр. 89—94.

знанія; но этимъ не исчерпывается область познаваемаго. Чтобы познавать тѣ или другія отношенія, очевидно, нужно знать вмѣстѣ съ тѣмъ и то, между чѣмъ существуютъ эти отношенія: сознаніе отношенія можетъ возникнуть у насъ не прежде, какъ мы сознаемъ самые относящіеся между собою предметы. Допустимъ, что и это сознаніе конкретныхъ предметовъ есть въ сущности не что иное, какъ сознаніе тѣхъ или другихъ отношеній въ нихъ, но, спускаясь все ниже и ниже къ элементамъ познанія, мы необходимо должны достигнуть такихъ единицъ, которыя уже не разложимы на какія-либо отношенія и потому должны быть познаны нами какъ нераздѣльныя цѣлыя. Если мы не можемъ познать эти основные и недѣлимые элементы, какъ таковые, то у насъ собственно не можетъ возникнуть и самаго познанія: мы не будемъ имѣть того исходнаго пункта, отправляясь отъ котораго человѣческое познаніе, говоря языкомъ Спенсера, развивается въ систему сложныхъ и запутанныхъ отношеній.—Но здѣсь мы встрѣчаемся съ другими разсужденіями Спенсера. Во II ч. „Основныхъ Началъ“ и въ „Основаніяхъ Психологіи“ онъ утверждаетъ какъ разъ обратное тому, что мы сейчасъ сказали.—Подвергнувъ анализу наши основныя понятія о внѣшнемъ мірѣ, онъ приходитъ къ выводу, что въ основѣ ихъ лежитъ опытъ или сознаніе силы, какъ послѣдній и неразложимый элементъ всѣхъ формъ нашего сознанія, и что, поэтому, эти наши понятія представляютъ собою не что иное, какъ различныя комбинаціи этихъ опытовъ [1]). Т. е., говоря иначе, по Спенсеру, тѣ объекты, которые соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ, суть не что иное, какъ проявленія нѣкоторой реальности, ощущаемой нами въ формѣ силы—коррелята нашихъ мускульныхъ напряженій. Эта-то реализующаяся въ мірѣ объективномъ и субъективномъ сила, какъ не заключающая въ себѣ никакихъ отношеній, — какъ послѣдній неразложимый элементъ всѣхъ объектовъ нашего познанія, го-

---

[1]) См. о понятіи времени: Осн. Нач. ч. II, стр. 30—31. Осн. Псих. т. I стр. 222—226; т. III стр. 220—221. О пространствѣ: Осн. Нач. ч. II стр. 31—32; Осн. Псих. т. I стр. 220—221; т. III стр. 192—193, 211. О матеріи: Осн. Нач. ч. II стр. 33—34. О движеніи: Осн. Нач. ч. II стр. 35—36; Осн. Псих. т. III стр. 226—228 и др.

воритъ Спенсеръ, и есть для насъ нѣчто совершенно непознаваемое. Эта конечная реальность всего сущаго для насъ непознаваема потому, что она не дана намъ сама въ себѣ—объективно, а лишь подъ формою нашихъ ощущающихъ и познающихъ способностей [1]). Насколько это основаніе Спенсера состоятельно—мы уже сказали [2]). Мы познаемъ относительно къ законамъ и формамъ нашего мышленія не только одну эту (абсолютную) силу Спенсера, но и вообще все, что только можетъ быть предметомъ познанія,—слѣдуетъ-ли отсюда, однако, что для насъ ничто непознаваемо?... Совершенно справедливо, что вещь, существующая въ нашемъ сознаніи, есть не болѣе, какъ простой знакъ вещи, существующей объективно,—но развѣ можно на этомъ основаніи говорить вообще о ея непознаваемости? [3])... Если такое познаніе не есть истинное познаніе, то что-же иное должно назвать этимъ именемъ? Чтобы знать вещь такъ, какъ она существуетъ объективно, нужно, чтобы наше представленіе было тождественно съ самой представляемой вещью, а это въ сущности есть отрицаніе и уничтоженіе самаго познанія. Такое адэкватное познаніе вещи повело бы къ тому, что мы не могли-бы и отличить самой вещи отъ нашего представленія о ней.

Но кромѣ сказаннаго, относительно разсматриваемаго довода Спенсера нужно замѣтить еще то, что онъ стоитъ въ противорѣчіи съ разсужденіями самаго-же автора его. Выше Спенсеръ допустилъ познаваемость объектовъ, но только требовалъ при этомъ, чтобы они стояли въ извѣстныхъ отношеніяхъ, во-первыхъ, съ субъектомъ познающимъ и, во-вторыхъ, между собою; между тѣмъ здѣсь онъ совершенно отрицаетъ познаваемость самыхъ объектовъ,—говоритъ, что возможно познавать только отношенія между вещами, а не самыя вещи. Итакъ, этотъ аргументъ Спенсера, здѣсь по меньшей мѣрѣ не умѣстенъ: данное пониманіе относительности познанія не мирится съ тѣмъ пониманіемъ ея, какое раньше Спенсеръ раздѣлялъ съ Гамильтономъ и Манселемъ.

---

[1]) Осн. Псих. т. IV стр. 174—176 и далѣе главы XVIII и XIX. т. III стр. 246—247.

[2]) На стр. 515—517.

[3]) Осн. Нач. ч. I стр. 94; Осн. Псих. т. IV стр. 192.

Только что разсмотрѣннымъ аргументомъ заканчивается доказательство Спенсера „относительности познанія", а вмѣстѣ съ тѣмъ и непознаваемости Абсолютнаго. Прямой выводъ, который устанавливаетъ это доказательство и который, дѣйствительно, принимаютъ Гамильтонъ и Мансель, состоитъ въ томъ, что „человѣкъ предѣлами своей разумности совершенно заключенъ въ сферѣ относительнаго и все, что превышаетъ относительное, можетъ быть мыслимо только какъ чистое отрицаніе или какъ небытіе".—Но Спенсеръ не останавливается на этомъ отрицательномъ заключеніи. По его мнѣнію, выводъ, который дѣлаютъ Гамильтонъ и Мансель, „не вполнѣ выражаетъ истину". Правда, говоритъ Спенсеръ, что съ логической точки зрѣнія этотъ выводъ вполнѣ вѣренъ и неизбѣженъ. Но, продолжаетъ, „кромѣ опредѣленнаго сознанія, законы котораго формулируетъ логика, у насъ есть еще сознаніе неопредѣленное, которое нельзя формулировать".—Это послѣднее свидѣтельствуетъ намъ (а свидѣтельства его вполнѣ достовѣрны), что абсолютное вовсе не есть „чистое отрицаніе или небытіе", но нѣчто, имѣющее положительное существованіе. Спенсеръ раскрываетъ эту мысль довольно подробно: онъ приводитъ въ пользу ея четыре, довольно пространныхъ, довода.—Не имѣя нужды входить въ детальное разсмотрѣніе этихъ доводовъ, мы замѣтимъ относительно ихъ лишь слѣдующее. Спенсеръ, оставаясь логически послѣдовательнымъ, по нашему мнѣнію, не въ правѣ говорить о реальности бытія абсолютнаго. Доказывая, что абсолютное не есть ничто, но извѣстное нѣчто, Спенсеръ тѣмъ самымъ отрицаетъ ту относительность познанія, которую предъ этимъ онъ такъ усиленно защищалъ, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ этимъ,—разрушаетъ и свой агностическій тезисъ.—Можно утверждать только одно изъ двухъ: или—наше познаніе „относительно" (въ смыслѣ Спенсера) и тогда „абсолютное", дѣйствительно, для насъ непознаваемо и есть не что иное, какъ только „слово, указывающее на отсутствіе тѣхъ условій, при которыхъ возможно сознаніе",—или-же,—для нашего сознанія абсолютное является не какъ ничто, но какъ нѣкоторое положительное нѣчто и тогда, значитъ, наше познаніе не „относительно" (въ Спенсеровомъ смыслѣ) и абсолютное—не непо-

знаваемо. Что это, дѣйствительно, должно быть такъ, мы сейчасъ увидимъ.

а) Разсматривая приведенные выше въ доказательство относительности познанія аргументы Гамильтона и Манселя, Спенсеръ замѣчаетъ, что они необходимо предполагаютъ положительное существованіе чего-то кромѣ относительнаго. „Говорить, что мы не можемъ знать абсолютное, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что абсолютное существуетъ". Въ самомъ отрицаніи нашей способности узнать—каково абсолютное, скрывается уже предположеніе, что оно есть.—Дѣлая-же такое предположеніе, мы тѣмъ самымъ доказываемъ, что абсолютное представляется уму не какъ ничто, но какъ нѣчто" [1]). Немного нужно имѣть проницательности, чтобы подмѣтить двусмысленность данныхъ здѣсь фразъ,—двусмысленность, которая сообщаетъ кажущуюся значимость этому доказательству.—Сужденіе, что „мы не можемъ знать абсолютнаго", доказывая относительность знанія, Спенсеръ употреблялъ вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ хочетъ понимать его здѣсь.—Оно значило тамъ, что мы вообще ничего не способны знать объ абсолютномъ,—ни о томъ—существуетъ-ли оно, ни о томъ,—какъ оно существуетъ; здѣсь-же Спенсеръ подмѣняетъ значеніе этой фразы: онъ понимаетъ ее въ томъ смыслѣ, что нашему знанію недоступенъ только образъ, форма существованія абсолютнаго, но не самое его существованіе.—Въ самомъ дѣлѣ,—припомнимъ вкратцѣ сущность доводовъ Спенсера и мы убѣдимся въ полной справедливости только что сказаннаго. Всякое знаніе, говоритъ Спенсеръ, относительно: мы можетъ познавать только то, что существуетъ въ отношеніи къ другимъ объектамъ и къ намъ самимъ. Но абсолютное есть то, что стоитъ внѣ всякихъ отношеній и потому—оно непознаваемо: мы не можемъ знать ни о его бытіи, ни о какихъ—либо свойствахъ этого бытія,—мы не только неспособны знать—каково абсолютное, но и неспособны знать вообще, что оно существуетъ.—Но кромѣ этого,—здѣсь снова нужно напомнить Спенсеру, что невозможно знать о бытіи чего-либо, не зная

---

[1]) Осн. Нач. ч. I стр. 96—97.

ни одной формы, ни одного свойства этого бытія: мы только тогда и можемъ говорить о бытіи чего-либо, когда намъ извѣстно то или другое его проявленіе [1]). Итакъ, ясно, что Спенсеръ своимъ ученіемъ объ относительности познанія напередъ отнялъ у себя всякую возможность говорить о реальности бытія абсолютнаго,—всякую возможность мысли, хотя-бы и неопредѣленной, о томъ, что не подходитъ подъ основной законъ мысли, т. е. ея относительность. Спенсеръ, чтобы не стать въ противорѣчіе съ самимъ собою, долженъ отказаться или отъ своего ученія объ относительности познанія, или отъ своего утвержденія реальности бытія абсолютнаго.

b и c) Абсолютное и относительное, говоритъ далѣе Спенсеръ,—понятія коррелятивныя, а таковыя могутъ быть мыслимы только во взаимоотношеніи. Относительное можетъ быть понято какъ таковое только тогда, когда оно будетъ противопоставлено безотносительному.—Относительное нами познается и мыслится, слѣдовательно, долженъ мыслиться существующимъ и коррелятивъ его—абсолютное. Гамильтонъ утверждаетъ, что понятія коррелятивныя иногда могутъ и не быть одинаково реальными,—въ частности здѣсь—только одно положительное понятіе реально, понятіе-же безотносительнаго есть не что иное, какъ отрицаніе перваго.—Это, по Спенсеру, не такъ. Изъ соотносительныхъ понятій—отрицательное не есть простое отрицаніе другого: оно непремѣнно должно представлять собою нѣчто положительное. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы отрицательныя понятія были только простыми отрицаніями своихъ коррелятовъ, тогда мы могли-бы безъ различія употреблять одно изъ нихъ вмѣсто другого: „о неограниченномъ можно было-бы мыслить, какъ объ антитезѣ дѣлимаго, а о недѣлимомъ, какъ объ антитезѣ ограниченнаго". Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ; слѣдовательно, отрицательныя коррелятивныя понятія нашему сознанію представляются качественно различными и, слѣдовательно далѣе—положительными и реальными (такъ какъ между двумя „ничто" не можетъ быть различія). Далѣе реальное бытіе абсолютнаго можетъ быть доказано, по Спенсеру, еще слѣдующимъ образомъ. Безотносительное, какъ уже сказано, можно понять только

---

[1]) См. на стр. 515.

чрезъ его противоположеніе относительному. Но если допустить, что безотносительное или абсолютное есть не что иное, какъ чистое отрицаніе, то отношеніе между нимъ и относительнымъ для насъ становится немыслимымъ, потому что сознаніе о всякомъ отношеніи возможно только при сознаніи обоихъ членовъ отношенія, а здѣсь одного изъ таковыхъ нѣтъ. „Если-же это отношеніе между абсолютнымъ и относительнымъ немыслимо, то, за отсутствіемъ антитезы, не мыслимо и само относительное: а это ведетъ къ уничтоженію всякаго мышленія", т. е., ведетъ къ грубому противорѣчію очевидному факту [1]). Не трудно видѣть, что и эта попытка Спенсера доказать дѣйствительное существованіе абсолютнаго съ его точки зрѣнія весьма неудачна; она точно также ставитъ его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Не вдаваясь въ подробности, мы отмѣтимъ здѣсь слѣдующую несообразность въ сужденіяхъ Спенсера. Утвержденіе, что абсолютное доступно нашему сознанію какъ коррелятъ понятія объ относительномъ противорѣчитъ, во-первыхъ, раннѣйшему утвержденію Спенсера о совершенной непознаваемости абсолютнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ, хоть сколько-нибудь доступно абсолютное, то, значитъ, оно несовершенно не познаваемо для насъ,—значитъ, нельзя сказать, „что предѣлами нашей разумности мы совершенно заключены въ сферѣ относительнаго". Во вторыхъ, это положеніе совершенно не примиримо съ его-же собственнымъ понятіемъ объ абсолютномъ. Если абсолютное, хотя какимъ-бы то ни было образомъ существуетъ въ нашемъ сознаніи, то оно, по предъидущимъ разсужденіямъ самого Спенсера, уже перестаетъ быть таковымъ: условіями нашего сознанія оно ограничивается.—Итакъ, приведенныя разсужденія Спенсера внутренно противорѣчивы.

d) Указавъ на необходимо-положительный характеръ нашего сознанія объ абсолютномъ, Спенсеръ далѣе пытается объяснить—какимъ образомъ возникаетъ въ насъ это сознаніе.—„Это сознаніе, говоритъ онъ, есть отвлеченіе отъ всѣхъ мыслей, идей и понятій. То, что̀ есть общаго во всѣхъ ихъ и что̀ не можетъ быть уничтожено, понимается нами въ словѣ бытіе.—Изолированное отъ каждаго изъ своихъ видовъ, тѣмъ самымъ, что виды постоянно измѣняются,—это общее остается какъ

[1]) Осн. Нач. ч. I, стр. 97—100.

неопредѣленное сознаніе о чемъ-то постоянномъ во всѣхъ видахъ,—какъ сознаніе о бытіи, отдѣльномъ отъ своихъ проявленій. Различіе, которое мы чувствуемъ между бытіемъ частнымъ и общимъ, есть различіе между тѣмъ, что измѣняемо въ насъ, и тѣмъ, что неизмѣняемо. Контрастъ между абсолютнымъ и относительнымъ въ нашемъ умѣ есть въ дѣйствительности контрастъ между тѣмъ умственнымъ элементомъ, который существуетъ абсолютно, и тѣмъ, который существуетъ относительно" [1]). Здѣсь Спенсеръ опять противорѣчитъ себѣ самому. Въ данномъ разсужденіи абсолютное поставляется въ отношеніе, во-первыхъ, къ сознающему субъекту, а во-вторыхъ,—къ антитетическому понятію—относительнаго, между тѣмъ, какъ абсолютное, по его собственному опредѣленію, не можетъ допускать такихъ отношеній...

Здѣсь заканчивается рядъ апріорныхъ доказательствъ Спенсера непознаваемости абсолютнаго. Выводы, къ которымъ приводитъ его разсмотрѣніе природы человѣческаго мышленія, онъ формулируетъ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) несомнѣнно, что Абсолютное имѣетъ „положительное существованіе", но 2) мы совершенно не можемъ знать—какъ оно существуетъ: Абсолютное для насъ „вполнѣ и навсегда непостижимо" (въ смыслѣ: непознаваемо).

Насколько состоятельны и законны эти заключительные тезисы Спенсера—должно показать намъ предъидущее критическое разсмотрѣніе ихъ... Во всякомъ случаѣ мы считаемъ себя въ правѣ въ противовѣсъ Спенсеру поставить здѣсь свои слѣдующіе антитезисы: 1) что Абсолютное существуетъ—это несомнѣнно; но съ своей точки зрѣнія Спенсеръ не въ силахъ обосновать эту истину: его доказательства реальнаго бытія Абсолютнаго идутъ въ разрѣзъ съ его-же собственными доказательствами непознаваемости этого бытія; 2) природа нашего мышленія не можетъ служить препятствіемъ къ познанію Абсолютнаго: изъ „относительности познанія", понимаемой надлежащимъ образомъ, слѣдуетъ только то, что мы неспособны имѣть адэкватнаго и совершеннаго познанія Абсолютнаго, а не вообще всякаго познанія.

А. Вознесенскій.

---

[1]) Осн. Нач. ч. I стр.

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОЕ ГАРТМАННА.

Рѣдко ученому или философу выпадала завидная доля пріобрѣсти въ нѣсколько лѣтъ столь широкую извѣстность, какъ это удалось въ наше время нѣмецкому пессимисту Гартманну. Его „философія Безсознательнаго", появившаяся въ первый разъ въ 1869 году, скоро обратила на себя вниманіе всѣхъ научно образованныхъ людей, и особенно философовъ по складу понятій и профессіи. Въ этомъ новомъ, смѣломъ произведеніи нѣмецкаго пессимизма увидѣли „олицетвореніе реформаторскаго протестантизма и древняго прусскаго духа, выраженіе стремленій конца нашего столѣтія, философію перваго ранга" (Кронъ, Веберъ, Петерсъ и др.); а самъ Гартманнъ былъ скоро зачисленъ въ „истинно спекулятивные философы съ геніальнымъ мышленіемъ, аристократы духа чистой воды, прусскаго Гумбольдта философіи" (Бидерманнъ, Портигъ, Зейдль и др.). Только немногіе мыслители нашли философію Безсознательнаго парадоксальною, принадлежащею къ исторіи человѣческаго безумія, патологическимъ явленіемъ, кризисомъ западной философіи (Штокль, Михеллетъ, Дюрингъ и В. С. Соловьевъ). Причина, почему Гартманнъ такъ легко завоевалъ общее вниманіе, состояла отчасти въ томъ, что онъ издалъ свою философію въ ту самую пору, когда сильно развившійся матеріализмъ, казалось, окончательно вытѣснилъ собою идеализмъ; а отчасти въ томъ, что онъ строилъ на расчищенной уже почвѣ пессимизмомъ Шопенгауэра и удовлетворялъ потребности многихъ въ чемъ-либо особенно сильномъ и оригинальномъ. Философія Гегеля потеряла свой кредитъ, но и фи-

лософія Шопенгауэра была слишкомъ одностороння и узка. Его слѣпая воля, возведенная на степень міровой сущности, не объясняла всѣхъ явленій. Этой волѣ недоставало многихъ аттрибутовъ, а главнымъ образомъ ума, безъ котораго въ мірѣ должна дѣйствовать одна случайность и производить безсмысленное страданіе. Синтезировать эти два направленія: гегельянство и шопенгауэризмъ было дѣломъ Гартманна. Признавая, подобно другимъ философамъ, что предметъ философіи Абсолютное, онъ стремился примирить логическое и нелогическое, насколько то и другое эмпирически наблюдается въ жизни. Его цѣлью было изучить внутреннюю природу Бога, чтобы на основаніи этого знанія утвердить пессимизмъ и доказать, что его первоначало находится въ самомъ Абсолютномъ, которое обнаруживается то какъ мудрость (умъ), то какъ глупость (воля, Widersinnigkeit) [1]. Неудивительно, что теоретическіе мыслители признали въ системѣ Гартманна высшій фазисъ развитія философіи, а практическіе пессимисты—метафизику, отвѣчающую ихъ мрачному настроенію. Но и сейчасъ пессимистическая философія не сошла еще со сцены и играетъ не послѣднюю роль въ ряду современныхъ міровоззрѣній. Ея отголоски слышатся часто въ литературѣ и преимущественно въ такъ называемомъ декадентствѣ. Не безъинтересно, поэтому, изучить метафизику Безсознательнаго, чтобы знать, на какихъ философскихъ основаніяхъ зиждется настоящій пессимизмъ.

Что Богъ есть, это для Гартманна не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онтологическое доказательство, по его мнѣнію, самое убѣдительное свидѣтельство въ пользу бытія Божія. Невозможно, чтобы это доказательство было пустою игрою словъ или дедуктивнымъ только постулатомъ метафизическаго и религіознаго сознанія, ибо тогда міръ, условное, существовалъ бы безъ безусловнаго, что явная нелѣпость. А если есть міръ, и онъ существуетъ не безусловно, то, значитъ, есть и Богъ: доказательство становится индуктивнымъ, опирающимся на реальный фактъ. Правда, еще не видно, что такое Богъ по своей

---

[1] Neukantianismus, Schopenhauerianismus und Hegelianismus; 2 Aufl. Berlin, 1877, 265 s.

природѣ. Мы знаемъ также только то, что Онъ есть, но не каковъ Онъ. Два другихъ доказательства: космологическое и и физико-телеологическое также не отвѣчаютъ, по Гартманну, на послѣдній вопросъ. Космологическое просто утверждаетъ, что Богъ есть сверхъ-натуральная причина, основаніе міра; телеологическое,—что Онъ ordo ordinans, не механическая, а динамическая, цѣлесообразно-дѣйствующая причина: Абсолютное есть разумъ. Какъ дальнѣйшій выводъ изъ телеологическаго доказательства слѣдуетъ, что всѣ цѣли—абсолютныя цѣли и что наши индивидуальныя частныя цѣли только по видимости самостоятельныя цѣли, а въ дѣйствительности „Богомъ постановленные члены міровой телеологіи". Все таки и сейчасъ неизвѣстно, какъ нужно мыслить природу Бога и Его сущность [1]). Нужно потому найти иной путь для заключенія о природѣ Бога.

Но прежде нѣсколько замѣчаній о взглядѣ Гартманна на познаніе и міръ. Никто, разсуждаетъ онъ, не станетъ спорить, что мы непосредственно знаемъ только себя самихъ и свою собственную духовную жизнь. Въ доказательствѣ этого положенія несомнѣнная заслуга субъективнаго идеализма Канта и новокантіанцевъ. Съ другой стороны не менѣе правъ и наивный реализмъ, признающій численно тожественную для всѣхъ реальную природу, которая существуетъ и измѣняется по независимымъ отъ субъективнаго духа законамъ. Одна теорія восполняетъ другую, и вмѣстѣ образуютъ истинную теорію познанія. Въ отдѣльности же ни чистый субъективизмъ не возможенъ, потому что онъ отрицаетъ всякое познаніе и всякій дѣйствительный опытъ, ни чистый реализмъ, потому что онъ допускаетъ непосредственное знаніе, непосредственное перенесеніе объекта въ субъектъ. Соединивши обѣ эти точки зрѣнія въ одну, мы получаемъ теорію познанія трансцендентальнаго реализма, какъ синтезъ субъективнаго, имманентнаго, съ трансцендентнымъ, внѣ субъекта находящимся, т. е., какъ синтезъ наивнаго реализма и субъективнаго, разумнаго идеализма. По теоріи трансцендентальнаго реализма, мы въ своемъ субъектив-

---

1) Religion d. Geistes 114—132 ss., см. у Кёбера: das philos. System E. v. Hartmann's, Breslau, 1884, cap. 18.

номъ мірѣ явленій имѣемъ дѣйствительный рефлексъ природы и въ то же время заключаемъ о ея свойствахъ и измѣненіяхъ не прямо изъ свойствъ и измѣненій нашего сознанія. Эта теорія признаетъ какъ реальность и познаваемость міра, такъ и апріорность и субъективность формъ познанія; она утверждаетъ, что формы познанія суть формы самаго бытія, ибо если формы нашего познанія и воззрѣнія не совпадаютъ съ бытіемъ вещей въ себѣ, то познаніе—иллюзія и обманъ,—заключеніе, отъ котораго отказался даже Фихте [1]).

Теперь можно спросить: что такое эта природа, поставленная для нашего познанія? Есть ли это простая и безсмысленная игра непротяженныхъ атомовъ, стереометрическая схема, абстракція отъ пространства, времени и движенія? — Разсуждая о природѣ, говоритъ Гартманнъ, мы постоянно выражаемся о ней въ терминахъ нашего духа и приписываемъ ей все то, что намъ принадлежитъ. Реальность, существованіе, субстанціальность — категоріи нашего мышленія; пространство, время и движеніе—формы чувственнаго воззрѣнія. Понятіе силы—также наше субъективное понятіе, къ которому мы никогда не пришли бы, если бы не знали воли въ себѣ и не распространяли этого понятія на весь остальной міръ. Ясно, что мы познаемъ и построяемъ природу по аналогіи съ нашимъ духомъ то въ схематическихъ формахъ представленія и сознанія, то въ основныхъ функціяхъ силы, движенія, т. е., воли. Отнимите отъ природы этотъ законный антропоморфизмъ, и отъ нея не останется ничего, кромѣ абстрактной пространственной схемы, съ безсильными движущимися пунктами. Природа, какъ живая реальность, перестанетъ для насъ существовать, и мѣсто науки заступитъ алхимія, астрологія и теософія. Естествознаніе, оспаривающее эти антропоморфическія аналогіи, уничтожаетъ само себя. Но если природу можно мыслить только въ образахъ духа, въ формахъ его дѣятельности, то въ духѣ и ключъ къ познанію природы. Нужно идти не отъ природы къ духу, а начинать и оканчивать духомъ. Природа—

[1]) Kritische Grundlegung d. Transcend. Realismus; 2 Aufl. Berlin, 1875, 136—755.

лишь простое средство безъ самостоятельнаго значенія, ступень для проявленія духа въ свѣтѣ сознанія; всѣ чудеса природы принадлежатъ духу. Она только возбуждаетъ духъ, наполняетъ содержаніемъ его пустыя формы, но сама по себѣ интересовать насъ не можетъ. Реальная природа, какъ таковая, исчерпывается одноформеннымъ движеніемъ атомовъ, и хотя она заставляетъ насъ познать собственное мѣсто въ міровомъ цѣломъ, но не мы должны подчиняться природѣ, а стремиться подчинить ее себѣ. Природа, наконецъ, помогаетъ намъ понять сущность Бога. Аксіома естественно-научнаго монизма неоспорима, что міровая субстанція есть основаніе какъ самосознательнаго духа, такъ и матеріальнаго міра, почему все образующее и принадлежащее къ духу и матеріи должно быть отъ вѣчности implicite въ Богѣ.

„Отъ духа чрезъ природу къ духу",—это не просто для Гартманна, удачный девизъ, но сама абсолютная истина. Духъ есть источникъ познанія и его единственный критерій. Что открываетъ нашъ духъ, то составляетъ сущность всей природы, то должно быть приписано Самому Богу. Въ свидѣтельствѣ духа—полнота знанія. Наука о духѣ имѣетъ для насъ непосредственную, болѣе высокую достовѣрность, чѣмъ наука о природѣ. Духъ выше природы и не отобразъ ея, но природа отобразъ духа, такъ что было бы большою ошибкою объяснять духъ чрезъ природу. Духъ—самъ творецъ природы: конечный—въ ограниченномъ смыслѣ; Абсолютный—въ безусловномъ. Съ духа, поэтому, и нужно начинать философію [1]).

Субъективный духъ открывается для насъ со стороны двухъ первоначальныхъ способностей: воли и представленія. Внутренній опытъ учитъ, что эти силы пребываютъ въ постоянномъ взаимодѣйствіи: гдѣ обнаруживается воля, тамъ есть представленіе и обратно: гдѣ возникаетъ представленіе, тамъ реализируется воля. Опредѣляя теперь Бога по аналогіи съ нашимъ духомъ, можно сказать, что Богъ есть воля и представленіе. Вопросъ только въ томъ, какъ мыслить эту божественную во-

[1]) Ergänzungsband zur ersten bis neunten Auflage d. Philosophie d. Unbewussten, Leipzig, Allgemeine Vorbemerkungen, 18—45 s.s., годъ изданія не обозначенъ.

лю и это божественное представленіе? Наши воля и представленія ограничены и конечны и, какъ такія, безъ сомнѣнія, не могутъ быть аттрибутами Бога, существа безконечнаго. Если идти via negationis, то прійдемъ къ отрицательному опредѣленію сущности Бога, какъ не должно о Немъ думать; а если избрать via eminentiae, то будемъ имѣть лишь приблизительное, а не адэкватное понятіе о Богѣ. Но нѣтъ ли болѣе близкой аналогіи, позволяющей намъ судить о положительныхъ свойствахъ Бога и сущности Его природы (хотя бы даже по недостатку языка мы и говорили объ этой сущности въ отрицательныхъ выраженіяхъ)? Не владѣетъ ли нашъ духъ болѣе свободною, интуитивною способностію, чѣмъ рефлективное, сознательное мышленіе, ограниченное временемъ и количествомъ представленій? Исчерпывается ли вся разумная и цѣлесообразная дѣятельность одними сознательными представленіями, и нѣтъ-ли безсознательной духовной дѣятельности, болѣе цѣлесообразной и соотвѣтствующей средствамъ, чѣмъ сознательная рефлексія? Почему непремѣнно ограничивать свой кругозоръ однимъ сознаніемъ, тѣмъ, что ясно само по себѣ и изслѣдовано другими? Стоитъ труда, полагаетъ Гартманнъ, порыться въ „золотомъ днѣ“ нашего духа, вмѣсто того, чтобы искать сокровищъ на вскопанной уже поверхности. Пусть это работа трудная,—за то тѣмъ больше удовольствія въ концѣ!

Намъ нѣтъ нужды подробно слѣдить за феноменологическими доказательствами Гартманна (занимающими I томъ философіи) существованія безсознательной воли и безсознательнаго представленія. Мы укажемъ только немногіе примѣры, которыми пользуется философъ для подтвержденія своего основнаго положенія. Безсознательность и независимость воли отъ мозга онъ видитъ въ движеніяхъ обезглавленной лягушки, которая ищетъ защиты и прячется по угламъ; въ доказательство самостоятельности и отдѣльности воли отъ гангліозныхъ узловъ онъ ссылается на насѣкомое (саранча), которое, будучи разрѣзано пополамъ, продолжаетъ функціонировать обѣими частями (передняя часть совершаетъ актъ ѣды, а задняя актъ оплодотворенія); независимость же воли отъ нервной системы вообще Гартманнъ утверждаетъ на примѣрѣ полипа, который, не имѣя вовсе нервовъ,

совершаетъ, однако, цѣлесообразныя дѣйствія (различаетъ мертвыхъ инфузорій отъ живыхъ и ловитъ послѣднихъ для питанія). Слѣдующій опытъ Биддера еще нагляднѣе доказываетъ безсознательность воли и ея пребываніе въ каждой части организма. Этотъ ученый наблюдалъ лягушекъ, у которыхъ совершенно былъ разрушенъ весь мозгъ, кромѣ продолговатаго. Такія лягушки жили шесть дней и обнаруживали нѣкоторые признаки сознанія, но ѣли, переваривали червей и испускали мочу еще спустя 26 дней послѣ операціи. Отсюда видно, что *воля* ѣсть, *воля* переварить и испускать мочу существуетъ независимо отъ главныхъ нервныхъ центровъ и безсознательно, т. е., что каждый гангліозный узелъ и даже каждая часть организма имѣетъ собственную волю, хотя и безсознательную. Значитъ существованіе или несуществованіе мозга и гангліозныхъ узловъ не есть непремѣнное условіе для проявленія воли.

Расширяя подобнымъ образомъ сферу обнаруженія воли, Гартманнъ, понятно, долженъ былъ дать и новое опредѣленіе воли. И, подлинно, унего воля есть не что иное, какъ имманентная причина всякаго движенія, производимаго животнымъ, не смотря на то, сопровождается ли оно, или не сопровождается, сознаніемъ. Сознательная и безсознательная воля есть одинъ и тотъ-же принципъ; только сознательная воля, соединенная съ сознательнымъ представленіемъ, какъ своимъ содержаніемъ, называется произволомъ, а безсознательная—просто волею [1]).

Что касается безсознательныхъ представленій, то Гартманнъ доказываетъ ихъ существованіе на слѣдующемъ простомъ примѣрѣ. Я хочу поднять маленькій палецъ: какъ это происходитъ? Опытъ учитъ, что для каждаго движенія есть свое особое мѣсто въ центральномъ окончаніи нервныхъ нитей, которыя здѣсь образуютъ какъ бы клавіатуру, воспринимаютъ раздраженія со стороны воли и вызываютъ сокращеніе нужныхъ мускуловъ. Слѣдовательно, когда я хочу совершить опредѣленное движеніе, напримѣръ, поднять маленькій палецъ, то должны быть сокращены именно тѣ мускулы, которые производятъ

[1]) Die Philosophie d. Unbewussten., 7 Aufl. Berlin 1876; B. I, cap. I, 51—61 s. s.

это поднятіе мизинца. Но воля не имѣетъ сознательнаго представленія объ ударяемомъ ею клавишѣ: воля слѣпая сила, лишенная представленія. А между тѣмъ она должна знать этотъ клавишъ въ мѣстѣ общаго окончанія двигательныхъ нервовъ, если раздраженіе, производимое волею, обыкновенно, происходитъ не случайно и соотвѣтственно цѣли. Навыкъ и упражненіе тутъ ничему не помогаютъ: почти всѣ животныя такъ же искусно бѣгаютъ и прыгаютъ при первыхъ опытахъ, какъ и послѣ долгаго упражненія. Признаютъ вѣроятнымъ, что сознательныя движенія въ мозгу происходятъ тамъ, гдѣ находятся окончанія двигательныхъ нервовъ, но это анатомически не вѣрно, ибо сознательныя представленія происходятъ въ большомъ мозгу, а окончанія моторныхъ нервовъ лежатъ въ продолговатомъ или маломъ мозгу. Думаютъ, далѣе, что сознательныя представленія возникаютъ непосредственно, переходя, при помощи прирожденнаго механизма, на двигательный нервъ и возбуждая его. Объясненіе это еще болѣе странно, чѣмъ предъидущее: тогда каждое представленіе тотчасъ бы переходило въ движеніе и не было бы не цѣлесообразнаго движенія. Кромѣ того, опытъ и упражненіе тогда были бы не у мѣста, такъ какъ все происходило бы каждый разъ сознательно. Такимъ образомъ механическое рѣшеніе вопроса не возможно. Остается признать средній членъ духовной, безсознательной природы между волею, возбуждающею нервъ, и представленіемъ мѣста окончанія этого нерва. Тогда проблема разрѣшается просто и легко: сознательная воля поднять палецъ возбуждаетъ безсознательную волю возбудить (ударить) извѣстный пунктъ и чрезъ возбужденіе его достигнуть цѣли. Ударитъ воля новый клавишъ, и получится иной эффектъ, потому что хотя ударъ всегда одинаковъ, но ударяемые клавиши разные. Коротко: безсознательная воля всегда соединена съ безсознательнымъ представленіемъ, вслѣдствіе чего „всякое произвольное движеніе предполагаетъ безсознательное представленіе положенія соотвѣтствующихъ двигательныхъ нервныхъ окончаній въ мозгу". Но это безсознательное представленіе не относительно безсознательное, какъ воля, которая отчасти сознательна для тѣхъ нервныхъ центровъ, чрезъ которые она обнаруживается, но без-

сознательное въ собственномъ смыслѣ, „безсознательное для цѣлаго индивидуума“ [1]).

Точно также разсуждаемъ Гартманнъ объ инстинктѣ и доказываетъ, что инстинктъ есть „цѣлесообразное дѣйствіе безъ сознанія цѣли“ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выведенъ изъ механическихъ причинъ. Вотъ нѣкоторые случаи, подтверждающіе мысль о независимости инстинкта отъ тѣлесной организаціи. Всѣ пауки имѣютъ одинаковый прядильный аппаратъ; всѣ птицы—почти одинаковую организацію (ноги и клювъ) для построенія гнѣзда; однако какъ пауки, такъ и птицы строятъ гнѣзда разнообразно, а иные виды и вовсе ихъ не строятъ. Нѣкоторыя птицы, хотя и способны плавать по устройству ноги, не плаваютъ; полевая мышь, подобно хомяку, заготовляетъ на зиму припасы, хотя и не имѣетъ защечныхъ мѣшочковъ и т. д. Здѣсь же, въ главѣ объ инстинктѣ, Гартманнъ вводитъ новое, весьма важное для его философіи, понятіе ясновидѣнія (das Hellsehen), т. е., безсознательнаго познанія, которое пріобрѣтается не изъ чувственнаго воспріятія, но существуетъ какъ непосредственный фактъ. Напримѣръ: большая часть животныхъ знаетъ безъ всякаго опыта своихъ естественныхъ враговъ. Молодые голуби, замѣтивши хищную птицу, летятъ пугливо и отдѣльно; лошади и коровы, никогда не видавшіе льва, приходятъ въ ужасъ, когда почуютъ его; молодой чимпанзе дрожитъ при первомъ взглядѣ на удава. Ни одно животное въ естественномъ состояніи не ѣстъ ядовитыхъ травъ; перелетныя птицы улетаютъ отъ насъ въ то время, когда еще стоитъ довольно высокая температура, по крайней мѣрѣ, выше той, при которой онѣ прилетаютъ, и когда нѣтъ недостатка въ кормѣ; олень выращиваетъ болѣе густой мѣхъ, если наступаетъ чрезвычайно холодная зима; кукушка всегда безошибочно кладетъ свои яйца въ гнѣзда тѣхъ птицъ, яйца которыхъ по окраскѣ и формѣ похожи на ея собственныя; при наступленіи ранней зимы, многія птицы улетаютъ прежде, чѣмъ обыкновенно, а при наступленіи умѣренной нѣкоторые виды вовсе не улетаютъ или улетаютъ недалеко. Бобры, чув-

[1]) Ibid. cap. 2, 62—67 s.s.

ствуя наводненіе, строятъ свои гнѣзда выше, а мыши на Камчаткѣ и совсѣмъ переселяются въ другія мѣста; домашніе пауки бѣгаютъ туда и сюда, борятся между собою и прядутъ новую ткань, если наступаетъ чрезъ 9—12 дней холодъ, и прячутся, если будетъ оттепель и т. д., и т. д. Но еще рѣшительнѣе въ пользу ясновидѣнія инстинкта говорятъ факты человѣческаго ясновидѣнія. Нерѣдко больные безошибочно опредѣляютъ время прекращенія болѣзни; пиѳія предсказывала время наступленія будущаго экстаза; Сведенборгъ предвидѣлъ пожаръ Стокгольма; здоровые часто имѣютъ вѣрное предчувствіе о своей или близкихъ лицъ смерти; дѣти имѣютъ легкія прежде, чѣмъ они дышатъ; глаза—прежде, чѣмъ они видятъ и т. п. Въ виду этихъ фактовъ, заключаетъ Гартманнъ, можно считать доказаннымъ, что инстинктъ не есть результатъ сознательнаго убѣжденія, или слѣдствіе тѣлесной организаціи и какого-либо физіологическаго механизма въ нашемъ мозгу, но „собственное дѣйствіе индивидуума, возникающее изъ внутреннѣйшей его сущности и характера". Если бы инстинктъ былъ механизмомъ, то онъ былъ бы непрерывно функціонирующимъ и постоянно неизмѣннымъ. Инстинктъ же не владѣетъ ни тѣмъ, ни другимъ свойствомъ. Чтобы онъ началъ функціонировать,—нуженъ мотивъ въ формѣ чувственнаго представленія; иначе инстинктъ находится въ скрытомъ состояніи и не дѣйствуетъ. Онъ функціонируетъ тогда, когда наступаютъ внѣшнія благопріятныя обстоятельства, дающія возможность достиженія цѣли чрезъ желательное средство. Оттого инстинктъ варіируетъ сообразно съ тѣмъ, какъ варіируютъ эти внѣшнія средства, соотвѣтствующія его дѣйствіямъ. Въ инстинктѣ постоянна только безсознательная цѣль, всегда одинаковая и равная самой себѣ при всякомъ измѣненіи средствъ, или безсознательное представленіе цѣли, которой также безсознательно желаетъ индивидуумъ въ каждомъ случаѣ. Затѣмъ, въ явленіяхъ инстинкта необходимо еще объяснить причинную связь между мотивирующимъ чувственнымъ представленіемъ и волею къ дѣятельности. Принявши физіологическое объясненіе, будто представленіе мотива механически, посредствомъ мозговыхъ колебаній, переходитъ въ колебанія, вызывающія волю

къ дѣятельности, мы не поймемъ, почему этотъ актъ безсознателенъ (каковъ онъ на самомъ дѣлѣ), хотя возникающая изъ него воля обыкновенно бываетъ такъ сильна, что превозмогаетъ всякую другую волю. Безсознательность токого перехода заставляетъ, поэтому, мыслить и самую связь между мотивомъ и волею въ формѣ „безсознательнаго духовнаго механизма", безсознательнаго представленія и воли. „Инстинктъ, въ окончательномъ опредѣленіи, есть сознательное желаніе средства для безсознательно желаемой цѣли" [1]).

Въ слѣдующихъ главахъ Гартманнъ разсматриваетъ обнаруженія Безсознательнаго въ рефлективныхъ дѣйствіяхъ (гл. V), цѣлительныхъ силахъ природы (гл. VI), органическихъ образованіяхъ (гл. VIII) и въ растеніяхъ (т. II, гл. IV). Приведемъ и здѣсь нѣкоторые факты и соображенія Гартманна.

Подъ рефлективными движеніями философъ разумѣетъ инстинктивную дѣятельность низшихъ нервныхъ центровъ (спиннаго мозга и гангліи), т. е., абсолютно безсознательныя для большаго мозга представленія, но посредствующія для этихъ низшихъ центровъ сознательную волю рефлективнаго дѣйствія изъ сознательнаго воспріятія раздраженія. Дѣло въ томъ, что каждому нервному центру свойственно воспринимать раздраженіе и реагировать на него, вслѣдствіе чего каждый изъ центровъ владѣетъ извѣстнымъ сознаніемъ, хотя мы и не знаемъ, какъ происходитъ соединеніе раздраженія съ движеніемъ. Рефлективное дѣйствіе мгновенно и разнообразно по приспособленію къ различнымъ обстоятельствамъ; мы можемъ сознавать только начало и конецъ его; но непосредственное соединеніе здѣсь воли и представленія (раздраженія и реакціи) напоминаетъ непосредственное интуитивное воззрѣніе. Къ этимъ дѣйствіямъ принадлежатъ какъ сложныя движенія: ходьба, танцы, гимнастическія упражненія, балансированіе и пр., такъ и болѣе простыя: чтеніе заученнаго наизусть, расширеніе ноздрей при обоняніи, выдѣленіе слюны при ѣдѣ и пр. Будь эти движенія сознательными,—они происходили бы медленно и нерѣшительно, какъ бываетъ, когда мы обдумываемъ свои дѣй-

[1]) Ibid. Cap. 3, 68—99 s. s.

ствія.—Къ цѣлительной натуральной силѣ Гартманъ относитъ ту инстинктивную дѣятельность, которая имѣетъ объектомъ собственное поврежденное тѣло (выростаніе, напримѣръ, новой головы у червя, вмѣсто отрѣзанной). Исцѣленіе тутъ происходитъ потому, что каждая поврежденная, или оторванная часть имѣетъ, на случай ея возстановленія, безсознательное представленіе родоваго типа, подобно тому, какъ птица прежде всякаго опыта должна безсознательно представлять себѣ форму гнѣзда, свойственнаго ея виду.—Въ органическихъ образованіяхъ дѣятельность Безсознательнаго обнаруживается на оплодотворенномъ яйцѣ. Яйцо есть клѣтка, состоящая изъ желтка, и каждая его часть имѣетъ совершенно равномѣрную структуру; тѣмъ не менѣе изъ этихъ всюду одинаковыхъ элементовъ и при одинаковыхъ почти внѣшнихъ условіяхъ (теплота отъ насиживанія у птицъ; температура воздуха и воды у рыбъ и амфибій) происходятъ самые различные и многочисленные роды. Метаморфоза эта есть результатъ цѣлесообразнаго дѣйствія безсознательной воли на видоизмѣненіе элементовъ и родовъ.—Въ растеніяхъ Безсознательное дѣйствуетъ также могущественно. Есть много общаго между растеніями и животными, такъ что нельзя установить точнаго критерія для ихъ различенія. Всякое животное есть отчасти растительной природы; всякое растеніе—животной, и потому только тамъ, гдѣ одна сторона преимуществуетъ надъ другою, можно называть цѣлое по этой сторонѣ; а гдѣ обѣ стороны уравновѣшиваются, тамъ названіе по одной сторонѣ трудно и не вѣрно. Къ явленіямъ Безсознательнаго въ области растеній нужно отнести ихъ сонъ, направленіе къ солнцу, не смотря на поставленныя препятствія; смѣну сна и бодрствованія; пріостановленіе иныхъ растеній на опредѣленный срокъ въ ростѣ, независимо отъ того, въ какой климатъ они занесены и какое время года: лѣто или зима и т. п. Все это дѣйствія, необъяснимыя изъ внѣшнихъ возбужденій, но возникающія изъ чисто внутреннихъ условій растенія,—„инстинктивно урегулированныя стремленія“. Наконецъ, нельзя отказать растеніямъ въ чувствѣ красоты и сознаніи. Если справедливо, что каждое существо, соотвѣтственно условіямъ своего существованія, создаетъ себѣ красоту

и каждое (даже полипъ, лишенный нервной системы) обнаруживаетъ признаки сознанія, то было бы непослѣдовательно отрицать стремленіе къ красотѣ и сознаніе у растеній. Конечно, это сознаніе гораздо ниже и бѣднѣе сознанія самаго низшаго червя, но все-таки оно—сознаніе.

Остальная половина феноменологіи Безсознательнаго посвящена обозрѣнію проявленій его въ человѣческомъ духѣ и подраздѣлена на главы: инстинктъ въ индивидуальномъ духѣ (отд. 2, гл. I), половой любви (гл. 2), чувствѣ (гл. 3), характерѣ и нравственности (гл. 4), эстетическомъ сужденіи и художественномъ творчествѣ (гл. 5), возникновеніи языка (гл. 6), мысли (гл. 7), нравственныхъ воспріятій (гл. 8), мистикѣ (гл. 9) и въ исторіи (гл. 10). Методъ изслѣдованія и обиліе фактовъ то-же, что и прежде. Къ инстинктамъ человѣческаго духа Гартманнъ относитъ какъ инстинкты, свойственные всѣмъ животнымъ: инстинктъ самосохраненія, страхъ смерти, осторожность беременныхъ, побужденіе къ кормленію дитяти грудью, стыдъ и отвращеніе, такъ и спеціально человѣческіе: талантъ дѣтей отличать притворную ласку отъ истинной, страхъ предъ извѣстными незнакомыми людьми, симпатію, сострадапіе, сочувствіе и т. п. Въ сферѣ половой любви и половаго подбора Безсознательное инстинктивно побуждаетъ человѣка искать для удовлетворенія своей страсти индивидуума другаго пола, въ безумной надеждѣ найти въ этой связи высшее наслажденіе, и выбирать между индивидуумами другаго пола такое лицо, въ соединеніи съ которымъ я мечтаю осуществить совершеннымъ образомъ идею рода и достигнуть блаженства. Безсознательная цѣль тутъ—произведеніе новаго, возможно совершеннаго индивидуума, а принципъ—безсознательное стремленіе, подобное господствующему въ органическихъ образованіяхъ.—Меньше, повидимому, замѣтно вліяніе Безсознательнаго на чувство. Но такой или иной отвѣтъ на вопросъ стоитъ въ связи со взглядомъ на него. Каждое чувство въ своемъ основаніи есть удовольствіе или неудовольствіе и всегда сопровождается воспріятіемъ. Я нажимаю легко палецъ и получаю воспріятіе, которое есть ни удовольствіе, ни боль. Нажимаю его сильнѣе, и внезапно появляется боль, не смотря на то, что воспріятіе оста-

лось неизмѣннымъ, и только возрасло въ степени. Воспріятіе было и прежде, но тогда не появлялось чувства; значитъ, воспріятіе и чувство—не одно и то-же, и ихъ нужно различать. Воспріятіе можетъ быть безъ боли и бываетъ, а боль не можетъ быть безъ чувства. Этого простаго отличія достаточно, чтобы мысленно понять чистую природу чувства. Обыкновенное раздѣленіе чувствъ по мѣсту и качеству противорѣчитъ ихъ природѣ. Чувство не занимаетъ никакого мѣста и, различаясь количественно соотвѣтственно степени воспріятія, качественно всегда одинаково. Въ случаѣ качественнаго различія чувствъ, нельзя было бы ихъ соизмѣрить и уравновѣсить, а сейчасъ на имѣющіяся у меня деньги я могу выпить бутылку вина, съѣсть пирожное, купить книгу и т. д. Отсюда всѣ чувства по природѣ одинаковы: „равное измѣряется равнымъ", и каждое изъ нихъ имѣетъ начальною причиною воспріятіе, т. е., представленіе. Однако одно представленіе не объясняетъ чувства: удовольствіе или неудовольствіе, сопровождающее чувство, есть удовлетвореніе или неудовлетвореніе желанія, воли. Чувство, стало быть, есть продуктъ воли и представленія и бываетъ то пріятнымъ, то непріятнымъ въ зависимости отъ того, насколько оно удовлетворяетъ или не удовлетворяетъ нашимъ внутреннѣйшимъ наклонностямъ и потребностямъ, нашей внутреннѣйшей природѣ, т. е., волѣ. Но такъ какъ чувства нѣчто неопредѣленное, неясное и невыразимое, то, поэтому, они продуктъ не сознательной воли и сознательнаго представленія, а безсознательныхъ воли и представленія.

Отъ чувства—лишь ступень къ характеру и нравственности. Чувство требуетъ воспріятія; характеръ и нравственность—мотива. Чувство извѣщаетъ насъ объ отношеніи воспріятія къ волѣ: характеръ есть реакція воли на мотивъ. Въ этомъ процессѣ намъ извѣстны начало и конецъ: начало—эмпирически данный мотивъ; конецъ—эмпирически данное желаніе. Можетъ показаться, что содержаніе желанія единственно зависитъ отъ мотива и что на томъ ограничивается объясненіе характера. Тогда, правда, психологія была бы самою простою наукою и всѣ характеры были бы подобны, но опытъ насъ учитъ, что не только каждый своеобразно реагируетъ на одинаковые мо-

тивы, но даже на всякую отдѣльную группу мотивовъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы понять самый процессъ, реакцію воли на мотивъ. Кто бы могъ объяснить эту тайну, тотъ постигъ бы мистерію духа. Къ сожалѣнію, тутъ наше познаніе безсильно; сущность характера скрыта отъ насъ въ глубокой ночи непознаваемаго. Въ томъ же смыслѣ нравственность, художественное творчество и мистика не могутъ быть предметомъ яснаго сознательнаго познанія. Нравственность, напримѣръ, есть предикатъ воли, „инстинктивное натуральное проявленіе Безсознательнаго", хотя и опосредствованное сознаніемъ.

Остается упомянуть объ обнаруженіяхъ Безсознательнаго въ духовной жизни всего человѣчества, или такъ называемыхъ массовыхъ инстинктахъ. Уже по аналогіи слѣдуетъ ожидать, что эти инстинкты ничѣмъ существенно не отличаются отъ инстинкта индивидуальнаго духа, за исключеніемъ того, что массовые инстинкты достигаютъ своей цѣли посредствомъ объединенной дѣятельности всѣхъ индивидуумовъ, націи, всего человѣчества. Таковы и дѣйствительно эти инстинкты. Образованіе языка путемъ безсознательной, духовной дѣятельности человѣка—теперь безспорный и научный фактъ (?); соединеніе людей въ общины и государства изъ стимуловъ Безсознательнаго—самая понятная и соотвѣтствующая фактамъ теорія. Свойства, дѣлающія человѣка общественнымъ существомъ, ζῶον πολιτικόν,—три натуральныя, инстинктивныя побужденія: родовой инстинктъ (половая и семейная любовь), стремленіе къ общежительности и порывы къ враждѣ. Фамилія (семейство) есть первое, образованное изъ побужденій подобнаго инстинкта, общество, „зародышъ и эмбріонъ всякихъ позднѣйшихъ политическихъ, церковныхъ и соціальныхъ формъ". Сначала глава семьи есть и король (предводитель въ борьбѣ, представитель при внѣшнихъ сношеніяхъ своего рода и судья съ правомъ жизни и смерти), и жрецъ, и учитель, и распорядитель работъ. Съ теченіемъ времени эти три области, соединенныя прежде въ нераздѣльномъ единствѣ, развиваются въ формальные организмы съ тенденціей преобладать надъ другими сферами жизни. Въ классической древности первенство принадлежало государ-

ству, въ средніе вѣка—церкви, а въ новое время—обществу, которое начинаетъ развиваться самостоятельно рядомъ съ церковію и государствомъ. Во всей этой человѣческой исторіи открывается одно Безсознательное, преслѣдующее свои цѣли въ міровомъ процессѣ. Пониманіе исторіи есть познаніе вѣчнаго разума Безсознательнаго, господствующаго въ инстинктѣ человѣчества и отдѣльныхъ индивидуумовъ. Крупная философская ошибка Бокля въ томъ, что онъ, и его школа, ослѣпленная заблужденіемъ учителя, считали и считаютъ сознательный разумъ единственнымъ масштабомъ культурнаго развитія и хотятъ признать всѣ историческія явленія продуктомъ сознательной рефлективной работы мысли, вмѣсто того, чтобы искать въ исторіи „побуждающихъ безсознательныхъ идей“.

Въ заключеніе Гартманнъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои выводы: 1) Безсознательное образуетъ и сохраняетъ организмъ, восстановляетъ его внутренній и внѣшній уронъ; цѣлесообразно управляетъ его движеніями и посредствуетъ его употребленіе для сознательной воли; 2) Безсознательное даетъ въ инстинктѣ каждому существу то, что ему необходимо нужно для своего сохраненія и что недоступно для сознательнаго мышленія; 3) Безсознательное сохраняетъ роды чрезъ половое побужденіе и материнскую любовь, облагораживаетъ ихъ чрезъ выборъ въ половой любви и ведетъ человѣчество въ исторіи неизмѣнно къ цѣли возможнаго совершенства; 4) Безсознательное руководитъ людей посредствомъ предчувствій и чувствъ тамъ, гдѣ сознательное мышленіе не могло бы помочь; 5) Безсознательное способствуетъ своими внушеніями мыслительному процессу и приводитъ человѣка въ мистикѣ къ предчувствію высшаго, сверхъопытнаго единства и 6) Безсознательное облагодѣтельствовало человѣка, давши ему чувство прекраснаго и художественное творчество. Словомъ, Безсознательное производитъ все, что можетъ произвести и сознаніе, только Безсознательное производитъ это вѣрнѣе, скорѣе и цѣлесообразнѣе, ибо оно совершаетъ все сразу, въ одинъ моментъ [1]).

[1]) Philos. d. Unbew. I, 355—356 s. s.

II.

Отъ феноменологіи Гартманнъ во второмъ томѣ обращается къ метафизикѣ Безсознательнаго и описываетъ его свойства и природу. Феноменологія дала индуктивный матеріалъ; метафизика должна его обработать по понятіямъ логической мысли и сдѣлать дедуктивные выводы соотвѣтственно фактамъ. Феноменологія была введеніемъ, пропедевтикою, метафизика есть философія, знаніе Безсознательнаго. Однако и сейчасъ нельзя спѣшить съ окончательными выводами относительно природы Безсознательнаго, не ознакомившись предварительно съ его свойствами. Индуктивный методъ заключаетъ изъ свойствъ какого-либо предмета къ его сущности. Сначала были собраны феноменологическіе факты, теперь слѣдуетъ изучить общія свойства открывающагося въ этихъ фактахъ существа и, наконецъ опредѣлить его природу. Спрашивается: какія свойства мы въ правѣ приписать Безсознательному на основаніи феноменологіи? При изслѣдованіи безсознательной дѣятельности было показано, что она—исключительно духовная дѣятельность, актуальность мгновенная, цѣлесообразная, неустающая, постоянная и объединяющая въ себѣ волю и представленіе. Слѣдовательно, заключаетъ Гартманнъ, и субъекту, производящему такую дѣятельность, принадлежатъ духовныя свойства. т. е., онъ долженъ быть неустающимъ, несомнѣвающимся, интуитивно созерцающимъ и обладающимъ двумя аттрибутами: волею и представленіемъ.

Въ частности первое отрицательное свойство Безсознательнаго безболѣзненность: *Безсознательное не болѣетъ*. Болѣть можетъ только сознательная дѣятельность, совершающаяся при посредствѣ матеріальнаго органа, но не Безсознательное, которое мыслитъ духовно. По той же причинѣ *Безсознательное и не устаетъ*: безсознательное мышленіе въ отличіе отъ сознательнаго не чувственнаго рода. Сознательное мышленіе движется въ чувственныхъ представленіяхъ (образахъ) и абстракціяхъ, но и абстракціи есть не что иное, какъ отвлеченіе отъ чувственнаго представленія. Если же безсознательное мышленіе по самой природѣ отлично отъ сознательнаго, то нѣтъ основанія,

почему бы оно было чувственнымъ, и оно ipsa re не имѣетъ никакой формы чувственности. По меньшей мѣрѣ о немъ нужно сказать, что оно представляетъ не такъ, какъ мы представляемъ. По содержанію своему оно, по всей вѣроятности, есть представленіе вещей самихъ въ себѣ, ибо не видно причины, по которой бы вещи были представляемы Безсознательнымъ иначе, чѣмъ онѣ есть; напротивъ, вещи и есть то, что онѣ есть, потому, что онѣ такъ, а не иначе представляются Безсознательнымъ.

Безсознательное не колеблется и не сомнѣвается, и не нуждается во времени для убѣжденія, но постигаетъ въ интеллектуальномъ воззрѣніи результатъ въ тотъ моментъ, когда возникла мысль. Мышленіе дискурсивное и послѣдовательное — признакъ нашего мышленія: а мышленіе безпорядочное разрушило бы логику процесса; — значитъ для характеристики мышленія Безсознательнаго остается только мышленіе интуитивное, мышленіе съ другимъ и въ другомъ (Ineinander). Какъ мышленіе безконечно прозорливое, оно обнимаетъ вмѣстѣ въ одинъ моментъ всѣ члены процесса: основаніе и слѣдствіе, причину и дѣйствіе, средство и цѣль, и мыслитъ ихъ не прежде, вмѣстѣ или внѣ результата, но въ самомъ результатѣ и чрезъ него. Это мышленіе въ собственномъ смыслѣ безвременное, совершающееся въ нуль времени. Его можно назвать мышленіемъ во времени развѣ въ томъ значеніи, что моментъ, въ который оно мыслитъ, имѣетъ свое временное мѣсто въ ряду другихъ временныхъ явленій, или въ томъ, что этотъ моментъ мышленія опознается въ результатѣ, необходимо наступающемъ во времени. Функція Безсознательнаго не требуетъ времени, хотя она наполняетъ извѣстное время, такъ какъ только чрезъ эту функцію ставится опредѣленное время. Требуетъ времени измѣненіе въ скорости, мотивированіи и реакціи воли на раздраженія, но переходъ изъ одного акта къ другому, въ чемъ состоитъ безсознательная функція, не требуетъ никакого. Во времени совершается причинный процессъ, а безсознательная функція, содержаніе которой обнаруживается въ этомъ процессѣ, опять происходитъ внѣ времени. Мышленіе Безсознательнаго безвременно, хотя оно въ каждое мгновеніе опредѣляетъ сущность міра и его

явленій. Оно ставитъ время, будучи само выше времени; оно имѣетъ время въ себѣ, и потому не во времени. Возраженіе, будто безсознательная идея должна измѣняться подобно постоянно измѣняющемуся міру явленій, обусловленныхъ ею, и быть временною, актуальною на извѣстный періодъ,—послѣ данныхъ разъясненій теряетъ всякую силу.

Безсознательное не заблуждается. Понятно, что это такъ. Безсознательное, обладающее ясновидѣніемъ и интеллектуальнымъ воззрѣніемъ, заблуждаться не можетъ. Сознаніе, по глупости животныхъ, заблуждается, на не Безсознательное, какъ такое. Если говорятъ о ложномъ ясновидѣніи, то это намѣренный или ненамѣренный обманъ, или ошибочное принятіе болѣзненныхъ фантазій за внушенія Безсознательнаго. Къ внушеніямъ его должно быть относимо только то, что правильно, мудро и цѣлесообразно. Возьмемъ примѣръ. Если я ломаю голову надъ какимъ-нибудь пунктомъ, котораго мнѣ недостаетъ для заключенія цѣлаго, и внезапно нахожу этотъ пунктъ, то, конечно, я этимъ обязанъ внушенію Безсознательнаго. Тѣмъ не менѣе я самъ долженъ трудиться и избирать надежный путь къ достиженію цѣли, не ожидая, что, вмѣсто меня, все сдѣлаетъ Безсознательное.

Какъ ясновидящее и не ошибающееся, Безсознательное, само собою разумѣется, *не нуждается ни въ какихъ опытахъ и ни въ какихъ сравненіяхъ между разными идеями.* Оно мыслитъ все въ одинъ моментъ; такъ что въ представленіи средства implicite мыслится цѣль, и implicite она желается. Въ виду этого нельзя говорить о разныхъ степеняхъ совершенства Безсознательнаго и возможномъ его совершенствованіи, или приписывать ему память, которая для ясновидящаго не нужна и составляетъ свойство нашего сознанія, обусловленнаго матеріальнымъ органомъ (мозгомъ) [1].

Опредѣливши отрицательныя свойства Безсознательнаго, не трудно вывести отсюда, mutatis mutandis, и его положительныя свойства. Отсутствіе заблужденія, ошибокъ, на философскомъ языкѣ есть всевѣдѣніе, какъ положительное названіе для

[1]) Philos. d. Unbew. II, 3—10 s.s.

ясновидѣнія. Безсознательное есть *всевѣдущее* (allwissend), что означаетъ, что оно не колеблется, не сомнѣвается и не ошибается, что у него безсознательныя представленія возникаютъ моментально и правильно, что къ его услугамъ всегда всѣ необходимыя „даты“ и что всѣ самыя ближайшія и самыя отдаленныя будущія цѣли, какъ равно и его возможное вмѣшательство (Eingreifen) въ ходъ событій, мыслятся въ моментъ появленія представленія. Всевѣдѣніе — самоочевидный фактъ для мониста. Если міръ въ каждое мгновеніе есть реализированное волею временное раскрытіе абсолютной идеи (обнаруженіе Безсознательнаго), то невозможно, чтобы въ актуальной идеѣ недоставало какихъ-либо датъ, осуществляющихся въ этомъ временномъ міровомъ состояніи. Какъ способность произвольной рефлексіи, всевѣдѣніе—ложное понятіе, но, какъ безсознательное обладаніе идеальнымъ содержаніемъ всей дѣйствительности, оно—истинно и необходимо. Противъ всевѣдѣнія не служитъ возраженіемъ нерѣдко приводимое въ качествѣ отрицательной инстанціи опытное наблюденіе, будто Безсознательное заблуждается или вводитъ въ обманъ отдавшагося его внушеніямъ индивидуума. Кажущееся заблужденіе Безсознательнаго легко объясняется тѣмъ, что „почва психоорганическаго индивидуума не достаточно подготовлена, чтобы облегчить безсознательное представленіе; появляется ли оно въ сознаніи въ формѣ предчувствія, или въ формѣ практическаго воздѣйствія, возбуждающаго къ инстинктивной дѣятельности“. А еще правильнѣе я самъ заблуждался, когда искалъ не того, что нужно, и считалъ достойнымъ то, что не имѣетъ никакой цѣны; внушенія же Безсознательнаго были вполнѣ правильны и соотвѣтствовали точно тому, къ чему я въ своемъ заблужденіи стремился.

Отъ всевѣдѣнія неотдѣлима премудрость: Безсознательное есть *премудрое* (allweise). Премудрость есть названіе телеологическаго характера безсознательныхъ психическихъ функцій Всеединаго, которыя образуютъ общее основаніе объективныхъ и субъективныхъ явленій, матеріи и сознанія. Эта абсолютно совершенная премудрая дѣятельность состоитъ въ томъ, что она каждый разъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ и соотвѣтственное время телеологически вступаетъ въ закономѣрный ходъ про-

цесса, какъ того требуетъ всевѣдѣніе. Вообще, если можетъ быть приписана Безсознательному интеллигенція, то только абсолютная, потому что, послѣ отрицанія всѣхъ антропоморфическихъ границъ, интеллигенція не имѣетъ больше степени, и есть интеллигенція абсолютная. Абсолютное не должно смѣшивать съ количественно безконечнымъ: актуальное количественное безконечное содержитъ противорѣчіе, да и абсолютная интеллигенція не способна ни къ какой степени. Сомнѣніе въ абсолютной премудрости, опирающееся будто бы на невозможности логическаго заключенія отъ ясновидѣнія Безсознательнаго къ его абсолютной интеллигенціи не имѣетъ силы, когда признана телеологическая метафизика [1]).

Будучи премудрымъ, Безсознательное должно исполнять свою работу (Leistung) съ минимальнымъ расходомъ силъ. Мы считаемъ болѣе мудрымъ не того, кто въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ искусно работаетъ, но того, кто освобождаетъ себя отъ постояннаго повторенія работы посредствомъ устроенныхъ машинъ. По суду разума неблагоразумно затрачивать силу тамъ, гдѣ требуется умѣнье пользоваться обстоятельствами; расходовать талеръ, гдѣ можно обойтись грошемъ. Тѣмъ болѣе Безсознательное, какъ премудрое, должно дѣйствовать съ наименьшею затратою силъ. Было бы не такъ удивительно, если-бы оно постоянно производило желательныя для него событія своимъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ; удивительно то, что оно мудро пользуется существующими механизмами и иными внѣшними отношеніями (борьба за существованіе и т. д.)

Скажутъ, пожалуй, что ученіе о наибольшемъ сохраненіи силы есть не мотивированное утвержденіе въ отношеніи Безсознательнаго. Если для слабаго и лѣниваго человѣка, силы котораго недостаточны, чтобы справиться со всѣми задачами, какія онъ ставитъ себѣ, нужно облегченіе труда, то, кажется, нѣтъ основанія, почему Безсознательное также стремится къ облегченію своей дѣятельности. Человѣкъ при большомъ напряженіи силъ испытываетъ страданіе, но развѣ Безсознательное можетъ чувствовать неудовольствіе даже при самой огромной

[1]) Philos. d. Unbew. II, 274—276, ср. Ergänzungsband 329—330 s.s.

затратѣ силъ? Какая польза для него въ сохраненіи силы? Не доставляетъ ли, наоборотъ, эта трата удовольствія, если извѣстно, что воля Безсознательнаго безконечна и ненасытима? Во 2-хъ, такъ какъ, по монистическому міровоззрѣнію, Безсознательное единственный обладатель всякой силы, существующей въ мірѣ, то міръ имѣетъ точно такую величину, что Безсознательное не нуждается вовсе въ облегченіи труда посредствомъ какихъ-либо механизмовъ. Гартманнъ думаетъ, что оба эти возраженія основываются на ограниченномъ примѣненіи закона сохраненія силы къ одной механической области (силамъ атомовъ). Но принципъ минимальнаго напряженія силы есть принципъ, a priori слѣдующій изъ природы воли, и значеніе его простирается дальше, чѣмъ значеніе механическихъ законовъ; онъ приложимъ ко всей области индивидуаціи воли и составляетъ основной законъ монизма. Отсюда, если есть индивидуальная воля высшаго порядка, то интенсивность ея функцій слѣдуетъ тому-же принципу сохраненія силы, какой дѣйствуетъ въ интенсивности атомной воли. Здѣсь не утверждается, что Безсознательное изъ принципа сохраненія силы абсолютно лишено возможности непосредственно производить новые и высшіе виды (напримѣръ, животныхъ, или первозародыши этихъ животныхъ); — такое утвержденіе прямо противорѣчитъ природѣ воли, которая при сильномъ желаніи всегда можетъ побѣдить противоположное желаніе; принципъ сохраненія силы означаетъ только, что премудрое Безсознательное обходитъ трудности новаго образованія высшихъ организмовъ безъ большой затраты силы, посредствомъ гетерогенной метаморфозы и измѣненія типа низшаго зародыша (яйца), и что непогрѣшимое логическое представленіе Безсознательнаго избираетъ путь постепеннаго измѣненія видовъ примѣнительно къ принципу достиженія всѣхъ возможныхъ цѣлей съ возможно меньшимъ напряженіемъ силы [1]).

Признаніе Безсознательнаго производителемъ органической жизни и агентомъ, образующимъ гетерогенное измѣненіе видовъ, служитъ основаніемъ для новаго положительнаго понятія о Безсознательномъ: „*Безсознательное всюду создаетъ* (packt)

---

[1]) Ergänz. 327—328 s. s. ср. Philos. II, 218, 225 s. s.

жизнь, гдѣ только можетъ ее создать". Какъ только извѣстная комбинація органической матеріи дала возможность возникновенія жизни, Безсознательное тотчасъ, безъ замедленія, пользуется удобнымъ случаемъ и одухотворяетъ (Beseelung) тѣло. Правда, часто оно при этомъ терпитъ неудачи, но ошибки его не смущаютъ: Безсознательное ежеминутно хочетъ въ милліонахъ зародышей реализировать жизнь, хотя бы даже эти зародыши, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, скоро послѣ своего оживленія или въ самый моментъ его, погибали. Вотъ причина, почему изъ безчисленнаго множества зародышей только незначительная часть развивается къ жизни и почему первоначально многіе милліоны погибли прежде, чѣмъ возникла въ мірѣ жизнь вообще. Мало того: въ своемъ слѣпомъ стремленіи къ произведенію жизни Безсознательное нерѣдко создаетъ совершенно безполезныя формы, безцѣльныя въ отношеніи конечной задачи міроваго процесса (вымершія палеонтологическія формы), и ведетъ развитіе жизни „по темнымъ переулкамъ" [1]). Не трудно было замѣтить, что такое ученіе стоитъ въ противорѣчіи съ другими свойствами Безсознательнаго: его абсолютною интеллигенціею, минимальнымъ напряженіемъ силъ и цѣлесообразностью дѣйствій. Прежде всего, если Безсознательное *всюду* создаетъ жизнь, не заботясь о томъ, будетъ ли она развиваться или погибнетъ, то о цѣлесообразности и сбереженіи силы не можетъ быть рѣчи. Слѣпое стремленіе производить безъ плана и смысла жизнь есть lusus ingenii, а не премудрость. Затѣмъ, если, по Гартманну, цѣль міра и всей органической жизни—спасеніе Абсолютнаго чрезъ сознаніе человѣческое, то непонятно, для чего существуютъ теперь многіе виды растительнаго царства и животныхъ, когда только небольшая ихъ часть необходима въ экономіи природы для выполненія человѣчествомъ своей задачи. Гартманнъ чувствовалъ эти противорѣчія и долженъ былъ видоизмѣнить свое ученіе. Онъ сознается, что подобныя мысли составляютъ метафизическій предразсудокъ и навѣяны философіей воли Шопенгауэра, который не различалъ между простой волею, какъ потенціей бытія,

---

[1]) Philos. II, 208, 213, 217 и 226 s.s.

и волею наполненной, обусловленной въ своемъ проявленіи идеею (волею въ дѣятельности). Эмпирически возможно доказать, что Безсознательное не всякій разъ создаетъ жизнь, а сообразуется отчасти съ внѣшними отношеніями, отчасти съ преслѣдуемыми цѣлями. Достаточно вспомнить тотъ фактъ, что оно, не смотря на благопріятныя условія, не производитъ больше первоорганизмовъ съ тѣхъ поръ, какъ началось рожденіе отъ родителей. Поэтому Гартманнъ говоритъ, что выраженіе: „Безсознательное всюду создаетъ жизнь" поспѣшное и невѣрное обобщеніе. Во всякомъ случаѣ, пишетъ онъ, „слѣпую жажду жизни, наполненной міровой воли сверхъ предопредѣленнаго содержанія со стороны идеи нужно рѣшительно отвергать". Тогда утвержденіе, что Безсознательное пользуется возможностью органической жизни вообще, правильно, потому что „только возможно широкій базисъ органическаго измѣненія матеріи въ состояніи приготовить необходимыя условія для жизни высшихъ организмовъ" [1]).

Сила, обнаруживающаяся въ созданіи міра и образованіи организма, есть всемогущество: Безсознательное есть *всемогущее* Всемогущество—свойство, по которому Безсознательное желаетъ того, что представляетъ и обратно: „всякое божественное представленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ поставленіе въ дѣйствительности, созданіе мыслимаго". Доказательство всемогущества общее: „чѣмъ больше воли, тѣмъ больше силы". Истина эта имѣетъ опытное и трансцендентное значеніе и простирается какъ на волю людей, такъ и на волю Безсознательнаго. Если для насъ безусловенъ законъ о пропорціональномъ отношеніи между волею и дѣйствіемъ, т. е., если каждый человѣкъ, одаренный сильною волею, тѣмъ энергичнѣе и напряженнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ одаренный слабою волею, то гораздо еще вѣрнѣе эта аксіома относительно воли Безсознательнаго. Высшая индивидуальность обладаетъ и высшею, могущественнѣйшею волею. Наша индивидуальная воля сравнительно съ абсолютною волею ограниченна и не всегда можетъ побѣдить противодѣйствіе матеріи (у беременныхъ нельзя вылѣчить переломъ кости, такъ какъ

[1]) Ergänz. 325—326 s.s.

безсознательная воля организма цѣликомъ уходить на образованіе ребенка), но воля Безсознательнаго не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. Одно, повидимому, основательное сомнѣніе можно противопоставить понятію всемогущества его воли. Для всемогущаго и премудраго Безсознательнаго нѣтъ, на первый взглядъ, достаточнаго побужденія подвергать себя для достиженія конечной цѣли необходимости міроваго развитія, ибо эта цѣль могла бы быть достигнута тотчасъ послѣ начала міра. Развѣ не безразлично для воли, какое содержаніе дастъ ей для реализаціи идея? Итакъ, почему не прекратился нашъ страдательный міръ въ моментъ возникновенія? Въ случаѣ же Безсознательному необходимо было отдаться развитію, то почему процессъ не прошелъ съ безконечною скоростью, когда при относительномъ значеніи времени ничто не препятствовало идеѣ совершить процессъ въ безконечно малое время? Гартманъ отвѣчаетъ, что вопросъ не въ томъ, какъ идея сообщаетъ содержаніе волѣ, а въ томъ, какъ воля можетъ побѣдить саму себя и возвратиться въ первоначальный покой. Идея, какъ такая, не имѣетъ силы надъ волею и должна употребить хитрость (List), чтобы показать волѣ ея неразуміе. Воля также съ своей стороны должна имѣть время, опытъ, и испытать всѣ обманы и разочарованія на долгомъ пути историческаго развитія, чтобы успокоиться и убѣдиться, что она сама единственный источникъ страданія и никогда не можетъ прійти къ покою. Относительно же абсолютной скорости окончанія процесса мы съ точки зрѣнія опыта не можемъ составить никакого представленія. Безконечно ли велика, или безконечно мала въ дѣйствительности эта скорость, мы не въ состояніи ее измѣрить, ибо мы не владѣемъ абсолютною мѣрою въ предѣлахъ процесса. Выраженія: болѣе скорое и болѣе медленное теченіе времени имѣютъ только смыслъ въ сравненіи съ употребляемымъ нами временнымъ масштабомъ, какъ то: въ сравненіи продолжительности нашей жизни съ жизнью другихъ, средней скорости обращенія мысли, земли около солнца и т. д. Но все это простыя отношенія, которыя остались бы неизмѣнными, если бы даже,—что невозможно,—абсолютная скорость міроваго процесса измѣнилась. Такимъ образомъ абсолютная скорость

міроваго процесса, при сохраненіи всѣхъ временныхъ отношеній, для насъ совершенно безразлична, и такое же немыслимое понятіе, какъ опредѣленное мѣсто въ пустомъ пространствѣ или абсолютное движеніе [1]).

Послѣднее положительное свойство Безсознательнаго есть *вездѣсущіе*. Вездѣсущимъ оно называется или потому, что оно непрерывно въ каждомъ мѣстѣ и въ каждый моментъ телеологически дѣйствуетъ въ мірѣ, или потому, что оно единственная субстанція всѣхъ атомовъ и всѣхъ явленій. А еще правильнѣе сказать: „Безсознательное то и другое вмѣстѣ. Какъ безъ его непосредственнаго вмѣшательства въ ходъ событій было бы непонятно, почему одинъ случай отличается отъ другого; такъ безъ субстанціальнаго единства атомовъ было бы необъяснимо единство міра. Слѣдовательно, какъ каждый случай, отличный отъ случаевъ одинаковаго класса, предполагаетъ прямую дѣятельность Безсознательнаго и совершенную приспособленность его къ особенностямъ этого отдѣльнаго случая, такъ и движеніе атомовъ до мельчайшихъ подробностей обусловлено идеею Безсознательнаго. Оба опредѣленія вездѣсущія Безсознательнаго вполнѣ согласны съ монистическими принципами и вмѣстѣ съ ними стоятъ или падаютъ [2]).

Теперь задача индукціи и анализа окончена. Собраны факты и свойства Безсознательнаго изучены. Мѣсто и пора формулировать общіе заключительные выводы. Съ одной стороны было показано, что Безсознательное есть единственный созидатель міра и универсальный принципъ всяческаго бытія и жизни. Свойства его признаны безконечными и всеобъемлющими, а феноменальное бытіе не самостоятельнымъ, безсильнымъ и производнымъ. Другими словами: Безсознательное оказалось единственной субстанціей, основою и причиною всего міра въ его цѣлости до мельчайшихъ элементовъ (атомовъ). Оно, какъ вездѣсущее найдено вездѣ и нигдѣ. Изъ его свойствъ слѣдуетъ что оно „ни велико, ни мало, ни здѣсь, ни тамъ, ни въ конечномъ, ни въ безконечномъ, ни въ массѣ, ни въ частяхъ, ни въ какомъ-либо еще

---

[1]) Philos. I, 157, ср. Ergänz. 323—324 s.s. и Neukant. 319 s.

[2]) Philos. II, 276 s. т. I, 123 s.

другомъ мѣстѣ". Оно вездѣ, но особеннымъ образомъ; его сущность всюду однакова и неизмѣнна. Атомъ Сиріуса и атомъ земли—тожественны, и если существуютъ другіе міры съ инымъ пространствомъ и временемъ, то и тамъ Безсознательное одно и то-же. Формы бытія, функціи, явленія, имѣютъ феноменологическое значеніе и всеединства субстанціи не касаются. Отсюда первое общее отрицательное опредѣленіе Безсознательнаго: „Всеединое недѣлимо и непространственно". Недѣлимо оно, такъ какъ—одно, а непространственно, такъ какъ оно само ставитъ пространство: представленіе идеальное, воля, реализирующая представленіе, реальное (пространство). Или въ положительной формѣ опредѣленіе гласитъ: „Безсознательное есть всеединое (Alleine Unbewusste), всеобнимающій индивидуумъ, абсолютный индивидуумъ, индивидуумъ κατ' ἐξοχήν". Только оно живетъ и господствуетъ истинно, преломляясь во мнѣ, „только солнце сіяетъ вѣчно, играя въ облакахъ" [1]. Съ другой стороны доказано, что вся дѣятельность Безсознательнаго предполагаетъ существованіе у него безсознательной воли и безсознательнаго представленія и безъ этихъ двухъ аттрибутовъ не объяснима. Не повторяя здѣсь сказаннаго, мы просто заключаемъ: „въ Безсознательномъ воля и представленіе связаны въ нераздѣльномъ единствѣ, (такъ что) оно не можетъ ни желать того, чего не представляетъ, ни представлять того, чего не желаетъ". Вотъ второе опредѣленіе природы Безсознательнаго: воля и представленіе—реальные аттрибуты Всединаго. Воля есть existentia міра, его „Dass" (реальный принципъ); представленіе—essentia міра, Was und Wie, (идеальный принципъ) [2]).

А. Кириловичъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Philos. II, 156, 172—173; ср. Neukant. 308, 316; Phänom. d. sittl. Bewus. 777—779 s.s.

[2]) Philos. II, 10—11 s.s. ср. Neukant. 308 s.

РАЗБОРЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ

ПРОТИВЪ ТЕИЗМА.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Между многими произведеніями Д. С. Милля, автора извѣстной „Системы Логики“, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе его небольшая книжка „Опыты о религіи“. Изданная уже по смерти автора, эта книжка составляетъ какъ бы завершеніе его философскихъ взглядовъ—послѣднее слово человѣка, вся жизнь котораго была посвящена глубокимъ философскимъ изысканіямъ. Отсюда понятна ея важность. Но значеніе опытовъ Милля этимъ не ограничивается. Въ нихъ подвергается разбору такой вопросъ, который никогда не переставалъ и не перестанетъ тревожить человѣческіе умы и который съ особенной настойчивостью выдвигаетъ впередъ современная жизнь и наука, это вопросъ о религіи, какъ рѣшается онъ въ Теизмѣ. Богъ, вѣра и безсмертіе, или разумъ, сомнѣніе и отчаяніе, вотъ дилемма, въ которой бьется современная мысль и жизнь и различныя рѣшенія которой составляютъ любимые мотивы многихъ теперешнихъ художниковъ—писателей, являющихся выразителями общественнаго настроенія. О тѣхъ же самыхъ предметахъ разсуждаетъ Милль въ своихъ опытахъ; такимъ образомъ, заключая въ себѣ рѣшеніе одного изъ самыхъ выдающихся вопросовъ времени, они какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ потребностямъ минуты.

Отрицательное отношеніе къ Теизму и достоинства Милля,

какъ философа и писателя, дѣлаютъ его книгу особенно важной для богословской науки. Кто дастъ себѣ трудъ хотя поверхностно познакомиться съ главнѣйшими сочиненіями Милля, тотъ едва-ли станетъ отрицать могучую силу его ума. Ничто не можетъ сравняться ни съ глубиной его анализа, ни съ широтой взгляда; трудно также найти перо, которое превосходило-бы его ясностью и отчетливостью. Его необыкновенно изощренная логика, его чуткая и тонкая мысль сквозитъ не только въ цѣлыхъ отдѣлахъ его произведеній, но даже въ каждомъ періодѣ, въ каждомъ предложеніи. Эти неоспоримыя достоинства Милля давно уже доставили ему громкую извѣстность и вполнѣ заслуженное мѣсто въ ряду почетнѣйшихъ умовъ всѣхъ временъ. Человѣкъ съ такою блестящей философской репутаціей считаетъ Теизмъ несостоятельнымъ ученіемъ и отвергаетъ всѣ его главнѣйшія положенія. Такъ какъ это ученіе составляетъ глубочайшее философское основаніе христіанской вѣры, то Опыты Милля угрожаютъ ей двойной опасностью. Съ одной стороны своими возраженіями они стремятся набросить тѣнь на ея философскую, научную состоятельность; съ другой могутъ значительно повредить ей однимъ философскимъ именемъ автора. Въ самомъ дѣлѣ, не каждый способенъ по достоинству оцѣнить доводы Милля, не каждый въ состояніи отличить строгій научный выводъ отъ его лишь наружнаго подобія. Напротивъ для многихъ достаточно одного только имени Милля, чтобы вполнѣ преклониться предъ его авторитетомъ и безъ дальнѣйшихъ разсужденій отвергнуть то, что, по его мнѣнію, не выдерживаетъ критики. Вслѣдствіе этого та богословская наука, которая ставитъ своей задачей защитить философскую непогрѣшимость христіанскаго вѣроученія, необходимо, должна обратить вниманіе на книгу Милля и подвергнуть ея положенія наитщательнѣйшему разбору, старательно выставляя на видъ всѣ важнѣйшіе промахи и ошибки, скрывающіеся во многихъ произведеніяхъ Милля, преимущественно же въ его богословскихъ разсужденіяхъ. Предпринимая такой трудъ, мы, кажется, имѣемъ полное право заключить, что онъ можетъ притязать на неоспоримое богословское значеніе.

Спрашивается: по силамъ ли автору этотъ трудъ? Быть мо-

жетъ, требуется владѣть не заурядными способностями, чтобы вызывать на состязаніе умъ, которому принадлежитъ въ наукѣ и исторіи такое высокое мѣсто? Разумѣется, всякій обязанъ по достоинству оцѣнить Милля; но его величіе не должно смущать критическую мысль. Независимо отъ того, что errare humanum est, опытамъ Милля не достаетъ весьма многихъ изъ тѣхъ качествъ, которыми отличаются другія его произведенія. Въ нихъ нѣтъ ни той основательности и глубины, которыя замѣчаются, напримѣръ, въ его логикѣ, ни той подавляющей силы ума, которую обнаруживаютъ вообще его большіе труды. Многія мѣста опытовъ написаны положительно безъ прежней вдумчивости и носятъ на себѣ явные слѣды спѣшной торопливой работы. Это отчасти находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что опыты о религіи вышли въ свѣтъ уже послѣ смерти Милля и— какъ знать—быть можетъ, противъ воли автора. Одинъ нашъ отечественный писатель (Гончаровъ) печатно просилъ не обнародовать по его смерти вещей, какія не были къ тому назначены имъ самимъ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ есть опасность предложить вниманію общества вещи или несовершенныя, недоконченныя, или же прямо такія, которыя могутъ въ невыгодномъ свѣтѣ выставить имя писателя. Нельзя конечно съ увѣренностью сказать, что съ Миллемъ случилось то, чего опасался Гончаровъ; между тѣмъ есть основаніе думать, что если бы изданіе Опытовъ происходило при жизни Милля, т. е., подъ его непосредственнымъ руководствомъ, то мы прочитали бы въ нихъ нѣчто болѣе связное, болѣе обработанное и основательное. Милль не любилъ не только печатать, но даже и просто говорить о томъ, чего онъ не успѣлъ еще обставить достаточными съ его точки зрѣнія доводами. А это какъ разъ и случилось съ большей частью его Опытовъ. Только первый отдѣлъ ихъ, „Природа", написанъ съ обычнымъ философскимъ тактомъ; за то прошло цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ авторъ рѣшилъ выпустить его въ свѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, остальныя части Опытовъ прошли бы не менѣе строгій искусъ, если бы Милль самъ издавалъ ихъ. Но теперь онѣ являются не столько вполнѣ выдержаннымъ и тщательно провѣреннымъ философскимъ произведеніемъ, сколько плодомъ до-

суга, который съ пользой старался употребить авторъ въ промежутки среди своихъ ученыхъ занятій. Онѣ, по свидѣтельству издателя, скорѣе показываютъ „послѣднее состояніе его духа“, чѣмъ служатъ результатомъ научныхъ соображеній, есть вѣрованія, убѣжденія, а не твердо установленныя или *научно* доказанныя положенія. Все это дѣлаетъ борьбу съ Миллемъ не столь затруднительной и не такъ страшной, какъ то можетъ показаться съ перваго взгляда, когда произнесено одно лишь имя противника, хотя и значащее много, но, какъ оказывается, не всегда.

Въ нашей богословской литературѣ были уже опыты систематическаго опроверженія религіозныхъ взглядовъ знаменитаго англійскаго философа. Таково сочиненіе о. Городцева: „Религіозныя воззрѣнія Милля“. Но этотъ трудъ представляетъ не совсѣмъ удовлетворительный разборъ ученія названнаго мыслителя, а потому и не исключаетъ новыхъ попытокъ въ томъ же родѣ. Съ своей стороны мы укажемъ въ немъ слѣдующіе промахи:

1) Въ сочиненіи о. Городцева не выдержанъ собственный планъ. Авторъ оставляетъ безъ отвѣта цѣлыхъ четыре вопроса, по числу четырехъ доказательствъ бытія Божія въ системѣ Милля. Эти отвѣты должна была бы представить III глава второго отдѣла, который посвященъ изложенію религіозныхъ воззрѣній Милля; слѣдовало подробно и основательно разобрать „доказательства бытія Божія отъ внутренняго и внѣшняго опыта“ (стр. 47),—какъ называетъ ихъ англійскій мыслитель. Между тѣмъ этого не сдѣлано. О. Городцевъ ограничивается одними побочными указаніями на взгляды Милля по названному предмету, обращая главное свое вниманіе на сравнительное достоинство четырехъ признанныхъ доказательствъ бытія Божія.

2) Въ ущербъ для ясности, въ изложеніи о. Гордцева ученіе Милля безъ нужды загромождается собственными замѣчаніями автора; причемъ съ непонятною цѣлью поднимается рѣчь о мыслителяхъ, не имѣющихъ къ Миллю, а главное—къ прямой задачѣ труда, никакого отношенія, (напр., о Штраусѣ, стр. 55). Благодаря этому во всемъ второмъ отдѣлѣ книги о. Городцева, занимающемъ 56 страницъ, образовался посторонній грузъ въ цѣлыхъ 15 страницъ; самое же развитіе Милле-

вой критики доказательствъ бытія Божія лишь затронуто и недостаточно выдѣлено.

3) Не выдѣливъ и не уяснивъ важнѣйшей части религіозной философіи Милля, о. Городцевъ естественно написалъ неполный и безцвѣтный разборъ ея. Неполный потому, что многое, какъ уже сказано, опущено изъ Миллевой критики доказательствъ бытія Божія; безцвѣтный потому, что, имѣя дѣло только съ нѣкоторыми частями религіозной философіи Милля и оставивъ безъ вниманія ея важнѣйшія основанія, онъ, по необходимости, говоритъ о Миллѣ только кое-что; значитъ, въ его изложеніи философія Милля урѣзана, лишена собственнаго, присущаго ей цвѣта.

4) О. Городцевъ почему-то не счелъ нужнымъ заняться подробнымъ изложеніемъ и критикой новаго ученія Милля о религіи „всечеловѣчества", тогда какъ это ученіе и составляетъ собственно положительную и самую оригинальную часть его религіозной философіи. Критика доказательствъ бытія Божія и другихъ положеній Теизма предпринята Миллемъ съ цѣлью опровергнуть самыя основныя утвержденія разбираемой имъ системы, это является у него подготовленіемъ къ тому рѣшительному выводу, что религія Теизма должна быть отвергнута и замѣнена новой религіей всечеловѣчества. Такимъ образомъ новое ученіе, съ которымъ выступаетъ Милль, есть какъ бы завершеніе всей предыдущей, чисто критической части его труда и потому оно заслуживаетъ такого же, если еще не большаго вниманія къ себѣ, какъ и послѣдняя. Но о. Городцевъ довольствуется однимъ лишь скользкимъ упоминаніемъ о немъ

5) Самая критика, которой подвергаетъ о. Городцевъ затронутыя имъ мысли Милля, заставляетъ желать многаго и не всегда служитъ къ пользѣ отстаиваемаго имъ ученія. Нужно помнить, что Милль тонкій и прославленный мыслитель; поэтому преніе съ нимъ слѣдуетъ вести весьма осторожно, обдуманно и никоимъ образомъ не покидать почвы строгой логики, иначе можно сильно повредить Теизму, противопоставивъ проницательному Миллю плохую защиту его. Критику о. Городцева можно упрекнуть въ слѣдующихъ недостаткахъ. А) Онъ очень часто голословенъ. Примѣромъ могутъ служить стра-

ницы: 49, 50, 51, 56, 61, 62 и др. В) Онъ не обратилъ вниманія на ученіе Милля о познаніи, а между тѣмъ въ критикѣ Теизма основныя начала его гносеологіи имѣютъ весьма существенное значеніе. Напримѣръ, однимъ изъ главныхъ возраженій противъ доказательствъ бытія Божія (за исключеніемъ доказательства на основаніи цѣлесообразнаго устройства природы) служитъ у Милля то, что они построены по методу a priori, а это противорѣчитъ его основному воззрѣнію на познаніе. Не разобравъ гносеологіи Милля и не установивъ твердыхъ понятій по этому предмету, о. Городцевъ не имѣлъ собственно ни права, ни основанія, оспаривать религіозную философію своего противника. Его доводы противъ возраженій Милля опираются на такія гносеологическія начала, которыхъ вовсе не раздѣляетъ противникъ, вслѣдствіе чего они теряютъ всякую научную силу (см. стр. 47, 48 и д.) С) Въ большинствѣ случаевъ о. Городцевъ упустилъ изъ вниманія *логическую схему* Миллевыхъ построеній, уклонился отъ нея и написалъ не разборъ воззрѣній Милля, а скорѣе изложилъ свои мысли по поводу его сужденій или затронутыхъ имъ вопросовъ и предметовъ. При этомъ онъ всюду остается вѣрнымъ своей привычкѣ говорить безъ доказательствъ, въ изобиліи снабжая рѣчь словами „долженъ", „должно". Послѣдній недостатокъ особенно даетъ себя чувствовать въ виду того, что Милль всегда старается *доказать* свою мысль, а не ограничивается ея безапелляціоннымъ заявленіемъ. Уклоненіе отъ логической Миллевой схемы вовлекло, затѣмъ, о. Городцева въ не совсѣмъ нужныя подробности объ образованіи жизни на землѣ, о происхожденіи человѣка, объ извращеніи его нравственной природы и послѣдствіяхъ этого извращенія и пр. Разумѣется, нельзя сказать, чтобы эти предметы совсѣмъ не касались основной задачи автора; но во всякомъ случаѣ они составляютъ второстепенныя, такъ сказать, служебныя части его труда, поэтому совершенно не заслуживаютъ того широкаго мѣста, какое отводитъ имъ о. Городцевъ. Они такъ несоразмѣрно велики, что не только превышаютъ главныя части его книги, но почти совсѣмъ подавляютъ ихъ.

Нами было положено усиленное стараніе—воспользоваться,

какъ только можно, урокомъ, извлеченнымъ изъ чтенія книги о. Городцева, и избѣжать замѣченныхъ въ ней недостатковъ.

ГЛАВА I.

Изложеніе ученія Теизма и параллельно съ нимъ религіозныхъ положеній Милля.

По ученію теизма, все существующее распадается на двѣ части: одна часть составляетъ бытіе тварное, другая — бытіе несотворенное. Послѣднее послужило творческой причиной первому. Но бытіе сотворенное зависитъ отъ своей причины не по одному происхожденію, — безъ нея невозможно было бы и самое продолженіе его существованія. Эта причина, сама по себѣ едина, потому что, будучи свободной отъ пространственныхъ и временныхъ опредѣленій, она не подлежитъ дѣленію на части; она также единственна, потому что нѣтъ другой такой причины. Кромѣ указанныхъ свойствъ ей принадлежатъ еще слѣдующія: 1) она безпредѣльна, значитъ, не можетъ быть меньше никакой мѣрки, отсюда она не имѣетъ никакихъ недостатковъ, иначе говоря—всесовершенна; 2) она самобытна, 3) независима; 4) неизмѣрима и вездѣ присуща, 5) вѣчна, 6) неизмѣняема. По отношенію къ бытію тварному она проявляется, какъ всемогущій, всевѣдущій, премудрый, безусловно свободный, всесвятой, всеблагій, совершенно правдивый и, наконецъ, безусловно правосудный или справедливый дѣятель. По своему существу такая причина есть Духъ. Имя ей—Богъ.

Главными средствами къ убѣжденію въ существованіи первопричины бытія или Бога почитаются слѣдующія четыре доказательства: a) космологическое, b) онтологическое, c) нравственное и d) телеологическое. Первое доказательство находитъ необходимымъ для міра, т. е. той части бытія, которая считается тварной, указать общую первопричину и такой первопричиной признаетъ Бога.

Второе доказательство считаетъ невозможнымъ, чтобы находящаяся въ нашемъ умѣ идея Бога съ означенными выше свойствами Его, не соотвѣтствовала чему-либо внѣ насъ существующему, не имѣла бы своего объекта.

Доказательство нравственное принимаетъ дѣйствительное существованіе Бога на основаніи присущаго человѣческому духу нравственнаго закона и идеи возмездія, что, по ученію теизма, необходимо требуетъ для своего объясненія и даже проявленія именно существованія того высочайшаго существа, которое мы называемъ Богомъ.

Послѣднее доказательство исходитъ отъ понятія о цѣлесообразномъ устройствѣ сотвореннаго бытія и почитаетъ невозможнымъ, чтобы это устройство не было обязано своимъ возникновеніемъ причинѣ, при существованіи которой оно только и понятно, только и объяснимо.

Если бы всѣ поименованныя доказательства удовлетворительно достигали своей цѣли, то положенія теизма можно было бы признать за научно неопровержимыя, истинныя, а теизмъ теоремой, не только правильно объясняющей существующее, но и вполнѣ вѣрно, въ научномъ отношеніи—точно его воспроизводящей. Тогда онъ заслуживалъ бы точно такого же отношенія къ себѣ, какъ и всякая другая наука, предметъ которой не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и положенія которой суть единственно возможныя словесныя формулы для выраженія дѣйствительнаго (объективнаго) порядка вещей. По мнѣнію многихъ мыслителей, теизмъ заключаетъ въ себѣ полную объективную истину. Но признаніе это не должно ограничиваться одной теоретической стороной,—теизмъ обнимаетъ собой и многія практическія послѣдствія, которыя также составляютъ его неотъемлемую принадлежность. Коль скоро положеніе: „Богъ несомнѣнно существуетъ“ признано нами истиной, эта истина не остается просто холоднымъ, такъ сказать, безучастнымъ или безстрастнымъ убѣжденіемъ ума,—нѣтъ: она вызываетъ съ нашей стороны живое отношеніе къ тому предмету, котораго касается, т. е., къ Богу,—живое отношеніе, иначе говоря: вызываетъ въ насъ рядъ потребностей, а потомъ, какъ ихъ показателей, рядъ чувствованій, носителемъ которыхъ является нашъ духъ, а причиной, ихъ вызывающей, или цѣлью къ которой они тяготѣютъ,—Богъ. Но живое отношеніе не ограничивается лишь порывами съ нашей стороны; Богъ, какъ Духъ, т. е., какъ бытіе, исполненное жизни, не остается замкнутымъ,

въ отвѣтъ на наши потребности Онъ также обнаруживаетъ Себя, и это обнаруженіе приспособляется какъ къ чувствамъ нашимъ, такъ равно и къ пониманію. Отсюда возникаетъ Откровеніе,—рядъ непосредственно данныхъ Богомъ истинъ, которыя мы принимаемъ, какъ безусловно вѣрныя, и обязаны принять, потому что Богъ есть истина.

Изъ откровенія мы узнаемъ ту важную истину, что человѣкъ состоитъ не изъ одного смертнаго тѣла, но также и изъ безсмертнаго духа. Этотъ духъ обладаетъ вѣчнымъ существованіемъ, второй безконечный періодъ котораго начнется для него за гробомъ. Тамъ же за гробомъ каждаго человѣка ожидаютъ награды или наказанія, сообразно тому, какъ проведена имъ жизнь до смерти—нравственно или противонравственно.

Изъ двухъ указанныхъ источниковъ нашего духа и дѣйствій на него со стороны Бога — и образуется религія. Такъ какъ это взаимодѣйствіе касается двухъ важнѣйшихъ способностей духа—разума и чувства, то религія Теизма представляетъ собой съ одной стороны рядъ теоретическихъ истинъ, съ другой— она выражаетъ живую нравственную связь человѣка съ Богомъ. Здѣсь необходимо отмѣтить одну очень важную особенность. Хотя теистическая религія частію и заключаетъ въ себѣ положенія теоретическія, однако она имѣетъ не разсудочный характеръ, она обязана не усиліямъ мысли подыскивать изучаемымъ явленіямъ причину, объясненіе, она не придумывалась и не придумывается, а есть рядъ такихъ состояній духа (ума, чувства и воли), которыя сами собой возникаютъ въ немъ въ силу неизмѣнной, всегда присущей ему потребности съ одной стороны и также неизмѣннаго дѣйствія на него Божества—съ другой. То, что пріобрѣтается разсудкомъ, имѣетъ случайное происхожденіе. Ученыхъ, а тѣмъ болѣе, напримѣръ, спеціалистовъ можетъ и не быть; но людей безрелигіозныхъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ извѣстно, не существуетъ. Далѣе, религію Теизма слѣдуетъ назвать еще религіей сверхъестественнаго, поскольку одинъ изъ ея источниковъ лежитъ за предѣлами тварнаго (естественнаго) порядка вещей, затѣмъ религіей сверхчувственнаго, поскольку ея вѣрованія касаются предметовъ, не подлежащихъ воспріятію чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ.

Имѣя главными условіями своего возникновенія дѣйствіе Божества на человѣческій духъ и воспріятіе послѣднимъ этого дѣйствія, религія, раскрываемая Теизмомъ, должна по необходимости составлять явленіе непрерывающееся во времени и повсемѣстное въ пространствѣ. Она прекратила бы свое существованіе только въ томъ случаѣ, если бы исчезъ человѣческій духъ и пересталъ дѣйствовать на него Богъ; но ни то, ни другое невозможно, потому что Богъ и человѣческій духъ суть субстанціи вѣчныя. Такимъ образомъ, когда бы и гдѣ бы ни встрѣчался человѣкъ, онъ всегда и всюду принесетъ съ собой и религію; въ исторіи народовъ не можетъ быть ни одного мгновенія времени, въ которое отсутствовала бы религія, не можетъ быть ни одного населеннаго людьми мѣста, гдѣ бы не стоялъ жертвенникъ. Все это показываетъ, что религія по необходимости есть явленіе всеобщее. При томъ, такъ какъ человѣческій духъ долженъ представлять такое устройство, которое не препятствовало бы дѣйствію на него Божества, а напротивъ оказывалось способнымъ къ воспріятію этого дѣйствія, то выходитъ, что религіозное сознаніе составляетъ неотъемлемую принадлежность нашего духа, есть требованіе, неизмѣнное свойство самой его природы. Отсюда, кто дастъ полную свободу этой потребности, не будетъ противодѣйствовать своему религіозному чувству, намѣренно стѣснять или подавлять его, тотъ исполнитъ одинъ изъ основныхъ законовъ своей духовной природы; наоборотъ, кто станетъ задерживать его, почитать его неосновательнымъ, нелѣпымъ, не заслуживающимъ вниманія, тотъ окажется нарушителемъ названнаго закона, т. е., его дѣйствіе будетъ противоестественнымъ, будетъ извращеніемъ природы духа, что неизбѣжно поведетъ за собою страданіе (здѣсь на землѣ и потомъ за гробомъ). Итакъ существованіе Бога, какъ Первопричины міра, Его свойства, какъ Духа и Творца, и наконецъ человѣческій духъ, въ его отношеніи къ Богу,—вотъ предметы, которыхъ касаются основныя и наиболѣе общія истины откровенной религіи.

Выше сказано, что эти истины не составляютъ результата чисто разсудочнаго (раціональнаго) познанія. Тѣмъ не менѣе ихъ можно доказывать, т. е., приводить въ пользу ихъ основанія,

такъ какъ, подобно всякимъ другимъ истинамъ, въ нихъ можно сомнѣваться и затѣмъ составлять о нихъ правильныя или ложныя понятія. Основанія въ пользу истинъ религіи могутъ быть двоякаго рода: или они заимствуются изъ прямого свидѣтельства Откровенія, тогда они входятъ въ содержаніе догматики, или же почерпаются изъ раціональныхъ соображеній. Въ последнемъ случаѣ они разсматриваются съ точки зрѣнія противорѣчія или соотвѣтствія началамъ разума,—они отвергаются, если доказывается первое, и принимаются, если доказывается второе. Систематическое изложеніе такого рода доводовъ составляетъ чисто философское ученіе—Теизмъ. Теперь спрашивается: въ состояніи-ли выдержать критику это ученіе? Милль находитъ, что нѣтъ; подвергая разбору всѣ основныя положенія Теизма, касающіяся Бога, человѣческаго духа и ихъ взаимнаго отношенія, т. е., религіи, онъ старается доказать, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ подъ собой твердаго научнаго основанія. Свои религіозно-философскія соображенія Милль изложилъ въ книгѣ: „Опыты о религіи (Essais sur la religion)". Воспроизведемъ его взгляды въ разсужденіяхъ не многословныхъ, но достаточно полныхъ, чтобы не упустить главнаго и существеннаго.

Намѣреваясь испытать состоятельность Теизма, Милль разсматриваетъ его, какъ (научную) теорему, т. е., подвергаетъ анализу тѣ доказательства, которыя составляютъ его основанія. Съ этой цѣлью Милль ставитъ себѣ слѣдующіе вопросы: „доказываетъ ли что нибудь Теизмъ? какой природы его доказательства? сколько вѣсятъ они, будучи положены на вѣсы науки"? (Essais, p. 128).

Такъ какъ одну изъ важнѣйшихъ частей доказательствъ составляетъ методъ ихъ построенія, то Милль начинаетъ свою критику Теизма ученіемъ о методѣ. Единственно возможнымъ способомъ для отысканія истины, а слѣдовательно—и для построенія доказательствъ, онъ почитаетъ апостеріорныя заключенія, при чемъ методъ противоположный—апріорный отвергается имъ, какъ противонаучный, хотя ему и часто отводится, по его словамъ, мѣсто въ разсужденіяхъ съ мнимыми научными достоинствами. Философъ обязанъ разборчиво относиться

къ методамъ, и его предпочтеніе должно быть отдано, конечно, методу a posteriori, который требуетъ, чтобы всякія научныя заключенія составлялись „сообразно фактамъ и аналогіямъ, доставленнымъ человѣческимъ опытомъ“ [1]). Этимъ методомъ построено доказательство на основаніи цѣлесообразности. Противоположный методъ заключаетъ „отъ идей и убѣжденій духа къ внѣшнимъ объективнымъ фактамъ“ [2]); онъ ложенъ въ въ самомъ основаніи. Его научная непригодность доказывается уже тѣмъ однимъ, что онъ дѣлаетъ многія важныя заимствованія у метода a posteriori, но заключаетъ изъ нихъ—„больше, нежели можно“ [3]). Такимъ именно смѣшаннымъ методомъ ведется первое доказательство бытія Божія, покоющееся на широкомъ опытномъ основаніи. Милль выражаетъ его слѣдующимъ образомъ: „все, что мы знаемъ, имѣетъ свою причину и одолжено своимъ существованіемъ этой причинѣ,—какъ, слѣдовательно, можетъ быть, чтобы міръ, который есть не что иное, какъ названіе (имя) аггрегата всѣхъ познаваемыхъ нами вещей, не имѣлъ причины, которой онъ одолженъ былъ бы своимъ существованіемъ“? [4])

Это доказательство смѣшиваетъ, по Миллю, двѣ вещи: измѣняющійся элементъ мірового порядка и неизмѣнный. Первый, распадаясь на рядъ явленій, дѣйствительно можетъ быть разсматриваемъ въ видѣ цѣпи причинъ и слѣдствій: каждое явленіе непремѣнно приводитъ къ предположенію своей причины, которою для него можетъ быть только такое же явленіе. Что же касается неизмѣннаго элемента міра, то причинность, такъ понимаемая (а иначе понимать ее нельзя), на него не простирается. Слѣдовательно, приписавъ неизмѣнному элементу безпричинность, мы не станемъ противорѣчить обобщенію, которое основано на однихъ лишь опытахъ надъ измѣняющимся элементомъ. Далѣе, такъ какъ причинная зависимость наблюдается только между явленіями и причиной ихъ бываютъ также явленія, то выходитъ, что какъ причины, такъ

[1]) Ibidem. 129.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. 131.
[4]) Ibid. 131.

и слѣдствія не выступають изъ области явленій, иначе говоря, явленія „причиняются сами собой". Отсюда слѣдуетъ, что идея причинности, какъ „она существуетъ въ предѣлахъ нашего познанія, не примирима съ перво-причиной" [1]), которая, очевидно, отлична отъ явленій. Эти доводы значительно уже подрываютъ силу разбираемаго доказательства, потому что, какъ оказывается, нѣтъ основанія признать существованіе самостоятельной, отдѣльной Первопричины міра. Но доказательство падетъ окончательно, если предположить, что въ самихъ причинахъ есть постоянный, безначальный элементъ. Если этотъ элементъ дѣйствительно существуетъ, тогда справедливо будетъ назвать его первопричиной, которая входитъ „сопричиной во всякую причину, хотя бы ея одной и не было достаточно для причиненія чего бы то ни было" [2]). Такое заключеніе какъ разъ и согласуется съ тѣми результатами, которыхъ достигли совокупныя усилія физическихъ наукъ. Эти результаты показываютъ, что въ кругу физическихъ явленій, т. е., измѣняющагося элемента вселенной, всегда остается одно и то-же неизмѣнное количество силы, -количество, никогда не убывающее и не прибывающее. „Сила нераздѣльна по своему существу; въ природѣ существуетъ опредѣленное количество ея,.... она никогда не возрастаетъ и не уменьшается" [3]). Ей принадлежатъ всѣ признаки вѣчнаго, несозданнаго дѣятеля. Она, такимъ образомъ, и должна быть признана, по Миллю, единственнымъ неизмѣннымъ элементомъ, отъ котораго, какъ первопричины, могутъ быть поставлены въ зависимость всѣ остальныя (феноменальныя) причины.

Итакъ Милль находитъ дѣйствительную постоянно—неизмѣнную первопричину міра—Силу; впослѣдствіи онъ прибавляетъ къ ней еще Матерію [4]) и этимъ заканчиваетъ дѣло, утверждая, что иного вывода нельзя получить изъ данныхъ опыта.

Но не есть ли первопричина всего Воля? не слѣдуетъ ли затѣмъ предположить, что міръ созданъ Духомъ Творцомъ,

---

[1]) Ibid. 133.
[2]) Ibid. 134.
[3]) Ibid. 134.
[4]) Ibid. 142.

такъ какъ въ немъ существуютъ духи - твари, которые, въ свою очередь, также нуждаются въ объясненіи? На оба эти вопроса Миллъ отвѣчаетъ отрицательно. Если бы, какъ думаетъ онъ, Воля была первопричиной, она была бы единственнымъ предшествующимъ (антецедентомъ) всѣхъ наполняющихъ міръ явленій. А между тѣмъ, по свидѣтельству опыта, она сама обусловливается силой. Проявленіе воли мы наблюдаемъ только въ животныхъ организмахъ; но кто не согласится, что не будь физико-химическихъ видоизмѣненій Силы въ этихъ организмахъ, воля осталась бы мертвымъ дѣятелемъ. Воля Силы не создаетъ, напротивъ сама зависитъ отъ нея. Не создавая Силы, воля не одна создаетъ и передвиженія (трансформаціи) ея,—такъ что міръ самобытенъ не только по своимъ основнымъ элементамъ, но и порядокъ его, устройство или космосъ не могутъ быть поставлены въ исключительную зависимость отъ Воли. Если бы даже и были основанія допустить, что Воля, сама по себѣ, способна „освобождать" такъ называемую „скрытую" силу и тѣмъ приводить ее въ дѣйствіе, то надо замѣтить, что точно такою же способностью обладаютъ и нѣкоторые извѣстные намъ естественные дѣятели. „Напримѣръ, химическое дѣйствіе, электричество, теплота, одно присутствіе притягивающаго тѣла суть такія же причины механическаго движенія и притомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ любое изъ хотѣній, какія намъ представляетъ опытъ" [1]). Стало быть, космосъ можетъ существовать и помимо Воли. Правда, при этомъ еще остается возможность утверждать, что воля сама по себѣ есть безпричинный дѣятель, хотя въ своихъ проявленіяхъ она и нуждается въ силѣ. Но точно то же слѣдуетъ сказать и о свойствахъ матеріи, которыя, какъ показываетъ опытъ, никогда не уничтожаются; они присутствуютъ всегда и всюду и суть поэтому безпричинные, вѣчные дѣятели.

Столь же мало удовлетворительна, по Миллю, и теорія Духа—Создателя. Ежели, предполагая его, желаютъ объяснить существованіе духовъ—тварей, то не достигаютъ такимъ предположеніемъ ровно ничего; вопросъ тутъ не рѣшается, а

---

[1]) Ibid. 137.

лишь какъ бы отсрочивается, переносится изъ одной области въ другую. „Духъ—Творецъ такъ-же, какъ и духъ сотворенный, имѣетъ нужду въ другомъ духѣ, который былъ бы источникомъ его собственнаго существованія“ [1]). Кромѣ того, о Духѣ Творцѣ мы не имѣемъ никакого прямого познанія, тогда какъ на сторонѣ Силы и Матеріи и въ этомъ отношеніи полное преимущество, онѣ суть несомнѣнныя данныя опыта. Духъ—Творецъ является не болѣе, какъ гипотезой, которая можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока въ достаточной мѣрѣ уясняетъ то, для чего она придумана. Между тѣмъ въ разсматриваемомъ случаѣ эта цѣль не достигается, слѣдовательно и самая гипотеза негодна. Отвергая Духа—Создателя, мы лишаемся, конечно, причины, уясняющей появленіе на землѣ человѣческаго рода, которое, какъ есть всѣ основанія предполагать, произошло въ опредѣленное время. Но этимъ не долженъ смущаться нашъ умъ. Человѣкъ, со всей его организаціей, а слѣдовательно и духомъ, есть произведеніе низшихъ силъ природы. Въ опытѣ найдется не мало основаній, подтверждающихъ это. „Сколь благороднѣе и драгоцѣннѣе высшія животныя и растенія, чѣмъ, напримѣръ почва и удобреніе, на счетъ которыхъ послѣднія выростаютъ! Всѣ усилія современной науки направлены къ тому, чтобы сдѣлать извѣстнымъ, что въ природѣ какъ бы существуетъ общее правило, въ силу котораго существа низшаго порядка, путемъ развитія, переходятъ въ существа высшаго и тщательнѣйшая отдѣлка и высшая организація замѣняетъ низшую“ [2]).

Такимъ образомъ, на основаніи сказаннаго выходитъ, что не имѣютъ начала только Сила и Матерія, но не Духъ, что рядъ причинъ и слѣдствій, открываемыхъ нами опытомъ въ явленіяхъ, вовсе не приводитъ къ признанію первоначальнаго Хотѣнія или Воли, что нельзя предположить, будто Духъ причина конечныхъ, обусловленныхъ духовъ, что слѣдовательно, „міръ, въ силу одного своего существованія не есть свидѣтельство въ пользу бытія Божія“ [3]). *Доказательство первопричины гибнетъ.*

---

[1]) Ibid. 140.

[2]) Ibid. 141—142.

[3]) Ibid. 142.

Прежде чѣмъ перейти къ слѣдующему онтологическому доказательству, Милль особо разбираетъ доказательство — „общаго согласія человѣческаго рода“, какъ онъ его называетъ. Оно составляетъ собственно опытную часть онтологическаго доказательства, отвѣчая на возраженія противъ прирожденности идеи Бога нашему духу. Но Милль выдѣляетъ его и придаетъ ему самостоятельное значеніе.

Въ основѣ его, думаетъ Милль, лежитъ довѣріе къ авторитету—этому могущественному властелину, „который управляетъ мнѣніями человѣческихъ массъ“ [1]). Авторитетомъ является здѣсь во первыхъ, весь человѣческій родъ, во-вторыхъ, его наиболѣе выдающіеся и мудрѣйшіе представители. Изъ нихъ Милль называетъ слѣдующихъ: Сократа, Платона, Бэкона, Локкя, Ньютона, Декарта, Лейбница. Это, по словамъ Милля, „общепризнанные авторитеты, на которыхъ привыкли уже ссылаться“ [2]). Само собой понятно, что лицамъ, съ не достаточнымъ воспитаніемъ и не обладающимъ компетенціей, ничего не остается дѣлать, какъ слѣдовать мнѣнію авторитетовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ собственное мнѣніе было бы лишь смѣшнымъ притязаніемъ. „Но для человѣка мыслящаго доказательство, почерпнутое изъ мнѣнія другого, не имѣетъ большей силы“ [3]).

Впрочемъ это доказательство опирается на нѣкотораго рода аргументацію. Признаютъ, что въ нашемъ духѣ есть интуитивное воспріятіе (перцепція) или „инстинктивное чувство Бога“, что это чувство прирождено намъ потому, что вѣра въ Бога составляетъ всеобщое достояніе человѣческаго рода, и отсюда дѣлаютъ выводъ, что вѣра въ Бога необходимо истинна. Но, по мнѣнію Милля, этотъ аргументъ заключаетъ въ себѣ petitio principii. Правильность его вывода зависитъ отъ недоказаннаго предположенія, что „человѣческій духъ есть созданіе Бога, Который не хочетъ обманывать своихъ тварей“ [4]). Съ другой стороны непонятно, почему всеобщность вѣры въ Бога служитъ доказательствомъ, что она врождена нашему

---

[1]) Ibib. 143.
[2]) Ibid. 144.
[3]) Ibid. 144.
[4]) Ibid. 144—145.

духу? Напрасно также прибѣгаетъ Теизмъ къ такимъ невѣрнымъ средствамъ, для полученія своихъ выводовъ, каково разсматриваемое доказательство. Вѣдь у него подъ рукой есть опытныя основанія, правда далеко недостаточныя и мало достовѣрныя, но все же доставляющія нѣкоторые доводы по крайней мѣрѣ въ пользу вѣры въ устрояющій (организаторскій) Разумъ вселенной. Между тѣмъ доказательство согласія удаляется отъ этого болѣе прямого пути къ своей цѣли и предпочитаетъ менѣе вѣрныя средства. Въ этомъ случаѣ примѣромъ ему могли бы послужить тѣ самые высшіе умы, которыхъ доселѣ призываютъ во свидѣтели истины бытія Божія. Сократъ и другіе мыслители, высказывая свои убѣжденія, полагались не на то, что они находили „вѣрованіе въ себѣ самихъ, а приписывали его, если не откровенію, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторому метафизическому аргументу или же роду тѣхъ внѣшнихъ доказательствъ, которыя служатъ основаніемъ аргументу отъ плана“ [1]).

Но можно представить и прямые доводы противъ возможности возникновенія вѣры въ Бога изъ простого присутствія въ человѣческомъ духѣ идеи (перцепціи, чувства) Его. Такимъ доводомъ прежде всего служитъ фактъ, что даже вѣра дикарей есть обобщеніе изъ опыта, опирается на опытныя доказательства. „Вѣра дикарей, говоритъ Милль, есть грубое обобщеніе, придающее жизнь, сознаніе и волю всѣмъ естественнымъ силамъ, возникновенія которыхъ они не могутъ понять, а дѣйствій— контролировать. Божества, которымъ они вѣрятъ, такъ же многочислены, какъ и эти силы“ [2]). Здѣсь можно находить также основаніе и противъ допустимости самой мысли, будто возможно какое либо внутреннее (интуитивное) воспріятіе Божества. Едва ли кто увидитъ въ невѣжественныхъ вѣрованіяхъ дикарей „руку Высочайшаго Существа“ [3]), а между тѣмъ это именно и должно слѣдовать изъ предположенія, что человѣческому духу прирождено воспріятіе Божества. Наконецъ самый религіозный инстинктъ трудно считать всеобщимъ, а вѣру въ Бога присущей всѣмъ людямъ, вслѣдствіе чего становится сом-

[1]) Ibid. 145.
[2]) Ibid. 146.
[3]) Ibid. 146.

нительной и прирожденность идеи Бога нашему духу. Если бы, напримѣръ, мы видѣли не при помощи глаза, а путемъ какого нибудь другого процесса, то вѣдь существовала бы сильная вѣроятность противъ зрительнаго ощущенія, какъ прирожденной намъ способности. Точно такъ и здѣсь, возможность отрицательныхъ случаевъ, подрываетъ утвержденіе, будто идея Бога присуща человѣческой природѣ. Въ подтвержденіе послѣдней мысли могутъ пожалуй сослаться на невѣжественные классы цивилизованныхъ обществъ, но Милль возражаетъ, что эти классы вѣрятъ по подражанію людямъ образованнымъ, а вѣра послѣднихъ утверждается или на „такъ называемыхъ раціональныхъ доказательствахъ, или же на соображеніяхъ на основаніи явленій природы“ [1]).

Допускать существованіе религіознаго инстинкта тѣмъ болѣе излишне, что можно указать нѣсколько положительныхъ причинъ, прекрасно разъясняющихъ происхожденіе вѣры въ Бога. Таковы „реальные или кажущіеся факты“ [2]), т. е., дурно истолкованныя или неправильно понятыя явленія окружающаго міра. „Къ нимъ присоединяются еще эмоціональныя причины: напримѣръ, удовлетвореніе, которое доставляетъ религія касательно прошлаго человѣческой исторіи, надежды, какія возбуждаются въ будущемъ, страхъ; имѣетъ не малое значеніе и та громадная роль, какую играетъ вѣра въ сверхъестественное въ управленіи людьми“ [3]).

Итакъ, по Миллю оказывается, что 1) доказательство прирожденности вѣры въ Бога недостаточно само по себѣ, такъ какъ всеобщность признанія совсѣмъ не составляетъ основанія для заключенія о врожденности; 2) существуютъ прямые доводы противъ этого положенія. Вѣра дикарей есть выводъ изъ опыта; вѣра людей просвѣщенныхъ, которымъ подражаютъ невѣжды, также опирается на доказательства. Далѣе, вслѣдствіе отрицательныхъ случаевъ, теорія врожденности колеблется окончательно, а дѣйствительныя причины появленія религіи дѣлаютъ ее прямо излишней.

---

[1]) Ibid. 147.

[2]) Ibid. 148.

[3]) Ibid. 148.

Такимъ образомъ подъ рукой Милля падаетъ еще одно доказательство бытія Божія.

Онтологическое доказательство бытія Божія, называемое Миллемъ доказательствомъ отъ разума, построяетъ свои выводы также на основаніи апріорныхъ истинъ разума. Подобно двумъ предыдущимъ, оно ведетъ свои заключенія не при свѣтѣ опыта, какъ бы слѣдовало, но старается узнать Бога „изъ внутренняго свѣта", изъ „непосредственнаго воспріятія" [1]). Старинная форма этого доказательства была обязана своимъ возникновеніемъ Декарту. Онъ заключалъ, что идеѣ Существа всесовершеннаго, какимъ является Богъ, непремѣнно долженъ соотвѣтствовать внѣшній предметъ, потому что въ число совершенствъ входитъ и существованіе. Милль утверждаетъ, что доказательству Декарта никто не вѣритъ теперь; и оно дѣйствительно подвергалось исправленію со стороны Кузена и Гамильтона. Но теорія и этихъ мыслителей признается Миллемъ несостоятельной. Хотя они оба утверждаютъ, что способности всѣхъ людей устроены одинаково; однако, по ихъ же собственному увѣренію, убѣдиться въ этомъ нѣтъ никакой возможности. Имѣя въ себѣ какое либо воспріятіе, мы лишены всѣхъ средствъ доказать, что то же самое воспріятіе находится и въ духѣ другихъ людей. Вотъ почему, по словамъ Милля, „способность всеобщей интуиціи... есть не болѣе, какъ

Потайной фонарь духа,
Съ которымъ видитъ лишь тотъ, кто его носитъ" [2]).

И дѣйствительно, онтологическое доказательство давно уже опровергнуто Кантомъ. Онъ „прекрасно видѣлъ, что ни одинъ изъ аргументовъ, съ помощью которыхъ пытались отъ субъективнаго понятія о Богѣ заключать къ его объективной реальности", не можетъ считаться состоятельнымъ. Идея Бога, по Канту, построена по собственнымъ законамъ духа; она не вытекаетъ изъ внѣшняго опыта и въ этомъ смыслѣ прирождена намъ. Но никакими средствами нельзя обнаружить, чтобы эта идея „спекулятивнаго разума" имѣла внѣ человѣческаго духа соотвѣтствующій себѣ предметъ. Она есть лишь необходимый

[1]) Ibid. 150.
[2]) Ibid. 151.

постулятъ практическаго разума, внушается „реальностью нравственнаго закона". Нравственное повелѣніе предполагаетъ Существо, которое повелѣваетъ. Но, замѣчаетъ Милль, при этомъ еще не рѣшено, утверждалъ ли Кантъ, что бытіе такого Существа только „желательно", или—же, что оно необходимо. Въ послѣднемъ случаѣ заключеніе основывалось бы на двоякомъ смыслѣ слова „законъ". Изъ правила, которому мы повинуемся или должны повиноваться по чувству обязанности, вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно было выраженіемъ воли законодателя или законодателей, существующихъ внѣ нашего духа. Нравственная обязанность можетъ касаться того, что само по себѣ, по внутреннему свидѣтельству сознанія, способно вызывать чувство долга, внушать къ себѣ уваженіе; поэтому возможно предположить, что Богъ, издавая свое повелѣніе, скорѣе согласуется съ этимъ прирожденнымъ свойствомъ человѣческаго духа, только обращается къ нему, а „не создаетъ его" [1]). Вотъ почему чувство обязанности скорѣе исключаетъ вѣру въ Божественнаго Законодателя, разсматриваемаго, какъ источникъ обязанности. Есть много лицъ, которыя не имѣютъ никакой положительной вѣры въ Бога, однако теоретически вполнѣ признаютъ повиновеніе долгу, хотя, быть можетъ, при этомъ они и возносятъ свои мысли къ Богу, какъ просто только „идеальной концепціи" [2]). Такимъ образомъ существованіе Бога не есть дѣло необходимости,—его можно только желать. Но отъ того положительное признаніе бытія Божія ничуть не становится законнымъ выводомъ, такъ какъ въ основѣ его все таки будетъ заключаться неправильное утвержденіе: „все желательное истинно". Вотъ почему оптимизмъ, являющійся основаніемъ вѣры въ Бога, какъ Творца лучшаго изъ возможныхъ міровъ, есть „самая выдающаяся изъ спекулятивныхъ иллюзій" [3]).

Строгая критика Милля поражаетъ послѣднее изъ тѣхъ доказательствъ, которыя основываются на апріорныхъ заключеніяхъ; смѣшивая „желательное" съ дѣйствительнымъ, оно не можетъ имѣть никакой „объективной силы" [4]).

[1]) Ibid. 152.
[2]) Ibid. 153.
[3]) Ibid. 153.
[4]) Ibidem. 154.

Теперь остается только одно доказательство, основаніе которому почерпается уже цѣликомъ изъ данныхъ опыта. Устоитъ ли оно предъ неумолимой критикой Милля? Это доказательство формулируется у Милля такимъ образомъ: „вещи, которыя разумный духъ сдѣлалъ бы въ виду цѣли, имѣютъ своимъ характеромъ извѣстныя качества. Порядокъ природы или нѣкоторая громадная часть этого порядка представляютъ эти качества въ замѣтной степени. По этому великому сходству въ дѣйствіяхъ мы имѣемъ право заключать, что существуетъ сходство въ причинѣ, и полагать, что вещи, которыя человѣческія силы не въ состояніи произвести, но которыя подобны произведеніямъ человѣческимъ—во всемъ, исключая могущества, должны также быть дѣломъ разума, только снабженнаго большей силой, чѣмъ сила человѣка". Такую формулу доказательства Милль почитаетъ самой сильной.

Доказательство на основаніи цѣлесообразности можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ. Пока оно касается общаго подобія между явленіями природы и произведеніями человѣческаго ума, оно есть доказательство по аналогіи, т. е. принадлежитъ тому роду убѣжденій, которыя обладаютъ самою меньшею степенью основательности. Съ другой стороны, когда оно точно указываетъ, въ чемъ именно заключается сходство, указываетъ на самое свойство, въ которомъ сходятся сравниваемыя вещи,—оно обращается въ индуктивное доказальство или въ индуктивное умозаключеніе.

Какъ аналогія, разбираемое доказательство ниспадаетъ на самую низшую степень научной достовѣрности. Всякая аналогія способна сообщить лишь догадку, но никакъ не положительный строго-научный выводъ. Ея общее разсужденіе таково. Одна вещь сходна съ другой въ извѣстныхъ обстоятельствахъ А и В; стало быть она будетъ сходна съ ней и въ нѣкоторомъ третьемъ обстоятельствѣ С. Строгая индукція поступаетъ иначе; ея основное умозаключеніе состоитъ въ слѣдующемъ: вещь сходна съ другой въ обстоятельствахъ А и В; другими наведеніями дознано, что отъ А и В зависитъ третье обстоятельство С, стало быть первая вещь сходна со второй и въ этомъ третьемъ обстоятельствѣ (С). Различіе между пер-

вымъ и вторымъ заключеніемъ ясно, ясно также, что оно въ пользу второго. Аналогія можетъ быть сильной лишь тогда, когда случаи сходства достигаютъ весьма значительнаго количества. Но и тогда ея заключенія не станутъ въ рядъ съ выводами индукціи, они никогда не дадутъ полной научной достовѣрности.

Разсматриваемое со второй своей стороны данное доказательство возвышается нѣсколько надъ аналогіей, но и при томъ оно все таки далеко отъ совершенной индукціи. Въ качествѣ прямого сходства между явленіями природы и произведеніями ума оно указываетъ на признаки „приспособленія средствъ къ цѣли", встрѣчающіеся будто бы въ природѣ. Чтобы разсмотрѣть, на сколько состоятельна эта сторона доказательства, можно разобрать какой-нибудь частный случай цѣлесообразнаго устройства въ природѣ. Напримѣръ, можно остановиться на устройствѣ глаза. Утверждаютъ, что въ его устройствѣ несомнѣнно виденъ планъ и что поэтому глазъ могъ произойти только отъ разумной причины. „Къ какому классу индуктивныхъ доказательствъ принадлежитъ оно? и какова его сила?" [1]) По словамъ Милля, доказательство, приписывающее глазу цѣлесообразное устройство, основывается на самомъ ненадежномъ изъ числа четырехъ методовъ опытнаго изслѣдованія природы, именно на методѣ согласія. Выводы, добытые по этому методу, онъ почитаетъ самыми слабыми. Заключеніе объ устройствѣ глаза логически получается такимъ образомъ. Глаза сходны другъ съ другомъ въ томъ отношеніи, что, благодаря различнымъ ихъ частямъ и порядку въ расположеніи этихъ частей животное видитъ. Пока эти условія дѣйствуютъ, зрѣніе возможно. Въ случаѣ какого либо измѣненія въ нихъ, зрѣніе или совсѣмъ исчезаетъ, или повреждается. „Таково единственно замѣченное сходство, какое мы можемъ отыскать между различными частями (глазъ), кромѣ общаго сходства въ составѣ и организаціи другихъ частей животнаго". Но особое сочетаніе „органическихъ элементовъ" [2]), называемое глазомъ,

---

[1]) Ibid. 157.
[2]) Ibid. 158.

произошло въ опредѣленное время; слѣдовательно, оно непремѣнно зависѣло отъ какой либо причины или причинъ. Число случаевъ этого рода такъ велико, что его вполнѣ достаточно для устраненія возможности случайнаго столкновенія причинъ, или, говоря технически, —для исключенія случайностей". Такимъ образомъ мы, получаемъ право къ заключенію, что всѣмъ тѣмъ случаямъ, гдѣ встрѣчается зрѣніе, сопутствуетъ одна и та же причина, которая есть въ то же время какъ причина устройства глаза, такъ и причина зрѣнія,—между зрѣніемъ и причиной, соединившей въ глазъ элементы, существуетъ неразрывная, безусловная зависимость. Въ чемъ состоитъ эта причина? Ею, очевидно, не можетъ быть само зрѣніе, такъ какъ оно не предшествуетъ соотвѣтствующему устройству глаза, а слѣдуетъ изъ него. Другое дѣло, если мы назовемъ такою причиною „идею зрѣнія",—она, дѣйствительно, можетъ стать этой causa efficiens глаза. Но тогда потребуется уже воля разумнаго существа, чтобы возможно было не только появленіе идеи, а и самое ея осуществленіе. Итакъ, глазъ созданъ разумнымъ дѣятелемъ. Однако этотъ выводъ не единственный. На ряду съ разумной причиной, вслѣдствіе которой устройство глаза приспособлено къ зрѣнію, можно указать еще другую, что теперь многими мыслителями и дѣлается. Милль хочетъ говорить о принципѣ „переживанія наиболѣе способныхъ" [1]).

„Этотъ принципъ не притязуетъ, по его словамъ, дать отчетъ о началѣ зрѣнія, а также жизни животной или растительной". Тѣмъ не менѣе, если предположить, что въ борьбѣ за существованіе одно животное пріобрѣло какъ нибудь зачаточный зрительный органъ, тѣмъ самымъ оно уже должно было получить громадное преимущество предъ своими слѣпыми собратьями. Не мудрено, что оно стало оставаться въ живыхъ въ наибольшемъ количествѣ. Дальнѣйшіе успѣхи могли довести только что возникшее свойство до теперешняго его совершенства. Правда, эта теорія имѣетъ за себя въ опытѣ пока однѣ аналогіи; между тѣмъ онѣ превзошли все, что можно было напередъ ожидать отъ нихъ. Большаго о теоріи сказать

[1]) Ibid. 159.

теперь нельзя. Но и въ этомъ своемъ видѣ она значительно колеблетъ свою соперницу—теорію „творенія".

Такимъ образомъ оказывается, что и послѣднее доказательство бытія Божія, единственно научное изъ всѣхъ, доставляетъ въ защиту своего заключенія самую ничтожную долю вѣроятія.

Подъ критикой Милля пала основная истина Теизма—бытіе Бога, какъ Первопричины міра; ясно, что и всему ученію готовъ смертный приговоръ. Теистическая религія должна раздѣлить эту участь; выходитъ, что она покоится на основаніяхъ ничтожныхъ, которая не въ состояніи поддержать всего зданія, и потому послѣднее должно неизбѣжно рухнуть.

Но Милль не останавливается на этомъ, онъ хочетъ показать, что самое понятіе о Богѣ обнимаетъ собою такія свойства, которыя взаимно исключаютъ другъ друга. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ критикѣ второго положенія Теизма.

М. Лебедевъ.

(Продолженіе будетъ).

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОЕ ГАРТМАННА.

(Продолженіе *).

III

Ознакомившись съ индуктивною и дедуктивною частями философіи Безсознательнаго, станемъ логически провѣрять основные ея пункты. Для нашей цѣли безполезно вдаваться въ разборъ феноменологіи, ибо феноменологія сама по себѣ не въ состояніи ничего рѣшить относительно свойствъ и природы Бога. Разъ есть сознаніе и сознательные феномены, то индукція, опирающаяся исключительно на фактахъ безсознательности, по необходимости односторонняя и неполная (ниже мы будемъ имѣть случай говорить о происхожденіи, по Гартманну, сознанія изъ Безсознательнаго). Никто не отрицаетъ, что есть разумная и цѣлесообразная инстинктивная дѣятельность, но всякій знаетъ, что гораздо цѣлесообразнѣе и разумнѣе сознательная дѣятельность. Самъ Гартманнъ, при всемъ своемъ удивленіи предъ Безсознательнымъ, не могъ не отдать преимущества сознанію. По принципамъ его философіи должно слѣдовать, что всѣ великія задачи жизни, въ томъ числѣ и самый конецъ міра, будутъ достигнуты при посредствѣ инстинктивной дѣятельности; къ удивленію, онъ отрицаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ это мнѣніе. Поучительно наблюдать, какъ онъ расширяетъ сферу вліянія сознанія и параллельно съуживаетъ значеніе Безсознательнаго; точно не существуетъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11, за 1895 г.

феноменологія, гдѣ въ каждомъ мѣстѣ безсознательная дѣятельность приравнивается божественной и даже безусловно съ ней отожествляется. Девять случаевъ перечисляетъ Гартманнъ, гдѣ сознаніе преимуществуетъ надъ Безсознательнымъ. Это именно: сознаніе предохраняетъ отъ заблужденій, происходящихъ подъ вліяніемъ аффекта (а), и отъ неосторожныхъ и необдуманныхъ поступковъ, вызывающихъ раскаяніе и недовольство собою (б), приспособляетъ средства къ цѣлямъ (в), мотивируетъ волю по принципу наибольшаго счастья (г), участвуетъ въ выработкѣ нравственныхъ началъ (д) и познаніи своего истиннаго призванія (е), ограничиваетъ поводы къ чувству неудовольствія (ж), возбуждаетъ стремленіе къ истинѣ, какъ источнику высшаго наслажденія (з) и укрѣпляетъ художественную продукцію посредствомъ критики и труда (и). Безъ сомнѣнія, можно было бы увеличить число этихъ случаевъ во много разъ, но важно и то, что Гартманнъ согласенъ допустить нецѣлесообразную безсознательную дѣятельность, нуждающуюся въ руководствѣ сознанія. Безсознательное, стало быть, не такъ непогрѣшимо, какъ описывалъ его философъ. Не случайна и слѣдующая оговорка Гартманна, что вредно отдаваться всецѣло вліянію Безсознательнаго, ибо никогда нельзя знать, въ чемъ оно состоитъ и есть ли оно, а также найти критерій для отличія внушеній Безсознательнаго отъ дѣйствія капризной фантазіи. Отдавшійся Безсознательному подобенъ, по сравненію Гартманна, бродящему въ темнотѣ и предоставленному на произволъ случая; онъ, вмѣсто разумнаго заключенія и строгаго критическаго взгляда, довольствуется жалкими аналогіями. Поступая сознательно, я дѣйствую увѣренно, потому что знаю, что я имѣю и чего мнѣ недостаетъ; сознаніе содержитъ въ себѣ возможность постояннаго усовершенствованія, которое ощущается нами, какъ блаженное стремленіе: безсознательное вполнѣ независимо отъ воли и перемѣнамъ не подлежитъ. Сознательнымъ управляетъ разумъ и оно можетъ быть эманципировано отъ аффектовъ и страстей: безсознательное подчинено безсознательной волѣ и функціонируетъ въ связи съ аффектами. Сознательное я знаю, какъ свое собственное: безсознательное для

меня есть нѣчто чуждое и непонятное; оно даръ боговъ, фея, и, вступая всегда готовымъ и окончательнымъ, должно быть принимаемо такъ, какъ дано. Значитъ, вѣрно замѣчаетъ Гартманнъ, сознаніе для насъ важнѣе, чѣмъ безсознательное и выше изъ обѣихъ сферъ (das Höhere von beiden). „Процессъ міровой исторіи и всякій успѣхъ въ ней состоитъ въ увеличеніи и углубленіи сознанія", вслѣдствіе чего нужно „расширять возможнымъ образомъ сферу сознательнаго разума, ибо только въ этомъ успѣхъ міроваго процесса, все спасеніе будущаго" [1]).

Мы не понимаемъ, какъ возможно говорить безъ противорѣчія объ одной и той-же безсознательной дѣятельности, что она и не заблуждающаяся, ясновидящая, и способная къ заблужденію. Никакая логика не примиритъ такихъ, напримѣръ, выраженій: „цѣль инстинкта въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ безсознательно желается и представляется; слѣдовательно, тогда какъ знаніе цѣли для сознательнаго познанія изъ чувственнаго воспріятія часто недостаточно, всегда происходитъ безсознательно соотвѣтствующій выборъ средствъ" [2]), и рядомъ: „сознаніе находитъ соотвѣтствующія средства къ цѣли" [3]). Но и это еще не все. Дальше мы узнаемъ, что Безсознательное въ состояніи сдѣлать непоправимыя ошибки. Разумѣемъ четыре случая, приводимые Гартманномъ, нецѣлесообразнаго проявленія инстинкта. Молодой быкъ, у котораго еще не выросли рога, бодаетъ,—развѣ это не безсмысленное дѣйствіе? Гартманнъ разсуждаетъ, что тамъ, гдѣ не существуетъ особеннаго инстинкта, а простая лишь организація, тамъ, вслѣдствіе особенной силы извѣстныхъ мускуловъ, всеобщее побужденіе къ движенію направляется на эти мускулы, т. е., тамъ сама организація возмѣщаетъ собою инстинктъ и побуждаетъ иногда къ цѣлесообразнымъ, а иногда къ безполезнымъ и ненужнымъ движеніямъ (sic). Слабость этой аргументаціи настолько прозрачна, что Гартманнъ ищетъ защиты въ той мысли, будто зна-

---

[1]) Philos. I, 346—360 s. s.

[2]) Ibid. 97 s.

[3]) Ibid. 350 s.

ченіе цѣлесообразности Безсознательнаго нисколько не уменьшается, если иной разъ организація проявляетъ излишнія и даже вредныя дѣйствія, ибо общее число цѣлесообразныхъ дѣйствій далеко превосходитъ число нецѣлесообразныхъ. Но такая аргументація имѣла бы тогда смыслъ, если бы Гартманнъ не обратилъ матерію и организацію въ феноменъ Безсознательнаго. А теперь, когда матерія и организація, по опредѣленію философа, есть „родъ и образъ (modus, феноменъ) манифестаціи Абсолютнаго“ [1]),—аргументація совершенно призрачная. Организація и инстинктъ—феноменъ Безсознательнаго, но организація мѣшаетъ цѣлесообразному проявленію инстинкта; ergo два феномена Безсознательнаго борятся между собою и въ одномъ изъ нихъ оно заблуждается.

Второй случай. Человѣкъ и одомашненныя животныя убиваютъ въ себѣ инстинктъ: человѣкъ преимущественно руководствуется сознаніемъ; животныя пожираютъ на лугахъ ядовитыя травы и растенія и привыкаютъ къ противоестественному питанію; мышь беретъ отравленный хлѣбъ. Гартманнъ видитъ здѣсь вліяніе внѣшнихъ причинъ; хотя инстинктъ у него есть „внутреннѣйшее зерно всякаго существа“. Какимъ же образомъ внѣшнія обстоятельства могутъ видоизмѣнить природу животнаго и уничтожить инстинктъ? Вѣдь *всемогущее* Безсознательное должно стоять выше внѣшнихъ условій!

Третій случай. Животное не боится своего врага и становится его добычею; свинья, побуждаемая голодомъ, пожираетъ свое потомство. Философъ думаетъ, что тутъ инстинктъ не дѣйствуетъ изъ случайныхъ причинъ, или, если онъ и функціонируетъ, то настолько слабо, что не можетъ побѣдить противоположныхъ побужденій. Доказательство опровергаетъ само себя, ибо опирается на понятіи *случая*, который составляетъ caput mortuum въ философіи и наукѣ. Случаемъ возможно и все объяснить и ничего.

Наконецъ, четвертый случай. Курица насиживаетъ кусокъ мѣла; рыба бросается на скрытый въ приманкѣ крючекъ; паукъ

---

[1]) Philos. II, 172 s.

заботится о клубочкѣ хлопчатой бумаги, которымъ подмѣнили его клубочекъ съ яйцами. Гартманнъ утверждаетъ, что здѣсь не инстинктъ заблуждается, а сознательное представленіе, принимающее, вслѣдствіе недостаточнаго чувственнаго воспріятія, мѣлъ за яйцо. Ему также кажется несправедливымъ требовать, чтобы инстинктъ непремѣнно исправлялъ ошибки сознательнаго представленія: ясновидѣніе инстинкта касается только такихъ пунктовъ, гдѣ недостаточно механизма чувственнаго познанія, а не такихъ, гдѣ одного чувственнаго воззрѣнія совершенно довольно. Въ данномъ случаѣ лишь ясновидѣніе Безсознательнаго не наступило [1]). Аргументація опять противорѣчивая и запутанная. Не видно основанія, почему Безсознательное не хочетъ и не можетъ исправить ошибки сознанія. Чувственнаго познанія для обнаруженія обмана оказалось недостаточно; слѣдовательно, долженъ бы инстинктъ предохранить отъ ошибки; а если Безсознательное, по Гартманну, не функціонируетъ изъ принципа сбереженія силы, то цѣль не достигнута, ибо курица, побуждаемая безсознательнымъ материнскимъ инстинктомъ, безцѣльно расходуетъ силы. Но еще страннѣе представленіе о перерывѣ въ ясновидѣніи Безсознательнаго. Какое это всемогущее и неустающее Безсознательное когда оно то бодрствуетъ, то отдыхаетъ? Одно изъ двухъ: или Безсознательное слѣпо и не видитъ обмана, или оно безсильно предупредить безполезныя инстинктивныя дѣйствія. А вспомните о дѣятельности сумасшедшаго, у котораго разстроено или сознаніе, или воля (сознательная). Цѣлесообразна ли эта дѣятельность, или нѣтъ? Отвѣтъ не затруднитъ никого ни на минуту, а между тѣмъ, по принципамъ Гартманна, она должна быть самою цѣлесообразною, ибо тутъ полная свобода для обнаруженій Безсознательнаго!

Такимъ образомъ мы возвращаемся къ прежнему своему утвержденію, что на основаніи одной феноменологіи, пока существуетъ рядомъ сознательная и безсознательная духовная дѣятельность и пока сознаніе признается „высшею“ изъ обѣ-

---

[1]) Philos II, 7—8 s.s.

ихъ дѣятельностей, до тѣхъ поръ нельзя окончательно рѣшить вопроса о сознательности или безсознательности Бога, не говоря уже о томъ, что метафизически нелѣпо называть Богомъ такое существо, въ функціяхъ котораго замѣчается разладъ, противорѣчія и ошибки. Философъ долженъ дать иныя основанія, если онъ хочетъ перестроить наши представленія о Богѣ и сообщить своему воззрѣнію болѣе высокую вѣроятность и логическую устойчивость. Гартманнъ ищетъ такой новой опоры въ самомъ понятіи безсознательной воли и безсознательнаго представленія. Онъ надѣется, что изъ анализа этихъ функцій станетъ явно, что и Богъ безсознателенъ.

Давно извѣстно, что не все, происходящее въ области нашей духовной жизни, доходитъ до сознанія и что большая часть нашихъ представленій, когда мы въ нихъ не имѣемъ нужды, находится въ скрытомъ состояніи (Веберовскій порогъ сознанія). Въ психологіи и философіи эти представленія съ минимальнымъ сознаніемъ называются въ противоположность яснымъ и отчетливымъ представленіямъ, по почину Лейбница, insensibles, petites perceptions. Лейбницъ же первый старался и объяснить ихъ. По его теоріи, духъ нашъ, подобно глазу, созерцаетъ свои представленія какъ бы въ перспективѣ: чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ онъ кажется намъ больше, тѣмъ яснѣе мы можемъ его разсмотрѣть: чѣмъ дальше, тѣмъ онъ меньше и неопредѣленнѣе. Такъ и мы не сразу сознаемъ свои представленія и не всѣ одинаково точно, но послѣдовательно и въ различной степени ясности. Сознательныя представленія можно сравнить съ видимыми предметами; безсознательныя — съ невидимыми или забытыми. „Незамѣтныя представленія въ психологіи тоже самое, что частицы въ физикѣ“. Съ тѣхъ поръ, какъ Лейбницъ высказалъ эти мысли, взглядъ на безсознательныя представленія почти нисколько не измѣнился. Въ новомъ періодѣ Вундтъ также сравниваетъ наше сознаніе съ „полемъ нашего зрѣнія“ и прибавляетъ, что, подобно тому, какъ въ предѣлахъ зрѣнія сразу находится много предметовъ, не съ одинаковою ясностью воспринимаемыхъ нами и даже вовсе не воспринимаемыхъ, если на нихъ не фиксировано зрѣніе: такъ

есть можество не сознаваемыхъ представленій, пока они не вызваны воспоминаніемъ или ассоціацией и пока на нихъ не обращено вниманіе. Въ самое новѣйшее время опять Паульсенъ сравниваетъ явленія, происходящія въ сознаніи, съ волнами, вздымающимися на поверхности пруда, а безсознательныя представленія уподобляетъ низшей массѣ воды, не взволнованной вѣтромъ. Онъ говоритъ: „какъ изъ всей массы воды, хотя она служитъ предположеніемъ и вліяетъ на величину и скорость движенія, только небольшая часть всегда волнуется: такъ и явленія въ сознаніи возникаютъ на основѣ безсознательной, или, если угодно, *подсознательной* душевной жизни, которая ихъ носитъ“ [1]). Въ томъ же, конечно, смыслѣ возможно говорить и о безсознательной волѣ. Очень вѣроятно, что мы по природѣ гораздо способнѣе и богаче, чѣмъ то обнаруживается въ опытѣ, и что наша воля несравненно сильнѣе и обладаетъ большимъ запасомъ энергіи, чѣмъ мы сами думаемъ и въ состояніи измѣрить. Другой вопросъ: какъ существуютъ эти безсознательныя функціи. Изслѣдователи обыкновенно молчатъ и ограничиваются аналогіями и уподобленіями. Они снова сравниваютъ безсознательныя представленія то съ звукомъ, котораго мы не слышимъ, то съ краскою, которой мы не видимъ, то съ тѣломъ, котораго не воспринимаемъ и т. п. Таковы факты, значеніе которыхъ нельзя ни умалять, ни преувеличивать [2]).

---

[1]) Einleitung in d. Philosophie, 2-te Aufl. 1893, 125 s.

[2]) Изъ физіологическихъ теорій безсознательныхъ представленій болѣе другихъ отвѣчаетъ фактамъ теорія Карпентера. Этотъ англійскій ученый различаетъ въ головномъ мозгу мѣсто образованія сознанія и мѣсто образованія идей, представленій. По его мнѣнію, большой мозгъ не есть центръ сознательности; центръ чувствованія и сознанія (Sensorium) лежитъ ниже, именно при основаніи большаго мозга, тамъ, гдѣ находятся зрительные бугры и мозолистое тѣло. Здѣсь-то собственно мѣсто какъ сознательныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, такъ и „идейныхъ“ измѣненій большаго мозга, отчего здѣсь происходятъ какъ ощущенія, такъ и „идеи и страстныя движенія“, вытекающія изъ сознаваемыхъ измѣненій въ большомъ мозгу. Сознанное впечатлѣніе въ этомъ общемъ сенсоріумѣ, однако, тутъ не прекращается, но по нервнымъ нитямъ проходитъ въ большой мозгъ (корковое вещество) и тамъ сохраняется въ видѣ безсознательнаго представленія (безсознательной церебраціи). По временамъ оно, попавши въ общій сенсоріумъ, снова сознается, а по большей части остается безсознательнымъ мозговымъ видоизмѣ-

Натурально, что Гартманнъ, задавшись цѣлью реформировать наши представленія о Богѣ, не могъ довольствоваться подобною психологическою теоріею. Ему нужно было расширить понятіе безсознательной воли и безсознательнаго представленія, признать ихъ аттрибутами Бога и субъективировать ихъ. Его воля и представленіе не создаются мною, какъ желающимъ и представляющимъ субъектомъ, но, будучи субъективными, суть для меня нѣчто объективное, данное, внѣ меня находящееся. Принимая волю въ смыслѣ Шопенгауэровскаго реальнаго принципа міра, Гартманнъ считаетъ и безсознательное представленіе идеальнымъ формальнымъ принципомъ, владѣющимъ идеальнымъ содержаніемъ. По его собственному опредѣленію, представленіе есть „интуитивно-конкретная противоположность абстрактному дискурсивному мышленію, нѣчто безсильное, заимствующее свою силу для осуществленія отъ воли; то, бытіе чего не въ немъ самомъ, но въ другомъ; воля—единственное побужденіе реальнаго процесса", всесильная активность. Иначе: воля и представленіе „всеединыя основныя психическія функціи, основывающіяся на тожествѣ желающаго и безусловно представляющаго субъекта", откуда выраженіе: безсознательная воля и безсознательное представленіе означаетъ „этого" тожественнаго субъекта безсознательныхъ психическихъ функцій... А если принять во вниманіе, продолжаетъ Гартманнъ, міръ, какъ цѣлое, то выраженіе: Безсознательное принимаетъ значеніе не только абстракціи отъ всѣхъ безсознательныхъ индивидуальныхъ функцій и субъектовъ, но значеніе коллективное, обнимающее всѣ эти функціи подъ собою и въ себѣ самомъ,..

неніемъ въ корковомъ веществѣ, если „впечатлительность сенсоріума относительно этихъ мозговыхъ измѣненій прекратилась либо вслѣдствіе его функціональной бездѣятельности (абсолютнаго оцѣпенѣнія), либо вслѣдствіе временнаго поглощенія его другими впечатлѣніями" (Основ. физіологіи ума, т. I, изд. журн. Знаніе, 1877, 93—98 с. т. II, изд. журн. Русское Богатство, 1886, 84—110 с.). Однако, какъ ни остроумна эта теорія Карпентера, она не даетъ психологическаго объясненія, какъ существуютъ безсознательныя представленія внѣ сознанія, по какимъ законамъ они соединяются между собою и, главное, она страдаетъ неизбѣжнымъ недостаткомъ всякаго матеріализма, будто нервные слѣды (матеріальное дѣйствіе) есть уже само представленіе (психическій актъ).

такъ что тогда всѣ безсознательныя функціи проистекаютъ изъ одного тожественнаго субъекта, который феноменологически открывается во многихъ индивидуумахъ; тогда „Безсознательное" означаетъ этого единственнаго тожественнаго субъекта" [1]).

Вотъ истинный смыслъ выраженія Гартманна „Безсознательное". Вездѣ и всегда у него безсознательная воля и безсознательное представленіе—двѣ разныхъ функціи (аттрибута) одного Бога, тоже безсознательнаго. Когда я, напримѣръ, совершаю какое-либо инстинктивное дѣйствіе, то это не я дѣйствую, а функціонируетъ во мнѣ Безсознательное, его воля сталкивается съ его представленіемъ. Напрасно, поэтому, Гартманнъ завѣряетъ насъ, что его Безсознательное ведетъ свой родъ отъ Лейбница, Юма Канта, Гегеля, Шеллинга, Фехнера и другихъ мыслителей, писавшихъ о безсознательныхъ представленіяхъ. Тутъ сходство лишь въ названіи и отчасти, пожалуй, со взглядомъ Шеллинга, у котораго тоже предшествуетъ міровому бытію неопредѣлимая urpotentia;—во всемъ же остальномъ полное различіе. Названные философы выработывали психологическую теорію безсознательныхъ представленій, Гартманнъ же метафизическую. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, но вопросъ о божественномъ сознаніи только лишь начинается. Очень просто можетъ быть, что субъектъ, носитель безсознательныхъ для насъ явленій, самъ сознателенъ. Весьма легко подумать, что безсознательное для нашего рефлексивнаго мышленія безусловно ясно и прозрачно для мышленія интуитивнаго, интеллектуальнаго, каково мышленіе божественное, не ограничиваемое пространственными и временными условіями. Если я знаю свою сознательную дѣятельность, то Богъ можетъ знать и безсознательную, которая Его же собственная функція. Основное требованіе монизма, чтобы положеніе, выставленное въ качествѣ метафизическаго принципа, имѣло всеобщее приложеніе и было правильно для всякаго рода бытія. Итакъ, возникаетъ вопросъ: сознателенъ ли Богъ, или безсознателенъ?

Прежде чѣмъ слѣдовать за Гартманномъ, приведемъ здѣсь

---

[1]) Philos. I, 3—4 s.s. Neukant. 251 s.

просьбу, обращенную имъ къ своимъ читателямъ и критикамъ. Гартманнъ пишетъ: „я сильно желалъ бы, чтобы въ христіанскомъ лагерѣ приняли къ сердцу подвергать мою философію тщательному изслѣдованію въ томъ центральномъ пунктѣ, чрезъ который она вызвала вражду, вмѣсто того, чтобы, какъ было до сихъ поръ, маскировали свою неспособность къ опроверженію этого главнаго факта посредствомъ нападокъ на разныя детали: какъ будто чрезъ это разрушается цѣлая система! Но я убѣдительно прошу не избирать, какъ обыкновенно, въ спорѣ со мною отдѣльныя выраженія предметомъ критики и не игнорировать всѣхъ остальныхъ мѣстъ, но читать въ связи всѣ мои съ различныхъ точекъ зрѣнія разсужденія по этому вопросу (о Безсознательномъ) и направлять полемику противъ нихъ всѣхъ“ [1]). Очевидно, что тутъ сосредоточивается главный интересъ философіи Гартманна и всего его труда. Пойдемъ за нимъ.

Теизмъ, философствуетъ Гартманнъ, приписываетъ Богу сознаніе по двумъ соображеніямъ: во 1-хъ, изъ ужаса предъ мыслью обратить Бога, лишеннаго сознанія, въ продуктъ слѣпыхъ натуральныхъ силъ, результатъ случайной необходимости; во 2-хъ, изъ боязни умалить достоинство Бога, этого высочайшаго существа, которое должно владѣть всѣми совершенствами, въ томъ числѣ сознаніемъ и самосознаніемъ, въ безусловной степени. Доказательство теиста очень несложно. Если я, конечное существо, имѣю сознаніе и самосознаніе, что составляетъ мое совершенство и преимущество предъ остальнымъ міромъ, то тѣмъ болѣе эти свойства принадлежатъ Богу.—Искусственность заключенія Теизма для Гартманна довольно прозрачна. Понятіе совершенства очень неопредѣленное понятіе и означаетъ возможно совершенное въ своемъ родѣ. Абсолютное же одно и единственное, ни къ какому сравненію не способное. Понятіе рода есть абстракція отъ индивидуумовъ, по которой виды со-

---

[1]) Ergänz. Nachträge zur Metaphisik des Unbewussten, 509—510 s. s. Такая же просьба и такая же жалоба на «свободомыслящихъ теологовъ» повторена еще въ «Философскихъ вопросахъ». Leipzig—Berlin, 1885, 135 s.

измѣряются; оно—опредѣленный типъ видовъ, prius отдѣльныхъ вещей. Поэтому понятіе совершенства примѣнимо только въ области объективнаго феноменологическаго міра и не имѣетъ смысла въ приложеніи къ единой міровой сущности, гдѣ нѣтъ ни высшей, ни низшей степени совершенства, ни различнаго отношенія къ достиженію цѣли. Совершенный Богъ Теизма есть безконечно совершенный человѣкъ съ одинаковыми способностями. Приписывая Богу сознаніе, теистъ забываетъ ту безусловную истину, что признакъ, составляющій наше преимущество, является недостаткомъ въ Богѣ. Сознаніе намъ необходимо потому, что мы стоимъ въ предѣлахъ индивидуаціи и имѣемъ нужду, при исполненіи своихъ индивидуальныхъ цѣлей, въ отличеніи себя отъ другихъ индивидуумовъ и неличнаго внѣшняго міра, но Всеединое не имѣетъ ничего внѣ себя. An und für sich сознаніе не есть даже преимущество, а недостатокъ, разрывъ въ гармоніи аттрибутовъ Абсолютнаго, раздвоеніе на субъектъ и объектъ, на противоположности моментовъ единой абсолютной идеи. Вѣчная идея не есть объектъ противостоящаго ей субъека: вѣчная идея есть вѣчное нераздѣльное единство вѣчнаго субъекта и его вѣчныхъ объектовъ; вѣчный возвратный интеллектуальный актъ, въ которомъ субъектъ и объектъ — нераздѣльные моменты; вѣчный субъектъ—объектъ; единство созерцающаго и созерцанія. Раздѣленіе на субъектъ и объектъ внутри самозаключенной идеи Абсолютнаго невозможно; раздѣленіе, оппозиція аттрибутовъ при возникновеніи сознанія и выступленіе субъектъ—объекта изъ безразличія предполагаетъ раздѣленіе общей функціи Всеединаго на множество индивидуумовъ и коллизію воли съ противоположнымъ содержаніемъ. Сознаніе возникаетъ на почвѣ чувственности, на основѣ представленія, посредствуемаго тѣломъ, и есть конфликтъ одной частной воли съ другою частною волею, раздѣленіе на субъектъ и объектъ. Если же сознаніе есть ограниченіе, то отрицаніе этого ограниченія не недостатокъ, а преимущество. Интеллектуальное воззрѣніе идеи—безсознательное состояніе мистическаго рода, и въ немъ нѣтъ никакихъ противоположностей. Даже человѣкъ, способный къ интуитив-

ному воззрѣнію, перестаетъ быть индивидуумомъ и становится субъектъ — объектомъ. Сами теисты пришли бы къ этому результату, если бы они мыслили послѣдовательнѣе. А подумали ли они, что сознаніе невозможно безъ мозга, ганглій или другого какого либо матеріальнаго органа, что сознаніе предполагаетъ раздѣленіе на духъ и матерію и что это истина не только индуктивная, но и спекулятивная? Итакъ, послѣ отрицанія всѣхъ конечныхъ ограниченій, отъ божественной мысли остается одно *чистое содержаніе* (матерія) *представленія*; но чистое представленіе, имѣющее безконечную форму, равно *чистой безформенности*, т. е., абсолютное сознаніе Бога тожественно съ абсолютно безсознательнымъ [1]).

Представьте себѣ, демонстрируетъ Гартманнъ свои объясненія на физическомъ примѣрѣ, свѣтящуюся точку, лучи которой падаютъ на вогнутое зеркало. Свѣтящійся пунктъ есть абсолютный субъектъ; сферическое распространеніе свѣта — центробѣжныя акціи Безсознательнаго. Отсюда, какъ въ точкѣ пересѣченія отраженныхъ лучей образуется фокусъ, такъ при отраженіи лучей Безсознательнаго въ центростремительномъ направленіи возникаетъ самосознаніе, или индивидуальное я. Но фокусъ не есть сама свѣтящаяся точка, а лишь отображеніе свѣтящагося пункта, а индивидуумъ не само Безсознательное, а только видимость первообраза, отображеніе первоначально центробѣжныхъ лучей, центростремительно отраженныхъ. Поэтому, сознаніе и самосознаніе есть рефлексія, фокусное соединеніе лучей Безсознательнаго и, какъ фокусное, нѣчто вторичное, производное, а не первоначальное. Продолжая аналогію, не трудно догадаться, что, какъ свѣтящаяся, все освѣщающая вокругъ себя точка, сама остается темною, такъ и Безсознательное, озарившее все своими лучами, пребываетъ темнымъ. Оно лишь отчасти стало сознательнымъ въ индивидуумахъ, но само по прежнему безсознательно, ибо ограниченное, узкое и рефлексивное сознаніе организмовъ, не можетъ обнять

[1]) Philos. II, 176—179 s.s. ср. Neukant. 338 s. Gesammelte Studien und Aufsätze, 643—644 s.s.

всего безконечнаго богатства Абсолютнаго. Сознателенъ периферическій духъ, а не Богъ, центральный духъ. Или еще лучше, о сознаніи Бога нужно заключать по аналогіи. Какъ всякая духовная дѣятельность при каждомъ конфликтѣ есть единство безсознательной продуктивности и сознательной воспріемлемости, такъ и абсолютный духъ въ исторіи міроваго процесса есть сознательный и безсознательный духъ. Богъ сознателенъ, насколько Онъ есть периферія, твореніе и продуктъ, индивидуально различный духъ; безсознателенъ,—насколько Онъ единственный центръ, первоисточникъ, творческое основаніе и продуктивная причина процесса. Но дальше аналогія не простирается. Посему абсолютный духъ, какъ абсолютный субъектъ, имѣетъ и форму сознанія, когда его представляютъ не Богомъ, Творцомъ, а міромъ, продуктомъ и твореніемъ. Онъ сознателенъ лишь потому, что Онъ не Богъ, а противоположное Ему; абсолютный духъ, какъ Богъ, можетъ быть только безсознательнымъ духомъ. До творенія міра и послѣ конца его Богъ былъ и будетъ простою покоющеюся недѣятельною потенціею, которая не обнаруживаетъ ни сознательной, ни безсознательной дѣятельности, а есть лишь одна возможность всего реальнаго процесса и сознанія. Различать эти состоянія въ Богѣ такъ же необходимо, какъ отличать Бога отъ міра, Творца отъ творенія, не смотря на то, что Богъ и міръ онтологически тожественны; какъ отличать единую тожественную сознательную и безсознательную дѣятельность. Чтобы Безсознательное было вполнѣ сознательнымъ, абсолютнымъ я съ абсолютнымъ сознаніемъ, т. е., чтобы оно стало общимъ фокусомъ всѣхъ исходящихъ отъ него лучей, для этого нужна всеобщая граница, отражающая акціи Абсолютнаго. Міръ тогда долженъ имѣть форму пустаго шара, внутренняя поверхность котораго отражала бы всѣ лучи въ одномъ центрѣ. Но ни опытъ, ни размышленіе не оправдываютъ такого предположенія. Въ дѣйствительности есть множество ограниченныхъ отображеній и множество сознательныхъ индивидуумовъ, да и по монистическимъ началамъ внѣ Безсознательнаго не можетъ быть никакой ограничивающей его сферы: Безсознательное одно и единственно, и внѣ его ничто не су-

ществуетъ. Внѣшняя сфера, ограничивающая Бога, была бы другимъ Абсолютнымъ; внутренняя прямо не мыслима, ибо внутренно не можетъ быть поставлена граница въ формѣ непрерывнаго пустаго шара. Каждая граница состоитъ въ скрещиваніи периферическихъ акцій, и потому существуетъ не одна граница, а много, именно есть столько границъ, сколько отдѣльныхъ локализированныхъ конфликтовъ. По этой причинѣ и фокусовъ (сознаній) столько, сколько отдѣльныхъ мѣстъ для рефлекса лучей Безсознательнаго. Абсолютное сознательно только въ нѣкоторой части (an einem Theil).

А. Кириловичъ.

(Продолженіе будетъ).

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Т. II.—Ч. II.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ

статей

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ".

Т. II.—Ч. II.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

---

[1]) См. въ 1-й части страницы 557—580.

[2]) См. въ 1-й части страницы 84—116, 428—454.

[3]) См. въ 1-й части страницы 530—556, 581—594.

[4]) См. въ 1-й части страницы 117—134, 185—208, 233 – 256, 257 – 290, 303 —336, 374—398, 399—427, 455—487.

РАЗБОРЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ

ПРОТИВЪ ТЕИЗМА.

(Продолженіе *).

Творецъ міра долженъ обладать безпредѣльнымъ (или неограниченнымъ) могуществомъ, такою же премудростью и такимъ же всевѣдѣніемъ. Но въ опытѣ, говоритъ Милль, ничто не можетъ обнаружить этихъ свойствъ. Выше уже было сказано, что Творецъ міра можетъ быть развѣ только Диміургомъ, т. е. Мірообразователемъ, создателемъ лишь порядка, космоса, а не элементовъ, составляющихъ этотъ космосъ или порядокъ. Образованіе же міра или приданіе его элементамъ порядка, наконецъ осуществленіе въ немъ извѣстнаго плана возможно, по Миллю, только при ограниченномъ могуществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, планъ предполагаетъ собою не что иное, какъ „приспособленіе средствъ къ цѣли. Но необходимость быть искуснымъ, употреблять средства есть слѣдствіе ограниченнаго могущества“ [1]). Вѣдь для могущества неограниченнаго достаточно одного слова, чтобы получился желаемый результатъ; но коль скоро потребовались средства, это самое показываетъ, что могущество уже не безгранично. Равнымъ образомъ и премудрость есть также свойство существа ограниченнаго. Она проявляется въ *выборѣ* средствъ, т. е. въ употребленіи такихъ изъ нихъ, съ помощью которыхъ лучше и легче достигается поставленная цѣль. „Побѣжденныя трудности“ служатъ признакомъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12, за 1895 г.

[1]) Essais sur la religion 163—164.

ума и изобрѣтательности. Отсюда выходитъ, что необходимость выбирать между средствами поставляетъ въ нѣкоторую зависимость отъ нихъ того самого, кто выбираетъ. А между тѣмъ неограниченное Существо собственною своею волею самимъ средствамъ сообщаетъ дѣйствительность, которая безъ нея была бы невозможна; мало того, и существованіе средствъ зависитъ также отъ этой воли. Вотъ почему нѣтъ и быть не можетъ премудрости у того, для котораго „не существуетъ никакихъ трудностей". Это заключеніе тѣмъ болѣе справедливо, что идея Существа неограниченнаго по могуществу и премудрости противорѣчила бы одному важному и ясному показанію опыта. Изъ опыта извѣстно, что Сила и Матерія, съ своими свойствами, неуничтожимы и отсюда несозданы. Между этими свойствами Міросоздателю и приходилось дѣлать выборъ. Но здѣсь, очевидно, требовались и ловкость, и особая смѣтливость, такъ какъ въ противномъ случаѣ не осуществились бы намѣченныя цѣли, а это противорѣчитъ понятію всемогущества. Такимъ образомъ, въ силу того только, что при образованіи міра настояла нужда въ *мудрости*, Мірообразователь не могъ не подлежать *ограниченію*.

Въ защиту указанныхъ свойствъ можно конечно сказать, что хотя Богъ и не подлежитъ необходимости выбирать между средствами, т. е., обнаруживать особенную смѣтливость и ловкость, однако онъ оставилъ слѣды той и другой для начертанія признаковъ, по которымъ человѣкъ могъ бы „угадать Его руку". Но это самое утвержденіе заключаетъ въ себѣ мысль объ ограниченности всемогущества. Если Богу угодно было, чтобы человѣкъ имѣлъ познанія о Немъ, то для этой цѣли совсѣмъ не стоитъ прибѣгать къ такимъ отдаленнымъ средствамъ, а достаточно было одного слова Божія, одного Его желанія; между тѣмъ въ дѣйствительности сдѣлано какъ разъ наоборотъ. Почему? Потому, быть можетъ, что поступить иначе было выше могущества Господня. Есть богословы, которые утверждаютъ, что, поступая такъ, воля Божія не желала необходимаго, вынужденнаго богопознанія со стороны человѣка; но въ такомъ возраженіи нѣтъ ничего, кромѣ казуистической увертки. Если волѣ Божіей было противно, чтобы человѣкъ зналъ Его съ точ-

ностью положенія —дважды два четыре, то, по всемогуществу, Ему ничего не стоило назначить какое угодно разстояніе между полнымъ боговѣдѣніемъ и самой низшей его степенью. Опять окольный путь былъ излишенъ. Наконецъ дѣлаютъ и такое предположеніе. Нашему уму, говорятъ, не дано знать, для какой „лучшей вещи" откладывается обыкновенно какая нибудь данная вещь, повидимому—важная и нужная; такъ что мы не можемъ проникнуть въ намѣреніе Творца, а потому и не понимаемъ, на какомъ основаніи Богъ не дѣлаетъ того, что Онъ, казалось, въ состояніи былъ бы сдѣлать по своему всемогуществу. Силы въ этомъ возраженіи, по мнѣнію Милля, столько же, что и въ предыдущемъ. Очевидно, только ограниченное могущество станетъ заниматься такой „отсрочкой дѣйствій", пріостанавливать какое либо дѣло до другого разу. Нельзя допустить, чтобы въ планы и намѣренія всемогущаго Творца входили какія либо „препятствія", а тѣмъ болѣе непреодолимыя. „Пусть не говорятъ, заключаетъ Милль, будто какое либо препятствіе было въ видахъ Его, будто Онъ имѣлъ другія намѣренія, для выполненія которыхъ дано мѣсто этому препятствію, ибо нѣтъ намѣренія, которое полагало бы неизбѣжное ограниченіе на другое, когда дѣло идетъ о Существѣ, не подчиненномъ условіямъ возможности" [1]).

Не находя основаній въ пользу неограниченнаго могущества и премудрости, какъ свойствъ Верховнаго Существа, Милль допускаетъ, что всевѣдѣніе вполнѣ могло бы быть въ числѣ свойствъ Божіихъ. „Только, по его словамъ, ничто этого не доказываетъ. У Творца космоса „смѣтливость, тонкость изобрѣтальности, ловкость" конечно не могутъ быть и сравниваемы съ таковыми же качествами человѣческаго ума. Однако „ничто насъ не обязываетъ предполагать, будто знаніе или ловкость (Его) безконечны" [2]). Человѣческое тѣло, разумѣется, можетъ почитаться верхомъ искусства и геніальной изобрѣтательности. Но неужели нельзя было сдѣлать машину, которая бы не такъ легко и не столь часто разстроивалась. Почему также

---

[1]) Ibid. 167.
[2]) Ibid. 168.

родъ человѣческій такъ худо созданъ, что только послѣ безчисленнаго ряда вѣковъ грубости и дикости онъ достигъ столь невысокой степени развитія, доброты и счастія, на какой находится теперь? Должно быть, не были преодолимы препятствія, стоявшія на пути Диміурга. Да сверхъ того, всевѣдѣніе и не нужно было для образованія космоса въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ намъ. Можно было знать всѣ свойства вещей, необходимыхъ для достиженія предположеннаго результата, и въ то же время не знать силъ или законовъ, способныхъ видоизмѣнить его или противорѣчащихъ ему. Быть можетъ, человѣкъ, при своемъ далеко-далеко не безграничномъ знаніи былъ бы въ состояніи создавать органическія существа, не менѣе удивительныя и не менѣе приспособленныя къ условіямъ существованія" [1]), если бы ему были извѣстны всѣ законы органической жизни и если бы онъ пользовался надъ ними такою же властью, какою онъ обладаетъ надъ предметами неорганическими.

Итакъ, нельзя приписывать Творцу міровъ ни безграничнаго могущества, ни безграничной премудрости, ни безграничнаго знанія, или всевѣдѣнія.

Что же является условіемъ, ограничивающимъ Божественную дѣятельность и Существо? Что способно сказать Создателю: „Ты пойдешь до сихъ поръ и дальше не двинешься?" Есть мнѣніе, что Творецъ встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе со стороны другого разумнаго существа, съ противоположнымъ характеромъ. Христіанство называетъ его діаволомъ; существовалъ народъ, по вѣрованіямъ котораго то былъ Ариманъ. Но эта гипотеза, по мнѣнію Милля, не имѣетъ подъ собой твердаго основанія. Природа, со своими неизмѣнными законами, представляетъ не поле борьбы, но видъ строгаго подчиненія общимъ законамъ. Если бы намѣреніямъ Творца было оказываемо сопротивленіе со стороны враждебнаго Ему существа, то въ природѣ замѣчалась бы непрерывная борьба, и поле битвы постоянно переходило бы, такъ сказать, изъ рукъ въ руки. А этого на самомъ дѣлѣ не видно. Какъ хорошія,

1) Ibid. 169—170.

такъ и худыя вещи совершаются въ мірѣ по законамъ одного и того же механизма, слѣдуютъ законамъ, установленнымъ изначала. Остается поэтому предполагать, что ограниченіе дѣятельности Творца заключается „въ упорномъ сопротивленіи матеріаловъ вселенной", что мудрость и знанія Творца не безграничны и не всесильны и что, по условіямъ задачи, Онъ не могъ создать лучшаго порядка природы, лучшаго космоса, чѣмъ существующій.

Въ самомъ дѣлѣ, при рѣшеніи разсматриваемаго вопроса можно остановиться только на двухъ предположеніяхъ: или, что Творецъ не зналъ, какъ достигнуть всецѣлаго осуществленія своихъ намѣреній, хотя это вполнѣ было бы возможно, т. е., не противорѣчитъ законамъ міровыхъ элементовъ; или что, при всей своей премудрости, Онъ однако не достаточно совершенъ для наисовершеннѣйшаго выполненія своихъ намѣреній. Но здѣсь нѣтъ мѣста предположенію о существованіи враждебнаго Богу Существа. Въ природѣ разрушительныя силы постоянно идутъ въ рядъ съ созидательными, исключенія самыя незначительныя. Главный дѣятель естественнаго разрушенія—окисленіе и однако безъ него жизнь не могла бы продолжиться ни одного мгновенія. Что же касается несовершенствъ, находимыхъ нами въ выполненіи мірового плана, то они суть слѣдствія непредвидѣнныхъ случайностей, противъ которыхъ не принято достаточныхъ предосторожностей, или же они порождены легкимъ излишкомъ, либо, наконецъ, недостаткомъ въ количествѣ силъ, которыя употребляются для выполненія плана. Всѣ недостатки творенія указываются опытомъ исключительно или съ точки зрѣнія „желаемаго результата", или съ точки зрѣнія тѣхъ внѣшнихъ силъ, которыми не овладѣлъ художникъ; и ничто не свидѣтельствуетъ, будто эти силы состоятъ во власти и распоряженіи Разума, соперничествующаго съ Богомъ.

Окончательнымъ доводомъ противъ неограниченнаго могущества и всевѣдѣнія Божія служитъ то, что, признавая ихъ, мы наталкиваемся на неразрѣшимыя нравственныя трудности. Допуская въ Богѣ неограниченность, мы лишаемся возможности примирить въ Немъ безконечную благость и справедливость съ

одной стороны съ безконечнымъ могуществомъ съ другой. Всѣ усилія въ этомъ родѣ доставляютъ намъ, какъ говоритъ Милль, одно лишь „возмутительное зрѣлище іезуитской защиты нравственной чудовищности“ [1]).

На страницахъ 25—34 Опытовъ Милль доказываетъ, что въ природѣ на каждомъ шагу дѣйствуетъ зло. Конечно, при этомъ встрѣчается также и добро, но оно всегда перемѣшано со зломъ, такъ что мы никогда не видимъ чистаго результата, а напротивъ замѣчаемъ, что либо доброе явленіе въ концѣ концовъ приведетъ къ худому послѣдствію, либо, наоборотъ, худое явленіе даетъ добрый результатъ. Это положеніе Милля едва-ли кто рѣшится оспаривать: оно имѣетъ дѣло съ несомнѣннымъ фактомъ. Въ связи съ нимъ Милль ведетъ разсужденія о томъ, какое заключеніе должно составить о Творцѣ міра, преисполненнаго бѣдствій. Вотъ его главнѣйшія мысли. По ученію Теизма—Богъ всемогущъ; слѣдовательно все, что ни существуетъ, обязано этимъ Его творческому хотѣнію. Такимъ образомъ, „то, что случается, угодно Богу, и самый фактъ, что вещь случается, доказываетъ, что Провидѣніе ея пожелало“. Отсюда, весь міръ, со всѣмъ его содержимымъ, включая и зло, не просто только дѣло Божіе, но желательное дѣло. Это подвергаетъ Творца отвѣтственности за бѣдствія, претерпѣваемыя тварью. Если бы міръ былъ созданіемъ существъ ограниченныхъ, то ихъ, конечно нельзя было бы обвинять, за его недостатки, потому что такія существа зависятъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ постороннихъ условій, которыя налагаютъ на ихъ волю неизбѣжное ограниченіе. Не то должно сказать о Существѣ всемогущемъ: всесильный Творецъ міра свободенъ отъ такого ограниченія. Допустить, что Его дѣйствія также подлежатъ необходимости, значитъ—допустить, что эта необходимость вытекаетъ изъ Его же всемогущей воли, потому что изъ нея проистекаетъ и ей угодно *все* существующее. Если же, такимъ образомъ, Творецъ міра можетъ все то, что Онъ хочетъ, то, Онъ хочетъ бѣдствій“, потому что міръ насыщенъ ими. „Нѣтъ средства избѣжать этого заключенія“ [2]). Итакъ, Богъ *не благъ*, если *всемогущъ*.

[1]) Ibid. 173—174.
[2]) Ibid. 34.

Но, предполагаетъ далѣе Милль, не будучи „царствомъ счастья“, вселенная, быть можетъ, представляетъ собою „царство справедливости“ [1]). Такое заключеніе также невѣроятно. „Порядокъ природы построенъ, быть можетъ, еще съ меньшимъ соотвѣтствіемъ требованіямъ справедливости, чѣмъ требованіямъ благости“ [2]). Если бы въ мірѣ господствовала справедливость, то добро или зло, выпадающее на долю разумныхъ существъ, было бы раздѣлено между ними въ строгомъ соотвѣтствіи съ добромъ или зломъ, приносимымъ ими самими. Тогда никто не подвергался бы бѣдствію незаслуженно, а въ мірѣ не имѣлъ бы мѣста „ни случай, ни фаворитизмъ“. Между тѣмъ въ дѣйствительности громадное приложеніе имѣетъ правило: „тому, кто имѣетъ, будетъ дано, а у того, кто не имѣетъ, будетъ отнято и то, что онъ имѣетъ“. Кто пользуется естественными благами, здоровьемъ, умомъ, силами, тому открытъ путь къ еще большимъ успѣхамъ и счастью. Напротивъ, лишенный этихъ благъ не получитъ и тѣхъ, какія изъ нихъ вытекаютъ. Богатый легче и скорѣе добудетъ денегъ, чѣмъ бѣднякъ; знающему удобнѣе пріобрѣсти новыя свѣдѣнія, чѣмъ совсѣмъ незнающему, и т. д. Вообще мы всюду видимъ, какъ разные роды бѣдствій поражаютъ совершенно невинныхъ людей, которые стали жертвою зла лишь вслѣдствіе случайнаго происхожденія отъ испорченныхъ родителей, въ испорченномъ обществѣ, среди несчастныхъ обстоятельствъ.

Итакъ, Богъ *несправедливъ*, если *всемогущъ*. Изъ сопоставленія двухъ полученныхъ выводовъ вытекаетъ слѣдующая дилемма: или надо допустить, что Богъ *неблагъ*, или что Онъ *невсемогущъ*. Между тѣмъ было бы несправедливо сказать, будто Богъ не желаетъ блага своимъ твореніямъ. Разсматривая міръ въ его наличномъ устройствѣ, безъ пристрастія и предубѣжденія, мы должны заключить, что Творецъ „желалъ удовольствія своимъ тварямъ“ [3]). Эту мысль внушаетъ прежде всего то обстоятельство, что „всѣ вещи доставляютъ того или другого рода наслажденіе“ [4]). Простая игра тѣлесныхъ и ум-

[1]) Ibid. 35.
[2]) Ibid. 35.
[3]) Ibid 177.
[4]) Ibid. 178.

ственныхъ способностей, удовлетвореніе любознательности, чувство, сопровождающее пріобрѣтеніе познаній, нормальное отправленіе физическаго механизма—все это въ состояніи доставить неистощимое удовольствіе. Бываютъ, конечно, весьма многіе случаи, когда мы испытываемъ страданія,—такихъ случаевъ не скроешь. Но нельзя предположить, чтобы они были слѣдствіемъ правильнаго отправленія нашего тѣлеснаго механизма, они скорѣе результатъ вмѣшательства какой нибудь внѣшней механизму, посторонней ему силы, слѣдствіе вмѣшательства чуждаго предмета. Даже и тогда, когда страданіе по всѣмъ признакамъ есть результатъ самого механизма, на него можно смотрѣть, какъ на слѣдствіе неестественнаго или ненормальнаго употребленія его силъ. Само собой понятно, что Устроитель механизма отвѣтственъ за его воспріимчивость къ страданіямъ; но быть можетъ, эта воспріимчивость была неизбѣжнымъ условіемъ, которое слѣдовало выполнить, что-бы самый механизмъ сдѣлать способнымъ къ удовольствію. Правда это предположеніе не совмѣстимо съ неограниченнымъ могуществомъ Творца; но оно очень вѣроятно, если допустить, что Богъ творилъ міръ подъ „бременемъ неумолимыхъ законовъ и неразрушимыхъ свойствъ матеріи“ [1]).

Такимъ образомъ, много основаній за то, „что удовольствіе тварей пріятно ихъ Творцу“ [2]), и очень мало за то, что будто пріятно ему также и страданіе. Слѣдовательно, можно признать, что благость есть одно изъ свойствъ Міроздателя. Но если бы стали выводить отсюда заключеніе, что Его единственная и главная цѣль есть то, чего Онъ хочетъ по благости, что исключительная цѣль созданія—счастье тварей, то такой выводъ былъ бы бездоказательной смѣлостью. Тогда пришлось бы сдѣлать двоякое предположеніе. Или Богу „безславнымъ образомъ“ не удалось сладить съ своей задачей, потому что не было еще такого вѣка, народа, или страны, гдѣ бы нашли полное счастье; или Богъ призвалъ къ существованію тварей съ тою цѣлью, чтобы онѣ были „пристыжены“. „Если бы человѣкъ не имѣлъ возможности улучшать своими собственными силами

[1]) Ibid. 178.
[2]) Ibid. 179.

самого себя и окружающую обстановку, дѣлать для себя и для другихъ тварей безконечно больше того, что Богъ сдѣлалъ сначала, Существо, призвавшее его къ жизни, заслуживало бы отъ него вовсе не благодарности" [1]). Конечно, возможно, что способность къ улучшенію дана людямъ Творцомъ же. Но такъ какъ улучшеніе досталось и достается человѣчеству цѣной страданій, покупается жизнью, то предположить со стороны Бога такую милость къ намъ было бы большою странностью. Странно также и то, почему Богъ, будучи въ состояніи создать Бушмена или туземца Андаманскихъ островъ со способностью стать Ньютономъ или Фенелономъ, не могъ сразу сдѣлать того, чего достигаютъ люди сами собой.

Послѣ того, какъ такимъ образомъ пало второе положеніе Теизма, Миллю остается изслѣдовать послѣдній философскій вопросъ, входящій въ это ученіе; онъ касается безсмертія души и будущей жизни.

Безсмертіе духа не доказуемо, равно какъ и неопровержимо. Нѣтъ положительныхъ доказательствъ ни за, ни противъ этой истины. Такимъ долженъ быть рѣшительный приговоръ науки по данному вопросу, съ точки зрѣнія Милля.

Чтобы доказать безсмертіе души, принято обыкновенно предварительно доказывать отдѣльное (субстанціальное) существованіе ея вмѣстѣ со способностію къ самостоятельной независимой отъ тѣла жизни. Безсмертіе выводится уже какъ слѣдствіе отсюда. Но нельзя сказать, по Миллю, ни того, что душа имѣетъ самостоятельное, отличное отъ тѣла существо, ни того, что она есть простой продуктъ тѣлесной организаціи. Съ одной стороны извѣстно, что душевныя явленія возникаютъ тамъ, гдѣ есть организованное вещество и нервная система, извѣстно также, что они сопровождаются нервными явленіями. Отсюда можно заключить, что гдѣ нѣтъ нервной системы, тамъ нѣтъ и души, что душа, значитъ, не имѣетъ независимой субстанціи. Но случаи указаннаго рода представляютъ рядъ совпадающихъ обстоятельствъ, и слѣдовательно, извлекаемыя изъ нихъ заключенія, какъ составленныя по методу

[1]) Ibid. 179.

согласія, не имѣютъ большой достовѣрности. Они годны лишь какъ догадки, и для того, чтобы сказать объ этихъ заключеніяхъ рѣшительное слово, необходимъ спеціальный опытъ, т. е., необходимо устроить организмъ, который бы оказался *способнымъ къ психической жизни*. Это выше человѣческихъ силъ. Съ другой стороны, возможно признать и субстанціальность души. „Субстанція есть лишь общее имя для означенія постоянства въ свойствахъ: всюду, гдѣ есть рядъ мыслей, связанныхъ вмѣстѣ воспоминаніемъ, тамъ существуетъ мысленная субстанція“ [1]). Эта связь мыслей есть несомнѣнный фактъ, и нѣтъ рѣшительныхъ основаній отрицать, что мысленная субстанція можетъ существовать помимо тѣла. „Абсолютное различіе, раздѣляющее въ мысли наши состоянія, сознанія отъ ряда условій, съ которыми они соединены только постоянствомъ повторенія однихъ и тѣхъ же ассоціацій, и возможность, которую мы имѣемъ къ этому раздѣленію въ представленіи, *равносильны на практикѣ* древнему различенію двухъ субстанцій, называемыхъ Матеріей и Духомъ“ [2]). Итакъ возможно, что Духъ способенъ существовать независимо отъ Матеріи. Между тѣмъ и противъ этого заключенія, какъ и противъ перваго, отвергавшаго самостоятельность души, есть основанія возразить. Возможно предположить, что „мозговая дѣятельность есть, если не причина, то, по крайней мѣрѣ, conditio sine qua non мыслительныхъ операцій“ [3]). Эта шаткость доводовъ въ защиту субстанціальности души сама собой колеблетъ и ученіе о ея безсмертіи. Дѣятельность духовной субстанціи, по отдѣленіи ея отъ тѣла, должна будетъ встрѣтить неминуемое препятствіе, тогда она разстроится и отдѣльное существованіе души будетъ равносильно „возврату къ безсознательному“. Такое безсознательное состояніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока встрѣтится новое условіе, способное вернуть ее къ прежнему сознательному состоянію. Но на существованіе такого условія опытъ не даетъ намъ даже и самаго слабаго указанія“ [4]). Та-

1) Ibid. 186.
2) Ibid. 186—187.
3) Ibid. 184.
4) Ibid. 185.

кимъ образомъ идея безсмертія разрушается. Такъ какъ, далѣе, доводы въ пользу субстанціальности души также имѣютъ нѣкоторыя основанія, то идея безсмертія снова пріобрѣтаетъ силу. Въ результатѣ оказывается обоюдность заключенія.

Другія доказательства въ защиту безсмертія души до того слабы, что едва заслуживаютъ своего имени. Одни изъ нихъ имѣютъ своимъ основаніемъ—чувство удовольствія, возникающее при мысли, что жизнь не кончается смертью. Форма ихъ такова. Идея или потребность безсмертія есть инстинктъ нашей природы; а мы видимъ, что всѣ другіе инстинкты непремѣнно встрѣчаютъ въ природѣ удовлетворяющій ихъ предметъ. Для утоленія голода существуетъ пища; половое чувство нанаходитъ полъ, любовь—предметъ любви и т. д. Слѣдователно, и идеѣ безсмертія должно соотвѣтствовать что нибудь въ дѣйствительности. Даже не опровергая, что идея безсмертія или жажда вѣчной жизни есть инстинктъ, легко видѣть, какъ несостоятельно представленное соображеніе. Для удовлетворенія инстинкта не требуется предметъ „въ безконечномъ количествѣ" [1]). „То, что называется жаждой вѣчной жизни, есть просто желаніе жить; развѣ не существуетъ удовлетворяющаго этому желанію предмета?" [2]). Жизнь существуетъ, и инстинктъ жизни, если только онъ инстинктъ, долженъ быть удовлетворенъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предположить, будто потребность пищи можетъ служить доказательствомъ, что она будетъ продолжаться безконечно и удовлетворяться также безконечно.

Остальныя доказательства почерпаются изъ вѣры въ Существо Всемогущее и Всеблагое. По своей благости Богъ не потерпитъ будто бы гибели существа, которое есть „самое благородное и самое блестящее" [3]) изъ Его твореній; а по своему всемогуществу Онъ въ силахъ даровать человѣку этотъ даръ—вѣчной жизни.

Подобныя разсужденія годились бы, по словамъ Милля, тогда, когда бы обитаемый нами міръ свидѣтельствовалъ о существо-

[1]) Ibid. 191.
[2]) Ibid. 191.
[3]) Ibib. 194.

ванія Творца не только всеблагого, но и всемогущаго. Но выше было доказано, что къ этому рѣшительно нѣтъ основаній. Правда, благость Творца можетъ быть признана совершенною и, значитъ, ничто ни противорѣчило бы желанію съ Его стороны даровать намъ безсмертіе; между тѣмъ могущество Его стѣснено непреодолимыми препятствіями. И такъ какъ возможно, что другія Его цѣли будутъ несогласны съ благостью, то мы не знаемъ (даже), желалъ ли Онъ намъ вѣчной жизни, а также—въ состояніи ли былъ окончательно дать ее" [1]).

Говорятъ, невѣроятно, чтобы, влагая въ насъ желаніе вѣчной жизни, Творецъ оставилъ это желаніе безъ исполненія. Но, возражаетъ Милль, быть можетъ, въ планы ограниченнаго Творца вселенной входило то, чтобы въ насъ было вложено желаніе безсмертія и однако же не было дано ему удовлетворенія. Это не противорѣчитъ обычному ходу и порядку жизни. Развѣ мало у людей тщетныхъ желаній и надеждъ! Какъ многимъ хотѣлось бы обладать богатствомъ Креза или могуществомъ цезаря Августа; а между тѣмъ они принуждены довольствоваться скромнымъ вознагражденіемъ „въ фунтъ" въ недѣлю или мѣстомъ писца въ рабочей ассоціаціи. Въ заключеніе Милль говоритъ, что нѣтъ нужды совершенно отказываться отъ вѣры въ безсмертіе души, такъ какъ и невсемогущій, но благой Творецъ въ состояніи даровать людямъ столь желаемое благо. При этомъ нужно отбросить только „вульгарную" мысль о наградахъ и наказаніяхъ, ожидающихъ насъ будто бы за гробомъ, а равно и мысль о перемѣнѣ. „Всѣ вѣроятности, по словамъ Милля, за то, что мы вступимъ въ будущую жизнь такими, какими насъ сдѣлали и какими мы сдѣлали себя сами" [2]), и что смерть не произведетъ въ насъ существеннаго измѣненія. Такъ именно побуждаетъ думать „свѣтъ Природы" [3]).

Критика Милля разрушила одну за другой всѣ главнѣйшія истины Теизма, выдаваемыя имъ за несомнѣнныя. Нѣтъ Бога—Творца вселенной; существуетъ лишь самая слабая вѣроят-

[1]) Ibid. 195.
[2]) Ibid. 196.
[3]) Ibid. 197.

ность предположить Творца космоса, т. е., Мірообразователя. Теистическое понятіе о Богѣ съ главнымъ признакомъ, входящимъ во всѣ Его свойства, именно неограниченностью (безпредѣльностью) также разрушается, потому что Богу нельзя приписать этого свойства, разсматривая міръ—твореніе Его. Послѣднее важное положеніе Теизма—безсмертіе души, подлежитъ безусловному сомнѣнію; въ пользу его нѣтъ ни одного доказательства, котораго не колебали бы противоположные доводы.

Что надо сказать объ ученіи, которое предлагаетъ такія истины? Ясно, что оно должно быть отвергнуто, какъ не выдерживающее научной провѣрки, какъ не имѣющее подъ собою твердаго, строго научнаго основанія. Милль его отвергаетъ. Но прежде, чѣмъ разстаться съ нимъ навсегда, онъ представляетъ ему какъ бы всѣ средства къ самозащитѣ, хочетъ изслѣдовать вопросъ, не можетъ-ли Теизмъ быть оставленъ въ качествѣ полезной практической силы,—не можетъ-ли, значитъ, онъ быть, такъ сказать, *полезной ложью*. „Легко понять, говоритъ Милль, что религія можетъ быть полезной, не будучи допустимой съ точки зрѣнія интеллектуальной" [1]). Польза религіи—это, разумѣется, благо, какое она можетъ доставить, во-первыхъ, человѣческому обществу, во-вторыхъ—личности. Но Милль утверждаетъ, что благодѣянія, приносимыя повидимому религіей какъ цѣлымъ человѣческимъ обществамъ, такъ и отдѣльнымъ личностямъ, въ сущности происходятъ не отъ религіи, какъ религіи, а отъ другихъ дѣятелей, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ она сама. Поэтому религія является, хотя и практической силой, но силой несамостоятельной, зависимой. Исторія человѣчества знаетъ множество такихъ религіозныхъ формъ, которыя приносили ему болѣе вреда, чѣмъ пользы. Эти формы постепенно умирали, и въ настоящую пору мы имѣемъ такую религію, которую легко представить въ самомъ совершенномъ, въ самомъ очищенномъ видѣ. Но религія никогда не поднялась бы на такую высоту, если-бы не помогло тому улучшеніе, происшедшее въ другой области, именно—въ

---

[1]) Ibid. 67.

области человѣческихъ „идей и чувствъ". „Прогрессъ въ человѣческихъ чувствахъ совершился помимо религіи и даже вопреки ей (къ досадѣ ея"), „сила, которая, какъ то мы знаемъ теперь, есть самый дѣятельный агентъ прогресса, имѣла столь мало религіознаго характера, что самый главный трудъ, который было назначено совершить другимъ спасительнымъ вліяніемъ человѣческой природы, долженъ былъ преобразовать саму религію" [1]).

Вопреки этому, общепринятое мнѣніе утверждаетъ, что всѣ добродѣтели, какія появлялись когда-либо въ человѣческихъ обществахъ, имѣютъ своимъ источникомъ религію, „какъ религію" [2]). Понятенъ источникъ, откуда взялось указанное убѣжденіе: его породило то обстоятельство, что почти всѣ нравственныя правила предлагались отъ имени религіи; но ясна и его ложность. Первой силой, доставившей религіи великое нравственное вліяніе на людей, всегда былъ и есть *авторитетъ*. Дѣйствуя прежде всего чрезъ авторитетъ, религія измѣняетъ права. Сила его дѣйствія на людей такъ велика, что въ этомъ безполезно было бы всякое сомнѣніе. Для большинства людей онъ составляетъ источникъ, изъ котораго почерпаются ими познанія, или точнѣе—*вѣра* во все то, что ускользаетъ отъ непосредственнаго воспріятія чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ. Посредствомъ авторитета и „болѣе мудрые" узнаютъ о тѣхъ истинахъ науки, исторіи, о тѣхъ міровыхъ событіяхъ, которыхъ они не въ состояніи провѣрить лично или путемъ доказательствъ. Всеобщее согласіе человѣческаго рода въ какомъ нибудь вопросѣ для большинства людей есть доводъ, противъ котораго нельзя даже возражать: эти люди скорѣе откажутся вѣрить показанію собственныхъ чувствъ, чѣмъ рѣшатся оспаривать то, съ чѣмъ согласны всѣ.

Одно изъ сильнѣйшихъ подтвержденій въ пользу указаннаго мнѣнія можно находить въ обстоятельствѣ, которое съ перваго раза какъ будто бы противорѣчитъ ему, именно—въ томъ, что ни одинъ вновь издаваемый нравственный кодексъ не прибѣ-

[1]) Ibid. 69.

[2]) Ibid. 71.

гаетъ къ общему согласію, какъ силѣ, которая обезпечила бы его распространеніе. Но новое ученіе начинаетъ пріобрѣтать силу какъ разъ съ того времени, когда число послѣдователей его достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ; какъ только замѣтятъ, что число диссидентовъ увеличивается, старое ученіе, будь оно подъ защитой религіи, падаетъ. Религіозная санкція его не спасаетъ; слѣдовательно, новое ученіе почерпаетъ свою силу исключительно изъ того, что оно стало достояніемъ многихъ. Хотя въ прежней католической Европѣ никто, или по крайней мѣрѣ, громадное большинство и не думало сомнѣваться въ религіи, однако тамъ происходили весьма частыя нарушенія ея предписаній, потому что это было *обычнымъ* явленіемъ. Такъ глубоко вліяетъ на человѣка „одинъ только авторитетъ, одно только вѣрованіе, одно только свидѣтельство ему подобныхъ“ [1]).

Другимъ могущественнымъ помощникомъ религіи оказывается *воспитаніе*. Вліяніе этой силы почти неизмѣримо. Нѣтъ ни одной естественной наклонности, которой бы оно не было въ состояніи побѣдить, или развитію которой оно не могло бы помѣшать. Оно до такой степени сильно, что привитыя съ его помощью убѣжденія сохраняютъ власть надъ чувствами человѣка почти во всю жизнь. Часто убѣжденія уже покинуты, но первыя впечатлѣнія продолжаютъ дѣйствовать. Въ будущемъ значеніе воспитанія въ обществѣ должно возвыситься еще болѣе. Доселѣ оно оставлялось почти на произволъ судьбы; теперь же болѣе, чѣмъ когда либо, общество расположено взять его на свое попеченіе, вслѣдствіе чего оно будетъ оказывать еще сильнѣйшее вліяніе на общественную нравственность. Все это прекрасно подтверждаютъ нѣкоторые историческіе примѣры. Такъ, намъ извѣстно, какое громадное значеніе имѣло воспитаніе у Спартанцевъ. Постановленія Ликурга господствовали въ Спартѣ независимо отъ религіи, хотя послѣдняя и принимала въ нихъ нѣкоторое участіе. Боги Спарты, какъ и всѣхъ другихъ греческихъ государствъ, призывались, правда, на помощь всякому новому постановленію, но ничего не

---

[1]) Ibid. 74.

стоило ту же санкцію испросить и на другое, даже противоположное. Всѣ учрежденія Спарты опирались не на религію, а были основаны „на преданности Спартѣ, на идеѣ отечества, государства“ [1]). Подобное было и въ остальныхъ странахъ Греціи: общественная нравственность не зависѣла тамъ отъ религіи, напротивъ, самъ „культъ боговъ преподавался, какъ общественный долгъ“ [2]), такъ что за оскорбленіе боговъ наказывался и виноватый, и общество, къ которому онъ принадлежалъ. Конечно, слѣдуетъ сознаться, что софисты, философы, общественные ораторы обращались къ помощи религіи въ видахъ вѣрнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей. Но вообще говоря, религіозный страхъ не былъ въ Греціи господствующимъ явленіемъ. „Для внушенія человѣческой нравственности (тамъ) почти исключительно прибѣгали къ свѣтской санкціи“ [3]). Греція представляетъ, такимъ образомъ, примѣръ самаго выдающагося вліянія воспитанія,—не ясно-ли отсюда, что религія дѣйствуетъ на людей скорѣе потому, что она внушается съ дѣтства, чѣмъ потому, что она религія.

Общественное мнѣніе является третьимъ сильнымъ помощникомъ религіи. Власть его есть „сила, которая присоединяется къ каждой нравственной системѣ, лишь бы она была принята всѣми, будетъ тутъ или нѣтъ замѣшана религія“ [4]); и великія дѣйствія, которыя, повидимому, вытекаютъ изъ религіи, въ сущности обязаны тому, что религія является орудіемъ общественнаго мнѣнія. Религіозныя санкціи, если къ нимъ не присоединяется санкція общественнаго мнѣнія, не имѣютъ почти никакого значенія — особенно съ того времени, какъ падаетъ вѣрованіе, что преступленія наказываются свыше еще на землѣ. Это показываетъ исторія іудейскаго народа. Евреи были весьма склонны измѣнять родной религіи, не смотря на то, что пророки не прекращали своихъ обличеній и не переставали угрожать божественнымъ гнѣвомъ. „Къ чести ихъ таланта“, угрозы эти часто сбывались. „Что религіозная обязан-

[1]) Ibid. 76.
[2]) Ibid. 76.
[3]) Ibid. 77.
[4]) Ibid. 77.

ность, когда она не внушена общественнымъ мнѣніемъ, почти не оказываетъ дѣйствія на поведеніе" [1]), это отлично показалъ Бентамъ тремя своими примѣрами. Первый примѣръ касается клятвы. Ее обыкновенно исполняютъ, если къ тому побуждаетъ общественное мнѣніе,—такова клятва на судѣ и нѣкоторыя другія. Но клятвенное обѣщаніе повиноваться постановленіямъ университета и таможни не соблюдается никѣмъ, о чемъ, не краснѣя, говоритъ всякій его нарушитель,—это потому, что общественное мнѣніе здѣсь не за клятву.—Второй примѣръ—дуэль. Хотя съ религіозной точки зрѣнія она—грѣхъ, однако общественное мнѣніе ей благопріятствуетъ и въ нѣкоторыхъ странахъ она господствуетъ. Третій примѣръ—непозволительная торговля поломъ. Ее совершаетъ мужчина, котораго общественное мнѣніе не подвергаетъ за это строгому суду. Но на женщину падаетъ вся тяжесть осужденія, потому что къ религіозному суду, которому одинаково подлежитъ и мужчина, тутъ присоединяется еще неодобреніе со стороны общественнаго мнѣнія.

Сила общественнаго мнѣнія особенно замѣтно обнаруживается въ томъ, что оно заставляетъ людей дѣйствовать вопреки собственному убѣжденію, вопреки голосу собственной совѣсти. Весьма много людей совершаетъ зло, слѣдуя только общественному мнѣнію. Всѣ самыя сильныя страсти, исключая чисто животныя, появляются и воспитываются, благодаря общественному мнѣнію. „Любовь къ славѣ, любовь къ похваламъ, любовь къ уваженію и предпочтенію, само желаніе симпатіи—все это элементы притягательной силы этого мотива" [2]). Самое тщеславіе также зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, которое при этомъ нѣсколько осуждаетъ дѣйствія, перешедшія границы. Многія убійства не были совершены, исключительно благодаря присутствію свидѣтелей,—доказательство страха, внушаемаго общественнымъ мнѣніемъ. Понятно, что если столь могущественный нравственный дѣятель присоединится къ голосу совѣсти, онъ будетъ вслѣдствіе этого „самымъ непоколебимымъ изъ всѣхъ мотивовъ, движущихъ массой человѣческаго рода" [3]).

[1]) Ibid., 84.
[2]) Ibid. 79.
[3]) Ibid. 78.

Къ этому должны быть присоединены еще тяжелыя и невыгодныя послѣдствія въ случаѣ неблагопріятнаго поворота общественнаго мнѣнія. Пострадавшее лицо должно понести тогда всѣ непріятности, начиная отъ простого чувства стыда и кончая прямымъ преслѣдованіемъ и даже смертью. Наконецъ, общественное мнѣніе тѣсно связано съ авторитетомъ, который для большинства людей является рѣшительнымъ доказательствомъ ихъ таланта и ихъ добродѣтелей. Вотъ почему дѣйствіе его на людей такъ чувствительно, что послѣ пріобрѣтенія средствъ къ жизни, первою ихъ заботою дѣлается стремленіе снискать уваженіе и расположеніе со стороны себѣ подобныхъ, стремленіе быть ими уважаемыми и ни въ какомъ случаѣ не презираемыми.

До какой степени религія, какъ мотивъ поведенія, слаба сама по себѣ, это показываетъ недѣйствительность самаго страшнаго ея орудія—угрозы вѣчныхъ мученій. Людей мало пугаетъ эта угроза—то потому, что, какъ надѣются, награды и наказанія будутъ раздаваться по изслѣдованіи всей жизни въ совокупности, а не отдѣльныхъ дѣйствій и поступковъ,—то потому, что это будетъ такъ далеко,—то потому, что полагаются на милосердіе Божіе—чувство, поощряемое самой религіей,—то потому, что самый худшій преступникъ не думаетъ, будто зло, причиненное имъ въ короткій промежутокъ времени, заслуживаетъ наказаній, которыя должны длиться вѣчно. И, правда, почти всѣ умирающіе, пусть они люди вѣрующіе, не испытываютъ никакого безпокойства, хотя срокъ наградамъ или наказаніямъ для нихъ такъ близокъ.

Религія является довольно сильнымъ мотивомъ въ одномъ только случаѣ,—во время болѣзни ипохондріи. Разочарованные дѣйствительно поддаются ея власти, особенно въ крайней степени этого состоянія—при уныніи, которое, подъ вліяніемъ страха „божественнаго наказанія", ведетъ обыкновенно къ такъ называемому „обращенію". Но и здѣсь, когда обращеніе совершилось, обращенный продолжаетъ подчиняться религіи не потому, что она религія, а потому, что къ этому побуждаетъ его общее мнѣніе единомышленниковъ. Что касается мучениковъ, на которыхъ также могутъ указать, какъ на подтвержденіе того, будто религія можетъ быть мотивомъ поведенія сама по

себѣ, то надо сказать, что ихъ заставляло презирать мученія воодушевленіе, преданность идеѣ. Но это можетъ случиться и не въ одной религіозной области. Индіецъ сѣверной Америки, когда его привязали къ военному столбу, сдѣлалъ то же подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, эти обстоятельства исключительныя, изъ нихъ нельзя выводить, будто идеи, будутъ онѣ религіозныя или нѣтъ, способны побороть обыкновенныя искушенія и стать правиломъ поведенія повседневной жизни.

Противъ сказаннаго доселѣ повидимому свидѣтельствуетъ тотъ неоспоримый историческій фактъ, что всѣ творцы нравственныхъ системъ, если хотѣли провести какія-нибудь новыя правила въ жизнь общества, непремѣнно старались сообщить имъ религіозную санкцію. Это, по словамъ Милля дѣйствительно имѣло мѣсто, но только тогда, когда господствовало вѣрованіе, что всякое событіе дня есть дѣло руки Божіей и что боги мудрѣе людей, а потому лучше ихъ могутъ знать, что способно имъ доставить благо. Не такъ нужно относиться къ нравственнымъ требованіямъ въ настоящую пору. Теперь человѣкъ достигъ такой степени развитія, что нравственныя истины стали очевидны уму и сердцу каждаго сами по себѣ, независимо ни отъ какой посторонней санкціи. Лучшія правила моралистовъ всѣхъ вѣковъ стали уже собственностью человѣка, они до такой степени „согласны съ разумомъ и сердцемъ каждаго добраго мужчины и каждой доброй женщины“ [1]), что совсѣмъ свободны отъ опасности погибнуть. Они никогда не забудутся и никогда не перестанутъ дѣйствовать на человѣческую совѣсть, пока люди не вернутся къ первобытной дикости.

Сверхъ всего Милль добавляетъ, что религіозная санкція кромѣ вреда ничего не приноситъ нравственнымъ истинамъ. Приписывая имъ сверхъестественное происхожденіе, тѣмъ самымъ она ставитъ преграду критическому отношенію къ нимъ со стороны человѣческаго разума. По убѣжденію Милля, всѣ нравственныя истины, въ томъ числѣ и истины христіанской морали, не изъяты отъ недостатковъ; поэтому религіозная санкція пресѣкаетъ имъ всякій путь къ улучшенію.

[1]) Ibid. 92.

Итакъ, религію нельзя считать орудіемъ общественнаго блага; этимъ орудіемъ на самомъ дѣлѣ являются другія силы, съ помощью которыхъ дѣйствуетъ сама религія, какъ-то: *авторитетъ*, *воспитаніе*, *общественное мнѣніе* и *непосредственная очевидность нравственныхъ истинъ*.

Можно-ли теперь почитать религію орудіемъ блага индивидуальнаго?

Значеніе религіи для личности можетъ быть выведено изъ ея сущности. „Сущность религіи, по словамъ Милля, состоитъ во вкорененіи сильнаго и серьезнаго направленія эмоцій и желаній къ идеальному предмету, признаваемому высочайшимъ совершенствомъ и законно возвышающимся надъ предметами эгоистическаго желанія“ [1]). Такимъ образомъ значеніе религіи сводится къ возбужденію въ индивидуальномъ сознаніи извѣстнаго настроенія, и въ этомъ отношеніи она приноситъ то благо, что является источникомъ „личнаго удовлетворенія и возвышенныхъ чувствъ“ [2]). Вѣра въ Бога и въ посмертную жизнь служитъ человѣку основаніемъ для созданія идеальнаго міра, куда переносятся предметы самыхъ горячихъ его желаній. Настоящая жизнь весьма далека отъ его чаяній; религія поселяетъ въ душѣ убѣжденіе, что они осуществятся въ другомъ мірѣ. Настоящая жизнь полна бѣдствій и страданій; религія доставляетъ ему утѣшеніе, что этого не будетъ по смерти. Вотъ источникъ эгоистическаго удовлетворенія; что же касается нѣжной и признательной души, то и она найдетъ себѣ наслажденіе—въ мысляхъ о любви къ Богу.

Тѣмъ не менѣе это безспорное значеніе религіи для индивудуальнаго настроенія вовсе не дѣлаетъ ее необходимою. Для личнаго удовлетворенія и возбужденія возвышенныхъ чувствъ существуютъ другія средства, первая выгода которыхъ состоитъ въ томъ, что они устраняютъ необходимость „прогулки по ту сторону міра, въ которомъ мы обитаемъ“ [3]). Средства эти цѣликомъ заключаются въ рукахъ новой религіи „всечеловѣчества“, которая и должна занять мѣсто оказавшейся непригодной ре-

---

1) Ibid. 102.
2) Ibid. 98.
3) Ibid. 98.

лигіи Теизма. Стоитъ только составить идею всего рода человѣческаго, продолжительность котораго теряется въ прошломъ и не представляетъ конца въ будущемъ, скомбинировать эту „безконечность" съ „неограниченной способностью къ совершенству",—и воображеніе вмѣстѣ съ чувствами симпатіи получитъ предметъ „достаточно обширный для того, чтобы дать удовлетвореніе всему тому, что могутъ потребовать великія стремленія" [1]). Осуществленію такой религіи не должно встрѣтиться никакихъ препятствій.

1. Не одни выдающіеся умы способны отожествить свои чувства съ жизнью цѣлой человѣческой расы. Непрерывность прогресса достаточно обезпечиваетъ ожиданіе, что сдѣлать это, при извѣстной выработкѣ, будутъ способны всѣ и самые обыкновенные смертные. Въ исторіи уже былъ подобный примѣръ. Римъ былъ для гражданъ этого города то же, что Іегова для евреевъ, и все лучшее въ практической области, что оставили римляне по себѣ въ исторіи, было слѣдствіемъ воодушевлявшей ихъ идеи Рима.

2. При помощи воспитанія уже достигали высокаго развитія чувства любви къ родинѣ. Цицеронъ въ своей книгѣ: „De officiis", вообще не отличающейся возвышенностью нравственныхъ правилъ, представляетъ однако замѣчательный образецъ этого развитія. Онъ не допускаетъ и мысли, что-бы возможно было колебаніе, когда чувство любви къ родинѣ потребуетъ пожертвовать „жизнью, репутаціей, семействомъ, всѣмъ драгоцѣннымъ въ его глазахъ" [2]). Если, такимъ образомъ, идею отечества расширить до идеи всего міра (всего человѣчества), а на мѣсто блага родины поставить благо всѣхъ людей, то религія всечеловѣчества будетъ вполнѣ замѣнять религію Теизма. Для возвышенныхъ душъ она послужитъ источникомъ высшихъ чувствъ: симпатіи, благожелательности и горячей приверженности къ идеальному совершенству [3]). Грубыя сердца удержитъ отъ нарушеній ея правилъ воспитаніе и стыдъ.

Религія всечеловѣчества не только достойно будетъ носить

---

[1]) Ibid. 99.
[2]) Ibid. 101.
[3]) Ibidem, s. 101.

свое имя, но еще превзойдетъ, будетъ лучше любой изъ тѣхъ, которымъ обыкновенно придаютъ это названіе, а въ томъ числѣ и религіи Теизма. Во-первыхъ, она представляетъ всѣ благопріятствующія условія для развитія безкорыстныхъ чувствъ, потому что главнѣйшій предметъ ея простирается далеко за предѣлы эгоистическаго „я" и сосредоточиваетъ всѣ помыслы человѣка не на личномъ спасеніи, а на томъ, что касается блага всѣхъ безъ изъятія. Она не проповѣдуетъ „проблематической" будущей жизни и не предлагаетъ никакихъ наградъ или наказаній, какъ побужденій поступать согласно требованіямъ ея нравственныхъ правилъ. Ея послѣдователи не будутъ постоянно обращаться къ посмертнымъ интересамъ, принося имъ въ жертву все остальное. Въ страданіяхъ же и мученіяхъ земной жизни для добросовѣстнаго исполненія ея предписаній утѣшеніемъ и поддержкой будетъ служить убѣжденіе, что такое поведеніе было бы одобрено всѣми уважаемыми имъ людьми. „Идея, что Сократъ, или Говардъ, или Вашингтонъ, или Маркъ Аврелій, или Христосъ сочувствовали-бы намъ, или, что мы трудимся въ своемъ дѣлѣ съ тою-же ревностью, съ какою они исполняли свое, можетъ быть могущественнымъ поощреніемъ для наиблагороднѣйшихъ убѣжденій и чувствъ. Во-вторыхъ, религія всечеловѣчества не будетъ подвержена недостатку старыхъ религій, которыя могли производить лучшія нравственныя дѣйствія лишь „подъ условіемъ извѣстной апатіи, если не прямого извращенія умственныхъ способностей". Только софизмами можно оправдать безконечную благость, такую же справедливость и всемогущество Творца природы; а ученіе, что Богъ Творецъ ада, есть положительная „нравственная чудовищность".

У религіи Теизма остается теперь одно преимущество: ученіе о безсмертіи и загробной жизни. Но и это преимущество ничего не значитъ. Обѣщаніе вѣчной жизни не въ состояніи доставить человѣку никакого утѣшенія; особенно оно будетъ излишне, когда увеличится прогрессъ и религія всечеловѣчества займетъ подобающее мѣсто. Надо полагать, что съ улучшеніемъ условій жизни, чего мы въ правѣ ожидать, „ибо прогрессъ все движется и движется впередъ",—каждый испытаетъ

достаточно удовольствій, чтобы достигнуть въ жизни полнаго удовлетворенія и спокойно сойти въ могилу. Тяжело умирать только неизвѣдавшему жизни; кто же испыталъ всѣ ея прелести и всѣ удовольствія, для того тягостною будетъ скорѣе мысль о безсмертіи, чѣмъ мысль о безслѣдномъ уничтоженіи. Жажда безсмертія можетъ возникнуть только у людей эгоистическихъ, не способныхъ отожествить своихъ чувствъ съ жизнію всего человѣчества и проникнуться убѣжденіемъ, что ихъ жизнь продолжается „въ юныхъ современникахъ" [1]). Религія всечеловѣчества, путемъ воспитанія, постепенно будетъ уменьшать число такихъ людей. Наконецъ, извѣстно, что вѣрующіе въ безсмертіе покидаютъ жизнь, если не съ большимъ, то такимъ же отвращеніемъ, какъ и невѣрующіе,—яснѣйшее доказательство тому, что религія ученіемъ о безсмертіи ни мало не облегчаетъ участи человѣка.

Съ отнятіемъ у религіи Теизма нравственно-практическаго значенія разрушается ея послѣдній оплотъ. Теперь она окончательно гибнетъ и должна уступить свое мѣсто новой религіи, именуемой, по желанію Милля, „Религіей всечеловѣчества".

Ученіе Милля, за изложеніемъ котораго читатель слѣдилъ на предыдущихъ страницахъ, въ его существенныхъ свойствахъ, мы понимаемъ слѣдующимъ образомъ.

Возраженія Милля клонятся не къ отрицанію религіи вообще, т. е. не къ отрицанію тѣхъ чувствъ, мыслей и дѣйствій, которыя составляютъ частію содержаніе, частію же проявленіе религіознаго сознанія, а только извѣстной формы ея. Милль отвергаетъ религію сверхъестественнаго, наисовершеннѣйшій видъ которой представляетъ религія Теизма; съ послѣднимъ въ концѣ концовъ и ведется его борьба. Такимъ образомъ религія, какъ религія, т. е., извѣстное, строго опредѣленное настроеніе человѣка, Миллемъ не изгоняется; онъ лишь измѣняетъ тѣ внѣшніе предметы, съ которыми должно быть связано это настроеніе.

Главную мысль или главное положеніе, къ доказательству котораго клонятся всѣ религіозно-философскія разсужденія Мил-

[1]) Ibid. 112.

ля, можно, по нашему, выразить такъ: религія Теизма *не нужна*, потому что *непригодна*. Вторая половина мысли есть основаніе для первой, которая изъ нея слѣдуетъ, какъ выводъ изъ посылокъ. *Непригодность* Теизма прямо доказываетъ его *ненужность*; если Теизмъ непригоденъ, то не предписываетъ ли здравый смыслъ сбросить его, какъ излишнее бремя, безполезно тяготѣющее надъ сознаніемъ человѣка? Но надо доказать саму *непригодность* Теизма; быть можетъ, онъ пригоденъ? Въ рукахъ Милля всѣ доказательства противъ пригодности. Религія Теизма подлежитъ критическому разсмотрѣнію съ двухъ сторонъ: какъ отвѣтъ ума касательно причинъ окружающаго мірозданія, она провѣряется въ своихъ доказательствахъ, подобно всякой научной теоремѣ или же гипотезѣ; какъ нравственно-практическій дѣятель, она разсматривается съ точки зрѣнія своихъ послѣдствій для блага человѣчества. Въ томъ и другомъ отношеніи Теизмъ оказывается настолько шаткимъ, что вопросъ о его существованіи не заставляетъ задумываться. Четыре доказательства Теистической религіи, имѣющія цѣлью убѣдить въ существованіи самого предмета ея—Бога, весьма далеки отъ этого своего назначенія. Три изъ нихъ ложны уже по самой постановкѣ—построяются по методу противонаучному; независимо отъ этого, они ложны во всемъ томъ, изъ чего состоятъ ихъ положенія. Послѣднее доказательство преимуществуетъ передъ остальными по правильной, вполнѣ научной постановкѣ; но выводъ его оставляетъ все таки существованіе Бога Теизма подъ величайшимъ сомнѣніемъ. За шаткостью доказательствъ, стремившихся установить существованіе Бога, конечно съ опредѣленными свойствами, слѣдуютъ столь-же шаткія основанія въ пользу этихъ свойствъ. Свойства Теистическаго Бога невозможны, невозможны—какъ тѣ, которыя должны были обнаружиться при созданіи міра (всемогущество, премудрость, всевѣдѣніе), такъ и тѣ, которыя связаны съ Его промыслительною дѣятельностью (благость, справедливость, или праведность). Такимъ образомъ распадается, все цѣликомъ, понятіе Теистическаго Бога. Нѣтъ доказательствъ и въ защиту безсмертія души или загробной жизни. Въ практическомъ от-

ношеніи значеніе религіи въ полномъ смыслѣ слова *мнимое*; добро, которое когда-либо было получено человѣчествомъ отъ религіи, на самомъ дѣлѣ было обязано совсѣмъ другимъ источникамъ, въ зависимости отъ которыхъ дѣйствовала она сама. Эта мысль Милля имѣетъ отрицательное выраженіе; но, очевидно, она implicite заключаетъ и положительное содержаніе. Если не религія приносила человѣку благо, которое считалось ея даромъ, а другія силы, то, отвергая религію, мы обязаны сохранить эти силы для блага человѣчества. Онѣ и суть настоящіе дѣятели человѣческаго счастья, а не религія, которая, очевидно, должна быть ими замѣнена.

Доказавъ полную несостоятельность религіи Теизма, какъ религіи сверхъестественной, и не отвергая все таки религіи въ ея сущности, Милль долженъ былъ указать тѣ предметы, на которыхъ можно было бы остановиться религіозному сознанію. Таковыми предметами у него является *всечеловѣчество* и *его благо*. Ясно, что первое имѣетъ назначеніе замѣнить Бога, которому служитъ религія Теизма; а его благо должно стать мотивомъ для практической дѣятельности послѣдователя новой религіи. Такъ какъ подобнымъ мотивомъ дѣятельности для теиста является воля Божія (благая, совершенная), то всечеловѣческое благо должно быть ея замѣстителемъ. Новая религія превосходитъ отринутую во всѣхъ отношеніяхъ. Она способна подавить эгоизмъ человѣка, воспитывая въ немъ рядъ безкорыстныхъ чувствъ, она не потребуетъ также того извращенія умственныхъ способностей, которое необходимо религіи Теизма для защиты нѣкоторыхъ основныхъ его положеній. При этомъ она прямо и искренно заявляетъ, что за смертію не будетъ другой сознательной жизни.

Итакъ Милль бросаетъ въ лицо Теизму страшный вызовъ. Этотъ вызовъ мы принимаемъ. Раскрываемую нашей Догматикой религію Милль подвергаетъ критикѣ и сомнѣнію съ ея общефилософскихъ сторонъ. Чтобы *философски* обосновать ихъ, очистивъ отъ несправедливыхъ и научно-недопустимыхъ нареканій, именно этими сторонами мы и должны поставить Теизмъ передъ взорами ума. Другихъ сторонъ мы не будемъ касаться, потому

что разъясненіе ихъ есть дѣло Догматики, а не философіи. Нашъ же трудъ, по своему характеру и задачѣ, есть богословско-философскій. Этому характеру и задачѣ его будетъ соотвѣтствовать и усвоенный нами методъ.

Такъ мы и поведемъ дѣло въ послѣдующихъ частяхъ нашего труда. Главный предметъ его: Богъ, философское доказательство Его бытія и свойствъ; все остальное будетъ затронуто нами лишь въ той мѣрѣ, въ какой этого потребуетъ болѣе или менѣе существенное соприкосновеніе съ главнымъ предметомъ.

Говоря болѣе подробно, въ составъ нашего труда должны войти слѣдующіе вопросы. Въ связи съ главной его задачей—философски обосновать Теизмъ, прежде всего представляется необходимымъ условиться относительно значенія тѣхъ понятій, которыя будутъ положены въ самое основаніе нашей философской аргументаціи. Мы не должны разногласить съ Миллемъ въ началахъ, иначе всѣ тѣ доводы, которые будутъ утверждаться на нихъ, какъ на послѣднемъ своемъ основаніи, падутъ сами собой, разъ эти начала встрѣтятъ иное объясненіе или пониманіе со стороны Милля и такимъ образомъ не перестанутъ внушать къ себѣ недовѣріе. Отсюда сама собой вытекаетъ необходимость начать наше изслѣдованіе съ уясненія нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ понятій или, какъ мы выражаемся ниже, съ установленія существенныхъ философскихъ терминовъ. Такъ дается вопросъ и содержаніе для *второй главы* нашего труда. Послѣ того, какъ будутъ раскрыты основныя философскія понятія или установлены существенные термины, естественно будетъ приступить къ выполненію прямой задачи настоящаго изслѣдованія, т. е. къ обоснованію Теизма. Обосновать что нибудь—значитъ привести такого рода соображенія, которыя бы являлись ручательствомъ въ достовѣрности того, что обосновывается, иначе говоря: *обосновать* значитъ *доказать*. Такимъ образомъ первый вопросъ, который самъ собой возникаетъ предъ умомъ при сужденіи о Теизмѣ, есть вопросъ о его доказательствахъ. Съ этой именно стороны, какъ мы видѣли, Милль и открываетъ свои нападенія, на оспариваемое имъ ученіе: своими возраженіями онъ стремится подорвать силу до-

казательствъ, обыкновенно приводимыхъ въ пользу Теизма. Отсюда къ вопросу о доказательствахъ Теизма естественно присоединяется вопросъ о возраженіяхъ на нихъ со стороны Милля—такъ выдѣляются двѣ части весьма важнаго вопроса, раскрытіе котораго и составитъ содержаніе всѣхъ послѣдующихъ разсужденій. Такъ какъ предметъ ихъ настолько обширенъ, что образовать изъ нихъ одну главу невозможно, то мы составимъ изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ главъ, именно такимъ образомъ.

Третья глава будетъ имѣть дѣло съ четырьмя доказательствами бытія Божія, потому что вопросъ объ этомъ стоитъ во главѣ Теизма. Въ ней же, какъ само собой понятно, должно быть отведено мѣсто и соотвѣтствующимъ возраженіямъ Милля. Первой частью *четвертой* главы послужитъ — окончательное утвержденіе истины бытія Божія. Четыре обычныхъ доказательства, какъ мы увидимъ, окончательно къ ней не приводятъ; затѣмъ вопросъ начинаетъ касаться уже новаго предмета—происхожденія религіи; вотъ причины, почему мы переносимъ эту часть вопроса въ другую главу. За обнаруженіемъ „существованія" предмета естественно должна идти рѣчь о его свойствахъ. Свойства Божіи весьма удобно раздѣлить на двѣ части: на свойства Его Существа или такія, которыя мыслятся независимо отъ творенія, и свойства, которыя мыслятся въ связи съ этимъ твореніемъ. Разсужденіе о первыхъ послужитъ второю частью *четвертой* главы. У Милля непосредственно за первыми свойствами слѣдуютъ разсужденія о вторыхъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ разборомъ его возраженій все это заняло бы слишкомъ много мѣста, то вопросъ, о вторыхъ свойствахъ мы будемъ выяснять въ особой *пятой* главѣ, гдѣ будемъ рѣшать и возраженія Милля. Вопросъ о безсмертіи души составитъ третью часть четвертой главы. Для особой главы разсужденія объ этомъ предметѣ слишкомъ кратки; а помѣстить ихъ въ какую-либо другую мы не находимъ удобнымъ. По окончаніи рѣчи о свойствахъ Божіихъ, мы излагаемъ разсужденія Милля о полезности и пригодности религіи. Этимъ вопросомъ мы займемся въ *шестой* главѣ. Въ *седьмой* главѣ мы станемъ говорить о

новой религіи Милля. Исчерпавъ всѣ стороны вопроса въ семи поименованныхъ главахъ, въ *восьмой* мы изложимъ свои выводы и послѣднія замѣчанія. За всѣмъ тѣмъ будетъ *Приложеніе*. Въ немъ будутъ помѣщены разныя разсужденія, не относящіяся прямо къ сущности дѣла, но проливающіе на него свѣтъ. Не отводимъ для нихъ мѣста подъ строкой, не желая пестрить работу и боясь повредить цѣльности впечатлѣнія тѣхъ, кто будетъ читать нашъ трудъ.

М. Лебедевъ.

(Продолженіе будетъ).

„Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ" Лейбница.

(Продолженіе *).

ГЛАВА VI.

§ 26. *Филалетъ.* Если бы виды были дѣломъ природы, то они не были бы понимаемы столь разнообразно различными людьми: одному, напримѣръ, человѣкъ представляется животнымъ безъ перьевъ, на двухъ ногахъ, съ плоскими ногтями; другой, послѣ болѣе глубокаго изслѣдованія, присоединяетъ къ этому разумъ. Однако же многіе люди опредѣляютъ виды животныхъ скорѣе по ихъ *внѣшней формѣ*, чѣмъ по ихъ *порожденію*; ибо неоднократно спрашиваютъ, извѣстное человѣческое *порожденіе* (*foetus*), должно ли быть допущено къ крещенію или нѣтъ, по той единственно причинѣ, что его внѣшній видъ отличается отъ обычной формы дитяти; такъ какъ не знаютъ, способно ли это порожденіе вести разумную жизнь столько же, какъ дѣти, появляющіяся въ другой формѣ, среди которыхъ нѣкоторыя, не смотря на приличную форму, никогда не подаютъ возможности видѣть, во всю ихъ жизнь, столько разума, сколько можно видѣть его у обезьяны или слона, и которыя не проявляютъ никакого признака обладанія разумною душею; отсюда ясно видно, что внѣшняя форма, по которой одной только судятъ, а не по способности разсуждать, о которой еще никто не знаетъ—будетъ ли не доставать ея въ свое время,—признается существенною для человѣческаго вида. И въ этомъ случаѣ богословы и юрисконсульты, наиболѣе свѣдущіе, долж-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ" за 1895 г. № 9.

ны отказаться отъ своего общепринятаго определенія разумнаго животнаго и на его мѣсто поставить нѣкоторую другую сущность человѣческаго вида. Менажъ (*Menagiana*, т. I, стр. 278, изд. Голл. 1649) представляетъ намъ одинъ примѣръ въ аббатѣ Сенъ-Мартенѣ, заслуживающимъ быть приведеннымъ: „Когда аббатъ Сенъ-Мартенъ, говоритъ онъ, появился на свѣтъ, то имѣлъ фигуру столь мало похожую на человѣческую, что скорѣе схожъ былъ съ чудовищемъ. Задумывались нѣкоторое время, надобно ли его крестить. Однако же онъ былъ крещенъ и его объявили человѣкомъ лишь предварительно, то есть, когда можно будетъ узнать, что онъ такое. Онъ по природѣ своей столько былъ безобразенъ, что его всю жизнь называли аббатомъ уродомъ. Онъ происходилъ изъ Каены".—Вотъ дитя, едва не исключенное изъ человѣческаго рода, единственно по причинѣ формы. Аббатъ избѣжалъ возможныхъ непріятностей, не смотря на свой видъ; но достовѣрно, что при болѣе уродливой фигурѣ онъ погибъ бы, какъ существо, которое не должно быть признаваемо человѣкомъ. И однако же нельзя было бы представить никакого основанія, почему его разумная душа не могла бы обитать въ немъ, хотя бы черты лица его были нѣсколько болѣе измѣнены; почему бы его лице, нѣсколько болѣе удлиненное, или носъ болѣе плоскій, или ротъ съ большимъ прорѣзомъ, не могли бы совмѣщаться также хорошо, какъ и остальная неправильная фигура, съ душею и съ качествами, сдѣлавшими его способнымъ, не смотря на безобразіе, получить церковную степень.

Ѳеофилъ. До сихъ поръ не находили разумнаго животнаго съ внѣшнею фигурою, очень отличною отъ нашей; вотъ почему, когда дѣло шло о крещеніи дитяти, раса и фигура всегда признавались показателями для сужденія о разумности или неразумности этого животнаго. Такимъ образомъ, богословы и юристы не имѣли надобности отказываться отъ своихъ общепринятыхъ опредѣленій.

§ 27. *Филалетъ.* Но если бы тотъ уродъ, о которомъ говоритъ Лицетъ (кн. I гл. 3), и который имѣлъ голову человѣка и тѣло свиньи, или другіе уроды, которые на человѣческихъ тѣлахъ имѣли головы собакъ или лошадей и пр., сохранились

для жизни и могли говорить, то затрудненіе было бы гораздо большее [1]).

Ѳеофилъ. Я соглашаюсь съ этимъ, и если бы это случилось и если бы кто либо былъ созданъ похожимъ на писателя, монаха старинныхъ временъ, по прозванію Ганса Кольба (Ивана Теленка), который изобразилъ себя въ написанной имъ книгѣ съ головою теленка и съ перомъ въ рукѣ, что̀ забавнымъ образомъ заставило нѣкоторыхъ вѣрить, будто этотъ писатель и дѣйствительно былъ съ головою теленка,—если бы это случилось, говорю я; то на будущее время были бы болѣе воздержными отъ недовѣрія (se deffaire) къ уродамъ. Ибо по видимому у богослововъ и юристовъ разумъ имѣетъ предпочтеніе предъ фигурою и даже предъ отличіями, которыя анатомія можетъ представить медикамъ. А между тѣмъ послѣднее обстоятельство столько же мало уничтожало бы человѣческое достоинство, какъ и перемѣщеніе внутренностей человѣка, коего анатомическое строеніе видѣли мои знакомые въ Парижѣ, что̀ надѣлало много шуму, при чемъ природа

Peu sage et sans doute en débauche
Plaça le foie au côté gauche
Et de même *vice versa*
Le coeur à la droite placa;
(Мало благоразумная и, безъ сомнѣнія, по разсѣянности
Помѣстила легкія на лѣвой сторонѣ;
И подобнымъ образомъ *vice versa*
Помѣстила сердце съ правой стороны);

если только я хорошо помню стихи, которые покойный Алліотъ (знаменитый медикъ, прославившійся своимъ леченіемъ рака) составилъ по этому удивительному случаю и показывалъ мнѣ. Разумѣется, только бы различіе внѣшняго образа у разумныхъ животныхъ не простиралось слишкомъ далеко и не возвращалось ко временамъ, когда животныя говорили; потому что иначе мы лишились бы нашего преимущества обладанія разумомъ и

[1]) Фортуній Лицетъ въ сочиненіи своемъ: *De spontaneo viventium ortu* (*Vicentiae,* 1618) говоритъ о разнаго рода уродствахъ при рожденіи и ссылается при этомъ на свое собственное сочиненіе: *De monstrorum caussis, natura et differentiis* (*Patavii,* 1634), равно какъ и на сочиненіе отца своего, Іосифа Лицета: *Dialogus de genitalium usu et dignitate.*

стали бы впередъ внимательнѣе къ происхожденію и къ внѣшности, чтобы оказаться въ состояніи отличить потомка Адама отъ потомка, могущаго происходить отъ царя или патріарха какого либо государства обезьянъ. И нашъ ученый авторъ имѣлъ основаніе замѣтить (§ 29), что если бы Валаамова ослица во всю свою жизнь поступала столько же разумно, какъ поступила однажды съ своимъ господиномъ (предположивши, что это не было однимъ лишь пророческимъ видѣніемъ), то все же ей трудно было бы занять мѣсто и положеніе среди женщинъ.

Филалетъ. Какъ вижу, вы смѣетесь; быть можетъ, и писатель тоже смѣялся; но говоря серьезно, вы видите, что не всегда возможно обозначить опредѣленныя границы для видовъ.

Феофилъ. Я уже согласился съ вами въ этомъ; ибо когда дѣло идетъ о вымыслахъ или о возможностяхъ вещей, то переходъ отъ вида въ видъ можетъ быть незамѣтнымъ и распознаваніе ихъ бываетъ иногда почти тѣмъ же, чѣмъ бываетъ рѣшеніе того, сколько надобно оставить человѣку волосъ, чтобы онъ не былъ плѣшивымъ. Эта же неопредѣленность могла бы быть дѣйствительною и въ томъ случаѣ, если бы мы даже въ совершенствѣ знали внутреннее строеніе твореній, о которыхъ идетъ дѣло. Но я не вижу, чтобы она могла помѣшать вещамъ обладать реальными сущностями независимо отъ разума, и чтобы мы не могли знать ихъ. Справедливо, что имена и границы видовъ бываютъ иногда подобны наименованіямъ мѣръ и тяжестей, при которыхъ необходимо (*опредѣленное*) избраніе для обладанія устойчивыми границами. Но обыкновенно этого не боятся, такъ какъ виды, очень сближающіеся другъ съ другомъ, рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ.

§ 28. *Филалетъ.* Кажется, что въ сущности мы сходимся при этомъ, хотя нѣсколько расходимся въ выраженіяхъ. Я соглашаюсь, что въ именахъ *субстанцій* существуетъ менѣе произвола, чѣмъ въ наименованіяхъ *сложныхъ модусовъ*. Ибо никогда не думаютъ соединять блеяніе овцы съ фигурою лошади, ни цвѣта свинца съ тяжестію и твердостію золота; охотнѣе создаютъ копіи согласно съ природою [1]).

[1]) Филалетъ отъ лица Локка высказываетъ положеніе, что какъ субстанціальныя, такъ и модальныя наши идеи или понятія основываются на опытѣ и что

Ѳеофилъ. Это происходитъ не столько отъ того, что при субстанціяхъ обращаютъ вниманіе лишь на то, что въ нихъ дѣйствительно есть, сколько отъ того, что при физическихъ идеяхъ (въ сущности мало извѣстныхъ) не бываютъ увѣрены, возможно ли и полезно ли ихъ соединеніе, когда дѣйствительное бытіе не представляетъ гарантіи этого. Но это бываетъ еще и при модусахъ не только, когда ихъ темнота непроницаема, какъ это случается иногда въ физикѣ, но и когда не легко проникнуть въ нихъ, какъ на это есть достаточно примѣровъ въ геометріи. Ибо въ той и въ другой наукѣ не въ нашей власти совершать соединенія по своей фантазіи; иначе мы имѣли бы право говорить *о правильномъ десятигранникѣ*; и въ полукругѣ стали бы искать центръ *величины*, какъ находятъ центръ *тяжести* [1]). Ибо въ самомъ дѣлѣ поразительно, что одно существуетъ въ немъ, а другое не существуетъ. И какъ въ модусахъ соединенія не всегда бываютъ произвольными, такъ по противоположности они бываютъ иногда произвольными въ субстанціяхъ. И часто отъ насъ зависитъ совершать соединенія качествъ для опредѣленія субстанціальныхъ бытій прежде опыта, когда качества эти достаточно извѣстны, чтобы судить о возможности ихъ соединенія. Такимъ то образомъ садовники, опытные въ садоводствѣ, основательно и съ успѣхомъ могутъ задаваться цѣлію произвесть какой либо новый видъ и напередъ усвоить ему названіе.

внутренній нашъ міръ знанія есть лишь такая или иная, удачная или неудачная, копія природы. Лейбницъ не противорѣчитъ этому, но при образованіи этихъ идей или понятій даетъ важное значеніе врожденнымъ законамъ человѣческаго духа.—Жизнеописаніе вышеупомянутаго медика Алліота можно находить въ „*Biographie universelle*“ Мишо (Paris, 1854, Th: 1. p. 302). Алліотъ долго пользовался славою искуснаго врача при излеченіи рака; но его искусство оказалось безсильнымъ при врачеваніи отъ этой болѣзни Анны Австрійской, матери Людовика XIV.

[1]) Лейбницъ хочетъ сказать, что въ понятіи легко можно соединять противорѣчущія другъ другу идеи, каковыя соединенія легко могутъ представляться понятными и возможными, какъ, напримѣръ, представляется возможнымъ правильный десятигранникъ, центръ тяжести полукруга и др.; но всѣ эти соединенія тотъ-часъ окажутся невозможными, когда мы подвергнемъ ихъ анализу и обратимъ вниманіе на ихъ реальное содержаніе. Не все мыслимое можетъ быть оправдано или доказано опытомъ и логическими законами человѣческаго духа.

§ 29. *Филалетъ.* Вы всегда должны будете согласиться со мною, что когда дѣло идетъ объ опредѣленіи видовъ, то число соединяемыхъ идей зависитъ отъ различнаго примѣненія, смѣтливости или фантазіи того, кто производитъ это соединеніе. Какъ при опредѣленіи вида растеній и животныхъ по большей части руководствуются фигурою ихъ, такъ въ отношеніи къ большей части естественныхъ тѣлъ, которыя возникаютъ не посредствомъ сѣмянъ, наиболѣе обращаютъ вниманіе на цвѣтъ.

§ 30. Въ дѣйствительности опредѣленія эти часто суть лишь смутныя, грубыя и неточныя понятія, и надобно, чтобы люди согласились въ точномъ числѣ простыхъ идей или качествъ, принадлежащихъ такому или иному виду или такому или иному наименованію; потому что надобно употребить трудъ, умѣнье и время для нахожденія простыхъ идей, постоянно соединенныхъ другъ съ другомъ. Однако же немногія качества, составляющія эти неточныя опредѣленія, обыкновенно бываютъ достаточными при общемъ употребленіи; не смотря однако же на толки о родахъ и видахъ, все же формы, о которыхъ такъ много говорили въ школахъ, суть только химеры, которыя нисколько не помогаютъ намъ прійти къ познанію сфецифическихъ сущностей.

Ѳеофилъ. Кто составляетъ возможное какое либо соединеніе и усвояетъ этому наименованіе, тотъ не обманывается въ этомъ; но онъ обманывается, когда думаетъ, что понимаемое имъ есть совершенно то же, что и другіе люди, болѣе опытные, понимаютъ подъ тѣмъ же наименованіемъ и въ томъ же тѣлѣ. Онъ, быть можетъ, думаетъ о родѣ слишкомъ общемъ, между тѣмъ какъ другой думаетъ о родѣ специфическомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего, что противорѣчило бы школамъ; и я не вижу, почему вы здѣсь возстаете противъ родовъ, видовъ и формъ, когда и сами должны допустить роды, виды и даже внутреннія сущности или формы, которыя не думаютъ употреблять для познанія специфической природы предмета; такъ какъ признаются, что еще не знаютъ ихъ.

§ 30. *Филалетъ.* По крайней мѣрѣ, ясно, что указываемыя нами границы видамъ, не соотвѣтствуютъ *точно* границамъ, устанавливаемымъ природою. Ибо при надобности имѣть общія

имена для наличнаго употребленія, мы не даемъ себѣ труда открывать свойства видовъ, которые привели бы насъ къ лучшему познанію самыхъ существенныхъ ихъ различій и согласій; и мы сами разлагаемъ ихъ на виды въ силу извѣстныхъ явленій, бросающихся всѣмъ въ глаза, чтобы вступать въ болѣе легкое общеніе съ другими.

Ѳеофилъ. Если мы соединяемъ идеи согласуемыя другъ съ другомъ, то указываемые нами предѣлы видамъ *совершенно соотвѣтствуютъ* природѣ; а когда мы постараемся соединять идеи, существующія совмѣстно въ дѣйствительности, то наши понятія соотвѣтствуютъ и опыту. Если же мы смотримъ на нихъ лишь, какъ на предварительныя въ отношеніи къ дѣйствительнымъ вещамъ, прежде испытанія или открытія въ нихъ большаго, и если мы обратимся къ опыту, когда дѣло идетъ о познаніи чего-либо точнаго въ отношеніи къ тому, что общепринято понимать подъ этимъ именемъ: то мы не обманываемся въ этомъ. Такимъ образомъ, природа можетъ доставлять намъ идеи болѣе совершенныя и болѣе соотвѣтственныя, но она не обманываетъ насъ уже имѣющимися у насъ; такъ какъ они хороши и естественны, хотя, быть можетъ, не самыя лучшія и не самыя естественныя.

§ 32. *Филалетъ.* Наши *общія идеи субстанцій*, какова, напримѣръ, идея металла, не слѣдуютъ точно *моделямъ*, предлагаемымъ для нихъ природою; ибо нельзя найти ни одного тѣла, которое содержало бы только растяжимость и плавкость, безъ другихъ качествъ.

Ѳеофилъ. Подобныхъ моделей не требуютъ, и не имѣютъ основанія требовать ихъ; да ихъ нѣтъ и для самыхъ раздѣльныхъ понятій. Никогда не находятъ числа, въ которомъ замѣчали бы одно лишь вообще множество; или протяженія, въ которомъ существовала бы одна лишь твердость и не было бы другихъ качествъ. Когда специфическія различія бываютъ положительны и противоположны другъ другу, тогда надобно, чтобы родъ принималъ участіе въ этомъ.

Филалетъ. Такимъ образомъ, если кто воображаетъ, что человѣкъ, лошадь, животное, растеніе и пр. различаются *реальными сущностями*, образуемыми природою, тотъ долженъ вообра-

жать природу очень *щедрою на эти реальныя сущности*, когда она производитъ одну сущность для тѣла, другую для животнаго, и еще иную для лошади, и всѣ эти сущности щедро сообщаетъ Буцефалу; между тѣмъ какъ роды и виды суть только признаки, болѣе или менѣе распространенные.

Ѳеофилъ. Если вы принимаете реальныя сущности за такія субстанціальныя модели, которыя были тѣломъ и ничего болѣе, животнымъ, не имѣющимъ ничего болѣе специфическаго, лошадью безъ индивидуальныхъ качествъ, то вы справедливо признаете ихъ химерами. Но никто, я думаю, даже величайшій *реалистъ* прошедшихъ временъ, не предполагаетъ, будто есть столько субстанцій, ограничиваемыхъ родомъ, сколько есть родовъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что если общія сущности не суть это, то они суть лишь *признаки*, ибо я неоднократно замѣчалъ вамъ, что они суть *возможности*, *проявляющіяся въ сходствѣ* вещей. Это то же, что происходитъ съ цвѣтами, которые не суть субстанціи или извлеченныя тинктуры; но отсюда не слѣдуетъ, что они суть лишь воображаемыя. Наконецъ не слѣдуетъ представлять себѣ природу слишкомъ *щедрою*; она возвышается надъ всѣми нашими изобрѣтеніями и всѣ согласуемыя возможности въ преимущественной степени оказываются реализированными на великомъ театрѣ ея представленій. Нѣкогда среди философовъ существовали двѣ аксіомы: *реалисты* представляли природу расточительною, а *номиналисты* думали, что она скупа. Одни говорили, что природа не терпитъ пустоты, а другіе, что она ничего не дѣлаетъ даромъ. Эти аксіомы хороши, если ихъ хорошо понять; ибо природа подобна хорошему домовладыкѣ, который расточаетъ тамъ, гдѣ должно, чтобы въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ представиться величественнымъ. По своимъ эффектамъ природа величественна, и бережлива въ отношеніи къ примѣняемымъ ею для этого причинамъ.

§ 34. *Филалетъ*. Не вдаваясь въ болѣе продолжительный споръ о реальныхъ сущностяхъ, достаточно имѣть въ виду цѣль языка и употребленія словъ, состоящую въ краткомъ выраженіи нашихъ мыслей. Когда я хочу разсказать кому либо о нѣкоторомъ видѣ птицы, вышиною въ три или четыре фута,

коей кожа покрыта чѣмъ то среднимъ между перьями и волосами темнокоричневаго цвѣта, безъ крыльевъ, съ двумя или тремя отростками, похожими на вѣтки дроковаго растенія (genêt), которые ниспадаютъ у него внизъ, къ длиннымъ и грубымъ голенямъ, съ ногами только о трехъ когтяхъ и безъ хвоста: то я долженъ буду сдѣлать это описаніе, чтобы стать понятнымъ другому. Но когда мнѣ скажутъ, что имя этому животному есть *Казуаръ*, тогда при разговорѣ я могу пользоваться этимъ именемъ для обозначенія всей этой сложной идеи.

Ѳеофилъ. Быть можетъ, точная идея покрова кожи или какой либо другой части одна была бы совершенно достаточна для различенія этого животнаго отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ другихъ, какъ Геркулесъ давалъ о себѣ знать по оставляемымъ имъ слѣдамъ стопъ, и какъ левъ узнается по когтямъ, по словамъ латинской пословицы. Но чѣмъ больше собираютъ различающихъ обстоятельствъ, тѣмъ опредѣленіе становится болѣе состоятельнымъ.

§ 35. *Филалетъ*. Въ этомъ случаѣ, мы можемъ безъ вреда для вещи отсѣкать нѣчто отъ идеи, но когда отсѣкаетъ природа, то возникаетъ вопросъ—остается ли видъ? Напримѣръ: если бы существовало тѣло, которое имѣло бы всѣ свойства золота, за исключеніемъ растяжимости: то было ли бы это золото? Рѣшеніе этого зависитъ отъ людей. Именно они опредѣляютъ виды предметовъ.

Ѳеофилъ. Совершенно нѣтъ; они опредѣляютъ только названіе. Но опытъ научаетъ насъ, что растяжимость не находится въ необходимой связи съ другими свойствами золота, взятыми вмѣстѣ. Поэтому свойства эти показываютъ намъ новую возможность и слѣдовательно новый видъ. Что же касается ломкости или хрупкости золота, то это приходитъ въ золото чрезъ прибавленіе и не имѣетъ ничего существеннаго съ остальными пробами золота; потому что пробирная чашечка и сурьма отнимаютъ отъ него хрупкость.

§ 36. *Филалетъ*. Изъ нашего ученія слѣдуетъ нѣчто такое, что представляется очень страннымъ, именно: всякая отвлеченная идея, имѣющая извѣстное имя, образуетъ отдѣльный видъ. Но что подѣлаете, если природа этого хочетъ? Я хо-

тѣлъ бы знать, почему *болонка* и *левретка* не различаются видами столько же, какъ *лягавая собака* и *слонъ?*

Ѳеофилъ. Я выше показалъ различныя значенія слова *видъ*. Принимая его логически или скорѣе математически, для этого достаточно малѣйшаго несходства; тогда всякая различная идея будетъ доставлять иной видъ; и не важно—будетъ ли или не будетъ она имѣть имя. Но когда говорятъ въ физическомъ смыслѣ, тогда не останавливаются на всѣхъ различіяхъ; и говорятъ или опредѣленно, когда дѣло идетъ только о явленіяхъ, или предположительно, когда дѣло идетъ о внутренней истинности предметовъ, предполагая при этомъ существенную и неизмѣнную природу, какою у человѣка полагаютъ разумъ. Поэтому предполагаютъ, что все отличающееся только случайными измѣненіями, какъ вода и ледъ, живое серебро въ текучей формѣ и въ сулимѣ, есть одного и того же вида; и въ физическихъ тѣлахъ обыкновенно предположительно полагаютъ признакъ того же вида въ порожденіи или расѣ, какъ при самыхъ сходныхъ предметахъ полагаютъ его въ воспроизведеніи. Справедливо, что объ этомъ судятъ неточно при недостаткѣ знанія внутренней структуры предметовъ. Но, какъ я говорилъ неоднократно, судятъ предварительно и часто предположительно. Когда же говорятъ только о внѣшности изъ желанія говорить только о достовѣрномъ, то при этомъ допускаютъ широкій смыслъ; и спорить тогда о томъ—существуетъ ли при этомъ различіе специфическое или нѣтъ, это значитъ спорить о словахъ; и въ этомъ смыслѣ существуетъ столь большое различіе между собаками, что очень хорошо можно сказать, что англійскіе доги и болонки суть различнаго вида. Но не невозможно, что они того же вида или подобной же отдаленной расы, которую можно было бы найти, если бы можно было взойти выше, и ихъ предки оказались бы подобными или тѣми же, но затѣмъ ихъ потомство послѣ нѣкоторыхъ великихъ перемѣнъ сдѣлалось у однихъ очень большимъ, а у другихъ очень маленькимъ. Можно даже думать, не противорѣча разуму, что они обладаютъ внутреннею, постоянною, общею специфическою сущностію, которая не подпадаетъ дальнѣйшему подраздѣленію или которая не существуетъ въ такихъ или иныхъ природахъ

и, слѣдовательно, можетъ видоизмѣняться только акциденціями, хотя при этомъ нѣтъ ничего заставляющаго насъ думать, что бы такъ по необходимости было во всемъ томъ, что мы называемъ самымъ низшимъ видомъ (speciem infimam). Но совершенно невѣроятно, чтобы лягавая собака и слонъ были одной и той же расы и чтобы они имѣли одинаковую специфическую природу. Такимъ образомъ, когда говорятъ на основаніи видимости, можно различать виды собакъ при различныхъ сортахъ собакъ, а говоря на основаніи внутренней сущности, можно колебаться въ этомъ; но сравнивая собаку и слона, нельзя по внѣшности усвоять имъ того, что заставляло бы признать ихъ принадлежащими къ одному и тому же роду. И такъ нѣтъ никакого основанія колебаться въ отношеніи къ предположеніямъ. И у людей, говоря въ логическомъ смыслѣ, можно различать виды; и если останавливаются на внѣшности, то находятъ еще, говоря въ физическомъ смыслѣ, различія, которыя могутъ быть признаваемы специфическими. Такъ былъ одинъ путешественникъ, который думалъ, что негры, китайцы и наконецъ американцы не принадлежатъ взаимно къ одной и той же расѣ, ни къ народамъ похожимъ на насъ. Но когда знаютъ внутреннюю сущность человѣка, то есть, его разумъ, существующій у того же человѣка и находящійся у всѣхъ людей, и когда между ними не замѣчаютъ ничего постояннаго и внутренняго, что вызывало бы подраздѣленія, то мы не имѣемъ никакого повода думать, что среди людей, судя по истинной внутренности, существуетъ различіе специфически существенное, между тѣмъ какъ таковое существуетъ между человѣкомъ и животнымъ,—предположивши, что животныя, согласно съ выше даннымъ мною объясненіемъ, обладаютъ только эмпирическимъ познаніемъ, какъ и на самомъ дѣлѣ опытъ не даетъ намъ никакого основанія думать о нихъ иначе.

§ 39. *Филалетъ.* Возьмемъ для примѣра какую либо искусственную вещь, коей внутренняя структура намъ извѣстна. Часы, которые показываютъ только время, и часы, которые обладаютъ боемъ, суть одного вида для тѣхъ, которые имѣютъ лишь одно слово для ихъ обозначенія; но для того, кто имѣетъ названіе *часовъ*, чтобы обозначить первые, и имѣетъ названіе

репетира, чтобы обозначить вторые, они въ отношеніи къ нему будутъ различнаго вида. Имя, а не внутреннее строеніе даетъ новый видъ; иначе было бы очень много видовъ. Существуютъ часы о четырехъ колесахъ, а другіе о пяти; нѣкоторые имѣютъ шнурки и оси, другіе не имѣютъ; нѣкоторые имѣютъ маятникъ свободнымъ, а у другихъ онъ приводится въ движеніе спиральною пружиною, а еще у иныхъ—щетинистою проволокою. Какое же изъ этихъ обстоятельствъ достаточно, чтобы произвесть специфическое различіе? Я говорю никакое, пока эти часы объединяются подъ однимъ названіемъ.

Ѳеофилъ. А я говорю напротивъ; ибо, не останавливаясь на именахъ, я хотѣлъ бы обратить вниманіе на различіе искусства и преимущественно на различіе маятника; ибо съ тѣхъ поръ, какъ къ нему примѣнили пружину, управляющую его движеніями сообразно съ своими собственными и, слѣдовательно, дѣлающую эти движенія болѣе равными, карманные часы перемѣнили свой видъ и стали несравненно болѣе правильными. Я тоже указалъ нѣкогда на другой принципъ равенства, который можетъ быть примѣненъ къ часамъ.

Филалетъ. Если кто пожелаетъ дѣлать раздѣленія на основаніи извѣстнаго ему внутренняго строенія, тотъ можетъ это сдѣлать: но это не будутъ раздѣльные виды для людей, не знающихъ этого строенія.

Ѳеофилъ. Я не знаю, почему у васъ постоянно хотятъ сдѣлать зависимыми отъ нашего мнѣнія или отъ нашего знанія добродѣтели, истины и виды. Они заложены въ природѣ, будемъ ли мы ихъ знать и признавать, или нѣтъ; говоря иначе, это значитъ безъ всякой надобности измѣнять названія предметовъ и общеупотребительный языкъ. Люди до сихъ поръ думали, что существуетъ много видовъ часовъ и репетировъ, не заботясь о томъ, въ чемъ состоитъ ихъ различіе, или какъ можно назвать ихъ.

Филалетъ. Однако же вы сами недавно признали, что когда хотятъ различать виды по внѣшности, то поступаютъ произвольно, по скольку находятъ это цѣлесообразнымъ; то есть, смотря по тому, находятъ ли различіе болѣе или менѣе значительнымъ и смотря по предположенной цѣли. И вы сами поль-

зуетесь сравненіемъ тяжестей и длиною, которыя регулируются людьми и которымъ даютъ названія по своему произволу.

Ѳеофилъ. Я дѣлаю это съ тѣхъ поръ, какъ сталъ понимать васъ. Между *специфическими различіями* чисто *логическими*, при которыхъ достаточно малѣйшаго измѣненія обозначеннаго опредѣленія, какъ бы ни было оно случайно, и между *специфическими различіями* чисто *физическими*, основанными на признакѣ существенномъ и неизмѣнномъ, можно положить средину, которую нельзя точно опредѣлить; тогда люди регулируются на основаніи важнѣйшихъ явленій, хотя не совершенно постоянныхъ, но и не легко измѣняемыхъ, изъ коихъ одни болѣе приближаются къ существенному, чѣмъ другія. А такъ какъ знатокъ можетъ идти далѣе, чѣмъ кто либо другой, то дѣло представляется произвольнымъ и относительнымъ для людей; тогда и представляется удобнымъ регулировать имена сообразно съ этими важнѣйшими различіями. Поэтому можно сказать—такъ, что это суть *специфическія различія общеупотребительныя и виды номинальные*, которыхъ не должно смѣшивать съ вышеуказанными мною *номинальными опредѣленіями* и которыя имѣютъ мѣсто столько же при различіяхъ специфически логическихъ, какъ и физическихъ. Наконецъ, кромѣ обычнаго словоупотребленія, самые законы могутъ авторизировать значенія словъ, и тогда *виды* становятся *законными*, какъ, напримѣръ, при контрактахъ, называемыхъ *имянными* (*nominati*), то есть, назначенныхъ для частнаго имени, это то же, какъ когда римскій законъ объявлялъ совершеннолѣтнимъ того, кому исполнилось 14 лѣтъ. Всѣми этими соображеніями не должно пренебрегать, но я не вижу, чтобы они были очень полезны здѣсь; ибо, кромѣ того, что вы представляетесь мнѣ примѣняющимъ ихъ тамъ, гдѣ они не приносятъ никакой пользы, этимъ достигается почти такое же дѣйствіе, какъ когда думаютъ, что отъ людей зависитъ продолжать подраздѣленія столь далеко, сколько находятъ это удобнымъ, и воздерживаться отъ дальнѣйшихъ различеній, не нуждаясь въ отрицаніи ихъ; и что отъ нихъ также зависитъ принимать извѣстное за неизвѣстное, чтобы утвердить нѣкоторыя понятія и мѣры (mesures) сообщеніемъ имъ названій.

Филалетъ. Я очень радъ, что мы уже не такъ далеки теперь

другъ отъ друга, какъ педставляется. § 41. Вы согласитесь также, какъ мнѣ кажется, и съ тѣмъ, что искусственные предметы столько же, какъ и естественные, имѣютъ виды, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ. § 42. Но прежде оставленія именъ субстанцій, я прибавлю, что изъ всѣхъ существующихъ у насъ идей, только одни идеи субстанцій имѣютъ имена собственныя или индивидуальныя; ибо рѣдко случается, чтобы люди имѣли надобность часто упоминать о какомъ либо индивидуальномъ качествѣ или о другой какой либо индивидуальной акциденціи. Кромѣ того, индивидуальныя произведенія скоро погибаютъ и существующее при этомъ соединеніе обстоятельствъ не продолжается, какъ это происходитъ съ субстанціями.

Ѳеофилъ. Бываютъ однако же случаи, когда представляется надобность припоминать индивидуальныя акциденціи и усвоять имъ имена; такимъ образомъ правило ваше вообще хорошо, но оно допускаетъ исключенія. Такъ религія показываетъ намъ, напримѣръ, что мы ежегодно воспоминаемъ рожденіе Іисуса Христа, греки называютъ это событіе *теогоніею (богорожденіемъ)*, а поклоненіе волхвовъ *епифаніей (богоявленіемъ)*; и евреи называли *пасхою* по преимуществу прохожденіе ангела, умертвившаго первенцовъ египетскихъ, не коснувшись первенцовъ еврейскихъ; вотъ почему воспоминаніе объ этомъ они должны были ежегодно праздновать. Что касается *видовъ искусственныхъ предметовъ*, то схоластическіе философы затруднялись помѣщать ихъ въ своихъ общихъ раздѣленіяхъ; но ихъ тонкости при этомъ мало были необходимы, такъ какъ эти раздѣлительныя таблицы должны были служить лишь общимъ обозрѣніемъ нашихъ идей. Хорошо однако же узнать различіе, существующее между совершенными субстанціями и между собраніемъ субстанцій (aggregata), которыя суть субстанціальныя бытія сложныя или по природѣ или искусствомъ человѣческимъ. Ибо природа тоже имѣетъ подобные аггрегаты, каковы тѣла, коихъ смѣшеніе несовершенное, говоря языкомъ нашихъ философовъ (imperfecte mixta), и которыя не суть *unum per se*, не имѣютъ въ себѣ совершеннаго единства. Думаю однако же, что четыре тѣла, называемыя элементами и признаваемыя простыми, а также соли, металлы и другія тѣла,

которыя признаютъ въ совершенствѣ смѣшанными и которымъ усвояютъ ихъ построенія, тоже не суть *unum per se*, тѣмъ болѣе, что надобно думать, что они однообразны и однородны только по видимости, и что даже однородное тѣло не перестаетъ быть кучею. Однимъ словомъ, совершенное единство должно быть усвояемо тѣламъ одухотвореннымъ и одареннымъ первоначальными энтелехіями; потому что эти энтелехіи похожи на души, и столько же, какъ онѣ, недѣлимы и неисчезающи; и я въ иномъ мѣстѣ высказалъ сужденіе, что ихъ органическія тѣла суть на самомъ дѣлѣ машины, но на столько превосходящія искусственныя машины нашего изобрѣтенія, на сколько изобрѣтатель естественныхъ машинъ превосходитъ насъ. Ибо эти природныя машины столько же не гибнущи, какъ и самыя души; и животное пребываетъ съ душою навсегда. Чтобы лучше выяснить мою мысль нѣкоторымъ сравненіемъ, не смотря на его забавность, это тоже, какъ когда въ театрѣ хотятъ раздѣть арлекина, но не могутъ достигнуть цѣли; такъ какъ арлекинъ имѣетъ на себѣ множество одеждъ, одну на другой. Конечно эти развитія органическихъ тѣлъ въ безконечность, присущія животному, не настолько сходны и не настолько примѣнены другъ къ другу, какъ одежды; такъ какъ искусство природы отличается совершенно иною тонкостію. Все это показываетъ, что философы совершенно не были неправы, полагая великое различіе между искусственными предметами и естественными тѣлами, одаренными истиннымъ единствомъ. Но только нашему времени удалось открыть эту тайну и понять ея важность и слѣдствіе для установленія естественнаго богословія и того, что называютъ *пневматикою*, въ формѣ совершенно естественной и соотвѣтственной съ опытомъ и пониманіемъ, что нисколько не лишаетъ насъ серьезныхъ соображеній, доставляемыхъ ими, или лучше возвышаетъ ихъ, какъ это дѣлаетъ предустановленная гармонія [1]). Думаю, что этимъ наи-

---

[1]) Лейбницъ придаетъ величайшую важность тому, что его предустановленная гармонія представляетъ фактическое, основанное на опытѣ доказательство бытія Божія; потому что въ природѣ отдѣльныхъ монадъ нельзя видѣть достаточнаго основанія гармонической связи вещей въ общемъ міровомъ порядкѣ; такимъ образомъ, онтологическое доказательство бытія Божія, извлекаемое изъ разума, Лейб-

лучше мы можемъ покончить съ этимъ длиннымъ разсужденіемъ объ именахъ субстанцій.

ГЛАВА VII.

О частицахъ.

§ 1. *Филалетъ*. Кромѣ словъ, служащихъ къ наименованію идей, существуетъ еще надобность въ словахъ, выражающихъ *связь* идей и предложеній. *Это есть, этого нѣтъ*—вотъ общіе признаки *утвержденія* или *отрицанія*. Но духъ, кромѣ частей предложенія, соединяетъ еще и мысли или цѣлыя предложенія, § 2 пользуясь словами, выражающими эту различную связь утвержденій и отрицаній, и извѣстныхъ подъ именемъ *частицъ;* и въ умѣломъ пользованіи ими главнымъ образомъ состоитъ искусство хорошо говорить. Чтобы разсужденія были послѣдовательны и методичны, настоитъ надобность въ выраженіяхъ, показывающихъ *связь, ограниченіе, различіе, противоположеніе, впечатлѣніе* и т. д. И если въ нихъ ошибаются, то приводятъ слушателя въ затрудненіе.

Ѳеофилъ. Я соглашаюсь, что частицы весьма полезны; но я не знаю, дѣйствительно ли отъ нихъ главнымъ образомъ зависитъ искусство хорошо говорить. Если кто либо предлагаетъ лишь афоризмы или отрывочные тезисы, какъ это дѣлаютъ въ университетахъ, или какъ это бываетъ въ книгѣ юристовъ подъ именемъ *артикулярной* (съ статьями), или какъ это бываетъ при приведеніи статей, при подтвержденіи: тогда, если только хорошо расположатъ эти предложенія, достигаютъ

ницъ старается подтвердить сравнительнымъ и связнымъ созерцаніемъ явленій природы. Въ наше время сила этихъ соображеній значительно ослаблена пессимистами, философами безсознательнаго или слѣпой воли къ жизни; но и пессимизмъ оказывается несостоятельнымъ въ виду новѣйшихъ эволюціонистическихъ теорій. Вообще противорѣчіе между пессимизмомъ и оптимизмомъ, существованіе дисгармоніи въ природѣ или бытіе гармоніи, могутъ быть выяснены только естественно-научнымъ путемъ. И надобно отдать честь современному направленію естественно-научныхъ знаній; они склоняются къ оптимистическому созерцанію природы, хотя этотъ оптимизмъ полагаютъ не въ дѣйствительномъ состояніи естественныхъ вещей, а въ возможномъ—будущемъ, при развитіи ихъ согласно съ законами эволюціонныхъ теорій.

почти такого же дѣйствія въ дѣлѣ понятности, какъ если бы употребляли связь и частицы; ибо читатель самъ дополняетъ это. Но я соглашаюсь, что бываютъ смущены, когда дурно употребляютъ эти частицы и еще болѣе—когда ихъ опускаютъ. Мнѣ кажется также, что частицы соединяютъ не только части разсужденія, сложеннаго изъ предложеній, и части предложенія сложеннаго изъ идей, но и части идеи разнообразно слагаемой чрезъ связь съ другими идеями; и эта то послѣдняя связь выражается *предлогами*, между тѣмъ, какъ *нарѣчія* оказываютъ вліяніе на утвержденіе или отрицаніе *глагола*, а *союзы* имѣютъ вліяніе на связь различныхъ утвержденій или отрицаній. Но я не сомнѣваюсь, что вы и сами замѣтили это, хотя повидимому ваши слова выражаютъ иное.

§ 3. *Филалетъ*. Часть грамматики, трактующая о частицахъ, менѣе обработана, чѣмъ часть, излагающая въ порядкѣ *падежи*, *роды*, *наклоненія*, *времена*, *герундіи* и *супины*. Справедливо, что въ нѣкоторыхъ языкахъ размѣстили въ порядкѣ и частицы подъ различными названіями, посредствомъ опредѣленныхъ подраздѣленій и съ большою вѣроятностію точности, но недостаточно лишь просматривать каталоги ихъ. Надобно рефлектировать надъ своими собственными мыслями, чтобы замѣтить формы, принимаемыя духомъ при разсужденіи; ибо частицы суть совершенно то же, что знаки дѣятельности духа.

Θеофилъ. Очень вѣрно, что ученіе о частицахъ важно, и я желалъ бы, чтобы вошли въ болѣе подробную разработку ихъ; ибо ничто столько не способно сообщить познанія о различныхъ формахъ разума. Роды не имѣютъ никакого значенія въ философскихъ грамматикахъ, но падежи соотвѣтствуютъ *предлогамъ* и часто предлогъ скрывается въ падежномъ имени и какъ-бы поглощается имъ, а другія частицы скрываются въ флексіяхъ глаголовъ.

§ 4. *Филалетъ*. Для хорошаго объясненія частицъ недостаточно передать ихъ (какъ обыкновенно дѣлаютъ въ лексиконахъ) словами другаго языка, наиболѣе близкаго къ нимъ; ибо одинаково трудно понять ихъ точный смыслъ на одномъ языкѣ, какъ и на другомъ, не говоря уже о томъ, что значенія словъ сходныхъ двухъ языковъ не всегда бываютъ совершенно тѣ же

и видоизмѣняются въ одномъ и томъ же языкѣ. Я припоминаю, что въ еврейскомъ языкѣ есть частица изъ одной только буквы, у которой насчитываютъ болѣе пятидесяти значеній [1]).

Ѳеофилъ. Ученые люди заботятся составлять трактаты о частицахъ латинскихъ, греческихъ и еврейскихъ; и знаменитый юристъ Штраухіусъ [2]) составилъ книгу объ употребленіи частицъ въ юриспруденціи, гдѣ указано не маловажное значеніе ихъ. Однако же обыкновенно объясняютъ ихъ скорѣе примѣрами и синонимами, чѣмъ раздѣльными понятіями. И не всегда можно найти значеніе общее и дѣйствительное, какъ выражался покойный Боліусъ [3]), которое соотвѣтствовало бы всѣмъ примѣрамъ; но несмотря на это, можно всегда свести употребленіе слова къ опредѣленному числу значеній. А это то и надобно дѣлать.

§ 5. *Филалетъ*. Въ дѣйствительности число значеній значительно превосходитъ значеніе частицъ. Въ англійскомъ языкѣ, частица *but* имѣетъ очень разнообразныя значенія: когда я говорю: 1) *but to say no more*, то она значитъ *но*, не говоря ничего другаго, какъ если бы эта частица показывала, что духъ останавливается въ своемъ движеніи, прежде чѣмъ начнетъ свое дальнѣйшее теченіе. Но когда я говорю: 2) *I saw but two plantes*, то есть, я видѣлъ только двѣ планеты, то духъ ограничиваетъ смыслъ выражаемаго лишь тѣмъ, что высказано, съ исключеніемъ всего остальнаго. А когда я говорю: 3) *You pray, but it is not that God would bring you to the rtue religion, but that he would confirm you in your own*, то есть: вы просите Бога, но не о томъ, чтобы Онъ благоволилъ привесть васъ къ познанію истинной религіи, а о томъ, чтобы укрѣпилъ васъ въ

---

[1]) Кирхманъ думаетъ, что Лейбницъ говоритъ при этомъ о еврейскомъ предлогѣ ל, состоящемъ изъ одной согласной буквы; но у евреевъ—талмудистовъ существуютъ и другія буквы, напримѣръ א, коихъ такое или иное начертаніе сообщаетъ разнообразный смыслъ и даже ведетъ къ мистическимъ соображеніямъ.

[2]) Сочиненіе Іоанна Штрауха, Лейпцигскаго профессора и дяди Лейбница съ материей стороны, было неоднократно издаваемо (1612—1680) и носитъ названіе: *Lexicon particularum et efficacia quorundam syncategorematum et particularum indeclinabilium*.

[3]) Самуилъ Боліусъ (1611—1639), гебраистъ и профессоръ въ Ростокѣ, обогатилъ Германію своими глубокими познаніями въ еврейскомъ языкѣ.

вашей: то первое изъ этихъ *but* или *не*, означаетъ такое предположеніе въ духѣ, которое должно быть инымъ, а не такимъ, какимъ оно есть на самомъ дѣлѣ; а второе показываетъ, что духъ дѣлаетъ прямое противоположеніе между тѣмъ, что слѣдуетъ и что предшествуетъ. 4) *All animals have sense, but a dog is an animal*, то есть, всѣ животныя обладаютъ ощущеніями, но собака есть животное. Здѣсь эта частица выражаетъ связь втораго предложенія съ первымъ.

Ѳеофилъ. Французское *mais* (*но*) можетъ быть поставлено во всѣхъ этихъ случаяхъ, за исключеніемъ втораго; но нѣмецкое *allein*, принятое за частицу и имѣющее значеніе смѣшанное изъ *mais* и *seulement*, безъ сомнѣнія можетъ быть поставлено вмѣсто *but* во всѣхъ этихъ примѣрахъ, исключая послѣдняго, при которомъ можно нѣсколько сомнѣваться въ этомъ. *Mais* переводится также по нѣмецки, то чрезъ *aber*, то чрезъ *sonder*, изъ коихъ послѣднее означаетъ выдѣленіе или изъятіе и приближается къ частицѣ *allein*. Для объясненія частицъ не достаточно исполненія отвлеченнаго объясненія, какъ мы это только что сдѣлали; надобно обратиться къ перифразу, который можетъ быть поставленъ на его мѣсто, какъ опредѣленіе можетъ быть поставлено на мѣсто опредѣляемаго. Когда постараются найти и опредѣлить эти *замѣняющіе перифразы* для всѣхъ частицъ, на сколько они способны къ этому, лишь тогда упорядочатъ ихъ значенія. Постараемся приблизиться къ этому въ четырехъ нашихъ примѣрахъ. Въ первомъ хотятъ сказать: говорится *только* объ этомъ и не болѣе (*non piu*); во второмъ: я видѣлъ *только* двѣ планеты и не болѣе; въ третьемъ: вы просите Бога *только* укрѣпиться въ своей религіи и не болѣе; въ четвертомъ, какъ если бы говорили: *всѣ животныя обладаютъ ощущеніями*, это одно надобно принять во вниманіе и ничего болѣе. *Собака есть животное, слѣдовательно обладаетъ ощущеніемъ*. Такимъ образомъ, всѣ эти примѣры обозначаютъ границы и *non plus ultra*, какъ въ предметахъ, такъ и въ разговорахъ. Такимъ образомъ, *but* есть конецъ, предѣлъ движенія, какъ если бы говорили: остановимся, мы прибыли, мы достигли цѣли. *But* (англійское), *bute* (французское) происходитъ отъ стариннаго нѣмецкаго слова, означающаго нѣчто твердое, нѣчто пребываю-

щее. Нѣмецкое *beuten* (старинное слово, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсняхъ) означаетъ *пребывать*. Французское *mais* имѣетъ свое начало въ латинскомъ *magis*, какъ если бы кто хотѣлъ сказать: что же касается сверхъ сего, то это надобно оставить, что то же, какъ если бы сказать: нѣтъ надобности въ большемъ, этого довольно, перейдемъ къ другому предмету, или это другой предметъ. Но такъ какъ словоупотребленіе разнообразится удивительнымъ образомъ, то надобно было бы пускаться въ большую подробность примѣровъ для достаточнаго упорядоченія значенія частицъ. Во французскомъ языкѣ избѣгаютъ двойнаго *mais* (*но*) посредствомъ *cependant*, и сказали бы: вы молитесь, *однако же* (*cependant*) не для пріобрѣтенія истины, а для укрѣпленія въ своемъ мнѣніи. Латинско *sed* (*но*) часто переводилось прежде *ains*, по италіански *anzi*; французы же, реформировавши его, лишили свой языкъ выгодной выразительности. Напримѣръ: *Il n'y avait rien de sûr, cependant on était prsuadé de ce que je vous ai mandé, parse qu'on aime à croire ce qu'on souhaite; mais il s'est trouvé, que ce n'était pas cela, ains plutôt* и пр.

§ 6. *Филалетъ*. Я намѣренъ былъ коснуться этого предмета лишь самымъ поверхностнымъ образомъ. Но я хочу присовокупить, что частицы часто содержатъ или постоянно или въ извѣстной конструкціи смыслъ цѣлаго предложенія.

Θеофилъ. Когда они содержатъ *полный смыслъ*, то я думаю, что это происходитъ съ ними посредствомъ нѣкотораго рода эллипсиса (сокращенія); въ противномъ же случаѣ, по моему мнѣнію, таковы суть только *междометія*, которыя могутъ существовать самостоятельно и выражаютъ все однимъ словомъ, напримѣръ: ахъ! ой! Ибо, когда говорятъ *но*, не прибавляя ничего, то это есть эллипсисъ, какъ если бы говорили: *но подождемъ и не будемъ не кстати прельщаться*. Въ этомъ есть нѣчто сходное съ латинскимъ *nisi*, *si nisi non esst* (*если бы не было но*). Наконецъ, я нисколько не утомился бы, м. г., если бы вы вошли нѣсколько въ большія подробности объ изгибахъ духа, которые представляются удивительными при употребленіи частицъ. Но такъ какъ мы имѣемъ причины покончить съ

этимъ изслѣдованіемъ о словахъ и перейти къ изслѣдованію предметовъ, то я не хочу болѣе задерживать васъ, хотя я по истинѣ думаю, что языки суть наилучшее зеркало человѣческаго духа, и что точный анализъ значенія словъ лучше, чѣмъ что либо другое, можетъ сообщить познаніе о дѣятельности разума.

ГЛАВА VIII.

О терминахъ абстрактныхъ и конкретныхъ.

§ 1. *Филалетъ.* Надобно замѣтить еще, что термины бываютъ или *абстрактными* или *конкретными.* Всякая абстрактная идея раздѣльна, такъ что изъ двухъ одна не можетъ быть другою. Духъ посредствомъ своего интуитивнаго познанія долженъ замѣчать существующее между ними различіе; слѣдовательно, двѣ эти идеи никогда не могутъ быть утвердительными одна для другой. Каждый сейчасъ же видитъ ложность слѣдующихъ предложеній: *человѣчество есть животность и разумность*; это отличается столько же большою очевидностію, какъ и всякое наиболѣе общепринятое положеніе.

Ѳеофилъ. Тѣмъ не менѣе по этому поводу надобно кое что сказать. Всѣ согласны, что справедливость есть добродѣтель, склонность *(habitus)*, качество, акциденція и пр. Такимъ образомъ два абстрактные термина могутъ служить предикатами другъ для друга. При этомъ я имѣю обыкновеніе различать два рода абстрактныхъ терминовъ. Есть абстрактные термины *логическіе*, и есть абстрактные термины *реальные. Абстрактные реальные термины*, или, по крайней мѣрѣ, понимаемые, какъ *реальные*, суть или сущности и части сущности, или акциденціи, то есть, бытія, присоединенныя къ субстанціи. *Абстрактные логическіе* термины суть выраженія въ словахъ сказуемыхъ (*prédications*), какъ если бы я сказалъ: *быть человѣкомъ, быть органическимъ существомъ*; и въ этомъ смыслѣ ихъ можно замѣнить одно выраженіе другимъ и сказать: *быть человѣкомъ, значитъ быть органическимъ существомъ.* Но въ реальностяхъ этого не бываетъ. Ибо нельзя сказать, будто человѣчность или (если угодно) *человѣкость*, которая есть сущность цѣлаго человѣка,

есть органическая животность; такъ какъ она составляетъ только часть этой сущности; однако же эти абстрактныя и неполныя сущности, выражаемыя абстрактными реальными терминами, тоже имѣютъ свои роды и виды, которые не менѣе выражаются абстрактными реальными терминами; такимъ образомъ и они служатъ другъ для друга предикатами, какъ я показалъ это на примѣрѣ справедливости, добродѣтели.

§ 22. *Филалетъ*. Всегда можно сказать, что субстанціи мало имѣютъ абстрактныхъ именъ; въ школахъ едва ли много говорили о человѣчности, органической животности, тѣлесности. Но это не было принято въ общемъ употребленіи.

Өеофилъ. Это потому, что нуждались лишь въ немногихъ терминахъ для пользованія ими, какъ примѣромъ и какъ выясненіемъ общаго понятія, которымъ не хотѣли совершенно пренебрегать. Хотя древніе не употребляли слова *человѣчество* въ школьномъ смыслѣ, но они говорили *человѣческая природа*, что̀ одно и то же. Достовѣрно также, что они говорили божество или лучше—божественная природа; да и богословы, имѣя надобность говорить объ этихъ двухъ природахъ и о реальныхъ акциденціяхъ, въ богословскихъ и философскихъ школахъ пользовались этими абстрактными бытіями; и, быть можетъ, пользовались болѣе, чѣмъ слѣдовало.

К. И—нъ.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪ ИДЕѢ ФИЛОСОФІИ.*)

Легко понять удивленіе предъ тѣмъ, что въ наше время, къ концу XIX-го вѣка, еще рѣшають слѣдующій вопросъ: что такое философія?—Вотъ уже болѣе двухъ тысячъ пятисотъ лѣтъ, какъ со временъ Греціи и до нашихъ временъ, философія была разработываема самыми превосходными геніями; она имѣла остановки; но она никогда не переставала быть уважаемою даже тѣми, которые низвели ее на степень служанки богословія; она дошла до насъ окруженная обаяніемъ, которое не разсѣяли ошибки, совершенныя во имя ея. Если бы ея порицателями были скептики или простой народъ, то ея противниковъ, мало компетентныхъ, можно было бы не принимать въ расчетъ; но въ послѣднее столѣтіе одна школа, справедливо прославленная, вознамѣрилась уничтожить прошлое философіи и преобразовать ее совершенно на новыхъ началахъ. Никто болѣе шотландской школы не пользовался уваженіемъ; и въ свое время она не имѣла соперниковъ. Благородство намѣреній, преданность прекрасному предпріятію, здравый смыслъ, широта и точность воззрѣній, тонкость, глубина—вотъ тѣ наиболѣе цѣнныя качества, которыя она развернула; въ теченіи почти столѣтія она занимала первое мѣсто, пока слава Канта и его преемниковъ не потемнила ее, не замѣнивши ея однако же. Тѣмъ не менѣе ея попытка, при всей своей смѣлости и большой осмотрительности, не удалась; потому что она утверждалась на

*) *De l'Idée de la philosophie,*—par. M. Barthélemy—Saint Hilaire. См. Seances et Travaux de l'Academie des sciences morales et politicques. Juillet.—Livraisont. 1895.

ложной идеѣ. Шотландцы желали, чтобы философія была разработываема, какъ разработываютъ естественныя науки; и они совѣтовали ей слиться съ ихъ школою, коль скоро она желаетъ отрѣчься отъ вѣковаго хаоса и упрочить за собою, подъ руководствомъ Бакона, прогрессъ столько же дѣйствительный, какъ ихъ собственный.

Какъ ни ошибочна была эта теорія, но она была принята среди насъ (т. е. среди членовъ французской академіи) Теодоромъ Жуффруа, однимъ изъ прежнихъ и весьма почтенныхъ нашихъ сочленовъ. Жуффруа по своему таланту весьма достоинъ былъ считаться въ рядахъ шотландцевъ; но онъ не могъ достигнуть лучшихъ успѣховъ. Свое предисловіе къ переводу Рида онъ начинаетъ слѣдующими словами: „Философія „есть наука, коей идея еще не установлена; ибо, если-бы она „была установлена, то не было бы столько философій, сколько „есть философовъ, а существовала бы одна философія; нельзя на„ходить многихъ физикъ, многихъ астрономій; существуетъ лишь „одна физика, одна астрономія; потому что идея этихъ наукъ „опредѣлена“. Выступая изъ этого начала, признаваемаго имъ неопровержимымъ, Жуффруа усвояетъ шотландцамъ три заслуги: они доказали, что можно изучать духъ и обнаруживаемыя имъ явленія столько же хорошо, какъ и внѣшнія явленія; во вторыхъ, они доказали, что познаніе законовъ человѣческаго духа рѣшаетъ большинство предлагаемыхъ имъ себѣ вопросовъ; наконецъ, они вполнѣ уравнили философскія изысканія съ изысканіями физическими.

Изъ этихъ трехъ заслугъ, усвояемыхъ шотландцамъ, мы допускаемъ вторую; и согласно съ шотландцами думаемъ, что психологія есть фундаментъ всей философіи. Но они не изобрѣли психологіи, какъ повидимому эту славу усвояетъ имъ Жуффруа; греческая древность считаетъ достаточно психологическихъ наблюденій, чтобы можно было забывать ихъ; наконецъ, приравниваніе философіи къ физическимъ наукамъ ни коимъ образомъ не можетъ быть принято.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое та или другая естественная наука? Всегда, безъ исключенія и какова бы ни была сама въ себѣ, она есть наука, которая сводится къ двумъ элементамъ:

къ спеціальному предмету, доставляемому ей природою, и къ духу, изучающему этотъ предметъ. Такъ въ астрономіи разумъ изучаетъ звѣзды; въ химіи онъ изучаетъ простыя тѣла; въ зоологіи—животныхъ, въ ботаникѣ—растенія и пр. Подлинная область каждой науки составляется изъ фактовъ, достаточно аналогичныхъ между собою, чтобы они могли образовать систему. Они составляютъ самое содержаніе науки, ея существенный предметъ, и она не можетъ удаляться отъ него безъ того, чтобы не отрекаться отъ себя самой. Когда астрономъ или химикъ или какой либо иной ученый намѣчаетъ себѣ методъ и назначаетъ дѣйствія, которыя предполагаетъ совершить при своихъ изысканіяхъ,—въ особенности, когда онъ спрашиваетъ себя до какой степени можетъ довѣрять свидѣтельству чувствъ, то это дѣлаетъ онъ уже не по требованію астрономіи или химіи; это нѣчто совершенно иное; онъ оставляетъ почву, гдѣ считаетъ себя безопаснымъ при своемъ шествіи, чтобы перейти къ предметамъ необычнымъ для него, гдѣ онъ просто рискуетъ сбиться съ пути. Вмѣсто изслѣдованія предмета, прямо относящагося къ нему, онъ прибѣгаетъ къ духу, имѣющему свои законы совершенно такъ же, какъ имѣютъ ихъ и внѣшнія явленія. И такъ, для усвоенія себѣ необходимыхъ законовъ, естественная наука должна обратиться къ наукѣ, отличной отъ нея; и эта другая наука возвышается надъ нею, потому что руководитъ и управляетъ ею. Справедливо, что она не есть мать всѣхъ другихъ наукъ; но она служитъ для нихъ путеводительницею и доставляетъ опору, именно принципъ, съ которымъ они должны сообразоваться подъ опасеніемъ непоправимыхъ заблужденій. Эта наука распорядительница есть философія; она есть архитектоника, какъ выразился Аристотель.

Законъ предлагаемый духомъ всѣмъ естественнымъ наукамъ, одинъ и тотъ-же; это наблюденіе, внимательное и постоянное. Этотъ основной законъ не есть человѣческое изобрѣтеніе; и единственно потому, что человѣкъ одаренъ чувствами, предназначенными извѣщать его обо всемъ, происходящемъ вокругъ него, онъ становится наблюдателемъ съ самаго начала своего бытія. Но онъ выучивается наблюдать болѣе или менѣе точно, большее или меньшее число предметовъ. Даже въ нашъ вѣкъ,

столь гордый своими успѣхами, мы видѣли, что всегда можно прогрессировать, а это служитъ ручательствомъ всего того, что обѣщаетъ намъ будущее. Надобно обладать чрезмѣрнымъ высокомѣріемъ, чтобы воображать, будто только новые люди открыли методъ наблюденія. Думать такъ, это значитъ однимъ ударомъ уничтожать памятники съ именами Гиппократа, Ѳукидида, Платона, Аристотеля, Ѳеофраста, Архимеда, Галіена и многихъ другихъ. Подобное пренебреженіе къ нимъ продолжалось долгое время, и его властвованіе, поддерживаемое слѣпою суетностію, не прекратилось еще и теперь. Истина же состоитъ въ томъ, что современники наблюдаютъ больше и лучше, чѣмъ древніе, равнымъ образомъ и наши преемники будутъ наблюдать лучше, чѣмъ мы.

Такимъ образомъ, превыше такъ называемыхъ естественныхъ наукъ, со всею силою сказывается необходимость въ другой наукѣ, въ которой они нуждаются и отъ которой заимствуютъ свое превосходство, взывая къ ея помощи. Съ этой первой точки зрѣнія философія, лишь одна обладающая сокровищницею метода, является уже необходимой: но вотъ въ пользу ея еще второе доказательство, не менѣе рѣшительное.

Всякая естественная наука, обладая своимъ отдѣльнымъ предметомъ, изучаетъ лишь извѣстную часть вселенной; и можно видѣть, какъ каждый день нарождается новая наука, по мѣрѣ того, какъ предъ нашимъ взоромъ открывается новая часть міра. Понятно, что мы говоримъ здѣсь лишь о чистой наукѣ и не думаемъ объ ея приложеніяхъ, доставляющихъ намъ бесчисленныя выгоды и осуществляющихъ чудеса. Но невозможно, чтобы духъ человѣческій обладалъ въ отношеніи къ вселенной лишь частными знаніями, не пытаясь пріобрѣсть познанія цѣлостнаго. И вотъ при этомъ то возникаетъ затрудненіе чрезмѣрное; и такъ какъ мы стоимъ предъ лицемъ безконечности, то мы не бываемъ достаточно осторожными въ нашихъ сужденіяхъ и въ нашихъ теоріяхъ. Надобно ограничить себя, если хотимъ внести нѣкоторое распознаваніе въ эти тайны, среди которыхъ человѣкъ становится лицемъ къ лицу съ твореніемъ Божіимъ, во всей его таинственности и величіи. Но этотъ всеобщій синтезъ не можетъ возникать послѣ анализа, совершаемаго науками въ частности. А между тѣмъ только въ одномъ этомъ

синтезѣ онѣ могутъ пріобрѣтать свѣтъ, очень разсѣянный и теряющійся въ частностяхъ естественныхъ наукъ. Онѣ останавливаются на мелочахъ, среди стольких чудесъ, которыхъ повидимому не всегда замѣчаютъ, хотя сталкиваются съ ними безпрестанно.

Въ этомъ отношеніи надобно избѣгать одного подводнаго камня; позитивизмъ разбился о него; тѣмъ не менѣе онъ упорствуетъ въ своемъ убѣжденіи. Позитивизмъ думалъ, что обобщенія частныхъ наукъ собственно и составляютъ философію; и онъ не сомнѣвался, что сборникомъ этихъ обобщеній и должно быть краткое изложеніе неполной и несовершенной энциклопедіи. Всѣ эти подробности, болѣе или менѣе точныя и любопытныя, принадлежатъ частнымъ наукамъ, они изслѣдуютъ безконечное и не исчерпаютъ его никогда. Единственный же вопросъ, который философія старается выяснить въ отношеніи къ вселенной, состоитъ въ пріобрѣтеніи знанія, на сколько наше несовершенство можетъ достигнуть его, какъ возможенъ міръ и какимъ образомъ онъ выступилъ изъ творческаго единства? Поэтому философія заимствуетъ отъ естественныхъ наукъ лишь чувство безграничнаго удивленія къ порядку, царствующему во вселенной; и она переноситъ это чувство, столь справедливое и столь плодоносное, на поле метафизики для приближенія къ проблемамъ. Мы не рѣшимъ ихъ вполнѣ; но возможность предлагать ихъ себѣ служитъ признакомъ нашего достоинства; и въ день, когда эти проблемы перестанутъ интересовать разумъ, онъ станетъ мертвымъ и лишеннымъ всѣхъ даровъ, данныхъ ему его Творцемъ. Позитивизмъ не ошибается, когда хочетъ понять факты, доступные нашимъ чувствамъ; но онъ ошибается, предполагая, что существуютъ только одни они и лишь они одни наиболѣе важны.

Вотъ уже есть два мотива, дѣлающіе философіею наукою необходимою; ее надобно было бы создать, если бы она не существовала; она упорядочиваетъ всѣ науки; а что еще важнѣе, она доставляетъ синтезъ, требуемый духомъ человѣческимъ болѣе настоятельно, чѣмъ анализъ. Но кромѣ того, философія пользуется привиллегіею, которая дѣлаетъ ее наукою отдѣльною и

sui generis болѣе, чѣмъ какая либо другая наука. Она одна не имѣетъ надобности ни въ какой высшей наукѣ для своего восполненія; она достаточна сама для себя, не выступая изъ себя самой, какъ дѣлаютъ это всѣ другія науки. Аристотель сказалъ съ своимъ обычнымъ глубокомысліемъ; „Нужна точка покоя" и онъ примѣнилъ эту аксіому къ всемірному Двигателю, извлекая движеніе изъ Его собственной сущности, безъ заимствованія изъ внѣ. Именно эту роль и играетъ философія въ отношеніи къ наукамъ; это есть умственный феноменъ, который напрасно искали бы въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, и который мнимые реформаторы недостаточно замѣчали. Удивительный этотъ феноменъ, коему нѣтъ другаго примѣра, состоитъ въ томъ, что духъ можетъ раздвояться и дѣлать изъ себя самого предметъ своихъ разсужденій. Онъ одновременно можетъ быть субъектомъ понимающимъ и объектомъ понимаемымъ. Нѣтъ надобности въ другомъ свойствѣ, помимо этого, чтобы доказать насколько философія далека отъ другихъ наукъ и какимъ образомъ вся она въ совокупности вдохновляетъ ихъ и ограничиваетъ. Философія не гордится этимъ; не она создаетъ эту умственную организацію. Эта умственная организація вытекаетъ изъ природы вещей; и если философія есть первая и высочайшая изъ наукъ, то это потому, что должна же существовать одна наука, которая была бы увѣнчаніемъ и фундаментомъ для другихъ. Названіе философъ, освященное Пиѳагоромъ и Платономъ, есть названіе совершенно скромное; и никогда оно не будетъ замѣнено другимъ, болѣе вѣрнымъ. Философъ ищетъ истину; а это доказываетъ, что онъ не думаетъ, будто обладаетъ ею.

Это изслѣдованіе духа посредствомъ самаго духа есть очевидно первое изъ всѣхъ изслѣдованій, по крайней мѣрѣ, при раціональномъ методѣ. Прежде примѣненія духа къ внѣшности, нѣтъ ничего проще и естественнѣе, какъ примѣнить его къ самому же духу; потому что онъ совмѣстно можетъ быть и созерцающимъ и созерцаемымъ. Вотъ какимъ образомъ психологія есть основа [философіи, и вотъ почему всякая система, которая не признаетъ или забываетъ это, по необходимости становится немощною. Она не утверждается тогда ни на чемъ;

и можетъ дѣлать только ложные шаги, какіе дѣлала германская философія этого столѣтія, не смотря на геній Гегеля и Шеллинга. Вопреки имъ, Кузенъ имѣлъ полное право непоколебимо доказывать верховенство психологіи. Прежде чѣмъ пользоваться духомъ, надобно, сколько возможно, узнать, что такое духъ, который долженъ быть примѣненъ ко всему остальному; этотъ принципъ до такой степени ясенъ, что едва ли надобно указывать на него.

Духъ обладаетъ своими частными способностями: вниманіемъ, воспріятіемъ, памятью, волею, которыя давно подвергались изученію и которыя будутъ постоянно изучаемы; и никогда при этомъ человѣческая рефлексія не остановится или не удовлетворится. Сверхъ того, при этой тонкой и внутренней разработкѣ, духъ руководствуется тѣмъ же методомъ, который налагаетъ на всѣ остальные науки. Это есть наблюденіе, примѣненное къ фактамъ души, какъ оно прилагается къ фактамъ внѣшнимъ. Существуетъ лишь одинъ этотъ законъ; и психологія, провозглашающая его для другихъ, первая подчиняется ему, не для того, чтобы служить примѣромъ, но чтобы подчиниться необходимости. Вотъ почти единственная точка соприкосновенія ея съ естественными науками; и она принимаетъ общее иго, коему и они должны подчиняться, подобно ей.

Психологія насчитываетъ достаточно различныхъ частей въ своей обширной области; прежде всего, сама психологія, по своей собственной природѣ, различается у одного наблюдателя отъ другаго, хотя основаніе, которымъ бываетъ человѣческая природа, остается тождественнымъ; за тѣмъ идетъ та необходимая форма пониманія, которая называется умствованіемъ или логикою и которую лишь одна психологія можетъ утвердить въ ея четырехъ первоначальныхъ элементахъ: въ словахъ или категоріяхъ, обладающихъ значеніемъ, но не утверждающихъ и не отрицающихъ ничего; въ простыхъ предложеніяхъ, утверждающихъ или отрицающихъ что-либо; въ тройственномъ связываніи предложеній, составляющемъ умозаключеніе; и наконецъ, въ научномъ или демонстративномъ силлогизмѣ, доставляющемъ намъ истину въ той мѣрѣ, въ какой мы можемъ постигнуть ее.

Психологія и логика—этого уже много. Все ли это? Безъ

сомнѣнія, нѣтъ; и философія выполняетъ третью функцію, еще болѣе важную: именно она, въ совѣсти нашей, открываетъ нравственный законъ, и предлагаетъ его въ руководство для индивидуальной жизни. Она различаетъ добро и зло, принимаемыя или отвергаемыя свободною волею, съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями. Богъ не создалъ ничего величественнѣе и сверхъестественнѣе совѣсти человѣческой; и самая вселенная при сравненіи съ нею представляется не имѣющею никакого значенія. Вотъ чудо, которое каждый изъ насъ носитъ въ себѣ и которое предписываетъ намъ долгъ. Кантъ на своемъ своеобразномъ языкѣ называетъ это категорическимъ императивомъ. Въ самомъ дѣлѣ, это есть безапелляціонное приказаніе, которому всегда надобно повиноваться, хотя часто уклоняются отъ него и оканчиваютъ тѣмъ, что болѣе не слышатъ его, когда привыкаютъ слышать его безъ благоговѣнія. Разумъ въ человѣкѣ есть нѣчто существенное, то есть, то, что̀ дѣлаетъ его бытіемъ разумнымъ и свободнымъ, соединеннымъ съ другимъ бытіемъ, которое не есть ни то, ни другое и которое предназначено къ повиновенію, хотя иногда оно несправедливо господствуетъ, къ великому вреду человѣка и самой животной природы.

Дошедши этимъ послѣдовательнымъ путемъ пониманія до разума, мы вступаемъ въ область принциповъ вѣчныхъ, очевидныхъ и неизмѣнныхъ. Мы почти достигаемъ вершины, и намъ остается сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы стать предъ лицемъ Бога, предъ всеобщей и окончательной причиной, предъ Виновникомъ и Творцемъ всѣхъ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могутъ возникать руководящіе принципы нашего разума и нашей нравственной жизни? Конечно они не возникаютъ отъ человѣка: ибо онъ давно уничтожилъ бы ихъ, если бы это зависѣло отъ него; такъ какъ они державно властвуютъ надъ нимъ и возбуждаютъ въ немъ скорбь, раскаяніе и даже угрызеніе гораздо чаще, чѣмъ радость при покорномъ повиновеніи имъ. Если принципы не суть дѣло человѣка, такъ какъ онъ не можетъ уничтожить ихъ: то возможенъ одинъ выводъ: они суть дѣло Бога открывающаго себя человѣку высочайшимъ образомъ. Древніе понимали это почти столько же ясно, какъ понимаемъ это мы,

спустя двадцать столѣтій послѣ нихъ. Это *„sancius... mentisque capacius altae“ (болѣе святой... и болѣе обширный, чѣмъ высокій человѣческій умъ)* Овидія (*Metamorphos. 1*, ver. 76); это *„divinae pasticulum aurae“ (питомникъ божественнаго сіянія)* Горація (*Sermonum*, 11, 2, 79). За много столѣтій прежде этихъ двухъ язычниковъ, Псалмопѣвецъ благодарилъ Бога, говоря: *„Возсіялъ свѣтъ лица Твоего на мнѣ, и Ты исполнилъ радостію сердце мое“* (Псал. IV, 7). Платонъ думалъ, что въ предшествующей жизни мы обладали полнымъ вѣдѣніемъ этихъ принциповъ и что теперь мы воспринимаемъ лишь тѣни ихъ, едва распознаваемыя при настоящемъ нашемъ существованіи. Это была гипотеза, которая могла плѣнять воображеніе, но которая не имѣла ничего дѣйствительнаго. Принципы извѣстны намъ изъ этой жизни, а не изъ другой. Именно къ этой жизни они примѣнены по формѣ и съ ограниченіями, положенными для нихъ Богомъ. Они склоняютъ нашу свободную волю, но не принуждаютъ ее, дабы мы могли стяжать заслугу подчиненія, отъ которой однако же могли бы и отказаться. Какъ велико число этихъ принциповъ? Полагали свести ихъ къ двумъ: къ субстанціи и причинности. Съ своей стороны мы думаемъ, что ихъ гораздо больше; но каково бы ни было ихъ число, ихъ природа не измѣняется и при каждомъ случаѣ нашего существанія, какъ ни разнообразно и ни сложно оно бываетъ, ихъ свѣтъ просвѣщаетъ и ведетъ насъ. Вотъ благодѣяніе, получаемое всякимъ человѣкомъ, приходящимъ въ этотъ міръ, какъ говоритъ Апостолъ; и вотъ какимъ образомъ философія открыта каждому изъ насъ, начиная отъ Эпиктета—раба и до Марка Аврелія—императора, не равныхъ по соціальному положенію, но равныхъ по своимъ добродѣтелямъ.

Разумъ въ человѣкѣ обладаетъ тѣмъ двойнымъ свойствомъ, что одновременно бываетъ личнымъ или безличнымъ, смотря по тому, дѣлаемъ ли мы его нашимъ, толкуя его опредѣленія примѣнительно къ нашей слабости или же мы слѣдуемъ за нимъ безъ спора и безъ ропота, какихъ бы жертвъ онъ ни потребовалъ отъ насъ. Эта теорія, воспроизводящая съ такою точностію факты совѣсти, наименѣе сомнительные, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Вотъ уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ,

какъ Февелонъ изложилъ ее (*De l'Existence de Dieu*, изданіе 1825, стр. 106). Она одна достовѣрна; и прелатъ, заключая, восклицаетъ: „О разумъ, не Богъ ли ты, котораго я ищу?" Разумъ не есть Богъ; но онъ происходитъ отъ Бога; онъ есть одно изъ Его истеченій; посредствомъ него, Богъ сообщается здѣсь на землѣ съ человѣкомъ, соединяясь съ нимъ соотвѣтственно съ строгою соразмѣрностію исполненія опредѣленій разума, и позволяя ему участвовать въ добрѣ, которое онъ одинъ понимаетъ и осуществляетъ.

Остановимся здѣсь; не представляется возможнымъ возноситься выше теодицеи, предваряемой психологіею, логикою, моралью и космологіею. Таковъ объемъ и такова законная важность философіи. Становясь на эту точку зрѣнія, можно судить, есть ли философія только наука и не есть ли она скорѣе наука наукъ, и можно даже сказать—единственная наука, наука въ собственномъ смыслѣ; потому что она за разъ содержитъ принцыпы всѣхъ другихъ наукъ, и возбуждаетъ вопросы самые важные и самые обширные, которыми духъ человѣческій никогда не перестанетъ интересоваться.

Но, скажутъ, думать такъ, это значитъ усвоять философіи объемъ слишкомъ величественный и слишкомъ преувеличенный. Мы совершенно не полагаемъ этого; и что наша картина отличается точностію, въ этомъ увѣряетъ насъ то, что она отчасти идетъ къ намъ отъ самой почтенной древности и что съ тѣхъ поръ она замѣтнымъ образомъ не измѣнилась.

Въ доказательство этого сошлемся лишь на два авторитета, на авторитетъ Платона и Аристотеля. Платонъ не опредѣлилъ точно философіи, но онъ начертилъ портретъ философа, и начертилъ его въ такомъ видѣ, что и теперь, послѣ стольких вѣковъ, его краски ничего не потеряли въ своей вѣчной правдивости. Требованія Платона отъ философа многочисленны, но они не чрезмѣрны: потому что Сократъ осуществилъ ихъ и послужилъ моделью для своего ученика. Чего же требуетъ Платонъ? И каковы условія его идеала?

Прежде всего, онъ соглашается назвать философами только тѣхъ, которые преданы изученію принциповъ или идей, то есть, того, что неизмѣнно и всеобще. Философъ прежде всего

любитъ истину, откуда возникаетъ наука. Эта искренняя любовь и это общеніе съ сущностію предметовъ предохраняетъ его отъ всякой низкой страсти и отъ всякой низости чувствъ. Онъ цѣнитъ положеніе человѣка по его достоинству, и не боится смерти. Будучи умѣренъ въ своихъ желаніяхъ и свободенъ отъ алчности и подлости, онъ легко является справедливымъ и снисходительнымъ къ подобнымъ себѣ. Наконецъ, философъ долженъ обладать хорошею памятью для сохраненія того, что узнаетъ; при всѣхъ дѣлахъ его, милосердіе является естественною его склонностію, къ которой приводитъ его созерцаніе возвышенныхъ предметовъ, возбуждающихъ его постоянное вниманіе (*Republ.* кн. VI, въ началѣ).

Что касается Аристотеля, то онъ частію подновляетъ изображеніе философа согласно съ своимъ учителемъ и идетъ далѣе при описаніи самой философіи (*Metaphis.* кн. 1, гл. II, § 82 и слѣд.). Прежде всего философія, по его ученію, старается понять совокупность вещей, не довольствуясь знаніемъ частныхъ случаевъ; она не ограничивается простымъ свидѣтельствомъ чувствъ; она вноситъ во все мыслимое ею величайшую точность. Знаніе, разработываемое ею, тѣмъ болѣе цѣнно, чѣмъ болѣе его ищутъ ради его самаго, исключительно въ цѣляхъ знанія, не думая о матеріальныхъ результатахъ, которые могутъ отсюда проистекать. Это наука, повелѣвающая свыше; она возвышается надъ всѣми другими, повинующимися ей въ дѣлѣ исполненія ея приказаній. Она не принимаетъ закона ни отъ кого; напротивъ, она сама законодательствуетъ. Аристотель любилъ выставлять важность всѣхъ преимуществъ философіи предъ обычными науками; но онъ признаетъ также, что философія явилась лишь послѣ многихъ изъ нихъ, и что прежде пріобрѣтенія знанія для знанія, надобно было, чтобы частныя науки удовлетворили матеріальныя нужды, наиболѣе жгучія. Тѣмъ не менѣе онъ заключаетъ отсюда, что философія, будучи необходимою менѣе другихъ наукъ, лишь одна есть дѣйствительно свободная наука; потому что лишь одна она безусловно не имѣетъ другаго предмета, кромѣ себя самой. Эта наука почти божественная; и если боги, уступившіе ее человѣку, могутъ завидовать намъ въ чемъ либо: то они за-

видуютъ именно этому сокровищу (§ 18). Однимъ словомъ, философія можетъ быть не столь необходима, какъ другія науки; но нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая была бы превыше ея.

Въ этихъ разсѣянныхъ чертахъ не узнаютъ ли всего того, что мы сами пытались объединить? Философія, насчитывающая болѣе, чѣмъ двухъ тысячелѣтній возрастъ, перемѣнила ли свою природу? Ея мѣсто въ человѣческихъ дѣлахъ сдѣлалось ли инымъ, чѣмъ какимъ нѣкогда было въ Аѳинахъ и въ Римѣ? Она и теперь безусловно та же. Ея долгъ тождественен съ тѣмъ, какимъ всегда былъ и какимъ всегда будетъ. Обстоятельства перемѣнялись; она могла сообразоваться съ ними, не поступаясь однако же своими правами и своею полезностію.

Осмѣлимся ли мы прибавить нѣсколько чертъ къ совѣтамъ Платона и къ очерку Аристотеля? Такъ какъ мы находимъ, что они оставили нѣкоторые пункты очень мало рѣшенными, то мы снова утверждаемъ, что къ свойствамъ разума философія должна присоединить свойства души. Пусть она пользуется всѣмъ дарами, полученными отъ природы, но пусть мужественно пополняетъ въ себѣ пропуски, когда сознаетъ ихъ искренно! Сократъ, при всей своей скромности, тщеславился тѣмъ, что позаботился объ этомъ прежде всего другого. А это значитъ, что для того, чтобы понять безконечную цѣнность принциповъ, самому надобно быть независимымъ, какъ независимы они. Чѣмъ больше будутъ уподобляться имъ, тѣми болѣе приблизятся къ нимъ и тѣмъ лучше поймутъ ихъ. Жизнь обычная слишкомъ недостаточно спокойна, чтобы позволять ея движеніямъ вторгаться въ жизнь высшую, которую они возмутили бы роковымъ образомъ.

Принципы, будучи вѣчными и всеобщими, обладаютъ бытіемъ неизмѣннымъ; и они тѣмъ скорѣе проникаютъ сердца, чѣмъ болѣе сердца обладаютъ въ какой либо степени этимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ. Можно сказать съ евангелистомъ (Мѳ. гл. V, ст. 8): „Блаженны чистые сердцемъ, потому что они узрятъ Бога". Говоря въ общечеловѣческомъ смыслѣ, зрѣть Бога—это значитъ чтить принципы и быть преданнымъ имъ; потому что они проистекаютъ только отъ Бога.

Философъ долженъ знать, что самый жестокій его врагъ— это онъ самъ; потому что его собственные удары тѣмъ болѣе страшны, что они бываютъ секретны. Человѣкъ созданъ изъ двухъ элементовъ: изъ духа, долженствующаго властвовать надъ матеріею, и изъ тѣла, долженствующаго подчиняться душѣ, какъ доказалъ это Сократъ въ минуты, когда выпилъ цикуту. Но когда именно тѣло увлекаетъ его, тогда порядокъ разрушается и смертельно поражается. Подъ вліяніемъ этого деспотизма осуществляются только ошибки, заблужденія и крайности. Платонъ съ сожалѣніемъ приводитъ въ примѣръ Алкивіада, погубившаго распутствомъ всѣ свои философскія качества. Изъ среды новѣйшихъ людей, мы могли бы указать на Франциска Бакона, англійскаго канцлера, приговореннаго двумя палатами, палатою общинъ и палатою лордовъ, въ тюрьму и къ денежному штрафу за преступное вѣроломство. Безпорядочность его сочиненій и ученій не есть ли послѣдствіе и нанаказаніе за преступленія его оффиціальной карьеры?

Итакъ, философъ долженъ стараться быть мудрымъ; совершенно это не невозможно; но затрудненіе бываетъ всегда очень велико; и отъ этого то зависитъ, что совершенный философъ есть такая рѣдкая личность, среди стольких ложныхъ философовъ, быть можетъ, болѣе многочисленныхъ въ наше время, чѣмъ во времена Платона.

Настаиваемъ еще на другомъ пунктѣ, который до сихъ поръ былъ лишь слегка затрогиваемъ. Философъ, познающій самаго себя, какъ совѣтуетъ это Дельфійскій оракулъ вмѣстѣ съ Сократомъ, обладающій орудіемъ познанія въ логикѣ и нравственности, удивляющійся дѣламъ Божіимъ въ этомъ мірѣ, можетъ въ отношеніи къ этимъ великимъ предметамъ составить себѣ вѣру, которая удовлетворитъ его разумъ; но какъ бы долго и утомительно онъ ни трудился, онъ трудился лишь для себя одного. Его разумъ не есть разумъ другаго; онъ не можетъ поставить себя на мѣсто подобныхъ ему и не долженъ отрицать у нихъ свободу, которою пользуется самъ. Онъ долженъ возвѣщать лишь то, что свойственно разуму безличному; и какъ самъ свободенъ отъ всякаго сторонняго авторитета,

такъ не долженъ, не противорѣча самому себѣ, навязывать свой собственный авторитетъ кому бы то ни было. Итакъ, философія сводится къ изолированности; и ученики, когда учитель создаетъ школу, тѣмъ менѣе бываютъ философами, чѣмъ болѣе бываютъ послушны ему; они мыслятъ при посредствѣ другаго; они не мыслятъ независимо. Ихъ не слѣдуетъ порицать за это; но еще менѣе надобно обманываться въ этомъ. Отсюда возникаетъ неизмѣримая сила и неисцѣльная слабость философіи. Предъ несправедливою смертною казнію, спокойствіе Сократа превосходитъ спокойствіе другихъ страдальцевъ,—спокойствіе менѣе разумное, чѣмъ его; но подобный героизмъ не возобновляется; надобно обладать твердостію несравнимой души чтобы пренебрегать подобною гибелью. Философъ, за исключеніемъ самаго себя, не имѣлъ другой опоры при этой преждевременной гибели, которая равнялась по ужасу гибели всей вселенной. *Impavidum ferient ruinae (его не устрашатъ развалины міра)*.

Если это разсужденіе справедливо, какъ мы это предполагаемъ, то исторія философіи не есть болѣе то, что изъ ней дѣлали до сего времени; она не есть послѣдовательная преемственность системъ, опровергающихъ другъ друга, съ большею или меньшею горячностію; она скорѣе есть неправильная послѣдовательность монографій; потому что Провидѣніе распредѣляетъ геніевъ среди временъ, народовъ, цивилизацій и странъ сообразно съ своимъ благоволеніемъ. Существуютъ цѣлыя страны, какъ напримѣръ Азія, которыя по философіи имѣютъ только очень несовершенныя ученія, или которыя, подобно Китаю, не имѣютъ никакой философіи. Среди другихъ расъ въ иныя эпохи философія вдругъ впадаетъ въ безплодіе, будучи прежде очень плодоносною. Отъ Аристотеля до Декарта, то есть, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, если исключить александрійскій мистицизмъ, индифферентизмъ потушилъ ее; въ ожиданіи философіи, богословіе заняло ея мѣсто и безъ всякихъ возраженій замѣнило ее религіознымъ символомъ. Такъ дѣло происходило на нашемъ западѣ, который безъ гордости признаетъ себя наиболѣе просвѣщенною частію человѣчества. По-

лемика школъ, нападающихъ другъ на друга, въ извѣстные времена бываетъ справедливою; но большею частію эта полемика бываетъ безгласною; потому что философъ старается скорѣе выяснить свои собственныя недоумѣнія, чѣмъ опровергнуть ошибки другихъ. Его достаточно занимаютъ великія проблемы и у него не достаетъ времени, которое онъ едва можетъ удѣлять имъ. Жизнь коротка, какъ сказалъ Гиппократъ; и даже употребляя ее съ возможно большею дѣятельностію, всегда оставляютъ во мракѣ большинство ея тайнъ. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ вопросамъ пріобрѣтаютъ для себя истину; но въ отношеніи къ наибольшему числу ихъ, остаются въ неизвѣстности. Такова участь смертныхъ; и мы невольно жалуемся на это, не смотря на всѣ блага, которыми одарены.

Значитъ ли это искажать исторію философіи? Пусть успокоятся: это распредѣленіе геніевъ, если оно дѣйствительно есть распредѣленіе, представляется и въ другой сферѣ человѣческаго разума, столько же прекрасной. Продолжалъ ли Виргилій Гомера, явившагося за тысячи лѣтъ прежде него? Не обладалъ ли онъ своимъ особеннымъ геніемъ вслѣдствіе новыхъ качествъ, при всемъ томъ, что подражалъ этому образцу, а иногда превосходилъ его? Продолжалъ ли Горацій Пиндара? И тѣ и другіе писали на различныхъ языкахъ; и если были похожи другъ на друга, то только по геніальности! Дантъ, Шекспиръ, Мильтонъ, Корнелль, Расинъ менѣе ли обладали оригинальною индивидуальностію, хотя не продолжали дѣла своихъ предшественниковъ? Каждый изъ нихъ есть то, что есть, безъ всякой систематической связи другъ съ другомъ. Значитъ ли это, что поэзія, со временъ Гомера и до нашихъ дней, умалена въ своей исторіи? Значитъ ли это, что всѣ эти памятники не заслуживаютъ болѣе нашего удивленія, потому что они почти изолированы? Тѣмъ не менѣе они восхищаютъ насъ и прельщаютъ нашъ вкусъ, подобно тому, какъ философскіе памятники воспитываютъ разумъ, доставляя намъ наслажденіе —болѣе строгое и болѣе практическое. Это не то значитъ, будто философія есть своего рода поэзія, менѣе пріятная; напротивъ, она обладаетъ наибольшею привлекательностію въ жизни, и

когда ее низводятъ съ высотъ, гдѣ она должна обитать, то это служитъ признакомъ, что ничего не понимаютъ ни въ *Федонѣ*, ни въ *Критонѣ*, ни въ *Горгіасѣ*, ни въ *Республикѣ*, ни въ *Тимеѣ*. Мы ссылаемся на исторію поэзіи только для лучшаго пониманія того, что такое въ дѣйствительности исторія философіи, которая развивается съ такою незначительною правильностію, хотя и съ безконечно большею полезностію. Она не есть хаосъ, обозрѣваемый съ трудомъ; она предлагаетъ полезные уроки, пріобрѣтаемые отъ героевъ разума, когда спрашиваютъ величайшихъ изъ нихъ, и наиболѣе достойныхъ быть нашими руководителями и нашими учителями. Мы сами уже должны свободно избирать своихъ сопутниковъ и своихъ совѣтниковъ, и единственно ради одного интереса къ истинѣ.

Это ясно показываетъ, какова должна быть роль философа въ обществѣ, гдѣ Богъ призвалъ его къ жизни. Платонъ много недоумѣвалъ надъ вопросомъ, долженъ ли философъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ? Онъ склонялся однако же къ отрицательному отвѣту; и Сократъ заявлялъ о своей неспособности исполнять унизительныя обязанности, которыя судьба опредѣлила ему. Надобно быть болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ Платонъ; и надобно безусловно запретить философу вдаваться въ политику. Прежде всего, его психологическія, нравственныя и метафизическія размышленія поглощаютъ его всего; надобно было бы оставить ихъ для занятій гораздо болѣе низшихъ, гдѣ едва слышенъ голосъ разума, какъ бы ни былъ онъ полезенъ здѣсь. Нельзя искать у невѣжественной и непостоянной толпы, иногда жестокой и страстной, того, что и самъ мудрецъ пріобрѣтаетъ съ такимъ трудомъ. Болѣе того, кто можетъ обольщать себя мыслію, что у него среди занятій остается достаточно времени для совершенія великихъ и прочныхъ дѣлъ? Кто поручится, что его преемникъ въ одинъ день не уничтожитъ самые обдуманные труды, быть можетъ, стоившіе ему многихъ лѣтъ изученія и практики? Политика для мудреца есть море, гдѣ онъ подвергается опасности не только погибнуть, но и скомпрометировать себя. Принципы закрываются въ буряхъ; и все, что можно сдѣлать для нихъ, это сожалѣть о

нихъ при нарушеніи ихъ. Философъ не долженъ утопать среди подводныхъ камней этого рода. Если вѣрить преданію, даже Платонъ не избѣжалъ ихъ. Кто можетъ обольщать себя надеждою, что будетъ болѣе счастливъ, чѣмъ онъ? Если философъ пожелаетъ отдаться этого рода занятіямъ, то, быть можетъ, онъ окажетъ великія услуги; но эти услуги не будутъ имѣть ничего философскаго.

Есть другая опасность, которой философъ долженъ избѣгать еще съ большею тщательностію; это нападки на религію своей страны, подъ какою бы формою враждебности ни скрывались они. Эта предосторожность обладаетъ многими мотивами, вполнѣ рѣшительными. Прежде всего, во имя общественнаго спокойствія надобно уважать вѣрованія своихъ гражданъ, каково бы ни было наше мнѣніе о нихъ. Какъ требуютъ свободы для самихъ себя, такъ равнымъ образомъ надобно предоставлять ее другимъ, даже не одобряя, въ тайникѣ своей души, дѣлаемаго изъ ней употребленія. Сократъ былъ обвиненъ за желаніе ввесть новыхъ боговъ въ національный культъ; и это обвиненіе, какъ ни было оно клеветливо, повліяло на рѣшеніе судей. Клевета была на столько ложна, что въ минуту смерти Сократъ напомнилъ своимъ друзьямъ о долгѣ принесть Эскулапу въ жертву пѣтуха. И однако же онъ вѣрилъ въ единаго Бога, возвышающагося надъ этою воображаемою іерархіею подчиненныхъ божествъ; въ античной древности осужденіе Сократа осталось безъ послѣдствій, и по счастію нельзя указать на другія подобныя жертвы; потому что античная древность не имѣла священныхъ книгъ признаваемыхъ содержащими слова Самаго Бога, и она не формулировала *„Символа Вѣры“*.

Другой мотивъ, не менѣе сильный, побуждающій къ обязательному уваженію религіи, состоитъ въ томъ, что философія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, находится въ согласіи съ религіею. Вопросы, возбуждаемые ими, безусловно тѣ же, рѣшенія по большей части тождественны, и какъ бы ни непримиримы были ихъ разногласія, ради одного лишь фанатизма съ той и другой стороны можно домогаться все свести къ

невозможному среди нихъ однообразію. Вѣра и разумъ не могутъ замѣнять другъ друга; но они могутъ терпѣть другъ друга ради высшаго интереса. (Католическая) церковь не могла переносить этого равенства, и въ теченіи столѣтій являлась угнетающею и преслѣдующею философію. Философія равнымъ образомъ поступаетъ несправедливо, когда въ ослѣпленіи пытается прибѣгать къ мщенію, не имѣющему никакой законности. Эта попытка столько же суетная, какъ и достойная порицанія; и когда пріймутъ во вниманіе почти незамѣтное число философовъ сравнительно съ многочисленными народонаселеніями, то философское нападеніе на религію представляется чѣмъ то забавнымъ; и философское презрѣніе къ религіи кажется дѣтствомъ; такъ какъ при этомъ не сознаютъ блага, доставляемаго религіями вообще, благодаря сообщаемой ими себѣ организаціею, болѣе устойчивой и болѣе практической, чѣмъ политическія учрежденія.

Все, что философія должна дѣлать при своемъ безпристрастіи, это подражать церкви. Въ теченіи болѣе трехъ столѣтій церковь тщательно разработывала логику; она отдалась той наукѣ, въ которой имѣла наиболѣе настоятельную надобность; и она сдѣлала изъ ней одно изъ предварительныхъ орудій для возрожденія наукъ въ XVI столѣтіи. Но логика составляетъ собственность только философіи; и это заимствованіе логики, которою прежде не пользовались надлежащимъ образомъ, принесло услугу наукѣ, ссудившей ее, и далеко не было ей вреднымъ. Философія съ своей стороны оказала самой церкви новую услугу тщательнымъ изученіемъ рѣшеній, предложенныхъ духовенствомъ относительно великихъ проблемъ, не для того, чтобы слѣпо усвоить себѣ эти рѣшенія, но чтобы хорошо понять ихъ. Твореніе, первоначальное происхожденіе существъ и въ частности человѣка, жизнь и смерть, свободная воля и благодать, безсмертіе души, необходимыя послѣдствія появленія души на землѣ и пр. и пр. вотъ предметы, въ которые, быть можетъ, философія не углублялась столько, сколько богословы, и въ отношеніи къ которымъ хорошо было сопоставить богословскія мнѣнія съ мнѣніями наиболѣе независимыми. Академіи поставляли для

себя честію объявлять конкурсы по философіи бл. Августина и Ѳомы Аквината. Прекрасно дѣлали, когда вступали на этотъ превосходный путь; можно продолжать идти по нему еще далѣе; и оставляя ортодоксію въ ея области, можно было бы воспользоваться болѣе широкимъ общеніемъ съ величайшими философскими умами. Истина ничего не потеряетъ, будучи принятой изъ рукъ философовъ въ томъ случаѣ, когда они смогутъ раскрыть ее при посредствѣ своихъ разсужденій; и она не дѣлаясь вполнѣ философскою, не сдѣлается поэтому менѣе цѣнною. Было бы слишкомъ пристрастно не признавать *Summam Theologiae* Ѳомы Аквината прекраснѣйшимъ памятникомъ человѣческаго духа, даже исключивши изъ него догматъ и его тайны.

При теперешнемъ состояніи вещей, на философіи лежитъ еще другой долгъ среди цивилизованныхъ націй: это охранять себя самую и во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ наблюдать самую искреннюю осторожность. Она пользовалась у древнихъ безусловною свободою до закрытія школъ въ Аѳинахъ, въ VI вѣкѣ; но за тѣмъ, послѣ продолжительнаго гнета, разумъ сталъ свободнымъ среди новыхъ народовъ только со временъ Декарта; и даже въ его время свобода разума была признаваема лишь теоретически; въ дѣйствительности, разумъ сталъ свободнымъ лишь со временъ французской революціи. Съ тѣхъ поръ, и подъ различными режимами, пронесшимися надъ нашею страною (т. е. Франціею), разумъ подвергался нѣкоторымъ преслѣдованіямъ; но духъ времени одержалъ верхъ, и въ настоящее время философія на столько свободна, на сколько можетъ быть, и какъ была свободна въ Греціи и Римѣ. Пусть же она благоразумно пользуется этой свободой и пусть предохраняетъ себя отъ всякаго своеволія. Платонъ въ скромности полагалъ одну изъ философскихъ добродѣтелей.

При демократическомъ управленіи, эта добродѣтель, придающая всѣмъ дѣламъ справедливое значеніе, необходима тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе наука облегчена. Справедливо, что наше время не есть единственное, которое терпитъ отъ этого зла; но это зло съ каждымъ днемъ настолько прогрессируетъ среди

насъ, что философія становится не извиняемою, протягивая ему руки. Она не была чужда этой слабости въ послѣднее столѣтіе; пусть же она избѣгаетъ этого, на сколько это зависитъ отъ ней. Истинные философы не имѣютъ надобности въ этомъ совѣтѣ; совѣтъ этотъ относится къ софистамъ, которые воображаютъ себя философами и которые въ сущности не суть философы. Мыслить свободно не значитъ предаваться атеизму, который поставляетъ себя въ противорѣчіе съ вѣрованіями почти единодушно принятыми человѣческимъ родомъ; человѣчество, усвоеніемъ себѣ религіи, ясно показываетъ, что прежде всего оно держится спиритуалистическихъ воззрѣній. Философія, отправляющаяся отъ психологіи, не можетъ имѣть противоположныхъ воззрѣній; и ея вѣра бываетъ тѣмъ болѣе сильна, чѣмъ болѣе философія находится въ согласіи съ общимъ смысломъ. Когда же она оскорбляетъ этотъ смыслъ, то въ то же время совершаетъ самоубійство надъ собою и не приноситъ пользы никому.

Подтвердимъ это быстрое воззрѣніе на философію выдержкою изъ Сенеки; эта выдержка не можетъ быть заподозрѣна въ лести въ отношеніи къ нашему времени; потому что она восходитъ къ вѣку Нерона. Вотъ начало письма къ Луцилію (пис. XC): „Кто можетъ сомнѣваться, говоритъ Сенека, чтобы мы не были обязаны жизнію безсмертнымъ богамъ и не „были обязаны философіи хорошимъ поведеніемъ въ нашей „жизни? Кто можетъ сомнѣваться поэтому, чтобы мы не были „обязаны болѣе философіи, чѣмъ богамъ, потому что простая „жизнь есть благодѣяніе меньшее, чѣмъ жизнь съ добрымъ поведеніемъ? Итакъ мы были бы обязаны больше философіи, „чѣмъ божеству, если бы не божество доровало намъ и самую „философію. Боги никому не сообщили знаніе ея вполнѣ готовымъ; но они сообщили всѣмъ людямъ способность пріобрѣтать ее. Если бы она была благомъ всеобщимъ и если бы мы „рождались исполненными мудрости, то она потеряла бы самое „прекрасное изъ своихъ преимуществъ—не быть зачисленною „въ даровыя блага. Самое драгоцѣнное и самое величественное въ ней есть то, что она не открыта намъ вполнѣ. Въ

„пріобрѣтеніи ея бываютъ обязаны только ей одной; ее рѣ„шительно не заимствуютъ отъ другаго. Чему бы мы удивля„лись въ ней, если бы она была результатомъ обычнаго благо„дѣянія? Ея единственное занятіе состоитъ въ открытіи исти„ны относительно предметовъ божескихъ и человѣческихъ; и „она никогда не должна шествовать безъ справедливости, бла„гочестія, уваженія къ религіи и безъ свиты добродѣтелей, „подающихъ другъ другу руки и всегда соединенныхъ вмѣстѣ".

Эта удивительная страница не есть декламаторство, она нисколько не содержитъ въ себѣ обычныхъ ораторскихъ ошибокъ; она безусловно истинна. И подобно Сенекѣ, раздѣляющему тѣ же мысли съ Аристотелемъ и Платономъ, и мы можемъ сказать, что и сами мы не болѣе ихъ обманываемся, когда указываемъ философіи первое мѣсто въ отправленіяхъ разума. Но въ то же время мы не требуемъ отъ нея того, чего она не въ состояніи дать. Она не заявляетъ притязанія на обладаніе полною истиною въ самыхъ достойныхъ своихъ представителяхъ. Богъ предоставилъ себѣ безусловную тайну своихъ дѣлъ; и только умы слѣпые или болѣзненные могутъ обѣщать себѣ полное знаніе, низводя Бога съ престола; или же, впадая въ противоположную крайность, могутъ отчаяваться въ разумѣ, какъ это сдѣлалъ Паскаль. Человѣкъ поставленъ въ среднее состояніе, назначенное ему его Творцемъ; онъ всегда можетъ познавать болѣе и болѣе, но никогда не достигнетъ полнаго знанія. То, что̀ онъ завоевалъ, значительно; но онъ будетъ совершать дальнѣйшія завоеванія въ безконечность, никогда не достигая окончательнаго завоеванія.

Итакъ мы можемъ присоединиться къ Сенекѣ въ благодарности не къ богамъ безсмертнымъ, но къ Богу, за то, что Онъ позволилъ намъ имѣть философію, и скажемъ вмѣстѣ съ поэтомъ:

C'est le plus riche don qu'il ait fait aux humains.
(*Вотъ богатѣйшій даръ, дарованный смертнымъ*)..

Отъ смертныхъ людей зависитъ воспользоваться этимъ даромъ для своего спасенія въ этой и будущей жизни; и чтобы выразить кратко все сказанное нами, припомнимъ только опре-

дѣленіе философіи, предложенное Викторомъ Кузеномъ; оно представляется намъ и теперь наиболѣе точнымъ изъ всѣхъ. „Загадка вселенной, говоритъ онъ, должна имѣть свое слово; именно это слово и ищетъ философія" (*Souvenirs d'Allemange*, издан. 1866, стр. 72). Ничего не можетъ быть истиннѣе этого; человѣкъ живетъ среди загадокъ; прежде всего, онъ самъ есть загадка для себя, загадочна для него природа и загадоченъ ихъ Виновникъ. И хотя философъ долженъ сознавать себя смиреннымъ предъ этимъ непроходимымъ мракомъ, но въ то же время онъ имѣетъ право находить себя великимъ, пытаясь постепенно разсѣевать этотъ мракъ.

К. И—нъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ ФИЛОСОФІИ.

I. Введеніе.

1. Опредѣленіе философіи. Философія есть наука о необходимо мыслимомъ, иначе: она есть система съ логическою необходимостію мыслимыхъ понятій.

2. Какія понятія для насъ необходимы? Необходимымъ для насъ признается обыкновенно все свойственное нашей природѣ. Такъ какъ философія—наука, то въ область ея входятъ лишь такія необходимыя понятія, которыя выражаютъ все то, что свойственно нашей природѣ въ дѣлѣ познанія. Таковы именно понятія о *мышленіи*, какъ важнѣйшей, основной познавательной способности человѣка (всѣ другія способности познавательныя суть вспомогательныя); понятія о самомъ *познаваніи*, осуществляемомъ чрезъ способность мышленія и наконецъ понятія о *бытіи*, или о томъ, что подлежитъ всегда познанію, на что познаніе наше необходимо направлено и что составляетъ необходимое его содержаніе.

3. Раздѣленіе съ необходимостію мыслимыхъ понятій и вопросовъ философіи. Такимъ образомъ всѣ необходимо мыслимыя понятія слѣдуетъ раздѣлить на понятія a) о мышленіи, какъ дѣятельности познавательной человѣческаго разума; b) понятія о познаніи, какъ необходимой цѣли мышленія и c) понятія о бытіи, какъ необходимомъ предметѣ познанія. Отсюда всѣ вопросы философіи распадаются на *логическіе*, *гносеологическіе* и *онтологическіе*. Соотвѣтственно тому логика, гносеологія и онтологія составляютъ необходимыя части философской системы.

II. Логика.

4. О мышленіи вообще. Мышленіемъ называется внутренняя духовная дѣятельность, направленная къ познанію и состоящая въ томъ, что мы частію *различаемъ*, а частію *соединяемъ* данныя представленія. Поэтому самыя дѣйствія мышленія (различающее и соединяющее) слѣдуетъ различать отъ связанныхъ съ ними представленій. Дѣйствія мышленія составляютъ *формальную* его сторону; представленія же, къ которымъ эти дѣйствія относятся, составляютъ *содержаніе* мышленія. Содержаніе мышленія есть все то, о чемъ и что̀ мы мыслимъ и можемъ мыслить, а форма мышленія состоитъ въ томъ, какъ мы что либо мыслимъ. Посему формою мышленія называется вообще выраженіе того или иного дѣйствія мышленія.

5. О формахъ мышленія элементарныхъ. Формою *различающаго* дѣйствія мышленія служитъ *сужденіе*. Собственно формальная сторона сужденія, именно *различеніе*, выражается посредствомъ словъ *есть*, *не есть* и состоитъ въ противоположности *утвержденія* и *отрицанія*, а содержаніемъ сужденія служатъ представленіе *предмета*, о которомъ сказывается сужденіе, и представленіе *признака*, выражаемаго о предметѣ. Единство же и связь формы и содержанія въ сужденіи выражается тѣмъ, что сужденіе бываетъ *правильнымъ* или *неправильнымъ*, т. е., утвержденіе и отрицаніе соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ своему предмету.

Форма *соединяющаго* дѣйствія мышленія—двоякая: или мы соединяемъ сужденія; въ такомъ случаѣ получается *силлогизмъ*, или соединяемъ то, что составляетъ главное содержаніе въ сужденіяхъ, именно: признаки, различаемые въ представленіи даннаго предмета и выражаемые въ формѣ сужденія,—каждый отдѣльно или вмѣстѣ (чрезъ перечисленіе—въ сужденіи раздѣлительномъ), мы соединяемъ отвлеченно, безъ отношенія къ представленію предмета. Такое отвлеченное соединеніе признаковъ предмета называется *понятіемъ*.

Примѣчаніе. Соединеніе двоякимъ образомъ выражается:—*въ понятіи* и въ *умозаключеніи*, ибо относится либо къ *формѣ* (къ сужд.), либо къ *содержанію*; напротивъ различеніе, будетъ

ли относиться къ формѣ, или къ содержанію, одинаково имѣетъ видъ *сужденія*. Силлогизмъ есть сочетаніе *формальное*, ибо состоитъ въ соединеніи сужденій; понятіе же есть соединеніе *матеріальное*, т. е., относящееся не къ формѣ, а къ содержанію мысли. Очевидно, что различіе формы и содержанія ясно выступаетъ лишь въ дальнѣйшихъ формахъ мышленія, между тѣмъ какъ въ сужденіи это различіе еще не есть явное.

6. *Логическая связь, какъ отличительная черта соединяющаго дѣйствія мышленія, или мысленнаго соединенія.* Мысленное соединеніе, иначе называемое логическимъ, должно различать отъ соединенія психическаго. Послѣднее извѣстно подъ названіемъ *ассоціаціи представленій*. Перваго рода соединеніе отличается характеромъ *необходимости*. Когда соединяются сужденія въ видѣ силлогизма, то необходимость такого соединенія, т. е., его логическій характеръ, выражается тѣмъ, что одно сужденіе вытекаетъ или слѣдуетъ изъ другого, такъ что, съ принятіемъ или непринятіемъ одного сужденія, является необходимость принятія или непринятія другаго. Соединеніе признаковъ, при составленіи понятія о предметѣ, также должно мыслиться, какъ необходимое, а такимъ оно бываетъ тогда, если признаки соединяются не всякіе, но лишь постоянные и необходимо присущіе предмету, неотъемлемые отъ него (такъ называемые существенные).

7. *О сложныхъ формахъ мышленія.* Умозаключеніе и понятіе суть элементарныя формы соединяющаго дѣйствія мышленія. Отъ этихъ формъ должно различать *систематическія формы* мысленнаго соединенія. Систематическія формы мышленія тѣмъ отличаются отъ формъ элементарныхъ, что основаніемъ соединенія служитъ въ нихъ не одна мысленная логическая связь соединяемыхъ мыслей или представленій, но главнымъ образомъ единство предмета, къ которому относятся соединяемыя мысли или представленія. Такъ, по свойству предмета, которымъ объединяется порядокъ связываемыхъ между собою сужденій, переходъ отъ одного положенія къ другому характеризуется тѣмъ, что либо отъ частныхъ положеній мы восходимъ къ общимъ (индуктивный методъ), либо наоборотъ,—изъ положеній общихъ выводимъ частныя заключенія (методъ дедуктивный).

Равнымъ образомъ, при соединеніи понятій, съ одной стороны — отъ наиболѣе общихъ понятій мы переходимъ къ обозрѣнію подчиненныхъ имъ частныхъ понятій,—что̀ называется *классификаціей*, если предметъ мысленнаго обозрѣнія относится къ области познанія эмпирическаго, и *дѣленіемъ* понятій, когда предметъ обозрѣваемый относится къ области познанія умозрительнаго. Съ другой же стороны, частныя представленія и понятія сводимъ къ единству наиболѣе общаго понятія (методы аналитическій и синтетическій).

8. *Законы мышленія.* Мышленіе, со стороны формальной, какъ дѣятельность свободная, т. е., какъ процессъ, состоящій изъ дѣйствій, свободно употребляемыхъ, подлежитъ извѣстнымъ правиламъ, именуемымъ *законами мышленія.* Дѣйствія мышленія выражаются въ формахъ мышленія. Посему законы мышленія суть правила, относящіяся къ формамъ мышленія. Къ логической формѣ различенія, т. е., къ сужденію, относится то правило, что утвержденіе и отрицаніе одного и того же не могутъ быть оба равно истинными, но, при истинности одного, другое необходимо ложно, и что между истинностію и ложностію сужденія ничего средняго быть не можетъ, такъ что всякое сужденіе, необходимо должно быть или истиннымъ, или ложнымъ. Это такъ называемый *законъ противорѣчія* и *исключеннаго третьяго.* Примѣнительно къ вышесказанному понятію о сужденіи, какъ формѣ различенія, законъ этотъ можно выразить такъ: *различеніе должно происходить по закону противорѣчащей противоположности*, т. е., *въ формѣ возможно исключающихъ другъ друга утвержденій и отрицаній.* Къ понятію относится то правило, что и соединяемые въ понятіи признаки предмета (элементы понятія) каждый самъ по себѣ, и самое ихъ содержаніе, должны имѣть такой характеръ, чтобы можно было ихъ мыслить, какъ тождественное нѣчто, неизмѣнное; т. е., признаки нужно брать только установленные точно и твердо, такъ чтобы и соединеніе ихъ мысленное было прочнымъ и надежнымъ. Это руководственное правило для составленія понятій извѣстно подъ названіемъ *закона тождества.* Требованіе этого закона можно выразить такъ: *при составленіи понятій дѣйствіе соединенія должно происходить по за-*

кону устойчивости отдѣльныхъ признаковъ и взаимной ихъ связи въ единствѣ представляемаго или мыслимаго предмета.

Примѣчаніе. Къ осуществленію этого общаго для всѣхъ понятій требованія могутъ способствовать слѣдующія болѣе частныя требованія въ отношеніи къ разнымъ видамъ понятій: понятія *эмпирическія*, которыя образуются путемъ *обобщенія*, должны отличаться *ясностію*, а понятіе ясно, когда даетъ цѣльное и наглядное представленіе предмета; понятія *умозрительныя*, образуемыя чрезъ *построеніе* (конструкція), каковы математическія, должны отличаться *точностію*, а понятіе точно, если входящіе въ его составъ элементы—признаки—разграничены и представляются раздѣльно. Наконецъ понятія *отвлеченныя*, образуемыя чрезъ *рефлексію*, должны отличаться *опредѣленностію*, а опредѣленность состоитъ въ ясномъ различеніи одного понятія отъ другихъ.

Къ умозаключенію относится то правило, что основаніе, въ силу котораго дѣлается выводъ или заключеніе, настолько должно быть твердо, чтобы не могло быть сомнѣнія въ истинности опирающагося на немъ заключенія. Это *законъ достаточнаго основанія*. Если основаніемъ для заключеній служатъ данныя опыта,—факты, то таковые должны быть провѣрены и надлежащимъ образомъ установлены, а также должны быть въ надлежащей полнотѣ; если же основаніемъ служатъ общія положенія, то истинность ихъ должна быть очевидна. Такимъ образомъ законъ достаточнаго основанія состоитъ въ требованіи, чтобы сужденія, при выводѣ заключеній, были соединяемы не иначе какъ въ силу ихъ логической зависимости одного отъ другаго.

III. Гносеологія.

9. Задача гносеологіи. Такъ какъ важнѣйшая познавательная способность—мышленіе есть дѣятельность, состоящая изъ дѣйствій *различенія* и *соединенія*, то задача гносеологіи заключается въ отысканіи и установленіи началъ познанія,—какъ тѣхъ, которые служатъ къ *различенію* разныхъ сторонъ или сферъ въ познаваемомъ, такъ и тѣхъ, которыя служатъ основаніемъ къ *объединенію* познаваемой дѣйствительности. Начала

перваго рода можно назвать *аналитическими* началами познанія. Это именно *категоріи*. Другаго же рода начала суть начала *синтетическія*. Таковы *идеи разума*.

10. Понятіе о познаніи, какъ предметъ гносеологіи. Познаніемъ называется умственное усвоеніе даннаго предмета, происходящее при дѣйствіи различныхъ познавательныхъ способностей, а именно: *чувственнаго воспріятія, памяти* и *воображенія* (что составляетъ опытъ или наблюденіе), особенно же *мышленія*. Предметъ, подлежащій усвоенію, составляетъ *объективную* сторону познанія, а способы и формы усвоенія составляютъ сторону въ познаніи *субъективную*. Поэтому познаніе есть отношеніе между субъектомъ познающимъ и объектомъ познаваемымъ. Изслѣдованію гносеологіи подлежитъ субъективная сторона познанія,—именно тѣ способы или начала познанія, которыя, будучи субъективными по происхожденію, входятъ въ составъ самаго познанія и служатъ выраженіемъ различныхъ сторонъ и отношеній познаваемаго, а чрезъ то получаютъ объективное значеніе, состоящее въ томъ, что эти начала составляютъ необходимое основаніе и руководство къ уясненію объективой стороны познанія, которая есть предметъ *онтологіи* и называется вообще *бытіемъ*.

Примѣчаніе. Какъ въ логикѣ все сводится къ основному различію между формою и содержаніемъ мышленія, такъ въ гносеологіи такое же коренное значеніе имѣетъ различіе и вмѣстѣ связь двухъ сторонъ познанія: *субъективной и объективной*.

11. Опытъ внѣшній и внутренній; категоріи количества и качества. Прежде всего всякій предметъ познаваемый усвояется чрезъ наблюденіе, которое, въ этомъ смыслѣ, т. е. какъ первичный способъ усвоенія, называется *воспріятіемъ*. Различается *внѣшнее* наблюденіе отъ *внутренняго* (самонаблюденіе). Различіе это не въ томъ состоитъ, что внѣшнее наблюденіе есть воспріятіе чрезъ *внѣшнія* чувства, а внутреннее—воспринимаетъ чрезъ чувство *внутреннее*; ибо извѣстно, что нѣкоторыя ощущенія внѣшнихъ чувствъ (цвѣтовъ, запаховъ, вкусовъ, тепла, холода) признаются внутренними состояніями ощущающаго субъекта, а не свойствами внѣшняго бытія, слѣдовательно, не

смотря на происхожденіе отъ внѣшнихъ чувствъ, должны быть отнесены къ области внутренняго опыта. Всѣ такъ называемые качественные признаки вещей (*категорія качества*) признаются несуществующими внѣ субъекта ихъ ощущающаго. А такъ какъ внутреннія наши состоянія сознаются какъ видоизмѣненія или проявленія внутренней энергіи, какъ дѣйствія нѣкоторой открывающейся въ нихъ силы, то и такъ называемыя чувственныя свойства вещей, относя ихъ къ внутреннимъ состояніямъ, также признаютъ проявленіями нѣкоторой внутренней энергіи, т. е.. и къ нимъ прилагаютъ понятіе силы, для котораго первичное основаніе мы находимъ лишь во внутреннемъ опытѣ, въ испытываемыхъ нами внутреннихъ состояніяхъ. За исключеніемъ качественныхъ признаковъ, въ области внѣшняго опыта, остаются лишь представленія *количественныя* (*категорія количества*), которыя и признаются составляющими область собственно внѣшняго наблюденія, или опыта. Представленія эти слѣдующія: *матерія*, какъ совокупность сложныхъ и простыхъ тѣлъ, въ основаніи которыхъ предполагаются недѣлимыя частицы, *пространство и время*. Матерія познается чрезъ измѣненія, происходящія въ пространствѣ и времени; измѣненія эти всѣ сводятся къ *движенію*, а всякое движеніе есть величина, которая можетъ быть измѣрена и выражена опредѣленнымъ *числомъ*. Посему число есть наиболѣе общее и отвлеченное выраженіе *количества*, какъ сила, энергія составляетъ отличительный и наиболѣе общій характеръ *качества*. Такимъ образомъ противоположность внѣшняго и внутренняго опыта характеризуется различіемъ *категорій количества и качества*; въ этихъ категоріяхъ, а не въ чемъ либо иномъ. заключается существенное основаніе, въ силу котораго для нашего сознанія наблюденіе или опытъ раздѣляется на внутреннее и внѣшнее воспріятіе: опытъ внѣшній и внутренній нельзя безъ остатка свести одинъ на другой, точно такъ же не превратимы для нашей мысли количественная разница въ качественную и наоборотъ; вотъ почему всякій разъ, какъ различіе количественное (напр. число колебаній воздушныхъ и эѳирныхъ волнъ) является условіемъ возникновенія качественной

разницы въ ощущеніяхъ, то послѣднюю мы относимъ ко внутреннему опыту, а первое—къ опыту внѣшнему, и такимъ образомъ одно различіе рѣшительно раздѣляемъ отъ другого.

Примѣчаніе 1-е. По Канту, пространство—созерцательная форма внѣшняго чувства, а время—форма внутренняго чувства. Но самъ же Кантъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ время всеобщею формою опыта какъ внѣшняго, такъ и внутренняго.

Примѣчаніе 2-е. Пространство и время, по Канту,—апріорныя, т. е. присущія нашему сознанію независимо отъ опыта, и субъективныя, т. е., существующія только въ нашемъ сознаніи,—формы созерцанія; утвержденіемъ этимъ исключается очевидно реальный характеръ раздѣленія опыта на внѣшній и внутренній. На самомъ дѣлѣ не пространство и время, а то, что есть общаго въ нихъ, именно *категорію количества* слѣдуетъ признать началомъ апріорнымъ, т. е., независимымъ отъ опыта, напротивъ лежащимъ въ основаніи опытнаго познанія вещей. Равно и *категорію качества* также необходимо признать апріорнымъ началомъ. Количество однородно во всѣхъ частяхъ своихъ, различающихся только *по положенію* (каждое число опредѣляется положеніемъ между другими числами; каждая часть простр. и времени опредѣляется положеніемъ своимъ между другими частями), слѣд.—*внѣшнимъ* образомъ, почему и увеличеніе и уменьшеніе таковыхъ можетъ безпрепятственно продолжаться въ безконечность; качество напротивъ неоднородно; посему части качества различаются внутреннимъ образомъ,—не по положенію, а по степени проявляемой въ нихъ энергіи,—такъ различаются цвѣта, звуки... вслѣдствіе разнородности качественныхъ различій, таковыя не могутъ быть по произволу въ безконечность умножаемы или уменьшаемы (матерія, пространство и время, какъ величины, безконечны и по дѣлимости, и по сложности частей; но цвѣта, запахи, звуки ощущенія удовольствія и неудовольствія не безконечны).

12. Связь внѣшняго и внутренняго опыта; категоріи отношенія и бытія. Будучи противоположны между собою, внутренній и внѣшній опытъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоять въ непрерывномъ взаимномъ общеніи и взаимодѣйствіи. Посему

должна быть связь между представленіями изъ того и другаго опыта. Дѣйствительно, съ представленіемъ матеріи всегда соединяется предположеніе о силахъ, какъ необходимой принадлежности матеріи, хотя представленіе силы заимствуется изъ внутренняго опыта. Равно съ представленіемъ внутреннихъ состояній соединяется представленіе *времени*, не смотря на то, что время измѣряется движеніемъ тѣлъ, и при погруженіи нашего сознанія въ свои внутреннія состоянія, нами вовсе не замѣчается. Поэтому, сверхъ категорій *количества* и *качества*, *категорія отношенія*, имѣющая тѣсную связь съ двумя первыми, хотя и отличная отъ нихъ (отношеніе мы различаемъ отъ членовъ, связанныхъ отношеніемъ), также составляетъ необходимую мысль въ нашемъ познаніи. Наконецъ всѣ означенныя различія, или точнѣе, виды разностей (качество, количество, отношеніе) въ области познаваемаго объединяются для нашего мышленія чрезъ то, что представляются противостоящими ему, какъ нѣчто для него данное и воспринимаемое, и слѣд. лежащее за предѣлами сознанія, а не просто лишь чрезъ него представляемое; это объединеніе разностей, означаемыхъ другими категоріями, мыслится чрезъ основную *категорію бытія* [1]) (бытіе—противоположность мышленія, какъ силы представляющей, и потому приписывается всему тому, что дано не только какъ представленіе, но еще инымъ образомъ, слѣд. дано независимо и прежде представленія. И самое представленіе полагается какъ существующее, лишь когда становится объектомъ другаго представленія, слѣд. является независимымъ и отдѣльнымъ въ отношеніи къ этому другому представленію).

Такъ какъ категоріею бытія объединяется внутреннее съ внѣшнимъ, то подъ категоріей бытія разумѣется свойственное тому и другому, именно: признаками бытія служатъ съ одной стороны *субстанціальность*, т. е., самостоятельность,—для мышленія это признакъ всего внѣшняго; съ другой стороны—

---

[1]) Впрочемъ категорія бытія есть самостоятельная, а не соединеніе лишь другихъ категорій.

причинность, т. е., дѣйственность, что свойственно всему внутреннему.

Примѣчаніе. Категоріей бытія, а не категоріей отношенія объединяется внутреннее и внѣшнее, ибо хотя послѣдняя категорія и устанавливаетъ связь внѣшняго съ внутреннимъ, но отношеніе мыслится только *между* ними, а не надъ ними и въ нихъ, слѣд. не какъ содержащее и охватывающее ихъ, но какъ содержимое.

13. Общее понятіе о категоріяхъ. Всѣ названныя категоріи (качество, количество, отношеніе, бытіе, въ частности опредѣляемое, какъ субстанціальность и причинность) суть начала познанія *аналитическія*, ибо всѣ они означаютъ разности въ познаваемомъ; такъ количество, качество и отношеніе обозначаютъ разныя стороны бытія, а самое бытіе выражаетъ различіе наиболѣе общее и основное, именно различіе существующаго отъ несуществующаго, причемъ подъ несуществующимъ мы разумѣемъ вообще отсутствіе, а такъ какъ для того, чтобы возможно было выразить отсутствіе чего либо, мы во всякомъ случаѣ должны представить этотъ отсутствующій предметъ, то въ этомъ смыслѣ просто представляемое, только лишь мыслимое противополагается существующему, какъ знакъ несуществованія, отсутствія; противоположность состоитъ въ томъ, что предмету существующему свойственна самостоятельность, отдѣльность отъ всего иного, представленіе же предмета само по себѣ не самостоятельно; предметъ существующій способенъ *самъ по себѣ* оказать дѣйствіе на другіе предметы, а представленіе само по себѣ бездѣйственно и способно оказать дѣйствіе только чрезъ *представляющаго субъекта*, въ которомъ находится. Итакъ, бытіе есть категорія, служащая къ различенію даннаго какимъ либо инымъ образомъ отъ того, что только представляется или мыслится.

Категоріи потому еще суть начала аналитическія, что онѣ не превратимы одна въ другую и не выводимы одна изъ другой, а потому и служатъ не къ соединенію, а къ различенію и разграниченію. Поэтому нельзя согласиться со взглядомъ Канта на категоріи, какъ на синтетическія формы разсудка. Ха-

рактера синтетическихъ началъ категоріи не имѣютъ, да и формами разсудка нельзя ихъ признать. Подъ формами разсудка слѣдуетъ разумѣть формы мышленія; категоріи можно бы причислить къ понятіямъ; но хотя о каждой категоріи—мы можемъ составить понятіе, однако сами категоріи не суть понятія, ибо употребляются нами, прежде чѣмъ мы въ состояніи составить какое либо понятіе; это видно изъ того, что категоріи содержатся уже въ частяхъ рѣчи, слѣдоват. возникновеніе ихъ совпадаетъ съ происхожденіемъ языка (категорія бытія соотвѣт. имени существит., качество соотвѣт. имени прилагат., нарѣчію и глаголу; количество соотвѣт. имени числительному; категоріи отношенія соотвѣт. предлоги и союзы). Категоріи не формы мышленія, а формы основныя, элементарныя, *познанія*, которое есть цѣль мышленія.

14. Идеи истины, добра и красоты. Идея абсолютнаго или безусловнаго. Если есть начала познанія аналитическія, то должны быть также начала *синтетическія*. Прежде всего *идея истины* служитъ для познанія такимъ началомъ, объединяющимъ всѣ заключающіяся въ немъ разности—не только разныя опредѣленія бытія, но и самое мышленіе (согласіе мышленія съ бытіемъ). Объединяющее значеніе принадлежитъ идеѣ истины въ качествѣ конечной цѣли познанія, сопрягающей субъективную дѣятельность мышленія съ субъективно даннымъ, и обращающей это данное, по мѣрѣ того, какъ оно усвояется, въ умственное достояніе субъекта познающаго, а чрезъ то налагающій на него болѣе или менѣе печать субъективности. Съ идеею истины состоятъ въ неразрывной связи *идеи добра и красоты*. Ибо всѣ эти идеи *субъективны*, и тѣмъ различаются отъ категорій, имѣющихъ значеніе *объективное*. (Ученіе Канта объ идеяхъ разума). Съ другой стороны, въ качествѣ цѣлей въ отношеніи къ разнымъ видамъ человѣческой дѣятельности, означенныя идеи требуютъ отрѣшенія отъ ограниченной и условной субъективности, и такимъ образомъ указываютъ на нѣчто высшее и болѣе достойное, чѣмъ всякое данное состояніе нашей жизни (ученіе Платона объ идеяхъ). Это высшее, составляющее какъ бы общій предметъ всѣхъ названныхъ идей,

но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющее значеніе коренной основы или высшаго принципа для всей объективной дѣятельности, обозначаемой категоріями,—мыслится чрезъ *идею абсолютнаго* или *безусловнаго.* Посему идея абсолютнаго есть высшее, всеобъемлющее синтетическое начало.

Примѣчаніе. Идея истины, блага и красоты имѣютъ, каждая въ отдѣльности, значеніе самостоятельнаго принципа человѣческой дѣятельности, раздѣляющейся, соотвѣтственно тѣмъ идеямъ, на научную, художественную и практическую (частную и общественную), но вмѣстѣ съ тѣмъ состоятъ въ тѣсной связи между собою и потому въ нѣкоторой мѣрѣ взаимно одна другой обусловливаются. Такъ познаніе и усвоеніе знаній много зависитъ отъ степени осуществленія идеи блага, т. е. отъ мѣры благосостоянія общественнаго и частнаго, хотя научныя познанія, съ своей стороны, способствуютъ развитію благосостоянія. Общее благо, какъ единство общаго и частнаго благобытія, какъ совершенство и полнота человѣческой жизни, есть цѣль идеальная, всегда далекая отъ осуществленія. Отсюда потребность представить нѣчто совершенное въ наглядномъ созерцаніи, какъ бы осуществленнымъ, и воспріять живымъ чувствомъ это идеально совершенное такъ, какъ бы оно содѣлалось реальнымъ. Въ этомъ назначеніе искусства. Даже когда искусство воспроизводитъ реальную дѣйствительность безъ всякихъ прикрасъ, то отъ самаго процесса воспроизведенія художественнаго эта дѣйствительность все же получаетъ печать идеальности, чѣмъ возбуждается и укрѣпляется вѣра въ возможность осуществленія идеальныхъ стремленій.

IV. Онтологія.

15. *Понятіе о бытіи, какъ предметѣ онтологіи.* Онтологія состоитъ въ изслѣдованіи *бытія,* какъ гносеологія состоитъ въ изслѣдованіи *познанія,* а логика—въ изслѣдованіи *мышленія.* Мышленіе имѣетъ своею цѣлью—*познаніе,* а цѣлью познанія служитъ *бытіе.* Отсюда очевидна послѣдовательная зависимость одной отъ другой и сравнительная трудность назван-

ныхъ составныхъ частей философіи: *логики*, *гносеологіи* и *онтологіи*. Важнѣйшая, а вмѣстѣ и труднѣйшая часть философіи есть онтологія: въ ней заключается существенное, основное содержаніе философіи; трудность же ея, колеблющая всю философію въ самомъ ея основаніи, заключается въ томъ, что всѣ вопросы, входящіе въ эту часть философіи, могутъ быть рѣшаемы въ противоположномъ смыслѣ, почему и самая эта часть въ цѣломъ подлежитъ той же участи,—можетъ быть и признаваема и отрицаема относительно научнаго ея значенія и необходимости (одни стоятъ за метафизику, другіе — противъ нея).

Этотъ особенный характеръ онтологіи получаетъ свое объясненіе, если взять во вниманіе зависимость ея отъ гносеологіи. Общій выводъ гносеологіи тотъ, что есть два рода началъ познанія: *аналитическія* и *синтетическія*. Отсюда изслѣдованіе и рѣшеніе основныхъ вопросовъ философіи возможно какъ въ направленіи аналитическомъ, такъ и въ направленіи синтетическомъ, отчего получаются противоположные, повидимому несогласимые между собою, выводы. Полнота научнаго изслѣдованія требуетъ соединенія аналитическаго и синтетическаго методовъ. Такое соединеніе въ особенности возможно, и даже необходимо для философіи, по самому свойству ея предмета. Конечно между аналитическими и синтетическими началами познанія должна быть связь, что предполагается уже понятіемъ о единствѣ и цѣлостности познавательной дѣятельности человѣка. Изъ всѣхъ категорій, именно *категорія бытія* такова, что состоитъ въ ближайшей связи съ началами познанія синтетическими, какъ наиболѣе общая изъ всѣхъ категорій, почему именно вопросъ о бытіи,—этотъ главный предметъ философіи, можетъ быть изслѣдуемъ и рѣшаемъ, какъ въ направленіи аналитическомъ, такъ и въ направленіи синтетическомъ. Принимая бытіе въ смыслѣ *категоріи*, т. е., въ значеніи одного изъ признаковъ, характеризующихъ всякое въ отдѣльности данное, мы получаемъ то опредѣленіе бытія, по которому подъ бытіемъ слѣдуетъ разумѣть всякую отдѣльную, самостоятельно данную вещь; бытіе въ этомъ смыслѣ есть *субстанція*, ибо

субстанція, по Аристотелю, есть всякая отдѣльная вещь; субстанція проявляетъ себя въ акциденціяхъ,—въ этомъ смыслѣ всякая субстанція есть *причина*. Но соединяя понятіе бытія съ *идеею истины*, т. е., вопросъ о бытіи разсматривая въ духѣ синтетическомъ, а не аналитическомъ, мы должны дать этому вопросу такой смыслъ: въ чемъ состоитъ не просто бытіе, но *бытіе истинное*, важнѣйшее и существенное, или иначе, что мы должны признать *сущностію* бытія? Поставленный такимъ образомъ вопросъ о бытіи приводитъ къ необходимости раздѣленія въ области самаго бытія *сущности* отъ *явленій*.

Примѣчаніе 1-е. При аналитическомъ пониманіи и изслѣдованіи вопроса о бытіи, отношеніе философіи къ другимъ наукамъ опредѣляется такъ: другія науки изслѣдуютъ отдѣльныя части бытія, философія же, какъ наука о бытіи въ цѣломъ и общемъ, должна заключать въ себѣ сводъ результатовъ, найденныхъ изслѣдованіемъ другихъ частныхъ наукъ. Если же понимать бытіе въ духѣ началъ синтетическихъ, то философія должна быть совершенно самостоятельною и независимою отъ другихъ наукъ областью изслѣдованія. Ибо главный предметъ философіи—сущность бытія или иначе, *безусловное*, а изслѣдованіе другихъ наукъ ограничено областью *конечнаго, условнаго бытія*. Качество есть категорія, характеризующая предметы и содержаніе наукъ опытныхъ (естеств., историч., обществ., филологич.). Количество—категорія, характеризующая предметы и содержаніе наукъ математическихъ. Послѣднія науки суть умозрительныя, ибо все качественное есть то, что *испытывается*, а все количественное, напротивъ, умственно *представляется* или *созерцается*; вотъ почему въ наукахъ опытныхъ существуетъ стремленіе все качественное свести къ количественному, т. е., сдѣлать доступнымъ, по возможности, для чисто умственнаго усвоенія, такъ какъ въ этомъ заключается свойство подлинно научнаго знанія.

Примѣчаніе 2-е. По Канту, бытіе не есть признакъ, а простое *положеніе* нашего мышленія. Но спрашивается,—чѣмъ вынуждается наше мышленіе полагать нѣчто, какъ существующее? Очевидно, тѣмъ, что это нѣчто *дѣйствуетъ* на насъ (бли-

жайшимъ образомъ на наши чувства) и своимъ дѣйствіемъ на насъ свидѣтельствуетъ о своей *отдѣльности* (субстанціальности) отъ насъ. Итакъ очевидно, самостоятельность и дѣйственность и суть тѣ признаки, которые мы обозначаемъ словомъ *бытіе*. По опредѣленію Платона бытіе есть то, что дѣйствуетъ на другое и само способно испытывать дѣйствіе отъ другаго.

16. Вопросы онтологіи и методъ ихъ рѣшенія. Такъ какъ признаки бытія—субстанціальность и причинность, то отсюда вопросъ о бытіи распадается на вопросы о *сущности бытія*, о *происхожденіи* и *конечной цѣли* вещей (причина дѣйствующая и конечная). Субстанція есть то, что самостоятельно, само по себѣ, существуетъ. Отсюда вопросомъ о бытіи, въ смыслѣ субстанціи, требуется отыскать и опредѣлить то, что во всемъ существующемъ обладаетъ наибольшею самостоятельностію и независимостію, что слѣдовательно служитъ *началомъ* и *основаніемъ* всякаго бытія; это именно основное начало бытія разумѣется, когда говорится о сущности вещей. Въ связи съ тѣмъ, когда ставится вопросъ о *причинѣ* и *конечной цѣли* вещей, то также разумѣется основная и важнѣйшая причина, именно *первая причина*, а конечную причину также слѣдуетъ разумѣть какъ высшую, не подчиненную никакой другой, но вполнѣ независимую и *первую*, или иначе, *послѣднюю* въ ряду возможныхъ конечныхъ причинъ. Имѣя въ виду этотъ именно смыслъ вопросовъ о бытіи, составляющемъ предметъ онтологіи, обыкновенно опредѣляютъ онтологію, или же метафизику, какъ науку объ *основныхъ, послѣднихъ началахъ вещей*. Изъ означенныхъ вопросовъ онтологіи важнѣйшимъ, кореннымъ, слѣдуетъ признать *вопросъ о сущности бытія*. А потому главное, иногда даже все вниманіе философовъ было устремлено на этотъ именно вопросъ.

Такъ какъ философское изслѣдованіе въ онтологіи обращено на коренныя основы или начала вещей, то ясно, что въ искомомъ познаніи таковыхъ началъ существенное значеніе должны имѣть тѣ начала познанія, которыя установлены гносеологіей. По тѣсной связи познанія съ бытіемъ познаваемымъ, начала познанія должны имѣть прямое отношеніе къ началамъ

бытія. А потому прежде всего категоріи должны служить руководящими началами въ рѣшеніи вопросовъ о бытіи. При этомъ, такъ какъ изслѣдованіе бытія можетъ быть развиваемо въ двоякомъ направленіи и духѣ,—въ *аналитическомъ* и *синтетическомъ*, и оба эти направленія, можно сказать, одинаково необходимы въ области метафизическихъ вопросовъ, то посему и примѣненіе категорій въ изслѣдованіи и рѣшеніи таковыхъ вопросовъ должно быть двоякое: сначала аналитически, съ точки зрѣнія каждой въ отдѣльности категоріи, должно быть сдѣлано обозрѣніе разныхъ ученій о бытіи, и затѣмъ должно быть испытано рѣшеніе вопросовъ о бытіи чрезъ синтетическое сведеній категорій къ одному началу. Вслѣдствіе сего и самое метафизическое ученіе о бытіи распадается на двѣ части: на ученіе *о бытіи конечномъ*, или *условномъ* и на ученіе *о безусловномъ*.

Примѣчаніе. Выше, съ точки зрѣнія гносеологической. собственно съ точки зрѣнія опытнаго познанія, установлено такое понятіе о бытіи: бытіе есть данное, противоположное просто представляемому и только мыслимому. Съ точки зрѣнія метафизической бытіе не противоположно мышленію и сознанію вообще, а напротивъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже тождественно съ нимъ. Вотъ какъ разрѣшается эта антиномія, относящаяся къ понятію *о бытіи*: въ области мыслимаго и вообще представляемаго должно различать то, что съ *необходимостію* мыслится и представляется, чего нельзя не мыслить и не представлять такъ или иначе, отъ всего того, что хотя бываетъ предметомъ мышленія и сознанія, но можетъ быть также вовсе не мыслимо и не представляемо. Только то, чтò съ необходимостію мыслится и представляется, тожественно съ бытіемъ. Въ этомъ заключается критерій объективнаго значенія философскихъ понятій, и поэтому же о философіи дано выше, въ самомъ началѣ, такое опредѣленіе,—что она есть система съ необходимостію мыслимыхъ понятій. Необходимо же мыслимымъ должно признать всякое понятіе, коль скоро оно можетъ быть оправдано и методически и исторически, т. е., и теоретически и практически. Для метафизики бытіе есть *необходимое* содержаніе мы-

шленія. Такъ должно понимать извѣстное положеніе о тождествѣ мышленія и бытія.

17. Вопросъ о сущности бытія и связанные съ нимъ вопросы о происхожденіи и назначеніи вещей (можно для краткости назвать ихъ онтологическими или метафизическими вопросами) —*съ точки зрѣнія категоріи количества.* Вопросъ о сущности бытія, съ точки зрѣнія категоріи количества, рѣшается такъ: бытіе въ сущности *едино*, утверждаютъ одни (элеаты, Спиноза), по мнѣнію же другихъ,—*множественно* (атомисты, Лейбницъ, Гербартъ). Первое утвержденіе называется *монизмомъ*, а второе *плюрализмомъ*. При томъ предположеніи, что бытіе едино въ своемъ существѣ, вопросы о происхожденіи и конечной цѣли вещей не получаютъ должнаго разрѣшенія, а просто устраняются. Такъ элеаты отрицали происхожденіе (бытіе не происходитъ). Спиноза отрицаетъ цѣлесообразность въ мірѣ. При множествѣ сущаго, происхожденіе, въ смыслѣ сочетанія многихъ сущихъ (элементовъ) въ одно цѣлое, понятно, но цѣль происхожденія отдѣльныхъ цѣлыхъ не понятна, ибо сущее не испытываетъ чрезъ то никакого измѣненія: элементы сущаго по разъединеніи остаются такими же, какими были до своего соединенія въ одно цѣлое. Остается признать и *единство* и *множество* необходимыми опредѣленіями сущаго въ его основаніи. Ибо при такомъ допущеніи и происхожденіе и цѣль понятны: происхожденіе условливается процессами сочетанія и разъединенія многихъ сущихъ, а конечная цѣль таковыхъ процессовъ заключается въ постепенномъ сведеніи множества къ единству, въ объединеніи множества, все болѣе и болѣе охватывающемъ отдѣльныя части этого множества (все происходитъ чрезъ отпаденіе отъ единства; все стремится снова къ единству, по ученію нѣкоторыхъ философовъ).

18. Вопросъ о сущности бытія въ отношеніи качества (разсмотрѣніе бытія съ точки зрѣнія категоріи качества). *Матеріализмъ и спиритуализмъ.* Признавъ бытіе, въ его существѣ, единымъ и вмѣстѣ множественнымъ (т. е., оба эти опредѣленія одинаково необходимыми въ отношеніи сущности бытія), необходимо далѣе разъяснить,—какова природа сущаго.

Въ качественномъ отношеніи бытіе, по существу своему, утверждаютъ одни, есть *матерія*; другіе же сущностью бытія признаютъ не матерію, *а духъ*. Матерія есть начало *множественное* и по сложности ея состава (простыя тѣла), и по строенію своему (атомизмъ), а основное начало вещей должно быть и множественнымъ, и вмѣстѣ единымъ. Какимъ же образомъ матерія едина? Одинаковость строенія матеріи во всѣхъ тѣлахъ могла бы служить признакомъ единства матеріи, т. е., качественной однородности ея, если бы атомическое строеніе матеріи само не было простой гипотезой, которой доказать нельзя. Болѣе надежнымъ свидѣтельствомъ единства матеріи служитъ, теперь уже принятое въ наукѣ какъ несомнѣнное, ученіе о единствѣ и взаимодѣйствіи силъ природы, или такъ называемый *законъ сохраненія силы*. Единство силъ, присущихъ матеріи, должно служить доказательствомъ единства самой матеріи. Происхожденіе отдѣльныхъ вещей и ихъ системъ (міровыхъ тѣлъ, органическихъ и неорганическихъ тѣлъ природы) есть вѣчный процессъ, по ученію матеріализма, по причинѣ вѣчности матеріи, но этотъ процессъ представляется безцѣльнымъ, т. е., происходящимъ не по внутренней причинности (потребности), а по дѣйствію внѣшнихъ случайныхъ причинъ (дарвинизмъ, какъ отрицаніе цѣлесообразности въ природѣ). Однакожъ побужденіе къ самосохраненію, какъ общее свойство живыхъ существъ,—фактъ очевидный—вынуждаетъ допустить коренное различіе между матеріей *органической* (протоплазма) и матеріей *неорганической*, чѣмъ нарушается единство матеріи. Чтобы это единство спасти, полагаютъ (въ духѣ закона сохраненія силы), что раздражительность и чувствительность въ органической матеріи лишь становится явною, но существуетъ и въ матеріи неорганической,—только въ скрытомъ состояніи (потенціальная и кинетическая энергія). Предположеніе это ведетъ къ тому заключенію, что чувствительность сама создаетъ для себя органы (нервы и мозгъ), ибо существуютъ независимо и прежде ихъ возникновенія и нуждается въ нихъ только для того, чтобы сдѣлаться явною и открытою. А отсюда уже легко придти и къ тому выводу, впрочемъ даже неизбѣжному въ этомъ случаѣ, что сознаніе,—это

высшее проявленіе чувствительности,—само создаетъ то, что мы называемъ матеріей, именно производитъ комплексъ ощущеній, обозначаемый этимъ именемъ, и такимъ образомъ оказывается, что матерія въ сущности есть только объектъ, а не причина нашего сознанія, что она есть только наше *представленіе*. Въ этомъ положеніи заключается исходный пунктъ *спиритизма*, утверждающаго, что не матерія сущность вещей, а духъ, или наше я. Очевидно, что матеріализмъ легко можетъ превратиться въ *спиритуализмъ*. Но также и наоборотъ, спиритуализмъ легко преобразуется въ матеріализмъ. Спиритуализмъ опирается на той вѣрной мысли, что бытіе для насъ постольку познаваемо, насколько мы сами существуемъ, что въ собственномъ нашемъ бытіи открывается, и только чрезъ него познается нами общее бытіе вещей. Задачей философіи всегда было самопознаніе нашего я, или нашего духа, ибо въ самопознаніи лежитъ путь къ познанію вообще, а главное къ истолкованію бытія вещей. И то положеніе, на которомъ всегда утверждалась метафизика, именно—что мышленіе и бытіе тождественны, только въ смыслѣ самопознанія можетъ быть оправдано: съ познавательною дѣятельностію мышленія дѣйствительно неразрывно связано *бытіе* познающаго духа, и въ немъ, т. е., въ мышленіи открывается самому себѣ. Какимъ же образомъ чрезъ самопознаніе нашего духа познается вообще бытіе, или сущность бытія? И здѣсь, т. е., въ *спиритуализмѣ* центръ всего ученія заключается въ томъ, какъ рѣшается вопросъ о единствѣ при многообразіи сущаго. Останавливаясь прежде всего на томъ фактѣ, что мы переживаемъ множество разнообразныхъ состояній, спиритуалисты отсюда дѣлаютъ заключеніе о бытіи множества духовъ, или душеподобныхъ реальностей, но затрудняются объяснить,—какимъ образомъ всѣ такія реальности,—вслѣдствіе своей простоты и недѣлимости, не способныя проникать одна въ другую и дѣйствовать одна на другую,—могутъ взаимно отображаться во внутреннихъ своихъ состояніяхъ, и всѣ вмѣстѣ составлять *единый цѣльный и стройный* міръ бытія (гипотеза Лейбница о предуставленной гармоніи, гипотеза Гербарта о внѣшнихъ отношеніяхъ между реально-

стями, гипотеза Лотце о всеединой реальности). Поэтому другіе спиритуалисты исходятъ изъ того положенія, что духовное начало едино, и множественность бытія изъясняютъ, какъ множественность и разнообразіе проявленій и видоизмѣненій единаго въ своемъ существѣ духовнаго начала. Но разнообразіе проявленій духа ведетъ къ тому, что самое это единое существо духа различно понимается и опредѣляется. Уже Фихте старшій, а еще рѣшительнѣе Гегель, существо духа полагали *въ мышленіи*, и потому все разнообразіе бытія изъясняли, какъ постепенное раскрытіе мыслящаго и чрезъ мышленіе познающаго себя духа. Напротивъ Шопенгауеръ и Гартманъ за существо міроваго начала принимаютъ *волю*, а не мышленіе, а какъ главное стремленіе воли есть стремленіе къ свободѣ, то и бытіе вещей изъясняется ими въ смыслѣ процесса, началомъ котораго служитъ утрата свободы (самоограниченіе міровой воли), а концомъ—возстановленіе утраченной свободы. При узкости и ограниченности нашего сознанія, необходимо допустить, что въ нашемъ духѣ существуетъ обширная область безсознательныхъ состояній. Если существо духа заключается въ мышленіи, то эта область духа есть безсознательное, инстинктивное мышленіе: полагая же, что существо духа есть воля, а не мышленіе, мы должны смотрѣть на безсознательную его область, какъ на инстинктивное, неудержимое, слѣпое влеченіе. Но такое, т. е., безсознательное, мышленіе, и такая же воля, очевидно, ничѣмъ не различаются отъ слѣпыхъ силъ природы, основаніе которой заключается въ матеріи. Вотъ какимъ образомъ спиритуализмъ превращается въ матеріализмъ.

П. Линицкій.

(Окончаніе будетъ).

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ ФИЛОСОФІИ.

(Окончаніе *).

19. Вопросъ о сущности бытія съ точки зрѣнія категоріи отношенія. Монизмъ (качествен.) *и дуализмъ. Релятивизмъ или феноменализмъ (гносеологія и онтологія; соціалогія и метафизика). Условное и Безусловное.* Чѣмъ объяснить то, что и матеріализмъ легко можетъ перейти въ спиритуализмъ, и наоборотъ спиритуализмъ можетъ (и дѣйствительно такъ бываетъ) превратиться въ матеріализмъ? И матеріализмъ, и спиритуализмъ—системы *монистическія*; таковыми они признаются, при пониманіи монизма не въ количественномъ, а въ качественномъ смыслѣ однородности, предполагаемаго этими системами, основнаго начала. Для матеріализма такое единое начало вещей есть матерія; для спиритуализма — духъ. При этомъ очевидно, что для матеріализма все духовное, а для спиритуализма все матеріальное теряетъ всякую самостоятельность, всякое самобытіе и независимое значеніе: для матеріалиста *матерія сущность*, а все *духовное* не болѣе какъ *явленіе*, условливаемое тою сущностію; для спиритуалиста наоборотъ *духъ* есть *сущность*, а *матерія—явленіе*, производимое духомъ (Берклей). Кто имѣетъ постоянно дѣло съ матеріальною природою, занимается ею и изучаетъ оную, для того конечно главнымъ и наиболѣе существеннымъ представляется бытіе матеріальное, а все духовное кажется чѣмъ то побочнымъ, только препятствующимъ иногда познавать вещи въ ихъ сущности (анеропоморфизмъ). Напротивъ, кто имѣетъ постоянно дѣло съ міромъ духовнымъ, для того конечно въ этомъ мірѣ заклю-

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г., № 14.

чается главное и существенное. Въ разное время являются въ обществѣ преобладающими то интересы матеріальные, то интересы духовные; поэтому и неудивительно, что спиритуализмъ превращается въ матеріализмъ, и обратно. Простирая свою мысль далѣе всякихъ временныхъ интересовъ, и стремясь быть свободнымъ отъ всякой односторонности, философъ, повидимому, долженъ былъ бы разъ навсегда признать за несомнѣнное, что и матерія, и духъ одинаково необходимыя, и такъ сказать, равноправныя начала бытія. И дѣйствительно, такъ назыв. *дуализмъ*—признаніе двухъ равно необходимыхъ началъ,—является уже въ древности, въ самую раннюю эпоху развитія философіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно дуализмъ тщательно стараются какъ нибудь обойти и устранить, ибо дуализмъ является источникомъ трудностей многихъ и притомъ, можно сказать, непреоборимыхъ для разума человѣческаго. Является вопросъ о *взаимномъ отношеніи* между духовнымъ и матеріальнымъ бытіемъ. Въ рѣшеніи этого вопроса заключается главная трудность. Прежде всего два основныхъ начала безъ взаимной связи и всякаго между собою отношенія не могутъ существовать (вѣдь существуетъ *одинъ* міръ, а не два); слѣдовательно, необходимо допустить, что есть и нѣчто третье, господствующее надъ тѣми двумя началами и установляющее связь между ними. По ученію Декарта и окказіоналистовъ это третье начало есть *безконечная или безусловная субстанція*, это само Божество. Существуетъ безконечное множество тѣлъ и душъ; тѣла—субстанціи протяженныя, а души—субстанціи мыслящія; тѣ и другія, по природѣ своей, противоположны, а между тѣмъ находятся между собою въ непрерывномъ общеніи; повидимому душа дѣйствуетъ на тѣло, а тѣло на душу; но такъ какъ это невозможно, по причинѣ противоположности ихъ свойствъ, то остается предположить, что единая безконечная субстанція, по поводу извѣстной перемѣны въ тѣлѣ, производитъ соотвѣтствующее этой перемѣнѣ состояніе души, связанной съ тѣмъ тѣломъ, и наоборотъ, душевныя состоянія согласуетъ съ перемѣнами въ тѣлѣ. Такова гипотеза, извѣстная подъ именемъ *окказіонализма*. Гипотеза эта, помимо всякихъ иныхъ соображеній, недопустима просто потому, что заключаетъ въ себѣ яв-

ную несообразность: поводъ долженъ предшествовать тому, для чего служитъ поводомъ, а между тѣмъ двѣ соотвѣтствующія одна другой перемѣны въ душѣ и тѣлѣ происходятъ совмѣстно и одновременно, и происходить иначе не могутъ, если душа и тѣло—субстанціи, существующія каждая самостоятельно: вѣдь не только тѣлесная перемѣна, напримѣръ, служитъ поводомъ для соотвѣтствующаго ей душевнаго состоянія, но и обратно это самое состояніе должно служить поводомъ для той перемѣны; душевныя и тѣлесныя состоянія происходятъ одновременно и рядомъ одно съ другимъ, *параллельно* другъ съ другомъ; слѣдовательно не могутъ быть поводами одно для другого. Вотъ почему Спиноза полагалъ, что душевныя и тѣлесныя состоянія, какъ образующія два параллельныхъ ряда, просто суть видоизмѣненія свойствъ единой безконечной субстанціи. Къ такому рѣшенію вопроса приводило ученіе Декарта и его послѣдователей о различіи субстанцій конечныхъ отъ безконечной. Если конечныя субстанціи различаются отъ безконечной только своею конечностію, ограниченностью, то явно, что онѣ суть *ограниченія* (модусы) безграничной субстанціи, которая, такимъ образомъ, не внѣ ихъ, а въ нихъ самихъ существуетъ, какъ общее ихъ основаніе, или пожалуй онѣ въ ней существуютъ. Такимъ образомъ, душевныя и тѣлесныя перемѣны потому именно согласны между собою, что составляютъ *явленія свойствъ* (мышленія и протяженія) *единой безконечной субстанціи.* Но эта субстанція простирается на все существующее, она все собою объемлетъ, а потому выходитъ по этому ученію, что уже не одни одушевленныя существа, но и всѣ тѣла двоякимъ образомъ существуютъ: какъ проявленія божественнаго, т. е. безконечнаго, протяженія и какъ явленія безконечнаго мышленія, ибо эти свойства, въ безконечной субстанціи нераздѣльны. Дѣйствительно, по философіи Спинозы всякое тѣло имѣетъ въ божественномъ мышленіи соотвѣтствующую идею, и наоборотъ всякая мысль имѣетъ свой объектъ (безжизненнаго, мертваго въ мірѣ ничего нѣтъ). Въ такомъ случаѣ можно ли утверждать, что душевныя и тѣлесныя явленія (или, такъ какъ теперь эти явленія мы должны понимать болѣе широко, какъ универсальныя, то можно назвать ихъ так-

же идеальными и реальными,—по терминологіи Шеллинга) образуютъ параллельные ряды; параллелизма на самомъ дѣлѣ не оказывается, ибо въ природѣ физической, въ мірѣ внѣшнемъ, присутствіе душеподобныхъ явленій подавляется рѣшительнымъ преобладаніемъ явленій тѣлесныхъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ и вовсе не замѣчается; напротивъ, въ исторіи человѣческой и вообще въ жизни человѣческихъ обществъ душевныя явленія преобладаютъ. Шеллингъ въ этомъ попеременномъ господствѣ то явленій тѣлесныхъ, то явленій духовныхъ видитъ доказательство того, что Абсолютное, или Безконечное не просто есть субстанція и только; недостаточно сказать, что безконечное, а вмѣстѣ съ нимъ и все конечное, существуетъ; нѣтъ, оно живетъ, движется, *развивается*. И Шеллингъ, такъ же, какъ и Спиноза, признавалъ, что по природѣ своей, или пожалуй по своимъ свойствамъ, безконечная субстанція двойственна (тождество идеальнаго и реальнаго, субъективнаго и объективнаго, внутренняго и внѣшняго); но, по ученію Шеллинга, абсолютное существо, вмѣсто того, чтобы оставаться всегда неизмѣннымъ, развиваетъ то одну сторону своего существа, то другую—*реальную или объективную* въ природѣ внѣшней, *субъективную* и *идеальную* въ исторіи человѣческой, въ жизни государственной, въ наукѣ и искусствѣ. Мысль о развитіи (эволюція по нынѣшнему словоупотребленію), какъ общемъ законѣ или свойствѣ всякаго бытія, безспорно плодотворная и необходимая. Но всякое развитіе должно имѣть начало и конецъ, а Шеллингъ по необходимости долженъ былъ понимать развитіе какъ процессъ безконечный, слѣдовательно безцѣльный. Вѣдь безконечное существо двойственно по Шеллингу: оно есть *единство духовнаго и тѣлеснаго, идеальнаго и реальнаго, субъективнаго и объективнаго*. Отсюда ясно, что какой бы высоты развитія, или господства не достигла одна сторона абсолютнаго существа, другая сторона не можетъ быть подавлена и устранена вовсе, а потому попеременно должны господствовать то одна сторона, то другая, и такъ безъ конца. Равновѣсіе этихъ двухъ сторонъ, хотя ищется въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ въ искусствѣ, недостижимо, ибо иначе Абсолютное, которое всегда должно оставаться скрытымъ осно-

ваніемъ вещей, цѣликомъ перешло бы въ область явленій, и прекратилось бы всякое міроисторическое движеніе.

Изложенныя ученія пытаются рѣшить вопросъ о взаимоотношеніи духовнаго и тѣлеснаго на основаніи понятія о началѣ абсолютномъ, безусловномъ. Въ ученіяхъ этихъ метафизическое понятіе о сущности превращается въ понятіе о началѣ безусловномъ: *въ безусловномъ полагается сущность всего условнаго.* Противъ этого метода—изъяснять конечное на основаніи гипотезы о безконечномъ, или безусловномъ,—*позитивизмъ* возражаетъ такъ: абсолютное есть просто отвлеченное понятіе, которое ничего не прибавляетъ къ фактамъ, подлежащимъ непосредственному наблюденію и не изъясняетъ ихъ. Теологія все существующее и происходящее въ мірѣ изъясняетъ волею сверхъестественнаго существа или же многихъ таковыхъ существъ, но это очевидно не научное объясненіе; такъ же мало научнаго и въ метафизическихъ абстракціяхъ, каково понятіе о сущности. Ни сущность, ни причины вещей для насъ непознаваемы; и дѣйствительно наука положительная, основанная на опытѣ, такого познанія не ищетъ. Не причины и сущность, а только *явленія* доступны нашему познанію, а задача познанія состоитъ въ установленіи *законовъ* явленій. Даны явленія тѣлесныя и явленія душевныя. Чѣмъ представляются тѣ и другія явленія съ точки зрѣнія опытнаго познанія, именно—внѣшняго наблюденія? Простыя физическія перемѣны свойственны всѣмъ тѣламъ, а явленія жизненныя (душевныя) свойственны только тѣламъ одушевленнымъ, иначе—органическимъ. Органическія тѣла отличаются отъ неорганическихъ большою сложностію. Ясно, что явленія болѣе сложныя должны быть изучаемы послѣ, а менѣе сложныя и простыя прежде; соотвѣтственно тому и науки должны быть расположены въ порядкѣ возрастающей сложности ихъ предметовъ. Таковы основныя положенія позитивизма Конта. Самъ по себѣ порядокъ наукъ, установленный Контомъ, таковъ, что предопредѣляетъ тотъ духъ, въ какомъ позитивизмъ долженъ рѣшить свою главную задачу—установить опредѣленный взглядъ на духовныя явленія и опредѣлить отношеніе ихъ къ тѣлеснымъ. Если сложныя явленія должны быть изъясняемы изъ простыхъ,

то очевидно основаніе для законовъ сложныхъ явленій должно заключаться въ законахъ явленій менѣе сложныхъ. Душевныя и духовныя явленія ничѣмъ инымъ не различаются отъ тѣлесныхъ, какъ только большею сложностію; итакъ очевидно, законы явленій духовныхъ должны быть опредѣляемы на основаніи законовъ тѣлесныхъ явленій, и по аналогіи съ ними. Собственно существуютъ, по Конту, только тѣла, и всѣ науки суть науки о тѣлахъ (за исключеніемъ математики, которая есть только орудіе научнаго изслѣдованія и какъ бы введеніе въ науку, самостоятельнаго же значенія не имѣетъ, ибо даетъ умѣнье, а не знанія). Главное различіе между тѣлами то, что въ органическихъ тѣлахъ мы наблюдаемъ жизненныя явленія, тогда какъ въ тѣлахъ неорганическихъ этихъ явленій не находимъ. Понятно, что важнѣйшими должно признать науки о жизненныхъ явленіяхъ по причинѣ большей сложности этихъ явленій. Эти науки суть *біологія*,—наука о простѣйшихъ и наиболѣе общихъ жизненныхъ явленіяхъ,—свойственныхъ всѣмъ органическимъ тѣламъ, и *соціологія*,—наука о явленіяхъ самаго сложнаго изъ всѣхъ организмовъ,—именно *общества*. Послѣдняя наука особенно важна. На мѣсто большаго космоса, которымъ занималась философія доселѣ, позитивизмъ полагаетъ малый міръ, именно человѣческое общество, какъ преимущественный предметъ философскаго изслѣдованія. Другія науки входятъ въ кругъ философскихъ изысканій только по связи своей съ соціологіей.—Контъ основываетъ свои понятія о научномъ познаніи всецѣло на внѣшнемъ опытѣ (внутреннему опыту онъ не придаетъ самостоятельнаго научнаго значенія). Такъ, подъ именемъ *явленія* онъ разумѣетъ факты, представляемые съ одной стороны устройствомъ тѣлъ, а съ другой перемѣнами, въ нихъ происходящими (статика и динамика); сообразно съ этимъ, и законы онъ понимаетъ, какъ *отношенія совмѣстности* (расположеніе частей въ цѣломъ какъ отдѣльныхъ тѣлъ, такъ и ихъ системъ) и *послѣдовательности*, т. е., чисто внѣшнія отношенія пространственныя и временныя. Задача—разъяснить *отношеніе* между духовными и тѣлесными явленіями обобщается, ибо задачею вообще научныхъ знаній признается *установленіе отношеній* послѣдова-

тельности и совмѣстности, при чемъ душевныя явленія подводятся подъ рубрику отношеній послѣдовательности (психологія Спенсера), а тѣлесныя—подъ рубрику отношеній совмѣстности. Понятно, какихъ надо ожидать выводовъ отъ изслѣдованія въ этомъ духѣ: въ *біологіи* главный выводъ тотъ, что *постепенное возникновеніе* и *усовершеніе нервной системы у животныхъ условливаетъ собою постепенное усложненіе психическихъ функцій,* т. е., утверждается безусловная зависимость (а не просто параллелизмъ) душевныхъ и духовныхъ явленій отъ явленій тѣлесныхъ (дарвинизмъ); въ *соціологіи* основными свойствами человѣческой природы признаются съ одной стороны эгоизмъ, а съ другой—родовое влеченіе, именно—побужденіе къ поддержанію и сохраненію рода; а это значитъ, что существеннаго различія между человѣкомъ и животными не полагается, ибо, согласно съ правиломъ—болѣе сложныя явленія изъяснять на основаніи менѣе сложныхъ,—стадныя свойства животныхъ признаются первыми зачатками общественности; сообразно съ тѣмъ, матеріальныя потребности полагаются въ основаніе всѣхъ другихъ, и *политическая экономія* признается основною общественною наукою: изъ условій и законовъ экономическаго быта изъясняются характеристическія черты общественной жизни во всѣ времена, а *религія*, которая оказывается явленіемъ непонятнымъ съ этой точки зрѣнія, толкуется, какъ произведеніе невѣжества, фантазіи. Изслѣдованіе, очевидно, направляется въ духѣ *матеріализма*, ибо основными, а слѣд. и болѣе существенными признаются явленія тѣлесныя, матеріальныя.

Такъ какъ, сверхъ опыта или наблюденія внѣшняго, существуетъ опытъ внутренній, называемый иначе самонаблюденіемъ, то есть еще другое теченіе въ позитивизмѣ. Общее положеніе позитивизма, что познаваемы только явленія, а сущность непознаваема, проводится еще въ иномъ смыслѣ. По Конту, явленія—это факты, данные для внѣшняго наблюденія и состоящіе въ такомъ или иномъ устройствѣ тѣлъ и перемѣнахъ, происходящихъ съ ними. Напротивъ *англійскіе* представители позитивизма, которые слѣдуютъ *Юму*, а также *нѣмецкіе* позитивисты, для которыхъ руководителемъ служитъ *Кантъ* (ново-

кантіанцы), говоря о явленіяхъ, разумѣютъ подъ названіемъ явленія *представленіе*, какъ фактъ сознанія,—фактъ внутренній, а не внѣшній. Намъ даны только представленія, которыя мы правда отличаемъ отъ вещей представляемыхъ; а какъ вещи существуютъ сами въ себѣ, независимо и помимо нашего представляющаго сознанія,—этого мы не знаемъ и не можемъ знать; что намъ кажется свойствомъ, принадлежностію самаго бытія (напр. пространство, время), на самомъ дѣлѣ есть только форма нашего представляющаго или же мыслящаго (категоріи) сознанія. *Отношеніе къ нашему сознанію* есть общая и необходимая принадлежность всего нами познаваемаго, есть условіе, безъ котораго познаніе просто невозможно, а потому безотносительное, безусловное, для насъ совершенно непознаваемо. Подъ безотносительнымъ и безусловнымъ разумѣется въ этомъ случаѣ не основное начало бытія, а просто бытіе въ себѣ, насколько полагается какъ потустороннее для нашего сознанія, какъ лежащее внѣ его.—(Спенсеръ). Если первое направленіе позитивизма, которое можно назвать *соціалистическимъ*, метафизику,—науку о бытіи вообще,—замѣняетъ соціологіей—наукою о бытіи человѣческомъ (въ которую поэтому входятъ метафизич. вопросы о сущности, происхожденіи и конечной цѣли жизни общественной), то и это другое направленіе позитивизма совпадаетъ съ первымъ въ томъ, что всѣ познанія и идеи, вырабатываемыя человѣкомъ, признаетъ имѣющими свою истинность только для человѣка и съ точки зрѣнія человѣческой, а не безотносительно: предполагается, что для существа, одареннаго иными познавательными способностями, съ иными формами познанія, этотъ же самый міръ вещей представлялся бы совсѣмъ инымъ. Позитивизмъ, имѣющій въ своемъ основаніи такую мысль, можно назвать *гуманистическимъ*. На мѣсто законовъ природы это направленіе позитивизма, опредѣливъ явленіе, какъ представленіе, полагаетъ *законы ассоціаціи* представленій, которые, впрочемъ, также сводятся къ отношеніямъ пространственной и временной смежности.

Очевидно, что одинъ видъ позитивизма есть въ сущности матеріализмъ, только безъ понятія о матеріи, какъ основномъ

началѣ вещей, матеріализмъ, такъ сказать, недоговоренный до конца, не рѣшающійся вымолвить послѣднее свое слово. Равно другой видъ позитивизма склоняется къ спиритуализму, но это опять таки спиритуализмъ безъ понятія о духѣ, — спиритуализмъ, для котораго послѣднею инстанціею служитъ, вмѣсто духа, субъективное наше сознаніе. Позитивизмъ вообще отвергаетъ отвлеченныя понятія о сущности, такія понятія, которыя имѣютъ своею задачею выразить истину безотносительную и безусловную. *Категорію отношенія* позитивизмъ ставитъ на первомъ мѣстѣ, и принимаетъ ее за основную, что̀ очевидно не сообразно съ дѣйствительнымъ устройствомъ, такъ сказать, человѣческаго разума, для котораго основною категоріею служитъ *категорія бытія*. Такимъ образомъ позитивизмъ, хотя повидимому опирается на сознаніи человѣческомъ и признаетъ для себя таковое высшимъ принципомъ, на самомъ дѣлѣ насилуетъ и извращаетъ дѣйствительную природу человѣческаго сознанія, которое не можетъ обходиться безъ признанія чего либо за безусловную истину. Говорятъ: мы не знаемъ, какъ вещи существуютъ въ себѣ. Но нужно взять во вниманіе, что̀ именно привело къ такому заключенію. Наука новаго времени безмѣрно раздвинула предѣлы видимаго міра, котораго мы уже не можемъ наглядно представить, какъ цѣлое, гармонически устроенное для блага человѣка; міръ представляется безконечнымъ, и по причинѣ безконечности, отношеніе его къ человѣку становится неяснымъ и неопредѣленнымъ. Отсюда естественна склонность теперешняго человѣчества въ центрѣ своего міровоззрѣнія на мѣсто великаго міра полагать свой малый міръ. Такимъ образомъ, въ основаніи самой этой склонности заключается увѣренность въ томъ, что новое воззрѣніе на окружающій насъ міръ, на вселенную, не есть субъективное представленіе, феноменъ человѣческаго сознанія и только, а выражаетъ дѣйствительную, абсолютную истину. Говорятъ: нѣтъ ни духа, ни матеріи въ значеніи объективныхъ, по себѣ существующихъ сущностей, а есть только два разряда явленій — духовныхъ и матеріальныхъ. Однако для человѣка невозможно безразлично относиться къ тѣмъ и другимъ, признавать тѣ и другія—за равнозначущія величины. Позитивизмъ

придаетъ основное значеніе въ соціальной жизни законамъ экономическимъ, но одинъ изъ главныхъ законовъ экономическихъ отношеній тотъ, что неизбѣжно устанавливается натуральная или искусственая мѣра цѣнностей; должна быть такая мѣра и для опредѣленія сравнительнаго достоинства явленій душевныхъ и тѣлесныхъ. А посему необходимо понятіе объ абсолютномъ началѣ,—притомъ не отрицательное, которое было бы бездѣйственнымъ, а положительное. Говорятъ еще: нужно изучать факты и классифицировать ихъ, въ этомъ состоитъ научное познаніе. Но нужно взять во вниманіе, что факты человѣческой жизни отличаются особымъ свойствомъ: въ нихъ участвуютъ человѣческія чувства и понятія. Смотря по тому, какія понятія и чувства будемъ вносить въ свои поступки, и факты бываютъ разные. Чувства и понятія имѣютъ свою исторію, которой не можетъ замѣнить никакая соціологія. Въ кругу понятій человѣческихъ важнѣйшее значеніе имѣютъ понятія объ абсолютномъ началѣ, и соединенныя съ тѣми понятіями чувства. Все относительно въ сферѣ человѣческихъ знаній и идей, но всѣ возможныя отношенія, вмѣстѣ взятыя, необходимо предполагаютъ такое начало, изъ котораго исходятъ всякія отношенія, но которое само, какъ основное, не можетъ быть включено цѣликомъ и охвачено этими отношеніями. Это начало абсолютное. Заслуга позитивизма заключается въ томъ, что онъ строго раздѣляетъ безусловное отъ условнаго, конечнаго, между тѣмъ какъ въ ученіяхъ Спинозы и Шеллинга, вообще въ той идеалистической философіи, которую позитивизмъ отрицаетъ какъ ненаучную, одно съ другимъ, можно сказать, отождествляется; но кореннымъ заблужденіемъ позитивизма слѣдуетъ признать то, что понятіе объ абсолютномъ для него есть только отрицательное, а не положительное, такъ что весь смыслъ этого понятія для позитивизма исчерпывается тѣмъ положеніемъ, что абсолютное не познаваемо.

20. Вопросъ объ абсолютномъ началѣ и методъ рѣшенія этого вопроса. Безъ опредѣленнаго понятія объ абсолютномъ началѣ философское міровоззрѣніе не можетъ имѣть полноты, законченности и единства. Философія есть система понятій; но систематическая свясь понятій невозможна, если недостаетъ по-

нятія кореннаго, къ которому, какъ своему основанію, сводились бы, и на немъ опирались бы всѣ другія понятія. Правда,—на это можетъ указать позитивизмъ, нѣтъ такой научной системы знаній, которая могла бы похвалиться законченностію, полнотою и строгимъ единствомъ; это идеалъ знанія, неосуществимый для ограниченныхъ человѣческихъ силъ. И философія, какъ система научная, чѣмъ она должна быть по крайней мѣрѣ, по необходимости лишена означенныхъ качествъ; несовершенство, неполнота—участь всего человѣческаго, слѣдовательно и философіи. Это замѣчаніе вполнѣ вѣрно о научныхъ системахъ, но не вполнѣ примѣнимо къ философіи, которая въ этомъ случаѣ существенно различается отъ всѣхъ научныхъ системъ. Всѣ научныя системы имѣютъ, главнымъ образомъ, теоретическое, и притомъ частное, значеніе, т. е., даютъ знанія о различныхъ частныхъ предметахъ; практическое же значеніе, если имѣютъ, то еще болѣе частное, ограниченное отдѣльными случаями, явленіями и отношеніями жизни. Задача философіи совсѣмъ иная: философія стремится дать такія общія понятія о сущемъ и должномъ (реальныя и идеальныя), которыя имѣли бы руководящее значеніе для всей жизни человѣка, которыя обнимали бы всю дѣйствительность жизни, сообщали бы ей опредѣленный смыслъ и характеръ. Пусть эти необходимыя для жизни коренныя понятія, эти начала уже существуютъ и дѣйствуютъ въ жизни, но необходимо овладѣть ими умственно, дабы и примѣненіе ихъ всегда было сознательнымъ, а не случайнымъ и безотчетнымъ. Если нѣтъ единства и порядка въ нашихъ мысляхъ, то какъ возможны стройность и единство въ жизни?

Въ ряду понятій философскихъ должно быть понятіе основное. Это именно понятіе о безусловномъ началѣ. Очевидно, что начало это должно быть независимое отъ всякихъ иныхъ началъ, вполнѣ самостоятельное, иначе понятіе о немъ не было бы кореннымъ; несомнѣнно также, что безусловное начало должно быть возвышенное, иначе понятіе о немъ не могло бы содѣйствовать возвышенію достоинства человѣческой жизни. Наконецъ, безусловное начало должно быть всеобъемлющимъ, а потому и понятіе о немъ должно имѣть характеръ *синтеза* наи-

болѣе широкаго. Этимъ опредѣляется способъ къ установленію такого понятія. Понятіе о безусловномъ, какъ начало синтетическое по преимуществу можетъ быть получено чрезъ сочетаніе и объединеніе всѣхъ необходимыхъ опредѣленій, относящихся къ различнымъ категоріямъ, какъ равно и понятій идеальныхъ.

21. *Понятіе объ абсолютномъ началѣ.* Основная категорія есть *категорія бытія.* Поэтому изложеніе понятія о безусловномъ слѣдуетъ начать разсмотрѣніемъ опредѣленій, относящихся къ категоріи бытія. Еще въ древней философіи получили свое начало два противоположныхъ рѣшенія вопроса о бытіи. По одному существуетъ только *индивидуальное, отдѣльное* (номинализмъ), по другому же рѣшенію истинно сущее есть *общее*, ибо общее постоянно пребываетъ, а все единичное, индивидуальное скоропреходяще (реализмъ). Въ духѣ этихъ противоположныхъ опредѣленій бытія, одни философы названіемъ *субстанціи* обозначали всякую отдѣльную, единичную вещь, напротивъ другіе (Спиноза напр.) утверждали, что субстанція можетъ быть только одна, и потому разумѣли подъ этимъ названіемъ вообще начало—универсальное [1]). Собственно въ отношеніи къ вопросу о безусловномъ эти два воззрѣнія на бытіе выразились въ двухъ противоположныхъ ученіяхъ, извѣстныхъ подъ именами—*мистицизма* и *раціонализма* (деизмъ). По ученію мистицизма верховное начало бытія есть такое особенное (слѣд. единичное, индивидуальное) существо, которое совершенно недоступно для человѣческ. разума, непостижимо (мистицизмъ въ этомъ утвержденіи совпадаетъ съ позитивизмомъ), а потому мистицизмъ утверждаетъ далѣе, что съ верховнымъ существомъ человѣкъ можетъ приходить въ общеніе только таинственнымъ образомъ, въ особенномъ состояніи экстаза, въ состояніи чрезмѣрной напряженности чувства. Въ этомъ состояніи абсолютное существо само открывается человѣку и какъ бы сливается съ нимъ, съ его духомъ. Если бы однако невозможно было для человѣка имѣть какое либо, хотя

---

[1]) Когда подъ именемъ бытія разумѣется существованіе индивидуальныхъ единичныхъ вещей, то бытіе въ этомъ случаѣ противополагается мышленію; когда же бытіе разумѣется какъ общее, то оно отождествляется съ мышленіемъ.

бы несовершенное, понятіе о такомъ сверхъестественномъ существѣ, то и откровеніе этого существа человѣку было бы безплоднымъ, не будучи въ состояніи научить его чему либо, просвѣтить его умъ, направить волю, вообще возвысить его душу. Для существъ неразумныхъ, лишенныхъ способности постигать высшее и стремиться къ нему, откровеніе не существуетъ. Чувство измѣнчиво и неопредѣленно, пока не выражено въ извѣстной формѣ и не заключено въ соотвѣтственное понятіе.

Въ противоположность мистицизму раціонализмъ за абсолютное начало принимаетъ идею разума, которой усвояетъ не реальное, объективное, а только субъективное значеніе; для раціонализма абсолютное есть отвлеченное общее понятіе. Раціонализмъ утверждаетъ, что необходимо допустить бытіе нѣкотораго верховнаго начала, именно бытіе разума, открывающагося въ цѣлесообразномъ устройствѣ міра. Но полагая, что для человѣка вполнѣ достаточно имѣть такое неопредѣленное общее понятіе объ абсолютномъ началѣ—какъ разумѣ всеустрояющемъ, раціонализмъ приходитъ къ заключенію, что человѣкъ потому только долженъ имѣть понятіе раціональное объ абсолютномъ началѣ, что нуждается въ такомъ понятіи, а тѣмъ самымъ раціонализмъ лишаетъ это понятіе объективнаго значенія. По Канту, субъективная идея абсолютнаго чрезъ то только превращается въ нашемъ сознаніи въ представленіе существа дѣйствительнаго (т. е., въ представленіе, сопровождаемое увѣренностію, что объектъ этого представленія существуетъ), что мы прилагаемъ къ этой идеѣ категоріи. Кантъ могъ думать такъ только вслѣдствіе невѣрнаго своего взгляда на категоріи, которыя, по его мнѣнію, не просто лишь служатъ выраженіемъ объективности—въ нашемъ познаніи, но создаютъ самые объекты, а такое понятіе о категоріяхъ стоитъ въ связи съ тѣмъ, характеристическимъ для философіи Канта, утвержденіемъ, что все бытіе познаваемое нами есть въ сущности феноменъ нашего сознанія (мы познаемъ явленія, а не вещь въ себѣ). Согласиться съ означеннымъ взглядомъ Канта на категоріи нельзя. Къ вымышленному представленію (напр. дракона) сколько бы мы ни прилагали категорій, отъ этого

оно не сдѣлается такимъ представленіемъ, которое мы были бы вынуждены признать реальнымъ. Впрочемъ и самъ Кантъ, хотя и смотритъ на идею абсолютнаго, какъ на иллюзію, создаваемую разумомъ, однако вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ такую иллюзію *необходимою*. А необходимость какъ понятія объ абсолютномъ, такъ и употребленія въ отношеніи къ этому понятію категорій сама по себѣ уже служитъ ручательствомъ реальности этого понятія, ибо и для увѣренности въ бытіи всякаго умопостигаемаго предмета (міръ въ цѣломъ, законы природы, душа человѣческая съ ея различными свойствами) мы не имѣемъ иныхъ основаній, кромѣ необходимости для насъ имѣть нѣкоторое понятіе о такомъ предметѣ и употребленія категорій, столь же необходимаго при этомъ. Если эти основанія для вѣры въ реальность отбросить, то остается, въ качествѣ критерія достовѣрности, чувственное воспріятіе, но извѣстно, какъ этотъ критерій самъ по себѣ не надеженъ; да и притомъ, опытъ духовной жизни человѣка вѣдь и дѣйствительно является источникомъ особаго рода возбужденій, воспріятій, также служащихъ основаніемъ для вѣры въ бытіе сверхчувственнаго, духовнаго міра.

Правильное понятіе объ абсолютномъ получается очевидно чрезъ сочетаніе означенныхъ выше противоположныхъ опредѣленій бытія: абсолютное должно мыслить, какъ субстанцію или существо *индивидуальное* (личность) и вмѣстѣ съ тѣмъ *универсальное* (всеобъемлющее). Такимъ пониманіемъ, или опредѣленіемъ абсолютнаго начала примиряются крайности мистицизма и раціонализма: абсолютное конечно есть идея разума, но не только это; оно есть также дѣйствительное существо. Будучи индивидуальнымъ, заключеннымъ въ себѣ, существомъ,— и въ этомъ отношеніи оно есть существо, не могущее быть познаннымъ, непостижимое, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всеобъемлющее, Абсолютное—постигается разумомъ въ качествѣ всеобщаго начала, по мѣрѣ того, какъ познается конечное бытіе. Отсюда безусловное есть конечно идея разума, но такая идея, съ которою, для полноты ея значенія, должна соединяться вѣра въ бытіе существа абсолютнаго—объекта той идеи.

Повидимому, изъ необходимыхъ основныхъ опредѣленій, от-

носящихся къ *категоріи количества* (единство и множество), не вытекаетъ необходимо то понятіе объ абсолютномъ, что оно есть индивидуальное существо. По категоріи количества сущее должно быть мыслимо какъ *единое* и вмѣстѣ *многое*. Недостаточно ли для выполненія этого требованія представлять абсолютное въ видѣ все проникающей и всеобъемлющей связи вещей? Такое именно пониманіе абсолютнаго начала выразилось въ наименованіяхъ этого начала *душею міра*, *міровою субстанціей*, *разумомъ вещей*, *всеобщей необходимостію*, *судьбою* (пантеизмъ и теизмъ). Но единство абсолютнаго начала, понимаемаго такимъ образомъ, уже не есть единство абсолютное, безотносительное, а условное, слѣдовательно несообразное съ истиннымъ понятіемъ объ абсолютномъ началѣ. Если единство абсолютнаго начала состоитъ лишь въ томъ, что начало это связываетъ всѣ конечныя вещи и образуетъ изъ нихъ единое цѣлое, именуемое міромъ, вселенной, то очевидно, что такое единство столько же зависимо отъ множества, имъ объемлемаго, сколько и множество отъ него зависимо, иначе говоря единство это есть условное. Вотъ почему конечно элейскіе философы изъ понятія о единствѣ сущаго исключали всякое множество,—не только раздѣленіе на части, но и простое различіе. Имъ казалось, что единство не будетъ абсолютнымъ, если въ какомъ нибудь смыслѣ допустить въ немъ множество, или же связь его съ множествомъ. Но это оттого, что множество имъ представлялось не иначе, какъ въ видѣ матеріальной сложности и раздѣльности частей. Въ этомъ смыслѣ множество не допустимо въ отношеніи къ абсолютному началу. Посему абсолютное не есть пространственная (Богъ вездѣ и нигдѣ) или временная (Богъ вѣченъ, слѣдовательно не состоитъ во времени) величина. Но въ другомъ смыслѣ множество, именно въ смыслѣ различій (различныя свойства и отношенія), не только не исключается абсолютнымъ единствомъ, напротивъ необходимо предполагается имъ: абсолютное единство есть самое полное и совершенное; единство же, не заключающее въ себѣ никакихъ различій, есть пустое, несовершенное; это единство абстрактное, слѣдовательно не реальное. Для того же, чтобы единство не терпѣло никакого ущерба отъ заключающагося въ

немъ множества, т.-е., чтобы не умалить абсолютнаго его значенія и характера, необходимо лишь не раздѣлять единство отъ множества, но полагать одно съ другимъ какъ *тожественныя*; т. е., на всякое различіе въ такомъ единствѣ смотрѣть какъ на повтореніе или своеобразное выраженіе того же единства. Это значитъ, что единство абсолютнаго начала мы должны мыслить, какъ единство *духовное*, а не *матеріальное*; не *внѣшнее* это единство, не единство *цѣлаго*, состоящаго изъ частей, но единство *внутреннее*, единство недѣлимаго дѣятельнаго существа. Слѣдовательно само абсолютное, по природѣ своей (категорія качества), должно быть мыслимо, какъ *духъ* самосущій; матерія же не можетъ быть признана началомъ безусловнымъ (категорія качества). Матерія и духъ хотя суть начала относительныя и условныя (ибо явленія матеріальныя и сами по себѣ условны и относительны, а съ другой стороны условливаются также познающимъ ихъ духомъ; въ свою очередь и явленія духа зависимы отъ матеріальнаго бытія), но какъ научное изслѣдованіе (аналитическое) далѣе этихъ началъ не простирается и на нихъ останавливается какъ последнихъ началахъ, то и вопросъ объ абсолютномъ началѣ (въ качественномъ отношеніи) можетъ быть рѣшенъ либо въ духѣ матеріалистическомъ, либо въ духѣ спиритуалистическомъ. Сама матерія не можетъ быть признана абсолютнымъ началомъ бытія, ибо всѣ ея опредѣленія относительны, и хотя матерія представляется намъ безконечною, но безконечность ея есть лишь отрицательная, ибо состоитъ въ отсутствіи абсолютной границы какъ въ отношеніи дѣлимости, такъ и въ отношеніи ея протяженія, а иной какой либо матеріи, сверхъ познаваемой нами, мы не можемъ представить: такъ называемый эѳиръ есть матерія невѣсомая, слѣдовательно, за исключеніемъ тяжести, имѣетъ всѣ прочія свойства и принадлежности матеріи, но не имѣетъ ничего такого, что могло бы служить основаніемъ для признанія эѳира началомъ безусловнымъ. Правда и духъ также познается со свойствами условности и относительности, т. е., какъ особый видъ конечнаго условнаго бытія; но то важно, что духу человѣческому всегда присуще стремленіе къ преодолѣнію своей ограниченности и условности, къ освобожденію

себя отъ участи всего конечнаго, словомъ—стремленіе къ безусловному. Стремленіе это можетъ проявляться правильно и неправильно, оно можетъ выражаться въ формахъ уродливыхъ; но важно то, что такое стремленіе существуетъ, и оно-то именно даетъ право на то, чтобы различать отъ конечнаго и условнаго духа *Духъ безконечный*, предполагать и даже съ несомнѣнностію утверждать бытіе такого верховнаго Духа (вѣра въ бытіе высшаго Духа присуща самымъ низшимъ и грубымъ формамъ религіи); особенно же важно то, что установленіе понятій объ Духѣ безусловномъ даетъ такое или иное направленіе стремленію конечныхъ духовъ къ Духу безконечному, а чрезъ то оказываетъ вліяніе на созданіе формъ такого стремленія, вообще опредѣляетъ свойство и характеръ его проявленій.

Въ чемъ же состоитъ различіе Духа безусловнаго отъ духовъ конечныхъ, или иначе, какъ мы должны понимать и въ чемъ полагать безусловность абсолютнаго Духа, ибо явно, что различіе Безусловнаго отъ всего конечнаго и условнаго должно заключаться въ его безусловности, и какъ мы должны понимать *отношеніе* Безусловнаго къ условному, (категорія отношенія), если Безусловное, не смотря на необходимость своего отношенія къ бытію конечному, не дѣлается чрезъ то условнымъ и не теряетъ своего характера и значенія безусловности? Не оказывается ли и здѣсь, и быть можетъ еще въ большей мѣрѣ, тѣхъ же трудностей, съ какими приходится имѣть дѣло при рѣшеніи вопроса о взаимномъ отношеніи духовныхъ и тѣлесныхъ явленій.

Утвержденіе позитивизма объ относительности нашего познанія и всего познаваемаго нами имѣетъ, какъ выше показано, слѣдующій смыслъ: признается необходимою принадлежностію нашего познанія, а чрезъ то необходимымъ свойствомъ всего познаваемаго нами—отношеніе къ нашему сознанію: отношеніе это служитъ необходимою подкладкою нашихъ знаній, а чрезъ то и все познаваемое должно имѣть характеръ условности, такъ какъ означенное отношеніе служитъ предшествующимъ условіемъ для всего нами познаваемаго. Но вопреки этому утвержденію, мы стремимся въ познаніи отрѣшиться отъ своего субъективнаго сознанія и полагаемъ центръ тяжести

нашей познавательной дѣятельности въ мірѣ объективномъ, смотря даже на собственное сознаніе, какъ на явленіе міра объективнаго; практически это стремленіе — отвлечь вниманіе отъ своего личнаго сознанія—выражается въ *самоотверженіи*. Итакъ пусть необходимымъ условіемъ всякаго познанія служитъ отношеніе къ нашему сознанію, но самое наше сознаніе имѣетъ такое свойство, что въ немъ совмѣщается, вмѣстѣ съ отношеніемъ къ себѣ самому, отношеніе къ тому, что уже не есть это сознаніе, а нѣчто отличное отъ него и даже ему противоположное, и понятно, что такой предметъ мы должны уже представлять относящимся къ самому себѣ, а не къ нашему сознанію, т. е., представляемъ мы этотъ предметъ безотносительно къ нашему сознанію. Въ высшей мѣрѣ такой безотносительный характеръ мы усвояемъ безусловному началу. Хотя бы идея безусловнаго имѣла свое значеніе только для нашего сознанія,—но предметъ этой идеи,—само безусловное,—необходимо мыслится, какъ имѣющее прежде всего отношеніе къ самому себѣ, т. е., какъ пребывающее въ себѣ самомъ, вполнѣ самобытное и независимое отъ всякаго иного, отличнаго отъ него, бытія, тѣмъ болѣе отъ нашего ограниченнаго, несовершеннаго сознанія. Но нельзя ли сказать, что мы этимъ положеніемъ только переносимъ во внутрь существа безусловнаго относительный и условный характеръ? Если мы предполагаемъ въ абсолютномъ началѣ внутреннія отношенія, то, по причинѣ таковыхъ, не должны ли мы признать бытіе безусловнаго начала *въ себѣ самомъ* условнымъ, зависимымъ и относительнымъ? Вѣдь возможна не только внѣшняя, но и внутренняя условность и относительность. Но сказанное уже выше положеніе объ отождествленіи находимыхъ въ абсолютномъ различіи съ единствомъ его существа,—устраняетъ всякую мысль о внутренней условности и относительности безусловнаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Духъ самосущій, вѣчный и безконечный, верховное существо обладаетъ *разумомъ* и *волей*, есть Духъ разумный и могущественный. Если мы остановимся своею мыслью на различіи этихъ внутреннихъ силъ или проявленій высшаго существа, то возникаетъ вопросъ: разумъ ли господствуетъ надъ волею и опредѣляетъ оную къ дѣйствію (интеллектуализмъ), или, наоборотъ, воля господствуетъ надъ разумомъ, такъ что

для высочайшаго разума лишь то есть истина, чего хочетъ безграничная воля (волюнтаризмъ)? Какое бы изъ этихъ двухъ предположеній ни было принято, слѣдствіемъ того и другаго окажется допущеніе въ безусловномъ началѣ условности и относительности. Но необходимость такого допущенія устраняется, если мы остановимся на той мысли, что высочайшій разумъ и верховная воля *нераздѣльны*, составляютъ единую, *недѣлимую силу, нераздѣльное проявленіе* единаго существа, какъ это и должно быть, ибо системы, подчиняющія либо волю разуму, либо разумъ волѣ имѣютъ необходимымъ своимъ послѣдствіемъ отрицаніе самаго бытія духа. Не должно ни умалять достоинства и значенія разума, ни подвергать сомнѣнію равное съ нимъ значеніе воли: образованіе ума и нравственное воспитаніе воли равно существенно важны и необходимы.

Положеніе объ относительности и условности имѣетъ еще другой смыслъ: все познаваемое нами, какъ и самое познаніе, подчинено *закону причинности*, который состоитъ въ такой всеобщей связи вещей, что предшествующее служитъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы могло произойти послѣдующее. Если безусловное есть причина вещей (дѣйствующая или творческая и конечная), то и оно не должно быть изъято изъ этого закона. Положимъ, что, какъ *первая причина*, безусловное независимо ни отъ какой предшествующей ему причины, и въ этомъ смыслѣ есть безусловное, но понятіемъ причинности предполагается *взаимная условность*: не только послѣдующее зависимо отъ предшествующаго, но и наоборотъ, ибо дѣйствіе причины зависимо также отъ предмета, на который оно простирается, и опредѣляется этимъ предметомъ. Это было бы такъ, если допустить, что матерія—начало совѣчное творческой причинѣ и отъ нея независимое; тогда свойствами и природою матеріи опредѣлялась бы творческая дѣятельность первой причины вещей. Но если матерія сама есть произведеніе первой причины, предназначенное служить орудіемъ для цѣлей духа и проявленіемъ его свойствъ, то всякая мысль объ обоюдной, двусторонней зависимости и взаимной условности въ этомъ случаѣ устраняется и не должна имѣть мѣста. Нельзя оправдать распространенія причинной зависимости на безусловное начало и тѣмъ соображеніемъ, что творческая дѣятельность

первой причины нераздѣльна отъ самаго бытія этой причины, что̀ какъ бытіе творческой причины вещей необходимо, такъ необходима должна быть производительная дѣятельность этой причины, а законъ причинности и есть выраженіе этой необходимости. Творческая дѣятельность первой причины не необходима, а *свободна*: *свобода* столь же необходимое свойство духа какъ и *единство*. Конечно мы не можемъ представить первой причины иначе, какъ только дѣятельною, но тѣмъ не менѣе дѣятельность не тождественна съ бытіемъ, ибо дѣятельность, какъ *свойство*, и бытіе какъ *субстратъ*, *носитель* свойства (субстанція) суть понятія, относящіяся къ разнымъ категоріямъ. Если проявленіемъ свободы безусловнаго Духа служитъ творческая дѣятельность его, какъ первой причины, то для духовъ конечныхъ проявленіемъ свойственной имъ ограниченной свободы должно служить дѣятельное установленіе своихъ отношеній къ безусловному какъ *причинѣ конечной*. Въ значеніи конечной причины, безусловное есть для насъ и безусловная *истина*, и всесовершенное *благо* и высочайшая *красота*, ибо высшая красота есть духовная, красота души, проникнутой высшими духовными свойствами; отображеніе каковыхъ свойствъ въ чувственномъ мірѣ составляетъ сущность красоты видимой. Такимъ образомъ идея безусловнаго начала должна имѣть значеніе объединяющаго принципа въ отношеніи ко всѣмъ видамъ и направленіямъ дѣятельности человѣческой.

22. Значеніе идеи абсолютнаго. Идею Божества многіе философы признавали главною въ числѣ такъ называемыхъ *врожденныхъ* идей нашего разума. Кантъ идею безусловнаго причисляетъ къ идеямъ и понятіямъ независимымъ отъ опыта, именуемымъ въ этомъ смыслѣ *апріорными*. Это такія понятія, которыя не могутъ образоваться изъ однихъ данныхъ опыта, безъ прибавленія къ нимъ нѣкоторыхъ элементовъ, не заимствуемыхъ изъ опыта, но заключающихся въ свойствахъ нашего духа. Смыслъ подобныхъ выводовъ относительно идеи безусловнаго начала тотъ, что идея эта составляетъ *необходимую* и неотъемлемую принадлежность нашего сознанія. Всѣ теоріи и гипотезы, имѣющія цѣлью объяснить—какимъ образомъ могла возникнуть въ душѣ человѣка религіозная вѣра, т. е., увѣренность, что существуетъ нѣкоторое высшее существо, не дости-

гаютъ на самомъ дѣлѣ своей цѣли, не объясняютъ того, что хотятъ объяснить, а только лишь указываютъ разнообразные поводы и причины, по которымъ идея безусловнаго облекается въ такія или иныя формы, выражается въ тѣхъ или иныхъ представленіяхъ, подобно тому, какъ представленія о будущей загробной жизни могутъ быть крайне разнообразны, но всѣ одинаково свидѣтельствуютъ о существованіи вѣры въ безсмертіе души. Если идея безусловнаго начала есть необходимый элементъ въ нашемъ сознаніи, то очевидно, что идея эта должна имѣть важное значеніе для правильнаго развитія и благосостоянія нашей духовной жизни. Значеніе идеи безусловнаго въ нашей духовной жизни таково же, каково въ психической жизни значеніе нашего *я*, значеніе самосознанія. Единство личности нарушается, коль скоро самосознаніе помрачено; такъ и духовная жизнь распадается, теряетъ свою цѣльность съ утратою необходимаго ея центра, заключающагося въ идеѣ безусловнаго.

Примѣчаніе 1. Слѣдуетъ различать *начало синтетическое* отъ дѣйствія, имъ производимаго, т. е., *объединенія*; по этому синтетическое начало не то же, что цѣлое, образуемое соединеніемъ частей. Вотъ почему чрезъ аналитическое разсмотрѣніе цѣлаго никакъ не можетъ быть въ точности опредѣлено производящее его синтетическое начало. Такъ, *жизненная сила* въ организмахъ не можетъ быть найдена аналитически. Равно нельзя аналитически доказать *свободу воли*, *безсмертіе души*, *цѣлесообразность* въ природѣ, какъ и опровергнуть всѣхъ этихъ идей тоже нельзя. Все это начала синтетическія и должны быть выводимы и установляемы синтетическимъ путемъ.

Примѣчаніе 2. По синтетическому направленію мышленія философія соприкасается съ искусствомъ, а аналитическою дѣятельностію мышленія она существенно родственна съ наукою. Такъ какъ цѣль аналитической дѣятельности мышленія—синтезъ, а основное синтетическое начало есть идея абсолютнаго начала, то можно утверждать, что абсолютное—*главный предметъ философіи.* Исключая вопросъ объ абсолютномъ началѣ изъ философіи, позитивизмъ въ сущности отрицаетъ философію, хотя и смотритъ на себя, какъ на философскую систему. Въ этомъ—коренное противорѣчіе позитивизма.

П. Линицкій.

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОЕ ГАРТМАННА.

(Продолженіе *).

Послѣ предварительныхъ замѣчаній, Гартманнъ дѣлаетъ попытку раскрыть самый источникъ теистическаго заблужденія относительно Бога. По взгляду Гартманна, главная причина, по которой мы отказываемся признать Бога безсознательнымъ, заключается въ нашей иллюзіи, будто сознаніе центръ міра и центръ всякой философіи и познанія. Намъ трудно привыкнуть къ мысли, что не сознаніе, а Безсознательное—центръ міра. Мы воображаемъ, что мы занимаемъ центральное мѣсто, тогда какъ мы находимся на периферіи. Имѣя въ сознаніи орудіе для познанія Безсознательнаго, мы не замѣтили. что сознаніе происходитъ отъ Безсознательнаго, какъ своей реальной основы. Намъ кажется, что все богатство сознанія нами пріобрѣтенное благо, между тѣмъ какъ оно благо, возникнувшее изъ безсознательной продуктивности, первоначальное богатство безсознательнаго духа. Мы думаемъ, что Безсознательное, будучи противоположнымъ сознательному, гораздо бѣднѣе, чѣмъ это послѣднее. Но если мы убѣдимся, что богатство сознанія произошло изъ безсознательной духовной дѣятельности и что наше сознаніе владѣетъ только небольшими „крохами“ изъ общаго богатства Безсознательнаго, то мы узнаемъ, „что мы бѣдняки въ своей периферической эксцентричности, а безсознательный духъ—неисчерпаемо богатый духъ“

Отношеніе сознательной и безсознательной духовной дѣя-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12, за 1895 г.

тельности можно сравнить съ равномѣрнымъ волненіемъ моря и прибоемъ его къ морскому берегу, струею фонтана, преломляющеюся на вершинѣ, съ концеобразно расходящимися лучами свѣта отъ свѣтящейся точки и пересѣкающимися въ фокусѣ вогнутаго зеркала. Направленіе луча есть образъ безсознательной дѣятельности; его преломленіе въ фокусѣ—образъ сознательной. А если такъ, то безсознательная дѣятельность, какъ такая, не сознательна; она становится сознательною только вслѣдствіе преломленія, конфликта съ препятствіемъ, другою дѣятельностью. Сознаніе — пассивное слѣдствіе безсознательнаго конфликта безсознательныхъ дѣятельностей; моментальный продуктъ, исчезающій въ потокѣ дальнѣйшей продуктивности; явленіе, сопровождающее безсознательный реальный міровой процессъ, безъ свободы и динамической энергіи. Энергія и продуктивность, актуальность воли стремленія, родъ и способъ синтеза при конфликтѣ между собою многихъ частныхъ дѣятельностей, ихъ реакція и модификація — все это область безсознательнаго, откуда въ сознаніе вступаетъ лишь содержаніе синтеза, конфликта, результатъ безсознательно дѣйствующихъ агентовъ. Атомъ, напримѣръ, можетъ чувствовать (?), что онъ подвергается одновременно двумъ толчкамъ и что равнодѣйствующая ихъ выражается діагональю параллелограмма, но онъ не чувствуетъ, какъ происходитъ безсознательный логическій синтезъ обнаруженія силъ, какъ эта реакція приводитъ къ опредѣленному слѣдствію. И человѣкъ сознаетъ воспріятіе, ставшее чрезъ посредство его характера мотивомъ, сознаетъ и рѣшеніе воли, являющееся результатомъ мотива, но процессъ происхожденія и образованія мотива для него безсознателенъ. Подобнымъ образомъ совершается безсознательно всякая динамическая дѣятельность, синтезъ конфликтовъ и логическая связь активныхъ силъ въ цѣломъ міровомъ процессѣ. Допустивши даже, что ни одно препятствіе, конфликтъ, преломленіе силы не остается безслѣднымъ для абсолютнаго духа, все-таки—истина, что сознаніе производный феноменъ, а не первоначальная активность. Въ сознаніи выступаютъ для насъ только слѣды безсознательнаго интеллектуальнаго процесса; въ немъ оказывается въ формѣ внутрен-

наго феномена лишь то, что составляетъ продуктъ безсознательной духовной дѣятельности. Но мы никогда не въ состояніи уловить перехода одной мысли въ другую, прекращенія конфликта или логическаго синтеза между мыслями. Сознаніе—результатъ, хотя и универсальнаго значенія. Появляясь каждый разъ въ разныхъ степеняхъ ясности изъ безсознательной дѣятельности, оно пользуется готовыми плодами, которыхъ не возрастило. Нужно удивляться не богатству содержанія, образующаго сознаніе, а продуктивности Безсознательнаго, ибо всѣ элементы воспріятія и всѣ синтетическія интеллектуальныя функціи принадлежатъ къ его области. Одинъ абсолютный духъ есть носитель и основаніе всѣхъ частныхъ функцій и дѣятельностей. Въ его безсознательной продуктивной всеобщей функціи все содержаніе міроваго процесса, всякая опредѣленность обнаруженія силъ и ихъ синтезъ. Вотъ какъ постепенно падаетъ фальшивая теорія центральнаго значенія сознанія, которое по своей природѣ эксцентричное, периферическое, пассивное и непродуктивное явленіе, слѣдующее за центральною, продуктивною безсознательною дѣятельностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлое міровоззрѣніе принимаетъ иной видъ. Кто хочетъ возвысить Бога и отличить Его отъ человѣка, тотъ, заповѣдуетъ Гартманнъ, не имѣетъ больше права говорить о сознаніи Бога. „Только безсознательная субстанція можетъ быть абсолютною субстанціею, т. е., единою, общею для всѣхъ модусовъ субстанціей, всеединымъ; только безсознательный субъектъ можетъ быть абсолютнымъ, т.-е., единымъ, общимъ для всѣхъ индивидуальныхъ функцій и индивидуальныхъ сознаній субъектомъ; только безсознательный духъ можетъ быть абсолютнымъ духомъ; т. е., общимъ началомъ матеріи и сознательнаго ограниченнаго духа, или объективнаго и субъективнаго мышленія, бытія и сознанія. Только чрезъ безсознательность абсолютной субстанціи возможенъ конкретный монизмъ, только чрезъ безсознательность абсолютнаго субъекта теорія имманенціи (пантеизмъ) имѣетъ смыслъ, и только чрезъ безсознательность абсолютнаго духа не противорѣчива философія тожества. „Конечно, религіозное сознаніе ставитъ своимъ объектомъ не такого Бога. Богъ религіи — Богъ

внутримірової, Богъ, какъ сознательный и безсознательный духъ, Творецъ міра и меня, Богъ, какъ сумма индивидуальныхъ сознаній, которыхъ Онъ—общій субъектъ. Религіозное сознаніе, поэтому, дѣлающее Бога объектомъ своихъ отношеній при непремѣнномъ предположеніи Его сознательности, по необходимости разсматриваетъ Бога односторонне. Пускай эта абстракція отъ полноты Божественныхъ свойствъ неизбѣжна для сознательнаго человѣка, какъ субъекта религіозныхъ отношеній, однако здѣсь не полная истина относительно Бога. Для метафизики, желающей познать Бога внѣ Его функцій, Богъ есть только безсознательный духъ, и ничего больше [1]).

Три, стало быть, есть, по мнѣнію Гартманна, основанія для отрицанія сознанія въ Богѣ. Во 1-хъ, сознаніе, свойственное ограниченному индивидууму и обусловленное мозгомъ, было бы не преимуществомъ, а недостаткомъ для Безсознательнаго и его интуитивнаго воззрѣнія; во 2-хъ, сознаніе есть рефлексія, нѣчто вторичное и производное, предполагающее ограничивающую сферу, и въ 3-хъ, продуктивная центральная дѣятельность есть дѣятельность не сознательная, а безсознательная.— О первомъ возраженіи Гартманна не будемъ распространяться послѣ того, что сказано уже объ ошибкахъ Безсознательнаго и преимуществѣ сознанія, и о томъ, что намъ, по совѣту Гартманна, нужно остерегаться внушеній Безсознательнаго и не довѣрять имъ. Можно только удивляться, какъ философъ въ состояніи говорить на разные лады. Правда, Богъ не имѣетъ мозга, ганглій и нервовъ, но мы скоро увидимъ, что самъ Гартманнъ не согласенъ допустить вполнѣ матеріалистическій взглядъ на сознаніе и еще лишній разъ становится въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Второе возраженіе страдаетъ неопредѣленностью и бездоказательностью. Аналогія сознанія съ отраженнымъ свѣтомъ въ фокусѣ вогнутаго зеркала не соотвѣтствуетъ сущности проблемы. Свѣтъ во всякомъ случаѣ вещественный феноменъ. Свѣтъ —колебаніе эѳира, распространяющееся съ извѣстною скоростью

[1]) Philos. II, 188 s., Neukant. 360 s., Ergänz. Nachträge, 485—486, 493—497 и 538 s s.

въ пространствѣ и потому измѣримое по времени. Безсознательное же чистый абсолютный духъ, внѣвременная и внѣпространственная сущность міра. Естественно, что свѣтъ при своемъ прямолинейномъ направленіи встрѣчаетъ препятствія и отражается, но какъ можетъ отразиться духовная сила отъ матеріальнаго атома, когда она проникаетъ всякое тѣло? Что задерживаетъ эти лучи Безсознательнаго? Если организованная матерія, то, по теоріи монизма, матерія само же Безсознательное. Такимъ образомъ Безсознательное направляетъ одни свои лучи противъ другихъ и сталкивается само съ собою; центрально оно обнаруживаетъ одну дѣятельность, периферически—противоположную. Какъ ни странна эта самоуничтожающая борьба и это раздѣленіе дѣятельности тожественнаго субъекта, но еще невѣроятнѣе результатъ. Отраженный отъ зеркала свѣтъ есть тотъ-же свѣтъ, такъ что въ фокусѣ не получается ничего больше, кромѣ свѣтящейся точки, но изъ лучей Безсознательнаго происходитъ сознаніе. Лучи теряютъ свою природу и уже не таковы, какими они вышли изъ центра: тьма вдругъ стала свѣтомъ. По-истинѣ „Hocus pocus" бѣснованія Безсознательнаго (а не личнаго духа, какъ полагаетъ Гартманнъ). Но и этотъ свѣтъ еще не полный свѣтъ: Безсознательное освѣщено только „въ нѣкоторой части". Въ сферическомъ зеркалѣ всегда отражается цѣлый предметъ, хотя и получается обратное его изображеніе, то увеличенное, то уменьшенное, въ зависимости отъ того, какъ поставленъ предметъ между главнымъ фокусомъ и зеркаломъ; Безсознательное же отражается не всецѣло, а по частямъ. Раздробившись на множество лучей, оно не знаетъ, что происходитъ въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. У него какъ бы поставлена нѣкая внутренняя перегородка, раздѣлившая его на двѣ половины: свѣтлую и темную. Безсознательное потеряло свое абсолютное тожество, ставши отчасти сознательнымъ (въ мірѣ), отчасти безсознательнымъ (по сущности). Рожденное къ свѣту, оно не выиграло, а проиграло: всеединое Абсолютное сдѣлалось съ началомъ міра и сознанія двуликимъ Янусомъ, миѳологическимъ чудовищемъ.

Теперь нѣсколько словъ объ общей „границѣ" для Безсознательнаго. Мы не понимаемъ, какая нужна особая граница для

образованія сознанія въ Богѣ, когда Онъ по своимъ свойствамъ implicite признанъ ясновидящимъ и всевѣдущимъ. Тѣмъ не менѣе, если такая граница необходимо нужна, то самъ Гартманнъ, не замѣтивши этого, поставилъ ее. Уже каждый индивидуумъ есть искомая граница, а если этой маленькой границы не довольно, то цѣлый конечный міръ навѣрное образуетъ границу. Разсуждая такъ, мы, понятно, выходимъ изъ посылокъ Гартманна. Одинъ изъ главныхъ вопросовъ, занимающихъ нашего философа, есть вопросъ о томъ, конеченъ ли міръ, или безконеченъ. По его мнѣнію, безконечность міра нельзя доказать ни а priori, ни а posteriori, потому что а priori принятіе реально существующей, готовой и исполненной уже безконечности содержитъ въ себѣ противорѣчіе; а posteriori же мы знаемъ только конечное, и у насъ нѣтъ эмпирическаго матеріала для познанія безконечнаго міра. Безконечность міра чрезъ безконечность реальнаго времени и реальнаго пространства намъ не дана. Отсутствіе противорѣчія въ содержаніи реальнаго существованія міра — явный признакъ его конечности. Все дѣло, значитъ, въ томъ, возможно ли допустить, что актуальная воля Абсолютнаго въ формальномъ отношеніи владѣетъ безконечно большою интенсивностью, а актуальное раскрытіе идеальнаго содержанія безсознательнаго представленія безконечно большою экстенсивностью. Отвѣтъ, разумѣется, зависитъ отъ взгляда на отношеніе абсолютнаго къ міру и Его сущность. Именно: Абсолютное можетъ быть или трансцендентнымъ міру по сущности (субстанціи), но имманентнымъ по активности, или отдѣльнымъ отъ міра въ нѣкоторой части своихъ функцій (аттрибутовъ). Въ первомъ случаѣ Его функціонированіе есть ео ipso самый міровой процессъ, и всякое Его желаніе—непосредственное твореніе; во второмъ—Абсолютному приписывается собственная сфера трансцендентной жизни. Но трансцендентность сферы бытія и активности Абсолотнаго, подобно безконечности міра, нельзя доказать ни а priori, ни а posteriori; слѣдовательно, нужно думать, что воля и представленіе Абсолютнаго насколько актуальны, настолько и творческія, т. е., что въ Богѣ ничего нѣтъ актуальнаго, что не было бы тотчасъ реализировано. Трансцендентность Абсолют-

наго можетъ быть только признана относительно Его сущности. Міръ не исчерпываетъ всего безконечнаго богатства Бога, такъ что у Него всегда остается столь большая потенціальная безконечность воли и представленія, что никакое обнаруженіе силы и идеи не въ состояніи реализировать этой безконечной потенціальности. Міръ, стало быть, конеченъ и безконечнымъ быть не можетъ [1]).

Соглашаясь съ Гартманномъ, что міръ конеченъ, ибо безконечный міръ былъ бы вторымъ Абсолютнымъ, мы хотѣли бы еще знать причину, заставившую Безсознательное произвести конечный міръ. Если внѣ Бога нѣтъ объекта, который могъ бы воспрепятствовать Ему безконечно актуализироваться, то почему Онъ актуализировался конечно? Что помѣшало Безсознательному реализироваться сполна? Вѣдь оно не знаетъ ни конечности, ни безконечности; значитъ, будучи само безконечнымъ, оно необходимо должно было произвести міръ безконечный, тѣмъ болѣе, что оно, какъ слѣпое, лишь стремится къ бытію. Если же Безсознательное само ограничило себя, то вотъ и искомая общая граница для него, откуда, съ точки зрѣнія философіи Гартманна, не трудно было прійти къ мысли о сознаніи Безсознательнаго.

Третье доказательство о продуктивности и центральномъ положеніи Безсознательнаго есть vice versa вопросъ о генезисѣ сознанія и его міровомъ телеологическомъ значеніи. Безусловно вѣрно, что мы не сознаемъ перехода отъ одной мысли къ другой, дѣйствія мотива на волю (хотя и не всегда) и не можемъ измѣрить времени возникновенія идей и ихъ ассоціаціи между собою. Но что отсюда слѣдуетъ? Ни больше, ни меньше, какъ только то, что психическіе обороты происходятъ съ несоизмѣримою скоростью для насъ и что мы не владѣемъ абсолютною мѣрою и интеллектуальнымъ воззрѣніемъ, чтобы уловить эту скорость. Однако и это положеніе требуетъ нѣкотораго ограниченія. Съ тѣхъ поръ какъ экспериментальная психологія занялась измѣреніемъ психическихъ актовъ, можно считать доказаннымъ, что между раздраженіемъ и воспріятіемъ

---

[1]) Neukant. 340—342—344 и 359 ss.

проходитъ, хотя и очень короткое, но опредѣленной величины время, выражаемое въ доляхъ секунды. Заключать же изъ безсознательности и моментальности происхожденія духовныхъ актовъ къ дѣйствію въ нихъ особаго безсознательнаго агента нѣтъ никакого права. Не скажетъ же Гартманнъ, что иная сила дѣйствуетъ въ волненіи моря и иная въ прибоѣ волнъ къ морскому берегу; иная въ поднятіи воды въ фонтанѣ и иная въ преломленіи струи. Первое правило философіи и науки: entia praeter necessitatem non esse multiplicanda. Подобнымъ образомъ и душа наша обнаруживается то скрыто въ процессѣ дѣятельности, то сознательно въ результатѣ. Но тотъ и другой феноменъ, т. е., сознательная и безсознательная дѣятельность, одинаковой природы, ибо оба принадлежатъ моему духу, какъ мыслящему субъекту, и проявляются въ его нѣдрахъ. Съ другой стороны нѣтъ никакого основанія считать безсознательное продуктивнѣе сознанія. Наоборотъ, всѣ факты убѣждаютъ насъ въ противномъ. Безсознательно я необычайно мало пріобрѣтаю. Все мое знаніе въ цѣлой своей сложности есть результатъ труда, опыта, науки и вообще сознательнаго воспріятія. Доказывать это было бы излишне, ибо никто не скажетъ о себѣ, что его знаніе есть плодъ вдохновенія какого-то Безсознательнаго. Безсознательна и имманентна форма сознанія и его законы, но это не само знаніе. Безсознательно и большинство представленій, но и они наше скрытое богатство, пріобрѣтенное сознательнымъ путемъ. Нельзя принимать послѣдующее за предыдущее. Кто такъ дѣлаетъ, тотъ допускаетъ логическую ошибку, называемую ὕστερον πρότερον (perversa ratio). Наконецъ если бы безсознательное было дѣйствительно продуктивнѣе и безошибочнѣе, чѣмъ сознательный опытъ, то мы были бы въ большомъ заблужденіи, если бы стали контролировать, по рецепту Гартманна, внушенія Безсознательнаго по яснымъ идеямъ сознанія.

Поэтому, чтобы доказать продуктивность и центральность Безсознательнаго, нужны болѣе убѣдительные доводы. Сейчасъ я, имѣя за собою внутренній опытъ и общее признаніе, считаю свое сознаніе центромъ и подчиняю его руководству всѣ свои поступки. Вотъ если бы было несомнѣнно, что Безсо-

знательное продуцировало и самое сознаніе, тогда, конечно, Безсознательное было бы несравненно богаче сознанія: продуктъ бѣднѣе своей творческой причины. Какъ же возникаетъ сознаніе?

По теоріи монизма, „абсолютный субъектъ есть всеединое мѣсто всякаго сознанія“ [1]), а по теоріи безсознательной духовной дѣятельности, безсознательное противоположно сознанію. Гартманнъ въ своемъ ученіи о безсознательномъ тѣмъ именно отличается, что онъ не признаетъ никакого относительнаго различія между сознательнымъ и безсознательнымъ. Онъ устанавливаетъ между ними противоположность безусловную, противорѣчащую (oppositio contradictoria), полярную, противоположность „да“ и „нѣтъ“, А и—А, свѣта и тьмы. Если бы противоположность сознательнаго и безсознательнаго была только относительною, то они могли бы соединяться между собою такъ же, какъ двѣ краски соединяются въ одну составную, какъ два звука образуютъ одинъ. Весьма важно, настаиваетъ Гартманнъ, замѣтить это различіе, потому что философское сознаніе склонно облегчать себѣ представленіе безсознательной духовной дѣятельности по аналогіи съ сознательною и считать ее сознательною въ слабой степени. Но сознаніе не имѣетъ никакой степени и не можетъ быть то болѣе, то менѣе яснымъ. Сознаніе есть ненаполненная простая форма, въ которую вступаютъ различные сознаваемые объекты; процессъ, постоянное сознаваніе, имматеріальная реакція на содержаніе, всегда происходящая одинаково. Сознаніе можетъ быть и не быть, но если оно выступаетъ, то непремѣнно какъ равная себѣ форма. Различіе сознанія зависитъ отъ богатства или бѣдности, ясности или неясности содержанія, но сознаніе, какъ сознаніе, у человѣка и животныхъ одно и то же. Поэтому, если безсознательная духовная дѣятельность, представляемая сознательною въ низшей степени, принципіально и существенно по формѣ тожественна съ послѣднею, то, въ какой бы формѣ содержаніе ни было дано, противоположность тогда между сознательнымъ и безсознательнымъ должна быть перенесена изъ области формы въ область духовнаго содержанія. Различіе со-

[1]) Nenkaut. 298 s.

держанія, однако, ничего не рѣшаетъ относительно формы, и проблема остается безъ отвѣта. Нужно имѣть въ виду, что различіе въ богатствѣ и бѣдности содержанія, въ чемъ видятъ различіе формы сознанія, имѣетъ мѣсто на периферической сторонѣ міроваго процесса, гдѣ количественно и качественно различаются воспріятія, обусловливающія разныя степени сознанія. Всѣ степени яснаго и темнаго, богатаго и бѣднаго сознанія наблюдаются только въ восходящемъ ряду растительнаго и животнаго царства и въ ряду индивидуумовъ низшаго порядка (низшихъ сознательныхъ центровъ) въ предѣлахъ высшаго организма. Но въ области Безсознательнаго подобное различіе не мыслимо. Сознаніе и безсознательность—это два полюса одного магнита: сѣверный и южный [1]).

Отрѣзавши себѣ путь къ непосредственному и прямому продуцированію сознанія изъ Безсознательнаго, такъ какъ сознаніе и безсознательное находятся въ полярной противоположности, Гартманнъ рѣшаетъ проблему сознанія изъ понятія міровой цѣли. Онъ думаетъ, что одна телеологія призвана отвѣтить на этотъ трудный вопросъ, составляющій пробный камень, о который разбились многія философіи. Безъ сознанія нѣтъ конца и спасенія міра—вотъ основной тезисъ для утвержденія телеологической необходимости сознанія. По міровоззрѣнію Гартманна, Богъ вѣчно самораздвоенъ и вѣчно стремится къ уничтоженію этого самораздвоенія въ единствѣ доміровой потенціи. Въ Абсолютномъ происходитъ вѣчная борьба между логическимъ и нелогическимъ (представленіемъ и волею), которая есть самокритика Безсознательнаго. Логическое хочетъ возвратиться къ самому себѣ и стать господиномъ воли. Представленіе (идея) образуетъ въ процессѣ міра волю познанія, волю, которая, обогащаясь все больше и больше идеею, побѣдитъ свое желаніе желанія бытія и будетъ нежелающею волею. Сознаніе—спаситель міра [2]).

Намъ нѣтъ пока дѣла до единства или двойства аттрибутовъ

---

[1]) Ergänz. Nachträge 498—501 ss.

[2]) Neukant. 292—293 s. s.

Безсознательнаго, но не можемъ не замѣтить, что Гартманнъ въ другомъ мѣстѣ опровергаетъ самъ свою теорію сознанія. Строго разсуждая, тутъ нѣтъ прочныхъ основаній для возникновенія сознанія. Безсознательное могло бы достигнуть той же цѣли прекращенія и спасенія міра, не употребляя никакой хитрости, посредствомъ одной безсознательной дѣятельности, и тѣмъ вѣрнѣе и быстрѣе, чѣмъ безошибочнѣе оно безсознательно дѣйствуетъ. Прекрасно, если сознаніе исполнитъ свою историческую миссію, но очень невѣроятно, что оно въ состояніи спасти міръ. „Конецъ міра, сознается Гартманнъ, во всякомъ случаѣ можетъ быть мыслимъ только какъ сверхнатуральный актъ, чрезъ который міровая сущность откажется отъ прежняго обнаруженія воли и покончитъ съ міромъ явленій, его законами и его призрачной субстанціей (матеріей) [1]). Натуральныя средства, какого бы рода они ни были, недостаточны для спасенія; универсальное, напримѣръ, самоубійство, аргументируетъ философъ, было бы только переходомъ изъ одного натуральнаго состоянія въ другое, но не переходомъ изъ феноменальнаго существованія въ чистую метафизическую безактуальную сущность, гдѣ нѣтъ ни жизни, ни смерти. Натуральныя средства производятъ только натуральныя слѣдствія, отчего спасеніе міра не принадлежитъ къ области законовъ природы, а еще меньше къ области неорганической. Но такъ какъ сознаніе принадлежитъ къ природнымъ (периферическимъ) явленіямъ и внѣ сферы міра не дѣйствуетъ, то наше подозрѣніе на счетъ телеологическаго доказательства происхожденія сознанія вполнѣ основательно. Фактически спасеніе міра, какъ и его возникновеніе къ бытію, есть „сверхнатуральный актъ" Безсознательнаго, причемъ сознаніе—простой, сопровождающій реальное существованіе міра, феноменъ, и, какъ феноменъ, оно не имѣетъ универсальнаго значенія. Изъ понятія феномена явствуетъ, что его достоинство не абсолютное и не превышаетъ достоинства иныхъ силъ въ общей системѣ міра. Отсюда, если всѣ силы природы вмѣстѣ не спасутъ міра, то и сознаніе, какъ одна изъ частныхъ силъ.

1) Ergänz. Nachträge 525 s.

Гартманнъ смѣется и искусно разоблачаетъ противорѣчія панлогистическаго объясненія генесиса сознанія. Панлогизмъ смотритъ на сознаніе, какъ на возвращеніе логической идеи къ самой себѣ, къ самосознанію, въ которомъ она открывается для самой себя, какъ то, что она есть, какъ знаніе. Но какая польза, недоумѣваетъ Гартманнъ, что идея отразится и увидитъ себя? Для самосознательнаго индивидуума самопознаніе важно потому, что онъ, существуя какъ сознательный индивидуумъ, поставленъ среди другихъ индивидуумовъ и безъ самопознанія не могъ бы себя утверждать, какъ этотъ отдѣльный индивидуумъ. Но на Бога не можетъ быть переносимо практическое достоинство самопознанія и самосознанія. Логическая идея не есть Богъ, создавшій міръ для своего удовольствія; чѣмъ абсолютнѣе она понимается, чѣмъ выше представляютъ Бога, тѣмъ самодовольнѣе Онъ долженъ быть. Чего же абсолютной идеѣ Гегеля не достаетъ, если она все знаетъ и знаетъ, что она все знаетъ? Неужели премудрость міроваго устройства увеличится отъ того, что есть сознающій и удивляющійся этой премудрости человѣкъ? Неужели добродѣтель женщины качественно возрастаетъ, если о ней много говорятъ и хвалятъ? Ясно, что опытъ самопознанія абсолютной идеи ничтоженъ, и было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы идея, подобно фіалкѣ, рацсвѣтала въ тѣни, вмѣсто того, чтобы обнаруживаться въ сознаніи, сопровождающемся страданіемъ [1]). Аргументируя такимъ образомъ, Гартманнъ просмотрѣлъ, что то же возраженіе имѣетъ силу и относительно его взгляда на сознаніе и его значеніе. Какъ не спросить Гартманна: нуждалось ли практически Безсознательное въ сознаніи? Вѣдь спасеніе міра „сверхнатуральный актъ". Для чего же было производить сознаніе и призывать насъ на муку? Развѣ всемогущество Безсознательнаго увеличилось отъ того, что мы сознаемъ и переносимъ страданія? Мы бы еще извинили этотъ ужасный поступокъ, если бы могли помочь Безсознательному своими слабыми силами, но теперь ни что не искупаетъ его за неразумную вину передъ на-

---

[1]) Neukant. 292 s.

ми. Ужъ не для потѣхи ли создало насъ Безсознательное? Гартманнъ скажетъ, что Безсознательное спасается чрезъ насъ, что оно раздѣлило свою муку съ міромъ; но какъ это жестоко и, главнымъ образомъ, безполезно, когда все-таки ему одному придется посредствомъ особаго акта покончить съ міромъ. По правдѣ и Безсознательному Гартманна слѣдовало бы вѣчно оставаться въ своемъ безсознательномъ и потенціальномъ состояніи, и не производить опытовъ ничтожной въ телеологическомъ смыслѣ самокритики въ индивидуумахъ.

Оставляя подъ большимъ сомнѣніемъ телеологическое значеніе сознанія, посмотримъ лучше, посредствомъ какого фокуса Безсознательное произвело сознаніе и само стало сознательнымъ. Какъ тьма обратилась къ свѣту, сѣверный полюсъ сдѣлался южнымъ? Возможно ли, чтобы отрицательное измѣнило свою природу и выродилось бы въ положительное, чтобы полярныя противоположности когда-либо сошлись? Гдѣ были акціи Безсознательнаго, ставшія впослѣдствіи сознательными? Въ потенціальномъ состояніи? Но Богу по природѣ не принадлежитъ сознаніе; откуда же могли явиться акціи, обусловливающія сознаніе? А между тѣмъ въ телеологическомъ міровомъ процессѣ, подчиненномъ логическому закону, не должно быть ничего страннаго, случайнаго и внезапнаго. Случай губитъ въ корнѣ и безвозвратно телеологію, такъ что ее не спасутъ уже никакіе софизмы. Гартманнъ находитъ, что сознательный Богъ, если бы таковой когда-нибудь былъ, никогда не могъ бы сдѣлаться безсознательнымъ. Это по выраженію философа, было бы какое-то „неслыханное событіе", для котораго нельзя найти объясненія. Переходъ „изъ свѣтлой области сознанія въ темную глубину безсознательности" означалъ бы самоотреченіе Бога отъ своей сущности и былъ бы паденіемъ Абсолютнаго изъ свѣта во тьму. Этотъ фактъ доказывалъ бы, что Богъ не разуменъ и, совершая такое паденіе или вину, находился подъ властью сильныхъ побужденій. Для Него было бы безуміемъ лишиться когда-либо сознанія, этого высшаго блага. Значитъ, каковъ есть Богъ, таковъ Онъ in saecula saeculorum. А развѣ безсознательное можетъ измѣнить свою природу и лишиться своего

единства, производя нѣчто, прямо противоположное себѣ? Это тоже неслыханное событіе, чтобы—А стало+А, тожество—противорѣчіемъ. Естественное телеологическое развитіе никогда не можетъ такъ сдѣлать, чтобы „да" было „нѣтъ". Только магія и волшебство, да случай въ философіи въ состояніи это совершить, но ни въ магію, ни въ случай никто не вѣритъ: Все же безсознательное должно выйти изъ вѣчнаго мрака, родиться въ сознаніи индивидуумовъ и остаться Безсознательнымъ. „Невозможно, говоритъ Гартманнъ, видѣть въ безсознательномъ абсолютномъ духѣ измѣнившійся, или ставшій невѣрнымъ самому себѣ и собственной сущности, духъ, или сознательный духъ, отпавшій отъ самаго себя. Если абсолютный духъ, какъ дѣятельный, т. е., какъ мірообразующій и міроправящій, или какъ внутриміровой есть безсознательный духъ и ничего больше, то онъ не только таковъ съ начала міротворенія, но таковъ издавна и всегда, отъ вѣчности и до вѣчности". Какъ немыслимо, чтобы Богъ когда-либо лишился своего всемогущества или другого какого-либо свойства, такъ немыслимо, чтобы Онъ когда—либо сдѣлался сознательнымъ Богомъ въ самомъ себъ [1]). Въ актѣ (явленіи) Богъ обнаруживается иначе, чѣмъ Онъ есть въ сущности. Гартманнъ полагаетъ, что въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія, что Богъ одновременно центрально безсознателенъ и периферически сознателенъ. Противорѣчіе было бы тогда, когда разсматривали бы абсолютнаго субъекта и его продуктивную центральную дѣятельность въ одномъ и томъ-же отношеніи сознательною и безсознательною.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ монистическаго міровоззрѣнія Гартманна, отдѣляющаго сущность и актъ Безсознательнаго; но нельзя пройти молчаніемъ, что философъ, по обыкновенію, не устойчивъ въ своихъ опредѣленіяхъ и готовъ допустить совершенно противоположный взглядъ. Разсуждая нарочито о сущности и явленіи, единствѣ и множествѣ въ феноменологическомъ мірѣ и о непосредственной имманенціи сущности въ явленіяхъ [2]), Гартманнъ выражается уже такъ:

[1]) Ergänz. Nachträge 505—506 s. s.

[2]) Neukant. 308—317 s. s.

„нужно мыслить во всѣхъ случаяхъ непосредственную связь міра явленій со всеединою сущностью, т. е., тутъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть устанавливаемо посредство, которое отдаляло бы индивидуальное явленіе отъ корня всякаго бытія хотя бы на одну ступень". „Безсознательное есть сущность, которая является, слѣдовательно, въ явленіи оно обнаруживается какъ абсолютно присутствующее (gegenwärtig). Вообще же, по опредѣленію Гартманна, „явленіе не есть простое явленіе, но явленіе сущности.... Корень всякаго явленія лежитъ непосредственно во всеединомъ существѣ". Понятно, что въ приведенныхъ выраженіяхъ намѣчено иное міровоззрѣніе: единство сущности и явленія. Но насъ интересуетъ не это противорѣчіе. Любопытно, что могутъ быть явленія, не связанныя непосредственно съ сущностью Безсознательнаго, и что акты Бога не выражаютъ Его подлинной природы. Весьма значительная часть безконечной интенсивности и экстенсивности сущности Безсознательнаго еще не реализирована. Оно наполовину живое и наполовину дремлющее, частью актуальное, частью потенціальное, или, правильнѣе, вполнѣ потенціальное, ибо что значитъ его реализація въ конечной формѣ сравнительно съ безконечностью его воли и представленія? Оно открылось отчасти, но какова его дѣйствительная природа, мы не знаемъ. Не живетъ ли оно, по крайней мѣрѣ, духовною жизнью въ этомъ своемъ потенціальномъ бытіи? Нѣтъ, потенціальность есть возможность бытія, но не само бытіе, потенціальность—чистое non ens, полный покой. Итакъ, Безсознательное и живо, и мертво, и дѣятельное, и бездѣятельное. По сущности оно безконечно, трансцендентно и потенціально; въ актѣ (явленіи) оно конечно и актуально. Но *всемогущій* Богъ, дремлющій въ значительной части своего существа, Богъ, періодически актуализирующій разныя стороны своего бытія и то замирающій, то возвращающійся къ жизни, —не Богъ, а фантасмагорія. Не удивительно, что въ явленіяхъ такого Бога преобладаютъ странныя и не мотивированныя изъ его внутренней природы дѣйствія. Внезапнымъ и случайнымъ должно быть для него и сознаніе. По теоріи гетеро-

генной метаморфозы (трансформаціи типа чрезъ метаморфозу зародыша), принимаемой Гартманномъ, еще задолго до возникновенія простѣйшаго организма должны были быть органическія соединенія низшей степени, какъ то: вода, угольная кислота и аммоніакъ, которыми питается готовый организмъ. Эти органическія первообразованія представляли первую возможность органической жизни на землѣ, исполняли, такъ сказать, роль навоза. Ими-то *воспользовалось* Безсознательное (Богъ пользуется обстоятельствами!) и произвело тотчасъ еще не существовавшія отношенія. Оно вступило въ эти органическія соединенія и одушевило (Beseelung) ихъ. Возникъ первоначальный организмъ, оплодотворенный духомъ, новая форма, первопроизведеніе. Послѣ этого Безсознательное прекратило свою дѣятельность и предоставило дальнѣйшее происхожденіе организмовъ рожденію изъ яйца (отъ родителей), производя лишь по временамъ морфологическія перемѣны въ зародышахъ съ цѣлью образованія все высшихъ и высшихъ организмовъ (гетерогенное рожденіе). Теперь нѣтъ больше первопроизведеній, нѣтъ случая возникновенія клѣтки безъ яйца, и даже въ организмѣ клѣтка происходитъ изъ клѣтки. Безсознательное такъ устроило механизмъ рожденія отъ родителей, что онъ удовлетворяетъ не только необходимому сохраненію, но и постепенному образованію новыхъ формъ [1]).

Тѣмъ не менѣе пока неизвѣстно, какъ возникло сознаніе. Но что такое сознаніе? Состоитъ ли оно въ формѣ одной чувственности? Мысль не вѣроятная, потому что тогда и Безсознательное должно представлять въ той-же чувственной формѣ, и, кромѣ того, возможны другіе міры, гдѣ сознаніе имѣетъ другую форму. Не есть ли сознаніе воспоминаніе, или ассоціація идей? Едва ли, ибо воспоминаніе есть посредственное слѣдствіе изъ сущности сознанія, а ассоціація идей—слѣдствіе формы чувственности, особенно времени. Опытъ, затѣмъ, учитъ, что сознаніе соединено съ мозгомъ и что матеріальныя движенія conditio sine qua non сознаніе,—и такъ, не есть ли

1) Philos. II, 218—225 s. s.

оно продуктъ матеріи? Нѣтъ, потому что форма чувственности есть нѣчто случайное для сознанія, и сознаніе ничего не знаетъ о матеріи, такъ что процессъ, производящій сознаніе, долженъ находиться въ духѣ, хотя матерія и даетъ первый поводъ къ нему. Матеріальныя движенія обусловливаютъ содержаніе сознанія, но содержаніе не есть само сознаніе. Не есть ли, наконецъ, сознаніе чистый продуктъ духа, и спиритуализмъ—единственная теорія сознанія? Но и это предположеніе фактически не вѣрно, ибо сознаніе свойство эмпирическаго духа. Слѣдовательно, факторы сознанія—индивидуальный духъ и матерія, вступившіе между собою въ конфликтъ. Одинъ и единственный въ мірѣ атомъ не имѣлъ бы никакого объективнаго существованія, такъ какъ ему не доставало бы возможности обнаружить свою сущность во внѣшнемъ явленіи, т. е., объективироваться. Также никогда не пришелъ бы къ субъективному явленію сознанія одинъ индивидуальный безтѣлесный духъ. Но и многіе духи, и многіе атомы существовали бы незамѣтно другъ для друга, если бы были отдѣльны и лишены взаимодѣйствія. Такъ и сознаніе предполагаетъ противодѣйствіе, борьбу, и оно, дѣйствительно есть конфликтъ, не идеальный, логическій, но чувствуемый и реальный. Это не діалектическое противорѣчіе моментовъ одной идеи, а практическое противодѣйствіе многихъ реализированныхъ актовъ идеи, перекрещивающихся и борющихся между собою воль. Въ Безсознательномъ воля и представленіе находятся въ нераздѣльномъ единствѣ, но сознаніе требуетъ раздѣленія, борьбы; въ безсознательномъ состояніи духъ не имѣетъ другихъ представленій, кромѣ вызванныхъ къ бытію собственною волею и составляющихъ ея содержаніе; въ сознательномъ—реагируетъ на него чужая воля. Поэтому сознаніе могло возникнуть только такимъ образомъ: „организированная матерія внезапно (plötzlich) врывается (eingreift) въ міръ Безсознательнаго и навязываетъ изумленному индивидуальному духу представленіе, въ наступившей по закономѣрной необходимости реакціи воспріятія, какъ бы упавшее съ неба, ибо духъ не находитъ въ себѣ никакой воли къ этому представленію; въ первый разъ дано ему содержаніе воззрѣнія

совнѣ. Великая революція произошла; первый шагъ къ спасенію міра сдѣланъ; представленіе отдѣлилось отъ воли для того, чтобы въ будущемъ противостать ей въ качествѣ самостоятельной силы и подчинить себѣ то, чего раньше оно было рабомъ. Это изумленіе воли при возстаніи противъ признаваемаго до сихъ поръ ея господства, это удивленіе, произведенное внѣдреніемъ представленія въ Безсознательное,—вотъ что такое сознаніе". Безсознательный духъ удивленъ и не знаетъ, какъ произошло это необыкновенное явленіе, что существуетъ нежелательное представленіе и оппонируетъ противъ него (духа). Моя воля вступила въ коллизію съ чужою волею, но поелику моя цѣль и направленіе моего дѣйствія въ извѣстномъ смыслѣ противоположно направленію чужой воли, то я встрѣчаю препятствіе, устранить которое не въ состояніи. Моя воля слишкомъ слаба противъ сильнаго вторгнувшагося внѣшняго представленія и должна, при наступленіи процесса сознанія, чувствовать нѣкоторое неудовольствіе. Мое удивленіе, оппозиція и внутреннее принужденіе со стороны чуждаго отвнѣ идущаго представленія есть сознаніе. Оно—гнѣвъ безсознательнаго индивидуальнаго духа на проникшее въ его покой представленіе, „горькое лекарство, безъ котораго не бываетъ выздоровленія": ни моего, ни Бога. Словомъ, сознаніе есть отраженіе воли отъ препятствій, ставимыхъ другою волею, причемъ воспріятіе, центростремительный толчекъ—первое элементарное сознательное представленіе. На физіологическомъ языкѣ эта коллизія двухъ противоположныхъ воль называется коллизіей нервныхъ силъ: силы равновѣсія (живой силы) и силы напряженія [1]). Дальше этого никакое изслѣдованіе не идетъ. „Требовать показать, прибавляетъ Гартманнъ, какъ и какимъ образомъ изъ изложеннаго процесса прямо происходитъ то, что мы во внутреннемъ опытѣ знаемъ, какъ сознаніе, такъ же незаконно, какъ требовать отъ физика, чтобы онъ показалъ, какъ изъ волнъ воздуха и устройства нашего уха происходитъ то, что мы во внутреннемъ опытѣ знаемъ, какъ звукъ. Физикъ показываетъ и можетъ

---

[1]) Philos. II, 34 s., Neukant. 291—293 ss, Ergänz. Nachträge 471 s.

только показать, что субъективно воспринимаемое какъ звукъ, объективно разсматриваемое, есть процессъ, состоящій изъ такихъ-то и такихъ колебаній; такъ и я могъ только показать, что то, что мы въ субъективномъ пониманіи знаемъ какъ сознаніе, объективно разсматриваемое, есть процессъ, состоящій изъ такихъ-то и такихъ членовъ и моментовъ" [1]).

Итакъ, строго говоря, Гартманнъ самъ хорошо не знаетъ, какъ возникло сознаніе: онъ описываетъ больше процессъ, нежели генесисъ сознанія. Правда Кёберъ, восторженный ученикъ Гартманна, заявляетъ, что ничто лучше не объясняетъ недостаточности сознательнаго и совершенства безсознательнаго дѣйствія, какъ эта теорія Гартманна, по которой въ каждой безсознательной дѣятельности присутствуетъ цѣлое Абсолютное, а въ каждой сознательной только „осколокъ" его [2]). И Гартманнъ хвалится, что феноменъ сознанія только тогда будетъ понятенъ вполнѣ, когда индивидуальные духи и атомы матеріи считаются не различными субстанціями, но разными функціями одного и того-же субъекта, и непремѣнно безсознательнаго, ибо сознательный Богъ былъ бы однимъ общимъ сознаніемъ во всѣхъ функціяхъ, такъ что уравненный въ Немъ конфликтъ не могъ бы раздѣлиться на спеціальныя сознанія [3]). Конечно, ни восторгу критика, ни самомнѣнію философа, нельзя поставить предѣла, но у насъ возникаютъ принципіальныя недоразумѣнія. Кёберъ забылъ, что вопросъ касается генесиса сознанія, а Гартманнъ, что телеологія, на которую онъ главнымъ образомъ указываетъ, не терпитъ никакихъ случайностей: телеологія, допускающая случай, опровергаетъ саму себя. Случайная цѣлесообразность дѣйствуетъ слѣпо, и нужно благодарить судьбу, что произошло нѣчто разумное, ибо могло бы быть съ одинаковою вѣроятностью и нѣчто необычайно глупое. Тамъ, гдѣ участвуетъ случай, не мѣсто необходимости и законосообразности. Случай—asylum ignorantiae, куда прибѣгаютъ за неимѣніемъ лучшихъ средствъ для прикрытія своихъ погрѣш-

[1]) Philos. II, 43 s.

[2]) Op. cit. 231 s.

[3]) Philos. II, 39 s.

ностей. Гартманнъ насильно соединяетъ безсознательный духъ и матерію. Ему нѣтъ дѣла, что безсознательный духъ не пространственный и не матеріальный и что его мышленіе, если даже оно представляетъ форму чувственности, никогда не совершается въ этой формѣ, такъ какъ безсознательный духъ можетъ видѣть форму чувственности только совнѣ, съ выпуклой стороны, а не вогнутой, внутренней [1]). Вполнѣ естественно, что сознаніе у Гартманна явленіе, случайное въ собственномъ смыслѣ, „слѣпой результатъ“ (blindes Resultat) [2]). При его возникновеніи произошло нѣчто необыкновенное: „матерія внезапно ворвалась въ покой Безсознательнаго и произвела революцію“. Твореніе возстало на Творца и побѣдило Его. Безсознательное оказалось безсильнымъ противъ организованной матеріи, которую образовала неорганическая природа, и подчинилось ей. Тутъ мало одного удивленія, какъ думаетъ Гартманнъ, тутъ Богъ очутился въ числѣ „неразумныхъ“ (выраженіе Кёбера) [3]).

Другой неосторожный и безпринципный послѣдователь пессимизма, но авторитетный въ глазахъ нашего философа [4]), Плюмахеръ, доводитъ до крайности высказанное мимоходомъ мнѣніе Гартманна о вѣроятномъ сознаніи атомовъ. Ссылаясь на нѣкоего американскаго автора Спенса, Плюмахеръ пишетъ: „матерію нужно мыслить, какъ сумму атомовъ; атомъ, будемъ ли мы мыслить его движущимся или покоящимся, находится въ отрицательномъ состояніи, насколько онъ въ себѣ неизмѣненъ; но если онъ сталкивается съ другими атомами своего рода, то онъ внутренно модифицируется и находится уже въ положительномъ состояніи, состояніи сознанія (sic)“. Сознаніе, слѣдовательно, принадлежитъ не одной матеріи мозга и нервныхъ элементовъ, но вообще матеріи: „матерія и сознаніе—одно и то-же“ (?). Впрочемъ, оговаривается Плюмахеръ, здѣсь не проповѣдуется чистый матеріалистическій взглядъ, будто

[1]) Philos. II, 31 s. cp. Ergänz. Nachträge 469 s.

[2]) Philos. II, 183 s.

[3]) Op. cit. 199 s.

[4]) Ergänz. Nachträge 471—472 s.s.

сознаніе внѣшній продуктъ матеріи: матерія есть нѣчто внѣшнее и отличное отъ насъ, сумма дѣйствующихъ на насъ атомовъ, тогда какъ сознаніе—внутренній феноменъ [1]). Безспорно, что при такомъ взглядѣ на общеміровое сознаніе, простирающееся даже на атомы, пониманіе какъ будто упрощается. Если атомы сами по себѣ владѣютъ сознаніемъ, то сознательнымъ долженъ быть и ихъ комплексъ, но зато сколько тутъ другихъ неразрѣшимыхъ затрудненій? Плюмахеръ и Кёберъ надѣются, что, не смотря на сильныя возраженія противъ этого воззрѣнія со стороны естествознанія, оно когда-либо восторжествуетъ, ибо общеміровое сознаніе болѣе согласно съ метафизическимъ предположеніемъ одного абсолютнаго субъекта, чѣмъ противоположный взглядъ на этотъ предметъ.—Предоставивши полную свободу Плюмахерамъ и Кёберамъ доказывать свое наивное положеніе, послѣдуемъ далѣе за Гартманномъ.

А. Кириловичъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Der Kampt um's Unbewusste. Berlin, 1881, II, 73—75 s. s.

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *).

VII.

Физіологическое направленіе.

Физіологическое направленіе психологіи, какъ показываетъ самое названіе его, при изслѣдованіи психическихъ явленій основывается на данныхъ физіологіи, откуда заимствуются и методы и пріемы изслѣдованія. Своимъ происхожденіемъ оно обязано главнымъ образомъ стремленію уяснить элементарныя условія психической жизни. Отсюда, устройство и отправленія органовъ внѣшнихъ чувствъ, а равно и физическія ощущенія тѣла, доходящія до сознанія помимо этихъ органовъ, устройство и отправленія нервной и мозговой системъ, составляющія существенныя условія психической жизни, суть главные предметы, занимающіе представителей этого направленія. Но этими предметами еще не исчерпывается его задача: помимо уясненія предварительныхъ условій психической жизни, оно имѣетъ своею цѣлью прослѣдить соотвѣтствіе между физіологическими и психическими явленіями, стремится изслѣдовать область жизненныхъ процессовъ, одновременно доступныхъ и внѣшнему и внутреннему наблюденію, изучить связь явленій, занимающихъ средину между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ, и рѣшить основной вопросъ о взаимномъ соотношеніи нашего внутренняго и внѣшняго бытія. Отсюда, въ научныхъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 10.

системахъ этого направленія духовные процессы ставятся въ тѣсную зависимость отъ физіологическихъ, откуда выводятся самые начатки духовной дѣятельности,—уясняется обратное вліяніе духовныхъ процессовъ на нервную и мускульную системы и на центральные органы ихъ и наконецъ трактуется довольно подробно о внѣшнемъ выраженіи психическихъ явленій. Но такъ какъ для высшихъ формъ сознанія и проявленій мыслительной дѣятельности трудно указать непосредственныя данныя въ структурѣ и отправленіяхъ нервной системы, то психологи этого направленія, принадлежащіе къ англійской школѣ, обращаются еще къ процессамъ внутреннимъ, выражаемымъ дѣйствіемъ законовъ ассоціаціи, вліяніемъ которыхъ и объясняютъ все развитіе сложныхъ формъ духовной жизни.

Въ нашей оригинальной психологической литературѣ систематическимъ и наиболѣе полнымъ выраженіемъ основныхъ взглядовъ, характеризующихъ физіологическое направленіе, служитъ „Педагогическая психологія“ П. Каптерева. Изданная впервые въ 1877 году и имѣя своею основою психологію Бэна, дополненную заимствованіями изъ Вундта, Спенсера, Фехнера, Дарвина и др., названная психологія издана въ 1883 году вторично, въ существенно переработанномъ видѣ [1]), причемъ авторомъ на этотъ разъ послѣдовательно развиты въ ней нѣкоторые основные принципы психологіи Спенсера. Значительно расширивши и видоизмѣнивши нѣкоторые отдѣлы своего труда, почтенный авторъ предположилъ издать его въ двухъ частяхъ, но, къ сожалѣнію, задача его осталась невыполненною; имъ переработана и издана только *первая* часть психологіи, заключающая въ себѣ подробный анализъ явленій умственной жизни

[1]) Задачи этого труда и послѣ обработки его остались тѣ же. Главныя измѣненія въ новомъ изданіи заключаются въ слѣдующемъ: описательная сторона значительно сокращена; взамѣнъ этого расширены элементы историко-критическій и объяснительный. Нѣкоторыя главы, помѣщенныя въ первомъ изданіи, исключены, а на мѣсто ихъ поставлены новыя; другія—значительно расширены и видоизмѣнены. Наконецъ, въ первомъ изданіи анализъ изъясняется на многихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ эстетической литературы, каковые примѣры во второмъ изданіи большею частью опущены. Такимъ образомъ, „Педагогическая психологія“ въ своемъ переработанномъ видѣ въ значительной степени представляетъ новый трудъ, а не изданіе прежняго.

души. По самому существу дѣла, при изложеніи основныхъ взглядовъ автора, мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ позднѣйшую обработку его системы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приняты имъ нѣкоторыя новыя воззрѣнія, или видоизмѣнены прежнія, но такъ какъ самая обработка системы не закончена, то при изложеніи ученія автора о чувствованіяхъ и волѣ, мы должны будемъ ограничиться его первоначальнымъ трудомъ.

„Педагогическая психологія" Каптерева всецѣло построена на физіологическихъ основаніяхъ. Во всѣхъ своихъ объясненіяхъ психическихъ фактовъ авторъ очень близко держится физіологическихъ взглядовъ, которые и являются главными опредѣляющими факторами въ пониманіи имъ психической жизни. Въ своемъ изслѣдованіи онъ старается показать, какъ явленія душевной дѣятельности держатся за самыя общія обнаруженія физической жизни организма, въ которомъ и заключаются основы психическаго развитія. Въ частности, пользуясь результатами работъ Бэна, Вундта, Спенсера, Гельмгольца, Тэна, Фехнера, Дарвина, Карпентера и многихъ другихъ, онъ ищетъ данныхъ для психологіи въ отправленіяхъ нервной системы и говоритъ главнымъ образомъ о тѣлесныхъ условіяхъ, лежащихъ въ основѣ всякаго душевнаго явленія. Органомъ душевной жизни онъ признаетъ нервную систему, а мозгъ и нервныя клѣтки—непосредственными дѣятелями въ образованіи психическихъ состояній. Послѣднія, по его взгляду, суть только реакціи на дѣятельности нервной системы, существующія пока есть и послѣднія (стр. 34, изд. 2-ое). При томъ, духовные процессы, начинаясь актами физіологическими, ими же и оканчиваются, выражаясь въ разнообразныхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, посредствуемыхъ нервною и мускульною дѣятельностью. Но не только начало и конецъ психическихъ актовъ могутъ быть сведены къ физіологическимъ явленіямъ, а и самая средина между ними, акты сознательные, суть не просто психическія состоянія, а психофизіологическіе процессы, обусловленные нервною дѣятельностью. Этому условію подчиняются всѣ вообще психическіе акты: они начинаются, сопровождаются и оканчиваются физіологическими процессами. Между тѣми и другими существуетъ столь тѣсная и неразрывная связь, что

нерѣдко очень трудно указать, гдѣ кончается одинъ порядокъ явленій и гдѣ начинается другой. Эту связь и взаимную зависимость обоихъ порядковъ явленій авторъ и старается уяснить въ примѣненіи къ частнымъ психическимъ фактамъ. По его убѣжденію, не только ощущенія, но и способность къ анализу и синтезу, а равно предрасположеніе къ образованію ассоціацій и дизассоціацій представленій, первоначально обусловливаются анатомическимъ устройствомъ нервной системы (стр. 235, 2 изд.). Память также есть свойство мозговой субстанціи,—явленіе нервное и безсознательное, обусловливающее, однако, развитіе сознательной памяти (стр. 324). Припоминаніе, а равно явленія иллюзій и галлюцинацій, имѣютъ своею основою сохраненіе нервами полученныхъ нѣкогда ими возбужденій. Полное забвеніе объясняется перерожденіемъ и омертвеніемъ нервныхъ клѣтокъ, или атрофированіемъ ихъ (стр. 360). Даже такія высшія формы психической дѣятельности, какъ отвлеченное мышленіе и художественное творчество, имѣютъ, по взгляду автора, въ своей основѣ возбужденіе нервовъ и стоятъ въ неразрывной связи съ физіологическими процессами. Въ частности, слiяніе и отожествленіе сходнаго при образованіи идей есть дѣятельность чисто органическая (стр. 242); образованіе абстрактовъ неизбѣжно предполагаетъ такое же реальное возбужденіе нервныхъ элементовъ, какъ и ощущеніе и представленіе; мало того, оно сопровождается возбужденіемъ и соотвѣтствующихъ органовъ тѣла (стр. 259). Наконецъ, все наше міровоззрѣніе создается при посредствѣ и дѣятельномъ участіи нервнаго организма, унаслѣдованнаго нами отъ родителей (стр. 424). Равнымъ образомъ, чувствованія и воля имѣютъ физіологическую основу. Симпатія, напримѣръ, есть результатъ впечатлительности нашего организма, невольно увлекающей насъ къ сочувствію другимъ (стр. 473, изд. I-е). Та же впечатлительность нашего организма, наша организація, служитъ источникомъ нравственныхъ чувствованій и дѣйствій; самая совѣсть постепенно становится органическимъ достояніемъ людей (стр. 499—501, изд. I). Первыя основы воли, каковы рефлексы и самобытная дѣятельность нервной системы, также коренятся въ организмѣ, въ самомъ устройствѣ его (стр. 531).

Въ зависимости отъ указанныхъ общихъ основъ душевной жизни, психологическія объясненія Каптерева проникнуты механическими воззрѣніями. По его убѣжденію, разъ дана нервная дѣятельность, психическое состояніе должно возникнуть неизбѣжно. Ближайшими слѣдствіями нервной дѣятельности являются ощущенія, какъ матеріалъ всего дальнѣйшаго психическаго развитія. Они самодѣятельно вступаютъ въ разнообразныя сочетанія и связи, оказываютъ взаимныя вліянія другъ на друга, видоизмѣняются и преобразуются, давая въ результатѣ очень сложныя формы душевной жизни, на вершинѣ развитія которой является стройное, гармонически-цѣльное міровоззрѣніе. Съ другой стороны, развитая организація должна дать, по его убѣжденію, всѣ высшія формы чувствованій и сопровождаться наиболѣе совершенною дѣятельностью. Но не смотря на указанныя особенности въ воззрѣніяхъ автора, его нельзя назвать сенсуалистомъ. Различіе между дѣятельностью нервовъ и души ясно сознается имъ. Душа отнюдь не отожествляется имъ съ нервною дѣятельностью, а ощущенія съ физіологическими процессами; въ ощущеніяхъ онъ видитъ самородныя внутреннія реакціи духа. Притомъ настойчиво проводя мысль о всегдашнемъ и повсюдномъ взаимодѣйствіи души и тѣла и неизмѣнной взаимной зависимости явленій обоихъ порядковъ, физическому механизму онъ усвояетъ лишь значеніе средства для дѣятельности души, отыскивая въ немъ тѣ корни, къ которымъ привязывается жизнь души.

Далѣе, авторъ является защитникомъ эволюціоннаго принципа и прилагаетъ его къ объясненію душевныхъ явленій. Законъ эволюціи, или непрерывнаго развитія психическихъ явленій—при единствѣ ихъ состава, заимствованъ авторомъ у Спенсера и понятъ имъ въ существенныхъ чертахъ въ духѣ воззрѣній послѣдняго. Сущность этого закона, по ученію Спенсера, заключается въ слѣдующемъ: богатство душевной жизни есть слѣдствіе постепеннаго развитія организма подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ и постояннаго приспособленія его къ окружающей средѣ. Изъ первыхъ, какъ бы самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ зачатковъ жизни, скрывающихся въ рефлективныхъ движеніяхъ, путемъ выдѣленія обособленія

болѣе спеціальныхъ дѣятельностей, или дифференцированія, и путемъ объединенія выдѣленнаго съ цѣлымъ и воспріятія его въ гармонически единый организмъ, или интегрированія, въ теченіи долгаго времени развивались все болѣе сложныя душевныя дѣятельности и силы, пока это развитіе не дошло до многосторонняго единства разнообразныхъ психическихъ фактовъ, какое мы видимъ въ человѣкѣ. Этому закону Каптеревъ усвояетъ общее принципіальное значеніе въ области психологіи и объясняетъ имъ происхожденіе какъ внѣшнихъ органовъ чувствъ, такъ и различныхъ сложныхъ формъ психической жизни. Такъ, органы, или аппараты внѣшнихъ чувствъ, по его взгляду, суть не что иное, какъ мѣстныя выдѣленія, или дифференцированія одного первичнаго и универсальнаго чувственнаго органа—внѣшней кожи. „Простое осязательное ощущеніе послѣдней, говоритъ онъ,—ощущеніе колебаній давленія и теплоты, образуетъ источникъ специфической энергіи высшихъ чувствительныхъ нервовъ. Напримѣръ, слуховые пузырьки возникаютъ на поверхности кожи въ видѣ мелкихъ ямокъ, покрытыхъ волосными клѣтками. Мало по малу эти ямки становятся глубже, образуются въ слуховые карманы, въ закрытые слуховые пузырьки, между тѣмъ какъ они совсѣмъ отрѣшаются отъ кожи. Слуховые волоски, внутри пузырька, которые теперь ощущаютъ звуковые волны, были прежде простыми осязательными волосками верхнекожныхъ клѣтокъ и ощущали только колебанія давленія. Мало по малу они приспособились къ усвоенію быстрыхъ звуковыхъ колебаній" (стр. 102) [1]). Подобнымъ образомъ, путемъ приспособленія кожныхъ нервовъ къ воспріятію внѣшнихъ воздѣйствій, различныхъ по силѣ, качеству и формѣ, образовались и другіе органы, или спеціальные пріемники раздраженій на внѣшнихъ концахъ чувствительныхъ нервовъ. Всѣ они суть спеціализаціи общей первоначальной чувствительности, дифференціаціи кожи, усовершенствованное осязаніе (стр. 106). Тотъ же законъ непрерывнаго развитія съ двумя составляющими его моментами—спеціализаціей и объединені-

[1]) Здѣсь и ниже—вплоть до анализа чувствованій приводятся цитаты по 2-му изданію „Педагогич. псих.".

емъ—примѣняется, по взгляду автора, и ко всѣмъ психическимъ явленіямъ. Послѣднія неизмѣнно подчиняются закону постояннаго составленія (интеграціи), безъ опредѣленныхъ границъ, до самыхъ высшихъ формъ сознанія. Даже ощущенія, изъ которыхъ развиваются всѣ формы психической жизни, по убѣжденію автора, суть слiянія болѣе элементарныхъ сходныхъ психическихъ реакцій (стр. 222). Затѣмъ, путемъ слiянія и сочетанія ощущеній возникаютъ разнообразныя простыя представленія; послѣднія ассоціируются между собою и даютъ въ результатѣ сложныя представленія, которыя подъ вліяніемъ сходства опять сливаются между собою и образуютъ новые продукты (стр. 239). Въ свою очередь, тяготѣніе сходныхъ образованій другъ къ другу и слiяніе однородныхъ элементовъ содѣйствуетъ выдѣленію изъ нихъ *различій*: сходныя черты представленій при слiяніи усиливаются, а различныя ослабѣваютъ, причемъ тѣ и другія болѣе или менѣе раздѣляются и составляютъ особыя образованія. Вообще, вся умственная жизнь состоитъ изъ двухъ основныхъ процессовъ—обобщенія и спеціализаціи; одинъ схватываетъ равенство, тожество, аналогіи, другой—противоположности и контрасты (стр. 242).—Такимъ образомъ, ученіе эволюціонной психологіи Каптерева есть не только статическое, но и динамическое. Психическая жизнь разсматривается авторомъ въ ея непрерывномъ движеніи отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Не ограничиваясь описаніемъ и анализомъ готовыхъ фактовъ, авторъ изслѣдуетъ ихъ элементы, открываетъ ихъ зародыши, изучаетъ условія ихъ происхожденія и слѣдитъ за постепеннымъ ихъ развитіемъ и дальнѣйшими преобразованіями. Занимаясь, такъ сказать, эмбріологіей души, онъ стремится показать, какъ впервые зародившаяся психическая жизнь, въ началѣ слабая, мало по малу укрѣпляется, постепенно усложняется, совершенствуется и наконецъ достигаетъ высшихъ формъ. Въ виду этого, авторъ тщательно изслѣдуетъ и самыя низшія формы душевной жизни, самыя скромныя проявленія сознанія, какія замѣчаются у животныхъ, у дѣтей и у людей необразованныхъ, пользуясь для этого данными біологіи, антропологіи, соціологіи, сравнительной анатоміи и физіологіи.

При объясненіи внутренняго роста психической жизни, авторъ, слѣдуя воззрѣніямъ англійской школы, усвояетъ самое широкое значеніе законамъ ассоціаціи. Послѣдніе, по его взгляду, суть не только средства воспроизведенія душевныхъ явленій, но и ихъ произведенія, или образованія; ими соединяется въ одно цѣлое то, что прежде никогда не составляло одного акта духа, — или создаются новыя психическія явленія. Все наше духовное развитіе, весь процессъ мышленія, всѣ наши собственно разсудочныя работы, анализъ, отвлеченіе, обобщеніе, а равно память и воспоминаніе, берутъ свое начало въ законахъ ассоціаціи. Составляя основу ума, его коренное свойство, эти законы одинаково вѣрны для всѣхъ душевныхъ явленій и далѣе не сводятся уже ни къ какимъ другимъ (ср. стр. 232). Наконецъ въ согласіи съ воззрѣніями англійскихъ психологовъ, Каптеревъ усвояетъ широкое значеніе закону наслѣдственности: по его взгляду самый органъ душевной жизни, нервный аппаратъ, есть наше наслѣдство отъ нашихъ отдаленныхъ прародителей, отражающее на себѣ умственный ростъ и культуру человѣчества. Психическія качества также передаются, по наслѣдству, притомъ не въ одной какой-либо сферѣ психической дѣятельности, но во всѣхъ.

Точка зрѣнія автора на психическія явленія чисто эмпирическая, совершенно независимая отъ метафизическихъ теорій. Единственнымъ источникомъ нашихъ знаній о душевной жизни признается имъ опытъ внутренній и внѣшній, въ зависимости отъ чего, въ каждомъ основномъ процессѣ онъ старается открыть характерныя черты съ физіологической и психологической стороны (ср. стр. 413). Ближайшее отношеніе психологіи Каптерева къ воспитательнымъ цѣлямъ вполнѣ оправдываетъ названіе ея „педагогическою". Въ зависимости отъ самой задачи труда, каждый отдѣлъ психологіи заканчивается подробными и весьма цѣнными наставленіями воспитателямъ относительно наиболѣе разумнаго и цѣлесообразнаго развитія духовныхъ силъ питомца. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся пунктахъ психологической системы Каптерева.

Въ первой части своего труда авторъ подробно обозрѣва-

етъ всю совокупность процессовъ, изъ которыхъ слагается наше реально-идеальное міровоззрѣніе, старается прослѣдить развитіе нашей способности мышленія, показать постепенное совершенствованіе ума и мыслительныхъ процессовъ въ человѣкѣ, въ зависимости отъ накопленія въ немъ познаній. Въ виду этого, онъ прежде всего останавливается на вопросѣ о врожденныхъ идеяхъ и способностяхъ, самымъ рѣшеніемъ котораго въ общихъ чертахъ предопредѣляется ученіе объ образованіи міровоззрѣнія. Путемъ критики разнообразныхъ ученій о врожденныхъ идеяхъ и способностяхъ авторъ приходитъ къ отрицанію тѣхъ и другихъ и объясняетъ ихъ, въ духѣ эволюціонной психологіи Спенсера, изъ коллективнаго опыта всего человѣчества, закрѣпляемаго и утверждаемаго закономъ наслѣдственности. Намъ врождены, говоритъ онъ, не опредѣленные принципы, или идеи, а органъ для созданія этихъ принциповъ и идей, опредѣленный нервный аппаратъ,—различныя видоизмѣненія въ строеніи нервной системы, предрасполагающія насъ къ извѣстнымъ психологическимъ реакціямъ и обусловливающія быстрое и раннее появленіе опредѣленныхъ психическихъ функцій (стр. 34—35). Равнымъ образомъ, и способности души не суть нѣчто готовое, законченное, сидящее въ насъ съ самаго рожденія и предшествующее дѣятельности. Несомнѣнно, что способности въ значительной степени развиваются изъ дѣятельности, возникаютъ изъ нея, а не прежде ея. То, что предшествуетъ дѣятельности и опредѣляетъ ее, есть не какая-либо способность, а опредѣленный организмъ, развивающій, при наличности извѣстныхъ условій, извѣстныя дѣятельности. Сказать, что у насъ есть врожденныя способности ума, сердца и воли, значитъ только выразить ту несомнѣнную истину, что организмъ, или типъ человѣческій, при извѣстныхъ условіяхъ развитія, вызоветъ опредѣленныя психическія реакціи, дастъ именно человѣка, а не животное. Такимъ образомъ, врожденныя идеи и врожденныя способности сводятся авторомъ на врожденный организмъ, или общечеловѣческій типъ съ его частнѣйшими племенными и индивидуальными измѣненіями и отожествляется съ врожденными человѣку особенностями нервной организаціи (стр. 64—67).—Въ сущности, такое рѣшеніе

вопроса есть физіологическая передача доктрины Канта о формахъ мысли и не вполнѣ достигаетъ цѣли. Нельзя не признать, что различною комбинаціей нервныхъ элементовъ, или разницею въ числѣ ихъ, степени связи и энергіи, отнюдь еще не рѣшается вопросъ о *качественныхъ* разницахъ психическихъ состояній, равно какъ не могутъ быть объяснены эти разницы и внѣшними возбужденіями (ср. стр. 67. 68), приводящими нервный аппаратъ въ дѣятельность. Безспорно, что основанія для такихъ разницъ должны заключаться въ самой душѣ, а не въ нервной системѣ, или внѣшнихъ возбужденіяхъ,— а отсюда и способности души суть нѣчто большее, чѣмъ „простые классификаціонные термины, или ярлычки, полезные для группировки сходныхъ психическихъ явленій (стр. 62). Съ другой стороны, если намъ и не врождены идеи въ готовомъ видѣ, въ качествѣ опредѣленныхъ принциповъ, то все же апріорность нѣкоторыхъ идей, какъ напримѣръ—истины, блага, Существа Высочайшаго и др., едва ли можетъ быть отрицаема, хотя онѣ только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ опыта и разсудочной дѣятельности, начинаютъ сознаваться ясно и отчетливо

Далѣе авторъ послѣдовательно анализируетъ четыре основные процесса, которыми создается міровоззрѣніе: процессъ ощущеній, представленій, идей и апперцепцій. Анализируя ощущенія, авторъ съ особенною подробностью останавливается на физіологическихъ условіяхъ ихъ образованія. Ощущеніе опредѣляется имъ, какъ сознаніе раздраженія, или субъективная сторона объективной нервной перемѣны (стр. 69). Первоначальнымъ, относительно простымъ, типомъ ощущенія онъ признаетъ ощущеніе новорожденнаго, въ которомъ различаетъ три момента: физическій, психическій и снова физическій,— или раздраженіе, сознаніе раздраженія и рефлективное движеніе. Уяснивши физіологическую сущность нервныхъ процессовъ и показавши зависимость специфическаго характера раздраженій отъ устройства внѣшнихъ органовъ, авторъ останавливается на психическомъ моментѣ ощущенія. Основываясь на обыкновенныхъ фактахъ человѣческаго сознанія, онъ признаетъ, что такъ называемое чистое ощущеніе представляетъ собою сочетаніе двухъ основныхъ свойствъ: интенсивности или си-

лы, и качества. Первая зависитъ отъ силы внѣшняго раздраженія, а второе—отъ различія чувствительныхъ нервовъ и соотвѣтствующихъ имъ аппаратовъ на концахъ (стр. 79). Изслѣдуя эти свойства, авторъ даетъ сначала количественный, а затѣмъ качественный анализъ ощущеній. Въ первомъ случаѣ онъ старается опредѣлить отношеніе раздраженія къ ощущенію и показать условія постепеннаго возрастанія силы ощущеній въ зависимости отъ увеличенія раздраженій, пользуясь тѣми цѣнными и интересными наблюденіями, какими владѣетъ психологія въ настоящее время. Онъ подробно анализируетъ тѣ специальные методы, какіе указаны Веберомъ и Фехнеромъ для изслѣдованія отношеній между раздраженіемъ и ощущеніемъ и выражаетъ ихъ результатъ въ формѣ слѣдующаго основнаго ссихофизическаго закона: „если интенсивность ощущенія должна возрастать на одинаковую абсолютную величину, то относительное прибавочное раздраженіе должно быть постояннымъ“, или другими словами: „ощущеніе пропорціонально логариѳму раздраженія“ (стр. 89). Этотъ законъ, по взгляду автора, нельзя считать строго точнымъ и безусловнымъ, а только приблизительно справедливымъ, выражающимъ ту вѣрную мысль, что міръ отображается въ нашемъ сознаніи съ количественной стороны вполнѣ своеобразно (стр. 137).—Анализируя ощущенія съ качественной стороны, авторъ устанавливаетъ классификацію ихъ на принципѣ постепеннаго развитія внѣшнихъ органовъ и послѣдовательной дифференціаціи самыхъ ощущеній изъ одного общаго источника (стр. 100). По его взгляду, всѣ внѣшніе органы развились изъ осязательно-мускульнаго аппарата, а всѣ ощущенія, какъ напримѣръ: пищеварительно-вкусовыя, дыхательно-обонятельныя, зрительныя и слуховыя—изъ осязательно-мускульныхъ ощущеній. Качественныя различія ощущеній авторъ поставляетъ въ зависимость отъ различія специальныхъ функцій органовъ, а это послѣднее объясняетъ различіемъ возбужденій и механизмовъ, въ которыхъ развѣтвляются нервныя волокна (стр. 106). Въ данномъ случаѣ онъ является сторонникомъ гипотезы нативизма, преобразованной Вундтомъ и Льюисомъ и согласованной съ принципомъ развитія, по которой за внѣшними органами, вслѣдствіе привычныхъ раздра-

женій и постоянныхъ приспособленій къ нимъ нервной ткани, закрѣпляются специфическія функціи.

Частнѣйшій порядокъ въ анализѣ ощущеній опредѣляется ихъ генетическимъ сродствомъ. Первичными и основными ощущеніями авторъ признаетъ осязательныя и мускульныя ощущенія, „сходныя по существу и различающіяся только по степени“ (стр. 111). Пищеварительно-вкусовыя и дыхательно-обонятельныя ощущенія признаются частнѣйшими видоизмѣненіями осязательныхъ ощущеній. Родственныя съ ними органическія ощущенія не выдѣляются авторомъ въ отдѣльную группу и не анализируются въ частностяхъ, а психологическое значеніе ихъ указывается въ ихъ вліяніи на наше настроеніе (стр. 128). Зрительныя и слуховыя ощущенія, по взгляду автора, также удерживаютъ свой осязательный тонъ, хотя и значительно видоизмѣнились сравнительно съ осязательными ощущеніями. Не смотря на все ихъ важное значеніе для образованія представленія о внѣшнемъ мірѣ, авторъ отводитъ первенствующее мѣсто осязательно-мускульнымъ ощущеніямъ, поставляя за ними уже зрительныя и слуховыя. Качественный и количественный анализъ ощущеній приводитъ автора къ слѣдующему выводу: ощущенія отнюдь не могутъ быть признаваемы копіями вещей, а суть чисто субъективныя реакціи на раздраженія, совсѣмъ не похожія на возбуждающіе ихъ физіологическіе процессы. Какъ состоянія субъективныя, они не соизмѣримы съ объективнымъ бытіемъ. На міръ мы смотримъ такъ, какъ позволяютъ намъ органы внѣшнихъ чувствъ, ихъ строеніе и свойственныя намъ формы мыслительности, и замѣчаемъ въ немъ то, что доступно нашимъ чувствамъ и мыслительности. Тѣмъ не менѣе, неразрывная связь между раздраженіемъ и ощущеніемъ по качеству и количеству даетъ намъ возможность оріентироваться въ невѣдомомъ намъ объективномъ мірѣ и до нѣкоторой степени приспособиться къ нему (стр. 135—138). Въ заключеніе своего анализа ощущеній авторъ доказываетъ тѣсную связь между ощущеніями и сопровождающими ихъ движеніями и говоритъ о взаимномъ вліяніи ихъ другъ на друга.

Нельзя не признать, что анализъ ощущеній въ системѣ Кап-

терева отличается подробностью и обстоятельностью,—но изслѣдованіе физическихъ и органическихъ условій происхожденія ощущеній приводитъ къ очевидности, что ими ощущеніе нисколько не объясняется. Остается неяснымъ, въ чемъ заключается начало и источникъ ощущеній,—гдѣ причина, производящая сознаніе раздраженія? Утверждая, что раздраженіе вызываетъ сначала химическіе процессы въ нервной системѣ, а потомъ сознаніе этихъ процессовъ, авторъ вовсе не обозначаетъ, гдѣ именно образуется это новое явленіе? Ощущеніе просто трактуется имъ, какъ необходимый результатъ раздраженія, достигшаго извѣстной силы (стр. 81). Между тѣмъ извѣстно, что даже очень сильныя раздраженія далеко не всегда сопровождаются ощущеніями. Притомъ, раздраженія—явленія несознательныя и не могутъ сознать себя сами. Отсюда возникаетъ необходимость предположить еще существованіе особаго начала, или силы, которая даетъ нервнымъ движеніямъ то, чего въ нихъ нѣтъ по самому существу ихъ, именно сознательность. Это новое, чисто психическое начало, самородно отвѣчающее на раздраженіе ощущеніемъ, и является здѣсь обладающимъ свойствомъ сознанія. Предположить бытіе его необходимо; существованіе его рядомъ съ матеріальными движеніями въ нервахъ есть неотразимое принужденіе нашей мысли. Послѣ этого, ощущеніе есть не просто „сознаніе раздраженія", а возбужденіе души, или измѣненіе сознанія подъ вліяніемъ дѣйствія физическихъ силъ и производимаго имъ возбужденія въ нервной системѣ. Наконецъ, если и согласиться съ авторомъ, что нервное возбужденіе и ощущеніе суть двѣ стороны одного процесса, то во всякомъ случаѣ онѣ настолько разнородны, что различія между ними совершенно не объяснимы безъ посредства особаго психическаго начала.

Ученіе о представленіяхъ изложено авторомъ сообразно результатамъ, выработаннымъ англійскою психологіею. Представленія поняты имъ въ широкомъ смыслѣ—чувственныхъ воспріятій, сложныхъ пространственныхъ воззрѣній и мысленныхъ образовъ предметовъ. Самое образованіе представленій поставляется авторомъ въ тѣсную зависимость отъ законовъ ассоціаціи, заправляющихъ всѣмъ вообще ходомъ психическаго

развитія (ср. стр. 229). Въ частности, представленія образуются изъ ощущеній при посредствѣ трехъ основныхъ процессовъ: слiянія, сочетанія и соединенія этихъ обоихъ процессовъ. Сливаются между собою, по ученію автора, тожественныя по содержанію и близкія по степени силы ощущенія, въ результатѣ чего получаются элементарныя представленія. Послѣднія сочетаются между собою въ сложныя представленія, которыя въ зависимости отъ участія въ образованіи ихъ одного, или нѣсколькихъ органовъ, могутъ быть однородными и разнородными. Сочетаніе въ одно цѣлое разнородныхъ представленій даетъ въ результатѣ конкретныя представленія отдѣльныхъ предметовъ. Соединеніемъ процессовъ сліянія и сочетанія создаются наши наиболѣе сложныя представленія о внѣшнемъ мірѣ, именно представленія о тѣлѣ, вѣсѣ, времени, пространствѣ, движеніи и его скорости, формѣ предметовъ и ихъ величинѣ. Всѣ указанные психическіе продукты имѣютъ свой первоначальный источникъ собственно въ мускульныхъ ощущеніяхъ и образуются процессомъ сліянія. При этомъ авторъ весьма наглядными примѣрами уясняетъ, какъ ощущеніе равнаго напряженія при сопротивленіи и движеніи даетъ намъ первыя идеи пространства и времени, а ощущеніе различной по величинѣ траты силы въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени даетъ намъ идею скорости движенія; равнымъ образомъ, по взгляду автора, ощущенія сопротивленія даютъ намъ понятія о тѣлѣ, а различныя степени сопротивленія даютъ понятія о вѣсѣ тѣлъ. Всѣ указанныя представленія, будучи въ началѣ очень неясными и неопредѣленными, постепенно выясняются и опредѣляются вслѣдствіе сочетанія мускульныхъ ощущеній съ осязательными и зрительными (стр. 153—162). Путемъ различныхъ объясненій и конкретныхъ примѣровъ авторъ старается показать, какъ сочетаніе осязательныхъ представленій съ мускульными способствуетъ поясненію основныхъ понятій о внѣшнемъ мірѣ. При такомъ сочетаніи наше сознаніе дѣлается острѣе и отчетливѣе, вниманіе сильнѣе приковывается къ предмету и процессу изслѣдованія (стр. 164). Вообще же, все наше міровоззрѣніе, по взгляду автора, въ своихъ основныхъ чертахъ дается намъ дѣятельностью осязательно-мускульнаго аппарата и психическими комбинаціями результатовъ этой дѣятельности.

Далѣе, комбинаціей осязательно-мускульныхъ представленій съ представленіями другихъ органовъ сообщаются вещамъ внѣшняго міра краски, тоны, запахи, вкусы. Въ психологическомъ отношеніи, по взгляду автора, особенно важна прибавка къ осязательно-мускульнымъ представленіямъ зрительныхъ. Послѣднія имѣютъ преобладающее значеніе и занимаютъ первое мѣсто въ нашемъ умѣ, являясь замѣстителями другихъ представленій. Такъ, нерѣдко однимъ зрѣніемъ мы безошибочно опредѣляемъ величину предметовъ, ихъ форму, тѣлесность и разстояніе отъ насъ. Самый переводъ мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній на языкъ зрѣнія совершается посредствомъ мускульныхъ ощущеній, свойственныхъ глазу. Комбинація оптическихъ эффектовъ и двигательныхъ ощущеній, производимыхъ мускулами глазнаго яблока, при своей сравнительной простотѣ и легкости, равносильна по результатамъ комбинаціи осязательныхъ и двигательныхъ ощущеній и вполнѣ замѣняетъ послѣднюю, а затѣмъ и сама замѣняется простыми зрительными ощущеніями,—чѣмъ значительно упрощается и облегчается познавательный процессъ. Тѣ измѣренія пространства, которыя первоначально бываютъ возможны только при посредствѣ движеній глаза, съ теченіемъ времени становятся возможными и при покоющемся глазѣ, такъ какъ мускульныя напряженія глаза могутъ замѣняться свѣтовыми ощущеніями (стр. 174). Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ сочетанія ощущеній и представленій нельзя не видѣть, по мнѣнію автора, вліянія законовъ ассоціаціи.

Сопоставляя затѣмъ представленія съ ощущеніями, авторъ находитъ ихъ одинаковыми по сновному типу; содержаніе тѣхъ и другихъ, по его мнѣнію, одно и тоже; сила ощущенія отображается и въ представленіи, а степень ясности послѣдняго прямо обусловлена силою перваго. Но при всемъ сходствѣ по существу, они нѣсколько и различаются: представленіе есть дѣятельность синтетическаго характера, а ощущеніе—аналитическаго; затѣмъ, какъ болѣе сложное явленіе, представленіе слагается изъ многихъ ощущеній и наконецъ, оно отличается меньшею живостью и подробностью содержанія. Тѣмъ не менѣе, это не два явленія, а одно,—явленіе и его видоизмѣне-

ніе. Тожество ощущенія и представленія авторъ признаетъ важнѣйшимъ догматомъ психологіи представленій, безъ признанія котораго трудно сколько-нибудь удовлетворительно понять представленіе (стр. 182).

Изложенное ученіе о представленіяхъ заключаетъ въ себѣ ясный и точный фактическій анализъ изслѣдуемыхъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе, оно представляется нѣсколько одностороннимъ. Объясняя происхожденіе представленій и пространственныхъ образовъ изъ одного опыта, изъ чисто физіологическихъ процессовъ, авторъ игнорируетъ внутреннюю сторону процесса представленій, тотъ особый видъ душевной дѣятельности, посредствомъ которой ощущенія относятся къ одному опредѣленному предмету и такимъ образомъ соединяются въ одинъ цѣльный образъ. По ученію автора выходитъ, что ощущенія, относящіяся къ отдѣльнымъ качествамъ предмета, сами собою сливаются въ представленіе цѣлаго предмета, равно какъ отдѣльныя представленія комбинируются сами собою въ сложныя и конкретныя представленія; между тѣмъ авторъ вовсе не указываетъ, гдѣ и для чего образуются эти новые психическіе продукты. Притомъ, основная характеристическая черта представленій о пространствѣ, времени, фигурѣ, тѣлѣ и др., состоитъ въ томъ, что они получаются вовсе не путемъ естественнаго слiянія и сочетанія ощущеній, а дѣятельностью мысли, души, подъ вліяніемъ прямыхъ и непосредственныхъ впечатлѣній отъ внѣшнихъ предметовъ. Если бы въ душѣ не было апріорныхъ пространственныхъ элементовъ, то она никогда не была бы въ состояніи создать пространственныхъ воззрѣній, равно какъ и апріорные элементы никогда не стали бы выработанною пространственною схемою, если бы не было внѣшнихъ поводовъ къ ихъ развитію. Отсюда, пространственныя представленія, вмѣстѣ съ опредѣленнымъ содержаніемъ, возникаютъ и постепенно развиваются изъ природы души и по законамъ, присущимъ этой послѣдней,— являются результатомъ соотносящей, сравнивающей и объединяющей дѣятельности души, создаются чисто творческимъ образомъ изъ чувственныхъ ощущеній. Физіологическія же условія только возбуждаютъ въ душѣ чисто качественные, пространственные

образы, соотвѣтствующіе внѣшнимъ пространственнымъ отношеніямъ. Отсюда же съ ясностью вытекаетъ, что дѣятельность представленія не объяснима изъ одного ощущенія, существенно отличается отъ послѣдняго въ качественномъ отношеніи и по сравненію съ нимъ составляетъ совершенно новый психическій процессъ. Если бы представленія были „тожественны“ съ ощущеніями, или составляли только болѣе слабую форму ощущеній, на чемъ настаиваетъ авторъ (ср. стр. 182), тогда и сознаніе наше остановилось бы неподвижно на чувственныхъ перцепціяхъ, безъ всякой дальнѣйшей переработки ихъ въ понятія и идеи. Возможность послѣдней обусловливается тѣмъ, что въ дѣятельности представленія уже присутствуетъ своими задатками мышленіе и что она имѣетъ собственное основаніе въ развивающейся сознательности душевнаго агента. Наконецъ, по поводу теоріи слиянія и сочетанія ощущеній слѣдуетъ замѣтять, что такъ называемыя единичныя представленія являются для нашего сознанія цѣльными неразложимыми фактами, въ которыхъ трудно открыть составляющіе ихъ элементы.

Излагая дальнѣйшій процессъ образованія міровоззрѣнія, авторъ даетъ подробное и обстоятельное ученіе объ ассоціаціяхъ представленій, примыкая въ данномъ случаѣ къ воззрѣніямъ Бэна и Спенсера. Онъ признаетъ двѣ основныхъ формы ассоціацій—по сходству и по смежности—и одну сложную, представляющую собою сочетаніе и взаимодѣйствіе смежности и сходства. Ассоціаціямъ авторъ усвояетъ существенно важное значеніе въ сферѣ умственной жизни. „Смежность и сходство, говоритъ онъ,—два рычага, которыми приводится въ движеніе нашъ познавательный механизмъ, они—альфа и омега нашего мышленія“ (стр. 204). Изслѣдуя въ частностяхъ природу ассоціацій, авторъ утверждаетъ, что сцѣпленіе представленій по сходству совершается безсознательно, органически, а самое признаніе сходства между сходными представленіями объясняетъ возбужденіемъ однихъ и тѣхъ же нервныхъ элементовъ (стр. 191). Ассоціацію смежности онъ сводитъ къ одному виду послѣдовательности, или закону преемства, отрицая возможность сосуществованія одновременно сознаваемыхъ психическихъ состояній (стр. 193). Примѣрами сложныхъ ассо-

ціацій авторъ признаетъ ассоціаціи по контрасту, въ которыхъ, кромѣ сочетанія принциповъ преемства и сходства, можно различать и другіе элементы, какъ то: вліяніе чувства на мысль и стремленіе къ логическому развитію мысли. Причину замѣчаемаго въ контрастахъ движенія нашей мысли отъ одной крайней точки развитія предмета къ другой крайней—авторъ полагаетъ въ *сходствѣ* контрастовъ, какъ принадлежащихъ къ одному классу явленій, затѣмъ въ сходствѣ вызываемыхъ ими волненій и наконецъ, въ логическомъ требованіи нашего ума, побуждающемъ насъ обозрѣть всю лѣстницу развитія, представляемую даннымъ явленіемъ (стр. 195—196). Непрерывныя колебанія и измѣненія нашихъ ассоціацій авторъ объясняетъ тѣсною связью принциповъ сходства и преемства, въ силу которой ассоціаціи смежныя превращаются въ ассоціаціи сходныя и наоборотъ. Опредѣляя относительное достоинство ассоціацій, авторъ ставитъ сходство выше смежности. Смежность—законъ механическій и соединяетъ однородное съ разнороднымъ, истину съ ложью, важное съ ничтожнымъ, безъ всякаго разбора, если они слѣдовали непосредственно другъ за другомъ. Сходство—законъ интеллектуальный; помощью его мы возвышаемся надъ механическою связью фактовъ и соединяемъ представленія о предметахъ, раздѣленныхъ громаднымъ промежуткомъ времени, или обширнымъ пространствомъ, но въ чемъ-либо сходныхъ (стр. 204). Высшаго своего значенія, по взгляду автора, достигаютъ законы ассоціаціи, благодаря той особенности, что они могутъ не только соединять душевныя явленія, а и разъединять ихъ, и такимъ образомъ являются основою и началомъ анализа. Сущность аргументаціи автора по этому вопросу сводится къ слѣдующему: почти каждая ассоціація есть въ то же время дизассоціація: послѣдняя неразрывно связана съ первою и происходитъ или вслѣдствіе неравномѣрной силы между ассоціированными представленіями, или вслѣдствіе отсутствія одного изъ ассоціированныхъ предметовъ. Дизассоціируясь, элементы ассоціаціи выдѣляются, обособляются и являются уму самостоятельными, независимыми. Анализъ же и есть разрѣшеніе сложнаго на составляющіе его элементы и поставленіе элементовъ въ видѣ самостоятельныхъ

объектовъ мысли. Если же дизассоціація касается ассоціированныхъ свойствъ одной только вещи, то въ ней можно видѣть и начало абстракціи (стр. 232—234).

Далѣе, на почвѣ ассоціацій и средствами ассоціацій возникаютъ также процессы образованія идей, или разсудочные. Въ этихъ процессахъ сходство играетъ выдающуюся роль, а взаимное тяготѣніе сходныхъ психическихъ образованій составляетъ главнѣйшее, основное явленіе, на почвѣ котораго и развивается вся дальнѣйшая жизнь ума. Такъ подъ вліяніемъ сходства конкретныхъ представленій въ нашемъ сознаніи происходитъ отложеніе ихъ однородныхъ признаковъ, что и даетъ въ результатѣ общее представленіе, или идею на низшей ступени ея развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ обобщеніе разнороднаго, составляющее особое образованіе. Далѣе выдѣлившіяся въ общихъ представленіяхъ однородное и разнородное, образующія двѣ большія и неопредѣленныя группы, подъ давленіемъ различныхъ практичестихъ и теоретическихъ потребностей, располагаются въ болѣе частныя мелкія группы. Такимъ образомъ, процессъ обобщенія полагаетъ начало новому процессу классификаціи, или группировкѣ представленій по ихъ сходству. А такъ какъ классификація предполагаетъ нѣкоторое знаніе вещей, то съ нею связана новая умственная работа — познаніе свойствъ вещей и объясненіе имъ природы. Познавая вещи, мы изучаемъ ихъ качественную и количественную сторону, а отсюда и разсужденіе наше бываетъ качественное и количественное. Всякое же разсужденіе, насколько оно касается открытія законовъ природы, есть образованіе твердыхъ, правильныхъ и сознательныхъ ассоціацій по сложности и сходству. Кромѣ того, въ генетической связи съ обобщеніемъ и классификаціей стоитъ процессъ абстракціи, представляющій собою дальнѣйшее развитіе обоихъ предыдущихъ процессовъ. Абстракція въ тѣсномъ смыслѣ есть выдѣленіе одного свойства изъ цѣлой ассоціаціи и поставленіе его въ видѣ самостоятельнаго предмета мысли. Въ самомъ пониманіи абстрактовъ авторъ является концептуалистомъ, признавая ихъ реальными психическими явленіями и доказывая представимость не только индивидуальныхъ, но и обобщенныхъ абстрак-

товъ (стр. 239—258). Наконецъ, всѣ научные методическіе пріемы нашего мышленія, какъ то: синтезъ, анализъ, индукція, дедукція и аналогія, имѣютъ, по взгляду автора, своею основою ассоціацію сходства. Въ частности, во всѣхъ случаяхъ индуктивныхъ и дедуктивныхъ разсужденій и выводовъ основою ихъ служитъ утвержденіе сходства между двумя мыслями и соотвѣтствующими имъ явленіями, вслѣдствіе чего возникаетъ возможность перевести знанія съ одного явленія на другое, замѣстить одинъ предметъ мышленія другимъ сходнымъ (стр. 265). Заканчивая свое ученіе объ ассоціаціяхъ и разсудочныхъ процессахъ, авторъ приходитъ къ такому заключенію: между тѣми и другими существуетъ генетическое сродство; наше разсужденіе въ концѣ концовъ есть образованіе правильныхъ и твердыхъ ассоціацій средствами же ассоціацій. Но въ мышленіи общіе пути ассоціаціи спеціализуются и превращаются въ новые процессы; вся дѣятельность является болѣе сознательною и методическою; сочетанія представленій вслѣдствіе этого оказываются болѣе правильными и твердыми въ мыслительныхъ работахъ, чѣмъ въ простыхъ ассоціаціяхъ (стр. 266).

Нельзя не признать, что значеніе законовъ ассоціаціи слишкомъ преувеличено авторомъ. Не ограничивая ихъ дѣйствія случайными и механическими сцѣпленіями представленій по смежности и сходству, авторъ полагаетъ ихъ въ основу мышленія и выводитъ изъ нихъ всѣ главнѣйшіе разсудочные процессы. Но законы ассоціаціи отнюдь не исчерпываютъ всѣхъ видовъ умственной дѣятельности. Они схватываютъ только мертвую, пассивную, механическую сторону душевной жизни, играютъ второстепенную роль въ развитіи сознательности и вовсе не могутъ считаться принципами, объясняющими сложныя явленія умственной жизни. Теорія ассоціаціи достаточна лишь для объясненія нашихъ сновъ, грезъ, мимолетныхъ мыслей и самаго механизма теченія представленій, или матеріальной стороны нашего мышленія. Различныя же формы рефлективнаго мышленія и разсудочные процессы вовсе не могутъ быть признаваемы только дальнѣйшимъ развитіемъ, или спеціализаціей пассивнаго сцѣпленія представленій. Мышленіе тѣмъ и отличается отъ обыкновенныхъ ассоціацій, что въ немъ, на мѣсто

случайнаго механическаго сцѣпленія представленій, вводится внутренняя связь и соотношеніе между представленіями. Правда, мышленіе пользуется ассоціаціями, но само стоитъ выше ихъ и самодѣятельно переработываетъ ихъ элементы, создавая новыя психическія образованія. Притомъ, основной фактъ психической природы человѣка заключается въ томъ, что онъ прилагаетъ къ своимъ мыслямъ оцѣнку, считая одни мысли истинными, а другія ложными. Въ ассоціаціяхъ же не заключается этого критерія и никакія ассоціаціи не способны привести къ нему. Другой отличительный признакъ логическаго мышленія—самопроизвольность—прямо противорѣчитъ основнымъ свойствамъ ассоціацій. Въ виду этого нужно предположить въ самой психіи человѣка, съ одной стороны, врожденную идею истины, какъ источникъ логическихъ законовъ, а съ другой—качественно особую энергію, обусловливающую мышленіе, совокупнымъ дѣйствіемъ которыхъ преобразуются ассоціаціи въ сложныя разсудочныя формы.

Опредѣляя далѣе взаимоотношеніе идей и ощущеній и ихъ вліяніе другъ на друга, авторъ даетъ ученіе объ апперцепціи. Подъ этимъ именемъ разумѣется распознаваніе окружающаго по одному или нѣсколькимъ признакамъ. Въ данномъ случаѣ, по ученію автора, мы сливаемъ сейчасъ полученное ощущеніе съ соотвѣтствующею группою уже существующихъ у насъ образовъ (стр. 274). Примѣрами апперцепцій, кромѣ простыхъ и обыденныхъ процессовъ узнаванія, служатъ очень многія высшія и сложныя формы умственной дѣятельности, какъ-то: научные эксперименты, классификаціи, провѣрка научныхъ дедукцій, операціи научнаго метода вообще. Во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ отожествленіе даннаго предмета, или явленія, съ наиболѣе соотвѣтствующею группою представленій. Вступая во взаимоотношеніе въ апперцепціи, идеи и ощущенія дополняются и исправляются, благодаря чему совершенствуются результаты умственнаго труда. Примѣрами неправильныхъ апперцепцій авторъ признаетъ иллюзіи и галлюцинаціи. Не соглашаясь съ обычнымъ различеніемъ иллюзій и галлюцинацій, онъ признаетъ ихъ явленіями смежными, соприкасающимися, непосредственно переходящими одно въ дру-

гое, а различіе ихъ полагаетъ только въ степени развитія (стр. 288). Тѣ и другія, по взгляду автора, вызываются нервными возбужденіями, но въ то время какъ послѣднія непосредственно предшествуютъ иллюзіямъ и отличаются нѣкоторою опредѣленностью, въ галлюцинаціяхъ они болѣе общаго характера, существуютъ задолго ранѣе вызываемаго ими явленія и не предопредѣляютъ самой формы его. Воспріятіе возбужденія въ извѣстную форму галлюцинаціи зависитъ уже собственно отъ идей, существующихъ въ сознаніи въ данный моментъ; наоборотъ, форма иллюзіи въ значительной степени зависитъ отъ самаго ощущенія. Коренная же причина этихъ неправильныхъ апперцепцій заключается въ нарушеніи равновѣсія между идеями и ощущеніями—въ случаѣ слабаго притока послѣднихъ. Особенность въ воззрѣніяхъ автора на иллюзіи и галлюцинаціи заключается въ томъ, что онъ эти чисто патологическія явленія признаетъ вполнѣ естественными и нормальными (ср. стр. 283), въ зависимости отъ чего и причины указанныхъ явленій отыскиваетъ въ естественныхъ и обычныхъ условіяхъ психической жизни, а не въ различныхъ разстройствахъ ея.

Высшаго значенія достигаетъ апперцепція, создавая нашу увѣренность въ существованіи внѣшняго дѣйствительнаго міра. Эта увѣренность, по убѣжденію автора, держится на противопоставленіи идей и ощущеній и на сліяніи ихъ. Непрерывно и непосредственно сопоставляя въ апперцепціи идеи и ощущенія и живо чувствуя различія между ними, мы проникаемся убѣжденіемъ, что за постоянною возможностью ощущеній, какъ яркихъ и вынудительныхъ сравнительно съ идеями состояній, скрывается міръ постоянно существующихъ самостоятельныхъ предметовъ. Самое же различіе между идеями и ощущеніями безъ непосредственнаго соотношенія между ними, или что то же—безъ процесса апперцепціи, не чувствовалось бы нами съ такою живостью и ясностью. Съ другой стороны, если бы не существовало непосредственнаго *сліянія* идей и ощущеній, мы не могли бы прослѣдить исторію развитія идей, признали бы ихъ независимыми отъ ощущеній, а въ виду ихъ большой важности для мышленія, приписали бы имъ и идеаль-

ному міру вообще истинную реальность, истинное бытіе; внѣшній же міръ потерялъ бы для насъ свое настоящее реальное значеніе. Такимъ образомъ, вѣра во внѣшній міръ есть фактъ производный, но очень твердый—въ виду очень ранняго возникновенія въ насъ процесса апперцепціи и затѣмъ непрерывнаго вовражденія его (стр. 302—304).

Особенность изложеннаго ученія объ апперцепціи заключается въ томъ, что смыслъ термина „идея" нигдѣ строго не выдерживается авторомъ. Подъ идеею разумѣется здѣсь вообще „продуктъ дѣятельности центровъ" будетъ ли то представленіе, понятіе или идея въ собственномъ смыслѣ. Въ зависимости отъ этого, разъясняя сущность апперцепціи, авторъ говоритъ о сліяніи ощущеній то съ идеями, то съ готовыми умственными образами предметовъ, то съ различными „формами душевной жизни", развившимися изъ ощущеній, то съ однородными представленіями. Далѣе, самый процессъ апперцепціи есть въ сущности процессъ отожествленія воспринимаемыхъ и представляемыхъ предметовъ и вовсе не составляетъ завершенія въ развитіи умственной дѣятельности. Какъ начинающійся въ очень раннее время жизни человѣка, еще задолго до образованія идей, онъ можетъ происходить безъ всякаго ихъ посредства, при одномъ лишь сопоставленіи ощущеній съ элементарными представленіями, что признаетъ и самъ авторъ (стр. 304). Въ это же раннее время жизни человѣка создается и твердая, непоколебимая увѣренность въ существованіи внѣшняго міра, которую развивающаяся умственная дѣятельность и психологическій анализъ, современные, по автору, процессу апперцепціи, могли бы скорѣе поколебать, нежели укрѣпить, если бы истина бытія внѣшняго міра не являлась уму человѣка необходимою, неизбѣжною и потому очевидною безъ доказательствъ. Отсюда и процессъ апперцепціи, понятый въ смыслѣ автора, вовсе не имѣетъ того существеннаго значенія для нашей вѣры въ бытіе внѣшняго міра, какое усвояется ему авторомъ.

Анализируя явленія памяти, Каптеревъ, согласно съ англійскими психологами, обозрѣваетъ оба ея основные процесса: сохраненіе или удержаніе ею душевныхъ состояній и воспроизведеніе ихъ. Сущность ученія автора о памяти заключается въ

слѣдующемъ. Память въ своей сущности есть фактъ безсознательный, органическій, нераздѣльный съ живыми существами; она есть свойство мозговой субстанціи. Накопляясь въ теченіе столѣтій, она хранитъ результаты опыта предшествующихъ поколѣній и есть основа развитія животнаго міра и человѣка (стр. 324). На почвѣ этой органической, родовой и безсознательной памяти возникаетъ и развивается память сознательная, психическая, индивидуальная. Необходимымъ условіемъ развитія такой памяти служитъ продолжаемость возбужденія, испытаннаго нервными элементами, въ теченіе неопредѣленно долгаго времени. Съ измѣненіемъ энергіи сохраняемаго возбужденія, измѣняется, по степени живости, и соотвѣтствующій ему психическій образъ; съ усиліемъ же нервнаго возбужденія при посредствѣ новаго подобнаго, или при помощи сосѣднихъ, энергически возбужденныхъ нервныхъ элементовъ, потускнѣвшее представленіе проясняется (стр. 329). Такимъ образомъ, самая сущность явленій памяти физіологически обусловливается сохраненіемъ нервною системою полученнаго возбужденія; психологически же она обусловливается закономъ сходства: воспроизведеніе есть повтореніе бывшаго явленія, напоминаетъ свой оргиналъ, то есть, себя самого, и носитъ на себѣ помѣту своего вторичнаго появленія въ сознаніи (стр. 330).

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ.*)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Перваго января 1700 года Лейбницъ писалъ Мальбраншу: „споры прекратятся, какъ скоро будутъ давать точныя опредѣленія понятій“. Это утвержденіе, если освободить его отъ излишняго оптимизма, безъ сомнѣнія, содержитъ значительную долю истины и оправдываетъ обширность сочиненія, задача котораго состоитъ именно въ опредѣленіи философіи. Чтобы лучше понять характеръ и цѣль настоящаго труда, необходимо нѣсколько ознакомиться съ условіями его происхожденія.

Занятія философіей, которымъ я предавался въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ, привели меня къ результатамъ, изъ которыхъ нѣкоторые по крайней мѣрѣ отличаются отъ идей, наиболѣе распространенныхъ въ наше время. Изъ нихъ я укажу, въ сжатой формѣ тезисовъ, самые важные.

1. Идея философіи, какъ она проявляется въ исторіи, есть изученіе проблемы универсальной (общеміровой), въ противоположность частнымъ наукамъ, ограничивающимъ свои изысканія опредѣленнымъ классомъ фактовъ. Чтобы удовлетворить потребности единства, которое составляетъ одно изъ существенныхъ свойствъ разума, рѣшеніе міровой проблемы должно состоять въ опредѣленіи перваго принципа, исходя изъ котораго мысль могла-бы, въ предѣлахъ возможнаго, изъяснить всю совокупность данныхъ опыта.

*) Переводъ съ французскаго книги Эрнеста Навиля: La defenition de la philosophie par Ernest Naville, docteur en philosophie de l' université de Genève, вышедшей въ 1894 году.

2. Философія, при такомъ пониманіи, должна быть отличаема отъ наукъ, которыя, правда, законно могутъ быть называемы философскими, но которыя все же суть лишь науки частныя, хотя въ большинствѣ учебныхъ программъ ихъ и смѣшиваютъ съ философіею. Она должна принимать въ соображеніе результаты математики, физики, біологіи, исторіи точно такъ же, какъ и результаты психологіи, логики и морали.

3. Законное мѣсто философіи, предполагающей знакомство съ общими результатами всѣхъ частныхъ наукъ, въ концѣ учебныхъ занятій. Ее слѣдовало-бы, поэтому, включать въ составъ программъ выпускныхъ экзаменовъ всѣхъ факультетовъ.

4. Научный методъ слагается изъ трехъ умственныхъ операцій: наблюденія, т. е., установки фактовъ, подлежащихъ объясненію; отысканія объяснительнаго принципа; провѣрки состоятельности этого принципа, посредствомъ вывода изъ него слѣдствій и ихъ сравненія съ данными наблюденія. Онъ заимствуетъ у эмпиризма и раціонализма тѣ частицы истины, которыя въ нихъ содержатся, и освобождаетъ ихъ отъ заблужденій этихъ двухъ методовъ, которые ошибочны именно потому, что неполны.

5. Часто, въ процессѣ установки фактовъ, не придавали должнаго значенія свидѣтельству, между тѣмъ какъ оно не только служитъ дополненіемъ личныхъ наблюденій, но одно лишь и можетъ сообщить значеніе и цѣнность чувственнымъ воспріятіямъ и даже логическимъ функціямъ ума.

6. Во многихъ трактатахъ о методѣ не отмѣчена роль гипотезы или по крайней мѣрѣ ея важность,—не указано, что она есть существенный факторъ научнаго прогресса, такъ какъ всегда и необходимо является посредствующимъ звеномъ между установленіемъ фактовъ и попыткою ихъ разсудочнаго объясненія.

7. Методъ философіи тотъ-же, что методъ и всѣхъ другихъ наукъ. Противоположеніе частныхъ наукъ, которыя будто-бы имѣютъ въ своемъ основаніи опытъ, философіи, будто-бы строющей свои доктрины *a priori*;—это, часто указываемое, противоположеніе въ сущности есть большая ошибка. Притязаніе на апріорное построеніе науки есть слѣдствіе идеализма; но

идеализмъ система ложная. Методъ, къ которому онъ приводитъ, справедливо отвергается учеными. Однако, недовѣріе къ частному направленію философской мысли не можетъ быть законно распространяемо на самую философію.

8. Философія отличается отъ частныхъ наукъ тѣмъ, что ея предметъ имѣетъ характеръ общій; но это различіе еще не есть противоположность. Напротивъ, между частными науками и истинной философіей существуетъ полная гармонія. Общая наука можетъ быть серьезной не иначе, какъ при знакомствѣ съ результатами частныхъ наукъ, которыя служатъ матеріаломъ для ея наблюденій; частныя же науки получаютъ отъ философіи, не какую—либо часть своего опытнаго содержанія, но направляющіе принципы изысканій, имѣющихъ цѣлію раціональное объясненіе данныхъ опыта.

9. Часто высказываемая мысль, будто науки родились изъ разрыва со всякими философскими концепціями, опровергается исторіей. Въ частности, современная физика, наиболѣе разработанная изъ всѣхъ опытныхъ наукъ, родилась подъ прямымъ вліяніемъ очень опредѣленныхъ философскихъ концепцій.

10. Изъ примѣненія истиннаго метода вытекаетъ, что въ составъ философіи, въ полномъ объемѣ, входятъ три части: *анализъ*, цѣль котораго, собравъ общія данныя частныхъ наукъ. различить въ той части міра, которая доступна нашимъ возможнымъ наблюденіямъ, элементы, представляющіе дѣйствительныя различія; *гипотеза*, или выборъ одного какого—либо рѣшенія универсальной проблемы,—выборъ, предполагающій краткій обзоръ исторіи философіи съ цѣлію познакомиться съ различными предложенными рѣшеніями ея, равно какъ и съ ихъ слѣдствіями; *синтезъ*, т. е., разсудочный выводъ слѣдствій изъ принятыхъ рѣшеній и сравненіе этихъ слѣдствій съ данными, добытыми путемъ анализа.

11. Философскій анализъ, установивъ субъективные элементы познанія, т. е., законы разсудка и идеи разума, находитъ въ предметахъ, къ объясненію которыхъ направляется, три различныхъ элемента: матерію, жизнь, духъ. Всякій монизмъ, который хочетъ свести къ единству предметы нашего прямаго и

непосредственнаго знанія, есть концепція, противорѣчащая даннымъ опыта.

12. Идея матеріи въ сущности сводится къ идеѣ сопротивленія въ пространствѣ. Всѣ другія ея свойства суть отношенія между движеніями тѣлъ и существами, способными ихъ воспринимать и чувствовать. Наука о матеріи, взятой внѣ и помимо ея отношенія къ духу, сводится къ законамъ механики, которая предполагаетъ инертность своего объекта.

13. Специфическою чертою жизни, взятой обособленно отъ всякаго психическаго элемента,—въ томъ состояніи изолированности, въ какомъ она является въ растительномъ царствѣ,—служитъ своеобразная координація движеній матеріи. Такъ какъ явленія жизни, именно какъ жизни, состоятъ въ движеніи, то съ теоретической точки зрѣнія они не суть нѣчто несводимое къ законамъ универсальной механики; но, при настоящемъ состояніи нашихъ познаній, ихъ нельзя объяснить иначе, какъ чрезъ допущеніе въ живыхъ существахъ спеціальныхъ силъ, которыя мы должны разсматривать, какъ безсознательныя.

14. Психическія явленія, въ которыхъ обнаруживается духъ, безусловно несводимы къ законамъ механики, ни по способу познанія, такъ какъ они не могутъ быть предметомъ чувственнаго воспріятія; ни вслѣдствіе присутствія въ нихъ элемента свободы, который отличаетъ ихъ отъ чисто матеріальнаго міра, гдѣ царствуетъ законъ инерціи.

15. Философское изысканіе, направляющееся къ опредѣленію перваго принципа, который именно и есть его предметъ, можетъ приводить или къ отрицанію, или къ сомнѣнію, или къ утвержденію. И въ отрицаніи, и въ сомнѣніи выражается духъ философіи; но имя *системы* должно сохранить лишь за утвердительными рѣшеніями міровой проблемы.

16. Есть только три системы, которыя, вступая въ борьбу между собою и смѣшиваясь другъ съ другомъ, составляютъ всю историческую ткань спекулятивной мысли: матеріализмъ, идеализмъ и спиритуализмъ. Эти три системы примыкаютъ къ одному изъ трехъ элементовъ міра, различаемыхъ анализомъ: матеріи, жизни или духу.

17. Доктрина эволюціи, имѣющая свое законное мѣсто въ частныхъ наукахъ и особенно—въ исторіи природы и человѣчества, не есть отдѣльная философская система. Когда выставляютъ эту доктрину, какъ рѣшеніе міровой проблемы, она получаетъ характеръ матеріализма или идеализма, а часто представляетъ просто пеструю смѣсь этихъ двухъ системъ.

18. Матеріализмъ ищетъ объясненія всего въ чувственныхъ воспріятіяхъ и законахъ механики. Чтобы показать его недостаточность, довольно указать на то, что наука о матеріи предполагаетъ присутствіе духа. Матеріалистъ есть человѣкъ, забывающій о себѣ самомъ: онъ забываетъ, что взоръ ума абсолютно различенъ отъ тѣхъ предметовъ, на которые онъ обращенъ.

19. Идеализмъ понимаетъ вселенную, какъ необходимое развитіе безсознательнаго принципа, аналогичнаго принципу простой жизни. Очень важно не смѣшивать его, какъ это часто дѣлаютъ, со спиритуализмомъ. Эти двѣ системы связываетъ ихъ общая борьба противъ матеріализма; но ихъ пониманіе природы міроваго принципа, равно какъ и природы явленій нравственнаго порядка, представляетъ рѣшительную противоположность.

20. Спиритуализмъ истолковываетъ міровой принципъ, какъ свободный актъ высочайшаго духа, или воли. Признавая абсолютную и творческую причину, онъ устанавливаетъ монизмъ въ такой формѣ, въ какой онъ только и можетъ быть примиренъ съ различіемъ элементовъ міра, открываемыхъ путемъ философскаго анализа. Онъ только одинъ разрѣшаетъ проблему сосуществованія единаго и многаго, конечнаго и безконечнаго.

21. Въ настоящее время идетъ великая борьба между безусловнымъ детерминизмомъ всѣхъ явленій, который есть черта, общая для матеріализма и идеализма, и философіей свободы, которая есть специфическій признакъ спиритуализма. Однако, лишь эта послѣдняя доктрина,—и она одна только,—можетъ, возводя свободу въ міровой принципъ, дать мѣсто и человѣческой свободѣ, которая есть постулатъ нравственнаго порядка.

22. Подобно тому, какъ научный методъ заимствуетъ элементы истины изъ эмпиризма и раціонализма и освобождаетъ ихъ отъ ошибокъ, свойственныхъ обоимъ этимъ недостаточнымъ

методамъ,—такъ точно и спиритуализмъ беретъ у матеріализма и идеализма, что есть въ нихъ истиннаго, и освобождаетъ находимыя частицы истины отъ заблужденій этихъ двухъ системъ, которыя, не признавая фактовъ первостепенной важности, становятся ложными вслѣдствіе своей исключительности. Спиритуализмъ соединяетъ разрозненные члены истины,—и при томъ не путемъ безпринципнаго эклектизма, но посредствомъ синтеза, постоянно имѣющаго въ виду истину.

23. Противоположность между наукой и религіей, о которой такъ часто говорятъ, исчезаетъ при правильномъ пониманіи роли гипотезы въ развитіи науки. Тѣ изъ доктринъ, содержащихся въ религіозномъ преданіи, которыя даютъ отвѣтъ на великіе запросы человѣческаго духа, съ полнымъ правомъ входятъ въ составъ науки въ качествѣ гипотезъ, подлежащихъ изслѣдованію. Если результатъ изслѣдованія оказывается благопріятнымъ, то констатируютъ согласіе между наукою и религіей. Если-же результатъ неблагопріятенъ, то говорятъ объ ихъ противоположности. Однако въ этомъ послѣднемъ случаѣ разумѣется отнюдь не философія вообще, но лишь то направленіе философіи, которое противоположно религіознымъ вѣрованіямъ.

24. Исторія философіи открываетъ передъ нами ходъ мысли, который, не смотря на колебанія и попятныя движенія, въ общемъ направляется къ спиритуализму, т. е., къ той системѣ, которая есть истинная философія, примиряющая въ себѣ великія преданія христіанскаго міра со свободными изысканіями мысли.

Таковы, въ сжатомъ изложеніи, главные результаты моихъ научныхъ занятій. Кто знакомъ съ исторіею человѣческой мысли и состояніемъ современныхъ споровъ, тотъ пойметъ, насколько положенія, формулированныя въ предыдущихъ тезисахъ, отклоняются отъ наиболѣе распространенныхъ мнѣній. Большая часть этихъ положеній находится въ сочиненіяхъ, уже опубликованныхъ мною, равно какъ и на страницахъ, которыя слѣдуютъ за этимъ предисловіемъ; но чтобы они пріобрѣли все то значеніе, какое могутъ имѣть, ихъ необходимо было-бы из-

ложить всѣ вмѣстѣ въ одномъ сочиненіи, которое поставилобы ихъ въ соотношеніе, дополнило и показало ихъ связь съ предлагаемымъ опредѣленіемъ понятія философіи.

Одинъ разъ я уже имѣлъ случай выполнить подобную работу, но въ очень элементарной формѣ. Въ 1870 году, по требованію женевскаго правительства, я посвятилъ десять публичныхъ лекцій изложенію ученія о природѣ и методѣ философіи; о различныхъ философскихъ системахъ и объ ихъ отношеніи къ наукамъ, къ развитію общества и религіи. Эти лекціи, записанныя послѣ устнаго изложенія, были затѣмъ часто исправляемы и входили въ составъ журнальныхъ статей, такъ что онѣ могли-бы быть выпущены въ свѣтъ. Но это курсъ, предназначенный для большой публики, который поэтому излагаетъ вопросы не съ такою полнотою и обстоятельностію, которая могла-бы удовлетворять требованіямъ строго-научнаго изложенія. Вотъ почему я возымѣлъ намѣреніе составить изложеніе подобнаго характера. Мнѣ хотѣлось-бы опубликовать полный курсъ философіи, осуществляющій идею, которую я составилъ себѣ объ этой „царицѣ наукъ". Книга, которую читатель имѣетъ передъ глазами, есть лишь введеніе къ этому большому труду. Это, если употребить сравненіе, есть лишь фасадъ и входъ въ умственное зданіе. Для построенія этого зданія я собралъ много матеріала; но, при своемъ возрастѣ и вслѣдствіе упадка силъ, вѣроятно, я не буду въ состояніи воспользоваться собраннымъ матеріаломъ для выполненія труда, планъ котораго составилъ. Окончивъ къ нему введеніе, я рѣшаюсь его опубликовать въ надеждѣ, что, если я самъ не успѣю сдѣлать большаго, то по крайней мѣрѣ эти страницы дадутъ моимъ читателямъ опредѣленное понятіе о философіи, какъ я ее понимаю и, быть можетъ, пробудятъ въ душѣ какого-нибудь труженика, помоложе меня, который будетъ раздѣлять мои взгляды, желаніе осуществить составленный мною планъ.

Порядокъ изложенія, принятый въ этой книгѣ, тотъ-же, что и въ моемъ сочиненіи о *свободѣ воли*. Развитію каждаго пункта доктрины предшествуетъ краткое резюме его содержанія; а цифры, заключенныя въ скобкахъ, указываютъ на тѣ артикли

(параграфы) этого-же сочиненія, съ которыми нужно справляться для пониманія положеній, при которыхъ цифры поставлены.

Женева, 15 января 1894 года.

Эрнестъ Навилъ.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Опредѣленіе философіи, какъ науки, требуетъ опредѣленія понятія науки вообще и специфическихъ признаковъ философіи.

Слово философія имѣетъ два значенія,—не противоположныя одно другому и не стоящія внѣ связи другъ съ другомъ (92), но различныя: практическое и теоретическое. Слово философія, въ практическомъ смыслѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ его этимологіи (любовь къ мудрости), указываетъ на образъ жизни и расположеніе души. Это, по опредѣленію Словаря французской академіи,—„твердая и возвышенная настроенность, благодаря которой человѣкъ становится выше случайностей жизни". Въ смыслѣ теоретическомъ философія есть наука.

Чтобы дать опредѣленіе философіи, нужно указать ея ближайшій родовой признакъ, т. е., существо науки вообще; потомъ—ея видовую разность, т. е., признаки, которые отличаютъ ее отъ другихъ изслѣдованій человѣческаго духа.

У всѣхъ наукъ есть одинъ общій элементъ,—мысль, которая ихъ создаетъ. Декартъ писалъ: „всѣ науки, взятыя въ совокупности, суть не что иное, какъ человѣческій умъ, который остается всегда однимъ и тѣмъ-же, какъ бы ни были разнообразны предметы, на которые онъ направляется, и который не претерпѣваетъ отъ нихъ никакихъ измѣненій подобно тому, какъ солнечный свѣтъ не измѣняется отъ разнообразія освѣщаемыхъ имъ предметовъ" [1]). Если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то можно прійти къ мысли, что науки, въ ихъ единствѣ, суть не что иное, какъ духъ человѣческій, сознающій самого себя. Такимъ именно образомъ, путемъ довольно естественной дедукціи, изъ картезіанства вышла теорія Гегеля, который смотритъ на міръ, только какъ на развитіе

---

[1]) Règles pour la direction de l'esprit. Règle premiere.

логической системы; но эта дедукція незаконна, если разсматривать творенія Декарта въ его цѣломъ. Правда, науки сводятся къ единству, если разсматривать ихъ лишь со стороны общаго имъ всѣмъ субъекта; но изъ различія предметовъ, на которые мысль направляется, вытекаетъ разнообразіе наукъ. Свѣтъ солнца одинъ, но онъ разнообразится въ своихъ проявленіяхъ, смотря по предметамъ, которые его отражаютъ. Подобнымъ-же образомъ и мысль человѣческая всегда одна и та же въ своихъ составныхъ элементахъ, но ея проявленія разнообразны, смотря по предметамъ, на которые она обращена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАУКА.

2. Наука есть состояніе мысли, обладающей истиною.

Знаніе есть актъ мыслящаго субъекта; дѣйствительное знаніе, выраженіемъ котораго служитъ истинная наука, есть обладаніе истиною. Радость есть состояніе сердца, добродѣтель состояніе воли, наука состояніе мысли. Эти разнообразныя проявленія духа никогда не бываютъ всецѣло отдѣлены другъ отъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, наука предполагаетъ желаніе научиться, а желаніе есть функція сердца, въ широкомъ смыслѣ этого послѣдняго термина,—сердца, какъ органа всѣхъ желаній, всѣхъ радостей и страданій. Наука предполагаетъ также трудъ, а онъ есть усиліе воли. Но предметъ желанія и цѣль стремленія суть состояніе мысли, тогда какъ въ жизни практической, наоборотъ, сама мысль можетъ служить желанію, показывая путь для его осуществленія, равно какъ и волѣ, опредѣляя истинное достоинство ея мотивовъ и рѣшеній.

3. Условіемъ научнаго изысканія служитъ духъ изслѣдованія или философское сомнѣніе.

Трудъ въ собственномъ смыслѣ научный, т. е., занятіе обдуманное и намѣренное, имѣетъ точку отправленія не въ абсолютномъ невѣдѣніи, которое никогда не бываетъ состояніемъ

ума, начинающаго размышлять, но въ совокупности мыслей, образующихъ такъ называемое мнѣніе. Простое мнѣніе отличается отъ научной идеи, истинной-ли то, или ложной, тѣмъ, что оно есть утвержденіе, которое не подвергалось раціональному изслѣдованію. Есть мнѣнія, представляющія простой результатъ обманчивой видимости. Напримѣръ, естественно думать будто солнце движется вокругъ земли, будто движущіеся предметы останавливаются потому, что имѣютъ стремленіе къ покою. Къ этимъ мнѣніямъ, имѣющимъ основаніе въ видимости предметовъ, присоединяются традиціонныя идеи, которыя каждый получаетъ отъ той среды, въ которой живетъ. Эти традиціонныя идеи иногда суть плодъ народнаго воображенія, какъ напримѣръ историческія легенды. Иногда-же это—научные предразсудки, возникающіе въ школахъ. „Боязнь пустоты" долгое время фигурировала при объясненіи физическихъ явленій; и вообще для большинства умовъ совокупность положеній, которыя составляютъ науку ихъ времени, есть такой авторитетъ, который нельзя даже подвергать обсужденію. *Современная* наука становится идоломъ, предъ которымъ преклоняются, не изслѣдуя его правъ. Для прогресса мысли необходимо, чтобы мнѣніе постоянно подвергалось изслѣдованію, нужно, чтобы видимость предметовъ была истолкована разумомъ; чтобы констатированіе фактовъ было подчинено осмысленной критикѣ и чтобы, наконецъ, принятыя теоріи были оставляемы всякій разъ, какъ окажется, что онѣ не даютъ достаточнаго объясненія данныхъ опыта. Сомнѣніе, господствующее надъ мнѣніемъ, есть существенный факторъ прогресса; безъ него мысль человѣческая сдѣлалась бы неподвижною, и науки не было-бы. Это расположеніе духа можетъ имѣть два слѣдствія, не только различныя, но и прямо противоположныя другъ другу: скептицизмъ и духъ изслѣдованія [1]). Скептицизмъ есть утвержденіе, что умъ человѣческій не можетъ достигнуть истины (68 и 69). Духъ изслѣдованія или сомнѣніе философское,—наиболѣе извѣстнымъ представителемъ котораго въ древности былъ Сократъ,

[1]) Въ философской литературѣ, какъ извѣстно, существуетъ для обозначенія этихъ двухъ состояній сомнѣвающагося ума болѣе опредѣленные термины: скептицизмъ *абсолютный* и *методическій*. Ред.

а въ новѣйшее время Декартъ,—предполагаетъ существованіе истины и увѣренность, что умъ человѣческій въ извѣстной мѣрѣ можетъ ея достигнуть. Скептикъ, убѣжденный, что истина не можетъ быть открыта, не имѣетъ никакого побужденія, изслѣдовать положенія, изъ которыхъ ни одно не можетъ имѣть для него значенія; его занятія и изысканія есть непослѣдовательность, и эта непослѣдовательность лучше всего опровергаетъ его доктрину.

Природа философскаго сомнѣнія была опредѣлена Декартомъ въ слѣдующихъ строкахъ, написанныхъ въ опроверженіе возраженій одного изъ его противниковъ, котораго онъ упрекалъ въ непониманіи своей мысли. „Если, напр., у Васъ есть корзина съ яблоками, и Вы опасаетесь, какъ-бы нѣкоторыя изъ нихъ, загнивъ, не испортили остальныхъ яблоковъ, то что, въ виду этого опасенія, станете Вы дѣлать? Не ясно-ли, что Вы высыпите изъ корзины всѣ яблоки и, осмотрѣвъ ихъ одно за другимъ, отбросите гнилыя, а тѣ, которыя окажутся цѣлыми, снова положите въ корзину? Точно также и тѣ, которые никогда, какъ слѣдуетъ, не занимались философіею, имѣютъ въ своемъ умѣ различныя мнѣнія, которыя начали тамъ скопляться съ самаго ранняго возраста. Основательно опасаясь, что въ большинствѣ эти мнѣнія неистинны, такіе люди стараются отдѣлить ихъ одни отъ другихъ, чтобы смѣшеніе не сдѣлало всѣ ихъ одинаково недостовѣрными. И чтобы не ошибиться, они не находятъ ничего лучшаго, какъ отвергнуть ихъ всѣ сразу, какъ если-бы всѣ они были недостовѣрны, а потомъ, изслѣдуя по порядку одно за другимъ, оставить только тѣ изъ нихъ, которыя окажутся истинными и несомнѣнными“ [1]).

Тотъ, кто убѣжденъ, что всѣ яблоки въ корзинѣ гнилы, конечно, не приметъ на себя труда осматривать ихъ, что-бы отдѣлить хорошія: таково-же было-бы и положеніе настоящаго скептика. Изслѣдованіе мыслей, чтобы отдѣлить ложныя отъ истинныхъ (а это и есть цѣль философскаго сомнѣнія), очевидно, предполагаетъ вѣру въ существованіе истины.

---

[1]) *Méditations metaphysiques.* Septiéme objection.—Remarques de Dekartes.

Упорная приверженность къ сомнѣніямъ, безъ ихъ изслѣдованія, есть легковѣріе, которое зависитъ отчасти отъ пассивнаго характера мысли, отчасти отъ гордости. Отъ пассивности мысли происходитъ лѣность, которая останавливаетъ занятіе; гордость-же не допускаетъ сомнѣнія въ истинности мнѣній, которыя разъ приняты. Эта послѣдняя болѣзнь довольно часто встрѣчается среди философовъ, а, подъ вліяніемъ корпоративнаго духа, иногда проявляется и въ ученыхъ обществахъ.

4. Научныя изысканія суть отчасти результатъ особеннаго расположенія духа человѣческаго.

Что побуждаетъ человѣка искать знанія? Что здѣсь отчасти дѣйствуетъ польза, это очевидно. Для чего молодые люди занимаются въ коллегіяхъ и университетахъ? Чаще всего для того, чтобы получить какую—нибудь должность, которая-бы обезпечивала имъ кусокъ насущнаго хлѣба. Говорятъ, что геометрія появилась у египтянъ вслѣдствіе необходимости отыскивать границы владѣній послѣ разлива Нила; что халдейскіе кочевники стали заниматься астрономіей, чтобы знать, куда вести свои стада, и что торговые народы разработали ариѳметику потому, что она была необходима для веденія ихъ торговыхъ счетовъ. Несомнѣнно, что отчасти науки обязаны своимъ происхожденіемъ интересу. Человѣкъ желаетъ знать для того, чтобы дѣйствовать, въ виду-ли то временныхъ нуждъ, или по мотивамъ болѣе возвышеннымъ, въ виду духовныхъ интересовъ; но это, однако, не все. „Люди отъ природы имѣютъ стремленіе къ знанію“. Это изреченіе Аристотеля, которымъ начинается его Метафизика, есть выраженіе безспорнаго психическаго факта. Знаніе не есть послѣдняя цѣль человѣка (92); но желаніе знанія и удовольствіе, доставляемое удовлетвореніемъ этого желанія, суть первичные элементы человѣческой природы. Любовь къ наукѣ можетъ быть уничтожена другими склонностями. Есть много людей, которые предпочитаютъ чувственныя удовольствія всякому знанію; но когда естественныя стремленія ума подавляются чувственными страстями, мы говоримъ о такомъ человѣкѣ, что онъ погрузился въ животное

состояніе. Этотъ терминъ имѣетъ глубокое значеніе. Вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, животныя не испытываютъ никакого стремленія интеллектуальнаго порядка; поэтому-то именно у нихъ и нѣтъ ни науки, ни цивилизаціи, которая безъ науки невозможна.

Если бы не было людей, одушевленныхъ чистымъ желаніемъ истины, предающихся занятіямъ безкорыстно, то даже матеріальные человѣческіе интересы сильно пострадали-бы. Формулы высшей математики суть драгоцѣнное пособіе для инженерныхъ работъ; но, говоря вообще, не мысль о возможныхъ примѣненіяхъ вызвала труды геніальныхъ людей, открывшихъ эти формулы, а чистая любовь къ наукѣ. Если бы физики откладывали изученіе электричества до тѣхъ поръ, пока они убѣдятся въ его практической пригодности, то мы не имѣли бы ни телеграфа, ни телефона, ни электрическаго освѣщенія. Ученые, которые работаютъ просто изъ желанія знать и не ставятъ интересъ своею непосредственною цѣлью, именно по этому самому приносятъ весьма большую пользу ближнимъ. Разсказываютъ, что, отправляя на эшафотъ Лавуазье, одинъ изъ людей, стоявшихъ тогда у власти, сказалъ: „Франція не нуждается въ химикахъ". Подобное слово могло быть произнесено, очевидно, потому, что управленіе Франціей въ то время попало въ руки людей поистинѣ „звѣроподобныхъ и жестокихъ", какъ выразился астрономъ Лаландъ, говоря о смерти Лавуазье. Наиболѣе изумительные успѣхи научной индустріи нашихъ дней яснѣе, чѣмъ что-либо другое, обнаруживаютъ практическое значеніе научно-теоретическихъ изысканій; тогда какъ ихъ слишкомъ утилитарная тенденція, наоборотъ, можетъ угрожать тѣмъ самымъ интересамъ, которымъ хотятъ служить. Останавливать безкорыстныя занятія это значило-бы изсушать одинъ изъ главныхъ источниковъ прогресса цивилизаціи.

Итакъ, наука отчасти есть результатъ природнаго расположенія человѣческаго духа. Ея предметъ—истина; а это заставляетъ поставить здѣсь вопросъ римскаго прокуратора Понтія Пилата: что есть истина?

5. Истина есть извѣстное качество сужденій.

Только сужденія могутъ быть истинными или ложными. Отдѣльныя слова выражаютъ лишь образы чувственныхъ воспріятій, или представленія,—если слова относятся къ области отвлеченныхъ понятій. Если я говорю: солнце, душа, домъ, линія, треугольникъ, причина, добродѣтель, ничего при этомъ не утверждая, то здѣсь нѣтъ мѣста для категорій истиннаго и ложнаго. Сужденіе приписываетъ извѣстный предикатъ извѣстному субъекту и это утвержденіе бываетъ истиннымъ или ложнымъ, смотря по тому, согласно оно съ дѣйствительными отношеніями вещей, или нѣтъ. „Океанъ не имѣетъ предѣловъ": это есть сужденіе ложное, потому что земной шаръ намъ извѣстенъ, равно какъ извѣстно и то, что океанъ повсюду ограниченъ своими берегами. „Звукъ есть результатъ колебаній атмосферы": это сужденіе истинное, потому что приведенное утвержденіе относительно причины явленія оправдывается опытомъ. „Бонапартъ былъ человѣкъ скромный": это сужденіе ложное, что вполнѣ доказывается чтеніемъ дневника, написаннаго имъ на островѣ св. Елены. „Вашингтонъ былъ человѣкъ безкорыстный": это сужденіе, истинность котораго удостовѣряется біографіей этого славнаго генерала.

Итакъ, истина есть качество сужденій. Если принимать этотъ терминъ въ объективномъ смыслѣ, т. е., если называть истиною объектъ сужденій, тогда онъ будетъ синонимомъ реальности (9). Сохраняя-же субъективный смыслъ термина, мы можемъ сказать, что обладать истиною значитъ имѣть истинныя сужденія; а это приводитъ насъ къ вопросу о признакахъ, по которымъ можно узнать такія сужденія.

6. Признакомъ истинныхъ сужденій служитъ объективность, имѣющая для индивидуальной мысли характеръ принудительности.

Мы можемъ познавать не иначе, какъ посредствомъ своей личной мысли, которая есть субъектъ всякаго познанія; но наша мысль бываетъ то свободна, то связана. Я слышу шумъ. Предполагая, что онъ происходитъ отъ дождя, формулирую

сужденіе: „идетъ дождь". Это утвержденіе есть результатъ свободной игры моей личной мысли. Я выхожу изъ комнаты, гдѣ составилъ свое предположеніе, и нахожу, что дождя вовсе нѣтъ и что причина шума—вѣтеръ, который приводитъ въ движеніе листья на деревьяхъ. На мѣсто ложнаго утвержденія, которое было результатомъ свободнаго предположенія, я ставлю теперь результатъ принудительнаго воспріятія. При размышленіи о вопросахъ элементарной геометріи, мнѣ приходитъ на умъ, что если даны двѣ линіи, изъ которыхъ одна вдвое больше другой, то квадратъ, построенный на первой, будетъ вдвое больше квадрата, построеннаго на второй. Это ложное утвержденіе, результатъ свободной и невнимательной личной мысли, тотчасъ-же разрушится, какъ только я взгляду на рисунокъ, который покажетъ, что квадратъ, построенный на какой-нибудь линіи, въ четыре раза больше квадрата, построеннаго на половинѣ этой линіи. Существуютъ, слѣдовательно, въ противоположность свободнымъ сужденіямъ моей личной мысли, имѣющимъ чисто субъективный характеръ, другія сужденія, которыя дѣйствуютъ на меня принудительнымъ образомъ и поправляютъ меня, когда я ошибаюсь. Знаменитый русскій хирургъ Пироговъ, который, подъ конецъ своей жизни, былъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ зналъ молодыхъ людей, которые не могли выносить мысли о подчиненіи своихъ сужденій какому-нибудь ограниченію и говорили: „я приму математическую аксіому, если захочу; а если нѣтъ, то не приму. Пироговъ основательно замѣчаетъ, что такая необузданная „свобода" мысли связана съ рискомъ попасть въ домъ умалишенныхъ [1]).

То, что имѣетъ для насъ принудительный характеръ, мы называемъ очевидностью. Сужденіе очевидно, если въ немъ нельзя серьезно сомнѣваться, и въ то-же время нельзя доказать его, потому что оно имѣетъ характеръ первичный. Очевидность бываетъ чувственная, когда она возникаетъ изъ чувственныхъ воспріятій, и—раціональная, когда она выражаетъ необходи-

[1]) D. Stolipine. *Essais de philosophie de sciences*, Genève 1888, pag. 23.

мыя понятія и законы мысли. Посредствомъ доказательства съ первичными сужденіями связываются другія. Если доказательство хорошо, оно сообщаетъ выводамъ значеніе, одинаковое съ значеніемъ принциповъ.

Касается-ли дѣло опыта, или разума,—всякое сужденіе, имѣющее характеръ принудительности, истинно. Въ противномъ случаѣ не было-бы истины, потому что, помимо реальной очевидности и достаточнаго доказательства, мысль не можетъ найти никакой точки опоры. Должно только избѣгать смѣшенія сужденій первичныхъ, или достаточно доказанныхъ съ мнѣніями, которыя представляютъ лишь кажущійся характеръ очевидности, а въ сущности суть не что иное, какъ прочно укоренившіеся предразсудки, совершенно напрасно усвояемые разуму. Единственная трудность, на которую можно указать въ данномъ случаѣ, это—галлюцинаціи и сумасшествіе, когда не истина, но заблужденіе является для индивидуальной мысли съ характеромъ принудительности. Но къ этимъ случаямъ мы возвратимся ниже (49).

7. Истинныя сужденія выражаютъ истины разума, которыя имѣютъ характеръ необходимости, или истины фактическія, имѣющія характеръ случайности.

Здѣсь рѣчь идетъ не объ абсолютной необходимости въ метафизическомъ смыслѣ, но о необходимости для нашей мысли,—необходимости, которая проистекаетъ отъ принудительности, о которой мы только что говорили. Легко замѣтить, что всѣ фактическія утвержденія, касающіяся природы или человѣчества, имѣютъ случайный характеръ, т. е., что утверждая о вещахъ, что онѣ таковы, мы въ то-же время допускаемъ, что онѣ могли быть и иными. Я понимаю, что матеріальныя явленія могли-бы быть подчинены другимъ законамъ, чѣмъ тѣ, которые ими управляютъ; я понимаю, что человѣчество могло-бы имѣть судьбы, отличныя отъ тѣхъ, которыя намъ открываются въ его исторіи.

Настоящій вопросъ состоитъ не въ томъ, могли-ли бы вещи быть иными въ смыслѣ абсолютномъ, и не есть ли идея слу-

чайности простая иллюзія. Нѣтъ, вопросъ въ слѣдующемъ: констатируя факты, допускаемъ-ли мы въ мысляхъ, будто то, что есть, могло бы быть и иначе? Безъ сомнѣнія, и этого отрицать нельзя. Но если я скажу: „двѣ прямыя линіи не могутъ ограничивать пространства“ или: „отношеніе предполагаетъ предметы, между которыми это отношеніе существуетъ“; то я утверждаю не только то, что это такъ, но и то, что для меня невозможно допустить, будто можетъ быть иначе. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы высказываемъ сужденія, которыя имѣютъ универсальное значеніе, т. е., признаются и будутъ признаваться вездѣ и всегда, потому-что являются съ характеромъ необходимости. Итакъ, истины разума весьма ясно и опредѣленно отличаются отъ истинъ фактическихъ. Случайныя истины суть продуктъ опыта, истины-же разума суть выраженіе законовъ и понятій, которые духъ носитъ въ самомъ себѣ. Это различіе можно иллюстрировать однимъ біографическимъ фактомъ, который поможетъ запечатлѣть его въ памяти. Молодой Паскаль, уединившись въ своей комнатѣ, открылъ довольно много геометрическихъ теоремъ. Все, что онъ могъ-бы открыть такимъ образомъ простымъ актомъ размышленія, принадлежитъ къ разряду истинъ необходимыхъ; все-же, чего нельзя было открыть этимъ путемъ, относится къ разряду истинъ случайныхъ. Теперь, предположивъ въ Паскалѣ геній еще большій, чѣмъ какой у него былъ, и неопредѣленное время для его изысканій, мы можемъ признать, что онъ открылъ-бы всю чистую математику и всю метафизику въ собственномъ смыслѣ этого слова; но въ области физики, химіи, исторіи, географіи и вообще тамъ, гдѣ нужны положительныя данныя, онъ, безъ сомнѣнія, не могъ-бы установить путемъ однихъ размышленій ничего прочнаго. Правда, въ школѣ Гегеля хотѣли построить исторію природы и человѣчества посредствомъ одной чистой мысли; но результаты этихъ попытокъ обнаружили совершенную безплодность (16 и 44).

Сужденія разума называются *апріорными* (*a priori*), т. е., предваряющими опытъ, а фактическія—*апостеріорными* (*a posteriori*), т. е., слѣдующими за опытомъ. Не должно понимать эти термины въ томъ смыслѣ, будто сужденія разума могутъ

быть формулированы безъ всякаго опыта. Чтобы мыслить, нужно жить; а жизнь, уже въ самыхъ элементарныхъ своихъ проявленіяхъ, включаетъ основныя данныя опыта; но опытъ, который есть условіе развитія мысли вообще, а слѣдовательно условіе проявленія и элемента *апріорнаго*, не есть однако. производящая этотъ элементъ сила. Весьма важно не смѣшивать, какъ это часто дѣлаютъ, двухъ совершенно различныхъ понятій: понятіе о произведеніи извѣстнаго явленія и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ явленіе произведено или обнаруживается.

Противъ различенія истинъ разума, универсальныхъ и необходимыхъ, и утвержденій фактическихъ, всегда случайныхъ, не можетъ быть серьезныхъ возраженій. Намъ нѣтъ недобности останавливаться здѣсь на взглядѣ, по которому необходимость извѣстныхъ сужденій не первоначальна, но представляетъ будто-бы результатъ привычки и наслѣдственности. Вѣдь этотъ взглядъ предполагаетъ *дѣйствительное* различіе сужденій необходимыхъ и сужденій случайныхъ (условныхъ). Отмѣтимъ этотъ фактъ: каково-бы ни было его объясненіе: онъ существуетъ и этого пока для насъ достаточно.

8. Чтобы получить полное понятіе о наукѣ, необходимо точно опредѣлить ея природу, методъ, значеніе и постуляты.

Опредѣлить природу науки значитъ опредѣлить предметъ ея и точку зрѣнія, съ которой этотъ предметъ разсматривается. Слѣдующій затѣмъ вопросъ есть вопросъ о пути, которымъ должно идти, чтобы достигнуть намѣченной цѣли: это вопросъ о методѣ. Опредѣленіе значенія науки должно оправдать ея притязанія, насколько они законны, и удержать ихъ въ должныхъ границахъ.

Постулятъ есть утвержденіе, предполагаемое другимъ, и, слѣдовательно, въ немъ содержащееся. Въ такомъ смыслѣ, напримѣръ, Кантъ утверждаетъ, что свобода есть постулятъ долга. Если реальность долга допущена, то тѣмъ самымъ уже доказана и нравственная свобода, потому что не можетъ быть долга безъ свободы. Постулятъ возникаетъ изъ анализа положенія, въ которомъ содержится. Если А содержится въ В, то,

доказывая В, я доказываю и А. Чтобы установить какой-нибудь постулятъ, необходимо, во-первыхъ, показать, что онъ логически состоятеленъ, т. е., что одно утвержденіе дѣйствительно содержится въ другомъ; во-вторыхъ, опредѣлить природу того утвержденія, которое заключаетъ постулятъ. Если это утвержденіе истинно, то вѣренъ и постулятъ; если оно ложно, то его постулятъ, какъ именно постулятъ, не имѣетъ никакого значенія. Изъ этого еще не слѣдуетъ, однако, будто онъ вообще ложенъ. Ложный силлогизмъ можетъ приводить къ положенію, которое вѣрно само по себѣ, но незаконно въ смыслѣ заключенія этого силлогизма (изъ него не вытекаетъ). Точно также изъ ошибочности извѣстнаго утвержденія не вытекаетъ непремѣнно ложность его постулятовъ. Напримѣръ, утвержденіе о цѣлебности гомеопатическихъ лекарствъ имѣетъ два постулята. Одинъ тотъ, что вещество, причиняющее извѣстную болѣзнь, способно и лечить её (similia similibus curantur); другой—что дозы, чрезвычайно малыя, могутъ оказывать значительное дѣйствіе. Предположимъ (я этого не утверждаю), что мысль о цѣлебности дѣйствій гомеопатическихъ лекарствъ не вѣрна: изъ этого еще не слѣдовало-бы, будто ложенъ первый изъ двухъ указанныхъ постулятовъ, потому-что ошибка можетъ проистекать изъ втораго. Постуляты науки вообще суть утвержденія, которыя предполагаетъ всякое научное изслѣдованіе и которыя можно извлечь изъ него путемъ анализа (70).

ПРИРОДА НАУКИ

9. Предметъ науки есть реальность.

Знать—значитъ поставить свою личную мысль въ согласіе съ истинными сужденіями. Сужденіе не существуетъ само по себѣ: оно можетъ существовать лишь въ мысли, которая его формулируетъ; но мысль относится къ предмету, который съ нею не одно и то же. Если бы не было предметовъ, отличныхъ отъ мысли, то не было бы ни заблужденія, ни истины, такъ какъ истина и заблужденіе суть отношенія, а отношенія всегда

предполагаютъ два термина. Работа нашего духа направлена на пріобрѣтеніе истинныхъ сужденій; истинными же сужденія бываютъ въ томъ случаѣ, когда они служатъ выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній между вещами, а не мечтою воображенія, и не ошибками ума. Существующія вещи суть реальности. Теперь спрашивается: какимъ образомъ онѣ намъ извѣстны?

10. Реальности, непосредственно намъ извѣстныя, открываются въ опытѣ.

Опытъ констатируетъ дѣйствіе, производимое или испытываемое. Я знаю акты своей воли, поскольку они происходятъ отъ меня. Мои чувствованія, являющіяся во мнѣ, какъ состоянія моего существа, не зависятъ отъ акта моей воли: я ихъ испытываю, т. е., они обнаруживаются въ дѣйствіи, на которое я могу реагировать, но въ отношеніи къ которому въ сущности я пассивенъ. Внѣшніе предметы открываются мнѣ въ сопротивленіи моему усилію и въ ихъ дѣйствіи на мою чувственность. Если-бы я не сознавалъ актовъ своей воли и не испытывалъ чувствованій, равно какъ и тѣхъ отношеній, въ которыхъ я являюсь однимъ изъ членовъ и которыя производятъ во мнѣ опредѣленныя впечатлѣнія, то у меня не было бы никакого познанія. Быть можетъ, существуетъ безграничное множество предметовъ, которые, однако, не производя на меня никакого дѣйствія, могутъ навсегда остаться для меня неизвѣстными (67).

Всякій актъ предполагаетъ агента.

Агенты могутъ существовать въ чисто скрытомъ состояніи (виртуально); но обнаруживаться могутъ не иначе, какъ чрезъ свои акты. Въ самомъ дѣлѣ, основаніе всякаго познанія есть фактъ, а слово *фактъ* происходитъ отъ глагола facio, который значитъ дѣлать, дѣйствовать, обнаруживаться въ актахъ. Терминъ „реальность", кажется, имѣетъ подобное же происхожденіе, потому что слово „реальность" происходитъ отъ существительнаго *res*, а латинское *res* имѣетъ тотъ же корень, что греческій глаголъ ῥέζω, который значитъ дѣйствовать. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе большинства филологовъ.

Всякая непосредственно извѣстная намъ реальность дана въ опытѣ. Отсюда не должно, однако, заключать, будто данныя опыта суть предѣлъ нашихъ законныхъ утвержденій: въ такомъ случаѣ наше знаніе было бы крайне ограниченно. Намъ извѣстны реальности. которыя, хотя и не суть предметъ непосредственнаго познанія, но открываются нашей мысли, какъ необходимое объясненіе и raison d'être другихъ, извѣстныхъ непосредственно, фактовъ.

11. Непосредственно извѣстныя реальности трехъ родовъ: матеріальныя, духовныя и идеальныя.

Реальности, которыя становятся извѣстными чрезъ принудительное дѣйствіе на личную мысль, трехъ родовъ: чувственныя (данныя во внѣшнемъ опытѣ), психическія (данныя въ опытѣ внутреннемъ) и раціональныя.

Чувственный или внѣшній опытъ есть результатъ функцій нашихъ органовъ чувствъ. Наше тѣло стоитъ въ отношеніи къ другимъ тѣламъ, отъ которыхъ мы получаемъ впечатлѣнія и которыя возбуждаютъ въ насъ разнообразныя ощущенія. Токимъ именно путемъ мы пріобрѣтаемъ познаніе о внѣшнихъ предметахъ (о реальностяхъ матеріальныхъ).

Внутренній опытъ открываетъ намъ акты и состоянія нашего собственнаго духа, и такимъ образомъ констатируетъ реальности психическія. Непосредственно мы знаемъ только тѣ психическіе факты, которые являются въ насъ самихъ; но, чрезъ индукцію, которая заставляетъ допустить существованіе душъ, подобныхъ нашей, и чрезъ довѣріе къ свидѣтельству другихъ (49), мы констатируемъ психическія реальности и кромѣ тѣхъ, которыя знаемъ непосредственно въ самихъ себѣ: это реальности духовныя (realités spirituelles).

Данныя разума, имѣющія принудительный характеръ, имѣютъ значеніе независимо отъ индивидуальной мысли, ихъ сознающей. Эти данныя разума обладаютъ реальностью, которую можно назвать *идеальною*. Слово „идеальный" есть неологизмъ, однако—такой неологизмъ, который, кажется, вполнѣ можетъ быть оправданъ, такъ какъ терминъ *идеалъ* получилъ въ обык-

новенномъ словоупотребленіи эстетическое значеніе, чуждое чисто раціональнымъ концепціямъ. Данныя разума являются намъ съ характеромъ принудительнымъ, какъ правила нашей личной мысли. Онѣ, слѣдовательно, дѣйствуютъ на насъ, т. е., обнаруживаются въ опредѣленныхъ фактахъ. Слѣдовательно, идеи разума обладаютъ реальностью, о которой свидѣтельствуетъ опытъ. Однако объектомъ мысли здѣсь служатъ самыя эти идеи, но не фактъ ихъ присутствія въ насъ. Если я говорю: „снѣгъ бѣлъ", то я утверждаю тотъ фактъ, что я испытываю ощущеніе, которое отношу къ его причинѣ, понимаемой объективно. Если я говорю: „зависть есть мучительное чувство", то высказываю общее сужденіе о фактѣ, который наблюдаю въ себѣ. Но когда я утверждаю, что всякое дѣйствіе предполагаетъ агента (непосредственно очевидная метафизическая истина), или что сумма трехъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ (выводная математическая истина), то эти сужденія сами по себѣ не выражаютъ никакого факта. Фактъ здѣсь состоитъ лишь въ томъ, что я вынужденъ думать такъ, а не иначе; но содержаніе этихъ сужденій, само по себѣ, не имѣетъ опытнаго характера. Вотъ почему справедливо различаютъ опытъ отъ разума, хотя при этомъ не должно упускать изъ виду, что самое присутствіе въ насъ разума все таки есть фактъ опыта. Въ обыкновенномъ употребленіи слово реальность не примѣняется къ тому, что мы называемъ реальностью идеальною, и означаетъ чувственные или психическіе факты, въ противоположность апріорнымъ даннымъ и отвлеченнымъ обобщеніямъ.

12. Истинныя сужденія суть лишь элементы науки; наука же, въ собственномъ смыслѣ слова, является лишь тогда, когда сужденія приведены въ связь между собою.

Атомы, существованіе которыхъ допускается химиками, суть элементы тѣлъ; но тѣла въ томъ видѣ, какъ мы ихъ находимъ въ опытѣ, существуютъ только, какъ группы атомовъ. Индивидуумы суть элементы общества; но общество образуется изъ соединенія индивидуумовъ. Точно также сужденія суть эле-

менты науки; но нѣтъ науки безъ отношеній, соединяющихъ сужденія другъ съ другомъ. Утвержденій изолированныхъ можетъ быть безконечное множество. Наука же образуетъ одинъ мысленный организмъ, который состоитъ изъ принциповъ и выводовъ, т. е., изъ положеній, приведенныхъ въ гармонію какою нибудь связью, которая ихъ объединяетъ и сообщаетъ, такимъ образомъ, мысли единство. Связь сужденій устанавливается посредствомъ мышленія, законы котораго составляютъ предметъ логики.

13. Цѣль науки—объяснить факты или, что то же, осмыслить данныя опыта.

Объяснить, значитъ открыть въ фактахъ порядокъ, который могъ бы быть воспроизведенъ нашею мыслію, такъ, чтобы связь сужденій установленная мышленіемъ, находилась въ согласіи съ объективною связью данныхъ опыта. Предметъ науки есть реальность; цѣль науки—сдѣлать реальность понятною, чтобы, какъ говоритъ Пьеръ Лаффитъ, „послѣдовательность нашихъ мыслей выражала послѣдовательность самыхъ событій“ [1]).

Объяснить—значитъ понять. Поставленъ, положимъ, вопросъ о происхожденіи ледниковъ. Я выхожу изъ физическихъ законовъ замерзанія, тяжести и пр., и пр. Посредствомъ логическихъ дедукцій выходя изъ этихъ принциповъ, я получаю теоретическіе выводы, которые находятся въ согласіи съ наблюдаемыми явленіями. Возьмемъ примѣръ изъ другой области идей. Положимъ, требуется объяснить, почему Наполеонъ объявилъ Россіи войну, имѣвшую столь ужасныя послѣдствія для него и для Франціи. Я отправляюсь отъ мысли, что онъ, вслѣдствіе своей гордости, мечталъ о всемірномъ господствѣ. Ему нужно было сокрушить могущество Англіи. Остановить торговлю Англіи значило обезсилить ее. Отсюда, какъ слѣдствіе,—континентальная система. Россія не закрыла своихъ портовъ для англійской торговли, нужно было ее къ этому принудить. Отсюда, какъ дальнѣйшее слѣдствіе, объявленіе войны. Мысли идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ и факты, и я ихъ понимаю.

---

[1]) *Discours d'ouverture du Cours sur l' histoire generale de sciences. Paris 1892, page 23.*

14. Наука законченная требуетъ: во 1-хъ, согласія личной мысли съ опытомъ, во 2-хъ согласія личной мысли съ разумомъ, въ 3-хъ, открытія принциповъ, посредствомъ которыхъ можно установить согласіе опыта и разума.

Субъектъ науки есть индивидуальный умъ. Онъ наблюдаетъ факты непосредственно, или же при посредствѣ свидѣтельства другихъ, наблюдаетъ ихъ хорошо или дурно. Наблюдая, онъ размышляетъ и, такъ какъ прямого перехода отъ того, что дано въ опытѣ, къ тому, что открывается для разума, нѣтъ (45), то для объясненія явленій онъ предполагаетъ принципы, — то истинные, то ложные. Такъ, небесная механика предполагаетъ: констатированіе астрономическихъ явленій или данныя опыта: математическое вычисленіе, которое есть дѣло разума, открытіе закона тяготѣнія, къ которому примѣняется вычисленіе.

Изъ этихъ условій научнаго изслѣдованія вытекаетъ, что наука можетъ быть ложною вслѣдствіе трехъ причинъ: 1) вслѣдствіе дурныхъ пріемовъ наблюденія: такъ невѣрное измѣреніе меридіана на время остановило открытія Ньютона; 2) вслѣдствіе ошибокъ мышленія: такъ случилось съ Кеплеромъ, который установилъ одинъ изъ законовъ, обезсмертившихъ его имя, лишь послѣ того, какъ исправилъ допущенныя имъ ошибки въ вычисленіяхъ, каковыя ошибки заставляли его на время отвергать свое открытіе, какъ заблужденіе; 3) вслѣдствіе ошибочнаго теоретическаго предположенія: такъ, мысль о неподвижности земли долгое время препятствовала успѣхамъ астрономіи.

Согласіе мысли съ разумомъ даетъ мѣсто наукамъ чисто раціональнымъ; согласіе мысли съ опытомъ даетъ мѣсто наукамъ чисто экспериментальнымъ. Эти два рода наукъ представляютъ только элементы полной науки.

15. Науки чисто раціональныя имѣютъ цѣлью согласіе личной мысли съ разумомъ.

Слово разумъ имѣетъ два смысла: объективный и субъективный. Въ субъективномъ смыслѣ оно означаетъ вообще способность мыслить; въ этомъ смыслѣ каждый изъ насъ говоритъ: *мой* разумъ (*ma* raison). Въ объективномъ смыслѣ оно означаетъ совокупность всѣхъ раціональныхъ истинъ, дѣйствую-

щихъ на насъ принудительно вслѣдствіе своей очевидности или доказанности (7 и 11): это разумъ вообще (*la* raison). Разумъ въ смыслѣ объективномъ имѣетъ безличный характеръ, такъ какъ онъ не принадлежитъ никому изъ людей въ отдѣльности, но есть достояніе общее. Что касается безличности разума въ смыслѣ абсолютномъ, или его существованія въ себѣ, то это цѣлая философская система, изслѣдовать которую здѣсь было бы неумѣстно [1]). Достаточно замѣтить, что очень трудно допустить существованіе идей, не признавая ума, ихъ мыслящаго. Независимо отъ всякой системы, объективность разума есть фактъ, котораго невозможно не признать.

Разумъ бываетъ развитъ болѣе или менѣе; но его простѣйшіе элементы, которые составляютъ, такъ сказать, азбуку мысли, присущи всѣмъ. Ариѳметическія теоремы, наприм., бываютъ извѣстны въ различной степени; но разъ они сдѣлались извѣстны, онѣ признаются всѣми,—во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ. Эта истина выражена въ слѣдующихъ знаменитыхъ словахъ Фенелона: „Правда, что мой разумъ находится во мнѣ, потому что нужно безпрестанно обращаться къ себѣ самому, чтобы его найти; но разумъ высшій, который направляетъ меня въ случаѣ надобности и къ которому я обращаюсь, для провѣрки своей мысли, этотъ разумъ не во мнѣ находится и не составляетъ части моего существа. Это правило совершенное и неизмѣнное; я же измѣнчивъ и несовершененъ. Когда я ошибаюсь, онъ остается непогрѣшимымъ; когда я освобождаюсь отъ заблужденія, то не онъ исправляется и возвращается опять къ своей цѣли, а я; онъ, никогда не заблуждающійся, имѣетъ надо мною непреодолимую власть,—отзываетъ съ пути заблужденія и возвращаетъ на путь истины. Это внутренній владыка, который заставляетъ меня молчать, говорить, вѣрить, сомнѣваться, сознаваться въ своихъ ошибкахъ, или настаивать на своихъ мнѣніяхъ. Повинуясь ему, я научаюсь; не повинуясь,—заблуждаюсь. Этотъ владыка находится повсюду, его го-

[1]) Главнымъ представителемъ ученія *о безличномъ разумѣ* слѣдуетъ признать Кузена (1792—1867). Съ его взглядами можно познакомиться по сочиненію *А. Введенскаго*: „Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи“ (1894), отд. II, стр. 192—202. *Ред.*

лось слышенъ отъ конца до конца вселенной всѣмъ людямъ, точно такъ же, какъ и мнѣ. Когда онъ исправляетъ мои заблужденія во Франціи, онъ дѣлаетъ и съ другими людьми,— въ Китаѣ, Японіи, въ Мексикѣ, въ Перу,—то же самое и посредствомъ тѣхъ же самыхъ принциповъ. Два человѣка, которые никогда не видали и не слыхали другъ друга, которые никогда не вступали въ отношеніе ни съ какимъ другимъ человѣкомъ, который могъ бы имъ сообщить общія понятія, на противоположныхъ предѣлахъ земли высказываются о нѣкоторыхъ истинахъ такъ, какъ если бы они предварительно условились. Напередъ и безошибочно можно сказать, какъ отнесутся къ этимъ истинамъ на другомъ концѣ свѣта. Люди всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, какъ бы они воспитаны ни были, въ данномъ случаѣ чувствуютъ непреодолимую потребность думать и говорить одинаково" [1]).

Эти слова выражаютъ несомнѣнную истину, хотя она нуждается въ болѣе точной и опредѣленной формулировкѣ. Мнѣнія людей крайне разнообразны, смотря по времени, мѣсту и степени культурности индивидуумовъ; но основные принципы разума у всѣхъ одинаковы. Самые неразвитые изъ дикарей, безъ изученія геометріи, очень хорошо знаютъ, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Метафизика имъ совершенно чужда; но всякій разъ, какъ они хотятъ объяснить, наприм., происхожденіе какого нибудь шума, они показываютъ, что идея причинности существуетъ въ ихъ мысли.

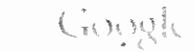
Разумъ отличается отъ опыта, но не отдѣлимъ отъ него. Безъ движенія мы не имѣли бы представленія о пространствѣ; безъ воспріятія вещей, которыя можно считать, не обнаружилась бы идея числа. Разумъ не можетъ развиваться безъ опыта; но вліяніемъ опыта обнаруживается совокупность идей, содержаніе которыхъ не можетъ быть заимствовано изъ опыта. Эти идеи составляютъ предметъ наукъ чисто раціональныхъ, каковы: логика, метафизика и математика.

(Продолженіе будетъ).

* * *

---

[1]) *De l'existence de Dieu*, 1-re partie Chapitre II.



ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *).

Чисто физіологическая теорія памятованія Каптерева не въ состояніи объяснить очень многихъ явленій памяти и стоитъ въ противорѣчія съ фактами. Въ самомъ дѣлѣ, если все дѣло памяти зависитъ отъ возбудимости нервныхъ клѣтокъ, постепенно ослабѣвающей отъ времени, тогда представляется совершенно непонятнымъ ясное памятованіе многихъ впечатлѣній самаго ранняго дѣтства, равно какъ и нѣкоторыхъ впечатлѣній очень слабыхъ, не вызвавшихъ въ насъ въ свое время сильнаго потрясенія,—и наоборотъ, становится непонятнымъ забвеніе нѣкоторыхъ фактовъ, входящихъ въ кругъ нашихъ спеціальныхъ занятій. Равнымъ образомъ, не совсѣмъ объяснимы съ точки зрѣнія этой теоріи такія явленія сознательной памяти, какъ память словъ, понятій, идей, отнюдь не предполагающая энергичнаго возбужденія нервовъ. Извѣстно также, что даже наибольшая сила напраженнаго вниманія, какъ явленія несоизмѣримаго съ матеріальнымъ возбужденіемъ въ нервахъ, не въ состояніи сколько-нибудь усилить послѣдняго, а между тѣмъ продолжительнымъ и напряженнымъ вниманіемъ мы можемъ вызвать къ сознанію забытое и долго отыскиваемое въ памяти представленіе. Признанію памяти чисто органическимъ, или физіологическимъ явленіемъ мѣшаетъ и то обстоятельство, что воспроизводимыя памятью ощущенія, или чувствованія, отличаются не только количественно, степенью, отъ реальныхъ ощу-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 16.

щеній, но и качественно. Этого же не могло бы быть, если бы въ памяти мы не имѣли новаго акта психіи, новой своеобразной переработки ощущеній и ихъ слѣдовъ, сохранившихся въ нервныхъ центрахъ. Въ виду этого должно признать, что существенная основа памяти заключается не въ нервахъ и мозгѣ, а въ душѣ и ея развивающейся сознательности. Самое сохраненіе представленій въ памяти обусловливается не столько продолжаемостью нервныхъ возбужденій, которыя въ теченіи продолжительнаго времени неизбѣжно должны ослабѣть и сгладиться, или слиться съ другими, сколько отношеніемъ ихъ къ нашимъ интересамъ и согласіемъ ихъ съ стремленіями души.

Далѣе, порядокъ воспроизведенія представленій поставляется авторомъ въ зависимость отъ закона послѣдовательности, и условія воспроизведенія—отъ условій запоминанія. Различая въ механизмѣ воспроизведенія два момента: фактъ и обстановку его, авторъ главную причину памяти отдѣльныхъ фактовъ полагаетъ въ силѣ впечатлѣнія физической и психической. Первая полагается имъ въ степени возбужденія нервныхъ клѣтокъ, увеличивающейся при воспріятіи предмета различными органами и при помощи частыхъ повтореній, а вторая поставляется въ зависимость отъ новости впечатлѣнія, соединяемаго съ нимъ интереса, или чувства, и отчетливаго различенія въ немъ качествъ и частей. Запоминаніе обстановки факта, по взгляду автора, состоитъ въ психической локализаціи его среди послѣдовательныхъ сосуществующихъ и однородныхъ фактовъ. Опредѣляя время и мѣсто совершенія факта, или родство его съ другими, мы пріурочиваемъ его къ наиболѣе выдающимся пунктамъ извѣстнаго намъ времени и пространства, или къ научнымъ принципамъ и идеямъ (стр. 334—343). Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ относительно общей зависимости условій воспроизведенія отъ условій запоминанія, мы должны, однако, замѣтить, что въ дѣйствительности далеко не всегда воспроизведеніе фактовъ совершается въ порядкѣ ихъ запоминанія. Послѣдовательно усвоенная ассоціація, при воспроизведеніи нерѣдко разрывается и своими отдѣльными членами вторгается въ другія ассоціаціи, производя въ свою очередь разрывъ между ихъ членами; съ другой стороны, запоминаніе можетъ отличаться методическимъ ха-

рактеромъ, а воспроизведеніе—быть случайнымъ и невольнымъ, и наоборотъ. Отсюда и порядокъ воспроизведенія долженъ быть объясняемъ не однимъ закономъ послѣдовательности, а совмѣстнымъ дѣйствіемъ обоихъ законовъ ассоціаціи.

Ошибки памяти поставляются авторомъ въ зависимость отъ неточности воспроизведенія времени, обыкновенно не отдѣлимаго отъ самыхъ событій,—отъ смѣшенія прошлаго съ настоящимъ и видоизмѣненія его въ зависимости отъ текущихъ явленій и наконецъ отъ смѣшенія образовъ памяти съ образами воображенія. Главными причинами забвенія, по взгляду автора, служатъ: отсутствіе указанныхъ выше условій хорошаго припоминанія и постоянная перестройка, передѣлка ассоціацій представленій. Кромѣ того, указываются авторомъ причины и физіологическаго характера, коренящіяся въ болѣзненныхъ состояніяхъ организма и въ перерожденіи нервныхъ клѣтокъ (стр. 355—359). Порядокъ забвенія слѣдуетъ опредѣленному плану: сначала исчезаютъ продукты сознательной памяти въ порядкѣ регрессивномъ, а затѣмъ уже органическая память. Частною причиною забвенія служитъ разрывъ ассоціаціи, причемъ образъ теряетъ связь съ обстановкою и способность отожествляемости. Это ученіе представляетъ вѣрное описаніе фактовъ, но не вполнѣ объясняетъ ихъ причины. Послѣднія должны быть отыскиваемы не въ организмѣ и представленіяхъ съ ихъ разнообразными связями, а въ самой природѣ души съ ея интересами и стремленіями.

Главное значеніе воображенія полагается авторомъ въ томъ, что оно дополняетъ и расширяетъ наше реальное міровоззрѣніе, облегчая намъ процессъ усвоенія свѣдѣній, выходящихъ за предѣлы нашего индивидуальнаго опыта, содѣйствуя построенію метафизическихъ системъ для удовлетворенія нашихъ религіозно-философскихъ потребностей и создавая художественныя воспроизведенія дѣйствительности. Роль воображенія въ этомъ троякомъ направленіи его дѣятельности, по взгляду автора, не одинакова: между тѣмъ какъ съ расширеніемъ области положительнаго знанія дѣятельность воображенія, пополняющая пробѣлы научной системы, сокращается,—въ сферѣ метафизики „оно царитъ абсолютно, а власть его не уменьшается и не огра-

ничивается разсудкомъ“ (стр. 379). Но вслѣдъ затѣмъ, въ дальнѣйшихъ своихъ сужденіяхъ, авторъ нѣсколько противорѣчитъ себѣ: собственно разсудочную дѣятельность онъ признаетъ и фундаментомъ метафизическихъ построеній и критеріемъ ихъ провѣрки; воображенію же усвояетъ значеніе творческаго синтеза, руководимаго опредѣленными принципами и идеями при объединеніи основныхъ данныхъ отдѣльныхъ наукъ (стр. 381). Кромѣ того, какъ типичную особенность въ построеніи разнообразныхъ метафизическихъ системъ, авторъ отмѣчаемъ борьбу воображенія съ разсудкомъ, постепенно склоняющуюся на сторону послѣдняго. Гораздо болѣе широкая роль усвояется воображенію въ области художественнаго творчества. Задача послѣдняго, состоящая въ пополненіи пробѣловъ фактическаго разсудочнаго мышленія, достигается, съ одной стороны, внесеніемъ въ художественныя произведенія идеальныхъ элементовъ,—изображеніемъ лучшаго, возможнаго, а не дѣйствительнаго, а съ другой—чисто объективнымъ изображеніемъ дѣйствительности въ эстетическихъ формахъ. Въ первомъ случаѣ художественное произведеніе имѣетъ въ виду представить критическій анализъ дѣйствительности, изобразить ея мрачныя стороны и пополнить существующіе въ ней и въ соотвѣтствующемъ ей міровоззрѣніи недостатки и пробѣлы, а во второмъ—удовлетворить потребности нагляднаго, осмысленнаго знакомства съ разнообразными явленіями, лицами, событіями. Послѣдняя цѣль достигается типичностью изображенія какъ самыхъ фактовъ, такъ и ассоціированныхъ съ ними чувствованій. Полная гармонія между этими двумя элементами—теоретическимъ и субъективнымъ, явленіями дѣйствительности и чувствованіями, при типичности изображенія, служитъ условіемъ высшаго достоинства художественнаго произведенія (стр. 391). По методу своему воображеніе, въ отличіе отъ разсудка, есть дѣятельность синтетическая; въ области же художественнаго творчества она сводится къ комбинаціи представленій, къ комбинаціи признаковъ ихъ и къ увеличенію или уменьшенію свойствъ кокого-либо представленія. Уясненіемъ сущности и значенія этихъ частныхъ синтетическихъ пріемовъ воображенія авторъ занимается въ подробностяхъ (стр. 397—404).

Въ общемъ, ученіе Каптерева о воображеніи, напоминающее „построительную ассоціацію" Бэна, отличается нѣкоторою неполнотою. Воображенію отводится здѣсь подчиненная, не выражающая его существа, роль—восполнять пробѣлы разсудка и даже служить временнымъ замѣстителемъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность разсудка касается вопросовъ, не подлежащихъ научному рѣшенію. Такая роль усвояется воображенію главнымъ образомъ въ построеніи метафизическихъ системъ, которыя и представляются поэтому автору крайне несовершенными. Но не говоря уже о допускаемыхъ авторомъ въ данномъ случаѣ преувеличеніяхъ, самыя причины несовершенства метафизики отнюдь не могутъ быть полагаемы въ дѣятельности воображенія, а исключительно въ слабости разсудка. Между тѣмъ, весьма важное значеніе воображенія въ научной области не можетъ подлежать сомнѣнію: оно является могущественнымъ пособникомъ разсудка, открывая ему новые пути для научнаго рѣшенія вопросовъ. Эта черта воображенія оставлена авторомъ въ тѣни. Но собственная сфера дѣятельности воображенія—вовсе не научная область, а художественное творчество. Здѣсь оно является господствующимъ началомъ, силою создающею идеальное міровоззрѣніе и обширную область искусства, самодѣятельно переработывающею матеріалы, предлагаемые ему разсудкомъ, съ которымъ оно и дѣйствуетъ въ полной гармоніи. Высокое же и вполнѣ самостоятельное значеніе искусства и художественнаго творчества ставитъ и воображеніе на подобающую ему высоту.

Заканчивается анализъ явленій умственной жизни души краткимъ обзоромъ главнѣйшихъ причинъ измѣненія міровоззрѣнія. Сюда относятся разнообразныя органическія, физическія и психическія вліянія, какимъ подвергается человѣкъ въ теченіи своей индивидуальной жизни, какъ то: вліяніе возраста, пола, страны, общаго склада ума, господствующихъ настроеній и чувствованій, преобладающаго направленія дѣятельности и т. п. (409—424). Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ на основаніи обозрѣнія умственныхъ процессовъ, заключается въ слѣдующемъ: міровоззрѣніе, въ своей сущности, есть необходимый результатъ психическаго механизма и

создается на почвѣ тѣхъ органическихъ предрасположеній и свойствъ нервной системы, которыя мы получаемъ по наслѣдству отъ родителей; иначе, оно есть функція умственной стороны человѣческаго организма (стр. 424, ср. 67). Такимъ ученіемъ, съ одной стороны, совершенно устраняется мысль о психической активности, а съ другой—вовсе не уясняется существо психическихъ процессовъ и явленій. Умственная жизнь души представляется здѣсь слагающеюся сама собою, помимо всякаго участія души, но вмѣстѣ съ тѣмъ психическимъ процессамъ усвояется авторомъ сознательность, какъ существенная ихъ особенность. Остается предположить, что они сами сознаютъ себя, а начало и источникъ сознательности отнести къ органическимъ процессамъ, иначе, приписать сознаніе нервной системѣ. Поводъ къ такому предположенію дается неполнотою психологическихъ объясненій въ системѣ Каптерева и выводомъ психическихъ явленій изъ существа физіологическихъ процессовъ. Кромѣ того, въ зависимости отъ воззрѣній цѣлой школы. послѣдователемъ которой является авторъ, въ психологіи его замѣчается нѣкоторая непослѣдовательность. Съ одной стороны, наше міровоззрѣніе и даже все наше психическое развитіе представляется какъ функція врожденнаго намъ нервнаго организма, какъ продуктъ развитія послѣдняго, а съ другой — и самый организмъ, постоянно измѣняющійся и совершенствующійся подъ вліяніемъ своихъ функцій въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній, изъ которыхъ каждое прибавляетъ нѣчто въ его развитіи, является результатомъ, слѣдствіемъ психическаго развитія человѣчества. Та же непослѣдовательность повторяется и въ другомъ видѣ: съ одной стороны, наше реальное міровоззрѣніе создается чисто опытнымъ путемъ, дѣятельностью внѣшнихъ органовъ и чувственныхъ возбужденій и, слѣдовательно, есть функція организма, но съ другой стороны, въ виду несоизмѣримости нашихъ психическихъ состояній съ внѣшними явленіями, оказывается, что весь міръ, а слѣдовательно и наше тѣло и его органы суть чисто субъективныя созданія нашего духа. Тѣмъ не менѣе, мы не должны забывать высокихъ и безспорныхъ достоинствъ разсмотрѣннаго нами отдѣла. Область психологіи, соприкасающаяся съ физіологіею, разработана авторомъ полно и обстоятельно.

Обширный отдѣлъ о чувствованіяхъ въ системѣ Каптерева

(стр. 373—528, изд. I) отличается богатствомъ наблюденій надъ жизнію сердца, вѣрностью и точностью описаній и тонкостью анализа фактовъ. Каждое чувствованіе изучено авторомъ въ подробностяхъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ, измѣненіяхъ и превращеніяхъ, причемъ сужденія автора подтверждаются многими яркими и убѣдительными примѣрами изъ жизни и эстетической литературы. Приближаясь въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ къ Бэну, авторъ поступаетъ въ дѣлѣ изслѣдованія, какъ эмпирикъ: не касаясь самой сущности и спеціальной природы чувствованій, онъ ограничивается однимъ признаніемъ ихъ и затѣмъ изучаетъ ихъ со стороны психической и физической,—уясняетъ особенности внутреннихъ состояній, называемыхъ чувствованіями, указываетъ факторы ихъ развитія и опредѣляетъ ихъ отношеніе къ физической сторонѣ организма. Частнѣйшее содержаніе этого отдѣла таково.

Признавая чувствованія вполнѣ самостоятельными явленіями, авторъ указываетъ ихъ источники въ ощущеніяхъ и представленіяхъ, дающихъ начало физическимъ и идеальнымъ чувствованіямъ. Первыя, по взгляду автора, не отличаются отъ простаго тона ощущеній и служатъ ихъ составными элементами; вторыя являются результатами различныхъ комбинацій представленій. Въ обоихъ случаяхъ выражается отношеніе нашего физическаго и психическаго организма къ внѣшнимъ раздраженіямъ и психическимъ дѣятельностямъ, причемъ чувствованія суть какъ бы отзвуки на ощущенія и представленія (ср. стр. 401). Независимо отъ своего происхожденія, чувствованія могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ сторонъ: физической, эмоціальной, умственной и волевой. Подъ физическою стороною чувствованій авторъ разумѣетъ воплощеніе ихъ, или внѣшнее выраженіе, подчиняющееся опредѣленнымъ законамъ. Такихъ законовъ авторъ, вслѣдъ за Дарвиномъ и Вундтомъ, исчисляетъ четыре: начало прямого вліянія нервной системы на тѣло, начало полезныхъ, ассоціированныхъ съ чувствомъ, привычекъ къ движеніямъ, повторяющимся затѣмъ и въ случаѣ ихъ безполезности,—начало антитеза, выражающееся въ стремленіи къ противоположнымъ движеніямъ въ случаѣ противоположности самыхъ чувствованій и наконецъ, принципъ отношенія движенія къ чувственнымъ представленіямъ, управляющій дви-

женіями рукъ, глазъ и лица въ соотвѣтствіи съ чувствованіями. Уясняя смыслъ и значеніе этихъ законовъ, а равно указывая частные случаи примѣненія ихъ въ жизни человѣка и животныхъ, авторъ пользуется результатами работъ Дарвина, заимствуя у него и многіе примѣры. Полагая эмоціальную сторону чувствованій въ ихъ пріятности и непріятности, авторъ, согласно съ Бэномъ, признаетъ послѣднія только качествами другихъ чувствованій и отрицаетъ ихъ самостоятельное существованіе, равно какъ и самостоятельность „смѣшанныхъ“ чувствъ, объясняя ихъ существованіе быстрою смѣною контрастирующихъ чувствованій. Къ умственной сторонѣ чувствованій авторъ относитъ ихъ припоминаемость, степень силы и вліяніе ихъ на мышленіе. Существенными условіями хорошаго воспроизведенія чувствованій авторъ ставитъ: воспроизведеніе тѣхъ ощущеній и представленій, съ которыми чувство связано силою одновременности, или послѣдовательности, эмоціальный темпераментъ и живую фантазію. По степени силы чувствованій различаются авторомъ настроенія и аффекты со множествомъ посредствующихъ между ними степеней. Вліяніе чувствованій на мышленіе авторъ признаетъ неблагопріятнымъ: они служатъ задержкою образованію правильныхъ научныхъ взглядовъ (стр. 397), доказательствомъ чему служитъ міровоззрѣніе первобытнаго человѣка и почтеніе людей къ авторитетамъ. Волевое значеніе чувствованій полагается въ томъ, что они служатъ послѣдними мотивами всей нашей дѣятельности, направленной къ наслажденію и избѣжанію страданій. Этотъ, нѣсколько односторонне выраженный принципъ, подробнѣе раскрывается при анализѣ симпатическихъ и нравственныхъ чувствованій.

Классификація чувствованій въ системѣ Каптерева вовсе не отличается единствомъ и опредѣленностью принципа и производится въ сущности на разныхъ основаніяхъ. Такъ, въ зависимости отъ двоякаго источника чувствованій авторъ дѣлитъ ихъ на физическія, возникающія изъ ощущеній, и идеальныя, возникающія изъ сопоставленія и ассоціацій представленій (стр. 402). Первыя различаются въ зависимости отъ тѣхъ органовъ и путей, которыми посредствуются ощущенія. Въ частнѣйшемъ анализѣ авторъ особенно подробно остана-

вливается на чувствованіяхъ, вызываемыхъ цвѣтами и звуками и ихъ различными отношеніями, уясняетъ различныя условія ихъ возбуждающаго вліянія на душу и указываетъ тѣ многообразныя измѣненія, какимъ подвергаются чувствованія въ зависимости отъ соединяемыхъ съ ними и съ самыми ощущеніями представленій (стр. 403—408).—Идеальныя чувствованія, въ зависимости отъ объектовъ, какими являются или наше *я*, или окружающіе насъ люди и внѣшняя природа, дѣлятся на эгоистическія и альтруистическія. Частнѣйшее подраздѣленіе эгоистическихъ чувствованій основывается на принципѣ *силы* съ его соотносительнымъ понятіемъ—безсилія, выражающихся какъ въ нашей дѣятельности вообще, такъ и въ области мышленія въ частности. Отсюда получаются двѣ категоріи эгоистическихъ чувствованій—общая и спеціальная. Къ первой категоріи, въ свою очередь, относятся двѣ противоположныя группы: съ одной стороны, чувства силы вообще, смѣлости, чести и гнѣва, а съ другой—чувства скромности, застѣнчивости, страха, зависти и ревности; впереди тѣхъ и другихъ поставляется авторомъ простое эгоистическое чувство наслажденія и стремленіе къ нему. Ко второй категоріи относятся чувства напряженія и легкости при мышленіи, усталости и отдыха, успѣха и неуспѣха, разнообразія и монотонности, скуки и ожиданія. Кромѣ того, многія изъ указанныхъ чувствованій выражаются въ болѣе частныхъ формахъ. Такъ, чувство силы выражается въ формахъ—самолюбія, гордости, властолюбія, честолюбія и др.; смѣлость переходитъ въ самонадѣянность, а чувство чести—въ славолюбіе; частнѣйшими формами гнѣва служатъ: раздраженіе, гнѣвъ въ собственномъ смыслѣ, ярость, ненависть, месть, злоба, а частнѣйшія формы страха суть: боязнь, собственно страхъ, испугъ и ужасъ. Равнымъ образомъ, скука нерѣдко выражается въ формахъ тоски и апатіи; чувство же ожиданія представляетъ въ своемъ теченіи двѣ стадіи: состояніе напряженія и состояніе разрѣшенія, или окончанія напряженія, а каждое изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ въ свою очередь различныя формы и виды, каковы, съ одной стороны: нетерпѣніе, надежда, увѣренность, сомнѣніе и опасеніе, а съ другой—удовлетвореніе ожиданія, обманъ, неожиданность, контрастъ и удивленіе. Авторъ до-

вольно подробно описываетъ и характеризуетъ каждое чувство порознь, указываетъ съ возможною полнотою условія ихъ зарожденія и развитія, изслѣдуетъ формы ихъ проявленія въ зависимости отъ частныхъ различій характера и темперамента индивидуумовъ и отъ случайныхъ обстоятельствъ и наконецъ подробно говоритъ о внѣшнихъ формахъ выраженія чувствованій. Самый анализъ чувствованій направленъ авторомъ къ оправданію главнаго принципа, лежащаго въ основѣ классификаціи эгоистическихъ чувствованій. Съ точки зрѣнія этого принципа не только гордость, самолюбіе, честолюбіе, смѣлость, но и гнѣвъ въ разнообразныхъ его формахъ является, по взгляду автора, выраженіемъ одного основного чувства *силы*— физической и нравственной; съ другой стороны, не только страхъ во всѣхъ его видахъ, а равно зависть и ревность, но и скромность и застѣнчивость являются выраженіями безсилія и слабости. Съ такими сужденіями, конечно, трудно согласиться: гнѣвъ очень часто и возбуждается, и поддерживается сознаніемъ безсилія, а скромность и застѣнчивость могутъ соединяться съ сознаніемъ величайшей силы. Равнымъ образомъ, чувства зависти и ревности отнюдь не могутъ быть выводимы только изъ чувства безсилія. Самъ авторъ былъ вынужденъ допустить въ своихъ объясненіяхъ этихъ чувствованій цѣлый рядъ другихъ основаній и элементовъ, изъ которыхъ они слагаются. Органическія условія возникновенія многихъ эгоистическихъ чувствованій вовсе не затронуты авторомъ. Гораздо въ меньшей степени могутъ быть объяснены принципомъ силы такъ называемыя „формальныя“ чувствованія, связанныя съ познавательнымъ процессомъ. По крайней мѣрѣ, чувства скуки обусловливаются не столько сознаніемъ нашей силы, или безсилія, сколько отсутствіемъ поводовъ къ энергичной дѣятельности и несоотвѣтствіемъ самаго матеріала съ нашими умственными силами (ср. стр. 444); чувства же ожиданія во всѣхъ ихъ формахъ, по признанію самаго автора, обусловливаются различными отношеніями между нашими мыслями и теченіемъ событій, а равно извѣстною суммою знаній относительно порядка слѣдованія событій (стр. 447).

Исчисляя разные виды альтруистическихъ чувствованій, авторъ вовсе не объединяетъ ихъ какимъ-либо общимъ принци-

номъ и не сводитъ ихъ къ одному основанію. Общею чертою ихъ являются лишь наши различныя отношенія къ другимъ людямъ, къ предметамъ искусства и къ внѣшней природѣ. На первомъ планѣ авторъ ставитъ эстетическія чувствованія, относимыя сюда на томъ основаніи, что предметы ихъ имѣютъ общее значеніе и доставляютъ наслажденіе множеству людей (стр. 461). Грубое эгоистическое наслажденіе въ нихъ исчезаетъ и люди объединяются въ искусствѣ однимъ прекраснымъ объектомъ. Основою и составными элементами эстетическихъ волненій, авторъ признаетъ физическія чувствованія удовольствія и неудовольствія, посредствуемыя органами зрѣнія и слуха. Такъ какъ послѣдніе суть главные проводники прекраснаго, то въ сферѣ этихъ органовъ и находятся объекты эстетическихъ волненій. Таковы въ области зрѣнія—цвѣта, формы и движенія, а въ области слуха—музыка и пѣніе. Авторъ довольно подробно опредѣляетъ условіе эстетическаго сочетанія цвѣтовъ, а равно условія эстетическаго дѣйствія на насъ формъ и движеній, симметричныхъ фигуръ, гармоніи, ритма и мелодіи, пользуясь для этого результатами работъ Вундта. Въ заключеніе авторъ высказываетъ замѣчанія объ объектахъ эстетическаго наслажденія въ природѣ и ея различныхъ царствахъ, заканчивая фигурою человѣка, какъ высшею эстетическою формою. Гораздо болѣе опредѣленный альтруистическій характеръ имѣютъ *симпатическія* чувствованія, выражающія такое состояніе чувствующаго субъекта, когда онъ живетъ жизнію другаго лица, усвояя его радости и горе (стр. 473). Симпатію авторъ признаетъ результатомъ впечатлительности нашего организма, невольно увлекающей насъ къ сочувствію другимъ,—наслѣдственнымъ свойствомъ человѣческой природы, врожденнымъ инстинктомъ, подчиняющимся, однако, въ своемъ развитіи разсчету, сознанію выгодъ взаимныхъ услугъ и одолженій. Даже значительныя жертвы съ нашей стороны, по взгляду автора, не совсѣмъ безкорыстны, такъ какъ приносятся нами во избѣжаніе нравственныхъ мученій (стр. 474). Такимъ образомъ, нравственный характеръ симпатическихъ чувствованій, подчиненіе ихъ въ своемъ развитіи требованіямъ нравственнаго долга, совершенно игнорируются авторомъ. Между тѣмъ, подвиги самопожертвованія и нерѣдко связанное съ ними

стремленіе избѣжать нравственныхъ мученій собственно и есть результатъ высокаго нравственнаго развитія, преобразующаго естественно данные инстинкты въ новую природу человѣка. Условіями возникновенія симпатическихъ чувствованій авторъ признаетъ: нашу собственную опытность въ различныхъ радостныхъ и горестныхъ положеніяхъ, силу пережитаго нами и выражаемаго другими чувства и наконецъ живую фантазію и значительную впечатлительность организма. Частныя формы симпатическихъ чувствованій очень разнообразны, но главнѣйшія изъ нихъ суть: жалость, грусть, сорадованіе, уваженіе и благоговѣніе (стр. 480).

Нѣжныя чувствованія, представляющія собою дальнѣйшее развитіе и усложненіе симпатіи, обусловливаются, по взгляду автора, соціальною жизнію и связанными съ нею выгодами (стр. 482). Характерными чертами нѣжныхъ чувствованій авторъ признаетъ: мягкость этихъ чувствованій и ихъ связь съ массивными чувствами,—чувство безпомощности, какъ составной элементъ всѣхъ нѣжныхъ чувствованій и наконецъ присутствіе въ нихъ пріятныхъ осязательныхъ ощущеній. Но изъ представленнаго авторомъ частнаго анализа и главнѣйшихъ формъ нѣжныхъ чувствованій, каковы: дружба, любовь между лицами разнаго пола и родительская любовь, не трудно видѣть, что указанныя черты отнюдь не имѣютъ одинаковаго для нихъ значенія и не могутъ быть названы характерными для всѣхъ нѣжныхъ чувствованій. Такъ, по признанію самаго автора, дружба отличается относительно слабымъ участіемъ въ ней осязательныхъ ощущеній; зато чувство безпомощности имѣетъ весьма большое значеніе въ дружбѣ. Между тѣмъ, частные примѣры показываютъ, что людей сближаетъ въ дружбѣ одинаковость умственнаго развитія и нравственныхъ качествъ, общность интересовъ и стремленій, взаимное уваженіе друзей, скорѣе основанное на сознаніи обоими достоинствъ другаго, чѣмъ на чувствѣ безпомощности. Самая дружба понята авторомъ въ узкомъ смыслѣ покровительства сильнаго слабому. Равнымъ образомъ, въ сложномъ чувствѣ половой любви, какъ видно изъ представленнаго авторомъ анализа, существенными чертами и элементами служатъ: органическая потребность, физическая привлекательность, поклоненіе красотѣ, уваженіе высокихъ

нравственныхъ качествъ характера и воли, силы ума и обширности свѣдѣній (стр. 490). Но при наличности этихъ условій можетъ существовать и развиваться любовь безъ всякаго участія пріятныхъ осязательныхъ ощущеній, или удовольствій объятія. Едва ли также можно согласиться съ авторомъ относительно отрицанія имъ высокой идеальной любви, свободной отъ всякихъ чувственныхъ побужденій (ср. 488 стр.). Родительская любовь понята авторомъ слишкомъ односторонне; онъ указываетъ главнымъ образомъ естественно-физіологическія условія этой любви—въ безпомощности ребенка, его пухлыхъ формахъ и удовольствіяхъ объятія и ничего не говоритъ о нравственной, чисто духовной связи между родителями и дѣтьми. Съ точки зрѣнія автора вовсе не можетъ быть объяснена любовь родителей къ дѣтямъ, достигшимъ зрѣлаго возраста и высокаго положенія, равно какъ и любовь возрастныхъ дѣтей къ родителямъ, а если такая любовь имѣетъ какія-либо другія основанія, то ихъ слѣдовало указать.

Высшую форму альтруистическихъ чувствованій составляютъ нравственныя чувствованія, выражающіяся въ сознаніи долга и справедливости по отношенію къ ближнимъ, а равно въ голосѣ совѣсти. Изслѣдуя условія развитія чувства нравственнаго долга и совѣсти, авторъ воспроизводитъ сужденія Бэна по тому же вопросу и является послѣдователемъ утилитаріанской доктрины. По его убѣжденію, основою нравственности, какъ и самаго общества, служитъ принципъ пользы. Послѣднимъ опредѣляется нравственное достоинство нашихъ дѣйствій и обусловливается наше нравственное чувство; что̀ полезно для цѣлаго общества и отдѣльныхъ лицъ, то и нравственно, и наоборотъ. Другими факторами нравственности, по убѣжденію автора, служатъ, съ одной стороны, вкусы, склонности и отвращенія цѣлыхъ націй и отдѣльныхъ, пользующихся авторитетомъ, лицъ, а съ другой—тѣ лучшіе инстинкты человѣческой природы, которые увлекаютъ насъ къ состраданію помимо всякихъ разсчетовъ на награду и заставляютъ жертвовать своею жизнію на пользу другихъ (стр. 494—497). Отсюда, согласно съ Бэномъ, авторъ указываетъ три класса нравственныхъ дѣйствій: дѣйствія, совершаемыя нами на пользу другихъ, ради прямыхъ выгодъ такихъ дѣйствій,—дѣйствія во

избѣжаніе укоровъ совѣсти и лучшей части общества и дѣйствія безкорыстныя—по одному сочувствію къ людямъ (стр. 498). Въ совѣсти авторъ видитъ не врожденную способность для различенія добраго и злаго, для укоровъ и наградъ за поступки, а сложное волненіе, развивающееся постепенно. Первоначально она образуется воспитаніемъ, а въ жизни гражданской основывается на чувствѣ внѣшняго авторитета и страхѣ наказаній, внушаемыхъ законами; въ дальнѣйшемъ же своемъ развитіи она является уже въ формѣ совершенно свободнаго чувства, иногда противорѣчащаго авторитету и руководимаго только сознаніемъ полезности извѣстныхъ дѣйствій для другихъ, независимо отъ всякихъ стороннихъ указаній. Вообще же развитіе ея обусловливается опытомъ и убѣжденіемъ многихъ последовательно смѣняющихся поколѣній относительно полезности извѣстныхъ нравственныхъ правилъ, дѣлающихся вслѣдствіе этого органическимъ достояніемъ людей, такъ что человѣкъ уже по самой природѣ своей начинаетъ гнушаться убійства, грабежа, оскорбленій и т. п. (стр. 501). Такимъ образомъ, авторъ, отрицая доктрину прирожденнаго нравственнаго закона и всякіе сверхчувственные элементы въ морали, стремится придать послѣдней чисто человѣчный характеръ и обосновать ее на однихъ эмпирическихъ данныхъ. Онъ признаетъ одно лишь естественное происхожденіе нравственныхъ идей и самой совѣсти, а мѣрило нравственности полагаетъ въ обнародованныхъ законахъ даннаго общества. Не вдаваясь въ подробную критику этого несостоятельнаго ученія, замѣтимъ лишь, что оно стоитъ въ полномъ противорѣчіи со многими фактами обыденнаго сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, если личная совѣсть складывается по типу, указанному законами и предписаніями отдѣльныхъ авторитетныхъ лицъ, то какъ она можетъ впослѣдствіи противорѣчить общимъ законамъ и внѣшнему авторитету и создавать себѣ особый законъ. Притомъ, гражданскіе законы сами суть продуктъ совѣсти отдѣльныхъ людей, а вовсе не причина предписаній нравственности. Далѣе, понятіе о добрѣ, какъ оно дано прямому наблюденію, вовсе не заключаетъ въ себѣ прямо и непосредственно идеи пользы, равно какъ и понятіе о злѣ не заключаетъ въ себѣ непосредственно идеи вреда. Полезность мыслится какъ нѣчто само собою являюще-

еся вмѣстѣ съ добромъ, какъ его естественное слѣдствіе, а вредъ—какъ естественное и необходимое слѣдствіе зла. Это—естественныя прибавки къ главному содержанію добра и зла, а не ихъ сущность, или составныя части. Въ виду этого, для обоснованія морали слѣдуетъ не погружаться въ изслѣдованіе внѣшней жизни и внѣшнихъ отношеній человѣка, а предположить изначала прирожденный человѣку источникъ его нравственнаго развитія, заключающійся въ совѣсти. Религіозныхъ чувствованій авторъ не касается и даже не упоминаетъ о нихъ. Въ общемъ, весь разсмотрѣнный отдѣлъ отличается нѣкоторою неполнотою содержанія и недостаточностью объясненій; описательная же сторона чувствованій можетъ быть названа образцовою.

Трактатъ о волѣ въ системѣ Каптерева (стр. 528—616, изд. 1), представляющій собою воспроизведеніе подобнаго же ученія Бэна, отличается сравнительною краткостью. Тѣмъ не менѣе, въ немъ мы находимъ раскрытіе всѣхъ фазисовъ наростанія волевой силы—отъ физіологическаго инстинкта до высшихъ проявленій сознательной, законосообразно дѣйствующей воли. Подъ волею въ широкомъ смыслѣ авторъ разумѣетъ способность совершать движенія, управлять органами своего тѣла, своими чувствами и направленіемъ своихъ мыслей, принимать рѣшенія по различнымъ вопросамъ и осуществлять эти рѣшенія (стр. 528). Первыя начала воли, ея основу и зародышъ авторъ полагаетъ въ рефлексахъ, самобытной дѣятельности нервной системы и инстинктивныхъ движеніяхъ. Этими тремя системами дѣйствій человѣкъ владѣетъ по природѣ; всѣ онѣ коренятся въ самобытной энергіи организма и сами по себѣ непроизвольны и безсознательны, но изъ нихъ то и выработываются свободныя дѣйствія, разумная сознательная воля. Въ своемъ развитіи воля, по взгляду автора, обусловливается главнымъ образомъ вліяніемъ нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій и закономъ смежности (стр. 535). Это вліяніе чувствованій состоитъ въ томъ, что пріятныя чувствованія стремятся къ продолженію и усиленію, а непріятныя къ ослабленію и прекращенію вызывающихъ ихъ движеній, причемъ всякое удовольствіе связано съ повышеніемъ, а каждое страданіе съ пониженіемъ жизненныхъ функцій. Подъ вліяніемъ закона смежности мы пріучаемся соединять съ опредѣленнымъ чувствомъ, или пред-

ставленіемъ, опредѣленное дѣйствіе, удерживаемъ въ памяти эти дѣйствія и образуемъ изъ нихъ цѣлыя системы. Впрочемъ, связь между чувствованіями и дѣйствіями и цѣлесообразность послѣднихъ достигается только путемъ многихъ опытовъ, какъ это ясно изъ наблюденій надъ новорожденными дѣтьми и животными. При дальнѣйшемъ развитіи воли дѣйствіе вызывается не прямо чувствомъ, а связаннымъ съ нимъ представленіемъ, или однимъ изъ многихъ мотивовъ, связанныхъ съ однимъ и тѣмъ же движеніемъ. Слѣдующіе шаги въ развитіи воли составляютъ: управленіе движеніями посредствомъ слова, подражаніе движеніямъ другихъ и способность дѣйствія единственно въ силу того, что мы хотимъ извѣстнаго дѣйствія (стр. 542). Руководящія начала здѣсь остаются тѣ же, что и на предыдущихъ ступеняхъ: удовольствіе, или страданіе и законъ смежности. Въ частности, органы движенія подчиняются рѣчи вслѣдствіе сочетанія извѣстныхъ звуковъ съ извѣстными дѣйствіями по стимулу удовольствія и страданія и вслѣдствіе закрѣпленія ихъ повтореніемъ по закону смежности, затѣмъ подчиняются представляемымъ формамъ движенія вслѣдствіе установленія связи между движеніемъ, выполняемымъ другимъ лицомъ, и связаннымъ съ чувствомъ импульсомъ къ движенію того же органа въ насъ самихъ и наконецъ подчиняются представленіямъ предметовъ, желаемой перестановкѣ, измѣненію вещей, въ силу связей, установившихся между этими предметами, соотвѣтствующими стимулами и потребными движеніями (стр. 543—545). Вліяніе воли на наши чувства и мысли авторъ признаетъ довольно ограниченнымъ. По его взгляду, мы имѣемъ власть лишь надъ чувствами, возбуждающими произвольные мускулы, и можемъ препятствовать ихъ развитію, задерживая ихъ воплощеніе. Наша же власть надъ теченіемъ представленій заключается лишь въ фиксаціи вниманія, сопровождающей дѣятельность воображенія и разсудка: въ данномъ случаѣ мы выбираемъ изъ воспроизводимыхъ по законамъ ассоціаціи представленій тѣ, которыя отвѣчаютъ нашему намѣренію, поставленной нами цѣли, и устраняемъ тѣ, которыя намъ въ настоящее время не нужны (стр. 548). Тутъ представленія возникаютъ въ сознаніи по собственнымъ законамъ, а умъ, руководимый опредѣленною цѣлью, только ожидаетъ возникновенія нужныхъ представленій и опре-

дѣляетъ ихъ годность. Подбирая извѣстныя представленія и извѣстнымъ образомъ сопоставляя ихъ, мы имѣемъ возможность вызвать и соотвѣтствующія чувствованія и такимъ образомъ, посредствомъ представленій, управлять своими чувствами (стр. 549). Такова воля въ своихъ основахъ, исторіи развитія и обнаруженіяхъ.

Нельзя не признать, что указанными авторомъ основами воли и ея первичными элементами вовсе еще не опредѣляются ни внутренняя природа воли, ни причины дальнѣйшаго развитія ея. Безспорно, что между первоначальными, чисто автоматическими, инстинктивными и рефлективными движеніями и сознательно-преднамѣренными, разумными и цѣлесообразными дѣйствіями развитаго человѣка не одно только количественное различіе, и заполнить раздѣляющую ихъ пропасть очень трудно. Поэтому необходимо предположить особую силу души, которая постепенно овладѣваетъ путемъ очень сложныхъ внутреннихъ процессовъ готовою системою движеній, коренящихся въ организмѣ, различнымъ образомъ комбинируетъ ихъ по собственнымъ мотивамъ и образуетъ изъ нихъ цѣлую систему новыхъ движеній. Эта сила души, качественно отличная отъ прочихъ ея способностей, а равно и основной процессъ ея дѣятельности, слагающійся изъ цѣлаго ряда внутреннихъ измѣненій сознанія, извѣстныхъ подъ именемъ потребности, стремленія, желанія, хотѣнія, рѣшимости и т. п., вовсе не затрогиваются авторомъ. Самое развитіе воли объясняется, по теоріи автора, чисто-механическимъ накопленіемъ опытовъ движеній, сопровождающихся различными для благосостоянія организма слѣдствіями, или иначе, возникающими отъ частаго повторенія ассоціаціями между движеніями и сопровождающими ихъ чувствованіями, и во всякомъ случаѣ представляется дѣломъ болѣе или менѣе случайнымъ, зависящимъ отъ внѣшнихъ условій. Притомъ, авторъ, занимаясь не столько объясненіемъ фактовъ, сколько описаніемъ и анализомъ ихъ, смѣшиваетъ первичные элементы воли съ ея основами. На самомъ же дѣлѣ не только первоначальныя рефлективныя движенія организма, но и развивающіяся на ихъ почвѣ произвольныя движенія не могутъ быть названы основами воли; они служатъ только орудіемъ и средствами для воли по отношенію къ внѣшнему міру. Самыя же основы коренятся гораздо глубже, во внутренней природѣ

души и ея врожденныхъ стремленіяхъ. Безспорно также, что изъ рефлективныхъ и инстинктивныхъ движеній могутъ быть отчасти объясняемы только чувственныя влеченія, или вообще такія дѣятельныя проявленія, которыя сами по себѣ не имѣютъ связи съ нашимъ самоопредѣленіемъ и нравственнымъ чувствомъ, но отнюдь не тѣ желательныя проявленія, которыя опредѣляются сознательными нравственными импульсами. Наконецъ, пониманіе воли авторомъ нельзя не признать нѣсколько узкимъ, такъ какъ имъ приписывается волѣ непосредственное вліяніе только на нашу мускульную систему, а не на внутреннія душевныя состоянія, въ которыхъ мы сознаемъ себя одинаково дѣятельными; притомъ самое понятіе воли связывается у него съ предположеніемъ постояннаго содѣйствія чувствованій, какъ мотивовъ, и слѣдовательно обнимаетъ не всѣ волевые акты.

Ученіе о мотивахъ занимаетъ очень видное мѣсто въ объясненіи авторомъ волевыхъ проявленій. Сущность этого ученія заключается въ слѣдующемъ. Мотивами нашей воли могутъ быть всѣ пріятныя и непріятныя ощущенія и чувствованія. Эти мотивы могутъ быть непосредственные и простые—различныя пріятныя и непріятныя чувствованія, отдаленные и сложные, опредѣляющіе общій характеръ нашей личной дѣятельности и дѣятельности цѣлаго народа,—дѣйствительные и идеальные, то есть, въ данный моментъ чувствуемыя нами удобства и неудобства, или только умопредставляемыя, ожидаемыя, предполагаемыя. Такъ какъ каждое наше дѣйствіе затрогиваетъ множество физическихъ и нравственныхъ мотивовъ, то эти послѣдніе обыкновенно вступаютъ между собою въ борьбу, исходъ которой опредѣляется слѣдующими условіями: относительною силою реальныхъ мотивовъ, живостью и отчетливостью припоминанія, навыкомъ руководиться въ дѣйствіяхъ мотивами одной опредѣленной категоріи и наконецъ различными состояніями организма и настроеніями духа, вліяющими на силу мотивовъ. Принимая дѣятельное участіе въ этой борьбѣ мотивовъ, мы задерживаемъ до времени совершеніе дѣйствія, тщательно оцѣниваемъ ихъ относительную силу, отыскиваемъ другіе противоположные имъ мотивы и наконецъ послѣ извѣстнаго періода обдумыванья, колебанія, рѣшаемся поступить сообразно съ наиболѣе убѣдительнымъ и сильнымъ мотивомъ. Для облегченія

же процесса обдумыванья и для избѣжанія какъ торопливости въ рѣшеніяхъ, такъ и состоянія нерѣшительности полезно, по взгляду автора, руководиться методами Франклина („алгебра нравственности") и Бэна, дающими намъ возможность и собрать достаточное количество положительныхъ и отрицательныхъ мотивовъ и взвѣсить ихъ внутреннюю силу и качество (стр. 555—556).

Ограничиваясь даже одною фактическою стороною дѣла, мы не можемъ не признать это ученіе нѣсколько одностороннимъ. Такъ, авторъ слишкомъ преувеличиваетъ связь волевыхъ актовъ съ чувствованіями удовольствія и страданія; между тѣмъ мы имѣемъ не малое число такихъ волевыхъ дѣйствій, мотивами которыхъ отнюдь не служатъ названныя чувствованія. Сюда прежде всего должны быть отнесены тѣ дѣйствія, которыя имѣютъ своимъ мотивомъ какое-либо *представляемое* удовольстіе, или страданіе. Представляемое же удовольствіе вовсе не есть удовольствіе само по себѣ и слѣдовательно въ данномъ случаѣ дѣйствіе опредѣляется вовсе не чувствованіемъ, а скорѣе представленіемъ, связаннымъ съ стремленіями человѣка. Затѣмъ, вовсе не связаны съ чувствованіями дѣйствія привычныя и дѣйствія, совершаемыя во имя долга. Привычка, какъ извѣстно, притупляетъ живость чувствованій до полнаго безразличія. Равнымъ образомъ, и въ обычномъ ходѣ опредѣленнымъ образомъ упорядоченной жизни чувствованія, какъ мотивы единичныхъ дѣйствій, играютъ крайне ничтожную роль; большинство нашихъ дѣйствій съ неизбѣжною необходимостью безъ всякихъ предшествующихъ чувствованій, вступаютъ въ рядъ однообразнаго теченія ежедневной жизни. Тѣмъ болѣе въ исполненіи обязанностей мы имѣемъ такіе волевые акты, которые не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ чувствованій удовольствія или страданія. Обязанности вообще исполняются вслѣдствіе установленнаго предыдущимъ опытомъ убѣжденія въ безусловной цѣнности извѣстнаго рода дѣйствій; цѣнность же дѣйствія вовсе не равнозначна съ способностью его приносить удовольствіе: часто обязанность именно означаетъ отказъ отъ какого-нибудь удовольствія. Отсюда, въ возникновеніи желаній и дѣйствій главная роль принадлежитъ не чувствованіямъ и даже не представленіямъ самимъ по себѣ, а стремленіямъ ду-

ши, ставшимъ въ связи съ представленіями и чувствованіями сознательными актами.

Далѣе, въ связи съ ученіемъ о мотивахъ ставится авторомъ вопросъ о свободѣ воли и рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ. Вопреки общепринятому представленію о свободѣ, какъ способности дѣйствовать независимо отъ мотивовъ, въ силу собственной власти воли, авторъ полагаетъ свободу воли „въ оцѣнкѣ мотивовъ и слѣдованіи тому, который покажется наиболѣе убѣдительнымъ“ (стр. 566). Наоборотъ, способность, не зависящая ни отъ чего, не подчиняющаяся правилу и мотиву, одно свободно укрѣпляющая, а другое ослабляющая, по его взгляду, „есть пустая басня, психологическій обманъ, иллюзія“. Эта иллюзія порождается сложностью мотивовъ и ихъ борьбою и поддерживается нѣкоторыми частными обстоятельствами, а именно: въ одномъ случаѣ мы поступаемъ по одному мотиву, а въ другомъ подобномъ—по другому, и слѣдовательно какъ будто свободно выбираемъ мотивы. Но этотъ самообманъ, по автору, зависитъ отъ разницъ между самыми случаями и степени продолжительности обдумыванья. Если же мы съ успѣхомъ боремся противъ сильныхъ и настоятельныхъ мотивовъ, то въ данномъ случаѣ причина вовсе не въ свободной волѣ, а просто—одни мотивы задерживаются другими, болѣе постоянными и общими, выражающими наши существенные интересы. Съ другой стороны, зависимость воли отъ мотивовъ и слѣдовательно отсутствіе ея свободы подтверждается извѣстнымъ постоянствомъ человѣческихъ дѣйствій и вытекающею отсюда возможностью правильныхъ предсказаній относительно дѣйствій отдѣльныхъ людей, цѣлыхъ обществъ и даже народовъ. Нравственная статистика показываетъ, что одинаковыя свободныя дѣйствія людей въ данномъ обществѣ, или народѣ изъ году въ годъ повторяются приблизительно въ одинаковомъ количествѣ. Это объясняется одинаковостью условій, отношеній и обстоятельствъ жизни людей, вызывающихъ и одинаковыя дѣйствія; послѣднія такимъ образомъ суть результатъ нашего разумнаго приспособленія къ даннымъ обстоятельствамъ. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, или что то же—мотивовъ дѣйствій, измѣняется и характеръ ихъ и ихъ количество. Отсюда несомнѣнно, что свободная воля есть только разумная

оцѣнка мотивовъ и разумное слѣдованіе убѣдительнѣйшему мотиву. Но такимъ понятіемъ о свободной волѣ не ограничивается наша власть надъ нашими дѣйствіями. Мы сохраняемъ способность вліять на улучшеніе нашихъ привычекъ и характера посредствомъ фиксаціи мотивовъ: постепенно ослабляя мотивы дѣйствій, сопровождающихся вредомъ для насъ и ближнихъ, мы можемъ укрѣпить своимъ постояннымъ вниманіемъ къ нимъ мотивы противоположные, а при настойчивости съ своей стороны обезпечить имъ преобладаніе. При частомъ повтореніи дѣйствій борьба мотивовъ постепенно ослабѣваетъ и мы начинаемъ совершать дѣйствія безъ всякой борьбы, по привычкѣ. Послѣдняя и есть закрѣпленіе извѣстнаго дѣйствія за извѣстнымъ мотивомъ по закону смежности, причемъ всѣ прочіе мотивы устраняются. Затѣмъ, изъ множества привычекъ образуется склонность, или стремленіе дѣйствовать въ одномъ направленіи, извѣстной категоріи мотивовъ давать преимущество предъ другими, опредѣлять свои дѣйствія ими, а не другими мотивами. Авторъ на живыхъ и наглядныхъ примѣрахъ уясняетъ процессъ образованія склонностей изъ отдѣльныхъ привычекъ. Склонность, продолжавшаяся значительное время, переходитъ въ страсть. Послѣдняя есть та высшая форма склонности, въ которой извѣстные мотивы получаютъ абсолютное преобладаніе надъ всѣми другими и лишаютъ человѣка возможности управлять теченіемъ своей психической жизни. Въ результатѣ обозрѣнія привычекъ, склонностей и страстей авторъ приходитъ къ выводу, что всѣ эти психическіе акты возникаютъ и развиваются въ насъ въ значительной степени помимо нашей воли и заключаютъ въ себѣ много непроизвольнаго. Правда, мы можемъ контролировать ихъ и бороться съ ними посредствомъ убѣжденій, но и убѣжденія наши складываются не независимо отъ жизненныхъ вліяній, привычекъ, склонностей и страстей и слѣдовательно „отчасти непроизвольно". Такимъ образомъ получается полное отрицаніе свободы воли.

Однако, приведенные Каптеревымъ доводы въ пользу отрицанія свободы воли недостаточно убѣдительны. Въ своемъ сознаніи и самосознаніи мы находимъ много неоспоримыхъ до-

казательствъ существованія свободы въ человѣкѣ. Каждый знаетъ по собственному опыту, что его дѣйствія отнюдь не суть результаты только различныхъ условій (мотивовъ), и не вынуждаются ими необходимо, ибо и отъ себя нужно прибавить къ мотиву нѣчто, именно силу воли, чтобы дѣйствіе состоялось. Это свидѣтельство внутренняго опыта и заставляетъ человѣка признать, что онъ поступаетъ свободно, что онъ *можетъ* дѣлать и не дѣлать, можетъ дѣлать *такъ* и иначе. Самое сознаніе свободы, подтверждаемое и голосомъ совѣсти, есть фактъ неоспоримый, всеобщій, непреложный законъ человѣческой природы. Правда, въ своихъ обнаруженіахъ, при направленіи поступковъ человѣка въ извѣстную сторону, воля опредѣляется различными мотивами; однако, въ эти послѣдніе личность человѣка не переходитъ всецѣло, безъ остатка, не подчиняется имъ фатально. Напротивъ, мы не только сознаемъ въ себѣ отличную отъ мотива силу воли, но и являемся самостоятельными распорядителями своихъ дѣйствій, сами свободно выбираемъ изъ всей массы побужденій только нѣкоторыя, нерѣдко останавливаемся на слабѣйшихъ побужденіяхъ и подкрѣпляемъ ихъ, а противоположныя, болѣе сильныя, подавляемъ, парализуемъ ихъ вліяніе, или и вовсе устраняемъ. Извѣстно, напримѣръ, что инстинктъ самосохраненія—самый могущественный изъ всѣхъ стимуловъ, но люди часто жертвуютъ имъ въ пользу другихъ интересовъ и вступаютъ въ раздоръ съ естественными потребностями природы, а этого не было бы при господствѣ сильнѣйшихъ побужденій, какъ стимуловъ дѣйствій. Въ виду этого, необходимо признать, что импульсы, или мотивы, даютъ только толчокъ волѣ, указываютъ ей возможные пути, но не опредѣляютъ ее необходимо. Мало того, мотивы не могутъ быть разсматриваемы, какъ нѣчто готовое, сформировавшееся, тѣмъ болѣе *внѣшнее* по отношенію къ дѣйствующей личности. Они не навязываются намъ и нашему сознанію извнѣ, какъ вынудительныя причины, но создаются самою волею, которая побуждаетъ мышленіе вырабатывать основанія для нашей дѣятельности, причемъ самому появленію извѣстныхъ мотивовъ предшествуетъ нерѣдко долгое размышленіе, рядъ колебаній,—словомъ, такіе процессы, въ

которыхъ собственно и проявляется свобода воли. Но послѣ того какъ мотивы выработаны свободною волею, человѣкъ *долженъ* и выполнить ихъ; противоположный образъ дѣйствованія свидѣтельствовалъ бы о ненормальности душевной жизни. Такимъ образомъ, господствующая въ нашихъ дѣйствіяхъ причинность создается всякій разъ самою волею и слѣдовательно есть причинность свободная. Возраженія же, опирающіяся на статистическихъ данныхъ, не настолько тверды, чтобы на основаніи ихъ можно было отрицать существованіе человѣческой свободы. Понятіе свободы вполнѣ совмѣстимо съ правильностью въ дѣйствіяхъ, такъ какъ свобода не есть абсолютный произволъ; въ своемъ обнаруженіи она подчиняется опредѣленнымъ законамъ духовной жизни и ограничивается внѣшними условіями, которыя, однакожъ, не вынуждаютъ, а только располагаютъ и вызываютъ волю къ дѣятельности. Сознаніе же возможности поступить и иначе неизмѣнно сопровождаетъ всякую нашу дѣятельность, о чемъ свидѣтельствуютъ и факты раскаянія.

Отрицаніе авторомъ свободы воли отразилось и на его ученіи о характерѣ. Опредѣливши характеръ съ одной формальной стороны, какъ „силу связи представленій и чувствованій съ дѣйствіями", а равно какъ „степень стремительности и упорства, стойкости и мужества въ дѣятельности" (стр. 591), авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи отожествляетъ характеръ съ темпераментомъ, описываетъ разные виды темпераментовъ, указываетъ ихъ характерныя особенности и наконецъ подробно уясняетъ условія образованія „характера" вообще, относя сюда: вліяніе природныхъ свойствъ, вліяніе воспитанія и вліяніе жизни. Ограничившись самыми краткими замѣчаніями относительно перваго и третьяго факторовъ въ образованіи характера, авторъ почти исключительно занимается условіями воспитанія семейнаго и школьнаго, обозрѣваетъ разныя воспитательныя системы и предлагаетъ наиболѣе цѣлесообразныя средства къ образованію характеровъ сильныхъ, стойкихъ и рѣшительныхъ. Весь этотъ отдѣлъ въ своемъ существенномъ содержаніи принадлежитъ педагогикѣ; спеціально психологическаго матеріала въ немъ мы почти не находимъ. Слѣдуетъ, однако,

замѣтить, что ученіе Каптерева о характерѣ слишкомъ одностороннее: онъ уяснилъ лишь условія образованія такъ называемаго естественнаго характера, причемъ самый характеръ въ его ученіи представляется чѣмъ-то роковымъ для человѣка. Вообще же, во всемъ трактатѣ о волѣ, авторъ стремится объяснить желательныя проявленія одними внѣшними условіями, а не изъ самой природы души; ноическія свойства воли игнорируются имъ, а естественно-историческое развитіе воли вовсе не поставляется въ связь съ требованіями нашей нравственной природы.

Заканчивается психологическая система Каптерева краткимъ анализомъ фактовъ сознанія и самосознанія. Согласно съ англійскими психологами, авторъ видитъ въ сознаніи только свойство и качество психическихъ состояній, выраженіе ихъ силы, напряженности, различія и отдѣльности одного отъ другаго; сознаніе есть краткое, суммарное обозначеніе всѣхъ психическихъ актовъ (стр. 617). Самосознаніе понимается имъ, какъ сознаніе своихъ особенностей по сравненію съ окружающими предметами, сознаніе единства своихъ дѣйствій и отнесеніе ихъ къ нашему *я* (стр. 623). Послѣдовательныя ступени въ его развитіи суть: сознаніе о себѣ, какъ тѣлѣ съ извѣстными свойствами и особенностями, — какъ членѣ великой іерархической и общественной лѣстницы, — какъ опредѣленной духовной личности съ извѣстными умственными и нравственными свойствами и наконецъ, какъ личности тожественной среди всѣхъ измѣненій физической и психической жизни. *Я*, съ эмпирической точки зрѣнія автора, есть не что иное, какъ связь психическихъ явленій, ихъ единство, логическій субъектъ (стр. 630). Вопросъ о сущности сознанія и самосознанія, ихъ носителѣ и источникѣ, вовсе обходится авторомъ, между тѣмъ безспорно, что сознаніе, въ значеніи одной только суммы психическихъ состояній, безъ того существа, которое бы выражало эту сумму, совершенно не мыслимо.

На основаніи представленнаго обзора психологической системы Каптерева не трудно видѣть, что она стремится главнымъ образомъ открыть и уяснить взаимныя отношенія между физическими и психическими явленіями. Но занимаясь слиш-

комъ много физическими и физіологическими спутниками и условіями психическихъ явленій, авторъ очень мало обращаетъ вниманія на внутренній смыслъ душевныхъ актовъ и нерѣдко вовсе забываетъ о самомъ психическомъ дѣятелѣ, превышающемъ всѣ физическія условія, при которыхъ онъ обнаруживается. Всѣ разсужденія автора очень полезны для отчетливаго предварительнаго подхода къ психическимъ проявленіямъ, но въ психологическомъ отношеніи значеніе ихъ неполно, такъ какъ они не касаются самой сущности изслѣдуемыхъ фактовъ и объединяющаго ихъ основнаго начала. Тѣмъ не менѣе, разсматриваемый въ цѣломъ, психологическій трудъ Каптерева очень полезенъ. Это—лучшая естественная исторія человѣческой души, возможно полнѣйшее аналитическое изложеніе душевныхъ явленій, драгоцѣнное собраніе хорошо обработанныхъ матеріаловъ. При томъ, тонкій анализъ, мастерская обработка фактовъ, удачные опытные пріемы изслѣдованія, живые и наглядные примѣры и ясное, отчетливое изложеніе, составляютъ безспорныя достоинства ученаго труда Каптерева.

М. Вержболовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ.

(Продолженіе *).

16. Науки чисто раціональныя не объясняютъ никакихъ фактовъ, но устанавливаютъ апріорныя истины, которыя служатъ средствомъ для объясненія.

Въ этихъ наукахъ мышленіе опирается на очевидныя идеи, съ которыми ставятся въ связь ряды доказанныхъ сужденій. Должно тщательно избѣгать смѣшенія апріорнаго характера данныхъ разума съ притязаніемъ a priori построить науку о фактахъ,—съ притязаніемъ, къ которому въ большинствѣ случаевъ примѣнимо изреченіе Бюффона: „кто строитъ зданіе на абстрактныхъ идеяхъ, тотъ воздвигаетъ храмъ заблужденію“.

Раціональныя науки устанавливаютъ принципы для объясненія фактовъ, но въ своей собственной области не имѣютъ ни одного факта. Математикъ устанавливаетъ теоремы, которыми пользуется астрономъ и физикъ; логикъ и метафизикъ вырабатываютъ формулы, которыя служатъ основаніемъ для всякой умственной работы. Здѣсь есть нѣчто аналогичное приготовленію орудій въ промышленномъ производствѣ. Вотъ почему можно сказать, что въ противоположность полной наукѣ, науки чисто раціональныя имѣютъ орудный характеръ (un caractère instrumental).

17. Науки чисто опытныя имѣютъ цѣлью согласованіе личной мысли съ фактами.

Поставить личную мысль въ согласіе съ фактами значитъ образовать сужденія, которыя служатъ вѣрнымъ выраженіемъ воспріятій, если дѣло идетъ о чувственныхъ реальностяхъ, или вѣрнымъ выраженіемъ непосредственныхъ данныхъ сознанія, если дѣло идетъ о явленіяхъ психическихъ.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 16.

Предметомъ опытной науки служитъ все то, что можно констатировать непосредственно. Если я утверждаю, что водяной паръ состоитъ изъ кислорода и водорода, что въ извѣстныхъ случаяхъ перерѣзанный нервъ развиваетъ теплоту; что такой-то грибъ имѣетъ ядовитыя свойства; что извѣстное количество алкоголя, введенное въ человѣческій желудокъ, причиняетъ разстройство въ его отправленіяхъ: то во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ я высказываю сужденія, справедливость которыхъ можно констатировать непосредственнымъ опытомъ и наблюденіемъ. Утвержденія этого характера далеко не могутъ, однако, удовлетворить запросовъ мысли. Констатированіе фактовъ, правда, есть точка отправленія и основаніе всякаго серьезнаго изысканія; но научный умъ, послѣ констатированія фактовъ, желаетъ ихъ объяснить. Въ дѣйствительности нѣтъ наукъ чисто опытныхъ, хотя въ каждой наукѣ есть опытный элементъ, т. е., матеріалъ, необходимый для построенія извѣстной теоріи. Химія есть наука по существу экспериментальная, но въ книгѣ Вюртца *„объ атомистической теоріи"* [1]), равно какъ и во всѣхъ подобныхъ работахъ, мысль ученаго постоянно выходитъ за предѣлы простаго изложенія наблюдаемыхъ фактовъ.

18. Наука въ полномъ составѣ должна быть вмѣстѣ и опытною и раціональною, потому что ея задача—объяснить факты.

Науки чисто раціональныя имѣютъ только орудное значеніе, науки чисто опытныя только констатируютъ факты, но не объясняютъ ихъ. Цѣль же умственной работы есть объясненіе (13 и 14), а оно достигается посредствомъ мышленія, которое должно руководиться законами мысли и сообразоваться съ общими истинами разума (52). Здѣсь мы должны признать и въ *позитивизмѣ* долю истины, но въ то же время должны указать, что въ немъ есть и нѣчто совершенно ложное. Повторяя со временъ Бэкона, что всякое апріорное построеніе призрачно, и изученіе фактовъ есть необходимое основаніе серьезнаго познанія, позитивизмъ высказываетъ несомнѣнную истину. Но онъ заблуждается и игнорируетъ коренныя стремленія разума,

[1]) Томъ *Интернаціональной научной библіотеки* (Bibliothèque scientifique internationale, Paris 1879).

когда устами Огюста Конта утверждаетъ, будто мысль должна ограничиться простою „координаціей фактовъ". Факты, въ точномъ смыслѣ слова, это предметъ непосредственнаго наблюденія или результатъ эксперимента. Если бы мысль ограничивалась фактами въ только что указанномъ смыслѣ слова, то все прошедшее исчезло бы. Очевидно, напр., что теорія ледниковъ, которая играетъ такую громадную роль въ новѣйшей геологіи, не есть ни непосредственно наблюдаемый фактъ, ни координація такихъ фактовъ.

Природа явленій для послѣдовательнаго позитивизма совершенно недоступна. Колебанія эфира, къ которымъ наши физики сводятъ объективную сторону явленій теплоты и свѣта, нельзя назвать ни фактами, доступными непосредственному наблюденію, ни координаціей этихъ фактовъ. Законъ инерціи,—основаніе нашей механики, а чрезъ механику и всей физики, конечно, также не данъ въ непосредственномъ наблюденіи. Вѣроятно, всѣ современные позитивисты допустятъ теорію Коперника. Но эта теорія есть принципъ для объясненія фактовъ, а отнюдь не простая координація ихъ. Если бы методъ, вытекающій изъ позитивныхъ теорій, былъ проводимъ послѣдовательно, то наукѣ угрожала бы смерть. Великій изобрѣтатель, Амперъ, утверждалъ, что источникъ многихъ, чисто опытныхъ, открытій заключается въ объяснительныхъ теоріяхъ. „Исключить изъ исторіи жизненныхъ явленій всякія теоретическія предположенія (гипотезы),—пишетъ другой знаменитый натуралистъ, Мильнъ Эдварсъ (Milne Edwars),—значило бы лишить естествознаніе одного изъ необходимыхъ элементовъ" [1]).

Итакъ необходимо признать, что наука не ограничивается изложеніемъ фактовъ, но, сверхъ этого, требуетъ признанія реальностей, необходимыхъ для ихъ *объясненія*. И это весьма важно. Вопросъ теперь въ слѣдующемъ: на что опираются дедукціи, дающія объясненіе фактовъ?

19. Научныя объясненія суть результатъ дедукцій, опирающихся на идеи класса, закона, причины и цѣли.

Когда мысль имѣетъ предъ собою реальности и стремится ихъ понять, то точкой отправленія для дедукцій служатъ не

[1]) *Revue scientifique* 18 дек. 1879 стр. 559.

непосредственно очевидныя истины, какъ это бываетъ въ наукахъ раціональныхъ; но тѣ общія положенія или предположенія, о которыхъ кратко мы уже говорили выше (14) и логическій характеръ которыхъ выяснимъ съ большею подробностію дальше (52). Эти общія положенія имѣютъ отношеніе къ одной изъ четырехъ идей, о которыхъ мы только что упомянули, идей: класса, закона, причины и цѣли.

Въ средневѣковой философіи играло большую роль ученіе Аристотеля о четырехъ причинахъ: матеріальной, формальной, дѣйствующей (efficiente) и конечной. Сущность этой знаменитой теоріи можно разъяснить на слѣдующемъ простомъ примѣрѣ. Предположимъ, что нужно объяснить происхожденіе какой нибудь статуи. Для этого необходимо опредѣлить: 1) субстанцію или вещество, изъ котораго она сдѣлана (мраморъ, мѣдь), это причина матеріальная; 2) идею статуи, какъ она существовала въ умѣ художника,—это причина формальная; 3) работу, которая сообщила матеріи опредѣленную форму, это причина дѣйствующая; 4) цѣль, въ виду которой художникъ выполнилъ свою работу (матеріальный интересъ, удовлетвореніе эстетическаго чувства), это причина конечная [1]).

Отвѣтивъ на всѣ эти четыре вопроса, мы дадимъ полное объясненіе факта существованія статуи. Такова теорія. Достаточно нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, что-бы показать соотвѣтствіе четырехъ причинъ Аристотеля съ четырьмя идеями: класса, закона, причины и цѣли. Матеріальная причина входитъ въ идею класса, по скольку послѣдняя обозначаетъ просто извѣстную субстанцію или вещество (substance), какъ это бываетъ, напр. въ химіи. Формальная причина входитъ также въ идею класса, по скольку послѣдняя обозначаетъ извѣстный типъ, или принципъ соединенія элементовъ, какъ въ біологіи; она входитъ въ идею закона, если дѣло идетъ о послѣдовательности явленій. Конечная причина есть то же, что идея цѣли. Наконецъ, дѣйствующая причина есть сила производящая явленія; это есть причина въ собственномъ смыслѣ,—то, что мы будемъ называть—просто причиною. Терминологія, избранная

---

[1]) См. у Аристотеля: *Метафизика* кн. I, гл. 3; кн. V, гл. 2.—*Физика* кн. II, гл. 3.

Аристотелемъ для выраженія своей мысли, неудобна въ томъ отношеніи, что отъ употребленія термина *причина* въ различныхъ смыслахъ можетъ происходить двусмысленность. Вѣдь Аристотель, въ своемъ анализѣ, хотѣлъ точно опредѣлить условія существованія извѣстнаго факта. Но, конечно, его „причина", понятіе о которой мы съуживаемъ до понятія о причинѣ дѣйствующей, есть лишь одно изъ этихъ условій, но—отнюдь не единственное.

Объясненіе посредствомъ идеи класса.

20. Объясненіе посредствомъ идеи класса вытекаетъ изъ принципа, по которому то, что справедливо относительно рода, справедливо и относительно вида, равно какъ и индивидуума.

Слова *видъ* и *родъ* имѣютъ общій логическій смыслъ; употребленіе же ихъ въ опредѣленномъ значеніи въ естествознаніи есть лишь спеціальное примѣненіе этого общаго логическаго смысла. Видъ есть классъ индивидуумовъ; родъ—классъ видовъ. Эти термины имѣютъ значеніе относительное. То, что есть родъ въ отношеніи къ индивидуумамъ или видамъ низшаго порядка, становится видомъ по отношенію къ роду высшаго порядка. Представимъ себѣ нѣсколько ящиковъ различной величины, вложенныхъ одинъ въ другой. Каждый изъ нихъ будетъ представлять родъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые въ немъ заключаются, и видъ,—по отношенію къ тѣмъ, въ которыхъ онъ самъ содержится. Принципъ всякаго мышленія состоитъ въ томъ, что изъ общаго сужденія можно выводить положенія частныя и индивидуальныя. Этотъ принципъ имѣетъ приложеніе къ идеѣ класса. Вотъ кусокъ металла; почему онъ имѣетъ именно такой вѣсъ и такія качества? Я отвѣчаю: потому, что это кусокъ платины. Объясненіе здѣсь состоитъ въ указаніи на то, что всякій платиновый предметъ имѣетъ именно такой вѣсъ и такія качества. Выдающуюся черту характера у какого-нибудь человѣка я объясняю его національностію, потому что выхожу изъ мысли, что лица его націи вообще имѣютъ эту отличительную черту. Я наблюдаю въ природѣ движеніе, которое не зависитъ отъ физическихъ дѣйствій; это движеніе я объясняю присутствіемъ живаго существа, такъ

какъ выхожу изъ мысли, что произвольность движеній есть одно изъ обнаруженій жизни. Идея класса, которая доставляетъ основную форму для объясненій, есть результатъ нашей способности къ обобщенію.

21. Обобщеніе, устанавливающее классы, есть необходимое условіе научной мысли.

Извѣстно, что не можетъ быть науки о частномъ, какъ сказалъ еще Аристотель. Если бы каждую частичку, каждое растеніе, каждое животное нужно было разсматривать отдѣльно, тогда мысль могла-бы быть выражаема лишь посредствомъ собственныхъ именъ. Отсутствіе общихъ названій сдѣлало бы знаніе невозможнымъ, такъ какъ потребовалось-бы безконечное число словъ для обозначенія безчисленнаго количества отдѣльныхъ предметовъ. Обобщеніе, слѣдовательно, необходимо не только для научныхъ положеній, но и для самаго языка. Такимъ образомъ, оно есть естественное явленіе, которое съ полнымъ правомъ можно назвать инстинктивнымъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ имена собственныя дѣлаются нарицательными: для ребенка, родившагося въ Ліонѣ или въ Женевѣ, всякая рѣка есть Рона.

22. Объясненіе посредствомъ идеи класса предполагаетъ существованіе сходныхъ элементовъ у множества предметовъ, которые въ другихъ отношеніяхъ различны.

Этимъ мы утверждаемъ объективную реальность классовъ, которой и нельзя отвергать, не разрушая самыхъ основаній науки, хотя нѣкоторые, подъ вліяніемъ ложныхъ теорій, и не признаютъ ея.

Предметы, открываемые непосредственнымъ опытомъ, всегда индивидуальны. Вотъ почему философы—эмпирики пришли къ мысли, что въ природѣ есть только индивидуумы, а классы существуютъ только въ нашей мысли. Если бы это было такъ, то наши классификаціи были бы произвольны, и ученый создавалъ бы ихъ по своему произволу. Несомнѣнно, однако, что цѣль науки состоитъ не въ изобрѣтеніи, т. е., не въ произвольномъ создаваніи классовъ, а въ опредѣленіи классовъ дѣйствительно существующихъ. Великій натуралистъ Агассисъ

развилъ эту мысль съ большею силою и авторитетомъ [1]). Въ ожиданіи лучшей классификаціи можно пользоваться и *искусственною*; но ученый всегда стремится открыть классификацію *естественную*. Если бы было иначе, то классификаціи были бы болѣе или менѣе удобны съ практической точки зрѣнія, но всѣ имѣли бы одинаковое значеніе съ точки зрѣнія истинности,—что, однако, совершенно несправедливо. Кто рѣшится утверждать, наприм., что ботаническая классификація, основанная на цвѣтѣ вѣнчиковъ, имѣетъ то же значеніе, что и классификація, исходящая изъ разсмотрѣнія существенныхъ органовъ жизни? Классы имѣютъ идеальную реальность и личная мысль стремится къ согласію съ нею. Въ химіи не отвергаютъ реальности классовъ; никто не думаетъ, будто различіе простыхъ тѣлъ, хотя-бы въ незначительной степени, основано на произволѣ. Реальности классовъ не стали бы оспаривать и въ естественной исторіи, если бы отчетливо различали два вопроса, которые, не смотря на ихъ существенное различіе, иногда смѣшиваютъ,—вопросъ о реальности видовъ и вопросъ объ ихъ происхожденіи.

Предметы, принадлежащіе одному классу, обозначаются общимъ именемъ. Дать общее названіе многимъ предметамъ значитъ дать право усвоять общіе признаки предметамъ, въ другихъ отношеніяхъ различнымъ. Обозначая какой-нибудь металлъ словомъ *золото*, я даю основаніе для ряда утвержденій относительно его плотности, ковкости и пр. Обозначая какое нибудь растеніе словомъ *пальма*, я даю основаніе для утвержденій относительно климата, въ которомъ оно можетъ произрастать, относительно его плодовъ и пр. Кондильякъ училъ, что наука есть не что иное, какъ правильно образованный языкъ. Противъ этого ничего нельзя возразить, если не упускать изъ вида, что необходимое условіе хорошей номенклатуры есть открытіе истины.

Улучшеніе языка способствуетъ успѣшности научныхъ изысканій, и наоборотъ. Но установленіе научнаго языка есть

---

1) *De l'Espèce et de la classification en zoologie.*—Paris, 1869. См. особенно стр. 9 и 10.

лишь выраженіе истинной науки. Это—два фактора, обусловливающіе другъ друга, хотя значеніе ихъ и не одинаково. Сохраняя за каждымъ изъ нихъ дѣйствительное значеніе, должно сказать, что правильный языкъ есть скорѣе результатъ, чѣмъ причина нашего знанія. Находить въ словѣ главный источникъ успѣховъ мысли, а не въ мысли источникъ успѣховъ слова—значило бы впадать въ крупное заблужденіе.

23. Элементы, общіе для существъ одного и того же класса, составляютъ ихъ сущность (essence).

Терминъ *сущность* (essence) въ „Словарѣ французской академіи“ опредѣляется такъ: сущность „есть то, что дѣлаетъ вещь именно этою вещью,—то, что составляетъ ея природу“. Это опредѣленіе открыто для сильныхъ нападеній со стороны скептицизма. Могутъ сказать и говорятъ, что у насъ нѣтъ никакихъ средствъ узнать, что такое вещь сама въ себѣ, что сущности намъ *недоступны*, такъ что это слово должно быть вычеркнуто изъ словаря осторожной науки. Но если объективное опредѣленіе сущности вещей возбуждаетъ затрудненія, которыхъ мы теперь не будемъ изслѣдовать, то нельзя того же сказать о субъективномъ опредѣленіи этого понятія. Съ субъективной точки зрѣнія, которая одна только и важна для насъ въ данномъ случаѣ, сущность есть совокупность свойствъ, безъ которыхъ не было бы въ нашей мысли понятія объ элементахъ, общихъ для одного и того же класса. Всякій предметъ—реальный или идеальный,—это все равно,—имѣетъ признаки, общіе для его вида, которые называются существенными, и признаки случайные, которые отличаютъ только одинъ индивидуумъ отъ другого въ предѣлахъ одного и того же вида. Существенное для крыши есть то, что она покрываетъ какое-нибудь строеніе, такъ какъ то, что не покрывало бы строенія, не было бы крышей, но состоитъ ли кровля изъ черепицъ, досокъ, или листьевъ, имѣетъ ли она ту или другую форму,—это случайно, потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ то, что составляетъ сущность кровли, имѣется въ наличности. Сущность треугольника въ томъ, что онъ имѣетъ три угла и три стороны. Всякая фигура, имѣющая три угла и три сто-

роны, есть треугольникъ. А будетъ ли фигура прямоугольною, разностороннею или равнобедренною, той или другой величины, это случайность по отношенію къ понятію о треугольникѣ вообще.

Сущность тѣлъ есть сопротивленіе, локализованное въ пространствѣ. Звукъ, не существующій для глухихъ, цвѣтъ, не существующій для слѣпыхъ, очевидно, суть случайныя свойства матеріи. Но если отнять идею сопротивленія въ пространствѣ, тогда уничтожится самая идея тѣла. Сущность угля составляютъ признаки, общіе для всѣхъ сортовъ угля и для алмаза. Если мы хотимъ знать, въ чемъ состоитъ, наприм., сущность дуба, собаки или человѣка, то мы должны установить признаки, безъ которыхъ эти слова утрачивали бы для насъ всякую опредѣленность.

Всякое опредѣленіе должно стремиться выразить сущность предмета. Описаніе какого нибудь предмета можетъ заключать множество признаковъ; но научное опредѣленіе должно указывать только признаки вида, которые, характеризуя видъ, именно вслѣдствіе этого существенны для всѣхъ, обнимаемыхъ имъ индивидуумовъ. Опредѣленіе выражается общимъ названіемъ или именемъ нарицательнымъ; общее названіе можетъ быть индивидуализировано посредствомъ указательнаго мѣстоименія. Когда я говорю „лошадь", то этимъ я выражаю общее понятіе, которое заключаетъ въ своемъ содержаніи только существенные признаки класса; выраженіе *эта* лошадь обозначаетъ извѣстное опредѣленное животное, — одинъ, именно „этотъ" экземпляръ класса.

Можно находить аналогію между философскимъ смысломъ слова сущность (essence) и тѣмъ значеніемъ, которое это слово имѣетъ въ парфюмеріи („эссенція" по французски тоже essence), такъ какъ парфюмеръ извлекаетъ изъ нѣсколькихъ растеній запахъ, составляющій ихъ общее свойство.

24. Въ фактическихъ наукахъ сущность (essence) **предполагаетъ субстанцію** (substance).

Субстанція есть то, на чемъ держатся (подставка) или чему присущи (субъектъ) свойства. Всякое свойство или качество необходимо приписывается какому-нибудь существу. Существо

это есть субстанція; а свойства и качества суть его модусы. Такое объясненіе, однако, примѣнимо лишь къ реальности, понимаемой въ обыкновенномъ смыслѣ этого термина. Въ наукахъ же чисто раціональныхъ мысль имѣетъ предметомъ сущности, которыя не предполагаютъ субстанцій. Геометрическая сфера не имѣетъ реальности внѣ мысли, ее представляющей; ея реальность, слѣдовательно, чисто идеальная. Но сферическое тѣло имѣетъ реальность субстанціальную, при чемъ его форма составляетъ одинъ изъ его аттрибутовъ. Въ чистой геометріи форма не есть аттрибутъ; такъ какъ она есть именно то самое понятіе, къ которому относятся положенія этой науки.

Что такое субстанція, лишенная всѣхъ своихъ аттрибутовъ, или, что то же, что такое вещь, если отнять отъ нея всѣ ея свойства,—что такое вещь въ себѣ? Свойства суть отношенія и существа намъ извѣстны лишь посредствомъ ихъ отношеній къ намъ. Требовать опредѣленія вещи въ себѣ, независимо отъ его отношеній къ другимъ существамъ и въ частности къ человѣческому духу, который есть субъектъ всякаго познанія,—значитъ забывать объ относительномъ характерѣ человѣческаго познанія (67); значитъ требовать отвѣта невозможнаго по самой постановкѣ вопроса. Если все намъ извѣстно не иначе, какъ чрезъ отношеніе, то требовать знанія вещи, независимо отъ отношенія, есть очевидное противорѣчіе.

Итакъ, всякое научное объясненіе отправляется отъ понятія о сущности, т. е., объ основныхъ свойствахъ предметовъ, тогда какъ разсмотрѣніе чистой субстанціи безплодно. Въ виду послѣдняго обстоятельства (т. е., въ виду безплодности разсужденій о чистой субстанціи) возникъ довольно распространенный предразсудокъ, который происходитъ отъ ложнаго истолкованія несомнѣнной истины. Изъ того, что идея субстанціи не можетъ приводить насъ къ открытію объяснительныхъ дедукцій, заключаютъ, что эту идею должно совсѣмъ изгнать изъ человѣческаго ума; но изгнать изъ мысли идею субстанціи значило бы изгнать изъ нея и идею реальности. Держаться отношеній, отвергая представленіе о существахъ, между которыми существуютъ эти отношенія, значитъ забывать ту непосредствен-

но очевидную истину, что отношенія могутъ быть только между существами.

Мы знаемъ, говорятъ, только феномены, т. е., видимости. Но феноменъ предполагаетъ вещь, которая является, и субъектъ, который ее воспринимаетъ. Аміель, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда разнообразные поиски его ума открывали ему истину, сдѣлалъ по этому предмету слѣдующее справедливое замѣчаніе: „Духъ, будучи субъектомъ явленій, самъ не можетъ быть явленіемъ; зеркало, отражающее образъ, не могло бы быть зеркаломъ, если бы оно само было образъ. Эхо не можетъ быть безъ звука. Сознаніе есть *нѣкто*, испытывающій нѣчто; всѣ эти „нѣчто", взятыя вмѣстѣ, не могутъ замѣнить одного „„нѣкто"". Явленіе существуетъ для какого-нибудь существа, которое само не есть явленіе и для котораго оно есть объектъ" [1]).

25. Наука стремится открыть основные классы, или простыя субстанціи, изъ которыхъ состоятъ предметы.

Допущеніе устойчивыхъ классовъ, имѣющихъ неизмѣнныя свойства, есть одно изъ необходимыхъ условій науки; но научное изслѣдованіе не останавливается на разсмотрѣніи лишь нѣкоторыхъ классовъ. Существа, составляющія извѣстный классъ, могутъ быть сложными, а если есть сложное, то, стало быть, есть и простое, какъ замѣчаетъ Лейбницъ въ началѣ своей *Монадологіи*. Исходя изъ этой мысли, люди науки стремятся, путемъ анализа, найти основные классы тѣлъ, изъ которыхъ посредствомъ ихъ синтеза возникаютъ сложные предметы. Вода, напримѣръ, есть классъ, заключающій неограниченное количество молекулъ, имѣющихъ извѣстныя неизмѣнныя свойства; но вода есть сложное тѣло, она состоитъ изъ кислорода и водорода. Химія представляетъ самый лучшій примѣръ этихъ аналитическихъ работъ, идущихъ отъ сложнаго къ простому,— работъ, результаты которыхъ оправдываются синтезомъ элементовъ, которые были предварительно добыты путемъ химическаго анализа. Эта наука имѣетъ преимущество въ томъ отношеніи, что имѣетъ возможность доказать очень многія изъ сво-

---

[1]) *Fragments d'an Journal intime* t. II p. 200.

ихъ положеній путемъ опытовъ, производимыхъ въ лабораторіи. То же самое стремленіе къ анализу обнаруживается и въ другихъ наукахъ. Клодъ Бернаръ, напримѣръ, пытается свести всѣ органы живыхъ тѣлъ къ тремъ элементамъ: къ нервамъ чувствующимъ, двигательнымъ и мускуламъ,—элементамъ, сложнымъ по отношенію къ веществу, входящему въ ихъ составъ, и сравнительно простымъ по отношенію къ разнообразію органовъ, которые являются результатомъ ихъ сочетаній. Задача соціальной науки состоитъ въ томъ, что-бы найти, по возможности, первичные факторы, которые въ своемъ сочетаніи и взаимодѣйствіи сдѣлали бы для насъ понятнымъ современное состояніе человѣчества, равно какъ и его исторію. Научный духъ постоянно побуждаетъ мысль разлагать предметы изслѣдованія и, насколько возможно, уменьшать число тѣхъ субстанцій, которыя должно разсматривать, какъ первичныя (54). Правда, химія, въ послѣднюю половину текущаго столѣтія, значительно увеличила число тѣлъ, называемыхъ простыми, потому что они не поддаются анализу лабораторій; но инстинктивныя стремленія разума заставили многихъ ученыхъ, и даже самыхъ осторожныхъ изъ нихъ, ожидать, что наука эта нѣкогда сдѣлается проще, вслѣдствіе чего, вѣроятно, будетъ ближе и къ истинѣ.

Первый вопросъ науки есть вопросъ о классѣ,—вопросъ о томъ, *что такое тотъ или другой данный предметъ*. Когда чрезъ усвоеніе индивидууму признаковъ вида, а виду—признаковъ рода мы получаемъ объясненіе, нашъ умъ успокоивается на общемъ положеніи, которое служитъ базисомъ для множества частныхъ положеній. По мѣрѣ того, какъ идетъ впередъ научное изысканіе, опредѣляются первичные элементы вселенной. Эти элементы не изолированы другъ отъ друга,—лишь отвлеченный анализъ можетъ раздѣлять то, что въ природѣ фактически тѣсно соединено между собою. Всѣ вещи, дѣйствительно существующія, переплетены между собою разнообразными отношеніями и оказываютъ другъ на друга разнообразныя вліянія. Міръ есть не собраніе неизмѣнныхъ предметовъ, но—совокупность живыхъ фактовъ. Въ какомъ именно отно-

шеніи находятся между собою факты,—въ отношеніи-ли одновременности, или послѣдовательности?—вотъ вопросъ, который стоитъ теперь на очереди. Такимъ образомъ послѣ вопроса: *что*? слѣдуетъ вопросъ о томъ: *какъ*? Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ требуетъ ближайшаго изслѣдованія понятія о законѣ.

Объясненіе посредствомъ идеи закона.

26. Законы суть формулы, выражающія отношеніе предыдущаго къ послѣдующему.

Законъ предполагаетъ всегда предыдущее и послѣдующее. Его формула такова: „если есть это, то будетъ то-то", или: „если есть это, то должно быть то-то". Углеродъ и кислородъ, въ извѣстномъ количествѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, даютъ углекислоту, вотъ химическій законъ. Наличность углерода и кислорода есть предшествующее (антецедентъ); образованіе углекислоты—послѣдующее. Треніе производитъ теплоту,—вотъ выраженіе общаго факта, составляющаго физическій законъ: треніе есть предшествующее, развитіе теплоты послѣдующее. Всякое растеніе (пальма, виноградъ, маслина) погибнетъ, если его подвергнуть температурѣ во столько-то градусовъ,—вотъ законъ біологическій: температура есть предшествующее, а смерть растенія послѣдующее. Если я скажу: „анархія приводитъ къ деспотизму",—то я формулирую законъ историческій, обнимающій множество фактовъ опыта: анархія есть предшествующее, деспотизмъ послѣдующее. Когда отечество подвергается нападенію, мы обязаны защищать его,—вотъ законъ нравственный: нападеніе на отечество есть предшествующее, а обязанность защищать его—послѣдующее.

Указаніе на простую послѣдовательность двухъ явленій есть, однако, лишь выраженіе отдѣльнаго факта, а не законъ. Чтобы извѣстную формулу можно было назвать закономъ, для этого необходимо, чтобы она выражала постоянство извѣстной послѣдовательности или одновременности явленій.

Объясненіе посредствомъ закона имѣетъ, слѣд., тотъ-же ло-

гическій характеръ, какъ и объясненіе посредствомъ идеи класса: оно ставитъ въ связь частное положеніе съ общимъ.

27. Наука предполагаетъ, что законы обладаютъ характеромъ неизмѣнности.

Если бы въ послѣдовательности явленій не существовало неизмѣнныхъ законовъ, мысль могла бы усвоить только отдѣльные факты и была бы въ томъ же самомъ положеніи, какъ если-бы не было неизмѣнныхъ классовъ субстанцій, т. е., наука была бы невозможна (22). Должно только избѣгать смѣшенія постоянства естественныхъ законовъ съ абсолютнымъ детерминизмомъ всѣхъ безъ исключенія явленій (28. 29. 30). Легко понять, что, безъ признанія законовъ, міръ остался-бы непроницаемымъ для нашей мысли и непонятнымъ. Эта неизмѣнность законовъ касается прежде всего пространства. Если бы тѣло, при условіяхъ одинаковыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ мѣстонахожденія, обнаруживало въ Лондонѣ или Пекинѣ явленія иныя, чѣмъ въ Парижѣ или Римѣ, то физика была бы невозможна. Неизмѣнность законовъ касается за тѣмъ времени. Какимъ образомъ древніе египтяне передвигали тѣ глыбы камня, изъ которыхъ состоятъ ихъ пирамиды? Никто не скажетъ, конечно, въ объясненіе этого факта, будто, назадъ тому нѣсколько тысячелѣтій законы механики были другіе, чѣмъ теперь.

Наука стремится уменьшить число законовъ и достигнуть, по мѣрѣ возможности, законовъ первичныхъ и простыхъ, т. е., дѣлаетъ то же, что и въ отношеніи къ субстанціямъ. Теченіе воды въ рѣкахъ объясняется закономъ земнаго притяженія; земное притяженіе общимъ закономъ тяготѣнія массъ; мысль идетъ далѣе и ставитъ вопросъ: не содержится-ли земное тяготѣніе, которымъ объясняется движеніе опредѣленныхъ тѣлъ, въ міровомъ законѣ тяготѣнія, который въ такомъ случаѣ оказался бы приложимымъ какъ къ движенію молекулъ, такъ и къ движенію свѣтилъ небесныхъ. Всѣ законы съ отвлеченной формально-логической точки зрѣнія имѣютъ одинаковый харак-

теръ, но объясненія, которыя получаются при ихъ посредствѣ, разнообразятся, смотря по характеру фактовъ, подлежащихъ объясненію.

28. Законы природы всегда реализованы (т. е. осуществлены или воплощены въ фактахъ).

Въ области явленій природы существуетъ тожество между фактами и законами, которые ими управляютъ, по той весьма простой причинѣ, что эти законы въ сущности суть выраженіе реальностей, открываемыхъ наблюденіемъ. Ложные законы суть ошибки мысли, исправляемыя наблюденіемъ надъ фактами. Напримѣръ, ученіе старинныхъ физиковъ, будто природа боится пустоты, было для нихъ закономъ: пустота являлась какъ предшествующее, а движеніе вещества, чтобы заполнить ее, какъ послѣдующее. Опытъ доказалъ, однако, что этотъ „законъ" ложенъ, какъ это доказываетъ явленіе поднятія воды въ насосѣ, или ртути въ трубкѣ барометра.

Тожество явленій и ихъ законовъ предполагаетъ отсутствіе всякой активности, косность въ тѣхъ предметахъ, которые подчинены закону; а отсюда вытекаетъ абсолютный детерминизмъ для всей той области фактовъ, которая подчинена закону косности. Вслѣдствіе этого детерминизмомъ можно объяснять прошедшіе факты законами, наблюдаемыми въ настоящее время (это и есть основаніе геологіи) и предвидѣть будущіе факты (это есть основаніи всѣхъ астрономическихъ вычисленій относительно будущаго положенія свѣтилъ небесныхъ). Но власть человѣка надъ природой позволяетъ ему видоизмѣнять явленія, когда онъ имѣетъ возможность вмѣшаться въ ихъ совершеніе: вотъ почему заключать отъ неизмѣнности законовъ къ абсолютному детерминизму фактовъ природы было бы крупнымъ заблужденіемъ. Возможность вмѣшательства человѣка съуживаетъ границы достовѣрности, которую можетъ имѣть предвидѣніе естественныхъ фактовъ. Мы не можемъ оказывать вліянія на движеніе небесныхъ свѣтилъ; поэтому астрономы, относительно наприм. солнечныхъ затменій, строятъ предположенія, которыя никогда

не оказываются ошибочными. Но человѣкъ вмѣшивается, какъ причинный дѣятель, въ теченіе земныхъ явленій и видоизмѣняетъ ихъ. Обезлѣсеніе страны измѣняетъ ея климатъ; система шлюзъ измѣняетъ теченіе рѣки. Земледѣльческія и промышленныя работы производятъ на поверхности земнаго шара множество явленій, которыя изобличаютъ присутствіе свободныхъ причинъ, измѣняющихъ естественное теченіе вещей. Однако,—необходимо оговориться,—измѣняться можетъ лишь приложеніе законовъ, и именно посредствомъ измѣненія условій ихъ примѣненія; но самые законы такъ мало доступны измѣненію, что, только освоившись съ ихъ постояннымъ характеромъ, можно разнообразить ихъ результаты. При тожествѣ условій, физическое явленіе всегда происходитъ однимъ и тѣмъ же образомъ. Таковъ характеръ законовъ природы, т. е., законовъ, которые реализованы въ явленіяхъ физическаго міра. Но есть и другіе законы, которые обладаютъ инымъ характеромъ.

29. Законы логическіе и законы нравственные выражаютъ то, что должно быть.

Въ физикѣ, если есть предшествующее, то непремѣнно является и послѣдующее: „если есть это, то *есть или будетъ* то-то“. Въ логикѣ и морали законы имѣютъ другую формулу, именно: „если есть это, то *должно быть* то-то“. Изъ такихъ-то посылокъ должны вытекать такія-то заключенія, если только мы разсуждаемъ правильно. При извѣстныхъ обстоятельствахъ долгъ обязываетъ насъ къ такому-то дѣйствію или къ такому-то чувствованію. Исполненіе этихъ законовъ необходимо, чтобы достигнуть истины и осуществить благо; но заблужденія (болѣзнь ума) и грѣхъ (болѣзнь воли)—это такіе факты, которые показываютъ, что, хотя при извѣстныхъ условіяхъ требуемое явленіе должно быть, однако бываетъ не всегда. Системы, построяемыя разумомъ, уклоняются отъ истины, и нравы часто оказываются въ противорѣчіи съ нравственностію. Логическіе законы устанавливаются посредствомъ изученія разума, нравственные—посредствомъ наблюденія надъ совѣстію,

требованія которой обобщаются разумомъ. Тогда какъ въ физикѣ явленія всегда согласны съ законами, которые суть не что иное, какъ выраженіе того, что есть,—мысли и дѣйствія человѣка бываютъ и согласны, и не согласны съ правилами или требованіями закона. Вопросъ здѣсь не только въ томъ, чтобы открыть законы, но и въ томъ, чтобы подчинить имъ свою мысль и свою волю. Логическіе и нравственные законы, разсматриваемые сами по себѣ, такъ же неизмѣнны, какъ и законы природы; но эти послѣдніе управляютъ инертною матеріей, а первые даны для существъ, одаренныхъ отчасти свободою; отъ этого и происходитъ только-что указанное различіе.

* * *

(Продолженіе будетъ).

О ПОЗНАНІИ.

I.

О познавательныхъ способностяхъ.

1. Методъ изслѣдованія и установленія общихъ началъ познанія. 2. О различныхъ познавательныхъ способностяхъ по Канту. Разсудокъ и разумъ, по ученію Платона. Есть-ли это разныя познават. способности. 3. Разумъ и чувственность. Вопросъ о врожденныхъ идеяхъ, какъ основаніи особаго, независимаго отъ чувственности, раціональнаго познанія. Теорія Юма, пытающаяся основанія раціональнаго познанія вывести изъ чувственности и такимъ образомъ доказать несамостоятельность разсудка въ дѣлѣ познанія. Самостоятельное значеніе раціональнаго познанія по Канту. 4. О чувственности. Слѣдуетъ ли признавать чувственность за особую познавательную способность съ особыми присущими ей формами?.

1. Исторія свидѣтельствуетъ, что любознательность человѣка направляется сначала не на ближайшее и частное, а на общее и самое отдаленное. Прежде чѣмъ началось изслѣдованіе ближайшихъ явленій природы, подлежащихъ непосредственному наблюденію, долгое время умственныя усилія были сосредоточены на разрѣшеніи общихъ вопросовъ о мірѣ—объ устройствѣ міра, о происхожденіи его и положеніи въ немъ человѣка. Изслѣдованія и рѣшенія по вопросамъ частнымъ самостоятельнаго значенія не имѣли, но или служили средствомъ къ отысканію основаній для рѣшенія общихъ вопросовъ, или же были дѣлаемы съ тою цѣлью, чтобы провести и оправдать найденное или предположенное общее начало, которое установлялось главнымъ образомъ въ видахъ разрѣшенія нѣкотораго общаго вопроса. Казалось бы, что философія должна была начать свое дѣло изслѣдованіемъ вопросовъ о познаніи;

по крайней мѣрѣ господствующее теперь мнѣніе таково, что нельзя заниматься изслѣдованіемъ вопросовъ о бытіи безъ предварительнаго изслѣдованія и рѣшенія вопроса о томъ,—познаваемо ли бытіе, и если познаваемо, то какимъ образомъ и въ какихъ предѣлахъ. Однако на дѣлѣ мы видимъ не то. Главнымъ предметомъ изслѣдованія во всей древней философіи было не *познаніе*, а *бытіе*; на первомъ планѣ стоялъ вопросъ *о сущности бытія*; вопросы же о познаніи были рѣшаемы, такъ сказать, попутно, въ зависимости отъ установленныхъ напередъ понятій о сущности бытія. Ужели такой порядокъ въ развитіи человѣческаго мышленія можно считать явленіемъ случайнымъ? Говорятъ, что только путемъ заблужденій доходятъ до истины. Надлежало, чтобы мысль человѣческая долгое время блуждала въ дебряхъ метафизики, дабы наконецъ она могла отыскать свой настоящій путь изслѣдованія, и сдѣлалось яснымъ, каковъ истинный предметъ ея. Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляется прошлое философіи тѣмъ, для кого современное всегда есть самое лучшее. Нельзя однако счесть заблужденіемъ весь путь, пройденный древней философіей, которая отъ начала до конца имѣла характеръ метафизическій, состояла въ преимущественномъ изслѣдованіи вопросовъ о бытіи. Вѣдь *гносеологія*,—т. е., изслѣдованіе о познаніи, все болѣе и болѣе выступающее на первый планъ въ новой философіи и, какъ полагаютъ многіе, долженствующее замѣнить собою метафизику,—не обходится безъ метафизическихъ предположеній; и замѣчательно, что эти предположенія въ сущности тѣ же, что были господствующими въ ученіяхъ древней философіи. И этого мало. Даже философскія ученія о познаніи въ сущности лишь повторяютъ взгляды тѣ самые, какіе мы находимъ уже въ древней философіи, не смотря на то, что въ новое время вопросы о познаніи поставлены на первое мѣсто и вниманіе философовъ занято преимущественно изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ. Итакъ, не былъ случайностію и нельзя считать заблужденіемъ тотъ порядокъ въ развитіи философскаго мышленія,—именно отъ общаго и отдаленнаго къ частному и ближайшему,—на который выше указано, какъ на явленіе, заслуживающее особаго вниманія

Должно полагать, что этотъ порядокъ въ развитіи мышленія

—наиболѣе естественный и даже необходимый. Самое первое и насущное дѣло для человѣческаго мышленія—установленіе принциповъ. Правда, возможно въ этомъ случаѣ такое разсужденіе. Конечно, принципы должны быть найдены, а слѣдовательно долженъ быть путь къ отысканію принциповъ, но какой же иной путь возможенъ въ настоящемъ случаѣ, кромѣ постепеннаго восхожденія къ общему, ибо принципъ есть вѣдь общее правило, или общее положеніе? Если же общее можетъ оказаться лишь въ концѣ пути, то слѣдовательно въ началѣ пути въ качествѣ исходнаго пункта должно быть частное. а не общее. Не съ общихъ понятій нужно начинать дѣло изслѣдованія философскаго, какъ и всякаго иного, а съ частныхъ фактовъ, — общія же понятія и положенія должны получиться въ концѣ изслѣдованія. Дѣйствительно, въ частномъ изслѣдованіи, когда дѣло идетъ о рѣшеніи частнаго вопроса, большею частію такъ и бываетъ, но вѣдь задача философіи заключается въ установленіи не какихъ либо, а именно *первыхъ* принциповъ, то есть самыхъ общихъ и основныхъ началъ. А есть ли факты, которые ближайшимъ образомъ относились бы къ такимъ принципамъ и изслѣдованіе которыхъ прямо приводило бы къ ихъ открытію и опредѣленію? Напротивъ къ принципамъ основнымъ и самымъ общимъ всѣ возможные факты по необходимости имѣютъ такое или иное отношеніе, состоятъ съ ними въ связи, такъ что не оказывается достаточнаго основанія для того, чтобы останавливаться на однихъ фактахъ предпочтительно предъ другими. Надо взять во вниманіе еще слѣдующее соображеніе въ пользу примѣненія въ области философіи того метода, который требуетъ выводить общее изъ частнаго.

Когда требуется рѣшеніе какого либо частнаго вопроса, то въ этомъ случаѣ, кажется, скорѣе возможно съ самаго начала опереться на установленномъ уже и извѣстномъ общемъ началѣ, на такомъ положеніи, которое сдѣлалось достояніемъ науки, но философія-то какимъ образомъ можетъ начинать свое дѣло съ какихъ либо общихъ принциповъ, когда именно въ установленіи таковыхъ началъ и состоитъ ея задача? Вѣдь отъ философіи именно требуется, чтобы она ничего вначалѣ не пред-

полагала, не допускала никакихъ гипотезъ, стало быть по необходимости приходится ей начинать съ чего либо просто *даннаго*, т. е., факты составляютъ для нея неизбѣжный исходный пунктъ изслѣдованія. Соображеніе это не трудно устранить, но оно даетъ прекрасный случай разъяснить особый характеръ философскаго изслѣдованія. Предполагается, что всякій принципъ, всякое общее положеніе, понятіе есть выводъ, получаемый посредствомъ сопоставленія и обсужденія частныхъ данныхъ. Но пусть будетъ допущено, что существуютъ такіе первичные и коренные элементы мысли, которые составляютъ необходимую и неотъемлемую принадлежность человѣческаго сознанія. Это такъ назыв. врожденныя идеи. Можно назвать такіе предполагаемые пока элементы мысли еще иначе, напр. началами апріорными, но дѣло не въ названіи. Если точно есть такіе необходимые элементы мысли человѣческой, которые не пріобрѣтаются, т. е., не наживаются опытомъ, а всегда присущи нашему сознанію и дѣйствуютъ въ немъ скрытно или же явнымъ образомъ, то послѣдствія этого очевидно должны быть вотъ какія: подобные элементы должны проявляться одинаково въ существенныхъ чертахъ какъ у людей образованныхъ, ученыхъ, такъ и у необразованныхъ, слѣдовательно не въ области только научныхъ понятій должно искать такихъ элементовъ; присутствіе и выраженіе этихъ элементовъ мысли должно предполагать прежде всего въ томъ, что̀ ранѣе всякаго образованія и науки, именно въ языкѣ человѣческомъ. Дѣйствительно, даже позитивисты, какъ извѣстно, признаютъ нѣкоторую общность и связь между сознаніемъ научнымъ и сознаніемъ ненаучнымъ, т.-е., признаютъ существованіе элементовъ общихъ тому и другому сознанію, насколько органомъ и носителемъ и того, и другаго сознанія является языкъ. Позитивисты сами указываютъ на то, что нельзя строго и рѣшительно раздѣлять познаніе научное отъ познанія ненаучнаго, общенароднаго; если же существуетъ познаніе общенародное, и даже общечеловѣческое, на почвѣ котораго возникаетъ и развивается познаніе научное, то очевидно сверхъ началъ, вырабатываемыхъ наукою, должны быть начала, необходимо присущія всякому человѣческому сознанію, которыхъ слѣдователь-

но вырабатывать и до которыхъ доходить такимъ же методическимъ способомъ, какимъ наука доходитъ до своихъ началъ, нѣтъ нужды и даже возможности. Предположивъ существованіе таковыхъ началъ человѣческаго сознанія или мышленія, необходимо допустить вмѣстѣ съ тѣмъ, что какъ только началась работа философскаго мышленія, то съ особенною силою и ясностію должны были обнаружиться въ ученіяхъ философскихъ тѣ общія и основныя начала, какъ необходимо присущія человѣческому мышленію; вмѣстѣ съ тѣмъ должно было у философовъ обнаружиться сознаніе существованія и важности этихъ обще-человѣческихъ началъ. Понятно, что признакомъ выраженія этихъ началъ въ различныхъ философскихъ ученіяхъ должно считать согласіе этихъ ученій между собою: въ чемъ эти ученія, при всемъ своемъ несходствѣ, совпадаютъ между собою, то самое съ наибольшею вѣроятностію можно признать за выраженіе необходимаго элемента или начала человѣческой мысли. Впрочемъ это критерій не вполнѣ надежный. Совпаденіе можетъ быть случайнымъ, можетъ быть слѣдствіемъ утвердившагося преданія, привычки мыслить извѣстнымъ образомъ. Важное значеніе критическаго обозрѣнія философскихъ ученій заключается въ особенности въ томъ, что одно ученіе пополняется и разъясняется другимъ. Въ собственномъ же смыслѣ критеріемъ при установленіи основныхъ началъ познанія и рѣшеніи вопросовъ объ этихъ началахъ можетъ служить лишь *необходимость мыслить такъ, а не иначе*, необходимость, свидѣтельствуемая для насъ непосредственнымъ нашимъ сознаніемъ. Ибо основныя начала человѣческаго познанія, коль скоро существуютъ, не постороннее нѣчто и для собственнаго нашего сознанія. Такіе элементы дѣйствуютъ вѣдь и въ собственномъ нашемъ сознаніи, проявляютъ себя съ большею или меньшею силою въ собственномъ нашемъ мышленіи. Слѣдовательно собственное наше непосредственное сознаніе должно служить для насъ главною опорою въ дѣлѣ установленія основныхъ началъ познанія, при пособіи критическаго изслѣдованія разныхъ философскихъ ученій объ этомъ предметѣ. Такимъ образомъ — философскій принципъ это не выводъ, съ великимъ трудомъ добываемый посредствомъ тщательнаго

подбора и сличенія фактовъ, а лишь формулированіе болѣе или менѣе смутно сознаваемаго, можно сказать, каждымъ, формулированіе, достигаемое главнымъ образомъ при пособіи критическаго разбора философскихъ ученій, имѣющаго въ этомъ случаѣ значеніе возбудителя и руководителя въ дѣлѣ рефлективнаго самоуглубленія собственнаго нашего мыслящаго сознанія, или самосознанія.

Итакъ, въ рѣшеніи вопросовъ о познаніи необходимо постоянно имѣть въ виду все, что можно находить наиболѣе согласнаго и наиболѣе значительнаго въ ученіяхъ философовъ древняго и новаго времени объ этомъ предметѣ, дабы, при пособіи этого важнаго матеріала, вникая въ процессъ, условія и формы познавательной дѣятельности, какъ представляется все это по свидѣтельству собственнаго нашего сознанія, выяснить, по возможности, основныя начала познанія, или иначе—первичные элементы мышленія, какъ дѣятельности познавательной. Основателемъ гносеологіи обыкновенно признаютъ Канта; поэтому гносеологическія положенія Канта особенно должны быть принимаемы во вниманіе.

2. Извѣстно, что Кантъ различаетъ слѣдующія познавательныя способности: *чувственность*, т. е., наблюденіе внѣшнее и внутреннее, или иначе, способность чувственнаго воспріятія, съ которою тѣсно связаны память и воображеніе; затѣмъ слѣдуютъ *разсудокъ* и *разумъ*. Самое важное различіе между чувственностію и разсудкомъ заключается въ томъ, что познаніе, основанное на чувственномъ наблюденіи, есть созерцательное, обладаетъ свойствомъ наглядности, познаніе же разсудочное, напротивъ, состоитъ въ *отвлеченныхъ* понятіяхъ и положеніяхъ, которымъ созерцательность вовсе несвойственна: интеллектуальнымъ созерцаніемъ мы не обладаемъ, а потому мы лишены способности съ такою же ясностію и легкостію представлять и усвоять *мыслимое* нами, какъ представляется и усвояется все воспринимаемое чувствами: мышленіе наше имѣетъ характеръ дискурсивный, а не созерцательный. Итакъ различіе между чувственностію и разсудкомъ вполнѣ ясно и опредѣленно; оно такъ рѣшительно, что невозможно смѣшать отвлеченное понятіе съ чувственнымъ представленіемъ. Далеко не такъ ясно

различіе между разсудкомъ и разумомъ. По Канту свойственное разсудку отправленіе или дѣйствіе состоитъ въ составленіи *сужденій*: разсудокъ—способность судительная, чѣмъ предполагается само собою, что сужденіе есть *соединеніе понятій*,—взглядъ на сужденіе, господствующій у нѣмецкихъ логиковъ; дѣятельность же разума состоитъ въ выводѣ заключеній, слѣдовательно въ составленіи умозаключеній. Разумъ—это область принциповъ, или иначе идей, ибо къ установленію принципа мы приходимъ посредствомъ ряда умозаключеній. Такъ понималъ Кантъ различіе между разсудкомъ и разумомъ. Твердо обоснованнымъ это различіе нельзя признать, ибо очевидно, что умозаключеніе есть соединеніе сужденій. Почему же соединеніе сужденій не можетъ быть дѣломъ того же разсудка, который проявляетъ себя прежде всего составленіемъ сужденій? Слѣдуетъ ли предполагать для того особую способность? Какъ въ тѣлѣ различные органы существуютъ лишь для отправленій совершенно различныхъ, такъ конечно и въ душѣ, именно въ области познавательной дѣятельности, особую способность мы вправѣ предполагать лишь въ томъ случаѣ, когда имѣется совершенно особое отправленіе, существенно отличное отъ другихъ. Въ настоящемъ случаѣ этого сказать нельзя: сужденіе есть соединеніе понятій (по Канту), а умозаключеніе—соединеніе сужденій,—слѣдовательно также состоитъ въ соединеніи понятій, только *болѣе сложномъ*. Но различіе, состоящее только въ большей сложности соединенія тѣхъ же элементовъ, нельзя признать настолько существеннымъ и важнымъ, чтобы требовалось предполагать ради него особую способность; даже по типу соединенія, а не только по элементамъ, умозаключеніе не представляетъ существеннаго различія отъ сужденія: въ сужденіи (утвердительномъ) предикатъ усвояется субъекту, такъ что послѣдній является какъ бы носителемъ перваго; подобно тому въ умозаключеніи одно сужденіе обосновывается чрезъ другое, такъ что одно утверждается, какъ бы покоится, на другомъ; впрочемъ отношеніе основанія къ слѣдствію, свойственное умозаключенію, можетъ быть прямо выражаемо въ формѣ сужденія (въ условномъ сужденіи). Итакъ спрашивается: какая же надобность была раздѣлять разумъ отъ разсудка, вмѣсто того

чтобы дѣйствія, относимыя къ этимъ различнымъ способностямъ, обобщить въ одномъ понятіи о мышленіи, какъ дѣятельности умственной: вѣдь въ логикахъ сужденіе и умозаключеніе всегда признавались формами того же мышленія, т. е., одной въ сущности умственной дѣятельности, а не проявленіями различныхъ познавательныхъ способностей. Дѣло въ томъ, что различіе между разсудкомъ и разумомъ не самъ Кантъ изобрѣлъ; оно установлено въ древности прежде, нежели явилась на свѣтъ логика въ качествѣ особой философской науки. Именно,—уже у Платона мы находимъ опредѣленное ученіе о разсудкѣ и разумѣ, какъ способностяхъ существенно различныхъ. Какъ различны по Платону, *мнѣніе* и *знаніе*, такъ же различны должны быть источники того и другаго—съ одной стороны мышленіе (διάνοια), а съ другой—разумѣніе, умъ (νοῦς, νόησις). Мы составляемъ сужденія о предметѣ, сравниваемъ и сопоставляемъ ихъ между собою, одно признаемъ, другое отвергаемъ, признаваемое истиннымъ стараемся отстоять, а непризнаваемое—опровергнуть,—въ этомъ состоитъ искусство и вмѣстѣ наука—мыслить (діалектика). Ясно, что собственнымъ проявленіемъ мышленія, по Платону, служитъ *сужденіе*. Сужденіе состоитъ въ томъ, что данному предмету мы приписываемъ какой либо признакъ, или напротивъ отнимаемъ отъ него. Но сами по себѣ взятые признаки, которые въ сужденіяхъ мы выражаемъ только въ отношеніи къ какому либо данному предмету,—и составляютъ именно тѣ элементы мышленія, въ обладаніи которыми состоитъ разумѣніе, или умъ. Откуда эти элементы? Не изъ чувственнаго наблюденія, ибо когда выражаемъ ихъ о какой либо вещи, то это не значитъ, что мы усматриваемъ присутствіе ихъ въ самой вещи и познаніе ихъ не извлекаемъ изъ самаго наблюденія надъ вещью, а только обсуждаемъ и оцѣниваемъ эту данную вещь на основаніи тѣхъ элементовъ; говоря напр., что эта вещь прекрасная, мы лишь обсуждаемъ и оцѣниваемъ эту вещь, основываясь на понятіи о красотѣ, усматривая въ ней, въ той вещи, нѣкоторый отблескъ, или, по выраженію Платона, подобіе красоты. По Платону всѣ такого рода общія понятія, входящія въ составъ сужденій въ качествѣ предикатовъ, прирождены нашей душѣ, ни откуда ею

не заимствуются, а составляютъ необходимую и неотъемлемую ея принадлежность. Такимъ образомъ обладаніе понятіями и непосредственное ихъ созерцаніе, по философіи Платона, есть дѣло *разумѣнія*,—это способность принциповъ, ибо врожденныя нашей душѣ понятія суть принципы,—а употребленіе тѣхъ же понятій въ качествѣ предикатовъ, т. е., частичное ихъ примѣненіе къ отдѣльнымъ вещамъ есть дѣло *разсудка*. Такое разграниченіе разсудка и разума нельзя признать необходимымъ: можно то и другое дѣло, и обладаніе принципами знанія и примѣненіе ихъ обобщить въ одномъ понятіи *мышленія*, разумѣя мышленіе, какъ дѣятельность разсудка. Разсудокъ и разумъ—два названія той же способности, оправдываемыя двоякимъ направленіемъ ея дѣятельности (синтетическимъ и аналитическимъ).

3. Требуется теперь разграничить разсудокъ, или способность мышленія, отъ чувственности. Быть можетъ, и въ этомъ отношеніи граница разсудочной дѣятельности также не тверда и неопредѣленна. Если за особенность раціональнаго познанія, отличающую это познаніе отъ чувственнаго, будетъ признано то, что раціональное познаніе основывается на врожденныхъ идеяхъ (какъ это полагалъ Декартъ), то спрашивается, насколько состоятельно самое предположеніе о существованіи врожденныхъ идей, и нельзя ли идеи, признаваемыя главною принадлежностію раціональнаго познанія, вывести и изъяснить изъ данныхъ чувственнаго опыта? Итакъ, является прежде всего вопросъ: существуютъ ли на самомъ дѣлѣ такъ называемыя врожденныя понятія или идеи (какъ ихъ называетъ Платонъ)? Можно ли признать врожденными нашей душѣ не всѣ конечно понятія, какъ полагалъ Платонъ, не въ мѣру разъединяя способность разумѣнія отъ чувственнаго наблюденія, а по крайней мѣрѣ основныя, важнѣйшія изъ нихъ? Извѣстно, что Локкъ совершенно отвергалъ гипотезу о существованіи такъ называемыхъ врожденныхъ идей. Онъ подробно разсматриваетъ и опровергаетъ аргументы, какіе только были высказываемы, и можно было придумать для оправданія и подкрѣпленія названной гипотезы. Но хотя бы Локку и удалось вполнѣ устранить разбираемые имъ доказательства, съ устраненіемъ ихъ вовсе еще не устранялась самая гипотеза. Надобно было

сдѣлать ее совсѣмъ излишнею, т. е., нужно было дать совершенно иное и на иныхъ основаніяхъ объясненіе того, ради чего возникла и могла столь долгое время существовать гипотеза о врожденныхъ идеяхъ. Извѣсто возраженіе Лейбница противъ Локка: ничего нѣтъ въ разсудкѣ такого, говоритъ Локкъ, чего прежде не было бы въ чувствѣ,—*кромѣ самаго разсудка*, добавляетъ къ этому Лейбницъ. Итакъ, чтобы гипотеза о врожденныхъ идеяхъ оказалась излишней, для этого надо было показать, что разсудокъ, т. е., все, что въ нашемъ познаніи обозначается этимъ именемъ,—всѣми своими корнями содержится въ чувственности, что такъ какъ разсудокъ не представляетъ собою чего либо самостоятельнаго и независимаго отъ способности чувственнаго воспріятія и связанныхъ съ этою способностію условій познанія—*памяти* и *воображенія*, то и нѣтъ нужды предполагать какія либо особыя для разсудка основныя начала или элементы познанія подъ именемъ врожденныхъ идей или апріорныхъ положеній. Рѣшить эту задачу и доказать несамостоятельность раціональнаго познанія въ отношеніи чувственнаго опыта взялъ на себя англійскій философъ *Юмъ*. Въ чемъ состоитъ собственно разсудочное познаніе? По опредѣленію Локка, разсудокъ, въ отличіе отъ способности чувственнаго воспріятія, есть способность активная и состоитъ въ томъ, что мы либо *соединяемъ*, либо раздѣляемъ данныя идеи, т. е., представленія. Какъ дѣятельность соединяющая и раздѣляющая, разсудокъ предполагаетъ очевидно начала или правила, которыми онъ управляется въ своихъ дѣйствіяхъ. По Лейбницу, положенія тожества и противорѣчія (законы) служатъ началомъ, управляющимъ аналитическою, т. е., раздѣляющею дѣятельностію разсудка, а принципъ синтетической, т. е., соединяющей дѣятельности, заключается въ законѣ достаточнаго основанія. Что касается аналитической дѣятельности разсудка, то нельзя ее принимать въ разсчетъ при изслѣдованіи вопроса объ основныхъ началахъ раціональнаго познанія. Ибо анализъ состоитъ въ томъ, что мы раздѣляемъ данное на составныя части, и, значитъ, анализъ ни мало не способствуетъ къ расширенію нашихъ знаній, къ пріобрѣтенію новыхъ, а весь интересъ вопроса объ основныхъ началахъ познанія заключается въ томъ,

чтобы разъяснить, какъ пріобрѣтаются знанія, какъ и изъ чего слагается наше познаніе. Пока я разбираю только имѣющіяся у меня представленія, сравниваю ихъ, нахожу между ними сходство или различіе, нельзя сказать, что я познаю нѣчто, ибо остаюсь при томъ же, чѣмъ владѣлъ и безъ такого разбора. Математическія положенія, будучи аналитическими, не даютъ намъ никакихъ знаній. Поэтому, при изслѣдованіи раціональнаго познанія, главное вниманіе должно быть обращено на синтетическія формы этого познанія. Но уже Лейбницъ полагалъ, что единственно только *опытъ*, т. е., чувственное воспріятіе, служитъ источникомъ и основаніемъ всякаго синтеза въ нашемъ познаніи. По этому взгляду, синтезъ въ нашемъ познаніи состоитъ вообще въ томъ, что только руководясь свидѣтельствомъ опыта, а не по чему либо иному, мы присоединяемъ къ одному представленію другое представленіе. Съ этимъ согласенъ и Юмъ. Какъ извѣстно, по ученію Юма, все наше познаніе состоитъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ представленій; сочетанія эти получили отъ него названіе *ассоціацій*. Различныя ассоціаціи, по теоріи Юма, не произвольно нами составляются, а образуются по извѣстнымъ законамъ, въ зависимости отъ условій чувственнаго воспріятія: въ какомъ порядкѣ времени и пространства воспринимаются нами впечатлѣнія, въ такомъ же порядкѣ пространственной и временной смежности *запоминаются* воспринятыя представленія и потомъ силою воображенія воспроизводятся уже въ видѣ представленій. Но повидимому есть у насъ такія представленія, которыя, не смотря на свой синтетическій характеръ, т. е., будучи особыми видами сочетанія представленій, вмѣстѣ съ тѣмъ не происходятъ означеннымъ способомъ, а потому не слѣдуетъ ли признать ихъ независимыми отъ чувственнаго опыта,—и не это ли основныя начала особаго разсудочнаго познанія? Таковы представленія *субстанціальности* и *причинности*. Представленія эти заслуживаютъ особаго вниманія по тому значенію, какое повидимому они имѣютъ въ нашемъ познаніи. Еще Локкъ высказалъ положеніе, что въ нашемъ познаніи мы имѣемъ дѣло съ идеями, т. е., представленіями, а не вещами. Положеніе это усилено Берклеемъ и по-

лучило такой видъ: *существуютъ для насъ только представленія*, ибо бытіе всякой вещи для насъ заключается единственно въ ея *представляемости*. Равнымъ образомъ и для Юма познаніе не есть выраженіе бытія, отличнаго отъ самаго познанія, а просто лишь разнообразное сочетаніе представленій въ предѣлахъ нашего сознанія; и такъ какъ познаніе наше изъ этихъ предѣловъ не выступаетъ, то мы въ правѣ лишь утверждать существованіе представленій, съ которыми впрочемъ связана всегда вѣра въ реальное бытіе, отличное отъ самихъ представленій. Но точно ли познаніе наше никоимъ образомъ не простирается за предѣлы нашего сознанія и сплошь въ нихъ заключено? Повидимому представленія *субстанціальности* и *причинности* уполномочиваютъ нашу мысль выступать за предѣлы сознанія и какъ бы соприкасаться съ самимъ бытіемъ вещей, лежащимъ внѣ нашего сознанія. Такъ *по идеѣ субстанціальности*, смотря на извѣстную группу воспринятыхъ впечатлѣній, какъ на признаки вещи, мы самую вещь въ качествѣ субстанціи, носителя тѣхъ признаковъ, полагаемъ внѣ воспринимающаго и представляющаго сознанія; замѣчая въ себѣ разнообразныя состоянія душевныя, мы полагаемъ внѣ ихъ *наше я*, въ качествѣ носителя этихъ состояній,—и такое предположеніе мы дѣлаемъ опять на основаніи же идеи субстанціальности. Равнымъ образомъ, въ силу *идеи причинности*, смотря на данный для нашего сознанія фактъ, т. е., имѣя въ наличности извѣстное представленіе, мы повидимому вправѣ дѣлать заключенія о томъ, что не дано и чего мы не представляемъ, именно: принимая нѣкоторое данное за слѣдствіе,—заключать о причинѣ, которая не дана и неизвѣстна намъ, и наоборотъ, смотря на данное и извѣстное, какъ на причину, дѣлаемъ заключенія о послѣдствіяхъ, или дѣйствіи таковой причины. Такъ, на основаніи имѣющагося представленія о мірѣ, мы дѣлаемъ заключенія о неизвѣстномъ для насъ Виновникѣ этого міра и хотимъ сами сдѣлать представленіе объ этомъ Виновникѣ міра, ибо никакой опытъ не даетъ намъ такого представленія. Но имѣютъ ли на самомъ дѣлѣ такое значеніе представленія причинности и субстанціальности, расширяютъ ли они наше познаніе за предѣлы имѣющихся въ нашемъ со-

знанія представленій? Составляютъ ли тѣ идеи изъятіе изъ общихъ законовъ ассоціаціи, по которымъ образуется наше опытное познаніе, состоящее изъ представленій, а потому не слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ признать ихъ основами особаго разсудочнаго познанія, отличнаго отъ познанія опытнаго? Извѣстно, какой отвѣтъ на все это даетъ Юмъ.

Что мы называемъ субстанціей, есть не что иное, какъ группа впечатлѣній, постоянно связанныхъ вмѣстѣ, т. е., вмѣстѣ воспринимаемыхъ; многократное повтореніе одинаковой группы впечатлѣній дѣйствуетъ на наше воображеніе такъ, что намъ кажется, будто мы имѣемъ дѣло съ единымъ тожественнымъ и непрерывно продолжающимъ свое существованіе предметомъ. Причинность также есть всегда одинаковое слѣдованіе одного за другимъ различныхъ впечатлѣній: неизмѣнно предшествующее мы называемъ причиною, а неизмѣнно послѣдующее—дѣйствіемъ причины. Такимъ образомъ субстанціальность и причинность также имѣютъ характеръ ассоціацій, и, значитъ, образуются, подобно всѣмъ другимъ сложнымъ представленіямъ, чрезъ сочетаніе воспринимаемыхъ впечатлѣній и закрѣпленіе связей между ними. Повидимому важную особенность идей причинности и субстанціальности составляетъ то, что идеи эти выражаютъ связь, имѣющую характеръ *необходимости:* ибо и связь такъ называемых. акциденцій (т. е., принадлежностей субстанціи) съ субстанціей, и связь причины съ ея дѣйствіемъ, или послѣдствіемъ, мы представляемъ какъ *необходимую.* По объясненію Юма кажущаяся необходимость въ томъ и другомъ случаѣ есть только иллюзія, создаваемая нашимъ воображеніемъ. Постоянное воспроизведеніе въ нашемъ сознаніи одинаковыхъ группъ впечатлѣній, повторяющихся все въ томъ же видѣ, дѣлаетъ то, что связь впечатлѣній, или представленій въ этихъ группахъ намъ кажется не случайною, а необходимою: связь эта лишь предполагается нами, а не познается на самомъ дѣлѣ.

Если изложенную теорію Юма признать вѣрною, то всякое самостоятельное значеніе разсудка, вообще мышленія, въ дѣлѣ познанія должно быть отвергнуто, и единственнымъ источникомъ, изъ котораго заимствуются всѣ начала познанія, т. е., основныя представленія или понятія, остается признать спо-

и

собность чувственнаго воспріятія. Лейбницъ говоритъ, что не какія либо идеи, а самый разсудокъ слѣдуетъ признать врожденнымъ нашимъ достояніемъ. Что же такого заключаетъ въ себѣ разсудокъ, для чего чувственное воспріятіе не могло бы быть достаточнымъ основаніемъ? Разсудокъ раздѣляетъ и соединяетъ, но соединяющее (ассоціація), и раздѣляющее (распредѣленіе по группамъ) дѣйствія суть простыя послѣдствія чувственнаго воспріятія, имъ производятся. Основными началами дѣятельности разсудка признаются затѣмъ такъ назыв. законы мышленія—положенія о тожествѣ и противорѣчіи, а также о достаточномъ основаніи. Но съ закономъ тожества (законъ противорѣчія есть только отрицательная форма его) стоитъ въ связи и выражаетъ его идея субстанціальности; ибо подъ именемъ субстанціи мы разумѣемъ тождественное и неизмѣнное въ предметѣ, а по закону тождества всякій предметъ должно мыслить какъ равный себѣ, тождественный. Также точно съ закономъ достаточнаго основанія стоитъ въ связи идея причинности, ибо причина и есть то, что служитъ предшествующимъ условіемъ и основаніемъ для послѣдующаго. Если же, какъ показано выше, субстанціальность и причинность—не какія либо особыя понятія, не выводимыя и необъяснимыя изъ данныхъ чувственнаго воспріятія, напротивъ имѣютъ въ основаніи своемъ, подобно всѣмъ сложнымъ представленіямъ, простыя ассоціаціи впечатлѣній чувственныхъ, то ничего не остается такого, что раздѣляло бы разсудокъ отъ чувственности, и чѣмъ оправдывался бы взглядъ на разсудокъ, какъ на особую, самостоятельную познавательную способность. Что усвояется въ идеяхъ субстанціальности и причинности разсудку—*характеръ необходимости* (по Лейбницу разсудокъ—область истинъ необходимыхъ, а опытъ даетъ положенія только случайныя, т. е., такія, которыя по содержанію не необходимы, ибо не исключаютъ возможности противнаго), то на самомъ дѣлѣ производится *воображеніемъ*.

Философія Канта даетъ такое разъясненіе этого важнаго пункта, разъясненіе, которымъ вполнѣ возстановляется и оправдывается отвергнутое Юмомъ самостоятельное и важное значеніе разсудка въ нашемъ познаніи. Кантъ, какъ извѣстно.

различаетъ схематическія представленія, создаваемыя воображеніемъ, отъ соотвѣтствующихъ имъ отвлеченныхъ понятій разсудка (категорій). Понятія субстанціальности и причинности толкуются Юмомъ такъ, что нельзя не видѣть у него смѣшенія схематическаго представленія съ понятіемъ разсудка. Причинность мы дѣйствительно представляемъ въ видѣ *послѣдовательности* во времени, а субстанціальность, какъ отношеніе *совмѣстности*. Но иное дѣло представленіе причинности и субстанціальности, и совсѣмъ иное—понятіе причинности и субстанціальности. Отвлеченное понятіе разсудка, для ясности, мы стремимся облечь въ наглядное представленіе, и вотъ съ этою цѣлью воображеніе создаетъ схемы—такія общія представленія, которыя изъ опыта не заимствуются, а образуются по руководству понятія разсудка; разсудокъ въ этомъ случаѣ не только не зависимъ отъ чувственнаго воспріятія, но и господствуетъ надъ чувственностію. Конечно, нѣтъ такихъ понятій, которыя по природѣ содержались бы въ разсудкѣ въ готовомъ видѣ—такъ называемыхъ врожденныхъ идей; но если необходимо признать разсудокъ—познавательною способностію самостоятельною и независимою отъ чувственности, то вмѣстѣ съ разсудкомъ должны быть нѣкоторыя данныя также независимыя отъ чувственнаго опыта и составляющія *необходимую* его принадлежность. Именно: какъ познавательная способность, разсудокъ очевидно долженъ обладать свойственными ему *способами, или формами познанія*. Таковы *категоріи*. О категоріяхъ рѣчь будетъ впереди. Теперь замѣтимъ только, въ чемъ заключается различіе категорій отъ логическихъ формъ мышленія. И это формы разсудка, и категоріи также формы разсудка. Но надобно различать дѣятельность разсудка, именно *мышленіе*,—отъ той цѣли, къ которой эта дѣятельность направляется прежде всего; цѣль эта заключается въ *познаніи*. Такъ какъ познаніе есть цѣль дѣятельности разсудка *внутренняя* (имманентная), а не внѣшняя, то и тѣ формы, въ какихъ необходимо осуществляется эта цѣль, формы познанія также могутъ быть относимы къ разсудку, какъ относятся къ нему формы самой дѣятельности, направленной къ познанію, именно формы мышленія. И такъ логическія формы это *формы дѣйствій* разсудка, а категоріи—*формы гносеологическія*, онѣ

суть формы предопредѣляющія ту цѣль, къ которой направлены дѣйствія разсудка.

Какъ формы разсудка, составляющія его необходимую принадлежность понятія субстанціальности и причинности дѣйствительно налагаютъ печать необходимости на все то, что мыслится чрезъ нихъ. Необходимость эта не кажущаяся, не иллюзія, создаваемая воображеніемъ, но есть слѣдствіе того, что понятія субстанціальности и причинности—начала познанія апріорныя, независимыя отъ опыта; данное чрезъ опытъ, т. е., воспринимаемое чувствами, само по себѣ является случайнымъ, но чрезъ употребленіе формъ разсудка получаетъ характеръ необходимости, такъ что *случайное* (чувств. воспріятія) и *необходимое* (категоріи),—это два такихъ элемента въ опытномъ познаніи, для которыхъ посредствующимъ членомъ служатъ схематическія представленія, ибо какъ *схематическія*,—представленія эти служатъ выраженіемъ необходимыхъ понятій разсудка, но какъ *представленія*, имѣютъ характеръ случайно даннаго и воспринятаго чувствами.

4. Разсудокъ не единственная познавательная способность, но, какъ сказано, сверхъ разсудка, участвуютъ въ познаніи, по Канту, чувственность и разумъ—какъ способности различныя. Предположивъ, что это разныя, не сводимыя одна на другую, способности, необходимо было допустить вмѣстѣ съ тѣмъ, что существуютъ также особыя формы чувственности, и опять особыя формы, свойственныя разуму. Для чувственности такими, необходимо присущими ей формами, слѣдовательно имѣющимися a priori, т. е., независимыми отъ чувственнаго воспріятія, по Канту, служатъ *пространство и время*, а такими же формами разума онъ признавалъ—*идеи*, т. е., идеальныя понятія, между тѣмъ какъ категоріи понятія реальныя.

Хотя различіе способностей—разсудка и разума, у Канта, какъ выше показано, недостаточно обоснованное, удержано имъ очевидно какъ такое, которое утвердилось уже съ давнихъ поръ, именно получило свое начало отъ Платона; но Платонъ никакихъ врожденныхъ, иначе апріорныхъ началъ чувственности не зналъ и не предполагалъ, ибо такъ какъ познаніе есть дѣло разума, то поэтому представлялось Платону совершенно яснымъ, что только въ разумѣ, а не въ чувственности, должны

быть необходимыя начала познанія. Итакъ, предположеніе, что существуютъ особыя начала чувственнаго познанія, отличныя отъ началъ познанія умственнаго, но столь же необходимыя, не пріобрѣтаемыя чрезъ чувственное воспріятіе, а независимыя отъ него (апріорныя),—это было уже новымъ добавленіемъ къ старому ученію о врожденныхъ идеяхъ. Не слѣдуетъ вводить безъ крайней нужды новыхъ началъ. Слѣдуя этому правилу, англійскіе философы отвергаютъ самостоятельное значеніе разсудка въ познаніи на ряду съ чувственнымъ воспріятіемъ, но попытки ихъ свести необходимыя формы разсудка къ элементамъ чувственности нельзя признать удачными, хотя они твердо продолжаютъ стоять на своемъ (Д. С. Милль, Спенсеръ и др.). Нельзя не послѣдовать за Кантомъ въ признаніи самостоятельнаго значенія разсудка; но слѣдуетъ ли признавать также и чувственность за самостоятельное начало въ познаніи? Если англійскіе философы сливаютъ, такъ сказать, въ одну способность и отождествляютъ чувственность съ разсудкомъ, то цѣль ихъ въ этомъ случаѣ нельзя не одобрить; нельзя только согласиться съ исполненіемъ задачи: не разсудокъ слѣдуетъ сводить къ элементамъ чувственности, а наоборотъ—чувственность, относительно значенія ея въ познаніи, слѣдуетъ сводить къ элементамъ разсудка, т. е., коренными и единственными началами познанія необходимо признать элементы мышленія. Предположеніе особыхъ формъ чувственности, на ряду съ формами разсудка и разума, дѣлаетъ невозможнымъ единство познанія. По предметамъ, т. е., по содержанію, познаніе разнообразно, и отсюда множество наукъ; но есть же родство между науками, по которому мы вправѣ смотрѣть на всѣ науки, какъ на единое въ сущности познаніе, какъ едино искусство; въ чемъ же иномъ можетъ заключаться единство познанія, какъ не въ субъективной сторонѣ познанія? И по Канту есть только одно познаніе,—опытное, въ которомъ чувственность, разсудокъ и разумъ должны быть только элементами, тѣсно связанными между собою. Но если существуютъ особыя формы чувственности, и также есть особыя формы разсудка и особыя формы разума, то чрезъ это и со стороны субъективной познаніе распадается на разные виды: на познаніе *чувственное, разсудочное* и *разумное*, или *идеальное*. При такомъ

разнообразіи формъ познанія, какъ въ самомъ дѣлѣ всѣ эти формы могутъ совмѣститься въ одномъ познаніи, какъ могутъ онѣ образовать вмѣстѣ—единое познаніе? Кантъ признавалъ всѣ формы познанія *синтетическими*. При такомъ единствѣ характера и значенія познавательныхъ формъ, какъ формъ синтеза, естественно полагать, что различіе между ними можетъ быть только въ степени. Но это не такъ, ибо категоріи, какъ формы отвлеченнаго мышленія, очевидно не по степени, а по роду различны отъ пространства и времени, какъ формъ созерцанія чувственнаго. Такимъ образомъ и естественное убѣжденіе въ единствѣ познанія, убѣжденіе въ томъ, что познаніе въ сущности должно быть едино, приводитъ къ вопросу—слѣдуетъ ли полагать особыя формы чувственности на ряду съ формами разсудка, иначе—мышленіемъ? Особенную же важность этотъ вопросъ получаетъ въ виду того, что, какъ извѣстно, главнымъ основаніемъ для Кантовскаго, наиболѣе характернаго, положенія *о непознаваемости вещи въ себѣ* служитъ субъективность пространства и времени, какъ особыхъ формъ чувственности. Этотъ выводъ Канта поставляетъ въ тѣсную родственную связь критическую его философію съ эмпирическою философіею англійскихъ философовъ. Хотя утверждая самостоятельное значеніе разсудка въ познаніи, Кантъ оставляетъ почву англійской философіи (эмпиризмъ), но главный выводъ его философіи о непознаваемости вещи въ себѣ, о томъ, что познаніе наше ограничено явленіями, т. е., данными чувственнаго опыта, возстановляетъ прерванную связь его съ англійскимъ эмпиризмомъ. Какъ Локкъ и Юмъ утверждали, что мы въ нашемъ познаніи имѣемъ дѣло не съ вещами, а съ представленіями, данными въ нашемъ сознаніи, такъ и Кантъ пришелъ къ выводу, что необходимою границею нашего познанія служатъ *явленія*, т. е., *представленія*. Благодаря этому совпаденію въ столь важномъ пунктѣ гносеологіи межу критицизмомъ Канта и эмпиризмомъ англійской философіи, сдѣлалось возможнымъ, что и послѣдователи Канта, и послѣдователи Локка и Юма теперь оказываются представителями одной школы—*позитивизма*.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ.

(Продолженіе *).

30. Законы психическіе видоизмѣняются въ своемъ примѣненіи актами воли.

Существуютъ психическіе законы, выражающіе естественную связь тѣхъ фактовъ, субъектомъ которыхъ служитъ человѣческій духъ. Прежде всего существуютъ законы ассоціаціи различныхъ элементовъ духовной жизни: влеченій, чувствованій, идей, желаній. Эти законы, разсматриваемые сами по себѣ, имѣютъ характеръ неизмѣнности, какъ и всѣ другіе законы. Но естественныя ассоціаціи психическихъ элементовъ могутъ быть расторгнуты актомъ воли. Вотъ почему психическіе факты могутъ подчиняться и не подчиняться законамъ естественной ассоціаціи, подобно тому, какъ они могутъ быть согласны и не согласны съ законами логическими и нравственными. Вотъ, напримѣръ, психологическій законъ, резюмирующій большее количество наблюденій: праздность рождаетъ порокъ. Праздность есть предшествующее, порокъ—послѣдующее. Но можетъ случиться, что самое сознаніе этой естественной связи пробудитъ совѣсть человѣка, и онъ, сдѣлавъ надъ собою нравственное усиліе, начнетъ трудиться. Въ этомъ случаѣ праздность не приведетъ къ пороку, но явится лишь какъ соблазнъ или искушеніе къ нему; искушеніе пробудитъ совѣсть; пробужденіе совѣсти вызоветъ усиліе воли: вмѣшается свобода и предупредитъ естественную ассоціацію явленій (праздности и порока), выражаемую закономъ. Въ данномъ случаѣ законъ не будетъ уничтоженъ (напротивъ, онъ останется во всей силѣ), но будетъ уничтожено, что служитъ его антецедентомъ.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 17.

Психологическіе законы служатъ выраженіемъ естественнаго порядка вещей, который осуществляется настолько, насколько позволяетъ свобода (т. е., пока она не вмѣшивается). На основаніи ихъ нельзя предсказать будущихъ событій въ подробностяхъ и съ полною несомнѣнностію; хотя въ общихъ чертахъ и съ вѣроятностію такія предсказанія возможны и знаніе ихъ бываетъ иногда очень полезно. Теоретики соціализма ошибаются, когда всю силу полагаютъ въ учрежденіяхъ и отожествляютъ дѣйствіе, которое можно производить при ихъ помощи на человѣка, съ дѣйствіемъ индустріи (промышленности) на инертную матерію. Теоретики воспитанія заблуждаются, когда вѣрятъ во всемогущество педагогическихъ методовъ. Эти заблужденія составляютъ обильный источникъ для всякаго рода мечтаній; но по неразумной реакціи, не слѣдуетъ бросаться въ противоположную крайность и отрицать вліяніе учрежденій и воспитанія. Психологическіе законы—законы дѣйствительные, хотя опредѣленія воли и измѣняютъ ихъ приложеніе. Для администраторовъ и воспитателей знать ихъ весьма важно.

31. Законы предполагаютъ причины.

Открытіе законовъ удовлетворяетъ умъ, сводя факты частные къ фактамъ общимъ; но мы не можемъ остановиться на законахъ, какъ на окончательномъ и вполнѣ достаточномъ объясненіи. Редакторъ *Revue scientifique*, Шарль Рише, признавая, что въ инстинктѣ животныхъ обнаруживается умъ, прибавляетъ, что этотъ умъ находится не въ животныхъ и не въ ихъ предкахъ, но „въ законѣ естественнаго подбора“ [1]). Это сужденіе заслуживаетъ полнаго вниманія; оно показываетъ въ ясномъ свѣтѣ одно изъ главныхъ заблужденій современной мысли. Законъ обнаруживаетъ интеллектъ, но не можетъ имъ обладать: законъ есть объектъ для ума и не можетъ быть его субъектомъ. Еще менѣе можетъ онъ быть принципомъ реализаціи фактовъ, выраженіемъ которыхъ служитъ. Законы осуществляются лишь въ существахъ и при томъ именно въ тѣхъ существахъ, отношенія и образъ дѣйствія которыхъ они выражаютъ: всякое существо, поскольку оно дѣйствуетъ, есть причина.

1) *Revue scientifique* 21 мая 1887, стр. 656—658.

Долгое время философію опредѣляли, какъ науку о причинахъ. Аристотель говоритъ: „знать—значитъ понять чрезъ причины". И Рафаэль выразилъ эту идею, господствовавшую въ школахъ того времени, когда надъ фигурою, представляющей философію, сдѣлалъ надпись: *Causarum cognitio* (познаніе причинъ). Въ новѣйшее время дѣлали энергичныя попытки исключить причины изъ области научныхъ изысканій. Дюгальдъ Стюартъ писалъ: „Опытъ учитъ насъ, что извѣстныя явленія неразрывно связаны другъ съ другомъ, такъ что если является одно, мы ожидаемъ другаго; но больше мы ничего не знаемъ... Древніе смотрѣли на философію, какъ на науку *о причинахъ*, и эта ложная идея привела ихъ ко множеству умозрѣній, которыя совершенно превышаютъ компетенцію человѣческихъ способностей" [1]). Такимъ образомъ изысканіе причинъ совершенно запрещается. Но Дюгальдъ Стюартъ впалъ въ явное противорѣчіе, которое дѣлаетъ честь его благочестію, но не логикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ-же говоритъ о душѣ человѣка, какъ объ отвѣтственной *причинѣ* своихъ дѣйствій, и о Богѣ, какъ о верховной Причинѣ міра. Огюстъ Контъ воспроизвелъ мысль Дюгальда Стюарта и развилъ ее во всѣхъ ея слѣдствіяхъ. Онъ сдѣлалъ изъ нея основаніе своей системы; но ему, точно такъ же, какъ и шотландскому философу, не удалось удержать свою мысль въ рамкахъ своей программы. Во вторую половину своей жизни онъ на столько призналъ необходимость понятія о причинѣ для объясненія явленій, что выразилъ свою мысль слѣдующимъ александрійскимъ стихомъ, который передалъ своимъ ученикамъ въ качествѣ правила: „Pour comphéter les lois, il faut des volontes" [2]).

Двусмысленность, происходящая отъ двоякаго значенія термина „законъ", не осталась, можетъ быть, безъ вліянія на направленіе мысли, не допускающей изслѣдованія причинъ. Слово „законъ" имѣетъ двоякій смыслъ: иногда оно означаетъ то, что есть, а иногда то, что должно быть (26). Въ первомъ

[1]) *Esquisses de Philosophie morale*, §§ 3 и 4.

[2]) Для исполненія законовъ необходима воля. *Dehombraih.' Apercus généraux sur la doctrine positiviste.* Paris 1858, page 44.

смыслѣ, въ какомъ терминъ исключительно и употребляется въ естественныхъ наукахъ, слово законъ просто выражаетъ то, что есть, не включая въ себя никакого указанія на дѣйствіе или силу. Во второмъ значеніи, которое имѣетъ мѣсто въ нравственныхъ и соціальныхъ наукахъ, законъ есть заповѣдь или требованіе; а идея заповѣди связана съ идеею способности или силы. Достаточно, однако, небольшаго размышленія, чтобы понять, что заповѣдь не дѣйствуетъ сама собою (это въ области нравственной весьма ясно показываетъ опытъ),—она есть простой мотивъ и можетъ быть осуществлена не иначе, какъ волею, къ которой обращена. Такимъ образомъ, какъ ни велико значеніе объясненія фактовъ посредствомъ закона, и съ практической и съ теоретической точекъ зрѣнія,—однако все же оно есть лишь часть полнаго объясненія.

Объясненіе посредствомъ идеи причины.

32. Причина есть сила, производящая фактъ.

Изслѣдованіе причинъ имѣетъ объяснительное значеніе, потому что идеею причины служитъ понятіе производящей силы, а сила объясняетъ свои дѣйствія. Идея причины извѣстна намъ непосредственно,—именно въ актахъ нашей воли. Эта идея обобщается и при обобщеніи видоизмѣняется. Она видоизмѣняется главнымъ образомъ потому, что причина, которая намъ непосредственно извѣстна (т. е., воля), сознательна и одарена элементомъ свободы, тогда какъ въ сцѣпленіи явленій природы, къ которымъ мы примѣняемъ идею причины, нѣтъ ни сознанія, ни свободы.

Въ объясненіяхъ, извлекаемыхъ изъ идеи класса и закона, мысль идетъ отъ общаго къ частному; пользуясь идеей причины, мы переходимъ отъ единства производящей силы къ возможному разнообразію ея результатовъ. Вотъ наприм. четыре факта: загорѣлся домъ, убито животное, разсѣяно стадо, упалъ человѣкъ. Эти четыре факта могутъ имѣть одну причину—молнію. Ударъ молніи ихъ объясняетъ, а знакомство съ законами физики и физіологіи объяснитъ дѣйствіе молніи. Разсмотримъ теперь три историческіе факта: возстановленіе Западной имперіи, основаніе школы, насильственное обращеніе саксовъ въ хри-

стіанскую вѣру. Эти три факта имѣютъ одну причину—волю Карла Великаго. Говоря вообще, всякое научное объясненіе заключаетъ понятіе единства. Но объяснять посредствомъ идеи класса и закона значитъ подниматься до представленія единства отвлеченнаго и общаго, отъ котораго можно нисходить къ частному и конкретному; а объяснять чрезъ причину значитъ восходить къ единству реальному и конкретному, способному производить множество разнообразныхъ дѣйствій.

33. Причинность не есть простая послѣдовательность.

Нѣкоторые думаютъ, будто идея причины не имѣетъ спеціальнаго характера, и стараются свести ее къ идеѣ простой послѣдовательности или одновременности фактовъ. Такая попытка въ новѣйшія времена сдѣлана была Мальбраншемъ и яснѣе Юмомъ [1]). Очевидно, однако, что послѣдовательность и одновременность фактовъ могутъ иногда имѣть и чисто случайный характеръ. Первые годы Французской имперіи, подъ управленіемъ Наполеона III, были годами урожая; отсюда, конечно, не слѣдуетъ, будто форма правленія, принятая въ то время во Франціи, содѣйствовала умноженію произведеній земли. Но даже и въ томъ случаѣ, когда два факта связаны между собою связью постоянною и, повидимому, неизмѣнною,—даже и въ этомъ случаѣ можно-ли причинность свести къ простой послѣдовательности или одновременности этихъ фактовъ? Отнюдь нѣтъ. Извѣстное положеніе Сиріуса обыкновенно совпадаетъ для насъ съ самымъ теплымъ временемъ года, которое поэтому и называется „каникулярнымъ", такъ какъ *Caniculus* (по франц. *Canicule*) было однимъ изъ названій Сиріуса. Скажемъ ли мы, что Сиріусъ есть причина теплоты? Гассенди справедливо замѣчаетъ, что, разсуждая подобнымъ образомъ, наши антиподы пришли бы къ мысли, что Сиріусъ есть причина холода.

Правило метода Дюгальда Стюарта, по которому: „если происходитъ извѣстное событіе, то мы ожидаемъ другаго, и больше о причинности ничего не знаемъ",—это правило заставило бы насъ ограничиваться установкою послѣдовательности или

[1]) Fonsegrive Essoi sur le libre arbitre, page 173.

одновременности явленій; но все развитіе науки служитъ опроверженіемъ этого правила. Громъ слѣдуетъ за молніей,—вотъ законъ, выражающій послѣдовательность двухъ фактовъ. Однако, остановится-ли на этомъ физикъ,—успокоится-ли на мысли, что „больше мы ничего не можемъ знать?" Ни въ какомъ случаѣ. Онъ скажетъ, что разряженіе электричества, производящее молнію, производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ сотрясеніе атмосферы, результатомъ котораго является громъ. Но это и значитъ перейти отъ констатированія простой послѣдовательности явленій къ признанію ихъ причинной связи. Другой примѣръ. Слишкомъ теплая весна обыкновенно сопровождается возвращеніемъ холода: вотъ законъ, выражающій послѣдовательность явленій. Но мы не удовлетворяемся этимъ и ищемъ большаго. Мы говоримъ: слишкомъ теплая весна преждевременно разрушаетъ полярные льды; обломки ихъ приближаются къ нашимъ странамъ и понижаютъ температуру. Вотъ опредѣленіе причины, и причины дѣйствительной, если объясненіе явленія вѣрно. Чтобы лучше усвоить это весьма важное различіе между законами и причинами, сравнимъ два слѣдующія положенія: 1) въ явленіи столкновенія одно тѣло перемѣщаетъ другое, 2) по закону тяготѣнія, тѣла извѣстнымъ образомъ притягиваются взаимно. Вотъ два закона, которые одинаково постоянны и одинаково неизмѣнны. Первое изъ этихъ положеній можно непосредственно объяснить идеею причины. Въ самомъ дѣлѣ, перемѣщеніе одного тѣла движеніемъ другаго есть прямой выводъ изъ понятія о матеріи. Коль скоро мы знаемъ, что сущность матеріи состоитъ въ томъ, чтобы занимать часть пространства, то чрезъ это самое для насъ становится понятнымъ, что тѣло, приведенное въ движеніе, стремится вытѣснить другое, когда съ нимъ встрѣчается; дальнѣйшаго объясненія мы не ищемъ. Не то мы видимъ во второмъ случаѣ,—въ случаѣ притяженія тѣлъ. Установивъ законъ тяготѣнія, мы ищемъ его причины. Если мы не признаемъ, что тяготѣніе есть первичное обнаруженіе природы вещей, т. е., непосредственное дѣйствіе первой Причины, то мы должны искать причины въ предшествующемъ физическомъ явленіи.

34. Причины суть субстанціи, т. е., существа.

Причина обнаруживается въ дѣйствіи. Г. Литтре пишетъ: „міръ является предъ нами, какъ цѣлое, имѣющее въ самомъ себѣ свои причины,—причины, которыя мы называемъ законами“ [1]). Здѣсь допущена ошибка языка, потому что придавать причинамъ названіе законовъ, а законамъ названіе причинъ значитъ не понимать подлиннаго значенія словъ. Но подъ этой ошибкой языка скрывается болѣе глубокая ошибка,—ошибка мысли, т. е., ошибочная теорія. Именно здѣсь незамѣтно, тихомолкомъ, идея причины подмѣняется идеею закона, вопреки очевиднымъ требованіямъ разума (31). Повторяемъ: законы это идеи; но идеи не могутъ дѣйствовать;—онѣ могутъ только выражать или вызывать извѣстное дѣйствіе. Терминъ „идея—сила“ (idée—force), который играетъ большую роль въ работахъ г. Фулье, есть неудачное выраженіе, которое легко можетъ ввести въ заблужденіе. Идея можетъ осуществиться только при посредствѣ агента, приводящаго ее въ осуществленіе, будетъ ли то сознательная воля человѣка, или безсознательная сила, въ родѣ той, какую мы приписываемъ зародышу растенія. Идея есть выраженіе или уже совершившагося дѣйствія, или—же дѣйствія, лишь имѣющаго совершиться, подъ вліяніемъ идеи, которая въ данномъ случаѣ служитъ для него мотивомъ, хотя не можетъ быть его производящею причиною или силою. Тяготѣніе есть законъ, но онъ осуществляется не иначе, какъ въ отношеніяхъ, существующихъ между тѣлами. Сила въ тѣлахъ, а не въ законѣ. Не законъ тяготѣнія, но присутствіе земли удерживаетъ луну въ ея орбитѣ. Равнымъ образомъ и землю удерживаетъ въ ея орбитѣ солнце, а не законъ тяготѣнія. Монтескье пишетъ: „законы, въ самомъ обширномъ значеніи слова, суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей“ [2]).

Причины, образъ дѣйствія которыхъ выражаютъ законы,—вотъ реальности въ собственномъ смыслѣ и именно они-то и составляютъ „природу вещей“.

---

[1]) *Paroles de Philosophie positive.* Brochure in—8⁰ Paris, 1859, page 34.

[2]) *Esprit des lois au commencement.*

35. Причины бываютъ трехъ родовъ: матеріальныя, самопроизвольныя (spontanées) и свободныя.

Причины матеріальныя или физическія суть тѣла. Тѣло никогда не измѣняетъ своего собственнаго движенія, какъ учитъ насъ законъ инерціи, принятый всею современною физикою, но одно тѣло видоизмѣняетъ движеніе другаго посредствомъ толчка, сопротивленія и, наконецъ, того въ существѣ своемъ неизвѣстнаго намъ дѣйствія, способъ обнаруженія котораго мы называемъ закономъ тяготѣнія. Всякая причина измѣненія въ движеніи носитъ названіе силы. Тѣло не есть сила по отношенію къ себѣ самому; оно есть сила по отношенію къ другимъ тѣламъ: производитъ въ отношеніи другихъ тѣлъ опреленныя результаты (эффекты) и его можно, поэтому, назвать причиною въ собственномъ смыслѣ. Образъ дѣйствія матеріальныхъ причинъ, поскольку онъ намъ извѣстенъ, выражается въ законахъ механики.

При настоящемъ состояніи нашихъ знаній, явленія жизни не допускаютъ чисто механическаго объясненія. Поэтому необходимо нужно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время признать, что въ живыхъ существахъ есть принципъ самопроизвольнаго движенія, подъ вліяніемъ котораго физическія силы осуществляютъ опредѣленные типы. Но если такъ, то къ объясненію жизненныхъ явленій вполнѣ примѣнима идея причинности. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь спонтанность (самопроизвольность) движенія входитъ въ наше понятіе о живомъ зародышѣ, а она (эта „спонтанность“) должна быть разсматриваема, какъ производящая сила, т. е., причина жизненныхъ явленій. Такъ, дубъ объясняется соединеннымъ дѣйствіемъ физическихъ силъ и особой силой, усвояемой желудю. Для объясненія явленій подобнаго рода слѣдуетъ, такимъ образомъ, знать какъ законы жизни, которые изучаетъ общая физіологія, такъ и тотъ спеціальный типъ, который является результатомъ развитія зародыша. Какую бы теорію мы ни приняли относительно происхожденія видовъ, даже если бы мы допустили, что понятіе вида не соотвѣтствуетъ ни какой первичной и неизмѣнной реальности,— гипотеза о самопроизвольныхъ причинахъ, отличныхъ отъ причинъ матеріальныхъ, будетъ имѣть силу до тѣхъ поръ, пока не

удастся дать какое нибудь механическое объясненіе происхожденію жизни. Но такого объясненія наука еще не нашла и, повидимому, весьма далека отъ того, чтобы его найти.

Свободныя причины суть силы, способныя къ самоопредѣленію, которыя, имѣя предъ собою законъ, могутъ его исполнять или нарушать. Существованіе такихъ силъ также объясняетъ множество явленій и именно—при помощи идеи причинности. Однако, этотъ вопросъ настолько важенъ, что его необходимо разсмотрѣть особенно.

36. Свободная причина отчасти включаетъ въ себѣ объясненіе своихъ собственныхъ актовъ [1]).

Мы не будемъ затрогивать здѣсь вопроса о томъ, существуетъ-ли дѣйствительно свобода воли, или это просто иллюзія: этотъ вопросъ есть капитальная проблема психологіи. Для насъ достаточно констатировать, что, согласно общепринятому мнѣнію, объясненія нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, фактовъ человѣческой жизни слѣдуетъ искать именно въ признаніи въ насъ свободнаго дѣятеля. Человѣка считаютъ отвѣтственнымъ за тѣ дѣйствія, виновникомъ которыхъ его признаютъ. Историкъ отыскиваетъ мотивы, побудившіе Карла V къ отреченію; но въ концѣ концовъ онъ будетъ разсматривать свободную волю монарха, какъ одинъ изъ элементовъ этого историческаго факта.

Таково обыкновенное мнѣніе. Однако, люди, получившіе спеціальное физико-математическое образованіе, легко приходятъ къ мысли, что свободное дѣйствіе непонятно, потому что его нельзя вывести изъ антецедентовъ (предшествующихъ явленій), по отношенію къ которымъ оно представляло-бы ихъ необходимое послѣдующее. Объясненіе посредствомъ причины ихъ не удовлетворятъ; они признаютъ объясненіе лишь посредствомъ законовъ. Дѣйствительно отличительный характеръ свободы состоитъ именно въ томъ, что при однихъ и тѣхъ-же антецедентахъ возможны различныя послѣдующія, откуда вытекаетъ,

---

[1]) Болѣе обширное изложеніе этого тезиса см. въ нашемъ изслѣдованіи *О свободѣ воли* (libre arbitre, Paris, 1890).

что дѣйствія существъ, признаваемыхъ свободными, не подчинены абсолютному детерминизму законовъ (30). Но слѣдуетъ ли отсюда, что свободное дѣйствіе непонятно? Да, если слова: *„понятный“* и *„необходимый“* суть синонимы; но эти два термина выражаютъ два различныхъ понятія и нѣтъ никакого основанія считать ихъ тожественными. Идея свободы даетъ объясненіе дѣйствіямъ свободнаго существа согласно тѣмъ же логическимъ законамъ, по которымъ законъ необходимой связи двухъ явленій объясняетъ физическій фактъ. Отрицать значеніе объясненій чрезъ указаніе на самоопредѣленіе свободнаго существа значитъ *a priori* отвергать идею свободы. Лишь послѣ того, какъ будетъ доказано, что это идея ложная, явится возможность, не впадая въ petitio principii, отказать въ научномъ характерѣ объясненію того или другаго дѣйствія указаніемъ на природу агента, производящаго это дѣйствіе.

Итакъ, свободныя причины объясняютъ нѣкоторыя явленія,— однако, объясняютъ лишь отчасти. Въ самомъ дѣлѣ, единственная, непосредственно извѣстная намъ свободная причина, то есть, наша воля, ограничена въ своихъ дѣйствіяхъ лишь выборомъ между различными актами, возможность которыхъ указывается интеллектомъ, равно какъ и между различными возбуждающими насъ импульсами. Рѣшимость, при отсутствіи всякихъ побужденій (мотивовъ), въ предѣлахъ нашего опыта, есть концепція обсолютно ложная. Необходимо при этомъ избѣгать страннаго, хотя довольно распространеннаго паралогизма, въ который впадаютъ, когда въ виду относительнаго и ограниченнаго характера свободы приходятъ къ отрицанію самаго ея существованія.

Чтобы понять основаніе и смыслъ извѣстнаго акта воли, необходимо принять въ соображеніе, кромѣ самой воли, характеръ мотивовъ, которые на нее дѣйствуютъ. Но уже здѣсь выступаетъ новый пріемъ объясненія, который дѣлаетъ акты воли понятными, не приводя, однако, къ признанію ихъ необходимости: это объясненіе посредствомъ идеи цѣли или намѣренія.

Объясненіе посредствомъ идеи цѣли.

37. Познаніе цѣли имѣетъ объяснительное значеніе, потому что показываетъ отношеніе между цѣлью и тѣми средствами, которыя употреблены для ея достиженія.

Законъ отвѣчаетъ на вопросъ: *какъ*? цѣль—на вопросъ: *для чего*? Вотъ стоитъ зданіе: для чего оно воздвигнуто? Есть ли это частное жилище, школа, или храмъ? Разъ мы узнаемъ назначеніе зданія, для насъ будетъ понятно расположеніе различныхъ его частей. Движеніе арміи можетъ сначала казаться запутаннымъ и даже безпорядочнымъ; но оно станетъ понятнымъ, когда мы поймемъ планъ генерала,—планъ, характеръ котораго зависитъ отъ преднамѣченной цѣли. Гарвей, замѣтивъ въ венахъ заслонки, поставилъ себѣ вопросъ объ ихъ цѣли, и именно мысль, что ихъ вѣроятное назначеніе—препятствовать крови оттекать назадъ, привела его къ открытію кровеобращенія.

На философскомъ языкѣ цѣль носитъ два названія *finis* и *causa finalis*. Въ объясненіяхъ посредствомъ идеи класса и закона мысль идетъ отъ общаго къ частному, т. е., отъ единаго ко многому. Въ объясненіяхъ посредствомъ идеи причины мысль идетъ отъ единства производящей силы ко множественности возможныхъ ея дѣйствій. Въ объясненіяхъ посредствомъ идеи цѣли мысль идетъ отъ единства преслѣдуемой цѣли ко множественности средствъ, употребляемыхъ для ея достиженія.

38. Идея цѣли есть одинъ изъ элементовъ въ объясненіяхъ актовъ воли.

Переходъ чрезъ рубиконъ объясняется различными причинами и въ частности даетъ мѣсто слѣдующимъ двумъ соображеніямъ. Цезарь хотѣлъ завладѣть верховною властію: это объясненіе факта посредствомъ цѣли. Онъ принялъ рѣшеніе, за которое онъ отвѣтственъ: это объясненіе факта свободною причиною. Что одно первое объясненіе недостаточно,—это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, по свидѣтельству историковъ, Цезарь колебался между двумя противоположными мотивами,—между чувствомъ гражданскаго долга и своимъ честолюбіемъ. Онъ колебался и наконецъ призналъ рѣшеніе. Цѣль, къ достиженію которой онъ стремился, правда, была для него мотивомъ, возбуждавшимъ его волю. Но послѣднее основаніе его поступка все-же находится въ свободномъ самоопредѣленіи

самой этой воли. Возьмемъ еще одинъ примѣръ изъ исторіи новѣйшихъ временъ. Спрашивается, чѣмъ опредѣлялось отношеніе Наполеона I къ папѣ? Отвѣтъ находится въ Дневникѣ, написанномъ Наполеономъ на островѣ Св. Елены, въ которомъ онъ самъ объясняетъ, что цѣль его была взять папу въ свои руки и, такимъ образомъ, соединить въ своемъ лицѣ и власть политическую, и власть религіозную. Возможно, что, какъ и Цезарь, онъ колебался между планами, которые создавало его честолюбіе, и смущеніемъ совѣсти; но, какъ и Цезарь, онъ принялъ такое рѣшеніе, которое удовлетворяло его честолюбію. Цѣль, которой онъ предполагалъ достигнуть, объясняетъ его поведеніе, хотя и не оправдываетъ его, потому что, какъ существо, одаренное извѣстною долею свободы, онъ остается отвѣтственъ за свое рѣшеніе.

Разсмотрѣніе цѣли, въ виду которой поступали люди, есть основаніе объясненій историческихъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Изученіе общихъ законовъ, открывающихся въ развитіи человѣчества, и соглашеніе этихъ законовъ съ свободою индивидуальной воли есть проблема высшей философіи. Историческіе факты часто бываютъ непонятны или являются предметомъ невѣрныхъ объясненій, пока не будутъ найдены документы, раскрывающіе тайны дипломатіи. Чѣмъ важны получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія? Тѣмъ, что изъ нихъ мы узнаемъ дѣйствительныя намѣренія государственныхъ людей, т. е., истинную конечную причину ихъ дѣйствій. Часто случается, что истинные мотивы рѣшеній, принимаемыхъ общественными дѣятелями, неизвѣстны публикѣ. Министръ одной изъ великихъ монархій Европы говорилъ мнѣ однажды, что онъ не можетъ удержаться отъ смѣха при чтеніи журналовъ, въ которыхъ объяснялись его предпріятія.

Когда дѣло идетъ о человѣческихъ дѣйствіяхъ, то нельзя отрицать, что у всякаго дѣйствующаго человѣка есть цѣль, непосредственно имъ сознаваемая; но идея конечной причины имѣетъ приложеніе не въ одной только области человѣческихъ отношеній. Сознательная у людей, цѣлесообразность, сверхъ того, обнаруживается и въ такихъ явленіяхъ природы, которымъ мы не можемъ усвоять сознанія цѣли.

39. Разсмотрѣніе конечной причины играетъ важную роль въ біологіи.

Открытіе кровеобращенія (37) есть одно изъ доказательствъ этого положенія. Говоря вообще, для физіолога органы объясняются ихъ отправленіями, а отправленія—тѣмъ, что они служатъ поддержанію и продолженію жизни. Если останавливаться лишь на отдѣльныхъ экземплярахъ животнаго царства, то нельзя получить законченнаго объясненія наблюдаемыхъ фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, у нѣкоторыхъ животныхъ встрѣчаются органы, которые не имѣютъ употребленія: глаза, которые остаются всегда закрытыми, зачатки зубовъ, которые никогда не прорѣзываются и не показываются изъ десенъ и пр. Эти факты, допускающіе различныя объясненія, указываютъ во всѣхъ случаяхъ на отношеніе индивидуумовъ къ своему виду. Но какое бы объясненіе имъ ни давали, отношеніе отправленій органовъ къ жизни,—отношеніе, дѣлающее изъ живаго существа гармоническое цѣлое, есть весьма важное вспомогательное понятіе. Цѣль въ организмѣ безсознательна, но тѣмъ не менѣе реальна. Вотъ почему, какъ прекрасно замѣтилъ Кювье, „конечныя причины—это маякъ, необходимый для натуралиста". Ту же самую истину въ наши дни напомнилъ Клодъ Бернаръ. Онъ пишетъ: „Физикъ и химикъ могутъ отвергать понятіе конечныхъ причинъ въ отношеніи къ фактамъ, которые они наблюдаютъ; но физіологъ вынужденъ допустить органическую предуставленную цѣлесообразность въ организованномъ тѣлѣ, всѣ частныя дѣйствія котораго солидарны и обусловливаютъ другъ друга. Дѣлать физіологическій анализъ, упуская изъ виду гармоническое единство организма, значитъ имѣть невѣрное представленіе о біологіи и лишать её ея собственнаго характера" [1]).

40. Разсмотрѣніе цѣли не входитъ въ физику, если она изучается отдѣльно, какъ частная наука.

Терминъ „физика" мы употребляемъ здѣсь въ его общемъ смыслѣ, означающемъ всю науку неорганической матеріи. Труды физиковъ и химиковъ весьма полезны въ виду все болѣе и болѣе изумительныхъ приложеній научныхъ открытій къ

[1]) *Introduction à l'étude de la médiçine éxperimentale.* Pages 154 et 156.

промышленности; но не объ этомъ, не о такой „цѣли" физики и химіи здѣсь рѣчь. Физикъ можетъ поставить пользу цѣлью своихъ работъ, точно такъ-же, какъ заработокъ можетъ быть главнымъ мотивомъ („конечною причиною") занятій артиста. Но къ явленіямъ, которыя изучаетъ физикъ, онъ не примѣняетъ идеи цѣлесообразности: употребленіе, какое можно сдѣлать изъ его открытій, никоимъ образомъ не можетъ служить для него источникомъ объясненій. Онъ анализируетъ факты, которые хочетъ объяснить, и отыскиваетъ ихъ классъ и законъ. Лейбницъ показываетъ намъ, что разсмотрѣніе конечныхъ причинъ можетъ быть полезно даже при открытіи законовъ движенія, потому что эти законы зависятъ не отъ принципа необходимости, какъ истины логическія, ариѳметическія, геометрическія, но отъ принципа совершенства (или закона наилучшаго), т. е., отъ выбора Божественной мудрости" [1]). Однако несомнѣнно, что разъ законы установлены, физикъ изучаетъ единственно способъ происхожденія явленій, а не ихъ цѣль. Его задача—отвѣтить на вопросъ: „какъ"? а не на вопросъ: „почему". Но хотя идея цѣлесообразности чужда физику, коль скоро онъ замыкается въ предѣлы своей спеціальности, однако она не совсѣмъ неприложима къ изученію фактовъ, которые составляютъ предметъ его занятій.

41. Идея цѣлесообразности имѣетъ приложеніе къ физическимъ явленіямъ, если ихъ разсматривать въ ихъ связи со всѣмъ міровымъ цѣлымъ.

Клодъ Бернаръ весьма вѣрно замѣчаетъ, что „физикъ и химикъ, не имѣя возможности стать внѣ міра, изучаютъ тѣла и явленія въ ихъ отдѣльности и не обязаны непремѣнно ставить ихъ въ связь со всею природою. Но физіологъ напротивъ, такъ какъ онъ относится къ животному организму совнѣ и видитъ его весь, въ цѣломъ,—долженъ принимать въ соображеніе гармонію этого цѣлаго" [2]). Когда мысль разсматриваетъ міръ, какъ цѣлое, она находится какъ бы внѣ его, и міръ становится для нея организмомъ, гармонію котораго она должна изучать. Если, напримѣръ, мы захотимъ понять отно-

[1]) *Principes de la nature ét de la grâce* § 11. Edition Erdnann, page 716.
[2]) *Introduction à l'etude de la medicine expérimentale*, page 158.

шеніе неорганической матеріи къ живымъ существамъ, то мы неизбѣжно придемъ къ идеѣ цѣлесообразности. Мысль естественно обращается къ этой идеѣ, какъ это доказываетъ слѣдующій поразительный примѣръ. Согласно общему закону физики, тѣла расширяются отъ теплоты; а охлаждаясь становятся, при одинаковомъ объемѣ, тяжелѣе. Однако есть и исключенія изъ этого закона. Самое выдающееся изъ нихъ представляетъ вода, которая, при охлажденіи до извѣстнаго градуса, превращается въ ледъ и становится легче. Когда этотъ фактъ установленъ, онъ неизбѣжно вызываетъ мысль о цѣли,—объ отношеніи средствъ къ извѣстной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы ледъ былъ тяжелѣе воды, то по мѣрѣ замерзанія воды онъ опускался бы на дно озеръ и рѣкъ, вмѣсто того, чтобы оставаться на поверхности. А вслѣдствіе этого, во всѣхъ странахъ свѣта съ холоднымъ и умѣреннымъ климатомъ вода зимою замерзла бы вся до дна, и, такъ какъ въ продолженіе лѣта она едва-ли бы могла оттаять, то, очевидно, что во всѣхъ этихъ странахъ органическая жизнь была-бы невозможна. Слѣдовательно, принимать въ соображеніе конечныя причины—неизбѣжно, когда мы, выходя изъ предѣловъ спеціальной физики, хотимъ изучать отношеніе неорганической матеріи къ живымъ существамъ. Позволительно думать, что идея цѣлесообразности могла бы способствовать успѣхамъ даже самой физики. Въ самомъ дѣлѣ, ученый, проникнутый мыслью о цѣли физическихъ явленій, могъ бы легче придти и къ открытію средствъ, которыми эти цѣли достигаются въ организаціи природы. Рѣшеніе вопроса: для чего? могло бы привести его, въ такомъ случаѣ, къ рѣшенію вопроса: какъ?

42. Отрицаніе конечныхъ причинъ вытекаетъ изъ двоякаго смѣшенія идей: во первыхъ, смѣшиваютъ конечныя причины (causa finalis) **съ дѣйствующими причинами** (causa efficiens); **во вторыхъ, конкретную и частную цѣль предмета принимаютъ за цѣль общую.**

Легко понять, что изученіе причинъ конечныхъ не должно задерживать изысканія причинъ дѣйствующихъ. Мысль, что облака, образующіяся въ атмосферѣ и переносимыя вѣтромъ, имѣютъ цѣлью орошать почву и, такимъ образомъ, косвенно обусловливать возможность жизни,—эта мысль не освобождаетъ

отъ изысканія законовъ, управляющихъ распредѣленіемъ влаги, равно какъ и причинъ, дѣйствіе которыхъ выражаетъ эти законы. Нельзя удовольствоваться мыслью, что вѣки имѣютъ цѣлью охраненіе глазъ, и оставить изученіе физіологическаго образованія этихъ полезныхъ перепонокъ. Легко также понять, что цѣль, открываемая дѣйствительно, въ данномъ частномъ случаѣ отличается отъ цѣли общей (totale). Солнце существуетъ для того, чтобы насъ освѣщать и согрѣвать,—эта мысль, конечно, вполнѣ естественна. Изъ нея не слѣдуетъ, однако, будто единственное назначеніе солнца доставлять намъ свѣтъ и теплоту. Его дѣйствіе простирается не только на земной шаръ, но и на другія планеты и, безъ сомнѣнія, оно имѣетъ въ мірозданіи и иное назначеніе, хотя неизвѣстное намъ. Но изъ того, что человѣкъ не единственная цѣль для солнца, не слѣдуетъ, будто мысль о назначеніи солнца доставлять намъ свѣтъ и теплоту, есть мысль ложная. Случалось, однако, такъ, что изслѣдованіе конечныхъ причинъ захотѣли вовсе изгнать изъ области науки подъ тѣмъ предлогомъ, будто онѣ задерживаютъ изслѣдованіе причинъ дѣйствующихъ, а также и вслѣдствіе того, что, принявъ по ошибкѣ частныя цѣли за полныя, заключили отсюда, будто эти цѣли презрачны. Отсюда презрѣніе къ телеологіи, принимаемой нѣкоторыми учеными,—презрѣніе, источникъ котораго коренится въ предвзятыхъ теоріяхъ и который можетъ быть оправданъ не иначе, какъ путемъ смѣшенія идей, очевидно различныхъ. Поводъ къ такому смѣшенію, вѣроятно, дали прежде всего слѣдующія слова Бэкона: „Объясненія, основывающіяся на конечныхъ причинахъ, подобны тѣмъ *remora*, которые, какъ выдумали нѣкоторые мореплаватели, пристаютъ къ кораблямъ и останавливаютъ ихъ ходъ. Эти объясненія замедляютъ, такъ сказать, плаваніе или движеніе наукъ, препятствуютъ имъ держаться истиннаго пути и принуждаютъ ихъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Онѣ сдѣлали то, что долгое время изслѣдованіе физическихъ причинъ оставалось въ пренебреженіи“. Бэконъ жалуется здѣсь на то, что философы, къ числу которыхъ онъ относитъ и Аристотеля, перестали изучать дѣйствующія причины (causes efficientes), потому, что ихъ умъ довольствовался разсмотрѣніемъ причинъ

конечныхъ. Вѣренъ ли этотъ фактъ или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что научный умъ не можетъ удовольствоваться идеею цѣли извѣстнаго явленія и долженъ объяснить его происхожденіе изъ причинъ дѣйствующихъ (а не конечныхъ). Съ этой точки зрѣнія Бэконъ вполнѣ правъ; но если-бы, въ виду этого, его захотѣли отнести къ числу философовъ, отрицавшихъ реальность конечныхъ причинъ, то это значило-бы, что его творенія читаются весьма невнимательно. Въ самомъ дѣлѣ, въ той самой главѣ, гдѣ онъ говоритъ объ упомянутыхъ *remora*, о которыхъ послѣ него часто говорили, несправедливо ссылаясь на его авторитетъ, мы находимъ слѣдующія слова. „Когда мы выражаемся такимъ образомъ, это не значитъ, будто конечныя причины, по нашему, мнѣнію не имѣютъ никакой реальности и совершенно не заслуживаютъ изслѣдованія... Было бы грубымъ заблужденіемъ воображать, будто конечныя причины, если только онѣ точно опредѣлены, могутъ препятствовать изученію физическихъ причинъ... Эти два вида причинъ вполнѣ согласуются другъ съ другомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что однѣ означаютъ намѣреніе, а другія простое дѣйствіе“ [1]. Такъ думалъ Бэконъ. А между тѣмъ сколько разъ усвояли ему мнѣніе, которое онъ ясно называетъ „грубымъ заблужденіемъ“!

Что касается теперь отрицанія реальности цѣли, основывающагося на смѣшеніи общей цѣли съ частною,—то это также грубое заблужденіе. Предположимъ, что кто нибудь изъ обитателей города, проходя по мосту, скажетъ: „этотъ мостъ построенъ для меня“. Если-бы онъ говорилъ это серьезно и если-бы хотѣлъ сказать, что мостъ построенъ именно только для него,—то его справедливо сочли-бы сумасшедшимъ. То же слѣдовало бы сказать и о всякомъ другомъ человѣкѣ, который вздумалъ-бы разсуждать подобнымъ-же образомъ. Но изъ того, что мостъ не построенъ ни для кого въ отдѣльности, можно ли заключать, что онъ вообще ни для кого не построенъ? А между тѣмъ противники реальности конечныхъ причинъ иногда высказываютъ противъ нихъ соображенія, которыя едва-ли можно признать болѣе сильными и убѣдительными.

[1]) *De la dignité et de l'accroissement des sciences.* Livre III, Capitre 4.

Декартъ мечталъ построить *a priori* систему міра, и эта грубая ошибка метода не позволила ему воспользоваться въ своихъ изслѣдованіяхъ идеею цѣлесообразности [1]), но онъ установилъ по этому предмету правильное различіе, на которое я указалъ выше,—именно онъ считалъ позволительнымъ думать, что солнце создано для того, чтобы свѣтить намъ, лишь бы только при этомъ не воображали, будто это единственная цѣль его созданія [2]).

43. Въ различныхъ наукахъ употребляются разные способы объясненія.

Методъ въ своихъ существенныхъ элементахъ—одинъ и тотъ же для всѣхъ наукъ (45); но науки имѣютъ разные предметы, чѣмъ обусловлено въ нихъ употребленіе различныхъ пріемовъ объясненія. Для химика въ его аналитическихъ работахъ главною цѣлью служитъ установленіе классовъ физическихъ тѣлъ. Въ физикѣ главный предметъ изученія составляютъ законы. Идеи причины и цѣли имѣютъ значеніе преимущественное въ области біологіи и психологіи. Эти различія между науками реальны, однако, не абсолютны. Химія нуждается въ законахъ физики; разсмотрѣніе классовъ тѣлъ, различаемыхъ химикомъ, входитъ въ составъ занятій физика; біологія постоянно ссылается на результаты химіи и физики; а серьезная психологія справляется съ результатами физики и біологіи. Науки различны, но онѣ не могутъ существовать въ отдѣльности одна отъ другой, потому что все въ мірѣ находится въ связи. Чѣмъ болѣе специализируются науки, тѣмъ яснѣе обнаруживается ихъ связь. По мѣрѣ развитія той или другой отрасли знанія, для нея становится очевиднѣе необходимость принимать въ соображеніе ту гармонію, которая управляетъ жизнью всего универса.

Полное научное знаніе объ одномъ изъ дѣйствительныхъ элементовъ міра должно состоять изъ отвѣтовъ на четыре слѣдующіе вопроса: *что*?—классъ; какъ—законъ; почему—причина; для чего—цѣль. Это, какъ мы видѣли выше (19), въ сущности есть теорія науки, формулированная еще Аристотелемъ.

---

[1]) *Principes de la philosophie*, t. I, page 28.

[2]) *Léttres* dans l'edition Garnier, t. IV, pages 273—274.

Сводить работу мысли, какъ этого хотятъ нѣкоторые изъ представителей современной науки, къ изученію классовъ и законовъ, при полномъ исключеніи причинъ и цѣли, значило бы тщетно пытаться заглушить коренныя требованія человѣческаго ума (31). Заблужденіе этихъ ученыхъ станетъ очевиднымъ, если ихъ идею науки, обязанную своимъ происхожденіемъ исключительному погруженію въ область матеріальныхъ явленій, мы примѣнимъ къ разсмотрѣнію явленій нравственной жизни. Тогда окажется, что идея науки, выработанная приблизительно къ объясненію физическихъ явленій, только для этой области и пригодна. По отношенію же къ наукѣ вообще и въ особенности по отношенію къ философіи, которая служитъ выраженіемъ общаго и основного въ явленіяхъ (77), она рѣшительно несостоятельна. Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ ее вѣрною, то мы должны или отрицать нравственный порядокъ, но это значило-бы подрывать самое основаніе жизни общественной и индивидуальной; или оставить нравственный порядокъ безъ научнаго объясненія, но тогда наука была бы неполной и искаженной. И такъ какъ ни того, ни другого изъ указанныхъ положеній мы принять не можемъ, то ученію о причинахъ остается дать мѣсто въ наукѣ и признать, что Аристотель правъ и что современные ученые напрасно оставляютъ безъ вниманія его доктрину [1]).

МЕТОДЪ НАУКИ.

Какимъ образомъ мысль, стремясь дать себѣ отчетъ въ фактахъ, доходитъ до открытія и доказательства истины? Этотъ вопросъ есть вопросъ о методѣ. Существуютъ и ложныя теоріи метода точно такъ же, какъ существовали ложныя теоріи движенія небесныхъ свѣтилъ.

44. Раціонализмъ и эмпиризмъ—вотъ два ложныхъ метода.

Раціонализмъ имѣетъ притязаніе построить науку *a priori*, исходя изъ однихъ только данныхъ разума. Поступать такъ значитъ желать примѣнить къ объясненію фактовъ пріемъ, употребляемый въ математикѣ,—наукѣ, имѣющей орудный харак-

[1]) См. въ Séances et travaux de l'Academie des sciences morales et politiques (1867 г.). Замѣтку подъ заглавіемъ De l'influence des études morales sur l'idée de la philosophie.

теръ. Но это очевидное недоразумѣніе: вѣдь чистый разумъ не содержитъ въ себѣ никакихъ фактическихъ данныхъ. Декартъ и Гегель оба имѣютъ притязаніе построить *a priori* теорію естественныхъ явленій. Почему-же ихъ понятія объ этихъ явленіяхъ различны? Это зависитъ, конечно, не отъ того, что въ промежутокъ времени, который отдѣляетъ работы французскаго философа отъ работъ нѣмецкаго, разумъ измѣнился въ своей природѣ; но отъ того что, за этотъ промежутокъ времени опытныя науки сдѣлали значительные успѣхи. И если Гегель думалъ, будто онъ строитъ *a priori* тѣ доктрины, которыя заимствовалъ у людей, наблюдавшихъ явленія,—то это былъ просто самообманъ мысли.

Для эмпиризма духъ человѣческій обладаетъ чисто рецептивною способностію (можетъ только воспринимать); такъ-что всѣ идеи приходятъ къ нему отвнѣ. Когда эта доктрина достигаетъ полнаго своего развитія, она утверждаетъ, что всѣ наши познанія суть лишь преобразованныя ощущенія. Если выдержать этотъ методъ и освободить его отъ той непослѣдовательности, которую, вслѣдствіе требованій самой мысли, должны были допустить сами его сторонники, то пришлось-бы лишь констатировать факты, но нельзя было-бы установить ни одного закона. Въ самомъ дѣлѣ, законы происходятъ не изъ опыта; они предполагаютъ работу мысли надъ ощущеніями,—работу, источникомъ которой не могутъ быть ощущенія. Тѣмъ болѣе эмпиризмъ не способенъ объяснить, какъ слѣдуетъ, различіе между идеями необходимыми и случайными (7). Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, не выдерживаютъ серьезной критики.

Подъ вліяніемъ Декарта, великаго раціоналиста новѣйшихъ временъ, и—Бэкона, наиболѣе извѣстнаго изъ эмпириковъ, теорія метода обыкновенно находилась въ противорѣчіи съ истиннымъ понятіемъ о немъ. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ истинный методъ примѣнялся всякій разъ, когда наука дѣлала шагъ впередъ.

45. Методъ состоитъ изъ трехъ главныхъ операцій: констатированія, предположенія и провѣрки.

Такъ какъ наука, въ полномъ своемъ составѣ, наука законченная, должна быть изъяснительною (18), то не трудно понять, почему раціонализмъ и эмпиризмъ, въ своей исключительности, должны быть признаны методами ложными. Можно по-

думать и часто дѣйствительно допускали, будто достаточно соединить ихъ; будто открытіе истины есть результатъ совмѣстнаго употребленія опыта и мышленія. Однако, и это не совсѣмъ такъ. Отъ простаго соединенія опыта и мышленія не произойдетъ науки. Чтобы соединить эти два элемента мысли, необходимъ третій. Законы, классы, причины, цѣли нельзя констатировать непосредственно путемъ опыта точно такъ-же, какъ ихъ нельзя и вывести *a priori* изъ непосредственныхъ данныхъ разума. Откуда-же возникаютъ эти идеи, которыя служатъ точкой отправленія для объясненія, при помощи логическихъ дедукцій, данныхъ опыта (13)? Онѣ суть результатъ собственной самопроизвольной дѣятельности (spontanéité) человѣческаго ума, —результатъ его способности строить гипотезы. Гипотеза, которая есть продуктъ этой способности,—вотъ истинный творческій принципъ (le vrai principe generateur) науки. Раціонализмъ и эмпиризмъ,—эти два столь противоположные въ другихъ отношеніяхъ метода,—сходятся между собою въ томъ общемъ заблужденіи, что не вполнѣ понимаютъ или даже отрицаютъ необходимость гипотезы. Чтобы установить прочную теорію, необходимо: 1) констатировать подлежащіе объясненію факты, 2) предположить какой-нибудь принципъ для объясненія, 3) провѣрить сдѣланное предположеніе, выводя изъ него слѣдствія и сравнивая эти слѣдствія съ результатами изученія фактовъ.

КОНСТАТИРОВАНІЕ.

46. Констатированіе есть результатъ или простого наблюденія, или экспериментаціи.

Внимательное отношеніе къ даннымъ опыта, которыя ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ реальностію (10),—вотъ основаніе всякой серьезной науки. Констатировать факты и явленія, какъ они совершаются въ природѣ, значитъ наблюдать. Если-же мы вмѣшиваемся въ естественное теченіе явленій, то мы производимъ опытъ (экспериментъ). Внимательно изслѣдовать замерзаніе воды значитъ наблюдать процессъ замерзанія; приводить въ извѣстное время воду въ движеніе, съ цѣлію опредѣлить, какой отъ этого получится результатъ,—значитъ производить экспериментъ. Если я тщательно слѣжу за образованіемъ плодовъ на деревѣ, я наблюдаю; а если я сниму часть коры съ той вѣтви, на которой находится плодъ, и буду дожи-

даться результата этого моего дѣйствія, то я дѣлаю опытъ или экспериментъ. Если я слѣжу за поступками какого-нибудь человѣка съ цѣлію составить понятіе объ его характерѣ, то я наблюдаю; а если я предложу ему совершить какой-нибудь поступокъ и буду слѣдить, какъ онъ отнесется къ моему предложенію, то я продѣлаю надъ нимъ опытъ, такъ сказать, подвергну его эксперименту.

Должно замѣтить, что слово „опытъ" (experience) употребляется въ двухъ различныхъ смыслахъ. Оно означаетъ иногда весь результатъ констатированія фактовъ, а иногда то активное наблюденіе, которое составляетъ сущность экспериментаціи. Когда мы говоримъ: l'experience, то употребляемъ терминъ въ первомъ смыслѣ; а когда говоримъ: une experience—во второмъ. Выраженіе „производить опытъ" всегда означаетъ активное вмѣшательство въ ходъ явленій, экспериментъ.

Экспериментація необходима для химіи и физики; при одномъ только наблюденіи, эти науки не сдѣлали-бы ни шага впередъ. Прежде и долгое время у натуралистовъ наблюденіе преобладало надъ экспериментомъ. Но назадъ тому нѣсколько лѣтъ такое положеніе вещей измѣнилось: опыты получили въ физіологіи гораздо большее значеніе, чѣмъ въ былое время. Къ коллекціямъ животныхъ и растеній, которыя всегда считались необходимыми для изученія и преподаванія естественной исторіи, присоединились лабораторіи, въ которыхъ производятся опыты надъ живыми тѣлами, и хотя эти опыты не могутъ сдѣлаться совершенно похожими на опыты физиковъ и химиковъ надъ неорганическою матеріею, тѣмъ не менѣе они все же представляютъ съ этими послѣдними нѣкоторое сходство.

Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій намъ, кажется, можно уже, сообразно съ обычаемъ, употреблять слово „наблюденіе" (observation) въ томъ общемъ его смыслѣ, въ какомъ оно обозначаетъ всякое констатированіе фактовъ, будетъ-ли то достигнуто путемъ простого наблюденія, или путемъ экспериментаціи.

47. Наблюденіе бываетъ внѣшнее (чувственное), внутреннее (психологическое) и умственное (раціональное).

Это различіе въ наблюденіи зависитъ отъ разнородности тѣхъ реальностей, о которыхъ мы имѣемъ непосредственное знаніе. Внѣшнее или чувственное наблюденіе производится посред-

ствомъ органовъ тѣла; оно открываетъ намъ разныя свойства тѣлъ, какъ-то: вѣсъ, цвѣтъ, температуру и проч. Наблюденіе внутреннее или психологическое производится посредствомъ сознанія; оно сообщаетъ намъ познаніе о состояніяхъ или актахъ духа: о мысляхъ, чувствованіяхъ, желаніяхъ. Вотъ два совершенно различные вида наблюденій; но къ нимъ должно присоединить еще третій. Мы видѣли, что въ нашей мысли есть такіе элементы, которые, вслѣдствіе своей объективности, имѣютъ для нашей мысли принудительный характеръ, сознаются какъ идеи необходимыя (11). Эти-то идеи и составляютъ предметъ раціональнаго наблюденія. Изреченіе: „размышлять значитъ наблюдать свои мысли“ вполнѣ справедливо. Не слѣдуетъ лишь при этомъ упускать изъ вида слѣдующее важное различіе: когда я наблюдаю свои личныя мысли, которыя могутъ быть и истинными и ложными, то это будетъ наблюденіе психологическое; а когда я наблюдаю идеи необходимыя, съ которыми мои личныя мысли могутъ быть и согласны и несогласны и которыя исправляютъ меня, если я ошибаюсь,—то такое наблюденіе слѣдуетъ назвать раціональнымъ. Эти идеи находятся во мнѣ, но онѣ имѣютъ такіе признаки, которые не позволяютъ разсматривать ихъ, какъ простыя состоянія моего *я* (7 и 15).

Можно сказать, что всякое наблюденіе по необходимости должно быть внутреннимъ (психологическимъ), потому что мы ничего не можемъ знать иначе, какъ подъ условіемъ сознанія самихъ себя, и все то, что я мыслю, есть по необходимости моя мысль. Другими словами самосознаніе есть необходимое условіе всякаго познанія. Однако это отнюдь не уничтожаетъ существеннаго различія между тремя, указанными выше, видами наблюденія,—между знаніемъ о предметахъ внѣшнихъ, которое открываетъ намъ наблюденіе чувственное; познаніемъ о необходимыхъ идеяхъ, которыя открываетъ наблюденіе раціональное; и наконецъ, знаніемъ о нашемъ собственномъ существѣ и его состояніяхъ, которыя открываетъ наблюденіе спеціально внутреннее или психологическое. Сознаніе, правда, есть необходимое условіе всякаго познанія; но заключать отсюда, будто мы ничего не знаемъ, кромѣ самихъ себя,—это было-бы все равно, что разсуждать, напримѣръ, такъ: „мы видимъ лишь посредствомъ глазъ; слѣдовательно мы ничего не

видимъ, кромѣ глазъ". Разсужденія подобнаго рода едва-ли могутъ назваться серьезными и, тѣмъ не менѣе, они часто играли въ философскихъ спорахъ большую роль.

48. Научное наблюденіе неотдѣлимо отъ индукціи.

Дѣлать индуктивное умозаключеніе значитъ обобщать—именно, открывать въ частномъ случаѣ фактъ общій. Послѣ достаточнаго числа опытовъ, Галилей установилъ извѣстное соотношеніе между временемъ и пространствомъ, проходимымъ тѣломъ при паденіи. Онъ допустилъ, что это отношеніе должно быть одинаково во всѣхъ случаяхъ, если только условія остаются тожественными, и такимъ образомъ формулировалъ одинъ изъ основныхъ законовъ физики: „пространство, проходимое тѣломъ, свободно падающимъ подъ дѣйствіемъ тяжести, пропорціонально квадрату времени, истекающаго съ начала паденія". Получивъ извѣстное соединеніе простыхъ тѣлъ, химикъ допускаетъ, что то-же самое соединеніе будетъ получаться во всѣхъ случаяхъ, если только всѣ условія останутся тѣ-же. Безъ индукціи, обобщающей факты, наука была-бы невозможна, такъ-какъ факты оставались-бы единичными и изолированными. Подобное замѣчаніе мы сдѣлали выше относительно классовъ (21); но оно вѣрно также и относительно законовъ.

Съ теоретической точки зрѣнія, одного только хорошо обслѣдованнаго случая достаточно, чтобы установить законъ: для чего-же, однако, ученые постоянно умножаютъ и должны умножать свои наблюденія и опыты? Для того, чтобы устранить случайныя причины, которыя могутъ ввести мысль въ заблужденіе. Одинъ изъ Женевскихъ правителей (Рьё-Rieu), удалившись вслѣдствіе политическаго переворота отъ дѣлъ, посвятилъ свои досуги физическимъ опытамъ. Онъ открылъ, какъ ему казалось, законъ, по которому черный цвѣтъ имѣетъ особенное вліяніе на электричество. Онъ сообщилъ свою мысль Огюсту де-Ляривъ, который изслѣдовалъ этотъ случай. Въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что черная краска, которую употреблялъ Рьё, содержала въ себѣ желѣзо и отъ этого то металла, а не отъ чернаго цвѣта, зависѣло замѣченное явленіе. Чтобы доказать мысль о соотношеніи цвѣта и электричества, нужно было разнообразить опыты,—произвести ихъ на различныхъ предметахъ, имѣющихъ одинъ и тотъ-же цвѣтъ,

такъ, чтобы можно было констатировать вліяніе на электричество именно цвѣта, а не какого-нибудь вещества. Въ случаѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, присутствіе желѣза было случайною причиною, послужившею основаніемъ для ложной индукціи.

Законная индукція примѣнима только къ дѣйствительно неизмѣннымъ элементамъ природы. Она примѣнима, напримѣръ, къ тяготѣнію (gravitation), потому что этому закону, если мы не ошибаемся, подчинены всѣ массы вѣсомой матеріи; но она не приложима къ закону тяжести (pesanteur), потому-что этотъ законъ не одинаковъ на различныхъ частяхъ земной поверхности. Было-бы ошибочно утверждать рѣшительнымъ образомъ, что отъ теплоты расширяются всѣ тѣла, такъ-какъ этотъ, хотя и общій, законъ допускаетъ, однако, исключенія, изъ которыхъ самое замѣчательное представляетъ вода (41). Индукція даетъ вполнѣ несомнѣнные результаты лишь въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ первичными (простыми) элементами міра. Если-же мы изучаемъ тѣла сложныя, то здѣсь мы должны считаться съ шансами впасть въ ошибку, и эти шансы увеличиваются по мѣрѣ того, какъ индукція въ собственномъ смыслѣ (примѣрами ея особенно богаты физика и химія) превращается въ простую аналогію. Спрашивается, напримѣръ, есть-ли на другихъ планетахъ обитатели, подобные тѣмъ, какими населена земля? Очевидно, что это не простой вопросъ, подобный напримѣръ, вопросу о соединеніи двухъ тѣлъ въ химической лабораторіи, но—очень сложный. Земля есть планета; по аналогіи можно заключить, что, если на одной планетѣ есть живыя существа, то они должны быть и на другихъ планетахъ. Однако, геологія учитъ, что нашъ земной шаръ, повидимому, нѣкогда былъ въ расплавленномъ состояніи, и слѣдовательно на немъ не могло быть жизни. По аналогіи можно заключить, что другія планеты находятся и теперь, можетъ быть, въ подобномъ-же фазисѣ своего развитія. Двѣ аналогіи, такимъ образомъ, приводятъ къ двумъ различнымъ результатамъ, и вопросъ остается нерѣшеннымъ. Въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, отъ этого не можетъ произойти другой опасности, кромѣ развѣ формулировки смѣлыхъ предположеній, которыя могутъ оказаться ложными. Но иногда поспѣшныя индукціи, кромѣ того, что онѣ составляютъ немаловажный источникъ научныхъ ошибокъ, могутъ

сопровождаться и серьезными практическими неудобствами. Изъ того, напримѣръ, что извѣстные грибы съѣдобны, было-бы опасно заключать, что безъ вредныхъ послѣдствій можно ѣсть и другіе, похожіе на нихъ грибы.

Индукціи имѣютъ характеръ непреложной достовѣрности, когда онѣ примѣняются къ опытамъ физическихъ и химическихъ лабораторій, если только эти опыты исполнены, какъ слѣдуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, предметомъ физики и химіи служатъ, если не въ собственномъ смыслѣ первичные и простые элементы міра, то по крайней мѣрѣ такіе элементы, которые оказываются въ нашемъ опытѣ неизмѣнными; а этого достаточно для удовлетворенія научныхъ требованій. Въ біологіи индукціи становятся уже менѣе достовѣрными такъ какъ каждое живое существо имѣетъ свои индивидуальныя особенности. Двѣ частички сѣры или углерода, въ чистомъ состояніи, всегда обнаруживаютъ совершенно однѣ и тѣ-же свойства; но изъ двухъ зеренъ, взятыхъ съ одного и того-же растенія, не представляющихъ между собою никакого замѣтнаго различія и помѣщенныхъ въ возможно одинаковыхъ условіяхъ, не всегда выростаютъ вполнѣ сходныя растенія. Врачъ можетъ жестоко ошибиться, примѣняя къ человѣку способъ леченія, выведенный изъ физіологическихъ опытовъ надъ животными, потому-что организмъ животныхъ и организмъ человѣческій, не смотря на свое сходство, представляютъ значительныя различія. Относительно дѣйствія лекарствъ, или какого-нибудь гигіеническаго предписанія, рисковано заключать даже отъ одного человѣка къ другому, а также изъ статистическихъ данныхъ дѣлать выводъ къ частному случаю. Вотъ почему физіологія, вѣроятно, никогда не сдѣлается вполнѣ надежнымъ базисомъ для медицины, подобно тому какъ наука о неорганической матеріи сдѣлалась такимъ базисомъ для промышленности. Если докторъ не считаетъ изслѣдованіе спеціальныхъ условій своихъ больныхъ важною частью своей задачи и безразлично примѣняетъ научныя формулы, то онъ рискуетъ многихъ изъ своихъ паціентовъ преждевременно отправить въ могилу. Вотъ почему врачъ среднихъ способностей, но прослѣдившій, съ самаго начала жизни, развитіе членовъ извѣстнаго семейства и внимательно относившійся къ ихъ темпераменту,—во многихъ случаяхъ будетъ го-

раздо полезнѣе знаменитаго практика, свѣдѣнія котораго о больномъ и болѣзни иногда по необходимости ограничиваются показаніями, полученными въ одинъ визитъ.

49. Свидѣтельство есть необходимое пособіе при констатированіи фактовъ [1]).

Абсолютный индивидуализмъ, т. е., притязаніе построить науку исключительно при помощи личнаго опыта и мышленія, не выдерживаетъ критики. То, что человѣкъ узнаетъ непосредственно самъ, составляетъ лишь крайне незначительную часть всѣхъ его познаній вообще. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что, напримѣръ, изъ области исторіи, безъ обращенія къ свидѣтельству другихъ, мы знали-бы лишь тѣ событія, которыя совершились на нашихъ глазахъ; изъ географіи—лишь ту часть земнаго шара, которую исходили сами. То, что мы видимъ своими глазами, составляетъ безконечно малую часть нашихъ познаній не только въ области всеобщей исторіи, но даже и въ исторіи, той эпохи, въ которую мы живемъ. То, что лично констатировали и изслѣдовали даже знаменитѣйшіе путешественники, отмѣчено на картѣ земнаго шара едва замѣтной черточкой. Точно также и физическія науки очень мало подвинулись-бы впередъ, если бы физикъ, довѣряя только своимъ собственнымъ опытамъ, совсѣмъ не принялъ въ соображеніе опытовъ своихъ собратій. Свидѣтельство, соединяя людей другъ съ другомъ, устанавливаетъ солидарность умовъ. Паскаль, на одной изъ знаменитыхъ страницъ своихъ твореній [2]), сравниваетъ всю совокупность ученыхъ съ человѣкомъ, который живетъ неопредѣленно долгое время и состарился, непрестанно учась. Этого не могло бы быть, если бы не было передачи пріобрѣтенныхъ познаній. Свидѣтельство для универсальнаго человѣка Паскаля есть то же, что память для отдѣльнаго лица.

Пренебрежительное отношеніе къ значенію для нашихъ фактическихъ познаній свидѣтельства могло явиться лишь какъ результатъ чрезвычайной разсѣянности мысли. Точно также

---

[1]) Болѣе полное развитіе доказательствъ этого положенія см. въ мемуарѣ о важности свидѣтельства въ *Séances et travaux de l'Academie des sciences morales et politiques* t. CXXVIII.—Эта статья воспроизведена въ первомъ приложеніи къ моей книгѣ *Le Temoignage du Christ et l'unité du monde chrétien.* in 8°, Genève, libraire Cherbuliez 1893.

[2]) Edition Faugère, t. 1, page 99.

нужно лишь немного болѣе вниманія, чтобы замѣтить важность свидѣтельства и по отношенію къ истинамъ раціональнымъ. Каждый изъ насъ въ самомъ себѣ носитъ источникъ этихъ истинъ; но свидѣтельство научаетъ насъ, что и наши ближніе точно такъ-же смотрятъ на нихъ, какъ и мы, и предохраняетъ отъ тѣхъ возможныхъ случаевъ заблужденія, когда мы склонны бываемъ принимать уклоненія индивидуальной мысли за необходимые элементы разума. Скромный и благоразумный математикъ вполнѣ полагается на свои вычисленія лишь послѣ того, какъ они будутъ просмотрѣны и провѣрены его собратьями.

Свидѣтельство можетъ быть необходимымъ и для подтвержденія правильности нашихъ воспріятій: въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно является единственнымъ средствомъ для борьбы съ галлюцинаціями. Галлюцинація, когда человѣкъ теряетъ надъ нею власть, служитъ однимъ изъ признаковъ умопомѣшательства; но она можетъ явиться и просто, какъ слѣдствіе нѣкотораго разстройства въ отправленіахъ организма, при чемъ человѣкъ здоровый въ другихъ отношеніяхъ можетъ научиться управлять ею. Профессоръ Пьеръ Прево (Prevost) [1]), достигнувъ очень преклоннаго возраста, лежалъ на одрѣ болѣзни и уже не надѣялся болѣе встать, какъ это въ самомъ дѣлѣ вскорѣ и оправдалось. Онъ видѣлъ на стѣнѣ своей комнаты афиши о зрѣлищахъ легкаго содержанія, на которыхъ онъ присутствовалъ въ своей молодости и жаловался, что помѣстили предъ его глазами такіе предметы въ столь торжественную минуту. Дѣти увѣряли его. что онъ сдѣлался жертвою галлюцинаціи. И вотъ, благодаря своей привычкѣ къ психологическимъ анализамъ, при безусловномъ довѣріи къ искренности дѣтей, ему удалось достигнуть того, что, хотя онъ и продолжалъ видѣть глазами афиши, однако былъ вполнѣ убѣжденъ, что на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, ошибки одного чувства могутъ быть исправлены другимъ чувствомъ: осязаніе напр., можетъ уничтожить иллюзію или галлюцинацію зрѣнія; но въ большинствѣ случаевъ ошибки, происходящія отъ галлюцинацій, могутъ быть исправлены только довѣріемъ къ свидѣтель-

[1]) Пьеръ Прево (1751—1839) профессоръ философіи и общей физики въ Женевскомъ университетѣ, авторъ уважаемыхъ *Essais de philosophie*, 2 т., in 8°.

ству. Кто потерялъ способность провѣрять себя при помощи этого средства, тотъ сдѣлался сумасшедшимъ.

Нѣкоторые говорили о коллективныхъ галлюцинаціяхъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что многіе, находясь при входѣ въ римскія гробницы, утверждали, будто они видятъ свѣтъ еще горѣвшихъ могильныхъ лампъ. Считая эти свидѣтельства достовѣрными (въ чемъ, впрочемъ, позволительно сомнѣваться), нѣкоторые, для объясненія факта, предположили у всѣхъ свидѣтелей этого явленія одну и ту-же галлюцинацію [1]). Но если фактъ установленъ, какъ слѣдуетъ, то скорѣе нужно было-бы искать его объясненія въ иллюзіи, которая могла происходить отъ лучей свѣта, падавшихъ въ отверстіе гробницъ на какой-нибудь отражающій предметъ. Подъ вліяніемъ очень сильныхъ чувствованій могутъ являться коллективныя *иллюзіи*, которыя, напримѣръ, придаютъ естественному явленію характеръ чуда. Возбужденное воображеніе можетъ искажать предметъ дѣйствительныхъ воспріятій. Но если бы въ самомъ дѣлѣ существовали коллективныя *галлюцинаціи*, то не было-бы никакого средства ихъ исправить, такъ-какъ свидѣтельство, которое одно только можетъ исправлять этого рода ошибки, въ этомъ случаѣ было-бы недостаточно.

50. Свидѣтельство имѣетъ сначала значеніе вѣроятности, но потомъ постепенно получаетъ характеръ полной достовѣрности [2]).

Довольно естественно думать (какъ это и дѣйствительно часто думаютъ), что достовѣрность въ собственномъ смыслѣ принадлежатъ только раціональнымъ наукамъ, гдѣ доказательства выводятся изъ аксіомъ, и что ея нѣтъ въ фактическихъ наукахъ, такъ-какъ для этихъ наукъ необходимо свидѣтельство, а его вѣроятность хотя и увеличивается безконечно, но никогда не достигаетъ полной достовѣрности. Но это не вѣрно. Я также увѣренъ въ существованіи Англіи, которой никогда не видалъ, какъ и въ самой простой изъ геометрическихъ теоремъ. Здѣсь достовѣрность различнаго порядка, но совершенно одинаковой степени. Довѣріе къ свидѣтельству зависитъ отъ числа и компетентности свидѣтелей, хотя число само по себѣ не

[1]) См. *Revue philosophique* Ноябрь 1879, стр. 517.

[2]) См. въ *Séances et travaux de l' Académie des sciences morales et politiques*, t. XCIX, мемуаръ о логическомъ основаніи достовѣрности свидѣтельства.

имѣетъ значенія. Физикъ увеличиваетъ число опытовъ для того, чтобы гарантировать себя отъ случайныхъ причинъ, могущихъ ввести въ заблужденіе; однако для этого было-бы достаточно и одного опыта, въ правильности котораго онъ убѣжденъ безусловно (48); подобнымъ-же образомъ и число свидѣтелей важно лишь въ томъ отношеніи, что оно устраняетъ возможность ошибокъ, зависящихъ отъ личныхъ взглядовъ, и такимъ образомъ придаетъ свидѣтельству надлежащую цѣнность. Какъ бы ни было велико число лицъ, болѣе или менѣе подозрительной компетентности, оно никогда не сравнится по своему значенію съ однимъ свидѣтелемъ, въ способности, правдивости и безпристрастіи котораго можно быть вполны увѣреннымъ. Правильная оцѣнка значенія свидѣтельствъ имѣетъ чрезвычайную важность какъ для судьи, такъ и для историка. Предубѣжденія и людскія страсти часто служатъ причиною не только намѣренныхъ искаженій истины, но и невольныхъ ошибокъ. Въ политическихъ собраніяхъ, гдѣ значеніе свидѣтельствъ оцѣнивается по числу присутствующихъ, они всегда крайне подозрительны. У журналистовъ на этотъ случай существуетъ своя ариѳметика, весьма отличная отъ той, которую преподаютъ въ школѣ. Ошибки этого рода не всегда злонамѣренны: духъ партійности ведетъ къ тому, что прежде, чѣмъ обмануть другихъ, люди обманываютъ самихъ себя.

Никто не можетъ серьезно возражать противъ того, что во многихъ случаяхъ свидѣтельство пріобрѣтаетъ характеръ полной достовѣрности. Существованіе какого-нибудь африканскаго озера, о которомъ говоритъ одинъ только путешественникъ, да и то только то, что онъ видѣлъ его издали, конечно, останется сомнительнымъ. Напротивъ, даже и тѣ изъ насъ, которые никогда не видали Средиземнаго моря, также увѣрены въ его существованіи, какъ если-бы по нему сами плавали. По довѣрію къ словамъ другихъ, свидѣтельство получаетъ значеніе опыта, какъ-бы сдѣланнаго за насъ другимъ лицомъ, и его предметъ принимаетъ въ нашихъ глазахъ характеръ реальности (10). Можно-ли будетъ когда-нибудь формулировать правило, указывающее точнымъ образомъ моментъ, когда вѣроятность свидѣтельства переходитъ для насъ въ достовѣрность? Едва-ли. Здѣсь предъ нами нѣкоторая не подлежащая точному

опредѣленію или, какъ говорятъ, трансцедентальная умственная операція, подобная той, посредствомъ которой, напримѣръ, геометръ переходитъ отъ разсмотрѣнія многоугольника съ безконечно увеличивающимся числомъ сторонъ, къ разсмотрѣнію круга, который есть предѣлъ такого увеличенія.

51. Нѣтъ законнаго основанія отрицать возможность какого-нибудь факта вопреки достовѣрнымъ свидѣтельствамъ о немъ.

Логическое противорѣчіе, и оно одно, помимо всего другаго позволяетъ немедленно признать извѣстное утвержденіе ложнымъ. Мы имѣемъ, напримѣръ, право, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, отвергнуть доктрину, которая производитъ что-нибудь изъ ничего; такъ-какъ для того, чтобы ничто производило нѣчто, этому „ничто“ необходимо усвоить производительную силу, а это было-бы явнымъ противорѣчіемъ. Но когда мы имѣемъ дѣло съ фактами, ничего нельзя заранѣе признавать невозможнымъ, такъ-какъ предѣлы возможнаго намъ не извѣстны. Чтобы найти эти предѣлы, для этого нужно было-бы знать всѣ законы и всѣ причины міозданія, но это намъ не по силамъ. Въ исторіи есть много примѣровъ, когда явленія, долгое время считавшіяся невозможными, потомъ признавались за дѣйствительныя. Наиболѣе поучительный примѣръ этого рода представляютъ аэролиты. Свидѣтельства о томъ, что иногда съ неба падаютъ камни, идутъ изъ глубокой древности. Съ ними мы встрѣчаемся еще въ книгѣ Іисуса Навина и въ твореніяхъ Плутарха. Однако позднѣйшіе ученые рѣшили, что этотъ фактъ невозможенъ, и что камни, падающіе съ неба, должны быть отнесены къ разряду народныхъ суевѣрій. Французская Академія Наукъ сдѣлала даже постановленіе, чтобы ей не представляли никакихъ записокъ по этому предмету. Тѣмъ не менѣе фактъ былъ должнымъ образомъ констатированъ въ Сіенѣ, 16 Іюля 1794 года, и въ Нормандіи 26 Апрѣля 1803 года. Въ настоящее же время существованіе аэролитовъ настолько мало подвергается сомнѣнію, что даже строятъ гипотезы объ ихъ происхожденіи. Лапласъ выразилъ мысль, что, можетъ быть, вулканы луны обладаютъ силою выбрасывать свои изверженія на землю. Многіе ученые допускаютъ, что въ пространствѣ вращаются остатки планетъ, которые, попадая на тѣ мѣста, гдѣ земное притяженіе достаточно сильно, падаютъ

на землю. Высказывалась мысль, что аэролиты, притягиваемые солнцемъ, падаютъ на него и поддерживаютъ его теплоту. Во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ фактовъ, которые долгое время отвергались, какъ противорѣчащіе нашимъ познаніямъ о природѣ, теперь имѣютъ немаловажное значеніе въ наукѣ.

Точныя наблюденія и достовѣрныя свидѣтельства выше всякихъ нашихъ теорій. Однако, и при этомъ остается безспорнымъ, что, чѣмъ болѣе необычайный характеръ имѣетъ какой-нибудь фактъ, тѣмъ болѣе мы имѣемъ права быть требовательными по отношенію къ свидѣтельствамъ, на которыхъ онъ опирается. По отношенію къ фактамъ обыкновеннымъ, свидѣтельство можетъ быть подозрительнымъ потому, что ихъ легко вымыслить; но по отношенію къ фактамъ, выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго и не согласнымъ съ самыми извѣстными законами природы, сила свидѣтельствъ должна быть пропорціональна необычайности ихъ предмета.

Въ этомъ отношеніи въ современной мысли обнаруживается движеніе, достойное быть отмѣченнымъ. Не такъ давно явленія, о которыхъ говорили магнитизеры, казались столь странными, что ученые принимали эти разсказы не иначе, какъ съ усмѣшкой и отвергали ихъ съ презрительной ироніей. А теперь эти, равно какъ и другія аналогичныя имъ, явленія занимаютъ важное мѣсто въ научныхъ предположеніяхъ и разсужденіяхъ. Позволительно даже думать, что у нѣкоторыхъ ученыхъ систематическое отрицаніе былаго времени уступило мѣсто излишней довѣрчивости. Вѣдь человѣческій умъ легко бросается изъ одной крайности въ другую! Какъ-бы то ни было, теперь съ большею настойчивостію провозглашаютъ, что мы не имѣемъ права ни одного факта отрицать *a priori*, и что идеи невѣроятнаго и невозможнаго суть двѣ настолько различныя идеи, что переходъ отъ первой ко второй незаконенъ. Такимъ-то образомъ наблюденія и опыты, сдѣланные въ области физіологіи и психологіи, доказали и выставили во всемъ свѣтѣ очень важный, хотя и часто игнорируемый, тезисъ логики.

* * *

(Продолженіе будетъ).

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОЕ ГАРТМАННА.

(Продолженіе *).

Гартманнъ, къ чести его, гораздо осторожнѣе своихъ недальновидныхъ учениковъ, Плюмахера и Кебера. Признавая, что „нѣтъ сознанія позади или внѣ мозговыхъ функцій", что сознаніе зависитъ отъ аффекцій организма и нуждается въ матеріальномъ субстратѣ, что способность нервной проводимости есть дѣйствительная причина, физически обусловливающая единство сознанія;—Гартманнъ, однако, на вопросъ, существуетъ ли въ атомахъ сознаніе, отвѣчаетъ, что у насъ нѣтъ данныхъ, по которымъ мы могли бы опредѣлить нужную степень движенія атомовъ для произведенія сознанія. Опытно мы знаемъ, что колебанія, начавшіяся въ одномъ мѣстѣ нервнаго вещества, передаются по нервнымъ проводникамъ въ другое мѣсто, и что только такъ чрезъ сравненіе явившихся представленій возможно ихъ сознаніе въ одномъ актѣ; a priori же мы въ правѣ лишь утверждать, что если есть сознаніе атомовъ, то отдѣльные атомы имѣютъ и отдѣльное сознаніе. Но совершенно ложно говорить о сознаніи тѣлъ (кристалла, небесныхъ тѣлъ и пр.). Лейбницъ могъ приписывать по закону непрерывности (natura non facit saltus) и аналогіи (*σύμπνοια πάντα*) сознаніе даже самой низшей монадѣ, но теперешній законъ „порога сознанія" окончательно ниспровергаетъ эту теорію. По аналогіи можно судить и обратно. Если углекислый газъ при огромномъ сжиманіи обращается въ жидкость, то, вѣроятно, и сознаніе, дѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ" за 1895 г. № 15.

лаясь въ нисходящемъ ряду индивидуумовъ и монадъ все бѣднѣе и беднѣе, достигаетъ пункта, гдѣ оно совершенно прекращается. „Но кто можетъ указать этотъ пунктъ съ увѣренностью?“[1]).

Мало того, Гартманнъ справедливо сомнѣвается, чтобы одна алгебраическая сумма атомнаго сознанія была достаточна для пониманія цѣлаго феномена сознанія. Изъ движеній получаются опять движенія, почему, если движенія сознательны, то произойдетъ сумма необъединенныхъ сознаній. Внѣшнее единство сознанія, достигаемое посредствомъ нервныхъ путей, не есть единство внутреннее, индивидуализирующее. Внѣшнее единство и единство субстанціи, какъ общей основы всѣхъ явленій, только необходимыя условія для единства сознанія, но не исчерпываютъ всѣхъ нужныхъ факторовъ. Для того, чтобы разныя движенія образовали единое сознаніе и чтобы это сознаніе было цѣлесообразнымъ, необходимо, основательно возражаетъ Гартманнъ, „функціональное психическое единство“, организирующій принципъ, объединяющій центръ, психическій носитель цѣлей высшей индивидуальной ступени, „пучекъ лучей функцій Всеединаго болѣе высокаго порядка“, чѣмъ атомныя силы. Единство сознанія должно быть внутреннимъ, находящимся въ сферѣ индивидуальности и цѣлесообразнымъ, соединяющимъ въ себѣ множество внѣшнихъ и внутреннихъ атомныхъ функцій ганглiозныхъ клѣтокъ. Далѣе, нельзя забывать относительной самостоятельности высшей индивидуальности сравнительно съ индивидуальностью атомовъ и невозможности образовать высшее безъ присоединенія чего-то новаго къ низшему. Объективныя ступени бытія представляются въ слѣдующемъ видѣ. Первая ступень есть царство матеріи съ ея неорганическими законами движенія, вторая—царство растительное и органическое; третья—царство сознательнаго духа отъ воспріятія монеры до богатой духовной жизни человѣка и, наконецъ, четвертая—спекулятивное знаніе идеей самой себя (въ умѣ философа). Всѣ эти ступени вмѣстѣ имѣютъ одного субстанціональнаго носителя и образуютъ группы частныхъ функцій Абсолютнаго, которыя чрезъ извѣстныя формы единства ста-

[1]) Philos. II, 60—64 ss., 122—123 ss.

новятся отдѣльными объективными явленіями. Въ этомъ смыслѣ хотя законы сознательной духовной жизни и органическаго образованія, подобно законамъ механическаго движенія атомовъ, вытекаютъ изъ одного и того-же источника, тѣмъ не менѣе всѣ эти ступени, будучи отдѣльными идеальными моментами абсолютной идеи, реализированными чрезъ волю, имѣютъ относительную самостоятельность и находятся въ противоположности другъ къ другу, т. е., реальномъ конфликтѣ. Поэтому и переходъ отъ одной ступени къ другой невозможенъ безъ особой функціи Безсознательнаго, которая содержится въ идеѣ индивидуума высшаго порядка. Равнымъ образомъ и индивидуальное сознаніе высшаго порядка нельзя считать суммою сознаній низшаго порядка. Требуется, положимъ, объяснить такъ называемую ассоціацію идей. Теорія эволюціи рѣшаетъ вопросъ просто. Нашъ мозгъ, говорятъ, подобенъ струнѣ, и какъ струна на всѣ движенія воздуха отвѣчаетъ тѣмъ тономъ, на который она настроена, такъ и въ мозгу возникаютъ легче тѣ или другія представленія, которыя отвѣчаютъ извѣстному распредѣленію и напряженію молекулъ. Какъ струна резонируетъ не только по поводу гомологичныхъ колебаній ея собственнымъ колебаніямъ, но и по поводу немного уклоняющихся колебаній, такъ и въ мозгу происходятъ колебанія не каждый разъ по поводу непосредственныхъ внѣшнихъ раздраженій, но и по поводу сходныхъ или немного уклоняющихся раздраженій. Что настраиваніе для струны, то для мозга предрасположенія къ опредѣленнымъ раздраженіямъ, которыя отчасти унаслѣдованы, а отчасти пріобрѣтены изъ опыта, и измѣненія, остающіяся въ молекулахъ отъ представленій. Благодаря такому механизму, каждое возникшее представленіе вызываетъ новое родственное себѣ, это—второе, третье и т. д., такъ изъ связи молекулярныхъ движеній въ мозгу происходитъ ассоціація идей. Гартманнъ искусно разоблачаетъ недостатокъ теоріи. Допуская необходимость тѣлеснаго посредства, онъ правильно находитъ, что это посредство должно служить для чего-то нетѣлеснаго, идеальнаго. Но это есть уже интересъ воли, интенція, т. е., воля и представленіе должны быть мыслимы нетѣлесными (prima intentione), независимо отъ того, что для ихъ реализаціи не-

обходимо тѣлесное посредство. Съ другой стороны, хотя большой мозгъ можетъ направить внимательность на гангліи и периферическіе органы чувствъ, но пусть матеріализмъ скажетъ:кто направляетъ внимательность и сообщаетъ опредѣленное движеніе въ предѣлахъ памяти большаго мозга, если не имматеріальный импульсъ? Внимательность не слѣпа, но по-истинѣ ясновидящая, творческая концепція, продуктъ новыхъ логическихъ связей. Ясно, что въ образованіи сознанія участвуетъ какъ духъ (особыя акціи или функціи Безсознательнаго,по терминологіи Гартманна),такъ и матерія; причемъ первому принадлежитъ самый актъ сознанія и направленіе его дѣятельности; а послѣдней—посредство, поводъ и условіе перваго проявленія сознанія. Противоположеніе между духомъ и матеріей не неоправданно, когда подъ духомъ понимаютъ сумму психическихъ функцій высшую, чѣмъ функціи атомовъ. Простая игра ихъ соотвѣтствуетъ демократической тенденціи романовъ, въ которыхъ для виду и для устраненія полной анархіи принимается одинъ властный царь, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ органическомъ построеніи космоса, тамъ индивидуумы низшаго порядка не самостоятельны, а образуютъ только натуральную основу и телеологическое посредство для индивидуумовъ высшаго порядка. Низшіе индивидуумы (атомы и сознаніе низшаго порядка)—лишь функціональныя индивидуаціи ad hoc. Перцепція индивидуальнаго сознанія высшаго порядка, кромѣ воспріятія индивидуальнаго сознанія низшаго порядка предполагаетъ необходимо особую безсознательную психическую функцію, которая объединяетъ содержаніе низшихъ сознаній въ фокусѣ одного сознанія. По происхожденію, эта функція, конечно, подобно примитивнымъ функціямъ атомнаго воспріятія, есть функція Всеединаго, но она различна по содержанію для каждаго человѣческаго сознанія, насколько въ каждой отдѣльной функціи Абсолютное слѣдуетъ своему собственному логическому закону и насколько каждая конкретная функція имѣетъ конкретную особенность [1]).

Такимъ образомъ сознаніе, по Гартманну, не можетъ быть

---

[1]) Ergänz. Erstes Buch, 101—103; 123—127 s.s. ср. Philos. I, 394—396 s.s. Neukant. 350, 356 и 360 s.s.

суммою атомнаго движенія, если даже принять сознаніе атомовъ. Сознаніе по-прежнему есть функція Безсознательнаго (внутреннее единство), дѣйствующаго въ этомъ случаѣ особеннымъ, специфическимъ образомъ. Гартманну только не удалось методически и цѣлесообразно вывести сознаніе изъ Безсознательнаго. Случайность и внезапность появленія сознанія убѣдительно свидѣтельствуютъ о логической непрочности всѣхъ относящихся сюда разсужденій и о жалкой роли тутъ Безсознательнаго, на подобіе Deus ex machina. А если вспомнить при этомъ, что Гартманнъ неоднократно называетъ свою философію „нооцентрическою“ [1]), то неопредѣленность его взгляда на значеніе сознанія выступитъ еще ярче. Можно подумать, что у Гарманна два центра міра: Сознаніе и Безсознательное, или, скорѣе всего, что съ теченіемъ времени центръ перемѣстился изъ одной области въ другую. Мы не знаемъ, какое окончательное мнѣніе философа по этому поводу, но видимъ крайнее разнорѣчіе въ его воззрѣніяхъ. Думаемъ, что Безсознательное должно будетъ отказаться отъ своего центральнаго положенія или уже отказалось, если сознаніе „единственное условіе спасенія отъ страданій бытія“ [2]) и если „человѣческій духъ одинъ достаточенъ, чтобы осуществить цѣль процесса“ [3]). Подобный подвигъ можетъ совершить только всемогущая центральная сила, болѣе значительная и болѣе интенсивная, чѣмъ сила, сохраняющая бытіе міра, ибо она должна побѣдить самое Безсознательное и уничтожить его титаническое стремленіе къ жизни.

Чувствуя невозможность доказать что-либо изъ понятія безсознательнаго Бога, Гартманнъ начинаетъ нѣсколько смягчать рѣзкость своихъ выраженій и говоритъ: „при нашей неспособности понять положительно родъ воззрѣнія безсознательной интеллигенціи, мы можемъ опредѣлять ее только по *противоположности* съ нашею формою представленія (сознаніемъ), слѣдовательно характеризовать только чрезъ отрицательный *предикатъ безсознательности*“. На самомъ же дѣлѣ всѣ функціи

---

[1]) Ergänz. I Buch, 37 s. cp. Neukant. 234 s.

[2]) Philos. II, 406 s.

[3]) Neukant. 234 s. cp. Phänomen. d. sittlich. Bewusstseins, 871 s.

безсознательной дѣятельности не только не слѣпы, но видящія и ясновидящія, хотя это ясновидѣніе имѣетъ предметомъ лишь міръ и объекты. Вундтъ заблуждался, когда утверждалъ, что каждое сознаніе непремѣнно дискурсивное, для котораго представленія даны въ воспоминаніи и временной раздѣльности, и въ другой формѣ существовать не можетъ. Считая типическимъ признакомъ сознанія сознаніе большаго мозга въ его формѣ дискурсивной рефлексіи, Вундтъ не обратилъ вниманія на характеръ логическаго, какъ сознанія вообще, и отвергалъ его сознательность, потому что ему недостаетъ особенностей дискурсивной рефлексіи. Но логическое, какъ логическое, не имѣетъ никакой рефлексивной формы; будучи связью implicite моментовъ безсознательной интуиціи, оно становится дискурсивнымъ лишь въ формѣ нашего сознанія. На этомъ основаніи безсознательная ясновидящая интеллигенція, безвременно обнимающая въ своей дѣятельности всѣ цѣли и средства и ставящая предъ собою въ каждое мгновеніе всѣ нужныя даты, безконечно превосходитъ дискурсивную рефлексію сознанія, и ее лучше назвать *надсознательною* (überbewusste). [1]). Въ Богѣ нужно различать форму и содержаніе сознанія. Безсознательный духъ не въ каждомъ отношеніи противоположенъ сознательному, но исключительно въ отношеніи формы. Поэтому лишь въ формальномъ отношеніи нужно идти via negationis и отдѣлать отъ безсознательной духовной дѣятельности родъ чувственнаго, абстрактнаго, дискурсивнаго и рефлективнаго мышленія; въ отношеніи же духовнаго содержанія, которое раскрывается въ этой отрицательной безсознательной формѣ, сохраняетъ полное значеніе via eminentiae, опредѣленія положительныя. Сознательный и безсознательный духъ владѣютъ однимъ и тѣмъ же духовнымъ содержаніемъ; но тогда какъ безсознательный духъ производитъ изъ себя въ универсальной цѣлости все внутреннее разнообразіе этого общаго содержанія и объемлетъ его въ абсолютномъ логическомъ синтезѣ; сознательный духъ владѣетъ лишь незначительною его частью. Хотя намъ недостаетъ положительныхъ аналогій для опредѣленія

[1]) Philos. II, 176—177 s.s. ср. Band. I, 365 s.

первичной формы сознанія Безсознательнаго, такъ какъ мы стоимъ на периферической противоположной сторонѣ міра, но у насъ, въ нашей сознательной духовной жизни, есть аналогіи для вторичныхъ опредѣленій безсознательной дѣятельности, каковы: знаніе сверхчувственное, конкретное, интуитивное, созерцающее въ единствѣ и т. д. Via eminentiae, конечно, имѣетъ нѣкоторое значеніе и относительно этой первичной формы, но поелику via eminentiae здѣсь стоитъ въ связи съ via negationis, то мы не можемъ тутъ прійти ни къ какой положительной опредѣленности мысли. О первичной формѣ сознанія Безсознательнаго,въ противоположность ея содержанію, гдѣ не имѣетъ мѣста отрицаніе, можно только сказать, что возвышенному содержанію безсознательной дѣятельности духа соотвѣтствуетъ возвышенная (надсознательная) форма. „Вообще, сознательная мысль безсознательной духовной дѣятельности, которая въ сознаніи должна представлять (repräsentiren) собою эту безсознательную духовную дѣятельность, совершенно положительно опредѣлена въ отношеніи содержанія и только въ формальномъ отношеніи окружена извѣстною неопредѣленностью, насколько возможны положительныя аналогіи для вторичныхъ формальныхъ свойствъ, а для первичной формы только отрицательное опредѣленіе (безсознательная мысль), которое оставляетъ родъ и способъ возвышенности этой формы надъ формою сознанія (сверхсознательность) положительно неразрѣшимою задачею мысли". Но заключать отсюда, будто понятіе безсознательной духовной дѣятельности, вслѣдствіе неопредѣленности формы, совсѣмъ немыслимо, никто не въ правѣ, ибо это понятіе какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны вторичныхъ формъ опредѣленія, явно сложено изъ положительныхъ элементовъ мысли [1]).

Казалось бы, что послѣ данныхъ разъясненій и спорить не о чемъ. Никто и никогда не приписывалъ Богу ограниченнаго дискурсивнаго сознанія, и какъ теизмъ, такъ и пантеизмъ, всегда сходились въ мысли, что Богу принадлежитъ въ безконечной степени интуитивное знаніе, формально и матеріально возвышенное надъ человѣческимъ сознаніемъ. Надсозна-

[1]) Ergänz. Nachträge 501—502 s.s.

тельный Богъ не есть безсознательный. Надсознательность и безсознательность не одно и то-же, но именно полюсы одного магнита. Надсознательность означаетъ только, что я не могу адэкватно представить божественнаго мышленія, и то съ формальной стороны. Противорѣчащей противоположности (oppositio contradictoria) не существуетъ больше, если все различіе между сознательнымъ духомъ и Богомъ сведено къ формѣ. Различіе формальное не есть различіе отрицательное, различіе между А и—А. Мысль, формально правильная, и мысль, формально невѣрная, не двѣ мысли отрицательныя по природѣ, но одна и та же мысль, хотя и различнаго логическаго достоинства. Тѣмъ не менѣе Гартманнъ продолжаетъ настаивать на полной безсознательности Бога. Когда Кирхманнъ доказывалъ, что Безсознательное у Гартманна описано въ такихъ предикатахъ, которые характеризуютъ сознательное человѣческое знаніе, то онъ обвиняетъ Кирхманна въ непониманіи и извращеніи его мыслей. Аргументація Кирхманна сводится къ четыремъ положеніямъ: а) сознательное знаніе имѣетъ свое содержаніе въ формѣ знанія и б) знаетъ себя, какъ знаніе (сознательно), в) знаніе можетъ соединять разнообразныя и раздѣльныя представленія въ одно знаніе и г) знаетъ это знаніе, какъ одно знаніе, не смотря на множество его содержанія. Всѣ эти опредѣленія, по Кирхманну, примѣнимы къ знанію Безсознательнаго какъ вслѣдствіе признаннаго его всеединства, такъ и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе утверждаемаго Гартманномъ полнаго согласія между цѣлями и средствами, и затѣмъ, если конечная цѣль міра, побѣда ума надъ волею, можетъ быть когда-либо достигнута, то Безсознательное должно владѣть еще знаніемъ о противоположности воли и представленія.

Что же отвѣчаетъ Гартманнъ? Объединеніе, полемизируетъ онъ, раздѣльно даннаго эмпирическаго матеріала представленія есть свойство нашего индивидуальнаго сознанія; у Безсознательнаго же этого множества не существуетъ, ибо все внутреннее разнообразіе его содержанія имъ самимъ поставлено, какъ нераздѣльное единство. Форма внутренняго разнообразія содержанія безсознательнаго представленія и отношенія, въ которыхъ стоятъ другъ къ другу многіе моменты и части этого

содержанія, находятся уже implicite въ интеллектуальномъ воззрѣніи, насколько форма и содержаніе также implicite совмѣстны въ безсознательной идеѣ, и потому нѣтъ нужды, чтобы ихъ существованіе сознавалось еще въ абстрактной формѣ. Къ особенностямъ сознательнаго знанія относится, дальше, то, что оно не только знаетъ свое содержаніе, но и знаетъ его, какъ содержаніе, въ противоположность формѣ, т. е., знаетъ его, какъ объектъ въ отличіе знанія о себѣ, какъ субъектѣ. Но подобное знаніе о формѣ сознанія и противоположности ея содержанію есть результатъ высшаго развитія сознательнаго интеллекта; а въ Безсознательномъ это раздѣленіе и эта противоположность формы и содержанія, субъекта и объекта представленія, невозможны, ибо здѣсь субъектъ и объектъ въ нераздѣльномъ тожествѣ, въ первоначальномъ единствѣ, индифференціи. Во Всеединомъ, которое не имѣетъ ничего, кромѣ себя, никогда не нарушается тожество субъектъ—объекта и никогда не можетъ быть рефлектирующаго сознанія.—По поводу же послѣдняго пункта, т. е., относительно совершеннаго приспособленія средствъ къ цѣлямъ, все станетъ понятно, рѣшительно высказывается Гартманнъ, если вспомнить, что „цѣлесообразныя средства возникаютъ не изъ цѣлой массы актуально нецѣлесообразныхъ представленій, но что изъ всѣхъ возможныхъ представленій вступаютъ въ жизнь только тѣ, которыя требуются логически (какъ средство къ цѣли)". А при такой связи ни откуда не видно, чтобы логическое или телеологическое опредѣленіе качества выступающей идеи могло оказать вліяніе на разрушеніе въ безсознательномъ представленіи индифференціи субъекта и объекта, формы и содержанія. Слѣдовательно, какъ ошибочно думать, будто желаніе становится сознательнымъ для идеи, такъ легкомысленно принимать, будто начало сознаванія воли (Gewusstwerden des Willens) должно быть сознательнымъ чрезъ идею. Идея, какъ такая, подобно волѣ, стоитъ внѣ всякой связи съ сознаніемъ. Содержаніе идеи можетъ отразиться въ болѣе или менѣе адэкватной формѣ въ воспріятіи, воспоминаніи, фантастическихъ образахъ и абстракціяхъ, а какъ цѣлость содержанія и формы, идея недоступна сознанію. „Конечная цѣль не представима,

но желаніе, какъ исходный пунктъ, должно быть въ какой-либо мѣрѣ сознательнымъ, чтобы процессъ могъ начаться, только это сознаніе по содержанію вполнѣ неопредѣленное: оно—толчокъ къ раскрытію идеи и не входитъ въ содержаніе" [1]).

Разберемъ эти возраженія. По общему ихъ смыслу мы имѣемъ тутъ два тезиса: Безсознательное мыслитъ все implicite, такъ что у него форма и содержаніе представленія совпадаютъ; и Безсознательное есть абсолютное единство аттрибутовъ: воли и представленія, но ни идея не знаетъ себя и воли, какъ отдѣльной силы, ни воля не освѣщается идеею и, понятно, не знаетъ себя, ибо это сила алогическая.

Несомнѣнно, что Богъ знаетъ все implicite и обладаетъ всѣми идеями отъ вѣка. Сознательный Богъ не мыслимъ безъ универсальнаго знанія. Но какъ представить какое-то интеллектуальное знаніе въ безсознательномъ духѣ? По обыкновенному понятію, безсознательное есть безсознательное и ничего больше. Когда Спиноза училъ, что умъ, будетъ ли онъ въ дѣйствительности конечнымъ или безконечнымъ, равно какъ и воля, желаніе, любовь и т. д. должны относиться къ natura naturata, а не къ natura naturans [2]), то онъ послѣдовательно обратилъ Бога (субстанцію) въ отвлеченный натуральный законъ вѣчной необходимости. Спиноза остался вѣренъ своему понятію о безконечной субстанціи и исключилъ изъ своей системы всякую свободу и телеологію, всякое различіе между добромъ и зломъ и даже начало и конецъ міра. Представленіе о субстанціи не нуждается въ сознаніи и можетъ быть безъ затрудненія мыслимо подъ формою безсознательнаго начала міра. Безсознательное же Гартманна есть абсолютный духъ. „Я, формулируетъ философъ свое вѣроисповѣданіе, имѣю больше права на употребленіе слова „Богъ", чѣмъ Спиноза и нѣкоторые другіе" [3]). „Мое Безсознательное есть ни міровая душа, ни простой натуральный духъ въ смыслѣ природы, какъ дурной дѣйствительности, но именно абсолютный духъ; духъ, не упавшій

[1]) Ergänz. Nachträge 482—485 s.s. ср. Neukant. 330 s., Philos. II, 478—482 s. s.

[2]) Этика, ч. I, теорема 31.

[3]) Philos. II. 201 s.

изъ высшей свѣтлой области въ низшую, дремлющую и мечтательную сферу, но духъ, опредѣляющій все съ абсолютною увѣренностью и всеобъемлющимъ знаніемъ, духъ, возвышенный надъ противоположностью сна и бодрствованія" [1]) Нѣтъ ни одного событія въ мірѣ, ни одного явленія, которое не было бы всесторонне обусловлено Безсознательнымъ. Нужно, положимъ, видоизмѣнить ходъ исторіи, и вотъ въ соотвѣтствующее время Безсознательное производитъ міроваго генія, который способенъ разрѣшить требуемую временемъ задачу. Оно тотчасъ направляетъ свои функціи на зародышъ такого генія и образуетъ необходимое гетерогенное измѣненіе, метаморфозу яйца. Каждое время имѣетъ и своего генія; а если иногда жалуются на недостатокъ въ мужахъ, обладающихъ геніальностью и способныхъ удовлетворить назрѣвшимъ потребностямъ вѣка, то это доказываетъ, что задачи времени поняты ошибочно, что онѣ не входятъ въ планъ исторіи и что, слѣдовательно, геніи напрасно тогда растрачивали бы свои силы [2]). Такъ и всюду; каждое явленіе есть явленіе сущности, Безсознательнаго. Богъ всегда раскрываетъ свою прямую дѣятельность сколько для того, чтобы вызвать въ новыхъ зародышахъ не случайныя, а лежащія въ Его планѣ (Безсознательнаго) отклоненія, сколько для того, чтобы уже возникшія отклоненія и принадлежащія къ Его плану, но не возвышающія способности организма конкуррировать въ борьбѣ за существованіе, сохранить отъ уничтоженія чрезъ скрещиваніе [3]).

Вопросъ, стало быть, въ томъ, что такое implicite въ безсознательномъ духѣ. Пустое ли это слово и противорѣчивое понятіе, или возможно соединить съ нимъ какіе-либо положительные предикаты? Попытаемся представить безсознательное implicite. Припомнивши, что знаніе implicite дѣлаетъ Бога ясновидящимъ и всевѣдущимъ, мы заключаемъ, что implicite Безсознательное должно знать все, иначе оно не было бы всезнающимъ и ясновидящимъ, а сообразивши, что implicite у Бога содержаніе и форма знанія совпадаютъ въ нераздѣльномъ

[1]) Philos. Fragen 169 s.
[2]) Philos. I, 329 s.
[3]) Ibid. 250 s.

тожествѣ, вслѣдствіе чего для Него не существуетъ противоположности между субъектомъ и объектомъ, мы опять вмѣстѣ съ Гартманномъ заключаемъ наоборотъ, что implicite Богъ долженъ быть безсознательнымъ. Implicite божественнаго знанія имѣетъ какъ бы два свойства: положительное и отрицательное, взаимно уничтожающія другъ друга. На конкретномъ примѣрѣ это будетъ означать, что Безсознательное implicite знало, что оно одухотворитъ первый организмъ, произведенный матеріею (какъ и на самомъ дѣлѣ было), и implicite оно не знаетъ ни того, что это оно дѣйствовало, ни того, каковъ былъ предметъ его дѣятельности". Познай оно хоть однажды объектъ дѣйствія и самого себя въ качествѣ субъекта дѣятельности, оно владѣло бы уже сознательнымъ знаніемъ, отличило бы себя отъ объекта, но это невозможно. Безсознательное дѣйствуетъ постоянно, но не знаетъ, каковы эти дѣйствія и куда они направляются: знаніе функцій и мѣста ихъ обнаруженія опять есть сознательное знаніе. Безсознательное дѣйствуетъ на „авось". Удалось ему достигнуть цѣли,—хорошо, а не удалось и оно ошиблось, и то не бѣда: Безсознательное исправляетъ ошибку, да и незначительное количество ошибокъ ничто въ сравненіи съ общею телеологіею и въ счетъ не идетъ (sic). Пробудилось когда-то, при возникновеніи міра, in irgend welcher Weise *сознательное желаніе* (?) въ Богѣ, и тогда же была поставлена конечная цѣль міра—побѣдить слѣпую волю къ жизни, но Бесознательное все таки не знаетъ ни воли, ибо „начало ея сознаванія не входитъ въ содержаніе идеи", ни конечной цѣли, ибо конечная цѣль для Бога не представима (nicht vorgestelltes Endziel, ideenlos). Начался процессъ: Безсознательное стало имманентно страдать вмѣстѣ съ бытіемъ и спасать отъ муки и себя, и міръ, и опять оно ничего не знаетъ ни о себѣ, ни о мірѣ, ибо оно вѣчно тожественно съ собою. Implicite Богъ заразъ и знаетъ все, и ничего не знаетъ; Онъ и ясновидящій, и безсознательный. Implicite Онъ поставилъ для Себя все множество и разнообразіе содержанія своего интеллектуальнаго воззрѣнія, и implicite Онъ не могъ поставить никакого множества и разнообразія, а еще меньше знать его, ибо въ Немъ субъектъ и объектъ, форма и содержаніе въ вѣчной индифференціи, вѣч-

номъ тожествѣ. Ясно, что это понятіе implicite совершенно неопредѣлимо въ безсознательномъ духѣ и приводитъ только къ логическимъ противорѣчіямъ; задача объединить безсознательность и ясновидѣніе Бога по существу тщетная.

Но согласимся, что Безсознательное Гартманна ясновидящее и что міровая телеологія реальное обнаруженіе Всеединаго, которое въ каждое мгновеніе вступаетъ въ процессъ и цѣлесообразно имъ управляетъ, все же нужно знать, какъ и гдѣ въ безсознательномъ духѣ сохраняются эти преформированныя телеологическія идеи, составляющія общее содержаніе всего міроваго развитія и обусловливающія частное разнообразіе каждаго конкретнаго явленія. Если идеи (или лучше: идея) подчинены логическому закону, то что такое этотъ законъ и откуда онъ въ безсознательномъ Богѣ; знаетъ ли Онъ этотъ законъ, или не знаетъ, и какъ Богъ ему подчиняется: съ фатальною необходимостью или свободно? Какія силы удерживаютъ Безсознательное отъ безпорядочнаго проявленія идей, когда воля единственно только желаетъ, а идея сама безсильна и равнодушна къ формѣ и времени своего существованія? Почему логическій законъ непремѣнно логическій и раскрывается строго послѣдовательно въ процессѣ? Какая причина заставляетъ Безсознательное не повторять событій, когда оно не знаетъ, что творитъ, не имѣетъ памяти и постоянно все забываетъ? Какъ понимать его вмѣшательство (насильственное вторженіе, Eingriff) въ процессъ, да и что такое вообще эти „энгриффы“ Безсознательнаго? Не есть ли это чудо, разстраивающее безъисключительную закономѣрность міра? Или Безсознательное знаетъ, когда и въ какой формѣ ему надлежитъ дѣйствовать и обнаруживаться, чтобы не произошло безпорядка?

У Гартманна готовъ отвѣтъ. Не задумываясь долго, онъ говоритъ, что его метафизическій энгриффъ не то-же, что теологическое чудо. Тожество между законосообразнымъ организующимъ вторженіемъ Безсознательнаго и религіознымъ чудомъ фиктивное. Теологическое чудо есть произвольный и случайный актъ, какъ, напримѣръ, пресуществленіе хлѣба въ плоть, вслѣдствіе чего будто бы происходитъ отпущеніе грѣховъ; напротивъ, „метаморфоза зародыша въ цѣляхъ гетерогеннаго рож-

денія, безъ которой не могъ бы быть совершенъ опредѣленный прогрессъ къ телеологически потребной высшей ступени организаціи,—метаморфоза эта не можетъ быть сравниваема съ такимъ произвольнымъ актомъ фантастическаго колдовства, поелику она образуетъ необходимый моментъ въ закономѣрномъ процессѣ развитія организаціи“ [1]). Другими словами: теологическое чудо колдовство, потому что оно теологическое и безцѣнное, а чудо, Engriff Безсознательнаго — закономѣрный телеологическій феноменъ, потому что оно нужно для процесса, т. е., нужно для философа, не знающаго, какъ объяснить съ точки зрѣнія своего Безсознательнаго возникновеніе организма и прогрессивное развитіе индивидуальностей. Нужно, чтобы такъ было,—вотъ и все доказательство. Бѣдное Безсознательное должно подчиниться потребностямъ телеологіи и схватываетъ организованную матерію, но по своей безсознательности оно создаетъ всюду жизнь (и производитъ, конечно, метаморфозы), даже тамъ, гдѣ, благодаря неблагопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыхъ оно не предвидитъ, эта жизнь тотчасъ погибаетъ. Какъ угодно, это не разумный и цѣлесообразEingriff, а безсмысленная трата силъ, достойная Безсознательнаго, чудо случайное. Пресуществленіе хлѣба въ плоть совершенно понятно для вѣрующаго человѣка и имѣетъ разумную цѣль въ общемъ домостроительствѣ христіанства, но цѣлесообразный и соотвѣтствующій нуждамъ процесса Eingriff Безсознательнаго даже не искусная выдумка.

Чтобы поправить дѣло, Гартманнъ старается ослабить впечатлѣніе отъ случайныхъ Eingriff'овъ Безсознательнаго и учитъ, что его Eingriff не есть отрицаніе, какъ чудо, механическихъ натуральныхъ законовъ, но „вступленіе (Platzgreifen oder Hineintreten) въ процессъ новаго содѣйствующаго фактора, вслѣдствіе чего натурально происходитъ иной общій результатъ, чѣмъ какой произошелъ бы безъ этого содѣйствія“. Какъ нѣтъ чуда, когда поднявшійся попутный вѣтеръ надуваетъ паруса и гонитъ лодку противъ теченія, или когда комета по закону притяженія и чрезъ дѣйствіе электрическихъ

[1]) Ergänz. Wahrheit und Irrthum im Darwinismus, 463—464 s.s.

силъ солнца растягивается въ видѣ хвоста, такъ нѣтъ чуда, когда Eingriff Безсознательнаго видоизмѣняетъ результатъ дѣйствія неорганическихъ силъ сообразно строго законосообразной дѣятельности организирующаго принципа. Неорганическіе законы и силы постоянно въ актуальности, а организирующіе только тогда, когда группировка неорганической матеріи создала условія для ихъ дѣятельности (Богъ выжидаетъ случая!). Цѣлесообразность одинаково принадлежитъ какъ неорганическимъ силамъ, такъ и еще въ большей степени органическимъ законамъ. Въ сущности это одна общая цѣлесообразность, и если закономѣрныя организирующія функціи Безсознательнаго, вступая въ закономѣрныя неорганическія функціи, производятъ иной результатъ, то это не значитъ, что органическія функціи произвольны и парализуютъ дѣйствіе неорганическихъ силъ. Постоянство и неизмѣнность неорганическихъ силъ и законовъ, наоборотъ, служитъ предположеніемъ возможности организирующихъ функцій. Лишь съ точки зрѣнія неорганическихъ законовъ организирующія функціи кажутся какъ бы вмѣшательствомъ въ тотъ самый процессъ, который могло бы произвести одно матеріальное движеніе процесса, даже безъ вступленія организующаго принципа; но съ точки зрѣнія общей натуральной законности организирующія и неорганическія функціи—просто двѣ стороны общей дѣятельности абсолютнаго субъекта, раздѣленныя по логической необходимости [1]).

Перемѣнивши названіе „Eingriff“ на „Hineintreten“, Гартманнъ, однако, дальше параллелизма, механизма и телеологіи не пошелъ. Замѣчаніе, будто бы процессъ могъ обойтись безъ организирующаго принципа, есть lapsus calami, ибо только голый матеріализмъ, исключающій всякое идеальное начало изъ процесса, можетъ поддерживать подобное воззрѣніе. У Гартманна же два начала: закономѣрная причинность механизма и закономѣрность телеологическая. Параллелизмъ не уничтожаетъ ихъ особенностей. Каждый принципъ остается въ собственной сферѣ и подлежитъ иному измѣренію. Механическая сила есть результатъ атомныхъ силъ по закону сохраненія си-

---

[1]) Ibid. 464—465 s.s. Nachträge 514—516 s.s.

лы, но психическое желаніе не опредѣлимо въ механическихъ эквивалентахъ: оно выше, нежели реакція низшихъ индивидумовъ. Механическій масштабъ, состоящій въ атомныхъ силахъ, и измѣряетъ только равное себѣ, т. е., результатъ комбинаціи тѣхъ-же атомныхъ силъ, а духовное желаніе, находящееся внѣ пространства и механическихъ дѣйствій атомной воли, по такому масштабу несоизмѣримо. Поэтому хотя индивидуальная воля высшаго порядка, вступая въ дѣйствіе, раскрывается законосообразно и хотя самые законы ея обнаруженія необходимо логической природы и цѣлесообразны, тѣмъ не менѣе это законы иного рода, чѣмъ законы дѣятельной атомной воли. Ихъ дѣйствіе качественно опредѣляетъ иначе ходъ міроваго процесса, нежели простыя неорганическія силы. Индивидуальная воля высшаго порядка, не измѣняя суммы существующихъ механическихъ силъ въ универсумѣ, измѣняетъ непремѣнно качество ихъ проявленія. Все это, по мнѣнію Гартманна, такъ самопонятно, что можно лишь возбуждать вопросъ о томъ, дѣйствительно ли существуетъ индивидуальная высшая воля, а не о томъ, что она дѣйствуетъ своеобразно и активно въ процессѣ [1].

Итакъ, проблема о совпаденіи безъ противорѣчія механизма и телеологіи остается открытою. Безсознательное чудесъ не творитъ и не можетъ творить. Ѣдущій въ лодкѣ по произволу или желанію измѣнить направленіе вѣтра тоже не въ состояніи. Онъ можетъ лишь воспользоваться попутнымъ вѣтромъ, но не произвести его. Образованіе хвоста кометы имѣетъ осязательныя причины и вполнѣ достаточно объясняется по законамъ механики. Но какъ Безсознательное телеологически вступаетъ въ процессъ, не разстраивая его; какъ оно является иниціаторомъ новыхъ феноменовъ, не зная ихъ? Сказать, что телеологія есть прикладная логика все равно, что ничего не сказать. Догматическое утвержденіе не есть рѣшеніе. Точно также ничего не будетъ понятно, если Гартманнъ убѣдитъ насъ, что однѣ механическія причины недостаточны для пониманія многихъ явленій и что положительные опыты и апріорная критика безсильны доказать несуществованіе другихъ,

---

[1]) Ergänz. Erstes Buch, 141—144 s.s.

кромѣ атомныхъ, силъ. Вѣрно, что при изслѣдованіи органической жизни всегда получается остатокъ, не выводимый изъ механизма, но мы по-прежнему не понимаемъ, какъ мыслить телеологію и механизмъ въ безсознательномъ Богѣ, какъ объяснить цѣлесообразныя „вступленія" Безсознательнаго въ процессъ. Гартманнъ прибѣгаетъ къ сравненію отношенія между телеологическимъ и механическимъ принципами съ отношеніемъ цѣли и средства и характеризуетъ ихъ, какъ принципы, взаимно другъ друга обусловливающіе, причемъ тотъ и другой дѣйствуютъ съ логическою необходимостью. Какъ дѣятельность атомныхъ силъ, поучаетъ философъ, въ каждое мгновеніе иная и никогда по неорганическимъ натуральнымъ законамъ точно не повторяющаяся, такъ и дѣятельность органическаго принципа постоянно живая и подвижная. Измѣняющіяся обнаруженія обоихъ принциповъ опредѣлены одинаково логическими необходимыми законами, и притомъ такъ, что эта необходимость въ обоихъ случаяхъ безсознательна и разумна, причинная и телеологическая, имманентная implicite. А достигаются ли въ каждомъ случаѣ индивидуальныя цѣли, или не достигаются, для телеологіи безразлично, ибо если организирующій принципъ и назначенъ служить общей цѣли процесса, то онъ этого достигаетъ не прямо, какъ и неорганическіе натуральные законы, которые иногда самымъ жестокимъ образомъ нарушаютъ цѣли индивидуальной жизни. Только вмѣстѣ и съ разныхъ сторонъ органическая и неорганическая цѣлесообразность служитъ исполненію натуральныхъ цѣлей. Ни органическій принципъ не могъ бы создать органической реализаціи цѣли безъ неорганическаго принципа, ни неорганическій безъ организирующаго: дѣятельность одного изъ нихъ, отдѣленная отъ дѣятельности другого, не была бы телеологическою. Слѣдовательно, нѣтъ ни какого различія между органическою и неорганическою цѣлесообразностью; различіе лишь въ томъ, что логическій механизмъ, открывающійся съ логическою необходимостью въ моментахъ органической целесообразности, находится всецѣло въ духовной области (spirituellem Gebiete), а дѣйствующій въ моментахъ неорганической цѣлесообразности реализируется отчасти матеріально и механически, насколько подъ механизмомъ въ

обыкновенномъ тѣсномъ смыслѣ слова разумѣется логически необходимая связь между матеріальными моментами. Причина же матеріальной реализаціи этихъ моментовъ логическаго идеальнаго механизма та, что они становятся содержаніемъ волевыхъ актовъ, т. е., силъ, логически-необходимая связь которыхъ осуществляетъ матеріальные результаты дѣйствій (свѣтъ, теплота, электричество и т. п.). Такимъ образомъ непосредственное основаніе для познанія телеологическаго характера, имманентнаго неорганической цѣлесообразности, нужно искать въ первоатомныхъ силахъ, въ ихъ количественныхъ и качественныхъ свойствахъ; тогда какъ организирующая цѣлесообразность идеальна, и результаты ея обнаруживаются только въ реальности. Но было бы неправильно толковать это различіе въ томъ смыслѣ, будто организирующій принципъ вступаетъ въ свое дѣйствіе лишь въ явленіи, а неорганическія атомныя силы субстанціально принадлежатъ реальности, т. е., что первыя силы по сущности своей сверхчувственны, а послѣднія безусловно чувственны. Атомныя силы тоже, подобно организирующему принципу, суть и остаются метафизическимъ принципомъ, являющимся въ объективномъ дѣйствіи (коллизіи съ другими атомами) [1]).

Дѣло, очевидно, въ изученіи логической необходимости, куда скрывается Гартманнъ, какъ въ неприступную твердыню. Всѣ благопріятныя заключенія для теоріи уже сдѣланы; допущено даже тожество духа и матеріи. Одна логическая необходимость возведена на царскій тронъ, съ котораго она безусловно управляетъ цѣлымъ міромъ. Само Безсознательное склонилось передъ ней и подчинилось ей. Понятно, что или тутъ рѣшеніе нашей проблемы, или нигдѣ.

Гартманнъ говоритъ: „у меня логическій или идеальный принципъ есть прежде всего безсодержательный формальный принципъ... Я точно объяснилъ, что выступающее содержаніе изъ лона формальнаго логическаго принципа при случайно (eventuell) возникающемъ развитіи никоимъ образомъ нельзя понимать, какъ какой-либо родъ бытія (только, конечно, иде-

---

[1]) Wahrheit u. Ir. im Darwinismus 467—469 s. s.

альный) прежде наступленія этого совнѣ возбужденнаго развитія, но что эта сфера чистой возможности означаетъ не что иное, какъ формальное предопредѣленіе на случай развитія". Идея, какъ такая, совершенно безразлична по своей природѣ и равнодушна къ тому, возвышается ли къ бытію рядомъ съ нею реальный принципъ (воля), или не возвышается. Она заключена въ самой себѣ и ея формальная опредѣленность не зависитъ отъ того, прійдетъ ли она когда-либо къ реализаціи, или нѣтъ. Она остается до возвышенія реальнаго принципа частнымъ формальнымъ принципомъ, чистою возможностью, такъ что содержательное мышленіе есть потенціальное, чистое бытіе. Но разъ формальный принципъ пріобрѣлъ содержаніе, то оно непремѣнно должно принять логически законосообразную форму, простирающуюся на всѣ отношенія, и именно вслѣдствіе того, что эта законосообразная опредѣленность напередъ обусловлена въ логическомъ формальномъ принципѣ чрезъ его логическую природу. Абсолютно разумное содержаніе можетъ быть только одно; менѣе разумное было бы смѣшано съ неразумнымъ, чего формальный принципъ не допускаетъ. Менѣе разумное потому осуждено оставаться „невозможной возможностью". Воображаемый философъ, который въ состояніи былъ бы изслѣдовать природу логическаго принципа прежде творенія міра, могъ бы предвидѣть, какого рода должно быть формально опредѣленное содержаніе этого логическаго закона на случай раскрытія его содержанія чрезъ возбужденіе со стороны нелогическаго (воли) [1]. Словомъ: „цѣль поставлена идеею, и опредѣленіе временнаго содержанія интуиціи Всеединаго преформировано опять логически по цѣлямъ, такъ что общее содержаніе интуиціи Всеединаго отъ начала и до конца процесса есть чистое самоопредѣленіе идеи" [2]). Безсознательная мудрость абсолютной идеи далеко превосходитъ мудрость сознательной интеллигенціи и неизмѣнно сопровождаетъ цѣлый ходъ міроваго развитія. „Она есть то, что полагаетъ для міроваго процесса его универсальную цѣль, что соизмѣряетъ и

[1]) Neukant. 280—283 s. s.
[2]) Philos. II, 441 s.

опредѣляетъ сообразно этой универсальной цѣли всѣ отдѣльныя въ природѣ и исторіи цѣли и что телеологически и логически указываетъ всѣмъ силамъ природы и духа порядокъ, родъ и способъ ихъ дѣятельности“ [1]).

Итакъ, вотъ истинная причина міровой телеологіи и абсолютнаго совпаденія ея съ механизмомъ. Телеологія и механизмъ есть слѣдствіе одной логической необходимости, обнаруживающейся абсолютно разумно въ природѣ. Безсознательное, какъ такое, не знаетъ конечной цѣли, но у него есть идея, отъ вѣка заключающая въ себѣ преформированное содержаніе, которое раскрывается съ логическою законосообразностью, какъ только наступаетъ внѣшнее возбужденіе со стороны воли. Однажды вызванное по первому удару (mit einem Sehlage) изъ преформированнаго состоянія въ актуальное, „абсолютно логическое допускаетъ только абсолютно разумное вступить въ качествѣ актуальной идеи въ содержаніе безсознательной интуиціи“. Относительно же неповторяемости событій Гартманнъ еще разъ утверждаетъ, что содержаніе обсолютной идеи есть логически прогрессивное развитіе, которому не мѣшаетъ появленіе нецѣлесообразныхъ представленій, т. е., нелогическое возвращеніе къ уже пройденнымъ прежнимъ ступенямъ [2]).

Тайна бытія теперь повидимому открыта. Оказывается, что Безсознательное, какъ такое, въ процессѣ міровой телеологіи не причемъ. Хотя раньше и говорилось, что оно дѣлаетъ „вступленія“ въ теченіе міра и направляетъ его сообразно собственнымъ планамъ, но теперь показано, что эти „эйнгриффы“ подчинены идеѣ. Безсознательному нѣтъ больше мѣста въ процессѣ; аттрибутъ сталъ могущественнѣе Бога. Логическая идея отъ вѣчности владѣетъ готовымъ преформированнымъ содержаніемъ и, конечно, никогда не поступится своими правами въ угоду Безсознательнаго. Не она подчинена Богу, а Богъ ей подчиненъ. Гартманнъ очень выразительно высказываетъ эту мысль. „Хотя, читаемъ мы, созерцающій субъектъ и существуетъ какъ необходимое основаніе процесса (вступленія абсолютно

---

[1]) Neukant. 160 s.

[2]) Philos. Fragen 133 s.

разумнаго въ содержаніе безсознательной интуиціи), но онъ играетъ въ немъ столь малую роль, какъ и въ сознаніи; здѣсь и тамъ субъектъ только субстанціальный носитель функціи воззрѣнія, тогда какъ формальное опредѣленіе содержанія воззрѣнія исключительно исходитъ изъ формально-логической законосообразности (интеллекта)" [1]). Значитъ, Безсознательное ничто, темная субстанція, арена, на которой разыгривается міровая драма. Такъ ли однако? Мы сами того мнѣнія, что Безсознательному нѣтъ мѣста въ процессѣ, если въ мірѣ наблюдается разумъ. Мы только не понимаемъ, какъ можетъ управлять міромъ идея. Идея—формальный принципъ и чѣмъ-нибудь инымъ не бываетъ; она—безсодержательна и не существуетъ внѣ мыслящаго субъекта. Платоновскія идеи и для Гартманна не объективны. Идея—чистая форма, отвлеченная схема, мыслимое понятіе. Чтобы идея могла имѣть содержаніе и дѣйствительное бытіе, нуженъ или объектъ, соотвѣтствующій идеѣ, или субъектъ, мыслящій ее. Идея, какъ самосущій принципъ, фикція. Но что дѣлаетъ Гартманнъ? Изгна́вши изъ процесса Безсознательное и предостерегая насъ отъ гипостазированія аттрибутовъ Бога [2]), онъ на самомъ дѣлѣ разсматриваетъ ихъ, какъ самостоятельные принципы. Фактъ непоколебимый: если бы логическое не было самостоятельнымъ субъектомъ, то оно не имѣло бы какого-то готоваго преформированнаго содержанія и не распоряжалось бы активно въ исторіи процесса. Споръ о словахъ тутъ безполезный. Скажемъ ли мы, что логическій формальный принципъ есть идея или представленіе, все равно неоспоримо, что идея и представленіе не висятъ въ воздухѣ и сами по себѣ простыя формы. Идея неподвижна и къ самораскрытію не способна; она не материнское лоно, съ которымъ Гартманнъ ее сравниваетъ. Если есть идея, то есть и субъектъ, поставившій ее и опредѣлившій ея содержаніе. Идея, заключающая въ себѣ отъ вѣчности какое-то преформированное, неизвѣстно кѣмъ и когда данное, содержаніе, и затѣмъ порождающая его по собственному закону въ процессѣ, есть не идея, а субъективиро-

---

[1]) Neukant. 283 s.

[2]) Ibid. 251—252 s.s. cp. Ergänz. Nachträge 537—538 s.s.

ванная сила, т. е., фантасмагорія. Не высшей пробы и формальная сторона доказательства Гартманна. Вся аргументація есть образецъ тавтологіи и движется въ кругу. На вопросъ: почему логическій законъ, по которому раскрывается идея, безусловно разуменъ,—отвѣтъ: потому что онъ логической природы; а на вопросъ: почему онъ логической природы, тотъ-же отвѣтъ: потому что онъ логическій законъ и не допускаетъ нелогическихъ случайностей. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ такого рѣшенія проблемы нельзя сдѣлать никакого вывода о міровой телеологіи, какъ вообще нельзя указать въ темной природѣ Безсознательнаго причинъ, обусловливающихъ абсолютно разумное содержаніе идеи.

Еще меньше убѣдительно возраженіе Гартманна противъ сознанія Бога изъ единства Его воли и представленія. Мы уже упоминали по поводу телеологическаго возникновенія сознанія о вѣчномъ раздвоеніи аттрибутовъ Безсознательнаго, для примиренія которыхъ и вызвано будто бы сознаніе. Вполнѣ законно будетъ подумать, что Богъ какимъ-либо образомъ знаетъ эту борьбу, такъ какъ это борятся Его аттрибуты, т. е., въ концѣ концовъ Онъ Самъ. Но у Безсознательнаго все не по-нашему. Дискурсивная рефлексія, начинаетъ Гартманнъ свои размышленія, состоящая въ отличеніи неизмѣннаго я отъ измѣнчивыхъ состояній, противоположна сущности абсолютной интуиціи. Если бы у Бога была такая рефлексія, то, по положенію, что мышленіе и твореніе въ Абсолютномъ совпадаютъ, тотчасъ бы, въ моментъ возникновенія, мышленіе реализировалось и произошло бы самораздвоеніе абсолютнаго субъекта. Возможность рефлексіи въ Богѣ (сознанія) основывается на немыслимомъ предположеніи, будто въ абсолютномъ духѣ такъ же, какъ и въ условномъ и органически посредствуемомъ человѣческомъ сознаніи, функція представленія отдѣльна отъ реализирующей ее функціи воли. А если въ Богѣ функціональное единство воли и представленія нераздѣльно, то и сознаніе Его вымыселъ. Да оно Безсознательному и не нужно: если божественные аттрибуты нераздѣльны, то дуализма не существуетъ и безъ сознанія ихъ единства, а если они раздѣльны, то и сознаніе не можетъ уничтожить ихъ дуализма. Слѣдовательно, кон-

кретный монизмъ истиненъ, пока не разрушена его основная аксіома, что мышленіе Абсолютнаго eo ipso есть твореніе, что Богъ есть единственный безконечный Богъ и владѣющій абсолютнымъ единствомъ воли и представленія. Богъ, сознающій свои аттрибуты въ отдѣльности, былъ бы вторымъ Богомъ [1]).

Такъ разсуждаетъ Гартманнъ, когда ему нужно отрицать сознаніе въ Богѣ. Безсознательное есть абсолютное единство воли и представленія, всеобщая субстанція, и только потому не производитъ втораго Бога.

Странно, конечно, слышать, что сознательный Богъ, знающій свои аттрибуты, необходимо долженъ созидать равнаго себѣ Бога. Мысля по-Гартманновски, слѣдуетъ сказать, что Безсознательное, познавши себя въ сознаніи и самосознаніи индивидуумовъ, создало теперь столько боговъ, сколько индивидуумовъ. И это должно быть непремѣнно. Познавши себя въ n индивидуумовъ, Безсознательное, вслѣдствіе абсолютнаго и тоже безсознательнаго единства воли и представленія, должно реализироваться во множествѣ боговъ [2]). Если же этого нѣтъ, то нѣтъ и причины, почему сознательный Богъ непремѣнно долженъ самораздвоиться; точно у Безконечнаго есть формальная и матеріальная возможность поставить рядомъ съ Собою другое Безконечное. Вѣдь существуетъ же при всеединствѣ Безсознательнаго множество конечныхъ вещей и индивидуумовъ. Какъ это возможно? Гартманнъ отвѣчаетъ сравненіемъ. Если, говоритъ онъ, я созерцаю человѣка, то прежде всего получаю общее воззрѣніе, а затѣмъ различаю уже части въ этомъ воззрѣніи: голову, руки, туловище и т. д. Но какъ мало въ моемъ воззрѣніи можно говорить о раздѣльности внутренняго разнообразія содержанія воззрѣнія, такъ еще меньше о раздѣльности въ безсознательной интуиціи Всеединаго. „Единство воззрѣнія, какъ такое, не разрушается вслѣдствіе множества содержанія, а тѣмъ болѣе единственное и тожественное съ самимъ собою бытіе созерцающаго субъекта или сущности“ [3]).

---

[1]) Philos. Fragen, 133—134 s.s.

[2]) Нѣчто подобное, впрочемъ, есть у Гартманна. Въ „Феноменологіи нравственнаго сознанія“ онъ называетъ себя и каждаго другаго сущностью (Wesen) Имъ Самимъ (Er Selbst), т. е., Богомъ. 871 s.

[3]) Neukant. 307—308 s.s.

Параллель ясна: если Богъ можетъ имѣть множество представленій (воззрѣній) и созерцать множество предметовъ, не реализируя ихъ въ безконечность, то Онъ можетъ и знать свои аттрибуты, не производя втораго Бога. Всеединство Его сохраняется невредимо какъ въ одномъ, такъ и другомъ случаѣ.

Во-вторыхъ, Гартманнъ самъ отлично понимаетъ, что изъ неподвижнаго единства, абсолютнаго тожества, нельзя вывести ничего. О происхожденіи міра онъ между прочимъ пишетъ: „если бы могло существовать Одно (Eines), не имѣющее множества, то оно существовало бы какъ безусловно недѣятельное, тожественное съ собою и неподвижное, и мы никогда не пришли бы къ возможности процесса. Чтобы объяснить процессъ, необходимо для насъ нарушеніе мира въ мертвенномъ покоѣ Всеединаго, которое пользуется инціативою для прекращенія покоя. Но и этотъ моментъ инціативы не произвелъ бы дѣйствительнаго процесса, кромѣ простаго его желанія (пустаго желанія). Чтобы дѣйствительный процессъ возникъ, долженъ быть, помимо начинающагося момента, по крайней мѣрѣ, еще одинъ, противоположный первому, моментъ, и прійти къ нему на помощь, потому что только изъ связи и противодѣйствія въ крайнемъ случаѣ двухъ моментовъ можетъ произойти процессъ“ [1]). Имманентный аттрибутивный дуализмъ при субстанціальномъ тожествѣ—необходимое предположеніе начала бытія. Дальше, Гартманнъ заявляетъ, что его философія тѣмъ отличается отъ философіи Гегеля, признававшаго нелогическое моментомъ логическаго, и Шопенгауэра, считавшаго, наоборотъ, логическое моментомъ нелогическаго, что у него логическое и нелогическое, различаясь меюду собою toto genere, образуютъ координированные моменты абсолютнаго субъекта. „У меня, ставитъ себѣ Гартманнъ въ философскую заслугу, два (zwei) принципа“, и такъ какъ воля есть „существенное опредѣленіе реальнаго принципа, и предикатъ нелогическаго выражаетъ только ея отношеніе къ идеальному принципу, то самостоятельность реальнаго принципа отъ идеальнаго внѣ всякаго сомнѣнія“. Логическое имѣетъ мѣсто рядомъ (neben) съ нелоги-

---

1) Philos. II, 455 s.

ческимъ и между ними полярная противоположность. Это не oppositio contraria (disjunctio) противоположныхъ направленій одной и той же дѣятельности, ибо подобная противоположность привела бы въ результатѣ къ О, и не отрицательная противорѣчащая противоположность двухъ членовъ, изъ коихъ одинъ положительный, а другой отрицательный,—это положительная oppositio contradictoria, гдѣ одинъ членъ не то, что другой; два полюса одного магнита съ противоположными свойствами. Какъ при дѣленіи магнита нельзя изолировать сѣверно-полярную функцію отъ южно-полярной, такъ и аттрибуты Всеединаго нераздѣльно соединены въ каждой даже самомалѣйшей функціи какъ форма и содержаніе, идеальный и реализирующій моментъ. Будь воля и представленіе отдѣльныя субстанціи, въ мірѣ господствовалъ бы непобѣдимый дуализмъ. Абсолютный монизмъ нужно представлять въ слѣдующемъ видѣ: субстанція образуетъ субсистенцію міра, идея даетъ логическое содержаніе, а воля реальность. Въ своей отдѣльности эти моменты ничто, но въ своей связи и объединенномъ дѣйствіи они все, именно все, что есть. Выражаясь образно, воля подобна титанической страсти любви, которая по своей слѣпотѣ не разбираетъ средствъ къ удовлетворенію и потому стоитъ недалеко отъ ненависти; идея, наоборотъ, логически стремясь уничтожить нелогическое, развиваетъ изъ себя и обнаруживаетъ дѣйствительную ненависть, обманувшись въ своей самоотверженной любви. Отъ начала міра логическое отрицаетъ свое отрицаніе и говоритъ: „противорѣчіе (противоборство поправляется Гартманнъ [1]) со мною, логическимъ, не должно быть и, сказавши это, ставитъ своею цѣлью уничтоженіе нелогическаго желанія“. Такимъ образомъ, хотя логическое не можетъ стать нелогическимъ и нелогическое логическимъ, но внутреннее отношеніе противоположныхъ функцій необходимо приводитъ къ реакціи принциповъ [2]).

Обобщая сказанное, мы получаемъ тотъ выводъ, что аттрибуты Безсознательнаго, будучи субстанціально едины, функціо-

---

[1]) Neukant. 253 s. Anmerkung.

[2]) Philos. II, 444, 453—454 s.s. Neukant. 273, 276—278, 289 s.s.

нируютъ различно и даютъ начало не одинаковымъ явленіямъ: идея производитъ міровой разумъ и телеологію, воля—реальное бытіе и страданія. Субстанціальное тожество, значитъ, не даетъ имъ мира, и есть самое бѣдное и самое ничтожное ихъ свойство. Коренясь въ одной субстанціи, аттрибуты эти вѣчно противоположны и вѣчно самостоятельны. Въ дѣйствительности тожество ихъ только усиливаетъ борьбу, заставляя ихъ всегда быть вмѣстѣ и всегда стремиться въ разныя стороны. Два борца во всякомъ случаѣ не одна индивидуальность, и каждый изъ нихъ отличаетъ себя отъ другаго. Я остаюсь самимъ собою, не смотря на то что субстанціально я одинаковъ со всѣми людьми, имѣю общія всѣмъ способности и нахожусь въ реальномъ конфликтѣ съ другимъ. Такъ и воля вѣчно остается волею, представленіе—представленіемъ, Ормуздъ – Ормуздомъ, Ариманъ—Ариманомъ. Но у меня нѣтъ діаметральной противоположности съ другимъ, и я безъ затрудненія мирно живу съ нимъ; аттрибуты же Безсознательнаго никогда не могутъ сойтись въ мирномъ единеніи; никогда свѣтлое начало не станетъ темнымъ и никогда потому не закончится борьба и страданіе. Діаметральная противоположность аттрибутовъ одного Бога—не мыслимое представленіе. Невозможно, чтобы тожественный Богъ распался на двѣ части, между которыми вѣчная вражда. Если же эти аттрибуты на самомъ дѣлѣ относятся другъ къ другу, какъ положеніе и отрицаніе, то это такое тожество, въ которомъ не больше сходства, чѣмъ между злымъ и добрымъ духомъ, по христіанскому міровоззрѣнію. Неудивительно, что Гартманнъ не знаетъ, какъ произошло подобное нелѣпое распаденіе Безсознательнаго на два субстанціально тожественные и до противорѣчія противоположные аттрибуты. Если онъ думаетъ, что для этой метафизической проблемы совершенно безразлично, что принимаютъ въ качествѣ послѣдней субсистенціи: Самостоятельнаго ли Бога, субстанцію Спинозы, понятіе, волю, субъективную мечту, или матерію [1]), то это потому, что онъ самъ избралъ „субъективную мечту“ и олицетворилъ ее подъ именемъ Безсознательнаго. Точно также для насъ ста-

---

[1]) Philos. II, 459 s.

новится понятнымъ, почему Гартманнъ, раздѣливши до противоположности аттрибуты, вынужденъ былъ воспользоваться „хитростью" безсознательной идеи, чтобы какъ-нибудь заключить процессъ міра, и почему онъ предписываетъ намъ не особенно вдаваться въ размышленія по этому поводу, а исполнять свои обязанности въ отношеніи процесса подобно горничничной, которая не имѣетъ права отказываться мести лѣстницу, хотя она завтра опять будетъ засорена [1]). Искусственность и непрочность основнаго принципа отразилась и на искусственности заключенія. Хитрость, съ какихъ бы сторонъ ее ни разсматривать, не свойственна безсознательной идеѣ, раскрывающей по своей природѣ содержаніе съ логическою необходимостью; хитрость стоитъ внѣ телеологическаго закономѣрнаго порядка и может быть только сознательною и произвольною, да и Богъ „хитрый" совсѣмъ несообразное понятіе.

Чувствуетъ ли по крайней мѣрѣ Безсознательное борьбу аттрибутовъ, и какъ оно относится къ ней? Читатель безъ труда сообразитъ, что вопросъ нелѣпъ по существу, ибо какое чувство можетъ испытывать безсознательный Богъ! На то Онъ и безсознательный, чтобы не чувствовать и не испытывать ничего. Чувства и настроеніе—наши способности. У Безсознательнаго же, по началамъ Гартманна, „только двѣ фундаментальныя функціи: воля и представленіе, и потому мы должны только ихъ разсматривать въ качествѣ аттрибутовъ Абсолютнаго, а всѣ конечные результаты комбинаціи воли и представленія (напримѣръ, свойства чувствъ, alle Gemüths eigenschaften) исключить въ Абсолютномъ и признать вдвойнѣ ошибочнымъ опытъ сдѣлать эти свойства годными для аттрибутовъ Абсолютнаго посредствомъ ихъ возвышенія въ абсолютную степень [2]). Разумѣется, такъ и быть должно, по міровоззрѣнію философіи Безсознательнаго. Спиноза, какъ извѣстно, отвергалъ въ своей субстанціи не только умъ и волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чувство, и различіе между добромъ и зломъ, пріятнымъ и непріятнымъ. Въ безконечной и безличной субстанціи чувство, воля

---

[1]) Ergänz. Erstes Buch, 323—324 s.s. cp. Nachträge 584 s.

[2]) Neukant. 337 s.

и мысль—contradictio in adjecto. Несомнѣнно, что и въ безсознательномъ духѣ чувство безсмыслица. У кого нѣтъ сознанія или у кого оно прекратилось, тотъ не можетъ испытывать чувства. Но за то какой это Богъ, Который не чувствуетъ моихъ страданій, хотя Онъ и живетъ имманентно въ моей груди и произвелъ меня на муку?

Очутившись на пути къ полному нигилизму и уподобивши Свое Безсознательное всепожирающему Кроносу, Гартманнъ вдругъ увѣряетъ насъ, что онъ никогда не утверждалъ, будто абсолютный субъектъ не имѣетъ никакого сознанія о своемъ трансцендентномъ блаженствѣ и міровыхъ чувствахъ эмпирическихъ субъектовъ, а что, напротивъ, онъ призналъ ео ipso трансцендентное неблаженство сознательнымъ, тогда какъ внутриміровыя чувства Абсолютное испытываетъ потому, что эмпирическіе субъекты сознанія только ограниченія абсолютнаго субъекта [1]). Если Безсознательное ограничиваетъ себя во множествѣ эмпирическихъ субъектовъ, чтобы освободиться отъ трансцендентнаго неблаженства, то оно, конечно, прибавляетъ себѣ лишнее новое страданіе. Нѣсколькими страницами ниже Гартманнъ высказывается еще опредѣленнѣе. Основательно замѣтивши, что сторона чувства въ абсолютномъ духѣ составляетъ рѣшительную пробу для всякаго понятія о Богѣ, онъ продолжаетъ: „монотеистическій Богъ съ собственнымъ самосознаніемъ и вышеміровою жизнью чувства не способенъ непосредственно воспринимать страданія творенія и долженъ ограничиться состраданіемъ съ нимъ; т. е., чувствовать не прямой резонансъ страданія въ своемъ Божественномъ сердцѣ; между тѣмъ пантеистическій Богъ есть Самъ абсолютный субъектъ всѣхъ созданныхъ индивидуумовъ и носитъ ихъ страданіе непосредственно, какъ такое“ [2]). Страждущаго Бога ничто не препятствуетъ любить, но блаженнаго Бога, которому ничего не стоитъ призвать къ бытію твореніе для чуждаго Ему стра-

---

[1]) Philos. Fragen. 125 s. Кстати замѣтить, что Гартманнъ здѣсь, вопреки своему обычаю, не дѣлаетъ ссылки на другія свои сочиненія, такъ что не извѣстно, гдѣ онъ учитъ о сознательномъ неблаженствѣ Бога; мы же, за исключеніемъ неясныхъ намековъ, такихъ мѣстъ не встрѣчали.

[2]) Ibid. 135 s.

данія, можно только ужасаться [1]). Наконецъ въ „феноменологіи нравственнаго сознанія" Гартманнъ посвящаетъ двѣ послѣднія главы (834—871 с.) описанію безконечной трансцендентной и имманентной муки Безсознательнаго, причемъ главнымъ нравственнымъ требованіемъ отъ человѣка, участника въ страданіяхъ Бога, ставится сострааніе съ Нимъ (Mitleid mit Gott).

Выходитъ, какъ будто Безсознательное страдаетъ и знаетъ, что оно страдаетъ. Страданіе его двоякаго рода: трансцендентное и имманентное, субстанціальное, вѣчное, и временное, въ процессѣ. Имманентно оно страдаетъ одинаково со мною, хотя и испытываетъ безконечно интенсивную муку, въ сравненіи съ которою моя мука и мука всего міра ничто. Если бы оно чувствовало страданіе какъ-нибудь иначе, чѣмъ я, то оно никогда бы не освободилось на пути міроваго процесса отъ своего трансцендентнаго неблаженства и никогда не прибавило бы себѣ новаго страданія изъ чувства моей муки. Ни я не былъ бы спасителемъ Бога, ни Богъ не извлекъ бы никакой пользы изъ внутриміровой муки. Безсознательное, слѣдовательно, должно чувствовать мою личную муку и страданіе всего міра, а также и знать его. Я сострадаю съ нимъ, оно сострадаетъ со мною, и такъ вмѣстѣ мы исполняемъ задачу телеологическаго процесса. Къ сожалѣнію, весьма подозрительно, чтобы Безсознательное знало мою муку. Я, сознательный субъектъ, знаю Бога и себя, но знаетъ ли Безсознательное меня? Правда Гартманнъ училъ, что мое сознаніе есть сознаніе Бога, особенная функція Его лучей, направленныхъ на меня; тѣмъ не менѣе это мое индивидуальное сознаніе, а не божественное, ибо лучи не отражаются назадъ къ Безсознательному. Я и весь міръ не вогнутое зеркало, чтобы Безсознательное могло во мнѣ отразиться и увидѣть себя. Если

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Гартманнъ говоритъ совершенно противоположное. Любовь къ Богу, философствуетъ онъ, на высшей точкѣ развитія нравственнаго сознанія больше не возможна, а только въ извѣстномъ смыслѣ сострааніе съ Богомъ, ибо если для любви нуженъ предметъ, способный къ взаимной любви, то для сострааніи только существо, которое страдаетъ, а послѣднее условіе въ мыслимой высочайшей степени исполнено абсолютнымъ субъектомъ (Phänomenol. 868 s.

же оно не знаетъ меня, то оно не можетъ переиспытывать и моихъ страданій. Скорѣе и правильнѣе заключить, что внутримíровая мука не касается Безсознательнаго, ибо, если бы оно различало въ себѣ имманентную и трансцендентную муку, то оно непремѣнно было бы сознательнымъ, самосознательнымъ и личнымъ, отдѣляющимъ себя отъ мíра, т. е., оно знало бы, что есть бытіе, отличное отъ него, и что оно само страждетъ больше, чѣмъ мíръ.—Непонятна для насъ и трансцендентная мука Безсознательнаго. Страданіе всегда сопровождается сознаніемъ; несознаваемое страданіе есть страданіе кого-угодно, только не мое. Какъ же мнѣ представить трансцендентное неблаженство Безсознательнаго, когда Гартманнъ доказываетъ, что Безсознательное въ трансцендентномъ (потенціальномъ) состояніи есть пустая, не реализировавшаяся еще потенція, возможность бытія (и страданія), нирвана, ничто, и что оно становится сознательнымъ лишь въ процессѣ. Трансцендентное неблаженство предполагаетъ и трансцендентное сознаніе, и потому, если нѣтъ послѣдняго, то нѣтъ и перваго. Мы знаемъ, что Гартманнъ хочетъ выпутаться изъ затрудненія, называя трансцендентное неблаженство Безсознательнаго „абсолютно неопредѣленнымъ неблаженствомъ, безъидейнымъ неудовольствіемъ, неудовольствіемъ пустаго безконечнаго желанія" [1]), но онъ нигдѣ не показалъ, фактъ ли это „пустое желаніе существованія", или безъидейное понятіе. Заповѣдь же философіи: nodum in scirpo quaerere.

А. Кириловичъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Philos. II, 185—186 s.s.

„Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ“ Лейбница.

(Продолженіе *).

ГЛАВА IX.

О несовершенствѣ словъ.

§ 1. *Филалетъ.* Мы говорили уже *о двойномъ употребленіи словъ.* Одно изъ нихъ состоитъ въ вспомоществованіи нашей памяти, при разговорахъ съ самими собою, для закрѣпленія нашихъ мыслей; другое состоитъ въ сообщеніи нашихъ мыслей другимъ посредствомъ словъ. Это двойное употребленіе даетъ намъ возможность узнавать совершенство или несовершенство словъ. § 2. Когда мы разговариваемъ лишь съ самими собою, тогда дѣло безразличное, какія употребляются слова, лишь бы помнился и не измѣнялся ихъ смыслъ. § 3. Пользованіе словами для сообщенія ихъ другимъ бываетъ двухъ родовъ, *гражданское* и *философское. Гражданское* состоитъ въ собесѣдованіи и въ употребленіи ихъ въ гражданской жизни. Философское пользованіе бываетъ тогда, когда мы бываемъ обязаны употреблять слова для обозначенія точныхъ понятій и для выраженія извѣстныхъ истинъ въ общихъ предложеніяхъ.

Өеофилъ. Очень хорошо; слова суть не менѣе *примѣты* (*notae*) для насъ (какими бываютъ цифры или алгебраическіе знаки), какъ и знаки для другихъ, и употребленіе словъ, какъ знаковъ, имѣетъ мѣсто, какъ тогда, когда дѣло идетъ о примѣненіи общихъ распоряженій къ общественной и индивидуальной жизни, такъ и тогда, когда дѣло идетъ о нахожденіи и

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 13, за 1895 г.

объ оправданіи этихъ распоряженій; первое *употребленіе знаковъ* есть *гражданское*, а второе—*философское*.

§ 5. *Филалетъ*. Но трудно бываетъ, преимущественно въ слѣдующихъ случаяхъ, узнавать и сохранять идею, обозначаемую каждымъ словомъ, когда 1) эти идеи очень сложны, когда 2) эти идеи, выражающія нѣчто новое, не имѣютъ естественной связи между собою, такъ что въ природѣ нѣтъ опредѣленной мѣры и нѣтъ никакой модели для ихъ оправданія и упорядоченія; когда 3) не легко узнать ихъ модель; когда 4) значеніе слова и реальная сущность не бываютъ тождественными. Обозначенія модусовъ бываютъ болѣе подвержены сомнѣнію и несовершенству по причинѣ первыхъ двухъ основаній, а обозначенія субстанцій по причинѣ двухъ вторыхъ. § 6. Когда идея модуса бываетъ очень сложною, какъ это въ большинствѣ случаевъ происходитъ съ нравственными терминами, которые рѣдко имѣютъ одно и то же точное значеніе въ умахъ двухъ различныхъ личностей. § 7. И неудовлетворительность модели дѣлаетъ эти слова двусмысленными. Тотъ, кто первый избралъ слово *brusquer* (*грубить*), разумѣлъ подъ нимъ то, что признавалъ соотвѣтственнымъ, хотя тѣ, которые подобно ему пользовались этимъ словомъ, не были освѣдомлены о томъ, что собственно онъ хотѣлъ этимъ сказать, такъ какъ онъ не представилъ имъ неизмѣнной модели этого. § 8. Общее употребленіе достаточно упорядочиваетъ значеніе словъ для обычнаго собесѣдованія, но при этомъ не бываетъ точности, и ежедневно спорятъ о значеніи словъ, наиболѣе соотвѣтствующемъ свойствамъ языка. Многіе говорятъ *о славѣ*, но не многіе разумѣютъ то, что разумѣютъ другіе. § 9. Въ устахъ многихъ слова суть простые звуки, или, по крайней мѣрѣ, ихъ значеніе очень неопредѣленно. И при разсужденіяхъ или разговорахъ, когда говорятъ о *чести*, *вѣрѣ*, *благодати*, *религіи*, *церкви*, и въ особенности при спорахъ, тотъ-часъ можно замѣтить, что люди имѣютъ различныя понятія, хотя примѣняютъ къ нимъ одинаковыя выраженія. И если трудно понимать смыслъ выраженій людей нашего времени, то гораздо труднѣе понимать *древнія книги*. Хорошо, если это не важно, но изъ

этого надобно исключить случаи, когда слова содержатъ то, во что надобно вѣрить и что надобно дѣлать.

Ѳеофилъ. Эти замѣчанія хороши; но что касается древнихъ книгъ, то поелику мы преимущественно имѣемъ надобность въ пониманіи св. Писанія, и поелику римскіе законы въ большомъ употребленіи въ наибольшей части Европы, то именно поэтому мы обязаны справляться со множествомъ другихъ древнихъ книгъ—раввиновъ, отцовъ церкви и даже языческихъ историковъ. Наконецъ и древніе медики тоже заслуживаютъ быть понятными. Практика греческой медицины перешла къ намъ чрезъ арабовъ; этотъ источникъ сталъ мутнымъ въ арабскихъ потокахъ, но во многихъ случаяхъ онъ очистился, когда стали возвращаться къ греческимъ подлинникамъ. Тѣмъ не менѣе арабы не перестаютъ быть полезными; увѣряютъ, напримѣръ, что Эбенбитаръ, который въ своихъ книгахъ просто копировалъ Діоскорида, часто его объясняетъ [1]). Я нахожу также, что послѣ религіи и исторіи преимущественно въ медицинѣ, какъ наукѣ эмпирической, въ письмени сохранившееся преданіе древнихъ и вообще наблюденія другихъ могутъ быть полезными. Вотъ почему я всегда очень уважалъ медиковъ, знакомыхъ съ древностію; и мнѣ очень досадно, что Рейнезіусъ, превосходный знатокъ и той и другой отрасли знаній, охотнѣе отдался объясненію обрядовъ и исторіи древнихъ народовъ, чѣмъ установленію извѣстной части существовавшаго у нихъ знанія природы, при чемъ далъ понять, что успѣлъ бы въ этомъ удивительнымъ образомъ [2]). Когда латиняне, греки, евреи и арабы будутъ нѣкогда исчерпаны, тогда выступятъ на очередь съ своими древними книгами китайцы и до-

[1]) Сочиненія Эбнъ Битара или Ибнъ Бейтара остаются большею частію неизданными; незначительный отрывокъ изъ нихъ обнародованъ лишь въ 1833 г. Дитцемъ, въ Кенигсбергѣ. Предметъ этихъ сочиненій *materia medica*, излагаемая по Діоскоридамъ, и есть собственно изложеніе медицинскихъ свѣдѣній греческихъ медиковъ съ присоединеніемъ добавленій изъ другихъ источниковъ. Полагаютъ, что Лейбницъ пользовался не подлинными сочиненіями Битара, а лишь въ изложеніи Сальмазія, изданномъ въ 1689 году.

[2]) Упоминаемый здѣсь Ѳома Рейнезіусъ, старшій современникъ Лейбница, при концѣ своей жизни жилъ въ Лейпцигѣ и умеръ тамъ въ 1667 году. Онъ началъ свою литературную карьеру естественно-научными и медицинскими сочиненіями и перешелъ за-тѣмъ къ филологически—антикварнымъ трудамъ.

ставятъ любопытный предметъ нашимъ критикамъ, не говоря о нѣкоторыхъ древнихъ книгахъ персовъ, армянъ, коптовъ и браминовъ, когда извлекутъ ихъ изъ неизвѣстности, чтобы не пренебрегать свѣтомъ, каковой можетъ доставить древность посредствомъ традиціи ученій и посредствомъ исторіи фактовъ. И когда не останется больше древнихъ книгъ для изслѣдованія, тогда языки займутъ мѣста книгъ; такъ какъ они составляютъ самые древніе памятники человѣческаго рода. Со временемъ всѣ языки міра соберутъ, заключатъ въ лексиконы и грамматики и сравнятъ одни съ другими; а это принесетъ большую пользу, какъ при познаніи предметовъ, ибо имена часто соотвѣтствуютъ ихъ свойствамъ (какъ это видно изъ названія планетъ среди различныхъ народовъ), такъ и при познаніи нашего духа и чуднаго разнообразія его дѣятельности, не говоря уже о происхожденіи народовъ, которое посредствомъ болѣе основательной этимологіи, доставляемой сравненіемъ языковъ, лучше разгадаютъ. Но объ этомъ я уже говорилъ. А все это показываетъ пользу и важность *критики*, мало цѣнимой нѣкоторыми, впрочемъ, умными философами, которые съ презрѣніемъ называютъ ее *раввинствомъ* и вообще *филологіею*. Ясно также, что критики еще долгое время будутъ находить матеріалъ для полезнаго упражненія; и хорошо сдѣлаютъ, если они не слишкомъ будутъ вдаваться въ мелочи, такъ какъ обязаны разсуждать о столькихъ болѣе привлекательныхъ предметахъ, хотя я хорошо также знаю, что часто и мелочи бываютъ необходимы критикамъ для открытія болѣе важныхъ познаній. И такъ какъ критика по большей части занимается значеніемъ словъ и толкованіемъ писателей, преимущественно древнихъ: то эти споры о словахъ, въ связи съ сдѣланнымъ вами упоминаніемъ о древнихъ книгахъ, побудили меня коснуться этого важнаго пункта. Но возвращаясь къ вашимъ четыремъ погрѣшностямъ именъ, я скажу вамъ, м. г., что ихъ всѣхъ можно исправить, особенно послѣ изобрѣтенія письменъ; и они остаются только по нашей небрежности. Ибо отъ насъ зависитъ закрѣпить значенія словъ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ либо ученомъ языкѣ, и такимъ образомъ согласиться па уничтоженіе этой вавилонской башни. Но существуютъ двѣ погрѣшности,

болѣе трудныя при исправленіи, изъ коихъ одна состоитъ въ сомнѣніи относительно того, согласуемы ли идеи, когда опытъ не представляетъ намъ полнаго соединенія ихъ въ одномъ и томъ же предметѣ; другая состоитъ въ необходимости дѣлать опредѣленія чувственныхъ предметовъ лишь предварительныя, когда опытъ еще недостаточенъ для составленія полныхъ опредѣленій. Но я уже неоднократно говорилъ о той и о другой погрѣшности [1]).

Филалетъ. Я перехожу къ указанію на то, что нѣкоторымъ образомъ послужитъ къ выясненію означенныхъ вами погрѣшностей. Третья изъ указанныхъ погрѣшностей, какъ кажется, бываетъ причиною того, что эти опредѣленія суть предварительныя, именно когда мы недостаточно знаемъ наши чувственныя модели, то есть, чувственныя бытія тѣлесной природы. Эта погрѣшность производитъ также то, что мы не знаемъ позволительно ли соединять чувственныя качества, несоединяемыя въ природѣ, такъ какъ мы не знаемъ этого основательно. Когда значеніе словъ, употребительныхъ для сложныхъ модусовъ, сомнительно, за недостаткомъ моделей, показывающихъ это сложеніе: тогда сомнительными бываютъ имена субстанціальныхъ бытій совершенно на другомъ основаніи, именно на томъ, что они должны обозначать предполагаемую сообразность съ реальностію предметовъ и относиться къ моделямъ, созданнымъ природою.

Өеофилъ. При нашихъ прежнихъ собесѣдованіяхъ я неоднократно замѣчалъ, что для субстанціальныхъ идей это несущественно; но я соглашаюсь, что идеи, образованныя согласно съ природою,бываютъ наиболѣе достовѣрными и наиболѣе полезными.

§ 12. *Филалетъ.* Поэтому, когда слѣдуютъ моделямъ, вполнѣ образованнымъ природою, такъ что воображеніе обязано лишь удерживать представленія ихъ, тогда имена субстанціальныхъ бытій, какъ я уже показалъ, въ обычномъ употребленіи обладаютъ *двойнымъ отношеніемъ. Первое* изъ нихъ состоитъ въ обозначеніи внутренняго и реальнаго строенія вещей; но его модель не можетъ быть дознана и, слѣдовательно, не можетъ служить къ упорядоченію значеній.

[1]) Преимущественно надобно сравнить это съ шестою главою этой книги.

Ѳеофилъ. Здѣсь дѣло идетъ не объ этомъ, такъ какъ мы говоримъ объ идеяхъ, коихъ моделями мы обладаемъ; внутренняя сущность ихъ существуетъ въ предметѣ, но я соглашаюсь, что она не можетъ служить образцемъ.

§ 13. *Филалетъ. Второе же отношеніе* есть то, которымъ субстанціальныя бытія непосредственно обладаютъ съ простыми идеями, существующими одновременно въ субстанціи. Но такъ какъ число этихъ идей, соединенныхъ въ одномъ предметѣ, велико, то люди, говоря объ одномъ и томъ же предметѣ, образуютъ о немъ очень различныя идеи, какъ по различному соединенію образуемыхъ ими простыхъ идей, такъ и по тому, что наибольшая часть качествъ этихъ тѣлъ суть силы, производящія видоизмѣненія въ другихъ тѣлахъ и воспринимаемыхъ ими; доказательствомъ этого служатъ видоизмѣненія, которымъ способенъ подвергаться по дѣйствію огня самый послѣдній изъ металловъ, и который претерпѣваетъ еще большія видоизмѣненія въ рукахъ химиковъ посредствомъ соединенія съ другими тѣлами. Наконецъ, одинъ довольствуется тяжестью и цвѣтомъ при распознаваніи золота, другой присоединяетъ къ этому еще тягучесть и тугоплавкость; третій обращаетъ вниманіе на то, что его можно растворять въ царской водкѣ.

§ 14. Такъ какъ предметы часть сходны между собою, то иногда трудно бываетъ указать точныя различія ихъ.

Ѳеофилъ. Поелику тѣла существенно подвержены перемѣнѣ, порчѣ, фальсификаціи, поддѣлкѣ, то весьма важно умѣть различать и распознавать ихъ. Золото исчезаетъ въ растворѣ, но его можно выдѣлить посредствомъ перемывки (precipitant) или дистилляціею воды; а искусственное или поддѣльное золото узнается или очищается посредствомъ искусства пробирщиковъ, которое поелику не всѣмъ извѣстно, то и не удивительно, что не всѣ люди обладаютъ одною и тою же идеею золота. Обыкновенно только эксперты обладаютъ достаточно правильными идеями предметовъ.

§ 15. *Филалетъ.* Однако же это различіе не столько производитъ безпорядка въ общественной жизни, сколько въ философскихъ изысканіяхъ.

Ѳеофилъ. Было бы болѣе сносно, если бы оно не имѣло вліянія

на практику, гдѣ часто бываетъ очень важно не впадать въ *quiproquo* и слѣдовательно, знать признаки предметовъ, или имѣть подъ руками людей, знающихъ ихъ. И это преимущественно важно въ отношеніи къ москательному товару и къ матеріаламъ дорогимъ, въ которыхъ при важныхъ случаяхъ встрѣчается надобность. Наибольшій философскій безпорядокъ замѣчается при употребленіи общихъ терминовъ.

§ 18. *Филалетъ*. Имена *простыхъ идей* наименѣе подвержены двусмысленности и люди рѣдко обманываются при выраженіяхъ: бѣлый, черный и пр.

Өеофилъ. Однако же вѣрно, что эти выраженія не изъяты совершенно изъ неизвѣстности, и я уже указывалъ на примѣръ смежныхъ красокъ, которыя находятся на границахъ двухъ видовъ, и которыхъ родовая краска *сомнительна*.

§ 19. *Филалетъ*. Послѣ именъ простыхъ идей, наименѣе сомнительны простые модусы, каковы, напримѣръ, модусы фигуръ и числа. Но § 20, сложные модусы и субстанціи и причиняютъ все затрудненіе. § 21. Могутъ сказать, что вмѣсто усвоенія этихъ несовершенствъ словомъ, ихъ скорѣе надобно поставить на счетъ нашего разума: но я отвѣчаю, что слова такъ посредствуютъ между нашимъ умомъ и истиною предметовъ, что ихъ можно сравнить съ средою, чрезъ которую проходятъ лучи видимыхъ предметовъ и которыя часто распространяетъ туманъ предъ нашими глазами; и я склоненъ думать, что при болѣе основательномъ изслѣдованіи несовершенства языка, наибольшая часть споровъ прекратится сама собою, и путь къ познанію и, быть можетъ, къ миру будетъ открытъ людямъ болѣе.

Өеофилъ. Я думаю, что и теперь можно было бы прійти къ этому въ спорахъ посредствомъ письменности, если бы люди согласились въ извѣстныхъ правилахъ и захотѣли бы тщательно исполнять ихъ. Но чтобы живымъ голосомъ и тотъ-часъ выражаться точно, для этого потребовались бы видоизмѣненія въ языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ я входилъ уже въ изслѣдованіе этого предмета [1]).

[1]) Здѣсь Лейбницъ намекаетъ на свой планъ основанія, такъ называемой, всеобщей характеристики языка или философскаго языка (*spécieuse générale*). Осуществленіе этого плана было желательно и другими, даже новѣйшими философа-

§ 22. *Филалетъ*. Въ ожиданіи этой реформы, которая не можетъ совершиться скоро, эта неопредѣленность словъ должна научить насъ быть скромными, въ особенности, когда дѣло идетъ о передачѣ другимъ смысла, который мы приписываемъ древнимъ писателямъ; потому что у греческихъ писателей случается, что почти каждый изъ нихъ говоритъ на разномъ языкѣ.

Өеофилъ. Я скорѣе удивляюсь при видѣ того, что греческіе писатели, столь удаленные другъ отъ друга по времени и по мѣсту, какъ Гомеръ, Геродотъ, Страбонъ, Плутархъ, Лукіанъ, Евсевій, Прокопій, Фотій до такой степени сближаются другъ съ другомъ; между тѣмъ какъ латиняне такъ много измѣнили въ языкѣ, а нѣмцы, англичане и французы еще болѣе. Но это потому, что греки со временъ Гомера и еще болѣе, когда Аѳины находились въ цвѣтущемъ состояніи, имѣли хорошихъ писателей, и потомство принимало ихъ за образцы, по крайней мѣрѣ, въ письменности. Ибо, безъ сомнѣнія, простонародный языкъ грековъ уже во время господства римлянъ долженъ былъ подпасть большому измѣненію, и по той же причинѣ италіанцы не на столько измѣнили его, какъ французы; потому что италіанцы, имѣвшіе раньше писателей съ прочною репутаціею, подражали имъ и цѣнили Данте, Петрарку, Беккачіо и другихъ писателей въ тѣ времена, когда французы не были еще расположены къ этому.

ГЛАВА X.

О злоупотребленіи словами.

§ 1. *Филалетъ*. Кромѣ природныхъ несовершенствъ языка, бываютъ еще несовершенства произвольныя, проистекающія отъ небрежности. *Злоупотребляютъ* словами, когда пользуются ими дурно. Первое и самое очевидное злоупотребленіе ими происходитъ состоитъ, § 2, тогда, когда съ ними не соединяютъ ясной идеи. Этихъ словъ существуетъ два рода; одинъ родъ не имѣетъ опредѣленной идеи ни по своему началу, ни

ми; но самъ Лейбницъ не только не осуществилъ своего намѣренія, но даже не издалъ своихъ предварительныхъ и довольно продолжительныхъ трудовъ по этому предмету. Въ четвертой книгѣ Лейбницъ снова возвращается къ этому предмету, который, очевидно, былъ близокъ его сердцу.

въ своемъ обычномъ употребленіи. Большая часть философскихъ школъ и религіозныхъ сектъ ввели ихъ чтобы поддержать нѣкоторыя особенныя мнѣнія, или скрыть нѣкоторыя слабыя стороны своихъ системъ. Однако же они составляютъ характеристическія отличія въ устахъ людей партіи. § 3. Существуютъ другія слова, которыя въ своемъ первоначальномъ и общемъ употребленіи имѣли нѣкоторую ясную идею, но ихъ затѣмъ усвоили очень важнымъ предметамъ, не соединяя съ ними опредѣленной идеи. Такимъ-то образомъ слова: *мудрость*, *слава*, *благодать* произносятся устами многихъ.

Ѳеофилъ. Я полагаю, что нѣтъ столь многихъ, какъ думаютъ, словъ безъ значенія, и при небольшомъ стараніи и доброй волѣ можно было бы наполнить въ нихъ пустоту или утвердить ихъ неопредѣленность. *Мудрость* представляется не чѣмъ либо инымъ, какъ знаніемъ счастія. *Благодать* есть благодѣяніе, оказываемое тѣмъ, которые его не заслужили и которые по своему состоянію нуждаются въ немъ. А *слава* есть молва о превосходствѣ какого либо человѣка.

§ 4. *Филалетъ*. Я не хочу въ настоящее время входить въ изслѣдованіе того, нельзя ли чего либо замѣтить объ этихъ опредѣленіяхъ, хочу скорѣе указать на причины злоупотребленія словами. *Прежде всего*, знакомятся съ словами прежде узнанія принадлежащихъ имъ идей, и, привыкши къ нимъ съ дѣтства, употребляютъ ихъ подобнымъ образомъ въ теченіе всей своей жизни; и это тѣмъ болѣе, что не перестаютъ слышать ихъ въ разговорахъ, никогда не соединяя съ ними устойчивой идеи и пользуясь различными выраженіями для сообщенія другимъ того, что хотятъ сказать. А это часто наполняетъ разговоры множествомъ пустыхъ звуковъ, особенно при разговорахъ о нравственныхъ предметахъ. Люди воспринимаютъ слова, которыя они находятъ въ употребленіи среди своихъ сосѣдей,—чтобы не казаться незнающими значенія ихъ, и довѣрчиво употребляютъ ихъ, не соединяя съ ними опредѣленнаго смысла; и такъ какъ при разговорахъ этого рода имъ рѣдко случается быть основательными, то они рѣдко и убѣждаются въ томъ, что впадаютъ въ заблужденіе; и кто пожелалъ

бы извлечь ихъ изъ этого заблужденіе, тотъ все равно, что пожелалъ бы сдѣлать бродягу осѣдлымъ.

Ѳеофилъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди такъ рѣдко даютъ себѣ трудъ, необходимый для пониманія выраженій или словъ, что я неоднократно удивлялся тому, что дѣти могутъ такъ скоро узнавать языкъ и что люди все же говорятъ довольно правильно, принимая во вниманіе, какъ одни мало заботятся о наученій дѣтей ихъ отечественному языку, а другіе—мало думаютъ о пріобрѣтеніи ясныхъ опредѣленій; тѣмъ болѣе, что тѣ языки, которые изучаютъ въ школахъ, обыкновенно не имѣютъ въ виду словъ, находящихся въ общественномъ употребленія. Наконецъ я согласенъ, что люди часто заблуждаются даже когда спорятъ серьезно и говорятъ согласно съ своими убѣжденіями; но я часто замѣчалъ также, что при ихъ спекулятивныхъ диспутахъ о предметахъ, доступныхъ ихъ сужденію, съ обоихъ сторонъ совершенно бываютъ правы, за исключеніемъ возраженій, которыя они дѣлаютъ другъ другу, причемъ дурно понимаютъ мнѣнія другъ друга. А это проистекаетъ отъ дурнаго употребленія выраженій, иногда также отъ духа противорѣчія и отъ домогательства превосходства.

§ 5. *Филалетъ*. *Во-вторыхъ*, употребленіе словъ бываетъ иногда *непостояннымъ*; это очень часто практикуется среди людей ученыхъ. Но это есть явный обманъ, и когда онъ совершается добровольно, то бываетъ глупостію или злостію. Если бы кто при своихъ исчисленіяхъ сталъ бы принимать X за V, то скажите, кто захотѣлъ бы имѣть съ нимъ дѣло?

Ѳеофилъ. Такъ какъ это злоупотребленіе обычно не только среди ученыхъ, но и въ большомъ свѣтѣ: то я думаю, что оно зависитъ скорѣе отъ дурной привычки и невнимательности, чѣмъ отъ злости. Обыкновенно различныя значенія одного и того же слова имѣютъ нѣкоторое сродство; отсюда происходитъ то, что употребляютъ одно значеніе вмѣсто другаго, и не останавливаются на размышленіи, чтобы со всею желательною точностію высказать то, что говорятъ. Привыкли къ тропамъ и фигурамъ, и нѣкоторое изящество или ложный блескъ выраженій легко вліяютъ на насъ. Ибо чаще всего случается, что

болѣе всего ищутъ удовольствія, забавы и кажущагося, чѣмъ истины,—не говоря уже о суетности.

§ 6. *Филалетъ. Третье злоупотребленіе* состоитъ въ намѣренной *темнотѣ*, или чрезъ сообщеніе употребительнымъ терминамъ *неупотребительныхъ значеній*, или чрезъ введеніе *новыхъ терминовъ*, безъ объясненія. Древніе софисты, которыхъ Лукіанъ такъ разумно подвергъ осмѣянію, заявлявшіе притязаніе говорить обо всемъ, скрывали свое невѣжество подъ покровомъ темноты словъ. Между философскими школами относительно этого недостатка болѣе всѣхъ выдавались перипатетики; но и другія школы, даже среди новыхъ, не вполнѣ свободны отъ него. Напримѣръ, есть люди, которые злоупотребляютъ терминомъ *пространство* и признаютъ необходимымъ смѣшивать его *съ тѣломъ*. § 7. Логика или искусство разсуждать, которую такъ много цѣнили, способствовала къ поддержанію темноты. § 8. Тѣ, которые отдавались ей, дѣлались безполезными для общественной жизни или скорѣе—вредными. § 9. Между тѣмъ, какъ люди механическихъ искусствъ, столь презираемые учеными, были полезными въ жизни человѣческой. Однако же этимъ темнымъ докторамъ удивлялись невѣжды и считали ихъ непобѣдимыми, потому что они были вооружены терніемъ и волцами, которымъ подвергаться не было охоты; лишь одна темнота служила имъ защитою отъ нелѣпости. § 12. Зло состояло въ томъ, что искусство затемнять слова извращало два великія правила человѣческой дѣятельности, *религію и правосудіе*.

Ѳеофилъ. Ваши жалобы большею частію справедливы; однако же вѣрно, хотя и рѣдко, что бываетъ темнота извинительная и даже похвальная, когда обязаны быть загадочными и когда *загадка* существуетъ въ общемъ употребленіи. Пиѳагоръ пользовался ею подобнымъ образомъ и она была обычна у восточныхъ народовъ [1]). Алхимики, считавшіе себя адептами, заявляли,

[1]) Лейбницъ говоритъ здѣсь о такъ называемыхъ Символахъ Пиѳагора, характеристическою особенностію которыхъ служитъ соединеніе нравственнаго значенія съ безразличными дѣйствіями, при посредствѣ приказаній или запрещеній. Таковы, напримѣръ, символы: „Не носи изображенія Божія на перстнѣ“; „Не раскапывай огня мечемъ“; „Приноси жертву и молись босымъ“. Подобныя симво-

что желаютъ быть понятными только *дѣтямъ* (*этого*) *искусства*. Но было бы хорошо, если бы эти мнимыя дѣти искусства сами имѣли ключъ къ своимъ таинственнымъ писаніямъ. Нѣкоторая темнота можетъ быть позволительна; однако же надобно, чтобы она содержала нѣчто доступное для открытія и чтобы загадка могла быть разгадана. Но *религія* и правосудіе требуютъ ясныхъ идей. Кажется, что недостаточность правильности, примѣняемой при преподаваніи ихъ, дѣлаетъ ученіе о нихъ запутаннымъ, и неопредѣленность при этомъ терминовъ бываетъ болѣе вредна, чѣмъ самая темнота. А такъ какъ логика есть искусство послѣдовательно и связно мыслить, то я не вижу никакого основанія порицать ее. Напротивъ, люди и заблуждаются отъ недостатка логики [1]).

§ 14. *Филалетъ*. *Четвертое* злоупотребленіе бываетъ тогда, когда принимаютъ слова за предметы, т. е., когда думаютъ, что выраженія соотвѣтствуютъ дѣйствительной сущности субстанцій. Кто, будучи воспитанъ въ перипатетической философіи, не воображалъ, что десять именъ, обозначающихъ *предикаты*, не соотвѣтствуютъ точно природѣ предметовъ? что *субстанціальныя формы*, *растительныя души*, *боязнь пустоты*, *непрерывныя пространства* не суть нѣчто дѣйствительное? Платоники имѣли свою *душу міра*, а эпикурейцы—*стремленіе* своихъ атомовъ *къ движенію*, хотя они находятся въ покоѣ. Если бы *воздушные или эфирные проводники* (vehicules) Др—а Моруса усилились бы (prevalu) въ какомъ либо мѣстѣ вселенной, то ихъ равнымъ образомъ признали бы дѣйствительными.

Ѳеофилъ. Собственно это не значитъ принимать слова за предметы, но значитъ признавать истиннымъ то, чего нѣтъ. Заблужденіе это очень распространено среди всѣхъ людей, но оно

лическія предписанія или запрещенія многочисленны у индѣйцевъ и у другихъ восточныхъ народовъ. Надобно полагать, что эти символы находятся въ связи съ религіозными воззрѣніями.

[1]) Лейбницъ не одобрялъ тонкостей и казуистическихъ измышленій схоластическихъ философовъ; тѣмъ не менѣе онъ защищалъ формальную логику противъ нападокъ Локка. Въ этомъ отношеніи, кромѣ протестовъ, высказываемыхъ Лейбницемъ въ настоящей книгѣ, въ особенности замѣчательно длинное письмо его къ Габріелю Вагнеру отъ 1696 года; оно напечатано въ изданіи его сочиненій Гурайеромъ и Эрдманомъ.

зависитъ не отъ одного злоупотребленія словами и состоитъ совершенно въ иномъ дѣлѣ. Цѣль *предикатовъ* очень полезна, и надобно полагать, что ихъ скорѣе надобно оправдывать, чѣмъ отвергать. Субстанціи, качества, количества, дѣйствія, страданія и отношенія, т. е. пять общихъ категорій (titres) бытій могутъ быть достаточными, вмѣстѣ съ тѣми категоріями, которыя образуются изъ ихъ сложенія; и вы сами, распредѣляя идеи, не пожелали ли признать ихъ предикаментами? Выше я говорилъ *о субстанціальныхъ формахъ*. И я не знаю, на достаточныхъ ли основаніяхъ отвергаютъ *растительныя души*; такъ какъ люди, обладающіе большою опытностію и разсудительностію, находятъ большую аналогію между растеніями и животными. *Боязнь пустоты* можетъ быть понимаема здраво, предположивши, что природа, разъ наполнивши пространства тѣлами непроницаемыми и неразъединяемыми, не могла допустить пустоты; и я признаю эти три предположенія очень основательными. Но *интенціональные виды* [1]), долженствующіе производить общеніе души съ тѣломъ, неосновательны, хотя, быть можетъ, возможно извинить *чувственные виды*, которые отъ предметовъ идутъ къ отдаленнымъ органамъ, производя въ нихъ распространеніе движеній. Я признаю, что нѣтъ *души міра* Платона; ибо Богъ превыше міра, *extramundana intelligentia*, или лучше—*supramundana* (*внѣмірный* или лучше—*премірный* разумъ). Не знаю, не разумѣете ли вы подъ *стремленіемъ къ движенію* эпикуровыхъ атомовъ, усвояемую имъ тяжесть и, безъ сомнѣнія, безпри-

---

[1]) Подъ именемъ интенціональныхъ видовъ (*intentionelle species*) схоластики разумѣли формы или отображенія предметовъ, которыя, по мнѣнію схоластиковъ, исходя отъ предметовъ, возбуждаютъ въ насъ впечатлѣнія этихъ предметовъ. Этихъ воззрѣній по преимуществу держался Ѳома Аквинатъ. У насъ послѣдователемъ этихъ же воззрѣній былъ Никаноръ, архіепископъ Херсонскій. Собственно же говоря, эти отраженія не суть формы, а только картины этихъ формъ; они имѣютъ своею задачею или цѣлію (*intentionem*) дѣйствовать на чувственность или возбудимость человѣка. *Интенціональнымъ видамъ* противоположны *виды реальные*, то есть, дѣйствительные или реальные формы или образы предметовъ. Ученіе это заимствовано изъ второй книги Аристотеля о душѣ и только развито схоластиками. Такое объясненіе этому выраженію даетъ Ренцъ (см. его: *Philosophia Aristotelica—Thomistica*, 1740 г.); онъ говоритъ: *Per speciem nihil aliud intelligendum—quam qualitatem aliquam intentionalem repraesentativam objecti etc.*

чинную; такъ какъ думаютъ, что всѣ эти тѣла сами собою движутся въ одну сторону. Покойный Генрихъ Морусъ, богословъ англійской церкви, при всемъ своемъ умѣ, кажется нѣсколько слишкомъ поддался подобнымъ гипотезамъ, которыя не были ни вѣроятными, ни понятными; свидѣтельствомъ этого служитъ его *гилархическій принципъ* матеріи, какъ причина тяжести, эластичности и другихъ чудесъ, соединенныхъ съ этимъ принципомъ [1]). Я ничего не могу сказать вамъ *объ эфирныхъ* проводникахъ (vehicules), коихъ природу я не изслѣдовалъ.

§ 15. *Филалетъ*. Одинъ примѣръ о словѣ матерія лучше выяснитъ вамъ мою мысль. Принимаютъ матерію за бытіе, дѣйствительно существующее въ природѣ, отличное отъ тѣла, что въ самомъ дѣлѣ отличается полнѣйшею ясностію; иначе говоря, эти двѣ идеи безразлично могутъ замѣнять одна другую. Ибо можно сказать, что *одна и та же матерія составляетъ всѣ тѣла*, но нельзя сказать, что одно лишь тѣло содержитъ всѣ матеріи. Думаю также, что нельзя сказать, будто одна матерія больше другой. Матерія выражаетъ субстанцію и твердость тѣла; такимъ образомъ, мы не болѣе понимаемъ различныя матеріи, какъ и различныя твердости. Однако же, съ тѣхъ поръ, какъ поняли матерію подъ видомъ нѣкоторой вещи, существующей подъ этой опредѣленностію, эта мысль вызвала непонятные толки и запутанные споры *о первой матеріи*.

Ѳеофилъ. Мнѣ кажется, что этотъ примѣръ приводитъ скорѣе къ извиненію, чѣмъ къ порицанію перипатетической философіи. Если бы все серебро имѣло форму, или лучше, такъ какъ все серебро оформлено природою или искусствомъ: то развѣ менѣе позволительно было бы сказать, что серебро есть бытіе дѣйствительно существующее въ природѣ, отличное—понимая это *точно*—отъ столовой посуды или отъ монетъ? Тѣмъ не менѣе поэтому не говорятъ, будто серебро обладаетъ другими качествами, чѣмъ нѣкоторыми качествами монетъ. Такъ

[1]) *Гилархическій принципъ*, о которомъ говоритъ здѣсь Лейбницъ, по объясненію Моруса (см. его: *Opera omnia*, Londini, 1679 г.), есть *spiritus naturae* и, подобно архею алхимиковъ, есть принципъ движенія и симпатіи въ природѣ.— Упоминаемыя за симъ Лейбницемъ проводники суть эфирные покровы духовъ (см. въ томъ же сочиненіи: *Tractatus de immortalitate animae*).

и въ общей физикѣ не столь безполезно, какъ думаютъ, разсуждать о первой матеріи и опредѣлять ея природу, чтобы узнать всегда ли она однообразна и не имѣетъ ли она какого либо другаго качества, кромѣ непроницаемости (какъ и на самомъ дѣлѣ я показалъ вслѣдъ за Кеплеромъ, что она обладаетъ еще такимъ качествомъ, которое можно назвать *инерціею*), и пр. [1]). Хотя она никогда не находится въ чистомъ видѣ; подобно тому, какъ позволительно было бы разсуждать о чистомъ серебрѣ, хотя бы его не было у насъ и хотя бы мы не имѣли средствъ очищать его. Поэтому я не порицаю того, что Аристотель говорилъ о первой матеріи; но нельзя воздержаться отъ порицанія тѣхъ, которые слишкомъ много останавливались на этомъ и измышляли химеры на основаніи дурно понятыхъ словъ этого философа, который, быть можетъ, и самъ подавалъ иногда слишкомъ большой поводъ къ этому дурному пониманію его и къ этой галиматьѣ. Но не должно слишкомъ преувеличивать ошибокъ этого знаменитаго писателя; потому что извѣстно, что многія его произведенія не были закончены и не были обнародованы имъ самимъ.

§ 17. *Филалетъ. Пятое злоупотребленіе* состоитъ въ поставленіи словъ на мѣсто предметовъ, коихъ они не означаютъ и не могутъ означать никакимъ образомъ. Это случается тогда, когда посредствомъ именъ субстанцій, мы хотимъ сказать нѣчто большее, чѣмъ лишь слѣдующее: то, что я называю золотомъ, есть тягучее (хотя въ сущности золото тогда не выражаетъ ничего другаго, кромѣ тягучести), желая дать понять, что тягучесть зависитъ отъ реальной сущности золота. Такимъ образомъ, мы говоримъ: правильно опредѣленіе Аристотеля, по которому человѣкъ есть разумное животное, и неправильно опредѣленіе Платона, по которому человѣкъ есть животное на двухъ ногахъ, безъ перьевъ

---

[1]) Главное мѣсто о косности или инерціи тѣлъ, на которое Лейбницъ повидимому ссылается здѣсь, помѣщено въ сочиненіи его: *De ipsa natura.* Лейбницъ, заимствовавъ отъ Кеплера понятіе о косности матеріи, доказываетъ, что сущность матеріи можетъ состоять не только въ протяженіи, но и въ сопротивленіи (т. е. непроницаемости), каковое свойство матеріи сказывается въ томъ, что для приведенія покоющагося тѣла въ движеніе потребна соотвѣтственная сила, независимо отъ тяжести.

и съ широкими ногтями. § 18. Едва ли найдется кто либо, который не предполагалъ бы, что эти слова выражаютъ предметъ, обладающій реальною сущностію, отъ которой зависятъ эти свойства; однако же это есть очевидное злоупотребленіе; такъ какъ свойства эти не содержатся въ сложной идеѣ, обозначаемой этимъ словомъ.

Ѳеофилъ. А я скорѣе полагалъ бы, что очевидно несправедливо порицаютъ это общее употребленіе; такъ какъ очень вѣрно, что въ сложной идеѣ золота содержится и то, что этотъ предметъ обладаетъ дѣйствительною сущностію, внутреннее строеніе коей въ частности намъ становится извѣстнымъ не иначе, какъ по качествамъ, отъ ней зависящимъ, какъ напримѣръ, тягучесть. А чтобы выразить въ ней тягучесть безъ тождества и безъ погрѣшности *коккизма* или повторенія (см. гл. 8, § 18), надобно узнать этотъ предметъ по другимъ качествамъ, какъ напримѣръ, когда говорятъ, что извѣстное тѣло плавкое, желтое и очень тяжелое, называемое золотомъ, обладаетъ природою, дающею ему еще свойство быть очень мягкимъ подъ молотомъ и дѣлаться очень тонкимъ. Что же касается *опредѣленія человѣка*, которое усвояютъ Платону, то оно кажется составлено лишь для упражненія и вы сами, я полагаю, не захотите сравнивать его съ опредѣленіемъ общепринятымъ; такъ какъ очевидно, что оно слишкомъ внѣшне и предварительно; ибо если бы тотъ *казуаръ*, о которомъ, м. г., вы недавно говорили, оказался съ широкими ногтями, то вотъ и онъ былъ бы человѣкомъ; потому что у него не было бы надобности выщипывать перья, какъ у того пѣтуха, котораго Діогенъ, какъ говорятъ, захотѣлъ представить человѣкомъ Платона.

§ 19. *Филалетъ.* Въ модусахъ сложныхъ, когда заключающаяся въ нихъ идея перемѣняется, тотъ-часъ узнаютъ, что это другой предметъ, какъ это представляется очевиднымъ въ слѣдующихъ словахъ: *murther*, которое по англійски выражаетъ то же, что *mord* по нѣмецки, т. е. преднамѣреннаго убійцу; *manslaughter*, слово по своему началу соотвѣтствующее слову человѣкоубійца, въ смыслѣ произвольнаго убійцы, но не преднамѣреннаго; *chancemedly*, случайно нанесенный ударъ, въ смыслѣ слова не преднамѣреннаго убійства; ибо то, что я выражаю

словами, и то, что существуетъ, по моему мнѣнію, въ предметѣ есть одно и то же. (Это я прежде назвалъ *номинальною* и *реальною* сущностію). Но этого не бываетъ въ именахъ субстанцій; ибо если одинъ включаетъ въ идею золота то, что другой опускаетъ, напримѣръ, растяжимость или способность растворяться въ царской водкѣ: то люди не думаютъ поэтому будто перемѣнился видъ, а думаютъ только, что одинъ имѣетъ идею болѣе совершенную, чѣмъ другой о томъ, что составляетъ скрытую реальную сущность предмета, называемаго именемъ золота, хотя бы это тайное отношеніе было безполезнымъ и только затрудняло бы насъ.

Ѳеофилъ. Думаю, что я уже сказалъ, но хочу показать вамъ ясно еще и теперь, что то, что сей-часъ замѣчено вами, м. г., существуетъ въ модусахъ, какъ и въ субстанціальныхъ бытіяхъ, и что нѣтъ причины порицать это отношеніе къ внутренней сущности. Вотъ одинъ примѣръ. *Параболу* въ смыслѣ геометровъ можно опредѣлить, какъ фигуру, въ которой всѣ лучи параллельные къ извѣстной прямой, посредствомъ отраженія, соединяются въ извѣстной точкѣ или *фокусѣ*. Но посредствомъ этой идеи или этого опредѣленія выражается скорѣе *внѣшность* и *эффектъ*, чѣмъ *внутренняя сущность* этой фигуры, или то, что лишь первоначально можетъ сообщить познаніе о ея *происхожденіи*. Но съ самаго же начала можно усумниться—есть ли подобная фигура, которую желаютъ имѣть и которая должна производить этотъ эффектъ,—есть ли она нѣчто возможное? А это, по моему, и показываетъ, есть ли опредѣленіе только номинальное и заимствованное отъ свойствъ, или же оно есть еще и *реальное*. Однако же тотъ, кто говоритъ о параболѣ и знаетъ ее только сообразно съ представленнымъ мною опредѣленіемъ, не перестаетъ, говоря о ней, представлять фигуру, имѣющую извѣстное строеніе и извѣстное устройство, которыхъ онъ не знаетъ, но желалъ бы узнать, чтобы быть въ состояніи начертить ее. Другой же человѣкъ, знающій ее болѣе основательно, присоединитъ къ ней нѣкоторое другое свойство и при этомъ найдетъ, напримѣръ, что въ предполагаемой фигурѣ часть оси, взятой между ординатою и перпендикуляромъ (т. е. нормалью), проведеннымъ изъ той же точки

кривой линіи, всегда бываетъ постоянною и что она всегда бываетъ равна разстоянію отъ *вершины* и отъ *фокуса* [1]). Такимъ образомъ, онъ будетъ имѣть идею болѣе совершенную, чѣмъ первый и легче дойдетъ до начертанія фигуры, хотя бы и не видѣлъ ея. И однако же надобно согласиться, что это одна и та же фигура, но только сущность ея еще скрыта. Итакъ, вы видите, м. г., что все находимое вами и частію порицаемое при употребленіи словъ для обозначенія субстанціальныхъ предметовъ, существуетъ однако же и существуетъ очевидно по праву при употребленіи словъ для обозначенія сложныхъ модусовъ. Но то, что побуждаетъ васъ думать, будто между субстанціями и модусами есть различіе, зависитъ отъ того, что вы не обратили при этомъ вниманія на доступные для пониманія модусы, но трудно понимаемые, которые находятъ сходными во всемъ съ тѣлами, еще болѣе трудными для познанія.

§ 20. *Филалетъ.* Итакъ, я боюсь, что мнѣ придется обратно взять то, что захотѣлось сказать вамъ, м. г., о причинѣ признаннаго мною злоупотребленія. Мнѣ казалось ошибочнымъ мнѣніе, будто природа всегда дѣйствуетъ правильно, и закрѣпляетъ границы за каждымъ видомъ посредствомъ той специфической сущности или внутренняго строенія, которое мы въ немъ подразумѣваемъ и которыя постоянно соединяемы бываютъ съ однимъ и тѣмъ же специфическимъ именемъ.

Өеофилъ. Поэтому, м. г., вы хорошо теперь усматриваете изъ примѣра геометрическихъ модусовъ, что не очень ошибаются, признавая внутреннія специфическія сущности, хотя существуетъ различіе между чувственными предметами—будутъ ли они субстанціями или модусами, о которыхъ мы имѣемъ только предварительныя номинальныя опредѣленія и при которыхъ мы не надѣемся легко имѣть реальныя опредѣленія—и между доступными для знанія модусами, но трудно понимаемыми; потому что въ концѣ концовъ можемъ дойти до внутренняго устройства геометрическихъ фигуръ.

§ 21. *Филалетъ.* Я вижу наконецъ, что я ошибался, порицая это отношеніе къ сущностямъ и внутреннему строенію, подъ

[1]) По новѣйшей геометрической терминологіи это значитъ: „поднормаль параболы равняется полупараметру".

предлогомъ, что этимъ мы не усвояемъ своимъ словамъ никакого признака или усвояемъ признакъ неизвѣстный. Ибо неизвѣстное въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ стать извѣстнымъ другимъ образомъ, и внутренность узнается частію посредствомъ феноменовъ, возникающихъ изъ ней. А что касается вопроса о *зародышѣ урода* (*foetus monstrueux*), есть ли онъ человѣкъ или нѣтъ, то я вижу, что хотя этого нельзя рѣшить сей-часъ же, однако это не мѣшаетъ виду быть закрѣпленнымъ въ себѣ самомъ, такъ какъ наше невѣдѣніе ничего не перемѣняетъ въ природѣ предметовъ.

Өеофилъ. Въ самомъ дѣлѣ, случается, что весьма опытные геометры недостаточно знаютъ, каковы должны быть фигуры, коихъ многія свойства, повидимому, исчерпывающія предметъ, имъ извѣстны. Напримѣръ, существуютъ линіи, называемыя *перлами* (*perles*), коимъ усвояютъ даже квадратуры и измѣреніе поверхностей и постоянныя свойства въ развитіи, прежде чѣмъ узнаютъ, что они суть только сложенія кубическихъ параболоидъ [1]. Такимъ образомъ, признавая первоначально эти перлы особеннымъ видомъ, имѣютъ о нихъ лишь предварительное познаніе. Если это можетъ случаться въ геометріи, то надобно ли удивляться, что трудно бываетъ опредѣлить виды тѣлесной природы, которые несравненно сложнѣе?

§ 22. *Филалетъ*. Переходимъ къ *шестому злоупотребленію*, чтобы продолжить начатое нами перечисленіе, хотя я вижу, что нѣкоторыя изъ нихъ надобно было бы устранить.

Всеобщее—но мало замѣчаемое злоупотребленіе—состоитъ въ томъ, что люди, соединивши извѣстныя идеи съ извѣстными словами, при продолжительномъ употребленіи, воображаютъ, что эта связь явственна и что всѣ согласны съ этимъ. Отсюда возникаетъ, что они находятъ очень страннымъ, когда ихъ спрашиваютъ о значеніи употребляемыхъ ими словъ, хотя бы это было абсолютно необходимо. Не много есть людей, которые не сочли бы оскорбленіемъ, если бы ихъ спросили, что они разумѣютъ, говоря *о жизни*. Однако же смутная идея, которую они

---

[1]) Этими, такъ называемыми, *перлами* много занимался бельгійскій математикъ Слузіусъ или Шлюзъ. Лейбницъ еще разъ упоминаетъ объ этомъ въ своей IV кн., гл. 7, § 4.

могутъ имѣть о ней, недостаточна, когда дѣло идетъ о дознаніи—обладаетъ ли жизнію растеніе, сформированное въ сѣмени, или цыпленокъ, находящійся еще въ нераскрытомъ яйцѣ, или же и человѣкъ въ обморокѣ, безъ чувства и движенія. И хотя люди не желаютъ казаться столь мало разумными, и столь докучливыми, чтобы просить объясненія употребляемыхъ ими выраженій, или столь досадными критиками, чтобы постоянно порицать другихъ за принятое ими употребленіе словъ: однако же, когда дѣло идетъ о точномъ изслѣдованіи, надобно прибѣгать къ объясненію. Часто ученые различныхъ партій въ своихъ разсужденіяхъ, направленныхъ противъ другихъ, говорятъ лишь на различныхъ языкахъ, а думаютъ одно и то же, хотя интересы ихъ, быть можетъ, и различны.

Θеофилъ. Полагаю, что я достаточно объяснилъ *понятіе о жизни*, каковое понятіе должно всегда перцептироваться въ душѣ; иначе жизнь будетъ только кажущеюся, какъ дикари приписывали ее хронометрамъ и часамъ, или какъ тѣ городскія власти, которыя усвояли ее маріонеткамъ, воображая ихъ одушевленными демонами, и хотѣли наказать, какъ волшебника, того, кто первый далъ это представленіе въ ихъ городѣ.

§ 23. *Филалетъ.* Въ заключеніе скажемъ, что слова служатъ: 1) для объясненія нашихъ мыслей; 2) для болѣе легкаго образованія ихъ и 3) для сообщенія понятія о предметахъ. Въ отношеніи къ первому пункту погрѣшаютъ, когда не имѣютъ опредѣленной и постоянной идеи словъ, ни принимаемой, ни подразумѣваемой другими. § 23. Погрѣшаютъ въ отношеніи къ легкости, когда имѣютъ идеи очень сложныя, не обладая раздѣльными словами; часто это бываетъ недостаткомъ самыхъ языковъ, не имѣющихъ именъ; часто также это бываетъ недостаткомъ и человѣка, не знающаго ихъ; тогда нуждаются въ длинныхъ перифразахъ. § 24. Но когда идеи, обозначаемыя словами, не согласны съ реальностію, тогда погрѣшаютъ въ отношеніи къ третьему пункту. § 26. 1-ое. Кто пользуется терминами безъ идей, тотъ похожъ на того, кто имѣетъ каталогъ безъ книгъ. § 27. 2-ое. Кто обладаетъ очень сложными идеями, тотъ похожъ на человѣка, имѣющаго множество книгъ въ отдѣльныхъ листахъ безъ заглавій, а потому не может дать кни-

гу иначе, какъ подавая листъ за листомъ. § 28. 3-ье. Кто не обладаетъ постояннымъ употребленіемъ значеній словъ, тотъ похожъ на купца, продающаго разные товары подъ однимъ и тѣмъ-же названіемъ. § 29. 4-ое. Кто иныя идеи соединяетъ съ принятыми словами, тотъ не будетъ въ состояніи объяснить ихъ значеніе, которое они могутъ имѣть. § 30. 5-ое. Кто имѣетъ въ головѣ своей идеи субстанцій, никогда не существовавшихъ, тотъ не можетъ преуспѣвать въ познаніи реальностей. § 33. Первый напрасно будетъ говорить о тарантулѣ или о христіанской любви. Второй будетъ видѣть новыхъ животныхъ, не будучи въ состояніи сообщить о нихъ свѣдѣній другимъ людямъ. Третій будетъ принимать тѣло то за нѣчто твердое, то то за нѣчто лишь протяженное; и по неустойчивости будетъ принимать то добродѣтель, то порокъ за нѣчто близкое. Четвертый назоветъ мулла конемъ, и того, кого весь міръ называетъ мотомъ, будетъ считать благороднымъ. Пятый, основываясь на авторитетѣ Геродота, будетъ въ тартарѣ искать націю, состоящую изъ людей одноглазыхъ. Замѣчу, что первыя четыре погрѣшности общи именамъ субстанцій и модусовъ, а послѣдняя погрѣшность свойственна субстанціямъ.

Ѳеофилъ. Ваши замѣчанія очень поучительны. Я прибавлю лишь, что, какъ мнѣ кажется, и въ идеяхъ акциденцій или формахъ бытія тоже существуетъ нѣчто химерическое; и что такимъ образомъ пятая погрѣшность обща субстанціямъ и акциденціямъ. *Сумасброднымъ пастухомъ* бываетъ не только тотъ, кто думаетъ, будто существуютъ нимфы, прячущіяся за деревьями, но и тотъ, кто постоянно ждетъ романическихъ похожденій.

§ 34. *Филалетъ*. Я намѣренъ уже окончить; но я припоминаю *седьмое и послѣднее злоупотребленіе*, которое состоитъ въ фигуральныхъ или образныхъ выраженіяхъ. Между тѣмъ съ трудомъ признаютъ это заблужденіемъ; потому что то, что называютъ остроуміемъ и фантазіею, болѣе нравится, чѣмъ совершенно сухая истина. Оно болѣе пригодно для рѣчей, когда стараются только нравиться; но въ сущности, за исключеніемъ порядка и ясности, во всякомъ риторическомъ родѣ всѣ эти искусственныя и фигуральныя примѣненія словъ только подаютъ ложныя идеи, возбуждаютъ страсти и обольщаютъ разсудокъ,

такъ что они суть чистый обманъ. Тѣмъ не менѣе этому роду обмановъ даютъ первое мѣсто и одобряютъ его. Это потому, что люди не очень заботятся объ истинѣ и больше любятъ обманывать и быть обманутыми. Это настолько истинно, что я не сомнѣваюсь, что сказанное мною противъ этого рода искусства, будетъ признано, какъ мнѣніе крайне дерзкое. Потому что краснорѣчіе, подобно прекрасному полу, обладаетъ слишкомъ могущественными прелестями, противъ которыхъ не позволительно возставать.

Ѳеофилъ. Будучи далекимъ отъ порицанія вашей ревности къ истинѣ, я нахожу ее даже справедливою. И надобно желать. чтобы она достигла цѣли. Я не отчаяваюсь въ этомъ совершенно; потому что, м. г., кажется, что вы поражаете краснорѣчіе его собственнымъ оружіемъ и сами обладаете другимъ видомъ краснорѣчія, возвышающимся надъ этимъ обманчивымъ краснорѣчіемъ, какъ возвышалась Венера-Уранія, мать божественной любви, предъ которою другая Венера, мать слѣпой любви, не могла являться съ своимъ сыномъ, имѣвшимъ повязку на глазахъ [1]). Но именно это показываетъ, что ваше положеніе нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи, и что нѣкоторыя украшенія краснорѣчія похожи на египетскія вазы, которыми можно пользоваться при служеніи истинному Богу. Это то же, что живопись и музыка, которыми злоупотребляютъ, такъ какъ живопись представляетъ часто картины грубыя и даже вредныя, а музыка разслабляетъ сердце; а обѣ вмѣстѣ доставляютъ пустое удовольствіе; но они могутъ быть употребляемы и съ пользою, живопись для представленія истины ясною, а музыка для выраженія ея трогательности. Это послѣднее дѣйствіе должна оказывать также и поэзія, которая занимаетъ средину между риторикою и музыкою.

---

[1]) Лейбницъ сильно разбиваетъ многія положенія Локка, но всегда *fortiteer in re, leniter in modo.* Тѣмъ не менѣе онъ воздаетъ ему похвалу, когда признаетъ его достойнымъ этого; такъ поступаетъ онъ и теперь, сравнивая его краснорѣчіе, въ противоположность съ краснорѣчіемъ софистовъ, съ прелестями Венеры Ураніи. Что же касается самаго миѳа, то есть, противоположенія двухъ Венеръ, Венеры Ураніи и Венеры Народной (Пандемосъ): то, безъ сомнѣнія, миѳъ этотъ позднѣйшаго происхожденія; потому что по первоначальному представленію грековъ Афродита или Венера была плодородная сила природы и выражала чувственную сторону этой природы (См. „Пиръ“ Платона).

ГЛАВА XI.

О возможныхъ средствахъ противъ указанныхъ несовершенствъ и злоупотребленій.

§ 1. *Филалетъ.* Здѣсь не мѣсто предаваться спору относительно употребленія истиннаго краснорѣчія, и еще менѣе— отвѣчать на вашъ обязательный комплиментъ; потому что мы должны подумать объ окончаніи этой матеріи *о словахъ*, стараясь найти средства противъ замѣченныхъ нами несовершенствъ. Было бы смѣшно пытаться реформировать языки и желать обязать людей говорить лишь въ мѣру своихъ познаній. § 3. Но не слишкомъ велико требованіе въ отношеніи къ философамъ, чтобы они говорили точно, когда дѣло идетъ о серьезномъ изысканіи истины; безъ этого все будетъ исполнено ошибокъ, односторонностей и пустыхъ споровъ. § 8. *Первое средство* къ этому состоитъ въ томъ, чтобы не употреблять ни одного слова безъ соединенія его съ идеею; между тѣмъ какъ часто употребляютъ слова какъ-бы по *инстинкту*, *симпатіи* и *антипатіи*, не соединяя съ ними никакого смысла.

Ѳеофилъ. Правило прекрасное, но я сомнѣваюсь въ пригодности вашихъ предостереженій. Кажется, что подъ *инстинктомъ* всѣ люди разумѣютъ склонность животнаго къ тому, что ему полезно, хотя оно и не понимаетъ причины этого; и даже люди менѣе должны пренебрегать этими инстинктами, хотя искусственный образъ жизни людей по большей части почти изглаждаетъ ихъ. Люди, излечивающіе самихъ себя, хорошо замѣтили это. *Симпатія* и *антипатія* означаетъ то, что въ тѣлахъ,лишенныхъ чувствованій,соотвѣтствуетъ инстинкту сближенія или удаленія, какъ это происходитъ среди животныхъ. И хотя они не имѣютъ надлежащаго пониманія причины этихъ склоненій или стремленій, однако же имѣютъ достаточное пониманіе, чтобы ощущать ихъ сознательно.

§ 6. *Филалетъ.* *Второе средство* состоитъ въ томъ, чтобы идеи именъ модусовъ были, по крайней мѣрѣ, опредѣлены, а (§ 10) идеи именъ субстанцій были болѣе сообразны съ тѣмъ, что̀ существуетъ. Если кто либо скажетъ, что *справедливость* есть поведеніе, сообразное съ закономъ въ отношеніи къ благу

другаго, то эта идея не будетъ достаточно опредѣленна, когда не имѣютъ никакой раздѣльной идеи о томъ, что называется закономъ.

Θеофилъ. Здѣсь можно было бы сказать, что *законъ* есть предписаніе мудрости или наука о счастіи.

§ 11. *Филалетъ. Третье средство* состоитъ въ употребленіи выраженій сообразно съ принятымъ пользованіемъ, на сколько это возможно. *Четвертое средство* состоитъ въ выясненіи, въ какомъ смыслѣ принимаютъ слова, когда составляютъ новыя или употребляютъ старыя въ новомъ смыслѣ, или когда находятъ, что пользованіе ими не достаточно закрѣпило за ними значеніе. § 13. Но при этомъ существуютъ различные случаи.

§ 14. Слова идей простыхъ, которыя не могутъ быть опредѣлены, объясняются посредствомъ словъ синонимическихъ, коль скоро послѣднія болѣе извѣстны,—или посредствомъ указанія на предметъ. Этимъ средствомъ можно дать понять крестьянину, что называется цвѣтомъ „мертваго листа", сказавши, что это есть цвѣтъ засохшихъ листьевъ, падающихъ осенью. § 15. Имена сложныхъ модусовъ должны быть выясняемы посредсвомъ опредѣленій, такъ какъ это возможно. § 16. Именно такимъ образомъ нравственность становится доказательною. При этомъ надобно принимать человѣка за бытіе тѣлесное и разумное, не смущаясь его внѣшнею фигурою. § 17. Ибо посредствомъ опредѣленій предметы нравственности могутъ быть ясно излагаемы. Надобно скорѣе опредѣлять справедливость сообразно съ идеею, присущею нашему духу, чѣмъ искать образца внѣ насъ, напримѣръ, въ Аристидѣ, и формировать ее по этому образцу. § 18. И такъ какъ большая часть сложныхъ модусовъ нигдѣ не существуетъ въ совокупности, то ихъ можно закрѣплять лишь опредѣленіемъ посредствомъ исчисленія того, что находится въ разсѣяніи.

§ 19. Въ субстанціяхъ обыкновенно существуетъ нѣсколько *господствующихъ* или *характеристическихъ* качествъ, которыя мы признаемъ наиболѣе отличительною идеею вида и съ которыми мы предполагаемъ соединенными остальныя идеи, составляющія сложную идею вида. Таковы фигура въ растеніяхъ и животныхъ и цвѣтъ въ тѣлахъ неодушевленныхъ, а въ нѣко-

торыхъ таковы цвѣтъ и фигура вмѣстѣ. Вотъ почему, § 20, определеніе человѣка, данное Платономъ, болѣе характеристично, чѣмъ опредѣленіе Аристотеля; или по крайней мѣрѣ, оно не приводитъ къ уничтоженію уродливыхъ порожденій. § 21. Часто также видимость столь же хорошо служитъ пробою, какъ и всякое другое средство; ибо люди, привыкшіе распознавать золото, часто по внѣшнему виду различаютъ истинное золото отъ ложнаго, чистое отъ поддѣльнаго.

Θеофилъ. Безъ сомнѣнія, все сводится къ опредѣленіямъ, которыя могутъ простираться до первоначальныхъ идей. Одинъ и тотъ же предметъ можетъ имѣть много опредѣленій; но чтобы знать какое изъ нихъ наиболѣе соотвѣтствуетъ предмету, надобно узнавать это посредствомъ разума, доказывая одно опредѣленіе посредствомъ другаго, или посредствомъ опыта, разузнавая, какія изъ нихъ всегда сопровождаютъ другъ друга. Что касается опредѣленій нравственности, то часть ихъ всегда основывается на разумѣ; но существуетъ другая часть, которая зависитъ отъ опытовъ и относится къ темпераментамъ. Въ дѣлѣ познанія субстанцій, фигура и цвѣтъ, то есть, видимость сообщаютъ намъ первыя идеи; ибо посредствомъ ихъ узнаютъ предметы издали; но это познаніе обыкновенно есть предварительное, а въ предметахъ важныхъ стараются узнать субстанцію болѣе близко. Наконецъ я удивляюсь, что вы снова возвращаетесь къ опредѣленію человѣка, приписываему Платону, такъ какъ вы сами сказали (§ 16), что въ нравственномъ смыслѣ надобно смотрѣть на человѣка, какъ на существо безтѣлесное и разумное, не смущаясь его внѣшнею фигурою. Наконецъ справедливо то, что большая практика много помогаетъ различать по взгляду то, что другой съ трудомъ можетъ знать посредствомъ трудныхъ опытовъ. И медики съ большою опытностію, обладающіе проницательнымъ взглядомъ и очень хорошею памятью, часто съ перваго взгляда разгадываютъ болѣзнь, что другой съ трудомъ узнаетъ посредствомъ разспросовъ и ощупыванія пульса. Но хорошо соединять вмѣстѣ всѣ указанія, которыя можно находить.

§ 22. *Филалетъ.* Я соглашаюсь, что тотъ, кто узнаетъ отъ хорошаго пробирера всѣ качества золота, пріобрѣтаетъ отъ

него лучшее познаніе, чѣмъ видимость можетъ сообщить ему это. Но если бы мы могли узнать внутреннее строеніе золота, то значеніе слова *золото* можно было бы столько же легко опредѣлить, какъ значеніе слова треугольникъ.

Өеофилъ. Тогда золото все было бы опредѣлено и въ немъ ничего не оставалось бы *предварительнаго*; но оно не можетъ быть такъ легко опредѣлено. Ибо, по моему мнѣнію, требуется нѣсколько продолжительное различеніе для объясненія строенія золота, подобно тому, какъ въ геометріи существуютъ фигуры, коихъ опредѣленіе бываетъ продолжительно.

§ 23. *Филалетъ.* Духи, отдѣленные отъ тѣлъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ знанія болѣе совершенныя, чѣмъ мы, хотя мы не имѣемъ никакого понятія о способѣ, помощію котораго они могутъ пріобрѣтать ихъ. Однако же они могутъ имѣть столь же ясныя идеи о коренномъ строеніи тѣла, какое мы имѣемъ о треугольникѣ.

Өеофилъ. Я уже замѣчалъ вамъ, м. г., что имѣю основаніе думать, что нѣтъ тварныхъ духовъ, совершенно отдѣльныхъ отъ тѣлъ; но, безъ сомнѣнія, существуютъ духи, коихъ органы и разумъ несравненно болѣе совершенны, чѣмъ наши и которые превосходятъ насъ во всѣхъ родахъ познаній на столько и даже болѣе, на сколько Френциль [1]), или тотъ шведскій мальчикъ, о которомъ я говорилъ, превосходитъ обыкновенныхъ людей при исчисленіяхъ умственныхъ.

§ 24. *Филалетъ.* Мы уже замѣтили, что опредѣленія субстанцій, служащія къ выясненію именъ, бываютъ несовершенны относительно познанія предметовъ; ибо обыкновенно мы поставляемъ имя вмѣсто предмета, такъ какъ имя говоритъ намъ болѣе, чѣмъ опредѣленіе; такимъ образомъ, для хорошаго опреленія субстанцій, надобно изучать естественную исторію.

Өеофилъ. Итакъ, вы видите, м. г., что напримѣръ, имя золото означаетъ не только то, что произносащій это слово разумѣетъ подъ нимъ, напримѣръ: желтизну и большую тяжесть; но и то,

[1]) Знаменитый математикъ Ферматъ сравниваетъ Френциля де Бесси, брата поэта Николая Френциля, относительно математической геніальности, съ Декартомъ и даже отдаетъ ему предпочтеніе предъ Декартомъ. Френциль былъ въ 1666 г. членомъ Парижской *Académie des sciences* и померъ въ 1673 г. Его признаютъ предшественникомъ Лагранжа и Эвлера; Кондорсье тоже написалъ ему похвальное слово. Лейбницъ зналъ многія сочиненія его и пользовался ими.

чего онъ не знаетъ и что можетъ знать другой; то есть, что это есть тѣло, одаренное внутреннимъ строеніемъ, изъ которагс вытекаетъ цвѣтъ и тяжесть и изъ котораго возникаютъ еще другія свойства, признаваемыя имъ болѣе извѣстными экспертамъ.

§ 25. *Филалетъ*. Теперь надобно пожелать, чтобы люди, опытные въ физическихъ изысканіяхъ, захотѣли изложить простыя идеи, относительно которыхъ они находятъ, что индивидуумы каждаго вида постоянно бываютъ сходными. Но чтобы составить подобнаго рода лексиконъ, который содержалъ бы, такъ сказать, естественную исторію, потребовалось бы слишкомъ много людей, слишкомъ много времени и слишкомъ много труда и проницательности, дабы можно было когда-либо надѣяться имѣть подобное произведеніе. Однако хорошо было бы сопровождать слова гравюрами въ отношеніи къ предметамъ, извѣстнымъ по своей внѣшней фигурѣ. Подобный лексиконъ много услужилъ бы потомству, и сократилъ бы трудъ будущихъ изслѣдователей. Маленькія фигуры *дикой сельдереи* (*apium*) или *каменнаго барана* (*ibex*, родъ дикаго козла) были бы удобнѣе, чѣмъ длинныя описанія этого растенія или этого животнаго. И чтобы знать, что латиняне называли *strigiles* и *sistrum*, *tunica и pallium*, то ихъ фигуры на поляхъ книгъ несравненно были бы понятнѣе, чѣмъ мнимые синонимы: скребница, кимвалъ, мантія, куртка, плащъ, которыя совершенно не даютъ понятія о нихъ. Наконецъ, я не останавливаюсь на седьмомъ средствѣ противъ злоупотребленія словами, которое состоитъ въ постоянномъ употребленіи тѣхъ же терминовъ въ томъ же смыслѣ; или, при перемѣнѣ смысла, въ указаніи на это. Мы уже достаточно говорили объ этомъ.

Ѳеофилъ. Патеръ Гримальди, президентъ общества математиковъ въ Пекинѣ, говорилъ мнѣ, что китайцы имѣютъ лексиконы, сопровождаемые фигурами [1]). Есть небольшой словарь,

[1]) Лексиконы, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Лейбницъ, ссылаясь на авторитетъ Гримальди, дѣйствительно существуютъ у китайцевъ и были привезены въ Европу. Въ Бонскую университетскую библіотеку были доставлены двѣ части подобнаго лексикона. Подобный лексиконъ можно представлять себѣ подъ видомъ алфавитнаго *Orbis pictus*. Что же касается Гримальди, то Лейбницъ познакомился съ нимъ въ Вѣнѣ, находился съ нимъ въ перепискѣ и получалъ отъ него многія интересныя сообщенія, когда послѣдній сдѣлался предсѣдателемъ астрономическаго и календарнаго общества въ Китаѣ

напечатанный въ Нюренбергѣ, гдѣ помѣщены подобныя фигуры при каждомъ словѣ, и они достаточно хороши. Желателенъ подобный *всеобщій иллюстрированный лексиконъ*, и его не очень трудно было бы составить. Что касается описанія *видовъ*, то это дѣло въ собственномъ смыслѣ принадлежитъ естествознанію, и надъ этимъ болѣе и болѣе теперь трудятся. Если бы не было войнъ, которыя возмущали Европу со времени основанія королевскихъ обществъ или академій, то пошли бы уже далеко и были бы въ состояніи извлекать пользу изъ нашихъ трудовъ; но сильные міра по большей части не знаютъ важности этого, ни того, какихъ благъ они лишаютъ себя, не заботясь о прогрессѣ серьезныхъ знаній. Кромѣ того, они обыкновенно слишкомъ бываютъ поглощены заботами о войнѣ и проходятъ мимо предметовъ, которые не бросаются имъ въ глаза.

К. И—нъ.

(Продолженіе будетъ).

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

КНИГА VII.

Глава 1.

Желаю тебѣ, мой Либералій, быть благосклоннымъ.

„Земля подъ руками. Не стану тебя здѣсь задерживать ни длинными стихами, ни образной рѣчью, ни долгимъ вступленіемъ“ [1]).

Настоящая книга содержитъ въ себѣ оставшееся не досказаннымъ, и я, исчерпавъ матеріалъ, ищу теперь не того, о чемъ говорить, но того, о чемъ еще не сказалъ.

Во всякомъ случаѣ, прими съ благосклонностью все, что здѣсь остается сказать, хотя бы это для тебя и показалось лишнимъ. Если бы я желалъ снискать себѣ расположеніе (читателей), то мнѣ слѣдовало бы распространять свое сочиненіе постепенно и къ заключенію приберечь ту часть его, которая могла бы понравиться даже пресыщенному читателю.

Но все, что было самаго необходимаго, я собралъ въ началѣ, теперь же припоминаю опущенное.

Если спросишь меня, то, говоря по правдѣ, я считаю не совсѣмъ идущимъ къ дѣлу, послѣ изложенія нравственныхъ правилъ, разсуждать о прочихъ предметахъ, измышленныхъ не для врачеванія души, а для упражненія ума.

Превосходно имѣлъ обыкновеніе разсуждать по этому поводу циникъ Димитрій, человѣкъ, по моему мнѣнію великій, хотя можно сравнить его и съ людьми величайшими.

---

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“, за 1894 г. № 24.

[1]) Virgil.

„Больше пользы, говоритъ онъ, если ты усвоишь хотя и немного правилъ мудрости, но такъ, что они будутъ у тебя всегда готовы къ исполненію, чѣмъ, если изучишь многое, но не станешь прилагать къ дѣлу".

„Подобно тому, какъ замѣчательнымъ борцомъ, продолжаетъ онъ далѣе, считается не тотъ, кто изучилъ всѣ правила и пріемы, употребленіе которыхъ при борьбѣ съ противникомъ бываетъ рѣдко, но тотъ, кто хорошо и тщательно изучилъ на практикѣ одинъ или два пріема и внимательно выжидаетъ случая примѣнить ихъ къ дѣлу (такъ какъ нѣтъ нужды ему знать много, какъ скоро онъ знаетъ достаточно для побѣды); такъ и въ этомъ занятіи (философіи) многое доставляетъ удовольствіе, но не многое приноситъ побѣду.

Тебѣ можно не знать, какая причина производитъ приливъ и отливъ океана, почему каждый седьмой годъ жизни даетъ возрасту особый отпечатокъ, почему для смотрящихъ издали портикъ не сохраняетъ своей широты, но (по мѣрѣ удаленія) самыя крайнія части его сходятся все ближе и ближе и наконецъ, промежутокъ между колоннами совершенно исчезаетъ. Можно не знать, какая причина раздѣляетъ зачатіе близнецовъ и соединяетъ ихъ рожденіе; не знать, почему рожденнымъ въ одно время предстоитъ различная судьба, и бываетъ величайшая разница въ обстоятельствахъ жизни у тѣхъ людей, между появленіемъ которыхъ на свѣтъ существуетъ самый малый промежутокъ.

Не будетъ тебѣ большаго вреда, если пройти молчаніемъ то, чего знать нельзя, да и безполезно.

Истина неприкровенная пребываетъ горѣ. Но нельзя намъ пожаловаться и на неблагосклонность судьбы, такъ какъ не представляетъ трудности познаніе ни одного предмета, кромѣ тѣхъ, единственный плодъ познанія которыхъ заключается лишь въ немъ самомъ (познаніи). Все же, что можетъ насъ дѣлать лучшими и счастливыми, природа сдѣлала доступнымъ и близкимъ для насъ. Если духъ человѣческій презрѣлъ все случайное, если онъ сталъ превыше страха и ненасытнымъ стремленіемъ не объемлетъ безконечныхъ богатствъ, но научился искать сокровищъ въ себѣ самомъ; если онъ отринулъ страхъ предъ богами и людьми и знаетъ, что со стороны человѣка

надо опасаться не многаго, а со стороны боговъ—ничего; если онъ презираетъ все, что, украшая жизнь, причиняетъ ей, въ то же время, страданіе, и достигъ яснаго сознанія того, что смерть не причиняетъ никакого зла, но, напротивъ, служитъ прекращеніемъ многихъ бѣдствій; если онъ посвятилъ душу свою на служеніе добродѣтели и почитаетъ гладкими всѣ пути, по которымъ она призываетъ слѣдовать; если, будучи существомъ общительнымъ и рожденнымъ для сообщества, онъ разсматриваетъ міръ, какъ единое жилище для всѣхъ, открываетъ совѣсть свою богамъ и всегда живетъ такъ, какъ будто находится на виду у всѣхъ, себя опасаясь болѣе, чѣмъ другихъ; то подобный духъ среди невзгодъ будетъ стоять твердо и непоколебимо: онъ пріобрѣлъ знаніе полезное и необходимое; все же остальное—услажденіе досуга. Духу, уже достигшему безопасности, можно заняться и тѣмъ, что сообщаетъ ему украшеніе, а не крѣпость“.

Глава 2.

Наставленій этихъ нашъ Димитрій повелѣваетъ держаться обѣими руками человѣку, стремящемуся къ нравственному совершенству, (повелѣваетъ) никогда ихъ не оставлять, но усвоивать и дѣлать какъ бы частію собственнаго существа и посредствомъ ежедневнаго размышленія достигать того, чтобы по желанію приходило на умъ все полезное и всюду было готово къ исполненію все желаемое, чтобы немедленно являлось (въ сознаніе) различіе между добромъ и зломъ, дабы знать, что всякое зло постыдно и всякое добро благородно. Такимъ правиломъ надлежитъ руководиться этому человѣку во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, все дѣлать и совершать согласно этому закону и считать несчастнѣйшими людьми тѣхъ, которые преданы чреву и страстямъ, и духъ которыхъ коснѣетъ въ бездѣйствіи, какими бы богатствами они ни блистали. Пусть онъ самъ себѣ скажетъ: „чувственное наслажденіе бренно, кратковременно, заслуживаетъ презрѣнія; чѣмъ съ большею жадностью оно почерпалось, тѣмъ скорѣе переходитъ въ противоположное чувство; въ немъ необходимо бываетъ тотчасъ же или раскаяваться, или его стыдиться; въ немъ ничего нѣтъ возвышеннаго или такого, что приличествовало бы природѣ

человѣка, какъ существа, наиболѣе близкаго къ богамъ. Это (наслажденіе) предметъ низменный, служащій къ удовлетворенію потребностей постыдныхъ или ничтожныхъ органовъ тѣла, позорный по своимъ послѣдствіямъ".

Но вотъ наслажденіе, достойное человѣка и мужа,—не переполнять тѣла, не пресыщаться и не возбуждать въ себѣ чувственныхъ страстей,—изъ которыхъ самая безопасная—стремленіе къ покою,—но быть свободнымъ отъ безпокойствъ,—какъ тѣхъ, которыя возбуждаются взаимными распрями людей, такъ и тѣхъ нестерпимыхъ треволненій, которыя ниспосылаются свыше, если вѣрить преданію о богахъ и судить о нихъ по нашимъ порокамъ.

Такимъ именно наслажденіемъ — постояннымъ, безбоязненнымъ, никогда не могущимъ испытать пресыщенія, наслаждается тотъ человѣкъ, котораго мы описываемъ, человѣкъ вполнѣ опытный, такъ сказать, въ законахъ божескихъ и человѣческихъ. Онъ наслаждается настоящимъ и не зависитъ отъ будущаго, тогда какъ ничего не имѣетъ прочнаго тотъ, кто стремится къ неизмѣнному. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ, свободный отъ великихъ заботъ, удручающихъ умъ, ни на что не надѣется, ничего не желаетъ и не стремится къ неизвѣстному, будучи доволенъ своимъ.

Но не думай, будто онъ довольствуется малымъ: нѣтъ, ему принадлежитъ все, но не такъ, какъ Александру. Этому послѣднему, хотя онъ и стоялъ уже на берегу Краснаго моря, недоставало болѣе того, сколько было ему доступно. Онъ недовольствовался даже и тѣмъ, чѣмъ онъ владѣлъ и что покорилъ въ то время, когда посланный имъ, въ качествѣ изслѣдователя, Онесикритъ странствовалъ по океану и искалъ войнъ въ неизвѣстныхъ моряхъ. Не достаточно ли ясно обнаружилось, какъ бѣденъ былъ человѣкъ, распространившій власть своего оружія за предѣлы вселенной и со слѣпою алчностію ринувшійся въ неизслѣдованную и безпредѣльную бездну? Какая важность въ томъ, сколько царствъ онъ отнялъ и раздарилъ, сколько странъ угнеталъ податями? Онъ чувствовалъ недостатокъ во всемъ томъ, чего еще желалъ!

* * *

(Продолженіе будетъ).

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ РУССКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

(Продолженіе *)

VIII.

Психологическій индивидуализмъ.

Психологическимъ индивидуализмомъ можетъ быть названо такое частное направленіе психологіи, которое главнымъ предметомъ научнаго изслѣдованія признаетъ не отдѣльные основные порядки психическихъ фактовъ, называемыхъ чувствомъ, умомъ и волею, а ихъ синтезъ, цѣльный составъ душевной жизни, который называется *личностью* человѣка. Частныя же проявленія ума, чувства и воли, по взгляду представителей этого направленія, существуютъ не отдѣльно, или рядомъ въ нашемъ сознаніи, но сплавляются въ немъ въ цѣльные нераздѣлимые процессы, стоятъ въ тѣсной связи и взаимной зависимости другъ отъ друга и неизмѣнно присутствуютъ въ каждомъ душевномъ состояніи, какъ теоретически-познавательномъ, такъ и волевомъ, или эмоціальномъ. Вообще, по теоріи индивидуализма, жизнь души есть одинъ живой, непрерывный процессъ, въ каждомъ мелкомъ и крупномъ моментѣ котораго принимаетъ участіе все содержаніе души; отдѣльныя же психическія явленія, а равно и цѣлыя группы ихъ, суть не что иное, какъ результаты логическаго анализа и абстракціи, вовсе не выражающіе какого-либо момента реальнаго сознанія человѣка. Само собою разумѣется, что это направленіе изслѣдуетъ главнымъ образомъ содержаніе вполнѣ сложившагося,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17, за 1895 г.

развитаго сознанія цивилизованнаго человѣка, какъ выражающее наибольшую полноту душевной жизни, на вершинѣ развитія которой и осуществляется человѣческая личность. Оно начинаетъ съ болѣе сложныхъ формъ психической жизни, беретъ послѣднюю всю въ ея цѣлости, описываетъ ее въ важнѣйшихъ подробностяхъ, изображаетъ общую картину всего ея хода, а затѣмъ, путемъ анализа, стремится опредѣлить, изъ какихъ послѣднихъ неразложимыхъ элементовъ состоитъ извѣстное психическое явленіе, при какихъ общихъ условіяхъ и по какимъ законамъ слагается вся вообще душевная жизнь. Такимъ образомъ, начиная синтезомъ психическихъ явленій, индивидуализмъ постепенно переходитъ къ анализу ихъ. Съ другой стороны, такъ какъ цѣльную личность человѣка составляетъ душа въ ея связи съ опредѣленнымъ тѣломъ, въ зависимости отъ котораго она и проявляетъ себя извѣстнымъ образомъ, то въ виду этого индивидуализмъ не чуждается и психофизіологіи; даже напротивъ, послѣдняя играетъ здѣсь очень видную роль, хотя и не ею опредѣляются существенныя основы индивидуализма.

Представителемъ этого направленія въ русской психологической наукѣ является В. А. Снегиревъ, выразившій свои основныя воззрѣнія въ систематическомъ курсѣ чтеній по психологіи студентамъ Казанской духовной Академіи. Этотъ обширный курсъ, изданный по смерти автора на основаніи его записокъ, представляетъ собою цѣльную, глубоко научную, вполнѣ оригинальную психологическую систему [1]). Какъ видно изъ содержанія ея, почтенный профессоръ является сторонникомъ теоріи индивидуализма въ наукѣ о душѣ. ..слѣдуя психическія состоянія, какъ „живыя явленія въ жи... организмѣ человѣческой личности“ и отрицая ихъ в... ...имое другъ отъ друга существованіе, онъ ставитъ свое... ...чою задачею—начертать *цѣльный* образъ души человѣческ... ...къ она дана во внутреннемъ опытѣ, произвести синте... ...о содержанія души и его строя, нарисовать общую ...ну всего хода душевной жизни и описать ее въ ва...

[1]) Полное заглавіе ея таково: «Психологія. Систематическій курсъ чте. психологіи» Э.—О. проф. Казанской дух. Академіи В. А. Снегирева.

шихъ подробностяхъ. Живая человѣческая личность со всѣми данными условіями ея жизни и со всею совокупностью ея состояній является для него тѣмъ центральнымъ пунктомъ, отъ котораго выходятъ и къ которому возвращаются всѣ его психологическія разсужденія. Признавая невозможнымъ просто только анатомировать человѣческую душу, разлагать ее на образующія ее силы и описывать отдѣльныя ея проявленія внѣ ихъ взаимной связи, авторъ считаетъ ненаучнымъ различать въ душѣ особыя способности, даже не потому, чтобы онѣ были простыми метафизическими абстракціями, а потому лишь, что онѣ „дѣлятъ недѣлимое на раздѣльные центры и разрываютъ неразрывное на безсвязныя группы“ [1]). Явленія ума, чувства и воли, по его взгляду, вовсе не суть явленія разныхъ силъ и способностей; въ нихъ всегда и вездѣ дѣйствуетъ одна и та же живая недѣлимая сила, одна и та же способность, такъ что реально совсѣмъ не существуетъ нѣсколькихъ различныхъ порядковъ явленій, а только одинъ сложный составъ ихъ (стр. 365). Всѣ разнообразныя формы душевной жизни связаны между собою, обусловливая другъ друга и входя одна въ другую. Разсматриваемыя въ тѣсной взаимной связи, онѣ являются однимъ сложнымъ непрерывнымъ процессомъ, особеннымъ образомъ организованнымъ. Основою же всѣхъ разнообразныхъ душевныхъ дѣятельностей служитъ вся душа цѣликомъ, одновременно мыслящая, чувствующая и волящая (ср. стр. 271). Отсюда, прямымъ предметомъ психологіи служитъ живая человѣческая личность, или индивидуальная душа со всѣми ея проявленіями. Спеціальная задача психологической науки, по взгляду автора, состоитъ въ томъ, чтобы въ громадной массѣ явленій внутренней жизни у различныхъ субъектовъ отыскать явленія всеобщія и основныя, которыя встрѣчаются въ разныхъ формахъ у всѣхъ безъ исключенія людей,—къ которымъ могутъ быть сведены всѣ другія и при помощи которыхъ могутъ быть объяснены всѣ частныя, случайныя, *индивидуальныя* видоизмѣненія душевной жизни. Въ этомъ объясненіи, а не въ отысканіи всеобщихъ основъ и законовъ душевной жизни, собствен-

[1]) См. Прав. Собес. за 1889 г., 5 кн., стр. 117.

но и заключается главная сущность психологическаго знанія и, слѣдовательно, конечная цѣль психологической науки. Сообразно съ этимъ, авторъ въ своемъ курсѣ чтеній главнымъ образомъ рисовалъ картины частныхъ душевныхъ состояній въ такихъ, или иныхъ условіяхъ ихъ происхожденія и существованія. Онъ не говоритъ, напримѣръ, объ умѣ вообще и не указываетъ какого-либо общаго закона ума, а уясняетъ лишь обще-природныя и частно-индивидуальныя условія происхожденія, существованія и измѣненія ощущеній и идей, сходныхъ, различныхъ и т. д. Онъ не говоритъ и о чувствованіяхъ вообще и не указываетъ какого-либо общаго закона чувствованій, а уясняетъ лишь обще-природныя и частно-индивидуальныя условія происхожденія и формы обнаруженія страха, любви, гнѣва и т. д. Подобнымъ образомъ и въ области воли указываются авторомъ обще-природныя и частно-индивидуальныя условія ея разнообразныхъ проявленій. Вообще, существуютъ ли общіе законы душевной жизни и стоитъ ли открывать ихъ, авторъ не говоритъ. Далѣе, вопросомъ о сущности духовныхъ состояній, о природѣ духа и его особенномъ, независимомъ отъ явленій субстанціальномъ бытіи, авторъ не занимается. Онъ утверждаетъ лишь и обосновываетъ спеціальное бытіе особаго начала душевныхъ явленій, а полное изслѣдованіе его природы передаетъ метафизикѣ. Въ качествѣ же психолога-эмпирика, онъ, по требованію своего метода, ограничиваетъ задачу своего изслѣдованія одними непосредственными данными фактами эмпирическаго сознанія. Душа или духъ, какъ трансцендентная основа даннаго индивидуальнаго человѣческаго бытія во всемъ разнообразіи его проявленій, во всей полнотѣ его психической жизни, на строго опытной почвѣ психологической науки изучается имъ не въ самомъ себѣ, то есть, не въ его метафизическомъ, трансцендентномъ бытіи, а только въ его эмпирическомъ феноменѣ въ человѣческой личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторомъ строго послѣдовательно проводится мысль о непрерывной активности души: душа во всѣхъ своихъ мельчайшихъ измѣненіяхъ создаетъ *сама* себѣ свое содержаніе и получаетъ только толчекъ и возбужденіе изъ внѣшняго міра и организма въ ощущеніяхъ, которыя опять таки суть произведе-

нія ея самой, (стр. 365). Съ другой стороны, въ зависимости отъ своихъ индивидуалистическихъ воззрѣній, авторъ отводитъ очень видное мѣсто въ своей системѣ научнымъ даннымъ физіологіи. Живая личность человѣка, по его справедливому убѣжденію, неразрывно связана съ данными условіями его тѣлеснаго бытія и эмпирически существуетъ только въ соединеніи духа и тѣла, и слѣдовательно развивается подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ физическихъ и физіологическихъ условій; отсюда же и говорить о человѣкѣ съ эмпирической точки зрѣнія мы можемъ, только принимая во вниманіе тѣлесныя условія его существованія. Такимъ образомъ, физіологическій элементъ требуется особенною личною точкою зрѣнія автора на спеціальную задачу психологіи, какъ науки о личности. Наконецъ, раздѣляя въ общемъ принципы англійской психологіи, авторъ является послѣдователемъ и теоріи ассоціаціонизма. Законамъ ассоціаціи онъ усвояетъ самое широкое приложеніе во всѣхъ областяхъ душевной жизни, но преимущественною и спеціальною ихъ сферою признаетъ высшую умственную дѣятельность, объясняя всю ее дѣйствіемъ законовъ смежности и сходства въ вызовѣ прошлыхъ душевныхъ состояній и въ образованіи этимъ путемъ разныхъ сложныхъ формъ (ср. стр. 196). Другія частныя особенности въ воззрѣніяхъ автора обнаружатся яснѣе при болѣе подробномъ обозрѣніи самой системы.

„Психологія" Снегирева начинается обширнымъ введеніемъ (1—113 стр.), въ которомъ подробно трактуется о предметѣ и задачахъ психологіи, планѣ ея развитія, методѣ изслѣдованія и классификаціи душевныхъ явленій, а равно о субстанціальности душевнаго начала и литературѣ психологіи. Прежде всего, путемъ критики трехъ главныхъ направленій психологіи—идеалистическаго, матеріалистическаго и эмпирическаго—авторъ приходитъ къ выводу, что ни одно изъ нихъ, при своей односторонности, не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ науки, такъ какъ подлинное содержаніе послѣдней слагается изъ объединенія данныхъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ трехъ направленій. Въ виду этого, авторъ даетъ такое опредѣленіе психологіи: она есть наука о душевныхъ явленіяхъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, въ ихъ отношеніяхъ къ физіологи-

ческимъ состояніямъ организма и въ ихъ основѣ, или послѣдней причинѣ. Каждый изъ этихъ моментовъ требуетъ одинаковаго вниманія отъ науки о душѣ и полнаго, всесторонняго изученія (стр. 15). Отсюда получается трехчастный составъ психологіи, или три отдѣльныя, спеціальныя и самостоятельныя области науки о душѣ: психологія субъективная, имѣющая своимъ предметомъ проявленія души,—психологія физіологическая, изслѣдующая измѣненія тѣлеснаго организма, связанныя съ душевными проявленіями, и третья метафизическая, представляющая синтезъ всего даннаго о душѣ въ двухъ первыхъ,—изображеніе возникновенія и развитія жизни души изъ одного основнаго начала въ двухъ направленіяхъ, или формахъ, и самое опредѣленіе природы этого начала. Въ общемъ же, по его взгляду, психологія такъ растетъ и дробится, что становится равною наукѣ о веществѣ, и такимъ образомъ возникаетъ цѣлая система наукъ психологическихъ (стр. 21). Каждая изъ нихъ предполагаетъ всѣ другія и заимствуетъ изъ нихъ готовыя данныя. Основною же и наиболѣе разработанною наукою о душѣ авторъ признаетъ *субъективную* психологію, изучающую, путемъ внутренняго воспріятія и наблюденія, душевныя явленія (стр. 18. 34). Но такъ какъ послѣднія предполагаютъ свою особую основу, самостоятельное духовное начало, то авторъ приводитъ общія научныя основанія въ пользу субстанціальности души. Признаніе самостоятельнаго начала душевныхъ явленій имѣетъ, по его взгляду, для нашего сознанія принудительную силу; послѣдняя вполнѣ равна принужденію признавать особую основу физическихъ явленій. Духъ и матерія—два отдѣльныя, самостоятельныя начала; оба несомнѣнно существуютъ, хотя и непостижимы въ своей сущности (стр. 47). Такимъ образомъ, авторъ въ метафизикѣ является дуалистомъ, но главное содержаніе и интересъ его труда заключается въ феноменологіи, такъ какъ самая субстанція души раскрывается изъ ея проявленій и законовъ. Характерными чертами душевныхъ явленій, въ противоположность физическимъ, авторъ признаетъ ихъ сознательность и идеальность: въ нихъ дано знаніе души о своихъ состояніяхъ и обо всемъ соприкасающемся съ нею въ мірѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ они

сверхчувственны, субъективны, внутренни, то есть, доступны только внутреннему воспріятію субъекта, испытывающаго ихъ, недѣлимы и непространственны, однимъ словомъ духовны (стр. 54—56). Указавши затѣмъ три формы душевныхъ явленій: явленія, присущія неразумнымъ животнымъ и существующія у человѣка, какъ низшая сторона его духовной природы,—явленія свойственныя исключительно человѣку и существующія въ каждой индивидуальной душѣ, и явленія, составляющія результатъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ душъ человѣческихъ и выражающіяся во внѣшнихъ формахъ, авторъ ограничиваетъ объемъ науки явленіями индивидуальной души человѣческой, частнѣе тѣмъ, что въ нихъ есть типическаго и всеобщаго (стр. 67).

Спеціально психологическимъ методомъ авторъ признаетъ самонаблюденіе, или внутреннее наблюденіе. Послѣдовательными моментами его служатъ: наблюденіе и описаніе собственныхъ состояній, наблюденіе другихъ людей и даже животныхъ по руководству самонаблюденія, но съ соблюденіемъ строгой объективности, и постепенный переходъ отъ самыхъ высшихъ формъ душевныхъ явленій къ низшимъ, граничащимъ съ органическими процессами. Въ виду же тѣсной связи съ послѣдними психическихъ явленій, психологъ можетъ пользоваться анатомо-физіологическими данными, но только съ цѣлью установить соотношеніе и связь между физическими процессами и сопутствующими имъ душевными состояніями, притомъ постоянно сознавая ихъ различіе и параллельность. Кромѣ того, изслѣдуя существо души, психологія пользуется умозрѣніемъ, повѣряя его опытомъ. Такимъ образомъ, психологія имѣетъ свой особый, очень сложный методъ, противоположный методамъ наукъ о веществѣ. Далѣе, обозрѣвая различныя системы классификаціи душевныхъ явленій, авторъ высказывается противъ общепринятаго дѣленія души на отдѣльныя силы и способности, изъ которыхъ каждая производитъ особый рядъ явленій, и въ зависимости отъ своей задачи—начертать общую картину всего хода душевной жизни—указываетъ основы для собственной классификаціи душевныхъ явленій, соотвѣтственно ихъ содержанію, характеру и степенямъ сложности. Первич-

нымъ и основнымъ душевнымъ состояніемъ онъ признаетъ ощущеніе, рядомъ съ которымъ и въ нераздѣльномъ съ нимъ единствѣ существуютъ два другія и потому *основныя* состоянія—волненіе и стремленіе. Изъ этихъ элементарныхъ состояній, путемъ ихъ измѣненій и сочетаній, образуются три весьма сложныхъ процесса—умственный, эмоціальный и волевой, также тѣсно связанные между собою. Но сложные процессы ума, сердца и воли предполагаютъ рядъ болѣе простыхъ процессовъ, въ которыхъ и чрезъ которые происходитъ ихъ организація; таковы: сознаніе, ассоціація, память, творчество, вниманіе. Такимъ образомъ получается три группы душевныхъ состояній: основныя состоянія, или основы психической жизни,—основные процессы, ихъ организующіе, и сложные процессы, чрезъ нихъ постепенно образующіеся (стр. 93). Благодаря такой классификаціи душевныхъ явленій, составляющей планъ изслѣдованія ихъ, разсматриваемая психологическая система, значительно выигрываетъ въ своей глубинѣ, полнотѣ и цѣльности, возвышаясь притомъ до степени возможной въ данномъ случаѣ оригинальности. Заканчивается введеніе обзоромъ литературы психологіи какъ иностранной, такъ и русской (стр. 94—113).

Самая система психологіи раздѣляется авторомъ на двѣ части. Первая часть сочиненія излагаетъ „основныя состоянія и процессы душевные". Здѣсь описаны три элементарныя основныя состоянія: ощущеніе, чувствованіе и стремленіе съ ихъ простыми слѣдами въ душѣ, или идеями, а равно „основные процессы": сознаніе—различеніе, ассоціированіе и воспроизведеніе, творчество, вниманіе и память. Такое выдѣленіе „основныхъ" состояній и процессовъ имѣетъ за себя довольно вѣское основаніе, устраняя обычно дѣлаемые эмпирической психологіи упреки въ томъ, что она единственною реальностью признаетъ ощущеніе.

Приступая къ изученію основныхъ душевныхъ состояній, авторъ критически разбираетъ и отвергаетъ теоріи, кладущія въ основу психической жизни какъ волю, такъ и неясное первичное волненіе. Такою основою, согласно признанію огромнаго большинства психологовъ всѣхъ временъ, онъ считаетъ ощу-

щеніе, которымъ собственно и начинается жизнь души въ ея связи съ тѣломъ. Строго различая ощущеніе отъ чувственнаго воспріятія, или воззрѣнія, авторъ опредѣляетъ его, какъ простое, ничѣмъ не осложненное возбужденіе души, измѣненіе ея подъ прямымъ вліяніемъ физическихъ дѣятелей. Оно одно изъ всѣхъ душевныхъ состояній имѣетъ чисто матеріальную причину, стоитъ какъ-бы на границѣ между физическимъ и душевнымъ по условіямъ своего происхожденія и существованія, состоя болѣе, чѣмъ на половину, изъ физическихъ и физіологическихъ элементовъ (стр. 122). Общее возбужденіе души, благодаря различію физическихъ дѣятелей, а равно способовъ и путей ихъ дѣйствія, превращается въ дѣйствительности въ цѣлую систему различныхъ возбужденій, или ощущеній различнаго характера, содержанія и силы. Подробно изслѣдуя условія происхожденія ощущеній, авторъ даетъ полное и отчетливое представленіе не только о различныхъ классахъ ощущеній и значеніи ихъ въ жизни души, а и о томъ, въ силу какихъ физическихъ процессовъ они возникаютъ и измѣняются, какими физіологическими процессами они посредствуются, въ чемъ заключается относительная къ ощущеніямъ природа тѣхъ и другихъ процессовъ, и въ какомъ отношеніи стоитъ она къ содержанію и силѣ данныхъ ощущеній, въ чемъ выражается собственная воспринимающая дѣятельность духа и въ какомъ отношеніи стоитъ она къ дѣятельности его эмпирическаго коррелята. Въ частности, внѣшніе матеріальные дѣятели и силы, какъ производители и причины нервнаго раздраженія и ощущеній, сводятся авторомъ къ внѣшнимъ движеніямъ, которыя, воздѣйствуя на нервную ткань, превращаются въ сплошныя и массивныя движенія, обусловливая ощущенія свѣта, цвѣтовъ, тоновъ и т. д., въ зависимости отъ характера самыхъ дѣятелей и различія формъ движеній. Но такъ какъ сами по себѣ нервныя движенія не могутъ сознать себя и превратиться въ ощущенія, то долженъ существовать еще особый дѣятель. душа. Послѣдняя, сама обладая свойствомъ сознанія, сообщаетъ сознательность и нервнымъ движеніямъ. Послѣ этого ощущеніе можетъ быть опредѣлено, какъ воспріятіе душею, въ соотвѣтствующей ея природѣ формѣ, движеній внѣшняго міра и

организма, видоизмѣненныхъ въ движеніяхъ нервной ткани (стр. 128). Всѣ ощущенія распредѣляются авторомъ на три группы: ощущенія органическія, внѣшнихъ органовъ чувствъ и мускульныя, причемъ дается обстоятельная характеристика каждой группы и частнѣйшая классификація ощущеній по видамъ. Органическимъ ощущеніямъ авторъ усвояетъ довольно важное значеніе въ жизни души, собственно въ образованіи характера человѣка и въ строѣ его дѣятельности вообще. Мускульныя ощущенія поставляются имъ въ тѣсную связь со всѣми ощущеніями внѣшними, особенно съ осязательными и зрительными, причемъ уясняется ихъ важное значеніе для образованія представленій о внѣшнемъ мірѣ. Качественный анализъ ощущеній внѣшнихъ органовъ чувствъ начинается съ осязательныхъ ощущеній, признаваемыхъ какъ бы общею основою всѣхъ прочихъ ощущеній, причемъ авторъ подробно останавливается на ихъ значеніи для познавательныхъ цѣлей. Вкусовымъ и обонятельнымъ ощущеніямъ онъ усвояетъ значительное вліяніе на душевную жизнь только чрезъ возбуждаемыя ими волненія удовольствія и неудовольствія; интеллектуальное же значеніе ихъ признаетъ ничтожнымъ. Ощущеніямъ зрительнымъ и слуховымъ усвояется существенно важное значеніе въ образованіи міровоззрѣнія и въ духовномъ развитіи. Изслѣдуя затѣмъ количественную сторону ощущеній, ихъ силу и напряженіе, авторъ воспроизводитъ результаты работъ Вебера и Фехнера, а открытые ими законы признаетъ примѣнимыми ко всѣмъ сферамъ душевной жизни. Этими законами, по его взгляду, указываются предѣлы нашего знанія о внѣшнемъ мірѣ и объясняется относительность этого знанія, выражающаяся въ несоизмѣримости ощущеній съ ихъ внѣшними объектами (стр. 152—154). Въ заключеніе элементарныя ощущенія признаются основою всего психическаго развитія и источникомъ разнообразныхъ сложныхъ явленій, а равно самыхъ возвышенныхъ идей, которыя, даже въ случаѣ своей прирожденности, не могутъ осуществиться въ духѣ иначе, какъ послѣ явленія ощущеній, и развиваются изъ нихъ и чрезъ нихъ (стр. 157). Исключеніе дѣлается авторомъ въ пользу одной только идеи абсолютнаго, естественное образованіе которой въ умѣ человѣка онъ рѣшительно отрицаетъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ нѣсколько отступаетъ отъ намѣченнаго имъ плана. Изслѣдованіе чувства и стремленія, какъ элементарныхъ душевныхъ состояній, возникающихъ рядомъ съ ощущеніями, онъ находитъ болѣе удобнымъ произвести въ связи съ изученіемъ жизни сердца и воли, а потому, ограничившись однимъ общимъ понятіемъ о нихъ, переходитъ къ изученію тѣхъ процессовъ, которые являются вмѣстѣ съ ощущеніями и съ ихъ разнообразными превращеніями. Прежде всего онъ объясняетъ происхожденіе идей изъ ощущеній и постепенное ихъ осложненіе. Ощущеніе, разъ образовавшись, можетъ затѣмъ возникать въ душѣ самостоятельно, независимо отъ внѣшнихъ впечатлѣній, притомъ, въ новой формѣ, въ видѣ идеи. Подъ идеею разумѣется авторомъ простая копія, или подобіе всякаго отдѣльнаго ощущенія. Идеи, возникающія параллельно съ ощущеніями, относятся къ элементарнымъ состояніямъ сознанія и могутъ быть названы простыми первичными идеями (стр. 162). Онѣ не существуютъ въ сформировавшейся душѣ и получаются путемъ разложенія сложныхъ состояній на ихъ элементы. Возможность существованія простыхъ идей подтверждается, по мнѣнію автора, физіологическою теоріею ихъ образованія, по которой идея есть *отраженіе* въ большомъ мозгѣ ощущенія, возникшаго въ спеціальномъ центрѣ или аппаратѣ, въ силу чего она слабѣе самаго ощущенія и можетъ возникать независимо отъ внѣшняго возбужденія (стр. 164). Простая идея немедленно вступаетъ въ связь и соотношеніе съ другими подобными идеями, въ результатѣ чего получается *сложная* первичная идея, какъ совокупность простыхъ идей. Это сочетаніе простыхъ идей въ самомъ началѣ душевной жизни представляетъ изъ себя едва вообразимый хаосъ причудливыхъ и случайныхъ комбинацій, смѣняющихся каждый моментъ; только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ постояннаго опыта повторенія ихъ, изъ нихъ получаются группы идей, относимыя къ опредѣленнымъ внѣшнимъ предметамъ. Изъ первичныхъ идей, путемъ постоянныхъ опытовъ, развиваются вторичныя, конкретныя идеи, какъ образы реальнаго внѣшняго, или идеи—представленія, простыя и сложныя; изъ нихъ, въ свою очередь, образуются новыя идеи, общія и отвлеченныя, или

идеи—понятія (стр. 163—166). На этомъ ростъ идей останавливается, послѣ чего начинаются болѣе сложные познавательные процессы. Чувствованія и стремленія также могутъ превращаться въ идеи всѣхъ трехъ классовъ; возникая въ душѣ вторично, при отсутствіи реальныхъ поводовъ, они представляютъ слабое отраженіе дѣйствительныхъ волненій и желаній, или что то же—идею, слѣдъ ихъ (стр. 167). Весь этотъ міръ идей: первичныя идеи, представленія и понятія, представляютъ одно и то же явленіе на разныхъ ступеняхъ сложности и обладаютъ одинаковыми общими свойствами, какъ то: меньшею яркостью и живостью, сравнительно съ ощущеніями, чрезвычайною подвижностью и быстротою смѣны и измѣнчивостью по составу, хотя и съ сохраненіемъ своей общей схемы. Этими свойствами объясняются очень крупные факты душевной жизни: различеніе идеальнаго внутренняго отъ реальнаго внѣшняго, а равно настоящаго отъ прошедшаго, постоянное теченіе и смѣна душевныхъ состояній, ростъ органическій и постоянное преобразованіе идей, также возможность оцѣнки ихъ достоинства (стр. 175).

Въ этомъ ученіи автора идеи поняты въ широкомъ смыслѣ разнообразныхъ простыхъ и сложныхъ представленій и понятій; притомъ едва ли онѣ могутъ быть отнесены къ элементарнымъ душевнымъ состояніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если простое представленіе, или „первичная идея“ и можетъ возникать рядомъ, параллельно съ ощущеніемъ, то конкретные образы реальныхъ предметовъ требуютъ для своего образованія очень многихъ опытовъ, а понятія слагаются уже подъ вліяніемъ высшей разсудочной дѣятельности, а не путемъ естественнаго сочетанія и сліянія первичныхъ идей. Далѣе, ученіе объ идеяхъ, какъ элементарныхъ психическихъ состояніяхъ, не подлежащихъ прямому и непосредственному наблюденію, построено авторомъ на предположеніяхъ, правда, довольно вѣроятныхъ, но не безспорныхъ, такъ какъ представить себѣ ясно, что „происходитъ въ душѣ ребенка спустя нѣсколько дней и даже недѣль послѣ рожденія“ (ср. стр. 165), очень трудно. Притомъ, предположенія автора основываются не на фактическихъ наблюденіяхъ, а только на требованіяхъ научнаго анализа; физіологическія же

данныя, служащія къ объясненію образованія идей, самъ авторъ называетъ неточными и гипотетичными. Наконецъ, отрицая въ душѣ раздѣльныя силы и способности, онъ предполагаетъ, однако, для объясненія подвижности идей, „особую внутреннюю силу, непостижимую и таинственную, похожую на упругость артерій, прогоняющихъ кровь“, притомъ такую, которая „неизвѣстно—гдѣ находится: въ самыхъ ли идеяхъ, или въ душѣ, или въ устройствѣ и отправленіяхъ мозга“ (стр. 175). Вообще, весь этотъ отдѣлъ, напоминающій обычные въ психологіяхъ англійскаго типа трактаты о сочетаніяхъ и сліяніяхъ ощущеній, отличается неполнотою объясненій. Ниже ученіе объ идеяхъ и представленіяхъ излагается въ связи съ обзоромъ разсудочной дѣятельности и отличается большею основательностью.

Главнѣйшимъ основнымъ процессомъ, развивающимся на почвѣ простыхъ душевныхъ состояній и обнимающимъ всѣ вообще душевныя явленія, авторъ признаетъ сознаніе. Послѣднее понимается имъ въ смыслѣ простого присутствія въ душѣ какого-либо опредѣленнаго состоянія, живаго и дѣйствующаго, или нѣкоторой ихъ суммы, иначе—въ смыслѣ постоянной дѣятельности души, дающей опредѣленность непрерывно смѣняющимся въ ней состояніямъ. Оно не отдѣлимо отъ создаваемыхъ душею состояній, съ ними является и вмѣстѣ съ ними исчезаетъ. Явленія душевныя съ собою приносятъ сознаніе и свѣтятъ своимъ, а не заимствованнымъ свѣтомъ, т. е., производятъ сознаніе, а не сами получаютъ отъ него свое бытіе и освѣщеніе (стр. 184). Ближайшею причиною и условіемъ сознанія авторъ ставитъ непосредственное постоянное различеніе душею своихъ состояній другъ отъ друга; „чрезъ этотъ процессъ различенія они опредѣляются для души,—иначе, взаимно опредѣляютъ и освѣщаютъ другъ друга“. Такимъ образомъ, чтобы стать дѣйствительнымъ душевнымъ явленіемъ, каждое состояніе должно стать въ соотношеніе съ другимъ и образовать съ нимъ одно цѣлое. Въ силу этого, самыя простыя первичныя состоянія, при самомъ возникновеніи въ душѣ, бываютъ уже сложными, являются всегда парами, обусловливая три различныхъ состоянія, путемъ направленія вниманія на одно изъ

нихъ, или на соотношеніе ихъ (стр. 185). Далѣе авторъ обстоятельно выясняетъ фактъ „узости сознанія". Онъ рѣшительно утверждаетъ, что въ каждый данный моментъ въ сознаніи не можетъ быть болѣе одной простой дѣятельности, или болѣе одного состоянія; если возникаетъ другое, то первое, хотя бы на невообразимо малое время, прекращаетъ свое бытіе въ сознаніи (стр. 191). Самая же возможность различенія ихъ основывается на томъ, что изъ двухъ смѣняющихся состояній предыдущее сливается своимъ концомъ съ началомъ послѣдующаго, а актъ различенія совершается послѣ ихъ смѣны, какъ особое измѣненіе души. Вопросъ о происхожденіи перваго сознательнаго акта авторъ оставляетъ открытымъ, и самый процессъ сознанія онъ представляетъ непрерывно совершающимся во все теченіе жизни, даже въ самомъ глубокомъ обморокѣ, во снѣ и тому подобныхъ состояніяхъ.

Нужно замѣтить, что это ученіе о сознаніи, въ общемъ довольно вѣрное, не отличается, однако, надлежащею опредѣленностью. Сущность и источникъ сознанія полагается авторомъ въ различеніи, но не совсѣмъ ясно, кому собственно принадлежитъ эта дѣятельность. Съ одной стороны, по словамъ автора, душа различаетъ свои состоянія другъ отъ друга, и слѣдовательно обусловливаетъ сознаніе, освѣщаетъ ихъ, а съ другой—чрезъ процессъ различенія сами душевныя состоянія взаимно опредѣляютъ и освѣщаютъ другъ друга (ср. стр. 184). Отсюда и сознаніе называется то различающею дѣятельностью души, то саморазличеніемъ и самоосвѣщеніемъ ея состояній, а душа представляется то активнымъ началомъ, порождающимъ сознаніе, то воспринимающимъ лишь результаты различенія, совершившагося безъ ея участія. Такая двойственность и колебаніе неоднократно повторяются во всемъ отдѣлѣ о сознаніи. Далѣе нѣсколько искусственны объясненія автора относительно возможности различенія при доказанной имъ узости сознанія. Если актъ и различенія и слиянія двухъ смежныхъ сознаваемыхъ состояній совершается послѣ ихъ смѣны, какъ особое измѣненіе души, то при фактѣ узости сознанія нарушается непрерывность слѣдованія душевныхъ состояній. Неизвѣстно также, для кого существуетъ процессъ сознанія „съ полнымъ раз-

личеніемъ и освѣщеніемъ предыдущихъ и послѣдующихъ состояній", продолжающійся „въ самомъ глубокомъ обморокѣ", обыкновенно характеризуемомъ полною потерею сознанія. Наконецъ теорія автора оказывается недостаточною для объясненія самого возникновенія сознанія, образованія перваго сознательнаго акта.

Способность душевныхъ явленій связываться и сочетаться между собою авторъ называетъ ассоціированіемъ, а продукты этого сочетанія—ассоціаціями (стр. 194). Явленія ассоціаціи узнаются по явленіямъ воспроизведенія. Послѣднее, по взгляду автора, обусловливается наличными душевными состояніями, или сходными съ прошлыми состояніями, или существовавшими въ прошломъ опытѣ рядомъ, въ смежности съ ними. Отсюда сходство и смежность явленій, выраженныя въ общихъ положеніяхъ, становятся законами воспроизведенія. Уясняя сущность этихъ законовъ, авторъ указываетъ широкую сферу ихъ приложенія какъ въ области воспоминанія, такъ и въ области умственной дѣятельности. Такъ, процессы обобщенія и узнаванія, образованіе сложныхъ идей, описанія и характеристики, самая причинность явленій и основательность въ сужденіяхъ—все это образцы вызова явленій по законамъ сходства и смежности. Вліяніе душевныхъ состояній другъ на друга въ процессѣ воспроизведенія неизбѣжно вызываетъ мысль о тѣсной ихъ связи между собою. Но это явленіе связи, сроценія душевныхъ состояній, отличается отъ простаго воспроизведенія, имѣетъ собственную основу и можетъ быть названо ассоціаціей въ собственномъ смыслѣ (стр. 199). Нужно замѣтить, что это разграниченіе процессовъ ассоціаціи и воспроизведенія имѣетъ за себя серьезное основаніе, такъ какъ имъ выражается различіе между внутреннею сущностію душевной жизни и ея обнаруженіемъ.

Особый видъ приложенія законовъ ассоціаціи и воспроизведенія представляетъ собою процессъ творчества, подъ которымъ авторъ разумѣетъ „процессъ воспроизведенія и сочетанія душевныхъ явленій не въ томъ порядкѣ и формѣ, въ какихъ они возникаютъ подъ прямымъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій". Ученіе автора о творчествѣ создалось

подъ вліяніемъ ученія Бэна о „построительной ассоціаціи“. Основной и всеобщій процессъ творчества, по его взгляду, сопутствуетъ всѣмъ родамъ душевной, дѣятельности, обусловливающимъ высшія формы умственной, сердечной и волевой жизни, — является главнымъ орудіемъ культуры и развитія человѣка (стр. 204). Въ частности, творческій процессъ участвуетъ въ произведеніи новыхъ оригинальныхъ ощущеній, въ воспріятіи дѣйствительныхъ предметовъ и явленій и созданіи новыхъ образовъ, а равно въ перестройкѣ прежнихъ, въ усвоеніи и передачѣ чужаго опыта, въ процессѣ отвлеченія и обобщенія, въ образованіи общихъ идей и понятій, звуковаго языка и символовъ, въ созданіи научныхъ теорій, метафизическихъ умозрѣній, законовъ различныхъ явленій и научныхъ гипотезъ,—словомъ, обнимаетъ всю умственную жизнь отъ элементарныхъ формъ ея до самыхъ высшихъ произведеній ума. Въ сферѣ эмоцій творчество обнаруживается въ пониманіи чужихъ волненій, въ художественныхъ созданіяхъ, въ творческой комбинаціи чувствованій, а въ области воли—въ построеніи законовъ цѣлой жизни, въ созданіи идеаловъ, въ сферѣ индустріи и механики (стр. 205—207). Во всѣхъ этихъ явленіяхъ сказывается, по убѣжденію автора, дѣйствіе фантазіи, или творческаго воображенія. Фантазія же во всѣхъ ея видахъ и формахъ не есть особая сила, или агентъ въ душѣ, а простое видоизмѣненіе представленій и сочетаніе идей. Ея творческій процессъ не разнится отъ процесса образованія всякихъ представленій и идей, а такъ какъ представленія образуются путемъ естественнаго превращенія ощущеній въ идеи и сочетаніями, или ассоціаціями ихъ по смежности и сродству, то и фантазія въ научномъ анализѣ превращается въ особый видъ, или форму ассоціаціи. Иначе сказать, фантазія есть та же самая способность, которая организуетъ представленія дѣйствительности, только дѣйствующая въ другихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ другихъ причинъ (стр. 211. 223). Эти причины и условія, благопріятствующія творческому процессу, слишкомъ многообразны. Главнѣйшія изъ нихъ суть: подавленіе, или прекращеніе дѣйствительныхъ воспріятій, подавленіе сознанія личности и міра окружающаго, потеря власти надъ

внутренними процессами, или подавленіе воли и критической способности. При этихъ условіяхъ, лишающихъ человѣка самопроизвольности, главнѣйшею причиною и основою творчества, можетъ, по мнѣнію автора, служить самоподвижность идей и способность ихъ входить въ разнообразныя случайныя сочетанія (стр. 214). Правда, процессъ творчества можетъ возникать и произвольно и направляться къ извѣстной опредѣленной цѣли, но намѣренность творчества является только въ началѣ его, самый же процессъ идетъ непроизвольно даже въ лучшихъ и совершеннѣйшихъ творческихъ построеніяхъ (стр. 215). Другими условіями возникновенія творческихъ образованій авторъ признаетъ: недостатокъ дѣйствительныхъ воспріятій тамъ, гдѣ бытіе ихъ ожидается или предполагается,— отсутствіе естественныхъ средствъ къ удовлетворенію потребностей, недовольство личности своимъ положеніемъ, стремленія испытать недоступныя впечатлѣнія, наконецъ эстетическое и религіозное чувства. Способы построенія творческихъ образовъ сводятся авторомъ къ слѣдующимъ простымъ пріемамъ: увеличенію, или уменьшенію данныхъ въ опытѣ внутреннихъ состояній, увеличенію или уменьшенію сложности готовыхъ образовъ, новому размѣщенію ихъ частей, замѣнѣ нѣкоторыхъ частей другими, къ аналогіи, т. е., перенесенію цѣликомъ, или въ измѣненномъ видѣ, свойствъ одного предмета на другой и т. д. (стр. 220—222).

Нельзя не признать, что сфера фантазіи слишкомъ расширена авторомъ. Отожествляя фантазію съ дѣятельностью представленія и формами ассоціаціи, авторъ въ сущности разумѣетъ подъ нею комбинирующую дѣятельность ума вообще, на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Отсюда, самыя великія произведенія человѣческаго ума, самые сложные разсудочные процессы, разнаго рода научныя теоріи и метафизическія умозрѣнія, поставляются авторомъ рядомъ съ причудливыми мечтами фантазіи, грезами воображенія и уродливыми фантастическими образами, какъ явленія одного порядка, и смѣшиваются въ своей основѣ. Между тѣмъ, различіе этихъ явленій не одно только количественное, а и качественное, свидѣтельствующее объ участіи въ ихъ образованіи совершенно различныхъ спо-

собностей. Можно, пожалуй, согласиться съ авторомъ въ томъ, что и ученый изслѣдователь, и великій поэтъ, и геніальный механикъ пользуются одною и тою же могучею фантазіею, но самое различіе продуктовъ ихъ дѣятельности свидѣтельствуетъ объ участіи, или преобладаніи въ послѣдней, кромѣ фантазіи, еще и другихъ способностей души, опредѣляющихъ самый характеръ ихъ творчества. Далѣе, если бы фантазія и способность представленій были одною способностью, тогда совершенно невозможны были бы случаи ложныхъ воспріятій, или созданія образовъ, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, равно какъ и борьба между ними. Отсюда безспорно, что творческій процессъ фантазіи представляетъ собою совершенно особенный видъ душевной дѣятельности, предполагающій качественно особенную способность души. Притомъ, указанныя авторомъ причины и условія дѣятельности фантазіи противорѣчатъ его теоріи: подавленіе сознанія отнюдь не можетъ служить благопріятнымъ условіемъ къ созданію стройныхъ научныхъ системъ.

Подробно изслѣдуя составъ и механизмъ вниманія, авторъ приводитъ много замѣчательныхъ примѣровъ подавленія вниманіемъ самыхъ интенсивныхъ душевныхъ состояній, а равно и повышенія ясности сознанія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Нечувствительность къ сильнымъ болямъ, острота отдѣльныхъ органовъ, явленія галлюцинаціи, образованіе общихъ идей и понятій, совершенство процессовъ обобщенія и отвлеченія, сила волненій, образованіе навыковъ, возникновеніе желаній, объясняются, по мнѣнію автора, вліяніемъ вниманія. Вообще, роль вниманія признается имъ весьма значительною въ сферѣ душевной жизни: оно обусловливаетъ высшую степень духовнаго развитія (стр. 236).

Подъ памятью, въ отличіе отъ воспроизведенія, авторъ разумѣетъ процессъ сохраненія и удержанія въ душѣ всѣхъ ея измѣненій и состояній (стр. 240). Это сохраненіе, по убѣжденію автора, есть слѣдствіе общаго, обнимающаго всю природу закона—сохраненія силы, а въ данномъ случаѣ—психической энергіи. Въ зависимости отъ этого закона, какъ ни одно движеніе въ мірѣ, такъ и ни одно измѣненіе сознанія, не можетъ

исчезнуть абсолютно изъ сферы душевной жизни (стр. 242). Факты кажущагося исчезновенія изъ души нѣкоторыхъ ея состояній авторъ объясняетъ самымъ процессомъ организаціи душевной жизни, при которомъ часть состояній получаетъ устойчивыя формы, а другая—какъ бы устраняется, оставаясь въ душѣ въ иной формѣ, сравнительно съ прочно организованными состояніями. Отсюда и забвеніе не есть исчезаніе изъ души, а только особая форма сохраненія ослабленныхъ, не получившихъ устойчивости, душевныхъ состояній. Самая память, какъ явленіе сохраненія, противоположное наличнымъ фактамъ сознанія, состоитъ изъ *забвенія* двухъ родовъ—временнаго и постояннаго. Во избѣжаніе же логическаго противорѣчія, терминъ „память" долженъ быть замѣненъ болѣе точнымъ терминомъ „сохраненіе" (стр. 249). Такимъ образомъ, теорія памяти превращается въ теорію забвенія, изслѣдованіемъ условій котораго объясняется фактъ сохраненія прошлыхъ состояній, или памяти. Забвеніе временное есть результатъ узости сознанія, или невозможности постояннаго пребыванія въ душѣ всѣхъ ея состояній, а забвеніе полное зависитъ отъ недостатка наличныхъ условій для воспроизведенія, или иначе—новаго образованія въ душѣ бывшей дѣятельности. Время же само по себѣ ничего не значитъ и не оказываетъ вліянія на забвеніе. Оно есть только показатель и символъ накопленія въ большомъ количествѣ условій, препятствующихъ возникновенію прежняго душевнаго состоянія. Притомъ, полное забвеніе хорошо организованной дѣятельности служитъ признакомъ наступленія органической тупости и разстройства мозга, съ чѣмъ связывается и общій упадокъ духовной дѣятельности (стр. 252). Далѣе авторъ опредѣляетъ общее содержаніе памяти у всѣхъ людей, или типическій образъ воспоминаемаго и забываемаго. Высшею степенью прочности и легкости воспроизведенія отличаются явленія памяти органической, меньшею—явленія памяти автоматической и наконецъ, явленія памяти самосознательной. Доказательствомъ этого положенія служатъ факты болѣзненнаго разстройства памяти, свидѣтельствующіе объ обратномъ порядкѣ забвенія (стр. 257).

Изложенное, довольно оригинальное, ученіе о памяти отли-

чается полнотою, обставлено убѣдительными доказательствами и выяснено на живыхъ и наглядныхъ примѣрахъ. Тѣмъ не менѣе, оно не можетъ быть принято безъ нѣкоторыхъ ограниченій. Такъ, этимъ ученіемъ нѣсколько извращается общепринятый смыслъ понятій о памяти и забвеніи. Память отожествляется авторомъ съ забвеніемъ, а это послѣднее признается лишь особою формою памяти; между тѣмъ, по установившемуся въ наукѣ смыслу, различіе между памятованіемъ и забвеніемъ такое же, какое существуетъ между наличностью явленія и исчезновеніемъ его. Самъ авторъ нерѣдко называетъ забвеніе исчезаніемъ, выпаденіемъ психическихъ фактовъ изъ содержанія памяти (стр. 262). Всѣ доводы его въ пользу тожества памяти и забвенія могутъ служить лишь доказательствомъ мысли о невозможности абсолютнаго забвенія. Далѣе, воспроизведеніе хранимыхъ въ душѣ состояній авторъ называетъ новымъ ихъ образованіемъ (стр. 250), но если такъ, тогда въ чемъ же заключается сохраненіе ихъ? Образованіе новой *похожей* дѣятельности прямо предполагаетъ исчезновеніе, а не сохраненіе прежней. Притомъ, и сознаніе наше свидѣтельствуетъ о тожествѣ хранимаго въ памяти и воспроизводимаго состоянія.

Вторая часть психологіи Снегирева посвящена „сложнымъ, высшимъ дѣятельностямъ души“, каковы: явленія познавательной дѣятельности, жизнь сердца и воля, какъ совокупность стремленій и дѣйствій. Возставая противъ представленія ума особымъ агентомъ, или способностью, и дѣленія его на разумъ и разсудокъ, авторъ опредѣляетъ его, какъ совокупность дѣятельностей сложнаго познавательнаго процесса (стр. 271). Представляя умъ, какъ особый сложный и цѣлесообразно дѣйствующій психическій механизмъ, какъ одинъ сложный умственный процессъ, отражающій въ идеальныхъ формахъ дѣйствительность и служащій познанію, авторъ задачу науки по отношенію къ нему сводитъ къ простому выдѣленію изъ него различныхъ составныхъ частей, подробному ихъ анализу,—опредѣленію ихъ состава, организаціи, законовъ образованія, взаимныхъ отношеній и значенія въ цѣломъ процессѣ. Но прежде чѣмъ приступить къ анализу сложнаго умственнаго процесса,

авторъ представляетъ полную картину постепеннаго развитія ума, даетъ общій обзоръ содержанія и состава его и характеризуетъ общеизвѣстные типы ума. Планъ дальнѣйшаго спеціальнаго изслѣдованія умственныхъ операцій таковъ: ученіе о различеніи субъекта и объекта, или образованіи идей *я* и внѣшняго, ученіе о воспріятіи и представленіи, общая идея, или понятіе, сужденіе и умозаключеніе (стр. 287).

Анализируя идею *я*, или личности, авторъ выдѣляетъ ее въ отвлеченіи отъ идеи внѣшняго и доказываетъ субстанціальность самосознающаго начала. *Я* признается имъ основою и носителемъ душевной жизни, ея производителемъ, субъектомъ и средою всѣхъ ея проявленій и измѣненій, а самосознаніе—самооткрытіемъ духа въ его существѣ, какъ единой, неизмѣнной и всегда себѣ равной субстанціи. Только это самооткрытіе, по ученію автора, не есть прямое и непосредственное воспріятіе, а потому и ученіе о первоначальномъ происхожденіи идеи *я* получаетъ видъ гипотезы, допускающей повѣрку непосредственнымъ сознаніемъ каждаго. Самосознаніе, или идея *я*, слагается у всѣхъ людей изъ трехъ состояній, возникающихъ преемственно одно за другимъ и сливающихся въ одно организованное цѣлое. Въ первомъ человѣкъ сознаетъ себя преимущественно какъ живой организмъ, съ его чисто физическими свойствами и силами; во второмъ—преобладаетъ сознаніе внутреннихъ силъ и ихъ качествъ; въ третьемъ—вниманіе сосредоточивается на душѣ, какъ особомъ существѣ, основѣ и послѣдней причинѣ жизни личности (стр. 301).

Далѣе, содержаніе самосознанія и строй идеи личности, въ зависимости отъ различныхъ соціальныхъ условій и возрастовъ жизни, непрерывно измѣняется. Но эти явленія не могутъ служить доказательствомъ противъ единства и тожества сознающаго субъекта, такъ какъ при всѣхъ измѣненіяхъ идеи *я* общій планъ построенія этой идеи остается однимъ и тѣмъ-же; всѣ измѣненія относятся къ одному постоянному пункту, какъ принадлежность одного начала. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о личности авторъ держится средняго между метафизическимъ и феноменалистическимъ взгляда: съ одной стороны, идея личности, я, развивается постепенно, слагается изъ многихъ пред-

ставленій о ея состояніяхъ и подвергается разнаго рода разложеніямъ и превращеніямъ, нормальнымъ и болѣзненнымъ, но съ другой стороны, въ основѣ всѣхъ измѣненій внутренней жизни человѣка лежитъ нѣчто единое, всегда себѣ равное по существу, такъ какъ логичность, внутренняя связность и единство поразительны даже въ самыхъ нелѣпыхъ, болѣзненныхъ формахъ самосознанія (ср. стр. 291. 308). Сила, объединяющая всегда наличное содержаніе самосознанія, есть душа, субстанція, особое существо, связанное съ тѣломъ и отъ него отличное (стр. 312). Нужно замѣтить, что трактатъ о самосознаніи является однимъ изъ лучшихъ во всей психологической системѣ Снегирева; эмпирическая природа развивающагося самосознанія раскрыта авторомъ основательно; объясненія его правильны и основываются на непосредственномъ сознаніи каждаго.

Образованіе идеи „внѣшняго" поставляется авторомъ въ связь съ идеею о „внутреннемъ", или *я*. Основою всего нашего знанія о внѣшнемъ мірѣ онъ признаетъ чувство мускульнаго усилія, опредѣляемое чувствомъ сопротивленія. Изъ идеи сопротивленія слагаются всѣ наши основныя понятія о „первичныхъ" качествахъ внѣшнихъ предметовъ, каковы: матеріальность, инертность, плотность, рыхлость и т. д. Разложеніе общей идеи сопротивленія при помощи внѣшнихъ чувствъ и мышленія даетъ „вторичныя" свойства внѣшняго, каковы: свѣтъ, цвѣта, звуки и т. п. Средину между тѣми и другими качествами занимаетъ группа качествъ, обозначаемая терминами: пространство, фигура, разстояніе, время, движеніе. Въ ученіи о пространствѣ и времени авторъ слѣдуетъ обычнымъ воззрѣніямъ англійской психологіи. По его взгляду, идеи пространства и времени не прирождены намъ и не воспринимаются нами непосредственно отвнѣ, а создаются дѣятельностью души подъ вліяніемъ непосредственныхъ впечатлѣній, путемъ довольно сложнаго синтеза разнообразныхъ данныхъ отъ различныхъ органовъ чувствъ (стр. 317). Притомъ, образованіе идеи пространства поставляется авторомъ въ зависимость отъ устройства внѣшнихъ органовъ, мускульнаго чувства и движенія, а идея времени—отъ сосредоточенія вниманія на смѣнѣ и тече-

ніи явленій и ихъ взаимномъ отношеніи, какъ смѣняющихся. Вообще же ученіе о „внѣшнемъ“ не отличается обстоятельностью. Авторъ указываетъ лишь на результаты различныхъ процессовъ, участвующихъ въ образованіи идеи „внѣшняго“, но не раскрываетъ этихъ процессовъ въ подробностяхъ, а равно не показываетъ наглядно, какъ постепенно проясняется идея о мірѣ путемъ послѣдовательнаго комбинированія ощущеній различныхъ органовъ.

Далѣе „внѣшнее“ разлагается на множество единичныхъ предметовъ и явленій, которые познаются посредствомъ процессовъ воспріятія и представленія. Процессъ воспріятія, по взгляду автора, состоитъ въ сочетаніи между собою такъ называемыхъ однородныхъ ощущеній и взаимномъ вызовѣ ихъ идей, а представленія суть сложныя сочетанія между ощущеніями различныхъ органовъ чувствъ, или ассоціаціи различныхъ классовъ ощущеній, дающія въ результатѣ образы конкретныхъ предметовъ и цѣлыя картины. Благодаря ассоціаціямъ, воспріятіе одного свойства предмета вызываетъ всю группу ихъ; но рядомъ съ этимъ изъ всей ассоціаціи можетъ воспроизводиться одна сторона предмета. Такой процессъ, являющійся результатомъ сосредоточенія вниманія и узости сознанія, называется отвлеченіемъ. Онъ даетъ начало новой умственной формѣ—общей идеѣ, или понятію, подъ которымъ разумѣется воспроизведеніе въ одномъ нераздѣльномъ актѣ сознанія множества единичныхъ предметовъ, сходныхъ между собою (стр. 337). Но это отожествленіе неизбѣжно сопровождается и чувствомъ различія сходныхъ предметовъ, которое ведетъ къ анализу, разложенію того, что объединено въ понятіи. Изъ стремленія связать вновь разъединенное возникаетъ особая форма мысли—сужденіе, которое и есть сочетаніе разъединеннаго и установленіе различныхъ отношеній между предметами, но уже съ яснымъ сознаніемъ ихъ особности и раздѣльности. Далѣе, сужденія могутъ входить между собою въ такія сочетанія и соотношенія, которыя даютъ въ результатѣ новый умственный процессъ—умозаключеніе. Это такое состояніе, въ которомъ данное въ нашемъ сознаніи соотношеніе идей и фактовъ, или сужденіе, вынуждаетъ насъ признавать суще-

ствующимъ другое, не данное непосредственно соотношеніе идей и фактовъ, въ силу существующей между ними внутренней необходимой связи (стр. 355). Въ общемъ, сужденія автора о сложныхъ процессахъ познанія внѣшняго міра отличаются правильностью и достаточно выясняютъ сущность этихъ процессовъ. Слѣдуетъ лишь замѣтить, что авторомъ нѣсколько преувеличено вліяніе ассоціацій сходства на образованіе понятій, въ силу чего послѣднія являются какъ бы непроизвольными отожествленіями сходныхъ предметовъ; такое воззрѣніе отнюдь не приложимо къ *сознательно* формируемымъ понятіямъ. Съ другой стороны, сужденія и умозаключенія представляются авторомъ, какъ явленія, обособляющіяся довольно поздно, уже послѣ образованія понятій; между тѣмъ даже съ индивидуалистической точки зрѣнія самого автора, изслѣдующаго цѣльный составъ душевной жизни, ихъ слѣдуетъ признать процессами, развивающимися одновременно съ образованіемъ понятій и участвующими въ этомъ образованіи. Притомъ, въ своемъ зародышѣ они присущи самымъ раннимъ моментамъ развивающейся сознательности, что и дало поводъ нѣкоторымъ психологамъ создать теорію безсознательныхъ умозаключеній.

Отдѣлъ объ эмоціяхъ обработанъ авторомъ съ особенною полнотою (стр. 360—611) и является наиболѣе цѣльнымъ и самостоятельнымъ во всей системѣ. Изслѣдуя всесторонне чувствованія, авторъ не просто описываетъ то или другое чувствованіе въ отдѣльности, а слѣдитъ за самою ихъ организаціею и подробно уясняетъ, въ силу какихъ именно внѣшнихъ, или внутреннихъ, физіологическихъ или интеллектуально-моральныхъ причинъ они могутъ возникать въ человѣкѣ, изъ какихъ элементовъ они обязательно слагаются, при какихъ условіяхъ и въ какихъ формахъ они выражаются, какъ они повышаются и понижаются въ различныхъ степеняхъ энергіи и напряженія, какое они имѣютъ отношеніе ко всѣмъ вообще отправленіямъ душевной жизни и какъ это данное отношеніе связывается съ даннымъ состояніемъ всего организма. Чувствованія онъ признаетъ вполнѣ оригинальными, самобытными явленіями, самостоятельными дѣятелями въ психической жизни, имѣющими собственную основу въ общемъ возбужденіи души

подъ вліяніемъ каждаго ея измѣненія (стр. 360). Въ виду же тѣсной связи чувствованія со всѣми другими душевными процессами и состояніями, вліяющей на повышеніе ихъ энергіи, авторъ признаетъ сердечный процессъ двигателемъ всей душевной жизни, мотивирующимъ всѣ ея процессы и создающимъ цѣнность жизни; наоборотъ, ослабленіе сердечной дѣятельности признаетъ условіемъ общаго упадка и даже разстройства психической жизни (стр. 372). Изслѣдуя затѣмъ природу чувствованій, или сущность того основнаго процесса, видоизмѣненіями котораго являются всѣ разнообразныя чувствованія и опровергая различныя теоріи ихъ происхожденія, авторъ создаетъ собственную теорію, сущность которой сводится къ слѣдующему. Жизнь души, какъ постоянная смѣна состояній, есть непрерывное движеніе. Каждое новое измѣненіе сознанія самымъ явленіемъ своимъ приводитъ неизбѣжно въ движеніе всю массу простыхъ состояній, или нѣкоторую значительную часть ихъ, выводя изъ покоя весь душевный организмъ. Это движеніе, лежащее въ основѣ душевной жизни, есть реальнѣйшее событіе и должно быть сознаваемо ею въ какой-нибудь формѣ прямо и непосредственно. Чувствованіе же и есть не что иное, какъ особая форма непосредственнаго сознанія этого основнаго и постояннаго событія въ жизни души, или сознаніе душею своихъ собственныхъ состояній, какъ движеній, безъ отношенія къ ихъ собственному содержанію и характеру. По этой же теоріи всѣ отдѣльныя чувствованія могутъ быть представлены, какъ видоизмѣненія формы внутренняго движенія. Такъ, правильная и ритмичная смѣна душевныхъ состояній сопровождается чувствомъ удовольствія, быстрая остановка такой смѣны — чувствомъ страха; слишкомъ быстрое движеніе психическихъ состояній сопровождается чувствомъ гнѣва, а медленное и безпрепятственное—волненіемъ нѣжности и т. д. (стр. 391—394). Состоятельность своей теоріи авторъ мотивируетъ тѣмъ, что въ сознаніи нѣтъ иного, кромѣ чувствованія, выразителя и символа безспорнаго, по его мнѣнію, факта движенія всего душевнаго содержанія (стр. 395). Конечно, эта теорія, сложившаяся подъ вліяніемъ школы Гербарта, можетъ имѣть значеніе только болѣе или менѣе вѣроятной гипотезы, обосно-

вывающей самостоятельность чувствованій, но при своемъ формальномъ характерѣ она не вполнѣ опредѣляетъ специфическую природу чувствованій. Въ заключеніе своей теоріи авторъ даетъ такое полное опредѣленіе чувствованія: чувствованіе есть впечатлѣніе, производимое на душу ея собственными состояніями и измѣненіями, связанное съ общимъ возбужденіемъ нервной системы, волненіемъ въ ея сферѣ, и имѣющее результатомъ непосредственную оцѣнку всего этого для блага индивидуума и свою послѣднюю основу въ сознаніи движенія всего состава души, подъ вліяніемъ ея измѣненій единичныхъ и частныхъ (стр. 403).

Изслѣдуя законы организаціи сложныхъ чувствованій, авторъ уясняетъ въ подробностяхъ примѣненіе къ чувствованіямъ общихъ законовъ организаціи душевной жизни,—явленій ассоціацій и воспроизведенія душевныхъ состояній въ связи съ сохраненіемъ ихъ (стр. 407—414). Въ частныхъ объясненіяхъ автора заслуживаетъ вниманія его утвержденіе, что „чувствованіе отъ повторенія всегда усиливается и крѣпнетъ въ душѣ“ (стр. 412). Причина же ослабленія его въ сознаніи полагается авторомъ въ утомленіи и привычкѣ къ данному возбужденію, а равно въ слабости возбуждающаго его стимула, но въ послѣднемъ случаѣ, по его взгляду, будетъ уже не повтореніе, а новое чувствованіе, являющееся при другихъ условіяхъ (стр. 413). Явленія симпатіи, или взаимнаго обмѣна чувствованій при посредствѣ ихъ внѣшняго выраженія, авторъ объясняетъ, по аналогіи съ передачею идей, ассоціированіемъ внѣшняго выраженія, или символа, съ выражаемымъ и соотвѣтствующимъ воспроизведеніемъ послѣдняго (стр. 421). Далѣе авторъ переходитъ къ классификаціи чувствованій. Перечисливъ главнѣйшія классификаціи (Вундта, Горвича, Спенсера, Бэна, Владиславлева, Ушинскаго, Грота, Нагловскаго), онъ даетъ собственную, основанную на принципѣ возрастающей сложности чувствованій. Послѣднія онъ раздѣляетъ на пять слѣдующихъ группъ: 1) *удовольствіе и неудовольствіе* во множествѣ формъ, въ связи со всѣми явленіями ощущенія, мышленія, воли и чувствованія; 2) волненія *формальныя* (дѣятельности): упражненія и скуки, силы и безсилія, свободы и

стѣсненія; 3) волненія *интеллектуальныя*: открытіе сходства и разницъ и др.; 4) *аффекты*: любовь и отвращеніе, страхъ и гнѣвъ, радость и горе; 5) волненія *моральныя*, или высшія: эстетическое, нравственное, религіозное (стр. 433). Такимъ образомъ, въ отличіе отъ большинства психологовъ, авторъ удовольствіе и неудовольствіе не считаетъ характернымъ признакомъ *всякаго* волненія, а признаетъ самостоятельными явленіями, выдѣляетъ въ особую группу, послѣ чего у него остаются внѣ этой группы радость и горе, волненія, очень близко къ ней подходящія. Притомъ, онъ не дѣлитъ волненій по ихъ отношенію къ субъекту, не выдѣляетъ въ отдѣльную группу и волненій, связанныхъ съ самосознаніемъ, съ *я*, а разноситъ ихъ въ соотвѣтствующія ихъ объективному содержанію группы.

Частный анализъ отдѣльныхъ видовъ каждой эмоціи представленъ авторомъ въ подробностяхъ, не оставляющихъ желать ничего большаго. Ограничимся по поводу этого анализа немногими замѣчаніями. Чувствованія удовольствія и неудовольствія поставляются авторомъ въ зависимость отъ нарушенія нервнаго равновѣсія въ сторону траты, или въ сторону накопленія нервной энергіи. Формы и способы траты и возстановленія нервной силы, производя соотвѣтствующія движенія въ душѣ, сознаются ею рядомъ съ качествомъ и силою ощущенія, въ формѣ удовольствія и неудовольствія. Въ этомъ объясненіи авторъ слѣдуетъ Дюмону и Гроту, совершенно игнорируя идеальныя чувствованія, независимыя отъ физіологическихъ процессовъ и обусловливаемыя лишь содержаніемъ душевной жизни. Волненія дѣятельности признаются совершенно независимыми отъ самаго содержанія душевныхъ актовъ и поставляются въ связь со всякою энергичною дѣятельностью, возбуждающею вниманіе, но тогда не вполнѣ понятна сопровождающая ее пріятность; съ другой стороны, и пониженіе психической дѣятельности не есть единственная причина скуки (ср. стр. 449); часто энергичная, но вынужденная дѣятельность сопровождается скукою. Волненія силы и безсилія вполнѣ основательно поставляются въ связь съ сознаніемъ легкости и трудности побѣжденія препятствій, а частные виды волненій этого рода объясняются самымъ качествомъ обнаруживаемой силы. Волненія свободы и

стѣсненія съ присущимъ имъ характеромъ удовольствія и неудовольствія, какъ видно изъ сужденій автора, являются въ сущности видоизмѣненіями волненій силы и безсилія и, слѣдовательно, не могутъ быть разсматриваемы какъ самостоятельныя чувствованія. Въ основѣ различныхъ интеллектуальныхъ волненій полагается авторомъ волненіе, связанное съ сознаніемъ сходства и несходства. Видоизмѣненіями ихъ служатъ волненія истины и правды, новости и удивленія и волненіе „смѣшнаго“. Условія послѣдняго изслѣдуются въ подробностяхъ, а самое состояніе душевное сравнивается съ ощущеніемъ, являющимся подъ вліяніемъ щекотанія (стр. 468). Подъ аффектами, вопреки общепринятому представленію о нихъ, авторъ вообще разумѣетъ возбужденія, возникающія преимущественно изъ отношеній человѣка къ внѣшнимъ предметамъ и поставляетъ ихъ внѣ прямой зависимости отъ условій возникновенія удовольствій и страданій, хотя и относитъ къ нимъ волненія любви, радости и горя. Анализируя разныя проявленія любви, авторъ слѣдуетъ главнымъ образомъ Бэну. Въ основу всѣхъ видовъ любви онъ полагаетъ волненіе нѣжности, неизмѣнно связанное, по его мнѣнію, съ пониженіемъ духовной и физической жизнедѣятельности, благопріятствующимъ ровному и гармоническому теченію внутренней жизни, а возбудителями его признаетъ всѣхъ физическихъ и духовныхъ дѣятелей, способныхъ производить гармонію и покой въ теченіе жизни (стр. 479). Это волненіе, по его взгляду, дѣлаетъ весьма цѣннымъ предметъ свой и порождаетъ иллюзію права собственности по отношенію къ любимому, а равно иллюзію его совершенства. Половая и материнская любовь объясняются имъ физіологическими условіями и подавленіемъ общей жизнедѣятельности (стр. 482—484). Основное чувство нѣжности къ самому себѣ, обусловливающее всю совокупность эгоистическихъ чувствованій, выводится авторомъ изъ закона самосохраненія, дѣйствующаго въ видѣ неодолимаго инстинкта (стр. 489). Гнѣвъ и страхъ сближаются авторомъ между собою на томъ основаніи, что они одинаково служатъ основою разъединенія людей и отраженіемъ внутренняго разлада человѣка съ самимъ собою; притомъ, они имѣютъ общую основу въ чув-

ствѣ самосохраненія. Но въ то время какъ волненіе гнѣва характеризуется подъемомъ жизненной энергіи въ физической и психической сферахъ, при побѣжденіи препятствій, волненіе страха характеризуется упадкомъ всѣхъ силъ физическихъ и душевныхъ и остановкою жизнедѣятельности (стр. 506). Потребность мести поставляется авторомъ въ органическую связь съ волненіемъ гнѣва и сводится къ потребности дать выходъ нервной энергіи въ движеніяхъ, а пріятность мести и страданій другаго объясняется сознаніемъ своей силы и превосходства и свободою отъ опасности. Волненія радости и горя характеризуются преобладаніемъ въ нихъ интеллектуальнаго элемента, оцѣнки предметовъ и явленій, какъ причины ихъ возникновенія, тогда какъ во всѣхъ прочихъ аффектахъ преобладаетъ нѣчто слѣпое, стихійное; оцѣнка же объектовъ прямо зависитъ отъ самаго волненія. Анализируя эстетическое чувство, авторъ подробно указываетъ условія его происхожденія въ характеристическихъ особенностяхъ эстетическихъ предметовъ и явленій природы, искусства и жизни человѣческой. Эти особенности состоятъ въ слѣдующемъ: эстетическія предметы прямо и непосредственно возбуждаютъ въ насъ удовольствіе и не заключаютъ въ себѣ никакихъ свойствъ, способныхъ возбуждать непріятныя состоянія; наслажденіе ими доступно неограниченному числу людей и наконецъ оно производитъ въ нихъ общій подъемъ всей жизни духа (стр. 524). Сообразно дѣйствію эстетическихъ предметовъ на организмъ и душу, авторъ различаетъ красоту физическую—въ области чувствъ, служащихъ проводниками эстетическаго возбужденія, и духовную—посредствуемую умственными и творческими операціями. Въ первомъ случаѣ подробно изслѣдуются авторомъ явленія гармоніи и симметріи и вызываемыя ими волненія, а во второмъ—гармоническія сочетанія съ физическою красотою внутреннихъ, чисто субъективныхъ состояній, или „гармонія формы съ содержаніемъ". Причина пріятности воспріятія гармоническаго и симметрическаго въ предметахъ полагается авторомъ въ сопровождающей его особенной легкости нервной и душевной дѣятельности, а причина высокаго наслажденія, вызываемаго одухотвореніемъ физически-прекрасныхъ формъ по-

лагается въ единеніи духа съ внѣшнимъ міромъ (стр. 535). Изслѣдуя составные моменты нравственнаго чувства и условія образованія послѣдняго, авторъ преслѣдуетъ чисто теоретическую, объяснительную задачу. Послѣ подробной критики нативистической, эмпирической и интуитивистической теорій, онъ, путемъ переработки, примиренія и гармоническаго сліянія ихъ, устанавливаетъ свою собственную теорію нравственнаго чувства. По его взгляду, идеи добра и зла, нравственный законъ и чувство долга, составляющіе основу сложнаго нравственнаго мотива, съ психологической точки зрѣнія являются продуктами двухъ факторовъ и слагаются изъ ихъ постояннаго взаимодѣйствія,—наблюденія *значенія* дѣйствій для достиженія благополучія и счастія и сравненія ихъ съ прирожденнымъ духовной природѣ человѣка идеаломъ совершенства. Въ связи съ ними, при оцѣнкѣ дѣйствій предъ совершеніемъ ихъ и послѣ совершенія, возникаетъ особаго рода волненіе, называемое совѣстью. Она есть *слѣдствіе* оцѣнки дѣйствій, а не причина ея, или источникъ нравственнаго закона и долга (стр. 585). По вопросу о чувствѣ свободы, входящемъ въ составъ нравственнаго чувства, авторъ держится средины между двумя противоположными воззрѣніями. Свобода, по его взгляду, не есть противоположность моральной необходимости; она есть видъ ея, какъ фактъ сознательнаго слѣдованія сильнѣйшему мотиву. Характеръ же сильнѣйшаго мотива зависитъ отъ природныхъ свойствъ человѣка, его навыковъ и вообще всего предыдущаго опыта, изъ котораго слагается личность человѣка (стр. 594). Въ общемъ, теорія автора есть преобразованіе и восполненіе эмпирически-утилитарной теоріи Бэна. Въ объясненіяхъ религіознаго чувства авторъ держится того же средняго между идеализмомъ и эмпиризмомъ направленія. Религіозное чувство, по его взгляду, независимо отъ чувственнаго опыта и коренится въ особаго рода спеціальной духовной дѣятельности (стр. 595). Оно является источникомъ происхожденія въ человѣкѣ идеи всемогущей Личности, Божества, составляющей субъективную основу религіи. Эта идея необходимо присуща человѣку по самой природѣ его духа, безусловно связана съ его самосознаніемъ, съ идеею его собственной личности, какъ ограни-

ченнаго существа, и вмѣстѣ съ нею подлежитъ развитію. Какъ составная часть процесса самосознанія, она есть отображеніе, по противоположности, нашей собственной личности со всѣми ея высшими свойствами (стр. 601). Она возникаетъ въ извѣстный періодъ развитія души и дѣлаетъ человѣка по природѣ существомъ религіознымъ, непосредственно знающимъ и чувствующимъ Бога. Связанное съ нею религіозное чувство можетъ быть названо чувствомъ „обожанія", выражающимъ пріятное волненіе въ связи съ идеею всесовершенства (стр. 608), и будучи первоначально смутнымъ, развивается постепенно. Не сводимое цѣликомъ къ другимъ волненіямъ, оно можетъ сочетаться со всякаго рода волненіями, каковы: чувство таинственнаго, страха, радости, любви. Выраженіемъ его являются разнаго рода культы (стр. 611).—Въ цѣломъ, разсмотрѣнный отдѣлъ о чувствованіяхъ замѣчателенъ и можетъ занять самое видное мѣсто во всей русской психологической литературѣ. Подробный и глубокій анализъ автора, за нѣкоторыми исключеніями, вполнѣ согласенъ съ эмпирическими фактами нашего сознанія и вообще довольно вѣрно выражаетъ внутреннюю природу разнообразныхъ состояній сердца. Нѣкоторыя возраженія можно сдѣлать автору по поводу его классификаціи чувствованій, а равно по поводу объясненій религіознаго и нравственнаго чувствованій.

Ученіе о волѣ обработано авторомъ не вполнѣ; нѣкоторыя стороны волеваго процесса не вошли въ его психологію. Здѣсь изложены лишь довольно кратко—отношеніе къ волѣ движеній и ихъ виды по степени ихъ сознательности и произвольности и главные моменты волеваго процесса: потребность—стремленіе, желаніе, мотивы и ихъ борьба. Какъ видно изъ намѣченнаго авторомъ плана, онъ намѣренъ былъ еще уяснить состояніе рѣшимости и готовности къ дѣйствію, состояніе усилія и сознаніе себя средоточіемъ и источникомъ дѣйствующей силы,—сказать объ условіяхъ и формахъ образованія навыковъ и убѣжденій, объ образованіи страстей, о вѣрѣ и т. п. (стр. 632—634). Но этотъ планъ остался невыполненнымъ; впрочемъ, и представленный въ системѣ трактатъ отличается нѣкоторою цѣлостностью и даетъ общее представленіе о волѣ.

Подъ волею авторъ разумѣетъ живую, конкретную дѣятельность, или силу, слагающуюся изъ ряда спеціальныхъ внутреннихъ дѣятельностей, приспособленныхъ къ осуществленію во внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ ясно сознаваемыхъ идей—плановъ и намѣреній (стр. 622). Общимъ условіемъ, или причиною дѣйствій, кореняющеюся въ самой природѣ человѣка, служитъ „нужда его во внѣшнемъ (въ пищѣ, внѣшнихъ возбужденіяхъ и т. п.), жизненная необходимость привлеченія и удаленія этого внѣшняго. Отсюда самъ собою возникаетъ рядъ состояній сознанія, въ которыхъ осуществляется переносъ внутренней душевной силы во внѣ. Таковы—потребность и стремленіе, какъ субъективные знаки недостатка, нужды чего-либо въ организмѣ и въ душѣ, различающіеся между собою присутствіемъ или отсутствіемъ двигательныхъ импульсовъ въ ощущеніяхъ недостатка,—желаніе, какъ сочетаніе стремленія и идеи объекта, его удовлетворяющаго,—борьба желаній и мотивовъ, сталкивающихся между собою, состояніе рѣшимости, или готовности дѣйствія и наконецъ сознаніе усилія при выполненіи желаній и осуществленіи ихъ въ дѣйствіяхъ. Всѣ эти измѣненія сознанія, предшествующія дѣйствію и его производящія, составляютъ одинъ процессъ, который собственно и есть воля въ своемъ обнаруженіи. Отсюда получается такое опредѣленіе воли: это есть организованная совокупность потребностей—стремленій, желаній, мотивовъ, выбора, рѣшенія, усилія, предшествующихъ всякому сознательно цѣлесообразному движенію внѣшнему и внутреннему (стр. 630).

Въ этомъ опредѣленіи воли, по взгляду автора, данъ самъ собою планъ и общая схема изслѣдованія ея области Но такъ какъ ея орудіемъ по отношенію къ внѣшнему міру являются движенія организма, а по отношенію къ внутреннему—движенія и сочетанія идей, первоначально возникающія сами собою и только впослѣдствіи подчиняющіяся волѣ, то прежде всего должны быть изслѣдованы движенія непроизвольныя—физическія и душевныя, затѣмъ способы образованія произвольныхъ движеній и наконецъ, самый составъ воли.

Движенія организма признаются авторомъ необходимою составною частью каждаго акта воли. По своему характеру и

отношенію къ сознанію они подраздѣляются на рефлективныя, инстинктивныя и подражательныя. Всѣ они служатъ основою образованія произвольныхъ движеній. Душа, съ первыми проблесками сознанія, необходимо принимаетъ участіе въ дѣятельности этой механической системы движеній и стремится овладѣть ею, создать изъ нея новыя формы движеній и новыя комбинаціи ихъ (стр. 642). Такимъ образомъ получается огромное множество движеній произвольныхъ и устанавливается власть души надъ тѣломъ. Процессъ образованія произвольныхъ движеній авторъ основываетъ на принципѣ связи движеній съ чувствованіями, вліяющими на ихъ усиленіе, или ослабленіе. По его взгляду, движеніе рефлективное, вызвавши удовольствіе, продолжается, или повторяется уже подъ вліяніемъ чувствованія. Послѣ нѣсколькихъ повтореній встрѣчи удовольствія и невольнаго движенія между ними устанавливается прочная связь по законамъ ассоціаціи. Въ силу этой связи, уже одна идея движенія можетъ вызвать чувство удовольствія, возникавшее прежде въ связи съ движеніемъ, а затѣмъ отъ частаго повторенія получается связь между идеею движенія и его возникновеніемъ даже безъ посредства волненія. Какъ зависящее отъ душевной дѣятельности представленія, оно будетъ заключать въ себѣ существенную сторону произвольности,—принадлежность начала движенія душѣ (стр. 647). Такимъ же путемъ изъ движеній невольныхъ образуются и совершенно новыя движенія и сложная ихъ система, какъ необходимое условіе дѣятельности человѣка. Подобнымъ образомъ и рядомъ съ внѣшними движеніями совершается процессъ организаціи движеній внутреннихъ, идеальныхъ.

Первымъ и простѣйшимъ внутреннимъ состояніемъ, съ котораго начинается развитіе болѣе сложныхъ формъ волеваго процесса, есть потребность, или сознаніе недостатка чего-либо внѣшняго для нормальнаго хода жизни органической и душевной. Безчисленное множество потребностей и связанныхъ съ ними стремленій можетъ быть сведено къ слѣдующимъ пяти группамъ: потребность душевной дѣятельности,—полноты индивидуальнаго бытія, воспроизведенія и усовершенствованія рода, потребность общественной жизни и наконецъ, потребность лич-

наго усовершенствованія и счастія. Всѣ эти потребности опредѣляются самымъ строемъ человѣческой жизни, а потому могутъ быть названы естественными, первичными, прирожденными. Каждая группа естественныхъ потребностей дополняется большимъ количествомъ вторичныхъ, искусственныхъ потребностей. Соединеніе потребности съ ясною, усиленною сосредоточеніемъ вниманія, идеею удовлетворяющаго ее предмета даетъ новую, болѣе сложную, форму волеваго процесса—желаніе (стр. 658). Предметы, удовлетворяющіе потребности, какъ объекты желаній, могутъ быть двухъ родовъ: одни изъ нихъ необходимо ввести въ сферу органической и духовной жизни, другіе—устранить. Это различіе предметовъ даетъ начало двумъ главнымъ формамъ названной ступени волеваго процесса: желанію и нежеланію. Объекты желанія бываютъ трехъ родовъ: предметы и явленія конкретныя и ихъ отношенія, состоянія самого человѣка—физическія и духовныя и наконецъ, состоянія пассивныя и активныя; отсюда возникаютъ три класса желаній: желанія и нежеланія внѣшнихъ предметовъ, состояній и измѣненій внутреннихъ и дѣйствій (стр. 661). Во всѣхъ этихъ формахъ на первомъ планѣ авторъ ставитъ содержаніе представленій о желаемомъ, какъ актъ чисто интеллектуальный, и вопреки большинству психологовъ допускаетъ возможность желаній безъ всякаго эмоціальнаго элемента, желаній безстрастныхъ, основанныхъ на однихъ представленіяхъ и разсчетахъ (стр. 662). Чувство же онъ признаетъ элементомъ побочнымъ, не выражающимъ сущности желанія, такъ какъ воля на высшихъ ступеняхъ опредѣляется интеллектомъ, знаніемъ, разумомъ. Преобладаніемъ въ желаніи интеллектуальнаго элемента объясняется, по взгляду автора, *неограниченность* желаній, такъ какъ человѣкъ съ одинаковою легкостью можетъ представить все возможное и невозможное, для чего есть хоть малѣйшій матеріалъ въ опытѣ. Всѣ вообще желанія, со стороны исполнимости ихъ, могутъ быть раздѣлены на три класса: желанія возможнаго, желанія невозможнаго, но реальнаго, желанія какъ возможнаго, такъ и невозможнаго, построеннаго творческою дѣятельностью ума, или иначе — реальныя, нереальныя и творческія желанія (стр. 665). Всѣ эти виды желаній въ той или другой степени свойственны каждому

человѣку и развиваются въ безчисленномъ разнообразіи формъ. Переходя къ ученію о мотивахъ, авторъ утверждаетъ, что желаніе само по себѣ вовсе не есть моментъ, или сила, опредѣляющая и производящая движеніе, а просто форма внутренней дѣятельности, предшествующая дѣйствію, но не существенная въ цѣломъ волевомъ процессѣ. Основными, движущими волю, силами, дѣйствительными *мотивами* служатъ, по автору, потребности или стремленія, получающія при переходѣ въ сознаніе новыя формы, каковы: удовольствіе, польза, долгъ. Сущность мотива долга выражается въ созданіи внутренняго принужденія—дѣлать добро и не дѣлать зла (стр. 673). Это общее требованіе, опредѣляющее дѣятельность и поведеніе человѣка, получаетъ форму нравственнаго закона, исполненіе или нарушеніе котораго сопровождается пріятнымъ и непріятнымъ чувствомъ, составляющимъ внутренній голосъ *совѣсти*. Роль ея состоитъ въ усиленіи чувства долга и обязанности, въ увеличеніи его принудительности. Кромѣ того, необходимымъ условіемъ нравственнаго мотива служитъ сознаніе человѣкомъ себя причиною и виновникомъ своихъ дѣйствій, или чувство *свободы* (стр. 675). Далѣе, фактъ возникновенія въ связи съ каждымъ желаніемъ нѣсколькихъ мотивовъ и—явленія съ однимъ желаніемъ нѣсколькихъ другихъ даетъ начало особому волевому внутреннему процессу, который называется столкновеніемъ и борьбою мотивовъ и желаній (стр. 779). Авторъ довольно обстоятельно изслѣдуетъ различные случаи и условія столкновенія мотивовъ и борьбы ихъ, какъ то: столкновеніе удовольствія и неудовольствія въ связи съ желаніемъ, столкновеніе реальныхъ и идеальныхъ чувствъ, столкновеніе мотивовъ при участіи интеллектуальныхъ актовъ, столкновеніе чувствъ съ идеями пользы и вреда,—наконецъ, тѣ случаи столкновенія, въ которыхъ участвуетъ такъ, или иначе, мотивъ нравственный (стр. 679—689).

Ученіемъ о борьбѣ мотивовъ заканчивается психологическая система Свегирева. Прочія стороны волеваго процесса остались неразсмотрѣнными авторомъ. Высказанныя же въ изложенномъ отдѣлѣ сужденія его отличаются основательностью и согласіемъ съ фактами сознанія. Въ цѣломъ, разсмотрѣнный трудъ, представляющій подробную и вѣрную картину душевной

жизни, заслуживаетъ глубокаго вниманія и по богатству матеріала, и по солидности взглядовъ автора, и вообще составляетъ очень цѣнный вкладъ въ русскую психологическую литературу.

Заканчивая свой обзоръ русской психологіи, мы должны признать, что она стоитъ на высотѣ современнаго развитія науки и въ лицѣ своихъ выдающихся представителей усвоиваетъ наиболѣе цѣнные научные результаты, выработанные западными изслѣдователями разныхъ школъ и направленій. Не соглашаясь съ тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ душевной жизни и относясь строго критически къ ихъ взглядамъ и сужденіямъ, русскіе психологи у каждаго изъ нихъ стараются найти долю истины, чтобы затѣмъ путемъ сопоставленія, синтеза и восполненія разныхъ мнѣній возстановить истину въ полномъ объемѣ. Отсюда, научный синкретизмъ, сводящій въ одно цѣлое труды различныхъ изслѣдователей жизни духа, составляетъ наиболѣе характерную особенность русской психологіи, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ существеннымъ условіемъ ея развитія и совершенствованія. Самое же разнообразіе направленій только содѣйствуетъ росту науки: что оставлено безъ вниманія, или недостаточно выяснено однимъ направленіемъ, то восполняется другимъ, и въ результатѣ получается всестороннее и обстоятельное уясненіе всѣхъ формъ и проявленій душевной жизни.

М. Вержболовичъ.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ.

(Продолженіе *).

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ.

52. Гипотеза есть творческій принципъ науки [1]).

Человѣкъ имѣетъ способность наблюдать: у него есть разумъ. Но онъ былъ-бы неспособенъ къ наукѣ, если-бы не обладалъ способностію строить гипотезы, т. е., предположенія, имѣющія отношеніе къ тѣмъ идеямъ, посредствомъ которыхъ объясняются факты. Законы природы, напримѣръ, не составляютъ предметъ чувственнаго воспріятія: это очевидно. Но они не могутъ быть выведены и изъ *апріорныхъ* понятій: это доказывается безплодностію всѣхъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи. Здѣсь обнаруживается научное значеніе и роль индивидуума. Въ опытѣ и мышленіи индивидуумъ относительно пассивенъ. Правда, и здѣсь онъ обнаруживаетъ нѣкоторую активность; но эта активность проявляется лишь въ томъ, что заставляетъ его пассивно принимать познаніе фактовъ, равно какъ и данныя разума. Въ изобрѣтеніи же, напротивъ, онъ самопроизвольно производитъ идею,—творитъ ее. Геній или способность создавать вѣрныя предположенія есть составной элементъ человѣческаго духа, обнаруживающійся у всѣхъ людей, хотя въ чрезвычайно различной степени, чего, однако, одинаково не признаютъ и не признавали какъ раціонализмъ, такъ и эмпиризмъ (44).

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 19.

[1]) См. *Logique de l'hypothèse.* Книга in 8⁰, Paris, Germer Bailliere, 1880. Эта книга переведена и на русскія языкъ («Логика гипотезы», перев. *Инн. Панаева*).

Гипотеза необходима не только какъ вспомогательное средство для истолкованія результатовъ опыта; но и—какъ его руководящій принципъ. Наблюденіе производится почти всегда съ какой-нибудь опредѣленною цѣлью, т. е., для того, чтобы провѣрить извѣстную, напередъ принятую идею. Почти невозможно и представить, какъ развивалась-бы наука, если-бы въ виду безконечнаго множества фактовъ и ихъ сложности, умъ человѣческій не былъ направляемъ въ одну извѣстную сторону какою-нибудь мыслію, къ оправданію которой онъ направляется. Злоупотребленіе пустыми догадками, которыя загромождаютъ науку, и духъ систематизаціи, руководимой предвзятыми идеями и отстаивающей ихъ вопреки очевиднымъ фактамъ, дискредитировали гипотезу въ умахъ логиковъ и ученыхъ. Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что устранять ее (хотя, въ сущности, это возможно лишь въ теоріи, но не на практикѣ) значило-бы отвергать истину въ самомъ зародышѣ. Вотъ какъ выражается по этому предмету знаменитый современный изобрѣтатель, Пастёръ: „я отправляюсь отъ предвзятой идеи, т. е., отъ гипотезы, которую внушаютъ факты, уже извѣстные; потомъ для провѣрки ея произвожу опыты, видоизмѣняя гипотезу, если потребуютъ обстоятельства. Она управляетъ и руководитъ моими работами; она подсказываетъ мнѣ даже, какіе именно опыты я долженъ сдѣлать. Безъ нея даже самый внимательный наблюдатель не откроетъ ничего“ [1]).

Въ наукахъ чисто опытныхъ гипотеза руководитъ наблюденіемъ и указываетъ, какіе въ данномъ случаѣ полезны опыты. Въ наукахъ объяснительныхъ опредѣленіе классовъ, законовъ, причинъ и цѣлей возможно опять только съ помощію гипотезы, такъ какъ они не могутъ быть ни результатомъ непосредственнаго опыта, ни выводомъ изъ аксіомъ разума. Роль гипотезы не такъ очевидна въ наукахъ раціональныхъ; тѣмъ не менѣе и здѣсь нельзя отвергать ея участія. Въ математикѣ есть чисто-аналитическая часть, гдѣ открытіе извѣстныхъ истинъ

[1]) Слова эти процитованы въ *Journal de Genève* 10 февраля 1884 г.

является результатомъ приложенія законовъ разсудка къ понятіямъ числа и количества. Но, въ большинствѣ случаевъ, ариѳметическія положенія и геометрическія теоремы являются результатомъ предположенія или гипотезы, которая предшествуетъ доказательству. Какой математикъ первый формулировалъ равенство произведенія крайнихъ членовъ произведенію среднихъ въ геометрической пропорціи? Я не знаю; но, и не зная его имени, можно быть увѣреннымъ, что, вѣроятно, прежде чѣмъ онъ доказалъ эту теорему, какъ общее положеніе, она явилась въ его умѣ, какъ индукція отъ извѣстнаго числа частныхъ случаевъ. Историки говорятъ о радости Пиѳагора, когда онъ открылъ теорему о равенствѣ квадрата гипотенузы прямоугольнаго треугольника суммѣ квадратовъ его катетовъ: сильная радость доказываетъ, что его открытіе было неожиданно. Монтюкля, историкъ математики, говоря о счисленіи безконечно малыхъ величинъ и объ открытіи Лейбница, отмѣчаетъ, что здѣсь участвовалъ геній, который одинъ только въ достаточной степени объясняетъ прозрѣніе новой истины [1]. Итакъ, гипотеза участвуетъ во всѣхъ безъ исключенія наукахъ; разница лишь въ способѣ наблюденій, отъ чего зависитъ уже разница и въ пріемахъ провѣрки (58).

58. Гипотеза имѣетъ элементъ апріорный, но въ другомъ смыслѣ, чѣмъ апріорныя данныя разума.

Предвзятая идея, руководящая ученымъ въ его наблюденіяхъ, по отношенію къ даннымъ опыта, можетъ быть названа *апріорною*; но здѣсь необходимо отмѣтить существенное различіе. Элементы разума суть средства всякаго познанія: сомнѣваться въ нихъ значило-бы открывать дверь абсолютному скептицизму. Гипотезы-же, такъ-какъ онѣ суть результатъ самопроизвольности (spontanéité) индивидуальнаго ума, могутъ иногда оказаться просто продуктомъ разстроеннаго воображенія, которое запутываетъ мысль въ ошибки. Правда, въ нихъ есть *апріорный* элементъ; но онъ не имѣетъ значенія самъ по себѣ, какъ *а-*

---

[1]) *Histoire des mathematiques*, t. II, page 343.

пріорный элементъ разума, и долженъ быть принимаемъ не иначе, какъ подъ условіемъ ясныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ.

Это весьма хорошо выяснилъ г. Віоль въ Пролегоменахъ къ своему трактату по физикѣ. „Въ физикѣ, говоритъ онъ, какъ и во всякой другой наукѣ, точкою отправленія, при открытіи какой-нибудь новой истины, служитъ *апріорная* идея. Только эта первоначальная умственная концепція отнюдь не имѣетъ здѣсь неизмѣннаго и абсолютнаго характера. Это лишь предварительный и условный принципъ, слѣдствія котораго должны быть подчинены контролю экспериментаціи, которая одна лишь способна сообщить ему достовѣрность".

54. Руководящимъ принципомъ научныхъ гипотезъ служитъ стремленіе нашего ума къ единству.

Обобщеніе, безъ котораго не можетъ обойтись научная мысль и даже самое слово (21), есть результатъ нашего стремленія къ единству. Обобщеніе, подставляя на мѣсто множества частныхъ положеній одно общее названіе класса или закона, тѣмъ самымъ упрощаетъ науку. Всякое-же упрощеніе науки привѣтствуется, какъ прогрессъ. Вотъ почему замѣна различныхъ воображаемыхъ жидкостей для объясненія теплоты, свѣта и электричества эѳиромъ и его колебаніями разсматривалось въ физикѣ, какъ значительный прогрессъ. Стремленіе къ разысканію единства не есть результатъ науки, какъ можно было-бы подумать при поверхностномъ взглядѣ на предметъ; нѣтъ,— оно съ самаго начала было ея направляющимъ принципомъ. Это есть естественное стремленіе разума, которое въ формѣ инстинкта проявляется въ индукціи и служитъ источникомъ объяснительныхъ гипотезъ. Въ исторіи человѣческихъ изслѣдованій не общіе взгляды слѣдовали за изученіемъ частностей и подробностей; не анализъ предшествовалъ синтезу, но какъ разъ наоборотъ: наука начала очень смѣлымъ синтезомъ, за которымъ уже довольно поздно послѣдовалъ анализъ, какъ необходимое средство для того, чтобы оправдать предварительный синтезъ. Достаточно ознакомиться съ первыми шагами греческой философіи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Говоря во-

обще, научный умъ всегда искалъ и будетъ искать простаго, общаго, единаго, чтобы осмыслить многообразіе явленій. Химія, повидимому, представляетъ исключеніе изъ этого закона, потому что, по мѣрѣ своего развитія, она увеличивала число простыхъ тѣлъ; но, какъ замѣтилъ въ 1819 г. (Fresnel) въ своей *„Запискѣ о преломленіи свѣтовыхъ лучей* (*Memoire sur la difraction de la lumière*), это, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ того, что, не смотря на быстрые успѣхи, какіе эта наука сдѣлала въ новѣйшія времена, она сравнительно еще мало подвинулась впередъ. Впрочемъ, и теперь иногда увѣнчиваются успѣхомъ попытки къ разложенію тѣлъ, которыя до сихъ поръ считались простыми. Въ 1879 г. Рауль Пикте выражалъ надежду, что въ скоромъ времени можетъ быть удастся, при помощи экспериментальныхъ методовъ, уменьшить число простыхъ тѣлъ [1]). Почему этотъ ученый, выражая свою догадку, придаетъ ей характеръ надежды? Тотъ-же самый вопросъ возбуждается при чтеніи слѣдующихъ словъ Фарадея: „Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, магнетизмъ былъ еще таинственною силою, имѣющею вліяніе лишь на очень немногія тѣла. А теперь извѣстно, что онъ оказываетъ вліяніе на всѣ тѣла и находится въ самой тѣсной связи съ электричествомъ, теплотою, химическимъ сродствомъ, кристаллизаціей, а чрезъ кристаллизацію и со всѣми силами, которыя обнаруживаются въ явленіи сцѣпленія. При такомъ положеніи вещей, мы имѣемъ сильныя побужденія продолжать наши изысканія, ободряемые надеждою открыть связь, которая соединяетъ магнетизмъ съ тяжестью“ [2]). Фарадей и Пикте, предвидя, первый упрощеніе физики, а второй—химіи, оба говорятъ *о надеждѣ*, потому что уменьшеніе числа элементовъ, посредствомъ которыхъ объясняются явленія, есть шагъ къ единству, а оно доставляетъ мысли удовлетвореніе. Поэтому-то открытія, вводящія значительныя упрощенія въ науку, возбуждаютъ удивленіе, которое иногда принимаетъ размѣры энтузіазма. Въ ученомъ мірѣ былъ неопи-

[1]) *Synthèse de la chaleur*, 1879 г. page 79.

[2]) *Faraday inventeur*, par Ioba Tyndall, page 35.

санный энтузіазмъ, когда Декартъ открылъ ту великую истину, что съ объективной своей стороны всѣ физическія явленія сводятся къ движенію,—истину, которая затемнялась на время въ сознаніи ученыхъ, но въ наши дни опять явилась въ полномъ свѣтѣ. Великъ также былъ энтузіазмъ, когда Ньютонъ свелъ три закона Кеплера къ одному закону тяготѣнія и далъ, такимъ образомъ, небесной механикѣ то простое и прочное основаніе, на которомъ покоятся ея вычисленія. Такое-же чувство возбуждаетъ теперь гипотеза трансформизма въ душахъ тѣхъ, которые считаютъ ее за истину. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что объяснить фауну и флору при помощи однихъ и тѣхъ же физическихъ законовъ значило-бы сдѣлать въ направленіи къ единству шагъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ, какіе только когда-нибудь дѣлала наука. Но судьба этой доктрины, конечно, зависитъ отъ степени той поддержки, какую опытъ и мышленіе могутъ оказать гипотезѣ, лежащей въ ея основаніи. Истина проста. Всѣ успѣхи науки служатъ подтвержденіемъ этого изреченія, которое Бёргавъ (Boerhaave) сдѣлалъ своимъ девизомъ. Но это положеніе не допускаетъ, однако, логическаго превращенія, такъ какъ не все простое истинно.

55. Стремленіе къ единству, когда оно не подчинено контролю опыта, есть главный источникъ научныхъ заблужденій.

Ѳалесъ, на основаніи нѣсколькихъ наблюденій надъ различными состояніями воды, пришелъ къ мысли, что вода или влага есть начало всѣхъ вещей. Анаксаменъ, путемъ подобной-же индукціи, сталъ учить, что все происходитъ изъ воздуха; а Гераклитъ видѣлъ въ мірѣ только видоизмѣненіе огня. Вотъ поучительные примѣры синтезовъ, обязанныхъ происхожденіемъ порывамъ мысли, въ своемъ стремленіи къ единству упускающей изъ виду дѣйствительныя различія, которыя ясно открываетъ анализъ. Подобное явленіе наблюдается и во всѣ вообще эпохи исторіи философіи. Всякое важное открытіе производитъ нѣчто въ родѣ ослѣпленія, вслѣдствіе котораго умъ принимаетъ часть за цѣлое и устанавливаетъ такія положенія, въ которыхъ поверхностно отожествляются элементы, несво-

димые друга на друга. Въ исторіи умственнаго развитія Лапласа мы находимъ въ этомъ отношеніи одинъ знаменательный фактъ. Пораженный ролью, какую играетъ въ устройствѣ мірозданія законъ тяготѣнія, онъ одно время думалъ, что этотъ законъ можетъ объяснить всѣ астрономическія явленія и поэтому писалъ: „Одного закона притяженія достаточно, чтобы объяснить всѣ движенія этого міра". Это было нѣчто въ родѣ умственнаго ослѣпленія, которое впослѣдствіи созналъ и самъ Лапласъ. Въ новомъ изданіи своей „*Системы міра*" онъ уничтожилъ это поспѣшное утвержденіе, находившееся въ прежнихъ изданіяхъ [1]). Послѣ блестящихъ современныхъ открытій въ области электричества нашлись люди, разыгравшееся воображеніе которыхъ склонно было и электричество возводить въ универсальный принципъ. Въ виду важныхъ наблюденій надъ явленіями жизни, также пробуждался духъ односторонней систематизаціи. Какова бы ни была цѣнность современной теоріи трансформизма, но несомнѣнно, что при современномъ состояніи нашихъ знаній, она явилась, какъ результатъ гипотезъ, принятыхъ безъ должнаго изслѣдованія подъ слишкомъ исключительнымъ вліяніемъ потребности въ розысканіи единства [2]).

Гипотеза всегда нуждается въ провѣркѣ, и стремленіе разума къ высшимъ обобщеніямъ должно быть сдерживаемо наблюденіемъ фактовъ всѣхъ порядковъ (78 и 105). Огонь насъ согрѣваетъ и освѣщаетъ, но онъ-же является и разрушительнымъ началомъ. Подобнымъ-же образомъ и стремленіе къ единству,—смотря по тому, будетъ-ли оно сдерживаемо въ своихъ законныхъ границахъ, или нѣтъ,—или пролагаетъ путь открытіямъ, или-же толкаетъ мысль на путь зублужденія.

56. Оцѣнка гипотезъ производится на основаніи предварительнаго выбора между ними, за которымъ должна слѣдовать болѣе полная провѣрка.

Провѣрка, насколько возможно полная, одна только можетъ установить научную цѣнность нашихъ предположеній. Но, въ

[1]) *Le Cartesianisme,* par Bordas—Demoulin, tome I, page 271.

[2]) См. *Logique de l'hypothèse,* pages 174 à 189.

виду множества идей, которыя представляются нашему уму, достаточно иногда простаго сопоставленія гипотезъ, чтобы тотчасъ-же выбрать и устранить гипотезы невозможныя: это въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ противорѣчатъ разуму или прочно установившимся научнымъ истинамъ. Достоинство машины окончательно опредѣляется лишь послѣ того, какъ въ ея пригодности убѣдятся практически. Но иногда достаточно простаго взгляда на механическій аппаратъ, чтобы замѣтить въ немъ недостатокъ, дѣлающій его негоднымъ для предположенной цѣли. Гипотезы, противорѣчащія разуму, встрѣчаются рѣдко. Примѣры ихъ можно находить развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторые невѣжды пытаются защищать математическія положенія вопреки уже доказаннымъ истинамъ. Что касается отверженія гипотезъ вслѣдствіе ихъ противорѣчія доказаннымъ опытнымъ истинамъ, то здѣсь должно быть осторожнымъ. Никогда не нужно забывать того правила научнаго метода, которое во имя теоріи никакъ не позволяетъ отвергать достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Это правило имѣетъ приложеніе какъ къ фактамъ, такъ и къ объяснительнымъ гипотезамъ. Впрочемъ, есть столь прочно установленные законы, что всякая гипотеза, становящаяся съ ними въ противорѣчіе, подлежитъ немедленному отверженію. Ни одинъ ученый, напр., не сталъ бы даже и изслѣдованію подвергать объясненіе какого-нибудь чисто физическаго явленія, которое (объясненіе) стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ законами тяжести.

Теперь мы перейдемъ къ изученію способа провѣрки гипотезъ; но предварительно сдѣлаемъ одно, не лишенное, кажется, значенія замѣчаніе.

57. Происхожденіе гипотезы не должно оказывать рѣшительнаго вліянія на ея оцѣнку.

Въ книгѣ „*О подражаніи Іисусу Христу*“ мы читаемъ: „не изслѣдуй, кто написалъ то, что ты читаешь, но обращай вниманіе на то, что говоритъ писавшій“ [1]). Это наставленіе, дан-

[1]) Livre I, ch. 5, traduction Michel de Marillac.

ное авторомъ въ интересахъ духовной жизни, имѣетъ приложеніе и къ научному методу. Гипотезы должно изслѣдовать сами по себѣ; въ этомъ состоитъ ихъ провѣрка, сообщающая имъ цѣнность; онѣ ни въ какомъ случаѣ не должны принимать характеръ авторитета.

Было время, когда наука была лишена свободы, справедливо и по существу дѣла ей принадлежащей: законы точно опредѣляли тогда, какихъ ученій можно было держаться и какихъ нельзя. Въ 1580 году въ Женеву, городъ протестантскій, прибылъ философъ—новаторъ Бруно. Онъ долженъ былъ вскорѣ оставить этотъ городъ, потому-что, какъ сообщаетъ Теодоръ Бэза, „женевскіе граждане разъ навсегда постановили, чтобы у нихъ, ни въ логикѣ, ни въ какой другой отрасли познанія не уклонялись отъ положеній Аристотеля“ [1]).

Въ 1624 году при Людовикѣ XIII было запрещено парламентскимъ постановленіемъ „учить чему-нибудь вопреки древнимъ и одобреннымъ авторамъ, *подъ страхомъ смерти*“. Въ то время не только гражданскій законъ, но и общественное мнѣніе не допускало попытокъ къ научнымъ нововведеніямъ. Вотъ именно противъ такого-то направленія мысли и возсталъ Паскаль, который доказывалъ, что въ вопросахъ научныхъ преимущество принадлежитъ настоящему времени, которое пользуется всѣми прежними опытами и открытіями, а не старинѣ, которую напрасно окружаютъ ореоломъ уваженія, свойственнаго маститой старости, такъ-какъ въ сущности это есть лишь юность человѣчества. За временемъ, когда уваженіе къ прошедшему незаконно запрещало всякія новыя гипотезы, наступило наше настоящее время, когда вообще расположены принимать всякія идеи, которыя порываютъ съ традиціею, въ томъ ошибочномъ предположеніи, будто все новое, уже по одному тому, что это—новое, истинно. Такое настроеніе ума ведетъ къ тому, что иногда получаютъ распространеніе и пользуются довѣріемъ гипотезы очень странныя, по отношенію къ которымъ удовлетворяются далеко не полною и не достаточною провѣркою.

---

[1]) *Iordano Bruno*, par Christian Bartholomess, t. I, pag. 63.

Для научнаго изысканія абсолютно необходимъ авторитетъ свидѣтельства (49); но этотъ авторитетъ имѣетъ значеніе лишь по отношенію къ фактамъ, но не по отношенію къ теоріямъ. Происхожденіе гипотезы не сообщаетъ ей никакого авторитета, хотя, съ другой стороны, отсюда вовсе не слѣдуетъ, будто происхожденіе не можетъ имѣть никакого вліянія на ея *предварительную* оцѣнку: ему принадлежитъ законное, хотя и не рѣшительное вліяніе. Принимать въ соображеніе происхожденіе идей полезно для выбора тѣхъ изъ нихъ, которыя мы рѣшаемся изслѣдовать. Вы входите въ библіотеку съ цѣлію приступить къ извѣстному ряду изслѣдованій: число книгъ громадно, и вамъ невозможно познакомиться со всѣми тѣми книгами, которыя могутъ заключать фактическія данныя или объяснительныя гипотезы, относящіяся къ занимающему васъ предмету. Какія-же изъ нихъ вы выберете? Вы возьмете за руководящее правило репутацію авторовъ, и этотъ руководитель будетъ надеженъ, если только вы будете имѣть дѣло не съ современными сочиненіями, къ которымъ часто относятся пристрастно и которыя, въ дѣлахъ корыстныхъ, иногда даже нарочно рекламируютъ, но—съ сочиненіями, имѣющими прочно установившуюся извѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, истинная слава вѣнчаетъ лишь генія, а геній совершаетъ открытія. Иногда въ твореніяхъ великихъ людей прежняго времени можно найти вѣрныя гипотезы: въ то время, когда онѣ были высказаны, онѣ не могли быть доказаны, теперь-же это часто бываетъ возможно (63). Притязанія индивидуализма могутъ породить стремленіе къ ложной и вредной независимости: и въ области науки такъ-же, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни, презрѣніе къ истинно великимъ именамъ есть признакъ не свободы мысли, но смѣшнаго высокомѣрія. Слава нѣкоторыхъ людей, какъ это и быть должно, направляетъ наше вниманіе на идеи, наиболѣе достойныя изслѣдованія, хотя это и не ведетъ еще къ установкѣ какого-нибудь сомнительнаго авторитета, вопреки требованіямъ научнаго метода. Подобное-же соображеніе имѣетъ мѣсто по отношенію и къ религіозному преданію: оно не должно, конечно, вторгаться въ науку, въ качествѣ авторитета; но законно можетъ оказывать на философскія изслѣдованія свою долю вліянія (100).

ПРОВѢРКА.

58. Пріемы провѣрки разнообразятся въ зависимости отъ характера наукъ.

Научный методъ въ трехъ основныхъ своихъ пріемахъ всегда одинъ и тотъ-же (45): констатируются чувственные или психическіе факты; наблюдаются данныя разума; потомъ предполагаются объяснительные принципы. Допущенныя предположенія нужно провѣрить: здѣсь-то и обнаруживается разница, смотря по тому, имѣемъ-ли мы дѣло съ гипотезами раціональными, экспериментальными, или объяснительными. Разница въ пріемахъ провѣрки есть результатъ и необходимое слѣдствіе различія способовъ констатированія фактовъ.

59. Провѣрка раціональной гипотезы дѣлается посредствомъ установленія ея логической связи съ истинами, доказанными раньше.

Лучшій типъ провѣрки раціональныхъ гипотезъ мы находимъ въ геометрическихъ трактатахъ. Доказательства, изъ которыхъ состоятъ трактаты этой науки, приводятъ въ связь положенія, подлежащія доказательству, съ ранѣе установленными положеніями, а въ концѣ концовъ—съ аксіомами разума. Что теоремы первоначально имѣютъ гипотетическій характеръ,—это всего лучше доказывается тѣмъ фактомъ, что понятіе объ нихъ можетъ образоваться прежде, чѣмъ найдено ихъ доказательство. Случается даже, что время, протекающее между открытіемъ теоремы и ея доказательствомъ, бываетъ очень значительно. Вотъ для этого наглядный примѣръ [1]). Одинъ нѣмецкій геометръ XV в. формулировалъ положеніе, которое графически (на чертежахъ) всегда можно доказать; но рисунки, каково бы ни было ихъ качество, не составляютъ геометрическаго доказательства и, такъ какъ изобрѣтателю теоремы не удалось подыскать къ ней такого доказательства, то ученые XVI и XVII в.в. смотрѣли на нее просто какъ на научный курьезъ. Однако, Эйлеръ нашелъ необходимое доказательство, которое сначала было очень длинно, но потомъ, съ помощію дифферен-

[1]) Я обязанъ сообщеніемъ этого факта любезности г. Рауля Пикте.

ціальнаго счисленія, было значительно сокращено. Здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, предъ собою математическую гипотезу, оправданія которой нужно было ждать болѣе трехъ столѣтій.

Когда найдено доказательство какой-нибудь раціональной истины, она немедленно пріобрѣтаетъ характеръ достовѣрности, не проходя различныхъ степеней вѣроятности. Необходимо только, чтобы ея провѣрка была выполнена людьми свѣдущими, которые засвидѣтельствовали-бы, что, при ея выводѣ изъ раціональныхъ данныхъ, ошибки не допущено (49).

60. Гипотеза чисто экспериментальная можетъ непосредственно и тотчасъ-же послѣ провѣрки на фактѣ, получить характеръ достовѣрности.

Чисто экспериментальная гипотеза есть лишь выраженіе предполагаемаго факта (17). Разъ фактъ твердо установленъ, гипотеза тѣмъ самымъ уже немедленно оправдывается. Химикъ думаетъ, что отъ соединенія двухъ тѣлъ получится такой-то результатъ: сдѣлавъ соединеніе онъ получаетъ результатъ, согласный съ его предположеніемъ. Физикъ предполагаетъ, что, при такой-то температурѣ и такомъ-то движеніи, извѣстный газъ можетъ быть приведенъ въ жидкое состояніе: по исполненіи указанныхъ условій, газъ дѣйствительно дѣлается жидкимъ. Ботаникъ предполагаетъ, что извѣстныя растенія, относимыя къ двумъ различнымъ видамъ, представляютъ лишь разновидности одного и того-же растенія: посѣявъ зерна, взятыя съ одной вѣтви, онъ дѣйствительно получаетъ два различныхъ растенія, изъ которыхъ, однако, каждое похоже на предположенный типъ,—и гипотеза оправдана. Археологъ высказываетъ мнѣніе, что зданія такого-то характера существовали нѣкогда въ такомъ-то мѣстѣ: приступаютъ къ раскопкамъ, и находятъ остатки предполагаемаго зданія. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ гипотезы оказывались достовѣрными тотъ-часъ послѣ того, какъ были провѣрены на фактахъ, такъ какъ онѣ и суть только выраженіе фактовъ. Не то бываетъ, когда мы имѣемъ дѣло съ теоріями.

61. Провѣрка объяснительной гипотезы предполагаетъ выводъ изъ нея слѣдствій и сравненіе этихъ слѣдствій съ фактами.

Здѣсь происходитъ двойная работа: работа разума, который выводитъ логическія слѣдствія изъ извѣстныхъ положеній, и

работа наблюденія, съ цѣлію сравнить выводы, сдѣланные изъ гипотезъ, съ данными опыта. Провѣрка имѣетъ дѣло не прямо съ гипотезами, имѣющими общій и слѣдовательно отвлеченный характеръ, но съ ихъ слѣдствіями, которыя доступны для наблюденія. Законъ инерціи, напримѣръ, который есть основаніе механики, а чрезъ механику, и всей физики, недоступенъ для непосредственной провѣрки. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этому закону, при отсутствіи всякихъ внѣшнихъ причинъ, тѣло, приведенное въ движеніе, будетъ двигаться безконечно по прямой линіи. Но въ природѣ нѣтъ прямолинейнаго и при томъ непрерывнаго движенія. Движенія на земной поверхности, обусловленныя закономъ тяжести, прямолинейны, но они прерываются; движенія свѣтилъ небесныхъ непрерывны, но они не прямолинейны. Слѣдовательно, въ своихъ непосредственныхъ данныхъ, законъ инерціи не можетъ быть доказанъ путемъ опыта; но онъ оправдывается въ своихъ слѣдствіяхъ, потому что эти слѣдствія сообщаютъ достаточное объясненіе фактамъ.

Спрашивается, положимъ: короновавіе Карла Великаго было-ли результатомъ его преднамѣреннаго рѣшенія, или-же иниціаторомъ этого его поступка былъ папа, а Карлъ долженъ былъ только дать на него свое согласіе? Прямо невозможно провѣрить ни ту, ни другую изъ этихъ гипотезъ: для этого нужно было войти въ душу Карла Великаго, или быть повѣреннымъ его тайныхъ мыслей. Что-же, въ такомъ случаѣ, остается дѣлать историку? Ему остается только возможно лучше установить факты, содержащіеся въ памятникахъ той эпохи, и опредѣлить, какая изъ двухъ вышеуказанныхъ гипотезъ, въ своихъ выводахъ, лучше всего объясняетъ совокупность этихъ памятниковъ.

62. Гипотеза лишь въ томъ случаѣ доступна провѣркѣ, если выводы изъ нея могутъ быть контролированы наблюденіемъ надъ фактами.

Это есть прямое слѣдствіе предыдущаго положенія. Такъ какъ гипотеза получаетъ значеніе лишь послѣ сравненія ея слѣдствій съ данными наблюденія, то всякая гипотеза, изъ которой нельзя вывести слѣдствій подобнаго характера, остается

недоступною для провѣрки. Какова природа солнца? Есть-ли оно тѣло твердое, окруженное фотосферою, какъ еще думають нѣкоторые астрономы, или оно находится въ жидкомъ или газообразномъ состояніи, что, повидимому вѣроятнѣе? Эти два предположенія имѣютъ слѣдствія, которыя можно сравнить съ данными наблюденія, а потому по своей природѣ онѣ доступны для провѣрки. Есть-ли на солнцѣ разумныя существа? Здѣсь, для рѣшенія этого вопроса, у насъ уже нѣтъ, а по всей вѣроятности, никогда и не будетъ данныхъ, которыя-бы намъ доставляло наблюденіе. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ не былъ-бы рѣшенъ даже и въ томъ случаѣ, если бы была прочно установлена теорія раскаленнаго состоянія солнца. Правда, мы знаемъ, что организмы, подобные нашимъ, не могутъ жить въ огнѣ; но ничто не доказываетъ, что разумныя существа не могутъ быть одарены организацією, способною существовать въ условіяхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя необходимы для нашей жизни.

Въ исторіи, предположенія, касающіяся того, что было-бы, если бы не случилось извѣстнаго событія, никогда не сдѣлаются доступными для серьезной провѣрки. Что случилось бы, если бы Кромвель умеръ въ дѣтскомъ возрастѣ, или если бы не родился Наполеонъ? Что было бы съ нашей логикой, если бы не было Аристотеля, или съ нашей астрономіей, если бы Коперникъ не исполнилъ своихъ научныхъ работъ? Всѣ вопросы подобнаго характера могутъ дать мѣсто болѣе или менѣе пріятнымъ мечтаніямъ, но двери науки для нихъ навсегда останутся закрыты. Всякая идея, серьезная провѣрка которой невозможна, остается въ состояніи простой догадки, и злоупотребленіе догадками, которыми загромождена почва науки, было одною изъ самыхъ важныхъ причинъ недовѣрія къ гипотезамъ. Итакъ, необходимо оставить въ сторонѣ мечты воображенія; хотя, съ другой стороны, не слѣдуетъ поспѣшно объявлять невозможною провѣрку той или другой идеи, и вотъ почему:

63. Гипотеза, провѣрка которой невозможна при настоящемъ состояніи науки, впослѣдствіи можетъ сдѣлаться доступною для провѣрки.

Копернику возражали, что если бы его теорія была справедлива, то Венера имѣла-бы фазы, подобныя фазамъ луны, а

этого, говорили, нѣтъ. Когда высказывалось такое возраженіе, средства неблюденія дѣйствительно не позволяли замѣтить фазъ Венеры; но изобрѣтеніе телескопа сдѣлало возможнымъ ихъ констатированіе. Вообще, усовершенствованіе инструментовъ играетъ значительную роль въ исторіи науки: оно позволяетъ дѣлать провѣрку и въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ прежде ее считали невозможною. Немного лѣтъ тому назадъ объявляли химерой попытку опредѣлить химическій составъ небесныхъ свѣтилъ. Теперь-же, спектральный анализъ позволяетъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ неба замѣтить присутствіе какого-нибудь металла или газа. Съ научной точки зрѣнія, спектральный анализъ есть одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ фактовъ нашей эпохи, потому-что онъ сообщаетъ намъ свѣдѣнія о составѣ тѣлъ, находящихся на громадныхъ разстояніяхъ отъ насъ, а съ другой стороны, онъ можетъ, съ большею силою; чѣмъ обыкновенный химическій анализъ, указать присутствіе какого-нибудь крайне незначительнаго количества извѣстной матеріи.

Въ историческихъ наукахъ открытіе новыхъ документовъ играетъ такую-же роль, какъ въ изученіи природы изобрѣтеніе новыхъ инструментовъ. Какой-нибудь пергаментъ, завалявшійся въ пыли нашихъ библіотекъ или еще неизслѣдованныхъ архивовъ, можетъ быть доставитъ возможность съ достовѣрностію рѣшить тотъ или другой вопросъ, который, при настоящемъ состояніи нашихъ познаній, остается простою догадкою. То-же должно сказать объ археологическихъ раскопкахъ, открывающихъ скрытые въ землѣ остатки прошлаго времени, и о дешифровкѣ (разборѣ) древнихъ надписей. Многія предположенія, не допускающія теперь серьезной провѣрки, могутъ со временемъ оказаться гипотезами, провѣрка которыхъ будетъ доступна, вслѣдствіе работъ нашихъ египтологовъ и ученыхъ, изучающихъ остатки древнихъ азіатскихъ цивилизацій.

64. Объяснительныя гипотезы проходятъ различныя степени вѣроятности и могутъ достигать достовѣрности.

То обстоятельство, что объяснительныя гипотезы подтверждаются постепенно, отличаетъ ихъ отъ гипотезъ двухъ пред-

шествующихъ классовъ, которымъ провѣрка можетъ сообщить непосредственную достовѣрность. Но какимъ образомъ объяснительная гипотеза достигаетъ достовѣрности? Этотъ вопросъ рѣшается такъ-же, какъ и вопросъ о достовѣрности свидѣтельства (50). Нужно, впрочемъ, отмѣтить здѣсь одну разницу. Свидѣтельство, если оно вполнѣ надежно, можетъ сообщить утвержденію о фактахъ достовѣрность, равную по степени съ достовѣрностію математическою или метафизическою,—хотя и другаго характера. Объяснительныя-же гипотезы—это теоріи, по отношенію къ которымъ, съ абстрактной точки зрѣнія, сомнѣніе всегда возможно, хотя въ концѣ концовъ онѣ и достигаютъ иногда общаго и рѣшительнаго признанія со стороны ученыхъ. Существованіе эѳира, напримѣръ, необходимо для современной физики; однако нѣкоторыми оно подвергается сомнѣнію. Теорія ледниковъ, для объясненія наносныхъ слоевъ земли, допускается очень многими современными геологами; однако еще очень недавно нѣкоторые авторитетные ученые ея не принимали. Гипотеза Коперника является въ другихъ условіяхъ: она получила характеръ достовѣрности послѣ долгаго и сильнаго протеста, окончившагося лишь послѣ того, какъ великое открытіе Ньютона оправдало теорію, основаніе которой положилъ Коперникъ. Опыты Фуко дали этой теоріи новое подтвержденіе. „Теперь“, какъ говоритъ г. Делоне, „уже давно вращательное движеніе земли вокругъ своей оси считается безспорною истиною“ [1]).

65. Провѣренныя объяснительныя гипотезы никогда не получаютъ характера необходимости, свойственнаго даннымъ разума.

Не должно смѣшивать достовѣрность извѣстной идеи съ ея необходимостію (7). Важно также различать понятіе о необходимости самой въ себѣ, или абсолютной, отъ необходимости для нашей мысли. Здѣсь идетъ рѣчь о необходимости для нашей мысли. Когда предположенъ для объясненія фактовъ извѣстный принципъ, изъ него извлекаются выводы путемъ ло-

---

[1]) *Cours élémentaire d'astronomie*, § 75.

гической дедукціи, съ формальной стороны имѣющей такой-же характеръ, какъ и въ наукахъ чисто раціональныхъ,—лишь съ тою разницею, что, въ наукахъ фактическихъ, точки отправленія не имѣютъ для нашей мысли характера необходимости, какую въ наукахъ раціональныхъ имѣютъ аксіомы. Напримѣръ, законъ тяготѣнія объясняетъ движеніе свѣтилъ; но легко представить себѣ другую систему міра, чѣмъ та, которую открываетъ намъ опытъ, тогда какъ невозможно представить другую природу треугольника. Въ сочиненіяхъ многихъ нашихъ современниковъ встрѣчается явно ложная мысль, будто опытъ можетъ открыть необходимые законы. Это есть незаконное примѣненіе трансцендентальныхъ понятій разума къ предметамъ, чисто случайнымъ по своей природѣ.

Тотъ фактъ, что опытныя данныя не имѣютъ характера необходимости, объясняетъ разницу въ историческомъ развитіи наукъ математическихъ и наукъ объяснительныхъ. Математическія истины были устанавливаемы постепенно—одна за другою; но разъ та или другая математическая истина открыта, она становится прочнымъ достояніемъ науки. Въ геометріи пріемы дедукціи и способъ изложенія разнообразятся смотря по времени и автору; но никогда прочно установленная теорема не замѣняется другою, противоположною. Науки-же объяснительныя измѣняются не только въ способѣ изложенія, но и въ своемъ содержаніи. Въ этомъ легко убѣдиться, если обратить вниманіе хотя-бы, напримѣръ, на тотъ фактъ, что относительно свѣта теорія истеченія была замѣнена теоріей волнообразныхъ колебаній эѳира; или же что вообще новая физика заступила мѣсто старой. Чисто опытные законы представляютъ только выраженіе фактовъ; поэтому они, какъ и математическія теоремы, остаются неизмѣнными, разъ они удостовѣрены, какъ слѣдуетъ. Напротивъ, теоріи, составляемыя для объясненія фактовъ, имѣютъ другую судьбу: онѣ измѣняются, оставляются и замѣняются другими, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются безспорными, какъ это случилось съ ученіемъ Коперника и съ закономъ тяготѣнія. Но даже и въ томъ случаѣ, когда объяснительныя гипотезы пріобрѣтаютъ въ умахъ ученыхъ

характеръ достовѣрности, онѣ не получаютъ принудительнаго характера истинъ необходимыхъ. Имъ приписываютъ этотъ характеръ только вслѣдствіе незаконнаго вліянія привычки или же вслѣдствіе не менѣе незаконнаго вліянія какой-нибудь предвзятой идеи. Тотъ или другой законъ (этого рода) оправдывается иногда абсолютно и, однако, всегда возможно представить себѣ, въ замѣну его, другой законъ.

* * *

(Продолженіе будетъ).

О ПОЗНАНІИ.

(Продолженіе *).

II.

О различныхъ направленіяхъ въ гносеологіи.

1. *Догматизмъ* и *скептицизмъ*. Значеніе скептицизма. Необходимость познанія. 2. Что дѣлаетъ познаніе необходимымъ? Вопросъ объ основныхъ началахъ, или элементахъ познанія. *Критицизмъ* Канта, какъ опытъ соглашенія *эмпиризма* съ *раціонализмомъ*. Объ эмпирическомъ и раціоналистическомъ взглядахъ на познаніе. 3. Преобразованіе, какому подвергся въ критич. философіи Канта раціоналистическій взглядъ на познаніе. Близость этой философіи къ эмпиризму. Эмпирическая теорія о происхожденіи апріорныхъ началъ познанія.

1. Кантъ противополагаетъ, какъ извѣстно, свою критическую философію философіи прежней, которую онъ характеризуетъ какъ *догматизмъ*, разумѣя подъ догматизмомъ съ одной стороны *эмпиризмъ* англійской философіи, а съ другой—*раціонализмъ* Декартовской и Лейбнице—Вольфіанской школъ. Съ этой характеристикой различныхъ направленій гносеологіи нельзя согласиться. Догматизму прямую противоположность составляетъ не критицизмъ, а *скептицизмъ*; критицизмъ же—направленіе—среднее между догматизмомъ и скептицизмомъ. *Догматизмъ*, по опредѣленію Канта, состоитъ въ признаніи возможности объективнаго знанія, не основанномъ на предварительномъ критическомъ изслѣдованіи познавательныхъ способностей. Простая и безотчетная увѣренность въ томъ, что познаніе вещей для насъ возможно и легко достижимо,—увѣренность, питаемая естественнымъ стремленіемъ ума человѣ-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 18.

ческаго къ познанію,—вотъ догматизмъ! Что противоположно этой увѣренности? Очевидно—неувѣренность, *сомнѣніе* въ возможности и достижимости для насъ достовѣрнаго познанія, а затѣмъ и прямое отрицаніе такой возможности. Это *скептицизмъ*. Догматизмъ не нуждается ни въ какомъ изслѣдованіи познавательныхъ способностей, ибо пока эти способности неиспытаны самымъ дѣломъ, не могло быть и повода къ тому. Естественное побужденіе къ пріобрѣтенію знаній прямо направляетъ наши умственныя силы къ этому дѣлу, оно заставляетъ искать познанія съ полною и непоколебимою увѣренностію въ достижимости и важности такой цѣли. И для скептицизма не было еще надобности въ критическомъ изслѣдованіи. Для скептицизма прежде всего было того довольно, что самоувѣренность, съ какою догматизмъ относился къ осуществленію своей цѣли—пріобрѣтенію познанія, не оправдывалась самымъ дѣломъ. Хотя догматизмъ не имѣлъ пока нужды изслѣдовать самое познаніе, т. е., условія, отъ которыхъ оно зависитъ и которыя дѣлаютъ его возможнымъ и достижимымъ, но само по себѣ естественное побужденіе къ познанію, рождая увѣренность въ достижимости его, вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ и нѣкоторое общее предварительное представленіе о томъ, что такое познаніе. Простому здравому смыслу познаніе представляется отображеніемъ познаваемыхъ предметовъ въ духѣ познающаго, какъ бы въ зеркалѣ. Если бы этотъ взглядъ на познаніе былъ вѣренъ, тогда зачѣмъ объ одномъ и томъ же предметѣ столько различныхъ до противоположности представленій? Этого мало; у того же самаго субъекта, съ перемѣною его душевныхъ или тѣлесныхъ состояній и настроенія, измѣняются взгляды на тѣ же вещи: одно и то же то такъ представляется тому же самому лицу, то иначе. Этого не могло бы быть, если бы точно познаніе было простымъ отраженіемъ въ познающемъ бытія познаваемаго. Отношеніе вещей познаваемыхъ къ нашему сознанію стало быть не такъ просто, какъ кажется это на первый взглядъ. Отъ самоувѣренности, еще неискушенной продолжительнымъ опытомъ, научающимъ осмотрительности, къ сомнѣнію и полному разочарованію, также не знающему мѣры, переходъ очень легокъ. На смѣну догма-

тизма явился скептицизмъ. Но скептицизму столь рѣшительно противится свойственная человѣку любознательность, что настояла необходимость для него такъ или иначе оправдать себя, обставить себя какими-либо аргументами. Кромѣ указанія на разногласія философовъ по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, скептики выставили нѣкоторыя недоумѣнія, заслуживающія серьезнаго вниманія и послужившія впослѣдствіи къ возбужденію многихъ философскихъ вопросовъ, нелегко разрѣшимыхъ. Таковы въ особенности недоумѣнія относительно причинной связи вещей, какъ предмета познанія. Главный предметъ, на который устремлено свойственное намъ побужденіе къ познанію, есть причинная связь вещей. Но что мы называемъ причиною, спрашивали скептики? То мы представляемъ обыкновенно причину, какъ предшествующее своему дѣйствію, то опять полагаемъ причину вмѣстѣ съ дѣйствіемъ, какъ вещи, одновременно данныя. Съ другой стороны, причину мы представляемъ, какъ нѣчто скрытое и какъ бы таинственное, что само по себѣ непознаваемо, а познается только изъ дѣйствій, служащихъ какъ бы признаками и показателями своей причины, какъ будто знакъ и означаемое одно и то же. И на чемъ основывается увѣренность въ познаваемости причинъ? Кто утверждаетъ, что причины существуютъ и познаваемы, не имѣя для такого утвержденія никакого основанія, тотъ не заслуживаетъ никакого довѣрія, а кто захотѣлъ бы подтвердить такое утвержденіе какимъ-либо основаніемъ, для того это основаніе имѣло бы значеніе причины, по которой онъ выдаетъ за истину свое утвержденіе, а это значитъ, что и нельзя доказать существованія и познаваемости причинъ, ибо всякое доказательство предполагало бы собою то самое, что требуется доказать. Правда, то же самое можно возразить и противъ отрицанія причинъ, но отсюда слѣдуетъ только, что въ сущности нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать, чѣмъ опять таки оправдывается скептицизмъ. Принимая за причину духовное, нельзя понять, какимъ образомъ духъ можетъ дѣйствовать на тѣло, ни того нельзя понять, какъ тѣлесное можетъ оказывать дѣйствіе на духъ. Причина, дабы дѣйствовать, должна соприкасаться съ предметомъ своего дѣйствія, а соприкасаться вещи могутъ только

своими поверхностями; итакъ, значитъ, взаимодѣйствіе вещей ограничено ихъ поверхностями и не простирается въ глубь, а выше сказано, что причины обыкновенно представляются лежащими въ глубинѣ и дѣйствующими скрытымъ образомъ. Скептицизмъ оправдывается не только разсмотрѣніемъ познаваемаго, но къ тому же приводитъ и разсмотрѣніе самаго познанія, то есть, различныхъ познавательныхъ способностей. Съ перваго взгляда различны между собою чувственное воспріятіе и мышленіе. Но ни чувства не даютъ такого твердаго и достовѣрнаго познанія, на которомъ могло бы опереться всякое дальнѣйшее познаніе и которое могло бы служить ручательствомъ истинности (критерій достовѣрности) всѣхъ нашихъ знаній, ибо многія чувственныя представленія обманчивы и противорѣчивы; равнымъ образомъ и мышленіе не можетъ служить ручательствомъ достовѣрности познанія, ибо на всякое доказательство въ пользу извѣстнаго положенія мы можемъ потребовать новаго доказательства, и такъ безъ конца. Остается: *сомнѣваться во всемъ* и ничего не принимать за достовѣрную истину.

Что въ природѣ человѣческой стоитъ твердо, того не можетъ поколебать никакое сомнѣніе; напротивъ сомнѣніе—то именно и даетъ возможность убѣдиться въ непоколебимости того, противъ чего оно безсильно. Такое значеніе сомнѣнія было впослѣдствіи вполнѣ оцѣнено. Извѣстно, напримѣръ, что Декартъ употребилъ сомнѣніе, какъ лучшій методическій пріемъ для того, чтобы отыскать наиболѣе твердый и достовѣрный пунктъ въ нашемъ познаніи, и такимъ образомъ, наиболѣе достовѣрное выдѣлить изъ области недостовѣрнаго, сомнительнаго. Подобнымъ же образомъ древній скептицизмъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, разумѣется косвеннымъ, того, что *познаніе необходимо*, а слѣдовательно дѣйствительно имѣется и должно быть возможно. Скептики говорятъ, что все сомнительно и что ничего нельзя ни утверждать, ни отрицать съ полною достовѣрностію. Но самое это положеніе,—что все сомнительно,—они должны признать *несомнѣннымъ*. А если хотя одно положеніе должно быть признано не подлежащимъ сомнѣнію, то

этимъ самымъ абсолютный скептицизмъ исключается, и это же самое служитъ очевиднымъ свидѣтельствомъ того, что возможность и дѣйствительность познанія, какъ бы ни были ограничиваемы, составляютъ такую непоколебимую истину и вмѣстѣ столь необходимый фактъ, что ниспровергнуть эту истину и этотъ фактъ никакое сомнѣніе не въ силахъ. Довольно признанія и одной истины не подлежащею сомнѣнію для того, чтобы возможность познанія и достижимость его для насъ были очевидны. Вѣдь если скептицизмъ вынужденъ признать за несомнѣнное по крайней мѣрѣ свое собственное положеніе, свой принципъ, то съ этимъ вмѣстѣ открывается возможность принудить скептиковъ къ признанію за истинное и всего того, чѣмъ скептицизмъ приведенъ къ своему сомнѣнію и чѣмъ это свое сомнѣніе оправдываетъ. Этого мало: скептицизмъ не можетъ отказаться отъ признанія и той идеи истиннаго познанія, въ силу которой только и возможна критика человѣческаго познанія, имѣющая цѣлью показать несовершенства этого познанія, дабы такимъ образомъ оправдывать выводъ о сомнительности и недостовѣрности его.

2. Итакъ познаніе необходимо. Что же именно дѣлаетъ его необходимымъ? Конечно, никакая познавательная способность не можетъ служить критеріемъ достовѣрности познанія, ибо необходимо правильное употребленіе способностей, а это предполагаетъ возможность и неправильнаго употребленія. Но съ теченіемъ времени достовѣрное познаніе дѣйствительно достигается и на немъ воздвигается зданіе систематическаго, твердаго познанія. Разборъ уже достигнутыхъ болѣе или менѣе знаній показываетъ, что есть положенія, *отрицаніе которыхъ не возможно*, а *признаніе слѣдовательно необходимо*. Итакъ очевидно, что познаніе наше настолько необходимо, насколько основаніемъ для него служатъ элементы, отличающіеся характеромъ необходимости, причемъ безразлично, будемъ ли мы представлять эти необходимые элементы познанія въ видѣ отдѣльныхъ идей, понятій, или же положеній. Важнѣе было бы рѣшить вопросъ, какіе именно элементы составляютъ необходимое основаніе нашего познанія и сколько ихъ есть въ дѣйствительно-

сти. Вопросъ этотъ сначала разрѣшался довольно неопредѣленно. Платонъ напримѣръ на всякое отвлеченное понятіе, и притомъ даже о предметахъ человѣческой изобрѣтательности и искусства, смотрѣлъ, какъ на врожденную идею. Болѣе совершенное рѣшеніе того же вопроса даетъ Декартъ: не всякое понятіе слѣдуетъ признать врожденнымъ; къ числу врожденныхъ можно отнести лишь понятія основныя, важнѣйшія, каковы напримѣръ идеи Бога, мышленія, протяженія, ибо мышленіе—сущность души, а протяженіе—сущность тѣлъ. Впрочемъ Декартъ очевидно затруднялся съ полною опредѣленностію указать, какія именно идеи онъ признаетъ врожденными; онъ не находилъ возможнымъ въ точности ихъ перечислять. Все болѣе и болѣе оказывалась нужда предпринять критическое изслѣдованіе познавательной дѣятельности нашего духа. Дѣло это начато было Локкомъ, продолжено послѣдующими англійскими философами, а отчасти Лейбницомъ, и въ нѣкоторой степени завершена Кантомъ. Съ ясностію обозначились при этомъ два направленія въ критическомъ изслѣдованіи вопросовъ о познаніи: *эмпиризмъ* и *раціонализмъ*. Критицизмъ Канта не какое либо новое направленіе, а представляетъ собою опытъ соглашенія и примиренія названныхъ направленій, но, какъ обыкновенно бываетъ, дѣйствительное соглашеніе и примиреніе не достигнуто, ибо у самаго Канта раціонализмъ преобладаетъ надъ эмпиризмомъ, а у новѣйшихъ его послѣдователей—новокантіанцевъ, напротивъ, эмпиризмъ является господствующимъ элементомъ; но за то, благодаря критическимъ изслѣдованіямъ Канта, достигнуто болѣе глубокое пониманіе вопросовъ гносеологическихъ и болѣе изощренное сознаніе трудностей, препятствующихъ окончательному и полному ихъ разрѣшенію, такому разрѣшенію, которое можно бы назвать научнымъ; напротивъ становится очевиднымъ, что это вопросы собственно—философскіе, разрѣшеніе которыхъ не можетъ обойтись безъ метафизическихъ предположеній, и слѣдовательно по необходимости должно быть даваемо въ различномъ духѣ, соотвѣтственно различнымъ метафизическимъ направленіямъ. Итакъ, напрасно Кантъ противополагаетъ свой критицизмъ эмпиризму и раціо-

нализму, обобщая оба эти направленія подъ именемъ догматизма. Эмпиризмъ и раціонализмъ,—это направленія критической философіи, занятой преимущественно изслѣдованіемъ гносеологическихъ вопросовъ. Докритическими направленіями въ области этихъ вопросовъ слѣдуетъ признать лишь догматизмъ и скептицизмъ, бывшія въ древней философіи.

Главными вопросами, возбудившими критическую работу мысли въ области гносеологіи, слѣдуетъ признать прежде всего вопросъ—сознаемъ ли мы или не сознаемъ основные элементы нашего познанія и затѣмъ вопросъ—каковъ характеръ необходимости, признаваемой отличительнымъ свойствомъ основныхъ элементовъ познанія. Изслѣдованіе этихъ вопросовъ приводило къ различнымъ предположеніямъ объ источникѣ первичныхъ элементовъ познанія. Если таковымъ источникомъ признается способность чувственнаго воспріятія, или опытъ въ тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ чувственнаго непосредственнаго наблюденія, то получается взглядъ на познаніе, именуемый *эмпиризмомъ*; если, напротивъ, источникъ первичныхъ элементовъ познанія полагается въ разумѣ, то это есть *раціонализмъ*.

Выше сказано, что у философовъ мы не находимъ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, какія именно идеи слѣдуетъ признать врожденными, если допустить существованіе таковыхъ, и сколько именно ихъ есть. Понятно, что требовалось установить признакъ, по которому возможно было бы различить врожденныя идеи отъ всякихъ иныхъ. Естественно предположить, что врожденныя идеи всегда и неизмѣнно должны быть присущими нашей душѣ, такъ что нужды нѣтъ пріобрѣтать ихъ какимъ-либо образомъ. Уже Платонъ разъясняетъ (въ діалогѣ Менонъ), что искусно поставленными вопросами можно наводить мысль вопрошаемаго на такія истины, о которыхъ онъ прежде вовсе не думалъ и которыхъ никто ему не сообщалъ, и что стало быть эти истины остаются скрытыми въ глубинѣ нашей души, пока что-либо,—внѣшнее, какое-либо впечатлѣніе не натолкнетъ нашу мысль на одну изъ нихъ и тогда мы приходимъ къ познанію ея. На этомъ основаніи Платонъ утверждаетъ, что все наше познаніе есть въ сущности воспо-

миманіе. Врожденныя идеи постоянно присущи нашей душѣ, но иное дѣло быть обладателемъ, собственникомъ чего-либо, а иное дѣло имѣть эту свою собственность въ наличности такъ сказать на глазахъ (Теэтетъ). Этотъ же вопросъ Декартъ разъясняетъ такъ. Если врожденныя идеи или истины существуютъ, то не просто въ душѣ, а собственно въ умѣ нашемъ, ибо истина или идея есть то, что познается, и значитъ нѣтъ иного мѣста для нея, какъ въ познавательной способности; сущность ума состоитъ въ томъ, что онъ мыслитъ; итакъ врожденныя идеи существуютъ чрезъ то, что мы ихъ мыслимъ, или иначе, имѣемъ ихъ въ своемъ сознаніи, сознаемъ ихъ; по Декарту мыслить то же, что сознавать, имѣть идеи. Душа, по Декарту, всегда мыслитъ, т. е.. всегда имѣетъ идеи и всегда ихъ сознаетъ, ибо въ чемъ иначе состояло бы бытіе души. Конечно, сознаніе измѣняется, оно бываетъ то яснымъ, то темнымъ, но невозможно допустить, чтобъ оно совершенно отсутствовало, что было бы равносильно прекращенію бытія души, которая, по сущности своей, есть существо мыслящее (субстанція).

Что душа наша всегда мыслитъ, или иначе, всегда имѣетъ сознаніе присущихъ ей идей, это Декартъ могъ утверждать только вопреки очевидности; и значитъ, онъ утверждалъ это ради послѣдовательности, для того только, чтобы во всей строгости удержать установленное имъ понятіе о душѣ, какъ субстанціи мыслящей, всегда сознающей существующія въ ней идеи. Какъ только признано существованіе въ душѣ врожденныхъ идей, то уже по необходимости приходится допустить непрерывность сознанія въ душѣ, ибо какое же иное возможно еще существованіе идей, если не въ сознаніи? Но сознаніемъ непрерывнымъ мы не обладаемъ; душа не всегда мыслитъ, и мышленіе не есть сущность души, а только состояніе. Слѣдовательно и такихъ идей или истинъ, которыя непрерывно существовали бы въ нашей душѣ, были бы *необходимою* ея принадлежностію,—т. е., *врожденныхъ*, мы вовсе не имѣемъ. Таковы положенія, высказанныя Локкомъ противъ декартовскаго ученія о врожденныхъ идеяхъ. Существованіе врожденныхъ идей представлялось Декарту столь несомнѣннымъ, что онъ

долженъ былъ ради того допустить положенія, не согласныя съ очевидною дѣйствительностію. Поэтому не благоразумнѣе ли вовсе отбросить всякую мысль о врожденныхъ идеяхъ? Локкъ такъ и сдѣлалъ. Послѣдствія этой рѣшимости Локка—сообразовать свои мнѣнія съ фактами и не допускать никакихъ противорѣчащихъ имъ предположеній, были очень важны. Прежде всего, если нѣтъ врожденныхъ идей, то понятіе объ основныхъ элементахъ нашего познанія приходится измѣнить: дѣйствительно такими элементами Локкъ признаетъ ощущенія чувствъ внѣшнихъ, а также внутренняго чувства (внѣшній и внутренній опытъ); источникъ основныхъ элементовъ познанія полагается теперь не въ разумѣ, слѣдовательно не въ существѣ души, а въ опытѣ (эмпиризмъ), т. е., въ дѣйствіи вещей, а также испытываемыхъ душею (вслѣдствіе того дѣйствія) состояній на чувственное воспріятіе; такъ что въ началѣ, пока не послѣдуетъ такое дѣйствіе, душа совершенно пуста и не имѣетъ никакихъ идей. Особенно важное значеніе гипотезы о врожденныхъ идеяхъ,—ради которыхъ не легко было отбросить эту гипотезу,—заключалось въ томъ, что врожденными идеями, казалось, обезпечивается для человѣка достиженіе самаго совершеннаго познанія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ глубинѣ нашей души заложены начатки познанія, то это очевидно могло быть сдѣлано только Верховнымъ Виновникомъ ея бытія, Самимъ Богомъ, и стало быть познаніе, содержащееся въ идеяхъ врожденныхъ и на нихъ основанное, есть познаніе божественнаго происхожденія и достоинства, познаніе самое совершенное. Какъ познаніе совершенное, оно безъ сомнѣнія выражаетъ самое существо познаваемыхъ предметовъ. Вотъ почему не иная цѣль полагалась для раціональнаго познанія вещей, т. е., для познанія, исходящаго изъ первыхъ оснований (каковое познаніе есть философское), какъ постиженіе сущности всего существующаго. Теперь, когда гипотеза о врожденныхъ идеяхъ отброшена какъ предразсудокъ, ни на чемъ не основанный, приходится иное понятіе составить о достоинствѣ и значеніи нашего познанія. Чувственное воспріятіе даетъ намъ разнообразныя ощущенія (чувствъ внѣшнихъ и внутреннихъ). Можно допустить, что

существуютъ соотвѣтственныя этимъ ощущеніямъ, и то не всѣмъ, различныя свойства предметовъ познаваемыхъ чрезъ нихъ, но только свойства, а не самыя субстанціи, къ которымъ мы эти свойства относимъ, т. е., существо воспринимаемыхъ чрезъ чувства предметовъ очевидно для насъ непознаваемо; ибо далѣе тѣхъ представленій, которыя возникаютъ вслѣдствіе чувственнаго воспріятія наше познаніе не простирается. Разсудокъ такъ или иначе комбинируетъ данныя представленія, но прибавить къ нимъ ничего не въ силахъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ Локкъ говоритъ, что въ познаніи нашемъ мы имѣемъ дѣло съ представленіями, а не съ вещами: вещи, какъ и наша душа, въ смыслѣ субстанцій, т. е., по сущности своей, непознаваемы. На этомъ дѣло, понятно, не могло остановиться: разъ начатое движеніе мысли въ томъ же направленіи должно дойти до своего конца. Послѣ Локка слѣдовали Берклей и Юмъ, которые пошли далѣе, и вотъ къ какимъ пришли заключеніямъ.

Бытіе собственной нашей души, непосредственно открываясь въ разнообразныхъ ея состояніяхъ, активныхъ и пассивныхъ, съ полною очевидностію познается нами, но какое мы имѣемъ основаніе утверждать существованіе вещей внѣшнихъ? По Локку, для ощущеній внѣшнихъ чувствъ мы должны предполагать нѣчто внѣ насъ соотвѣтствующее имъ. Такое предположеніе вынуждается конечно непроизвольностію, нѣкоторою необходимостію для насъ возникновенія въ нашей душѣ ощущеній внѣшнихъ или представленій. Но, строго говоря, это значитъ только, что есть нѣкоторая внѣ насъ причина, которая производитъ въ насъ ощущенія, а остается еще неизвѣстнымъ, какова она. По Берклею этою причиною можетъ быть только Духъ безконечный (ибо только духъ можетъ дѣйствовать на духъ), такъ что для Берклея чувственныя представленія получили то самое значеніе, какое усвоялось врожденнымъ идеямъ.

Основываясь на своемъ понятіи о причинности, какъ простой послѣдовательности представленій, которая можетъ быть извѣстна намъ только по опыту, т. е., чрезъ чувственныя воспріятія, Юмъ признаетъ всякія заключенія о причинахъ про-

извольными, если только касаются причины неизвѣстной по опыту, т. е., выходящей изъ ряда обычно воспринимаемыхъ послѣдовательностей. Поэтому—таковъ окончательный взглядъ Юма на познаніе,—все наше познаніе состоитъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ идей. или иначе, чувственныхъ представленій по законамъ сходства, смежности и противоположности. Мы имѣемъ естественную увѣренность въ бытіи вещей отличныхъ отъ нашихъ представленій, но познанію нашему недоступно бытіе вещей, такъ какъ бытіе вещей внѣ нашего сознанія, а познаніе состоитъ изъ представленій, данныхъ въ сознаніи. Таковъ окончательный выводъ эмпиризма, отрицающаго врожденныя идеи. Гипотеза о врожденныхъ идеяхъ, какъ выше показано, можетъ иногда привести къ заключеніямъ неудобнымъ, съ которыми трудно согласиться, но въ свою очередь эмпиризмъ, полагающій на мѣсто врожденныхъ идей ощущенія, въ качествѣ основныхъ элементовъ познанія, не только не можетъ похвалиться какими-либо преимуществами предъ раціонализмомъ въ области гносеологіи, но оказывается въ положеніи еще худшемъ: ибо вмѣсто того, чтобы *разъяснить* познаніе, эмпиризмъ въ сущности приводитъ къ *отрицанію* его: познаніе, которое ничего не познаетъ, не заслуживаетъ имени познанія. Эмпиризмъ говоритъ, что познаніе наше состоитъ изъ представленій, и раскрываетъ намъ, такъ сказать, механизмъ познанія, но онъ не рѣшается утверждать, что представленія, изъ которыхъ состоитъ познаніе, выражаютъ что-либо отличное отъ нихъ, т. е., самое бытіе вещей, смотря на представленія лишь какъ на состоянія нашего сознанія, не означающія ничего болѣе, какъ только то, что наше сознаніе подвергается разнымъ перемѣнамъ. Раціонализмъ смотритъ на врожденныя идеи, признаваемыя имъ основными началами познанія, какъ на выраженіе самаго бытія, какъ на проявленіе въ насъ истиннаго существа вещей. И какъ же можетъ быть иначе? Вѣдь врожденныя идеи—это вѣчныя истины разума, это признаки родства человѣческаго разума съ разумомъ божественнымъ. Какъ истины, напечатлѣнныя въ человѣческомъ духѣ Самимъ Богомъ, врожденныя идеи составляютъ *необходимое*

и непреложное достояніе человѣческаго разума. Въ этомъ то и сомнѣвается эмпиризмъ прежде всего. Существуютъ ли на самомъ дѣлѣ истины непреложныя и необходимыя? Сколько уже положеній считалось нѣкогда необходимыми и непреложными истинами, которыя однакожъ пришлось затѣмъ бросить какъ старые и никуда негодные предразсудки, порожденные невѣжествомъ. Все подвержено перемѣнамъ; ужели только въ человѣческомъ сознаніи найдется что-либо неизмѣнное и непоколебимое? Напротивъ человѣческое сознаніе это калейдоскопъ, въ которомъ происходитъ постоянная игра представленій, и мы видимъ эту игру, но какія пружины скрываются за ней и приводятъ наши представленія въ движеніе, этого мы не знаемъ и не можемъ знать; довольно съ насъ и того, если мы можемъ усмотрѣть въ этой игрѣ нѣкоторый порядокъ, подмѣтить правила, по которымъ эта игра совершается. Есть нѣкоторое постоянство въ чередованіи и группировкѣ нашихъ представленій, но о необходимомъ и непреложномъ, не можетъ быть рѣчи. Все наше познаніе въ сущности опирается на способности чувственнаго воспріятія, а развѣ мы можемъ утверждать, что эта способность не можетъ измѣниться; теперь мы имѣемъ столько органовъ воспріятія, а прежде могло быть ихъ меньше, впослѣдствіи же, можетъ статься, будетъ ихъ больше.

Что непреложныя и необходимыя истины существуютъ, этого отрицать нельзя. Укажемъ на положенія математическія и нравственныя истины. Но хотя бы кто захотѣлъ и это все подвергнуть сомнѣнію, однако то безспорно, что вѣра въ существованіе истинъ непреложныхъ и вѣчныхъ неискоренима. Самое то положеніе, что все измѣнчиво означаетъ въ сущности неудовлетворенность существующимъ положеніемъ вещей и исканіе твердаго опорнаго пункта среди всеобщей измѣнчивости. И не въ сознаніи ли человѣка, или вѣрнѣе—не въ самосознаніи ли заключается этотъ искомый и предполагаемый незыблемый пунктъ? Это несокрушимая скала, о которую разбиваются волны бытія. Что касается тѣхъ неудобныхъ предположеній и выводовъ, связанныхъ повидимому съ гипотезою о врожденныхъ идеяхъ, на которыя выше указано, то этимъ

ни сколько не оправдывается рѣшительное отрицаніе означенной гипотезы, служащей первоначальною формою выраженія свойственной человѣку вѣры въ бытіе истинъ вѣчныхъ, непреложныхъ.

Еще Лейбницемъ было разъяснено противъ Локка, что хотя наше сознаніе дѣйствительно не продолжается непрерывно, напротивъ сознательныя состоянія души смѣняются состояніями безсознательными, но этимъ ни сколько не исключается непрерывное существованіе въ душѣ нашей представленій. Локку казалось, что могутъ существовать только сознательныя представленія; между тѣмъ многія основанія приводятъ къ тому заключенію, что сверхъ сознательныхъ представленій должно быть множество представленій безсознательныхъ, непрерывно существующихъ въ душѣ, при чемъ многія представленія, понятно, могутъ переходить изъ состоянія сознательности въ состояніе безсознательности и обратно. Извѣстно, какъ Лейбницъ доказывалъ этотъ свой тезисъ. Несомнѣнно, что Лейбницъ въ настоящемъ случаѣ выразилъ глубокую истину, которая навсегда сдѣлалась достояніемъ науки. Въ настоящее время, безсознательное выставляется какъ абсолютный принципъ философіи. Но, какъ извѣстно, истина, выраженная сначала въ одной формѣ, подвергается обыкновенно нѣкоторому измѣненію и является потомъ въ иномъ видѣ, въ другой формѣ. Странною и не совсѣмъ понятною представляется мысль о существованіи безсознательныхъ представленій. Кажется, что есть здѣсь нѣкоторое противорѣчіе и даже пожалуй нелѣпость: что такое безсознательное представленіе,—это представленіе, ничего не представляющее? Вѣдь представленіемъ можетъ быть названо только состояніе сознанія. Представленіе нѣчто выражаетъ, означаетъ нѣчто,—понятно для кого,—для сознанія, нѣтъ сознанія, тогда представленіе перестаетъ быть представленіемъ, т.е., теряетъ свое значеніе, которое оно можетъ имѣть только въ отношеніи къ сознанію, а вѣдь въ этомъ значеніи заключается самое бытіе, сущность представленій. Вотъ почему, полагая въ основаніе вещей монады, какъ существа *представляющія*, Лейбницъ долженъ былъ допустить вмѣстѣ съ тѣмъ, что каждая

монада въ состояніяхъ своихъ отображаетъ состоянія всѣхъ другихъ монадъ, т. е., всякая монада должна нѣчто представлять собою, если не для себя, то для другихъ. Положимъ, я не сознаю существующихъ во мнѣ представленій, но Богъ ихъ видитъ, и значитъ только для Бога, а не для меня, это суть настоящія представленія. Безъ сомнѣнія допущеніе врожденныхъ идей въ этомъ смыслѣ не имѣетъ значенія гносеологическаго. Развѣ допустить, что прирожденныя начала познанія, хотя не сознаются, но оказываютъ свое дѣйствіе на познавательныя способности и производятъ извѣстныя послѣдствія, которыя уже вполнѣ ясно сознаются нами, подобно тому, какъ незамѣтныя ни для кого микробы производятъ дѣйствія очень ощущительныя и слишкомъ замѣтныя. Но зачѣмъ же такого рода производителей незамѣтныхъ и невѣдомыхъ называть *представленіями*? Пусть это названіе будетъ удержано только для состояній умственныхъ, сознательныхъ. Безсознательно же дѣйствующія начала познанія не лучше ли охарактеризовать наименованіемъ *формъ*? Кантъ, какъ извѣстно, ввелъ во всеобщее употребленіе это именно названіе. Какъ внутри тѣлеснаго организма есть органы, совершающіе свои отправленія такъ, что мы этихъ отправленій въ обычномъ состояніи жизни почти не замѣчаемъ, и какъ эти органы имѣютъ каждый свою опредѣленную форму, и формою, т. е., устройствомъ ихъ, опредѣляется и свойственная имъ дѣятельность, такъ и въ духѣ человѣка есть искони и неизмѣнно существующія формы или способы дѣйствія, отъ которыхъ въ существенныхъ чертахъ зависитъ все наше познаніе.

3. Конечно формы познанія далеко уже не то, что врожденныя идеи: послѣднія и сами заключаютъ въ себѣ познаніе высшее и достовѣрнѣйшее, и обезпечиваютъ для насъ (по мнѣнію тѣхъ, кто признавалъ существованіе таковыхъ идей) достиженіе самаго совершеннаго познанія: врожденныя идеи представляютъ собою какъ бы божественное *откровеніе*. Напротивъ формы познанія, какъ понималъ ихъ Кантъ, не только не способствуютъ достиженію высшаго и совершеннѣйшаго познанія, но скорѣе препятствуютъ тому: формы познанія *не открыва-*

ютъ намъ, напротивъ *скрываютъ* отъ насъ истинное существо вещей,—ибо, какъ свойственныя и необходимо присущія субъекту познающему, формы познанія и сами *субъективны*. Поэтому и познаніе наше, насколько оно основывается на присущихъ субъекту формахъ познанія, болѣе субъективно, чѣмъ объективно, т. е., оно выражаетъ не столько бытіе вещей познаваемыхъ, сколько природу самаго субъекта познающаго, какъ существа представляющаго, которому свойственно, по своимъ собственнымъ законамъ, составлять представленія, а изъ представленій слагать отдѣльныя познанія и цѣлыя системы знаній. Такимъ образомъ, хотя Кантъ въ измѣненномъ видѣ и защищаетъ гипотезу о врожденныхъ идеяхъ, и не могъ примириться съ пустотою въ душѣ (tabula rasa), оказавшеюся, какъ скоро эмпиризмъ отвергнулъ всякую мысль о врожденныхъ идеяхъ, однако взглядъ на познаніе, къ которому приводитъ критическая философія Канта, въ сущности не различается отъ взгляда эмпирическаго на тотъ же предметъ. И по философіи Канта выходитъ, что мы въ познаніи нашемъ имѣемъ въ наличности разнообразныя представленія, но что эти представленія, какъ зависимыя преимущественно отъ условій субъективныхъ, истиннаго существа вещей не выражаютъ, и значитъ бытіе-то собственно для насъ непознаваемо. Кантъ дѣлаетъ столь значительные уступки эмпиризму, что и неудивительно, если философія его въ сущности приводитъ къ тѣмъ же выводамъ о познаніи, къ которымъ пришелъ эмпиризмъ. Вмѣстѣ съ приверженцами гипотезы о врожденныхъ идеяхъ Кантъ признаетъ, что должны быть въ духѣ человѣка необходимыя и непреложныя начала познанія; начала эти онъ называетъ *апріорными*, т. е., началами независимыми отъ дѣйствія вещей на наши познавательныя способности, такими началами, которыя ниоткуда не заимствуются, но всегда свойственны духу человѣческому, слѣдовательно непреложны. Но необходимость, свойственная этимъ началамъ—субъективная, т. е., условная и относительная, а не безусловная, ибо зависитъ отъ свойствъ человѣческой природы и можетъ быть признана только при томъ условіи, если природа человѣка всегда одинакова и неизмѣняема.

И въ этомъ случаѣ опять же раціонализмъ въ философіи Канта настолько дѣлаетъ уступку эмпиризму и сближается съ нимъ, что оказывается для эмпиризма возможнымъ, не измѣняя своему принципу (происхожденіе познанія изъ опыта), усвоить точку зрѣнія Канта, лишь расширивъ понятіе объ опытѣ, какъ единственномъ источникѣ основныхъ началъ познанія. Если необходимость апріорныхъ началъ познанія есть субъективная, т. е., такая, что природы вещей не выражаетъ, а составляетъ лишь свойство природы человѣческой, то это можетъ признать и эмпиризмъ.

Уже Юмъ указалъ на этого рода необходимость, необходимость субъективную, состоящую въ простомъ навыкѣ, прочно утвердившемся въ сознаніи человѣка, и состоящемъ въ нашей склонности къ такому, а не иному сочетанію идей. Стоитъ лишь на мѣсто индивидуальныхъ умственныхъ привычекъ поставить навыки общечеловѣческіе, которые наживались и закрѣплялись въ теченіе неопредѣленно долгаго времени, по закону наслѣдственности, переходя изъ рода въ родъ,—и мы будемъ имѣть, какъ кажется это представителямъ позитивной философіи, вполнѣ достаточное, въ духѣ эмпиризма, объясненіе апріорныхъ началъ познанія. Слѣдуетъ различать опытъ индивидуальный и опытъ общечеловѣческій. Пусть будетъ признано вмѣстѣ съ Кантомъ, что существуютъ апріорныя начала познанія, независимыя отъ опыта; но независимость отъ нашего личнаго, индивидуальнаго опыта,—что только и имѣлось въ виду Кантомъ, вовсе не означаетъ независимости отъ опыта вообще, отъ опыта общечеловѣческаго. Терминъ, которымъ Кантъ обозначаетъ основныя начала познанія,—наименованіе ихъ *формами* не есть нововведеніе Канта. Аристотель также называетъ умъ *формою* формъ, разумѣя въ этомъ случаѣ подъ формами *понятія*, и тотъ же философъ установилъ самое понятіе о формѣ. Подъ названіемъ формъ Аристотель разумѣлъ *видовые типы*, или образы вещей, которые неизмѣнно сохраняются, въ значеніи твердо опредѣленнаго и устойчиваго выраженія живой, дѣйствующей въ нихъ, органической силы. Почему Аристотель формою называетъ и наглядный обликъ пред-

мета или живого существа, и самую силу, которой выраженіемъ и воплощеніемъ служитъ этотъ обликъ; организмъ есть форма, но и душа, живущая въ немъ, также есть форма,—первый въ несобственномъ, а послѣдняя въ собственномъ смыслѣ. Видовые типы животныхъ и растеній долгое время признавали, слѣдуя Аристотелю, неизмѣнными и непреходящими. Новому времени и новѣйшей наукѣ принадлежитъ ученіе о происхожденіи и *измѣняемости* видовъ. Почему это самое ученіе не примѣнить къ вопросу объ основныхъ началахъ познанія? И эти начала, надобно полагать, говорятъ эмпиристы, образовались постепенно, путемъ безконечнаго множества перемѣнъ, которымъ подвергалось человѣческое сознаніе. Условія возникновенія и постепеннаго усовершенія апріорныхъ началъ познанія конечно должны быть тѣ же, что, по теоріи Дарвина, дѣйствуютъ повсюду въ природѣ органической. Основныя формы познанія также должны были постепенно и медленно образоваться путемъ приспособленія (умственнаго) къ внѣшней средѣ и подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ побужденія къ самосохраненію—этого всеобщаго и основнаго дѣятеля во всей органической природѣ.

Выше было указано, съ какими иногда неудобными предположеніями и заключеніями связывалась мысль о существованіи въ нашей душѣ врожденныхъ идей. Въ этомъ отношеніи эмпиризмъ тоже не можетъ похвалиться какими-либо преимуществами предъ раціонализмомъ. Такъ, примѣненіе дарвинизма въ области гносеологіи не можетъ обойтись безъ грубыхъ и слишкомъ очевидныхъ натяжекъ. Въ особенности трудно и просто невозможно, подвести подъ точку зрѣнія дарвинизма мышленіе, что однако дѣлается. Можно ли сказать напримѣръ, что процессы отвлеченія и раздѣленія происходятъ ради удобства, т. е., въ видахъ наилучшаго приспособленія къ дѣйствительности нами познаваемой. При этомъ сущность отвлеченія полагается въ томъ, что будто бы, вмѣсто множества предметовъ и признаковъ, мы беремъ только одинъ въ качествѣ представителя всѣхъ остальныхъ. Не очевидно ли, что отвлеченное состоитъ вовсе не въ замѣнѣ множества сходныхъ предметовъ

однимъ, дѣлаемой ради только удобства, а въ томъ, что мы производимъ сравнительную оцѣнку и выборъ изъ множества представленій, останавливая свое вниманіе лишь на томъ, что признается нами важнѣйшимъ, болѣе существеннымъ и (когда дѣло идетъ о познаніи) совершеннѣе выражающимъ истину. Также точно, при составленіи раздѣленій, мы имѣемъ въ виду вовсе не удобство, а прежде всего то, чтобы раздѣленіе было сообразно съ природою раздѣляемыхъ предметовъ, и болѣе простому раздѣленію, т. е., удобнѣйшему, иногда предпочитаемъ раздѣленіе болѣе сложное и трудное, т. е., менѣе удобное. Можно ли усмотрѣть какой-либо слѣдъ побужденія къ самосохраненію, т. е., эгоизма, въ стремленіи къ познанію предметовъ самыхъ отдаленныхъ отъ насъ и потому не имѣющихъ почти никакой связи съ чисто практическими эгоистическими интересами. Побужденіе къ пріобрѣтенію знаній, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, напротивъ ослабляетъ свойственный человѣку эгоизмъ и выражается рѣшительнымъ самопожертвованіемъ. Это объясняютъ тѣмъ, что познаніе, которое, говорятъ, должно быть только средствомъ къ жизненнымъ цѣлямъ, само обращается въ самостоятельную цѣль. Но самая эта способность человѣка средство обращать въ цѣль, и слѣдовательно свободно избирать для себя цѣль, никоимъ образомъ не можетъ быть выведена и объяснена изъ побужденія къ самосохраненію, т. е., изъ эгоизма.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ.

(Продолженіе *).

ЗНАЧЕНІЕ НАУКИ.

66. Наука человѣческая всегда будетъ неполною.

Наука сдѣлала большіе успѣхи, и можно питать по отношенію къ ней большія надежды; но думать, что мы когда-нибудь будемъ имѣть науку полную въ точномъ значеніи этого слова,—это столь наивная иллюзія, что не хочется и приступать къ ея опроверженію. Поэтъ Лемьеръ сказалъ:

> Croire tout découvert est une erreur profonde;
> C'est prendre l'horizon pour les bornes du monde [1]).

Это заблужденіе возможно только для людей, ослѣпленныхъ и, такъ сказать, опьяненныхъ полузнаніемъ. Научный-же умъ чѣмъ больше развивается, тѣмъ болѣе сознаетъ свою ограниченность. Чувство этой истины прекрасно выражается въ словахъ, приписываемыхъ Сократу: „я знаю лишь то, что ничего не знаю". Почти нѣтъ ни одного вопроса, рѣшеніе котораго не ставило-бы новыхъ проблемъ. Лапласъ, оканчивая свое „*Изложеніе системы міра*", указалъ, какъ на проявленіе величія человѣческаго духа, на то, что онъ „измѣряетъ небеса при крайней незначительности служащаго ему для этого базиса". Но Лапласъ обладалъ грамаднымъ умомъ и не могъ, конечно, не признать, вмѣстѣ съ величіемъ человѣческой мысли, и ея односторонности и относительнаго ничтожества. Въ надгробной рѣчи,

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ" за 1895 г. № 20.

[1]) „Думать, будто все намъ открыто—великое заблужденіе;
Это значитъ горизонтъ принимать за границы міра".

произнесенной надъ его могилой, сказано, что предъ смертью онъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: „мы знаемъ лишь очень немногое, а то, чего мы не знаемъ, безгранично". То-же убѣжденіе, но еще сильнѣе, еще выразительнѣе высказано и въ другихъ словахъ того-же великаго астронома. Вотъ что, по свидѣтельству Пуассона, происходило на смертномъ одрѣ его знаменитаго учителя. Когда взоры больного ослабѣли, Пуассонъ сказалъ ему: „это я, Пуассонъ, вашъ ученикъ; а это Б., вычисленія котораго сдѣлали очевидными ваши блестящія открытія". Умирающій посмотрѣлъ на Пуассона съ задумчивымъ выраженіемъ, а потомъ чуть внятно произнесъ: „ахъ, мы гоняемся за химерами"! Сказавъ эти слова, онъ склонилъ голову на подушку и испустилъ послѣдній вздохъ. Выйдя изъ комнаты, Пауссонъ немедленно разсказалъ о происшедшемъ барону Морису, другу покойнаго [1]).

Почему наше знаніе неполно и всегда останется неполнымъ? По недостатку времени, котораго не хватаетъ даже и для „универсальнаго человѣка" Паскаля, а также—и по ограниченности нашихъ чувствъ. Но допустимъ, что въ нашемъ распоряженіи будетъ безконечное время и самые усовершенствованные инструменты будутъ даны въ пособіе нашимъ слабымъ чувствамъ; все-таки для насъ навсегда останутся темными нѣкоторыя области прошедшаго. Историческіе памятники весьма неполны и гипотезы палеонтологіи, — геологической и лингвистической, — никогда не будутъ въ состояніи сообщить достовѣрность, хотя-бы даже неполную, тому, что есть въ исторіи сомнительнаго и неопредѣленнаго. Мы можемъ строить нѣкоторыя предположенія относительно будущаго; но историческія предположенія очень сомнительны. Предположенія физическія немного надежнѣе: было-бы очень рискованно, напримѣръ считать за абсолютно достовѣрное ученіе о концѣ міра, основывающееся на изученіи законовъ теплоты. Но оставимъ въ сторонѣ прошедшее и будущее и будемъ говорить о настоящемъ. Что находится дальше послѣднихъ звѣздъ, открываемыхъ намъ самыми

[1]) Неизданное письмо барона Мориса, которое любезно сообщило мнѣ его семейство.

сильными телескопами? Что представляютъ изъ себя тѣла за предѣлами того, что открываетъ самый сильный микроскопъ? Этого мы не знаемъ. А такъ-какъ въ мірѣ царствуетъ гармонія и отдѣльныя части его тѣсно связаны между собою, то значитъ, что, если мы не знаемъ всего, то мы не можемъ знать о чемъ-бы то ни было все [1]).

Наши чувства можно сравнить съ тюремными окнами: мы знаемъ лишь то, что они намъ показываютъ и, конечно, вслѣдствіе этого, многое въ мірѣ можетъ навсегда остаться недоступнымъ для нашего познанія. Исторія физики показываетъ, что изученіе электричества нѣкогда очень отставало отъ изученія звука, теплоты и свѣта. И это понятно. Электричество обнаруживается лишь чрезъ явленія, дѣйствующія на наше зрѣніе, слухъ и мускульное чувство. Если бы для его воспріятія у насъ было особенное чувство, которое можно предполагать у нѣкоторыхъ животныхъ, тогда его изученіе подвинулось-бы гораздо дальше. Но если, такимъ образомъ, существуютъ физическія явленія, которыя не могутъ быть предметомъ ни непосредственнаго, ни посредственнаго (какъ электричество) воспріятія, то эти явленія навсегда останутся для насъ неизвѣстными, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока организмъ у насъ будетъ тотъ-же. Слѣдовательно, наше знаніе неполно. Смѣшивать то, что мы можемъ знать, съ совокупностію того, что есть,— это грубое заблужденіе. Научный источникъ этого заблужденія находится въ раціонализмѣ, который допускаетъ, что мы носимъ въ себѣ универсальный принципъ всего существующаго. Мы знаемъ не все, да и тѣ предметы, которые входятъ въ область нашего знанія, мы знаемъ лишь въ ихъ отношеніяхъ къ намъ, откуда слѣдуетъ, что наше познаніе не только не полно, но и относительно.

67. Наука человѣческая относительна.

Мы ничего не можемъ познать иначе, какъ посредствомъ воспріятій и подъ условіемъ законовъ нашей мысли. Вещи въ себѣ или субстанціи существуютъ (24), потому-что если бы ни-

[1]) ...... Ne sachant pas tout, nous ne pouvons savoir le tout de rein.

чего не было, то ничего не могло бы и обнаружиться; но мы можемъ познавать лишь сообразно со способами нашего познанія,—мысль столь очевидная, что кажется наивною. Каковы были-бы вещи, если-бы онѣ познавались при помощи чувствъ, которыхъ у насъ нѣтъ, и умами, устроенными иначе, чѣмъ нашъ? Мы этого не знаемъ, и не имѣемъ никакихъ средствъ узнать это. Интеллектуальные законы одинаковы-ли во всемъ мірозданіи? Мы не знаемъ. Органическія существа могли-бы жить въ иныхъ физіологическихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя знаетъ наша наука: то-же можно допустить и по отношенію къ интеллектуальной организаціи. Цёлльнеръ (Zöllner), профессоръ физической астрономіи въ Лейпцигѣ, допускаетъ идею четвертаго измѣренія пространства. Подъ вліяніемъ одного американскаго спирита, онъ пришелъ къ мысли, что, выходя изъ этого четвертаго измѣренія, духи намъ являются, а входя въ него исчезаютъ [1]). Это представленіе крайне странно; но сказать, что умы, организованные иначе, могли-бы имѣть и другую геометрію, не значитъ сказать завѣдомую нелѣпость. Только для того, чтобы и при такомъ предположеніи наука оставалась возможною, необходимо будетъ допустить, что міръ, въ которомъ помѣщены эти умы, устроенъ иначе, чѣмъ нашъ, такъ какъ соотвѣтствіе объективныхъ элементовъ дѣйствительности субъективнымъ элементамъ мысли есть необходимое условіе познанія. Итакъ, всякое наше познаніе имѣетъ характеръ относительный; но весьма важно различать относительность индивидуальную и относительность общечеловѣческую; когда я ошибаюсь и исправляю свою ошибку, то исправляю ее путемъ соглашенія своей мысли съ разумомъ человѣчества (15). Относительный характеръ нашего знанія не оправдываетъ, однако, скептицизма: изъ него слѣдуетъ лишь только то, что мы не можемъ придавать нашей наукѣ абсолютнаго значенія. Въ мірозданіи могутъ быть міры, устроенные иначе, чѣмъ нашъ, да и мы сами можемъ перейти въ условія иныя, чѣмъ настоящія; но изъ этого не слѣдуетъ, будто наше знаніе призрачно и обманчиво.

---

1) *Revue philosophique*, Декабрь 1879, стр. 660 и слѣд.

68. Относительный характеръ науки не уничтожаетъ ея значенія.

Не будучи абсолютною, въ метафизическомъ смыслѣ этого слова, наша наука однако можетъ быть истинною, какова она и есть на самомъ дѣлѣ. Математика истинна, т. е., необходимыя понятія мысли, которыя выражаются въ вычисленіяхъ, осуществляются въ объектахъ нашихъ воспріятій: успѣхи математической физики чѣмъ дальше, тѣмъ больше подтверждаютъ эту истину. Принципъ причинности истиненъ: нигдѣ въ опытѣ нѣчто не происходитъ изъ ничего. Индукція, при правильномъ приложеніи ея, даетъ вѣрные результаты, потому что законы природы являются съ характеромъ постоянства. Существуетъ, слѣдовательно, гармонія между нашею мыслію и реальностію, которая служитъ объектомъ нашего опыта. Человѣкъ, какъ субъектъ познанія, не можетъ стать внѣ законовъ мысли, но объектомъ его мысли служатъ то идеи, которыя изучаютъ науки раціональныя, то воспріятія, составляющія предметъ наукъ опытныхъ. Эти двѣ различныя области находятся въ согласіи и наука, взятая въ общемъ смыслѣ, есть лишь разысканіе этого согласія. Возможность представить умы, организованные иначе и обладающіе иными способами воспріятія, ни въ какомъ случаѣ не уничтожаетъ значенія достижимой для насъ науки. Между разумомъ человѣка и міромъ, въ которомъ онъ находится, существуетъ гармонія: этого достаточно, чтобы защитить насъ отъ нападеній скептицизма. Впрочемъ, исторія человѣческой мысли показываетъ, что скептицизмъ дѣлаетъ уступки, такъ сказать сдается.

69. Скептицизмъ древнихъ въ новѣйшія времена уступилъ мѣсто позитивизму.

Извѣстно, что въ древней философіи по временамъ обнаруживалось универсальное сомнѣніе, простиравшееся на все,—на всѣ истины и средства познанія. Значеніе чувственныхъ воспріятій подвергалось сомнѣнію точно такъ-же, какъ и значеніе данныхъ разума. Таково направленіе мысли, которое связывается, напримѣръ, съ именемъ Пиррона и которое имѣло своимъ слѣдствіемъ радикальное отрицаніе значенія науки. Наука отвѣтила на это такъ-же, какъ отвѣтилъ Діогенъ на аргумен-

ты, направленные противъ возможности движенія: она шла впередъ. Одинъ изъ специальныхъ признаковъ современной эпохи—это удивительное развитіе научной индустріи. Власть человѣка надъ естественными явленіями увеличивается по мѣрѣ его знанія,—и реальность этой власти даетъ неопровержимое доказательство реальности его знанія, на которомъ эта власть покоится. Сущность позитивизма состоитъ въ томъ, что онъ старается ограничить изысканія человѣческаго ума простою координаціей фактовъ и не желаетъ придавать значенія ни религіознымъ вѣрованіямъ, но метафизическимъ понятіямъ. Это—скептицизмъ въ отношеніи ко всему тому, что превышаетъ опытъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это есть признаніе экспериментальныхъ наукъ, а слѣдовательно—и значенія воспріятій. Здѣсь, слѣдовательно, уже нѣтъ болѣе универсальнаго сомнѣнія древнихъ. Если-бы позитивизмъ держался своей оффиціальной программы, то онъ долженъ былъ-бы ограничить изысканія мысли одною чисто экспериментальною частью наукъ (17). Это былъ бы уже прогрессъ, шагъ впередъ сравнительно со скептицизмомъ; но, къ сожалѣнію, этого мы не видимъ: въ дѣйствительности позитивистамъ не удалось удержаться въ предѣлахъ своей программы,—они не ограничиваются простой координаціей фактовъ, и ищутъ ихъ объясненія. Это приводитъ ихъ къ разсужденію о причинахъ, что, однако, уже выводитъ мысль изъ предѣловъ позитивизма, точно такъ-же, какъ идея законовъ, координирующихъ факты, выводитъ ее изъ предѣловъ абсолютнаго скептицизма. Какъ мы видѣли, къ этому именно и пришла мысль самого Огюста Конта (31).

Невозможно серьезно отрицать согласіе нашихъ истинныхъ мыслей съ нашими точными воспріятіями, потому что,—повторимъ это еще разъ,—наука, цѣль которой объяснить и осмыслить опытъ (13), есть не что иное, какъ разысканіе именно этого согласія. Спросятъ, быть можетъ: не есть-ли, однако, это согласіе лишь согласіе двухъ соотвѣтствующихъ другъ другу иллюзій, которымъ въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ? Такое болѣзненное сомнѣніе возможно, какъ это доказывается существованіемъ абсолютнаго скептизма. Вѣдь нельзя, въ самомъ дѣлѣ, доказать достовѣрность первичныхъ

элементовъ познанія. Но зато невозможно серьезно отрицать этой достовѣрности. Паскаль говоритъ: „мы безсильны доказать что-нибудь и этого безсилія не можетъ устранить никакой догматизмъ; но зато мы имѣемъ идею истины, которой не можетъ опровергнуть никакой пирронизмъ“ [1]). Почему абсолютный скептицизмъ вмѣстѣ и возможенъ и невозможенъ? Этотъ вопросъ заслуживаетъ вниманія и философія должна дать на него отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ заключается въ мысли, что скептицизмъ возможенъ *теоретически*, потому-что наше знаніе не имѣетъ абсолютнаго характера, и невозможенъ *практически*, потому что наше знаніе можетъ быть истиннымъ. Не развивая этого соображенія, достаточно отмѣтить здѣсь фактъ, на который историки философіи быть можетъ, обращали недостаточно вниманія—именно, что современный позитивизмъ есть не что иное, какъ древній скептицизмъ, но уже значительно ослабленный и не столь рѣшительный.

ПОСТУЛЯТЫ НАУКИ.

70. Наука, взятая въ общемъ смыслѣ, имѣетъ извѣстное число постулатовъ.

Постуляты, которые быть можетъ недостаточно останавливали на себѣ вниманіе логиковъ, имѣютъ большое значеніе въ области мысли (8). Частныя науки имѣютъ свои спеціальные постуляты. Такъ, химія предполагаетъ, что въ природѣ существуютъ первичные элементы, которые въ своемъ соединеніи образуютъ тѣла. Физика предполагаетъ постоянство законовъ, управляющихъ явленіями. Изслѣдованія біологическія выходятъ изъ предположенія функціональнаго характера органовъ. Мораль предполагаетъ, что человѣкъ имѣетъ извѣстную долю свободы, которая дѣлаетъ его, по крайней мѣрѣ отчасти, отвѣтственнымъ за свои поступки. Вообще въ наукѣ существуютъ постуляты, имѣющіе такое-же значеніе, какъ и сама наука, и первый изъ этихъ постулатовъ есть тотъ-же самый, что и въ морали, а именно:

71. Наука предполагаетъ у человѣка извѣстную долю свободы.

Въ развитіи ума участвуетъ свобода. Такъ уже вниманіе, необходимое для установки фактовъ и для вывода слѣдствій изъ

[1]) *Pensées de Pascal* Edition Faugére, t. II, p. 99.

гипотезъ и ихъ провѣрки, есть актъ воли. Попытка Кондильяка свести вниманіе къ господствующему ощущенію, чтобы придать ему такимъ образомъ характеръ страдательности (пассивности) и необходимости, оказалась чистою иллюзіею. Когда при своихъ умственныхъ занятіяхъ, я останавливаю вниманіе на извѣстномъ рядѣ мыслей и сопротивляюсь, напримѣръ, вліянію какого-нибудь развлекающаго меня шума,—актъ моего вниманія вовсе не есть продуктъ наиболѣе сильнаго ощущенія; напротивъ мое вниманіе вступаетъ въ борьбу именно съ тѣмъ ощущеніемъ,которое стремится пріобрѣсти въ сознаніи господство.

Далѣе, усиліе, необходимое для того, чтобы перейти отъ простаго мнѣнія къ наукѣ (3), опять-таки есть результатъ акта свободы. Послѣдовательный детерминистъ долженъ былъ-бы ограничиться только наблюденіемъ надъ теченіемъ своихъ мыслей: онъ не долженъ-бы измѣнять его порядка, потому-что считаетъ этотъ порядокъ необходимымъ. Такое положеніе,—положеніе простаго зрителя по отношенію къ явленіямъ умственной жизни,—непримиримо, однако, съ идеею *изслѣдованія*, а между тѣмъ, изслѣдованіе служитъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ науки. Различіе между простымъ мнѣніемъ и научною мыслію не подлежитъ сомнѣнію; но это различіе непонятно при допущеніи теоріи абсолютнаго детерминизма. Мы не можемъ, конечно, мыслить, какъ намъ угодно, но все-таки въ нашихъ мысляхъ есть элементъ воли. Такъ, необходимо прежде всего желать отдаться изысканію истины. Далѣе, конечно, мысль, разъ она начала работать, становится въ зависимость, съ одной стороны, отъ данныхъ опыта, имѣющихъ принудительный характеръ, съ другой,—отъ законовъ разсудка. Однако, и воля не остается безъ дѣйствія: она сообщаетъ направленіе мысли. Вотъ почему, помимо всякихъ, чисто нравственныхъ, соображеній, человѣкъ отчасти отвѣтственъ за свои заблужденія. Мы несемъ эту отвѣтственность въ томъ случаѣ, когда не ищемъ истины, хотя найти ее для насъ было-бы вполнѣ возможно. Человѣкъ, которому какое-нибудь обстоятельство даетъ хоть смутно почувствовать, что онъ находится въ заблужденіи и который не употребилъ никакихъ средствъ, чтобы освободиться отъ этого заблужденія, остается отвѣтственнымъ

за это свое состояніе. Въ томъ или другомъ предпринятомъ изслѣдованіи онъ не властенъ. конечно, измѣнить его результатъ; но начальный актъ зависитъ отъ него.

72. Наука предполагаетъ различіе субъекта и объекта познанія.

Выраженіе: *я знаю* всегда имѣетъ прямое дополненіе, хотя бы только подразумѣваемое. Познающій субъектъ необходимо отличается отъ познаваемаго объекта. Это различіе имѣетъ мѣсто даже по отношенію къ познанію духа о самомъ себѣ, потому-что хотя въ этомъ случаѣ духъ бываетъ въ одно и то-же время и субъектомъ и объектомъ,—что̀ составляетъ характерное свойство личности,—однако познаніе есть фактъ субъективный, который нельзя смѣшивать съ его объектомъ.

Прежде всего должно отмѣтить различіе индивидуальной мысли и объективнаго разума,—разума, который представляетъ для индивидуума идеальную реальность, существенно отличную отъ его субъективныхъ состояній (11). Познанная мною геометрическая теорема имѣетъ для меня объективность столь-же реальную, какъ и матеріальные предметы. Потомъ должно отмѣтить отличіе разума, или коллективной мысли человѣчества, отъ реальностей опыта. Мысль, съ своими необходимыми законами, отличается отъ измѣняющихся и случайныхъ объектовъ, составляющихъ предметъ ея, точно такъ же, какъ и глазъ отличается отъ предметовъ, которые онъ видитъ.

Это различіе мысли и реальностей, составляющихъ ея предметъ, повидимому, вполнѣ очевидно. Однако и оно часто отрицалось философами, да и теперь еще отрицается. Невозможно, конечно, философствовать, не уклоняясь, по крайней мѣрѣ, по видимости отъ обычныхъ взглядовъ и отъ самыхъ естественныхъ внушеній здраваго смысла. Но эти уклоненія могутъ совершаться въ двухъ различныхъ направленіяхъ: или можно идти путемъ, который въ концѣ концовъ приводитъ къ идеямъ сходнымъ съ правильно истолкованными общими мнѣніями (такъ по крайней мѣрѣ думалъ Лейбницъ) [1]; или-же можно идти путемъ. приводящимъ къ идеямъ страннымъ, которыя только

---

[1]) *Préceptes pour avancer les sciences.* Edition Erdmann, p. 167.

кажутся глубокими, потому-что представляютъ продуктъ мысли, блуждающей въ туманѣ.

Усилія отвергнуть различіе мысли и ея объекта дѣлаются въ двухъ различныхъ направленіяхъ: эмпиризмъ пытается отожествить мысль съ ея объектомъ, а идеализмъ наоборотъ—объектъ съ мыслію.

Сущность эмпиризма состоитъ въ томъ, что онъ сводитъ роль познающаго субъекта къ пассивной воспріимчивости и производитъ всѣ наши идеи изъ внѣшняго міра. Локкъ допускалъ два источника идей: ощущеніе и рефлексію; Кондильякъ счелъ болѣе простымъ устранить рефлексію и все свести къ преобразованному ощущенію. Сэнъ-Ламбертъ (Saint-Lambert), забывая, что ощущеніе предполагаетъ ощущающій субъектъ, опредѣлялъ человѣка, какъ „организованную и чувствующую массу, которая получаетъ отъ всего окружающаго ее и отъ своихъ потребностей тотъ умъ, которымъ человѣкъ такъ гордится“. Такимъ образомъ, значеніе познающаго субъекта совершенно устраняется. Но когда дѣло дошло до такого положенія, возникла двойная реакція. Прежде всего, Кантъ доказалъ, что мы ничего не можемъ знать независимо отъ законовъ мысли, которые составляютъ необходимое условіе всякаго познанія. Другіе философы, и въ частностиЛаромигьеръ и Мэнъ-де-Биранъ, обратили вниманіе на то, что активность субъекта такъже необходима для познанія, какъ и *апріорныя* данныя разума. Говоря вообще, легко замѣтить, что, когда эмпиризмъ доходитъ до отрицанія значенія субъекта въ дѣлѣ познанія, то онъ становится жертвой собственной невнимательности, такъ-какъ всегда предполагаетъ именно то самое, что отрицаетъ. Дѣлать изъ моего *я*, изъ чувствованія личнаго бытія, продуктъ ощущенія, значитъ забывать ту вполнѣ очевидную истину, что ощущеніе, какъ явленіе психическое, есть состояніе моего *я*, а, слѣдовательно, его предполагаетъ.

Отрицаніе участія объекта въ дѣлѣ познанія философскому уму кажется болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ отрицаніе роли субъекта, хотя оно сильно смущаетъ простой здравый смыслъ. Я познаю что-либо не иначе, какъ посредствомъ своей мысли; для меня, слѣдовательно, невозможно выступить изъ нея и по-

знать объектъ, отличный отъ моего *я*: таковъ тезисъ абсолютнаго субъективнаго идеализма, который обыкновенно усвояютъ Фихте (противъ такого толкованія его ученія нѣкоторые историки философы дѣлаютъ, однако, возраженія; но разборъ ихъ не представляетъ важности для настоящаго моего труда). Эта доктрина, которая устраняетъ объектъ въ фактѣ познанія, наталкивается на слѣдующее затрудненіе. Если нашъ духъ сознаетъ лишь свои собственныя состоянія, то невозможно понять, откуда-же является различіе между истиною и заблужденіемъ? При такомъ предположеніи (абсолютнаго субъективнаго идеализма) этому различію между истиною и заблужденіемъ не должно-бы быть мѣста. Однако, вѣдь фактъ на лицо: мы ошибаемся и исправляемъ свои ошибки. Въ области чисто раціональныхъ идей, мои ошибки исправляетъ объективная, принудительно дѣйствующая на меня мысль. Въ области опытныхъ идей, мои ошибки исправляются воспріятіемъ и свидѣтельствомъ. Какимъ-же образомъ отрицать различіе заблуждающейся субъективности и исправляющей ее объективности? Отвѣтить на это невозможно, если не признать существеннаго различія между субъектомъ и объектомъ познанія.

73. Наука предполагаетъ согласіе между разумомъ и фактами.

Согласіе законовъ мысли съ явленіями наблюдается всякій разъ, какъ открываютъ вѣрный принципъ для объясненія. Это согласіе, служащее опроверженіемъ абсолютнаго скептицизма (68—69), сначала допускается, какъ предположеніе, а потомъ принимается, уже какъ оправданная истина. Оно есть не только результатъ науки, но и его принципъ, потому-что всякое изысканіе, имѣя цѣлью понять (rendre raison) данныя опыта, исходитъ изъ предварительнаго убѣжденія, что эти данныя расположены въ порядкѣ, сообразномъ съ разумомъ. Когда Леверрье началъ вычисленія, которыя затѣмъ привели его къ открытію новой планеты, онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что движеніе свѣтилъ управляется законами, сообразными съ данными математики. Это убѣжденіе, достигающее въ умѣ ученаго полной ясности, въ формѣ инстинкта проявляется уже съ самаго начала нашей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, первое: „*почему*“,

произнесенное ребенкомъ, предполагаетъ уже, что реальности расположены въ такомъ порядкѣ, который разумъ можетъ понять и воспроизвести. Это постулятъ всякой науки. Вся наука служитъ его доказательствомъ, хотя онъ существуетъ раньше науки. Реальности понятны только потому, что онѣ находятся въ согласіи съ законами мысли, хотя мысль не содержитъ въ себѣ никакихъ апріорныхъ принциповъ, которыми бы она могла воспользоваться для построенія системы міра. Это есть заблужденіе раціонализма (44), которое происходитъ отъ того, что не понимаютъ необходимости опыта и забываютъ роль гипотезы при научныхъ открытіяхъ.

74. Наука предполагаетъ существованіе универсальнаго порядка.

Стремленіе къ единству есть существенный признакъ научныхъ изысканій (54). Это стремленіе обнаруживается въ индукціи, которая открываетъ общее въ частномъ; оно проявляется, далѣе, и въ стремленіи къ открытію законовъ возрастающей простоты и общности, оно обнаруживается, наконецъ, также и въ установкѣ отношеній, связывающихъ различные классы существъ и законовъ. Въ этихъ отношеніяхъ открывается гармонія: въ гармоніи-же проявляется принципъ единства, координирующій множественность вещей, т. е., міровой строй или порядокъ. Наука предполагаетъ не только единство ума, что вполнѣ очевидно, но—и единство его объекта. Подобно тому, какъ радіусы окружности имѣютъ одинъ центръ, и научный умъ во всѣхъ своихъ изысканіяхъ сознательно или безсознательно имѣетъ въ виду единство, связующее различныя части міра. Мысль объ этомъ міровомъ порядкѣ есть не только результатъ науки, но и ея необходимое предположеніе. Это предположеніе весьма ясно обнаруживается въ тѣхъ преждевременныхъ попыткахъ къ синтезу, которыя характеризуютъ труды болѣе древнихъ философовъ. Здѣсь обнаруживается стремленіе, заложенное въ самой природѣ разума, проявленію и развитію котораго (стремленія) общепринятыя ученія, и въ особенности религіозныя преданія, то благопріятствуютъ, то противодѣйствуютъ. Такъ политеизмъ представляетъ препятствіе изысканіямъ принципа міроваго порядка, потому-что онъ предполагаетъ, что можетъ быть много

существенно различныхъ причинъ безъ всякихъ отношеній другъ къ другу. Монотеизмъ, напротивъ, утверждая единство міроваго начала, благопріятствуетъ развитію этого естественнаго стремленія разума къ единству. Гумбольдтъ писалъ: „гармонія и порядокъ въ мірѣ открываются уму только теперь, послѣ долгихъ и серьезныхъ наблюденій"; но онъ-же вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что это представленіе „первоначально открылось внутреннему чувству, хотя лишь въ формѣ смутнаго предчувствія"[1]). Быть можетъ, самый замѣчательный примѣръ такого предчувствія представляетъ ученіе Пиѳагора, который утверждалъ, что число есть универсальный всеобъясняющій принципъ и такимъ образомъ болѣе, чѣмъ за двадцать вѣковъ, предугадалъ положенія современной математической физики.

Немного нужно размышленія, чтобы понять, что наука только подтверждаетъ общій принципъ своихъ изысканій, но не можетъ его создать. Но этотъ принципъ есть предположеніе, что реальности находятся въ извѣстномъ порядкѣ. Впрочемъ, этотъ постулятъ есть не что иное, какъ лишь частное выраженіе болѣе общаго постулята, по которому мы допускаемъ согласіе разума съ фактами. То, что мы называемъ порядкомъ, есть не что иное, какъ согласіе воспринимаемыхъ нами реальностей съ законами нашего ума, и ничѣмъ другимъ и быть не можетъ.

Убѣжденіе, что въ мірѣ существуетъ порядокъ, который дѣлаетъ его для насъ понятнымъ, иногда подвергается сомнѣніямъ. Но легко замѣтить, что эти сомнѣнія въ сущности касаются лишь отдѣльныхъ системъ, принимаемыхъ безъ достаточныхъ основаній. Лишь вслѣдствіе нѣкотораго умственнаго ослѣпленія, принимающаго иногда болѣзненный характеръ, сомнѣніе, касающееся формулировки ученія о міровомъ порядкѣ какимъ-нибудь однимъ ученымъ, переносится на самую идею порядка. Почему извѣстная система оставляется? Потому, что оказываются факты, ей противорѣчащіе, которые показываютъ, что она построена на основаніи, недостаточно широкомъ; но наука идетъ своимъ путемъ, не смотря на то, что многіе умы

[1]) *Cosmos*, t. I, page 2.

падаютъ духомъ. Когда извѣстное понятіе о міровомъ порядкѣ оказывается несостоятельнымъ, ищутъ другаго, болѣе простаго и возвышеннаго и, по мѣрѣ того, какъ наука идетъ впередъ, его находятъ. Сомнѣніе относительно неудовлетворительныхъ системъ вовсе не есть, такимъ образомъ, скептицизмъ; напротивъ это есть проявленіе вѣры въ науку. Вѣрить въ науку значитъ вѣрить, что міръ управляется сообразно съ законами разума. Основнымъ закономъ разума служитъ стремленіе къ единству въ разныхъ его формахъ, и особенно—въ формѣ гармоніи, которая есть единство въ разнообразіи. Эти соображенія прямо приводятъ насъ къ изученію философіи. Послѣ того, какъ мы опредѣлили ея родовой признакъ, т. е. науку, вообще, намъ слѣдуетъ теперь найти ея видовыя разности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ФИЛОСОФІЯ.

75. Философія можетъ быть предметомъ опытнаго опредѣленія.

Философія была предметомъ многочисленныхъ разнообразныхъ и часто, по крайней мѣрѣ повидимому, противоположныхъ опредѣленій. Ихъ различіе много зависитъ отъ того, что авторы стараются выяснить, чѣмъ, *по ихъ мнѣнію*, можетъ или должна быть философія: разнообразіе личныхъ мнѣній естественно влечетъ за собой и различіе опредѣленій. Однако можно избрать другой путь,—можно поставить вопросъ не о томъ, чѣмъ философія можетъ или должна быть, по мнѣнію того, кто о ней говоритъ, но о томъ, чѣмъ она была и что такое она теперь. Но по какимъ признакамъ можно узнать этотъ искомый предметъ, который намъ еще нужно опредѣлить? Вѣдь его нельзя указать, какъ указываютъ какой-нибудь камень, растеніе или животное. Трудность здѣсь несомнѣнная, но не совсѣмъ непреодолимая. Въ каталогахъ библіотекъ есть мѣсто, назначаемое для философскихъ сочиненій. Въ университетскихъ программахъ существуютъ курсы философіи. Въ біографическихъ словаряхъ указано извѣстное число людей подъ именемъ философовъ. Исторія философіи отличается отъ всѣхъ другихъ повѣствованій о судьбахъ человѣчества. Конечно, существуютъ большія

разногласія относительно классификаціи книгъ, университетскихъ курсовъ и разныхъ отраслей исторіи; но бываютъ и такіе случаи, когда разногласія не замѣчается. Никто не затруднится, напримѣръ, отнести Аристотеля, Платона, Декарта, Лейбница, Канта къ разряду философовъ и никому не прійдетъ въ голову помѣстить сюда Цезаря, Рафаэля или Бетховена. Можно сомнѣваться относительно мѣста извѣстной книги въ каталогѣ, но никто не помѣститъ трактатъ по земледѣлію или опытъ чисто литературной критики подъ рубрикой философіи, которая въ своей сущности, не подвергается спорамъ и разногласіямъ, касающимся лишь поверхности, несущественнаго и частностей. Эту-то идею намъ и необходимо прежде всего точно установить и отграничить отъ другихъ идей, чтобы составить опредѣленіе философіи, исходящее изъ самаго существа предмета, а не изъ случайныхъ личныхъ мнѣній того или другаго мыслителя.

76. Чтобы точно установить идею философіи, мы будемъ послѣдовательно изучать вопросы объ ея матеріалѣ, предметѣ, методѣ, постулатахъ; ознакомимся, затѣмъ, съ ея программою и наконецъ выскажемъ нѣсколько соображеній относительно ея возможной будущности.

Опредѣлить матеріалъ фисософіи значитъ сказать, какими предметами, существами и идеями она занимается. Опредѣлить ея предметъ значитъ указать, къ чему она стремится, или выяснить то спеціальное отношеніе, въ которомъ она изучаетъ свой матеріалъ. Главный вопросъ относительно метода состоитъ въ томъ, что-бы опредѣлить, имѣетъ-ли философія свои собственные научные пріемы, или же идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ другія науки. Что касается постулятовъ, то здѣсь должно отыскать, что̀ предполагаетъ философія въ силу своей спеціальной природы, потому что, кромѣ того, она имѣетъ и такіе постуляты, которые свойственны наукѣ вообще, такъ какъ относится къ наукѣ, какъ видъ къ своему роду. Начертать программу философіи значитъ указать, на какія части она раздѣляется. Наконецъ, догадки относительно ея будущности явятся сами собою, какъ естественное заключеніе и слѣдствіе всѣхъ предшествующихъ соображеній.

МАТЕРІАЛЪ ФИЛОСОФІИ.

77. Философія со стороны предметовъ, подлежащихъ ея изученію, имѣетъ неопредѣленный объемъ.

Въ противоположность частнымъ наукамъ. которыя ограничиваются спеціальнымъ классомъ существъ или идей, философія не признаетъ для своихъ изысканій никакихъ границъ, которыя-бы вытекали изъ ея собственной природы: ея горизонтъ безпредѣленъ. И это не теоретическое положеніе, это историческій фактъ, на который необходимо обратить вниманіе. Древнія философскія школы Іоніи и Италіи обнимаютъ, въ своихъ смѣлыхъ и поспѣшныхъ синтезахъ, всю совокупность вещей. Демокритъ началъ одно изъ своихъ сочиненій слѣдующими гордыми словами: „я буду говорить обо всемъ" [1]). Платонъ, умъ котораго былъ устремленъ главнымъ образомъ къ области чистыхъ идей, включалъ физику и политику въ кругъ своихъ изслѣдованій; Аристотель въ существѣ своемъ есть геній энциклопедическій, оставившій слѣды во всѣхъ почти областяхъ познанія: естественная исторія и политика стоятъ въ его сочиненіяхъ на ряду съ метафизикой. Среди новѣйшихъ философовъ Декартъ, Лейбницъ, Кантъ, Гегель затрогиваютъ вопросы всякаго рода. Въ трудахъ людей, которые всѣми единогласно считаются за корифеевъ философіи, характеръ общности изысканій—очевиденъ. Конечно, эти вожди науки не занимаются всѣми предметами, но они полагаютъ такіе принципы, которые имѣютъ всеобщее приложеніе: они убѣждены, что все можетъ входить въ кругъ ихъ изслѣдованій и, если тѣмъ не менѣе фактически ихъ труды оказываются заключенными въ извѣстныя границы, то это происходитъ исключительно отъ того, что имъ обыкновенно недостаетъ времени исполнить ту программу, которая намѣчена въ ихъ мысли. Философъ имѣетъ ограниченныя силы; но притязанія его науки безграничны. Всякое изысканіе, какъ только оно начинаетъ принимать спеціальный характеръ, перестаетъ быть философіею въ высшемъ и полномъ значеніи этого слова.

---

[1]) Ciceron.., Akademiques, livre II § 23.

Эту истину можетъ затемнить употребленіе слова „философія" въ учебныхъ руководствахъ и въ университетскихъ программахъ. Во Франціи, наприм., послѣ механики, физики и естественной исторіи помѣщаютъ, подъ рубрикой философіи, науки о духѣ: психологію, логику и мораль. Но это только частныя науки, которымъ, правда, не безъ основанія можно усвоять названіе наукъ философскихъ (84), но которыя тѣмъ не менѣе должны опираться на свои собственные базисы,—подобно, наприм., физикѣ и естественной исторіи,—и по мѣрѣ развитія все рѣзче и яснѣе выдѣляются изъ общей совокупности наукъ. Философія въ собственномъ смыслѣ должна принимать въ соображеніе, на ряду съ фактами духовнаго порядка, и явленія неорганической матеріи и жизни на всѣхъ ея ступеняхъ.

Часто различали область научныхъ изслѣдованій и область чувства, въ которую будто бы наука не должна проникать. Результатомъ такого взгляда было бы ограниченіе области философіи: вѣдь въ такомъ случаѣ значительная часть фактовъ человѣческой природы была бы исключена изъ круга ея изслѣдованій. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ смѣшеніемъ понятій, которое легко устранить. Искусство всегда будетъ отличаться отъ науки, потому что оно обращается къ чувству, а не къ потребности знаній, но искусство есть столь важный фактъ, что наука не должна его игнорировать, но должна изучить его, что-бы объяснить. Точно также религія всегда будетъ отличаться отъ науки, потому что она удовлетворяетъ не одинъ умъ, но всю душу, весь духъ со всѣми проявленіями его жизни; отсюда не слѣдуетъ, однако, будто философія,—наука универсальная,—можетъ не принимать въ соображеніе столь значительнаго факта, какъ религіозное чувство, равно какъ и неразрывно связанныхъ съ нимъ вѣрованій (98—100).

78. Философскія занятія развиваютъ умъ въ направленіи къ общему.

Это положеніе есть прямой выводъ изъ предыдущихъ разъясненій. Такое вліяніе философскихъ занятій въ наши дни весьма необходимо. Чѣмъ больше развиваются науки, тѣмъ больше чувствуется потребность въ спеціализаціи научныхъ из-

слѣдованій. Отъ насъ еще не очень далеко то время, когда въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для преподаванія естественной исторіи достаточно было одного человѣка, точно такъ-же, какъ одинъ человѣкъ преподавалъ и всѣ отрасли физики. Теперь же вслѣдствіе постоянно возрастающаго накопленія фактовъ и идей, какая-нибудь одна особенно слишкомъ спеціальная отрасль извѣстной науки можетъ поглотить всю жизнь ученаго. Какъ прогрессъ современной промышленности требуетъ крайней дробности въ распредѣленіи ручнаго труда, такъ и успѣхи современной науки влекутъ за собой необходимость крайней спеціализаціи труда умственнаго. Эта спеціализація, конечно, полезна и необходима, но она ведетъ и ко многимъ неудобствамъ. Она можетъ у посредственныхъ умовъ заглушить всякую мысль объ общемъ и цѣломъ. Для умовъ болѣе смѣлыхъ она опасна въ другомъ отношеніи. Именно—спеціализація изслѣдованія, подъ вліяніемъ интенсивнаго стремленія разума къ единому и общему, становится источникомъ узкихъ системъ и ложныхъ взглядовъ, потому что въ этомъ случаѣ развивается наклонность принимать за всю совокупность бытія ту часть міра, которая избирается предметомъ спеціальнаго изученія. Вотъ почему, напримѣръ, умы, воспитанные исключительно на математикѣ и физикѣ, расположены смотрѣть на общество человѣческое, какъ на машину и нерѣдко бросаются въ утопіи соціалистическаго детерминизма. Если частныя науки разработываются правильно, то онѣ собственнымъ развитіемъ своимъ могутъ предохранить отъ этой опасности, потому что по мѣрѣ ихъ развитія ясно обнаруживаются связи, соединяющія ихъ одну съ другою,—связи, которыя являются слѣдствіемъ гармоніи мірозданія. Физика и математика, физіологія и психологія, мораль и политическая экономія—различныя науки, но онѣ соединены между собою тѣсными отношеніями, которыя дѣлаются тѣмъ болѣе очевидными, чѣмъ больше развитіе каждой изъ этихъ наукъ подвигается впередъ. Однако этотъ естественный результатъ спеціализаціи научныхъ работъ не всегда имѣетъ мѣсто. Изученіе философіи имѣетъ именно то преимущество, что оно сосредоточиваетъ вниманіе на общихъ отношеніяхъ между вещами и, такимъ образомъ, не позволяетъ мысли за-

ключиться въ предѣлахъ слишкомъ узкой области. Не препятствуя необходимой спеціализаціи научныхъ работъ, философія предохраняетъ, такимъ образомъ, отъ вредныхъ послѣдствій этой спеціализаціи.

Такъ какъ философія занимается всѣмъ, то ея необходимымъ базисомъ служитъ общее обозрѣніе частныхъ наукъ; результаты же частныхъ наукъ всѣ имѣютъ свое выраженіе въ словѣ.

79. Слово въ своей совокупности выражаетъ весь матеріалъ, подлежащій изученію философіи.

Въ словѣ заключены всѣ данныя разума и всѣ результаты опыта. Всѣ субстанціи и ихъ состоянія (модусы) обозначаются словами; всѣ взаимоотношенія существъ выражаются въ предложеніяхъ. Въ синтаксическихъ правилахъ открываются руководящіе принципы ума. По мѣрѣ того, какъ изученіе языка принимаетъ абстрактный характеръ, оно сливается съ психологіей и логикой. Лингвистическая палеонтологія сообщаетъ свѣдѣнія о цивилизаціяхъ, которыя не оставили слѣдовъ въ исторіи, —въ собственномъ смыслѣ этого послѣдняго термина. Всякое дѣйствительно новое открытіе сопровождается приращеніемъ словаря. Человѣкъ не знаетъ, не зналъ и не будетъ знать ничего такого, чего бы онъ не могъ выразить; а все, что получаетъ выраженіе, занимаетъ мѣсто въ языкѣ. Правда, иногда мы называемъ, напримѣръ, какое-нибудь чувство невыразимымъ, но и въ этомъ случаѣ его существованіе мы вѣдь все-же обозначаемъ словомъ и утверждаемъ лишь невозможность его опредѣленія. Такъ какъ, теперь, матеріаломъ для философскихъ изслѣдованій можетъ служить вообще все, а слово есть универсальное выраженіе человѣческаго знанія,—то слово и можетъ быть разсматриваемо, какъ та чувственная реальность, которая служитъ объектомъ науки, взятой въ цѣломъ. Отсюда вытекаетъ важное педагогическое слѣдствіе.

80. Изученіе языковъ должно быть главнымъ орудіемъ умственнаго развитія.

Изъ тѣсной связи, соединяющей слово съ мыслью, слѣдуетъ, что изученіе языковъ должно остаться базисомъ хорошаго вос-

питанія ума. Песталоцци, подъ вліяніемъ учениковъ, оказавшихъ прискорбное вліяніе на первоначальное направленіе его идей, пришелъ къ мысли сдѣлать математику главнымъ орудіемъ педагогики. Безъ сомнѣнія, это—большая ошибка, потому что математика развиваетъ только одну сторону человѣческаго ума, и умы, воспитанные исключительно на геометріи и алгебрѣ, суть умы искалѣченные, неспособные понимать истину съ различныхъ сторонъ. Песталоцци сказалъ однажды патеру Жирару: „я хочу, чтобы мои ученики не допускали ничего такого, чего нельзя было бы доказать какъ дважды два—четыре". О. Жираръ сказалъ ему въ отвѣтъ: „мой другъ! если бы у меня было сто сыновей, я ни одного изъ нихъ не отдалъ бы къ вамъ на воспитаніе, потому что вы никогда не могли бы доказать ему, какъ дважды два—четыре, что я его отецъ и что онъ долженъ меня почитать". Великій Фрейбургскій педагогъ избралъ обученіе языкамъ главнымъ орудіемъ воспитанія дѣтской души, потому что языкъ, вслѣдствіе присущаго ему характера общности, вызываетъ такія упражненія, которыя могутъ дѣйствовать гармонически на всѣ способности,—не только на умъ, но и на сердце, и на совѣсть. Обученіе родному языку, если его вести такъ, какъ понималъ о. Жираръ, по истинѣ должно сдѣлаться философіею всѣхъ, философіею народной [1]).

Греческая и латинская литература до сихъ поръ служила главною основою средняго и высшаго образованія. Обученіе же родному языку можетъ распространить, по крайней мѣрѣ отчасти, на дѣтей всѣхъ классовъ очень большія преимущества этого способа образованія. Замѣна изученія роднаго языка и вообще языковъ науками реальными и техническими могла бы повлечь за собою сильное пониженіе общаго уровня умственнаго развитія. Приготовленіе къ различнымъ ремесламъ требуетъ спеціальныхъ познаній; но прежде чѣмъ образовать инженеровъ, химиковъ, механиковъ, необходимо образовать людей, а чрезъ изученіе слова лучше всего можно развить у дѣтей зачатки гуманности.

[1]) См. относительно метода о. Жирара De l'enveignement regulier de la langue maternelle, сочиненіе, премированное Французскою Академіей.—Новое изданіе I томъ in—12, Парижъ, Dezobry et Magdeleine, 1846.

Въ современныхъ нападеніяхъ на изученіе классиковъ должно различать два отдѣльныхъ вопроса: требованіе исключить латинскій и греческій языки изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и—требованіе замѣнить изученіе языковъ науками физическими и естественными. Чрезъ изученіе живыхъ языковъ, пожалуй, можно достигнуть нѣкоторыхъ (но не всѣхъ) преимуществъ классическихъ занятій; но называть занятія литературой изученіемъ только словъ, это значитъ забывать, что литературныя занятія ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ такимъ предметомъ, который, хотя его нельзя видѣть и осязать, помѣстить въ реторту или витрину какого-нибудь музея, тѣмъ не менѣе есть первая и высшая изъ реальностей, при отсутствіи которой всѣ другія реальности остались бы для насъ неизвѣстными. Этотъ предметъ, къ которому нѣкоторые натуралисты относятся съ презрѣніемъ, не дѣлающимъ чести ихъ уму, есть духъ человѣческій, обнаруженіемъ котараго служитъ слово.

81. Установленіе международнаго языка есть одна изъ потребностей настоящаго времени.

Въ настоящее время въ дѣлѣ воспитанія есть одна серьезная трудность: это непомѣрное увеличеніе учебныхъ программъ. Жалобы на вредное для здоровья дѣтей умственное переутомленіе слышатся во всѣхъ странахъ и съ каждымъ днемъ становятся все сильнѣе и сильнѣе. Страдаетъ не одно только здоровье молодыхъ поколѣній: можно сказать, что чѣмъ больше предметовъ изучаютъ ученики, тѣмъ хуже ихъ знаютъ, и эта мысль можетъ показаться парадоксальною лишь съ перваго взгляда. Многочисленность наукъ производитъ то, что ни одна изъ нихъ не пускаетъ въ мысли достаточно глубокихъ корней и, поэтому, не можетъ въ ней удерживаться. При изученіи слишкомъ многихъ предметовъ необходимо пользоваться преимущественно памятью, а это подавляетъ самодѣятельность ума.

Чрезмѣрное расширеніе учебныхъ программъ имѣетъ двѣ главныхъ причины: во первыхъ, включеніе въ программы начальнаго и средняго обученія значительной дозы такъ называемыхъ положительныхъ наукъ; и, во вторыхъ, постоянное увеличеніе

числа тѣхъ языковъ, знакомство съ которыми становится все болѣе и болѣе желательнымъ, въ виду постепеннаго облегченія международныхъ сношеній. Есть два средства исправить такое прискорбное положеніе вещей. Первое—это исключенье изъ программъ элементарнаго обученія всѣхъ предметовъ, безполезныхъ для большинства учениковъ: тѣ изъ учениковъ, которымъ эти предметы понадобятся, легко могутъ познакомиться съ ними впослѣдствіи. Другая, болѣе важная, реформа касается обученія языкамъ. Число дѣтей, изучающихъ два языка, съ каждымъ днемъ становится все больше. Международное соглашеніе могло бы установить, чтобы второй языкъ, изучаемый въ школахъ, былъ во всѣхъ государствахъ одинъ и тотъ же. Эта мѣра не имѣетъ ничего, превышающаго силы человѣческія, а ея результаты были бы громадны. Если-бы всѣ народы (сначала въ Европѣ, а потомъ и во всемъ мірѣ), сохраняя по прежнему каждый свой родной языкъ, усвоили еще другой для всѣхъ нихъ равно необходимый, то для торговли и путешествій это сопровождалось бы столь очевидными удобствами, что ихъ излишне и указывать. И ученый міръ опять возвратилъ бы себѣ ту сплоченность и единство, которыми онъ обладалъ въ средніе вѣка, вслѣдствіе повсюднаго употребленія латыни, тогда какъ въ наши дни для человѣка, предпринявшаго какой нибудь ученый трудъ, почти невозможно прочесть въ подлинникахъ всѣ книги по занимающему его предмету, какія были изданы въ другихъ странахъ. Переводится далеко не все; притомъ извѣстно, что переводы часто оставляютъ желать весьма многаго. Но возвращаюсь къ своему прямому предмету. Родной языкъ долженъ составлять главное средство для умственнаго развитія дѣтей, а международный—второстепенное. Въ практическомъ отношеніи этихъ языковъ было бы вполнѣ достаточно, и для огромнаго большинства дѣтей не было бы надобности изучать другіе. Молодые люди, посвятившіе себя литературнымъ занятіямъ, если бы того пожелали, по прежнему могли бы читать Данте по итальянски, Шекспира по англійски, Гете по нѣмецки, а древнихъ писателей на ихъ собственномъ языкѣ; но это были бы исключенія. Во всякомъ случаѣ, при такомъ условіи общее образованіе освободилось бы отъ лишняго бал-

ласта и серьезное изученіе слова заняло бы въ немъ подобающее ему мѣсто, направляя мысль къ общему. Такое направленіе мысли составляетъ отличительную особенность философіи; но оно должно бы характеризовать и все вообще, правильно поставленное, воспитаніе.

Допустивъ мысль о международномъ языкѣ, должно рѣшить вопросъ о выборѣ этого языка. Слѣдуетъ ли изъ всѣхъ языковъ создать одинъ, какъ пытаются сдѣлать сторонники Волапюка, или принять нужно какой-нибудь изъ существующихъ или существовавшихъ языковъ? Должно ли остановить свой выборъ на греческомъ языкѣ, какъ предлагаетъ г. Густавъ Эйхталь? [1]) Я ограничусь только постановкой этихъ вопросовъ, потому что изслѣдованіе ихъ завело бы меня слишкомъ далеко отъ моего предмета. Для меня достаточно высказать свое искреннее убѣжденіе, что если сохраненіе національныхъ языковъ, въ противоположность идеѣ единаго всемірнаго языка, имѣетъ очень вѣскія основанія, то, съ другой стороны, и установленіе средствъ для облегченія международныхъ сношеній имѣетъ не менѣе серьезныя основанія. Это потребность современной цивилизаціи, которая съ каждымъ днемъ становится все настоятельнѣе.

82. Философія не есть простой сводъ частныхъ наукъ.

Сводъ частныхъ наукъ есть энциклопедія. Если энциклопедія радактирована цѣлымъ обществомъ писателей, имѣющихъ различные взгляды и противоположные принципы, то это не только не философія, но нѣчто совсѣмъ ей противоположное. Истинно научное направленіе ума отличается отъ простой любознательности, обращающей вниманіе на всѣ предметы и накопляющей матеріалы безъ всякой связи и порядка. Платонъ замѣчаетъ, что человѣкъ можетъ обнаруживать интересъ ко всѣмъ родамъ наукъ, съ жаромъ ими заниматься и быть ненасытнымъ въ пріобрѣтеніи познаній, и все-таки не заслуживать имени философа [2]). Въ самомъ дѣлѣ, философія, которая,

---

[1]) См. кромѣ другихъ сочиненій этого автора, его письма, помѣщенныя въ Annuai de l' association pour l'encouragement des études grecques en France, 1871 г. стр. 120—136.

[2]) Республика, кн. V, стр. 309 по переводу Кузена.

по отношеніи къ своему матеріалу, есть наука всеобъемлющая (это первый изъ ея специфическихъ признаковъ), сверхъ этого имѣетъ еще и другое, не менѣе существенное свойство. Ея изысканія могутъ касаться всего, но она изучаетъ всѣ вещи лишь съ извѣстной частной точки зрѣнія. Притязаніе изучать всѣ науки во всей ихъ совокупности было бы безумно, даже со стороны наиболѣе одаренныхъ умовъ. Возможность философіи обусловлена именно тѣмъ, что, при общности подлежащаго ея изученію матеріала, она, однако, имѣетъ свой спеціальный предметъ, ограничивающій ея изысканія извѣстными предѣлами.

ПРЕДМЕТЪ ФИЛОСОФІИ.

83. Философія есть изысканіе принципа, который, при своемъ единствѣ, объясняетъ всю совокупность опыта.

Почему у древнихъ грековъ всѣми историками изъ общаго класса мудрецовъ и ученыхъ выдѣляется извѣстное число лицъ, образующихъ особый классъ ученыхъ,—философовъ? Что характеризуетъ и обособляетъ творенія Ѳалеса, Анаксимена, Гераклита, Пиѳагора? То, что всѣ они хотѣли опредѣлить міровой принципъ и были проникнуты тѣмъ стремленіемъ къ единству, которое вводило ихъ въ борьбу съ національными культами и, между прочимъ, было одною изъ причинъ смерти Сократа, самаго знаменитаго изъ мучениковъ философіи. Платонъ и Аристотель, подъ вліяніемъ той-же потребности въ единствѣ, боролись противъ дуализма, хотя имъ и не удалось освободиться отъ него вполнѣ.

Труды новѣйшихъ философовъ, которыхъ единогласно признаютъ самыми выдающимися представителями философіи, отличаются тѣмъ же характеромъ, какъ и творенія философовъ древности. Декартъ, Лейбницъ, Гоббсъ, Шеллингъ, Гегель шли весьма различными путями и отстаивали различныя доктрины; но всѣ они равно стремились къ отысканію общеміроваго принципа. Въ древнемъ мірѣ, когда господствовалъ политеизмъ, философія, по самой своей природѣ, стояла въ оппозиціи съ религіозными вѣрованіями; въ новомъ мірѣ общимъ вѣрованіемъ является монотеизмъ, и согласіе философіи съ религіей возможно.

Итакъ, съ исторической точки зрѣнія, и въ древности, и въ

новѣйшія времена, вторымъ специфическимъ признакомъ философіи является разысканіе принципа единства. Стремленіе, свойственное этой наукѣ, въ наши дни обозначается удачнымъ неологизмомъ: „монизмъ", т. е., ученіе о единствѣ. Не слѣдуетъ, какъ иногда дѣлали, уступать право на этотъ терминъ исключительно матеріализму, который все выводитъ изъ чувственнаго и матеріальнаго единства. Всякій монизмъ есть философія, и всякая философская система есть монизмъ; вопросъ только въ томъ, какъ понимается принципъ единства.

Философія ищетъ истины, но не обучаетъ ей. Часто злоупотребляютъ формулой: „наука учитъ"; эту формулу законнымъ образомъ можно примѣнять только къ доказаннымъ раціональнымъ истинамъ, къ законамъ, составляющимъ непосредственное выраженіе фактовъ и къ объяснительнымъ теоріямъ, прошедшимъ различныя степени вѣроятности и получившимъ характеръ достовѣрности (64); но часто случается, что, употребляя выраженіе: „наука учитъ", придаютъ характеръ достовѣрности такимъ гипотезамъ, которыя далеко еще не провѣрены. То, что вѣрно относительно науки вообще, вѣрно и относительно философіи. Философы относительно всѣхъ вопросовъ часто имѣютъ различныя и даже противоположныя мнѣнія. Поэтому, можно говорить о томъ, къ чему философія стремится; можно говорить, что̀ утверждаетъ та или другая философская школа; но нельзя говорить: „философія учитъ тому-то".

84. Философія есть изученіе универсальной проблемы.

Это положеніе есть лишь другая форма предыдущаго тезиса. Слово *universus* означаетъ всю совокупность вещей: по этимологическому словопроизводству, оно означаетъ: „то, что обращено къ единому или единству и, слѣдовательно, выражаетъ мысль о всей совокупности бытія, разсматриваемой въ отношеніи къ принципу. Такимъ образомъ, это слово и при томъ одно и само по себѣ, резюмируетъ и напоминаетъ оба специфическіе признака философіи: общность ея матеріала и спеціальность ея предмета.

Бэконъ хорошо понималъ общій характеръ философіи, со стороны ея матеріала, и потому, въ началѣ своего труда, по-

мѣстилъ общую классификацію наукъ, какъ базисъ всей работы мысли. Декартъ прекрасно опредѣлилъ предметъ философіи: онъ восходитъ къ мысли о первомъ принципѣ и, исходя изъ него, старается объяснить всю совокупность фактовъ. У него есть, правда, довольно крупныя ошибки, происшедшія главнымъ образомъ вслѣдствіе неправильнаго понятія о научномъ методѣ; но та программа философіи, которую начерталъ онъ твердою рукою, остается и останется навсегда, въ своихъ общихъ чертахъ, программою этой науки. Лейбницъ опредѣлилъ природу единства, къ которому должна стремиться мысль, когда она разсматриваетъ не первый принципъ самъ по себѣ, но совокупность данныхъ опыта: это единство гармоніи, а не единство тожества. Эта глубокая мысль должна была уничтожить связь, которая соединяла систему Спинозы съ теоріями Декарта.

Не смотря на то, что опредѣленія философіи разнообразны и иногда кажутся противоположными, не трудно показать, что онѣ почти всегда содержатъ въ себѣ идею общности и идею стремленія къ единству, такъ что въ большинствѣ случаевъ ихъ можно свести, если не по формѣ, то по ихъ основѣ и сущности къ тому опредѣленію, которое предлагаемъ мы. Вотъ почему необходимо отвергнуть тѣ одностороннія опредѣленія философіи, которыя въ сущности составляютъ ея отрицаніе, напр., опредѣленія школы Рида и позитивистовъ [1]).

Различныя значенія, въ какихъ употребляются слова „философія" и „философскій", могутъ служить подтвержденіемъ нашему опредѣленію. Философскимъ умомъ называютъ расположеніе возвышаться къ общимъ идеямъ, схватывать соотношенія вещей, въ противоположность стремленію мысли останавливаться на частностяхъ и разсматривать предметы каждый въ отдѣльности. Что такое философія какой-нибудь науки,—философія химіи, физики, ботаники, напримѣръ? Это самая общая часть этихъ наукъ, въ силу самой этой своей общности обнаруживающая стремленіе къ единству. Наконецъ, какія изъ частныхъ наукъ заслуживаютъ названіе философскихъ? Это логика, психологія

---

[1]) Относительно опредѣленій философіи можно справиться въ особенности въ Histoire de la philosophie. Les problemes et les Ecoles par Paul Janet et Gabriel Séailles, Paris Charles Delagrave 1887 pages 1—23.

и мораль. Логика, изучающая законы мысли, имѣетъ всеобщее приложеніе, какъ и самый умъ, функціи котораго она изучаетъ. Спеціальный предметъ психологіи—духъ; но хотя духъ, разсматриваемый самъ по себѣ, есть частный объектъ знанія, однако, съ другой стороны, онъ есть и его субъектъ. Наконецъ мораль, въ болѣе высокомъ смыслѣ этого слова, имѣетъ связь съ универсальнымъ принципомъ, которую мы выяснимъ ближе (92). Логика, психологія и мораль стоятъ, слѣдовательно, въ болѣе тѣсной связи съ изученіемъ универсальной проблемы, чѣмъ, наприм., ботаника или минералогія. Поэтому выраженіе „наука философская" къ нимъ вполнѣ подходитъ. Однако, это—все-же науки частныя, имѣющія опредѣленный предметъ точно такъ-же, какъ физика или біологія.

Науки характеризуются и отличаются другъ отъ друга цѣлями, какія каждая изъ нихъ преслѣдуетъ. Мы знаемъ теперь, что составляетъ характеристичный признакъ философіи. Тогда какъ другія науки имѣютъ каждая свою спеціальную проблему, которая возникаетъ изъ разсмотрѣнія какого-нибудь частнаго класса явленій, философія имѣетъ проблему универсальную. Имѣя своимъ предметомъ всю совокупность существующаго, какъ одно цѣлое, она примѣняетъ къ этому цѣлому общіе научные вопросы и пытается опредѣлить его субстанцію, законъ, причину и цѣль.

85. Философская система есть опытъ объясненія универса.

Философія есть научное изслѣдованіе, которое, какъ всякое такое изслѣдованіе, можетъ прійти къ одному изъ трехъ результатовъ: къ утвержденію, отрицанію, или сомнѣнію. Я называю *философіей* всякое изысканіе міроваго принципа, каковъ бы ни былъ его результатъ. *Философская* же *система* есть результатъ такого изслѣдованія, цѣль котораго состоитъ въ опредѣленіи перваго принципа и которое, слѣдовательно, предполагаетъ его существованіе. Есть значительная разница между изысканіемъ, которое касается самаго существованія перваго принципа и можетъ прійти къ сомнѣнію въ немъ или даже къ отрицанію его, и—изысканіемъ, которое *предполагаетъ* существованіе перваго принципа и старается только опредѣлить

его. Придавая словамъ только что указанное значеніе, мы выразились бы, наприм., такъ: „*система* Эпикура и *философія* (а не система) Карнеада", „система Декарта и философія (а не система) Бэйля"; „система Гегеля и философія Канта". Безъ сомнѣнія, здѣсь дѣло идетъ о словахъ; но подъ этимъ вопросомъ о словахъ скрывается указаніе на два различныхъ направленія, какими идетъ человѣческая мысль: въ одномъ случаѣ стараются лишь опредѣлить предметъ, который уже заранѣе принимаютъ; во второмъ,—мысль о существованіи этого предмета объявляютъ ложною или, по крайней мѣрѣ, сомнительною.

86. Образованіе (возникновеніе) частныхъ наукъ не уничтожаетъ предмета философіи.

При зарожденіи научныхъ изысканій мы встрѣчаемся съ поспѣшными и смѣлыми синтезами, которые наклонны изъ всѣхъ наукъ сдѣлать одну. Для Ѳалеса началомъ всѣхъ вещей служитъ вода или влага. По мысли Анаксимена, универсальный принципъ есть воздухъ; для Гераклита—это огонь; для Пиѳагора—число. Эти мыслители древности не чувствуютъ необходимости прежде синтеза производить надлежащій анализъ: они объясняютъ природу и человѣчество, исходя изъ представленія о началѣ вещей, явившагося плодомъ крайне поспѣшной индукціи. Ихъ психологія такъ же апріорна, какъ и физика. Для Анаксимена душа есть тонкій воздухъ; для Пиѳагора она есть самоподвижное число. Когда необходимость наблюденія и различенія вещей мало-по-малу сдѣлалась очевидною, отъ первоначальныхъ синтезовъ стали обособляться отдѣльныя частныя науки и каждая изъ нихъ нашла свой собственный базисъ въ наблюденіи надъ извѣстнымъ классомъ идей или фактовъ. Математика составила первую дѣйствительно отдѣльную науку; потомъ, съ теченіемъ времени, потребовали себѣ независимости отъ апріорныхъ концепцій астрономія, ботаника, зоологія, физика, химія, и ихъ точкою опоры стало служить также наблюденіе надъ спеціальнымъ классомъ явленій. Науки, еще не получившія самостоятельности, оставались подъ рубрикой философіи, которая въ своихъ первоначальныхъ синтезахъ вмѣща-

ла все: эти науки продолжали разрабатываться все еще слишкомъ апріорно. Въ наши дни стараются выдѣлить, въ качествѣ самостоятельной науки, мораль, обосновавъ и ее на своемъ спеціальномъ базисѣ. Къ этому стремятся сторонники ученія о такъ называемой независимой морали [1]). Они опираются на той важной истинѣ, что существуетъ особенный, спеціальный фактъ нравственнаго обязательства,—истинѣ, которую въ ясномъ свѣтѣ показали труды Канта. Ошибка же этихъ людей, которая должна сдѣлать ихъ усилія безплодными, состоитъ въ непониманіи той несомнѣнной истины, что, хотя и существуетъ тотъ основной фактъ человѣческой природы, который мы называемъ совѣстью, однако сама совѣсть развивается не иначе, какъ во взаимоотношеніи съ законами разума и данными опыта. Изъ факта нравственнаго обязательства можно заключить лишь, что долгъ существуетъ, но какъ скоро нужно опредѣлить, въ чемъ онъ состоитъ,—нельзя уже разсматривать совѣсть изолированно. Поэтому мораль не можетъ быть независимою отъ вѣрованій и идей, если эту независимость понимать, какъ изолированность.

Апріорная психологія философовъ древности въ новѣйшія времена уступила свое мѣсто экспериментальной наукѣ, которой оказываютъ цѣнное пособіе успѣхи физіологіи. Она должна выдѣлиться, какъ одна изъ главныхъ отраслей антропологіи, по мѣрѣ того, какъ антропологія будетъ освобождаться отъ апріорныхъ матеріалистическихъ взглядовъ, весьма ясно проглядывающихъ въ работахъ нѣкоторыхъ современныхъ школъ.

Формальная логика, или теорія законовъ разсудка, уже давно, со временъ Аристотеля, выдѣлилась на правахъ спеціальной науки. Остается то же самое сдѣлать по отношенію къ метафизикѣ, т. е., изслѣдованію апріорныхъ данныхъ разума, которыя своимъ содержаніемъ отличаются отъ чисто формальныхъ законовъ мысли. Это изслѣдованіе до сихъ поръ обыкновенно смѣшивали съ теоріями относительно принципа міра. Но оно должно быть отдѣлено отъ нихъ, чтобы, подобно логикѣ, обосноваться на своемъ собственномъ базисѣ раціональ-

---

[1]) Смотр. критическую статью о независимой морали въ Bibliothéque universelle, декабрь 1866.

наго наблюденія, и, такимъ образомъ, сдѣлаться наукою въ своихъ основаніяхъ дѣйствительно экспериментальною.

Принимая во вниманіе это постепенное образованіе частныхъ наукъ, начиная отъ поспѣшныхъ синтезовъ, характеризующихъ первыя усилія человѣческаго ума, легко можно прійти къ мысли, будто философія есть лишь стремленіе къ изслѣдованію вообще. которое и получаетъ удовлетвореніе чрезъ образованіе спеціальныхъ наукъ, такъ что философія, не имѣя своего собственнаго предмета, не можетъ уже существовать въ качествѣ отдѣльной науки: когда установятся всѣ частныя науки, ея существованіе, повидимому, должно потерять свой смыслъ. Такое мнѣніе дѣйствительно и выражаетъ, напримѣръ, Клодъ Бернаръ въ своемъ „введеніи къ экспериментальной медицинѣ" [1]). Но оно несправедливо. Философія, правда, не имѣетъ спеціальнаго матеріала, потому что она изучаетъ универсальную проблему; но она имѣетъ ясно очерченный предметъ, который всегда сохранитъ за ней характеръ отдѣльной науки. Это ясно могутъ показать два сравненія, имѣющія значеніе доказательствъ. Когда дикарь строитъ свою хижину, то здѣсь нѣтъ различія между архитекторомъ, плотникомъ, каменщикомъ; это первобытный синтезъ всего того, что необходимо для постройки жилища. Но съ теченіемъ времени является раздѣленіе труда. При постройкѣ современнаго дома каменщикъ, плотникъ, слесарь, стекольщикъ,—словомъ, каждый работникъ имѣетъ свое дѣло. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что постройка есть результатъ простаго соединенія всѣхъ этихъ работъ?—Ни въ какомъ случаѣ, потому что работы должны быть упорядочены. Раздѣленіе труда не уничтожаетъ необходимости плана работы, а отсюда слѣдуетъ, что, не смотря на образованіе отдѣльныхъ ремеслъ архитекторъ не остается безъ дѣла и сохраняетъ полное свое значеніе.

Другое сравненіе. Общая физіологія есть изученіе жизни. Эта, въ существѣ своемъ синтетическая, наука, чтобы имѣть прочную основу, нуждается въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ относительно каждаго органа, каждой ткани, каждаго отправле-

---

[1]) См. въ особенности стр. 141, 287, 390.

нія. Но неужели для общей физіологіи нѣтъ уже больше дѣла, когда всѣ части организма сдѣлались предметомъ частныхъ изысканій? Никоимъ образомъ: спеціальныя изысканія, доставляющія ей матеріалы, не могутъ ее замѣнить. Вслѣдъ за вопросомъ о частностяхъ всегда выступаетъ вопросъ о жизни вообще, который требуетъ изученія отношеній различныхъ элементовъ организма другъ къ другу и къ управляющему ими принципу единства, который связываетъ различныя отправленія въ гармоническое цѣлое. То же самое нужно сказать и по отношенію къ философіи. Спеціальныя науки, по мѣрѣ своего выдѣленія и своей организаціи, доставляютъ ей матеріалы, но не замѣняютъ ее. За всѣми частными изслѣдованіями всегда скрывается вопросъ о гармоніи элементовъ мірозданія и о принципѣ этой гармоніи. Думать, будто установка частныхъ наукъ можетъ устранить универсальную проблему, есть очевидное заблужденіе. Остается только рѣшить вопросъ: возможно-ли изученіе *универсальной* проблемы? Вѣдь универсальная наука, по скольку она обнимаетъ всю область человѣческаго познанія, повидимому, превышаетъ силы самаго могучаго ума, генія самаго великаго (66).

87. Философія возможна, потому что результатъ частныхъ наукъ упрощается по мѣрѣ ихъ развитія.

Разысканіе единства, которое, въ своихъ различныхъ формахъ, есть движущій принципъ всѣхъ наукъ (54), въ широкой мѣрѣ оправдывается достигаемыми, подъ его вліяніемъ, результатами. Изъ всѣхъ объяснительныхъ наукъ небесная механика самая разработанная. До времени Коперника объясненіе движенія свѣтилъ было очень сложно и запутано. Начиная же съ Коперника, послѣ открытія этого геніальнаго человѣка и работъ Кеплера и Ньютона, разнообразнымъ движеніямъ, наблюдаемымъ на небѣ, были даны сравнительно очень простыя объясненія: масса, разстояніе, сила отталкивательная и законъ тяготѣнія,—вотъ все, что требуется для объясненія всѣхъ этихъ явленій. Старинная физика допускала существованіе различныхъ жидкостей, различныхъ силъ и свойствъ матеріи; теоріей, сводящей всю объективную сторону явленій къ

одному только факту движенія, введено въ этой наукѣ громадное упрощеніе. Такой же результатъ получился бы и въ естественной исторіи, если-бы все разнообразіе отправленій живыхъ существъ удалось объяснить небольшимъ числомъ первичныхъ законовъ.

Несомнѣнно, что, по мѣрѣ своего развитія, наука накопляетъ все больше и больше фактовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и то, что она упрощается, т. е., уменьшаетъ число своихъ объяснительныхъ принциповъ. Всякую науку можно сравнить съ усѣченною пирамидой, которая удлинняется одновременно и по направленію къ основанію, и по направленію къ вершинѣ. Чѣмъ внимательнѣе и чаще дѣлается наблюденіе, тѣмъ больше возрастаетъ количество фактовъ: это увеличеніе пирамиды по направленію къ основанію. Чѣмъ успѣшнѣе развивается наука, тѣмъ проще дѣлаются у нея средства объясненія; это увеличеніе пирамиды по направленію къ вершинѣ. Философія, какъ наука общая, конечно, имѣетъ точку отправленія въ тѣхъ частяхъ пирамиды, которыя наиболѣе близки къ вершинѣ. Каждая частная наука объясняетъ множество явленій, составляющихъ ея предметъ, небольшимъ числомъ принциповъ; философія же стремится объяснить самые эти принципы. Вотъ почему она далеко не есть универсальное знаніе въ смыслѣ полнаго познанія всей совокупности явленій: самая мысль объ этомъ была бы, даже со стороны первокласснаго ученаго, безумнымъ притязаніемъ.

Изъ приведенныхъ соображеній повидимому, слѣдуетъ, что прежде чѣмъ приняться за выполненіе своей задачи, философія должна ждать, пока окончатъ свою работу частныя науки. Но, очевидно, что исполненіе этого ожиданія должно быть отодвинуто на неопредѣленное время: возможна-ли, при такомъ условіи, философія? Слѣдующій тезисъ устраняетъ это недоумѣніе.

* * *

(Продолженіе будетъ).

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОЕ ГАРТМАННА.

(Окончаніе *).

IV.

Отвергая сознаніе въ Богѣ, Гартманнъ послѣдовательно отрицаетъ и самосознаніе Бога. Если сознаніе образуетъ почву для развитія самосознанія, то само собою разумѣется, кто лишенъ сознанія, тотъ не имѣетъ и самосознанія: сознаніе мыслимо безъ самосознанія, но не наоборотъ. Самосознаніе нуждается какъ въ представленіи объекта, такъ и въ представленіи собственнаго я. Въ крайнемъ случаѣ Гартманнъ допускаетъ мысль о самосознаніи Бога въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ говоритъ о Божественномъ сознаніи, т. е., что Богъ самосознателенъ въ индивидуумахъ. Трансцендентное самостоятельное Божественное самосознаніе, полагаетъ философъ—пессимистъ, оставляетъ неразрѣшимымъ вопросъ, въ какомъ отношеніи оно стоитъ къ индивидуальному самосознанію. Абсолютное самосознаніе, образуя посредствомъ своихъ дѣйствій индивидуальное самосознаніе, должно произвести одно только сознаніе, а не два раздѣльныя сознаніе у двухъ различныхъ людей, и уничтожить отдѣльныя сознанія. Въ этомъ случаѣ было бы неизвѣстно, какъ сознаніе Петра можетъ отличаться отъ сознанія Павла и какъ вообще возникаетъ сознаніе. А если индивидуальное сознаніе возможно, то опять не ясно, почему функціи Всеединаго, абсолютно сознательныя, при вступленіи въ индивидуумъ, измѣняютъ собственную природу

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 20.

и становятся относительно сознательными. Трансцендентное самосознаніе Бога освѣтило бы всѣхъ индивидуумовъ абсолютнымъ сознаніемъ и со всѣхъ сторонъ. Эти, отвергаемыя опытомъ, слѣдствія легко устранить, по Гартманну, если признать Бога безсознательнымъ, функціи Котораго, направленныя на разные организмы, различаются по цѣлямъ. Монизмъ не принимаетъ никакого сознательнаго и самосознательнаго Бога an und für sich; сознательный Богъ есть антропопатическій остатокъ стараго плюрализма со многими созданными субстанціями; теорія, извращающая пониманіе внутренняго отношенія между твореніемъ и Творцомъ, „настоящій магическій Hocuspocus". Самосознательный Бѳгъ не абсолютное существо, не Богъ, но продуктъ, не оправдываемый изъ психологическихъ аналогій. Самосознаніе Его такъ же ограничено и рефлексивно, какъ и мое, и есть не одно самосознаніе, а множественное, по числу индивидуумовъ. Вотъ съ какими ограниченіями Гартманнъ допускаетъ самосознаніе въ Богѣ: Безсознательное дѣйствительно владѣетъ сознаніемъ и самосознаніемъ, но не какъ безграничное Всеединое, а какъ субъектъ индивидуальнаго сознанія [1]). Пфлейдереръ обманывается, когда онъ соединяетъ понятіе самосознательнаго Бога теизма съ понятіемъ абсолютнаго, всесущаго Бога конкретнаго монизма. Онъ смѣшиваетъ сознаніе личности съ простымъ самосознаніемъ и называетъ самосознаніемъ то, что есть сознаніе личности. Сознаніе личности предполагаетъ уже существующее самосознаніе, которое есть различеніе между неизмѣннымъ субъектомъ самосознанія и его измѣнчивыми психическими состояніями, но само самосознаніе не имѣетъ дѣла съ этою рефлексіею. Самосознаніе возникаетъ „въ моментальномъ изолированномъ актѣ сознанія" изъ раздѣленія субъекта и объекта. Ни объектъ—prius въ сознаніи субъекта, ни субъектъ, но оба одновременно раздѣляются въ сознаніи, какъ полярная противоположность, и одно безъ другого непредставимо. Сознаніе личности не зависитъ прямо отъ реальной противоположности между сознательною личностью и внѣшнимъ міромъ; тутъ не прямая зависимость, насколько

[1]) Ibid. II, 180—182 s. s.

простое самосознаніе обусловлено этою противоположностью между субъектомъ и объектомъ. Причина же, по которой актъ представленія становится актомъ сознанія лежитъ въ несвободной реакціи индивидуума на внѣщнія аффицирующія его реальности. А такъ какъ для Бога такой реакціи не существуетъ, то и самосознаніе Его не возможно, тѣмъ болѣе, что для самосознанія нужна еще память, дискурсивная рефлексія, или сравненіе прежнихъ сознательныхъ состояній съ позднѣйшими и функціональная раздѣльность аттрибутовъ, т. е., нужны такія условія, какихъ въ Богѣ нѣтъ. Конечно, странно было бы, если бы Гартманнъ приписывалъ своему Богу самосознаніе. Что Безсознательное не сомосознательно, мы охотно тому вѣримъ и безъ доказательства. Совсѣмъ иною кажется намъ аргументація философа объ отсутствіи самосознанія у истиннаго Бога. Мы слышимъ во второй разъ одинъ и тотъ-же аргументъ. Какъ сознаніе Бога сопровождалось бы твореніемъ другого Бога, такъ и сомосознаніе Его потому невозможно, что самосознательный Богъ непремѣнно произвелъ бы въ мірѣ, вмѣсто отдѣльныхъ индивидуальныхъ самосознаній, одно абсолютное самосознаніе. Отсюда, заканчивая силлогизмъ, мы также повторяемъ, что Богъ не можетъ произвести конечныхъ вещей, а творитъ ихъ равными Себѣ, ибо для Бога, какъ абсолютнаго единства, не возможно произвести конечнаго множества. А если какимъ-либо образомъ Богъ произвелъ конечныя вещи, то неизвѣстно, почему Богъ въ мірѣ сталъ относительно конечнымъ. Наша аналогія вполнѣ безупречна и зиждется на тѣхъ же посылкахъ, что и Гартманновская: невозможное въ одномъ случаѣ—невозможно вездѣ и навсегда. Или: если есть конечныя вещи, не ограничивающія абсолютности Бога и не равныя Ему, то есть и должно быть индивидуальное сознаніе, не равное самосознанію Божественному и не исчерпывающее его. Пожалуй Безсознательное въ силахъ сдѣлать то, чего не можетъ сознательный Богъ, но неужели *безсознательная* цѣль въ состояніи побудить Бога реализироваться не въ одномъ, а во множествѣ самосознаній? Одно самосознаніе даже было бы выгоднѣе для Безсознательнаго, ибо оно, имѣя единственное только самосознаніе, скорѣе бы дости-

гало цѣли міроваго процесса и навѣрное знало бы себя. Сейчасъ же оно, раздробившись на множество самосознаній и отразившись въ сознаніи идіота, сумасшедшаго и генія, владѣетъ безпорядочнымъ и хаотическимъ самосознаніемъ. Если такое самосознаніе разумѣетъ Гартманнъ, то его, конечно, нѣтъ у истиннаго Бога. Оно — свойство Безсознательнаго, которое не имѣетъ другого сознанія, и самосознанія кромѣ индивидуальнаго [1]). Но тогда мало назвать Безсознательное „раздвоившимся и больнымъ"; оно въ собственномъ смыслѣ Hocuspocus, не находящій психологическихъ аналогій. Въ то же время мы на пути къ самому непроглядному детерминизму. Если Безсознательное проявляется въ моемъ самосознаніи, то мое самосознаніе не мое, и я ничто, „чистое явленіе какъ радуга въ облакахъ" [2]). Бросивши эти слова, осторожный и непослѣдовательный Гартманнъ, правда, самъ не сдѣлалъ этого вывода и доказываетъ даже реальность и самостоятельность индивидуума, но что такое заключеніе вытекаетъ изъ монизма Безсознательнаго, явствуетъ изъ выраженій болѣе рѣшительныхъ учениковъ философа. Такъ, нѣкій Ганземаннъ, доводя до абсурда положеніе Гартманна, буквально пишетъ слѣдующее: „все, что ставится цѣлью въ жизни человѣка, содержится уже какъ безсознательное представленіе въ эмбріонѣ. Даже величайшія мысли Шекспира, Гете, Канта и Гартманна, были уже какъ безсознательныя представленія въ эмбріонѣ будущаго поэта или философа: въ эмбріонѣ Гартманна—философія Безсознательнаго, Канта—критика чистаго разума, Гете—Фаустъ и т. д. [3]). Ганземаннъ не прибавилъ только, что развращенность была уже въ эмбріонѣ развратника; воровство въ эмбріонѣ вора; величайшее злодѣйство въ эмбріонѣ злодѣя и т. п. Отчего бы сразу не взвалить на Безсознательное отвѣтственность за всѣ человѣческіе поступки? Развѣ не все равно считать сознаніемъ Бога философію Гартманна и какое-либо ужасающее преступленіе? А между тѣмъ Ганземаннъ сдѣлалъ только необходимые выводы изъ тезисовъ Гартманна. Теперь подумайте, ка-

[1]) Philos. II, 180 s.

[2]) Ibid. 173 s.

[3]) Eduard v. Hartmann's Philos. d. Unbewussten, 1874, 42—43 ss.

ковъ это Богъ, если Онъ рядомъ и въ одно и то же время обнаруживается то какъ мудрость, то какъ глупость, то какъ добро, то какъ зло! Гартманнъ же насъ самъ научилъ отвергать принципъ въ данной формѣ, когда вытекающія изъ него непосредственно слѣдствія приводятъ къ абсурду, и требовать, чтобы тотъ, кто защищаетъ принципъ, раньше обезсилилъ разрушающія его слѣдствія [1]).

Вторая половина возраженія, будто въ Богѣ невозможно самосознаніе вслѣдствіе нераздѣльнаго единства субъекта и объекта, есть также повтореніе на новый ладъ прежняго возраженія, основаннаго на единствѣ Божественной субстанціи и ея аттрибутовъ. Проблема самосознанія, по мнѣнію Гартманна, была бы разрѣшена, если бы была возможна реакція Бога на внѣшнюю реальность и внѣшней реальности на Бога. Такое требованіе, однако, совершенно неумѣстно. Разъ Богъ признанъ не просто отвлеченнымъ единствомъ, абстрактомъ, неподвижною дѣйствительностью, но абсолютнымъ духомъ, безконечною живою дѣятельностью, творческимъ началомъ, дѣйствующимъ въ каждый моментъ міроваго бытія, то Онъ живетъ полною внутреннею жизнью и, безъ сомнѣнія, знаетъ свои способности (свойства) въ отличіе отъ собственной сущности. Только мертвая субстанція безусловно лишена внутренняго различія и самодвиженія. Даже Безсознательное Гартманна, если оно не пустой абстрактъ и если оно имѣетъ раздѣльно функціонирующія волю и представленіе съ сознательнымъ чувствомъ неудовольствія, даже оно владѣетъ элементами, дающими начало самосознанію. Гартманнъ только нарочито закрываетъ глаза предъ этими психологическими аналогіями и, чтобы не измѣнить своему міровоззрѣнію, забываетъ ихъ. Зато и его Безсознательное является не больше, какъ любопытнымъ курьезомъ.

Вмѣстѣ съ отрицаніемъ самосознанія падаетъ и понятіе личности Бога. Гартманнъ указываетъ троякаго рода основанія, по которымъ нельзя признавать Бога личнымъ. Въ юридическомъ отношеніи понятіе личности опирается на гражданскомъ правѣ независимости; въ этическомъ—на способности

[1]) Neukant. 264 s.

самооцѣнки своихъ дѣйствій и нравственной отвѣтственности за нихъ; въ діанойологическомъ—на существованіи сознанія о тожествѣ всѣхъ временно раздѣльныхъ самосознательныхъ актовъ въ одномъ сознаніи, т. е., на сознаніи тожества субъекта всѣхъ различныхъ духовныхъ дѣятельностей и объектовъ сознанія. Естественно, что юридическое понятіе личности къ Абсолютному вовсе не примѣнимо; этическое имѣло бы смыслъ, если бы Богъ, подобно отдѣльнымъ индивидуумамъ, могъ вступать съ кѣмъ-либо другимъ въ этическія отношенія; діанойологическое,—когда бы существовалъ другой равный Ему предметъ, отъ котораго Онъ могъ бы отличать Себя и, главнымъ образомъ, если бы Божественное мышленіе было не интуитивное, безконечно возвышенное надъ рефлексивнымъ, а ограниченное, человѣческое. Опытъ Бёма и Баадера спасти діанойологическую личность Бога привелъ къ фантастическимъ предположеніямъ, будто въ Богѣ существуетъ вѣчная натура, отличная отъ временной матеріальной природы и будто эта натура дѣлаетъ возможнымъ вѣчный процессъ саморазличенія въ Богѣ на субъектъ и объектъ. Впрочемъ, резонерствуетъ Гартманнъ, и самое ученіе о личномъ Богѣ придумано съ прикрытою цѣлью имѣть въ Богѣ утѣшеніе для нашего я, стать съ Нимъ „ты на ты“ (auf Du und Du) и заставить Его чувствовать изліянія нашего сердца [1].

Чтобы усилить свои доказательства и придать имъ больше вѣса, Гартманнъ отсылаетъ насъ еще къ догматикѣ Бидерманна и совѣтуетъ намъ познакомиться съ воззрѣніями на личность Бога этого, по рекомендаціи нашего философа, самаго значительнаго спекулятивнаго мыслителя послѣдняго человѣческаго вѣка [2]). Волей-неволей мы должны обратиться и къ Бидерманну.

По взгляду Бидерманна, Богъ есть абсолютный духъ, actus purus, чистое Insichsein (въ себѣ бытіе); личность же есть специфическая форма существованія человѣческаго духа, какъ конечнаго. Личность и духъ не одно и то-же. Духъ есть чистое

1) Philos. II, 189—191 s. s.

2) Christliche Dogmatik. Zürich, 1869. 638—647 s.s.

бытіе, actus purus, равный самому себѣ независимо отъ того, ставитъ ли духъ существованіе конечнаго чувственнаго бытія, или имѣетъ его только своимъ предположеніемъ; сущность и субстанція духа—бытіе въ себѣ и для себя. Богъ есть абсолютный духъ, находящійся, сравнительно съ духомъ человѣка, въ діаметрально—противоположномъ отношеніи къ чувственному бытію; Онъ—основаніе всякаго конечнаго существованія, въ томъ числѣ и индивидуальнаго, которому имманентна потенція быть духомъ. Но тогда какъ личность есть опредѣленіе конечнаго духа и предполагаетъ своимъ конституирующимъ моментомъ чувственное существованіе въ формѣ тѣлеснаго организма и въ условіяхъ времени и пространства; Богъ не имѣетъ никакой конечности и не можетъ быть выраженъ ни въ какихъ конечныхъ опредѣленіяхъ. Личность не вещь въ себѣ, существующая внѣ своего тѣла, а конечный духъ, саморазличающій себя отъ своего чувственнаго бытія. Личность и конечный духъ—понятія тожественныя; поэтому абсолютная личность, мыслимая внѣ условій чистаго духовнаго бытія, становится конечнымъ духомъ: contradictio in adjecto.

Дѣйствительно вопросъ о личности Бога, скажемъ вмѣстѣ съ Бидерманномъ, одинъ изъ жгучихъ теологическихъ вопросовъ. Но нельзя скрывать и того, что почти всѣ новѣйшіе мыслители, философствовавшіе о Богѣ, ясно видѣли несообразность въ представленіи неличнаго Бога. Только Фихте Старшій, да Штрауссъ съ Гартманномъ не замѣчаютъ этой странности. Самъ Бидерманнъ находитъ, что „содержаніе понятія абсолютнаго духа для нашего представленія получаетъ свое полное соотвѣтствующее выраженіе только въ представленіи абсолютной личности". Онъ говоритъ: „называть Бога личнымъ долженъ всякій, кто серьезно называетъ Его духомъ: въ этомъ натуральное право религіознаго сознанія". Вмѣстѣ съ тѣмъ Бидерманнъ отклоняетъ отъ себя названіе пантеиста, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Гегель [1]), и публично заявляетъ, что его согласіе съ міровоззрѣніемъ философіи Безсознательнаго только кажущееся [2]). Другіе мыслители, не зная, какъ примирить абсолют-

[1]) Encyclopädie d. philos. Wissenschaften, § 573.

[2]) Protestant. Kirchenzeitung, 1882. № 47.

ную личность Бога съ личностью человѣка, считаютъ эту тайну „абсолютнымъ чудомъ, чудомъ духа" (Фрауенштэдтъ) и называютъ Бога „надличнымъ существомъ" (ein überpersönliches Wesen; Паульсенъ). Такимъ образомъ вопросъ о личности Бога далеко не рѣшенъ безповоротно даже въ нѣмецкой философіи, и Гартманнъ преждевременно возвелъ свое Безсознательное на мѣсто личнаго Бога. Изъ трудности представленія Божественной личности не слѣдуетъ, что Богъ безличенъ. Абсолютное, по прекрасному сравненію Декарта, для насъ то-же, что гора для осязанія: мы можемъ прикасаться къ ней, но не можемъ охватить ее своими руками. Предѣловъ души не отыщешь, говорили древніе (Гераклитъ); какъ же мы можемъ надѣяться адэкватно уразумѣть Бога? *Божія никто же вѣсть, точію духъ Божій* (I Корин. 2, 11). Тѣмъ не менѣе у насъ есть положительныя данныя для заключенія о личности Бога. Никто, конечно, не станетъ говорить объ этической или юридической личности Бога въ смыслѣ Гартманна, но допустите, что Богъ самосознателенъ,—а это необходимо, если только Богъ есть духъ,—и вы легко пріидете къ признанію Его личности. Гартманновское Безсознательное лишь духъ по имени, и потому оно не самосознательно. Но мы удивляемся, какъ Бидерманнъ, приписывающій Богу „абсолютное самосознаніе или чувство" [1]), могъ заподозрить Его личность. А если Богъ самосознателенъ, то что значитъ это самосознаніе безъ личности? Самосознаніе есть отличительный признакъ личности; безъ самосознанія я могъ бы считаться субъектомъ, индивидуумомъ, субстанціею, а не личностью. Одно самосознаніе дѣлаетъ меня личнымъ, потому что я знаю себя, свое самостоятельное я, и постоянно знаю, что я это отдѣльное и неизмѣнное я, не смотря на измѣнчивыя духовныя состоянія. Въ этомъ смыслѣ безспорно правъ Гартманнъ, когда онъ полагаетъ, что самосознаніе есть другое названіе личности и что кто однажды призналъ самосознательнымъ Бога, тотъ допускаетъ противорѣчіе, отрицая Его личность. Личность и самосознательность—другъ друга обусловливающія понятія, а не личность и конечность, какъ

[1]) Christ. Dogmatik, 625 s. § 404.

думаетъ Бидерманнъ. Сознаніемъ и живымъ организмомъ обладаетъ и животное; однако оно не имѣетъ самосознанія и потому не лично. Животное—индивидуумъ, субъектъ. Моментъ конечности, стало быть, не принадлежитъ существенно къ понятію личности. Тѣлесный организмъ не причина (causa efficiens), а сопровождающее условіе нашего самосознанія. Взглядъ на самосознаніе, какъ матеріальный феноменъ, имѣетъ мѣсто только въ системахъ вульгарнаго матеріализма, для котораго нѣтъ ничего, кромѣ нервныхъ движеній. Самосознаніе есть духовный актъ, и ни Гартманнъ, ни Бидерманнъ не согласятся отнести его къ продуктамъ организма. Оно—свойство духа и возникаетъ изъ его внутренней природы, хотя и по поводу дѣйствій моего тѣла и внѣшней реальности. Мой духъ самосознателенъ и личенъ и отличаетъ себя отъ своихъ способностей и состояній. Отсюда вполнѣ законная параллель: если мой духъ обладаетъ самосознаніемъ, то и Божественный; и если я чрезъ самосознаніе личенъ, то разумѣется, и Богъ. Гартманнъ прекрасно понимаетъ философское значеніе этихъ антропоморфическихъ аналогій и даже узаконяетъ ихъ употребленіе при изученіи природы [1]), но почему-то запрещаетъ пользоваться ими при мысли о Богѣ.

Примемъ, однако, что Богъ не личный духъ,—какъ тогда Его представлять? Понятіе Спинозической субстанціи, очевидно, не достаточно, ибо понятіе субстанціи несоединимо съ понятіемъ Творца и отрицаетъ одинъ изъ существенныхъ аттрибутовъ Бога, безъ котораго Онъ перестаетъ быть Богомъ. Богъ долженъ быть не только субстанціей, но и духомъ, не только имманентнымъ міру, но и трансцендентнымъ, безконечнымъ, а не конечнымъ. Станемъ представлять Бога вмѣстѣ съ Бидерманномъ, какъ actus purus. Опять не прійдемъ ни къ какимъ конкретнымъ опредѣленіямъ Бога: Его самосознаніе безъ личности—немыслимое противорѣчіе въ предикатахъ. Будемъ мыслить Бога по—Гартманновски въ образѣ безсознательнаго и нелогичнаго существа,—и получимъ пустой абстрактъ, „ничто", даже не абсолютное и не единое. Не абсолютное потому, что

---

[1]) Ergänz. I Buch, 22—28 s. s. cp. Philos. II, 413—414 s. s.

оно пустое, не знающее ни себя, ни другихъ; не единое потому, что оно борется само съ собою и производитъ нерѣдко нецѣлесообразныя дѣйствія. Итакъ, не лучше ли и не сообразнѣе ли представлять Бога, какъ одинъ всеоживляющій принципъ, какъ одну абсолютную телеологію? Понятіе о духѣ не позволяетъ намъ и этой мысли. Еще Кантъ показалъ, что, опредѣляя Бога, какъ абсолютно необходимый законъ и сущность, мы даемъ неадэкватное понятіе о Богѣ. А Гегель разоблачилъ недостаточность понятія о Богѣ и тогда, когда опредѣляютъ Его просто какъ абсолютную необходимость. Выше, глубже, по мнѣнію Гегеля, опредѣленіе Бога, какъ одной общей жизни, всеобщаго жизненнаго начала, какое понятіе о Богѣ разумѣли древніе подъ словомъ νόυς, λόγος, міровая душа. Платонъ называлъ Бога безсмертнымъ, ζῶον, т. е. вѣчно живымъ, и дальше этого опредѣленія жизненности не возвышался. Міръ для древнихъ былъ гармоническимъ цѣлымъ, органическою жизнью, опредѣляемою по цѣлямъ. „Но если мы понимаемъ жизненность въ ея истинности, то она, говоритъ Гегель, есть одинъ принципъ, одна органическая жизнь универсума, одна жизненная система. Все, что существуетъ, есть только органы одного субъекта; планеты, обращающіяся вокругъ солнца, только гигантскіе члены одной системы. Такимъ образомъ универсумъ не аггрегатъ многихъ равнозначущихъ акциденцій, а система жизненности. И все-же опредѣленіе Бога еще не дано“ [1]). Понятіе о Богѣ существенно содержитъ въ себѣ то, что Онъ есть знающій духъ (wesentlich Geist, als wissender) [2]). Только неправильно заключать такъ: „если есть конечные духи, то есть и абсолютный духъ“, ибо это „потому“ (утвердительное отношеніе) предполагаетъ, будто конечные духи служатъ основаніемъ Божественнаго и будто Богъ простое слѣдствіе ихъ существованія. Истинная форма силлогизма слѣдующая: „есть конечные духи, но конечные не имѣютъ никакой истины; истина конечнаго есть абсолютный духъ“ [3]). Значитъ, по Гегелю, адэкватное понятіе о Богѣ можно получить только по аналогіи

[1]) Werke, XII, Berlin, 1832, 462—463 ss.

[2]) Ibid. XI, 53, 60 ss.

[3]) Ibid. XII, 470 s.

съ конечнымъ духомъ, заключая отъ неистинности конечнаго къ истинности безконечнаго. Руководясь этою аналогіею (а другой нѣтъ), какъ нужно намъ теперь думать о Богѣ, признаваемомъ духомъ? Какой бы это былъ силлогизмъ, если бы я сталъ заключать отъ своего сознательнаго и личнаго духа къ безсознательному и неличному духу Бога? Несомнѣнно, что я здѣсь не получу никакого вывода, ибо невозможно, чтобы изъ положительныхъ посылокъ вышло отрицательное заключеніе. Это возможно развѣ посредствомъ какого-либо „фокуса", свойственнаго Безсознательному. Впрочемъ, нашъ силлогизмъ не имѣлъ бы никакой силы, если бы самъ Гартманнъ не допускалъ никогда возможности заключать отъ свойствъ и природы человѣка къ свойствамъ и природѣ Бога. Но и это не такъ. Когда Гартманну нужно было найти побужденія, заставляющія меня сдѣлать цѣли Безсознательнаго своими собственными цѣлями, то онъ пишетъ буквалано вотъ что: „если бы абсолютная воля была не разумна, то мое по существу съ нею тожество не было бы въ состояніи подчинить ей мою разумную волю и сдѣлать ея неразумныя цѣли цѣлями моей разумной воли; но поелику моя воля разумна и знаетъ себя, какъ такую, то невозможно, чтобы тожественная по существу съ моею абсолютная воля, отъ которой я только одинъ лучъ, была не разумна" [1]). Итакъ, о Божественной волѣ мы заключаемъ отъ своей воли, и наше заключеніе правильно; а по разуму и личности? Нѣтъ, скажетъ, по обыкновенію, Гартманнъ. Хотя Безсознательное имѣетъ *разумную* волю, все таки оно не самосознательно. На этомъ пунктѣ споръ самъ собою обрывается, ибо напрасный трудъ убѣждать того, кто то отрицаетъ, то утверждаетъ, смотря по удобству и характеру предлежащаго разсужденія.

V.

Описавши свойства безсознательнаго, Гартманнъ въ заключительной части своей философіи синтезируетъ всѣ частные выводы подъ общимъ названіемъ „послѣдніе принципы", т. е., аттрибуты (природа) Бога. Каковы эти принципы, мы уже

---

[1]) Phänomenol. 830 s.

знаемъ. Это—воля и представленіе, два аттрибута, безъ принятія которыхъ, по Гартманну, нельзя ничего объяснить и которыхъ нельзя разложить на болѣе простые элементы. Идея, или представленіе, какъ намъ извѣстно, есть логическій формальный принципъ, „лоно“ преформированнаго содержанія на случай развитія; сущность же и форма реализаціи воли въ мірѣ—пока предметъ нашего дальнѣйшаго изученія.

По примѣру Шеллинга, Гартманнъ называетъ волю потенціей κατ' ἐξοχήν, формою причинности отъ идеальнаго къ реальному, дѣйствіемъ или дѣятельностью, чистымъ исхожденіемъ изъ себя, силою, созидающею переходъ отъ идеальнаго къ дѣйствительному и т. д. До начала міра воля, подобно представленію, была потенціальною. Тогда не было ничего, кромѣ покоющагося Безсознательнаго, пребывающаго въ единствѣ своихъ потенціальныхъ аттрибутовъ. Былъ абсолютный миръ, вожделѣнное блаженство, невозмутимая нирвана: ни жизни, ни желанія, ни представленія: inanis, nuda potentia. Никто ни страдалъ, ни мыслилъ; гробовая тишина не нарушалась. Вдругъ въ Безсознательномъ проснулось какое-то неопредѣленное томленіе (воля), и оно пожелало жить. Сначала это желаніе было пустымъ, но появилось представленіе, наполнило собою волю, и начался міръ. Воля, какъ паукъ, который только повидимому спитъ, а въ дѣйствительности готовъ въ каждое мгновеніе схватить жужжащую около его гнѣзда муху. И это, поучаетъ Гартманнъ, не миѳологія, но образное описаніе истины [1]). Міръ есть въ собственномъ смыслѣ продуктъ воли и представленія: воля—реальное начало (quid); представленіе—формирующее (quod).

Читатель, безъ сомнѣнія, остановится въ недоумѣніи и спроситъ: какъ же изъ потенціальнаго бытія произошло дѣйствительное бытіе? Потенціальное, если нѣтъ никакого внѣшняго стимула, должно оставаться вѣчно потенціальнымъ; такъ что на понятіи потенціальнаго невозможно строить и философіи. Потенціальный Богъ никогда не можетъ стать дѣятельнымъ. Потенціальность актуализируется подъ вліяніемъ благопріят-

[1]) Ergänz. 533 s.

ныхъ условій, способствующихъ раскрытію тайныхъ силъ, находящихся въ потенціи, и безъ этихъ постороннихъ условій обречена навсегда оставаться въ покоѣ. Зерно, содержащее въ себѣ потенціально будущее растеніе, или совершенно засыхаетъ, или остается зерномъ многіе годы и даже вѣка, если не попадаетъ въ благопріятныя условія. Такъ и Богъ. Если Онъ когда-либо былъ потенціальнымъ бытіемъ и не имѣлъ никакого внѣшняго побужденія реализироваться, то Онъ долженъ быть вѣчно потенціальнымъ. Воля въ Немъ дѣйствовать не могла, ибо воля сама потенція и не можетъ дѣйствовать на представленіе, пока она потенція. До наступленія реализаціи, „воля есть нежелающая или покоящаяся воля, нуль желанія, и не имѣетъ никакого содержанія“ [1]). Равнымъ образомъ и представленіе не могло дѣйствовать на волю, ибо „представленіе никакая потенція, никакая активная сила, и не можетъ само раскрыться, но должно пассивно ожидать, пока будетъ побуждено къ раскрытію со стороны“ [2]). Дѣйствующее представленіе было бы не представленіемъ, а волею, притомъ же представленіе, какъ безстрастная и чистая идея, не имѣетъ никакого интереса въ бытіи и не знаетъ никакой воли. Въ виду такихъ первоначальныхъ элементовъ міръ не долженъ бы существовать. А если онъ есть, то какая причина вызвала его къ бытію? Говоря по поводу вѣроятнаго повторенія n разъ мірового процесса, Гартманнъ правильно разсуждаетъ, что вѣроятность исключаетъ закономѣрную причинность и основывается на принятіи безпричиннаго случая. Въ предѣлахъ міра случай не имѣетъ мѣста, и потому теорія вѣроятности здѣсь простая фикція; а если иногда допускается, то лишь оттого, что у насъ нѣтъ полнаго знанія о всѣхъ дѣйствующихъ причинахъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Совсѣмъ иначе въ области метафизическаго бытія. Тамъ то, что здѣсь, въ предѣлахъ мірового процесса, есть простая фикція, тамъ это полная истина (volle Wahrheit) въ примѣрѣ безпричиннаго рѣшенія воли стать желаніемъ. Вѣроятность, примѣняемая къ

[1]) Neukant. 195 s.

[2]) Ergänz. 537 s.

строго необходимымъ событіямъ міроваго процесса, absite, въ этомъ единственномъ (unicum) существующемъ примѣрѣ примѣняется rite. Еще дальше развивая свою мысль о возможномъ повтореніи процесса тотчасъ послѣ окончанія настоящаго, Гартманнъ задается вопросомъ: будетъ ли новый міръ одинаковъ съ настоящимъ, такъ какъ въ немъ все должно быть опредѣлено съ тою же логическою необходимостью и тѣмъ же Безсознательнымъ. По его мнѣнію, у насъ нѣтъ никакого основанія къ такому заключенію, ибо не видно, почему бы одинъ порядокъ и одно число механическихъ и физическихъ силъ имѣло преимущество передъ другимъ порядкомъ и иною величиною, тѣмъ болѣе, что величина міра и число постоянныхъ его силъ въ логическомъ отношеніи опредѣлено случайно „Безсознательное при началѣ міроваго процесса должно дать какую-либо опредѣленную величину этимъ неизмѣннымъ элементамъ міра, но это чисто случайный фактъ, какую оно дало имъ величину". Подобное будетъ и при началѣ второго міра; какъ случай опредѣлилъ величину этого перваго міра, такъ онъ же опредѣлитъ и величину второго. Разумѣется, строго нельзя доказать, что опредѣленная величина неизмѣнныхъ элементовъ міра логически безусловно случайно; тутъ лишь безотносительно вѣрно, что если однажды величина міра такъ или иначе логически обусловлена, то и конечная его величина въ экстенсивномъ и интенсивномъ отношеніи будетъ иною. Временные различные процессы міра должны быть необходимо различны, ибо актуальная идея и наполненная воля одинъ разъ осуществляютъ бóльшую часть безконечной идеальной возможности развитія и безконечнаго пустаго желанія, другой разъ— меньшую, т. е., случайное опредѣленіе конечной величины міроваго процесса всякій разъ будетъ различно [1]). Міръ, стало быть, возникъ безъ смысла и плана. Безсознательно Богъ томился въ потенціальномъ состояніи; случайно столкнулись между собою воля и представленіе; случайно Богъ отдѣлилъ для нашего міра „извѣстное число атомовъ и ихъ силъ" и случайно когда-то въ будущемъ воля, уразумѣвши собственное безуміе, прекратитъ бытіе міра и проглотитъ себя.

[1]) Ibid. 533—536 s s.

Принявши къ свѣдѣнію это множество случаевъ, напоминающихъ намъ какъ бы сказочныя событія, мы тѣмъ не менѣе видимъ, что тутъ еще не вся проблема. Нужно, кромѣ того, знать, откуда Безсознательное взяло матерію, чтобы создать реальный, вещественный міръ. Что такимъ матеріаломъ не можетъ быть идея,—это самоочевидно: идея—формальный принципъ. Но и воля есть потенція, возможность желанія, и пока остается потенціей, она есть чистая сущность, бытіе въ себѣ. Воля становится актомъ лишь тогда, когда она перестаетъ быть чистымъ, нефункціонирующимъ бытіемъ, когда она начинаетъ желать, быть (werden), хотя бы отъ этого сущность ея нисколько не измѣнилась. Единственная актуальная возможность воли, ея единственная сила и способность желать и не желать; только воля, начавшая желать, лишена уже выбора между желаніемъ и нежеланіемъ. Воля, владѣющая способностью прекратить существующее желаніе, была бы чѣмъ то большимъ, нежели способностью желать. Будучи „сущимъ слѣпымъ", воля въ себѣ совершенно безцѣльна, чисто формальная сторона реальной функціи Всеединаго, сила реализировать безсознательное представленіе. И она одинакова вездѣ и всегда. Какъ въ отдѣльныхъ волевыхъ актахъ воля не имѣетъ содержанія, а заимствуетъ таковое изъ идей, такъ лишена его и міровая воля и получаетъ свое содержаніе изъ абсолютной всеобъемлющей идеи. Въ представленіи воля находитъ предметъ и цѣль своей дѣятельности, такъ что съ этой стороны нѣтъ никакого различія въ волѣ, кромѣ различія въ интенсивности, съ какою она актуализируется въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Вообще то, что ставится и реализируется, не преформировано въ волѣ, какъ такой, но въ ея содержаніи, въ идеальной антиципаціи будущаго, идеѣ. Если бы въ волѣ было то, къ чему она стремится, и если бы она находила въ самой себѣ удовлетвореніе своихъ желаній, то не было бы никакой воли, никакого стремленія [1]).

Такимъ образомъ предъ Гартманномъ стояла весьма трудная проблема объяснить изъ сочетанія духовныхъ силъ вещественный реальный міръ, протяженные предметы. Дѣло въ

---

[1]) Neukant. 157—158; 286—288 s.s. cp. Philos. II, 428, 433—435 s.s

томъ, что, удерживая обыкновенное психологическое понятіе о волѣ, нельзя прійти къ матеріальному бытію. Воля, какъ способность желать и не желать, не есть матерія (вещество), а если воля не матерія, то откуда протяженныя вещи? Между тѣмъ реальный міръ есть матеріальный и самымъ убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что онъ не духъ. Ссылка на случай тутъ не поможетъ. Аристотель, различая матерію (ὕλη, ὑποκείμενον) отъ формы (εἶδος), признавалъ вѣчность матеріи. Спиноза, причисляя протяженіе къ аттрибутамъ Божественной субстанціи, также считалъ протяженіе вѣчнымъ аттрибутомъ. Мистикъ Бёмъ (и отчасти Шеллингъ) разсматривалъ собственную природу Бога, какъ матерію, изъ которой Онъ произвелъ всѣ вещи. Идеалистъ Гегель обратилъ матерію въ инобытіе идеи, духа, отпавшаго отъ своего тожества и вѣчно стремящагося къ возвращенію въ тожество. Шопенгауэръ назвалъ матерію объективаціею воли. Современная физика и химія усвоили динамическій взглядъ на матерію и пользуются атомами, какъ пригодными конституирующими элементами при изученіи природы. Знаменитый Гельмгольцъ, авторитетный голосъ котораго имѣетъ здѣсь понятный вѣсъ, говоритъ по поводу матеріи и силы: „наука разсматриваетъ предметы внѣшняго міра по двумъ отвлеченіямъ: во-первыхъ, просто по ихъ существованію, помимо ихъ дѣйствій на другіе предметы или на наши органы чувствъ; какъ таковые она называетъ ихъ *матеріею*. Слѣдовательно, существованіе матеріи самой по себѣ спокойное, бездѣйственное, мы отличаемъ въ ней пространственное распредѣленіе и количество (масса), которое полагается вѣчнымъ, неизмѣннымъ. *Качественныя различія мы не можемъ приписывать матеріи самой по себѣ*.... Но предметы природы (во-вторыхъ) не бездѣйственны; *мы вообще приходимъ къ познанію ихъ только посредствомъ ихъ дѣйствій*, произведенныхъ ими на наши органы чувствъ, *заключая изъ этихъ дѣйствій о нѣкоторомъ дѣйствующемъ*.... Ясно, что понятія о матеріи и силѣ въ примѣненіи къ природѣ *никогда не могутъ быть раздѣляемы*. Чистая матерія была бы безразлична для всей остальной природы, потому что никогда не могла бы обусловить какую-нибудь перемѣну въ ней или въ нашихъ органахъ

чувствъ; чистая сила была бы нѣчто, что должно бы было существовать, и вмѣстѣ не существовать, такъ какъ существующее мы называемъ *матеріею*. Также ошибочно признавать матерію за нѣчто дѣйствительное, а силу за простое понятіе, которому не соотвѣтствуетъ ничто дѣйствительное; и то, и другое, напротивъ, суть отвлеченія отъ дѣйствительности, составленныя совершенно одинаковымъ образомъ"; значитъ, по мнѣнію Гельмгольца, есть безкачественная матерія, какъ субстратъ (субстанція) силъ, и силы дающія качественную опредѣленность матеріи. Вещество —то, что остается послѣ отвлеченія всѣхъ силъ отъ матеріи, нѣчто бездѣйственное, сила—активность, реальность вещества, и такъ мы должны думать по природѣ нашего мышленія. Словомъ, сказать съ Ланге: матерія для науки есть тотъ непонятый или непонятный остатокъ нашего анализа, который получается, сколько бы мы ни разсуждали по поводу вещества [1]).

Гартманнъ, разумѣется, не согласенъ съ такимъ взглядомъ, и понятно почему. Принять матерію, какъ вещество, было бы равносильно отреченію отъ монизма. Матеріи нѣтъ мѣста въ безсознательномъ духѣ. Ее нужно обратить въ нѣчто невещественное; матерія должна быть волею. Спиноза не понималъ проблемы, когда онъ по почину Декарта называлъ второй аттрибутъ своей субстанціи протяженіемъ. Этотъ философъ думалъ, что мышленіе и протяженіе противоположны между собою; тогда какъ противоположность образуютъ лишь мышленіе и реальное протяженіе, ибо протяженіе уже содержится въ мышленіи. Не протяженіе производитъ реальность, а оно само должно стать реальнымъ, чтобы быть противоположнымъ мышленію. „Второй аттрибутъ Спинозы, слѣдовательно, долженъ быть тотъ, который не только протяженіе, но и все идеальное дѣлаетъ реальнымъ, и это есть не что иное, какъ воля" [2]). Воля не просто желаніе, психологическая функція, духовный аттрибутъ, но и потенціальная матерія.

Едва ли слѣдуетъ доказывать, что здѣсь субъективируется (гипостазируется) воля, хотя бы Гартманнъ и утверждалъ про-

[1]) Исторія матеріализма, т. II. Перев. Н. Страхова, С.-Петерб. 1883 г. 162—200 стр. Тамъ же цитир. Гельмгольцъ и тамъ же очеркъ различныхъ фазъ спора, касающагося силы и вещества.

[2]) Philos. II, 458 s.

тивное, и что вмѣстѣ съ тѣмъ прикрыто допускается вѣчность матеріи—воли. Для насъ наглядно, что всеединство Безсознательнаго подвергается большой опасности, когда намъ говорятъ, что воля, какъ потенція бытія или желанія, не стоитъ къ субстанціи въ отношеніи потенціи, такъ, чтобы воля была актомъ, возникающимъ изъ потенціи, или что идея есть „чисто сущее", которое также не выводится изъ какой-либо потенціи. Аттрибуты, не признаваемые актами субстанціи, вѣчны, подобно субстанціи. Тутъ ничего не значитъ, что воля-матерія до соединенія съ представленіемъ была потенціальнымъ бытіемъ: вѣчность ея остается фактомъ. Въ чемъ здѣсь успѣхъ и преимущество сравнительно съ философіей Спинозы, мы рѣшительно не понимаемъ. Скорѣе, благодаря путаницѣ названій, проблема стала еще темнѣе. Это—πρῶτον ψεῦδος пантеизма—признаніе вѣчной субстанціи и вѣчныхъ ея аттрибутовъ.

Отожествляя протяженіе (матерію) съ волею, Гартманнъ ищетъ опоры для своего положенія прежде всего на отрицательномъ пути. Онъ подвергаетъ тщательному логическому анализу понятіе вещества и находитъ, что оно немыслимый инстинктивный предразсудокъ, свидѣтельствующій о невысокомъ спекулятивномъ развитіи естествоиспытателей. Критика философа не нова, и потому мы не будемъ на ней останавливаться. Основное положеніе, доказываемое имъ, въ томъ, что мысль наша о матеріи каждый разъ движется въ категоріяхъ силы и энергіи. Гораздо интереснѣе посмотрѣть, какъ Гартманнъ самъ сводитъ сущность матеріи (реальной) на волю и представленіе и какъ онъ объясняетъ образованіе протяженныхъ вещей.

Принимая теорію атомистическаго динамизма, Гартманнъ полагаетъ, что есть столько положительныхъ силъ, сколько и отрицательныхъ, т. е., отталкивательныхъ и притягательныхъ. Положительная сила есть атомъ тѣла, отрицательная—атомъ эѳира. Направленіе же дѣйствія этихъ силъ перекрещивается въ математическомъ пунктѣ, называемомъ „сѣдалищемъ силы", которое неподвижно. На извѣстномъ протяженіи (въ области одной молекулы) притяженіе и отталкиваніе равно велики, но съ увеличеніемъ разстоянія отталкиваніе уменьшается, а притяженіе увеличивается. Тѣла—атомы объединяются съ атомами эѳира и получаются молекулы химическихъ элементовъ;

эти элементы въ свою очередь становятся молекулами химически сложныхъ тѣлъ, а эти послѣднія—матеріальныхъ тѣлъ. Такимъ образомъ, въ основѣ всего лежитъ пунктъ силы (Kraftpunct), дѣйствующій то положительно, то отрицательно, откуда матерія есть система атомныхъ силъ въ извѣстномъ состояніи равновѣсія, причемъ эти силы, разнообразно комбинируясь между собою, производятъ прочія силы и свойства матеріи: тяжесть, протяженіе, эластичность, кристаллизацію, электричество, гальванизмъ, магнетизмъ, химическое сродство, теплоту, свѣтъ и т. д. Философа затѣмъ обязанность вложить точный и опредѣленный смыслъ въ понятіе силы. Физика, не проникая во внутреннюю природу силъ, учитъ только, что положительная сила атома влечетъ къ себѣ другой атомъ; отрицательная его отталкиваетъ, въ результатѣ чего получается дѣйствительное притяженіе и отталкиваніе. Но что понимать подъ этими символическими выраженіями? Мысль наша необходимо различаетъ стремленіе, какъ чистый актъ, и предметъ, цѣль, объектъ стремленія. Стремленіе есть сила, появляющаяся раньше осуществленія: стремленіе реализированное не есть уже стремленіе. Но стремленіе и не самая реальность, ибо реальность и стремленіе занимаютъ раздѣльное время. Реальность заключается въ стремленіи, потому что если бы реальность не заключалась въ стремленіи, то не было бы причины, почему, напримѣръ, наступило притяженіе, а на отталкиваніе. Безцѣльное, пустое стремленіе осталось бы безъ результата. Опытъ же свидѣтельствуетъ, что всякое стремленіе всегда сопровождается какимъ-либо результатомъ и что каждый атомъ дѣйствуетъ не случайно. Видно, что стремленіе содержитъ въ себѣ въ формѣ нематеріальнаго представленія, или идеальной схемы общую измѣнчивую опредѣленность своего образа дѣйствія. Форма (Was) стремленія должна быть идеально преформирована въ стремленіи атома для того, чтобы атомъ постоянно и неизмѣнно дѣйствовалъ на другой атомъ при извѣстномъ разстояніи съ такою опредѣленною силою, а на другой, третій и т. д. иною. Идеальное нужно считать prius реальнаго [1]). Но

[1]) У Безсознательнаго же отношенія обратныя. Для Бога не представленіе prius дѣятельности, а воля (пустое желаніе), такъ что мы остаемся въ невѣдѣніи, почему въ феноменальномъ мірѣ это отношеніе измѣнилось.

реальное (стремленіе), по своей сущности, есть воля; идеальное—представленіе, и потому, если атомъ владѣетъ стремленіемъ и идеею, то онъ въ послѣднемъ опредѣленіи есть единство воли и представленія. Иначе ничто непонятно и ничто не объяснимо. „Такъ, восторгается Гартманнъ, мы видимъ къ своему удивленію, что подъ понятіемъ силы нельзя ничего другого мыслить, кромѣ того, что мы мыслили подъ волею, и что оба понятія тожественны. Радикальное различіе между духомъ и матеріей уничтожено". Всеединое Безсознательное является общимъ источникомъ мышленія и протяженія. Единство ихъ перестало быть „непонятнымъ и недоказаннымъ постулатомъ, продуктомъ мистической концепціи, а возвышено до научнаго познанія" [1]). Матерія есть безсознательный духъ и имѣетъ двоякое бытіе. Она предстоитъ передъ нами то съ выпуклой, то съ вогнутой стороны, но въ себѣ самой она ни то, ни другое. „Что намъ кажется краснымъ, то на самомъ дѣлѣ бѣлое, и наоборотъ; матерія есть единство объективнаго и субъективнаго и всегда владѣетъ этими двумя сторонами вмѣстѣ [2]). Вотъ какъ, рекламируетъ Кёберъ, монизмъ безсознательнаго духа удовлетворительно объясняетъ матерію и не только исправляетъ односторонности идеализма и реализма, а даже обосновываетъ ихъ относительно безспорныя истины [3]). И Гартманнъ хвалится, что онъ синтезировалъ динамизмъ и атомизмъ, такъ какъ невозможенъ динамизмъ, который бы конструировалъ матерію какъ нѣчто всеобщее и непрерывное безъ индивидуальнаго различія, и невозможенъ атомизмъ, который отвергалъ бы силы, какъ главные факторы, объясняющіе матерію. Истина въ атомистическомъ динамизмѣ и динамическомъ атомизмѣ [4]). Только никогда не слѣдуетъ забывать, что атомъ есть „абсолютно непротяженный" (absolut ausdehnungs los). Если, по Гартманну, мы станемъ мыслить атомъ и его части даже такъ малыми, какъ только возможно, и тогда не получимъ понятія о математическомъ, не матеріальномъ пунктѣ,

[1]) Philos. II, 116—119 ss.
[2]) Plümacher, op. cit. 86. s.
[3]) Op. cit. 252 s.
[4]) Gesammelte Studien und Aufsätze, Berlin, 1876, 526 s.

какимъ долженъ быть атомъ. Атомъ есть сила и ничего больше, математическая точка. Фехнеръ впалъ въ обычный всѣмъ предразсудокъ, когда онъ опредѣлялъ атомы, какъ „безконечно малые безконечнаго порядка" и приписывалъ имъ тѣлесность въ томъ смыслѣ, что они существующіе элементы всего тѣлеснаго. Ошибка произошла оттого, что Фехнеръ не рѣшилъ прежде альтернативы: различается ли атомъ по протяженію отъ пункта и больше его, т. е., дѣлитъ ли атомъ, или атомъ не различается по протяженію отъ пункта, т. е., невещественный и непротяженный. При такой постановкѣ вопроса Фехнеръ скоро бы отказался отъ своего взгляда на природу атома. Говорятъ еще, что сила должна имѣть какой-либо субстратъ, чтобы существовать. Прекрасно, но что такое субстратъ, спрашиваетъ Гартманнъ. Иногда подъ субстратомъ разумѣется субъектъ, иногда просто причинный моментъ; обыкновенно же субстратъ опредѣляютъ, какъ неизмѣнную основу силъ. Однако, во 1-хъ, никто не станетъ утверждать, что мертвая матерія есть нѣчто субъективное, во 2-хъ, еще меньше можно говорить о причинности матеріи, и, въ 3-хъ, мы знаемъ, что нельзя понимать этого слова въ чувственномъ значеніи. Субстратъ вообще не мыслимъ. Защитники матеріальнаго субстрата должны защищать свою гипотезу, а я, гордится Гартманнъ, не чувствую надобности въ этой гипотезѣ, „ибо я утверждаю, что силу можно мыслить вполнѣ самостоятельно существующею" (sic). Равно нѣтъ никакой нужды придумывать какой-то особенный объектъ для дѣйствія силы атома, такъ какъ, кромѣ силы, нѣтъ ничего. Сила каждаго атома въ отдѣльности есть тотъ объектъ, на который направляется сила другого атома. Въ ихъ дѣйствіи полная аналогія съ духовными силами (будто атомы не духовны!). Какъ представленіе, дѣйствующее въ качествѣ мотива, имѣетъ объектомъ волю, а воля представленіе, такъ и одинъ атомъ дѣйствуетъ на другой, и обратно. Наконецъ, атомъ и потому нематеріаленъ, что онъ есть воля и представленіе, т. е., состоитъ изъ того, что не имѣетъ пространственной природы. Хотя въ представленіи и содержится идеальное пространство, все-таки само представленіе не можетъ быть въ пространствѣ, и хотя воля есть реализація иде-

альнаго, тѣмъ не менѣе то, что она создаетъ, не наступаетъ раньше осуществившагося желанія, т. е., и воля не пространственна. Представленіе созидаетъ идеальное пространство; воля реализируетъ представленіе пространства, и это справедливо какъ относительно воли вообще, такъ и относительно атомной воли, или атомной силы, въ частности. Отсюда, съ какихъ бы сторонъ мы ни разсматривали атомъ, онъ всегда является математическимъ пунктомъ силы, дѣйствующимъ или отрицательно, или положительно, т. е., какъ отталкивающая или притягательная сила [1]).

Остановившись на этомъ отвлеченномъ представленіи атома, Гартманнъ, какъ новаторъ, естественно долженъ былъ построить передъ нами изъ своихъ духовныхъ элементовъ реальный вещественный міръ. Иное дѣло критика, и иное положительное рѣшеніе проблемы. Но тутъ-то и выступаетъ предъ философомъ вопросъ во всей своей вѣковой трудности. Пока Гартманнъ критикуетъ воззрѣнія другихъ, до тѣхъ поръ изложеніе его отличается ясностью и излишнею подробностью, а когда онъ касается положительнаго конструированія матеріи, то спѣшитъ скорѣе покончить съ вопросомъ, какъ бы предполагая, что здѣсь все понятно само собою. Между тѣмъ совершенно ясно, что только путемъ положительнаго и строго послѣдовательнаго ученія возможно убѣдить противника, который на самомъ дѣлѣ увидитъ, что возможно построеніе матеріи изъ духовныхъ силъ. Апеллированіе къ немыслимости матеріальнаго вещества, въ чемъ Гартманнъ находитъ самое сильное доказательство въ пользу абсолютнаго динамизма, по нашему мнѣнію, ничего не рѣшаетъ. Мало ли есть вещей, о которыхъ мы не можемъ составить адэкватнаго представленія, и все-же онѣ существуютъ. Попробуйте подумать о силѣ, въ чемъ для Гартманна сущность атома,—что вы можете о ней сказать in se безъ субстрата? Нужно признаться, что сила сама по себѣ такъ же не мыслима, какъ и матерія. Это понятія, взаимно предполагающія и обусловливающія другъ друга, и взятыя отдѣльно не имѣютъ смысла. Жаль, что Гартманнъ, считающій возможнымъ „само-

---

[1]) Philos. II, 111, 120 s.s. cp. Gesam. Studien u Aufsätze, 541—545.

стоятельное существованіе силы", не научилъ насъ, какъ объ этомъ думать, вмѣсто того, чтобы ограничиться формальнымъ догматическимъ утвержденіемъ.

Въ частности, вопросъ о природѣ атома похожъ на вопросъ о природѣ и сущности вещи самой въ себѣ (Ding an sich). Нѣтъ сомнѣнія, что я не могу представить вещи въ себѣ и что она мнѣ извѣстна лишь настолько, насколько я испытываю впечатлѣнія отъ нея,—но значитъ ли это, что вещь въ себѣ не существуетъ и есть безусловно субъективный феноменъ? Гартманнъ резонно критикуетъ скептическій идеализмъ Канта и Файгингера, которые заподазриваютъ объективную реальность вещи въ себя. Философъ—пессимистъ хорошо знаетъ, что безъ реальной вещи въ себѣ мы на пути къ безвыходному скептицизму и разрушенію достовѣрности нашего познанія. Одинъ разъ въ формѣ Платоновскаго діалога, другой—посредствомъ критики всего субъективнаго идеализма Канта, Гартманнъ усиливается возстановить трансцендентальный объектъ. Въ противномъ случаѣ, если вещь въ себѣ фикція и категорія причинности не имѣетъ трансцендентальнаго значенія, т. е., опять простая иллюзія, то иллюзія вся наука, цѣлый образъ міра, какъ онъ намъ извѣстенъ. Притомъ Гартманнъ возражаетъ: „если бы существованіе вещи въ себѣ было чисто идеальное (простая идея), то конфликтъ ея (идеи) съ другою на чисто логическомъ пути былъ бы мирнымъ. Принужденіе, которое производитъ вещь въ себѣ на мой произволъ, доказываетъ, что я имѣю дѣло не просто съ логическимъ идеальнымъ бытіемъ, но реализированною чрезъ волю идеею,... слѣдовательно, вещь въ себѣ имѣетъ вмѣстѣ съ причинностью существованіе и реальность" [1]).

Спрашивается: примѣнимы ли категоріи существованія, причинности и реальности въ разсужденіи объ атомѣ? Вѣдь условія познанія вещи въ себѣ и атома, какъ носителя силъ, одинаковы; вещь въ себѣ и атомъ есть не теоретическая потребность нашего разума, необходимый постулатъ, не доказываемый въ опытномъ наблюденіи. Развѣ Гартманнъ знаетъ не-

[1]) Neukant. 21—22, 60—62, 116—118 s.s. cp. Kritische Grundlegung d. Transcendentalen Realismus. 2-te Auflage, Berlin, 1875, 111—115 s.s.

посредственно вещь въ себѣ, и не должна ли она быть для него комплексомъ силъ, т. е., субъективною фикціей, явленіемъ? По меньшей мѣрѣ Гартманнъ безъ основанія отвергаетъ причинность атома на томъ единственномъ предположеніи, что причинность эта не мыслима. Онъ былъ въ правѣ съ точки зрѣнія своего монизма отрицать субстанціальность атома, но не его существованіе въ матеріальномъ смыслѣ и причинность, отличную отъ реальности и причинности духа. Если бы матерія была подобна во всемъ духу, т. е., если бы духъ и матерія были одинаково волею и представленіемъ, то не видно причины, почему вообще существуетъ конфликтъ между этими двумя міровыми сущностями. Конфликта тутъ такъ же не могло бы быть, какъ, по Гартманну, его нѣтъ въ панлогистической системѣ Гегеля, гдѣ принципомъ и сущностью всего признается одна логическая идея, или какъ его не было бы между мною и вещью въ себя, если бы вещь въ себѣ была только идеальнымъ бытіемъ. Въ лучшемъ случаѣ здѣсь могла бы быть идеальная, духовная борьба, какая происходитъ въ нашемъ духѣ между различными представленіями, мотивами и стремленіями, но не борьба реальная, для которой требуется дѣйствительная противоположность. Духъ, какъ воля и представленіе, и таковая же матерія, не въ состояніи были бы противоборствовать другъ другу, такъ что, вмѣсто процесса, былъ бы абсолютный покой. Равное уничтожается равнымъ, и потому если нѣтъ различія между духомъ и матеріей, то и борьба между ними воображаемая. Гартманнъ скажетъ, что „конституирующія матерію функціи Безсознательнаго имѣютъ относительно самостоятельное положеніе (die relativ selbstständige Stellung) къ его остальнымъ функціямъ“ [1]). Можетъ быть и такъ. Однако гдѣ предполагаемое тожество духа и матеріи (Identität von Geist und Materie)? Законъ тожества гласитъ: А=А, а не отчасти только. Съ другой стороны, какъ единые по существу и функціонально аттрибуты Безсознательнаго принимаютъ въ отношеніи самихъ себя какое-то „самостоятельное положеніе“? Ужъ не думаетъ ли Гартманнъ, что неизмѣнная

---

[1]) Neukant. 353 s.

воля и представленіе могутъ функціонировать различно: одинъ разъ для образованія духа, другой и совершенно особымъ образомъ—для образованія матеріи. Но въ этомъ случаѣ аттрибуты не неизмѣнны, а по природѣ своей множественны. По опредѣленію Гартманна, аттрибуты должны быть вѣчно равными самимъ себѣ и функціонировать всегда сообразно собственной сущности, т. е., воля должна только желать, представленіе только давать форму реальности. Тожественныя причины должны производить и тожественныя слѣдствія; матерія тогда безусловно тожественна съ духомъ. Если же матерія относительно самостоятельна и есть продуктъ какой-то особенной комбинаціи аттрибутовъ, то она—не духъ. Первое предположеніе вынужденъ ограничить даже Гартманнъ, а для второго нѣтъ никакого основанія въ природѣ Безсознательнаго и его вѣчно одинаковыхъ аттрибутовъ.

Обращаясь спеціально къ объясненію возникновенія матеріи изъ имматеріальныхъ силъ — монадъ, Гартманнъ указываетъ намъ на Лейбница, который будто бы давнымъ давно предрѣшилъ вопросъ. Именно: синтезируя динамизмъ и атомизмъ и критикуя воззрѣнія А. Ланге, признававшаго вещество „остаткомъ анализа“ реальнаго бытія, Гартманнъ категорически убѣждаетъ насъ, что для современной науки матерія есть призракъ (Gespenst) и что предикатъ субстанціальности принадлежитъ единственно силѣ, какъ училъ Лейбницъ. Матерія, разрѣшенная въ силы, не можетъ быть ни субстанціей, въ смыслѣ носителя этихъ силъ, ни матеріей. „Сила и только сила есть то, чему приличествуетъ предикатъ субстанціальности“ [1]). Намъ кажется, что Гартманнъ сколько преувеличиваетъ значеніе монадологіи Лейбница, столько и неправильно толкуетъ его мысли. Дѣйствительно, Лейбницъ старался установить динамическій взглядъ на матерію. Его монада есть живая единица, не математическая точка, изъ которой, по мнѣнію Лейбница, ничего не выйдетъ, и не вещественный безусловно атомъ грубаго матеріализма, но метафизическая точка, соединяющая въ себѣ принципъ динамическій и вещественный и развивающая

---

[1]) Philos. II, 475—477 ss. cp. Ergänz Nachträge 476—478 ss.

изъ собственной природы свою дѣятельность. Монада—единство страдательной и дѣятельной силы, формы и матеріи, динамическое тѣло. Какъ динамическая единица, она отличается отъ физической точки тѣмъ, что она недѣлима, а отъ математической — тѣмъ, что она существуетъ не просто какъ математическое понятіе, но реально есть. Тѣмъ не менѣе, когда Лейбницу понадобилось показать, какъ монада развиваетъ изъ себя вещественную силу и становится матеріальною массою, то онъ здѣсь не далъ ничего, кромѣ аналогіи. Вотъ его слова: „протяженіе есть распространеніе нѣкотораго свойства тѣла, нѣкотораго аттрибута, нѣкоторой природы; такъ въ молокѣ существуетъ протяженіе или распространеніе бѣлизны, въ алмазѣ протяженіе или распространеніе твердости, въ тѣлѣ вообще протяженіе или распространеніе антитипіи или матеріальности. Слѣдовательно въ тѣлѣ есть сила, которая существуетъ прежде всякаго протяженія". Это значитъ, что монада сама образуетъ изъ себя дѣйствительное, подобно тому, какъ математическая точка, приведенная въ движеніе и измѣняющая мѣсто въ пространствѣ, составляетъ ограниченное геометрическое тѣло. Но, очевидно, что это простая аналогія, ибо принципъ вещества, если даже будемъ вмѣстѣ съ Лейбницемъ называть матерію materia prima, никакъ не слѣдуетъ изъ самодвиженія силы. Монада, какъ чистый духъ, ничѣмъ бы не отличалась отъ другой монады; поэтому Лейбницъ вынужденъ былъ признать отъ вѣчности существующее формированное вещество [1]). Таково ученіе Лейбница о монадахъ. Философъ отлично понималъ, что изъ одной суммы математическихъ точекъ, какъ простыхъ математическихъ представленій, никогда не можетъ быть образовано протяженное тѣло. Признаніе субстанціальныхъ, висящихъ въ воздухѣ безъ субстрата, силъ и происхожденіе протяженія изъ математическихъ, абсолютно непротяженныхъ точекъ,—это всецѣло парадоксъ Гартманна. Ему предоставимъ право и говорить.

Разбивши на голову понятіе матеріи, Гартманнъ прибавляетъ: „посмотримъ наоборотъ, какъ обстоитъ дѣло безъ вещества.

[1]) Подробности см. у Куно Фишера. Ист. новой философіи. Пер. Н. Страхова 1863, т. II, 110 128 с.

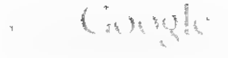
Мы не имѣемъ ничего иного дѣлать, какъ утвердить представленіе объ атомной силѣ, какое имѣютъ и защитники матеріи, (именно) что эта сила послѣдняя неизвѣстная причина движенія (die letzte unbekannte Ursache der Bewegung), обратно удлиненныя направленія, дѣйствія котораго пересѣкаются вмѣстѣ въ одномъ математическомъ пунктѣ... Сила, если она имѣетъ мѣсто, то во всякомъ случаѣ это есть точка пересѣченія, и мы называемъ ее сѣдалищемъ силы (Sitz der Kraft). Мы принимаемъ, далѣе, что атомныя силы служатъ взаимно одна другой объектами, т. е., что взаимное притяженіе А и В производитъ измѣненіе мѣста сѣдалища силы въ томъ смыслѣ, что А и В приближаются другъ къ другу, а при отталкиваніи отдаляются... Силы, по естественно-научному принятію, дѣйствуютъ въ отдаленіи и всѣ одинаковой природы" [1]). Тѣла — атомы вмѣстѣ съ эѳиръ—атомами образуютъ молекулы, молекулы—тѣла и т. д. На томъ и обрываются разсужденія Гартманна о возникновеніи матеріи. Кое-гдѣ попадаются еще выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „атомъ есть единство, изъ котораго слагается всякая масса точно такъ же, какъ изъ единицы слагаются всѣ числа" [2]). Точекъ (центровъ силы) безконечное множество, и всѣ онѣ наполняютъ пространство своимъ дѣйствіемъ. Если мы представимъ себѣ прямую линію, то поймемъ, какъ обнаруживается дѣятельность этихъ центровъ, силъ. Опредѣленная прямая линія должна имѣть два математическихъ пункта: одинъ, откуда дѣйствуетъ сила, другой, куда она направляется. Пунктъ, откуда дѣйствуетъ сила, можно узнать, если прослѣдить обратно различныя линіи направленія дѣйствія силъ до ихъ общей точки пересѣченія. Actio in dinstans зависитъ отъ того, что сфера дѣйствія отталкивательныхъ и притягательныхъ силъ безконечна; сила постоянно неизмѣнна, находится ли она въ переходѣ a potentia ad actum, или уменьшается въ напряженіи съ разстояніемъ [3]).

Итакъ, въ чемъ же дѣло? Какъ намъ думать о сущности и образованіи матеріи? Полагаемъ, что изъ подобныхъ разсужде-

[1]) Philos. II, 113—114 ss.

[2]) Ibid. 106 s.

[3]) Gesam. Studien u. Aufsätze, 529, 537—538 ss.



ній, гдѣ воля понимается то какъ духовная функція, то какъ потенціальная вѣчная матерія, нельзя составить опредѣленнаго представленія о протяженномъ тѣлѣ. Тутъ нѣтъ ни намека о способѣ сложенія духовныхъ силъ для возникновенія матеріи. Вмѣсто того, мы слышимъ о какихъ-то идеальныхъ точкахъ и и воображаемомъ направленіи ихъ силъ, которое будто бы прямолинейно и гдѣ-то перекрещивается. Вполнѣ натурально. что мы здѣсь совсѣмъ ничего не понимаемъ. Попробуйте представить себѣ матерію, составленную изъ отвлеченныхъ математическихъ точекъ, когда, по толкованію Гартманна, эти точки есть нѣчто идеальное, воображаемый пунктъ пространства, который только съ большимъ произволомъ можетъ быть названъ сѣдалищемъ воли или силы, ибо единство пространственное лишь обнаруженія силы, которыя нигдѣ и никогда не достигаютъ общей точки пересѣченія, за исключеніемъ развѣ воображаемой, идеальной. Понятно, что тамъ, гдѣ все идеально и воображаемо, тамъ одна фантазія безъ солиднаго основанія. Весьма занимательно, что самъ Гартманнъ имѣетъ смутное понятіе о своихъ точкахъ и не знаетъ, какъ быть съ ними. Признать ихъ реальными центрами силъ нельзя, ибо онѣ воображаемыя точки, но и признать ихъ мнимыми также нельзя, такъ какъ каждый пунктъ (точка) долженъ быть точно опредѣленъ въ отношеніи къ другимъ пунктамъ, какъ равно и мѣсто (Lage) обнаруженія силы. Въ чистомъ пространствѣ нѣтъ никакого опредѣленнаго пункта. Поэтому, сколько ни философствовалъ Гартманнъ, долженъ былъ признать свои атомы „индивидуумами силъ“. Онъ какъ бы беретъ подъ защиту упраздненную матерію и хочетъ увѣрить насъ, что его динамизмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и атомизмъ. „Если, говоритъ онъ, силы должны пространственно дѣйствовать, то онѣ должны прежде всего пространственно опредѣлить свои дѣйствія (sic), слѣдовательно должны относиться къ опредѣленнымъ исходнымъ пунктамъ; при этомъ данъ непосредственно пунктъ, какъ исходный пунктъ матеріальной силы, такъ что и динамизмъ, какъ скоро онъ искалъ болѣе близкаго формальнаго опредѣленія себя, необходимо долженъ перейти въ атомизмъ, ибо только тогда онъ пріобрѣлъ осязательный образъ (greifbare Gestalt), когда онъ от-

несъ игру противоположныхъ силъ на индивидуумы силъ, т. е., атомы" [1]). Гартманнъ можетъ даже вести рѣчь о томъ, что атомы и ихъ пространственныя отношенія съ опредѣленіями по мѣсту, будучи въ общей суммѣ интересующими частями содержанія одной абсолютной идеи, образуютъ различные моменты этого содержанія, реализированные чрезъ волю, т. е., что атомы есть волевые акты, „раздробленные на многія конкретные акты", которые производятъ чрезъ противодѣйствіе другъ другу реальную феноменальность и потому противодѣйствуютъ другъ другу, что они вслѣдствіе пространственнаго различія своего содержанія индивидуализируются, возвышаются къ относительной самостоятельности (individualisirt, d. h. zu einer relativen Selbstständigkeit erhoben werden) [2]) Въ виду этого,—не правда ли, что, атомы Гартманна какъ бы матеріальны? Если атомъ тожественъ съ духомъ и состоитъ изъ духовныхъ функцій, то онъ, конечно, лишенъ пространственной опредѣленности и пространственнаго различія. Пространство не создаетъ разницы между духами, и духъ не стѣсненъ пространственными границами. Онъ проникаетъ всюду и не можетъ быть собранъ и задержанъ въ какомъ-то пунктѣ. Духовныя силы не образуютъ никакихъ точекъ и не замыкаются въ нихъ. Изъ непространственныхъ точекъ и получится въ результатѣ непространственный О. Что затѣмъ индивидуализируетъ атомы и дѣлаетъ ихъ ограниченными? Лейбницъ приписывалъ каждой монадѣ силу дѣятельную и силу страдательную и видѣлъ въ послѣдней причину индивидуальности и ограниченія отдѣльной монады, но гдѣ Гартманну взять эту силу, сообщающую его атомамъ „относительную самостоятельность?" Какимъ чудомъ достигнуто, что волевой актъ, духовный по природѣ, образуетъ реальный феноменъ и противодѣйствуетъ другому такому же акту? Для чего, наконецъ, Гартманну понадобился какой-то „исходный пространственный пунктъ" для дѣйствія силы, когда онъ хвалится, что въ состояніи мыслить субстанціальную силу, т. е., силу, служащую для самой себя центромъ? Нужно сознаться, что мы ничего не выиграли, перемѣнивши названіе „ма-

[1]) Philos. II, 114—115 s.s.

[2]) Neukant. 348 s.

терія" на „волю". Впрочемъ оказывается, что и Гартманнъ ничего иного не разумѣетъ подъ своей матеріей—волей, какъ обыкновенную матерію, и что его атомы не идеальные акты, а конкретные. Они идеальны только до тѣхъ поръ, пока философъ отвлеченно разсуждаетъ объ аттрибутахъ Безсознательнаго, но какъ только онъ начинаетъ разсматривать міръ явленій, тотчасъ появляется у него забракованная матерія. Скандалъ обнаружится вполнѣ, когда мы узнаемъ, что это такъ. Два—три примѣра достаточно, чтобы показать, какова на самомъ дѣлѣ Гартманновская матерія.

Выше было упомянуто, какъ матерія самочинно производитъ организмъ и какъ она, вызывая въ духѣ сознаніе, произвольно и внезапно врывается въ миръ Безсознательнаго. Строго говоря, Гартманнъ тамъ уже настолько разъединилъ духъ и матерію, что о тожествѣ ихъ не можетъ быть и рѣчи: тожественные духъ и матерія не произвели бы никакой борьбы. Если же они функціонируютъ не одинаково, то они по существу разны, сходствуя лишь въ томъ, что происходятъ отъ одного общаго источника, Бога. Сейчасъ мы посмотримъ, какъ еще рельефнѣе выступаетъ у Гартманна полная противоположность духа и матеріи. Имѣемъ въ виду его трактатъ объ „индивидуаціи", взглядъ на смерть и разрушеніе организма и объясненіе положительнаго иногда противодѣйствія матеріи акціямъ Безсознательнаго.

Гартманнъ знаетъ, что вопросъ о происхожденіи индивидуальности и множества составляетъ камень преткновенія для всякаго монизма и что пока ни одна философія не разрѣшила его удовлетворительно. Опыты Лейбница, Спинозы, Шеллинга, Гербарта, Гегеля, Шопенгауэра и Банзена вышли неудачными. Самъ Гартманнъ ищетъ отвѣта на нашъ вопросъ въ своемъ ученіи объ атомахъ, предполагая, что индивидуумъ высшаго порядка возникаетъ изъ индивидуумовъ низшаго порядка (атомовъ) при посредствѣ особой дѣятельности Безсознательнаго. Атомы, считается уже безспорнымъ, индивидуумы разнаго рода: отталкивательныя и притягательныя силы, различающіяся по мѣсту. А и В занимаютъ разныя мѣста. Всѣ они волевые акты Безсознательнаго, отличные другъ отъ друга по содержанію своего представленія, насколько Безсознательное представляетъ

различно пространственныя отношенія ихъ дѣйствій. Атомы—индивидуумы низшаго порядка—medium individuationis организмовъ высшаго порядка. Когда воля реализируетъ свое содержаніе, то всѣ эти многіе волевые акты являются въ объективной реальности многими индивидуумами, и такъ какъ Безсознательное каждое дѣйствіе атомной силы представляетъ въ формѣ этого единственнаго дѣйствія, отличнаго отъ всякаго другого, то и реализація его отлична отъ реализаціи всякой другой атомной силы. Каждому атому—индивидууму соотвѣтствуетъ простой волевой актъ. При объединеніи же двухъ равныхъ атомовъ въ математическомъ пунктѣ (?) уничтожается различіе двухъ силъ и получается одна удвоенная сила. Комплексъ атомовъ, „пространственно заключенныхъ въ извѣстныя границы и размѣщенныхъ въ должныя положенія и группы", есть организмъ, а поелику атомы—индивидуумы, т. е., каждый изъ нихъ единственный въ своемъ родѣ, то, значитъ, и органическій, конструированный изъ нихъ, комплексъ и направленныя на него дѣятельности Безсознательнаго также единственны. Необходимо спросить: матеріаленъ ли этотъ комплексъ, или идеаленъ, какъ сложенный изъ имматеріальныхъ, непротяженныхъ точекъ—силъ? Да, утверждаетъ, не колеблясь Гартманнъ: „органическая жизнь мыслима только въ органической формѣ и нуждается для своего осуществленія въ матеріи... Радикальное отличіе индивидуаціи органической жизни отъ индивидуаціи атома въ томъ, что органическая жизнь ставится въ матеріи и чрезъ матерію, а индивидуація атома въ пространствѣ и времени (его medium individuationis) и чрезъ нихъ. У всѣхъ высшихъ индивидуумовъ всеобщая форма пользуется содержаніемъ или веществомъ, чтобы быть конкретною". Атомныя силы не имѣютъ внѣ себя никакого вещества, чрезъ которое онѣ могли бы индивидуализироваться, и различаются лишь по мѣсту; напротивъ, „высшіе индивидуумы, имѣющіе матерію medium individuationis, кромѣ занимаемаго ими мѣста, находятъ еще богатое поле для индивидуальныхъ различій во взятой ими въ свое владѣніе матеріи". И эта матерія, это органическое тѣло, для Гартманна не непосредственная объективація индивидуальной воли, т. е., субъективная видимость безъ соотвѣтству-

ющей по ту сторону сознанія реальности, какъ смотрѣлъ на тѣло Шопенгауэръ, но реальная акція субстанціи, дѣйствительное обнаруженіе метафизической силы, конкретное явленіе скрытаго основанія. Единство и множество равно реально, дѣйствительно и обладаетъ бытіемъ. Опытъ, поясняетъ Гартманнъ свою мысль, убѣдительно свидѣтельствуетъ, что матерія, изъ которой состоитъ наше тѣло, есть для насъ нѣчто чуждое и равнодушное, и что она стоитъ въ отношеніи къ нашей душѣ на подобіе нѣкоторой третьей личности и владѣетъ реальною силою (eine ganz reale Macht bildet), съ каковою нужно считаться, когда хотимъ господствовать надъ тѣломъ. Иначе, если будемъ пренебрегать нуждами тѣла или предъявлять къ нему требованія, невыполнимыя по слабости нашей психической силы (die psychische Macht), то легко можемъ подчиниться матеріи. Вообще, констатируетъ Гартманнъ, опытъ учитъ, что „матерія есть уже готовый, до извѣстной степени грубый, индифферентный, строительный матеріалъ (Baustoff), который образовательная индивидуальная душа, смотря по надобности, то притягиваетъ къ себѣ, то отталкиваетъ, но законы котораго душа, однако, должна уважать и не пытаться нарушать безнаказанно“ [1]).

Мы не знаемъ, можно ли еще яснѣе раздѣлить духъ и матерію и уничтожить между ними тожество. Аналогія съ духомъ тутъ не примѣръ. Хотя духъ владѣетъ многими функціями, но всѣ онѣ духовной природы. Безсознательное же дѣйствуетъ такъ, что одни и тѣ же его аттрибуты производятъ то духъ, то матерію. Конечно, если это случилось посредствомъ какого-либо фокуса (Kunstgriff), то мы не имѣемъ ничего больше возразить. Фокусъ и на самомъ дѣлѣ единственная причина, властвующая надъ Безсознательнымъ. Потерявши возможность объяснить возникновеніе матеріи изъ математическихъ, безпространственныхъ точекъ, Гартманнъ ведетъ уже такую рѣчь: „въ матеріи достигается конечный членъ ряда (разумѣется обращеніе атомовъ въ вещество), и типическая форма (высшихъ индивидуумовъ) только здѣсь становится конкретною изъ себя; вещество, такъ сказать, чрезъ простой фо-

[1]) Philos. II 256—262 s.s.

кусъ фиксаціи (durch den einfachen Kunstgriff der Fixation) ставитъ само себя въ пространственномъ пунктѣ; тотъ фокусъ, что здѣсь въ одномъ и томъ же пунктѣ вмѣстѣ перекрещиваются направленія дѣйствій силы" [1]). Такимъ образомъ матерія въ концѣ концовъ есть *фокусъ* Безсознательнаго.

Творить фокусы Безсознательное продолжаетъ и дальше. Говоримъ о смерти и положительномъ посрамленіи Безсознательнаго со стороны матеріи, замѣтивши для точности, что вопросъ о разрушеніи тѣла соединенъ у нашего философа съ вопросомъ о сущности смерти души. Показавъ несостоятельность съ своей точки зрѣнія креаціанизма, и традуціанизма, Гартманнъ предлагаетъ свою теорію происхожденія души. Источникъ души, по его взгляду, долженъ быть одинаковъ съ источникомъ матеріи, и это именно есть „всеобщая духовность, неличное психическое Безсознательное". Душа, по своей сущности, не отдѣльное, субстанціальное и отграниченное бытіе отъ другихъ душъ и всеобщаго духа; душа—тотъ кристаллизованный психическій придатокъ къ вновь возникающему органическому зародышу, та сумма дѣятельности Безсознательнаго, которую оно направляетъ на готовый уже къ жизни организмъ. По тѣлу я продуктъ своихъ родителей и предковъ и наслѣдую ихъ особенности; по душѣ—продуктъ Безсознательнаго. Оно всеединое какъ воодушевляетъ въ каждый моментъ всякій живой организмъ, такъ воодушевляетъ и вновь возникшій зародышъ сообразно съ его способностью къ одушевленію. Давши душу, Безсознательное, однако, не прекращаетъ своей дѣятельности. Душа возрастаетъ постепенно и въ равной мѣрѣ съ тѣломъ. Чѣмъ развитѣе и нормальнѣе организмъ, тѣмъ разнообразнѣе, богаче и благороднѣе сумма направленныхъ на него дѣятельностей Безсознательнаго. Въ случаѣ же Безсознательное перестаетъ дѣйствовать на меня (прекращаетъ воспріятіе, представленіе, волю, органическое образованіе, инстинктъ и пр.), то въ этотъ моментъ уничтожается моя душа, и организмъ разрушаютъ законы матеріи [2]). Критика, конечно,

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Philos. II, 202—205 s. s.

не преминула указать на это двойство въ дѣятельности Безсознательнаго, которая пользуется для уничтоженія тѣла неорганическими законами матеріи. Ремке совершенно правильно возражалъ, что при такомъ воззрѣніи не можетъ быть утверждаемо всеединство Безсознательнаго и его имманентное отношеніе къ матеріи, такъ какъ послѣдняя является самостоятельною силою, отдѣльною отъ Бога [1]). Защищаясь отъ упрека, Гартманнъ отвѣчаетъ, что онъ говоритъ не о полномъ прекращеніи дѣятельности Безсознательнаго, но только о прекращеніи суммы функцій, направленныхъ на этотъ организмъ, предполагая продолженіе дѣятельности тѣхъ функцій, которыя образуютъ „конституирующіе организмъ матеріальные атомы" [2]) —Правда, что при подобномъ пониманіи дѣйствія Безсознательнаго его всеединство не нарушается,—но не нарушается ли тожество духа и матеріи?

Если духъ и матерія тожественны, т. е., одинаково состоятъ. изъ воли и представленія, то отчего Безсознательное, прекративши свои функціи, образующія душу, не разрушаетъ организма? Не доказываетъ ли это, что въ тѣлѣ Безсознательное функціонируетъ иначе, чѣмъ въ духѣ, т. е., что духъ и матерія не тожественны? Отсюда опять единственный правильный выводъ—тотъ, что духъ и матерія разныя начала, дѣйствующія по собственнымъ законамъ. Гартманнъ сравниваетъ свое воззрѣніе на душу съ воззрѣніемъ на нее Спинозы и хвалится, что только въ его философіи получаетъ разумный смыслъ положеніе, что душа есть идея или представленіе своего тѣла. Ученіе Спинозы отличается ясностью и опредѣленностью. Когда онъ высказывалъ положеніе, что „объектомъ идеи, составляющей человѣческую душу, служитъ тѣло, т. е., извѣстный модусъ протяженія, существующій въ дѣйствительности" [3]), то онъ разумѣлъ, что душа и тѣло, аттрибутъ мышленія и аттрибутъ протяженія, пребываютъ въ единствѣ вслѣдствіе единства

[1]) Hartmann's Unbewusstes, Zürich, 1873, 45 s.
[2]) Neukant. 354 s.
[3]) Этика, ч. II, т. 13.

Божественной субстанціи. О тожествѣ же аттрибутовъ Спиноза не училъ. Больше пораллелизма ихъ и Гартманнъ не доказалъ, хотя онъ замѣняетъ протяженіе пространственною атомною волею (contradictio in adjecto). Самъ онъ формируетъ различіе между духомъ и атомомъ въ такомъ разсужденіи: „хотя взаимодѣйствіе между индивидуальнымъ духомъ и атомами мозга становится вообще возможнымъ вслѣдствіе общаго метафизическаго корня субстанціи, все-таки послѣдняя недостаточна для образованія встрѣчи извѣстныхъ функцій на отдѣльныхъ периферическихъ концахъ (т. е., для образованія индивидуальнаго сознанія). Сюда принадлежитъ какъ второе условіе то, чтобы содержаніе представленій этихъ воль (периферическихъ) заключало въ себѣ какъ общую сферу ихъ соприкосновенія, такъ и противоположнаго направленія стремленій; но это второе условіе не выполнено у различныхъ индивидуальныхъ духовъ, а только у атомныхъ силъ, которыя въ своемъ содержаніи представленія владѣютъ и пространственностью ихъ отношеній" [1]). Индивидуальные духи, значитъ, высказывается опредѣленнѣе Гартманнъ, не имѣютъ никакого прямаго отношенія (directe Beziehung) къ всеобщему пространству матеріи, ибо для каждаго духа субъективное сознаніе пространства иное и заключенное въ себѣ. Равно не владѣютъ они и другою какою-либо аналогичною сферою для непосредственной духовной встрѣчи между собою; сфера ихъ общенія—тѣла, пространство же сфера тѣлъ и атомовъ. Какъ ни очевидно здѣсь опять различіе между духомъ и матеріей, но Гартманнъ по прежнему стоитъ на своемъ, что аттрибуты Безсознательнаго тожественны и что онъ побѣдилъ дуализмъ субстанціи Спинозы. Въ чемъ тутъ побѣда и гдѣ преимущество,—это понимаетъ развѣ одинъ Гартманнъ и его поклонники. Если ужъ нужно сравненіе, то для насъ, не смотря на дуализмъ, имѣетъ высшее достоинство система Спинозы, ибо въ ней повсюду господствуетъ вѣчный, неизмѣнный законъ міровой необходимости, и протяженіе не производитъ самовольныхъ продуктовъ, а тѣмъ болѣе не вы-

---

[1]) Philos. II, 39 s.

тѣсняетъ и не упраздняетъ собою, на подобіе Гартманновской матеріи, божественной субстанціи.

Строгій, закономѣрный параллелизмъ аттрибутовъ, исключающій случай и произволъ,—такова общая схема отношенія мышленія и протяженія у Спинозы. Между тѣмъ у Гартманна Безсознательное въ собственномъ смыслѣ раздѣлилось на двое, и матерія дѣйствуетъ самоотоятельно. Производя своими силами зародыши, она предоставляетъ Безсознательному право лишь ихъ одухотворить, но и то условнымъ образомъ. Безсознательное обязано приспособляться къ унаслѣдованнымъ мною особенностямъ организма и не можетъ дать мнѣ духъ, какой ему угодно. Матерія и ея законы произвели меня такимъ, каковъ я, а Безсознательное только издали и случайно вліяетъ на меня, насколько то дозволяетъ развитіе моего тѣла [1]. И опять тожество, и опять путаница въ словахъ безъ конца. Впрочемъ дѣло объясняется не замысловато. Матерія по истинѣ для Гартманна самостоятельное начало міра, и матерія какъ обыкновенное вещество. У Гартманна мы встрѣчаемъ и такія слова: „для поверхностнаго пониманія можетъ показаться, вѣщаетъ онъ, будто противоборство, которое Безсознательное находитъ въ неорганической матеріи при своей организирующей дѣятельности, служитъ инстанціей противъ всеединства Безсознательнаго. Но это не такъ. Споръ и борьба индивидуализированныхъ натуральныхъ силъ, какъ функцій Безсознательнаго, необходимое условіе для существованія объективнаго міра явленій и въ особенности для возникновенія сознанія; здѣсь только особенный случай этой всеобщей истины. Какъ мало могъ бы изъ простой неорганической матеріи безъ организирующаго

[1]) Вѣрить на слово Гартманну, однако, нельзя. На стр. 40 (т. II) мы читаемъ совсѣмъ другое. „Организмъ, узнаемъ мы, т. е., такъ и такъ упорядоченный агрегатъ атомовъ есть точно заключающаяся цѣль въ безсознательномъ содержаніи представленій общихъ функцій воли и индивидуальнаго духа. Въ этомъ индивидуальномъ духѣ не можетъ быть ни одной функціи, которая не относилась бы безсознательно къ организму и которая бы не включала въ своемъ содержаніи даже представленій опредѣленныхъ частей организма или опредѣленныхъ пространственныхъ измѣненій положенія такихъ частей“. Итакъ, уже духъ предшествуетъ организму и регулируютъ отношенія его частей (?).

принципа возникнуть организмъ, такъ мало могъ бы и организирующій принципъ реализироваться въ организмахъ, если бы не было матеріи, какъ вещества. Значитъ, Безсознательное, чтобы создать организмы, носители сознанія, должно было прежде создать матерію, и именно матерію, подчиненную законамъ безъ исключенія, ибо только при такой матеріи возможно установить вспомогательные механизмы, которые всегда исполняютъ однѣ и тѣ же услуги (Leistungen). Но что эта матерія, дѣйствующая по собственнымъ законамъ и не имѣющая тенденціи къ образованію организмовъ, оказываетъ извѣстное противоборство дѣятельности Безсознательнаго, принуждающей матерію къ образованію организмовъ,—это само собою понятно; и нѣтъ никакого чуда, что это варьирующее по своей силѣ противоборство, вслѣдствіе случайныхъ на каждомъ мѣстѣ измѣненій дѣятельныхъ натуральныхъ силъ, можетъ при обстоятельствахъ принять нѣкоторую величину, (такъ что) тамъ интересъ Безсознательнаго, направленный на всеобщее, а не на отдѣльный случай, оставляетъ принужденіе предлежащихъ трудностей, потому что Безсознательное достигаетъ той-же цѣли гораздо легче на другомъ пути, или достигало (нужнаго) для цѣлей всего процесса достаточно часто въ другихъ мѣстахъ (такъ объясняются, напримѣръ, уродства вслѣдствіе матеріальныхъ препятствій эмбріональнаго развитія) [1]). Итакъ, вотъ еще одна и послѣдняя въ нашемъ изложеніи подробность. Безсознательное не только ведетъ борьбу съ матеріей, но и терпитъ постыдное пораженіе. Матерія не допускаетъ его прямаго вліянія на міръ и насильно отталкиваетъ его вмѣшательство. Матерія даже не имѣетъ *тенденціи* къ образованію организмовъ, хотя Гартманнъ и поставилъ ее причиною возникновенія организма (!). Матерія оказалась безъ всякихъ аллегорій веществомъ, грубымъ, индифферентнымъ и самостоятельнымъ Baustoff, обезсиливающимъ Безсознательное.

Мы пришли къ концу и можемъ сдѣлать краткій общій выводъ. Гартманнъ отъ лица анонимнаго автора хвалится, что

---

[1]) Philos. II. Anmerkung, 217—218 ss.

его философію будутъ со временемъ цитировать всѣ богословы въ качествѣ метафизической опоры вѣры въ Бога, не смотря на то, что, можетъ быть, тѣнь автора давнымъ давно уже отказалась отъ своихъ прежнихъ взглядовъ [1]). Разобравши эти гипотезы и мнѣнія, мы смѣло увѣряемъ почтеннаго философа, что никогда и ни одинъ богословъ не воспользуется его услугами. Помимо множества противорѣчій, его философія есть философія тьмы, а не свѣта, и судьба ея быть забытой, какъ только прояснится горизонтъ человѣчества отъ временнаго и скоро проходящаго пессимизма.

А. Кириловичъ.

---

1) Ergänz. I Buch, 317—318 s. s.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ.

(Продолженіе *).

88. Философія развивается параллельно съ частными науками, потому что существують объекты универсальнаго (всеобщаго) опыта.

Въ основѣ всякаго опыта, какъ его условіе, заложено постоянное чувство собственной жизни духа, который есть субъектъ всякаго возможнаго познанія. Познаніе, которое духъ имѣетъ о самомъ себѣ, нераздѣльно отъ познанія о своемъ тѣлѣ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, сознавать свой духъ въ его чистомъ состояніи, независимо отъ чувства тѣлеснаго организма, чувства, которое сопровождаетъ всѣ психическія явленія и съ очевидностью открывается намъ въ рефлексіи [1]).

Основныя идеи духа и тѣла, которыя составляютъ предметъ постояннаго и универсальнаго опыта, проясняются путемъ непосредственнаго наблюденія. Стремясь открыть основные элементы универса, философія содѣйствуетъ развитію этого наблюденія и тѣмъ самымъ оказываетъ услуги частнымъ наукамъ. Въ основѣ всѣхъ явленій, наблюдаемыхъ физиками и химиками, находится фактъ движенія, въ которомъ наука все болѣе и болѣе ищетъ объясненія всѣхъ фактовъ, составляющихъ жизнь природы. Движеніе можетъ быть предметомъ непосредственнаго изученія, независимо отъ разнообразныхъ его обнаруженій, и это изученіе, не принадлежащее, вслѣдствіе своего

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ" за 1895 г. № 21.

[1]) Обращеніе на себя, размышленіе о своихъ собственныхъ внутреннихъ состояніяхъ. *Ред.*

общаго характера, ни къ какой изъ частныхъ наукъ, входитъ въ составъ философіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что философскіе взгляды на природу матеріальныхъ явленій служатъ основаніемъ новѣйшей физики въ томъ ея видѣ, какъ она была основана два вѣка тому назадъ [1]). Положеніе, что вся объективная сторона явленій сводится къ формѣ и движеніямъ тѣлъ (а это есть основаніе современной физики), было въ началѣ философскою концепціей, которую опытъ только подтвердилъ, но не могъ создать. Экспериментальная психологія почти неизбѣжно впадаетъ въ заблужденіе, если, ограничиваясь изученіемъ явленій, упускаетъ изъ виду тотъ начальный актъ, въ которомъ выражается своеобразная природа духа. Но этотъ начальный актъ есть предметъ постояннаго и непосредственнаго наблюденія,—элементъ универсальнаго опыта и, поэтому, онъ долженъ относиться къ области философіи. Размышленіе о природѣ духа и тѣла не имѣетъ надобности дожидаться, когда физики и психологи закончатъ свои работы (чего, впрочемъ, вѣроятно никогда и не будетъ). Итакъ, наука общая и науки частныя развиваются параллельно и оказываютъ другъ другу взаимную поддержку.

89. Философія есть естественное продолженіе изслѣдованій частныхъ наукъ

Стремленіе къ единству въ нѣкоторой мѣрѣ обнаруживается въ каждой изъ частныхъ наукъ (54), и постулятъ всѣхъ вообще наукъ есть міровой порядокъ, т. е., гармонія, которая вноситъ во множественность разнообразныхъ существъ принципъ единства (74). Чѣмъ болѣе подвигаются впередъ частныя нанауки, тѣмъ очевиднѣе становятся отношенія, соединяющія ихъ одну съ другою. Отношенія физики и химіи съ каждымъ днемъ становятся тѣснѣе; то же самое должно сказать относительно физики и физіологіи, и даже—относительно физіологіи и психологіи. Но ни одна изъ частныхъ наукъ не можетъ возвыситься до пониманія основнаго единства, именно потому, что

[1]) См. Physique moderne, in 8-e Paris 1883

она наука частная. Единство, которое замѣчается въ мірѣ опыта, можетъ быть только единствомъ гармоніи; гармонія же предполагаетъ разнообразіе тѣхъ предметовъ, между которыми существуютъ замѣчаемыя отношенія. Философія продолжаетъ тѣ линіи, по которымъ движутся науки въ своемъ изысканіи болѣе простыхъ законовъ и причинъ. Она стремится къ открытію дѣйствительнаго принципа единства, который объяснялъ бы гармонію всѣхъ вещей,—гармонію, которая есть какъ-бы излученіе (rayonnement) единства, не будучи единствомъ въ собственномъ смыслѣ, или тожествомъ. Постоянно увеличивающіяся взаимоотношенія между науками показываютъ, что линіи, по которымъ науки развиваются, направляются къ одной точкѣ: философія именно и пытается объяснить это схожденіе линій. Эта попытка есть выраженіе научнаго духа на высшей ступени его могущества. Поэтому можно сказать, что философія—это сама наука, достигающая сознанія самой себя и утверждающая свои предположенія. А если такъ, откуда же происходитъ такъ часто провозглашаемое противоположеніе наукъ и философіи?

90. Противоположеніе частныхъ наукъ и философіи есть результатъ смѣшенія принциповъ апріорнаго построенія съ руководящими принципами мысли.

Есть принципы *субстанціональные*, посредствомъ которыхъ безъ помощи наблюденія думаютъ построить извѣстную систему, и есть принципы чисто *формальные*, которые только даютъ направленіе изысканіямъ, не позволяя никакого апріорнаго построенія. Вслѣдствіе смѣшенія этихъ-то двухъ, весьма различныхъ классовъ принциповъ и является противоположеніе между науками и философіей. Поэтому очень важно ихъ различить и иллюстрировать это различіе примѣрами.

Вотъ какія разсужденія фигурировали когда-то въ наукѣ. „Небесныя свѣтила должны двигаться по линіямъ совершеннымъ; окружность есть самая совершенная изъ фигуръ; слѣдовательно орбиты свѣтилъ имѣютъ форму окружности. Солнце есть совершенный предметъ, поэтому на немъ не должно

быть пятенъ, и тотъ, кто увѣряетъ, будто видѣлъ пятна на солнцѣ, заблуждается.—Природа боится пустоты, поэтому вода въ насосѣ будетъ подниматься до тѣхъ поръ, пока не будетъ пустоты". Однако теперь опытною наукою установлено, что орбиты планетъ не имѣютъ формы окружности; что на солнцѣ есть пятна и что вода въ насосѣ не можетъ подниматься выше 32 футовъ. Только что указанныя ошибки происходятъ отъ того, что ученые допускали субстанціональные принципы и полагали возможнымъ выводить изъ нихъ слѣдствія, которыя, однако, оказались въ противорѣчіи съ фактами. Отсюда естественно явилась сильная оппозиція противъ научныхъ пріемовъ, давшихъ такіе результаты.

Приведемъ теперь образчики чисто формальныхъ принциповъ, которые только руководятъ мысль въ ея изысканіяхъ, но не позволяютъ никакихъ прямыхъ выводовъ. „Первичные законы природы—просты; поэтому, если позволяетъ опытъ, контролю котораго всегда должно подчиняться, слѣдуетъ предпочитать наиболѣе простыя объяснительныя гипотезы". Таковъ былъ руководящій принципъ гипотезы Коперника, который предложилъ болѣе простое объясненіе небесныхъ явленій, чѣмъ древняя астрономія. Эта же мысль руководила и Ньютономъ въ его стремленіи свести три закона Кеплера къ одному; Лапласомъ, который хотѣлъ установить относительную устойчивость (la stabilité relative) системы міра; Френелемъ (Fresnel), возстановившимъ истинную теорію свѣта и т. д. Стремленіе къ разысканію простоты руководитъ мыслью, оказываетъ вліяніе на выборъ гипотезъ; но прямо не позволяетъ установить ни одного закона: это принципъ чисто формальный. Если мы откажемся отъ стремленія къ простому, общему, единому, то развитіе науки остановится; но не слѣдуетъ забывать, что если истина проста, то простое далеко не всегда истинно.

Вотъ еще весьма важный руководящій принципъ. „Ясность и отчетливость нашихъ понятій свидѣтельствуетъ объ ихъ истинности". Въ нашихъ сложныхъ и запутанныхъ идеяхъ ошибка всегда возможна; но если насъ могутъ вводить въ ошибки первичныя понятія, служащія базисомъ всей работы мысли, то

эти ошибки непоправимы. Очевидно, что никакія усилія ума не могутъ устранить источникъ заблужденія, находящійся въ самой глубочайшей основѣ ума. Ѳома Аквинатъ училъ, что первые принципы и ихъ логическіе выводы не могутъ насъ вводить въ заблужденіе [1]). Вотъ необходимое условіе возможности науки. Исходя изъ этой идеи, Декартъ разсуждалъ такъ: если наука о природѣ возможна, то она непремѣнно должна покоиться на ясныхъ и отчетливыхъ понятіяхъ. Но независимо отъ ощущеній, которыя возбуждаютъ въ насъ тѣла, мы ничего не можемъ представить (мыслить) въ нихъ, кромѣ формы и движенія; слѣдовательно, именно въ формѣ и движеніи слѣдуетъ искать объясненія матеріальныхъ явленій. Такимъ образомъ, было положено основаніе нашей физикѣ. Но отъ мысли, что вся объективная сторона явленій сводится къ движенію, нѣтъ законнаго перехода къ апріорному опредѣленію тѣхъ или другихъ извѣстныхъ частныхъ движеній. Сказать, наприм., что „это совершается посредствомъ фигуры и движенія" и что „эти фигура и движеніе именно таковы", и на основаніи этого построить машину: это двѣ совершенно различныхъ вещи, какъ замѣтилъ еще Паскаль [2]). Декартъ смѣшалъ эти двѣ различныя вещи. Не довольствуясь указаніемъ вѣрнаго руководящаго принципа научныхъ изслѣдованій, онъ захотѣлъ построить систему *a priori*, не признавая необходимости опытнаго контроля надъ своими теоріями. Отсюда въ картезіанской физикѣ на ряду съ великими истинами много ошибокъ. Тоже самое смѣшеніе было, съ другой стороны, допущено и противниками картезіанства, что и привело ихъ къ отрицанію, на ряду съ заблужденіями, и истинъ, содержащихся въ доктринѣ, на которую они нападали. Они говорили: наука стала оказывать дѣйствительные успѣхи лишь съ того времени, какъ отказалась отъ апріорнаго метода построенія. Это вѣрно. Но они добавляли: „поэтому слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ руко-

---

[1]) Somme theologique, partie I question LXXXV, article 6.
[2]) Pensées diverses, Descartes, Edition Faugère, t. 1, p. 181.

водящихъ принциповъ при выборѣ теорій, и наблюдать факты безъ всякихъ предвзятыхъ идей". Это уже, очевидно, ложно, какъ доказываетъ вся исторія научныхъ открытій.

Существуетъ дѣйствительная и плодотворная гармонія между частными науками, ищущими объясненія опредѣленной области фактовъ, и наукою общею, которая выбираетъ изъ частныхъ наукъ ихъ принципы, изучаетъ ихъ, формулируетъ и, такимъ образомъ, сообщаетъ имъ большую силу и значеніе. Столь частое противоположеніе науки и философіи происходитъ отъ того, что философія смѣшивается съ апріорнымъ методомъ построенія. Это смѣшеніе законно лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о раціонализмѣ (44); но раціонализмъ есть частное философское направленіе (*une* philosophie), но отнюдь не философія вообще (*la* philosophie). Ниже мы увидимъ, что общая наука, если не хочетъ заблуждаться, должна слѣдовать тому же самому методу, какъ и частныя науки (101). Если она обольщается мечтою построить міръ вмѣсто того, чтобы его наблюдать, то вскорѣ получаетъ возмездіе за свою горделивую смѣлость. Раціонализмъ нашелъ свое полное выраженіе въ системѣ Гегеля. Нѣмецкіе матеріалисты до сихъ поръ осмѣиваютъ и издѣваются надъ остатками этого грандіознаго, но хрупкаго построенія.

91. Отдѣленіе наукъ отъ философіи началось сравнительно недавно и, повидимому, со временемъ прекратится.

Въ древности науки и философія не различались. Напротивъ, соединеніе и отчасти даже смѣшеніе всѣхъ изслѣдованій есть одна изъ характеристическихъ особенностей греческой мысли на первыхъ порахъ ея развитія. Не всѣ ученые были тогда философами (83); но всѣ философы разработывали спеціальныя науки. Ѳалесъ—геометръ и физикъ; Пиѳагоръ—математикъ и астрономъ; Аристотель—знаменитый натуралистъ; Платонъ въ Тимеѣ набрасываетъ механическое объясненіе явленій природы. Въ новѣйшія времена, въ XVII ст., союзъ философіи съ науками не менѣе тѣсенъ, чѣмъ въ періодъ греческой философіи. Декартъ основалъ аналитическую

геометрію, сдѣлалъ важныя работы по оптикѣ и положилъ основаніе истинной физикѣ. Лейбницъ въ одно время съ Ньютономъ изобрѣлъ исчисленіе безконечно малыхъ величинъ, открылъ нѣкоторые законы механики и,—что менѣе извѣстно, предвосхитилъ работы современныхъ геологовъ и предвидѣлъ теперешнюю теорію трансформизма. Говоря объ ископаемыхъ остаткахъ исчезнувшихъ видовъ, онъ пишетъ: „нельзя ли допустить, что въ великихъ переворотахъ, случившихся съ земнымъ шаромъ, большое число животныхъ формъ подверглось измѣненію" (transformées) [1]). Отдѣленіе философіи отъ наукъ, а потомъ ихъ противоположеніе, возникшее изъ реакціи противъ апріорнаго метода, ясно обозначается только во второй половинѣ XVIII в., хотя его и связываютъ съ вліяніемъ Бэкона. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Кантъ еще предавался спеціальнымъ занятіямъ по астрономіи и формулировалъ въ 1755 г. гипотезы небулёзы (первоначальной туманной матеріи), которую позднѣе, именно въ 1796 г., формулировалъ Лапласъ, развившій ее, повидимому, самостоятельно и независимо отъ Канта, такъ какъ невѣроятно, чтобы онъ былъ знакомъ съ трудомъ этого послѣдняго.

Раздѣленіе частныхъ наукъ и науки общей сопровождалось тѣмъ, что философія въ Германіи сдѣлалась слишкомъ абстрактною и синтетичною, а во Франціи получила односторонне—историческій и литературный характеръ, тогда какъ частныя науки, наоборотъ, сдѣлались слишкомъ аналитичными. Наблюденія надъ частностями и частныя обобщенія умножились. Это отчасти способствовало прогрессу наукъ, но чувство ихъ единства и связи становилось гораздо слабѣе. Великія теоріи XVII вѣка на время затемнились въ сознаніи ученыхъ [2]), и только уже XIX вѣкъ снова вызвалъ ихъ къ свѣту сознанія. Въ физикѣ увеличили число жидкостей, въ естественной исторіи число видовъ. Въ наши дни инстинктъ, побуждающій разумъ къ разысканію единства, опять проявился во всей своей силѣ.

[1]) Protogée ou de la formation et des revolutions du globe p. XXVI.

[2]) См. Physique moderne, pages 115—123.

Онъ обнаруживается въ теоріяхъ физиковъ и натуралистовъ и возстановляетъ связь философіи съ науками. Появленіе термина *монизмъ* въ работахъ людей, посвятившихъ себя спеціально изученію природы, дѣлаетъ этотъ фактъ очевиднымъ. Это вліяніе философскаго духа на науку часто не сознается, а иногда даже принимаетъ наивную форму. Невнимательные и вмѣстѣ съ тѣмъ неосторожные мыслители принимаютъ смѣлые и поспѣшные синтезы за экспериментальныя индукціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить, напримѣръ вниманіе на переходъ отъ тезисовъ біологическаго трансформизма къ положеніямъ эволюціонной теоріи, которая выдается за общее объясненіе міра, а также познакомиться съ горделивыми утвержденіями современнаго матеріализма. Матеріализмъ—плохая философія; но все-таки это философія, которая въ сознаніи многихъ изъ нашихъ современниковъ тѣсно связывается съ разработкою наукъ.

Стремленіе къ единству и синтезы, являющіеся его продуктомъ, ясно показываютъ, что связь между спеціальными изслѣдованіями и изученіемъ универсальной проблемы теперь снова возстановляется. Послѣ періода, когда философія должна была напоминать о правахъ синтеза, наступилъ другой періодъ,—именно наше время, когда авторамъ поспѣшныхъ синтезовъ она (философія) должна напоминать о правахъ анализа, равно какъ и о томъ, чтобы они были внимательны ко всѣмъ областямъ реальнаго бытія (105). Умъ человѣческій легко переходитъ отъ одной крайности къ другой. Иногда необходимо бываетъ порвать цѣпи, которыми пытаются задержать полетъ мысли, а иногда, наоборотъ, приходится умѣрять слишкомъ сильный полетъ мысли тяжестью опыта. Вѣрная своей задачѣ, философія попеременно дѣлаетъ и то, и другое: умамъ, потерявшимся въ исключительномъ изученіи подробностей, она напоминаетъ объ единствѣ, къ которому стремится разумъ; наоборотъ, слишкомъ поспѣшному утвержденію единства она противопоставляетъ необъятную широту матеріала, изученіе котораго должно служить базисомъ всякой прочной теоріи міра.

92. Съ теоретическимъ вопросомъ о принципѣ міра соединяется практическій вопросъ о мудрости.

Какъ только человѣкъ достигаетъ зрѣлаго возраста и начинаетъ размышлять, его поведеніе перестаетъ опредѣляться исключительно измѣнчивыми чувственными побужденіями. Дитя сначала живетъ и руководится движеніями своего сердца: его дѣйствія, подобно дѣйствіямъ маленькаго животнаго, являются продуктомъ темперамента и вліянія ощущеній. Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ выходитъ изъ дѣтскаго состоянія, онъ стремится самъ давать направленіе своему поведенію и ставить себѣ вопросъ: что я долженъ дѣлать? Вопросъ этотъ имѣетъ различные смыслы и поэтому на него могутъ быть даны разные отвѣты. Если дѣло идетъ объ извѣстной практической цѣли, то вопросъ можетъ быть выраженъ (формулированъ) такъ: что должно дѣлать, что-бы получить извѣстный результатъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ частныя науки, которыя въ такомъ случаѣ управляютъ человѣческими дѣйствіями. Если дѣло идетъ о пріобрѣтеніи такъ называемаго счастія, понимаемаго въ смыслѣ суммы наслажденій, вопросъ, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, формулируется такъ: какимъ образомъ можно доставить себѣ наибольшую сумму наслажденій? Чтобы получить на это отвѣтъ, можно обратиться къ опыту жизни. Но слова: „что я долженъ дѣлать"? получаютъ другой смыслъ, когда дѣло касается нравственной области,—того, что на языкѣ Канта называется категорическимъ императивомъ. Въ такомъ случаѣ на вопросъ: что я долженъ дѣлать? отвѣтъ дастъ нравственное сознаніе или совѣсть. Здѣсь нѣтъ надобности поднимать вопросъ о происхожденіи и абсолютномъ значеніи совѣсти. Никто не отрицаетъ различія идеи долга и идеи наслажденія. Философы утилитарной школы усиливаются свести первую изъ этихъ идей ко второй; но самая необходимость придумывать для этой цѣли разнообразныя, болѣе или менѣе удачныя, объясненія доказываетъ, что это—двѣ совсѣмъ различныя идеи и что отожествить ихъ (справедливо или несправедливо), можно только послѣ допущенія ряда подтасовокъ. А этого, всѣми при-

нимаемаго, различія и достаточно для нашего настоящаго предмета.

Нравственное сознаніе не развивается изолированно и не отдѣлимо отъ разума. При постоянномъ стремленіи разума къ общему и универсальному, требованія совѣсти, естественно принимаютъ характеръ закона. Задавая себѣ вопросъ: что я долженъ дѣлать? я предполагаю, что всякое, подобное мнѣ существо, поставленное въ одинаковыя со мною условія, будетъ обязано дѣлать то же самое, что и я. Отсюда слѣдуетъ, что вопросъ: „что *я* долженъ дѣлать"? преобразуется въ общій вопросъ: „что *должно* дѣлать,—всѣмъ вообще"? Этотъ вопросъ предполагаетъ способность, которая признаетъ необходимость своего подчиненія закону и стремится опредѣлить то, что должно быть. Человѣкъ поставленъ среди міра, который ему необходимо, конечно, знать, что-бы понимать, что̀, съ своей стороны, онъ долженъ дѣлать. „Какимъ образомъ, говоритъ—Цицеронъ, составимъ мы себѣ твердое убѣжденіе относительно добра и зла, если не знаемъ отношеній, которыя соединяютъ человѣка съ великою системою міра? [1]). Такимъ образомъ, идея того, что должно быть, понимаемая въ своемъ общемъ смыслѣ, приводитъ къ идеѣ о планѣ мірозданія; а мысль о планѣ мірозданія нераздѣльна съ идеею объ его принципѣ. Итакъ, вотъ рядъ связанныхъ другъ съ другомъ вопросовъ: что *я* долженъ дѣлать? что всѣмъ вообще должно дѣлать? какой планъ въ мірозданіи? и какой его принципъ? Это не значитъ, будто правила нравственности могутъ быть выведены изъ апріорнаго представленія о природѣ вещей. Наука не можетъ создать факта нравственнаго сознанія; напротивъ, онъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду тѣхъ данныхъ, которыя служатъ базисомъ истинной философіи и контролируютъ её. Но-такъ какъ совѣсть не можетъ развиваться изолированно, то она по необходимости испытываетъ вліяніе истинныхъ или ложныхъ ученій, а потому теоретическіе вопросы философіи имѣютъ и практическую важность.

[1]) De finibus bonorum et malorum. liber 3. § 22.

Говорятъ, что Пиѳагоръ считалъ зрителей выше лицъ дѣйствующихъ, почему и сдѣлалъ изъ философіи чистое созерцаніе (это извѣстіе, впрочемъ, не совсѣмъ вяжется съ нравственнымъ направленіемъ его учрежденій). Но Платонъ училъ своихъ учениковъ считать идею блага высшею изъ идей. Но достаточно всмотрѣться, какъ слѣдуетъ, въ эту идею, освободивъ ее предварительно отъ односторонняго идеализма, чтобы убѣдиться, что самая возвышенная изъ теоретическихъ концепцій вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и наибольшимъ практическимъ значеніемъ: вѣдь благо, по самой своей сущности, есть то, что должно быть. Вотъ почему эта идея, въ которой Платонъ искалъ послѣдняго объясненія явленій міра, есть въ то же время и правило для дѣйствій свободныхъ существъ. Верховная задача науки состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы поставить волю человѣческую предъ универсальнымъ порядкомъ, который осуществляется въ природѣ и который, съ своей стороны, призвано осуществлять и человѣчество. Теоретическій и практическій смыслъ слова „философія", такимъ образомъ, совпадаютъ. Различія двухъ значеній этого термина, конечно, отвергать нельзя; но, съ другой стороны, нельзя оставлять безъ вниманія и ихъ согласія въ существѣ,—ихъ глубокой гармоніи. Именно это и выражено въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ Александра Вине: „въ философіи implicite дана, сокрыта мораль и всякое философское ученіе о мірѣ есть вмѣстѣ и ученіе о жизни" [1]).

93. Естественное мѣсто философскихъ курсовъ—въ концѣ научныхъ занятій (штудій).

Элементы философскихъ наукъ (психологіи, логики, морали) изучаются въ гимназіяхъ и лицеяхъ [2]). Эти же самыя науки, съ соотвѣтствующими дополненіями, изучаются или должны бы изучаться впослѣдствіи въ университетахъ. Здѣсь только онѣ

---

1) *Essais de philosophie et de morale religieus*, p. 4.

2) Такъ, въ Швейцаріи и Франціи, а не у насъ, въ Россіи. У насъ, какъ извѣстно, элементы философіи преподаются только въ духовныхъ семинаріяхъ; гимназіи же ограничиваются краткимъ курсомъ формальной логики. *Ред.*

и могутъ быть поняты во всемъ ихъ смыслѣ и значеніи. Въ самомъ дѣлѣ, для научнаго изложенія психологіи необходимы довольно обширныя познанія изъ физіологіи. Логика, элементарное обученіе которой носитъ часто очень сухой характеръ, становится гораздо интереснѣе, когда можно показать ея приложеніе въ различныхъ наукахъ и въ разныхъ обнаруженіяхъ человѣческой жизни. Такъ, трактатъ о софизмахъ, когда его излагаютъ предъ такими слушателями, которымъ можно разъяснить слѣдствія смѣшенія понятій и ошибокъ въ умозаключеніяхъ примѣнительно къ научнымъ теоріямъ, соціальнымъ доктринамъ, политическимъ спорамъ и т. д., — можетъ стать однимъ изъ существенныхъ элементовъ здраваго воспитанія ума. Подобнымъ-же образомъ и изученіе морали получаетъ интересъ пропорціонально увеличенію жизненнаго опыта слушателей.

Но если уже отдѣльныя философскія науки могутъ получить законченную форму и проявить все свое значеніе только на высшихъ ступеняхъ образованія, то это еще болѣе справедливо относительно философіи въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ. Поскольку она вызываетъ на размышленіе о данныхъ универсальнаго опыта и руководящихъ принципахъ мысли, ее можно разсматривать, какъ введеніе къ изученію частныхъ наукъ; но въ своихъ опытахъ построенія законченныхъ теорій, она имѣетъ характеръ заключенія. Употребляя сравненіе, заимствованное изъ архитектуры, можно сказать, что она образуетъ въ зданіи человѣческихъ познаній карнизъ и кровлю, а кровля, какъ извѣстно, всегда находится на верху зданія. Такъ какъ частныя науки составляютъ необходимый базисъ всякой состоятельной философіи, то очевидно, что философія предполагаетъ знакомство съ ихъ результатами.

Отсюда можно извлечь практическій выводъ относительно организаціи образовательныхъ наукъ. Мы говорили о важности общихъ идей, которыя должны служить противовѣсомъ слишкомъ спеціальному и потому слишкомъ исключительному направленію мысли (78). Спеціальныя ученыя занятія представляютъ опасность въ томъ отношеніи, что ограничиваютъ мысль

слишкомъ тѣснымъ кругозоромъ и влекутъ за собой тотъ духъ систематизаціи, который склоненъ дѣлать общія заключенія на основаніи изученія лишь одной какой-нибудь стороны предметовъ. Замѣчается, что воспитанники политехническихъ школъ преимущественно пополняютъ ряды соціалистовъ (въ дурномъ смыслѣ этого слова). Это естественно: вслѣдствіе изученія математики и физики, они забываютъ, что къ свободнымъ существамъ не примѣнимы законы механики, управляющіе инертною матеріей. Студенты—юристы, обращая вниманіе обыкновенно на предписанія кодексовъ, рискуютъ упустить изъ виду принципы естественнаго права, требованія справедливости и забыть, что внѣшняя легальная справедливость не всегда есть истинная справедливость. Теологи, погружаясь въ изученіе текстовъ, составляющихъ предметъ ихъ занятій и базисъ ихъ науки, очень часто остаются чуждыми общему движенію мысли своей эпохи, и не имѣютъ достаточнаго знакомства съ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ той среды, въ которой живутъ и на которую должны оказывать вліяніе. Студенты медицины, предавшись изученію физіологическихъ явленій, рискуютъ забыть о явленіяхъ духовнаго міра и ограничить условія человѣческой жизни одними физіологическими отправленіями. Опасность во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ очевидна; но есть средство её предотвратить. Слѣдовало бы философію, или по крайней мѣрѣ обзоръ всѣхъ наукъ, составляющихъ ея матеріалъ, включить въ програму экзаменовъ на высшія ученыя степени всѣхъ факультетовъ. Планъ такого общаго обзора наукъ, ихъ методовъ и ихъ результатовъ составилъ Амперъ, но къ сожалѣнію онъ не осуществилъ его и ограничился лишь тѣмъ, что намѣтилъ нѣсколько отдѣльныхъ штриховъ [1]). Теологъ, юристъ, —вообще всѣ, ищущіе степени доктора естественныхъ наукъ, литературы, медицины и т. д., должны бы быть обязываемы представлять доказательство того, что спеціальныя занятія не привели ихъ къ утратѣ умственнаго равновѣсія. Какъ приготовленіе къ

---

[1]) Essais sur la philosophie des sciences, 2 vol. in 8^{0}, Paris 1838 et 1843.

этимъ экзаменамъ, долженъ быть учрежденъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ курсъ философіи, или по крайней мѣрѣ— классификаціи наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь скудные элементы философскихъ наукъ, которые преподаются въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не могутъ, конечно, предотвратить опасностей, представляемыхъ слишкомъ исключительною разработкою профессіональныхъ знаній.

* * *

(Продолженіе будетъ).

О ПОЗНАНІИ.

(Окончаніе*).

IV.

О началахъ познанія аналитическихъ и синтетическихъ.

1. Кантъ объ анализѣ и синтезѣ. Взглядъ англійскихъ философовъ на познаніе, какъ синтезъ представленій. Мышленіе есть дѣятельность аналитическая и вмѣстѣ синтетическая, предполагающая существованіе апріорныхъ началъ и аналитическихъ и синтетическихъ. 2. О категоріяхъ, какъ началахъ познанія аналитическихъ. Обозрѣніе категорій и общія замѣчанія о категоріяхъ. 3. О синтетическихъ началахъ познанія, именно объ идеяхъ. Объективное значеніе идей. Взаимная связь и единство идей. Господство въ современной наукѣ направленія аналитическаго; въ древности же преобладало направленіе синтетическое.

1. Всѣ апріорныя формы познанія Кантъ признавалъ *синтетическими*. Аналитическій характеръ имѣютъ, по Канту, лишь начала логическія, а не гносеологическія, именно: начала тождества и противорѣчія. Это не формы познанія, а начала, управляющія формальною дѣятельностію мышленія. Итакъ различіе между анализомъ и синтезомъ совпадаетъ, по Канту, съ различіемъ мышленія отъ познанія. Мышленіе есть дѣятельность аналитическая; познаніе имѣетъ напротивъ характеръ синтеза; дѣятельность познавательная есть дѣятельность синтетическая. Поэтому, для окончательнаго уясненія познанія и опредѣленія началъ его, важно знать—въ чемъ состоитъ анализъ и что такое *синтезъ*.

Различіе между анализомъ и синтезомъ Кантъ опредѣляетъ такъ: аналитическимъ сужденіемъ онъ называетъ такое сужде-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 23.

ніе, въ которомъ предикатъ выводится изъ понятія о субъектѣ, такъ что въ сужденіяхъ этого рода ничего не прибавляется къ представленію даннаго предмета, никакого новаго признака не вносится въ это представленіе, а только уясняется оно чрезъ различеніе того, что въ немъ содержится. Напротивъ сужденіе синтетическое, по Канту, состоитъ въ томъ, что къ представленію предмета присоединяется такой признакъ, который въ самомъ этомъ представленіи не содержится и не можетъ быть изъ него выведенъ. Сужденія этого рода расширяютъ наше познаніе, а потому собственно такія только сужденія и должно признать познавательными. Разъяснить происхожденіе и объемъ возможнаго для насъ познанія значитъ показать, на чемъ основываются синтетическія сужденія,—вообще опредѣлить условія синтеза, указать синтетическія начала, или показать, отъ чего зависитъ возможность для насъ синтеза. Такова главная задача гносеологіи.

Противъ изложеннаго опредѣленія анализа и синтеза обыкновенно возражаютъ, что различіе, устанавливаемое имъ между анализомъ и синтезомъ, не твердо и неопредѣленно; ибо одно и то же сужденіе, по этому опредѣленію, можетъ быть признано и аналитическимъ, и синтетическимъ, смотря по тому, что судящій, выражая извѣстный признакъ о данномъ предметѣ, предполагаетъ или же не предполагаетъ этотъ признакъ заключающимся въ самомъ представленіи предмета. Напримѣръ сужденіе: всѣ тѣла имѣютъ тяжесть, есть аналитическое для того, кто тяжесть подразумѣваетъ въ самомъ понятіи о тѣлѣ; для того же будетъ синтетическимъ, для кого тяжесть не заключается, какъ признакъ, въ самомъ представленіи тѣла, т. е., кто сначала представлялъ тѣло вообще, не полагая въ немъ тяжести, а потомъ съ представленіемъ тѣла сталъ соединять тяжесть, какъ его признакъ. Это возраженіе противъ Кантовскаго опредѣленія анализа и синтеза заключаетъ въ себѣ недоразумѣніе: не то важно, что синтезъ есть соединеніе, а потому и не составляетъ важнаго различія,—соединяю ли я съ представленіемъ предмета извѣстный признакъ, или не соединяю,—важно лишь то, какого рода соединеніе составляетъ синтезъ; въ этомъ заключается центръ тяжести Кантовскаго пониманія различія между

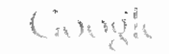
анализомъ и синтезомъ: если связь между представленіями или понятіями не только необходима, но и совершенно очевидна, такъ что одно понятіе немыслимо безъ другаго и одно изъ другаго вытекаетъ, то такая связь понятій, по Канту, есть *аналитическая*; она основывается на законѣ тождества и противорѣчія, таково напримѣръ сужденіе: *тѣла протяжены*, ибо нельзя представить тѣла безъ протяженія, и было бы противорѣчіемъ понятію тѣла представлять тѣло безъ протяженія, почему такое представленіе и невозможно. Но если связь представленій такова, что одно представленіе не вытекаетъ изъ другаго, а потому, хотя мы соединяемъ одно представленіе съ другимъ, но не по закону тождества, а въ силу иного основанія, то эта связь представленій, есть *синтетическая*, а не аналитическая. Синтетическая связь представленій особенно важна, ибо установленіе такого рода связи и есть познаніе. Такъ какъ синтезъ представленій, составляющій познаніе, основывается не на законѣ тождества и противорѣчія, а на иномъ началѣ, то и требуется объяснить, что же именно служитъ основаніемъ синтетической связи представленій. Казалось, что аналитическая связь представленій не требуетъ объясненія и не заслуживаетъ особаго вниманія, ибо такая связь, будучи формальною (логическою), не даетъ намъ ничего новаго, не расширяетъ нашего умственнаго кругозора, и слѣдовательно дѣйствительнаго познанія не составляетъ, между тѣмъ какъ связь синтетическая обогащаетъ нашъ умъ новымъ содержаніемъ, присоединяя къ данному представленію новое, которое въ немъ не содержалось и не подразумѣвалось подъ нимъ. Вотъ почему такую важность получилъ у Канта вопросъ объ основаніи—синтетической связи нашихъ представленій.

Понятіе о познаніи, какъ сочетаніи представленій, и самое пониманіе этого сочетанія, какъ дѣйствія чисто механическаго, не сопровождаемаго усмотрѣніемъ необходимости такой связи, то и другое, получивъ свое начало въ англійской философіи, состоитъ въ связи съ направленіемъ этой философіи—эмпирически сенсуалистическимъ. Направленіе это все наше познаніе производитъ изъ опыта. Отсюда, изъ такого взгляда на происхожденіе познанія нашего, возникло и самое понятіе о познаніи, какъ меха-

ническомъ сочетаніи представленій. Съ этимъ вмѣстѣ само собою давалось рѣшеніе вышеозначеннаго вопроса объ основаніи, въ силу котораго такъ, а не иначе связываются между собою въ нашемъ познаніи представленія. Такимъ основаніемъ, по мнѣнію английскихъ философовъ, служитъ единственно *опытъ*. Правда Лейбницъ полагалъ, что, по крайней мѣрѣ, правило, по которому мы соединяемъ данныя опыта въ одно цѣлое, не происходитъ изъ опыта, а есть начало раціональное, апріорное. Такимъ правиломъ, какъ извѣстно, служитъ, по Лейбницу, законъ достаточнаго основанія. Но Юмъ, какъ разъяснено выше, старался показать, что, соотвѣтствующее этому правилу, понятіе причинности образуется на основаніи опыта, и что слѣдовательно всякій синтезъ въ нашемъ познаніи есть произведеніе опыта.

Если бы вообще синтезъ въ нашемъ познаніи дѣйствительно былъ произведеніемъ одного лишь опыта, въ такомъ случаѣ всякое синтетическое сужденіе могло бы быть получено только a posteriori; между тѣмъ несомнѣнно, что есть сужденія синтетическія, которыя мы имѣемъ a priori, а не a posteriori, т. е., такого рода сужденія, что должны быть признаны, какъ имѣющія силу всеобщности и необходимости, сужденіями, независимыми отъ опыта. Такъ разсуждалъ Кантъ. Послѣдствіемъ этого разсужденія является вопросъ: *какъ возможны синтетическія сужденія a priori?* Иначе,—если опытъ не единственное основаніе синтеза въ нашемъ познаніе, то какія же иныя основанія дѣлаютъ для насъ возможнымъ синтезъ, независимый отъ опыта, синтезъ апріорный. Такими основаніями синтеза, независимаго отъ опыта, Кантъ признавалъ *пространство и время*, какъ апріорныя формы чувственности, *категоріи*, какъ апріорныя формы разсудка, и идеи какъ апріорныя формы разума. Вотъ какимъ образомъ получился тотъ взглядъ на апріорныя начала познанія, что всѣ они суть начала *синтетическія*.

Еще древніе философы раздѣляли мышленіе отъ наблюденія и противополагали ихъ одно другому. То же видимъ и у новыхъ английскихъ философовъ, только въ оцѣнкѣ мышленія и наблюденія тѣ и другіе философы были совсѣмъ разныхъ взглядовъ. Въ древней философіи господствовало убѣжденіе, что



наблюденіе служитъ источникомъ *мнѣній*,—истинное же *знаніе* достигается только чрезъ мышленіе. Взглядъ англійскихъ философовъ на этотъ предметъ совсѣмъ противоположный: только наблюденіе и опытъ даютъ намъ знанія, а мышленіе—источникъ мнѣній. Знаніе понимается англійскими философами какъ нѣкій капиталъ, добываемый извнѣ зоркимъ и осмотрительнымъ наблюденіемъ и опытомъ; что̀ отъ насъ исходитъ, то не есть знаніе, ибо знаніе пріобрѣтается, а нѣтъ надобности добывать и пріобрѣтать то, что и безъ того имѣется у насъ. Если же знаніе достигается,—чрезъ добываніе и пріобрѣтеніе извнѣ, то очевидно, что и *формою*, въ какой хранится у насъ знаніе, уже пріобрѣтенное, должно быть постепенное присоединеніе новаго къ старому, постепенное накопленіе и усложненіе представленій, словомъ *синтезъ*. Все это само собою понятно. Но какимъ образомъ Кантъ могъ—признавать синтезъ, въ смыслѣ механическаго сочетанія частей въ одно цѣлое, единственною и необходимою формою познанія, послѣ того, какъ за основаніе синтеза въ познаніи онъ принималъ не одинъ опытъ, но сверхъ того еще цѣлый рядъ апріорныхъ началъ? Положимъ, что всѣ эти начала, по Канту, входятъ въ составъ опытнаго познанія, но въ такомъ случаѣ въ составъ же опыта слѣдуетъ включить также и самое мышленіе. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ Кантъ мышленіе отличаетъ отъ познанія и формы мышленія раздѣляетъ отъ формъ познанія? Мышленіе, по Канту, есть дѣятельность аналитическая, а анализъ не даетъ познанія, ибо необходимою формою знанія служитъ синтезъ, и всѣ начала познанія суть начала синтетическія. Но если, кромѣ опыта, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова существуютъ, независимыя отъ опыта, начала познанія, такъ называемыя апріорныя, то спрашивается, что представляютъ собою въ совокупности эти начала и къ чему слѣдуетъ ихъ отнести? Хотя и входятъ они въ составъ опытнаго познанія, но сами по себѣ сверхъопытны, слѣд. должны быть отнесены къ области мышленія, т. е., къ области умственныхъ дѣйствій, независимыхъ по сущности своей отъ опыта. А если такъ, то уже нельзя ограничивать мышленіе анализомъ, но должно признать, что оно есть также дѣятельность синтетическая, да и самый анализъ уже нельзя признать ничего незначущимъ въ дѣлѣ познанія, по причинѣ тѣсной связи

его съ синтезомъ, каковая связь сама собою предполагается единствомъ мышленія, какъ дѣятельности познавательной.

По Канту, мышленіе есть дѣятельность аналитическая, для которой основнымъ принципомъ служитъ законъ тождества и противорѣчія. Но закономъ тождества и противорѣчія управляется не только анализъ, но и синтезъ. Вообще законами логическими опредѣляются дѣйствія мышленія, а таковыми должно признать различеніе и соединеніе, т. е., анализъ и синтезъ. Отъ дѣйствій мышленія—аналитическаго и синтетическаго, а равно и формъ логическихъ, въ которыхъ таковыя дѣйствія проявляются, должно различать формы познанія, которое есть цѣль мышленія, и слѣд. формы не самаго мышленія, а его цѣли, именно формы осуществленія этой цѣли. А по причинѣ тѣсной связи формъ познанія съ самимъ мышленіемъ, понятно, что, соотвѣтственно аналитическому и синтетическому дѣйствіямъ мышленія, должны быть также аналитическія, а не только синтетическія начала познанія. Нельзя признать вѣрнымъ то понатіе о познаніи, что оно есть синтезъ. Познаніе происходитъ не только тогда, какъ къ одному данному присоединяется другое данное, или же цѣлый рядъ данныхъ сводится въ одно цѣлое, когда подводится имъ, такъ сказать, итогъ и дѣлается обобщеніе; но и въ томъ случаѣ получается познаніе, когда цѣлое разлагается на его составные элементы, и такимъ образомъ уясняется и упорядочивается для насъ составъ цѣлаго, пріобрѣтается возможность отчетливаго обозрѣнія его по всѣмъ составнымъ частямъ.

2. Кантъ признаетъ *категоріи* синтетическими формами познанія. Между тѣмъ категоріи относитъ онъ къ разсудку, т. е., къ способности мышленія, а разсудокъ, или способность мышленія, характеризуетъ тѣмъ, что приписываетъ ему лишь дѣятельность дискурсивную,—распредѣлительную. Это значитъ, что мышленіе, какъ выше сказано, по Канту, есть дѣятельность аналитическая. Какимъ же образомъ послѣ этого категоріи, которыя суть формы разсудочной дѣятельности, иначе—формы мышленія,—можно признать началами синтетическими? Не очевидно ли, что, если должны быть гносеологическія формы не только синтетическія, но и аналитическія, то именно категоріи слѣдуетъ признать началами познанія аналитическими? Убѣ-

диться въ этомъ можно лишь на основаніи обозрѣнія самихъ категорій. Какія же именно категоріи и сколько ихъ слѣдуетъ полагать?

Кантъ упрекаетъ Аристотеля въ томъ, что онъ исчисляетъ категоріи безъ указанія основанія для вывода категорій; но самъ онъ, въ качествѣ основанія для вывода категорій, пользуется тѣмъ самымъ раздѣленіемъ сужденій, которое получило начало свое отъ Аристотеля и которое никакъ нельзя признать единственно возможнымъ и безспорнымъ. Что категоріи имѣютъ прямое отношеніе къ сужденію, это одинаково ясно было для Аристотеля, какъ и для Канта. Въ сужденіи важнѣйшая часть—предикатъ, сказуемое; а категоріи—это, по Аристотелю, важнѣйшіе основные предикаты. Не смотря на то, предполагаютъ, что руководствомъ къ исчисленію, или установленію таблицы категорій, Аристотелю послужило грамматическое раздѣленіе частей рѣчи въ составѣ языка. Хотя основныя сказуемыя, какъ само собою понятно, должны выразиться въ основныхъ формахъ рѣчи, по тѣсной связи языка съ мышленіемъ, но достаточно и одного понятія о сужденіи, какъ основной формѣ мышленія, дабы установить, по крайней мѣрѣ, главныя категоріи. Но важно составить правильное понятіе о сужденіи. Если признать вѣрнымъ то предположеніе эмпиризма, что основные элементы всякаго познанія получаются въ готовомъ видѣ чрезъ чувственное воспріятіе, то на долю разсудка, или мышленія, остается съ этой точки зрѣнія лишь *сочетаніе*, *синтезъ* воспринятыхъ элементовъ въ одно цѣлое. По Канту, категоріи и суть формы сочетанія таковыхъ элементовъ. Но на самомъ дѣлѣ основные элементы не просто воспринимаются, а должны быть найдены; само собою понятно, что дѣйствіе, имѣющее цѣлью отысканіе таковыхъ элементовъ, есть *анализъ*; логическою же формою анализа служитъ сужденіе. Сужденіе—форма различенія, а категоріи очевидно суть основныя формы различій,—т. е., служатъ границами или предѣльными пунктами различающей дѣятельности мышленія. По категоріямъ распредѣляется всякій данный въ познаніи матеріалъ. И такъ категоріи—*основныя разности*, по которымъ можетъ быть распредѣлено всепознаваемое и къ которымъ могутъ быть сведены всѣ дальнѣйшія различія.

Первое и самое основное различіе въ познаніи есть различіе

между познаваемымъ и собственно познаніемъ. Самое познаніе есть субъективный процессъ познаванія, познаваемое же есть то, на что направленъ этотъ процессъ и что можетъ быть обозначено общимъ именемъ *бытія*. Отсюда *бытіе* есть первая и основная категорія. Въ самомъ дѣлѣ, при изслѣдованіи всякаго предмета, прежде всего предполагается, что этотъ предметъ данъ, существуетъ; посему, и въ словесномъ выраженіи мысли, всякому дальнѣйшему обозначенію предмета съ разныхъ сторонъ, предшествуетъ выраженіе бытія (есть, не есть). Итакъ категорія бытія выражаетъ прежде всего различіе всего познаеваемаго отъ самаго познанія. Такъ какъ въ познаніи главное значеніе принадлежитъ *мышленію*, то отсюда различіе между познаваемымъ и познаніемъ характеризуется какъ противоположность бытія *вымыслу*, т. е., чистому созданію мыслительной силы. Въ области же познаваемаго, обозначаемаго общимъ именемъ бытія, замѣчается прежде всего то важное различіе *относительно бытія*, что разныя вещи обладаютъ то болѣе продолжительнымъ, то менѣе продолжительнымъ существованіемъ, и вообще бытіе, въ отношеніи къ отдѣльнымъ вещамъ. имѣетъ начало и конецъ. А потому является въ мышленіи противоположность бытія и небытія, присутствія и отсутствія. какъ первоначальное и самое общее выраженіе различія въ области бытія, причемъ, такъ какъ, по прекращеніи существованія вещи, представленіе ея остается въ сознаніи, то отсюда о представленіи говорятъ иногда такъ, какъ бы представленіе было равнозначуще съ небытіемъ. Какъ самое общее и основное предметное различіе,—противоположность бытія и небытія служитъ въ сужденіи средствомъ выраженія всякаго иного различія (утвердительнаго и отрицательнаго сужденія). Дальнѣйшія и наиболѣе общія, основныя различія въ области познаваемаго состоятъ въ связи съ различными способами познанія,—именно *внутреннимъ* и *внѣшнимъ* опытомъ. Для внѣшняго наблюденія самою общею и основною чертою познаваемаго служитъ множественность разнообразнаго, а также—сочетаніе многообразнаго въ единствѣ цѣлаго, а эти черты составляютъ категорію *количества*. Посему все внѣшнее въ познаваемомъ различается главнымъ образомъ *количественно*: *по положенію* въ пространствѣ и времени, и *по числу*. Отли-

чительное свойство количества то, что оно не можетъ служить мѣрою и границею для самаго себя, а потому количество во всѣхъ видахъ представляется само по себѣ, какъ безмѣрное и безразличное. Въ противоположность внѣшнему бытію, которое *созерцается*, бытіе внутреннее (внутренній опытъ) *испытывается*, какъ нѣкоторая сила, проявляющаяся въ разныхъ *состояніяхъ*, а потому это есть область различій *качественныхъ*, т. е., эта область *качественно*, по *состоянію и свойству* различается отъ всего внѣшняго, каковыя черты составляютъ *категоріи качества*. Въ противоположность количеству качество всегда имѣетъ опредѣленную мѣру и ограниченность. Посему и во всемъ внѣшнемъ всякая граница и мѣра происходятъ отъ качества, а не отъ количества. Говорятъ, что пространство, будучи само безграничнымъ, служитъ для всего границею; дѣйствительно всякая внѣшняя вещь имѣетъ пространственныя границы, и совокупность таковыхъ составляетъ ея форму. Но не пространство даетъ форму вещи и ограничиваетъ ее, ибо то же пространство находится и внѣ всякихъ опредѣленныхъ границъ: разстояніе между вещами, пустые промежутки въ вещахъ также—пространство; ограниченность каждой вещи опредѣляется мѣрою присущей ей силы, ея качественною природою.

Всѣ различія въ познаваемомъ связаны между собою *отношеніями*, и потому имѣютъ характеръ *относительный*. Отсюда необходимымъ дополненіемъ къ сказаннымъ категоріямъ служитъ *категорія отношенія*, причемъ, различаются соотвѣтственныя каждой изъ нихъ отношенія. Такъ, къ категоріи бытія принадлежащія отношенія суть отношенія *субстанціальности* и *причинности*. Различаются также отношенія *качественныя* (отношенія сходства и различія, тождества и противоположности) и отношенія *количественныя* (отношенія равенства и неравенства, отношенія между цѣлымъ и частями). Повидимому категорія отношенія не есть начало *аналитическое*, ибо отношеніемъ связывается и объединяется то, въ чемъ отношеніе полагается, на самомъ же дѣлѣ уже по связи категоріи отношенія съ другими категоріями существуютъ столько же разныхъ видовъ отношеній, сколько есть различій, обозначаемыхъ другими категоріями. Посему категорія отношенія не только

не можетъ служить объединяющимъ началомъ, напротивъ означаетъ разности, которыми только предполагается необходимость такого начала, иначе сказать, категорія отношенія, какъ и другія категоріи, только даетъ чувствовать нужду въ объединяющемъ началѣ, но сама не можетъ служить къ удовлетворенію такой потребности. И только, когда отрицаются начала синтетическія (Абсолютное, къ которому сводятся другія синтетическія начала), когда отвергается гносеологическое значеніе таковыхъ началъ, тогда по необходимости категорія отношенія, какъ имѣющая связь со всѣми другими, служитъ какъ бы замѣною началъ синтетическихъ; утверждается, что *все относительно*, что только *относительное познаваемо*, или иначе, что все познаваемое имѣетъ характеръ *относительнаго*, *условнаго*. Но очевидно, что такими положеніями познаваемое на самомъ дѣлѣ не объединяется, напротивъ представляется расходящимся и распадающимся на множество различій, какъ совокупность разнаго рода отношеній. Если и возможно такое единое отношеніе, которое простиралось бы на все данное, напримѣръ отношеніе причинности, то это лишь въ томъ случаѣ, когда предполагается единое (синтетическое) начало (напримѣръ первая причина), которое въ такомъ случаѣ и служитъ условіемъ такого всеобъемлющаго отношенія.

Категоріи, какъ начала *аналитическія*, служащія къ различенію, а не объединенію, *не сводимы* одна къ другой, ибо означаютъ первичныя и основныя различія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя напримѣръ бытіе всякой вещи опредѣляется качествомъ, однако качество не то же, что бытіе, ибо и доброе, и злое одинаково существуютъ, т. е., мы приписываемъ бытіе вещамъ качественно совершенно различнымъ, иначе между собою не имѣющимъ общаго. Такъ же точно количество и качество не сводимы одно на другое: мы не можемъ представить и допустить, чтобы количественная перемѣна (увеличеніе или уменьшеніе), сама по себѣ, превратилась въ качественную перемѣну, и потому, гдѣ такое превращеніе мы видимъ, предполагаемъ, что одна перемѣна послужила лишь поводомъ, условіемъ возникновенія другой перемѣны, а не источникомъ ея. Наконецъ, и отношеніе мы всегда строго различаемъ отъ тѣхъ членовъ, между которыми отношеніе полагаемъ.

Категоріи, какъ объективныя формы мысли (ихъ не нужно смѣшивать съ логическими, т. е., субъективными формами мышленія), суть *начала апріорныя*. Онѣ не добываются посредствомъ опыта, который безъ нихъ невозможенъ; не будь категорій, мы имѣли бы безпорядочный хаосъ впечатлѣній и представленій. Категоріи составляютъ первыя основы порядка въ воспринимаемомъ нами матеріалѣ ощущеній и представленій. Но отсюда еще слишкомъ далеко до заключенія, къ которому пришелъ Кантъ (къ чему онъ былъ приведенъ, какъ выше сказано, общимъ духомъ своей философіи), что разсудокъ, съ присущими ему категоріями, не только производитъ объективное познаніе, но и самые объекты познаваемые, предписываетъ будто бы законы познаваемой дѣйствительности. Апріорность категорій не оправдываетъ такого заключенія, ибо познающій субъектъ самъ составляетъ часть познаваемаго имъ міра дѣйствительности, поэтому и формы познанія, хотя по происхожденію и не зависимы отъ нея, могутъ и должны быть годны для познанія этой дѣйствительности.

3. Сверхъ аналитическихъ началъ познанія, должны быть еще начала *синтетическія*, ибо въ составѣ познанія одинаково необходимы и анализъ, и синтезъ. Если исходить изъ того предположенія, что въ началѣ познавательнаго процесса возникаютъ въ нашемъ сознаніи, вслѣдствіе чувственнаго воспріятія, лишь отдѣльныя представленія о вещахъ единичныхъ, то конечно синтезъ будетъ состоять въ простомъ сочетаніи таковыхъ элементарныхъ представленій, и всѣ дальнѣйшія формы познанія окажутся въ этомъ смыслѣ *синтетическими*, что и полагалъ Кантъ. Но едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что представленія единичныхъ вещей возникаютъ постепенно лишь на фонѣ общаго смутнаго сознанія окружающей дѣйствительности, и какъ бы выдѣляются изъ сферы общаго представленія этой дѣйствительности, конечно неяснаго, неопредѣленнаго. Поэтому первоначальною потребностію въ нашемъ познаніи слѣдуетъ признать не сочетаніе въ одно цѣлое, не синтезъ разсѣянныхъ элементовъ познанія, а распредѣленіе неопредѣленнаго множества, на фонѣ общаго сознанія, возникающихъ смѣшанныхъ и неразграниченныхъ представленій. Дѣйствительно опытъ показываетъ, что ближай-

шею и самою насущною задачею въ каждой наукѣ является правильное распредѣленіе имѣющагося въ наличности матеріала. Такъ какъ однако синтетическія начала, будучи апріорными, необходимо должны дѣйствовать и проявлять себя совмѣстно съ началами аналитическими, то конечно должна постоянно чувствоваться и другая потребность, именно потребность объединенія; но синтетическая дѣятельность мышленія остается болѣе скрытою; стремленія, изъ нея вытекающія, имѣютъ характеръ *идеальный*, и задачи, поставляемыя ею, представляются болѣе отдаленными и трудно осуществимыми. Дѣло въ томъ, что начала аналитическія, именно категоріи, суть формы познающей мысли вполнѣ *реальныя*, по своему характеру и значенію; не даромъ же основная категорія есть категорія бытія; категоріи суть начала, выражающія то, что есть, существуетъ; содержаніе ихъ, черты познаваемаго обозначаемыя ими, представляются, какъ данное въ дѣйствительности. Не таковъ характеръ синтетическихъ началъ, и не таково ихъ значеніе. Начала эти суть *идеи*; это уже не опредѣленія бытія—каковы категоріи, а выраженіе идеальныхъ стремленій, присущихъ духу человѣческому. Теперь понятно смотря потому, какіе интересы признаются болѣе существенными въ наукѣ—реальные, или идеальные, соотвѣтственные тому задачи являются важнѣйшими. Въ общемъ конечно тѣ и другія одинаково необходимы: для философіи напр. важнѣйшими задачами необходимо признать идеальныя, и господствующее въ ней направленіе мышленія есть синтетическое, въ другихъ же, именно—опытныхъ наукахъ, анализъ преобладаетъ и реальныя задачи являются важнѣйшими.

Синтетическимъ началомъ въ познаніи служитъ идеальное стремленіе къ истинѣ, или иначе—*идея истины*. Конечно, мы можемъ искать знаній ради удовлетворенія практическихъ нуждъ; возможно, что иногда знанія, имѣющія практическое значеніе, признаются наиболѣе важными. Но какія бы цѣли ни предназначались познанію, и каковы бы ни были побужденія наши, когда мы ищемъ знаній,—всякое знаніе только тогда и есть знаніе и можетъ быть для чего нибудь годнымъ если оно *истинно*. Требованіе истинности, значитъ, есть безусловное въ отношеніи къ познанію, необходимо подразумѣ-

ваемое при всѣхъ возможныхъ цѣляхъ, ради которыхъ мы ищемъ знаній. По причинѣ именно этого требованія, какъ имѣющаго характеръ синтетическій, всякое познаніе, и даже весь кругъ знаній, взятыхъ въ данное время, при данномъ состояніи науки, необходимо представляется намъ неполнымъ, несовершеннымъ, недостаточнымъ, ибо идея истины требуетъ полноты и цѣльности познанія, каковыми качествами въ дѣйствительности познаніе наше никогда не обладаетъ. Синтетическій характеръ идеи истины съ особенною ясностію представляется, если сравнить ее съ категоріею бытія. Категорія бытія, хотя простирается на все познаваемое и все возможное содержаніе познанія (со включеніемъ сюда и самаго познанія, когда оно обращается въ предметъ изслѣдованія и познанія, когда мы стремимся къ познанію познанія) и въ этомъ отношеніи совпадаетъ съ идеею истины (почему напр. у Платона истинное, сущее, дѣйствительное употребляются, какъ однозначущія понятія), но важно то, что категорія бытія только объемлетъ, но не объединяетъ собою все познаваемое, между тѣмъ какъ въ идеѣ истины заключается именно требованіе, все познаваемое представить въ единствѣ и цѣльности. Познаваемое, когда мыслится подъ категоріею бытія, распадается на необозримое множество отдѣльныхъ вещей и явленій, ибо каждая въ отдѣльности вещь существуетъ, и притомъ существуетъ именно какъ отдѣльная вещь, какъ особая часть бытія; бытіе дѣйствительное необходимо представляется множественнымъ и раздѣленнымъ. Напротивъ мы убѣждены, что не можетъ быть множества совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ истинъ, но что напротивъ истина должна быть одна, ибо истина въ собственномъ смыслѣ есть не что иное, какъ *связь и единство* во всемъ существующемъ; конечно это единство и эту связь, объемлющую все существующее, можно выражать многоразлично, но сущность всего должна быть едина, и каждая частная истина должна быть въ связи со всѣми другими истинами, т. е., должна быть, собственно говоря, лишь своеобразнымъ выраженіемъ единой по существу истины. Вотъ почему о всѣхъ спеціальныхъ наукахъ, изслѣдующихъ реальную дѣйствительность, говорится, что предметъ ихъ есть бытіе, что каждая изслѣдуетъ извѣстную область бытія, тогда какъ философія по

преимуществу стремится къ постиженію истины: единство и связь во всемъ существующемъ, существо вещей—вотъ истинный ея предметъ.

Категоріи, хотя суть начала апріорныя, имѣютъ въ познаніи объективное значеніе, именно значеніе—предметныхъ опредѣленій или признаковъ познаваемаго. Напротивъ идея истины, заключающая въ себѣ прежде всего требованія въ отношеніи къ познанію, есть начало субъективное, а не объективное, ибо есть признакъ души человѣческой, субъекта познающаго, а не вещей познаваемыхъ. Этимъ однако нисколько не умаляется гносеологическое значеніе идеи истины. Ибо если бы существующее во внѣшнемъ мірѣ не имѣло никакого отношенія къ душѣ человѣческой, то не было бы возможно и познаніе. Должна быть внутренняя связь между душею человѣческою и внѣшнимъ міромъ, а потому и стремленіе, вѣчно присущее душѣ человѣческой и проявляемое въ познаніи, необходимо должно способствовать а не препятствовать достиженію этой цѣли, т. е., достиженію познанія.

Если идея истины требуетъ единства и связи въ предметномъ содержаніи нашего познанія, то, будучи началомъ субъективнымъ, она тѣмъ болѣе требуетъ единства и связи субъективныхъ идеальныхъ стремленій человѣка. Отсюда и дѣйствительно должно быть существенное единство и самая тѣсная связь всѣхъ идей человѣческаго разума. Вмѣстѣ съ идеею истины идея красоты и идея блага составляютъ столь же необходимыя *синтетическія начала.*

Идея истины имѣетъ своимъ содержаніемъ всеобщую связь и единство всего существующаго, какъ предмета познанія. Подобно тому идея красоты выражаетъ гармоническое единство жизненыхъ явленій, какъ предмета чувственнаго воспріятія и созерцанія, а идея блага—такъ же единство стремленій и дѣйствій нравственно разумныхъ существъ. Такимъ образомъ очевидно, что единство и связь составляетъ необходимую и характеристическую общую черту требованій и стремленій, заключающихся въ идеяхъ истины, кросоты и добра; поэтому синтетическій характеръ и таковое же значеніе этихъ идей не подлежатъ сомнѣнію. Аналитическому направленію въ по-

знаніи соотвѣтствуетъ въ области искусства разработка техническихъ задачъ, а въ области практической—раздѣленіе труда.

Категоріи—начала аналитическія въ познаніи, какъ выше показано, имѣютъ предметное значеніе, суть опредѣленія или признаки бытія. Отъ этого зависитъ важное значеніе ихъ въ познаніи. Напротивъ идеи, какъ сказано,—суть начала по преимуществу субъективныя, ибо выражаютъ субъективныя стремленія и требованія, потому то употребленіе и примѣненіе идей болѣе или менѣе подвержено произволу и личному усмотрѣнію, до такой степени, что даже вовсе могутъ быть отрицаемы, чего нельзя сказать о категоріяхъ. Однако можно ли утверждать, какъ это дѣлаетъ Кантъ, что идеи вовсе лишены значенія объективнаго. Если дѣйствіе идей на наше сознаніе не столь рѣшительно и постоянно, какъ дѣйствіе категорій, то это не отъ того происходитъ, что идеи субъективны и суть какъ бы наши созданія, а категоріи объективны и суть выраженія бытія,—а есть слѣдствіе сложности и широты идеальныхъ началъ, требующихъ значительной высоты разумѣнія, для надлежащаго ихъ употребленія и примѣненія. Между тѣмъ важный фактъ, свидѣтельствующій объ объективномъ значеніи идей, заключается въ томъ, что даже въ предѣлахъ общаго здраваго смысла, съ употребленіемъ идей, необходимо соединяется предположеніе о соотвѣтствующихъ этимъ началамъ видахъ или степеняхъ бытія. Такъ, идеѣ истины соотвѣтствуетъ то всеобщее бытіе, что именуется *міромъ*, *вселенной*. Поэтому предметомъ философіи, движущій принципъ которой заключается въ идеѣ истины, обыкновенно признается бытіе въ его цѣломъ, въ общности его. Объективное начало, соотвѣтствующее идеѣ красоты, есть *жизнь*, ибо только тамъ возможна красота, гдѣ замѣчается присутствіе движенія и жизни. Съ точки зрѣнія художественнаго созерцанія потому только и представляются прекрасными движенія напр. міровыхъ тѣлъ, что невольно при этомъ предполагается близкое и необходимое ихъ отношеніе къ жизни. Важнѣйшій признакъ жизни—внутренняя цѣлесообразность. Поэтому съ точки зрѣнія эстетическаго созерцанія въ мірѣ все полно смысла и таинственнаго, глубокаго значенія; съ другой стороны, гдѣ жизнь, тамъ и свобода. Отсюда необходимая принадлежность красоты—свободная игра жизненныхъ силъ.

Наконецъ бытіе, соотвѣтствующее идеѣ блага, есть *душа человѣческая* или *духъ*. Ибо для блага въ высшемъ духовномъ смыслѣ предназначена человѣческая душа. Благо есть высшее безусловное начало бытія. Такимъ началомъ можетъ быть только Духъ безконечный, безусловный,—и самое осуществленіе блага, какъ конечной цѣли человѣческаго бытія на землѣ, существеннымъ образомъ условливается взаимнымъ отношеніемъ между Духомъ безусловнымъ, всесовершеннымъ, и царствомъ конечныхъ духовъ, или душъ человѣческихъ.

Такъ какъ единство и цѣльность есть существенное требованіе, заключающееся въ идеяхъ въ отношеніи къ тому, къ чему онѣ прилагаются, то тѣмъ болѣе должно быть единство и взаимная связь между идеями. Такъ какъ идея блага по степени соотвѣтствующаго ей бытія есть высочайшая, то ясно, что единство идей требуетъ господства этой идеи и подчиненія ей другихъ. Посему существо, которое есть предметъ этой идеи, должно быть мыслимо, какъ единство истины, красоты и блага, или же какъ совершеннѣйшая истина, какъ совершенно прекрасное и какъ всесовершенное благо. Итакъ верховное существо есть объектъ уже не одной идеи блага, но всѣхъ идей. Дѣйствительно, когда разрушается мало по малу естественная связь искусства и науки съ идеею верховнаго блага и высочайшаго существа, какъ предмета той идеи, что̀ происходитъ въ началѣ вслѣдствіе стремленія ихъ къ самостоятельному и свободному развитію, то, съ теченіемъ времени, постепенно ослабѣваетъ и умаляется въ нихъ идеальный элементъ, реальное направленіе становится преобладающимъ (въ наукѣ настаетъ господство специализма, въ искусствѣ—преобладаніе техники надъ творчествомъ). Это понятно. Объективное содержаніе идеи истины, какъ сказано выше, есть міровая дѣйствительность; итакъ, знаніе самодовлѣющее не предполагаетъ для себя иной цѣли, кромѣ благосостоянія жизни, заключенной въ условія этой міровой дѣйствительности, кромѣ изученія законовъ этой дѣйствительности и приспособленія къ ней жизни общественной и частной. Объективное содержаніе идеи прекраснаго составляетъ, какъ сказано, жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, за исключеніемъ конечно отрицательныхъ явленій, представляющихъ собою не созиданіе и развитіе жизни, а умаленіе ея и разру-

шеніе. Поэтому очевидно, что искусство, ограниченное своимъ собственнымъ содержаніемъ, не можетъ имѣть иной цѣли, какъ только наслажденіе, конечно самое утонченное и благородное, возбужденіе игры и свободнаго проявленія жизненныхъ силъ,— словомъ наслажденіе жизнью, счастіе вполнѣ чувственное, хотя и въ облагороженныхъ формахъ—таковъ результатъ, таково дѣйствіе искусства, ограниченнаго самимъ собою и предоставленнаго вполнѣ свободному и самостоятельному развитію исключительно въ духѣ собственнаго своего начала, отрѣшеннаго отъ естественной связи съ иными синтетическими началами человѣческаго духа.

Но не есть ли иллюзія предполагаемое уже простымъ здравымъ смысломъ объективное содержаніе идей, которое въ сущности сводится къ представленію Верховнаго, всесовершеннаго существа? Что Кантъ признавалъ иллюзіей вѣру въ объективное содержаніе идей человѣческаго разума, въ особенности такъ называемой теологической идеи, это не удивительно. Послѣ того, какъ пространство и время признаны имъ лишь субъективными представленіями, и вся реальная дѣйствительность оказалась, такимъ образомъ, явленіемъ нашего сознанія, могъ ли онъ утверждать объективную реальность идей? Между тѣмъ странно подумать, что простая иллюзія можетъ оказывать столь мощное и столь непрерывное дѣйствіе на жизнь человѣка: вѣдь, можно сказать, вся исторія человѣчества есть произведеніе той иллюзіи. На это говорятъ, что иллюзія, заключающаяся въ идеяхъ разума не случайная, а необходимая, и состоитъ въ такомъ, а не иномъ устройствѣ нашего разума; существа, одаренныя иною умственною организаціею, конечно, совсѣмъ въ иномъ видѣ и инымъ образомъ представляли бы міровую дѣйствительность, а потому и умственныя начала познанія у нихъ были бы иныя. Соображеніе это не что иное, какъ логическая несообразность. Индивидуумы мы раздѣляемъ по видовымъ и родовымъ типамъ. Но такое раздѣленіе только къ индивидуумамъ и можетъ относиться. Между тѣмъ разумъ человѣческій не индивидуаленъ, поэтому мы и не можемъ представить иного разума, который отличался бы отъ нашего своимъ устройствомъ, т. е., по существу, а не по степени лишь своего совершенства: не можетъ быть много разумовъ, различающихся

между собою видовыми или родовыми качествами; иначе между существами, одаренными столь различною умственною организацiею не могло бы быть никакого общенiя, между тѣмъ какъ разумъ, единый въ своемъ существѣ, не иной какой либо, а нашъ человѣческiй разумъ направляетъ существа, одаренныя имъ, къ общенiю, а не къ разъединенiю. Человѣкъ предназначенъ даже къ общенiю съ существомъ всесовершеннымъ и высочайшимъ, а это предполагаетъ, что даже въ отношенiи къ разуму высочайшему и всесовершенному нельзя признать разумъ человѣческiй не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго и не способнымъ къ общенiю съ нимъ.

Понятiя о Божествѣ, о душѣ, какъ существѣ свободно-дѣятельномъ, о жизненной силѣ,—какъ начала синтетическiя, не могутъ быть находимы и указываемы аналитическимъ путемъ. Самъ по себѣ анализъ жизненныхъ явленiй не въ состоянiи дать единой и цѣльной идеи о началѣ жизни, какъ особомъ принципѣ; равно анализъ психическихъ явленiй самъ по себѣ не въ состоянiи привести насъ къ идеѣ души человѣческой, какъ особаго духовнаго начала, скорѣе можетъ привести къ сомнѣнiю въ бытiи такого начала. Между тѣмъ въ современной наукѣ господство принадлежитъ анализу. Отсюда скептицизмъ въ отношенiи къ началамъ синтетическимъ и неблагопрiятное отношенiе къ философiи, какъ наукѣ синтетической по преимуществу, и соединенное съ тѣмъ стремленiе преобразовать философiю въ науку аналитическую (сдѣлать ее опытною наукою). Въ древнемъ мiрѣ, напротивъ, наука была по преимуществу синтетическою; философiя была основанiемъ всѣхъ наукъ; раздѣленiе наукъ утверждалось на принципахъ идеальныхъ: въ *пиѳагорейской школѣ* раздѣленiе наукъ (средневѣковый quadrivium: *ариѳметика*, *астрономiя*, *музыка* и *геометрiя*) основывалось на идеѣ красоты (гармонiя—основное понятiе); въ *платонизмѣ* началомъ дѣленiя наукъ (trivium: *дiалектика съ грамматикою* и *риторикою*, *этика* и *физика*) служила *идея блага*; въ *перипатетической* школѣ раздѣленiе наукъ исходило изъ *идеи истины*; а *средневѣковая наука* утверждалась на *теологической идеѣ*.

П. Линицкiй.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ.

(Окончаніе *).

114. Выборъ философской гипотезы требуетъ краткаго (sommaire) изученія философіи.

Декартъ, чтобы построить науку, старался забыть все, что онъ зналъ, отказался отъ всякаго изученія мыслей своихъ предшественниковъ и совѣтовался только съ своимъ разумомъ въ его чистомъ состояніи. Однако такое отношеніе къ дѣлу не можетъ быть оправдано (103). Картезіанскій индивидуализмъ могъ быть полезенъ, какъ реакція противъ злоупотребленія богословскими авторитетами и авторитетомъ, усвоявшимся Аристотелю; но Декартъ, имѣя вѣрное чутье независимости философіи, несправедливо требовалъ полной обособленности и замкнутости мысли тамъ, гдѣ необходимо было лишь тщательное изслѣдованіе [1]). Пренебреженіе къ исторіи идей, которое естественно должно было явиться въ его школѣ, можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, разныя философскія гипотезы были предметомъ великихъ трудовъ геніальныхъ людей. Было-бы неразумно относиться пренебрежительно къ этимъ трудамъ, которые могутъ показать въ ясномъ свѣтѣ значеніе доктринъ, такъ долго сосредоточивавшихъ на себѣ вниманіе. Въ этомъ отношеніи философы, ученія которыхъ сохра-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 23.

[1]) Обособленность мысли, отстраняющейся отъ всякаго преданія, конечно, есть основаніе метода Декарта. Но иногда и онъ выражаетъ болѣе широкіе взгляды. Онъ сравниваетъ, наприм., свои пріемы съ поведеніемъ человѣка, который, имѣя корзину съ яблоками и опасаясь, что нѣкоторыя изъ нихъ загнили, опоражниваетъ корзину и беретъ назадъ только тѣ, которыя оказались неиспорченными. Онъ требуетъ, чтобы точно такъ же и философъ отбросилъ полученныя имъ совнѣ мнѣнія и взялъ назадъ, по предварительномъ изслѣдованіи, только тѣ, которыя окажутся истинными. А въ такомъ случаѣ независимость мысли обнаруживается не въ *обособленности*, а въ *изслѣдованіи*. См. выше § 3.

нила намъ исторія, могутъ быть раздѣлены на два разряда. Къ первому относятся изобрѣтатели или инициаторы, которые ввели въ науку зачатки истины, имѣющіе непреходящее значеніе. Таковы между прочимъ: Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ, Аристотель, Декартъ, Лейбницъ, Кантъ. Ко второму разряду принадлежатъ односторонніе мыслители—формалисты (logiciens), о которыхъ нельзя сказать, что-бы они открыли какіе либо новые элементы истины, но которые за то съ неумолимою строгостью выводили слѣдствія изъ извѣстныхъ уже принциповъ, хотя и разсматривали ихъ слишкомъ односторонне. Таковы, наприм., Парменидъ, Гоббсъ, Спиноза, Юмъ, Гегель. Конечно, и труды этихъ людей не безплодны: они бросаютъ яркій свѣтъ на тѣ принципы, слѣдствія которыхъ развиваютъ, и такимъ образомъ даютъ возможность оцѣнить ихъ значеніе, чѣмъ въ свою очередь вызываютъ въ мысли реакцію противъ такихъ теорій, абсолютный характеръ которыхъ дѣлаетъ очевидною ихъ ошибочность. Однако труды подобнаго рода не входятъ въ развитіе философской науки, въ качествѣ положительныхъ элементовъ. Дѣлая это замѣчаніе, я имѣю въ виду исключительно самую систему философовъ, но не частное содержаніе ихъ сочиненій. Умъ геніальнаго человѣка почти всегда шире, чѣмъ его система; вотъ почему даже и въ сочиненіяхъ философовъ, система которыхъ признается ложною, можно встрѣтить иногда много вѣрныхъ, важныхъ и плодотворныхъ взглядовъ. Изъ того, что мы отвергаемъ систему Спинозы, Гоббса или Гегеля, не слѣдуетъ, будто въ сочиненіяхъ этихъ знаменитыхъ людей нельзя найти многихъ полезныхъ истинъ. Ошибка въ ихъ основной идеѣ не препятствовала имъ внести цѣнный вкладъ въ построеніе науки.

Итакъ, исторія философіи имѣетъ важность для самой философіи, такъ какъ она знакомитъ съ гипотезами, предлагавшимися для рѣшенія универсальной проблемы, и даетъ средства оцѣнить эти гипотезы по ихъ слѣдствіямъ. Но отсюда не слѣдуетъ, конечно, будто одной исторіи достаточно для построенія философіи, какъ думалъ Викторъ Кузенъ въ то время, когда эклектизмъ былъ его господствующею мыслью. Брать истину вездѣ, гдѣ она встрѣчается—это такой пріемъ, кото-

раго нельзя слишкомъ рекомендовать; слѣдуетъ дѣлать выборъ, а это предполагаетъ правило оцѣнки, котораго нельзя вывести изъ предметовъ, подлежащихъ выбору. Стало быть, для того, чтобы соединить разсѣянные лучи истины, должно имѣть болѣе или менѣе отчетливую идею о самомъ фокусѣ, откуда исходятъ эти лучи.

Имѣя предъ собою различныя философскія гипотезы, мысль, какъ и во всякой другой наукѣ, можетъ сдѣлать между ними предварительный выборъ, а затѣмъ уже приступаетъ къ болѣе полной провѣркѣ ихъ путемъ синтеза (56).

115. Философскій синтезъ есть опытъ объясненія данныхъ анализа.

Какъ философскій анализъ имѣетъ точкою отправленія не факты во всѣхъ ихъ подробностяхъ, но результаты частныхъ наукъ, такъ и для синтеза достаточно принимать во вниманіе лишь результаты этихъ наукъ (87). Съ тѣми же самыми науками, которыя въ анализѣ служатъ для установки фактовъ, долженъ имѣть дѣло и синтезъ, имѣющій своею задачею объясненіе ихъ общихъ результатовъ.

Изученіе каждаго отдѣльнаго класса существъ, если мы желаемъ сдѣлать его возможно полнымъ, имѣетъ часть аналитическую, т. е., экспериментальную, и часть синтетическую, т. е., раціональную. Эта вторая часть спеціальныхъ наукъ и составляетъ ихъ философію. Возьмемъ для примѣра зоологію. Все, что относится къ описанію и классификаціи животныхъ, къ установкѣ ихъ отправленій, составляетъ экспериментальную часть науки. Соображенія—же относительно сущности жизни, мѣста животнаго царства въ міровомъ цѣломъ, цѣлесообразности, соединяющей это царство съ міромъ неорганическимъ и съ человѣчествомъ и т. д.,—всѣ эти соображенія могутъ исходить только изъ какой нибудь философской концепціи. Эти двѣ части научнаго изслѣдованія различны; но онѣ необходимы обѣ вмѣстѣ, если мы поставимъ своею задачею изучить все, что касается царства животныхъ.

Такъ какъ результаты синтеза должны быть постоянно подчинены контролю наблюденія, то синтезъ естественно оказывается средствомъ провѣрки гипотезъ. Слѣдствія, вытекающія

изъ философскихъ системъ по отношенію ко всѣмъ областямъ бытія, образуютъ существенную часть ихъ оцѣнки (108). Вотъ почему историческое вліяніе, оказываемое различными философскими доктринами на науки, нравственность, общество и т. д., входитъ въ схему синтеза.

Философскіе выводы не имѣютъ непосредственной достовѣрности, какъ выводы математическіе: ихъ значеніе всегда условно. Если выводъ оказывается сообразнымъ съ фактами, то гипотеза, изъ которой вытекаетъ этотъ выводъ, оправдывается—самою этою сообразностію съ фактами. Если-же выводъ не мирится съ данными опыта, то гипотеза, послужившая ему основаніемъ, признается ложною (если только выводъ сдѣланъ правильно, потому что гипотеза иногда можетъ быть вѣрною, выводъ-жъ ошибочнымъ). Эти соображенія вытекаютъ изъ того, что философія есть наука объяснительная и находится въ условіяхъ, одинаковыхъ со всѣми этого рода науками. Разъяснимъ это на примѣрахъ. Предположимъ, что извѣстное пониманіе перваго принципа имѣетъ такое слѣдствіе: физическій міръ устроенъ приспособительно къ потребностямъ живыхъ существъ. Это положеніе телеологическое. Если мы допустимъ, что разсмотрѣніе природы его оправдываетъ, то отсюда можно будетъ вывести заключеніе, благопріятное для того принципа, изъ котораго слѣдуетъ приведенное положеніе (о приспособленіи устройства міра къ потребностямъ живыхъ существъ). Возьмемъ еще примѣръ. Предположимъ, что допускается существованіе такого перваго принципа, который приводитъ къ совершенному отрицанію свободы въ мірѣ. Это положеніе классификаціонное [1]). Если мы признаемъ, что есть достаточныя основанія допустить существованіе въ мірѣ извѣстной доли свободы, то приведенное положеніе окажется ложнымъ, а отсюда будетъ слѣдовать заключеніе, неблагопріятное для того принципа, изъ котораго оно вытекаетъ.

Различіе результатовъ анализа и синтеза можно уяснить при помощи такого сравненія: предположимъ, что кто нибудь находится въ темномъ мѣстѣ и изслѣдуетъ его посредствомъ осязанія. Предположимъ затѣмъ, что въ этомъ первоначально тем-

[1]) C'est une these de classification.

номъ мѣстѣ явился свѣтъ. Данныя одного только осязанія можно сравнить съ познаніемъ чисто аналитическимъ и экспериментальнымъ; а свѣтъ—это тѣ объясненія, которыя даютъ уму синтетическіе взгляды. Въ освѣщенномъ помѣщеніи могутъ остаться темныя мѣста, и одно изъ дѣйствій свѣта состоитъ именно въ томъ, что онъ указываетъ эти темныя мѣста. Точно также и научныя объясненія могутъ быть неполными и самое развитіе разума можетъ обнаруживать не разрѣшенныя проблемы и неразгаданныя тайны. Сознавать это есть признакъ благоразумія и честности мысли. Напротивъ, считать объясненнымъ то, что еще не объяснено, значитъ рисковать сдѣлать поспѣшные синтезы, составляющіе результатъ неполныхъ анализовъ.

116. Философскій синтезъ не только долженъ объяснить то, что есть, но и опредѣлить то, что быть должно.

Одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ и плодотворныхъ взглядовъ Бэкона состоитъ въ томъ, что наука должна быть активною, и что наши силы находятся въ соотвѣтствіи съ нашимъ знаніемъ. Въ этомъ отношеніи предположенія англійскаго канцлера блистательно оправдались. Физика дала намъ не только объясненіе естественныхъ явленій, но и средства подчинять себѣ силы природы, а чрезъ приложеніе пара и электричества произвела чудеса современной промышленности.

Если философскій анализъ установилъ, что человѣкъ имѣетъ извѣстную долю свободы, то это возбуждаетъ вопросы относительно того, что должно быть, а эти вопросы находятся въ очевидной связи съ пониманіемъ перваго принципа (92). Поэтому, если только допущена хоть какая нибудь доля свободы, въ результатѣ философскаго синтеза должны оказаться соображенія какъ относительно личной морали, такъ и—устройства общества. Это опредѣленіе того, что должно быть (въ нравственномъ смыслѣ), рѣшительно отличается отъ притязанія тѣхъ системъ, которыя не допускаютъ свободы въ мірѣ и полагаютъ, что съ полною безошибочностію можно предвидѣть то, что будетъ. Идея того, что должно быть, т. е., идея законнаго правила свободной воли, и идея того, что необходимо будетъ въ силу развитія несвободнаго принципа,—это двѣ совершен-

но различныхъ идеи. Первая есть основаніе нравственнаго порядка, а вторая прямое его отрицаніе.

БУДУЩНОСТЬ ФИЛОСОФІИ.

Заключенія о будущности философіи, чтобы имѣть серьезный характеръ, должны быть основаны на вѣрныхъ соображеніяхъ о природѣ философскаго изслѣдованія.

117. Философская пытливость есть естественное обнаруженіе человѣческаго духа.

Чтобы узнать, что̀ естественно, недостаточно наблюдать только дѣйствительное состояніе вещей. Все, что въ развитіи извѣстнаго существа не можетъ быть сообщено ему извнѣ, но представляетъ обнаруженіе его собственной энергіи,—для него естественно и ему врождено. Нѣкоторыя деревья теплыхъ странъ растутъ въ нашемъ климатѣ, обыкновенно не производя ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Но наступаетъ исключительно теплое лѣто. и эти деревья зацвѣтаютъ. Конечно, теплота не есть единственная причина ихъ цвѣтенія; она есть только необходимое условіе для того, чтобы обнаружилась собственная природа этихъ деревьевъ. Точно также значительная часть человѣчества не имѣетъ философіи, какъ изслѣдованія научнаго; но всюду, гдѣ развивается цивилизація, появляется и философія. Ея пробужденіе у нѣкоторыхъ людей, подъ условіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, доказываетъ, что въ потенціальномъ состояніи (въ возможности) она присуща всѣмъ. Впрочемъ, и внѣ серьезной умственной культуры, можно находить, если не философію въ собственномъ ея смыслѣ, то по крайней мѣрѣ ея зародыши. Дѣти иногда задаютъ такіе вопросы, изученіе которыхъ можетъ привести къ самымъ глубокимъ проблемамъ метафизики. Высшіе вопросы мысли, вообще говоря, совершенно чужды дикимъ народностямъ; но и на этихъ низшихъ степеняхъ цивилизаціи встрѣчаются личности, которыя служатъ какъ бы свидѣтелями истинной природы человѣческаго духа, развитіе которой почти у всѣхъ ихъ собратьевъ подавлено исключительными заботами о тѣлесной жизни. Казались говорить, наприм., объ одномъ Бассутосѣ (Bassoutos), который спрашивалъ себя объ общей причинѣ міровыхъ явленій и скорбѣлъ, что не могъ

найти на нихъ отвѣта. Онъ говоритъ и о другомъ туземцѣ, который, по его собственному заявленію, часто плакалъ отъ того, что не зналъ, для чего существуетъ міръ, откуда онъ пришелъ и куда идетъ [1]). Такіе факты встрѣчаются въ видѣ исключенія, какъ замѣтилъ Леббокъ [2]). Но это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда можно сказать, что исключеніе напоминаетъ и подтверждаетъ правило. Стремленіе спрашивать о причинѣ міра и его назначеніи умъ человѣческій не можетъ получить извнѣ; слѣдовательно, оно исходитъ изъ него самаго: это-то я и хочу сказать, когда утверждаю, что философское изысканіе естественно для человѣческаго ума.

Вопросъ теперь только въ томъ, не представляетъ ли это естественное стремленіе къ рѣшенію философскихъ вопросовъ просто лишь переходную ступень, подобно тому, какъ, напр., цвѣтокъ имѣетъ только переходное значеніе по отношенію къ плоду, который изъ него долженъ явиться? Позитивисты не отрицаютъ, что философское изысканіе естественно человѣческому уму; но они утверждаютъ, что при правильномъ развитіи мысли, философія исполнивъ свою роль, должна исчезнуть и уступить мѣсто позитивной наукѣ, т. е., простой координаціи фактовъ. Мы будемъ имѣть право отвергнуть эту мысль, если докажемъ слѣдующее положеніе.

118. Вопросъ о значеніи философіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ и о значеніи разума.

Достовѣрность разума есть общій постулятъ всѣхъ наукъ. Но философія только продолжаетъ тѣ линіи, по которымъ движутся частныя науки; она есть духъ науки, достигшій сознанія о себѣ самомъ (89). Если естественное стремленіе мысли къ единству не служитъ доказательствомъ существованія этого единства, то въ такомъ случаѣ разумъ худо устроенъ; а если мы признаемъ, что разумъ дурно устроенъ, то тѣмъ самымъ мы разрушимъ основаніе всякой науки. Если міръ проницаемъ для мысли, то онъ долженъ быть такимъ, начиная съ концепціи объ его основномъ единствѣ. Чтобы удержать эти со-

[1]) Les Bassoutos par E. Casalis Paris 1859, pages 251—253.

[2]) Les origines de la civilisation par sui Sohn Lubbock, page 200 de la traduction française.

ображенія въ ихъ законныхъ предѣлахъ, необходимо избѣгать смѣшенія двухъ различныхъ идей: вопроса о значеніи разума, понимаемомъ въ томъ смыслѣ, что онъ дѣлаетъ для насъ міръ понятнымъ, и—утвержденія, по которому человѣческая мысль имѣетъ будто-бы непосредственное интуитивное значеніе принциповъ, имѣющихъ существованіе, необходимое въ абсолютномъ смыслѣ этого термина. Идея необходимости *для нашей мысли* и идея необходимости *самой въ себѣ* должны быть всегда и тщательно различаемы. Разумъ и опытъ оказываются въ согласіи, всякій разъ какъ мы открываемъ истину: существуетъ гармонія между мыслью и фактами,—вотъ что дѣлаетъ науку возможною. Больше этого мы ничего не знаемъ, ничего не можемъ знать, ничего не можемъ даже больше и искать.

119. За протестомъ противъ философіи всегда слѣдуетъ благопріятная для нея реакція.

Кризисы сомнѣнія полезны и даже необходимы, поскольку сомнѣніе касается научныхъ построеній мысли, а не самаго существованія истины. Но если это сомнѣніе, безъ котораго не можетъ быть изслѣдованія, т. е., прогресса науки, направляется не противъ той или другой системы, но противъ самой возможности философіи вообще, то оно всегда сопровождается реакціей. Можно даже сказать, что въ этомъ случаѣ къ исторіи мысли имѣетъ приложеніе механическій законъ равенства дѣйствія противодѣйствію: чѣмъ сильнѣе нападки на философскія изысканія, тѣмъ энергичнѣе слѣдующія за ними усилія философскаго ума. Послѣ продолжительной борьбы школы Ѳалеса съ школою Пиѳагора, явились греческіе софисты. Дѣятельность Сократа есть реакція противъ софистики. Эта реакція, которая у самого Сократа явилась выраженіемъ здраваго смысла и нравственнаго чувства, не замедлила развиться въ трудахъ метафизиковъ, вышедшихъ изъ его школы, и вотъ мы видимъ блестящій расцвѣтъ греческой философіи. Послѣ средневѣковаго періода и болѣе или менѣе безсвязныхъ попытокъ научныхъ построеній, характеризующихъ эпоху возрожденія, распространяется духъ сомнѣнія: скептицизмъ является послѣднимъ терминомъ умственнаго движенія XVI вѣка, и слова Монтеня: „что я знаю?“ становятся модными въ образованномъ мірѣ. Тогда является Декартъ и полагаетъ нѣко-

торыя изъ самыхъ прочныхъ основаній современной науки. Кантъ вмѣшивается въ великую борьбу, которая связывается съ именами Лейбница и Локка и оказываетъ великія услуги человѣческому уму; но его доктрина все-же есть отреченіе отъ философскаго изысканія, понимаемаго въ смыслѣ раціональнаго опредѣленія міроваго принципа. За этимъ сильнымъ дѣйствіемъ слѣдуетъ реакція необычайной силы и напряженности: за кантіанскимъ критицизмомъ наступаетъ періодъ почти безпримѣрной отваги ума, которая приводитъ, чрезъ Фихте и Шеллинга, къ Гегелю. Позитивизмъ Огюста Конта былъ прямымъ отрицаніемъ значенія философіи. По его слову и подъ вліяніемъ духа времени, многіе были увѣрены, что философіи пришелъ конецъ: натуралисты, историки, всѣ занимающіеся спеціальными науками мечтали о раздѣленіи между собою ея наслѣдства. Въ этомъ случаѣ още разъ нашла себѣ подтвержденіе мысль, выраженная въ стихѣ поэта *Дестуша* (Destouches): „Chasser le naturel, il revient au galop“ [1]).

Огюсту Конту самому не удалось удержать мысль въ предѣлахъ оффиціальной программы своей доктрины и онъ еще далеко не сошелъ съ міровой сцены, какъ опять съ необычайною силою побудилась дѣятельность спекулятивной мысли. Философія явилась вновь, и явилась не только въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, но въ значительной мѣрѣ оказалась и въ работахъ физиковъ и натуралистовъ. Достаточно отмѣтить тотъ фактъ, что доктрина трансформизма, появившаяся на почвѣ біологіи, для многихъ превратилась въ теорію эволюціи, которая для ея сторонниковъ есть рѣшеніе всей міровой проблемы. Возрожденіе философскаго духа въ настоящее время обнаруживается часто въ формѣ матеріалистической философіи, поразительное развитіе которой послѣ временнаго торжества позитивизма, есть одинъ изъ примѣровъ благопріятной для спекулятивныхъ изысканій реакціи, производимой покушеніями ограничить дѣятельность мысли.

120. Противники философіи почти всегда, въ силу естественныхъ стремленій разума, приходятъ къ тезисамъ не сознающей себя философіи.

Философія имѣетъ противниковъ двухъ родовъ: сторонниковъ религіознаго преданія, осуждающихъ изысканія разума, и по-

[1]) „Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно“.

зитивисты, которые отрицаютъ значеніе всякихъ превышающихъ опытъ изысканій. Предметъ настоящаго труда заставляетъ меня разсмотрѣть возраженія лишь этихъ послѣднихъ.

Мы не будемъ здѣсь разсуждать о существѣ позитивизма и ограничимся лишь указаніемъ на одинъ замѣчательный фактъ. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что противники философіи оказываются философами, не сознавая и не желая этого. Такъ какъ дѣло идетъ о фактѣ, то доказательство можетъ состоять только изъ примѣровъ. Чтобы какъ слѣдуетъ понять эти примѣры, нужно усвоить пріемы, употребляемые писателями, которыхъ я имѣю въ виду.

Сначала они выставляютъ свой тезисъ: философія въ старомъ, традиціонномъ смыслѣ этого слова, невозможна. Человѣкъ можетъ только приводить въ извѣстный порядокъ факты своего опыта: больше онъ ничего не знаетъ. Когда ученый позналъ взаимную связь движеній матеріи въ природѣ и дѣйствій человѣческихъ въ исторіи, онъ достигъ предѣла реальной науки. Причина и цѣль міра, безконечное, вѣчное, необходимое составляютъ недоступную для насъ область. Въ этомъ отношеніи мы ничего не можемъ ни отрицать, ни утверждать: это царство тьмы. Вотъ первоначальная позиція мысли, позиція сомнѣнія, сознаніе въ невѣдѣніи, полное смиреніе ума. Но такъ формулированная доктрина подвергается затѣмъ двумъ слѣдующимъ видоизмѣненіямъ:

Первое видоизмѣненіе состоитъ въ утвержденіи, будто, помимо опытнаго міра, ничего не существуетъ. Отмѣтимъ различіе. Первоначальная доктрина состояла въ томъ, что сверхъ опытнаго міра, мы ничего *не знаемъ*: это сомнѣніе. Положеніе-же, что помимо опытнаго міра ничего *не существуетъ*, есть отрицаніе. Примѣръ: „я никогда не видалъ разумныхъ существъ, высшихъ человѣка; слѣдовательно, я не знаю, есть-ли разумныя существа, высшія человѣка“. Это—доктрина въ первой своей формѣ. „Нѣтъ никакого разумнаго существа, высшаго человѣка“, это—доктрина преобразованная: *сомнѣніе* замѣнилось здѣсь *отрицаніемъ*.

Второе видоизмѣненіе тезиса позитивистовъ состоитъ въ примѣненіи къ предметамъ опыта необходимыхъ идей разума и въ употребленіи этихъ идей безъ признанія ихъ особенной силы

и значенія. Они говорятъ, напримѣръ: „матерія вѣчна", „міръ безконеченъ", „законы природы необходимы". Все это, какъ легко замѣтить, метафизическія положенія, въ которыхъ идеи разума примѣняются къ предметамъ опыта. Эти утвержденія заступаютъ мѣсто отрицаній, замѣнившихъ собою въ свою очередь первоначальное сомнѣніе.

Важно обратить вниманіе на это двойное преобразованіе, которое есть ключъ къ тому, что называется иногда современною наукой. Сомнѣніе во всемъ, что выше опыта: вотъ первоначальная доктрина. Но сомнѣніе скрываетъ въ себѣ отрицаніе, которое, обнаруживаясь, влечетъ за собою первое преобразованіе доктрины. Въ свою очередь, отрицаніе скрываетъ за собой утвержденіе,—именно утвержденіе, что предметы опыта обладаютъ характеромъ вѣчности и необходимости. Обнаруженіе этого утвержденія влечетъ за собой второе преобразованіе доктрины, которая становится теперь метафизикой, потому что вводитъ въ употребленіе понятія: безконечнаго, вѣчнаго, необходимаго.

Таковы пріемы современныхъ противниковъ философіи. Они отрицаютъ значеніе идей разума и думаютъ, что отъ нихъ освободились. Но человѣкъ, по сомому существу своему метафизикъ и никогда не перестанетъ быть имъ потому, что идеи, отъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, они освободились, продолжаютъ оставаться въ ихъ умѣ и, какъ голубь, выпущенный изъ ковчега, ищутъ твердой почвы. Вотъ почему въ результатѣ попытки ограничить мысль данными опыта оказывается лишь, что предметамъ усвояется вѣчное существованіе и характеръ необходимости. Метафизика, изгнанная изъ своего законнаго мѣста, входитъ въ зданіе науки воровскимъ и незамѣтнымъ образомъ.

Я констатировалъ этотъ фактъ въ цѣлой серіи многочисленныхъ примѣровъ [1]). Ограничусь здѣсь воспроизведеніемъ двухъ изъ нихъ, наиболѣе значительныхъ.

Въ своихъ *Paroles de philosophie positive* [2]) Литтре на страницѣ 33 выражается такъ: „Позитивная философія ничего не отрицаетъ и ничего не утверждаетъ (относительно первыхъ причинъ и причинъ конечныхъ), потому что отрицать,

[1]) См. статью «Противники философіи» въ *Revue chretienne*, Январь, Мартъ Апрѣль 1869 г.

[2]) Brochure in 8'', Paris 1859.

или утверждать значило-бы объявлять, что мы нѣчто знаемъ о происхожденіи существъ и ихъ назначеніи. Но мы ничего не знаемъ о причинахъ міра и его обитателей. Позитивная философія не занимается ни началомъ міра, если только онъ имѣетъ начало, ни тѣмъ, что случится съ живыми существами, растеніями, животными, людьми,—послѣ ихъ смерти или конца вѣка, если только вообще будетъ какой нибудь конецъ вѣка. Пусть каждый представляетъ себѣ это, какъ ему угодно, ничто не препятствуетъ тому, кто находитъ въ этомъ удовольствіе, мечтать о прошедшемъ и о будущемъ".

Та же брошюра, стр. 30. „Позитивная философія, не проповѣдуетъ атеизма, хотя такъ иногда и можетъ показаться. Если разобрать дѣло, какъ слѣдуетъ, атеистъ это еще не совсѣмъ эмансипированный умъ; это въ своемъ родѣ еще теологъ; у него есть свое объясненіе сущности вещей".

Та же брошюра, стр. 16. Авторъ объясняетъ здѣсь, что когда принимается позитивная точка зрѣнія, то „остается лишь то, что называется въ наукѣ закономъ, т. е., послѣднее условіе и основной фактъ, дальше котораго идти уже некуда. Вся наука сводится къ познанію закона послѣдовательности фактовъ; это положеніе высказывается всѣми противниками философіи. Но весьма важно замѣтить, что между фактомъ и закономъ, его выражающимъ, стоитъ идея, которая не происходитъ изъ опыта,—идея постоянства и правильности извѣстной связи явленій, потому что явленія, связь которыхъ не имѣла бы ничего постояннаго и правильнаго, не могли бы найти себѣ выраженіе въ законахъ, точно такъ-же, какъ предметы, не представляющіе ни одного общаго признака, не могли бы быть соединены въ классы. Индукція, которая есть существенный пріемъ опытныхъ наукъ, предполагаетъ, что, при одинаковыхъ условіяхъ, всегда и вездѣ производится одинъ и тотъ же фактъ. Физика не могла бы существовать, если бы, наприм., можно было допустить, что, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, теплота можетъ обнаруживать одни свойства въ настоящемъ, а другія въ будущемъ году, или что на землѣ свѣтовые лучи преломляются, а на лунѣ нѣтъ. Клодъ Бернаръ настаиваетъ на мысли, что постоянство законовъ или, какъ онъ выражается, детерминизмъ, есть аксіома естествен-

ныхъ наукъ и что для естествоиспытателя это есть достовѣрность *a priori* [1]). Это совершенно вѣрно по отношенію къ физикѣ и вообще—ко всякой наукѣ, которая предполагаетъ инертность своего предмета. Но если постоянство законовъ въ наукѣ о природѣ есть апріорный элементъ, то, слѣдовательно, въ наукѣ есть часть, которая не дается наблюденіемъ фактовъ, но есть достояніе человѣческаго духа. Духъ человѣческій въ самомъ себѣ носитъ понятія необходимости и вѣчности и дѣлаетъ изъ нихъ примѣненіе, которое должно быть подчинено контролю разума: вотъ открытая дверь для философіи. Литтре видитъ эту дверь и старается ее закрыть. Онъ не допускаетъ возможности приписывать чему нибудь необходимость и универсальность и не признаетъ научнымъ положеніе о постоянствѣ законовъ природы. „Достовѣрное знаніе,—говоритъ онъ,—пріобрѣтается нами не иначе,какъ путемъ опыта и, поэтому, никогда не можетъ получить характера необходимости и универсальности. Необходимость и универсальность, которыя для иныхъ являются формулами абсолютнаго, не принадлежатъ къ человѣческимъ понятіямъ" [2]). Авторъ поясняетъ свою мысль примѣромъ, утверждая, что мы можемъ принимать законъ тяготѣнія не иначе, какъ въ границахъ нашего опыта. Стюартъ Милль, развивая тѣ же взгляды, говоритъ, что для человѣка, привыкшаго къ абстракціи, не было бы трудно представить, что въ какой нибудь части міра „событія слѣдуютъ одно за другимъ случайно, какъ попало, безъ всякаго постояннаго закона". Къ этому онъ еще прибавляетъ: „ничто ни въ опытѣ, ни въ природѣ нашего ума, не даетъ не только достаточнаго, но даже и просто какого-бы то ни было основанія утверждать, что *этого* (чего нибудь) нигдѣ нѣтъ" [3]). Вотъ крайнее выраженіе позитивизма. Мы не только ничего не знаемъ помимо законовъ, но и сами законы можемъ признавать лишь въ узкихъ предѣлахъ нашего опыта. Однако, самое простое размышленіе могло бы показать, что такъ думать невозможно. Всякій нашъ опытъ предполагаетъ постоянство и неизмѣнность законовъ, такъ что, если устранить

[1]) См. особенно стр. 91, 94 и 95 *Introduction a l'étude de la medicine expérimentale.*

[2]) Journal des Debats, 6 февраля 1866 г.

[3]) Le positivisme anglais, etude sur Stuart Mill par H. Taine, pages 102 à 103.

идею постоянства законовъ, то уничтожится и самая достовѣрность опыта. Если мы допустимъ, наприм., что въ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ распространеніе свѣта подчинено другимъ законамъ, чѣмъ какіе мы знаемъ, то этимъ мы поколеблемъ всю астрономію. Если законы можно признавать только въ сферѣ нашего опыта, то опытомъ въ строгомъ смыслѣ мы можемъ называть лишь непосредственныя воспріятія. Собственно говоря, въ такомъ случаѣ мы ничего не знали бы помимо того, что даетъ намъ осязаніе, потому что всякое наблюденіе, въ которомъ участвуетъ зрѣніе, уже предполагаетъ неизмѣнность законовъ свѣта. Безъ сомнѣнія, наши законы устанавливаются посредствомъ опыта, но безъ принципа постоянства законовъ, который составляетъ основаніе индукціи, не было бы опытной науки. Поставьте себя предъ явленіями безъ всякаго апріорнаго элемента, и міръ окажется предъ вами, по прекрасному выраженію Тэна, лишь „простою грудою фактовъ“ [1]. Не развивая этого положенія дальше, замѣтимъ только, что никто яснѣе и лучше самого Литтре не выразилъ этого притязанія позитивизма остаться въ чистой области опыта и ничего не утверждать и не отрицать относительно того, что выходитъ за его предѣлы, такъ какъ Литтре не только сводитъ всю науку къ однимъ законамъ, но даже запрещаетъ намъ признавать за этими законами ихъ общій характеръ. Однако и этому мыслителю не удалось удержаться въ оффиціальныхъ рамкахъ своей доктрины. Его исповѣдь невѣдѣнія одна изъ самыхъ откровенныхъ и сильныхъ, какія только можно встрѣтить въ исторіи человѣческаго духа, переходитъ у него въ прямое отрицаніе. Это весьма не трудно обнаружить. Такъ, въ *Paroles de philosophie positive*, стр. 34 мы читаемъ: „трансцендентальность—это богословіе или метафизика, объясняющая міръ причинами, находящимися внѣ его“. Въ сочиненіи: *Auguste Comte et la philosophie positive* [2]), на стр. 570 сказано: „теологическое состояніе человѣческаго ума есть такое, въ которомъ онъ полагаетъ, что феномены суть дѣло разныхъ одаренныхъ волею существъ, или, если соціальное развитіе достигаетъ монотеизма,—проявленіе единой (Божественной)

[1]) *Ibidem page* 105.

[2]) Книга in 8, Paris, Hachette 1863.

воли". Слѣдуетъ только прочесть эти заявленія въ связи съ контекстомъ, и мы увидимъ, что, по мысли автора, трансцендентальность есть заблужденіе и представленіе о волѣ, управляющей міромъ, ложь. Слѣдовательно, Литтре переходитъ отъ сомнѣнія къ отрицанію: это первое преобразованіе его доктрины.

Этотъ пунктъ прочно установленъ на основаніи многочисленныхъ доказательствъ, въ предисловіи, которымъ Шарль Секретанъ снабдилъ второе изданіе своей Philosophie de la liberté [1]). Секретанъ отмѣчаетъ въ трудѣ Литтре „смѣшеніе критическаго сомнѣнія съ догматическимъ отрицаніемъ". Съ наглядною очевидностію онъ вскрываетъ внутреннюю фальшь этого ложнаго пріема, по которому, „не зная, существуетъ-ли какой нибудь предметъ, говорятъ о немъ, однако, такъ, какъ если-бы знали, что его нѣтъ, такъ что выходитъ, будто мы знаемъ достаточно для отрицанія существованія того, что сами-же объявляемъ сначала абсолютно недоступнымъ нашему познанію. Уже и разъясненій, какія по этому вопросу дѣлаетъ Секретанъ, достаточно для обоснованія его положенія. Но послѣ изданія его труда случился инцидентъ, который прибавляетъ новыя доказательства въ дополненіе къ тѣмъ, какія уже собраны раньше. Литтре, какъ мы видѣли, говоря о первыхъ причинахъ и назначеніи вещей, писалъ: „пусть каждый представляетъ это себѣ, какъ ему угодно". Стюартъ Милль, пользуясь этимъ дозволеніемъ, котораго, впрочемъ, ему и не было надобности отъ кого-бы то ни было получать, пришелъ къ утвержденію, что позитивный образъ мыслей состоитъ непремѣнно въ отрицаніи сверхъестественнаго [2]). Онъ вполнѣ разсудительно замѣчаетъ, что „если міръ получилъ начало, то это начало, по самымъ своимъ условіямъ, было сверхъестественно, такъ какъ законы природы не могутъ объяснить собственнаго своего происхожденія". Наконецъ, онъ заключаетъ, что разъ мы допустимъ существованіе неизмѣнныхъ, т. е., не дозволяющихъ никакихъ исключеній, законовъ, то можно, оставаясь позитивистомъ, допустить вѣрованіе, что

---

[1]) *La Philosophie de la liberté*, par Charles Secretan.—L'idée. — Seconde edition. I vol. in—12. Paris, Auguste Durand 1866 см. стр. XLVIII и XLIX.

[2]) *Auguste Comte et Stuart Mill*, par Littré. Brochure in 8⁰, Paris, Germer Bailliere 1867, page 49.

міръ былъ созданъ, и даже—что имъ непрерывно управляетъ нѣкоторый Разумъ". Въ виду такого заявленія, Литтре взялъ назадъ дозволеніе, о которомъ была рѣчь выше.

„Не слѣдуетъ, говоритъ онъ [1]), смотрѣть на позитивнаго философа такъ, какъ будто-бы онъ, занимаясь исключительно производными (вторичными) причинами, *даетъ полную свободу думать, что угодно, о причинахъ первыхъ*. Нѣтъ, онъ не даетъ для этого никакой свободы; его опредѣленіе точно и категорично..., онъ объявляетъ первыя причины непознаваемыми". Первыя причины—непознаваемы и, потому, должны быть исключены изъ области человѣческой мысли. Русскій ученикъ Литтре, г. Вырубовъ, писавшій подъ руководствомъ своего учителя, разъясняетъ, что „наука не можетъ принимать первыхъ причинъ не только въ формѣ доктрины, но и въ формѣ вѣрованія". Ошибка Стюарта Милля, который терпитъ „первыя причины", здѣсь объявляется „капитальною" [2]). Если остановиться на буквѣ этихъ заявленій, первыя причины не отрицаются, запрещается только вѣрить въ ихъ существованіе: это оффиціальная доктрина,—сомнѣніе. Но что̀ запрещается утверждать, то очень близко къ отрицанію; и позитивизмъ, хотя онъ и не признается въ этомъ, въ сущности приходитъ къ отрицанію. Если еще и остается въ этомъ отношеніи какое нибудь сомнѣніе, то оно тотчасъ разсѣется при ознакомленіи съ утвержденіями, заступившими мѣсто тѣхъ *отрицаній*, которыя въ свою очередь заступили мѣсто невѣдѣнія.

Г. Вырубовъ прямо заявляетъ: позитивная философія *утверждаетъ*,—„она замѣнила старый догматъ своимъ догматомъ· догматомъ новымъ" [3]). Какой это догматъ? Постараемся найти не въ сочиненіяхъ ученика, что̀ было-бы очень легко, но въ работахъ учителя. Открываю Paroles de philosophie positive на стр. 34, и читаю:„міръ является теперь намъ, какъ цѣлое, имѣющее въ себѣ самомъ свои причины,—причины, которыя мы называемъ законами. Имманентность (immanence),—вотъ наука, объясняющая міръ причинами, находящимися въ немъ самомъ...

---

[1]) Ibidem, page 52.

[2]) *Auguste Comte et Stuart Mill*, par Littré Appendice de M. Wyrouboff pages 64 à 84.

[3]) Ibidem, page 62.

Имманентность-же безконечна, ибо, оставляя въ сторонѣ внѣшность вещей, она непосредственно ставитъ насъ въ отношеніе къ вѣчнымъ двигателямъ безграничнаго міра и открываетъ изумленной и очарованной мысли міры, висящіе надъ бездной пространства, и—жизнь, висящую надъ бездною времени". Вотъ новый догматъ: имманентность, утвержденіе, что міръ вѣченъ, безконеченъ и имѣетъ въ себѣ самомъ свои причины, исключающія всякую мысль о Богѣ.—На стр. 33 мы прочли, что „позитивная философія ничего не отрицаетъ и не утверждаетъ", а теперь на стр. 34. Литтре, запретивъ подъ именемъ трансцендентности, объясненіе міра причинами, находящимися внѣ его, утверждаетъ, что міръ имѣетъ свои причины въ себѣ самомъ. На стр. 16 мы прочли, что наука знаетъ только законы; а теперь законы объявляются причинами. Въ Journal des Debats мы прочли, что духъ человѣческій не можетъ дойти ни до какого абсолютнаго понятія; а теперь міръ объявляется безконечнымъ, и его движущія силы—вѣчными. Мы читали, что познаніе пріобрѣтается только путемъ опыта, а теперь авторъ употребляетъ идеи безконечнаго и вѣчнаго, которыхъ, безъ сомнѣнія, никакой опытъ не могъ ему дать. Нельзя яснѣе быть метафизикомъ, въ то же время отрицая метафизику. Странно, какъ человѣкъ такого ума, какъ Литтре, могъ употребить терминъ имманентность (immanence), не замѣтивъ тотчасъ же своей ошибки: вѣдь французскій языкъ не имѣетъ термина съ болѣе метафизическимъ характеромъ. Запрещать метафизику и учить объ имманентности,—это такое противорѣчіе, которое тотчасъ же становится яснымъ при одномъ сопоставленіи этихъ терминовъ. Литтре считаетъ себя эмансипированнымъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ: вѣдь онъ все же строитъ систему о природѣ вещей, хотя и скрываетъ это; противъ своей воли онъ остается своего рода богословомъ. Вотъ все, что я хотѣлъ показать и доказать.

Много и другихъ аналогичныхъ примѣровъ, помимо Литтре, приводящихъ къ тому же самому заключенію. Противники философіи не исполняютъ на дѣлѣ того, чему учатъ. Они хотятъ заключить свою мысль въ предѣлахъ одного непосредственнаго опыта; но такъ какъ въ то же время они не могутъ изгнать изъ нея (мысли) высшихъ идей разума, то безсознательно и

безсистемно примѣняютъ эти идеи къ предметамъ опыта. Поэтому, относительному они усвояютъ свойства абсолютнаго; случайному—свойства необходимости; временнымъ явленіямъ—свойства вѣчности, міру—аттрибуты Божества и при томъ все это смѣшеніе идей прикрываютъ плащемъ экспериментальнаго метода,—плащемъ, въ которомъ, сами того не замѣчая, постоянно дѣлаютъ прорѣхи. Въ виду всéго этого, мы въ правѣ предложить позитивистамъ рядъ слѣдующихъ вопросовъ: „Такъ какъ вы беретесь объяснить міръ, то не слѣдуетъ-ли вамъ сначала опредѣлить, что нужно для рѣшенія универсальной проблемы? Такъ какъ вы употребляете понятія необходимаго, вѣчнаго, безконечнаго, то не слѣдуетъ-ли вамъ взять на себя трудъ тщательно изучить ихъ, другими словами, дать въ области человѣческихъ познаній метафизикѣ мѣсто, въ которомъ теперь вы ей отказываете. Прежде чѣмъ отожествлять причины съ законами, не найдете-ли вы необходимымъ и желательнымъ изслѣдовать, можно-ли отожествлять идеи причины и законы, не погрѣшая противъ самыхъ очевидныхъ и законныхъ правилъ логики? Прежде чѣмъ употреблять понятія вѣчнаго, неизмѣннаго и необходимаго въ экспериментальномъ объясненіи міра, не слѣдуетъ-ли кстати изслѣдовать, совмѣстимо-ли употребленіе этихъ терминовъ съ методомъ, сводящимъ все человѣческое знаніе къ констатированію послѣдовательности явленій? Вообще говоря, прежде чѣмъ пользоваться идеями разума, которыя по самой своей природѣ сверхъопытны, не слѣдуетъ-ли подвергнуть ихъ спеціальному изученію, т. е., признать за философіей права на существованіе?

Конечно, если мы обратимся къ позитивистамъ съ приведенными и имъ подобными вопросами, они отвѣтятъ: „Долой метафизику! Мы не желаемъ выходить изъ предѣловъ наблюденія;“ но при этомъ, вѣроятно добавятъ:

Мы не занимаемся причинами: вотъ почему мы и утверждаемъ, что міръ имѣетъ причины въ самомъ себѣ.

У насъ не можетъ быть никакой идеи вѣчнаго и безконечнаго: вотъ почему мы утверждаемъ, что міръ вѣченъ и безконеченъ.

Наше знаніе не идетъ дальше опыта: вотъ почему мы объявляемъ, что законы природы необходимы.

Философствовать и не признаваться въ этомъ; запрещать

построеніе системъ и прикрывать плащемъ опыта характеристичные зачатки или обрывки системъ; выдавать себя за чистыхъ наблюдателей и не желать замѣчать въ своемъ наблюденіи идей: вотъ пріемъ, который, быть можетъ, очень удобенъ, но который плохо вяжется съ требованіями серьезно-научной мысли.

Покончивъ съ Литтре, перейдемъ теперь къ его учителю Огюсту Конту. Этотъ новый примѣръ представляетъ свои особенности. Мы не найдемъ здѣсь прямаго противорѣчія, какъ у нѣкоторыхъ другихъ писателей, которые въ одной и той же книгѣ, иногда на одной и той же страницѣ разомъ и отрицаютъ метафизику, и пользуются метафизическими понятіями; но аналогичное явленіе представляетъ здѣсь для изученія весьма поучительныя обстоятельства:

Огюсту Конту, конечно, далеко нельзя усвоять того значенія, какое онъ самъ себѣ приписываетъ: но все таки его значеніе довольно велико. Ему удалось лучше, чѣмъ кому нибудь другому, удовлетворить условіямъ такъ называемаго времени. Онъ вполнѣ уловилъ направленіе одного изъ главныхъ теченій современной мысли и отдался этому направленію съ полнымъ убѣжденіемъ. Въ этомъ его сила.

Въ апрѣлѣ 1826 года, въ первой лекціи своего публичнаго курса, онъ объявилъ, что сдѣлалъ великое открытіе. Онъ былъ полонъ того энтузіазма мысли, который характеризуетъ натуры сильныя въ умственномъ отношеніи. Его открытіе состояло въ томъ, что религія и философія имѣютъ лишь переходный характеръ. Богословіе и метафизика—это ступени лѣстницы, перейдя которыя мы достигаемъ чистой науки, отрекающейся отъ всякой идеи причины и цѣли, безконечнаго и вѣчнаго и строго ограничивающейся изысканіемъ законовъ. Въ частности требуется очистить умъ человѣческій отъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя стоятъ въ связи съ объясненіемъ міра посредствомъ вмѣшательства какой-бы то ни было воли. Огюстъ Контъ хорошо понималъ, что его позитивизмъ есть отрицаніе философіи въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему, называя всю совокупность своихъ трудовъ *позитивной философіей*, онъ объясняетъ это названіе слѣдующимъ образомъ. „Сожалѣю, что, по недостатку другаго слова, я вынужденъ избрать такой терминъ, какъ философія, которымъ такъ много злоупотребляли, примѣ-

няя его во множествѣ самыхъ разнообразныхъ значеній. Но прилагательное *позитивная*, которымъ я видоизмѣняю его смыслъ, какъ мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы съ самаго начала устранить всякую двусмысленность, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которые хорошо знаютъ значеніе этого прилагательнаго". И онъ опредѣляетъ значеніе термина точнѣе, говоря, что наука имѣетъ предметомъ „координаціи наблюдаемыхъ фактовъ съ исключеніемъ всякой идеи о воляхъ, понимаемыхъ въ смыслѣ причинъ явленій (богословіе), или—объ абстрактныхъ сущностяхъ, которыя допускаются для объясненія фактовъ (метафизика) [1]). А такъ какъ религіозныя и метафизическія идеи всегда служили основаніемъ философіи для тѣхъ, которые смотрѣли на нее, какъ на дѣйствительную науку, то, значитъ, позитивизмъ, по признанію самаго основателя его, есть прямое отрицаніе философіи. Таковъ Огюстъ Контъ въ началѣ своей литературно-философской дѣятельности.

Въ концѣ своей жизни онъ является уже съ другою физіономіей, или, по меньшей мѣрѣ,—въ другомъ одѣяніи. Онъ принимаетъ въ Парижѣ званіе великаго жреца человѣчества, управляетъ церковью, совершаетъ священнодѣйствія, благословляетъ браки, составляетъ календарь, и ради поддержанія новаго культа учреждаетъ „жреческій фондъ" (вспомогательную кассу), счеты котораго дошли и до насъ [2]).

Это превращеніе позитивизма въ религію повлекло за собой расколъ въ средѣ школы. Образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна осталась вѣрна своему учителю, а другая пожелала остаться исключительно въ области науки и не приняла культа. Во главѣ научной партіи сталъ Литтре. Въ другой-же партіи мы находимъ д-ра Робине, одного изъ тринадцати душеприкащиковъ Огюста Конта.

Вотъ какъ д-ръ Робине выражается на стр. 380 и 381 своей книги *Notice sur Auguste Comte*: „позитивистская вѣра учитъ, что какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и общество становятся все болѣе и болѣе религіозными, т. е., все болѣе и болѣе проникаются взаимными *симпатіями* (становятся sym-

1) Cours de philosophie positive. Tome 1. Avertissement.

2) Notice sur l'oeuvre et sur vie d' Auguste Comte, д-ра Робине, его врача и одного изъ тринадцати его душеприкащиковъ 1 vol in 8⁰, Paris 1860, page 597.

pathiques), стремленіемъ къ *объединенію* (synthetiques) и къ сотрудничеству или взаимопомощи (synergiques). Противоположное сужденіе, внушаемое мятежною гордостію и академическою сухостію [1]), можетъ оставаться мнѣніемъ нѣкоторыхъ скептическихъ натуръ, нѣкоторыхъ ограниченныхъ и холодныхъ душъ, но оно есть выраженіе истины". Борьба, какъ видимъ, принимаетъ ожесточенный характеръ. Въ сжатомъ видѣ споръ идетъ вотъ о чемъ: Робине и его сотоварищи говорятъ: „вся дѣятельность Огюста Конта приводитъ къ его религіи". Литтре и его единомышленники, напротивъ, заявляютъ: „въ концѣ своей жизни Контъ отказался отъ своего метода; мы отдѣляемся отъ него, какъ только онъ основалъ религію"! Кто правъ? Дѣятельность Конта представляетъ-ли послѣдовательное развитіе, или скрываетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе?

27 іюня 1845 года Огюстъ Контъ писалъ Стюарту Миллю, что онъ недавно перенесъ жестокую нервную болѣзнь, относительно которой имѣетъ сообщить ему очень интересныя подробности [2]). Начиная съ этого момента онъ открыто вступаетъ на путь религіи. Литтре даетъ три объясненія этого факта. Первое состоитъ въ томъ, что Контъ уже состарился, а въ старости—де, какъ извѣстно, оживаютъ и получаютъ большую силу воспоминанія дѣтства.

Convertissez le sauvage idolatre;
Pres de mourir, il retourne a sès dieux, говоритъ Беранже [3]).

Второе объясненіе состоитъ въ томъ, что болѣзнь Огюста Конта произвела въ немъ нѣкоторое умственное потрясеніе, неблагопріятное для дальнѣйшаго нормальнаго развитія.

Третье объясненіе указываетъ на то, что Огюстъ Контъ влюбился. Онъ дѣйствительно возымѣлъ платоническую страсть къ нѣкоей г-жѣ Клотильдѣ де-Во,—страсть, которая сильно подѣйствовала на его мысль, вслѣдствіе чего онъ сталъ придавать большое значеніе фактамъ чувства. Г-жа Клотильда де-Во умерла вскорѣ послѣ того, какъ возбудила страсть въ душѣ

[1]) Г. Литтре былъ живъ и состоялъ членомъ института въ то время, когда вышла книга д-ра Робине.

[2]) *Auguste Comte et la philosophie* par M. E. Littré 1 vol. in 8⁰ Paris, Hachette 1863. Page 581.

[3]) La Nostalgie (тоска по родинѣ). Переводъ: обратите дикаря идолопоклонника; передъ смертію онъ возвратится къ своимъ богамъ.

Конта; но это обстоятельство не улучшило умственнаго состоянія ея друга. Словомъ, Литтре, щадя своего стараго учителя, даетъ, однако, понять, что въ концѣ своей жизни онъ немного помѣшался и что въ этомъ именно находятъ себѣ объясненіе его религіозныя идеи.

Такое пониманіе сути дѣла нельзя отвергать вполнѣ и безусловно, но то, что произошло въ умѣ Огюста Конта, заслуживаетъ внимательнаго изученія и можетъ дать весьма полезныя указанія. Дѣло вѣдь идетъ объ основателѣ позитивизма,—о человѣкѣ, вліяніе котораго испытали на себѣ всѣ или почти всѣ противники философіи. Когда Литтре и многіе другіе писатели перешли отъ утвержденія, что мы ничего не знаемъ помимо опыта, къ отрицанію реальности всего сверхъопытнаго, а потомъ къ примѣненію трансцендентальныхъ идей разума къ опытнымъ даннымъ, то они лишь слѣдовали тому импульсу, который сообщилъ умамъ авторъ *позитивной философіи*. Поэтому весьма важно констатировать, что этому автору совсѣмъ не удалось остаться вѣрнымъ своей программѣ. Что произошло въ его умѣ? Точкою отправленія для него служило сведеніе науки къ законамъ, при полномъ исключеніи всякихъ причинъ, а слѣдовательно, какихъ-бы то ни было и воль. Законы—это только логическія формы послѣдовательности явленій. Когда вы говорите, что какой нибудь человѣкъ всякое утро въ такой-то часъ проходитъ мимо такого-то дома, то вы формулируете законъ этого прохожденія; но вы совсѣмъ не думаете при этомъ, будто этотъ законъ, опредѣляющій движенія этого человѣка, объясняетъ ихъ причину. Когда Литтре называетъ законы причинами, то онъ допускаетъ крупное смѣшеніе понятій, которое обязано своимъ происхожденіемъ потребности человѣческаго ума понимать причины. У Огюста Конта сказалось это требованіе мысли и повлекло за собой возвращеніе къ метафизикѣ, которую онъ хотѣлъ устранить. Онъ призналъ, что умъ не можетъ обойтись безъ причинъ, и, не впадая въ то смѣшеніе понятій, которое допустилъ Литтре, сталъ искать, помимо законовъ, еще и причинъ. Такимъ образомъ онъ перешелъ отъ позитивизма къ философіи. Онъ прозрѣвалъ даже одну весьма важную истину, которая все яснѣе и яснѣе выступаетъ изъ трудовъ новѣйшей спекулятивной мысли,—имен-

но, что подлинныя причины явленій, единственныя причины въ собственномъ смыслѣ, суть воли, существа, одаренныя волею. „Въ построеніяхъ конца своей жизни Контъ открыто исповѣдуетъ, что духъ человѣческій не можетъ обойтись безъ вѣры въ волю". Литтре, сообщая намъ это свѣдѣніе, съ чистосердечною откровенностію признаетъ, что никогда не было сдѣлано признанія, болѣе пагубнаго для позитивной философіи, такъ какъ это признаніе заключаетъ утвержденіе, по которому человѣкъ есть метафизикъ по существу и даже теологъ, тогда какъ основное утвержденіе позитивизма именно въ томъ и состоитъ, что онъ богословъ и метафизикъ лишь временно [1]). Мы узнаемъ даже чрезъ г. де-Ломбреля (de Lombrail), что Контъ, какъ я уже это указывалъ, выразилъ свою мысль въ слѣдующемъ александрійскомъ стихѣ, который онъ выставилъ въ качествѣ правила:

Pour compléter les lois, il faut volontes [2]).

Изученіе однихъ только законовъ исключаетъ вмѣстѣ съ дѣйствующими причинами и изысканіе причинъ конечныхъ; но разъ допущена воля, тогда вполнѣ естественно спрашивать, въ чемъ заключается цѣль ея дѣйствій; какъ только допускается дѣйствующая причина, становится неизбѣжнымъ изслѣдованіе конечной причины. Контъ еще повинуется этому требованію мысли. Онъ говоритъ намъ: конечная мудрость установляетъ синергію сообразно съ мудростію, основанною на симпатіи, такъ что всякая дѣятельность направляется любовію къ универсальной гармоніи" [3]). Эти слова нуждаются въ толкованіи. Я не хочу объяснять ихъ самъ; вотъ объясненіе Литтре: „эта фраза означаетъ, что все, что ни дѣлается, направляется любовію къ универсальной гармоніи" [4]).

Такимъ образомъ разсмотрѣніе причинъ возвратило Конта къ метафизикѣ. Онъ ясно вступаетъ на метафизическій путь, утверждая, что причины суть воли; а такъ какъ отъ идеи воли не отдѣлима идея цѣли, то онъ указываетъ цѣль верховной воли въ универсальной гармоніи, а въ любви—ея движущую

[1]) Auguste Comte et la philosophie positive, page 578.

[2]) Aperçus generaux sur la doctrine positiviste 1 vol in 12 Paris, Capelle, 1858, page 44. „Для восполненія законовъ необходимы существа, одаренныя волею".

[3]) *Synthese subjective* 1 vol Paris, chez l'auteur 10 rue Monsieur le Prince, novembre 1856, page 9.

[4]) *Auguste Comte* page 577.

силу. Вотъ широкая дверь для перехода отъ метафизики къ религіи. Ко́нтъ смѣло совершилъ этотъ перѐходъ. Онъ установилъ культъ, а въ основаніе нравственности положилъ осуществленіе универсальной любви. Плодъ истиной религіи состоитъ въ томъ, что „альтруизмъ стремится побѣдить эгоизмъ“ [1]). Жить для другаго, говоритъ намъ Равессонъ, было девизомъ Огюста Конта въ послѣдніе годы его жизни; средневѣковое рыцарство было его идеаломъ [2]).

Здѣсь Литтре чувствуетъ скорбь, которую я понимаю, хотя и не раздѣляю. Теперь мы уже весьма далеки отъ позитивизма. Переживъ состояніе метафизическое, мы возвратились назадъ къ состоянію теологическому. Эта любовь, осуществляющая универсальную гармонію, весьма походитъ на Провидѣніе, а за альтруизмомъ ясно проглядываетъ идея любви. Очевидно, что по общему характеру, по общей формѣ и направленію своего мышленія, Контъ вступилъ теперь на путь христіанскаго преданія. Однако,—не болѣе, какъ со стороны общей формы и общихъ идей: причины, любви, гармоніи и т. д. Что же касается примѣненія великихъ идей, то онъ продолжалъ держаться такъ далеко отъ христіанства, что въ основанной имъ религіи мы не находимъ ни Бога, ни безсмертія души. Несомнѣнно онъ подчинялся вліянію религіознаго преданія (Литтре вполнѣ основательно это замѣчаетъ); но не замѣтно, чтобы у него когда-нибудь являлась мысль изслѣдовать природу, происхожденіе и значеніе этого преданія. Почему? Потому, что онъ былъ первосвященникомъ *новаго* порядка,—и это не позволяло ему безпристрастно изслѣдовать прошедшее. Потомъ, онъ раздѣлялъ всѣ предразсудки XVIII вѣка, яркое выраженіе которыхъ представляетъ позитивизмъ, и, хотя былъ усерднымъ читателемъ *Подражанія Іисусу Христу*, однако, вѣроятно, никогда и не подозрѣвалъ, что догматъ можетъ уже заключать, въ своеобразной формѣ, вѣрное рѣшеніе философскихъ проблемъ. Наконецъ, тотъ способъ работы, который онъ себѣ усвоилъ, удалилъ его отъ всякаго серьезнаго изученія философской и религіозной традиціи въ ея отношеніи къ новому фазису его умственнаго развитія.

[1]) *Catechisme positiviste.*

[2]) *La philosophie en France au XIX siecle*, page 83.

Прочитавъ и изучивъ достаточное количество книгъ, Контъ, въ тотъ періодъ, когда онъ приступалъ къ своимъ большимъ трудамъ, по его собственному характерному выраженію, предписалъ себѣ *умственную гигіену*, которая состояла въ томъ, чтобы больше уже не читать ни одного ученаго сочиненія и жить лишь въ тѣсномъ общеніи съ своею собственною мыслію. Отъ излишняго чтенія,—разсуждалъ онъ,—утрачиваютъ оригинальность своей мысли: ихъ умъ подавляется тѣмъ, что они находятъ у другихъ. Однако, есть средній путь между этою крайностію и „гигіеной" Огюста Конта. Какъ бы то ни было, основатель позитивизма, возвратившись къ метафизикѣ и религіи, не возвратился къ Богу. Онъ не понялъ, что мыслить міровой принципъ, какъ „дѣятельность, которая направляется къ универсальной гармоніи", значитъ мыслить Бога такъ, какъ о Немъ учитъ христіанское преданіе. Предметомъ его культа сдѣлалось человѣчество; его онъ предлагалъ обоготворять и своимъ послѣдователямъ. „Человѣчество, говоритъ онъ, заступаетъ теперь мѣсто Бога, никогда не забывая, впрочемъ, о Его временныхъ (прежнихъ) заслугахъ" [1]). Онъ писалъ одному изъ своихъ учениковъ: „рекомендую вамъ ежедневно читать *Подражаніе*. Обратите вниманіе, въ какой удивительной поэмѣ воспѣвается здѣсь человѣческая природа, и читайте книгу, положивъ себѣ за правило замѣнять въ ней слово „Богъ" словомъ человѣчество" [2]). Впрочемъ, нѣтъ надобности восходить къ первоисточникамъ. Въ томъ, что обоготвореніе человѣчества составляло основу позитивистскаго культа, легко можно убѣдиться, справившись съ *Aperçus* де Ломбреля, которыя были редактированы подъ руководствомъ самаго учителя (Конта) [3]). Де-Ломбрель говоритъ здѣсь, „что человѣкъ всегда воздавалъ божеское поклоненіе человѣчеству". Долгое время онъ обоготворялъ его прикровенно, а теперь „онъ беретъ назадъ у Божества то священное сокровище, воображаемымъ хранителемъ котораго Оно такъ долго было, и отдаетъ его на храненіе уже самому человѣчеству, которое онъ теперь обоготворяетъ прямо, безъ посредства Божества.

[1]) Catechisme positiviste.

[2]) Письмо къ г. Целестину де-Блиньеру, у Литтре, *Auguste Comte*, page 660.

[3]) *Aperçus generaux sur la doctrine positiviste*, pages 156 et 158.

Человѣчество есть Великое Существо (Grand-Etre) и составляетъ непосредственный и главный предметъ позитивистскаго культа. Но трудно воздавать божеское поклоненіе человѣчеству; потому что его существованіе, очевидно, относительно и условно, и что-бы обоготворять человѣчество, нужно было бы приписать ему абсолютное бытіе, а это почти невозможно. Поэтому Контъ приходитъ къ представленію о религіозномъ тріумвиратѣ,—о нѣкоей троицѣ, и это представленіе опять причиняетъ скорбь г-ну Литтре своимъ очевиднымъ отношеніемъ къ христіанской догматикѣ. Въ этомъ тріумвиратѣ на первомъ мѣстѣ находится человѣчество или Великое Существо (Grand-Etre); на второмъ мѣстѣ Земля или Великій Фетишъ (Grand-Fetiche), вмѣстѣ съ Солнцемъ и Луною; на третьемъ мѣстѣ Пространство или Великая Среда (Grand-Milieu), которое есть существо пассивное, но тѣмъ не менѣе возбуждающее наши симпатіи (симпатическое) [1]). Вотъ подлинныя слова самаго автора: „Неизмѣнная троица направляетъ наши мысли и наши религіозныя чувствованія (adorations), всегда относительныя, сначала къ Grand—Etre, потомъ къ Grand—Fetiche, и, наконецъ, къ Grand—Milieu. Въ этой іерархіи, основанной на теоріи человѣческой природы и на законѣ міровой классификаціи, замѣчается постепенное уменьшеніе характера, свойственнаго субъективному синтезу. Наши благоговѣйныя чувства обращаются затѣмъ къ дѣятельному и благожелательному мѣстопребыванію (siège) Великаго существа (человѣчества), самопроизвольное, хотя и слѣпое, содѣйствіе котораго всегда необходимо для верховнаго бытія. Оно, это мѣстопребываніе, не ограничивается Землею съ двумя жидкими оболочками ея, но обнимаетъ такъ-же и свѣтила, реально связанныя съ человѣческой планетой и объективно и субъективно. Въ особенности-же мы должны почитать Солнце и Луну. За этимъ вторымъ культомъ слѣдуетъ культъ театра, столько-же пассивнаго сколько и слѣпаго, но все таки благожелательнаго; къ нему мы относимъ всѣ тѣ матеріальные аттрибуты, абстрактная оцѣнка которыхъ много облегчается какъ для нашего сердца, такъ и для ума, его достойною всякихъ симпатій гибкостію или эластичностью“ (souplesle sympathique) [2]).

[1]) Littré, *Auguste Comte*, page 572.

[2]) Synthese subjective, pages 24 et 25.

Театръ, пассивный, слѣпой и все-таки благожелательный, есть Пространство. Дѣятельное и благожелательное мѣстопребываніе, необходимое для верховнаго бытія, есть земля, которая, будучи жилищемъ человѣчества (Grand-Etre), по отношенію къ Солнцу, опять начинаетъ играть роль центра, чего, повидимому, лишила ее гипотеза Коперника. Огюстъ Контъ предполагаетъ, что „природа міра нѣкогда была болѣе, чѣмъ теперь, похожа на природу человѣка, такъ что наша и другія обитаемыя планеты были одарены умомъ, прежде чѣмъ на нихъ сдѣлалось возможнымъ соціальное развитіе". Основываясь на этихъ гипотезахъ, которыя кажутся позволительными и которыя необходимы для его культа, онъ не колеблясь пишетъ: „*Когда Земля была разумною*, она могла развивать свою физико-химическую активность такимъ образомъ, чтобы содѣйствовать усовершенствованію астрономическаго порядка, путемъ измѣненія его главныхъ коэффиціентовъ. Наша планета также могла сдѣлать свою орбиту менѣе эксцентричною, и поэтому стать болѣе обитаемою,—посредствомъ извѣстнаго сочетанія длиннаго ряда катастрофъ, аналогичныхъ тѣмъ, отъ которыхъ, согласно лучшей гипотезѣ, происходятъ кометы. Мудро воспроизведенные тѣ-же самые перевороты, при содѣйствіи растительной подвижности (la mobilité vegetative), могли сдѣлать и наклоненіе земной оси болѣе сообразнымъ съ будущими потребностями человѣчества (Grand-Etre [1])".

По мѣрѣ того, какъ каждая планета улучшалась, „ея жизнь истощалась вслѣдствіе излишней иннерваціи, но при *утѣшительной надеждѣ* (avec consolation), что, благодаря этому, ея развитіе болѣе плодотворно" [2]). Литтре замѣчаетъ, что такъ какъ иннервація есть функція нервовъ, то ея не можетъ быть у земли, не имѣющей нервовъ, и что Огюстъ Контъ пренебрегаетъ самыми простыми біологическими понятіями [3]). Но мнѣ кажется, Контъ могъ бы на это отвѣтить, что земля пожертвовала своими нервами, какъ и своимъ умомъ, въ силу того же самаго акта самоотверженія, который увлекъ ее, для блага человѣчества (Grand-Etre), къ излишней иннерваціи. Но предо-

[1]) *Synthese subjective*, page 10.
[2]) *Synthese subjective*, page 11.
[3]) *Auguste Comte*, page 579.

ставимъ ученику дѣлать подобныя возраженія на доктрину своего учителя и постараемся подвести итогъ тѣмъ серьезнымъ урокамъ, какіе разумъ долженъ извлечь изъ всѣхъ приведенныхъ нами, къ сожалѣнію, маловразумительныхъ и еще менѣе—разумныхъ текстовъ.

Огюстъ Контъ отрицаетъ высшія потребности разума; къ чему же онъ приходитъ? Не достоинъ ли глубокаго размышленія тотъ фактъ, что основатель позитивизма,—человѣкъ, который задумалъ порвать всякія отношенія къ сверхъопытному и выразилъ это стремленіе свое въ самой рѣзкой формѣ,—переходитъ отъ крайняго невѣрія къ крайнему суевѣрію? Не вызываетъ-ли въ насъ серьезныхъ думъ то обстоятельство, что писатель, столь рѣшительно отвергавшій метафизику, какъ бы въ возмездіе за это, самъ формулируетъ доктрину, въ которой пространство является объектомъ нашихъ симпатій, а земной шаръ истощается вслѣдствіе „самопожертвованій"?

Примѣръ Огюста Конта, какъ я уже замѣчалъ, стоитъ особнякомъ, какъ явленіе своеобразное. Однако, и онъ, если разсматривать его по существу, ясно обнаруживаетъ ту же самую истину, которая выясняется какъ изъ примѣра Литтре, такъ и другихъ аналогичныхъ. Противники философіи въ концѣ концовъ всегда возвращаются къ ней, какъ бы привлекаемые какою-то болѣе могучею силою. Если не допускается правильное употребленіе метафизическихъ идей, то онѣ незаконнымъ образомъ примѣняются къ предметамъ опыта. Мы видѣли, какъ подъ прикрытіемъ экспериментальнаго метода міръ объявляется безконечнымъ, вѣчнымъ, необходимымъ. Огюстъ Контъ предлагаетъ намъ воздавать ему божеское поклоненіе, начиная съ обоготворенія человѣчества и кончая обоготвореніемъ Солнца, Луны и Пространства. Этотъ переходъ въ область религіи есть законный выводъ изъ метафизики, дѣлающей міръ вѣчнымъ и необходимымъ.

Но, можетъ быть, потребность философствовать, которая приводитъ лицъ, находящихся подъ вліяніемъ позитивизма, къ вопіющимъ противорѣчіямъ, есть остатокъ прошедшаго, лишь отъ котораго имъ еще не удалось вполнѣ освободиться? Можетъ быть, ученикамъ Огюста Конта (въ первомъ фазисѣ его развитія) удастся образовать новое поколѣніе мыслителей, ко-

торые будутъ довольствоваться простою координаціей результатовъ опыта, и окончательно откажутся отъ всякихъ идей о природѣ вещей, ихъ происхожденіи и цѣли? Конечно, нельзя поручиться за будущее; но все-же это по меньшей мѣрѣ сомнительно.

121. Философскія системы устанавливаются постепенно, проходя различныя степени возрастающей вѣроятности.

Философія, какъ наука объяснительная, находится въ тѣхъ условіяхъ, какъ и всѣ другія науки этого рода. Думать, будто философская система можетъ быть доказана абсолютно и непосредственно подобно, напримѣръ, геометрической теоремѣ,— это есть заблужденіе раціонализма, притязанія котораго сильно дискредитировало спекулятивную мысль (44). Абсолютной достовѣрности могутъ достигнуть только чисто раціональныя науки, не касающіяся реальностей (59), равно какъ и чисто экспериментальная часть наукъ фактическихъ (60). Во всѣхъ же объяснительныхъ наукахъ построенія мысли проходятъ различныя ступени возрастающей вѣроятности (64). Именно этого-то и не понимаютъ умы, склонные къ систематизаціи. Для раціоналистовъ это естественно; но удивительно, что даже и ученые, становящіеся въ отношеніи къ методу на сторону эмпиризма, вовсе не свободны отъ этого раціоналистическаго заблужденія. Въ наши дни встрѣчаются умы смѣлые до наивности, принимающіе за достовѣрныя экспериментальныя индукціи самыя рискованныя гипотезы, которыя, однако, считаются ими за абсолютно доказанныя истины.

Въ частныхъ наукахъ иногда нужно очень долго ожидать, пока гипотеза подтвердится въ такой степени, что сдѣлается общепринятою истиною. Напримѣръ, о движеніи земли вокругъ своей оси ясно учили уже Пиѳагорейцы. Аристотель отвергъ это ученіе, и авторитетъ его цѣлые вѣка скрывалъ эту астрономическую истину отъ взоровъ ученыхъ. Коперникъ заимствовалъ ее у Пиѳагорейцевъ и въ 1543 году представилъ для нея доказательство. Однако, Паскаль, умершій въ 1662 году, о движеніи земли говоритъ еще въ сомнительной формѣ. Только въ 1687 году, послѣ опубликованія открытій Ньютона, постулятомъ которыхъ была теорія Коперника, движеніе земли было

принято въ ученомъ мірѣ въ качествѣ доказанной истины. Итакъ, споры относительно основной астрономической истины продолжались 144 года. Этотъ фактъ вызываетъ на серьезныя размышленія. Онъ не позволяетъ удивляться, когда какая нибудь гипотеза требуетъ много времени для своего доказательства: чѣмъ сложнѣе проблема, подлежащая рѣшенію, тѣмъ медленнѣе совершается ея установка и обоснованіе.

Необходимо отличать философскую гипотезу саму по себѣ. т. е., извѣстное опредѣленіе перваго принципа, отъ объясненій, которыя выводятся изъ этого принципа и посредствомъ которыхъ провѣряется гипотеза. Можно непосредственно и съ полною ясностію указать нѣсколько великихъ фактовъ, устраняющихъ то или иное пониманіе перваго принципа, такъ какъ вѣдь существуютъ объекты универсальнаго опыта (88). Гипотезы, которыя влекутъ за собой отрицаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ, съ полнымъ правомъ должно отвергнуть; гипотезы-же, дающія имъ мѣсто, мы можемъ допустить по крайней мѣрѣ въ качествѣ гипотезъ предварительныхъ. Такимъ образомъ именно и можно заложить основаніе системѣ. Что-же касается ея построенія въ цѣломъ, то оно зависитъ отъ развитія частныхъ наукъ; потому что результаты частныхъ наукъ служатъ базисомъ и средствомъ провѣрки для философскихъ теорій. Вотъ почему разработка философіи совершается медленно и философія по необходимости подчинена многимъ измѣненіямъ. Поспѣшность мысли, приступающей къ объясненію фактовъ, когда они какъ слѣдуетъ еще не установлены, такъ-же служатъ одною изъ причинъ заблужденій въ области философіи и напрасной траты времени. Нѣкоторые философы утверждаютъ, наприм., будто нѣтъ разумныхъ существъ выше человѣка: вотъ утвержденіе, которое страдаетъ разомъ и недостаткомъ скромности, и недостаткомъ благоразумія. Если бы оно было высказано прежде Коперника, то имъ могли бы воспользоваться, какъ доказательствомъ древней астрономической системы, причемъ стали бы разсуждать приблизительно такъ: „человѣкъ есть самое высшее разумное существо въ мірѣ; поэтому, земля, жилище человѣка, должна быть центромъ міра“. Такимъ образомъ, посредствомъ апріорнаго умозаключенія дали бы объясненіе невѣрному факту.

122. Согласіе въ признаніи какой либо философской системы увеличивается въ зависимости отъ успѣховъ человѣческаго разума.

Разумъ, разсматриваемый самъ по себѣ, не можетъ прогрессировать; прогрессируетъ только сознаніе разума человѣкомъ,—согласіе личныхъ мыслей съ мыслію общею, имѣющею принудительный и необходимый характеръ. Умы различны; но различаются и видоизмѣняются только вкусы, характеры, умственныя и нравственныя способности индивидуумовъ. Что-же касается разума въ собственномъ смыслѣ, то его законы для всѣхъ одинаковы. Поэтому прогрессируетъ не разумъ вообще (la raison), но разумъ *человѣческій*, т. е., познаніе основныхъ данныхъ и законовъ ума. Чѣмъ дальше будетъ простираться изученіе разума, тѣмъ больше будетъ шансовъ на взаимное согласіе ученыхъ относительно философскихъ предметовъ. Въ этомъ отношеніи можетъ оказать значительныя услуги воспитаніе. Логика и метафизика занимали въ средневѣковыхъ школахъ несоразмѣрно большое мѣсто. У меня есть книга, напечатанная въ 1494 г., которая соотвѣтствуетъ нашимъ руководствамъ для баккалавровъ [1]). Это есть собраніе всего того, что молодой человѣкъ долженъ былъ знать, прежде чѣмъ приступитъ къ наукамъ какого нибудь спеціальнаго факультета. Метафизика занимаетъ здѣсь 95 страницъ, логика—139, ариѳметика—4 и геометрія—5. Пропорціи сильно измѣнились въ наше время,—можно сказать, даже слишкомъ сильно. Если бы наукамъ математическимъ, физическимъ и естественнымъ удѣляли немного меньше времени, а логикѣ и метафизикѣ—немного побольше, то это много способствовало бы развитію и укрѣпленію разума. Это сказалось бы на первомъ поколѣніи, а затѣмъ распространилось бы и на слѣдующія,—въ силу наслѣдственности, которою съ такимъ живымъ и, конечно, справедливымъ интересомъ занимается современная наука. Еще можно пожелать, чтобы курсы философіи были поставлены на свое настоящее мѣсто, котораго теперь они обыкновенно не занимаютъ, т. е., въ концѣ спеціальныхъ занятій, естественнымъ завершеніемъ которыхъ они и должны быть (93). Если употре-

[1]) Во Франціи *баккалаврами* называютъ кандидатовъ тѣхъ или другихъ наукъ, подготовляющихся къ замѣщенію университетскихъ и др. каѳедръ. *Ред.*

бить эти мѣры, то позволительно надѣяться, что нѣкоторыя философскія недоразумѣнія прекратятся, а развитіе разума довершитъ разрушеніе тѣхъ системъ, которыя отрицаютъ основные законы. Впрочемъ, не слѣдуетъ создавать себѣ въ этомъ направленіи иллюзій. Общность философіи, ея связь со всѣми частными науками—все это по необходимости дѣлаетъ ея успѣхи очень медленными. Затѣмъ,—и это особенно важно,—на философскія системы оказываютъ рѣшительное вліяніе внѣ-научные элементы, такъ какъ философія находится въ необходимой связи съ практической жизнью (92). Вотъ почему и нельзя ожидать, чтобы всѣ мыслители когда нибудь приняли какую-либо одну философскую систему. Можно даже думать, что согласіе въ признаніи какой нибудь одной философской системы,—согласіе не всѣхъ, конечно, но по крайней мѣрѣ большинства,—можетъ явиться лишь какъ результатъ медленнаго преобразованія мысли, а потому наступитъ не скоро. Однако вѣдь и то, что заставляетъ себя долго ждать, можетъ—же наконецъ исполниться.

* *

ЛИСТОКЪ

для

Харьковской Епархіи

при

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА и РАЗУМЪ“.

ТОМЪ III.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1895.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, содержащихся въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“ при богословско-философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1895 годъ.

А. Высочайшіе манифесты.

О кончинѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Михаиловича (стр. 93).—О рожденіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ (стр. 527).

В. Высочайшія повелѣнія.

О бытіи викарію Харьковской епархіи преосвященному Сумскому *Іоанну* епископомъ Елисаветградскимъ, вторымъ викаріемъ Херсонской епархіи, а преосвященному Сухумскому *Петру* епископомъ Сумскимъ, викаріемъ Харьковской епархіи (стр. 25).—ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 29-й день августа текущаго года Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы и на будущее время считать, какъ и прежде, 30 августа табельнымъ днемъ (стр. 451).

В. Опредѣленія Святѣйшаго Сѵнода.

Отъ 31 августа и 10 сентября и 4—10 октября 1894 года, за №№ 2426 и 212, преподано благословеніе Святѣйшаго Сѵнода, безъ грамотъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству (стр. 25—26).—Отъ 21 февраля 1895 года № 446, по Высочайшему Манифесту о кончинѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Михаиловича (стр. 95—96).—Объ участіи

Г. Епархіальныя извѣстія.

Д. Смѣсь.

— Отъ Представителя Іерусалимскаго Патріарха въ Россіи (стр. 1—2).

— Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора „въ пользу нуждающихся Славянъ", полученнаго СПБ. Славянскимъ Обществомъ въ теченіе 1894 года (стр. 371—372).

— Отъ Педагогическаго Собранія по дѣламъ образцовой школы при Харьковской Духовной Семинаріи (стр. 373).

— Журналы Харьковскаго Училищнаго Окружнаго Съѣзда духовенства (стр. 476—483).

— Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 20-го сентября настоящаго года (стр. 506—511).

— Журналы съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 20-го сентября 1895 года (стр. 528—532).

— Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1894—95 учебный годъ (стр. 571—575, 597—602).

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1894—95 годъ (стр. 576—581, 603—607).

— Отъ Харьковскаго епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія (стр. 581—582).

— Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія протоіереямъ и священникамъ города Харькова и подгородныхъ селеній въ теченіе 1896 года (стр. 582—586).

— Объ изданіи новаго противосектантскаго журнала подъ названіемъ: „Миссіонерское Обозрѣніе" (стр. 1—6).

Е. Извѣстія и замѣтки.

(Изъ мѣстной хроники и извлеченія изъ другихъ періодическихъ органовъ печати).

По поводу наступленія новаго года.—Монаршая милость бѣднымъ.—Ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Содѣйствіе городскихъ думъ благоустройству церквей.—По поводу чтенія и пѣнія въ церквахъ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ.—Дѣятельность благочинническихъ совѣтовъ.—Питейная монополія и попечительства о народной трезвости.—Новыя „серіи".—Отъ министерства финансовъ.—Тиражъ

выигрышей билетовъ перваго внутренняго займа, произведенный въ Петербургѣ 2-го января 1895 года (стр. 15—23). Высочайшій пріемъ депутацій и рѣчь Государя Императора.—Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ суммъ государственнаго казначейства на воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ.—Пожертвованія духовныхъ лицъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ.—Внѣслужебныя занятія сельскихъ пастырей.—Мѣры къ сохраненію памятниковъ древности.—Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ.—Двадцатипятилѣтіе православнаго миссіонерскаго общества.—Заботы духовенства объ улучшеніи матеріальнаго положенія бѣдныхъ духовнаго званія.—Охраненіе имущественныхъ правъ церквей.—Высочайшая милость литераторамъ.—Упорядоченіе переселенческаго движенія.—Новый президентъ Франціи.—Некрологъ (стр. 36—43). По поводу Высочайшей милости церковно-приходскимъ школамъ.—Фондъ для пособій учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ.—Образцовыя и церковно-учительскія школы.—Заботы духовенства о распространеніи книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.—Открытіе братской типографіи.—Дѣтскіе пріюты для сиротъ въ селахъ.—Заботы о достодолжномъ провожденіи праздниковъ.—Внѣслужебныя заслуги священниковъ.—Открытіе сельско-хозяйственнаго совѣта.—Правительственное содѣйствіе сельскимъ хозяевамъ (стр. 57—63). Кончина Великаго Князя Алексѣя Михайловича.—Заупокойное богослуженіе въ Харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ.—Новый Константинопольскій патріархъ.—Отрадныя явленія въ жизни западнаго христіанскаго міра.—Сочувствіе американцевъ къ православной восточной церкви.—Слава о. протоіерея Іоанна Кронштадтскаго заграницей.—Дѣятельность общества возстановленія христіанства на Кавказѣ.—Дѣятельность братства въ прибалтійскомъ краѣ.—Заботы духовенства объ обезпеченіи своихъ вдовъ и сиротъ.—Богадѣльня для престарѣлаго духовенства.—Крупное пожертвованіе въ пользу церковно-приходскихъ школъ.—Народныя библіотеки и читальни.—Приходское торжество Ахтырскихъ горожанъ (стр. 83—92). Харьковское отдѣленіе православнаго миссіонерскаго общества.—Причины стойкости и крѣпости раскола.—Новый видъ пропаганды.—Труды воспитанницъ епархіальныхъ училищъ для народнаго образованія.—Заботы правительства о распространеніи профессіональнаго образованія.—Испытанія лицъ, ищущихъ священническаго и діаконскаго сана.—

ляндіи къ Россіи.—Переводъ Библіи на китайскій языкъ.—Объ уваженіи къ духовенству.—Несторіанскій Урмійскій епископъ.—Грамотность въ Европѣ.—Нѣчто о соблюденіи обычаевъ.—Усиленіе сумасшествія.—Тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа, 1 іюня 1895 года (стр. 324—342). Численность человѣческаго рода на землѣ.—Новое „бреве" папы.—Католическія сужденія о папѣ.—Славяне въ габсбургской монархіи.—Положеніе босній цевъ и герцеговинцевъ.—Польскія мечтанія.—Еще объ Абиссинской церкви.—Нравы и обычаи Абиссинцевъ.—Улучшеніе положенія духовенства.—Церковная школа.—Къ характеристикѣ раскольниковъ.—Борьба съ расколомъ.—Сибирскіе скопцы.—Новый видъ билетовъ 10—рублеваго достоинства (стр. 347—369). Открытіе церковнаго Братства въ г. Бѣлопольѣ.—Толки о переселеніи папы въ Авиньонъ.—Сужденія папы о Франціи.—Взглядъ католиковъ на папу.—„Же-Христосъ".—Папа и Абиссинія.—Преслѣдованіе христіанъ въ Китаѣ.—Китайскіе вегетаріанцы.—Христіанство въ Китаѣ.—Русская миссія въ Китаѣ.—Польское католическое духовенство на берегахъ Буга.—Положеніе духовенства.—Новое вѣяніе въ духовныхъ академіяхъ.—Гражданинъ о церковно-приходскихъ школахъ.—Русскій Лурдъ.—Монашескій корабль.—Прорицатель монахъ Авель.—Секта бѣгуновъ.—Эксплоатація религіознаго чувства (стр. 373—394). Религія въ школѣ на Западѣ.—Вопросъ о присоединеніи Абиссинцевъ къ Греко-Россійской Православной Церкви.—Высочайшее соизволеніе на открытіе сбора на сооруженіе храма въ Поти.—Торжество въ Кіево-Печерской Лаврѣ.—Необычайное явленіе.—Добрый обычай.—Поучительный крестьянскій приговоръ.—Поучительный примѣръ отношеній между пастыремъ и пасомыми.—Распространеніе правильно писанныхъ иконъ и книгъ религіознаго содержанія.—Новый видъ пропаганды.—Мѣры къ пресѣченію развитія хлыстовства.—Образованіе больничнаго капитала въ камчатской епархіи.—О мелкомъ кредитѣ для духовенства.—Польза пчеловодства.—Епархіальныя типографіи.—Страхованіе церквей и церковныхъ строеній.—Дѣятельность съѣздовъ по училищнымъ и другимъ епархіальнымъ дѣламъ.—Труженики среди духовенства на пользу народнаго образованія.—Построеніе церквей и школъ въ Сибири.—Отдѣлъ церковно-приходскихъ школъ на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Средства къ обезпеченію церковно-приходскихъ школъ.—Библіотеки при церквахъ и церковныхъ школахъ.—Сельско-хозяй-

ственныя мѣропріятія.—Сельско-хозяйственныя школы.—Курсы для приготовленія учителей низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ.—Общеполезныя свѣдѣнія (стр. 398—424). Отношеніе болгарскаго экзарха къ Портѣ.—Нападеніе китайцевъ на христіанскія миссіи.—Турецкія звѣрства.—Церковная выставка и конгрессъ въ Миланѣ.—Царская милость.—Самодержавіе и его историческія основы и заслуги.—Празднованіе пятисотлѣтія со дня принесенія въ Москву чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери.—Открытіе памятника императору Александру II въ Казани.—Установленіе высшихъ окладовъ жалованья преподавателямъ духовно-учебныхъ зеведеній.—Труженики на пользу народнаго образованія.—Содѣйствіе духовенства распространенію въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній. Наблюденіе за церковно-приходскими школами.—Двухклассныя школы.—Курсы церковнаго пѣнія для учителей церковно-приходскихъ школъ.—Пользованіе церковными библіотеками.—Газеты среди сельскаго населенія.—Некрологъ.—Тиражъ выигрышей билетовъ Второго Внутренняго Займа, произведенный въ Петербургѣ, 1 сентября 1895 г. (стр. 428—450). Празднество въ Римѣ.—Предстоящее празднованіе тысячелѣтія Венгріи.—Обостренный характеръ церковной политики въ габсбургской монархіи.—Пребываніе Г. Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода въ Харьковѣ.—Освященіе памятника въ Полтавѣ.—Празднованіе 800-лѣтія Рязани.—Прощаніе пасомыхъ съ своимъ пастыремъ.—25-лѣтіе якутской епархіи.—Предстоящее церковное торжество.—Постановленія съѣздовъ духовенства.—Вспомоществованіе священнику за литературные труды.—Способы примѣненія хорового пѣнія въ храмахъ.—Женскія церковно-приходскія школы и обученіе въ нихъ рукодѣлію.—Женщина въ расколѣ.—Регистрація нищихъ въ Орлѣ.—Мнѣніе святителя Ѳеофана о графѣ Л. Н. Толстомъ.—Представленія бурятъ о загробной жизни.—Значеніе питейной реформы и попечительствъ о народной трезвости.—Предстоящая всероссійская выставка (стр. 452—473). Вопросъ о свѣтской власти папы на конгрессѣ нѣмецкихъ римско-католиковъ въ Мюнхенѣ.—Посланіе венгерскихъ епископовъ по вопросу о гражданскомъ бракѣ.—Россія и Абиссинія.—Христіанство въ Китаѣ.—Армянскій вопросъ.—О церковной школѣ.—Преподаваніе раскола въ церковно-приходской школѣ.—Участіе церковно-приходскихъ школъ на всероссійской выставкѣ.—Рѣшеніе епархіальнаго съѣзда.—Новое миссіонерское учебное завед.—Къ вопросу объ объединеніи

духовенства.—Чудесное наказаніе штундиста.—Сельскія библіотеки. —Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній (стр. 485—502). Церковный конгрессъ въ Англіи.—Матеріальное обезпеченіе англиканскаго духовенства.—Результаты закона о гражданскомъ бракѣ въ Англіи и отношеніе къ нему католическаго духовенства.—Положеніе болгарскаго духовенства.—Положеніе болгарскаго духовенства.—Первая годовщина кончины Императора Александра III.—Открытіе памятника Корнилову.—Предположеніе объ отпускѣ новыхъ суммъ на церковныя потребности.—Примѣръ безкорыстія православнаго духовенства.—Труды духовенства на пользу народнаго образованія.— О значеніи церковно-приходскихъ попечительствъ.—Предстоящія реформы въ области церковно-школьнаго дѣла (стр. 512—526). Отвѣтъ константинопольской и новогреческой церкви на энциклику римскаго папы.—Вопросъ о вѣроисповѣданіи болгарскаго наслѣднаго принца.—Изданіе Православнаго Американскаго Вѣстника.—Средство поднять церковно-приходскую жизнь.—Чего можно ждать отъ попечительствъ о народной трезвости.—Общество ревнителей миссіонерскаго дѣла.—Школьный вопросъ.—Воскресная школа.—Церковное пѣніе въ церковно-приходскихъ школахъ.—Образцовый учитель церковно-приходской школы.—Новыя духовно-учебныя заведенія.—Открытіе миссіонерской школы.—О снабженіи церквей крестиками для возложенія на крещаемыхъ младенцевъ.—Царь въ пословицахъ русскаго народа. —Секта ирвингіанъ.—Общеполезныя свѣдѣнія.—Некрологъ (стр. 535—550). Трогательное прощаніе пасомыхъ съ любимымъ пастыремъ.—Тревожныя извѣстія изъ Турціи.—Вопросъ объ отношеніи англиканской церкви къ православному востоку.—Выставка русскихъ церковныхъ принадлежностей въ Англіи.—Православіе на о. Ситхѣ.—Къ предстоящей коронаціи.—Къ улучшенію содержанія духовенства.—Вниманіе епархіальнаго духовенства къ труженикамъ на пользу народнаго образованія.—Церковная школа по отзыву земскаго начальника.—Религіозно-нравственное состояніе самоѣдовъ.—Новый противосектантскій журналъ.—Миссіонерскій съѣздъ. — Сектантство. — Тридцатилѣтіе общества возстановленія православія на Кавказѣ.—Отрадныя извѣстія изъ старообрядческаго міра.—Къ предстоящей переписи.—Церковная музыка (стр. 553—570). Положеніе дѣлъ въ Турціи.—Содѣйствіе духовенству со стороны гражданской власти въ церковно-приходскихъ дѣлахъ. —Религіозно-нравственное просвѣщеніе народа.—Церкви и школы

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Января № 1. 1895 года.

ОТЧЕТЪ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за $18^{93}/_{94}$ учебный годъ.

(Продолженіе *).

5. Пособіе отъ попечителей и благотворителей.

·Отъ попечителей и попечительницъ поступили нижеслѣдующія пособія школамъ: Харьковскаго уѣзда: 1) Всѣхсвятской, въ г. Харьковѣ, отъ А. Ѳ. Грундлеръ—168 р. 8 к.; 2) Деркачевской, при Николаевской церкви, отъ жены Харьковскаго купца М. А. Жмудской—325 р.; 3) Деркачевской, при Рождество-Богородичной церкви, отъ Харьковскаго купца Н. И. Галицкаго—195 р.; 4) Черкасско-Лозовской отъ Харьковскаго купца Я. К. Трофименко—120 р.; 5) Одноробовской отъ купца Н. М. Кулявцева—500 р.; 6) Казачье-Лопанской отъ крестьянина Бондарева—15 р.; 7) Липецкой отъ крестьянина Власенко — 10 р.; Ахтырскаго уѣзда: 8) Бакировской отъ дворянина М. П. Криницкаго—30 р.; 9) Котелевской, при Троицкой церкви—отъ отставнаго генералъ-маіора М. А. Сливицкаго—67 р.; 10) Лутищинской—отъ купеческаго сына П. З. Виноградова — 150 р.; 11) Ясеновской отъ купца Ѳ. Ф. Вейссе—600 р.; 12) Краснопольской, при Преображенской церкви,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ" № 24, 1894 г.

отъ земскаго начальника Г. П. Гнѣдича—200 р.; 13) Жигайловской отъ дворянки О. В. Губенковой—4 р.; 14) Славгородской отъ крестьянина И. Н. Рославцева—15 р.; 15) Катеіевской, при Покровской церкви, отъ крестьянина Н. П. Фисака—15 р.; 16) Бранцовской отъ крестьянина А. А. Пилипца—35 р.; Богодуховскаго уѣзда: 17) Лютовской отъ графини Е. П. Клейнмихель—351 р.; 18) Мурафской, при Николаевской церкви, отъ дворянина Н. И. Григорьева—25 р.; Валковскаго уѣзда: 19) Валковской, при Успенской церкви, отъ крестьянина П. Н. Стешенко—23 р. 17 к.: 20) Покровской отъ дворянина Е. Н. Сребдольскаго—145 р.; 21) Калениковской отъ него же, Сребдольскаго,—145 р.; Зміевскаго уѣзда: 22) Булацеловской отъ дворянина В. Г. Шрейдера (на устройство школьнаго зданія)—700 р.; 23) Бурлейской отъ купца А. Г. Кучеренко—200 р.; Изюмскаго уѣзда: 24) Знаменской отъ герцогини Сассо-Руфо—120 р.; 25) Золото-Колодязской отъ г-жи Пьянковичъ—105 р.; 26) Славянской, при Воскресенской церкви, отъ потом. почетн. гражд. И. В. Шнуркова—100 р.; 27) Мало-Камышевахской отъ дворянина М. М. Вейкъ—25 р.; 28) Шандриголовской отъ крестьянина М. Прищепы—3 р.; Старобѣльскаго уѣзда: 29) Старобѣльской, при соборѣ, отъ купца Д. Мягкова—200 р.; 30) Лиманской отъ Трофименко—85 р.; 31) Алексѣевской отъ Г. Донченко—6 р. 34 к.; 32) Бѣлолуцкой, при Покровской церкви, отъ кр. Г. И. Головинскаго—25 р.; Сумскаго уѣзда: 33) Сумской, при соборѣ, отъ купца Н. А. Суханова — 1000 р.; 34) Сумской, при Троицкой церкви, отъ почетнаго гражданина П. И. Харитоненко—800 р. и сверхъ сего отъ него-же поступило 1065 экз. книгъ разныхъ наименованій въ библіотеки нѣкоторыхъ школъ въ уѣздѣ на сумму 200 р.; 35) Сумской, при Покровской церкви, отъ купца П. С. Гриненко—100 р.; 36) Сумской, при Николаевской церкви, отъ купца М. П. Ворошилина (наличными 100 р. и образъ Св. Николая стоимостію въ 150 р.)—250 р.; 37) Гребенниковской отъ почетн. граж. И. М. Кабыштова—58 р. 82 к.; 38) Анинской отъ дворянки М. Г. Похвисневой—60 р.; 39) Искрисковской отъ землевладѣлицы Е. М. Терещенко—118 р. 90 к.; 40) Рогозянской отъ инженеръ—технолога А. П. Прянишникова—180 р.; 41) Хотѣнской отъ графа П. С. Строганова—485 р. и 42) Бобруцкой отъ кр. Н. В. Баранова—30 р. Итого отъ попечителей поступило—7990 руб. 31 коп.

Нѣкоторые изъ поименованныхъ гг. попечителей и попечительницъ школъ, кромѣ пожертвованій наличными деньгами, въ от-

четное время принимали на себя расходы по найму помѣщенія и прислуги для школы, отопленію школьныхъ зданій и снабженію учащихся учебными книгами и письменными принадлежностями. Особенное усердіе въ дѣлѣ матеріальнаго благоустройства школъ обнаружили попечители оныхъ: купецъ Н. А. Сухановъ, почетн. гражд. П. И. Харитоненко, дворянинъ В. Г. Шрейдеръ, купецъ Ѳ. Ф. Вейссе, купецъ Н. М. Кулявцевъ, графъ П. С. Строгановъ, графиня Е. П. Клейнмихель, дворянинъ Е. Н. Сребдольскій, жена купца М. А. Жмудская, купецъ М. П. Ворошилинъ, инженеръ-технологъ А. П. Прянишниковъ, земскій начальникъ Г. П. Гнѣдичъ, купецъ Н. А. Галицкій, купецъ А. Г. Кучеренко, купецъ Д. Мягковъ и жена генерала М. Н. Калугина, на средства которой Николаевская школа грамоты, Сумскаго уѣзда, пользовалась полнымъ содержаніемъ.

Кромѣ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ школъ, которыя состояли главнымъ образомъ на иждивеніи попечителей оныхъ, въ истекшемъ учебномъ году значительную матеріальную поддержку со стороны частныхъ благотворителей имѣли нижеслѣдующія школы епархіи: 1) Александро-Невская, въ г. Харьковѣ, отъ неизвѣстныхъ благотворителей—485 р.; 2) Свято-Духовская 2-я, въ г. Харьковѣ, отъ неизвѣстныхъ благотворителей—160 р.; 3) Димитріевская, въ г. Харьковѣ, отъ неизвѣстныхъ благотворителей — 52 р. 50 к. и кромѣ сего 20 р., составляющіе % на капиталъ въ 400 р., изъ которыхъ 300 р. пожертвованы женою Харьковскаго купца Крохмалевою и 100 р.—врачемъ 11 дивизіи В. Н. Прокоповичемъ, на содержаніе названной школы въ память 50-ти-лѣтняго служенія въ священномъ санѣ протоіерея І. Л. Чижевскаго; Харьковскаго уѣзда: 4) Роганская—отъ арендаторовъ бумажной фабрики бр. В. и А. А.—чи Монаковыхъ—70 р., отъ землевладѣльца Гельферихъ-Саде—50 р. и отъ неизвѣстныхъ благотворителей—5 руб.; 5) Пересѣчанская—отъ неизвѣстныхъ благотворителей—100 руб.; Ахтырскаго уѣзда: 6) Янково-Рогская—отъ конторы свекло-сахарнаго завода П. И. Харитоненко 50 р.; 7) Жигайловская—отъ неизвѣстныхъ благотворителей—23 р. 32 к.; 8) Славгородская—отъ администратора мѣстной экономіи Ю. Ф. Штюрца—25 руб.; Богодуховскаго уѣзда: 9) Александровская—отъ земскаго начальника А. И. Богданова—25 р., отъ мѣстнаго церковнаго старосты Богомолова—20 р. и отъ неизвѣстныхъ—25 р. 85 к.; 10) Сѣннянская, при Рождество-Богородичной церкви,—отъ неизвѣстныхъ—2 руб.; 11) Больше-Писаревская, при Успенской церкви,—отъ купца А. В.

Кожухина 40 р.; Валковскаго уѣзда: 12) Высокопольская—25 р., составляющіе % на благотворительный капиталъ, пожертвованный г-жею Костевской, и отъ неизвѣстныхъ—2 р.; 13) Валковская, при соборѣ,—отъ земскаго начальника И. А. Янковича—3 руб., отъ крестьянъ Я. Е. Матвѣенка—17 р. 5 к. и И. М. Олейника—30 р., А. Ѳ. Ковалева—2 р., отъ учителей: Д. Г. Мараховскаго—1 р. и Я. А. Сукачева—1 р. и отъ неизвѣстныхъ—12 р.; 14) Валковская, при Георгіевской церкви,—отъ О. В. Вячеславцева—10 р.; 15) Снѣжковская—отъ купца С. Е. Кузьминова—83 руб. 25 коп.; 16) Перекопская—отъ мѣстнаго церковнаго старосты К. Дерезы—1 р. 35 к.; 17) Левендаловская—отъ крестьянъ С. и Д. Подлѣсныхъ и И. Вавилы—7 р.; 18) Ново-Водолажская при Воскресенской церкви—отъ становаго пристава И. П. Борисова — 10 руб., отъ мѣстнаго церковнаго старосты И. И. Абдулы (на устройство школьнаго зданія)—1090 р.; 19) Люботинская—отъ мѣстнаго церковнаго старосты Ѳ. Я. Каплуна—300 р. (на устройство школы) и отъ неизвѣстныхъ благотворителей (на тотъ же предметъ) — 500 р.; Волчанскаго уѣзда: 2) Волчанская, при соборѣ,—капиталъ въ 5000 руб., поступившій въ пользу этой школы по духовному завѣщанію умершаго врача А. Г. Бѣлокопытова (изъ этой суммы 1000 руб. внесены въ сберегательную кассу при Волчанскомъ Уѣздномъ Казначействѣ и 4000 р.—въ Харьковскую Контору Государственнаго Банка для приращенія %); кромѣ сего въ пользу сей-же школы поступило за истекшее полугодіе % на означенный капиталъ—85 р. 26 к. и отъ неизвѣстныхъ благотворителей—205 р. 26 к.; 21) Мартовская—отъ неизвѣстныхъ—113 р.; 22) Волчанская, при Мироносицкой церкви,—отъ неизвѣстныхъ—15 р. 30 к.; 23) Волчанско-хуторская—отъ неизвѣстныхъ 27 р. 69 к.; 24) Велико-Бурлуцкая—отъ неизвѣстныхъ—20 р.; 25) Ольховатская—отъ неизвѣстныхъ—11 р. 60 к.; 26) Николаевская 1-я—отъ неизвѣстныхъ—12 р. 25.; 27) Печенѣжская, при Петро-Павловской церкви,—отъ неизвѣстныхъ—4 р. 25 к.; Зміевскаго уѣзда: отъ неизвѣстныхъ благотворителей: 28) Кочетковская—260 р.; 29) Боровская—38 р. 97 к.; 30) Алексѣевская, при Троицкой церкви,—7 р. 60 к.; 31) Алексѣевская, при Рождество-Богородичной,—35 р.; 32) Асѣевская—2 р. 10 к.; 33) Верхне-Бишкинская—25 р. 30 к.; 34) Гуляйпольская—37 р.; 35) Преображенская—78 р. 70 к.; 36) Богодаровская—50 р.; Изюмскаго уѣзда: 37) Славянская, при Всѣхсвятской церкви,—отъ мѣстнаго церковнаго старосты М. П. Корякина—36 р.; 38) Дробышевская—отъ неизвѣстныхъ—5 р.; 39)

Райская—отъ неизвѣстныхъ—10 р.; 40) Изюмская, при соборѣ—отъ неизвѣстныхъ—15 р. 70 к.; Купянскаго уѣзда: 41) Школы 7 земскаго участка—отъ земскаго начальника Г. К. Захарашевичъ—Капустянскаго—15 р.; Лебединскаго уѣзда: 42) Нижне-Верхосульская—отъ экономіи графа Толстого 100 р.; 43) Лебединская, при соборѣ.—отъ неизвѣстныхъ—40 р.; 44) Лебединская, при Троицкой церкви,—отъ неизвѣстныхъ—26 р.; 45) Недригайловская, при Митрофаніевской церкви,—отъ неизвѣстныхъ—13 р.; 46) Семеновская (Боровенскаго прихода)—отъ неизвѣстныхъ 30 р.; Старобѣльскаго уѣзда: 47) Маньковская—отъ неизвѣстныхъ—15 р.; 48) Ново-Псковская—отъ мѣстнаго церковнаго старосты П. Изюмскаго—9 р.; 49) Бѣлолуцкая при Троицкой церкви—отъ неизвѣстнаго—20 р.; 50) Бѣловодская, при Троицкой церкви,—отъ купца И. Корсиченко—100 р.; 51) Морозовская—отъ неизвѣстныхъ—40 р.; 52) Лашиновская—отъ неизвѣстныхъ—2 р. 25 к.; 53) Ново-Россошанская—отъ неизвѣстныхъ—5 р.; Сумскаго уѣзда: 54) Сумская, при Николаевской церкви,—отъ члена уѣзднаго отдѣленія почетн. гражд. Н. И. Скубенко—750 р. (на устройство школьнаго зданія) и отъ Сумскаго нотаріуса В. В. Бырченко (на тотъ-же предметъ)—100 р.; 55) Сумская, при Покровской церкви,—отъ члена отдѣленія С. И. Деревянки—120 р.; 56) Гребенниковская—отъ графа М. М. Толстого—200 р.; 57) Ободская—отъ графини Строгановой—150 р., и отъ неизвѣстныхъ благотворителей: 58) Подлѣсновская—27 р. 85 к.; 59) Мало-Чернетчинская—3 р. 65 к.; 60) Бѣлопольская при Пророко-Ильинской церкви—2 р. и 61) Вировская—10 р. Въ распоряженіе Волчанскаго Уѣзднаго отдѣленія поступило отъ неизвѣстныхъ лицъ—68 р.; въ Старобѣльское отдѣленіе отъ нѣкоторыхъ членовъ отдѣленія—56 р. и въ Сумское—отъ члена онаго А. Ф. Котенко 50 р. Итого—11297 р. 5 к., а всего отъ попечителей, благотворителей и изъ другихъ источниковъ, показанныхъ въ сей статьѣ, на приходѣ поступило—19287 р. 36 коп.

6. Пособіе изъ суммъ Святѣйшаго Синода.

Въ отчетному 1893—94 учебному году остатка изъ суммъ Святѣйшаго Синода не было. Въ отчетномъ учебномъ году поступило изъ суммъ Святѣйшаго Синода—1000 рублей. Сумма эта, по опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, была препровождена въ распоряженіе комитета, завѣдующаго книжнымъ складомъ при Харьков-

скомъ каѳедральномъ соборѣ, который (комитетъ) употребилъ оную на нижеслѣдующіе предметы расхода: а) на выписку учебныхъ книгъ и пособій въ количествѣ 4400 экз. изъ книжнаго склада Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ,—для безмездной раздачи оныхъ нуждающимся школамъ епархіи—780 р.; б) на переплетъ 4100 экз. сихъ книгъ—205 р.; в) израсходовано на пересылку въ уѣздныя отдѣленія Совѣта означеннаго количества книгъ 11 р. 15 к. и г) уплачено въ Харьковскую Почтовую контору за пересылку денежнаго пакета со вложеніемъ 780 р. изъ г. Харькова въ С.-Петербургъ—въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ—3 р. 85 к.; всего—1000 рублей.

Къ началу 1894—95 учебнаго года остатка изъ суммъ Святѣйшаго Синода не имѣется.

7. Пособіе отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Въ теченіе отчетнаго года въ распоряженіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта на потребности церковно-приходскихъ школъ поступили изъ мѣстныхъ средствъ епархіи нижеслѣдующія суммы: 1) присланные изъ Харьковской Духовной Консисторіи—265 р. 91 к., кои составляютъ 10% сбора, поступившаго въ кружки въ пользу православныхъ Святой земли; 2) отчисленные изъ остатковъ кошельковыхъ суммъ приходскихъ церквей епархіи и собранные въ кружки въ день св. Николая (6 декабря)—1424 р. 73 к.; 3) отчисленные изъ остатковъ кошельковыхъ суммъ и собранные въ монастыряхъ епархіи—210 р. 97 к.; 4) кружечный сборъ у желѣзнодорожныхъ станцій, находящихся въ предѣлахъ Харьковской епархіи—4 р. 53 к. и 5) поступило изъ Харьковской конторы государственнаго банка процентныхъ денегъ, образовавшихся отъ обращенія въ 1893 году капитала, принадлежащаго Харьковскому Епархіальному Училищному Совѣту,—39 р. 29 к.

Итого—1945 р. 43 к. Всего съ остаткомъ отъ 1892—93 учебнаго года въ распоряженіи Совѣта было 2920 р. 75 к., кои составляютъ поступленіе изъ мѣстныхъ средствъ епархіи.

Изъ этой суммы поступило въ расходъ: 1) на покупку учебниковъ и письменныхъ принадлежностей для безплатной раздачи церковно-приходскимъ школамъ 500 руб.; 2) выдано въ единовременное пособіе бѣднѣйшимъ школамъ 395 р.; 3) выдано въ награду нѣкоторымъ учащимъ въ школахъ епархіи 80 р.; 4) въ жалованье дѣлопроизводителю Совѣта—341 р. 66 к.; 5) употреблено

на канцелярскія нужды, какъ-то: на покупку писчей бумаги, перьевъ, сургуча, на печатаніе бланковъ отношеній Совѣта, повѣстокъ о времени засѣданій Совѣта, льготныхъ свидѣтельствъ и въ жалованье писцу и канцелярскому служителю—225 р. 36 к.; 6) уплочено за пересылку денежныхъ пакетовъ—2 р. 99 к.; 7) выдано въ годовое жалованье младшему учителю образцовой при Харьковской духовной семинаріи школы—360 р.; 8) выдано въ жалованье учащимъ Терновской школы, Зміевскаго уѣзда и Кононовской, Старобѣльскаго уѣзда—180 р.; 9) израсходовано: на выписку „Церковныхъ вѣдомостей"—3 р.; 10) на выписку журнала „Церковно-приходская школа"—3 р. и 11) на выписку 1 экз. Харьковскаго адресъ-календаря на 1894 годъ—1 р. 80 к. Итого изъ суммы, поступившей отъ епархіи, израсходовано—2092 руб. 81 к. Такимъ образомъ въ распоряженіи Совѣта къ началу 1894—95 учебнаго года имѣется—827 р. 94 коп.

(Продолженіе будетъ).

ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за $18^{93}/_{94}$ учебный годъ.

(Продолженіе *).

Б. Преподаватели и преподавательницы обязательныхъ предметовъ.

1. Закона Божія въ III нормальномъ, обоихъ отдѣленіяхъ IV-го въ V и VI классахъ и церковно-славянскаго языка въ IV и V классахъ, инспекторъ классовъ, протоіерей Никандръ *Оникевичъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 18 уроковъ (въ III-мъ классѣ по 50 р. и въ остальныхъ классахъ по 75 р. за урокъ) всего 1250 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 30-го марта 1873 года.

2. Того же предмета въ I, II и III-мъ параллельныхъ классахъ, Харьковской Вознесенской церкви Николай Васильевичъ *Борисоглѣбскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 14 февралѣ 1892 года.

3. Того же предмета въ приготовительномъ, I и II нормальныхъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1894 г. № 24.

классахъ, протоіерей Харьковской кладбищенской Іоанно-Усѣкновенской церкви, Георгій Ивановичъ *Волобуевъ*; онъ же совершаетъ Богослуженіе въ училищной церкви; окончилъ курсъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ за 11 уроковъ (въ приготовительномъ классѣ по 35 руб. и въ остальныхъ по 50 руб.) 505 р. и за совершеніе Богослуженія 120 р., всего 625 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1871 года.

4. Русскаго языка во II нормальномъ, III нормальномъ и IV классѣ, преподователь греческаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, статскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ *Добронравовъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 900 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1883 года.

5. Того же предмета во II параллельномъ, IV и V нормальныхъ классахъ, преподователь латинскаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ Николай Васильевичъ *Гогинъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 10 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 750 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 14 октября 1887 года.

6. Того же предмета въ обоихъ отдѣленіяхъ I класса, въ III и IV параллельныхъ классахъ, коллежскій асесоръ Михаилъ Андреевичъ *Кокоревъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 1125 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 26 августа 1888 года.

7. Ариѳметики во II параллельномъ, въ обоихъ отдѣленіяхъ III класса и въ IV нормальномъ классѣ, надворный совѣтникъ Яковъ Михайловичъ *Колосовскій*, кандидатъ университета; жалованья получаетъ за 18 уроковъ (во II и III классахъ по 50 р. и въ остальныхъ классахъ по 75 р.), всего 1050 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 августа 1887 года.

8. Ариѳметики во II нормальномъ, IV параллельномъ, V и VI классахъ, геометріи въ V и VI классахъ, физики въ V и космографіи въ VI классѣ, преподаватель физико-математическихъ наукъ въ Харьковской Маріинской женской гимназіи, Василій Николаевичъ *Мощенковъ*, кандидатъ университета; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (во II классѣ по 50 р. и въ остальныхъ классахъ по 75 р.) всего 1025 р.; въ настоящей должности съ 18 октября 1889 года.

9. Географіи въ IV нормальномъ, V и VI классахъ, священникъ Харьковской Христо-Рождественской церкви Андрей Ѳеодоровичъ

Балановскій, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 октября 1886 года.

10. Географіи въ IV параллельномъ и гражданской исторіи въ обоихъ отдѣленіяхъ IV класса, преподователь исторіи въ частной женской гимназіи г-жи Драшковской, Евгеній Парфеніевичъ *Трифильевъ*, кандидатъ университета; жалованья получаетъ за 7 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 525 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 6 сентября 1893 года.

11. Гражданской исторіи въ V и VI классахъ, преподаватель церковной исторіи въ Харьковской духовной семинаріи, статскій совѣтникъ Алексѣй Ѳеодоровичъ *Вертеловскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 7 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 525 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1875 года.

12. Дидактики въ V и VI классахъ, преподаватель философіи и педагогики въ Харьковской Духовной Семинаріи, статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ *Страховъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 3 урока (по 75 р. за урокъ) 225 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

13. Учитель церковнаго пѣнія во всѣхъ штатныхъ классахъ училища, учитель церковно-приходской школы при Харьковской Духовной Семинаріи, Иванъ Васильевичъ *Петровскій;* окончилъ курсъ Харьковской Духовной Семинаріи; жалованья получаетъ за 20 уроковъ (по 40 р. за урокъ) 800 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 октября 1893 года.

14. Учитель чистописанія въ обоихъ отдѣленіяхъ I-го класса, во II нормальномъ классѣ, въ обоихъ отдѣленіяхъ III класса и въ IV нормальномъ классѣ и рисованія во всѣхъ классахъ, преподаватель тѣхъ же предметовъ въ Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ губернскій секретарь Дометій Осиповичъ *Ланевскій;* выдержалъ испытаніе на званіе учителя этихъ предметовъ при Харьковскомъ университетѣ; жалованья получаетъ за 18 уроковъ (по 35 руб. за урокъ) 630 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 21 августа 1874 года.

15. Учительница ариѳметики въ обоихъ отдѣленіяхъ I-го класса и географіи во II и III параллельныхъ классахъ, дѣвица Валерія Александровна *О'Конноръ*, окончила курсъ въ частной гимназіи со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 р. за урокъ) 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 19 августа 1891 года.

16. Учительница географіи во II и III нормальныхъ классахъ. воспитательница училища, дѣвица Людмила Евфимовна *Дьякова*, окончила курсъ въ Харьковской Маріинской гимназіи со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 4 урока (по 50 р. за урокъ) 200 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 25 сентября 1881 года.

17. Учительница чистописанія во II параллельномъ классѣ, воспитательница того же класса, дѣвица Александра Владиміровна *Яновская;* окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 2 урока (по 35 р. за урокъ) 70 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 августа 1893 года.

18. Учительница чистописанія въ IV параллельномъ классѣ, воспитательница того же класса, дѣвица Елисавета Андреевна *Курасовская;* окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 2 урока (по 35 р. за урокъ) 70 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

19. Учительница русскаго языка, счисленія, церковнаго пѣнія и чистописанія въ приготовительномъ классѣ, дѣвица Таисія Андреевна *Щелкунова*; окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (за два урока пѣнія по 25 р. и за остальные уроки по 35 р.) всего 505 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 8 августа 1890 года.

20. Учительница рукодѣлій, дѣвица Меланія Дмитріевна *Чернявская*; домашняя учительница; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ, 222 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

21. Учительница рукодѣлій, вдова коллежскаго секретаря, Александра Ивановна *Соколова;* окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 222 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 17 августа 1880 года.

22. Учительница рукодѣлій, дѣвица Антонина Николаевна *Протопопова;* домашняя учительница; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 222 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 2 сентября 1891 года.

В. Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.

1. Учительница французскаго языка во всѣхъ штатныхъ классахъ училища, Начальница училища, дѣвица Евгенія Николаевна

Гейцынъ; окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

1. Учитель музыки, Николай Александровичъ *Орловскій*; окончилъ курсъ гимназіи и обучался музыкѣ частнымъ образомъ; жалованья получаетъ за 17 ученицъ по 25 руб. и за 13 ученицъ по 20 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 августа 1882 г.

3. Учительница музыки, дѣвица Неонилла Васильевна *Михайлова;* окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 21 сентября 1892 года.

4. Учительница музыки, Вильгельмина Рудольфовна *Корнильева;* домашняго образованія; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 8 ноября 1888 г.

5. Учительница музыки, Варвара Петровна *Эварницкая*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 30 сентября 1883 года.

6. Учительница музыки, дѣвица Ѳеодосія Васильевна *Михайлова*; окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

7. Учитель игры на скрипкѣ, Александръ Ивановичъ *Колесниковъ*; обучался въ С.-Петербургской консерваторіи; жалованья получаетъ 312 р. 50 к. въ годъ.

Г. Воспитательницы.

1. Воспитательница приготовительнаго класса, вдова поручика, Евдокія Павловна *Сорокина*; она же завѣдывала фундаментальною библіотекою и учебниками, окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи, жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 руб. ежегодной награды, кромѣ того 60 р. за завѣдываніе фундаментальною библіотекою и учебниками; въ настоящей должности съ 13-го сентября 1871 года по 3 августа 1884 года и вторично съ 10-го августа 1887 года.

2. Воспитательница 1-го нормальнаго класса, дѣвица Надежда Ивановна *Попова*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіаль-

номъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

3. Воспитательница 1-го параллельнаго класса, вдова врача, Екатерина Васильевна *Смирнова*; окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 руб. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

4. Воспитательница II-го нормальнаго класса, она же и старшая воспитательница,—дѣвица Людмила Ефимовна *Дьякова*; окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 сентября 1872 года.

5. Воспитательница II параллельнаго класса, дѣвица Александра Владиміровна *Яновская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности со 2 сентября 1891 года.

6. Воспитательница III нормальнаго класса, дѣвица Александра Ивановна *Левандовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 руб. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности, съ 7 февраля 1885 года.

7. Воспитательница III параллельнаго класса, дѣвица Ольга Ѳеодоровна *Вертеловская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности, съ 6 сентября 1890 года.

8. Воспитательница IV нормальнаго класса, дѣвица Зинаида Ивановна *Нельговская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

9. Воспитательница IV параллельнаго класса, дѣвица Елисавета Андреевна *Курасовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

10. Воспитательница V класса, дѣвица Анна Гавриловна *Троицкая*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 г.

11. Воспитательница VI класса, дѣвица Анастасія Александровна *Ястремская;* она же завѣдывала ученическою библіотекою; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; кромѣ того 25 р. за завѣдываніе библіотекою ученическою; въ настоящей должности съ 28 января 1888 года.

Д. Младшія воспитательницы.

1) Въ приготовительномъ классѣ—дѣвица Анастасія Павловна *Капустянская*; 2) въ I нормальномъ классѣ—дѣвица Зинаида Михайловна *Иннокова*; 3) въ I параллельномъ классѣ—дѣвица Марія Яковлевна *Павлова;* 4) во II нормальномъ классѣ—дѣвица Вѣра Константиновна *Аристова*; 5) во II параллельномъ классѣ—дѣвица Серафима Андреевна *Пономарева*; 6) въ III нормальномъ классѣ—дѣвица Анастасія Яковлевна *Павлова*; 7) въ III параллельномъ классѣ—дѣвица Серефима Ивановна *Пономарева;* 8) въ IV нормальномъ классѣ—вакансія; 9) въ IV параллельномъ классѣ—дѣвица Анна Николаевна *Лашкарева*; 10) въ V классѣ—дѣвица Елисавета Яковлевна *Пуковская*; 11) въ VI классѣ—дѣвица Антонина Феодоровна *Лукашева;* всѣ окончили курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получала каждая, при казенной квартирѣ со столомъ, 150 р. и 25 р. ежегодной награды; въ настоящей должности: Марія Павлова—съ 6 сентября 1893 г., Серафима Пономарева—съ 20 декабря 1893 г., Антонина Лукашева,—съ 10 февраля 1894 года, а всѣ остальныя—съ 20 августа 1893 года.

Е. Другія служащія въ училищѣ лица.

1. Врачъ при училищной больницѣ, Харьковскій губернскій врачебный инспекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ *Стефановичъ-Севастіановичъ;* докторъ медицины; жалованья получаетъ 300 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 13 января 1877 года.

2. Надзирательница училищной больницы, вдова священника Лукія Павловна *Ковалева;* домашняго образованія; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 242 руб.; въ настоящей должности съ 10 октября 1871 года.

3. Помощница больничной надзирательницы, дѣвица Пелагея Петровна *Прокофьева;* окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 150 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 4 октября 1880 года.

4. Помощница больничной надзирательницы, вдова діакона Татіана Петровна *Краснокутская;* окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартиры со столомъ, 150 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 5 апрѣля 1894 года.

5. Экономъ училища, потомственный почетный гражданинъ Петръ Петровичъ *Грандицкій;* имѣетъ званіе городскаго учителя; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 500 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 декабря 1890 года.

Примѣчаніе. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, при училищѣ состояли еще: а) *кастелянша,* завѣдывавшая бѣльемъ и одеждою воспитанницъ, и б) *ключница,* завѣдывавшая, въ качествѣ помощницы эконома, столовою и буфетомъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

— Діаконъ Димитріевской церкви села Рясного, Ахтырскаго уѣзда, Василій *Толмачевъ,* перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Покровской церкви слободы Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. По поводу наступленія новаго года.—Монаршая милость бѣднымъ.—Ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Содѣйствіе городскихъ думъ благоустройству церквей.—По поводу чтенія и пѣнія въ церквахъ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ.—Дѣятельность благочинническихъ совѣтовъ.—Питейная монополія и попечительства о народной трезвости.—Новыя «серіи».—Отъ министерства финансовъ.—Тиражъ выигрышей билетовъ перваго внутренняго займа, произведенный въ Петербургѣ 2-го января 1895 года.

По поводу наступленія новаго года «Моск. Цер. Вѣд.» въ своей передовой статьѣ, указавъ на раздавшійся двѣсти лѣтъ тому назадъ на Руси властный призывъ, по которому мы вступили въ общеніе съ образованными націями запада и сдѣлались учениками просвѣщенной Европы, останавливаютъ далѣе вниманіе своихъ читателей на томъ, что мы за это ученіе заплатили слишкомъ дорого... Пораженные сокровищами европейской культуры, мы со страстью начали перенимать у европейцевъ и то, что нужно, и то, что не нужно, безъ разбора подражая и хорошему и дурному,—мы не могли сразу отличить великое отъ ничтожнаго, прекрасное отъ уродливаго, здоровое отъ гнилаго. Въ итогѣ получилось то, что, вмѣстѣ съ сокровищами вѣчной мудрости, мы привили себѣ многія европейскія болѣзни, которыми и болѣли до сихъ поръ. Мы познакомились съ Европой не въ лучшіе періоды европейской жизни, полные одушевленія высшими идеалами, но въ XVIII вѣкъ—вѣкъ религіозной и нравственной разнузданности, въ вѣкъ скептицизма, отрицанія высокихъ, нѣкогда одушевлявшихъ ее, идеаловъ, въ печальный вѣкъ невѣрія и всевозможныхъ разрушительныхъ стремленій. Подъ неотразимымъ воздѣйствіемъ примѣра мы, юные неопытные ученики, готовы были отказаться отъ своихъ дорогихъ завѣтовъ, отъ того, что у насъ было выше всѣхъ преимуществъ культурной Европы, словомъ—готовы были отдать все *свое* за *чужое*. Прежде всего мы охладѣли къ безцѣнному залогу нашего общественнаго и внутренняго духовнаго совершенствованія—къ вѣрѣ православной. Французское безбожіе XVIII вѣка, масонство, философскія системы запада, начиная съ крайне идеалистическихъ и кончая матеріализмомъ, коммунистическія бредни—какого только хламу мы не нанесли на чистую родную почву!?.. А народъ, нашъ богатырскій благородный русскій народъ, отказавшійся слѣдовать за безумной, не знавшей удержу погоней за новыми и странными ученіями, замкнувшійся въ себѣ самомъ и такимъ образомъ лишившійся разумнаго руководства, за это время успѣлъ породить

суевѣрныя и даже изувѣрныя секты до штундизма включительно. Такъ было дѣло въ области духовной. Провинившись предъ вѣковѣчными завѣтами православной вѣры, мы не менѣе провинились предъ своими предками, которые великими подвигами самоотверженія и долготерпѣнія, многими тяжкими страданіями, потомъ и кровью воздвигли и завѣщали намъ крѣпкое государство, съ самодержавнымъ государемъ во главѣ. Насмотрѣвшись на своихъ европейскихъ учителей, безумно разрушавшихъ свои старинные общественные и государственные устои, мы пустились, въ подражаніе имъ, перестраивать свою жизнь по новымъ началамъ. А это стремленіе къ переустройству породило у насъ безумныя шайки злодѣевъ, причинившихъ такъ много скорбей нашей родной землѣ. Въ виду указанныхъ результатовъ нашего увлеченія европеизмомъ названный журналъ указываетъ на необходимость возвратиться намъ теперь къ завѣтамъ своей старины. Какъ нѣкогда пронесся надъ Россіей громовый призывъ могучаго великана—идти учиться въ Европу, такъ въ наши дни послышалось тихо и почти незамѣтно кроткое приглашеніе вернуться домой со всевозможныхъ распутій. Тихій праведникъ—Царь жилъ среди насъ, всей своей жизнью возвѣщая намъ наступленіе новой эпохи,—и для всѣхъ стало очевиднымъ, что намъ пора уже отказаться отъ всевозможныхъ блужданій, что предъ нами одинъ путь—путь православной, самодержавной и народной правды... И мы должны вступить на этотъ путь, умудренные великимъ и горькимъ опытомъ, обогащенные всѣми сокровищами культуры съ яркимъ свѣтомъ сознательнаго, незыблемаго убѣжденія, что иного пути нѣтъ для насъ и не будетъ, что только этотъ путь поведетъ насъ къ успѣшному совершенію возложенныхъ на насъ Провидѣніемъ задачъ. Обновимся же особымъ путемъ—путемъ возвращенія къ старинѣ. Это не будетъ шагомъ назадъ; нѣтъ, это будетъ царственное шествіе впередъ подъ своими родными знаменами, это будетъ дальнѣйшее, но уже вполнѣ сознательное, развитіе тѣхъ воистину христіанскихъ и идеально-человѣчныхъ началъ, которыя свѣтятъ намъ на протяженіи всей нашей тысячелѣтней исторіи...

— По случаю совершившагося бракосочетанія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, отъ Монаршихъ щедротъ Всемилостивѣйше пожертвовано, для раздачи бѣднымъ гор. С.-Петербурга, 10,000 руб. Деньги эти, 20 декабря доставлены главному попечителю Императорскаго человѣко-

любиваго общества, Высокопреосвященнѣйшему Палладію, Митрополиту С.-Петербургскому, а отъ него, по прежнимъ примѣрамъ, препровождены, 21 декабря, полностію, въ Императорское человѣколюбивое общество, для распредѣленія въ пособіе бѣднѣйшимъ жителямъ столицы, по предварительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной нуждѣ обращающихся за пособіемъ.

— Земскія собранія одно за другимъ дѣлаютъ постановленія объ устройствѣ школъ и библіотекъ въ память бракосочетанія Ихъ Величествъ. По сообщенію «Телегр. Аген.» отъ 17 декабря, пензенское губернское земское собраніе опредѣлило, въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, устроить десять сельскихъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, по одной въ каждомъ уѣздѣ; кромѣ того,—открыть при губернской управѣ центральный складъ для продажи книгъ и учебныхъ пособій съ отдѣленіями при каждой уѣздной управѣ.

— Новымъ городовымъ положеніемъ предоставлено городскимъ управленіямъ содѣйствовать, между прочимъ, благоустройству церквей въ своихъ городахъ. «Кіев. Сл.» обращаетъ вниманіе на замѣчательный фактъ, что едва ли найдется въ Россіи городская дума, которая проявила бы больше щедродательности въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ дума г. Одессы, не смотря на разноплеменность состава своего. Думами г. Харькова, Казани и другихъ также дается значительное денежное пособіе на содержаніе каѳедральнаго хора пѣвчихъ.

— Насколько сильно и благотворно можетъ дѣйствовать на душу каждаго молящагося въ храмѣ разумное, отчетливое, неспѣшное и благозвучное чтеніе и пѣніе учениковъ и ученицъ церковно-приходскихъ школъ,—объ этомъ можетъ свидѣтельствовать помѣщенное въ «Рук. для сел. пастырей» сообщеніе о. протоіерея К. Смольскаго.—Присутствуя 24—25 марта 1894 г., въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ Засвирской приходской церкви (Виленской губ., Свѣнцянскаго уѣзда), мы замѣтили, пишетъ о. протоіерей, съ какимъ усиленнымъ вниманіемъ всѣ, бывшіе въ храмѣ, слѣдили за чтеніемъ школьниками великаго повечерія, шестопсалмія, каѳизмъ, канона, часовъ, паремій и Апостола. Чтеніе, вполнѣ вразумительное и отчетливое, располагало богомольцевъ къ глубокому молитвенному настроенію, что выражалось частыми воздыханіями и осѣненіемъ себя крестнымъ знаменіемъ; на лицахъ всѣхъ молящихся отражалось чувство умиленія. Въ церкви были и нѣкоторыя чиновныя лица, какъ-то: мировой посредникъ, сель-

скій врачъ, помощникъ акцизнаго надзирателя и начальникъ телеграфной станціи. Въ нихъ, какъ понявшихъ смыслъ читаннаго внятное чтеніе вызвало такое чувство умиленія, что послѣ службы они при всемъ народѣ выразили чтецамъ свою сердечную благодарность, похвалу и одобреніе. Насколько было вразумительно и отчетливо чтеніе, настолько же хорошо хоромъ изъ семидесяти трехъ учениковъ исполнено все церковное пѣніе; оно полной гармоніей и строгимъ исполненіемъ всѣхъ пѣснопѣній приводило въ глубокое умиленіе богомольцевъ и тѣмъ еще болѣе усиливало торжественность великаго праздника. Къ сказанному умѣстно будетъ присовокупить, что до открытія въ м. Засвирѣ церковно-приходской школы, въ церкви бывало, по заявленію мирового посредника и мѣстнаго священника, не болѣе пяти-десяти человѣкъ, а изъ католиковъ никогда ни одинъ не появлялся. Со времени же открытія школы, когда дѣти крестьянъ стали въ ней учиться, чтеніе и пѣніе ихъ сразу привлекло значительное число богомольцевъ, между которыми теперь можно всегда видѣть и католиковъ, полюбившихъ церковь за чтеніе и пѣніе въ ней школьниковъ. На другой день о. протоіерею Смольскому пришлось быть въ с. Русскосельи (того же уѣзда) и 27 марта присутствовать въ церкви на божественной литургіи. Въ этотъ воскресный день явилась къ чтенію часовъ очередная, тринадцатилѣтняя ученица мѣстной женской церковно-приходской школы. Чтеніе ея, звучное и вполнѣ вразумительное, не могло не отразиться на всѣхъ слушавшихъ его, и не произвести ощутительнаго впечатлѣнія. Это ясно замѣтно было изъ того, что взоры всѣхъ обращены были во время чтенія на маленькую дѣвочку; всѣ видимо старались уловить каждое слово, ею произнесенное четко, ровно и внятно. По окончаніи чтенія часовъ началась божественная литургія, которую совершалъ настоятель церкви и законоучитель школы. Дѣвочки въ числѣ семидесяти пяти, уставленныя своею учительницею посреди церкви, пѣли всю божественную литургію. Простое, но вполнѣ хорошо выполненное пѣніе произвело на молящихся такое же дѣйствіе, какъ и чтеніе. Да и не знаемъ, на кого бы совершаемая при такомъ чтеніи и пѣніи юныхъ отроковицъ служба не произвела должнаго впечатлѣнія, и кто отъ всей полноты души не излилъ бы предъ Богомъ своихъ чувствъ въ пламенной и сердечной молитвѣ...

Дай Богъ, чтобы наша церковная школа, мужеская и женская росла и процвѣтала для блага и душевнаго спасенія народа!

— Благоустройству церковно-приходской жизни не мало содѣйствуютъ благочинническіе совѣты, видимымъ знакомъ чего служитъ открытіе такихъ совѣтовъ тамъ, гдѣ ихъ дотолѣ не было. Въ прошломъ ноябрѣ, по словамъ «Цер. Вѣст.», казанскимъ епархіальнымъ начальствомъ предложено епархіальному духовенству избрать членовъ новоучреждаемыхъ совѣтовъ. По утвержденіи избранныхъ членовъ совѣтовъ, въ качествѣ помощниковъ благочинныхъ, казанскимъ епархіальнымъ начальствомъ, совѣты откроютъ свои дѣйствія. Благочинническіе совѣты своею обязанностію имѣютъ: разсмотрѣніе взаимныхъ претензій членовъ причтовъ между собою и жалобъ прихожанъ на мѣстное духовенство, аттестацію священно-и-церковно-служителей по клировымъ вѣдомостямъ, представленіе начальству о награжденіи священно-и-церковно-служителей, разсмотрѣніе прошеній заштатнаго и сиротствующаго духовенства о назначеніи единовременныхъ пособій изъ суммъ Св. Сунода, разсмотрѣніе ходатайствъ причтовъ о ремонтировкѣ приходскихъ храмовъ, о постройкѣ и ремонтировкѣ домовъ для причта на церковныя суммы, попеченіе о заведеніи въ округѣ обществъ трезвости, церковно-приходскихъ библіотекъ и библіотеки окружной—благочиннической и вообще о благоустройствѣ церквей, причтовъ и приходовъ округа и проч.

— Въ «Правит. Вѣстн.» напечатанъ циркуляръ министра финансовъ чинамъ акцизнаго вѣдомства и сопровождающая его статья: «Попечительства о народной трезвости». Какъ циркуляръ, такъ и названная статья посвящены важному вопросу о введеніи въ Россіи питейной монополіи и долженствующей ее сопровождать организаціи попечительствъ о народной трезвости въ мѣстностяхъ, гдѣ монополія будетъ введена и одновременно съ ея введеніемъ. Питейная монополія вводится пока только въ видѣ опыта въ четырехъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Опытъ этотъ предпринятъ, по словамъ циркуляра, для разрѣшенія одной изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ задачъ по улучшенію народнаго быта—для огражденія народной нравственности и народнаго здравія отъ растлѣвающихъ вліяній нынѣшняго питейнаго заведенія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ причиняютъ народу и неисчислимый матеріальный вредъ, подтачивая въ самомъ корнѣ его благосостояніе. „Борьба съ этимъ застарѣлымъ нашимъ зломъ, говоритъ циркуляръ, не легка. Она требуетъ не только соотвѣтственныхъ измѣненій въ условіяхъ питейной торговли, но должна быть для желательнаго успѣха вспомоще-

ствуема совокупными усиліями всѣхъ лучшихъ людей общества. Вотъ почему, одновременно съ положеніемъ о казенной продажѣ питей вводится въ дѣйствіе уставъ попечительствъ о народной трезвости, который составляетъ не только необходимое дополненіе питейной реформы, но и одно изъ существенныхъ условій примѣненія этой реформы на практикѣ въ точномъ соотвѣтствіи съ указанною основною ея цѣлью. Учрежденіемъ сихъ попечительствъ создается способъ для сплоченія всѣхъ лучшихъ мѣстныхъ силъ на помощь правительству въ достиженіи поставленной задачи. Будучи хорошо знакомы съ бытомъ, нравами и привычками населенія, члены попечительствъ могутъ оказывать содѣйствіе осуществленію этой задачи какъ наблюденіемъ за правильностью производства питейной торговли, такъ и, въ особенности, распространеніемъ среди населенія здравыхъ понятій о вредѣ злоупотребленія крѣпкими напитками, заботами объ излѣченіи страдающихъ запоемъ, устройствомъ народныхъ чтеній, изданіемъ соотвѣтствующихъ брошюръ, открытіемъ читаленъ, чайныхъ и другихъ подобныхъ заведеній, гдѣ населеніе могло бы имѣть развлеченіе или здоровый отдыхъ въ свободное время". Въ статьѣ, сопровождающей циркуляръ министра финансовъ, послѣ указанія на цѣль вводимой реформы (искорененіе пьянства и поднятіе этимъ путемъ благосостоянія населенія), дальше читаемъ: „пособить этой задачѣ захотятъ, конечно, всѣ лучшіе люди страны; къ ихъ содѣйствію правительство и признало нужнымъ обратиться, не только организовавъ для этого особыя попечительства о народной трезвости, но даже включивъ въ общій планъ организацію такихъ попечительствъ, какъ одно изъ главныхъ основаній проводимой нынѣ, на первое время въ видѣ опыта, питейной реформы, успѣхъ которой можетъ оказать неисчислимыя благодѣтельныя для населенія послѣдствія. А такому успѣху болѣе всего и могутъ помочь хорошо знакомые съ бытомъ, нравами и привычками населенія лучшіе его представители, которые, несомнѣнно, примутъ близко къ сердцу успѣхъ дѣла, имѣющаго существенное для страны значеніе". Статья «Правител. Вѣст.» заканчивается слѣдующими словами: „правительство ждетъ отъ реформы, при успѣшномъ проведеніи ея въ жизнь, прежде всего улучшенія благосостоянія населенія и общаго подъема его нравственныхъ и физическихъ силъ. Въ этомъ направленіи оно и приглашаетъ къ содѣйствію предстоящей серіозной задачѣ лучшихъ русскихъ людей". Такимъ образомъ правительство призываетъ къ себѣ на помощь для достиженія поставленной цѣли

лучшихъ людей русскаго общества. Дай Богъ, что-бы „лучшіе" люди русскаго общества горячо откликнулись на призывъ правительства и что-бы проектированныя попечительства о народной трезвости, занимающія столь видное мѣсто въ начинающейся борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ и народнымъ невѣжествомъ, оказалось учрежденіемъ полнымъ жизни и задатковъ широкаго развитія и процвѣтанія.

— Опубликованъ Высочайшій указъ и положеніе о выпускѣ новыхъ 13 разрядовъ (серій) билетовъ Государственнаго казначейства, которые должны замѣнить собою билеты выпуска 1887 года, всего на сумму 39.000,000 рублей. Вновь выпускаемые билеты отличаются отъ билетовъ стараго типа,—говоритъ «Нов. Вр.»,—какъ по размѣру процента, приносимаго ими, такъ и по созданнымъ для обращенія этихъ билетовъ условіямъ. Размѣръ роста по серіямъ, опредѣленный первоначально въ 4,32 процента и по введеніи въ въ 1885 году сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ понизившійся до 4,1% въ 1886 г., въ виду послѣдовавшаго къ тому времени уменьшенія роста на капиталъ, былъ пониженъ до 3,6% дѣйствительныхъ (3,79 съ налогомъ). Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ пониженіе роста на капиталъ еще увеличилось и на основаніи Высочайшаго повелѣнія въ іюлѣ нынѣшняго года процентъ по вкладамъ въ сберегательныя кассы былъ уменьшенъ съ 4 до 3,6% годовыхъ. Это общее пониженіе роста должно было неизбѣжно отозваться и на серіяхъ. Процентъ по нимъ доведенъ теперь до 3 годовыхъ (дѣйствительныхъ), причемъ они освобождены отъ сбора доходовъ съ денежныхъ капиталовъ. Новыя серіи обязательно принимаются во всѣ платежи не только въ казначейства, но и въ кассы Государственнаго банка. Кромѣ того, владѣльцамъ купоновъ серій предоставляется право получать проценты въ кассахъ казначействъ и банка. Одно изъ крупныхъ неудобствъ при разсчетахъ по прежнимъ серіямъ, заключавшееся въ назначеніи по купонамъ отдѣльныхъ выпусковъ разныхъ сроковъ, устранено для новыхъ серій; отнынѣ всѣ выпуски ихъ будутъ имѣть одинъ общій срокъ начала теченія процентовъ, а именно, 1-е февраля 1895 года. Всѣ указанныя мѣры, вѣроятно, создадутъ значительную потребность въ серіяхъ. Въ виду этого, финансовое вѣдомство поставлено было въ необходимость принять еще одну мѣру. При значительномъ распространеніи и при новомъ своемъ характерѣ, еще больше, чѣмъ это было до настоящаго времени, приближающемъ серіи къ значенію денежнаго знака, онѣ могли-бы проникнуть за-границу

и послужить тамъ матеріаломъ для биржевой игры. Ограждая въ возможныхъ предѣлахъ русскія цѣнности отъ такой игры, министерство финансовъ рѣшило безусловно воспретить вывозъ серій за-границу.

— По сообщенію «Рос. Тел. Аген.», отъ 12-го января 1895 г., отъ министерства финансовъ опубликовано слѣдующее сообщеніе. Съ нѣкоторыхъ поръ на нашихъ денежныхъ рынкахъ производятся весьма оживленныя сдѣлки съ нѣкоторыми акціями и другими цѣнными бумагами частныхъ компаній и учрежденій, причемъ цѣны на многія изъ числа этихъ бумагъ, сильно колеблясь изо дня въ день, въ общемъ подымаются все выше и выше. Склонное къ повышенію настроеніе рынка оправдывается въ извѣстной мѣрѣ общимъ ходомъ дѣлъ, но въ немалой степени явленіе это, а равно рѣзкія колебанія цѣнъ несомнѣнно зависятъ отъ азартной игры помянутыми бумагами. Министерство финансовъ нисколько не заинтересовано въ томъ, каковъ будетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ конечный исходъ изъясненнаго положенія вещей, такъ какъ онъ не касается ни казны, ни держателей правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ, но въ интересахъ той части падкой на легкую наживу публики, которая не будучи достаточно знакома съ биржевыми дѣлами, вовлекается въ игру, министерство финансовъ считаетъ своимъ долгомъ предупредить, что въ игрѣ этой, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, въ концѣ концовъ она явится страдающей и потерпѣвшей стороной.

Тиражъ выигрышей билетовъ 1-го внутренняго займа, произведенный въ Петербургѣ 2-го января 1895 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№ серій.	№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма
15795	4	200000	8340	21	8000	5108	6	1000	16163	35	1000
2640	40	75000	13146	17	8000	17751	7	1000	413	1	1000
6153	35	40000	13400	38	5000	3331	47	1000	14733	31	1000
10071	6	25000	7109	2	5000	18173	24	1000	5591	42	1000
19664	47	10000	16920	28	5000	287	12	1000	8922	3	1000
3022	47	10000	10242	24	5000	14796	43	1000	16877	41	1000
13955	34	10000	1112	43	5000	18777	5	1000	16218	39	1000
2790	37	8000	14834	10	5000	8831	46	1000	18839	—	1000
1561	8	8000	18904	8	5000	11549	30	1000	2810	37	1000
1414	42	8000	16742	45	5000	11895	8	1000	1441	17	1000

По 500 рублей каждый:

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
18674	1	9285	8	1694	17	8914	23	3614	30	7326	38	15461	44
13320	1	15764	9	10644	17	491	24	14655	31	11593	38	8172	44
19263	1	9011	9	645	18	2705	24	2489	31	4086	38	5193	44
9309	1	12729	9	8066	18	2021	24	986	31	16021	38	19343	44
10308	2	3813	9	2670	18	15002	25	11401	31	4167	38	5454	44
17972	2	2328	10	273	18	15821	25	17207	32	16571	39	16911	44
15708	2	7162	10	17593	18	6234	25	6624	32	14430	39	12435	45
722	3	10892	10	18852	18	16447	25	15457	32	8781	39	15354	45
16635	3	18696	10	18581	18	7777	25	6080	32	11182	39	4729	45
15738	3	19932	11	5865	18	7471	26	19713	32	10612	39	19755	45
16137	3	5873	11	9293	18	1260	26	10495	32	84	39	11322	45
10043	3	1462	11	2077	19	6909	26	11988	33	14245	40	19023	45
10789	3	286	12	9934	19	13292	26	18614	33	16959	40	11644	45
8128	3	4515	12	7890	19	19204	26	18001	33	17441	40	12013	45
7106	3	10664	12	15842	19	882	27	683	33	11573	40	10499	45
15885	3	8038	13	2193	19	19023	27	8385	33	19173	40	9049	46
13094	4	13057	13	10494	20	6904	28	19180	33	5615	41	14772	46
18508	4	19290	13	15790	20	721	28	9230	33	5576	41	19621	46
4872	4	5341	13	19259	20	16723	28	4556	34	14759	41	17567	46
9236	5	85	13	12162	20	19737	28	9113	34	13410	41	2084	46
5263	5	4036	14	123	20	19895	28	10321	34	5553	41	13401	47
2649	5	12222	14	6959	20	3507	28	3905	34	19257	41	1279	47
10556	5	388	14	5934	21	815	28	17980	34	11730	41	13560	48
18924	5	9256	14	11962	21	15298	29	8	34	16190	41	10829	48
8026	5	18822	14	6990	21	517	29	1165	35	1396	41	19129	48
19477	6	4192	15	10595	21	3734	29	11946	35	191	41	16275	48
8229	6	1471	15	14460	21	7871	29	1813	35	66	41	11224	48
4390	6	12776	15	1096	22	19976	29	13035	35	2162	42	5219	48
9141	6	135	15	10267	22	2877	29	5	35	287	42	18655	49
2153	6	8132	15	6133	22	10197	29	2015	36	8615	42	19458	49
3610	6	3588	16	9208	22	14169	29	4802	36	32276	42	19858	49
12958	6	8543	16	8394	23	19420	30	11370	36	12775	43	18254	50
65	7	8194	16	984	23	11257	30	11532	36	9146	43	9385	50
16	7	6939	16	16811	23	12979	30	15209	37	11882	43	19458	50
12465	7	11562	17	19897	23	6060	30	408	37	9726	43	11127	50
5031	7	2216	17	12698	23	5949	30	13255	37	14070	43	9652	50
11666	8	2509	17	1760	23	16378	30	4530	38	18973	43	7523	50
15884	8												

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1 апрѣля 1895 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго пяти процентнаго съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 3-го Января 1895 года. Нумера серій:

1177, 3584, 2516, 10662, 9424, 1510, 1689, 16409, 18146, 12456, 7540, 5217, 1485, 3785, 13312, 8306, 2858, 14337, 15802, 10029, 9419, 3404, 8766, 4027, 18648, 5382, 17209, 4045, 10098, 9710, 11679, 4317, 6665, 8564, 12475, 4772, 3004, 17532, 14814, 7551, 14540, 8520, 4424, 3907, 15965, 1773, 11502, 18372, 3880, 1355, 11068, 3371, 2903, 12156, 9728, 18302, 9232, 5063, 19428, 14210, 8574, 1783, 7214, 17726, 2582, 187, 16713, 6037, 16601, 6723, 7110, 7979, 8068, 9562, 1918, 18854, 508, 13027, 7882, 3345, 5680, 15340, 16263, 5455, 15011, 17334, 2862, 8442, 2044, 5397, 4210, 3032, 11505, 4360, 9364, 6011, 13368, 13414, 4156, 2751, 11764, 3003, 17967, 17013, 15792, 17513, 10978, 8261, 3664, 4279.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 130 руб. за билетъ будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1895 года въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

СѢВЕРЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Подписчики „СѢВЕРА“ въ 1895 году получатъ:

52 №№ **прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый,** сброшюрованныхъ **въ цвѣтную обложку,** въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ: **А. Н. Майкова.** «Двѣ судьбы», **Д. В. Григоровича.** «Петербургскіе шарманщики и Лотерейный билетъ», такъ какъ этимъ произведеніямъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати. **12** №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ **«ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» и рукодѣлій,** составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ. **12 отдѣльныхъ выкроекъ;** изъ нихъ **6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ. 6 рисунковъ-чертежей** для любителей **выпиловки** изъ дерева, кости и металла. **6 цвѣтныхъ узоровъ** для **вышиванія. 12 альбомныхъ** страницъ **автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со времени княженія Іоанна Калиты по настоящій 1894 годъ:** царей, царицъ, полководцевъ, патріархов, писателей, художниковъ и поэтовъ. **Ежемѣсячныя приложенія.**

1 РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ. (Книжка въ форматѣ «Сѣвера»). **12** т. Ежемѣсячныхъ безплатныхъ приложеній къ журналу: **„БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА“: собраніе сочиненій Г. Р. ДЕРЖАВИНА, Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА;** сочиненія Квитко-Основьяненко: **„ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ“;** сочиненіе Сильвіо Пеллико: **„ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА“.**

БЕЗПЛАТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ:

Портретъ Государя Императора НИКОЛАЯ II.

Большой листъ in folio, исполненный красками.

Картина извѣстнаго художника В. И. Сурикова:

„ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ“.

Величина картины 105×7 сант.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ, въ краскахъ. **„БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ“.** Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ: **«чего бы поѣсть»** и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса, **«чѣмъ-бы накормить свою семью»?** Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала «Сѣверъ» **выдастъ** своимъ подписчикамъ книгу: **„ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.** Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской **6 р. 50 к.** Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 р.** Съ пересылкою за-границу **11 р. Разсрочка подписной платы за „СѢВЕРЪ“ 1895 г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ:** для гг. городскихъ подписчиковъ въ два срока: безъ доставки: при подпискѣ 3 р., 1 іюня 1895 г. 3 р. съ доставкою: при подпискѣ 3 р. 50 к., 1 іюня 1895 г. 3 р. 50 к. для гг. иногороднихъ подписчиковъ: въ два срока: при подпискѣ 4 р. и 1 іюня 1895 г. 3 р. въ три срока: При подпискѣ 3 р., 1 мая 1895 г. 2 р. и 1 августа 1895 г. 2 р. Для гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ), допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою помѣсячно. Въ виду большой цѣнности картины „Покореніе Сибири Ермакомъ“ и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной укупорки, гг. подписчики „Сѣвера“ благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почтовыми марками. **Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи „Сѣверъ“ Екатерининская, № 4.**

При этомъ № прилагается Прейс.-Курант. торговаго дома Калгушкины въ Хар.

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Января № 2. 1895 года.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, въ 17-й день сего января, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Сунода о бытіи викарію Харьковской епархіи преосвященному Сумскому **Іоанну** епископомъ Елисаветградскимъ, вторымъ викаріемъ Херсонской епархіи, а преосвященному Сухумскому **Петру** епископомъ Сумскимъ, викаріемъ Харьковской епархіи.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Сунодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Сунода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 30-й день декабря 1894 года, на награжденіе, за 50-лѣтнюю безпорочную и отлично усердную службу, псаломщиковъ церквей: Александро-Невской села Александровки, Изюмскаго уѣзда, Ивана **Андреева**, Іосифо-Обручницкой въ слободѣ Мечебиловой, того же уѣзда, Матвѣя **Дикарева**, золотыми медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ.

Опредѣленіе Св. Сунода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода отъ 31 августа и 10 сентября и 4—10 октября 1894 года, за №№ 2426 и 212, преподано благословеніе Святѣйшаго Сунода, безъ грамотъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, нижеслѣдующимъ лицамъ свѣтскаго званія Харьковской епархіи: прихожанамъ Николаевской

церкви слободы Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда, крестьянамъ: Ѳеодору **Валковому**, Ивану **Пархоменку** и Даніилу **Плѣтку**.

Къ свѣдѣнію о.о. благочинныхъ и духовенства Харьковской епархіи.

Журналъ Правленія Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи. 13 января 1895 года. Слушали: Резолюція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 4 декабря 1894 г. послѣдовавшія на журналахъ XV Харьковскаго епархіальнаго, съѣзда духовенства объ утвержденія устава Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи, а также предсѣдателя, членовъ Правленія и кандидатовъ къ избраннымъ членамъ и о разрѣшеніи Правленію кассы открыть свои дѣйствія съ 1 января 1895 г. Справка: Резолюція Его Высокопреосвященства на журналѣ съѣзда объ исправленіи устава кассы послѣдовала такова: „Утверждается съ тѣмъ, чтобы статья 3-я второй половины журнала была дополнена слѣдующими словами: въ случаѣ же непредвидѣнныхъ опасностей, угрожающихъ благосостоянію завода, распоряженіе видоизмѣненіемъ взноса предоставить Епархіальному Начальству. Статью 3-ю первой половины журнала объ обязательномъ десятирублевомъ взносѣ отъ церквей въ пользу Эмеритальной кассы рѣшительно отмѣнить, какъ обременительную для церквей. Затѣмъ прежніе взносы остаются безъ перемѣны со стороны свѣчнаго завода". На журналѣ объ избраніи членовъ Правленія кассы и кандидатовъ къ нимъ и объ открытіи дѣйствій кассы съ 1-го января 1895 года: „Утверждается". Постановили: 1) Считать дѣйствія Правленія Эмеритальной кассы для духовенства Харьковской епархіи открытыми съ 1 января 1895 г. 2) Извѣстить объ открытіи дѣйствій кассы, чрезъ отпечатаніе въ Харьковскомъ Епархіальномъ листкѣ духовенство Харьковской епархіи и благочинныхъ епархіи, канцелярію Консисторіи, Совѣтъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища и Правленія: семинаріи и мужскихъ духовныхъ училищъ Харьковской епархіи о доставленіи членскихъ взносовъ (согласно §§ 19, 22 и 23 устава) на имя Правленія Харьковской эмеритальной кассы, какъ отъ обязательныхъ вкладчиковъ, каковыми состоятъ всѣ священно-и-церковно-служители Харьковской епархіи, такъ и отъ необязательныхъ. каковыми состоятъ, кромѣ служащихъ въ упомянутыхъ учрежденіяхъ и учители народныхъ и церковно-приходскихъ школъ изъ окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій и академій. 3) Резолюцію Его Высокопреосвященства относительно ежегоднаго взноса въ

пользу кассы отъ свѣчнаго завода внести въ уставъ кассы примѣчаніемъ къ § 17-му. 4) Просить Его Высокопреосвященство разрѣшить Правленію кассы изготовить къ предстоящему въ 1896 году очередному Епархіальному съѣзду духовенства соображенія объ изысканіи средствъ на покрытіе неутвержденнаго десятирублеваго въ пользу Эмеритальной кассы взноса отъ каждой церкви епархіи и, по утвержденіи журналовъ съѣзда 1896 года Епархіальною властію, исправленный проэктъ устава Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи представить на утвержденіе Святѣйшаго Сѵнода. 5) Просить Харьковское епархіальное попечительство, согласно § 16 устава кассы, сообщить Правленію кассы свѣдѣнія: а) о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, существующаго съ 1882 г., б) капитала въ пользу семействъ умершихъ священно-и-церковно-служителей, существующаго съ 1890 г., и в) капитала вообще въ память умершихъ духовныхъ лицъ, Харьковской епархіи, существующаго съ 1893 г., и свободныя суммы изъ этихъ капиталовъ и денежные документы передать Правленію эмеритальной кассы. 6) Завести, на основаніи § 58 проэкта устава эмеритальной кассы: а) книги на записку прихода и расхода суммъ; б) книгу съ спискомъ всѣхъ вкладчиковъ кассы; в) книгу на записку пенсіонеровъ и семействъ ихъ; г) книги для записи входящихъ и исходящихъ бумагъ; д) книгу для записи почтовыхъ повѣстокъ и е) прочія необходимыя канцелярскія принадлежности. 7) Просить Его Высокопреосвященство утвердить письмоводителя Попечительства по веденію запаснаго капитала духовенства, псаломщика Тихона Степурскаго, въ должности письмоводителя эмеритальной кассы съ назначеніемъ ему жалованья по этой должности 20 рублей ежемѣсячно и съ увольненіемъ его отъ должности по Попечительству и 8) собранія Правленія кассы имѣть въ помѣщеніи Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства въ неприсутственное для онаго вечернее время и просить Епархіальное Попечительство предоставить право письмоводителю кассы, псаломщику Тихону Степурскому, заниматься въ канцеляріи Попечительства и въ присутственное время. Журналъ о вышеизложенномъ представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства. Предсѣдатель Правленія, Ректоръ Семинаріи протоіерей Іоаннъ Знаменскій. Члены Правленія: протоіерей Александръ Ѳедоровскій, протоіерей Василій Поповъ, священникъ Іоаннъ Гончаревскій, завѣдующій дѣлопроизводствомъ, священникъ Николай Гутниковъ. На подлинномъ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 20 января 1895 года за № 358 послѣдовала такова: „Утверждается“.

ОТЧЕТЪ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за $18^{93}/_{94}$ учебный годъ.

(Продолженіе *).

8. Пособіе отъ духовенства епархіи.

Въ отчетномъ году, какъ и въ предшествующіе, участіе въ наматеріальной поддержкѣ церковно-приходскимъ школамъ принимало и мѣстное духовенство. Денежныя пожертвованія отъ лицъ духовнаго званія поступили въ пользу школъ, находящихся въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ епархіи: Харьковскаго уѣзда: 1) въ с. Малой Даниловкѣ отъ мѣстнаго причта—30 р.; 2) въ с. Деркачахъ при Николаевской церкви—отъ протоіерея Димитрія Регишевскаго—60 р.; 3) въ с. Удахъ—отъ свящ. Матѳія Богословскаго—4 р.; 4) въ с. Казачьей Лопани—отъ свящ. Филарета Антонова—60 р.; 5) въ с. Березовой—отъ мѣстнаго причта—10 р.; Ахтырскаго уѣзда: 6) въ с. Котельвѣ, при Преображенской церкви,—отъ свящ. Александра Пантелѣева—50 р.; 7) въ с. Хухрѣ, при Покровской церкви—отъ свящ. Димитрія Попова—7 руб.; 8) въ с. Пожнѣ—отъ свящ. Николая Яковлева—50 руб.; 9) въ с. Покровской—отъ свящ. Григорія Попова—12 р.; Богодуховскаго уѣзда: 10) въ с. Большой Писаревкѣ, при Покровской церкви—отъ свящ. Алексія Станиславскаго—25 р.; 11) въ с. Александровкѣ—отъ негоже, свящ. Станиславскаго,—15 р.; 12) въ с. Иванахъ—отъ свящ. Іоанна Краснопольскаго 3 руб.; 13) въ с. Малой Писаревкѣ—отъ діакона Григорія Павловскаго—13 р.; Валковскаго уѣзда: 14) въ г. Валкахъ, при Успенской церкви,—отъ свящ. Никанора Конѣйчикова—4 р. 40 к.; 15) въ с. Снѣжковомъ Кутѣ отъ свящ. Михаила Лукашева—2 р. 75 к.; 16) въ с. Ковягахъ—отъ свящ. Алексія Навродскаго—5 руб.; 17) въ с. Высокопольѣ—отъ мѣстнаго причта—16 р.; Волчанскаго уѣзда: 18) въ г. Волчанскѣ, при соборѣ,—отъ учредителя школы протоіерея Арсенія Павлова (ежегодный взносъ)—120 руб.; Изюмскаго уѣзда: 19) въ с. Ольховомъ Рогѣ—отъ свящ. Анастасія Михайловскаго—10 руб.; 20) въ с. Дробышевой—отъ свящ. Александра Лонгинова—5 руб.; 21) въ с. Щуровой—отъ свящ. І. Твердохлѣбова—2 р. 60 к.; 22) въ г. Славянскѣ, при Троицкой церкви,—отъ свящ. Петра Скубачевскаго—2 р. 10 к.; Купянскаго уѣзда: 23) въ с. Кармазиновкѣ при единовѣрческой церкви—отъ протоіерея Тимоѳея Раздобарова—125 р.; 24) въ с. Ново-Георгіевскѣ—отъ протоіерея Василія Попова—50 р.;

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ" № 1, 1895 г.

25) въ с. Ново-Ольшаной—отъ свящ. Іоанна Макаровскаго—61 р.; 26) въ с. Кругляковкѣ—отъ свящ. Іосифа Самойлова—10 р.; Старобѣльскаго уѣзда: 27) въ с. Шпотиной—отъ свящ. Ѳеодора Москалева—5 ру. и отъ діакона Филиппа Аксененкова—1 руб.; 28) въ с. Алексѣевкѣ (2 округа) отъ протоіерея Георгія Попова—100 р.; 29) въ с. Бѣлокуракиной, при Тихоновской церкви,—отъ причта 120 руб.; 30) въ с. Осиновой, при Успенской церкви, отъ свящ. Василія Капустянскаго—3 руб.; 31) въ с. Новой Россоши—отъ священника Іоанна Жуковскаго—4 руб.; 32) въ с. Просяной—отъ священника Іоанна Павлова—5 руб.; 33) въ с. Кабычиной—отъ священника Георгія Грекова—3 руб.; 34) въ с. Богдановой—отъ свящ. Прокофія Попова—20 р.; 35) въ с. Великотской—отъ свящ. Петра Раздольскаго—50 р.; 36) въ с. Бѣлолуцкой—отъ свящ. Іоанна Попова—25 р.; 37) въ той-же слободѣ—отъ свящ. Іоанна Буткова—20 р.; 38) въ с. Трехизбянскѣ—отъ протоіерея Михаила Павлова—122 р.; 39) въ с. Бахмутовкѣ—отъ свящ. Петра Ветухова—20 руб.; 40) въ с. Чебановкѣ—отъ свящ. Филиппа Пестрякова—15 р.; 41) въ с. Лашиновкѣ—отъ свящ. Харлампія Твердохлѣбова—10 р.; 42) въ с. Штормовой—отъ свящ. Іоанна Иннокова—10 р.; 43) въ с. Волкодавой—отъ свящ. Митрофана Торанскаго—5 р.; 44) въ с. Муратовой—отъ свящ. Меѳодія Лядскаго—5 руб., 45) въ с. Петро-Павловкѣ—отъ свящ. Матѳія Моүсеева—5 р.; 46) въ с. Варваровкѣ—отъ свящ. Николая Склярова—4 р.; 47) въ с. Черниговкѣ—отъ свящ. Николая Матвѣева—3 р.; 48) въ с. Михайловкѣ—отъ свящ. Михаила Ветухова—3 р.; 49) въ с. Ново-Ахтыркѣ—отъ свящ. Ѳеодора Войтова—3 р.; 50) въ с. Боровской—отъ свящ. Александра Ветухова—2 р. 20 к.; Сумскаго уѣзда: 51) въ с. Вирахъ—отъ свящ. Ѳеодора Заводовскаго—5 р.; 52) въ с. Прорубѣ—отъ свящ. Михаила Павлова—25 р. и 53) въ с. Ворожбѣ—изъ діаконскихъ доходовъ—35 р. Итого—1381 руб. 5 коп. Отъ духовенства Зміевскаго и Лебединскаго уѣздовъ пожертвованій въ пользу школъ за отчетный годъ не поступало.

На основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 29 іюля—26 августа 1892 года, за № 1966 и согласно распоряженію Харьковскаго Епархіальнаго Начальства въ отчетномъ году былъ произведенъ вычетъ въ размѣрѣ 1/3 изъ доходовъ нѣкоторыхъ штатныхъ діаконовъ въ пользу лицъ, которыя, вмѣсто діаконовъ, занимались обученіемъ въ мѣстныхъ школахъ. Изъ означеннаго источника получили слѣдующее вознагражденіе учащіе въ школахъ Волчанскаго уѣзда: 1) въ Волчанской, при соборѣ,—90 руб., 2) Заводянской—50 руб., 3) Печенѣжской, при Преображенской

церкви—77 руб., 4) Мартовской—80 р.; Купянскаго уѣзда: 5) въ Краснянской—133 р. 33 к., 6) Терновской—33 р. 33 к., 7) Торской—100 р.; Старобѣльскáго уѣзда: 8) въ Ново-Бѣлянской,—при Рождество-Богородичной церкви,—147 р. 21 к., 9) Бѣловодской, при Николаевской церкви,—152 р. 19 к.; 10) Бѣловодской, при Троицкой церкви,—117 руб. 19 к., 11) Кононовской—75 р., 12) Стрѣльцовской — 40 р., 13) Варваровской—90 р., 14) Петро-Павловской, при Петро-Павловской церкви,—70 руб., 15) Муратовской—60 р., 16) Смолянииновской—35 р. и 17) Боровской—20 р.; итого—1370 р. 25 к. Всего отъ церквей и духовенства на содержаніе школъ поступило—9961 руб. 70 к., считая въ этой суммѣ: денежныя пособія отъ церквей, пожертвованія отъ духовенства и вычеты изъ діаконскихъ доходовъ въ пользу учащихъ въ школахъ.

9. Плата за обученіе.

Плата за обученіе взималась въ нѣкоторыхъ школахъ епархіи и была расходуема частію на текущія потребности школъ, частію-же на содержаніе учащихъ въ оныхъ. Денежныя пособія изъ этого источника получали слѣдующія школы: 1) Александро-Невская, въ г. Харьковѣ—1262 руб. 10 к.; 2) Воскресенская, въ г. Харьковѣ—513 р.; 3) Всѣхсвятская, въ г. Харьковѣ—432 р.; 4) Свято-Духовская 1-я, въ г. Харьковѣ—180 руб.; 5) Харьковская, при Дмитріевской церкви,—30 руб.; 6) Харьковская, въ Озерянскомъ приходѣ,—592 р. 89 к.; школы Харьковскаго уѣзда: 7) Мало-Даниловская 18 р.; 8) Роганская—67 р.; 9) Мерефянская, при Николаевской церкви,—83 руб. 70 к.; 10) Деркачевская, при Николаевской церкви,—60 р.; 11) Деркачевская, при Рождество-Богородичной церкви,—50 р.; 12) Черкасско-Лозовская—44 р. 40 коп.; 13) Мироновская—15 р. 25 к.; 14) Казачье-Лопанская—22 руб. 50 к.; 15) Прудянская, (Дементѣевскаго прихода)—27 р.; Ахтырскаго уѣзда: 16) Ахтырская, при Николаевской церкви,—80 руб.; Богодуховскаго уѣзда: 17) Богодуховская, при Троицкой церкви—21 р. 90 к.; 18) Богодуховская, при Покровской церкви—83 руб. 30 к.; Валковскаго уѣзда: 19) Валковская, при соборѣ,—279 руб.; 20) Валковская, при Успенской церкви—27 руб.; 21) Валковская, при Георгіевской церкви—45 р. 50 к.; 22) Левендаловская—20 р.; 23) Высокопольская—4 р.; 24) Михайловская—20 р.; 25) Огульчанская—10 руб.; 26) Кантакузовская — 8 руб.; Зміевскаго уѣзда: 27) Боровская—10 руб. 15 коп.; 28) Чугуевская, при Рождество-Богородичной церкви,—23 руб.; 29) Чугуевская, при Николаевской церкви,—19 руб. 80 коп.; Изюмскаго уѣзда: 30) Изюмская,

при соборѣ, — 169 руб. 85 коп. 31) Славянская, при соборѣ,— 27 р. 80 к.; 32) Рѣзниковская—60 р.; 33) Богодаровская—62 р.; 34) Даниловская—66 руб.; 35) Никифоровская — 60 рублей; 36) Изюмская, при Покровской церкви,—30 р.; 37) Славянская, при Воскресенской церкви—68 руб.; Купянскаго уѣзда: 38) Покровская—29 руб.; Старобѣльскаго уѣзда: 39) Осиновская, при Успенской церкви,—115 р.; 40) Можняковская— 36 руб.; 41) Бѣловодская, при Николаевской церкви—28 р.; 42) Кононовская—7 руб. 7 к.; 43) Вороновская (Боровскаго прихода)—13 руб.; 44) Канауская (Трехизбянскаго прихода)—22 р. 50 к.; Сумскаго уѣзда: 45) Сумская, при Покровской церкви—165 р. 50 к.; 46) Бѣлопольская, при Петро-Павловской церкви (цер.-прих. школа)—222 руб.; 47) Бѣлопольская, при Петро-Павловской церкви (школа грамоты)— 124 р.; 48) Рогознянская—80 р.; 49) Бѣлопольская, при Пророко-Ильинской церкви—389 р. 16 к.; 50) Ворожбянская—40 р.; 51) Вировская—7 р.; 52) Прорубская—59 р. и 53) Хотѣнская—2 р. 20 к. Въ школахъ: Ахтырскаго, Волчанскаго и Лебединскаго уѣздовъ плата за обученіе не взималась. Итого отъ платы за обученіе учащихся поступило—5932 р. 57 коп.

Церковно-приходская школа, при Епархіальномъ женскомъ училищѣ, въ отчетное время получила содержаніе отъ Совѣта Училища, поступившее отъ епархіи, при чемъ законоучителю оной выдано въ жалованьѣ 120 руб. и учительницѣ 240 руб. при квартирѣ и столѣ.

Сверхъ означенныхъ въ п.п. 1—8 поступленій на содержаніе школъ епархіи, въ распоряженіи уѣздныхъ отдѣленій Епархіальнаго Училищнаго Совѣта числилась остаточная сумма отъ 1892—93 учебнаго года, по содержанію церковно-приходскихъ школъ епархіи—3932 р. 78 к. Такимъ образомъ въ распоряженіи Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и уѣздныхъ отдѣленій онаго, съ остаточными суммами отъ 1892—93 учебнаго года, по содержанію церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты числилось за отчетный 1893—94 учебный годъ—56014 р. 85 коп. (болѣе на 20891 р. 10 к. противъ предшествующаго учебнаго года).

Изъ этой суммы поступило въ расходъ: 1) бывшіе въ распоряженіи Совѣта 3092 р. 81 к., въ томъ числѣ: а) пособіе отъ Святѣйшаго Синода—1000 р. и б) поступленіе изъ мѣстныхъ средствъ епархіи—2092 р. 81 к. и 2) бывшіе въ распоряженіи уѣздныхъ отдѣленій Совѣта — 44537 руб. 9 коп.; а всего израсходовано — 47629 руб. 90 коп.

Къ началу текущаго 1894—95 учебнаго года состоитъ въ ос-

таткѣ: 1) совѣтскихъ суммъ—827 руб. 94 коп., поступившихъ изъ мѣстныхъ средствъ епархіи, и 2) суммъ отдѣленскихъ 9517 руб. 76 коп.; всего въ остаткѣ къ 1894—95 учебному году состоитъ—10345 руб. 70 коп.

(Продолженіе будетъ).

ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁹³/₉₄ учебный годъ.

(Продолженіе *).

2. Составъ учащихся.

Въ отчетномъ году въ училищѣ было одиннадцать классовъ: шесть нормальныхъ, приготовительный и параллельныя отдѣленія въ первомъ, второмъ, третьемъ и четвертомъ классахъ.

а) Въ началѣ 189³/₄ учебнаго года всѣхъ воспитанницъ въ училищѣ, вмѣстѣ съ принятыми вновь, было 505, именно: въ приготовительномъ классѣ 59 воспитанницъ, въ I-мъ нормальномъ 42, въ I-мъ параллельномъ 41, во II-мъ нормальномъ 54, во II-мъ параллельномъ 53, въ III нормальномъ 39, въ III параллельномъ 48, въ IV нормальномъ 43, въ IV параллельномъ 35, въ V-мъ 50 и въ VI-мъ 41 воспитанница.

Въ теченіе года выбыло изъ училища 24 воспитанницы именно: изъ приготовительнаго класса 4 воспитанницы (двѣ уволены по болѣзни, одна по просьбѣ отца и одна за долговременную неявку) изъ I нормальнаго класса 1 воспитанница (уволена по просьбѣ отца), изъ I параллельнаго класса 3 воспитанницы (одна умерла, одна уволена по просьбѣ отца и одна уволена за долговременную неявку), изъ II нормальнаго класса 3 воспитанницы (двѣ уволены по просьбѣ родителей и одна по болѣзни), изъ II параллельнаго класса 3 воспитанницы (уволены по просьбѣ родителей), изъ III нормальнаго класса 2 воспитанницы (уволены по просьбѣ отца), изъ IV-го нормальнаго класса 1 воспитанница (уволена по просьбѣ родителей), изъ V-го класса 6 воспитанницъ (пять уволены по просьбѣ родителей и одна по болѣзни) и изъ VI-го класса 1 воспитанница (уволена по просьбѣ отца).

Вновь принято въ теченіе года 12 дѣвицъ, именно: въ приготовительный классъ 1 дѣвица, въ I-й нормальный классъ 3, въ I-й параллельный 5, во II-й параллельный 1 и въ III-й нормальный классъ 2 дѣвицы.

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 1.

Такимъ образомъ ко времени годичныхъ испытаній въ училищѣ числилось 493 воспитанницы, именно: въ приготовительномъ классѣ 56 воспитанницъ, въ I-мъ нормальномъ классѣ 44, въ I-мъ параллельномъ 43, во II-мъ нормальномъ 51, во II-мъ параллельномъ 51, въ III-мъ нормальномъ 39, въ III-мъ параллельномъ 48, въ IV-мъ нормальномъ 42, въ IV-мъ параллельномъ 35, въ V-мъ 44 и въ VI-мъ классѣ 40 воспитанницъ.

б) Изъ послѣдняго общаго числа (493) 1 приходящая воспитанница, дочь дѣлопроизводителя Совѣта Училища, была освобождена отъ платы за ученіе, за одну приходящую воспитанницу вносилось за обученіе 45 руб., 60 воспитанницъ содержались на церковно-епархіальныя средства; 10 воспитанницъ—на средства епархіальнаго свѣчнаго завода; 10—на счетъ училищной экономіи; 34—на стипендіи разныхъ учрежденій и лицъ; за 291 воспитанницу вносился полный окладъ, 70 руб. въ годъ, положенный для дочерей духовенства харьковской епархіи; за 10 воспитанницъ вносилась уменьшенная плата, 50 р. въ годъ; за 3 воспитанницы иноепархіальныхъ вносилось по 180 руб. въ годъ и за 73 воспитанницы свѣтскаго происхожденія вносилось по 200 р. въ годъ.

в) Изъ того же общаго числа (493) дочерей духовенства Харьковской епархіи было 407,—въ томъ числѣ дочерей протоіереевъ и священниковъ было 278, дочерей діаконовъ 50 и дочерей псаломщиковъ 79; иноепархіальныхъ было 3,—всѣ дочери священниковъ; воспитанницъ свѣтскаго происхожденія было 83, именно: 8 дочерей дворянъ, 12 дочерей гражданскихъ чиновниковъ, 3 дочери офицеровъ, 6 дочерей потомственныхъ почетныхъ гражданъ, 3 дочери личныхъ почетныхъ гражданъ, 1 дочь ученаго управителя, 3 дочери народныхъ учителей, 1 дочь провизора, 5 дочерей фельдшеровъ, 10 дочерей купцовъ, 18 дочерей мѣщанъ, 1 дочь унтеръ-офицера, 1 дочь казака, 1 дочь рядоваго и 10 дочерей крестьянъ.

г) За исключеніемъ двухъ приходящихъ воспитанницъ всѣ остальныя помѣщались въ училищномъ корпусѣ.

3. Учебно-воспитательная часть.

а) *Недѣльное распредѣленіе уроковъ* въ училищѣ въ отчетномъ году было слѣдующее: аа) *въ приготовительномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе; во вторникъ—русскій языкъ, счисленіе, Законъ Божій; въ среду—русскій языкъ, счисленіе, чистописаніе; въ четвергъ—русскій языкъ церковное пѣніе, русскій языкъ; въ пятницу—русскій языкъ, счисленіе, чистописаніе; въ субботу—русскій языкъ, чистописаніе,

Законъ Божій; бб) *въ I нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—чистописаніе, Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ; во вторникъ—русскій языкъ, Законъ Божій, церковное пѣніе, диктовка; въ среду—Законъ Божій, чистописаніе, русскій языкъ, рукодѣліе; въ четвергъ—ариѳметика, русскій языкъ, церковное пѣніе, французскій языкъ; въ пятницу—ариѳметика, чистописаніе, рукодѣліе, диктовка, рисованіе; въ субботу—французскій языкъ, Законъ Божій, ариѳметика, чистописаніе; вв) *въ I параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—русскій языкъ, рукодѣліе, Законъ Божій, ариѳметика; во вторникъ—чистописаніе, русскій языкъ, ариѳметика, Законъ Божій; въ среду—чистописаніе, русскій языкъ, ариѳметика, церковное пѣніе; въ четвергъ—рукодѣліе, Законъ Божій, диктовка, французскій языкъ; въ пятницу—чистописаніе, русскій языкъ, церковное пѣніе, диктовка, рисованіе; въ субботу—французскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе, Законъ Божій; гг) *во II нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—французскій языкъ, географія, Законъ Божій, церковное пѣніе; во вторникъ—Законъ Божій, чистописаніе, ариѳметика, русскій языкъ; въ среду—рукодѣліе, Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика; въ четвергъ—географія, русскій языкъ, диктовка, церковное пѣніе; въ пятницу—французскій языкъ, русскій языкъ, рукодѣліе, ариѳметика, рисованіе; въ субботу—Законъ Божій, чистописаніе, ариѳметика, рукодѣліе; дд) *во II параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—французскій языкъ, Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика; во вторникъ—русскій языкъ, рукодѣліе, Законъ Божій, церковное пѣніе; въ среду—диктовка, географія, ариѳметика, чистописаніе, въ четвергъ—ариѳметика, диктовка, Законъ Божій, рукодѣліе; въ пятницу—французскій языкъ, географія, русскій языкъ, церковное пѣніе рисованіе; въ субботу—чистописаніе, Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ; ее) *въ III нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—ариѳметика, чистописаніе, церковное пѣніе, Законъ Божій; во вторникъ—диктовка, ариѳметика, русскій языкъ, Законъ Божій; въ среду—географія, русскій языкъ, рукодѣліе, французскій языкъ; въ четвергъ—диктовка, ариѳметика, русскій языкъ, чистописаніе; въ пятницу—географія, французскій языкъ, русскій языкъ, Законъ Божій, рисованіе; въ субботу—рукодѣліе, Законъ Божій, церковное пѣніе, ариѳметика; жж) *въ III параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—рукодѣліе, русскій языкъ, ариѳметика, Законъ Божій; во вторникъ—диктовка, Законъ Божій, ариѳметика, чистописаніе; въ среду—русскій языкъ, ариѳметика, церковное пѣніе, французскій языкъ; въ четвергъ—русскій языкъ, чисто-

ніе, ариѳметика, Законъ Божій; въ пятницу—русскій языкъ, французскій языкъ, географія, рукодѣліе, рисованіе; въ субботу—географія, диктовка, Законъ Божій, церковное пѣніе; зз) *въ IV нормальномъ классѣ*—понедѣльникъ—рукодѣліе, географія, Законъ Божій, русскій языкъ; во вторникъ—ариѳметика, русскій языкъ, географія, рукодѣліе; въ среду—исторія, географія, Законъ Божій, церковное пѣніе; въ четвергъ—чистописаніе, славянскій языкъ, французскій языкъ, ариѳметика; въ пятницу—Законъ Божій, диктовка, церковное пѣніе, ариѳметика, рисованіе; въ субботу—чистописаніе, исторія, русскій языкъ, французскій языкъ; ии) *въ IV параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—рукодѣліе, Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика; во вторникъ—чистописаніе, Законъ Божій, географія, исторія; въ среду—славянскій языкъ, географія, церковное пѣніе, русскій языкъ; въ четвергъ—Законъ Божій, диктовка, французскій языкъ, ариѳметика; въ пятницу—чистописаніе, ариѳметика, географія, церковное пѣніе, рисованіе; въ субботу—исторія, рукодѣліе, русскій языкъ, французскій языкъ; іі) *въ V классѣ*—въ понедѣльникъ—географія, русскій языкъ, дидактика, исторія; во вторникъ—французскій языкъ, географія, русскій языкъ, ариѳметика; въ среду—церковное пѣніе, Законъ Божій, физика, исторія; въ четвергъ—рукодѣліе, географія, ариѳметика, исторія; въ пятницу—церковное пѣніе, Законъ Божій, физика, русскій языкъ, рисованіе; въ субботу—ариѳметика, французскій языкъ, исторія, Законъ Божій; кк) *въ VI классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, физика, геометрія, дидактика; во вторникъ—Законъ Божій, русск. литература, французскій языкъ, физика; въ среду—географія, церковное пѣніе, исторія, русская грамматика; въ четвергъ—географія, французскій языкъ, исторія, русская литература, въ пятницу—геометрія, церковное пѣніе, физика, русская литература, рисованіе; въ субботу—Законъ Божій, космографія, дидактика, исторія.

1-й урокъ продолжался отъ 9 до 9 ч. 55 м., 2-й урокъ—отъ 10 ч. 5 м. до 11 часовъ, 3-й урокъ—отъ 11 ч. 30 м. до 12 ч. 25 м., 4 урокъ—отъ 12 ч. 35 м. до 1 ч. 30 м., 5-й урокъ—отъ 3 до 5 часовъ.

Сравнительно съ прошлымъ 18⁹²/₉₃ учебнымъ годомъ, въ отчетномъ году въ этомъ распредѣленіи не произошло никакихъ перемѣнъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Владиміръ *Самойловъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви сл. Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Безмѣстный священникъ Павелъ *Дюбановъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви м. Новой-Айдари, Старобѣльскаго уѣзда.

— Надзиратель Сумскаго духовнаго училища Сергѣй *Посельскій* опредѣленъ, согласно прошенію, священникомъ къ Успенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда.

— Священникъ Іоанно-Предтеченской церкви с. Луки, Сумскаго уѣзда, Митрофанъ *Стефановскій*, за нетрезвую жизнь, резолюціей Его Высокопреосвященства отрѣшенъ отъ мѣста, и на его мѣсто переведенъ священникъ Успенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда, Антоній *Червонецкій*.

— Священникъ Сумскаго Преображенскаго собора Іаковъ *Ященковъ*, 6 января н. г., волею Божіею, умеръ.

— Опредѣленный 19 ноября 1894 г. учитель приходскаго училища Аѳанасій *Бѣлоусовъ* діакономъ къ Христо-Рождественской церкви с. Боромли 26 декабря того-же года рукоположенъ въ санъ діакона.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Пророко-Ильинской церкви хут. Андреевскаго, Лебединскаго уѣзда, кр. Александръ *Голубъ*; къ Іоанно-Богословской церкви с. Низовъ, Сумскаго уѣзда, крест. Василій *Бѣляевъ*; къ Тихоновской церкви с. Ницахи, Ахтырскаго уѣзда, крест. Моисей *Яковлевъ*.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Высочайшій пріемъ депутацій и рѣчь Государя Императора.—Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ суммъ государственнаго казначейства на вспособленіе церковно-приходскимъ школамъ.—Пожертвованія духовныхъ лицъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ.—Внѣслужебныя занятія сельскихъ пастырей.—Мѣры къ сохраненію памятниковъ древности.—Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ.—Двадцатипятилѣтіе православнаго миссіонерскаго общества.—Заботы духовенства объ улучшеніи матеріальнаго положенія бѣдныхъ духовнаго званія.—Охраненіе имущественныхъ правъ церквей.—Высочайшая милость литераторамъ.—Упорядоченіе переселенческаго движенія.—Новый президентъ Франціи.—Некрологъ.

17 и 18 января назначенъ былъ въ Зимнемъ дворцѣ пріемъ многочисленныхъ депутацій, прибывшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, для выраженія Ихъ Величествамъ вѣрноподданническихъ чувствъ и принесенія поздравленія съ бракосочетаніемъ. 17 января, во второмъ часу дня, представители дворянства, земствъ и городовъ собрались въ Николаевской залѣ и заняли мѣста вдоль залы съ обѣихъ ея сторонъ. Въ два часа къ депутаціямъ вышелъ Его Величество Государь Императоръ. Привѣтствовавъ собравшихся и выйдя на средину залы, Его Величество произнесъ слѣдующія слова:

„Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внут-

ренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный, покойный Родитель".

Громогласное «ура!» огласило Николаевскую залу. Затѣмъ Его Величество прослѣдовалъ во внутренніе покои, изъ которыхъ не замедлилъ возвратиться въ концертную залу, въ сопровожденіи Государыни Императрицы. Депутаціи были представлены Ихъ Величествамъ—министрами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ и подходили къ Ихъ Величествамъ одна вслѣдъ за другою со св. иконами, складнями, хлѣбомъ-солью, адресами и разными подношеніями на стипендіи, церкви-школы и пр. Раньше другихъ представлялись депутація отъ дворянства, затѣмъ отъ казачьихъ войскъ и областей, отъ земствъ и городовъ. Представленіе депутацій окончилось въ три съ половиною часа дня.

— По сообщеніямъ столичныхъ газетъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: отпустить изъ суммъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Оберъ-Прокурора Св. Сvнода 700,000 рублей, на воспособленіе церковно-приходскимъ и другимъ народнымъ училищамъ, находящимся въ вѣдѣніи Св. Сvнода.

— Само ревностно трудясь для религіознаго просвѣщенія народа, православное духовенство приноситъ и посильныя матеріальныя пожертвованія на дѣло этого просвѣщенія. Недавно, по сообщенію «Цер. Вѣд.», одинъ изъ священниковъ херсонской епархіи; движимый чувствомъ благодарности къ воспитавшей его одесской семинаріи, представилъ въ правленіе семинаріи 2,300 р. на учрежденіе изъ процентовъ стипендіи при семинаріи для одного изъ воспитанниковъ ея, отличающагося особенною любовію къ церкви и ея службамъ, съ тѣмъ, между прочимъ, условіемъ, чтобы, до конца жизни жертвователя, фамилія его оставалась никому неизвѣстной. На докладѣ объ этомъ правленія семинаріи высокопреосвященный Іустинъ, написалъ: „прекрасное чувство уваженія и любви священника жертвователя къ воспитавшему его учебному заведенію достойно полнаго уваженія: да будетъ оно благословенно отъ Бога!" На иное, но столь же полезное дѣло, сдѣлалъ пожертвованіе священникъ домовой при раненбургскомъ духовномъ училищѣ церкви Никандръ Любимовъ, представившій въ епархіальный училищный совѣтъ капиталъ въ 2,000 рублей, проценты съ котораго должны расходоваться ежегодно въ награду учителямъ и учительницамъ какъ церковно-приходскихъ школъ, такъ и школъ грамоты, исключительно женскихъ и смѣшанныхъ данковскаго

уѣзда, за наученіе обучающихся въ этихъ школахъ дѣвочекъ правильному и толковому, въ духѣ церковномъ, церковно-славянскому чтенію псалтири и часослова и другихъ богослужебныхъ книгъ, равно и церковному пѣнію обиходному и по обычнымъ напѣвамъ церковнымъ.

— «Могил. Еп. Вѣд.» сообщаютъ о примѣрѣ внѣслужебныхъ заслугъ сельскаго священника, именно одного изъ священниковъ климовичскаго уѣзда. Этотъ священникъ въ 1892 году за труды на пользу сельскаго хозяйства награжденъ серебряною медалью отъ смоленскаго общества сельскаго хозяйства, и зачисленъ въ члены парижской земледѣльческой академіи съ выдачей диплома; въ 1893 году за дѣятельность на поприщѣ охраненія народнаго здравія засвидѣтельствована ему „благодарность и уваженіе" отъ комитета и бюро всероссійской гигіенической выставки, бывшей въ Петербургѣ въ 1893 г.; въ 1894 г., за труды на пользу сельскаго хозяйства, награжденъ бронзовой медалью отъ боровичскаго общества сельскаго хозяйства. Епархіальныя вѣдомости не рѣшаются утверждать, что подобныхъ примѣровъ много, но важно и то, что они случаются, и пусть бы ихъ было побольше, только бы занятія внѣ служебныя не наносили ущерба исполненію прямыхъ обязанностей священнаго сана.

— По сообщенію столичныхъ газетъ, Императорская археологическая коммиссія обратилась, съ разрѣшенія Св. Синода, съ новымъ циркуляромъ къ сельскому духовенству. Близко стоящіе къ народу и находящіеся въ постоянномъ общеніи съ крестьянами священники легко могутъ оказать неоцѣненныя услуги археологіи и спасти отъ разрушенія тысячи памятниковъ старины. Въ виду этого обстоятельства предсѣдатель археологической коммиссіи, обращаясь къ сельскому духовенству, проситъ бережно относиться ко всѣмъ стариннымъ вещамъ, хранящимся въ церковныхъ ризницахъ, и отнюдь не продавать ихъ разнымъ скупщикамъ, а также внушать крестьянамъ, чтобы они сами или черезъ посредство другихъ лицъ отправляли въ Императорскую археологическую коммиссію всякую найденную древнюю вещь. Коммиссія, съ своей стороны, не замедлитъ тотчасъ по полученіи вещей оцѣнить ихъ по достоинству и выслать денежное вознагражденіе, причемъ передача денегъ можетъ производиться черезъ сельскихъ священниковъ.

— Какъ видно изъ только-что вышедшаго отчета за 1892 годъ состоящаго подъ Августѣйшимъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны покровительствомъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, совѣтъ Общества располагалъ

въ отчетномъ году капиталомъ во 148.984 руб. 54 коп., изъ которыхъ въ теченіе года поступило 121.957 руб. 51 коп., а 27.027 руб. 3 коп. составляли остатокъ отъ 1891 года. Расходъ выразился въ суммѣ во 128.009 руб. 86 коп. Для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ православнаго населенія въ отчетномъ году на средства Общества устроены двѣ церкви въ Тифлисѣ. При содѣйствіи Общества выстроена церковь въ Ольгинскомъ поселкѣ, Тифлисскаго уѣзда. Изъ старинныхъ храмовъ экзархата, замѣчательныхъ по своей исторической святынѣ, возобновлялись и украшались слѣдующіе: Самебскій, находящійся въ 37-ми верстахъ отъ Тифлиса; Мцхетскій 12-ти Апостоловъ соборъ; Метехскій храмъ Горійскаго уѣзда; Дуиссопельская церковь въ Тушетіи; Лутлубская церковь, Душетскаго уѣзда; Самтависскій соборъ, Горійскаго уѣзда; Цромскій во имя Вознесенія Христова храмъ; Лыхинская церковь, построенная въ X вѣкѣ царемъ Абхазскимъ Леономъ III, и др. Всѣхъ церквей въ вѣдѣніи Общества въ отчетномъ году состояло: штатныхъ 149 и приписанныхъ къ нимъ 51, молитвенныхъ домовъ 3 и одна часовня.

— По сообщенію «Рос. Тел. Аг.» отъ 23 янв., въ Москвѣ отпраздновано двадцатипятилѣтіе Православнаго миссіонерскаго общества, основаннаго въ 1870 году митрополитомъ московскимъ. За двадцать пять лѣтъ собрано пожертвованій четыре милліона девяносто четыре тысячи; издержано на нужды общества два милліона девятьсотъ тысячъ; обращено въ христіанскую вѣру сто четыре тысячи человѣкъ; число членовъ въ обществѣ двѣнадцать тысячъ семьсотъ человѣкъ. Въ память юбилея рѣшено открыть при Проковскомъ монастырѣ институтъ для приготовленія миссіонеровъ, учредить при Забайкальской миссіи два миссіонерскихъ стана, назвавъ ихъ „Иннокентіевскими“.

— Томское епархіальное попечительство духовныхъ бѣдныхъ, какъ сообщается объ этомъ въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ, разсматривая вѣдомости о сиротствующихъ, получающихъ ежегодно пособіе, указало на недостаточную внимательность нѣкоторыхъ благочинныхъ къ составленію ихъ и своевременному представленію въ попечительство, чрезъ что весьма часто случается не своевременое удовлетвореніе сиротъ назначеннымъ пособіемъ, а также нерѣдко бываютъ случаи неудовлетворенія ихъ пособіемъ за нѣсколько лѣтъ къ ряду, и озаботилось устраненіемъ такихъ случачаевъ. Въ саратовской епархіи, по сообщенію «Сар. Еп. Вѣд.», духовенство 4 благочинническаго округа, петровскаго уѣзда, на собраніи своемъ 24 ноября 1894 г. постановило: на случай смерти

священника своего округа вдовѣ умершаго или малолѣтнимъ дѣтямъ его выдавать отъ каждаго причта, изъ его собственныхъ средствъ, по 3 руб., а на случай смерти діакона или псаломщика вдовѣ или малолѣтнимъ его сиротамъ изъ того же источника удѣлять по 2 руб.

— Новгородскимъ и архангельскимъ епархіальными начальствами объявлены распоряженія относительно охраненія имущественныхъ интересовъ церквей. Въ новгородской епархіи, вслѣдствіе того, что принадлежащая одной изъ церквей земля, данная отъ правительства, обложена была мѣстною земскою управою поземельнымъ налогомъ, консисторія, съ утвержденія его высокопреосвященства, предписала благочиннымъ объявить причтамъ и церковнымъ старостамъ, чтобы о всѣхъ случаяхъ обложенія земель и другихъ угодій, данныхъ церквамъ отъ правительства или значащихся за ними по писцовымъ книгамъ, а также въ случаѣ обложенія церковной земли въ размѣрѣ до 99 десятинъ, отведенной въ довольство причту прихожанами или какимъ-либо частнымъ лицомъ, немедленно же, по полученіи окладнаго листа, доносили консисторіи для сношеній послѣдней, съ кѣмъ слѣдуетъ, о сложеніи налога, какъ незаконнаго. Въ архангельской епархіи объявлено распоряженіе о порядкѣ веденія исковыхъ дѣлъ въ гражданскомъ судѣ.

— Чувство глубочайшей вѣрноподданнической благодарности и радости въ труженикахъ науки и литературы вызвалъ именной Высочайшій указъ, данный министру финансовъ, 13-го января, начинающійся слѣдующими незабвенными словами: „Въ Монаршемъ попеченіи о вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, посвятившихъ свои дарованія и усиленные труды служенію Намъ и Отечеству на поприщахъ науки, словесности и повременной печати, признали Мы справедливымъ отпускать ежегодно, изъ государственнаго казначейства, денежныя средства для оказанія необходимой помощи нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ, возложивъ исполненіе сей Нашей воли на Императорскую академію наукъ, какъ первенствующее ученое сословіе въ россійской имперіи. Твердо уповаемъ, что таковая поддержка, оказываемая независимо отъ вспособленій изъ средствъ нынѣ существующихъ съ тою же цѣлью частныхъ учрежденій, дастъ названнымъ лицамъ возможность съ еще большимъ рвеніемъ посвящать свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ, къ вящшей славѣ и величію Нашей горячо любимой Россіи“. Для производства нуждающимся ученымъ, литераторамъ

и публицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ, единовременныхъ денежныхъ воспособленій, а тѣмъ изъ нихъ, кто не получаетъ пенсій изъ другихъ источниковъ, также и пожизненныхъ пенсій, Высочайше повелѣно отпускать ежегодно, изъ государственнаго казначейства, по пятидесяти тысячъ рублей. Обсужденіе и установленіе правъ вышепоименованныхъ лицъ на оказаніе имъ помощи изъ указаннаго источника и распоряженіе суммами, какъ отпускаемыми для сего изъ государственнаго казначейства, такъ равно и тѣми, кои могутъ поступать въ Императорскую академію наукъ съ тою же цѣлью въ видѣ частныхъ пожертвованій возложено на академію наукъ. «Цер. Вѣст.».

— По словамъ «Хар. Губ. Вѣд.», состоялось особое совѣщаніе по вопросу объ урегулированіи переселенческаго движенія въ Имперіи. Кромѣ ранѣе изданныхъ правилъ о переселеніи, постановлено: озаботиться улучшеніемъ экономическаго положенія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ замѣтно стремленіе къ выселенію, а также улучшить матеріальное положеніе самихъ переселяющихся, не находящихъ у себя на мѣстахъ прежней осѣдлости достаточныхъ средствъ къ содержанію семей. Кромѣ того рѣшено безотлагательно принять мѣры къ улучшенію колонизаціонныхъ нуждъ нашихъ окраинъ.

— Франція, еще недавно пораженная въ самое сердце злодѣйскимъ кинжаломъ убійцы покойнаго президента Карно, на время успокоилась было отъ потрясенія и думала найти себѣ достойнаго правителя въ лицѣ новаго президента Казиміра Перье. Но вотъ прошло лишь семь мѣсяцевъ съ его избранія, какъ начались такія неистовства разныхъ завистниковъ президента и враговъ общественнаго порядка, что его благородная натура возмутилась и онъ, не видя возможности утишить эту бурю страстей и оградить себя отъ сыпавшихся на него клеветъ и оскорбленій, порѣшилъ выйти въ отставку, и дѣйствительно 4 января сложилъ съ себя тяжелое бремя президентства. Этотъ шагъ крайне смутилъ обѣ палаты народныхъ представителей и все общество, и министры всячески упрашивали его не дѣлать этого роковаго шага, но Казиміръ Перье остался непреклоненъ, заявивъ, что при теперешней расшатанности политическихъ нравовъ общества онъ не можетъ быть президентомъ. Положеніе наступило весьма серьезное и многіе опасались революціи. Къ счастію, опасенія не оправдались. Въ Версалѣ 6 января состоялось засѣданіе конгресса для избранія новаго президента и таковымъ избранъ министръ морскаго вѣдомства Феликсъ Форъ, человѣкъ весьма умѣренный и положи-

тельный, личной энергіей и даровитостью достигшій своего высокаго положенія. Выборъ этотъ до крайности не понравился соціалистамъ и другимъ краснымъ элементамъ, и они тутъ же въ Версалѣ устроили новоизбранному президенту скандалъ, встрѣтивъ его свистками и всякими площадными ругательствами (въ этомъ отношеніи эти цивилизованные варвары превзошли даже извозчиковъ!); но всѣ неистовства остались безплодными, и новый президентъ вступилъ въ отправленіе своей высокой должности. Пожелаемъ ему всякаго успѣха въ дѣлѣ умиротворенія страстей въ своей цивилизованной, но—увы—крайне распущенной въ политическомъ, какъ и нравственномъ отношеніи страны! «Цер. Вѣст.».

— 6 января 1895 г., волею Божіею, скончался священникъ Сумскаго Преображенскаго собора о. Іаковъ Ященковъ. Почившій окончилъ курсъ въ 1873 г., въ томъ же году поступилъ учителемъ церковно-приходскаго училища Сумской соборной церкви, въ 1876 г. опредѣленъ надзирателемъ въ Ахтырское духовное училище, въ 1877 г. рукоположенъ во священника къ Покровской церкви с. Шпилевки, Сумскаго уѣзда, и назначенъ законоучителемъ народнаго училища, въ 1885 г. перемѣщенъ къ соборной Преображенской церкви г. Сумъ, въ томъ же году опредѣленъ законоучителемъ церковно-приходскаго училища и назначенъ наблюдателемъ за церковно-приходскими школами. Въ 1882 г. за отлично-ревностную службу о. Іаковъ былъ награжденъ набедренникомъ, въ 1885 г. за усердное прохожденіе должности законоучителя ему выражена благодарность отъ Сумскаго Училищнаго Совѣта, въ 1888 г. выражена была благодарность отъ Съѣзда Духовенства Сумскаго Училищнаго Округа, какъ члену строительнаго комитета, за понесенные труды при постройкѣ зданія Сумскаго Духовнаго Училища, въ 1888 г. за отлично-ревностную службу награжденъ фіолетовою скуфьею, въ 1891 г. за отлично-ревностные и полезные труды по церковно-приходскому училищу выражена благодарность Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, въ 1893 г. за весьма полезную и усердную службу награжденъ камилавкою. Не въ одной родной семьѣ кончина почившаго вызвала скорбь, но и въ средѣ духовенства, и среди прихожанъ и гражданъ г. Сумъ. За прямой, безхитростный характеръ, искреннюю доброту и участливость ко всѣмъ и каждому, за свою сердечную общительность почившій былъ любимъ и уважаемъ всѣми, и эта общая любовь и уваженіе выразились при погребеніи его. Выносъ тѣла почившаго совершенъ былъ при участіи всего градскаго духовенства при большомъ стеченіи жителей города 6 января въ 4 часа вечера. 7 числа совершена была соборнѣ поздняя заупокойная литургія и по окончаніи ея панихида съ участіемъ всего градскаго духовенства. Отъ любившихъ и уважавшихъ почившаго на гробъ его возложены были вѣнки: отъ церковнаго старосты Собора Н. А. Суханова съ надписью: „Глубоко-уважаемому іерею отцу Іакову“; отъ прихожанъ почившаго съ надписью: „Доброму пастырю“; отъ чиновника Л. В. Ястремскаго съ надписью: „Доброму товарищу и другу“; отъ церковно-приходской школы Николаевской церкви и попечателя ея М. П. Ворошилина съ надписью: „Отцу Наблюдателю, любившему насъ“; кромѣ того, были вѣнки отъ родныхъ

и отъ неизвѣстнаго. Отъ священниковъ округа возложенъ былъ ко гробу образъ Спасителя съ надписью: „Любимому собрату отъ собратовъ любящихъ“. Образъ сей при погребеніи почившаго несенъ былъ двумя священниками до кладбища и могилы, а послѣ погребенія, на память о братской любви и уваженія къ почившему, внесенъ былъ въ квартиру его и поднесенъ осиротѣвшей супругѣ его съ выраженіемъ пожеланія, чтобы она въ молитвѣ предъ Ликомъ Спасителя обрѣтала утѣшеніе и облегченіе въ безропотному перенесенію ниспосланной ей скорби. 8 числа, въ облегченіе своей скорби, пожелалъ помолиться объ упокоеніи души почившаго и совершить литургію самъ о. протоіерей В. Никольскій, тесть почившаго, и совершалъ ее соборнѣ. Погребеніе совершено непосредственно по окончаніи поздней литургіи. Всѣхъ участвовавшихъ въ совершеніи погребенія съ градскими священниками и предстоятелемъ, протоіереемъ о. Ѳ. Лащенковымъ, было 18 священниковъ, кромѣ многихъ діаконовъ и псаломщиковъ. Вмѣстительный Соборный храмъ былъ переполненъ молящимися. Умилительный чинъ священническаго погребенія, при прекрасномъ пѣніи соборнаго хора, еще больше усиливалъ скорбь во всѣхъ предстоявшихъ при гробѣ безвременно почившаго. На поздней литургіи было произнесено слово священникомъ Сумскаго Собора О. Н. Фесенковымъ, а во время погребенія произнесены были рѣчи протоіереемъ о. І. Максимовичемъ и Законоучителемъ Реальнаго училища священникомъ о. П. Ѳоминымъ. По окончаніи погребенія гробъ вынесенъ былъ изъ храма священниками и діаконами и сначала несенъ былъ ими, а потомъ прихожанами до кладбища и могилы. Печальную процессію сопровождали ученики Сумскихъ церковно-приходскихъ школъ при такомъ многолюдствѣ, какое бываетъ только въ дни крестныхъ ходовъ. Противъ Покровской церкви совершена была заупокойная литія по обычаю. У зданія Сумскаго Реальнаго училища процессія встрѣчена была съ крестомъ и хоругвями, причемъ фонари и поставленныя тумбы были обвиты траурнымъ крепомъ; противъ церкви училища сдѣлана была остановка и законоучителемъ училища совершена была заупокойная литія; самъ достоуважаемый директоръ училища ст. сов. А. С. Грицай въ парадной формѣ встрѣтилъ и провожалъ гробъ до могилы. Въ кладбищенской церкви по совершеніи литіи произнесена была у гроба почившаго рѣчь священникомъ о. С. Недѣлькою. По прочтеніи разрѣшительной молитвы гробъ былъ закрытъ, вынесенъ изъ храма и опущенъ въ могилу при раздирающихъ душу рыданіяхъ родныхъ и общей скорби.

Отецъ почившаго, священникъ Іоаннъ Ященковъ, состоялъ на службѣ 50 лѣтъ, вышелъ за штатъ въ началѣ прошлаго 1894 г. и скончался только въ октябрѣ мѣсяцѣ. Сынъ его почившій о. Іаковъ Ященковъ имѣлъ отъ рожденія 44 года, священствовалъ только 17 лѣтъ, ему—крѣпкому здоровьемъ,—по сужденію человѣческому, предстояли многіе годы благополучной жизни; но не такъ судилъ Господь, въ руцѣ Котораго дыханіе и жизнь человѣка, высочайшая премудрость Котораго предопредѣляетъ времена и лѣта человѣческой жизни; во цвѣтѣ лѣтъ, въ крѣпости силъ о. Іаковъ, волею Божіею, призванъ къ другой—вѣчной жизни.

Да упокоитъ, Милосердный Господь, душу усопшаго раба іерея Іакова со святыми Своими!

ОТЪ СОВѢТА

состоящаго подъ Высочайшимъ **Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны** покровительствомъ Московскаго Общества Любителей Птицеводства.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ разрѣшенія **Его Императорскаго Высочества** г. Московскаго генералъ-губернатора, Августѣйшаго Почетнаго Президента Общества, имѣетъ быть въ Москвѣ въ городскомъ манежѣ 19, 20, 21 и 22 февраля сего года

XVI ОЧЕРЕДНАЯ ВЫСТАВКА ПТИЦЕВОДСТВА.

На выставкѣ предполагается представить различныя породы домашнихъ и прирученныхъ птицъ, выводные и откормочные аппараты, модели птицеводныхъ принадлежностей, перья и пухъ и издѣлія изъ нихъ, яйца, чучела птицъ и вообще всѣ предметы, относящіеся къ птицеводству. На выставку ожидается породистая птица съ фермы дачи **Ея Императорскаго Величества Высочайшей Покровительницы Общества и съ Ильинской фермы Его Императорскаго Высочества, Почетнаго Президента Общества Великаго Князя Сергѣя Александровича.**

Мѣста и клѣтки на выставкѣ для птицъ и экспоненты не-члены получаютъ съ платою по 1 рублю съ гнѣзда однопородной птицы, по 25 коп. съ пары голубей, или соотвѣтственно занимаемому мѣсту плата, согласно правилъ выставки, по 1 руб. за квадратный аршинъ; а члены имѣютъ право выставлять безплатно по 1 гнѣзду птицы и по 1 парѣ голубей, одной породы и одинаковаго оперенія не болѣе 10 гнѣздъ. Принятая на выставку птица не можетъ быть снята до окончанія выставки. Представленныя экспонентами на выставку птицы и прочіе относящіеся къ птицеводству предметы, по опредѣленіи ихъ качества чрезъ экспертныя коммиссіи, которыя будутъ дѣйствовать по правиламъ, установленнымъ Совѣтомъ Общества, могутъ быть удостоены отъ общества, согласно устава, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей, жетоновъ, похвальныхъ отзывовъ и призовъ.

Г. Вице-Президентомъ К. В. Третьяковымъ будутъ назначены призы для выдачи ихъ за лучшіе экспонаты по отдѣламъ куръ и голубей.

Въ особомъ отдѣленіи Манежа будетъ открытъ базаръ для продажи птицъ и относящихся къ птицеводству предметовъ.

Мѣста торговцамъ будутъ предоставляться съ платою по 1 рублю за занимаемый квадратный аршинъ мѣста и за каждый этажъ помѣщенія. Заявленія экспонетовъ, желающихъ представить свою птицу на выставку (просятъ заявлять о томъ заблаговременно), принимаются въ Москвѣ: у Президента Общества В. Н. Шестакова (Пречистенка, Мертвый пер., домъ Игнатьевой), Вице-Президента К. В. Третьякова (Пятницкая, у Троицы-Вишняки, свой домъ), у Членовъ Совѣта: С. Н. Смирнова (Разгуляй, домъ Бостанджогло) и М. П. Лебедянцева (Пречистенскій бульваръ, домъ бывшій Грачева) и у казначея—Д. А. Ушакова (Пречистенской части, уголъ Глазовскаго и Денежнаго пер., домъ Сиротинина).

Въ заявленіяхъ, на установленныхъ бланкахъ, должно быть означено: имя, отчество, фамилія и адресъ экспонента, а также количество птицъ, по каждой породѣ отдѣльно.

Заявленія будутъ принимаемы до 17 февраля; а пріемъ птицъ въ Манежѣ послѣдуетъ 18 февраля съ 10 час. утра до 5 час. пополудни.

Иногородніе экспоненты благоволятъ письменно обращаться по какому-либо изъ указанныхъ выше адресовъ членовъ Совѣта, у коихъ безплатно раздаются подробныя правила выставки.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Февраля № 3. 1895 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1893—94 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1893—94 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ОТЧЕТЪ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 18⁹³/₉₄ учебный годъ.

(Продолженіе *).

VIII.

При обученіи дѣтей положеннымъ для церковно-приходскихъ школъ предметамъ, учащіе, какъ сказано выше (см. п. IV отчета). слѣдовали программамъ, утвержденнымъ Святѣйшимъ Синодомъ. По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ отчетахъ уѣздныхъ отдѣленій Совѣта и отчетахъ окружныхъ наблюдателей, видно, что въ незначительной части церковно-приходскихъ школъ нѣкоторые изъ учебныхъ предметовъ не были пройдены въ отчетномъ году въ томъ объемѣ, какой указанъ существующими программами, частію по обширности программъ для учебнаго года, а частію потому, что дѣти, вслѣдствіе ненастной погоды въ осеннее время учебнаго года, а также по недостатку обуви и теплой одежды и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, неаккуратно посѣщали школы и такимъ образомъ задерживали правильное и послѣдовательное теченіе школьныхъ занятій. Вполнѣ правильной постановкой учебнаго дѣла отличаются 120 школъ. Въ 143 школахъ учебныя занятія въ общемъ можно назвать поставленными болѣе или менѣе удовлетворительно; строй же учебнаго дѣла въ 79 школахъ слѣдуетъ признать не вполнѣ удовлетворительнымъ.

Нравственное воспитаніе учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи было предметомъ особенной заботы лицъ, завѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2, 1895 г.

дующихъ и учащихъ въ оныхъ. Средствами для развитія въ учащихся нравственнаго чувства были: ежедневныя утреннія и вечернія молитвы, молитвы предъ началомъ и послѣ ученія, а также пѣніе въ классное время повседневныхъ молитвъ и другихъ церковныхъ молитвословій и гимновъ: „Боже, Царя храни“ и „Коль славенъ“. При этомъ руководители школъ пріучали дѣтей къ внимательному отношенію къ молитвѣ, благоговѣйному участію въ оной, и напоминали имъ о святости постовъ и вообще всѣхъ установленій Церкви. Должное вниманіе со стороны воспитывающихъ обращаемо было и на то, чтобы дѣти неопустительно посѣщали церковныя богослуженія въ воскресные, праздничные и табельные дни, а способные изъ нихъ занимались бы чтеніемъ и пѣніемъ на клиросѣ и исполняли служебныя обязанности въ алтарѣ. Говѣніе и истинно христіанское приготовленіе дѣтей къ исповѣди и святому Причастію составляли предметъ особеннаго попеченія со стороны руководителей и учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ; вмѣстѣ съ симъ наставники внушали учащимся страхъ Божій, чувство вѣрноподданнической преданности Государю Императору, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ начальствующимъ и старшимъ и товарищеское миролюбіе. Наконецъ, къ обязанностямъ воспитателей относилось пріученіе дѣтей къ школьнымъ порядкамъ и наблюденіе за ихъ чистоплотностію и опрятностію въ одеждѣ и бережливымъ отношеніемъ къ чужой и своей собственности и т. п.

Утреннія и вечернія молитвы въ школѣ исполнялись всѣми учениками по очереди, въ присутствіи законоучителей; въ тѣхъ же школахъ, въ которыхъ учащіеся, по разнымъ причинамъ не пріобрѣли или не могли пріобрѣсти достаточнаго навыка къ внятному и бѣглому чтенію повседневныхъ молитвъ, таковыя были исполняемы самыми законоучителями или другими учащими въ школахъ. Въ нѣкоторыхъ начинающихъ школахъ практиковалось чтеніе молитвъ со словъ учащихъ, при чемъ для сбереженія времени, назначеннаго собственно для классныхъ занятій, были читаны не всѣ утреннія и вечернія молитвы, а только тѣ, которыя были избираемы законоучителями школъ. Главнѣйшія молитвы, каковы: „Царю небесный“, „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво радуйся“, „Спаси, Господи, люди Твоя“ и др., пѣлись подъ руководствомъ наставниковъ, по возможности, всѣми учащимися.

Дисциплинарныя мѣры въ церковно-приходскихъ школахъ были таковы: замѣчаніе, внушеніе, стояніе на ногахъ за скамьею, уда-

леніе учащихся изъ-за скамьи, лишеніе права принимать участіе во время перемѣнъ въ дѣтскихъ играхъ и забавахъ. При недѣйствительности этихъ мѣръ наставники доводили до свѣдѣнія родителей или опекуновъ о нерадѣніи и шалостяхъ учащихся, а упорно лѣнивыхъ учениковъ и неоднократно замѣченныхъ въ нетерпимыхъ проступкахъ, производившихъ соблазнъ и вредное вліяніе на ихъ товарищей, удаляли изъ школы навсегда.

Росписаніе уроковъ, согласно съ требованіемъ программъ, было во всѣхъ школахъ; въ нѣкоторыхъ-же школахъ и особенно въ тѣхъ, гдѣ, по малоспособности наличныхъ низшихъ членовъ клира или по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ для правильнаго хода учебныхъ занятій, обученіемъ дѣтей занимались одни приходскіе священники, которые въ классное время иногда оставляли учебныя занятія въ школахъ, для исполненія неотложныхъ мірскихъ требъ, — росписаніе учебныхъ часовъ не было строго выполняемо. Запись уроковъ въ особо заведенные для сего журналы или тетради была ведена во всѣхъ школахъ епархіи.

Въ отчетное время въ пѣвческихъ хорахъ участвовали ученики 92 школъ, въ количествѣ отъ 6 до 27 человѣкъ, существующихъ въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ епархіи, а именно: въ г. Харьковѣ: 1) въ Воскресенской школѣ 12 мальч.; 2) въ Александро-Невской 16 мальч.; 3) при мѣщанской богадѣльнѣ — 27 чел. (смѣшанный изъ мальчиковъ и дѣвочекъ); Харьковскаго уѣзда: 4) въ с. Малой Даниловкѣ — 23 мальч.; 5) въ Куряжскомъ монастырѣ—11 м.; 6) въ с. Ольшаной, при Трехсвятительской церкви—8 м.; 7) въ Рогани—14 м.; 8) въ Сороковкѣ—8 чел. (смѣшанный); 9) въ Полевой—7 чел.; 10) Деркачахъ, при Николаевской церкви—26 чел.; 11) Деркачахъ, при Рождество-Богородичной церкви—20 чел.; 12) въ Черкасской-Лозовой—16 чел.; 13) въ Мироновкѣ—18 чел.; въ Ахтырскомъ уѣздѣ: 14) въ г. Ахтыркѣ, при соборѣ—16 чел.; 15) въ г. Ахтыркѣ, при Николаевской церкви—8 чел.; въ Богодуховскомъ уѣздѣ: 16) въ г. Богодуховѣ, при Троицкой церкви—12 чел.; 17) въ Богодуховѣ, при Покровской церкви—10 чел.; 18) въ г. Богодуховѣ, при Успенской церкви—8 чел.; 19) въ с. Мирномъ—10 чел.; 20) въ с. Лютовкѣ—18 чел.; 21) въ с. Большой Писаревкѣ, при Покровской церкви—14 чел.; 22) въ с. Большой Писаревкѣ, при Успенской церкви—11 чел.; 23) въ с. Сѣнномъ, при Троицкой церкви—15 чел.; 24) въ с. Мурафѣ, при Николаевской церкви—9 чел.; 25) въ Красномъ Кутѣ — 15 челов.; Валковскаго уѣзда: 26) въ с. Новой Водолагѣ, при Николаевской церкви—20 чел.;

27) въ с. Просяномъ—20 чел.; 28) въ Княжномъ—8 чел.; 29) въ г. Валкахъ, при Успенской церкви—10 чел.; 30) въ с. Левандовкѣ—14 чел.; 31) въ Кантакузовой (шк. грамоты)—16 чел.; 32) въ с. Покровскомъ — 16 чел.; Зміевскаго уѣзда: 33) въ с. Кочеткѣ — 18 чел.; 34) въ с. Боровой—15 чел.; 35) въ с. Алексѣевкѣ, при двухъ церквахъ—24 чел.; 36) въ с. Коробочкѣ—8 чел.; Изюмскаго уѣзда: 37) въ с. Малой Камышевахѣ 20 чел.; 38) въ г. Славянскѣ, при Воскресенской церкви — 10 чел.; 39) въ г. Славянскѣ, при Троицкой церкви—6 чел.; 40) въ г. Славянскѣ, при Всѣхсвятской церкви — 6 чел., 41) въ с. Лиманѣ—6 чел.; 42) въ с. Поповкѣ—8 чел.; 43) въ с. Дробышевой—8 чел.; 44) въ Бѣленькой—6 чел.; 45) въ г. Изюмѣ, при соборѣ—10 чел.; 46) въ Лозоватомъ—9 чел.; 47) въ с. Богодаровой—8 чел.; 48) въ с. Привольѣ—10 чел.; 49) въ Пашковой—12 чел.; 50) въ с. Протопоповкѣ—10 чел.; 51) въ с. Залиманьѣ—9 чел.; Купянскаго уѣзда: 52) въ с. Ново-Ольшаной—15 чел.; 53) въ с. Ново-Георгіевскѣ—10 чел.; 54) въ с. Ново-Глуховѣ—7 чел.; 55) въ с. Сватовой Лучкѣ, при Успенской церкви (смѣшанный)—8 чел.; 56) въ с. Торской 14 чел.; 57) въ с. Маньковкѣ—10 чел.; Старобѣльскаго уѣзда: 58) въ г. Старобѣльскѣ, при соборѣ — 12 чел.; 59) въ с. Ново-Астрахани, при Покровской церкви—12 чел. (смѣшанный); 60) въ Половинкиной—6 чел.; 61) въ Титаровкѣ—10 чел.; 62) въ Боровенькѣ—11 чел.; 63) въ Климовкѣ—6 чел.; 64) въ Боровской—7 чел. (смѣшанный); 65) въ Тимоновой—15 дѣв.; 66) въ Закотномъ—6 чел.; 67) въ Макартетиной—18 чел. (смѣшанный); 68) въ Богородичной—6 чел. (смѣшанный); 69) Ново-Россошѣ—6 чел.; 70) Бѣлолуцкѣ—10 чел.; 71) Бѣлокуракиной, при Тихоновской церкви—8 чел.; 72) въ Бѣловодскѣ, при Троицкой церкви—25 чел.; 73) Бѣловодскѣ, при Николаевской церкви—7 чел.; 74) въ Осиновой, при Успенской церкви—15 чел.; 75) Сычевкѣ—6 чел.; 76) Кононовкѣ—6 чел.; 77) Никольскомъ—6 чел.; 78) Петропавловкѣ—6 чел.; 79) Смольяниновой—6 чел.; 80) Трехизбянскѣ—6 чел.; 81) въ Алексѣевкѣ (Разбѣгайлова тожъ)—8 чел. (смѣшанный); Сумскаго уѣзда: 82) въ г. Сумахъ, при соборѣ—20 чел.; 83) въ г. Сумахъ, при Покровской церкви—11 чел.; 84) въ г. Сумахъ, при Николаевской церкви—10 чел.; 85) въ с. Воробьевкѣ—8 чел.; 86) въ Хотѣни—8 чел.; 87) въ г. Бѣлопольѣ, при Пророко-Ильинской церкви—10 чел.; 88) въ г. Бѣлопольѣ, при Петро-Павловской церкви—17 чел.; 89) въ с. Малой Чернетчинѣ—12 чел.; 90) въ с. Искрисковкѣ—8 чел.; 91) Рогозномъ—8 чел. и 92) въ с. Ободахъ—6 чел.; всего участвовало въ хорахъ—1065 человѣкъ.

Въ концѣ отчетнаго года были произведены выпускные экзамены на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ IV разряда по отбыванію воинской повинности въ 130 школахъ епархіи. На основаніи существующихъ правилъ объ экзаменахъ въ церковно-приходскихъ школахъ Епархіальный Училищный Совѣтъ, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, удостоилъ полученія свидѣтельствъ на означенную льготу учениковъ нижеслѣдующихъ школъ: 1) Харьковской Александро-Невской школы—23 человѣка; 2) Харьковской Воскресенской—15 чел.; 3) Харьковской Всѣхсвятской—4 чел.; 4) Харьковской при мѣщанской богадѣльнѣ—7 чел.; 5) Харьковской при Архіерейскомъ домѣ—3 чел.; 6) Харьковской при Епархіальномъ женскомъ училищѣ—5 чел.; учениковъ школъ Харьковскаго уѣзда: 7) школы при Куряжскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ—3 чел.; 8) Деркачевской при Николаевской церкви—8 чел.; 9) Деркачевской при Рождество-Богородичной церкви—9 чел.; 10) Мироновской—1 чел.; 11) Мало-Даниловской—6 чел.; 12) Алексѣевской—2 чел.; 13) Роганской—5 чел.; 14) Ольшанской при Трехсвятительской церкви—4 чел.; 15) Черкасско-Лозовской—3 чел.; Ахтырскаго уѣзда: 16) Ахтырской, при соборѣ—16 чел.; 17) Бакировской—8 чел.; 18) Нухрянской, при Покровской церкви—7 чел.; 19) Пожанской—2 чел.; 20) Боромлянской при Христо-Рождественской церкви—6 чел.; 21) Славгородской—4 чел.; 22) Рясняиской при Свято-Димитріевскомъ монастырѣ—3 чел.; 23) Ясеновской—5 чел.; 24) Краснопольской при Преображенской церкви—3 чел.; 25) Мезеновской—2 чел.; 26) Бранцовской—2 чел.; 27) Жигайловской—5 чел.; Богодуховскаго уѣзда: 28) Богодуховской при соборѣ—4 чел.; 29) Богодуховской при Троицкой церкви—12 чел.; 30) Богодуховской при Покровской церкви—6 чел.; 31) Лютовской—7 чел.; 32) Больше-Писаревской при Покровской церкви—5 чел.; 33) Ямнянской—3 чел.; 34) Александровской—3 чел.; 35) Вольновской—7 чел.;36) Больше-Писаревской при Успенской церкви—7 чел.; 37) Кручанской—4 чел.; 38) Мирнянской—4 чел.; 39) Мурафской при Архангело-Михайловской церкви—1 чел.;40) Мурафской при Николаевской церкви—5 чел.;41) Пархомовской—1 чел ; 42) Краснокутской при Успенской церкви—3 чел.; Валковскаго уѣзда: 43) Валковской, при соборѣ, школы—2 чел.; 44) Черемушанской—3 чел.; 45) Просянской (Ново-Водолажскаго Преображенскаго прихода)—13 чел.; 46) Княженской—3 чел.; 47) Михайловской—4 чел.; 48) Снѣжковской—2 чел.; 49) Покровской—7 чел.; 50) Калениковской—8 чел.; 51) Левендаловской—5 чел.;

52) Коломакской при Воскресенской церкви—2 чел.; 53) Коломакской при Николаевской церкви—1 чел.; Волчанскаго уѣзда: 54) Волчанской, при соборѣ,—6 чел.; 53) Заводянской—6 чел.; 56) Старо-Салтовской—2 чел.; 57) Печенѣжской при Преображенской церкви—5 чел.; Зміевскаго уѣзда: 58) Замостьянской—5 чел.; 59) Гуляй-Польской—5 чел.; 60) Балаклейской, при Успенской церкви—4 чел.; 61) Кочетковской—3 чел.; 62) Терновской—3 челов.; 63) Мосьпановской—9 челов.; 64) Боровской—3 челов.; 65) Асѣевской—2 челов.; 66) Алексѣевской, при Троицкой церкви—4 челов.; 67) Гомольшанской—2 челов.; 68) Коробчанской—7 челов.; Изюмскаго уѣзда: 69) Шевелевской—6 челов.; 70) Протопоповской—4 челов.; 71) Славянской, при Воскресенской церкви—8 челов.; 72) Богодаровской—1 чел.; 73) Даниловской—3 чел.; 74) Мечебиловской—4 чел.; 75) Чистоводовской—5 чел.; 76) Ново-Александровской—2 чел.; 77) Зашмавской—2 чел.; 78) Мало-Камышевахской—7 чел.; 79) Лозоватской—8 чел.; 80) Голодолинской—8 чел.; 81) Привольской—4 чел.; 82) Бѣлянской—1 чел.; 83) Сергѣевской—1 чел.; Купянскаго уѣзда: 84) Краснянской—2 чел.; 85) Сватово-Луцкой при Успенской церкви—2 чел.; 86) Торской—7 чел.; 87) Ново-Глуховской—7 чел.; 88) Ново-Ольшанской—12 чел.; 89) Пустынской—4 чел.; 90) Покровской—2 чел.; 91) Кузешовской—4 чел.; 92) Маньковской—7 чел.; Лебединскаго уѣзда: 93) Нижне-Верхосумской—3 чел.; 94) Терновской, при Николаевской церкви—4 чел.; 95) Ольшанской, при Архангело-Михайловской церкви—11 чел.; Старобѣльскаго уѣзда: 96) Осиновской, при Успенской церкви—8 чел.; 97) Осиновской при Вознесенской церкви—2 чел.; 98) Ново-Астраханской, ри Покровской церкви—5 чел.; 99) Климовской—3 чел.; 100) Половинкинской—2 чел.; 101) Павловской—2 чел.; 102) Сычевской—5 чел.; 103) Марковской, при Преображенской церкви—4 чел.; 104) Моvсеевской—1 чел.; 105) Ново-Бѣлянской, при Рождество-Богородичной церкви—1 чел.; 106) Стрѣльцовской—1 чел.; 107) Морозовской—1 чел.; 108) Никольской—1 чел.; 109) Бѣловодской, при Троицкой церкви—5 чел.; 110) Бѣловодской, при Николаевской церкви—3 чел.; 111) Алексѣевской—1 чел.; 112) Волкодавовской—1 чел.; 113) Боровской—1 чел.; 114) Ново-Ахтырской—2 человѣка; Сумскаго уѣзда: 115) Сумской, при соборѣ 23 чел.; 116) Сумской при Покровской церкви—8 чел.; 117) Сумской при Николаевской церкви—2 чел.; 118) Сумской при Троицкой церкви—11 чел.; 119) Лучанской—6 чел.; 120) Ворожбян-

ской—2 чел.; 121) Ильмовской—8 чел.; 122) Аннинской—6 чел.; 123) Гребенниковской—4 чел.; 124) Мало-Чернетчинской—5 чел.; 125) Водолажской (Бѣловодскаго прихода)—2 чел.; 126) Искрисковской—10 чел.; 127) Ободской—1 чел.; 128) Бѣлопольской при Петро-Павловской церкви—8 чел.; 129) Рогознянской—3 чел. и 130) Подлѣсновской—1 чел.; а всего удостоены льготныхъ свидѣтельствъ—603 человѣка.

Кромѣ сего 83 ученика, хотя и окончили курсъ ученія, но не получили права на льготу по воинской повинности; изъ нихъ 36 человѣкъ не удостоены полученія льготныхъ свидѣтельствъ за недостиженіемъ одиннадцатилѣтняго возраста ко дню испытанія, 44 чел.—по недостаточности успѣховъ, 2 ученика—за непредставленіемъ документовъ о времени ихъ рожденія и наконецъ выпускному ученику Харьковской Воскресенской школы Моисею Мермильштейну (іудейскаго вѣроисповѣданія) въ выдачѣ льготнаго свидѣтельства отказано, за неимѣніемъ на это законныхъ основаній.

Изъ 2359 ученицъ, обучавшихся въ отчетное время въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи, 68 были подвергнуты выпускнымъ испытаніямъ; всѣ онѣ обнаружили въ общемъ очень хорошіе успѣхи и получили выпускныя свидѣтельства по формѣ, установленной Святѣйшимъ Сунодомъ.

Изъ представленныхъ въ Епархіальный Училищный Совѣтъ отчетовъ уѣздныхъ отдѣленій онаго и окружныхъ наблюдателей видно, что мѣстное населеніе вообще сочувственно относилось къ церковно-приходскимъ школамъ. Сочувствіе это выразилось въ болѣе или менѣе значительныхъ пожертвованіяхъ на нужды оныхъ, какъ частныхъ обывателей, такъ и нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ а также въ письменныхъ (общественные приговоры) и словесныхъ заявленіяхъ этихъ обществъ поддерживать существованіе школъ опредѣленными денежными взносами и другими матеріальными пособіями.

Сравнительно лучшими въ учебно-воспитательномъ отношеніи должны быть признаны нижеслѣдующія школы: при Епархіальномъ женскомъ училищѣ; Александро-Невская, въ г. Харьковѣ; Деркачевская, при Николаевской церкви, Роганская (Харьковскаго уѣзда); Валковская при соборѣ, Просянская, Покровская и Калениковская (въ Валковскомъ уѣздѣ); Волчанская, при соборѣ, Заводянская (въ Волчанскомъ уѣздѣ); Гуляйпольская (въ Зміевскомъ уѣздѣ); Славянскія, при Воскресенской и Троицкой церквахъ и Лиманская (въ Изюмскомъ уѣздѣ); Торская, Ново-Глуховская, Ново-Ольшанская и Маньков-

ская (въ Купянскомъ уѣздѣ); Ольшанская (въ Лебединскомъ уѣздѣ); Осиновская, при Успенской церкви, Половинкинская, Ново-Астраханская и Сычевская (въ Старобѣльскомъ уѣздѣ); Спасо-Преображенская и Николаевская въ г. Сумахъ, Бѣлопольская, при Петро-Павловской церкви, Искрисковская и Ильмовская (въ Сумскомъ уѣздѣ).

(Продолженіе будетъ).

ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁹³/₉₄ учебный годъ.

(Продолженіе *).

б) Указаніе руководствъ, употребляемыхъ въ училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Въ отчетномъ году употреблялись учебники и учебныя пособія, не указанные въ программѣ, приложенной къ Уставу епархіальныхъ женскихъ училищъ, по слѣдующимъ предметамъ: аа) *по Закону Божію* въ приготовительномъ классѣ, для упражненія въ славянскомъ чтеніи, употреблялись „Чтенія изъ Свящ. книгъ Ветхаго и Новаго завѣта," *Пряничникова* и въ 1 классѣ учебникомъ вмѣсто „Начатковъ Христіанскаго ученія", служило „Наставленіе въ законѣ Божіемъ", *протоіерея Петра Смирнова*; бб) *по русскому языку* этимологія и синтаксисъ до соединенія предложеній по способу сочиненія проходились въ низшихъ классахъ и повторялись въ VI классѣ по учебнику *Кирпичникова*, остальная же часть синтаксиса проходилась въ IV классѣ и повторялась въ VI по учебнику *Говорова*; теорія словесности въ IV и V классахъ проходилась по учебнику *Бѣлоруссова*; исторія литературы въ VI классѣ—по учебнику *Орлова*; учебными пособіями по русскому языку служили: въ приготовительномъ и I классахъ христоматія *Полеваго*, во II и III классахъ „Родина" *Родонежскаго*, въ остальныхъ классахъ—христоматіи *Голахова и Филонова*; вв) *по церковно-славянскому языку* въ IV и V классахъ употреблялась грамматика *Перевлѣсскаго*; гг) *по ариѳметикѣ* въ старшихъ классахъ —учебникъ *Малинина*: учебными пособіями во всѣхъ классахъ служили задачники *Малинина и Минина и Арбузова*; дд) *по геометріи* въ V и VI классахъ—руководство *Кравченко*; ее) по

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 2.

всеобщей и русской гражданской исторіи въ VI классѣ—учебникъ *Рождественскаго*; жж) *по дидактикѣ* въ V классѣ—литографированныя *записки*, составленныя преподавателемъ, а въ VI классѣ—*записки* преподавателя, *объяснительныя записки ко программѣ учебныхъ предметовъ для церковно-приходской школы* и учебникъ *Рощина*; зз) *по церковному пѣнію*—учебникъ церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ *Ряжскаго, кругъ пѣснопѣній обычнаго распѣва Московской Епархіи*, учебники пѣнія по куговой нотѣ *Рожнова и Брянскаго*.

в) *Преподаваніе* всѣхъ предметовъ въ отчетномъ году *велось по программѣ*, намѣченной въ Уставѣ епархіальныхъ женскихъ училищъ и подробнымъ программамъ, составленнымъ, примѣнительно къ Уставу, Совѣтомъ Училища и утвержденнымъ епархіальнымъ начальствомъ; только по церковному пѣнію въ I и II классахъ, вслѣдствіе введенія рекомендованнаго Св. Синодомъ учебника Ряжскаго, преподаваніе велось по плану этого учебника. По всѣмъ учебнымъ предметамъ и во всѣхъ классахъ указанныя выше программы въ отчетномъ году выполнены.

г) Распредѣленіе письменныхъ упражненій и степень достигаемыхъ ими успѣховъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Совѣтъ училища и въ отчетномъ году обращалъ особенное вниманіе на письменныя упражненія воспитанницъ. Упражненія эти назначались такъ часто, какъ только позволяла возможность, начинались съ приготовительнаго класса и продолжались во всѣхъ остальныхъ классахъ, при чемъ соблюдалась надлежащая постепенность въ переходѣ отъ упражненій легкихъ къ болѣе труднымъ, наконецъ баллы, полученные воспитанницами на письменныхъ упражненіяхъ, оказывали большое, и часто рѣшающее, вліяніе при общей оцѣнкѣ успѣховъ учащихся.

Письменныя упражненія состояли: аа) *изъ списыванія съ книги и диктовки*, которыми въ приготовительномъ классѣ занималась учительница, а въ первыхъ четырехъ штатныхъ классахъ воспитательницы этихъ классовъ, по диктантамъ Смирновскаго и Тихомирова, въ назначенные для этого росписаніемъ уроковъ часы; бб) *изъ грамматическихъ упражненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя велись преподавателями русскаго языка параллельно съ уроками грамматики, и вв) *изъ сочиненій*, класныхъ и домашнихъ, которыя въ первыхъ трехъ штатныхъ классахъ назначались исключительно учителями русскаго языка, а въ остальныхъ клас-

сахъ, кромѣ того, и преподавателями нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, именно: Закона Божія, гражданской исторіи, географіи и дидактики. Сочиненія эти въ I, II-мъ и отчасти III-мъ классахъ состояли изъ разсказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, во второе полугодіе въ III-мъ классѣ и въ IV классѣ изъ разсказовъ и описаній самостоятельныхъ, въ V и VI-мъ классахъ изъ такихъ же самостоятельныхъ разсужденій. Каждое сочиненіе сопровождалось кратко изложеннымъ планомъ, который въ низшихъ классахъ вырабатывался предворительно въ классѣ воспитанницами при помощи преподавателя, а въ III, IV, V и VI-мъ классахъ составлялся учащимися самостоятельно. Темы для сочиненій въ I и II-мъ классахъ назначали самостоятельно преподаватели русскаго языка; они же самостоятельно избирали время для класныхъ сочиненій и назначали сроки для сочиненій домашнихъ, руководясь только тѣмъ правиломъ, чтобы послѣднія давались не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; для III, IV, V и VI-го классовъ выборъ темъ и опредѣленіе сроковъ для написанія сочиненій производились Совѣтомъ училища и утверждались Его Высокопреосвященствомъ.

Въ продолженіе отчетнаго учебнаго года воспитанницы III класса написали 7 сочиненій по русскому языку,—2 классныхъ и 5 домашнихъ; воспитанницы IV-го класса написали 7 сочиненій,—1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы V-го класса написали 7 сочиненій,—1 классное и 6 домашнихъ,—въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы VI-го класса написали 7 сочиненій,—1 класное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи, 1 по географіи и 1 по дидактикѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, воспитанницы III, IV, V и VI-го классовъ составляли въ мѣсяцъ по одному письменному ариѳметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи.

Предъ устными экзаменами воспитанницы всѣхъ классовъ написали по одному экзаменному экспромптовому письменному упражненію. Упражненія эти въ приготовительномъ, I и II-мъ классахъ состояли изъ провѣрочной диктовки, въ III классѣ изъ пересказа данной статьи, въ IV, V и VI-мъ классахъ изъ самостоятельнымъ сочиненій на данныя темы. Темы для экзаменскихъ сочиненій были

даны и самыя сочиненія прочитаны: въ приготовительномъ, I и II-мъ классахъ преподавателями русскаго языка въ этихъ классахъ, въ III и IV-мъ классахъ преподавателями русскаго же языка, въ каждомъ отдѣленіи и классѣ преподавателемъ другого отдѣленія и класса, въ V классѣ инспекторомъ классовъ и въ VI-мъ классѣ предсѣдателемъ совѣта.

Баллы письменныхъ упражненій воспитанницъ приготовительнаго, I и II-го классовъ присоединялись учителями русскаго языка къ отмѣткамъ за устные отвѣты и изъ тѣхъ и другихъ выводились общіе баллы по этому предмету, двухмѣсячные и годовые. Начиная же съ III класса, баллы письменныхъ упражненій по всѣмъ предметамъ вносились инспекторомъ классовъ въ особую вѣдомость, затѣмъ изъ нихъ сдѣланъ средній выводъ, сложенъ съ среднимъ выводомъ устныхъ отвѣтовъ по русскому языку и изъ этихъ двухъ выводовъ составленъ общій баллъ по этому предмету. Воспитанницы, получившія по сочиненіямъ годовымъ и экзаменскому или даже по этому послѣднему неудовлетворительный баллъ (который ставился за грубыя грамматическія и орфографическія ошибки), подвергались переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ, и если и тогда представляли неудовлетворительную письменную работу, оставлялись въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Успѣхи воспитанницъ въ письменныхъ упражненіяхъ въ отчетномъ году можно признать хорошими. Въ экзаменскихъ сочиненіяхъ выпускныхъ воспитанницъ грамматическихъ и ороографическихъ ошибокъ попадалось очень мало; написаны эти сочиненія достаточно связно и послѣдовательно; сочиненія же лучшихъ воспитанницъ оказались во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошими, а по грамотности безупречными.

Въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ и экзаменныхъ отмѣтокъ воспитанницы старшихъ классовъ получили по сочиненіямъ слѣдующіе баллы:

III-й нормальный классъ (38 воспитанницъ).

Баллъ 5	получило	4	воспитанницы,	или . . .	10,52%
„ 4	„	11	„	„ . . .	28,94%
„ 3	„	23	„	„ . . .	60,52%
Средній баллъ всего класса					3,50%

III-й параллельный классъ (47 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	5	воспитанницъ,	или . . .	10,63%
„ 4	„	11	„	„ . . .	23,40%

Баллъ 3	получили	31	воспитанница,	или . . .	65,95%
Средній баллъ всего класса					3,44%

IV-й нормальный классъ (39 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	6	воспитанницъ,	или . . .	15,38%
„ 4	„	8	„	„ . . .	20,51%
„ 3	„	25	„	„ . . .	64,10%
Средній баллъ всего класса.					3,51%

IV-й параллельный классъ (33 воспитанницы).

Баллъ 5	получила	1	воспитанница,	или . . .	3,03%
„ 4		13	„	„ . . .	39,39%
„ 3		19	„	„ . . .	57,57%
Средній баллъ всего класса					3,45%

V-й классъ (43 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	2	воспитанницы,	или . . .	4,65%
„ 4	„	14	„	„ . . .	32,55%
„ 3	„	26	„	„ . . .	60,46%
„ 2	„	1	„	„ . . .	2,32%
Средній баллъ всего класса					3,39%

VI-й классъ (40 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	2	воспитанницы,	или	5%
„ 4	„	16	„	„	40%
„ 3	„	22	„	„	55%
Средній баллъ всего класса					3,50%

Примѣчаніе. Въ эту вѣдомость вошли только тѣ воспитанницы, которыя представили всѣ или, по крайней мѣрѣ, большую часть годовыхъ сочиненій и сочиненіе экзаменское.

д) Продолжительность учебнаго года и время экзаменовъ.

Ученіе въ отчетномъ году началось 17-го Августа и окончилось 8-го Апрѣля. Всѣхъ учебныхъ дней въ году,—если исключить двукратное говѣніе воспитанницъ (къ 21-му Ноября и на 1-й недѣлѣ Великаго поста), Рождественскіе праздники, масляницу, страстную и свѣтлую седмицы, а также всѣ воскресные и праздничные дни, было 162.

Письменные годовые экзамены произведены 26-го Апрѣля. Устные экзамены начались 27-го Апрѣля и окончились 31 Мая. 2-го Іюня происходилъ торжественный актъ, которымъ закончился учебный годъ. Дополнительные экзамены и переэкзаменовки произведены 8 и 9 Августа 1894 года.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

По опредѣленію Харьковской Духовной Консисторіи, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 6 февраля 1895 года, нижеслѣдующіе священники, за усердную пастырскую службу и труды по преподаванію Закона Божія въ школахъ, награждены *набедренникомъ*,—а именно: священникъ Преображенской церкви сл. Закотной, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Розовъ*, священникъ церкви сл. Даниловки, того же уѣзда, Григорій *Кузнецовъ*, священникъ Успенской церкви сл. Марковки, того же уѣзда, Владиміръ *Чебановъ*, священникъ Богородичной церкви, сл. Ново-Бѣленькой, того же уѣзда, Павлинъ *Ставровъ*, священникъ церкви сл. Ново-Россоши, того же уѣзда, Стефанъ *Козьменко*, священникъ церкви сл. Мечебиловой, Изюмскаго уѣзда, Сергій *Перцевъ*, священникъ Всѣхсвятской церкви города Славянска, того же уѣзда Василій *Палтавцевъ*, священникъ церкви с. Лютовки, Богодуховскаго уѣзда, Павелъ *Вертеловскій* и священникъ Троицкой церкви сл. Михайловки, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Рокитянскій*.

— Священникъ Мироносицкой церкви слоб. Ново-Бѣленькой, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Матвѣевъ* перемѣщенъ на священническое мѣсто къ Троицкой церкви сл. Черниговки, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви сл. Михайликовки, того же уѣзда, Николай *Өедоровъ* перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто къ Успенской церкви сл. Алексѣевки, того же уѣзда.

— Окончившій курсъ Купянскаго Духовнаго училища Григорій *Наслѣдкинъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Рождество-Богородичной церкви сл. Михайликовки, того же уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. По поводу Высочайшей милости церковно-приходскимъ школамъ.—Фондъ для пособій учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ.—Образцовыя и церковно-учительскія школы.—Заботы духовенства о распространеніи книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.—Открытіе братской типографіи.—Дѣтскіе пріюты для сиротъ въ селахъ.—Заботы о достодолжномъ провожденіи праздниковъ.—Внѣслужебныя заслуги священниковъ.—Открытіе сельско-хозяйственнаго совѣта.—Правительственное содѣйствіе сельскимъ хозяевамъ.

Сообщенное нами въ предшествующемъ № «Листка» Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 700,000 рублей въ воспособленіе церковно-приходскимъ и другимъ училищамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи Св. Сунода, по словамъ «Цер. Вѣст.», ободрило и глубоко утѣшило дѣятелей народнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, такъ какъ это—первый актъ новаго царствованія, по которому можно гадать о дальнѣйшемъ отношеніи государственной власти къ церковно-приходскимъ школамъ. Оцѣнивая его съ этой точки зрѣнія, «Москов.

Вѣд.» справедливо замѣчаютъ, что народъ можетъ быть покоенъ за судьбы своей школы, той школы, которую онъ успѣлъ уже полюбить, не смотря на ея юность, за ея церковность, за то, что она такъ же горячо и искренно вѣритъ, такъ же тепло молится, какъ и онъ самъ, православный народъ; свысока третируемая интеллигенціей, вѣчно нуждающаяся и бѣдная церковно-приходская школа, вызванная къ жизни Отцомъ, нашла себѣ въ Его Сынѣ высокаго Покровителя и Попечителя. По мнѣнію «Цер. Вѣст.», Монаршее попеченіе о церковно-приходской школѣ особенно поучительно въ виду начавшихся въ послѣднее время толковъ о введеніи всеобщаго обязательнаго обученія. Большинство ратующихъ за обязательное обученіе стоятъ на сторонѣ свѣтской школы и всѣ ихъ заботы направлены къ тому, чтобы привлечь милліоны изъ государственнаго казначейства въ дополненіе къ тѣмъ средствамъ, какія расходуютъ на этотъ предметъ земства. Высочайшее повелѣніе о воспособленіи училищамъ, находящимся въ вѣдѣніи Св. Сунода. даетъ основаніе надѣяться, что если суждено будетъ осуществиться проекту всеобщаго обученія, то лишь на почвѣ церковной школы.

— Святѣйшимъ Правительствующимъ Сунодомъ рѣшено для увѣковѣченія памяти незабвеннаго въ Бозѣ почившаго Императора Александра III: 1) соорудить въ Петербургѣ храмъ; 2) основать при немъ двухклассную церковно-приходскую школу для приготовленія учителей для церковно-приходскихъ школъ, и 3) образовать особый фондъ пособій учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Для осуществленія столь благихъ и высоконравственныхъ цѣлей Св. Сунодъ призналъ необходимымъ открыть повсемѣстную подписку по сбору пожертвованій, какъ на сооруженіе храма и при немъ церковно-приходской школы, такъ и на образованіе упомянутаго выше фонда. Внѣ всякаго сомнѣнія, что къ такому призыву Св. Сунода всѣ сердца русскаго народа отнесутся съ полнымъ и глубокомъ сочувствіемъ: всѣ три намѣченныя Св. Сунодомъ цѣли вполнѣ любы и дороги для русскаго народа. «С. От.», относясь ко всѣмъ симъ предположеніямъ съ глубокимъ уваженіемъ, особенно выдѣляетъ изъ нихъ предположеніе Св. Сунода образовать особый фондъ для пособій учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Отчеты о современномъ состояніи церковно-приходскихъ школъ грамотности въ различныхъ нашихъ епархіяхъ постоянно указываютъ не только на полную необезпеченность учителей церковно-приходскихъ школъ въ матеріальномъ отношеніи, но и на то, что полу-

чаемое учащими вознагражденіе такъ мало, такъ ничтожно, что не представляетъ собою какой-либо возможности къ удовлетворенію ихъ первыхъ и неотложныхъ нуждъ простого существованія. При этомъ не рѣдки случаи, когда учащіе не получаютъ ровно никакого содержанія за свой трудъ, неся сей послѣдній безъ всякаго вознагражденія. Размѣры вознагражденія учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ колеблются въ предѣлахъ отъ 5 до 20 руб. въ годъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ тѣхъ размѣровъ, какіе нынѣ установлены въ земскихъ школахъ—240 и болѣе рублей. Вотъ почему естественно важная нужда церковно-приходскихъ школъ съ давнихъ поръ признается всѣми въ обезпеченіи персонала учащихъ. Недостатокъ средствъ для удовлетворенія этой главной и существенно-важной потребности не могъ не оказывать серьезнаго вліянія на самый успѣхъ занятій въ школахъ. Полное спокойствіе духа учителя, увѣренность въ томъ, что его матеріальное положеніе вполнѣ обезпечено, что ему нѣтъ нужды заботиться о прісканіи какихъ-либо постороннихъ занятій, которыя могли-бы увеличить его средства,—все это и тому подобное, дѣйствительно, обусловливаетъ собою успѣхъ его занятій въ школѣ. Но, независимо отъ этого, мысль о своемъ будущемъ никогда не покидаетъ нашего сельскаго учителя; онъ знаетъ, что молодые, свѣжіе и сильные годы пройдутъ быстро и незамѣтно. Наступившая старость и дряхлость могутъ лишить его возможности трудами рукъ своихъ снискивать пропитаніе и въ этомъ случаѣ перспектива голодной смерти настолько его пугаетъ, что онъ при первозможности охотно покидаетъ свою любимую профессію и посвящаетъ свои труды занятіямъ далеко не по душѣ, но лишь обезпечившимъ его будущее. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наши школы часто лишаются хорошихъ учителей, а эти послѣдніе посвящаютъ свои силы въ области такихъ профессій, гдѣ дѣятельность ихъ является вполнѣ безцвѣтной и даже болѣе—жалкой. Устранить все это крайне важно и крайне желательно не только въ интересахъ самихъ учителей, но и въ интересахъ всего народа,—хорошими учителями необходимо дорожить, памятуя, что имъ вручена непосредственная забота и попеченіе объ образованіи и воспитаніи всего нашего народа. Нынѣ утвержденное предположеніе Св. Синода объ образованіи фонда, который могъ бы содѣйствовать къ матеріальному обезпеченію учителей церковно-приходскихъ школъ, безъ всякаго сомнѣнія, составитъ эпоху въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія,—ибо от-

нынѣ всякій преподающій въ школѣ знаетъ, что его труды не только могутъ быть вознаграждены въ настоящемъ, когда онъ полонъ силъ и энергіи, но и въ будущемъ, когда болѣзнь или старость лишатъ его возможности работать и трудиться на пользу просвѣщенія русскаго народа. Состоявшееся постановленіе Св. Сvнода всецѣло охватываетъ собою великій, могучій и достославный характеръ незабвеннаго Императора Александра III. Его глубокая религіозность всецѣло выразилась въ предположенія соорудить храмъ имени его святого патрона; Его забота о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа—въ созданіи при храмѣ церковно-приходской школы; Его милосердіе—въ установленіи такого фонда, который могъ бы обезпечить тысячу тысячъ честныхъ и искренно преданныхъ тружениковъ на поприщѣ посвѣщенія всего нашего русскаго православнаго народа.

— Въ Тульской епархіи осуществляется дѣло устроенія въ уѣздахъ образцовыхъ и двухклассныхъ церковно-учительскихъ школъ. Относительно первыхъ сдѣлано было мѣстнымъ Преосвященнымъ распоряженіе, чтобы «при каждомъ уѣздномъ отдѣленіи совѣта имѣлась подъ непосредственнымъ попеченіемъ отдѣленія церковно-приходская школа, которую оно могло бы ставить въ образецъ всѣмъ завѣдующимъ церковно-приходскими школами и учителямъ относительно школьныхъ порядковъ, выполненія программъ и вообще веденія дѣла, строго-основаннаго на узаконеніяхъ, правилахъ и постановленіяхъ о церковно-приходскихъ школахъ». Въ Чернскомъ уѣздѣ церковно-приходскую школу въ с. Лутнахъ рѣшено преобразовать въ двухклассную учительскую. Епархіальный училищный совѣтъ назначаетъ преобразуемой школѣ ежегодное пособіе изъ своихъ средствъ въ размѣрѣ 400 р. Земство, съ своей стороны, ассигновало на тотъ же предметъ по 400 р. въ годъ—на три года «въ видѣ опыта». Продолженіе вспомоществованій этой школѣ въ будущемъ будетъ зависѣть отъ того, насколько оправдаетъ она свое назначеніе, какъ школа учительская. Открытіе второго класса послѣдуетъ въ началѣ будущаго учебнаго года.

— Калужское епархіальное начальство, въ цѣляхъ ослабленія раскола и сектантства въ предѣлахъ калужской епархіи и желанія предоставить грамотнымъ простолюдинамъ возможность пріобрѣтенія дешевыхъ печатныхъ сочиненій и брошюръ религіозно-нравственнаго и православно-полемическаго содержанія, открываетъ съ начала текущаго года складъ означенныхъ книгъ при консисторіи. Складомъ и вообще дѣломъ распространенія въ про-

стомъ народѣ названныхъ сочиненій завѣдуеть безвозмездно, подъ непосредственнымъ управленіемъ епархіальной власти, специальная, „коммиссія по распространенію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія". Необходимыя средства для этой торговли коммиссія получаетъ единовременно изъ прибылей епархіальнаго свѣчного завода 500 р. и остатка неокладныхъ монастырскихъ суммъ 200 р. Отдѣленія для продажи книгъ открываются при всѣхъ отдѣленіяхъ миссіонерскихъ братствъ, при всѣхъ приходскихъ братствахъ и попечительствахъ, при церквахъ, имѣющихъ чудотворныя иконы, въ городахъ и большихъ торговыхъ мѣстечкахъ, не имѣющихъ братствъ. Торговлею книгъ въ отдѣленіяхъ завѣдуютъ подъ наблюденіемъ мѣстнаго священника, псаломщикъ, церковный староста или другое благонадежное лицо, по рекомендаціи причта, за извѣстное процентное вознагражденіе съ выручки. «Моск. Цер. Вѣд.»

— На дняхъ освящена и открыта типографія Виленскаго Святодуховскаго братства председателемъ братства преосвященнымъ Іеронимомъ. Древнее Виленское братство имѣло свою типографію, которая въ рукахъ его была надежнымъ и могущественнымъ средствомъ борьбы за православіе въ краѣ. Возстановленное братство снова воскресило типографію въ цѣляхъ просвѣщенія народа въ духѣ истинной вѣры и русской народности.

— При содѣйствіи сельскаго духовенства, въ нашихъ селахъ и деревняхъ по мѣстамъ начинаетъ понемногу исчезать нищенство и побирательство, и помощь нуждающимся поселянамъ начинаетъ получать и тамъ нѣкоторую организацію. Въ селахъ и деревняхъ открываются даже кое-гдѣ дѣтскіе пріюты для безпріютныхъ и побиравшихся дотолѣ дѣтей. Не такъ давно подобный пріютъ открытъ въ одномъ изъ селъ шадринскаго уѣзда, Пермской губ. По словамъ епархіальнаго органа въ послѣднее время въ той мѣстности появилось чрезвычайно много нищихъ дѣтей, между которыми не мало было имѣвшихъ отцовъ и матерей. Причину этого епархіальныя вѣдомости видятъ, главнымъ образомъ, въ неурожайности двухъ—трехъ предпослѣднихъ годовъ, отчасти же въ пріобрѣтенной нѣкоторыми крестьянами, въ неурожайные годы, привычкѣ жить нищенствомъ и въ лѣни. Одна изъ принятыхъ мѣстнымъ земскимъ начальникомъ мѣръ противъ нищенства, которой нельзя не назвать вполнѣ дѣйствительной, заключалась въ устройствѣ дѣтскаго пріюта для круглыхъ сиротъ въ центральномъ пунктѣ ввѣреннаго ему района, именно въ с. Бѣлоярскомъ. Въ добромъ дѣлѣ нашлись у него и помощники; появились и жертвователи, и въ ихъ числѣ о. Іоаннъ

Сергіевъ, приславшій пріюту 200 руб.; мѣстное общество для той же цѣли уступило нѣсколько амбаровъ и обязалось ежегодно платить въ пользу пріюта по 3 коп. съ души. Открытіе пріюта для нищихъ—дѣтей, собранныхъ съ четырехъ волостей 4 участка шадринскаго уѣзда, состоялось 21 прошлаго октября.

— На послѣднемъ братскомъ собраніи членовъ петербургскаго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія было сообщено одно предположеніе совѣта общества, которое, въ нѣсколько иномъ видѣ, возникало и прежде не въ одномъ Петербургѣ, и выполненіе котораго удовлетворило бы живѣйшей церковной и отчасти общественной потребности. Это—предположеніе о возбужденіи ходатайства предъ С.-Петербургской городской думой относительно изданія обязательнаго постановленія объ ограниченіи торговли въ столицѣ по праздникамъ, съ цѣлію достодолжнаго провожденія праздниковъ. Такъ какъ въ настоящее время торговля въ Петербургѣ не производится въ эти дни до 12 часовъ, то съ цѣлью дать торговымъ людямъ достоять позднюю литургію, оканчивающуюся часто позже 12 часовъ, признается нужнымъ обязать торговцевъ открывать лавки по праздникамъ въ 2 часа. Чтобы затѣмъ дать возможность желающимъ изъ нихъ побывать на вечерней бесѣдѣ, необходимо обязательнымъ для всѣхъ постановленіемъ установить время окончанія торговли по праздникамъ въ 5—6 часовъ вечера. Такія постановленія, вмѣстѣ съ закрытіемъ по праздникамъ питейной торговли, несомнѣнно принесли бы огромную нравственную пользу населенію столицы.

— Труды и заслуги духовенства, выходящіе изъ круга его служебной дѣятельности, рѣдко оглашаются въ печати, а потому случайно встрѣчающіяся по этому предмету сообщенія, и тѣмъ болѣе обобщенія, вдвойнѣ цѣнны. «Астрах. Еп. Вѣд.» приводятъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, принадлежащихъ къ духовенству астраханской епархіи, которыя входили въ сношенія съ различными учрежденіями и получали отъ нихъ благодарности за доставленныя свѣдѣнія. Епархіальный журналъ называетъ священника С. Б., который доставилъ въ Петровское общество изслѣдователей астраханскаго края, въ отвѣтъ на его программу, подробныя свѣдѣнія по части археологіи, нумизматики, исторіи и этнографіи той мѣстности, гдѣ священствовалъ о. С.; протоіерея П. С., который сообщилъ въ казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи свѣдѣнія по этнографіи калмыковъ астраханской губерніи; священника Ѳ. О., который сообщилъ въ Императорское русское геогра-

фическое общество метеорологическія свѣдѣнія изъ г. Чернаго Яра; священника М. Ф. и священника Г. Р., сообщившихъ въ тоже Императорское общество за писанныя ими въ астраханской губерніи сказки, изъ коихъ нѣкоторыя вошли въ изданныя А. Аѳанасьевымъ «Народныя русскія сказки». «Цер. Вѣст.»

— 7-го января состоялось открытіе засѣданій учрежденнаго при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ сельскохозяйственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія А. С. Ермолова. Задачею совѣта является обсужденіе мѣръ, имѣющихъ цѣлью развитіе и усовершенствованіе сельскаго хозяйства въ Россіи, вообще, и отдѣльныхъ его отраслей—въ частности. Въ состоявшихся семи засѣданіяхъ уже обсужденъ цѣлый рядъ вопросовъ, какъ-то: о высшемъ и низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи, о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній среди духовенства, о мѣрахъ для укрѣпленія сыпучихъ песковъ и др. Въ числѣ предметовъ, подлежащихъ обсужденію совѣта, является, между прочимъ, по словамъ «Прав. Вѣст.», вопросъ о правительственномъ содѣйствіи къ учрежденію и содержанію опытныхъ полей.

— 14 января текущаго года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на приведеніе въ исполненіе предположеній о правительственной закупкѣ хлѣба, выработанныхъ Высочайше учрежденнымъ для того совѣщаніемъ. По сообщенію въ «Правит. Вѣст.», закупка хлѣбовъ, имѣющихъ главнѣйшее значеніе въ нашемъ сельско-хозяйственномъ производствѣ ржи и пшеницы, предпринимается для оживленія рынка. Рожь и пшеница, въ видѣ зерна, будутъ покупаться исключительно у производителей, какъ частныхъ владѣльцевъ, такъ и крестьянъ, примѣнительно къ рыночнымъ цѣнамъ. Закупаемый хлѣбъ предназначается для покрытія продовольственныхъ потребностей населенія, а также на довольствіе войска, и если будетъ продаваемъ частнымъ лицамъ, то лишь въ такой постепенности и при такомъ состояніи хлѣбныхъ цѣнъ, чтобы отчужденіе казеннаго запаса не могло произвести угнетающаго воздѣйствія на настроеніе рынка. Общее руководство сею операціею ввѣрено министру финансовъ, ближайшее же завѣдываніе ею возложено на департаментъ торговли и мануфактуръ. Закупка хлѣба будетъ производиться уѣздными или губернскими земствами на основаніи постановленій земскихъ собраній, общественными учрежденіями или избранными министромъ финансовъ лицами.

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

28 Февраля № 4. 1895 года.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Сѵнодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 5-й день текущаго февраля, на пожалованіе, за заслуги по духовному вѣдомству, кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени, потомственнаго почетнаго гражданина Павла **Рымова**.

Высочайшій приказъ.

Въ послѣдствіе внесеннаго Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода 8 декабря 1894 года въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію (по инспекторскому отдѣлу) представленія съ проектомъ приказа о движеніи по службѣ нѣкоторыхъ лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, состоялся 1-го февраля 1895 года Высочайшій приказъ, отданный по гражданскому вѣдомству (за № 5), коимъ преподаватель Тифлисской духовной семинаріи **Малиновскій** перемѣщается на должность учителя Купянскаго духовнаго училища, по ариѳметикѣ и географіи.

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сѵнодѣ.

Журнальнымъ постановленіемъ Училищнаго при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Совѣта отъ 3 января 1895 года за № 3, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Сѵнода отъ 7—29 ноября 1884 г, за № 2435 и согласно представленію Его Высокопреосвященства награждены книгою „Библія“, отъ Святѣйшаго Сѵнода выдаваемою, за особое

усердіе и ревность въ дѣлѣ благоустроенія мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ нижеслѣдующія лица Харьковской епархіи: председатели уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта: Ахтырскаго—протоіерей Игнатій **Клементьевъ** и Зміевскаго—священникъ Петръ **Тимоѳеевъ**, и настоятель Святогорской Успенской пустыни архимандритъ **Вассіанъ**.

От Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

1 марта наступаетъ срокъ взноса денегъ за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи въ общежитіи за третью треть сего учебнаго года; посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться своевременной высылкой на имя Правленія слѣдуемыхъ взносовъ въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ, не получающихъ пособія, и 20 руб.—съ воспитанниковъ, получающихъ таковое.

ОТЧЕТЪ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 18⁹³/₉₄ учебный годъ.

(Продолженіе *).

IX.

Изъ отчетовъ отдѣленій видно, что сравнительно значительное число книгъ для внѣкласснаго чтенія состояло въ библіотекахъ 38 школъ епархіи, а именно: Харьковскаго уѣзда: 1) Харьковской, при Епархіальномъ женскомъ училищѣ, 851 экз.; 2) Харьковской, при Александро-Невской церкви,—400 экз.; 3) Харьковской, при Воскресенской церкви,—180 экз.; 4) Харьковской, при Всѣхсвятской церкви,—160 экз.; 5) Харьковской, при Свято-Духовской церкви,—100 экз.; 6) Деркачевской, при Николаевской церкви,—300 экз.; 7) Роганской—300 экз.; 8) Черкасско-Лозовской—160 экз.; Валковскаго уѣзда: 9) Калениковской—175 экз.; 10) Снѣжковской—117 экз.; 11) Новоселовской—824 экз.; 12) Дороѳеевской—130 экз.; Волчанскаго уѣзда: 13) Волчанской, при соборѣ,—206 экз.; 14) Старо-Салтовской—260 экз.; 15) Печенѣжской, при Преображенской церкви,—310 экз.; 16) Заводянской—192 экз.; 17) Ново-Александровской—159 экз.; 18) Грачевской (шк. грамоты)—144 экз. и 19) Трехизбянской, Старобѣльскаго уѣзда,—600 экз. Въ библіотекахъ 10 школъ общее количество книгъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 3.

для внѣкласснаго чтенія колеблется между 25—70 экземплярами. Свѣдѣнія о количествѣ экземпляровъ въ библіотекахъ при школахъ: Ясеновской и Краснопольской (Ахтырскаго уѣзда); Кочетковской и Боровской (Зміевскаго уѣзда); Троицкой и Воскресенской въ г. Славянскѣ, Изюмской, при соборѣ, Голодолинской и Мало-Камышевахской (Изюмскаго уѣзда) въ отчетахъ уѣздныхъ отдѣленій не показаны.

Воскресныя и праздничные чтенія были при школахъ: Харьковской Всѣхсвятской, Харьковской, въ Озерянскомъ приходѣ, Куряжанской и Роганской (Харьковскаго уѣзда), Ахтырской, при соборѣ, Хухринской, Вакировской, Пожнянской и Кириковской (Ахтырскаго уѣзда); Лютовской (Богодуховскаго уѣзда); Волчанской при соборѣ; Трехизбянской и Ново-Бѣлянской при Рождество-Богородичной церкви (Старобѣльскаго уѣзда). Въ этихъ-же школахъ было и хоровое пѣніе во время праздничныхъ собраній.

Кромѣ окружныхъ наблюдателей, нѣкоторыя церковно-приходскія школы за отчетное время посѣтили: Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій; Предсѣдатель Совѣта, Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Сумскій, при обозрѣніи церквей епархіи; члены Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, нѣкоторые члены уѣздныхъ отдѣленій, г.г. инспекторы народныхъ училищъ, земскіе начальники, г.г. попечители и попечительницы церковно-приходскихъ школъ.

Ближайшее руководство и наблюденіе за церковно-приходскими школами въ отчетное время было ввѣрено, примѣнительно къ количеству благочинническихъ округовъ, 34 наиболѣе способнымъ и опытнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія священникамъ. Къ обязанностямъ наблюдателей относилось возможно частое посѣщеніе школъ, общее наблюденіе за правильнымъ и успѣшнымъ движеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ этихъ школахъ и руководство законоучителей и учителей по вопросамъ, касавшимся ихъ воспитательной практики, а также—попеченіе о матеріальномъ преуспѣяніи существующихъ школъ и содѣйствіе къ открытію новыхъ. При повременныхъ обозрѣніяхъ школъ въ подвѣдомственныхъ округахъ наблюдатели слѣдили за тѣмъ, правильно-ли велись учебныя занятія, соотвѣтствовало-ли обученіе существующимъ учебнымъ программамъ, и на мѣстѣ провѣряли степень религіозно-нравственнаго просвѣщенія учащихся; въ концѣ-же учебнаго года производили повѣрочныя испытанія учениковъ въ томъ, что пройдено ими за отчетное время. Съ участіемъ приходскихъ священниковъ наблюдатели, при удобномъ случаѣ, указывали прихожанамъ,

особенно деревенскимъ, на необходимость и важность воспитанія ихъ дѣтей въ духѣ православнаго христіанскаго вѣроученія и нравственности и, такимъ образомъ, вызывали въ нихъ живое и дѣятельное сочувствіе на пользу церковно-приходскихъ школъ, выразившееся какъ въ открытіи крестьянскими обществами новыхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты съ обязательствомъ поддерживать существованіе ихъ опредѣленными денежными взносами, такъ и въ посильныхъ пожертвованіяхъ на содержаніе уже существующихъ школъ. Нѣкоторые о.о. наблюдатели, въ примѣръ дѣятельнаго участія и живаго интереса жизнію церковно-приходскихъ школъ, выдавали лично отъ себя денежныя пособія на нужды школъ.

Кромѣ предсѣдателей уѣздныхъ отдѣленій: Сумскаго—протоіерея Василія Никольскаго, Изюмскаго—священника Петра Скубачевскаго, Старобѣльскаго—протоіерея Михаила Павлова, Волчанскаго—протоіерея Арсенія Павлова и наблюдателя школъ 2-го Ахтырскаго округа священника Николая Яковлева, съ отличнымъ усердіемъ на пользу народнаго образованія въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты въ отчетное время трудились о.о. предсѣдатели отдѣленій: Ахтырскаго—протоіерей Игнатій Клементьевъ, Богодуховскаго—протоіерей Василій Доброславскій, Зміевскаго—священникъ Петръ Тимоѳеевъ; наблюдатели школъ: въ округѣ благочиннаго Харьковскихъ градскихъ церквей—священникъ Іоаннъ Мантулинъ, 1-го округа, Волчанскаго уѣзда, священникъ Василій Евецкій, 2-го округа, Изюмскаго уѣзда, священникъ Ѳеодоръ供Бородаевъ, 5-го округа, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Василій Капустянскій, и о.о. завѣдующіе школами: Александро-Невской, въ г. Харьковѣ, священникъ Николай Сокольскій, Хухрянской, при Покровской церкви, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Димитрій Поповъ; Ново-Ольшанской, Купянскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Макаровскій; Роганской, Харьковскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Ракшевскій; Казачье-Лопанской, того-же уѣзда, священникъ Филаретъ Антоновъ и учитель Александро-Невской, въ г. Харьковѣ, двухклассной церковно-приходской школы Николай Арефьевъ. Протоіерей Игнатій Клементьевъ, при разумномъ и ревностномъ управленіи дѣлами школъ вообще, съ отличною опытностію руководилъ дѣйствіями Ахтырскаго уѣзднаго отдѣленія Совѣта, съ аккуратностію исполнялъ распоряженія Епархіальнаго Начальства и Совѣта по школьнымъ дѣламъ и, не смотря на свои преклонныя лѣта, принималъ на себя личный безмездный трудъ по перепискѣ какъ журналовъ, такъ и всѣхъ исполнительныхъ бумагъ отдѣленія. Заботы протоіерея Василія Доброславскаго, какъ

предсѣдателя Богодуховскаго отдѣленія, выразились въ пріобрѣтеніи каменнаго зданія для школы при Богодуховскомъ Успенскомъ соборѣ и въ личномъ пожертвованіи 230 рублей на пріобрѣтеніе классной мебели и портрета Государя Императора для сей-же школы, а также—въ побужденія приходскихъ священниковъ къ скорѣйшему открытію церковныхъ школъ въ тѣхъ селеніяхъ уѣзда, гдѣ существованіе таковыхъ школъ, по мѣстнымъ условіямъ, было признаваемо необходимымъ. Дѣятельность священника Петра Тимоѳеева по должности предсѣдателя Зміевскаго уѣзднаго отдѣленія сказалось главнымъ образомъ въ усиленномъ и постоянномъ стараніи его улучшить матеріальное положеніе школъ и привлечь на школьную службу возможно большее число правоспособныхъ лицъ. Съ ревностію, достойною лучшаго отзыва, священникъ о. Тимоѳеевъ успѣлъ распространить довѣріе къ церковнымъ школамъ въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ и, при благосклонномъ участіи и содѣйствіи нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ, расположить ихъ къ ежегоднымъ денежнымъ отчисленіямъ изъ мірскихъ средствъ на школьныя нужды. Справедливость требуетъ сказать, что настойчивыя дѣйствія о. Тимоѳеева въ этомъ отношеніи имѣли въ отчетное время весьма благія послѣдствія: въ большинствѣ школъ, существующихъ въ Зміевскомъ уѣздѣ, дѣломъ обученія занимались правоспособныя лица, изъ которыхъ свыше тридцати человѣкъ получали годовое содержаніе изъ мѣстныхъ средствъ въ размѣрѣ 120 руб., шестеро получали по 150 руб., двое—по 200 руб. и двое—по 300 руб. По ходатайству о. Тимоѳеева Зміевское уѣздное земское собраніе выдало изъ своихъ средствъ 330 руб. на нужды 11 школъ въ уѣздѣ. Наконецъ, къ чести о Тимоѳеева должно отнести учрежденіе при Зміевскомъ отдѣленіи книжнаго склада и его заботы объ открытіи двухклассной церковно-приходской школы въ слоб. Андреевкѣ, Зміевскаго уѣзда, при постоянномъ пособіи отъ земства и мѣстнаго общества. Усердная служба окружныхъ наблюдателей—священниковъ: Іоанна Мантулина, Василія Евецкаго, Ѳеодора Бородаева и Василія Капустянскаго выразилась въ сравнительно частыхъ посѣщеніяхъ школъ въ учебное и въ экзаменное время съ цѣлью поставить строй учебнаго дѣла на должную высоту и въ частности—дать недостаточно опытнымъ учащимъ руководственныя указанія, направленныя къ возвышенію успѣховъ и благонравія учащихся. Заслуги завѣдующаго Александро-Невскою, въ г. Харьковѣ, двухклассною-приходскою школою священника Николая Сокольскаго со-

стояли въ постоянномъ попеченіи его о благоустройствѣ этой школы какъ въ матеріальномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніяхъ. Александро-Невская школа, открытая въ 1884 году по мысли о. Сокольскаго и на испрошенныя имъ у частныхъ лицъ пожертвованія, на первыхъ порахъ существовала при довольно ограниченныхъ средствахъ; тѣмъ не менѣе матеріальные недочеты по школѣ ни мало не смущали предпріимчиваго ея учредителя о. Сокольскаго. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ о. Сокольскій съ рѣдкимъ терпѣніемъ боролся съ матеріальными нуждами ввѣренной ему школы, а между тѣмъ, по мѣрѣ возможности, постепенно улучшалъ въ оной учебно-воспитательную сторону дѣла. Плодомъ долговременной неустанной просвѣтительной дѣятельности о. Сокольскаго было то, что ввѣренная его ближайшему попеченію школа пріобрѣла должное довѣріе не только въ средѣ мѣстныхъ прихожанъ, но и въ средѣ постороннихъ именитыхъ благотворителей, пожелавшихъ поддержать оную личными денежными пожертвованіями. Съ удовольствіемъ можно отмѣтить, что Александро-Невская школа личными усиліями о. Сокольскаго къ концу истекшаго года приведена въ отличное состояніе по всѣмъ частямъ: школьное зданіе расширено на столько, что въ немъ свободно можно помѣстить до 200 учащихся (въ школѣ нынѣ обучается 180 мальчиковъ), школьная мебель частію обновлена, частію же дополнена устройствомъ новыхъ предметовъ, соотвѣтственно числу учащихся, организована школьная библіотека, состоящая изъ учебниковъ, пособій и книгъ для внѣкласснаго чтенія, и учебное дѣло съ отличнымъ успѣхомъ ведется подъ руководствомъ о. Сокольскаго четырьмя правоспособными и опытными лицами, изъ которыхъ трое получаютъ достаточное годовое содержаніе изъ мѣстныхъ средствъ, добываемыхъ стараніемъ о. Сокольскаго. Слѣдуетъ при этомъ присовокупить, что изъ учащихъ въ Александро-Невской школѣ особою ревностію и знаніемъ школьнаго дѣла отличается учитель оной Николай Арефьевъ. (Окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи; на службѣ состоитъ пять лѣтъ). Состоящіе подъ руководствомъ г. Арефьева ученики въ отчетномъ году на выпускныхъ испытаніяхъ обнаружили въ общемъ весьма хорошіе отвѣты по предметамъ школьнаго курса, а отличнѣйшіе изъ нихъ съ честію для учителя Арефьева продолжаютъ нынѣ свое образованіе въ духовномъ училищѣ, техническомъ желѣзно-дорожномъ училищѣ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ города Харькова. Замѣчено, что учитель Арефьевъ любитъ свое дѣло и отдается ему

съ примѣрнымъ и постояннымъ усердіемъ. По свидѣтельству Ахтырскаго уѣзднаго отдѣленія Совѣта, съ отличною пользою для народнаго образованія трудился завѣдующій и законоучитель Хухринской школы, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Димитрій Поповъ. Полезная дѣятельность о. Попова выразилась въ личныхъ трудахъ по устройству помѣстительнаго школьнаго зданія и въ успѣшныхъ занятіяхъ его, о. Попова, съ учащимися, изъ которыхъ въ истекшее десятилѣтіе 40 мальчиковъ удостоены свидѣтельствъ на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности. Въ докладѣ Лебединскаго уѣзднаго отдѣленія Совѣта о служебной дѣятельности завѣдующаго Ольшанскою, при Архангело-Михайловской церкви, церковно-приходскою школою священника Петра Яновскаго сказано, что ученики ввѣренной ему школы, при очень хорошихъ успѣхахъ, отличаются благонравіемъ и безукоризненнымъ исполненіемъ школьной дисциплины. Должнаго вниманія заслуживаютъ отлично-усердные и полезные труды учредителей школъ въ с. Рогани, Харьковскаго уѣзда, священника Іоанна Ракшевскаго; въ с. Казачьей-Лопани, того-же уѣзда, священника Филарета Антонова и въ с. Ново-Ольшаной, Купянскаго уѣзда, священника Іоанна Макаровскаго: эти о.о. учредители школъ озаботились, въ свое время, устройствомъ помѣстительныхъ школьныхъ зданій на изысканныя ими мѣстныя средства и, при личномъ весьма старательномъ участіи въ школьныхъ занятіяхъ, съ успѣхомъ руководили дѣйствіями учащихъ въ школахъ.

X.

Въ предѣлахъ Харьковской епархіи за отчетное время существовало 131 школа грамоты *), а именно: въ г. Харьковѣ—2, въ Харьковскомъ уѣздѣ—14, въ Ахтырскомъ—10, въ Богодуховскомъ—6, въ Валковскомъ—5, въ Волчанскомъ—5, въ Зміевскомъ—14, въ Изюмскомъ — 24, въ Купянскомъ—6, въ Лебединскомъ—10, въ Старобѣльскомъ—28 и въ Сумскомъ—7.

Дѣятельность наблюдателей и приходскихъ священниковъ въ от-

*) Кромѣ означеннаго числа школъ грамоты въ г. Богодуховѣ существовало двѣ воскресныхъ школы, содержимыхъ на средства Богодуховскаго отдѣленія Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности, и въ селеніяхъ Изюмскаго уѣзда: Куньемъ, Савинцахъ въ Вознесенскомъ приходѣ, Гусаровкѣ, Крючкахъ и Ямполѣ. Послѣднія пять школъ получали незначительное содержаніе отъ мѣстныхъ обывателей. Во всѣхъ воскресныхъ школахъ обучалось до 500 чел. обоего пола.

ношенія къ школамъ грамоты выразилась въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы обученіе въ нихъ имѣло религіозно-нравственный характеръ, а потому и тѣ и другіе заботились о томъ, чтобы дѣти, поступающія въ школы, прежде всего съ голоса были научены правильно и выразительно произносить главнѣйшія повседневныя молитвы и затѣмъ уже приступали къ обученію грамотѣ по руководствамъ и учебнымъ пособіямъ, употребляемымъ въ церковно-приходскихъ школахъ.

Дѣломъ обученія въ школахъ грамоты занимались 181 человѣкъ, а именно: священниковъ 63, діаконовъ 9, іеродіаконъ 1, псаломщиковъ 51, монахиня 1 и свѣтскихъ лицъ 59, въ томъ числѣ: окончившая курсъ въ женской гимназіи 1, окончившихъ въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ—6, окончившихъ курсъ въ женской прогимназіи—3, имѣющихъ званіе учителей народныхъ училищъ—6, окончившихъ курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ и народныхъ училищахъ—13, дворянъ домашняго образованія—2, неокончившихъ курсъ въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ—5, окончившая курсъ въ пріютѣ благотворительнаго общества—1, неокончившихъ курса духовнаго училища—1, окончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ—6, унтеръ-офицеровъ—2, мѣщанъ 2 и крестьянскаго сословія—11.

Какъ священники, такъ и другіе члены клира, кромѣ одного священника и псаломщика, получившихъ по 50 руб. въ годъ, занимались съ дѣтьми безвозмездно. Изъ свѣтскихъ лицъ, занимавшихся обученіемъ въ школахъ грамоты, получили за свои труды: одна учительница—200 руб., одинъ учитель—100 руб., два—по 60 руб., одинъ—30 руб., одинъ—25 р. въ годъ. Вознагражденіе прочихъ учащихъ колеблется между 30 и 60 коп. въ мѣсяцъ или же между 2—3 и 10 руб. въ годъ за каждаго учащагося.

Обученіе въ школахъ грамоты совершалось по руководствамъ и пособіямъ, принятымъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Изъ означеннаго числа школъ грамоты—91 имѣли помѣщеніе въ церковныхъ сторожкахъ, 13 въ общественныхъ домахъ, 3 въ квартирахъ церковно-служителей, прочія 24 школы—въ домахъ частныхъ лицъ.

Всѣхъ учащихся въ школахъ грамоты было—3121 въ томъ числѣ: мальчиковъ—2543, дѣвочекъ—578.

По отчетамъ уѣздныхъ отдѣленій Совѣта успѣхи учащихся въ школахъ грамоты по церковному пѣнію и чтенію въ общемъ удовлетворительны.

На льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности съ успѣхомъ выдержали испытаніе ученики нижеслѣдующихъ школъ: 1) Казачье-Лопанской (Харьковскаго уѣзда)—2 уч.; 2) Кантакузовской (Валковскаго уѣзда)—2 уч.; 3) Сороковской (Змієвскаго уѣзда)—3 уч.; 4) Нижне-Русско-Бишкинской (того-же уѣзда)—1 уч.; школъ Изюмскаго уѣзда: 5) Пашковской—1 уч.; 6) Бѣлянской—10 уч.; 7) Золотоколодязской—2 уч.; 8) Райской—5 уч. и 9) Николаевской (Сумскаго уѣзда)—2 ученика; всего—27 учениковъ.

Кромѣ сего успѣшно выдержавшими испытанія въ объемѣ программы одноклассной церковно-приходской школы признаны 1 ученица Казачье-Лопанской (Харьковскаго уѣзда) школы, 2 ученицы Бѣлянской, одна—Голодолинской и одна—Золотоколодязской (Изюмскаго уѣзда) школъ грамоты.

(Продолженіе будетъ).

ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁹³/₉₄ учебный годъ.

(Продолженіе *).

е) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатами, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ.

Къ началу учебнаго года состояло воспитанницъ: *въ приготовительномъ классѣ* 59, въ первомъ нормальномъ классѣ—42, въ первомъ параллельномъ классѣ—41, во второмъ нормальномъ классѣ—54, во второмъ параллельномъ классѣ—53, въ III нормальномъ классѣ—39, въ III параллельномъ классѣ—48, въ IV нормальномъ классѣ—43, въ IV параллельномъ классѣ—35, въ V классѣ—50 и въ VI классѣ—41; итого 505 воспитанницъ.

Выбыло среди учебнаго года изъ приготовительнаго класса—4 воспитанницы, изъ 1-го нормальнаго класса—1, изъ 1-го параллельнаго класса—3, изъ II-го нормальнаго класса—3, изъ II-го параллельнаго класса—3, изъ III-го нормальнаго класса—2, изъ IV-го нормальнаго класса—1, изъ V-го класса—6, изъ VI-го класса—1; итого 24 воспитанницы.

Принято вновь среди учебнаго года въ приготовительный классъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 3.

—1 воспитанница, въ I-й нормальный классъ—3, въ I-й параллельный классъ—5, во II-й параллельный классъ—1, въ III-й нормальный классъ—2; итого 12 воспитанницъ.

Оставалось по спискамъ ко времени экзаменовъ: въ приготовительномъ классѣ—56 воспитанницъ, въ I нормальномъ классѣ—44, въ I параллельномъ классѣ—43, во II нормальномъ классѣ—51, во II параллельномъ классѣ—51, въ III нормальномъ классѣ—39, въ III параллельномъ классѣ—48, въ IV нормальномъ классѣ—42, въ IV параллельномъ классѣ—35, въ V классѣ—44, въ VI классѣ—40; итого 493 воспитанницы.

Держали годовой экзаменъ въ приготовительномъ классѣ—55 воспитанницъ, въ I нормальномъ классѣ—43, въ I параллельномъ классѣ—43, во II нормальномъ классѣ—51, во II параллельномъ классѣ—51, въ III нормальномъ классѣ—38, въ III параллельномъ классѣ—47, въ IV нормальномъ классѣ—39, въ IV параллельномъ классѣ—33, въ V классѣ—43, въ VI классѣ 40; итого 483 воспитанницы.

Не держали экзамена въ приготовительномъ классѣ—1 воспитанница (по болѣзни), въ I нормальномъ классѣ—1 (по неявкѣ въ училище), въ III нормальномъ классѣ—1 (по неявкѣ въ училище), въ III параллельномъ классѣ—1 (по неявкѣ въ училище), въ IV нормальномъ классѣ—3 (двѣ по болѣзни и одна по неявкѣ), въ IV параллельномъ классѣ—2 (по болѣзни), въ V классѣ—1 (по болѣзни); итого 10 воспитанницъ.

Переведены въ слѣдующіе классы: изъ приготовительнаго въ I классъ 54 воспитанницы, въ томъ числѣ 1 безъ экзамена, по резолюціи Его Высокопреосвященства, изъ I нормальнаго во II нормальный—38, изъ I параллельнаго во II параллельный—43, изъ II нормальнаго въ III нормальный 50, изъ II параллельнаго въ III параллельный—47, изъ III нормальнаго въ IV нормальный—38, изъ III параллельнаго въ IV параллельный—46, изъ IV нормальнаго въ V нормальный классъ—38, изъ IV параллельнаго въ V параллельный—33, изъ V въ VI классъ—39; итого 426 воспитанницъ.

Оставлены въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ: въ приготовительномъ классѣ—2, по малоуспѣшности; въ I нормальномъ—5, четыре по малоуспѣшности и одна по просьбѣ родителей; во II нормальномъ классѣ—1, по малоуспѣшности; во II параллельномъ—4, по малоуспѣшности; въ III параллельномъ—1, по просьбѣ отца; въ IV нормальномъ—1, по просьбѣ опекуна; итого 15 воспитанницъ.

Окончили курсъ съ аттестатами 39 воспитанницъ, кромѣ того одной предоставлено передержать экзаменъ до 1 октября 1894 года.

Уволены изъ училища послѣ годовыхъ экзаменовъ и переэкзаменововъ: изъ I нормальнаго класса—1 воспитанница, по просьбѣ родителей, изъ III нормальнаго—1, за неявку въ училище безъ объясненія причины, изъ III-го параллельнаго—1, по просьбѣ отца, изъ IV-го нормальнаго—3, одна по просьбѣ отца и двѣ за неявку въ училище, безъ объясненія причины, изъ IV-го параллельнаго—1, за неявку въ училище безъ объясненія причины, изъ V-го класса—5, четыре по малоуспѣшности и малоразвитости и одна по просьбѣ отца; итого 12 воспитанницъ.

Такимъ образомъ къ началу $18^{94}/_{95}$ учебнаго года въ училищѣ числилось 441 воспитанница. Въ августѣ 1894 года вновь принято 87 дѣвицъ, именно: въ приготовительный классъ 45 дѣвицъ, въ I параллельный 31, во II-й нормальный 3, въ III-й параллельный 2, въ IV-й нормальный 5 и въ V-й параллельный 1 дѣвица. Изъ переведенныхъ въ I-й нормальный классъ 1 воспитанница умерла во время каникулъ. Вслѣдствіе всего этого $18^{94}/_{95}$ учебный годъ начался при 527 воспитанницахъ, которыя по классамъ распредѣлены были такъ: въ приготовительномъ классѣ 47 воспитанницъ, въ I-мъ нормальномъ классѣ 45, въ I-мъ параллельномъ 44 (воспитанницы, переведенныя изъ приготовительнаго класса въ I-й, распредѣлены по обоимъ отдѣленіямъ этого послѣдняго класса), во II нормальномъ 42, во II параллельномъ 47, въ III нормальномъ 50, въ III параллельномъ 50, въ IV нормальномъ 44, въ IV параллельномъ 47, въ V нормальномъ 38, въ V параллельномъ 34 и въ VI классѣ 39 воспитанницъ.

ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

1. *Успѣхи воспитанницъ* въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей аа) число и процентное отношеніе воспитанницъ каждаго класса, получившихъ балы: 5, 4, 3 и 2 по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ, и бб) средній баллъ каждаго класса по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ.

Приготовительный классъ (55 воспитанницъ).

Баллъ	5	получили	26	воспитанницъ, или . . .	$47^{15}/_{55}$%
„	4	„	22	„ „	40%
„	3	„	6	„ „	$10^{50}/_{55}$%
„	2	„	1	„ „	$1^{45}/_{55}$%
Средній баллъ всего класса					4,32

Первый нормальный классъ (43 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	14	воспитанницъ,	или	. .	$32^{24}/_{43}$%
„ 4	„	17	„	„	. .	$39^{23}/_{43}$%
„ 3	„	12	„	„	. .	$27^{39}/_{43}$%
Средній баллъ всего класса						4,04

Первый параллельный классъ (43 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	15	воспитанницъ,	или	. .	$34^{38}/_{43}$%
„ 4	„	23	„	„	. .	$53^{21}/_{43}$%
„ 3	„	5	„	„	. .	$11^{27}/_{43}$%
Средній баллъ всего класса						4,23

II-й параллельный классъ (51 воспитанница).

Баллъ 5	получили	18	воспитанницъ,	или	. .	$35^{15}/_{51}$%
„ 4	„	30	„	„	. .	$58^{42}/_{51}$%
„ 3	„	3	„	„	. .	$5^{45}/_{51}$%
Средній баллъ всего класса						4,29

II-й нормальный классъ (51 воспитанница).

Баллъ 5	получили	12	воспитанницъ,	или	. .	$23^{27}/_{51}$%
„ 4	„	27	„	„	. .	$52^{48}/_{51}$%
„ 3	„	12	„	„	. .	$23^{27}/_{51}$%
Средній баллъ всего класса						4

III-й нормальный классъ (38 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	9	воспитанницъ,	или	. .	$23^{26}/_{38}$%
„ 4	„	20	„	„	. .	$52^{24}/_{38}$%
„ 3	„	9	„	„	. .	$23^{26}/_{38}$%
Средній баллъ всего класса						4

III параллельный классъ (47 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	15	воспитанницъ,	или	. .	$31^{42}/_{47}$%
„ 4	„	26	„	„	. .	$55^{15}/_{47}$%
„ 3	„	6	„	„	. .	$12^{36}/_{47}$%
Средній баллъ всего класса						4,19

IV нормальный классъ (39 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	17	воспитанницъ,	или	. .	$43^{23}/_{39}$%
„ 4	„	16	„	„	. .	$41^{1}/_{39}$%
„ 3	„	6	„	„	. .	$15^{15}/_{39}$%
Средній баллъ всего класса						4,28

IV параллельный классъ (33 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	8	воспитанницъ,	или . .	$24\,^{8}/_{33}$%
„ 4	„	17	„	„ . .	$51^{17}/_{33}$%
„ 3	„	8	„	„ . .	$24\,^{8}/_{33}$%
Средній баллъ всего класса					4

V классъ (43 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	16	воспитанницъ,	или . . .	$37\,^{9}/_{43}$%
„ 4	„	16	„	„ . .	$37\,^{9}/_{43}$%
„ 3	„	11	„	„ . .	$25^{26}/_{43}$%
Средній баллъ всего класса					4,11

VI классъ (40 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	12	воспитанницъ,	или . . .	30%
„ 4	„	18	„	„ . . .	45%
„ 3	„	10	„	„ . . .	25%
Средній баллъ всего класса					4,05

2. *Въ поведеніи воспитанницъ* въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ особенныхъ проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніи, а потому всѣ онѣ, за исключеніемъ трехъ, отмѣченныхъ по поведенію годовымъ балломъ *4*, получили баллъ *5* (отлично).

3. *Для здоровья воспитанницъ* отчетный годъ былъ благопріятнѣе прошлаго. Хотя число заболѣваній было больше прошлогодняго,—именно: 365, или 72,27% общаго числа воспитанницъ, тогда какъ въ прошломъ году было только 64%,—но большинство этихъ случаевъ заболѣванія падало на болѣзни легкія, каковы напр., лихорадка (103 случая), жаба (76 случаевъ) и т. п. Изъ заразительныхъ болѣзней болѣе всего распространилась *корь* (43 случая). Другія, болѣе опасныя заразительныя болѣзни, къ счастію, въ училищѣ не распространились, благодаря внимательному леченію и тщательному уходу, хотя и заносились въ училище. Такъ тифъ проявился только у двухъ воспитанницъ и скарлатина—у четырехъ; отъ дифтерита же, который, изъ города, гдѣ онъ свирѣпствовалъ, занесенъ былъ въ училище въ прошломъ учебномъ году, похитилъ пять воспитанницъ и держалъ всѣхъ въ страхѣ въ теченіе всего учебнаго года, Богъ училище вполнѣ охранилъ. Тяжкихъ незаразительныхъ случаевъ заболѣванія въ отчетномъ году, было 5, именно: 1 случай падучей болѣзни, 1 случай пляски Св. Вита, 1 случай истеріи, 1 случай

воспаленія мозговой оболочки и 1 случай воспаленія легкихъ. Последніе два случая окончилась смертію заболѣвшихъ, послѣдовавшею въ домахъ ихъ родителей.

в) Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями училища.

Законоучителемъ протоіереемъ *Никандромъ Оникевичемъ* (18 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 1 урокъ, по болѣзни. Помощникомъ законоучителя, протоіереемъ *Георгіемъ Волобуевымъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, по обязанностямъ священника. Помощникомъ законоучителя священникомъ *Николаемъ Борисоглѣбскимъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 19 уроковъ 7 по обязанностямъ священника и 12 по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка *М. В. Добронравовымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 61 урокъ, по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка *Н. В. Гогинымъ* (10 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ русскаго языка *М. А. Кокоревымъ* (15 уроковъ въ недѣлю) пропущено 37 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ математики и физики *Я. М. Колосовскимъ* (18 уроковъ въ недѣлю) пропущено 20 уроковъ, 19 уроковъ по болѣзни и 1 по случаю вызова въ канцелярію попечителя округа. Преподавателемъ математики и физики *В. Н. Мощенковымъ* (15 уроковъ въ недѣлю) пропущено 35 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ географіи священникомъ *Андреемъ Балановскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 24 урока, 12 по обязанностямъ священника и 12 по болѣзни. Преподавателемъ географіи и исторіи *Е. П. Трифильевымъ* (7 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ одинъ урокъ, по болѣзни. Преподавателемъ исторіи *А. Ѳ. Вертеловскимъ* (7 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, 4 по обязанностямъ присяжнаго въ окружномъ судѣ и 1 по болѣзни. Преподавателемъ дидактики *Н. Н. Страховымъ* (3 урока въ недѣлю) пропущено 12 уроковъ, по болѣзни. Учителемъ церковнаго пѣнія протоіереемъ *Стефаномъ Петровскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 113 уроковъ, по болѣзни. Учителемъ церковнаго пѣнія *И. В. Петровскимъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 17 уроковъ, 11 по болѣзни и 6 по обязанностямъ службы въ семинаріи. Учителемъ чистописанія *Д. О. Ланевскимъ* (18 уроковъ въ недѣлю) пропущено 8 уроковъ, 7 по болѣзни и 1 по домашнимъ обстоятельствамъ. Учительницею ариѳметики и

географіи *В. А. О'Коннорв* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 11 уроковъ, 3 по болѣзни и 8 по домашнимъ обстоятельствамъ. Учительницею географіи *Л. Е. Дьяковой* (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницею чистописанія *А. В. Яновскою* (2 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницею чистописанія *Е. А. Курасовскою* (2 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницею приготовительнаго класса *Т. А. Щелкуновой* (15 уроковъ въ недѣлю) пропущено 4 урока по болѣзни.

и) Мѣры, принятыя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

1. До послѣдняго времени не существовало подходящаго, т. е. достаточно полнаго и въ надлежащей системѣ составленнаго, учебника церковнаго пѣнія по цефаутному ключу. По этой причинѣ преподаватель церковнаго пѣнія въ низшихъ классахъ училища, послѣ предварительныхъ голосовыхъ упражненій по слуху и прохожденія краткой азбуки пѣнія, приложенной къ синодальному обиходу, переходилъ прямо къ разучиванію церковныхъ пѣснопѣній по обиходу, самостоятельно располагая ихъ такъ, чтобы начинать съ болѣе легкихъ и постепенно переходить къ болѣе труднымъ. Но въ отчетномъ году Учебнымъ Комитетомъ одобренъ въ качествѣ руководства для употребленія въ духовныхъ училищахъ учебникъ пѣнія по цефаутному ключу, составленный преподавателемъ Рязанской духовной семинаріи А. Ражскимъ. Учебникъ этотъ предварительно былъ тщательно разсмотрѣнъ инспекторомъ классовъ вмѣстѣ съ преподавателями пѣнія въ училищѣ, испытанъ посредствомъ употребленія на нѣсколькихъ урокахъ пѣнія и затѣмъ, по докладу инспектора классовъ, журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 1 ноября 1893 года, введенъ въ употребленіе въ I и II-мъ классахъ училища, такъ какъ учебный матеріалъ въ этомъ учебникѣ подобранъ съ такимъ искусствомъ и расположенъ съ такою постепенностію, что изучивши его, можно пѣть съ листа всѣ пѣснопѣнія, заключающіяся въ нотныхъ церковныхъ книгахъ. Опытъ отчетнаго года показалъ, что такія надежды на этотъ учебникъ вполнѣ оправдаются. Вмѣстѣ съ болѣе правильною постановкою пѣнія по квадратной нотѣ въ I и II-мъ классахъ, въ истекшемъ учебномъ году въ III классѣ правильнѣе поставлено было обученіе пѣнію по круглой нотѣ, именно: изъ двухъ уроковъ пѣнія въ недѣлю одинъ урокъ всегда употреблялся на изученіе

теоріи этого пѣнія, по учебнику Бромскаго. По этому учебнику и приложеннымъ къ нему упражненіямъ воспитанницы III класса въ теченіе года довольно основательно ознакомились съ дѣленіемъ нотъ и съ различными дѣленіями такта, изучили составъ мажорной гаммы и прошли нѣсколько гаммъ съ діэзами.

2. Еще въ 189² учебномъ году Совѣтъ училища въ виду увеличенія числа воспитанницъ въ заведеніи, вслѣдствіе учрежденія въ немъ параллельныхъ классовъ, рѣшилъ значительно пополнить книгами для дѣтскаго чтенія ученическую библіотеку, для чего преподавателями училища составлены были списки книгъ, подлежащихъ выпискѣ въ эту библіотеку, списки эти разсмотрѣны Совѣтомъ и значащіяся въ нихъ книги заказаны книжному магазину Суворина. Въ началѣ отчетнаго года большая часть этихъ книгъ, именно 226, получена, переплетена, и воспитанницы въ теченіе всего года уже пользовались этими книгами.

3. На основаніи постановленія бывшаго въ маѣ 1893 года епархіальнаго съѣзда, въ началѣ отчетнаго года, вмѣсто прежнихъ помощницъ воспитательницъ, назначающихся изъ только что окончившихъ курсъ ученія воспитанницъ училища — сиротъ, каждый разъ только на одинъ годъ, опредѣлены Совѣтомъ, по выбору начальницы училища, постоянныя помощницы воспитательницъ, которыя потомъ переименованы младшими воспитательницами и имъ предоставлены права служебныя и права на пенсію наравнѣ со старшими воспитательницами. Младшія воспитательницы выбраны изъ воспитанницъ же училища, но по большей части изъ окончившихъ курсъ ученія нѣсколько лѣтъ назадъ и уже служившихъ учительницами въ школахъ или въ частныхъ домахъ. Эти обстоятельства даютъ право надѣяться, что служба новыхъ младшихъ воспитательницъ, какъ въ дѣлѣ дисциплинарнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей, такъ и въ репетированіи съ дѣтьми уроковъ по учебнымъ предметамъ, будетъ болѣе полезна для училища, чѣмъ годичная только служба прежнихъ помощницъ воспитательницъ. Опытъ отчетнаго года уже достаточно оправдалъ эти надежды.

4. Уставъ епархіальныхъ женскихъ училищъ требуетъ, чтобы воспитанницы этихъ заведеній, кромѣ достаточнаго изученія учебныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ общаго образованія, обучались еще женскимъ рукодѣліямъ и домашнему хозяйству и предоставляетъ имъ еще, по желанію родителей, обучаться музыкѣ и рисованію; кромѣ того, тотъ же уставъ вмѣняетъ въ обязанность учащимся самимъ же изготовлять для себя все необходимое бѣлье

и одежду. Вслѣдствіе такой многосложности занятій воспитанницъ, къ которымъ въ послѣдніе годы, по Высочайшей волѣ Государыни Императрицы, прибавилось обученіе воспитанницъ шитью церковныхъ облаченій, а по распоряженію Св. Сунода, прибавились послѣобѣденныя занятія воспитанницъ VI-го класса въ состоящей при училищѣ церковно-приходской школѣ, трудно было ежедневно назначать достаточно времени для прогулокъ дѣтей на чистомъ воздухѣ,—что не могло не отзываться вредно на ихъ здоровьи. Для того, чтобы освободить учащимся ежедневно не менѣе часа для прогулокъ на воздухѣ, въ отчетномъ году нѣсколько измѣнено распредѣленіе въ училищѣ учебнаго дня, именно: во время утреннихъ классныхъ занятій каждый урокъ сокращенъ на пять минутъ (55 минутъ вмѣсто 1 часу) и на столько же минутъ сокращены промежутки между 1, 2, 3, 4 уроками (по 10 минутъ вмѣсто 15-ти) Вслѣдствіе этого уроки стали оканчиваться, вмѣсто двухъ часовъ по полудни, въ половинѣ втораго; отъ половины втораго до половины третьяго назначено время для обѣда; отъ половины третьяго до половины четвертаго—для гулянья на воздухѣ; отъ половины четвертаго до пяти—для занятій рукодѣліемъ; въ пять часовъ вечерній чай, а съ шести до восьми приготовленіе уроковъ на слѣдующій день. Съ тою же цѣлію—освободить время для прогулокъ—сокращены послѣобѣденныя занятія воспитанницъ въ училищной церковно-приходской школѣ отъ 3—5 часовъ такъ, чтобы каждая, вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю, участвовала въ нихъ только одинъ разъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Воскресенской церкви сл. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, Николай *Грековъ* награжденъ набедренникомъ.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Николай *Приходьковъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ Рождество-Богородичной церкви сл. Баранниковки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ Семинаріи Сергѣй *Любарскій* опредѣленъ 1 февраля н. г. на праздное священническое мѣсто при Григорьевской церкви с. Турьи, Ахтырскаго уѣзда.

— Харьковской Троицкой церкви священникъ Николай *Любарскій*, по прошенію, переведенъ на священническое мѣсто къ Харьковской Кресто-Воздвиженской церкви.

— Харьковской Петро-Павловской церкви священникъ Павелъ *Тимо-*

феевъ, по прошенію, переведенъ на священническое мѣсто къ Харьковской Троицкой церкви, а на мѣсто его, Тимофеева, къ Петро-Павловской Журавлевской церкви, по прошенію того же числа, опредѣленъ окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи Андрей *Щелкуновъ*.

— Сл. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, Николаевской церкви священникъ Василій *Любицкій* 8 сего февраля, волею Божіей, умеръ.

— 12 сего февраля, волею Божіею, умеръ, членъ Харьковской Духовной Консисторіи, протоіерей Харьковской Кресто-Воздвиженской церкви Андрей *Щелкуновъ*.

— Состоящій на псаломщицкой вакансіи при Архангело-Михаиловской церкви с. Лимана, Зміевскаго уѣзда, діаконъ Михаилъ *Павловъ* опредѣленъ штатнымъ діакономъ Христо-Рождественской церкви с. Низшей-Верхосулки, Лебединскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Богоявленской церкви с. Молодоваго, Волчанскаго уѣзда. Димитрій *Сирятскій*, опредѣленный 10 декабря 1894 г. штатнымъ діакономъ Николаевской церкви с. Самотоевки, Ахтырскаго уѣзда, 8 января н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Діаконъ Покровской церкви сл. Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда. Іоаннъ *Пантелеимоновъ* удаленъ отъ этого мѣста съ правомъ просить мѣсто псаломщика.

— Псаломщикъ-діаконъ Харьковской Озерянской церкви Петръ *Невпрягинъ*, по прошенію, перемѣщенъ на псаломщицкую вакансію къ Скорбященской церкви Харьковской мѣщанской богадѣльни и опредѣленъ учителемъ школы при богадѣльнѣ.

— Села Преображенскаго Преображенской церкви, Зміевскаго уѣзда, діаконъ Георгій *Чебановъ*, по прошенію, переведенъ на псаломщицкое мѣсто къ Харьковской Озерянской церкви.

— Псаломщики церквей: Покровской сл. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда Григорій *Войтовъ* и Преображенской той же слободы Петръ *Войтовъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Николаевской церкви с. Мартыновки, Лебединскаго уѣзда, отст. фельдф. Онуфрій *Деревянченко*; Петро-Павловской церкви г. Сумъ потомст. гражд. Николай *Скубенко*; Архангело-Михаиловской церкви с. Кириковки, Ахтырскаго уѣзда, крест. Василій *Морока*; Воскресенской церкви г. Сумъ куп. Павелъ *Черняевъ*; Воскресенской церкви с. Хорошева, Харьковскаго уѣзда, дворянинъ Владиміръ *Черняковъ*; Покровской церкви сл. Карасовки, Харьковскаго уѣзда, крест. Иванъ *Шаповалъ*; Кресто-Воздвиженской церкви сл. Черкасской Лозовой Харьковскаго уѣзда, крест. Романъ *Ѳедоренко*.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Кончина Великаго Князя Алексѣя Михаиловича.—Заупокойное богослуженіе въ Харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ.—Новый Константинопольскій патріархъ.—Отрадныя явленія въ жизни западнаго христіанскаго міра.—Сочувствіе американцевъ къ православной восточной церкви.—Слава о. протоіерея Іоанна Кронштадтскаго заграницей.—Дѣятельность общества возстановленія христіанства на Кавказѣ.—Дѣятельность братства въ прибалтійскомъ краѣ.—Заботы духовенства объ обезпеченіи своихъ вдовъ и сиротъ.—Богадѣльня для престарѣлаго духовенства.—Крупное пожертвованіе въ пользу церковно-приходскихъ школъ.—Народныя библіотеки и читальни.—Приходское торжество Ахтырскихъ горожанъ.

20 февраля, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался въ Санъ-Ремо Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ. По этому случаю совершена была въ тотъ же день въ церкви дворца Великаго Князя Михаила Николаевича панихида въ присутствіи Его Высочества и Великихъ Князей Георгія и Александра Михайловичей и Великой Княгини Ксеніи Александровны. По словамъ «Моск. Вѣд.», тѣло усопшаго Великаго Князя Алексѣя Михайловича будетъ погребено близъ Петербурга, въ Стрѣльнѣ, въ склепѣ при церкви Дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

— 26 февраля, въ день рожденія въ Бозѣ почившаго Государя Императора, Александра III, по Немъ и по въ Бозѣ почившемъ Великомъ Князѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ въ Харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженіи Преосвященнаго Петра, Епископа Сумскаго, и мѣстнаго духовенства, была отслужена заупокойная литургія, а послѣ нея—панихида. На литургіи и панихидѣ присутствовали управляющій губерніей, камергеръ двора Его Величества, вице-губернаторъ А. К. Вельгардъ, командиръ 10-го армейскаго корпуса, ген.-лейт. В. Ф. Винбергъ, представители правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій, чины военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и много молящихся.

— На долго остававшуюся вдовствующею каѳедрою церкви Константинопольской, 20 января, избранъ новый патріархъ—Анеимъ VII. Новоизбранный блаженнѣйшій патріархъ родился въ 1829 г. отъ благочестивыхъ родителей, переселившихся на Іоанническіе острова. Родители предназначали его для свѣтской жизни, но онъ рано получилъ наклонность къ духовной жизни и, благодаря попеченію мѣстнаго митрополита Іоанникія, получилъ богословское образованіе въ Халкидонской школѣ и принялъ духовный санъ. Составленное имъ сочиненіе о „Божествѣ Іисуса Христа“ доставило ему мѣсто профессора богословія въ т. н. Засимовой школѣ,

а въ 1869 году онъ рукоположенъ былъ во епископа и занималъ послѣдовательно нѣсколько незначительныхъ каѳедръ. Предъ избраніемъ онъ занималъ каѳедру калимнійской епархіи и избраніе его застало во время объѣзда своей епархіи. Новоизбранный патріархъ извѣстенъ своимъ миролюбіемъ и строгимъ благочестіемъ.

— Вникая въ религіозно-нравственную жизнь христіанскаго запада, нельзя не замѣтить въ ней нѣкоторыхъ благопріятныхъ явленій. Еще недавно въ ней преобладалъ крайній радикализмъ, стремившійся сбросить съ человѣка всѣ ограничивающія или стѣсняющія его узы, чтобы сдѣлать его вполнѣ свободнымъ. Съ этою цѣлію велась систематическая и часто ожесточенная борьба противъ религіи, церкви и ея нравственныхъ требованій, яко бы отжившихъ свой вѣкъ. На мѣсто религіи выдвигалась наука съ гордой претензіей открыть всѣ тайны бытія, на мѣсто церкви — полнѣйшій индивидуализмъ или простая общественность, религіозно-нравственныя постановленія замѣнялись философскими положеніями какого-нибудь позитивнаго катихизиса, который, ничего не зная о Богѣ, проповѣдывалъ начала философской гуманности и т. д. Понятно, что при такомъ направленіи религіозное преподаваніе въ школѣ признавалось излишнимъ обремененіемъ для учениковъ, религія изгонялась изъ школъ, бракъ лишался своего церковнаго характера и превращался въ гражданскій контрактъ и такъ далѣе. Это отрицательное по отношенію къ церкви направленіе охватило всѣ западно-христіанскіе народы, и до послѣдняго времени западъ считалъ секуляризацію школы и брака однимъ изъ лучшихъ достояній новѣйшей культуры. Но теперь замѣчается иное. Это отрицательное направленіе успѣло уже достаточно обнаружить свое истинное значеніе и — результаты его оказываются далеко не утѣшительными. При видѣ плодовъ этого направленія невольно содрогаются всѣ наиболѣе серьезные люди и истинные патріоты, способные смотрѣть на вещи болѣе здравыми глазами. Печальная дѣйствительность показала, что чуждая церковности школа совсѣмъ не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ. Молодое поколѣніе, воспитавшееся внѣ религіи, на туманныхъ началахъ позитивнаго катихизиса, не только не прониклось сознаніемъ проповѣдуемаго въ немъ долга и не просвѣтилось въ своей нравственности, а одичало и огрубѣло, сдѣлавшись несноснымъ бичемъ для родителей и старшихъ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ болѣе или менѣе строго проведенъ принципъ секуляризаціи, преступленія среди молодежи усилились въ ужасной степени, такъ что даже

и приверженцы безрелигіозной школы перестали вѣрить въ ея благотворность. Между прочимъ, извѣстный французскій публицистъ Жюль Симонъ, въ виду страшнаго растлѣнія нравовъ во Франціи, видитъ спасеніе своего отечества только въ возвращеніи ея на путь религіознаго воспитанія юношества. Вытѣсненіе религіи изъ школы, говоритъ Жюль Симонъ, привело къ ожесточенію и одичанію нравовъ, и это зло можетъ быть устранено только возвращеніемъ на старый путь, т. е. возстановленіемъ должныхъ религіи правъ въ школьномъ воспитаніи. «Церк. Вѣст.».

— Среди американцевъ давно уже замѣчаются симпатіи къ православной восточной церкви, которыя и проявляются при всякомъ удобномъ случаѣ. Новымъ доказательствомъ этого можетъ служить только что опубликованная въ американскихъ газетахъ переписка епископа англо-американской церкви Литлджона съ аѳинскимъ митрополитомъ Германомъ. Обращаясь къ митрополиту, американскій епископъ пишетъ: «Много есть причинъ, почему мы, жители отдаленнѣйшаго запада, должны съ любящимъ почтеніемъ относиться ко всѣмъ вѣтвямъ святой православной церкви, находящимся въ общеніи съ патріархомъ константинопольскимъ. Мы не упускаемъ изъ вида того, что она выстрадала и совершила въ теченіе вѣковъ превратностей, угнетеній и бѣдствій. Мы признательны за ея терпѣливое и мужественное свидѣтельство о вѣрѣ и дисциплинѣ первенствующей церкви во времена опасности и гоненія. Мы съ радостью признаемъ ея достоинство и честь, какъ матери всего христіанства. Мы считаемъ своимъ счастьемъ, а также и своей крѣпостью сознаніе того, что у насъ много общаго съ восточною церковію и въ нѣкоторой степени мы участники ея величайшихъ сокровищъ. Ея отцы суть наши отцы. Съ величайшею любовію мы чтимъ Климентовъ, Поликарповъ, Григоріевъ и Златоустовъ, которыхъ она дала христіанскому міру. И высказывая это, мы съ радостію прибавляемъ, что она, въ вѣрномъ по слушаніи ихъ ученію, никогда не позволяла себѣ увлекаться надмѣнными притязаніями на главенство и (исключительную) непогрѣшимость (намекъ на притязанія папства) и такимъ образомъ создавать новыя и непреоборимыя преграды къ возстановленію вселенскаго единства». Напомнивъ далѣе о попыткахъ англиканъ войти въ сношеніе съ православнымъ востокомъ и о всегдашнемъ благорасположеніи представителей востока къ англиканамъ, епископъ заканчиваетъ свое интересное письмо выраженіемъ искренней надежды и благожеланія, что «если по милости Божіей Константинополь перестанетъ послѣ болѣе 400-лѣт-

наго періода быть сѣдалищемъ мусульманскаго безправія и возвращенъ будетъ христіанской вѣрѣ, то пусть крестъ вновь водрузится на святой Софія, новые Григоріи и Златоусты да возсядутъ на патріаршемъ престолѣ и вѣрные поклонники отъ востока и запада да соберутся тамъ какъ братья, чтобы подъ ея сводами воспѣть славословіе ихъ общему Господу. Если не тщетно лелѣять такую надежду, то мы считаемъ своимъ долгомъ ежедневно молиться о томъ, чтобы Господь соблаговзволилъ въ надлежащее время осуществить такой союзъ древнихъ церквей востока съ западными церквами англиканскаго и американскаго общенія, равно какъ и со старокатоликами континентальной Европы, дабы этотъ союзъ, по волѣ милостиваго Промысла, могъ оказаться крѣпкимъ оплотомъ противъ нападеній невѣрія и ультрамонтанства, этой главной теперь опасности для христіанскаго міра, и надежнымъ охранителемъ отъ всѣхъ опасностей и бѣдствій для той вѣры, которая нѣкогда предана святымъ и находитъ себѣ достаточную лѣтопись въ св. Писаніи и достаточное свидѣтельство въ церкви первобытной».—Такія заявленія, по вполнѣ справедливому замѣчанію «Цер. Вѣст.», краснорѣчиво говорятъ сами за себя, и нельзя не пожелать, чтобы высказанныя въ этихъ заявленіяхъ симпатіи развивались и крѣпили все болѣе и болѣе, подготовляя такимъ образомъ почву для осуществленія вожделѣннаго единенія всѣхъ въ лонѣ единой, святой, соборной и апостольской церкви.

— Однимъ изъ существенныхъ признаковъ истины православной церкви является конечно сила молитвы ея пастырей, и «Цер. Вѣст.» съ радостью сообщаетъ, что эта сторона православной церкви начинаетъ обращать на себя вниманіе и заграницей, и именно благодаря пастырской дѣятельности всероссійскаго пастыря душъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Вѣсть о силѣ и дѣйственности его молитвы далеко распространилась и по заграничнымъ странамъ, такъ что съ письменными просьбами къ нему о молитвѣ теперь обращаются немощные и страждущіе, можно сказать, изъ среды всѣхъ народовъ западнаго христіанскаго міра. За послѣдніе три мѣсяца, по словамъ «Спб. Дух. Вѣст.», явилось болѣе 200 писемъ, полученныхъ о. Іоанномъ съ разныхъ концовъ міра. Изъ Франціи и различныхъ государствъ Германіи, изъ Австріи, Швеціи, Испаніи, Португаліи, Италіи, Англіи и Греціи и даже изъ далекой Америки, изъ столицъ и неизвѣстныхъ городковъ и даже деревень слетались,—по словамъ журнала,—въ Кронштадтъ письма на различныхъ языкахъ, съ просьбою о помощи духовной и матеріаль-

ной, о молитвѣ за несчастныхъ и болящихъ. Всѣ полученныя о. Іоанномъ письма изъ заграницы можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) большая часть—просьбы помолиться объ исцѣленіи отъ различныхъ болѣзней; 2) просьбы помолиться о внутреннемъ исправленіи, объ увеличеніи вѣры въ людахъ; 3) просьбы молитвою или помощью матеріальной вывести изъ крайней нужды или содѣйствовать осуществленію какого-либо предпріятія; 4) просьбы дать совѣтъ или благословить какой-либо новый жизненный шагъ; 5) просьбы отвѣтить на вопросы религіознаго характера и 6) благодареніе за оказанную помощь и выраженія чувства благоговѣнія къ о. Іоанну. Съ сердечною вѣрой въ дѣйствительность молитвы о. Іоанна, нѣкоторыя лица присылаютъ ему, по словамъ журнала, свои фотографическія карточки, обрѣзки волосъ, прося благословить ихъ, вѣря, что это благословеніе распространится и на нихъ самихъ. Нѣкоторые изъ корреспондентовъ умышленно не обозначаютъ своего адреса и не хотятъ отвѣта, твердо надѣясь, что заочной молитвы о нихъ о. Іоанна достаточно, чтобы Господь исцѣлилъ ихъ. Многіе просятъ присылки освященной воды, лѣкарства. Есть просьба одной женщины о смягченіи сердецъ двухъ людей, отравляющихъ своимъ характеромъ жизнь близкихъ. Передъ трудными операціями или желая перемѣнить мѣсто, многіе обращаются къ о. Іоанну за благословеніемъ. Встрѣчаются въ письмахъ и выраженія благодарности о. Іоанну за облегченіе, полученное по его молитвѣ, и т. д. Намъ, православнымъ, остается только радоваться, что свѣтъ пастырей св. православной церкви начинаетъ распространяться и среди народовъ, сидящихъ въ полумракѣ инославія.

— По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ «Кавказѣ», дѣятельность Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ становится болѣе оживленною. За 1892 годъ результатомъ миссіонерской дѣятельности Общества было обращеніе изъ мусульманъ, сектантовъ и различныхъ христіанскихъ исповѣданій въ православіе 448 душъ обоего пола. Совѣтъ Общества имѣлъ возможность въ теченіе отчетнаго года открыть новыя школы: одну въ сел. Степанцмина (Казбекъ) для Грузинъ-горцевъ, живущихъ по Военно-Грузинской дорогѣ; другую—въ городѣ Тифлисѣ, на Пескахъ, для русскаго православнаго населенія, живущаго между молоканами и разнаго рода сектантами; третью—въ сѣверной Осетіи, въ сел. Ольгинскомъ, для воспитанія дѣвочекъ христіанскихъ родителей; четвертую—въ сел. Вале, Ахалцыхскаго уѣзда. Всѣхъ школъ, вмѣстѣ съ новооткрытыми, въ вѣдѣніи Общества въ отчетномъ году состояло

48, изъ нихъ 40 мужскихъ и 8 женскихъ. Въ этихъ школахъ состояло: смотрителей—1. законоучителей—38, учителей—53. изъ коихъ, съ дозволенія начальства, занимались преподаваніемъ Закона Божія—8. учительницъ—17; учащихся было: мальчиковъ—2.543, дѣвочекъ—569, а всего—3.112.

— «Риж. Вѣст.», по поводу проектируемой издательской дѣятельности виленскаго братства, припоминая о томъ, что успѣхи западно-русскихъ православныхъ братствъ зависѣли отъ энергіи братчиковъ и ихъ совмѣстной дружной работы, говоритъ, что въ прибалтійскомъ краѣ, гдѣ также происходитъ культурная борьба—на почвѣ русской народности и православія, братства, которыхъ въ краѣ уже не мало и большинство которыхъ существуетъ уже четверть вѣка, а нѣкоторыя и болѣе, должны сослужить замѣтную услугу русскому дѣлу. Для этого дѣла братствами уже сдѣлано довольно; но остается сдѣлать еще гораздо больше. Между тѣмъ въ дѣятельности многихъ мѣстныхъ православныхъ братствъ замѣчается упадокъ энергіи, а въ нѣкоторыхъ, по доходящимъ слухамъ, наблюдается и отсутствіе совмѣстной дружной работы. Это—явленіе печальное. Не для того, чтобы сводить личные счеты или почивать на лаврахъ, должны жить мѣстные русскіе дѣятели, а для живой, энергичной и плодотворной работы. Въ виленскомъ Свято-Духовскомъ православномъ братствѣ воспрянулъ древній доблестный русскій духъ. Отрадно было бы видѣть, если бы и нѣкоторыя прибалтійскія братства, нынѣ дѣйствующія слабо, воспрянули духомъ и принялись за великую культурную работу, къ которой они призваны самой жизнью.

— Сельское духовенство Кишиневской епархіи въ послѣднее время не мало было занято вопросомъ объ изысканіи средствъ для обезпеченія священно-церковно-служительскихъ вдовъ и сиротъ, обреченныхъ послѣ смерти своихъ кормильцевъ на весьма жалкое существованіе. Наконецъ, вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ на послѣднемъ съѣздѣ представителей духовенства епархіи, собранныхъ епархіальнымъ начальствомъ для обсужденія вопросовъ, касающихся урегулированія церковно-приходской жизни. Рѣшено, что по смерти кого—либо изъ священниковъ епархіи, всѣ священники Кишиневской епархіи обязуются внести черезъ окружнаго благочиннаго въ пользу оставшихся вдовъ и сиротъ усопшаго по одному рублю. Собранныя деньги окружными благочинными немедленно отправляются въ Кишиневское епархіальное попечительство, которое, въ свою очередь, чрезъ благочиннаго высылаетъ полу-

ченную сумму семьѣ усопшаго священника. По смерти діакона, псаломщика штатнаго или сверхштатнаго, производится 25-копѣечный сборъ со всѣхъ штатныхъ и сверхштатныхъ діаконовъ и псаломщиковъ въ изложенномъ выше порядкѣ. Никакая подсудность и никакое наказаніе за проступки священно-церковно-служителя епархіи не служитъ препятствіемъ для осиротѣлой семьи его воспользоваться установленною взаимною помощью.

— Въ память Императора Александра III С.-Петербургское епархіальное духовенство, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Палладія, Митрополита С.-Петербургскаго, устраиваетъ богадѣльню для престарѣлаго духовенства. Фондомъ для этой цѣли, по сообщенію Петербургскихъ газетъ, назначены 10% съ свободныхъ церковныхъ суммъ епархіи при исчисленіи ихъ по 1-е января текущаго года. Ямская церковь св. Іоанна Предтечи, что на Лиговкѣ, отводитъ подъ богадѣльню участокъ земли.

— Петербургскія газеты сообщаютъ, что на 93,000 рублей, отказанныхъ по духовному завѣщанію Крюковой-Булаевой, рѣшено открыть семь церковно-приходскихъ школъ съ ремесленными отдѣленіями въ Тульской губерніи.

— Объ учрежденіи народныхъ библіотекъ и читаленъ заботились доселѣ с.-петербургскій и московскій комитеты грамотности, примѣру которыхъ слѣдовали народныя общества въ Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и другихъ городохъ, а также земства. Московскому уѣздному земству принадлежитъ въ данномъ случаѣ первый починъ. Открывъ въ началѣ 80-хъ годовъ 129 библіотекъ при земскихъ школахъ, оно чрезъ десять лѣтъ довело эту цифру до 336. Вслѣдъ за московскимъ земствомъ приступили къ организація народныхъ библіотекъ, тверское, псковское, и др. Въ самое послѣднее время за это дѣло взялось и духовенство, при чемъ оно старается сообщать библіотекамъ такую организацію и производить подборъ книгъ такимъ образомъ, чтобы устранить для крестьянъ всѣ формальныя стѣсненія и удовлетворить всѣ ихъ потребности. Для примѣра можно указать на приходскую безплатную библіотеку въ селѣ Кубенскомъ, вологодскаго уѣзда, исторія открытія которой разсказана въ «Вологог. Еп. Вѣд.». Жители Кубенскаго, благодаря существованію двухъ земскихъ училищъ—мужскаго и женскаго—почти всѣ грмотные и стремленіе къ чтенію книгъ развито очень сильно; удовлетворялась же эта потребность не дорогими газетами, или книжками, пріобрѣтенными у разныхъ странствующихъ торговцевъ, иногда не только пустыми, но и прямо вредными. Другого,

болѣе соотвѣтственнаго духовнымъ нуждамъ и болѣе полезнаго, матеріала для чтенія жители Кубенскаго не имѣли, такъ какъ при мѣстныхъ школахъ библіотекъ нѣтъ, а церковная библіотека, какъ состоящая изъ нѣсколькихъ ученыхъ журналовъ духовнаго содержанія, сборниковъ проповѣдей, богословскихъ и историческихъ изслѣдованій, для пониманія простого читателя мало доступна. Но и къ этой библіотекѣ иногда обращались любители чтенія и не разъ просили дать имъ „хорошую, поучительную книжку". Въ виду этого, мѣстный священникъ поставилъ своей задачей—открыть при церкви безплатную народную библіотеку, въ особомъ поученіи выяснилъ прихожанамъ ея важность, собралъ около 100 руб. и, испросивъ разрѣшеніе у мѣстнаго епископа, выписалъ книги, а нѣкоторыя выпросилъ даромъ у спб. комитета грамотности и у частныхъ лицъ. Составилась библіотека изъ 245 экземпляровъ, изъ нихъ—религіозно-нравственныхъ 165 экз., историческихъ 27 экз., по сельскому хозяйству 16 экз., по медицинѣ 9 экз. и остальныхъ 28 экз. Библіотека помѣщается въ церкви въ приличномъ шкафѣ; завѣдуетъ ею и выдаетъ книги самъ священникъ, какъ болѣе знакомый съ складомъ мыслей и нравственнымъ состояніемъ своихъ пасомыхъ. Опредѣленнаго времени для пріема и выдачи книгъ не установлено: книги могутъ выдаваться и приниматься всякій разъ, когда священникъ находится въ церкви по служебнымъ обязанностямъ. Никакихъ формальныхъ гарантій за цѣлость взятыхъ книгъ не существуетъ, равнымъ образомъ ни съ кого не взимается и плата за чтеніе. Не существуетъ также и указанія времени, по истеченіи котораго должна быть возвращена книга. При близкомъ знакомствѣ выдающаго книги съ получающими ихъ подобныя стѣснительныя ограниченія совершенно излишни.

5 февраля текущаго года въ гор. Ахтыркѣ состоялось выдающееся въ епархіальной жизни торжество: признательные граждане г. Ахтырки чествовали своего уважаемаго духовнаго руководителя и молитвенника—настоятеля Ахтырскаго Покровскаго Собора, протоіерея Игнатія Іоанновича Клементьева, поднесеніемъ драгоцѣннаго сребровызлащеннаго наперснаго креста. Въ день этого событія божественную литургію совершалъ въ главномъ Соборномъ храмѣ самъ маститый о. протоіерей въ сослуженіи очередного діакона, при стройномъ пѣніи соборныхъ пѣвчихъ и множествѣ молящихся гражданъ г. Ахтырки, переполнившихъ обширный храмъ. По окончаніи литургіи о. протоіерей вышелъ на средину храма съ шестью городскими священниками и двумя діаконами и, обратившись къ обступившимъ его гражданамъ, выслушалъ привѣтствіе по случаю торжества, сказанное отъ

лица гражданъ Ахтырскимъ купцомъ И. Н. Милославскимъ, и имъ-же прочитанный адресъ гражданъ слѣдующаго содержанія: „Высокочтимый и глубокоуважаемый отецъ Игнатій! Сорокъ два года состоите Вы нашимъ духовнымъ пастыремъ въ Соборномъ Покровскомъ храмѣ и болѣе тридцати лѣтъ были мудрымъ наставникомъ юнаго поколѣнія. Всѣ эти годы Ваша плодотворная и истинно пастырская дѣятельность вызывала въ гражданахъ чувства глубокаго уваженія и искренней любви къ Вамъ. Движимые этими чувствами, мы, всѣ граждане, подносим Вамъ съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, св. крестъ, какъ духовныя дѣти Ваши, просимъ Васъ принять его отъ насъ, какъ выраженіе глубокаго уваженія, искренней любви и сердечной признательности нашей, а вмѣстѣ съ тѣмъ молимъ Всемогущаго Господа ниспослать Вамъ здоровье и силы на продленіе Вашей душеполезной дѣятельности". Этотъ адресъ, отпечатанный золотыми буквами, въ роскошномъ переплетѣ, и подписанный 58-ю гражданами, былъ прочитанъ съ воодушевленіемъ и глубоко растрогалъ о. протоіерея. Послѣдній, въ отвѣтъ на привѣтствіе и адресъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Милостивѣйшіе Государи, премногоуважаемые и добрѣйшіе мои братіе, согражданe! Отъ всего сердца приношу Вамъ искреннюю мою благодарность за драгоцѣнный Вашъ даръ,—за это благолѣпное крестное знаменіе спасительныхъ страданій Господа нашего Іисуса Христа, подносимое Вами для ношенія на недостойныхъ персѣхъ моихъ; премного благодаренъ и за высказанныя моей служебной дѣятельности похвалы въ адресѣ Вашемъ; но признаюсь, и Вы извините меня, что я при этомъ не могу не смущаться отъ глубокаго сознанія, что воздаемыя Вашею любовію ко мнѣ и усердіемъ почести далеко выше заслугъ моихъ предъ Вами! Правда, священнослуженіе мое въ семъ святомъ храмѣ долговременное и жизнь моя среди Васъ въ семъ Богохранимомъ градѣ многолѣтняя; справедливо и то, что, по мѣрѣ силъ моихъ, я добросовѣстно трудился и словомъ и дѣломъ на пользу и спасеніе ближнихъ; а также во всю жизнь мою не имѣлъ ни съ кѣмъ ссоры и вражды и всею душою стремился къ тому, чтобы со всѣми имѣть миръ, любовь и согласіе; но все-же и въ служеніи моемъ, какъ пастыря церкви Христовой, и въ трудахъ моихъ по образованію и просвѣщенію юношества, а равно и во всѣхъ сношеніяхъ моихъ съ Вами, добрѣйшіе, и всѣми почившими приснономинаемыми моими согражданами я, по совѣсти, не вижу и не сознаю за собою доблестныхъ подвиговъ, за которые слѣдовало бы воздавать мнѣ такія почести и преимущества, которыхъ рѣдко кто изъ служителей алтаря Господня удостоивается. Потому, въ чувствѣ глубокаго смиренія и въ полномъ сознаніи своего недостоинства, преклоняюсь предъ Вашею снисходительностію и сердечною добротою, что Вы и обыкновен-

ной моей служебной дѣятельности дали такую высокую цѣну. Да будуть же Ваша любовь и Ваше усердіе навсегда для меня священны! а сей святый крестъ Господень, который я буду имѣть счастіе носить на персѣхъ своихъ, да напоминаетъ мнѣ всегда священную пастырскую мою обязанность со всею искренностію и любовію молить Господа Бога до конца моей жизни, дабы Онъ, Милосердый и Человѣколюбивый, молитвами Пречистой Божіей Матери, предъ честнымъ Образомъ Своимъ благоволившей мнѣ такъ долговременно служить Ей, даровалъ Вамъ здравіе, долгоденствіе и благоденствіе, и чтобы всѣмъ намъ вмѣстѣ постоянно пребывать и укрѣпляться въ вѣрѣ, благочестіи и во взаимной любви; да тако всегда съ Господомъ будемъ въ сей жизни и въ будущей блаженной". Вслѣдъ за симъ Ахтырскій городской голова, М. В. Курило, вручилъ о. протоіерею украшенный драгоцѣнными каменьями, массивный сребровызлащенный крестъ (стоимостію свыше 250 р), сооруженный гражданами по подпискѣ, который о. протоіерей, тотъ часъ же освятивши, и возложилъ на свои перси. Съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ молился о. протоіерей какъ при освященіи креста, такъ и на молебномъ пѣніи Пречистой Богоматери, совершенномъ тотъ часъ же предъ Ахтырскимъ чудотворнымъ Ея Образомъ о мирѣ и здравіи Государя и Царствующаго Дома, Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Амвросія, разрѣшившаго поднесеніе креста, и всѣхъ Ахтырскихъ граждан. По окончаніи богослуженія, о. протоіерей чествовалъ гражданъ обѣдомъ, а дня черезъ 2 граждане и съ своей стороны дали въ городскомъ клубѣ обѣдъ въ честь о. протоіерея. Та и другая трапеза носили характеръ полной искренности и задушевности.

Поднесеніе Ахтырскими гражданами креста о. протоіерею Игнатію Іоанновичу Клементьеву не было пріурочено къ какому-либо опредѣленному юбилейному торжеству или событію въ жизни о. протоіерея и было вызвано давно назрѣвшимъ желаніемъ гражданъ почтить чѣмъ нибудь своего уважаемаго и любимаго пастыря за его долговременную и многоплодную службу въ одномъ и томъ же соборѣ и городѣ. О. Игнатій Клементьевъ, магистръ богословія, имѣющій нынѣ отъ роду около 70 лѣтъ, по своей многосторонней и плодотворной служебной дѣятельности принадлежитъ къ числу выдающихся протоіереевъ Харьковской епархіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВОЗЗВАНІЕ.

Отъ Комитета по устройству Соборнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ, Полтавской губерніи, какъ историческаго памятника.

8 Января, 1654 года, въ Соборной Успенской церкви г. Переяслава, нынѣ Полтавской губерніи, совершилось событіе, закрѣпившее за этимъ храмомъ вѣчную славу въ отечественной исторіи: подъ сводами его, въ тотъ день подданство

Малороссіи царю великой русской Державы запечатлѣно присягою знаменитаго гетмана, Богдана Хмѣльницкаго, съ Малороссійскимъ народомъ по лѣвую сторону Днѣпра; а 20 Февраля, 1674 года, и представители Заднѣпровской Украины тамъ же подтвердили присягой свое вѣрноподданство Россійскому Самодержцу. Малороссія, измученная въ ту пору иноземными притязаніями и кровопролитіями, такимъ образомъ, на всегда обезпечена въ своемъ политическомъ спокойствіи, а съ другой стороны, слитіе ея съ Великой Россией съ державой единовѣрной и единоплеменной, лучше всякихъ завоеваній, способствовало возвеличенію нашего отечества. Славными дѣяніями нашихъ предковъ мы дорожимъ; стыдно предавать ихъ забвенію; мы даже роемся въ нѣдрахъ земли, чтобы откопать и потомъ ознаменовать славное прошлое монументальными постройками. „Присоединеніе Малороссіи" — не такое маловажное происшествіе, чтобъ дѣятели въ немъ и святыня, бывшая пріятелищемъ и свидѣтельницею достопамятной присяги, оставлены были нами въ пренебрежительномъ невниманіи. Вотъ, въ настоящее время, на сборъ доброхотныхъ пожертвованій по всей Россіи, уже сооружается памятникъ главному виновнику совершившагося въ Переяславскомъ Успенскомъ храмѣ событія съ надписью: „Богдану Хмѣльницкому—единая недѣлимая Россія",— чѣмъ ясно выражается ему признательность благодарнаго потомства. Самый же храмъ, въ которомъ совершилось клятвенное соединеніе Малой Россіи съ Великою, не уцѣлѣлъ до нашихъ дней. Въ 1660 годахъ, отъ бывшаго въ городѣ большаго пожара, онъ сгорѣлъ до основанія. Благовѣрный Царь Великія и Малыя Россіи, АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ, узнавъ о томъ, благоволилъ оказать царственное содѣйствіе Переяславцамъ къ возсозданію на томъ же мѣстѣ новаго храма. Присланный изъ Москвы стрѣлецкій голова, Федоръ Михайловичъ Иртищевъ, (онъ же окольничій и дворецкій большаго дворца царя АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА) на Государевъ коштъ, (какъ сказано въ одномъ архивномъ документѣ Успенской церкви), при участіи въ дѣлѣ гражданъ Переяславскихъ, воздвигъ опять большую деревянную церковь, тоже во имя Успенія Божіей Матери и на томъ же самомъ мѣстѣ. Но и это зданіе Успенской церкви не уцѣлѣло до нашихъ дней: 30 Марта 1761 года, оно сгорѣло.

Въ 1767 году, прихожанами, на счетъ своихъ и стороннихъ доброхотныхъ жертвъ, былъ снова построенъ, все на томъ же мѣстѣ, храмъ во имя Успенія Божіей Матери и деревянный же. Но это зданіе, въ настоящее время, до того обветшало, что Богослуженіе въ немъ не совершается.

Боголюбивые и отчизнолюбивые сыны православной Великой и Малой Россіи! Во имя Божіе и во славу отечества нашего, не оставьте безъ святаго усердія вашего святаго предпріятія: имѣется въ виду возсоздать храмъ каменный, во имя Успенія Божіей Матери, въ г. Переяславѣ. Съ 8 Генваря, 1654 года, храмъ сей, такъ сказать, перестаетъ уже быть мѣстнымъ приходскимъ храмомъ, а сталъ храмомъ всего Малороссійскаго края, такъ какъ всѣ представители его, съ разныхъ мѣстъ, тамъ молились и приносили присягу; съ того же времени онъ дѣлается храмомъ, достойнымъ благоговѣйнаго вниманія всей Россіи. Храмъ этотъ въ роды родовъ, дѣтямъ и внукамъ нашимъ, будетъ напоминать о славномъ, незабвенномъ дѣяніи нашихъ предковъ и о нашей признательности къ ихъ дѣянію, будетъ отъ насъ—сыновъ единой недѣлимой Россіи—даромъ и жертвою святой православной Вѣрѣ христіанской, которая просвѣтила насъ и объединила, возвеличила и самодержавныхъ Царей нашихъ, и Землю нашу; въ храмѣ семъ будетъ выну возноситься безкровная молитвенная жертва о упокоеніи въ селеніяхъ святыхъ всѣхъ братій нашихъ—ревнителей единенія земли Русской,—и о насъ живыхъ,— да благоденствуемъ въ мирѣ и единеніи подъ державою, изъ рода въ родъ, Благочестивѣйшихъ, Самодержавнѣйшихъ, Великихъ Монарховъ нашихъ: пусть не отяготѣетъ надъ нами и нашимъ временемъ горькій укоръ потомства въ равнодушіи къ святому патріотическому дѣлу.

Комитетъ по устройству Соборной Успенской церкви въ г. Переяславѣ, какъ историческаго памятника, будетъ принимать пожертвованія съ глубокою благодарностію и проситъ адресовать таковыя въ г. Переяславъ, Полтавской губерніи, прямо на имя его—Комитета.

Предсѣдатель Комитета, Протоіерей *Николай Терлецкій*.

Дѣлопроизводитель Комитета, Священникъ *Тимоѳей Богацкій*.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Марта № 5. 1895 года.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

О кончинѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Михаиловича.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ Великаго Князя Алексія Михаиловича. Его Императорское Высочество скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, въ Санъ-Ремо, въ Италіи, 18 сего февраля, на 20 году отъ рожденія.

Возвѣщая о семъ горестномъ событіи и оплакивая утрату Любезнѣйшаго Двоюроднаго Дяди Нашего, Мы увѣрены, что вѣрноподданные Наши раздѣлятъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшаго Великаго Князя.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 18-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ девяносто пятое, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода,

Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

О воспрещеніи вѣнчать браки нижнихъ чиновъ на основаніи ихъ воинскихъ увольнительныхъ билетовъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: а) отношеніе Главнаго Штаба, отъ 31 Декабря 1894 года за № 57.599, съ просьбою объ устраненіи неправильнаго со стороны причтовъ требованія отъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, при вступленіи ихъ въ бракъ, увольнительныхъ билетовъ, вмѣсто установленныхъ паспортовъ или видовъ, и б) справку изъ производившагося въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ дѣла по сему предмету. Приказали: Вслѣдствіе донесенія одного изъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ о неправильностяхъ, оказывающихся въ предъявляемыхъ причтамъ нижними чинами воинскихъ документахъ, по отношенію къ перемѣнамъ въ семейномъ ихъ положеніи, и имѣя въ виду, что по отзыву Военнаго Министра выдаваемыя увольняемымъ въ отставку нижнимъ чинамъ свидѣтельства о выполненіи воинской повинности, а равно изготовляемые для перечисляемыхъ въ запасъ нижнихъ чиновъ увольнительные билеты удостовѣряютъ только прохожденіе военной службы предъявителей, но не могутъ служить имъ ни видами на жительство, ни удостовѣреніями о семейномъ ихъ положеніи, Святѣйшій Сѵнодъ циркулярнымъ указомъ, отъ 28 Февраля 1889 года за № 2, далъ знать къ исполненію по духовному вѣдомству, что отъ лицъ, состоящихъ въ запасѣ арміи и уволенныхъ въ отставку, при вступленіи ихъ въ бракъ, священники обязаны требовать такіе-же документы, какіе, при подобныхъ обстоятельствахъ, должны быть предъявляемы всѣми прочими лицами, не бывшими на военной службѣ. Между тѣмъ нынѣ Главный Штабъ сообщаетъ о продолжающемся со стороны нѣкоторыхъ причтовъ неправильномъ требованіи отъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, при вступленіи ихъ въ бракъ, увольнительныхъ билетовъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что допускаемое нѣкоторыми причтами вѣнчаніе браковъ нижнихъ чиновъ на основаніи предъявляемыхъ ими увольнительныхъ билетовъ или свидѣтельствъ о выпол-

ненія воинской повинности не рѣдко, какъ видно изъ производящихся въ Святѣйшемъ Сvнодѣ дѣлъ, ведетъ къ заключенію брачущимися незаконныхъ браковъ, Святѣйшій Сvнодъ опредѣляетъ вновь предписать Епархіальнымъ Преосвященнымъ циркулярными указами принять необходимыя мѣры къ точному исполненію причтами во ввѣренныхъ имъ епархіяхъ при совершеніи браковъ нижнихъ чиновъ циркулярнаго распоряженія Святѣйшаго Сvнода, отъ 28 Февраля 1889 года за № 2, коимъ предписано, чтобы браки лицъ, состоящихъ въ запасѣ арміи и уволенныхъ въ отставку, были совершаемы причтами на основаніи тѣхъ-же документовъ, какіе, при подобныхъ обстоятельствахъ, должны быть представляемы всѣми прочими лицами, не бывшими на военной службѣ, и отнюдь не по увольнительнымъ лишь билетамъ, самое требованіе коихъ отъ брачущихся представляется излишнимъ. Февраля 9 дня 1895 года.

Подлинный указъ подписали: *Оберъ-Секретарь Григоровскій. Секретарь Н. Токмаковъ.*

Опредѣленіе Святѣйшаго Сvнода.

Отъ 21 февраля 1895 года № 446, по Высочайшему Манифесту о о кончинѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Михаиловича.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ слушали: вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 19 сего февраля за № 1585, съ препровожденіемъ, для повсемѣстнаго обнародованія, экземпляра Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста, состоявшагося въ 18-й день сего же февраля, о кончинѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Михаиловича, послѣдовавшей въ Санъ-Ремо, въ Италіи. Приказали: Напечатавъ означенный Высочайшій манифестъ въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости», предписать циркулярно Московской и Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Сvнода Конторамъ, Сvнодальнымъ членамъ и прочимъ епархіальнымъ преосвященнымъ, завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ и протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства, также лаврамъ и ставропигіальнымъ монастырямъ, чтобы, по полученіи № 8 «Церковныхъ Вѣдомостей» и надлежащемъ сношеніи съ мѣстнымъ

гражданскимъ начальствомъ, была отправлена во всѣхъ соборахъ, монастыряхъ и церквахъ панихида по преставльшемся Великомъ Князѣ Алексіи Михаиловичѣ и чтобы впредь поминовеніе по Его Императорскомъ Высочествѣ совершаемо было въ теченіе 3 мѣсяцевъ.

Вѣдомость о количествѣ восковыхъ свѣчей, забранныхъ монастырями Харьковской епархіи, въ Харьковскомъ Епархіальномъ свѣчномъ заводѣ за 1894 годъ.

1. Ахтырскимъ Свято-Троицкимъ мужскимъ монастыремъ—70 пуд. 2. Старо-Харьковскимъ Преображенскимъ Куряжскимъ мужскимъ монастыремъ—57 пуд. 25 фун. 3. Рясянскимъ Свято-Димитріевскимъ мужскимъ монастыремъ—16 пуд. 4. Высочиновскимъ Казанскимъ мужскимъ монастыремъ—23 пуд. 17 фун. 5. Хорошевскимъ Вознесенскимъ женскимъ монастыремъ—16 пуд. 6. Верхо-Харьковскимъ Николаевскимъ женскимъ монастыремъ—28 пуд. 14 фун. 7. Старобѣльскимъ Скорбященскимъ женскимъ монастыремъ—20 пуд. 32½ фун. 8. Богодуховскимъ Свято-Троицкимъ женскимъ монастыремъ—22 пуд. 15½ фун. А всего 254 пуд. 24 фун.

ПРАВИЛА,

утвержденныя 28-го декабря 1894-го года Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, о снабженіи церквей Харьковской епархіи просфорами.

§ 1. На основаніи пункта 2 ст. 1617 уст. общ. призрѣнія Т. XIII св. законовъ по прод. 1868 г., къ средствамъ призрѣнія — общимъ для всего служащаго при церквахъ духовенства отнесено: опредѣленіе вдовъ и сиротъ женскаго пола въ просфорни. Въ указѣ Свят. Сѵнода, отъ 26 іюня 1867 года, сказано, что вдовы и сироты не молодыхъ лѣтъ опредѣляются въ просфорницы при церквахъ. А потому при всѣхъ церквахъ епархіи должны быть просфорницами неукоризненнаго поведенія вдовы и не молодыхъ лѣтъ дѣвицы— сироты священно-церковно-служителей.

§ 2. Тѣ церкви, въ приходѣ которыхъ не окажется вдовъ или

сиротъ духовнаго званія, должны забирать просфоры у ближайшихъ просфорницъ сосѣднихъ селъ и, только въ случаѣ отдаленности такихъ церквей, опредѣлять къ онымъ просфорницами женъ или дочерей служащаго при нихъ причта, но ни въ какомъ случаѣ—лицъ свѣтскаго званія.

§ 3. Въ городахъ и въ тѣхъ селахъ, гдѣ двѣ или нѣсколько церквей, просфорницы должны быть при каждой церкви, и только, если не окажется способныхъ къ тому (§ 1) лицъ при какой-либо церкви, опредѣлять къ двумъ, тремъ и болѣе и даже ко всѣмъ церквамъ двѣ или одну просфорницу.

§ 4. Церкви, состоящія въ городахъ, при казенныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, обязаны забирать просфоры у утвержденныхъ къ приходскимъ церквамъ просфорницъ.

Примѣчаніе. Всѣ церкви города Харькова могутъ забирать просфоры въ просфорнѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря или у утвержденныхъ просфорницъ, о чемъ и писать въ клировыхъ вѣдомостяхъ.

§ 5. Въ каждой приходской церкви просфорница должна быть избрана мѣстнымъ причтомъ и представлена благочиннымъ чрезъ Епархіальное Попечительство на утвержденіе Его Высокопреосвященству и по утвержденіи писаться въ клировыхъ вѣдомостяхъ послѣ наличнаго и заштатнаго причта.

Примѣчаніе. Въ избраніи одной просфорницы къ двумъ или нѣсколькимъ церквамъ должны участвовать всѣ причты церквей и представить о томъ свои письменныя заявленія, которыя и представляются Епархіальному Попечительству.

§ 6. Просфоры должны быть испечены изъ чистой бѣлой (перваго сорта крупичатой), не затхлой муки. Хлѣбъ этотъ долженъ быть замѣшанъ простою чистою водою, а не молокомъ, и при томъ квасный, какой благословилъ Самъ Господь при установленіи Божественной Евхаристіи, и какой употребляли свв. Апостолы (ἄρτος—хлѣбъ поднявшійся, отъ слова ἄρω—поднимаю). Просфора должна состоять изъ двухъ кругловидныхъ частей, на верху съ отпечаткомъ, сдѣланнымъ посредствомъ вырѣзанной на деревѣ печати, непремѣнно съ изображеніемъ четвероконечнаго креста съ надписью: Іис. Хс. Ни. Ка. Не слѣдуетъ мазать масломъ, ни яйцами или чѣмъ-либо другимъ (Мѳ. 26, 26; Марк. 14, 22; Іоан. 12, 24; Дѣян. 2, 42—46; І-ое Коринѳ. 11, 23, 24; Истин. древн. и истин. Правосл. Церковь, соч. Григорія Митр. Новгород. и С.-

Пет. 1858 г., ч. 2, стр. 38; Извѣстіе учительное при служебникѣ). Просфорница также должна знать, что тѣсто для просфоръ должно быть замѣшано круто и чтобы просфора не была слишкомъ мягка и не черства; а потому для каждой литургіи слѣдуетъ печь просфоры за два дня.

Примѣчаніе. Всенощныя просфоры должны быть приготовлены такъ же и такой формы, какъ для литургіи, только безъ печати.

§ 7. Мука для просфоръ, означенная въ § 6, покупается на церковныя деньги.

§ 8. Въ положеные дни просфорница обязана доставлять для совершенія литургіи шесть просфоръ; въ Сыропустную недѣлю и во всѣ недѣли Великаго Поста по девяти, а для каждой всенощной по пяти просфоръ.

§ 9. За приготовленіе просфоръ въ количествѣ, указанномъ выше (§ 8), и за дрова, каждая церковь уплачиваетъ просфорницѣ не менѣе пятидесяти рублей въ годъ; городскія же, соборныя и другія церкви, въ которыхъ совершается литургія ежедневно, круглый годъ, не менѣе семидесяти рублей въ годъ. За всѣ же, сверхъ указанныхъ въ § 8 просфоры, причтъ и церковные старосты платятъ просфорницамъ, по соглашенію съ ними.

§ 10. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ въ посты и въ праздникъ Пасхи священники и псаломщики продаютъ просфоры отъ себя, таковыя просфоры непремѣнно должны забирать у мѣстной просфорницы, уплачивая за оныя по соглашанію.

§ 11. Всѣ просфорницы, получающія Попечительское пособіе, не должны быть лишаемы онаго, равнымъ образомъ и тѣмъ изъ нихъ, которыя не получаютъ такового и будутъ просить о назначеніи имъ,—не отказывать, если только онѣ по своему поведенію и бѣдности заслуживаютъ онаго, хотя бы то получали пенсію за службу своихъ мужей.

§ 12. За исправностію и поведеніемъ просфорницъ, на основаніи § 8 Благочинической инструкціи, наблюдаетъ Благочинный. А потому, за неисправность и отступленіе отъ сихъ правилъ, причты и церковные старосты жалобы свои представляютъ Благочинному, который, по разслѣдованіи и разсмотрѣніи таковыхъ жалобъ въ Благочинническомъ Совѣтѣ, или единолично удовлетворяетъ такія жалобы, или съ мнѣніемъ Совѣта, чрезъ Консисторію, представляетъ на Архипастырское благоусмотрѣніе Его

Высокопреосвященства. Такъ точно поступать съ жалобами просфорницъ на причтъ или церковныхъ старостъ.

§ 13. Въ случаѣ увольненія просфорницы, по полученіи о семъ извѣщенія отъ Епархіальнаго Начальства, поступать какъ сказано въ § 5, допуская временно къ изготовленію просфоръ благонадежное лицо. Также точно поступать и въ случаѣ смерти просфорницы.

§ 14. Причты, церковные старосты и Благочинные обязаны наблюдать, чтобы никто, кромѣ утвержденныхъ къ церквамъ просфорницъ, не заготовлялъ и не продовалъ просфоръ; въ случаѣ же, если окажутся таковыя лица, Благочинный обязанъ просить мѣстную полицію о запрещеніи такимъ лицамъ производства и торговли просфорами, съ отобраніемъ у нихъ и просфорныхъ печатей.

ОТЧЕТЪ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 18⁹³/₉₄ учебный годъ.

(Окончаніе *).

XI.

Въ отчетномъ году Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, принималъ разныя мѣры, кои были направлены къ развитію народнаго образованія среди населенія епархіи, или же касались благоустройства школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи и отчасти опредѣляли отношенія приходскихъ священниковъ къ мѣстнымъ школамъ. Главною заботою Совѣта было открытіе новыхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и переименованіе существующихъ школъ грамоты въ церковно-приходскія, при чемъ были приняты во вниманіе нижеслѣдующія обстоятельства: а) составъ, численность прихожанъ того и другого пола и сравнительная ихъ зажиточность; б) число дѣтей мѣстнаго населенія, не посѣщающихъ школу; в) существованіе въ приходѣ министерскаго или земскаго народнаго училища; г) существованіе въ приходѣ расколь-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 4.

никовъ, сектантовъ и иновѣрцевъ и д) наличный составъ церковнаго причта. По соображеніи этихъ условій было признано желательнымъ и необходимымъ: 1) вновь открыть церковно-приходскія школы: а) въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ нѣтъ никакой школы и въ которыхъ прихожанъ мужескаго пола свыше 1000 человѣкъ; б) въ приходахъ, въ которыхъ, при существованіи министерскихъ или земскихъ училищъ, значительное число дѣтей школьнаго возраста остаются вовсе безъ обученія; в) въ многолюдныхъ приходахъ, зараженныхъ расколомъ или сектантствомъ, или могущихъ подвергнуться вредному религіозно-нравственному вліянію со стороны проживающихъ въономъ приходѣ иновѣрцевъ. 2) Школы грамоты, существующія въ многолюдныхъ приходахъ и имѣющихъ штатнаго діакона въ личномъ составѣ церковнаго причта предположено переименовать въ церковно-приходскія и 3) вновь открыть школы грамоты въ приходахъ съ населеніемъ менѣе 1000 человѣкъ, не имѣющихъ никакой школы. Эти предположенія совѣта были одобрены Высокопреосвященнымъ Владыкою и въ свое время объявлены духовенству епархіи къ свѣдѣнію и исполненію. Для улучшенія школъ въ матеріальномъ и учебно-воспитательномъ отношеніи состоялось постановленіе Совѣта о раздѣленіи трудовъ по школамъ между священниками двухштатныхъ и трехштатныхъ приходовъ, при чемъ старшимъ священникамъ предоставлено завѣдываніе школами, а младшимъ— законо-учительство въ оныхъ; къ обязанностямъ старшихъ священникокъ по званію завѣдующихъ школами отнесено: аа) общій надзоръ за правильнымъ теченіемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ; бб) изысканіе источниковъ на устройство собственныхъ зданій для школъ, если таковыхъ нѣтъ въ приходахъ, или-же пріисканіе помѣщенія для школъ; вв) изысканіе средствъ на устройство классной мебели, а также—на содержаніе школъ и учащихъ въ оныхъ, какъ-то: на отопленіе школьнаго помѣщенія, наемъ прислуги, на пріобрѣтеніе учебниковъ, учебныхъ пособій и письменныхъ принадлежностей и на жалованье учителю или учительницѣ; гг) приглашеніе правоспособныхъ лицъ на службу въ школахъ; дд) приглашеніе благонадежныхъ лицъ въ качествѣ попечителей школъ и ее) сношеніесъ окружнымъ наблюдателемъ, уѣзднымъ отдѣленіемъ и Совѣтомъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся жизни школъ и дѣятельности учащихъ въ оныхъ. На обязанность младшихъ священниковъ таковыхъ приходовъ, кромѣ обученія дѣ-

тей Закону Божію, возложено: аа) ближайшее руководство и наблюденіе за правильнымъ и успѣшнымъ теченіемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ,—въ частности—направленіе дѣятельности учителей и бб) раздѣленіе по возможности, съ о.о. завѣдующими трудовъ по благоустройству школъ вообще. Въ соотвѣтствіе требованіямъ Высшаго Начальства касательно утвержденія въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и распространенія первоначальныхъ полезныхъ знаній, а также—въ видахъ пользы для учебно-воспитательнаго дѣла вообще мнѣніемъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта было признано за правило, чтобы ученики, выбывшіе изъ народныхъ училищъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній до окончанія въ оныхъ курса и лица домашняго образованія не были допускаемы къ испытаніямъ въ присутствіи коммиссій духовнаго вѣдомства на полученіе свидѣтельствъ въ знаніи ими курса одноклассныхъ или двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, если они не были на мѣстѣ ученія въ церковно-приходскихъ школахъ въ теченіе одного учебнаго года. Къ мѣрамъ, направленнымъ къ улучшенію матеріальнаго состоянія школъ и къ наиболѣе успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла въ оныхъ, должно отнести заботу Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и уѣздныхъ отдѣленій о замѣщеніи учительскихъ должностей правоспособными лицами и о приглашеніи вліятельныхъ по служебному или-же имущественному положенію лицъ принять на себя званіе попечителей мѣстныхъ церковныхъ школъ. Въ заботахъ о единствѣ установленія школьнаго порядка и о правильномъ и постоянномъ надзорѣ за теченіемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ, существующихъ въ предѣлахъ Харьковской епархіи, Епархіальный Училищный Совѣтъ полагалъ-бы благовременнымъ и весьма полезнымъ учрежденіе должности епархіальнаго наблюдателя изъ лицъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ академіяхъ.

Вѣдомость № 1-й о церковно-приход

№№ по порядку.	УѢЗДЫ.	Пространство уѣзда въ квадратныхъ верстахъ.	Количество населенія обоего пола.		Число православныхъ дѣтей школьнаго возраста.		Сколько православныхъ дѣтей школьнаго возраста не посѣщающихъ школъ.	
			Православныхъ.	Другихъ исповѣданій.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
1	Городъ Харьковъ и Харьковскій уѣздъ.	2622	188754	23580	14025	14194	7147	11239
2	Ахтырскій „ .	2441 6/10	144032	729	10471	10340	7282	9676
3	Богодуховскій „ .	2770	155659	290	17567	17035	14133	16514
4	Валковскій „ .	2015	188094	31	10416	10292	7168	9725
5	Волчанскій „ .	3840	154129	1685	11535	11790	7274	10991
6	Зміевскій „ .	4935 6/10	195731	1323	15662	13643	10574	12915
7	Изюмскій „ .	5820	233000	2070	18500	18600	14398	17756
8	Купянскій „ .	6027 9/10	202673	988	14737	13409	10795	12521
9	Лебединскій „ .	2524	157383	196	15427	15023	10740	14528
10	Старобѣльскій „ .	10846	334073	1652	23028	21614	17095	20597
11	Сумскій „ .	2791	190622	2380	15846	15638	10941	14277
	Итого . .	46633 1/10	2124150	34824	167214	161578	117547	150739

Вѣдомость № 2-й о школь

№№ по порядку.	УѢЗДЫ.	Сколько собственныхъ школьныхъ домовъ.	Наемныхъ.	Въ частныхъ квартирахъ.
1	Городъ Харьковъ и Харьковскій уѣздъ	13	4	12
2	Ахтырскій „	[illegible]	1	6
3	Богодуховскій „	8	1	3
4	Валковскій „	5	4	9
5	Волчанскій „	[illegible]	1	2
6	Зміевскій „	9	4	5
7	Изюмскій „	10	15	12
8	Купянскій „	7	5	3
9	Лебединскій „	1	2	9
10	Старобѣльскій „	15	1	12
11	Сумскій „	10	7	3
	Итого	84	45	76

скихъ школахъ Харьковской епархіи.

Число учащихся съ указаніемъ исповѣданій. Въ церковно-приходскихъ школахъ. Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ школахъ грамоты. Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ училищахъ Министерства Народн. Просв. Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ школахъ другихъ вѣдомствъ. Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Число школъ церковно-приходск. и грамоты. Для мальчик.	Для дѣвоч.	Смѣшанныя.	Число приходовъ съ населеніемъ. До 700 душъ.	Отъ 700 д. до 2000.	Свыше 2000 душъ.	Въ скольких приходахъ нѣтъ церковно-приходскихъ школъ.
935	197	363	122	5420	2366	160	270	5	1	35	25	58	6	52
489	60	177	7	2523	597	—	—	15	1	13	11	44	4	31
845	62	115	55	2474	404	—	—	—	—	40	10	[illegible]	4	18
680	212	91	20	2477	335	—	—	—	3	27	1	32	4	7
312	113	94	67	3855	619	—	—	1	2	20	4	38	9	28
744	158	316	32	4028	538	—	—	—	—	38	6	56	17	43
998	260	564	84	2500	500	—	—	—	—	62	2	70	12	28
701	103	97	21	3144	764	—	—	—	—	35	3	47	15	31
444	59	219	13	4024	423	—	—	—	2	26	4	47	5	30
1899	264	399	85	3530	662	105	6	46	7	62	19	94	16	18
965	293	108	72	3832	996	—	—	8	4	20	5	39	13	29
9012	1781	2543	578	37807	8204	265	276	75	20	378	90	568	105	315

ныхъ помѣщеніяхъ.

Въ церковныхъ сторожкахъ.	Удобныхъ.	Неудобныхъ.	Сколько построено новыхъ школьныхъ домовъ.	Сколько школьныхъ помѣщеній застраховано.	При скольких школахъ имѣется земельный участокъ подъ садъ и огородъ.
12	22	19	—	8	3
19	16	13	—	1	1
28	11	29	—	8	1
12	21	9	3	3	3
17	4	19	—	1	—
20	24	14	—	3	2
25	32	30	1	1	—
20	20	15	—	3	—
16	18	10	—	—	—
87	71	44	3	2	4
12	27	5	1	10	1
268	266	207	8	40	15

Вѣдомость № 3-й о средствахъ содержанія школъ.

№№ по порядку.	Уѣзды.	Запасный или основный капиталъ.		Пособія отъ Святѣйшаго Синода.		Пособія отъ церквей и духовенства.		Пособія отъ монастырей.		Отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.		Отъ городскихъ думъ и земства.		Отъ приходскихъ попечительствъ.		Отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ.		Отъ городскихъ обществъ.		Отъ попечителей и благотворителей.		Сколько получается платы за ученіе.		ИТОГО.		Сколько имѣется въ остаткѣ денежныхъ средствъ къ началу слѣдующаго учеб. г.	
		руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
1	Городъ Харьковъ и Харьковскій уѣздъ.	2172	91	79	—	1395	31	404	60	65	—	300	—	360	86	1101	—	505	—	2275	58	3397	84	12057	10	2140	60
2	Ахтырскій » .	140	45	77	—	658	36	1725	25	33	—	150	—	—	—	295	6	—	—	1214	32	80	—	4373	44	78	24
3	Богодуховскій » .	—	—	88	—	723	8	—	—	51	—	100	—	75	—	—	—	—	—	488	85	105	20	1631	13	92	24
4	Валковскій » .	174	68	70	—	408	51	—	—	30	—	20	—	664	70	435	—	—	—	2407	82	413	50	4624	21	81	13
5	Волчанскій » .	151	14	37	—	861	42	—	—	158	—	100	—	—	—	265	—	—	—	5562	61	—	—	7125	17	5502	53
6	Зміевскій » .	—	—	94	—	1008	44	—	—	317	—	330	—	—	—	927	80	40	—	1434	67	52	95	4204	91	157	29
7	Изюмскій » .	110	89	132	—	585	3	600	—	84	—	—	—	20	—	1015	—	—	—	419	70	543	65	3510	27	66	22
8	Купянскій » .	83	75	69	—	805	83	—	—	31	—	127	37	50	—	15	—	—	—	15	—	29	—	1225	95	155	89
9	Лебединскій » .	489	18	40	—	372	92	—	—	74	—	25	—	—	—	142	—	—	—	209	—	—	—	1352	10	343	75
10	Старобѣльскій » .	128	7	215	—	2265	79	—	—	75	—	—	—	37	—	615	40	—	—	563	59	221	57	4121	42	203	94
11	Сумскій » .	481	71	84	—	887	6	—	—	57	—	—	—	2450	—	549	30	1495	—	4696	22	1088	86	11789	15	695	93
	Итого . .	3932	75	985 1)	—	9961	80	2729	85	975 2)	—	1152	37	3657	56	5360	56	2040	—	19287	36	5932	57	56014	85	9517	76

Примѣчанія: 1-е. Сверхъ означенной суммы 15 р. значатся въ числѣ пересылочныхъ денегъ (см. п. VII ст. 6 отчета о состояніи школъ).

2-е. Сверхъ означенной суммы изъ мѣстныхъ средствъ Совѣта поступило въ расходъ: 1) въ жалованье дѣлопроизводителю Совѣта—341 р. 66 к.; 2) на канцелярскія нужды, какъ-то: на покупку писчей бумаги, перьевъ, сургуча, на печатаніе бланокъ отношеній Совѣта, повѣстокъ о времени засѣданій Совѣта, льготныхъ свидѣтельствъ и на жалованье писцу и канцелярскому служителю—225 р. 36 к.; 3) уплачено за пересылку денежныхъ пакетовъ—2 р. 99 к., 4) выдано въ годовое жалованье младшему учителю образцовой школы при Харьковской духовной семинаріи—360 р.; 5) выдано въ жалованье учащимъ школъ: Терновской, Зміевскаго уѣзда, и Кононовской, Старобѣльскаго уѣзда,—180 р.; 6) на выписку „Церковныхъ Вѣдомостей"—3 р.; 7) на выписку журнала „Церковно-приходская Школа"—3 р. и 8) на пріобрѣтеніе 1 экз. „Харьковскаго Адресъ-календаря" на 1894 годъ—1 р. 80 к. Итого—1117 р. 81 к., а всего съ показанными въ графѣ 5 изъ мѣстныхъ средствъ Совѣта израсходовано—2092 р. 81 к.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁹³/₉₄ учебный годъ.

(Окончаніе *).

4) Библіотека и физическій кабинетъ.

а) Въ фундаментальной библіотекѣ къ началу текущаго 18⁹⁴/₉₅ учебнаго года числилось 1235 названій книгъ въ 2963 томахъ. Въ отчетномъ году библіотека эта увеличилась на 27 названій книгъ въ 69 томахъ, изъ коихъ 25 названій въ 67 томахъ пріобрѣтены на училищный счетъ, 1 названіе въ 1 томѣ пожертвовано авторомъ, преподавателемъ училища С. П. Трифильевымъ, и 1 названіе въ 1 томѣ составляютъ экзаменскія сочиненія воспитанницъ, окончившихъ курсъ въ 1894 году. Книгами изъ фундаментальной библіотеки пользуются только начальствующіе, преподаватели и другія, служащія въ училищѣ лица. Завѣдывала этою библіотекою одна изъ воспитательницъ училища, съ жалованьемъ за это, а также за завѣдываніе учебниками и учебными принадлежностями, по 60 р. въ годъ.

б) Въ ученической библіотекѣ къ началу текущаго года числилось 853 названія книгъ въ 1883 томахъ. Въ отчетномъ году библіотека эта увеличилась на 179 названій книгъ въ 226-ти томахъ, которыя всѣ пріобрѣтены на училищный счетъ. Книгами изъ этой библіотеки пользовались исключительно только воспитанницы училища, при чемъ для приготовительнаго, I и II-го классовъ брали книги, подъ свои росписки и отвѣтственность, воспитательницы этихъ классовъ, а воспитанницы остальныхъ классовъ брали книги сами, подъ свои росписки и отвѣтственность. Въ выборѣ книгъ для чтенія и воспитательницы и воспитанницы руководствовались особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ этой библіотеки, назначенныхъ для каждаго класса въ отдѣльности. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ училища изъ этой библіотеки взято было для чтенія 6160 книгъ, именно: воспитанницами приготовительнаго класса 70 книгъ, воспитанницами I-го нормальнаго класса 159 книгъ, воспитанницами I параллельнаго класса 159 книгъ, воспитанницами II-го нормальнаго класса 126 книгъ, воспитанницами II-го параллельнаго класса 129 книгъ, воспитанницами III-го нор-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 4.

мальнаго класса 1006 книгъ, воспитанницами III параллельнаго класса 1082 книги, воспитанницами IV нормальнаго класса 853 книги, воспитанницами IV параллельнаго класса 864 книги, воспитанницами V класса 921 книга и воспитанницами VI-го класса 791 книга. Сравнительно съ $18^{92}/_{93}$ учебнымъ годомъ, въ отчетномъ году воспитанницы читали значительно больше (въ $18^{92}/_{93}$ году взято было для чтенія 460 воспитанницами только 3927 книгъ, а въ отчетномъ году 505 воспитанницами взято 6160 книгъ, т. е. въ прошломъ году на каждую воспитанницу вышло немного болѣе $8^1/_2$ книгъ а въ отчетномъ году болѣ 12 книгъ). Несомнѣнно, что это зависѣло, главнымъ образомъ; отъ того, что освѣженіе библіотеки многими новыми книгами возбудило въ воспитанницахъ большую охоту къ чтенію. Завѣдывала ученическою библіотекою, по обычаю, воспитательница VI-го класса, съ вознагражденіемъ 25 р. въ годъ

в) Въ музыкальной библіотекѣ къ началу текущаго учебнаго года числилось 454 названія музыкальныхъ пьесъ. Въ отчетномъ году библіотека эта увеличилась на 20 названій музыкальныхъ пьесъ, которыя пріобрѣтены на счетъ денегъ, взимаемыхъ за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ. Завѣдывала этою библіотекою, по назначенію начальницы училища, одна изъ младшихъ воспитательницъ.

Для пополненія фундаментальной и ученической библіотекъ Совѣтомъ училища выписаны на 1894 годъ слѣдующія періодическія изданія: аа) *для чтенія воспитанницамъ:* 1) „Дѣтскій Отдыхъ", 2) „Родникъ", 3) „Дѣтское Чтеніе", бб) *для чтенія служащимъ въ училищѣ:* 1) „Церковныя Вѣдомости", 2) „Вѣра и Разумъ", 3) „Церковный Вѣстникъ съ Христіанскимъ чтеніемъ", 4) „Богословскій Вѣстникъ", 5) „Чтеніе въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія", 6) „Странникъ", 7) „Московскія Вѣдомости", 8) „Русскій Вѣстникъ", 9) „Русское Обозрѣніе", 10) „Историческій Вѣстникъ", „Нива" и 11) „Сѣверъ".

Учебниками, учебными пособіями и учебными принадлежностями воспитанницы были въ достаточномъ количествѣ снабжены отъ училища, безъ взноса за это особой платы.

Физическій кабинетъ въ отчетномъ году не получилъ приращенія, потому что обладаетъ всѣми необходимѣйшими для преподаванія физики приборами. Завѣдывали кабинетомъ преподаватели физики.

На библіотеку, учебники, учебныя пособія и учебныя принадлежности, по смѣтѣ, утвержденной на трехлѣтіе съ 1893 по 1895 экономическій годъ включительно, ассигновано 1429 р. 68 коп.

5. Средства училища.

По дѣйствовавшей въ 1893 экономическомъ году смѣтѣ, училище на свое содержаніе должно было получить . . . 77230 р. 14 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ неприкосновеннаго училищнаго капитала . . . . 3029 „ 52 „

б) Доходъ съ принадлежащей училищу части лавки въ г. Харьковѣ . . . . 1590 „ 21 „

в) Изъ специальныхъ средствъ . . . . 32656 „ 64 „

г) 1% взносъ съ получаемаго духовенствомъ епархіи жалованья . . . . 1588 „ 54 „

д) Изъ прибылей епархіальнаго свѣчнаго завода . 7071 „ — „

е) Пожертвованія отъ монастырей, церквей и другихъ учрежденій и лицъ . . . . 1965 „ 44 „

ж) Изъ кружекъ при чудотворныхъ иконахъ . . 63 „ 84 „

з) Пансіонерскій взносъ со своекоштныхъ воспитанницъ . . . . 27800 „ — „

и) Взносъ на первое обзаведеніе со вновь поступающихъ воспитанницъ . . . . 1000 „ — „

і) Отъ училищной экономіи . . . . 284 „ 95 „

Расходъ тою же смѣтою опредѣленъ въ . . . 78,644 „ 90 „

Въ дѣйствительности въ 1893 экономическомъ году поступило . . . . 148,711 „ 39 „

(Въ томъ числѣ переходящихъ суммъ было . . 2334 „ 71 „).

Въ расходѣ въ томъ же году было . . . . . 143,148 „ 57 „

(Въ томъ числѣ переходящихъ суммъ было . . 1784 „ 71 „)

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой статьѣ [1]), такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § Устава епарх. женск. училищъ, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю епархіальныхъ съѣздовъ. Въ 1893 экономическомъ году по этой статьѣ поступило на приходъ 4312 р. и израсходовано 419 р. 31 коп.

---

[1]) Французскому языку въ отчетномъ году обучались 132 воспитанницы, въ томъ числѣ 83 безплатно; игрѣ на фортопіано обучалось 151 воспитанница, въ томъ числѣ 14 безплатно; игрѣ на скрипкѣ обучалось 31 воспитанница, въ томъ числѣ 28 безплатно; рисованію обучалось 40 воспитанницъ, въ томъ числѣ 26 безплатно. За обученіе французскому языку вносилось 10 р., за обученіе музыкѣ 30 р. и за обученіе рисованію 5 р. въ годъ съ ученицы.

6) Дополнительныя свѣдѣнія.

а) На долю училища въ отчетномъ году выпала высокая честь и счастье—принять участіе во всероссійскомъ торжествѣ освященія храма, сооруженнаго на мѣстѣ чудеснаго спасенія жизни Государя Императора и всего Его Августѣйшаго Семейства возлѣ станціи Борки. Трудами воспитанницъ и служащихъ въ училищѣ приготовлены были для этого храма покровы для Св. Даровъ, которые употреблены были при совершеніи первой литургіи во вновь устроенномъ храмѣ въ самый день его освященія, 14 Іюня. Благодаря ходатайству Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, и вниманію къ училищу Его Превосходительства, г. Начальника губерніи, Начальницѣ училища вмѣстѣ съ 5 воспитанницами позволено было, въ числѣ немногихъ другихъ лицъ, присутствовать при самомъ освященіи, испытать рѣдкое счастіе лицезрѣнія всего Царскаго Семейства и видѣть все торжество, воспоминаніе о которомъ на всю жизнь останется въ ихъ сердцахъ.

б) Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, и въ отчетномъ году относился къ училищу съ постояннымъ благосклоннымъ вниманіемъ и заботливостію и, пока пользовался здоровьемъ, не пропускалъ случая порадовать дѣтей посѣщеніемъ училища съ отеческою бесѣдою съ его питомицами. Такъ, 29-го Августа Его Высокопреосвященство благоволилъ лично раздать похвальные листы воспитанницамъ, удостоившимся награды за отличное поведеніе и успѣхи въ 18⁹²/₉₃ учебномъ году, и 2 Сентября показывалъ училище и воспитанницъ бывшему проѣздомъ въ Харьковѣ Преосвященному Илларіону, Епископу Полтавскому. Къ сожалѣнію, постигшая Владыку въ концѣ Октября 1893 года тяжкая болѣзнь, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ продолжительное недомоганіе, лишили воспитанницъ счастія до конца учебнаго года видѣть въ средѣ своей искренно уважаемаго ими святителя. Замѣнялъ его во всѣхъ училищныхъ торжествахъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ училищной жизни, по его порученію, Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи, который посѣтилъ училище 10-го Ноября, затѣмъ 4 Декабря, въ день храмоваго праздника въ училищной церкви, совершалъ въ ней Божественную литургію, 23 Февраля присутствовалъ въ училищѣ на устроенномъ для воспитанницъ архіерейскимъ хоромъ,

по волѣ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, духовномъ концертѣ, 28-го Апрѣля присутствовалъ на экзаменѣ по закону Божію воспитанницамъ VI класса училища и, наконецъ, 2 Іюня, въ день училищнаго акта, совершалъ въ училищной церкви литургію, раздавъ на актѣ выпускнымъ воспитанницамъ аттестаты, и, въ благословеніе отъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, «Новый Завѣтъ» за его подписью и заслужившимъ похвальныя книги.

Кромѣ вышеуказанныхъ лицъ, училище посѣтилъ еще, 3-го Октября, Директоръ училища церковнаго пѣнія при Московскомъ Синодальномъ хорѣ, г. Смоленскій, который слушалъ пѣніе воспитанницъ, собранныхъ для этого въ училищномъ залѣ, и отнесся къ нему съ одобреніемъ.

в) *Ревизіи* со стороны членовъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ училище въ отчетномъ году не подвергалось.

г) *Пожертвованія* на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ учрежденій и лицъ:

аа) Нѣкоторые монастыри и церкви епархіи и въ отчетномъ году по прежнему взносили деньги за содержаніе въ училищѣ воспитанницъ—сиротъ, именно: Святогорская Успенская пустынь взнесла 500 р., Раснянскій Дмитріевскій монастырь 225 р., Ахтырскій Свято-Троицкій монастырь 200 р., Стрѣлеченскій Николаевскій дѣвичій 200 р., Старобѣльскій Скорбященскій дѣвичій 100 р. и Харьковская кладбищенская Іоанно-Усѣкновенская церковь 300 рублей.

бб) Нѣкоторыми церквами епархіи чрезъ благочинныхъ пожертвовано 23 р. 48 к.

вв) Преосвященный Илларіонъ, епископъ Полтавскій, при посѣщеніи училища 2 Сентября пожертвовалъ 15 р. на лакомства дѣтямъ.

гг) Священникъ училищной церкви протоіерей Георгій Волобуевъ пожертвовалъ въ эту церковь покровы для Св. Даровъ.

дд) Члены Совѣта училища пожертвовали 40 р. на увеселенія остававшимся въ училищѣ воспитанницамъ во время Рождественскихъ праздниковъ.

ее) Староста училищной церкви, П. П. Рыжовъ пожертвовалъ для нея 2 п. 24 ф. восковыхъ свѣчей.

Такимъ образомъ въ теченіе отчетнаго года на разныя нужды училища, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій поступило 1603 р. 48 коп.

Въ отчетномъ году училище понесло тяжелую потерю: 7 мая скончался, послѣ тяжкой болѣзни, продолжавшейся въ теченіе цѣлаго почти года, преподаватель церковнаго пѣнія въ училищѣ, протоіерей Стефанъ Ивановичъ Петровскій. Усопшій связалъ свое имя со всѣмъ почти временемъ существованія училища, такъ какъ служилъ въ немъ съ 1860 г. Онъ обладалъ значительнымъ музыкальнымъ образованіемъ, правильно развитымъ вкусомъ, глубокомъ пониманіемъ духа церковнаго пѣнія и природнымъ выдающимся регентскимъ даромъ, развитымъ многолѣтнею практикою. Вслѣдствіе всего этого, а также примѣрнаго трудолюбія, усопшій довелъ пѣніе училищнаго хора до такого совершенства, что оно пользовалось извѣстностію не только въ Харьковѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, доставляло удовольствіе всѣмъ лицамъ, посѣщавшимъ училище, и пріобрѣло усопшему такое довѣріе Высшаго Начальства, что въ отчетномъ году Учебный Комитетъ при Св. Сvнодѣ, озабочиваясь составленіемъ обязательныхъ для Епархіальныхъ женскихъ училищъ программъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ, составленіе программы по церковному пѣнію поручилъ протоіерею Петровскому; эта программа покойникомъ составлена, разсмотрѣна Совѣтомъ училища и представлена въ Св. Сvнодъ. За свой въ высшей степени кроткій характеръ усопшій пользовался всеобщею любовію и уваженіемъ. Въ первые годы своей службы въ училищѣ, когда оно было еще пріютомъ для сиротъ, усопшій трудился безвозмездно, а затѣмъ получалъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ годъ отъ 120 до 200 р. и только въ послѣдніе годы, когда вознагражденіе за годовой урокъ пѣнія достигало 40 р. и число уроковъ увеличилось, какъ вслѣдствіе заботы Св. Сvнода объ усиленіи церковнаго пѣнія, такъ и вслѣдствіе постепеннаго открытія въ училищѣ параллельныхъ классовъ, это вознагражденіе, постепенно увеличиваясь, дошло въ послѣдній годъ до 700 руб. Училище почтило долголѣтнюю полезную службу усопшаго участіемъ въ его погребеніи, при чемъ училищный хоръ въ самый день смерти своего учителя пѣлъ панихиду въ его квартирѣ въ присутствіи почти всѣхъ воспитанницъ старшихъ классовъ, въ день погребенія многія изъ тѣхъ же воспитанницъ старшихъ классовъ, вмѣстѣ съ Начальницею училища, присутствовали въ приходской церкви, при которой служилъ усопшій, во время литургіи и отпѣванія и проводили покойника до самаго кладбища, а когда гробъ приближался къ кладбищу, на встрѣчу вышли всѣ воспитанницы и проводили покойника, при торжественномъ пѣніи пасхальнаго канона

соединеннымъ хоромъ изъ воспитанницъ всѣхъ старшихъ классовъ, до могилы. Кромѣ того, Совѣтъ училища въ виду того, что вдова усопшаго труженика осталась безъ всякихъ средствъ и безъ права на пенсію, такъ какъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ должности учителей пѣнія не пенсіонныя, счелъ справедливымъ оказать помощь ей назначеніемъ ежегоднаго пособія, въ количествѣ 240 р., изъ своихъ текущихъ суммъ.

Епархіальныя извѣщенія.

На штатное діаконское мѣсто къ Кресто-Воздвиженской церкви г. Изюма опредѣленъ псаломщикъ Изюмской Кладбищенской церкви Михаилъ *Григоревичъ*, а на мѣсто послѣдняго бывшій псаломщикъ Тихонъ *Бутовскій*.

— На штатное діаконское мѣсто къ Николаевской церкви сл. Грушевахи, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ псаломщикъ сл. Вертѣевки, Харьковскаго уѣзда. Петръ *Пономаревъ*.

— На штатное діаконское мѣсто къ Іоанно-Богословской церкви сл. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ псаломщикъ—діаконъ Пророко-Ильинской церкви заштатн. гор. Бѣлополья, Сумскаго уѣзда, Николай *Мухинъ*.

— Псаломщикъ Николаевской церкви сл. Шабельковки, Изюмскаго уѣзда, Яковъ *Насѣдкинъ*, согласно просьбѣ его, уволенъ за штатъ, по болѣзни, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикомъ Михаилъ *Романовъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Изюмской Кресто-Воздвиженской церкви куп. Евграфъ *Маршинъ*; къ Николаевской церкви сл. Спѣваковки, Изюмскаго уѣзда, крест. Алексѣй *Косенко*; къ Архангело-Гавріиловской церкви сл. Гавриловки, того-же уѣзда, отст. ефрейторъ Іосифъ *Крайній*, и къ Покровской церкви сл. Дмитровки, того же уѣзда, крест. Власій *Легкій*.

Вакантныя мѣста.

Священническія.

При Воскресенской церкви сл. Булацеловки, Зміевскаго уѣзда.

Діаконскія.

При Димитріевской церкви сл. Моначиновки, Купянскаго уѣзда.
» Покровской » » Большой Бабки, Волчанскаго уѣзда.
» Р.-Богородичн. » » Низшей Верхосулки, Лебединскаго уѣзда.

При Казанской церкви сл. Деревокъ, Ахтырскаго уѣзда.
» Покровской » » Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда.
» Покровской » города Богодухова.
» Троицкой » сл. Малой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда.
» Георгіевской » » Ольховатки, Волчанскаго уѣзда.

Псаломщицкія.

При Сошествіевской церкви сл. Хатней, Волчанскаго уѣзда.
» Васильевской » с. Солдатскаго, Богодуховскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Харьковское отдѣленіе православнаго миссіонерскаго общества.—Причины стойкости и крѣпости раскола.—Новый видъ пропаганды.—Труды воспитанницъ епархіальныхъ училищъ для народнаго образованія.—Заботы правительства о распространеніи профессіональнаго образованія.—Испытанія лицъ, ищущихъ священническаго и діаконскаго сана.—Взаимопомощь духовенства.—Финансовое положеніе Россіи.—Первая всероссійская выставка печатнаго дѣла.—Опытная противопожарная выставка.

5 марта, по окончаніи божественной литургіи, совершенной архіерейскимъ служеніемъ въ каѳедральномъ соборѣ, члены харьковскаго миссіонерскаго Общества собрались въ часъ дня въ особомъ залѣ Харьковской духовной консисторіи. Послѣ пѣнія стиха: „Днесь благодать Св. Духа насъ собра...“, предсѣдатель, преосвященнѣйшій Петръ, объявилъ цѣль собранія и пригласилъ къ выслушанію отчета комитета за 1894 годъ. Членомъ комитета протоіереемъ Іоанномъ Чижевскимъ, прочитанъ былъ отчетъ, изъ котораго видно, что въ 1894 году поступило членскихъ взносовъ 2,398 руб. 50 коп., по листамъ совѣта Общества 1,386 рублей 22 коп., сбора въ недѣлю православія 1,975 руб. 34 коп., кружечнаго сбора 983 руб. 82 коп., % съ капитала комитета 87 руб. 98 коп., итого 6,831 р. 86 коп. По распоряженію совѣта миссіонерскаго Общества отослано въ Казань совѣту братства св. Гурія 8,269 руб. 5 коп., на содержаніе канцеляріи и канцелярскія принадлежности израсходовано 215 руб. 94 коп., на разные мелкіе расходы 6 руб. 54 коп. Къ 1895 году осталось: неприкосновеннаго капитала 2,340 рублей, запаснаго капитала 3,357 руб. 6 коп., расходной суммы 3,252 р. 32 коп., итого 8,949 рублей 38 коп., въ томъ числѣ наличными 6,609 руб. 38 коп. (хран. въ Харьковской конторѣ Государствен-

наго банка), на безсрочномъ вкладѣ и билетами 2,340 руб. Затѣмъ его преосвященство объявилъ собранію объ окончаніи двухгодичнаго срока службы членовъ комитета, пригласилъ собраніе къ выбору новыхъ членовъ комитета, а также четырехъ уполномоченныхъ отъ собранія, не состоящихъ членами комитета, для повѣрки отчета въ финансовомъ отношеніи. Изъявивъ благодарность бывшимъ членамъ комитета, общее собраніе постановило просить ихъ продолжать свою дѣятельность и въ будущій двухгодичный срокъ, на что они изъявили св е согласіе. Въ уполномоченные оказались избранными: священники Николай Любарскій, Николай Гутниковъ и Николай Соколовскій, а въ члены комитета протоіерей Стефанъ Любицкій. Собраніе закончено пѣніемъ: „Достойно есть"...

— Изъ всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Св. Сунода видно, что весьма важными причинами стойкости и крѣпости раскола служатъ: а) отдаленность въ иныхъ мѣстахъ православныхъ храмовъ отъ приходскихъ деревень и недостаточное количество школъ въ приходахъ съ раскольническимъ населеніемъ; б) недостаточная подготовка и неосновательное знакомство иныхъ изъ самихъ пастырей съ заблужденіями раскола и неумѣнье ихъ вести какъ слѣдуетъ собесѣдованіе съ ними; г) гнетущая бѣдность причтовъ зараженныхъ расколомъ приходовъ, гдѣ пастырь церкви, ради снисканія насущнаго пропитанія для семьи, нерѣдко значительной, волей-неволей долженъ бываетъ больше заниматься хозяйствомъ, чѣмъ изученіемъ и обличеніемъ раскола; д) существованіе во многихъ православныхъ приходахъ раскольническихъ моленъ, черезъ которыя сѣются заблужденія раскола, и е) частые въѣзды заправилъ раскола изъ главныхъ центровъ его въ мѣстности съ раскольническимъ населеніемъ, каковыхъ заправилъ мѣстные раскольники тщательно скрываютъ и оберегаютъ. Вышеобъясненныя причины, обусловливающія живучесть, устойчивость и крѣпость раскола, дѣлаютъ борьбу съ послѣднимъ православной церкви подвигомъ сколько великимъ, столько же и труднымъ. Относительно собесѣдованій съ раскольниками, отчетъ говоритъ, что по заявленіямъ епархіальныхъ архіереевъ, публичныя собесѣдованія съ раскольниками, оказываясь весьма благотворными для православныхъ, имѣютъ сильное вліяніе на раскольническую среду. Такъ, по свидѣтельству преосвященнаго Казанскаго, бесѣды эти вездѣ производили глубокое впечатлѣніе на слушателей, какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ. Служа утвержденію вѣры въ средѣ право-

славнаго населенія. они колеблющихся ограждали отъ совращенія, а раскольниковъ, расшатывая ихъ ложныя убѣжденія, приводили постепенно къ сознанію своей неправоты. Многіе изъ раскольниковъ, по выслушаніи собесѣдованій, тутъ же заявляли готовност присоединиться къ церкви.

— Въ народной жизни странничество имѣетъ большое значеніе. Народъ всегда любилъ и любитъ странниковъ и относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ. Онъ съ увлеченіемъ слушаетъ всѣ разсказы этихъ людей объ ихъ „странствіяхъ" по святымъ мѣстамъ, о дальнихъ святыняхъ, о великихъ подвижникахъ благочестія. И несомнѣнно. въ былое время (да отчасти и теперь еще) странники принесли народу очень много пользы, сдѣлавъ свой вкладъ въ сокровищницу народнаго міровоззрѣнія. Для самихъ странниковъ это вѣчное хожденіе по святымъ мѣстамъ было особымъ подвигомъ Христа ради, для народа—это было источникомъ многихъ знаній, правда, искаженныхъ и преувеличенныхъ, но часто только въ хорошую сторону. Струя поэзіи, окрашивающая какой-либо фактъ, для религіознаго чувства не приноситъ вреда. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время это явленіе народной жизни, по словамъ «Моск. Вѣд.», стало принимать уродливыя черты. Странничество начинаетъ превращаться въ ремесло, довольно притомъ выгодное, а религіозность Русскаго народа и любовь его къ святынѣ—въ предметъ самой безсовѣстной эксплоатаціи. Этотъ прискорбный фактъ былъ, между прочимъ, предметомъ реферата, читаннаго въ послѣднемъ собраніи Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія (20 февраля). Но и этого мало. Оказывается, что въ послѣднее время странничество превратилось не только въ ремесло, но и въ особый видъ пропаганды всевозможныхъ ересей. Въ томъ же собраніи Любителей Духовнаго Просвѣщенія извѣстный знатокъ и изслѣдователь штундизма, В. М. Скворцовъ, сдѣлалъ очень интересное сообщеніе по этому предмету. По его наблюденіямъ оказывается, что стали появляться странники по внѣшнему своему виду ничѣмъ не отличающіеся отъ традиціоннаго типа странниковъ. Тотъ же длинный кафтанъ, длинные волосы, котомка за плечами, посохъ въ рукѣ, крестъ на груди. Появляются въ церквахъ, повидимому молятся, крестятся (хотя не часто). Затѣмъ безо всякаго труда сходятся съ простымъ людомъ, съ богомольцами. которые всегда не прочь послушать интереснаго разсказчика, много на своемъ вѣку исходившаго по святымъ мѣстамъ. И вотъ тутъ-то

начинается пропаганда штундизма, пропаганда осторожная, ловкая, замаскированная, медленно вливающая ядъ растлѣнія въ раскрытое довѣріемъ сердце простолюдина. Сатанинская хитрость достигаетъ своей цѣли. Чего нельзя сдѣлать прямою проповѣдью, то достигаешь подъ маской благочестія. Чего не станутъ слушать отъ штундистскаго пресвитера, то легко усвоятъ отъ чтимаго странника. Явленіе это—характеристичное и заслуживающее особеннаго вниманія. Собственно говоря, самозванщина—не новость въ русской жизни. Въ политической жизни это—явленіе обычное. Всякій разъ, когда дѣлались попытки возставить народъ противъ законной власти, сдѣлать это оказывалось возможнымъ только именемъ Царя. Ходить за примѣромъ не далеко: достаточно вспомнить наше народническое движеніе 70-хъ годовъ и смѣлую попытку Стефановича и К° съ ихъ манифестами отъ Высочайшаго имени и даже съ приводомъ народа къ присягѣ. Всѣ подобныя попытки строятся обыкновенно на рискѣ и смѣлости и оканчиваются большею частію безъ особенныхъ результатовъ, какъ только обманъ разоблаченъ. Иное дѣло въ области религіозной, какъ въ приведенномъ нами случаѣ. Здѣсь обманъ почти неуловимъ въ своемъ дѣйствіи и неискоренимъ въ своихъ результатахъ; еще, пожалуй, можно уличить самозванца странника и привлечь его къ отвѣтственности, но нѣтъ уже никакой возможности изгладить слѣды его пропаганды. Гнилое слово имѣетъ особую силу живучести. Брошенное даже вскользь, какъ бы на вѣтеръ, въ разговорѣ, оно способно замутить чистую, неопытную вѣру простеца и мало-по-малу подготовить почву для дальнѣйшихъ смущеній. Вотъ въ этомъ вся бѣда. Сколько же теперь нужно внимательности со стороны духовныхъ пастырей и самоотверженнаго усердія, особенно во время исповѣди, для того, чтобы во время замѣтить смущеніе или сомнѣніе въ душѣ прихожанина, посѣянное этими новыми волками въ овечьей шкурѣ!... А вѣдь только пастырскимъ трудомъ и можно бороться съ этимъ видомъ пропаганды. Полицейскія мѣры въ этомъ случаѣ почти безсильны... «Моск. Вѣд.»

— Всѣмъ еще памятенъ въ высшей степени благопріятный отзывъ делегата нашего министерства народнаго просвѣщенія на всемірной выставкѣ въ Чикаго, князя С. М. Волконскаго, объ учительницахъ народныхъ школъ изъ воспитанницъ епархіальныхъ училищъ. Этихъ учительницъ выдѣляютъ изъ числа прочихъ и другія лица, знающія нашу народную школу. «Полтав. Епарх.

Вѣд.» указываютъ на отзывъ сенатора Шамшина, въ свое время сообщенный министромъ народнаго просвѣщенія попечителямъ округовъ, и недавно отзывъ директора народныхъ училищъ полтавской губерніи. Послѣдній касается бывшихъ воспитанницъ мѣстнаго епархіальнаго училища, которыя, по нему, ведутъ элементарное обученіе правильно и успѣшно, примѣняя на практикѣ новые цѣлесообразные способы обученія, и въ обращеніи съ учащимися отличаются благожелательствомъ и мягкостью. Вообще всѣ онѣ, за весьма немногими исключеніями, служатъ и служили съ пользою для народнаго образованія, а нѣкоторыя по своему отличному усердію, опытности и знанію дѣла, а также и нравственному вліянію не только на учащихся, но и на родителей ихъ, принесли и приносятъ громадную пользу въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и долго будутъ жить въ памяти поселянъ, дѣти которыхъ имѣли и имѣютъ счастіе пользоваться ихъ уроками обученія и воспитанія. Въ числѣ этихъ учительницъ есть не мало такихъ, которыя всю свою молодую жизнь посвятили народной школѣ, занимаясь въ ней 10, 11, 13, 15, 17, 19 и даже 20 лѣтъ. Изъ окончившихъ курсъ въ епархіальномъ училищѣ состояло учительницами въ земскихъ школахъ Полтавской губерніи въ 1888 и 1889 годахъ по 158, въ 1890 г. 190, въ 1891 году 204, въ 1892 году 244. Извѣстія объ усердной и полезной дѣятельности народныхъ учительницъ изъ воспитанницъ епархіальныхъ училищъ идутъ изъ всѣхъ епархій. Въ самое послѣднее время одно изъ такихъ извѣстій появилось въ «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ».

— По сообщенію «Прав. Вѣст.», министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ начальствамъ учебныхъ округовъ съ циркулярнымъ предложеніемъ войти въ сношеніе съ мѣстными городскими думами, земскими собраніями, купеческими, мѣщанскими и ремесленными управами, а также съ фабрикантами и заводчиками, объ устройствѣ воскресныхъ и вечернихъ курсовъ профессіональныхъ знаній какъ при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ —среднихъ и низшихъ, такъ, въ особенности, при техническихъ и ремесленныхъ училищахъ, обладающихъ наибольшими средствами къ устройству подобныхъ курсовъ. Въ данномъ случаѣ министерство руководилось примѣромъ Англіи, гдѣ курсы профессіональныхъ знаній получили весьма сильное развитіе и способствовали широкому и быстрому распространенію профессіональнаго образованія въ странѣ. Въ Россіи уже положено начало дѣлу открытія вечернихъ и воскресныхъ курсовъ профессіональныхъ знаній.

— Въ казанской епархіи председатель коммиссіи по производству испытаній лицъ, ищущихъ священническаго и діаконскаго сана, въ своемъ отчетѣ за 1894 годъ указалъ на очень малую начитанность кандидатовъ діаконства и священства въ священныхъ книгахъ, вслѣдствіе чего экзаменующіеся при изложеніи священно-историческихъ разсказовъ передаютъ собственными словами даже изреченія Христа Спасителя, сообщая имъ иногда очень грубую форму выраженія и далеко уклоняясь отъ евангельскаго подлинника,—указалъ на недостаточныя въ большинствѣ случаевъ знанія экзаменующихся по нотному церковному пѣнію и на совершенное незнакомство съ обиходнымъ пѣніемъ тѣхъ изъ экзаменующихся, которые получили образованіе въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Епархіальный высокопреосвященный распорядился—замѣченное въ отчетѣ сдѣлать извѣстнымъ по епархіи къ руководству желающихъ подвергаться указаннымъ испытаніямъ.

— Скудость матеріальныхъ средствъ духовенства заставляетъ его прибѣгать къ изысканію разныхъ способовъ взаимопомощи. Таковы —учрежденіе эмеритальныхъ кассъ, пріютовъ для бѣдныхъ и сборы ежегодныхъ жертвъ отъ богатѣйшихъ причтовъ въ пользу бѣднѣйшихъ. «Рук. д. сел. паст.» сообщаетъ слѣдующее приглашеніе Преосвященнаго Самарскаго подвѣдомственному духовенству на счетъ последняго рода жертвъ. „Въ Самарской епархіи, по словамъ Преосвященнаго архипастыря, имѣется не мало приходовъ, по содержанію церковныхъ причтовъ довольно богатыхъ, какъ—не мало и бѣдныхъ и даже бѣднѣйшихъ, особенно гдѣ большинство прихожанъ состоитъ или изъ инородцевъ, или изъ разнаго рода сектантовъ. Бѣднѣйшіе приходы, большею частію, остаются не замѣщенными, а если и замѣщаются, то, въ большинствѣ случаевъ, лицами, не соотвѣтствующими высокому назначенію церковнаго клира, почему и служеніе ихъ бываетъ не только малоплодно, но и совсѣмъ безплодно, чтобы не сказать болѣе... Чрезъ это сектантство въ этихъ приходахъ крѣпнетъ и усиливается болѣе и болѣе; а инородцы не выходятъ изъ безпробудной тьмы своихъ суевѣрій. Это побуждаетъ меня обратиться къ церковнымъ причтамъ состоятельныхъ приходовъ епархіи какъ городскихъ, такъ и сельскихъ церквей съ усердною просьбою о взаимопомощи, по увеличенію содержанія и вообще улучшенію быта своихъ собратій и сослуживцевъ, которымъ выпадаетъ жребій служить Церкви Христовой въ бѣднѣйшихъ приходахъ. Заповѣдь нашего Пастыреначальника Христа Спасителя

о любви къ ближнимъ и взаимномъ несеніи жизненныхъ тяжестей первѣе и ближе всего должна касаться насъ самихъ, поставленныхъ на единое дѣло служенія Церкви Христовой, почему у насъ должны быть и общіе интересы въ достиженіи пастырскихъ цѣлей, равно какъ и скорби, и печали, когда являются препятствія къ этому, которыя мы должны общими же силами и устранять. Въ данномъ случаѣ является препятствіемъ для достиженія пастырскихъ цѣлей въ бѣднѣйшихъ приходахъ епархіи нищета, которую и нужно устранить посредствомъ взаимопомощи. Если причты богатыхъ приходовъ изъявятъ свое усердіе къ этому и будутъ удѣлять изъ своихъ средствъ отъ 10 до 25 руб. въ годъ, то изъ такихъ взносовъ составится достаточная сумма, которая дастъ возможность улучшить положеніе и устранить нищету священниковъ и псаломщиковъ бѣднѣйшихъ приходовъ; тогда можно надѣяться, что не будутъ избѣгать этихъ приходовъ и достойные кандидаты, которые съ пользою для Церкви Христовой потрудятся въ нихъ, въ борьбѣ съ сектантствомъ или инородческими суевѣріями... Я буду весьма доволенъ и благодаренъ, если это мое предложеніе встрѣтитъ полное сочувствіе въ средѣ духовенства епархіи... Въ указанной взаимопомощи и я, по мѣрѣ возможности, пріиму участіе. Настоящее предложеніе консисторія имѣетъ объявить духовенству епархіи чрезъ благочинныхъ, которые имѣютъ мнѣ донести о послѣдствіяхъ".—Сообщая объ этомъ духовенству чрезъ Епарх. Вѣдомости, консисторія предупреждаетъ благочинныхъ, чтобы они, по обсужденіи предложеннаго вопроса на благочинническихъ съѣздахъ, представили отъ каждаго благочиннического округа по одному отзыву на архипастырское благоусмотрѣніе.

Дай Богъ, чтобы этотъ сострадательный призывъ архипастыря не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и встрѣтилъ со стороны подвѣдомственнаго духовенства откликъ, полный чувства братской любви, состраданія и взаимной солидарности!

— Русская печать отмѣчаетъ ростъ нашихъ государственныхъ финансовъ. Указывая на весьма большую нынѣ кассовую наличность государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ, превышающую 500 милліоновъ рублей, одна изъ хорошо освѣдомленныхъ петербургскихъ газетъ объясняетъ значительный ростъ кассовой наличности правильнымъ и постепеннымъ ростомъ государственныхъ доходовъ, которые достигли суммы въ 986 милл. къ 1-му декабря 1894 г., при расходѣ въ 777 милл. Государствен-

ные доходы 1894 года за 11 мѣсяцевъ почти равняются общей суммѣ, которая была предположена по смѣтѣ на весь 1894 годъ; между тѣмъ извѣстно, что въ послѣдвій мѣсяцъ года поступаетъ доходовъ значительно болѣе, чѣмъ въ каждый изъ остальныхъ мѣсяцевъ въ отдѣльности. Вообще русскій государственный кредитъ зиждется на прочныхъ основаніяхъ, такъ какъ ни въ одной европейской странѣ не замѣчается столь значительнаго превышенія доходовъ надъ расходами, какъ въ Россіи.

— 19 февраля происходило въ Петербургѣ, въ зданіи Солянаго городка, оффиціальное открытіе первой всероссійской выставки печатнаго дѣла, устроенной Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, подъ покровительствомъ президента академіи наукъ Великаго Князя Константина Константиновича. Во время выставки соберется съѣздъ дѣятелей по печатному дѣлу, открытіе котораго назначено на 5-е апрѣля. Выставка продолжится до 15-го іюня. Эта выставка наглядно выяснитъ публикѣ техническую сторону печатнаго дѣла и техническіе успѣхи печатнаго искусства; съѣздъ же дѣятелей печати, какъ думаютъ, послужитъ новымъ средствомъ къ организаціи и сплоченію дѣятелей печати, воодушевляемыхъ одною задачею—блага родины.

— Московскимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества устраивается при селѣ Большія Мытищи (по Ярославской желѣзной дорогѣ) опытная противупожарная станція на участкѣ земли, пріобрѣтенномъ на средства членовъ отдѣленія. По словамъ «Моск. Вѣд.», въ собраніи 27 февраля былъ утвержденъ планъ дѣятельности опытной станціи, которая должна служить мѣстомъ для возведенія огнестойкихъ построекъ, для производства различныхъ опытовъ, какъ съ постройками, такъ и со строительными матеріалами; на станціи будутъ производимы необходимыя наблюденія надъ гигіеничностью построекъ и вліяніемъ на нихъ атмосферическихъ явленій. Станція даетъ также возможность ознакомиться съ лучшими и наиболѣе цѣлесообразными сельскими пожарными инструментами. Для достиженія послѣдней цѣли на станціи устраивается пожарный пунктъ, на правахъ вольной пожарной команды, который могъ бы, кромѣ того, подавать помощь при тушеніи пожаровъ въ мѣстномъ районѣ. Если позволитъ мѣсто, опытная станція можетъ служить также для производства опытовъ и по другимъ отраслямъ техники. Въ задачу опытной противупожарной станціи входитъ практическое обученіе постройкѣ огнестойкихъ сельскихъ строеній, приготовленію для нихъ матеріаловъ

и производству работъ, предохраняющихъ существующія зданія отъ дѣйствія огня. Обученіе будетъ происходить подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ, подъ наблюденіемъ техника. Хорошо ознакомившіеся съ указанными работами будутъ получать отъ станціи свидѣтельства. Далѣе опытная станція должна по возможности собирать все касающееся противупожарнаго вопроса. Для достиженія этой цѣли при ней долженъ быть устроенъ постоянный музей-выставка, куда должны приниматься: а) всякаго рода образцовыя огнестойкія и уменьшающія силу огня постройки или ихъ модели; б) машины и приспособленія для производства огнестойкихъ матеріаловъ и построекъ; в) строительные матеріалы естественные, въ обработанномъ или необработанномъ видѣ, и искусственные; г) средства, служащія для приданія огнестойкости существующимъ строеніямъ и уменьшающія распространеніе пожаровъ; д) инструменты и приспособленія для тушенія пожаровъ; е) машины и приспособленія для спасанія во время пожаровъ людей и ихъ имуществъ; ж) сочиненія, брошюры, статистическія данныя, модели, чертежи, рисунки, фотографіи и проч., касающіеся вышеуказанныхъ пунктовъ, а также сочиненія и брошюры о способахъ распространенія огнестойкихъ построекъ и другихъ мѣръ противъ опустошительности пожаровъ. Станція ставитъ также себѣ задачу издавать дешевыя общепонятныя брошюры о способахъ производства и ремонта построекъ, съ разчетомъ ихъ стоимости, объ обращеніи съ пожарными и спасательными инструментами и пр. За обученіе постройкѣ огнестойкихъ зданій, приготовленію матеріаловъ для нихъ, обращенію съ пожарными инструментами, а также пріемамъ и правиламъ при тушеніи пожаровъ, будетъ взиматься плата.

Тиражъ выигрышей билетовъ 2-го внутренняго 5% займа, произведенный въ Петербургѣ 1-го марта 1895 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма
1199	28	200000	17505	24	8000	2138	32	1000	4365	10	1000
9313	37	75000	12046	32	8000	12525	19	1000	18279	5	1000
14044	32	40000	2042	5	5000	13767	31	1000	1423	44	1000
1461	30	25000	15379	37	5000	13372	10	1000	18297	18	1000
17737	38	10000	308	1	5000	1312	45	1000	4967	26	1000
15764	12	10000	14844	50	5000	3756	9	1000	1248	25	1000
5274	36	10000	9489	31	5000	19823	26	1000	8796	45	1000
14973	36	8000	9682	44	5000	1406	34	1000	4744	47	1000
15700	37	8000	16605	27	5000	12660	15	1000	5566	33	1000
421	2	8000	1°506	11	5000	5667	33	1000	11027	38	1000

По 500 рублей каждый:

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
2686	1	6345	8	11662	15	11237	22	15058	28	17540	37	4641	43
4407	1	7213	8	12203	15	11677	22	3458	29	17725	37	7007	43
6286	1	9013	8	12945	15	11963	22	6709	29	1590	38	9597	43
11673	1	9048	8	13993	15	12616	22	17380	29	7902	38	15385	43
13651	1	15152	8	14410	15	4619	23	10682	30	15989	38	18781	43
18286	1	16601	8	1703	16	5918	23	15769	30	17701	39	2173,	44
2697	2	2378	9	10199	16	7401	23	401	31	4534	40	4290	44
6049	2	7959	9	14298	16	12355	23	8021	31	10108	40	9282	44
6117	2	15086	9	15936	16	14290	23	11517	31	11369	40	1048	45
9520	2	17649	9	19523	16	15603	23	11617	31	12773	40	3102	45
1035	3	7015	10	2879	17	19	24	14357	31	14614	40	3699	45
1391	4	7169	10	6281	17	3392	24	1180	32	15364	40	3702	45
2378	4	13258	10	6613	17	5327	24	2587	32	16627	40	5969	45
8216	4	4532	11	7978	17	8509	24	4201	32	237	41	14417	45
12703	4	8130	11	16519	17	10300	24	12551	32	2108	41	17270	46
13596	4	9293	11	4197	18	13647	24	14345	32	3102	41	17401	46
15329	4	9680	11	8968	18	17622	24	14850	32	8272	41	8838	47
17700	4	11873	11	11878	18	8962	25	18878	32	14084	41	12373	47
18722	4	12921	11	16552	18	9957	25	19626	32	14198	41	16484	47
1178	5	13792	11	18479	18	10096	25	10094	33	16609	41	19368	47
1352	5	15752	11	18847	18	10444	25	12326	33	16801	41	19973	47
2399	5	16265	11	2435	19	13018	25	13860	33	17713	41	4620	48
3733	5	16995	11	3596	19	15165	25	2204	34	18385	41	6898	48
10589	5	17696	11	14679	19	18278	25	3027	34	272	42	15736	48
13923	5	18105	11	15192	19	19826	25	7287	34	5281	42	18461	48
14475	5	454	12	18752	19	3837	26	9853	35	5861	42	18845	48
15549	5	1114	12	6503	20	3936	26	10294	35	4187	42	19205	48
6729	6	4233	12	13925	20	7477	26	18229	35	7761	42	1494	49
9853	6	9930	12	14865	20	12420	26	2391	36	7911	42	9218	49
10391	6	14686	12	4572	21	19577	26	2950	36	8077	42	11302	49
14410	6	15765	13	13642	21	2449	27	12887	36	9293	42	13904	49
18568	6	17278	13	14417	21	10862	27	13565	36	9976	42	16090	49
5815	7	8242	14	18701	21	11911	27	13658	36	13680	42	16356	49
6027	7	19350	14	4068	22	17091	27	235	37	15886	42	8661	50
14328	7	2582	15	5402	22	656	28	2115	37	16826	42	15345	50
2181	8	6141	15	6458	22	7513	28	12862	37	3083	43	16917	50
4208	8	9133	15	10537	22	7941	28	137 2	37	4888	43	17954	50
4601	8												

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1 іюня 1895 года.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго пяти процентнаго съ выигрышами займа, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 1-го марта 1895 года. Нумера серій:

3211, 3466, 11943, 18806, 19501, 2452, 4919, 7111, 9394, 17941, 16377, 8815, 11622, 6724, 16543, 14292, 6667, 6090, 19062, 16155, 11156, 1839, 10178, 15691, 5959, 8495, 18371, 7010, 9463, 16529, 1325, 19877, 5305, 7601, 18222, 18757, 14547, 11210, 8935, 1719, 19327, 9247, 9644, 16866, 6318, 11517, 3134, 19355, 9773, 13204, 13241, 16440, 18153, 260, 6464, 12809, 7662, 6021, 6604, 5725, 4394, 15565, 12125, 19268, 10041, 7748, 4849, 6823, 19164, 7501, 17256, 14178, 10316, 15882, 17913, 12765, 15381 18627, 12021, 12667, 16620, 5460, 15301, 10965, 16609, 7723, 18123, 14250, 17497, 15238, 15908, 19749, 9534, 14016, 72, 10019, 11434, 10958, 11102, 4327, 16087, 850, 5559, 392, 9574, 17009.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 руб. за билетъ будетъ производиться съ 1-го іюня 1895 года въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую Духовную Академію.

От Совѣта Кіевской духовной Академіи объявляется:

1) Съ 16 августа сего 1895 г. въ Кіевской духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть пріемъ воспитанниковъ.

2) Для повѣрочнаго пріемнаго испытанія Совѣтомъ Академіи назначены слѣдующіе предметы: догматическое богословіе (для окончившихъ курсъ въ гимназіи—правосл. христіанскій катихизисъ), древняя общая церковная исторія, логика, одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ (по выбору экзаменующихся); кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать три сочиненія на данныя темы, изъ которыхъ одна богословскаго содержанія, другая—историческаго и третья—философскаго.

3) Испытаніе будетъ производимо въ предѣлахъ семинарскаго или гимназическаго курса, сообразно съ тѣмъ, принадлежитъ ли испытуемый къ воспитанникамъ семинаріи или гимназіи.

4) Желающіе подвергнуться повѣрочнымъ пріемнымъ испытаніямъ должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

5) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзаменъ.

6) Порядокъ и условія пріема воспитанниковъ въ Академію опредѣлены въ особыхъ правилахъ, изъ коихъ для свѣдѣнія приводятся слѣдующіе §§.

§ 1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ полнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ духовной семинаріи или полной (съ двумя древними языками) классической гимназіи.

§ 2) Женатыя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

§ 3) Просьбы о пріемѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами на имя ректора Академіи до 15 августа. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть при себѣ билетъ на проѣздъ въ г. Кіевъ.

§ 4) Къ прошенію о пріемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

Примѣчаніе. Семинарскія Правленія также до 16 августа высылаютъ документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную 14 августа.

§ 5) Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

§ 6) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному желанію, подвергаются повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, ком-

миссіяхъ, и принимаются въ студенты по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

§ 7) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе — казеннокоштными студентами съ подпискою прослужить обязательный срокъ по духовно-учебному вѣдомству, согласно 160 и 161 §§ уст. дух. акад., а остальные — своекоштными (§ 112), число коихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій, со взносомъ 210 руб. въ годъ или по 105 р. въ сентябрѣ и январѣ за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіи мѣсяца увольняются изъ Академіи (§§ 150 и 151).

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА
въ 1895 году.

Православный Собесѣдникъ будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой. Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 года № 2792). Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи **семь рублей сереб.** При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются **ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ**, выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта. Причты Казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ. Цѣна **Извѣстій** для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб., сереб. — съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Православнаго собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

ОБЪ ИЗДАНІИ МИССІОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА
„Православный Благовѣстникъ“
въ 1895 году.

«Православный Благовѣстникъ» —органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, поэтому задача и цѣль журнала—возможно полное, всестороннее и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), а также выясненіе тѣхъ условій,—благопріятныхъ и неблагопріятныхъ,—среди которыхъ она совершается въ настоящее время.

Программа журнала слѣдующая:

I. **Отдѣлъ оффиціальный**. Постановленія и распоряженія Правительства касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества. II. **Руководящія статьи** по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III **Современное положеніе отечественныхъ миссій**. IV. **Очерки и разсказы** изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. **Миссіонерская дѣятельность на западѣ** Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. VI. **Извѣстія и замѣтки:** краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр. VII. **Библіографія**. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. VIII. **Извѣстія** о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. **Объявленія**. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія **четыре рубля 50 коп**. безъ пересылки и **пять рублей** съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтенка, домъ Спасской церкви.

Редакторъ Протоіерей *Александръ Никольскій.*

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Марта № 6. 1895 года.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по представленію завѣдывающаго придворнымъ духовенствомъ, Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать нижеслѣдующимъ священнослужителямъ Харьковской епархіи, читавшимъ Святое Евангеліе у гроба въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, по пятидесяти рублей: благочинному 1-го Зміевскаго округа, священнику Петру **Тимоѳееву**; священнику Петропавловской церкви г. Харькова Павлу **Тимоѳееву**; архимандриту Харьковскаго Покровскаго монастыря **Іосифу**; архимандриту Святогорской пустыни **Вассіану**; благочинному церквей г. Харькова, священнику Петру **Полтавцеву**; священнику Харьковскаго Каѳедральнаго собора Григорію **Виноградову**.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Сунодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Сунода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 18-й день минувшаго февраля, на награжденіе діакона Троицкой церкви г. Богодухова Михаила **Пузанова**, за свыше 10-лѣтніе труды по народному образованію, серебряною медалью, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ.

Списокъ лицамъ Харьковской епархіи, кои Всемилостивѣйше пожалованы въ 25-й день января 1895 года, за заслуги по духовному вѣдомству, медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ: золотою, на Станиславской лентѣ: Валковскій 2-й гильдіи купецъ Семенъ Кузьминовъ; серебряными, на Станиславской лентѣ: Рождество-Богородицкой с. Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ Усенко; Преображенской въ слободѣ Новой Водолагѣ, Валковскаго уѣзда, крест. Василій Абдула.

ОТЧЕТЪ

о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ одноклассной церковно-приходской школѣ за 18$^{93}/_{94}$ учебный годъ.

1. *Въ личномъ составѣ служащихъ* въ школѣ въ отчетномъ году произошла только та перемѣна, что журнальнымъ постановленіемъ Совѣта училища отъ 20 августа 1893 года уволена, по прошенію, учительница школы Н. И. Попова, и на ея мѣсто опредѣлена окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы, вдова лаборанта при Харьковскомъ университетѣ Марія Дмитріевна Дмитріева. Вслѣдствіе этой перемѣны, составъ служащихъ въ школѣ былъ слѣдующій: а) завѣдующій обученіемъ въ школѣ и практическими занятіями въ ней воспитанницъ училища,—онъ же и наблюдатель школы,—инспекторъ классовъ училища *протоіерей Никандръ Оникевичъ*; служилъ безвозмездно; б) законоучитель школы, членъ Совѣта училища, священникъ Харьковской Петро-Павловской церкви *Павелъ Тимоѳеевъ*, съ жалованьемъ по 120 руб. въ годъ; в) учительница школы, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы, *Марія Дмитріевна Дмитріева*, съ жалованьемъ, при казенной квартирѣ со столомъ, по 240 р. въ годъ.

2. *Число учащихся въ школѣ* въ теченіе учебнаго года было не одинаково. Въ началѣ года всѣхъ школьниковъ было 98,—56 мальчиковъ и 42 дѣвочки; ко времени же годичныхъ испытаній число это сократилось до 66,—въ томъ числѣ было 41 мальчикъ

и 25 дѣвочекъ. Сокращеніе это произошло отъ разныхъ причинъ: поступленія въ другія учебныя заведенія, болѣзней, нежеланія родителей дольше обучать своихъ дѣтей и т. п.; но главною причиною было переселеніе родителей въ отдаленныя отъ училища части города.

Всѣ учащіеся въ школѣ, съ разрѣшенія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ, *раздѣлялись на три отдѣленія.* Ко времени годичныхъ испытаній въ I-мъ отдѣленіи числилось 33 учащихся,—21 мальчикъ и 12 дѣвочекъ; во II-мъ отдѣленіи 21 учащійся,—11 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ; въ III-мъ отдѣленіи 12 учащихся,—9 мальчиковъ и 3 дѣвочки.

По происхожденію своему, всѣ учащіеся въ школѣ—дѣти мѣщанъ, цеховыхъ и крестьянъ, проживающихъ въ городѣ Харьковѣ, а *по вѣроисповѣданію* — всѣ принадлежали къ православной церкви.

3. *По духу, характеру, объему и методу преподаванія* воспитаніе и обученіе въ школѣ велись во всемъ согласно утвержденной Св. Сѵнодомъ программѣ учебныхъ предметовъ для однокассной церковно-приходской школы и объяснительнымъ къ ней запискамъ.

4. *Программа преподаванія въ школѣ,* вслѣдствіе распредѣленія въ ней синодальной программы, вмѣсто двухъ, на три года, была слѣдующая: а) *по Закону Божію* въ I-мъ отдѣленіи изучены общеупотребительныя молитвы и пройдена часть Священ. Исторіи Ветхаго Завѣта; во II-мъ отдѣленіи повторено выученное въ I-мъ отдѣленіи и вновь пройдена Свящ. Исторія Новаго Завѣта; во III-мъ отдѣленіи повторенъ курсъ первыхъ двухъ отдѣленій и пройденъ вновь катихизисъ и объясненіе Богослуженія; б) *по русскому языку*—въ I-мъ отдѣленіи пройдено все, указанное для перваго года синодальною программою; во II и III-мъ отдѣленіяхъ пройдено все, указанное синодальною программою для второго года. *Письменныя упражненія по русскому языку* распредѣлены были по отдѣленіямъ школы слѣдующимъ образомъ: въ I-мъ отдѣленіи учащіеся списывали съ книги отдѣльныя слова, краткія предложенія и маленькія статьи и писали подъ диктовку отдѣльныя слова и краткія предложенія; во II-мъ отдѣленіи списывали съ книги слова на отдѣльные случаи правописанія, слова, означающія „предметъ", „дѣйствіе, и „качество", и цѣлыя небольшія статьи и упражнялись въ письмѣ подъ диктовку; въ III-мъ отдѣленіи

продолжались тѣ же упражненія, съ тою только разницею, что диктовка велась чаще и больше была провѣрочною диктовкою; в) *по церковно-славянскому языку*—въ I-мъ отдѣленіи пройдено все по программѣ; во II-мъ отдѣленіи учащіеся упражнялись въ славянскомъ чтеніи, усвояли значеніе отдѣльныхъ славянскихъ словъ и выраженій и изучили славянскія цифры и знаки строчные и подстрочные; въ III-мъ отдѣленіи чтеніе сопровождалось объясненіемъ смысла цѣлыхъ предложеній и статей и доводилось до такой бѣглости и отчетливости, которая требуется для чтенія въ церкви; г) *по счисленію* въ I-мъ отдѣленіи пройдено все по программѣ; во II-мъ отдѣленіи пройдено до именованныхъ чиселъ; въ III-мъ отдѣленіи программа окончена; во II и III отдѣленіяхъ упражнялись въ счисленіи на счетахъ; д) *по церковному пѣнію*—въ I-мъ отдѣленіи учащіеся съ голоса пѣли обычнымъ напѣвомъ въ унисонъ общеупотребительныя молитвы и литургію; въ II и III-мъ отдѣленіяхъ пѣли на два голоса всенощное бдѣніе и, по московскому обиходу, выучили „Господи воззвахъ" и „Богъ Господь" на всѣ гласы; е) *по чистописанію* во всѣхъ отдѣленіяхъ проходилось все по программѣ, по руководству В. Гербача.

5) *Учебники и учебныя пособія* употреблялись въ школѣ въ отчетномъ году слѣдующіе: а) *по Закону Божію*—„Наставленіе въ Законѣ Божіемъ", протоіерея П. Смирнова; по этому руководству учащіеся въ I отдѣленіи усвояли преподаваемое со словъ законоучителя, а во II и III отдѣленіяхъ выучивали уроки по книгѣ; пособіемъ при изученіи Свящ. Исторіи служили картины изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, изданныя Фену и К°; б) *По русскому языку*—въ I отдѣленіи употреблялись разрѣзныя буквы, Букварь и книга „Лучъ" свящ. Дьяченко; во II и III отдѣленіяхъ читали по книгѣ Радонежскаго „Солнышко"; при упражненіи учащихся въ грамматикѣ учительница пользовалась книгою Матвѣевой „Русская грамматика въ диктовкахъ"; в) *по церковно-славянскому языку* въ I отдѣленіи читали по букварю, во II отдѣленіи по Часослову и въ III отдѣленіи по Часослову и книгѣ Свирѣлина „Чтенія изъ Свящ. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта"; г) *по счисленію* употреблялись задачники Гольденберга и Лубенца и торговые счеты; д) *по церковному пѣнію* — „Кругъ пѣснопѣній обычнаго напѣва Московской епархіи"; е) *по чистописанію*—прописи Пожарскаго и руководство къ обученію письму, В. Гербача.

6) *Библіотека школы* къ концу отчетнаго года заключала въ себѣ 851 томъ. Она состояла: а) изъ педагогическихъ сочиненій по элементарному преподаванію, б) изъ учебниковъ и учебныхъ пособій и в) изъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Какъ полезное пособіе для законоучителя и учительницы, въ библіотеку и въ отчетномъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выписывался журналъ „Церковно-приходская школа".

7) *Ученіе въ школѣ* въ отчетномъ году началось 1 сентября и окончилось 27 мая.

8) *Ежедневное распредѣленіе учебныхъ занятій* въ школѣ было слѣдующее: уроки начинались въ 9 часовъ утра и продолжались до 1 часу по полудни. Ежедневно было 4 урока, по три четверти часа каждый, съ промежуткомъ между 1 и 2 и 3 и 4 уроками въ четверть часа, а между 2 и 3 уроками въ полчаса. Отъ 1 часу до 3 по полудни назначался промежутокъ для обѣда. Отъ 3—5 часовъ пополудни происходили практическія занятія со школьниками воспитанницъ училища. Время этихъ занятій раздѣлялось на три урока, по полчаса каждый, съ промежутками между каждыми двумя уроками въ четверть часа. Каждый урокъ, утромъ и послѣ обѣда, предварялся и заканчивался молитвою, которую учащіеся читали по-очередно.

9) *Практическія занятія воспитанницъ* въ школѣ въ отчетномъ году устроены были слѣдующимъ образомъ: а) Ежедневно по двѣ воспитанницы V класса присутствовали утромъ на всѣхъ урокахъ законоучителя и учительницы, присматриваясь и прислушиваясь къ тому, какъ должно вестись элементарное преподаваніе, и такимъ образомъ готовились къ дѣятельному участію въ преподаваніи по переходѣ въ VI классъ. б) Воспитанницы VI класса, пріучаясь къ управленію школою, ежедневно по двѣ, присутствовали на урокахъ законоучителя и учительницы, помогали имъ въ надзорѣ за учащимися какъ во время уроковъ, такъ и въ промежуткахъ между ними, раздавали дѣтямъ и собирали отъ нихъ учебныя принадлежности и въ классномъ журналѣ записывали содержаніе каждаго урока; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, по очереди, руководили дѣтьми и наблюдали за исполненіемъ заданныхъ имъ самостоятельныхъ работъ въ тѣ часы, когда учительница давала урокъ въ другомъ отдѣленіи. в) Для пріобрѣтенія навыка въ преподаваніи, воспитанницы VI-го класса, въ послѣ-обѣденные часы, отъ 3 до 5-ти по полудни, репетировали съ дѣтьми уроки, преподанные утромъ,

занимаясь каждая съ отдѣльною группою отъ 8 до 10 учащихся: такъ какъ для этихъ занятій воспитанницы VI класса были раздѣлены на шесть группъ, то каждая изъ воспитанницъ участвовала въ этихъ занятіяхъ по разу въ недѣлю. Послѣ Рождественскихъ праздниковъ и до конца учебныхъ занятій въ училищѣ во время послѣ-обѣденныхъ репетиціонныхъ уроковъ воспитанницы VI-го класса, чередуясь между собою, занимались каждая уже съ цѣлымъ отдѣленіемъ школы. г) Вмѣстѣ съ этимъ, начиная со второй недѣли Великаго поста, воспитанницы VI-го класса утромъ давали самостоятельные уроки во всѣхъ отдѣленіяхъ школы по русскому и церковно-славянскому языкамъ и по ариѳметикѣ, для чего, подъ руководствомъ учительницы, предварительно составлялся подробный планъ урока. Каждый изъ этихъ уроковъ, по окончаніи его, разбирался учительницею или завѣдующимъ школою.

10. Во всѣ воскресные и праздничные дни школьники, вмѣстѣ съ учительницею и подъ ея надзоромъ, присутствовали при Богослуженіи въ сосѣдней съ училищемъ кладбищенской церкви, а въ Великій постъ тамъ же говѣли, исповѣдывались и причащались Св. Таинъ.

11. *Годичные экзамены* ученикамъ I и II отдѣленій школы произведены 12 мая коммиссію изъ завѣдующаго школою, законоучителя и учительницы. На основаніи годичныхъ и экзаменскихъ балловъ, *переведены*: изъ I-го отдѣленія во II-е 28 учащихся и изъ II-го отдѣленія въ III-е 12 учащихся; *оставлены на повторительный курсъ* въ I-мъ отдѣленіи 5 учащихся, во II-мъ 9 и въ III-мъ 5.

12. *Испытанія* мальчикамъ *на льготу IV разряда по исполненію воинской повинности* и дѣвочкамъ на право полученія свидѣтельствъ объ окончаніи курса одноклассной церковно-приходской школы произведены были 27 мая коммиссіею изъ члена Епархіальнаго училищнаго Совѣта, протоіерея Тимофея Буткевича, инспектора народныхъ училищъ Харьковскаго уѣзда Г. Еропкина, наблюдателя школы, законоучителя и учительницы. Къ испытаніямъ допущены были 5 мальчиковъ и 2 дѣвочки, и всѣ выдержали экзаменъ очень хорошо, почему и получили надлежащія свидѣтельства.

13. Учебный годъ закончился благодарственнымъ Господу Богу *молебствіемъ*, которое 1 іюня совершилъ законоучитель школы, при чемъ все положенное пѣли, подъ руководствомъ воспитанницы VI класса училища, сами школьники.

14. Изъ учениковъ I отдѣленія школы признаны достойными *награды* книгами 4, изъ II отдѣленія 1 и изъ III отдѣленія 3. Награды эти были розданы предсѣдателемъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, преосвященнымъ Іоанномъ, Епископомъ Сумскимъ, 2 іюня на торжественномъ училищномъ актѣ.

15. Содержалась школа исключительно на средства Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Отъ канцеляріи Харьковской духовной Консисторіи.

Канцелярія Консисторіи сообщаетъ, что членъ Харьковской духовной Консисторіи, протоіерей Андрей Дюковъ, предложеніемъ Его Высокопреосвященства отъ 21 февраля н. г., назначенъ предсѣдателемъ наблюдательной коммиссіи за разборомъ свѣчей Епархіальнаго свѣчнаго завода.

Епархіальныя извѣщенія.

По ходатайству Харьковской Духовной Консисторіи, Его Высокопреосвященствомъ 6 февраля сего года награждены скуфьею, за отлично-усердную службу, священники: Харьковской Крестовоздвиженской церкви Николай *Любарскій*, Предтечевской церкви, сл. Пашковки, Изюмскаго уѣзда, Алексѣй *Поповъ*, Пророко-Ильинской церкви, с. Лозоватаго, того же уѣзда, Михаилъ *Сильванскій*, Троицкой церкви, сл. Гусаровки, того же уѣзда, Аристархъ *Поповъ*, Преображенской церкви, сл. Петровской, того же уѣзда, Веніаминъ *Касьяновъ*, Петро-Павловской церкви, сл. Лимана, того же уѣзда, Өеодоръ *Бородаевъ*, Покровской церкви, с. Жигайловки, Ахтырскаго уѣзда, Григорій *Шебатинскій*, Покровской церкви, сл. Котельвы, того же уѣзда, Георгій *Давидовъ*, Богородичной церкви, сл. Будынки, Лебединскаго уѣзда, Павелъ *Брайловскій*, Успенской церкви, с. Пристайлова, того же уѣзда, Іаковъ *Хорошковъ*, Предтечевской церкви, с. Рябушекъ, того же уѣзда, Поликарпъ *Слюсаревъ*, Александро-Невской церкви, с. Битицы, Сумскаго уѣзда, Димитрій *Василевскій*, Николаевской церкви, сл. Мерефы, Харьковскаго уѣзда, Василій *Любчинскій*, Троицкой церкви, сл. Алексѣевки, Зміевскаго уѣзда, Михаилъ *Ковалевскій*, Архангело-Михаиловской церкви, сл. Тарановки, того же уѣзда, Іоаннъ *Богославскій*, Троицкой церкви сл. Одринки, Валковскаго уѣзда, Николай

Сильванскій, Троицкой церкви, сл. Покровской, Купянскаго уѣзда, Георгій *Лонгиновъ*, Богородичной церкви, сл. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда, Митрофанъ *Иваницкій*, Николаевской церкви, сл. Николаевки 1-й, Волчанскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Платоновъ* и Покровской церкви, с. Василенкова, того же уѣзда, Ѳеодоръ *Якубовичъ*.

— Священники: Митрофаніевской церкви сл. Нижне-Русскаго Бишкина, Зміевскаго уѣзда, Василій *Протопоповъ*, Троицкой церкви, сл. Чернокаменки, того же уѣзда, Іоаннъ *Невпрягинъ*, Троицкой церкви сл. Бурлея Евгеній *Григоревичъ*, Троицкой церкви сл. Охочей Николай *Согинъ* и Воскресенской церкви сл. Булацеловки, того же уѣзда, Димитрій *Данилевскій*, за усердную службу Его Высокопреосвященствомъ награждены набедренниками.

— Священники церквей: сл. Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Ковалевскій* и сл. Титаровки, того же уѣзда, Антоній *Макаровскій*, за благоустройство храмовъ Божіихъ и труды въ церковно-приходскихъ школахъ, награждены Его Высокопреосвященствомъ набедренникомъ.

— Священникъ церкви сл. Свято-Димитріевки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Мантулинъ*, утвержденъ депутатомъ для производства слѣдствій.

— Священникъ Сумской Николаевской церкви, Симеонъ *Недѣлька*, утвержденъ законоучителемъ Сумской воскресной женской школы.

— На праздное священническое мѣсто при Покровской церкви, г. Чугуева, 3 марта с. г. опредѣленъ студентъ Харьковской Духовной Семинаріи Ѳеофанъ *Дейнеховскій*.

— Священникъ Рождество Богородичной церкви сл. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, Тимоѳей *Ѳоминъ*, по резолюціи Его Высокопреосвященства 7 марта с. г. перемѣщенъ къ Воскресенской церкви сл. Булацеловки, Зміевскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Сергій *Могилянскій*, 22 февраля с. г., согласно прошенію, опредѣленъ на мѣсто священника къ Покровской церкви сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, псаломщикъ Іоанно-Предтеченской церкви с. Луки, Сумскаго уѣзда, Василій *Крыжановскій*, опредѣленъ на праздное священническое мѣсто къ Іоанно-Богословской церкви, с. Большой Чернетчины, того же уѣзда.

— Опредѣленный 14 января н. г. на священническое мѣсто къ Успенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда, надзиратель Сумскаго духовнаго училища Сергій *Посельскій* 19 февраля рукоположенъ въ санъ священника.

— Священникъ Успенской церкви сл. Дементѣевки, Харьковскаго уѣзда, Василій *Сукачевъ*, по прошенію перемѣщенъ въ сл. Ольшану, того же

уѣзда, къ Николаевской церкви, на мѣсто умершаго священника Василія *Любицкаго*.

— Священникъ Харьковской Свято-Духовской церкви Іоаннъ *Веніаминовъ*, переведенъ на службу въ С.-Петербургскую епархію.

— Священникъ Преображенской церкви сл. Преображенской, Зміевскаго уѣзда, Николай *Шосте*, переведенъ къ Харьковской Свято-Духовской церкви.

— Протоіерей кладбищенской Петро-Павловской г. Сумъ церкви Георгій *Рыжевскій*, уволенъ за штатъ.

— Священникъ села Ракитнаго, Валковскаго уѣзда, Архангело-Михайловской церкви, Алексѣй *Новомірскій*, удаленъ отъ занимаемаго имъ мѣста съ низведеніемъ въ причетники, а на его мѣсто въ с. Ракитное переведенъ священникъ Воскресенской церкви сл. Булацеловки, Зміевскаго уѣзда, Димитрій *Данилевскій*.

— Священникъ Вознесенской церкви г. Золочева, Василій *Владыковъ*, удаленъ отъ занимаемаго имъ мѣста.

— Протоіерей Соборно-Покровской церкви г. Чугуева, Алексѣй *Сильванскій*, 1 марта с. г., волею Божіею, умеръ.

— Діаконъ церкви сл. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, Михаилъ *Колосовскій*, опредѣленъ на вновь открытое священническое мѣсто при церкви сл. Хатней того же уѣзда.

— Опредѣленный 27 января н. г. на діаконское мѣсто къ Димитріевской церкви с. Рясного, Ахтырскаго уѣзда, бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи, Димитрій *Кириченко*, 19 февраля рукоположенъ въ санъ діакона.

— Псаломщикъ-діаконъ Успенской церкви сл. Соколова, Зміевскаго уѣзда, Илія *Василевскій*, согласно прошенію, 13 марта с. г. перемѣщенъ на вновь открывшееся мѣсто при Константино-Еленинской церкви сл. Константиновки, Богодуховскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ 2 класса Харьковской Духовной Семинаріи Николай *Ѳедоровскій*, согласно прошенію, 5 марта с. г. опредѣленъ на мѣсто псаломщика къ Преображенской церкви сл. Колонтаева, Богодуховскаго уѣзда.

— Сынъ умершаго діакона, Виталій *Крыжановскій*, опредѣленъ псаломщикомъ къ Іоанно-Предтечевской церкви с. Луки, Сумскаго уѣзда.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Васильевской церкви с. Солдатскаго, Богодуховскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ псаломщика Павелъ *Карапановъ*.

— Священническій сынъ, Антоній *Филевскій*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви сл. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда.

— Бывшій псаломщикъ, Сергій *Квитковскій*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви сл. Великотской, Старобѣльскаго уѣзда, а псалом-

щикъ сей церкви, Василій *Соболевъ*, переведенъ къ Успенской церкви сл. Соколова, Зміевскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Васильевской церкви с. Солдатскаго, Богодуховскаго уѣзда, Аѳанасій *Фальченко*, 25 февраля н. г., волею Божіей, умеръ.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Александро-Невской церкви сл. Песчаной, Купянскаго уѣзда, крест. Андрей *Самойловъ*; къ Митрофаніевской церкви сл. Нижне-Русскаго Бишкина, Зміевскаго уѣзда, крест. Иванъ *Хардиковъ*; къ кладбищенской Всѣхсвятской г. Ахтырки церкви, мѣщ. Иванъ *Ѳоменко;* къ Пророко-Ильинской церкви с. Ульяновки, Сумскаго уѣзда, крест. Михаилъ *Середа;* къ Успенской церкви с. Климовки, Сумскаго уѣзда, крест. Савва *Кальченко*; къ Іоанно-Богословской церкви с. Янкова Рога, Ахтырскаго уѣзда, крест. Тимоѳей *Кривошей*; къ Рождество-Богородичной церкви с. Черкасскихъ Тишковъ, Харьковскаго уѣзда, крест. Иванъ *Кириленко*; къ Николаевской церкви сл. Липецъ, Харьковскаго уѣзда, крест. Пантелеимонъ *Мисевра*, и къ Спиридоновской церкви, при Клеменовской богадѣльнѣ, дворян. Алексѣй *Тихоновъ*.

Вакантныя мѣста.

Священническія.

При Р.-Богородичной церкви сл. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.
» Преображенской » » Преображенской, Зміевскаго уѣзда.
» Вознесенской » з. г. Золочева, Харьковскаго уѣзда.
» Николаевской » с. Семеренекъ, Ахтырскаго уѣзда.

Діаконскія.

При Димитріевской церкви с. Моначиновки, Купянскаго уѣзда.
» Покровской » » Большой Бабки, Волчанскаго уѣзда.
» Р.-Богородичной » » Низшей-Верхосулки, Лебединскаго уѣзда.
» Покровской » » Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда.
» Троицкой » » Малой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда.
» Преображенской » » Преображенскаго, Изюмскаго уѣзда.

Псаломщицкія.

При Сорокомученической церкви с. Мирнаго, Богодуховскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Первое служеніе новаго вселенскаго патріарха въ Царьградѣ.—Отношеніе американскихъ старокатоликовъ къ православію.—Столѣтіе православной епископской каѳедры.—Совершеніе богослуженія на инородческихъ языкахъ.—О побужденіяхъ принятія евреями христіанства.—Распространеніе Св. Писанія въ Россіи.—Епархіальные книжные склады религіозно-нравственныхъ изданій.—Передача Московскаго Архангельскаго собора изъ епархіальнаго въ придворное вѣдомство.—Некрологъ.

«Цер. Вѣстнику» пишутъ изъ Константинополя, что черезъ недѣлю, по прибытіи туда, вновь избранный патріархъ вселенскій Анѳимъ VII принималъ всѣхъ членовъ русскаго посольскаго духовенства, причемъ святѣйшій патріархъ каждаго благословилъ, облобызалъ и каждому сказалъ нѣсколькихъ теплыхъ задушевныхъ словъ. Въ воскресенье, 19 февраля, въ недѣлю православія былъ день перваго служенія святѣйшаго патріарха. Церковь патріархіи и дворъ патріаршаго дома съ самаго ранняго утра до тѣсноты наполнились народомъ. Около 9 часовъ утра началась литургія. Для совершенія ея прибылъ изъ своихъ покоевъ въ храмъ патріархъ уже вполнѣ облаченнымъ. Ему сослужили митрополиты: кесарійскій, кизическій, никомидійскій, ѳессалоникскій, брусскій, ѳносскій, миѳиленскій, варненскій, елассонскій, диррахійскій и велеградскій, два архимандрита, архидіаконъ и три діакона. До евангелія литургія прошла своимъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ чтенія св. евангелія патріархъ взошелъ на свое патріаршее мѣсто и оттуда произнесъ проповѣдь, содержаніе которой основывалось на прочитанномъ евангеліи. Эта проповѣдь, сопровождающая собою чтеніе евангелія, является здѣсь нововведеніемъ или вѣрнѣе сказать возобновленіемъ древняго обычая. До настоящаго времени послѣ чтенія евангелія патріархъ благословлялъ народъ, а хоръ пѣлъ ему εις πολλὰ ἔτη Δέσποτα. Новый патріархъ нашелъ болѣе умѣстнымъ прежде пѣнія «исполла» говорить поученіе. Такимъ образомъ, «исполла» служитъ уже отвѣтомъ на рѣчь патріарха и какъ бы выраженіемъ благодарности за рѣчь его. Въ паратроніи (стасидія возлѣ патріаршаго трона съ правой стороны) стоялъ въ парадной формѣ архонтъ великій логоѳетъ Ставраки-бей-Аристархъ. Онъ произнесъ по узаконенному порядку въ свое время символъ вѣры и молитву Господню и въ обычное для мірянъ время пріобщился св. таинъ. По окончаніи литургіи святѣйшій патріархъ съ посохомъ въ рукѣ отправился черезъ дворъ въ свои покои, не разоблачаясь въ храмѣ. Народъ съ великимъ воодушевленіемъ кричалъ ему ζήτω. Святѣйшаго патріарха посѣтилъ въ этотъ день по

окончаніи литургіи россійскій Императорскій посолъ въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ и директоръ здѣшняго русскаго археологическаго института профессоръ Ѳ. И. Успенскій, бывшіе въ храмѣ во время литургіи.

— Въ оффиціальномъ органѣ американскихъ старокатоликовъ «Старокатоликъ» («The Old Catholic») помѣщена весьма интересная статья о „предуказанной провидѣніемъ миссіи православной церкви". Беря за точку отправленія для своихъ разсужденій изреченіе псалмопѣвца: «преславная глаголашася о тебѣ граде Божій» (Псал. LXXXVI, 3), авторъ выдвигаетъ далѣе принципъ, что истинная церковь должна быть въ непрерывной связи съ Христомъ, Своимъ Основателемъ. Ни латинство, ни всѣ протестантско-реформатскія общества не удовлетворяютъ этому требованію, поелику первое допустило и допускаетъ множество догматическихъ новшествъ, а вторыя прервали нить общенія съ первохристіанскою древностію. Только православіе удержалось въ неизмѣнности. „За это его тяжко укоряютъ и римско-католики и реформаты. По ихъ словамъ, восточная церковь безжизненна. Она будто бы воспроизводитъ первичную церковь въ точности, но въ ископаемомъ состояніи, и потому подобна мухѣ, хорошо сохранившейся въ кускѣ прозрачнаго янтаря. На самомъ же дѣлѣ эта неизмѣнность не только не служитъ къ ея порицанію, но напротивъ и составляетъ драгоцѣнный камень въ ея коронѣ; это—печать ея божественнаго и славнаго происхожденія. Куда бы мы ни обратились—съ одного конца обширной русской имперіи на другой, въ Грузію, Боснію, Румынію, Герцеговину, Грецію или въ страны, доселѣ пребывающія подъ тяжелымъ давленіемъ мусульманскаго правленія, туда, гдѣ она работаетъ при общественномъ стѣсненіи и нерасположеніи, или гдѣ пользуется спеціальною поддержкой и покровительствомъ мѣстной власти,—вездѣ православная церковь представляется строго единою во всемъ, что касается вѣры. И это потому, что эти христіане, не признавая надъ собою земнаго духовнаго главы и разобщенные правительственно и пространственно, тѣсно сплачиваются между собою въ догматахъ, опредѣленныхъ семью вселенскими соборами еще прежде римской схизмы.... И кто знаетъ, можетъ быть, православной церкви божественнымъ Промысломъ и предназначено сообщить истинную и чистую религію нашей молодой націи, стремящейся достигнуть мира и истины... Въ православной церкви догматическое поле ограждено и не до-

пускаетъ расширеній; все въ ней установлено и опредѣлено разъ на всегда, — и пространство, отведенное свободному обсужденію, обширнѣе и менѣе поддается съуженіямъ. Такая свобода духа есть безспорный источникъ прогресса. Въ будущемъ, при благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, восточные христіане, конечно, извлекутъ всю пользу изъ этой богословской пространности при условіи непоколебимой привязанности къ семи соборамъ. Такимъ образомъ и то, что въ прошломъ считалось причиною или знакомъ низменности, въ дѣйствительности окажется превосходствомъ. Когда вѣра опредѣлена и неизмѣнна,—горизонтъ, открытый свободной мысли и точному истолкованію, бываетъ всегда болѣе обширенъ. По сему православная церковь предлагаетъ намъ свѣтъ первоначальнаго христіанства и свободу. Затѣмъ, духовное главенство римскихъ первосвященниковъ, по общему сужденію выдающихся государственныхъ мужей за всю христіанскую эпоху, враждебно гражданской власти, какъ это доказываетъ и безпристрастное мнѣніе Гладстона... Не то въ восточной церкви. Покорная слову Своего Учителя: «воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божія Богови» (Матѳ. XXII, 21),—она свободно прививается при всякихъ правленіяхъ, будетъ ли это самодержавная монархія Россіи, блистательная Порта Турціи, ограниченная монархія Греціи, протекторатъ Босніи и Герцеговины, или деспотизмъ Египта и Персіи. При такой своей приспособительности она наиболѣе способна исполнить свою миссію въ свободной республикѣ, подобной нашей. Іисусъ Христосъ есть единственный ея Глава и Владыка. Она отвергаетъ непогрѣшимаго земнаго намѣстника (Христова), и потому именно ея единство остается неприкосновеннымъ. Православный подданный японскаго микадо и алеутъ, подчиненный Соединеннымъ Штатамъ, православный египтянинъ и якутъ изъ нѣдръ Сибири—всѣ они вѣруютъ одинаково и фактически находятся въ неразрывномъ единствѣ. Иностранцы иногда изображаютъ (русскаго) Царя главою церкви и въ родѣ національнаго папы. Это совершенно ложно. Если когда-либо онъ и представляется главою русской церкви, это относится исключительно къ ея управленію, ибо въ предметахъ вѣры онъ на ряду со всѣми молится о Христѣ. Въ русскихъ катихизисахъ онъ иногда называется защитникомъ и покровителемъ церкви,—и это вполнѣ точно выражаетъ его положеніе. Внутри храма Божія самъ Царь отдаетъ почтеніе и простому сельскому священнику. Какъ старокатолики—мы чтимъ ее, какъ изслѣдующіе—признаемъ церковь Христову (въ ея неприко-

сновенности) во святой восточной православной церкви. Чадъ ея мы именуемъ блаженными и въ этой юдоли плача обращаемъ къ ней напряженные взоры, какъ къ образцу. Она лишь способна сообщить свѣтъ, истину и свободу, въ чемъ—въ религіозномъ отношеніи—столь нуждаются и наша страна и нашъ вѣкъ".

Эти рѣчи говорятъ сами за себя и не требуютъ комментаріевъ. Но любопытно отмѣтить твердость и трезвость взгляда сѣвероамериканскихъ старокатоликовъ на православіе, которое нынѣ подвергается упорнымъ нареканіямъ и отъ чужихъ и даже отъ своихъ... Все это даетъ опору для свѣтлыхъ надеждъ касательно заокеанскихъ старокатоликовъ—особенно, если принять во вниманіе энергическую мудрость теперешней нашей сѣвероамериканской православной миссіи. Она никого не тянетъ насильственно и съ давленіемъ на совѣсть, но всегда готова открыть свои объятія для духа праваго и сердца сокрушеннаго... Будемъ вѣрить, что все это найдется, по крайней мѣрѣ, у американскихъ старокатоликовъ! «Цер. Вѣст.».

— Въ 1895 году исполнится столѣтіе существованія православной святительской каѳедры въ Подоліи, такъ какъ епархія открыта 12-го апрѣля 1795 года, а 13-го мая того же года хиротонисанъ во епископа подольскаго настоятель донского монастыря архимандритъ Іоанникій. Святѣйшій Сѵнодъ разрѣшилъ почтить 13 и 14 мая сего года въ церквахъ и духовно-учебныхъ заведеніяхъ подольской епархіи столѣтіе существованія православной святительской каѳедры въ Подоліи особымъ церковнымъ торжествомъ. Въ виду разрѣшенія Св. Сѵнодомъ праздновать 13—14 мая столѣтіе открытія православной епархіи въ Подоліи, благочиннымъ предписано озаботиться приличнымъ празднованіемъ знаменательнаго для подольской епархіи событія. 13-го мая должны быть совершены въ приходскихъ церквахъ подольской епархіи заупокойныя литургіи, а затѣмъ—на кладбищахъ или на церковныхъ погостахъ (гдѣ покоятся усопшіе священники извѣстной церкви) отправлены панихиды по Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II, Государяхъ Императорахъ: Павлѣ I, Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III, по въ Бозѣ почившихъ архипастыряхъ Подоліи, а также по всѣхъ священнослужителяхъ (умершихъ въ православіи съ 1795 г.) каждаго прихода и о благотворителяхъ приходскихъ церквей. 14-го мая, въ воскресный день, во всѣхъ церквахъ должно быть совершено торжественное богослуженіе (литургія, а послѣ оной—благодарственное молебствіе внѣ храма). Къ участію въ празднованіи 13 и 14 мая слѣдуетъ привлечь и учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ. 15-го

мая, день священнаго коронованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича, призвавшаго православное духовенство къ просвѣщенію народа чрезъ возстановленіе церковно-приходскихъ школъ, слѣдуетъ почтить совершеніемъ панихидъ по Государѣ Императорѣ Александрѣ III въ зданіяхъ церковно-приходскихъ школъ, въ присутствіи учащихъ и учащихся. Законоучители почтятъ память Царя-Миротворца, благодѣтеля и покровителя народнаго образованія, соотвѣтствующими проповѣдями. Разрѣшается 14 мая совершать крестные ходы изъ нѣсколькихъ церквей въ одну болѣе центральную или чѣмъ либо особенно замѣчательную по историческимъ воспоминаніямъ, что слѣдуетъ сдѣлать по предварительному соглашенію окружнаго духовенства на благочинническомъ совѣтѣ. Вмѣстѣ съ этимъ предписано, чтобы благочинные на предварительномъ собраніи окружнаго духовенства обязали болѣе состоятельныя церкви (въ которыхъ за покрытіемъ всѣхъ расходовъ остается денежныхъ остатковъ свыше ста руб.) пріобрѣсть парадныя одноцвѣтныя золотистой парчи облаченія, съ коими священники (по выбору окружнаго духовенства) могутъ являться въ Каменецъ для участія въ въ торжествахъ 14 мая.

— Сравнительно рѣдкіе прежде случаи совершенія богослуженія на инородческихъ нарѣчіяхъ становятся нынѣ гораздо менѣе рѣдкими, такъ что является возможность отъ времени до времени слушать богослуженіе на родномъ языкѣ многимъ изъ инородцевъ, которымъ дотолѣ этого совсѣмъ не выпадало на долю. Однако и нынѣ потребность въ такомъ богослуженіи чувствуется большая, и каждая служба на родномъ языкѣ поистинѣ составляетъ событіе величайшей важности для православнаго инородца, имѣвшаго возможность присутствовать при немъ. Вотъ что пишетъ священникъ полоцкой епархіи, І. Ж., которому епархіяльнымъ преосвященнымъ поручено было въ прошломъ январѣ совершить богослуженіе для православныхъ латышей въ Зябсковской церкви, дриссенскаго уѣзда, и Бѣльской церкви, полоцкаго уѣзда. „Въ Зябсковской церкви къ богослуженію собрались латыши, проживающіе въ районѣ означенной церкви, числомъ двѣнадцать. Часы предъ литургіей прочитаны были по-латышски женщиной латышкой. За обѣдней пѣснопѣнія исполнялись по-латышски и по-русски. Поученіе произнесено на тему о необходимости хранить свою православную вѣру. Все, касающееся священника, выполнялось по-латышски. По окончаніи богослуженія, православными латышами выражено было желаніе, чтобы и впередъ не оставлять ихъ безъ богослуженія на

ихъ родномъ языкѣ: «долгіе годы жили мы здѣсь, говорили онѣ, и не слыхали богослуженія на родномъ языкѣ». Просили при этомъ снабдить ихъ латышскими молитвословами, но послѣднихъ, къ сожалѣнію, у священника не было. Въ Бѣльской церкви къ богослуженію, назначенному на 27 января, не смотря на будній день и сильный морозъ, богомольцевъ-латышей собралось болѣе 50 человѣкъ. Кромѣ того въ церкви было не мало латышей лютеранъ. Все богослуженіе отъ начала и до конца исполнено было по-латышски. Часы предъ литургіей и апостолъ прочитаны были учителемъ латышской школы. Пѣснопѣнія пѣлись народомъ, бывшимъ въ храмѣ. Поученіе сказано на тему: нельзя дѣтей лишать таинства св. причащенія. Нельзя не упомянуть о религіозномъ восторгѣ, охватившемъ присутствовавшихъ при богослуженіи православныхъ латышей. Просили пріѣзжать для службы и на будущее время. Нѣкоторые изъ богомольцевъ прибыли изъ-за Полоцка, отстоящаго отъ Бѣльской церкви на 17 верстъ".

— Нѣкоторые радуются учащающимся случаямъ крещенія евреевъ, будучи искренно убѣждены, что это дѣло чистое, но ихъ радость, по мнѣнію «Церк. Вѣст.», свидѣтельствуетъ только объ ихъ душевной простотѣ и о томъ, что они не знаютъ еврейской натуры. Для такихъ оптимистовъ не лишено будетъ поучительности свѣдѣніе о результатахъ опыта, сдѣланнаго въ Вильнѣ. Тамъ въ послѣдніе годы обнаружился чрезвычайно сильный приливъ евреевъ, ищущихъ крещенія. Виленское Свято-Духовское братство подвергло этотъ фактъ тщательному разслѣдованію и пришло къ тому выводу, что отъ желающихъ креститься необходимо требовать испытанія ихъ убѣжденій, ихъ документы, справки о прошломъ, а главное—нужно поставить ихъ въ извѣстность, что на матеріальную помощь и на дозволеніе жить въ столицахъ они разсчитывать не могутъ. Когда это все было выполнено, то приливъ ищущихъ крещенія евреевъ значительно ослабѣлъ. «Литовскія Епарх. Вѣдомости», извѣщающія объ этомъ фактѣ, равно какъ и о томъ, что все же въ Вильну стекаются изъ разныхъ мѣстечекъ и деревень евреи, которые, „не изучивъ какъ слѣдуетъ молитвъ и катихизиса въ главныхъ основаніяхъ, весьма торопятся креститься, прибѣгая для сего къ разнаго рода выдумкамъ и иногда пользуясь вліяніемъ постороннихъ лицъ", обращаются къ сельскому духовенству съ просьбой не направлять евреевъ въ Вильну, а подготовлять ихъ къ крещенію на мѣстѣ, потому что предположенія, что въ Вильнѣ „скорѣе обучатъ молитвамъ, скорѣе крестятъ, пріищутъ хорошихъ воспріемниковъ, снабдятъ пособіями и пристроятъ къ мѣстамъ и т.

п."—неосновательны, а между тѣмъ условія жизни неблагопріятны „для нравственности пришельцевъ и для приготовленія ихъ къ крещенію; не спасаютъ отъ увлеченій и стѣны монастырей, и только начальствующимъ въ послѣднихъ извѣстно, какъ много нужно имѣть осмотрительности, умѣнья и надзора чтобы удержать пришельцевъ отъ той нравственной расшатанности, съ какою иногда появляется туда еврейство, ищущее крещенія".

— Уже болѣе тридцати лѣтъ существуетъ симпатичное общество распространенія св. Писанія въ Россіи, образовавшееся изъ небольшаго частнаго дружескаго кружка. Развиваясь постепенно при незначительныхъ средствахъ, оно въ настоящее время при помощи своихъ энергичныхъ дѣятелей-книгоношъ, самоотверженно служащихъ святому дѣлу, распространило свою благотворную дѣятельность на всю Россію до самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ. Съ 1863 г. распространено было 1.588,413 экзем. книгъ св. Писанія по городамъ и селамъ какъ европейской, такъ и азіатской Россіи. Какъ видно изъ отчета за 1893 годъ, этотъ годъ былъ особенно благопріятенъ для общества. Въ приходѣ было 44,824 р. 32 коп., израсходовано 44,316 р. 46 к., въ остаткѣ 507 р. 86 к. Св. книгъ распространено было 74,053 экземпляр., въ томъ числѣ подарено 1,734 экз. въ школы, тюрьмы, богадѣльни, больницы и бѣднымъ людямъ. Изъ этого видно, что, не смотря на тринадцатилѣтнюю дѣятельность общества, оно и до сихъ поръ не имѣетъ еще достаточныхъ средствъ для болѣе успѣшнаго веденія своего дѣла. Для такого важнаго дѣла, какъ распространеніе св. Писанія, необходимы особыя широкія мѣропріятія и болѣе значительныя средства. Въ среднемъ ежегодно распространяется обществомъ около 53,000 экз. Нельзя сказать, чтобы эта цифра была велика для многомилліоннаго населенія Россіи. Священное Писаніе такъ мало распространено въ народѣ, что многіе никогда еще ни слыхали о немъ, не знаютъ не только содержанія, но и названія св. книгъ. Можно сказать, что милліоны русскаго народа находятся въ совершенномъ невѣдѣніи того, что есть на свѣтѣ книги, знаніе которыхъ обязательно для каждаго православнаго христіанина и что книги эти теперь доступны каждому. Въ народѣ существуетъ даже какое-то странное предубѣжденіе противъ Библіи; многіе крестьяне думаютъ, что отъ чтенія ея люди сходятъ съ ума и потому относятся къ св. книгѣ съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ. А между тѣмъ можно быть увѣреннымъ, что если бы каждый сельскій священникъ хорошенько разъяснялъ необходимость и значеніе книгъ св. Писанія, то они гораздо успѣшнѣе распространялись бы въ на-

родѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ показанія книгоношъ. Единогласно утверждаютъ, что стоитъ только сдѣлать нѣсколько объясненій относительно содержаніемъ той или другой святой книги, какъ она уже покупается нерѣдко на послѣднія деньги какимъ-либо рабочимъ или солдатомъ, который сначала рѣшительно отказывался отъ такой необычной покупки. Въ отчетѣ приведено довольно много подобныхъ примѣровъ. Особенно поразительны примѣры необыкновеннаго дѣйствія Слова Божія на души простыхъ людей. Книгоноши разсказываютъ, что люди, сначала упорно отказывающіеся отъ пріобрѣтенія священныхъ книгъ по незнакомству съ ними, убѣжденные какимъ-нибудь текстомъ охотно пріобрѣтали ихъ и примѣръ однихъ благотворно дѣйствовалъ на другихъ, и часто бывало, что гдѣ, повидимому, не представлялось ни малѣйшей возможности продать ни одной книги, продовалась вся сумка, и сначала встрѣченный грубо книгоноша провожался съ лаской и благопожеланіями. Случалось, что купившіе Новый Завѣтъ или Библію, при новой встрѣчѣ съ книгоношей, не знали какъ его благодарить и старались всячески ему услужить, какъ человѣку, доставившему небывалое счастіе. Нерѣдко бывало, что, увлеченные добрымъ примѣромъ, рабочіе пріобрѣтали книги не только для себя, но и для своихъ родныхъ, такъ что въ нѣсколько часовъ книгоноша продавалъ рублей на 20—25.

— Для облегченія жителямъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ и сельскимъ прихожанамъ возможности пріобрѣтать полезныя и недорого стоющія религіозно-нравственныя изданія открываются въ епархіяхъ новыя книжные склады. Не такъ давно самарское Алексѣевское братство открыло въ Самарѣ, въ пожертвованномъ покойнымъ священникомъ П. М. Колярскимъ домѣ, центральный книжный складъ. Въ складъ братства поступило уже значительное количество книгъ, которыя назначены въ продажу. По постановленію совѣта братства, цѣна всѣмъ книгамъ назначена номинальная, т. е., та самая, которая обозначена на книгахъ. Расходы по пересылкѣ книгъ изъ городовъ, откуда онѣ выписывались, и въ тѣ города, куда онѣ отсылаются, братство принимаетъ на свой счетъ. Такой порядокъ представляетъ свои выгоды для покупателей: книгу, за которую приходилось переплачивать 30—40 коп. на рубль, покупатель имѣетъ за дѣйствительную ея стоимость. Кромѣ того, имѣя въ виду, что обыкновенному покупателю чаще всего приходится при выпискѣ книгъ, руководиться рекламами издателей, братство озаботилось составленіемъ списка книгъ полезныхъ для духовенства и народа и по цѣнѣ недорогихъ. «Цер. Вѣст.».

— Архангельскій соборъ въ Москвѣ служитъ усыпальницею для предковъ нынѣ благополучно царствующей Императорской Фамиліи, въ преемственной послѣдовательности отъ Великаго Князя Іоанна Даниловича до Царя Іоанна Алексѣевича; здѣсь погребенъ и Императоръ Петръ II Алексѣевичъ. Въ этомъ же храмѣ почиваютъ мощи царственнаго отрока Димитрія и Великаго Князя Михаила Черниговскаго. Такое высокое историческое и для Царствующаго Дома фамильное значеніе этого древняго храма обязываетъ къ особо тщательному за нимъ смотрѣнію. Между тѣмъ, Архангельскій соборъ, состоявшій въ послѣднее время въ епархіальномъ вѣдомствѣ, пользовался слишкомъ скудными средствами и не могъ быть сохраняемъ въ благоустроенномъ видѣ; съ большимъ трудомъ удавалось епархіальному начальству пріискивать даже старосту къ собору. Вслѣдствіе этого, соборъ пришелъ въ крайне неудовлетворительное состояніе, причемъ, по недостатку досмотра, въ немъ были устроены деревянныя приспособленія, сдѣлавшіяся въ 1893 году причиною пожара, грозившаго опасностью всему храму. Въ виду этого, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 12-го марта 1893 года, выражено было предположеніе, что соборъ этотъ, по примѣру Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ, слѣдовало бы передать въ придворное вѣдомство, на что послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: „Конечно, это было бы всего лучше“. Во исполненіе Высочайшей воли, было сдѣлано сношеніе съ министромъ Императорскаго Двора объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на передачу Архангельскаго собора въ Москвѣ, по примѣру Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ, съ состоящимъ при немъ штатомъ причта и со всѣмъ имуществомъ, изъ епархіальнаго въ придворное вѣдомство, съ перечисленіемъ при этомъ въ смѣту этого вѣдомства изъ финансовой смѣты Св. Синода суммъ, ассигнуемыхъ изъ казны на содержаніе собора и на жалованье состоящему при немъ причту. На это министръ Императорскаго Двора сообщилъ, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть: 1) Архангельскій соборъ въ Москвѣ передать изъ епархіальнаго въ придворное вѣдомство со всѣмъ принадлежащимъ ему имуществомъ и капиталомъ и 2) причтъ собора причислить къ составу придворнаго духовенства и производить содержаніе въ сравненіи съ духовенствомъ московскихъ Благовѣщенскаго и Верхоспасскаго соборовъ.

— 17-го февраля 1895 г. скончался, напутствованный Святыми Тайнами заштатный протоіерей Ново-Водолажской Преображенской церкви,

Петръ Петровичъ Погорѣловъ, на 86 году отъ рожденія. Покойный окончилъ курсъ, съ аттестатомъ студента, въ Харьковскомъ Коллегіумѣ въ 1835 году, и въ этомъ же году рукоположенъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви села Соколова, Змієвскаго уѣзда. Въ 1836 году, по прошенію, онъ переведенъ былъ въ Преображенскую церковь слободы Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда. Онъ состоялъ по назначенію епархіальнаго начальства въ должностяхъ помощника благочиннаго и благочиннаго, проходилъ должность наставника въ Ново-Водолажскомъ приходскомъ училищѣ. По слабости зрѣнія уволившись за штатъ въ 1873 году, покойный жилъ въ Новой Водолагѣ въ собственномъ домѣ до самой смерти, не желая стѣснять своихъ дѣтей, а главнымъ образомъ по расположенію къ уединенію и подвигамъ святой молитвы. Покойный былъ награждаемъ начальствомъ, за примѣрную жизнь и ревностное исполненіе пастырскихъ обязанностей, набедренникомъ, скуфьею и камилавкою, а также имѣлъ бронзовый крестъ въ память войны 1853 года. Послѣднею наградой покойнаго было возведеніе его въ санъ протоіерея незадолго предъ увольненіемъ въ за штатъ. Покойный отличался строгою и воздержною жизнію и пастырское служеніе его вполнѣ было назидательно для прихожанъ и полезно для церкви. Вотъ почему, съ минуты его смерти, начались постоянныя служенія литій, по желанію бывшихъ его прихожанъ, цѣнившихъ его заботы о нихъ. Погребеніе усопшаго было совершено 19 февраля настоятелемъ Покровской церкви села Старой Водолаги, Григоріемъ Дьячковымъ, въ со служеніи пяти священниковъ, трехъ діаконовъ и осьми псаломщиковъ.

— 1-го марта настоящаго года тихо и мирно, напутствованный св. Таинствами—елеосвященіемъ и причащеніемъ—почилъ о Господѣ, на 72 году отъ рожденія, города Чугуева Покровской церкви протоіерей о. Алексѣй Сильванскій. Покойный протоіерей Сильванскій, сынъ священника, по окончаніи курса въ Харьковской Духовной Семинаріи съ степенью студента, былъ рукоположенъ во священники въ 1847 году къ Покровской церкви сл. Ново-Серпухова, Змієвскаго уѣзда; въ 1860 году, по прошенію, переведенъ къ Николаевской церкви сл. Каменной Яруги, того же уѣзда, гдѣ онъ въ продолженіе 19-ти лѣтъ безукоризненно трудился надъ воздѣлываніемъ врученной ему нивы Христовой, доказательствомъ чему служитъ прекрасный устроенный имъ каменный храмъ Божій вмѣсто бывшаго ранѣе маленькаго деревяннаго. Въ 1879 г., по прошенію, онъ былъ переведенъ настоятелемъ Покровской церкви гор. Чугуева, гдѣ Господу Богу угодно было положить и предѣлъ его пастырскаго служенія. Помимо своихъ пастырскихъ обязанностей о. протоіерей Сильванскій проходилъ слѣдующія должности: съ 1864 по 1869 годъ былъ депутатомъ, съ 1869 по 1892 годъ—блюстителемъ по преподаванію Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ и съ 1869 по 1889 годъ—благочиннымъ. За долго-

временное и безукоризненно честное исполненіе своихъ пастырскихъ и служебныхъ обязанностей, протоіерей Сильванскій имѣлъ награды: набедренникъ, скуфью, камилавку, наперстный крестъ и орденъ Св. Анны 3-й степени. Рядъ наградъ о. протоіерея Сильванскаго показываетъ, какъ полезна была его пастырская и служебная дѣятельность. Своимъ кроткимъ и добрымъ характеромъ онъ снискалъ къ себѣ любовь прихожанъ и подчиненнаго ему духовенства, которому онъ былъ начальникомъ 20 лѣтъ. Духовенство округа видѣло въ немъ добраго и любвеобильнаго отца, всегда готоваго дать вразумленія и увѣщанія, и только старческая немочь заставила его оставить свои служебныя обязанности и тихо и безмятежно продолжать свою пастырскую дѣятельность до заката дней своей жизни. Любя своего пастыря, прихожане въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года поднесли о. протоіерею наперстный крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Имѣя многочисленную семью, состоящую изъ 6 членовъ, хотя уже и пристроенныхъ, о. протоіерей всѣ свои средста истощилъ на воспитаніе ихъ, такъ что, умирая, не оставилъ средствъ для погребенія. Погребеніе совершалъ окружный духовникъ протоіерей Илларіоновъ, 8 священниковъ и 3 діакона, при прекрасномъ пѣніи мѣстныхъ пѣвчихъ и многочисленномъ стеченіи прихожанъ и постороннихъ жителей г. Чугуева изъ другихъ приходовъ, пришедшихъ отдать послѣдній долгъ почившему о. Алексѣю.

Миръ праху твоему возлюбленный о Господѣ собратъ, отецъ Алексѣй, 48 лѣтъ неутомимо трудившійся на нивѣ Христовой!

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный Комитетъ по постройкѣ соборнаго храма въ Варшавѣ

симъ объявляетъ, что къ 1-му Января 1895 года оборотъ суммъ, находящихся въ его распоряженіи, былъ слѣдующій: *По приходу*: поступило отъ Св. Синода 32,930 р. 26 к.; поступило отъ Государственнаго Казначейства за 1894 годъ 50,000 р.; поступило отъ добровольныхъ пожертвованій 342,828 р. 45 к.; прочихъ поступленій, а именно: % по истекшимъ купонамъ, прибыли отъ обмѣна % бумагъ и проч. 14,440 р. 72 к. Всего 440,199 р. 43 к.

По расходу: выдано въ вознагражденіе Архитекторамъ за составленіе проектовъ собора 9506 р. 65 к.; выдано на вспомогательныя работы при постройкѣ, а также на устройство торжественной закладки собора 6406 р. 38 к.; вознагражденіе строителю, чертежнику, десятнику, сторожу и на письменныя и чертежныя принадлежности 3890 р. 71 к; уплочено за бутовый камень, цементъ, песокъ, лѣсныя матеріалы, земляныя и каменныя работы 51,065 р. 61 к.; постройка часовни на мѣстѣ сооруженія собора 632 р. 24 к.; дѣлопроизводства Комитета 4935 р. 16 к.; отъ покупки процентныхъ бумагъ, списана разница, за истекшіе купоны и комиссіонныя 4828 р. 19 к. Всего 81,264 р. 94 к. Въ распоряженіи Комитета, на 1 Января 1895 года, находится свободныхъ суммъ 358,934 руб. 49 коп.

Поименные списки жертвователей публикуются въ Варшавскомъ Дневникѣ: Дальнѣйшія пожертвованія могутъ быть направляемы на имя Варшавскаго Генералъ-Губернатора и строительнаго Комитета или сдаваться непосредственно въ мѣстныя Губернскія и Уѣздныя Казначейства.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"

въ 1895 году.

Изданіе журнала **„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"** въ 1895 году, *тридцать шестомъ* съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Обсужденію этихъ явленій посвящаются особыя статьи. 3) Церковно-историческіе разсказы. 4) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Слова, поученія, и преимущественно внѣбогослужебныя чтенія, отличающіяся особенною назидательностію. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ 9) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 10) По возможности документальныя и въ то же время общепонятныя свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ и другихъ сектахъ и разборъ ихъ ученій и обрядовъ. По тому самому, что редакторъ журнала долгое время преподавалъ о западныхъ исповѣданіяхъ въ Московской Духовной Академіи и три раза отправлялся за-границу, чтобы лучше ознакомиться съ ними на мѣстѣ,—на этотъ отдѣлъ будетъ обращено его особенное вниманіе. Къ этому же побуждаетъ и усиленіе сектъ въ нашемъ отечествѣ. 11) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи, мнѣнія донесенія и письма Моск. митрополита Филарета 12) Разныя извѣстія и замѣтки.

Въ дополненіе къ этой основной программѣ, за послѣднее время въ нашемъ журналѣ обращено особое вниманіе на выдающееся служеніе въ Бозѣ почившихъ оптинскаго „старца" іеросхимонаха отца **АМВРОСІЯ** и преосвященнаго **ѲЕОФАНА** затворника. Редакція Душеполезнаго Чтенія полагаетъ, что ихъ жизнь, письма и „статьи" представляютъ вполнѣ авторитетное и самое удобопонятное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи—чтеніе не праздное и тщетное, а отвѣчающее на самые насущные и жизненные вопросы и на всевозможные случаи, по поводу которыхъ русскій народъ обращался и къ батюшкѣ **АМВРОСІЮ**", и къ преосвященному **ѲЕОФАНУ** затворнику за тысячи верстъ изо всѣхъ концовъ Россіи.

Въ нашемъ же журналѣ печатаются и **УРОКИ** благодатной жизни по руководству отца **ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО**

Начиная съ 1891 года въ **„ДУШЕПОЛЕЗНОМЪ ЧТЕНІИ"** помѣщаются время отъ времени, по мѣрѣ надобности, **РИСУНКИ** и **ПОРТРЕТЫ**.

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ" въ 1895 г. по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

При общепонятности журнала и цѣна его общедоступна: за 12 книжекъ, обыкновенно содержащихъ въ себѣ болѣе *ста сорока* печатныхъ листовъ, безъ доставки 3 р. 50 коп. съ доставкой и пересылкой въ Россіи 4 р., за границей 5 р.

На тѣхъ же условіяхъ можно пріобрѣтать полные экземпляры (въ 12 книжекъ) **„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ"** за 1892, 1893 и 1894 годы. Въ нихъ уже много напечатано данныхъ и объ отцѣ Амросіи и о преосвященномъ Ѳеофанѣ и объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ, съ приложеніемъ ихъ портретовъ.

Подписка на **„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"** принимается: въ Москвѣ, въ редакціи (новый домъ церкви святителя Николая, что въ Толмачахъ, рядомъ съ прежнимъ), и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы, въ Петербургѣ у книгопродавца И. Л. Тузова, Гостинный дворъ № 45.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки такъ:

Москва. Въ редакцію журнала **„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"**.

Редакторъ-издатель заслуж. проф. прот. **Дим. Ѳеод. КАСИЦЫНЪ.**

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Апрѣля № 7. 1895 года.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ, по гражданскому вѣдомству, отъ 15 марта 1895 года за № 11, назначается учитель Купянскаго духовнаго училища, надворный совѣтникъ **Малишевскій** помощникомъ смотрителя того-же училища, съ 9 февраля.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Съ 20-го сентября 1894 по 1-е апрѣля 1895 года на устройство зданія для общежитія и актоваго зала въ семинаріи поступило: а) взносовъ отъ церквей Харьковскаго училищнаго округа—4549 р. 51 коп., б) взносовъ отъ причтовъ Харьковской епархіи—5100 руб. и в) пожертвованныхъ отъ церквей 2-го Ахтырскаго и 1-го Купянскаго округовъ—40 р. 20 к.; итого 9689 р. 71 коп., а всего съ прежде поступившими — 74476 р. 9 коп. Увѣдомляя о семъ, Правленіе считаетъ долгомъ выразить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ семинаріи.

Епархіальныя извѣщенія.

Псаломщикъ Георгіевской церкви сл. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, Георгій *Склабинскій* опредѣленъ на діаконское мѣсто къ той же церкви.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Пасха на западѣ.—Интриги іезуитовъ на православномъ востокѣ.—Императорское Православное Палестинское Общество.—Сахалинскіе миссіонеры.—Построеніе церквей-школъ въ Сибири.—Память д. т. с. И. А. Вышнеградскаго.—Труды духовенства по охраненію народнаго здравія.—Отмѣна базаровъ и ярмарокъ въ воскресные дни.—Дѣятельность церковно-приходскихъ попечительствъ.—О церковно-приходской школѣ.—Сочувственное отношеніе земствъ къ церковно-приходскимъ школамъ.—Иконописная мастерская при церковно-приходской школѣ.—Женскія церковно-приходскія школы.—Обученіе рукодѣлью въ женскихъ церковно-приходскихъ школахъ.—Разведеніе садовъ и огородовъ при народныхъ школахъ.—Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній среди населенія.—Съѣздъ дѣятелей по печатному дѣлу.

Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова за границей отпразднованъ въ настоящемъ году западнымъ міромъ одновременно съ православнымъ востокомъ. Но на западѣ, къ сожалѣнію, онъ уже много потерялъ въ своей торжественности. Базаръ житейской суеты своимъ шумомъ почти заглушаетъ торжество церкви. Въ римско-католическихъ странахъ и особенно въ Римѣ праздникъ еще сохраняетъ свою торжественность, хотя она и переходитъ тамъ часто въ бездушную пышность съ театральными эффектами, за которыми мало остается мѣста для истинно-религіозной восторженности; но въ протестанскихъ странахъ Свѣтлое Христово Воскресеніе едва выдѣляется изъ ряда обыкновенныхъ воскресныхъ дней, отъ которыхъ оно отличается развѣ только бо̀льшимъ разнообразіемъ номеровъ въ музыкальной части богослуженія—съ неизбѣжными „пасхальными маршами“, да потугами пасторовъ-проповѣдниковъ сказать прочувственное слово — отъ расшатаннаго полуневѣріемъ сердца. Такое слово конечно не можетъ возгрѣть души истинно-религіознымъ восторгомъ, и потому оно забывается съ выходомъ за порогъ церкви, и будничная суета гордо поднимаетъ свою голову уже на слѣдующій день. Вотъ почему русскіе православные люди, заброшенные судьбою заграницу, всегда съ особенною тоскою вспоминаютъ въ эти дни о своей далекой православной родинѣ, и сколько за это время проливается ими горячихъ слезъ—вѣдомо одному Богу-Сердцевѣдцу. Къ счастью, какъ благодатные оазисы среди жаждущей пустыни, во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ заграничнаго міра есть русскія православныя церкви, въ которыхъ пасха празднуется по русскому православному обряду и обычаю и у настоятелей церквей даже бываетъ общее разговѣнье. И замѣчательно, что эти братскія трапезы часто привлекаютъ даже и тѣхъ изъ нашихъ отщепенцевъ, которые, находясь въ самой Россіи, отнеслись бы съ дерзкимъ высокомѣ-

ріемъ къ самой мысли о разговѣньи (отъ несодержимаго ими поста). Только на чужбинѣ они начинаютъ чувствовать, какой глубокій смыслъ заключается въ православныхъ обрядахъ и обычаяхъ и имъ становится понятнѣе глубокая нравственно-общественная сила Св. Православной церкви.

— Римскій католицизмъ не перестаетъ воинствовать или лучше сказать—сѣять сѣмена раздора и на православномъ востокѣ. Для этого онъ не преминулъ воспользоваться даже недавними выборами вселенскаго патріарха. Какъ извѣстно, на вселенскій престолъ взошелъ достойнѣйшій представитель восточной іерархіи блаженнѣйшій патріархъ Анеимъ VII. Избраніе его, какъ и самое возведеніе на престолъ, совершилось благопристойно и торжественно,—народъ восторженно привѣтствовалъ новаго патріарха и вполнѣ доволенъ избраніемъ. Но не довольны имъ оказались какіе-то темные элементы, которые и распространяютъ на западѣ разныя нелѣпости и небылицы въ лицахъ. Такъ, разсказываютъ, будто бы Анеимъ VII былъ избранъ по какимъ-то финансовымъ соображеніямъ дѣльцовъ Фанара, и избраніемъ его будто бы такъ недоволенъ былъ народъ, что многіе среди встрѣчавшей его толпы вмѣсто радостнаго ζήτω новому патріарху явственно кричали: „да здравствуетъ папа"! Странно только, что этихъ криковъ никто не слышалъ изъ репортеровъ греческихъ газетъ, а подслушали ихъ лишь репортеры французскихъ газетъ „L'Orient" и „Turquie", издающихся въ Константинополѣ. Невольно зараждается сомнѣніе, ужъ не они ли сами надрывались этими криками ad majorem papae gloriam?— Вполнѣ возможно, особенно въ виду того, что Константинополь всегда былъ излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія и дѣятельности сыновъ Лойолы... Мало того, тѣ же газеты далѣе разсказываютъ, что протесты не ограничились криками: „да здравствуетъ папа"! Вслѣдъ затѣмъ будто бы до пятидесяти человѣкъ православныхъ просили аудіенціи у папскаго нунція Бонетти съ цѣлію заявить ему о своемъ желаніи принять римскій католицизмъ. Къ сожалѣнію, добавляютъ газеты, нунцій былъ въ это время боленъ и не могъ исполнить ихъ просьбы, тѣмъ болѣе, что подобныя массовыя обращенія не входятъ-де и въ виды верховнаго первосвященника. „Онъ не стремится истощать восточныя общины,—совершенно напротивъ. Онъ нисколько не заинтересованъ въ умноженіи рядовъ римско-католиковъ на востокѣ, и предпочитаетъ держать своихъ приверженцевъ въ рядахъ православныхъ". Съ послѣднимъ мы вполнѣ согласны, такъ какъ папство издавна привыкло прокла-

дывать дорогу своей пропагандѣ посредствомъ своихъ тайныхъ агентовъ, которыми кишитъ православный востокъ; но не вѣримъ, чтобы въ данномъ случаѣ папство не воспользовалось указаннымъ обстоятельствомъ для того, чтобы протрубить о немъ по всему міру. А между тѣмъ оно ограничивается лишь робкими и неясными намеками на него,—вѣрный знакъ, что самое событіе далеко не изъ такихъ, на которыхъ можно бы обосноваться вполнѣ твердо... Это просто одинъ изъ тѣхъ іезуитскихъ мыльныхъ пузырей, которыми іезуиты издавна любятъ тѣшить святѣйшаго отца... «Цер. Вѣст.»

— Съ благословенія Святѣйшаго Сvнода, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, Императорское Православное Палестинское Общество производило повсемѣстный въ Россіи кружечный сборъ пожертвованій за всѣми церковными богослуженіями Вербнаго Воскресенія—26 сего марта. Палестинское Общество, исключительно существуя лишь этимъ сборомъ, оказываетъ помощь всѣмъ православнымъ пребывающимъ въ Іерусалимѣ и вообще въ Святой Землѣ. Императорское Православное Палестинское Общество, существующее съ 1882 года и состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, за послѣднее время, какъ видно изъ отчета его за прошлый 1894 годъ, развивается съ замѣчательною быстротой. Въ отчетномъ году число членовъ увеличилось на 700 человѣкъ и къ 1 декабря 1894 года достигло двухъ тысячъ. Съ увеличеніемъ числа членовъ увеличились и средства общества и расширилась его дѣятельность, направленная преимущественно къ распространенію въ Россіи свѣдѣній о святыхъ мѣстахъ Востока, къ пособію православнымъ паломникамъ въ эти мѣста, къ учрежденію школъ, больницъ, страннопріимныхъ домовъ и, наконецъ, къ пособію мѣстнымъ жителямъ, церквамъ, монастырямъ, духовенству и проч. Въ настоящее время общество содержитъ очень много разнообразныхъ учрежденій какъ въ Святой землѣ, такъ и на пути въ нее изъ Россіи. Въ Іерусалимѣ имѣются три подворья, Русскій домъ близъ храма Воскресенія, больница, мастерскія и т. д. Подворья общества находятся также въ Назаретѣ, Іерихонѣ и Таганрогѣ. Школъ, существующихъ на средства общества, очень много. Въ Назаретѣ имѣются мужской пансіонъ, образцовая мужская школа, женская школа и амбулаторія. Благодаря обществу, паломники находятъ въ Святой землѣ и на

нути въ нее множество удобствъ, и санитарное состояніе ихъ значительно улучшено; кромѣ того, расходы по пребыванію ихъ въ Святой землѣ доведены до крайняго минимума. Такъ, за кровать въ общей палатѣ взимается всего 3 к. въ сутки; порція щей или супа стоитъ съ хлѣбомъ 6 к., каши—2 к.; бѣднѣйшимъ паломникамъ пища отпускается безплатно. Плата за проѣздъ паломниковъ также уменьшена противъ обычнаго тарифа. Что касается средствъ общества, то они теперь весьма значительны; въ отчетномъ году приходъ выразился въ 254,152 руб. 25 коп., причемъ однихъ пожертвованій поступило 192,521 руб. 86 к. Запасныхъ средствъ у общества имѣется свыше шести сотъ тысячъ руб. Вообще отчетъ Палестинскаго общества производитъ очень отрадное впечатлѣніе.

— По сообщенію «Приамурскихъ Вѣдомостей», нѣкоторые изъ священниковъ острова Сахалина, частью по собственной инищіативѣ, частью по желанію духовнаго начальства, предпринимаютъ поѣздки по стойбищамъ крещенныхъ инородцевъ, съ цѣлью совершенія среди нихъ христіанскихъ требъ. Въ 1893 году двѣ подобныя поѣздки священника Дербинской тюремной церкви дали въ результатѣ: крещеніе 54 младенцевъ и двоихъ взрослыхъ инородцевъ, совершеніе 11 браковъ, отпѣваніе 6 умершихъ и пріобщеніе Св. Таинъ 193 человѣка, не считая дѣтей. Кромѣ религіозно-нравственной пользы, приносимой инородцамъ острова, учащеніе объѣздовъ духовными лицами могло бы оказаться весьма полезнымъ еще и въ этнографическомъ отношеніи, такъ какъ на этихъ духовныхъ лицъ можетъ быть возложена обязанность знакомиться съ нравами и обычаями инородцевъ и собирать о нихъ необходимыя статистическія свѣдѣнія, которыя до настоящаго времени очень бѣдны и часто гадательны. Но поѣздки эти сопряжены съ трудностями и расходами, что можно видѣть изъ слѣдующаго маршрута двухъ вышеупомянутыхъ поѣздокъ священника Дербинской церкви, Попова-Какоулина. Первая его поѣздка отъ селенія Дербинскаго (въ Тымовскомъ округѣ) до поста Тихменевскаго и обратно, въ январѣ 1893 года, совершена была до Онора на тюремныхъ лошадяхъ. Далѣе, за неимѣніемъ торной дороги, пришлось нанимать на собственныя средства пять инородческихъ нартъ. Вторая поѣздка, лѣтомъ того же года, была совершена по рѣкѣ Тыми въ тюремной лодкѣ. Обѣ поѣздки эти продолжались 47 дней, а общее протяженіе пройденнаго пути достигаетъ крупной цифры 1.014 верстъ. Расходы по найму нартъ, проводниковъ, оленей, ло-

довъ, а также на содержаніе въ пути псаломщика, были произведены священникомъ Поповымъ-Какоулинымъ изъ собственныхъ средствъ, такъ какъ изъ казны на разъѣзды священниковъ острова никакихъ суммъ не отпускается. Нельзя не порадоваться, что—въ виду значительной пользы, которую могутъ вообще приносить болѣе частыя поѣздки священниковъ вглубь острова, какъ въ смыслѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія живущихъ тамъ инородцевъ, такъ и въ смыслѣ болѣе близкаго ознакомленія съ ними, главный начальникъ края нашелъ нынѣ необходимымъ возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство о томъ, чтобы священникамъ острова Сахалина на будущее время, при объѣздахъ ими своихъ паствъ, выдавались изъ казны прогонныя и суточныя деньги.

— Нужда въ церквахъ-школахъ особенно настойчиво сказывается въ Сибири, гдѣ такъ мало церквей, при огромныхъ земельныхъ пространствахъ. Въ послѣднее время на это обращено особенное вниманіе епархіальныхъ начальствъ и ревнителей православія и христіанскаго просвѣщенія. Дѣло устроенія въ Сибири церквей-школъ подвигается впередъ. По сообщенію «Моск. Цер. Вѣд»., на разновременно пожертвованные въ теченіе 1894 г. протоіереемъ Іоанномъ Сергіевымъ 1,200 р. на дѣло церковнаго строительства въ Сибири приступлено къ постройкѣ церкви-школы въ селеніи Ново-Рождественскомъ, Такмыковской волости, Тобольской губерніи. На сумму въ 3,000 руб., внесенную на тотъ же предметъ д. с. с. Петровымъ, приступлено къ постройкѣ церкви-школы во имя Благовѣщенія въ пос. Михайловскомъ, Тюкалинскаго округа, той же губерніи. Независимо отъ этого на средства, ассигнованныя по Высочайше утвержденному 23 марта 1894 г. положенію Комитета Сибирской желѣзной дороги, сооружаются нынѣ въ Тобольской губерніи двѣ церкви во имя св. Николая чудотворца: въ селеніи Нагорномъ, Сѣдельниковской волости, Тарскаго округа, и въ поселкѣ Антоніевскомъ Еланской волости, Тюкалинскаго округа, и школа въ поселкѣ Красно-Никольскомъ, той же Еланской волости.

— 25 марта скончался одинъ изъ самыхъ видныхъ и заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей послѣднихъ годовъ, членъ государственнаго совѣта, бывшій министръ финансовъ, дѣйств. тайн. совѣтн. Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій. Покойный, какъ сообщаетъ объ этомъ «Цер. Вѣст.», былъ сынъ сельскаго священника. По окончаніи курса по физико-математическому отдѣленію

бывшаго главнаго педагогическаго института въ 1851 году, онъ послѣдовательно былъ преподавателемъ гимназіи, михайловской артиллерійской академіи и технологическаго института, въ которомъ, съ 1875 года, былъ также директоромъ, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ читать лекціи, привлекавшія многочисленныхъ слушателей. Научная дѣятельность его была весьма плодотворна, и своими трудами по механикѣ онъ обратилъ вниманіе спеціалистовъ и на западѣ. По словамъ одного изъ некрологовъ, покойный не былъ только теоретикомъ, а прилагалъ свои обширныя познанія по технологіи на практикѣ, оказавъ многочисленныя услуги артиллерійскому вѣдомству, а также частнымъ лицамъ при устройствѣ и эксплоатаціи заводовъ и фабрикъ. Занимаясь вопросомъ о профессіональномъ образованіи, онъ выработалъ проектъ нормальнаго промышленнаго образованія въ Россіи, который легъ въ основаніе закона о промышленныхъ школахъ. Въ бытность его министромъ финансовъ, прежніе постоянные дефициты уступили значительнымъ превышеніямъ доходовъ надъ расходами, отечественная промышленность значительно усилилась, такъ какъ министръ придерживался строго-покровительственной политики, было во многомъ преобразовано желѣзно-дорожное дѣло, въ которомъ покойный больше всего обнаружилъ энергіи и знаній. Въ области государственнаго кредита заслуги почившаго предъ Россіею признаются неисчислимыми. Начало болѣзни, сломившей крѣпкій организмъ покойнаго, относится ко времени его управленія министерствомъ финансовъ, когда онъ, не щадя здоровья, всецѣло отдалъ себя дѣлу служенія родной странѣ. Наше духовенство вполнѣ можетъ гордиться тѣмъ, что дало изъ своей среды такого доблестнаго государственнаго дѣятеля. Миръ праху его!

— По имѣющимся въ центральномъ управленіи Св. Сунода свѣдѣніямъ, между сельскимъ духовенствомъ разныхъ епархій есть лица, посвящающія труды свои, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, дѣлу охраненія народнаго здравія. Принявъ это во вниманіе, а также и то, что для успѣха такихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ полезно снабдить ихъ практическимъ руководствомъ для врачеванія, Св. Суподъ постановилъ пріобрѣсти пригодную для этой цѣли, по общедоступности изложенія, книгу врача Дашкевича, подъ заглавіемъ: „Врачебные совѣты", и разослать ее епархіальнымъ преосвященнымъ для раздачи лицамъ сельскаго духовенства, занимающимся врачеваніемъ, какъ видно изъ циркулярнаго отношенія г. Оберъ-Прокурора Св. Сунода на имя епархіальныхъ преосвященныхъ.

— По сообщенію «Кіев. Еп. Вѣд.», Кіевское губернское правленіе опредѣлило: установленныя въ м. Княже-Криницѣ, липовецкаго уѣзда, базары и ярмарки по воскресеньямъ черезъ каждыя двѣ недѣли закрыть, учредивъ ихъ по четвергамъ черезъ каждыя двѣ недѣли, съ тѣмъ, что если въ торговый четвергъ придется праздникъ, то базары и ярмарки должны быть открываемы на слѣдующій будній день.

— Въ западномъ краѣ довольно значительное содѣйствіе укрѣпленію православной вѣры и удовлетворенію духовныхъ нуждъ православныхъ жителей оказываютъ церковно-приходскія попечительства. Такъ, по сообщенію «Цер. Вѣст.», Сосновицкое православное церковно-приходское попечительство въ прошломъ году довело до окончанія въ желательномъ смыслѣ дѣло первостепенной важности для прихода, именно дѣло объ устройствѣ въ Сосновицахъ особаго православнаго кладбища. То-же попечительство продолжало заботиться о церковно-приходской школѣ, ассигнуя достаточныя средства на нужды школы, а также оказывало посильную матеріальную помощь бѣднымъ въ приходѣ православнымъ прихожанамъ, преимущественно дѣтямъ, безплатно раздавало прихожанамъ, преимущественно дѣтямъ, крестики, образки, книжки и брошюры духовно-нравственнаго содержанія. Дѣятельность Лодавнскаго попечительства, въ прошломъ году также направлена была главнымъ образомъ на поддержаніе православной вѣры и русской народности въ приходѣ. Къ той же цѣли стремилось приходское попечительство Александринской въ русскихъ колоніяхъ церкви.

— Едва ли есть у насъ общественный вопросъ, при обсужденіи котораго было бы проявлено столько неискренности и высказано столько лжи, какъ по поводу церковно-приходской школы. Со всякой нетенденціозной и нелицепріятной точки зрѣнія трудно, кажется, и представить себѣ учрежденіе, болѣе невинное и болѣе полезное для просвѣщенія народныхъ массъ, и, тѣмъ не менѣе, печать извѣстнаго лагеря дѣлаетъ все возможное, чтобы дискредитировать его въ глазахъ общества. Не будучи въ состояніи нападать на церковно-приходскую школу открыто и прямо, эта печать дѣлаетъ это обиняками и косвенно, умалчивая о главной, основной и единственной причинѣ своей непріязни къ религіозно-нравственному просвѣщенію народа и лицемѣрно выставляя такіе аргументы противъ церковныхъ школъ, въ которые и сама не вѣритъ. Есть изданія, которыя въ теченіе ряда лѣтъ не помѣстили ни одного добраго слова о безспорно-громадной просвѣтительной

работѣ уже существующихъ школъ, которыя не подѣлились со своими читателями даже хотя бы краткимъ извѣстіемъ о замѣчательной дѣятельности профессора С. А. Рачинскаго на пользу истиннаго народнаго просвѣщенія, и которыя въ то же время заполняютъ свои столбцы всяческими сообщеніями о тѣхъ или другихъ неудачахъ и вообще объ отрицательныхъ сторонахъ церковно-школьнаго дѣла. Однимъ изъ излюбленныхъ аргументовъ, о которыхъ мы только-что упомянули, является періодически воспроизводимая картина, рисующая въ прекрасномъ свѣтѣ свѣтскія школы, и, наоборотъ, въ самомъ неприглядномъ школы церковно-приходскія, причемъ якобы съ сокрушеннымъ сердцемъ выводятся изъ этой картины заключенія: мы де всей душой за церковныя школы, но посмотрите что изъ нихъ выходитъ, и т. д., и т. д. Но, допуская даже, что общій воспитательный и образовательный уровень нынѣ существующей церковно-приходской школы ниже, чѣмъ народной школы свѣтской—чего мы, впрочемъ, отнюдь признать не можемъ, —все же аргументъ этотъ является лишь полемическимъ фокусомъ сомнительнаго свойства: существующія школы обоихъ типовъ потому уже не даютъ права придти къ какимъ-либо рѣшительнымъ заключеніямъ о преимуществахъ той или другой системы, что находятся въ совершенно неодинаковыхъ матеріальныхъ условіяхъ, прежде всего обусловливающихъ успѣхъ всякаго дѣла. Тогда какъ вся масса средствъ, ассигнуемыхъ на народное образованіе земскими учрежденіями и значительная часть суммъ, вносимыхъ на тотъ же предметъ въ государственую смѣту, направляется на свѣтское обученіе, на долю церковно-приходской школы достаются во много кратъ меньшія средства, собираемыя притомъ изъ самыхъ разнообразныхъ и отчасти непостоянныхъ источниковъ. Но если бы даже средства эти и сравнялись когда-нибудь, свѣтская школа и школа церковно-приходская все же остались бы двумя несравнимыми величинами: задача первой, откровенно поставленная—дать нѣкоторыя знанія и умственное развитіе на раціоналистической основѣ; задача второй—прежде всего религіозно-нравственное развитіе и просвѣтленіе Христовымъ ученіемъ той вѣры, которая живетъ въ душѣ каждаго ребенка, и затѣмъ уже сообщеніе нѣкоторыхъ практическихъ знаній или умѣній. Очевидно, это—двѣ совершенно различныя задачи, и если признать, что русская народная школа должна преслѣдовать вторую цѣль, то къ ней есть лишь одинъ путь—образованіе и обученіе при участіи и

подъ руководствомъ духовенства. Что сообщеніе христіанскаго міросозерцанія и любви къ Церкви не можетъ взять на себя свѣтская школа,—этого не отрицаютъ даже и противники церковноприходскихъ школъ, и искренній споръ съ ихъ стороны можетъ быть предъявленъ лишь къ задачамъ начальнаго народнаго образованія; но этого-то спора они всегда и избѣгаютъ, потому, вѣроятно, что въ концѣ концовъ имъ пришлось бы признать что идеалъ, къ которому они стремятся—современная свѣтская школа Франціи, изъ которой религія удалена совершенно. Человѣку, рѣшившемуся посвятить себя медицинѣ нельзя совѣтовать поступить въ технологическій институтъ, потому лишь, что это заведеніе обставлено лучше и даетъ своимъ воспитанникамъ болѣе совершенное техническое образованіе, чѣмъ мѣстный медицинскій факультетъ даетъ образованіе медицинское. Между тѣмъ наши противники церковноприходскихъ школъ поступаютъ именно такъ: они рекомендуютъ для народа свѣтскія школы потому только, что церковно-приходскія оставляютъ желать будто бы многаго. Не явно ли тутъ умышленное затемнѣніе вопроса, вмѣсто его разъясненія? Нѣтъ, если многія церковно-приходскія школы дѣйствительно поставлены неудовлетворительно, то изъ этого, конечно, можетъ быть лишь одинъ выходъ: необходимо исправить ихъ недостатки, привлечь къ нимъ способныхъ дѣятелей и добиться возможнаго совершенства, что не представитъ, разумѣется, никакихъ особыхъ трудностей, такъ какъ ни въ основѣ, ни во внѣшнихъ формахъ церковно-приходской школы нѣтъ ничего практически неосуществимаго, и въ концѣ-концовъ все сводится лишь къ матеріальнымъ средствамъ: дайте средствъ, а на нихъ будетъ не трудно, если не найти немедленно, то въ недолгій срокъ подготовить надлежащій персоналъ дѣятелей церковно-приходской школы, одновременно осуществляя и другую, не менѣе великую, задачу—улучшая положеніе личнаго состава нашего сельскаго духовенства. И за это пора взяться рѣшительно и безъ отлагательства. Вопросъ о всеобщемъ обученіи на всѣ лады муссируется земствами, хотя при его обсужденіи никто нигдѣ и не вспоминалъ о церковно-приходской школѣ и о роли сельскаго духовенства въ народномъ образованіи. Между тѣмъ всякое движеніе къ народному просвѣщенію заслуживаетъ сочувствія и покровительства лишь въ томъ случаѣ, если оно вѣрно направлено. Внѣ же церковной школы для русскаго народнаго образованія нѣтъ вѣрнаго направленія, и мы можемъ сочувствовать всеобщему обученію только на ея основѣ. «Моск. Вѣд.».

— Земства вообще несочувственно и предубѣжденно относятся къ церковнымъ школамъ и почти не оказываютъ имъ никакой поддержки; но въ послѣднее время, къ чести земствъ, во многихъ изъ нихъ исчезаетъ это несправедливое отношеніе. Многіе отдѣльные земскіе дѣятели и цѣлыя земства стали оказывать этимъ школамъ дѣятельную поддержку. Такъ, Бугурусланское уѣздное земство ежегодно выдаетъ Бугурусланскому уѣздному отдѣленію Самарскаго епархіальнаго училищнаго совѣта въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты уѣзда 950 руб. на пріобрѣтеніе для этихъ школъ учебниковъ и учебныхъ пособій; сверхъ того, по составленной отдѣленіемъ вѣдомости, ежегодно снабжаетъ церковно-приходскія школы и школы грамоты уѣзда письменными принадлежностями на 500 руб. «Тульскія Еп. Вѣд.» сообщають, что въ тульской епархіи препятствій къ развитію церковно-школьнаго дѣла со стороны свѣтскихъ лицъ и обществъ въ минувшемъ году не встрѣчалось. Директоръ и всѣ инспекторы народныхъ училищъ состояли членами епархіальнаго училищнаго совѣта и относились къ церковнымъ школамъ съ полнымъ сочувствіемъ. Изъ 12-ти уѣздныхъ земствъ семь давали денежныя пособія церковнымъ школамъ своихъ уѣздовъ, въ общей сложности болѣе 13750 руб. Хотя иногда и обнаруживались случаи нерасположенія къ церковной школѣ вліятельныхъ частныхъ лицъ, но они съ избыткомъ возмѣщались сочувствіемъ и расположеніемъ достопочтенныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣлали на церковно-приходскія школы крупныя пожертвованія, по 2000 руб. и даже по 5000 руб.—Почетный членъ Рязанскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, начальникъ рязанской губерніи, недавно увѣдомилъ епархіальный училищный совѣтъ, что Егорьевское, Пронское и Спасское уѣздныя земскія собранія назначили въ пособіе школамъ церковно-приходскимъ и грамоты на 1895 годъ — первое 800, второе 500 и третье—200 р.

Дай Богъ, чтобы указанные выше добрые примѣры нашли себѣ побольше подражателей среди земскихъ дѣятелей, недоброжелательныя отношенія которыхъ къ церковнымъ школамъ до послѣдняго времени вызывали справедливыя нареканія всѣхъ благомыслящихъ людей и истинныхъ, чуждыхъ узкой, вредной партійности, ревнителей народнаго просвѣщенія.

— При одной изъ церковныхъ школъ Тамбовской епархіи открыто отдѣленіе, преслѣдующее цѣли весьма полезныя для церкви и вмѣстѣ находящіяся съ соотвѣтствіи съ основными зада-

чами церковной школы. Это именно—открытіе иконописной мастерской въ Ново-Александровской двухклассной церковно-приходской школѣ. По сообщенію «Тамбов. Еп. Вѣд.», нѣсколько лѣтъ тому назадъ основатель и попечитель школы г. А. И. Новиковъ задумалъ открыть въ своей школѣ живописное отдѣленіе. Съ этою цѣлью онъ выдѣлилъ изъ среды учащихся около десяти человѣкъ для обученія живописи, выписалъ всѣ необходимыя принадлежности, пригласилъ опытнаго художника, который вскорѣ и началъ свои занятія. Благодаря его опытности и любви къ дѣлу, это послѣднее пошло настолько хорошо, что ученики-живописцы (въ числѣ которыхъ есть одна дѣвушка) за полгода пріобрѣли хорошій навыкъ капировать съ рисунка и съ гипса, и отчетливо, чисто и вѣрно изображать карандашемъ не только контуры, но и сложные тѣневые переходы, а черезъ годъ могли уже красками рисовать лики святыхъ. Въ наступившемъ 1895 г. это живописное отдѣленіе переименовано въ „иконописную мастерскую", которая теперь принимаетъ на себя исполненіе художественныхъ заказовъ —писаніе иконъ, подъ руководствомъ художника г. Петерсона.

— Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ сообщаютъ объ этомъ «Моск. Цер. Вѣд.», стали устраиваться въ послѣднее время спеціально женскія церковно-приходскія школы. Такъ, въ самомъ началѣ текущаго года въ Новгородѣ открылась вполнѣ благоустроенная церковно-приходская школа Борисоглѣбская, исключительно для дѣвочекъ. Школа эта возникла по мысли и присодѣйствіи высокопреосвященнаго Θеогноста, архіепископа Новгородскаго. Учрежденіе школы вызвано сознаніемъ тѣхъ неудобствъ. которыя представляло совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ образцовой при духовной семинаріи школѣ. Вслѣдствіе этого рѣшено было открыть для дѣвочекъ отдѣльную церковно-приходскую школу при градской, недалеко отстоящей отъ семинаріи, Борисоглѣбской церкви и на ея устройство ассигновано было изъ средствъ новгородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта 1150 руб. Школа отличается благоустроеннымъ видомъ и снабжена всѣми необходимыми принадлежностями.—При Полтавскомъ каѳедральномъ соборѣ въ концѣ прошлаго года открыта Соборно-Богородская женская церковно-приходская школа, въ память исполнившагося 50-ти-лѣтія службы въ священномъ санѣ преосвященнаго полтавскаго Илларіона. Школа эта, въ которой учащихся 37 дѣвочекъ, очень хорошо устроена, снабжена вполнѣ достаточно различными ученическими принадлежностями и необходимыми

предметами школьнаго хозяйства и пользуется сочувствіемъ мѣстнаго духовенства и прихожанъ.

— Обученіе дѣвочекъ рукодѣлью въ церковныхъ школахъ привлекаетъ къ послѣднему симпатіи крестьянскаго населенія и побуждаетъ ихъ съ большею охотою отдавать дочерей въ школьное обученіе. По сообщенію «Волын. Еп. Вѣд.», въ церковныхъ школахъ Волынской епархіи на этотъ предметъ обращено большое вниманіе. Нельзя не радоваться, что интересъ къ этому предмету пробуждается и пробуждается въ большинствѣ случаевъ безмездно учительницами—труженицами. Весьма знаменательно и то, что обученіе рукодѣлью бываетъ направлено не только на предметы полезные въ сельскомъ обиходѣ, необходимые въ семейномъ, домашнемъ быту учащихся, но и на предметы церковнаго употребленія. Обученіе рукодѣлью оказываетъ большое подспорье и дѣлу народнаго образованія—тѣмъ, что оно легче и скорѣе привлекаетъ въ школу дѣвочекъ. Волынскій епархіальный органъ сообщаетъ, что учительница Крупецкой школы съумѣла такъ заинтересовать рукодѣліемъ дѣвочекъ мѣстнаго крестьянскаго населенія, что именно изъ-за этого предмета стали онѣ посѣщать школу въ большомъ количествѣ. Въ Драчевской школѣ рукодѣлью обучаются не только дѣвочки, но и мальчики, работы которыхъ были представлены на Кіевскую церковно-школьную выставку прошлаго года. Самое широкое распространеніе обученіе рукодѣлью получило въ женской школѣ с. Шибенной, гдѣ оно уже оформилось и окрѣпло. Здѣсь дѣвочки вяжутъ кружева, вышиваютъ не только бумагой, но и шерстью, притомъ исполняютъ такія работы, которыя требуютъ особаго вниманія, готовятъ свои рукодѣльныя работы, подобно воспитанницамъ женскихъ духовно учебныхъ заведеній, къ экзамену—къ выпуску.—Добрые примѣры, достойные подражанія!

— Министеръ народнаго просвѣщенія, какъ сообщаютъ объ этомъ «Кіев. Еп. Вѣд.», обратился недавно съ нижеслѣдующимъ циркулярнымъ предложеніемъ попечителямъ учебныхъ округовъ о принятіи мѣръ къ разведенію садовъ и огородовъ при народныхъ училищахъ. «При разсмотрѣніи годовыхъ отчетовъ управленій округовъ, а также при чтеніи отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ по обозрѣнію ими низшихъ учебныхъ заведеній, мною замѣчено, что во многихъ мѣстностяхъ при начальныхъ народныхъ училищахъ, снабженныхъ земельными участками, заведены сады и огороды, которые доставляютъ

ляють учителямъ сихъ училищъ возможность не только улучшать условія своей жизни, или увеличивать средства школъ, но и содѣйствовать распространенію въ мѣстномъ населеніи необходимыхъ знаній по садоводству и огородничеству путемъ пріученія воспитанниковъ школъ къ симъ занятіямъ и сообщеніемъ взрослымъ крестьянамъ полезныхъ въ семъ отношеніи совѣтовъ и указаній, а равно снабженіемъ ихъ изъ воздѣлываемыхъ при школахъ садовъ и огородовъ сѣменами, прививками, черенками и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ оказывается изъ упомянутыхъ отчетовъ и другихъ имѣющихся въ министерствѣ свѣдѣній, занятія по садоводству и огородничеству вызываютъ такое сочувствіе, что для школъ, за неимѣніемъ при нихъ земли, сады и огороды снимаются въ аренду на мѣстныя средства. Занятія эти ведутся иногда съ такимъ успѣхомъ и усердіемъ, что въ однѣхъ мѣстностяхъ, по отчетамъ губернаторовъ, удостоились обратить на себя Высочайшее Его Императорскаго Величества вниманіе, а въ другихъ дали школамъ возможность экспонировать произведенія изъ садовъ и огородовъ на мѣстныхъ выставкахъ. Но, къ сожалѣнію, всетаки оказывается, что при большинствѣ школъ, даже надѣленныхъ землею и находящихся въ благопріятныхъ условіяхъ для занятій садоводствомъ и огородничествомъ, не заведено доселѣ ни садовъ, ни огородовъ, а школьныя земли или пустуютъ, или отдаются въ пользованіе для постороннихъ надобностей. Объясняя это недостаткомъ вниманія со стороны мѣстныхъ училищныхъ начальствъ къ важному значенію, какое въ экономическомъ, а отчасти и воспитательномъ отношеніи можетъ имѣть веденіе при школахъ занятій по садоводству и огородничеству, а также, при имѣніи потребнаго количества земли,—посѣвы хлѣбовъ и травъ (люцерны, эспорцеты, клевера и т. п.) и распространеніе этимъ путемъ сельскохозяйственныхъ знаній въ той средѣ населенія, для которой преимущественно устраиваются школы,—я нужнымъ считаю обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбой предложить какъ училищнымъ совѣтамъ, такъ и директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, или почетнымъ блюстителямъ и блюстительницамъ оныхъ, озаботиться принятіемъ мѣръ, какія по мѣстнымъ условіямъ окажутся необходимыми и важными, къ разведенію садовъ и огородовъ, равно какъ и посѣвовъ хлѣбовъ и травъ при тѣхъ изъ сихъ училищъ, при коихъ имѣются достаточные участки земли, пригласивъ къ содѣйствію въ устройствѣ садовъ и огородовъ мѣстныя сельскія и городскія общества и зем-

скія учрежденія и поручить директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, чтобы они въ отчетахъ по образованію училищъ помѣщали свѣдѣнія о томъ, при какихъ изъ школъ, надѣленныхъ землей, имѣются сады, огороды и сельскохозяйственные посѣвы и при какихъ не имѣются, съ объясненіемъ причинъ отсутствія таковыхъ и указаніемъ мѣръ, необходимыхъ для ихъ устройства».

— Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній обратило на себя особое вниманіе Государя Императора. Волынскій губернаторъ въ своемъ отчетѣ за 1893 годъ объяснилъ, что въ Волынской губерніи, имѣющей преимущественно земледѣльческій характеръ, до настоящаго времени существуетъ только одна низшая сельскохозяйственная школа въ с. Бѣловринницѣ, и что учрежденіе сельско-хозяйственныхъ школъ принесло бы, во-первыхъ, пользу крестьянамъ, въ смыслѣ лучшей постановки сельско-хозяйственной культуры, а во-вторыхъ, создало бы контингентъ болѣе или менѣе знакомыхъ съ дѣломъ арендаторовъ и управителей имѣніями изъ лицъ русскаго происхожденія или получившихъ русское воспитаніе. Противъ этого объясненія губернатора Государь Императоръ соизволилъ положить слѣдующую Собственноручную резолюцію: „Обратить вниманіе". Затѣмъ, въ отчетѣ военнаго губернатора амурской области, противъ объясненія его о томъ, что усиливающееся распространеніе среди сельскихъ хозяевъ употребленія усовершенственныхъ земледѣльческихъ орудій и стремленіе ихъ къ пріобрѣтенію земельныхъ участковъ въ собственность свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о прочности и надежной будущности земледѣлія въ Амурской области, а съ другой — и объ избыткѣ матеріальныхъ средствъ населенія, послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: „Утѣшительно". Въ особой всеподданнѣйшей запискѣ о состояніи Вятской губерніи мѣстный губернаторъ объяснилъ, что земство принимаетъ дѣятельныя мѣры къ распространенію среди населенія сельско-хозяйственныхъ знаній. На этомъ послѣдовала Высочайшая Его Величества отмѣтка: „Весьма утѣшительно". «Цер. Вѣст.»

— Въ С.-Петербургѣ на съѣздѣ дѣятелей печатнаго дѣла 6-го и 7-го апрѣля, происходили засѣданія секцій: 4-й — по вопросамъ печатнаго дѣла, 3-й — по вопросамъ издательскаго дѣла и 5-й — по вопросамъ писчебумажнаго дѣла. Въ 4-й секціи обсуждался интересный вопросъ о конкурренціи между заведеніями печатнаго дѣла, по которому выступили докладчиками И. В. Цвѣтковъ, В. Дрессенъ и гг. Ольшевскій, Скивскій и Оргельбрайтъ, причемъ первый ознакомилъ секцію со взглядами на это дѣло въ Швейца-

ріи, а г. Дрессенъ поставилъ вопросъ въ связь съ пересмотромъ нормъ рабочей платы въ зависимости отъ современныхъ условій жизни. Въ особенности онъ подчеркнулъ тенденцію къ пониженію рабочей платы въ типографіяхъ при обостренной конкурренціи между ними. Послѣ оживленныхъ преній секція признала желательнымъ ходатайства о прекращеніи репрессивной монопольной конкурренціи казенныхъ типографій и объ устраненіи ихъ отъ торговъ на заказы по печатному дѣло. Что касается нормы рабочей платы, то пожеланія докладчика не вызвали возраженій. Затѣмъ Е. А. Евдокимовъ сдѣлалъ докладъ объ учрежденіи общества печатнаго дѣла, встрѣченный очень сочувственно.

Въ 3-й секціи, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Канаева, обсуждались доклады: 1) гг. Ольшевскаго, Сквиескаго и Оргельбрайта „объ упрощеніи цензурныхъ обрядностей и объ измѣненіи цензурнаго устава". Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній секція высказалась за необходимость распространенія цензурныхъ льготъ при изданіи книгъ объемомъ болѣе 10 и 20 печатныхъ листовъ, которыми пользуются столицы и провинціальные города; за сокращеніе срока разсмотрѣнія рукописей цензурою съ 3-хъ мѣсяцевъ до одного; за ускореніе разрѣшенія на выпускъ книгъ изъ печати. Для детальнаго разсмотрѣнія изложенныхъ положеній избрана коммиссія. 2) А. Вильборга и Г. Скамони „объ измѣненіи цензурнаго устава въ соотвѣтствіи съ усовершенствованіями въ техникѣ фотомеханическихъ процессовъ". Измѣненія эти точно также проектированы въ смыслѣ упрощенія цензурныхъ обрядностей и одобрены секціею. 3) И. Д. Сытина „о торговлѣ народными книгами въ разносъ". Секція вполнѣ присоединилась къ основной мысли докладчика о томъ, чтобы смотрѣть на народную книгу, какъ на товаръ, не предрѣшая способность къ распространенію его исключительно внутренними качествами книги. Съ этой точки зрѣнія выражено пожеланіе о большей свободѣ торговли народными книгами черезъ офеней и др. способами.

Въ 5-й секціи, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. П. Коновалова, вполнѣ одобрены докладъ Н. Лисовскаго о производствѣ бумаги примѣнительно къ требованію издательскаго и библіотечнаго порядка и Н. А. Рѣзунова—объ устройствѣ испытательной станціи для бумагъ съ цѣлью удостовѣренія доброкачественности и безвредности ихъ. Всестороннее обсужденіе этихъ докладовъ оказалось невозможнымъ въ виду совершеннаго отсутствія бумажныхъ фабрикантовъ, по адресу которыхъ секція выразила порицаніе. Самое засѣданіе секціи продолжалось менѣе часа.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1895 году.

Изданіе журнала **„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“** въ 1895 году, *тридцать шестомъ* съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Обсужденію этихъ явленій посвящаются особыя статьи. 3) Церковно-историческіе разсказы. 4) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Слова, поученія, и преимущественно внѣбогослужебныя чтенія, отличающіяся особенною назидательностію. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 9) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 10) По возможности документальныя и въ то же время общепонятныя свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ и другихъ сектахъ и разборъ ихъ ученій и обрядовъ. По тому самому, что редакторъ журнала долгое время преподавалъ о западныхъ исповѣданіяхъ въ Московской Духовной Академіи и три раза отправлялся за-границу, чтобы лучше ознакомиться съ ними на мѣстѣ,—на этотъ отдѣлъ будетъ обращено его особенное вниманіе. Къ этому же побуждаетъ и усиленіе сектъ въ нашемъ отечествѣ. 11) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи, мнѣнія донесенія и письма Моск. митрополита Филарета. 12) Разныя извѣстія и замѣтки.

Въ дополненіе къ этой основной программѣ, за послѣднее время въ нашемъ журналѣ обращено особое вниманіе на выдающееся служеніе въ Бозѣ почившихъ оптинскаго „старца“ іеросхимонаха отца **АМВРОСІЯ** и преосвященнаго **ѲЕОФАНА** затворника. Редакція Душеполезнаго Чтенія полагаетъ, что ихъ жизнь, письма и „статьи“ представляютъ вполнѣ авторитетное и самое удобопонятное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи—чтеніе не праздное и тщетное, а отвѣчающее на самые насущные и жизненные вопросы и на всевозможные случаи, по поводу которыхъ русскій народъ обращался и къ батюшкѣ **АМВРОСІЮ**“, и къ преосвященному **ѲЕОФАНУ** затворнику за тысячи верстъ и со всѣхъ концовъ Россіи.

Въ нашемъ же журналѣ печатаются и **УРОКИ** благодатной жизни по руководству отца **ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО**

Начиная съ 1891 года въ **„ДУШЕПОЛЕЗНОМЪ ЧТЕНІИ“** помѣщаются время отъ времени, по мѣрѣ надобности, **РИСУНКИ и ПОРТРЕТЫ**.

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1895 г. по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

При общепонятности журнала и цѣна его общедоступна: за 12 книжекъ, обыкновенно содержащихъ въ себѣ болѣе *ста сорока* печатныхъ листовъ, безъ доставки 3 р. 50 коп. съ доставкой и пересылкой въ Россіи 4 р., за границей 5 р.

На тѣхъ же условіяхъ можно пріобрѣтать полные экземпляры (въ 12 книжекъ) **„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“** за 1892, 1893 и 1894 годы. Въ нихъ уже много напечатано данныхъ и объ отцѣ Амвросіи и о преосвященномъ Ѳеофанѣ и объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ, съ приложеніемъ ихъ портретовъ.

Подписка на **„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“** принимается: въ Москвѣ, въ редакціи (новый домъ церкви святителя Николая, что въ Толмачахъ, рядомъ съ прежнимъ), и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы, въ Петербургѣ у книгопродавца И. Л. Тузова, Гостинный дворъ № 45.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки такъ:

Москва. Въ редакцію журнала **„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“**.

Редакторъ-издатель заслуж. проф. прот. **Дим. Ѳеод. КАСИЦЫНЪ**.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА
въ 1895 году.

Православный Собесѣдникъ будетъ издаваться по прежней програмѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался досель, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой. Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 года № 2792). Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи **семь рублей сереб.** При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются **ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,** выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, во 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта. Причты Казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ. Цѣна **Извѣстій** для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб., сереб. — съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Православнаго собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

ОБЪ ИЗДАНІИ МИССІОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА
„Православный Благовѣстникъ“
въ 1895 году.

«Православный Благовѣстникъ»—органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, поэтому задача и цѣль журнала—возможно полное, всестороннее и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), а также выясненіе тѣхъ условій,—благопріятныхъ и неблагопріятныхъ,—среди которыхъ она совершается въ настоящее время.

Програма журнала слѣдующая:

I. **Отдѣлъ оффиціальный**. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества. II. **Руководящія статьи** по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III **Современное положеніе отечественныхъ миссій.** IV. **Очерки и разсказы** изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. **Миссіонерская дѣятельность на западѣ.** Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. VI. **Извѣстія и замѣтки:** краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр. VII. **Библіографія**. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. VIII. **Извѣстія** о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. **Объявленія.** Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія **четыре рубля 50 коп.** безъ пересылки и **пять рублей** съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтенка, домъ Спасской церкви.

Редакторъ Протоіерей *Александръ Никольскій*.

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Апрѣля № 8. 1895 года.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ Училища назначена на 8-е и 9-е августа н. г., а пріемные экзамены въ приготовительный и въ остальные классы на 10-е и 11-е августа н. г.; обычный актъ назначенъ на 4 іюня н. г.; при чемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвицы, которыя не явятся въ означенные дни къ экзамену, или переэкзаменовкѣ, не будутъ въ послѣдствіи допущены къ экзамену вовсе, а къ переэкзаменовкѣ—безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

Отъ Хорошевскаго Дѣтскаго Пріюта.

Госпожа Игуменія Хорошевскаго монастыря извѣщаетъ родителей и родственниковъ воспитанницъ Дѣтскаго Пріюта, что роспускъ дѣтей на предстоящіе каникулы имѣетъ быть 26 мая сего 1895 года.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ церкви с. Преображенска, Зміевскаго уѣзда, Н. *Шосте*, перемѣщенъ къ Свято-Духовской церкви г. Харькова.

— Священникъ Успенской церкви сл. Краснополья, Стефанъ *Клепальскій*, перемѣщенъ къ Вознесенской церкви г. Золочева Харьковскаго уѣзда.

— И. д. благочиннаго 2 округа Лебединскаго уѣзда, священникъ Митрофанъ *Еллинскій*, утвержденъ 20 марта н. г. въ должности благочиннаго.

— Опредѣленный 14 февраля н. г. на праздное священническое мѣсто къ Андреевской церкви с. Мликовъ, Ахтырскаго уѣзда, діаконъ Казанской церкви с. Деревокъ, того же уѣзда, Елеазаръ *Черняевъ*, 1 марта рукоположенъ въ санъ священника.

— Протоіерей Сумской Троицкой церкви, Іоаннъ *Максимовичъ*, утвержденъ цензоромъ проповѣдей по 1 благочинническому округу Сумскаго уѣзда.

— На священническое мѣсто при Николаевской церкви с. Семеренекъ, Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ 24 марта н. г. окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Павелъ *Яковлевъ*.

— Діаконъ-псаломщикъ Троицкой церкви Иванъ *Андроновъ*, перемѣщенъ штатнымъ діакономъ къ церкви сл. Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи Павелъ *Захарьевъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто къ церкви сл. Большой Бабки, Волчанскаго уѣзда.

— Діаконъ церкви сл. Ново-Боровой, того же уѣзда Мелетій *Спѣсивцевъ*, опредѣленъ на штатное діаконское мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви, сл. Новой Айдари, Старобѣльскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи Николай *Труфановъ*, опредѣленъ псаломщикомъ къ Спасской церкви с. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Рѣчь К. П. Побѣдоносцева въ засѣданіи Историческаго Общества.—Къ увѣковѣченію памяти Императора Александра III.—Предстоящій юбилей въ Японіи.—Вселенскій патріархъ Анѳимъ VII.—Народъ и іерархія въ Галиціи.—Люблинскій епископъ Ѳ. Ячевскій.—Священникъ Толстой.—Значеніе церковно-приходской школы.—Грамотность въ связи съ движеніемъ на Востокѣ.—Одна изъ задачъ народнаго просвѣщенія.—Продѣлки лже-монаховъ.—Письмо о. протоіерея Іоанна Сергѣева.—Трудовыя братства.—Новая секта.—Лѣченіе инфлюэнцы.—Освященіе новой гомеопатической аптеки въ г. Харьковѣ.

Рѣчь К. П. Побѣдоносцева въ засѣданіи Историческаго Общества.

Апрѣля 20 исполнилось полугодіе со дня кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора, Александра III. Молитвенно и съ скорбію сердца воспоминая это горестное событіе, приводимъ рѣчь г. Оберъ-Прокурора св. Синода К. П. Побѣдоносцева, произнесенную имъ 6 апрѣля н. г. въ засѣданіи Императорскаго Историческаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Государя Императора. Рѣчь эта превосходно изображаетъ возвышенную и благородную душу почившаго Государя Императора и очерчиваетъ главное направленіе всей Его царственной дѣятельности. К. П. Побѣдоносцевъ сказалъ:

„Человѣкъ дѣлаетъ исторію; но столь же вѣрно, и еще болѣе значительно, что исторія образуетъ человѣка. Человѣкъ можетъ узнать и объяснить себя не иначе, какъ всею своею исторіей.

Духъ человѣческій, съ первой минуты бытія, неудержимо, непрерывно стремится всякую свою способность, всякую мысль, всякое ощущеніе выразить, воплотить въ дѣйствіи,—и вся эта энциклопедія событій и дѣйствій составляетъ жизнь человѣческую. Въ Въ этомъ смыслѣ жизнь, составляя сцѣпленіе событій, связанныхъ между собою логическою связью причины и дѣйствія, въ то же время есть таинство души: есть событія въ жизни, которыя роковымъ, таинственнымъ образомъ дѣйствуютъ на чуткую душу, опредѣляя стремленія, волю, характеръ и всю судьбу человѣка.

Но человѣкъ есть сынъ земли своей, отпрыскъ своего народа: кость отъ костей, плоть отъ плоти своихъ предковъ, сыновъ того же народа, и его психическая природа есть ихъ природа, съ ея отличительными качествами и недостатками, съ ея безсознательными стремленіями, ищущими сознательнаго исхода. У всякаго народа, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть своя исторія, своя сѣть событій и дѣйствій, въ которыхъ стремится воплотить себя душа народная. Въ исторической наукѣ пытливый умъ, практически изслѣдуя факты, дѣйствія и характеры, желаетъ опредѣлить точную достовѣрность ихъ и уловить взаимную ихъ связь и внутреннее значеніе въ судьбахъ общественной и государственной жизни народа. Съ глубокимъ интересомъ, съ наслажденіемъ, съ удивленіемъ читаемъ мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критическаго ума, искусствомъ художника; по старинному выраженію, исторія—учительница народовъ, гражданъ и правителей,—но кому изъ нихъ пошли въ прокъ ея уроки? Кто, закрывая книгу, овладѣвшую всѣмъ его вниманіемъ, не ощущалъ въ душѣ горькаго сознанія, что предъ нимъ открывалась старая, какъ міръ, лѣтопись человѣческой гордости, эгоизма, жестокости и невѣжества, свитокъ, въ которомъ написаны „жалость, и рыданіе, и горе?“.

Въ иномъ, болѣе глубокомъ смыслѣ, исторія земли и народа *образуетъ* человѣка, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вноситъ въ исторію свое живое чувство, и тогда всякій фактъ, всякій характеръ въ исторіи отвѣчаетъ на то, чему душа вѣритъ, что умъ въ состояніи обнять, такъ что своя духовная жизнь становится для человѣка текстомъ, а лѣтопись исторіи—комментаріемъ къ нему. Въ этомъ свѣтѣ событія открываютъ ему свое таинственное значеніе, и мертвая лѣтопись оживляется поэзіей духовной жизни цѣлаго народа. Иное, въ чемъ наука, анализируя факты и свидѣтельства о нихъ, видитъ одну легенду, сложившуюся въ народномъ представленіи, — то самое получаетъ

смыслъ явленія, оправдавшаго себя въ жизни и въ исторіи, становится истиной для духа. Чего бы не достигъ разлагающій анализъ ученаго историка въ изслѣдованіи сказаній о Владимірѣ, о Димитріи, о Сергіи, объ Александрѣ Невскомъ,—для чуткой души это явленіе, этотъ образъ становится созвѣздіемъ, проливающимъ на нее лучи свои, совершающимъ надъ нею свое теченіе въ тверди небесной.

Мнѣ представляется, что такъ образовалась душа почившаго незабвеннаго Государя, Котораго память собрались мы нынѣ чествовать въ Обществѣ, Имъ основанномъ. Душа Его была чуткая въ отзывчивости ко всему, въ чемъ сказывалась ей природа Своей земли и своего народа.

Онъ выросъ возлѣ старшаго брата, Наслѣдника престола, можно сказать *въ тѣни его*, питая Свою душу дружбой съ Нимъ, воспринимая отъ Него впечатлѣнія и вкусы Его умственнаго и нравственнаго развитія. То были годы безпорядочнаго броженія умовъ въ наукѣ, въ литературѣ, и въ обществѣ, но близъ Цесаревича стояли люди, которые способны были привлечь Его вниманіе къ явленіямъ русской жизни, къ сокровищамъ духа народнаго и въ исторіи народа, и въ его литературѣ. Таковы были Ѳ. И. Буслаевъ и С. М. Соловьевъ. Подъ вліяніемъ ихъ образовались вкусы Обоихъ Братьевъ и интересъ Ихъ къ русской старинѣ. Въ поѣздкахъ Своихъ по Россіи, изо дня въ день одушевляемый встрѣчавшимъ его повсюду народнымъ движеніемъ, Цесаревичъ успѣлъ узнать и полюбить народъ Свой и прослѣдить ходъ его исторіи на памятникахъ древности. Успѣлъ узнать и полюбить природу кореннаго русскаго края, столь сродную русскому духу. Душа Его росла и крѣпла на родной почвѣ, въ родной атмосферѣ, и въ письмахъ къ любимому Брату Онъ передавалъ ему Свои ощущенія.

Насталъ 1865 годъ, онъ принесъ Россіи страшное горе—Богу угодно было отнять у Россіи свѣтлую ея надежду. Цесаревичъ Николай Александровичъ скончался и оставилъ грядущія судьбы Россіи въ наслѣдство возлюбленному Брату, передавъ Ему и всѣ завѣты юной души Своей.

Нежданное, негаданное бремя легло на душу новаго Цесаревича, и Онъ принялъ его въ смиреніи, какъ долгъ, возложенный на Него Провидѣніемъ, принялъ и въ глубинѣ души Своей повѣрилъ Богу судьбу Свою и Россіи. Нынѣ и Его, по волѣ Божіей, оплакивая, мы видимъ, чувствуемъ, какъ до конца оправдалась эта вѣра.

Съ этого дня, до вступленія на престолъ въ 1881 году, Онъ

зрѣлъ въ тишинѣ, не думая, не гадая о томъ страшномъ часѣ, которымъ ознаменовалось вступленіе Его на царство. Эти годы были для Него поистинѣ годами воспитанія, и оно совершалось въ духѣ историческихъ завѣтовъ народа Русскаго и Русскаго государства. Еще въ дѣтствѣ любимымъ Его чтеніемъ были историческіе романы Загоскина и Лажечникова, и въ Немъ, какъ во многихъ русскихъ дѣтяхъ, это чтеніе возбудило первое движеніе любви къ отечеству и національной гордости. Интересъ къ этому чтенію сохранилъ Онъ и въ юности, и въ послѣдующіе годы Своей жизни. Бесѣды съ С. М. Соловьевымъ открыли Ему внутренній смыслъ русской исторіи и значеніе борьбы, которую вело собиравшее землю государство съ противогосударственными и противоязычными силами. Ему случалось сходиться съ умными русскими людьми, и Онъ любилъ слушать ихъ рѣчи о русской старинѣ и сужденія о дѣлахъ и событіяхъ новаго времени съ русской точки зрѣнія: такъ росла въ Немъ та чуткость къ русскимъ интересамъ, которая въ годы царствованія открылась намъ въ силѣ истинной государственной мудрости. Памятники русской старины, которые онъ изучалъ наглядно во время поѣздокъ по Россіи, были всегда для Него предметомъ особливаго интереса, и Онъ ощущалъ тонко ту своеобразную красоту линій и украшеній, которою отличается типъ нашей старинной церковной архитектуры. Съ тѣхъ поръ требовалъ Онъ къ своему разсмотрѣнію всѣ проекты новыхъ церковныхъ сооруженій, и глазъ Его съ удивительною вѣрностію различалъ все, что въ отдѣльныхъ частяхъ зданія нарушало цѣльную его гармонію или не согласовалось съ основнымъ типомъ. Въ душѣ Его отражался лучшими привлекательными чертами тотъ образъ великорусскаго человѣка, который привлекаетъ къ нему сочувствіе всѣхъ успѣвшихъ близко съ нимъ ознакомиться. И въ людяхъ, и въ учрежденіяхъ Ему было противно все искусственное, напускное и напыщенное; но простой человѣкъ, приближаясь къ Нему, чувствовалъ свое душевное сродство съ Русскимъ Государемъ.

И для отдѣльнаго человѣка, и для народа, и для общества—всю цѣну исторіи составляетъ самосознаніе. И отдѣльный человѣкъ, и народъ—представляемый властью—познаетъ себя въ своей исторіи. Поучительна исторія развитія этого самосознанія у насъ въ Россіи. Стоитъ сравнить въ этомъ отношеніи двѣ эпохи—начало и конецъ текущаго столѣтія, время двухъ Александровъ Императоровъ—Александра I и Александра III. Первый Александръ тоже любилъ Россію и народъ Свой,—но Его воспитаніе не дало Ему

возможности узнать ни исторію страны Своей, ни народъ Свой. Онъ родился въ такое время, когда простой народъ слылъ подъ общимъ названіемъ подлыхъ людей, и сверху мало кто различалъ въ немъ обликъ достоинства; когда западная культура, перенесенная на русскую почву, выражалась лишь во внѣшнихъ формахъ чуждаго намъ быта, когда на самую церковь смотрѣли сверху, какъ на учрежденіе, необходимое для народа, но уступающее въ достоинствѣ римскому культу просвѣщеннаго Запада, и умъ и сердце неудержимо влекли молодого Государя къ возвышенной цѣли — править ко благу народному, водворить порядокъ въ хаосѣ учрежденій, искоренять злоупотребленія, разрѣшить стѣснительныя узы рабства и предразсудка. Но идеалъ, къ которому примѣнялись Его стремленія и планы,—былъ не въ Россіи, а внѣ ея. Воспитанный Лагарпомъ въ духѣ отвлеченныхъ идей философіи XVIII столѣтія, изъ нихъ почерпалъ Онъ отвлеченный идеалъ Свой, а русская исторія, русская дѣйствительность была Ему закрыта и представлялася чистымъ полемъ, на которомъ можно строить, что угодно. Окруженный плеядой совѣтниковъ, Онъ заодно съ ними погружался въ мечтанія, не зная натуры народа и его потребностей, мечтая о представительномъ правленіи, долженствовавшемъ, будто бы, водворить разумъ и правду въ правительствѣ,—не зная церкви православной въ ея народномъ значеніи,—мечталъ объ уравненіи съ нею всѣхъ вѣроисповѣданій и о безразличіи церквей и вѣроученій, мечталъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы Ему, что Царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего русскаго народа.

Съ этого времени до вступленія на престолъ Императора Александра III протекло слишкомъ полстолѣтія. Въ этотъ періодъ времени трудно исчислить, сколько сдѣлано успѣховъ, какъ выросло русское историческое самосознаніе, и наиболѣе замѣтный ростъ его относится именно ко времени воспитанія и первой юности цесаревича Александра Александровича. Открыто и обнародовано множество новыхъ памятниковъ, освѣтившихъ исторію народной жизни, явились молодые ученые съ самостоятельными взглядами на учрежденія и событія и характеры, въ литературѣ, и въ обществѣ проснулся живой интересъ къ памятникамъ народнаго творчества въ пѣсняхъ, въ былинахъ, въ музыкѣ, въ архитектурѣ.

Въ Москвѣ собрался кружокъ культурно образованныхъ людей, одушевленныхъ мыслью о необходимости народнаго самопознанія въ изслѣдованіи прошедшихъ судебъ страны своей и своего на-

рода; они явились въ обществѣ и въ литературѣ съ протестомъ противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностямъ, противъ самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, что касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Это были люди, искавшіе въ прошедшемъ своей родины идеала для устройства будущихъ судебъ ея, и они первые сознательно выяснили предъ всѣми нераздѣльную связь русской народности съ вѣрою и съ православною Церковью. Независимо отъ крайностей ученія, слово это было необходимо въ виду надвигавшейся съ запада тучи космополитизма и либеральнаго доктринерства: вотъ почему дѣятельность этого кружка имѣла важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Молодой Наслѣдникъ Цесаревичъ, рано ознакомившійся съ этимъ направленіемъ чрезъ А. Ѳ. Тютчеву, не могъ не сочувствовать ему чуткимъ русскимъ сердцемъ, любящимъ народъ Свой и землю и жаждущимъ правды и прямого дѣла для земли Своей.

Посреди такихъ явленій и воздѣйствій, возрасталъ и образовался будущій Императоръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала и укрѣплялась въ народѣ вѣра въ Него, оправдавшаяся въ теченіе всего 13-лѣтняго Его царствованія. Для крѣпости правленія нѣтъ ничего важнѣе, нѣтъ ничего дороже вѣры народной въ своего правителя, ибо все держится на вѣрѣ. Что бы ни случилось,—всѣ знали и были увѣрены, на что, въ важныхъ случаяхъ государственной жизни, дастъ Онъ отрицательный и на что положительный отвѣтъ изъ Своей русской души. Всѣ знали, что не уступитъ Онъ русскаго, исторіей завѣщаннаго, интереса ни на польской, ни на иныхъ окраинахъ инородческаго элемента, что глубоко хранитъ Онъ въ душѣ Своей одну съ народомъ вѣру и любовь къ Церкви Православной, понимая все ея воспитательное значеніе для народа,—наконецъ, что заодно съ народомъ вѣруетъ Онъ въ непоколебимое значеніе власти Самодержавной въ Россіи, и не допуститъ для нея, въ призракѣ свободы, гибельнаго смѣшенія языковъ и мнѣній.

Когда мы теряемъ ближняго, любимаго человѣка, мы не думаемъ спрашивать: что онъ сдѣлалъ,—мы только ощущаемъ, чѣмъ онъ былъ,—и для насъ всего дороже, всего ощутительнѣе живой его образъ, со всею окружавшею его нравственною атмосферою, все, что отъ него исходило къ намъ и держало въ насъ ту гармонію жизни, которую, съ кончиной его, мы утратили. И, кажется, въ эту минуту—его нѣтъ—какъ намъ жить безъ него? Такимъ-то

чувствомъ дрогнулъ весь народъ Русскій, пораженный вѣстью, что отошелъ отъ насъ Царь Александръ III. Душа народная слилась съ Его душой и, утративъ Его, сама растерялась. Чувство это живо и понынѣ. Кто хочетъ уловить его, и ощутить его, и слиться съ нимъ—пусть идетъ въ Петропавловскій соборъ и на эту орошенную слезами могилу—и увидитъ, какъ и нынѣ, и завтра наполняетъ его, торжественно, съ утра до вечера, тихою молитвой безконечная толпа народная, стекающаяся къ этой могилѣ со всѣхъ концовъ Россіи". (Моск. Вѣдом.).

— Св. Сунодъ, раздѣляя искреннія желанія духовенства объ увѣковѣченіи памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, за оказанныя имъ церкви, ея служителямъ и народу благодѣянія и, съ своей стороны, поставляя священнымъ долгомъ воздать подобающую дань глубочайшей признательности почившему Монарху, для увѣковѣченія достославныхъ царственныхъ дѣлъ Его, положилъ: 1) соорудить въ Петербургѣ храмъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго; 2) при семъ храмѣ устроить двухклассную образцовую церковною школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, посвятивъ ее Августѣйшему имени почившаго Императора; 3) учредить неприкосновенный капиталъ Его же имени для выдачи изъ процентовъ съ онаго пособій учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Съ этой цѣлью Св. Сунодъ, указомъ своимъ отъ 18 января сего года, на имя епархіальныхъ архіереевъ, благословилъ принимать добровольныя на означенные предметы пожертвованія, какъ отъ самихъ преосвященныхъ и ихъ викаріевъ, такъ и отъ настоятелей и настоятельницъ монастырей, духовенства, начальствующихъ и служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, церковныхъ старостъ, попечителей церковно-приходскихъ школъ и вообще отъ всѣхъ радѣющихъ о народномъ образованіи въ духѣ Православной церкви. На одномъ изъ препровожденныхъ при этомъ указѣ въ мѣстную консисторію подписныхъ листовъ для записи означенныхъ пожертвованій, а именно на листѣ № 3 на образованіе въ училищномъ совѣтѣ при Св. Сунодѣ капитала имени Императора Александра III, для выдачи съ процентовъ онаго пособій учителями ц.-приходскихъ школъ и школъ грамоты, высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ записано пожертвованіе въ тысячу рублей. На основаніи приведеннаго указа, Кіевской духовною консисторіей, съ утвержденія его высокопреосвященства, сдѣлано распоряженіе: напечатать для разсылки потребное, по числу монастырей, общинъ.

духовно-учебныхъ заведеній и причтовъ церквей кіевской епархіи, количество подписныхъ листовъ и циркулярнаго распоряженія о сборѣ на сооруженіе въ Петербургѣ, въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, храма во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ двухклассною ц.-приходскою школой при немъ и на учрежденіе въ училищномъ совѣтѣ при Св. Сгнодѣ неприкосновеннаго капитала имени Императора Александра III, для выдачи изъ процентовъ съ онаго пособій учащимъ въ ц.-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты, съ тѣмъ, чтобы собранныя по симъ листамъ деньги, вмѣстѣ съ подписными листами, представлены были въ Консисторію для отсылки ихъ по назначенію.

— Въ нынѣшнемъ году истекаетъ двадцатипятилѣтіе со времени учрежденія православной миссіи въ Японіи. Воскресенскій храмъ въ Токіо, православная паства въ 20,000 человѣкъ съ 200 священниковъ и учителей,—все это является созданіемъ почти одного нашего миссіонера-архипастыря, преосвященнаго Николая. Въ числѣ трудовъ, предпринятыхъ японскою православною миссіею съ цѣлью обращенія японцевъ въ христіанство, видное мѣсто занимаетъ переводъ книгъ богословскаго характера съ русскаго языка на японскій. Переводчиками являются исключительно японцы подъ руководствомъ миссіонеровъ, хорошо ознакомившіеся съ русскимъ языкомъ надобно, однако, опасаться, чтобы политическія осложненія на Востокѣ не повліяли дурно на японскихъ христіанъ.

— Въ «Листкѣ для Харьковской Епархіи» было уже сообщено объ избраніи новаго первосвятителя на Константинопольскій патріаршій престолъ и сдѣланъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности его святѣйшества. Помѣщаемъ теперь оффиціальныя свѣдѣнія о представленіи патріарху начальника русской духовной миссіи въ Константинополѣ, архимандрита Бориса. 7-го февраля русскій посолъ въ Константинополѣ поручилъ настоятелю посольской церкви архимандриту Борису привѣтствовать вселенскаго патріарха отъ имени его, посла, и всего посольства. Иностранные послы первые дѣлаютъ визитъ новому патріарху, но предварительно привѣтствуютъ его чрезъ вторыхъ лицъ. Архимандритъ Борисъ отправился въ 4-мъ часу дня въ Фанаръ и, по прибытіи въ домъ преосвященнаго мѣстоблюстителя, былъ тотчасъ принятъ патріархомъ. Онъ былъ не одинъ; въ залѣ сидѣло нѣсколько грековъ. Поклонившись патріарху низкимъ монашескимъ поклономъ и облобызавъ его благословляющую руку, архимандритъ Борисъ обратился къ его святѣйшеству съ рѣчью на греческомъ языкѣ такого содержанія:

«Святѣйшій владыко! Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ торжественно входилъ въ Іерусалимъ, все множество учениковъ Его начало въ радости славить Бога, говоря: благословенъ грядый во имя Господне, миръ на небесахъ и слава въ вышнихъ! (Лук. 19, 36—38). Сіи священныя слова найдя во вчерашнемъ Евангельскомъ чтеніи, въ благословенный день прибытія сюда вашего святѣйшества, и я, отнынѣ одинъ изъ смиреннѣйшихъ учениковъ вашихъ, пріемлю высокую честь отъ имени его превосходительства, господина посла Благочестивѣйшаго Императора нашего, и отъ всего Россійскаго посольства привѣтствовать ваше святѣйшество съ возведеніемъ на вселенскую каѳедру, на каѳедру святаго Златоуста и славнаго Фотія,—и съ благополучнымъ прибытіемъ во градъ святаго Константина, обращаясь къ вашему святѣйшеству съ евангельскимъ привѣтствіемъ: благословенъ грядый во имя Господне! миръ на небесахъ и слава вышнихъ Богу»!

Святѣйшій Анѳимъ слушалъ стоя и стоя же сказалъ въ отвѣтъ приблизительно слѣдующее: „Благословеніе Божіе да будетъ надъ Благовѣрнымъ Русскимъ Императорскимъ Домомъ и надъ всѣмъ народомъ русскимъ! Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ первосвященнической молитвѣ Своей къ Богу Отцу молился объ ученикахъ Своихъ: „да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче во мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино" (Іоан. 17, 21). И святый Апостолъ Павелъ увѣщеваетъ насъ сохранять единство духа въ союзѣ мира, чтобы мы истинною любовію все возращали въ Того, Который есть Глава нашъ—Христосъ. Отъ него все тѣло —Церковь, составляемое изъ разныхъ членовъ и соединяемое воедино посредствомъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія себя въ любви (Ефесян. 4, 3. 15—16). Посему-то, слѣдуя заповѣди Христовой и ученію Апостольскому, мы и молимся усердно за Благочестивѣйшаго Императора Всероссійскаго, за Домъ Его и за всю великую единовѣрную намъ Россію, чтобы Господь благословилъ ихъ всѣми благами душевными и тѣлесными, даруя имъ благодать Свою, миръ и благопоспѣшество. Просимъ и васъ, молите Всевышняго, чтобы Онъ укрѣпилъ насъ къ несенію возложеннаго на насъ тяжелаго бремени правленія, чтобы даровалъ намъ силы твердо держать въ слабыхъ рукахъ нашихъ кормило, намъ врученное, и Божественною благодатію Своею помогъ намъ вести великій корабль Церкви въ добрую пристань спасенія. Его превосходительству господину Императорскому послу съ домашнею

его церковію (семействомъ) и всему русскому посольству передайте мои благословенія и благожеланія". При сихъ словахъ его святѣйшества архимандритъ Борисъ сдѣлалъ ему глубокій поклонъ и вслѣдъ за тѣмъ приглашенъ былъ занять одно изъ креселъ близъ патріарха. Предложено было обычное у грековъ угощеніе—гліко. Сообразно съ содержаніемъ второй части отвѣтной рѣчи патріарха, архимандритъ Борисъ засвидѣтельствовалъ предъ его святѣйшествомъ, что не только православные русскіе здѣсь въ храмахъ усердно и неопустительно молятся какъ о святѣйшемъ патріархѣ вселенскомъ, такъ и о Святѣйшемъ Правительствующемъ Всероссійскомъ Сунодѣ и митрополитѣ нашемъ, но что и во всѣхъ православныхъ храмахъ русскихъ на каждой литургіи возносятся молитвы за православныхъ восточныхъ патріарховъ (во время проскомидіи). Святѣйшій Анеимъ сдѣлалъ ему нѣсколько обычныхъ при первомъ знакомствѣ вопросовъ, на которые онъ давалъ краткіе отвѣты.

Личность новаго патріарха вселенскаго, всѣ слова и дѣйствія его съ полученія имъ первой вѣсти объ избраніи его на вселенскую каѳедру, свѣдѣнія о предшествующей его жизни и пастырской дѣятельности, даже внѣшній образъ его, все это производитъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе. Смотря на святѣйшаго Анеима, слушая его кроткую отеческую рѣчь, невольно чувствуется, что въ этомъ человѣкѣ живетъ во-истину Апостольскій духъ, тотъ духъ, которымъ были такъ сильны мужи Апостольскіе, святые отцы первыхъ вѣковъ христіанства и святители Божіи, въ коемъ-жло вѣкѣ благоугодившіе Богу. И самое избраніе его въ патріархи было особенное. Повидимому, никто не считалъ его кандидатомъ на этотъ высокій постъ. Всѣмъ извѣстно было, что не его народъ желалъ имѣть своимъ патріархомъ. Но Богъ, испытуяй сердца и утробы и сокровенная человѣкомъ явѣ предвѣдый (Пс. 7, 20; 1 Царствъ 16, 7; Іерем. 11, 20; 17, 10; Апок. 1, 23), восхотѣлъ призвать его и, безъ сомнѣнія, не оставитъ его Своею помощію въ предстоящихъ ему трудностяхъ новаго служенія святой Церкви.

— Въ послѣднее время въ Римѣ много хлопотали о единеніи Церквей. Но какого рода это единеніе и чего можно было ожидать отъ него—это всего лучше открывается изъ слѣдующаго примѣра. Галицко-русскіе митрополиты, говоритъ «Церк. Вѣстн.», всегда стояли во главѣ галицко-русскаго народа, внушая подчиненному имъ духовенству заботиться о его нравственномъ и матеріальномъ пре-

успѣянія, причемъ всегда дѣйствовали заодно съ нимъ въ политической жизни страны, поддерживая на выборахъ какъ въ сеймъ, такъ и въ парламентъ лишь такихъ кандидатовъ, которые содѣйствовали бы интересамъ русской церкви и русскаго народа. Теперешній же митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ (по сообщенію корреспондента «Моск. Вѣд.») идетъ путемъ, противоположнымъ тому, какимъ слѣдовали его предшественники. Онъ всѣми зависящими отъ него средствами поддерживаетъ усиленіе польскаго вліянія на русское духовенство и народъ, не только не защищая его отъ ополяченія и совращенія въ латинство, но явно содѣйствуя тому и другому. По милости митрополита Сильвестра Сембратовича, русскіе монастыри переданы въ распоряжаніе іезуитовъ; іезуиты же поставлены во главѣ духовнаго образованія и являются негласными руководителями галицко-русской церкви. Но всѣ эти враждебные русскому духовенству и народу подвиги митрополита блекнутъ предъ его послѣднимъ дѣяніемъ. Митрополитъ унизился до того, что сталъ во главѣ избирательнаго комитета, составленнаго по указкѣ польскихъ заправилъ разными измѣнниками русско-народному дѣлу, съ цѣлью при предстоящихъ выборахъ во львовскій сеймъ избирать въ депутаты лишь лицъ, подобныхъ этимъ предателямъ. Для борьбы съ означеннымъ избирательнымъ комитетомъ измѣнниковъ образовались два новые комитета: „народовцевъ", подъ руководствомъ разочаровавшагося въ полякахъ депутата Романчука, и „комитетъ старорусской партіи", въ составъ коего вступили самые почтенные члены изъ русскаго духовенства и лицъ разныхъ профессій. Комитетъ этотъ возбудилъ къ себѣ полное сочувствіе въ галицко-русскомъ духовенствѣ и народѣ. По всей стати русскому митрополиту слѣдовало бы стать во главѣ этого комитета, руководя его дѣйствіями, но онъ порѣшилъ дѣйствовать совершенно въ противоположномъ направленіи, въ каковомъ смыслѣ и началъ производить давленіе на сочувствующее старорусскому комитету духовенство. Онъ призвалъ къ себѣ со всей митрополіи благочинныхъ и поручилъ имъ слѣдить не только за тѣмъ, чтобы русское духовенство поддерживало и пропагандировало въ народѣ лишь такую избирательную политику, какой онъ слѣдуетъ, т. е. полонофильскую политику разныхъ измѣнниковъ своего народа, но чтобъ оно безпрекословно повиновалось указаніямъ польскихъ старостъ (исправниковъ), помѣщиковъ и ксендзовъ, по мнѣнію митрополита, „имѣющихъ самыя дружескія намѣренія относительно русской церкви и народа". Кромѣ того, митрополитъ поручилъ

благочиннымъ секретно доносить ему о тѣхъ священникахъ, которые будутъ дѣйствовать несогласно съ его политикой. Все это отлично характеризуетъ его іезуитское направленіе! Онъ вноситъ въ среду русскаго духовенства шпіонство, разладъ: онъ предаетъ его полякамъ и ксендзамъ. Чего же еще болѣе ждать отъ него? Осталось лишь одно—чтобъ онъ объявилъ русскому духовенству и народу распоряженіе перейти въ латинство и сдѣлаться поляками. Чрезъ нѣсколько дней объ измѣнѣ митрополита русскому народу знала вся Галиція, и всѣ истинно-русскіе люди справедливо выражали свое негодованіе. Въ виду такихъ фактовъ неудивительно, что мечта Льва XIII о возсоединеніи церквей повсюду встрѣчена съ большимъ недовѣріемъ, какъ только ловушка для простодушныхъ людей. Если такъ дѣйствуютъ митрополиты въ уніатскихъ общинахъ теперь, не скрывая своихъ противонародныхъ тенденцій, то можно ли полагаться на папское обѣщаніе, что въ случаѣ возсоединенія папство будетъ уважать права національныхъ церквей? Нѣтъ, очевидно, если суждено когда-нибудь осуществиться возсоединенію церквей, то оно должно осуществиться не по плану, выработанному въ Римѣ, а по идеѣ самой церкви, единство которой коренится не въ папствѣ, а во Христѣ. Но до этого единства еще далеко.

— Люблинскій католическій епископъ, Ф. Ячевскій, обратился къ „достопочтенному духовенству подвѣдомственной ему римско-католической епархіи“ съ распоряженіемъ относительно чтенія манифестовъ на русскомъ языкѣ. Епископъ безусловно запрещаетъ чтеніе этихъ государственныхъ актовъ на государственномъ языкѣ, ибо, во-первыхъ, „русскій языкъ для католическаго населенія является недоступнымъ, почему Монаршая воля могла бы быть злонамѣренными лицами превратно толкуема“, а во-вторыхъ,—и это самое главное,—„чтеніе Высочайшаго манифеста на языкѣ, дотолѣ не употреблявшемся въ католическихъ храмахъ, было бы введеніемъ въ церковную обрядность новой формы, къ чему духовенство не имѣетъ права“.

Разобраться въ этихъ лицемѣрныхъ, іезуитскихъ хитросплетеніяхъ, говоритъ «Сынъ Отечества», вовсе не трудно. Заботу о „злонамѣренномъ истолкованіи“ Высочайшихъ манифестовъ римско-католическое духовенство можетъ смѣло отринуть—это не его забота, а забота мѣстной гражданской власти. Да и нужно еще фактически доказать, что подобные случаи „злонамѣреннаго искаженія“ были только вслѣдствіе оглашенія государственныхъ актовъ на русскомъ языкѣ. Римско-католическому духовенству предписывается читать манифесты на русскомъ языкѣ—и они обязаны выполнять пред-

писанія, не заботясь объ его послѣдствіяхъ. Опять, повторяемъ, отвѣтственность за нихъ не возлагается на духовенство. По этому же поводу «Волынь» говоритъ, что едва появились первые манифесты по кончинѣ Императора Александра III, польское духовенство рѣшило нарушить границы, отведенныя польскому языку, и отдало приказъ читать въ костелахъ Высочайшіе манифесты на одномъ польскомъ языкѣ. Едва генералъ-адъютантъ Гурко покинулъ Варшаву, какъ немедленно послѣдовало распоряженіе католическихъ епископовъ о чтеніи манифестовъ на польскомъ языкѣ. Въ Сейнскомъ кафедральномъ соборѣ ксендзъ отказался прочитать манифестъ на русскомъ языкѣ даже послѣ прямого предложенія начальника уѣзда, и прямо сослался на распоряженіе епископа. Сообщая это распоряженіе подвѣдомственнымъ ксендзамъ, прелатъ Краевскій грозилъ имъ, въ случаѣ неисполненія, отлученіемъ отъ церкви.

Нѣкоторыя польскія газеты пытались отвергнуть существованіе такихъ распоряженій, являющихся призывомъ къ противодѣйствію властямъ, но какъ мало заслуживаетъ вѣры такое опроверженіе, показываетъ распоряженіе епископа Люблинской епархіи, Ф. Ячевскаго. Въ этомъ распоряженіи, предлагающемъ „воздержаться отъ чтенія въ костелахъ Высочайшихъ манифестовъ на русскомъ языкѣ", поражаетъ, прежде всего, та іезуитская фальшь, къ которой прибѣгнулъ епископъ въ отношеніи къ деканамъ своей епархіи. Это лучше всего свидѣтельствуетъ, что самъ епископъ сознавалъ, что его распоряженіе встрѣтитъ несочувствіе въ ксендзахъ, ставящихъ истину выше всего, и потому епископъ коварно объясняетъ, что «русскій языкъ для католическаго населенія является недоступнымъ, почему Монаршая Воля могла-бы быть злонамѣренными лицами превратно толкуема», и что, при чтеніи на непонятномъ народу языкѣ акта такой важности, „не исполнилась-бы воля Монарха, который, издавая манифестъ, желаетъ, конечно, быть понятымъ всѣми своими вѣрноподданными".

Такимъ образомъ епископъ Ячевскій (а также и другіе епископы), запрещая чтеніе Высочайшихъ манифестовъ на русскомъ языкѣ, заботились будто-бы только о томъ, чтобы воля Монарха сдѣлалась понятна „всѣмъ вѣрноподданнымъ"! Насколько фальшиво такое объясненіе, доказывается тѣмъ, что образованная часть польскаго населенія, пройдя русскую школу, не можетъ не знать и не понимать русскаго языка. Что-же касается простого народа, то коммисары по крестьянскимъ дѣламъ, опираясь на свои ежедневныя сношенія съ нимъ, свидѣтельствуютъ единогласно, что на-

родъ понимаетъ русскій языкъ вполнѣ и никогда ничѣмъ не протестовалъ противъ чтенія манифестовъ и принесенія присяги на русскомъ языкѣ. Только возбужденіе вопроса католическимъ духовенствомъ и постановка этого вопроса на религіозную почву показали народу, что дѣло можетъ быть иначе. Невозможно удивляться, если въ народѣ, при такомъ поведеніи духовенства, замѣчается нѣкоторое смущеніе.

Нѣтъ, не интересы католической церкви и не интересы верховной власти руководили епископами, когда они возбуждали этотъ вопросъ, и болѣе правдивые и откровенные поляки прямо признаютъ, что все это понадобилось какъ средство демонстративно заявить о своемъ недовольствѣ существующимъ строемъ.

Если епископы начали свою кампанію, то они желали этимъ внести смуту не только въ умы польскаго населенія и подорвать въ немъ вѣру въ авторитетъ власти, но также вызвать въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ новое разсмотрѣніе вопроса о правахъ и значеніи государственнаго языка на окраинахъ, сознавая совершенно правильно, что подвергая новому обсужденію мѣру, казалось, твердо и на всегда установленную, они вызовутъ въ народѣ представленіе о колебаніяхъ въ высшихъ руководящихъ кругахъ. Нужно надѣяться, что правительствующій сенатъ, куда поступилъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе, разъ навсегда отниметъ охоту у призванныхъ и непризванныхъ радѣтелей польскаго народа вносить въ его умы смуту и неуваженіе ко власти".

— Съ нѣкоторымъ удивленіемъ можно встрѣчаться съ газетными извѣстіями о томъ, что у насъ тоже существуютъ люди, правда очень немногіе, которые мечтаютъ о какой-то религіозной сдѣлкѣ съ Римомъ. Объ этомъ еще недавно печатно заявилъ г. Кирѣевъ, говоря объ о. Толстомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Извѣстія эти, повидимому, подтверждаются. Недавно нижегородская консисторія вызывала священника Толстаго для дачи объясненія по поводу какихъ-то ученій. Теперь въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ вызовъ повторенъ, но уже въ болѣе грозной формѣ. Оказывается, что о. Толстой—священникъ с. Тарханова, Сергачскаго уѣзда, и проживаетъ нынѣ въ Италіи; вызываютъ его для выслушанія состоявшагося уже рѣшенія по обвиненіямъ въ „преступленіи противъ пресвитерской должности и самочиніи", причемъ онъ называется „запрещеннымъ въ священнослуженіи". При этомъ, консисторія предваряетъ, что если о. Толстой не явится

по вызову, то потеряетъ право на переносъ дѣла въ синодъ и состоявшееся о немъ рѣшеніе войдетъ въ законную силу. О. Толстой отрицаетъ свою виновность и заявляетъ, что онъ былъ и остается православнымъ. Въ виду этихъ возраженій его, весьма интересными являются слѣдующія строки газеты Italie, приводимыя въ «Моск. Вѣд.». „Отмѣтимъ, говоритъ Italie, пребываніе въ Римѣ аббата (?) Толстаго, объ авантюрахъ коего мы уже упоминали. Аббатъ Толстой добился отъ Ватикана разрѣшенія жить въ Вѣчномъ Городѣ, но, безъ сомнѣнія, лишь на поставленномъ Русскимъ правительствомъ (?) условіи—отказаться отъ своихъ проектовъ объ единеніи церквей. Аббатъ Толстой поселяется въ Базиліанскомъ монастырѣ Гротта-Феррата". Интересно сопоставить это сообщеніе Italie съ письмомъ отца Толстаго въ Новомъ Времени. Онъ заявляетъ, что былъ и остался православнымъ. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, понадобилось ему какъ милости просить разрѣшенія поселиться въ базиліанскомъ монастырѣ Гротта Феррата? Развѣ мало на свѣтѣ монастырей православныхъ?

— „Едва ли есть у насъ, говорятъ «Моск. Вѣдом.» общественный вопросъ, при обсужденіи котораго было бы проявлено столько неискренности и высказано столько лжи, какъ по поводу церковно-приходской школы. Со всякой нетенденціозной и нелицепріятной точки зрѣнія трудно, кажется, и представить себѣ учрежденіе болѣе невинное и болѣе полезное для просвѣщенія народныхъ массъ, и, тѣмъ не менѣе, печать извѣстнаго лагеря дѣлаетъ все возможное, чтобы дискредитировать его въ глазахъ общества. Не будучи въ состояніи нападать на церковно-приходскую школу открыто и прямо, эта печать дѣлаетъ это обинякамъ и косвенно, умалчивая о главной, основной и единственной причинѣ своей непріязни къ религіозно-нравственному просвѣщенію народа и лицемѣрно выставляя такіе аргументы противъ церковныхъ школъ, въ которые и сама не вѣритъ. Одинъ изъ излюбленныхъ аргументовъ является періодически воспроизводимая картина, рисующая въ прекрасномъ свѣтѣ свѣтскія школы и, наоборотъ, въ самомъ непригляднамъ школы церковно-приходскія, причемъ якобы съ сокрушеннымъ сердцемъ выводятся изъ этой картины заключенія: мы де всей душой за церковныя школы, но посмотрите что изъ нихъ выходитъ и т. д., и т. д. Но, допуская даже, что общій воспитательный и образовательный уровень нынѣ существующей церковно-приходской школы ниже, чѣмъ народной школы свѣтской—чего мы, впрочемъ, отнюдь признать не можемъ,—все же аргу-

ментъ этотъ является лишь полемическимъ фокусомъ сомнительнаго свойства: существующія школы обоихъ типовъ потому уже не даютъ права придти къ какимъ-либо рѣшительнымъ заключеніямъ о преимуществахъ той или другой системы, что находятся въ совершенно неодинаковыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Тогда какъ вся масса средствъ, ассигнуемыхъ на народное образованіе земскими учрежденіями и значительная часть суммъ, вносимыхъ на тотъ же предметъ въ государственную смѣту направляется на свѣтское обученіе, на долю церковно приходской школы достаются во много кратъ меньшія средства, собираемыя притомъ изъ самыхъ разнообразныхъ и отчасти непостоянныхъ источниковъ. Но если бы даже средства эти и сравнялись когда нибудь, свѣтская школа и школа церковно-приходская все же остались бы двумя несравнимыми величинами: задача первой, откровенно поставленная—дать нѣкоторыя знанія и умственное развитіе на раціоналистической основѣ; задача второй—прежде всего религіозно-нравственное развитіе и просвѣтленіе Христовымъ ученіемъ той вѣры, которая живетъ въ душѣ каждаго ребенка, и затѣмъ уже сообщеніе нѣкоторыхъ практическихъ знаній или умѣній. Очевидно, это—двѣ совершенно различныя задачи, и если признать, что русская народная школа должна преслѣдовать вторую цѣль, то къ ней есть лишь одинъ путь—образованіе и обученіе при участіи и подъ руководствомъ духовенства. Что сообщеніе христіанскаго міросозерцанія и любви къ Церкви не можетъ взять на себя свѣтская школа,—этого не отрицаютъ даже и противники церковно-приходскихъ школъ, и искренній споръ съ ихъ стороны можетъ быть предъявленъ лишь къ задачамъ начальнаго народнаго образованія; но этого-то спора они всегда избѣгаютъ, потому, вѣроятно, что въ концѣ концовъ имъ пришлось бы признать, что идеалъ, къ которому они стремятся—современная свѣтская школа Франціи, изъ которой религія удалена совершенно. Если многія церковно-приходскія школы дѣйствительно поставлены неудовлетворительно, то изъ этого, конечно, можетъ быть лишь одинъ выходъ: необходимо исправить ихъ недостатки, привлечь къ нимъ способныхъ дѣятелей и добиться возможнаго совершенства, что не представитъ, разумѣется, никакихъ особыхъ трудностей, такъ какъ ни въ основѣ, ни во внѣшнихъ формахъ церковно-приходской школы нѣтъ ничего практически неосуществимаго, и въ концѣ-концовъ все сводится лишь къ матеріальнымъ средствамъ: дайте средствъ, а на нихъ будетъ не трудно, если не найти немедленно, то въ недолгій срокъ под-

готовить надлежащій персоналъ дѣятелей церковно-приходской школы, одновременно осуществляя и другую, не менѣе великую, задачу—улучшая положеніе личнаго состава нашего сельскаго духовенства. И за это пора взяться рѣшительно и безъ отлагательства. Вопросъ о всеобщемъ обученіи на всѣ лады муссируется земствами, хотя при его обсужденіи никто нигдѣ и не вспомнилъ о церковно-приходской школѣ и о роли сельскаго духовенства въ народномъ образованіи. Между тѣмъ всякое движеніе къ народному просвѣщенію заслуживаетъ сочувствія и покровительства лишь въ томъ случаѣ, если оно вѣрно направлено. Внѣ же церковной школы для русскаго народнаго образованія нѣтъ вѣрнаго направленія и мы можемъ сочувствовать всеобщему обученію только на ея основѣ».

— Вопросъ о грамотности нашего народа, говоритъ кн. Э. Ухтомскій въ «Моск. Вѣд.», и въ особенности о снабженіи его здоровой духовною пищей патріотически-духовнаго характера, тѣмъ болѣе на очереди, что мы все ближе и тѣснѣе сталкиваемся и роднимся съ Востокомъ, гдѣ исламъ и буддизмъ, конфуціанство и другія вѣроученія ревниво озабочены, по мѣрѣ силъ, привитіемъ грамотности (конечно, въ узкомъ смыслѣ слова) къ опекаемымъ и воспитываемымъ ими народамъ. Потому-то они и являются столь стойкими въ сохраненіи своего національнаго облика, когда на нихъ наступаетъ гораздо болѣе просвѣщенный Западъ. Пробуждающаяся Россія стоитъ на перепутьи между нимъ и Азіей. Принять безъ оговорки и примѣнить къ нашему коренному государственному строю начала перваго значитъ поступиться въ короткое время многимъ дорогимъ и святымъ, потому что разъѣдающій ядъ побѣдившихъ уже Европу принциповъ соціально-политическаго анархизма и самаго бѣшенаго отрицанія въ области религіи именно путемъ грамотности сталъ бы переливаться въ нашъ народный организмъ, неся за собою смуты и разложеніе. Раньше, чѣмъ допускать эти зловредныя, неизбѣжно грозящія, вліянія, которыя всего легче распространяются чрезъ тенденціозную печать до инертныхъ пока и консервативныхъ массъ русскаго населенія, —имъ надо постепенно давать здоровую духовную пищу, то-есть создать такую, вполнѣ доступную и осмысленную, литературу для народа, какой до сихъ поръ, къ несчастію, нѣтъ, потому что создававшееся по частной иниціативѣ проникнуто явно антиправительственнымъ и разрушительнымъ направленіемъ. Съ одной стороны пора было обратить на этотъ фактъ самое глубокое внима-

ніе, съ другой же—не мѣшаетъ призадуматься надъ тѣмъ, какъ онъ отразится на насъ при роковомъ наступленіи на впитывающійся въ Россію, но и ее въ себя впитывающій мусульманско-языческій Востокъ. Онъ грамотенъ и типиченъ пестротой упорно сохраняющихся національностей, не смотря на доисторическій отчасти характеръ ихъ культуръ. Мы богаты сокровищами вѣры и воплощеніемъ въ міровую жизнь идеала единодержавія, но, при неминуемомъ сліяніи съ Азіей, способны въ значительной мѣрѣ утратить свой нравственный обликъ, свое внутреннее содержаніе. Тамошніе народы—убѣжденные монархисты по существу: они преклоняются, а впредь еще ниже преклонятся предъ властью Бѣлаго Царя; однако нужно могучее воздѣйствіе русской рѣчи, русской грамотности, христіанской проповѣди и науки, чтобы мы выдержали обаятельный и опасный натискъ ихъ духовнаго строя на нашъ строй, дабы мы съ теченіемъ времени не подпали незамѣтно подъ убаюкивающее вѣяніе ихъ міросозерцанія, чтобы мы въ концѣ концовъ не окитаились и не обусурманились, тогда какъ задача и призваніе нашей Имперіи въ томъ именно и заключается, чтобы гуманныя „всечеловѣческія чаянія" Русскаго народа мирно покорили себѣ духовно-сродныя, медленнѣе насъ прогрессировавшія народности. Достигнуть этого будетъ возможно относительно легко, когда славянскій піонеръ-простолюдинъ, безсознательно стремящійся въ азіатскій міръ, понесетъ туда съ собою въ душѣ яркій опредѣленный образъ того, что̀ мы такое собою представляли и представляемъ въ исторіи, чѣмъ сложилась въ могущественнѣйшее цѣлое наша страна, какою жаждой смиреннаго подвига и государственнаго творчества проникнуты были „святые" іерархи и благочестивѣйшіе правители, незабвенно великіе „молитвенники и печальники за землю Русскую".

— Въ послѣднее время часто приходится слышать о подвигахъ добровольныхъ просвѣтителей народа, говоритъ О. Р. Фудель въ въ «Моск. Вѣд.». Какой-то особенный зудъ «просвѣщенія» охватилъ интеллигенцію, и она спѣшитъ всѣми возможными средствами достигнуть намѣченной цѣли. До чего можетъ дойти дѣятельность интеллигентныхъ «просвѣтителей», видно изъ недавно опубликованной программы Орловскаго комитета народныхъ чтеній (Моск. Вѣд. № 98). Трудно найти гдѣ либо еще программу интеллигентныхъ вожделѣній болѣе откровенную и трудно представить себѣ въ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу что-либо болѣе характе-

ристичное, чѣмъ въ данномъ случаѣ. Здѣсь все: и полное незнаніе своей исторіи, и полная отчужденность отъ своего народа, и отсутствіе хоть малѣйшаго историческаго самосознанія и, въ довершеніе всего, политическій и духовный развратъ, вносимый въ народную жизнь подъ видомъ и оффиціальнымъ ярлыкомъ „народнаго просвѣщенія". Въ это же самое время мы читаемъ въ рѣчи К. П. Побѣдоносцева, что „и для отдѣльнаго человѣка, и для народа, и для общества—всю цѣну исторіи составляетъ самосознаніе. И отдѣльный человѣкъ, и народъ—представляемый властью—познаетъ себя въ своей исторіи". Сопоставленіе этой золотой мысли (если можно такъ выразиться) съ фактами нашей текущей жизни невольно наводитъ на грустныя размышленія. Если нашъ интеллигентный слой, въ своихъ попыткахъ „народнаго развращенія", доходитъ до возмутительныхъ предѣловъ, то не настоитъ ли неотложная необходимость въ просвѣщеніи самихъ просвѣтителей? Мысль эта слишкомъ не новая, очень часто повторяемая, но также часто принимаемая только за шутку. А между тѣмъ вся печальная серіозность этой мысли даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Возьмемъ пока только одну сторону затронутаго нами вопроса о просвѣщеніи просвѣтителей. Подъ этимъ понятіемъ разумѣется распространеніе въ интеллигенціи русскаго историческаго самосознанія, потому что только одно это можетъ возвратить интеллигенцію на историческую почву ея жизни. До настоящаго времени въ сокровищницу національнаго самосознанія внесено очень много цѣнныхъ вкладовъ цѣлымъ рядомъ мыслителей и изслѣдователей старины. Имена ихъ указывать нѣтъ надобности. Труды этихъ культурно-образованныхъ русскихъ людей положили прочное основаніе развитію національной жизни, и нельзя пройти мимо этихъ трудовъ тому, кто хочетъ сознательно участвовать въ этой жизни. Но что же дѣлается у несъ для того, чтобъ ознакомить и молодежь и общество съ трудами этихъ національныхъ мыслителей? Вѣдь для того, чтобы способствовать распространенію въ обществѣ историческаго самосознанія, прежде всего надо способствовать распространенію трудовъ тѣхъ писателей, которые явились выразителями этого самосознанія. Это очень ясно и просто. Но въ этомъ направленіи у насъ пока ровно ничего не дѣлается. А съ другой стороны—не пора ли намъ свыкнуться съ тою мыслью, что дѣло просвѣщенія народной массы, крестьянства, есть дѣло Церкви, а не вѣдомства? Не пора ли серіозно приняться за

просвѣщеніе самозванныхъ „просвѣтителей", за просвѣщеніе средняго класса, интеллигенціи, за воспитаніе въ ней большаго пониманія и своей исторіи, и культурно-историческихъ идеаловъ своего народа. Дѣло это слишкомъ трудное, но и неотложное. До сихъ поръ мы все боролись со зломъ мѣрами отрицательными; не пора ли подумать о борьбѣ инымъ путемъ—путемъ поддержки того добра, которое даетъ намъ наша умственная національная жизнь?...

— «Пастырь» въ статьѣ о лже-монахахъ, собирающихъ милостыню въ пользу Гроба Господня, передаетъ слѣдующій случай мошенничества, недавно имѣвшій мѣсто въ Сенаксомъ уѣздѣ: Къ одному дворянину приходятъ какіе-то монахи для собиранія пожертвованій въ пользу Гроба Господня. Дворянинъ съ особеннымъ уваженіемъ принимаетъ ихъ, даетъ имъ деньги и приглашаетъ откушать хлѣбъ-соль. Пріѣзжіе монахи видятъ въ домѣ магазинку (ружье) и съ любопытствомъ спрашиваютъ хозяина, откуда и за сколько пріобрѣлъ онъ это ружье. Хозяинъ удовлетворяетъ ихъ любопытству. Нельзя-ли у васъ,—спрашиваютъ они,—купить его или пріобрѣсти какимъ-нибудь образомъ?—На что вамъ, монахамъ, ружье?—съ удивленіемъ спрашиваетъ хозяинъ. Какъ на что,—отвѣчаютъ они,—на Гробъ Господень въ каждый мѣсяцъ 2—3 раза дѣлаютъ нападенія шайки разбойниковъ; караульные, поставленные іерусалимскимъ патріархомъ для охраны Гроба Господня, снабжены плохими ружьями и при атакѣ часто бываютъ побѣждены; а такими ружьями всегда можно было-бы отражать нападенія разбойниковъ. Если такъ,—отвѣтилъ хозяинъ,—я пожертвую въ пользу Гроба Господня это ружье, только прошу, чтобы меня тамъ поминали. Пріѣзжіе монахи низко поклонились за такое пожертвованіе и предложили услугу жертвователю, что они перешлютъ на свой счетъ и письмо, написанное патріарху собственноручно жертвователемъ, и пожертвованное ружье, обѣщая, что жертвователь получитъ письмо отъ патріарха въ скоромъ времени. Сказано—сдѣлано. Говорятъ, что эти-же монахи взяли у другого хорошую шашку съ тою-же цѣлью. Черезъ полтора мѣсяца нашъ жертвователь магазинки въ пользу Гроба Господня получаетъ письмо отъ іерусалимскаго патріарха на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія: «Добрѣйшій и любезнѣйшій о Христѣ жертвователь магазинки (имя рекъ!). Ваше ружье-магазинка, пожертвованное въ пользу Гроба Господня, я получилъ, и очень обрадовался. Сейчасъ, по полученіи ружья, приказалъ 12 митрополитамъ собраться помолиться о

вашемъ здравіи и долгоденствіи. Я съ митрополитами на колѣнахъ помолились и вѣчно будемъ поминать васъ за такое дорогое пожертвованіе. Присемъ прилагаю свой портретъ». Къ письму приложена большая печать, неизвѣстно съ какими надписями. Жертвователь съ особеннымъ благоговѣніемъ хранитъ это письмо у себя съ пакетомъ. И что-же оказывается? Пакетъ сданъ въ тифлисскую почтовую контору, а портретъ патріарха отпечатанъ въ какой-то литографіи въ Одессѣ.

— Въ самарскихъ газетахъ сообщался недавно фактъ ересеученія, распространяемаго въ сл. Александровъ-Гай, новоузенскаго уѣзда, нѣкоей крестьянкой Клипиковой относительно кронштадтскаго протоіерея о. Іоанна Сергіева, котораго она называетъ „истиннымъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, сошедшимъ вновь на землю изъ любви и сострадавія къ погрязшему во грѣхахъ человѣчеству для болѣе ощутительной помощи въ дѣлѣ спасенія". Какъ видно изъ отношенія самарской духовной консисторіи отъ 21 марта за № 4,616, о лжеученіи Клипиковой приходскій священникъ сл. Александровъ-Гай донесъ и епархіальному начальству. Преосвященный Гурій, епископъ самарскій и ставропольскій, чтобы вразумить невѣжественныхъ жителей, смущаемыхъ такими хуленіями Клипиковой, нашелъ нужнымъ обратиться къ самому о. Іоанну Сергіеву съ просьбой о его содѣйствіи къ прекращенію вреднаго вліянія, какое можетъ оказывать Клипикова, и на отношеніе преосвященнаго, о. Іоаннъ Сергіевъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ: „Настоятель кронштадтскаго собора, февраля 16-го дня 1895 г. Кронштадтъ. Его преосвященству Гурію, епископу самарскому. Честь имѣю почтительнѣйше отвѣтить на ваше ко мнѣ отношеніе отъ 30-го января сего года за № 1,642. Преосвященнѣйшій! Удивляюсь хитрости и коварству злоначальнаго змія, сѣятеля многоразличныхъ плевелъ въ родѣ человѣческомъ, какъ онъ неусыпно старается извратить истинную, правую и спасительную вѣру нашу и обратить въ поводъ ко вреду неразумнымъ и суемудреннымъ, ищущимъ своей хотя печальной и вредной извѣстности, а не истиннаго познанія Божія для славы Божіей и спасенія ближняго. Видитъ Богъ, что я ни малѣйшаго повода не подалъ крестьянкѣ Клипиковой къ тому, чтобы она признавала меня за Христа,—меня, человѣка грѣшнаго и немощнаго. Благодать Божія и долговременное служеніе въ санѣ священническомъ съ предшествовавшимъ высшимъ образованіемъ богословскимъ такъ укрѣпили меня въ истин-

ной вѣрѣ и сознаніи моей немощи и грѣховности и въ содѣйствіи мнѣ непрестанно силы Божіей, что я никогда не мыслилъ о себѣ высоко, а признавалъ себя тѣмъ, что я есмь—„немощнымъ и грѣшнымъ паче всѣхъ". Удивляюсь нелѣпости, безсмыслію и грубости означенной женщины,—и вотъ я нынѣ обличаю ее и слушающихъ ее настоящимъ письмомъ въ безумствѣ, нелѣпости и пагубѣ ученія Клипиковой, какъ невѣжественной бродяги, безграмотной и безсмысленной. Утверждаю предъ всѣми, что нѣсть иного имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися, кромѣ имени Іисуса Христа, Которымъ и я непрестанно спасаюсь и побѣждаю грѣхъ и супостата діавола, а Іисусъ Христосъ пребываетъ на небеси и сидитъ одесную Бога Отца и всегда невидимо пребываетъ съ вѣрными своими въ церкви своей на земли, по Его обѣтованію: „Се Азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка".—И „аще мы или ангелъ съ небеси благовѣститъ паче, нежели благовѣствуемъ, анаѳема да будетъ". Если найдете, ваше преосвященство, полезнымъ и нужнымъ огласить въ печати это обличительное описаніе мое касательно Клипиковой,—прикажите его напечатать въ „Епархіальныхъ" или „Губернскихъ Вѣдомостяхъ"; пусть всѣ, кому нужно вѣдать, знаютъ, что я—человѣкъ грѣшный, но живущій, освящаемый и руководимый непрестанною благодатію Христовою ради благодати священства, на мнѣ почивающей и во мнѣ дѣйствующей, по вѣрѣ и усердію моему, и да умолкнутъ всѣ суемудренные и невѣжды, не вѣдающіе ни яже глаголютъ, ни яже утверждаютъ!..

„Вашего преосвященства смиренный послушникъ, протоіерей кронштадтскаго собора Іоаннъ Сергіевъ".

— «Воскресная Бесѣда» знакомитъ читателей съ идеей „трудовыхъ братствъ", объ осуществленіи которыхъ хлопочетъ Н. Неплюевъ, извѣстный своей филантропической дѣятельностью. Цѣль и задача братствъ, говоритъ «Воскр. Бесѣда», такъ обрисовывается г. Неплюевымъ: Мы не можемъ болѣе быть христіанами на часъ, оставаясь грубыми язычниками во все остальное время; намъ надо не часть жизни нашей, а всю нашу жизнь сознательно и съ любовью отдать на дѣло Божіе. Стройная организація добра въ жизни, при такихъ обстоятельствахъ, является насущной потребностью. Первообразъ такой организаціи г. Неплюеву даютъ братскія общины временъ апостольскихъ, а нынѣ, примѣняясь къ нашимъ условіямъ жизни, могли бы стать трудовыя братства, въ которыхъ искренно вѣрующіе христіане нашли бы возможность согласовать

жизнь съ вѣрою; жить въ единомысліи и единодушіи съ искренними братьями о Христѣ; добывать средства къ жизни путемъ совмѣстной дружной дѣятельности, основанной на любви, довѣріи и уваженіи другъ къ другу... „Въ матеріальномъ отношеніи братство гарантировало бы своихъ сочленовъ, ихъ вдовъ и сиротъ отъ нищеты, слишкомъ часто постигающей людей, ничѣмъ неповинныхъ. Пожаръ, падежъ скота, болѣзнь, неурожай, дурное поведеніе главы семьи, подвохъ лихого человѣка—всѣ эти бѣдствія, способныя въ конецъ разорить одинокую, предоставленную самой себѣ среди ожесточенной борьбы за существованіе, крестьянскую семью, не имѣли бы въ братствѣ столь роковыхъ послѣдствій. Даже и не подвергаясь этимъ исключительнымъ бѣдствіямъ, ставшимъ, впрочемъ, заурядными явленіемъ, крестьяне постепенно путемъ прироста населенія обезземеливаются; уже теперь во многихъ мѣстахъ надѣлы раздробились на столько, что собственность крестьянина представляетъ собою грядку, которая можетъ служить развѣ подспорьемъ, но никакъ не обезпеченіемъ даже и для скудной жизни крестьянской семьи. Братство, отчисляя ежегодно 10% чистаго дохода въ основной капиталъ, приращающійся кромѣ того всѣми процентами получающимися съ этого капитала, и добровольными пожертвованіями, могло бы постепенно скопить сумму, достаточную для того, чтобы по временамъ прикупать новыя земли и тѣмъ обезпечивать нормальный приростъ своего населенія. Указавъ, затѣмъ назначеніе, которое могли бы имѣть братства для своихъ сочленовъ въ умственномъ отношеніи, авторъ обращается къ указанію значенія трудовыхъ христіанскихъ братствъ для государства: Для христіанскаго государства трудовое братство такъ же необходимо, какъ здоровая клѣтка для организма. Въ немъ залогъ благополучнаго и достойнаго христіанскаго общества, выхода изъ многихъ соціальныхъ осложненій въ будущемъ, въ немъ гарантія устойчивости и нормальнаго роста государственной жизни, такъ какъ трудовое братство есть вполнѣ естественное соединеніе общины съ животворящимъ духомъ вѣры. Время разлада между вѣрою и жизнью прошло безвозвратно; государство обязано или сознательно отказаться отъ христіанства, избравъ новую основу жизни, или сознательно стремиться къ разумному согласованію всего строя частной, общественной и государственной жизни съ вѣрою. Трудовыя братства, замѣчаетъ «Воскр. Бесѣда», могутъ сослужить въ этомъ отношеніи великую услугу Россіи, если не будетъ упущено

благопріятное время. Нашъ народъ не воспитанъ историческимъ прошлымъ къ жизни свободныхъ людей; вся религія его приняла характеръ полной вѣры и смиренной покорности. Этого было достаточно, чтобы повиноваться; этого совершенно недостаточно, чтобы разумно творить жизнь на новыхъ путяхъ. Народъ чувствуетъ свою безпомощность, не находитъ въ прежней наивной вѣрѣ отвѣтовъ на тысячи вопросовъ, воздвигаемыхъ предъ нимъ новою, осложненною жизнью и начинаетъ уже искать отвѣта внѣ церкви православной. Города, фабрики, мѣстные кулаки, интеллигентные дѣльцы, аферисты и казармы рабочихъ, все это могучіе дѣятели быстраго умственнаго разложенія для крестьянъ; съ каждымъ днемъ расшатывается вѣра, прививается жажда веселой праздной жизни и наживы во чтобы то ни стало. Этой язвѣ необходимо противопоставить трудовое христіанское братство. Начало основанію трудовыхъ христіанскихъ братствъ уже положено: въ концѣ 1894 года утвержденъ уставъ перваго въ Россіи православнаго Крестовоздвиженскаго трудоваго братства.

— Въ «Нов. Дня» говорятъ, что съ нѣкоторыхъ поръ среди рабочаго населенія Петербурга, какъ сообщаетъ «Нов. Вр.», появилась слабая сначала, а затѣмъ все болѣе и болѣе усиленная пропаганда новой религіозной секты, подъ названіемъ „тайнаго духовнаго христіанства". Основателемъ новой секты оказался прибывшій въ столицу въ началѣ 1893 г. изъ Оренбурга крестьянинъ Михаилъ Рябовъ. Какъ личность, не имѣющая никакихъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ вредной пропаганды измышленнаго имъ-же самимъ лжеученія, Рябовъ въ ноябрѣ того-же года былъ высланъ изъ столицы къ мѣсту своей приписки. Та-же участь постигла одновременно и помощника Рябова, крестьянина Шлиссельбургскаго уѣзда Николая Комякова, молодого парня, по ремеслу басонщика, совращеннаго Рябовымъ на первыхъ порахъ и сдѣлавшагося горячимъ приверженцемъ сектатора. Вслѣдъ за высылкою основателя секты и помощника его, Комякова, пришлось закрыть басонную мастерскую, въ которой работалъ послѣдній. Мастерская эта, принадлежавшая нѣкоему Александру Бо, вся поголовно предалась новому лжеученію, начиная отъ хазяина и его жены, до послѣдняго рабочаго и ученицы включительно, и, находясь въ мѣстности, населенной преимущественно рабочимъ людомъ, главнымъ образомъ—фабричными (на Пескахъ, около Смольнаго), служила удобнымъ мѣстомъ для пропаганды, и въ ней

собирались многіе для поученія и на „радѣнія". Но и послѣ указанныхъ мѣръ пропаганда не прекратилась. Бо и нѣкоторые изъ его рабочихъ поступили въ мастерскую крестьянина Ивана Григорьева, въ д. № 11, по Можайской улицѣ, и вскорѣ квартира Григорьева превратилась въ форменную молельню „духовныхъ христіанъ", при чемъ первенствующую роль въ пропагандѣ въ это время приняла на себя одна изъ мастерицъ, совершенно безграмотная дѣвушка Василиса Григорьева. Здѣсь „радѣнія" происходили почти каждую ночь, собирались на нихъ до 40 и болѣе человѣкъ и между ними, какъ руководитель и учитель, высланный полиціей, но вернувшійся самовольно Комяковъ, а въ качествѣ помощницы его—Василиса Григорьева. Сектанты называли основателя новаго ученія, Рябова, своимъ „папашинькой", Комякова и Василису—„папой и мамой", другъ друга—„братцами" и „сестрами". Они называли себя истинными христіанами, или христіанами „живущими по духу", проповѣдывали цѣломудріе и безбрачіе, не употребляли въ пищу мясного, отказывались отъ табаку и водки и высказывали ненависть къ православному духовенству и ко всѣмъ, не принадлежащимъ къ ихъ сектѣ, которыхъ считали грѣшными и грязными. Самихъ себя сектанты признавали святыми и угодными Богу и проч. Нѣсколько дней тому назадъ чины сыскной полиціи обнаружили одно изъ радѣній въ квартирѣ басонщика Григорьева. Собравшіеся сектанты казались утомленными до изнеможенія и лежали въ полудремотѣ на постеляхъ, скамьяхъ и даже на полу. При появленіи полиціи, руководитель сектантовъ Комяковъ спрятался въ сундукѣ, стоявшемъ въ задней комнатѣ квартиры, но при обыскѣ Комякова нашли и арестовали.

— Предсѣдатель правленія с.-петербургскаго общества послѣдователей гомеопатіи проситъ довести до свѣдѣнія тѣхъ лицъ, которыя лѣчатся гомеопатіей, о средствахъ примѣняемыхъ съ успѣхомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при леченіи инфлюэнціи врачами гомеопатической лѣчебницы общества. Въ началѣ болѣзни, когда существуется знобъ, жаръ, сильная головная боль, ломота во всемъ тѣлѣ, особенно въ поясницѣ,—давать Бріонія╳3 и Русъ╳3 попеременно черезъ каждые два часа по 5 капель на 1/2 рюмки воды и приготовить питье изъ Баптизіи╳3, для чего взять 10—15 капель лекарства на стаканъ воды и испивать небольшими глотками въ теченіе дня.

Когда вышеупомянутые симптомы будутъ стихать, а появится

насморкъ, кашель съ труднымъ отдѣліемъ мокроты,—давать Меркурій іодатъ×3 и Тартар. эметик.×6 черезъ 2 часа по 5 капель на ½ рюмки воды; при улучшеніи—рѣже; если при этомъ еще будетъ головная боль—приготовьте питье изъ Беллядонны×3—взять также 10—15 капель на стаканъ воды. Очень скоро успокаиваются боли въ тѣлѣ отъ растиранія оподельдокомъ Бріонія,—брать съ чайную ложку мази на руки и втирать въ то мѣсто, которое болитъ. Всѣ же другія осложненія, которыя иногда сопровождаютъ эту болѣзнь, лѣчатся по общимъ правиламъ. Беречься простуды, а кушать можно все, къ чему кто привыкъ.

Упомянутыя выше лекарства можно получать въ гомеопатической лечебницѣ общества, Садовая, 18; могутъ быть высланы по требованію, и наложеннымъ платежомъ. „Кіев. Епарх. Вѣдом.".

— 5-го февраля въ часъ дня въ присутствіи собравшихся гостей, членовъ мѣстнаго общества послѣдователей гомеопатіи и врачей-гомеопатовъ Е. Я. Дюкова и Н. В. Скарятина состоялось торжественное освященіе недавно открытой гомеопатической аптеки. Торжество освященія, начавшееся молебствіемъ, совершалъ священникъ Троицкой церкви о. Н. Любарскій, который предъ началомъ молебствія сказалъ прочувствованную рѣчь о высокомъ назначеніи медицины и въ частности гомеопатіи въ дѣлѣ облегченія страданій человѣчества. Послѣ молебствія былъ предложенъ завтракъ, во время котораго произнесено было много тостовъ за гомеопатію и ея послѣдователей.—Если гомеопатія действительно полезна обществу, то мы очень рады, что въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Харьковъ, устроена наконецъ гомеопатическая аптека, въ которой давно ощущалась надобность. Имя владѣльца ея, провизора Ф. П. Насальскаго, опытнаго фармацевта-гомеопата служитъ ручательствомъ, что приготовленіе и отпускъ въ ней гомеопатическихъ лѣкарствъ будутъ исполняться добросовѣстно и аккуратно. Желаемъ аптекѣ полнаго процвѣтанія и надѣемся, что дѣятельность ея послужитъ къ развитію и упроченію гомеопатіи въ г. Харьковѣ. Недаромъ же гомеопатія въ послѣднее время обращаетъ на себя вниманіе и общества и даже правительства. Хроника „Врач. гомеопат." сообщаетъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Финансовъ, Сергѣя Юльевича Витте, въ 13 день января сего года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: Отпустить Обществу послѣдователей гомеопатіи, въ видахъ поощренія его человѣколюбивой дѣятельности, двѣ тысячи рублей.

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ „СЕЛЯНИНЪ“

въ 1895 году.

Газета **„СЕЛЯНИНЪ“**, — единственный православный церковно-общественный вѣстникъ, издаваемый въ Княжествѣ Болгаріи. Вступая въ 10-й годъ своего существованія **„СЕЛЯНИНЪ“** и въ текущемъ году будетъ выходить еженедѣльно. Подписная цѣна газеты въ Княжествѣ: на годъ 8 левовъ (франковъ), а съ пересылкою за границу 10 левовъ (франковъ). Подписка принимается въ гор. Софіи, въ Княжествѣ Болгаріи, въ редакціи газеты.

Редакторъ—Издатель: **Игнатій Рыльскій.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

въ 1895 году.

Православный Собесѣдникъ будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой. Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 года № 2792). Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи **семь рублей сереб.** При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются **ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ**, выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта. Причты Казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ. Цѣна **Извѣстій** для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб., сереб. — съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Православнаго собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Мая № 9. 1895 года.

Высочайшія награды:

I.

Всемилостивѣйше пожалованы въ 6-й день мая 1895 г., за отлично усердную службу слѣдующія лица по вѣдомству православнаго исповѣданія въ Харьковской епархіи: *орденомъ св. Анны 2-й степени:* смотритель Харьковскаго духовнаго училища, статскій совѣтникъ, Александръ **Снѣгиревъ**; и каллежскій совѣтникъ: Секретарь Харьковской духовной консисторіи, Иванъ **Вещуровъ**; и *орденомъ св. Станислава 3-й степени* врачъ при Купянскомъ духовномъ училищѣ коллежскій совѣтникъ Семенъ **Афанасьевъ**. За службу по епархіальному вѣдомству въ Харьковской епархіи: а) *орденомъ св. Владиміра 3-й степени*—членъ Харьковской духовной консисторіи протоіерей Андрей **Дюковъ**; гор. Сумъ, Преображенскаго собора протоіерей Василій **Никольскій**; б) *орденомъ св. Анны 2-й степени*—гор. Харькова, Благовѣщенской церкви протоіерей Василій **Проскурниковъ**; гор. Харькова, Пантелеймоновской церкви протоіерей Николай **Ѳедоровъ**; гор. Харькова, Николаевской церкви протоіерей Александръ **Ѳедоровскій**; Изюмскаго уѣзда, церкви села Христища протоіерей Михаилъ **Куницынъ**; Купянскаго уѣзда, церкви слободы Ново-Георгіевска протоіерей Василій **Поповъ**; гор. Богодухова, соборной Успенской церкви протоіерей Василій **Доброславскій**; в) *орденомъ св. Анны 3-й степени*—экономъ Харьковскаго архіерейскаго дома архимандритъ **Іосифъ**; гор. Харькова, Преображенской церкви священникъ Василій **Лихницкій**.

Синодальныя награды:

II.

Списокъ лицамъ духовнаго званія по Харьковской епархіи, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по ду-

ховному вѣдомству ко дню Рожденія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Награждены: а) *палицею*—членъ Харьковской духовной консисторіи протоіерей Павелъ **Солнцевъ**; б) *саномъ протоіерея*—города Харькова, Воскресенской церкви священникъ Николай **Соколовскій**; города Волчанска, Мироносицкой церкви священникъ Алексій **Евфимовъ**; Зміевскаго уѣзда, церкви слободы Волохова Яра священникъ Іоаннъ **Чудновскій**; Валковскаго уѣзда, церкви села Станичнаго священникъ Илія **Энеидовъ**; в) *наперстнымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Сѵнода выдаваемымъ*—настоятельница Богодуховскаго Троицкаго женскаго монастыря игуменія **Херувима**; Старохарьковскаго Куряжскаго Преображенскаго монастыря іеромонахъ **Варсонофій**; Спиридоновской церкви при Харьковской Клеменовской богадѣльнѣ священникъ Іоаннъ **Мантуловъ**; города Золочева, Николаевской церкви священникъ Ѳеодоръ **Ивановъ**; законоучитель Волчанской учительской семинаріи священникъ Григорій **Рубинскій**; Купянскаго уѣзда, церкви слободы Кругляковки священникъ Іосифъ **Самойловъ**; Зміевскаго уѣзда, церкви села Мѣловой священникъ Стефанъ **Дахнѣвскій**; города Лебедина, Троицкой церкви священникъ Петръ **Чижевскій**; Волчанскаго уѣзда, церкви слободы Петро-Павловки священникъ Іоаннъ **Грызодубовъ**; г) *камилавкою*—смотритель Сумскаго духовнаго училища священникъ Аркадій **Грузовъ**; города Харькова, Рождество-Богородичной церкви священникъ Василій **Добровольскій**; города Харькова, Александро-Невской церкви священникъ Николай **Сокольскій**; города Старобѣльска, соборной Покровской церкви священникъ Александръ **Касьяновъ**; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Шульгинки священникъ Николай **Карповъ**; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Павловки священникъ Симеонъ **Петровъ**; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Бѣловодска священникъ Андрей **Базилевичъ**; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Просяной священникъ Іоаннъ **Павловъ**; Зміевскаго уѣзда, города Чугуева, Николаевской церкви священникъ Ѳеодоръ **Юшковъ**; Волчанскаго уѣзда, церкви слободы Великаго Бурлука священникъ Василій **Самойловъ**; Изюмскаго уѣзда, церкви слободы Шандриголовой священникъ Димитрій **Могилянскій**; Изюмскаго уѣзда, церкви слободы Барвенковой священникъ Іоаннъ **Полницкій**; Изюмскаго уѣзда, церкви села Куньяго, священникъ Григорій **Манухинъ**; Богодуховскаго уѣзда, церкви села Братеницы священникъ Георгій **Подольскій**; Купянскаго уѣзда, церкви слободы Ново-Красной священникъ Григорій **Кувичинскій**; Купянскаго уѣзда, церкви слободы Краснянки священникъ Василій **Рождественскій**; города Ахтырки, Георгіев-

ской церкви священникъ Ѳеодоръ **Добрславскій**; Ахтырскаго уѣзда, церкви слободы Боромля священникъ Іоаннъ **Губскій**; Лебединскаго уѣзда, церкви села Бишкина священникъ Константинъ **Острогорскій**; Сумскаго уѣзда, церкви слободы Ульяновки священникъ Митрофанъ **Красинъ**.

От Харьковской Духовной Консисторіи.

Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, послѣдовавшей 15 апрѣля н. г. на отношеніи Архіепископа Рижскаго и Митавскаго, отъ 27 марта н. г. за № 1902, Харьковская Духовная Консисторія что съ Высочайшаго соизволенія открытъ по Россіи сборъ пожертвованій на сооруженіе новаго православнаго храма въ г. Митавѣ, Курляндской губерніи. По сему духовенство Харьковской епархіи приглашается оказать свое содѣйствіе къ сбору пожертвованій на означенный предметъ.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Харьковское Епархіальное Попечительство оповѣщаетъ о. о. Благочинныхъ епархіи о представленіи въ Попечительство отъ священно и церковно-служителей, опредѣленныхъ XIII и XIV Епархіальными Съѣздами Духовенства, взносовъ въ пользу семействъ и въ память умершихъ до 1 января н. г. священно и церковно-служителей, о смерти которыхъ Попечительствомъ еще не было оповѣщено, за неимѣніемъ о томъ свѣдѣній, а именно: А, протоіереевъ: 1, соборной Успенской церкви г. Лебедина Николая Ходского, 2, Рождество-Богородичной церкви слоб. Мерефы Харьковской уѣз. Николая Соколовскаго, 3, Архангело-Михайловской церкви слоб. Новой-Айдари Михаила Ветухова; Б, Священниковъ: 4, Петро-Павловской церкви слоб. Шаровой Старобѣльскаго уѣз. Димитрія Ветухова; 5, Димитріевской церкви слоб. Шевелевки Изюмскаго уѣз. Митрофана Котляревскаго; 6, Покровской церкви села Рубленаго Волчанскаго уѣз. Африкана Пономарева и 7, Рождество Богородичной церкви слоб. Баранниковки Старобѣльскаго уѣз. Іосифа Реутскаго;—В, Діаконовъ: 1, Покровской церкви села Новаго Мерчика, Валковскаго уѣз. Іоанна Калашникова и 2, Троицкой церкви слоб. Михаайловки Валковскаго уѣзда Владиміра Калашникова и Г, псаломщика Рождество-Богородичной церкви слоб. Шелестовой Ста-

робѣльскаго уѣзд. Іоанна Смирнскаго. При этомъ Попечительство проситъ о. о. Благочинныхъ представлять взносы при трехъ отдѣльныхъ отношеніяхъ, съ перечисленіемъ въ нихъ, отъ кого именно и въ чью пользу представляются таковые взносы.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Воскресенской церкви с. Ясеноваго, Лебединскаго уѣзда. Іаковъ *Шебатинскій*, 14 марта с. г. Волею Божіею умеръ.

— Священникъ Архангело-Михаиловской церкви с. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, Димитрій *Матвѣевъ*, 29 марта с. г. Волею Божіею умеръ.

—- Заштатный священникъ Іоанно-Предтечевской церкви с. Луки, Сумскаго уѣзда, Петръ *Θедоровскій*, 5 марта н. г. Волею Божіею умеръ.

— На праздное священническое мѣсто къ Успенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ 10 апрѣля н. г. студентъ Семинаріи Михаилъ *Вербицкій*.

— Священникъ церкви сл. Райгородки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Царевскій*, назначенъ депутатомъ для производства слѣдствій.

— Священники церквей: сл. Чебановки, Старобѣльскаго уѣзда, Филиппъ *Пестряковъ* и сл. Боровской того же уѣзда, Максимъ *Грековъ*, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Псаломщикъ Георгіевской церкви с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда, Григорій *Егоровъ*, 19 марта н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Уволенный изъ 2 класса Духовной Семинаріи Георгій *Павловъ*. опредѣленъ псаломщикомъ къ церкви сл. Каменки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Константинъ *Улановъ*, опредѣленъ псаломщикомъ къ Богородичной церкви сл. Ново-Бѣленькой, того же уѣзда.

— Діаконскій сынъ Николай *Любицкій*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви сл. Чебановки, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Папскій дворъ давно уже стремится освободиться отъ вліянія европейскихъ правительствъ при избраніи новаго папы. Къ этому же стремится и Левъ XIII, который, разочаровавшись въ правительствахъ, задумалъ основать свою политику на союзѣ съ наро-

домъ и ищетъ опоры для своего поколебленнаго престола въ, такъ называемомъ, христіанскомъ соціализмѣ. Это же имѣетъ въ виду и политическое завѣщаніе нынѣшняго папы. Изъ Рима телеграфируютъ въ берлинскія газеты, что Левъ XIII вручилъ кардиналамъ, генераламъ монашескихъ орденовъ и другимъ высокопоставленнымъ духовнымъ лицамъ длинный документъ, который онъ назвалъ своимъ политическимъ завѣщаніемъ. Изложивъ положеніе, въ которомъ нынѣ находится св. престолъ, Левъ XIII предлагаетъ кардиналамъ послѣ его смерти не долго медлить избраніемъ новаго папы, чтобы лишить иностранныя державы возможности оказать давленіе на кардиналовъ и не создавать затрудненій вновь избранному первосвященнику. Составляя этотъ документъ, Левъ XIII намѣревался обезпечить избраніе такого папы, который былъ бы продолжателемъ его политики.

— Извѣстно, что католики Италіи отстранились отъ политики, считая занятія ею удѣломъ враговъ церкви; но въ послѣднее время они повидимому убѣдились въ томъ, что и политическая арена представляетъ достаточно простора для ихъ дѣятельности и потому, пробудившись, взялись за политику съ необыкновенною энергіею. Въ настоящее время, по словамъ римскаго корреспондента «Рус. Вѣд.», они пользуются всякимъ предлогомъ для того, чтобы показаться на улицѣ въ торжественныхъ процессіяхъ, которыя устраиваются ими чуть не ежедневно. Особенно сильно это движеніе на югѣ. Такъ, въ Палермо, гдѣ уже много лѣтъ назадъ прекращены торжественныя уличныя манифестаціи католиковъ, мѣстная клерикальная партія настояла теперь на устройствѣ грандіознѣйшей духовной процессіи, привлекшей толпы народа. Это было нѣчто вродѣ мистеріи, въ которой многочисленные аббаты, капуцины, члены частныхъ религіозныхъ обществъ изображали изъ себя тѣхъ или иныхъ библейскихъ лицъ и были одѣты соотвѣтственно этому. Четыре колонны одновременно двинулись съ разныхъ концовъ города къ центральной площади, гдѣ сошлись вмѣстѣ, представляя въ этомъ соединеніи нѣчто символическое. Разнообразные костюмы, отъ самыхъ роскошныхъ до лохмотьевъ, всевозможныя украшенія и значки, бѣлые цвѣты, бѣлые голуби въ рукахъ у нѣкоторыхъ монаховъ— все имѣло символическое значеніе, въ которомъ могли разобраться только посвященные. Эта процессія была устроена по поводу новаго фазиса, въ который вступило знаменитое судебное столкновеніе между нынѣшнимъ премьеромъ итальянскаго кабинета, Криспи, и прежнимъ Джіолити. И подобныя же процессіи клерикальная партія устроила въ Венеціи, Падуѣ и др. городахъ. Словомъ, она упо-

требляетъ всѣ усилія, чтобы обратить на себя вниманіе населенія: очевидно, она вновь хочетъ играть роль въ политической жизни своей страны.

— Свои планы о возсоединеніи православнаго Востока съ Римомъ, говоритъ «Церк. Вѣстн.», Левъ XIII старается поддержать осязательными мѣропріятіями. Такъ, въ Константинополѣ, въ прежнемъ помѣщеніи іезуитовъ въ Галатѣ, рѣшено основать новый греческій институтъ. Завѣдываніе институтомъ поручается ордену базиліанъ, члены котораго, согласно съ желаніемъ папы, возвратились къ греческому обряду и греческой литургіи. Уже существовавшая тамъ коллегія будетъ преобразована по особому, выработанному коллегіею кардиналовъ плану и въ нее будутъ приниматься только греческіе семинаристы. Кромѣ того, согласно съ желаніемъ папы, предполагается учредить нѣсколько семинарій для римско-католическихъ приверженцевъ изъ каждой изъ восточныхъ церквей. Имѣется въ виду, наконецъ, основать въ Константинополѣ даже греческій университетъ. Для этого уже заготовлены необходимыя суммы, и недавно онѣ были подкрѣплены взносомъ 200,000 франковъ со стороны ліонскаго „общества распространенія вѣры на востокѣ". Вообще для осуществленія излюбленной идеи Льва XIII подчинить себѣ православный востокъ принимаются всевозможныя мѣры. Кардиналъ Ланженье съ этою же цѣлію предполагаетъ издавать въ Парижѣ особую газету, на знамени которой будетъ начертанъ девизъ—соединеніе церквей!...

— 30-го апрѣля, происходило подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Васильчикова годовое собраніе членовъ Императорскаго православнаго Палестинскаго общества. Въ собраніи присутствовали: товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблеръ, начальникъ главнаго тюремнаго управленія М. Н. Галкинъ-Враской, директоръ департамента народнаго просвѣщенія М. Н. Аничковъ, сенаторъ Селифонтовъ, генералъ-отъ-инфантеріи Даниловъ и др. Дѣятельность общества, подобно предшествовавшимъ годамъ, выражалась въ поддержаніи православія въ Св. Землѣ, въ пособіи паломникамъ, въ изданіи научныхъ трудовъ и въ сборѣ пожертвованій. На поддержаніе православія израсходовано въ истекшемъ году 57,190 руб., изъ которыхъ 52 т. руб. пошло на содержаніе учебныхъ заведеній; всѣхъ школъ на попеченіи общества было 18 съ 1,415 учащимися. Въ общемъ, каждый ученикъ обошелся обществу въ 37 руб. Медицинская помощь выражалась въ двухъ амбулаторіяхъ: въ Назаретѣ и въ Бей-Джалѣ. Въ обѣихъ въ теченіе года было 33,729 посѣщеній, стоившихъ обществу 4,997 руб.

Самый крупный расходъ въ 1893—94 г. составляла помощь паломникамъ—104,229 руб. Общее число паломниковъ, посѣтившихъ прошлый годъ Іерусалимъ, 5,366 чел., пробыло въ русскомъ подворьѣ 197,524 дня. Такимъ образомъ, каждый паломникъ обошелся обществу за вычетомъ полученныхъ съ него 5 руб. 43 коп. по 14 р. 02 коп., т.-е. 38 коп. въ день или въ 2½ раза болѣе того, что общество съ него получало. На изданіе научныхъ трудовъ въ томъ же году израсходовано 29,257 руб. и на сборъ пожертвованій 23,041 руб. Доходы же общества составляли: членскіе взносы 17,850 руб., пожертвованія 191,722 руб., проценты на капиталъ 9,040 руб., продажа изданій 3,127 руб., отъ паломниковъ 29,154 руб. Въ общемъ весь итогъ доходовъ составляетъ 251,792 руб., расходъ же 213,708 руб. Капиталы общества состоятъ изъ 73,704 руб. неприкосновеннаго и 150 т. руб. оборотнаго. Количество членовъ возросло съ 980 до 2,400 человѣкъ, благодаря открытію новыхъ отдѣловъ общества. Починъ открытія отдѣла въ Якутскѣ сдѣлалъ преосвященный Мелетій, епископъ якутскій, и затѣмъ отдѣлы открылись въ Одессѣ, Житомірѣ, Вяткѣ, Оренбургѣ, Пензѣ, Рязани, Черниговѣ, Томскѣ, Калугѣ, Екатеринбургѣ, Ярославлѣ, Твери, Казани, Смоленскѣ, Ставрополѣ, Псковѣ и Владимірѣ. Открытіемъ трехъ новыхъ училищъ заканчивается обзоръ дѣятельности общества. Смѣта расходовъ на будущій годъ исчислена въ размѣрѣ 278 т. руб.

— Любопытныя подробности объ университетѣ евреевъ, предполагаемомъ въ Іерусалимѣ, сообщаетъ «Недѣльная Хроника Востока». На этотъ университетъ какой-то изъ еврейскихъ богачей пожертвовалъ крупную сумму и въ осуществленіи его намѣревается принять участіе и всемірный еврейскій союзъ. Закладка зданія предполагается въ сентябрѣ 1897 г. Къ этому времени, говоритъ «Восходъ», надѣются, будетъ уже готовъ профессорскій персоналъ университета, будутъ покончены всѣ формальности, сопряженныя съ полученіемъ разрѣшенія на открытіе его со стороны турецкаго правительства; къ этому дню, наконецъ, будутъ уже находиться на мѣстѣ студенты будущаго университета, который имѣетъ временно помѣщаться въ наемномъ зданіи. Въ число предметовъ университетскаго курса будутъ входить всѣ обыкновенныя университетскія дисциплины; особое вниманіе будетъ обращено, разумѣется, на семитическіе языки и спеціально еврейскую литературу. Собственно еврейскій элементъ будетъ заключаться въ общежитіи при университетѣ съ самыми кошерными порядками, да развѣ еще въ широкомъ открытіи доступа въ университетъ всѣмъ, безъ разли-

чія національности и вѣроисповѣданія... Послѣднее даже кажется совсѣмъ безполезно, если только основатели университета не имѣютъ цѣли совращать христіанъ въ іудейство, случаи чего, судя по сообщеніямъ самого же «Восхода», вовсе не рѣдки въ Германіи и Австріи, преимущественно между протестантами или вѣрнѣе между женщинами протестантскаго вѣроисповѣданія, которыя, выходя замужъ за еврея, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ и законъ Моисея. Разсуждая о будущемъ новаго университета, «Восходъ» говоритъ между прочимъ: если изъ западно-европейскихъ государствъ еврейской молодежи незачѣмъ будетъ являться въ Іерусалимъ, то этого нельзя сказать про нашихъ русскихъ единовѣрцевъ: іерусалимскій университетъ можетъ дать прекрасный выходъ изъ затруднительнаго положенія тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ вслѣдствіе установленнаго процентнаго отношенія отказано было въ пріемѣ въ то или другое высшее учебное заведеніе Россіи и которые не имѣютъ средствъ продолжать свое образованіе за границей.—Но дипломъ іерусалимскаго университета, надѣемся, не будетъ давать евреямъ тѣхъ правъ, которыя даютъ имъ русскіе университеты. Пускай учатся для заграницы, а не для Россіи.

— Любопытный примѣръ нравственныхъ идеаловъ сѣверо-американцевъ даютъ «Пет. Вѣд.», сообщая объ одной книгѣ, недавно вышедшей въ Соед. Штатахъ и встрѣченной въ этой странѣ съ необыкновеннымъ сочуствіемъ. Книга озаглавлена такъ: «Какъ пройти въ первые ряды; какъ достичь успѣха, не смотря на затрудненія. Книга для наставленія и ободренія всѣхъ, кто желаетъ преуспѣть». Написалъ эту книгу нѣкто Марденъ и она до такой степени подошла подъ практическіе взгляды американцевъ, что назначена для раздачи въ школахъ въ видѣ награды. Всѣ газеты и журналы,—говорятъ «Пет. Вѣд.»,—поютъ гимны автору, нашедшему выразительную форму для высокой и практической морали, достойной великой націи. Въ одномъ случаѣ ее называютъ „идеальною книгою, давно ожидаемою юношествомъ", а нью-іоркскій епископъ сравнилъ ее съ книгами Библіи. „Вы одинъ изъ великихъ благодѣтелей вашей родины",—пишетъ онъ автору. Чему же учитъ новая книга? Вотъ образцы проповѣдуемой ею морали: „Не ожидайте счастливаго момента; создавайте его сами". „Не теряйте ни минуты времени. Если такой геній, какъ Гладстонъ, постоянно носитъ книгу въ карманѣ, дабы не тратить даромъ ни одного момента жизни, что же говорить объ обыкновенныхъ людяхъ?" „Не ставьте себѣ никакой другой цѣли помимо карьеры". „Къ чему я пригоднѣе всего?—вотъ вопросъ вѣка". „Сосредоточьте всѣ ваши

помыслы на одной цѣли и не раскидывайтесь". „Не теряйте времени на мечты о прошломъ или будущемъ; пользуйтесь только настоящимъ". „Заботьтесь о вашемъ здоровьѣ и долголѣтіи. Первое условіе успѣха—это быть первоклассныиъ животнымъ", и т. д., и т. д. Съ этими идеалами, въ особенности если они будутъ примѣняться буквально, американское юношество можетъ пойти далеко. Какъ на образцы для подраженія Марденъ указываетъ на Астора, Вандербильдта, Барнума и прочихъ американскихъ героевъ спекуляціи.

— Въ Аѳинахъ, по словамъ «Церк. Вѣстн.», завязалась интересная полемика между двумя-греческими профессорами по вопросу о старокатолицизмѣ. Въ органѣ митрополита Германа профессоръ Зикосъ Росисъ напечаталъ отчетъ о международномъ старокатолическомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Люцернѣ въ 1892 году, и въ этомъ отчетѣ отнесся весьма предубѣжденно къ старокатолицизму, для чего даже пожертвовалъ богословскимъ безпристрастіемъ и допустилъ явныя передержки и искаженія. Такъ онъ, излагая тезисы, положенные въ основу разсужденій конгресса, совершенно обошелъ молчаніемъ первый изъ нихъ, и второй тезисъ извратилъ настолько, что въ немъ получился обратный смыслъ. Противъ такого отношенія къ дѣлу со стороны профессора, который притомъ самъ когда-то участвовалъ на бонскихъ конференціяхъ въ 1874 и 1875 годахъ, выступилъ другой аѳинскій профессоръ—Пападопулосъ, который издалъ по этому поводу особую брошюру, гдѣ рѣзко критикуетъ своего собрата. Конечно, полемика эта свидѣтельствуетъ объ интересѣ къ старокатолицизму въ Греціи; но послѣдній представляетъ собою такое серьезное церковно-религіозное явленіе на западѣ, что было бы гораздо желательнѣе, если бы гг. профессора побольше занимались обстоятельнымъ изученіемъ этого явленія, чѣмъ полемическими, иногда до рѣзкостей доходящими перебранками. Подобныя распри какъ нельзя болѣе на руку папизму, который простираетъ свою руку и на Аѳины, гдѣ онъ также предполагаетъ основать одну изъ коллегій имени Льва XIII для „просвѣщенія грековъ" свѣтомъ вѣры—конечно ватиканской...

— Священникъ Н. Извѣковъ разсказываетъ въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ (№ 15) поучительный обращикъ того, какъ мы уважаемъ свою вѣру въ спорныхъ съ латинствомъ краяхъ: 22 февраля 1887 года преосвященный Алексій впервые совершилъ въ Вильнѣ глубоко назидательный обрядъ православія въ каѳедральномъ соборѣ, который въ послѣдній разъ былъ совершенъ еще въ 1858 году митрополитомъ Іосифомъ. Между тѣмъ такое долговременное забвеніе сего обряда въ Вильнѣ давало по-

водъ иновѣрцамъ думать, что исполненіе его сдѣсь запрещено на всегда, по особому распоряженію. Послѣ этого, повидимому, должно было радоваться тому, что преосвященный Алексій, совершивъ сей обрядъ, наглядно доказалъ неосновательность предположенія иновѣрцевъ и чрезъ то показалъ, что Церковь Православная въ угоду иновѣрцамъ не намѣрена отмѣнять установленные ею обряды, свидѣтельствующіе о ея силѣ и превосходствѣ предъ католицизмомъ и другими исповѣданіями. Однако нашлось не мало такихъ православныхъ людей, и даже изъ среды духовенства, которые находили, что владыка поступилъ не тактично, потому что совершеніемъ обряда православія могъ внушить иновѣрцамъ мысль о нетерпимости Православной Церкви и вообще раздражить ихъ. По взгляду такихъ русскихъ людей, преосвященному Алексію едва ли не должно было ѣхать съ извиненіемъ за это къ Виленскому римско-католическому епископу, протестантскому пастору, да пожалуй, уже заодно къ еврейскому общественному раввину и магометанскому муллѣ. Но какъ бы то ни было, съ 1887 года обрядъ православія сталъ совершаться въ Вильнѣ, и совершеніе это уже не вызываетъ того предубѣжденія противъ него, какое было замѣчено при возстановленіи преосвященнымъ Алексіемъ. Итакъ съ 1858 года по 1887 годъ, то есть почти 30 лѣтъ, мы искажали свою церковную практику, выбрасывая изъ нея это торжественное исповѣданіе своей правоты. Какъ тутъ ждать уваженія отъ иновѣрцевъ?

— Въ «Нов. Времени» пишутъ, что въ маѣ исполнится 20 лѣтъ со времени возсоединенія холмскихъ уніатовъ и возвращенія ихъ въ лоно православной церкви. За этотъ періодъ обновленной жизни Холмской Руси столичная и провинціальная печать не разъ старалась выяснить существенныя нужды исконнаго русскаго края. Изъ провинціальныхъ изданій въ этомъ отношеніи самое видное мѣсто занимаютъ «Варшавскій Дневникъ» и «Холмско-варшавскій епархіальный вѣстникъ». Такому же выясненію и раскрытію историческихъ судебъ и энтографическихъ свойствъ Холмщины посвященъ трудъ П. Н. Батюшкова— «Холмская Русь», а также ежегодно издающійся Свято-Богородицкимъ братствомъ— «Холмскій народный календарь». Всѣ эти источники приводятъ къ несомнѣнному заключенію, какъ много выстрадала Холмская Русь отъ двойного и непримиримаго врага—полонизма и латинства и какъ много требуется непрерывныхъ и усиленныхъ трудовъ, неустанной бдительности и зоркости со стороны государства и всего русскаго общества для подъема и укрѣпленія русскаго самосознанія въ средѣ мѣстнаго населенія. За послѣднія 20 лѣтъ въ этомъ отношенія,

безспорно, сдѣлано многое для Холма въ частности и Холмской Руси вообще. Изъ посада, до котораго старинный русскій городъ былъ низведенъ польско-іезуитскимъ режимомъ, Холмъ превратился въ порядочный уѣздный городъ съ 12-ти-тысячнымъ населеніемъ, съ архіерейскою викарною каѳедрою, соборомъ, прекраснымъ архіерейскимъ хоромъ, восемью приходскими и домовыми церквами, Свято-Богородицкимъ братствомъ, историческимъ музеемъ, братскою лавкою. Не смотря на уѣздный характеръ города, въ немъ находится множество учебныхъ заведеній, свойственныхъ губернскимъ городамъ: мужская гимназія, Маріинское женское училище, учительская семинарія съ образцовымъ училищемъ, духовная семинарія съ леонтіевскимъ попечительствомъ и образцовою школою, духовное училище, желѣзнодорожное техническое училище.

Такимъ образомъ Холмъ за послѣднія 20 лѣтъ замѣтно выросъ, сдѣлавшись, какъ и въ первый періодъ своей исторической жизни, оплотомъ православія и центромъ образованія Холмской Руси, оставаясь въ то же время живымъ памятникомъ сѣдой старины. Недавно Свято-Богородицкое братство удостоилось Монаршаго вниманія: Государь Императоръ Николай Александровичъ соизволилъ принять братство подъ свое покровительство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и братскій знакъ, поднесенный Его Величеству главнымъ попечителемъ братства, высокопреосвященнымъ Флавіаномъ, архіепископомъ холмско-варшавскимъ. За послѣднія двадцать лѣтъ для Холма и Холмской Руси, въ видахъ поднятія русскаго самосознанія въ ея населеніи, сдѣлано многое, но далеко еще не все. Одною изъ важныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи было бы учрежденіе особой Холмской губерніи, съ губернскими учрежденіями въ Холмѣ, съ выдѣленіемъ для нея тѣхъ уѣздовъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, въ которыхъ преобладаетъ православное населеніе. Мысль объ учрежденіи отдѣльной Холмской губерніи въ составѣ варшавскаго генералъ-губернаторства мы находимъ еще у князя Черкасскаго, Милютина, первыхъ водворителей русской государственной политики въ Привислянскомъ краѣ и ихъ ближайшихъ сподвижниковъ, но она не получила тогда практическаго примѣненія вслѣдствіе того, что тогда не было еще достаточно выяснено религіозное, историческое и политическое значеніе Холма.

А между тѣмъ, хотя на западъ отъ Вислы поляки составляютъ преобладающую народность, но далеко не вездѣ занимаютъ они такое положеніе въ Холмщинѣ и Подляшьѣ. Слѣдующія статистическія данныя указываютъ намъ, до какой степени еще сохранилось православіе въ интересующемъ насъ краѣ.

I. Люблинская губернія.

УѢЗДЫ.	Прав.	Катол.	Прот.	Евреи и пр.
Бѣлгорайскій	30,9	59,1	—	10,0
Грубешевскій	58,9	25,6	0,6	14,9
Замостьскій	19,2	68,4	—	12,4
Красноставскій	9,6	79,7	0,1	10,6
Любартовскій	2,1	79,5	6,5	11,9
Люблинскій	1,0	76,2	1,6	21,2
Ново-Александрійскій	0,1	80,4	0,5	19,0
Томашовскій	45,6	42,0	—	12,4
Холмской	40,6	33,4	15,6	10,4
Яновскій	2,2	86,8	0,3	10,7
Итого вся губернія	20,5	63,1	2,7	13,7

II. Сѣдлецкая губернія.

Бѣльскій	59,3	14,3	0,5	26,0
Венгровскій	0,3	83,6	3,2	12,9
Влодавскій	60,1	18,3	3,1	18,5
Гарволинскій	0,2	81,8	2,7	15,3
Константиновскій	52,9	34,3	—	12,8
Луковскій	0,1	86,2	1,9	14,8
Радинскій	32,7	46,6	1,0	19,7
Соколовскій	9,2	76,1	1,0	13,6
Сѣдлецкій	2,5	75,9	1,4	20,2
Итого вся губернія	22,4	59,2	1,8	16,6

III.

Мазовецкій	0,6	79,2	0,1	20,1

	Правосл.
Въ Люблинской губерніи	202,882
„ Сѣдлецкой	156,656
„ Мазовецкомъ уѣздѣ	476
Итого во всемъ краѣ	360,014

Правда, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ западныхъ уѣздахъ процентъ православныхъ меньше 1, но не слѣдуетъ забывать, что и эти православные составляютъ въ совокупности нѣсколько тысячъ, которыхъ правительству было бы очень трудно сохранить въ ихъ вѣрѣ, оставивъ ихъ входящими въ составъ привислянскаго генералъ-губернаторства. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что многіе католики, хотя они и сильно ополячены, не вполнѣ еще отрѣшились отъ русской народности: нельзя сказать, чтобъ слова католикъ и полякъ были всегда тожественны. Наконецъ, иногда даже среди семействъ, уже десятки лѣтъ ополяченныхъ, сохранилось еще отчасти старинное мѣстное русское нарѣчіе, а также и

воспоминаніе о своей былой солидарности съ русскимъ народомъ. Русская народная школа при особой заботливости правительства можетъ возвратить чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ лоно своей народности и Церкви этихъ потерянныхъ единоплеменниковъ.

— Уже болѣе тридцати лѣтъ существуетъ симпатичное общество распространенія св. Писанія въ Россіи, образовавшееся изъ небольшаго частнаго дружескаго кружка. Развиваясь постепенно при незначительныхъ средствахъ, оно въ настоящее время при помощи своихъ энергичныхъ дѣятелей-книгоношъ, самоотверженно служащихъ святому дѣлу, распространило свою благотворную дѣятельность на всю Россію до самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ. Съ 1863 г. распространено было 1,588,413 экземп. книгъ св. Писанія по городамъ и селамъ какъ европейской, такъ и азіатской Россіи. Какъ видно изъ отчета за 1893 годъ, этотъ годъ былъ особенно благопріятенъ для общества. Въ приходѣ было 44,824 р. 32 к., израсходовано 44,316 р. 46 к., въ остаткѣ 507 р. 86 к. Св. книгъ распространено было 74,053 экземп., въ томъ числѣ подарено 1,734 экземп. въ школы, тюрьмы, богадѣльни, больницы и бѣднымъ людямъ. Изъ этого видно, что, не смотря на тринадцатилѣтнюю дѣятельность общества, оно и до сихъ поръ не имѣетъ еще достаточныхъ средствъ для болѣе успѣшнаго веденія своего дѣла. Для такого важнаго дѣла, какъ распространеніе св. Писанія, необходимы особыя широкія мѣропріятія и болѣе значительныя средства. Въ среднемъ ежегодно распространяется обществомъ около 53,000 экз. Нельзя сказать, чтобы эта цифра была велика для многомилліоннаго населенія Россіи. Священное Писаніе такъ мало распространено въ народѣ, что многіе никогда еще ни слыхали о немъ, не знаютъ не только содержанія, но и названія св. книгъ. Можно сказать, что милліоны русскаго народа находятся въ совершенномъ невѣдѣніи того, что есть на свѣтѣ книги, знаніе которыхъ обязательно для каждаго православнаго христіанина и что книги эти теперь доступны каждому. Въ народѣ существуетъ даже какое-то странное предубѣжденіе противъ Библіи; многіе крестьяне думаютъ, что отъ чтенія ея люди сходятъ съ ума и потому относятся къ св. книгѣ съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ. А между тѣмъ можно быть увѣреннымъ, что если бы каждый сельскій священникъ хорошенько разъяснялъ необходимость и значеніе книгъ св. Писанія, то они гораздо успѣшнѣе распространялись бы въ народѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ показанія книгоношъ. Единогласно утверждаютъ, что стоитъ только сдѣлать нѣсколько объясненій относительно содержанія той или другой святой книги,

какъ она уже покупается нерѣдко на послѣднія деньги какимъ-либо рабочимъ или солдатомъ, который сначала рѣшительно отказывался отъ такой необычной покупки. Въ отчетѣ приведено довольно много подобныхъ примѣровъ. Особенно поразительны примѣры необыкновеннаго дѣйствія Слова Божія на души простыхъ людей. Книгоноши разсказываютъ, что люди, сначала упорно отказывающіеся отъ пріобрѣтенія священныхъ книгъ по незнакомству съ ними, убѣжденные какимъ-нибудь текстомъ, охотно пріобрѣтали ихъ и примѣръ однихъ благотворно дѣйствовалъ на другихъ, и часто бывало, что гдѣ, повидимому, не представлялось ни малѣйшей возможности продать ни одной книги, продавалась вся сумка, и сначала встрѣченный грубо книгоноша провожался съ лаской и благопожеланіями. Случалось, что купившіе Новый Завѣтъ или Библію, при новой встрѣчѣ съ книгоношей, не знали какъ его благодарить и старались всячески ему услужить, какъ человѣку, доставившему небывалое счастье. Нерѣдко бывало, что увлеченные добрымъ примѣромъ, рабочіе пріобрѣтали книги не только для себя, но и для своихъ родныхъ, такъ что въ нѣсколько часовъ книгоноша продавалъ рублей на 20—25.

— Отдѣлъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ имѣлъ 25 апрѣля годичное собраніе членовъ въ залѣ епархіальной библіотеки при Высоко-Петровскомъ монастырѣ. Предъ началомъ засѣданія была совершена архимандритомъ Лаврентіемъ соборнѣ панихида по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ. Собраніе открылось рѣчью предсѣдающаго, священника М. С. Шумова, посвященною памяти усопшаго Монарха. Отдѣлъ постановилъ въ память Императора Александра III разослать безплатно 52.780 экземпляровъ своихъ изданій въ библіотеки при церковно-приходскихъ школахъ Московской епархіи. Затѣмъ былъ выслушанъ отчетъ отдѣла за 24 годъ его дѣятельности. Изъ отчета видно, что въ 1894 году дѣятельность отдѣла по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ нѣсколько увеличилась сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Въ истекшемъ году изъ магазина отдѣла разошлось 433.721 экземпляръ книгъ на 9.064 р. 19 к. Книги были высланы въ 329 мѣстъ и въ томъ числѣ вновь въ 45 мѣстъ. Какъ и въ прежніе годы, на болѣе крупныя суммы выписывали книги братства и училищные совѣты. Выписывались преимущественно собственныя изданія отдѣла, которыхъ разошлось изъ склада 371.926 экз. По примѣру прежнихъ лѣтъ Отдѣлъ разослалъ безплатно книгъ 6534 эк. на 177 р. Въ 1894 году Отдѣ-

ломъ было обращено особенное вниманіе на увеличеніе собственныхъ изданій. Продолжая изданіе нравственныхъ уроковъ изъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, Отдѣломъ въ отчетномъ году вновь издано 52 названія, каждое по 12.000 экз. Въ продолженіе двухъ лѣтъ Отдѣлъ издалъ книжки—нравоучительные уроки изъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на воскресные и праздничные дни въ теченіе всего года. Теперь Отдѣлъ намѣренъ приступить къ изданію брошюръ или листовъ, содержаніемъ которыхъ будетъ служить объясненіе богослуженія. На отпечатаніе въ отчетномъ году 66 брошюръ было израсходовано 3.957 руб. 16 коп. Къ 1 января 1895 года книгъ и брошюръ, составляющихъ собственность отдѣла, находилось въ складѣ его 1.402.067 экз. на 17815 и, сверхъ того, книгъ и брошюръ принятыхъ на коммиссію 189.115 экз. на 10.818 р. 69 к. Имѣя въ своемъ складѣ 15.912.000 экз., Отдѣлъ имѣетъ полную возможность удовлетворять требованія народныхъ библіотекъ относительно-нравственнаго чтенія; цѣны книгамъ вполнѣ доступны для народа. Въ отчетномъ году Отдѣлъ лишился нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, не мало послужившихъ на пользу его, а именно: протоіереевъ І. Н. Рождественскаго и А. М. Иванцова-Платонова, А. А. Невскаго и П. А. Мухановой, бывшихъ учредителями Отдѣла. По прочтеніи отчета были произведены выборы нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ.

— Недавно вышли въ свѣтъ двѣ брошюры В. М. Скворцова—одна подъ заглавіемъ: „О штундизмѣ и мѣрахъ борьбы съ сектой" а другая—„Богуславское общество трезвости и борьба со штундой". Почтенный авторъ, имѣвшій полную возможность ознакомиться со штундизмомъ въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства, говоритъ «Церк. Вѣсти.», частію и въ другихъ мѣстахъ, отмѣчаетъ ту особенность современнаго штундизма, что въ немъ обнаружилось стремленіе къ религіозно-философскому обоснованію своей догмы; это стремленіе не есть что-нибудь самостоятельное среди темной массы штундистовъ, а внушено интеллигенціей, пришедшей на помощь штундизму; оно появилось и стало распространяться при участіи и дѣятельномъ руководствѣ нѣкоторыхъ, враждебно настроенныхъ къ православной церкви, интеллигентныхъ религіозныхъ мыслителей, такъ что это стремленіе есть не что иное, какъ спустившееся въ низшія народныя сферы религіозное броженіе, которое въ послѣднее время замѣчалось въ образованномъ русскомъ обществѣ и носило характеръ отрицательный—направлялось къ подрыву церковнаго авторитета, искаженію евангельскаго ученія и обоснованію религіи внѣ церкви. Ин-

теллигентные религіозные мыслители, говоритъ авторъ, повидимому желали бы господствующую въ положительномъ ученіи штунды догматическую неустойчивость и религіозное разномысліе толковъ объединить и оформить въ самоизмышленной доктринѣ. Въ этихъ, можно думать, видахъ объединенія штундовыхъ толковъ, въ послѣдніе годы въ рукахъ передовыхъ штундистовъ, начали появляться рукописныя, анонимныя произведенія, несомнѣнно принадлежащія интеллигентнымъ авторамъ, въ формѣ религіозныхъ сектантскихъ трактатовъ, въ катихизическомъ, популярномъ и даже простонародномъ изложеніи. Одни изъ такихъ произведеній заключаютъ въ себѣ исповѣданіе вѣры въ духѣ упомянутаго направленія, другіе же—популярныя коментаріи, аллегорическіе, въ библейскомъ духѣ, разсказы, а также и апологіи раціоналистическаго сектантства... Въ религіозномъ отношеніи произведенія эти имѣютъ задачей провести въ сознаніе нашего простого народа не только противоцерковныя, и противоправительственныя, но и прямо противохристіанскія, деистическія и пантеистическія религіозныя воззрѣнія на Божество, міръ и человѣка, проповѣдуя языческое человѣкообожаніе. При отрицаніи бытія личнаго Бога, на мѣсто единаго всемогущаго Творца ставится самъ человѣкъ; догматы отечественной церкви и весь ея строй—это безбожное направленіе подвергаетъ самой язвительной и безпощадной критикѣ, трактуя ученіе православія какъ нечистое ученіе, содержащее еврейскія легенды, Ветхій Завѣтъ признавая ненужнымъ для христіанъ. Евангеліе не признается св. книгой. Заповѣди Закона Божія отрицаются и замѣняются закономъ «совѣсти». Нужная для благоугожденія Богу вѣра опредѣляется какъ совокупность убѣжденій, руководящихъ жизнью человѣка и т. д. Въ довершеніе всего, сектантскіе трактаты не ограничиваются одною областью вѣры, а останавливаются на вопросахъ чисто общественныхъ и разрѣшаютъ ихъ, хотя, повидимому и на религіозной почвѣ при посредствѣ ряда ссылокъ на библейскіе тексты, но въ духѣ соціализма и не вездѣ даже прикровеннаго. Особенно часто затрогиваются и тенденціозно разрѣшаются вопросы о благѣ всѣхъ людей, свободѣ, равенствѣ, братствѣ, властяхъ, о государственныхъ повинностяхъ, присягѣ, войнѣ и судахъ. Итакъ, въ довершеніе бѣдъ, еще одна напасть: доселѣ сочувствіе интеллигентнаго класса къ штундизму выражалось въ оправдательныхъ судебныхъ приговорахъ вожаковъ секты, въ хвалебныхъ статьяхъ повременной печати по адресу сектантовъ и въ неодобрительномъ отношеніи къ попыткамъ административной борьбы съ ними; теперь сочувствіе

идетъ дальше и направляется къ поддержкѣ сектантскаго ученія путемъ его систематизаціи и построенія въ извѣстномъ духѣ. Но что это за духъ? Какъ онъ близко напоминаетъ тотъ духъ разрушенія, которымъ лѣтъ двадцать—тридцать тому назадъ были проникнуты пресловутые дѣятели „хожденія въ народѣ", простиравшіе свои преступные замыслы и на юную народную школу! Теперь народная школа не представляетъ благопріятной почвы для подобной дѣятельности, на сцену выступило сектантство. Много новыхъ задачъ выдвигаетъ этотъ поворотъ въ жизни штундизма, но главнѣйшія сводятся къ бдительнѣйшему надзору за появленіемъ въ свѣтъ и распространеніемъ въ народѣ тенденціозныхъ книгъ, брошюръ и листковъ—съ одной стороны, и къ поддержанію строго-православнаго направленія въ народныхъ школахъ съ другой.

— Въ четвергъ, 27 Апрѣля, въ 9 часовъ пополудни, почилъ навѣки отъ трудовъ своихъ отецъ архимандритъ Павелъ, настоятель Никольскаго единовѣрческаго монастыря, повсюду извѣстный подъ именемъ Павла Прусскаго. Примѣтное ослабленіе его крѣпкаго отъ природы здоровья началось лѣтомъ прошлаго года; но, не щадя себя, старецъ продолжалъ трудиться съ прежнею неутомимостью. Затѣмъ глубоко потрясла его и гибельно отразилась на здоровьѣ болѣзнь и кончина въ Бозѣ почившаго Государя Императора, къ которому питалъ онъ безграничное благоговѣніе, какъ Помазаннику Божію и свѣтлой надеждѣ Россіи: въ самый день прибытія въ Москву останковъ почившаго Государя, поразилъ его первый припадокъ, окончательно уложившій въ постель, съ которой онъ почти и не вставалъ уже цѣлые полгода. Но и лежа на одрѣ болѣзни, продолжалъ диктовать свои послѣднія сочиненія, принимать многочисленныхъ посѣтителей, съ которыми всегда велъ бесѣду о дѣлахъ вѣры и Церкви,—твердую память, прежнюю глубину и свѣтлость мысли, прежнюю ревность о благѣ святой Церкви, онъ сохранялъ и тогда вполнѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля послѣдовалъ второй припадокъ, послѣ котораго стало уже замѣтно, что дни старца сочтены. Впрочемъ, онъ не терялъ еще надежды на выздоровленіе, ободренный особенно посѣщеніемъ доктора Г. А. Захарьина, о внимательности и участіи котораго вспоминалъ съ большою благодарностью. Наконецъ, 27 числа, въ 9 часовъ утра, начался третій припадокъ, послѣ котораго онъ тихо, непримѣтно для окружающихъ, испустилъ послѣдній вздохъ... И вотъ не стало великаго старца, почти тридцать лѣтъ неустанно трудившагося въ святомъ дѣлѣ возвращенія именуемыхъ старообрядцевъ въ лоно православной Церкви! Онъ скончался на 74-мъ

году своей жизни. Въ лицѣ архимандрита Павла православная церковь понесла великую, невознаградимую потерю. Здѣсь не мѣсто для подробнаго изложенія его заслугъ предъ православіемъ; достаточно упомянуть, что это былъ не только рѣдкій по искусству, знанію и силѣ мысли обличитель, или разоблачитель неправды раскола, но и наставникъ, руководитель и воспитатель цѣлаго поколѣнія нынѣ дѣйствующихъ миссіонеровъ противъ раскола. Его многочисленныя сочиненія составляютъ безцѣнный вкладъ въ нашу противораскольническую литературу; ихъ появленіе—эпоха въ этой литературѣ и вообще въ миссіонерствѣ противъ раскола; а для ведущихъ бесѣды со старообрядцами это истинное сокровище, незамѣнимое руководство. И сколько лицъ, блуждавшихъ въ расколѣ, онъ привелъ въ тихое пристанище Церкви своимъ словомъ и своими сочиненіями! Онъ не любилъ считать ихъ; но имена ихъ написаны на небесахъ и вѣдомы Владыкѣ Церкви, предъ которымъ предстоитъ теперь душа его, всегда къ Нему стремившаяся, Его единаго искавшая... Отецъ Павелъ и жилъ, и умеръ нищимъ. Кто видалъ его, особенно кто посѣщалъ его въ его кельѣ, тотъ знаетъ, что это былъ рѣдкій въ наше время монахъ—любитель нищеты. Свое единственное богатство—свои сочиненія онъ завѣщалъ Церкви, точнѣе—всѣмъ, кто пожелаетъ издавать и распространять ихъ на пользу св. Церкви. Читая его завѣщаніе, можно удивляться бѣдности и нестяжательности о. Павла, его высокому нравственному характеру и его глубокой преданности православной Церкви. Пишущій это тридцать лѣтъ почти связанъ былъ съ незабвеннымъ отцомъ Павломъ узами тѣсной дружбы и полнаго единодушія въ дѣлѣ служенія православной Церкви. Въ эти долгіе годы ни разу не возникало между нами ни разногласій, ни какихъ-либо недоразумѣній: свидѣтельствомъ этого может служить сохранившаяся у меня и у него не одна тысяча писемъ, которыми обмѣнялись мы, и все по текущимъ дѣламъ и вопросамъ раскола. Впрочемъ, говорить о томъ, какая горькая потеря понесена лично мною съ кончиною отца Павла, говоритъ г. Субботинъ, считаю даже неприличнымъ въ виду той великой потери, какую понесла, лишившись его, вся православная Россійская Церковь. И по молитвамъ Церкви, которую онъ такъ любилъ, о которой такъ ревновалъ, для которой столько потрудился, да подастъ ему Господь упокоеніе со святыми, простивъ всѣ его прегрѣшенія, а наипаче грѣхъ раскола, омрачавшій первую половину его жизни, о которомъ онъ такъ скорбѣлъ и для изгла-

женія котораго такъ неустанно трудился подвигомъ проповѣди православія среди болѣющихъ расколомъ, въ послѣднюю, свѣтлую ея половину.

— Газеты сообщаютъ въ высшей степени симпатичное распоряженіе епархіальнаго начальства сибирскихъ губерній, предписавшаго мѣстному духовенству непремѣнно открыть праздничныя чтенія для рабочихъ строящейся сибирской дороги. Первые опыты, произведенные въ Томской губерніи, дали вполнѣ успѣшные результаты. По словамъ «Сына Отечест.» на помощь духовенству въ данномъ случаѣ могли бы придти и свѣтскіе люди. Вѣдь вовсе не нужно обладать большими познаніями, чтобы сообщить рабочимъ новыя и интересныя для нихъ свѣдѣнія. Между тѣмъ эти чтенія могутъ послужить просто якоремъ спасенія для множества людей, которые будутъ отвлечены ими отъ обычнаго праздничнаго времяпрепровожденія. Успѣхъ чтеній, устраиваемыхъ теперь для рабочихъ сибирской дороги, могъ бы повліять также и на мѣстное населеніе, которое, вѣроятно, радостно встрѣтило бы ихъ продолженіе. Вообще, чѣмъ больше будутъ производиться подобные опыты, тѣмъ тверже и опредѣленнѣе сдѣлается путь, по которому направляется народное просвѣщеніе. До послѣдняго времени мы въ этомъ отношеніи всего чаще бродили въ потемкахъ.

— Е. И. Рагозинъ сдѣлалъ интересное сообщеніе объ артеляхъ въ послѣднемъ общемъ собраніи Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Русскій народъ рѣзко отличается отъ народовъ западной Европы своимъ душевнымъ строемъ и находящимся отъ него въ зависимости экономическимъ развитіемъ. Въ то время, какъ въ Европѣ весь складъ жизни основался на развитіи индивидуальности, у насъ напротивъ, замѣчается стремленіе къ ассоціаціи, въ силу котораго до сихъ поръ сохранилась въ Россіи община, вполнѣ сознательно удерживаемая народомъ, и формируются, при всякаго рода работахъ, артели, встрѣчающіяся повсемѣстно, гдѣ существуютъ какія-либо начатки промышленной жизни. Начало ассоціаціи, такъ глубоко коренящееся въ душѣ нашего народа и отражающееся не только на экономическомъ его строѣ, но даже и въ исторической его судьбѣ, должно быть признано основнымъ началомъ всего будущаго развитія русскаго народа. Въ виду этого, формирующіяся на югѣ Россіи земледѣльческія артели представляютъ собою интересъ и могутъ имѣть громадное значеніе для поднятія благосостоянія въ народѣ. Мысль о созданіи земледѣльческихъ артелей возникла въ Херсонской губерніи 10 лѣтъ тому назадъ, во время бывшаго

неурожая, но, къ сожалѣнію, дѣло это не могло тогда осуществиться вслѣдствіе отсутствія въ средствахъ для оказанія помощи артелямъ. Въ 1887 г. появилась надежда па возможность устройства нѣсколькихъ артелей, но и тутъ случилась неудача: лицо, обѣщавшее дать помощь артелямъ, внезапно потеряло свое состояніе, и только въ началѣ сентября 1894 г. могла образоваться, наконецъ, первая артель. Послѣ пережитыхъ нѣсколькихъ тяжелыхъ годовъ, крестьяне села Федваря вспомнили объ артеляхъ и по своей иниціативѣ обратились къ мѣстному уроженцу, присяжному повѣренному Левитскому, съ просьбой помочь имъ устроить хозяйство на артельномъ началѣ. Сознавая значеніе этого дѣла и видя искреннее желаніе явившихся крестьянъ устроить артель, г. Левитскій рѣшился во что бы то ни стало помочь имъ въ осуществленіи ихъ желанія и собралъ необходимыя для организаціи артели средства въ размѣрѣ до 200 р. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, 10 артелей уже работаютъ, 9 только организовались и 9 артелей просили комитетъ объ оказаніи имъ содѣйствія. Артельный договоръ, связывающій членовъ артели, напечатанный Левитскимъ, выдается всѣмъ желающимъ. Въ этомъ договорѣ подробно опредѣлены права и обязанности и т. п. каждаго члена артели. Благодаря сдѣланному почину и поддержкѣ, оказанной артелямъ Государственнымъ банкомъ, можно было бы ожидать, что дѣло это будетъ развиваться само собой, но, къ сожалѣнію, въ этомъ встрѣтились затрудненія, о которыхъ подробно говорилъ докладчикъ. Въ заключеніе своего доклада онъ высказалъ слѣдующія предложенія: 1) войти съ ходатайствомъ къ министру финансовъ о разрѣшеніи отдѣленіямъ и конторамъ Государственнаго банка выдавать земледѣльческимъ артелямъ ссуду даже и въ томъ случаѣ, если въ составъ ея входятъ крестьяне, на которыхъ числятся долги въ имперскій продовольственный капиталъ или другіе; 2) сдѣлать представленіе министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ о значеніи для народа земледѣльческихъ артелей, могущихъ лучше всякихъ мѣръ поднять его благосостояніе; 3) просить министра внутреннихъ дѣлъ предписать херсонскому губернатору обратить вниманіе на формирующіяся въ Александрійскомъ уѣздѣ земледѣльческія артели и оказать содѣйствіе къ ихъ развитію; 4) выразить отъ имени общества благодарность г. Левитскому за принятое имъ участіе въ организаціи земледѣльческихъ артелей; 5) командировать въ Херсонскую губернію избранное комитетомъ лицо, для изслѣдованія на мѣстѣ положенія земледѣльческихъ артелей и ихъ значенія для поднятія на-

роднаго благосостоянія, и 6) напечатать договоръ и разослать его вмѣстѣ съ докладомъ всѣмъ губернаторамъ, губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ и земскимъ начальникамъ. Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній по поводу доклада, собраніемъ были приняты положенія докладчика.

ШЕЛКОВНЯ ТѢНЕВАЯ. III *).

Шелковицу (тутъ—по татарски) въ Туркестанѣ не даромъ зовутъ святымъ древомъ: въ имѣ семъ чуется прастарь роскошной нѣкогда Бактріалы, Согдіана и пр. цвѣтущихъ до набѣга кочевниковъ странъ Средней Азіи; име то—останъ древняго политеизма, обожанья природы и силъ оной—общее съ прастарой Еладой и Славой. Въ шелковицѣ полезно все, ничто непропадаетъ; и «святость» ея древніе Елины такъ цѣнили, что посвятили ю Минервѣ, якъ самое разумное древо, одѣвающееся листомъ позне всѣхъ, когда нече опасаться морозовъ. Покровитля священныхъ маслинъ и шелковенъ они называли (Живесъ—Славянъ) μόριος Ζεύς. Елины до поръ одичанья умѣли цѣнить шелковицу, и неради шелководства, ознакомье съ коимъ пришло въ Европу позне, а за ея разнообразныя иныя пользы. Эти пользы дѣлаютъ намъ разведенье шелковни защитной,—и непромышленой даже,—дѣломъ далеко небезвыгоднымъ. Въ казѣ выгодъ сихъ я буду держаться главно упомянутой уже книжечки г. Шаврова.

Древесина тута—твердомъ дубъ, а легкой поддаемсью обдѣлу превосходитъ оный; хорошо выдержуетъ сырь и почти тотчасъ по срубѣ годна, за немногими исключеньями нужды въ сушкѣ, тонкому обдѣлу; примаетъ отлично глянецъ и легко колома на самыя тонкія, упругія и прочныя пластины; посему олады шелковицы на подѣлки крайпе разнородны. Въ Закавказьѣ и Средней Азіи изъ оной выдѣлуются ободья, ступицы и спицы колесъ. Старые стволы, негодные боле ни на что, но не начавшіе еще гнить, обтесуются, распиляются на $1^1/_2$—2 вершковыя доски, для оболда колесъ; боле крѣпкія части йдутъ на ступицы, а изъ остана выдѣлуются спицы. Заготовленный для сего запасъ досокъ укладается сквозными полѣнницами и сушится года 2—3 преже употребла на колеса, кои по горнымъ торамъ, портнымъ обвалами и дождевыми токами, требуются прочности идеальной.

Таки же устарѣлы стволы (отнюдь не начавшіе загнивать) колятся на клепку, изъ коей робится посуда для воды и разнаго питья. Заготовъ и олады клепки таки же, что и для дубовой, съ той разницей, что клепка изъ тута пригодна въ дѣло чрезъ нѣсколь мѣсяцевъ по зимнемъ срубѣ древа; изъ сей тутовой клепки выгодно робить: лоханки, плевны, кадки, ряшки, шайки, ведра, ковши, бочки и т. п. Въ Закавказьѣ изъ шелковицы робютъ туземныя мусиків: тарь, чонгурь, копусъ и др. **). Для сего древесина колется тонко и пластины гнутся и склеяются одна съ другой. Для тари основная часть долбится изъ цѣльнаго куска древа. Древесина тута

---

*) № 22 „Вѣра и Разумъ", за 1894 годъ.

**) Въ Оренбургѣ, Илецкѣ и пр. я видалъ киргизскіе *кобызы* изъ шелковицы, привозимые изъ Бухары, Кокана, Хивы. Но мѣсто производа ихъ неумѣно указать.

имѣетъ—боле аль мене, по разницѣ породъ—темножолтый цвѣтъ и красиво узорный рисунокъ, сохраняющіеся при лощеньѣ и наводѣ глянца; и токарные издѣлья и мебель изъ оной, (хорошо приготовленой и высушеной), могутъ соперничать, нерья ужъ о прочности, по красотѣ съ лучшими и цѣннѣйшими породами заграничныхъ, неводящихся у насъ древъ. Я видѣлъ выдѣланыя изъ шелковицы ручки перьевъ безъ металла, вреднаго для пальцевъ людей—абрековъ долгаго иль постояннаго писанья; и безъ украшеній, чрезвычайно изящныя, въ отличномъ вылоскѣ и глянцѣ, онѣ превосходили по красѣ пальмовыя ручки, уступая послѣднимъ толе въ прочности; но сія на столь достачна, что большей для коей либо токарной подѣлки, до ручки зонта иль палки включительно, нече желать. При увеличивающейся въ Кіевѣ, Харьковѣ и пр. мѣстной выдѣлкѣ дешовыхъ и цѣнныхъ зонтовъ и зонтиковъ, палокъ, щетокъ и т. п. издѣлій требующихъ крѣпкаго древа, будущія наши защитныя, тѣневыя шелковии доставятъ наилучшій запасъ. Весма желанная у насъ выдѣлка дома—ввозимыхъ таперь изза границы и непомѣрно-дорогихъ ручекъ перьевъ (безъ металла), карандашей, линеекъ, кубиковъ и пр. вигуръ (фигура—искажено изъ старо-славянскаго вигуры), рамъ картинамъ и аспиднымъ доскамъ и т. п. учебныхъ принадлежей—могла бы знатно опользить тѣневыя шелковии въ нашей полосѣ, усиля спросъ на доморощенную прекрасную древесину, безъ гона за пальмой, кипарисомъ, краснымъ деревомъ и т. п. ввозными и «опошлеными» и всяко—слишко дорогими для учебъ и всего,—даже гражскаго за немногими исключеньями населья. Мнѣ кажется, въ Полтавѣ, Черниговѣ, Курскѣ, Орлѣ—съ Харьковомъ (якъ наиближе соединеномъ «чугунками» съ Закавказьемъ и найболе промышленомъ и просвѣщеномъ) во главѣ слѣдовало бы мѣрами Петра Великаго—въ современномъ вкусѣ—насадить (нетоль тѣневыя шелковии) обладъ,—пока Закавказской шелковицы (если не такто скоро мы дождемся раздачи сѣмянъ, сѣянцевъ и саженцевъ б. шелковицы строго опредѣленыхъ породъ, неперемѣшаной дико и не въ микроскопическомъ размѣрѣ) въ цѣнные учебные припасы, токарные товары и мебель, требующіе столь же красу древа, сколь и крѣпость; и тѣмъ насадомъ подарить не одинъ мильонъ рублей (нокой даня заграницѣ) народному труду и улучшенью быта; при чемъ искусно создавать новый кустарный промыселъ—на счетъ боле крупнаго, то съ *дешеваго* и *выгоднѣйшаго* производа, никонмъ образомъ и совѣтать нельзя. Дѣло другое, если рядомъ съ заведенымъ, безъ милостыней, но и безъ помѣхъ казны, крупнымъ, усовершенымъ по послѣднему слову науки и дѣловой практики производомъ силою воды (механической), пара, електричества, возникли бы и кустари. Тогда, невредя дешевѣйшему и доступнѣйшему всевозможнымъ усовершеньямъ крупному производу, можно поддержать всѣми законными мѣрами и кустаря, соперничающаго съ крупнымъ производителемъ—ради доставы сѣ во внѣстрадное време хоть коего либо заработа—оладомъ подѣлокъ изъ подручной шелковицы, за неимѣньемъ другаго труда; лишь бы дармо непропадалъ долгій невольный досугъ. Тоже само повинно сказать и про остальныя выгоды обработа древъ тѣневой шелковии. Надо творить и зачинать выгоднѣйшій и найлегче усовершимый производъ—крупный, якъ кура вина, гона уксуса, добыва краски и пр. пр. Но разъ

рядомъ съ сими крупными заводами возникаетъ и кустарь, гонящійся не за выгодой, а за копѣйкой заработа, лишъ бы несидѣть бариномъ, безъ дѣла—не голодать, то всяческіе помога и поощра, безъ медлей и колебаній, должны быть оказаны и ему; конечно непреувеличеные, не въ убьенье крупнаго производа; а съ тѣмъ—и всего промысла, коему тоне громадные размѣры выпуска товара дозволяютъ таковый пускать по низкой, почти по своей цѣнѣ; такаго товара, подѣлки коего, несравнено изящнѣйшія и прочнѣйшія нежели у кустаря, отымаютъ у послѣдняго при одиночной, ручной работѣ много поры и лишняго труда и стоютъ (если бы эта пора цѣнилась) водвое дороже въ кое какой кустарной отдѣлкѣ. По любви къ отчизнѣ, мы повинны, впрочемъ, вѣрить: къ порѣ посѣва и подроста тѣневой шелковни въ засушливой и вывѣтряемой полосѣ, когда сдѣлается льзимъ пользоваться древесиной мѣстной шелковицы, крестьяне наши, разсельшіеся въ *особняки—усадьбы* изъ скученыхъ деревень,—съ обращеньемъ селъ, во 20—21 верстѣ разстоянья одно отъ другаго, во всѣ стороны,—*въ города*, найдутъ тысячи занятій (невозможныхъ ноне) около своего сада, огорода, хмѣльника иль шелковни кормовой, пасѣки, мельницы, орыбненаго прудка и пр. и пр., кои недадутъ и подумать по теперему: «за чтобы взяться? чѣмъ недарма убить досугъ?» О дальшей пользѣ шелковни тѣневой пользѣ грядящаго счастья крестьянъ работать выгодно безъ невольнаго досуга, постараюсь доложить писмомъ слѣдующимъ.

Николай Виноградовъ.

11-й тиражъ 1-го мая 1895 г. 5-проц. съ выигрышами займа Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 года.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 12-го октября 1889 г., Положенія о 5-проц. закладныхъ съ выигрышами листовъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей означенныхъ листовъ, 1-го мая сего года, Совѣтомъ Государственнаго Банка, въ присутствіи депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской Городской Думы и депутатовъ отъ с.-петербургской биржи, и произведенъ публичный тиражъ выигрышей.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

Главнѣйшіе выигрыши.

№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма
9027	50	200000	2041	14	8000	6925	30	1000	66	28	1000
5239	42	75000	7430	39	8000	15112	11	1000	18386	41	1000
11378	50	40000	15174	1	5000	2594	1	1000	4619	9	1000
5840	17	25000	15741	48	5000	4335	6	1000	7544	5	1000
9698	2	10000	15080	44	5000	11088	16	1000	1107	42	1000
14746	3	10000	6358	39	5000	7764	11	1000	8605	42	1000
14303	32	10000	6794	16	5000	3081	3	1000	15060	5	1000
13734	29	8000	15858	24	5000	12003	3	1000	14899	38	1000
11547	21	8000	11297	19	5000	6983	47	1000	10341	38	1000
13677	18	8000	11268	11	5000	2070	47	1000	6006	3	1000

По 500 рублей каждый.

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
51	10	2440	9	4731	42	7094	29	8845	11	11162	38	13912	18
74	11	2459	40	4741	24	7126	44	8911	34	11348	48	14101	23
148	38	2683	15	4778	50	7188	1	8983	40	11446	20	14127	15
153	22	2787	22	4795	6	7221	2	8962	20	11485	26	14163	48
212	20	2920	14	4861	36	7230	5	9078	16	11637	49	14178	4
235	15	2964	33	4878	35	7329	42	9112	15	11686	35	14224	11
301	5	3079	22	4904	48	7333	10	9116	31	11838	11	14243	21
471	42	3153	32	4936	10	7403	20	9191	35	11903	5	14329	1
529	38	3233	18	4957	16	7404	37	9322	36	11904	14	14341	48
557	18	3238	38	4990	22	7510	9	9503	24	11934	17	14437	21
585	14	3240	18	5055	4	7529	7	9527	16	11963	41	14601	38
736	12	3347	25	5233	22	7615	22	9539	38	12085	10	14758	47
780	48	3424	29	5336	6	7619	15	9576	29	12085	22	14761	7
1010	1	3536	24	5337	50	7619	48	9595	43	12178	23	14877	46
1368	35	3561	12	5386	37	7696	35	9617	39	12201	24	14880	45
1386	18	3561	45	5426	19	7821	13	9649	3	12277	14	14906	41
1395	19	3581	39	5446	45	7831	3	9668	40	12322	43	14908	40
1406	40	3602	21	5530	15	7888	35	9753	7	12378	18	15008	11
1438	38	3611	6	5652	32	8031	30	9768	16	12438	15	15221	21
1512	5	3633	6	5662	8	8090	28	9787	28	12467	13	15229	31
1573	40	3663	24	5668	10	8121	23	9885	43	12506	30	15319	24
1624	45	3734	13	5705	46	8122	30	10161	50	12569	50	15338	37
1628	33	3803	34	5803	7	8146	1	10192	15	12634	33	15339	37
1636	43	3916	5	5849	33	8166	6	10289	22	12682	34	15345	50
1645	37	4049	16	5982	14	8172	49	10357	15	12807	39	15399	4
1654	42	4074	40	6119	41	8189	26	10370	48	12829	14	15417	27
1720	17	4176	10	6254	29	8215	2	10463	7	12968	17	15506	12
1916	42	4216	34	6294	12	8221	29	10595	4	13171	8	15528	21
1947	35	4269	8	6510	37	8282	28	10639	35	13239	26	15682	10
1952	1	4286	49	6539	23	8292	5	10746	37	13297	6	15750	4
2002	27	4292	13	6566	20	8382	45	10777	1	13607	36	15755	3
2025	6	4326	22	6581	31	8401	34	10783	16	13666	23	15786	47
2073	13	4330	9	6640	7	8438	38	10785	28	13786	5	15787	30
2312	46	4361	8	6688	6	8451	22	10858	27	13812	17	15859	31
2354	5	4512	38	6732	32	8492	35	10892	12	13868	46	15875	35
2398	11	4617	36	6809	3	8667	29	10954	37	13870	20	15922	11
2394	2	4677	44	6820	31	8818	17	11102	3	13881	16	15946	11
2404	32												

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ конторѣ Государственнаго банка, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа 1895 года.

1-й тиражъ погашенія будетъ произведенъ 1-го мая 1896 года.

Совѣтъ Государственнаго Банка.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Мая № 10. 1895 года.

Содержаніе. От Правленія Купянскаго Духовнаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что въ началѣ будущаго 189⁵/₆ учебнаго года пріемныя испытанія для желающихъ вновь поступить въ училище, а также и переэкзаменовки ученикамъ будутъ производиться въ такомъ порядкѣ: переэкзаменовка ученикамъ IV-го класса 8-го августа, ученикамъ III-го класса 9-го, ученикамъ II-го класса 10-го и ученикамъ I-го и приготовительнаго классовъ 11-го августа; пріемныя испытанія для желающихъ поступить въ I-й классъ 12-го, во II-й 14-го, въ III-й и IV-й классы 16-го и въ приготов. классъ 17-го и 18-го августа.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Троицкой церкви сл. Кривой Луки, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Кіяновскій*, по прошенію, уволенъ за штатъ, впредь до выздоровленія, а на его мѣсто переведенъ священникъ села Филенкова, Богодуховскаго уѣзда, Василій *Мухинъ*.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Сергѣй *Любарскій* I-й, опредѣленный священникомъ къ Григорьевской церкви с. Турьи, Ахтырскаго уѣзда, 6 мая н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Священническій сынъ Иванъ *Протопоповъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Андреевской церкви с. Графскаго, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда, Антоній *Козловскій*, опредѣленъ на штатное діаконское мѣсто къ Троицкой церкви сл. Малой Камышевахи, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Покровской церкви г. Лебедина Өеодоръ *Браиловскій*. 3 мая опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ Пятницкой церкви с. Великаго Исторопа, Лебединскаго уѣзда.

— Опредѣленный 24 апрѣля н. г. діакономъ къ Өеодоро-Стратилатовской церкви с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда, псаломщикъ Преображенской церкви г. Бѣлополья Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Татариновъ*, 7 мая рукоположенъ въ санъ діакона.

— Къ Всѣхсвятской церкви с. Малой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ 3 мая на должность псаломщика заштатный псаломщикъ Константинъ *Дахнѣвскій*.

— Псаломщикъ Преображенской церкви с. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, Германъ *Стеллецкій*, 30 апрѣля н. г. посвященъ въ стихарь.

— Окончившій курсъ Духовной Семинаріи Тихонъ *Рубинскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ церкви при Печенѣжскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи.

— Утверждены церковными старостами: крест. Иванъ *Черединченко*, къ Покровской церкви с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда; Недригайловскій мѣщ. Иванъ *Поповъ*, къ Іоанно-Воинской церкви с. Толстаго, Лебединскаго уѣзда; мѣщ. Александръ *Зарѣцкій*, къ Варваровской церкви с. Искрисковщины, Сумскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Папскія неудачи.—Христіанскій соціализмъ.—Новый крестовый походъ.—Русскіе устои.—Борьба за кармелитскій монастырь.—Освященіе русской часовни въ Вѣнѣ.—По поводу о. Н. Толстого.—Императоръ Александръ III и движеніе эстовъ въ православіе.—Праздникъ славянскаго благотворительнаго общества.—Аналогія между дѣятельностію судьи и дѣятельностію пастыря.—Чествованіе о. Іоанна Кронштадскаго.—Пѣвческая капелла.—Мѣры къ пресѣченію развитія хлыстовства.—200 народныхъ библіотекъ.—Вразумленіе Божіе богохульнику.—Дѣятельность патріарха Никона въ отношеніи къ чужестраннымъ иконамъ.—Вѣра въ знахарство.—Открытое письмо къ православнымъ отцамъ и матерямъ.—Атеистъ о значеніи молитвы.—Некрологъ.

Папскія затѣи окатоличить Россію, подчинить ее папскому престолу, оказываются безуспѣшными. Чѣмъ же латиняне объясняютъ свои неудачи? Въ чемъ видятъ силу православія?—Единственно—въ самодержавной волѣ нашихъ государей. Извѣстный экс—іезуитъ, о. Пирлингъ, въ своемъ сочиненіи „Папы и цари", изображая неудавшіяся безчисленныя попытки папъ плѣнить Россію сѣтями уніи, приписываетъ неуспѣхъ этихъ затѣй предубѣжденіямъ нашихъ царей противъ латинства, унаслѣдованнымъ отъ Византіи.

Это истина чисто іезуитская; по мнѣнію эксъ—іезуита, одни лишь цари и ихъ пристава мѣшали русскому народу оцѣнить блага уніи и вкусить отъ оныхъ вволю. „Будемъ надѣяться, что унія станетъ болѣе доступною русскому народу на почвѣ свободы",—такою мыслію заканчиваетъ о. Пирлингъ предисловіе свое къ названному сочиненію. Т. е. стоитъ-де отнять лишь или опрокинуть эти два, по іезуитскому представленію, столба православія, станового и исправника, какъ все православіе рухнетъ къ ногамъ папы съ изъявленіемъ преданности на-смерть! Но пока еще дождутся іезуиты своего Самсона, мы, православные, тѣмъ болѣе горячо должны благодарить Бога за дарованіе намъ въ самодержавной власти крѣпкой охраны и защиты дорогого намъ православія. Еще ли совпаденіе не знаменательное, говорятъ по этому поводу «Церк. Вѣстн.»? Насъ зовутъ въ унію; насъ язвятъ, за нерасположеніе къ ней, укорами въ недостаткѣ чувства „свободы". А въ это самое время, въ Америкѣ, которую и іезуитъ не можетъ упрекнуть въ недостаткѣ чувства свободы, сотни и тысячи уніатовъ возвращаются въ православіе. Не только благодарить мы должны Бога за это великое и мало заслуженное нами утѣшеніе, но и горячо молиться за подвизающихся въ охранѣ православія, ободрять ихъ, помогать имъ всѣми силами, вещественно и духовно.

— Читателямъ нашимъ извѣстно, что на Западѣ, кромѣ соціалистовъ разныхъ фракцій и наименованій, существуютъ еще „христіанскіе соціалисты", находящіеся подъ руководствомъ латинскихъ патеровъ. Эти руководители соціалистовъ, въ своихъ заботахъ о рабочихъ классахъ народа, заходятъ иногда слишкомъ далеко и причиняютъ немало безпокойствъ не только правительствамъ, но и самому папѣ. Такъ недавно «Христіанскіе соціалисты» начали обращать на себя большое вниманіе даже въ Ватиканѣ. Папа вызвалъ въ Римъ ad audiendum verbum аббата Денса (Daens), бывшаго іезуита, нынѣ ставшаго ярымъ проповѣдникомъ соціализма въ Бельгіи, гдѣ, вообще, католики обнаруживаютъ явную склонность не только къ соціалистскимъ, но и къ революціоннымъ ученіямъ. Католическіе аббаты проповѣдуютъ войну съ капиталомъ и состоятельными классами и, въ сущности, ничѣмъ не отличаются отъ ярыхъ революціонеровъ. Въ Bien du Peuple, редижируемой аббатомъ Потье (въ Бельгіи), открыто проповѣдуются чисто революціонныя теоріи. Кромѣ газетъ, католическое духовенство въ Бельгіи издаетъ много брошюръ и книгъ въ томъ же направленіи. Понятно, что все это не могло не обратить на себя внима-

нія въ Ватиканѣ, почему и вызванъ сюда аббатъ Денсъ. Однако, положеніе папы врядъ ли будетъ легкое: самъ же онъ почти подстрекалъ духовенство къ такой агитаціи.

— Во французскомъ городѣ Клермонъ-Ферранѣ начались недавно празднества по случаю 800-лѣтней годовщины со времени перваго Крестового похода. Въ Клермонъ съѣхалось 40 епископовъ и делегація французскихъ мальтійскихъ рыцарей. Епископы съ рыцарями, въ полномъ средневѣковомъ одѣяніи и вооруженіи, шествовали въ день юбилея отъ епископскаго дворца по украшеннымъ цвѣтами улицамъ города къ собору. Въ соборѣ на возвышеніи были вывѣшены сохранившіяся отъ среднихъ вѣковъ знамена. Проповѣдь произнесъ извѣстный церковный ораторъ, патеръ Монсабрэ. Онъ, подобно Петру Амьенскому, нѣкогда проповѣдывавшему Крестовый походъ, проповѣдывалъ также Крестовый походъ; но уже не противъ невѣрныхъ, а противъ современныхъ невѣрующихъ. Онъ объявилъ, что Франція должна предпринять новый крестовый походъ,—на этотъ разъ противъ безбожниковъ, эксплоататоровъ, франкмасоновъ, которые притѣсняютъ Францію, и громовымъ голосомъ воскликнулъ, обращаясь къ двумъ присутствующимъ кардиналамъ и сорока епископамъ: „Вы должны подать примѣръ противодѣйствія, вы—воины религіи, вы должны ваши митры замѣнить шлемами, вмѣсто посоховъ взять въ руки мечъ! Вы должны найти въ себѣ прежнюю безумную отвагу противъ враговъ Христовыхъ! Вокругъ васъ соберутся служители церкви и свѣтскіе люди. Поднимите знамя креста! Впередъ! Ведите насъ! Да будетъ воля Господня!“ Народъ, наполнявшій обширный клермонскій соборъ, разразился безконечными аплодисментами и тысячи людей повторяли воинственный кликъ прежнихъ крестоносцевъ: „такъ хочетъ Богъ“! Для кардиналовъ и епископовъ рѣчь Монсабра явилась неожиданностью и возникли опасенія, чтобъ рѣчь не вызвала ухудшеній въ отношеніяхъ между правительствомъ и духовенствомъ.

— Разъясненіе вопроса объ отношеніи между „Православіемъ, Самодержавіемъ и Народностію“, этими тремя устоями русскаго народа, въ настоящее время возбуждаетъ живой интересъ и заграницей, и у насъ. Нельзя не видѣть въ этомъ добрыхъ знаменій времени. Въ майской, напримѣръ, книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія“ генералъ А. А. Кирѣевъ, въ спорѣ противъ князя Трубецкаго, даетъ капитальное развитіе формулы «Православіе, Самодержавіе, народность». Особенно жгучій интересъ представляетъ сопоставленіе нашихъ и западныхъ принциповъ государственной власти:

Мой оппонентъ, говоритъ г. Кирѣевъ, видитъ въ нашемъ пониманіи самодержавія какой-то византизмъ и считаетъ необходимымъ исправить его въ смыслѣ теорій Запада, согласовать его съ ними. Онъ утверждаетъ, что и въ этомъ отношеніи (какъ и въ отношеніи нашей вѣры) у насъ не можетъ быть никакого успѣшнаго мессіанизма среди западныхъ народовъ. Въ чемъ же собственно обвиняется самодержавіе славянофильскаго типа? Въ томъ, отвѣчаютъ западники, что оно «не гарантируетъ» народа ни отъ слѣпоты монарха, ни отъ его злой воли! Государь можетъ быть разъединенъ со своимъ народомъ, онъ можетъ не знать и не видѣть того, что дѣлается съ его народомъ и притомъ—его же именемъ. Несомнѣнно однакоже, что при дряблости общества, при низкомъ нравственномъ его уровнѣ, никакая конституція, никакой догогоръ не помогутъ, не уберегутъ его отъ посягательствъ на его свободу и права; а если оно сильно нравственно, если его гражданскій уровень высокъ, если оно понимаетъ значеніе долга, оно обойдется и безъ всякихъ договоровъ. Никакихъ бумажныхъ конституцій намъ не нужно! Въ насъ, въ насъ самихъ, должна быть конституція, этой конституціи у насъ никто не отыметъ, и только она и надежна. „Верховная Воля" должна, по нашей формулѣ, быть точно и подробно освѣдомлена о томъ, что думаютъ «умы». Какія же имѣются для сего средства, какіе пути? Всѣ пути, ведущіе къ цѣли хороши; въ какой формѣ выразится общеніе между Царемъ и подданными—безразлично. Главное дѣло не въ томъ, какъ собрать и куда посадить представителей „умовъ"—въ земскій ли соборъ московскаго образца, въ Екатерининскую ли коммиссію 1767 года, въ редакціонныя ли коммиссіи Александра II, или въ какія-либо вновь придуманныя постоянныя или временныя учрежденія,—это довольно безразлично: важно то, чтобы въ учрежденія эти попали «настоящіе» люди, которые громко, смѣло, честно, откровенно и нельстиво высказывали бы то, что они призваны высказывать. Къ парламентарному государству мы, славянофилы, не питаемъ ни малѣйшаго довѣрія. Недовѣріе это такъ велико, что мы скорѣе согласимся имѣть дѣло съ Аракчеевымъ, нежели съ парламентарными дѣльцами современнаго типа. Парламентарная форма правленія можетъ быть выражена словами: «много умовъ и много воль». Кн. Трубецкой совершенно вѣрно замѣчаетъ, что подъ такою формулой можетъ подписаться любая „анархическая вольница". Да, совершенно вѣрно; я даже скажу болѣе: современная анархическая вольница такъ и

поступаетъ,—она подъ нею и подписывается. Такъ разсуждаетъ г. Кирѣевъ. Въ связи съ этими сужденіями его не лишены интереса и слѣдующія соображенія «Сына Отеч.» направленныя, противъ «Гражданина». У насъ, говоритъ «Сын. Отеч.», несомнѣнно существуетъ—хотя и не очень многочисленная и не очень сплоченная—„дворянская партія", видящая въ усиленіи значенія дворянства величайшее благо для Россіи. Конечно, можно совершенно искренно и на нѣсколько ладовъ понимать благо Россіи. Но намъ говорятъ опредѣленнѣе: намъ говорятъ о благѣ самодержавной Россіи. Вотъ тутъ-то и обнаруживается несостоятельность ультра-дворянскихъ теорій. Усиленіе дворянства не только не гарантируетъ усиленія самодержавія, но является прямо враждебнымъ ему. Вліятельное дворянство непремѣнно станетъ подчинить общегосударственные интересы—собственнымъ, тогда какъ самодержецъ единственною цѣлью имѣетъ „благо всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ". Что самодержавіе исключаетъ возможность образованія на Руси властнаго дворянства—объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія. Попытки дворянства властвовать встрѣтили противодѣйствіе со стороны верховной власти еще при Іоаннѣ IV. Окончательный ударъ былъ нанесенъ имъ при Петрѣ Великомъ. „Петербургскій періодъ" ознаменовался порабощеніемъ дворянства, и только жалованная грамота Екатерины II возвратила ему свободу. Но зато „освобожденіе дворянъ" сразу же предупредило и освобожденіе другихъ сословій. Не прошло и ста лѣтъ послѣ дарованной жалованной грамоты, какъ было уничтожено крѣпостное право.

Самодержецъ вовсе не нуждается въ указаніяхъ дворянства, гдѣ и среди кого искать ему исполнителей его воли. Властное дворянство можетъ существовать лишь въ такихъ странахъ, какъ Англія, монархи которой пользуются извѣстною властью почти номинально. Въ томъ то и великая внутренняя правда самодержавія, что оно обходится безъ излюбленныхъ кастъ, что для него всѣ равны—„и маркизъ, и бѣднякъ", что власть самодержца—по выраженію Каткова,—„единая власть и кромѣ ея нѣтъ никакой другой власти въ государствѣ".

Приведемъ еще заграничныя сужденія по тому же предмету, доктора Бесторна. Въ числѣ разныхъ изданій и статей, посвященныхъ памяти покойнаго Государя Императора Александра III, обращаетъ на себя вниманіе книга одного датскаго публициста, доктора философіи, г. Бесторна, по крайней мѣрѣ судя по тѣмъ извлеченіямъ, которыя приводятся изъ нея московскою газетою „Рус.

Слово". Говоря о царствованіи Александра III, авторъ приходитъ къ слѣдующему общему выводу: „Царь Александръ III былъ Самодержцемъ въ полномъ значеніи этого слова, но Самъ Онъ смотрѣлъ на Свое самодержавіе не только какъ на право, но какъ на священный долгъ, налагающій на Него тяжелыя обязанности. Историкъ, который сталъ бы сравнивать Россію 1894 года съ Россіей 1881 года, долженъ будетъ сказать, что правленіе Александра III какъ разъ отвѣчало требованіямъ времени; что онъ далъ силу и спокойствіе Своему громадному государству, ослабленному и измученному въ моментъ Его вступленія на престолъ: что 1-го марта 1881 года, Онъ сдѣлался владыкой колосса на глиняныхъ ногахъ, а 20-го октября 1894 года Онъ оставилъ Своему Сыну и Наслѣднику Царство, твердо стоящее на собственныхъ ногахъ: наконецъ, что Самодержецъ Александръ III былъ, дѣйствительно, Царемъ Работникомъ".

Между прочимъ Бесторнъ передаетъ слѣдующій разсказъ, за достовѣрность котораго, однако, трудно поручиться. Однажды при Дворѣ,—разсказываетъ онъ,—зашла рѣчь о томъ, какое наименованіе слѣдуетъ дать Царю. Кто-то изъ придворныхъ предложилъ назвать Его справедливымъ. „Нѣтъ, отвѣчалъ будто бы Александръ III, Я есмь и буду Царемъ Крестьянъ. Я знаю, что нѣкоторые даютъ Мнѣ это названіе какъ бы въ насмѣшку за Мою любовь къ мужикамъ. Я старался обезпечить благосостояніе низшихъ классовъ и это, думается Мнѣ, лучшее, что можно сдѣлать. Разъ народъ знаетъ, что ему не грозитъ голодная смерть, онъ благословляетъ Бога и любитъ своего Царя, который на землѣ является для него олицетвореніемъ Божества. Мое самое большее честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы заслужить прозваніе Царя Крестьянъ".

«Нов. Врем.».

— О. Извѣковъ вспоминаетъ въ «Русск. Словѣ» обстоятельства, при которыхъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ произошло перенесеніе преосв. Іосифомъ Сѣмашко епископской православной каѳедры въ Вильну и отношеніе къ этому событію офиціальнаго міра. Самъ генералъ-губернаторъ Мирковичъ не только не явился на первую службу преосвященнаго, но и не позволилъ своимъ чиновникамъ быть въ мундирахъ на этомъ торжествѣ, а самъ затѣмъ уѣхалъ, не повидавшись съ архіепископомъ, и возвратился въ Вильну только передъ самымъ выѣздомъ Іосифа для обозрѣнія епархіи. До такой степени онъ находился подъ гнетомъ поляковъ, смотрѣвшихъ неодобрительно на перенесеніе въ Вильну православной епархіи.

Гражданское начальство—говоритъ о. Извѣковъ,—дѣйствовало положительно во вредъ политикѣ императора Николая Павловича по отношенію къ православію въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Это видно изъ того, что когда Мирковичъ получилъ Высочайшее повелѣніе о передачѣ кармелитскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго исповѣданія, то остался этимъ настолько недоволенъ, что бросилъ на полъ бумагу и затѣмъ сталъ ходатайствовать, хотя и безуспѣшно, объ отмѣнѣ сего повелѣнія. При самой передачѣ упраздненнаго кармелитскаго монастыря подъ помѣщеніе виленскаго духовнаго училища со стороны гражданскаго начальства встрѣтилось не мало затрудненій. Сначала оно не хотѣло передавать сей монастырь, ссылась на латинское духовенство. Когда же стало положительно необходимымъ передать монастырь, то намѣревалось оставить въ немъ латинскихъ ксендзовъ для совершенія богослуженія. Не удивительно, что эта борьба изъ-за кармелитскаго монастыря вызвала настойчивую и продолжительную переписку преосв. Іосифа съ виленскимъ губернаторомъ, генералъ-губернаторомъ, оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ борьбѣ за кармелитскій монастырь принялъ участіе и жандармскій генералъ въ Вильнѣ Буксгевденъ, который тоже пошелъ противъ архіепископа. Будучи недоволенъ преосвященнымъ Іосифомъ за то, что онъ сдѣлалъ ему замѣчаніе за его неприличное поведеніе въ церкви, во время литургіи въ Ковенскомъ соборѣ, при открытіи здѣсь губерніи, онъ, разсказываетъ о. Извѣковъ,—со своей стороны внушалъ католическому духовенству, чтобъ оно не отдавало монастыря. Удивительно, что не смотря на всѣмъ извѣстную строгость императора Николая, исполнители его воли рѣшились такъ извращать—и не въ одной только области имперіи—прямыя повелѣнія государя, какъ было въ Западномъ краѣ, по разсказу о. Извѣкова, и какъ это было, напр., въ Остзейскомъ при арх. Платонѣ, гдѣ тоже господствующая религія должна была гнуть шею передъ лютеранами.

— Вѣнскій корреспондентъ «Рус. Слова» сообщаетъ о состоявшемся недавно освященіи православной русской часовни и русскаго кладбища въ Вѣнѣ. До сихъ поръ не было отдѣльнаго православнаго кладбища въ столицѣ Австріи. Въ настоящее время стараніями о. Николаевскаго, настоятеля тамошней посольской церкви, и бывшаго вѣнскаго посла, а теперь министра иностранныхъ дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго, кладбище устроено. Вѣнская дума отвела мѣсто на центральномъ городскомъ кладбищѣ

(Central-Fried-Hof), найдены были средства для постройки храма и вотъ въ концѣ апрѣля можно было уже освятить этотъ первый, отдѣльно стоящій въ столицѣ Австріи русскій храмъ (посольская церковь помѣщается въ домѣ посольства). Освященіе совершено было тремя протоіереями—отцами Николаевскимъ, Кардасевичемъ (изъ Буда-Пешта) и Апраксинымъ (изъ Праги). На освященіи присутствовали всѣ члены посольства, постоянно живущіе въ Вѣнѣ русскіе, нѣкоторые изъ православныхъ галичанъ, а также и нѣсколько католиковъ. И мѣсто, отведенное вѣнскою думаю подъ часовню, и самое кладбище очень удобны,—по словамъ корреспондента. Кладбище находится недалеко отъ входа во вторыя ворота Central-Fried-Hof, окаймлено живою изгородью и роскошными каштанами, съ красивою и обширною лужайкой на правой сторонѣ. Еще версты за двѣ до кладбища, при выѣздѣ изъ Simmering, когда самый Central-Fried-Hof отмѣчается только густою массой зелени, русскій храмъ уже виденъ, выдѣляясь почти половиной своего бѣлаго корпуса среди изумрудной чаши и горя радужными огнями призмъ своего креста. И чѣмъ ближе къ кладбищу, тѣмъ явственнѣе выступаютъ родныя формы храма, такъ непохожаго на однообразныя, въ большинствѣ случаевъ остроконечныя нѣмецкія кирки. Новосозданный храмъ имѣетъ форму креста, нѣсколько расширеннаго въ центрѣ, съ небольшимъ абсидомъ на востокъ и изящнымъ входнымъ порталомъ съ западной стороны. Сложенъ храмъ изъ цѣльнаго камня, кирпичъ почти отсутствуетъ. Покровъ храма сдѣланъ въ русскомъ стилѣ, на немъ возвышается нѣсколько удлиненный тамбуръ, завершающійся небольшимъ куполомъ. Подъ храмомъ устроена усыпальница. Внутри храмъ выстланъ разноцвѣтными плитами. Свѣтъ обильно вливается въ боковыя окна. Невысокій иконостасъ поражаетъ изящною простотой своей отдѣлки. Вообще внутренность храма, несмотря еще на незаконченность отдѣлки (стѣны, наприм., предполагается въ скоромъ времени покрыть живописью al fresco), производитъ прекрасное впечатлѣніе. Такимъ образомъ теперь въ обѣихъ нѣмецкихъ столицахъ, Берлинѣ и Вѣнѣ, мы имѣемъ свои кладбища и свои церкви. Чередъ теперь за Прагою, гдѣ наша православная церковь помѣщается въ старомъ упраздненномъ монастырѣ, отдаваемомъ ей пражскою думою только въ наймы на извѣстное число лѣтъ.

— По словамъ «Нов. Вр.», о. Николай Толстой, находящійся въ Римѣ, повидимому перешедшій въ католичество, сильно занимаетъ нѣкоторую часть нашей печати. Въ протоколахъ московской ду-

ховной академіи, приложенныхъ къ апрѣльской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника», напечатанъ отзывъ о сочиненіи Н. Толстого, за которое отъ совѣта академіи онъ получилъ степень кандидата богословія. «Моск. Вѣд.», прочитавши этотъ отзывъ, разразились статьею, въ которой упрекаютъ наши духовныя академіи за легкость, съ которою онѣ раздаютъ степень кандидата богословія. Теперь «Церк. Вѣстникъ», обсуждая данный случай (полученіе о. Толстымъ званія кандидата), тоже находитъ, что совѣтомъ московской духовной академіи сдѣланъ промахъ, а такъ какъ промахъ, безъ сомнѣнія, былъ результатомъ снисходительныхъ правилъ относительно присужденія учено-богословскихъ степеней, то необходимо, чтобы эти правила были усилены. По правиламъ, званіе кандидата даютъ не только за „очень хорошіе", но и за „хорошіе" успѣхи, оцѣниваемые тремя баллами, если эта „тройка" получена по всѣмъ предметамъ за весь академическій курсъ. Только съ нынѣшняго года для полученія кандидата петербургская духовная академія требуетъ 3½. Между прочимъ «Церк. Вѣстникъ» указываетъ на нѣкоторые особые порядки, практикуемые въ академіяхъ и связывающіе ихъ по отношенію къ „кандидатамъ". Если бы, говоритъ онъ, академіи освобождены были отъ обязанности оказывать снисхожденіе иностранцамъ, равно какъ если бы высшею властію не дѣлались изъятія для нѣкоторыхъ лицъ, которыя допускаются къ слушанію лекцій „на правахъ студента", не смотря на то, что они не удовлетворяютъ требованіямъ, установленнымъ для студентовъ, то полученіе степени кандидата богословія было бы не особенно легкимъ дѣломъ. Свои замѣчанія церковный органъ оканчиваетъ строками, заслуживающими быть отмѣченными: въ дѣлѣ свящ. Толстого, говоритъ онъ, утѣшительно и то, что нареканія всецѣло обрушились на академію и нисколько не коснулись высшей церковной власти, а послѣднее могло бы случиться, если бы и въ степени кандидата богословія утверждалъ Св. Синодъ, подобно тому, какъ онъ утверждаетъ въ степеняхъ доктора и магистра богословія. Значитъ ли это, спрашиваетъ «Нов. Вр.», что и въ присужденіи высшихъ степеней по богословію могутъ случаться ошибки?—Вопросъ остается открытымъ.

— Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, говорятъ «Моск. Вѣд.», въ эстонской части Балтійскаго края началось сильное движеніе населенія въ православіе, движеніе напоминавшее извѣстное движеніе Латышей въ православіе въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ печатается теперь исторія этого

движенія Эстонцевъ и образованія православныхъ приходовъ. Эта исторія вновь даетъ основанія подтвердить то, что и раньше было извѣстно интересовавшимся этимъ движеніемъ на окраинѣ, а именно, что единственно благой волѣ почившаго императора Александра III Православная Церковь обязана тѣмъ, что на этотъ разъ не удалось заглушить движеніе, какъ было оно заглушено въ сороковыхъ годахъ.

Движеніе Эстовъ въ православіе встрѣтило, какъ въ мѣстномъ дворянствѣ, такъ и въ лютеранскомъ духовенствѣ, такое же враждебное противодѣйствіе какъ и въ сороковыхъ годахъ, а такъ какъ въ то время край находился еще на прежнемъ положеніи, и вся административная, полицейская и даже духовно-учебная власть находилась всецѣло въ рукахъ Балтовъ, то являлась опасность, что движеніе будетъ подавлено въ началѣ, такъ какъ правда не дойдетъ до Престола. Въ сороковыхъ годахъ движеніе было задержано именно потому, что императоръ Николай I былъ обманутъ администраціей края, сумѣвшею представить монарху движеніе въ совершенно превратномъ видѣ. Сердце императора Николая I чуяло неправду въ представленіяхъ, дѣлаемыхъ администраціей края, и, чтобы выяснить истину, онъ отправилъ въ Лифляндію флигель-адъютанта графа Бобринскаго. Врагъ всякой лжи и неправды, Николай I не могъ, конечно, думать, что враги православія обойдутъ его посланца и позволятъ ему видѣть только то, что имъ будетъ угодно. Результатомъ поѣздки графа Бобринскаго была отдача Православной Церкви подъ власть лютеранскаго дворянства и духовенства и подавленіе всякаго движенія въ православіе. Началась эра печальной памяти князя Суворова. Въ восьмидесятыхъ годахъ, при новой попыткѣ населенія переходить въ православіе, повторилось то же самое. Не только начали застращивать народъ наказаніемъ въ будущей жизни, но и притѣснять матеріально. Пасторы говорили проповѣди на текстъ „когда спали пастыри, пришли волки", поносили съ каѳедры Православную Церковь, говорили, что православныхъ обложатъ непомѣрными податями и т. д. Дворянство дѣйствовало заодно съ пасторами, притѣсняло арендаторовъ и батраковъ, сочувствовавшихъ православію, лишая ихъ всякаго заработка. Но самымъ труднымъ дѣломъ для лицъ готовившихся къ переходу въ православіе былъ шестимѣсячный срокъ испытанія, придуманный въ сороковыхъ годахъ. Лютеране, заявлявшіе желаніе присоединиться къ Православной церкви, могли только черезъ полгода послѣ заявленія совершить это присоединеніе, и пасторы съ замѣчательнымъ искусствомъ

пользовались этою мѣрой. Они заявляли паствѣ, что для записавшихся въ православіе не будутъ совершать никакихъ требъ, что, въ случаѣ смерти, не допустятъ погребенія по христіанскому обряду, а будутъ хоронить вмѣстѣ съ самоубійцами и т. д. И это не были пустыя угрозы. Кончалось тѣмъ, что заявлявшіе о присоединеніи къ православію отрекались отъ своего намѣренія и давали пасторамъ обѣтъ никогда не покидать лютеранской церкви. Почившій Императоръ Александръ III прозрѣлъ правду своимъ сердцемъ и оказалъ защиту движенію Эстовъ. По представленію епархіальнаго начальства, распоряженіе о шестимѣсячномъ срокѣ испытанія было Государемъ Императоромъ отмѣнено, какъ несогласное съ достоинствомъ Православной Церкви, и духовному начальству было вмѣнено „самому имѣть наблюденіе за достаточнымъ приготовленіемъ лютеранъ, принимающихъ православную вѣру, въ познаніи оной и въ искреннемъ расположеніи къ ней, съ назначеніемъ потребнаго времени для такого приготовленія, по его усмотрѣнію“. Когда рижскій преосвященный, будучи въ Петербургѣ, имѣлъ счастіе принести Государю Императору благодарность «за Высочайшее соизволеніе Эстамъ свободно принимать православную вѣру», Государь, какъ сообщается въ «Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», спросилъ: „вы разумѣете шестимѣсячный срокъ испытанія“? и получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „и слѣдовало ихъ защищать“! Когда вслѣдствіе энергическихъ настояній преосвященнаго, эстляндскій губернаторъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1883 годъ, возбудилъ два важные по дѣламъ присоединенія вопроса: о правѣ арендаторовъ отдавать, безъ согласія помѣщиковъ, подъ православныя школы зданія, находящіяся на арендуемыхъ участкахъ и объ освобожденіи арендаторовъ отъ обязательства нести расходы по содержанію лютеранской церкви и пасторовъ, то почившій Монархъ отмѣтилъ противъ перваго вопроса: „необходимо рѣшить это дѣло безотлагательно“, а противъ втораго: „необходимо не затягивать этимъ рѣшеніемъ“. На отчетѣ же о присоединеніи Эстовъ, Государь написалъ слѣдующія знаменательныя слова: „это весьма важное и знаменательное движеніе, которое для Меня весьма утѣшительно. Необходимо правительству поддержать вновь обратившихся и не давать ихъ въ обиду“. Послѣ этихъ словъ, въ которыхъ, по справедливому замѣчанію «Русскаго Вѣстника», „выразилась та правда и то прозрѣніе истинной сущности дѣла, коими вообще были проникнуты мудрыя рѣшенія этого Самодержца“, никакія тайныя или явныя козни

враговъ православія въ Балтійскомъ краѣ уже не могли быть страшны. Эти слова незабвеннаго Монарха вдохнули новую жизнь въ начавшееся движеніе и дали ему ту внутреннюю крѣпость, которая должна была привести къ полному торжеству Православной Церкви тамъ, гдѣ она еще на нашихъ глазахъ была только терпимою и угнетаемою торжествующимъ протестантствомъ. Вспоминая заботы почившаго Монарха о построеніи и украшеніи храмовъ, объ обезпеченіи духовенства и заботы о школахъ для православнаго населенія, Латыши и Эсты должны вмѣстѣ со всей Россіей помнить, что почившій Монархъ былъ истиннымъ утвердителемъ Православной Церкви на Балтійской, столь враждебной православію, окраинѣ.

— 11-ое мая, день памяти св. Кирилла и Мееодія, первоучителей славянскихъ, с.-петербургское славянское благотворительное общество праздновало съ особенною торжественностью. Утромъ въ Исаакіевскомъ соборѣ былъ совершенъ высокопреосвященнымъ Палладіемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ, молебенъ, вечеромъ же въ залѣ Кредитнаго общества происходило обычное собраніе членовъ общества. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: высокопреосвященные Антоній, архіепископъ финляндскій, и Ѳеогностъ, епископъ псковскій, государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблеръ, сербскій посланникъ полковникъ Михайловичъ и много другихъ почетныхъ членовъ общества. Открывъ засѣданіе и напомнивъ о значеніи сегодняшняго дня въ жизни славянъ, предсѣдатель графъ Н. П. Игнатьевъ заявилъ, что Одесское славянское благотворительное общество празднуетъ сегодня двадцатипятилѣтіе своего существованія, а потому совѣтомъ С.-Петербургскаго общества послана въ Одессу телеграма слѣдующаго содержанія: „С.-Петербургское славянское благотворительное общество привѣтствуетъ членовъ Одесскаго общества съ совершавшимся двадцатипятилѣтіемъ его дѣятельности. Двадцать пять лѣтъ существованія въ городѣ съ такимъ смѣшаннымъ населеніемъ, какъ въ Одессѣ, свидѣтельствуютъ о потребности въ немъ славянской благотворительности. Занимая ближайшее положеніе къ славянамъ Балканскаго полуострова, одесское общество ближе другихъ стоитъ къ ихъ печалямъ и нуждамъ, и силою вещей должно первое призываться къ поданію братской помощи. Да множатся же его члены, да возрастаетъ же его благотворительность и да расширяется чрезъ это слава русскаго Царя и сочувствіе къ Россіи нашихъ единовѣрныхъ едино-

племенниковъ". Вслѣдъ за этою телеграммой была прочитана привѣтственная телеграмма сербскаго митрополита Михаила, хоръ Архангельскаго исполнилъ тропарь св. Кириллу и Меѳодію и на каѳедрѣ занялъ мѣсто настоятель Исаакіевскаго собора, протоіерей о. Смирновъ. Въ началѣ своей рѣчи, посвященной разбору космополитизма, онъ охарактеризовалъ его—„стремленіемъ быть всѣмъ, но не тѣмъ, чѣмъ создалъ Богъ". „Космополитизмъ, продолжалъ далѣе о. Смирновъ, какъ хищный волкъ, прикрывается овечьей шкурой, ссылаясь на евангельское ученіе о любви къ ближнему. Правда, Спаситель намъ заповѣдалъ любовь, но своимъ примѣромъ показалъ, что любовь должна идти отъ центра къ срединѣ, а не наоборотъ. Спаситель любилъ свою родину, Іерусалимъ и скорбѣлъ о немъ; посылая своимъ учениковъ на проповѣдь, Онъ имъ заповѣдалъ идти сперва къ своимъ, а потомъ къ чужимъ. Космополитизмъ осужденъ Богомъ и первая дерзкая попытка его—столпотвореніе—жестоко наказана. Сравнивъ космополитизмъ съ пашковскимъ ученіемъ и найдя между ними сходство, ораторъ развилъ понятіе о правильномъ, естественномъ распространеніи любви: сперва на свою собственную семью, затѣмъ на друзей, на сослуживцевъ, на весь свой народъ и, слѣдуя постепенности, на родственные славянскіе народы... Знаменоносцами этой идеи были Хомяковъ, Аксаковъ, это же знамя несетъ и Славянское благотворительное общество. При этомъ о. Смирновъ, упомянувъ о раздававшихся недавно въ собраніи общества упрекахъ по адресу болгаръ, замѣтилъ, что недовольство на нихъ дѣло семейное, скоропроходящее, до котораго никому нѣтъ дѣла. Хоръ Архангельскаго исполнилъ сербскую пѣсню: „кто свою отчизну любитъ" и о. Смирнова смѣнилъ профессоръ Пальмовъ. Его рѣчь была посвящена задачамъ славянскаго общества, славянофильству и славистамъ. Закончилось собраніе рѣчью профессора Кулаковскаго, посвященною памяти Шафарика.

— Извѣстный юристъ А. Ѳ. Кони въ рѣчи, произнесенной въ общемъ совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, на тему о томъ, долженъ ли быть установленъ предѣльный возрастъ, по достиженіи котораго недопускалась бы дальнѣйшая служба должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, по словамъ «Церк. Вѣстн.», провелъ поучительную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогію между дѣятельностью судьи и дѣятельностью пастыря церкви. Доказавъ примѣрами, что на нѣкоторыхъ поприщахъ дѣятельности старость не только ничему не вредитъ, а напротивъ, бываетъ даже полезна, почтенный ораторъ разъяснилъ

неосновательность сопоставленія служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ съ служащими въ вѣдомствахъ военномъ и морскомъ, гдѣ установленъ предѣльный возрастъ, равно съ врачами и техниками разнаго рода. Для военныхъ людей, моряковъ, машинистовъ, телеграфистовъ, начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій важно обладать бодрыми и сильными внѣшними чувствами, а для судьи центръ тяжести заключается въ той „работѣ, гдѣ участвуетъ внутренній взоръ, устремленный въ глубь сознанія, и внутренній слухъ, чуткій къ голосу совѣсти, той совѣсти, которая вмѣстѣ со звѣзднымъ небомъ убѣждала Канта въ существованіи Бога". Есть нѣкоторое сходство между судьей и профессоромъ (для котораго тоже существуетъ предѣльный срокъ службы), но еще замѣтнѣе между ними различіе: по „существу своему наука прогрессивна, судебная дѣятельность консервативна; взоръ ученаго устремленъ впередъ, къ новому, къ отысканію законовъ того или другого явленія, взоръ судьи обращенъ назадъ, къ отправнымъ точкамъ правосудія, къ освященнымъ вѣками началамъ общежитія, къ народному правосознанію, выраженному въ твердомъ словѣ закона, къ урокамъ собственнаго опыта житейскаго; чѣмъ больше знанія жизни и чѣмъ больше приходилось имѣть дѣло съ толкованіемъ и приложеніемъ закона, тѣмъ глубже и, слѣдовательно, полезнѣе дѣятельность судьи". По мнѣнію А. Ѳ. Кони, дѣятельность судьи всего ближе подходитъ къ дѣятельности духовнаго пастыря: и судья и священникъ являются служителями высшихъ началъ, проникновеніе которыхъ въ общество поднимаетъ его, облагораживаетъ и даетъ нравственные устои. Служеніе правосудію и религіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ служеніе общественной нравственности. По отношенію къ духовнымъ лицамъ „предѣльный возрастъ" звучалъ бы болѣе, чѣмъ странно, а между тѣмъ и они нуждаются въ полнотѣ умственныхъ и въ бодрости физическихъ силъ—въ выносливости и способности къ серьезному выполненію всѣхъ своихъ обязанностей не менѣе, чѣмъ судьи; нельзя себѣ даже и представить возможности увольненія на покой, безъ ихъ собственной просьбы, такихъ пастырей, какъ, напримѣръ, Иннокентій, Филаретъ московскій, Платонъ кіевскій, Макарій и друг.,—только потому, что они достигли „предѣльнаго возраста".

Безъ сомнѣнія, нельзя не согласиться съ этими ясными и поучительными доводами; съ этимъ соглашается и «Церк. Вѣстн.», выражая въ тоже время благодарность талантливому оратору и знаменитому юристу за то уже, что онъ такъ сказать попутно и

косвеннымъ путёмъ замолвилъ словечко за многотрудныхъ служителей церкви. Его рѣчь, говоритъ «Церк. Вѣстн.», прочитана всею образованной Россіей и кой-кого, быть можетъ, навела на мысль о томъ, насколько безотрадно положеніе духовенства. Чины судебнаго вѣдомства, работающіе извѣстное количество часовъ въ день, обезпечены приличнымъ жалованьемъ; приходскіе священники, которые не могутъ назваться господами своего времени ни днемъ ни ночью, только въ нѣкоторыхъ епархіяхъ получаютъ скудное жалованье, и обезпеченіе всѣхъ ихъ жалованьемъ—согласно съ волей приснопамятнаго Царя-Миротворца—составляетъ лишь предметъ отдаленныхъ вожделѣній. Чины судебнаго вѣдомства могутъ получить пенсію не только за 35, но и за 25 лѣтъ (правда, пенсію не особенно роскошную, напр., членъ палаты или окружнаго суда за 35 лѣтъ 572 руб. и за 25 лѣтъ 256 руо., а судебный слѣдователь 429 руб. за 35 лѣтъ и 214½ руб. за 25 лѣтъ); для духовенства же полагается одинъ только срокъ для выслуги пенсіи—35-лѣтній, и самая пенсія, даже по сравненію съ пенсіей судебныхъ чиновъ, можетъ назваться мизерною: для священниковъ равняется 130 руб., а для діаконовъ—65 руб. Впрочемъ, и эта цифра опредѣлена недавно—для священниковъ въ 1879 г. и для діаконовъ въ 1880 г.; до того же времени священники получали 70 р. (съ 1866 г.) и 90 р. (съ 1876 г.), а діаконы никакой пенсіи не получали. Кажется, было бы дѣломъ справедливости, если не сократить священникамъ и діаконамъ срокъ выслуги пенсій, то по крайней мѣрѣ ввести рядомъ съ пенсіями—и полупенсіи за 25 лѣтъ, смягчивъ дѣйствующее нынѣ узаконеніе отъ 29 января 1868 года, по которому дѣти священнослужителей, остающіеся по смерти отца безъ матери, лишены права на полученіе пенсіи, а о назначеніи пенсій священнослужителямъ, не выслужившимъ по болѣзни узаконеннаго срока, хотя бы они проходили сверхъ прямыхъ обязанностей должности члена духовной консисторіи, епархіальныхъ попечительствъ и т. д., воспрещено входить съ представленіями. Пора бы также вспомнить и объ обездоленныхъ низшихъ членахъ причта—псаломщикахъ и назначить имъ какую-нибудь пенсію.

— Городъ Кронштадтъ, 6-го мая, чествовалъ о. Іоанна въ залѣ городской думы. Чествованіе условливалось тѣмъ, что о. Іоаннъ назначенъ настоятелемъ кронштадскаго Андреевскаго собора. Граждане города пожелали ознаменовать это событіе братской трапезой и по старому русскому обычаю за хлѣбомъ-солью выразить о. Іоан-

ну чувства радости и удовольствія по поводу давно желаннаго назначенія и искреннія пожеланія еще многихъ лѣтъ жизни и плодотворной дѣятельности.

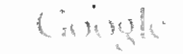
Къ 1-му часу дня въ большомъ думскомъ залѣ собрались: главный командиръ, нѣсколько адмираловъ и генераловъ, представители педагогическаго и чиновнаго міра, городского самоуправленія и многіе изъ почетныхъ гражданъ Кронштадта.

По прибытіи о. Іоанна, торжество началъ городской голова А. В. Шебунинъ чтеніемъ адреса.

О. Іоаннъ своимъ задушевнымъ голосомъ отвѣтилъ на адресъ такою рѣчью:

„Что означаетъ ваше настоящее единодушное собраніе ради моего недостоинства,—скажу такъ, какъ принято у насъ говорить въ подобныхъ случаяхъ, когда чествуютъ насъ, можетъ быть, не по заслугамъ? Оно означаетъ, друзья, прежде всего то, что вы высоко цѣните церковь и ея служителей, что вы чтите духовное или религіозное начало нашей христіанской жизни и признаете его нравственную силу для отечества и народа. Да будетъ-же за это прежде всего слава и благодареніе Богу, дающему намъ, пастырямъ словеснаго стада, силу и крѣпость служить благотворно церкви и обществу, а затѣмъ—спасибо вамъ, оцѣнивающимъ достойно наше служеніе и любящимъ насъ за святое дѣло молитвы и проповѣди слова Божія для васъ. Я былъ въ Кронштадтѣ скромнымъ служителемъ святой церкви и преподавателемъ Закона Божія въ здѣшней гимназіи много лѣтъ и ничемъ особеннымъ не выдавался и не желалъ выдаваться, а только посильно исполнялъ свое дѣло; но, потомъ, въ недавнее время, Господу угодно было проявить меня изъ-подъ спуда и поставить на высокомъ свѣщникѣ, для славы Божіей и духовной пользы многихъ. И вотъ во всю землю изыде молва о мнѣ недостойномъ, а въ послѣднее время милостію начальства я поставленъ настоятелемъ соборнаго храма въ Кронштадтѣ, и вы, друзья, довольны и рады, что я почтенъ начальствомъ. Сердечно васъ благодарю за дружеское собраніе и молю Бога, чтобы кронштадское общество процвѣтало вѣрою и благочестіемъ, единодушіемъ, любовью къ ближнимъ и святою преданностью Престолу и Отечеству. Благодарю васъ въ особенности, представители власти этого города, достопочтеннѣйшіе Николай Ивановичъ и Аверкій Васильевичъ"!

Къ этому о. Іоаннъ, по словамъ «Кроншт. Вѣст.», прибавилъ: „Здѣсь въ этомъ залѣ вы, друзья, чествовали о. Павла Васильe-



вича Трачевскаго, праздновали мои 25-лѣтній и 35-лѣтній юбилеи, юбилей о. Александра Таратина; изъ этого я вижу, что вы, любя и уважая меня, любите и уважаете вообще служителей церкви. За это Богу слава, а вамъ, друзья, честь и хвала и наша благодарность".

Во время обѣда первый тостъ провозгласилъ Николай Ивановичъ Казнаковъ за здоровье Государя Императора. Тостъ былъ встрѣченъ народнымъ гимномъ и единодушнымъ, дружнымъ ура всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ нѣсколькихъ краткихъ тостовъ за о. Іоанна, главнаго командира и городского голову, директоръ классической гимназіи Николай Алексѣевичъ Козеко обратился къ о. Іоанну съ привѣтственными словами.

Трогательно было видѣть съ какимъ востороженнымъ единодушіемъ относились всѣ присутствовавшіе къ этимъ словамъ и вообще ко всѣмъ тостамъ, прилагавшимся за о. Іоанна. Въ этомъ сказалась вся сила любви и преданности гражданъ Кронштадта своему почетному пастырю; чувствовалось, что у всѣхъ собравшихся въ эти минуты одно сердце и одна душа, что сердце это бьется для о. Іоанна и горячо желаетъ ему всѣхъ благъ. Каждый хотѣлъ ему сказать это.

Такъ граждане Кронштадта чествовали своего любимаго пастыря.

— По словамъ «Нов. Врем.», Пѣвческая капелла стоитъ наканунѣ такихъ преобразованій, которыя должны измѣнить весь строй ея жизни, а быть можетъ и самыя ея задачи. Важною цѣлью капеллы до сихъ поръ, кромѣ заботы объ образцовомъ хорѣ, необходимомъ для нуждъ Богослуженія при Высочайшемъ дворѣ, былъ надзоръ за состояніемъ и развитіемъ духовной музыки въ Россіи, за положеніемъ церковнаго пѣнія во всемъ государствѣ. Для удовлетворенія этой обязанности капелла имѣла спеціальный регентскій классъ, откуда выходили регенты, поступавшіе потомъ въ архіерейскіе хоры и державшіе послѣдніе на высотѣ тѣхъ взглядовъ, которые имъ пріобрѣтались въ капеллѣ. Надзоръ за развитіемъ духовной музыки со стороны послѣдней состоялъ въ томъ, что безусловно всѣ выходившія у насъ духовно-музыкальныя православныя сочиненія подвергались обязательно ея просмотру; она и разрѣшала или не разрѣшала ихъ печатаніе и исполненіе.

Все это было совершенно естественно. Не только во времена Бортнянскаго, но и добрую четверть вѣка спустя капелла была единственною музыкальною школою въ Россіи; консерваторій не было, какъ не было и какихъ-либо другихъ учрежденій, гдѣ бы

занимались духовною ли или какою иною музыкою; да и вообще тогда еще было у насъ мало лицъ, интересовавшихся музыкою. Дѣятельность прежнихъ директоровъ капеллы — Бортнянскаго, Ѳ. Львова, А. Львова—опять-таки силою самихъ обстоятельствъ и времени, если не волею Государей, имѣвшихъ въ виду и другую цѣль, сводилась, главнымъ образомъ, на заботу о хорѣ, составлявшемъ капеллу; вопросы собственно церковной музыки они оставляли на второмъ планѣ, несмотря на то, что и А. Ѳ. Львовъ и Н. И. Бахметевъ и въ особенности Бортнянскій писали много церковной музыки и разрабатывали Обиходъ,—понятно, со стороны ихъ полузападныхъ воззрѣній на православное пѣніе. Хоръ Пѣвческой капеллы они довели до степени, близкой къ идеальному совершенству; разработка же церковнаго пѣнія въ духѣ преемственности традиціямъ православной церкви осталась совершенно назади. Послѣднее понятно, потому что капелла еще во времена царя Алексѣя Михайловича, когда хоръ ея назывался „государевыми пѣвчими дьяками", уже начала отходить отъ стариннаго духа православной церкви и своими новшествами по части пѣнія отчасти даже способствовала укрѣпленію раскола на Москвѣ. Со временемъ ея новшества въ этомъ отношеніи и наклоненіе къ Западу еще усилились. Только со времени А. Ѳ. Львова начинаетъ замѣчаться въ ней нѣкоторый, правда очень легкій, поворотъ къ духу прежняго церковнаго пѣнія. Признакомъ этого поворота служатъ не столько сочиненія самого А. Ѳ. Львова и его работы надъ Обиходомъ, сколько небольшая брошюра „О несиметричномъ ритмѣ", гдѣ онъ высказалъ нѣсколько здравыхъ взглядовъ на наше церковное пѣніе. При Бахметевѣ дѣятельность капеллы оставалась почти въ томъ же положеніи, какъ и при его предшественникахъ: директоръ заботился объ образцовомъ уровнѣ хора и оставлялъ всю область церковной музыки въ ея statu quo.

Вопросы тутъ между тѣмъ нарождались. Сознаніе того, что наше церковное пѣніе не находится на своей настоящей дорогѣ, что это дѣло огромнаго государственнаго значенія далеко отъ яснаго пониманія тѣмъ учрежденіемъ, которое призвано заботиться о немъ, т.-е. капеллою, распространялось все болѣе среди немногихъ лицъ, истинно компетентныхъ въ церковномъ пѣніи, или серьезно интересующихся имъ. Мы уже замѣтили выше, какое значеніе имѣли въ свое время для раскола новшества въ нашемъ церковномъ пѣніи. Здѣсь прибавимъ, что не менѣе важное значеніе имѣетъ въ Россіи и благолѣпіе церковнаго пѣнія вообще, особенно въ мѣ-

стностяхъ съ смѣшанными религіями,—въ Прибалтійскомъ краѣ, въ югозападныхъ губерніяхъ, въ Привисляньѣ,—благолѣпіе, въ послѣднее время пришедшее въ извѣстный упадокъ и несомнѣнно зависящее и отъ того, какъ въ самой капеллѣ поставлено обученіе регентовъ ихъ дѣлу.

И такъ, къ началу царствованія покойнаго Государя опредѣлились задачи, силою самихъ обстоятельствъ возложенныя на Пѣвческую капеллу. Императоръ Александръ III, сильно интересовавшійся церковнымъ пѣніемъ въ Россіи, понимавшій его государственное значеніе, не жалѣлъ средствъ для того, чтобы поставить капеллу по возможности еще выше, чѣмъ при Его предшественникахъ, дать ей большой просторъ и въ направленіи и рѣшеніи вопросовъ церковнаго пѣнія. При немъ матеріальныя средства капеллы значительно усилились, а для завѣдыванія ею были приглашены два музыканта, гг. Балакиревъ и Римскій-Корсаковъ, большая репутація которыхъ давала право надѣяться, что выборъ этотъ безусловно оправдается и важными послѣдствіями относительно нашей церковной музыки. Послѣдствій однако не оказалось ни въ смыслѣ удержанія уровня исполненія въ капеллѣ на прежней высотѣ, ни въ смыслѣ разработки нарождавшихся вопросовъ въ области церковнаго пѣнія. Мы далеки отъ мысли дѣлать тутъ укоръ лицамъ, имена которыхъ только что назвали; мы понимаемъ, что даже и тринадцатилѣтній срокъ, въ теченіе котораго они стояли во главѣ капеллы, не великъ въ виду невоздѣланности нивы, гдѣ они должны были работать. Но факты на лицо: никто изъ композиторовъ, принадлежавшихъ къ капеллѣ за послѣдніе годы,—а ихъ тамъ было нѣсколько,—не занимался разработкою вопросовъ церковной музыки ни теоретически, ни практически (или только очень мало), да и самое хоровое исполненіе капеллы скорѣе понизилось, чѣмъ наоборотъ. На это, впрочемъ, были свои причины, которыя нельзя не принимать въ разсчетъ.

— По возбужденному однимъ благочиннымъ вопросу о вѣнчаніи лицъ, заподозрѣннымъ въ принадлежности къ мормонской ереси съ православными, Самарская духовная консисторія сдѣлала слѣдующее достойное вниманіе разъясненіе: „Во всѣхъ случаяхъ, когда сектанты не уличены въ принадлежности своей къ хлыстовству, мормонству, монтанству, бесѣдничеству, бѣлоризцамъ, голубчикамъ, паніашковцамъ и др. наименованіямъ и развѣтвленіямъ хлыстовской ереси участіемъ ихъ въ радѣніяхъ или опредѣленными свидѣтельскими показаніями о производимой ими пропаган-

дѣ хлыстовскихъ вѣрованій—священнику остается дѣйствовать только нравственнымъ своимъ вліяніемъ, убѣждая православныхъ родителей не губить дѣтей своихъ, отдавая ихъ въ семьи сокровенныхъ еретиковъ и угрожая православнымъ родителямъ за такую измѣну ихъ церкви Христовой отлученіемъ отъ святаго причащенія, по донесеніи о томъ ихъ—священниковъ—епархіальному начальству, а еретикамъ совѣтуя заключать брачные союзы въ кругу своихъ единомышленниковъ. Но, дабы священники не могли подвергаться и въ приложеніи мѣръ пастырскаго воздѣйствія на еретиковъ нареканіямъ и обвиненіямъ въ притѣсненіяхъ съ корыстными цѣлями и въ вымогательствѣ, потребовать отъ всѣхъ священниковъ епархіи единократнаго представленія поименныхъ списковъ всѣхъ подозрѣваемыхъ ими въ принадлежности къ хлыстовству въ различныхъ его наименованіяхъ, какъ изъ числа собственныхъ ихъ прихожанъ, такъ и временно, но постоянно въ приходѣ ихъ проживающихъ въ качествѣ арендаторовъ, работниковъ и т. п.,—съ тѣмъ, чтобы каждый годъ, одновременно съ вѣдомостію о небывающихъ у исповѣди отъ 1—3 лѣтъ и болѣе, представляли и дополнительные списки вновь навлекшихъ на себя подозрѣвіе въ принадлежности къ хлыстовству или рапорты, что въ личномъ составѣ хлыстовства по ихъ приходу измѣненій не послѣдовало. При заключеніи браковъ между женихами и невѣстами, принадлежащими къ разнымъ приходамъ, причты въ своихъ предбрачныхъ свѣдѣніяхъ на запросъ причта о невѣстѣ сообщали бы и объ этой опасности для православія семьи, въ которую поступаетъ засватанная православнымъ женихомъ невѣста изъ семьи, зараженной хлыстовствомъ, а равно и причтъ, дѣлающій запросъ о невѣстѣ, засватанной въ хлыстовскую семью, въ запросѣ своемъ предупреждалъ бы объ угрожающей православію невѣсты опасности для своевременнаго пастырскаго дѣйствія со стороны ея приходскаго священника на ея родителей".

— «Сын. Отеч.» говоритъ, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій училищнаго совѣта при св. сунодѣ предположено, на счетъ средствъ спеціальнаго издательскаго фонда, учредить при каждой двухклассной церковно-приходской школѣ школьныя библіотеки, исходатайствовавъ, въ установленномъ для сего порядкѣ, наименованіе имъ—библіотекъ имени Императора Александра III. На каждую изъ проектируемыхъ библіотекъ предположено теперь же ассигновать по 100 р., причемъ рѣшено исходатайствовать разрѣшеніе сбора частныхъ пожертвованій на увеличеніе числа книгъ

означенныхъ библіотекъ. Одновременно съ устройствомъ этихъ библіотекъ имѣется въ виду сдѣлать обязательнымъ для епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ ежегодное представленіе въ училищный совѣтъ отчетовъ о состояніи библіотекъ. Въ случаѣ же открытія новыхъ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, школьныя при нихъ библіотеки рѣшено открывать вновь за счетъ того же издательскаго фонда, размѣръ коего, къ 1 января текущаго года, превышалъ цифру 150,000 руб. Таковъ, въ общихъ чертахъ, проектъ устройства школьныхъ библіотекъ при двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ духовнаго вѣдомства. Дѣятельность этого послѣдняго въ истекшіе 23 года, благодаря значительнымъ правительственнымъ денежнымъ ассигнованіямъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, во многихъ отношеніяхъ представляется крайне плодотворною. Повсемѣстно, при дѣятельномъ и ближайшемъ участіи мѣстнаго духовенства и мѣстныхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, количество церковно-приходскихъ школъ значительно увеличилось, причемъ ранѣе открытыя школы получили на столько удовлетворительную въ педагогическомъ отношеніи обстановку, что успѣхи учениковъ являются вполнѣ обезпеченными. Ежегодное значительное денежное пособіе, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны частныхъ жертвователей, на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, вселяетъ полную увѣренность въ томъ, что школы эти пріобрѣли полную прочность своего существованія не только въ ближайшемъ, но и въ отдаленномъ будущемъ. Новая забота духовнаго вѣдомства представляетъ собою и новое доказательство энергіи лицъ, призванныхъ блюсти интересы дѣла народнаго образованія: учрежденіемъ школьныхъ библіотекъ въ значительной степени обезпечивается возможность для народа дальнѣйшаго его образованія за предѣлами школы: грамотность, сама по себѣ, является лишь орудіемъ для возможнаго дальнѣйшаго саморазвитія и самовоспитанія путемъ самостоятельнаго чтенія книгъ. Народная школа съумѣла вполнѣ возбудить въ народѣ любовь къ чтенію, къ книгѣ, въ виду чего народу необходимо предоставить полную возможность удовлетворить не только потребность чтенія вообще, но чтенія книгъ полезныхъ, могущихъ оказать вполнѣ благотворное вліяніе на развитіе его духовныхъ силъ и нравственныхъ способностей. Не имѣя подобныхъ книгъ, народъ будетъ отыскивать иныя и въ этомъ винить его нельзя,—разъ появившаяся страсть къ чтенію, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, является настолько сильною, что оставить или осла-

бить ея развитіе уже представляется дѣломъ крайне труднымъ и— даже болѣе—невозможнымъ. Народъ ищетъ книгъ, и ему ихъ предлагаютъ издатели и фабриканты печатнаго слова безъ всякаго отношенія къ оцѣнкѣ внутренняго достоинства содержанія книгъ. Въ послѣднее время книги не только въ городахъ, но и въ деревняхъ стали товаромъ, который все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ для себя сбытъ въ размѣрахъ ранѣе несуществовавшихъ. Дешевизна книги, причудливость ея наименованія, невѣроятность картинъ и рисунковъ, сопровождающихъ книгу,—вотъ существенныя условія значительнаго распространенія книгъ среди сельскаго населенія. Внутреннія достоинства той же книги, мало или даже вовсе не интересуютъ маклаковъ-издателей и книгошъ,—имъ лишь бы продать, а что—все равно, лишь бы зашибить копѣйку! Благодаря такимъ радѣтелямъ народнаго просвѣщенія, среди сельскихъ обывателей нерѣдко въ сотняхъ и десяткахъ тысячъ распространяются бездарныя изданія по преимуществу фабрикантовъ Никольскаго рынка въ Москвѣ. Признать распространіе подобныхъ книгъ среди народныхъ массъ явленіемъ вполнѣ нормальнымъ—нѣтъ, конечно, никакихъ разумныхъ основаній: распространеніе подобныхъ книгъ среди нашего крестьянства составляетъ то величайшее зло, съ коимъ слѣдуетъ вести упорную и постоянную борьбу, и притомъ борьбу при помощи тѣхъ же самыхъ средствъ, какимъ маклаки-издатели безнравственныхъ и циническихъ народныхъ изданій достигаютъ своихъ желанныхъ цѣлей, а именно: путемъ распространенія среди народа полезныхъ изданій, способныхъ благотворно повліять на развитіе его духовныхъ силъ и способностей. При этомъ для того, чтобы борьба была вполнѣ успѣшна, необходимо народу предлагать печатное слово „даромъ", и тогда изданія лубочной литературы сразу потеряютъ свой сбытъ за отсутствіемъ потребителей,—народъ не станетъ покупать того, что онъ можетъ имѣть безплатно, хотя бы во временное пользованіе, въ стѣнахъ той же школы, которая дала нѣкогда ему возможность пользоваться книгою. Столь важную и серьезную услугу могутъ и имѣютъ возможность выполнить лишь школьныя народныя библіотеки, и вотъ почему состоявшееся опредѣленіе училищнаго совѣта при Св. Синодѣ объ открытіи 200 школьныхъ библіотекъ на-ряду съ массою другихъ библіотекъ, открываемыхъ заботами земствъ и отдѣльныхъ обществъ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ что либо иное, можетъ оказать серьезную услугу народу не только въ дѣлѣ его религіозно-нравственнаго совершенства путемъ чтенія книгъ, заимствуемыхъ

имъ изъ библіотекъ, но и путемъ отвлеченія того же народа отъ пользованія такими книгами, которыя развращаютъ его душу и разслабляютъ его тѣло...

— 20 февраля случилось въ м. Каменкѣ, Херсонск. губерніи, происшествіе, произведшее сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ штундистовъ мѣстечка (штундистовъ въ Каменкѣ много), Захаръ Пошибовъ, явился къ священнику-настоятелю мѣстной церкви о. Григорію и изъявилъ желаніе поспорить съ нимъ о вѣрѣ. О. Григорій сначала отказывался отъ неожиданнаго предложенія, объясняя свой отказъ неискусствомъ и непривычкою спорить. Но штундистъ началъ явно насмѣхаться надъ нимъ... Тогда о. Григорій перекрестился и пошелъ съ нимъ въ церковь. О намѣреніи Пошибова знали уже многіе изъ прихожанъ и штундистовъ, почему многіе явились въ церковь. От. Григорій началъ тѣмъ, что сталъ увѣщавать Пошибова, обѣщавъ ему отъ Господа прощеніе всѣхъ его заблужденій, если только онъ отступитъ отъ нихъ. Но штундистъ началъ упрекать его тѣмъ, что онъ (о. Григорій) священникъ, а между тѣмъ за нимъ замѣчались многіе грѣшки, что вообще священники дерутъ и съ мертвыхъ и живыхъ за отправленіе обязанностей и проч. Затѣмъ предлагалъ вопросы, зачѣмъ почитать иконы, когда въ Писаніи сказано, чтобы не поклонялись издѣліямъ рукъ человѣческихъ; зачѣмъ кланяемся Кресту какъ орудію страстей, а не кланяемся веревкѣ, и проч. На нѣкоторые вопросы о. Григорій не могъ ничего отвѣчать, и вмѣсто этого началъ опять увѣщавать его. Но штундистъ, считая себя побѣдителемъ, сталъ еще дерзостнѣе и, придя въ какое-то возбужденіе, началъ надсмѣхаться надъ о. Григоріемъ и кощунствовать. Къ нему присоединились и находящіеся въ церкви штундисты. Но Господь защитилъ своего служителя и наказалъ богохульника! Пошибовъ въ крайнемъ ослѣпленіи разразился бранью и въ ожесточеніи плюнулъ на лежащую на аналоѣ икону „Рождества Богородицы“... Волосы дыбомъ поднялись у присутствующихъ православныхъ. Но, о чудо! богохульникъ упалъ, корчась въ припадкѣ... Его подняли въ глубокомъ обморокѣ и вынесли изъ церкви. Когда привели его въ чувство, то оказалось, что онъ не можетъ дѣйствовать языкомъ, правой рукой и ногой. Событіе навело панику на штундистовъ мѣстечка. Они въ нерѣшимости. Бывшіе же изъ нихъ свидѣтелями случившагося явились къ отцу Григорію на-домъ и объявили свое отреченіе отъ штунды. („Русь“ № 55).

— Въ майской книгѣ «Рус. Обозрѣнія» помѣщенъ отрывокъ

изъ путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, переведенный проф. Муркосомъ съ арабской рукописи, хранящейся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Авторъ путешествія, дьяконъ Павелъ, сопровождавшій патріарха, описываетъ церковныя службы въ Москвѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности, относящіяся къ Никону и хорошо характеризующія его. Такъ, послѣ одной изъ своихъ службъ въ недѣлю Православія, Никонъ во время проповѣди велѣлъ принести иконы старыя и новыя, кои нѣкоторые изъ московскихъ иконописцевъ стали рисовать по образцамъ картинъ франкскихъ и польскихъ. Такъ какъ этотъ патріархъ отличается чрезмѣрною крутостью нрава и приверженностью къ греческимъ обрядамъ, то онъ послалъ своихъ людей собрать и доставить къ нему всѣ подобныя иконы, въ какомъ бы домѣ ни находили ихъ, даже изъ домовъ государственныхъ сановниковъ, что и было исполнено. Это случилось лѣтомъ предъ появленіемъ моровой язвы. Никонъ выкололъ глаза у этихъ образовъ, послѣ чего стрѣльцы, исполнявшіе обязанность царскихъ глашатаевъ, носили ихъ по городу, крича: „кто отнынѣ будетъ писать иконы по этому образцу, того постигнетъ примѣрное наказаніе". Это происходило въ отсутствіи царя. Такъ какъ всѣ московиты отличаются большою привязанностью и любовью къ иконамъ, то они видя какъ патріархъ поступалъ съ иконами, подумали, что онъ сильно грѣшитъ, пришли въ смущеніе и волненіе и сочли его противникомъ иконъ. Волненіе, наконецъ, утихло, но Никонъ желая разсѣять всякій слѣдъ возбужденія противъ него, воспользовался присутствіемъ царя, чтобы снова возстать противъ иноземной иконописи. На той службѣ, о которой разсказываетъ діаконъ антіохійскаго патріарха, онъ много говорилъ, что живопись на собранныхъ имъ иконахъ еретическая. При этомъ онъ сослался на свидѣтельство нашего владыки-патріарха, продолжаетъ Павелъ,— и въ доказательство незаконности новой живописи указывалъ на то, что она подобна изображеніямъ франковъ. Патріархи предали анаѳемѣ и отлучили отъ церкви и тѣхъ, кто станетъ изготовлять подобные образа, и тѣхъ, кто будетъ держать ихъ у себя. Никонъ бралъ эти образа правою рукою одинъ за другимъ, показывалъ народу и брасалъ ихъ на желѣзныя плиты пола, дабы они разбились, приказывая ихъ сжечь. Царь стоялъ близъ насъ съ открытою головой, съ видомъ кроткимъ, въ молчаніи внимая проповѣди. Будучи человѣкомъ очень набожнымъ и богобоязненнымъ,

онъ тихимъ голосомъ сталъ просить патріарха, говоря: „нѣтъ, отче, не сожигай ихъ, но пусть ихъ зароютъ въ землю". Такъ и было сдѣлано.

— Въ «Кіев. Словѣ» говорятъ, что школа, грамотность и распространеніе полезныхъ книгъ принесли уже извѣстную долю пользы, въ особенности въ борьбѣ съ суевѣрными понятіями и взглядами, которые широко царили среди темной крестьянской среды. Такъ напр., недавно исчезъ у насъ, говоритъ корресп. «Орл. В.», распространенный обычай во время эпидеміи и скотскаго надежа опахивать сохой деревню, при звонѣ въ заслонки, косы, тарелки и т. п., чтобы выгнать изъ села „черную смерть". Но множество дикихъ понятій живетъ еще въ представленіяхъ народа: вѣра во сны, во всякаго рода встрѣчи, напр., съ покойникомъ, священникомъ, въ порчу, заломы, сглазъ и т. п. Особенно крѣпка у нихъ вѣра въ волшебство, колдуновъ и знахарокъ. Стоитъ только кому-либо объявить себя ворожеемъ, какъ крестьянскій людъ цѣлыми массами начинаетъ валить къ нему. Въ послѣднее время особенною популярностью пользовался у насъ въ уѣздѣ старикъ, извѣстный подъ именемъ „Борисовскій дѣдъ". Онъ случайно погибъ во время пожара въ своемъ домѣ. Гремѣла еще „бабка" въ селѣ Паюсовѣ, объявившая, что въ ея домѣ, именно въ окнѣ, явился „святой", который научаетъ ее, какъ давать людямъ совѣты, помощь и открывать будущее. Брала она чѣмъ только возможно было. Есть здѣсь и другія, менѣе извѣстныя на этомъ поприщѣ личности, но дѣятельность ихъ скромнѣе, ремесломъ своимъ они занимаются осторожнѣе. Населеніе ихъ знаетъ и нѣсколько побаивается, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣщее пророчество ихъ, случайно, конечно, сбывается. Вотъ, напр., какой случай произвелъ сильное впечатлѣніе въ населеніи. Одна изъ прослывшихъ въ округѣ ворожей явилась на шерстобитню съ двумя кудельками шерсти. Баба требовала немедленно-же перебить ея „волну". Хозяинъ шерстобитни крикнулъ на нее, велѣлъ ожидать очереди и продержалъ бабу часа два. Какъ только стали перебивать принесенную ворожеей волну, шерстобитня, случайно, конечно, сломалась и хозяинъ почти цѣлый день приводилъ ее въ порядокъ. Убытку было рублей на 40. Присутствовавшій здѣсь народъ и хозяинъ приписали несчастье „наговору" бабы и послѣдній не только не взялъ съ нея за работу, а всегда съ того времени даромъ перебиваетъ ея шерсть, угощаетъ, даже даетъ ей на дорогу денегъ.

— Въ майской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» помѣщено откры-

тое письмо православнымъ отцамъ и матерямъ подъ заглавіемъ: «Правы ли мы?». Ссылаясь на ту истину (раскрытую въ поученіяхъ покойнаго архіепископа Никанора), что человѣкъ не только подъ старость, но и въ полномъ разцвѣтѣ силъ живетъ сердцемъ, больше уже только воспоминанія, чѣмъ живыми впечатлѣніями, авторъ письма разъясняетъ, что причина отщепенства нѣкоторыхъ русскихъ людей заключается въ ихъ несчастномъ дѣтствѣ, лишенномъ впечатлѣній православной церковности. Поэтому, чтобы предохранить дѣтей отъ уродства, которое такъ поражаетъ въ нашихъ „интеллигентахъ“, нужно пользоваться тѣми благодатными впечатлѣнія, какіе даетъ намъ церковь въ своей обрядности, нужно, чтобы эти впечатлѣнія легли именно на чистую невинную дѣтскую душу, чтобъ ихъ пережило дѣтское сердце, пока оно чисто и близко къ Богу. Каждый праздникъ въ православной церкви имѣетъ свои особенности, оставляющія въ душѣ неизгладимые слѣды, каждый обрядъ церковный, даже повидимому незначительный, имѣетъ свое благотворное воспитательное значеніе для дѣтскаго сердца. Помнимъ,—говоритъ авторъ,—въ дѣтствѣ, съ какимъ радостнымъ трепетомъ въ домѣ ожидались на Пасхѣ св. иконы: весь домъ прибранъ, такъ весело, чисто, солнце радостно смотритъ въ окна, въ переднемъ углу приготовлены кадушки съ сѣменами, подъ столомъ—сѣно, въ кадушки ставятъ св. иконы вмѣсто подножія; эти сѣмена потомъ пойдутъ въ поле на полосу, какъ благословенныя, а сѣно—скоту на доброе здоровье... Но вотъ принесли иконы съ пѣніемъ „Христосъ Воскресе“, поставили, вошелъ батюшка, начался пасхальный молебенъ... Господи, какъ радостно бывало, когда запоютъ „Пасха красная“! Такъ сердце и прыгаетъ отъ радости. Помолились, приложились всѣ къ св. иконамъ, проводили ихъ за ворота, похристосовались съ батюшкой, и мы, дѣти, бывало, не одинъ день вспоминаемъ, какъ приходила къ намъ „Царица Небесная“ съ животворящимъ крестомъ... Въ крестьянскихъ домахъ покрывали иконы Богоматери полотенцами своего рукодѣлія: это было приношеніе въ церковь Божію отъ деревенскихъ хозяевъ. При прохожденіи иконъ вездѣ слышалось сладостное „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“, надъ обнаженными полями развивались простые деревенскіе хоругви, а мы, дѣти, бывало звонили и звонили безъ конца. Еще зима, еще и постъ великій не наступалъ, а мы уже строимъ, бывало, планы, какъ будемъ проводить святую недѣлю, какъ будемъ пѣть на клиросѣ пасхальныя пѣсни, звонить на колокольнѣ и пр. Сколько во всемъ

этомъ было поэзіи для дѣтскаго сердца! Съ какимъ сердечнымъ наслажденіемъ вспоминается теперь Троицынъ день съ его зелеными березками, которыя, увы, благодаря какому-то недоразумѣнію, или, лучше сказать благодаря капризу покойнаго графа Д. Толстого, запретившаго употребленіе ихъ ради „сбереженія лѣсовъ" (а вотъ елки въ Рождество не догадался онъ запретить: какъ можно? что скажутъ нѣмцы?), отошли въ область преданій въ нашихъ селахъ и деревняхъ!... Съ какимъ, бывало, дѣтскимъ восторгомъ участвуешь въ украшеніи храма зелеными вѣтвями, въ обсаживаніи церкви деревцами, въ убранствѣ дома тѣми же зелеными, веселыми вѣточками къ этому празднику! Даже теперь, подъ старость, грустно становится, когда въ храмѣ Божіемъ въ этотъ праздникъ не видешь березокъ: будто что-то дорогое отняли у тебя... Первое августа съ хожденіемъ св. иконъ на воду, шестое августа съ освященіемъ новыхъ плодовъ, Воздвиженіе Креста Господня съ украшеніемъ его послѣдними остатками цвѣтовъ... Весь церковный годъ дѣлился по этимъ знаменательнымъ днямъ—праздникамъ; душа отдыхала, оживлялась, получала новыя силы отъ соприкосновенія съ этими св. днями въ церкви, въ богослуженіи, обрядахъ и народныхъ православныхъ обычаяхъ старины. Да, много радостей и поэзіи доставляетъ дѣтямъ церковь съ ея обрядами, говоритъ по этому поводу „Церк. Вѣстникъ". Авторъ не безъ основанія видитъ въ впечатлѣніяхъ, полученныхъ дѣтьми отъ церковной обрядности, противовѣсъ всякимъ позднѣйшимъ разрушительнымъ вліяніямъ.

— Въ «Нов. Врем.» говорятъ, что Стриндбергъ, извѣстный шведскій писатель и драматургъ, пытается опредѣлить психо-физіологическія основы молитвы. Самъ онъ—завзятый атеистъ, но искренно сознается, что и ему довелось испытать на себѣ силу молитвы. Разъ какъ-то съ его малолѣтней дочерью ночью сдѣлался эпилептическій припадокъ. Какъ самъ врачъ, онъ употребилъ всѣ медицинскія средства для облегченія страданій ребенка, но все оказалось безплоднымъ. „Намъ съ женой, пишетъ Стриндбергъ, не оставалось ничего болѣе, какъ ожидать рокового конца, такъ какъ у ребенка, повидимому, изсякла всякая способность сопротивленія. Я чувствовалъ себя такъ, словно мнѣ хотѣли отрѣзать одинъ изъ членовъ моего тѣла, вырвать часть моей души, что, впрочемъ, до извѣстной степени было правдой, ибо это дитя—плоть отъ плоти моей и я насадилъ мои мысли въ маленькій его мозгъ. Лишенный воли, внѣ себя, сознавая, какъ энергія моя ослабѣвала по мѣрѣ приближенія ребенка къ смертному часу, въ смущеніи си-

дѣлъ я около его кроватки. Жена, какъ мертвая, свалилась на полъ. „Вдругъ я увидѣлъ, что она поднимается. Руки ея сплелись въ молитвѣ, взоръ поднялся къ небесамъ, тѣло вытянулось прямо впередъ, губы зашевелились, все нѣжное существо ея показалось мнѣ оживленнымъ новой силой, мускулы лица напряглись, глаза заблестѣли.—Да сдѣлай же что-нибудь! приказала она мнѣ. Механически положилъ я одну руку на лобъ ребенка, другую ему на грудь и такъ застылъ. Пока жена моя тихо молилась, приступы возобновились подъ моими руками.—Моли Бога, чтобы Онъ помогъ намъ! приказала мнѣ жена. Въ эту минуту въ головѣ моей мелькнуло кантовское мнѣніе, по которому молитва имѣетъ силу воздѣйствія на божественную волю (по моей версіи, на законы природы) и—я не сталъ молиться. При слѣдующемъ приступѣ, когда мы думали, что она уже кончается, жена схватила меня за руку, съ восклицаніемъ:—Она умираетъ! Молись за нее! Въ эту минуту заглохла во мнѣ всякая самостоятельная мысль. Я забылъ о Кантѣ и моемъ атеизмѣ, и подъ вліяніемъ мгновенно сильнѣйшей воли сравнительно съ моей, губы мои зашевелились и изъ нихъ стали вылетать старыя слова, которыхъ я не повторялъ уже двадцать пять лѣтъ. Вмѣстѣ съ словами возвратились прежнія мысли, а съ мыслями вернулась и моя сила. Заснувшая грудь наполнилась воздухомъ, склоненная спина выпрямилась, мускулы рукъ сократились, и я почувствовалъ какъ бы потокъ новой силы, который заструился въ моихъ пальцахъ. Надежда снова ожила, мнѣ казалось, что я могу спасти ребенка простымъ прикосновеніемъ моихъ рукъ, и мнѣ хотѣлось воскликнуть: „О посмотри, какъ это просто"!, какъ это со мною бывало иногда во снѣ, когда мнѣ снилось, что я кого-то обучаю искусству воздухоплаванія. Не могу дать клятвы въ томъ, что случившееся затѣмъ находилось въ причинной зависимости къ молитвѣ, но приведу факты: пока я молился (если я смѣю такъ выразиться), ребенокъ оставался покойнымъ. Когда же я пересталъ молиться, судороги вскорѣ начались снова, и я снова сталъ молиться. Мнѣ кажется (да проститъ мнѣ Господь Богъ), что я двадцать пять разъ подрядъ прочелъ Отче Нашъ... Къ утру малютка заснула—она была спасена". Далѣе Стриндбергъ разсказываетъ, какъ онъ молился въ дѣтствѣ и въ чемъ заключается сила молитвы, но тутъ онъ уходитъ въ такую область, гдѣ едва ли и самъ что нибудь понимаетъ.

НЕКРОЛОГЪ.

3 апрѣля 1895 года, при Успенской церкви въ сл. Петропавловкѣ Старобѣльскаго уѣзда, скончался на 70 году священникъ Іоаннъ Михаиловичъ Ястремскій. Покойный былъ сынъ діакона сл. Корованы Валковскаго уѣзда. По окончаніи курса наукъ Харьковской Духовной Семинаріи съ аттестатомъ 2-го разряда, онъ въ 1847 году 11 декабря рукоположенъ былъ во священника къ Георгіевской церкви с. Гуляй-Поле, Зміевскаго уѣзда; 1854 года 15 октября по прошенію переведенъ въ сл. Савинцы Изюмскаго уѣзда; 14 октября 1869 года опредѣленъ къ Вознесенской церкви сл. Зеликовки Старобѣльскаго уѣзда; 22 іюня 1878 года опредѣленъ былъ помощникомъ настоятеля къ Петропавловской церкви сл. Петропавловки; а въ 1883 году перемѣщенъ къ Успенской церкви сей же слободы, гдѣ и суждено было Промысломъ о. Іоанну закончить свою пастырскую дѣятельность. За примѣрную и усердную службу по Епархіальному вѣдомству онъ награжденъ былъ набедренникомъ 1862 года 18 января; за весьма полезную службу преподано ему благословеніе Святѣйшаго Сѵнода 1864 года 25 марта; за долговременную и отлично-усердную службу награжденъ бархатною фіолетовой скуфьей 1892 года 17 февраля; кромѣ того, онъ имѣлъ Высочайше установленный въ память бывшей войны 1853—1856 г. бронзовый наперсный крестъ на Владимірской лентѣ.

Замѣчательными выдающимися чертами характера покойнаго о. Іоанна были скромность, привѣтливость ко всѣмъ, честность и миролюбіе. За таковыя качества души усопшаго всякій уважалъ и любилъ, какъ только узнавалъ его близко, а особенно-же съ искреннею любовію и уваженіемъ относились къ нему прихожане, которые при обрядѣ погребенія почти всѣ присутствовали и со слезами проводили его до могилы. Обрядъ погребенія надъ нимъ, послѣ заупокойной литургіи, былъ совершенъ сосѣднимъ священникомъ о. Матвѣемъ Моисеевымъ, при чемъ имъ было сказано приличное слово.

Въ семействѣ покойнаго остались: жена его Марія Михаилова, сыновья Николай, Алексѣй, Іоаннъ и Василій, состоящій священникомъ въ слободѣ Старой-Айдари Старобѣльскаго уѣзда, и дочери Анна, находящаяся въ замужествѣ и дѣвица Наталія, жившая при отцѣ. Состоянія послѣ покойнаго о. Іоанна не осталось никакого. Занимая приходъ въ сл. Савинцахъ, покойный о. Іоаннъ пріобрѣлъ тамъ домъ съ надворными постройками, но пожаръ, случившійся въ той слободѣ, истребилъ домъ и все имущество въ домѣ. Съ того времени о. Іоаннъ, находясь на бѣдныхъ приходахъ, не могъ поправить своего состоянія и не оставилъ послѣ себя своимъ ближнимъ никакихъ средствъ къ жизни.

Миръ праху твоему, добрый пастырь и добрый человѣкъ!

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Іюня № 11. 1895 года.

Отъ Правленія эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи.

Правленіе эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи сообщаетъ къ свѣдѣнію о.о. благочинныхъ, подлежащихъ начальниковъ добровольныхъ участниковъ кассы и всѣхъ членовъ кассы о томъ:

1. Чтобы взносы за 2-ю половину сего 1895 г. были представлены въ Правленіе кассы *своевременно*, т. е. не позже 30-го іюля, согласно примѣчанію къ § 23 проекта устава; въ случаѣ же несвоевременнаго представленія взносовъ, крайне нежелательнаго въ виду осложненія дѣлопроизводства, были бы представлены и проценты за просроченное время по одной копѣйкѣ на рубль за каждый мѣсяцъ, на основаніи § 26 устава.

2. Чтобы благочинные и начальники добровольныхъ участниковъ кассы приняли и представили къ тому же времени (т. е. къ 30 числу іюля) въ Правленіе кассы взносы и за первую половину текущаго года отъ тѣхъ лицъ, которыя вновь поступили на мѣста съ 1-го января по 30 іюня сего 1895 года, но взноса въ эмеритальную кассу не представляли; если же кто вновь поступитъ на мѣсто съ 1-го іюля по 31-е декабря, то обязанъ производить взносъ съ первой половины слѣдующаго года,—на основаніи 2-го примѣчанія къ § 26, исправленнаго XV епархіальнымъ съѣздомъ.

3. Что право на пенсію съ доплатою своихъ взносовъ до перваго пятилѣтія, на основаніи § 32, имѣютъ только тѣ священно-

церковно-служители, которые вышли за штатъ съ 1-го января 1895 г. и наслѣдники вкладчиковъ, умершихъ въ семъ 1895 году.

4. Что къ участію въ эмеритальной кассѣ въ качествѣ добровольныхъ вкладчиковъ съ правомъ на пенсію, кромѣ поименованныхъ въ § 3-мъ устава лицъ, допускаются и учители народныхъ училищъ изъ окончившихъ курсъ въ академіи и духовной семинаріи, которые должны представлять взносы равные священническимъ, согласно примѣчанію 2-му къ § 19 уст.

5. Что, на основаніи параграфа устава, добавленнаго XV епарх. съѣздомъ и утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ, предоставлено право вкладчикамъ взносить единовременно въ эмеритальную кассу за нѣсколько лѣтъ впередъ, съ тѣмъ, чтобы выдача пенсій производилась на основаніи правилъ устава эмеритальной кассы.

При этомъ Правленіе эмеритальной кассы присовокупляетъ, что къ 1-му числу іюля н. г. о.о. благочиннымъ будутъ высланы печатные бланки вѣдомостей, при которыхъ должны быть представляемы ими взносы, а также и квитанціонныя книги, изъ которыхъ оо. благочинные должны выдавать каждому вкладчику квитанцію въ принятіи взносовъ, а копіи, по окончаніи всей квитанціонной книги, возвращать Правленію.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Харьковское Епархіальное Попечительство имѣетъ честь оповѣстить о.о. благочинныхъ епархіи о представленіи въ попечительство отъ псаломщиковъ взносовъ, опредѣленныхъ XIII и XIV Епархіальными съѣздами духовенства, въ пользу семейства умершаго псаломщика Іоанна Оржельскаго, служившаго при Рождество-Богородичной церкви с. Кочина Старобѣльскаго уѣзда, о смерти коего Попечительство но нынѣ не имѣло свѣдѣній.

Отъ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ".

Въ виду значительнаго недостатка въ чистомъ пчелиномъ воскѣ, встрѣчаемаго епархіальными свѣчными заводами, и принимая во вниманіе, что постоянныя и близкія сношенія мѣстнаго духовенства съ обывателями представляютъ полную возможность получить

болѣе точныя свѣдѣнія о существующихъ пасѣкахъ и о размѣрахъ добываемаго ими меда и воска,—Русское Общество Пчеловодства чрезъ г. Предсѣдателя своего письменно обратилось къ Высокопреосвященному Амвросію съ покорнѣйшею просьбою о напечатаніи въ оффиціальной части Епархіальныхъ Вѣдомостей приглашенія духовенству о доставленіи, черезъ благочинныхъ, по прилагаемой таблицѣ указанныхъ въ ней свѣдѣній о пчеловодствѣ.

Согласно съ симъ, по распоряженію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, редакція журнала „В. и Р." честь имѣетъ пригласить духовенство Харьковской Епархіи доставить чрезъ о.о. благочинныхъ нужныя Обществу свѣдѣнія по нижеиапечатанной формѣ, адресуя ихъ: *Въ С.П.Бургъ, въ Русское Общество Пчеловодства, Екатерининскій кан., № 27*:

Вѣдомость о мѣстонахожденіи пасѣкъ, о количествѣ ульевъ и добываемыхъ продуктовъ, съ показаніемъ цѣнъ и мѣста сбыта послѣднихъ.

Губернія

Уѣздъ

Волость

Названіе ближайшихъ мѣстъ сообщеній отъ пасѣкъ.	Сколько верстъ отъ пасѣкъ.
Станція желѣзной дороги и какой именно	
Пристань и названіе самой рѣки	
Городъ и какой именно губерніи	
Почтовая станція съ денежною корреспонденціею	

Названія селеній, имена фамилій и званія пчеловодовъ.	Какого рода ульи и сколько ихъ было при выставкѣ.			Сколько добыто въ 1893 г. фунтовъ.		По какой цѣнѣ продается на мѣстѣ за пудъ.			Кому и въ какія мѣста продается медъ и воскъ.
	колодъ.	ливнечныхъ.	рамочныхъ.	меда.	воска.	меда.	воска.	вощины	

Епархіальныя извѣщенія.

Опредѣленный на священническое мѣсто къ Григорьевской церкви с. Турье, Ахтырскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Сергѣй *Любарскій* I, 6 мая н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Опредѣленный 10 апрѣля н. г. на праздное священническое мѣсто къ Успенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда, студентъ Семинаріи Михаилъ *Вербицкій*, 28 мая рукоположенъ въ санъ священника.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Павелъ *Яковлевъ*, опредѣленный священникомъ къ Николаевской церкви с. Семеренекъ, Ахтырскаго уѣзда, 14 мая рукоположенъ въ санъ священника.

— На праздное священническое мѣсто къ Архангело-Михаиловской церкви с. Журавнаго Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ 18 мая окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Иванъ *Рубинскій*.

— Опредѣленный священникомъ къ Іоанно-Богословской церкви с. Большой Чернетчины окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Василій *Крыжановскій*, 9 мая рукоположенъ въ санъ священника.

— Псаломщикъ Николаевской церкви с. Мартиновки, Лебединскаго уѣзда. Стефанъ *Вербицкій*, перемѣщенъ псаломщикомъ къ Преображенской церкви г. Бѣлополья Сумскаго уѣзда.

— Къ Пророко-Ильинской церкви с. Угроѣдъ, Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ псаломщикомъ сынъ діакона Михаилъ *Мартыновъ*.

— Утвержденъ церковнымъ старостой къ Маріи-Магдалининской церкви с. Бобрика, Лебединскаго уѣзда, крест. Семенъ *Черныкъ*.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликовано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи постоянной миссіи при папѣ въ составѣ

министра-резидента и секретаря. Расходы по содержанію миссіи опредѣлены въ шестнадцать тысячъ металлическихъ рублей ежегодно. Безъ сомнѣнія, это свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ, установившихся между Ватиканомъ и Русскимъ Правительствомъ. Но отсюда, какъ далеко еще до осуществленія завѣтной мечты современнаго намъ папы—подчинить православную Россію папскому престолу. А между тѣмъ, эта мечта не покидаетъ Льва XIII ни на минуту. Въ Унгварскомъ «Листкѣ» извѣщаютъ, что его святѣйшество, Левъ XIII, издалъ 5 мая т. г. бреве, въ которомъ призываетъ весь католическій міръ къ усиленной молитвѣ о соединеніи церквей, по случаю праздника Сошествія св. Духа. Участвующимъ въ таковыхъ молитвахъ его святѣйшество даруетъ индульгенціи (отпусты) на семь лѣтъ и 280 дней за каждый день молитвы, черезъ 8 дней, послѣ дня сошествія св. Духа. Нельзя не замѣтить, какъ счастливы римскіе католики, которые такимъ легкимъ средствомъ могутъ обезопасить себя отъ грѣховъ или отъ отвѣтственности за грѣхи въ теченіи столь продолжительнаго времени.... Любопытно, однако же, было бы знать, многіе ли католики воспользовались этимъ легкимъ средствомъ?...

— Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ тотъ же «Листокъ», вѣрные послѣдователи ученія Христова и теперь, какъ и во всѣ времена, стараются просвѣтить міръ свѣтомъ Христова ученія. Миссіонеры и теперь съ большимъ рвеніемъ, какъ и прежде, проникаютъ во всѣ концы земнаго шара, чтобы въ каждый уголокъ внести свѣтъ Евангелія; но эта дѣятельность ревностныхъ распространителей ученія Христова возбуждаетъ злобу темныхъ силъ, которыя съ своей стороны усиливаются разрушать плоды ихъ трудовъ. Казалось, крестъ вездѣ побѣждаетъ, онъ проникъ въ глубь язычества; но и антихристіанство не дремлетъ и оно старается противупоставить, побѣдоносному шествію креста, свою антихристіанскую миссію. Такъ это особенно замѣчается въ Индіи, которая представляетъ обширное поле для христіанской миссіи. Въ этой странѣ находится до 300 милліоновъ язычниковъ браманистовъ и буддистовъ. Въ послѣднее время проповѣдь христіанства стала дѣлать тамъ быстрые успѣхи: христіанъ насчитывается уже въ Индіи до $2^1/_4$ милліоновъ. Но этотъ успѣхъ именно и возбудилъ ярость сатаны, который выдвинулъ своихъ особыхъ миссіонеровъ въ видѣ экзальтированныхъ женщинъ, выступившихъ противницами христіанства. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго

года вся болѣе или менѣе образованная Индія до крайности была возбуждена миссіей одной женщины, которая, переходя съ юга на сѣверъ, повсюду производила необычайное возбужденіе своими странными лекціями. Индусы толпами стали слѣдовать за ней: одни называли ее вѣстницей боговъ, другіе лжепророчицей, но, во всякомъ случаѣ, она вездѣ сосредоточивала на себѣ общее вниманіе. Это нѣкая Анна Безантъ, проповѣдница такъ называемой теософіи, или по просту—спиритизма. Эта теософія,—смѣсь западнаго невѣрія и восточнаго язычества,—начала распространяться въ Индіи и въ 1879 году англійскимъ полковникомъ Ольноттомъ и русскою искательницею приключеній—Блаватскою. Изъ Америки, гдѣ спиритизмъ не увлекалъ болѣе никого, они отправились въ Индію, гдѣ стали проповѣдывать, что при помощи спиритическихъ сеансовъ могутъ сноситься съ древнѣйшими, уже тысячи лѣтъ въ безвѣстности проживающими въ дебряхъ Тибета, мудрецами Индіи, и почерпать отъ нихъ невыразимую мудрость. Проповѣдь ихъ пала на плодотворную почву: суевѣрные индусы нахлынули къ нимъ цѣлыми толпами, особенно въ Мадрасѣ, гдѣ съ изумленіемъ внимали чудеснымъ явленіямъ, „читали письма, полученныя отъ самого Кут-Гуми, величайшаго мудреца, который считался умершимъ уже 3 или 4 тысячи лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ оказывался еще живымъ и проживалъ въ Кашмирѣ, откуда велъ любезную переписку съ Блаватской, въ лучахъ луннаго свѣта появлялся на кровлѣ и оттуда преподавалъ всѣмъ благословеніе... Всему этому простодушные индусы вполнѣ вѣрили и слѣдовали за „теософами“, а они, между тѣмъ, пользуясь этимъ довѣріемъ, открыто повели агитацію противъ христіанства, какъ религіи уже устарѣлой-де и притомъ далеко уступающей теософіи (!), открывающей людямъ всѣ тайны боговъ и жизни людей. Эта антихристіанская дѣятельность Блаватской уже грозила увѣнчатися полнымъ успѣхомъ и христіанству угрожала великая опасность. Къ счастью, выше мѣры увлекшись своимъ успѣхомъ, Блаватская настолько зарвалась съ своимъ „откровеніемъ“, что потеряла всякую мѣру во лжи и вымыслахъ и потому была уличена, какъ обманщица и фокусница, притомъ явно посягавшая на карманы своихъ довѣрчивыхъ послѣдователей. Въ виду этого она должна была оставить Индію и черезъ нѣсколько лѣтъ окончила свою полную приключеній жизнь въ Лондонѣ, гдѣ англійскія газеты достойно оцѣнили въ своихъ некрологахъ „этого Каліостро въ

юбкѣ“. Но хотя Блаватская потерпѣла неудачу съ своей теософіей, однако почва уже достаточно была подготовлена ею для сѣянія теософическихъ бредней, и вотъ почему, когда явилась другая такая экзальтированная пророчица въ лицѣ Анны Безантъ, то отъ ея проповѣди пришла въ движеніе вся Индія, и въ этомъ нельзя не видѣть новой попытки сатаны оказать отпоръ христіанству. Дѣятельность Анны Безантъ есть вполнѣ антихристіанская и, къ сожалѣнію, она находитъ себѣ сочувствіе не только среди индусовъ, но даже и среди самыхъ европейцевъ, проживающихъ въ Индіи, которые видятъ въ теософіи дѣйствительно дальнѣйшій шагъ въ развитіи религіозно-нравственнаго сознанія. Когда въ Индіи такимъ образомъ распространяется „теософія“ со всѣми суевѣріями, соотвѣтственно съ желаніями Индусовъ, въ Европѣ распространяется раціонализмъ, матеріализмъ, атеизмъ, въ соотвѣтственныхъ „ученыхъ“ системахъ. Невозможно не замѣтить, говоритъ Унгварскій «Листокъ», что этими антихристіанскими движеніями руководитъ какая-то интеллигентная рука, которая достаточно хитра, чтобы одинъ и тотъ же ядъ подносить каждому въ дозахъ для него соотвѣтственныхъ и привлекательныхъ. Не мѣшаетъ надъ этимъ призадуматься.

— Гдѣ же главная причина западно-европейскаго раціонализма?—По мнѣнію «Церк. Вѣстн.», въ папскихъ притязаніяхъ. Вѣдь было время, говоритъ этотъ духовный органъ, когда папы полновластно господствовали надъ всѣмъ западомъ, и однако раціонализмъ ютился въ нѣдрахъ римскаго католицизма и свивалъ себѣ гнѣздо не на окраинахъ гдѣ-нибудь, а у самого престола папъ, изъ которыхъ объ одномъ извѣстно, какъ онъ богохульственно острословилъ на счетъ «сказки о Христѣ», принесшей папству весьма много пользы... Нѣтъ, раціонализмъ зародился не гдѣ-нибудь, а именно въ нѣдрахъ самого папства, которое и само-то есть не что иное, какъ плодъ практическаго раціонализма, по попущенію Божію вторгшагося въ нѣдра западной церкви. Протестантизмъ съ его послѣдующими раціоналистическими тенденціями былъ лишь прямымъ выводомъ изъ папства... Поэтому водвореніе полновластія папства во всемъ христіанскомъ мірѣ не только не разрушило бы іерихонскихъ стѣнъ невѣрія и раціонализма, а еще болѣе укрѣпило бы ихъ. Да сохранитъ насъ Господь отъ этого бѣдствія!

— Трудныя времена переживаетъ католическая церковь; особенно враждебны ей масоны. Такъ Феликсъ Форъ—президентъ рес-

публики, будучи масономъ, въ недавнюю поѣздку въ Руанъ, надѣлавшую между папистами много шуму, не хотѣлъ посѣтить ни одного церковнаго учрежденія, хотя побывалъ въ масонскихъ ложахъ. Еще болѣе вражды къ клерикаламъ высказалось на «банкетѣ знанія» у извѣстнаго химика-либерала Бартело, гдѣ присутствовали, между прочимъ, Брисонъ, Пуанкаре. «Церковь,—такъ говорилъ Бартело, разумѣя при этомъ папистовъ,—всегда съ ненавистію преслѣдовала всякія проявленія истины». Въ такомъ же тонѣ продолжалъ Зола, приходя въ отчаяніе при мысли о замѣнѣ знанія религіей. Но особенно характеристична была рѣчь президента „совѣта ордена великаго востока" о томъ, что французское масонство—непримиримый врагъ тѣхъ, кто подъ личиной лицемѣрія стремится издавна поколебать республиканскую Францію и наложить на нее подлое ярмо ненавистнаго клерикализма. Лозунгомъ правительства, закончилъ ораторъ, долженъ быть старинный боевой крикъ Гамбеты: „клерикализмъ—вотъ врагъ"!—Поэтому, нѣтъ ничего неожиданнаго и удивительнаго въ томъ, что, ощутивъ дефицитъ въ бюджетѣ истекшаго года на 2.500,000 франковъ, масоны не постѣснились сдѣлать налогъ на движимую и недвижимую собственность всевозможныхъ церковныхъ конгрегацій и ассоціацій. Трудно описать негодованіе при этомъ папистовъ. Одно, что только можно вынести отсюда, это то, что „звуки битвы раздались повсюду", и что паписты, сбросивъ всякую личину спокойствія и миролюбія, готовы вступить въ жестокій, непримиримый бой съ правительствомъ французскимъ. Одному изъ главныхъ виновниковъ новаго закона о священныхъ собраніяхъ, министру Рибо, прямо объявляется вызовъ, а Вейо въ «Univers» сравниваетъ его съ Пилатомъ, пророча ему ту же самую судьбу: онъ лишится своей должности и въ раскаяніи и въ угрызеніяхъ совѣсти скоротаетъ свои дни. «Церк. Вѣсти.»

—— Дѣло съ католицизмомъ не лучше стоитъ и въ протестантской Германіи, и что особенно печально, въ самомъ рейхстагѣ. Во время недавнихъ преній по одному вопросу депутатъ соціалъ-демократъ, развивая свою мысль, замѣтилъ саркастически: «Въ Библіи есть цѣлый рядъ поступковъ, которые извиняются, оправдываются и восхваляются. А между тѣмъ, попробуйте перенести ихъ въ условія современной жизни, и вы тотчасъ познакомитесь съ тюрьмой. Вотъ, напр., Аврааму ангелъ повелѣлъ принести въ жертву сына Исаака. Въ одномъ учебникѣ священной исторіи я

даже нахожу изображеніе Авраама съ занесеннымъ на сына ножемъ. Будь это въ настоящее время,—Авраамъ, по § 144 о наказаніяхъ, непремѣнно отсидѣлъ бы въ тюрьмѣ не одинъ годъ». Такъ же разсуждалъ этотъ депутатъ, приводя другой примѣръ—изъ Новаго Завѣта (повелѣніе Іисусомъ Христомъ своимъ ученикамъ привести къ себѣ непринадлежащую ни имъ, ни Ему ослицу)... И здѣсь такъ же, какъ и во Франціи, никто не всталъ и не прервалъ кощунственной рѣчи.

— Вся германская печать занимается въ настоящее время только-что окончившимся въ Ахенѣ процессомъ по дифамаціи, возбужденномъ противъ публициста Меллажа, братіею католическаго монастыря въ Маріабергѣ. При этомъ монастырѣ имѣется домъ душевно-больныхъ и смирительный домъ для непокорныхъ священниковъ. Недавно въ Ахенѣ нѣкто Меллажъ издалъ брошюру, гдѣ сообщались возмутительныя вещи о господствующихъ въ названномъ монастырѣ порядкахъ. Сначала полагали, что Меллажъ написалъ свою брошюру по наущенію англійскаго священника Форбеса, котораго ему удалось освободить послѣ почти сорокамѣсячнаго заключенія въ монастырской тюрьмѣ, но затѣянный монахами процессъ не только подтвердилъ всѣ факты, изложенные въ брошюрѣ, но и обнаружилъ сверхъ того множество преступныхъ дѣйствій братіи. Роли перемѣнились: Меллажъ оправданъ, а монахи будутъ привлечены къ строгой отвѣтственности. Изъ судебнаго разбирательства выяснилось, что, благодаря сообщничеству врачей, монахи подвергали неслыханнымъ истязаніямъ не только ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ душевно-больныхъ, но и духовныхъ лицъ, которыя, подобно Форбесу, отправлены были въ этотъ монастырь на исправленіе. Перечисленіе всѣхъ пытокъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Монахи—все бывшіе рабочіе (настоятель монастыря—сапожникъ), узнавъ отъ предсѣдателя суда, что ложное показаніе влечетъ за собою строгое наказаніе, сознались, что все, что сказано въ брошюрѣ—сущая правда. Одинъ изъ нихъ заявилъ: «врачи никогда не посѣщали заведенія. Братія постоянно угощала больныхъ пинками; часто сумасшедшихъ сбрасывали съ высокой лѣстницы. Монахъ Кажусъ имѣлъ обыкновеніе бить больныхъ связкою толстыхъ ключей, а эпилептиковъ мы погружали въ ванну студеной воды и держали головою въ низъ до потери сознанія. Нѣсколько больныхъ останутся на всегда калѣками». Врачи, которымъ монахи щедро платили, играютъ во всемъ этомъ дѣлѣ очень

жалкую роль, такъ какъ немыслимо, чтобы они ничего не знали о производимыхъ въ монастырѣ истязаніяхъ. 5-го іюня засѣданіе суда пришлось пріостановить вслѣдствіе негодованія, охватившаго публикою при показаніи одного изъ монаховъ, спокойно и съ большими подробностями разсказавшаго, какъ одного эпилептика держали въ нѣсколькихъ сантиметрахъ отъ раскаленной до бѣла печи и несчастный, обжигая себѣ руки о печку, ревѣлъ отъ боли. Монахъ Ѳома такъ ударилъ одного больного связкою ключей по головѣ, что тотъ на слѣдующій день умеръ. Монахъ Карлъ задушилъ одного больного веревкою, а врачи приписали смерть апоплексіи. Когда присяжные вынесли Меллажу оправдательный вердиктъ, публика устроила ему восторженную овацію. Противъ монаховъ, понятно, возбуждено судебное преслѣдованіе. По поводу этого дѣла газеты указываютъ на необходимость болѣе строгаго надзора за домами душевно-больныхъ, такъ такъ множество фактовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что, вслѣдствіе преступнаго равнодушія, если не сообщничеству врачей, туда не только сажаютъ вполнѣ здоровыхъ людей, но и обращаются съ ними съ ужасною жестокостью.

— „Кельнская Газета" сообщаетъ, что католическій болгаркій епископъ въ Салоникахъ Младеновъ, объявившій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о своемъ намѣреніи оставить католичество и со многими членами своей паствы перейти въ православіе, исчезъ безъ вѣсти. Онъ отправился къ болгарскому экзарху Іосифу, въ Константинополь,—и съ 22 мая до настоящаго времени о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Фактъ многознаменательный!..

— На сколько современный римскій католицизмъ выродился въ религіозно-нравственномъ отношеніи, показываютъ тѣ іезуитскіе пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ паписты для поддержанія въ народѣ духа религіозности. Съ этою цѣлію придумана особая „духовная игра въ карты"—къ пользѣ и удовольствію благочестивыхъ душъ, равно какъ ко спасенію грѣшниковъ и къ утѣшенію душъ въ чистилищѣ. Именно изданы особыя колоды картъ, въ которыя можно играть и одному лицу, а еще лучше вдвоемъ—для вящшаго назиданія. Колода тасуется и изъ нея нужно на угадъ вынимать карту, въ которой именно и заключается источникъ спасенія—въ видѣ разныхъ благочестивыхъ сентенцій и размышленій. Къ картамъ приложено и практическое наставленіе о способѣ игры, и оно гласитъ слѣдующее: „въ духовной картежной игрѣ найдешь ты, возлюбленный христіанинъ, на каждой изъ 32 картъ краткое

наставленіе касательно тѣхъ славныхъ добродѣтелей, о которыхъ божественный нашъ Спаситель, во время своихъ мучительныхъ страданій и особенно со креста, столь настойчиво проповѣдывалъ всѣмъ людямъ, и Самъ въ совершенствѣ исполнивъ ихъ, повелѣлъ ревностно исполнять ихъ и всѣмъ Своимъ ученикамъ, хотящимъ слѣдовать за Нимъ. Если у тебя, о христіанинъ, остается когда свободное время отъ твоихъ занятій и работъ, то подумай, что и свободнаго времени препровожденіе ты долженъ посвящать на спасеніе твоей души, ибо жизнь на землѣ отнюдь не есть пустая суетная забава, а совершенно серьезная игра. Даже и при свободномъ препровожденіи времени истинный ученикъ Христовъ не долженъ упускать изъ вида своей главной цѣли и играючи долженъ упражнять себя въ необходимыхъ для житейской борьбы добродѣтеляхъ. Послѣ краткаго призыванія Духа Святаго, что можно сдѣлать благочестивою мыслію, перетасуй эти духовныя карты и во имя Божіе вытаскивай или дай кому-нибудь вытащить одну карту, прочти ее со вниманіемъ и обрати особенное вниманіе на тѣ слова и ту тайну Господню, которая предназначается тебѣ какъ оружіе; упражняйся въ рекомендуемой тебѣ добродѣтели ревностно и подкрѣпляй себя частымъ произнесеніемъ помѣщенной на картѣ индульгенціонной молитовки (Ablassgebetleins). Такъ, о христіанинъ, въ такой духовной картежной игрѣ ты проведешь время, и тебѣ не придется воздавать отвѣтъ въ вѣчности за столь много потерянное время, какъ это случилось бы, если бы ты вмѣсто того занимался свѣтской игрой въ карты"... Да, печально положеніе той церкви, которая для удержанія своихъ чадъ въ вѣрѣ и благочестіи должна прибѣгать къ подобнымъ іезуитскимъ способамъ.

— Недавно телеграфъ сообщилъ объ убійствѣ, совершенномъ въ баптистской церкви въ Санъ-Франциско. Это событіе заставило американскую печать снова обратить особое вниманіе на внутреннее положеніе англо-американской церкви, и критическіе замѣчанія газетъ раскрыли такую мрачную картину церкви, что для всякаго—событія въ Санъ-Франциско должны показаться прямымъ результатомъ той религіозной и церковной деморализаціи, которая охватила американскую церковь во многихъ штатахъ союза. Вѣстникъ Запада, газета, выходящая въ Колумбіи, даетъ слѣдующую картину состоянія, въ какомъ находится церковь: „Церковь должна быть исключительно Божіимъ домомъ, храмомъ, въ которомъ всѣ присоединившіеся къ данной общинѣ совершаютъ молитву предъ

Всевышнимъ. Этой главной цѣли многіе наши американскіе такъ-называемые храмы Божіи совершенно чужды, многіе изъ нихъ теперь не что иное какъ клубы, гдѣ, послѣ того какъ священникъ прочтетъ краткую молитву и пропоютъ нѣсколько духовныхъ пѣсенъ, въ гостинныхъ (parlors), украшенныхъ канделябрами, коврами, креслами, неизбѣжными качалками и другими предметами роскоши, нѣсколько часовъ посвящаютъ удовольствіямъ. Эти бесѣды, устраиваемыя подъ религіознымъ флагомъ, носятъ обыкновенно очень свѣтскій характеръ. Гостимъ предлагаютъ бутерброды съ икрой, ветчиной, цыпленкомъ, подаютъ конфекты, разные деликатесы и напитки. Въ нѣкоторыхъ церквахъ штатовъ Новой Англіи доходятъ до того, что устраиваютъ даже игорные вечера. И въ дѣйствительности, многія американскія церкви не что иное, какъ клубы, въ особенности молодые члены общины смотрятъ на эти церковные клубы, какъ на самыя подходящія мѣста для начала любовной интриги. Чѣмъ болѣе удалена церковь, тѣмъ удобнѣе находятъ ее для подобной цѣли. Ужасный инцидентъ въ церкви въ Санъ-Франциско, безъ сомнѣнія, вызванъ тоже любовными дѣлами, начавшимися такимъ же образомъ. Злодѣй Дюранъ былъ библіотекаремъ церкви, сумѣлъ на упомянутыхъ бесѣдахъ обворожить нѣсколько сердецъ и пользовался церковными гостинными для своихъ свиданій. Если бы церковь была храмомъ Божіимъ въ истинномъ значеніи этого слова, то ужасный случай въ Санъ-Франциско не могъ бы имѣть мѣста. Но кто болѣе всего виновенъ въ въ такомъ положеніи вещей? Безъ всякаго сомнѣнія, сами пасторы. Они вмѣшиваются во всевозможныя дѣла, которыя ихъ не касаются, въ особенности въ политику, и не обращаютъ вниманія на то, что относится до ихъ обязанности. Вмѣсто того чтобы проповѣдывать слово Божіе, бичевать пороки, восхвалять христіанскія добродѣтели, говорить объ обязанностяхъ дѣтей къ родителямъ, о необходимости очищенія внутренняго міра человѣка и т. д., они несутъ вздоръ о выборахъ, о муниципальной реформѣ, мечутъ громы противъ эмиграціи, возбуждаютъ національныя страсти и т. д. Когда пасторы отведутъ душу въ партійныхъ рѣчахъ и хоръ споетъ нѣсколько пѣсенъ, „церковная служба" продолжается въ гостинныхъ—въ бесѣдахъ и пирахъ. И къ сожалѣнію, приходится сказать, что эта картина вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, въ американской церкви замѣчается болѣзненный процессъ, который долженъ привести къ постепенному разложенію. Положе-

ніе католической церкви въ Америкѣ нѣсколько лучше, но это, конечно, не въ состояніи задерживать процесса разложенія.

— Вселенскій патріархъ Анѳимъ 8-го марта текущаго года грамотою извѣстилъ Св. Синодъ о состоявшемся избраніи его и возведенія на константинопольскій патріаршій престолъ, по отказѣ отъ управленія константинопольскою церковью патріарха Неофита. Святѣйшему патріарху Анѳиму, по этому поводу, отъ имени Святѣйшаго Синода препровождено слѣдующее посланіе: «Святѣйшаго архіепископа Константинополя, Новаго Рима и вселенскаго патріарха Кѵръ Анѳима, возлюбленнаго и превожделѣннаго во Христѣ брата и сослужителя о Господѣ привѣтствуемъ. Извѣстительную граммату вашего святѣйшества о вступленіи вашемъ на патріаршій константинопольскій престолъ, совершившемся по увольненіи на покой досточтимаго вашего предшественника Кѵръ Неофита, Святѣйшій Синодъ получилъ и пріялъ съ подобающимъ почтеніемъ и великимъ сердечнымъ утѣшеніемъ, почитая дѣломъ особливаго промышленія Божія о церкви константинопольской избраніе на патріаршій престолъ іерарха, умудреннаго многолѣтнею опытностью въ церковномъ управленіи, исполненнаго ревности о Богѣ и плодовъ благихъ, а въ грамматѣ видя новое непререкаемое свидѣтельство взаимнаго общенія и единенія о Христѣ, искони связующихъ церкви россійскую и константинопольскую. Братски привѣтствуя съ возведеніемъ васъ на высшую степень первосвятителя константинопольской патріархіи, Святѣйшій Синодъ молитъ Небеснаго Пастыреначальника Христа и не престанетъ молить о благодатной помощи вамъ въ нелегкихъ трудахъ вашего служенія ко благоуспѣшному устроенію ввѣреннаго вамъ вертограда Господня въ духѣ вѣры и благочестія. Съ чувствомъ братской о Христѣ любви пребываемъ вашему святѣйшеству всецѣло преданные». (Слѣдуютъ подписи о.о. членовъ Синода).

— Въ органѣ вселенскаго патріарха, греческомъ журналѣ «Церковная Истина», сообщается, что озабоченный пребываніемъ христіанскаго народа въ догматахъ чистой вѣры и съ цѣлью охранить всѣхъ православныхъ христіанъ отъ всякаго иноземнаго, чуждаго православію, вліянія, святѣйшій синодъ въ своемъ послѣднемъ засѣданіи возложилъ на архимандрита Григорія Константинади (редактора упомянутой газеты), Германа Каравангели, Константина Ванцалаиди и ученаго Іордана Каролоди порученіе, составить особую энциклику, съ цѣлью опроверженія энциклики,

опубликованной нѣсколько времени тому назадъ папой Львомъ XIII и которая заключала бы въ себѣ добрые совѣты и поученія для православнаго населенія. Эта энциклика вселенскаго патріарха, какъ сообщаютъ «Моск. Вѣд.» изъ Константинополя, будетъ распадаться на двѣ части,—историческаго введенія, въ которомъ ссылками на историческіе факты будутъ опровергнуты доводы папы Льва XIII, и второй, главной части, въ которой будетъ выяснено различіе догматовъ восточной и западной церквей. Энциклика должна заканчиваться торжественнымъ протестомъ, отъ имени православныхъ автокефальныхъ церквей, противъ единенія съ Римомъ и всѣ православные христіане будутъ призваны твердо пребывать въ вѣрѣ своихъ отцовъ.

— 4 іюня исполнилось ровно 25 лѣтъ, какъ старѣйшій изо всѣхъ нынѣ здравствующихъ патріарховъ, патріархъ Софроній занимаетъ престолъ Александрійской церкви. Въ санѣ вообще архипастыря досточтимый юбиляръ состоитъ слишкомъ 50 лѣтъ. Патріархъ Софроній является однимъ изъ самыхъ неустрашимыхъ и неутомимыхъ вождей Православной Греческой Церкви.

Патріархъ Софроній, въ мірѣ Ставръ Мейданцоглу, родился въ 1798 году въ Константинополѣ отъ весьма благочестивыхъ родителей, въ домѣ которыхъ и получилъ первоначальное воспитаніе въ духѣ святой Православной Церкви. Дальнѣйшее образованіе юноша получилъ въ существовавшей тогда въ Константинополѣ высшей богословской школѣ, гдѣ онъ своими недюжинными способностями обратилъ на себя вниманіе Прикописійскаго митрополита Косьмы. Монашество будущій патріархъ принялъ въ 1820 году, причемъ посвященіе его во іеродіакона съ именемъ Софронія было совершено знаменитымъ Константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ V. Въ концѣ 1821 года іеродіаконъ Софроній поступилъ на службу къ Прикописійскому митрополиту Косьмѣ, при которомъ онъ состоялъ сперва въ качествѣ іеродіакона, а затѣмъ архидіакономъ, а уже въ 1839 году, по кончинѣ своего наставника, онъ былъ хиротонисанъ Константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ VI въ митрополита острова Хіоса, гдѣ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ управлялъ ввѣренною ему епархіей съ честью и истинно пастырскою ревностью о благѣ пасомыхъ. Вниманіе и заботливость мудраго архипастыря простирались на учебныя заведенія, коихъ онъ устроилъ до 50, и, вообще, на поднятіе религіозно-нравственнаго духа среди православнаго населенія епархіи.

Его вниманіе было также обращено на постройку новыхъ церквей и реставрацію старыхъ, а также на проповѣдническую дѣятельность, которая съ каждымъ годомъ его архипастырскаго служенія на упомянутомъ островѣ все увеличивалась и усовершенствовалась. Въ 1855 году митрополитъ Софроній былъ перемѣщенъ на Амасійскую митрополичью каѳедру, а спустя три года онъ былъ назначенъ членомъ патріаршей коммиссіи при, такъ-называемомъ, великомъ народномъ собраніи, сформированномъ при Константинопольскомъ патріархатѣ, для составленія новыхъ административныхъ правилъ. Въ концѣ 1860 года, при восшествіи на Константинопольскій патріаршій престолъ Іоакима II, преосвященный Софроній возвратился въ свою епархію, гдѣ онъ съ ревностію и усердіемъ продолжалъ свою мудрую дѣятельность на пользу Православной Церкви и своего роднаго народа. Въ 1864 году, когда патріархъ Іоакимъ II вышелъ въ отставку, онъ былъ избранъ на патріаршій Константинопольскій престолъ и утвержденъ въ этомъ высокомъ санѣ съ именемъ Софронія III. Многолѣтніе труды не прошли безслѣдно для здоровья 70-лѣтняго старца, такъ что его блаженство, чувствуя себя совершенно утомленнымъ, вынужденъ былъ въ 1867 году сложить съ себя бремя правленія и удалиться на покой, который продолжался всего три года, такъ какъ въ 1870 году скончался Александрійскій патріархъ Никаноръ, и его осиротѣвшая паства, долгое время страдавшая отъ различныхъ безпорядковъ и бѣдъ, почувствовала настоятельную нужду въ твердыхъ и сильныхъ рукахъ для управленія церковью. Взоры всего Греческаго народа съ надеждой обратились тогда на проживавшаго въ своемъ уединеніи патріарха Софронія, и онъ былъ избранъ патріархомъ Александрійскимъ. Маститый старецъ, чувствуя въ себѣ еще достаточно силы, чтобы послужить Православной Церкви, не отклонилъ новаго избранія и до настоящаго времени, несмотря на свою слишкомъ полувѣковую архипастырскую дѣятельность и совсѣмъ преклонныя лѣта, съ честью и славою занимаетъ престолъ Александрійской церкви. Его блаженство имѣетъ турецкіе ордена Меджидіе и Османіе 1-хъ степеней, греческій орденъ Спасителя 1-й степени, русскій орденъ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и др. Въ 1866 году покойный Императоръ Александръ II пожаловалъ ему драгоцѣнную панагію. Въ настоящее время патріарху Софронію 97 лѣтъ. Но не смотря на такой преклонный возрастъ онъ еще очень бодръ и духомъ, и тѣломъ.

— Г. С. Б., описывающій въ «Русскомъ Словѣ» свое недавнее путешествіе въ Египетъ, даетъ любопытныя свѣдѣнія о богослуженіи въ православной арабской (коптской) церкви: „Хоръ и церковнослужители, т. е. наши дьячки,—пишетъ онъ,—были въ фескахъ, въ бѣлыхъ безъ складокъ халатахъ съ ораремъ, перекрещеннымъ на груди, какъ это дѣлаетъ нашъ діаконъ во время пѣнія „Отче нашъ". Хоръ сидѣлъ предъ алтаремъ прямо на полу по восточному, скрестивъ ноги, по ту и другую сторону аналоя, выставленнаго шагахъ въ восьми предъ царскими вратами. Предъ нимъ читались молитвы, причемъ чтецъ выводилъ арабскія завитушки, свертывая постоянно съ простого чтенія на арабскую мелодію. Пѣніе хора было проще и напоминало иногда наши пѣснопѣнія; но священникъ, читая Евангеліе, все время очень музыкально пѣлъ арабскую мелодію. Вотъ онъ начнетъ какъ будто по церковному, но нѣтъ нѣтъ—завернетъ мелкія нотки, закрутитъ и вышло совсѣмъ по-арабски. Евангеліе и апостолъ читаются по-арабски, остальная служба совершается на коптскомъ языкѣ, который понятенъ лишь ученымъ коптамъ. Облаченіе священника состоитъ изъ свѣтлой ризы и капюшона, соединеннаго съ ризой. Капюшонъ тоже парчевый и надѣтъ на голову. Сидѣли также въ церкви монахи съ такими-же капюшонами и ризами, но чернаго цвѣта". Поведеніе присутствующихъ въ церкви арабовъ-православныхъ также очень своеобразно: въ алтарѣ мальчики, служащіе при совершеніи таинства, были всѣ босикомъ, и всякій, кто входилъ въ алтарь, снималъ башмаки, оставаясь въ фескѣ, какъ это дѣлается въ мечетяхъ; никто не крестился во время всей обѣдни, а только разъ предъ уходомъ; но послѣ одной молитвы каждый приложилъ ладонь къ ладони своего сосѣда, коснулся лба и поцѣловалъ руку, а послѣ отпускной молитвы всѣ подняли ладони кверху, воздвигнувъ руки, и прочитали молитву вслухъ". Обычаи нѣсколько напоминающіе древнихъ христіанъ.

— Наши единовѣрцы Греки, управляющіе Іерусалимскою патріархіей, систематично противодѣйствуютъ всѣмъ русскимъ начинаніямъ на пользу православія, коль скоро эти начинанія не согласуются съ ихъ фантастическими притязаніями на эллинизацію Востока; мы, то-есть наши оффиціальные представители на Востокѣ, упорно не хотимъ знать, что на Востокѣ большинство православныхъ нуждающихся въ поддержкѣ православной Россіи—не Греки, а Славяне и арабизованные Сирійцы. Нашъ первый по-

солъ въ Константинополѣ, питомецъ Петра, Толстой, познакомясь на мѣстѣ съ Греками, рѣшительно высказалъ въ своихъ донесеніяхъ, что Греки насъ постоянно обманываютъ; но прозорливые люди, подобные Толстому, повидимому, встрѣчаются не часто. Греки, напримѣръ, не допускаютъ освѣщенія храма, выстроеннаго четыре года тому назадъ и доселѣ не освященнаго. Предъ Палестинскимъ Обществомъ патріархъ оправдывается тѣмъ, что Турецкое правительство не даетъ разрѣшенія, какъ будто бы они сами, съ обязательною, ex officio, поддержкой нашего посольства, не могутъ уладить это дѣло въ Оттоманской Портѣ. Патріархъ, конечно, является сознательнымъ, можетъ-быть, безвольнымъ орудіемъ аѳинскихъ политикановъ, которые мечтаютъ о греческомъ господствѣ на Востокѣ и ненавидятъ „хищныхъ медвѣдей",—такъ мило называютъ они своихъ русскихъ единовѣрцевъ. (См. Сообщенія И. Пр. П. Общ. 1895, стр. 591). Всѣми силами препятствуютъ они приближенію Русскихъ къ Св. Гробу. Кромѣ того, столь важная святыня, какъ порогъ судныхъ вратъ, осѣненная благолѣпнымъ храмомъ, можетъ повліять на сокращеніе доходовъ святогробскаго братства отъ поклонниковъ: и вотъ къ эллинистической присоединяется спеціально-святогробская причина недоброжелательства. Они даже не прочь прикинуться совсѣмъ незнающими даже о существованіи порога и храма, извѣстныхъ всему Іерусалиму. «Моск. Вѣд.»

— Не смотря на это недоброжелательство, никогда еще не бывало такъ много русскихъ поклонниковъ въ Святой Землѣ, какъ въ прошломъ году. Въ теченіе 1894—5 года ихъ прибыло 4.167, что, съ остававшимися въ Іерусалимѣ на 1 марта 1894 года 1.781, составитъ 5.948 человѣкъ. Одновременно пребывали въ Іерусалимѣ на Русскомъ подворьѣ на Рождество 1894 г. 1.381, а на Пасху 2.944 человѣка. Въ помѣщеніи, разчитанномъ на 1.000 чековѣкъ, приходилось размѣстить 3.000. Благодаря распорядительности завѣдующаго подворьемъ г. Михайлова, всѣ были помѣщены такъ, что никто и ни за что не хотѣлъ идти въ греческіе монастыри. Увеличеніе подворья, по меньшей мѣрѣ на 1.200 человѣкъ, становится необходимѣе съ каждымъ годомъ. На это потребуется приблизительно до 200.000 рублей. Этихъ денегъ въ наличности нѣтъ, но онѣ найдутся, если всѣ дѣйствительно проникнутся убѣжденіемъ въ необходимости обезпечить надлежащимъ образомъ пріютъ нашимъ богомольцамъ въ Святой Землѣ.

Сборъ съ паломниковъ на караваны къ Іордану, Дубу Маврій-

скому и Назарету, издавна заведенный, возбуждалъ всегда неудовольствіе поклонниковъ. Онъ отмѣненъ, и Общество приняло на себя ежегодный расходъ на это—до 1,000 р. Дисциплина, которую еще болѣе были не довольны поклонники, сохранена, въ виду невозможности допускать произвольныя хожденія толпы въ 200, 300, иногда въ 1,000 человѣкъ по чужой землѣ.

Умноженіе поклонниковъ замѣчается и у другихъ народностей. Теперь не рѣдкость появленіе значительныхъ каравановъ французскихъ, нѣмецкихъ и англо-американскихъ, въ составѣ 200—300 человѣкъ. Католическіе караваны имѣютъ характеръ чисто паломническій, другіе представляютъ компанію туристовъ. Обыкновенно пребываніе ихъ ограничивается двумя-тремя днями и не заходитъ далѣе двухъ недѣль. Въ огромномъ большинствѣ привлекаетъ ихъ не благочестивое усердіе, но болѣе или менѣе праздное любопытство. Во всякомъ случаѣ, появленіе массы зажиточныхъ людей, нерѣдко въ довольно торжественной обстановкѣ, какъ, напримѣръ, французскій караванъ 1892 года, съ эффектными встрѣчами, въ чемъ такіе искусники патеры, не можетъ не производить впечатлѣнія на туземцевъ. Въ интересахъ православія и Россіи увеличеніе числа русскихъ паломниковъ, все таки значительно превышающаго число западныхъ, является очень важнымъ, своевременнымъ и желательнымъ.

— Дни 20-го, 21-го и 22-го мая останутся незабвенными въ памяти русскихъ и всѣхъ проживающихъ въ Берлинѣ православныхъ.

Преосвященный Николай, епископъ алеутскій и аляскинскій, извѣстный своею неутомимою и плодотворною дѣятельностью въ Сѣверной Америкѣ, проѣздомъ изъ Санъ-Франциско въ отпускъ въ Россію, возъимѣлъ намѣреніе, въ столь великіе праздники, такъ Троицынъ и Духовъ дни, совершить богослуженіе въ одномъ изъ попутныхъ городовъ Европы.

Преосвященный прибылъ въ Берлинъ изъ Гамбурга, въ субботу, въ 1 часъ дня, наканунѣ Троицына дня, и былъ встрѣченъ на вокзалѣ настоятелемъ посольской церкви, отцомъ протоіереемъ А. П. Мальцевымъ, который приготовилъ дорогому гостю помѣщеніе въ прилегающемъ къ русскому посольству „Bristol-отелѣ“. Владыку сопровождали изъ Америки два иподіакона и трое малолѣтнихъ пѣвчихъ изъ туземцевъ, которые, кромѣ своего роднаго и англійскаго языковъ, прекрасно владѣютъ русскимъ и должны поступить въ С.-Петербургское духовное училище.

По счастливому обстоятельству, наканунѣ этого дня прибылъ

въ Берлинъ отецъ протоіерей Ѳ. Н. Кардасевичъ, настоятель Иромской православной церкви, что въ Венгріи, близъ Будапешта, который вмѣстѣ съ отцемъ протоіереемъ А. П. Мальцевымъ и принималъ участіе въ сослуженіи съ владыкой, который, несмотря на утомленіе отъ долгаго и труднаго пути, уже въ 6 часовъ вечера, облачившись въ мантію, съ посохомъ въ рукѣ, ставъ на амвонъ, обратился къ паствѣ съ глубокопрочувствованнымъ словомъ, высказавъ, что онъ счастливъ, что такіе высокоторжественные дни Господь Богъ привелъ ему встрѣтить не въ вагонѣ, или на кораблѣ, а въ православномъ храмѣ, при которомъ заботами отца протоіерея А. П. Мальцева устроено Свято-Князь-Владимірское Православное Братство, цѣли и задачи котораго всегда были ему весьма симпатичны. Преподавъ, въ заключеніе, пастырямъ и пасомымъ свое святительское благословеніе и занявъ уготованное для него мѣсто въ алтарѣ, владыка повелѣлъ начать богослуженіе, причемъ самъ совершалъ литію и благословеніе хлѣбовъ, а затѣмъ выходилъ на величаніе и собственноручно помазывалъ всѣхъ молящихся.

По случаю великаго праздника, церковь представляла собою цвѣтущій садъ; за службой пѣлъ полный хоръ посольскихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ регента М. Ѳ. Боголюбскаго, спеціально разучившій пѣснопѣнія для архіерейскаго служенія. Несмотря на дождливую погоду и на то, что пріѣздъ архіерея не былъ заранѣе извѣстенъ, церковь была переполнена молящимися.

По окончаніи богослуженія, императорскій россійскій посолъ графъ Н. Д. Остенъ-Сакенъ съ супругой приняли отъ владыки благословеніе, послѣ чего преосвященный посѣтилъ ихъ въ помѣщеніи посольства.

На другой день, утромъ въ 10½ часовъ, въ самый день Святой Троицы, преосвященный Николай, въ сопровожденіи отца протоіерея Мальцева, вступилъ въ посольскій храмъ, гдѣ владыка былъ встрѣченъ съ крестомъ и св. водой отцомъ протоіереемъ Кардасевичемъ. Помощникъ отца протоіерея Мальцева, отецъ Василій Гекенъ (изъ нѣмцевъ), согласно прежде составленному росписанію, долженъ былъ совершать службы въ Потсдамѣ, въ православной церкви въ русской колоніи „Александровкѣ", а потому преосвященному сослужили два протоіерея.

Непосредственно по окончаніи литургіи совершена была положенная по уставу вечерня съ колѣнопреклоненными молитвами, изъ которыхъ первую прочелъ преосвященный Николай, вторую

протоіерей Мальцевъ и третью протоіерей Кардасевичъ. По окончаніи службы было возглашено многолѣтіе Царствующему Россійскому Дому, Святѣйшему Суноду, с.-петербургскому митрополиту Палладію, служившему епископу Николаю, членамъ Свято-Князь-Владимірскаго Братства съ почетнымъ его предсѣдателемъ, графомъ Н. Д. Остенъ-Сакеномъ во главѣ, и обладателю страны, императору Вильгельму II.

Послѣ сего владыка съ сослужившими протоіереями былъ приглашенъ его сіятельствомъ къ трапезѣ.

Пополудни владыка посѣтилъ, въ сопровожденіи отца протоіерея Мальцева, православную церковь въ потсдамской колоніи „Александровкѣ" и благословилъ тамошнюю паству, состоящую изъ православныхъ колонистовъ, нынѣ прусскихъ подданныхъ, осчастлививъ своимъ посѣщеніемъ домъ старѣйшаго изъ нихъ, Николая Яблокова. По возвращеніи въ Берлинъ, владыка посѣтилъ отца протоіерея А. П. Мальцева, въ домѣ котораго до поздняго вечера бесѣдовалъ какъ съ самимъ хозяиномъ, такъ и съ собравшимися прихожанами.

Такъ какъ праздникъ Св. Троицы совпадалъ съ храмовымъ праздникомъ Братской кладбищенской церкви во имя свв. Константина и Елены и, кромѣ того, съ первою годовщиной освященія этого храма, то на слѣдующій день назначено было совершеніе литургіи въ новоустроенномъ храмѣ близъ Тегеля, гдѣ принялъ участіе въ богослуженіи также и отецъ Василій Гекенъ. постоянно живущій при кладбищенскомъ храмѣ, который и встрѣтилъ владыку съ крестомъ и св. водой при гармоничномъ колокольномъ звонѣ.

Колокольный звонъ въ Берлинѣ можно слышать лишь со времени устройства этого храма; посольская церковь, помѣщающаяся во дворѣ посольскаго зданія, къ сожалѣнію, не имѣетъ колоколовъ.

Предъ литургіей, на кладбищѣ была совершена литія по всѣмъ почившимъ создателямъ и благотворителямъ Братства и св. храма; послѣ-же литургіи, за которою нѣкоторыя пѣснопѣнія и эктеніи исполнялись на нѣмецкомъ языкѣ, владыка совершилъ благодарственное молебствіе, предъ которымъ произнесъ слово, указавъ въ немъ на симпатичную черту русскаго народа—его особенную заботу объ отдачѣ послѣдняго долга своимъ усопшимъ собратіямъ и на громадныя трудности исполненія этого святаго долга на чужбинѣ, въ иностранныхъ государствахъ, свидѣтелемъ чего ему многократно приходилось быть во время его долгихъ странствованій по

огромной Алеутской и Аляскинской епархіи. Владыка призналъ за особенную и чрезвычайную заслугу въ этомъ дѣлѣ со стороны берлинскаго Свято-Князь-Владимірскаго братства и, главнымъ образомъ, его первыхъ учредителей и тружениковъ, которые ясно и живо сознавали высокую и настоятельную потребность въ этомъ благомъ дѣлѣ, заповѣдавъ всѣмъ памятовать и молиться о нихъ, причемъ съ особенно благодарнымъ чувствомъ вспомнилъ плодотворную дѣятельность прежняго почетнаго предсѣдателя Братства, графа П. А. Шувалова, нынѣ генералъ-губернатора царства польскаго. а также его ближайшаго сотрудника въ этомъ дѣлѣ, отца протоіерея А. П. Мальцева.

Въ заключеніе слова, владыка выразилъ увѣренность, что настоящій представитель Государя Императора въ Германіи, полномоченный посолъ графъ Н. Д. Остенъ-Сакенъ, принявшій по статутамъ Братства главное руководительство симъ полезнымъ учрежденіемъ, поможетъ ему возрастать и укрѣпляться и восходить изъ силы въ силу, расширяя его задачи и средства и имѣя при этомъ въ виду главнымъ образомъ предпринятое Братствомъ сооруженіе „Пріюта-убѣжища“ въ благодарную память по незабвенномъ благотворителѣ Братства, Императорѣ Александрѣ III.

Молебствіе, начатое во храмѣ, было продолжено внѣ его совершеніемъ кругомъ храма крестнаго хода съ остановками на каждой изъ четырехъ сторонъ, причемъ владыка окроплялъ стѣны святою водой, и закончилось въ храмѣ возглашеніемъ обычнаго многолѣтія Царствующему Дому, Сѵноду и проч., а также вѣчной памяти великому благодѣтелю Братства въ Бозѣ почившему Императору Александру III, Великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ и всѣмъ почившимъ создателямъ и благотворителямъ храма.

Съ торжествомъ годовщины освященія храма совпало также и утвержденіе церковнаго старосты, потомственнаго почетнаго гражданина Василія Николаевича Жижина, котораго владыка и благословилъ на прохожденіе имъ этого служенія.

Послѣ сего вновь утвержденный староста г. Жижинъ, и отецъ протоіерей А. П. Мальцевъ пригласили владыку, россійскаго посла съ супругою и всѣхъ прихожанъ, къ чаю и закускѣ, которая была предложена въ братскомъ домикѣ, занимаемомъ нынѣ отцомъ Василіемъ Гекеномъ.

Передъ трапезой владыка благословилъ и окропилъ святою водою мѣсто, назначенное для сооруженія проектируемаго „пріюта-убѣжища“ для нуждающихся русскихъ, причемъ вручилъ казначею

братства, протоіерею Мальцеву, значительное денежное пожертвованіе; въ этотъ-же день поступило въ кассу Братства на сей предметъ: отъ графа Н. Д. Остенъ-Сакена 1,000 марокъ, отъ коммерціи совѣтника П. А. Смирнова (изъ Москвы) 500 марокъ и отъ многихъ другихъ, что съ прежде пожертвованными, составляетъ половину той суммы, которая необходима для постройки и по предварительной смѣтѣ исчислена въ 33,000—35,000 марокъ.

Посѣтивъ затѣмъ въ Берлинѣ домъ новаго церковнаго старосты и нѣкоторыхъ изъ прихожанъ, преосвященный былъ на прощальномъ обѣдѣ у посла и затѣмъ въ 11 часовъ вечера, сопровождаемый духовенствомъ и прихожанами, преподавъ свои архипастырскія благословенія, отбылъ въ С.-Петербургъ.

Будучи свидѣтелемъ этого необычайнаго и высокоторжественнаго праздника на чужбинѣ, вызваннаго проѣздомъ и служеніемъ православнаго епископа, корреспондентъ «Моск. Вѣд.» говоритъ: „невольно приходишь къ мысли,—почему-бы не сдѣлать эти служенія,—въ настоящее время столь рѣдкія и вызываемыя особыми, чисто случайными, обстоятельствами,—болѣе правильными хотя-бы посредствомъ учрежденія, напримѣръ, должности особаго викарнаго епископа въ Европѣ? Это могло-бы въ то же время служить могущественнѣйшимъ средствомъ къ поднятію знамени православія среди иновѣрія на чужбинѣ".

— «Русское Слово» (№ 141) возвращается къ вопросу о Холмской губерніи: три десятилѣтія вопросъ этотъ положительно не сходитъ со страницъ русскихъ газетъ. Конечно, не было бы надобности удѣлять ему столько вниманія, если бы Привислинскій край, въ составъ котораго входитъ почему-то и Холмская Русь, былъ окончательно слитъ съ остальною Имперіей. Но, какъ извѣстно, и до сего времени Привислинскій край представляетъ собою „Царство Польское", гдѣ существуетъ особый строй управленія, дѣйствуютъ особые законы, особые порядки, даже другой календарь чѣмъ въ Россіи, причемъ администрація его далеко не русская; значительная часть мелкаго чиновничества, всѣ сельскія должностныя лица,—все это поляки. Можно мириться со всѣмъ этимъ въ Царствѣ Польскомъ, но какое же Царство Польское Холмская Русь и Подляшье? За что этотъ уголокъ Русской земли обреченъ на дальнѣйшее ополяченіе и окатоличеніе его, и почему онъ долженъ, и послѣ возсоединенія съ Россіей, жить польскою жизнью, а не имѣетъ права зажить прирожденною ему русскою жизнью? Общая численность Русскихъ въ этихъ десяти уѣздахъ

достигаетъ слишкомъ 350 тысячъ человѣкъ. По свидѣтельству научнаго изслѣдователя Холмской Руси, Н. И. Страшневича, населеніе это сознаетъ себя Русскимъ, поетъ русскую пѣсню, слѣдовательно—думаетъ русскую думу и чувствуетъ русскимъ сердцемъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отчасти забыта русская рѣчь и перемѣшана съ полонизмами, то это можно считать чуждымъ наростомъ на русскомъ народномъ тѣлѣ, образовавшимся путемъ трехвѣковой польско-католической работы. Но родные инстинкты къ родному русскому языку должны возымѣть свою силу и снести съ народнаго тѣла то испорченное наслоеніе. Народная словесность края служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ о происхожденіи обитающаго здѣсь народа, объ его кровномъ родствѣ и племенномъ единствѣ съ остальными русскими Славянами... Однако, говоритъ авторъ: образованіе особой Холмской губерніи, если эта губернія останется въ составѣ Царства Польскаго, конечно, мало измѣнитъ нынѣшнее положеніе Холмской Руси и Подляшья. Порядки, законы, строй управленія, чиновничество и режимъ останутся прежніе, и, слѣдовательно, попрежнему Холмская Русь принуждена будетъ жить не русскою жизнью, если, при благопріятныхъ условіяхъ, и не ополячиваясь далѣе, то и не возвращаясь къ самой себѣ. Измѣниться къ лучшему положеніе ея можетъ только въ такомъ случаѣ, если Холмская губернія будетъ выдѣлена изъ состава Царства Польскаго и включена въ составъ Юго-Западнаго края, часть котораго она и составляетъ. Тогда она не только приметъ общерусскій строй управленія, получитъ русскіе порядки, законы и пр., то-есть вполнѣ объединится съ остальною Русью,—но на нее распространится и дѣйствіе всѣхъ изданныхъ для Западнаго края ограничительныхъ законовъ, имѣющихъ цѣлью располяченіе и обрусеніе края, а также и всѣ льготы и преимущества для русской національности. Такимъ образомъ, сущность поднятаго въ печати вопроса о Холмской губерніи заключается не столько въ образованіи новой губерніи, сколько въ выдѣленіи Холмской Руси съ Подляшьемъ изъ состава Царства Польскаго и включеніи ея въ составъ Юго-Западнаго края. Только при такомъ условіи и имѣетъ серіозное значеніе вопросъ о Холмской губерніи.

— Въ «Лит. Епарх. Вѣд.» пишутъ, что въ истекшее 50-лѣтіе знамя православія въ Литовской епархіи стало развѣваться такъ высоко, что начало привлекать къ себѣ сотни и тысячи латинянъ и др. иновѣрцевъ и смутило самоувѣренность раскола. Лучшимъ

подтвержденіемъ этихъ словъ служатъ слѣд. статистическія данныя по Литовск. епархіи:

Въ 1845 году было:

а) Храмовъ:

Соборовъ	6
Церквей при монастыряхъ	12
Церквей приходскихъ	457
(а всего съ приписными, домовыми, кладбищенскими, таможенными)	793
Каменныхъ	95
Деревянныхъ	698
б) Священнослужителей	472
Изъ нихъ—окончившихъ курсъ наукъ	267
в) Число православныхъ:	
Родилось обоего пола	22476
Бракосочеталось	5541
Умерло	27425
Присоединилось къ православію	662
г) всего православнаго населенія [1]) муж. пола	335.125
всего православнаго населенія жен. пола	324.692
Итого	659.817

Въ 1895 году состоитъ:

а) Храмовъ:

Соборовъ	12
Монастырскихъ церквей	11
Приходскихъ церквей	522
(всего же съ приписными, кладбищенскими, домовыми, при учебн. заведеніяхъ и часовнями)	1022
Каменныхъ	385
Деревянныхъ	636
б) Священниковъ	575
Изъ нихъ окончившихъ курсъ	543
в) Число православныхъ:	
Родившихся обоего пола	61.636
Бракосочетавшихся	13.215
Умершихъ	41.632
Присоединившихся	421
г) всего православнаго населенія: муж. пола	650.420
» » » жен. пола	594.888
Итого	1245308

[1]) Раскольники опущены въ счетѣ.

Въ концѣ 1858 года послѣдовало обращеніе къ духовенству съ приглашеніемъ устройства церковныхъ школъ; въ виду близости паденія крѣпостнаго права и надвигавшейся грозы польскаго мятежа—это приглашеніе встрѣтило самое живое участіе. Не смотря на гнетъ доживавшаго свои дни крѣпостничества и усиленныя претензіи помѣщиковъ-пановъ ввести польскій языкъ въ программу обученія въ церковныхъ школахъ,—духовенство оказалось на высотѣ своего призванія. Понимая вѣрно знаменіе времени, оно стало заводить по всѣмъ приходамъ школы подъ личнымъ наблюденіемъ, на личныя, по преимуществу, средства и подъ личнымъ учительскимъ руководствомъ. Успѣхъ былъ такъ значителенъ, что въ 1865 году числилось школъ 424 съ 13560 учениками, въ 1867 г. школъ было 468 съ 19 тысячами учащихся. Возбудившаяся въ правительственныхъ сферахъ переписка о передачѣ сихъ школъ въ министерство народнаго просвѣщенія, не смотря на энергичный протестъ Митрополита Кіевскаго Арсенія, не поддержанный въ должной мѣрѣ Литовскимъ епархіальнымъ начальствомъ, не увѣнчалась успѣхомъ, и въ 1869 г. мы видимъ въ Литовской епархіи школъ церковнаго типа 107 съ 2100 учащимися, а въ 1883 г.—16 школъ съ 403 учащимися. Но вотъ въ минувшее царствованіе духовенство снова услышало державную волю почившаго Государя стать на стражѣ и въ челѣ школы—и результатомъ сего въ предѣлахъ епархіи является 1400 школъ (церковно-приходскихъ и школъ грамоты) съ 30 тысячами учащихся въ настоящее время. Такимъ образомъ минувшее 50-лѣтіе нашей епархіи было временемъ обновленія и быстраго роста въ ней православія и русской народности. Духовенство заняло весьма почетную степень въ средѣ мѣстнаго общества и явилось на высотѣ своего призванія и положенія. Матеріальное его положеніе возвысилось; сверхъ узаконенныхъ земельныхъ надѣловъ, оно получаетъ жалованья по селамъ 400 руб., а по городамъ 500 руб.; но съ увеличеніемъ жалованія натуральная обработка причтовой земли прихожанами прекращена; и съ этой стороны и по сравненію съ сосѣдними Рижскою и Холмско-Варшавскою епархіями, обезпеченіе причтовъ епархіи не можетъ быть особенно завиднымъ и привлекательнымъ. За истекшее время обращено особенное вниманіе на надѣленіе недостающихъ причтовъ угодіями, на постройку и возобновленіе причтовыхъ строеній; дѣйствовавшія для сей цѣли церковно-строительныя губернскія присутствія сдѣлали что могли и что хотѣли сдѣлать; съ переходомъ же сего рода построекъ въ вѣдѣніе Епархіальнаго Начальства наступила въ

этомъ направленіи усиленная дѣятельность и можно надѣяться, что это больное мѣсто въ жизни епархіи, въ теченіи извѣстнаго времени, будетъ устранено. На будущее же время составляется строительный епархіальный капиталъ посредствомъ ежегоднаго отчисленія 8 руб. изъ жалованья причтовъ, достигшій нынѣ солидныхъ размѣровъ. Еще большее вниманіе обращено на постройку, возобновленіе и внутреннее благоустройство церквей, въ большинствѣ своемъ унаслѣдованныхъ отъ уніи въ крайне убогомъ видѣ. Много воздвигнуто новыхъ каменныхъ церквей, много ремонтировано, благоукрашено и снабжено утварью. Съ 1891 года церковное строительство передано въ вѣдѣніе Епархіальнаго Начальства и несомнѣнно—эта перемѣна должна принесть только добрые плоды для церкви Божіей. Успѣхи православія во многихъ мѣстахъ епархіи были значительны въ минувшее 50-лѣтіе на столько, что закрылись по мѣстамъ латинскіе костелы по недостатку прихожанъ; замѣчавшіеся же въ православномъ народѣ остатки уніатизма и польщизны, подъ вліяніемъ церкви и школы, быстро исчезаютъ; Добавимъ къ тому, что историческія событія истекшаго 50-лѣтія оправдали беззавѣтную любовь народа и его руководителей—духовенства—къ православной Церкви, Государю и Россіи.

Да будетъ же вѣчная память почившимъ, Государямъ, архипастырямъ—вождямъ, пастырямъ и пасомымъ Литовской епархіи и всѣмъ потрудившимся во благо Св. Церкви! И да вѣнчаетъ Небесный Пастыреначальникъ вѣнцомъ славы и чести живыхъ дѣлателей на нивѣ Своей Церкви, правоправящихъ слово истины предъ лицомъ иновѣрія и чуждыхъ русскому народу стремленій.

— Въ послѣднемъ выпускѣ «Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» напечатано слѣдующее оффиціальное извѣщеніе, по извѣстному нашимъ читателямъ дѣлу, о лишеніи бывшаго священника Нижегородской епархіи о. Николая Толстого священническаго сана. Рѣшеніемъ нижегородскаго епархіальнаго начальства, состоявшимся 27 марта 1895 года,—читаемъ въ оффиціальномъ органѣ духовенства,—священникъ домовой церкви князя Урусова, что въ селѣ Тархановѣ Сергачскаго уѣзда, Николай Толстой по обвиненію его въ преступленіяхъ противъ своей должности и самочиніи присужденъ къ лишенію сана съ исключеніемъ изъ духовнаго вѣдомства. Для выслушанія означеннаго рѣшенія священникъ Толстой вызывался въ нижегородскую духовную консисторію чрезъ припечатаніе въ сенатскихъ, губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, съ объявленіемъ ему, что если онъ въ теченіе 30

дней не явится для выслушанія рѣшенія и рукоприкладства, то на основаніи 171 ст. Уст. Дух. Конс., теряетъ право на перенесеніе дѣла въ Св. Сунодъ и состоящееся о немъ рѣшеніе войдетъ въ законную силу. Между тѣмъ онъ, Толстой, въ назначенный срокъ ни самъ не явился въ консисторію, ни объясненій никакихъ не представилъ. Вслѣдствіе сего рѣшеніе нижегородскаго епархіальнаго начальства о лишеніи его, Толстаго, священническаго сана съ исключеніемъ изъ духовнаго вѣдомства вошло въ законную силу.

— «Кіевлянинъ» (№ 140) печатаетъ разсужденіе профессора Сикорскаго о психологическихъ свойствахъ русскаго человѣка сравнительно съ человѣкомъ европейскимъ: Не будетъ преувеличеніемъ говоритъ онъ, если мы скажемъ, что Славяне вообще, и Русскіе въ частности, отличаются наклонностью ко внутреннему анализу, въ особенности къ анализу нравственному. Окружающая человѣка обстановка жизни мало интересуетъ русскаго человѣка: онъ обходится безъ внѣшняго комфорта, необходимаго Англичанину, безъ избытка изящества, которымъ окружаетъ себя Французъ; Русскій довольствуется простою внѣшностью, не ищетъ удобствъ и всему предпочитаетъ теплую душу и открытое сердце. Когда вы разсматриваете всемірныя художественныя выставки и обращаете ваше вниманіе на темы разрабатываемыя художниками различныхъ національностей, то невольно бросается въ глаза у русскихъ художниковъ бѣдность колорита и, въ то же время, обиліе и глубина психологическихъ темъ. То же мы замѣчаемъ и у выдающихся писателей, напримѣръ, у Лермонтова, Тургенева, Достоевскаго. Нѣчто подобное замѣчается и въ другихъ проявленіяхъ жизни. Такимъ образомъ культура духа, въ противоположность культурѣ природы, составляетъ отличительную черту славянскаго народнаго генія. Указанныя свойства славянской натуры проявляются съ очевидною ясностью въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ явленій жизни, именно въ актѣ самосохраненія. Мрачное рѣшеніе наложить на себя руку принадлежитъ къ числу величайшихъ несчастій постигающихъ человѣка, и это несчастье столь противоположное истинному инстинкту самосохраненія, возрастаетъ у всѣхъ народовъ Европы изъ года въ годъ. Съ 1818 года, когда впервые создалась статистика самоубійствъ, они увеличились въ ужасающей пропорціи. Сравнивая различныя страны Европы въ отношеніи числа самоубійствъ, мы видимъ, что Славяне, въ особенности же Русскіе, даютъ наименьшее число самоубійствъ. На 1 милліонъ жителей приходится самоубійствъ:

въ	Саксоніи	311
„	Франціи	210
„	Пруссіи	133
„	Австрія	130
„	Баварія	90
„	Англіи	66
„	Россіи	30

Разсматривая число самоубійствъ въ Россіи и Европѣ за длинный промежутокъ времени, мы встрѣчаемся еще съ однимъ поразительнымъ фактомъ, а именно: число самоубійствъ въ Россіи остается почти безо всякаго увеличенія за послѣднія 30 лѣтъ, между тѣмъ какъ у всѣхъ народовъ Европы число самоубійствъ возросло за это время почти на 30—40%. Каковы бы ни были воззрѣнія на причины самоубійствъ, остается несомнѣннымъ фактъ, что славянская раса отличается особенною нравственною выносливостью. Сильно также различіе по преступности: Число осужденныхъ за убійство въ 1887 году на 1 милліонъ было:

въ	Италіи	96
„	Испаніи	55
„	Австріи	22
„	Франціи	15
„	Россіи	10
„	Германіи	9
„	Англіи	6

Осужденныхъ за тѣ преступленія противъ нравственности, которыя, по словамъ Монтескье, скорѣе приводятъ къ гибели государства нежели самое нарушеніе законовъ, на 1 милліонъ жителей приходится:

въ	Франціи	21,7
„	Италіи	7,4
„	Россіи	3,7

Далѣе профессоръ замѣчаетъ: самыми типичными чертами характера русскихъ являются: скорбь, терпѣніе и величіе духа среди несчастій. Рольстонъ справедливо говоритъ, что Русскій народъ склоненъ къ меланхоліи, составляющей типическую его черту. Для характеристики этой славянской скорби и разъясненія ея психологическаго характера мы можемъ прибавить, что наша національная скорбь чужда всякаго пессимизма и не приводитъ ни къ отчаянію, ни къ самоубійству; напротивъ, это есть та скорбь, о которой говоритъ Ренанъ, что она влечетъ за собою великія послѣд-

ствія. Вторую отличительную черту славянства составляетъ терпѣніе. Съ психологической точки зрѣнія терпѣніе представляетъ собою напряженіе воли, направленное къ подавленію физическаго и нравственнаго страданія; отсутствіе сентиментальности, стоическая покорность судьбѣ и готовность страдать—составляютъ самый характеристическій обликъ русскаго терпѣнія. Самымъ важнымъ плодомъ терпѣнія у Русскаго народа является самообладаніе,способность подавлять въ себѣ волненіе и внести миръ въ собственную душу.

Терпѣніе и покорность судьбѣ составляютъ самыя выдающіися черты русской души. Развитая сила терпѣнія, въ соединеніи со способностью превращать всѣ порывистыя волненія души въ тихое чувство скорби дѣлаютъ Славянъ великими въ несчастіи и даютъ имъ возможность сохранять спокойствіе и самообладаніе въ серіозныя минуты жизни. Тонкое и человѣчное чувство Славянъ выражалось съ незапамятныхъ временъ выдающеюся и общепризнанною славянскою добродѣтелью—гостепріимствомъ, а въ послѣдствіи оно стало выражаться уваженіемъ ко всему иностранному, отсутствіемъ духа партикуляризма и усвоеніемъ лучшихъ сторонъ чужой культуры. Оно же, наконецъ, служитъ основаніемъ вѣротерпимости и примирительнаго отношенія къ инородческимъ элементамъ. Религіозная и расовая терпимость Славянъ яснѣе всего сказалась въ объединяющемъ и ассимилирующемъ вліяніи Славянъ на смежные малокультурные народы.—По поводу тѣневыхъ сторонъ русской психологіи профессоръ говоритъ: Къ числу отличительныхъ качествъ славянской природы относится нерѣшительность, или слабость характера. Сущность психологической черты, о которой идетъ рѣчь, состоитъ въ выжиданіи, въ опасеніи сказать слово или совершить дѣйствіе недопускающее возврата. Это —осторожность, которая по временамъ, можетъ-быть, переходитъ границы. Очевидно, что эта черта имѣетъ тѣсное соотношеніе съ тонко-развитымъ чувствомъ Славянъ и составляетъ послѣдствіе преобладающаго значенія чувства въ душевномъ строѣ.

— Въ скоромъ времени исполняется 150 лѣтіе сооруженія въ Москвѣ нынѣшней часовни иконы Иверской Божіей Матери. До коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны, Иверская часовня имѣла видъ деревяннаго чулана. По случая украшенія Воскресенскихъ воротъ для въѣзда Государыни въ Москву, Иверская часовня, почти полуразвалившаяся, была сломана и икона Божіей Матери оставалась на открытомъ мѣстѣ. Въ 1745 году игуменъ Перервинскаго монастыря Викторъ съ братіею просили консисто-

рію „для сохраненія иконы отъ дождя и снѣга дозволить вмѣсто бывшаго деревяннаго чулана устроить каменный придѣлокъ". Консисторія опредѣлила, что „у показанныхъ Воскресенскихъ воротъ, передъ образомъ Иверскія Пресвятыя Богородицы, для охраненія, дабы отъ снѣга тому образу поврежденія не было, вмѣсто бывшаго деревяннаго, каменный придѣлокъ построить надлежитъ. Поне-же: 1) оный разобрать велѣно на время, а чтобы впредь ему не быть, того не показано; 2) мѣсто то, въ которомъ оный св. образъ имѣется, весьма не пристойно, а безъ того придѣлка, конечно, отъ мокроты св. образу поврежденіе быть можетъ, да и 3) богомолцамъ, въ которомъ числѣ для моленія и подъема того св. образа въ домы христолюбивыхъ жителей много есть знатныхъ особъ, во время ненастныхъ дней приставать негдѣ; 4) точію-бъ оный придѣлокъ строить велѣно самымъ добрымъ мастерствомъ, подъ присмотромъ архитектора. Изъ чего можетъ Воскресенскимъ тѣмъ воротамъ прибыть красота". Опредѣленіе консисторіи утверждено московскою синодальною конторою, и къ постройкѣ часовни въ скоромъ времени было приступлено. Постройка, конечно, не потребовала много времени, въ виду небольшихъ размѣровъ зданія.

— Освященіе Князь-владимірскаго храма въ Кіевѣ, какъ сообщаютъ, отложено на будущій 1896 годъ и должно состояться не позже 15-го іюля, когда предполагается въ Кіевѣ съѣздъ архипастырей южно-русскихъ епархій для участія въ совѣщаніяхъ по церковно-школьному дѣлу. Открытіе памятника императору Николая I предполагаютъ пріурочить къ 25-му іюня 1896 г., т. е. въ столѣтію со дня рожденія сего государя.

— «Самарскія Еп. Вѣдомости» сообщаютъ о слѣдующемъ отрадномъ явленіи въ народномъ образованіи. Селеніе Яблинный врагъ, Никол. уѣзда, Сам. губ., издавна извѣстно,—какъ гнѣздо сектанства. Въ послѣднее время замѣчается, что существующія въ селѣ земская и еще болѣе церковная школа грамоты сближаютъ сектантовъ съ православными. Въ земской школѣ изъ 80 учащихся 5 дѣтей молоканъ, а во вновь открытой школѣ грамоты, съ великимъ неудобствомъ помѣщающейся въ церковной сторожкѣ, ихъ 12 при 45 учащихся. Явленіе, заслуживающее вниманія и поучительное! Школа мирнымъ путемъ можетъ совершить побѣду надъ закоренѣлыми и упорными сектантами. Воспитаніе въ православныхъ школахъ скорѣе привьетъ къ обучающимся въ нихъ дѣтямъ православныя воззрѣнія, расположеніе къ Церкви, и т. п. Это важно и знаменательно въ дѣлѣ борьбы съ сектанствомъ и можетъ имѣть великое благотворное значеніе.

— Въ Патріаршинской, покров. уѣзда, влад. губ., поморской старовѣрческой общинѣ случился совсѣмъ необычный курьезъ. Знаменитый безпоповщинскій наставникъ „дѣдушка Тарасъ", этотъ 90-лѣтній поморскій патріархъ, ссылаясь на свои хроническія болѣзни и слишкомъ преклонныя лѣта, отказался отъ своего пастырскаго званія. Произошло это вотъ какъ. Дидко Тарасъ, предъ праздниками Пасхи, въ самое разнопутье, ѣхалъ въ розвальныхъ, изъ с. Кабанова въ Іонова, съ начетчикомъ дер. Іоновой, Антономъ Ивановымъ. Дорогою, въ разговорѣ, Тарасъ Потановъ высказалъ мысль совсѣмъ удалиться отъ духовныхъ дѣлъ. Антонъ смекнулъ, что ему это на руку, потому мѣсто весьма доходное, и сталъ упрашивать дѣдку Тараса, чтобы сдѣлалъ его своимъ преемникомъ, ссылаясь на библейскій примѣръ Иліи и Елисея, когда Илія предъ взятіемъ на небо говорилъ съ Елисеемъ—„ну, такъ и быть, говорилъ дѣдко Тарасъ, тебѣ, Антонъ, передаю благодать мою и силу". Антонъ въ восторгѣ отъ такого оборота дѣлъ, пришпорилъ коня и отцы-начетники быстро доѣхали до Іонова, мѣста своего обиталища. Антонъ, не желая откладывать дѣла въ дальніе ящики, и чтобы оформить эту „передачу" какъ слѣдуетъ, немедленно собралъ стариковъ, и торжественно заявилъ, что онъ—преемникъ дѣдки Тараса. Позванный на сонмище поморскій патріархъ не отказался отъ своихъ словъ. Фактъ совершился. Антонъ спрыснулъ, какъ слѣдуетъ, спили съ него, по деревенскому обычаю, полведерки, и Ѳокей Викуловъ произнесъ даже при этомъ рѣчь, какъ о важнѣйшемъ событіи. Но, вотъ, послѣ Пасхи, дѣдко Тарасъ возскорбѣлъ, что лишился крупныхъ наставническихъ доходовъ, и сталъ доказывать, что Антонъ его опуталъ дорогою, когда они сидѣли въ розвальняхъ, и опять взялъ въ свои руки бразды духовнаго правленія. Община взволновалась по этому поводу. Пошли совѣщанія, пересуды. Для разрѣшенія такого щекотливаго вопроса приглашены были въ Іоново окрестные поморскіе начетчики. Одни усовѣщивали дѣдушку Тараса, что разъ передалъ все Антону, онъ лишился всего. Тарасъ стоялъ на своемъ, что „Антонъ его опуталъ", заговорилъ краснобайствомъ, приводя примѣры изъ Библіи, и что онъ ему не довѣряетъ своей паствы. Вызванный на консультацію изъ Кабанова знаменитый начетчикъ И. И. Зыковъ, рѣшая дѣло и такъ, и этакъ, все таки замѣтно стоялъ за Тараса Патанова. Вопросъ такъ и остался не разрѣшеннымъ. Для всесторонняго разсмотрѣнія дѣла будутъ приглашены сюда, въ Патріаршину, извѣстнѣйшіе начетчики изъ Поволжья и Пошехонья: Н. Надежинъ, И. М. Цвѣтковъ и пр.

При этомъ № прилагается Прейсъ-Курантъ М. И. Макарова.

УСТАВЪ

Старобѣльскаго Покровскаго Братства ревнителей народнаго образованія въ духѣ вѣры и Церкви православной.

(Утвержденъ Его Высокопреосвященствомъ резолюціею отъ 20-го декабря 1894 года).

§ 1. Братство учреждается въ г. Старобѣльскѣ при Старобѣльскомъ Покровскомъ Соборѣ подъ наименованіемъ „Старобѣльскаго Покровскаго Братства ревнителей народнаго образованія въ духѣ вѣры и Церкви православной".

I. Цѣль Братства.

§ 2. Старобѣльское Братство своею цѣлію поставляетъ распространеніе и возвышеніе религіозно-нравственнаго народнаго просвѣщенія въ духѣ вѣры и Церкви православной въ предѣлахъ уѣзда.

Сообразно съ этою цѣлью:

1. Содѣйствуетъ мѣстному отдѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ распространеніи и благоустроеніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Старобѣльскаго уѣзда путемъ увеличенія ихъ матеріальныхъ средствъ.

2. Способствуетъ успѣшнѣйшему удовлетворенію духовнымъ потребностямъ мѣстнаго православнаго населенія путемъ: а) распространенія въ народѣ (по возможности безмездно) св. Писанія, разнообразныхъ книгъ, брошюръ и листовъ религіоз-

но-нравственнаго содержанія; б) учрежденія въ г. Старобѣльскѣ уѣздной братской библіотеки и—содѣйствія отдѣленію къ открытію при церковно-приходскихъ школахъ особыхъ небольшихъ и сравнительно дешевыхъ приходскихъ библіотекъ изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, разсказовъ изъ русской исторіи о подвигахъ преданности Престолу и Отечеству и общедоступныхъ сочиненій по части домашняго и сельскаго хозяйства и т. п.

3. Противодѣйствуетъ распространенію раскола и сектанства въ предѣлахъ уѣзда и ограждаетъ православныхъ отъ увлеченія ими посредствомъ учрежденія въ г. Старобѣльскѣ обще—уѣздной миссіонерской библіотеки съ книгами, которыя необходимы для борьбы съ расколомъ и сектанствомъ и которыми могъ бы пользоваться каждый членъ братства, нуждающійся въ нихъ.

Примѣчаніе. Для указаній и совѣтовъ въ борьбѣ съ сектанствомъ и для вспомоществованія деньгами и книгами Братство обращается въ „Епархіальный Совѣтъ по Миссіонерскимъ дѣламъ".

4. Наконецъ, по мѣрѣ средствъ и возможности, благотворитъ своимъ неимущимъ, больнымъ и престарѣлымъ Братчикамъ, преимущественно-же тѣмъ, которые заявятъ себя особенною ревностію, любовью и полезнымъ трудомъ въ дѣлѣ учительства въ церковныхъ школахъ уѣзда.

II. Составъ Братства.

§ 4. Братство, находясь подъ покровительствомъ, просвѣщеннымъ руководствомъ и ближайшимъ контролемъ Епархіальнаго Архипастыря, состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ обоего пола всѣхъ сословій и званій православнаго исповѣданія, безъ ограниченія предѣлами уѣзда.

§ 5. Г. Начальнику губерніи предлагается званіе почетнаго члена братства.

§ 6. Братство состоитъ изъ членовъ: 1) почетныхъ, 2) дѣйствительныхъ и 3) сотрудниковъ.

§ 7. Званіе „почетныхъ членовъ" общимъ собраніемъ членовъ, по заявленію Совѣта Братства, присвояется лицамъ, которыя оказали значительное содѣйствіе успѣхамъ Братства, или сдѣлали значительныя пожертвованія въ пользу Братства.

§ 8. Званіе дѣйствительнаго члена присвояется всѣмъ лицамъ, вносящимъ въ кассу Братства ежегодно не менѣе двухъ рублей. Взносъ этотъ можетъ быть представляемъ въ кассу Братства или ежегодно въ размѣрѣ двухъ рублей, или же замѣненъ единовременнымъ вкладомъ суммы, проценты съ которой равнялись-бы ежегодному взносу, при чемъ дѣйствительнымъ членамъ, сдѣлавшимъ подобный единовременный вкладъ (не менѣе пятидесяти рублей) будетъ усвоено названіе „пожизненныхъ дѣйствительныхъ членовъ“ Братства.

Примѣчаніе. На первыхъ порахъ дѣйствительными членами Братства состоятъ учредители Братства, т. е., весь наличный составъ Старобѣльскаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

§ 9. Членами „сотрудниками“ признаются лица всѣхъ сословій и званій обоего пола:

а) вносящія въ кассу Братства менѣе членскаго взноса, т. е., менѣе двухъ рублей;

б) принимающія лично и безмездно дѣятельное участіе въ трудахъ Братства вообще или по какому либо дѣлу въ частности;

в) наконецъ, лица, содѣйствующія успѣхамъ Братства путемъ распространенія свѣдѣній о Братствѣ, его цѣли и дѣятельности, путемъ приглашенія постороннихъ лицъ къ пожертвованіямъ въ пользу Братства и пріема этихъ послѣднихъ.

§ 10. Всѣ лица, желающія быть дѣйствительными членами Братства, заявляютъ о томъ Совѣту Братства. Что же касается членовъ —сотрудниковъ и сотрудницъ, то таковые могутъ вступать въ Братство и по указанію одного изъ дѣйствительныхъ членовъ Братства.

III. Управленіе дѣлами Братства.

§ 11. Дѣлами Братства завѣдуютъ:

А. общее собраніе членовъ Братства и

Б. Совѣтъ Братства.

А. Общія собранія.

§ 12. Общія собранія членовъ Братства созываются предсѣдателемъ Совѣта Братства при началѣ каждаго новаго года

существованія Братства, для выслушанія отчета Братства за истекшій годъ и для обсужденія предположеній о дѣятельности Братства на будущій годъ. Для дѣйствительности сихъ собраній требуется не менѣе 15-ти дѣйствительныхъ членовъ, считая въ томъ числѣ и весь наличный составъ Совѣта Братства.

Примѣчаніе. По мѣрѣ надобности общія собранія Братства могутъ быть созываемы и въ другое время по опредѣленію Совѣта онаго, или же по заявленію не менѣе десяти членовъ Братства.

§ 13. Въ общемъ собраніи

а) изъ дѣйствительныхъ членовъ Братства избираются на три года: а) предсѣдатель Совѣта Братства, б) два члена Совѣта, в) секретарь и казначей Братства, каковыя лица и составляютъ Совѣтъ Братства.

б) Кондидатами къ должностямъ членовъ Совѣта, казначея и секретаря

в) По предложенію Совѣта избираются почетные члены Братства.

г) Обсуждаются вопросы, предлагаемые ему Совѣтомъ Братства чрезъ своего предсѣдателя.

д) Утверждаются смѣты по разнымъ отдѣламъ дѣятельности Братства, составляемыя секретаремъ и разсмотрѣнныя Совѣтомъ Братства.

е) Избираются три лица изъ дѣйствительныхъ членовъ, для повѣрки денежнаго отчета и подробнѣйшаго ознакомленія съ дѣятельностью Совѣта Братства за истекшій годъ. О результатахъ ревизіи члены—ревизоры докладываютъ слѣдующему общему собранію.

§ 14. Для руководства занятіями общаго собранія изъ числа явившихся въ собраніе членовъ посредствомъ закрытой баллотировки избирается особый предсѣдатель.

§ 15. Избраніе должностныхъ лицъ въ Совѣтъ Братства и кандидатовъ къ нимъ производится закрытою баллотировкою; всѣ же остальныя дѣла рѣшаются открытою подачею голосовъ. Опредѣленія Собранія постановляются по большинству голосовъ; при ровенствѣ ихъ,—голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ рѣшенію вопроса.

§ 16. О времени, мѣстѣ и предметахъ занятій общаго собранія члены Братства увѣдомляются предсѣдателемъ Совѣта не менѣе, какъ за двѣ недѣли до собранія.

§ 17. Совѣтъ Братства составляютъ: а) предсѣдатель, б) два члена, в) казначей и г) секретарь.

Примѣчаніе. Членовъ Совѣта, казначея и секретаря, въ случаѣ ихъ продолжительнаго отпуска или продолжительной болѣзни, замѣняютъ кандидаты, а предсѣдателя въ тѣхъ же случаяхъ—членъ Совѣта, получившій при избраніи большинство голосовъ.

§ 18. Обязанности секретаря заключаются въ слѣдующемъ: вести входящій и исходящій реэстръ, подготовлять дѣла къ слушанію въ Совѣтѣ, составлять журналы засѣданій Совѣта, составлять годовой отчетъ, наблюдать за архивомъ и библіотекою лично и съ помощію особо назначеннаго для сего отъ Совѣта лица, вести списки членовъ и всю переписку по дѣламъ Братства. На обязанности казначея лежитъ: принимать, хранить и отсылать, по опредѣленію Совѣта, деньги и вести приходо-расходныя книги.

§ 19. Совѣтъ Братства созывается предсѣдателемъ по мѣрѣ надобности, по возможности, ежемѣсячно. Собраніе Совѣта считается состоявшимся, если въ оное явятся болѣе половины членовъ.

§ 20. Дѣла на разсмотрѣніе Совѣта вносятся предсѣдателемъ и рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства,—голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. О состоявшихся въ Совѣтѣ рѣшеніяхъ составляются журналы, которые подписываются всѣми бывшими въ засѣданіи членами и представляются на утвержденіе Епархіальнаго Архіерея.

§ 21. Совѣтъ Братства приводитъ въ исполненіе постановленія общаго собранія, завѣдуетъ пріемомъ, храненіемъ и расходованіемъ суммъ Братства, согласно съ ихъ назначеніемъ, и заботится о достиженіи цѣлей Братства, указанныхъ въ §§ 2—3 сего устава. Въ концѣ братскаго года Совѣтъ составляетъ отчетъ о денежныхъ суммахъ и дѣятельности Братства за истекшій годъ и представляетъ его общему собранію, а по разсмотрѣніи симъ послѣднимъ,—представляетъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго и, по его утвержденіи, печатаетъ въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ.

§ 22. Всѣ члены Совѣта Братства служатъ безмездно. но на наемъ писца и канцелярскія нужды расходуется потребная сумма изъ средствъ Братства.

IV. Средства Братства.

§ 23. Средста Вратства составляются: а) изъ членскихъ взносовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Братства и сотрудниковъ; б) % %-въ на капиталъ Братства; в) пожертвованій, которыя или обращаются въ общія средства братства, или имѣютъ опредѣленное назначеніе, если таковое указано жертвователемъ, наприм., на миссіонерскую уѣздную библіотеку и т. п.

§ 24. Взносы почетныхъ членовъ и единовременные, взамѣнъ ежегодныхъ, взносы дѣйствительныхъ членовъ составляютъ неприкосновенный капиталъ, къ которому причисляются и пожертвованія, если жертвователь этого пожелаетъ. Если къ концу года, за удовлетвореніемъ нуждъ Братства, образуется остатокъ. то таковой обращается въ запасный капиталъ. Всѣ же остальныя средства Братства подлежатъ расходу на удовлетвореніе потребностей Братства.

§ 25. Для пріема и записи пожертвованій, членамъ и сотрудникамъ Братства выдаются особая квитанціонныя книжки. Собранныя по этимъ книжкамъ пожертвованія—деньгами или вещами—доставляются въ Старобѣльское Братство.

V. Дополнительныя правила.

§ 26. Учрежденія и должностныя лица епархіальнаго вѣдомства оказываютъ Братству въ потребныхъ случаяхъ законное содѣйствіе.

§ 27. Братство имѣетъ свою печать съ изображеніемъ креста и надписью: „Покровское Старобѣльское Братство“.

§ 28. Вопросы объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ настоящаго устава, по разсмотрѣніи и всестороннемъ обсужденіи ихъ въ общемъ собраніи, представляются на утвержденіе подлежащей власти и, по утвержденіи послѣднею, приводятся въ исполненіе.

§ 29. Въ случаѣ закрытія Братства денежныя суммы и имущество его передаются въ распоряженіе Старобѣльскаго Уѣзднаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Іюня № 12. 1895 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Объ участіи церковно-приходскихъ школъ на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году.

Признавая полезнымъ участіе церковныхъ школъ въ Всероссійской выставкѣ, имѣющей быть въ 1896 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ 7—14 марта 1895 г., разрѣшилъ Училищному при немъ Совѣту привести въ исполненіе предположенія Коммиссіи, обсуждавшей вопросъ объ участіи церковныхъ школъ въ Всероссійской выставкѣ.

Отъ коммиссіи по участію церковно-приходскихъ школъ въ учебномъ отдѣлѣ Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году.

(Выписка изъ журнала Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сүнодѣ, отъ 27-го февраля 1895 г. за № 38).

Предстоящая Всероссійская выставка открываетъ возможность духовенству представить общую картину своей просвѣтительной дѣятельности на всемъ пространствѣ русскаго царства,—объединить свою дѣятельность, обмѣняться съ другими тружениками плодами трудовъ своихъ, иному поучиться, въ иномъ наставить другихъ. Возможность представить русскому обществу плоды просвѣтительныхъ трудовъ духовенства въ общей ихъ совокупности имѣетъ несомнѣнную важность, такъ какъ въ обществѣ не мало еще есть людей, предубѣжденныхъ противъ церковно-приходскихъ школъ. Между тѣмъ онѣ не боятся гласности, радуются вниманію

къ нимъ общества, ничего не желаютъ скрывать, ни преувеличивать, желаютъ только, чтобы имъ отдали должное и относились къ нимъ съ довѣріемъ и расположеніемъ, которыя онѣ давно заслужили и которыми онѣ издревле пользовались и пользуются у народа.

Нынѣ въ вѣдѣніи духовенства находится: а) школы грамоты, б) одноклассныя и двухклассныя церковно-приходскія школы, в) двухклассныя школы церковно-учительскія, мужскія и женскія, съ сельско-хозяйственными курсами, и, наконецъ, г) школы воскресныя и дополнительные классы для взрослыхъ.

Высшее управленіе всѣми церковно-приходскими школами принадлежитъ Святѣйшему Сѵноду, при которомъ, для предварительнаго разсмотрѣнія наиболѣе важныхъ дѣлъ и общаго руководства, состоитъ Училищный Совѣтъ. Въ каждой изъ епархій имѣется епархіальный училищный совѣтъ, въ каждомъ уѣздѣ—отдѣленіе его, при чемъ въ распоряженіи совѣтовъ имѣются наблюдатели школъ.

При Училищномъ Совѣтѣ имѣется школьно-статистическій отдѣлъ и особая издательская комиссія, снабжающая платно и безплатно церковно-приходскія школы учебниками и учебными пособіями по удешевленнымъ цѣнамъ. Всѣ эти учрежденія имѣютъ быть экспонированы въ учебномъ отдѣлѣ Всероссійской выставки.

А. *Центральное управленіе* представитъ:

1) Исторію церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени.

2) Очеркъ дѣятельности Училищнаго Совѣта за послѣднее десятилѣтіе.

3) Сборникъ правилъ, положеній и постановленій Святѣйшаго Сѵнода относительно церковно-приходскихъ школъ и программы предметовъ преподаванія.

4) Собраніе учебниковъ и учебныхъ пособій для учителей и учащихся: книгъ, картинъ, атласовъ, наглядныхъ пособій и проч.

5) Образцовую приходскую библіотеку, съ каталогомъ.

6) Обзоръ дѣятельности издательской комиссіи по изданію книгъ и по снабженію школъ книгами и учебными пособіями.

7) Общій статистическій обзоръ современнаго состоянія церковно-приходскихъ школъ съ картами, діаграммами, планами и фасадами школьныхъ зданій.

8) Отчеты епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ о церковно-приходскихъ школахъ.

Кромѣ того, центральное управленіе предполагаетъ организовать

при выставкѣ учительскіе курсы: по церковному пѣнію, сельскому хозяйству, садоводству, огородничеству, ручному труду и нѣкоторымъ предметамъ обученія для учителей церковно-приходскихъ школъ.

В. *Церковно-приходскія школы.*

Школьную выставку по отдѣльнымъ епархіямъ предполагается раздѣлять по группамъ, принимая во вниманіе мѣстныя особенности и бытовыя условія школъ въ каждомъ районѣ. Предполагаются группы: а) сѣверныхъ епархій, съ С.-Петербургомъ, б) епархій центральныхъ, съ Москвой, в) Южный край, г) Западная Русь, съ Кіевомъ и Вильной, д) Поволжье, е) Западная и Восточная Сибирь, ж) Закавказье и з) Финляндія.

Епархіальные училищные совѣты каждой епархіи имѣютъ озаботиться собраніемъ *матеріала*, который бы представлялъ наглядную картину жизни, быта и условій существованія въ данной мѣстности церковныхъ школъ всѣхъ видовъ, для каковой цѣли учреждаются при Совѣтахъ *подготовительныя коммиссіи.*

Желательно, чтобы по *каждой* епархіи были представлены слѣдующіе матеріалы:

а) *Статистическій обзоръ* церковно-приходскихъ школъ епархіи, съ картами и съ обозначеніемъ учащихся по поламъ, сословіямъ и вѣроисповѣданію. При этомъ по каждой епархіи должно быть показано географическое ея пространство, число жителей, число дѣтей школьнаго возраста, а также число начальныхъ училищъ другихъ вѣдомствъ и общій процентъ обучающихся дѣтей школьнаго возраста. Необходимо также указаніе разрядовъ школъ, число собственныхъ и наемныхъ зданій, а равно и средствъ содержанія, отдѣльно: отъ приходскихъ попечительствъ, отъ училищнаго совѣта, отъ земства и частныхъ пожертвованій. При указаніи числа учителей должно быть обозначено ихъ образованіе.

б) *Сборникъ распоряженій* о церковныхъ школахъ по епархіямъ.

в) *Планы и фасады* церквей со школами и вообще школьныхъ зданій въ епархіи.

г) *Образцы ученическихъ работъ* всѣхъ видовъ, т. е. работъ письменныхъ, рукодѣльныхъ, иконописныхъ, ремесленныхъ, ручныхъ и др., какія существуютъ въ школахъ данной мѣстности. Экспонируютъ школы *всѣхъ видовъ*, т. е., школы грамоты, церковно-приходскія, двухклассныя съ учительскими и сельско-хозяйственными курсами, воскресныя, дополнительныя, гдѣ таковыя есть. Въ свѣдѣніяхъ объ учительскихъ школахъ желательны точ-

ныя данныя о *числѣ* выпущенныхъ учениковъ и занявшихъ учительскія должности съ основанія школы.

Если-бы учредители и учители нѣкоторыхъ школъ пожелали представить особыя *описанія* возникновенія своей школы, отношеніе къ ней православнаго народа, раскольниковъ и иновѣрцевъ, выдающіеся случаи изъ жизни школы, пользу, ею приносимую населенію, подтверждаемую наглядными, живыми фактами, вліяніе на народъ пѣнія церковнаго, чтенія акаѳистовъ, участія дѣтей въ богослуженіи и т. п., то таковыя описанія займутъ почтенное мѣсто въ общей картинѣ школьнаго дѣла и будутъ приняты съ признательностью, не смотря даже на несовершенство литературной формы, лишь-бы такія описанія написаны были *правдиво*. При этомъ особенную важность представляло-бы изображеніе *мѣстныхъ бытовыхъ условій*, въ какихъ школа находится и которыя препятствуютъ или благопріятствуютъ развитію школы.

Для ближайшихъ распоряженій по устройству отдѣла выставки церковно-приходскихъ школъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, при мѣстномъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ, учреждается особая *Исполнительная Коммиссія*, которая озаботится пріемомъ матеріаловъ, доставляемыхъ на выставку епархіальными училищными совѣтами и размѣщеніемъ таковыхъ въ отдѣлѣ.

Лица и учрежденія, желающія экспонироваться *особо*, заблаговременно подаютъ о томъ заявленія въ Исполнительную Коммиссію, съ обозначеніемъ предметовъ выставки и потребнаго для нихъ мѣста.

Въ дополненіе къ приведенному выше правительственному распоряженію, Коммиссія считаетъ нужнымъ заявить, что въ Нижнемъ-Новгородѣ уже учреждена «*Исполнительная Комиссія при Нижегородскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ*», подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Алексія, епископа Балахнинскаго, викарія Нижегородскаго. Епархіальные училищные совѣты каждой епархіи и частные экспоненты по дѣламъ выставки имѣютъ обращаться къ означенной Коммиссіи, на имя которой должны высылаться и экспонируемые предметы.

Всѣ назначаемые на выставку предметы должны быть доставлены въ *Исполнительную Коммиссію* въ Нижній Новгородъ непремѣнно *къ 1-му марта* 1896 года.

Коммиссія питаетъ увѣренность, что училищные совѣты и всѣ завѣдующіе и трудящіеся въ церковно-приходскихъ школахъ от-

несутся къ настоящему предложенію съ надлежащимъ вниманіемъ и дѣятельнымъ участіемъ.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ Семинарію слѣдующее:

1. Пріемные экзамены для поступленія во всѣ классы Семинаріи и переэкзаменовки для воспитанниковъ Семинаріи будутъ начаты въ настоящемъ году 8-го, а классныя занятія 16-го августа.

2. Всѣ поступающія въ Семинарію лица свѣтскаго званія, не исключая и тѣхъ, которыя переведены въ 1-й классъ Семинаріи изъ духовныхъ училищъ, обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ 40 рублей или за полугодіе — 20 рублей, безъ чего не будутъ приняты въ Семинарію.

3. Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя о. Ректора Семинаріи непремѣнно къ 7-му августа сего года съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

4. Воспитанники, не принятые на казенное содержаніе, должны быть помѣщены въ семинарскомъ общежитіи со взносомъ 120 руб. въ годъ. Эта плата должна быть вносима по третямъ: къ 15-му августа, къ 15 ноября и къ 15-му марта—каждый разъ по сорока рублей; кромѣ того всѣ вновь поступающіе своекоштные ученики обязаны внести эконому Семинаріи единовременно на все время обученія въ Семинаріи 15 рублей на первоначальное обзаведеніе и 5 рублей на пріобрѣтеніе учебниковъ.

5. Всѣ воспитанники Семинаріи обязаны имѣть форменную одежду установленнаго образца безъ всякихъ отступленій. При заказѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 17 руб., лѣтняя въ 6 р. 50 коп., фуражка въ 1 руб.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ учениковъ.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи за $189^{4}/_{5}$ учебный годъ.

VI КЛАССА.

Окончившіе курсъ Семинаріи:

Разрядъ 1-й. 1. Димитрій Иваницкій, Иванъ Момотъ—награждены медалями, Яковъ Чебановъ, Михаилъ Ковалевскій, 5. Григорій Поповъ, Поликарпъ Бугуцкій.

Разрядъ 2-й. Петръ Капустянскій, Александръ Заграфскій, Павелъ Власовскій, 10. Георгій Золотаревъ, Александръ Ястремскій, Петръ Заводовскій, Анатолій Мухинъ, Яковъ Булгаковъ, 15. Григорій Драновскій, Викторъ Пономаревъ, Василій Мухинъ, Алексѣй Щепинскій, Евгеній Краснокутскій, 20. Сергѣй Павловскій, Александръ Захарьевъ, Константинъ Котляровъ, Михаилъ Яковлевъ, Анатолій Снѣсаревскій.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

25. Александръ Поповъ—по изъясненію Свящ. Писанія, Павелъ Даниловъ—по сочиненію.

Допущенъ къ испытаніямъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ не державшій экзамена въ свое время по болѣзни

Василій Зубаревъ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности:

Иванъ Закрицкій, 29. Леонидъ Ѳедоровскій.

V КЛАССА.

Переведены въ VI классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Алексѣй Александровъ—награжденъ книгою, Аѳанасій Слѣпцовъ, Леонидъ Гогинъ, Михаилъ Слуцкій.

Разрядъ 2-й. 5. Николай Шкорбатовъ, Александръ Ермолаевъ, Павелъ Лисенко, Викторъ Поповъ, Михаилъ Сокальскій, 10. Николай Никаноровъ, Андрей Наумовъ, Николай Яновскій, Григорій Навродскій, Петръ Поповъ, 15. Григорій Ступницкій, Павелъ Лобковскій, Максимъ Сулима, Ѳедоръ Поповъ, Василій Ѳедоровъ, 20. Георгій Григоренко, Василій Лукьяновскій, Николай Ковалевскій, Александръ Самойловъ, Димитрій Хоростани, 25. Константинъ Пантелеймоновъ, Венедиктъ Филевскій, Алексѣй Смирновъ, Александръ Поповъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Димитрій Вербицкій, 30. Ѳеофилъ Ястремскій—по греческому языку, Онисимъ Семеновъ, Иванъ Хижняковъ—по латинскому языку, Василій Мухинъ, Николай Чугаевъ—по основному богословію, 35. Нееманъ Санфи—по практическому руководству для пастырей, Александръ Артюховскій—по греческому языку и церковному пѣнію, Петръ Бѣлицкій—по исторіи и обличенію раскола и латин-

скому языку, Ипполитъ Дейнеховскій—по основному богословію и догматическому богословію, Иванъ Евфимовъ—по исторіи и обличенію раскола и церковной исторіи, 40. Владиміръ Курдюмовъ—по основному богословію и практическому руководству для пастырей, Григорій Погорѣловъ—по догматическому богословію и латинскому языку, Иванъ Подлуцкій—по практическому руководству для пастырей, Евгеній Проскурниковъ—по церковной исторіи и латинскому языку, Григорій Ѳоминъ—по догматическому богословію и латинскому языку.

Оставленъ на повторительный курсъ по болѣзни

45. Павелъ Феневъ.

Уволенъ изъ Семинаріи по малоуспѣшности

46. Павелъ Ѳедоровъ.

IV КЛАССА.

Переведены въ V классъ:

Разрядъ 2-й. 1. Константинъ Перешивайловъ, Павелъ Красинъ, Иванъ Платоновъ, Николай Жадановскій, 5. Иванъ Александровъ, Георгій Романовскій, Димитрій Басовъ, Александръ Каплуненко, Димитрій Шишловъ, 10. Сергѣй Пономаревъ, Ѳедоръ Клисенко, Василій Степурскій, Владиміръ Щербининъ, Николай Мищенко, 15. Иванъ Строевскій, Павелъ Рубинскій, Макарій Власовъ, Сергѣй Ястремскій, Иванъ Кушниренко.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

20. Антоній Дзюбановъ—по основному богословію, Іосифъ Закрицкій, Иванъ Збукаревъ, Ѳедоръ Котляровъ, Астерій Лукашевъ, 25. Сергѣй Шалаевъ—по латинскому языку, Тихонъ Нѣмчиновъ, Константинъ Фіалковскій—по греческому языку, Григорій Цебенко—по сочиненію, Михаилъ Феневъ—по латинскому языку и сочиненію, 30. Александръ Юшковъ, Кириллъ Поповъ—по физикѣ и латинскому языку, Викторъ Краснокутскій—по физикѣ и сочиненію, Илья Хоручъ—по церковной исторіи, латинскому языку и церковному пѣнію, Александръ Ѳедоровъ—по латинскому языку и сочиненію, 35. Григорій Поповъ—по физикѣ, латинскому языку и сочиненію, Владиміръ Кошарновскій—по физикѣ, греческому языку и сочиненію, Петръ Кузнецовъ—по философіи, физикѣ и сочиненію.

Оставлены на повторительный курсъ:

Григорій Пантелеймоновъ, Николай Михайловскій, 40. Григорій Шокотовъ, Евлампій Торанскій—по болѣзни.

Оставленъ на повторительный курсъ по прошенію не державшій экзаменовъ по случаю смерти отца

42. Ѳедоръ Столяревскій.

III. НОРМАЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены въ IV классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Иванъ Иваницкій.

Разрядъ 2-й. Валеріанъ Соколовъ, Захарій Филевскій, Семенъ Ковалевскій, 5. Леонидъ Краснокутскій.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Александръ Захаровъ, Николай Стефановскій — по церковной исторіи, Василій Корнильевъ—по логикѣ, Андрей Панкратьевъ—по изъясненію Св. Писанія, 10. Яковъ Власовскій, Иванъ Аристовъ — по сочиненію, Василій Өедоровъ, Иванъ Өедоровъ—по церковному пѣнію и сочиненію, Константинъ Николаевъ—по словесности и церковному пѣнію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

15. Тимоѳей Закрицкій, Дмитрій Николаевскій—по малоуспѣшности, Макарій Павловскій, Яковъ Пономаревъ—по болѣзни.

Уволены изъ Семинаріи:

Іосифъ Стеллецкій—по малоуспѣшности, 20. Иванъ Назаревскій. 21. Михаилъ Онацкій—по болѣзни.

III ПАРАЛЛЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены въ IV классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Павелъ Александровъ.

Разрядъ 2-й. Николай Оглоблинъ, Евграфъ Поповъ, Константинъ Мухинъ, 5. Николай Нигровскій, Алексѣй Червонецкій, Николай Козловскій, Аѳанасій Сѣнцевъ, Павелъ Стефановскій, 10. Николай Чернявскій, Василій Подольскій, Андрей Созонтьевъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Александръ Виноградскій, Василій Грищенко—по греческому языку, 15. Петръ Косьминъ—по логикѣ, Павелъ Васютинъ, Михаилъ Сильванскій—по сочиненію, Константинъ Владыковъ—по логикѣ и математикѣ, Василій Нестеровъ—по греческому языку и сочиненію.

Допущенъ къ испытанію по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ не державшій экзаменовъ въ свое время по болѣзни

20. Димитрій Поповъ.

Уволены изъ Семинаріи по малоуспѣшности:

Георгій Рубинскій, Иванъ Котляровъ, 23. Димитрій Люминарскій.

II НОРМАЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены въ III классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Митрофанъ Поповъ, Веніаминъ Доброславскій. Василій Гутниковъ.

Разрядъ 2-й. Константинъ Степенко, 5. Стефанъ Жуковъ, Александръ Согинъ, Павелъ Липицкій, Александръ Бочаровъ, Антонъ Рудневъ, 10. Викторъ Кудревичъ, Гавріилъ Григоровъ, Николай Дьяковъ, Иванъ Антоновъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Тихонъ Антоновъ, 15. Парѳеній Бѣляевъ—по математикѣ, Андрей Клисенко, Иванъ Торанскій—по исторіи литературы, Петръ Васплевъ—по сочиненію, Василій Матвѣевъ—по латинскому языку, 20. Ѳедоръ Макаровскій, Николай Пипенко—по библейской исторіи, Сергѣй Стеллецкій—по церковному пѣнію, Михаилъ Филевскій—по математикѣ и латинскому языку, Иванъ Ходаковскій—по гражданской исторіи, латинскому языку и сочиненію.

Оставленъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ

25. Иванъ Энеидовъ—по неудовлетворительности сочиненій.

Уволены изъ Семинаріи по малоуспѣшности:

Николай Покровскій, 27. Леонидъ Николаевскій.

II ПАРАЛЛЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены въ III классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Димитрій Червонецкій—награжденъ книгою, Василій Пестряковъ, Петръ Масловъ.

Разрядъ 2-й. Николай Смирнскій, 5. Николай Грабовскій, Алексѣй Кобелевъ, Алексѣй Солофненко, Василій Ступницкій, Петръ Подлуцкій, 10. Георгій Владыковъ, Сергѣй Любицкій, Михаилъ Моисеевъ, Владиміръ Соболевъ, Ѳедоръ Татариновъ, 15. Алексѣй Василевскій, Митрофанъ Ѳедоровъ, Владиміръ Чернявскій, Александръ Инноковъ, Павелъ Мухинъ, 20. Гавріилъ Хундадзе, Гавріилъ Петровъ, Константинъ Котляревскій.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Ѳедоръ Золотаревъ—по латинскому языку, Сергѣй Макухинъ—по математикѣ, 25. Ѳедоръ Сильванскій—по греческому языку, Алексѣй Макаровскій—по изъясненію Св. Писанія и латинскому языку, Тимоѳей Рубинскій—по гражданской исторіи и математикѣ.

Допущенъ къ испытаніямъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ не державшій экзамена въ свое время по болѣзни

Владиміръ Краснокутскій.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Николай Васютинъ—по малоуспѣшности, 30. Леонидъ Скляровъ—по болѣзни, Иванъ Ильинъ, 32. Георгій Толмачевъ—по неудовлетворительности сочиненій.

I НОРМАЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены во II классъ:

Разрядъ 1-й. Николай Сорочинскій—награжденъ книгою.

Разрядъ 2-й. Михаилъ Капустинъ, Василій Пахненко, Николай Пакуль, Иванъ Василевскій, Александръ Ольякъ, Василій Недохлѣбовъ, Николай Покровскій, Андрей Васильковскій, 10. Поликарпъ Чернявскій, Елисей Поповъ, Николай Богдановъ, Порфирій Улановъ, Никифоръ Оржельскій, 15. Евлампій Черняевъ, Антонъ Краснокутскій, Николай Вышемірскій, Павелъ Черниведкій.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Павелъ Полиницкій—по греческому языку, 20. Петръ Макаровскій, Александръ Жуковскій—по изъясненію Св. Писанія, Петръ Поповъ—по гражданской исторіи,—Николай Григоревичъ—по словесности и гражданской исторіи, Александръ Семеновъ—по словесности и латинскому языку, 25. Сергѣй Кривошеевъ—по изъясненію Св. Писанія и латинскому языку, Василій Домницкій—по изъясненію Св. Писанія, по гражданской исторіи и сочиненію, Даніилъ Лукашевъ—по изъясненію Св. Писанія и сочиненію, Николай Фальченко, Сергѣй Ястремскій—по сочиненію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

30. Василій Кіяновскій, Александръ Поповъ, Николай Рудинскій—по малоуспѣшности, Георгій Петровъ—по неудовлетворительности сочиненій, Алексѣй Ведринскій, 35. Николай Хижняковъ, Владиміръ Торанскій, Даніилъ Калашниковъ, 38. Өедоръ Калюжный—по болѣзни.

I ПАРАЛЛЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены во II классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Александръ Слюсаревъ.

Разрядъ 2-й. Павелъ Курской, Григорій Курячій, Өедоръ Коваленко, 5. Арсеній Кабловъ, Даніилъ Михайловскій, Сергѣй Давидовъ, Павелъ Бородаевъ, Григорій Золотаревъ, 10. Петръ Корнильевъ, Сергѣй Николаевскій, Владиміръ Чалый, Петръ Еварницкій, Николай Грищенко.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

15. Николай Барановъ, Николай Сильванскій—по латинскому языку, Стефанъ Бутковскій—по гражданской исторіи, Виталій Жуковскій, Иванъ Литкевичъ—по греческому языку, 20. Иванъ Горавинъ—по математикѣ, Алексѣй Лободовскій—по латинскому языку и церковному пѣнію, Михаилъ Проскурниковъ—по гражданской исторіи, церковному пѣнію и сочиненію, Николай Хоручъ—по ла-

тинскому языку и церковному пѣнію, Николай Чернявскій—по гражданской исторіи, математикѣ и церковному пѣнію, 25. Василій Башинскій—по словесности и сочиненію, Веніаминъ Богдановъ—по латинскому языку и сочиненію, Иванъ Исиченко,—по сочиненію и церковному пѣнію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Мелетій Бѣляевъ—по болѣзни, Иванъ Корнильевъ, 30. Василій Христіановскій, Константинъ Полтавцевъ, Алексѣй Поповъ, Стефанъ Посельскій, Иванъ Ѳедоровъ—по малоуспѣшности, 35. Алексѣй Котляровъ, Александръ Рубинскій—по неудовлетворительности сочиненій.

Уволены изъ Семинаріи по малоуспѣшности:

Иванъ Мокринскій, 38. Михаилъ Хижняковъ.

Росписаніе пріемныхъ экзаменовъ для поступленія въ Харьковскую Духовную Семинарію и переэкзаменовокъ воспитанниковъ Семинаріи въ 1895 году.

Мѣсяцъ и число.	Дни недѣли.	1-я КОММИССІЯ.	2-я КОММИССІЯ.
Августъ			
8	Вторникъ	Русское сочиненіе для воспитанниковъ Семинаріи.	Русское сочиненіе для вновь поступающихъ.
9	Среда	Богословіе догматическое, основное и нравственное, священное писаніе и катихизисъ.	Философія, логика, дидактика, гражданская исторія и географія.
10	Четвергъ	Литургика, гомилетика, руководство для пастырей, исторія и обличеніе раскола, обличительное богословіе и церковный уставъ.	Физика, алгебра, геометрія, пасхалія и ариѳметика.
11	Пятница	Исторія литературы, словесность и русскій языкъ съ церковно-славянскимъ.	Греческій языкъ.
12	Суббота	Церковная исторія, библейская исторія и церковное пѣніе.	Латинскій языкъ.
14		Молебствіе Господу Богу предъ началомъ ученія, раздача учебниковъ и освидѣтельствованіе вновь поступающихъ семинарскимъ врачемъ.	

Списокъ воспитанницъ приготовит. I, II, III, IV, V и VI классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища за 18^{94}/$_{95}$ учебный годъ.

ПРИГОТОВИТ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ I классъ:

1. Алейникова Анна—нагр. пох. лист., Бажулова Марія, Базилевичъ Ангелина, Васильковская Клавдія, 5. Ведринская Лариса—нагр. пох. лист., Геневская Елена, Гундеръ Марія, Еллинская Софья, Закрицкая Марія—нагр. пох. лист., 10. Знаменская Антонина, Иванова Антонина, Измайлова 2-я Александра—нагр. пох. лист., Ильина Анна, Краснокутская Өеоктиста, 15. Леонтовичъ Анна, Мигулина Вѣра, Николаевская Нина, Панкратьева Варвара, Петровская Параскева, 20. Петрова Александра, Поморцева Наталія, Поныровская Лидія, Попова 1-я Антонина—нагр. пох. лист., Попова 2-я Александра, 25. Рубинская 1-я Олимпіада—нагр. пох. лист., Рубинская 2-я Юлія, Смирнова Софія, Тихоцкая Зенаида, Торанская Елена, 30. Тугаринова Лидія, Фенева Елена, Филевская Антонина, Хижнякова Анна, Чугаева Анна—нагр. похв. лист. 35. Шемигонова Марія, Шишлова Клавдія, Яковлева Екатерина—нагр. похв. лист. Янзенъ Лидія, Өедорова Ольга—нагр. похв. лист.

б) Будутъ переведены въ 1-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

40. Еленская Александра, Полтавцева Анна—по счисленію.

в) Измайловой 1-й Клавдіи, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

г) Оставляется въ приготовит. классѣ на повторительный курсъ по болѣзни

Сергѣева Елена.

ПЕРВАГО НОРМ. КЛАССА.

А) Удостоены переводы во второй классъ:

1. Антонова Зинаида, Бортникова Елена—нагр. похв. лист., Буткевичъ Елена, Бѣликова Татіана, 5. Васильева Анна, Грекова Марія—нагр. похв. лист., Дикарева Матрона, Еллинская Александра—нагр. похв. лист., Иванова Зинаида, 10. Калюжная Анна, Кохановская Евгенія—нагр. похв. листомъ, Краснокутская Ольга—нагр. похв. лист., Крохатская 2-я Ольга, Лаврова Софья нагр. похв. лист., 15. Лонгинова Надежда, Любарская 2-я Анна—нагр. похв. лист., Минченко Елена, Навродская Анастасія—нагр. похв. лист., Николаевичъ Клавдія—нагр. пох. лист., 20. Никулищева

Александра, Полтавцева Дарія, Протопопова Любовь, Самойлова Александра, Сапухина Елена, 25. Сидорова Елена, Сильванская Анна, Созонтьева Елена, Соколовская Валентина, Стеллецкая Софья, 30. Сѣверинова Антонина, Титова 1-я Елена, Филиппова Анна, Янзенъ Екатерина—нагр. пох. лист., Ястремская Елисавета, 35. Ѳаворова Анастасія, Ѳеденко Инна, Ѳедоровская Елисавета, Ѳоменко Анна.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Горбунова Александра, 40. Любарская Марія, Крохатская 1-я Любовь, Титова 2-я Агнія—по русскому языку, Кремповская Евдокія, Черняева Марія—по русскому языку и ариѳметикѣ.

в) Оставляется въ 1 классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности

45. Пашкова Марія.

ПЕРВАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода во второй классъ:

1. Бородаева Елена, Булгакова Марія, Буткова Елена, Василевская Ольга, 5. Войтова Викторія, Вышемірская Марія—нагр. пох. лист., Грекова Александра, Григоровичъ Зинаида, Данилова Елена, 10. Дьякова Платонида, Еварницкая Анна—нагр. пох. лист., Кузьменко Александра, Колесникова Варвара, Куруханова Раиса, 15. Коханова Марія, Купчинская Марія—нагр. пох. лист., Куницына Ольга—нагр. пох. лист., Любарская Александра, Люминарская Софья, 20. Макухина Марія, Маслова Агнія, Морозова 2-я Лидія, Метницкая Нина, Мураховская Евдокія, 25. Мухина Анна, Оглоблина Вѣра, Орлова Евдокія, Полянская Евдокія, Сенявина Ксенія, 30. Старченко Анастасія—нагр. похвал. лист., Сѣдашова Марія, Твердохлѣбова Ольга, Фіалковская Марія, Флейснеръ Александра, 35. Ходаковская Александра, Шебатинская Евлампія, Ѳедоровская Елена—нагр. пох. лист.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Богославская Антонина, Васильковская Татіана, 40. Морозова 1-я Зинаида, Чиркина Анастасія—по русскому языку.

в) Оставляются въ 1 классѣ на повторительный курсъ:

Бортникова Пелагія, Семейкина Надежда, Стефанова Людмила.

ВТОРАГО НОРМ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ третій классъ:

1. Алѣйникова Анна—нагр. пох. лист., Антоновская Антонина,

Вербицкая Анисія, Груздева Мавра, 5. Дейнеховская Раиса, Зибина Марія, Иванова Александра—нагр. пох. лист., Капустянская Надежда, Колосовская Татіана, 10. Купріянова Ольга, Лутовинова Надежда, Мураховская Софья, Назаревская Елена—нагр. пох. лист., Новикова Анастасія, 15. Оглоблина Анастасія, Павлова Вѣра, Полтавцева Анна, Попова 1-я Елена, Раевская Антонина—нагр. пох. лист., 20. Сильванская Зинаида, Станкова Параскева, Соколовская Анна—нагр. пох. лист., Сѣдашова Варвара, Торанская Евлампія, 25. Шишлова Раиса, Щепинская Евгенія, Ястремская Александра—нагр. пох. лист., Ѳедорова 1-я Анна, Ѳедорова 2-я Надежда, 30. Ѳедоровская Марія, Ѳоменко Евгенія.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Пономарева Зинаида, Прокоповичъ Марія, Корнильева Дарія, 35. Попова 3-я Александра, Климентова Наталія—по русскому языку. Васильковская Марія, Попова 2-я Вѣра, Любицкая Анна, 40. Найдовская Надежда—по ариѳметикѣ.

в) Оставляется во второмъ классѣ на повторительный курсъ

Геневская Екатерина.

г) Оставляется во второмъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ родителей по болѣзни

Смирнская Александра.

ВТОРАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ третій классъ:

1. Богославская Анатолія, Бородаева Александра, Васильковская Марія, Васютинская Марія, 5. Власова Марѳа, Власовская Ксенія, Грабовская Марія, Губская Клавдія, Дмитріева Екатерина, 10. Дракина Марія, Исиченко 1-я Татіана, Исиченко 2-я Анастасія, Ковалевская Анна, Краснокутская Параскева, 15. Лаврова Елена—нагр. пох. лист., Лобковская Лидія, Макухина Елена, Михайловская Анастасія—нагр. пох. лист., Москалева Евгенія, 20. Несторенко Ксенія, Никитина Наталія, Оржельская Марія, Панкратьева Александра, Полянская Татіана, 25. Попова Евдокія, Потапова Татіана, Рыжко Екатерина, Слюсарева Евгенія, Соколовская Клавдія, 30. Стеллецкая Евфросинья, Сугаченко Анастасія,—нагр. пох. лист., Тумская Антонина, Тычинина 1-я Антонина, Тычинина 2-я Наталія, 35. Ханайченкова Вѣра, Хижнякова Лидія, Ястремская Агафія—нагр. пох. лист., Фокина Евфросинія, Ѳомина Надежда.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

40. Боско Римма, Вишнякова Елена, Проскурникова Надежда, Труфанова Людмила, Ященко Анастасія—по русскому языку.

в) Оставляется во 2 классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ родителей по болѣзни

45. Павлова Марія.

ТРЕТЬЯГО НОРМ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ четвертый классъ:

1. Богословская 2 Анатолія, Будянская Татіана, Васильковская Анастасія, Ветухова Елисавета, 5. Власовская 1 Евдокія—нагр. пох. листомъ, Власовская 2 Анна, Воронцова Александра, Грекова Софья, Добрецкая 1 Нина, 10. Дракина Зиновія, Дюкова Анастасія, Жукова Ольга, Иваницкая Александра—нагр. пох. листомъ, Капустянская Марія, 15. Ковалева 1 Анна, Ковалева 2 Марія, Колосовская Анна, Крохатская Марія, Лонгинова Валентина, 20. Люминарская Анна, Макаровская Софья, Морозова 2 Марія, Мураховская Анна, Насѣдкина Екатерина, 25. Николаевичъ Анна—нагр. пох. листомъ, Онацкая Евгенія, Павловская Елена, Пащенко Наталія, Погорѣлова Елена, 30. Пономарева Валентина, Попова Любовь, Проскурникова Софья, Пясецкая Зинаида, Рубинская Зинаида—нагр. пох. листомъ, 35. Снегирева Іульянія—нагр. пох. листомъ, Стефановская Марія, Сѣдикова Лидія, Тупицына Зинаида, Эвенхова Александра, 40. Юшкова Наталія.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Богословская 1 Марія, Еллинская Анна, Морозова 1 Анна, Чумакова Анна—по русск. языку, 45. Мухина Марія—по сочиненію.

в) Оставляются въ третьемъ классѣ на повторит. курсъ:

Хижнякова Александра, Карабакъ Александра.

г) Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по болѣзни

Добрецкая 2 Наталія.

ТРЕТЬЯГО ПАРАЛ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ четвертый классъ:

1. Балановская Елена, Барсукова Марія, Бородаева Наталія—нагр. пох. лист., Данилова Марія, 5. Дикарева Марія, Дюкова Марія, Иваницкая Дарія, Иннокова Евгенія, Кобеляцкая Елисавета, 10. Корнильева Ольга, Ковалевская Марія, Кремповская Евфросинія, Крыжановская Екатерина, Линицкая Клавдія, 15. Мальцева

Марія, Маслова Зина, Набокова Вѣра, Никитская Наталія, Нигровская Любовь, 20. Ольховая Раиса, Павлова Анастасія, Панкратьева Марія, Пересыпкина Анастасія, Пестриченко Вѣра, 25. Полтавцева Параскева, Поморцева Марія, Попова 1 Лидія, Попова 2 Надежда, Роде Екатерина, 30. Рубинская Марія, Сильванская Наталія, Слюсарева Елена, Стеллецкая Ольга, Твердохлѣбова Ирина, 35. Торанская Елисавета, Чебанова Параскева, Шебатинская 1 Леонилла, Шебатинская 2 Евфросинія, Шемигонова 1 Анна, 40. Шемигонова 2 Юлія—нагр. пох. листомъ, Шокотова Марина, Ѳеденко Александра—нагр. пох. листомъ, Ѳедорова 2 Марія.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Несторъ Екатерина — по Закону Божію, 45. Васильковская Александра—по русск. языку, Измайлова Зинаида—по русск. языку и ариѳметикѣ.

в) Оставляются въ третьемъ классѣ на повторительн. курсъ:

Ѳедорова 1 Анна, Андреенкова Анна.

г) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища по просьбѣ родителей

Краснокутская Анна.

ЧЕТВЕРТАГО НОРМ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ пятый классъ:

1. Алексѣева Екатерина—нагр. пох. листомъ, Архангельская Екатерина, Березовская Олимпіада, Буткова Александра, 5. Веселовская Наталія, Вышемірская Варвара, Грекова Надежда, Дзюбанова Анна—нагр. пох. листомъ, Дорошенко Людмила, 10. Иванова Анна, Ковалевская Елена, Корнильева 2 Марѳа, Кошлакова Марія, Кустовская Екатерина, 15. Мантулина Серафима, Пантелеймонова Марія, Пестриченко Антонина, Полницкая Наталія, Попова Зинаида, 20. Регишевская Анна, Смирнова Марія, Соколова Анна, Татарская Александра.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Мухина Анна, 25. Самойлова Надежда, Стадниченко Елена, Яньшина Марія—по славян. языку, Вербицкая Анна, Могилянская Надежда—по русскому языку, 30. Титова Александра, Якубинская Анна—по сочиненію, Фихтеръ Надежда—по русск. языку и сочиненію, Сирятская Марія, Чебанова Антонина—по ариѳметикѣ, 35. Жданова Ольга—по исторіи и русск. языку, Крыжановская Евгенія—по исторіи и географіи, Васильева Валентина—по ариѳм., сочиненію, славянск. языку и русск. языку.

в) Оставляется въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца по болѣзни

Ваганова Елена.

г) Оставляются въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

Горанна Марія, 40. Пилнецкая Марія, Бабынина Валентина, Бобловская Антонина, Юркевская Елисавета и Корнильева 1-я Θеодора.

ЧЕТВЕРТАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ пятый классъ:

1. Андерсонъ Валентина, Артемьева Марія, Бутковская Пелагія, Грекова Анна, 5. Григоревичъ Зановія, Губская Евгенія, Дейнеховская Меланія—нагр. пох. лист., Ерофалова Павла, Зубарева Валентина—нагр. пох. лист. 10. Капустянская Екатерина, Копѣйчикова Елена, Лободовская Лидія, Любарская Марія, Максимова Надежда, 15. Мураховская 1-я Наталія—нагр. пох., лист. Мураховская 2-я Ксенія, Несторова Александра, Никитина Елисавета, Полтавцева Раиса, 20. Пересыпкина Дарія, Пономарева 1-я Серафима, Раевская Анна, Ревская Лидія, Рубинская Сусанна, 25. Селезнева Варвара, Труфанова Елена, Θеденко Любовь, Θедорова Надежда.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Станкова Зинаида—по Закону Божію, 30. Гревизирская Александра, Самойлова Дарія—по славян. языку, Владыкова Елена—по географіи, Иннокова Аполлинарія, Θедоровская Марія—по исторіи, 35. Филевская Елисавета—по русск. языку и исторіи, Бѣляева Елена—по исторіи и славян. языку, Пономарева 2-я Евдокія—по русск. языку, исторія и славянск. языку.

в) Оставляется въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца по малолѣтству

Бажулова Ольга.

г) Оставляется въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца по болѣзни

Червонецкая Марія.

д) Оставляются въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

40. Сильванская Елена, Артемьева Марія, Якубовичъ Любовь, Краснокутская Александра, Толмачева Софія.

е) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища по просьбѣ отца по болѣзни

45. Пономарева 3-я Александра.

ж) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища

Крыжановская Марія.

ПЯТАГО НОРМ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ шестой классъ:

1. Базилевичъ Леонида, Бородаева Надежда, Веселовская 1-я Людмила, Веселовская 2-я Анастасія, 5. Виноградская Наталія, Власовская Павла—нагр. пох. лист., Грекова Александра, Грызодубова 1-я Ефросинія, Грызодубова 2-я Рахиль, 10. Дикарева Зоя, Жданова Ксенія, Карпова Софія, Крутьева Анастасія, Крыжановская Александра, 15. Кутепова Матрона, Луценко Антонина—нагр. пох. лист., Малярова Іульянія, Мухина Анастасія—нагр. пох. лист., Насѣдкина Антонина, 20. Найдовская Вѣра, Оптовцева Марія, Павлова Ольга, Панкратьева Анна, Проскурникова Ольга, 25. Рубинская Елисавета, Самойлова Марія, Сокальская Марія—нагр. пох. лист., Степурская Антонина—нагр. пох. лист., Стефановская Любовь, 30. Твердохлѣбова Марія, Труфонова Іульянія, Туранская Анна—нагр. пох. лист., Юшкова Антонина—нагр. пох. лист., Өедоровская Марія, 35. и Николаевичъ Александра, какъ переведенная безъ экзамена, по резолюціи Его Высокопреосвященства.

б) Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Назаревская Анна—по славян. языку, Сѣкирская Елисавета—по славянск. языку и русск. языку.

в) Оставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ родителей:

Чернявская Александра и Өомина Пелагія.

ПЯТАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

А) Удостоены перевода въ шестой классъ:

1. Андронова Евдокія, Антонова Елена, Бугуцкая Ксенія, Вербицкая Валентина—нагр. пох. лист., 5. Горанна Елисавета—нагр. пох. лист., Дюкова Анна, Жукова 1-я Наталія, Жукова 2-я Любовь, Зеленина Екатерина. 10. Ковалева Евгенія, Ковтунъ Антонина, Козловская Марія, Кривцунъ Надежда—нагр. пох. лист., Леонтовичъ Софья, 15. Любарская Валентина—нагр. пох. лист., Маслова Евгенія, Михайловская Таисія, Назаревская Антонина, Попова 1-я Анастасія, 20. Протопопова Анна, Посельская Анна, Реутская Конкордія, Рождественская Таисія, Савченко Клавдія, 25. Слюсарева Анна, и Фокина Өеодосія.

б) Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:

Попова 4-я Алевтина—по славян. языку, Эллинская Анна—по русск. языку, Волобуева Варвара, 30. Попова 2-я Елена, Сильван-

ская Елена—по сочиненію, Попова 3-я Любовь—по сочиненіямъ, Абдула Анна—по славян. языку и сочиненію, Раевская Ольга—по русск. языку и дидактикѣ.

Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища за 1894/5 учебный годъ.

1. Въ 1894/5 учебномъ году Совѣтъ училища составляли: а) предсѣдатель Совѣта профессоръ богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, магистръ богословія, протоіерей Тимоѳей Буткевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, протоіерей Никандръ Оникевичъ, г) члены Совѣта отъ духовенства: по 1-е марта н. г. Харьковской Николаевской церкви протоіерей Панкратій Ивановъ, а съ 1 марта Харьковской Крестовоздвиженской церкви кандидатъ богословія, священникъ Николай Любарскій и Харьковской Троицкой церкви священникъ Павелъ Тимоѳеевъ и д) почетный блюститель по хозяйственной части училища, потомственный почетный гражданинъ Павелъ Павловичъ Рыжовъ.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было: шесть нормальныхъ классовъ, приготовительный классъ и пять параллельныхъ отдѣленій: въ первомъ, во второмъ, въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ классахъ и одна церковно-приходская школа.

3. Учебный персоналъ состоялъ изъ 17 преподавателей, 13 учительницъ, 12 старшихъ воспитательницъ, 12 младшихъ воспитательницъ и одной учительницы церковно-приходской школы.

4. Къ началу занятій 1894/5 учебнаго года въ училищѣ числилось 440 воспитанницъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1894 года, по журнальному опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, принято вновь въ число воспитанницъ училища 87 дѣвицъ, именно: въ приготовит. классъ 45 дѣвицъ, въ 1 парал. классъ 31 дѣвица, во 2 норм. классъ 3 дѣвицы, въ 3 парал. классъ 2 дѣвицы, въ 4 норм. классъ 5 дѣвицъ и въ 5 парал. классъ 1 дѣвица.

Вслѣдствіе этого 1894/5 учебный годъ начался при 527 воспитанницахъ, которыя по классамъ распредѣлены были такъ: въ приготовит. кл.—47 восп., въ 1 норм. кл.—45 восп., въ 1 парал. кл. —44 восп., во 2 норм. кл.—42 восп., во 2 парал. кл.—47 восп., въ 3 норм. и 3 парал. кл. по 50 восп., въ 4 норм. кл.—44 восп.,

въ 4 парал. кл.—47 восп., въ 5 норм. кл.—38 восп., въ 5 парал. кл.—34 восп., и въ 6 кл.—39 восп.; итого во всѣхъ кл.—527 восп.

5. Въ теченіе 189⁴/₅ учебнаго года приняты были въ училище три дѣвицы, а именно: въ пригот. кл.—1 дѣвица, въ 1 парал. кл. —1 дѣвица и въ 5 нормал. кл.—1 дѣвица.

Въ отчетномъ учебномъ году выбыло изъ училища двѣнадцать воспитанницъ, а именно: изъ пригот. кл.—5 восп., изъ 1 парал. кл.—1 восп., изъ 2 парал. кл.—2 восп., изъ 3 норм. кл.—2 восп., изъ 3 парал. кл.—1 восп., и изъ 4 парал. кл.—1 восп.; изъ нихъ 8 восп. уволены по просьбѣ родителей, а 4 восп. уволены Совѣтомъ училища за долговременную неявку.

6. Къ началу годичныхъ испытаній въ училищѣ числилось: въ пригот. кл.—43 восп., въ 1 норм. кл.—45 восп., въ 1 парал. кл.—44 восп., во 2 норм. кл.—42 восп., во 2 парал. кл.—45 восп., въ 3 норм. кл.—48 восп., въ 3 парал. кл.—49 восп., въ 4 норм. кл.—44 восп., въ 4 парал. кл.—46 восп., въ 5 норм. кл.—39 восп., въ 5 парал. кл.—34 восп. и въ 6 кл.—39 восп.; итого во всѣхъ кл. —518 восп.

7. Послѣ годичныхъ испытаній произведенныхъ въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго Совѣта отъ 19 мая и 1 іюня н. г.

А) Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:

Изъ пригот. кл. въ 1 кл. 39 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 31), изъ 1 норм. кл. во 2 кл. 38 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 22), изъ 1 парал. кл. во 2 кл. 37 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 15), изъ 2 норм. кл. въ 3 кл. 31 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 16), изъ 2 парал. кл. въ 3 кл. 39 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 10), изъ 3 норм. кл. въ 4 кл. 40 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 13), изъ 3 парал. кл. въ 4 кл. 43 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 11), изъ 4 норм. кл. въ 5 кл. 23 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 7), изъ 4 парал. кл. въ 5 кл. 28 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 9), изъ 5 норм. кл. въ 6 кл. 35 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 13), изъ 5 парал. кл. въ 6 кл. 26 восп., (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 7).

Окончили полный курсъ училищнаго образованія 38 воспитанницъ, которымъ на основаніи § 111 устава Епархіальныхъ Женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

б) Оставлены въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ— по малоуспѣшности и по просьбѣ родителей 29 воспитанницъ.

в) Воспитанницамъ не державшимъ экзаменовъ—по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, равно какъ и получившимъ неудовлетворительныя отмѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и передержкѣ экзаменовъ послѣ каникулъ, а именно:

въ пригот. кл. 3 восп., въ 1 норм. кл. 6 восп., въ 1 парал. кл. 4 восп., во 2 норм. кл. 9 восп., во 2 парал. кл. 5 восп., въ 3 норм. кл. 5 восп., въ 3 парал. кл. 3 восп., въ 4 норм. кл. 14 восп., въ 4 парал. кл. 9 восп., въ 5 норм. кл. 2 восп. и въ 5 парал. кл. 8 восп.

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и благонравіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами:

въ пригот. кл. 9 восп., въ 1 норм. кл. 10 восп., въ 1 парал. кл. 6 восп., во 2 норм. кл. 6 восп., во 2 парал. кл. 4 восп., въ 3 норм. кл. 5 восп., въ 3 парал. кл. 3 восп., въ 4 норм. кл. 2 восп., въ 4 парал. кл. 3 восп., въ 5 норм. кл. 7 восп., въ 5 парал. кл. 4 восп., и въ 6 кл. 15 восп.

Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.

ПРИГОТ. КЛАССА.

1. Алѣйникова Анна, Ведринская Лариса, Закрицкая Марія, Измайлова 2 Александра, 5. Попова 1 Антонина, Рубинская 1 Олимпіада, Чугаева Анна, Яковлева Екатерина, Ѳедорова Ольга.

ПЕРВАГО НОРМ. КЛАССА.

1. Бортникова Елена, Грекова Марія, Еллинская Александра, Кохановская Евгенія, 5. Краснокутская Ольга, Лаврова Софья, Любарская 2 Анна, Навродская Анастасія, Николаевичъ Клавдія, 10. Янзенъ Екатерина.

ПЕРВАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Вышемірская Марія, Еварницкая Анна, Кулчинская Марія, Куницина Ольга, 5. Старченко Анастасія, Ѳедоровская Елена.

ВТОРОГО НОРМ. КЛАССА.

1. Алѣйникова Анна, Иванова Александра, Назаревская Елена, Раевская Антонина, 5. Соколовская Анна, Ястремская Александра.

ВТОРАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Лаврова Елена, Михайловская Анастасія, Сугаченко Анастасія, Ястремская Агафія.

ТРЕТЬЯГО НОРМ. КЛАССА.

1. Власовская 1 Евдокія, Иваницкая Александра, Николаевичъ Анна, Рубинская Зинаида, 5. Снегирева Іульянія.

ТРЕТЬЯГО ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Бородаева Наталія, Шемигонова 2 Юлія, Ѳеденко Александра.

ЧЕТВЕРТАГО НОРМ. КЛАССА.

Алексѣева Екатерина, Дзюбанова Анна.

ЧЕТВЕРТАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Дейнеховская Меланія, Зубарева Валентина, Мураховская Ï Наталія.

ПЯТАГО НОРМ. КЛАССА.

1. Власовская Павла, Луценко Антонина, Мухина Анастасія, Сокальская Марія. 5. Степурская Антонина, Туранская Анна, Юшкова Антонина.

ПЯТАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Вербицкая Валентина, Горанна Елисавета, Кривцунъ Надежда, Любарская Валентина.

Списокъ воспитанницъ VI класса Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, окончившихъ курсъ и получающихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благонравіе, награждаются книгами.

а) 1. Арефьева Марія, Бугуцкая Анна, Буткевичъ Софья—нагр. книгою, Василевская Антонина, 5. Ведринская Софья—нагр. книгою, Вербицкая Марія—нагр. книгою, Ветухова Анна—нагр. книгою, Воскобойникова Клавдія—нагр. книгою, Гончаревская Александра, 10. Жукова Ирина—нагр. книгою, Измайлова 1-я Екатерина. Измайлова 2-я Аполлинарія, Ковалевская Александра, Копѣйчикова Анастасія—нагр. книгою, 15. Крыжановская Анастасія, Лобковская Софья, Любарская 1-я Анна—нагр. книгою, Любарская 2-я Марія—нагр. книгою, Любарская 3-я Юлія—нагр. книгою. 20. Макаровская Марія, Маяцкая Матрона, Мухина Марія, Петрова 1-я Зиновія—нагр. книгою, Петрова 2-я Вѣра, 25. Подольская Дарія. Попова Антонина, Приходькова Анна—нагр. книгою, Пуковская Анастасія, Рокитянская Евгенія, 30. Ревская Анна, Рубинская

Анастасія, Стефановская Евдокія—нагр. книгою, Троянова Александра, Чудновская Нина—нагр. книгою, 35. Яновская Клавдія, Өедорова Валентина—нагр. книгою, Өедоровская 1-я Вѣра, и Өедоровская 2-я Екатерина.

б) Оставляется въ VI классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца по болѣзни—Өедорова 1-я Антонина.

Примѣчаніе. Аттестаты двѣнадцати сиротъ,—окончившихъ курсъ училища Совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемыя изъ канцеляріи г. Попечителя учебнаго округа съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ спеціальныхъ училищныхъ средствъ.

Епархіальныя извѣщенія.

Предложеніемъ Его Высокопреосвященства перемѣщены для пользы службы: священникъ Ахтырскаго Покровскаго Собора Георгій *Хижняковъ* къ Волчанскому Собору; священникъ Ахтырскаго Покровскаго Собора Петръ *Чудновскій* къ Покровской г. Лебедина церкви; священникъ Волчанскаго Собора Гавріилъ *Бѣлоусовъ* къ Ахтырскому Покровскому Собору и священникъ Покровской г. Лебедина церкви Николай *Сперанскій* къ Ахтырскому Покровскому Собору.

— Священникъ Архангело-Михаиловской церкви с. Кириковки Даніилъ *Поповъ,* назначенъ и. д. благочиннаго 1-го округа Ахтырскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Иванъ *Петровскій,* опредѣленъ священникомъ къ Антоніевской церкви Харьковскаго Императорскаго Университета.

— Священникъ Өедоръ *Кіяницынъ,* перемѣщенъ изъ хутора Петренкова Старобѣльскаго уѣзда, къ Успенской церкви с. Дементѣевки Харьковскаго уѣзда.

— Безмѣстный діаконъ Алексѣй *Любачинскій,* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ Воскресенской церкви сл. Ольшаной Харьковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Успенской церкви заштатнаго г. Краснокутска Богодуховскаго уѣзда, Василій *Дашкіевъ* рукоположенъ во діакона къ Николаевской церкви с. Русской-Лозовой Харьковскаго уѣзда.

— Опредѣленный діакономъ къ Іоанно-Богословской церкви с. Большой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, псаломщикъ Всѣхсвятской церкви с. Малой Чернетчины Евменій *Теренко,* 14 мая н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Діаконъ Покровской церкви с. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, Василій *Толмачевъ,* перемѣщенъ къ Рождество-Богородичной церкви заштатнаго г. Бѣлополья, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ діаконъ Георгіевской церкви с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда, Григорій *Егоровъ*, перемѣщенъ штатнымъ діакономъ къ Рождество-Богородичной церкви с. Николаевки того же уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Новая энциклика папы.—Посольство отъ Негуса.—Къ характеристикѣ польскаго духовенства.—Панславистскій и германскій драконъ.—Уровень образованности низшаго польскаго духовенства.—Новая духовная опера „Христосъ".—Причины упадка пѣвческой капеллы.—С. А. Рачинскій о народной школѣ.—Наши либералы.

Папа издалъ энциклику Unitatis christianae propositum, адресованную къ египетскимъ Коптамъ, въ отвѣтъ на письмо католическихъ Коптовъ съ выраженіемъ „горячаго желанія" ихъ содѣйствовать пропагандѣ католизма среди своихъ соплеменниковъ. Интересно, что въ этой энцикликѣ папа называетъ „Коптовъ диссидентовъ" (въ томъ числѣ и православныхъ) „братьями" и „дѣтьми" и хвалитъ ихъ за расположеніе къ нему. Это довольно оригинальный способъ пропаганды. Папѣ мало цѣлой арміи іезуитовъ и миссіонеровъ изъ другихъ орденовъ,—онъ желаетъ, чтобъ и католики міряне занялись „пропагандой вѣры".

— Въ Россію прибыло посольство изъ Абиссиніи; оно состоитъ изъ двухъ родственниковъ Негуса и епископа Шоасскаго. Сопровождаетъ ихъ свита изъ четырехъ лицъ. Цѣль этого посольства заключается въ принесеніи Государю Императору поздравленій по случаю восшествія на престолъ и бракосочетанія, а также въ возложеніи вѣнка на могилу въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Это первый историческій примѣръ непосредственныхъ оффиціальныхъ сношеній Абиссиніи съ Россіей, причемъ присутствіе епископа въ составѣ посольства свидѣтельствуетъ о стремленіи Абиссинцевъ къ религіозному единенію съ нашею церковью. Важное значеніе этого событія не нуждается въ поясненіяхъ.

— Въ «Новомъ Времени», по поводу кончины римско-католическаго епископа въ Вильнѣ, Антонія Авдзевича, сдѣлано одно любопытное наблюденіе, относительно котораго можно только пожелать, чтобы оно не оказалось поспѣшнымъ. По словамъ корреспондента газеты, покойный епископъ Авдзевичъ, какъ и его предшественникъ, не позволялъ звонить въ костелахъ во время прохожденія мимо ихъ православной процессіи. Это явное неуваженіе представителя одной христіанской религіи къ другой—христіанской же—несомнѣнно носитъ другую подкладку, кромѣ догматической. Раньше всегда въ Вильнѣ былъ звонъ въ костелахъ при

прохожденіи религіозной процессіи православной. Римско-католическая религія не можетъ запрещать оказывать почести кресту и св. иконамъ; это только іезуитскія уловки ксендзовъ. Въ доказательство можно привести и факты. Года два тому назадъ въ Вильнѣ скончался русско-православный помѣщикъ. Одинъ изъ родственниковъ просилъ позвонить во время прохода процессіи и просьба была исполнена. То же было, кажется, въ гор. Ошмянахъ и бываетъ часто во многихъ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ отсутствіе упоминаемаго звона въ костелахъ,—одно изъ проявленій „бискупской" власти. Едва ли можно признать, чтобы назначеніе римско-католическихъ епископовъ принесло какую-нибудь пользу Россіи и населенію западнаго края. Они начали вселять въ католическомъ населеніи духъ нетерпимости, который сталъ уже было исчезать. Достаточно вспомнить о дѣяніяхъ ковенскаго бискупа, подъ „благотворнымъ" воздѣйствіемъ котораго въ религіозномъ отношеніи ксендзы-законоучители стали запрещать ученикамъ народныхъ училищъ читать молитвы въ классѣ или читали ихъ, обращаясь спиной къ иконамъ. Епископы католическіе, кажется, больше любятъ „играть въ политику", чѣмъ заботиться о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ. Такая политика ксендзовъ и „бискуповъ", повидимому, понята и пасомыми, которые начинаютъ смотрѣть на вещи правильнѣе, и духовныя римско-католическія лица начинаютъ терять въ своемъ престижѣ. На похоронахъ епископа Авдзевича почти не было интеллигентовъ изъ католиковъ. Не знаменіе ли это времени?... Быть можетъ—и знаменіе, но крайне проблематическое, говоритъ «Церк. Вестн.». Долго ждать, пока роли перемѣнятся и латино-польское духовенство, доселѣ руководившее польскимъ обществомъ, само подпадетъ подъ его руководство и вліяніе. Вѣрнѣе сказать—никогда этого не дождемся, и потому задача мѣстной русской власти ни на минуту не выпускать изъ вниманія бискуповъ и ксендзовъ и содерживать ихъ смѣлость. А смѣлость у нихъ большая. Такъ, предшественникъ Авдзевича, епископъ Греневецкій самовольно поставилъ на рим.-католическомъ каѳедральномъ костелѣ въ Вильнѣ польскій гербъ, и этотъ гербъ красуется доселѣ, возвѣщая полякамъ фикцію самостоятельнаго польскаго королевства. Съ искони православною чудотворною иконою Божіей Матери въ Острыхъ Воротахъ поступлено еще смѣлѣе. Эта икона захвачена поляками незаконно. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ состоялось Высочайшее повелѣніе возвратить ее по принадлежности православнымъ. Но латинское духовенство, не долго думая, порѣшило не исполнять приказанія

и икона до сихъ поръ остается въ ихъ владѣніи. Смѣшеніе религіозныхъ идей съ политиканствомъ среди латинскаго духовенства замѣчается и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Такъ на югѣ Россіи, встрѣчаются случаи подобнаго же противодѣйствія со стороны рим.-католиковъ и латинскаго духовенства. 25 мая, какъ сообщаютъ «Русс. Слову» изъ Симферополя, здѣсь получено было распоряженіе о перемѣщеніи настоятеля симферопольскаго окружнаго костела и капеллана войска симферопольскаго гарнизона патера Кеслера на низшую должность сельскаго ксендза въ одно изъ предмѣстій херсонской губерніи. Такая кара постигла патера Кеслера за его систематическое противодѣйствіе русскому дѣлу въ таврической губерніи. Такъ, напримѣръ, онъ грозилъ отлученіемъ отъ таинства рим.-католиковъ чеховъ въ селеніи перекопскаго уѣзда Александровкѣ, за то что они устроили у себя русскую школу; онъ же не допустилъ къ причастію одну изъ мѣстныхъ родовыхъ аристократокъ за то, что она вышла замужъ за русскаго офицера—„схизматика". Къ чести мѣстнаго рим.-католич. общества нельзя не сказать, что оно само тяготилось фанатизмомъ своего ксендза, а католики-чехи даже прямо жаловались рим.-католическому южно-русскому епархіальному епископу. Это уже второй примѣръ перевода симферопольскихъ ксендзовъ на низшую должность за ихъ анти-русскую пропаганду.

— Въ «Галичанинѣ» нѣкто Великополянинъ въ письмѣ своемъ говоритъ: не польскій то патріотизмъ ополячивать и заражать латинствомъ русскихъ Галичанъ, и въ то же время не защищать Великополянъ (Познанскую область) отъ онѣмеченія. Галицко-польскіе политики не должны забывать, что только съ тѣхъ поръ началось паденіе Польши, когда польская шляхта и магнаты стали отдавать родную землю Нѣмцамъ, начали сѣять полонизмъ съ латинствомъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи. „Панславизмъ" и „москалефильство" польскіе политики въ Галиціи считаютъ дракономъ, поѣдающимъ свободу Славянъ, но они забываютъ о „пангерманскомъ драконѣ", который уже проглотилъ и переварилъ Славянъ надъ Лабой, на Поморьѣ, надъ Одеромъ, а въ настоящее время поѣдаетъ Великополянъ и остатки Мазуровъ, живущихъ подъ германско-прусскимъ владычествомъ. «Панславистскій и москалефильскій» драконъ не проглотилъ ни одного Славянина; напротивъ, онъ освободилъ Болгаръ и Сербовъ отъ турецко-магометанскаго ига и нынѣ борется съ пангерманскимъ дракономъ. Вотъ почему Славяне и многіе Великополяне не страшатся „панславистскаго и москалефильскаго" дракона, но страшатся прожорли-

вости дракона пангерманскаго, который по пути на Востокъ поѣдаетъ все славянское. Всѣ кровавыя возстанія и попытки Польскаго народа,—говоритъ въ заключеніе Великополянинъ,—были тщетны и нравственно растлили Польскій народъ, ибо они были предприняты во имя и съ помощью латинства и западной цивилизаціи, которыя сами по себѣ вносятъ въ славянскіе народы зародыши смерти. Поэтому пора польскимъ дѣятелямъ бросить патріотизмъ, пропитанный латинствомъ и растлѣвающею западною цивилизаціей, и вступить на путь польско-славянскаго патріотизма во имя котораго наши предки сражались подъ Грунвальдомъ (гдѣ Поляки одержали блистательную побѣду надъ Крестоносцами),—патріотизма во имя котораго Великополяне и силезскіе Поляки не хотѣли идти съ Собѣсскимъ освобождать Вѣну отъ Турокъ, но—желали воспользоваться удобными обстоятельствами и отнять у Нѣмцевъ Силезію и Поморье. Но тогда папскій нунцій и польскіе магнаты не допустили возвращенія польскихъ земель. Такой же точно польскій патріотизмъ—и въ настоящее время, и онъ погубитъ Польскій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ту часть Русскаго народа, которая отдана подъ вліяніе этого патріотизма.

— Въ «Моск. Вѣд.» говорятъ, что польское духовенство, въ особенности низшее, представляетъ во многихъ отношеніяхъ явленіе исключительное; одна только Италія, да и то отчасти, напоминаетъ намъ въ данномъ случаѣ нашу польскую окраину. Изъ кого образовался наличный составъ духовенства Привислянскаго края? Отвѣтъ на этотъ вопросъ характеризуетъ намъ ксендзовъ далеко не съ хорошей стороны. Сынъ крестьянина, мѣщанина или мелкаго торговца—вотъ въ 90 случаяхъ изо ста происхожденіе будущаго ксендза. Пройдя съ грѣхомъ пополамъ курсъ прогимназіи, молодому человѣку представляется вопросъ: куда идти? Въ гимназіи оставаться невозможно; дипломъ объ окончаніи 4-хъ классовъ данъ съ условіемъ оставленія гимназіи, да впрочемъ и учиться-то дальше не на что. Остается разрѣшить дилемму: въ аптеку или въ ксендзы. И вотъ часть четвертаго класса всѣхъ гимназій Привислинья, по полученіи свидѣтельства, поступаетъ въ семинарію, откуда прямый ходъ въ ксендзы. Не многому научился будущій служитель Бога въ гимназіи; еще меньшему научатъ его въ семинаріи, гдѣ общеобразовательные предметы стоятъ на десятомъ планѣ; развѣ, конечно подъ руководствомъ ксендзовъ-учителей, онъ пройдетъ полный курсъ „ойчистой" исторіи, да научится ненавидѣть Россію. Духовное образованіе питомцевъ семинаріи ограничивается ритуальною стороной дѣла; въ результатѣ, пройдя семинарскій

курсъ, „клирикъ“ остается полуневѣждой, но въ добавокъ испорченнымъ до мозга костей, человѣкомъ безъ принциповъ, безъ вѣры. Есть исключенія, но они рѣдки. Не говорю о ксендзахъ съ академическимъ образованіемъ—они составляютъ слабое меньшинство. Прибавьте къ этой характеристикѣ врожденную ненависть къ аристократіи, и вы поймете, что такое ксендзъ. Получивъ приходъ, молодой служитель Всевышняго заводитъ себѣ „господыню“, то-есть любовницу, обзаводится хозяйствомъ и живетъ припѣваючи, къ соблазну прихожанъ, которыхъ обираетъ „добровольными“ контрибуціями. Постепенно подвигаясь впередъ, получая лучшіе приходы, ксендзъ спокойно доживаетъ свой вѣкъ въ полномъ комфортѣ,—конечно, если не случится какого-либо казуса, за который придется маленько пострадать. Съ увеличеніемъ благосостоянія, ксендзъ старается пристать къ аристократамъ и забываетъ въ ихъ гостиныхъ и столовыхъ прежнюю ненависть къ панамъ. Уваженія къ духовенству среди простаго народа очень мало,—да и съ чего бы ему явиться?—и ксендзы это знаютъ. Поэтому, не мытьемъ такъ катаньемъ, стараются они удержать въ своихъ рукахъ этотъ народъ, чтобы не лишиться матеріальныхъ выгодъ. И надо отдать справедливость польскому духовенству въ томъ, что оно покуда умѣетъ достигать этого. Народъ не уважаетъ ксендза, смѣется надъ нимъ въ своихъ пословицахъ и поговоркахъ,—этого избѣгнуть нельзя; но можно разжигать его фанатизмъ, можно одурманивать его театрально-церковными торжествами,—и храмъ Божій является мѣстомъ торжища, гдѣ народъ невѣжественный и суевѣрный, платитъ трудовою копѣйкой за гаерничанье и ломанье своихъ духовныхъ отцовъ.

— Нашъ знаменитый композиторъ А. Рубинштейнъ, уже покойный, оставилъ послѣ себя, между прочимъ, новую духовную оперу подъ названіемъ „Христосъ“. Тогда какъ наши меломаны восхищаются ею въ художественномъ отношеніи, другіе, въ появленіи на театральной сценѣ Спасителя, Божіей Матери и лицъ евангельской Исторіи видятъ оскорбленіе или, по крайней мѣрѣ, профанацію религіознаго чувства христіанъ. Намъ представляются весьма дѣльными слѣдующія сужденія «Церковнаго Вѣстника».— По поводу постановки этой новой духовной оперы на театральной сценѣ въ Временѣ, «Церковный Вѣстникъ» говоритъ: „Удовлетворенія религіозныхъ потребностей нужно искать въ церкви, а не на сценѣ, руководителями въ этомъ отношеніи должны быть не актеры и актрисы, а духовные пастыри. Какъ ни возвышать общественно-воспитательное значеніе театра, несомнѣнно однако-жъ,

что увеселительный элементъ всегда будетъ ему присущъ, а, слѣдовательно, онъ примѣшается и къ пьесамъ религіознаго содержанія. Получится неизбѣжная профанація святыни, которую, быть можетъ, и не ощутятъ легкомысленные интеллигенты, но которую постигнутъ вполнѣ простыя благочестивыя сердца. Главнымъ образомъ съ точки зрѣнія простыхъ вѣрующихъ и нужно оцѣнивать это грозящее нашествіемъ на Россію новшество въ видѣ религіозныхъ драмъ и оперъ. Нечего прельщаться заманчивой надеждой —возбудить и удовлетворить религіозную настроенность зрителей и доставить имъ незаурядное высокое наслажденіе. Оборотная сторона медали такова, что способна охладить всякое обольщеніе, а заключается она въ томъ, что религіозныя представленія, во-первыхъ, могутъ сдѣлаться соблазномъ для меньшихъ братій, вѣрующихъ въ простотѣ души, а во-вторыхъ, могутъ сообщить ненормальное направленіе религіозному чувству болѣе воспріимчивыхъ и склонныхъ къ экзальтаціи зрителей. Такимъ субъектамъ не трудно впасть въ мистицизмъ, а отъ мистицизма перейти къ иллюминатству или—еще хуже—пантеизму съ его спутникомъ—грубымъ коммунизмомъ. Тотъ, кому показалось-бы, что мы съ цѣлью запугиванія измышляемъ разные „жупелы", пусть обратится къ исторіи средневѣковаго мистицизма: тамъ онъ во-очію убѣдится, до какихъ чудовищныхъ крайностей доходили разныя мистическія ученія, сначала казавшіяся вполнѣ невинными и симпатичными.

— Въ объясненіе причинъ упадка современной пѣвческой капеллы «Нов. Врем.» говоритъ, что еще въ недалекомъ прошломъ получить хорошіе голоса въ капеллу было дѣломъ легкимъ. Капелла выбирала ихъ въ архіерейскихъ хорахъ и послѣдніе безпрекословно уступали эти голоса, когда появлялись посланные изъ капеллы, снабженные открытыми листами отъ высоко-стоящихъ въ административномъ смыслѣ лицъ. Архіерейскіе хоры, въ свою очередь, тогда имѣли сколько угодно хорошихъ голосовъ, такъ какъ привлеченіе въ эти хоры голосовъ было своего рода обязанностію, возлагавшеюся архіереями на духовныя училища и семинаріи. Никто, самые лучшіе по успѣхамъ ученики не могли уклоняться отъ этой повинности; всѣ попадали въ хоръ, если архіерей или его довѣренное лицо находили ихъ голоса красивыми. Не позабудемъ также о наслѣдственности, благодаря которой привычка къ пѣнію усвоивалась лицами духовнаго званія еще чуть не съ колыбели. Но съ тѣхъ поръ, какъ жизнь расширила рамки для духовнаго сословія, съ тѣхъ поръ, какъ духовенство часто выбираетъ для своихъ дѣтей и свѣтскую карьеру, стало уже не-

мыслимымъ пополненіе архіерейскихъ хоровъ на прежній ладъ; голоса стали браться со стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ затруднительнѣе и выборъ хорошихъ голосовъ для капеллы. Въ капеллѣ начали, можетъ-быть, учить больше и музыкѣ и разнымъ музыкальнымъ предметамъ, но меньше стали обращать вниманія на регентскій классъ и на пѣніе. Убавилось и хорошіе голоса, которыми еще при Александрѣ II щеголяла капелла, поставляя ихъ даже на сцену, убавилось и искуство пѣнія; въ капеллѣ хоръ многочисленъ по прежнему, но на ея концертахъ отдѣлка и самая звучность ея хора далеко не прежняя,—точно поетъ только половина всего наличнаго хорового состава. Но это только внѣшнія обстоятельства, отразившіяся на ходѣ дѣлъ капеллы; важнѣе тѣ вопросы, которые относятся къ самому существу ея, именно вопросъ по разработкѣ церковной православной музыки. Для капеллы они и теперь остаются открытыми, а, между тѣмъ, время выдвинуло ей такихъ конкуррентовъ, о которыхъ прежде не было и рѣчи и которые начинаютъ серьезно заботиться о томъ, что̀ капелла оставляла въ сторонѣ—о разработкѣ церковнаго пѣнія въ духѣ традицій православной церкви. Явилось въ Москвѣ синодальное училище церковнаго пѣнія. Св. Синодъ силою обстоятельствъ взялъ въ свои руки ту иниціативу по этимъ вопросамъ, которая ускользнула было отъ него въ прежнее время. На одобреніе или неодобреніе капеллою тѣхъ или другихъ духовно-музыкальныхъ сочиненій, на ея разрѣшеніе исполнять ихъ почти болѣе не обращается вниманія епархіальными начальствами. И нѣтъ сомнѣнія, что теперь, если не перемѣнять дорогу, вообще, трудно будетъ возвратить капеллѣ то, чѣмъ она сама перестала интересоваться—былой престижъ авторитета въ области нашей церковной музыки. Директору пѣвческой капеллы, кто бы онъ ни былъ, въ настоящее время невозможно заниматься сочиненіемъ оперъ, романсовъ, симфоній или игрою квартетовъ, что дѣлали и А. Ѳ. Львовъ, и Н. И. Бахметевъ, и другіе. Ему необходимо, если только онъ не хочетъ обращать своего мѣста въ синекуру, помнить о важномъ государственномъ значеніи для насъ современнаго положенія и развитія церковной музыки, посвятить всего себя дѣлу, требующему, въ сущности, совмѣстной работы очень многихъ людей и въ теченіе долгихъ лѣтъ: до того мало воздѣлана эта область! Иначе совсѣмъ умалится то значеніе капеллы, которое ей естественно присуще въ этомъ дѣлѣ, какъ главному государственному учрежденію въ данной области, учрежденію, сверхъ того, широко оплачиваемому и имѣющему въ своихъ рукахъ огромныя матерьяльныя средства.

Другое дѣло, если капелла сдѣлается учрежденіемъ, спеціально приготовляющимъ, какъ въ старину, только „государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ" или же чѣмъ то въ родѣ второй консерваторіи въ Петербургѣ, выпускающей инструменталистовъ въ различные театры. Но тогда она совершенно сойдетъ съ пути, на который желала поставить ее воля государей, царствовавшихъ у насъ въ этомъ столѣтіи.

— Въ «Моск. Вѣд.» пишутъ: Наше поверхностное въ своихъ сужденіяхъ общество, возставая противъ церковной школы, въ концѣ-концовъ само не знаетъ, чему же оно хочетъ учить народъ, потому что само не имѣетъ никакого твердаго, установившагося міровоззрѣнія. Между тѣмъ, и что всего любопытнѣе, народъ твердо знаетъ, чему онъ хочетъ чтобъ учили его дѣтей, и совершенно ясно выражаетъ свое желаніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ такіе опытные и въ высшей степени добросовѣстные наблюдатели народной жизни и народнаго отношенія къ школѣ, какъ С. А. Рачинскій. Въ „интеллигентномъ" обществѣ также знаютъ чего желаетъ народъ по отношенію къ школѣ, но не хотятъ считаться съ этими народными желаніями. Это потому, что „интеллигентное" общество не уважаетъ народа, смотритъ на него какъ на какой-то этнографическій матеріалъ, подлежащій „интеллигентной обработкѣ". Задачу школы видятъ не въ томъ, чтобы посредствомъ ея дать народу возможность осмыслить и свою религіозность, и свое міровоззрѣніе, а въ томъ чтобы людей изъ народа обратить въ такихъ же самодовольныхъ, и въ то же время вѣчно шатающихся „интеллигентовъ", каковы они сами. Спросите у нашихъ „интеллигентовъ"— чему, по ихъ мнѣнію, надо учить народъ—и каждый вамъ отвѣтитъ по своему: либералъ скажетъ одно, толстовецъ другое, пашковецъ третье и т. д. И лишь въ одномъ сойдутся наши „интеллигенты"—въ томъ, что духовенство не должно учить народъ. Вотъ почему между противниками церковной школы мы найдемъ не однихъ только либераловъ. „Въ настоящее время", пишетъ С. А. Рачинскій,—„въ образованныхъ классахъ Россіи, какъ и всей Европѣ размножается число людей, считающихъ себя христіанами, но разорвавшими всякую связь съ Церковью. Пашковцы, толстовцы—лишь самые яркіе представители этого типа. Множество людей внѣшнимъ образомъ къ Церкви принадлежащихъ, про себя исповѣдуютъ вѣру, съ ученіемъ Церкви мало имѣющую общаго, хотя и сложившуюся на почвѣ христіанства. Конечно и они не могутъ сочувствовать тому типу школъ, который основанъ на непреложности ученія церковнаго, и они считаютъ служителей Цер-

кви учителями нежелательными. Но такъ какъ каждый изъ нихъ желалъ-бы видѣть въ школѣ орудіе распространенія своей вѣры, а этихъ вѣръ столько же, сколько досужихъ богословствователей, то практически осуществимаго типа школы они предложить не могутъ". Такимъ образомъ, вопросъ о значеніи и предназначеніи народной школы запутывается со всѣхъ сторонъ и все болѣе и болѣе. Не принимаются во вниманіе и самыя ясныя указанія опыта, какъ, напримѣръ, вся въ высшей степени благотворная и благородная дѣятельность С. А. Рачинскаго. Не принимаются во вниманіе и самыя добросовѣстныя свидѣтельства—какъ свидѣтельство такого знатока дѣла, какъ тотъ же С. А. Рачинскій.

Безъ сомнѣнія, все это происходитъ отъ одной причины,—отъ того равнодушія къ истинѣ, которымъ страдаетъ наше „интеллигентное" общество, для котораго и самые важнѣйшіе вопросы являются только забавой, спортомъ или потѣхой самолюбія. Если бы не это равнодушіе, если бы не эта пагубная привычка къ затверженнымъ словамъ, которыми замѣняется разсужденіе, то вопросъ о школѣ въ сознаніи общества былъ бы рѣшенъ давно, потому что дѣло это слишкомъ ясное. Трудно спорить противъ того, что въ основу народной школы, отъ воздѣйствія которой зависитъ все дальнѣйшее духовное развитіе народа, должна быть положена вѣчная истина, которая заключена только въ религіи. Кто же не вѣритъ въ вѣчную истину, тому нечего и заикаться о томъ какъ и чему учить народъ, потому что если все относительно и преходяще, то и учить придется сегодня одному, а завтра другому, то-есть уже не учить, а нравственно калѣчить крестьянскихъ дѣтей такъ, какъ теперь калѣчатъ нашихъ.

Ставши на эту точку зрѣнія, С. А. Рачинскій пишетъ:

„Нельзя достаточно настаивать на томъ, что выборъ такихъ учителей (то-есть для сельскихъ школъ), что ихъ подготовка никому поручены быть не могутъ, кромѣ достойнаго приходскаго священника. Учитель, не ведущій своего дѣла въ духѣ церковномъ, въ деревнѣ терпимъ не будетъ (то-есть не будетъ терпимъ самимъ народомъ); бдительный надзоръ за преподаваніемъ въ деревенской школѣ, подкрѣпляющій и дополняющій слишкомъ слабую подготовку учителя, ни для кого кромѣ священника невозможенъ".

Такъ думаетъ знатокъ дѣла, котораго даже и противники его, конечно, не посмѣютъ заподозрить ни въ пристрастія, ни въ преднамѣренной тенденціозности.

— Въ статьѣ „Полемика Каткова съ Герценомъ" («Русское Обозрѣніе», май), авторъ, Н. М. Павловъ, между прочимъ, замѣтилъ что

люди сороковыхъ годовъ воспитаны въ томъ специфическомъ духѣ, который водилъ еще перомъ Бѣлинскаго и возвѣщалъ его устами, что писатель долженъ состоять въ непремѣнномъ антагонизмѣ съ правительствомъ. Въ іюньской книжкѣ того же журнала, священникъ І. Фудель дѣлаетъ къ этой характеристикѣ нѣсколько основательныхъ замѣчаній. Намъ кажется, пишетъ онъ, что мы всѣ такъ воспитаны, и что до сихъ поръ этотъ специфическій духъ является господствующимъ и въ литературѣ, и въ обществѣ. Нужно ли подтверждать это фактами? Текущая дѣйствительность говоритъ сама за себя. Какое направленіе мысли до сихъ подъ является наиболѣе распространеннымъ? Какимъ идоламъ поклоняется молодежь (въ своемъ большинствѣ)? Какого рода идеи могутъ разсчитывать на дешевый успѣхъ? Какіе писатели и профессоры пользуются популярностью? и т. д. Всѣ эти вопросы объединяются однимъ отвѣтомъ: до сихъ поръ у насъ въ обществѣ популярно только то, что либерально, то-есть такъ или иначе стоитъ въ антагонизмѣ съ существующимъ порядкомъ. Такъ и въ верхнемъ, болѣе образованномъ, слоѣ, такъ и въ той провинціальной средѣ, которая питается „крошками, падающими со стола господъ", и въ послѣдней даже болѣе чѣмъ въ первомъ, потому что дѣло тутъ вовсе не въ убѣжденіяхъ и не въ образованіи. Очень наивно было бы искать убѣжденія въ толпѣ посредственностей, живущихъ только верхушками да обрывками кое-какихъ знаній. Не либерализмъ, какъ убѣжденіе, руководитъ этою толпой среднихъ людей, а либеральничанье, какъ дурная привычка все и всѣхъ ругать и всѣмъ быть недовольнымъ. Дѣйствительно, эта черта замѣчается въ особенности въ Петербургѣ и въ идущей въ хвостѣ за нимъ провинціи. При этомъ авторъ приводитъ сдѣланную «Гражданиномъ» характеристику русскаго путешественника или, лучше, туриста, который бушуетъ только до границы, только тутъ онъ ничѣмъ не доволенъ, всѣхъ критикуетъ, на все плюетъ; но стоитъ ему перебраться за черту,—и все ему сразу будетъ чудесно. За проѣздъ по желѣзной дорогѣ съ него снимутъ шкуру—онъ только поклонится, на таможнѣ австрійскіе чиновники разбросаютъ самымъ возмутительнымъ образомъ всѣ его вещи въ поискахъ за табакомъ или иною контрабандой—онъ будетъ низко кланяться, въ любомъ курортѣ онъ цѣлый день будетъ связанъ самыми стѣснительными правилами—онъ будетъ счастливъ и доволенъ. А у себя дома бушуетъ. Какъ разъ обратно любому иностранцу, который за границей своего отечества все критикуетъ, а у себя находитъ все прекраснымъ. Священникъ Фудель къ этому присовокупляетъ: Са-

моопдеваніе—наша страсть. Либеральничанье, пустое критиканство, антагонизмъ съ властью—все это одинъ изъ видовъ той же страсти. Все это дурная привычка нашего общества, воспитаннаго двухвѣковымъ холопствомъ предъ Европой, какъ бываютъ хамскія привычки у людей плохо воспитанныхъ. И все это было бы не такъ еще грустно, если бы не имѣло своихъ довольно серіозныхъ послѣдствій. Привычка относиться огульно критически ко всѣмъ мѣропріятіямъ правительства, слагаясь изъ отдѣльныхъ настроеній, образуетъ въ своемъ цѣломъ какое-то средостѣніе между обществомъ и правительствомъ, раздѣляя ихъ какъ бы на два враждебные лагеря или, по крейней мѣрѣ, на двѣ различныя величины. Этимъ именно и нарушается правильный ростъ страны, и отсюда вытекаетъ и необычайная популярность такихъ писателей какъ Бѣлинскій или Герценъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые такъ пріятно раздражаютъ и щекочутъ нашу страсть къ самооплеванію. Съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, говорятъ «Моск. Вѣдом.», что въ послѣднее время наше русское самосознаніе значительно двинулось впередъ, и національная политика беретъ перевѣсъ. Публицисты и беллетристы, щекочущіе „нашу страсть къ самооплеванію", уже не въ такомъ фаворѣ, какъ было назадъ тому 5—10 лѣтъ. Минувшее царствованіе Великаго Миротворца освѣжило воздухъ и пустило глубокіе корни.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Іюля № 13. 1895 года.

Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

Духовенству Харьковской епархіи

Настоятельное предложеніе.

С.-Петербургская Духовная Академія, съ 1895 года, приступила къ изданію *„Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста“* въ русскомъ переводѣ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ изданіе войдутъ всѣ дошедшія до насъ подлинныя творенія св. отца церкви въ той послѣдовательности, въ какой они расположены въ извѣстной патрологіи Миня (съ обозначеніемъ страницъ подлинника).

2) Ежегодно будетъ издаваться большой томъ до 60 и болѣе печатныхъ листовъ (болѣе 900 страницъ убористаго, но четкаго шрифта), пока не исчерпано будетъ все изданіе Миня.

3) Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ *три* (3) рубля.

4) Въ текущемъ году уже вышли въ свѣтъ двѣ первыя книги, составляющія первый томъ. Иногородные подписчики съ требованіями обращаются: Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ. Лица, подписавшіяся на оба

указанные журнала, получаютъ каждый томъ вмѣсто *трехъ* рублей за *одинъ* рубль, а на одинъ изъ нихъ—за 1 рубль 50 коп.

Такимъ образомъ, подписчики на это изданіе, по справедливому замѣчанію издателей, получаютъ возможность при незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составитъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Съ своей стороны, находя это изданіе въ высокой степени полезнымъ въ дѣлѣ христіанскаго назиданія, церковной проповѣди и при веденіи пастырскихъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ,—я настоятельно предлагаю духовенству Харьковской епархіи озаботиться пріобрѣтеніемъ книгъ этого изданія въ домашнія, церковныя, церковно-приходскія и монастырскія библіотеки.

Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Разрядной списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго Училища, составленный Правленіемъ училища за 189⁴/₅ учебный годъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Рубинскій Николай, Ветуховъ Михаилъ, Григоровичъ Василій, Өедоровъ Сергѣй, эти четыре ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами, 5. Евѳимовъ Григорій, Прозоровъ Алексѣй.

Разрядъ 2-й. Калашниковъ Александръ, Бѣляевъ Михаилъ, Даниловъ Сергій, 10. Стеллецкій Игнатій, Мугитаевъ Өома, Лашкаревъ Николай, Станковъ Борисъ, Лысенко Владиміръ, 15. Петровскій Григорій, Измайловъ Борисъ, Созонтьевъ Александръ, Любицкій Матвѣй, Васильковскій Левъ, 20. Кротенко Николай, этидвадцать учениковъ признаются окончившими полный курсъ ученія въ дух. училищѣ съ правомъ поступленія въ I классъ Дух. Сем. безъ новаго испытанія, за исключеніемъ Станкова Бориса, который, по своему возрасту, не удовлетворяетъ требованію § 114 Уст. Дух. Сем., Маслянниковъ Өедоръ, Чуринъ Александръ, Николаевскій Евгеній, Измайловъ Николай, 25. Тарасенко Левъ, Ермаковъ Николай, Власовскій Алексѣй, Дюковъ Григорій, эти восемь учениковъ не признаются достойными перевода въ первый классъ духовной семинаріи, на основаніи постановленія Правленія училища, утвер-

жденнаго Его Высокопреосвященствомъ 2 мая 1884 года, но, согласно § 87 Уст. Дух. уч., получають свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса ученія въ духовномъ училищѣ; Журавлевъ Василій, 30. Перепелица Галактіонъ, Богославскій Василій, Невпрягинъ Василій, Крюковъ Николай, Никитскій Алексѣй, 35. Триполовъ Иванъ, эти семь учениковъ также могутъ быть признаны окончившими курсъ ученія въ духовномъ училищѣ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ; Журавлевъ—по русскому языку и ариѳметикѣ, Невпрягинъ—по изъясненію православнаго богослуженія, русскому языку и церковному пѣнію, Триполовъ—по русскому и латинскому языкамъ и церковному пѣнію, Богословскій Василій — по русскому и латинскому языкамъ, Крючковъ Николай — по катихизису и русскому языку, Никитскій—по русскому языку и исторіи, Перепелица—по изъясненію богослуженія и русскому сочиненію, Васильевъ Димитрій—допускается къ сдачѣ экзамена послѣ каникулъ.

Разрядъ 3-й. Протопоповъ Гавріилъ, Пантелеймоновъ Антонъ, Архангельскій Илья, 40. Ильинъ Михаилъ, Ведринскій Василій, Пономаревъ Аѳанасій, 43. Чернявскій Анатолій.—Эти семь учениковъ оставляются на повторительный курсъ въ IV классѣ, по прошеніямъ родителей.

ТРЕТІЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Гутниковъ Михаилъ, Чернявскій Николай—эти два ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами, Крыжановскій Сергій, Поповъ Николай.

Разрядъ 2-й. 5. Нѣмчиновъ Евгеній, Вербицкій Пантелеймонъ. Антоновъ Александръ, Эйсманъ Иванъ, Ступницкій Семенъ, 10. Литвиновъ Петръ, Найдовскій Михаилъ, Кіяновскій Георгій, Васильковскій Гавріилъ, Власовскій Алексѣй, 15. Алейниковъ Сергѣй, Иваницкій Константинъ, Дикаревъ Леонтій,—эти семнадцать учениковъ признаются достойными перевода въ четвертый классъ. Ишунинъ Гавріилъ, Буваковъ Максимъ, 20. Созонтьевъ Павелъ, Молодыхъ Александръ, Григорьевъ Яковъ, Михайловскій Василій, Чернявскій Леонидъ, 25. Шебатинскій Василій, Базилевичъ Александръ, Еверскій Іосифъ.

Разрядъ 3-й. Николаенко Сергій, Сильванскій Аристархъ, 30, Труфановъ Александръ—эти тринадцать учениковъ также могутъ быть переведены въ IV классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ; Ишунинъ—по церковному пѣ-

нію, Буваковъ и Еверскій—по латинскому языку, Григорьевъ, Михайловскій и Базилевичъ—по русскому языку, Чернявскій—по русскому языку и сочиненію, Молодыхъ Александръ—по русскому языку и церковному пѣнію, Созонтьевъ—по катехизису и церковному пѣнію, Николаенко—по русскому и греческому языкамъ, Шебатинскій—по географіи, русскому письменному упражненію и церковному пѣнію, Труфановъ—по русскому языку, русскому письменному упражненію и латинскому языку, Сильванскій—по русскому языку, русскому письменному упражненію и церковному пѣнію. Богославскій Николай, Рудневъ Кириллъ, Шишловъ Григорій, Протопоповъ Павелъ, 35. Яньшинъ Петръ, Евменовъ Андрей, Шепелевскій Іуліанъ, Коробкинъ Өедоръ, Македонскій Петръ, 40 Петровъ Өедоръ.—Эти десять учениковъ оставляются въ 3-мъ классѣ на повторительный курсъ: Македонскій, Петровъ и Протопоповъ—по болѣзни, Богославскій, Рудневъ, Шишловъ, Яньшинъ, Евменовъ, Шепелевскій и Коробкинъ—по малоуспѣшности, Васютинскій Григорій—увольняется изъ училища по малоуспѣшности. Краснопольскій Яковъ, 43. Соколовъ Георгій. Эти два ученика увольняются изъ училища по прошеніямъ родителей.

ВТОРОЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Рубинскій Иванъ, Якубовичъ Виталій,—эти два ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами, Борейко Аркадій, Бѣликовъ Евгеній, 5. Найдовскій Иванъ, Рахманъ Илья, Чумаковъ Василій.

Разрядъ 2-й. Эвенховъ Константинъ, Бѣлошенко Александръ, 10. Любарскій Николай, Добровицкій Савва, Чефрановъ Павелъ, Филиппенко Сергѣй, Якубовичъ Сергѣй, 15. Мугулинъ Николай, Корнильевъ Семенъ, Лобковскій Михаилъ, Яновскій Анатолій, Цыбулевскій Борисъ, 20. Тарасенко Георгій, Корнильевъ Алексѣй, Виноградовъ Алексѣй, Квитковскій Константинъ, эти двадцать три ученика признаются достойными перевода въ третій классъ; Андреенковъ Павелъ, 25. Ракшевскій Евгеній, Протопоповъ Иванъ, Камышанъ Иванъ, Лобковскій Иванъ, Рубинскій Евграфъ, 30. Толмачевъ Веніаминъ, Водопьяновъ Константинъ, Поняровскій Иванъ, Андреенковъ Яковъ, Васильевъ Сергѣй.

Разрядъ 3-й. 35. Стеллецкій Иванъ, Евецкій Николай, Измайловъ Петръ, Цыбулевскій Григорій, Анисимовъ Александръ; эти шестнадцать учениковъ также могутъ быть переведены въ третій классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ

каникулъ: Андренковъ—по церковному пѣнію, Протопоповъ—по русскому диктанту, Ракшевскій — по латинскому языку, Лобковскій—по ариѳметикѣ, Рубинскій, Водопьяновъ, Толмачевъ—по русскому языку, Камышанъ и Понировскій—по церковному пѣнію и русскому диктанту, Васильевъ Сергѣй—по русскому языку и русскому диктанту, Евецкій—по русскому языку и ариѳметикѣ, Стеллецкій—по русскому и латинскому языкамъ, Андреенковъ—по латинскому языку и церковному пѣнію, Измайловъ—по русскому и греческому языкамъ, Цыбулевскій—по русскому и греческому языкамъ и русскому диктанту, Анисимовъ—по русскому и латинскому языкамъ и церковному пѣнію. 40. Дьяковъ Александръ, Дюковъ Владиміръ, Клевановъ Николай; эти три ученика допускаются къ экзаменамъ, послѣ каникулъ: Дьяковъ и Дюковъ—по латинскому и греческому языкамъ, ариѳметикѣ и церковному пѣнію, Клевановъ—по латинскому и греческому языкамъ и церковному пѣнію; Насѣдкинъ Павелъ, Ивановъ Андрей, 45. Соколовскій Петръ, Измайловъ Иванъ, Ястремскій Георгій, Краснокутскій, Павелъ Дорошенко Петръ, 50. Черниведкій Александръ, Доброславскій Иванъ, Рудинскій Иванъ, Леткинъ Яковъ. Эти одиннадцать учениковъ оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, изъ нихъ Черниведкій—по болѣзни, а остальные по малоуспѣшности; Краснокутскій Виталій, 55. Бѣляевъ Петръ, Игнатенко Иванъ, Ходаковскій Григорій; эти четыре ученика увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Эвенховъ Николай, Николаевскій Николай, Власовскій Иванъ; эти три ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами; Паншинъ Иванъ, 5. Померанцевъ Григорій, Николаевскій Михаилъ, Евѳимовъ Петръ.

Разрядъ 2-й. Власовскій Андрей, Ѳедоровъ Николай, 10. Григоровичъ Василій, Максимовъ Максимъ, Вербицкій Митрофанъ, Грабовскій Тимоѳей, Евецкій Александръ, 15. Любицкій Стефанъ, Шебатинскій Яковъ, Могилянскій Александръ, Ѳедоровкій Борисъ, Григоровичъ Семенъ, 20. Дьяковъ Илларіонъ, Гридинъ Михаилъ, Якубинскій Иванъ, Пономаревъ Петръ, Васильковскій Митрофанъ, 25. Горбуновъ Евлампій; эти двадцать пять учениковъ признаются достойными перевода во второй классъ; Бѣляевъ Павелъ, Ракшевскій Леонидъ, Дейнеховскій Павелъ, Петинъ Василій, 30. Толмачевъ Виталій, Червонецкій Илья, Ѳедоровъ Николай, Краснополь-

скій Михаилъ, Стефановскій Леонидъ, Ведринскій Андрей, Дзюбановъ Михаилъ, Протопоповъ Александръ, Цыбулевскій Мануилъ, Ястремскій Өедоръ. 40. Зикеевъ Иванъ.

Разрядъ 3-й. 41. Жуковъ Алексѣй, Ильинскій Петръ. Эти семнадцать учениковъ также могутъ быть переведены во второй классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ: Бѣляевъ и Ракшевскій—по русскому языку съ ц.-славянскимъ, диктанту и церковному пѣнію, Дейнеховскій, Петинъ, Толмачевъ и Червонецкій—по русскому языку съ ц.-славянскимъ и диктанту, Өедоровъ Николай—по русскому съ церковно-славянскимъ языкомъ и церковному пѣнію, Краснопольскій Михаилъ—по русскому диктанту и церковному пѣнію, Стефановскій Леонидъ—по ариөметикѣ, Ведринскій Андрей, Дзюбановъ Михаилъ, Протопоповъ Александръ, Цыбулевскій и Ястремскій—по русскому диктанту, Зикеевъ—по церковному пѣнію, Жуковъ и Ильинскій—по русскому языку съ ц.-славянскимъ, диктанту и ариөметикѣ; Анисимовъ Сергій, Бобловскій Сергій, 45. Будянскій Николай, Иваницкій Иванъ, Мухинъ Тихонъ, Пересыпкинъ Иванъ, Сильванскій Константинъ, 50. Невпрягинъ Стефанъ; эти восемь учениковъ остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, изъ нихъ Невпрягинъ—по болѣзни, а остальные—по малоуспѣшности; Луценко Семенъ, Насѣдкинъ Иванъ, эти два ученика увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Мальцовъ Петръ, Кипріановъ Владиміръ, Өедоровъ Александръ, Найдовскій Александръ, 5. Лащенко Даніилъ, Петровъ Стефанъ.

Разрядъ 2-й. Кіяновскій Илья, Согинъ Владиміръ, Степурскій Георгій, 10. Ведринскій Александръ, Кротенко Григорій, Поповъ Михаилъ, Буханцовъ Иванъ, Рубинскій Борисъ, 15. Пивоваровъ Илья, Богославскій Василій, Михайловскій Антонинъ, Юшковъ Николай, Поповъ Иванъ, 20. Богославскій Александръ, Николаевскій Андрей, Стахевичъ Иванъ, Рубинскій Веніаминъ, Шепелевскій Иванъ, 25. Твердохлѣбовъ Георгій, Квитковскій Александръ, Бѣляевъ Владиміръ, Платоновъ Георгій, Макухинъ Петръ, 30. Торанскій Михаилъ, Андреенковъ Алексѣй, Аксененковъ Андрей, Олейниковъ Александръ.

Эти тридцать три ученика признаются достойными перевода въ первый классъ.

Александровъ Вячеславъ, 35. Грызодубовъ Николай, Крыжановскій Николай, Мигулинъ Иванъ, Нестеровъ Николай, Сергѣевъ Викторъ, 40. Сулима Өедоръ, Туранскій Павелъ.

Разрядъ 3-й. Рудинскій Валентинъ, Михайленко Александръ.

Эти десять учениковъ также могутъ быть переведены въ первый классъ училища, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ: Александровъ—по Закону Божію и чистописанію, Грызодубовъ—по русскому диктанту, Крыжановскій—по русскому диктанту и ариөметикѣ, Мигулинъ и Сергѣевъ—по русскому диктанту и чистописанію, Нестеровъ—по русскому диктанту, Сулима—по Закону Божію и русскому языку, Туранскій—по Закону Божію и ариөметикѣ, Рудинскій—по русскому языку и Михайленко—по русскому языку, ариөметикѣ, русскому диктанту и чистописанію.

Власовскій Ананій, 45. Дюковъ Алексѣй, Матвѣевъ Яковъ, Стеллецкій Василій, Ступницкій Димитрій, Сулима Александръ, 50. Новомірскій Семенъ, Хижняковъ Владиміръ.

Эти восемь учениковъ оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ—Власовскій, Дюковъ, Матвѣевъ, Стеллецкій, Ступницкій и Сулима—по малоуспѣшности, а Новомірскій и Хижняковъ—по болѣзни.

Антоновскій Димитрій, Пономаревъ Константинъ.

Эти два ученика допускаются къ экзаменамъ послѣ каникулъ: Антоновскій—по всѣмъ предметамъ, Пономаревъ—по Закону Божію, ариөметикѣ и церковному пѣнію.

Карповъ Петръ, 55. Макухинъ Николай, Мартыновскій Алексѣй.

Эти три ученика увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго Училища.

Въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ въ настоящемъ году переэкзаменовки учениковъ всѣхъ классовъ имѣютъ быть произведены 7 и 8 августа; пріемные экзамены въ приготовительный классъ—9 и 10 августа (въ I, II и III классахъ вакансій не предвидится), и пріемные экзамены въ IV классъ 11 августа.

Прошенія о принятіи учениковъ Харьковскаго духовнаго училища на содержаніе въ училищномъ общежитіи полнокоштное, полукоштное и съ уменьшенною платою должны быть поданы въ Правленіе Харьковскаго духовнаго училища не позже 20 августа сего 1895 года.

Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, за 189⁴/₅ учебный годъ.

IV КЛАССА.

Удостоены перевода въ I классъ Семинаріи.

1-го разряда: 1. Өедоровскій Николай—награжденъ книгою, Поповъ Өедоръ, Стеллецкій Николай.

2-го разряда: Поповъ Іосифъ, 5. Поповъ Евөимій, Бибичъ Николай, Свиридовъ Сергѣй, Эннатскій Андрей, Василевскій Михаилъ, 10. Карповъ Григорій, Таранченко Іустинъ, Котляровъ Александръ, Лащенко Василій, Полтавцевъ Константинъ.

Окончившіе курсъ получатъ свидѣтельства, если сдадутъ переэкзаменовки:

15. Кучеровскій Николай по латинскому языку, Вербицкій Андрей по латинскому языку и географіи, Должанскій Иванъ по русскому яз. письменно, Столяревскій Георгій по греческому и латинскому яз.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Поморцевъ Николай, 20. Григорьевъ Алексѣй, Нестеренко Василій, Хижняковъ Нектарій, Браиловскій Иванъ, Рубинскій Петръ.

Получаютъ право держать экзаменъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ:

25. Бутковскій Алексѣй, Краснопольскій Моисей, Любарскій Евгеній, 28. Полянскій Иванъ.

III КЛАССА.

Переведены въ IV классъ:

1-го разряда: 1. Ладенко Василій, Минченко Өедоръ—награждены книгами, Подлуцкій Евгеній, Грызодубовъ Димитрій.

2-го разряда: 5. Өедоровскій Василій, Карповъ Павелъ, Вербицкій Өедоръ, Веселовскій Иванъ, Новицкій Константинъ, 10. Щетневъ Александръ, Семеновъ Иванъ, Филоненко Никонъ, Мійовичъ Божидаръ.

Назначены къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена:

Сербиновъ Нарниссъ по церковному пѣнію, 15. Соколовскій Николай по греческому языку, Артюховскій Яковъ по латинскому языку и церковному пѣнію, Горяинъ Александръ по греческому языку, Барабоха Викторъ по греческому языку, Еллинскій Петръ по русскому языку письменно, 20. Бѣлоусовъ Аполлонъ по греческому языку.

3-го разряда: Невядовскій Стефанъ по русскому языку письменно и по греческому языку, Михайловскій Андрей по латинскому языку и ариѳметикѣ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Прокоповичъ Петръ, Яновскій Григорій, 25. Ѳедоровскій Захарія, Огнискій Димитрій, Таранскій Алексѣй, Масловъ Иванъ, 29. Ястремскій Карпъ.

II КЛАССА.

Переводятся въ III классъ:

1-го разряда: 1. Капустянскій Михаилъ, Заводовскій Иванъ, Сапухинъ Евгеній награждены книгами, Артемьевъ Григорій, 5. Гревизирскій Николай, Лазаревъ Леонидъ, Ястремскій Георгій, Стадниченко Василій, Ѳедоровъ Антоній, 10. Григорьевъ Антоній.

2-го разряда. Рождественскій Григорій, Ладенко Василій, Новицкій Алексѣй, Калашниковъ Павелъ, 15. Рубинскій Алексѣй, Рождественскій Иванъ, Николаевскій Николай, Стеллецкій Иванъ.

Назначены къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена:

Сукачевъ Михаилъ по русскому языку письменно, 20. Минченко Михаилъ по греческому языку, Поливанный Николай по Закону Божію, Куколь-Яснопольскій Николай по русскому языку письменно и церковному пѣнію, Ястремскій Николай по русскому языку письменно, Ѳедоровъ Николай по греческому языку, 25. Хижняковъ Павелъ по латинскому языку.

3-го разряда. Швецъ Михаилъ по греческому, латинскому яз. и церковному пѣнію, Дудкинъ Константинъ по греческому языку и ариѳметикѣ, Думницкій Иванъ по латинскому языку, ариѳметикѣ и церковному пѣнію.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Фіалковскій Михаилъ, 30. Должанскій Алексѣй, Павловъ Іона, Воскобойниковъ Василій, Денисенко Василій, Григоровичъ Михаилъ, 35. Донской Ѳедоръ, Меньковскій Иванъ, Панкратьевъ Никонъ, Приходинъ Яковъ, Скубенко Иванъ, 40. Соколовскій Владиміръ.

Имѣетъ право держать экзаменъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ

Грайворонскій Василій.

Увольняются изъ училища:

а) По прошенію матери—Калюжный Валентинъ, б) За малоспособность—Быковъ Иванъ, 44. в) Вассаковскій Евгеній—по великовозрастію.

I КЛАССА.

Переводятся во II классъ:

1-го разряда: 1. Хорошковъ Θедоръ, Артюховскій Константинъ, Поповъ Петръ, Шебатинскій Константинъ—награждены книгами, 5. Хижняковъ Михаилъ, Имченко Димитрій, Капустянскій Аθанасій, Стесенко Григорій, Сапухинъ Александръ.

2-го разряда: 10. Краснопольскій Семенъ, Потаповъ Иванъ, Стесенко Даніилъ, Золотаревъ Константинъ, Балановскій Филадельфъ, 15. Гаринъ Павелъ, Авксентьевъ Павелъ, Поповъ Александръ, Ступницкій Михаилъ, Лѣпскій Андрей, 20. Жуковъ Автономъ, Рудинскій Алексѣй.

Назначены къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена.

Пигулевъ Александръ—по ариѳметикѣ, Новомірскій Θедоръ, Таранскій Александръ, 25. Артюховскій Николай и Еллинскій Александръ—по русскому яз. письменно, Добрецкій Гавріилъ и Соколовскій Михаилъ—по русскому языку письменно и по церковному пѣнію, Касьяновъ Стефанъ—по русскому яз. устно, 30. Яновскій Димитрій, Тригубовъ Θедоръ и Ладенко Іона—по русскому языку устно и письменно.

3-го разряда: Крушедольскій Николай—по Закону Божію и русскому языку письменно, Маландѣевъ Александръ—по Закону Божію и русскому языку устно.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

35. Дзюбановъ Александръ, Крыжановскій Иванъ, Понировскій Алексѣй, Таранскій Михаилъ, Сукачевъ Гавріилъ, 40. Серединъ Николай, Тоцкій Егоръ.

Увольняются изъ училища по неспособности къ продолженію ученія:

Яновскій Владиміръ, Василевскій Николай, 44. Огинскій Иванъ по неявкѣ въ училище.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены въ I классъ:

1-го разряда: 1. Чугаевъ Григорій, Василевскій Семенъ, Ястремскій Николай, Малиженовскій Леонидъ—награждены книгами, 5. Горанинъ Григорій, Якубовичъ Ростиславъ, Гонтаревъ Иванъ, Любинскій Николай.

2-го разряда: Браиловскій Левъ, 10. Василевскій Михаилъ, Коваленко Платонъ, Николаевскій Василій, Владыковъ Сергѣй, Бородаевскій Иванъ, 15. Новицкій Павелъ, Черниговскій Павелъ,

Θедоровъ Сергѣй, Бѣликовъ Димитрій, Θедоровъ Андрей, 20. Должанскій Яковъ, Левитскій Михаилъ, Добрецкій Андрей, Краснопольскій Амвросій, Краснокутскій Григорій.

Назначены къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзаменовъ:

25. Сербиновъ Николай и Краснопольскій Михаилъ—по русскому языку письменно, Люминарскій Иванъ по ариθметикѣ.

3-го Разряда. Краснокутскій Василій и Θедоровъ Павелъ—по русскому языку устно и письменно и по ариθметикѣ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

30. Антоновъ Григорій, Бутскій Филиппъ, Ковалевскій Павелъ, Іерофаловъ Иванъ, Костинъ Сергѣй, 35. Матвѣевъ Иванъ, Роменскій Александръ, Таранченко Петръ, Люминарскій Василій, Семеновъ Александръ, 40. Буханцовъ Гавріилъ.

Увольняются за малоуспѣшность послѣ двухгодичнаго пребыванія въ классѣ:

Семеновъ Иванъ и Людикоринъ Димитрій. Фальченко Парфеній—по лѣности и малоуспѣшности.

Допускаются къ экзаменамъ послѣ каникулъ:

Таранскій Тихонъ, 45. Обозный Семенъ, 46. Матвѣенко Антоній.

Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ: 1. Что переэкзаменовка воспитанниковъ, получившихъ на годичномъ испытаніи неудовлетворительные баллы, назначена на 10, 11 и 12 августа, а пріемныя испытанія на 7, 8 и 9 числа того же мѣсяца. Вмѣстѣ съ симъ сообщаетъ, что въ 5 классахъ училища свободныхъ вакансій, для поступленія въ училище изъ домашняго образованія и другихъ заведеній, имѣется 61, а именно: въ 4 классѣ 12, въ 3 классѣ—5, въ 1 классѣ—5 и въ приготовительномъ классѣ—39.

2. Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь учебный годъ въ количествѣ 40 рублей.

3. Родители воспитанниковъ училища, желающіе чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокоштное или полукоштное епархіальное содержаніе, а равно съ уменьшенной платой обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 15 августа, съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ, сообщенной о.о. благочиннымъ.

4. Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 10 руб. въ правленіе училища на постельный приборъ и 10 руб. на письменныя принадлежности.

5. Правленіе училища, согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ отъ 27 Мая н. г., доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій съѣзда духовенства, имѣющаго быть 20 сентября н. г. назначаются слѣдующіе предметы: а) разсмотрѣніе журналовъ предъидущаго съѣзда за 1894 годъ; б) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1896 году; в) докладъ временно-ревизіоннаго комитета по документальной повѣркѣ экономическаго отчета и приходо-расходной книги училища за 1894 годъ; г) разсмотрѣніе вѣдомостей о.о. благочинныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о продажѣ вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы; д) текущія по правленію училища дѣла.

6) При училищѣ съ 1-го августа открываются двѣ свободныхъ вакансіи на должность надзирателей-репетиторовъ съ платою 300 р. въ годъ при готовой квартирѣ и столѣ. Желающіе занять ихъ могутъ подавать прошенія лично или по почтѣ на имя о. смотрителя училища.

Разрядной списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища за 189⁴/₅ учебный годъ.

IV КЛАССА.

Удостоены перевода въ 1 классъ семинаріи:

Разрядъ 1-й: 1. Прищепа Ѳедоръ.

Разрядъ 2-й: Филевскій Григорій, Соколовскій Иванъ, Чалый Владиміръ, 5. Рудинскій Григорій, Пантелеймоновъ Акимъ, Жуковъ Григорій, Жуковъ Иванъ, Алексѣевъ Иванъ, 10. Арефьевъ Григорій, Смирнскій Митрофанъ, Жуковскій Михаилъ.

Не признанные достойными перевода въ 1 классъ семинаріи:

Исиченко Александръ, Залуговскій Николай, 15. Прокофьевъ Сергій.

Оставляются на повторительный курсъ по прошенію:

Пипенко Иванъ, Власовъ Иванъ, Гончаревскій Ѳедоръ, Линицкій Иванъ, 20. Недохлѣбовъ Григорій.

Увольняются изъ училища по малоуспѣшности:

Сѣнцевъ Семенъ, Анисимовъ Николай, Ѳедоровъ Николай, Евфимовъ Александръ.

Назначается экзаменъ по всѣмъ предметамъ не державшимъ оныго по болѣзни:

25. Макаровскому Николаю, Сапухину Григорію.

III КЛАССА.

Переводятся въ IV классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Кабловъ Димитрій—съ награжденіемъ книгою, Чернявскій Яковъ, Колесниковъ Александръ, Макаровъ Викторъ.

Разрядъ 2-й: 5. Хижняковъ Павелъ, Чепурянъ Николай, Бутковскій Димитрій, Ягниченко Ѳедоръ, Роменскій Яковъ, 10. Гнилицкій Михаилъ.

Будутъ переведены въ IV классъ, если передержатъ экзамены:

Захарьевъ Иванъ—по русскому языку устному и письменному, Бугуцкій Ѳедоръ—по рус. яз. устному и письменному и ариѳметикѣ, Твердохлѣбовъ Николай—по русскому языку устному и письменному и греческому языку, Лпницкій Сергій—по русскому языку устному и письменному и географіи, 15. Дикаревъ Иванъ по латинскому языку.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Булдовскій Николай, Воскобойниковъ Александръ, Приходьковъ Владиміръ, Пантелеймоновъ Акимъ, 20. Капустинъ Михаилъ, Моровъ Аркадій, Чернявскій Иванъ, Чернобаевъ Николай, Любарскій Иванъ, 25. Любарскій Стефанъ, Макаровскій Иванъ по малоуспѣшности, Мухинъ Николай, Мухинъ Георгій, Поповъ Николай по прошенію родителей.

Назначается полный экзаменъ по географіи, какъ не державшему по сему предмету по болѣзни, и переэкзаменовка по катихизису

30. Павлову Александру.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшности и великовозрастію

Роменскій Семенъ.

II КЛАССА.

Переводятся въ III классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Богуславскій Евгеній. Саговскій Андрей—награждены книгами, Недохлѣбовъ Владиміръ, Поповъ Гавріилъ, 5. Шиповаловъ Анатолій, Бесѣда Василій.

Разрядъ 2-й. Жуковъ Василій, Щелоковскій Даніилъ, Өедоровъ Владиміръ, 10. Шатиловъ Николай, Титовъ Александръ, Рубинскій Иванъ, Грековъ Георгій, Титовъ Николай, 15. Роменскій Петръ, Пантелеимоновъ Михаилъ, Поповъ Андрей, Макаровскій Михаилъ. Гончаревскій Николай, 20. Петровъ Иванъ, Краснопольскій Димитрій.

Будутъ переведены въ III классъ, если передержатъ экзамены:

Каплуненко Иванъ, Колотовскій Иванъ по русскому языку, Поповъ Николай по ариөметикѣ, 25. Ольякъ Димитрій, Баженовъ Семенъ по греческому и латинскому языкамъ.

Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

Бутовъ Григорій, Пономаревъ Николай, Христіановскій Яковъ. 30. Ревскій Викторъ, Климентовъ Григорій, Ковалевъ Василій, Бутковъ Пантелеимонъ, Жуковскій Өедоръ, 35. Леонтовичъ Андрей, Самойловъ Илья, Адарюковъ Андрей.

Назначается экзаменъ по всѣмъ предметамъ, не державшему онаго по болѣзни,

Землянскому Константину.

I КЛАССА.

Переводятся во II классъ.

Разрядъ 1-й. Пипенко Григорій, Ревскій Веніаминъ, Толмачевъ Иванъ—награждены книгами, Поповъ Антоній, 5. Кондратьевъ Иванъ, Нарожный Михаилъ, Смирнскій Иванъ, Яковлевъ Левъ, Трегубовъ Петръ, 10. Жатановскій Александръ, Поповъ Павелъ.

Разрядъ 2-й. Дикаревъ Стефанъ, Петраковъ Алексѣй, Ивановъ Николай, 15. Быковцевъ Григорій, Лутинскій Андрей, Бородаевъ Өедоръ, Бутовъ Андрей, Жуковскій Иванъ, 20. Трегубовъ Павелъ. Соколовъ Валентинъ, Лядскій Яковъ.

Будетъ переведенъ во II классъ, если передержитъ экзаменъ:

Бугуцкій Николай—по священной исторіи.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ-же классѣ:

Базилевичъ Александръ—по прошенію отца, 25. Базилевичъ Владиміръ, Пивоваровъ Иванъ, Филевскій Өеофанъ—по малоуспѣш.

Назначается экзаменъ по всѣмъ предметамъ, не державшему онаго по болѣзни:

Тычинину Григорію.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переводятся въ I классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Чернявскій Сергій, Евфимовъ Владиміръ, Ляд-

скій Сергій—награждены книгами, Жуковскій Василій, 5. Чикинъ Иванъ, Давыдовичъ Евгеній, Алексѣевъ Стефанъ, Арефьевъ Петръ, Торанскій Александръ, 10. Константиновъ Иванъ, Суховъ Петръ, Кузнецовъ Иванъ.

Разрядъ 2-й. Поповъ Иванъ, Шишловъ Ипполитъ, 15. Сапухинъ Александръ, Козьменко Николай, Киктенко Тихонъ.

Будутъ переведены въ 1-й классъ, если передержатъ экзамены:

Коньковъ Тимофей—по русскому языку, Сулима Александръ, 20. Дмитріевъ Яковъ—по ариѳметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

Анисимовъ Алексѣй, Веселовскій Алексѣй, Дзюбановъ Стефанъ, Краснопольскій Семенъ, 25. Любицкій Иванъ, Лядскій Тихонъ.

Назначается экзаменъ по всѣмъ предметамъ, не державшимъ онаго по болѣзни:

Булгакову Николаю, Лѣбову Василію.

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи Іоаннъ *Петровскій* опредѣленъ не къ Антоніевской церкви Харьковскаго Университета, какъ ошибочно было напечатано въ № 12 н. г. «Листка для Харьк. Епарх.», а ему разрѣшено принять санъ священника съ причисленіемъ къ церкви Епархіальнаго Женскаго Училища.

— Опредѣленный 10 апрѣля н. г. священникомъ къ Успенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда, студентъ Харьковской Духовной Семинаріи Михаилъ *Вербицкій*, 25 мая н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Опредѣленный 23 марта н. г. священникомъ къ Воскресенской церкви с. Ясеноваго, Лебединскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Александръ *Червонецкій* 4 іюня н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Опредѣленный на праздное священническое мѣсто къ Архангело-Михаиловской церкви зашт. гор. Бѣлополья, Сумскаго уѣзда, діаконъ Рождество-Богородичной церкви того же города Илія *Виноградскій* 11 іюня н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Діаконъ Покровской церкви сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Григоровичъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при Александро-Невскомъ молитвенномъ домѣ, хутора Петренкова, того же уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Екатеринославской Духовной Семинаріи Алексѣй *Кашкадамовъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви сл. Средняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда.

— Діаконъ церкви сл. Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, Александръ *Кашикъ* перемѣщенъ на діаконское мѣсто къ церкви сл. Лашиновки, того же уѣзда, а псаломщикъ Воскресенской церкви сл. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, Левъ *Лядскій* опредѣленъ на его мѣсто.

— Опредѣленный 16 мая н. г., діакономъ къ Тихоновской церкви с. Низшей Сыроватки, Сумскаго уѣзда, псаломщикъ Николаевской церкви с. Стараго того же уѣзда, Владиміръ *Леонтовичъ*, 18 іюня рукоположенъ въ санъ діакона.

— Сынъ псаломщика Василій *Соболевъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви сл. Козинки, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Архангело-Михаиловской церкви с. Малаго Исторопа, Лебединскаго уѣзда, Михаилъ *Софроновъ*, 5 іюня н. г. умеръ.

— Псаломщикъ Успенской церкви с. Локни, Сумскаго уѣзда, Евграфъ *Троицкій*, 17 мая н. г. умеръ.

— Псаломщикъ Николаевской церкви с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Самсонъ *Столярскій* 16 іюня н. г., согласно прошенію, уволенъ за штатъ.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. 400-лѣтіе коронацій.—Стремленіе англиканской церкви къ соединенію съ православною.—Абиссинская церковь.—Отношеніе абиссинской церкви къ русской.—Болгары у гробницы императора Александра III.—Столѣтіе со дня присоединенія Курляндіи къ Россіи.—Переводъ Библіи на китайскій языкъ.—Объ уваженіи къ духовенству.—Несторіанскій Урмійскій епископъ.—Грамотность въ Европѣ.—Нѣчто о соблюденіи обычаевъ.—Усиленіе сумасшествія.—Тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа, 1 іюня 1895 года.

Въ виду предстоящей коронаціи не лишнее напомнить, что въ концѣ 1890 годовъ, именно въ 1898 году истекаетъ четыре столѣтія съ того времени, какъ впервые въ Большомъ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ совершено было первое торжественное коронованіе. Въ 1498 году былъ коронованъ малолѣтній Димитрій, дѣдомъ своимъ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ. Раскажемъ со словъ «Рус. Л.», какъ это совершилось.

Коронованный Димитрій былъ родной внукъ Іоанна III отъ перваго его сына Ивана и княгини Елены. Въ послѣднее десятилѣ-

тіе княженія Іоанна III явился вопросъ: кому наслѣдовать великому князю—внуку-ли его, Димитрію, сыну Елены, или второму сыну великаго князя—Василію, рожденному отъ второго брака великаго князя съ Софіею. Внукъ его имѣлъ больше приверженцевъ, потому что мать его Елена пользовалась большою любовью; Софія-же гордая и властолюбивая не была любима. Неожиданное обстоятельство—заговоръ противъ жизни Димитрія, въ которомъ будто-бы участвовали Софья и Василій, рѣшило дѣло въ пользу Димитрія. Іоаннъ III рѣшилъ вѣнчать на царство Димитрія. Въ сопровожденіи бояръ и приближенныхъ великій князь ввелъ внука въ Успенскій соборъ, гдѣ митрополитъ съ епископами и многочисленнымъ духовенствомъ пѣлъ молебенъ Божіей Матери и св. Петру. Среди собора поставленъ былъ амвонъ и на немъ три сѣдалища: для великаго князя, Димитрія и митрополита. Вблизи этого мѣста на столѣ лежали вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна великій князь и митрополитъ сѣли, а Димитрій стоялъ передъ ними на верхней ступени амвона. Великій князь сказалъ: «отче, митрополите! издревле государи, предки наши, давали великое княженіе первымъ своимъ сынамъ, и я также благословилъ онымъ моего перворожднаго сына Ивана. По волѣ Божіей его не стало, благославляю нынѣ внука Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя великимъ княжествомъ московскимъ, новгородскимъ и владимірскимъ—и ты, отче, дай ему благословеніе».

Послѣ этого митрополитъ возложилъ руку на голову Димитрія и молился, чтобы благодать Божія снизошла на него; два архимандрита подали бармы, и митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестнымъ знаменіемъ, передалъ бармы великому князю, возложившему ихъ на внука. Митрополитъ при этомъ произнесъ слѣдующую молитву: «Господи Вседержителю и Царю вѣковъ! се земной человѣкъ, Тобою, Царемъ сотворенный, преклоняетъ главу въ моленіи Тебѣ, Владыкѣ міра. Храни его подъ кровомъ своимъ: правда и миръ да сіяютъ во дни его, да живетъ съ ними тихо и покойно въ чистотѣ душевной». Тутъ архимандриты подали великому князю вѣнецъ, который и былъ имъ возложенъ на Димитрія. При этомъ митрополитъ произнесъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Затѣмъ была прочитана ектенія, послѣ чего возглашено многолѣтіе обоимъ великимъ князьямъ. Митрополитъ всталъ и вмѣстѣ съ епископами поздравилъ дѣда и внука, за нимъ сыновья государевы, бояре и всѣ знатные люди. Въ заключеніе великій князь сказалъ внуку: «Внукъ Димитрій! я пожаловалъ и благосло-

вилъ тебя великимъ княжествомъ, и ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость и пекись о христіанствѣ». Началась обѣдня, по окончаніи которой великій князь возвратился во дворецъ, а Димитрій, въ вѣнцѣ и бармахъ, въ сопровожденіи сыновей великаго князя и бояръ, ходилъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, гдѣ Юрій, сынъ великаго князя, осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными монетами. По окончаніи всего этого былъ обѣдъ, при чемъ юный наслѣдникъ получилъ въ подарокъ крестъ съ золотою цѣпью, осыпанный драгоцѣнными камнями и самую «крабію», изъ которой нынѣ помазываютъ муромъ государей. Но не болѣе, какъ черезъ годъ, невѣстка и внукъ подверглись опалѣ, при чемъ тутъ не маловажную роль съиграло покровительство матерью наслѣдника, Еленою, жидовской ереси, сильно распространившейся въ то время и даже проникшей въ княжескіе хоромы. Какъ извѣстно изъ исторіи, впослѣдствіи все таки наслѣдовалъ Іоанну III сынъ отъ Софіи, Василій, назвавшійся первымъ царемъ московскаго государства съ принятіемъ титула самодержца всея Россіи.

— Нельзя не отмѣтить тотъ отрадный фактъ, по которому православная церковь, собственно русская, болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе чужестранныхъ народовъ, желающихъ возвратится къ истинному христіанству. Это явленіе прежде всего сказывается въ англиканской церкви. Послѣ того, какъ волна перваго впечатлѣнія отъ папской примирительной энциклики „къ англичанамъ" пронеслась, и религіозное сознаніе англиканъ снова получило свой ровный и спокойный характеръ, стали все чаще и чаще раздаваться голоса въ пользу соединенія англиканской церкви съ церковію греко-восточной. Такъ, разсмотрѣвъ различные существовавшіе въ исторіи взгляды, на римскаго папу, корреспондентъ изъ Бостона выставляетъ, между прочимъ, „взглядъ каѳолическій, составляющій ученіе греческой и англиканской церквей". По этому взгляду, папа не антихристъ, не „сынъ беззаконія", какъ думаютъ крайніе протестанты, но онъ вмѣстѣ и не непогрѣшимый „викарій Христа", „епископъ всего міра", „господинъ всей церкви", „божественный монархъ" и т. д., онъ даже и не повелитель церкви, хотя бы погрѣшимый и ограниченный въ своей власти въ галликанскомъ смыслѣ. Онъ просто первенствующій епископъ въ каѳолической церкви и „президентъ на вселенскомъ соборѣ" не по праву власти, данной ему и отъ Бога, не по наслѣдству отъ св. Петра,—ибо апостолы не были діоцезными епископами,—но по

особенному положенію въ главномъ городѣ имперіи... Или еще чаще приходится слышать такіе возгласы: „Отъ всего сердца было бы желательно соединеніе съ восточной церковію, и есть искренняя надежда, что превосходное предположеніе архидіакона Кингстона въ одинъ прекрасный день будетъ приведено въ исполненіе!“ Потребность въ религіозномъ единеніи съ древнею церковію, обусловливаемая желаніемъ найти, во что бы то ни стало, оправданіе своему довольно неопредѣленному вѣроученію, разрѣшилась въ англиканской церкви въ нѣкоторыя добавочныя нововведенія въ ея богослуженіе. Такъ, лондонскій епископъ разрѣшилъ употреблять слѣдующую молитву о соединеніи церквей на литургіи: „Господи Іисусе Христѣ, сказавшій Своимъ апостоламъ: „миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ“, призри не на беззаконія наши, но на вѣру церкви Твоей; дай ей миръ и единеніе согласно съ волей—Тебя пребывающаго и царствующаго во вѣки вѣковъ. Аминь“. Молитва это уже и раньше въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ читалась въ нѣкоторыхъ діоцезіяхъ.

- Теперь, когда въ Петербургѣ находится чрезвычайное абиссинское посольство, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ абиссинской церкви, единственной въ христіанскомъ мірѣ по нѣкоторымъ особенностямъ ея обрядностей.

Абиссинская церковь, въ ея обрядахъ и ея благочиніи, еще смѣшиваетъ постановленія древняго іудейства съ таинствами христіанской религіи... Абиссинцы крестятъ своихъ дѣтей, предварительно совершивъ надъ ними обрѣзаніе: при этомъ таинство крещенія совершается надъ младенцами мужскаго пола въ 40-й день, а надъ младенцами женскаго пола въ 80-й день. Они не ѣдятъ свиннного мяса, соблюдаютъ всѣ Моисеевы постановленія относительно очищеній и ужичества, празднуютъ субботу и совершаютъ въ этотъ день таинство евхаристіи... Между абиссинцами имѣются монахи, но большинство ихъ живетъ не въ монастыряхъ, а, подобно аскетамъ, въ домахъ при храмахъ, занимаясь воздѣлываніемъ небольшихъ участковъ земли и чтеніемъ извѣстныхъ молитвъ или псалмовъ. Впрочемъ, въ Абиссиніи есть монашескій орденъ св. Ѳеклы, названный такъ въ честь Теклы Гаймонато, учредившей монашескую жизнь въ Абиссиніи въ 620 гг. Въ совершеніи эвхаристіи у абиссинской церкви имѣется двѣ особенности: во-первыхъ, она допускаетъ къ этому таинству вѣрующихъ не ранѣе 25-лѣтняго возраста, а во-вторыхъ, въ Великій четвертокъ совершаетъ его на опрѣснокахъ.

Изъ праздниковъ абиссинцы особенно чтутъ Богоявленіе и три дня, въ февралѣ мѣсяцѣ, посвящаемыхъ ими воспоминанію покаянія ниневитянъ. Въ Богоявленіе король, вельможи, народъ—всѣ входятъ передъ закатомъ солнца въ воду какой-либо рѣки и купаются при молитвахъ священниковъ.

Уровень богословскаго развитія поддерживается въ абиссиніи еще изстари существующими богословскими спорами трехъ партій абиссинскихъ ученыхъ. Эти партіи, или школы, носятъ названія, заимствованныя для каждой изъ нихъ отъ имени того царства, въ которомъ школа является преобладающею предъ прочими школами: есть школы тигрійская, шуеская и годшамская. Споры ведутся по поводу догмата воплощенія. Различія между всѣми тремя школами не касаются существа догмата: всѣ онѣ правильно признаютъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ два естества, соединенныя въ одну упостась Бога Слова, только не одинаково мудрствуютъ о свойствахъ и совершенствахъ человѣческой природы Христа Спасителя.

Всѣ три школы абиссинскихъ богослововъ стараются основать свое ученіе на Священномъ Писаніи и сочиненіяхъ святыхъ отцовъ, причемъ каждая тексты, приводимые противниками, силится истолковать въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Споры между всѣми тремя партіями (школами) существовали цѣлые вѣка. Преемникъ Негуса Іоанна, нынѣ царствующій Негусъ Негастъ Менеликъ II, въ указѣ, изданномъ имъ вскорѣ по воцареніи, предоставилъ имъ полную свободу вѣропониманія. Въ указѣ этомъ говорилось: „Я исповѣдую то ученіе, какое и мой отецъ (такъ назвалъ онъ своего предшественника Іоанна), но мои подданные могутъ исповѣдывать ученіе, какое пожелаютъ". Такимъ образомъ, преслѣдованія за религіозное разномысліе прекратились и споры о догматѣ воплощенія возобновились съ прежнею силою. Каждая изъ трехъ школъ имѣетъ свой символъ, который служитъ формальнымъ отличіемъ послѣдователей одной школы отъ послѣдователей остальныхъ двухъ.

Абиссинскіе храмы строятся на высокихъ мѣстахъ у истоковъ рѣкъ и обсаживаются кедрами. При входѣ въ нихъ каждый вѣрующій обязанъ снять съ себя обувь. Богослуженіе въ храмахъ состоитъ изъ чтенія св. писанія и раздачи св. причастія, безъ пѣнія молитвъ и безъ проповѣдей. Чтеніе совершается на священномъ языкѣ тигрейскомъ (гезскомъ) по книгамъ апокрифическимъ. Изъ постановленій соборныхъ абиссинская церковь отвергаетъ правила собора халкидонскаго, потому что на этомъ соборѣ

отвергнуто было мнѣніе монофезитовъ—догматъ, котораго по давней зависимости отъ церкви александрійской строго держится церковь абиссинская. Духовныя лица въ Абиссиніи никакой особой одежды не носятъ: они могутъ быть узнаны исключительно по деревянному кресту, который обязаны постоянно держать въ рукѣ и давать лобызать всѣмъ встрѣчающимся имъ на улицахъ.

При церквахъ въ большихъ селеніяхъ есть школы грамоты, обученіе въ коихъ не идетъ дальше чтенія по книгѣ. Учитель заставляетъ школьника упражняться въ чтеніи слѣдующихъ книгъ по порядку: Перваго посланія Іоанна, Дѣяній Святыхъ Апостоловъ, Посланія къ Евреямъ, Евангелія отъ Матѳея, или всѣхъ Евангелій, и, наконецъ, Псалтиря. Въ этомъ и состоитъ курсъ школы грамоты.

Затѣмъ, при дальнѣйшемъ образованіи, заучиваются наизусть нѣкоторыя молитвенныя пѣснопѣнія, краткая христіанская догматика—такъ называемый „Аймадъ-мистеръ" (столпъ тайнъ). Это—небольшая книга, состоящая изъ пяти частей: 1) тайна Троицы, 2) тайна воплощенія, 3) тайна крещенія, 4) таинство причащенія, 5) тайна воскресенія (Спасителя и людей). Выучившій наизусть „Аймадъ мистиръ" принимается за заучиваніе псалмовъ. Знаніе на память Псалтири въ Абиссиніи ставится выше всего. Поэтому всѣ образованные Абиссинцы стараются непремѣнно выучить Псалтирь.

Въ большихъ городахъ, чаще всего при монастыряхъ, живутъ наставники «мемгыры», которые—собираютъ вокругъ себя жаждущихъ знанія и раскрываютъ предъ ними двери къ высшему вѣдѣнію. Каждый мемгыръ имѣетъ свою спеціальность и вводитъ своихъ питомцевъ въ одну какую нибудь область высшей мѣстной науки. Такъ образуется школа, которая можетъ обратиться въ постоянный питомникъ науки, со спеціальнымъ курсомъ, пріуроченный къ опредѣленной мѣстности, къ извѣстному монастырю. По смерти мемгыра его мѣсто въ той же школѣ заступаетъ другой, его ученикъ и питомецъ.

Въ Абиссиніи очень много постоянныхъ школъ со спеціальнымъ курсомъ науки, старинныхъ, считающихъ свое существованіе цѣлыми столѣтіями.

Первосвятитель церкви абиссинской называется абуна. Послѣ него и епископовъ, большую роль играетъ алана, завѣдующій церковнымъ имуществомъ нѣсколькихъ церквей...

Таковы главнѣйшія характерныя черты абиссинской церкви,

начавшей принимать христіанскій оттѣнокъ благодаря проповѣдямъ Фруменція, перваго абиссинскаго епископа... Фруменцій приступилъ къ проповѣдыванію христіанства въ Абиссиніи въ 330 г. и былъ посвященъ въ епископы около половины IV-го вѣка. Сохранившіяся въ абиссинской церкви еврейскія обрядности объясняются тѣмъ, что среди аборигеновъ Абиссиніи, дикарей, эѳіопскаго племени, скитавшихся въ горахъ и пещерахъ, за нѣсколько вѣковъ до Р. X. появилось симетическое племя, развившее свою цивилизацію сначала около Аксума, а затѣмъ распространившую ее по всей Абиссиніи. Племя это и было еврейское... Предположеніе, что евреи дѣйствительно жили среди абиссинцевъ находитъ себѣ подтвержденіе, кромѣ сохранившихся въ абиссинской церкви еврейскихъ обрядностей, еще и въ томъ, что гезскій или эѳіопскій языкъ чрезвычайно сходенъ съ древне-еврейскимъ... Гезскій языкъ, на которомъ написаны абиссинскіе переводы св. писанія и другихъ св. книгъ, въ настоящее время считается въ Абиссиніи „мертвымъ" языкомъ... Онъ пересталъ быть преобладающимъ въ Абиссиніи съ XIII вѣка. Изъ нынѣшнихъ нарѣчій къ нему наиболѣе приближается языкъ жителей Тигре, провинціи, въ которой прежде находилось средоточіе Аксумскаго (вѣроятно еврейскаго) царства. Въ абиссинской церкви имѣются также раскольничьи толки: всѣ они, впрочемъ, спорятъ исключительно по одному только вопросу о двойственномъ или тройственномъ крещеніи Іисуса Христа...

— Тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаетъ „Южн. Край", Абессинія связана съ нами единствомъ вѣры, ибо то христіанство, которое исповѣдуетъ она, есть ни что иное, какъ православіе, хотя и нѣсколько искаженное и видоизмененное подъ вліяніемъ многовѣковаго отчужденія абиссинцевъ отъ всякаго общенія съ православнымъ и цивилизованнымъ міромъ. Чуждые религіознаго фанатизма и гордаго сомомнѣнія, абиссинцы не придаютъ значенія какой-то святыни тѣмъ прибавленіямъ и измѣненіямъ, которыя вкрались у нихъ въ догматъ и обряды Соборной и Апостольской Церкви и, видимо, не прочь отказаться отъ нихъ для того, чтобы составить „единое стадо" со всѣми православными народами и зажить одною, общею съ ними духовною жизнью. Это подтверждается тѣмъ, что члены посольства открыто поклоняются нашимъ святынямъ, благоговѣйно молятся въ нашихъ храмахъ и уже не разъ выражали желаніе, чтобы Абиссинія вошла въ тѣсное общеніе съ православнымъ міромъ. На Россіи, какъ на главной представи-

тельницѣ этого міра, лежитъ нравственная обязанность помочь абиссинцамъ въ ихъ стремленіи сдѣлаться вполнѣ православными и выйти на путь религіознаго просвѣщенія. Россія издавна снабжала балканскихъ славянъ и Грузію, иконами, богослужебными сосудами и одеждами и т. д. Все это она охотно сдѣлаетъ и для Абиссиніи. Но относительно Абиссиніи ей придется сдѣлать и многое иное, болѣе важное. Россія и русская церковь должны будутъ позаботиться о насажденіи религіознаго образованія въ Абиссиніи, о точномъ переводѣ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ на абиссинскій языкъ и объ очищеніи абиссинской Церкви отъ тѣхъ неправославныхъ наслоеній, которыя въ ней образовались. Достигнуть всего этого сразу и въ короткое время, конечно, нельзя, но наша родина не вправѣ отказываться отъ новой великой задачи, выпавшей на ея долю и должна будетъ исполнить ее, во чтобы то ни стало. Какимъ образомъ будетъ достигнуто осуществленіе этой задачи—путемъ ли полнаго церковно-административнаго единенія русской церкви съ абиссинской, т. е. путемъ ли подчиненія ея нашему Святѣйшему Синоду, или посредствомъ снабженія Абиссиніи столь необходимыми для нея учеными священниками и монахами, иконописцами, преподавателями церковнаго пѣнія и т. д. это, конечно, вопросъ будущаго, который можетъ быть рѣшенъ только при болѣе близкомъ изученіи Абиссиніи и абиссинской церкви. Теперь же нужно и важно одно: чтобы мы поддерживали въ Абиссиніи то довѣрчивое отношеніе къ Россіи, которое въ ней не возникло, благодаря цѣлому ряду нашихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ ее въ продолженіи всего прошлаго царствованія, когда впервые было обращено серьезное вниманіе на эту, единоверную намъ страну. А что это будетъ сдѣлано, за то порукою служитъ уже ясно обозначившаяся мудрая, твердая, истинно національная политика настоящаго царствованія.

Много лѣтъ уже Россія и Абиссинія искали встрѣчи. Въ ливадійской церкви, въ Крыму, хранится драгоцѣнный Крестъ, присланный давно уже негусомъ Іоанномъ императору Александру II. Не только интересы православія влекутъ два народа другъ къ другу, но, современемъ,—а въ политикѣ нужно быть дальновидными,—географическое положеніе православной Абиссиніи скажетъ свое слово, какъ въ Африкѣ, такъ и на великомъ міровомъ пути Чермнаго Моря, часть береговъ котораго неотъемлемо принадлежитъ этому государству. Мы живемъ въ вѣкъ пара и электричества, и не такъ еще давно Кавказъ былъ дальше отъ Москвы, чѣмъ нынѣ Африка отъ Петербурга.

Теперешняя наша дипломатія не обращаетъ никакого вниманія, нравится ли Италіи пріѣздъ Абиссинскаго посольства, или нѣтъ. Россія дѣлаетъ свое дѣло и не будетъ угождать эгоистическимъ капризамъ той или другой изъ державъ тройственнаго союза.

Все вмѣстѣ взятое дѣлаетъ въ настоящее время Петербургъ любопытнымъ политическимъ центромъ Европы и конечно говоритъ пріятное Русскому народу о послѣднихъ перемѣнахъ въ пріемахъ нашей дипломатіи.

— 28 іюня болгарская депутація, во главѣ съ митрополитомъ Климентомъ, пріѣхала утромъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ для нея совершена была заупокойная литургія по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III. Митрополитъ Климентъ стоялъ въ алтарѣ, а болгары-депутаты впереди у солеи. Въ концѣ обѣдни митрополитъ Климентъ, въ сочувствіи присланныхъ отъ митрополита Палладія двухъ иподіаконовъ, облачился въ доставленныя изъ лавры траурное облаченіе и митру и пошелъ послѣ обѣдни, во главѣ служившаго духовенства, къ гробницѣ Императора Александра III. Болгары окружали гробницу. Митрополитъ Климентъ отслужилъ панихиду и вмѣстѣ съ председателемъ народнаго собранія Тодоровымъ возложилъ вѣнокъ на гробницу Царя-Миротворца. Вѣнокъ на большомъ бархатномъ черномъ щитѣ, изъ золотыхъ лавровъ по серединѣ, отъ низу къ верху протянута серебряная пальмовая вѣтвь и внизу золотой бантъ, на лентахъ котораго над пись: «Царевичу-полководству, Царю-Миротворцу—признательный болгарскій народъ». Другой вѣнокъ, изъ живыхъ цвѣтовъ съ букетами на немъ, былъ возложенъ на гробницу Императора Александра II. При этомъ митрополитъ Климентъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Преклоняясь передъ священной памятью Твоею, Царь-Миротворецъ, мы отъ имени того единовѣрнаго и единокровнаго народа, ради освобожденія котораго вмѣстѣ съ Своимъ Великимъ Отцемъ, Царемъ-Освободителемъ нашимъ, не щадилъ ни своего царственнаго спокойствія, ни самой своей драгоцѣнной для Россіи жизни, преподносимъ Тебѣ этотъ вещественный знакъ выраженія чувствъ глубочайшей признательности и благодарности, съ которыми на вѣчныя времена будетъ запечатлѣна въ сердцѣ болгарскаго народа Твоя священная память. Да будетъ-же этотъ слабый вещественный знакъ доказательствомъ той великой и безпримѣрной въ исторіи человѣчества любви и того снисходительнаго благоволенія, которыя Ты, не смотря на все то печальное, что слу-

чилось у насъ за послѣдніе годы, всегда неизмѣнно оказывалъ нашему народу, Тобою-же и Твоимъ Отцомъ вызванному къ политической жизни, и да напомнитъ онъ въ теченіе вѣковъ будущимъ поколѣніямъ о той глубокой признательности, которую нашъ народъ сохраняетъ и будетъ сохранять на вѣчныя времена къ великому всероссійскому Императору Дому и къ великому Русскому народу".

Рѣчь митрополита, сказанная убѣжденнымъ, выразительнымъ и звучнымъ голосомъ, произвела на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе.

— 15 іюня исполнилось столѣтіе со дня присоединенія Курляндіи къ имперіи. По телеграммѣ изъ Митавы, юбилейное торжество началось архіепископскимъ служеніемъ въ соборѣ, затѣмъ у губернатора состоялся пріемъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства, городскихъ головъ, волостныхъ старшинъ и депутацій, причемъ была прочитана слѣдующая телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ: „Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше доложить Его Императорскому Величеству о желаніи населенія губерніи ознаменовать столѣтіе со дня присоединенія Курляндіи къ Россійской Имперіи юбилейнымъ торжествомъ. Государь Императоръ принялъ съ сердечною отрадою заявленіе чувствъ благодарной, вѣрноподданнической преданности россійскимъ Государямъ, подъ скипетромъ которыхъ Курляндія пользовалась въ теченіе столѣтія благами мудраго и справедливаго правленія и достигла высокой степени экономическаго развитія, и пребываетъ въ увѣренности, что населеніе губерніи всегда будетъ вѣрою и правдою служить своему Самодержавному Государю". Телеграмма эта встрѣчена продолжительными „ура"! Затѣмъ открыта латышская сельская выставка, послѣ чего состоялся завтракъ отъ дворянства офиціальному міру. Состоялось въ тоже утро латышское пѣвческое празднество, къ началу котораго прибылъ архіепископъ и осѣнилъ широкимъ православнымъ крестомъ всѣхъ собравшихся латышей; отвѣтомъ на это святительское благословеніе было исполненіе пятитысячнымъ латышскимъ хоромъ народнаго гимна, произведшаго величественное, до глубины души потрясающее, впечатлѣніе.

— Свѣтлыя же надежды возбуждаетъ и недавно оконченный переводъ Библіи на китайскій языкъ. Теперь обитателямъ „небесной имперіи" дана полная возможность глубже и шире ознакомиться съ содержаніемъ христіанскаго вѣроученія, которое они знали только на неизвѣстныхъ имъ европейскихъ языкахъ. Переводъ сдѣ-

ланъ недавно скончавшимся архиепископомъ Шерешевскимъ. По предложенію Миссіонерскаго общества, которое приняло на себя всѣ неизбѣжные при этомъ расходы (50,000 фунтовъ стерлинговъ), на помощь славному труженику были отправлены въ Пекинъ нѣсколько ученыхъ. Переводъ предварительно былъ написанъ латинскими литерами, и хотя онъ обнимаетъ 2,500 большихъ страницъ, работа доведена до конца. Ежедневно занимаясь по восьми часовъ, епископъ Шерешевскій посвятилъ своей работѣ цѣлыхъ 8 лѣтъ!

— Въ кіевскихъ газетахъ напечатано письмо, свидѣтельствующее, что новый желѣзнодорожный тарифъ—роза не безъ шиповъ. 29-го мая, утромъ, говоритъ корреспондентъ «К. С.», мы выѣхали изъ Боярки въ Кіевъ, въ вагонѣ III класса. Противъ насъ на скамейкѣ сидитъ священникъ-старичокъ. Проходитъ контролеръ Ю.-З. жел. дор. и требуетъ билеты. Священникъ даетъ свой билетъ со станціи Заруденцы, Уманской линіи. Въ немъ напечатано: „билетъ имѣетъ дѣйствіе однѣ сутки". Контролеръ заявляетъ:

— Билетъ недѣйствителенъ.

— Какъ? спрашиваетъ священникъ:—я вчера въ 2 часа пополудни уплатилъ за него деньги и еще не прошло сутокъ.

— Вы гдѣ сегодня сѣли?—спросилъ я священника.

— Въ Бояркѣ. Тамъ вчера я навѣстилъ свою сестру и заночевалъ, пользуясь тѣмъ, что, во-первыхъ, въ билетѣ сказано: „имѣетъ дѣйствіе однѣ сутки" и, во-вторыхъ, на вопросъ кондуктора былъ отвѣтъ—можете, батюшка, остаться въ Бояркѣ до утра.

— Ничего не значитъ! отвѣчалъ на все это контролеръ:—платите штрафъ въ 56 копѣекъ.

— За что же? спросилъ священникъ.

— А потому, что не заявили начальнику станціи о томъ, что вы остановились въ Бояркѣ.

— Я не знаю этого правила, сказалъ удивленный священникъ: его нигдѣ не вывѣшивали—ни въ вагонахъ, ни въ вокзалахъ.

— А мнѣ какое дѣло? сказалъ контролеръ и, взявъ билетъ въ кучу (послѣднее орудіе защиты у священника), пошелъ въ слѣдующій вагонъ.

Кіевъ... Мы у вокзала. Оберъ-кондукторъ подходитъ къ священнику и приглашаетъ его въ контору для взысканія штрафа. Священникъ съ чемоданчикомъ въ рукахъ слѣдуетъ за нимъ. Идемъ и мы для наблюденія. Въ конторѣ сидятъ писцы; имъ и предлагаетъ оберъ-кондукторъ взыскать штрафъ съ священника въ 56 к.

Но вдругъ священникъ тихо, но внушительно заявляетъ:

— Штрафъ я заплачу только по рѣшенію судьи и по предъявленіи исполнительнаго листа. Подобное взысканіе штрафа, хотя и въ конторѣ, есть самоуправство агентовъ желѣзныхъ дорогъ; для оштрафованія необходимо составить протоколъ о моемъ поступкѣ и этотъ протоколъ я подпишу самъ, приложивъ свой билетъ для проѣзда, какъ вещественное доказательство. Кромѣ того, смѣю вамъ заявить, что самое правило ни мнѣ, ни всѣмъ почти пасажирамъ неизвѣстно, такъ какъ объявленій такого рода не вывѣшено ни на вокзалѣ, у кассы, не обозначено на билетахъ... Для выясненія недоразумѣнія священникъ просилъ пригласить дежурнаго жандарма, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы свидѣтелемъ возможнаго насилія со стороны конторы. Отворяется дверь и входитъ солидный господинъ („какое-то начальственное лицо", подумалъ я) и грозно говоритъ священнику: „Платите штрафъ! Вамъ это говорятъ и вы исполняйте... Правило о взысканіи вчера напечатано во всѣхъ газетахъ. Можете себѣ купить и читать его, сколько хотите".

Приходитъ и жандармъ, выслушиваетъ священника, но повода для взысканія штрафа не находитъ и въ недоумѣніи приглашаетъ своего вахмистра. Послѣдній тоже не находитъ вины, но приглашаетъ священника слѣдовать за нимъ черезъ залъ III класса и коридоръ на верхній этажъ. Священникъ тихими шагами идетъ. За нимъ слѣдуютъ и другіе жандармы. Священникъ, подъ конвоемъ жандармовъ, съ удрученнымъ видомъ поплелся на верхній этажъ. Я не счелъ удобнымъ идти за нимъ.

На другой день на конкѣ по Кирилловской улицѣ встрѣчаю священника. Спрашиваю, какъ онъ отдѣлался отъ требуемаго штрафа. Почтенный батюшка разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Жандармы, числомъ девять, окружили меня въ своей конторѣ. Старшій допросилъ и, узнавъ досконально, въ чемъ дѣло, предлагалъ записать обстоятельства дѣла въ „жалобную книгу", причемъ свидѣтельствовалъ подлинность того, что такихъ обявленій, гдѣ говорится, что „пасажиръ, желающій остановиться гдѣ-либо въ пути на нѣсколько часовъ, долженъ предъявлять билетъ начальнику станціи для наложенія штемпеля", нѣтъ ни на одной стѣнкѣ кіевскаго, по крайней мѣрѣ, вокзала.—Благо, прибавилъ жандармъ, что настоящее обстоятельство влечетъ за собою копѣечный штрафъ. Но если бы вы, батюшка, остановились въ Казатинѣ, не предъявивъ начальнику станціи билета для наложенія штемпеля по незнанію этого правила, то пришлось бы поплатиться дорого за это незнаніе и можетъ-быть уже многіе платятъ такого рода штрафы

въ три дорога. Вѣдь и настоящій билетъ (онъ былъ въ рукѣ жандарма) оплаченъ уже до Кіева въ общей суммѣ, да васъ къ двойному штрафу хотѣли привлечь".

Священникъ отказался писать что-либо въ „жалобную книгу", находя для себя неприличнымъ хожденіе по судамъ и жандармы отпустили его безъ оштрафованія по добру, по здорову, не находя въ немъ никакой вины.

А вотъ аналогичный фактъ, но только не изъ русской жизни. Пришедшіе намъ на помощь въ памятномъ 1891-мъ году наши заатлантическіе друзья пользуются всякимъ случаемъ доказать намъ свое расположеніе. Не далѣе какъ двѣ недѣли назадъ они доказали это въ Чикаго, при проводахъ мѣстнаго русскаго священника, отправлявшагося въ путешествіе съ миссіонерскою цѣлью.

Въ минувшемъ апрѣлѣ, проѣздомъ изъ Санъ-Франциско въ Россію, Чикаго посѣтилъ преосвященный Николай, епископъ алеутскій и аляскинскій, остановившійся въ мѣстной русской церкви. Покидая Чикаго, преосвященный предписалъ настоятелю русской церкви, о. Амвросію, выѣхать въ началѣ іюня въ круговую поѣздку черезъ штаты Техасъ, Новую Мексику, Аризону, посѣтить Санъ-Франциско и Орегонъ и на обратномъ пути заѣхать въ другіе штаты, гдѣ находятся греческія и славянскія поселенія. Кромѣ того, о. Амвросію было поручено отвезти въ Санъ-Франциско двухъ мальчиковъ для воспитанія въ Ситхинскомъ православномъ пріютѣ. О. Амвросій повиновался и, уложившись, пріѣхалъ съ мальчиками на вокзалъ, чтобы съ поѣздомъ въ 6 ч. 20 мин. вечера отправиться въ Санъ-Франциско. Одновременно съ батюшкой пріѣхало на вокзалъ до ста прихожанъ его церкви, цѣлой гурьбой слѣдовавшихъ за батюшкой по вокзалу. За три минуты до отхода поѣзда начались прощальныя лобзанья: батюшка переходилъ изъ однихъ объятій въ другія и, желая съ каждымъ поцѣловаться, до того завертѣлся, что не замѣтилъ, какъ поѣздъ тронулся въ путь. Мальчики, между тѣмъ, спутники батюшки, усѣвшіеся ранѣе въ вагонъ, заревѣли изъ окна благимъ матомъ, воображая, повидимому, что конецъ ихъ близокъ. Отошедши саженъ на тридцать, поѣздъ по приказанію оберъ-кондуктора, остановился. Сообразивъ въ чемъ дѣло, оберъ-кондукторъ приказалъ двинуть поѣздъ обратно и соскочилъ на платформу. О. Амвросій хотѣлъ было войти въ вагонъ и сталъ извиняться «never mind, falther we will wait» (ничего, батюшка, мы подождемъ), сказалъ оберъ-кондукторъ, и дѣйствительно поѣздъ запоздалъ отправленіемъ на

цѣлыхъ десять минутъ. Въ собравшейся публикѣ говорили „this is the pastor, the priest of the russian church at Chicago" (это священникъ русской церкви въ Чикаго) и публика не только не протестовала противъ задержки, но еще тутъ же передъ отправленіемъ поѣзда сдѣлала русскимъ овацію.

Трогательный примѣръ вниманія къ русскому священнику, говоритъ «Сынъ Отеч.», оказанный со стороны желѣзнодорожныхъ агентовъ въ Чикаго, нужно усиленно рекомендовать для подражанія... русскимъ желѣзнодорожнымъ агентамъ. Да и однимъ ли желѣзнодорожнымъ агентамъ?... Въ Америкѣ русскому священнику стараются выказать предупредительность и уваженіе, а въ Россіи, да еще въ «матери городовъ русскихъ», служителя церкви тащутъ съ жандармами въ контору, кричатъ на него, обрушиваются угрозами и все изъ-за какихъ то 58 копѣекъ, которыя священникъ долженъ, будто бы, уплатить въ видѣ штрафа за „самовольную" остановку на одной изъ промежуточныхъ станцій. Этотъ непристойный скандалъ, возмущающій до глубины души, особенно рѣзко отдѣляется на фонѣ истинно просвѣщеннаго отношенія къ священнослужителю, обнаруженнаго простымъ кондукторомъ желѣзной дороги въ Чикаго.

— Аѳинскіе келліоты пріобрѣли въ дѣлѣ эксплоатаціи религіознаго чувства широчайшую популярность, но теперь и у нихъ явились достойные соперники, въ лицѣ посланцевъ несторіанскаго епископа персидскаго города Урміи. Эти посланцы, отъ которыхъ отказывается и самъ епископъ, обираютъ православныхъ русскихъ, подъ видомъ сборовъ на святыя мѣста. Однако, несторіанскій епископъ напрасно отъ нихъ открещивается. Выяснено, что онъ самъ былъ замѣшанъ въ сборѣ въ Россіи подаяній на возстановленіе несуществующихъ въ Урміи храмовъ и имѣетъ, по обыкновенію, отъ своихъ сородичей „свидѣтельства о принадлежности къ православному, протестанскому, англиканскому и католическому вѣроисповѣданіямъ!!!

Что сказать объ этомъ православно-протестантско-католико-англиканскомъ епископѣ? Разумѣется, онъ принадлежитъ къ числу самыхъ заурядныхъ эксплоататоровъ и въ нравственномъ отношеніи не выше всѣхъ другихъ самозванныхъ сборщиковъ. Заботы нашего духовнаго начальства о разоблаченіи дѣятельности такихъ „подвижниковъ" заслуживаютъ большой признательности. На обязанности печати лежитъ возможно шире распространить каждое свѣдѣніе о подобныхъ „христолюбцахъ", ибо иначе они долго еще

будутъ обирать народъ, пользуясь его довѣрчивостью и отзывчивостью на каждый призывъ къ доброму дѣлу.

— Какіе успѣхи сдѣлала Европа въ дѣлѣ народнаго образованія и какъ все-таки великъ еще процентъ безграмотныхъ въ нѣкоторыхъ изъ европейскихъ государствъ, видно изъ статьи доктора Якоби, „помѣщенной въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ за текущій годъ („Die Neue Zeit", № 21). Данныя для своей статьи докторъ Якоби черпалъ отчасти изъ трудовъ Мишлера (Allg. Statit. Arch. 1894 г.), а отчасти изъ тщательно изученныхъ брачныхъ записей, рекрутскихъ списковъ и всеобщихъ народныхъ переписей начиная съ 1840 по 1894 годъ. Изъ собранныхъ такимъ путемъ данныхъ оказывается, что самой безграмотной страной въ Европѣ слѣдуетъ считать Румынію, въ которой въ 1882 г. насчитывалось 79% не знающихъ грамоты. Меньше-же всего безграмотныхъ оказывается въ Даніи (0,36% всего числа жителей) и въ Баденѣ, гдѣ въ 1883 году приходилось только 0,02% безграмотныхъ (1 на 5.000 ж.).

По степени безграмотности всѣ европейскія государства могутъ быть раздѣлены на 3 группы. Къ первой принадлежатъ страны, въ которыхъ больше половины населенія не имѣютъ ни читать, ни писать. Сюда относятся: Румынія (79,60% безграмотныхъ), Сербія (79,31%), Россія (78,80%), Португалія (72,01%) и Испанія (62,66%).

Вторую группу составляютъ страны, въ которыхъ % безграмотныхъ колеблется отъ 50 до 10. Сюда относятся: Венгрія (50,80%), Италія (49,01%), Австрія (38,90%), Ирландія (20,80%), Бельгія (15,99%), Франція (14,91%) и, наконецъ, Англія (13,20%).

Въ государствахъ 3-й группы количество безграмотныхъ не превышаетъ 10%. Сюда входятъ: Голландія (10,40%), Шотландія (6,85%), Швеція (2,50%) и Германія (1,59%).

Изъ статьи доктора Якоби оказывается далѣе, что безграмотность среди женщинъ гораздо значительнѣе, чѣмъ среди мужчинъ, и при этомъ, чѣмъ выше стоитъ страна въ культурномъ отношеніи, чѣмъ меньше въ ней абсолютное число безграмотныхъ, тѣмъ процентъ безграмотныхъ женщинъ относительно больше.

Сравнивая успѣхи, сдѣланные за послѣднія десятилѣтія въ дѣлѣ народнаго образованія, мы видимъ, что первое мѣсто въ этомъ отношеніе принадлежитъ Ирландіи, въ которой безграмотность среди населенія уменьшилась въ теченіе 18 лѣтъ на 26%, т. е. въ среднемъ на $1^1/_2$% въ годъ. Такъ въ 1865 году въ ней насчи-

тывалось 46% безграмотныхъ, а въ 1883 году число безграмотныхъ не превышало 20%. Непосредственно за Ирландіей слѣдуетъ Италія, въ которой за послѣднія 10 лѣтъ безграмотность уменьшается ежегодно на 1%. Въ 1865 году безграмотные составляли 72% всего населенія. въ 1883 году число ихъ уменьшилось до 61%, а по даннымъ 1894 года ихъ насчитывалось 49%. Что касается Франціи и Англіи, относительно которыхъ имѣются статистическія данныя по интересующему насъ вопросу за довольно длинный промежутокъ времени, то въ нихъ ежегодное уменьшеніе безграмотности не превышаетъ 0,6%. Такъ, въ 1840 году количество безграмотныхъ въ Англіи достигало 40%, въ 1870 году оно равнялось 23%, а въ 1882 не превышало 13,20%. Во Франціи въ 1846 году числилось 40% безграмотныхъ, въ 1865 году 34,1%, въ 1875 году—25,4%, а въ 1883 г.—14,94%.

— По словамъ «Моск. Вѣд.», въ общемъ строѣ церковной жизни обычай имѣетъ немаловажное значеніе. Воплощая въ себѣ извѣстную мысль или чувство, обычай является необходимымъ дополненіемъ къ существующимъ положительнымъ нормамъ церковной жизни и служитъ по этому, дѣлу развитія этой жизни. Въ церковномъ обычаѣ находитъ свое выраженіе православно-христіанская идея, и по этому всякій церковный обычай имѣетъ свой глубокій жизненный смыслъ, какъ одно изъ церковныхъ средствъ для христіанскаго воспитанія людей. Въ этомъ смыслѣ поддержка обычаевъ является одною изъ обязанностей каждаго православнаго христіанина.

Къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ что въ церковную жизнь проникаютъ извнѣ обычаи совершенно ей чуждые, являющіеся продуктомъ иного, не церковнаго строя мыслей и желаній. Это явленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ обычай имѣетъ тѣсную связь съ обрядомъ, настолько тѣсную, что иногда даже переходятъ въ него; а мы по причинѣ безсознательнаго отношенія къ обычаю, слишкомъ легкомысленно относимся иногда и къ чуждому намъ обряду. Съ другой стороны, разумное сохраненіе церковныхъ обычаевъ наиболѣе возможно при томъ условіи, чтобъ они были очищены отъ элементовъ имъ чуждыхъ. Сдѣлать это тѣмъ легче, что мы имѣемъ очень точный критерій для разграниченія обычаевъ церковныхъ отъ не церковныхъ. Критерій этотъ—идея лежащая въ основѣ обычая. Достаточно приложить эту мѣрку къ любому обычаю, чтобы видѣть съ ясностью—вытекаетъ ли онъ изъ церковнаго ученія, или нѣтъ. Остановимся для

примѣра, на самомъ вседневномъ у насъ явленіи—обычаѣ употребленія вѣнковъ при погребеніи умершихъ. Многіе ли изъ насъ задумываются надъ внутреннею сущностью и значеніемъ того обычая, который мы такъ легкомысленно вносимъ въ церковную жизнь? Многіе ли сознаютъ тотъ разладъ, который порождаетъ наше смѣшеніе понятій языческихъ съ христіанскими?

А между тѣмъ оправдывать существованіе обычая погребальныхъ вѣнковъ одною его невинностью, или безвредностью, слишкомъ недальновидно. Каждый обычай есть внѣшнее выраженіе извѣстной идеи, или понятія. Стало-быть, подчиняясь чуждому обычаю, значеніе коего мы не сознаемъ, мы вносимъ въ строй нашихъ понятій новое понятіе, ему чуждое. Мало по-малу подчиненіе обычаю превращается въ навыкъ, а это, въ свою очередь, возбуждаетъ извѣстный рядъ представленій и идей, вносящихъ диссонансъ въ общій строй нашего міровоззрѣнія. Обычай погребальныхъ вѣнковъ былъ бы, конечно, безвреденъ, еслибъ онъ былъ безсмысленнымъ обычаемъ; но разъ онъ есть выраженіе языческаго понятія апоѳеоза, онъ не можетъ быть терпимъ въ христіанскомъ обществѣ. Существованіе же его означаетъ или равнодушіе къ истинамъ своей вѣры, или безсознательное отношеніе къ принятому обычаю, что встрѣчается чаще. Въ послѣднемъ случаѣ наиболѣе полѣзно намъ внимательнѣе прислушиваться къ голосу церковныхъ пастырей, всегда благовременно предостерегающихъ общество отъ увлеченія не-христіанскими затѣями. Это поможетъ намъ сознательно отнестись къ тѣмъ явленіямъ нашей жизни которыя, часто повторяясь, стали обычными, а между тѣтъ вносятъ съ собой элементы языческіе.

— Нашъ вѣкъ есть вѣкъ умственнаго прогресса, но въ тоже время онъ по преимуществу есть вѣкъ сумасшествія, какъ увѣряетъ въ этомъ италіанскій ученый Чезаре Ломброзо.

Вотъ какія данныя, по его изысканіямъ, даетъ намъ статистика сумашествія въ Сѣверной Америкѣ.

Въ	1850	году	было	15.610	сумашедшихъ.
»	1860	»	»	24.042	»
»	1870	»	»	37.432	»
»	1880	»	»	91.997	»

За то же время количество населенія выражалось слѣдующими цифрами:

Въ	1850	году	было	населенія	23.191.876	душъ.
»	1860	»	»	»	31.440.321	»

Въ 1870 году было населенія 38.558.371 душъ.
» 1880 » » » 50.155.783 »

Выражая отношеніе сумасшедшихъ къ количеству населенія въ 100.000 душъ, находимъ что:

Въ 1850 г.	на	100.000	душъ	населенія	приходил.	67	сумаш.
» 1860 »	»	100.000	»	»	»	76	»
» 1870 »	»	100.000	»	»	»	97	»
» 1880 »	»	100.000	»	»	»	183	»

Иначе говоря, тогда какъ за тридцать лѣтъ населеніе штатовъ удвоилось, число сумасшедшихъ *ушестерилось*.

Не лучше обстоитъ дѣло и въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ.

Такъ, въ Италіи на 100.000 человѣкъ было въ 1874 году 51, а въ 1883—67,75 сумасшедшихъ, во Франціи въ 1883—131, въ 1885 —136,6 въ Германіи—въ 1883—82,7, въ 1885—88,7.

Но наиболѣе печальные результаты дали Сѣверо-Американскіе Штаты за послѣднее десятилѣтіе. Тамъ за это время населеніе увеличилось на 30 процентовъ, а сумасшедшіе на 155 процент.

И эти проявленія сумашествія таковы, которыя регистрируются и полицейскими, и судебными властями, далекими еще, слава Богу, отъ того, чтобы счесть за сумашедшихъ Іоанну д'Аркъ, Лютера или Галилея!

Какъ ни золоти пилюлю тѣмъ, что многія явленія сумашествія могли быть открыты лишь благодаря значительнымъ успѣхамъ психіатріи за послѣдніе годы, все-таки цифры останутся цифрами и все-таки случаи сумашествія наблюдаются все чаще и чаще, въ чемъ, скрѣпя сердце, сознается и самъ Чезаре Ломброзо.

— На основаніи Высочайше утвержденнаго 13-го ноября 1864 года Положенія *о внутреннемъ 5-проц. съ выигрышами займѣ 1864 г.* и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, *1-го іюля 1895 г.* Совѣтомъ Банка, въ присутствіи депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской Городской Думы и депутовъ отъ С.-Петербургской Биржи, произведенъ публичный тиражъ погашенія билетовъ означеннаго займа.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50 включительно.

049	136	231	407	611	684	773	779	899	1017
1069	1164	1226	1237	1359	1458	1460	1484	1538	1865

1907	1964	2138	2284	2400	2463	2483	2538	2581	2744
2803	3031	3201	3290	3428	3510	3597	3776	3805	3888
3892	3965	4131	4183	4189	4301	4324	4420	4487	4680
4688	5019	5205	5296	5324	5358	5373	5424	5615	5915
6123	6128	6209	6278	6349	6507	6684	6848	6920	6963
6975	6984	7112	7426	7456	7574	7651	7780	7791	7808
8127	8302	8356	8470	8471	8491	8527	8669	9129	9148
9201	9500	9550	9577	9593	9833	9862	9989	10219	10485
10503	10730	10990	11093	11152	11264	11437	11463	11623	11879
11981	12014	12108	12202	12311	12340	12382	12387	12411	12482
12504	12625	12731	12733	12758	12799	12839	12882	13002	13025
13273	13346	13442	13495	13542	13586	13701	13705	13712	13742
13794	13799	14030	14150	14356	14365	14402	14473	14483	14493
14520	14528	14657	14703	14731	14812	14859	14878	15013	15039
15347	15349	15368	15373	15490	15549	15552	15556	15602	15835
15897	15927	15993	16045	16050	16091	16223	16457	16479	16495
16579	16617	16677	16702	16867	16883	17139	17206	17355	17565
17739	17853	17917	18039	18155	18198	18283	18462	18465	18484
18910	19160	19322	19405	19519	19708				

Всего 206 серій, составляющія 10,300 билетовъ, на сумму 1.339,000 руб.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1895 г. въ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго банка.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Археографическая коммиссія, существующая уже болѣе шестидесяти лѣтъ (съ 1834 года), издала и издаетъ не мало цѣлыхъ памятниковъ и отдѣльныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Русской Церкви, а также къ исторіи отдѣльныхъ епархій и монастырей. Но изданія эти, не смотря на свой высокій научный и историческій интересъ, не пользуются извѣстностью и распространенностью среди духовенства.

Вслѣдствіе чего, по распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, редакція журнала «Вѣра и Разумъ», представляетъ духовенству Харьковской епархіи: 1) Списокъ изданій означенной Коммиссіи, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ отношеніе къ Харьковской епархіи, и 2) честь имѣетъ рекомендовать благочиніямъ, монастырямъ и городскимъ соборнымъ церквамъ изданія этой коммиссіи для пріобрѣтенія въ церковно-приходскія библіотеки. Что касается пересылки книгъ, то Коммиссія, не требуя за сіе особой платы, можетъ доставить ихъ или въ консисторію, или прямо адресатамъ, какъ скоро будутъ сообщены ихъ почтовые адресы.

Списокъ изданій Археографической Коммиссіи, содержащихъ въ себѣ памятники духовной литературы и матеріалы для русской церковной исторіи и русскаго каноническаго права.

1) **Акты Иверскаго монастыря:** они рисуютъ дѣятельность патріарха Никона, послѣ удаленія своего изъ Москвы (въ 1658 г.) занявшагося устроеніемъ быта основанныхъ имъ монастырей—Иверскаго, Воскресенскаго и Крестнаго. Этимъ документамъ предпосланъ „Историческій очеркъ Иверской Святоозерской обители въ ея патріаршій періодъ" (1653—1666). Цѣна 2 руб. (безъ уст.).

2) **Памятники полемической литературы въ Западной Россіи.** Двѣ книги (3-я въ печати). Означенное изданіе весьма важно для исторіи религіозной борьбы въ Западномъ краѣ. Въ числѣ источниковъ для этой исторіи, между прочимъ, помѣщены: 1) Дѣянія Виленскаго собора 1509 г.; 2) Дѣянія Кіевскаго собора 1640 г.; 3) Оборона Уніи, соч. Виленскаго архимандрита Льва Кревзы; 4) Палинодія Захаріи Копыстенскаго; 5) Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ,

Отъ Представителя Іерусалимскаго Патріарха въ Россіи.

Въ виду продолжающагося въ Россіи сбора пожертвованій въ пользу Св. Гроба Господня и другихъ Св. Мѣстъ Палестины разными лицами, выдающими себя за посланцевъ отъ Іерусалимскаго Патріарха, и согласно сдѣланному о томъ отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода объявленію во всеобщее свѣдѣніе для предупрежденія противъ самозванныхъ сборщиковъ, предупреждаю симъ ревнителей Св. Іерусалимской Церкви и усердствующихъ ко Св. Гробу Господню, что всякаго рода пожертвованія въ пользу Св. Мѣстъ Палестины должны быть посылаемы исключительно на мое имя въ Москву, въ

Іерусалимское Патріаршее Подворье, что у Арбатскихъ воротъ, такъ какъ уполномоченныхъ отъ Іерусалимскаго Патріарха сборщиковъ на Св. Гробъ Господень въ Россіи кромѣ меня рѣшительно нѣтъ никакихъ.

Архимандритъ Арсеній.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Іюля № 14. 1895 года.

Содержаніе. Циркулярное отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода по Училищному при Св. Синодѣ Совѣту, на имя Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, отъ 3 іюля 1895 г., за № 639.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Циркулярное отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода по Училищному при Св. Синодѣ Совѣту, на имя Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, отъ 3 іюля 1895 г., за № 639.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастырь.

Представленіе мое Государственному Совѣту объ ежегодномъ ассигнованіи изъ средствъ Государственнаго Казначейства 3.279,205 руб. с. на содержаніе церковныхъ школъ и школъ грамоты и на инспекцію за сими школами, отъ 23 Апрѣля сего 1895 года, за № 360 (прилагаемое при семъ въ печатной копіи), было уважено Департаментомъ Государственной Экономіи, и воспослѣдовавшее по сему предмету мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоилось ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА утвержденія 5 Іюня сего 1895 года.

Благодаря Монаршему вниманію къ трудамъ православнаго духовенства на поприщѣ народнаго образованія, Святѣйшій Сунодъ, съ 1 Января 1896 года, будетъ получать изъ средствъ казны ежегодное пособіе церковнымъ школамъ, кромѣ ранѣе отпускавшихся на сей предметъ 175,500 р. с., въ три милліона двѣсти семьдесятъ девять тысячъ сто сорокъ пять р. с.

Высокое довѣріе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА возлагаетъ на православное духовенство усиленную заботу всецѣло оправдать его и

требуетъ принятія самыхъ серьезныхъ мѣръ къ тому, чтобы отпускаемыя изъ казны значительныя суммы на просвѣщеніе народа принесли обильные плоды. Для сей цѣли требуется прежде всего крайняя осмотрительность въ расходованіи казенныхъ суммъ и тщательный выборъ лицъ, призываемыхъ служить святому дѣлу образованія народа.

Доселѣ десятки тысячъ церковныхъ школъ учреждались и содержались преимущественно на мѣстныя средства, изысканныя самимъ духовенствомъ, при самомъ незначительномъ пособіи изъ средствъ казны.—Самый надзоръ за открытыми школами былъ какъ бы даровою повинностью духовенства. При такихъ условіяхъ невозможно было предъявлять добровольнымъ труженикамъ церковныхъ школъ строгія педагогическія требованія. Отнынѣ положеніе дѣла кореннымъ образомъ измѣняется. Пособіе казны будетъ равняться мѣстнымъ средствамъ, и для правильнаго надзора за школами учреждена особая платная инспекція.

Время до 1 Января 1896 г. будетъ посвящено со стороны центральнаго управленія церковныхъ школъ всесторонней подготовкѣ къ новому порядку вещей. Смѣю думать, что и мѣстные органы по завѣдыванію сими школами окажутъ въ этомъ отношеніи посильное содѣйствіе центральному управленію.

Церковно-приходская школа по самому именованію своему есть школа церковно-общественная, содержимая преимущественно на приходскія средства и руководимая мѣстнымъ священникомъ при участіи лучшихъ силъ прихода. По этой причинѣ, для завѣдыванія ими, въ члены епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ отдѣленій, кромѣ обязательныхъ представителей Духовнаго вѣдомства и Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, предоставлено епархіальному начальству приглашать духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, близко знакомыхъ съ начальными школами и потребностями мѣстнаго населенія. Желательно поэтому, чтобы мѣстныя уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ въ полномъ своемъ составѣ, а по надобности и усиленныя черезъ приглашеніе, въ виду столь важныхъ обстоятельствъ, лицъ усердныхъ къ дѣлу церковно-приходскихъ школъ и близко съ нимъ знакомыхъ, обсудили въ теченіе Августа мѣсяца нижеслѣдующіе вопросы:

1) какихъ священниковъ уѣзда можно бы было представить Епархіальному Училищному Совѣту въ числѣ кандидатовъ (не болѣе трехъ) на должность уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты;

2) какимъ порядкомъ установить равномѣрность труда по приходской службѣ въ тѣхъ соборныхъ двухъ и трехштатныхъ причтахъ, одинъ изъ членовъ коихъ будетъ нести обязанность уѣзднаго наблюдателя;

3) въ какихъ пунктахъ уѣзда предпочтительнѣе и необходимѣе устройство второклассныхъ школъ для приготовленія учителей школъ грамоты; при этомъ кромѣ географическаго положенія означенныхъ пунктовъ слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ или другія пожертвованія, особливо земельныхъ участковъ и даровыхъ зданій, такъ какъ подобныя и другія пожертвованія могутъ ускорить и облегчить устройство второклассныхъ школъ, а также и то обстоятельство, имѣются ли близъ предположенныхъ пунктовъ казенные лѣса и казенные земельные участки;

4) какова можетъ быть, приблизительно, по мѣстнымъ условіямъ, стоимость содержанія ученика въ общежитіи второклассной школы;

5) въ какихъ селахъ и деревняхъ уѣзда настоитъ неотложная необходимость устройства церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и какія на это потребны, приблизительно, средства. Казалось бы, что устройство школъ полезнѣе начинать съ наиболѣе больныхъ мѣстъ уѣзда: зараженныхъ расколомъ, мало и плохоземельныхъ, обильныхъ питейными заведеніями и т. п.

По полученіи изъ всѣхъ отдѣленій отвѣтовъ на поставленные выше вопросы, Епархіальный Училищный Совѣтъ, пригласивъ въ свои засѣданія, съ разрѣшенія Вашего Преосвященства, по мѣрѣ возможности, предсѣдателей уѣздныхъ отдѣленій и, по усмотрѣнію, свѣдущихъ и близкихъ къ школьному дѣлу лицъ, по обсужденіи постановленій уѣздныхъ отдѣленій, представитъ означенныя постановленія со своими заключеніями, съ благословенія Вашего Преосвященства, Училищному при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Совѣту, какъ матеріалъ для всесторонняго обсужденія мѣропріятій по приведенію въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 5 Іюня сего 1895 года.

При семъ случаѣ Епархіальный Училищный Совѣтъ могъ бы съ пользою для церковно-школьнаго дѣла войти въ обсужденіе предстоящихъ въ будущемъ 1896 году наиболѣе неотложныхъ школьныхъ нуждъ, изложенныхъ въ предположеніяхъ уѣздныхъ отдѣленій, и съ особою осмотрительностью исчислить крайнія потребности въ денежномъ пособіи отъ Святѣйшаго Сѵнода: 1) на жалованье учащимъ; 2) на пріобрѣтеніе учебниковъ и книгъ для внѣкласснаго чтенія; 3) на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій.

Желательно, чтобы отвѣты на всѣ вышеприведенные вопросы были доставлены Училищному при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣту не позже 1 Ноября текущаго 1895 года.

Безъ сомнѣнія Ваше Преосвященство изволите принять просвѣщенное Архипастырское участіе въ выборѣ и указаніи лицъ, кои, участвуя въ трудахъ Епархіальнаго Совѣта и его Отдѣленій по разсмотрѣнію предложенныхъ вопросовъ, помогутъ, общими силами, придти къ правильному удовлетворенію поставляемыхъ самою жизнію насущныхъ нуждъ неотложнаго дѣла народнаго образованія. Только при живомъ участіи трудящихся въ школьномъ дѣлѣ и любящихъ это дѣло лицъ, можно прочно и правильно поставить нашу начальную школу и дать ей то развитіе и направленіе, которое будетъ согласно и съ ученіемъ Церкви православной, и съ запросами народной жизни, и съ нашимъ историческимъ прошлымъ.

Испрашивая Архипастырскихъ молитвъ Вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Николаевской церкви с. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, Василій *Рудинскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Михаилъ *Яковлевъ*.

— Опредѣленный на священническое мѣсто къ Николаевской церкви с. Семеренекъ, Ахтырскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Павелъ *Яковлевъ* 14 мая н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Діаконъ Рождество-Богородичной церкви с. Николаевки, Сумского уѣзда, Григорій *Егоровъ* перемѣщенъ къ Покровской церкви с. Рѣчекъ, того же уѣзда.

— Діаконъ Преображенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда, Захарій *Кандыба* перемѣщенъ къ Пророко-Ильинской церкви заштатнаго города Бѣлополья, Сумского уѣзда.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви с. Алексѣевки, Сумского уѣзда, Семенъ *Литкевичъ* 29 іюня н. г., рукоположенъ въ санъ діакона.

— Окончившій курсъ въ Сумскомъ Духовномъ Училищѣ Викторъ *Краснопольскій* опредѣленъ псаломщикомъ Николаевской церкви с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Численность человѣческаго рода на землѣ.—Новое „бреве" папы.—Католическія сужденія о папѣ.—Славяне въ габсбургской монархіи.—Положеніе босній цевъ и герцеговинцевъ.—Польскія мечтанія.—Еще объ Абиссинской церкви.—Нравы и обычаи Абиссинцевъ.—Улучшеніе положенія духовенства.—Церковная школа.—Къ характеристикѣ раскольниковъ.—Борьба съ расколомъ.—Сибирскіе скопцы.—Новый видъ билетовъ 10—рублеваго достоинства.

Исполняя божественное повелѣніе, данное праотцамъ: „размножайтесь и наполняйте землю", человѣчество все болѣе размножается, и теперь число его опредѣляется огромной цифрой въ 1,500,600,000 душъ. По частямъ свѣта это число распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Европѣ 381,200,000, — въ Азіи 854,000,000, — въ Африкѣ 127,000,000, въ Америкѣ 133,670,000,—и въ Австраліи 4,730,000. По религіямъ человѣчество распредѣляется такъ: христіанъ числится 500,000,000 и между ними православныхъ 105,000,000 (изъ нихъ въ Россіи 75 милл., на востокѣ 25 милл. и на юго-западѣ до 5 милл. душъ), римско-католиковъ 195,000,000 и протестантовъ разныхъ наименованій и оттѣнковъ до 200 мил. Вычитая число христіанъ изъ общаго числа населенія на земномъ шарѣ приходимъ къ тому выводу, что доселѣ только еще ⅓ человѣчества пользуется искупительными заслугами Христа Спасителя, а ⅔ пребываетъ во тьмѣ и сѣни смертной. Нехристіанъ считается еще болѣе милліарда (1,000,000,000) и именно: евреевъ 8,000,000, магометанъ 180 милліоновъ и язычниковъ 812 милліоновъ. Такимъ образомъ много еще труда предстоитъ благовѣстникамъ христіанства и еще огромная масса сѣдящихъ во тьмѣ ожидаетъ хотя луча свѣта истины Христовой.

— Недавно Левъ XIII строго осудилъ рѣзкіе протесты, съ которыми пробовали было выступить нѣкоторые члены высшаго французскаго духовенства противъ новаго налога на конгрегаціи. Свой взглядъ на отношенія католическаго духовенства къ правительствамъ Левъ XIII высказалъ гласно въ особомъ посланіи (бреве) къ епископамъ, правда, не французскимъ, а бельгійскимъ, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не позволяютъ сомнѣваться, что онъ имѣлъ въ виду высшее католическое духовенство обѣихъ сосѣднихъ странъ, а не одной только Бельгіи. Еще разъ и самымъ категорическимъ образомъ Левъ XIII указываетъ епископамъ на необходимость полнаго примиренія католическаго духовенства съ „гражданскими учрежденіями" его страны. Епископы должны

воздерживать свои паствы отъ „публичной полемики“ и отъ нападеній на принципъ законной власти. Открытая борьба позволяется католикамъ только противъ соціализма, одновременно враждующаго съ церковью и съ государствомъ и стремящагося смѣшивать „право божественное съ правомъ человѣческимъ“. Это приглашеніе къ борьбѣ съ соціализмомъ, дѣлаемое бельгійскимъ епископамъ, вызвано, очевидно, тою оппозиціею, которую встрѣчаетъ нынѣ въ Бельгіи школьный законъ, который тамошніе «свободные мыслители» и соціалисты, забывъ свои недавнія разногласія, единогласно объявляютъ «закономъ клерикальнымъ». Сегодняшняя телеграмма изъ Брюсселя показываетъ, что агитація противъ школьнаго закона дошла уже до уличныхъ безпорядковъ въ присутствіи самого короля Леопольда. Призывая бельгійскихъ католиковъ оказать поддержку ихъ правительству, Левъ XIII поступаетъ совершенно логично въ духѣ огражденія интересовъ церкви и духовенства. Но общіе «принципы», на которыхъ римскій первосвященникъ желаетъ основать отношенія духовенства къ правительству, имѣютъ въ виду не одну только Бельгію. Левъ XIII остается неуклонно вѣренъ своей извѣстной программѣ „непротивленія“ церкви свѣтскимъ властямъ. И въ настоящую минуту, какъ въ первые дни своего вступленія на папскій престолъ, онъ стремится исправить ошибки своего предшественника, Пія IX, возстановившаго противъ Ватикана всѣ европейскія правительства, не исключая и правительствъ истинно католическихъ. Требуя отъ подчиненнаго ему духовенства полнаго невмѣшательства въ борьбу политическихъ партій, Левъ XIII обезоружилъ всѣхъ противниковъ католицизма, не принадлежащихъ къ категоріи тѣхъ принципіальныхъ анти-клерикаловъ, которые основываютъ свою враждебность на ненависти ко всякой религіи. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ легко и полно положилъ онъ конецъ бисмарковскому преслѣдованію католиковъ въ Германіи и какъ постепенно довелъ онъ республиканское правительство Франціи до сознанія, что для него гораздо выгоднѣе жить въ мирѣ, чѣмъ въ систематической враждѣ съ Ватиканомъ. Если сравнить нынѣшнее положеніе дѣлъ съ тѣмъ, которое существовало въ послѣдніе годы папствованія Пія IX, то разница окажется поразительною и притомъ несомнѣнно въ пользу католицизма. Можно смѣло быть увѣреннымъ, что пока на папскомъ престолѣ будетъ возсѣдать Левъ XIII, отъ этой примирительной программы не будетъ сдѣлано никакихъ отступленій, но годы нынѣшняго римскаго первосвященника такъ преклонны,

что невольно является вопросъ, какую форму примутъ въ недалекомъ уже по всей вѣроятности будущемъ отношенія римской куріи къ свѣтскимъ правительствамъ Европы? Никто не можетъ предсказать навѣрное, на кого падетъ выборъ будущаго конклава и возвращеніе къ почти уже позабытымъ временамъ пресловутой формулы «non possumus», которая составляла всю политическую программу Пія IX, столь же возможно, какъ и дальнѣйшее развитіе мудрой политической программы папы Льва XIII.

— Одинъ италіанецъ высказываетъ въ «Нов. Вр.» слѣдующія сужденія о современномъ намъ папѣ. Никакой, самый высокій принципъ не могъ бы найти лучшей земной оболочки, чѣмъ въ тѣлѣ Льва XIII. Это великій умъ, огромное сердце, честнѣйшій и искренно доброжелательный человѣкъ. Я имѣю честь знать его лично. Если Богъ продлитъ ему вѣка, мы, быть можетъ, будемъ еще присутствовать при разрѣшеніи величайшей и опаснѣйшей изъ загадокъ XIX вѣка, овладѣть ключемъ къ которой могутъ и другіе мудрецы, но овладѣть авторитетно можетъ одинъ только папа. Я говорю о соціализмѣ. Соціализмъ ужаснулъ Европу и перешелъ въ кровавыя политическія партіи, потому что онъ былъ движеніемъ только экономическимъ, не озабоченнымъ идеалами религіи и нравственности, слѣдовательно, эгоистическимъ, животнымъ. Его вожди знали только матерію; соціалистъ и атеистъ неразлучно соединялись въ одномъ лицѣ. Предшественники Льва XIII посылали миссіи въ Японію, къ дикарямъ Америки. Ну, а Левъ XIII миссіонерствуетъ не такъ далеко, но, пожалуй, съ еще болѣе важными послѣдствіями, среди дикарей Европы. Патеры и соціалисты не даромъ встрѣтились въ опозиціонномъ нашему правительству движеніи. Не даромъ всюду, гдѣ съ наибольшею силою и мучительностью назрѣли аграрный и рабочій вопросы, какъ напр., въ Сициліи, всего сильнѣе звучитъ голосъ монаха... Вы посмотрите: монахъ теперь вездѣ, гдѣ нищета, болѣзнь, голодъ. Нуженъ мужику кредитъ на аренду виноградника. Кто ему даетъ деньги? Монахъ. Пропалъ виноградъ, разорился мужикъ,—монахъ тутъ, какъ тутъ, со своимъ кошелькомъ. И процентъ самый ничтожный, а то и вовсе нѣтъ процента: отдашь—хорошо, не отдашь—Богъ съ тобой. Весь нашъ мелкій кредитъ въ рукахъ монаховъ: я говорю о югѣ. Школа тоже. Больницы тоже. И—приглядитесь—какъ они обращаются съ дѣтьми и съ больными: это няньки въ рясахъ. Они умны, образованы, тактичны. Несчастія послѣ паденія папства выучили ихъ многому; они не навязываютъ народу своей вѣры, какъ

надменные фарисеи прежняго торжествующаго папства, но скромно и безмолвно предлагають ее каждому желающему всѣмъ своимъ видомъ, звономъ своихъ соборовъ, своими процессіями и—что еще главнѣе—являются къ народу съ словомъ вѣры какъ разъ въ тѣ минуты, когда вѣра ему необходима, когда безъ нея хоть пропасть. Да! монахи стоятъ теперь на самомъ побѣдоносномъ пути изъ всѣхъ путей религіознаго начала: они смирились и изъ господъ сдѣлались слугами человѣчества... По старой формулѣ: servi servorum. И они съѣдятъ соціализмъ, то-есть, сдѣлаютъ его христіанскимъ, научивъ Италію отдавать Богу Божіе и кесарево кесарю. А кесаремъ будетъ папа. Старое папство—церковь, обращенная въ государство,—умерло и не воскреснетъ... Развѣ черезъ тысячу лѣтъ, когда міру придется снова переживать старыя забытыя идеи въ новыхъ формахъ... Съ свѣтскимъ государствомъ, оторваннымъ отъ церкви и ей враждебнымъ, мы торжественно провалились. Но наростаетъ папство новое—папство католическаго соціализма, не церковь превращающее въ государство, но государство въ церковь, и за этимъ папствомъ—я полагаю—будущее Италіи. Левъ XIII не поднялъ безсильный и обветшавшій мечъ св. Петра, когда онъ вывалился изъ старческой руки Пія IX, но вооружился ключами апостольскими, отворяющими двери рая. Подъ пушечный громъ угрожающихъ маневровъ Вильгельма II онъ въ своей капеллѣ твердитъ: „слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе!“ Мимо Піевъ, Юліевъ, Иннокентіевъ, Александровъ, мимо самого Гильдебранда, онъ глядитъ къ первымъ вѣкамъ папства,—къ своему одноименнику Льву святому, предъ нравственною силою чьею склонился языческій повелитель міра—бичъ Божій Атилла. Уже поднятый Львомъ XIII вопросъ о соединеніи церкви восточной и западной—цѣлая характеристика для перелома, переживаемаго въ настоящее время католическою идеею въ высшемъ ея выраженіи и представительствѣ—въ папствѣ. Соединить церкви—это значитъ зачеркнуть средніе вѣка и, какъ на обломкахъ древнихъ капеллъ воздвигся соборъ св. Петра, создать колоссальный храмъ нравственнаго общенія всѣхъ вѣроисповѣданій, во имя Христа,—храмъ, въ коемъ благословеніе не только папы, но каждаго священнослужителя будетъ раздаваться urbi et orbi. Это религіозная утопія покамѣстъ; однако—сознайтесь—увлекательная, и надо быть могучимъ идеалистомъ и романтикомъ, каковъ папа Левъ XIII, чтобы служить ея идеѣ открытымъ словомъ и усерднымъ дѣломъ—въ этотъ-то вѣкъ цивилизованнаго вар-

варства, дикаго ненавистничества и разъединенія людей между собою, когда всѣ европейскіе народы медленно кончаютъ съ собою самоубійствомъ вооруженнаго мира.—Такъ думаетъ италіанецъ. Въ увлеченіяхъ этого клерикала на соціалистической подкладкѣ, конечно, много крайностей, но есть и правда—наглядная. Вѣрно, что государство устало безъ вѣры и ищетъ ея. Вѣрно, что монахъ на югѣ Италіи другъ и благодѣтель народа. Вѣрно, что католическая пропаганда идетъ параллельно съ соціалистическою и—не разберешь—борятся ли онѣ между собою или поддерживаютъ одна другую, медленно поѣдая правительство съ двухъ сторонъ.

— Положеніе славянъ въ габсбургской монархіи производитъ удручающее впечатлѣніе. Впрочемъ, значительная доля отвѣтственности при этомъ падаетъ часто на самихъ же славянъ. Таково особенно положеніе угро-руссовъ. Изъ единственной угро-русской газетки „Листокъ" видно, напр., слѣдующее. Если сравнить уровень образованія окружающихъ угро-руссовъ народовъ, то оказывается, что между всѣми народами Австро-Венгріи въ дѣлѣ гражданственности угро-руссы стоятъ на самой низкой ступени. У нихъ нѣтъ ни промышленности, ни торговли, ни ремесленниковъ и почти никакой литературы; грамотныхъ людей весьма немного, а въ послѣднее время даже въ знаніи Закона Божія замѣчается полный упадокъ. Нѣкоторые нѣмецкіе пришельцы, поэтому, не безъ ироніи сравниваютъ угро-руссовъ съ американскими индійцами, которые неспособны къ цивилизаціи и потому обречены на истребленіе. Причину такого печальнаго явленія выясняетъ намъ, впрочемъ, тотъ же самый „Листокъ". Оказывается, что угро-русскій народъ совсѣмъ лишенъ вождей-руководителей, такъ-какъ лица, возвышающіяся надъ народомъ, не только не руководятъ имъ,—напротивъ, точно по злой ироніи судьбы принимаютъ сторону его враговъ, омадьяриваются и всю жизнь дѣйствуютъ противъ интересовъ того же народа, изъ котораго вышли. Если что особенно возмутительно здѣсь, такъ это то, что даже духовенство, призванное Самимъ Богомъ, быть учителями и руководителями народа, идетъ по тому же самому пути. У угро-руссовъ теперь уже нѣтъ своихъ священниковъ, а существуютъ лишь греко-латинскіе „плебаны" (настоятели церквей), которые давно перестали считать себя угро-руссами. Въ угорской духовной семинаріи существуютъ особые „самообразовательные кружки", и хотя семинаристы отлично понимаютъ, что въ жизни они будутъ дѣйствовать въ средѣ такого народа, который говоритъ по русски, тѣмъ не менѣе эти господа

находятъ для себя удобнымъ „самообразовать" себя не на русскомъ, а на мадьярскомъ языкѣ; образованіе же на русскомъ языкѣ считается чѣмъ-то предосудительнымъ. Прискорбно слышать, что между угро-русскими священниками встрѣчаются поэты... мадьярскіе (!?), и между тѣмъ нѣтъ ни одного такого писателя, который старался бы развивать языкъ того единокровнаго ему народа, среди котораго онъ призванъ дѣйствовать и отъ котораго же онъ получаетъ средства къ жизни!... Но, конечно, нельзя при этомъ отрицать и того, что и само правительство Австро-Венгріи всѣми возможными способами старается подавить національный духъ славянскихъ племенъ, подвластныхъ ему.

— Во время турецкаго господства положеніе какъ католическаго, такъ и православнаго духовенства въ Босніи и Герцоговинѣ было почти одинаково, хотя католики всегда встрѣчали поддержку со стороны консуловъ единовѣрныхъ имъ европейскихъ государствъ. Со времени же завладѣнія Босніей и Герцеговиной Австрійцами, благодаря какъ щедрой матеріальной, такъ и могущественной нравственной поддержкѣ австрійскаго правительства, католическое духовенство, по словамъ боснійскаго корреспондента газеты Narodni Listy,—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріобрѣло все, чего только могло желать. Оно имѣетъ теперь своего архіепископа въ Сараевѣ и двухъ епископовъ въ Мостарѣ и въ Баньялукѣ, высшія и среднія духовныя училища, а также разныя религіозныя учрежденія. Католиковъ въ Босніи и Герцоговинѣ не болѣ 250,000, но въ отношеніи религіозномъ они такъ много получили, какъ будто ихъ было пять милліоновъ. И все это благодаря содѣйствію австрійскаго правительства, а также католической пропагандѣ, для которой не полагается никакихъ границъ.

Положеніе православнаго духовенства и его паствы,—говоритъ корреспондентъ чешской газеты,—совершенно иное: оно печально, очень печально, хуже чѣмъ было въ турецкія времена. Занявъ оккупированныя провинціи, Австрійцы нашли трехъ православныхъ митрополитовъ: Сараевскаго. Мостарскаго и Тузлянскаго. Всѣ они были греки. Австрійское правительство одного за другимъ отправило ихъ на покой, народу же пояснило, что оно отстраняетъ ихъ отъ ихъ каѳедръ, потому что они фанаріоты. Такъ было съ Сараевскимъ митрополитомъ Анѳимомъ и Мостарскимъ Игнатіемъ; когда же Тузлянскій митрополитъ Діонисій не пожелалъ добровольно уступить своей каѳедры другому, то его выгнали жандармы. Что жъ послѣдовало за тѣмъ? Австрійское правительство на-

значило православнымъ архіепископомъ въ Сараевѣ Савву Косановича, но и онъ скоро не понравился австрійскимъ властямъ и послѣ четырехъ лѣтъ своего архіепископства въ Сараевѣ, вынужденъ былъ выйти въ отставку. На его мѣсто австрійское правительство назначило восьмидесятидвухлѣтняго старца, который не имѣетъ физическихъ силъ защищать интересы гонимой православной церкви. Еще хуже было въ Мостарѣ. Тамъ правительство вмѣсто удаленнаго имъ въ отставку Игнатія назначило епископомъ Леонтія Радуловича, который по истеченіи года умеръ. Австрійское правительство стало искать на его мѣсто такого же старца, какимъ былъ сараевскій архіепископъ и нашло Серафима Перовича, пастыря прекраснаго, но обладающаго энергіей еще въ меньшей степени, чѣмъ сараевскій архіепископъ Николаевичъ. Серафимъ Петровичъ много терпѣлъ отъ Турокъ за свою православную вѣру и былъ много лѣтъ въ изгнаніи въ Африкѣ, вслѣдствіе чего его силы были подорваны. Въ Тузлу же Австрійское правительство православнымъ митрополитомъ назначило Мандича, который никогда не бывалъ въ Босніи и не знаетъ здѣшнихъ отношеній. Во время турецкаго владычества въ Босніи и Герцоговинѣ было двѣ православныя духовныя семинаріи—въ Баньлукѣ и въ монастырѣ Житомысльскомъ. Теперь существуетъ лишь одна такая семинарія и то не въ Сараевѣ, гдѣ живутъ люди, но въ оставленной всѣми пустынѣ, въ лѣсу. Въ этой семинаріи въ продолженіи лишь десяти лѣтъ перемѣнили четырехъ ректоровъ, а въ настоящее время она остается вовсе безъ ректора. И учителей часто перемѣняютъ, причемъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ достаточнаго образованія для исполненія своей обязанности. Понятно,—говоритъ въ заключеніе корреспондентъ чешской газеты,—что правительство, которое ведетъ себя подобнымъ образомъ, не могло снискать къ себѣ сочувствія православнаго духовенства и народа, тѣмъ болѣе, что заключивъ конвенцію съ Константинопольскимъ патріархомъ, которая даетъ ему право назначать и удалять православныхъ іерарховъ и священниковъ, оно сдѣлалось вершителемъ ихъ жизни и смерти.

— Между тѣмъ, какъ южные и особенно габсбургскіе славяне тянутъ къ естественному центру славянства—Россіи, легкомысленные и жалкіе «пасынки» ея—поляки все еще продолжаютъ питать свои несчастныя надежды на возрожденіе Польши. Есть, конечно, основанія предполагать, что и Ватиканъ, можетъ быть, по своему обыкновенію, принималъ свою долю участія во всемъ этомъ. Это

надобно думать на основаніи общаго характера Ватикана. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что газета «Vaterland», на основаніи порученія свыше, не признаетъ за распространенной въ прошломъ году въ Краковѣ извѣстной молитвой (съ прибавленіемъ географической карты и съ польской папской тіарой) одобренія ни нынѣшняго краковскаго епископа, ни его предшественника. Съ перваго раза трудно понять, въ чемъ здѣсь дѣло. Газета «Галичанинъ» выводитъ насъ изъ затрудненія. Дѣло, оказывается, состоитъ въ томъ, что въ прошломъ году въ Краковѣ появился фотографическій образокъ, представляющій Ченстоховскую Божію Матерь. Внизу лика Богоматери были представлены эмблемы папства. тіара и жезлъ, а подъ ними была напечатана польская молитва. начинающаяся словами: Boze, zbaw Polske! (Боже, спаси Польшу!). Дальше было помѣщено примѣчаніе о томъ, что каждый, повторившій эту молитву, получаетъ отъ папы отпущеніе грѣховъ. Однако, чтобы молящійся зналъ, за какую Польшу онъ молится, на обратной сторонѣ образка была нарисована карта Польши въ границахъ 1772 года. Хотя газета «Vaterland», органъ австрійскихъ католиковъ, и отклоняетъ отъ духовныхъ властей всякую отвѣтственность по поводу появленія упомянутаго образка, но, кажется, мы не ошибемся, если признаемъ это участіе: оно такъ въ духѣ римскаго католицизма.

— Абиссинская церковь, по словамъ «Нов. Врем.», одна изъ древнѣйшихъ христіанскихъ церквей; абиссинцы считаютъ себя православными и потому, у нихъ это чисто платоническое влеченіе къ москованъ, разсказы о которыхъ всегда тамъ найдутъ слушателей. Абиссинцы отличаются строгою религіозностію; ихъ жизнь, ихъ законы и бытъ, ихъ обученіе и образованіе—все носитъ на себѣ отпечатокъ религіознаго вліянія, точь въ точь, какъ въ древней Руси.

Но для насъ важно знать, насколько абиссинцы приближаются къ намъ, насколько они православные? Оказывается, что они не были на послѣднихъ трехъ вселенскихъ соборахъ. Громадныя разстоянія и отсутствіе путей въ то время были чрезвычайно серьезнымъ препятствіемъ, чтобы можно было поставить имъ это въ вину. Абиссинцы въ то время были заняты войнами, должны были отстаивать свою землю, имъ было не до соборовъ, а на послѣдній соборъ, говорятъ, ихъ даже и не приглашали. Да вѣдь и тутъ бѣды еще нѣтъ, ибо они на соборахъ не были, но соборовъ этихъ не отвергаютъ. Надобно было бы выйти далеко за предѣлы газет-

ной статьи, если бы сталъ хотя и бѣгло приводить справки изъ абиссинской исторіи и свѣдѣнія объ абиссинской іерархіи. Для нашего вопроса—о единеніи церквей—прошедшее Абиссиніи можетъ быть только интересно, важно же настоящее положеніе церкви, а настоящее таково, что обряды ихъ съ нашими различны, но таинства однѣ и символъ вѣры одинаковъ; у нихъ нѣтъ filioque католиковъ, они читаютъ такъ же, какъ и мы: „И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единароднаго, иже отъ Отца рожденнаго“ и т. д. „И въ Духа Святаго Госпада, животворящаго, иже отъ Отца исходящаго“ и т. д. „И во едину святую соборную и апостольскую церковь“. На основаніи этого символа вѣры ихъ іеродіаконъ Христодулъ и былъ принятъ студентомъ въ Московскую духовную академію и допущенъ къ священнослуженію.

Болѣе серьезный вопросъ—ихъ іерархія. Епископство ихъ пресѣклось, и дальность разстояній, уединенность абиссинцевъ и опасный къ нимъ путь не позволяли имъ входить въ близкія общенія съ православными церквами; вѣдь вотъ—они къ намъ-то 70 дней ѣхали. Ближайшая христіанская церковь къ нимъ и ближайшіе іерархи были копты, и коптскій патріархъ поставлялъ имъ епископовъ, которые, однако, не признаютъ монофизитизмъ, нынѣшній митрополитъ Матеосъ прямо заявляетъ себя, какъ и вся его паства—православнымъ.

Надо замѣтить, что у нихъ былъ большой недостатокъ въ епископахъ, и на 8.000,000 аббисинцевъ былъ всего одинъ митрополитъ, а три огромныя области, Тигрэ, Шоа и Годанъ, имѣли каждая своего архимандрита, управлявшаго епархіей на правахъ епископа, но безъ рукоположеній. Негусъ былъ покровителемъ религіи. Покойный негусъ Іоаннъ, измѣннически убитый въ войнѣ съ магдистами, для того чтобы поднять свой престижъ, возвелъ правителей областей, въ родѣ вассальныхъ князей, тоже въ званіе негусовъ, и самъ такимъ образомъ явился царемъ-царей. Послѣ его смерти его престолъ занялъ Менеликъ, изъ настоящей царской династіи, которая ведетъ свой родъ отъ царицы Савской, (а Іоаннъ изъ другой династіи считался у многихъ узурпаторомъ престола). Менеликъ по восшествіи на престолъ долженъ былъ короноваться; митрополитъ Петросъ замѣшкался и по дальности пути не могъ прибыть къ назначенному времени, а политическія обстоятельства были таковы, что откладывать коронаціи было нельзя,—тѣмъ болѣе, что негусъ Менеликъ именно стремится объединить Абиссинію и для него былъ дорогъ каждый день. И вотъ

—его короновалъ архимандритъ Матеосъ. Но, по обычаю, кто коронуетъ, тотъ становится и митрополитомъ или самымъ старшимъ; поэтому вскорѣ Матеоса и посвятили въ санъ митрополита. Такимъ образомъ, явилось два митрополита—Петросъ и Матеосъ. Матеосъ, однако, уступаетъ въ служеніи первенство Петросу; кромѣ того, Петросъ получилъ богатый даръ отъ негуса—землю—и сталъ очень богатымъ помѣщикомъ и живетъ, какъ у насъ архіерей, „на покоѣ". Незадолго передъ снаряженіемъ сюда посольства митрополиты Петросъ и Матеосъ посвятили въ епископы старшаго архимандрита въ Харрарѣ—Габро Егзіавера, считающагося тамъ самымъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Когда негусъ сформировалъ посольство, то присоединилъ къ нему и новаго епископа, такъ какъ главная задача посольства и была объединеніе церквей. Епископъ Габро заявлялъ здѣсь неоднократно о сочувствіи всего народа вѣрѣ православной, и высокопреосвященный митрополитъ Палладій высказалъ ему, что вопросъ о единеніи церквей можетъ быть улаженъ, если оба митрополита абиссинскіе пришлютъ заявленіе о желаніи ихъ съ ихъ паствою единенія съ русскою православною церковью. Заявленіе это должно быть скрѣплено негусомъ и при немъ приложенъ символъ вѣры. Тогда вопросъ о единеніи церквей можетъ быть разсмотрѣнъ Святѣйшимъ Синодомъ. Конечно, абиссинскіе митрополиты это сдѣлать не замедлятъ, и ни о какихъ монофизическихъ тезисахъ тогда и не будетъ рѣчи. Вѣроятно, оффиціальное заявленіе такого рода повезетъ въ Абиссинію архимандритъ Ефремъ, который станетъ во главѣ русской духовной миссіи. Какъ христіанамъ и русскимъ. намъ остается только радоваться, что наша вѣра находитъ себѣ новые пути, русское чувство—новыя точки скрѣпленія въ разныхъ частяхъ свѣта.

— Въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за текущій годъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія объ обычаяхъ и обрядахъ абиссинскихъ христіанъ. Когда умретъ абиссинскій епископъ, замѣщеніе праздной епископской каѳедры происходитъ слѣдующимъ образомъ. Царь посылаетъ въ Александрію, къ коптскому патріарху, съ богатыми подарками нѣсколько человѣкъ абиссинцевъ, которые передаютъ патріарху просьбу царя назначить для Абиссиніи епископа. Въ числѣ посланныхъ обыкновенно отправляется вся свита умершаго епископа, состоящая изъ египтянъ (коптовъ), которая и удостовѣряетъ, что епископъ дѣйствительно умеръ. Патріархъ посвящаетъ кого-нибудь изъ нитрійскихъ пустынниковъ въ санъ епи-

скопа и вручаетъ своему ставленнику патріаршую грамоту. Прибытіе епископа въ столичный городъ сопровождается всегда большою торжественностію. Еще за нѣсколько верстъ до города народъ толпами выходитъ встрѣтить своего пастыря. При приближеніи великаго путешественника къ столицѣ на встрѣчу ему выходитъ самъ негусъ съ городскими властями. Всѣ привѣтствуютъ прибывшаго и поздравляютъ съ назначеніемъ. Къ особѣ епископа приставляется отрядъ тѣлохранителей, составляющій съ этихъ поръ его постоянную стражу. И во всякое время шествіе абиссинскаго епископа обставляется такою же пышностію, какъ и шествіе самого негуса. Епископъ возсѣдаетъ на мулѣ, окруженный десятками воиновъ съ длинными саблями на плечахъ, покрытыми флагами изъ разноцвѣтной матеріи, развѣвающіеся концы которой опускаются почти до земли. Рядомъ съ епископомъ по правую и лѣвую стороны ѣдутъ на мулахъ двое слугъ въ пышныхъ одеждахъ. Одинъ держитъ большой зонтъ, другой огромнымъ опахаломъ изъ страусовыхъ перьевъ отгоняетъ насѣкомыхъ и навѣваетъ прохладу. По прибытіи въ столицу, епископъ поселяется въ своемъ дворцѣ, стоящемъ всегда рядомъ съ дворцомъ негуса. Новому епископу представляются во дворцѣ всѣ сановные жители столицы и сосѣднихъ городовъ, при чемъ являются не съ пустыми руками, а приносятъ богатые подарки. Въ первый день по прибытіи устраивается парадный обѣдъ, на которомъ присутствуетъ негусъ. Во время обѣда ораторы произносятъ рѣчи, въ которыхъ восхваляютъ Бога за попеченіе о благѣ Церкви и за то, что Онъ далъ имъ такого добраго епископа. Послѣ обѣда діаконъ произноситъ многолѣтіе. Въ слѣдующіе дни продолжаютъ приносить новому епископу поздравленія и подарки, что продолжается мѣсяца два. Подарки приносятся очень цѣнные: слитки золота и серебра, искусно выдѣланные разноцвѣтные ковши изъ цѣлаго рога для вина. Занимающіеся охотой дарятъ львиныя и леопардовыя шкуры для постилки пола; отъ женщинъ приносятся сотканныя ими драгоцѣнныя матеріи для сорочекъ и кафтановъ. Словомъ, всякій приноситъ то, чѣмъ богатъ. Доставляются и съѣстные припасы и даже скотъ. Напримѣръ, одинъ пригоняетъ десятокъ быковъ, другой — овецъ, третій приноситъ кадку масла; сносятъ бочками вино, молоко, постное масло, медъ, воскъ и пр.

При негусѣ Іоаннѣ произошло одно крупное событіе, повлекшее за собою разныя случайныя перемѣны въ церковномъ управленіи Абиссиніи. Митрополитъ абиссинскій Петръ не поладилъ съ Іоанномъ.

Смѣлый по характеру, получившій въ народѣ за свои дѣйствія даже прозваніе „льва", Петръ часто вызывался обличать Іоанна за его строгія мѣры противъ преступниковъ. Это не нравилось Іоанну. Но одинъ случай окончательно рассорилъ царя съ митрополитомъ. Въ Абиссиніи царь имѣетъ обыкновеніе дарить новоназначенному епископу какіе-нибудь подарки. Когда въ первый разъ прибылъ въ Тигре епископъ Петръ, царь подарилъ ему своего мула. Это было знакомъ чрезвычайнаго уваженія къ епископу со стороны царя. Царскій одномастный мулъ, всегда выхоленный, вымытый, вычищенный, украшенный золотымъ сѣдломъ, сіяющимъ подобно солнцу, является предметомъ роскоши, свойственнымъ одному негусу. Кромѣ царя, никто на него не садился, такъ какъ это почиталось бы униженіемъ царскаго достоинства. И вдругъ этого мула царь подарилъ митрополиту. Народъ пришелъ въ удивленіе отъ такого небывалаго поступка негуся, но митрополитъ, можетъ-быть, по незнанію абиссинскихъ обычаевъ и порядковъ, отнесся къ подарку царя не такъ, какъ слѣдовало бы. Можетъ-быть, онъ и не подозрѣвалъ, что подарокъ, сдѣланный царемъ, чуть ли не означалъ уравненія достоинствъ царя и митрополита. Во всякомъ случаѣ, поѣздивъ около года на царскомъ мулѣ, Петръ отдалъ его въ полной сбруѣ своему архидіакону. Ничего бы еще, если бъ архидіаконъ пользовался муломъ самъ, но и онъ, какъ иностранецъ, не отдалъ должнаго уваженія царскому мулу. Въ одинъ солнечный день негусъ Іоаннъ сидѣлъ у окна своего дворца и любовался окрестными видами. Необыкновенный блескъ вдали привлекъ его вниманіе. Онъ навелъ бинокль и къ ужасу своему замѣтилъ знакомаго мула, украшеннаго золотымъ сѣдломъ, и на немъ жену архидіакона. Гнѣвъ Іоанна былъ невыразимъ. На другой день во время засѣданія царскаго совѣта слуги ввели въ собраніе архидіакона. Царь велѣлъ дать ему нѣсколько ударовъ кнутомъ, и палачи уже приготовились было исполнить царское слово, какъ вдругъ въ залъ совѣта входитъ извѣщенный о гнѣвѣ царя митрополитъ. Тутъ произошла поразительная сцена. Петръ кинулся къ своему связанному слугѣ и закрылъ его своимъ тѣломъ отъ ударовъ; палачи въ страхѣ отступили. Тогда Петръ, обращаясь поочередно къ палачамъ, судьямъ и царю, произнесъ трижды: „анаѳема". Пришедшій въ ярость Іоаннъ выхватилъ у тѣлохранителя мечъ и уже занесъ его надъ святителемъ, но стоящіе вблизи удержали его за руки. Петръ взялъ съ собою своего слугу и вышелъ изъ залы. На другой день царь созвалъ совѣтъ, на кото-

ромъ было рѣшено лишить митрополита власти управлять митрополіей, отнять у него всѣ присущія его сану выраженія почестей какъ-то: караулъ, свиту и пр. и ограничить его содержаніе. Управленіе митрополіей было предоставлено чаггэ, за митрополитомъ же оставлено было право только рукополагать въ іерархическія степени. Черезъ недѣлю послѣ изложеннаго выше событія духовенство съ крестнымъ ходомъ отправилось сначала къ царю, а затѣмъ къ митрополиту. Чаггэ и другія высшія духовныя лица, участвовавшія въ этой процессіи, со слезами умоляли царя и митрополита помириться. Петръ снялъ свою анаѳему съ царя и со всѣхъ тѣхъ, которые подпали ей, но тѣмъ не менѣе до самой смерти Іоанна оставался лишеннымъ своей власти и почестей.

Аксумъ—самый первый городъ въ Абиссиніи въ религіозномъ отношеніи, такъ сказать, религіозный центръ, объединяющій въ себѣ всѣхъ абиссинцевъ-христіанъ. Въ немъ находится замѣчательный монастырь (гедáмъ), называемый „Ціонъ" (Сіонъ). Это очень древній монастырь, обширный и многолюдный. Внутри монастырской ограды стоитъ одинъ храмъ, чрезвычайно ветхій. Къ нему-то и обращены всѣ сердца благочестивыхъ абиссинцевъ. По преданію, храмъ этотъ есть не что иное, какъ ветхозавѣтная скинія построенная царицей савскою (абиссинцы даже называютъ имя этой царицы Хайка и почитаютъ въ числѣ своихъ святыхъ). Хайка была эѳіопскою царицей. На основаніи библіи абиссинское преданіе дополняетъ о ней слѣдующее.

Хайка будто бы была одною изъ женъ Соломона и жила у него около года. Возвращаясь на родину, она захватила съ собой левитовъ, священниковъ, пѣвцовъ, мастеровыхъ (для постройки храма) и даже первосвященника. Намекомъ на это абиссинцы считаютъ слѣдующее мѣсто библіи: „Царь Соломонъ далъ царицѣ Савской все, чего она желала и чего просила, сверхъ того, что подарилъ ей царь Соломонъ своими руками. И отправилась она обратно въ свою землю, она и всѣ слуги ея" (III Царствъ 10, 11; или II Паралипоменонъ 9, 12). Въ городѣ Аксумѣ Хайка построила храмъ на подобіе Саломонова, въ которомъ приносились кровавыя жертвы и въ святилищѣ горѣлъ неугасимый огонь. Всѣ эѳіопы приняли обрѣзаніе *) и весь Моисеевъ законъ. Списки Моисеева Пятикнижія, привезенные изъ Іерусалима, будто и понынѣ хра-

*) Обрядъ обрѣзанія сохранился въ Абиссиніи и понынѣ, какъ остатокъ старины.

нятся въ Аксумѣ. Этого мало. Абиссинцы вѣрятъ, что въ ветхомъ аксумскомъ храмѣ, стоящемъ въ оградѣ Сіонскаго монастыря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности было святое святыхъ, хранится ветхозавѣтная святыня—ковчегъ завѣта съ Моисеевыми скрижалями (эти предметы на абиссинскомъ нарѣчіи обозначаются двумя словами: „Целàто-мусе"—ковчегъ Моисея). Онъ будто бы былъ перенесенъ эѳіопами изъ Іерусалима въ Аксумъ (когда и какъ объ этомъ простой народъ не знаетъ, но въ школахъ абиссинскихъ исторія этого событія излагается подробно). Въ ограду Сіонскаго монастыря допускаются только мужчины, но внутрь ветхозавѣтнаго храма никто изъ народа не осмѣливается проникнуть. Возлѣ храма живетъ одинъ престарѣлый архимандритъ (кóмосъ), обязанность котораго кадить ежедневно предъ ковчегомъ завѣта. Онъ это совершаетъ съ большимъ благоговѣніемъ. Взявъ кадильницу съ углями и горсть ладана, онъ идетъ къ церковной завѣсѣ, ведущей въ святое святыхъ, и, просунувъ въ нее руку съ кадильницей, совершаетъ трижды кажденіе „зря вспять". За завѣсу же имѣетъ право входить только епископъ и то разъ въ годъ, чтобы помолиться и наблюсти чистоту. Толпы богомольцевъ, посѣщающіе Аксумъ, останавливаются у церковной ограды и, взирая на виднѣющуюся изъ-за ограды старинную кровлю завѣтнаго храма, усердно молятся, припадая къ землѣ. Многіе цѣлуютъ камни монастырской ограды и захватываютъ съ собою горсть земли, которую хранятъ, какъ святыню. Разъ въ годъ въ Аксумѣ совершается торжество—„баáлъ Ціонъ"—сіонскій праздникъ, который тянется до двухъ недѣль. Въ теченіе этого времени въ Аксумѣ успѣваетъ побывать почти вся христіанская Абиссинія.

— Недавно было опубликовано мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвержденное 16 января 1895 года, согласно которому въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ изъ Государственнаго Казначейства на содержаніе городскаго и сельскаго духовенства по смѣтѣ Святѣйшаго Сvнода 1894 года, впредь съ 1 января 1895 года будетъ отпускаться на тотъ же предметъ по пятисотъ тысячъ рублей въ годъ. По словамъ «Моск. Вѣдом.», вѣсть объ этой новой мѣрѣ попечительности правительства о положеніи духовнаго сословія будетъ, конечно, принята съ искреннею радостью и благодарностью какъ духовенствомъ, такъ равно и всѣмъ православнымъ народомъ. Вопросъ объ улучшеніи положенія приходскаго духовенства уже очень давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе правительства. Оно занималось имъ еще въ прошломъ столѣтіи,

хотя практическія мѣропріятія осуществились лишь съ 1828 года, когда состоялось особое Высочайшее повелѣніе Императора Николая Павловича, въ силу коего съ 1830 года на содержаніе духовенства стала вноситься въ государственную смѣту опредѣленная, хотя и весьма скромная, сумма. Замѣчательно что сумма эта была исключена изъ государственной смѣты въ 1861 году, то-есть духовенство лишилось матеріальной поддержки именно въ то время, когда въ образованныхъ слояхъ общества наступилъ періодъ религіознаго индифферентизма и безвѣрія. Правда, одновременно съ этимъ была образована особая коммиссія съ цѣлію разработки вопроса объ обезпеченіи духовенства, но труды ея, къ сожалѣнію, привели въ концѣ концовъ лишь къ весьма неудачной мѣрѣ, послѣдствія которой далеко еще не изгладились до настоящаго времени: мы говоримъ объ извѣстномъ сокращеніи числа приходовъ и упраздненіи церквей съ цѣлью улучшенія содержанія духовенства остающихся приходовъ. Но если не по отношенію къ центральной Россіи, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ окраинамъ государство не могло ограничиться такою мѣрой, отъ которой хотя нѣкоторая часть населенія и пріобрѣтала пастырей находящихся въ болѣе нормальныхъ условіяхъ матеріальнаго быта, то за то другая часть почти вовсе лишилась своихъ пастырей. Настоятельная нужда заставила правительство отступить отъ политики невоспособленія духовенству на окраинахъ, прежде всего вслѣдъ за польскимъ возстаніемъ 1863 года, когда признано было необходимымъ увеличить содержаніе православнаго духовенства въ Западномъ краѣ. Затѣмъ рядомъ мѣръ улучшается на государственный счетъ положеніе духовенства въ Рижской епархіи въ 1867, въ бывшей уніатской Холмской епархіи въ 1875, духовенства Закавказскаго края въ восьмидесятыхъ годахъ, и т. д. Такимъ образомъ, въ общемъ, ассигнованія на содержаніе приходскаго духовенства достигли въ государственномъ бюджетѣ 1893 года суммы свыше шести милліоновъ рублей, хотя изъ нея духовенству центральной Россіи дается воспособленіе лишь въ самой ничтожной степени, главныя же ассигнованія предназначены почти исключительно для окраинныхъ епархій: изъ числа примѣрно 39.000 православныхъ приходовъ Имперіи, около 19.000 приходовъ пользуются поддержкой государства, остальные же существуютъ исключительно на доходы отъ церковно-приходскихъ имуществъ и отъ платы прихожанъ за исполненіе требъ. Въ такомъ положеніи находился вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта

духовенства въ 1892 году, когда, по твердо выраженной личной волѣ незабвеннаго Императора Александра Александровича, правительство приступило къ изысканію средствъ къ безотлагательному улучшенію быта приходскаго духовенства коренной Россіи, а 28 декабря того же года состоялось первое послѣ длиннаго ряда лѣтъ Высочайшее повелѣніе о внесеніи въ смѣту 1893 года 250.000 рублей на увеличеніе содержанія духовенства и о продолженіи увеличенія этихъ ассигнованій въ будущемъ, впредь до полнаго обезпеченія быта духовенства повсемѣстно въ Россіи. Высочайше утвержденное 16 января текущаго года мнѣніе Государственнаго Совѣта показываетъ что священная воля почившаго Печальника Земли Русской неуклонно приводится въ исполненіе его Державнымъ Сыномъ. Въ началѣ нынѣшняго года состоялось Высочайшее повелѣніе о новомъ отпускѣ 700.000 рублей ежегодно на церковно-приходскія школы. Еще недавно мы сообщали слухъ о предстоящемъ увеличеніи государственнаго смѣтнаго назначенія на церковно-приходскія школы еще на 3.250.000 рублей. Конечно, улучшеніе быта приходскаго духовенства и крупныя жертвы Государства на церковно-приходскую школу не составляютъ случайнаго совпаденія. Эти двѣ мѣры находятся между собою въ очевидной и несомнѣнной связи и взаимно дополняютъ другъ друга: духовенство не можетъ нести успѣшно ни своихъ пастырскихъ, ни своихъ учительскихъ обязанностей доколѣ оно не будетъ вполнѣ обезпечено матеріально; съ другой стороны, всякая помощь со стороны государства церковно-приходской школѣ, облегчая бремя несомое нынѣ духовенствомъ по школьному дѣлу, тѣмъ самымъ улучшаетъ положеніе самого духовенства. И это совершенно понятно: приходскій храмъ и школа при немъ составляютъ одно цѣлое, одно учрежденіе, цѣль котораго—просвѣщеніе прихожанъ въ духѣ Христовой вѣры. Несомнѣнно, что и практически невозможно разграничить средства назначаемыя на улучшеніе положенія духовенства отъ средствъ на дѣло церковной школы. Учительство признается нынѣ духовнымъ вѣдомствомъ одною изъ главнѣйшихъ обязанностей священника, и онъ долженъ нести ее почти независимо отъ того, есть ли особыя средства на открытіе школы, или ихъ нѣтъ; поэтому сплошь и рядомъ причты не только содержатъ, но и строятъ школы на свои собственныя средства и трудятся въ нихъ не только сами, но и съ членами своихъ семей. При этихъ условіяхъ улучшеніе матеріальнаго положенія причта всегда является вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшеніемъ приход-

ской школы. Расходы на содержаніе духовенства и на церковную школу не могутъ не сливаться также съ государственной точки зрѣнія. Въ сущности это одна часть, одна отрасль государственнаго благоустройства.

— П. Суворовъ высказываетъ въ Русскомъ Обозрѣніи (іюль, 1895) вѣскіе доводы въ пользу церковной школы. Нѣкоторые совершенно не основательно называютъ эти школы клерикальными. Клерикализмъ на Западѣ, говоритъ онъ, имѣетъ политическое значеніе. Въ немъ соединена совокупность интересовъ всего католическаго духовенства. Во имя клерикализма и его господства надъ умами человѣчества работаетъ громадная корпорація людей, хранящая собственныя историческія основы, цѣлую стройную систему опредѣленныхъ мѣропріятій. Ничего подобнаго не имѣетъ русское духовенство, всегда искренно служившее указаніямъ своихъ Государей и религіознымъ требованіямъ страны. Въ дѣлѣ приходскихъ школъ наши священники, и то въ рѣдкомъ случаѣ, могутъ проявлять непониманіе ихъ государственнаго значенія, но придавать церковнымъ школамъ характеръ враждебности къ своему отечеству они не въ состояніи по самому складу ихъ понятій. И, конечно, матеріальная помощь земства церковно-приходскимъ школамъ только расширила бы плодотворную дѣятельность ихъ, между тѣмъ земство чуждается сближенія съ духовенствомъ, а послѣднее не привыкло громко заявлять о своихъ нуждахъ и стремленіяхъ. Тогда какъ намъ именно нужно— чтобы народное воспитаніе покоилось на незыблемыхъ религіозныхъ началахъ, чтобы крестьянинъ сознательно понималъ, что онъ гражданинъ своей страны, что все его счастіе тѣсно связано съ ея настоящимъ строемъ, съ ея историческимъ прошлымъ. Интересно, какъ рѣшаются въ земскихъ собраніяхъ вопросы такой первостепенной важности, какъ школьный. Авторъ, состоя гласнымъ Зарайскаго земскаго собранія, высказался на одномъ изъ собраній въ пользу церковныхъ школъ и просилъ собраніе объ ассигнованіи хотя небольшой суммы на учебныя пособія и на библіотеки при этихъ школахъ. И что же? Изъ двадцати восьми гласныхъ за его предложеніе высказалось пять. Нѣсколько странно было поведеніе восьми членовъ собранія, принадлежавшихъ къ крестьянскому обществу. Нѣкоторые изъ нихъ при счетѣ голосовъ предсѣдателемъ то несмѣло вставали, то садились. Видимо они сочувствовали его словамъ, касавшимся непосредственно ихъ быта, но не рѣшались проявить самостоятельности безъ справки съ желаніями большинства.

Такъ убѣжденно, конечно, рѣшаются нашимъ самоуправленіемъ и другіе вопросы.

Земства играютъ въ оппозицію, несмотря на всюду явно выражаемое народное сочувствіе къ церковному характеру школъ, и тѣмъ тормозятъ дѣло народнаго просвѣщенія.

— У насъ, по словамъ „Моск. Вѣд.", въ обществѣ и даже, къ прискорбію, въ средѣ служителей Св. Церкви многіе привыкли смотрѣть на расколъ сквозь пальцы, а оказывать расколу покровительство, дѣлать ему всякія уступки и снисхожденія, вошло у насъ въ какую-то болѣзненную моду. Чѣмъ объяснить такое прискорбное отношеніе къ расколу—сказать трудно. Съ одной стороны, предполагаемъ, что раскольники, обладающіе денежными средствами, умѣютъ располагать въ свою пользу нужныхъ чиновныхъ и нечиновныхъ лицъ, а съ другой стороны, думаемъ, что такое отношеніе къ расколу объясняется и тѣмъ, что большинство нашего общества не имѣетъ и не желаетъ имѣть правильнаго взгляда на расколъ и относится безразлично къ расколу и православію. Даже и тѣ изъ православныхъ членовъ нашего общества, которые считаютъ себя твердыми въ православіи, привыкли смотрѣть на раскольниковъ, какъ на людей приверженныхъ къ обряду и церковности и стоящихъ только за обрядъ и за церковность. Да и сами раскольники вездѣ вопятъ о себѣ, что они стоятъ только, и исключительно только, за обрядъ и за церковность, причемъ не теряютъ случая набросить тѣнь на именуемую ими „господствующею" Православную Церковь, взрыгая на нее навѣты, будто она сокращаетъ богослужебный чинъ, а пастырей ея не стыдятся именовать „чиновниками". Но стоитъ повнимательнѣе прислушаться къ воплямъ раскольниковъ, стоитъ хотя немного вникнуть въ ихъ дѣятельность, чтобы понять цѣль этой дѣятельности и убѣдиться, что раскольники стоятъ совсѣмъ за другое, а чтобы эти слова не были сочтены за клевету на именуемыхъ старообрядцевъ, предлагаемъ читающему сужденіе маститаго борца противъ раскола, нынѣ умершаго, отца архимандрита Павла Прусскаго, о цѣли дѣятельности старообрядчества. Не говоримъ уже о томъ, что отецъ Павелъ, какъ православный богословъ-апологетъ и борецъ съ расколомъ, есть величина необыкновенная. Въ данномъ случаѣ его сужденіе о расколѣ имѣетъ вѣсъ и значеніе, потому что отецъ Павелъ до 1867 года самъ былъ раскольникомъ и виднымъ дѣятелемъ раскола, но съ 1867 года, обратившись въ православіе, принесъ Св. Церкви пользу подобную той, которую принесъ Св. Церкви соимен-

ный ему первоверховный апостолъ Павелъ. Слѣдовательно, отцу Павлу болѣе, чѣмъ кому другому извѣстны сокровенныя цѣли нашихъ раскольниковъ.

Вотъ дословно сужденіе его о дѣятельности и цѣли старообрядчества: именуемые старообрядцы, не только безпоповцы, но и поповцы, въ своей проповѣди и дѣятельности не имѣютъ той цѣли, чтобы способствовать обращенію язычества къ вѣрѣ Христовой, во исполненіе Христова повелѣнія шедше научите вся языки (Матѳ. зач. 116). Вся ихъ цѣль и все ихъ тщаніе состоитъ въ томъ, чтобы кого изъ православныхъ совратить въ расколъ. И дабы простой, невѣдущій писанія народъ удобнѣе совращать въ свои лжеученія, они прикрываются личиной „старой вѣры", якобы твердо ними одними соблюдаемой, безъ которой нельзя спастись: и темный народъ, не зная, что есть вѣра и слыша отъ нихъ, что истинная вѣра заключается якобы въ хожденіи по солнцу, въ сложеніи двухъ перстовъ, двоеніи аллилуіи и прочихъ ими употребляемыхъ обрядахъ, слыша ихъ хуленія на церковь, отложившую сіи обряды, удобно обольщается призракомъ старой вѣры, оставляетъ церковь и переходитъ въ общество, учрежденное какимъ нибудь старикомъ или старухой, не имущее ни единаго таинства, ни малаго подобія церкви. Впрочемъ безпоповцы, хотя и стараются пополнять свои секты совращеніемъ православныхъ, по своему безпоповскому положенію, не имѣютъ по крайней мѣрѣ цѣлію осуществленіе большихъ задачъ. Также и бѣглопоповщина, хотя тщится на совращеніе православныхъ къ своему обществу, но по своему безъ-іерархическому положенію тоже не могла и не можетъ стремиться къ осуществленію какихъ-либо широкихъ плановъ. Но когда явилась Австрійско-Бѣлокриницкая іерархія, ея учредители и почитатели возмечтали весьма о многомъ. По словамъ отца Онуфрія, бывшаго намѣстникомъ Бѣлокриницкаго митрополита Кирилла и сотрудникомъ Павла, учредителя іерархіи, они думали запрудить архіереями всю Россію. Исполненію такихъ мечтаній воспрепятствовали, конечно, по Божію устроенію, скоро возникшія въ Бѣлокриницкой іерархіи междоусобныя распри: чѣмъ болѣе являлось епископовъ, тѣмъ болѣе возникало между ними раздора. И хотя эта мечта—наполнить Россію раскольническими епископами—такъ и осталась мечтою; но стремленіе умножать своихъ послѣдователей въ расколѣ, и преимущественно въ той его половинѣ, которая управляется Бѣлокриницкою іерархіею, не прекратилось: раскольники неусыпно стараются совращать православныхъ и чрезъ то

умножать свое общество. И если теперь, когда принадлежащихъ ко всѣмъ старообрядческимъ сектамъ можно насчитывать до трехъ милліоновъ (въ томъ числѣ послѣдователей Австрійской іерархіи едва ли есть и одинъ полный милліонъ), старообрядцы, застращивая правительство утверждаютъ, что ихъ есть до пятнадцати милліоновъ и на этомъ основаніи требуютъ себѣ равноправія съ Православною Церковію, — то что было, бы еслибъ и въ правду ихъ считалось до пятнадцати милліоновъ? Тогда расколъ смѣло бы потребовалъ—выгнать православное духовенство изъ кремлевскихъ соборовъ и отдать соборы имъ самимъ, какъ собственное ихъ достояніе. Возразятъ мнѣ, что я говорю не вѣрно; но пусуь каждый старообрядецъ спроситъ себя, что онъ думаетъ, когда взойдетъ въ Успенскій соборъ, — не то ли самое, что я говорю? Онъ мыслитъ: все это когда-то было наше достояніе, вся Россія содержала нашу вѣру, древніе цари до Никона были нашей вѣры, и хорошо было бы, если бы вся эта святыня опять къ намъ возвратилась, и скоро ли это будетъ? Итакъ, расколъ не только то думаетъ, что онъ имѣетъ правую вѣру, но что и въ кремлевскихъ соборахъ должны властвовать ихъ епископы, и что господствующею въ Россіи религіей, по наслѣдству якобы отъ князя Владиміра, должна быть ихъ старообрядческая религія. И если расколъ прямо не заявляетъ такихъ требованій, то лишь потому, что не имѣетъ въ дѣйствительности достаточнаго числа послѣдователей (хотя бы въ желаемомъ количествѣ пятнадцати милліоновъ), не имѣетъ достаточной силы. Потому онъ и стремится всячески совращать православныхъ, чтобъ увеличить свою силу и, собравшись съ силами, ниспровергнуть православную греко-россійскую Церковь. Господь, создавшій и утвердившій Церковь Свою, посрамляетъ и посрамитъ козни ихъ и желаніе ихъ погибнетъ; но долгъ пастырей Церкви остерегать стадо отъ волковъ губящихъ. И одной ли только православной Россійской Церкви вредятъ старообрядцы распространеніемъ раскола въ православномъ русскомъ народѣ? Не причиняютъ ли они чрезъ это великій вредъ и русскому государству? Государство русское не тѣмъ лишь крѣпко, что его составляетъ одинъ русскій народъ, но и тѣмъ, что этотъ народъ содержитъ одну православную вѣру. Единство вѣры, преданность православію, — вотъ что издревле и всегда спасало Россію отъ опасностей и бѣдъ. А расколъ тщится всею своею силою нарушить цѣлость вѣры въ русскомъ народѣ. И если бы случилось (чего сохрани Боже!), что расколъ достигъ бы

своей цѣли, это неминуемо повело бы къ ослабленію государства. Посему то и нужна особенно тщательная заботливость православныхъ пастырей о прегражденіи успѣховъ раскола и о вразумленіи раскольниковъ словомъ истины, посему-то лежитъ на нихъ обязанность изыскивать способныхъ къ тому миссіонеровъ, составлять противъ раскола книги и распространять ихъ повсюду, не щадя на это матеріальныхъ издержекъ. Эта дѣятельность принесетъ пользу не только Св. Церкви, но и государству, объединяя его силы единствомъ вѣры въ русскомъ народѣ. Такъ говоритъ о. Павелъ. Вотъ знаменательныя слова! И если бы все наше общество имѣло правильный взглядъ на расколъ, то и относилось бы къ расколу правильно. А если бы все наше общество и особенно высокоученое столичное и нестоличное духовенство относились къ расколу, какъ относились къ нему истинные іерархи нашей Церкви, то давно бы сила раскола была ослаблена, давно бы расколъ смирилъ свою вознесенную выю и не хулилъ бы открыто и „съ апломбомъ“ Св. Православную Церковь, давно бы онъ, можетъ-быть перешелъ въ исторію, какъ дѣла давно минувшихъ дней.

— «Церковный Вѣстникъ» затрогиваетъ старый вопросъ объ участіи гражданской власти въ борьбѣ съ расколомъ. Онъ находитъ, что въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ, когда противораскольническая миссія постепенно усиливалась и развивалась, миссіонеры не переставали жаловаться на отсутствіе законнаго содѣйствія имъ со стороны гражданской власти. Жалуются они на это и въ настоящее время, но извѣстно, что далеко не всѣ сочувствуютъ этой жалобѣ. Нужно-ли такое содѣйствіе—этотъ старый вопросъ рѣшается далеко не одинаково. Одни рѣшаютъ его въ положительномъ смыслѣ, причемъ, само собою разумѣется, въ достаточной мѣрѣ доказываютъ свое положеніе; другіе, наоборотъ, на извѣстныхъ основаніяхъ приходятъ къ выводу отрицательному. Если расколъ есть явленіе церковное, если борьба ведется противъ религіозныхъ убѣжденій, то она должна навсегда и исключительно сосредоточиться въ мѣрахъ духовнаго характера, въ пастырскихъ бесѣдахъ и миссіонерскихъ увѣщаніяхъ. И, однако, есть другая сторона вопроса, которая показываетъ, что необходимо установить болѣе общую точку зрѣнія на предметъ, чтобы судить о дѣлѣ правильно. Отрицать законность и цѣлесообразность помощи со стороны гражданскаго правительства для Церкви въ ея борьбѣ съ расколомъ можно только по недоразумѣнію. Расколь-

ники никогда не жили внѣ гражданскаго закона, и законъ всегда имѣлъ цѣлію не что иное, какъ ослабленіе раскола. А это и значитъ, что Церковь никогда не оставалась внѣ помощи гражданскаго закона въ своей борьбѣ съ расколомъ. Въ чемъ—именно должна на самомъ дѣлѣ выражаться эта помощь? Если существуетъ гражданскій законъ о расколѣ, если онъ имѣетъ цѣлію не усиленіе раскола, а его сокращеніе, то содѣйствіе его Церкви въ ея борьбѣ съ расколомъ мыслимо только при условіи точнаго исполненія закона. А этимъ уже опредѣляются и размѣры содѣйствія гражданской власти, проявленія его. Поскольку раскольники нарушаютъ требованія гражданскаго закона, постольку гражданская власть и должна оказывать свое содѣйствіе миссіи.

Справедливо утверждать, что въ борьбѣ съ расколомъ слѣдуетъ остаться при одномъ вразумленіи. Но несомнѣнно и то, что современная миссія противъ раскола сильно ослабляется тѣмъ, что расколъ произвольно выходитъ изъ опредѣленныхъ для него гражданскимъ закономъ рамокъ. «Духъ терпимости слѣдуетъ соединять съ необходимыми мѣрами строгости»; эта точка зрѣнія законодательства о расколѣ времени Императора Николая I должна быть признана безусловно вѣрною. Слѣдуетъ упомянуть, что это начало защищали такіе знаменитые противъ раскола дѣятели, какъ митрополитъ московскій Филаретъ и петербургскій Григорій. Признавая, что полицейскій не долженъ сопровождать миссіонера, что въ миссіонерской области силенъ только миссіонеръ, и въ этомъ смыслѣ онъ совсѣмъ не нуждается въ сторонней помощи, они, однако-же, совѣтывали не забывать, что нельзя возлагать на миссіонера такихъ обязанностей, которыя стоятъ внѣ его среды, потому что на пути миссіи часто встрѣчаются такія препятствія, устранить которыя—не въ средствахъ миссіонера. Въ существѣ дѣла, требованіе нынѣ дѣйствующаго закона о расколѣ отвѣчаетъ потребностямъ миссіи, но, къ сожалѣнію, законъ не точно исполняется подлежащими чинами.

— Сибирскій Вѣстникъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о колоніи скопцовъ въ Сибири, живущихъ въ Спасскомъ поселкѣ, недалеко отъ города Олекминска. По словамъ газеты, скопецъ, стремясь алчно къ добыванію рубля, никогда при этомъ не снимаетъ своей елейной маски. Слушая его, подумаешь: „вотъ человѣкъ не отъ міра сего!“ А попытайтесь заглянуть во внутреннюю жизнь скопцовъ. Если кто не имѣетъ понятія объ адѣ, пусть сдѣлаетъ

эту попытку. Кучка людей съ елейными физіономіями, готовыхъ перерѣзать другъ другу горло—вотъ та картина, которая представится наблюдателю. Если кулакъ-крестьянинъ очень часто вырабатываетъ въ себѣ всѣ пріемы щедринскаго Іудушки, то что же сказать о скопцѣ-кулакѣ? Этотъ послѣдній и во снѣ не проболтается правдой. Таковъ, по крайней мѣрѣ, извѣстный спасскій благодѣтель N. Человѣкъ очень не глупый, слѣдящій внимательно за внѣшнею и внутреннею политикой Россіи (черта довольно распространенная между скопцами), обладающій нѣкоторыми прикладными знаніями, добытыми имъ эмпирическимъ путемъ, онъ сумѣлъ сдѣлаться нужнымъ человѣкомъ во всемъ округѣ. Онъ и строитель-архитекторъ, онъ и механикъ, онъ же и совѣтчикъ въ затруднительныхъ обстоятельствъ. Ни одинъ туристъ изъ знатныхъ иностранцевъ не минетъ двора N. Онъ умѣетъ принять дорогихъ гостей. Знатный иностранецъ выходитъ изъ дому N какъ-бы очарованный. „Вотъ, думаетъ онъ, полезный человѣкъ для края!" Эту „полезность" больше всего испытываютъ скопцы Спасскаго села. N. служитъ опорой и столпомъ скопческихъ богатѣевъ.

— Съ 1-го августа начнется обмѣнъ билетовъ нынѣшняго образца, какъ 10 рублеваго, такъ и другихъ достоинствъ, на десятирублевые билеты новаго образца, а равно выдача билетовъ сего образца по операціямъ государственнаго банка въ конторахъ банка: с.-петербургской, варшавской, екатеринбургской, кіевской, московской, одесской, рижской, ростовской и харьковской. Билетъ отпечатанъ на бѣлой бумагѣ съ внутренними водяными знаками, представляющими косо расположенные ряды свѣтлой арабской цифры 10 съ тѣнью справа и снизу. Фигура, помѣщенная въ нижней части билета, представляетъ аллегорическое изображеніе Россіи, въ видѣ сидящей женщины, въ парчевомъ платьѣ, украшенномъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, бармахъ и шапкѣ Мономаха, изъ-подъ которой выпущенъ убрусъ; въ лѣвой рукѣ, покоящейся на колѣнѣ, она держитъ пальмовую вѣтвь, а правая рука опирается на овальный заостренный внизу щитъ, поставленный на нижней изъ двухъ ступеней цоколя фигуры; посрединѣ щита находится изображеніе государственнаго герба, поверхъ якоря съ канатами, идущими вокругъ щита.

МОСКОВСКІЙ МАГАЗИНЪ МАНУФАКТУРЪ

М. В. ЕМЕЛЬЯНОВА.

Въ Харьковѣ. Клочковская улица, (близъ Бурсы). Извѣщаетъ Гг. покупателей, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ о полученіи громаднаго выбора новостей къ осеннему и зимнему сезонамъ.

Краткій Прейскурантъ:

		р. к.			коп.
Драпъ модный	отъ	1 40	Кашемиръ цвѣтной. . .	отъ	12
Драпъ плюшъ	„	1 25	Шерстяныя матеріи . .	„	10
Плюшъ шерстяной широкій	„	2 95	Шелковыя матеріи. . .	„	28
Плюшъ шелковый . . .	„	1 25	Чесуча настоящ. китайск.	„	38
Биберъ касторъ	„	1 60	Ковры	„	27
Сукно черное и цвѣтное .	„	— 78	Дорожки	„	12½
Трико двойной ширины .	„	— 23	Трико бумажное . . .	„	6
Трико зимнее	„	—.65	Ситецъ	„	3
Шевіотъ модный	„	— 28	Сатинъ 1¼ ширины . .	„	18
Фланель суконная . . .	„	— 40	Сатинъ обыкновенный .	„	8½
Отрѣзъ брюкъ	„	1 23.	Бумазей	„	9

(и дороже) (и дороже)

Новость: ОДѢЯЛА ЧИКАГО, бумазей-вигонь, байка, шевіотъ, фуле, діагональ, паризьенъ, женардъ, кашемиръ, чикаго и друг. **Новѣйшія ткани и рисунки.** Громадный выборъ: шубочныхъ и пальтовыхъ матерій самыхъ новѣйшихъ тканей, а также въ большомъ выборѣ: шелковые, шерстяные и суконные товары для лицъ духовнаго званія и для всѣхъ учебныхъ заведеній г. Харькова. **По небывало дешевымъ цѣнамъ.—БЕЗЪ ЗАПРОСА и ТОРГА.** За доброкачественность и дешевизну товаровъ ручаюсь.

М. В. Емельяновъ.

БОЛЬШОЙ НОВО-ОТКРЫТЫЙ

МАНУФАКТУРНЫЙ и СУКОННЫЙ МАГАЗИНЪ

И. П. РАЗВАЛИНОВА.

Подъ Соборомъ №№ 1, 2, 3.

Къ наступающему осеннему сезону полученъ большой транспортъ: драпу, трико, сукна, фай, репсъ, кашемиръ и много другихъ шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ тканей.

Въ большомъ выборѣ форменныя матеріи для всѣхъ учебныхъ заведеній. Все ново, свѣжо и дешево.

Открывая торговлю, я задался цѣлью вести дѣло на самыхъ новыхъ началахъ по образцу немногихъ существующихъ въ Россіи торговлей—продавать большое количество товара и брать самый маленькій процентъ, въ чемъ каждый покупатель можетъ убѣдиться.

ЦѢНА БЕЗЪ ТОРГА.

И. П. Развалиновъ.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Августа № 15. 1895 года.

Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора „въ пользу нуждающихся Славянъ", полученнаго СПБ. Славянскимъ Обществомъ въ теченіе 1894 года.

Поступило изъ Амурской области 61 р. 24 к., Архангельской губ. 97 р. 08 к., Астраханской губ. 551 р. 59$^{1}/_{2}$ к., Бессарабской губ. 222 р. 04 к., Вазасской губ. 14 р. 47 к., Варшавской губ. 50 р. 62 к., Виленской губ. 75 р. 41 к., Витебской губ. 59 р. 75 к., Владимірской губ. 487 р. 19 к., Вологодской губ. 226 р. 45 к., Волынской губ. 319 р. 59 к., Воронежской губ. 15 р. 56 к., Выборгской губ. 37 р. 01 к., Вятской губ. 483 р. 55 к., Гродненской губ. 88 р. 20 к., Донской области 468 р. 88 к., Екатеринбургской губ. 302 р. 88 к., Екатеринославской губ. 443 р. 35 к., Енисейской губ. 52 р. 37 к., Иркутской губ. 357 р. 50 к., Казанской губ. 182 р. 51 к., Калужской губ. 399 р. 50 к., Кіевской губ. 14 р. 57 к., Ковенской губ. 12 р. 40 к., Костромской губ. 293 р. 42 к., Курской губ. 498 р. 93 к., Кутаисской губ. 10 р. 83 к., Лифляндской губ. 49 р. 75 к., Люблинской губ. 77 р. 90 к., Минской губ. 145 р. 15 к., Могилевской губ. 87 р. 46 к., Московской губ. 575 р. 83 к., Нижегородской губ. 157 р. 29 к., Новгородской губ. 332 р. 95 к., Олонецкой губ. 72 р. 96 к., Оренбургской губ. 316 р. 92 к., Орловской губ. 383 р. 29 к., Пензенской губ. 25 р. 09 к., Пермской губ. 125 р. 39 к., Подольской губ. 235 р. 76 к., Полтавской губ. 500 р. 98 к., Приморской области 13 р. 71 к., Псковской губ.

106 р. 11 к., Рязанской губ. 580 р. 13 к., Самарской губ. 313 р. 55 к., С.-Петербургской губ. 787 р. $41^1/_2$ к., Саратовской губ. 165 р. 67 к., Семирѣченской области 61 р. 76 к., Симбирской губ. 82 р. 47 к., Смоленской губ. 396 р. 76 к., Ставропольской губ. 10 р. 30 к., Сыръ-Дарьинской области 15 р. 20 к., Сѣдлецкой губ. 17 р. 43 к., Таврической губ. 535 р. 44 к., Тамбовской губ. 396 р. 32 к., Тверской губ. 546 р. 20 к., Тобольской губ. 7 р., Томской губ. 69 р. 12 к., Тульской губ. 585 р. 06 к., Уральской области 10 р. 99 к., Уфимской губ. 103 р. 46 к., Харьковской губ. изъ Ахтырскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. І. Хижнякова 13 р. 92 к., отъ бл. 2 окр., св. В. Ѳедорова 5 р. 22 к., отъ бл. 3 окр., св. І. Попова 15 р. 67 к., изъ Богодуховскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., пр. А. Ястремскаго 15 р. 81 к., отъ бл. 2 окр., св. А. Слѣсаревскаго 33 р., изъ Валковскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. І. Ѳедоровскаго 6 р. 92 к., отъ бл. 2 окр., пр. П. Лобковскаго 13 р., изъ Волчанскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. А. Евѳимова 23 р. 90 к., отъ бл. 2 окр., пр. Г. Буханцева 19 р. 57 к., отъ бл. 3 окр., св. П. Булгакова 5 р. 52 к., изъ Зміевскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. П. Тимофеева 10 р. 91 к., отъ бл. 2 окр., св. В. Антоновскаго 11 р. 30 к., отъ бл. 3 окр., св. І. Чудновскаго 14 р. 46 к., изъ Изюмскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. А. Касьянова 18 р. 85 к., отъ бл. 2 окр., пр. Ѳ. Любарскаго 10 р. 12 к., отъ бл. 3 окр., пр. А. Литвинова 12 р., отъ бл. 4 окр., пр. М. Куницына 2 р. 70 к., изъ Купянскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., пр. В. Попова 17 р. 20 к., отъ бл. 2 окр., пр. М. Чернявскаго 15 р. 27 к., изъ Лебединскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., пр. К. Щелкунова 14 р. 17 к., отъ бл. 2 окр., пр. М. Еллинскаго 13 р. 65 к., отъ бл. 3 окр., пр. П. Краснопольскаго 37 р. 93 к., изъ Старобѣльскаго уѣзда: отъ бл. 2 окр., св. В. Попова 12 р. 31 к., отъ бл. 3 окр., св. І. Попова 13 р. 37 к., отъ бл. 4 окр. пр. І. Максимова 48 р. 03 к., отъ бл. 5 окр., св. В. Алексѣевскаго 9 р. 35 к., изъ Сумскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., пр. В. Никольскаго 35 р. 13 к., отъ бл. 2 окр., св. А. Чугаева 14 р. 40 к., изъ Харькова, отъ бл., св. П. Полтавцева 28 р., изъ Харьковскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. Г. Лобковскаго 15 р. 44 к., отъ бл. 2 окр., св. Н. Житлова 11 р. 50 к., отъ бл. 3 окр., пр. М. Рокитанскаго 14 р., отъ бл. 4 окр., св. А. Червонецкаго 11 р. 46 к., всего 544 р. 08 к., Херсонской губ. 516 р. 68 к., Черниговской губ. 147 р. 03 к., Якутской области 7 р. 91 к., Ярославской губ. 192 р. 22 к., итого 15,127 р. 63 к.

Отъ Педагогическаго Собранія по дѣламъ образцовой школы при Харьковской Духовной Семинаріи.

Педагогическое Собраніе симъ приглашаетъ опытнаго учителя, способнаго управлять церковнымъ хоромъ, на вакантную должность втораго учителя при образцовой школѣ. Вознагражденіе 360 рублей въ годъ, квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Лица, желающія занять эту должность, имѣютъ подать прошенія на имя Ректора Духовной Семинаріи и представить свои документы или копіи съ таковыхъ.

Епархіальныя извѣщенія.

Протоіерей Николаевской церкви г. Харькова Панкратій *Ивановъ* опредѣленъ Св. Синодомъ сверхштатнымъ членомъ Харьковской Духовной Консисторіи.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Димитрій *Шишловъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви, сл. Шелестовой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Іоанно-Богословской церкви сл. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, Димитрій *Могилянскій* Волею Божіею умеръ; на его мѣсто въ сл. Шандриголову перемѣщенъ, по прошенію, священникъ Архангело-Михайловской церкви сл. Новой Айдари, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Дзюбановъ*.

— Псаломщикъ Пророко-Ильинской церкви с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда, Антоній *Козловскій*, рукоположенъ во діакона къ Троицкой церкви сл. Малой Камышевахи, того же уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Открытіе церковнаго Братства въ г. Бѣлопольѣ.—Толки о переселеніи папы въ Авиньонъ.—Сужденія папы о Франціи.—Взглядъ католиковъ на папу.—„Лже—Христосъ“.—Папа и Абиссинія.—Преслѣдованіе христіанъ въ Китаѣ.—Китайскіе вегетаріанцы.—Христіанство въ Китаѣ.—Русская миссія въ Китаѣ.—Польское католическое духовенство на берегахъ Буга.—Положеніе духовенства.—Новое вѣяніе въ духовныхъ академіяхъ.—Гражданинъ о церковно-приходскихъ школахъ.—Русскій Лурдъ.—Монашескій корабль.—Прорицатель монахъ Авель.—Секта бѣгуновъ.—Эксплоатація религіознаго чувства.

Открытіе братства во имя Пресвятыя Богородицы въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ.

23-го Іюля н. г. въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ, харьковской епархіи, совершилось открытіе братства ревнителей вѣры и церкви православной во имя Пресвятыя Богородицы. Открытіе этого братства послѣдовало по распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго

Амвросія и вызвано было возникновеніемъ и распространеніемъ въ близкихъ къ городу мѣстностяхъ лжеученія пашковцевъ, штундистовъ и толстовцевъ. Правда, въ самомъ Бѣлопольѣ, имѣющемъ отъ 16-ти до 17-ти тысячъ жителей, сектантовъ нѣтъ: но въ этомъ городѣ, по его центральному положенію среди мѣстностей, гдѣ стали появляться послѣдователи этихъ сектъ, какъ это къ прискорбію произошло въ селеніяхъ: Рѣчки, Виры, Ястребенное и пр., признано было существенно необходимымъ открытіе братства, которое могло бы предупредить или прекратить надвигающееся зло. Послѣдователи этихъ сектъ, большею частію люди простые и темные, не принадлежатъ къ числу нападающихъ или воинствующихъ сектантовъ; тѣмъ не менѣе и среди нихъ стали обнаруживаться религіозная обособленность и отчужденность отъ посѣщенія храмовъ, столь несвойственная малороссійскому народу, а вмѣстѣ съ тѣмъ—холодность и даже враждебность къ обрядамъ и установленіямъ православной церкви и въ особенности—къ православному духовенству. Эти то зловѣщіе признаки и побудили епархіальное начальство обратиться къ помощи братства, которое, по примѣру прежнихъ южно-русскихъ братствъ, могло бы оказать благотворное вліяніе въ дѣлѣ охраненія православія, религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, христіанской попечительности о бѣдныхъ и, въ особенности, въ борьбѣ съ отрицательными сторонами современной сельской жизни. Таковы въ общихъ чертахъ задачи и Бѣлопольскаго братства ревнителей вѣры и церкви православной, открытаго по иниціативѣ и по распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія. Но раскажемъ послѣдовательный ходъ учрежденія и открытія этого братства.

Согласно съ распоряженіемъ высокопреосвященнаго Амвросія, 12-го числа марта мѣсяца н. г. въ городъ Бѣлополье командированы были два члена Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ: профессоръ богословія при Харьковскомъ Университетѣ, протоіерей Т. И. о. Буткевичъ и епархіальный миссіонеръ съ высшимъ академическимъ образованіемъ священникъ Л. И. о. Твердохлѣбовъ. А нѣсколько раньше прибытія ихъ въ этотъ городъ, мѣстнымъ о. благочиннымъ объявлено было городскому духовенству, гражданскимъ чиновникамъ и представителямъ городскихъ сословій, что Высокопреосвященнѣйшій Амвросій призналъ необходимымъ учредить въ ихъ городѣ церковное Братство для болѣе успѣшной борьбы съ распространяющимися въ окрестныхъ селахъ религіозными сектами и для удовлетворенія другихъ религіозно-нравственныхъ потребностей мѣстныхъ и окрестныхъ жителей. Согласно съ

этимъ 12-го числа того-же марта въ залѣ Городской Управы собрались въ большомъ числѣ бѣлопольскіе граждане подъ предсѣдательствомъ Т. И. о. Буткевича и въ присутствіи епархіальнаго миссіонера Л. И. о. Твердохлѣбова. Предварительное собраніе это предначато было общимъ пѣніемъ молитвы Святому Духу; за тѣмъ мѣстнымъ о. Благочиннымъ прочитано было предписаніе Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія на имя этого же Благочиннаго, изъ каковаго предписанія собравшіеся могли ясно узнать поводъ, цѣль и задачу настоящаго собранія. Съ своей стороны о. Председатель постарался еще болѣе выяснить и развить основныя мысли этого предписанія. Въ своей прекрасной рѣчи, указавъ на историческія заслуги православныхъ братствъ въ борьбѣ съ тайными и явными врагами церкви, онъ охарактеризовалъ начинающееся „шатаніе" въ вѣрѣ среди здѣшняго малороссійскаго сельскаго народонаселенія, искони преданнаго завѣтамъ своихъ отцовъ, указалъ на оскудѣніе духа церковности, на пропаганду сектантскихъ и антирелигіозныхъ ученій, нерѣдко съ нигилистическимъ характеромъ, и заключилъ свою рѣчь призывомъ споспѣшествовать духовенству въ его борьбѣ съ врагами православія, въ укрѣпленіи религіозно-нравственныхъ устоевъ, завѣщанныхъ намъ благочестивыми предками, а главнѣе всего—въ поддержаніи духа единенія и любви, заповѣданныхъ Божественнымъ Основателемъ нашей православной церкви; такъ чтобы мы всѣ составляли *единое стадо*, по словамъ Спасителя: *да вси едино будутъ, якоже Азъ и Ты Отче едино есьмы.* Рѣчь о. Предсѣдателя произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Непосредственно по окончаніи рѣчи, о. Предсѣдатель обратился къ собранію съ вопросомъ: желаютъ ли представители городскихъ сословій въ Бѣлопольѣ учрежденія въ ихъ городѣ церковнаго Братства?—на что получилъ единодушный, утвердительный отвѣтъ; а потому немедлено приступлено было къ обсужденію и составленію проекта устава Братства, къ избранію городскаго храма, при которомъ должно быть учреждено новооткрываемое Братство, къ опредѣленію времени торжественнаго открытія Братства, и т. п. Рѣшено было учредить „Бѣлопольское Братство ревнителей вѣры и Церкви Православной во имя Пресвятыя Богородицы", состоящее изъ неограниченнаго числа членовъ обоего пола всѣхъ сословій и званій православнаго исповѣданія, безъ ограниченія предѣлами уѣзда, подъ покровительствомъ, руководствомъ и ближайшимъ наблюденіемъ Епархіальнаго Архипастыря. Дальнѣйшая разработка вопросовъ Общества, формулированіе Устава, избраніе Членовъ Совѣта, составленіе журналовъ и

пр. предоставлены были послѣдующему времени, съ архипастырскаго утвержденія всего этого Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ. Такъ положено было начало Бѣлопольскому Братству, дѣятельность членовъ котораго продолжалась затѣмъ безостановочно, и торжественное открытіе его назначено было на 23 іюля н. г.

Бѣлопольское церковное торжество благоволилъ почтить своимъ присутствіемъ преосвященный Петръ, Харьковскій викарій, епископъ Сумскій. День его пріѣзда въ ихъ городъ совпалъ съ тезоименитствомъ Вдовствующей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ; а потому Преосвященный немедленно прибылъ въ городской храмъ для слушанія божественной литургіи, совершавшейся соборне мѣстнымъ протоіереемъ и двумя священниками. Послѣ литургіи Преосвященный Петръ, въ сослуженіи ключаря Харьковскаго каѳедральнаго собора, священника о. Григорія Виноградова, епархіальнаго миссіонера священника о. Леонида Твердохлѣбова и всего мѣстнаго духовенствава, совершилъ торжественное молебствіе о здравіи Благочестивѣйшія Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. Въ тотъ же день Преосвященный обозрѣвалъ приходскіе храмы, преподавая всѣмъ присутствующимъ въ нихъ свое архипастырское благословеніе; и видимо остался доволенъ порядкомъ и благолѣпіемъ мѣстныхъ церквей, послѣ чего почтилъ своимъ присутствіемъ обѣдъ, предложенный ему мѣстнымъ о. Благочиннымъ.

Но вотъ наступилъ канунъ 23-го Іюня, то есть, того дня, когда предположено было совершить торжественное открытіе Бѣлопольскаго Братства. Въ обычное время, съ одного изъ городскихъ храмовъ раздался призывный благовѣсть ко всенощному бдѣнію; народъ еще раньше стекался со всѣхъ концовъ растянутаго на большое разстояніе города; каждый спѣшилъ къ храму, чтобы, если не въ самомъ храмѣ, то вблизи его имѣть возможность услышать и увидѣть еще разъ торжественное архіерейское служеніе нашей православной церкви. Преосвященный Петръ совершалъ всенощное бдѣніе въ сослуженіи шести протоіереевъ и священниковъ; онъ же совершилъ освященіе хлѣбовъ и, послѣ обычнаго поліелея, помазалъ святымъ елеемъ не менѣе 700 душъ присутствовавшихъ въ храмѣ. Всенощное бдѣніе окончилось около 10-ти часовъ вечера. Торжественность богослуженія, участіе въ общей молитвѣ епископа, соборъ священниковъ и діаконовъ, стройное пѣніе мѣстнаго хора, вся эта торжественная обстановка—вызывала въ сердцахъ всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ особое благоговѣйное настроеніе и производила сильное впечатлѣніе на всѣхъ мо-

лящихся. Но духовная радость Бѣлопольскихъ гражданъ этимъ не ограничилась.

Утренній харьковскій поѣздъ 23-го іюля доставилъ городу и другихъ дорогихъ для него гостей: Харьковскаго Вице-Губернатора, Камергера Двора Его Императорскаго ВЕЛИЧЕСТВА, Александра Карловича Бельгарда, еще раньше заявившаго о своемъ искреннемъ желаніи принять участіе въ торжественномъ открытіи Бѣлопольскаго Братства,—а также профессора богословія харьковскаго Императорскаго университета, магистра богословія, протоіерея о. Тимофея Буткевича, представителя духовенства Сумскаго уѣзда и настоятеля Сумскаго Преображенскаго собора, протоіерея о. Василія Никольскаго и пр. Особенно многознаменательно и радостно было для Бѣлопольскихъ гражданъ посѣщеніе ихъ города въ этотъ день церковнаго торжества харьковскаго Вице-Губернатора. Они ясно увидѣли въ этомъ фактѣ, что дѣло религіи, дѣло охраны, защиты и укрѣпленія православной церкви близко къ сердцу высшихъ правительственныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, и не есть исключительно дѣло одного духовенства, преслѣдующаго будто бы свои собственные интересы, какъ стараются убѣдить въ этомъ простой народъ разнаго рода пашковцы, штундисты, толстовцы и т. п. Можно думать, что подобнаго рода факты сильнѣе и благотворнѣе могутъ вліять на нашъ простой народъ, чѣмъ даже строгія мѣры гражданской власти въ дѣлахъ религіозныхъ. Въ девять часовъ утра началось торжественное служеніе литургіи, совершенное Преосвященнымъ Петромъ въ сослуженіи двухъ протоіереевъ и четырехъ священниковъ, привлекшее въ храмъ массу богомольцевъ, еще съ ранняго утра собравшихся не только съ далекихъ окраинъ города, но и окружныхъ селеній. Извѣстно благолѣпное архіерейское служеніе нашей православной церкви; но теперь оно, въ виду особыхъ обстоятельствъ и въ присутствіи иногородныхъ гостей, производило особенно сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ. За литургіею преосвященный сказалъ назидательное слово. Слово это помѣщено въ настоящей книжкѣ нашего журнала. Преосвященный говорилъ о непризванныхъ церковныхъ учителяхъ,и этимъ, съ одной стороны,вразумлялъ самозванныхъ учителей штундизма, пашковщины, толстовщины и пр., убѣдительно доказывая всю незаконность ихъ дѣятельности, а съ другой, предохранялъ вѣрующихъ отъ увлеченія ихъ лжеученіемъ и вызывалъ въ нихъ сердечное желаніе исхитить заблуждающихъ сектантовъ изъ той бездны грѣха, въ которую они впали, отдавшись

своимъ лжеучителямъ и отказавшись отъ своей матери—православной церкви.—Послѣ окончанія литургіи множество народу отправилось въ другую сторону города, къ городскому мужскому училищу, въ залѣ котораго собрались: священники городскихъ и многихъ сельскихъ церквей, представители мѣстныхъ городскихъ учрежденій, лица, изъявившія желаніе быть членами братства, и многіе граждане въ ожиданіи прибытія сюда же Преосвященнаго Петра и Г. Вице-Губернатора. По пріѣздѣ высокихъ гостей, Преосвященный, въ сослуженіи членовъ епархіальнаго миссіонерскаго Совѣта, протоіерея о. Тимоѳея Буткевича и священника о. Леонида Твердохлѣбова, предсѣдателя сумскаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго Совѣта протоіерея о. Василія Никольскаго, священниковъ, избранныхъ въ составъ Совѣта Братства, совершилъ краткое молебствіе, съ произнесеніемъ многолѣтствія ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, архіепископу Амвросію и епископу Петру, всѣмъ христіанамъ учредителямъ и сотрудникамъ Братства, и всѣмъ ревнителямъ вѣры и церкви православной. По совершеніи молебствія, преосвященный Петръ объявилъ Братство открытымъ, при чемъ лично прочиталъ журналъ состоявшагося 9-го іюля собранія братчиковъ для выбора должностныхъ лицъ Братства и самый баллотировочный листъ, на коемъ послѣдовала слѣдующая резолюція Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія: „*Утверждается*". Въ слѣдъ за-тѣмъ, протоіерей о. Тимоѳей Буткевичъ, видя усердіе и одушевленіе Бѣлопольскихъ гражданъ къ церкви православной съ одной стороны и желательный выборъ состава Совѣта Братства съ другой,—высказалъ надежду на успѣхъ будущей дѣятельности Братства, предупреждая однако же членовъ Братства, что они только въ томъ случаѣ достигнутъ въ будущемъ желательныхъ добрыхъ успѣховъ и разумно выполнять свою задачу, если будутъ руководиться главнымъ образомъ началами любви, избѣгая всякихъ пререканій, недостойныхъ видовъ честолюбія и т. п. Въ заключеніе всего, Преосвященный Петръ благоволилъ еще разъ высказать нѣсколько поучительныхъ мыслей и сердечныхъ благожеланій Братству и заключилъ свою рѣчь преподаніемъ всѣмъ своего архипастырскаго благословенія. Общимъ пѣніемъ молитвы „Достойно есть"... было закончено религіозное торжество открытія Бѣлопольскаго церковнаго Братства.

Около 3-хъ часовъ по полудни, пріѣзжіе почетные гости, члены Братства и многіе присутствовавшіе приглашены были мѣстнымъ городскимъ головою, Ал. Ал. Кононенко раздѣлить братскую тра-

незу въ одномъ изъ лучшихъ городскихъ домовъ. Весело и радостно прошла эта братская трапеза. Общее одушевленіе прекраснымъ дѣломъ, назидательныя и сердечныя рѣчи Преосвященнаго, теплыя благожеланія и живое участіе въ интересахъ братства Г. Вице-Губернатора, вотъ что служило украшеніемъ этой братской трапезы. Не было, кажется, ни одного участника братской трапезы, который не былъ бы проникнутъ любовію къ предстоящему святому дѣлу. Особенно отрадно было видѣть близкое сліяніе въ общихъ интересахъ братства пастырей и пасомыхъ,—живое и полное участіе свѣтскихъ лицъ въ дѣлѣ, прежде всего лежащемъ на отвѣтственности пастырей. Высокопреосвященнѣйшему Амвросію послана была привѣтственная и благодарственная телеграмма отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ за братской трапезою. Такъ закончилось торжественное открытіе «Бѣлопольскаго Братства ревнителей святой вѣры и церкви православной во имя Пресвятыя Богородицы». Отъ души желаемъ, чтобы Братство благоуспѣшно достигало осуществленія предначертанныхъ ему высокихъ задачъ, чтобы оно оказалось живымъ и мощнымъ помощникомъ мѣстному духовенству въ дѣлѣ утвержденія и распространенія среди народа православной вѣры, противодѣйствія сектанству и къ возвышенію религіозно-нравственнаго состоянія и просвѣщенія въ православномъ духѣ, не только въ предѣлахъ Сумскаго уѣзда, но и далеко за этими предѣлами.

— Римская газета «Corierra della Sera» сообщаетъ сенсаціонное извѣстіе, что кардинальская коллегія обсуждаетъ въ настоящее время вопросъ о переселеніи папы Льва XIII изъ Рима въ Авиньонъ (во Францію), по случаю приготовленій итальянскаго правительства къ празднованію 25-лѣтія занятія Рима. Безъ сомнѣнія, папа не растанется съ Римомъ; но замѣчательно, что толки о переселеніи папы въ какой-либо иной городъ поднимаются всегда, когда онъ желаетъ выразить свое неудовольствіе италіанскимъ правительствомъ.

— Въ Gaulois, за подписью „Французскій прелатъ", помѣщенъ отчетъ о двухъ бесѣдахъ съ папой Львомъ XIII. „Прелатъ" прежде всего заявляетъ, что большинство окружающихъ папу кардиналовъ враждебны Франціи и стараются внушить тѣ же чувства и папѣ, часто выставляя передъ нимъ положеніе дѣлъ въ превратномъ видѣ. Въ первой бесѣдѣ папа заявилъ что онъ любитъ Францію и желаетъ видѣть ее религіозною и сильною. На это собесѣдникъ отвѣчалъ папѣ слѣдующее: Главное зло во Франціи составляютъ соціалисты—революціонеры, „обрабатывающіе" рабочихъ путемъ пропаганды безпорядковъ и вражды къ хозяевамъ. Одна-

ко, эта пропаганда идетъ успѣшно только среди фабричныхъ рабочихъ. Но въ деревняхъ самое слово соціалистъ пугаетъ крестьянъ, ибо съ понятіемъ о соціализмѣ у нихъ связано опасеніе гражданской войны. На этихъ-то крестьянъ и должно опираться въ борьбѣ съ соціалистами и атеистами.

— Однако, замѣтилъ папа,—и городскіе рабочіе заслуживаютъ вниманія. Хозяева не всегда разумны и многіе изъ нихъ злоупотребляютъ своими служащими и превращаютъ ихъ въ машины. Напротивъ, хозяева хотя и должны смотрѣть на рабочихъ какъ на своихъ подчиненныхъ, но точно также должны заботиться объ обезпеченіи ихъ существованія и обращаться съ ними мягко, не забывая своихъ обязанностей.

Папа не вѣритъ въ побѣду революціи; благоустройство общества возможно только при помощи религіи. Рано или поздно христіанство снова восторжествуетъ, но къ этой цѣли надо идти осторожно, не торопясь, выжидая благопріятныхъ обстоятельствъ и и мудро пользуясь ими.

Особенно интересно мнѣніе папы о ralliés т. е. о католикахъ, признавшихъ республиканское правительство, которымъ многіе не могутъ простить перехода на сторону республики.

— Нѣтъ такой формы правительства, которая была бы предписана церковію,—сказалъ по этому вопросу папа.—Съ религіозной точки зрѣнія всякое правительство должно быть признаваемо, лишь бы оно было честно. Французская республика честна,—признавайте ее, и она перестанетъ преслѣдовать васъ. Почему республиканцы начали религіозное преслѣдованіе? Потому что католики постоянно противились установившейся власти и въ какомъ-то ослѣпленіи, пренебрегая своими же интересами, отказывались признать республику. Религіи грозятъ, я знаю это; но всего благоразумнѣе избѣгать столкновеній. Соединитесь же для ея защиты. Пусть не будетъ несогласій между людьми одинаковыхъ религіозныхъ убѣжденій изъ-за различія въ убѣжденіяхъ политическихъ. Монархистъ можетъ протянуть руку республиканцу-католику. Необходимо соединиться на почвѣ католицизма для защиты угрожаемой религіи.

Собесѣдникъ отвѣтилъ папѣ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— Наши крестьяне, оставшіеся вѣрными католиками, не могутъ понять поведенія ralliés, которое сбиваетъ ихъ съ толку. „Какъ,—съ печальнымъ видомъ говорятъ они,—такой то X присоединился къ республикѣ? Онъ былъ столь хорошимъ католикомъ, —почему же онъ оставилъ религію?“ Эти люди не могутъ понять

того, что можно остаться католикомъ, сдѣлавшись республиканцемъ. Такое-то положеніе дѣлъ и создало между католиками раздѣленіе, не существовавшее прежде.

На это папа отвѣчалъ:

— Не слѣдуетъ отчаяваться. Собирайтесь съ силами и не забывайте что всѣ французскіе католики, каковы бы ни были ихъ политическія мнѣнія, должны сплотиться для защиты церкви.

Послѣднее заявленіе папы весьма знаменательно. Святой отецъ совѣтуетъ французскимъ католикамъ признавать республику и не бороться съ нею лишь потому, что она сильнѣе. Но—„не слѣдуетъ терять надежды",—надобно „собираться съ силами", а потомъ—видно будетъ, какой совѣтъ послѣдуетъ изъ Ватикана. Нельзя сказать чтобы такія объясненія папы упрочили во Франціи довѣріе къ ralliés.

— Въ Парижѣ можно встрѣтить совершенно противоположныя крайности. Если большинство французовъ-папистовъ понимаетъ власть папы болѣе или менѣе осмысленно, то среди нихъ же мы находимъ и такихъ фанатиковъ - ультрамонтанъ, которые своими воззрѣніями невольно приводятъ въ изумленіе. Если вѣрить «Catholique français», въ церкви св. Марка, патріархъ Венеціи, говоря рѣчь о папѣ, обратился къ своимъ слушателямъ, очевидно раздѣлявшимъ его ученіе, съ такими словами: «Папа не есть только представитель Христа, но Самъ Христосъ, скрытый подъ покровомъ плоти (папы!?). Если говоритъ папа, то это значитъ, говоритъ Самъ Христосъ, даетъ кому свое благословеніе или клятву,—это все даетъ Самъ Христосъ. Поэтому, когда папа что-либо изрекаетъ,—тутъ нѣтъ мѣста сомнѣнію или недовѣрію; здѣсь можетъ быть только одно послушаніе. Также нельзя критиковать его рѣшенія и спорить насчетъ его законовъ. Итакъ, каждое лицо, хотя бы оно носило корону, подчинено ему самимъ божественнымъ закономъ».

— Если въ Парижѣ облекаютъ папу достоинствами Христа; то въ протестантскомъ мірѣ не ограничиваются этимъ. Тамъ идутъ далѣе. Новый Свѣтъ просто поражаетъ «знаменіями послѣднихъ временъ». Въ Штатѣ Иллинойсѣ явился «лже-Христосъ». По профессіи свинопасъ, онъ выступилъ въ особой одеждѣ, подобно Христу, и началъ проповѣдывать странное ученіе. На одной фермѣ онъ устроилъ особое «небо», въ которое не войдутъ тягчайшіе грѣшники противъ шестой заповѣди, черезъ что на многія семейства падутъ великія несчастія. Его соблазнъ такъ распространился въ странѣ, что правительство Иллинойса вынуждено было издать осо-

бый законъ, въ которомъ говорится, что всякій, кто вздумаетъ присвоять себѣ Божество или Божескія свойства, или выдавать себя за Святаго Духа или Христа, подлежитъ тюремному заключенію на два года. Относительно псевдо-Христа законъ уже приведенъ въ исполненіе.

— Папа Левъ XIII все-таки истинный итальянецъ. Онъ особенно теперь заинтересованъ, если вѣрить германской печати, возможностью распространенія католичества въ Эѳіопіи. 19-го іюля папа послалъ генералу іезуитскаго ордена Мартину письмо, въ которомъ съ похвалою относится къ миссіонерской дѣятельности въ странѣ коптовъ. Папа замѣчаетъ, что другія религіозныя секты (!!?), располагающія большими денежными средствами, стремятся залучить коптовъ къ себѣ, и что противъ этого нужно бороться всѣми силами. Далѣе Левъ XIII сообщаетъ генералу іезуитовъ, что наиболѣе вліятельные копты рѣшили перейти въ католичество и что онъ пожертвовалъ значительную сумму на усиленіе пропаганды и на миссіонеровъ—іезуитовъ. Онъ ждетъ прибытія въ Римъ депутаціи, которая должна выразить ему благодарность за заботы о введеніи въ Абиссиніи католической церкви. Въ заключеніе папа призываетъ іезуитовъ къ энергической дѣятельности на пользу церкви и народнаго блага (!). Письмо это скорѣе написано итальянскимъ патріотомъ, нежели римскимъ первосвященникомъ.

— Преслѣдованіе христіанъ въ Китаѣ начинаетъ принимать характеръ весьма серьезный. Въ телеграммахъ были уже сообщены свѣдѣнія объ избіеніи миссіонеровъ. Избіеніе произошло въ Пуатченгѣ, въ 20-ти миляхъ на сѣверо-западѣ отъ Фу-Чеу. Пять сестеръ миссіонеровъ убиты, пять тяжело ранены. Миссіонеръ Стюардъ и вся его семья (7 человѣкъ) тоже убиты. Пришли извѣстія также о цѣломъ рядѣ убійствъ въ другихъ мѣстностяхъ. Европейскіе консулы потребовали въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ удовлетворенія и примѣрнаго наказанія виновныхъ. По свѣдѣніямъ „Ostasiatischen Lloyd", эти преслѣдованія европейцевъ не носятъ характера случайнаго проявленія религіознаго или расоваго фанатизма, а являются послѣдствіемъ сильной анти-европейской агитаціи, которая теперь ведется во всѣхъ концахъ Китайской имперіи. Объ избіеніи миссіонеровъ англійскія газеты передаютъ еще слѣдующія подробности: „Миссіонеры были убиты шайкою въ 80 человѣкъ, такъ называемыхъ, вегетаріанцевъ. Женщины молили о пощадѣ, предлагая разбойникамъ все имущество, всѣ драгоцѣнности. Но предводитель шайки не хотѣлъ надъ ними сжалиться и приказалъ всѣхъ убить. Убитыхъ оказалось 10 человѣкъ; изъ

нихъ восемь женщинъ. Четверо дѣтей миссіонера Стюарта тяжело ранены. Спаслись пять женщинъ. Убитый пасторъ Стюартъ жилъ въ Китаѣ съ 1876 года, часто возвращаясь въ Англію. Въ 1893 году онъ снова уѣхалъ на мѣсто своей миссіонерской дѣятельности въ сопровожденіи жены и дѣтей. Если вѣрить сообщенію „агенства Рейтера", преслѣдованіе христіанъ, повидимому, не скоро прекратится. По извѣстіямъ изъ Гонгъ-Конга недавно толпа разъяренной черни напала на англійскія и американскія миссіи въ Фачанѣ подлѣ Кантона и разрушила больницы. Нѣсколько миссіонеровъ бѣжало въ Шаминъ, другіе остались въ Фачанѣ. На мѣсто безпорядковъ послали китайскую канонерку. Въ городѣ ходятъ слухи, что шайки черни въ непродолжительномъ времени намѣрены уничтожить всѣ миссіи въ провинціи Квангъ-Тунгѣ и выгнать всѣхъ миссіонеровъ въ гавани, открытыя для европейцевъ. Шайка вегетаріанцевъ состоитъ изъ 12,000 человѣкъ. Всѣ они хорошо вооружены и способны сопротивляться даже регулярнымъ китайскимъ войскамъ.

— Кто же такіе китайскіе вегетаріанцы? Это—тайное политическое общество. Объ этомъ обществѣ извѣстный путешественникъ по Америкѣ и Азіи Эрнстъ Гессе-Вартегъ сообщаетъ въ «Фоссовой Газетѣ» слѣдующія подробности: Это общество въ прежнія времена носило имя «бѣлый лотосъ» и въ 1724 году императоръ Юнгъ-Чингъ издалъ указъ, которымъ объявилъ членовъ его находящимися внѣ закона. Вегетаріанцами они называются потому, что имъ запрещено ѣсть мясо. Въ началѣ они не смѣли носить цвѣтныя платья, заостренное оружіе или инструменты (и дѣйствительно, всѣ раны убитыхъ миссіонеровъ были сдѣланы ударами сабли) и не могли владѣть имуществомъ. При поступленіи въ общество они должны были все свое имущество отдавать обществу и только пожизненно пользовались доходами съ него. Большинство членовъ союза принадлежитъ къ состоятельнымъ классамъ и поэтому орденъ подчиненный одному начальнику или гроссмейстеру обладаетъ громаднымъ состояніемъ. Въ началѣ столѣтія вегетаріанцы рѣшили уничтожить императорскую династію въ Пекинѣ. Планъ былъ раскрытъ и императоръ Кіа-Кингъ издалъ указъ объ искорененіи вегетаріанцевъ во всей имперіи. Подъ начальствомъ своего гроссмейстера Фангъ-Юнгъ-Чена они отступили въ свою главную квартиру Нанкинъ и выдерживали здѣсь въ теченіи многихъ мѣсяцевъ осаду императорскихъ войскъ. Наконецъ Нанкинъ палъ, вице-король приказалъ тысячамъ плѣннымъ отрубить головы и простилъ только тѣхъ, которые рѣшились ѣсть мясо и доказать этимъ, что они вышли

изъ тайнаго общества. Многіе дѣйствительно приняли эти условія, но остались въ живыхъ недолго, потому ихъ какъ ренегатовъ умертвили оставшіеся отъ побоища вегетаріанцы. Вмѣсто того, чтобы быть уничтоженными, члены тайнаго ордена измѣнили названіе и вмѣсто «бѣлый лотосъ» стали называться „ничего не дѣлай". Въ настоящее время они болѣе многочисленны, чѣмъ когда-либо и болѣе опасны. Китайцы считаютъ ихъ волшебниками, находящимися въ союзѣ съ дьяволомъ. Главныя стремленія, какъ и у Хунговъ, направлены противъ иноземнаго владычества, слѣдовательно, и противъ Манджуръ. Но слѣдуя принципу: Китай для Китайцевъ, они идутъ еще далѣе и относятся враждебно ко всѣмъ европейцамъ и европейскимъ религіямъ, слѣдовательно, и къ миссіонерамъ. Масса убійствъ и нападеній на миссіи приписываются имъ. Болѣе всего извѣстна великая война 1876 года изъ-за косы. Коса служитъ знакомъ подчиненія царствующей манджурской династіи, потому что до вступленія ея на престолъ китайцы носили иную прическу. Въ 1876 году населеніе большихъ городовъ Нанкина, Шанхая, Гонкгшау и др. было приведено въ ужасъ тѣмъ, что многіе тысячи китайцевъ непонятнымъ образомъ лишились косы. На улицѣ, въ домахъ, въ храмахъ, въ театрахъ падали косы съ головъ монгольцевъ и въ теченіи многихъ мѣсяцевъ поддерживался этотъ страхъ, пока не узнали, что вегетаріанцы отрѣзали эти косы съ замѣчательною ловкостью маленькими чрезвычайно острыми ножницами, которыя они ловко прятали въ ладони.

— Удивительный народъ эти китайцы. Свою ненависть къ европейцамъ, они распространяются и на христіанство. За 300 лѣтъ миссіонерскаго труда изъ слишкомъ 400 милліоновъ китайцевъ, по словамъ «Daily Chronicle», едва имѣется 1.092,818 католиковъ. Что касается протестантовъ, то ихъ не насчитывается и четверти, не смотря на то, что протестантская пропаганда ведется гораздо энергичнѣе и имѣетъ въ своемъ распоряженіи до 5,000 миссіонеровъ. Одна Англія тратитъ на миссіонеровъ больше 15 милліоновъ рублей. Неуспѣхъ христіанской пропаганды особенно бросается въ глаза по сравненію съ успѣхомъ магометанской. Въ одномъ только сѣверо-западномъ Китаѣ насчитывается до 30.000,000 мусульманъ, не смотря на то, что пропаганда мусульманъ закончилась VIII и частью IX вѣкомъ, т. е. болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ.

— Князь К. А. Вяземскій описываетъ въ «Русск. Обозрѣніи» свое путешествіе по Китаю верхомъ. Между прочимъ, онъ изображаетъ и русскую миссію въ Пекинѣ.

Русская духовная миссія, по его словамъ, находится страшно

далеко отъ центра города, по его измѣренію ровно семь верстъ отъ улицы посольства, хотя и заключена во внутренней оградѣ города (это уже одно показываетъ, какъ Пекинъ великъ). Эти семь верстъ до миссіи приходится дѣлать или верхомъ, или въ носилкахъ, во всякомъ случаѣ, весьма медленно (иначе какъ шагомъ по улицамъ Пекина ѣздить нельзя отъ постоянной сутолоки). Миссія занимаетъ немалое пространство съ роскошнымъ садомъ, хорошимъ домомъ и красивою церковью. Завѣдующій миссіею, очень почтенный и ученый архимандритъ, извѣстенъ своею аскетическою жизнью. Онъ долгое время прожилъ на Святомъ Аѳонѣ и стяжалъ себѣ тамъ добрую славу; при немъ состоятъ три іеромонаха, причетники и пѣвчіе-китайцы. Обращенныхъ въ христіанство китайцевъ мало, но въ этомъ нельзя винить членовъ миссіи: если проповѣдь ученія Христова идетъ неудачно, то это надо приписать свойствамъ китайцевъ. Это народъ алчный, злой, самодовольный, мало способный воспринять и усвоить ученіе любви. Католическіе миссіонеры только потому имѣютъ успѣхъ, что сорятъ деньгами. Они устраиваютъ лѣчебницы, пріюты, опредѣляютъ своихъ единовѣрцевъ на должности, просто даютъ на руки деньги нуждающимся. Самый-же Пекинъ, по описанію автора, представляетъ громадный, но страшно грязный, чисто-азіатскій городъ.

— Польское католическое духовенство, по обыкновенію, не остается празднымъ. „Моск. Вѣд." съ береговъ Буга пишутъ слѣдующее: нельзя не отмѣтить здѣсь того вліянія, которое силится имѣть и сохранить среди здѣшняго русскаго населенія, нынѣ вновь православнаго, и дѣйствительно имѣетъ, католическій костелъ и католическій ксендзъ. Это вліяніе пріобрѣтается не высотой ученія и не строгостью сохраненія христіанскихъ основъ или соблюденія правилъ христіанской нравственности и христіанской жизни, а напротивъ тѣми поблажками человѣческой натурѣ, тѣмъ приниженіемъ высоты христіанскихъ основъ до низменнаго уровня человѣческой слабости, которыя привиты католичеству іезуитами, продававшими великія истины ученія Христова за чечевичную похлебку личнаго благополучія. Извѣстенъ іезуитскій пріемъ привлеченія къ католичеству способомъ такъ-называемаго „облегченнаго благочестія". Хочешь не поститься и вмѣстѣ не чувствовать угрызенія совѣсти за неисполненіе поста,—сходи къ ксендзу, возьми разрѣшительную записочку—и никакое божеское указаніе тебѣ не законъ и примѣръ Христа тебѣ не примѣръ, отъ этого ты огражденъ „диспенсой". Іезуиты, какъ извѣстно, разрѣшали якобы обра-

щеннымъ ими къ христіанству даже ношеніе изображеній языческихъ божествъ, до самыхъ непристойныхъ, помѣщая лишь на нихъ гдѣ-нибудь маленькій крестикъ, лишь бы данное чадо, считаемое ими своимъ, не ушло изъ ихъ стада и т. д., до самыхъ мрачныхъ дѣяній. Отрекаясь отъ многаго изъ дѣяній іезуитовъ, католическіе ксендзы многое усвоили изъ общихъ пріемовъ іезуитовъ для владычества надъ паствой. Правовѣрная католичка постомъ, или даже въ постный день, не рѣшится протанцовать и своей народной мазурки, но, спросивъ разрѣшенія ксендза, всегда милостиво даваемаго, протанцуетъ все, что угодно... Многіе изъ пріемовъ разрѣшенія паствѣ того или другаго рода дѣяній примѣняются здѣсь ксендзами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Можно видѣть примѣры несоблюденія великаго поста въ православныхъ крестьянскихъ семьяхъ на томъ основаніи, что какой-нибудь католикъ, родственникъ православной семьи по браку, доставъ себѣ у ксендза разрѣшеніе отъ поста, въ видѣ записочки, удѣлялъ кусочекъ этой записки православной семьѣ. Во время полевыхъ работъ обыкновенно по костеламъ объявляется разрѣшеніе (говорятъ—католическаго епископа) работать по праздникамъ и воскресеньямъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что народъ работалъ бы и безъ этого разрѣшенія, но онъ уже пріученъ къ нему и полученіемъ его дорожитъ. Привыкъ къ этимъ пріемамъ и здѣшній русскій крестьянинъ во время своей подпольской страды, и теперь прислушивается къ подобнымъ разрѣшеніямъ. Владычество ксендзовъ и костела здѣсь небезвыгодно для ксендза и въ матеріальномъ отношеніи: крестьянство (мѣстами и русское) работаетъ даромъ на ксендза, помѣщика (даже и русскіе, коихъ немного), даетъ даромъ ксендзу участки земли въ своемъ помѣстьи. „Попробуйте", говорятъ здѣсь нѣкоторые изъ немелкихъ русскихъ землевладѣльцевъ, „не дать ксендзу участка земли, вы не оберетесь недоразумѣній и съ гминой, и съ рабочими, даже съ евреями". Эти поборы ксендзовъ съ нѣкоторыхъ русскихъ здѣсь фактъ знаменательный; это какъ бы уплата пени за дерзкую рѣшимость русскаго поселиться здѣсь. Объѣздъ Русскаго Забужья нынѣшнимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Шуваловымъ, вновь возбудилъ надежды на то, что будетъ выполнена наконецъ идея Черкасскаго, съ измѣненіями кои будутъ признаны полезными, объ выдѣленіи восточныхъ русскихъ уѣздовъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, въ особую русскую Холмскую губернію.

— Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» (№ 6,520) вновь затронутъ вопросъ объ обезпеченіи духовенства. Авторъ замѣтки „Наболѣв-

щій вопросъ" пишетъ: Стыдно сказать,—духовенство у насъ до сихъ поръ существуетъ исключительно подаяніемъ, если не считать того мизернаго жалованья (60—120 р.), которое выпало на долю нѣкоторыхъ счастливцевъ. Само собою разумѣется, что основаніемъ подобнаго существованія служитъ Евангеліе и жизнь св. Апостоловъ, но надобно принять во вниманіе, что христіане первыхъ вѣковъ, относясь съ глубокимъ уваженіемъ какъ къ самимъ пастырямъ, такъ и къ ихъ нуждамъ, никогда не допускали ихъ до униженія протягивать руку за подаяніемъ; напротивъ, доброхотныхъ приношеній поступало такъ много, что явилась потребность въ назначенія и избраніи особыхъ служителей—діаконовъ для завѣдыванія и распредѣленія указанныхъ приношеній. То ли встрѣчается теперь? Доброхотныя жертвы являются единицами. Священнику поневолѣ приходится жить подаяніямъ прихожанъ. Авторъ разсказываетъ про случай—когда молодой священникъ пріѣхалъ впервые на приходъ; это былъ человѣкъ съ самыми гуманными и благородными идеями; принимать подаяніе отъ прихожанъ и въ особенности торговаться съ ними онъ считалъ дѣломъ недостойнымъ и унижающимъ пастырское званіе. Имѣя такой взглядъ на вещи, юноша-священникъ созвалъ прихожанъ и объявилъ имъ, что всѣ требы у нихъ онъ будетъ совершать безплатно, но такъ какъ всякому человѣку присуще ѣсть, пить и одѣваться, то онъ надѣется что прихожане, видя его трудъ, назначатъ ему маленькое содержаніе, необходимое для поддержанія существованія. Толпа на призывъ отвѣтила молчаніемъ. Слѣдуя своему принципу, священникъ ничего не бралъ за требы, а прихожане, конечно, и не думали назначать ему содержаніе. И вотъ наступила глухая борьба, тянувшаяся нѣсколько лѣтъ и окончившаяся тѣмъ, что священникъ, посвятившій всѣ свои силы на благо прихода, сначала впалъ въ крайнюю бѣдность, добывая пропитаніе себѣ и семейству только личнымъ трудомъ и, наконецъ, не вынеся гнета физическихъ и нравственныхъ страданій, умеръ отъ чахотки, оставивъ послѣ себя ничемъ необезпеченную семью. Мы видимъ здѣсь идеально благороднаго пастыря-героя, погибшаго вслѣдствіе дикаго взгляда толпы, которая не могла или, лучше сказать, не хотѣла понять его. Не то же ли случается и теперь?

И понятно, было бы лучше, если-бы духовенство было обезпечено жалованьемъ. Какъ извѣстно, еще по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Государя ежегодно отпускается опредѣленная сумма на содержаніе духовенства. Сумма эта можетъ быть увеличена.

— Въ числѣ студентовъ московской духовной академіи, окон-

чившихъ курсъ въ нынѣшнемъ году, очень много свѣтскаго происхожденія и образованія. Настоящій выпускъ, пятидесятый со времени основанія академіи, состоитъ изъ 73 человѣкъ. Изъ нихъ одинъ въ санѣ іеромонаха (о. Трифонъ—въ мірѣ князь Туркестановъ), тре—въ санѣ іеродіакона (оо. Андроникъ, Никонъ Безсоновъ—воспитанникъ межеваго института, служившій по межевому вѣдомству на Кавказѣ, и Стефанъ Даниловъ—кандидатъ правъ с.-петербургскаго университета) и 2 бѣлыхъ священника—С. Я. Никольскій (владимірской епархіи) и С. Веригинъ (помѣщикъ пензенской губерніи, бывшій воспитанникомъ лицея Цесаревича Николая). Изъ другихъ лицъ слѣдуетъ отмѣтить князя А. А. Ухтомскаго и доктора медицины д. с. с. Колесова.

— По поводу недавно разрѣшеннаго отпуска изъ государственнаго казначейства на церковно-приходскія школы трехъ милліоновъ рублей «Гражданинъ» говоритъ, что прислушиваясь и приглядываясь къ жизни, нельзя не останавливаться на мысли, что главное въ этомъ святомъ дѣлѣ не въ денежномъ вопросѣ. «Гражданинъ» того мнѣнія, что въ дѣлѣ церковно-приходской школы „что-то не клеится". А между тѣмъ, по своей цѣли, по своей внутренней связи съ главнымъ органомъ народной жизни—съ церковью, это дѣло должно бы идти на всѣхъ парахъ жизни, окрыленное лучшими людьми, лучшими стихіями народной жизни. Въ иныхъ мѣстахъ денегъ избытокъ, школы вырастаютъ, какъ грибы, а дѣло такъ идетъ, что чувствуешь и понимаешь, что завтра сдѣлается извѣстнымъ, что повѣяло сверху иными вѣяніями и столоначальники, и начальники отдѣленій синодальнаго вѣдомства школою ужъ не интересуются,—сразу остановится машина и потухнетъ пламя жизни этого дѣла. Это приводитъ князя Мещерскаго къ заключенію, что церковно-приходская школа—не жизненный вопросъ, а модный вопросъ, гдѣ на суть дѣла не обращается вниманіе, а суть дѣла въ вопросѣ: кто и какъ учитъ? Я знаю цѣлыя эпархіи, говоритъ князь, гдѣ требуется одно: постоянное увеличеніе цифры церковно-приходскихъ школъ; положимъ, въ какомъ нибудь селѣ священникъ скажетъ благочинному или даже епископу; радъ бы открыть, да учить некому; отвѣтъ будетъ неизбѣжно слѣдующій: есть ли или нѣтъ кому учить, все равно чтобы была школа; а пока не будетъ ее, о представленіи къ наградѣ не думай! Ну и что же? Ну и открывается школа, и достается учитель, и доносится по начальству, и т. д. Позволительно думать, что кн. Мещерскій, уже черезъ чуръ мрачно смотритъ на церковно-приходскую школу и предъявляетъ къ ней невыполни-

мое требованіе, заявляя, что необходимо, чтобы школа въ деревнѣ и церковь были слиты во едино, и чтобы обученіе дѣтей грамотѣ было такъ же свято и священно, какъ совершеніе таинствъ церковью.

Вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, заключаетъ князь, сущность вопроса, а не въ деньгахъ...

На бумагѣ этого не сдѣлать... Бумага тѣмъ и отличается, говоритъ «Нов. Врем.» что она все терпитъ... даже и нелѣпыя разсужденія «Гражданина».

— „Крымск. Вѣстн." разсказываетъ о цѣлебномъ источникѣ въ Крыму. Часовня надъ источникомъ Косьмы и Даміана—это центръ, къ которому стремятся тысячныя толпы паломниковъ. Она представляетъ изъ себя восьмигранную небольшую деревянную постройку. Какъ разъ по серединѣ ея изъ нѣдръ земли могучимъ потокомъ вырывается знаменитый родникъ. Онъ забранъ въ четырехгранную каменную колонну, возвышающуюся надъ поломъ приблизительно на аршинъ, наполняетъ ее, бурлитъ и невидимо сбѣгаетъ за часовню, въ особо устроенную рядомъ съ часовней купальню. Противъ источника—большая икона св. мучениковъ и около нея два церковныхъ подсвѣчника и аналой. Люди входятъ, толпятся, молятся на икону, ставятъ свѣчи, пьютъ и зачерпываютъ воду изъ гранитной колонны въ посуду. Десятки рукъ то и дѣло протягиваются съ бутылками и пузырьками за священной влагой. Вода въ родникѣ до такой степени холодна, что рука коченѣетъ, пока успѣешь набрать воды въ бутылку.

И въ этой-то водѣ—температура ея достигаетъ всего 6°,—народъ купается! Купальни цѣлый день до поздняго вечера биткомъ набиты народомъ. Здѣсь около купаленъ происходитъ самое интересное зрѣлище изъ всего, что пришлось наблюдать на монастырскомъ праздникѣ. Это Лурдъ въ миніатюрѣ. Деревянная купальня представляетъ изъ себя постройку весьма тѣсную. Она раздѣлена на двѣ части. Одна половина отведена для женщинъ, другая—для мужчинъ. На оба отдѣленія спросъ непрерывный. Толпа мужчинъ и женщинъ,—послѣднія очень часто съ маленькими дѣтьми на рукахъ,—такъ и ломится въ купальни. У дверей происходитъ борьба и крикливыя ссоры. Изъ биткомъ набитыхъ голыми людскими тѣлами купаленъ слышится говоръ, визгъ женщинъ и плачъ, иногда ужасный крикъ дѣтей. Вся эта толпа, ломящаяся въ двери тѣсныхъ купаленъ, настроена возбужденно. Вглядитесь въ эти лица, въ особенности въ лица женщинъ,—на нихъ запечатлѣлось выраженіе какого-то испуга, какого-то неизъяснимаго волненія. Это настроеніе толпы передается дѣтямъ, которыхъ здѣсь много: ими овладѣваетъ страхъ, и они плачутъ ужасно. Корреспонденту удалось протис-

нуться въ купальню и наблюдать, какъ купаются. При входѣ въ купальню васъ сразу охватываетъ подвальнымъ холодомъ и пронизывающей сыростью. Отъ мокрыхъ тѣлъ и брызгъ здѣсь все мокро: и полъ, и деревянныя скамьи, на которыхъ сидятъ купальщики. Въ купальнѣ полумракъ, придающій этому мѣсту еще болѣе удручающій характеръ. Противъ входа, на стѣнѣ—Распятіе. Въ полу, въ центрѣ купальни,—небольшой деревянный водоемъ. Источникъ бурлитъ, наполняетъ эту деревянную ванну и убѣгаетъ. Люди толкутся въ тѣснотѣ. Одни, дрожа всѣмъ тѣломъ, торопливо одѣваются, другіе готовятся погрузиться въ воду. При корреспондентѣ выкупался молодой грекъ. Онъ нѣсколько минутъ глядѣлъ въ темную бурливую воду и какъ-бы не рѣшался войти въ ванну. На него стали кричать, чтобы не задерживалъ другихъ. Греченокъ перекрестился, уперся руками въ полъ и, вскочивъ въ воду, не дыша, окунулся три раза, причемъ бросилъ на дно ванны монету, какъ здѣсь принято дѣлать; когда онъ выскочилъ, то дыханіе его прерывалось, и тѣло въ мгновенье стало багровымъ. Видъ дѣтей, подвергнутыхъ этому купанью, невольно возбуждаетъ болѣзненное чувство. Матери купаютъ здѣсь даже грудныхъ младенцевъ, насчитывающихъ отъ рожденія всего лишь мѣсяцы. Корреспондентъ видѣлъ, какъ женщина вынесла изъ купальни маленькую дѣвочку, только что погруженную въ ледяной источникъ. Дитя было совсѣмъ синее, почти чорное. Согрѣвшись, дѣвочка впала въ глубокій сонъ. Мать склонилась надъ нею и любовно глядѣла ей въ лицо. Корреспондентъ спросилъ эту женщину, зачѣмъ она выкупала свою дѣвочку, если она и безъ того здорова. „А чтобы здоровѣе была!" радушно отвѣтила мать, покачивая дѣвочку на рукахъ. И дѣвочка, дѣйствительно, раскраснѣлась и спала тихимъ счастливымъ сномъ. Онѣ, эти женщины, закаливаютъ своихъ дѣтей совсѣмъ какъ сталь.

— Корреспонденъ «Нов. Вр.» пишетъ слѣдующее: Въ одесскій портъ прибыло подъ турецкимъ флагомъ рѣдкостное судно, монашескій бригъ „Св. Пророкъ Илія", принадлежащій Ильинскому монастырю на св. Аѳонѣ. Недавно мнѣ, говоритъ корреспондентъ, пришлось посѣтить это судно; оно рѣзко выдѣляется своими горящими на солнцѣ крестами на мачтахъ, своимъ общимъ нараднымъ видомъ, среди грязныхъ и ветхихъ греческихъ и турецкихъ судовъ, стоящихъ въ карантинной гавани. Монашескій бригъ производитъ крайне оригинальное впечатлѣніе. Все тутъ по-своему. Командиръ—іеромонахъ, матросы—монахи и послушники; плаваніе назначено имъ настоятелемъ монастыря какъ обычное „послушаніе", но, разумѣется, среди этихъ монаховъ и послушниковъ есть люди, пре-

красно знакомые съ морскимъ дѣломъ. Старшій матросъ и рулевой, отецъ Ираклій, плаваетъ съ 1866 года, исколесивъ за это время всѣ морскіе пути. Это—тѣсная семья бодрыхъ тружениковъ моря. Конечно, вся команда говоритъ по русски, ибо это все русскіе люди, уроженцы преимущественно южныхъ малороссійскихъ губерній, Курской, Херсонской и т. д. Странно какъ-то видѣть, что русскіе люди плаваютъ подъ чужимъ имъ турецкимъ флагомъ. Въ утѣшеніе себѣ, впрочемъ, они, по ихъ же разсказамъ, всегда поднимаютъ свой „православный" флагъ, какъ только турки окончатъ обычныя портовыя формальности. Судовая служба чередуется на бригѣ съ богослуженіемъ. Въ маленькой походной церкви, расположенной подъ палубой и наполненной иконами аѳонскаго письма, совершаются вечерня и утреня, читаются часы. Вечернее время распредѣлено на короткія двухчасовыя вахты, чтобы каждый изъ вахтенныхъ могъ быть въ церкви. Монахи, искусно лазящіе по мачтамъ, монахи, крѣпящіе паруса, сидя на головокружительной высотѣ верхнихъ рей, монахи, съ чисто морской ловкостью взбирающіеся на самый кончикъ одиноко-торчащаго надъ водой бушприта—все это такъ необыкновенно, что просто глазамъ не вѣришь. Судно въ первый разъ посѣтило Одессу; оно привезло сюда константинопольскій кирпичъ для построекъ, мѣстнаго ильинскаго подворья. Отсюда оно ушло въ Маріуполь, гдѣ беретъ муку, зерно, волжскую рыбу и другую провизію для монастыря. Этой провизіи должно хватить на годъ: судно только разъ въ годъ бываетъ въ Маріуполѣ. Инокамъ-монахамъ во время ихъ плаваній плохо приходится. Идя со св. Аѳона въ Одессу, они почти все время имѣли противный вѣтеръ, усиливавшійся до шторма и сильно препятствовавшій плаванію. Бригъ страшно кренило, онъ черпалъ воду, люди ходили въ водѣ, отчаиваясь когда-нибудь достигнуть порта. Путь до Константинополя едва былъ сдѣланъ въ четырнадцать дней, до Одессы—тоже въ четырнадцать, итого мѣсяцъ, не считая стоянки въ Босфорѣ. „Снялись мы со св. Аѳона еще постомъ, разсказывалъ матросъ монахъ, распоряжавшійся на палубѣ вооруженіемъ судна.—Если бы попутный вѣтеръ, мы могли прійти изъ Царьграда черезъ 44 часа... Пароходъ идетъ оттуда 36 часовъ. Нашъ бригъ иногда идетъ очень быстро—по 11 узловъ въ часъ. На полномъ ходу онъ даже иной пароходъ обгонитъ. „Св. Илія". имѣетъ небольшіе размѣры—его длина 105 фут., но онъ очень вмѣстителенъ и беретъ до 24 тыс. п. груза.

— Въ одномъ нумерѣ „Новаго Времени" помѣщена статья „Ста-

родавніе прорицатели и гадатели", гдѣ приводится нѣсколько историческихъ случаевъ вѣрныхъ предсказаній. Эти случаи удачныхъ предсказаній производили, конечно, такое сильное впечатлѣніе, что даже и иные высокіе умы, невольно поддавались ему. Въ этомъ отношеніи особенно интересной является исторія монаха Авеля. Славой прорицателя въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія пользовался монахъ Авель. За свою способность вѣрно предсказывать будущее онъ въ своей жизни поплатился не мало. Все предсказанное Авелемъ буквально сбылось. Авель родился въ 1757 году въ Тульской губерніи, въ Алексинскомъ уѣздѣ; онъ былъ сынъ коновала деревни Акуловой. Началъ Авель подвижническую жизнь въ Валаамскомъ монастырѣ. Послѣ онъ ходилъ странствовать по разнымъ монастырямъ девять лѣтъ, наконецъ, пришелъ на Волгу и поселился въ монастырѣ св. Николая Чудотворца — „Бабайки"; здѣсь онъ написалъ книгу, въ которой предсказалъ день и часъ кончины императрицы Екатерины II съ необычайной вѣрностью. Книга эта была отправлена сперва къ архіерею, затѣмъ къ губернатору, а послѣ самого Авеля отправили въ костромской острогъ, а оттуда, съ книгой же, выслали его на почтовыхъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и былъ представленъ генералу Самойлову. Самойловъ Авеля принялъ сурово, послѣ допроса приказалъ посадить въ тайную и доложилъ императрицѣ. Государыня повелѣла отправить его въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ число секретныхъ арестантовъ, и быть тамъ ему до смерти. Просидѣлъ здѣсь Авель десять мѣсяцевъ и десять дней, до кончины государыни. По вступленіи на престолъ Павла I, князь Куракинъ въ секретныхъ дѣлахъ нашелъ книгу Авеля и донесъ императору. Послѣ личной аудіенціи у Государя, во время которой императоръ очень милостиво обходился съ монахомъ, ему было позволено, согласно желанію, поселиться въ Невскомъ монастырѣ, а оттуда онъ черезъ годъ снова перешелъ на Валаамъ съ разрѣшенія Государя. Здѣсь имъ была опять написана книга, за которую онъ на 10 слишкомъ мѣсяцевъ попалъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а оттуда, по вступленіи на престолъ Александра I,—въ Соловецкій монастырь. Въ этомъ монастырѣ Авель составилъ уже третью книгу, въ которой предсказалъ, когда будетъ взята французами Москва. Предсказаніе это дошло до императора, и приказано было монаха Авеля заключить въ Соловецкую тюрьму, „и быть тамъ ему дотолѣ, когда сбудутся его пророчества самою вещію". И прожилъ въ соловецкой тюрьмѣ Авель десять лѣтъ и десять мѣсяцевъ. По пришествіи Наполеона,

императоръ вспомнилъ о пророчествѣ и велѣлъ князю Голицыну монаха Авеля выключить изъ числа' колодниковъ и отпустить на свободу. Но вмѣстѣ съ освобожденіемъ, съ Авеля взята подписка и запрещено пророчествовать именнымъ указомъ. Въ указѣ сказано „ежели монахъ Авель станетъ пророчествовать въ слухъ людямъ или кому писать на хартіяхъ, то брать тѣхъ людей подъ секретъ и самого монаха Авеля и держать ихъ въ тюрьмахъ или острогахъ подъ крѣпкими стражами". Въ 1826 году, по приказу императора Николая І-го, монахъ Авель былъ заточенъ для смиренія въ Суздальскій Спасо-Ефимьевъ монастырь. Такимъ образомъ, конецъ его жизни омрачился страшною для него грозою. Двадцать одинъ годъ проведя въ тюрьмахъ, онъ вновь попалъ въ тяжкое заточеніе. Монахъ Авель скончался въ 1841 году. Кончину свою, какъ передаетъ молва, онъ себѣ предсказалъ за сорокъ лѣтъ день въ день, часъ въ часъ.

— «Томскія Епарх. Вѣд.» сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о сектѣ «бѣгуновъ» и «странниковъ», появившихся въ Бійскомъ округѣ (Томск. губ.) и на Алтаѣ. «Странники» проповѣдуютъ, что въ настоящее время въ мірѣ особенно въ Россійской церкви и государствѣ, видимо царствуетъ антихристъ въ цѣломъ рядѣ людей, преимущественно же въ представителяхъ власти гражданской и духовной: посему и не слѣдуетъ жить въ мірѣ, гдѣ на всемъ лежитъ печать антихриста, а нужно бѣжать изъ него, скитаясь по пустынямъ, горамъ и лѣсамъ, по слову Псалмопѣвца: „се удалихся, бѣгая, и водворихся въ пустыни". Чтобы освободить себя отъ подчиненія антихристу, они разорвали всѣ связи съ государствомъ и обществомъ, перестали записываться въ ревизію, платить подати, брать паспорты и провозгласили, какъ правило жизни: „аще кто слышится силенъ быти, да борется съ сатаной, страшливіи же да бѣгаютъ", т. е. признали возможнымъ двоякое отношеніе къ власти: или открытую борьбу съ нею и со всѣми ея учрежденіями и порядками, или, въ случаѣ слабости, укрывательство отъ антихриста, бѣгство въ лѣса и пустыни. Секта странниковъ сравнительно не особенно многочисленна. Центромъ этой секты обычно считаютъ мѣсто ея родины—Ярославскую губернію. Но люди, близко знающіе расколъ, утверждаютъ, что главнѣйшее гнѣздо страннической секты находится въ тайгахъ: томской, колыванской (Урманъ) и маріинской, въ особенности въ первой. Странники не довольствуются привольною и разнузданною жизнью въ лѣсахъ и болотахъ; всѣ ихъ стремленія направлены къ тому, чтобы такъ или иначе обезсилить царство антихриста. И они, дѣй-

ствительно, обезсиливають это мнимоантихристово царство, вырывая по временамъ изъ среды его, тѣхъ или другихъ его членовъ, уводя ихъ въ пустыни и лѣса на безцѣльное скитаніе и тунеядство.

— Газеты неоднократно указывали на распространенный классъ профессіональныхъ нищихъ, но такого субъекта, который эксплоатировалъ-бы не свою видимую бѣдность или увѣчье, а будто-бы наказаніе Божье, еще, какъ кажется, не было. Вотъ что сообщаетъ про него «Волжск. Вѣстн.». Ежегодно съ 29-го іюня по 4 іюля село Табынское Уфимской губерніи, наполняется тысячами богомольцевъ, пришедшими сюда изъ разныхъ губерній на поклоненіе чудотворной Табынской иконѣ Божіей Матери. Среди богомольцевъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ появляется какой то мужичекъ, на шеѣ котораго постоянно находится змѣя; голова змѣи спущена въ жестяное ведерко, наполненное молокомъ, которое она видимо и пьетъ. Простой народъ съ любопытствомъ окружаетъ этого „дивнаго мужа", даетъ ему копѣечки, пятачки и съ живымъ вниманіемъ слушаетъ его фантастическую біографію. Появленіе на шеѣ змѣи онъ объясняетъ тѣмъ, что въ молодости онъ былъ очень скупымъ человѣкомъ: не подавалъ ни въ церковь Божію, ни нищимъ милостыни и даже желая избавиться отъ лишнихъ расходовъ, онъ прогналъ изъ дому старуху-мать, которая потомъ была принуждена, чтобы не умереть съ голоду, побираться «по міру». Такъ прошло много времени. Однажды въ первый день св. Пасхи, садясь за столъ, его жена напомнила ему о жалкомъ существованіи матери и просила его, чтобы онъ позвалъ ее къ себѣ отъобѣдать.

— «Мы вотъ разговляемся, обѣдаемъ; все у насъ есть. А не знаемъ,—не сидитъ-ли голодомъ наша матушка» —говорила жена.

— Нѣтъ, я лучше разговѣюсь съ змѣей, но не съ матерью,—отвѣтилъ мужъ.

И дѣйствительно, въ горшкѣ поданнаго молока оказалась змѣя, которая и обернулась вокругъ шеи и стала его душить. Далъ онъ съ той поры «зарокъ»—ходить по монастырямъ, продалъ домъ и все хозяйство. Имя свое онъ не говоритъ никому, считаетъ это лишнимъ.—Съ тѣхъ поръ вотъ,—заканчиваетъ этотъ странный субъектъ свою исторію,—я въ наказаніе Божіе и хожу со змѣей».

Слушатели вздыхаютъ, крестятся и многіе, отирая слезы, отходятъ отъ «страдальца».

А «страдалецъ» между тѣмъ, оставшись одинъ, считаетъ поданныя деньги и поджидаетъ новой партіи любопытныхъ, которымъ онъ снова разскажетъ и про свои муки и про наказаніе Божье.

РЕГЕНТЪ

Пѣвческихъ хоровъ,—онъ же и сельскій учитель, имѣющій хорошую аттестацію, желаетъ получить совмѣстную должность, или же одну изъ нихъ. Адресъ: Харьковъ, Михайловская ул., д. Найденова № 41. **Андрею Семеновичу Павленко.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ 1895 г.

НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЛИТЕРАТУРН. И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВРЕМЕН. ИЗДАНІЕ:

РУССКАЯ БЕСѢДА

(НА ГОДЪ: 6 РУБ., НА ПОЛГОДА: 3 РУБ.).

Въ вышедшихъ въ первомъ полугодіи шести книгахъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права. **И. Одарченки.**—Свобода, любовь и вѣра. **Н. Аксакова.**—О значеніи характера въ жизни народовъ. **Н. Толстого.**—Естественный законъ въ дух. мірѣ. Проф. **Г. Друммонда.**—Евгеній Онѣгинъ въ ист. значеніи типа. **Арс. Веденскаго.**—Замѣтки изъ тюремнаго быта. **Н. Плетенева.**—Памяти П. І. Шафарика. Проф. **Вл. Кулаковскаго.**—Къ столѣтію рожденія Грибоѣдова. **А. Веденскаго.**—Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи. **Рцы.** По садамъ и огородамъ. **С. Ѳ. Шарапова**—Товеліусъ, какъ поэтъ и публицистъ. **Г. Абова.**—Зачатки раскатоличенія западнаго славянства. **А. Вольмица.**—Панфа. Разсказъ **К. Баранцевича.**—Милордъ. Повѣсть **Элизы Ожешко.**—(пер. съ польскаго **В. Лаврова**).—Золотая нитка. **Э. Ожешко.**—Черные дни. Разсказъ фельдшерицы.—Страшная казнь. Герцоговинская быль.—Забайкальскіе волки. **В. Вельскаго.**—Селяне женили монаха. Разсказъ **В. Врцевича.**—Личное счастье. Разсказъ. **Н. Панова.** Невольница Злата. Повѣсть изъ сербской народной жизни.—Георгій Конисскій, архіеп. Бѣлорусскій. **Ѳ. Четыркина.**—И. Д. Бѣляевъ. **С. Гадзяцкаго.**—Объ измѣненіи дух.-ак. устава. Проф. **А. Гусева**—Объ отношеніяхъ политики къ стратегіи. **П. А. Гейсмана.**—Моск. гор. Кредитное Общ. въ наст., буд. и прошломъ. **Б. И. Семенковича.**—Культъ великаго въ исторіи. **Рцы.**—Вселенскій патріархъ Анѳимъ VII.—Абхазія.—Вопленица Ирина Ѳедосова (съ портретомъ и нотами). **Зарубежное славянство:** Прикарпатская Русь въ политико-національномъ и культурномъ отношеніяхъ.—Праздникъ «славы» у Черногорцевъ. **П. Ровинскаго.**—Боснія и Герцоговина. **А. П. Липранди.**—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи: **Герис—ова.**—Сербія.—Борьба съ мадьярами угнетенныхъ народностей Венгріи. **Давидовича.**—Русско-буковинскія дѣла. **Политическое обозрѣніе:** Объ армянскомъ вопросѣ. **Лео.**—Къ вопросу о Китайско-Японскомъ столкновеніи. **Д. Иловайскаго.**—Россія, Китай и Японія. **Черноморца.**—Читраль и первые плоды Англо-Русской дружбы. **Лео**—**Вопросы внутренней жизни:** Ближайшія задачи нашего покровительства. **Д. Иловайскаго.**—Орошеніе полей. **Г. И. Аристова.**—О нѣмецкомъ землевладѣніи въ Россіи—Наша учащаяся молодежь **М. Т.**—О рабочемъ дѣ **Гофштетера.**—О желѣзнодорожныхъ тарифахъ.—Стихотворенія.—Библіографія и критика и т. д., и т. д.

ВЪ БЕЗПЛАТНОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ «РУССКОЙ БЕСѢДѢ»

„БЛАГОВѢСТЪ"

Напечатаны статьи: 1) Взглядъ отцовъ Церкви на изученіе греческихъ классиковъ. **Е. Апостолиди** и 2) Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе **Н. Д. Тихомірова.**

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб. Цѣна одной книги—1 руб. Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ. **Новымъ годовымъ подписчикамъ высылается журналъ съ первой (январьской) книги.** Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Рус. Бѣс.», С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ Спб. Славянскомъ Обществѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Карбасникова, Попова и другихъ. **Адресъ редакціи «Русской Бесѣды»:** С.-Петербургъ, Гороховая ул. № 15.

Издатели: **А. В. Васильева, Е. А. Евдокимовъ и В. С. Драгомирецкій.**

Редакторъ: **В. Драгомирецкій.**

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Августа № 16. 1895 года.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 29-й день минувшаго іюля, на награжденіе за 50-лѣтнюю службу псаломщика Успенской церкви заштатнаго г. Золочева, Харьковскаго уѣзда, Василія **Ждановскаго** золотою медалью, съ надписью *„за усердіе"*, для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 18 іюля 1895 г. за № 40, опредѣленъ на службу кандидатъ богословія **Логгиновъ**—помощникомъ инспектора Харьковской Духовной Семинаріи.

Отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Въ № 23 «Церковныхъ Вѣдомостей» помѣщено ходатайство его блаженства патріарха Іерусалимскаго Герасима о распоряженіи, чтобы приходскіе священно-служители предупреждали своихъ прихожанъ противъ сборщиковъ въ Россіи пожертвованій на святыя мѣста Палестины, не уполномоченныхъ на сіе патріархомъ. При этомъ приведено и слѣдующее заявленіе его блаженства: „сборщи-

ковъ на святой Гробъ Господень в Палестину въ Россіи рѣшительно не находится никакихъ, и всякаго рода пожертвованія въ пользу святаго Гроба Господня и другихъ святыхъ мѣстъ Палестины могутъ быть пересылаемы только чрезъ Іерусалимское патріаршее въ Москвѣ подворье".

Означенное заявленіе, какъ оказалось, вызвало нѣкоторыя недоразумѣнія, а потому, въ дополненіе къ помѣщенной въ № 23 «Церковныхъ Вѣдомостей» статьѣ, отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода объявляется, что кромѣ Іерусалимской патріархіи, производящей, чрезъ посредство патріаршаго въ Москвѣ подворья, сборы пожертвованій на святой Гробъ и Палестину, имѣетъ законное право производить таковые сборы на святыя мѣста и въ пользу православныхъ Святой Земли Императорское Палестинское общество и его члены, снабженные для сего соотвѣтствующими свидѣтельствами.

Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.

Правленіе Училища симъ доводитъ до свѣдѣнія о. о. уполномоченныхъ Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа, имѣющаго открыть свои засѣданія 19 сентября сего года, что въ настоящемъ году назначены слѣдующіе предметы занятій Съѣзда: 1) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію Харьковскаго духовнаго училища и училищнаго общежитія въ 1896 году; 2) разсмотрѣніе журнала ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ экономическаго отчета по училищу за 1894 годъ; 3) избраніе трехъ членовъ ревизіоннаго Комитета для повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1895 году и наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1896 году, 4) избраніе 2-хъ членовъ Правленія училища отъ духовенства на слѣдующее 3-хъ лѣтіе; 5) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1894 годъ, и 6) другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію Съѣзда.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Программа занятій Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 20 сентября 1895 года, утвержденная Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Петромъ, Епископомъ Сумскимъ, 25 іюля 1895 года.

1. Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго Съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ.

2. Разсмотрѣніе смѣты прихода суммъ и расхода по содержанію училища въ 1896 г. и дополнительной смѣты расхода на текущій 1895 годъ.

3. Разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за прошедшій 1894 годъ.

4. Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа за 1894 годъ, а также журналовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ означеннаго отчета.

5. Избраніе Членовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета и кандидатовъ къ нимъ на будущій 1896 годъ.

6) Избраніе Членовъ Правленія отъ духовенства въ виду окончанія трехлѣтней службы въ этой должности священниковъ Василія Попова и Михаила Сѣкирскаго.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Рождество-Богородичной церкви сл. Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Иннокова*, переведенъ къ Харьковской Университетской Антоніевской церкви.

— Священникъ церкви с. Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда, Веніаминъ *Загурскій*, перемѣщенъ на священническое мѣсто при Архангело-Михаиловской церкви, сл. Новой Айдари, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Архангело-Михаиловской церкви, сл. Старой Айдари, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Смирновъ*, перемѣщенъ на священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, сл. Штормовой, того же уѣзда.

— Протоіерей Архангело-Михаиловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Захарія *Добрецкій*, резолюціей Его Высокопреосвященства уволенъ, согласно прошенію, за штатъ съ изъявленіемъ благодарности за долговременную и честную службу его.

— Заштатный протоіерей Петро-Павловской церкви г. Сумъ, Георгій *Рыжевскій*, 20 іюля н. г., волею Божіею, умеръ.

— Діаконы: Николаевской церкви сл. Русской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, Василій *Дашкіевъ*, и Успенской церкви г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, Владиміръ *Македонскій*, по прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Діаконъ Благовѣщенской церкви, сл. Зориковки, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Пантелеимоновъ*, перемѣщенъ на діаконское мѣсто при Димитріевской церкви, сл. Святодимитріевки, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Петро-Павловской церкви г. Бѣлополья, Сумскаго уѣзда, Николай *Давидовъ*, рукоположенъ въ санъ діакона къ Екатерининской церкви с. Анниной, Лебединскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Петро-Павловской церкви, сл. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда, Анатолій *Краснокутскій*, опредѣленъ на діаконское мѣсто при Николаевской церкви, сл. Шульгинки, того же уѣзда.

— Бывшій псаломщикъ Преображенской церкви, сл. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда, Филимонъ *Черняевъ*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Петро-Павловской церкви, сл. Подгоровки, того же уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: поручикъ Левъ *Збороміpскій* къ Николаевской церкви, с. Стараго Сумскаго уѣзда; кандидатъ химіи Евгеній *Энманъ* къ Борисо-Глѣбской церкви с. Ясенка, Ахтырскаго уѣзда; купецъ Петръ *Эфрасъ* къ Троицкой церкви, с. Боромли, Ахтырскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Религія въ школѣ на Западѣ. Вопросъ о присоединеніи Абиссинцевъ къ Греко-Россійской Православной Церкви.—Высочайшее соизволеніе на открытіе сбора на сооруженіе храма въ Поти.—Торжество въ Кіево-Печерской Лаврѣ. - Необычайное явленіе.—Добрый обычай.—Поучительный крестьянскій приговоръ.—Поучительный примѣръ отношеній между пастыремъ и пасомыми.—Распространеніе правильно писанныхъ иконъ и книгъ религіознаго содержанія.—Новый видъ пропаганды.—Мѣры къ пресѣченію развитія хлыстовства.—Образованіе больничнаго капитала въ камчатской епархіи.—О мелкомъ кредитѣ для духовенства.—Польза пчеловодства.—Епархіальныя типографіи.—Страхованіе церквей и церковныхъ строеній.—Дѣятельность съѣздовъ по училищнымъ и другимъ епархіальнымъ дѣламъ.—Труженики среди духовенства на пользу народнаго образованія.—Построеніе церквей и школъ въ Сибири.—Отдѣлъ церковно-приходскихъ школъ на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. - Средства къ обезпеченію церковно-приходскихъ школъ.—Библіотеки при церквахъ и церковныхъ школахъ.—Сельско-хозяйственныя мѣропріятія.—Сельско-хозяйственныя школы.—Курсы для приготовленія учителей низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. — Общеполезныя свѣдѣнія.

Повѣтріе атеистическаго безумія, охватившее Западную Европу въ концѣ прошлаго столѣтія, повидимому замираетъ въ постепенно слабѣющихъ судорожныхъ приступахъ и, разочарованное, съ опустошенною душой, человѣчество опять начинаетъ искать своихъ идеаловъ въ религіи, покоя своей наболѣвшей совѣсти и утѣшенія своему усталому сердцу—въ великихъ истинахъ Христова ученія. Приходятъ благія вѣсти объ оживленія церковныхъ дѣлъ, о давно небываломъ и искреннемъ интересѣ къ вопросамъ религіи и вѣры въ такихъ слояхъ общества, въ которыхъ еще недавно они считались предразсудками и достояніемъ непросвѣщенной черни. Но ни въ чемъ оживленіе не проявляется сильнѣе, какъ въ борьбѣ между вѣрующими и невѣрующими за религію въ школѣ. Ареной этой борьбы, по словамъ «Моск. Вѣд.», служатъ не только католическія, но

и протестантскія страны. Еще сравнительно недавно эта борьба потрясла народный организмъ Франціи до самыхъ глубокихъ нѣдръ его. И если послѣ упорнаго сопротивленія, такъ-называемые сторонники „свободы совѣсти", или вѣрнѣе, сторонники безвѣрія, одержали верхъ и удалили крестъ изъ французской школы, то это могло быть достигнуто только путемъ грубаго, прикрытаго легальными формами, насилія, ничтожнаго, стоявшаго у власти, невѣрующаго меньшинства надъ искренне религіозною и глубоко вѣрующею народною массой. Но даже и послѣ этой побѣды вопросъ о религіи въ школѣ и до настоящаго времени остается во Франціи однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ внутренней политики,— и кто знаетъ, быть можетъ, и государственной власти еще долго придется съ нимъ считаться. Въ настоящее время жестокая борьба изъ-за религіи въ школѣ идетъ въ Бельгіи. Въ теченіи послѣдняго мѣсяца телеграфъ неоднократно приносилъ извѣстія объ уличныхъ демонстраціяхъ противъ обсуждаемаго въ парламентѣ законопроекта о школьной реформѣ Шоллаэрта, имѣющаго въ виду сдѣлать полный переворотъ въ системѣ бельгійскаго народнаго образованія. Такъ, на основаніи этого законопроекта, вся система народнаго просвѣщенія должна быть построена на конфессіональномъ принципѣ, и государственныя школы должны быть переданы въ завѣдываніе церковныхъ конгрегацій. Надъ всѣми школами страны имѣется въ виду учрежденіе епископскаго надзора, и вообще все народное образованіе страны передается фактически въ руки духовенству. Проектъ этотъ отчасти уже сталъ закономъ, и одна изъ самыхъ важныхъ статей его, а именно объ обязательномъ обученіи катихизису, уже принята палатой. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ палатой, такъ и сенатомъ будетъ принятъ и весь законопроектъ. Эта борьба за оставленіе въ школахъ за религіей подобающаго ей мѣста ведется не въ однѣхъ католическихъ странахъ. Съ неожиданною силой возгорѣлась она и велась въ послѣдніе годы въ протестантской Англіи. До 1870 года въ основѣ школьнаго обученія въ этой странѣ лежало христіанское ученіе. Но учрежденные въ этомъ году школьные комитеты, избираемые населеніемъ, получили право вовсе не вводить въ устраиваемыя ими на общественныя средства школы религіознаго обученія, или вводить его въ той или другой мѣрѣ и сдѣлали нѣсколько, впрочемъ, робкихъ, попытокъ завести атеистическія школы. Но эти попытки встрѣтили такую единодушную оппозицію, что сторонники чисто-свѣтской школы, такъ-называемые секуляристы,

послѣ цѣлаго ряда пораженій, должны были отказаться отъ своихъ реформаторскихъ плановъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Эта борьба между сторонниками религіознаго обученія въ школахъ и его противниками была особенно сильна и ожесточенна въ самомъ Лондонѣ. Школьный комитетъ этого города, повидимому, думаетъ—и совершенно справедливо,—что лучше не нужно никакихъ школъ, чѣмъ школы съ вреднымъ направленіемъ. Сторонники чисто-свѣтской школы почти ничтожны по численности въ Лондонѣ и лондонское населеніе почти единогласно склонно удержать религіозное преподаваніе въ школахъ. Это высокое положеніе религіи въ школѣ, изъ числа протестантскихъ странъ, мы видимъ не въ одной Англіи. И у насъ въ Финляндіи школа всегда неразрывно соединена съ храмомъ, и пастырь всегда бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и школьнымъ учителемъ. Не будемъ говорить про католическія страны; въ нихъ стремленіе духовенства завладѣть школой является, быть-можетъ, лишь частнымъ проявленіемъ болѣе широкихъ стремленій въ мірской власти, къ захвату правъ свѣтскаго государства, но нельзя сказать того же о протестантизмѣ; честолюбивыя притязанія на земное владычество, говоря вообще, столь же чужды ему, какъ и православію, а потому его стремленіе не выпускать школы изъ подъ своего вліянія можетъ быть объяснено безкорыстнымъ стремленіемъ дать молодымъ поколѣніямъ воспитаніе на единственно истинной основѣ,—основѣ религіозно-нравственной.

Все это не мѣшало бы замѣтить нашей „противоцерковной", какъ ее называетъ профессоръ С. А. Рачинскій, интеллигенціи, допускающей религіозный элементъ въ школѣ „лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій, или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародія". Самостоятельно мыслить эта „интеллигенція" никогда не могла и не можетъ. Не помогутъ ли ей въ данномъ случаѣ ея прекрасныя подражательныя способности, и не станетъ ли она относиться терпимѣе къ религіозному элементу въ школѣ хоть потому, что къ этому начинаютъ возвращаться даже наши западные сосѣди?

— По поводу пріѣзда въ Россію Абиссинскаго посольства и давая нѣкоторый отвѣтъ на вопросъ о томъ, не есть ли теперешнее стремленіе Абиссинцевъ къ религіозному единенію съ Россіей только результатъ того международно-политическаго положенія, при которомъ Абиссинія, чувствуя свою слабость и изолированность, вынуждается искать себѣ въ единовѣрцахъ только могу-

щественныхъ покровителей и союзниковъ противъ западныхъ Европейцевъ,—г. Львовъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (августъ) приводитъ изъ дѣлъ архива Святѣйшаго Сгнода интересный исторический документъ. Этимъ документомъ удостовѣряется, что стремленіе Абиссинцевъ къ религіозному единенію съ православнымъ Востокомъ существовало и въ давнопрошедшія времена, по побужденіямъ чисто религіознымъ, внѣ всякихъ политическихъ давленій и соображеній.—Въ февралѣ 1752 года въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прибылъ изъ Константинополя курьеръ, привезшій отъ тамошняго русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, надворнаго совѣтника Алексѣя Обрѣзкова, среди другихъ разныхъ дипломатическихъ депешъ, или, какъ тогда ихъ называли, піесъ, между прочимъ, и слѣдующія три, полученныя имъ, Обрѣзковымъ, отъ святѣйшаго патріарха Александрійскаго, Матѳія: 1) Переводъ съ двухъ грамотъ къ тому патріарху Александрійскому отъ короля Верхней и Большой Еѳіопіи и матери онаго о благочестіи ихъ, 2) извѣстіе о поступкахъ папистанъ (католиковъ) въ Александрійскомъ патріархатѣ и отвращенія православныхъ къ ихъ исповѣданію, и 3) копію съ прошенія патріарха къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Всероссійской. Коллегія иностранныхъ дѣлъ переслала эти документы въ Святѣйшій Сгнодъ, прося отвѣтить на нихъ безъ замедленія и присовокупляя что „съ королемъ Еѳіопскимъ отсюду корреспонденціи и иного дѣла не бывало, да изъ свѣтскихъ персонъ къ посылкѣ туда неспособно, и чтобы все дѣло это, яко касающееся до Турковъ, Сгнодъ приказалъ содержать въ надлежащемъ секретѣ". Изъ этихъ документовъ видно, что Абиссинцы, по ихъ сознанію, съ древнѣйшихъ временъ находились въ дружелюбіи съ православными Греками, но только обстоятельства временъ принудили ихъ отлучиться другъ отъ друга. Они искренно желали „отнятія ересей и соблазновъ и чтобы имъ паки соединиться", чего ради и просили прислать имъ одного стараго священника изъ ученыхъ, уставъ великія Константинопольскія церкви и акты седьми Вселенскихъ соборовъ. Патріархъ Александрійскій Матѳій нашелъ необходимымъ переслать эти грамоты короля Еѳіопскаго и его матери къ Русской Императрицѣ. Изъ посланія же патріарха видно, какъ онъ самъ смотрѣлъ на православіе въ Абиссиніи: патріархъ Александрійскій, въ своемъ всеподданнѣйшемъ къ Русской Императрицѣ прошеніи, на основаніи многихъ грамотъ Абиссинскаго царя и многихъ писемъ православныхъ Грековъ, проживавшихъ въ Абиссиніи, свидѣтель-

ствовалъ, что «въ душѣ сего Еѳіопскаго монарха кипѣла ревность и вдохновенное просвѣщеніе во умъ его, для отверженія проклятой Евтихіанской ереси и для принятія, съ крайнимъ благоговѣніемъ, православныя вѣры святыя Восточныя церкви». Патріархъ Александрійскій, „принося славу и благодареніе Всемогущему Богу за сіе радостное извѣстіе, не смотря на всю бѣдность престола своего, елико слабосиліе дозволяетъ, непремѣнно хотѣлъ послать туда отца духовнаго съ нѣсколькими книгами въ пользу православныя вѣры. Но такъ какъ, по справедливому мнѣнію патріарха, такія миссіонерскія предпріятія пристойны только «потентантамъ», кои довольныя силы имѣютъ то важное богоугодное дѣло во исполненіе привести, то его святѣйшество, очевидно затрудняясь, по изложеннымъ въ своихъ донесеніяхъ обстоятельствамъ, найти у себя такихъ «потентантовъ», смиренно, яко пастырь и Ея Величества по душѣ отецъ, принялъ вольность просить Русскую Государыню, дабы она соизволила повелѣть отправить собственныхъ людей къ упомянутому монарху».

Къ сожалѣнію, просьба святѣйшаго патріарха осталась безъ удовлетворенія. Дѣло изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ поступило 3 марта 1752 года на разсужденіе Святѣйшаго Сунода. На вступительной бумагѣ была сдѣлана здѣсь помѣта: „записавъ, предложить къ докладу въ скорости". Но такъ какъ составъ Святѣйшаго Сунода въ описываемое время бывалъ большею частью не полный,—именно, въ 1752 и 1753 годахъ въ немъ засѣдали иногда только по два епископа,—а дѣло это въ церковномъ отношеніи было очень важное и сложное, и, кромѣ того, предложенный вопросъ, по отсутствію въ то время въ нашемъ обществѣ необходимыхъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, представлялъ весьма много трудностей для разрѣшенія его, то, въ виду всего этого, дѣло въ Святѣйшемъ Сунодѣ затянулось. Оффиціально оно слушалось только 3 мая 1753 года, причемъ присутствовавшіе тогда въ Сунодѣ на засѣданіи два епископа, Иларіонъ Крутицкій и Гавріилъ Коломенскій, постановили: „отложить рѣшеніе его до полнаго Святѣйшаго Сунода собранія". Въ такомъ положеніи вопросъ находился до 11 января 1768 года, когда Святѣйшій Сунодъ, не получая болѣе ни откуда никакихъ запросовъ по означенному дѣлу, рѣшилъ считать его законченнымъ и подлежащимъ сдачѣ въ архивъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Сунодальнаго Оберъ-Прокурора докладу, въ 17-й день іюня сего года, Высочай-

ше соизволилъ изъявить согласіе на предположеніе Святѣйшаго Сунода относительно открытія повсемѣстнаго, въ предѣлахъ Имперіи, сбора добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ городѣ Поти, кутаисской губерніи, каменнаго соборнаго храма, съ тѣмъ, чтобы для сбора пожертвованій и постройки храма учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ кутаисскаго губернатора, особый комитетъ, съ участіемъ въ немъ членовъ отъ духовнаго вѣдомства, по усмотрѣнію мѣстнаго преосвященнаго.

— Въ нынѣшнемъ году день храмового праздника Кіево-Печерской Успенской лавры, по сообщенію «Кіев. Сл.», былъ отпразднованъ съ обычною торжественностью. Наканунѣ во всѣхъ лаврскихъ церквахъ было совершено всенощное бдѣніе, на которомъ присутствовали тысячи народа. Число богомольцевъ оказалось больше противъ послѣднихъ лѣтъ. Конкурренція пароходовъ на Днѣпрѣ оказалась тоже не безъ вліянія на число богомольцевъ и, благодаря копѣечному тарифу, съ первыхъ чиселъ августа въ Кіевъ прибывали ежедневно на палубахъ пароходовъ сотни богомольцевъ. Днемъ они скрывались отъ жары гдѣ-нибудь на берегу Днѣпра, а ночью совершали свои переходы отъ одной святыни къ другой, чтобы, вздремнувъ на мостовой внутри церковной ограды, попасть въ храмъ на раннюю обѣдню. Поэтому, послѣдніе дни по ночамъ можно было видѣть длиннѣйшія вереницы богомольцевъ, слѣдующихъ, главнымъ образомъ, по направленію къ лаврѣ. Точному учету число богомольцевъ не поддается. Такъ, оффиціально извѣстно только число богомольцевъ, остановившихся въ лаврскихъ странно-пріемныхъ. Число это на 15-е августа составляло 9,410 человѣкъ; но, хотя въ обширныхъ общихъ пріемныхъ предоставляется странникамъ пріютъ почти безвозмездно, но ночлегъ въ лаврѣ сопряженъ съ извѣстными формальностями, какъ-то: предъявленіемъ документа, между тѣмъ какъ масса богомольцевъ, прибывающихъ въ Кіевъ изъ ближайшихъ селъ, никакихъ документовъ не имѣетъ и въ лаврскихъ гостинницахъ не останавливается. Кромѣ того, много богомольцевъ останавливается въ странопріемныхъ Михайловскаго, Флоровскаго, Голосѣевскаго и другихъ монастырей, въ виду чего число богомольцевъ, собравшихся въ Кіевъ на храмовой праздникъ лавры, во всякомъ случаѣ не менѣе 30,000 человѣкъ. Главный лаврскій дворъ, не смотря на свои громадные размѣры, представлялся въ этотъ день почти биткомъ наполненнымъ публикою. Великая лаврская церковь не вмѣщала и десятой части собравшагося народа, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе ремонта часть

церкви занята лѣсами. Пространство между колокольней, великой церковью, трапезною и митрополичьими покоями было биткомъ наполнено народомъ, такъ что здѣсь невозможно было протолпиться. Въ великой лаврской церкви богослуженіе совершалъ высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ кіевскій и галицкій, въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ. На богослуженіи присуствовали: и. д. кіевскаго губернатора Д. С. Федоровъ, комендантъ кіевской крѣпости ген. Аносовъ, начальникъ жандармскаго управленія В. Д. Новицкій, управляющій кіевскимъ округомъ путей сообщенія д. с. с. Флоринъ, кіевскій городской голова С. М. Сольскій и др. Во дворѣ передъ церковью тѣснился народъ, при чемъ крестьяне различныхъ мѣстностей держались особо, отдѣльными кружками, каждый изъ которыхъ носилъ свой опредѣленный характеръ. Среди бѣлыхъ и сѣрыхъ малорусскихъ свитъ рѣзко выдѣляются казачьи синія куртки и шаровары съ широкими красными лампасами, блѣдныя лица и лапти бѣлоруссовъ. Въ массѣ простонародья купечество, интеллигентныя сословія тонутъ, словно въ морѣ, и только изрѣдка можно замѣтить пиджакъ или пальто. Торжественная служба продолжалась долго, почти до часу. Къ этому времени, въ палисадникѣ, между колокольнею и трапезною церковью, послушники установили 20 низенькихъ простыхъ деревянныхъ столовъ, такія же скамейки и приготовили трапезу для богомольцевъ. Хотя въ лаврской столовой была устроена тоже трапеза для богомольцевъ, но въ палисадникѣ мѣста за столами брались съ бою, такъ какъ каждый желалъ усѣсться за столами, которые благославляются непосредственно высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ. Къ часу на столахъ были установлены громадныя глиняныя чашки съ борщемъ, кашей, супомъ; богомольцамъ были розданы деревянныя ложки, но за трапезу никто не принимался. Въ часъ, по окончаніи богослуженія, при колокольномъ звонѣ, высокопреосвященный Іоанникій прослѣдовалъ изъ великой церкви въ митрополичьи покои, благословляя столы. Вслѣдъ затѣмъ началась трапеза. Въ одномъ пунктѣ двора были установлены три большихъ чана, вмѣстимостью въ 10—15 ведеръ каждый, съ квасомъ, который отпускался богомольцамъ кружками. Въ другомъ пунктѣ раздавался имъ хлѣбъ, котораго заготовлено къ этому дню около 80 пуд. За каждымъ изъ столовъ въ палисадникѣ помѣстилось отъ 34 до 40 человѣкъ богомольцевъ, такъ что здѣсь за одинъ разъ обѣдало до 800 человѣкъ. Лавра угощала своихъ богомольцевъ щедро, въ особенности, если принять во вниманіе обыч-

ную пищу богомольцевъ, которые питаются обыкновенно однимъ хлѣбомъ и огурцами. Въ столовой на дальнемъ лаврскомъ дворѣ, гдѣ тоже отпускалась пища богомольцамъ, въ двухъ большихъ, но низенькихъ залахъ, стѣны которыхъ увѣшаны старинными образами, стояли 13 длинныхъ столовъ, за каждый изъ которыхъ сѣло по 40 человѣкъ и чинно, въ молчаніи, принималась за трапезу. По срединѣ одной изъ залъ предъ образомъ стоялъ аналой, за которымъ какой-то странствующій дьячекъ читалъ житія святыхъ. Въ столовыхъ богомольцы получали пищу поочередно, по 500 человѣкъ въ смѣну, до тѣхъ поръ, пока не насытились всѣ. Лаврою были приняты въ нынѣшнемъ году особыя мѣры въ виду возможности занесенія холерной эпидеміи.

— «Перм. Еп. Вѣд.» сообщаютъ, что 12-го марта текущаго года въ дер. Т—ѣ, У. уѣзда совершилось торжественное освященіе креста и колоколовъ Т—ской Свято-Духовской церкви; стеченіе молящихся было довольно большое; погода, какъ нельзя лучше, благопріятствовала этому: день былъ ясный, теплый, на небѣ не было видно ни одного облачка, и лучи весенняго солнца ослѣпительно блистали на бѣломъ снѣгѣ. По совершеніи освященія креста и колоколовъ, приступлено было къ поднятію колоколовъ, которые, благодаря многолюдію, были скоро подвѣшены. Лишь только раздался первый ударъ колокола, мгновенно поднялись сотни рукъ, изображая крестное знаменіе, а многіе отъ избытка чувствъ всплакали. Вмѣстѣ съ этимъ шло приготовленіе къ водруженію на церковь креста; обернутый плотно холстомъ, при звонѣ колоколовъ и при служеніи въ церкви часовъ, крестъ былъ благолѣпно водруженъ на церковь. При этомъ надъ крестомъ произошло необычайное явленіе, о которомъ молва быстро облетѣла все селеніе, состоящее и изъ старообрядцевъ. Многіе изъ нихъ, лично наблюдавшіе за явленіемъ, были убѣждены этимъ въ святости Православной Церкви. Мѣстный священникъ З—инъ, желая оповѣстить о случившемся, по окончаніи всенощной, обратился къ молящимся съ просьбою разсказать видѣнное. Ему разсказано слѣдующее.—Какъ только вынесли изъ церкви крестъ, въ небѣ надъ церковью образовалось радужное знаменіе въ видѣ вѣнца, съ сіяющими лучами, такой величины, въ которомъ могла бы помѣститься мѣстная небольшая церковь. Знаменіе было двуцвѣтное: бѣлаго молніеноснаго и золотистаго цвѣтовъ съ широкими полосами, и, переливаясь, горѣло неестественнымъ свѣтомъ, отчетливо выдѣляясь на голубомъ небѣ. Видъ былъ воистину величественный, тронувшій до слезъ

видѣвшихъ его—какъ православныхъ, такъ и нѣкоторыхъ старообрядцевъ. Видно было знаменіе это до тѣхъ поръ, пока совершенно не водрузили крестъ на церковь, послѣ же замѣтно стало оно уменьшаться въ величинѣ и затмевать и, наконецъ, сдѣлалось невидимо. Истинное происшествіе это единогласно подвердили многіе.

— Въ «Могилевскихъ Епарх. Вѣд.» сообщается о слѣдующемъ отрадномъ явленіи въ жизни крестьянъ села Любиничъ, Горецкаго уѣзда. Крестьянская молодежь обоего пола села Любиничъ, а также и подростки, при выгонѣ лошадей въ „ночное" и находясь на сторожѣ ихъ, проводятъ здѣсь время слѣдующимъ, строго опредѣленнымъ образомъ. Въ урочное время начинается молитва, которая состоитъ въ пѣніи вечернихъ и утреннихъ молитвъ, многихъ пѣснопѣній какъ всенощнаго бдѣнія, такъ и литургіи. Пѣть обязательно должны всѣ, присутствующіе на „ночномъ". Вслѣдствіе такого, издавна заведеннаго обыкновенія, почти всѣ крестьяне означеннаго села знаютъ не только положенныя вечернія и утреннія молитвы, но и многія пѣснопѣнія всенощной и литургіи.

Нельзя не порадоваться этому дѣйствительно отрадному явленію, и, конечно, желательно, чтобы примѣръ Любиничскихъ крестьянъ нашелъ себѣ возможно больше подражателей.

— Крестьянами Рычковскаго поселка Оренбургской епархіи, по сообщенію «Оренб. Еп. Вѣд.», составленъ общественный приговоръ, которымъ, во уваженіе къ доброму слову своего пастыря, постановили, „чтобы впредь никто не смѣлъ выѣзжать во время богослуженія воскреснаго дня куда бы то ни было, или заниматься своимъ ремесломъ, но всѣ обязательно должны быть въ церкви, торговцы же должны прекратить торговлю. Независимо отъ духовнаго взысканія, какому будетъ подвергать нерадивыхъ и упорныхъ мѣстный священникъ, приговоръ уполномочиваетъ поселковаго атамана наказывать таковыхъ штрафами въ пользу церкви по 25 к. съ каждаго въ 1-й разъ, по 50 к.—во—2-й, и по 1 руб.—въ 3-й —разъ и въ пользу общественной суммы по 1 руб. Мѣстный преосвященный, одобряя этотъ приговоръ, въ резолюціи своей посовѣтовалъ, чтобы подражали ему всѣ церковно-приходскія попечительства, „на обязанности которыхъ лежитъ привлеченіе всѣми возможными мѣрами прихожанъ своихъ къ дѣятельному благочестію".

— Въ дневникѣ преосвященнаго Уфимскаго Діонисія, веденномъ имъ при обозрѣніи церквей Уфимской епархіи, находимъ, между прочимъ, слѣдующее, достойное вниманія, сообщеніе о добрыхъ отно-

щеніяхъ между пастыремъ и пасомыми. Говоря объ обозрѣніи одной сельской церкви и восхваляя священника за его труды и улучшеніе религіознаго состоянія прихожанъ—природныхъ мордванъ, преосвященный продолжаетъ: „видя великолѣпно сооруженный храмъ, я съ поклономъ поблагодарилъ прихожанъ за ихъ любовь къ Богу и ближнему; потомъ обратился съ такою же благодарностью къ священнику и въ признательность, за его любовь къ Богу и прихожанамъ, и за любовь прихожанъ къ нему, сказалъ: «я награждаю тѣмъ, что въ моей власти», и при этихъ словахъ возложилъ на голову его бархатную скуфью. Боже мой, какой восторгъ произвело это событіе на прихожанъ! Отъ радости заплакалъ священникъ, заплакали прихожане, и въ восторгѣ кричали: «благодаримъ тебя, владыко! Благодаримъ, благодаримъ, владыко! Достойно и праведно воздалъ отцу нашему духовному». Въ первый разъ въ жизни довелось мнѣ видѣть, до какой степени можетъ быть цѣнима прихожанами любовь священника къ нимъ и насколько они признательны къ нему за его о нихъ духовное попеченіе».

Дѣйствительно, подобныя сердечныя отношенія между пастыремъ и пасомыми невольно трогаютъ сердце, и дай Богъ побольше подобныхъ примѣровъ!

— Въ противодѣйствіе сектанству въ с. Романовкѣ, новоузенскаго уѣзда, сдѣланъ опытъ примѣненія одной мѣры, оказывающей весьма благотворное вліяніе на религіозную жизнь прихожанъ. Священникъ поименованнаго села представилъ епархіальному начальству, что прихожане его совсѣмъ не имѣютъ правильно написанныхъ иконъ, что среди населенія распространены иконы суздальскаго письма, не возбуждающія, по своей живописи, благоговѣйнаго чувства въ молящихся и вызывающія со стороны сектантовъ насмѣшливыя замѣчанія; къ тому же и за такія иконы простолюдину приходится платить большія деньги. Въ виду этого священникъ названнаго села просилъ разрѣшить слѣдующее: открыть въ с. Романовкѣ при церкви, въ отдѣльномъ помѣщеніи, складъ доброкачественныхъ иконъ для продажи какъ своимъ прихожанамъ, такъ и жителямъ окрестныхъ селъ и деревень; средства на пріобрѣтеніе иконъ взять, не свыше 300 руб., изъ церковно-приходскаго попечительства, которое на эту и другія потребности дѣлаетъ, какъ и въ настоящемъ году, посѣвъ на дарственной обществомъ с. Романовки землѣ; вмѣстѣ съ симъ пригласить къ добровольнымъ пожертвованіямъ, хлѣбомъ и деньгами,

на этотъ предметъ прихожанъ; прибыль отъ продажи иконъ должна составлять собственность попечительства, которое, по мѣрѣ надобности, пріобрѣтаетъ новыя иконы; завѣдываніе складомъ поручить мѣстному священнику, который по полугодно отдаетъ подробный отчетъ попечительству и приходу; при складѣ завести, по мѣрѣ средствъ, библіотеку съ составомъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія какъ для продажи ихъ, такъ и для временнаго пользованія прихожанами на дому. Преосвященный, разрѣшая осуществленіе добраго предпріятія, призналъ ревность этого священника заслуживающею одобренія и подражанія.

— Въ народной жизни странничество имѣетъ большое значеніе. Народъ всегда любилъ и любитъ странниковъ и относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ. Онъ съ увлеченіемъ слушаетъ всѣ разсказы этихъ людей объ ихъ „странствіяхъ" по святымъ мѣстамъ, о дальнихъ святынахъ, о великихъ подвижникахъ благочестія. И несомнѣнно, въ былое время (да отчасти и теперь еще) странники принесли народу очень много пользы, сдѣлавъ свой вкладъ въ сокровищницу народнаго міровоззрѣнія. Для самихъ странниковъ это вѣчное хожденіе по святымъ мѣстамъ было особымъ подвигомъ Христа ради, для народа—это было источникомъ многихъ знаній, правда искаженныхъ и преувеличенныхъ, но часто только въ хорошую сторону. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время это явленіе народной жизни стало принимать уродливыя черты. Странничество начинаетъ привращаться въ ремесло, довольно притомъ выгодное, и даже въ особый видъ пропаганды всевозможныхъ ересей. «Черн. Еп. Вѣд.» пишутъ, что стали появляться странники, по внѣшнему своему виду ничѣмъ не отличающіеся отъ прежнихъ странниковъ: тотъ же длинный кафтанъ, длинные волосы, котомка за плечами, посохъ въ рукѣ, крестъ на груди. Появляются они въ церквахъ, повидимому, молятся, крестятся (хотя не часто). Затѣмъ безъ всякаго труда сходятся съ простымъ людомъ, съ богомольцами, которые всегда не прочь послушать интереснаго разсказчика, много на своемъ вѣку исходившаго по святымъ мѣстамъ. И вотъ тутъ-то начинается пропаганда штундизма,—осторожная, ловкая, медленно вливающая ядъ растлѣнія въ раскрытое довѣріемъ сердце простолюдина. Сатанинская хитрость достигаетъ своей цѣли. Чего нельзя сдѣлать прямою проповѣдью, того достигаютъ подъ видомъ благочестія. Чего не станутъ слушать отъ штундистскаго пресвитера, то легко усвоятъ отъ чтимаго странника. Здѣсь обманъ почти неуловимъ въ своемъ дѣйствіи и неискоренимъ въ

своихъ послѣдствіяхъ; еще, пожалуй, можно уличить самозванца странника и привлечь его къ отвѣтственности, но нѣтъ уже никакой возможности изгладить слѣды его проповѣди.

Дѣйствительно, гнилое слово имѣетъ особую силу живучести. Брошенное даже вскользь, какъ бы на вѣтеръ, въ разговорѣ, оно способно замутить чистую неопытную вѣру простеца и мало по малу подготовить почву для дальнѣйшихъ смущеній. Сколько же теперь нужно внимательности со стороны духовныхъ пастырей и самоотверженнаго усердія, особенно во время исповѣди, для того, чтобы во время замѣтить смущеніе или сомнѣніе въ душѣ прихожанина, посѣянное этими новыми волками въ овечьей шкурѣ!... А вѣдь только пастырскимъ трудомъ и можно бороться съ этимъ видомъ распространенія лжеученій.

— По возбужденному однимъ благочиннымъ вопросу о вѣнчаніи лицъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ мормонской ереси, съ православными, Самарская консисторія сдѣлала слѣдующее разъясненіе: „во всѣхъ случаяхъ, когда сектанты не уличены въ принадлежности своей къ хлыстовству, мормонству, монтанству и др. наименованіямъ и развѣтвленіямъ хлыстовской ереси, участіемъ ихъ въ радѣніяхъ или опредѣленными свидѣтельскими показаніями о производимой ими пропагандѣ хлыстовскихъ вѣрованій—священнику остается дѣйствовать только нравственнымъ своимъ вліяніемъ, убѣждая православныхъ родителей не губить дѣтей своихъ, отдавая ихъ въ семьи сокровенныхъ еретиковъ и угрожая православнымъ родителямъ за такую измѣну ихъ Церкви Христовой отлученіемъ отъ святаго причащенія, по донесеніи о томъ ихъ, священниковъ, епархіальному начальству, а еретикамъ совѣтуя заключать брачные союзы въ кругу своихъ единомышленниковъ. Но, дабы священники не могли подвергаться и въ приложеніи мѣръ пастырскаго воздѣйствія на еретиковъ нареканіямъ и обвиненіямъ въ притѣсненіяхъ съ корыстными цѣлями и въ вымогательствѣ, потребовать отъ всѣхъ священниковъ епархіи единократнаго представленія поименныхъ списковъ всѣхъ подозрѣваемыхъ ими въ принадлежности къ хлыстовству въ различныхъ его наименованіяхъ, какъ изъ числа собственныхъ ихъ прихожанъ, такъ и временно, но постоянно въ приходѣ ихъ проживающихъ въ качествѣ арендаторовъ, работниковъ и т. п., съ тѣмъ, чтобы каждый годъ, одновременно съ вѣдомостію о небывающихъ у исповѣди отъ 1—3 лѣтъ и болѣе, представляли и дополнительные списки вновь навлекшихъ на себя

подозрѣніе въ принадлежности къ хлыстовству или рапорты, что въ личномъ составѣ хлыстовства по ихъ ходу измѣненій не послѣдовало. При заключеніи браковъ между женихами и невѣстами, принадлежащими къ разнымъ приходамъ, причты въ своихъ предбрачныхъ свѣдѣніяхъ на запросъ причта о невѣстѣ сообщали бы и объ этой опасности для православія семьи, въ которую поступаетъ засватанная православнымъ женихомъ невѣста изъ семьи, зараженной хлыстовствомъ, а равно и причтъ, дѣлающій запросъ о невѣстѣ, засватанной въ хлыстовскую семью, въ запросѣ своемъ предупреждалъ бы объ угрожающей православію невѣсты опасности для своевременнаго пастырскаго дѣйствія со стороны ея приходскаго священника на ея родителей".

— Такъ какъ въ камчатской епархіи нѣтъ никакихъ источниковъ, изъ которыхъ могло бы быть оказываемо пособіе больнымъ священно-церковно-служителямъ, нуждающимся въ средствахъ, предлагаемое же указомъ Св. Сунода отъ 30 сентября 1865 года отчисленіе по 1 проц. съ рубля изъ кошельковыхъ суммъ для образованія больничнаго капитала признается необременительнымъ для епархіи, то епархіальное начальство предписало въ прошломъ мартѣ: всѣмъ причтамъ церквей камчатской епархіи отчислять ежегодно изъ кружечныхъ и кошельковыхъ суммъ по 1 проц. съ рубля, которые и представлять въ консисторію, чрезъ благочинныхъ на образованіе больничнаго капитала по епархіи, къ 1-му апрѣля каждаго года; изъ поступающаго 1 проц. сбора съ кошельковыхъ суммъ 50 проц. отчислять ежегодно на нужды епархіи въ вышесказанныхъ случаяхъ, и остальные 50 проц. отчислять на образованіе основного больничнаго капитала; равнымъ образомъ и не израсходованныя отъ каждаго года суммы причислять къ основному фонду, до тѣхъ поръ, пока не составится такой капиталъ, процентами съ коего можно было бы оказывать пособія на леченіе больныхъ священно и церковно-служителей.

— Въ «Рус. Сл.» обращаетъ на себя вниманія слѣдующая статья свящ. В. Булгакова о мелкомъ кредитѣ для духовенства.— Говоря о томъ, что въ настоящее время утвержденъ правительствомъ уставъ учрежденій мелкаго кредита, о. Булгаковъ задается вопросомъ: могутъ ли имѣть доступъ въ такія учрежденія мелкаго кредита лица духовныя? Имѣютъ ли они право пользоваться кредитомъ въ такихъ учрежденіяхъ наравнѣ съ крестьянами, или эти учрежденія будутъ существовать лишь для крестьянскаго и иныхъ сословій, исключая духовнаго?! Отмѣчая тотъ фактъ, что

не смотря на существованіе Государственнаго, Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ, кредитныхъ обществъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ,—нѣтъ такого учрежденія, гдѣ лица духовнаго сословія могли бы получать ссуды за небольшіе проценты подъ обезпеченіе своихъ домовъ, имуществъ и сельско-хозяйственный инвентарь, почтенный авторъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что духовенство, особенно сельское, нуждается въ мелкомъ кредитѣ, не менѣе крестьянъ. Не надо забывать, говоритъ онъ, что доходы духовенства не имѣютъ опредѣленной величины и слишкомъ разнообразны по количеству за одно и то же время, будучи всецѣло въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ въ жизни прихожанъ. Случается такъ, что за извѣстный періодъ времени доходу вполнѣ достаточно; но наступаютъ иные мѣсяцы: требъ, нѣтъ, служба отъ воскресенья до воскресенья, — доходу мало — и причтъ волей-неволей входитъ въ долги по лавкамъ и у частныхъ лицъ. Хорошо тому, у кого есть сбереженія на черный день: онъ можетъ изъ нихъ покрыть недостатокъ въ финансовомъ бюджетѣ за извѣстный мѣсяцъ, дожидаясь лучшихъ временъ... Но такихъ сбереженій у многихъ нѣтъ, особенно среди низшихъ членовъ причта. Кромѣ того, такія событія, какъ отправленіе дѣтей въ школу, лѣченіе больныхъ членовъ семьи, разсчетъ рабочихъ, ремонтъ хозяйственныхъ службъ и т. п. требуютъ сразу нѣсколькихъ десятковъ рублей, а у инаго пастыря или дьячка нѣтъ и рубля въ карманѣ. Какъ же быть? Начинаются исканія у богатыхъ прихожанъ, соединенныя съ низкопоклонничествомъ, заискиваніями и обидными для просящаго униженіями. Только послѣ долгихъ усилій удается иному «попризанять» на малое время у деревенскаго богача нѣсколько десятковъ рублей до первыхъ великихъ праздниковъ... Тяжелыя сцены приходится наблюдать въ такихъ случаяхъ! Мужикъ всегда доволенъ и радъ, когда въ его лапы попадетъ священникъ или дьячекъ; это тѣшитъ его самолюбіе и мужицкое тщеславіе. Такой благодѣтель наивозможно чаще и всѣми способами даетъ своему кредитору чувствовать всю зависимость отъ него, особенно, если знаетъ, что вамъ нечѣмъ уплатить ему сразу долгъ... Несомнѣнно, что такая зависимость духовенства отъ богатыхъ прихожанъ ведетъ къ очень печальнымъ результатамъ и тяжело отзывается на нивѣ духовной. Какъ поучать такихъ богачей? Какъ сказать имъ слово порицанія за ихъ порочную и для всѣхъ соблазнительную жизнь, когда при нуждѣ, помимо нихъ, некуда больше идти за десяткомъ рублей?!! Духо-

венство часто упрекаютъ въ низкопоклонничествѣ, но иногда подкладка такого низкопоклонничества имѣетъ слишкомъ печальную и неотразимую основу. Правда, бываютъ исключенія. И среди прихожанъ есть люди, готовые всегда выручить причтъ изъ бѣды, но такихъ лицъ такъ мало въ наше время! Такимъ образомъ происходятъ очень странныя вещи. Иной священникъ или псаломщикъ имѣетъ хорошій домъ, который страхуется свыше тысячи рублей; есть у него и лошади, и иная скотина, и хорошій сельскохозяйственный инвентарь. И приходъ у него достаточный... Но одинъ въ силу принятыхъ на себя обязательствъ при поступленіи, другой въ виду большихъ расходовъ на многочисленную семью, третій въ силу тратъ по перестройкѣ хозяйственныхъ службъ и т. п.,—начинаетъ временами нуждаться въ десяткѣ рублей. И что же? Этотъ десятокъ-другой рублей, нужный во время безденежья, въ критическіе моменты, на нѣсколько дней или недѣль, такой имущественно обезпеченный человѣкъ не можетъ найти ни въ какомъ банкѣ, помимо богача-прихожанина... Если для лицъ, имѣющихъ достаточно обезпеченные приходы, необходимъ кредитъ, то что сказать о той бѣднотѣ, которая ютится по нашимъ весямъ, получая въ годъ 200, 100 и даже менѣе сотни рублей?! А такихъ не мало, особенно среди низшаго клира. Правда, съ назначеніемъ жалованія духовенству, послѣднее явится болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ прежде, но эта мѣра развѣ можетъ устранить необходимость для духовенства учрежденій мелкаго кредита?! Скажутъ: „нуждающіеся члены причта имѣютъ право просить чрезъ епархіальное начальство заимообразно денегъ изъ церковныхъ суммъ". Но такая операція и хлопотлива и большинству недоступна, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ храмахъ едва хватаетъ церковныхъ суммъ на свои неотложныя нужды. Вообще несомнѣнно, что духовенству при нуждѣ положительно негдѣ взять въ ссуду денегъ, кромѣ частныхъ лицъ. И почему-то доселѣ существуетъ такая практика, что дома духовенства, стоящіе не на бѣлой, а на церковной землѣ не принимаются банкомъ и кредитными обществами въ залогъ. Между тѣмъ въ настоящее время почти всѣ дома духовенства страхуются. Слѣдовательно, въ случаѣ пожара долгъ можетъ быть вычтенъ изъ страховой преміи и банкъ здѣсь ничего не потеряетъ. Въ случаѣ же перехода взявшаго ссуду въ другой приходъ, долгъ банка за домъ можетъ выдать вновь поступающій при покупкѣ заложеннаго дома предшественника. Наконецъ, не надо и того забывать, что нѣтъ ничего легче, какъ получить долгъ съ

членовъ клира: по предписанію начальства благочинные ежемѣсячно могутъ вычитать изъ доходовъ извѣстную часть. Сельскому духовенству слѣдуетъ разрѣшить имѣть кредитъ въ учрежденіяхъ мелкаго кредита, наравнѣ съ крестьянами, какъ подъ залогъ домовъ, хотя бы они стояли и на церковной землѣ, такъ и подъ обезпеченіе другихъ имущественныхъ цѣнностей. Если же духовенство исключается изъ числа лицъ, имѣющихъ право на мелкій кредитъ въ такихъ учрежденіяхъ, то почему бы не учредить отъ правительства ссудо-сберегательныя товарищества, по епархіямъ, спеціально для духовенства? Несомнѣнно, такія товарищества принесли бы неоцѣнимыя услуги духовенству и изъ многихъ сердецъ вызвали бы вздохи облегченія... Увѣренность, что въ критическія минуты возможно безъ униженій и страданій найти десятки рублей подъ умѣренные проценты,—такая увѣренность освободила бы духовенство отъ низкопоклонничества предъ богачами прихожанами, дала бы ему смѣлость энергичнѣе дѣйствовать на нивѣ духовной.

— Въ «Цер.-прих.-шк.» одинъ изъ священниковъ К—ской епархіи Н. Невскій на основаніи собственнаго опыта доказываетъ своимъ собратьямъ всю пользу пчеловодства, когда оно ведется раціонально. Поступивъ на приходъ въ ноябрѣ 1885 г., о. Невскій купилъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года, почти случайно, шесть ульевъ за 21 р. Знакомства съ пчеловодствомъ онъ не имѣлъ ровно никакого и интереса къ пчеловодству не имѣлъ. До 1891 г. онъ исключительно занимался дуплянками. Пчеловодство и особенно въ первые два года велось плохо—безъ надлежащей подготовки къ дѣлу... Въ продолженіе 4 лѣтъ число ульевъ на пасѣкѣ то доходило до 45—50, то снова упадало до 20—15. Въ общемъ, занимаясь не серьезно. о. Невскій пасѣки не развелъ и дохода съ ней не получалъ: весь медъ шелъ для домашняго употребленія. Тѣмъ не менѣе, эти пять лѣтъ занятія пчеловодствомъ принесли ему существенную пользу,—за это время онъ узналъ пчелу, усвоилъ всѣ необходимые пріемы въ обращеніи съ нею, прочиталъ многое по пчеловодной литературѣ и т. п. Въ апрѣлѣ 1891 г. ему пришлось купить за смертію одного хозяина продававшуюся пасѣку въ количествѣ 20 ульевъ пчелъ рамочной системы Далиновскаго. Эта покупка, вмѣстѣ съ перевозкою, обошлась ему до 200 р., но за то онъ въ то же лѣто выручилъ 163 р. за продажу меду, и число ульевъ рамочныхъ увеличилось до 25. Такой успѣхъ ободрилъ молодаго пчеловода. Зимою онъ принялся за устройство хозяйственнымъ образомъ рамочныхъ ульевъ, и успѣлъ приготовить ихъ до 50 штукъ. Для

насадки ихъ пчелами, онъ купилъ по веснѣ 35 дуплянокъ пчелъ за 105 р., которыя вмѣстѣ съ прежними составили пасѣку болѣе чѣмъ въ 50 ульевъ. Затѣмъ имъ была пріобрѣтена форма (вафельница) для приготовленія искусственной вощины, заведена для выбрасыванія изъ сота меда центробѣжная машина, а также куплены и другія принадлежности для пчеловодства, словомъ въ эти послѣдніе три года онъ сдѣлалъ все необходимое для раціональнаго пчеловодства, съ затратою на пріобрѣтеніе всей пасѣки и на ея устройство 621 руб., но доходу отъ пчелъ имъ получено уже 738 руб., т. е. 117 р. чистой прибыли и затѣмъ имѣется благоустроенная пасѣка въ 65 ульевъ, представляющая теперь собою цѣнность не менѣе 1000 руб,. съ которой, по его соображеніямъ, можно получать будетъ доходу отъ 200—500 руб. въ годъ. «Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, говоритъ свящ. Невскій, что раціональное пчеловодство, какъ хозяйственная отрасль, можетъ оплачивать трудъ хозяина такъ, какъ ни какая другая отрасль въ хозяйствѣ, пчеловодство дало мнѣ за послѣдніе два года болѣе, чѣмъ трудное занятіе земледѣленіемъ и почти не менѣе того, что получаю я ежегодно за требоисправленія». Далѣе для большей убѣдительности своихъ словъ, свящ. Невскій указываетъ въ статьѣ на образцовое пчеловодство двухъ сельскихъ учителей, которые при незначительныхъ средствахъ довели свои пасѣки до 100 ульевъ каждая, и отъ нихъ получаютъ теперь отъ 200 до 600 руб. ежегодно чистаго дохода. Затѣмъ, авторъ статьи указываетъ на нравственную пользу пчеловодства. „Мы лично знаемъ нѣкоторыхъ крестьянъ—пчеловодовъ, которые, не получая никакого дохода, продолжаютъ заниматься пчеловодствомъ именно изъ любви къ этому благородному занятію и ради того нравственнаго удовольствія, которое они всегда находятъ въ своей пасѣкѣ. Въ минуты отдыха отъ трудовъ и мы лично всегда находимъ величайшее спокойствіе и утѣшеніе среди своей пасѣки; испытывается что-то особенно успокоивающее: ровный и спокойный шумъ пчелы, послѣ дневнаго труда, какъ бы манитъ и человѣка успокоиться и забыться отъ дневной суеты; а трудолюбіе пчелы—развѣ не служитъ урокомъ для человѣка – избѣгать праздности"... Кромѣ этого нужно, по словамъ автора, имѣть въ виду и особенную пользу продуктовъ пчеловодства. „Извѣстно, что медъ съ древнѣйшихъ временъ имѣлъ самую важную роль въ домашнемъ обиходѣ нашихъ предковъ, будучи почти единственнымъ напиткомъ въ то старое и доброе время. Древняя Русь славилась своими медами и старый медъ игралъ въ ней такую же почётную

роль, какъ теперь дорогое вино"... Въ послѣднее время и самая медицина совѣтуетъ употреблять чистый медъ, какъ лучшее средство въ грудныхъ болѣзняхъ, при одышкѣ, дифтеритѣ и др. болѣзняхъ. А сколько, наконецъ, нравственной пользы можетъ доставить намъ пчеловодство, если мы, научившись сему сами, научимъ тому же и нѣкоторыхъ прихожанъ своихъ: сколько будетъ сердечной благодарности! Въ концѣ статьи свящ. Невскимъ указаны и нѣкоторыя печатныя пособія. (Пчела и ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства" Бутлерова, цѣна 75 коп. съ пересылкой. „Руководство къ разумному пчеловодству съ приложеніемъ календаря, таблицы пчеловодства и 175 рисунковъ въ текстѣ А. Андріяшева, изд. 3-е, цѣна 1 рубль; «Вѣстникъ Иностранной Литературы Пчеловодства» отъ начала его изданія 1892 г., такъ какъ съ началомъ изданія журнала начаты печатаніемъ статьи; сообщающія самыя элементарныя свѣдѣнія объ уходѣ за пчелами. Цѣна 1 рубль. Адресъ: С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ, Троицкая № 9).

— Опытъ устройства духовенствомъ при епархіальныхъ учрежденіяхъ собственныхъ типографій оправдываетъ надежды, которыя возлагались на это предпріятіе, устраняетъ опасенія за благополучный ходъ этого новаго для духовенства дѣла и внушаетъ увѣренность въ томъ, что епарх. типографіи дѣйствительно могутъ вести дѣло съ пользой для церкви и духовенства во всѣхъ отношеніяхъ. Примѣромъ этого можетъ служить типографія Тобольскаго братства св. Димитрія. По сообщенію управляющаго типографіей, первый годъ существованія братской типографіи оказался удачнымъ. За 10 мѣсяцевъ (фев.—дек. 1894 г.) выручено болѣе 7,000 рублей, изъ нихъ чистой прибыли 2,000 р. Результатъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что никакихъ обязательствъ по духовному вѣдомству относительно печатанія въ братской типографіи не было Братство, имѣя собственную типографію, дѣйствительно имѣло возможность расширить свою просвѣтительную дѣятельнось изданіемъ брошюръ нравственнаго содержанія и удешевить свои изданія. Въ настоящемъ году братство намѣрено еще болѣе усилить. дѣятельность по изданію листковъ, брошюръ и книгъ.

— Духовенство нѣкоторыхъ епархій вступаетъ въ соглашеніе съ агентами страховыхъ обществъ относительно коллективнаго страхованія церквей и церковныхъ строеній въ виду нѣкоторыхъ выгодъ такого страхованія. Послѣдній епархіальный съѣздъ тамбовскаго духовенства, выслушавъ дакладъ коммиссіи по дѣлу о страхованіи церквей, монастырей, зданій духовно-учебныхъ заве-

деній и домовъ причтовъ, на льготныхъ условіяхъ, съ отчисленіемъ 15% съ валовой премін на образованіе епархіальнаго пожарнаго капитала, постановилъ просить епархіальное начальство заключить соглашеніе въ видѣ опыта на одинъ годъ чрезъ консисторію съ 1-мъ Россійскимъ и Московскимъ страховыми обществами, какъ болѣе благонадежными и сочувственно относящимися къ вопросу страхованія церковныхъ, монастырскихъ и причтовыхъ строеній, обязавъ при этомъ духовенство епархіи страховать имущества непремѣнно въ одномъ какомъ-либо изъ этихъ обществъ и напечатавъ въ епарх. вѣдомостяхъ текстъ соглашенія и спеціальный церковный тарифъ со всѣми примѣчаніями и правилами къ свѣдѣнію и руководству духовенства.

— По сообщенію «Цер. Вѣст.», бывшій въ маѣ съѣздъ депутатовъ екатеринодарскаго духовнаго училищнаго округа между другими дѣлами коснулся способовъ улучшить учебное дѣло въ училищахъ и постановилъ: для того, чтобы и дѣти сиротъ и несостоятельныхъ родителей, отставшія по успѣхамъ, но подающія надежду на исправленіе могли имѣть репетиторовъ, а дѣти состоятельныхъ родителей имѣли возможность пользоваться ими своевременно, ассигновать въ распоряженіе правленія училища на первый годъ, въ видѣ опыта, триста рублей и просить, чтобы оно, по опредѣленіи на своихъ педагогическихъ собраніяхъ, кто изъ малоуспѣшныхъ учащихся нуждается въ посторонней помощи при своихъ занятіяхъ, само договарило для таковыхъ за опредѣленное вознагражденіе и на опредѣленное время изъ ассигнуемой суммы репетиторовъ изъ числа учащихъ и надзирателей и слѣдило за успѣхами занятій послѣднихъ съ ввѣренными особому ихъ руководству и попеченію учениками. Тотъ же журналъ сообщаетъ, что донскому епархіальному съѣзду въ будущемъ сентябрѣ предстоитъ обсудить, въ числѣ другихъ, слѣдующіе вопросы: объ изысканіи средствъ къ построенію церковныхъ домовъ для причтовъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ такихъ домовъ нѣтъ; объ учрежденіи въ епархіи епархіальнаго общества взаимнаго страхованія церковныхъ и причтовыхъ построекъ; объ увеличеніи сборовъ въ кружки въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія путемъ постояннаго обноса кружки въ церквахъ вслѣдъ за кошелькомъ; о болѣе дѣйствительномъ сборѣ въ приходахъ пожертвованій по пригласительнымъ листамъ, неограничиваясь записью пожертвованій одних членовъ причта; объ учрежденіи кружекъ въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія при церквахъ учебныхъ заведеній, монастырей

и монастырскихъ подворій въ епархіи; объ отчисленіи 1 или 2 проц. со всѣхъ церковныхъ суммъ въ епархіи на выдачу пособій священно-церковно-служителямъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ по пожарному разоренію и наводненію.

— Одинъ изъ новыхъ примѣровъ въ высшей степени благотворнаго и самоотверженнаго труда сельскаго духовенства для народнаго образованія обнаружился при посѣщеніи епархіальнымъ преосвященнымъ села Красной Рѣчки, Николаевскаго уѣзда. Школа въ этомъ селѣ найдена въ прекрасномъ состояніи, и этимъ благоустройствомъ она обязана именно мѣстному священнику и его женѣ: какъ люди бездѣтные и одинокіе, они, какъ читаемъ въ отчетѣ епархіальнаго журнала объ этомъ посѣщеніи, самоотверженно преданы школѣ и посвящають ей весь свой трудовой день, хотя прихожане, какъ засвидѣтельствовалъ преосвященному уѣздный исправникъ, крайне неблагодарны въ отношеніи своего священника и его жены и не цѣнятъ ихъ большого труда по школѣ. Архипастырь выразилъ этому священнику и женѣ его особенную благодарность.

— Дѣло построенія церквей и школъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги идетъ весьма успѣшно. Въ теченіе прошлаго года на это дѣло изъ казны, какъ сообщаетъ объ этомъ «Нов. Вр.», отпущено 48,000 руб.; на эти деньги въ настоящее время строится 11 церквей (въ Тобольской и Томской губ. и Акмолинской области) и 2 церкви-школы. Частныхъ пожертвованій поступило свыше 23,000 руб.; на нихъ строятся: 4 церкви-школы и 2 церкви въ Тобольской губ. и 2 церкви-школы въ Томской. Дальнѣйшая постройка будетъ сосредоточена преимущественно въ Амурской и Акмолинской областяхъ, мѣстности которыхъ наиболѣе нуждаются въ этомъ.

— Отдѣлъ церковно-приходскихъ школъ на Всероссійской выставкѣ 1896 въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ сообщаетъ объ этомъ «Рус. Сл.», будетъ очень обширнымъ. Кромѣ церкви-школы, къ устройству которой скоро будетъ приступлено, для экспозитовъ церковно-приходскихъ школъ отведено въ научно-учебномъ отдѣлѣ до 40 кв. саж. Обѣщано также помѣщеніе въ отдѣлѣ глинобитныхъ огнеупорныхъ построекъ. Церковь-школа займетъ мѣсто по правую сторону отдѣла. По проекту академика Преображенскаго церковь-школа будетъ построена въ два этажа. Въ нижнемъ—столовая и общежитіе для учениковъ, въ верхнемъ этажѣ—классныя помѣщенія и алтарь съ раздвижными стѣнками, такъ что въ случаѣ необходимости всѣ классныя помѣщенія могутъ быть обраще-

ны въ просторную, свѣтлую церковь. Кромѣ выставки экспозитовъ при церкви-школѣ предполагается организовать педагогическіе и сельскохозяйственные курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ, будутъ даны образцовые уроки и т. п. Въ учрежденную въ Нижнемъ-Новгородѣ коммиссію по устройству отдѣла церковно-приходскихъ школъ на выставкѣ уже начали поступать заявленія о высылкѣ экспозитовъ. Училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ въ счетъ ассигнованныхъ на постройку церкви-школы 10,000 руб. уже выслано 5000 руб., и исполнительная коммиссія дѣятельно приступаетъ къ осуществленію проекта церкви-школы.

— Обезпеченіе церковно-приходскихъ школъ составляетъ самый насущный и назрѣвшій вопросъ настоящаго времени, до сего времени не нашедшій себѣ удовлетворительнаго разрѣшенія. До сихъ поръ изыскиваемыя средства большею частію являются слишкомъ незначительными для того, чтобы обезпечить церковно-приходскую школу, а между тѣмъ какіе-бы обильные и богатые плоды принесло это святое дѣло, если-бы для его успѣха и развитія были найдены средства болѣе постоянныя и достаточныя. Поэтому-то въ послѣднее время особенно усиленно трудятся надъ этимъ вопросомъ духовенство различныхъ епархій, епархіальныя начальства и всѣ благомыслящіе люди, искренно сочувствующіе дѣлу народнаго просвѣщенія въ духѣ православной вѣры и церкви. Такъ, послѣдній литовскій епархіальный съѣздъ, въ заботахъ о болѣе прочной постановкѣ школьнаго дѣла въ епархіи, нашелъ цѣлесообразнымъ для приходскаго духовенства епархіи стремиться къ тому, чтобы церковно-приходскія братства и попечительства въ состояніи были приходить церковнымъ школамъ прихода съ посильною денежною помощью, и чтобы разрѣшено было причтамъ и церковнымъ старостамъ расходовать церковныя деньги, гдѣ таковыя имѣются, на тѣ же нужды до 30 р. въ годъ съ вѣдома благочиннаго и свыше 30 р. въ годъ съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Признавая въ основѣ весьма полезнымъ и желательнымъ надѣленіе церковныхъ школъ землей, преимущественно огородами изъ церковныхъ земель, общественныхъ участковъ, казенныхъ дачъ или участковъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, съѣздъ постановилъ поручить благочинническимъ съѣздамъ частное разсмотрѣніе этого вопроса по отношенію къ приходамъ подлежащихъ благочиній, съ тѣмъ, чтобы возбуждены были надлежащія ходатайства о надѣленіи землею тѣхъ школъ и изъ тѣхъ земельныхъ участковъ, гдѣ и изъ какихъ это возможно.—Нерчинское отдѣленіе Иркутскаго епарх. училищ-

наго совѣта, заботясь о матеріальномъ обезпеченіи церковно-приходскихъ школъ, пришло къ слѣдующимъ, достойнымъ вниманія, заключеніямъ. Оно, прежде всего, постановило представить на благоусмотрѣніе епархіальной власти, не будетъ ли возможнымъ окончательно рѣшить вопросъ объ освобожденіи отъ взносовъ на волостныя школы министерства народнаго просвѣщенія тѣхъ обществъ, которыя открываютъ и содержатъ свои мѣстныя церковныя школы, съ разложеніемъ причитающагося на волостную школу сбора съ этихъ обществъ на другія общества, которыя своей школы, кромѣ волостной, не имѣютъ. Что касается различныхъ видовъ личнаго или земельнаго обложенія духовенства взносами на церковныя школы, то, по мнѣнію отдѣленія, наиболѣе цѣнной лептой духовныхъ лицъ на пользу народнаго образованія будетъ ихъ личный добровольный, съ любовью и по долгу совѣсти совершаемый трудъ по организаціи и руководству школами. Лишь тамъ, гдѣ никакого подобнаго труда не проявляется или не можетъ проявляться, возможно съ осторожностью примѣнять опредѣленные обязательные взносы на нужды мѣстныхъ церковныхъ школъ. Кромѣ того, Нерчинское отдѣленіе постановило напомнить священникамъ и церковнымъ старостамъ о состоявшемся уже въ епархіи разрѣшеніи расходовать на церковныя школы изъ церковныхъ суммъ отъ 20 до 40 руб. и отъ попечительствъ до 40 р., и стараться чтобы каждая церковь могла жертвовать не меньше этой разрѣшенной суммы. На нужды же школъ можно еще обращать доходы отъ продажи при церквахъ книгъ, исповѣдальныхъ свѣчей, крестиковъ, иконъ и т. д. «Моск. Цер. Вѣд.»

— Устройство библіотекъ при церквахъ и церковныхъ школахъ составляетъ въ настоящее время предметъ усиленныхъ и настойчивыхъ заботъ епархіальнаго начальства во многихъ епархіяхъ. Такъ, послѣдній литовскій епархіальный съѣздъ обратилъ особое вниманіе на развитіе церковно-приходскихъ библіотекъ и снабженіе ихъ книгами, потребными не только для священно-церковнослужителей, но и для назидательнаго чтенія прихожанъ. Преосвященный черниговскій Антоній, послѣ обзора епархіи, сдѣлалъ чрезъ консисторію распоряженіе, между прочимъ, о благоустройствѣ церковныхъ библіотекъ, для которыхъ по его мнѣнію, много еще нужно дѣлать. Церковныя библіотеки,—по словамъ преосвященнаго, вообще скудны. Поучительныхъ книгъ встрѣчается немного, такъ что владыка не разъ удивлялся, по какимъ же книгамъ и

пособіямъ ведутъ свои поучительныя бесѣды съ пасомыми приходскіе пастыри. Какъ пастырь будетъ постоянно учить, если у него самого подъ руками мало поучительныхъ книгъ?! Очевидно, настоитъ насущная нужда въ устроеніи хорошихъ церковныхъ библіотекъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, преосвященный черниговскій подтвердилъ всѣмъ причтамъ и старостамъ городскихъ и сельскихъ церквей, чтобы они озаботились устройствомъ при храмахъ возможно хорошихъ библіотекъ.—Въ недавнее время одинъ изъ благочинныхъ оренбургской епархіи, донося епархіальному начальству, что при одной цеквп г. Орска нѣтъ библіотеки, изъ которой ожно было бы снабжать прихожанъ книгами религіозно-нравственнаго содержанія, просилъ разрѣшить употребить на покупку книгъ изъ церковныхъ суммъ 25 р. и произвести на тотъ же предметъ сборъ пожертвованій. Преосвященный разрѣшилъ это и напомнилъ притомъ о постоянныхъ своихъ совѣтахъ, дѣлавшихся при посѣщеніи церквей, заводить при церквахъ библіотеки.—Среди духовенства псковской епархіи собирается капиталъ на учрежденіе, въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, при всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ библіотекъ для внѣкласснаго чтенія.

— Изъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ на первую очередь поставлены, какъ слышалъ «Южный Край», слѣдующія: устройство образцовыхъ льнодѣленъ, въ губерніяхъ тверской, смоленской, вывитебской и вятской; учрежденіе образцовыхъ пеньнодѣленъ въ губерніяхъ курской, орловской, харьковской, кіевской и другихъ, гдѣ преимущественно распространена культура конопли. Въ этихъ же мѣстностяхъ проектировали устройство, при содѣйствіи земствъ общественныхъ пенькотрепаленъ на артельныхъ началахъ. Рѣшено увеличить персоналъ инструкторовъ по обработкѣ льна и подготовить инструкторовъ по обработкѣ пеньки, а также подготовить при образцовыхъ пеньводѣльняхъ свѣдущихъ трепачей и сортировщиковъ; произвести при содѣйствія земствъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ всестороннее изслѣдованіе современнаго положенія культуры конопли и пеньковой промышленности въ районахъ наибольшаго ея развитія, а именно—въ губерніяхъ: орловской, курской, черниговской, тульской, полтавской, кіевской, смоленской, харьковской и др.; произвести изслѣдованіе положенія культуры конопли и обработки пеньки въ Сѣверной Италіи, гдѣ получается наиболѣе высокоцѣнный продуктъ, и устроить возмож-

но полный пеньковый отдѣлъ на предстоящей всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ.

— По словамъ «Нов. Вр.», департаментъ Земледѣлія на дняхъ разослалъ всѣмъ начальникамъ низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ труды работавшаго осенью при Министерствѣ совѣщанія, затронувшаго много вопросовъ по организаціи низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ. Препровождая эти труды, Департаментъ предлагаетъ ознакомить съ ними совѣтъ школъ и обратить вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя ближайшимъ образомъ касаются интересовъ школы. При этомъ министръ Земледѣлія высказываетъ желаніе, чтобы труды совѣщанія послужили основаніемъ для окончательной и болѣе совершенной организаціи школы въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Поэтому министръ предлагаетъ каждой школѣ обсудить настоящее ея состояніе и всѣ замѣчаемыя въ ея устройствѣ недостатки, а также возможныя и удобныя средства къ ихъ устраненію. Предлагая за тѣмъ оказать отдѣльнымъ школамъ содѣйствіе къ лучшей ихъ постановкѣ, Департаментъ предлагаетъ чтобы совѣтами школъ были вновь разсмотрѣны слѣдующія стороны дѣла, въ связи съ добытыми опытами и указаніями совѣщанія. 1) О продолжительности курса обученія въ данной школѣ. 2) О лѣтнихъ теоретическихъ занятіяхъ. 3) Объ организаціи сельскохозяйственныхъ учрежденій необходимыхъ для практическаго обученія учениковъ тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыя составляютъ задачу школы. Такими учрежденіями, по мнѣнію Департамента, должны бы быть: а) хозяйство при школѣ по ея спеціальности, организованное сообразно съ рабочими силами учениковъ и съ условіями хозяйства въ окружающей мѣстности; б) учебно демонстративный участокъ для лучшаго изученія различныхъ пріемовъ работъ и разнаго рода культуръ, в) ученическіе участки, предназначаемые для практики учениковъ въ свободное отъ занятій время. 7) Относительно обученія мастерствамъ Департаментъ желаетъ знать заключенія школьныхъ совѣтовъ касательно программъ этого обученія и расписанія занятій зимою и лѣтомъ по классамъ; кромѣ того, находитъ умѣстнымъ обсудить вопросъ объ устройствѣ при школахъ складовъ земледѣльческихъ орудій и мастерскихъ для ихъ исправленія, на пользу которыхъ тоже указало совѣщаніе.

— Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ намѣрено открыть въ Харьковѣ и Горкахъ курсы для приготовленія учителей низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Для этихъ

курсовъ проектированы слѣдующія правила: курсы состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по Департаменту Земледѣлія. Непосредственнымъ начальникомъ курсовъ состоитъ директоръ того земледѣльческаго училища, при которомъ они основаны. Директоръ завѣдующій курсами обязанъ преподавать не менѣе одного урока въ недѣлю. Для обсужденія дѣлъ по учебной и хозяйственной части образуется совѣтъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ директора земледѣльческаго училища, изъ преподавателей на курсахъ. Теоретическій и практическій курсъ продолжается не менѣе одного года. На курсы принимаются молодые люди (не болѣе 10 ежегодно), окончившіе курсъ въ высшихъ и среднихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Пріемъ на курсы производится одинъ разъ въ годъ, въ началѣ октября; выпускъ окончившихъ курсъ производится въ сентябрѣ. По окончаніи курса слушатели подвергаются экзамену въ коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ директора училища, изъ преподавателей предметовъ. Успѣшно выдержавшимъ экзамены по теоріи и выполнившимъ всѣ практическія занятія выдаются особыя свидѣтельства, причемъ лучшіе изъ окончившихъ курсъ могутъ быть командированы Министерствомъ Земледѣлія въ лучшія хозяйства и въ низшія сельскохозяйственныя школы. Слушателямъ курсовъ могутъ быть предоставлены казенныя стипендіи въ размѣрѣ до 240 р. въ годъ для только-что окончившихъ курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ, и до 400 р. для прослужившихъ учителями въ низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ и не менѣе трехъ лѣтъ. Учебники и учебные матеріалы выдаются казенные. Преподавателями курсовъ назначаются министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учителя земледѣльческаго училища, при которомъ курсы состоятъ, и другія лица, особо для того приглашаемыя. На курсахъ изучаются методы преподаванія сельскохозяйственныхъ предметовъ и естествознанія въ приложеніи къ сельскому хозяйству. Кромѣ того, слушатели курсовъ спеціально изучаютъ, по своему выбору, земледѣліе или животноводство, съ относящимися къ нимъ отраслями хозяйства. Практическія занятія слушателей заключаются: въ репетиторствѣ съ учениками земледѣльческихъ училищъ и сельскохозяйственныхъ школъ состоящихъ при курсахъ; въ частыхъ, практическихъ занятіяхъ вмѣстѣ съ учениками земледѣльческихъ училищъ или нашей сельско хозяйственной школы; въ урокахъ по естествознанію и сельскохозяйственнымъ предметамъ подъ руко-

водствомъ учителей курсовъ; въ бесѣдахъ по поводу даннаго слушателемъ урока, въ которомъ принимаютъ участіе, подъ руководствомъ преподавателя, всѣ слушатели, присутствовавшіе на этомъ урокѣ; въ изученіи способовъ составленія учебныхъ коллекцій по сельскому хозяйству и естествознанію. Время проведенное на курсахъ, если окончившій курсъ остается на службѣ по Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, засчитывается въ дѣйствительную службу. «Хар. Губ. Вѣд.».

— До сихъ поръ дѣйствіе эфедры (Кузьмичевой травы) было совершенно не изслѣдовано сколько нибудь научно, и ни одинъ врачъ не могъ высказать мнѣнія о ней. Но въ 1894 году Московскій университетъ взялся за изученіе ея. Германскій фабрикантъ лѣкарственныхъ веществъ, Меркъ, извлекъ изъ эфедры главное дѣйствующее ея начало, назвавъ его эфедриномъ; Московскій дрогистъ Феррейнъ приготовилъ изъ нея жидкій экстрактъ, а въ клиникахъ приготовляютъ отравы и настойки въ той формѣ, какъ это производится потребителями травы. Имѣя въ распоряженіи эти препараты, профессоръ Остроумовъ сталъ изучать дѣйствіе эфедры на больныхъ въ клиникѣ, проф. Богословскій—на животныхъ, а проф. Тихомировъ взялся за изученіе эфедры съ ботанической стороны. Наблюденія клиническія еще очень не многочисленны и недостаточны, такъ что о нихъ еще говорить нельзя. Но изъ опытовъ надъ животными выясняются очень серьезныя и интересныя данныя. Оказывается, что подъ вліяніемъ того или другаго препарата эфедры, даннаго животному въ достаточномъ количествѣ, животное какъ бы оглушается, становится мало воспріимчивымъ ко всему окружающему, безчувственнымъ; зрачки сильно и быстро расширяются, появляются пучеглазіе и свѣтобоязнь: сердцебіеніе чрезъ 15—20 минутъ значительно замедляется, причемъ удары его становятся сильнѣе, а изслѣдованіе крованого давленія показываетъ громадное повышеніе его; дыханіе учащается и дѣлается тяжкимъ. Часовъ черезъ 5—6 всѣ эти явленія начинаютъ мало по малу проходить, но сердцебіеніе учащается. Изъ всей этой сложной картины дѣйствія особенно обращаетъ на себя вниманіе дѣйствіе средства на сердце. Оно оказывается настолько сильнымъ и быстрымъ, что ни одно изъ доселѣ извѣстныхъ, такъ называемыхъ, средствъ, какъ дигиталисъ, ландыши, строфанъ и проч. не могутъ съ нимъ сравняться въ этомъ отношеніи. Изъ этого ясно слѣдуеть, что лицамъ, прибѣгающимъ къ лѣченію себя Кузьмичевой травой, крайне необходимо находиться подъ наблю-

деніемъ врача, безъ контроля котораго лѣчащійся можетъ причинить себѣ серьезный вредъ, разстроивши сердечную дѣятельность. Подобное же этому заключеніе дала коммиссія изъ профессоровъ медицинскаго факультета Казанскаго университета. «ВологЕП. Вѣд.».

— Причиною частыхъ головныхъ болей въ зимнее время является, большею частію, дурной воздухъ въ комнатахъ. Прекрасно можно очистить его слѣдующимъ дешевымъ средствомъ: въ сосудъ, заключающій въ себѣ полъбутылки кипятку, влить по каплѣ столовую ложку скипидару, и комната наполнится прекраснѣйшимъ сосновымъ запахомъ. «Сынъ Отеч.».

— Въ горшечной землѣ не рѣдко встрѣчаются различныя мелкія насѣкомыя, наносящія вредъ наземнымъ или подземнымъ частямъ растеній. Для истребленія ихъ рокомендуются, между прочимъ, слѣдующія средства. Землю время-отъ-времени поливаютъ настойкой персидской ромашки, заваренной кипяткомъ;—настойкой изъ одной столовой ложки сажи, заваренной сначала кипяткомъ, а затѣмъ разбавленной водою до количества одной бутылки;—настойкой изъ лжекаштановъ или лошадиныхъ каштановъ (Aesculus hypocastanum), для чего два-три каштана толкутъ, смѣшиваютъ съ одной бутылкой воды и процѣживаютъ;—растворомъ камфоры, которую предварительно въ небольшомъ количествѣ растворяютъ въ водкѣ, послѣ чего разбавляютъ 8-ю час. воды и, давъ отстоиться два дня, поливаютъ растеніе, съ такимъ расчетомъ, чтобы на растеніе, смотря по величинѣ кома, приходилось не болѣе полустакана или стакана жидкости.

— Для уничтоженія муравьевъ въ домахъ совѣтуютъ намочить губку въ сахарной водѣ и, слегка ее выжавъ, положить въ томъ мѣстѣ, гдѣ напчаще собираются муравьи. Спустя нѣкоторое время, муравьи, эти любители сладкаго, не преминутъ наполнить собою всѣ отверстія и каналы въ губкѣ. Тогда послѣднюю погружаютъ въ кипятокъ и, вымывъ, снова намачиваютъ сахарной водой и кладутъ на прежнее мѣсто. Настойчиво повторяя эту операцію, можно вывести всѣхъ муравьевъ. «Земл. Газ.»

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Сентября № 17. 1895 года.

Содержаніе. Опредѣленіе Св. Сѵнода.—Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опредѣленіе Св. Сѵнода.

Опредѣленіемъ Св. Сѵнода отъ 7—20 іюня 1895 года, за № 1665, преподано, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, благословеніе Святѣйшаго Сѵнода, безъ грамоты, Изюмскому купцу Ивану **Оринычу**.

Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ.

По 31 декабря 1894 года.

Къ 1-му января 1894 года въ капиталахъ Комитета состояло 568.969 р. 03 к. Къ нимъ поступило съ 1-го января по 31-е декабря 1894 г. 413.406 р. 90 к. А съ остаткомъ отъ 1893 г. къ 1-му января 1894 всего въ приходѣ: 982.375 р. 93 к. Съ 1-го января по 31-е декабря 1894 г. израсходовано: 361.387 р. 76½ к. Затѣмъ къ 1-му января 1895 г. въ остаткѣ: а) процентными бумагами, по нарицательной ихъ цѣнѣ 620.875 р. и б) наличными деньгами, хранящимися на особомъ счетѣ въ Государственномъ Банкѣ и состоящими въ кассѣ Комитета 113 р. 16½ к. Итого въ наличности 620.988 р. 16½ к.. Балансъ 992.375 р. 93 к. Изъ общей суммы процентныхъ бумагъ и наличныхъ денегъ 620.988 р. 16½ к. состоитъ: 1) въ расходномъ капиталѣ, предназначенномъ

на постройку церкви и текущіе по Комитету расходы 414.149 р. 92½ к., 2) въ запасномъ капиталѣ для обезпеченія содержанія будущаго причта и ремонта церкви 193.050 р., 3) въ спеціальномъ капиталѣ на устройство и содержаніе духовнаго училища при предполагаемой къ постройкѣ церкви 11.917 р. 05 к., 4) въ спеціальныхъ суммахъ, имѣющихъ, по волѣ жертвователей, особыя назначенія 1.871 р. 19 к.. Съ открытія Комитета по 31-е декабря 1894 г. поступило: 799.128 р. 61½ к.. Изъ этой суммы израсходовано по 31-е декабря 1894 г.: на заготовку строительныхъ матеріаловъ и принадлежностей; на работы по постройкамъ и сооруженіямъ; на содержаніе строительнаго персонала; на командировки и разъѣзды; на изготовленіе смѣтъ, плановъ и чертежей; на составленіе архитектурныхъ проектовъ по конкурсу; на канцелярію Комитета и дѣлопроизводство; на охрану имущества Комитета послѣ пріостановки работъ по постройкѣ; на судебныя по имуществу Комитета пошлины; на пенсію потерявшему зрѣніе на службѣ Комитета черногорцу Николаю Пырлѣ; на стипендіи болгарскимъ воспитанникамъ въ русскихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ; на уплату 5% государственнаго сбора съ капиталовъ (за полученіемъ обратно ежегодно по 756 р. 53 к.) и проч., всего 161.299 р. 18 к., Остальные затѣмъ 637.829 р. 43½ к. помѣщены въ процентныя бумаги и заключаются въ наличныхъ деньгахъ. Къ 1-му января 1895 г. состоитъ въ капиталахъ Комитета процентныхъ бумагъ по нарицательной цѣнѣ 620.875 р. и наличныхъ денегъ 113 р. 16½ к.. Поступившія пожертвованія распредѣляются по источникамъ поступленія слѣдующимъ образомъ: Всемилостивѣйше пожаловано въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ 1.000 р., пожертвовано покойнымъ Княземъ Александромъ Баттенбергскимъ 400 р., пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ 30.037 р. 98 к., поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными, приходскими священниками, причетниками и консисторскими чиновниками 167.490 р. 45½ к., (въ томъ числѣ пожертвованныхъ Аѳонскими монастырями 8.112 р.), пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ 5.918 р. 38 к., пожертвовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства 20.964 р. 58 к., поступило отъ дворянства

какъ коллективно, такъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ и пожертвованныхъ предводителями дворянства 7.634 р. 98 к., пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ 55.300 р. 32 к. (въ томъ числѣ пожертвовано Московскою Городскою Думою въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича 50.000 р.), собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ 7.189 р. 70½ к., собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами 79.598 р. 51 к., отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго Общества Краснаго Креста 4.488 р. 83 к., отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границею 6.559 р. 05½ к., отъ ярмарочныхъ комитетовъ 991 р. 91 к., отъ частныхъ банковъ, обществъ и учрежденій 2.222 р. 40 к., отъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ 16.813 р. 62 к., отъ содержателей фабрикъ и заводовъ 8.580 р. 02 к., отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній 5.763 р. 07 к., отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей 974 р. 22 к., непосредственно отъ крестьянъ 7.509 р. 25 к., отъ клубовъ и общественныхъ собраній 430 р. 50 к., отъ разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно 4.596 р. 46 к., отъ содержателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній 720 р. 47 к., отъ биржевыхъ маклеровъ и нотаріусовъ 462 р. 50 к.; итого 434.647 р. 16½ к. Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ Комитетъ поступили отъ разныхъ лицъ приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами. На % расходнаго капитала Комитета воспитывалось въ учебныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства въ 1893 году 49 болгаръ, изъ нихъ въ академіяхъ: Петербургской 4, Кіевской 3; семинаріяхъ: Кіевской 27, Московской 4, Одесской 4, Кишиневской 2; училищахъ: Кіевскомъ Софійскомъ 2, Кіевскомъ Подольскомъ 1 и Одесскомъ 2. Въ 1894 году—54, изъ нихъ въ академіяхъ: Московской 5, Петербургской 5, Кіевской 1; семинаріяхъ: Московской 2, Петербургской 5, Кіевской 25, Одесской 5, Кишиневской 1; училищахъ: Кіевскомъ Софійскомъ 2 и Одесскомъ 3.

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ въ Духовной Семинаріи, Ѳома *Ѳедоровскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви сл. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Духовной Семинаріи, Димитрій *Корнильевъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто къ Успенской церкви хут. Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Духовной Семинаріи, Иванъ *Рубинскій*, опредѣленъ на праздное священническое мѣсто къ Архангело-Михаиловской церкви с. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда.

— На праздное священническое мѣсто къ Покровской церкви с. Пожни, Ахтырскаго уѣзда, перемѣщенъ священникъ Архангело-Михаиловской церкви с. Волос. Балаклейки, Купянскаго уѣзда, Александръ *Яковлевъ*.

— Священникъ Успенской церкви сл. Барвенкова, Изюмскаго уѣзда, Александръ *Церковницкій*, перемѣщенъ къ Сумскому Преображенскому собору.

— Священникъ Іоанно-Богословской церкви сл. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, Іаковъ *Лисенко*, по прошенію, перемѣщенъ на священническое мѣсто къ церкви сл. Старой Айдари, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ сл. Ковеговъ, Валковскаго уѣзда, Алексій *Навродскій*, согласно прошенію его, перемѣщенъ къ Успенской церкви сл. Барвенкова, Изюмскаго уѣзда.

— Священникъ Покровской церкви с. Пожни, Ахтырскаго уѣзда, Николай *Яковлевъ*, волею Божіею, умеръ 22 Августа н. г.

— Діаконъ Троицкой церкви сл. Крючковъ, Изюмскаго уѣзда, Василій *Бацмановъ*, рукоположенъ во священника къ Іоанно-Предтечевской церкви сл. Ново-Павловки, того же уѣзда.

— Діаконъ сл. Ольшаной, Лебединскаго уѣзда, Василій *Савченко*, переведенъ, согласно прошенію, къ Покровской церкви сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: отст. унт.-офиц. Иванъ *Отенько* къ Покровской церкви с. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда; кр. Андрей *Бѣловодскій* къ Покровской церкви с. Писарерки, Сумскаго уѣзда, кр. Петръ *Гавриленко* къ Успенской церкви с. Хотѣни, Сумскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Отношеніе болгарскаго экзарха къ Портѣ.—Нападеніе китайцевъ на христіанскія миссіи.—Турецкія звѣрства.—Церковная выставка и конгрессъ въ Миланѣ.—Царская милость.—Самодержавіе и его историческія основы и заслуги.—Празднованіе пятисотлѣтія со дня принесенія въ Москву чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери.—Открытіе памятника Императору Александру II въ Казани.—Установленіе высшихъ окладовъ жалованья преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній.—Труженики на пользу народнаго образованія.—Содѣйствіе духовенства распространенію въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній.—Наблюденіе за церковно-приходскими школами.—Двухклассныя школы.—Курсы церковнаго пѣнія для учителей церковно-приходскихъ школъ.—Пользованіе церковными библіотеками.—Газеты среди сельскаго населенія.—Некрологъ.—Тиражъ выигрышей билетовъ Втораго Внутренняго Займа, произведенный въ Петербургѣ, 1 сентября 1895 г.

Экзархъ Болгаріи Іосифъ, терпѣливо выносившій до сихъ поръ невнимательность Порты къ своимъ просьбамъ, рѣшился, нако-

нецъ, перемѣнить свой тонъ. По словамъ «Цер. Вѣст.», отъ лицъ, близко стоящихъ къ болгарскому экзархату, извѣстно, что въ послѣднее время экзархъ окончательно вознамѣрился созвать синодъ, съ цѣлію подать въ отставку, если въ пользу болгарской церкви не будетъ сдѣлано никакихъ уступокъ, такъ какъ всѣ ходатайства экзарха оставались не исполненными; кромѣ того, турецкія провинціальныя власти стали вообще относиться къ болгарскому духовенству все болѣе и болѣе недоброжелательно. По этому поводу въ экзархатѣ указываютъ на тотъ фактъ, что Порта, вслѣдствіе неосновательныхъ докладовъ губернаторовъ, потребовала недавно низложенія ускюбскаго и keприлійскаго епископовъ. Такъ какъ эти епископы въ дѣйствительности исполняли лишь свой долгъ, ничѣмъ не нарушивъ закона, то экзархъ отвѣтилъ на требованіе Порты рѣшительнымъ отказомъ. Экзархъ съ своей стороны потребовалъ, чтобы вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, или чтобы Порта назначила слѣдствіе.

— По свидѣтельству корреспондента «Times» раздраженіе сыновъ «небесной имперіи» противъ иностранцевъ все растетъ и растетъ. Телеграфъ недавно принесъ извѣстіе, что вооруженная толпа китайцевъ напала на американскую миссіонерскую церковь и школу и разрушила ихъ до основанія. Четыре человѣка при этомъ были ранены. Учителю миссіонерской школы удалось спастись бѣгствомъ. Толпа, разрушая школу, кричала: «Гоните вонъ иноземныхъ гостей!». При этомъ въ разныхъ сосѣднихъ съ Фучоу городахъ продолжаютъ раздаваться афиши и брошюры, возбуждающія противъ иностранцевъ народъ. Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ далѣе, что комиссаромъ по разслѣдованію дѣла о нападеніи на христіанскія миссіи назначенъ бывшій вице-король Шу-Чуана Ліу-Пингъ-Чанъ, самъ бывшій виновникомъ недавнихъ безпорядковъ въ названной провинціи. Весьма понятно поэтому, если Англія и Соединенные Штаты хотятъ представить китайскому правительству по этому поводу совмѣстный протестъ. Весьма интересно при этомъ то, что по просьбѣ папы, германскій императоръ Вильгельмъ предписалъ германскому посланнику въ Пекинѣ и германскимъ консуламъ въ другихъ городахъ Китая охранять католическихъ миссіонеровъ. Китайскій дворъ прислалъ къ католическому епископу въ Пекинѣ чиновника, который увѣрилъ епископа, что китайское правительство тщательно заботится о безопасности католиковъ. 18 августа въ католическихъ церквахъ Пеки-

на патеры увѣдомили своихъ прихожанъ, что имъ нечего тревожиться, такъ какъ китайское правительство сдѣлаетъ все возможное для обезпеченіе безопасности католиковъ. «Цер. Вѣст.»

— Одинъ изъ корреспондентовъ «Нов. Вр.», проживъ въ Константинополѣ съ 1-го іюня по 12-е августа, имѣлъ возможность познакомиться съ порядками въ турецкой столицѣ и съ положеніемъ христіанскихъ подданныхъ султана. По его словамъ, тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ столицы ислама, трудно поддаются описанію, хотя и находятся люди, сомнѣвающіеся въ правдивости фактовъ, обнародованныхъ въ печати. Въ Константинополѣ, пишетъ онъ, я видѣлъ бывшаго инспектора мужскихъ армянскихъ школъ г. Даматьяна, который турецкимъ правительствомъ былъ заподозрѣнъ въ подстрекательствѣ армянъ къ возстанію. Этого молодого человѣка, 24-хъ лѣтъ, задержали турки и бросили въ мушскую тюрьму; но раньше, чѣмъ посадить въ тюрьму, сломали ему берцовую кость правой ноги, чтобы онъ не могъ убѣжать. Но и это считалось недостаточнымъ: турецкіе полицейскіе чины разсудили, что сломанная кость можетъ срастись, а потому Даматьяна снова повалили на землю и, положивъ уже разъ сломанную ногу на большой камень, другимъ камнемъ раздробили кости ноги. Турецкое правительство выпустило Даматьяна изъ тюрьмы, но не насмѣшка ли это надъ несчастнымъ страдальцемъ, прикованнымъ вѣчно къ постели и оплакивающимъ погибшую семью. Мать и старшая сестра Даматьяна сошли съ ума, младшая сестра застрѣлилась, братъ впалъ въ меланхолію. Самъ же Даматьянъ, здоровый по комплекціи, чувствуетъ приближеніе смерти отъ гангрены. Корреспондентъ навѣстилъ отца Харатаньяна, бывшаго викарнаго архимандрита мушской епархіи. Этотъ молодой архимандритъ, 30-ти лѣтъ, выглядываетъ 60-ти лѣтнимъ старикомъ, послѣ тѣхъ страшныхъ мукъ и истязаній, которыя онъ перенесъ въ мушской, харбертской и константинопольской тюрьмахъ. На его рукахъ, ногахъ и на шеѣ еще остались слѣды тяжелыхъ оковъ и тѣло его покрыто рубцами отъ ранъ, причиненныхъ ударами ятагана. Зубы архимандрита выбиты, сильные порывы кашля безпрестанно прерываютъ его разговоръ и покорные, полные горя и отчаянія, глаза выражаютъ сознаніе близкой смерти отъ неумолимой чахотки. Въ константинопольской больницѣ Спасителя находится 65-ти лѣтній старикъ, армянскій священникъ Масибре, у котораго турки сломали позвоночный столбъ въ четырехъ

мѣстахъ. Грудь этого патріарха-старца была вся покрыта ранами, число которыхъ доходило до четырнадцати. На слѣдующій день посѣщенія корреспондентомъ старецъ этотъ скончался. Въ той же больницѣ, въ отдѣленіи душевно-больныхъ, онъ видѣлъ армянку изъ Сасуна, по имени Геронъ. Геронъ—бывшая зажиточная крестьянка. У нея убили отца и шестерыхъ дѣтей, теперь она ихъ ищетъ по корридорамъ больницы Спасителя. Она страшно боится фески, такъ какъ цѣлую недѣлю была во власти солдатъ. Несчастная Геронъ, пишетъ корреспондентъ, приняла за сына своего меня и потребовала „бросить чужое платье и надѣть отцовскій арахчинъ" (родъ шапки); какъ ребенокъ начала плакать и съ раздирающимъ душу воплемъ звала своихъ дѣтей. Я привелъ здѣсь, продолжаетъ корреспондентъ, только четыре примѣра, а вѣдь такихъ вопіющихъ фактовъ въ моей памятной книжкѣ--сотни. Все это извѣстно въ столицѣ султана не только правителю Оттоманской имперіи и его сановникамъ, но и всѣмъ представителямъ европейскихъ державъ. Даже сообщая эти нѣсколько фактовъ, я чувствую угнетеніе совѣсти, опасаясь подвергнуть новымъ пыткамъ и истязаніемъ несчастныхъ лицъ, которыхъ я называю по именамъ, потому что турецкое правительство зорко слѣдитъ за газетными корреспонденціями, и вмѣсто того, чтобы помочь горю народа, выдумываетъ новыя казни противъ тѣхъ своихъ подданныхъ, которые являются живыми доказательствами варварства турецкихъ полицейскихъ и военныхъ чиновъ. Достаточно самаго ничтожнаго подозрѣнія или злостнаго доноса какого нибудь негодяя, чтобы ни въ чемъ неповиннаго человѣка посадить въ тюрьму. Относительно турецкой тюрьмы корреспондентъ сообщаетъ слѣдующее. Подъ словомъ тюрьма нельзя понимать помѣщеніе, гдѣ, живое существо можетъ жить и дышать. Турецкая тюрьма во многомъ уступаетъ собачьей конурѣ. Это—сырая подземная берлога, безъ свѣта и воздуха, способная самаго здороваго человѣка загнать въ чахотку. Арестантъ, попавшій въ эту тюрьму, всецѣло находится въ зависимости отъ капризовъ тюремнаго надзирателя и полицейскихъ чиновъ. Особенно достается тѣмъ несчастнымъ арестантамъ, которые не имѣютъ близкихъ родственниковъ, могущихъ періодически навѣщать тюремныхъ надзирателей и полицейскихъ сержантовъ и задаривать ихъ „бакшишами". Пытки въ этихъ тюрьмахъ напоминаютъ инквизиціонные ужасы, и орудія пытки выставлены открыто въ камерѣ тюремнаго

надзирателя. Оковы, въ которыя оковываютъ шею, руки и ноги всякаго арестованнаго, вѣсятъ больше пуда. Даматьяна, Харатаньяна и другихъ на цѣлую недѣлю запирали въ узкій шкапъ, шириною въ полъ-аршина и длиною въ два аршина. Въ этомъ адскомъ карцерѣ нельзя ни шевельнуться, ни сѣсть, ни облокотиться, а всякій крикъ или мольба арестованнаго даетъ право тюремному надзирателю выдумать новую и худшую пытку. Все вышеизложенное, по словамъ корреспондента, до того слабо, что не можетъ вполнѣ иллюстрировать истинное положеніе вещей въ Турціи. Каково положеніе дѣлъ въ Турціи, заканчиваетъ свои сообщенія корреспондентъ, можно судить по тому, что и въ самомъ Константинополѣ русскій подданный ничѣмъ не гарантированъ отъ звѣрской расправы, чему доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что добрые люди настоятельно совѣтовали мнѣ выѣхать изъ столицы халифа въ видахъ безопасности, хотя вся моя дѣятельность ограничивалась помѣщеніемъ чисто фактическаго содержанія корреспонденцій въ газетѣ „Адзаганкъ".

— Въ зданіи Миланской семинаріи, по сообщенію «Моск. Вѣд.», открылась въ настоящее время выставка священныхъ предметовъ и церковныхъ вещей (Esposizione eucaristica). На выставкѣ, въ отдѣлѣ древностей, есть удивительные экземпляры. Такъ напримѣръ: священическая риза VII вѣка ручной работы, причемъ шелка съ изумительною яркостью сохранили до сихъ поръ свои цвѣта; кардинальская одежда Карла Борромейскаго, высокочтимаго въ Ломбардіи, его молитвенникъ, четки, посохъ, чаша, изъ которой онъ причащалъ Св. Тайнъ больныхъ, ходя по улицамъ, во время знаменитой миланской чумы въ XV вѣкѣ; дарохранительница св. Амвросія Медіоланскаго; нѣсколько старинныхъ хораловъ и другихъ священныхъ писанныхъ книгъ V и VI вѣка. Въ одной изъ залъ выставки представлена въ натуральную величину сцена изъ жизни первыхъ христіанъ литургія въ римскихъ катакомбахъ св. Каллиста. Ватиканъ выставилъ облаченіе папы Піа IX и Льва XIII. Витрины съ этими драгоцѣнными тканями всего болѣе привлекаютъ взоры тысячей паломниковъ, ежедневно прибывающихъ въ Миланъ подъ предводительствомъ духовниковъ-патеровъ изъ окрестныхъ селъ и деревень. Одновременно съ выставкой въ церкви св. Лаврентія, построенной на развалинахъ древнихъ термъ Геркулеса, открылся XIII конгрессъ священнослужителей. Предсѣдательствуетъ самъ миланскій архіепископъ,

кардиналъ Феррари. Засѣданіе открылъ патеръ Бономи, который въ блестящей рѣчи представилъ теперешнее угнетенное состояніе духовенства въ Италіи и закончилъ свою рѣчь воззваніемъ ко всѣмъ католикамъ, живущимъ на земномъ шарѣ, освободить папу изъ плѣна и вернуть церкви ея земли и богатства, отнятыя у ней итальянскимъ правительствомъ. Слова красворѣчиваго патера были покрыты громомъ рукоплесканій всей аудиторіи.

Но, конечно, воззванія яраго католика не найдутъ себѣ отклика внѣ стѣнъ старинной церкви, тѣмъ болѣе, что Римъ готовился съ большимъ торжествомъ отпраздновать 25-лѣтіе своего освобожденія изъ-подъ власти папы.

— Съ высоты Престола раздалось Монаршее слово, ободрившее и поднявшее надежды многихъ сотенъ тысячъ бѣдняковъ, стыдящихся тунеядства и ищущихъ труда. Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на судьбу тѣхъ изъ нихъ, которые, терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта. Отзывчивое и горячо любящее Свой народъ сердце Монарха откликнулось и на эти нужды „малыхъ сихъ" и отечески позаботилось и о нихъ. По повелѣнію Государя, учреждено особое попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. На это попечительство возложена благородная задача оказывать существующимъ этого рода учрежденіямъ необходимую поддержку и заботиться о томъ, чтобы по лицу земли родной возникало домовъ трудолюбія какъ можно больше. Въ основѣ учрежденія попечительства заложена гуманнѣйшая идея о томъ, что честный трудъ есть единственный залогъ счастливой и основанной на христіанскихъ началахъ жизни. Но любвеобильное сердце Государя, подсказывая Ему одно благодѣяніе для неимущихъ, не остановилось только на этомъ и подсказало и вторую милость: вновь образованное попечительство вручено Высочайшей материнской заботливости Государыни Императрицы и состоитъ подъ Ея Августѣйшимъ покровительствомъ. Милость Царская удвоена. И съ этого момента сотни тысячъ бѣдняковъ, находя для себя нравственную опору въ честномъ трудѣ и видя просвѣтленной свою доселѣ темную и безрадостную жизнь, прольютъ не одну слезу, вызванную чувствомъ безконечной благодарности, и отъ всего сердца помолятся о Тѣхъ, Кто съ высоты Престола излилъ на нихъ Свою Царскую милость.

— Въ «Рус. Обозр.» за послѣдніе мѣсяцы обращаетъ на себя вниманіе, статья г. Черняева „О русскомъ Самодержавіи". Указывая сначала историческія основы и заслуги Самодержавія, авторъ замѣчаетъ: смѣло можно сказать, что въ нашемъ историческомъ прошломъ не было ни одного великаго событія, не связаннаго прямо или косвенно съ успѣхами Самодержавія. Принятіе христіанства совершилось благодаря тому авторитету, какимъ пользовался Владиміръ Святой въ народѣ. Избраніе Михаила Θеодоровича на царство было доказательствомъ того, что наше Самодержавіе опиралось не на грубую силу, а на политическое міросозерцаніе цѣлой націи, на ея политическіе идеалы и на ясно ею сознанную потребность народа въ твердой, неограниченной власти. Только благодаря Самодержавію могла совершиться и Петровская реформа. Если-бы власть Петра была ограничена, ему не удалось бы такъ скоро завести регулярную армію, обученную по западно-европейскому образцу, создать морское могущество Россіи, насадить въ Россіи тѣ отрасли фабрично-заводской промышленности, которымъ онъ положилъ у насъ начало, прорубить окно въ Европу, отвоевать у Шведовъ Балтійское побережье. Освобожденіе крестьянъ принадлежитъ къ числу величайшихъ актовъ нашей государственной дѣятельности, опять-таки неразрывно связанныхъ съ Самодержавіемъ. Реформа 19 февраля была бы немыслима и повела бы за собой самыя тяжкія внутреннія потрясенія, если бы она не была совершена рукой Самодержавнаго Монарха, власть Котораго, несмотря на всю его мягкость и благодушіе, не могла не наводить трепета на всѣ темныя силы. Вообще все наше историческое прошлое доказываетъ, что утрата Самодержавія была бы для Россіи величайшимъ бѣдствіемъ, ибо неограниченная монархія есть та форма правленія, которая наиболѣе подходитъ къ психическому и бытовому складу русскаго народа. Г. Черняевъ отмѣчаетъ грубое непониманіе нашего основнаго принципа власти, которое можетъ смѣшивать его съ деспотизмомъ. Онъ приводитъ самый рельефный примѣръ того, какъ носители верховной власти понимали ее. Теоретическія воззрѣнія на смыслъ и значеніе русскаго Самодержавія слагались постепенно и носятъ на себѣ отпечатокъ высокой и благородной идеи,— идеи, обязанной своимъ происхожденіемъ христіанскому складу русской жизни, политическимъ преданіямъ Византійской имперіи и той руководящей роли, которая принадлежитъ въ нашей исторіи православію. Въ отвѣтѣ Іоанна Грознаго на первую „эпистолію", полученную

имъ отъ князя Курбскаго, есть нѣсколько по истинѣ замѣчательныхъ и прекрасныхъ строкъ, какъ нельзя лучше объясняющихъ взглядъ перваго Московскаго Царя на его призваніе и на нравственное оправданіе принадлежавшей ему верховной власти. Вотъ эти строки: „Земля (Русская) правится Божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостью и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводы и еже стратиги" (Сказаніе князя Курбскаго, II, 44). Такова была точка зрѣнія Грознаго. Ревниво оберегая свою власть отъ всякихъ посягательствъ и противопоставляя притязаніямъ Курбскаго свою, ничѣмъ непоколебимую вѣру въ спасительную силу Самодержавія, Іоаннъ былъ далекъ отъ мысли видѣть въ немъ право дѣйствовать произвольно и отнюдь не считалъ себя безконтрольнымъ повелителемъ своего народа. Онъ думалъ, что Русская земля управляется Божественнымъ Промысломъ, предстательствомъ Царицы Небесной и угодниковъ и только уже „послѣди" своими государями. Грозный смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе Божественнаго Промысла, какъ на Помазанника, облеченнаго властью на благо народа и обязаннаго дать строгій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и помышленіяхъ. Та идея, которую высказалъ Іоаннъ Грозный въ приведенномъ отрывкѣ изъ его письма существовала на Руси съ той самой поры, какъ въ ней зародилось Самодержавіе. Русскій народъ всегда видѣлъ въ своихъ царяхъ и императорахъ не только всемогущихъ властелиновъ, но и поборниковъ всякой правды. Въ концѣ статьи авторъ отмѣчаетъ религіозный характеръ самодержавнаго принципа. Московскіе Цари смотрѣли на себя и на свое Самодержавіе, какъ на мощную и таинственную силу, предназначенную Провидѣніемъ для осуществленія святой и великой миссіи. Они считали себя защитниками церкви, блюстителями правовѣрія, искоренителями ересей и расколовъ, покровителями храмовъ и монастырей. Религіозный оттѣнокъ русскаго Самодержавія въ царскій періодъ нашей исторіи бросается въ глаза самому ненаблюдательному человѣку. Заканчивая статью, авторъ утверждаетъ, что наше Самодержавіе съ увѣренностью можетъ смотрѣть въ будущее. Когда на Западѣ разсѣется миражъ демократическихъ и республиканскихъ идей; когда и наука права, и безпристрастная исторія окончательно подорвутъ значеніе тѣхъ политическихъ теорій, которыя пользуются нынѣ преимуществомъ моды, тогда великое и благое призваніе нашего Самодержавія будетъ по до-

стоинству оцѣнено не только у насъ, но и тамъ, гдѣ господствуетъ нынѣ столь наивная вѣра въ чудодѣйственную силу избирательскихъ агитацій, парламентскаго большинства, механическаго подсчитыванія голосовъ при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ партійной розни, министерскихъ кризисовъ и т. п. Мы привыкли думать, что людямъ Запада нечему у насъ учиться. Но тѣ изъ нихъ, которые знакомы съ исторіей и догматами Православной Церкви, уже начинаютъ проникаться убѣжденіемъ, что свѣтъ и нынѣ обрѣтается на Востокѣ. Не за горами тотъ день, когда иностранцы будутъ пріѣзжать въ Россію, чтобъ изучить исторію и практику нашего Самодержавія и ставить его въ примѣръ в назиданіе своимъ соотечественникамъ.

Будемъ же сознательно и съ любовью дорожить Царскою властью, какъ залогомъ могущества, благоденствія и славы Россіи, и да разсѣется поскорѣе то суевѣрное преклоненіе передъ чуждыми нашей родинѣ политическими идеалами, которое надѣлало ей столько бѣдъ.

— 26 сего августа исполнилось пятьсотъ лѣтъ пребыванія въ Москвѣ чудотворной иконы Божіей Матери Владимірской. Самое празднованіе происходило въ такомъ порядкѣ: наканунѣ дня празднованія, т. е. 25 августа, въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ находится Владимірская икона Божіей Матери,—торжественно была отправлена вечерня и торжественное всенощное бдѣніе. Въ самый день празднованія, 26-го августа, съ ранняго утра, Успенскій соборъ и Царская площадь стали наполняться многочисленными богомольцами, собравшимися со всей Москвы. Къ восьми часамъ утра въ соборѣ собралось духовенство изъ трехъ сороковъ въ золотыхъ облаченіяхъ съ оо. благочинными во главѣ; прибыли также оо. архимандриты: знаменскій Трифонъ, чудовскій Товія, а въ девятомъ часу прибылъ Его Высокопреосвященство Владыка Митрополитъ. Облачившись въ мантію и омофоръ, Владыка Митрополитъ сталъ совершать молебное пѣніе Божіей Матери, во время котораго изъ соборовъ начался крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, сопровождаемый Его Высокопреосвященствомъ. Въ торжественной процессіи была несена священниками чудотворная икона Владимірской Божіей Матери и чудотворныя иконы изъ придворныхъ соборовъ: Спаса Нерукотвореннаго и Божіей Матери, именуемой „Блаженное чрево". Хоръ синодальныхъ пѣвчихъ, въ парадной формѣ, сопровождалъ крестный ходъ, исполняя молебный канонъ Божіей Матери. Торжественная процессія,

сопровождаемая массами народа, направилась изъ Кремля, чрезъ Спасскія ворота, на Красную площадь, гдѣ Владыка Митрополитъ совершилъ чтеніе св. Евангелія и осѣненіе св. крестомъ народа. Отсюда крестный ходъ направился по Никольской улицѣ и Лубянкѣ къ Срѣтенскому монастырю, куда и прибылъ въ одиннадцатомъ часу утра. Путь, по которому слѣдовала священная процессія, усыпался травой и цвѣтами; хоругви и чудотворныя иконы, которыя были несены въ ходу,—были убраны гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ. У святыхъ вратъ Срѣтенскаго монастыря крестный ходъ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Тихономъ, епископомъ можайскимъ, съ настоятелемъ обители архимандритомъ Дмитріемъ и братіей, при чемъ іеромонахами была вынесена древняя икона Владимірской Богоматери. По прибытіи крестнаго хода, въ соборномъ храмѣ Срѣтенскаго монастыря началась литургія, которую совершалъ Владыка Митрополитъ съ преосвященнымъ епископомъ Тихономъ и оо. архимандритами: Дмитріемъ и Товіею и двумя іеромонахами при пѣніи хора Синодальныхъ пѣвчихъ. Послѣ литургіи, закончившейся въ началѣ перваго часа дня, крестный ходъ, сопровождаемый преосвященнымъ Тихономъ, возвратился обратно въ Кремль. Во время богослуженія въ Срѣтенскомъ монастырѣ употреблялся древній золотой крестъ съ драгоцѣнными каменьями и другія старинныя вещи изъ утвари. Молебны предъ иконою Владимірской Богоматери совершались непрерывно іеромонахами, по желанію молящихся.

— 30 августа въ Казани состоялось открытіе памятника почившему Государю Императору Александру II. Это открытіе должно было состояться еще въ октябрѣ прошлаго года, но безвременная кончина Императора Александра III отодвинула его до настоящаго дня. За нѣсколько дней Казань начала готовиться къ торжеству: общественныя зданія стали украшаться флагами, зелеными дубовыми гирляндами, коврами; украшалась и Ивановская площадь. Наканунѣ знаменательнаго въ жизни Казани дня, во всѣхъ церквахъ, приходскихъ и домовыхъ (учебныхъ учрежденій), были отслужены торжественныя всенощныя; храмы были переполнены; воспитанники отстояли службу въ церквахъ своихъ заведеній. Въ самый день торжества, въ $9^1/_2$ часовъ утра, началась при громадномъ стеченіи молящихся литургія въ главной святынѣ Казанскаго кремля, Благовѣщенскомъ каѳедральномъ соборѣ (заложенномъ Іоанномъ IV 6 октября 1552 года). Литургію служили:

архіепископъ Владиміръ, викарный епископъ Анастасій и преосвященный Алексій (викарій Нижегородской епархіи и епископъ Балахнинскій), въ сослуженіи шести архимандритовъ и большаго числа протоіереевъ. Линія духовенства тянулась съ обѣихъ сторонъ отъ архіепископской каѳедры вплоть до самаго престола. Чинно и торжественно была отслужена литургія при пѣніи хоровъ архіерейскаго и народныхъ учителей. На литургіи присутствовали представители всѣхъ вѣдомствъ, дворянства всѣхъ уѣздовъ, уѣздныхъ земствъ и многихъ волостей. Вмѣсто причастнаго стиха новый ректоръ Казанской Духовной Академіи, архимандритъ Антоній, сказалъ проповѣдь. По окончаніи литургіи, въ 12¼ ч. изъ собора двинулся на Ивановскую площадь (мѣстонахожденіе памятника) многочисленный крестный ходъ съ массой хоругвей и образовъ; на самой площади онъ встрѣтился съ другимъ крестнымъ ходомъ, шедшимъ изъ упраздненнаго Ивановскаго монастыря. Ходы остановились; духовенство размѣстилось на большой предназначенной для него эстрадѣ, хоругви остановились кругомъ у памятника. Приближеніе и прибытіе крестнаго хода были встрѣчены одновременнымъ пѣніемъ тропаря св. Александру Невскому (пѣлъ соединенный хоръ изъ начальныхъ и регентскихъ школъ съ ихъ учителями во главѣ, всего 750 чел.) и исполненіемъ двумя духовными оркестрами гимна «Коль Славенъ». Послѣ торжественнаго молебствія, отслуженнаго духовенствомъ на мѣстѣ—у памятника, и провозглашенія многолѣтія нынѣ благополучно Царствующему Дому, была провозглашена «вѣчная память» Государю Императору Александру II, причемъ городской голова города Казани В. С. Дьяченко, сдернулъ занавѣсу съ памятника, и глазамъ многотысячной толпы представился Царь-Освободитель во весь ростъ; лѣвая рука Государя опирается на Императорскія регаліи, правая прижата къ сердцу; приподнятая голова устремляетъ свой задумчивый взоръ на святыни Казанскаго кремля. Длинная порфира ниспадаетъ внизъ и закрываетъ даже часть пьедестала. Послѣ окропленія новооткрытаго памятника высокопреосвященнымъ Владиміромъ святою водой, началось дефилированіе депутацій и возложеніе на пьедесталъ его вѣнковъ. Депутаціи обходили памятникъ кругомъ: онѣ были ото всѣхъ учрежденій губернскихъ и уѣздныхъ, отъ учебныхъ заведеній и т. п. Прошло мимо памятника и около 3.000 учащихся; тутъ были студенты университета (около 300), ветеринарнаго института, духовной академіи, ученики 5

гимназій (3-хъ мужскихъ и 2-хъ женскихъ), реальнаго училища, инородческой семинаріи, крещено-татарской школы, школы татарскихъ учителей и 20 слишкомъ начальныхъ училищъ. Площадь была занята народомъ: онъ примостился на кремлевскомъ холмѣ, Воскресенской улицѣ, на крышахъ всѣхъ сосѣднихъ зданій, даже на крышахъ церквей кремлевскихъ и Ивановскаго монастыря. Послѣ окончанія церемоніи открытія толпы все продолжали прибывать на площадь и осматривать памятникъ и вѣнки. Вѣнки были возложены отъ Казанскаго дворянства, судебныхъ учрежденій, земства, многихъ волостей, городскаго общества Казани и уѣздныхъ городскихъ обществъ, ото всѣхъ казанскихъ учебныхъ заведеній. Цѣнны и изящны были серебряные вѣнки: городскаго казанскаго общества, университета и судебныхъ учрежденій. Изященъ былъ также вѣнокъ учителей инородческихъ и христіанскихъ училищъ; съѣздъ учителей совершенно случайно совпалъ съ торжествомъ открытія памятника, чему они были очень рады. Цѣненъ и красивъ также вѣнокъ казанскихъ хоругвеносцевъ съ копіей иконы Казанской Божіей Матери въ серединѣ. Депутація отъ одной, особенно бѣдной волости—все сѣдобородые старики,—современники реформъ покойнаго Государя Александра II, положили изящно сплетенный вѣнокъ изъ колосьевъ ржи, овса и хлѣба, собираемаго ими теперь съ собственной и свободной земли. Въ теченіе дня для учениковъ и учениць гимназій, а также и начальныхъ училищъ происходили чтенія соотвѣтствующаго содержанія. Вечеромъ въ городской думѣ былъ раутъ, на которомъ депутаціи читали свои адресы (всего около 150). Въ заключеніе былъ прочитанъ благодарственный адресъ городскому управленію за его труды при сооруженіи памятника. «Моск. Вѣд.».

— По духовному-учебному вѣдомству введена новая реформа, которой уже давно съ нетерпѣніемъ ожидали преподаватели наукъ и древнихъ языковъ въ семинаріяхъ и духовныхъ мужскихъ училищахъ. Съ 16 августа нынѣшняго года въ этихъ учрежденіяхъ введены для штатныхъ преподавателей высшіе сверхъ существующихъ нынѣ оклады жалованья. Оклады эти будутъ назначаться преподавателямъ, прослужившимъ не менѣе десяти (третій разрядъ) и пятнадцати лѣтъ (четвертый разрядъ) преимущественно въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи. Реформы этой по духовно-учебному вѣдомству ждали уже давно и имѣли нравственное и вполнѣ заслуженное право ждать уже потому, что въ гимна-

зіяхъ эти высшіе оклады для преподавателей введены около двадцати лѣтъ тому назадъ, а семинаріи и духовныя училища были тогда почему то обойдены. Между тѣмъ, если внимательнѣе присмотрѣться къ труду, который несетъ учитель гимназіи и преподаватель семинаріи, и сравнить количество затрачиваемыхъ ими силъ, то окажется, что послѣдній выноситъ на своихъ плечахъ такую же сумму педагогическихъ требованій и затрачиваетъ столько же умственныхъ и физическихъ силъ, какъ и первый. Вознаграждая учителя гимназіи высшимъ окладомъ, не слѣдовало, по справедливости, оставлять въ тѣни труженика педагога по духовному вѣдомству. Если же это и случилось при введеніи высшихъ окладовъ въ гимназіяхъ, то объясненіе этому надо искать только въ духѣ того времени и въ тогдашнемъ направленіи мысли, почему то смотрѣвшей на духовно-учебное вѣдомство свысока и не признавшей за нимъ его дѣйствительнаго и вполнѣ заслуженнаго значенія. Теперь, слава Богу, времена перемѣнились, взглядъ на семинаріи и духовныя училища сталъ иной, несправедливость по отношенію къ преподавателямъ устранена и учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства отведено мѣсто на ряду съ заведеніями министерства народнаго просвѣщенія. Внѣ всякаго сомнѣнія, новая реформа, введенная теперь, вызоветъ къ себѣ вполнѣ справедливое и общее сочувствіе.

— Что духовенство у насъ не только не относится равнодушно къ дѣлу народнаго образованія и къ церковно-приходскимъ школамъ, но въ иныхъ случаяхъ обнаруживаетъ любовь и преданность къ нему, доходящую даже до значительнаго самопожертвованія, объ этомъ говоритъ, напримѣръ, слѣдующій случай. По сообщенію «Рус. Сл.», въ іюлѣ текущаго года на имя преосвященнаго Сергія, епископа Вятскаго и Слободскаго, поступило отъ священника села Медяны, Вятскаго уѣзда, Николая Зубарева, прошеніе такого содержанія: „Въ 1884 году, съ помощью Божіей, основавъ въ селѣ Медянѣ церковно-приходскую школу для обученія въ ней дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей, я тогда же далъ обѣтъ школу эту въ селѣ Медянѣ утвердить и укрѣпить навсегда. Нынѣ, пока живъ, обѣтъ этотъ нахожу возможнымъ исполнить. Теплою рукой прилагая при семъ 3.000 рублей—плодъ 32 лѣтнихъ сбереженій отъ получаемаго мною дохода, осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше преосвященство лепту эту отъ моего недостоинства принять на содержаніе изъ процентовъ сихъ денегъ въ селѣ Медянѣ церковно-при-

ходской школы и учителя или учительницы, которые всегда должны быть изъ духовнаго званія, такъ чтобы капиталъ навсегда оставался неприкосновеннымъ". Священникъ Николай Зубаревъ состоитъ безплатно въ открытой имъ женской церковно-приходской школѣ завѣдующимъ и законоучителемъ съ 16 ноября 1884 и изъ своихъ средствъ ежегодно даетъ учительницѣ этой школы на жалованье не менѣе 80 руб. Кромѣ того, въ своемъ завѣдываніи онъ имѣетъ еще четыре школы грамоты, открытыя имъ въ своемъ приходѣ.

— «Новороссійскій Телеграфъ», касаясь вопроса о приходскомъ духовенствѣ, указываетъ на бѣдственное положеніе его и считаетъ стыдомъ для русскаго общества, что православное духовенство принуждено существовать исключительно почти подаяніемъ и если не желаетъ умереть съ голоду, то должно, скрѣпя сердце, протягивать руку и торговаться тамъ, гдѣ торгъ всего менѣе умѣстенъ. Самыя идеальныя стремленія достойныхъ пастырей разбиваются объ эту неумолимую прозу жизни. Мы знаемъ, говоритъ газета, примѣръ, когда молодой священникъ пріѣхалъ впервые въ приходъ. Это былъ человѣкъ съ самыми гуманными и благородными идеями; принимать подаяніе отъ прихожанъ и въ особенности торговаться съ ними онъ считалъ дѣломъ недостойнымъ и унижающимъ пастырское званіе. Имѣя такой взглядъ на вещи, юноша-священникъ созвалъ прихожанъ и объявилъ имъ, что всѣ требы у нихъ онъ будетъ совершать безплатно, но такъ какъ всякому человѣку присуще ѣсть, пить и одѣваться, то онъ надѣется, что прихожане, видя его трудъ, назначатъ ему маленькое содержаніе, необходимое для поддержанія существованія. Толпа на призывъ отвѣтила молчаніемъ. Слѣдуя своему принципу, священникъ ничего не бралъ за требы, а прихожане, конечно, и не думали назначать ему содержаніе. И вотъ наступила глухая борьба, тянувшаяся нѣсколько лѣтъ и окончившаяся тѣмъ, что священникъ, посвятившій всѣ свои силы на благо прихода, сначала впалъ въ крайнюю бѣдность, добывая пропитаніе себѣ и семейству только личнымъ трудомъ и, наконецъ, не вынеся гнета физическихъ и нравственныхъ страданій, умеръ отъ чахотки, оставивъ послѣ себя ничѣмъ необезпеченную семью. Такихъ примѣровъ въ жизни духовенства, какъ справедливо замѣчаетъ «Цер. Вѣст.», много, только о нихъ не говорятъ и не пишутъ.

Нужно знать, съ какимъ трудомъ достается крестьянину копѣй-

ка и какъ неохотно онъ съ ней разстается, чтобы по достоинству оцѣнить ту нравственную муку, которую выноситъ священникъ, собирая крестьянскіе гроши, и тѣ физическія препятствія, которыми сборъ обставленъ. Какъ же послѣ этого осуждать духовенство? Нѣтъ ничего легче, какъ осуждать то, чего совершенно не знаешь, а вникни въ дѣло, поразузнай хорошенько, такъ самому станетъ стыдно за свои нелѣпныя сужденія. Вотъ всѣ кричатъ о поборахъ, о торгашествѣ, а подумалъ ли кто о томъ, какой тяжелый трудъ лежитъ на священникѣ, обратилъ ли кто-нибудь свое вниманіе на то, что, помимо личныхъ обязанностей священника, въ послѣдніе 10 лѣтъ, на него легла бременемъ церковно-приходская школа. Мы знаемъ примѣры, и много ихъ, гдѣ священники сами терпятъ крайнюю нужду, а между тѣмъ удѣляютъ еще изъ своихъ ничтожныхъ средствъ на школу. Вотъ куда обратите вниманіе, вы, судьи духовенства, и если повернется языкъ и послѣ этого, осуждайте!

— Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ увѣдомилъ Оберъ-Прокурора Св. Сунода, что сельскохозяйственный совѣтъ, обсуждая вопросъ о распространеніи знаній по сельскому хозяйству среди населенія, призналъ полезнымъ участіе въ этомъ дѣлѣ народной школы путемъ дѣятельности учителя, могущаго служить живымъ и нагляднымъ примѣромъ для мѣстныхъ крестьянъ въ дѣлѣ устройства и веденія школьнаго сада и огорода. Находя, со своей стороны, устройство школьныхъ садовъ и огородовъ полезнымъ и желательнымъ, министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ сообщаетъ, что, въ виду замѣчаемаго недостатка удобныхъ земель для школьныхъ садовъ, особое совѣщаніе изъ спеціалистовъ, бывшее осенью минувшаго года при Департаментѣ Земледѣлія, находило желательнымъ воспользоваться для этой цѣли церковными площадями и нѣкоторыми другими церковными землями, находящимися въ завѣдываніи сельскаго духовенства, участіе котораго было бы желательно и въ другихъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ: при устройствѣ занятій учениковъ въ садахъ въ праздничные дни послѣ литургіи, при устройствѣ бесѣдъ съ крестьянами по садоводству и вообще по сельскому хозяйству. Обсудивъ изложенное и признавая распространеніе сельскохозяйственныхъ свѣдѣній въ населеніи посредствомъ церковно-приходскихъ школъ и при содѣйствіи сельскаго духовенства полезнымъ и желательнымъ, Св. Сунодъ постановилъ: пригласить

епархіальныхъ преосвященныхъ обратить вниманіе приходскаго духовенства и завѣдующихъ церковно-приходскими школами на выраженныя Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ пожеланія и рекомендовать духовенству принять живое и дѣятельное участіе въ распространеніи среди сельскаго населенія свѣдѣній по садоводству, огородничеству и сельскому хозяйству, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ представится къ тому возможность.

— Казанскимъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ съ нынѣшняго учебнаго года, по словамъ казанскихъ газетъ, открываются двухклассныя церковно-приходскія школы для приготовленія учителей церковно-приходскихъ школъ,—по двѣ двухклассныя школы въ каждомъ уѣздѣ. При школахъ будутъ сельско-хозяйственныя отдѣленія, для каковой цѣли каждой изъ нихъ отводитъ не менѣе 5 дес. земли. Учительскій персоналъ будетъ состоять изъ трехъ лицъ: первому учителю назначено 360 р. въ годъ, второму 300 р. и третьему 240 р. Казанское уѣздное отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта въ своемъ засѣданіи намѣтило въ Казанскомъ уѣздѣ два пункта́, гдѣ могутъ быть открыты двухклассныя школы: с. Ключи, въ 35 верстахъ отъ Казани, и с. Столбищи—верстахъ въ 20.

— Съ будущаго 1896 года для наблюденія за церковно-приходскими школами, кромѣ епархіальныхъ наблюдателей церковныхъ школъ, во всѣхъ губерніяхъ учреждаются должности помощниковъ наблюдателей по одному на каждый уѣздъ или округъ. На содержаніе уѣздной и окружной инспекціи церковныхъ школъ, при ассигнованіи по Высочайшему соизволенію суммы въ 3.279,145 р., отчислено 338,120 р.

— Открытые въ г. Пензѣ курсы церковнаго пѣнія для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ происходили въ теченіе мѣсяца при Пензенской духовной семинаріи. Курсы эти устроены по распоряженію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сгнода К. П. Побѣдоносцева, который въ своемъ отношеніи на имя мѣстнаго преосвященнаго изложилъ значеніе курсовъ. „Церковное пѣніе, говоритъ Г. Оберъ-Прокуроръ, составляетъ обязательный и необходимый предметъ курса церковно-приходскихъ школъ, такъ какъ оно вмѣстѣ съ церковнымъ чтеніемъ составляетъ необходимое дополненіе къ обученію Закону Божію. Къ крайнему сожалѣнію, церковное пѣніе въ весьма многихъ школахъ не преподается вслѣдствіе недостаточности подготовки самихъ учащихъ. По этой

причинѣ настоитъ неотложная необходимость въ подготовкѣ учащихъ въ церковныхъ школахъ къ преподаванію церковнаго пѣнія. Съ этою цѣлью признается наиболѣе цѣлесообразнымъ устройство лѣтнихъ курсовъ пѣнія, чтенія и церковнаго устава". Признавая особую важность правильнаго устройства означенныхъ курсовъ, Г. Оберъ-Прокуроръ командировалъ магистра богословія П. П. Мироносицкаго, какъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ, для совѣщанія съ училищными совѣтами тѣхъ мѣстностей, гдѣ предназначено устроить курсы пѣнія. Въ инструкціи, данной Мироносицкому Г. Оберъ-Прокуроромъ, между прочимъ, сдѣланы были указанія на то, чтобы преподаваніе на курсахъ насило исключительно практическій характеръ, такъ чтобы всѣ усвоенныя знанія курсисты могли примѣнять на практикѣ въ дѣлѣ обученія дѣтей и при участіи въ богослуженіи, причемъ должно имѣть въ виду исключительно церковное пѣніе и свѣдѣнія по теоріи музыки должны быть сообщаемы настолько, насколько это нужно для церковно-пѣвческаго дѣла и, наконецъ, чтобы при преподаваніи держаться строго церковнаго стиля, не допуская пѣнія партеснаго и внушая слушателямъ надлежащіе взгляды на характеръ и смыслъ богослужебнаго пѣнія и т. д. Курсы пѣнія происходили подъ общимъ наблюденіемъ коммиссіи, во главѣ которой находился ректоръ духовной семинаріи протоіерей о. Позднѣвъ; ближайшими же руководителями пѣнія были гг. Мироносицкій и Касторскій (регентъ) и священникъ Сердобольскій. На курсы явилось 54, въ томъ числѣ четверо учащихъ въ земскихъ школахъ. На содержаніе курсистовъ отпущено было изъ суммъ Св. Сѵнода 500 руб., да столько же издержано было мѣстнымъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, такъ что учителя и учительницы, обезпеченные квартирами и столомъ (учительницы жили въ женскомъ епархіальномъ училищѣ), въ теченіе цѣлаго мѣсяца не знали никакой нужды. Курсы завершились публичнымъ экзаменомъ, давшимъ весьма удовлетворительные результаты. «Моск. Вѣд.».

— Жажда религіознаго чтенія, въ простомъ народѣ, по словамъ «Цер. Вѣст.», такъ велика и опыты утоленія этой жажды при помощи церковныхъ библіотекъ, какъ наиболѣе для того естественнаго и пригоднаго средства оказываются столь удачными, что остается лишь пожелать повсемѣстной выдачи книгъ прихожанамъ изъ этихъ библіотекъ, если послѣднія имѣются, и учрежденія такихъ библіотекъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Приводимъ одинъ изъ новыхъ примѣровъ чрезвычай-

наго спроса книгъ изъ церковныхъ библіотекъ херсонской епархіи. Священникъ елисаветградской церкви въ честь Владимірской иконы Богоматери, сообщая въ «Епарх. Вѣдом.» о библіотекѣ при этой церкви въ 1894 г., говоритъ: „Замѣчено, что простой народъ настоятельно требуетъ для чтенія Житія святыхъ, Четіи-минеи и прологи на славянскомъ языкѣ, а также книги апологетическаго содержанія. Жажда въ народѣ къ чтенію „божественныхъ книгъ“ на столько велика, что если бы въ Елизаветградѣ при всѣхъ церквахъ были подобныя библіотеки, какъ при церкви Владимірской Богоматери и даже гораздо большія по количеству книгъ, то несомнѣнно, что ни одна книжка не завалялась бы въ библіотечныхъ шкафахъ всѣхъ церквей. Въ минувшемъ году ко мнѣ являлись очень многіе чужіе прихожане съ просьбою выдать имъ книжку для чтенія и выражали свое удивленіе по поводу того, что ихъ приходскіе священники не занимаются выдачею имъ книгъ изъ церковныхъ библіотекъ. Къ сожалѣнію, я не могъ удовлетворить просьбъ чужеприходныхъ лицъ, такъ какъ наша библіотека не обладаетъ нужнымъ для того количествомъ книгъ, и уступая только неотступнымъ просьбамъ чужеприходныхъ лицъ, выдавалъ нѣкоторымъ изъ нихъ книги. За книгами приходили жители хуторовъ, деревень и селъ, иногда довольно далеко отстоящихъ отъ города (верстъ 14 или 15)“.

— Одинъ священникъ А. В. затрогиваетъ въ «Гражд.» интересный вопросъ о пробуждающемся интересѣ сельскаго населенія къ газетѣ. Не нужно пренебрегать этою зарождающейся потребностью, а слѣдуетъ выйти ей на встрѣчу, не смущаясь предшествующими неудачами. Этимъ была бы оказана немаловажная услуга народу. Если разъ признать за газетой (разумѣется, серьезной и честной) воспитательное и просвѣтительное значеніе, о чемъ говорилось выше, то, распространившись въ массахъ народныхъ, какую пользу могла бы она принести, изо дня на день расширяя кругозоръ темнаго люда и пріобщая его интересы къ интересамъ общественнымъ и, пожалуй, государственнымъ? Мало того, газета, доступная пониманію простолюдина, думается, скорѣе любой книги могла бы пріучить его оцѣнить преимущество грамотности и способствовала бы ея распространенію. И, разъ привыкнувъ къ газетѣ, деревня почувствуетъ нужду и въ книгѣ и тогда просвѣщеніе ея станетъ на болѣе твердую почву. Но, чтобы газета получила, дѣйствительно доступъ въ деревню и имѣла здѣсь широкое распространеніе,

для этого не нужно упускать изъ вида одного главнаго и существеннаго условія, безъ соблюденія котораго немыслимъ успѣхъ предпріятія. Условіе это прямо вытекаетъ изъ экономическаго положенія крестьянина, не позволяющаго ему производить на такіе предметы, какъ газета или книга, единовременно, значительныхъ, рублевыхъ тратъ. Поэтому нужно бы дѣло поставить такъ, чтобы онъ могъ читать свою газету, тратя лишь копѣйки—гроши; иначе говоря, установить и въ деревнѣ розничную продажу періодическихъ народныхъ изданій. Если въ городахъ люди, считающіе газету для себя необходимой потребностью, довольствуются часто пріобрѣтеніемъ №№ ея въ розницу, то что же удивительнаго, что крестьянинъ не рѣшится затратить свой кровный рубль на такое дѣло, которое все-таки пока не представляетъ въ глазахъ его существенной важности.

Этотъ вопросъ о новыхъ нарождающихся милліонахъ деревенскихъ читателей заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, вниманія.

НЕКРОЛОГЪ.

22 августа н. г. скончался священникъ Покровской церкви села Пожни, Ахтырскаго уѣзда, Николай Васильевичъ Яковлевъ, на 64 году своей жизни. О. Николай назначилъ на 23 августа семейное торжество въ своемъ домѣ, по случаю бракосочетанія своего послѣдняго сына, и пригласилъ на это торжество своихъ родныхъ и друзей. Къ назначенному дню въ домъ о. Николая собралось много родныхъ, друзей и знакомыхъ, но уже не для радостнаго семейнаго торжества, а чтобы оплакать преждевременную смерть самого о. Николая и дать ему послѣднее цѣлованіе. Еще 19 августа у о. Николая явилась на груди небольшая опухоль, которой ни онъ, ни мѣстный фельдшеръ не придали никакого значенія. Но на слѣдующій день о. Николай почувствовалъ общій упадокъ силъ. Приглашены были врачи и его болѣзнь оказалась сибирскою язвою, уже развившеюся въ организмѣ. Вполнѣ понимая опасность своей болѣзни, о. Николай сталъ спокойно и безропотно готовиться къ своей смерти: давалъ наставленія бывшимъ при немъ своимъ дѣтямъ, объявилъ послѣднюю свою волю относительно своего имущества, вечеромъ 21 августа надъ болящимъ совершено было таинство Елеосвященія, въ часъ ночи онъ сподобился причаститься Тѣла и Крови Христовыхъ; послѣ этого онъ благословилъ своихъ дѣтей, попрощался съ другими

присутствовавшими и въ три часа ночи тихо, безъ предсмертныхъ агоній, скончался.

О. Николай по окончаніи курса ученія въ Харьковской Духовной Семинаріи въ 1853 году, 1 іюня 1854 года рукоположенъ былъ во священника къ Пожнянской церкви, при которой и состоялъ до самой своей смерти, въ теченіе 41 года. 20 лѣтъ тому назадъ, похоронивъ свою жену, онъ самъ велъ свое хозяйство, вникая во всѣ его мелочи и на собственныя средства воспиталъ шесть своихъ дѣтей сыновей, изъ которыхъ четыре священниками и два въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Онъ даже самъ шилъ себѣ, а то и дѣтямъ платье и бѣлье. Способность ко всякаго рода занятіямъ, свѣтлый умъ, глубокая опытность во всякихъ дѣлахъ, твердость воли, миролюбіе, нестяжательность, добрая, безукоризненная жизнь, любовь и привычка къ усиленнымъ трудамъ были отличительными качествами почившаго. Во все свое долговременное служеніе въ Пожнянскомъ приходѣ онъ былъ не только самымъ усерднымъ, исполнительнымъ и учительнымъ пастыремъ, но и лѣчилъ своихъ прихожанъ отъ тѣлесныхъ недуговъ и столь искусно, что мѣстные врачи вполнѣ ему довѣряли и онъ былъ снабжаемъ земскими лѣкарствами. О. Николай принадлежалъ къ числу тѣхъ священниковъ, которые своимъ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ покоряютъ умы, сердца и волю прихожанъ. Его пастырскія распоряженія исполнялись прихожанами безпрекословно. Какъ въ семейныхъ, такъ и въ общественныхъ, болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ, прихожане съ полнымъ довѣріемъ обращались къ нему, какъ дѣти къ отцу, за совѣтами и наставленіями, которыми и руководствовались неуклонно. Безъ его вѣдома и одобренія ничего важнаго, съ благою цѣлію, не творилось въ его приходѣ. Кромѣ ревностнаго исполненія приходскихъ пастырскихъ обязанностей, о. Николай проходилъ должности: въ бывшемъ 4 округѣ Ахтырскаго уѣзда: а) наставника и законоучителя Пожнянскаго сельскаго училища съ 1854—1865 г., б) катихизатора съ 1863—1869 г., в) помощника благочиннаго съ 1864—1870 г., г) члена благочинническаго совѣта съ 1866—1876 г.; а въ настоящемъ 2 ахтырскомъ округѣ по день своей смерти: а) депутата съ 1876 г., б) блюстителя за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ училищахъ съ 1878 г., в) члена благочинническаго совѣта съ 1880 г., г) законоучителя и учителя въ Пожнянской церковно-приходской школѣ (которую и содержалъ въ своемъ домѣ и на свои средства съ 1884 г.) и д) наблюдателя церковно-приходскихъ школъ съ 1885 г. Кромѣ того о. Николай былъ депутатомъ отъ округа почти во всѣхъ епархіальныхъ и училищныхъ съѣздахъ, былъ постояннымъ гласнымъ въ прежнихъ земскихъ собраніяхъ и

еще занимался лѣтъ 20 въ Помяновскомъ частномъ пансіонѣ. Такой достойный священникъ не могъ не быть на лучшемъ счету у Епархіальнаго Начальства, которое обращало на него особенное свое благосклонное вниманіе и отличало его предъ другими. О. Николаемъ были получены слѣдующія награды: въ 1857 г. набедренникъ, въ 1859 г. бронзовый наперстный крестъ, въ память восточной войны 1853—1856 г., въ 1870 г. онъ былъ удостоенъ благословенія Св. Сунода, въ 1872 г. получилъ скуфью, въ 1878 г. вторично удостоенъ благословенія Св. Сунода, въ 1879 г. получилъ камилавку, въ 1888 г. наперстный крестъ, отъ Св. Сунода выдаваемый, въ 1891 г. признательность епархіальнаго училищнаго совѣта, въ 1892 г. архипастырское благословеніе, въ 1894 г. орденъ Св. Анны 3 степени; кромѣ того, онъ имѣлъ знакъ краснаго креста.

Божественная заупокойная литургія по почившемъ совершена была мѣстнымъ благочиннымъ, въ сослуженіи 14 священниковъ и 2 діаконовъ, а самое погребеніе совершено было протоіереемъ о. Александромъ Ястремскимъ, въ сослуженіи мѣстнаго благочиннаго и 17 священниковъ. При погребеніи, близкій другъ усопшаго, питавшій къ усопшему особенную признательность, кандидатъ богословія, іеромонахъ Платонъ, произнесъ чрезвычайно трогательную и назидательную рѣчь, извлекшую обильныя слезы изъ глазъ слушателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проліявшую живые токи утѣшенія въ сердца ихъ.

Смерть о. Николая—большая потеря для духовенства мѣстнаго округа. Онъ былъ, такъ сказать, звеномъ, соединяющимъ духовенство въ одно цѣлое, удерживающимъ въ немъ духъ единенія и общенія. Уповаемъ, что о. Николай представнетъ предъ Господомъ Богомъ добрымъ рабомъ и внидетъ въ радость Господа своего.

Тиражъ выигрышей билетовъ 2-го внутренняго 5% займа, произведенный въ Петербургѣ 1-го сентября 1895 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма
13248	39	200000	12115	19	8000	12733	3	1000	5002	19	1000
1245	30	75000	13300	16	8000	1884	40	1000	2576	28	1000
2117	37	40000	7706	11	5000	12271	11	1000	17761	26	1000
13060	50	25000	1730	9	5000	1320	11	1000	11228	24	1000
17429	18	10000	10034	38	5000	15662	7	1000	1053[illegible]	44	1000
1880	20	10000	9610	30	5000	248	18	1000	6271	47	1000
7972	30	10000	6270	2	5000	11455	17	1000	17107	30	1000
14417	7	8000	10468	22	5000	16294	12	1000	4801	35	1000
8071	18	8000	3420	42	5000	8811	27	1000	1229	36	1000
16267	9	8000	17181	27	5000	8593	17	1000	7377	25	1000

По 500 рублей каждый:

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
52	10	2718	20	6642	6	10356	32	13112	30	15844	5	18052	37
94	42	2938	23	6785	37	10611	40	13300	16	15892	49	18082	37
189	33	2956	36	6913	49	10847	37	13324	17	15897	25	18098	31
272	6	2959	8	6934	49	10888	31	13367	33	16007	5	18101	22
280	3	3113	2	7065	22	10914	6	13381	21	16019	13	18111	22
317	41	3490	44	7270	38	10951	27	13395	28	16035	13	18170	14
395	17	3521	29	7285	19	11083	14	13585	45	16246	4	18186	21
418	8	3531	37	7370	16	11115	42	13621	37	16247	22	18213	33
429	45	3976	33	7411	3	11124	22	13739	42	16299	32	18349	44
443	18	4101	4	7711	11	11170	5	14048	25	16412	38	18538	18
452	37	4154	21	7840	48	11173	49	14074	34	16429	44	18756	1
487	40	4163	15	7896	44	11201	5	14075	38	16468	44	18784	21
545	47	4226	36	7924	12	11475	28	14232	32	16475	30	18829	16
563	40	4614	10	8000	20	11523	17	14316	26	16489	36	18888	26
672	7	4699	37	8086	30	11569	45	14339	47	16559	40	18921	42
859	31	4927	41	8180	44	11635	38	14353	48	16567	6	19010	47
1028	16	4982	21	8191	31	11645	21	14482	2	16576	16	19084	20
1216	9	5057	21	8278	37	11665	15	14512	20	16592	37	19087	34
1251	34	5223	4	8527	44	11788	31	14556	46	16749	14	19097	24
1414	4	5282	45	8665	41	11809	37	14561	31	16826	23	19191	40
1423	24	5297	23	8874	20	11977	26	14606	32	16914	7	19277	29
1457	34	5323	18	8958	3	12018	33	14641	34	16978	42	19445	21
1522	27	5361	26	9015	50	12038	37	14660	37	17106	26	19448	25
1649	48	5398	34	9052	39	12147	46	14843	18	17189	16	19465	25
1677	1	5428	34	9054	10	12204	39	14891	35	17219	32	19546	50
1763	37	5597	20	9076	39	12223	25	14925	13	17262	2	19609	4
1785	16	5605	17	9218	16	12239	20	15055	36	17408	16	19634	33
1898	48	5633	38	92[illegible]6	41	122[illegible]9	16	15090	40	17434	46	19674	46
1905	38	5935	12	9277	44	12269	40	15146	42	17496	46	19688	16
1976	38	6013	17	9397	36	12335	19	15286	38	17514	24	19694	47
1982	24	6058	10	9513	42	12363	45	15398	37	17706	28	19696	4
2167	45	6135	35	9518	13	12451	8	15524	36	17735	42	19736	12
2273	9	6255	45	9789	33	12495	1	15558	50	17756	14	19758	16
2303	31	6261	33	9828	27	12577	35	15628	3	17980	46	19921	46
2404	20	6328	38	9846	31	12635	28	15683	40	18036	13	19945	42
2573	28	6357	17	10146	18	12758	35	15768	15	18038	28	19970	25
2579	39	6412	4	10312	35	13082	34	15799	19	18048	30	19983	42
2643	45	6536	21										

Всего 300 выигрышей, на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ конторѣ Государственнаго Банка, въ С.-Петербургѣ, съ 1 декабря 1895 года.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго пяти процентнаго съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ совѣтѣ Государственнаго Банка 1-го сентября 1895 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ съ № 1-го по № 50-й включительно.

331, 975, 1332, 1352, 1718, 1795, 1801, 1912, 1937, 2708, 2712, 2942, 3270, 3272, 3600, 4201, 4268, 4684, 4912, 5259, 5491, 5567, 5570, 5904, 6098, 6106, 6159, 6329, 6394, 6475, 7062, 7071, 7312, 7319, 7388, 7492, 7585, 7641, 7911, 8166, 8408, 8451, 8523, 8576, 8617, 8687, 8942, 8986, 8991, 9378, 9553, 10024, 10251, 10438, 10533, 10,556, 10710, 10791, 10921, 11272, 11290, 11383, 11505,

11518, 11927, 12137, 12195, 12406, 12456, 12588, 12697, 12760, 13040, 13365, 13526, 13926, 14282, 14431, 14869, 14911, 15270, 15342, 15464, 15626, 15646, 15934, 15966, 16035, 16399, 16417, 16657, 16716, 16856, 16974, 17302, 17621, 17815, 17949, 18156, 18177, 18337, 18348, 18445, 18639, 18821, 19004, 19336, 19495, 19518, 19657.

Всего 110 серій, составляющія 5,500 билетовъ, на сумму 715,000 руб.

Уплата капитала, по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться, съ 1 декабря 1895 года, въ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

Примѣчаніе. По Высочайше утвержденнымъ положеніямъ о билетахъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ, выигрыши, павшіе на билеты, выдаются владѣльцамъ билетовъ чрезъ три мѣсяца отъ дня тиража. Для полученія выигрышей въ установленные сроки владѣльцы билетовъ, на которые пали выигрыши, приглашаются предъявлять въ С.-Петербургскую контору Государственнаго Банка билеты, по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до наступленія установленныхъ трехмѣсячныхъ сроковъ, чтобы дать время исполнить необходимыя формальности, обусловливающія выдачу выигрышей.

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Сентября № 18. 1895 года.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, въ 29-й день августа текущаго года Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы и на будущее время считать, какъ и прежде, 30 августа табельнымъ днемъ.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Вознесенской церкви, сл. Лизина, Михаилъ *Согинъ*, за усердную службу, награжденъ скуфьею.

— Состоящій на псаломщицкой вакансіи при церкви сл. Александровки, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Сѣнцовъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто при той же церкви.

— Діаконъ Троицкой церкви, сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій *Макаровскій*, опредѣленъ на діаконское мѣсто при Преображенской церкви, сл. Марковки, того же уѣзда.

— Сынъ псаломщика. Андрей *Вербицкій*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви хут. Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Ахтырскому Покровскому собору Ахтырскій 2-й гильдіи купецъ Θеодоръ *Курило* (на 2-е трехлѣтіе); къ Николаевской церкви г. Ахтырки Ахтырскій 2-й гильдіи купецъ Матвей *Курило* (на 6-е трехлѣтіе); къ Архангело-Михаиловской церкви города Ахтырки кол. рег. Михаилъ *Щуковскій* (на 3-е трехлѣтіе) и къ Вознесенской церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, житель той же сл. Котельвы, отст. ряд. Стефанъ *Туникъ* (на 2-е трехлѣтіе).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Празднество въ Римѣ.—Предстоящее празднованіе тысячелѣтія Венгріи.—Обостренный характеръ церковной политики въ габсбургской монархіи.—Пребываніе Г. Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода въ Харьковѣ.—Освященіе памятника въ Полтавѣ.—Празднованіе 800-лѣтія Рязани.—Прощаніе пасомыхъ съ своимъ пастыремъ.—25-лѣтіе якутской епархіи.—Предстоящее церковное торжество.—Постановленія съѣздовъ духовенства.—Вспомоществованіе священнику за литературные труды.—Способы примѣненія хорового пѣнія въ храмахъ.—Женскія церковно-приходскія школы и обученіе въ нихъ рукодѣлію.—Женщина въ расколѣ.—Регистрація нищихъ въ Орлѣ.—Мнѣніе святителя Ѳеофана о графѣ Л. Н. Толстомъ.—Представленія буратъ о загробной жизни.—Значеніе питейной реформы и попечительствъ о народной трезвости.—Предстоящая всероссійская выставка.

Въ Римѣ 8 (20) сентября состоялось празднованіе 25-тилѣтія со времени занятія вѣчнаго города итальянскими войсками. Празднованіе это, какъ и вполнѣ понятно, было крайне непріятно Ватикану, такъ какъ для него съ этимъ моментомъ связывается горькое воспоминаніе о лишеніи папства свѣтской власти. Было бы поэтому тактичнѣе, если бы итальянское правительство не устраивало празднества, составляющаго прямое оскорбленіе для весьма опаснаго ему соперника; но оно увлеклось желаніемъ показать предъ всѣмъ міромъ, насколько оно популярно въ народѣ и какимъ благомъ надѣлило оно свой народъ, подаривъ ему Римъ въ качествѣ столицы объединеннаго Итальянскаго королевства. Съ этою цѣлію приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы праздникъ вышелъ шумнѣе и эффектнѣе. Открытъ былъ памятникъ главному виновнику объединенія Италіи, Гарибальди, возведенному въ званіе національнаго героя, и вокругъ памятника совершались всевозможныя торжества, собравшія всѣхъ противниковъ Ватикана. Не смотря однако на весь шумъ и блескъ, празднество вышло все таки весьма дѣланнымъ и искусственнымъ. Многіе серьезные итальянцы отнеслись къ нему неодобрительно и даже цѣлые города, какъ Неаполь, отказались принять въ немъ участіе. Что касается Ватикана, то нужно отдать ему честь за его спокойную тактичность, съ которою онъ держалъ себя во время этихъ непріятныхъ ему торжествъ, и эта его тактичность произвела во всей Европѣ наилучшее впечатлѣніе, показавъ, что нравственное превосходство находится вовсе не на сторонѣ Квиринала.

— Въ будущемъ году Венгрія готовится къ торжественному празднованію своего тысячелѣтняго существованія. Первымъ актомъ празднества будетъ засѣданіе обѣихъ палатъ въ новомъ парламентскомъ зданіи. Въ концѣ улицы Андраши состоится освященіе монумента, въ родѣ Пантеона, въ аркадахъ котораго будутъ

поставлены статуи военныхъ и политическихъ героевъ Венгріи. Далѣе послѣдуютъ открытія: музея историческаго искусства, стоившаго 3.600,000 флориновъ, новый залъ для выставки искусствъ, музея ремесленныхъ производствъ и новаго дворца юстиціи. Конгрессы соберутся во множествѣ, международные и національные по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Празднество ознаменуется національной выставкой и закончится историческимъ шествіемъ и открытіемъ канала для судовъ у Желѣзныхъ Воротъ.

— Обостренныя отношенія церкви и государства въ Австро-Венгріи, обрисовавшіяся въ послѣднее время, разрѣшились недавно рядомъ такихъ постановленій, въ которыхъ, какъ нельзя лучше, сказывается духъ отношеній папской куріи къ свѣтской власти. Въ Будапештѣ 1 сентября, на собраніи епископовъ, было, между прочимъ, постановлено: 1) римско-католическая церковь имѣетъ своею задачею установить свое пониманіе несчастныхъ законовъ (направленныхъ противъ церкви) и его предложить къ свѣдѣнію вѣрующихъ, 2) свидѣтельства о рожденіи, бракѣ и смерти должны быть употребляемы только для интересовъ церкви, 3) консисторскія рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выдаваемы на надобности гражданскія и во всякомъ случаѣ они могутъ быть выдаваемы только тогда вѣрующимъ, когда это будетъ необходимо для цѣлей церкви. Въ подобномъ же духѣ составлены и другія постановленія римской церкви.

— 13 сентября въ 6 ч. утра прибылъ въ Харьковъ изъ Полтавы Г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, д. т. с. К. П. Побѣдоносцевъ. Съ вокзала Его Высокопревосходительство отправился къ Высокопреосвященному Амвросію, а затѣмъ посѣтилъ монастырскую Покровскую церковь, вновь строющуюся монастырскую Озерянскую церковь, каѳедральный соборъ, духовную консисторію женское епархіальное училище, коммерческое училище и духовную семинарію. Въ епархіальное женское училище Его Высокопревосходительство прибылъ ровно въ 9½ часовъ утра вмѣстѣ съ Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ. При входѣ въ главный училищный корпусъ гостей встрѣтилъ совѣтъ училища въ полномъ его составѣ, во главѣ съ предсѣдателемъ прот. о. Т. Буткевичемъ и начальницей училища Е. Н. Гейцыгъ. Послѣ представленія членовъ совѣта, Его Высокопревосходительство съ Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, въ сопровожденіи всѣхъ членовъ совѣта, обошелъ помѣщенія 1 этажа (пріемная и классы) и второй этажъ, гдѣ, между прочимъ,

осматривалъ помѣщенія для классныхъ дамъ. Всѣ преподаватели, преподавательницы и классныя дамы съ воспитанницами ожидали Высокопоставленнаго гостя въ большой залѣ, расположенной въ 3 этажѣ. При входѣ въ залъ Его Высокопревосходительства, всѣ воспитанницы пропѣли тропарь св. великомуч. Варварѣ (храмовой праздникъ въ училищѣ). Поздоровавшись съ воспитанницами, Его Высокопревосходительство обошелъ залъ, въ длину котораго по обѣ стороны стояли по классамъ воспитанницы вмѣстѣ съ своими воспитательницами, и въ это время ко многимъ изъ воспитанницъ обращался съ разными вопросами. У о. предсѣдателя и г-жи начальницы Его Высокопревосходительство расспрашивалъ о положеніи училища въ экономическомъ и учебномъ отношеніи и сравнилъ училище съ другими епархіальными училищами, находя, что оно поставлено гораздо лучше другихъ. Говоря о церковномъ пѣніи въ духовныхъ училищахъ, Его Высокопревосходительство высказалъ желаніе послушать пѣніе ученицъ. Всѣ ученицы пропѣли нѣсколько догматиковъ (особенно понравилось К. П. пѣніе догматика „Кто Тебе не ублажитъ"...) и псаломъ: „Благослови, душе моя, Господа"... Послѣ этого Его Высокопревосходительство пожелалъ послушать пѣніе отдѣльныхъ воспитанницъ, и 3 воспитанницы пропѣли тріо „Крестъ начертавъ". Пѣніемъ воспитанницъ Его Высокопревосходительство остался въ высшей степени доволенъ, при чемъ высказалъ благодарность преподавателю пѣнія священнику о. І. Петровскому. Прощаясь съ воспитанницами, Его Высокопревосходительство высказалъ свое удовольствіе и пожелалъ имъ здоровья, успѣховъ и всего хорошаго какъ въ училищной ихъ жизни, такъ и въ жизни, которая ожидаетъ ихъ по выходѣ изъ училища; воспитанницы отвѣтили на это благопожеланіе пѣніемъ „Многая лѣта!" Съ этимъ пѣніемъ воспитанницы сопровождали Его Высокопревосходительство до домовой церкви, которую ему угодно было осмотрѣть. Осматривая церковь, Его Высокопревосходительство замѣтилъ, между прочимъ, что церковь довольно тѣсна для такого большаго числа воспитанницъ и что гораздо удобнѣе было бы устроить церковь въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщается новый залъ; на это замѣчаніе Его Высокопреосвященство отвѣтилъ, что вопросомъ о расширеніи помѣщенія для училищной церкви въ настоящее время занятъ и онъ, и совѣтъ, и что, послѣ неоднократныхъ обсужденій, остановились на томъ, что удобнѣе всего перенести церковь въ тотъ залъ, на который указалъ Его Высокопревосходительство. Затѣмъ, посѣтивъ

спальныя помѣщенія, Его Высокопревосходительство удостоилъ посѣтить квартиру г-жи начальницы, гдѣ предложенъ былъ кофе. Здѣсь Его Высокопревосходительство пробылъ минутъ 20, и все это время велъ разговоръ съ Его Высокопреосвященствомъ, о. предсѣдателемъ и г-жей начальницей объ училищѣ, о положеніи служащихъ, преподавателей и воспитанницъ; во время этого разговора Его Высокопревосходительство высказалъ свое особенное удовольствіе по поводу того, что въ училищѣ существуетъ пенсіонная касса для служащихъ въ немъ. Здѣсь Его Высокопревосходительство написалъ въ особенной книгѣ для почетныхъ посѣтителей слѣдующія лестныя для училища слова: „13 сентября 1895 года былъ, съ удовольствіемъ, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода К. Побѣдоносцевъ". Затѣмъ, Его Высокопревосходительство, высказавъ передъ всѣми присутствовавшими здѣсь свое полное удовольствіе, поблагодаривъ о. предсѣдателя и г-жу начальницу за образцовое состояніе училища и простившись со всѣми, въ $10^1/_2$ часовъ отбылъ съ Его Высокопреосвященствомъ въ коммерческое училище. По прибытіи въ училище, Высокопоставленные посѣтители въ сопровожденіи г. предсѣдателя попечительнаго совѣта Н. В. Орлова, товарища предсѣдателя Н. М. Михайлова, члена совѣта И. К. Величченко и директора училища с. с. И. А. Виноградова, осматривали всѣ иконы, исполненныя художникомъ академикомъ И. Ф. Селезневымъ, церковь училища, работы въ которой уже почти закончены, а затѣмъ направились въ актовый залъ, гдѣ были привѣтствуемы собравшимися учениками въ количествѣ 200, съ преподавателями во главѣ. Его Высокопревосходительство, расспросивъ г. предсѣдателя и г. директора весьма обстоятельно объ училищѣ и ученикахъ и выслушавъ съ особеннымъ вниманіемъ ихъ объясненія, выразилъ свое удовольствіе, записавъ въ книгу именитыхъ посѣтителей слѣдующія слова: „13 сентября 1895 года былъ и любовался Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ".

Около 12 часовъ Его Высокопревосходительство съ Его Высокопреосвященствомъ прослѣдовали въ духовную семинарію. При входѣ въ главный корпусъ Его Высокопревосходительство былъ встрѣченъ о. ректоромъ и инспекторомъ семинаріи и затѣмъ направился въ церковь. Изъ церкви Его Высокопревосходительство прошелъ въ торжественный залъ, гдѣ были собраны воспитанники и преподаватели. При входѣ Высокихъ посѣтителей въ залъ, воспитанники пропѣли тропарь св. Іоанну Богослову, во имя котораго устроена семинарская церковь.

Затѣмъ, сказавъ общее привѣтствіе всѣмъ собравшимся въ залѣ, Его Высокопревосходительство направился къ группѣ служащихъ при семинаріи; о. ректоромъ семинаріи каждый изъ служащихъ былъ представленъ особо, съ которыми Его Высокопревосходительство привѣтливо здоровался и съ нѣкоторыми вступалъ въ разговоръ или по поводу ихъ литературныхъ занятій, или по поводу исполненія ими какихъ либо служебныхъ обязанностей внѣ семинаріи; при этомъ бесѣда Его Высокопревосходительства въ концѣ принимала всегда общій характеръ и обращалась къ какимъ-нибудь важнымъ и интереснымъ вопросамъ общественной и церковной жизни. Отъ группы служащихъ Его Высокопревосходительство направился къ воспитанникамъ семинаріи и обратился къ нимъ съ рѣчью. Довольно долгое время онъ говорилъ имъ, указывалъ на нѣкоторыя опасныя свойства молодости, такъ нерѣдко и такъ безразсудно совращающія юношество съ прямаго и добраго пути, ласково, — во имя собственнаго же ихъ блага, призывалъ ихъ къ послушанію ихъ начальникамъ и всѣмъ вообще, кому довѣрено ихъ руководительство. Замѣтно было, что рѣчь Его Высокопревосходительства произвела сильное впечатлѣніе на молодежь. Затѣмъ онъ пожелалъ услышать пѣніе воспитанниковъ, и ими, безъ предварительной подготовки, довольно стройно пропѣто было нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній. Привѣтливо простившись затѣмъ съ служащими и воспитанниками, Его Высокопревосходительство сталъ осматривать семинарскія помѣщенія—классы, комнаты для занятій, спальни и т. д. и вездѣ могъ видѣть лишь полное благоустройство. Ласковое привѣтливое обращеніе со всѣми, оживленный разговоръ, въ который Его Высокопревосходительство часто вступалъ съ Его Высокопреосвященствомъ, и вообще самое лучшее настроеніе, котораго нельзя было не замѣтить въ Высокомъ посѣтителѣ, свидѣтельствовали, что онъ всѣмъ, что нашелъ въ семинаріи, остался вполнѣ доволенъ.

По осмотрѣ семинаріи, Его Высокопревосходительство, въ сопровожденіи Высокопреосвященнаго Амвросія, прослѣдовалъ въ имѣющуюся при семинаріи образцовую двухклассную церковно-приходскую школу. Эта школа помѣщается въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ семинарскаго корпуса, въ особомъ каменномъ зданіи, устроенномъ на средства покойнаго Н. Г. Харитоненко. Въ школѣ, гдѣ въ то время происходили учебныя занятія, Его Высокопревосходительство посѣтилъ оба класса: въ старшемъ классѣ, гдѣ

шелъ урокъ славянскаго чтенія, заставлялъ нѣкоторыхъ учениковъ читать, въ младшемъ классѣ разсматривалъ письменныя работы, и какъ обученіемъ, такъ и всѣмъ устройствомъ школы, видимо, остался доволенъ. Затѣмъ Его Высокопревосходительство посѣтилъ квартиру старшаго учителя школы, находящуюся въ томъ же зданіи, и при прощаніи подарилъ школьникамъ на гостинцы. Изъ школы Его Высокопревосходительство, въ сопровожденіи Высокопреосвященнаго Амвросія, прослѣдовалъ прямо на вокзалъ—съ тѣмъ, чтобы направиться на сѣверъ.

— 11 сентября, въ Полтавѣ, былъ торжественно освященъ и открытъ новый памятникъ на усыпальницѣ вождей и воиновъ погибшихъ въ „преславной Полтавской викторіи". Это торжество было пріурочено ко дню праздника Каплуновской иконы Божіей Матери, по преданію находившейся въ лагерѣ императора Петра Великаго во время Полтавской побѣды. Иниціатива сооруженія памятника, какъ извѣстно, принадлежитъ Г. Оберъ Прокурору Св. Сѵнода К. П. Побѣдоносцеву, принимавшему все время живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Мѣстный архипастырь, преосвященный Илларіонъ, одушевляемый безкорыстнымъ желаніемъ увѣковѣчить память героевъ Полтавской побѣды, съ рѣдкимъ усердіемъ и энергіей трудился надъ совершеніемъ памятника, постоянно и непосредственно наблюдая за постройкой. По сообщенію «Моск. Вѣд.», еще задолго до торжества Шведская могила стала принимать праздничный видъ: около ограды были поставлены нѣсколько арокъ, украшенныхъ иниціалами Ихъ Императорскихъ Величествъ, зеленью и національными флагами. Подножіе памятника было декорировано транспарантами, на которыхъ были изображены вензеля нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, Царя-Миротворца и Царя-Преобразователя. На наружной стѣнѣ Сампсоніевскаго храма сооруженнаго около Шведской могилы и въ прошломъ году обновленнаго и значительно расширеннаго, помѣщены были взятая изъ церкви села Жукова (въ 5 верст. отъ могилы) древняя русская святыня—икона поруганная Шведами (они устроили на ней шахматную доску), которая была потомъ отбита у Шведовъ, освящена и помѣна снова въ храмъ села Жукова. Тутъ же была аллегорическая картина, написанная въ XVIII столѣтіи, изображавшая Полтавскую побѣду. 11 сентября, съ ранняго утра, въ Полтавѣ и ея окрестностяхъ началось большое оживленіе. Въ половинѣ девятаго утра начался благовѣстъ въ каѳедраль-

номъ соборѣ. Площадь предъ соборомъ вся была занята войсками и народомъ. Около девяти часовъ, сначала тихо, потомъ громче стали доноситься торжественные звуки „Коль славенъ". То депутаты отъ Преображенцевъ, Семеновцевъ, кирасиръ и артиллеристовъ на роскошныхъ подушкахъ несли въ соборъ для освященія привезенные ими дары для Сампсоніевскаго храма—св. иконы Преображенія Господня (дл. 1 арш., шир. $13^1/_2$ верш.) въ золоченой рамѣ и икону св. Николая, крестъ, чашу и лампаду. Въ соборъ начали прибывать начальствующія лица и почетные граждане года: Оберъ-Прокуроръ Св. Сунода К. П. Побѣдоносцевъ, временно-командующій войсками Кіевскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ В. Ф. Винбергъ, губернаторъ А. Н. Татищевъ, городской голова г. Трегубовъ и др. Сюда же прибыли воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній города Полтавы со своими начальниками. Литургію совершали преосвященные Илларіонъ, епископъ Полтавскій, и Михаилъ, епископъ Прилукскій, въ сослуженіи высшаго духовенства города. Около 12 часовъ дня, послѣ литургіи и благодарственнаго молебна, къ мѣсту торжества прослѣдовалъ крестный ходъ, растянувшійся на три версты. Многочисленныя святыни города, масса духовенства, звонъ колоколовъ во всѣхъ храмахъ, войска и большія толпы народа—все это представляло изъ себя невиданную для Полтавцевъ картину. При вступленіи крестнаго хода въ церковную ограду Сампсоніевскаго храма, преосвященный Илларіонъ окропилъ св иконы святой водой и всѣ направились къ памятнику. При пѣніи „Тебѣ Бога хвалимъ", съ креста было снято покрывало и передъ глазами во всемъ своемъ величіи предсталъ памятникъ. Раздалось громовое ура, слившееся съ колокольнымъ звономъ. По окропленіи памятника святою водой протодіакономъ была возглашена вѣчная память Императору Александру III, Императору Петру I и православнымъ вождямъ и воинамъ, павшимъ въ бою за вѣру, царя и отечество. Народъ опустился на колѣни, а войска произвели установленный салютъ изъ ружей и пушекъ. Затѣмъ преосвященный Илларіонъ произнесъ приличное торжеству слово. Послѣ этого провозглашены были многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. При произнесеніи многолѣтія Ихъ Величествамъ артиллерія произвела салютъ въ 21 выстрѣлъ; по полтавскимъ „полямъ" пронеслось снова громовое ура и раздались торжественные звуки національнаго гимна. За трапе-

зой, состоявшеюся въ покояхъ преосвященнаго Илларіона, Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода провозгласилъ первый тостъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора и произнесъ рѣчь.

— 20 сентября въ Рязани происходило торжественное празднованіе 800-лѣтія ея существованія. Въ общихъ чертахъ исторія Рязани такова.—Много различныхъ перемѣнъ пришлось вытерпѣть Рязани за эти истекшіе восемь вѣковъ. Основанная въ 1095 году, она изъ малаго города Рязанскаго княжества стала столицей его подъ именемъ Переяславля-Рязанскаго, замѣнивъ князьямъ Рязанскимъ ихъ прежнюю резиденцію—Старую Рязань (нынѣ село). Столицей отдѣльнаго княжества Переяславль оставался все время, пока Рязанская земля сохраняла свою самостоятельность. Около 1520 года Рязанское княжество подчинилось Москвѣ, и Переяславль сталъ простымъ городомъ, гдѣ сидѣли воеводы, присланные отъ Московскаго царя для управленія Рязанскимъ краемъ. Въ 1708 году Рязанскій край былъ причисленъ въ Московской губерніи, и Переяславль Рязанскій сталъ провинціальнымъ городомъ. Такъ дѣло шло до 1774 года, когда была образована особая Рязанская губернія;—тогда Переяславль сдѣланъ былъ губернскимъ городомъ и сталъ называться Рязанью. За все это время Рязанская земля—сначала въ качествѣ самостоятельнаго княжества, а затѣмъ губерніи—не мало послужила общему благу земли Русской, время отъ времени выставляя изъ своей среды на то или другое поприще общественной дѣятельности великихъ борцовъ, то святыхъ подвижниковъ и великихъ страдальцевъ за вѣру, то мудрыхъ правителей, могучихъ князей, славныхъ героевъ и тому подобныхъ дѣятелей.—Въ день торжества, въ 8 ч. утра, въ Борисоглѣбской церкви отцемъ ректоромъ семинаріи протоіереемъ І. К. Смирновымъ соборнѣ была совершена заупокойная литургія, а по окончаніи ея паннихида по усопшимъ рязанскимъ князьямъ, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ. Массы народа наполняли эту церковь, нѣкогда бывшую каѳедральнымъ соборомъ древняго Переяславля-Рязанскаго. Къ 2 часамъ потянулись къ этой церкви изъ всѣхъ городскихъ храмовъ малые крестные ходы, въ коихъ, въ сопровожденіи духовенства, была несена святыня изъ каждой церкви. Въ это время закрылись всѣ торгово-промышленныя заведенія города (и оставались запертыми до 4 часовъ). Въ 2 часа въ (Борисоглѣбской) церкви началась малая вечерня, а затѣмъ на могилѣ св. Василія (внѣ церкви, гдѣ прежде почивали мощи святителя, пока не

были перенесены въ нынѣшній соборъ) было совершенно торжественное молебствіе; въ началѣ четвертаго часа оно закончилось и общій крестный ходъ отсюда, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, сопровождаемый многочисленными толпами народа, направился къ Христорождественскому собору. Процессія была чрезвычайно торжественная. Въ четыре часа крестный ходъ прибылъ въ соборъ; святыня была поставлена здѣсь на указанныя мѣста; хоругви размѣщены въ притворѣ собора. Въ 5 час. въ соборѣ началось всенощное бдѣніе. На литію и величаніе выходилъ преосвященный Іустинъ, въ сослуженіи архимандритовъ, отца ректора семинаріи, каѳедральнаго протоіерея и соборнаго духовенства. На всѣхъ служащихъ было одинаковое облаченіе изъ зеленой шелковой матеріи, вновь сшитое для празднества. Соборъ былъ полонъ молящихся. Послѣ величанія началось чтеніе акаѳиста св. Василію Рязанскому, которое совершалъ преосвященный Іустинъ. Онъ же помазывалъ освященнымъ елеемъ богомольцевъ, прикладывавшихся къ ракѣ Святителя. За всенощной читалось еще „Сказаніе о Св. Василія Рязанскомъ". Богослуженіе кончилось въ десятомъ часу; пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ.

На другой день въ 6 час. утра во всѣхъ церквахъ города были отслужены ранніе литургіи, а въ 8 час. началась поздняя литургія въ Христорождественскомъ (теплонъ) соборѣ, которую совершалъ преосвященный Іустинъ въ сослуженіи преосвященнаго Поліевкта, двухъ архимандритовъ, ректора семинаріи и соборнаго духовенства (въ Успенскомъ соборѣ одновременно совершилъ литургію архимандритъ Несторъ). Во время причастнаго стиха ректоромъ было сказано слово. По окончаніи богослуженіи все городское духовенство, съ преосвященнымъ Іустиномъ во главѣ, вновь сооруженными хоругвями и святынями всего города, съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ вышло изъ собора и направилось соборнымъ бульваромъ чрезъ выстроенную арку на площадь присутственныхъ мѣстъ, которая была вся залита народомъ. Посрединѣ ея была устроена деревянная, роскошно декорированная цвѣтами и зеленью, площадка. Здѣсь на особо устроенныхъ мѣстахъ была разставлена принесенная святыня, затѣмъ начался молебенъ. Во время многолѣтія была салютаціонная пальба на соборной площади изъ орудій двухъ конныхъ батарей, расположившихся на углу площади, обращенномъ къ р. Трубежу. На площади было до 15.000 народа, не считая пѣхотныхъ полковъ 35-й

дивизіи 137-го Нѣжинскаго и 138-го Волховскаго, воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній.

По окончаніи молебна въ 11 ч. 35 м. святыни были понесены на свои мѣста, а на площади начальникомъ 35-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантомъ, Л. А. Юнаковымъ былъ произведенъ смотръ войскамъ, по окончаніи коего войскамъ было предложено угощеніе отъ города, а воспитанники и воспитанницы распущены по домамъ. Торжественное засѣданіе Рязанской ученой архивной Коммиссіи въ память восьмисотлѣтія основанія города Рязани происходило въ залѣ Рязанскаго дворянскаго собранія. Къ половинѣ втораго громадная зала была полна: середина была занята почетными посѣтителями. По бокамъ залы, подъ хорами, стояли воспитанники духовной семинаріи и учительской семинаріи, городскихъ училищъ, воспитанницы женской гимназіи и епархіальнаго женскаго училища, волостные старшины Рязанскаго уѣзда и публика. Въ 1½ часъ дня въ залу прибыли: преосвященный Поліевктъ, епископъ Михайловскій, викарій Рязанскій, а затѣмъ непремѣнный попечитель ученой коммиссіи начальникъ губерніи Н. С. Брянчаниновъ; въ исходѣ втораго часа прибылъ преосвященный Іустинъ, епископъ Рязанскій. Встрѣченный у входа въ залу начальникомъ губерніи, владыка выслушалъ пѣніе тропаря св. Василію Рязанскому и благословилъ присутствующихъ. Губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя коммиссіи, обратился къ присутствующимъ съ глубокопрочувствованною рѣчью, въ которой онъ, между прочимъ, указавъ на важное значеніе и труды Рязанской архивной коммиссіи, сказалъ, что „нынѣшнее торжественное засѣданіе въ память 800-лѣтія города Рязани, когда Рязань вступаетъ въ новый вѣкъ своего существованія, да будетъ яркою зарей единенія общества съ дѣятельностью Рязанской ученой архивной коммиссіи, а для коммиссіи—началомъ новой эры ея служенія обществу". Послѣ рѣчи губернатора, хоръ воспитанниковъ духовной семинаріи исполнилъ написанную нарочно къ празднику г. Николаевымъ юбилейскую кантату: „Слава Тебѣ, Царь Небесный" (слова Николаева, музыка Вифляева—регента семинарскаго хора), затѣмъ оркестръ Нѣжинскаго полка исполнилъ увертюру изъ оперы „Жизнь за Царя". Потомъ на каѳедру вошелъ Д. И. Иловайскій и произнесъ „привѣтственное слово". Послѣ рѣчи хоръ учительской семинаріи исполнилъ „Прославленіе Бога" Бетховена. На каѳедру вступилъ отецъ ректоръ семинаріи І. К. Смирновъ и про-

челъ „О святыняхъ города Рязани", гдѣ провелъ ту мысль, что какъ въ древней записи основаніе Переяславля связано съ храмомъ (Николы Стараго), такъ и въ послѣдующей исторіи Рязани храмоздательство идетъ широкою полосой и въ заключеніе выразилъ желаніе, чтобы теперешніе жители Рязани и ихъ потомки свято сохраняли не только вещественную древнюю святыню—св. храмы, иконы и реликвіи, но и невещественную святую старину—вѣчно живую вѣру и отеческое благочестіе. Послѣ рѣчи отца ректора хоръ духовной семинаріи исполнилъ концертъ Бортнянскаго: „Пріидите возрадуемся". Затѣмъ г. Шефферлингомъ былъ прочтенъ, за болѣзнію А. И. Черепнина, его очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края. Послѣ этого чтенія соединенный хоръ и оркестръ исполнили „Коль славенъ". Послѣднимъ лекторомъ былъ г. Буймистровъ, прочитавшій свое сообщеніе объ „Олегѣ Ивановичѣ, Великомъ Князѣ Рязанскомъ". Затѣмъ былъ исполненъ народный гимнъ, повторенный многократно по требованію публики, и засѣданіе закрылось въ 5 часовъ.

— 20 Августа н. г. въ с. Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда, происходило скромное, но въ высшей степени назидательное и трогательное прощаніе прихожанъ Штормовской Рождество-Богородичной церкви съ своимъ приходскимъ священникомъ о. Іоанномъ Инноковымъ, по случаю перевода его въ г. Харьковъ, въ университетскую церковь. Прихожане означеннаго села, узнавъ о переводѣ о. Иннокова и принимая во вниманіе, что отецъ Іоаннъ служилъ въ ихъ приходѣ тринадцать лѣтъ и былъ „самымъ ревностнымъ и усерднымъ пастыремъ, при чемъ отличался скорымъ отзывомъ и крайней снисходительностію къ ихъ нуждамъ, а также стяжательностію къ содержанію великолѣпія храма Божія", и движимые чувствомъ благодарности,—единогласно постановили: составить по случаю событія сего отъ ихъ имени адресъ, предъявить таковой къ подписи, за симъ на мірскія суммы пріобрѣсти икону Божіей Матери, которую съ означеннымъ адресомъ и при этомъ приговорѣ преподнести отцу Іоанну Иннокову, на память отъ прихожанъ сего и Колпаковскаго обществъ. Самое торжество происходило въ такомъ порядкѣ.—По окончаніи Божественной литургіи, во главѣ всѣхъ прихожанъ выступила депутація изъ самыхъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ крестьянъ: одинъ прочиталъ приговоръ общества, другой прочелъ адресъ, подписанный прихожанами. Въ этомъ адресѣ указывалось на то, что о. Іоаннъ былъ ревностнымъ служителемъ церк-

ви, истиннымъ духовнымъ отцомъ, „всею душею преданнымъ своимъ дѣтямъ, всѣ заботы котораго направлены были къ благоукрашенію святаго храма, улучшенію церковнаго пѣнія и религіозно-нравственному просвѣщенію пасомыхъ въ духѣ православной вѣры и преданности Государю и отечеству“; „примѣромъ, достойнымъ подражанія: въ церкви, какъ примѣрный блюститель церковныхъ уставовъ и примѣрный молитвенникъ, внѣ храма, въ школѣ и дома, какъ отецъ и человѣкъ, нѣжно заботящійся не только о родныхъ, но и о каждомъ изъ прихожанъ, всегда ровный со всѣми, тихій, скромный и чуткій сердцемъ къ ближнему человѣку“. Съ цѣлію религіозно-нравственнаго просвѣщенія своихъ пасомыхъ, о. Іоаннъ каждое почти служеніе произносилъ поученія, которыя, по выраженію адреса, „западали всегда глубоко въ сердца слушателей, потому что говорились всегда простымъ и понятнымъ каждому языкомъ, такъ что всякій изъ слушателей понималъ каждое слово, каждую фразу; во же время народныхъ бѣдствій, посѣщавшихъ приходъ, увѣщеванія и наставленія о. Іоанна такъ дѣйствовали на прихожанъ, что они терпѣливо переносили гнѣвъ Божій и научились во всѣхъ случаяхъ искать помощи и спасенія только въ церкви, въ непрестанныхъ молитвахъ къ Царицѣ Небесной“. Какъ ревностный и безкорыстный служитель, о. Іоаннъ, по выраженію адреса, „никогда никому не только не отказывалъ, но и не замедлялъ исполнять просьбы объ исполненіи требъ на дому, не взирая ни на время дня и ночи, ни на погоду, въ которыя прибѣгали къ нему, и при всемъ томъ никогда не оставался недовольнымъ скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ, которое, по бѣдности прихода, было всегда малое“. Послѣ прочтенія адреса, бывшій много лѣтъ церковнымъ старостою, а нынѣ председатель мѣстнаго волостнаго суда, Матвѣй Васильевъ Коробка, старикъ, лучшій изъ прихожанъ и уважаемый всѣми, подалъ священнику образъ Божіей Матери, подносимый прихожанами; дальше была поднесена святая просфора, которую прихожане въ тотъ день подавали на проскомидію, молясь о здравіи отъѣзжающаго „іерея Іоанна“, и затѣмъ всѣ прихожане торжественно проводили о. Іоанна до его квартиры, напутствуя его самыми искренними пожеланіями при пѣніи мѣстнаго хора „многая лѣта“.

Обо всемъ этомъ счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Его Высокопреосвященства мѣстный земскій начальникъ г. Дюковъ. Какъ человѣкъ близко знакомый съ пастырской дѣятельностію о.

Іоанна и какъ очевидецъ прощанія Штормовцевъ съ ихъ бывшимъ пастыремъ, г. земскій начальникъ такъ заканчиваетъ свое сообщеніе объ этомъ трогательномъ прощаніи: „тотъ, кто видѣлъ прощаніе прихожанъ съ о. Іоанномъ и кто зналъ его, какъ священника и человѣка, тотъ можетъ смѣло утвердить, что скромное чествованіе, устроенное штормовцами 20 августа, есть заслуженная дань сельскому священнику, посвятившему съ перваго до послѣдняго дня священнослуженія всѣ свои силы пасомымъ, стремившемуся не только словомъ, но и дѣломъ направить и развить въ религіозно-нравственномъ отношеніи ко благу ввѣренную ему паству.

— По сообщенію «Цер. Вѣст.», 11-го мая въ Якутскѣ молитвенно отпраздновано 25-лѣтіе якутской епархіи и открытіе въ Якутскѣ миссіонерскаго комитета. Благословеніе Св. Сvнода на оффиціальное празднованіе этого событія испрашиваемо было епархіальнымъ начальствомъ въ 1894 г. По ходатайству этому послѣдовало соизволеніе Св. Сvнода на совершеніе 11 мая литургіи съ крестнымъ ходомъ, а наканунѣ заупокойной литургіи и панихиды по почившимъ іерархамъ и ихъ сотрудникамъ, по соборному синодику. Вслѣдствіе этого день 25-лѣтія учрежденія въ якутской области самостоятельной епископской каѳедры и открытія миссіонерскаго комитета прошелъ безъ оффиціальной торжественности. Въ каѳедральномъ соборѣ въ архіерейскомъ служеніи вознесены были молитвы за дарованныя краю учрежденія, послужившія его духовному возрожденію и христіанскому просвѣщенію, затѣмъ предъ собравшимися въ домъ его преосвященства лицами, живо принимающими къ сердцу и самымъ дѣломъ содѣйствующими осуществленію задачъ пастырскаго служенія въ краѣ, въ краткихъ чтеніяхъ изложены были важнѣйшія событія въ жизни епархіи за истекшія 25 лѣтъ. Были именно прочитаны двѣ историческія записки подъ заглавіями: „Краткій очеркъ дѣятельности якутскаго комитета миссіонерскаго общества и миссіи“ и „Краткая историческая записка о церковно-приходскихъ школахъ“. Предполагались къ чтенію записки: 1) объ открытіи новыхъ приходовъ въ якутской епархіи со времени отдѣленія ея отъ камчатской и 2) объ открытіи и преобразованіи семинаріи съ училищемъ, но чтеніе ихъ было отложено за недостаткомъ времени. За предложенной присутствовавшимъ трапезой высказаны были пожеланія дальнѣйшаго преуспѣянія епархіи; между прочимъ, назначеннымъ на должность ректора семинаріи Ѳ. Стуковымъ высказано было пожеланіе, чтобы якутская епархія,

отрасль епархіи камчатской и благовѣщенской, въ грядущее 25-лѣтіе въ свою очередь дала новую отрасль въ видѣ епархіи охотской и колымской. Хотя Охотскъ съ своимъ округомъ нынѣ входитъ въ составъ епархіи благовѣщенской и камчатской, но по многимъ весьма вѣскимъ данным, между прочимъ и по соображеніямъ административнаго свойства, ему естественнѣе было бы войти въ составъ епархіи якутской и впослѣдствіи быть резиденціей, если не самостоятельнаго епископа, то по крайней мѣрѣ викарія.

— Въ апрѣлѣ будущаго 1896 года исполнится 500 лѣтъ со времени блаженной кончины св. просвѣтителя древней страны велико-пермской, святителя Стефана. Въ виду этого въ пермской епархіи распространяется мысль объ ознаменованіи юбилея особымъ торжествомъ. Еще въ февралѣ текущаго года представитель отъ духовнаго вѣдомства въ пермской думѣ возбудилъ вопросъ объ этомъ въ думѣ. Вслѣдствіе заявленія дума постановила, какъ сообщается въ «Перм. Еп. Вѣд.», чтобы городской голова вошелъ по этому предмету въ сношеніе съ губернскою земскою управою, которая вопросъ о чествованіи 500-лѣтія кончины св. Стефана предложила бы земскому собранію. Къ сожалѣнію, бывшее въ маѣ чрезвычайное губернское земское собраніе не нашло нужнымъ обсудить дѣло, да едва ли управа и вносила его въ собраніе. Вопросъ будетъ внесенъ на обсужденіе губернскаго земскаго собранія въ декабрѣ. Но что же успѣетъ сдѣлать пермская дума по возбужденному вопросу, если будетъ ждать отвѣта отъ земскаго собранія? Поэтому епархіальный журналъ признаетъ лучшимъ и болѣе практичнымъ, не дожидаясь отзыва отъ земства, немедленно избрать комиссію изъ всѣхъ городскихъ сословій, съ приглашеніемъ въ ея составъ представителей отъ всѣхъ вѣдомствъ, и этой комиссіи поручить выработать проектъ—какъ и чѣмъ увѣковѣчить въ Перми 500-лѣтіе со времени кончины св. Стефана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, епархіальный журналъ приглашаетъ мѣстное духовенство особо отъ себя чѣмъ-либо ознаменовать предстоящее празднество. Епархіальное начальство предполагало передать дѣло на обсужденіе очереднаго епархіальнаго съѣзда, имѣвшаго быть во второй половинѣ минувшаго августа.

— Самарскому съѣзду комитетомъ самарскаго свѣчнаго завода было предложено разсудить, между прочимъ: а) объ открытіи при заводѣ епархіальнаго склада церковной утвари и другихъ предме-

товъ, необходимыхъ при церковныхъ богослуженіяхъ, для снабженія ими церквей епархіи; б) объ открытіи для церквей епархіи склада чистаго церковно-виноградиаго вина для совершенія таинства литургіи въ виду сильно развивающейся фальсификаціи его у частныхъ виноторговцевъ. Такъ какъ комитетъ завода не сообщилъ, для соображеній, свѣдѣній и справокъ ни о приблизительной стоимости предполагаемыхъ складовъ утваря и вина, ни о томъ, сносился ли онъ съ фабрикантами церковныхъ вещей и фирмами виноградныхъ винъ, ни объ условіяхъ, на которыхъ можно завязать сношенія съ фабрикантами церковныхъ вещей и продавцами винъ, ни о помѣщеніяхъ для предполагаемыхъ складовъ, то съѣздъ, принявъ проектъ объ устройствѣ при епархіальномъ свѣчномъ заводѣ склада церковной утвари и другихъ предметовъ, употребляемыхъ при церковномъ богослуженіи, а также церковнаго краснаго вина, поручилъ комитету завода представить свои соображенія по этому дѣлу на обсужденіе будущаго съѣзда духовенства. На томъ же съѣздѣ были разсужденія по поводу предложенія объ открытіи причетническаго класса для приготовленія псаломщиковъ изъ лицъ, уволенныхъ изъ духовно-учебныхъ заведеній и частію изъ крестьянъ, желающихъ поступить на должность псаломщиковъ. Съѣздъ нашолъ, что причетническіе классы не оставляютъ предмета первой необходимости, при чемъ сослался и на примѣры другихъ епархій, именно—казанскую и нижегородскую, гдѣ причетническіе классы были закрыты по ненадобности, но призналъ необходимыми особыя мѣры для улучшенія поведенія псаломщиковъ. Съѣздъ остановился на мысли объ открытіи въ каждомъ благочинническомъ округѣ благочиннических совѣтовъ, съ тѣмъ, чтобы совѣты эти вѣдали на мѣстѣ мелкія дѣла, возникающія изъ споровъ между членами причтовъ и дурного поведенія псаломщиковъ. Члены причта неодобрительнаго поведенія считаютъ нужнымъ для себя вести себя прилично только въ присутствіи благочиннаго; при учрежденіи же совѣтовъ, они были бы болѣе осторожны и при членахъ совѣта и вблизи ихъ. Епархіальный преосвященный согласился со съѣздомъ и предложилъ консисторіи организовать благочиническіе совѣты, съ опредѣленіемъ круга ихъ вѣдѣнія и дѣятельности.

— Въ число лицъ, которымъ будетъ оказано пособіе изъ суммъ, отпускаемыхъ государственнымъ казначействомъ для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ, по газетнымъ сообщеніямъ, въ

одномъ изъ послѣднихъ засѣданій особой коммиссіи при академіи наукъ, включенъ заштатный священникъ Василій Антоновъ, долгое время служившій въ Кіевѣ. Пособіе назначено по 15 руб. въ мѣсяцъ. О. Василій Антоновъ, какъ передаетъ «Кіев. Сл.», составлялъ подробныя описанія селъ и деревень, записывалъ свои наблюденія надъ жизнью и обычаями населенія, велъ метеорологическія наблюденія и записи, дѣлалъ археологическія изысканія и проч. Состоя членомъ историческаго и вольно-экономическаго обществъ, онъ получалъ благодарственныя письма отъ обществъ за понесенные труды. Историческое общество прислало ему бронзовую медаль, вольно-экономическое—серебряную „за полезные труды".

— Касаясь вопроса о введеніи общаго хорового пѣнія въ городскихъ и сельскихъ православныхъ храмахъ и признавая это дѣло въ высшей степени полезнымъ и богоугоднымъ, «Церк. Вѣст.» даетъ слѣдующіе совѣты объ его постановкѣ. Многіе изъ мужчинъ и женщинъ, особенно городского православнаго населенія, обладаютъ знаніемъ моливъ, музыкальнымъ слухомъ и имѣютъ вообще понятіе о пѣніи, такъ что каждый или каждая изъ нихъ безъ особенныхъ усилій и большихъ подготовленій могли бы пропѣть въ церкви ту или другую молитву. Въ первыхъ порахъ при введеніи общаго пѣнія въ той или иной церкви, можно было бы ограничиваться исполненіемъ лишь нѣсколькихъ пѣснопѣній, а потомъ постепенно можно все болѣе и болѣе расширять программу пѣснопѣній, исполняемыхъ общимъ хоромъ. Такъ, на первый разъ можно назначить для исполненія прихожанами въ церкви, напримѣръ, на вечерни, послѣ „Нынѣ отпущаеши"..., „Аминь" и „Богородице, Дѣво радуйся"..., а послѣ всенощной—„Взбранной Воеводѣ побѣдительная.."; на литургіи: „Пріидите поклонимся"... „Отче нашъ" и „Достойно есть...". Когда прихожане утвердятся въ пѣніи вышеупомянутыхъ молитвъ, тогда можно прибавлять къ нимъ и другія пѣснопѣнія, но всякій разъ извѣщать объ этомъ прихожанъ словесно или печатнымъ объявленіемъ у церковнаго входа и назначать дни и часы спѣвки каждой новой молитвы. Во избѣжаніе соблазна въ церкви нужно пригласить прихожанъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ общемъ пѣніи занять мѣсто: женщинамъ—за лѣвымъ клиросомъ, а мужчинамъ—за правымъ.

Естественно, что не всѣ молящіеся могутъ принять участіе въ исполненіи нѣкоторыхъ пѣснопѣній, а потому на первый разъ доста-

точно будетъ, если въ общемъ пѣніи въ церкви приметъ участіе одна треть прихожанъ, а затѣмъ могутъ и другіе занять мѣста поющихъ. Важно только начало, а впослѣдствіи это пойдетъ своимъ порядкомъ, если онъ будетъ поддерживаться самими поющими и наблюдающими за пѣніемъ. Этихъ немногихъ условій вполнѣ достаточно для того, чтобы приступить къ общему хоровому пѣнію въ городскихъ церквахъ, подъ личнымъ наблюденіемъ мѣстнаго церковнаго причта. При устройствѣ общаго хороваго пѣнія въ сельскихъ приходскихъ церквахъ можно соблюдать тѣ же условія, что и въ городскихъ. Здѣсь хорошимъ воспособленіемъ можетъ служить церковно-приходская школа, въ которой обученіе церковному пѣнію обязательно. Когда учащіеся будутъ исполнять хорошо молитвы, тогда можно приглашать ихъ пѣть въ церкви, а вмѣстѣ съ ними охотно будутъ принимать участіе ихъ родители и родственники. Послѣ нѣсколькихъ спѣвокъ, прихожане скоро усвоятъ себѣ мотивы нѣкоторыхъ молитвъ и пріемы пѣнія ихъ, а этого будетъ вполнѣ достаточно, чтобы начать практиковать общее пѣніе въ церкви. Наблюденіе и обученіе пѣнію молитвъ и пѣснопѣній православными прихожанами сельскихъ приходовъ должно быть возложено на церковный причтъ и учителей, какъ сельскихъ народныхъ, такъ и церковно-приходскихъ школъ.

— Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ сообщаютъ объ этомъ «Моск. Церк. Вѣд.», стали устраиваться въ послѣднее время спеціально женскія церковно-приходскія школы. Такъ, въ самомъ началѣ текущаго года въ Новгородѣ открылась вполнѣ благоустроенная церковно-приходская школа Борисоглѣбская, исключительно для дѣвочекъ. Школа эта возникла по мысли и при содѣйствіи высокопреосвященнаго Ѳеогноста, архіепископа Новгородскаго. Учрежденіе школы вызвано сознаніемъ тѣхъ неудобствъ, которыя представляло совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ образцовой при духовной семинаріи школѣ. Вслѣдствіе этого рѣшено было открыть для дѣвочекъ отдѣльную церковно-приходскую школу при градской, не далеко отстоящей отъ семинаріи, Борисоглѣбской церкви, и на ея устройство ассигновано было изъ средствъ Новгородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта 1150 руб. Школа отличается благоустроеннымъ видомъ и снабжена всѣми необходимыми принадлежностями.—При Полтавскомъ каѳедральномъ соборѣ въ концѣ прошлаго года открыта Соборно-Богородская женская церковно-приходская школа, въ па-

мять исполнившагося 50-ти-лѣтія службы въ священномъ санѣ преосвященнаго Полтавскаго Илларіона. Школа эта, въ которой учащихся 37 дѣвочекъ, очень хорошо устроена, снабжена вполнѣ достаточно различными ученическими принадлежностями и необходимыми предметами школьнаго хозяйства и пользуется сочувствіемъ мѣстнаго духовенства и прихожанъ.

— Обученіе дѣвочекъ рукодѣлью въ церковныхъ школахъ привлекаетъ симпатіи крестьянскаго населенія и побуждаетъ ихъ съ большею охотою отдавать дочерей въ школьное обученіе. По сообщенію «Волын. Еп. Вѣд.», въ церковныхъ школахъ Волынской епархіи на этотъ предметъ обращено большое вниманіе. Нельзя не радоваться, что интересъ къ этому предмету пробуждается, и пробуждается въ большинствѣ случаевъ безмездно учительницами-труженицами. Весьма знаменательно и то, что обученіе рукодѣлью бываетъ направлено не только на предметы, полезные въ сельскомъ обиходѣ, необходимые въ семейномъ, домашнемъ быту учащихся, но и на предметы церковнаго употребленія. Обученіе рукодѣлью оказываетъ большое подспорье и дѣлу народнаго образованія—тѣмъ, что оно легче и скорѣе привлекаетъ въ школу дѣвочекъ. Волынскій епархіальный органъ сообщаетъ, что учительница Крупецкой школы съумѣла такъ заинтересовать рукодѣліемъ дѣвочекъ мѣстнаго крестьянскаго населенія, что именно изъ-за этого предмета стали онѣ посѣщать школу въ большемъ количествѣ. Въ Драчевской школѣ рукодѣлью обучаются не только дѣвочки, но и мальчики, работы которыхъ были представлены на Кіевскую церковно-школьную выставку прошлаго года. Самое широкое распространеніе обученія рукодѣлью получило въ женской школѣ с. Щебенной, гдѣ оно уже оформилось и окрѣпло. Здѣсь дѣвочки вяжутъ кружева, вышиваютъ не только бумагой, но и шерстью, притомъ исполняютъ такія работы, которыя требуютъ особаго вниманія, готовятъ свои рукодѣльныя работы, подобно воспитанницамъ женскихъ духовно-учебныхъ заведеній, къ экзамену—къ выпуску.

— По мнѣнію «Орлов. Вѣст.», женщина-раскольница представляетъ собою не маловажную силу, съ которой нашимъ пастырямъ приходится очень и очень считаться. Борьба пастырей церкви съ расколомъ и въ частности съ его фанатичными послѣдовательницами продолжается уже нѣсколько столѣтій. Достаточно вспомнить о различныхъ Соломоніяхъ, Пульхеріяхъ, Ульянахъ, Аннахъ, Александрахъ и другихъ женщинахъ-раскольницахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя явились основательницами различныхъ новыхъ согласій,

названныхъ по ихъ имени, чтобы понять всю важность и значеніе роли, которую играли въ расколѣ русскія женщины.

Это значеніе женщины въ расколѣ не есть явленіе временное, исключительное, періодически повторяющееся подъ условіемъ какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ; нѣтъ, женщина-раскольница имѣетъ постоянное значеніе въ этомъ грандіозномъ явленіи, продолжающемся третье столѣтіе, и притомъ значеніе, которое имѣетъ для себя твердую, устойчивую почву. Въ виду этого борьба съ расколомъ не должна забывать и женщинѣ.

— Можно думать, что съ расширеніемъ дѣятельности по устройству домовъ, трудолюбія сократитъ свои размѣры профессіональное нищенство, являющееся теперь часто не послѣдствіемъ безъисходной нужды, а особымъ промысломъ доставляющимъ весьма изрядный доходъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны данныя изслѣдованія, предпринятаго въ Орлѣ мѣстнымъ попечительствомъ домовъ трудолюбія. Попечительство задалось цѣлью зарегистровать всѣхъ профессіональныхъ нищихъ и выяснить ихъ матеріальное положеніе. Карточки, розданныя съ этою цѣлью участковымъ попечителямъ, должны были заполниться слѣдующими свѣдѣніями: 1) званіе, имя, отчество и фамилія; 2) возрастъ; 3) состояніе здоровья; 4) уроженецъ-ли Орла, или какого уѣзда, какой волости; 5) сколько времени живетъ въ Орлѣ и сколько времени нищенствуетъ; 6) поведеніе; 7) привлекался ли къ судебной отвѣтственности по 49 и 50 ст.; 8) одинокъ или съ семействомъ, изъ кого оно состоитъ, и 9) адресъ.

Данныя, собранныя этой своеобразною переписью, не вполнѣ еще обработаны. Но въ общемъ они производятъ впечатлѣніе, далеко не не благопріятное для существующаго способа оказанія помощи нищимъ. Большинство изъ нихъ—крестьяне и мѣщане въ возрастѣ отъ 50 лѣтъ; состояніе здоровья въ общемъ настолько хорошее, что большинство могло бы трудиться. Есть много такихъ, которые дѣлаютъ нищенство промысломъ, ходятъ только въ церкви, остальное же время проводятъ дома. Нѣкоторые бродятъ по ярмаркамъ, находя, что тамъ выгоднѣе и легче получить копѣйку. Попадались дажа старики и старухи изъ довольно зажиточныхъ семей, людей вполнѣ обезпеченныхъ и ненуждающихся. Но на ряду съ профессіональними нищими, не внушающими никакого довѣрія, попадаются семьи, не зарегистрованныя полиціею, настолько бѣдныя и несчастныя, что невольно вызываютъ желаніе оказать имъ какую-либо помощь. Не мѣшало бы и остальнымъ городамъ собрать аналогичныя свѣдѣнія способныя значительно облегчить

разрѣшеніе разсматриваемаго теперь вопроса о реорганизаціи призрѣнія нищихъ.

— Въ то время, какъ наши „интеллигенты" съ благоговѣніемъ прислушиваются къ каждому слову новоявленнаго лжепророка, графа Льва Николаевича Толстого, православные русскіе люди съ глубочайшимъ вниманіемъ слѣдятъ за содержаніемъ многаго множества писемъ, появляющихся въ духовныхъ журналахъ,—писемъ, принадлежащихъ перу великаго подвижника и свѣтильника нашей Русской Церкви, въ Бозѣ почившаго святителя Ѳеофана. Отзывъ такого святаго мужа, такого знатока души человѣческой, такого высокопросвѣщеннаго, даже въ смыслѣ научномъ, человѣка (онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и его библіотека болѣе, чѣмъ на половину, состоитъ изъ иностранныхъ книгъ),—отзывъ такого мужа о лжеученій графа Толстаго для православныхъ особенно долженъ быть авторитетенъ: въ немъ они должны видѣть предостереженіе и какъ бы грозный окрикъ голоса самой Церкви... Въ «Тамб. Еп. Вѣд.» помѣщена слѣдующая выдержка изъ сочиненій пр. Ѳеофана. „Вы помянули, пишетъ пр. Ѳеофанъ, что многіе переходятъ въ иную вѣру, начитавшись сочиненій Толстого. Диво! У этого Льва никакой вѣры нѣтъ. У него нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ будущей жизни, а Господь Іисусъ Христосъ—простой человѣкъ. Въ его писаніяхъ—хула на Бога, на Христа Господа, на Св. Церковь и ея таинства. Онъ разрушитель царства истины, врагъ Божій, слуга сатанинъ, какъ написалъ самъ Св. Апостолъ Павелъ волхву Еллиму, противившемуся его проповѣди на островѣ Кипрѣ (Дѣян. 13, 8—10). Этотъ бѣсовъ сынъ дерзнулъ написать новое евангеліе, которое есть искаженіе Евангелія истиннаго. И за это онъ есть проклятый апостольскимъ проклятіемъ. Апостолъ святый Павелъ написалъ: „кто новое евангеліе будетъ проповѣдывать, да будетъ проклятъ анаѳема" (Гал. 1, 8). И чтобы всѣ затвердили это добрѣ, въ другой разъ : то подтвердилъ... (ст. 9). Въ евангеліи богохульника всѣ цитаты похожи на наши, напримѣръ: Іоан. гл. 1 ст. 1-я, а самый текстъ—другой. Посему онъ есть поддѣлыватель безчестнѣйшій, лгунъ и обманщикъ. „Если дойдетъ до васъ какая-либо изъ его бредней, съ отвращеніемъ отвергайте... Въ нашихъ духовныхъ журналахъ онъ разобранъ до послѣднихъ косточекъ, и всесторонне обличенъ въ безуміи и злоуміи. Но журналы духовныя кто читаетъ? И тетрадки Толстого ходятъ по рукамъ секретно распространяютъ ложь".

Ревностію Иліиною дышетъ сіе слово великаго подвижника-святителя. Невольно возстаетъ въ воображеніи образъ другаго ве-

ликаго обличителя ересей—преподобнаго Антонія Великаго, который изъ глубокой пустыни подвигся и пришелъ на шумныя улицы Александріи, чтобъ обличить зловѣріе еретическое...

— Своеобразное представленіе о загробной жизни господствуетъ у бурятъ, исповѣдующихъ ламаизмъ. По словамъ «Том. Губ. Вѣд.», оно заключается въ слѣдующемъ.—Душа умершаго является на судъ Аріаболо. Здѣсь ее ставятъ передъ зеркаломъ, въ которомъ отражается не только ея внѣшность, но и самыя сокровенныя мысли. Такъ Аріаболо познаетъ душу и, смотря по заслугамъ посылаетъ ее или въ адъ, или въ царство перерожденій, или въ жилища блаженства третьей тысячи трехъ тысячемірій, или въ мытарства. Адъ дѣлится на двѣ части: въ одной господствуетъ такой жаръ, что горы плавятся, какъ воскъ, а въ другой такой холодъ, что они разсыпаются въ прахъ. Каждая изъ этихъ частей раздѣляется на 24 отдѣленія. Самая страшная часть ада—авсътато. Эта часть со всѣхъ сторонъ огорожена желѣзными стѣнами и наполнена расплавленнымъ чугуномъ. Въ этой массѣ и плаваютъ грѣшники. Когда они погружаются въ нее, тѣло ихъ сгораетъ до костей, когда выплываютъ—оно снова возрождается. Попавшіе въ это мѣсто освобождаются чрезъ столько тысячелѣтій, сколько нужно, чтобы переложить восемь куб. саж. коріандра, перекладывая чрезъ 100 лѣтъ по зернышку. Мытарства находятся въ землѣ, въ воздухѣ, между землею и адомъ. Самыя страшныя мытарства—сады Армиды. Грѣшникъ видитъ предъ собой тѣ предметы, которые нѣкогда служили для удовлетворенія его чувственности. Вотъ предъ нимъ ручей съ прозрачной водой,—онъ протягиваетъ руку, и вмѣсто ручья передъ нимъ гнѣздо змѣй: хочетъ укрыться подъ тѣнью дерева, но деревья превращаются въ горячіе угли, видитъ прежнихъ друзей, но лишь протянетъ руку къ нимъ, они превращаются въ страшныхъ чудовищъ. Послѣдняя и болѣе легкая степень мученій—перерожденія. Души праведныхъ идутъ въ рай, расположенный въ третьей тысячѣ міровъ. Въ преддверіи рая душу привѣтствуетъ цвѣтокъ „бадмаминхова", при взглядѣ на который забываются всѣ горести. Потомъ духи берутъ душу и ведутъ ее къ Абидѣ, который и назначаетъ ей извѣстную райскую обитель. Наиболѣе человѣколюбивыя души не остаются здѣсь долго, но, взирая съ небесныхъ высотъ на землю, проникаются состраданіемъ къ людямъ и идутъ бороться со зломъ.

— Прошло уже около полугода со времени введенія казенной продажи питей въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ. Если, какъ

справедливо замѣчается въ оффиціальномъ органѣ министерства финансовъ, вспомнить всю многосторонность и сложность задачи, какая положена въ основу питейной реформы—побороть вѣками укоренившуюся въ народѣ привычку къ пьянству, пріучить населеніе къ умѣренному потребленію вина, сохранивъ ему тѣмъ и здоровье и средства, обогащавшія, за счетъ разоренія народнаго, отдѣльныя личности,—станетъ ясно, что объ осязательныхъ результатахъ реформы въ столь короткій сравнительно промежутокъ времени еще не можетъ быть рѣчи. Однако хорошія стороны реформы уже и теперь нѣсколько обозначились. Въ отзывахъ о реформѣ всего важнѣе единогласное признаніе исчезновенія кабака, какъ мѣста, гдѣ шло пьянство, гдѣ сперва оставлялись деньги, а потомъ вещи, домашній скарбъ, платье и закладывался впередъ самый трудъ, гдѣ атмосфера была насыщена разнузданностію посѣтителей и алчностью продавца. И народъ самъ уже начинаетъ понимать преимущества новаго порядка вещей, при которомъ пьяному и малолѣтнему вино не продается, въ винной лавкѣ требуется вести себя чинно и т. п., вино продается лишь сравнительно высокаго качества, очищенное отъ маслъ, вредныхъ для организма, и всѣ злоупотребленія по возможности скоро устраняются.

Новый порядокъ еще больше упрочится, если организующіяся попечительства народной трезвости съумѣютъ повсюду создать учрежденія, въ родѣ „чайныхъ", гдѣ простолюдинъ съ удовольствіемъ можетъ провести время, проводившееся имъ прежде въ кабакѣ, если онѣ пріохотятъ его къ чтеніямъ, поучительнымъ бесѣдамъ и т. п. По мѣстамъ уже положено прочное начало этому дѣлу трудами сельскаго духовенства и нѣкоторыхъ другихъ сельскихъ обывателей.

— Приготовленія къ предстоящей всероссійской выставкѣ продолжаются весьма дѣятельно. По послѣднемъ газетнымъ извѣстіямъ, восточно-сибирскій отдѣлъ географическаго общества подготовляетъ для выставки интересный и разнообразный матеріалъ: ботаническія, зоологическія и почвенныя коллекціи, матеріалы для изслѣдованія сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ русскаго и инородческаго населенія, коллекціи по печатному дѣлу въ Сибири, геологическія и иныя карты и проч. На территоріи самой выставки строительныя, посадочныя и садовыя работы идутъ успѣшно. Желая облегчить русскимъ и иностраннымъ посѣтителямъ выставки осмотръ ея и города съ окрестностями, выставочная администрація составляетъ путеводитель.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Октября № 20. 1895 года.

Высочайшая благодарность.

Отъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило къ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Сѵнода сообщеніе о томъ, что въ память и ознаменованіе чудеснаго событія 17 октября 1888 года прихожане Рождество-Богородичной церкви с. Николаевки, Николаевской волости, Сумскаго уѣзда, Харьковской епархіи, исключительно крестьяне-собственники, устроили на свои средства серебряную ризу на икону Святыхъ, празднуемыхъ Церковію 17-го октября.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Сѵнодальнаго Оберъ-Прокурора о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ, Его Императорскому Величеству, въ 9 день сентября 1895 г., благоугодно было Собственноручно начертать: *„Прочелъ съ удовольствіемъ и благодарю“*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода.

Отъ 27 сентября—4 октября 1895 года за № 2912, по Высочайшему повелѣнію о праздновакіи дня рожденія и тезоименитства Ея Высочества Княжны Ирины Александровны.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: предложенный Г. Сѵнодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 25 минувшаго сентября за № 5688, Именный Высочайшій указъ, состоявшійся въ 23 день того же мѣсяца,

о праздновании дня рожденія Ея Высочества Княжны Ирины Александровны въ 3-й день іюля, а тезоименитства въ 5-й день мая. Приказали: О Высочайшемъ повелѣніи Его Императорскаго Величества праздновать рожденіе Ея Высочества Княжны Ирины Александровны въ 3-й день іюля, а тезоименитство въ 5-й день мая увѣдомить всѣ подвѣдомственныя Святѣйшему Суноду мѣста и лица печатными указами, съ препровожденіемъ при оныхъ составленнаго въ Святѣйшемъ Сунодѣ дополненія къ табели высокоторжественныхъ и викторіальныхъ дней.

Указъ Правительствующаго Сената.

Указъ 2-го Департамента Правительствующаго Сената на́ имя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода отъ 19 сентября 1895 г. за № 11752, по вопросу *о правѣ сельскихъ обществъ открыть у себя, вмѣсто существующей земской школы, школу церковно-приходскую.*

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія:

Николаевское и Кувыкинское, Саратовской губерніи, сельскія общества въ 1890 г. составили приговоры, коими постановили: находящіяся въ ихъ селеніяхъ земскія школы закрыть и сборы на содержаніе ихъ и жалованье учителямъ прекратить, помѣщенія же школъ передать въ распоряженіе мѣстнаго священника для церковно-приходской школы, открытія въ нихъ духовно-нравственныхъ собесѣдованій, склада книгъ и пр. Приговоры эти мотивированы были, какъ затруднительностію для крестьянъ, въ виду неурожайныхъ лѣтъ, содержать дорогія земскія школы, такъ и—главнымъ образомъ—тѣмъ, что открытая мѣстнымъ священникомъ о. Р. церковно-приходская школа крестьянамъ ничего не стоитъ, да и по характеру обученія болѣе подходитъ къ требованію крестьянъ. чѣмъ земская, ибо въ церковно-приходской школѣ обученіе идетъ успѣшно, обращается преимущественное вниманіе на духовно-нравственную сторону воспитанія и учатъ по такимъ книгамъ, которыя соотвѣтствуютъ исконной наклонности русскаго человѣка ко всему церковному.—Приговоры эти Саратовское очередное земское собраніе препроводило на распоряженіе мѣстнаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Послѣднее, по провѣркѣ приговоровъ на мѣстѣ и по допросѣ должностныхъ лицъ крестьянскихъ обществъ, постановившихъ приговоры, признало оные незаконными,—на томъ

основанія, что приговоры постановлены по предметамъ, вѣдѣнію сельскихъ сходовъ неподлежащимъ, и что, кромѣ того, они противорѣчатъ постановленію тѣхъ-же обществъ объ ассигнованіи суммъ на содержаніе именно земскихъ школъ. Вслѣдствіе этого, уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе подвергло крестьянъ—участниковъ схода денежному штрафу каждаго, а мѣстныхъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, допустившихъ составленіе незаконныхъ приговоровъ, приговорило къ аресту на 7 дней каждаго. —Это постановленіе уѣзднаго присутствія было утверждено, какъ правильное, и Саратовскимъ губернскимъ присутствіемъ. На таковое рѣшеніе губернскаго присутствія сельскіе старосты П. и Г. принесли жалобы въ Правительствующій Сенатъ, ходатайствуя объ отмѣнѣ наложеннаго на нихъ взысканія. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла при участіи: Министра Народнаго Просвѣщенія, Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода и товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что предметъ онаго составляетъ жалоба бывшихъ сельскихъ старостъ дер. Кувыки П. и Г. на постановленіе Саратовскаго губернскаго присутствія, коимъ оставлена безъ послѣдствій жалоба просителей на опредѣленіе бывшаго Саратовскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, объ арестованіи на 7 дней каждаго за составленіе Кувыкинскимъ сельскимъ обществомъ приговора о прекращеніи общественнаго сбора на содержаніе начальнаго училища и объ открытіи, вмѣсто таковаго, церковно-приходской школы, причемъ просители въ жалобѣ своей Правительствующему Сенату объясняютъ, что ихъ общество постановило упомянутый выше приговоръ въ виду того, что церковно-приходская школа болѣе соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ и потребностямъ, нежели земское начальное училище. Принимая во вниманіе: 1) что, на основаніи п. 8 ст. 51 Общ. Пол. о крест., вѣдѣнію сельскаго схода, между прочимъ, подлежатъ совѣщанія и ходатайства объ обученіи грамотѣ, изъ чего, несомнѣнно, слѣдуетъ, что Кувыкинское сельское общество имѣло законное право обсуждать на сельскомъ сходѣ вопросъ о цѣлесообразности открытія церковно-приходской школы, вмѣсто земскаго начальнаго училища, и 2) что рѣшеніемъ Правительствующаго Сената 11 января 1891 г. за № 148 разъяснено, что сельское общество, по измѣнившимся обстоятельствамъ, имѣетъ право прекращать назначенный сборъ на содержаніе школъ, въ виду чего Кувыкинское сельское общество въ правѣ было признать, что церковно-приходская школа болѣе соотвѣтствуетъ ихъ

нуждамъ и потребностямъ, и прекратить общественный сборъ на содержаніе начальнаго училища,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что Саратовское губернское присутствіе, подвергнувъ просителей взысканію за составленіе Кувыкинскимъ сельскимъ обществомъ правильнаго, съ формальной стороны, приговора по дѣлу, предоставленному закономъ вѣдѣнію сельскаго схода, поступило неправильно. Имѣя, за симъ, въ виду, что, за признаніемъ состоявшагося по сему дѣлу постановленія неправильнымъ по отношенію просителямъ, таковое постановленіе не можетъ быть оставлено въ силѣ и по отношенію къ другимъ должностнымъ лицамъ и крестьянамъ, подвергнутымъ губернскимъ присутствіемъ взысканію за составленіе таковыхъ же приговоровъ и, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, Сенатъ, 21 марта 1895 г., опредѣлилъ: обжалованное сельскими старостами П. и Г. постановленіе Саратовскаго губернскаго присутствія отмѣнить, во всемъ его объемѣ, поручивъ сему присутствію постановить по сему дѣлу новое, не стѣсняясь прежнимъ, постановленіе.

Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 20-го сентября настоящаго года.

Журналъ № 1.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти (9) человѣкъ, прибывъ въ 10 часовъ утра въ собраніе, состоявшееся въ зданіи Сумскаго духовнаго училища и, по молитвѣ, избравъ посредствомъ закрытой баллотировки предсѣдателемъ съѣзда протоіерея Павла Малишевскаго, а дѣлопроизводителемъ единогласно священника Александра Луценкова, предварительно разсматривали журналы предыдущаго съѣзда и принявъ къ свѣдѣнію, послѣдовавшія на оныхъ резолюціи Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія, приступили затѣмъ къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію съѣзда духовенства:

Слушали: 1) составленную Правленіемъ училища смѣту прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1896 году и объяснительную записку къ той-же смѣтѣ; постановили: смѣту прихода и расхода, разсмотрѣнную тщательно во всѣхъ частяхъ, принять безъ измѣненія. 2) Докладъ Предсѣдателя училищнаго Правленія о томъ, что города Сумъ 1-й гильдіи купецъ, Николай Іосифовичъ Лещинскій, вторично пожертвовалъ (первое пожертво-

ваніе въ 1000 руб. было въ 1894 году) на нужды по постройкѣ зданія училищной больницы въ текущемъ году 2000 руб.; постановили: за щедрое и вторичное пожертвованіе выразить почтенному жертвователю, г. Лещинскому, отъ духовенства сумскаго училищнаго округа искреннюю и глубокую признательность. 3) Доклады Правленія училища о томъ, что оно не нашло возможнымъ представить въ настоящее время подробный отчетъ по постройкѣ больницы, назначенный къ разсмотрѣнію настоящаго съѣзда, а таковой имѣетъ представить по окончательномъ удовлетвореніи слѣдующими деньгами всѣхъ поставщиковъ матеріаловъ и исполнителей работъ, въ виду чего рѣшенію настоящаго же съѣзда подлежитъ вопросъ объ изысканіи средствъ на покрытіе окончательныхъ разсходовъ; постановили: докладъ принять къ свѣденію. 4) Докладъ Правленія училища о необходимости изыскать средства: а) для покрытія дефицита въ количествѣ 1483 р. 11 к., получившагося при окончательномъ сведеніи счетовъ прихода и расхода суммъ по постройкѣ больничнаго зданія и б) для производства въ будущемъ году покраски половъ, оконъ и дверей въ томъ-же зданіи въ количествѣ 200 руб., а всего въ количествѣ 1683 руб. 11 копѣекъ; постановили: какъ дефицитъ, такъ и потребную сумму на окончательныя работы въ больничномъ зданіи, всего въ количествѣ 1683 руб. 11 коп., покрыть единовременными добровольными пожертвованіями отъ причтовъ и старостъ всѣхъ церквей училищнаго округа. 5) Докладъ училищнаго Правленія о крайней необходимости ремонтировать училищную баню съ нѣкоторыми существенными передѣлками, что Правленіе предполагаетъ удобнымъ выполнить въ вакаціонное время 1896 года и на что потребно не менѣе 1000 руб. Уполномоченные отъ духовенства, осмотрѣвъ баню во всѣхъ ея частяхъ и соглашаясь съ мнѣніемъ Правленія, нашли необходимымъ произвести ремонтировку оной въ слѣдующемъ видѣ: а) паровое отдѣленіе устроить съ каменнымъ сводомъ на рельсахъ и шелевочную стѣну замѣнить каменною; б) деревянный полъ, который сгнилъ въ теченіе 6-ти лѣтъ, замѣнить асфальтовымъ, цементнымъ или плиточнымъ, что признано будетъ наиболѣе практичнымъ; в) предбанникъ раздѣлить на 2-вѣ комнаты, или-же пристроить къ оному тамбуръ. Постановили: разрѣшить Правленію училища произвести въ вакаціонное время 1896 года вышеозначенныя работы въ банѣ, а потребную на то сумму въ 1000 рублей покрыть также единовременными добровольными пожертвованіями отъ причтовъ и старостъ

всѣхъ церквей училищнаго округа; при чемъ Правленію училища надлежитъ, по утвержденіи сего журнала Его Высокопреосвященствомъ, немедленно снестись съ окружными благочинными касательно представленія подлежащихъ взносовъ. 6) Докладъ Правленія училища о необходимости указать опредѣленно назначеніе суммъ, имѣющихъ поступить съ 1897 по 1900-й годъ чрезъ ежегодный взносъ по 500 руб. за проданныя зданія бывшаго Ахтырскаго духовнаго училища; постановили: взносы за проданныя зданія въ г. Ахтыркѣ, по мѣрѣ ежегоднаго поступленія, обращать въ процентныя государственныя бумаги и расходовать съ разрѣшенія съѣзда, исключительно на капитальный ремонтъ училищныхъ зданій, на случай недостатка существующихъ на этотъ предметъ суммъ. 7) Заявленіе Правленія училища о необходимости дополнить одно изъ постановленій предыдущаго съѣзда указаніемъ срока, съ котораго должно считать начало выслуги надзирателямъ—репетиторамъ на прибавку къ годовому окладу по 25 рублей за каждый послѣдующій годъ службы; постановили: началомъ срока на право полученія прибавки по 25 р. ежегодно до нормы въ 600 р., считая съ годовымъ окладомъ, должно считать время постановленія по сему вопросу съѣзда, т. е. съ 20-го сентября 1894 года. 8) Прошеніе фельдшера училищной больницы, Терентія Короля, о прибавкѣ ему 80-ти руб. въ видѣ квартирнаго пособія. По справкѣ съ постановленіями съѣзда, бывшаго въ 1894 году, оказалось, что такая же просьба Короля была предположена къ удовлетворенію изъ остатковъ училищныхъ суммъ, но подъ условіемъ, если то признаетъ возможнымъ Правленіе училища. А такъ какъ Правленіе не нашло и нынѣ не находитъ возможнымъ удовлетворить фельдшера Короля прибавкою 80-ти руб., то постановили: отказать Королю въ прибавкѣ 80 руб., въ видѣ квартирнаго пособія. тѣмъ болѣе, что при настоящихъ условіяхъ больницы для фельдшера имѣется квартирное помѣщеніе, и ему надлежитъ жить при самой больницѣ. Въ виду сего просить Правленіе настоять, чтобы фельдшеръ постоянно жилъ при больницѣ, если только оно признаетъ это возможнымъ и удобнымъ при настоящемъ составѣ семьи Короля. 9) Прошеніе учителя церковнаго пѣнія и регента училищнаго хора, Василія Посельскаго, о прибавкѣ къ получаемымъ 30 рублямъ въ годъ за регенство еще по 10 руб. въ учебный мѣсяцъ, въ виду усиленныхъ его занятій съ училищнымъ хоромъ; постановили: выразить благодарность учителю пѣнія и регенту Посельскому за усиленные труды и хорошую постановку пѣнія,

что не безъизвѣстно духовенству, и проситъ Его Высокопреосвященство разрѣшить сію благодарность внести въ послужной его списокъ, просьбу-же о прибавкѣ жалованья собственно за регенство съѣздъ находитъ невозможнымъ удовлетворить по недостаточности для того средствъ. 10) Прошеніе учителя приготовительнаго класса, Василія Покровскаго, о прибавкѣ жалованья въ виду того, что нынѣ всѣмъ штатнымъ служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ увеличенъ окладъ жалованья и пенсіи милостію въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III; онъ-же, учитель Покровскій, не можетъ воспользоваться царскою милостію, а равно не имѣетъ права и на пенсію; постановили: въ виду вышеизложенныхъ данныхъ, а также долговременной и усердной службы учителя Покровскаго, добавить къ получаемому имъ жалованью изъ остаточныхъ суммъ 100 рублей, если то найдетъ возможнымъ Правленіе училища. 11) Прошеніе надзирателя училища, Ивана Бугуцкаго, объ удовлетвореніи его за выслугу 5-ти лѣтъ, дающихъ право на прибавку за каждый годъ по 25 руб. въ виду постановленія съѣзда отъ 20 сентября 1894 года; постановили: отказать въ просьбѣ Бугуцкому въ виду сдѣланнаго постановленія по сему вопросу въ п. 7-мъ настоящаго журнала. 12) Прошенія псаломщика Филарета Яблоновскаго о принятіи двухъ его родныхъ племянниковъ—сиротъ: Аркадія и Георгія Яблоновскихъ въ число воспитанниковъ училища съ платою за содержаніе по 80 руб. въ годъ съ каждаго; постановили: принять Аркадія и Георгія Яблоновскихъ въ число воспитанниковъ подъ тѣмъ условіемъ, если проситель, Филаретъ Яблоновскій, сверхъ 160-ти рублей за содержаніе въ годъ двухъ его племянниковъ будетъ приплачивать ежегодно по 40 рублей за каждаго собственно за право обученія. 13) Прошеніе регента при Сумскомъ соборѣ, почетнаго гражданина, Ѳедора Коваленка, о томъ, что, воспитывая 3-хъ сыновей въ семъ училищѣ и желая помѣстить ихъ въ общежитіе, онъ не въ состояніи платить за каждаго изъ нихъ по 170 руб. въ годъ, а за трехъ 630 руб., а потому и проситъ принять ихъ въ общежитіе на условіяхъ платы за воспитанниковъ изъ духовнаго званія, кромѣ права на епархіальное содержаніе и взноса за обученіе; постановили: просьбу Коваленка удовлетворить, такъ какъ онъ 20 лѣтъ исполняетъ обязанности регента, трудясь для храма Божія, и объ усердной службѣ его на прошеніи свидѣтельствуетъ настоятель Сумскаго собора, протоіерей Никольскій,—но съ тѣмъ, чтобы Коваленко вносилъ въ общежитіе училища за каждаго

изъ сыновей по 80 руб. въ годъ и за право ученія по 40 рублей. 14) Словесное заявленіе члена Правленія отъ духовенства, священника Павла Клементьева: въ 1888 году съѣздъ положилъ учредить при училищѣ стипендію имени Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, изъ взносовъ духовенства въ 2500 руб., въ настоящее время, вслѣдствіе конверсіи 5% билетовъ на 4%, получаемыхъ съ указанной суммы процентовъ недостаточно для содержанія стипендіата, почему Правленіе вынуждено къ получаемымъ процентамъ дѣлать ежегодно приплату по 25 руб.; постановили: произвести увеличеніе основнаго капитала еще на 500 руб., покрывши таковое увеличеніе изъ взносовъ всѣхъ причтовъ округа по 2 р. 50 к. 15) Разсматривали вѣдомости за 1894 г.: а) вѣнчиковую, б) о движеніи церковныхъ суммъ и в) о заборѣ свѣчей изъ епархіальнаго свѣчнаго завода церквами училищнаго округа; постановили: принять къ свѣдѣнію. 16) По выслушаніи доклада временно-ревизіонной коммиссіи о повѣркѣ прихода, расхода и остатка суммъ, поступившихъ изъ мѣстныхъ источниковъ на содержаніе училища въ 1894 году, постановили: принять къ свѣдѣнію. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Сентября 27. Утверждается".

№ 2.

Вечернее засѣданіе того-же сентября.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти (9) человѣкъ, прибывъ въ собраніе въ $7^1/_2$ часовъ вечера,

1) Слушали прошеніе псаломщика Покровской церкви, села Полоти Ахтырскаго уѣзда, Косьмы Краснокутскаго, о сложеніи съ него недоимки въ 25 рублей за содержаніе въ прошломъ году сына его Василія въ училищномъ общежитіи, вслѣдствіе крайней его бѣдности и многосемейности (11 человѣкъ дѣтей); постановили удовлетворить просьбу псаломщика Краснокутскаго, если правленіе училища найдетъ это возможнымъ и необходимымъ. 2. Слушали прошеніе псаломщика домовой, Преподобнаго Іоанна Лѣствичника церкви, села Николаевки, Сумскаго уѣзда, Григорія Попова, о сложеніи съ него, вслѣдствіе крайней его бѣдности, многосемейности и неопредѣленности получаемаго имъ при указанной домовой церкви содержанія, недоимки въ 25 рублей за содержаніе въ прошломъ учебномъ году въ училищномъ общежитіи сына его Димитрія, нынѣ уже уволеннаго по болѣзни изъ учили-

ща; постановили: просьбу псаломщика Попова удовлетворить, если правленіе училища найдетъ это возможнымъ. 3) Депутаты осматривали больницу, баню, амбары, столовую, кухню и проч. и нашли веденіе хозяйственной части училища образцовымъ, благодаря энергіи, распорядительности и любви къ дѣлу о. смотрителя училища, который къ тому же изыскалъ въ текущемъ году 2000 рублей на устройство больницы, почему постановили выразить благодарность и признательность о. смотрителю и сдѣлать къ получаемому имъ пособію отъ духовенства въ 150 рублей прибавку въ размѣрѣ еще 50 рублей изъ остаточныхъ суммъ училища. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства. „Утверждается".

Съѣздъ депутатовъ въ будущемъ 1896 году предположенъ на 24 число сентября.

Епархіальныя извѣщенія.

Священники: города Ахтырки, Архангело-Михаиловской церкви, Никонъ *Панкратьевъ* и Преображенской, г. Ахтырки, Іаковъ *Подольскій* награждены Его Высокопреосвященствомъ 15 сентября н. г. бархатною фіолетовою скуфьею, а священникъ Вознесенской церкви, сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Стефанъ *Артемьевъ* набедренникомъ.

— На праздное священническое мѣсто при Успенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда, перемѣщенъ для пользы службы священникъ Пророко-Ильинской церкви с. Угроѣдъ, того же уѣзда, Александръ *Василевскій*, а на его мѣсто священникомъ с. Угроѣдъ опредѣленъ діаконъ Николаевской церкви с. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, Илія *Ковтунъ*.

— На праздное діаконское мѣсто при Георгіевской церкви сл. Воробьевки, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ учитель Ново-Водолажской церковно-приходской школы, Валковскаго уѣзда, Илларіонъ *Полтавцевъ*.

— Псаломщикъ Іоанно-Предтечевской церкви сл. Пашковки, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Поповъ* опредѣленъ на діаконское мѣсто къ Покровской церкви сл. Маякъ, того же уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикомъ Александръ *Титовъ*.

— Псаломщикъ Всѣхъ-Святской церкви зап. г. Славянска, Изюмскаго уѣзда, *Анисимовъ* опредѣленъ на діаконское мѣсто къ церкви сл. Ново-Александровки, того же уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ и. д. псаломщика Владиміръ *Наврoдскій*.

— Псаломщикъ Екатерининской церкви сл. Протопоповки, Изюмскаго уѣзда, Стефанъ *Мадокинъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто въ Рождество-Богородичной церкви сл. Великой Камашевахи, того же уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикомъ Иванъ *Слюсаревъ*.

— Псаломщикъ Митрофаніевской церкви, зашт. г. Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, Павелъ *Дмитріевъ*, согласно прошенію, перемѣщенъ на праздное псаломщицкое мѣсто при Сергіе-Анастасіевской церкви с. Ольшаной того же уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, Иванъ *Чугаевъ*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви, с. Рубленаго, Волчанскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ 3 класса Сумскаго духовнаго училища, Антоній *Николаевскій*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Успенской церкви хут. Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Николаевской церкви с. Подлѣсновки, Сумскаго уѣзда, двор. Михаилъ *Петрищевъ*, Іоанно-Предтечевской церкви, с. Терешковки, тово же уѣзда, крест. Петръ *Петренко*.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Церковный конгрессъ въ Англіи.—Матеріальное обезпеченіе англиканскаго духовенства.—Результаты закона о гражданскомъ бракѣ въ Англіи и отношеніе къ нему католическаго духовенства.—Положеніе болгарскаго духовенства.—Первая годовщина кончины Императора Александра III.—Открытіе памятника Корнилову.—Предположеніе объ отпускѣ новыхъ суммъ на церковныя потребности.—Примѣръ безкорыстія православнаго духовенства.—Труды духовенства на пользу народнаго образованія.—О значеніи церковно-приходскихъ попечительствъ.—Предстоящія реформы въ области церковно-школьнаго дѣла.

«Церк. Вѣстникъ» даетъ отчетъ о конгрессѣ англиканской церкви, состоявшемся въ Норвичѣ. На этомъ конгрессѣ видное мѣсто занималъ вопросъ о соединеніи церквей и сообщеніе газеты крайне интересно. Этому вопросу,—говоритъ «Цер. Вѣстникъ»,—между прочимъ, была посвящена замѣчательная проповѣдь іоркскаго архіепископа, произнесенная предъ открытіемъ конгресса. Въ ней архіепископъ высказалъ авторитетный взглядъ на вопросъ съ его положительной стороны, чѣмъ возбудилъ весьма значительный интересъ въ печати. Англиканскіе епископы уже высказались касательно извѣстной папской энциклики, призывавшей англичанъ къ возсоединенію съ Римомъ, но ихъ отношеніе къ вопросу страдало крайнею односторонностью, такъ какъ они, ограничиваясь голымъ

отрицаніемъ, не пытались взвѣсить положительную сторону дѣла, т. е. не пытались опредѣлить то положеніе, которое англиканская церковь должна занимать въ ряду другихъ христіанскихъ церквей. Въ своей проповѣди архіепископъ іоркскій предостерегалъ англичанъ отъ узкаго націонализма, по которому многіе изъ нихъ готовы создать новый центръ западнаго христіанскаго міра, въ Ламбетскомъ дворцѣ архіепископа кентерберійскаго; къ вопросу же объ единеніи онъ отнесся совершенно иначе, чѣмъ другіе англиканскіе епископы. Тѣ на обращеніе къ нимъ папы отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ; архіепископъ же іоркскій, напротивъ, считаетъ единеніе христіанскаго міра существенною потребностью настоящаго времени и находитъ, что западный христіанскій міръ для своего нормальнаго развитія нуждается въ объединяющемъ центрѣ, каковому всего удобнѣе быть тамъ, гдѣ онъ образовался исторически, т.-е. въ Римѣ. Но, конечно, Римъ можетъ быть признанъ такимъ центромъ не раньше, чѣмъ онъ откажется отъ своихъ новшествъ и незаконныхъ притязаній, и архіепископъ іоркскій полагаетъ, что не нужно отчаяваться въ возможности такого отреченія. Если Римъ, по его мнѣнію, находитъ возможнымъ вносить новые догматы, которыми онъ отдѣлился отъ остальнаго христіанскаго міра, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предполагаетъ за собою возможность и отмѣны этихъ новосозданныхъ имъ догматовъ, каковая отмѣна опять приведетъ его къ единенію съ остальнымъ христіанскимъ міромъ.

Вопросъ объ единеніи, поднятый Львомъ XIII, оказывается, занимаетъ умы и сердца всѣхъ христіанъ гораздо ближе и болѣе, чѣмъ можно было ожидать раньше, когда объ единеніи молчали, не дѣлалось для него никакихъ примирительныхъ попытокъ и когда все ограничивалось только краткою молитвою въ церквахъ объ этомъ единеніи.

— Среди другихъ предметовъ обсужденія на церковномъ конгрессѣ, по словамъ того же журнала, былъ и вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія англиканскаго духовенства. Мы привыкли думать, что въ Англіи духовенство утопаетъ въ богатствѣ и вдругъ—на церковномъ конгрессѣ поднимаются голоса о вопіющей бѣдности этого духовенства и изыскиваются средства къ улучшенію его матеріальнаго положенія! Впрочемъ, быть можетъ у англичанъ иная мѣрка для опредѣленія матеріальной обезпеченности, но во всякомъ случаѣ голосъ о бѣдности духовенства уже раздался и тамъ. Такъ, епископъ норвичскаго діоцеза жаловался, что подвѣдомственное ему

духовенство крайне плохо обезпечено. Въ доказательство этого онъ приводилъ слѣдующія данныя: въ его діоцезѣ имѣется 124 такихъ прихода, въ которыхъ священникъ получаетъ менѣе 100 ф. стерлинговъ (т. е. 1,000 рублей на наши деньги, считая одинъ фунтъ въ десять рублей); въ 292 приходахъ доходъ колеблется между 100 и 200 фунтами; въ 220 приходахъ получается отъ 200 до 300 фунтовъ, въ 145 приходахъ отъ 300 до 400 фунтовъ. Въ общемъ изъ 931 прихода, числящихся въ діоцезѣ, 781 имѣютъ ежегоднаго дохода менѣе 400 фун. и 416 приходовъ получаютъ меньше 200 фун. стерлинговъ. При этомъ, замѣчаетъ «Церк. Вѣст.», епископъ не договорилъ, что въ его діоцезѣ имѣются 150 и такихъ приходовъ, гдѣ настоятель получаетъ болѣе 400 ф. стерлинговъ (болѣе 4,000 р.), но и помимо этого намъ русскимъ какъ-то странно слышать разговоры о бѣдности духовенства тамъ, гдѣ, только за немногими исключеніями, ежегодный доходъ приходскихъ священниковъ опредѣляется въ среднемъ количествѣ въ двѣ—три тысячи рублей! Въ дополненіе къ этой картинѣ матеріальнаго обезпеченія духовенства деканъ норвичскій сообщилъ, что въ діоцезѣ существуетъ особое общество для вспомоществованія недостаточно-обезпеченнымъ членамъ духовенства и оно дѣйствуетъ такъ успѣшно, что всякій священникъ, прослужившій 15 лѣтъ, вполнѣ можетъ разсчитывать на полученіе двухъ тысячъ рублей ежегоднаго дахода, который общество притомъ надѣется вскорѣ довести даже до трехъ тысячъ рублей (300 фунтовъ). Для этого требуется только ежегодно милліонъ фунтовъ стерлинговъ, и общесто полагаетъ, что оно найдетъ этотъ милліонъ, который въ національномъ богатствѣ Англіи составляетъ лишь каплю въ морѣ.

Что духовенство въ Англіи вовсе не такъ удручено бѣдностью, какъ стараются выставить нѣкоторые его радѣтели, объ этомъ можно судить, между прочимъ, потому, что тамъ до крайности развита спекуляція теплыми мѣстечками приходскихъ священниковъ. Такъ въ газетахъ, можно постоянно встрѣчать объявленія о продажѣ или обмѣнѣ священническихъ мѣстъ въ приходахъ, причемъ откровенно расписываются и наиболѣе завлекательныя особенности этихъ приходовъ. Между прочимъ одною изъ наиболѣе желательныхъ особенностей прихода выставляется его малолюдство: чѣмъ меньше въ приходѣ душъ, тѣмъ лучше для „добраго пастыря". Мѣста предлагаются уже заранѣе—до ихъ освобожденія, съ намекомъ, что „они имѣютъ скоро освободиться" (въ виду преклонныхъ лѣтъ или опасной болѣзни

наличнаго священника). Цѣна продаваемыхъ мѣстъ колеблется между 1,000 и 10,000 ф. стерлинговъ (отъ десяти до ста тысячъ рублей!). Въ объявленіяхъ заманчиво описывается, какой прекрасний садъ имѣется при церковномъ домѣ, какіе великолѣпные пруды съ форелями, какое занимательное общество и какая прелестная псовая охота на зайцевъ. О религіозно-нравственныхъ качествахъ покупателя обыкновенно не говорится ни слова. Въ качествѣ образчиаа этого рода объявленій, «Церк. Вѣст.» приводитъ слѣдующее: „Продается мѣсто настоятеля. Чистаго дохода получается 290 фунтовъ стерлинговъ. Очень красивый и удобный церковный домъ съ тремя пріемными комнатами, семью спальнями и другими помѣщеніями, съ хорошей конюшней, превосходнымъ фруктовымъ садомъ и огородомъ. Церковь въ хорошемъ состояніи и какъ разъ у дома, прихожанъ не болѣе 250 душъ. Въ высшей степени здоровое мѣстоположеніе, въ двухъ англійскихъ миляхъ отъ торговаго города и желѣзно-дорожной станціи и въ какихъ нибудь двухъ миляхъ отъ Лондона. Хорошее общество въ окрестности. Діоцезъ Норвичъ. Цѣна 2,100 фунтовъ стерлинговъ" (т. е. 20,100 рублей на наши деньги!).

Нельзя, конечно сказать, насколько могутъ быть «добрыми пастырями» лица, заплатившія за свое пастырство болѣе 20,000 рублей; но во всякомъ случаѣ можно по совѣсти сказать, что пастыри эти не удручены бѣдностью и кажется рано поднимаютъ вопросъ о матеріальной необезпеченности англиканскаго духовенства.

— Издающаяся въ Софіи газета «Съвѣтникъ» жалуется на нищенское содержаніе и унизительное положеніе болгарскаго духовенства. Къ доходамъ, получаемымъ священникомъ за требы, правительство ежегодно добавляетъ по закону 480 левовъ (франковъ), но эти деньги никогда не получаются священниками въ полной суммѣ и не выплачиваются аккуратно. Такъ, въ Агачкой школѣ за первую треть текущаго года правительство, вмѣсто того, чтобъ уплатить священникамъ по 120 левовъ, выдало лишь по 79 левовъ, за вторую же треть—по 85 левовъ, а всего за полугодіе 164 левовъ. Что касается дохода съ своихъ прихожанъ за требоисправленіе, то въ самомъ лучшемъ сельскомъ приходѣ доходъ священника за требоисправленіе не превышаетъ 150—200 левовъ въ годъ, въ другихъ же приходахъ этотъ доходъ понижается до 100 левовъ. Такимъ образомъ, съ добавочнымъ содержаніемъ отъ правительства священникъ лучшаго прихода получитъ на свое со-

держаніе въ день 1 левъ и 35 сантимовъ, въ худшемъ же—всего одинъ левъ.

При такомъ бѣдственномъ положеніи, болгарское духовенство не въ состояніи оказывать воспитательно-религіозное вліяніе на своихъ прихожанъ, а тѣмъ болѣе побѣдоносно бороться съ римско-католической и протестантской пропагандой, для которой и при стамбуловскомъ режимѣ, отнынѣ полный просторъ.

— Введенный австро-венгерскимъ правительствомъ законъ о гражданскомъ бракѣ начинаетъ приносить свои горькіе плоды. Такъ какъ этотъ законъ былъ дѣтищемъ либераловъ и евреевъ, то послѣдніе увидѣли въ принятіи его свое торжество и начали дерзко относиться къ символамъ христіанской вѣры. Такъ въ Великомъ Марошѣ, въ Венгріи, въ домѣ мѣстнаго городского управленія, явился богатый купецъ, Яковъ Шрейнеръ, и заявилъ, что теперь, когда люди разныхъ исповѣданій будутъ заключать супружества въ этомъ домѣ, необходимо снять крестъ со стѣны зала общественныхъ собраній. Городской голова не обратилъ вниманія на заявленіе Шрейнера. 1 октября Шрейнеръ снова явился въ общественный домъ, именно въ то время, когда въ немъ засѣдали выборные, и въ присутствіи всего собранія снова потребовалъ, чтобы крестъ былъ снятъ со стѣны зала собраній, иначе грозилъ жаловаться главному жупану (губернатору), а если это потребуется, то и высшему правительству. Все собраніе выборныхъ было поражено требованіемъ Шрейнера до такой степени, что никто не рѣшался возразить ему. Наконецъ, городской голова сказалъ громкимъ, дрожавшимъ отъ волненія, голосомъ: „а мы присягаемъ именемъ Іисуса Христа, что пока будемъ жить мы и наши потомки, нѣтъ и не будетъ такого человѣка, который снялъ бы со стѣны этотъ крестъ“. Послѣ этого выборные заговорили, высказывая свое негодованіе, а одинъ изъ нихъ сказалъ Шрейнеру: „Тогда, когда вы пришли въ нашъ городъ бѣднымъ, какъ нищій, съ кнутомъ въ рукахъ, вамъ не мѣшалъ этотъ крестъ, а теперь хотите отнять у насъ и символъ нашего Бога“?—Раздраженіе выборныхъ было такъ велико, что Шрейнеръ долженъ былъ удалиться и этимъ едва избѣгъ угрожавшихъ ему побоевъ.

Достойно вниманія то, что ни папа, ни римско-католическое духовенство страны не употребило надлежащихъ усилій къ тому, чтобы предотвратить торжество либерально-еврейской партіи. Они ограничились формальными протестами, и когда законъ получилъ утвержденіе, то римско-католическіе прелаты спокойно примири-

лись съ совершившимся фактомъ. Слабость ихъ протеста, впрочемъ, станетъ понятною, если принять во вниманіе нѣкоторыя особенности въ состояніи римско-католическаго духовенства въ Австро-Венгріи. Хотя оно по внѣшности живетъ въ целибатѣ, но въ дѣйствительности его целибатъ не лучше «гражданскаго брака»: не даромъ одна венгерская газета недавно ядовито замѣтила, что если бы строго карать патеровъ за нарушеніе безбрачія, то половина приходовъ въ Венгріи осталась бы безъ священниковъ. Что касается высшей іерархіи, то ей не до протестовъ противъ гражданскаго брака, такъ какъ она всецѣло занята устроеніемъ своихъ богатыхъ имѣній. Какъ извѣстно, высшіе прелаты въ Венгріи живутъ великими магнатами, которые утопаютъ въ богатствѣ и считаютъ это своею гордостью. Разсказываютъ, что одинъ изъ прелатовъ отправился въ Римъ на собственныхъ лошадяхъ, вся сбруя которыхъ—отъ удила до подковъ была сдѣлана изъ чеканнаго серебра. Когда въ Римѣ кто-то замѣтилъ прелату, что Христосъ не ѣздилъ съ такою упряжью, а ходилъ, пѣшкомъ, то гордый прелатъ торжественно отвѣтилъ на это: „но вѣдь Христосъ не жилъ въ Австро-Венгріи".

Понятно, что такой іерархіи не до протестовъ противъ гражданскаго брака.

— Годъ тому назадъ, весь міръ пораженъ былъ великою скорбію: скончался Всероссійскій Императоръ Александръ III. Эта всенародная скорбь не улеглась и до сихъ поръ.

Что же особенно влекло и влечетъ сердца человѣческія ко гробу Императора Александра III? Что особенно часто заставляетъ людей вдумчивыхъ и всѣ народы съ великою грустью останавливаться надъ свѣжею еще могилою Его? Обладая правильнымъ взглядомъ на современныя задачи жизни и дѣятельности государственной, какъ справедливо замѣчаетъ «Рук. д. сел. паст.», будучи одаренъ несокрушимою силой воли, Императоръ Александръ III все время безстрашно стоялъ у кормила государственнаго корабля и ни на минуту не поддавался вліянію вѣтровъ съ запада, хотя они и казались иногда благопріятными. Свидѣтель и участникъ великихъ дѣлъ Своего Отца, Онъ сумѣлъ отнестись къ нимъ вполнѣ безпристрастно и извлечь изъ опытовъ прошлаго все необходимое для упорядоченія внѣшней и внутренней жизни Россіи. Разъ остановившись на избранномъ пути, Онъ не сходилъ съ него до конца дней своихъ. Это—не путь военной славы, громкихъ побѣдъ; это—путь мирнаго, спокойнаго, твердаго насажденія истиннаго добра. Царь-Миротворецъ вступилъ на престолъ въ то время,

когда всѣ народы Европы, не исключая и Россіи, были лихорадочно возбуждены другъ противъ друга, когда въ Европѣ столько накопилось непріязненныхъ счетовъ, что достаточно было одного неосторожнаго слова со стороны того или другаго правительства, чтобы вспыхнула невиданная доселѣ война. И великіе, и малые народы стояли другъ противъ друга оскорбленные, мнимо или дѣйствительно, жаждущіе мщенія или новой военной славы; бряцаніе оружія слышалось всюду, и милліонныя арміи, вооруженныя невиданнымъ до сего времени смертоноснымъ оружіемъ, готовы были ринуться другъ на друга. Государь, предоставивши западнымъ народамъ устраивать ихъ личную жизнь, какъ они хотятъ, взялъ на Себя задачу сохранить миръ между ними и Россіей, взялъ задачу самую трудную. Миръ былъ поставленъ сразу на такую прочную почву, что ничто уже не могло его потрясти. Надъ всѣмъ міромъ образованнымъ водружено было знамя мира. Слово это пронеслось изъ конца въ конецъ Европы, Азіи и Америки, и всѣ стали съ нимъ связывать дѣйствительно ему принадлежащій смыслъ и значеніе. Всѣ поняли, какое великое благо въ жизни людей, когда можно быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, въ томъ, что существенные интересы не будутъ грубо какъ бы то ни было нарушены.

„Россія для русскихъ"—основа для отношеній къ западу. И это начало въ дѣятельности Императора Александра III не было выраженіемъ крайняго, узкаго народнаго самолюбія. Миръ и мирное преуспѣяніе всѣхъ сторонъ жизни—вотъ основа дѣятельности Царя-Миротворца въ отношеніи къ внутренней жизни русскаго народа. И этотъ миръ былъ установленъ внутри Россіи на прочныхъ устояхъ. Твердая воля, ясное представленіе о насущныхъ потребностяхъ русскаго народа, любовь къ народу дали Царю-Миротворцу возможность успокоить русскій міръ, установить прочно и ясно предъ общественнымъ сознаніемъ ближайшія цѣли дѣятельности и указать правильный путь для дальнѣйшаго развитія. Стоитъ только вспомнить всѣ мѣропріятія правительства въ теченіе 13-лѣтняго прошлаго царствованія, чтобы понять, что въ основѣ дѣятельности Государя лежало нѣчто непоколебимое и истинно цѣнное, неизбѣжно ведущее ко благу народному. Но изъ всѣхъ этихъ мѣропріятій самыми важными нужно признать тѣ, которыя направлены къ упорядоченію и удовлетворенію духовной жизни народа. Народное образованіе и воспитаніе на основахъ православной вѣры, возвышеніе нравственнаго и улучшеніе матеріальнаго поло-

женія духовенства, стремленіе ограничить или совершенно уничтожить нѣкоторыя, особенно печальныя явленія въ жизни народной (напр., пьянство),—такія начала дѣятельности, которыя на всѣ времена останутся истинными.

Какія же слѣдствія дѣятельности Царя-Миротворца? Великое значеніе Россіи во внѣшнихъ дѣлахъ; оно покоится теперь почти исключительно на нравственныхъ началахъ и создано нравственными же средствами, а не силой и не ухищреніями политики. Россія въ царствованіе Александра III стала такою сильною въ финансовомъ отношеніи, что довольно легко перенесла страшный голодъ, выстроила на удивленіе міру Закаспійскую желѣзную дорогу, строитъ въ 10,000 верстъ Сибирскую желѣзную дорогу и пр. Она, вслѣдствіе мудрости Царя-Миротворца, призвавшаго къ народно-просвѣтительной школьной дѣятельности православное духовенство, создала въ теченіе 10 лѣтъ десятки тысячъ школъ, притомъ школъ истинно народныхъ, съ милліономъ обучающихся въ нихъ дѣтей. Она теперь бодро смотритъ впередъ и бодро же идетъ по пути мирнаго развитія. Гдѣ причина всѣхъ этихъ быстрыхъ и въ высшей степени благопріятныхъ перемѣнъ въ жизни нашего отечества? Причина всего заключается въ томъ, что Царь-Миротворецъ въ основу Своей дѣятельности положилъ истинныя, вѣчныя начала жизни, понялъ, что не войны, не тѣ или другія блестящія преобразованія могутъ создать внѣшнее и духовное благополучіе жизни, а мирный трудъ, освѣщаемый и освящаемый христіанскою вѣрою. Такова сила заповѣдей Христовыхъ, что, приложенныя къ жизни, онѣ невидимо, незамѣтно даютъ такую мощь народамъ, какой они не могутъ достигнуть никакими другими средствами, тѣмъ болѣе грубою силою. И въ томъ, что въ Бозѣ почившій Царь-Миротворецъ всѣхъ воочію убѣдилъ въ величайшей важности истинъ Христова ученія, первая Его заслуга предъ Богомъ и людьми. „Блажени миротворцы—яко тіи сынове Божіи нарекутся".

Подъ покровительствомъ такого Монарха, и Русская Церковь, какъ носительница и хранительница православной вѣры, должна была пережить и дѣйствительно пережила лучшіе дни своей исторіи. Нужды православной Церкви составляли предметъ особенной заботливости почившаго Государя. Конечно, Государь былъ внимателенъ ко всякимъ нуждамъ государственнымъ, но нужды церкви всегда стояли у него какъ бы на первомъ планѣ, ибо въ жизни Церкви, кажется, не осталось ни одного уголка, куда не

проникалъ бы ободряющій взоръ Великаго Государя. Будучи послушнымъ и преданнымъ сыномъ Церкви, Онъ всюду являлся неизмѣннымъ покровителемъ ея, защитникомъ содержимой ею православной вѣры и поборникомъ въ дѣлѣ распространенія православія среди иновѣрцевъ, разныхъ сектантовъ и раскольниковъ. При содѣйствіи верховной воли почившаго Государя, у насъ открывались соборы Епископовъ, на которыхъ обсуждались мѣры къ возвышенію религіозной жизни русскаго народа, къ ослабленію и уничтоженію русскаго сектантства и къ распространенію и утвержденію православія среди инородцевъ, а также собирались миссіонерскіе съѣзды, на которыхъ разработывались правила объ устройствѣ противораскольническихъ и противосектантскихъ миссій и о способахъ дѣйствій миссіонеровъ и приходскихъ священниковъ по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ. Далѣе, при содѣйствіи той же верховной воли, у насъ увеличено число епархій, умножено количество Епископовъ, особенно викарныхъ, и восполненъ составъ всего духовенства, чтобы облегчить трудъ управленія церковнаго и дать Архипастырямъ и пастырямъ наибольшую возможность ближайшаго надзора за религіозною жизнію пасомыхъ. Затѣмъ, по волѣ почившаго Государя, энергично возстановлялись закрытые, приписные храмы и строились новые, какъ внутри Россіи, такъ особенно по окраинамъ ея, чтобы русскій народъ не лишенъ былъ возможности слушать православное богослуженіе, не охладѣвалъ къ своей святой Церкви и не искалъ религіознаго утѣшенія среди раскольниковъ и сектантовъ. Наконецъ, державной волей Государя, духовенство православное призвано къ широкой просвѣтительной дѣятельности и положено прочное начало для его матеріальнаго обезпеченія.

Всѣ эти мѣропріятія имѣли тотъ достойный вниманія результатъ, что въ недолгій періодъ царствованія почившаго Великаго Государя православное населеніе въ Россіи увеличилось приблизительно на 16 милліоновъ: въ 1881 г. оно исчислялось въ 64 милліона, а къ 1895 г., по вѣроятному расчисленію, оно возросло до 80 мил. Такое увеличеніе православныхъ не можетъ объясняться однимъ только естественнымъ приростомъ, оно стоитъ, несомнѣнно, въ большой зависимости отъ усиленія миссіонерской и вообще просвѣтительной дѣятельности православнаго духовенства.

Да будетъ же имя почившаго Монарха благословенно въ роды родовъ! Да подастъ Господь намъ силы служить честно и неизмѣнно дѣлу почившаго Императора подъ сѣнію его Державнаго Сына!

— 20 октября, въ день первой годовщины со дня блаженной кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича, населеніе Харькова молилось объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Царя-Миротворца. Съ утра и до окончанія богослуженія закрыты были всѣ присутственныя мѣста, равно какъ торговыя, промышленныя и ремесленныя заведенія. Не было почти ни одного учрежденія и учебнаго заведенія, въ которыхъ бы не отслужены были панихиды по въ Бозѣ почившемъ Монархѣ. Особенное же стеченіе народа замѣтно было въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ заупокойную литургію совершалъ высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи съ соборнымъ и городскимъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи отслужена была панихида по усопшемъ Государѣ. Въ церкви присутствовали во главѣ съ губернаторомъ многіе представители мѣстныхъ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій.

Заупокойное богослуженіе въ церкви Императорскаго харьковскаго университета совершалъ викарій Харьковской епархіи, преосвященный Петръ, епископъ Сумскій. Пѣлъ хоръ университетской церкви подъ управленіемъ И. М. Туровѣрова. На богослуженіи присутствовали профессора университета во главѣ съ ректоромъ д. с. с. М. М. Алексѣенко, студенты и масса публики.

20-го же октября, по Высочайшему повелѣнію, отъ щедротъ Государя Императора, подъ руководствомъ благотворительнаго Общества, были устроены поминальные обѣды, въ память незабвеннаго Царя-Миротворца, для бѣдныхъ жителей города Харькова. Масса бѣдняковъ съ 11 часовъ утра переполнила помѣщенія склада Клеменова на Конной площади и сборнаго военнаго и продовольственнаго пунктовъ на Тюремной и Привокзальной площадяхъ. Передъ началомъ обѣдовъ отслужены были панихиды по въ Бозѣ почившемъ Государѣ. На обѣдѣ были поданы—борщъ, пироги, кисель, медъ, пиво и кутья.

— 5 октября исполнилась 41-я годовщина геройской кончины славнаго защитника Севастополя, В. А. Корнилова. Онъ былъ смертельно раненъ на Малаховомъ курганѣ при первой бомбардировкѣ Севастополя; но даже и въ это время думалъ только о Россіи. Раненый, онъ сказалъ окружающимъ: „отстаивайте же Севастополь“, и, умирая, молился: „Благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ“. Послѣднія его слова были: „я счасливъ, что умираю за отечество“. Россія не забыла доблест-

ной жизни и доблестной смерти Корнилова. Въ исполнившуюся нынѣ годовщину его кончины, въ Севастополѣ торжественно открыть памятникъ почившему, въ присутствіи властей, войскъ флота и арміи, представителей города и массы народа. При торжествѣ находился также представитель Франціи. Въ этотъ день въ Севастополѣ было получено множество привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ привѣтствіе отъ президента Французской республики.

— Есть надежда на ассигнованіе новыхъ средствъ изъ государственнаго казначейства на построеніе новыхъ церквей и на дальнѣйшее улучшеніе быта церковныхъ причтовъ. Въ числѣ дѣлъ, предназначенныхъ въ ближайшемъ будущемъ къ разсмотрѣнію въ департаментахъ государственнаго совѣта по сообщенію «Правит. Вѣстника» отъ 8 октября имѣются слѣдующія дѣла по вѣдомству православнаго исповѣданія: 1) Объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства, въ теченіе 10 лѣтъ, начиная съ 1896 г., по 50,000 руб. въ годъ на церковныя постройки въ рижской епархіи 2) Объ увеличеніи съ 1896 г., ассигнуемаго изъ казны кредита на содержаніе городского и сельскаго духовенства.

— При всей распространенности переходовъ священниковъ съ одного мѣста на другое, и въ городахъ и въ селахъ, особенно въ селахъ, есть множество священниковъ, которые всю свою жизнь посвящаютъ на служеніе приходамъ, въ которые они были поставлены. Замѣчательный въ этомъ отношеніи примѣръ сообщаютъ «Вятскія Епарх. Вѣдомости».

24 іюня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служенія въ священномъ санѣ священника с. Даниловскаго, костромской епархіи, Іоанна Любимова. Въ настоящее время ему идетъ отъ рожденія 73-й годъ. Отецъ юбилера—умершій священникъ Василій Альтовскій—служилъ въ священномъ санѣ въ этомъ же самомъ с. Даниловскомъ и при сей же самой церкви болѣе пятидесяти лѣтъ, не перемѣняя мѣста. О. Іоаннъ Васильевичъ окончилъ курсъ ученія въ костромской семинаріи по первому разряду. Черезъ годъ въ 1845 г. рукоположенъ во священника къ церкви с. Даниловскаго, гдѣ и проходитъ служеніе священническое, какъ и его отецъ, 50 лѣтъ непрерывно, ни разу не изъявивъ даже желанія перемѣнить сравнительно бѣдное, занимаемое имъ, мѣсто на лучшее или почему-либо болѣе выгодное. Итакъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія въ одномъ приходѣ только два священника: отецъ и сынъ, а приходъ бѣдный.

— Вновь появившіяся въ печати фактическія свѣдѣнія о трудахъ православнаго духовенства для народнаго образованія служитъ новымъ нагляднымъ свидѣтельствомъ о преданности духовенства этому дѣлу. Самарское епархіальное начальство обратило особенное вниманіе на труды для школы священника одного изъ селъ ставропольскаго уѣзда самарской епархіи. Школа была имъ открыта еще со времени его поступленія въ приходъ 7 лѣтъ назадъ, и трудами его была устроена хорошо; но священнику желалось устроить для школы отдѣльное зданіе. Въ такомъ бѣдномъ приходѣ, какъ занимаемый этимъ священникомъ, можно бы, по мнѣнію епарх. журнала, только подумать объ этомъ и тѣмъ кончить, но священникъ этимъ не ограничился, началъ приглашать прихожанъ къ пожертвованіямъ деньгами и хлѣбомъ на церковную школу, обращаться къ постороннимъ благотворителямъ, напр. земскому начальнику, и послѣ такихъ хлопотъ составляется капиталъ для приведенія въ исполненіе желаемаго; кромѣ того, онъ употребляетъ своихъ 110 рублей, на устройство церковной школы изъ скудныхъ своихъ средствъ, и въ концѣ концовъ на церковной площади, вблизи церкви, появляется новое прекрасное зданіе съ двумя отдѣленіями, одно для школы, другое для учителя. Въ другомъ приходѣ мѣстный священникъ, помимо усердныхъ занятій по преподаванію Закона Божія въ земской школѣ, открылъ три школы грамоты: одну въ селѣ и двѣ въ деревняхъ. Такъ какъ общество этихъ деревень и села не изъявили желанія помочь школамъ, то священникъ, въ виду малоподготовительности псаломщика, рѣшилъ отчислять изъ причтовыхъ доходовъ на содержаніе школъ и наемъ учителей 130 руб., независимо отъ собственныхъ законоучительскихъ трудовъ. Въ школахъ этихъ обучалось 64 мальчика и 19 дѣвочекъ. Есть школы, въ которыхъ трудъ преподаванія дѣлятъ съ священниками ихъ жены, и этотъ трудъ признается успѣшнымъ.

— Въ «Курск. Еп. Вѣд.» помѣщена слѣдующая замѣтка о значеніи церковно-приходскихъ попечительствъ. На вопросъ: гдѣ искать приходу помощи въ различныхъ нуждахъ и кто можетъ оказать ему то обновляющее вліяніе на жизнь прихожанъ, которое въ настоящее время особенно необходимо?—авторъ даетъ такой отвѣтъ: „приходъ или, точнѣе, церковно-приходскія попечительства, долженствующія существовать при каждой приходской церкви, могутъ имѣть по своему значенію весьма благотворное воздѣйствіе на нашу общественно-приходскую жизнь и весьма дѣятельно способство-

вать установленію въ приходѣ, какъ общинѣ, правильной во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Въ объясненіе этого авторъ указываетъ на то, что нашъ народъ, искони отдаваясь религіи, привыкъ сосредоточивать свою духовную дѣятельность въ храмѣ Божіемъ и возлѣ него и совершать подъ покровомъ Церкви и вѣры всѣ добрыя свои дѣла. Онъ доброхотенъ на всякое благое дѣло и благотворить не только своимъ, но и чужимъ, при чемъ благотворенія свои проявляетъ не по приказу или велѣніямъ извнѣ, а отъ чистаго сердца, по доброй волѣ, удѣляя весьма часто даже не отъ избытковъ своихъ, а иногда и послѣднее. Во имя вѣры, во имя Христа, обаятельно на него дѣйствующихъ, онъ совершаетъ свои добрыя дѣла, не ожидая никакихъ наградъ въ этомъ мірѣ. Вѣра и Церковь всегда и во всякое время были и есть самые могущественнѣйшіе двигатели въ жизни народной. Во имя религіи совершались у насъ не только дѣла благотворенія, но даже великіе историческіе подвиги. Во имя вѣры нашъ православный народъ не разъ отстаивалъ свое отечество не только отъ внѣшнихъ, но и отъ внутреннихъ враговъ, и въ своей истинной вѣрѣ находилъ и находитъ утѣшеніе и ободреніе въ самыя тяжелыя, трудныя минуты жизни. Отсюда, продолжаетъ авторъ, и церковно-приходскія попечительства вполнѣ соотвѣтствуютъ жизни и стремленіямъ нашего народа. Они учреждаются для попеченія о благоустройствѣ и благолѣпіи приходскихъ церквей и причтовъ въ хозяйственномъ отношеніи, а равно для заботъ объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей и для благотворительныхъ цѣлей. Дѣло въ высшей степени доброе и близко соприкасающееся не только съ духовными, но и съ общественными запросами прихода. Но для того, чтобы на какое нибудь дѣло нашлись дѣятели, нужно постараться привлечь къ нему общественное вниманіе и сочувствіе, нужно, чтобы общество было убѣждено въ важности и пользѣ его для себя, и потому вмѣнило себѣ въ нравственную обязанность и долгъ оказывать нравственное и вещественное пособіе этому дѣлу; только на такихъ условіяхъ общественное дѣло будетъ обильно и не оскудѣваемо. Отъ пастырей зависитъ разъяснить все это прихожанамъ. Дѣло же, къ которому призывается приходская община учрежденіемъ попечительствъ, само по себѣ—дѣло святое и доброе, которому всегда и во всякое время, по своей природѣ, сочувствовалъ и сочувствуетъ русскій народъ. Возстановленіе и устройство церковной общины не будетъ нововведеніемъ, а только желательнымъ возстановленіемъ того порядка, который существовалъ въ древней христіанской Церкви съ

самаго ея начала, со временъ апостольскихъ, когда церковная жизнь, безъ сомнѣнія, была ближе къ своему совершенству. Величайшій проповѣдникъ и учитель христіанства св. апостолъ Павелъ въ каждомъ своемъ посланіи настойчиво внушаетъ христіанамъ мысль объ устройствѣ церковныхъ общинъ. Сравненіе Церкви съ живымъ человѣческимъ организмомъ—любимое сравненіе св. апостола правды, мира, любви и общенія (1 Коринө. гл. 12, ст. 25—27). По мнѣнію автора, преобразованіе прихода, посредствомъ попечительствъ, въ церковно-приходскую общину можетъ сопровождаться неисчислимыми благими послѣдствіями для прихожанъ. Заботы о вещественныхъ нуждахъ храмовъ и причтовъ, заботы о воспитаніи дѣтей, содержаніи и призрѣніи больныхъ, бѣдныхъ, сиротъ и нищихъ, заботы о нравственности вообще, сближеніе пастырей съ пасомыми и истинное знаніе нуждъ тѣхъ и другихъ, при тѣсной и живой ихъ связи,—все это великія дѣла сами по себѣ. Наконецъ, церковно-приходская община представляетъ такую почву, гдѣ менѣе всего могутъ сталкиваться личныя намѣренія. При такомъ положеніи пастыри могутъ благодѣтельно вліять на приходъ и вліять не только на одну религіозную сторону. А это очень важно въ нынѣшнее время.

Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, введеніемъ въ приходъ попечительствъ не исчерпывается одна только вещественная сторона. Приходская община будетъ содѣйствовать оживленію и развитію религіозныхъ запросовъ и вообще религіозной жизни въ обществѣ, чего теперь, къ сожалѣнію, не замѣтно. Наконецъ, открытіе церковно-приходскихъ попечительствъ вызывается и настоящимъ строемъ общественной нашей жизни, и происходящимъ на нашихъ глазахъ ежедневнымъ ея преобразованіемъ. Они явятся самымъ лучшимъ средствомъ для возбужденія истинной религіозности и лучшимъ противодѣйствіемъ тому движенію общества, которое обозначается внѣшнимъ отношеніемъ къ вѣрѣ, религіознымъ равнодушіемъ и вообще равнодушіемъ къ человѣческой жизни.

— По словамъ «Моск. Вѣд.» въ Св. Сунодѣ въ настоящее время идутъ энергичныя работы по подготовкѣ обширныхъ реформъ, обнимающихъ всѣ стороны церковно-школьнаго дѣла, которыя имѣютъ быть вводимы съ 1 января будущаго года. Собираніе матеріала для этихъ реформъ и обсужденіе болѣе частныхъ вопросовъ школьной жизни, въ связи съ условіями извѣстной мѣстности, ведется непосредственно на мѣстѣ въ провинціи при помощи епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ уѣздныхъ отдѣленій.

Въ устраиваемыхъ по сему случаю засѣданіяхъ училищныхъ совѣтовъ участвуютъ, помимо духовенства, и свѣтскія лица, близко стоящія къ народной жизни и дѣлу народнаго образованія: инспекторы народныхъ училищъ, земскіе начальники и др. Главнѣйшіе болѣе важные и неотложные вопросы, подлежащіе обсужденію провинціальныхъ органовъ, намѣчены разосланнымъ по епархіямъ циркулярнымъ отношеніемъ оберъ прокурора Св. Сѵнода на имя епархіальныхъ преосвященныхъ. На первомъ планѣ поставленъ вопросъ о школьной инспекціи, которой, помимо контролирующаго значенія, должна принадлежать и болѣе важная руководящая роль. Уѣзднымъ отдѣленіямъ предложено намѣтить изъ приходскихъ священниковъ достойныхъ и способныхъ кандидатовъ на должности уѣздныхъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ. Дальнѣйшимъ вопросомъ, не менѣе, если даже не болѣе, важнымъ, чѣмъ первый, поставленъ вопросъ о подготовкѣ учителей для церковно-приходскихъ школъ и особенно школъ грамоты. Въ этомъ отношеніи уѣзднымъ отдѣленіямъ подлежитъ обсудить и выяснить на мѣстѣ всѣ условія учрежденія двухклассныхъ приходскихъ школъ для подготовки учителей: сколько такихъ школъ необходимо на извѣстный уѣздъ, въ какихъ мѣстахъ наиболѣе удобно устроить ихъ (причемъ имѣть въ виду то, имѣются ли въ данной мѣстности казенные лѣсные участки и земля) и во сколько можетъ обойтись устройство и содержаніе такой школы съ ремесленными классами и общежитіемъ для учащихся. Наконецъ, уѣздныя отдѣленія должны представить статистическія данныя по уѣзду: о существующихъ школахъ, о числѣ дѣтей учащихся и не учащихся, о селахъ съ школами и безъ оныхъ и указать мѣста, наиболѣе нуждающіяся въ школахъ. Всѣ свѣдѣнія по изложеннымъ вопросамъ, разработанныя уѣздными отдѣленіями, должны быть представлены въ епархіальные училищные совѣты, которые, по надлежащемъ обсужденіи и приведеніи ихъ въ систему, представятъ по нимъ свои заключенія, въ формѣ законченныхъ мнѣній, въ Св. Сѵнодъ. Епархіальные совѣты, кромѣ того, должны обсудить и представить свои соображенія по предмету расходованія денежныхъ средствъ на школы: о жалованьѣ учителямъ, о расходахъ на пріобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій, на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій. Весь матеріалъ будетъ собранъ и представленъ въ Св. Сѵнодъ не позже декабря настоящаго года; на основаніи его Св. Сѵнодъ и приступитъ къ выработкѣ ряда мѣропріятій по церковно-школьному дѣлу.

ЛИСТОКЪ
для
ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Ноября № 21. 1895 года.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ. Въ 3-й день сего ноября Любезнѣйшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Дочери, нареченной Ольгою. Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ къ Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Новорожденной. Повелѣваемъ: писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, Любезнѣйшую Нашу Дочь, Великую Княжну Ольгу Николаевну, Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ 3-й день ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто пятое, царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Журналы съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 20-го сентября 1895 года.

Уполномоченные отъ духовенства, собравшись въ зданіи училища, въ числѣ 10-ти человѣкъ, по молитвѣ, избрали закрытою баллотировкою предсѣдателемъ протоіерея Михаила Чернявскаго и дѣлопроизводителемъ священника Андрея Базилевича; при чемъ по поводу неявки уполномоченнаго отъ 4-го округа Изюмскаго уѣзда и за неимѣніемъ о томъ никакого объясненія, постановили: Въ виду того, что отъ неявки уполномоченныхъ можетъ не состояться самый съѣздъ, просить о. благочиннаго 4-го округа Изюмскаго уѣзда не допускать на будущее время подобныхъ опущеній, а командировать уполномоченнаго отъ своего округа обязательно.

Затѣмъ приступили къ занятіямъ въ порядкѣ програмны, составленной Правленіемъ училища и утвержденной Его Преосвященствомъ.

1. Слушали журналы предыдущаго съѣзда духовенства, бывшаго 8 іюня 1894 года, съ послѣдовавшими на нихъ резолюціями Его Высокопреосвященства и приняли ихъ къ свѣдѣнію за исключеніемъ нижеслѣдующихъ статей.

2. По журналу утренняго засѣданія 8-го іюня 1894 года, пунктъ 2-й, касательно пользованія общимъ училищнымъ столомъ господина смотрителя училища, постановили: смотрителю училища, какъ человѣку одинокому, предоставить права пользованія училищнымъ столомъ на прежнемъ основаніи.

3. При чтеніи пункта 2-го журнала утренняго засѣданія, бывшаго 9-го іюня 1894 г., члены Правленія училища отъ духовенства заявили, что за 15 рублей устроить 2 пары мильтоновыхъ и двѣ пары сапогъ по мѣстнымъ цѣнамъ невозможно; постановили: рѣшеніе предыдущаго съѣзда о взносѣ своекоштными учениками 15 руб. на устройство означенныхъ вещей отмѣнить.

4. По пункту 4-му, того-же журнала, именно по вопросу о ликвидаціи кирпичнаго завода, заслушанъ былъ докладъ Правленія училища и счетъ отъ 11-го сентября 1894 г., соборнаго протоіерея о. Іоанна Левандовскаго о распродажѣ 2-й половины кирпичнаго завода; при чемъ изъ счета усмотрѣли, что приходъ съ расходомъ вѣренъ и остатка нѣтъ, а изъ доклада Правленія училища видно, что купянскій соборъ долженъ уплатить училищу за арендованіе кирпичнаго завода 50 руб., за 9 саж. дровъ, остававшихся

при заводѣ, по 9 р. за сажень, 81 рубль и за двѣ скирды соломы 100 рублей; всего 231 рубль; постановили: просить Его Преосвященство побудить купянскій соборъ уплатить Правленію духовнаго училища означенные 231 рубль, а счетъ протоіерея Левандовскаго принять къ свѣдѣнію. По сему 4 пункту резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Правленію училища по сему предмету предлагаю отнестись въ консисторію".

5. Разсмотрѣвъ смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1896 году и дополнительную смѣту на сей 1895-й годъ, съѣздъ остановилъ свое вниманіе на вопросѣ, предложенномъ Правленіемъ училища, объ увеличеніи взносовъ съ иносословныхъ учениковъ, вмѣсто бывшаго взноса въ 140 руб., 200 р. въ годъ; постановили: смѣты прихода и расхода на 1896 годъ и дополнительную на 1895 г. принять безъ измѣненій въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ составлены Правленіемъ училища, а съ иносословныхъ учениковъ за содержаніе въ общежитіи взимать съ слѣдующаго учебнаго года по 200 рублей,—съ нежелающихъ же помѣститься въ общежитіи взимать за право обученія 60 руб. и за репетицію въ училищѣ 40 р., всего 100 руб.—по полугодіямъ.

6. Слушали журналы дѣйствій временно-ревизіоннаго комитета по повѣркѣ экономическаго отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ по содержанію купянскаго духовнаго училища въ истекшемъ 1894 году, изъ коихъ усмотрѣно, что, какъ при провѣркѣ документальной отчетности, такъ и при наблюденіи за правильностію расходованія суммъ въ текущемъ году, все найдено законно, правильно и сомнительнаго ничего нѣтъ; постановили: Священниковъ: Іоанна Нечаева, Моисея Петрова и Платона Стаховскаго избрать членами ревизіоннаго комитета и на будущій годъ, съ изъявленіемъ имъ за понесенные труды благодарности съѣзда, а кандидатомъ къ нимъ избрать священника купянскаго собора Николая Капустина.

7. Слушали прошеніе учителя купянскаго духовнаго училища, священника Александра Макухина о томъ, чтобы ему за безмездное совершеніе богослуженій для учениковъ училища назначено было вознагражденіе въ размѣрѣ, какой съѣздъ найдетъ возможнымъ; постановили: принимая во вниманіе, что какъ оказалось изъ произведенныхъ смѣтныхъ исчисленій, остатокъ суммъ по содержанію училища къ 1896 году будетъ около 2000 руб., назначить священнику Александру Макухину вознагражденіе 150 р. въ годъ, а Правленіе училища просить восполнить сей расходъ

изъ наличныхъ суммъ училища, выдавъ ему, Макухину, по утвержденіи сего журнала, жалованье съ января мѣсяца сего 1895 г.; на будущее время это вознагражденіе вносить въ смѣту расхода.

8. Слушали прошеніе учителя гимнастики Василія Чамова объ увеличеніи ему жалованья на 20 руб. какъ въ текущемъ году, такъ и на будущее время; постановили: Чамовъ получаетъ жалованья 100 р. въ годъ и вознагражденіе это признается съѣздомъ достаточнымъ, а потому просителю отказать.

9. Заслушали прошеніе земскаго фельдшера Семена Петровича Богуславскаго о принятіи сына его Евгенія, ученика III класса на полное училищное содержаніе; постановили: такъ какъ ученикъ III класса Евгеній Богуславскій въ спискѣ значится первымъ, а бѣдность его отца засвидѣтельствована многими уполномоченными, то просить Правленіе училища дать возможность ученику Богуславскому окончить курсъ въ училищѣ со взносомъ 140 руб., а не 200 руб. въ годъ, какъ то установлено настоящимъ съѣздомъ.

Предсѣдатель съѣзда роздалъ каждому уполномоченному вѣнчиковыя вѣдомости отъ округа на разсмотрѣніе съ тѣмъ, чтобы о результатахъ разсмотрѣній каждый изъ нихъ доложилъ въ вечернемъ собраніи. На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства такая: „11-го октября. Утверждается".

Въ вечернемъ засѣданіи уполномоченные, въ числѣ 10-ти, по молитвѣ, заслушавъ и подписавши журналъ утренняго засѣданія, приступили къ продолженію своихъ занятій:

1. Каждый изъ уполномоченныхъ, разсмотрѣвъ вѣнчиковыя вѣдомости отъ даннаго ему округа, доложили Собранію, что расходованіе вѣнчиковъ и поступленіе по нимъ суммъ велось законно и правильно; постановили: Принять къ свѣдѣнію.

2. Слушали прошеніе эконома училища Илларіона Долгополова о прибавкѣ ему жалованья за трехлѣтнюю его службу, и словесное заявленіе члена Правленія отъ духовенства объ его усердіи и исполнительности. Въ виду того, что экономъ училища получаетъ 240 руб. въ годъ при квартирѣ и всемъ продовольствіи отъ училища; постановили: просить Долгополова относиться къ своимъ обязанностямъ съ такою же аккуратностію и честностію и на будущее время при томъ же вознагражденіи.

3. Слушали словесный докладъ члена Правленія отъ духовенства о томъ, не найдетъ-ли съѣздъ возможнымъ флигель, что на (бывшемъ) Богдановскомъ мѣстѣ, предназначить на устройство внѣ

училища прачечной, въ томъ соображеніи, что съ устройствомъ своей прачечной, можетъ быть сушка бѣлья гораздо лучше, чѣмъ при настоящей арендной сдачѣ мойки ученическаго бѣлья. Такъ какъ для устройства внѣ училища прачечной нѣтъ усадебнаго мѣста, а также—нѣтъ возможности опредѣлить, во сколько обойдется таковое устройство, то просить Правленіе училища домъ ремонтировать хозяйственнымъ способомъ настолько, чтобы сохранить его отъ порчи, пока съѣздъ дастъ ему какое-либо назначеніе, а къ будущему съѣзду духовенства исхлопотать у города мѣсто для прачечной и выработать проэктъ переноса дома съ подробнымъ смѣтнымъ соображеніемъ о томъ, что выгоднѣе для училища: имѣть ли свою прачечную, или же производить мойку училищнаго бѣлья по подрядамъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ.

4. Слушали прошеніе учителя Ивана Руднева о прибавкѣ ему за дѣлопроизводство въ училищномъ Правленіи къ прежнимъ 150 рублямъ еще 150 руб. Принимая во вниманіе, что учитель Рудневъ прежде занимался дѣлопроизводствомъ съ особеннымъ усердіемъ и теперь состоитъ дѣлопроизводителемъ, а также имѣя въ виду его долголѣтнюю службу при училищъ, постановили: прибавить за дѣлопроизводство учителю Ивану Рудневу 50 рублей, но лично ему, съ тѣмъ, чтобы послѣдующему лицу оставалась прежняя ассигновка, именно 150 рублей; прибавку эту производить по разсчету времени съ сентября мѣсяца сего года.

5. Уполномоченный священникъ Меѳодій Лядскій обратилъ вниманіе съѣзда на то, что въ молитвенной комнатѣ учениковъ небольшія иконы и неискусной живописи и что желательно видѣть въ сей комнатѣ приличный кіотъ съ иконою училищнаго праздника т. е. Рождества Пресвятыя Богородицы, потому что здѣсь иногда совершается Всенощное Бдѣніе для учениковъ. Собраніе, вполнѣ раздѣляя заявленіе о. Лядскаго, постановило: просить Правленіе училища устроить въ семъ же году въ молитвенной комнатѣ учениковъ кіотъ съ иконою Рождества Пресвятыя Богородицы, подсвѣчникъ и лампаду, употребивъ для сего изъ наличныхъ училищныхъ суммъ отъ 150—200 рублей.

6. Въ прошедшемъ году уполномоченные, назначая время будущаго съѣзда духовенства на сентябрь мѣсяцъ, руководились желаніемъ видѣть училище на полномъ ходу общежительной его жизни, при полномъ сборѣ учениковъ училища, и въ настоящее время, осматривая училище во всѣхъ его частяхъ, нашли вездѣ безукоризненный порядокъ, примѣрную чистоту и аккуратное, въ

достаточномъ количествѣ, изготовленіе здоровой пищи для учениковъ, благодаря попечительной заботливости Смотрителя училища и членовъ правленія отъ духовенства; постановили: Смотрителя училища Ивана Григоровича и членовъ Правленія отъ духовенства, священниковъ: Михаила Сѣкирскаго и Василія Попова благодарить за ихъ усердную службу по училищу и ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ о разрѣшеніи имъ писать эту благодарность въ ихъ послужныхъ спискахъ. По сему 6 пункту резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Согласенъ. Отнестись въ Консисторію".

7. Наконецъ, приступили посредствомъ записокъ къ указанію кандидатовъ на должность членовъ правленія отъ духовенства и намѣчены большинствомъ голосовъ къ баллотировкѣ слѣдующія лица: 1) изъ слоб. Сватовой Лучки Протоіерей Михаилъ Чернявскій, 2) изъ слоб. Стельмаховки священникъ Θеодосій Навродскій, 3) изъ слоб. Кругляковки священникъ Іосифъ Самойловъ 4) изъ слоб. Сенькова священникъ Василій Поповъ и 5) изъ слоб. Петропавловки священникъ Михаилъ Сѣкирскій. Послѣ произведенной закрытой баллотировки, означенныя лица большинство избирательныхъ шаровъ получили въ такомъ количествѣ, какое значится въ прилагаемомъ при семъ баллотировочномъ листѣ, а потому постановили: Протоіерея Михаила Чернявскаго и священника Θеодосія Навродскаго считать членами правленія отъ духовенства, какъ получившихъ полные избирательные шары, и потому, что для нихъ, съ открытіемъ (15-го ноября с. г.) движенія новостроющейся Балашевской желѣзной дорогѣ, сообщеніе съ училищемъ будетъ самое удобное—не болѣе двухъ часовъ ѣзды; кандидатами же къ нимъ считать священниковъ: Іосифа Самойлова и Василія Попова.

Время будущаго Съѣзда духовенства назначить на восемнадцатое (18) сентября мѣсяца 1896 года. На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства такая: „11-го октября. Утверждается".

Высочайше утвержденный Комитетъ по постройкѣ соборнаго храма въ Варшавѣ

симъ объявляетъ, что къ 1-му Іюля 1895 года оборотъ суммъ, находящихся въ его распоряженіи, былъ слѣдующій: по приходу: пожертвованія 370196 руб. 5 к., субсидія отъ Государ-

ственнаго Казначейства за 1894 и 1895 гг. 100000 р., единовременное пособіе отъ Св. Сунода 32930 р. 26 к., доходъ отъ %-хъ бумагъ 22992 р. 85 к. Всего 526119 р. 16 к. По расходу: вознагражденіе архитекторамъ за составленіе эскизовъ сбора 9506 р. 65 к. и за детальную разработку проекта собора 6004 р. 30 к., а всего 15510 р. 95 к.; строительные матеріалы (бутовый камень, песокъ, цементъ, кирпичъ и др.), а также уплачено за произведенныя земляныя, каменныя и проч. работы, 64719 р. 36 к., вспомогательныя работы при постройкѣ 7048 р. 82 к., вознагражденіе строителю и другимъ лицамъ техническаго надзора; письменныя и чертежныя принадлежности; содержаніе Дѣлопроизводства Комитета 12429 р. 15 к., постройка часовни 632 р. 24 к. расходы по покупкѣ %-хъ бумагъ 7107 р. 36 к., страховка выигрышнаго билета I-го займа 1 р. 80 к.; уплочено тремъ газетамъ: «Гражданину», «Русскимъ Вѣдомостямъ» и «Новорос.-Телеграфу» за печатаніе воззваній и приходо-расходной вѣдомости 141 р. 30 к. Всего 107590 р. 98 к. Въ распоряженіи Комитета къ 1-му Іюля 1895 года состоитъ свободныхъ суммъ 418528 р. 18 к. Дальнѣйшія пожертвованія могутъ быть направляемы на имя Варшавскаго Генералъ-Губернатора и Строительнаго Комитета или сдаваться непосредственно въ мѣстныя Губернскія и Уѣздныя Казначейства.

Епархіальныя извѣщенія.

По предложенію Его Высокопреосвященства учреждена экзаменаціонная коммиссія по церковному пѣнію, предсѣдателемъ коей назначенъ священникъ, ключарь собора, Григорій *Виноградовъ*, а членами оной священникъ Іоаннъ *Петровскій*, учитель пѣнія Епархіальнаго женскаго училища, и регентъ Архіерейскаго хора Митрофанъ *Ведринскій*.

— Діакону Вознесенской церкви сл. Торской, Купянскаго уѣзда, Павлу *Гревизирскому*, за 50 лѣтнюю безпорочную службу, преподано благословеніе Св. Сунода съ выдачею установленной грамматы.

— Священникъ церкви, сл. Райгородки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Царевскій*, назначенъ помощникомъ благочиннаго 5 округа, того же уѣзда.

— Священникъ церкви, сл. Чебановки, того же уѣзда, Максимъ *Грековъ*, назначенъ депутатомъ того же округа.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Александръ *Заграфскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви, сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Діаконъ Николаевской церкви, с. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, Илья *Ковтунъ*, опредѣленный 9 октября н. г. священникомъ къ Пророко-Ильинской церкви с. Угроѣдъ, Ахтырскаго уѣзда, 17 октября н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Священникъ Успенской церкви, сл. Дементѣевки, Харьковскаго уѣзда, Θеодоръ *Кіаницынъ*, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ за штатъ, а въ Дементѣевку священникомъ опредѣленъ діаконъ Хорошевскаго монастыря Димитрій *Курской*.

— Студентъ Семинаріи, Θеодоръ *Вергунъ*, 25 октября с. г. опредѣленъ священникомъ къ Свято-Духовской церкви, сл. Ново-Осиновой, Купян. уѣзда.

— Священникъ сл. Ново-Осиновой, Купянскаго уѣзда, Михаилъ *Васильковскій*, 6 октября с. г., волею Божіей, умеръ.

— Псаломщикъ Покровской церкви, сл. Липецъ, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Кипоренко*, по прошенію, опредѣленъ діакономъ въ сл. Черкасскіе Тишки, того же уѣзда, а псаломщикомъ въ сл. Липцы, по прошенію, опредѣленъ окончившій курсъ Харьковскаго Духовнаго училища, сынъ псаломщика, Иванъ *Мигулинъ*.

— Діакономъ въ Хорошевскій монастырь опредѣленъ, по прошенію, діаконъ с. Даниловки, Изюмскаго уѣзда, Антоній *Минченко*.

— Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, сл. Черкасскихъ Тишковъ Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Кипоренко*, 23 октября с. г. перемѣщенъ къ Николаевской церкви сл. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Александро-Невской церкви, Харьковскихъ Богоугодныхъ заведеній, Георгій *Желѣзневъ*, рукоположенъ во діакона на занимаемой имъ вакансіи псаломщика.

— Псаломщикъ Іоанно-Богословской церкви, сл. Солнцевки, Харьковскаго уѣзда, Петръ *Вишневскій*, по опредѣленію епархіальнаго начальства, отрѣшенъ отъ этого мѣста и на оное псаломщикомъ опредѣленъ воспитанникъ 2 класса Семинаріи, сынъ священника, Иванъ *Соболевъ*.

— На псаломщицкое мѣсто при Воскресенской церкви, с. Хорошева Харьковскаго уѣзда, по прошенію опредѣленъ воспитанникъ 2 класса Семинаріи, Григорій *Смирнскій*.

— И. д. псаломщика Котелевской Покровской церкви, Ахтырскаго уѣзда Михаилъ *Нестеренко*, утвержденъ въ должности псаломщика.

— Воспитанникъ 1 класса Харьковской Духовной Семинаріи, Иванъ *Македонскій*, 20 октября опредѣленъ псаломщикомъ къ Захаріевской церкви, с. Контакузова, Валковскаго уѣзда.

— Воспитанникъ 1 класса Харьковской Духовной Семинаріи, Василій *Созонтьевъ*, опредѣленъ псаломщикомъ къ Рождество-Богородичной церкви с. Лагерей, Зміевскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Преображенской церкви с. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, Іосифъ *Стеллецкій* отрѣшенъ, по болѣзни, отъ должности.

— Псаломщикъ Успенской церкви заштатнаго города Краснокутска, Өеодоръ *Золотаревъ*, согласно прошенію, по болѣзни, 27 октября уволенъ за штатъ.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Іаковъ *Дегтяренко* къ Іоанно-Предтеченской церкви с. Токарей, Сумскаго уѣзда; отст. унт.-офиц. Косьма *Гузенко* къ Преображенской церкви с. Краснополья, Ахтырскаго уѣзда; крест. Андрей *Степаненко* къ Успенской церкви сл. Малой-Рогозянки, Харьковскаго уѣзда, на 1-е трехлѣтіе; крест. Георгій *Котъ* къ Вознесенской церкви с. Рогани, Харьковскаго уѣзда, на 7-е трехлѣтіе.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Отвѣтъ константинопольской и новогреческой церкви на энциклику римскаго папы.—Вопросъ о вѣроисповѣданіи болгарскаго наслѣднаго принца.—Изданіе Православнаго Американскаго Вѣстника.—Средство поднять церковно-приходскую жизнь.—Чего можно ждать отъ попечительствъ о народной трезвости.—Общество ревнителей миссіонерскаго дѣла.—Школьный вопросъ.—Воскресная школа.—Церковное пѣніе въ церковно-приходскихъ школахъ.—Образцовый учитель церковно-приходской школы.—Новыя духовно-учебныя заведенія.—Открытіе миссіонерской школы.—О снабженіи церквей крестиками для возложенія на крещаемыхъ младенцевъ.—Царь въ пословицахъ русскаго народа.—Секта ирвингіанъ.—Общеполезныя свѣдѣнія.—Некрологъ.

Энциклика папы Льва XIII «къ государямъ и всѣмъ народамъ» съ призывомъ къ возсоединенію христіанскихъ народовъ съ Римомъ встрѣтила повсюду въ независимыхъ церквахъ рѣшительный отпоръ, такъ какъ всѣ поняли этотъ призывъ къ возсоединенію въ смыслѣ притязанія Ватикана на подчиненіе себѣ всего христіанскаго міра. Противъ энциклики было уже не мало отдѣльныхъ голосовъ, но не было еще авторитетнаго выраженія голоса православной восточной церкви, которая главнымъ образомъ и имѣлась въ виду авторомъ энциклики. Теперь, по сообщенію «Церк. Вѣстн.», явился такой отвѣтъ, именно отъ лица константинопольской вселенской церкви. Отвѣтъ составленъ также въ видѣ энциклики или окружнаго посланія и уже напечатанъ въ оффиціальномъ изданіи вселенской патріархіи, въ еженедѣльномъ изданіи «Церковная истина». Эта православная энциклика распадается на двѣ части—историческую, гдѣ притязанія Рима на главенство опровергаются историческими фактами, и догматическую, въ которой изобличаются всѣ новшества Рима и точно излагаются различія въ вѣроученіи православной и римско-католической церквей, и все

изложеніе энциклики заканчивается призывомъ къ чадамъ православной церкви твердо держаться истины святой православной церкви.

Одновременно съ окружнымъ посланіемъ вселенской церкви, и новогреческая церковь также выразила протестъ противъ притязаній Рима. На дняхъ вышелъ въ свѣтъ обширный отвѣтъ на папскую энциклику, составленный предсѣдателемъ Св. Сунода новогреческой церкви ученымъ митрополитомъ Германомъ аѳинскимъ. Этотъ отвѣтъ представляетъ собою подробную критику папской энциклики съ обличеніемъ всѣхъ неправдъ римской церкви, какъ онѣ обнаруживаются въ исторіи и догматическомъ вѣроученіи.

— Народное собраніе въ Софіи въ своемъ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь принца Фердинанда Кобургскаго, между прочимъ, представило вниманію принца всеобщее желаніе народа о переходѣ наслѣдника въ православіе. Товарищъ предсѣдателя Даневъ произнесъ длинную рѣчь о безусловной необходимости для Болгаріи высвободится изъ-подъ австрійскаго вліянія, примириться съ Россіей и вступить съ нею въ союзъ. Первый министръ Стоиловъ на частномъ засѣданіи депутатовъ, съ своей стороны, сдѣлалъ заявленіе, что принцъ Фердинандъ обнародуетъ манифестъ о переходѣ наслѣдника въ православіе непремѣнно дней черезъ десять. Если принцъ не исполнитъ обѣщанія, то, по убѣжденію многихъ депутатовъ, необходимо предъявить правительству ультиматумъ посредствомъ возстановленія прежней редакціи 38 статьи болгарской конституціи о томъ, что наслѣдникъ болгарскаго престола можетъ быть только принцъ православный.

— По словамъ «Церк. Вѣст.», съ начала слѣдующаго года, въ Америкѣ будетъ издаваться журналъ, подъ названіемъ «Православный Американскій Вѣстникъ». Журналъ будетъ издаваться на русскомъ и англійскомъ языкахъ, причемъ послѣдній языкъ сдѣлаетъ его доступнымъ для всѣхъ разноплеменныхъ сыновъ православно-американской церкви. Мѣстомъ его изданія будетъ г. Сан-Франциско; но въ виду того, что центръ православной миссіи въ послѣднее время значительно передвинулся на востокъ, такъ что является даже мысль о перенесеніи и самой каѳедры русскаго архіерея въ Нью-Іоркъ, то возможно, что и редакція также передвинется въ эту американскую метрополію, гдѣ во всякомъ случаѣ удобнѣе наблюдать за всѣми духовными движеніями въ жизни американскаго народа, чѣмъ въ столицѣ отдаленной Калифорніи.

— Въ епархіальныхъ журналахъ начинаютъ появляться сообщенія о пересмотрѣ духовенствомъ положенія о церковно-приход-

скихъ попечительствахъ. Учрежденная въ уфимской епархіи комиссія по этому дѣлу обратила вниманіе, между прочимъ, на то, что въ мѣстныхъ попечительствахъ приходскій священникъ очень рѣдко бываетъ предсѣдателемъ, что дѣятельность ихъ одностороння, такъ какъ попечительства всѣ получаемыя средства употребляютъ почти исключительно на украшеніе храмовъ, ремонтъ и содержаніе ихъ и церковныхъ домовъ, оставляя заботы о благотворительности и тѣмъ болѣе о содѣйствіи причтамъ въ ихъ попеченіяхъ о возвышеніи религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ. Односторонняя и малоплодная дѣятельность попечительствъ объясняется частію тѣмъ, что они не подлежатъ контролю ни епархіальной, ни гражданской власти, отдавая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ самимъ же себѣ въ лицѣ общаго собранія прихожанъ, частію тѣмъ, что по положенію, всякіе соборы на нужды попечительства обязательны только для лицъ, изъявившихъ на нихъ согласіе. Между тѣмъ часто бываетъ такъ, что прихожане по приглашенію отъ попечительства являются въ такомъ меньшинствѣ, при которомъ никакой сходъ невозможенъ, тяготясь тѣмъ, что имъ придется нести на себѣ отвѣтсвенность въ принятомъ обязательствѣ и не желая внести отъ себя хоть малую лепту на вопіющія иногда нужды попечительства и прихода.

— «Русская Мысль» (въ октябрьской книжкѣ) пессимистически смотритъ на предполагаемые плоды дѣятельности попечительствъ о народной трезвости, находя почему-то вреднымъ покровительство имъ со стороны правительства. Законъ о попечительствахъ,—читаемъ въ журналѣ,—приглашаетъ къ участію въ нихъ всю мѣстную администрацію, которая считаетъ себя обязанной пристать къ этому дѣлу, хотя бы большинство ея членовъ вовсе не было расположено не только къ воздержанію отъ спиртныхъ напитковъ, но и къ проповѣданію трезвости. Законъ поощряетъ членовъ общества обѣщаніемъ почетныхъ наградъ и отпускаетъ денежныя суммы въ распоряженіе попечительствъ. Можно ли допустить, чтобы эти союзы хотя въ малой мѣрѣ воздѣйствовали на пьянство? Самая постановка вопроса ручается за то, что повсюду возникнутъ попечительства. Въ Петербургѣ этого хотятъ, и вся провинція покроется сѣтью союзовъ, заботящихся о народной трезвости. Всѣ чиновники поступятъ въ члены; отъ нихъ постараются не отстать многіе землевладѣльцы—дворяне, именитое и среднее купечество. Члены будутъ считаться многими тысячами, но они будутъ безконечно далеки отъ тѣхъ, которыхъ было бы желательно удержи-

вать отъ пьянства: первые будутъ относительно послѣднихъ не близкими людьми, а просто начальствомъ. Не соглашаясь съ этимъ, «Церк. Вѣст.» справедливо замѣчаетъ, что всѣ эти рѣчи преждевременны и лучше вмѣсто того, чтобы строить зыбкія догадки, выждать, пока сама жизнь произнесетъ свой нелицепріятный приговоръ. Дѣйствительно, почему правительственное покровительство—нравственное и матеріальное—непремѣнно должно сдѣлать изъ попечительствъ учрежденія принудительныя, а не добровольныя, придать имъ внѣшній, оффиціально чиновный характеръ? Правительство покровительствуетъ и просвѣтительнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, однакожъ это не парализуетъ дѣятельности существующихъ при этихъ учрежденіяхъ частныхъ обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя состоятъ даже подъ Августѣйшимъ покровительствомъ и получаютъ субсидіи. Во всякомъ случаѣ попечительства о народной трезвости обладаютъ всѣми шансами развить дѣятельность болѣе широкую и плодотворную, чѣмъ общества трезвости—городскія и сельскія, о которыхъ, не смотря на короткій срокъ ихъ существованія, мы уже имѣемъ не мало утѣшительныхъ извѣстій.

— Кромѣ братствъ, имѣющихъ точно опредѣленную организацію, по мѣстамъ заявляютъ готовность потрудиться или уже трудятся для обращенія раскольниковъ въ православную церковь миссіонерскіе кружки. Одинъ изъ такихъ кружковъ, находящійся въ г. Сычевкѣ, 31 августа имѣлъ первое общее собраніе. Въ собраніи было одиннадцать священниковъ, діаконъ, псаломщикъ и 23 человѣка крестьянъ—членовъ кружка, кромѣ постороннихъ лицъ изъ горожанъ. Собраніе имѣло цѣлію обсудить планъ дѣйствій кружка. Исправляющій должность миссіонера сычевскаго уѣзда призналъ полезнымъ, для цѣлей кружка, возможно частое общеніе съ раскольниками, стараніе ослабить вражду ихъ и предубѣжденія противъ церкви православной, веденіе бесѣдъ съ ними въ духѣ мира и любви, распространеніе въ средѣ ихъ книгъ и брошюръ противораскольническаго содержанія, заведеніе школъ грамоты въ раскольническихъ деревняхъ. Миссіонеръ полагалъ, что, ослабивъ въ раскольникахъ предубѣжденіе и вызвавъ довѣріе, можно бесѣдами произвести на нихъ весьма сильное вліяніе. При этомъ же довѣріи они съ готовностію будутъ брать для чтенія и книги противораскольническаго содержанія, и во всемъ этомъ члены кружка могутъ значительно поддержать миссіонерское дѣло въ епархіи. Что касается заведенія школъ грамоты въ деревняхъ,

то въ этомъ отношеніи члены кружка могутъ помочь пріисканіемъ помѣщенія и учителя для школы и обезпеченія въ матеріальномъ отношеніи. Члены кружка, какъ духовные, такъ и міряне, много разсуждали по поводу этихъ предположеній; по свѣдѣніямъ епархіальныхъ вѣдомостей, они видимо были воодушевлены и заинтересованы дѣломъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ долго и горячо говорилъ о томъ, что нужно сначала изучить расколъ и, уже изучивъ, браться за миссіонерское дѣло; иначе пользы не будетъ. Миссіонеръ на это замѣтилъ, что если члены кружка будутъ ждать, пока изучатъ расколъ, и до тѣхъ поръ не будутъ ничего дѣлать, то рвеніе ихъ ослабѣетъ. Необходимо приниматься теперь же за дѣло по мѣрѣ силъ: кто можетъ бесѣдовать, пусть бесѣдуетъ; кто не можетъ, пусть читаетъ православнымъ и раскольникамъ книги и брошюры противораскольническаго содержанія, причемъ и самъ научится и миссіонерскому дѣлу пользу принесетъ; кто не имѣетъ возможности дѣлать ни того, ни другого, пусть старается о заведеніи школы грамоты и т. п. Собраніе одобрило это предложеніе. Было рѣшено также, чтобы члены кружка вели бесѣды и чтенія только въ своемъ приходѣ, подъ руководствомъ приходскаго священника. Въ собраніи миссіонеръ роздалъ членамъ кружка по небольшой противораскольнической библіотечкѣ.

— Священникъ Фудель высказываетъ въ «Русскомъ Словѣ» такія соображенія по школьному вопросу.—Одно изъ главнѣйшихъ условій —характеръ лицъ завѣдующихъ, то-есть руководящихъ школами. Церковныя школы находятся въ завѣдываніи духовенства, земскія въ рукахъ интеллегенціи. Въ этомъ условіи—главная разница типовъ школъ. Ясное дѣло, что разница эта могла бы постепенно уменьшаться и когда-нибудь дойти до нуля, если бы можно было постепенно измѣнять вышеуказанное условіе. Такъ, если бы, напримѣръ, надзоръ за воспитательною частью земскихъ и иныхъ свѣтскихъ школъ былъ порученъ духовенству, то, конечно, типъ свѣтской школы измѣнилъ бы нѣсколько свой характеръ и не былъ бы такъ рѣзко различенъ отъ типа церковной. Къ сожалѣнію, это дѣло является невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока существующее „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“ не будетъ измѣнено въ соотвѣтствующемъ духѣ. О необходимости этого измѣненій приходится все чаще и чаще слышать голоса, и между прочимъ очень вѣскія соображенія по этому поводу мы находимъ въ особой запискѣ, которая циркулируетъ въ послѣднее время въ высшихъ сферахъ.

— Въ Богородицкомъ уѣздѣ обращаетъ на себя вниманіе, открытая годъ тому назадъ священникомъ о. Модестовымъ, женская воскресная школа при селѣ Никитскомъ. Школа хотя и названа воскресною, но не совсѣмъ подходитъ къ этому типу: занятія въ ней идутъ не только по воскресеньямъ и праздникамъ, но и по субботамъ. Школа была открыта въ ноябрѣ прошлаго года. Въ ней принимались не моложе 15 лѣтъ. Школа помѣщалась безплатно въ зданіи земскаго училища и состояла въ вѣдѣніи мѣстнаго церковно-приходскаго попечительства. Учебныя книги и принадлежности частью пріобрѣтались на средства попечительства, частью же пожертвованы были гр. В. А. Бобринскимъ. Всѣхъ учебныхъ дней было 26. Въ праздничные дни занятія начинались непосредственно послѣ обѣдни и раздѣлялись на три урока, въ непраздничные же дни дѣлалось по 4 и по 5 уроковъ, причемъ церковное пѣніе всегда бывало послѣднимъ урокомъ. Преподаваніе закона Божія раздѣляли между собою священники оо. Модестовъ и Нащокинъ, обученіе пѣнію и ариѳметикѣ взялъ на себя учитель мѣстнаго земскаго училища г. Дмитріевскій, обученіе же чтенію и письму велъ второй учитель г. Чукинъ; кромѣ того, дочь священника г-жа Модестова занималась по русской исторіи. Всѣ занимались въ школѣ безплатно. Въ день открытія школы въ нее поступило 85 дѣвицъ; въ теченіе второй учебной недѣли ихъ было до 120. Къ концу учебныхъ занятій ученицы изучили всѣ молитвы, священную исторію, читали, списывали съ доски цѣлыя предложенія, писали цифры, складывали и вычитали въ предѣлахъ сотни, разсказывали начальную исторію отечества, оканчивая крещеніемъ Руси, и пѣли въ унисонъ и на два голоса главныя молитвы и тропари. «Тамб. Еп. Вѣд.»

— Касаясь вопроса о церковномъ пѣніи въ церковно-приходскихъ школахъ, «Моск. Цер. Вѣд.» пишутъ.—Современная народная школа безъ церковнаго пѣнія, можно сказать, немыслима: церковное пѣніе привлекаетъ къ школѣ и учениковъ, и ихъ родителей; оно оживляетъ самое школьное дѣло и развиваетъ въ дѣтяхъ любовь къ храму и церковному богослуженію. Въ этомъ, между прочимъ, и заключается одно изъ важныхъ преимуществъ церковной школы предъ земской, относящейся чисто съ непонятнымъ безучастіемъ къ церковному пѣнію, между тѣмъ какъ въ программѣ церковно-приходскихъ школъ пѣніе поставлено въ числѣ важныхъ обязательныхъ предметовъ, хотя до послѣдняго времени оно не вездѣ было поставлено какъ слѣдуетъ. Тѣмъ отрад-

нѣе отмѣтить то свѣтлое явленіе, что въ настоящее время успѣхи и развитіе церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ подвигаются быстро впередъ, и на правильную постановку этого важнаго школьнаго предмета обращено самое серіозное вниманіе. Во многихъ епархіяхъ церковное пѣніе не только существуетъ во всѣхъ школахъ, но ему отведено и подобающее значеніе. Въ нѣкоторыхъ школахъ поютъ больше съ голоса, но въ нѣкоторыхъ школахъ дѣти ознакомлены съ нотами, а также участвуютъ въ церковныхъ богослуженіяхъ. При многихъ школахъ существуютъ пѣвческіе хоры, а въ другихъ хотя не было правильно организованныхъ пѣвческихъ хоровъ, тѣмъ не менѣе ученики этихъ школъ принимаютъ дѣятельное участіе въ пѣніи при богослуженіи вмѣстѣ съ псаломщиками и другими лицами. Хоровое пѣніе дѣтей—школьниковъ въ церкви настолько нравится простому народу, что, открывая школу, онъ требуетъ учителя знающаго пѣніе и умѣющаго составить хоръ и для этого не жалѣютъ расходовъ на содержаніе учителя и добавочное вознагражденіе ему за пѣніе. Подобныя отрадныя явленія въ настоящее время можно встрѣтить на каждомъ шагу почти въ каждой епархіи.

Переходя къ мѣрамъ, какія предпринимаются въ различныхъ епархіяхъ для лучшей и болѣе правильной постановки церковнаго пѣнія по программамъ церковно-приходской школы, «Моск. Цер. В.» указываютъ на примѣръ братства св. Іоанна Предтечи въ Тулѣ, открывшаго, по мысли преосвященнаго тульскаго Иринея, съ сентября прошлаго года при архіерейскомъ домѣ на свои средства особую учительскую школу, для приготовленія специально учителей церковнаго пѣнія для народныхъ школъ. Школа была открыта по типу двухклассной церковно-приходской школы съ епархіальнымъ классомъ церковнаго пѣнія. Экзаменъ по церковному пѣнію въ іюнѣ текущаго года далъ отрадные результаты: ученики твердо знали всѣ осьмогласные церковные напѣвы, наизусть пѣли всѣ воскресные и праздничные тропари и воскресные ирмосы, безъ затрудненія пѣли и выигрывали на скрипкѣ по всѣмъ нотнымъ церковнымъ книгамъ, каждый ученикъ умѣлъ задать тонъ по камертону, изъ теоріи музыки всѣ ученики дали отчетливые отвѣты о мажорныхъ и минорныхъ гаммахъ, объ основномъ и вводномъ тонахъ, о различныхъ интервалахъ, объ аккордахъ трехзвучныхъ и четырехзвучныхъ, консонансныхъ, диссонансныхъ и проч. Столь хорошіе результаты по пѣнію достигнуты, благодаря тому, что въ каждую недѣлю давалось 6 часовъ уроковъ по цер-

ковному пѣнію, 6—по теоріи музыки и 6 получасовыхъ уроковъ на скрипкѣ. Черезъ годъ братская школа не безъ основанія надѣется выпустить 16 такъ хорошо приготовленныхъ учителей пѣнія и регентовъ хоровъ для сельскихъ церквей, какъ не можетъ приготовить ни одно изъ существующихъ учебныхъ заведеній епархіи.—Весьма желательно возникновеніе подобныхъ дополнительныхъ курсовъ церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ и другихъ епархій!

Другою, весьма важною мѣрою для болѣе правильной и успѣшной постановки церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ служатъ, по мнѣнію «Моск. Церк. Вѣд.» лѣтніе курсы церковнаго пѣнія для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Такіе курсы въ послѣднее время устраиваются въ различныхъ епархіяхъ все чаще и чаще. По отзыву «Тамб. Губ. Вѣд.», хоръ изъ учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ прекрасно дисциплинированный, отличающійся свѣжестью и мощностью голосовъ и чуднымъ сочетаніемъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, производилъ необыкновенно сильное впечатлѣніе, въ особенности простотою и необыкновенною выразительностью пѣнія. „Видно было,—замѣчаетъ газета,—что передъ молящимися и слушателями не простой, профессіональный хоръ, а хоръ людей проникнутыхъ сознаніемъ смысла и значенія исполняемыхъ пѣснопѣній... Присутствовавшіе на богослуженіи вышли изъ храма съ чувствомъ полнаго удовлетворенія ихъ эстетически-религіозной потребности, отъ всѣхъ мы слышали выраженія истинной благодарности къ курсистамъ и руководителю хора, сумѣвшему въ короткое время такъ правильно и серьезно поставить его". Такія отрадныя и свѣтлыя явленія въ жизни церковно-приходскихъ школъ сами собою говорятъ въ пользу этихъ школъ.

— Противники церковно-приходской школы любятъ повторять избитое, но совсѣмъ не провѣренное мнѣніе, что учителя церковныхъ школъ являются большею частью лицами, совершенно неподготовленными къ своей просвѣтительной дѣятельности. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, очевидно, безпристрастный и правдивый отзывъ одного инспектора народныхъ школъ объ учителѣ начальной школы изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, которые и составляютъ главный контингентъ учителей церковныхъ народныхъ школъ. „Учитель З.,—писалъ недавно инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи преосвященному полтавскому Иларіону,—трудится въ Салогубовскомъ училищѣ съ 1891 г. и успѣлъ поставить училище на такую высоту въ учебно-воспитательномъ отношеніи, что оно далеко оставляетъ за собою по-

зади всѣ сосѣднія училища, а родители учащихся и мѣстныя интеллигентныя лица, сочувствующія преуспѣянію народнаго образованія въ православно-русскомъ духѣ, питаютъ къ З. глубокое уваженіе. Учащіеся же такъ привязаны къ учителю, что всегда со слезами провожаютъ его, когда онъ въ каникулярное время уѣзжаетъ для посѣщенія своихъ родителей. По всему видно, что З. горячо преданъ школѣ и любитъ учащихся дѣтей. Часто, въ свободные отъ занятій часы, онъ предпринимаетъ съ дѣтьми прогулки въ поле, въ лѣсъ, постоянно бесѣдуетъ съ ними, наставляетъ, поучаетъ, удовлетворяя ихъ дѣтской любознательности, и не тяготится, когда дѣти толпой приходятъ къ нему почитать хорошую книжку и побесѣдовать съ нимъ даже послѣ уроковъ. З. представляетъ рѣдкій примѣръ беззавѣтнаго служенія святому дѣлу истиннаго просвѣщенія простаго народа и всѣми силами стремится осуществить въ своей дѣятельности идеалъ народнаго учителя, начертанный лучшими нашими педагогами".

Думаемъ и смѣемъ надѣяться, что это далеко не единственный примѣръ беззавѣтнаго служенія народному просвѣщенію со стороны учителей изъ воспитанниковъ духовныхъ учебныхъ заведеній, но только сами они не выставляются впередъ, и безкорыстная, самоотверженная, скромная, но богатая обильными и добрыми плодами работа обыкновенно рѣдко остается замѣченною обществомъ.

— Текущей осенью открыты двѣ новыхъ семинаріи, изъ которыхъ одна имѣетъ прямое миссіонерское назначеніе. 1 октября открыта александровская миссіонерская семинарія въ селеніи Ардонѣ, Терской области, преобразованная изъ ардонскаго осетинскаго духовнаго училища. Преобразованіе послѣдовало вслѣдствіе ходатайства владикавказскаго преосвященнаго о распространеніи вліянія этого учебнаго заведенія на прочихъ туземцевъ владикавказской епархіи и на русскихъ сектантовъ чрезъ открытіе свободнаго доступа въ него русскимъ и всѣмъ туземцамъ, а не однимъ осетинамъ. 3 сентябня открыта новоучрежденная красноярская семинарія. Семинарія открыта въ составѣ пока одного перваго класса, состоящаго изъ десяти учениковъ, во временномъ помѣщеніи—въ зданіи бывшей соборной церковно-приходской школы.

— Новыя миссіонерскія надобности вызываютъ открытіе новыхъ миссіонерскихъ учрежденій. Во вниманіе къ ходатайству донскаго преосвященнаго, Св. Сѵнодъ въ прошломъ августѣ разрѣшилъ донскому епархіальному начальству открыть на мѣстныя епархіальныя средства при донской семинаріи миссіонерскую школу

на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленномъ проектѣ правилъ школы, съ тѣмъ, чтобы въ нее допускались не только лица, приготовляющіяся къ занятію миссіонерскихъ должностей, но и другіе ревнители православія, которые пожелаютъ получить познанія къ изобличенію несостоятельности раскола. Согласно правиламъ школы, въ школу принимаются молодые и зрѣлые люди православнаго вѣроисповѣданія, не исключая и единовѣрцевъ, изъ мѣстнаго духовенства, казаковъ и крестьянъ области, по преимуществу изъ мѣстностей, особенно зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ. Окончившіе полный курсъ школы назначаются— единовѣрцы на священно и церковно-служительскія мѣста въ единовѣрческіе приходы, а православные на миссіонерскія должности въ епархіи, т. е. на должности самостоятельныхъ миссіонеровъ или миссіонерскихъ помощниковъ. Не назначенные на мѣста или должности воспитанники возвращаются къ общежитейскимъ занятіямъ, съ нравственнымъ обязательствомъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, разсѣянію раскольническихъ и сектантскихъ заблужденій и утвержденію православія, при благовременной поддержкѣ со стороны миссіонеровъ въ таковой ихъ дѣятельности, совѣтами и безмездною выдачею книгъ и брошюръ.

— Благочинный Калужской епархіи, Боровскаго собора протоіерей В. К—ій, донесъ своему епархіальному начальству, что въ храмѣ села Аграфенина, Боровскаго уѣзда, крестьянкою П. А—ой, для возложенія на младенца, при крещеніи его, вмѣсто крестика, принесено металлическое изображеніе, въ родѣ жетона, съ придѣланною на верху онаго петличкою, въ которую вложена розовая ленточка. На лицевой сторонѣ этого жетона изображенъ государственный, Россійской имперіи, гербъ, т. е. двуглавый орелъ, а на задней сторонѣ въ самой срединѣ вычеканено крупнымъ шрифтомъ слово „Русь“. При чемъ благочинный К—ій призналъ, для предупрежденія на будущее время подобныхъ случаевъ, полезнымъ снабдить всѣ церкви крестиками, для возложенія ихъ на каждаго крещаемаго безмездно, на средства церковныя. Въ самыхъ большихъ приходахъ бываетъ по 100 и много по 150 въ годъ крещаемыхъ. Если положить мѣдные крестики по 1 коп., и тогда эти церкви будутъ ежегодно тратить по одному или немного болѣе рублю, а въ Боровскихъ градскихъ приходахъ бываетъ по 15 и 20 крестинъ въ годъ, слѣдовательно, будетъ расходоваться на это по 15 или 20 коп., а между тѣмъ, какое важное

будетъ по своему значенію дѣло. Каждый крещаемый будетъ знать, что симъ крестикомъ его благословила святая Церковь.

Калужская духовная консисторія вполнѣ согласилась съ предложеніемъ протоіерея К—го и постановила: „поручить учрежденному при консисторіи комитету по распространенію книгъ и иконъ въ епархіи пріобрѣсти потребное количество дешевыхъ не дороже одной копѣйки мѣдныхъ крестиковъ, для снабженія ими всѣхъ церквей епархіи по требованію приходскихъ священниковъ, которыхъ и обязать выписывать эти крестики на церковный счетъ, сообразно съ количествомъ приходскаго народонаселенія". «Кал. Еп. Вѣд.».

— Въ своихъ пословицахъ и поговоркахъ русская народная мудрость отводитъ словамъ: »Царь«, »Государь« и »Князь« весьма видное мѣсто. Со словомъ »Князь« въ пѣсняхъ и былинахъ связанъ неразрывно постоянный эпитетъ »красно солнышко«, причемъ всѣ качества этого свѣтила переносятся и на князя, разнообразясь на всѣ лады въ воображеніи народнаго поэта. Позднѣе слово »Князь« замѣнилось словами »Царь« и »Государь«, сопровождавшимися тѣми же употребленіями, что и прежде. „Государь-батюшка, надежда—православный Царь", „Бѣлый Царь—красно солнышко, Царь—ласковый, славный, великій",—повторяетъ народъ въ теченіе вѣковъ о своемъ Верховномъ Вождѣ. Слово „Царь" является въ устахъ народа олицетвореніемъ необычайной силы, ума и красоты—нравственной и физической. „Царь земной—подъ Царемъ Небеснымъ ходитъ", говоритъ народъ. „Никто противъ Бога, ничто противъ Царя". „Правда Божья—судъ Царевъ". „Одному Богу Государь отвѣтъ держитъ", и—„Никто, какъ Богъ и Государь". „Русской землѣ нельзя безъ Государя быти", въ свое время раздавалось по Россіи вѣщее слово лучшихъ русскихъ людей, именно, въ смутную годину прошлыхъ вѣковъ и находило всегда живой откликъ въ народѣ, сказавшемъ про себя, что онъ—„душой Божій, тѣломъ Государевъ", и всякій разъ Самодержецъ слышалъ, что окликъ шелъ къ Нему изъ глубины души могучаго стихійнаго богатыря-народа. „Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Царя—страна не правится", „безъ Царя—народъ сирота, земля—вдова". „Народъ—тѣло, Царь—голова", мыслитъ русскій человѣкъ и, видя въ Царѣ олицетвореніе высшей справедливости, заноситъ на скрижали своей вѣковѣчной мудрости знаменательныя слова: „гдѣ Царь—тутъ и правда". „Близъ Царя—близъ чести". „Нѣтъ больше милосердія, чѣмъ въ сердцѣ Царевомъ". „Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ"? „Богъ милостивъ, а Царь жалостивъ", „Богъ

помилуетъ, Царь пожалуетъ". „Виноватаго Богъ проститъ, праваго—Царь пожалуетъ", и т. д., дополняетъ одно присловье другое.

— Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» говоритъ о своеобразной сектѣ ирвингіанъ, дѣйствующей въ Петербургѣ. „На одной изъ лучшихъ улицъ Петербурга, Сергіевской, пріютилась одна изъ худшихъ новыхъ сектъ,—секта ирвингіанъ или „Апостольская община". Секта это нова у насъ, но существованію ея на Западѣ можно дать добрую полсотню лѣтъ. Секта получила свое названіе, какъ и большинство сектъ, отъ имени своего основателя—Эдуарда Ирвинга, уроженца Шотландіи. Позднѣе сектанты присвоили себѣ названіе членовъ „Апостольской общины". Это послѣднее объясняется внутренней организаціей секты.

У сектантовъ своя іерархія, свое отдѣльное богослуженіе. Внѣшняя обстановка богослуженія отличается протестантскимъ характеромъ: у нихъ есть престолъ, но нѣтъ иконъ. Во время богослуженія они сидятъ, подобно лютеранамъ и католикамъ; священнослужители ирвингіанъ во время богослуженія надѣваютъ бѣлыя льняныя одежды, очень похожія на облаченія православныхъ священниковъ и діаконовъ. По средамъ, вечеромъ, говорится проповѣдь, въ субботу служится всенощная, въ воскресенье утромъ—утреня и литургія. За литургіей бываетъ общая исповѣдь: читается перечисленіе грѣховъ, и совершающій литургію проситъ прощенія за всѣхъ присутствующихъ. Богослуженіе совершается обыкновенно „соборне": бываетъ до 5 священниковъ и до 4 діаконовъ. Стройное пѣніе въ соединеніи съ музыкой органа производитъ довольно сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Нельзя не замѣтить, говоритъ корреспондентъ, и объ одной странной особенности богослуженія ирвингіанъ. Послѣ Причащенія одинъ изъ діаконовъ начинаетъ говорить „иными языками", какъ будто на него, какъ на св. апостоловъ, сошелъ Духъ Святой (Дѣян. II, 4). Слова безо всякой связи, даже смысла, вырываются изъ устъ діакона; порывистая и непонятная рѣчь сопровождается нервными подергиваніями и конвульсивными движеніями. Получается тяжелое удручающее впечатлѣніе. Этотъ странный мистическій пріемъ „пророчествъ" какъ-то уживается съ протестантскимъ духомъ ученія и богослуженія ирвингіанъ. Въ Петербургѣ богослуженіе ирвингіанъ совершается на нѣмецкомъ языкѣ.

Любопытно было бы узнать, кто же составляетъ у насъ апостольскую общину? Откуда вербуетъ она своихъ адептовъ?

— Помощь при обмороженіи.—Обмороженіе имѣетъ три степе-

нія: покраснѣніе кожи, образованіе пузырей и омертвѣніе. Подѣйствовавъ на все тѣло, оно можетъ вести прямо къ смерти, что бываетъ не только при очень высокихъ степеняхъ холода, но часто и при неособенно низкой температурѣ,—у людей, засыпающихъ на холодѣ послѣ сильнаго утомленія, или въ пьяномъ видѣ. У совсѣмъ замерзшаго вся поверхность тѣла блѣдна и холодна, только на носу, губахъ, рукахъ и ногахъ замѣтенъ синеватый оттѣнокъ. Дыханіе отсутствуетъ, пульсъ неощутимъ. Всѣ члены нечувствительны, закоченѣли, а конечности ихъ тверды, какъ ледъ. Попытки оживленія замерзшаго должны производиться съ большою осторожностью и терпѣніемъ. Прежде всего его нужно привести въ закрытое, но холодное помѣщеніе и осторожно раздѣть, срѣзая платье; перенесенный въ теплую комнату, онъ навѣрно не будетъ оживленъ. Затѣмъ, если имѣется подъ руками снѣгъ, покройте имъ все тѣло и осторожно растирайте. При отсутствіи снѣга годится растиранье холодными смоченными полотенцами, холоднымъ пескомъ, а также ванна изъ ледяной воды, куда сажаютъ обмерзшаго и здѣсь трутъ ему тѣло. Въ промежуткахъ между растираніемъ нужно производить искусственное дыханіе. Когда появились самостоятельныя дыхательныя движенія и члены стали мягче, перенесите паціента въ умѣренно нагрѣтую комнату, слегка покройте его холоднымъ одѣяломъ и разотрите теплыми полотенцами; чтобы привести его въ сознаніе, давайте нюхать нашатырный спиртъ, гофманскія капли, эѳиръ, а внутрь легкое холодное вино холодный кофе или бульонъ. Такимъ же точно образомъ поступаютъ и при обмороженіи отдѣльныхъ частей тѣла. Если послѣднія, не смотря на всѣ старанія, остаются сини и нечувствительны, начинаютъ пухнуть, покрываться пузырями, то близко омертвѣніе ихъ, и въ такомъ случаѣ подающему первую помощь остается только помѣстить повыше обмороженный членъ; остальное дѣло врача. «Уфим. Еп. Вѣд.».

— Профессоръ д-ръ Зельтманъ, изъ Бреславля, недавно читалъ лекцію о выраженіи лица и положеніи тѣла больныхъ, еще не умѣющихъ говорить. Прежде всего онъ указалъ на нѣмое краснорѣчіе глазъ, которые у здороваго ребенка блестятъ и глядятъ ясно и весело, у больнаго-же устало, тускло, понуро; самые глаза вваливаются. Лицо маленькаго ребенка, большею частью, полное, лишенное выраженія (по мнѣнію доктора, не по мнѣнію матери); оно выказываетъ только спокойствіе и миръ, душевный ладъ, на который не вліяли еще впечатлѣнія мозга. Также и движенія ре-

бенка, барахтанье, потягиванье въ кроваткѣ выражають глубокое спокойствіе и полное здоровье. Все это разомъ мѣняется, когда ребенокъ заболѣваетъ. Маленькое личко тотчасъ принимаетъ отчетливое выраженіе, движенія измѣняются и дѣлаются настолько характерными, что по нимъ однимъ можно вывести заключеніе о сущности болѣзни. „Если ребенокъ кричитъ съ усиліемъ, съ разинутымъ ртомъ и защуренными глазами, то можно опредѣлить, что у него коклюшъ. Если ребенокъ хватается ручками за ротъ, то, значитъ, рѣжутся зубы, или что нибудь болитъ во рту. При рѣзяхъ ребенокъ прижимаетъ ножки къ животу и опять ихъ отбрасываетъ; лежитъ потный съ раскраснѣвшимся лицомъ, и кричитъ. Опасно больныя дѣти не кричатъ; это замѣчается при болѣзняхъ легкихъ и т. д. Ребенокъ имѣетъ тогда несказанно грустное, сокрушенное выраженіе, какъ будто-бы онъ хотѣлъ вскрикнуть отъ боли, да разомъ одумался. Характерно и разнообразно положеніе ребенка при воспаленіи легкихъ, плевритѣ и воспаленіи брюшины. При воспаленіи легкихъ дѣти лежатъ всегда спокойно на спинѣ; при плевритѣ всегда на одномъ боку, притомъ на больномъ; если ихъ взять на руки—онѣ клонятся на больной бокъ. При воспаленіи брюшины дѣти лѣжатъ на спинѣ съ поджатыми ножками,—и на лицѣ опять это сокрушенное выраженіе. При крупѣ, который, какъ извѣстно, съуживаетъ дыхательное горло и выражается главнымъ образомъ въ затруднительномъ дыханіи, на лицѣ выражается ужасный, раздражающій душу, страхъ; всѣ мускулы на шеѣ и груди растягиваются, чтобъ пропустить въ легкія воздухъ. Такой-же страхъ отпечатлѣвается и на лицѣ дѣтей съ порокомъ сердца; только въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ болѣе неподвижное, тупое выраженіе. Дѣти сидятъ съ безпомощно вытаращенными глазами; мускулы не получаютъ уже достаточнаго питанія при обращеніи крови: они застываютъ, дѣлаются вялыми и вытягиваются. „Дѣти вытягиваютъ лице",—говорятъ тогда. Не менѣе рѣзко отличается выраженіе лица и при болѣзняхъ мозга: неподвижная серьезность, вдохновенное, сосредоточенное, роковое спокойствіе напечатлѣваются на личкѣ при воспаленіи мозговой плевы. Голова откинута назадъ, взглядъ устремленъ на одну точку, брови сдвинуты, чтобы затѣнить глаза, губы сжаты. Это выраженіе вдохновенія дало поводъ говорить: „Дѣти играютъ съ ангелами". Эти предвѣстники смерти ведутъ за собой при наступающихъ судоргахъ печальный конецъ. При кишечныхъ болѣзняхъ можно, изучая выраженіе лица, тоже составить для се-

бя очень важныя указанія. При дѣтской холерѣ въ лицѣ больнаго ребенка является выраженіе отвращенія: онъ высовываетъ языкъ и часто плюетъ. При воспаленіи кишекъ тѣло малютки высыхаетъ на подобіе муміи, подкожный жиръ исчезаетъ и дѣти получаютъ такъ называемое обезьянье лице. Изъ оживленныхъ споровъ, вызванныхъ лекціей, заслуживаетъ вниманія замѣчаніе знаменитаго берлинскаго врача по дѣтскимъ болѣзнямъ, профессора Геноха: „Здоровые малютки лежатъ всегда съ поднятыми ручками, такъ что концы пальцевъ находятся на уровнѣ ушей. Если ребенокъ заболѣетъ, онъ уже не принимаетъ этого положенія, но ручки его вяло свѣшиваются". «Наука и Жизнь».

— Средство отъ ревматизма, простое и превосходное,—поваренная соль. Больное мѣсто надо натирать довольно крѣпкимъ растворомъ соли, и потомъ на-сухо вытереть сухой фланалью, а за неимѣніемъ послѣдней, вообще чѣмъ-нибудь шерстянымъ. Дѣлать такія втиранія утромъ и вечеромъ. При острыхъ приступахъ боли очень помогаютъ внутренніе пріемы салициловаго натра, по 10 гранъ на пріемъ, по три раза въ день, но не больше и не принимать больше недѣли сряду. «Нив.».

— Простое средство отъ зубной боли.—Положить небольшаго размѣра горчичникъ за ухомъ той стороны, на которой чувствуется зубная боль, или большой горчичникъ на средину спины, ниже шеи, между лопатками. «Астр. Еп. Вѣд.».

НЕКРОЛОГЪ.

10 октября н. г., на 56 году отъ роду, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался Ѳ. А. Скляровъ, бывшій помощникъ смотрителя Купянскаго духовнаго училища. Покойный былъ сыномъ причетника заштатнаго города Бѣлополья, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, и родился 17 февраля 1839 г. По окончаніи образованія въ Харьковской Духовной Семинаріи (въ 1863 г.), со степенью студента, назначенный въ купянское духовное училище преподавателемъ ариѳметики, географіи и церковно-славянскаго языка (15 іюля 1864 г.), покойный, послѣ преобразованія духовныхъ училищъ (съ 16 декабря 1867 г.), оставилъ за собою преподаваніе только первыхъ двухъ предметовъ, а затѣмъ, будучи утвержденъ въ должности помощника смотрителя того же училища съ 30 іюня 1869 г., до самаго выхода въ отставку преподавалъ св. исторію ветхаго и новаго Завѣта. Въ то же время Ѳ. А. обучалъ безвозмездно желающихъ черченію и рисованію. 8 декабря 1876 г. за ревностное исполненіе обязанностей помощника смотрителя ему была выражена архипастырская благодарность. Въ началѣ 18⁸¹/₈₂ учебнаго года покойный, вслѣдствіе крайней болѣзненности организма и слабости здоровья, вышелъ въ отставку. Остальныя

13 лѣтъ на скромный пенсіонъ по должности помощника смотрителя Θ. А. прожилъ въ собственномъ маленькомъ домикѣ, окруженномъ такимъ же садикомъ, на Холодной горѣ, въ Харьковѣ, постоянно нуждаясь во врачебной помощи отъ различныхъ недуговъ, особенно же отъ астмы, которая и свела его въ могилу.

Тѣло покойнаго, послѣ отпѣванія соборнѣ въ церкви Озерянской Божіей Матери, до могилы на Всѣхсвятскомъ кладбищѣ сопровождали многіе харьковскіе родные, знакомые, сосѣди и бывшіе ученики покойнаго, занимающіе различныя служебныя должности въ Харьковѣ.

Прослуживъ всего 17 лѣтъ, Θ. А. оставилъ добрую память о себѣ, какъ о знающемъ и талантливомъ преподавателѣ и какъ о справедливомъ и гуманномъ помощникѣ смотрителя, со времени котораго наказаніе учащихся розгами и вообще какимъ бы то ни было грубымъ способомъ стало немыслимо. Отличаясь мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, Θ. А. любилъ искуства, особенно же музыку, словесность и живопись. Перу покойнаго принадлежитъ правдивый очеркъ: „Харьковская бурса пятидесятыхъ годовъ", помѣщенный въ 23 и 24 №№ „Благовѣста" за 1887 г., имѣющій отчасти и автобіографическій характеръ. Кромѣ того, покойный свободно владѣлъ карандашемъ и масляными красками и написалъ въ теченіе своей жизни, особенно же въ послѣднія 13 лѣтъ, довольно много иконъ, портретовъ, жанровыхъ картинъ и т. п., при чемъ преимущественно онъ любилъ писать иконы, жертвуя ихъ въ церкви.

Вѣчная память и царствіе небесное тебѣ, благородный и талантливый человѣкъ!

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ XII годъ изданія

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

50 еженедѣльныхъ иллюстрирован. №№ въ годъ, заключающихъ въ себѣ болѣе **3000** столбцевъ текста и до **500** рис. лучшихъ русск. и загранич. художник. Въ журналѣ принимаютъ участіе: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Каразинъ, А. Н. Гренъ, С. Л. Загорскій, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ и др. Въ 1896 году между прочимъ будетъ помѣщено: новый романъ Жюля Верна, посмертный романъ Роберта-Льюиса Стивенсона **Тайна корабля,** историческій романъ А. Н. Красницкаго **Матсмайскіе плѣнники,** въ которомъ описываются интересныя похожденія русскихъ офицеровъ и матросовъ въ Японіи, новый романъ Луи Буссенара **Безъ гроша въ карманѣ** и др. Романы превосходно иллюстрированы. Всѣ годовые подписчики получатъ **безплатно 12 томовъ** второй половины **полнаго собранія сочиненій МАЙНЪ-РИДА** въ 1896 г. будутъ выданы слѣдующіе 14 ром. этого писателя: 1) Ползуны по скаламъ. 2) Стрѣлки въ Мексикѣ. 3) Вождь гверильясовъ. 4) Островъ Борнео. 5) Жилище въ пустынѣ. 6) Молодые невольники. 7) Огненная Земля. 8) Приключенія юнги Вильяма. 9) Охотники за растеніями. 10) Ямайскіе марроны. 11) Золотой Браслетъ. 12) Мальчики на сѣверѣ. 13) Дѣти лѣсовъ. 14) Молодые путешественники. **Первая половина** собранія сочиненій **Майнъ-Рида** выдана подписчикамъ въ 1895 г.

Кромѣ того годовые подписчики при доплатѣ **одного рубля** получатъ **2 роскошныя преміи,** состоящія изъ двухъ большихъ художественныхъ картинъ (олеографій). Картины, размѣромъ каждая 20¼ вершковъ въ длину и 13½ вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи **братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ. 1) Входъ въ Босфоръ,** съ картины профессора **Лагоріо. 2) Царицынъ павильонъ въ Петергофѣ,** съ картины художника **Кондратенко. Подписная цѣна на годъ** съ приложеніемъ **второй половины** собранія сочиненій **Майнъ-Рида,** съ доставкою и пересылкою **4 руб.** съ двумя картинами **5 руб. Допускается разсрочка:** при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля и къ 1 іюля—по 1 руб. **Подписчики,** желающіе получить, кромѣ журнала „Вокругъ Свѣта" съ прилож. за 1896 г., еще первую половину сочин. **Майнъ-Рида,** выданную подписчикамъ въ 1895 году, состоящую изъ 12 томовъ, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ съ доставкою и пересылкою **2 р.** Въ ознаменованіе предстоящаго въ 1896 г. **Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ** издатели журн. **Вокругъ Свѣта** рѣшили выдать всѣмъ своимъ годовымъ подписчикамъ на 1896 г., въ видѣ **экстренной безплатной преміи,** роскошную олеографію: **«ОБРЯДЪ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ»,** которая будетъ художественно исполнена въ 20 красокъ съ картины извѣстнаго художника **Н. Н. Каразина.** Иногородные подписчики за пересылку олеографіи платятъ **20 коп. Подписка принимается:** въ редакціи, Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Объявленіе о продолженіи въ 1896 г. изданія въ г. Одессѣ періодическаго духовнаго листка

„НАСТАВЛЕНІЯ И УТѢШЕНІЯ СВ. ВѢРЫ ХРИСТІАНСКОЙ".

Движимый желаніемъ вмѣстѣ съ молитвою служить духовному назиданію Русскаго народа, при посредствѣ его-же вещественныхъ даровъ, Русскій на Аѳонѣ Общежительный Скитъ свят. Апостола Андрея Первозваннаго предпринялъ въ 1887 году изданіе въ г. Одессѣ періодическаго духовнаго листка подъ названіемъ „Наставленія и Утѣшенія св. вѣры христіанской". Непрерывно съ тѣхъ поръ ведя это изданіе, Скитъ будетъ продолжать оное и въ 1896 г., по той-же программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, по какой изданіе было ведено въ теченіи предшествующихъ шести лѣтъ. Изданіе будетъ выходить по прежнему два раза въ мѣсяцъ, чрезъ каждыя двѣ недѣли, въ объемѣ 2—3 печатныхъ листовъ. Цѣна на годъ **три** рубля съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднимъ. Подписку на изданіе просятъ адресовать: **въ гор. Одессу на подворье Русскаго на Аѳонѣ Свято-Андреевскаго Общежительнаго скита, Рыбная ул., д. № 58, довѣренному скита.** Редак. Инсп. Одес. Духов. Семинаріи **В. Анисимовъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ МИССІОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА

Православный Благовѣстникъ въ 1896 г.

(Четвертый годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“, съ помощію Божіею, будетъ продолжаться и въ 1896 году.

Программа журнала слѣдующая: I. Отдѣлъ оффиціальный. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества. II. **Руководящія статьи** по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III. **Современное положеніе отечественныхъ миссій.** IV. **Очерки и расказы** изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. **Миссіонерская дѣятельность на западѣ.** Свѣдѣнія о католическихъ и протестанскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. IV. **Извѣстія и замѣтки:** краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр. VII. **Библіографія.** Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. VIII **Извѣстія** о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. **Объявленія.** Журналъ выходитъ **два раза** въ мѣсяцъ (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе **четырехъ** печатныхъ листовъ. Цѣна изданія **четыре рубля 50 к.** безъ пересылки **и пять рублей** съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи журнала «Православный Благовѣстникъ», а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтенка, домъ Спасской церкви. Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за 1893 и 1894 годы могутъ быть высланы по **четыре рубля.**

Редакторъ **Николай Комаровъ.**

Новая ежедневная газета безъ предварительной цензуры.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РУССКОЕ СЛОВО

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Знамя «Русскаго Слова»—та же священная и широко вѣющая хоругвь, подъ которую создалась, воспиталась и выросла святая Русь; на этомъ знамени ярко горятъ и свѣтятъ великія и дорогія каждому русскому слова: „Православіе“, „Самодержавіе“ и „Народность“. **Программа «Русскаго Слова»** отличается наибольшею полнотой и разнообразіемъ, заключая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) **Руководящія (передовыя) статьи.** 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія 5) Свѣдѣнія мѣстнаго характера (происшествія, театръ, музыка, картины) 6) Корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы. 7) Выдержки изъ журналовъ и газетъ: критическія и библіографическія замѣтки. 8) **Изложеніе, истолкованіе и разъясненіе законовъ, мѣропріятій и распоряженій правительства.** 9) Фельетоны научнаго и беллетристическаго (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и т. п.) характера. 10) Портреты Особъ Императорской Фамиліи, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, относящіеся до событій текущей жизни. 11) Смѣсь и шутки. 12) Объявленія. **Срокъ** выхода—ежедневный (кромѣ дней, слѣдующимъ за большими праздниками.

Подписная цѣна: безъ дост. и перес: на годъ 4 р., на полгода 2 р., на 3 м. 1 р., на 1 м. 40 к., съ дост. и перес. по всей Россіи: на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 м. 1 р. 75 к., на 1 м. 60 к. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Страстной бульваръ, д. Перловыхъ, кв. 3.

Редакторъ-издатель: Прив.-доц. Импер. Московск. универс. **А. Александровъ.**

Съ разрѣшенія Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ газета „ЛУЧЪ“ съ 1896 года будетъ выходить

ЕЖЕДНЕВНО

за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ.

Ежедневная газета не роскошь, а необходимость въ наши дни. Новости и явленія общественной жизни, устарѣвшія на нѣсколько дней—никому не интересны; руководящая передовая статья о предметѣ, по которому всѣ высказались ранѣе—никому не нужна. Хотя русскій и крѣпокъ заднимъ умомъ, но онъ въ политикѣ и общественной жизни не желаетъ быть старьевщикомъ. «ЛУЧЪ» будетъ выходить **ЕЖЕДНЕВНО**, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ, въ силу того, что праздничный отдыхъ необходимъ. Мы останемся такими-же по направленію, какими были до сегодня. БОГЪ, ОТЕЧЕСТВО и ЦАРЬ! нашъ девизъ. Россія для русскихъ, только для русскихъ, но русскимъ можетъ быть всякій, который пожелаетъ перестать оставаться инородцемъ въ Россіи. Мы стоимъ за всѣ реформы Императора Александра II; но мы не стоимъ за искаженіе великихъ реформъ, за крайности. Мы по-прежнему будемъ говорить рѣзко, мѣтко и даже дерзко (какъ кажется многимъ) противу неправды и злоупотребленій, будь они хоть сто разъ земскими, выборными, архилиберальными и т. д. Зло—всегда зло и нельзя терпѣть зло ради призрачной пользы не уронить хорошую доктрину. Наша газета не будетъ похожа на нынѣшнія маленькія газеты—миніатюрные снимки съ большихъ газетъ. И рубрики и стиль введемъ оригинальные. Мы готовимъ кое-какіе **сюрпризы**, приступая къ **ежедневному** изданію нашей газеты, но пока что—молчокъ. Иначе нельзя: наши идеи и улучшенія не разъ уже подхватывали гешефтмахеры прессы; выскажешься рано—подхватятъ. Но что сюрпризъ будетъ, и для публики пріятный—прошу вѣрить. Кромѣ обычныхъ сотрудниковъ всѣхъ дешевыхъ газетъ: **Нотовичъ и Клейстера**, мы сами будемъ работать на сколько силъ хватитъ и пригласимъ людей, сходныхъ съ нами образомъ мыслей. Но главный нашъ сотрудникъ—**ты самъ читатель**. Пиши, корреспондируй (почаще телеграммами) обо всёмъ, что въ твоемъ углу случается. И газета «Лучъ» будетъ всѣхъ газетъ **полнѣе и разнообразнѣе**. Въ особенности ждемъ телеграммъ о всякомъ случаѣ. Расходы за телеграммы редакція беретъ на свой счетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ приложеній: за годъ **3** р. **50** к. за полгода **2** р. за три мѣсяца **1** р. Съ приложеніями: за годъ съ доставкою **7** р за полгода **4** р., за три мѣсяца **2** р. Мы сдѣлали надбавку въ одинъ руб. за годъ, но за то вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю дадимъ газету **шесть** разъ Это-ли не дешево?!

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГАЗЕТѢ „ЛУЧЪ“ БУДУТЪ: 1) Двѣнадцать ежемѣсячныхъ книгъ. 2) «Иллюстрированный Міръ», который въ лѣтніе мѣсяцы дастъ полный коронаціонный альбомъ рисунковъ; полный альбомъ Нижегородской Всероссійской выставки. С. С. Окрейцъ самъ будетъ въ Москвѣ и Нижнемъ для исполненія обѣщанія. 3) Двѣнадцать нумеровъ «Новѣйшихъ Парижскихъ Модъ». 4) **Остальные** (послѣдніе) томы полнаго собранія сочиненій Вальтеръ Скотта, а именно: т. XV, XVI, XVII и XVIII. Помѣстить всѣ романы Вальтеръ Скотта въ шестнадцать томовъ, какъ мы предполагали, невозможно и редакція дастъ еще **два дополнительныхъ** тома. **Новые** подписчики (на 1896 г.) могутъ получить и прежде вышедшіе четырнадцать томовъ (болѣе двадцати шести книгъ), уплачивая за нихъ по уменьшенной цѣнѣ, за всѣ четырнадцать томовъ **3** руб. и за пересылку **1** руб. **50** коп. 5) Томы II и III сочиненія Марлинскаго (Бестужева). Томъ I (вышелъ въ 1895 г.) новые подписчики могутъ получить даромъ, приславъ три **марки** на пересылку его 6) Олеографическіе коронаціонные портреты Государя Императора и Государыни Императрицы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ. Главная контора и редакція: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, домъ № 6.

Редакторъ-Издатель **С. С. Окрейцъ.**

Google